

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как упоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

И
7
Dostoievskii, F.M.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

Ф. М. Достоевскаг

Издание четвертое.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ

за 1877 г.

9270

6433

1048p

JK

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія бр.т. Пантелеевхъ. Вереяскя, 16.

1891.

Actos

HO

ML

RE

70

Dostoevskij, F.M.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

Ф. М. Достоевскаго

Издание четвертое.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ

за 1877 г.

6423-9270

1027p

JK

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія брат. Пантелеевыхъ. Врейская, 16.

1891.

С. ПЕТЕРБУРГЪ
1891

DG3325
A1
1891.
V. 11-12

ЯНВАРЬ.

Глава первая.

I.

Три идеи.

Я начну мой новый годъ съ того самаго, на чемъ остановился прошломъ году. Последняя фраза въ декабрьскомъ «Дневникѣ» въ была о томъ, «что почти все наши русскія разъединенія и собленія основались на однихъ лишь недоумѣнiahъ, и даже рубѣйшихъ, въ которыхъ нѣтъ ничего существеннаго и необходимаго». Повторяю опять: все споры и разъединенія наши произошли лишь отъ ошибокъ и отклоненій ума, а не сердца, ть въ этомъ-то опредѣленіи и заключается все существеннашихъ разъединеній. Существенное это довольно еще отъ о. Ошибки и недоумѣнія ума исчезаютъ скорѣе и безслѣднѣе . ошибки сердца; излечиваются-же не столько отъ споровъ и выясненій логическихъ, сколько неотразимою логикою событий, дѣйствительной жизни, которая весьма часто, сама ебѣ, заключаютъ необходимый и правильный выводъ и указатъ прямую дорогу, если и не вдругъ, не въ самую минуту появления, то во всякомъ случаѣ въ весьма быстрые сроки, да даже и не дожидаясь слѣдующихъ поколѣній. Не то съ ками сердца. Ошибка сердца есть вещь страшно важная: это уже зараженный духъ иногда даже во всей націи, несущій обою весьма часто такую степень слѣпоты, которая не излечится даже ни передъ какими фактами, сколько-бы они ни

указывали на прямую дорогу; напротивъ, переработывающая эти факты на свой ладъ, ассимилирующая ихъ съ своимъ зараженнымъ духомъ, причѣмъ происходитъ даже такъ, что скорѣе умретъ вся нація, сознательно, т. е. даже понявъ слѣпоту свою, но *желая* уже излечиваться. Пусть не смѣются надъ мной заранее, что я считаю ошибки ума слишкомъ легкими и быстро изглаживаемыми. И ужь смѣшнѣе всего было-бы, даже кому-бы то и было, а не то что мнѣ, принять на себя въ этомъ случаѣ роль изглаживателя, твердо и спокойно увѣреннаго, что словами промѣнь и перевернешь убѣжденія данной минуты въ обществѣ. Это все сознаю. Тѣмъ не менѣе стыдиться своихъ убѣжденій нельзя, а теперь и не надо. И кто имѣетъ сказать слово, тотъ пусть говоритъ, не боясь, что его не послушаютъ, не боясь даже и того, что надъ нимъ насмѣются и что онъ не произведетъ никакого впечатлѣнія на умы своихъ современниковъ. Въ этомъ смыслѣ «Дневникъ Писателя» никогда не сойдетъ съ своей дороги, никогда не станетъ уступать духу вѣка, силѣ властвующихъ и господствующихъ вліяній, если сочтетъ ихъ несправедливыми, не будетъ подлаживаться, льстить и хитрить. Последняго года нашего изданія намъ кажется уже позволительнымъ это высказать. Вѣдь мы очень хорошо и вполне сознательно принимали и въ прошломъ году, что многимъ изъ того, о чемъ писали мы съ жаромъ и убѣжденіемъ, мы въ сущности вредили только себѣ; и что гораздо болѣе получили-бы, напротивъ, въ годъ, если-бы съ такимъ-же жаромъ попадали въ другой унисонъ.

Повторяю: намъ кажется, что теперь надо какъ можно смелѣе и прямѣй *всѣмъ* высказываться, не стыдясь наивной обнаженности иной мысли. Дѣйствительно насъ, т. е. всю Россію ожидаютъ, можетъ быть, чрезвычайныя и огромныя событія. Могутъ вдругъ наступить великіе факты и заставить наши интеллигентныя силы въ расплохъ и тогда не будетъ-ли поздно? — какъ говорилъ я, заканчивая мой декабрьскій «Дневникъ». Говори это, я не одни политическія событія разумѣлъ въ этомъ «ближайшемъ будущемъ», хотя и они не могутъ не поражать генеральное вниманіе даже самыхъ скудныхъ и самыхъ «жидовствующихъ» умовъ, которымъ ни до чего кромѣ себя дѣла нѣтъ. Но самомъ дѣлѣ, что ожидаетъ міръ не только въ остальную четверть вѣка, но даже (кто знаетъ это?) въ нынѣшнемъ, можетъ быть, году? Въ Европѣ не спокойно, и въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но временное-ли, минутное-ли это беззаконіе? Совѣтъ нѣтъ видно подошли сроки ужь чему-то вѣковѣчному, тысячелѣтнему.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

тому, что приготовлялось въ мірѣ съ самого начала его цивилизаціи. Три идеи встаютъ передъ міромъ и, кажется, формулируются уже окончательно. Съ одной стороны, — съ краю Европы — идея католическая, осужденная ждущая въ великихъ мукахъ и недоумѣніяхъ: быть ей или не быть, жить ей еще или пришелъ ей конецъ. Я не про религію католическую одну говорю, а про всю *идею Католическую*, про участь націй, сложившихся подъ этой идеей въ продолженіи тысячелѣтія, проникнутыхъ ею насквозь. Въ этомъ смыслѣ, Франція, наиримѣрь, есть какъ-бы полнѣйшее воплощеніе Католической идеи въ продолженіи вѣковъ. глава этой идеи, унаследованной, конечно, еще отъ римлянъ и въ ихъ духѣ. Эта Франція даже и потерявшая теберь, *почти вся*, всякую религію (иезуиты и атеисты тутъ все равно, все одно), закрывавшая не разъ свои церкви и даже подвергавшая однажды баллотировкѣ Собранія самого Бога, эта Франція, развившая изъ идей 89 года свой особенный французскій социализмъ, т. е. успокоеніе и устройство человѣческаго общества уже безъ Христа, и видъ Христа какъ хотѣю да не ступлю, устройтъ его во Христѣ католичество, — эта самая Франція, въ революціонерахъ Конвента, и въ атеистахъ своихъ, и въ материалистахъ своихъ, и въ теперешнихъ комунарахъ своихъ, — все еще въ высшей степени есть и продолжаетъ быть націею католическою вполнѣ и всецѣло, вся зараженная католическимъ духомъ и буквою его, провозглашающая устами самыхъ отъявленныхъ атеистовъ своихъ: *Liberte, Egalite, Fraternite* — on l'a dit, т. е. точь въ точь какъ-бы провозгласить это самъ пантеонъ-бы только принужденъ быть провозгласить и формулировать *liberte, egalite, fraternite* католическую — его слогомъ, его духомъ, его словомъ, слогомъ и духомъ паны среднихъ вѣковъ. Самъ социализмъ и социализмъ французскій, по видимому горячій и ревностный протестъ противъ идеи Католической всѣхъ измученныхъ и измучившихъ ею людей и націй, желающихъ во что-бы то ни стало жить и продолжать жить уже безъ Католичества и безъ Христа, — самый острый протестъ, павшийся фактически съ самаго прощлаго столѣтія (но въ сущности гораздо раньше) есть ничто иное какъ лишь вѣрнѣйшее и неуклонное продолженіе Католической идеи, самое полное и окончательное завершеніе ея послѣдствій, выработавшееся вѣками! Но социализмъ французскій есть ничто иное, какъ *наследственное* сдвигеніе челоука — идея еще отъ древняго Рима идущая, и потому всецѣло въ католичество сохранившаяся. Такимъ образомъ идея освобо-

денія духа человѣческаго отъ Католичества облеклась тутъ именно въ самыя тѣсныя формы католическія, заимствованныя въ самомъ сердцѣ духа его, въ буквѣ его, въ матеріализмъ его, въ деспотизмъ его, въ нравственности его.

Съ другой стороны, возстаетъ старый Протестантизмъ, протестующій противъ Рима вотъ уже девятнадцать вѣковъ, противъ Рима и идеи его, древней языческой и обновленной Католической, противъ міровой его мысли владѣть человѣкомъ на всей землѣ, и нравственно и матеріально, противъ цивилизаціи его, — протестующій еще со временъ Арминія и Тевтобургскихъ лѣсовъ. Это — Германецъ, вѣрящій слѣпо, что въ немъ лишь обновленіе человѣчества, а не въ цивилизаціи католической. Во всю исторію свою онъ только и грезилъ, только и жаждалъ объединенія своего для провозглашенія своей гордой идеи, — сильно формулировавшейся и объединившейся еще въ Лютерову ересь; а теперь, съ разгромомъ Франціи, передовой главнѣйшей и христіаннѣйшей Католической націи, пять лѣтъ тому назадъ, — германецъ увѣренъ уже въ своемъ торжествѣ всецѣло и въ томъ, что никто не можетъ стать вмѣсто него въ главѣ міра и его возрожденія. Вѣритъ онъ этому гордо и неуклонно; вѣритъ, что выше германскаго духа и слова нѣтъ инаго въ мірѣ и что Германія лишь одна можетъ изречь его. Ему смѣшно даже предположить, что есть хоть что-нибудь въ мірѣ, даже въ зародышѣ, только, что могло-бы заключать въ себѣ хоть что-нибудь такое, чего-бы не могла заключать въ себѣ предназначенная къ руководству міра Германія. Между тѣмъ очень не лишнее было-бы замѣтить, хотя-бы только въ скобкахъ, что во всѣ девятнадцать вѣковъ своего существованія Германія, только и дѣлавшая, что протестовала, сама своего *новаго слова* совсѣмъ еще не произнесла, а жила лишь все время однимъ отрицаніемъ и протестомъ противъ врага своего, такъ что, наприимѣръ, весьма и весьма можетъ случиться такое странное обстоятельство, что когда Германія уже одержитъ побѣду окончательно и разрушитъ то, противъ чего девятнадцать вѣковъ протестовала, то вдругъ и ей придется умереть духовно самой, вслѣдъ за врагомъ своимъ, ибо не для чего будетъ ей жить, *не будетъ противъ чего протестовать*. Пусть это покажетъ моя химера, но зато Лютеровъ протестантизмъ уже фактъ: вѣра эта есть протестующая и лишь *отрицательная*, и чуть исчезнетъ съ земли Католичество, исчезнетъ за нимъ вслѣдъ и Протестанство навѣрно, потому что не противъ чего будетъ протестовать, обратится въ прямой атеизмъ.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

в тѣмъ кончится. Но это положимъ пока еще моя химера. Идею Славянскую Германецъ презираетъ также какъ и Католическую съ тою только разницею, что послѣднюю онъ всегда цѣнилъ какъ сильнаго и могущественнаго врага, а Славянскую идею не только ни во что не цѣнилъ, но и не признавалъ ее даже вѣдою самой послѣдней минуты. Но съ недавнихъ поръ онъ ужъ начинаетъ коситься на Славянъ весьма подозрительно. Хотя емъ до сихъ поръ смѣшно предположить, что у нихъ могутъ быть тоже хотъ бакія-нибудь цѣль и идея, какая-то тамъ надежда тоже «сказать что-то міру», но однако-же съ самаго разгрома Франціи мнительныя подозрѣнія его усилились а прошлогодніе и текущія событія ужъ конечно не могли облегчить его недвѣрчивости. Теперь положенію Германіи нѣсколько хлопотливо въ всякомъ случаѣ и прежде всякихъ Восточныхъ идей ей навѣрять свое дѣло на Западѣ. Кто станетъ отрицать, что Франція, недобитая Франція, не беспокоитъ и не беспокоила Германію въ эти пять лѣтъ послѣ своего погрома именно тѣмъ, что она не добилъ ее. Въ семьдесятъ-пятомъ году это безпокойство вылилось въ Берлинѣ чрезвычайнаго даже предѣла, и Германіи угрозо ринулась бы, пока есть еще время, добивать некончатого врага, но помѣшали нѣкоторыя чрезвычайнаго сильныя обстоятельства. Теперь же, въ этомъ году, сомнѣнія нѣтъ, что Франція, усиливающаяся матеріально съ каждымъ годомъ, ей страшнѣе пугаетъ Германію, чѣмъ два года назадъ. Германіи кажется, что врагъ не умретъ безъ борьбы, мало того, когда онъ будетъ мертвъ, что оправдана совершенно, то самъ задастъ битву, что черезъ три года, черезъ пять лѣтъ, можетъ быть, будетъ уже очень поздно для Германіи. И вотъ, въ виду того, что Англія и Европа такъ всецѣло проникнуть своей собственною идеею, возставшей, идея, и что у него слишкомъ много теперѣшней себя самого — въ виду того весьма и весьма можетъ случиться, что Германія, почувствовавъ свои руки на время развязаны, бросится на Западнаго врага окончательно, на страшило, и можетъ ее мучающія и все это даже можетъ случиться вблизи и слишкомъ недалекомъ будущемъ. Вообще-то можно такъ сказать, что если на Востокѣ дѣла нагнаны, то тогда то мучься ли Германія не въ худшемъ еще положеніи, тогда у насъ еще не болѣе опасенія и всякихъ страховъ и неуверенности на все, ей неумѣрно гордыи тоны. И это положеніе мѣръ намъ можно взять въ особенное вниманіе.

А между тѣмъ на Востокѣ дѣйствительно загорѣлась и засѣ

ДИКВИНКЪ ПИСАТКЛЯ.

признають, по крайней мѣрѣ, наше народное движеніе въ этотъ годъ въ пользу славянъ, а тѣ нѣтъ. Петры даже хвалятъ это движеніе, по своему, конечно, хотя многое имъ въ немъ не нравится, но тѣ самое движеніе отрицаютъ вопреки свидѣтельству всей Россіи: «не было, дескать, ничего да и только. Мало то что не было, но и не могло-де быть». «Народъ, дескать, никуда не кричалъ и не заявлялъ, что войны хочетъ». Да народъ никогда и не кричитъ и не заявляетъ, народъ нашъ разуменъ и тихъ, а къ тому-же вовсе не хочетъ войны, повсе даже; лишь сочувствуетъ своимъ угнетеннымъ братьямъ за вѣру Христову отъ всей души и отъ горячаго сердца, но ужь коли она будетъ, коли раздастся великое слово Царя, то весь пойдетъ вся своей стомилліонной массой и сдѣлаетъ все, что можетъ сдѣлать такая стомилліонная масса, одушевленная однимъ порывомъ и въ согласіи, какъ одинъ человѣкъ. Такъ что такую силу движенія, въ виду таинственнаго будущаго близкаго судьбы въ Европѣ, нельзя не цѣнить и нельзя не созерцать передъ собой минуты нѣкоторыхъ невольныхъ соображеній и гаданій и мыслей. Да и Богъ съ ней съ войной; кто войны хочетъ, хотѣвъ скобкахъ говоря, пролитая кровь «за великое дѣло любви всего значить, многое очистить и омыть можетъ, многое можетъ кровь оживить и многое, доселѣ прижатое и опакоченное и душахъ нашихъ, вновь вознести.

Но это лишь «слова и мысли». Я всего только говорилъ, что историческія событія, увлекающія все за собой и отъ которыхъ не избавишься ни волей, ни хитростью, точно также какъ не запретишь морскому приливу остановиться и возвратити мнать. Но все-же обиденъ этотъ торжествующій теперь, послѣднихъ восторговъ, цинизмъ, обидна эта радость цинизма, радость чему-то гадкому, будто-бы восторжествовавшему надъ восторгомъ людей, обидны эти торжествующія рѣчи людей, не то ужь презирающихъ, но чуть-ли не совсѣмъ отрицающихъ даже весь народъ нашъ, и признающихъ въ немъ, кажется, и презрѣнчу, всего лишь одну косную массу и рабочія руки, только точь какъ призывали это два вѣка сряду до великаго декабря двенадцатаго февраля. «Стану я подражать этому народу? Куда это у него идея, гдѣ вы ее отыскали?» — вотъ что слышишь теперь почти повсюду. Это невѣріе въ духовную силу народа есть конечно, невѣріе и во всю Россію. Безъ сомнѣнія, замѣшанъ тутъ чрезвычайно много всякихъ и разнообразныхъ прищипъ, руководящихъ отрицателями, но вѣрите-ли—въ нихъ мно

по по неизмѣннымъ историческимъ законамъ почти точь въ точь исторія и въ нашей штундѣ: извѣстно, что они уже даются, спорятъ о буквахъ, толкуютъ Евангеліе всякъ на страхъ и на свою совѣсть, и, главное, *съ самаго начала*, — *идя*, несчастный, темный народъ! При этомъ столько чистоты, столько добрыхъ начинаній, столько желанія выдержать хоть муки и при всемъ томъ однако — столько самой безысходной глупости, столько маленькаго педантскаго лицемѣрія, кокетства, усладительной гордости въ новомъ чинѣ «святыхъ», плутовства и крючкотворства, а главное — все «съ самаго начала», съ самаго т. е. сотворенія міра, съ того что такое есть мѣлъ и что такое женщина, что хорошо и что дурно и даже: в Богъ или нѣтъ его? И какъ вы думаете: именно то что *идя* безцеремонны и такъ принуждены начинать съ начала, о это-то и нравится многимъ и особенно нѣкоторымъ: «своеумою начать жить, стало бытъ, непременно договорятся что-нибудь». Вотъ разсужденіе! Такъ что добытое вѣками цѣнное достояніе, которое надо-бы разъяснить этому темному народу въ его великомъ истинномъ смыслѣ, а не бросать *идя*, какъ ненужную старую ветошь прежнихъ вѣковъ, въ кость пропало для него окончательно. Развитіе, свѣтъ, прогрессъ отдаются опять для него на много назадъ, ибо пасть теперь для него уединенность, обособленность и закрытость личности, а вмѣсто ожидаемыхъ «разумныхъ» новыхъ идей, слышатся лишь старыя, древнѣйшія, всемъ извѣстныя и полюбимыя идолы, — и попробуйте-ка ихъ теперь сокрушить! А *идя* бояться штунды совсѣмъ нечего, хотя жалѣть ее очень. Эта штунда не имѣетъ никакого будущаго, широко не разлетается, скоро остановится и навѣрно сольется съ которой-нибудь изъ темныхъ сектъ народа русскаго, съ какой-нибудь древнейшей. — этой древнѣйшей сектой всего, кажется, міра, эта безцорно свой смыслъ и хранящей его въ двухъ древнѣйшихъ атрибутахъ: верченіи и пророчествѣ. (Вѣдь и Тамплиеры вѣрили за верченіе и пророчество, и квакеры вертѣтся и пророчествовали, и Пиноя въ древности вертѣлась и пророчествовала у Гатариновой вертѣлись и пророчествовали, и Редстокианцы весьма, можетъ быть, кончатъ тѣмъ, что будутъ вертѣтся и пророчествуютъ они ужь, кажется, и теперь. Да не забудьте Редстокианцы сравненіемъ. Кстати, многіе смѣются собою воззвенія обѣихъ сектъ у насъ въ одно время: штунды и *идя* народъ и Редстокианцевъ въ самомъ извѣстномъ обществѣ).

ствѣ нашей. Между тѣмъ тутъ много и не смѣшнаго. Чѣмъ до совпаденія въ появленіи двухъ нашихъ новыхъ сектъ ужь, безъ сомнѣнія, онѣ вышли изъ одного и того-же источника, то есть изъ совершеннаго незнанія своей религіи.

III

Фома Даниловъ, замученный русскій герой.

Въ прошломъ году, весною, было перепечатано во всехъ газетахъ извѣстіе, явившееся въ «Русскомъ Инвалидѣ» о мучительной смерти унтеръ-офицера 2-го Туркестанскаго стрѣльбаго батальона, Фомы Данилова, захваченнаго въ плѣнъ Кипчака варварски умерщвленнаго и въ многочисленныхъ и утомительныхъ пыткахъ, 21 ноября 1875 года, въ Маргеланѣ, что не хотѣлъ перейти къ нимъ въ службу и въ магометанство. Самъ ханъ обѣщаль ему помилованіе, награду и честь, если снѣтся отречься отъ Христа. Даниловъ отвѣчалъ, что измѣна въ кресту не можетъ и, какъ парзій поданный, хотя плѣну, долженъ вспомнить въ Царю и въ христіанству свою обязанность. Мучителямъ, замучавъ его до смерти, уиивлялись ещѣ духа и назвали его батыремъ, т. е. по русски богатыремъ. Это извѣстіе, хотя и сообщенное всеми газетами, прошло какъ безъ особеннаго разговора въ обществѣ да и газеты, сообщивъ его въ видѣ обыкновеннаго газетнаго свѣдѣнія, не сочли нужнымъ сколько-нибудь распространяться о немъ. Однихъ словомъ, съ «Даниловскія» было тихо, какъ говорятъ на биржѣ. Потомъ, извѣстнаго, наступило славянское движеніе, явился Черняевъ, отъ Кирѣевъ, пожертвованія, добровольцы, и ооъ Фомѣ замученномъ подавали совѣтъ (т. е. въ газетахъ), и вотъ нежданно помучившись къ прежнему извѣстію родственными подробностями сообщаютъ опять, что Самарскій губернаторъ началъ спрашивать о семени Данилова, принадлежавшемъ изъ крестьянъ села Коповки, Самарской губерніи, Бузурукъ-Саянскаго уѣзда, и оказавъ что у него остались въ живыхъ только въ числѣ 27 дѣтъ и Уланъ и нечестивъ, находясь въ плѣнѣ, и о немъ сообщеніе было, и по отатареніи мушкетера у Самарскаго губернатора, явившись къ губернатору, сообщивъ о томъ, что онъ въ плѣнѣ замученнаго Данилова, о томъ, что онъ замученному Данилову сообщалъ о томъ, что онъ замученъ до смерти.

дочь Данилова стипендіаткой въ одно изъ учебныхъ заведе-
ннй. Затѣмъ собрали 1320 рублей и изъ нихъ шестьсотъ отложили
до совершеннолѣтія, а остальную сумму выдали самой вдо-
вѣ на руки, а дочь Данилова приняли въ учебное заведеніе. Кро-
мѣ начальникъ Главнаго Штаба уведомилъ губернатора о возни-
кшей назначенной вдовѣ Данилова пожизненной пенсіи изъ
Императорскаго Казначейства, по сто двадцать рублей въ годъ.
— затѣмъ дѣло, вѣроятно, опять будетъ забыто въ виду
многихъ тревогъ, политическихъ опасеній, огромныхъ вопросовъ,
душевныхъ разрѣшеній, враговъ и пр. и пр.

О, я вовсе не хочу сказать, что наше общество отнеслось къ
этому паразитическому поступку равнодушно, какъ къ нестоющему
замѣчанія. Фактъ лишь тотъ, что немного говорили, или лучше,
кто-то не говорилъ объ этомъ особенно. Впрочемъ, можетъ
быть, и говорили гдѣ-нибудь про себя, у купцовъ, у духовныхъ,
у артистовъ, но не въ обществѣ, не въ интеллигенціи нашей. Въ
народѣ, конечно, эта великая смерть не забудется: этотъ герой при-
шелъ жить за Христа и есть великій русскій; народъ это цѣнить и
не забудетъ, да и никогда онъ такихъ дѣлъ не забываетъ. И вотъ
я какъ будто уже слышу нѣкоторые столь извѣстные мнѣ голоса:
«Сила-то конечно сила, и мы признаемъ это, но вѣдь все-же—
какая, проявившаяся слишкомъ ужъ, такъ сказать, въ допотоп-
ныхъ, казенныхъ формахъ, а потому—что же намъ особенно
говорить? Не нашего это міра; другое-бы дѣло сила проявив-
шаяся интеллигентно, сознательно. Есть, дескать, и другіе страда-
тели и другія силы, есть и идеи безмѣрно высшія—идея обще-
ственности, напримѣръ»...

Не смотря на эти разумные и интеллигентные голоса мнѣ все-
гда кажется позволительнымъ и вполнѣ извинительнымъ сказать
это *особенное* и объ Даниловѣ; мало того, я даже думаю, что и
наша интеллигенція наша вовсе-бы себя не столь унизила, если-бы
отнеслась къ этому факту повнимательнѣе. Меня, напримѣръ, пре-
жде всего удивляетъ, что не обнаружилось никакого удивленія,
никакого удивленія. Я не про народъ говорю: тамъ удивленія и не
будетъ, въ немъ удивленія и не будетъ; поступокъ Фомы ему не
можетъ казаться необыкновеннымъ, уже по одной великой вѣрѣ
въ себя и въ душу свою. Онъ отзовется на этотъ подвигъ
и великимъ чувствомъ и великимъ умиленіемъ. Но случись
подобный фактъ въ Европѣ, т. е. подобный фактъ проявленія
божественнаго духа у англичанъ, у французовъ, у нѣмцевъ, и они
громко прокричали-бы о немъ на весь міръ. Нѣтъ, послушайте,

господа, знаете-ли какъ мнѣ представляется этотъ темный безвѣстный Туркестанскаго батальона солдатъ? Да вѣдь это такъ сказать—эмблема Россіи, всей Россіи, всей нашей народно-Россіи, подлинный образъ ея, вотъ той самой Россіи, въ которой циники и премудрые наши отрицаютъ теперь великій духъ всякую возможность подъема и проявленія великой мысли и великаго чувства. Послушайте, вѣдь вы все-же не эти циники, вы всего только люди интеллигентно — европействующіе, т. е. по сущности предобрѣйшіе вѣдь не отрицаете-же и вы, что лѣтомъ народъ нашъ проявилъ мѣстами чрезвычайную силу духа, люди покидали свои дома и дѣтей и шли умирать за вѣру, за угнетенныхъ, Богъ знаетъ куда и Богъ знаетъ съ какими средствами, точь въ точь какъ первые крестоносцы девять столѣтій тому назадъ въ Европѣ,—тѣ самые крестоносцы, которыхъ появились вновь, Грановскій, наиримѣръ, считалъ-бы чуть-ли не смѣшнымъ и обиднымъ «въ нашъ вѣкъ положительныхъ задачъ, прогресса и проч. и проч. Пусть это лѣтнее движеніе наше по вашему было слѣпое и даже какъ бы не разумное, такъ сказать «крестоносное», но вѣдь твердое-же и великодушное, въ этомъ нельзя не сознаться, если чуть-чуть по шире посмотрѣть. Просыпалась великая идея, вознесшая, можетъ быть, сотни тысячъ и миллионы душъ разомъ надъ восностью, цинизмомъ, развратомъ и безобразіемъ, въ которыхъ купались до того эти души. Вѣдь вы знаете, народъ нашъ считаютъ до сихъ поръ хоть и добродушнымъ и даже очень умественно-способнымъ, но все-же темной стихійной массой, безъ сознанія, преданной поголовно порокамъ и предрасудкамъ, и почти сплошь безобразникомъ. Но видите-ли, я осмѣлюсь высказать одну даже, такъ сказать, аксіому, а именно: чтобъ судить о нравственной силѣ народа и о томъ къ чему онъ способенъ въ будущемъ, надо брать въ соображеніе не ту степень безобразія, до котораго онъ временно, и даже хотя-бы и въ большинствѣ своемъ можетъ унизиться, а надо брать въ соображеніе лишь ту высоту духа, на которую онъ можетъ подняться, когда придетъ тому срокъ. Ибо безобразіе есть несчастіе временное, всегда почти зависящее отъ обстоятельствъ предшествовавшихъ и переходящихъ, отъ рабства, отъ вѣковаго гнета, отъ загроубѣлости, а даръ великодушія есть даръ вѣчный, стихійный, даръ родившійся вмѣстѣ съ народомъ и тѣмъ болѣе чтимый, если и въ продолженіи вѣковъ рабства, тяготы и нищеты онъ все таки уцѣлѣетъ, неповрежденный, въ сердцѣ этого народа.

Даниловъ съ виду можетъ быть однимъ изъ самыхъ чуждыхъ и непримѣтныхъ экземпляровъ народа русскаго, такихъ какъ самъ народъ русскій. (О, онъ для многихъ былъ непримѣтенъ!). Можетъ быть, въ свое время не прочь поудить, выпить, можетъ быть, даже не очень молился, конечно, Бога всегда помнилъ. И вотъ вдругъ велятъ ему идти въѣру, а не то — мученическая смерть. При этомъ надо знать что такое бываютъ эти муки, эти азіатскія муки! Знаетъ самъ ханъ, который обѣщаетъ ему свою милость и съ отлично понимаетъ, что отказъ его непременно раздражитъ, раздражитъ и самолюбіе Кипчаковъ тѣмъ, «что смѣетъ христіанская собака такъ презирать исламъ». Но не на все что его ожидаетъ, этотъ непримѣтный русскій не принимаетъ жесточайшія муки и умираетъ, удививъ тѣмъ. Знаете что, господа, вѣдь изъ насъ никто-бы этого не могъ. Пострадать на виду иногда даже и красиво, но вѣдь это произошло въ совершенной безвѣстности, въ глухомъ никто-то не смотрѣлъ на него; да и самъ Ома не могъ, и навѣрно не предполагалъ, что его подвигъ огласится на землѣ Русской. Я думаю, что иные великомученики, даже выхъ вѣковъ христіанскихъ, отчасти все-же были утѣшены тѣмъ, принимая свои муки, тѣмъ убѣжденіемъ, что смерть послужитъ примѣромъ для робкихъ и колеблющихся и еще ихъ привлечетъ къ Христу. Для Омы даже и этого вели-утѣшенія быть не могло: кто узнаетъ, онъ былъ одианъ мучителей. Былъ онъ еще молодъ, тамъ гдѣ-то у него жена и дочь, никогда-то онъ ихъ теперь не увидитъ, но «гдѣ-бы я ни былъ противъ совѣсти моей не поступаю и не приму», — подлинно ужъ правда для правды, а не для ! И никакой кривды, никакого софизма съ совѣстью: «Приму-шью для виду, соблазна не сдѣлаю, никто вѣдь не увидитъ, въ отпуюсь, жизнь велика, въ церковь пожертвую, добрыхъ сдѣлаю». Ничего этого не было, честность изумительная, начальная, стихійная. Нѣтъ, господа, врядъ-ли мы такъ шли-бы!

то мы, а для народа нашего, повторяю, подвигъ Данилова, бытъ, даже и не удивителенъ. Въ томъ-то и дѣло, что именно—какъ-бы портретъ, какъ-бы все цѣлое изображе-рода русскаго, тѣмъ-то все это и дорого для меня, и для разумѣется. Именно народъ нашъ любитъ точно также для правды, а не для красоты. И пусть онъ грубъ, и бе-

зобразенъ, и грѣшенъ, и непримѣтенъ, но приди его срокъ — начнись дѣло всеобщей всенародной правды и вась изумить ту степень свободы духа, которую проявятъ онъ передъ гнетомъ матеріализма, страстей, денежной и мяушественной похоти и да передъ страхомъ самой жесточайшей мученической смерти. И въ это онъ сдѣлаетъ и проявитъ просто, твердо, не требуя ни награды, ни похвалы, собою не красуясь: «Во что вѣрую, то и повѣдую». Тутъ даже самые ожесточенные спорщики на счетъ «ретроградства» идеаловъ народныхъ не могутъ имѣть никакого слова, ибо дѣло вовсе уже не въ томъ: ретрограденъ идеаль и вѣнать? А лишь въ особенности проявленія величайшей воля ради подвига великодушія. (Эту смѣшную идейку о «ретроградствѣ» идеаловъ я ввелъ здѣсь ради полного безпристрастія).

Знаете, господа, надо ставить дѣло прямо: я прямо полагаю, что намъ вовсе и нечему учить такой народъ. Это софизмъ, разумеется, но онъ иногда приходитъ на умъ. О, конечно, мы образованнѣе его, но чему мы однако научимъ его—вотъ бѣда! Не разумеется, не про ремесла говорю, не про технику, не про математическія знанія,—этому и немцы завѣжје по найму научатъ, если мы не научимъ, вѣтъ, а мы-то чему? Мы вѣдь Русскіе, братья этому народу, а, стало быть, обязаны просвѣтлить его. Правственное—то, высшее—то что ему передадимъ, что разъяснимъ и чѣмъ освѣтимъ эти «темныя» души? Просвѣщеніе народа это господа, наше право и наша обязанность,—право это въ высшемъ христіанскомъ смыслѣ: кто знаетъ доброе, кто знаетъ истинное слово жизни, тотъ долженъ, обязанъ сообщить его незнающему, блуждающему во тьмѣ брату своему, такъ по Евангелію. Ну, и что-же мы сообщимъ блуждающему чего-бы онъ самъ не зналъ лучше нашего? Прежде всего, конечно, «что ученіе полезно и что надо учиться», такъ-ли? Но народъ еще прежде нашего сказалъ что «ученье — свѣтъ, неученье — тьма». Уничтоженію предрасудковъ, напимѣръ, низверженію идоловъ? Но вѣдь въ насъ самихъ такая бездна предрасудковъ, а идоловъ мы столько себя наставили, что народъ прямо скажетъ намъ: «Врачу — изцѣлися самъ». (А идоловъ нашихъ онъ отлично умѣетъ уже разглядывать!) Что-же, самоуваженію, собственному достоинству? Но народъ нашъ, весь, въ цѣломъ своемъ, гораздо болѣе нашего уважаетъ себя, гораздо глубже нашего чтитъ и понимаетъ свое достоинство. Въ самомъ дѣлѣ, мы самолюбивы ужасно, но вѣдь мы совсѣмъ не уважаемъ себя, а собственного достоинства въ насъ вовсе нѣтъ никакого и даже ни въ чемъ. Ну намъ-ли,

научить народъ уваженію къ чужимъ убѣжденіямъ? Мышь доказаль еще съ Петра Великаго—уваженіе къ убѣжденіямъ, а мы и между собою не прощаемъ другъ друга малѣйшаго отклоненія въ убѣжденіяхъ нашихъ и чуть-слышавъ съ нами считаемъ уже прямо за подлацовъ, что кто такъ легко склоненъ терять уваженіе къ другимъ прежде всего не уважаетъ себя. Ну, намъ-ли учить вѣрѣ въ себя самого и въ свои силы? У народа есть фантомы и ихъ тысячи, а мы совѣмъ и не вѣримъ въ силы, да и невѣріе это считаемъ за высшее просвѣщеніе не за доблесть. Ну, чему-же наконецъ мы научить можемъ гнушався, до злобы почти, всѣмъ тѣмъ что любить народъ нашъ и къ чему рвется его сердце. Ну, какіе же результаты? Возразятъ, что тѣмъ больше, стало быть, любимъ воли гнушався его невѣжествомъ желая ему лучшаго. Господа, совѣмъ нѣтъ: еслибъ мы вправду и на дѣлѣ народъ, а не въ статейкахъ и книжкахъ, то мы-бы подошли къ нему и озаботились-бы изучить то, что тебѣмъ на обумъ, по Европейскимъ шаблонамъ, желаемъ въ встрѣбить: тогда, можетъ, и сами научились-бы столь много, чего и представить теперь даже не можемъ. У насъ впрочемъ одно утѣшеніе, одна великая наша вещь передъ народомъ нашимъ, а потому-то мы такъ и пре-бываемъ его: это то, что онъ націоналенъ и стоитъ на томъ изомысли, а мы—общечеловѣческихъ убѣжденій, да и цѣль оставили въ общечеловѣчности, а, стало быть, безмѣрно много возвысились. Ну вотъ въ этомъ и весь раздоръ нашъ, разрывъ съ народомъ, и я прямо провозглашаю: уладить пунктъ, найди мы точку примиренія и разомъ кончатся вся наша рознь съ народомъ. А вѣдь этотъ пунктъ найти его найдти чрезвычайно легко. Рѣшительно повторяю, мы даже радикальныя несогласія наши въ сущности лишь иражъ.

что-же это за пунктъ примиренія?

927⁰

Глава вторая.

I.

Примирительная мечта внѣ науки.

И прежде всего выставляю самое спорное и самое щекотливое положеніе и съ него начинаю:

«Всякій великій народъ вѣрить и долженъ вѣрить, если только захочетъ быть долго живъ, что въ немъ-то, и только въ немъ одномъ, и заключается спасеніе міра, что живетъ онъ на томъ, чтобъ стоять во главѣ народовъ, приобщить ихъ всѣхъ къ себѣ во едино и вести ихъ, въ согласномъ хорѣ, въ окончательный цѣль всѣмъ имъ предназначенной».

Я утверждаю, что такъ было со всѣми великими націями міра, древнѣйшими и новѣйшими, что только эта лишь вѣра и возвышала ихъ до возможности, каждую, имѣть, въ свои сроки, огромное мировое вліяніе на судьбы человѣчества. Такъ безспорно было съ древнимъ Римомъ, такъ потомъ было съ Римомъ въ католическое время его существованія. Когда католическую идею его унаслѣдовала Франція, то тоже самое стало и съ Франціей и, въ продолженіи почти двухъ вѣковъ, Франція, вплоть до самаго недавняго погрома и унынія своего, все время и безспорно—считала себя во главѣ міра, по крайней мѣрѣ, нравственно, а временами и политически, предводительницей хода его и указательницей его будущаго. Но о томъ-же мечтала всегда и Германія, выставившая противъ мировой католической идеи и ея авторитета знаменемъ своимъ Протестантизмъ и безконечную свободу совѣсти и изслѣдованія. Повторяю, тоже бываетъ и со всѣми великими націями, *болѣе или менѣе*, въ зенитѣ развитія ихъ. Мнѣ скажутъ, что все это невѣрно, что это ошибка, и укажутъ, напримѣръ, на собственное *сознаніе* этихъ-же самыхъ народовъ, на сознаніе ихъ ученыхъ и мыслителей, писавшихъ именно о совокупномъ значеніи европейскихъ націй, участвовавшихъ вупно въ созданіи и завершеніи европейской цивилизаціи, и я, разумѣется, отрицать такого сознанія не буду. Но не говоря уже о томъ, что такіе окончательные выводы сознанія и вообще составляютъ какъ-бы уже конецъ живой жизни народовъ, укажу *хотя-бы* лишь на то, что самые-то эти мыслители и сознава-

какъ-бы тамъ ни писали о міровой гармоніи націй, все-же, в самое время, и чаще всего, непосредственнымъ, живымъ и искреннимъ чувствомъ *продолжали върывать*, точь въ точь и массы народа ихъ, что въ этомъ хорѣ націй, сошедшихъ міровую гармонію и выработанную уже сообществомъ, — они (т. е. французы, напимѣръ) и есть голова движенья, самыя передовыя, тѣ самыя, которымъ предназначено вести, а тѣ только слѣдуютъ за ними. Что они, пожелавши и позаимствуютъ у тѣхъ народовъ что-нибудь, то немножко; но за то тѣ народы, напротивъ, возьмутъ у насъ, все главнѣйшее, и только ихъ духомъ и ихъ идеями руководятъ, да и не могутъ иначе сдѣлать, какъ сопричаститься къ въ концѣ концовъ и слиться съ нимъ рано или поздно.

Въ теперешней Франціи, уже унылой и раздробленной, есть и теперь еще одна изъ такихъ идей, представляющая собой, но по нашему совершенно естественный фазисъ ея, — идеи міровой католической идеи и развитіе ея, и чуть-чуть воплотившая французовъ върять и теперь, что въ ней-то и есть спасеніе, не только ихъ, но и міра, — это именно ихъ социализмъ. Идея эта, т. е. ихній социализмъ, колыбельная и отчаянная, но не въ качествѣ ея теперь дѣло, а фактъ, что она теперь существуетъ, живетъ живой жизнью, въ повѣдующихъ ея нѣтъ сомнѣній и унынія, какъ въ остальной огромной части Франціи. Съ другой стороны, взглянувъ на каждого почти англичанина, высшего или низшаго типа, или работника, ученаго или необразованнаго, и вы убѣдитесь, что каждый англичанинъ прежде всего старается быть англичаниномъ, сохраниться въ видѣ англичанина во всѣхъ фазахъ своей жизни, частной и общественной, политической и общественной, и даже любить человечество старается не иначе, какъ въ видѣ англичанина. Мы скажемъ, что если бы даже и было все это какъ я утверждаю, то все-таки это самоувлеченіе и самомнѣніе было-бы даже унижительно для великихъ народовъ, умалило-бы значеніе ихъ эгоистическимъ шовинизмомъ, и не то чтобы придало имъ жизненности, а, напротивъ, повредило-бы и растлило-бы ихъ въ самомъ началѣ. Скажутъ, что подобныя, безумныя и недостойныя идеи достойны не подражанія, а, напротивъ, искорененія въ разума, уничтожающаго предразсудки. Положимъ, что съ одной стороны это очень правда; но все-же тутъ надо не только посмотреть и съ другой стороны и тогда выйдеть не

только не унижительно, а даже совсѣмъ напротивъ. Что въ то время что не жившій еще юноша мечтаетъ про себя современемъ стать героемъ? Повѣрьте, что такія, пожалуй, гордыя и заносчивыя мечты могутъ быть гораздо живительнѣе и полезнѣе этому юношѣ, чѣмъ иное благоразуміе того отрока, который уже въ шестнадцать лѣтъ вѣрнѣе премудрому правилу, что «счастье лучше богатства». Повѣрьте, что жизнь этого юноши даже послѣ протѣхъ уже обѣдствій и неудачъ, въ цѣломъ, будетъ все-таки краше чѣмъ успокоенная жизнь мудраго товарища дѣтства его, хотя бы тому всю жизнь суждено было сидѣть на бархатѣ. Та вѣра въ себя не безирравственна и вовсе не пошлое самохвальство. Такъ точно и въ народахъ: пусть есть народы благородныя, честныя и умѣренныя, спокойныя, безъ всякихъ порывовъ, торговцы и кораблестроители, живущіе богато и съ чрезвычайною опрятностью; ну и Богъ съ ними, все-же далеко они не идутъ: это непременно выйдетъ средина, которая ничѣмъ не служитъ человѣчеству: этой энергій въ нихъ нѣтъ, великаго момента этого въ нихъ нѣтъ, трехъ этимъ шевелящихся стовъ подъ ними нѣтъ, на которыхъ стоятъ все великіе народы. Вѣра въ то, что хочешь и можешь сказать послѣднее слово міру, что обновишь наконецъ его избыткомъ живой силы своей вѣры въ святость своихъ идеаловъ, вѣра въ силу своей любви и жажды служенія человѣчеству, — нѣтъ, такая вѣра есть залогъ самой высшей жизни націй и только ею они и принесутъ ту пользу человѣчеству, которую предназначено имъ принести всю ту часть жизненной силы своей и органической идеи своей которую предназначено имъ самой природой, при созданіи ихъ, унаслѣдовать въ наследство грядущему человѣчеству. Только сила такой вѣрой нація и имѣетъ право на высшую жизнь. Дредегендарный рыцарь вѣрилъ, что предъ нимъ падутъ все препятствія, все призраки и чудовища, и что онъ побѣдитъ во всемъ, и всего достигнетъ, если только вѣрно сохранитъ обѣтъ «справедливости, цѣломудрія и нищеты». Вы скажете, все это легенды и пѣсни, которымъ можетъ вѣрить одинъ Донъ Кихотъ, а что совсѣмъ не таковы законы дѣйствительной жизни. Ну, такъ я васъ, господа, нарочно понимаю и уличу, что вы такіе-же Донъ Кихоты, что у васъ самихъ есть такая идея, которой вы вѣрите и черезъ которую хотите обновить общество.

Вы сами-же скажете, вы вѣрите! Не вѣрите да и не вѣрите, но вы не удовлетворены, вы не знаете, что такое общество, что такое

тотъ разумъ и сознанія, естественныя преграды и пред-
раздѣляющія до сихъ поръ свободное общеніе нашихъ
національныхъ требованій, и что тогда только народы
будутъ однимъ духомъ и ладомъ какъ братья, разумно и лю-
бятъ и стремясь къ общей гармоніи. Чтожь, господа, что можетъ
еще и святѣ этой вѣры вашей? И главное вѣдь то, что
вы нигдѣ въ мірѣ болѣе не найдете, ни у какого, на-
родъ, народа въ Европѣ, гдѣ личности націй чрезвычайно
ограничены, гдѣ если есть эта вѣра, то не иначе какъ на
какого-нибудь еще умозрительнаго только сознанія, по-
выскаго и пламеннаго, но все-же не болѣе какъ каби-
нетнаго у васъ, господа, то есть не то что у васъ, а у насъ,
у русскихъ, — эта вѣра есть вѣра всеобщая, живая,
ищущая, всѣ у насъ этому вѣрятъ, и сознательно и просто,
инстинктивномъ мірѣ и живымъ чутьемъ въ простомъ на-
мереніи и религія его поведѣваетъ этому самому вѣрять.
Итакъ, вы думали, что вы только одни «общечеловѣки» изъ
интеллигенціи русской, а остальные только славянофилы да на-
сты? Такъ вотъ нѣтъ-же: славянофилы-то и национали-
сты точь въ точь тому-же самому какъ и вы, да еще
вашего!

Итакъ только однихъ славянофиловъ: вѣдь что провозгла-
шали устами своихъ передовыхъ дѣятелей, основателей и
вождей своего ученія? Они прямо, въ ясныхъ и точныхъ
словахъ, заявляли, что Россія, крупѣ со славянствомъ и во-
то, скажетъ величайшее слово всему міру, которое тотъ
кто слышалъ и что это слово именно будетъ завѣтомъ
католическаго единенія, и уже не въ духѣ личнаго эгоизма,
гдѣ люди и націи, искусственно и неестественно единятся
въ своей цивилизаціи, изъ борьбы за существованіе, по-
ложивъ наукой опредѣляя свободному духу нравственныя
заповѣди, въ тоже время роя другъ другу ямы, произнося другъ
другу ложь, худу и клевету. Идеаломъ славянофиловъ было
было въ духѣ истинной широкой любви, безъ лжи и мате-
риализма и на основаніи личнаго великодушнаго примѣра, кото-
рымъ назначено дать собою русскому народу во главѣ свобод-
нославянскаго единенія Европѣ. Вы скажете мнѣ, что вы
не вѣрите, что все это кабинетныя умозрѣнія. Но дѣло
все не въ вопросѣ: какъ кто вѣруетъ, а въ томъ, что всѣ
идеи не смотря на всю разногласію все-же сходятся и сво-
ей этой одной окончательной, общей мысли общечеловѣче-

эго и начали, что прямо «сняли всѣ противоположности» ли общечеловѣческой типъ «европейца» — т. е. съ самаго имѣтели *общее*, всѣхъ ихъ связующее, — это очень хаватилпсь за цивилизацію и тотчасъ-же увѣровали, слѣпно, что въ ней-то и заключается то «всеобщее», которазначено соединить человѣчество воедино. Даже евроивлялись, глядя на насъ, на чужихъ и пришельцевъ, рженной вѣрѣ нашей, тѣмъ болѣе, что сами они, увывъ и тогда по маленьку, терять эту вѣру въ себя. Мы огомъ встрѣтили пришествіе Руссо и Вольтера, мы съ вующимъ Карамзинымъ умигательно радовались созванію льныхъ Штатовъ» въ 89 году, и если мы и приходили ъ отчаяніе, въ концѣ первой четверти уже нынѣшняго етѣ съ передовыми европейцами надъ ихъ погибшими и разбитыми идеалами, то вѣры нашей все-таки не по- таже самыхъ европейцевъ утѣшали. Даже самые «бѣлые» ихъ у себя въ отечествѣ становились въ Европѣ тот- расными — чрезвычайно характерная тоже черта. Затѣмъ, ннѣ текушаго столѣтія, нѣкоторые изъ насъ удостоились бы къ французскому социализму и приняли его, безъ ѣ колебаній, за конечное разрѣшеніе всечеловѣческаго т. е. за достиженіе всей увлекавшей насъ доселѣ мечты акимъ образомъ, за достиженіе цѣли мы приняли то, вляло верхъ эгоизма, верхъ безчеловѣчія, верхъ эконо- безтолковщины и безурядицы, верхъ клеветы на при- вѣческую, верхъ уничтоженія всякой свободы людей, но не смущало нисколько. Напротивъ, видя грустное не- нныхъ глубокихъ европейскихъ мыслителей, мы съ со- ю развязностью немедленно обозвали ихъ подлецами и . Мы вполне повѣрили, да и теперь еще вѣримъ, что льная наука вполне способна опредѣлить *нравственныя* между личностями единицъ и націй, (какъ будто наука, — могла это она сдѣлать, — можетъ открыть эти тайны *авраамскія опыта*, т. е. раньше завершенія всѣхъ су- вѣрка на землѣ). Наши помѣщики продавали своихъ крѣ- крестьянъ и ѣхали въ Парижъ издавать социальныя а наши Рудины умирали на баррикадахъ. Тѣмъ вре- ы до того уже оторвались отъ своей земли русской, что или всякое понятіе о томъ, до какой степени такое звннтся съ душой народа русскаго. Впрочемъ, русскій

народный характеръ мы не только считали не во что, но и признавали въ народѣ никакого характера. Мы забыли и думать о немъ и съ полнымъ деспотическимъ сподобствіемъ были убѣждены (не ставя и вопроса), что народъ нашъ тотчасъ приметъ все, что мы ему укажемъ, т. е. въ сущности прикажемъ. На этотъ счетъ у насъ всегда ходило нѣсколько смѣшнѣйшихъ анекдотовъ о народѣ. Наши общечеловѣки пребыли въ своему народу вполне помѣщиками, и даже послѣ крестьянской реформы.

И чего-же мы достигли? Результатовъ странныхъ: главнымъ образомъ на насъ въ Европѣ смотрятъ съ насмѣшкой, а на лучшихъ и безспорно умныхъ русскихъ въ Европѣ смотрятъ съ высокомернымъ снисхожденіемъ. Не спасала ихъ отъ этого высокомернаго снисхожденія даже и самая эмиграція изъ Россіи, т. е. у политическая эмиграція и политѣйшее отъ Россіи отреченіе. Хотѣли европейцы насъ почестъ за своихъ ни за что, ни за какую жертвы и ни въ какомъ случаѣ. *Grattez, дескать, le russe et vous verrez la tartare*, и такъ и доселѣ. Мы у нихъ въ пословицу вошли. И чѣмъ больше мы имъ въ угоду презирали нашу національность, тѣмъ болѣе они презирали насъ самихъ. Мы виляли предъ ними, мы подобострастно исповѣдывали имъ наши «европейскіе» взгляды и убѣжденія, а они свысока насъ не слушали и обыкновенно прибавляли съ учтливой усмѣшкой, какъ-бы желая поскорѣе выгнаться, что мы это все у нихъ «не такъ поняли». Они и не удивлялись тому, какъ это мы, будучи такими татарами, (*les tartares*) никакъ не можетъ стать русскими; мы-же никогда не могли растолковать имъ, что хотимъ быть не русскими, а общечеловѣками. Правда, въ послѣднее время они что-то даже поняли. Они поняли, что мы чего-то хотимъ, чего-то имъ страшнаго и они поняли, что насъ много, восемьдесятъ милліоновъ. Что мы знаемъ и понимаемъ все европейскія идеи, а что они наши русскіе идеи не знаютъ, а если и узнаютъ, то не поймутъ, что мы говоримъ на всѣхъ языкахъ, а что они говорятъ лишь на однихъ своихъ. — ну, и многое еще они стали смѣкать и покрѣвать. Кончилось тѣмъ, что они прямо обозвали насъ врагами и будущими сокрушителями европейской цивилизаціи. Вотъ какъ они поняли нашу страстную цѣль стать общечеловѣками!

А между тѣмъ намъ отъ Европы никакъ нельзя отказать Европу намъ второе отечество, — я первый страстно исповѣдываюсь и всегда исповѣдываюсь. Европа намъ нужна также какъ Европа какъ Россія въ ней все Аѳетово плечо, а наша идея

во всѣхъ націй этого племени, и даже дальше, гораздо
до Сима и Хама. Какже быть?

русскими во первыхъ и прежде всего. Если общече-
сть есть идея національная русская, то прежде всего надо
стать русскимъ, т. е. самимъ собой, и тогда съ перваго
измѣнится. Стать русскимъ значить перестать прези-
рѣть свой. И какъ только европеецъ увидитъ, что мы
уважаемъ народъ нашъ и национальность нашу, такъ тот-
часъ и онъ насъ самихъ уважаетъ. И дѣйствитель-
но сильнѣе и самостоятельнѣе развились-бы мы въ наці-
и духъ нашемъ, тѣмъ сильнѣе и ближе отозвались-бы
на душу, и, породившись съ нею, стали-бы тотчасъ
сильнѣе. Тогда не отвертывались-бы отъ насъ высокоумно,
презирали-бы насъ. Мы и на видъ тогда станемъ совсѣмъ
иными самими собой, мы получимъ наконецъ обликъ че-
ловека, а не обезьянѣй. Мы получимъ видъ свободнаго су-
щества, не раба, не лакая, не Потугина; насъ сочтутъ тогда
не за международную обшмыгу, не за стрючкинъ
а, либерализма и социализма. Мы и говорить будемъ съ
ними теперешняго, потому что въ народѣ нашемъ и въ
отыщемъ новыя слова, которыя ужь непремѣнно ста-
нутся понятнѣе. Да и сами мы поймемъ тогда, что
то, что мы презирали въ народѣ нашемъ,—есть не
именно свѣтъ, не глупость, а именно умъ, а, понявъ это,
премѣнно произнесемъ въ Европѣ такое слово, котораго
они не слышали. Мы убѣдимся тогда, что настоящее соци-
альное несетъ въ себѣ никто иной какъ народъ нашъ, что
это, въ духѣ его заключается живая потребность все-
человѣческаго, всеединенія уже съ полнымъ уваженіемъ
къ индивидуальнымъ личностямъ и къ сохраненію ихъ, къ сохра-
ненію свободы людей и съ указаніемъ въ чемъ именно
она заключается,—единеніе любви, *гарантированное*
любью, живымъ примѣромъ, потребностью на дѣлѣ исти-
нства, а не гильотинной, не милліонами отрубленныхъ го-
ловъ, неужели и впрямь я хотѣлъ кого убѣдить. Это
слабо. Но—слабъ человекъ: авось прочтетъ кто-нибудь
эти строки, изъ юнаго поколѣнія...

III.

Русская Сатира. «Новь». «Послѣднія пѣсни». Старыя воспоминанія.

Занимался я въ этотъ мѣсяцъ и литературой, то есть блетристикой, «нзящной литературой», и кое-что прочелъ съ удовольствіемъ. Кстати, недавно прочелъ я одно иностранное мнѣніе о русской сатирѣ, т. е. о современной нашей сатирѣ, теперешней. Оно высказано было во Франціи. Замѣчательнѣе тутъ одинъ выводъ,—забылъ подлинныя слова, но вотъ смыслъ: «Русская сатира какъ-бы боится хорошаго поступка въ русскомъ обществѣ. Встрѣтивъ подобный поступокъ, она приходитъ въ безпокойство и не успокоивается до тѣхъ поръ пока не прищепитъ какому-нибудь, въ подкладкѣ этого поступка, подлеца. Тутъ она вѣдь часъ обрадуется и закричитъ: «Это вовсе не хорошій поступокъ! Радоваться совсѣмъ нечему, видите сами, тутъ тоже подлеца! Идите!»!

Справедливо-ли это мнѣніе? Но вѣрю, чтобъ было справедливо. Знаю только, что сатира у насъ имѣетъ блестящихъ представителей и въ большемъ ходу. Публика очень любитъ сатиру, однако, мое убѣжденіе, по крайней мѣрѣ, что та же самая публика несравненно больше любитъ положительную красоту, и жаждетъ ея. Графъ Левъ Толстой, безъ сомнѣнія, любимый писатель русской публики всѣхъ оттѣнковъ.

Сатира наша, какъ ни блестяща она, дѣйствительно страдаетъ нѣкоторою неопредѣленностью—вотъ что развѣ можно о ней сказать. Положительно нельзя иногда представить въ цѣломъ обществѣ: что именно хочется сказать нашей сатирѣ? Такъ кажется, что у ней у самой нѣтъ никакой подкладки, но можетъ ли это быть? Чему она сама-то вѣритъ, во имя чего обличаетъ? Это какъ будто тонетъ во мракѣ неизвѣстности. Нельзя никакъ узнать что сама она считаетъ хорошимъ.

И вотъ надъ вопросомъ этимъ странно задумываешься.

Прочелъ «Новь» Тургенева и жду второй части. Кстати: въ уже тридцать лѣтъ какъ я пишу и во всѣ эти тридцать лѣтъ мнѣ постоянно и много разъ приходило въ голову одно забавное наблюденіе. Всѣ наши критики (а я слѣжу за литературою чуть не сорокъ лѣтъ) и умершіе и теперешніе, всѣ однимъ словомъ, которыхъ я только запомню, чуть лишь начинали, теп

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

шло, какой-нибудь отчетъ о текущей русской поторжественнѣе (прежде, на примѣръ, бы годовые январьскіе отчеты за весь истекшій годъ, болѣе или менѣе, но съ великою ту же фразу: «въ наше время, когда я гладкъ», «въ наше время, когда русская литература», «въ наше литературное безвременіе пустыняхъ русской словесности», и т. д. родовъ одна и та же нынѣ. А въ сущности явились послѣднія произведенія Пушкина, Гоголя, были Лермонтова, Тургеневъ и еще человекъ двадцать, по числу которыхъ беллетристовъ. И это только на одной стороне. Положительно можно сказать, что почти никто изъ русскихъ литераторовъ, въ такой короткій срокъ не явилось такъ много талантливыхъ писателей, какъ у насъ, и такъ сразу, безъ всякой подготовки. А между тѣмъ я даже и теперь, чуть не въ прошлый годъ, читалъ опять о застоѣ русской литературы и о застоѣ русской словесности». Впрочемъ, это только забавленіе мое; да и вещь-то совершенно невинная и не имѣющая никакого значенія. А такъ, усмѣхнуться можно.

«Новыя» я, разумѣется, ничего не скажу; всѣ ждутъ второго. Да и не мнѣ говорить. Художественное достоинство Тургенева вѣдь сомнѣнія. Замѣчу лишь одно: на 92 страницѣ, (см. «Вѣстникъ Европы») съ верха страницы есть 20 строкъ, и въ этихъ строкахъ какъ-бы концентрировано моему, вся мысль произведенія, какъ-бы выразился весь авторъ на свой предметъ. Къ сожалѣнію, этотъ взглядъ мой ошибоченъ и я съ нимъ глубоко несогласенъ. Это слово сказанное авторомъ по поводу одного лица романа.

Нынѣ я «Послѣднія пѣсни» Некрасова въ январьской книжечкѣ «Вѣстника Европы». Страстные пѣсни и недосказанная, какъ всегда у Некрасова, но какіе мучительные слова! Нашъ поэтъ очень боленъ и—онъ самъ говорилъ мнѣ ясно свое положеніе. Но мнѣ не вѣрится... Это крайне чувствительный организмъ. Онъ страдаетъ ужасно, (у него язва въ кишкахъ, болѣзнь, которую и опредѣлить трудно) я не вѣрю, что онъ не вынесетъ до весны, а весной уѣдетъ за границу, въ другой климатъ, поскорѣе, и онъ поправится, я въ этомъ убѣжденъ. Странно бываетъ съ людьми;

мы въ жизнь нашу рѣдко видались, бывали между нами доумѣнія, но у насъ былъ одинъ такой случай въ жизни, я никогда не могъ забыть о немъ. Это именно наша первая встреча другъ съ другомъ въ жизни. И чтожь, недавно я зашелъ Некрасову и онъ, больной, измученный, съ перваго слова началъ съ того что помнить объ тѣхъ дняхъ. Тогда (это тридцать лѣтъ тому!) произошло что-то такое молодое, свѣжее, хорошее изъ того что остается навсегда въ сердцѣ участвовавшихъ. На тогдѣ было по двадцати съ немногимъ лѣтъ. Я жилъ въ Петербургѣ, уже годъ какъ вышелъ въ отставку изъ инженеровъ, онъ не зная зачѣмъ, съ самыми неясными и неопредѣленными дѣлами. Былъ май мѣсяцъ сорокъ пятаго года. Вначалѣ зимы началъ вдругъ «Бѣдныхъ людей», мою первую повѣсть, до той поры ничего еще не писавши. Кончивъ повѣсть, я не зналъ съ ней быть и кому отдать. Литературныхъ знакомствъ имѣлъ совершенно никакихъ, кромѣ развѣ Д. В. Григоровича, тотъ и самъ еще ничего тогда не написалъ, кромѣ одной маленькой статейки «Петербургскіе шарманщики» въ одинъ сборникъ Кажется, онъ тогда собирался уѣхать на гѣто къ себѣ въ деревню, а пока жилъ нѣкоторое время у Некрасова. Зайдя ко мнѣ онъ сказалъ: «принесите рукопись», (самъ онъ еще не читалъ ее): «Некрасовъ хочетъ въ будущему году сборникъ издать, ему покажу». Я снесъ, видѣлъ Некрасова минутку, мы пода другъ другу руки. Я сконфузился отъ мысли, что пришелъ своимъ сочиненіемъ и поскорѣй ушелъ, не сказавъ съ Некрасовымъ почти ни слова. Я мало думалъ объ успѣхѣ, а этой пѣтѣ «Отечественныхъ Записокъ» какъ говорили тогда, я боялся Бѣлинскаго я читалъ уже нѣсколько лѣтъ съ увлеченіемъ, онъ мнѣ казался грознымъ и страшнымъ и—«осмѣетъ онъ и ихъ «Бѣдныхъ людей!»—думалось мнѣ иногда. Но лишь многу писалъ я ихъ съ страстью, почти со слезами—«неужто все эти всѣ эти минуты, которыя я пережилъ съ перомъ въ рукахъ на этой повѣсти,—все это ложь, миражъ, невѣрное чувство?» Я думалъ я такъ, разумѣется, только минутами и мнительность и медленно возвращалась. Вечеромъ того-же дня какъ я отдалъ рукопись, я пошелъ куда-то далеко къ одному изъ прежнихъ товарищей; мы всю ночь проговорили съ нимъ о «Мертвыхъ дѣлахъ» и читали ихъ, въ который разъ не помню. Тогда это бывало между молодежью; сойдутся двое или трое: а не почтутъ ли намъ, господа, Гоголя!—сядутся и читаютъ, и, пожалуй, всю ночь. Тогда между молодежью весьма и весьма многіе какъ-

ь-то были проникнуты и какъ-бы чего-то ожидали. Воротил-
и домой уже въ четыре часа, въ бѣлую, свѣтлую какъ днемъ
сербургскую ночь. Стояло прекрасное теплое время, и, войдя
себѣ въ квартиру, я спать не легъ, отворилъ окно и сълъ
ква. Вдругъ звонокъ, чрезвычайно меня удивившій, и вотъ
Горюничъ и Некрасовъ бросаются обнимать меня, въ совер-
номъ восторгѣ и оба чуть сами не плачутъ. Они наканунѣ
ромъ воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали
ить, на пробу: «съ десяти страницъ видно будетъ». Но про-
десять страницъ, рѣшили прочесть еще десять, а затѣмъ, не
иваясь, просидѣли уже всю ночь до утра, чигая вслухъ и че-
ясь, когда одинъ уставалъ. «Читаетъ онъ про смерть сту-
а» — передавалъ мнѣ потомъ уже наединѣ Григорюничъ, — и
гъ я вижу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ за гробомъ обѣжитъ,
екрасова голосъ прерывается, разъ и другой и вдругъ не
ержать, стукнулъ ладошью по рукописи: «Ахъ, чтобъ его!»
про васъ-то и этакъ мы всю ночь. Когда они кончили (семь
тнхъ листовъ!), то въ одинъ голосъ рѣшили идти ко мнѣ
стенно. Что-жь такое что спать, мы разбудимъ его, *то*
е сна!» Потомъ приглядѣвшись къ характеру Некрасова, я
о удивлялся той минутѣ характеръ его замкнутый, почти
еланный, осторожный, мало собопытельный. Такъ, по крайней
е, онъ мнѣ всегда казался, такъ что та минута нашей пер-
встрѣчи была воистину проявленіемъ самаго глубокаго чув-
а. Они пробыли у меня тогда съ полчаса, въ полчаса мы Богъ
съ сколько переговорили, съ волнова понимая другъ друга.
ь разговорами, горясь: говорили и о поэзи, и о правдѣ, и
о дѣлѣмъ положеніи», разумеется, и о Гоголѣ, цитую изъ
изъ «Фра» и изъ «Мертвыхъ Душъ», но главное, о Бѣлинскомъ.
«Судь сегодня-же спешу вамъ повѣсть и вы увидите, — да вѣль
сѣмъ-то, человекъ-то какой! Вотъ вы познакомясь, уви-
те, какая это душа! — восторженно говорилъ Некрасовъ, трясъ
за щеки обѣими руками. Ну теперь спите, спите, мы ухо-
мъ, а завтра къ вамъ! Точно я могъ заснуть послѣ нихъ!
онъ восторгъ, какой услыхъ, а главное — чувство было дорого,
мѣло даже. У него услыхъ, ну хвалить, встрѣчаютъ, позд-
благодѣ. А вѣдь они приѣхали со съездами въ четыре часа,
будить, потому что это выше сна... Ахъ хорошо! — Вотъ что
думать, какой тутъ сонъ!

Некрасовъ спешъ рукопись Бѣлинскому въ тотъ-же день. Онъ
заволатъ передъ Бѣлинскимъ и, кажется, всѣхъ больше лю-

мы въ жизнь нашу рѣдко видались, бывали между нами доумѣнія, но у насъ былъ одинъ такой случай въ жизни, я никогда не могъ забыть о немъ. Это именно наша первая въ ча другъ съ другомъ въ жизни. И чтожь, недавно я зашелъ Некрасову я онъ, больной, измученный, съ перваго слова чалъ съ того что помнитъ объ тѣхъ дняхъ. Тогда (это три лѣтъ тому!) произошло что-то такое молодое, свѣжее, хорошее изъ того что остается навсегда въ сердцѣ участвовавшихъ. Тогда было по двадцати съ немногимъ лѣтъ. Я жилъ въ Пбургѣ, уже годъ какъ вышелъ въ отставку изъ инженеровъ, не зная зачѣмъ, съ самыми неясными и неопредѣленными лями. Былъ май мѣсяцъ сорокъ пятаго года. Вначалѣ зимы чалъ вдругъ «Бѣдныхъ людей», мою первую повѣсть, до поръ ничего еще не писавши. Кончивъ повѣсть, я не зналъ съ ней быть и кому отдать. Литературныхъ знакомствъ имѣлъ совершенно никакихъ, кромѣ развѣ Д. В. Григоровичъ тотъ и самъ еще ничего тогда не написалъ, кромѣ одной малой статейки «Петербургскіе шарманщики» въ одинъ сборъ Кажется, онъ тогда собирался уѣхать на лѣто къ себѣ въ ревию, а пока жилъ нѣкоторое время у Некрасова. Зайдя ко онъ сказалъ: «принесите рукопись», (самъ онъ еще не чил ее): «Некрасовъ хочетъ къ будущему году сборникъ издать ему покажу». Я спесь, видѣлъ Некрасова минутку, мы по другъ другу руки. Я сконфузился отъ мысли, что пришелъ своимъ сочиненіемъ и поскорѣй ушелъ, не сказавъ съ Нсовымъ почти ни слова. Я мало думалъ объ успѣхѣ, а этой ти «Отечественныхъ Записокъ» какъ говорили тогда, я бо Бѣлинскаго я читалъ уже нѣсколько лѣтъ съ увлеченіемъ онъ мнѣ казался грознымъ и страшнымъ и—«осмѣетъ онъ ихъ «Бѣдныхъ людей!»—думалось мнѣ иногда. Но лишь и писалъ я ихъ съ страстью, почти со слезами—«неужто все всѣ эти минуты, которыя я пережилъ съ перомъ въ рукахъ этой повѣстью,—все это ложь, миражь, невѣрное чувство! думалъ я такъ, разумѣется, только минутами и мпительности медленно возвращалась. Вечеромъ того-же дня какъ я от рукописи, я пошелъ куда-то далеко къ одному изъ прежнихъ варишей: мы всю ночь проговорили съ нимъ о «Мертвыхъ шахъ» и читали ихъ, въ который разъ не помню. Тогда это было между молодежью: сойдутся двое или трое: а не почили намъ, господа, Гоголя!—салятся и читаютъ, и, пожалуй, ночь. Тогда между молодежью весьма и весьма многіе какъ

были проникнуты и какъ-бы чего-то ожидали. Воротившей уже въ четыре часа, въ бѣлую, свѣтлую какъ днемъ лунную ночь. Стояло прекрасное теплое время, и, войдя въ квартиру, я спать не легъ, отворилъ окно и сѣлъ въ кресло. Вдругъ звонокъ, чрезвычайно меня удивившій, и вотъ Некрасовъ и Некрасовъ бросаются обнимать меня, въ совершенномъ восторгѣ и оба чуть сами не плачутъ. Они накануне въ воротахъ рано домой, взяли мою рукопись и стали читать пробы: «съ десяти страницъ видно будетъ». Но прочитавъ страницъ, рѣшили прочесть еще десять, а затѣмъ, не успевъ, проспавъ уже всю ночь до утра, читая вслухъ и чередуясь, когда одинъ уставалъ. «Читаетъ онъ про смерть студента, передавалъ мнѣ потомъ уже наединѣ Григоровичъ,—и я вижу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ за гробомъ бѣжитъ, вся его голова прерывается, разъ и другой и вдругъ не выдерживая, стукнулъ ладонью по рукописи: «Ахъ, чтобъ его!» и такъ и такъ мы всю ночь». Когда они кончили (семь листовъ!), то въ одинъ голосъ рѣшили идти ко мнѣ спать: «Что-жъ такое что спать, мы разбудимъ его, это надо!» Потомъ приглядѣвшись къ характеру Некрасова, я удивлялся той минутѣ: характеръ его замкнутый, почти молчаливый, осторожный, мало сообщительный. Такъ, по крайней мѣрѣ мнѣ всегда казался, такъ что та минута нашей перерыва была вѣроятно проявленіемъ самаго глубокаго чувства пробывши у меня тогда съ полчаса, въ полчаса мы Богъ знаетъ сколько переговорили, съ полслова понимая другъ друга, шепотомъ, торопясь: говорили и о поэзіи, и о правдѣ, и о нашемъ положеніи», разумѣется, и о Гоголѣ, цитую изъ «Мертвыхъ Душъ» и изъ «Мертвыхъ Душъ», но главное, о Бѣлинскомъ. «Сегодня-же снесу вашу повѣсть и вы увидите,—да вѣдь это-то, человекъ-то какой! Вотъ вы познакомитесь, увидавъ эту душу!»—восторженно говорилъ Некрасовъ, трясая меня плечами обѣими руками. «Ну теперь спите, спите, мы ухаживать за вами завтра въ намъ!» Точно я могъ заснуть послѣ ихъ восторговъ, какой успѣхъ, а главное—чувство было дорого, ясно: «У много успѣхъ, ну хвалить, встрѣчаютъ, поздравляютъ, а вѣдь эти прибѣжали со слезами, въ четыре часа, потому что это выше сна... Ахъ хорошо!» Вотъ что такое сонъ, какой тутъ сонъ!

Некрасовъ снесъ рукопись Бѣлинскому въ тотъ-же день. Онъ стоялъ передъ Бѣлинскимъ и, кажется, всѣхъ больше лю-

ее каждый разъ съ восторгомъ. И вотъ, тридцать лѣтъ спустя я припомнилъ всю эту минуту опять, недавно, и будто вновь ее пережилъ, сидя у постели больного Некрасова. Я ему не поминалъ подробно, я напомнилъ только, что были эти тогдашнія наши минуты и увидалъ, что онъ помнить о нихъ и самъ. Я и зналъ что помнить. Когда я воротился изъ каторги, онъ указалъ мнѣ на одно свое стихотвореніе въ книгѣ его: «Это обо мнѣ тогда написалъ» — сказалъ онъ мнѣ. А прожилъ всю жизнь врознь. На страдальческой своей постели онъ вспоминаетъ теперь отжившихъ друзей:

Пѣсни вѣщія ихъ не допѣты,
Пали жертвою злобы, измѣнь—
Въ цвѣтѣхъ лѣтъ; на меня ихъ портреты
Укоризненно смотреть со стѣнь.

Тяжелое здѣсь слово это: *укоризненно*. Пребыли-ли мы «вѣщны», пребыли-ли? Всякъ пусть рѣшаетъ на свой судъ и совѣсть. Но прочтите эти страдальческія пѣсни сами, и пусть вновь оживетъ нашъ любимый и страстный поэтъ! Страстный къ старинной данью поэтъ!...

IV.

Именинникъ.

Помните-ли вы «Дѣтство и Отрочество» графа Толстаго? Тамъ есть одинъ мальчикъ, герой всей поэмы. Но это не простой мальчикъ, не какъ другія дѣти, не какъ братъ его Володя. Ему всего какихъ нибудь лѣтъ двѣнадцать, а въ голову и въ сердце его уже заходятъ мысли и чувства не такія какъ у сверстниковъ. Мечтамъ и чувствамъ своимъ онъ уже отдаетъ страстно и уже знаетъ, что ихъ лучше хранить ему про себя. Обнаруживать ихъ уже мѣшаетъ ему стыдливое цѣломудріе высшая гордость. Онъ завидуетъ брату и считаетъ его несравненно выше себя, особенно по ловкости и по красотѣ лица. Между тѣмъ онъ втайнѣ предчувствуетъ, что братъ гораздо ниже его во всѣхъ отношеніяхъ, но онъ гонитъ свою мысль и считаетъ ее низостью. Онъ смотритъ на себя въ зеркало слишкомъ часто и рѣшаетъ, что онъ уродливо не хорошъ собою. У него мѣкаютъ мечты, что его никто не любитъ, что его презираютъ. Однимъ словомъ, это мальчикъ довольно необыкновенный между тѣмъ именно принадлежащій къ этому типу семей-

исшаго дворянскаго круга, поэтомъ и историкомъ котолъ, по завѣту Пушкина, вполне и всецѣло, графъ Левъ. И вотъ въ ихъ домѣ, въ большомъ семейномъ московскомъ собираются гости; мянинница сестра; съѣзжаются шими и дѣти, тоже мальчики и дѣвочки. Начались игры, нашъ герой мѣшковать, танцуетъ хуже всѣхъ, хочетъ ся остроуміемъ, но ему не удается, — а тутъ какъ разъ хорошенькихъ дѣвочекъ и — вѣчная мысль его, вѣчное зніе, что онъ хуже всѣхъ. Въ отчаяніи онъ рѣшается на юбъ всѣхъ поразить. При всѣхъ дѣвочкахъ и при всѣхъ гордыхъ, старшихъ мальчикахъ, считавшихъ его ни во нь вдругъ, виѣ себя, съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ лся въ раскрывшуюся подъ ногами бездну, выставляетъ еру языкъ и ударяетъ его изо всѣхъ силъ кулакомъ! «Тетъ узнали ваковъ онъ, онъ показалъ себя!» Его позорно ь и забираютъ въ чуланъ. Чувствуя себя погибшимъ, и завѣки. мальчикъ начинаетъ мечтать: вотъ онъ бѣжалъ му, вотъ онъ поступаетъ въ армію, на сраженіи онъ уби- мство турокъ и падаетъ отъ ранъ. Побѣда! гдѣ нашъ ь. кричатъ всѣ, целуютъ и обнимаютъ его. Вотъ онъ е Москвѣ, онъ идетъ по Тверскому бульвару съ подвя- з рукой, его встрѣчаетъ Государь... И вдругъ мысль, что свернется и войдетъ гувернеръ съ розгами, разсѣваетъ ь, какъ пыль. Начинаются другія. Онъ вдругъ выдумы- личину, почему его «всѣ такъ не любятъ?» вѣроятно, онъ ьят и отъ него это скрываютъ... Вихрь разростается: ь умираетъ, входятъ въ чуланъ и находятъ его трупъ: ь мальчикъ!» его всѣ жалѣютъ. «Онъ добрый мальчикъ! ь его погубили, говоритъ отецъ гувернеру»... и вотъ слезы ь мечтателя... Вся эта исторія кончается болѣзною ре- ькораткой, бредомъ. Чрезвычайно серьезнымъ психологи- ьствомъ надъ дѣтскою душою, удивительно написанный.

Варочко припомнилъ этотъ этюдъ въ такой подробности. Чувствъ письмо изъ К-ва, въ которомъ мѣ описываютъ ьребенка, тоже двѣнадцатилѣтняго мальчика, и — ь можетъ быть, что тутъ нѣчто похожее. Впрочемъ, вы- ьстами письмо, не измѣняя въ выписываемомъ ни слова, ьзъ добротности.

Въ среду, послѣ обѣда, разнесъ съ по городу вѣсть, что слу- ь: *Александръ* — повѣсился 12—13 лѣтъ вѣтъ отрокъ воспитан-

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

дѣтские вопросы, сильное ощущеніе какой-то гнетущей в
дѣйствительности, мнительное раннее и страдальчье кое ощущеніе
своей ничтожности, болѣзненно развившіеся вопросы. «По-
чему меня такъ *еще* не любятъ», страстное желаніе заставить жа-
реть о себѣ, т. е. тоже что страстное желаніе любви отъ *никого*
и множество, множество другихъ усложненій и оттѣнковъ.
Но въ томъ, что тѣ или другіе изъ этихъ оттѣнковъ непре-
менно были, но—есть и черты какой-то новой дѣйствительности,
чѣмъ другой уже, чѣмъ какъ *она* въ успокоенномъ и твердо,
снова сложившемся московскіи — *мѣщичьемъ* семействѣ средне-
нашего круга, *историкомъ* явился у насъ графъ Левъ
и какъ разъ, кажется, *въ* ту пору, когда для прежняго
нашего дворянскаго строя, *тверждающагося* на прежнихъ по-
стоящихъ основаніяхъ, при *какой-то* новыи, еще неиз-
вѣстныи, но радикальный по *формѣ*, по крайней мѣрѣ, огромное
рожденіе въ новыя и ещ *будущія*, почти совсѣмъ неизвѣ-
стныя формы. Есть тутъ, въ этомъ случаѣ съ имянинникомъ
особенная черта уже совершенно нашего времени. Маль-
чикъ графа Толстаго могъ мечтать, съ болѣзненными слезами
облѣченного умиленія въ душѣ, о томъ какъ *они* войдутъ и
будутъ его мертвымъ и начнутъ любить его, жалѣть и себя
жалѣть. Онъ даже могъ мечтать и о самоубійствѣ, но лишь
думать: строгій строй исторически сложившагося дворянскаго
устройства отозвался-бы и въ двѣнадцатилѣтнемъ ребенкѣ и не
мечталъ-бы его *мечту* до дѣла, а тутъ—*помечталъ да и сдѣ-*
лалъ. Я впрочемъ, замѣчая это, не объ одной только тепереш-
ней эпидеміи самоубійствъ говорю. Чувствуется, что тутъ что-
то, что огромная часть русскаго строя жизни осталась
уже безъ наблюденія и безъ *историка*. По крайней мѣрѣ, ясно
въ жизни средне-высшаго нашего дворянскаго круга, столь ярко
описанная нашими беллетристами, есть уже слишкомъ ничтож-
ный и обособленный уголокъ русской жизни. Кто-жь будетъ
вырывать остальныхъ уголковъ, кажется страшно многочи-
сленныхъ? И если въ этомъ хаосѣ, въ которомъ давно уже, но
еще *особенно*, пребываетъ общественная жизнь и нельзя
найти еще нормальнаго закона и руководящей нити даже,
какъ бытъ, и Шекспировскихъ размѣровъ художнику, то по-
чѣмъ *и* мѣрѣ, кто-же освѣтитъ хотя-бы часть этого хаоса, и
и *бы* и не мечтаю о руководящей нити? Главное, какъ будто
еще *еще* вовсе не до того, что это какъ-бы еще рано для са-
мъ великихъ нашихъ художниковъ. У насъ есть безспорно

жизнь разлагающаяся и семейство, стало быть, разлагающе
Но есть, необходимое, и жизнь вновь складывающаяся, на
выхъ уже началахъ. Кто ихъ подвѣтилъ и кто ихъ укаже
Кто хоть чуть-чуть можетъ опредѣлить и выразить законы
этого разложенія и новаго созиданія? Или еще рано? Но и стар
то, прежнее-то все-ли было отмѣчено?

ФЕВРАЛЬ.

Глава первая.

I.

изванные пророки и хромые бочары продолжающіе дѣлать въ Гороховой. Одинъ изъ неизвѣстнѣйшихъ русскихъ великихъ людей.

Восточный вопросъ по прежнему у всѣхъ передъ глазами. Внѣ старались мы забыть его и развлечь себя всѣмъ, что в подь рукой,—масляницей, «Новью», крахами, червонными стами,—какъ ни нагоняли мы на себя цинизмъ, увѣряя всѣхъ жь прежде всѣхъ, что «ничего ровно не было, что все выино и поддѣлано», какъ ни прятали мы голову въ подушку, з маленькія дѣти, чтобъ только не видѣть грознаго привидѣнн,—а привидѣніе всетаки передъ нами, никуда не ушло, пь и грозитъ какъ и прежде. Всякій—и злобствующій цнзъ, и искренній гражданинъ, и безмятежно развлекающійся жа, и просто лѣннвецъ,—всякій чувствуетъ и помнитъ, что это нѣчто.—нѣчто отнюдь еще не рѣшенное и не поконное, а вмѣстѣ съ тѣмъ неотложное и необходимое, нѣчто, непременно позоветъ насъ и потребуеть, рано-ли поздно-ли развязкѣ, и что тутъ непременно—

„Надо что-нибудь да сдѣлать

„Надо чѣмъ-нибудь да кончить,

И ужъ это по меньшей мѣрѣ, если что-нибудь сдѣлать или -нибудь кончить, а что всего-бы лучше если-бъ кончить

получше. А между тѣмъ время идетъ да идетъ, на дворѣ и—что-то дастъ намъ весна? Иные кричатъ, что ушло уже въ это Богъ знаетъ; для хорошаго дѣла всегда есть время. Да выработается-ли что-нибудь хоть къ веснѣ, не скажется-ли нибу́дь окончательно, то есть хоть-бы на годъ? Вѣдь въ Востокѣ вопросъ теперь въ Европѣ дальше какъ на годъ никто не рассчитываетъ, тѣмъ болѣе что и сама Турція врядъ-ли простоитъ. Но дѣло не въ ней, а въ томъ что послѣ нея не останется. Эти окончательныя рѣшенія на годъ Европѣ, можетъ быть и выгодны; ну, а другимъ не очень; и что-то будетъ съ другими особенно съ тѣми другими, тамъ за Дунаемъ? Но объ нихъ думаетъ лишь русскій народъ.

Да, думаетъ, и воля ваша, какъ ни отрицали мы изъ силъ всю зиму наше лѣтнее движеніе, но, по моему, оно должно было и во всю зиму, точно также какъ и лѣтомъ, по Россіи, неуклонно и вѣрно, но уже спокойно и съ надеждою исполненіе Царя. И ужь, конечно, продолжаться будетъ до самаго конца, не смотря на пророковъ нашихъ умѣвшихъ разглядѣть (и именно въ это лѣто) въ лицѣ Россіи лишь спящее гнилое пьяное существо, протянувшееся отъ Финскихъ хладныхъ степей до пламенной Колхиды, съ колоссальнымъ штофомъ въ рукавъ. По моему, если и не видятъ эти пророки наши чѣмъ жива Россія, такъ тѣмъ даже и лучше: не будутъ вмѣшиваться въ дѣла, будутъ мѣшать, а и вмѣшаются такъ не туда попадутъ, а въ глаза. Видите-ли: тутъ дѣло въ томъ, что нашъ европеизмъ и «прощенный» европейскій нашъ взглядъ на Россію — то все это еще луна, которую дѣлаетъ все тотъ же самый заѣзжіи христіанскій бочаръ въ Гороховой, что и прежде дѣлалъ, и все также скверно дѣлаетъ, что и доказываетъ поминутно; вотъ онъ сегодня доказалъ; впредь-же будетъ дѣлать еще сквернѣе, — пусть его: нѣмецъ, да еще хромоу, надобно имѣть состраданіе.

Да и какое дѣло Россіи до такихъ пророковъ? Теперь почешемся, прежнее время прошло.

Въ газетахъ упоминалось какъ-то, что въ Москву въ эту зиму привезли изъ славянскихъ земель не одну партію бѣдныхъ маленькихъ дѣтей изъ разрушенныхъ войною семействъ, сиротъ и сиротъ. Ихъ размѣщаютъ по разнымъ рукамъ и заведеніямъ. Хорошо кабы это все не прерывалось и организовано наконецъ по всей Россіи въ самомъ обширномъ размѣрѣ: что вѣдь это только благодѣяніе; а дѣтокъ этихъ надо беречь, это все будущіе славяне. Кстати, я нѣсколько разъ спрашивалъ

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

Чѣмъ такъ-таки прокормилась эти нѣсколькъ сотъ тысячъ изъ болгарь, босняковъ, герцеговинцевъ и другихъ отъ своихъ мучителей, послѣ избіенія въ Черногорію, Австрію и куда попало. Соотвѣстно денегъ, чтобъ ихъ прокормить и зная, что черногорцевъ нѣтъ такихъ денегъ, да и сами ничего; не понимаешь чѣмъ эти сотни тысячъ живы съ маленькими своими дѣтьми и во что въ зиму дѣтей. Говорятъ, недавно изъ Сербіи привезли «малютокъ», отъ трехъ до тринадцати лѣтъ, и кто изъ себя Покровская община сестеръ милосердія. Что этихъ маленькихъ сербскихъ дѣвочекъ, покровъ милосердія помѣстили вмѣстѣ съ пребывшими прежде, и что за ними надзираетъ одна изъ сестеръ, сербки, такъ что дѣти рады и дѣтямъ весело. Дѣтямъ, вѣроятно, хорошо и тепло, но я слышалъ недавно отъ одного ворованнаго изъ Москвы пріятеля прехарактерный анекдотъ про самыхъ малютокъ: сербскія дѣвочки сидятъ-де въ одномъ, а болгарки въ другомъ, и не хотятъ ни играть, ни говорить съ дружкой, а когда спрашиваютъ сербокъ, отчего не хотятъ играть съ болгарками, то тѣ отвѣчаютъ: «мы имъ оружіе, чтобъ они шли съ нами вмѣстѣ на турокъ, а они не спрятали и не пошли на турокъ». Это очень, по моему, мило. Если восьми—девятилѣтнія малютки говорятъ такъ языкомъ, то значитъ переняли отъ отцовъ, и если такія отцовъ переходятъ уже въ дѣтямъ, то значитъ между Балканскими славянами несомнѣнная и страшная рознь. Да, вѣчная рознь между славянами! Они запоминаютъ ее въ своихъ преданіяхъ и сохраняютъ въ пѣсняхъ, и безъ единящаго огромнаго центра Россіи—не бываетъ славянскому согласію, да и не шло бы безъ Россіи славянамъ, исчезнуть славянамъ съ земли вовсе,—какъ-бы тамъ ни мечтали люди сербской интеллигенціи, или тамъ разные цивилизованные по европейски. Много у нихъ еще мечтателей. Да почти все еще мечта-

минте-ли вы у Пушкина, въ «Пѣсняхъ Западныхъ славянъ», «пѣсню о битвѣ у Зеницы Водяной?» Тамъ возставшіе шли съ Радивоемъ въ походъ на турокъ.

А Далматы, завидя наше войско,
Свои длинныя усы закрутили,
На бекрень надѣли свои шапки

в Парижанъ; иначе они и не умѣютъ: для настоящаго года кромѣ Парижа ничего на свѣтѣ не существуетъ. Пушкинъ прочтя книжку и пославъ объ ней автору въ Парижъ записки по ней свои пѣсни, т. е. изъ Французовъ, изобрѣденныя Мериме, возстановилъ Славянъ, и — ужь конечно это «Пѣсня западныхъ Славянъ», настоящихъ Славянъ, въ даже породнившихся уже съ русскими. Конечно, этихъ пѣтъ въ Сербіи, поются у нихъ другія, но это все равно. Искія пѣсни — эти пѣсни всеславянскія народныя, выходятъ славянскаго сердца, въ духѣ, въ образѣ Славянъ, въ ихъ, въ обычаѣ и въ исторіи ихъ. Я-бы тѣмъ высокоинными сербамъ, изъ которыхъ многіе столь недовѣрчиво въ нынѣшнимъ дѣтомъ на русскихъ, показалъ-бы, напри-мѣръ Пушкина о «Георгіи Черномъ», или эту «Пѣсню о Царѣ Звеницѣ великой». Это два шедевра изъ этихъ пѣсень, и эти первой величины въ поэзіи Пушкина, — (и непродолжительно-то они совершенно невѣдомы въ нашихъ школахъ и въ ученикамъ, но весьма вѣроятно и учителямъ, которые и прежде успѣваютъ слышать теперь въ первый разъ, что это такіе мы, а не «Кавказскій Пльничъ» и не «Цыгане»). А между тѣмъ-бы въ прошломъ году-то, по крайней мѣрѣ, пустить эти въ ходъ въ нашихъ школахъ. Впрочемъ, судя по ходу вѣроятнаго Сербы скоро узнаютъ этого извѣстнѣйшаго изъ великихъ русскихъ людей, — такъ я думаю можно опредѣлить нашего великаго Пушкина, про котораго у насъ тысячи и тысячи изъ нашей интеллигенціи до сихъ поръ не знаютъ, кто былъ такихъ великихъ размѣровъ поэтъ и русскій чело-вѣкъ, и которому до сихъ поръ не могли мы еще собрать даже памятникъ, — черта эта войдетъ въ нашу исторію. А прочтя эти «пѣсни», вонечно, увидали-бы какъ думаемъ въ ихъ свободѣ, чтимъ мы ее или нѣтъ, радуемся-ли ей или не хотимъ или нѣтъ захватить ихъ въ свою власть и лишить этой свободы. Впрочемъ, довольно о поэзіи. И пусть сбываются надо мной свысока: «вотъ, дескать, объ какихъ пѣсняхъ заговорилъ». Это не мелочь; о Пушкинѣ еще много и у насъ говорить надо.

«своемъ гнѣздѣ, «классъ мараетъ». Вотъ они принимаются мотать безъ пощады, всѣмъ классомъ, все время, и даже безъ злобы, для развлеченія. Я замѣчу про себя, что та- несчастныхъ дѣтей я довольно встрѣчалъ въ моемъ дѣт- въ разныхъ школахъ,—и какія преступленія совершаются въ этомъ родѣ въ нашихъ воспитательныхъ заведеніяхъ, разрядовъ и наименованій,—именно преступленія! Попро- альчикъ съ дуру пожаловаться и его убьютъ чуть не до (да и до смерти убьютъ); школьники бьютъ безъ жало- безъ осторожности. Они задразнятъ его фискаломъ на цѣ- бды, говорить съ нимъ не захотятъ, а сдѣлаютъ изъ него —и что за безсердечность, какое безжалостное равнодушіе томъ въ начальствѣ! Я не помню въ моемъ дѣтствѣ ни педагога и не думаю, чтобъ и теперь было много: все чиновники, получающіе жалованье. А между тѣмъ, вотъ дѣти, которые, поступая въ школу, тоскуютъ по семьѣ и мѣ гнѣздѣ,—вотъ именно изъ такихъ-то и выходятъ по- всего чаще люди замѣчательные, со способностями и съ шіями. А тѣ, которые, взятые изъ семьи, быстро уживаются юмъ угодно новомъ порядкѣ, въ одинъ мигъ во всему при- ть, которые ни о чемъ никогда не тоскуютъ и даже сразу ятся во главѣ другихъ,—эти всего чаще выходятъ лишь ностью, или просто дурными людьми, пролазы и интриганы въ восьмилѣтняго возраста. Разумѣется, я сужу слишкомъ , но все-таки по моему тотъ плохой ребенокъ, который.

что иные изъ этихъ строгихъ господъ, такъ-таки сразу, въ много низшаго серба собиравшагося бѣжать изъ-подъ прямо отстрѣливали ему голову револьверомъ, — «вотъ, дѣлками тоже могли-бы мы быть желѣзными князьями!» Омишній народъ третвируютъ тамъ, кажется, нѣсколько свысока. Ище эти высше славяне, «съ столь славною будуща—во всякомъ случаѣ чрезвычайно любопытный народъ истическомъ, гражданскомъ, историческомъ и во всевозможныхъ отношеніяхъ.

Мѣрь, когда уже Черняевъ оттуда выѣхалъ, а добровольцы-ислали, у нихъ, т. е. отъ ихъ военныхъ людей послышана одна военная мысль, о которой мы прежде, лѣтомъ, не знали. Именно, утверждаютъ они, что ихъ сербъ и вовсе не хотятъ служить въ регулярномъ войскѣ и дѣйствовать въ войсѣ, а что народная сербская война—это «Малая Битва», т. е. партизанская, война шайками, въ лѣсахъ, въ тѣсахъ, за камнями, за скалами. Чтоже, и это очень можетъ быть такъ какъ миръ у нихъ уже заключенъ, то врядъ-ли можно теперь провѣрить. По крайней мѣрѣ, они останутся съ военнымъ убѣжденіемъ, ну и то утѣшеніе въ несчастіи. Какъ протянется этотъ миръ? Но чтобъ сказать прощальное слово этой сербской войнѣ, въ которой мы, русскіе, чуть до единаго такъ участвовали нашимъ сердцемъ, то мнѣ кажется, что сербы расстаются съ нами и съ помощью нашею большею недоувѣрчивостью, чѣмъ съ какою встрѣчали насъ алѣ войны. Заключить можно тоже, что недоувѣрчивость намъ будетъ въ нихъ идти увеличиваясь все время, покадутъ умственно расти и развиваться сами; стало быть, долго, и что намъ, стало быть, прежде всего надо не обращать никакого вниманія на ихъ недоувѣрчивость и дѣлать свое дело сами знаемъ. Намъ въ Восточномъ вопросѣ необходимо въ виду неустанно одну истину: что Славянская задача не въ томъ только чтобъ освободиться отъ своихъ кѣй, а и въ томъ, чтобъ освобожденіе это совершить, хоть помощью Русскихъ, (нельзя-же иначе, и—еслибъ только гдѣ обойтись безъ Русскихъ!), но, по крайней мѣрѣ, оставаясь какъ можно меньше обязанными Русскимъ.

Куда этими привезенными въ Москву славянскими дѣтьми говорятъ—разказывалъ мнѣ все тотъ-же воротившійся изъ Москвы пріятель,—одинъ ребенокъ, дѣвочка лѣтъ восьми, пяти, которая часто падаетъ въ обморокъ и за которую

особенно ухаживаютъ. Падаеть она въ обморокъ отъ воспоминанія: она сама, своими глазами, видѣла нынѣшнимъ лѣтомъ какъ съ отца ея сдирали черкесы кожу и — содрали въ... Это воспоминаніе при ней неотступно и, вѣроятно же всего, останется навсегда, можетъ быть, съ годами въ смягченномъ видѣ, хотя впрочемъ не знаю можетъ-ли тутъ быть смягченный видъ. О цивилизація! О Европа, которая столь пострадаетъ въ своихъ интересахъ если серьезно запретить туркамъ сдирать кожу отцовъ въ глазахъ ихъ дѣтей! Эти, столь высшіе интересы Европейской цивилизаціи, конечно, — торговля, мореплаваніе, рудныя фабрики, — что же можетъ быть выше въ глазахъ Европы? Это такіе интересы, до которыхъ и дотронуться даже не позволяется не только пальцемъ, но даже мыслью, но — но «да будутъ они прокляты, эти интересы Европейской цивилизаціи! Это восклицаніе не мое, это воскликнули «Москов. Вѣдомости» и я за честь считаю присоединиться къ этому восклицанію; да будутъ прокляты эти интересы цивилизаціи, и даже самая цивилизація, если, для сохраненія ея, необходимо сдирать съ людей кожу. Но однако-же это фактъ: для сохраненія ея необходимо сдирать съ людей кожу!

III.

О сдираніи кожъ вообще, разныя aberracіи въ частности. И ненависть къ авторитету при лакействѣ мысли.

«Съ людей? Съ какихъ людей? Съ крошечной только части людей, гдѣ-то тамъ съ уголькѣ, съ турецкой райи, о которой никто-бы и не услышалъ ничего, если-бы не прокричали Русскіе! За то огромная остальная часть организма жива, здорова и благоденствуетъ, торгуетъ и фабрикуютъ!»

Этотъ анекдотъ о маленькой Болгаркѣ, падающей въ обморокъ, мнѣ рассказали утромъ, и въ тотъ-же день мнѣ случилось проходить по Невскому проспекту. Тамъ, въ четвертомъ часу. матери и няньки водили дѣтей и невольная мысль вдругъ въско легла мнѣ на душу: «Цивилизація!» — думалъ я, — «какъ же смѣетъ сказать противъ цивилизаціи? Нѣтъ, цивилизація что-нибудь да значитъ: не увидятъ, по крайней мѣрѣ, эти дѣти на мирно гуляющіе здѣсь на Невскомъ проспектѣ, какъ съ отцовъ ихъ сдирать будутъ кожу, а матери ихъ какъ будутъ всиди-

Европѣ, и что если есть это теперь у насъ въ Европѣ, въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ существуетъ планета, все-же это уже достигнуто и, можетъ быть, назадъ никогда не воротится, — соображеніе чрезвычайно важное, но въ душу направляющееся, вовсе не такое маленькое, которое не стоило-бы обращать вниманія, тѣмъ болѣе, что міръ все-таки по прежнему загадка, несмотря на цивилизаціи ея приобрѣтенія. Богъ знаетъ чѣмъ чреватъ еще міръ можетъ дальше случиться, даже и въ ближайшемъ буду-

вотъ, только лишь я хотѣлъ воскликнуть про себя въ гнѣ: «да здравствуетъ цивилизація!» — какъ вдругъ во мнѣ усомнился: «Да достигнуто-ли даже это-то, даже для Невскаго-то проспекта дѣтей? Ужь не миражъ-ли полночь, и только глаза отводятъ?»

Скажите, господа, я остановился на томъ, что миражъ. Или, можетъ быть, почти что миражъ, и если не сдираютъ здѣсь на Невскомъ-то проспектѣ съ отцовъ въ глазахъ ихъ дѣтей, то развѣ только въ Петербургѣ, такъ сказать «по независящимъ отъ публики обстоятельствамъ», ну и, разумѣется, потому еще что городовые стоятъ на Невскомъ проспектѣ. Я вовсе не аллегорію какую-нибудь пишу, не на страданія какого-нибудь пролетарія въ нашъ Петербургъ намекаю, не на родителя какого-нибудь, который говоритъ

пока еще запрещено, а что за нами, можетъ быть, дѣло-бы не стало, не смотря на всю нашу цивилизацію.

По моему, если ужъ все говорить, такъ просто бояться какого-то обычая, какого-то принятаго на вѣру правила, почти что предсудка; но еслибъ чуть-чуть «доказалъ» кто-нибудь изъ лю- «компетентныхъ», что содрать иногда съ одной спины кожу выйдъ даже и для общаго дѣла полезно, и что если оно и отвратительно все-же «цѣль оправдываетъ средства», — еслибъ, заговорилъ кто-нибудь въ этомъ смыслѣ, компетентнымъ слогомъ и при компетентныхъ, обстоятельствахъ, то, повѣрьте, тотчасъ-же явились-бы испитители, да еще изъ самыхъ веселыхъ. О пусть, пусть это смѣлѣйшій мой парадоксъ! Я первый подписываюсь подъ этимъ отдѣленіемъ обѣими руками, но тѣмъ не менѣе увѣряю васъ, что точь въ точь такъ-бы и было. Цивилизація есть, и законы есть, и вѣра въ нихъ даже есть, но—явился лишь новая мода и тотчасъ-же множество людей измѣнилось-бы. Конечно, не мы, но за то осталась-бы такая малая вучка, что даже мы съ вами читатель удивились-бы, и даже еще неизвѣстно гдѣ-бы мы сами то очутились: между сдираемыми или сдирателями? Мнѣ, разумеется, закричатъ въ глаза, что все это дребедень и что никакой такой моды не можетъ быть, и что этого-то, по крайней мѣрѣ, и не достигла цивилизація. Господа, какое легковѣріе съ вашей стороны! Вы смѣтаетесь? Ну а во Франціи (чтобъ не заглядывать куда поближе) въ 93-мъ году, развѣ не утвердилась эта самая мода сдиранія кожи, да еще подъ видомъ самыхъ священнѣйшихъ принциповъ цивилизаціи, и это послѣ-то Руссо и Вольтера! Вы скажете, что все это было вовсе не то и очень давно, но замѣтьте, что я прибѣгаю къ исторіи единственно, можетъ быть, чтобъ не заговорить о текущемъ! Повѣрьте, что самая возможная абберация и въ умахъ и въ сердцахъ всегда у людей возможна, а у насъ, и именно въ наше время не только возможна, но и не минуема, судя по ходу вещей. Посмотрите, много-ли гласныхъ въ томъ, что хорошо, что дурно. И это не то что какихъ-нибудь тамъ «истинахъ», а въ самомъ первомъ встречномъ вопросѣ. И съ какой быстротой происходятъ у насъ ремѣны и вольтфасы? Что такое въ Москвѣ Червоныя вала? Мнѣ кажется, это всего лишь та часть той фракціи русскаго дворянства, которая не вынесла крестьянской реформы. Пусть они сами и не помѣщики, но они дѣти помѣщиковъ. Послѣ крестьянской реформы они щелкнули себя по галетку и засвистали, да тутъ и не одна крестьянская реформа была причиною, п

новыхъ идей» не вынесли: «Если-де все, чему насъ учили, предразсудки, то зачѣмъ-же за ними слѣдовать? Коли *мы* тѣмъ, значить можно *все* дѣлать,—вотъ идея! Замѣтите—идею невѣроятности распространенная, девять десятыхъ изъ почитателей новыхъ идей ее исповѣдуютъ, другими словами десятыхъ прогрессистовъ и не умѣютъ у насъ иначе почитать новыхъ идей. У насъ Дарвинъ, напримѣръ, немедленно идетъ въ карманнаго вориху,—вотъ что такое червонизация. О, конечно, у человѣчества чрезвычайно много новыхъ вѣками выжитыхъ правилъ гуманности, изъ которыхъ слывятся за незыблемыя. Но я хочу лишь сказать только, смотря на всѣ эти правила, принципы, религіи, цивилизаціи, въ человѣчествѣ спасается ими всегда только самая незаметная кучка,—правда, такая, за которой и остается побѣда, лишь въ концѣ концовъ, а въ злобѣ дня, въ текущемъ ходѣ жизни люди остаются какъ-бы все тѣ-же навсегда, т. е. въ большинствѣ своемъ не имѣютъ никакого чуть-чуть прочнаго понятія ни о чувствѣ долга, ни о чувствѣ чести, съ чуть-чуть лишь новая мода и тотчасъ-же побѣждали-бы нагишомъ, да еще съ удовольствіемъ. Правила есть, да люди къ правиламъ не приготовлены вовсе. Скажутъ: да и не готовиться, надо только правила эти отыскать! Такъ-ли. И отыскать-ли долго правила, какія-бы тамъ ни были, коли такъ легко побѣждать нагишомъ?

И почему одно: осмыслить и прочувствовать можно даже и разомъ, но сдѣлаться человѣкомъ нельзя разомъ, а надо учиться въ человѣка. Тутъ дисциплина. Вотъ эту-то неустанную дисциплину надъ собой и отвергаютъ иные наши современники. Слишкомъ-де много ужъ было деспотизму, надо же и свобода эта ведетъ огромное большинство лишь къ слезу передъ чужой мыслью, ибо страхъ какъ любить чуждое все то, что подается ему готовымъ. Мало того: мыслители властвуютъ общіе законы, т. е. такія правила, что всѣ сдѣлаются счастливыми, безо всякой выдѣлки, только-бы свобода наступила. Да еслибъ этотъ идеаль и возможенъ былъ, то съ *неподобающими* людьми не осуществились-бы никакія, даже самая очевидныя. Вотъ въ этой-то неустанной дисциплинѣ и непрерывной работѣ самому надъ собой и могъ бытъ нашъ гражданинъ. Съ этой-то великодушнѣйшей работѣю собой и начинать надо, чтобъ поднять потомъ нашу культуру, а то незачѣмъ выйдеть и подымать ее.

итая войны и спрячется. Если ограничить право Турокъ сдирать со спины райи кожу, то надобно загнать войну, а загнать войну—сейчасъ выступить впередъ Россіи,—значить можетъ купить такое усложненіе войны, при которомъ война обаяетъ весь свѣтъ; тогда прощай производство и пролетарій перейдетъ на улицу. А пролетарій опасенъ на улицѣ. Въ рѣчахъ Панаева уже упоминается прямо и откровенно, вслухъ на весь міръ, что пролетарій опасенъ, что съ пролетаріемъ не спокойно, что пролетарій принимаетъ социализму: «Нѣтъ, ужь лучше пусть гдѣ-то въ глуши сдираютъ кожу. Неприкосновенность турецкихъ рабъ должна быть неизбѣжна. Надо потушить Восточный вопросъ и сдирать кожу. Да и что такое эти рабы? Стоять-ли двѣ, три тысячи илибудь воины спокойствія всей Европы, ну двадцать, тридцать тысячъ рабъ,—не все-ли равно? Захотимъ, такъ и не сдирать волоса, стоитъ уши зажать»...

Вотъ мнѣніе Европы, (рѣшеніе, можетъ быть); вотъ—именно империализмъ, и—да будутъ они опять-таки прокляты! И въ болѣе прокляты, что абберрація умовъ (а русскихъ преимущественно),—предстоитъ несомнѣнная. Ставится прямо вопросъ: лучше—многимъ-ли десяткамъ милліоновъ работниковъ идти на улицу, или единицамъ милліоновъ райи пострадать отъ Турокъ? Выставляютъ числа, пугаютъ цифрами. Кромѣ того, выставляютъ политики, мудрые учителя: есть, дескать, такое правило, такое ученіе, такая аксіома, которая гласитъ, что нравственность одного человека, гражданина, единицы—это одно, а нравственность государства—другое. А, стало быть, то, что считается для единицы, для одного лица—подлостью, то относительно государства можетъ получить видъ величайшей премудрости! Это ученіе очень распространено и давнишнее, но—да будетъ и оно проклято! Главное, пусть не пугаютъ насъ цифрами. Пусть такъ въ Европѣ какъ угодно, а у насъ пусть будетъ иначе. Лучше вѣрить тому, что счастье нельзя купить злодѣйствомъ, чѣмъ чувствовать себя счастливымъ, зная, что допустилъ злодѣйство. Россія никогда не умѣла производить настоящихъ своихъ собственныхъ Меттерниховъ и Биконсфальдовъ, противъ, все время своей Европейской жизни она жила не для себя, а для чужихъ, именно для «общечеловѣческихъ интересовъ». И действительно, бывали случаи въ эти двѣсти лѣтъ, что она, можетъ быть, и старалась, кой когда, подражать Европѣ, ввела и у себя Меттерниховъ, но какъ-то всегда обозначалась въ концѣ концовъ, что русскій Меттернихъ оказывался

вдругъ Донъ-Кихотомъ и тѣмъ ужасно дивилъ Европу Донъ-Кихотомъ, разумѣется, смѣялись; но теперь кажетъ исполнились сроки и Донъ-Кихоть началъ уже не смѣ пугать. Дѣло въ томъ, что онъ несомнѣнно осмыслилъ ложеніе въ Европѣ и не пойдетъ уже сражаться съ нами. Но за то онъ остался вѣрнымъ рыцаремъ, а это-то в нихъ и ужаснѣе. Въ самомъ дѣлѣ: въ Европѣ кричатъ скихъ захватахъ, о русскомъ коварствѣ, но единствен чтобы напугать свою толпу, когда надо, а сами крикуны тому не вѣрятъ, да и никогда не вѣрили. Напротивъ, и шаетъ теперь и страшитъ, къ образъ Россіи, скорѣе нѣчто дивное, нѣчто слишкомъ ужъ безкорыстное, честное, гнуше и захватомъ и взяткой. Они предчувствуютъ, что подвѣ невозможно и никакой политической выгодой не завлеч корыстное или насильственное дѣло. Развѣ обманомъ,—и Кихоть, хоть и великій рыцарь, а вѣдь и онъ бываетъ ужасно хитеръ, тавъ что вѣдь и не дастъ себя обмануть. Франція. Австрія,—да есть-ли тамъ хоть одна такая на которой нельзя было-бы соединиться при удобномъ слу политической выгоды съ насильственной корыстною стоять лишь не пропустить ту минуту, въ которую подвѣ нація всего дороже можетъ продать себя. Одну Россію не предъстишь на неправый союзъ, никакой цѣной. А та Россія въ то же время страшно сильна и организмъ ея (ростеть и мужаеть не по днямъ, а по часамъ, что отл рошо понимаютъ и видятъ въ Европѣ (хотя подчасъ и что колоссъ расшатанъ),—то какже имъ не бояться?

Кстати, этотъ взглядъ на неподкупность внѣшней е Россіи, и на вѣчное служеніе ея общечеловѣческимъ ни даже въ ущербъ себѣ, оправдывается исторією и на эт комъ надо-бы обратить вниманіе. Въ этомъ наша собств сравнительно со всей Европой. Мало того, этотъ взг характеръ Россіи такъ мало распространенъ, что и у нас ли многіе ему повѣрятъ. Разумѣется, *ошибки* русской и при этомъ не должны быть поставлены въ счетъ, потому идетъ теперь лишь о духѣ и нравственномъ характерѣ политики, а не объ удачахъ ея въ прошедшемъ и давно шемъ. Въ послѣднемъ случаѣ дѣйствительно бывали въ вѣтренныя мельницы, но, повторяю, кажется, ихъ время прошло.

Нѣтъ серьезно: что въ томъ благосостояніи, которо

цѣною неправды и сдиранія кожъ? Что правда для че-
кавъ лица, то пусть остается правдой и для всей націи.
вечно, можно проиграть временно, обѣднѣть на время, ли-
рынковъ, уменьшить производство, возвысить дороговиз-
пусть зато останется нравственно здоровъ организмъ на-
и нація несомнѣнно болѣе выиграетъ, даже и матеріально.
мъ, что Европа безспорно дошла до того, что ей всего
выгода текущая, выгода настоящей минуты и даже чего
стоила, потому что я живутъ они тамъ всего только день
тъ, одной только настоящей минутой, и сами не знаютъ, что
и станется завтра; мы-же, Россія, мы все еще вѣримъ въ
незыблемое, у насъ созидающееся, а слѣдственно ищемъ
постоянныхъ и существенныхъ. А потому мы, и какъ по-
скій организмъ, всегда вѣрили въ нравственность вѣчную,
словную на нѣсколько дней. Повѣрьте, что Донъ-Кихоть
годы тоже знаетъ и рассчитать умѣетъ: онъ знаетъ, что
етъ въ своемъ достоинствѣ и въ сознаніи этого достоин-
ствѣ по прежнему останется рыцаремъ; кромѣ того, убѣжденъ,
этомъ пути не утратитъ искренности въ стремленіи къ
я къ правдѣ, и что такое сознаніе укрѣпитъ его на дальнѣй-
воприщѣ. Онъ увѣренъ наконецъ, что такая политика есть,
того, и лучшая школа для націи. Надо чтобъ червонный ва-
смельъ сказать мнѣ въ глаза: «вѣдь и у васъ все условно,
у васъ все на выгодѣ». Надо, чтобъ и юноша энтузіастъ
блдь свою націю, а не шель-бы искать правды и идеала на
и вѣтъ общества. И онъ кончитъ тѣмъ что возлюбитъ
ваню, когда время тяжелой, страшно тяжелой нашей шко-
ладеть. Правда какъ солнце, ее не спрячешь: назначеніе
станеть наконецъ ясно самымъ кривымъ умамъ, и у насъ,
Европѣ. У насъ почему теперь возможны такія aberrаціи
даль нигдѣ? Потому что полуторавѣковымъ порядкомъ, вся
пенція наша только и дѣлала, что отвыкала отъ Россіи и
и тѣмъ, что раззнакомилась съ нею окончательно и сно-
съ нею только черезъ канцелярію. Съ реформами нынѣш-
артвованія начался новый вѣкъ. Дѣло пошло и остановиться
беть.

Европа прочла осенній манифестъ Русскаго Императора и
вспоминала. — не для одной текущей минуты запомнила, а на
и на будущія текущія минуты. Обнажимъ если надо мечъ
на угнетенныхъ и несчастныхъ, хотя даже и въ ущербъ
ей собственной выгодѣ. Но въ тоже время да укрѣпится въ

насъ еще прежде вѣра, что въ томъ-то и есть настоящее назначеніе Россіи, сила и правда ея, и что жертва собою за угнетенныхъ и брошенныхъ всѣми въ Европѣ во имя интересовъ цивилизаціи, есть настоящее служеніе настоящимъ и истиннымъ интересамъ цивилизаціи.

Нѣтъ, надо чтобъ и въ политическихъ организамахъ была признана та-же правда, та самая Христова правда, какъ и у каждаго вѣрующаго. Хоть гдѣ-нибудь да должна-же сохраняться эта правда, хоть какая-нибудь изъ націй да должна-же свѣтить. Иначе что-же будетъ: все затемнится, замѣшается и потонетъ въ цинизмѣ. Иначе не сдержите нравственности и отдѣльныхъ гражданъ, а въ такомъ случаѣ какъ-же будетъ жить цѣлый-то организмъ народа? Надобенъ авторитетъ, надобно солнце чтобъ освѣщало. Солнце показалось на Востокѣ и для человѣчества съ Востока начинается новый день. Когда просіяетъ солнце совершенно, тогда и поймутъ что такое настоящіе «интересы цивилизаціи». А то выставится знамя съ надписью на немъ: «Après nous le déluge» (Послѣ насъ хоть потопъ)! Неужели столь славная «цивилизация» доведетъ Европейскаго челоуѣка до такого девиза, да тѣмъ же и покончитъ? Къ тому идетъ.

Глава вторая.

I.

Одинъ изъ главнѣйшихъ современныхъ вопросовъ.

Мои читатели, можетъ быть, уже замѣтили, что я, вотъ уже слишкомъ годъ издавая свой «Дневникъ Писателя», стараюсь какъ можно меньше говорить о текущихъ явленіяхъ русской словесности, а если и позволяю себѣ кой-когда слово и на эту тему, то развѣ лишь въ восторженно-хвалебномъ тонѣ. А между тѣмъ, въ этомъ добровольномъ воздержаніи моемъ — какая правда! Я — писатель, и пишу «Дневникъ Писателя», — да неужели не можетъ быть, болѣе чѣмъ кто-нибудь интересовался за весь этотъ годъ тѣмъ, что появлялось въ литературѣ: какже скрывать, можетъ быть, самыя сильныя впечатлѣнія? «Самъ, дескать, литературь-беллетристъ, а, стало быть, всякое сужденіе твое о беллетристической литературѣ, кромѣ безусловной похвалы, почти

растнымъ; развѣ говорить лишь о давно прошедшихъ явленіяхъ—вотъ соображеніе меня останавливавшее.

Все-же я рискну на этотъ разъ нарушить это соображеніе. Правда, въ чисто беллетрическомъ и критическомъ смыслѣ не буду говорить ни о чемъ, а развѣ лишь, въ случаѣ нужды, по поводу». Поводъ вышелъ и теперь. Дѣло въ томъ, что мѣсяца два я попалъ на одну до того серьезную и характерную въ текущей литературѣ вещь, что прочелъ ее даже съ удивленіемъ, потому что давно уже ни на что подобное въ такихъ видахъ не рассчитывалъ въ беллетристикѣ. У писателя—бывшаго въ высшей степени, беллетриста по преимуществу, ушелъ три-четыре страницы настоящей «злобы дня»,—все есть важнѣйшаго въ нашихъ русскихъ текущихъ политическихъ и социальныхъ вопросахъ, и какъ-бы собранное въ одну страницу. И главное,—со всею характернѣйшимъ оттѣнкомъ надеждъ нашей минуты, именно такъ, какъ ставится у насъ въ настоящее время въ данный моментъ, ставится и остается неизменнымъ... Я говорю про нѣсколько страницъ въ «Аннѣ Карениной» графа Льва Толстаго, въ январскомъ № «Русскаго Вѣстника».

Объясню обо всемъ этомъ романѣ скажу лишь послѣлова, и скажу въ видѣ самаго необходимаго предисловія. Началъ я читать его, какъ и все мы, очень давно. Сначала мнѣ очень понравилось, потомъ, хотъ и продолжали нравиться подробности, но не могъ оторваться отъ нихъ, но въ цѣломъ стало мнѣ неинтересно. Все казалось мнѣ, что я это гдѣ-то уже читалъ именно въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ» того-же графа Толстаго въ «Войнѣ и Мирѣ» его-же, и что тамъ даже свѣжѣе. Все та-же исторія барскаго русскаго семейства, хотя конечно, не та-же тогъ. Лица, какъ Вронскій, наиримѣръ содинъ изъ германцевъ, которые и говорить не могутъ между собою иначе какъ объ лошадяхъ, и даже не въ состояніи найти объ чемъ говорить кромѣ какъ объ лошадяхъ—были, конечно, любопытны, но казались мнѣ такъ тупы, но очень однообразны и сословны. Кажется, наиримѣръ, что любовь этого жеребца въ мундирѣ, какъ мнѣ это одинъ мой пріятель, могла быть изложена развѣ въ прозаическомъ тонѣ. Но когда авторъ сталъ вводить въ внутренний міръ своего героя серьезно, а не прозаически, то оказалось это даже скучнымъ. И вотъ вдругъ все предисловія мои были разбиты. Явилась сцена смерти героини (она была опять въздоровѣла)—и я понялъ всю существен-

ную часть цѣлой автора. Въ самомъ центрѣ этой мелкой и наглой жизни появилась великая и вѣковѣчная жизненная правда, разомъ все озарила. Эти мелкіе, ничтожные и лживые люди стали вдругъ истинными и правдивыми людьми, достойными имени человѣческаго, — естественною силою природнаго закона, за смертью человѣческой. Вся скорлупа ихъ исчезла и явилась оная истина. Послѣдніе выросли въ первыхъ, а первые (Бронскіе) вдругъ стали послѣдними, потеряли весь ореолъ и унизились; унижившись, стали безмѣрно лучше, достойнѣе и истиннѣе, чѣмъ когда были первыми и высокими. Ненависть и ложь заговорили словами прощенія и любви. вмѣсто тупыхъ свѣтскихъ понятій явилось лишь человѣколюбіе. Всѣ простили и оправдали друга друга. Сословность и исключительность вдругъ исчезли и стали немыслимы, и эти люди изъ бумажки стали похожи на настоящихъ людей! Виноватыхъ не оказалось: всѣ обвинили себя боже, словно и тѣмъ тотчасъ-же себя оправдали. Читатель почувствовалъ, что есть правда жизненная, самая реальная и самая неуловимая, въ которую и надо вѣрять, и что вся наша жизнь, всѣ наши волненія, какъ самыя мелкія и позорныя, такъ разныя и тѣ, которыя мы считаемъ часто за самыя высшія, — все это чаще всего лишь самая мелкая фантастическая суеверность, которая падаетъ и исчезаетъ передъ моментомъ жизненной правды, даже и не защищаясь. Главное было въ томъ указаніи, что моментъ этотъ есть въ самомъ дѣлѣ, хотя и рѣдко является во всей своей ослепляющей полнотѣ, а въ иной жизни такъ и никогда даже. И вотъ этотъ былъ отысканъ и намъ указанъ поэтомъ во всей своей страшной правдѣ. Поэтъ доказалъ, что правда эта существуетъ въ самомъ дѣлѣ, не на вѣру, не въ идеалѣ только, но реально и необходимо и во-очію. Кажется, именно это-то и удалось доказать намъ поэту, начиная свою поэмю. Русскому читателю объ этой вѣковѣчной правдѣ слишкомъ надо было напоминать, и потому стали у насъ объ ней забывать. Этимъ напоминаніемъ авторъ сдѣлалъ хорошій поступокъ, не говоря уже о томъ, что выполнилъ его какъ необыкновенной высоты художникъ.

Затѣмъ опять потянулся романъ и вотъ, къ нѣкоторому удивленію моему, я встрѣтилъ въ шестой части романа сцену, отъ которой настоящей «злобы дня» и, главное, явившуюся не тенденціозно, а именно изъ самой художественной потребности романа. Глѣтъ не менѣе, повторяю это, для меня это было неожиданно и нѣсколько меня удивило: такой «злобы дня» я въ романѣ не ожидалъ. И почему-то не думать, что авторъ р

вести своихъ героевъ въ ихъ развитіи до такихъ «стол-
Правда, въ столпахъ-то этихъ, въ этой крайности вывода
смыслъ дѣйствительности, а безъ того романъ имѣлъ-бы
уже неопредѣленный, далеко не соответствующій ни те-
, ни существеннымъ интересамъ русскимъ: былъ-бы на-
въ какой-то уголокъ жизни, съ намѣреннымъ игнорирова-
амаго главнаго и самаго тревожнаго въ этой-же жизни.
къ, я кажется пускаюсь рѣшительно въ критику, а это не
о. Я только хотѣлъ указать на одну сцену. Больше ни-
къ обозначились два лица съ той именно стороны, съ
они наиболѣе для насъ теперь могутъ быть характерны,
самымъ, тотъ типъ людей, къ которому принадлежать
лица, поставленъ авторомъ на самую любопытнѣйшую
къ нашихъ глазахъ въ ихъ современномъ социальномъ
I.

они дворяне, родовые дворяне и коренные помѣщики, оба
ослѣ крестьянской реформы. Оба были «крѣпостными по-
ми» и теперь вопросъ: что остается отъ этихъ дворянъ,
лѣ дворянскомъ, послѣ крестьянской реформы? Такъ какъ
ихъ двухъ помѣщиковъ чрезвычайно общъ и распростра-
вопросъ отчасти и разрѣшенъ авторомъ. Одинъ изъ нихъ
блонскій, эгоистъ, тонкій энцикуреецъ, житель Москвы и
англійскаго клуба. На этихъ людей обыкновенно смотрятъ
невинныхъ и милыхъ жуировъ, пріятныхъ эгоистовъ,
не мѣшающихъ, остроумныхъ, живущихъ въ свое удо-
е. У этихъ людей бываетъ часто и многочисленное се-
съ женой и дѣтьми они ласковы, но мало объ нихъ
д. Очень любятъ легкихъ женщинъ, разряда, конечно, при-
Образованы они мало, но любятъ изящное, искусства,
съ вести разговоръ обо всемъ. Съ крестьянской реформы
дворянинъ тотчасъ-же понялъ въ чемъ дѣло: онъ сочи-
образилъ, что у него все-таки еще что-нибудь да остается
гало быть, мѣняться не зачѣмъ и—*Après moi le déluge*
медь хоть потопъ). Объ судьбѣ жены и дѣтей онъ не за-
думать. Остатками состоянія и связями онъ избавленъ
бы червоннаго валета; но еслибъ состояніе его руши-
нелзя-бы было получать даромъ жалованія, то, можетъ
нѣ и стать-бы валетомъ, разумѣется, употребивъ все уси-
верѣдко очень остраго, чтобъ стать валетомъ какъ можно
блннчъ и великосвѣтскимъ. Въ старину, конечно, для
зарочнаго долга или любовницѣ, ему случалось отдавать

людей въ квартирѣ на такомъ возвышенномъ этажѣ не сто. Да и табакъ еще нѣтъ вовсе. Хотя онъ и притомъ дворянство свое еще вовсе считалъ ни за что, а по корыстныхъ соображеніямъ—такъ даже нечеловѣчески. Въ мѣсяцъ оставилъ лишь человека въ сарае, зѣвъ чинъ съ казѣнного чина, а зѣвъ богатъ. Жакъинъ— а банкиръ сталъ самымъ и онъ немедленно съ ними затанца и дружбу. Да и разговоръ начался съ упрека съ лымъ, родственникомъ его и помѣщикомъ (но уже съ обратнаго типа и живущемъ въ своемъ помѣстьи), за свѣтъ къ желѣзнодорожникамъ, на ихъ обѣды и праздавать двусмысленнымъ, по убѣжденію Леонова вредныскій опровергаетъ его съ вѣстостью. Да вообще все съ тѣмъ доръ какъ они породнились, установились зкая отношенія. Притомъ въ дашъ нѣтъ негоднѣ, но нѣтъ благороднаго, всегда слышае. Но нѣтъ зѣвъ и потерпаемаго къ правотѣ смѣлѣ. 1. Благородныи, идеалета выветъ видѣ шута. Разговоръ происходилъ въ дѣтнюю ночь. Отдохни на ночлегѣ, въ вѣстѣе и потушитъ на снѣгѣ. Общевскій доказываетъ, что прежелѣзнодорожникамъ, къ ихъ интригамъ, въ ихъ своемъ вымалываемой компессіи, перепродажахъ—не нѣтъ съ это такіе же люди дѣйствуютъ трудомъ и умомъ. За а въ результатъ—даютъ дорогу

— Но какое приобретение, не соответственное положенію—на чести,—говоритъ Леоновъ.

— Да ктоже опредѣлитъ соответствіе? продолжаетъ онъ. Ты не опредѣлялъ черты между честнымъ и безчестнымъ? Ты что и получаю жалованья больше чѣмъ мой столоначальникъ, лучше меня знаешь дѣло—это безчестно?

— Я не знаю.

— Ну такъ я тебѣ скажу: то что ты получаешь за свое званіе—дѣланикъ, положимъ, пять тысячъ, а этотъ мужикъ бы онъ ни трудился не получилъ больше пятидесяти руб. также безчестно какъ то, что я получаю больше столоначальника.

Нѣтъ, помилуй, продолжаетъ Леоновъ. Ты говоришь несправедливо что я получу пять тысячъ, а мужикъ пятьдесятъ руб. Правда, это несправедливо, я и чувствую это, но..

Да, ты чувствуешь, но ты не отдашь ему своего и нѣтъ Степанъ Аркадьевичъ какъ будто нарочно задирани

— Я не отдаю, потому что никто этого отъ меня не отниметъ и хотѣлъ, то мнѣ нельзя отдать.. я некому.

— Отдай этому мужику, онъ не откажется.

о какъ-же достигнута ему? Поѣду съ нимъ и совершу кучую? знаю, но если ты убѣжденъ, что ты не любишь прав... не не убѣжденъ. Я, напротивъ, чувствую, что не люблю, что у меня есть обязанности и къ себѣ и къ обществу, но если ты считаешь, что это неразумно по... то почему-же ты не действуешь такъ...

сѣйствую, только отрицательно, въ томъ смыслѣ, что я не хочу увеличить ту разницу положенія, которая существуетъ между нами.

Ужъ жизни моя, это парадоксъ

И другъ. Надо одно изъ двухъ: или признавать, что несправедливо общество справедливо, тогда отстаивать свои принципы что колеблемся несправедливыми преимуществами и вдалеке, и пользоваться ими съ удовольствіемъ, еслибы это было несправедливо, ты-бы не могъ пользоваться благами съ удовольствіемъ, во крайней мѣрѣ я не могу этого чувствовать, что я не отрицаю.

II.

«Злоба дня».

разговоръ. И ужъ согласитесь, что это «злоба дня», то есть наизлюбнѣйшаго въ нашей злобѣ дня. И сколько фактерныхъ, чисто русскихъ чертъ! Во первыхъ, дѣтъ задъ всѣ эти мысли и въ Европѣ-то едва начинались, и не такъ были известны Сен-Симонъ и Фурье—перво-«идеальные» толковники этихъ идей, а у насъ,—или тогда о начинавшемся этомъ новомъ движеніи на роны лишь полсотни людей въ цѣлой Россіи. И вдругъ вуютъ объ этихъ «вопросахъ» помѣщики на охотѣ, и въ крестьянской ригѣ, и толкуютъ характернѣй-интереснѣйшимъ образомъ, такъ что, по крайней мѣрѣ, лая сторона вопроса уже рѣшена и подписана ими но. Правда, это помѣщики высшаго свѣта, говорятъ жомъ клубѣ, читаютъ газеты, слѣдятъ за процессами и въ и изъ другихъ источниковъ; тѣмъ не менѣе ужъ-тъ, что такая идеальнѣйшая дребедень признается са-шой темой для разговора у людей далеко не изъ про-и не специалистовъ, а просто свѣтскихъ, Облонскихъ-тъ,—эта черта, говорю я, одна изъ самыхъ харак-особенностей настоящаго русскаго положенія умовъ. рактернѣйшая черта въ этомъ разговорѣ, отиѣченная

художникомъ авторомъ, это та, что рѣшаетъ на счетъ справедливости этихъ новыхъ идей такой человѣкъ, который за в. т. е. за счастье пролетарія, бѣдняка, не дастъ самъ ни гроша, а напротивъ, при случаѣ самъ оберетъ его какъ липку. Но съ какимъ сердцемъ и съ веселостью каламбурниста онъ разомъ писываетъ крахъ всей исторіи человѣчества и объявляетъ стоящій строй его верхомъ абсурда. «Я, дескать, съ этимъ совершенно согласенъ». Замѣтите, что вотъ эти-то Стивы все со всѣмъ этимъ первые согласны. Одной чертой онъ осудилъ христіанскій порядокъ, личность, семейство, — о, это ему ни не стоитъ. Замѣтите тоже, что у насъ нѣтъ науки, но эти господа съ полнымъ безстыдствомъ сознавая, что у нихъ нѣтъ науки, что они начали говорить объ этомъ всего лишь вчера, и съ жаго голоса, рѣшаютъ однакоже такого размѣра вопросы всякаго колебанія. Но тутъ третья характернѣйшая черта: этотъ господинъ прямо говоритъ: «Надо одно изъ двухъ, признавать, что настоящее устройство общества справедливо, тогда отстаивать свои права, или признаваться, что мы пользуемся несправедливыми преимуществами, какъ я и дѣлаю, и пользоваться ими съ удовольствіемъ». Т. е. въ сущности онъ, подписавъ приговоръ всей Россіи и осудивъ ее, рѣшаетъ, какъ своей семьѣ, будущности дѣтей своихъ прямо объявляетъ, что это до него не касается: «Я, дескать, сознаю себя подлецомъ, но останусь подлецомъ въ свое удовольствіе. *Je suis moi le déluge*». Это потому онъ такъ спокоенъ, что у него есть состояніе, но случись что онъ его потеряетъ — почему ему не стать валецомъ, — самая прямая дорога. И такъ этотъ гражданинъ, вотъ этотъ семьянинъ, вотъ этотъ русский человѣкъ — какая характернѣйшая чисто русская черта! Вы видите, что онъ все таки исключеніе. Какое исключеніе и могли ли это быть? Припомните сколько цинизма увидали мы въ послѣднія двадцать лѣтъ, какую легкость оборотовъ и переломовъ, какое отсутствіе всякихъ коренныхъ убѣжденій и быстроту усвоенія первыхъ встрѣчныхъ съ тѣмъ, конечно, что завтра-же ихъ опять продать за два гроша. Никакого естественнаго фонда, кромѣ *après moi le déluge* (послѣ меня потопъ).

Но всего любопытнѣе то, что рядомъ съ этимъ, многочислѣннѣйшимъ и владычествующимъ типомъ, стоитъ другой, — русский дворянинъ и помѣщикъ и уже обратно-противоположный тому. — все что есть противоположнаго. Это Левинъ Левинныхъ въ Россіи — тьма, почти столько же сколько и Об-

Я не про лицо его говорю, не про фигуру, которую созижду въ романѣ художникъ, я говорю лишь про одну черту, но за то самую существенную и утверждаю, что черта удивленія страшно распространена у насъ, то есть среди цинизма и калмыцкаго отношенія къ дѣлу. Черта эта котораго времени заявляетъ себя поминутно; люди этой судорожно, почти болѣзненно стремятся получить отвѣты на вопросы, они твердо надѣются, страстно вѣруютъ, хотя го почти еще разрѣшить не умѣютъ. Черта эта выражается именно въ отвѣтѣ Левина Стивѣ.

ѣтъ, если-бы это было несправедливо, ты-бы не могъ пользоваться этими благами съ удовольствіемъ, *по крайней мѣрѣ, я з-бы, мнѣ главное надо чувствовать что я не виноватъ.* Онъ въ самомъ дѣлѣ не успоится пока не разрѣшитъ: *ѣтъ онъ или не виноватъ?* И знаете-ли до какой степени кокется? Онъ дойдетъ до послѣднихъ столповъ, и если если только надо, если только онъ докажетъ себѣ, что это то. въ противоположность Стивѣ, который говоритъ: «хоть дамъ да продолжаю жить въ свое удовольствіе» — онъ же въ «Власа», въ «Власа» Некрасова, который роздалъ мнѣ въ придачу великаго умиленія и страха

И собирать на построение
Храма Божьяго пошелъ

если не на построение храма пойдетъ собирать, то сдѣлаетъ будь въ этихъ-же размѣрахъ и съ такою-же ревностью. Да, опять повторяю и снѣшу повторить, черту: это много-много необычайное современное множество этихъ новыхъ людей новаго корня русскихъ людей, которымъ *нужна* одна правда безъ условной лжи. и которые, чтобъ дойти до этой правды, отдадутъ все рѣшительно. Эти люди тоже мнѣ въ послѣдніе двадцать лѣтъ и объявляются все больше и больше. Хотя ихъ и прежде, и всегда, и до Петра еще можно предчувствовать. Это наступающая будущая Россія честныхъ которымъ нужна лишь одна правда. О, въ нихъ большая редкость. по неопытности они отвергаютъ всякія условныя разъясненія даже. Но я только то хочу заявить изъ всего, что ихъ влечетъ истинное чувство. Характернѣйшая черта въ томъ, что они ужасно не снѣлись и пока принадлежатъ ко всевозможнымъ разрядамъ и убѣжденіямъ: тутъ и буржуа и пролетаріи, и духовные и невѣрующіе, и богачи и бедняки, и ученые и неучи, и старики и дѣвочки, и славяно-

филы и западниви. Разладъ въ убѣжденіяхъ непомѣрный, стремленіе къ честности и правдѣ непоколебимое и нерушимое за слово истины всякій изъ нихъ отдастъ жизнь свою и свои преимущества, говорю — обратится въ Власа. Закричи пожалуй, что это дикая фантазія, что нѣтъ у насъ столько честности и исканія честности. Я именно провозглашаю что ес рядомъ съ страшнымъ развратомъ, что я вижу и предчувствую этихъ грядущихъ людей, которымъ принадлежитъ будущее Россіи, что ихъ нельзя уже не видать, и что художникъ, составившій этого отжившаго циника Стиву съ своимъ новымъ человѣкомъ Левинымъ, какъ-бы сопоставилъ это отпѣтое, обратное, страшно многочисленное, но уже покончившее съ собой собственнымъ приговоромъ общество русское, съ обществомъ новой правды, которое не можетъ вынести въ сердцѣ своемъ убѣжденія, что оно виновато и отдастъ все, чтобъ очистить сердце свое отъ вины своей. Замѣчательно тутъ то, что дѣйствительно наше общество дѣлится почти что только на эти два разряда, до того они обширны и до того они всецѣло обнимаютъ собой русскую жизнь, — разумѣется, если откинуть массу совершенно инертныхъ, бездарныхъ и равнодушныхъ. Но самая характернѣйшая самая русская черта этой «Злобы дня», указанной авторомъ, состоитъ въ томъ, что его новый человѣкъ, его Левинъ не умѣетъ рѣшить смутившій его вопросъ. То есть онъ уже и рѣшилъ почти, въ сердцѣ своемъ, и не въ свою пользу, *подозрѣвая* онъ виноватъ, но что-то твердое, прямое и реальное возстаетъ изъ всей его природы и удерживаетъ его пока отъ послѣдняго приговора. Напротивъ, Стива, которому все равно виноватъ он или нѣтъ, — рѣшаетъ безъ малѣйшаго колебанія, это ему да на руку: «коли все нелѣпо и ничего святаго не существуетъ, стало быть, можно все дѣлать, а съ меня еще времени хватитъ не сейчасъ вѣдь придетъ страшный судъ». Любопытно еще что именно самая слабая сторона вопроса и смутила Левина поставила его въ тупикъ, и это чисто по русски, и совершенно вѣрно отмѣчено авторомъ: все дѣло въ томъ, что всѣ эти мысли и вопросы у насъ въ Россіи — одна лишь теорія, всѣ въ насъ занесенные съ чужаго строя и съ чужаго порядка вещей, изъ Европы, гдѣ они имѣютъ давно уже свою историческую и практическую сторону. Что-жь дѣлать: оба наши дворянина — европейцы, и отъ европейскаго авторитета освободиться имъ не легко надо и тутъ отдать дань Европѣ. И вотъ Левинъ, русское сердце смѣшиваетъ чисто русское и единственно возможное рѣше-

вопроса, съ европейской его постановкой. Онъ смѣшиваетъ хри-
стианское рѣшеніе съ историческимъ «правомъ». Представимъ,
на ясности, себѣ такую картинку:

Стоитъ Левинъ, стоитъ задумавшись послѣ ночнаго разговора
его на охотѣ съ Стивой и мучительно, какъ честная душа, жа-
етъ разрешить смущившій, и уже прежде стало быть, смущав-
его вопросъ.

— Да, думаетъ онъ, натурально, да, если по настоящему, то
что мы, какъ сказать дядюча Весловскій «бѣднѣ, пьемъ, охо-
димся, ничего не дѣлаемъ, а бѣдный вѣчно, вѣчно въ трудѣ? Да,
какъ правъ, я долженъ раздѣлить мое имѣніе бѣднымъ и пойти
работать на нихъ.

Стоитъ подле Левина «бѣдный» и говоритъ:

— Да, ты действительно долженъ и обязанъ отдать свое имѣніе
бѣднымъ, и пойти работать на насъ.

Левинъ выйдетъ совершенно правъ, а «бѣдный» совершенно
правъ, разумеется, рѣшая дѣло такъ сказать въ высшемъ
судѣ. Но въ томъ-то и вся разница постановки вопроса. Ибо
истинное рѣшеніе его нельзя смѣшивать съ историческимъ;
это—безъисходная путаница, которая и теперь продолжается,
только въ теоретическихъ русскихъ головахъ—и въ головахъ
дядюшки Стивы и въ головахъ чистыхъ сердцемъ Левиныхъ.
Въ Европѣ жизнь и практика уже поставила вопросъ—хоть и
трудно въ идеалѣ его исхода, но все-же реально въ его теку-
щій ходъ, и уже не смѣшивая двухъ разнородныхъ взглядовъ,
истиннаго и историческаго, по крайней мѣрѣ, по возможности.
Смѣняемъ нашу мысль еще, хоть двумя словами.

III.

Злаба дня въ Европѣ.

Въ Европѣ былъ феодализмъ и были рыцари. Но въ тысячу
лѣтъ усилилась буржуазія и наконецъ задала повсе-
менно битву, разбила и согнала рыцарей и—стала сама на ихъ
мѣсто. Исполнилась въ лицахъ поговорка: «Otez toi de là que je
viens» (убирайся, а я на твое мѣсто). Но ставъ на мѣсто
къ прежнихъ господъ, и завладевъ собственностью, буржуазія
тѣмъ же обшла народъ, пролетарія, и, не признавъ его за
дѣло, обратила его въ рабочую силу, для своего благосостоянія,

изъ за куска хлѣба. Нашъ русскій Стива рѣшаетъ про себя, онъ неправъ, но сознательно хочетъ оставаться негодяемъ, тому что ему жирно и хорошо; заграничный Стива съ нашим несогласенъ и признаетъ себя совершенно правымъ, и ужь конечно, онъ въ этомъ по своему логичнѣе, ибо, по его мнѣнію, тутъ вовсе и нѣтъ никакого *права*, а есть только *исторія*, историческій ходъ вещей. Онъ сталъ на мѣсто рыцаря, потому что побѣдилъ рыцаря силой, и онъ отлично хорошо понимаетъ, что пролетарій, бывшій во время борьбы его съ рыцаремъ еще ничтожнымъ и слабымъ, очень можетъ усилиться и даже усиливается съ каждымъ днемъ. Онъ отлично предчувствуетъ, что когда тотъ совсѣмъ усилится, то скovyрнетъ его съ мѣста, какъ скovyрнетъ когда-то рыцаря, и точь въ точь также скажетъ ему: «убирайся а я на твое мѣсто». Гдѣ-же тутъ право, тутъ одна исторія. Онъ-бы готовъ былъ на компромиссъ, какъ-нибудь поладить съ врагомъ, и даже пробовалъ. Но такъ какъ онъ отлично догадался да и на опытъ знаетъ, что врагъ ни за что не расположенъ делиться, дѣлиться не хочетъ, а хочетъ *всею*; кромѣ того: что если онъ и уступитъ что, то только себя ослабитъ—то и рѣшилъ не уступать ничего и—готовиться къ битвѣ. Положеніе это, можетъ быть, безнадежно, но по свойству человѣческой природы укрѣпляется духомъ передъ борьбою,—онъ не отчаявается, напротивъ укрѣпляется на бой все болѣе и болѣе, пускаетъ всѣ средства въ ходъ, изо всей силы, пока сила есть; ослабляетъ противника и пока только это и дѣлаетъ.

Вотъ на какой точкѣ это дѣло теперь въ Европѣ. Правда прежде, недавно даже была и тамъ *нравственная* постановка вопроса, были фурьеристы и кабетисты, были споры, дебаты объ разныхъ весьма тонкихъ вещахъ. Но теперь предводители пролетарія все это до времени устранили. Они хотятъ задать битву, организуютъ армію, собираютъ ее въ ассоціаціи, устраиваютъ кассы, и увѣрены въ побѣду: «А тамъ, по побѣдѣ, все само собою устроится практически, хотя очень можетъ быть, что послѣ рѣкъ пролитой крови». Буржуа понимаетъ, что предводители пролетаріевъ прельщаютъ ихъ просто грабежомъ и что въ такомъ случаѣ нравственную сторону дѣла и ставить не стоитъ. Но однако между и теперешними даже предводителями случаются такіе коноводы, которые проповѣдуютъ и нравственное право бѣдныхъ. Внешне предводители допускаютъ этихъ коноводовъ собственно для красоты, чтобъ украсить дѣло, придать ему видъ внешней справедливости. Нѣтъ этихъ *нравственныхъ* ко-

есть много интригановъ, но много и пламенно вѣрующіихъ. Они прямо объявляютъ, что для себя ничего не хотятъ, а радуютъ лишь для человѣчества, хотятъ добиться новаго строя для счастья человѣчества. Но тутъ ихъ ждетъ буржуа на твердо твердой почвѣ и имъ прямо ставятъ на видъ, что они не могутъ заставить его стать братомъ пролетарію и подѣлать съ нимъ вѣніе—пазвой и кровью. Не смотря на то, что это дѣло похоже на правду, коноводы отвѣчаютъ имъ, что они вовсе не считаютъ ихъ, буржуазію, способными стать братьями народу, поэтому-то и идутъ на нихъ просто силой, изъ братства ихъ выключаютъ вовсе: «братство-де образуется потомъ, изъ пролетаріата, а вы — вы сто милліоновъ обреченныхъ къ истребленію и вы, вѣдь, в только. Съ вами покончено, для счастья человѣчества». Но и изъ коноводовъ прямо уже говорятъ, что братства никакого имъ и не надо, что христіанство бредни и что будущее человечество устроится на основаніяхъ научныхъ. Все это, конечно, можетъ поколебать и убѣдить буржуа. Онъ понимаетъ и понимаетъ, что это общество, на основаніяхъ научныхъ, чистая правда, что они представили себѣ человѣка совсѣмъ инымъ, чѣмъ устроила его природа. Что человѣку трудно и невозможно отказаться отъ безусловнаго права собственности, отъ семейства и отъ свободы; что отъ будущаго своего человѣка она слишкомъ много требуютъ пожертвованій, какъ отъ личности; что устроить жизнь человѣка можно только страшнымъ насиліемъ и поставивъ въ жизнь страшное шпионство и безпрерывный контроль самой политической власти. Въ заключеніе они вызываютъ указать ту силу, которая-бы смогла соединить будущаго человѣка въ согласное общество, а не въ насильственное. На это коноводы выставляютъ пользу и необходимость, которую сознаетъ самъ человѣкъ, и что самъ онъ, чтобы спасти себя отъ разрушенія и гибели, согласится добровольно сдѣлать всѣ требуемыя уступки. Но возражаютъ, что польза и самосохраненіе никогда одна не способна породить подлаго и согласнаго единенія, что никакая сила не замѣнитъ своеволія и правъ личности, что эти силы политическія слишкомъ слабы и что все это, стало быть, по прежнему гадательно. Что еслибъ они дѣйствовали только нравственною стороной дѣла, то пролетарій и слушать-бы ихъ не сталъ, а если идти за ними теперь и организуется въ битву, то единственно потому, что прельщенъ обѣщаннымъ грабежемъ и взволнованъ перспективою разрушенія и битвы. А стало быть, въ концѣ концовъ, нравственную сторону вопроса надобно совсѣмъ устра-

нить, потому что она не выдерживаетъ ни малѣйшей бр
а надо просто готовиться къ бою.

Вотъ европейская постановка дѣла. И та и другая с
страшно неправы, и та и другая погибнуть во грѣхахъ с
Повторяемъ, всего тяжелѣе для насъ русскихъ то, что у
даже Левины надъ этими-же самыми вопросами задумыв
тогда какъ единственно возможное разрѣшеніе вопроса, и
русское, и не только для русскихъ, но и для всего чел
ства,—есть постановка вопроса нравственная, т. е. христіа
Въ Европѣ она не мыслима, хотя и тамъ, рано-ли, позд
послѣ рѣкъ крови и ста милліоновъ головъ, должны-же
признать ее, ибо въ ней только одной и исходъ.

IV.

Русское рѣшеніе вопроса.

Если вы почувствовали, что вамъ тяжело «ѣсть, пить,
не дѣлать и ѣздить на охоту» и если вы дѣйствительно
чувствовали и дѣйствительно такъ вамъ жалъ «бѣдныхъ»
рыхъ такъ много, то отдайте имъ свое имѣніе, если хоти
жертвуйте на общую пользу и идите работать на всѣхъ и
чите сокровище на небеси, тамъ гдѣ не копятъ и не посяга
Пойдите, какъ Власъ, у котораго

Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла.

И если не хотите собирать, какъ Власъ, на храмъ Божій,
ботьтесь о просвѣщеніи души этого бѣдняка, свѣтите ему.
его. Еслибъ и всѣ роздали, какъ вы, свое имѣніе «бѣднымъ»
раздѣленные на всѣхъ, всѣ богатства богатыхъ міра сего
бы лишь каплей въ морѣ. А потому надобно заботиться
о свѣтѣ, о наукѣ и о усиленіи любви. Тогда богатство
рости въ самомъ дѣлѣ, и богатство настоящее, потому что
въ золотыхъ платьяхъ заключается, а въ радости общаго
ненія и въ твердой надеждѣ каждаго на всеобщую помо
несчастіи ему и дѣтямъ его. И не говорите, что вы лишь
сдѣлали, и что если вы одинъ раздадите имѣніе и поидет
жить, то ничего этимъ не сдѣлаете и не поправите. Нап
если даже только нѣсколько будетъ такихъ какъ вы,
тогда двинется дѣло. Да въ сущности и не надо даже раз

иногда пѣнія, — ибо всякая *непрерывность* тутъ, въ дѣлѣ, похожа будетъ на мундиръ, на рубрику, на букву. Убѣждо что исполненья буквы ведетъ только къ гордости, къ формѣ и къ лѣности. Надо дѣлать только то, что велитъ сердце: отдать имѣніе — отдайте, велитъ идти работать на всѣхъ — но и тутъ не дѣлайте такъ, какъ иные мечтатели, которые берутся за тачку: «дескать, я не баринъ, я хочу работать мужикъ». Тачка опять таки мундиръ.

Противъ, если чувствуете, что будете полезны всѣмъ какъ вы, идите въ университетъ и оставьте себѣ на то средства. Задача имѣнія обязательна и не надѣванье зинуна: все это буква и формальность; обязательна и важна лишь *рѣши-ваша дѣлать все ради дѣятельной любви*, все что воз- вамъ, что сами искренно признаете для себя возможнымъ. Эти старанія «опроститься» — лишь одно только переряженье. невѣжливое даже къ народу и васъ унижающее. Вы имъ «сложны»: чтобъ опроститься, да и образованіе ваше возмѣтъ вамъ стать мужикомъ. Лучше мужика вознесите дѣй «осложненности». Будьте только искренни и просто: это лучше всякаго «опрошенія». Но пуще всего не запутайте себя сами, не говорите: «одинъ въ полѣ не воинъ» и такій кто искренно захотѣлъ истины, тотъ уже страшно. Но подражайте тоже некоторымъ фразерамъ, которые такъ поминутно, чтобы ихъ слышали: «Не даютъ ничего дѣлать связываютъ руки, вселяютъ въ душу отчаяніе и разочаро- и пр. и пр. Все это фразеры и герои поэмъ дурнаго тона, себѣ собою дѣлтиаи. Кто хочетъ приносить пользу, тотъ буквально связанными руками можетъ сдѣлать бездну добра. Кто дѣлатель, вступивъ на путь, сразу увидитъ передъ собою то дѣла, что не станеть жаловаться, что ему не даютъ дѣла временно отыщеть и успееть хоть что-нибудь сдѣлать. Возражные дѣлатели про это знаютъ. У насъ одно изученіе сколько времени возьметъ, потому что вѣдь у насъ лишь свѣдѣній человѣкъ знаетъ нашу Россію. Жалобы на разочаро- совершенно глупы: радость на воздвигающееся зданіе должна возбудить вселюбую душу и всякую жажду, хотя-бы вы только по- нѣ приносили пока на зданіе. Одна награда вамъ — лю- бови заслужите ее. Положимъ, вамъ не надо награды, но вы дѣлаете дѣло любви, а, стало бытъ, нельзя же вамъ не получить любви. Но пусть никто и не скажетъ вамъ, что вы и себѣ должны были сдѣлать все это, изъ собственной такъ

сказать пользы и что иначе васъ-бы заставили спать. Нѣтъ насъ въ Россіи надо насаждать другія убѣжденія, и особенно относительно понятій о свободѣ, равенствѣ и братствѣ. Въ нынѣшнемъ образѣ міра полагають свободу въ разнузданности, то какъ настоящая свобода—лишь въ одолѣніи себя и воли своѣю такъ чтобы подконецъ достигнуть такого нравственнаго состоянія, чтобъ всегда во всякій моментъ быть самому себѣ настоящимъ хозяиномъ. А разнузданность желаній ведетъ лишь къ рабству вашему. Вотъ почему чуть-чуть не весь нынѣшній міръ полагаетъ свободу въ денежномъ обезпеченіи и въ законахъ гарантирующихъ денежное обезпеченіе. «Есть деньги, стало бы можно дѣлать все что угодно; есть деньги — стало быть, не гибну и не пойду просить помощи, а не просить ни у кого помощи есть высшая свобода». А между тѣмъ это въ сущности не свобода а опять таки рабство, рабство отъ денегъ. Напротивъ, самая высшая свобода—не копить и не обезпечивать себя деньгами, а «раздѣлять всѣмъ что имѣешь и пойти всѣмъ служить». Если способенъ то человекъ, если способенъ одолѣть себя до такой степени то онъ-ли послѣ того не свободенъ? Это уже высочайшее проявленіе воли! Затѣмъ что такое въ нынѣшнемъ образованномъ мірѣ Равенство? Ревнивое наблюденіе другъ за другомъ, чванство и зависть: «Онъ уменъ, онъ Шекспиръ, онъ тщеславится своимъ талантомъ; унижить его, истребить его». Между тѣмъ истинное равенство говоритъ: «Какое мнѣ дѣло, что ты талантливѣе меня, умнѣе меня, красивѣе меня? Напротивъ, я этому удивляюсь, потому что люблю тебя. Но хоть я и ничтожнѣе тебя, какъ человекъ я уважаю себя, и ты знаешь это, и самъ уважаешь меня, а твоимъ уваженіемъ я счастливъ. Если ты, по твоимъ способностямъ, приносишь въ сто разъ больше пользы и всѣмъ, чѣмъ я тебѣ, то я за это благословляю тебя, дивлюсь тебѣ и благодарю тебя, и вовсе не ставлю моего удивленія тебѣ себѣ въ стыдъ; напротивъ, счастливъ тѣмъ что тебѣ благодаренъ и если работаю на тебя и на всѣхъ, по мѣрѣ моихъ слабыхъ способностей, то вовсе не для того чтобъ сквитаться съ тобой, а потому что люблю васъ всѣхъ».

Если такъ будутъ говорить всѣ люди, то ужъ, конечно, станутъ и братьями, не изъ одной только эконолической пользы а отъ полноты радостной жизни, отъ полноты любви.

Скажутъ, что это фантазія, что это «русское рѣшеніе пророка» — есть Царство Небесное» и возможно развѣ лишь въ Царствѣ Небесномъ. Да, Стивы очень разсердился-бы, есл

го Царство Небесное. Но надобно взять уже то одно, что фантазія «русскаго рѣшенія вопроса» несравненно менѣе истиннаго и несравненно болѣе вѣроятнаго, чѣмъ въ Европѣ рѣшенія. Такихъ людей, т. е. «Власовъ» мы уже видимъ у насъ во всѣхъ сословіяхъ, и даже довольно заморшняго-же «будущаго человѣка» мы еще нигдѣ не видимъ онъ обѣщаль придти перейдя лишь рѣки крови. Вы знаете, что единицы и десятки ничему не помогутъ, а надобно имѣть извѣстныхъ всеобщихъ порядковъ и принциповъ. Но даже и существовали такіе порядки и принципы, чтобы можно было устроить общество, и еслибъ даже и можно было имѣть прежде практики, такъ, а ргіогі, изъ однихъ мечтаний и «научныхъ» цифръ, взятыхъ при томъ изъ прежняго общества, — то съ неготовыми, съ невыдѣланными людьми никакія правила не удержатся и не осуществятся, а, напротивъ, станутъ лишь въ тягость. Я-же безгранично люблю нашихъ будущихъ и уже начинающихся людей, вотъ почему я уже говорилъ выше, что они пока еще не спѣлы, но они страшно какъ разбиты на кучки и лагеря въ своихъ сужденіяхъ, но за то все ищутъ правды прежде всего. Мы только узнали гдѣ она, то для достиженія ея готовы брать все, и даже жизнь. Повѣрьте, что если они найдутъ на путь истинный, найдутъ его наконецъ, то увлекутъ за собою всѣхъ, и не насильемъ, а свободно. Вотъ что уже надо сдѣлать единицы на первый случай. И вотъ тотъ пунктъ, съ котораго можно поднять нашу «Новь». Прежде чѣмъ проповѣдывать: «какъ имъ быть» — покажите это на себѣ. Исполните сами и все за вами пойдутъ. Что тутъ утопическаго, что тутъ невозможнаго — не понимаю! Правда, мы очень еще очень малодушны, а потому не вѣримъ и смѣемся. Но не смѣемся ли въ насъ и дѣло, а въ будущихъ. Народъ нуждается, но ему нужно образованіе. Но чистые сердца еще не въ нашей средѣ — и вотъ что самое важное! Вотъ что необходимо прежде всего, это надобно уметь различать и различать среди насъ одинъ советъ: самообладаніе и самообладаніе — великаго перваго шага. Исполни самъ на себѣ, и ты будешь вѣрнѣе. — вотъ въ чемъ все наше дело.

МАРТЪ.

Глава первая.

I.

Еще разъ о томъ, что Константинополь, рано-ли поздно-ли, долженъ быть нашъ.

Прошлаго года, въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ іуныскомъ № моего «Дника», я сказалъ, что Константинополь «рано-ли, поздно-ли, женъ быть нашъ». Тогда было горячее и славное время: шло малясь духомъ и сердцемъ вся Россія и народъ шелъ «довольно» послужить Христу и православію противъ невѣрннхъ за нашихъ братьевъ по вѣрѣ и крови славянъ. Я хотѣлъ звалъ тогдашнюю статью мою «утопическимъ пониманіемъ ріи»,—но самъ я твердо вѣрилъ въ свои слова и не считалъ ихъ утопіей, да и теперь, готовъ подтвердить ихъ буквально. что я написалъ тогда о Константинополѣ:

«Да, Золотой Рогъ и Константинополь,—все это будетъ на II. во первыхъ, это случится само собою, именно потому, время пришло, а если не пришло еще и теперь, то дѣйствительно время уже близко, всѣ къ тому признаки, это выходъ естественный, это такъ сказать слово самой природы. Если не случится этого раньше, то именно потому, что не созрѣло еще вре-

Затѣмъ я тогда разъяснилъ мою мысль почему не созрѣло да и не могло созрѣть прежде время. Еслибъ Петру Великому (писалъ я) и пришла тогда мысль,

вмѣсто основанія Петербурга захватить Константинополь, то кажется, онъ, по нѣкоторомъ размысленіи, оставилъ-бы эту м-

могло даже и идти на своемъ пути, чтобы сокрушить
всё, потому, что тогда дѣло это было несоизмеримое и
просто даже гибель Россіи.

когда въ тихомъ Петербургѣ ни не были вліянія
и вѣдомъ, зомъ и бывшихъ полководцевъ, но въ то и время
иныхъ русское развитіе прежде чѣмъ вывелась его на-
дерега, то такъ въ Константинополѣ, огромномъ и способ-
еъ остатками государственной и древнѣйшей цивилизаціи,
ни забыть вліянія греческаго, людей несравненно болѣе
чѣмъ грубо вѣдомъ, людей, вѣдомъ несравненно болѣе
есть соприкосновенія съ нами, чѣмъ совершенно несоизме-
рима, людей инокитавскихъ и арабскихъ, которые
и-бы окружили греческаго и прежде русскія стали-бы и учени-
ми, которые и Петра самого отаровали-бы въ его слабости
въ одномъ своемъ знаніи и умѣніи въ мореходствѣ, а
его ближайшихъ преемниковъ. Однимъ словомъ, они обла-
Россіи политически, они стали-бы ее владѣть на ка-
къ новую Азіатскую дорогу, на какую-нибудь замкнутость
ничего этого не вынесла-бы тогдашняя Россія. Ея русскія
и национальность были-бы остановлены въ своемъ ходѣ. Мощ-
корусскія остались-бы въ отдаленіи на своемъ мрачномъ свѣтѣ
ръ, слуга не болѣе какъ матеріаломъ для обновленнаго
и, можетъ быть, подконецъ, совсѣмъ не признала-бы нуж-
и за нимъ. Югъ-же Россіи весь-бы подпалъ захвату гре-
ко, можетъ быть, совершилось-бы распаденіе самаго Право-
да міра: на обновленный Царьградскій и старій русскій.
словомъ, дѣло было въ высшей степени несоизмеримое
и совсѣмъ иное.

и (писалъ я); теперь Россія уже могла-бы завладѣть
инопольемъ и не перенося въ него свою столицу, чего
ра Петръ, и даже долго послѣ него, было-бы нельзя
. Теперь Царьградъ могъ-бы быть нашимъ и не какъ
Россіи, но (прибавлялъ я) и не какъ столица всесла-
какъ мечтаютъ нѣкоторые:

ианство безъ Россіи истощится тамъ въ борьбѣ съ гре-
и-бы даже и могло составить изъ своихъ частей какое-ни-
гическое дѣло. Исследовать-же Константинополь однимъ
и-веръ уже совсѣмъ невозможно: нельзя отдать ему такую
точку земнаго шара, слишкомъ ужъ было-бы имъ не по

е ина чего-же, во ина какого *крайственно* права
искать Россія Константинополя? Опираясь на какія
дѣла могла-бы требовать его отъ Европы?

и днвно (писалъ я) — какъ Предводительница Православія,
рогательница и охранительница его, — роль предназначенная
и Ивана III, оставившаго въ знакъ ея и царьградскаго
и орла выше древняго герба Россіи, но обозначававшая уже

несомнѣнно послѣ Петра Великаго, когда Россія сознала въ силу исполнить свое назначеніе, а фактически уже и стала дѣйствительной и единственной покровительницей и православія и народа его исповѣдующихъ. Вотъ эта причина, вотъ это право на дряхлый Царьградъ и было-бы понятно и не обидно даже самымъ ревнивымъ къ своей независимости славянамъ, или даже самымъ грекамъ. И тѣмъ самымъ обозначилась-бы и настоящая сущность тѣхъ политическихъ отношеній, которыя и должны неминуемо наступить у насъ ко всѣмъ прочимъ православнымъ народностямъ,—славянамъ, грекамъ-ли, все равно. Она—покровительница ихъ и даже можетъ быть предводительница, но не владычица; мать ихъ, а не госпожа. Если даже и государыня ихъ, когда нибудь, то лишь по собственному ихъ провозглашенію, съ сохраненіемъ всего того, чѣмъ они сами опредѣлили-бы независимость и личность свою.

Всѣ эти соображенія само собою представлялись мною въ іюньской прошлогодней статьѣ отнюдь не какъ подлежащія немедленному исполненію, а лишь какъ должествующія неминуемо исполниться когда придетъ къ тому историческое время и восподнятся сроки, близость и отдаленность которыхъ и невозможно предсказать, но все-же можно предчувствовать. Тѣхъ поръ прошло девять мѣсяцевъ. Про эти девять мѣсяцевъ вспоминать я думаю нечего: всѣмъ намъ извѣстно это возмуженное время, въ началѣ полное надеждъ, а потомъ страшное и тревожное и которое до сихъ поръ еще не заключилось чѣмъ, такъ что одинъ Богъ знаетъ—(я думаю, такъ лишь можно выразиться)—чѣмъ оно разрѣшится: обнажимъ-ли мы мечъ дѣло еще разъ оттянется какимъ-нибудь компромиссомъ въ какой-нибудь ящикъ. Но что-бы ни случилось, мнѣ какъ разъ почему-то именно теперь захотѣлось высказать нѣсколько дополнительныхъ и пояснительныхъ словъ къ моимъ іюньскимъ мечтамъ о судьбѣ Царьграда. Чтобы тамъ теперь ни случилось—миръ-ли, война-ли, уступки со стороны Россіи, по рано-ли, поздно-ли, а Царьградъ будетъ нашъ,—вотъ что хочется мнѣ опять подтвердить, но уже съ нѣкоторой новой точки зрѣнія.

Да, онъ долженъ быть нашъ не съ одной точки зрѣнія: это не только порта, пролива, «средоточія вселенной», «пупа земли» не съ точки зрѣнія давно сознанный необходимости такому огромному великану какъ Россія выйти наконецъ изъ запертой комнаты, въ которой онъ уже доросъ до потолка, на простор дохнуть вольнымъ воздухомъ морей и океановъ. Я хочу поговорить на видъ лишь одно соображеніе, тоже самой первой необходимости, по которому Константинополь не можетъ миновать Россіи. Это соображеніе я потому преимущественно передъ другими

и не видя, что, какъ нѣ камень, такой точки зрѣнія
нельзя не брать въ расчетъ, или, по крайней мѣрѣ,
нельзя брать въ расчетъ, а она-то, пожалуй что и изъ
вѣстныхъ.

II.

Иногда случается доречь до здраваго смысла в Восточ-
ную мѣрѣ съ своей точки зрѣнія.

В. и диво сказать, но четырехъугольной гнетъ Турокъ на
всѣхъ одной стороны былъ даже полезенъ какъ Христіан-
ство, — отрицательно конечно, но однако-же спо-
собствовало укрѣпленію, а главное его единенію, его единству,
именно какъ двухъугольная татарщина способствовала нѣ-
укрѣпленію Церкви и у насъ въ Россіи. Придавленное и
позволенное христіанское населеніе Востока увидало во Христа
свое единое свое утѣшеніе; а въ Церкви — един-
ый и послѣдній остатокъ своей національной личности и
жизни. Это была послѣдняя единая надежда, послѣдняя дос-
лавшаяся отъ разбитаго корабля; ибо Церковь все-таки
на эти населенія какъ национальность, а вѣра во Христа
стала нѣ, т. е. хотя части изъ нихъ, слиться съ по-
мощью во одно, забывъ свой родъ и свою прежнюю мето-
ду это чувствовали и хорошо понимали сами угнетенные
и единились около креста гѣсенѣе. Съ другой стороны, съ
покоренія Константинополя, весь огромный христіанскій
мѣ, невольно и вдругъ обратилъ, свой молящій взглядъ на
в Россію, только что вышедшую тогда изъ своего татар-
ства, и какъ-бы предугадалъ въ ней будущее ея мо-
во, свой будущій всеобщій центръ себѣ во спасеніе.
не немедленно и не колеблясь приняла знамя Востока и
на Царьградскаго двуглаваго орла выше своего древняго
стѣлъ какъ-бы приняла обязательство передъ всѣмъ Пра-
вомъ: хранить его и всѣ народы его исповѣдующіе отъ ко-
гбеля. Въ тоже время и весь русскій народъ совершен-
но гвердѣлъ новое назначеніе Россіи и Царя своего въ гря-
ь судьбахъ всего Восточнаго міра. Съ тѣхъ поръ главное,
иное наименованье Царя своего народъ твердо и неук-
вѣстивилъ и до сихъ поръ видитъ въ словѣ: «православ-

Называть такъ Царя своего
 означеніи этомъ и назначеніе
 дала, а когда прогремилъ
 Православія и всего Христіанств
 варварства и западна
 особенно начиная съ Петра
 народовъ Востока начали сби
 уже нѣсколько разъ сіялъ на В
 что и народы Востока не мо
 только Освободителя, но и бу
 два вѣка явилось и у нихъ Европ
 вліяніе. Высшая просвѣщеная
 какъ у насъ, такъ и на Востока
 Православія равнодушнѣе, стала
 идеѣ заключаетъ обновленіе и вос
 жизнь, какъ для Востока, такъ
 примѣръ, въ огромной части ея обра
 и даже какъ-бы отучились видѣ
 назначеніе Россіи, завѣтъ будущаго
 стали находи
 указаняхъ. Въ церкви, по западному,
 мергвенный формализмъ, особность,
 прошлаго вѣка такъ даже предразсуд
 идеѣ, объ идеѣ, объ живой силѣ было забыто
 характера западнаго, явились новы
 новая нравственность, стремив
 и стать выше ея. Явилась наконецъ
 внести безвѣрія въ прежнія идеи... Въ
 пробуждаться кромѣ того, и главныя
 національныя: явилась вдругъ боязнь, осво
 подпасть подъ иго Россіи. Зато въ про
 народъ нашъ и въ Царяхъ его идея
 Востока и Церкви Христовой не умирала никогда.
 народъ русскій прошлымъ лѣтомъ дов
 ничего изъ своихъ древнихъ наде
 удивило огромную часть нашей интели
 прямо не повѣрила этому движенію, отн
 и насмѣшливо, стала всѣхъ увѣрять,
 что движеніе это выдуманно и подтѣлано
 людьми, желавшими выдвинуться впередъ на
 самомъ дѣлѣ, кто-бы могъ, въ наше врем

ДИВВИННЪ ИМСАТЕЛЯ.

интеллигенція, кромѣ небольшой отдѣлившейся отъ общаго
ей, допустить, что народъ нашъ въ состояніи соз-
нать и понимать свое политическое, социальное и нравствен-
ное положеніе? Какъ можно было имъ допустить, чтобъ эта гру-
бая масса недавно еще крѣпостная, а теперь ошившая-
ся, знала-бы и была увѣрена, что назначеніе ея — слу-
жить Царю, а Царя ея — храненіе Христовой вѣры и освобож-
деніе славянъ. «Пусть эта масса всегда называла себя не
иначе Христіанствомъ (крестьянствомъ), но вѣдь она все-
таки имѣетъ понятія ни о религіи, ни о Христѣ даже, она
обыкновенныхъ молитвъ не знаетъ». Вотъ что говорятъ
многие про народъ нашъ. Кто говоритъ это? Вы думаете—
и пасторъ, обработавшій у насъ штунду, или заѣзжій ев-
рейскій корреспондентъ политической газеты, или образованный
иудейскій высшій еврей изъ тѣхъ, что не вѣрують въ Бога
и Христъ вдругъ у насъ такъ много теперь расплодилось, или
кто нибудь изъ тѣхъ поселившихся за границей рус-
скообразующихъ Россію и народъ ея лишь въ образѣ
бабы, со штофомъ въ рукахъ? О нѣтъ, такъ думаетъ ог-
раченная часть нашего русскаго и самаго лучшаго общества; а и
вѣрають они, что хоть народъ нашъ и не знаетъ мо-
но суть христіанства, но духъ и правда его, сохранились
еще въ немъ такъ, какъ, можетъ быть, ни въ одномъ
иудейскомъ міра сего, не смотря даже на пороки его. Впро-
чемъ, или равнодушный въ дѣлѣ вѣры русскій европеецъ
иногда вѣры иначе, какъ въ видѣ формалистики и хан-
жества. Въ народѣ-же они не видятъ ничего подобнаго ханже-
нству и заключаютъ, что онъ въ вѣрѣ ничего не смыс-
литъ, когда ему надо—доскѣ, а въ сущности равноду-
шенъ духъ его убитъ формалистскою. Духа христіанскаго онъ
и не примѣтилъ вовсе, можетъ быть, и потому еще, что
онъ духъ давно уже потеряли, да и не знаютъ гдѣ онъ
и гдѣ онъ вѣдетъ. Этотъ «развратный» и темный народъ
убитъ однако-же смиреннаго и юродиваго: во всѣхъ пре-
дѣлахъ сказаній своихъ онъ сохраняетъ вѣру, что слабый
и смиренный, несправедливо и напрасно Христа ради терпя-
тель вознесенъ превыше знатныхъ и сильныхъ, когда
идетъ судъ и велѣніе Божіе. Народъ нашъ любитъ тоже раз-
вѣтное и всеславное и великое житіе своего великаго, цѣло-
душнаго и смиреннаго христіанскаго богатыря Ильи-Муромца,
идущаго за правду, освободителя бѣдныхъ и слабыхъ, сми-

ревнаго и непревозносящагося. вѣрнаго и сердцемъ чистаго имѣя, чья и любя такого богатыря, — народу-ли нашему и рвать и въ торжество приниженныхъ теперь народовъ и тѣхъ нашихъ на Востокѣ? Народъ нашъ чтить память великихъ и смиренныхъ отшельниковъ и подвижниковъ, и рассказывать исторіи великихъ христіанскихъ мучениковъ имъ дѣтямъ. Эти исторіи онъ знаетъ и заучилъ, и я самъ впервые отъ народа услышалъ, рассказанныя съ проникновеніемъ и благоговѣніемъ и оставшіяся у меня на сердцѣ. И того, народъ ежегодно и самъ выдѣляетъ изъ себя великаго «Уласовъ», идущихъ съ умиленіемъ, раздавъ все свое, на смиренный и великій подвигъ правды, раба няшеты... Но впрочемъ о народѣ русскомъ потомъ; когда-нибудь добьется-же онъ того, что начнутъ понимать и его и, по ней мѣрѣ, принимать его во вниманіе. Поймутъ, что и онъ иибудь да значить. Поймутъ наконецъ и то важное обстоятельство, что ни разу еще въ великіе или даже въ чуть-чутьныя моменты исторіи русской, безъ него не обходилось, что *сія народна*, что Россія не Австрія, что въ каждый значительный моментъ нашей исторической жизни дѣло всегда рѣшено народнымъ духомъ и взглядомъ, царями народа въ высшемъ пониманіи съ нимъ. Это чрезвычайно важное историческое обстоятельство обыкновенно у насъ пропускается почти безъ вниманія нашей интеллигенціей, и вспоминается всегда какъ-то въ концѣ когда грянетъ историческій срокъ. Но я отвлекся, я заговорилъ о Константинополѣ...

III.

Самыя подходящія въ настоящее время мысли.

Восточная Церковь, ея предстоятели, Вселенскій Патріархъ и во всѣ эти четыре вѣка порабощенія ихъ церкви, жили съ кѣмъ и между собою мирно—въ дѣлѣ вѣры то есть: большихъ ересей, расколовъ не было, не до того было. Но вотъ въ концѣ вѣка, и особенно въ последнее двадцатилѣтіе, послѣ Восточной войны, какъ-бы потянуло у нихъ тѣннымъ заражающагося трупомъ: предчувствіе смерти и разложенія чуждаго человека и гибели его царства, стало ощущеніемъ своимъ, насущнымъ. О, конечно освободить можетъ оконча-

лишь одна Россія, та самая Россія, которая и теперь, и въ эту минуту всеобщихъ разговоровъ о Востокѣ всетаки лишь договаривается за нихъ въ Европѣ, тогда какъ всѣ остальные царства просвѣщеннаго Европейскаго міра были-бы рады, чтобы ихъ всѣхъ, этихъ угнетенныхъ народовъ, хотя-бы и вовсе на свѣтѣ не было. Но увы, чуть-ли не единственная Восточная райн, хоть и зоветъ Россію на помощь бонется ей, можетъ быть, и столько-же сколько и Турокъ: освободить насъ Россія отъ турокъ, но поглотить насъ «больной чело-вѣкъ» и не дастъ развиваться нашимъ на-стоямъ.— вотъ ихъ неподвижная идея, отравляющая надежды! А сверхъ того у нихъ и теперь уже все разгораются и между собою національныя соперничества: начали они чуть лишь просіялъ для нихъ первый лучъ свѣта. Столь недавняя у нихъ Греко-Болгарская Церковная распря, подъ видомъ церковной, была, конечно, лишь на-вѣною, а для будущаго какъ-бы вѣкимъ пророчествомъ. вскій патріархъ, порицая послушаніе болгаръ и отлучая самовольно избраннаго ими эвзарха отъ Церкви, вы-шелъ на видъ, что въ дѣлѣ вѣры нельзя жертвовать уста- Церкви и послушаніемъ церковнымъ «новому и пагубному яву національности». Между тѣмъ самъ-же онъ, будучи изъ и произнося это отлученіе Болгарамъ, и безъ сомнѣнія глъ тому-же самому принципу національности, но только лзу грековъ противъ славянъ. Однимъ словомъ, можно съ вѣроятностью предсказать, что умри «больной чело-вѣкъ» у нихъ у всѣхъ тотчасъ-же начнутся между собою ія и распря на первый случай именно характера церков-в который нанесутъ несомнѣнный вредъ даже и самой ; нанесутъ даже и въ томъ случаѣ, еслибъ та совершенно шлась или была устранена обстоятельствами отъ участія шевин Восточнаго вопроса. Мало того, смуты эти, можетъ отявуются даже еще тяжелѣе для Россіи, если она устра-себя отъ дѣятельнаго и первенствующаго участія въ судь-Востока. А тутъ вдругъ кричатъ —(и не только въ Ев-во и у насъ многіе высшіе политическіе наши умы)—что зъ умереть Туркамъ какъ государству, то Константинополь въ возродиться не иначе какъ городомъ «международ-», т. е. какимъ-то срединнымъ, общимъ, вольнымъ, чтобы но изъ за-него споровъ. Ошибочнѣе мысли нельзя было и сть.

И во первыхъ уже по тому одному, что табой великолочкѣ земнаго шара просто не дадутъ стать международной ничьей; непремѣнно и сейчасъ-же явятся хоть-бы Англич своимъ флотомъ, въ качествѣ друзей, и именно охранять регать эту самую «международность», а въ сущности чтобъ дѣть Константинополемъ въ свою пользу. А ужь гдѣ осялятся, оттуда ихъ трудно выжить, народъ цѣпкій. Мало Греки, Славяне и мусульмане Царьграда призовутъ ихъ ухвагаться за нихъ обѣими руками и не выпустятъ ихъ отъ а причина тому—все таже Россія: «защитятъ, дескать, они отъ Россіи, нашей освободительницы». И добро-бы они и дѣли и не понимали что такое для нихъ Англичане, да и в вся Европа? О, они и *теперь* знаютъ лучше всѣхъ, что чанамъ (да и никому въ Европѣ кромѣ Россіи) до ихъ сч то есть до счастья всей христіанской райи, нѣтъ ровно кого дѣла. Вся эта райя знаетъ отлично, что еслибъ воз было повторить Болгарскіе лѣтніе ужасы (а это, кажется, возможно) какъ-нибудь неслышно и втихомолку, то въ Англичане первые пожелаали-бы повторенія этихъ убійствъ разъ десять—и не изъ кровожадности, вовсе нѣтъ: тамъ роды гуманные и просвѣщенные, а потому что такія убі повторенныя десять разъ, истребили-бы окончательно рай тресли-бы до того, что уже некому было-бы на Балкан полуостровѣ дѣлать противъ турокъ возстанія,—а въ это и вся главная суть: остались-бы одни милые турки и ту бумаги повысились-бы разомъ на всѣхъ европейскихъ бир а Россіи «съ ся честолюбіемъ и завоевательными планами шлось-бы откочевать поглубже восвоеси за немѣнѣемъ ко щипать. Райя слишкомъ хорошо знаетъ, что только чувствъ опа и можетъ ожидать теперь отъ Европы. Но сс другое дѣло явилось-бы мигомъ на свѣтѣ, еслибъ какимъ-и образомъ, самъ собою или отъ меча Россіи, умеръ-бы на «больной человекъ». Тотчасъ-же вся Европа возгорѣлась обновленнымъ народамъ нѣжнѣйшею любовью и тотчасъ-ж еплась-бы «спасать ихъ отъ Россіи». Надо думать, что в «международности» Европа первая и внесетъ въ ихъ устройство. Европа пойметъ, что надъ трупомъ «больна ловѣка» у освобожденныхъ народовъ немедленно возг смута, распря и соперничество, а ей это и на руку: пр вмѣшательства, главное, предлогъ возбудить ихъ противъ сн. которая навѣрно не захочетъ имъ дать ссориться

ица. Божьяго наказания. И не будетъ такой клеветы, ко-
гда же пускаемъ въ ходъ прогавъ насъ Карона. «Нѣ-за-
къ-то мы намъ и противъ турокъ не помогали», скажутъ
нѣ. англичана. Увы, народы Востока и теперь это пони-
маютъ, и знаютъ, что «Англія никогда не приметъ уча-
стия въ освобожденіи и никогда не дастъ на это своего
вѣ. еслибы оно считалось нужнымъ, потому что она непа-
сетъ христіанъ за ихъ духовную связь съ Россіей,
хотѣла, чтобъ Восточные христіане возобновили насъ
ица той невинности, какою она сама итаетъ въ намъ»...
«Видности» №. 63). Вотъ что знаютъ и покажутся
намъ про себя эти народы и вотъ что они ужь и те-
перь, поставили на будущій счетъ Россіи. А мы-то ду-
маемъ, они насъ обожаютъ.

международномъ городѣ, мимо покровителей англичанъ,
и будутъ хозяевами Греки—исковные хозяева города.
Узнать, что греки смотрятъ на славянъ еще съ большимъ
вѣсть, чѣмъ нѣмцы. Но такъ какъ славяне будутъ и страшны
ица, то презрѣніе смѣнится ожесточеніемъ. Воевать между
объявлять другъ другу войну, они, конечно, не смогутъ,
что ихъ все-же не допустить до того покровители, но
и нѣтъ, въ смыслъ серьезномъ. Ну, вотъ именно за невоз-
можностью открытой и откровенной драки, у нихъ и пойдутъ
другія распри и прежде всего примутъ характеръ цер-
квѣ смуть. Съ того и начинается, потому что это всего спод-
ру; и вотъ это я и хотѣлъ указать.

потому такъ говорю, что ужь программа была дана: бол-
ше. Константинополь. Съ этой точки греки сильны и они по-
тъ это. А между тѣмъ ничего страшнѣе въ грядущемъ не
и бытъ для всего Востока, а вмѣстѣ и для Россіи, какъ
ица подобная церковная распри, которая, увы, такъ воз-
и устранись хоть на мигъ Россія съ своими покровитель-
и съ строгимъ надъ ними надзоромъ. Хоть это и всего
будущее, и даже лишь гаданія, но непростительно было-
пустить это насъ виду даже хотя-бы только какъ гаданіе.
ица дѣлѣ, неужели ужь и намъ желать продолженія вла-
и турокъ и здоровья «больному человѣку»? Неужели и
идти до того? Неужели не ясно, что умри этомъ больной
ица, а, главное, отстранись Россія хоть на половину отъ
ица пельнаго и первенствующаго вліянія на судьбы Востока,
и она эту уступку Европѣ, и—болѣе чѣмъ вѣроятно, что

на Балканскомъ полуостровѣ пошатнется церковное единство, а, можетъ быть, и еще далѣе на Востокъ. И такъ можно сказать: будутъ эти распри или нѣтъ, но больной человѣкъ, то весьма вѣроятно, что, можетъ быть, не обойдется, во всякомъ случаѣ, безъ великаго церковнаго собора, для уложенія дѣлъ вновь возрождающейся церкви. Почему это не предвидѣть заранѣе? Въ эти четыре вѣка гонимыя предстоятели Восточной Церкви всегда слушались отъ Россіи; но освободись они завтра отъ турецкаго гнета, окажи имъ къ тому-же покровительство Европа,—они тотчасъ же заявятъ себя въ другихъ отношеніяхъ къ Россіи. Предстоятели Восточной церкви, то есть главное греки, чуть лишь Россия взяла-бы сторону славянъ, тотчасъ-же, можетъ быть, пожелаютъ ей заявить, что въ ней и въ совѣтахъ ея они болѣе совѣтъ не нуждаются. Именно потому поспѣшатъ заявить, что чуть-ли вѣка смотрѣли на нее сложа въ мольбѣ руки. А положеніе России будетъ почти всѣхъ труднѣе. Тѣже болгаре тотчасъ-же заявятъ, что въ Константинополѣ воцарился новый Восточный Рим—кто знаетъ, можетъ быть, правы будутъ. Международная политика Константинополя дѣйствительно можетъ послужить, хоть на время, подножіемъ новаго папы. Тогда Россіи стать за грековъ будетъ значить потерять славянъ, а стать за славянъ, въ этой борьбе и столь вѣроятной между ними распрѣ, значить нанести себѣ, можетъ быть, пренепріятныя и пресерьезныя церковныя хлопоты. Ясно, что все это можетъ быть избѣгнуто лишь за временную стойкость Россіи въ Восточномъ вопросѣ и за уклоннымъ слѣдованіемъ все тѣмъ-же великимъ преданіямъ нашей древней вѣковой русской политики. Никакой Европѣ должны мы уступать ничего въ этомъ дѣлѣ ни для какихъ соображеній, потому что дѣло это наша жизнь и смерть. Константинополь долженъ быть нашъ, рано-ли поздно-ли, хотя именно во избѣжаніе тяжелыхъ и непріятныхъ церковныхъ смутъ, которыя столь легко могутъ возродиться между молодыми и жившими народами Востока и которымъ примѣръ уже былъ споръ болгаръ и вселенскаго патріарха, весьма плохо окончившемся. Разъ мы завладѣемъ Константинополемъ и ничего этого не можетъ произойти. Народы Запада, столь ревниво слѣдя за каждымъ шагомъ Россіи, еще не знаютъ и не подозреваютъ въ настоящую минуту всѣхъ этихъ новыхъ, еще мечтательныхъ, но слишкомъ возможныхъ будущихъ комбинацій. Еслибъ и узнали ихъ теперь, то не поняли-бы ихъ и не придали-бы имъ особаго

ности. За то слишкомъ поймутъ и придадутъ важности тогда будетъ уже поздно. Русскій народъ, понимающій этотъ вопросъ не иначе какъ въ освобожденіи всего православнаго христіанства и въ великомъ будущемъ единеніи, если увидитъ, напротивъ, новыя смуты и новый разладъ, будетъ слишкомъ потрясенъ и, можетъ быть, глубоко пораженъ и на немъ, и на всемъ бытъ его всякій новый исходъ особенно если оно въ концѣ концовъ получитъ характеръ чисто по преимуществу. Вотъ по этому одному мы ни за какія не можемъ оставлять, или ослаблять степень нашего участія въ этомъ великомъ вопросѣ. Не одинъ великолѣпный портъ, не одна только дорога въ моря и океаны связываютъ Россію столь тѣсно съ рѣшеніемъ судеб Востока, и даже не объединеніе и возрожденіе славаго Востока наша задача, безмѣрно глубже. Мы, Россія, дѣйствительно необходимы и неименуемы и для всего Восточнаго Востока, и для всей судьбы будущаго Православія на землѣ, и для всего Востока. Такъ всегда понимала это нашъ народъ и мы его... Однимъ словомъ, этотъ страшный Восточный вопросъ — это чуть не вся судьба наша въ будущемъ. Въ немъ мы видимъ какъ-бы всѣ наши задачи и, главное, единственное решение наше въ полноту исторіи. Въ немъ и окончательное решение наше съ Европой, и окончательное единеніе Востока и Европы, но уже на новыхъ, могучихъ, плодотворныхъ началахъ, на понятъ теперь Европѣ всю ту роковую жизненную задачу, которую мы сами въ рѣшеніи этого вопроса! Однимъ словомъ-бы ни кончались теперешнія, столь необходимыя, дипломатическія соглашенія и переговоры въ Европѣ, но рано-ли, поздно-ли, а *Константинополь долженъ быть освобожденъ*, и хотя-бы лишь въ будущемъ только столѣтіи! Это решение надо всегда имѣть въ виду, всѣмъ неуклонно. Вотъ что хотѣлось заявить, особенно въ настоящій европейскій кризисъ.

Глава вторая.

I.

«Еврейскій вопросъ».

«Не думайте, что я дѣйствительно заговариваю поднять «еврейскій вопросъ!» Я написалъ это заглавіе въ шутку. Поднять

народа. Въ это названіе вы заключаете и ту почтенную цифру еврейскихъ получившихъ высшее образованіе, отличающихся на всѣхъ поприщахъ государственной жизни, берите хоть

(Тутъ опять нѣсколько именъ, которыхъ я, кромѣ Гольдштейнова, считаю не въ правѣ напечатать, потому что нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, непріятно будетъ прочесть, что происходитъ изъ евреевъ).

Гольдштейна (геройски умершаго въ Сербіи за славянскую и русскую и работающихъ на пользу общества и человѣчества? Ваша ненависть къ «жиду» простирается даже на Дизраэли, который, вѣроятно, не знаетъ, что его предки были когда-то испанскими евреями, а Дизраэли, который ужь, конечно, не руководитъ англійской консервативной политикой съ точки зрѣнія «жида» (?)..

Нѣтъ, къ сожалѣнію, вы не знаете ни еврейскаго народа, ни его жизни, ни его духа, ни его сорокавѣковой исторіи, наконецъ къ сожалѣнію потому, что вы, во всякомъ случаѣ, человекъ искрѣпно абсолютно честный, а наносите безсознательно вредъ громадной массѣ нищенствующаго народа,—сильные-же «жиды», принимая силы мира сего въ своихъ салонахъ, конечно не боятся ни печати, ни безсильнаго гнѣва эксплуатируемыхъ. Но довольно объ этомъ и такъ! Врядъ-ли я васъ убѣжду въ моемъ взглядѣ,—но мнѣ чрезвычайно было-бы, чтобы вы убѣдили меня.

Вотъ этотъ отрывокъ. Прежде чѣмъ отвѣчу что-нибудь (я не хочу нести на себѣ такое тяжелое обвиненіе)—обращу ваше вниманіе на ярость нападенія и на степень обидчивости. Полностью у меня, во весь годъ изданія «Дневника» не было ни одной изъ этихъ размѣровъ статьи противъ «жида», которая-бы могла вызвать такой силы нападеніе. Во вторыхъ, нельзя не замѣтить, что почтенный корреспондентъ, коснувшись въ этихъ немногихъ словахъ своихъ и до русскаго народа, не утерпѣлъ и не выдержалъ и отнесся къ бѣдному русскому народу нѣсколько слишкомъ высоко. Правда, въ Россіи и отъ русскихъ-то не осталось еще одного не проплеваннаго мѣста (словечко Щедрина), а еврею тѣмъ «простительнѣе». Но во всякомъ случаѣ ожесточеніе это свидетельствуетъ ярко о томъ, какъ сами евреи смотрятъ на русскій народъ. Писалъ это дѣйствительно человекъ образованный и талантливый (не думаю только чтобъ безъ предразсудковъ); чего-же ждали послѣ того, отъ необразованнаго еврея, которыхъ такъ много, какихъ чувствъ къ русскому? И не въ обвиненіе это говорю: это естественно; я только хочу указать, что въ мотивахъ нападенія и разъединенія съ евреями виновенъ, можетъ быть, и не одинъ еврейскій народъ, и что скопился эти мотивы, конечно, съ обѣихъ сторонъ, и еще неизвѣстно на какой сторонѣ въ болѣе

Видно, что, несмотря на сколько словъ въ мое оправданіе
она жаль и смотрю на это дѣло. И хоть вопросъ этотъ,
какой, нѣтъ и не по силамъ, но что-же нибудь видъ и я могу
сказать.

Н.

Рге и центра.

Видно, очень трудно узнать сорокавѣковую исторію та-
кого, какъ: еврей, но въ первый случай я ужъ то одно
что нибудь нѣтъ въ цѣломъ мірѣ другого народа, который
идею жалеющая на судьбу свою, поминутно, за каждымъ
своимъ закономъ своимъ, на свое приращеніе, на свое стра-
на свое мученичество. Подумаешь, не они царятъ въ Европѣ,
управляютъ тамъ биржами хотя-бы только, а, стало быть, по-
и, внутренними дѣлами, нравственностью государствъ. Пусть
однимъ Гольдштейнъ умираетъ за славянскую идею. Но все-
не будь такъ сильна еврейская идея въ мірѣ, и, можетъ
потъ-же самый «славянской» (прошлогодній) вопросъ давно-
же рѣшенъ былъ въ пользу славянъ, а не турокъ. Я го-
ворю, что лордъ Биконсфильдъ самъ, можетъ быть, за-
в своемъ происхожденіи, когда-то, отъ испанскихъ жидовъ;
но однако не забыть); но что онъ «руководилъ англійской
мативной политикой» за послѣдній годъ *отчасти* съ точки
и жиды, въ этомъ, по моему, нельзя сомнѣваться. «Отчасти-
нѣ нельзя не допустить.

Пусть все это, съ моей стороны, голословіе, легкій тонъ
и слова. Уступаю. Но все-таки не могу вполне повѣрить
въ евреевъ, что ужъ такъ они забыты, замучены и прини-
жены. На мой взглядъ, русскій мужикъ, да и вообще русскій
мудакъ, несетъ тягостей чуть-ли не больше еврея. Мой
корреспондентъ пишетъ мнѣ въ другомъ уже письмѣ:

Прежде всего необходимо предоставить имъ (евреямъ) всѣ
чужія права (подумайте, что они лишены до сихъ поръ
и кореннаго права: свободнаго выбора мѣстожительства, изъ
вытекаетъ множество страшныхъ стѣсненій для всей еврей-
массы), какъ и всѣмъ другимъ чужимъ народностямъ въ
Европѣ, а потомъ уже требовать отъ нихъ исполненія своихъ обя-
зательствъ къ государству и къ коренному населенію».

Подумайте и вы, г. корреспондентъ, который сами пишете

миѣ, въ томъ-же письмѣ, на другой страницѣ, что вы примѣръ больше любите и жалѣете трудящуюся массу русскаго народа, чѣмъ еврейскую»--(что уже слишкомъ для еврея сказано)—подумайте только о томъ, что когда еврей «въ свободномъ выборѣ мѣстожителъства, тогда двадцать три миліона «русской трудящейся массы» терпѣли отъ крѣпостнаго состоянія, что ужь, конечно, было потяжелѣе «выбора мѣстожителъства». И что-же, пожалѣли ихъ тогда евреи? Не думаю: падной окраинѣ Россіи и на Югѣ вамъ на это отвѣтятъ только. Нѣтъ, они и тогда точно также кричали о правахъ чужаковъ, которыхъ не имѣлъ самъ русскій народъ, кричали и жаловались, что они забиты и мученики, и что когда имъ дадутъ права, «тогда и спрашивайте съ насъ исполненія обязанностей къ государству и коренному населенію». Но вотъ пришелъ освободитель и освободилъ коренной народъ и что-же, кто же бросился на него, какъ на жертву, кто воспользовался роками преимущественно, кто опледелъ его вѣковѣчнымъ золотымъ мыслемъ, кто тотчасъ-же замѣстилъ гдѣ только и поспѣлъ упраздненныхъ помѣщиковъ, съ тою разницею, что помѣщики хоть и сильно эксплуатировали людей, но все-таки старались не разорять своихъ крестьянъ, пожалуй, для себя, чтобъ не истощить рабочей силы, а еврей до истощенія рабочей силы дѣла нѣтъ, взялъ свое и ушелъ. Я знаю, что евреи, это. тотчасъ-же закричатъ, что это не правда, что это не такъ, что я лгу, что я потому вѣрю во все эти глупости, что я знаю сорокавѣковой исторіи» этихъ чистыхъ ангеловъ, которые несравненно «нравственно чище не только другихъ народовъ, но и обоготворяемаго мною русскаго народа» (по словамъ корреспондента, см. выше). Но пусть, пусть они нравственно чище всѣхъ народовъ въ мірѣ, а русскаго ужь разумеется, а въ тѣмъ я только что прочелъ въ мартовской книжкѣ «Вѣстникъ Европы» извѣстіе о томъ, что евреи въ Америкѣ, въ Южныхъ Штатахъ, уже набросились всей массой на многомилліонную массу освобожденныхъ негровъ и уже прибрали ее къ своему, извѣстному и вѣковѣчному своему «золотому мыслемъ», и пользуясь неопытностью и пороками эксплуататора племени. Представьте-же себѣ, когда я прочелъ это, тотчасъ-же вспомнилось, что мнѣ еще пять лѣтъ тому ходило это самое на умъ, именно то, что вотъ вѣдь негровъ-рабовладѣльцевъ теперь освобождены, а вѣдь имъ не удалось потому, что на эту свѣжую жертвочку какъ разъ набр

Материалъ сталъ много изъ сайтѣ. Подумалъ я это и, улыбаясь, съсильно разъ негодъ въ этотъ срокъ изъ западныхъ: «да что-же тамъ ничего объ еврейскъ не слышно, а обстоитъ не ничуть, вѣдь эти негры еврейскъ, владѣ, не пропустятъ?» И вотъ дождался, написана въ газетахъ, на 4-й день десять тому назадъ прочелъ въ «Новомъ Вѣстникѣ» корреспонденцію изъ Ковно, прекарактернѣйшую; да, да того набросилась тамъ еврей на мѣстное литовское мѣ, что чуть не стубила всѣхъ водной и только всенды вѣдывалъ опившихся, угрожалъ имъ муками ада и устремленію жини общества тревоги. Просвѣщенный корреспондентъ, правда, слагано проситъ за свое населенію, да слухъ возъ изъ въ посадковъ и въ муки ада, но онъ сообщаетъ при этомъ подивилась вѣдѣ за всендыми и просвѣщенные мѣстныя школы, началъ устраивать сельскіе банки, именно чтобы народъ отъ процентщина еврея, и сельскіе рынки, чтобы было «бѣдной трудящейся массѣ» получать предметы потребности по настоящей цѣнѣ, а не по той, которую наль еврей. Ну, вотъ я это все прочелъ и знаю, что мнѣ въ мигъ закричать, что все это ничего не доказываетъ, но отъ того, что еврей сами угнетены, сами бѣдны, и что то лишь «борьба за существованію», что только глупецъ мѣ этого не можетъ, и не будь еврей такъ сами бѣдны, ретивъ, разбогатѣи они, то мигомъ показали-бы себя съ сальной стороны, такъ что мѣр-бы весь удивили. Но вѣдь, ю, всѣ эти негры и литовцы еще бѣднѣе евреевъ, выжили изъ нихъ сова, а вѣдь тѣ (прочтите-ка корреспонденция такую торговлей, на которую такъ падохъ еврей; рыхъ, не трудно быть гуманнымъ и нравственнымъ, когда живно и весело, а чуть «борьба за существованію», такъ подходи ко мнѣ близко. Не совѣмъ ужъ это, по моему, ангельская черта. А въ третьихъ, вѣдь и я, конечно, не знаю эти два извѣстія изъ «Вѣстника Европы» и «Новаго мѣ», за какіе ужъ капитальные и всерѣшающіе факты. Если писать исторію этого всемірнаго племени, то можно тотъ же найти сто тысячъ такихъ-же и еще крупнѣйшихъ фактовъ что одинъ или два факта лишнихъ ничего особеннаго прибавятъ, но вѣдь что при этомъ любопытно. Любопытно, что чуть лишь вамъ—въ спорѣ-ли, или просто въ собственнаго раздумья. — чуть лишь вамъ понадобится въ еврей и дѣлахъ его,—то не ходите въ бібліотеки

III.

Status in statu. Сорокъ вѣковъ бытія.

Ненависть, да еще отъ предразсудковъ—вотъ въ чья вина вѣнчаютъ еврей коренное населеніе. Но если ужъ зашла въ предразсудкахъ, то какъ вы думаете: еврей менѣе цѣнитъ предразсудковъ къ русскому, чѣмъ русскій къ еврею? Не по ли? Вотъ я вамъ представлялъ примѣры того, какъ отъ русское простолюдые къ еврею; а у меня передъ глазами евреевъ, да не изъ простолюдыя, а образованныхъ евреевъ сколько ненависти въ этихъ письмахъ къ «коренному народу?» А главное,—пишутъ, да и не примѣчаютъ этого.

Видите-ли, чтобъ существовать сорокъ вѣковъ на землѣ во весь почти историческій періодъ человѣчества, да еще комъ плотномъ и нерушимомъ единеніи; чтобы терять разъ свою территорію, свою политическую независимость, почти даже вѣру, — терять и всякій разъ опять соединяться, опять возрождаться *въ прежней идее*, хоть и въ другомъ мѣстѣ, опять создавать себѣ и законы и почти вѣру—нѣтъ, та вѣрный народъ, такой необыкновенно сильный и энергичный народъ, такой безпримѣрный въ мірѣ народъ, не могъ существовать безъ status in statu, который онъ сохранялъ всегда и въ время самыхъ страшныхъ, тысячелѣтнихъ разсѣяній и разрывовъ своихъ. Говоря про status in statu, я вовсе не обвиненіи нибудъ хочу возвести. Но въ чемъ однако заключается status in statu, въ чемъ вѣковѣчно-неизмѣнная идея его, и въ чемъ суть этой идеи?

Излагать это было-бы долго, да и невозможно въ какой-нибудь одной статьѣ, да и не возможно еще и по той же причине не настали еще *всѣ времена и сроки*, не смотря на то, что сорокъ вѣковъ, и окончательное слово человѣчества обрѣтено въ великомъ племени еще впереди. Но не внивая въ суть и въ объектъ предмета, можно изобразить хотя нѣкоторые признаки status in statu, по крайней мѣрѣ, хоть наружно. Признакъ отчужденности и отчуждимости на степени религіознаго неслиянности, вѣра въ то, что существуетъ въ мірѣ личная народная личность — еврей, а другія хоть есть, но все надо считать, что какъ-бы ихъ и не существовало. «Въ мірѣ народовъ и составъ свою особь и знай, что съ сихъ и

другими русскими инородцами, а причина тому, конечно, в *status in statu* его, духъ котораго дышетъ именно этой безжалостностью ко всему, что не есть еврей, къ этому неуваженію ко всякому народу и племени и ко всякому человѣческому достоинству, кто не есть еврей. И что въ томъ за оправданіе, вотъ на Западѣ Европы не дали одолѣть себя народы, и стало быть, русскій народъ самъ виноватъ? Потому что русскій народъ въ окраинахъ Россіи оказался слабѣе европейскихъ народовъ (и единственно вслѣдствіе жестокихъ вѣковыхъ политическихъ своихъ обстоятельствъ) потому только и задавленъ окончательно эксплуатаціей, а не помочь ему?

Если-же и указываютъ на Европу, на Францію, например, то врядъ-ли и тамъ такъ безвреденъ былъ *status in statu*. Конечно, христіанство и идея его тамъ пали и падаютъ не по вине еврея, а по своей винѣ, тѣмъ не менѣе нельзя не указать Европѣ на сильное торжество еврейства, замѣнившаго и прежнія идеи своими. О, конечно, человѣкъ всегда и во все времена боготворилъ матерьялизмъ и наклоненъ былъ видѣть свободу лишь въ обезпеченіи себя накопленными всѣхъ силъ и запасенными всѣми средствами деньгами. Но когда эти стремленія не возводились такъ откровенно и поучительно въ высшій принципъ, какъ въ нашемъ девятнадцатомъ вѣкѣ. «Всякъ за себя и только за себя и всякое отношеніе между людьми единственно для себя»,—вотъ нравственный принципъ большинства теперешнихъ людей *), и даже не въ пользу богатыхъ людей, а, напротивъ, трудящихся; не убивающихъ, не поругающихъ. А безжалостность къ низшимъ массамъ, а не къ богатымъ, а эксплуатація богатаго бѣднымъ,—о, конечно, это было и прежде и всегда, но—но не возводилось-же на степень высшей правды и науки, но осуждалось-же христіанствомъ, а теперь, напротивъ, возводится въ добродѣтель. Стало быть, въ Европѣ-же все-таки, царятъ тамъ повсемѣстно евреи на биржѣ, не даромъ они движутъ капиталами, не даромъ-же они владѣтели кредита и не даромъ, повторю это, они-же властители всей международной политики, и что будетъ дальше—войны и самимъ евреямъ: близится ихъ царство, полное ихъ царство. Наступаетъ вполне торжество идей, передъ которыми никто

*) Основная идея буржуазіи, замѣстившей собою въ концѣ девятнадцатаго столѣтія прежній міровой строй, и ставшая главной идеей нынѣшняго столѣтія во всемъ европейскомъ мірѣ.

человѣколюбія, жажда правды, чувства христіанскія, на-
ши и даже народной гордости европейскихъ народовъ.
Тѣ, напротивъ, матеріализмъ, слѣпая, плотоядная жажда
матеріальнаго обезпеченія, жажда личнаго накопленія
своими средствами — вотъ все что признано за высшую
разумное, за свободу, вмѣсто христіанской идеи спасенія
человѣкомъ тѣснѣйшаго нравственнаго и братскаго ед-
иной. Засмѣются и скажутъ, что это тамъ вовсе не отъ
Еврейства, не отъ однихъ евреевъ, но если евреи окон-
чательно восторжествовали и процвѣли въ Европѣ именно тогда,
когда восторжествовали эти новыя начала даже до степени
и ихъ въ нравственный принципъ, то нельзя не заклю-
чить, что евреи приложили тутъ своего вліянія. Наши опоненты
скажутъ, что евреи, напротивъ, бѣдны, повсемѣстно даже
въ Россіи особенно, что только самая верхушка евреевъ
банкиры и цари биржъ, а изъ остальныхъ евреевъ чуть-
лишь десятыхъ ихъ — буквально нищіе, мечутся изъ-за
хлѣба, предлагаютъ куртажъ, ищутъ гдѣ-бы урвать ко-
пейку. Да, это, кажется, правда, но что-же это обозна-
чаетъ — значитъ-ли это именно, что въ самомъ трудѣ евреевъ
большаго большинства ихъ, по крайней мѣрѣ, въ самой
сущности ихъ заключается нѣчто неправильное, ненормаль-
ное, неестественное, несущее само въ себѣ свою кару.
Предлагаетъ посредничество, торгуетъ чужимъ трудомъ.
Есть накопленный трудъ; еврей любитъ торговать чу-
ждомъ! Но все-же это пока ничего не измѣняетъ: зато
еврей восторжествовалъ надъ челоуѣчествомъ все сильнѣе
и стремится дать міру свой обликъ и свою суть. Еврей
знаетъ, что есть-же и между ними хорошіе люди. О, Боже!
въ этомъ дѣло? Да и вовсе мы не о хорошихъ или
плохихъ людяхъ теперь говоримъ. И развѣ между тѣми нѣтъ
хорошихъ людей? Развѣ покойный парижскій Джеймсъ Рот-
шильдъ дурной человѣкъ? Мы говоримъ о цѣломъ и объ
идеѣ, мы говоримъ о *осидовствѣ* и объ *идеѣ жидовской*,
идеѣ, которая вѣетъ по всему міру, вмѣсто «неудавшагося» христіанства...

IV.

Но да здравствуетъ братство!

то-же я говорю и зачѣмъ? Или и я врагъ евреевъ? Не-
рѣдко, какъ пишетъ мнѣ одна, безо всякаго для меня

сомнѣнія (что уже видно по письму ея и по искреннимъ, гласнымъ чувствамъ письма этого) благороднѣйшая и образованнѣйшая еврейская дѣвушка,—неужели и я, по словамъ ея, врагъ и «несчастнаго» племени, на которое я «при всякомъ удобномъ случаѣ будто-бы такъ жестоко нападаю». «Ваше презрѣніе къ жидовскому племени, которое «ни о чемъ кромѣ себя не думаетъ и т. д. и т. д. очевидно».—Нѣтъ, противъ этой очевидности возстану, да и самый фактъ оспариваю. Напротивъ, я именно верю и пишу, что «все, что требуетъ гуманность и справедливость, все, что требуетъ человѣчность и христіанскій законъ, все это должно быть сдѣлано для евреевъ». Я написалъ эти слова выше, но теперь я еще прибавлю къ нимъ, что, не смотря на всѣ соображенія, уже мною выставленныя, я окончательно и окончательно-же за совершенное расширеніе правъ евреевъ въ формѣ законотворчества и, если возможно только, и за полное равенство правъ съ кореннымъ населеніемъ (NB, хотя бы, въ иныхъ случаяхъ, они имѣютъ уже и теперь больше правъ, или, лучше сказать, *возможности ими пользоваться чѣмъ само коренное населеніе*). Конечно, мнѣ приходитъ тутъ на умъ, напримѣръ, такая фантазія. Ну, что если пошатнется какимъ нибудь образомъ и отъ чего нибудь наша сельская община, ограждающая нашего бѣднаго коренника-мужика отъ столичныхъ золъ, — ну, что если тутъ-же, въ этому освобожденному мужику, столь неопытному, столь не умѣющему сдержаться отъ соблазна и котораго именно опекала доселѣ община, — хлынетъ всѣмъ кагаломъ еврей—да, что тутъ тутъ мигомъ и конецъ его: все имущество его, вся сила его перейдетъ на завтра же во власть еврея и наступитъ такая пора, съ которой не только не могла-бы сравняться пора крѣпостничества, но даже и община.

Но не смотря на всѣ «фантазіи» и на все, что я написалъ выше, и все-таки стою за полное и окончательное равенство правъ—потому что это Христовъ законъ, потому что это христіанскіе принципы. Но если такъ, то для чего-же я исписалъ эти фантазіи, и что хотѣлъ выразить, если такъ противъ воли именно то, что я не противурѣчу себѣ и чуждымъ коренной стороны нѣтъ и не вижу препятствій къ расширенію еврейскихъ правъ, но утверждаю за то, что при существующемъ положеніи вещей со стороны евреевъ несравненно больше правъ, чѣмъ у насъ, и что если до сихъ поръ не сделано ничего—только-бы всѣмъ сердцемъ, то русскій членъ

въ этомъ виновенъ несравненно менѣе, чѣмъ самъ еврей. Но тому, какъ я выставялъ еврея простолюдина, который не хотѣлъ сообщаться и вѣсть съ русскими, а тѣ не только не извинились и не мстили ему за это, а, напротивъ, разомъ осмыслили и извинили его, говоря: «это онъ потому что у него вѣра — подобно тому, т. е. этому еврею простолюдину, мы и интеллигентномъ еврей видимъ весьма часто такое-же безнравственно-высокомѣрное предубѣжденіе противъ русскаго. О, они кричатъ что они любятъ русскій народъ; одинъ такъ даже писалъ что онъ именно скорбитъ о томъ, что русскій народъ не понимаетъ религіи и ничего не понимаетъ въ своемъ христіанствѣ. Все слишкомъ сильно сказано для еврея и рождается лишь изъ предубѣжденія: понимаетъ-ли что въ христіанствѣ самъ-то этотъ выказанный еврей? Но самомнѣніе и высокомеріе есть одно изъ самыхъ тяжелыхъ для насъ, русскихъ, свойствъ еврейскаго племени. Кто изъ насъ, русскій или еврей, болѣе способенъ любить другъ друга? Клянусь, я оправдаю скорѣе русскаго: у него, по крайней мѣрѣ, нѣтъ (положительно нѣтъ!) религиозной ненависти къ еврею. А остальныхъ предубѣжденій гдѣ, у больше? Вонъ евреи кричатъ, что они были столько угнетены и гонимы, угнетены и гонимы и теперь и что по крайней мѣрѣ, надобно взять въ расчетъ русскому при разсужденіи о еврейскомъ характерѣ. Хорошо, мы и беремъ въ расчетъ и докажемъ это можемъ: въ интеллигентномъ словѣ русскаго мы не разъ уже раздавались голоса за евреевъ. Ну, а евреи: взяли-ли и берутъ-ли они въ расчетъ, жалуясь и обвиняя русскій народъ, столько вѣковъ угнетеній и гоненій, которыя перенесъ русскій народъ? Неужто можно утверждать, что народъ выигралъ вѣньше бѣды и золь «въ свою исторію», чѣмъ еврей гдѣ-бы и было? И неужто можно утверждать, что не еврей, весьма часто соединялся съ его гонителями, бралъ у нихъ на откупъ свой народъ и самъ обращался въ его гонителя? Вѣдь это все уже существовало, вѣдь это исторія, историческій фактъ, но гдѣ не слыхали, чтобъ еврейскій народъ въ этомъ разсужденіи, а русскій народъ онъ все таки обвиняетъ за то, что мало любитъ его.

Но буди! буди!» Да будетъ полное и духовное единеніе племенъ и никакой разницы правъ! А для этого я прежде всего прошу моихъ опонентовъ и корреспондентовъ евреевъ быть, наравнѣ, къ намъ, русскимъ, снисходительнѣе и справедливѣе. Высокомѣріе ихъ, если всегдашняя «скорбная брезгливость»

главъ о евреяхъ. Было-бы слишкомъ много все на одну и ту же тему. Но тутъ не на ту тему; а если отчасти и на ту, то представляется какъ-бы совѣтъ другая, именно противоположная сторона вопроса, а при этомъ и какъ-бы даже намекъ на разрешение его. Пусть извинитъ меня великодушно г-жа Л., что позволяю себѣ передать здѣсь ая словами всю ту часть письма о похоронахъ доктора Гинденбурга въ М., подъ первымъ впечатлѣніемъ которыхъ она и написала эти столь жекренныя и трагическія въ правдѣ своей строки. Не хотѣлось мнѣ тоже утаивать что писано это еврейкой, что чувства эти — чувства еврейки...

Это я пишу подъ свидѣніемъ впечатлѣніемъ похороннаго, на которомъ хоронили доктора Гинденбурга 84-хъ лѣтъ отъ рѣку. Какъ протеставъ его сначала отвезли въ кирку, а уже затѣмъ на кладбище. Такихъ сочувствій, такихъ отъ души вырвавшихся словъ, такихъ горячихъ слезъ я еще никогда не видѣла при похоронахъ... Онъ умеръ въ крайней бѣдности, что не на что было похоронить его.

Уже 58 лѣтъ какъ онъ практикуетъ въ М., и сколько добра сдѣлалъ за это время. Если-бы вы знали, Федоръ Михайловичъ, что это былъ за человекъ! Онъ былъ докторъ и акушеръ; его имя перейдетъ здѣсь въ потомство, о немъ уже сложились легенды, и простой народъ звалъ его отцомъ, любилъ, обожалъ и только съ его смертью понялъ, что онъ потерялъ въ этомъ человекъ. Когда онъ еще стоялъ въ гробу (въ церкви), то не было, кажется, ни одного человека, который бы не пошелъ плакать надъ нимъ и цѣловать его ноги, въ особенности бѣдныхъ еврейки, которымъ онъ такъ много помогалъ, плакалъ и молился, чтобъ онъ попалъ прямо въ рай. Сегодня пришла бывшая наша кухарка, ужасно бѣдная женщина и говоритъ, что при рожденіи послѣдняго ея ребенка, онъ видя, что ничего дома нѣтъ, далъ 30 к. чтобъ сварить супъ, а затѣмъ каждый день приходилъ и оставлялъ 20 к., а видя, что она поправляется, прислалъ пару куронатовъ. Также будучи позванъ къ одной страшной бѣдной родильницѣ (такія къ нему обращались) онъ, видя, что во что принять ребенка, снялъ съ себя верхнюю рубашку и платокъ свой (голова у него была повязана платкомъ) разорвалъ и отдалъ ей.

Еще вычислилъ онъ одного бѣднаго еврея дровосѣка, затѣмъ болѣла его жена, затѣмъ дѣти, онъ каждый Божій день прѣзжалъ 2 риза и когда всѣхъ поставилъ на ноги, спрашиваетъ еврея: чѣмъ ты мнѣ заплатишь? Тотъ говоритъ, что у него ничего нѣтъ, тогда послѣдняя коза, которую онъ сегодня продастъ. Онъ такъ и сдѣлалъ, продалъ за 4 р. и принесъ ему деньги; тогда докторъ далъ лакею своему еще 12 р. къ этимъ 4-мъ и отправилъ купить корову, а дровосѣку велѣлъ идти домой; черезъ часъ тому приводятъ корову и говорятъ, что докторъ призналъ козье молоко для нихъ вреднымъ.

Такъ онъ прожилъ всю свою жизнь. Бывали примѣры, что онъ оставлялъ 30 и 40 р. у бѣдныхъ; оставалъ и у бѣдныхъ бабъ въ деревняхъ.

За то хоронили его какъ святаго. Всѣ бѣдики заперли лавки бѣжали за гробомъ. У евреевъ есть мальчики, которые при похоро-

какъ распѣвать вславы, но запрещается провожать иновѣрца этими псалмами. Тутъ передъ гробомъ, во время процессіи, ходили малыши и прочко распѣвали эти псалмы. Во всѣхъ синагогахъ возникло то дулю, также колокола всѣхъ церквей звонили все время процессіи. Былъ хоръ военной музыки, да еще еврейскіе музыканты пели къ сыну усопшаго, просить, какъ чести, позволенія играть въ это время процессіи. Всѣ бѣдныя принесли кто 10, кто 5 к., а бѣднѣе евреи дали много и приготовили великолѣпный, огромный ивъ жемчужныхъ цвѣтовъ съ бѣлыми и черными лентами по сторонамъ золотыми буквами были вычислены его главныя заслуги, такъ какъ при учрежденіи больницы и т. п., я не могла разобрать что тамъ и развѣ возможно вычислить его заслуги?

Надъ его могилой держали рѣчь иасторъ и еврейскій раввинъ и плакали, и онъ себѣ лежалъ въ старенькомъ, истертомъ вѣщѣ, старикъ платкомъ была обвязана его голова, эта икла и, вѣзднѣ, оръ смѣлъ, такъ смѣлъ былъ цвѣтъ его лица...

II:

Единичный случай.

Единичный случай, скажутъ, чтожъ, господа, я опять виною опять вижу въ единичномъ случаѣ чуть не начало разрѣшенія всего вопроса... ну хоть того-же самаго «еврейскаго вопроса», которыя я озаглавилъ мою вторую главу этого «Дневника». Кстати, почему я называлъ старичка доктора «общечеловѣкомъ»? Это былъ не общечеловѣкъ, а скорѣе общій человѣкъ въ городѣ М.—это большой губернскій городъ въ западномъ краѣ, и въ этомъ городѣ множество евреевъ, есть нѣмцы, русскіе, литовцы, поляки, литовцы,—и всѣ-то, всѣ эти народности при жизни праведнаго старичка каждая за своего. Самъ-же онъ былъ нѣмецъ, и именно нѣмецъ, вполне нѣмецъ: манера какъ онъ говорилъ и отослалъ бѣдному еврею корову это чисто нѣмецкіе слова. Сперва озадачилъ того: «чѣмъ уплатишь»? И ужь, конечно, смѣясь, продавая послѣднюю козу чтообъ уплатить «благодѣтели». Не ропталъ ни мало, а напротивъ горько страдалъ въ душѣ, и того-то коза стоитъ 4 цѣлковыхъ, а вѣдь и бѣдному рабочему на нихъ всѣхъ бѣдняковъ старичку тоже вѣдь жить надо а что такое четыре цѣлковыхъ за всѣ-то его благодѣяніе? Ну, а старичокъ себѣ на умѣ, посмѣивается, а сердце у него: «вотъ-же я ему, бѣднику, нашъ нѣмецкій вѣщъ!» И вѣдь какъ, должно быть, хорошо смѣялся про себя когда повели къ еврею корову, какъ приободрился духомъ, и по

жалуй всю ту ночь, можетъ быть, провозился въ нищей какой-нибудь бѣдной еврейки родильницы. А вѣдь восьмидесятилѣтнему старичку хорошо бы и поспать ночку, попокоить старыя усталыя кости. Еслибъ я былъ живописецъ, я именно-бы написалъ этотъ «жанръ», эту ночь у еврейки-родильницы. Я уже люблю реализмъ въ искусствѣ, но у иныхъ современныхъ русскихъ нашихъ нѣтъ нравственнаго центра въ ихъ картинахъ, какъ выразился на дняхъ одинъ могучій поэтъ и тонкій художникъ, говоря со мной о картинахъ Семирадскаго. Тутъ, въ предлагаемомъ мною сюжетѣ для «жанра», мнѣ кажется, былъ бы этотъ центръ. Да и для художника роскошь сюжета. Во первыхъ идеальная, невозможная, смирадѣйшая нищета бѣдной еврейки хаты. Тутъ можно бы много даже юмору выразить и уже встать; юморъ вѣдь есть остроуміе глубокаго чувства, и я очень нравлюсь это опредѣленіе. Съ тонкимъ чувствомъ и умомъ можно много взять художнику въ одной уже перетасовкѣ всѣхъ этихъ нищихъ предметовъ и домашней утвари въ бѣдной хатѣ, и этой, забавной перетасовкой сразу опарапать вамъ сердце. Да и освѣщеніе можно-бы сдѣлать интересное: на кривомъ столѣ догораетъ оплывшая сальная свѣчка, а сквозь единственное, индифференсное и обледенѣлое оконце уже брезжетъ разсвѣтъ новаго дня, новаго труднаго дня для бѣдныхъ людей. Трудная родильница часто рождаетъ на разсвѣтѣ: всю ночь промучаются, а утромъ родятъ. Вотъ усталый старичокъ, на мигъ оставивъ маму беретъ за ребенка. Принять не во что, пеленокъ нѣтъ, ни тряпки нѣтъ (бываетъ такая бѣдность, господа, клянусь вамъ, бываетъ чистѣйшій реализмъ, — реализмъ, такъ сказать, доходящій до фантастическаго) и вотъ праведный старичокъ снялъ свой серенькій вицъ-мундирчикъ, снялъ съ плечъ рубашку и разрываетъ ее на пеленки. Лицо его строгое и проникнутое. Бѣдный новорожденный еврейчикъ копошится передъ нимъ на постелѣ, христанивъ принимаетъ еврейчика въ свои руки и обвиваетъ рубашкой съ плечъ своихъ. Разрѣшеніе еврейскаго вопроса, пода! Восьмидесятилѣтній обнаженный и дрожащій отъ утренней сырости торсъ доктора можетъ занять видное мѣсто въ картинѣ говоря уже про лицо старика и про лицо молодой, измученной родильницы, смотрящей на своего новорожденнаго и на протѣса съ нимъ доктора. Все это видитъ сверху Христосъ и докторъ знаетъ это: «этотъ бѣдный жидокъ вырастетъ и можетъ снять самъ съ плеча рубашку и отдастъ христіанину, вспоминая речъ о рожденіи своемъ» — съ наивной и благородной вѣрой

думаетъ старикъ про себя. Сбудется-ли это? вѣроятно все по вѣтъ, но сбыться можетъ, а на землѣ лучше и дѣлать-то нечего, какъ вѣрить въ то, что это сбыться можетъ и сбудется. А докторъ вправѣ вѣрить потому что ужъ на немъ сбылось: «исполнилъ я, исполнить и другой; чѣмъ я лучше другихъ?» подкрѣпляетъ онъ себя аргументомъ. Усталая старуха сарайка, — мать родильницы, въ лохмотьяхъ суетится у печи. Ларей, выходявшій за вязанкой щепокъ, отворяетъ дверь хаты и верзлый паръ клубомъ врывается на мигъ въ коннату. И полу, на войлочной подстилкѣ крѣпко спятъ два малолѣтнихъ сирейчика. Однимъ словомъ, аксесуаръ могъ-бы выйти хорошии даже тридцать копѣекъ мѣдью на столѣ, отпечатанныя докторомъ на супъ родильницѣ, могли-бы составить деталь: мѣдный столбикъ трехкопѣечниковъ методически сложенныхъ, отнюдь не рабросанныхъ. Даже перламутръ могъ-бы быть написанъ на картинѣ Семирадскаго, въ которой удивительно написанъ кусокъ перламутра: докторамъ вѣдь дарятъ-же иногда (чтобы и цагитъ много деньгами) хорошенкїя вещицы, и вотъ перламутровая докторская сигаротница лежитъ тутъ-же подлѣ мѣдногучки. Нѣтъ, ничего, картинка-бы вышла съ «нравственнымъ центромъ». Приглашаю написать

Единственный случай! Года два тому назадъ откуда-то (за бѣзъ) съ юга Россїи писали про какого-то доктора, только что вышедшаго утромъ въ жаркїй день изъ купальни, освѣжившагося, ободривагося и послѣдовавшаго поскорѣе домой выпить кофею, а потому и не захотѣвшаго помочь тутъ-же вытащить кому изъ воды утопающаго, но смотря на приглашеніе топать. Его, кажется, за это судили. А вѣдь это, можетъ быть, былъ чѣловѣкъ образованный и новыхъ идей, прогрессистъ, но «разумно требовавшій новыхъ общихъ законовъ и правъ для всѣхъ, преобретая единичными случаями. Полагавшій, можетъ быть, что единичные случаи даже скорѣе вредятъ, отдавая общее рѣшеніе вопроса, и что въ отношенїи единичныхъ случаевъ «чѣмъ хуже тѣмъ лучше». Но безъ единичныхъ случаевъ не осуществишь общихъ правъ. Этотъ общїй челоуѣкъ хотъ и единичный случай, а соединилъ-же надъ гробомъ своимъ весь городъ. Эт русскїя бабы и бѣдныя еврейки цѣловали его ноги въ гробницѣ, тѣснились около него вмѣстѣ, плакали вмѣстѣ. Пятнадцать восемь лѣтъ служенїя челоуѣчеству въ этомъ городѣ, пятидесять восемь лѣтъ неустанной любви соединили всѣхъ хотъ надъ гробомъ его въ общемъ восторгѣ и въ общихъ са

захъ. Провожаетъ его весь городъ, звучатъ колокола *всѣхъ церквей*, поются молитвы на *всѣхъ языкахъ*. Пасторъ со слезами говоритъ свою рѣчь надъ раскрытой могилой. Раввинъ стоитъ въ сторонѣ, ждетъ и какъ кончилъ пасторъ, смѣняетъ его и говоритъ свою рѣчь и льетъ тѣже слезы. Да вѣдь въ это мгновеніе почти разрѣшенъ хоть-бы этотъ самый «еврейскій вопросъ». Вѣдь пасторъ и раввинъ соединились въ общей любви, вѣдь они почти обнялись надъ этой могилой въ виду христіанъ и евреевъ. Что въ томъ, что разоидясь, каждый примется за старыя предрассудки: капля точитъ камень, а вотъ эти-то «общіе человѣки» побѣждаютъ міръ соединяя его; предрассудки будутъ блѣднѣть съ каждымъ единичнымъ случаемъ и наконецъ вовсе исчезнутъ. Про старичка останутся легенды, пишетъ г-жа Л., тоже еврейка и тоже плакавшая надъ «милой головой» челоуѣколюбца. Легенды ужъ это первый шагъ къ дѣлу, это живое воспоминаніе и неустанное напоминаніе объ этихъ «побѣдителяхъ міра» которымъ принадлежитъ земля. А увѣровавъ въ то, что это дѣйствительно побѣдители, и что такіе дѣйствительно «наследятъ землю», вы уже почти соединились во всемъ. Все это очень просто, но мудроно кажется одно: именно убѣдиться въ томъ, что вотъ безъ этихъ-то единицъ, никогда не соберется всего числа, сейчасъ все рассыплется, а вотъ эти-то все соединятъ. Эти мысли даютъ, эти вѣру даютъ, живой опытъ собой представляютъ, а, стало быть, и доказательство. И вовсе нечего ждать, пока всѣ станутъ такими-же хорошими какъ и они, ихъ очень многіе: нужно очень не много такихъ, чтобъ спасти міръ до того они сильны. А если такъ, то какже не надѣяться?

АПРѢЛЬ.

Глава первая.

I.

Война. Мы всѣхъ сильнѣе.

«Война! объявлена война», — восклицали у насъ двѣ недѣли . «Будетъ-ли война?» — спрашивали тутъ-же другіе. «Объявлена!» — отвѣчали имъ. «Да, объявлена, но будетъ-ли?» — жали тѣ спрашивать...

Правда, были такіе вопросы, можетъ быть, есть и теперь. Но отъ одной только долгой дипломатической проволочки разнѣ такъ люди, тутъ другое, тутъ инстинктъ. Всѣ чувствуютъ что началось что-то окончательное, что наступаетъ конецъ чего-то прежняго, долгаго, длиннаго прежняго, и идетъ шагъ къ чему-то совсѣмъ уже новому, къ чему-то прежнему прежнее на двое, обновляющему и воскрешающему для новой жизни и... что шагъ этотъ дѣлаетъ Россія! Въ этомъ-то и невѣріе «премудрыхъ» людей. Инстинктивное предчувствіе есть, а невѣріе продолжается: «Россія! Но какъ же можетъ, какъ она смѣетъ? Готова-ли она? Готова-ли внутренне, нравственно, не только матерьяльно? Тамъ Европа, легко въ Европу! А Россія, что такое Россія? И на такой шагъ?» Народъ вѣритъ что онъ готовъ на новый, обновляющій и великій шагъ. Это самъ народъ поднялся на войну, съ Царемъ во главе. Когда раздалось Царское слово, народъ хлынулъ въ церкви, во всей земли Русской. Когда читали Царскій Манифестъ, народъ вѣрилъ и всѣ поздравляли другъ друга съ войной. Мы

и предназначенные никогда не понять истину. Они живою мыслию, ищутъ готоваго слова и примѣра, схватываютъ подсказанное дѣло. Они кричатъ, что за нихъ авторитетъ за нихъ Европа. Они свистятъ на несогласныхъ съ собою всѣхъ презирающихъ лакейство мысли и вѣрящихъ въ собственную и народа своего самостоятельность. И что-же, гдѣ-то дѣлѣ эти массы кричащихъ людей предназначены съ собою лишь коснымъ средствомъ для того, чтобы развѣять лишь изъ нихъ приблизились сколько-нибудь къ истинѣ. крайней мѣрѣ, получили-бы о ней хоть предчувствіе. И что единицы и ведутъ погомъ всѣхъ за собою, овладѣніемъ, родятъ идею и оставляютъ ее въ наслѣдство мечущимся массамъ людей. Такія единицы уже были. Нѣкоторые изъ насъ уже ихъ понимаютъ, даже многоречивцы все еще продолжаютъ смѣяться и все еще вѣрять, что они великая сила. «Погуляютъ и воротятся», они теперь про наши войска, перешедшія границу, говорятъ въ слухъ. «Не бываетъ войнѣ, какая война, гдѣ ужь вѣдать: просто военная прогулка и маневры, съ тратой миліоновъ, для поддержанія чести». Вотъ ихъ интимный разговоръ на дѣло. Да и интимный-ли?

Слишкомъ могло такъ случиться, что мы будемъ побиты, и побьемъ врага, но подъ давленіемъ обстоятельствъ — пустяками. — о, тогда мудрецы, конечно, восторжествуютъ. И какой, какой опять начнется свистъ и гамъ и цѣль нѣсколько лѣтъ, какая опять вакханалія самооплеванія и самодразненія — и это не для вызова къ восстанию и силѣ, а именно ради торжества собственнаго безчеловѣчності и безсилія. И новый нигилизмъ начнетъ, точно какъ и прежній, съ отрицанія народа русскаго и самостоятельности его. А главное, приобрететъ столько силы и такъ я, что несомнѣнно начнетъ даже вслухъ помыкать святоотеческія. И опять молодежь оплюетъ свои семейства и дома, итѣ отъ своихъ стариковъ, твердящихъ въ зубряжку нынѣ общія мѣста и старья, надобныя всѣмъ слова о томъ величій и объ обязанности нашей быть какъ можно сильнѣе. А главное — старая пѣсня, старыя слова и — надолго ничего! Итѣ, намъ нужна война и побѣда. Съ войной и придетъ новое слово, и начнется живая жизнь, а не одна ртвющая болтовня какъ прежде. -- да что какъ прежде, слухъ воръ, господа!

Но надо быть на все готовымъ, и что-же: если предположить даже самый худшій, самый даже невозможно худшій исходъ для начавшейся теперь войны, то, хоть и много вынесемъ сквернаго, уже надѣвшаго до смерти стараго горя, но колосъ все же не будетъ расшатанъ и рано-ли, поздно-ли, а возьметъ свое. Это не надежда только, это полная увѣренность и въ эту невозможность расшатать колосъ—вся наша сила передъ Европой, гдѣ всѣ теперь, чуть не сплошь боятся, что расшатается ихъ старое зданіе и обрушатся на нихъ потолки. Колосъ этотъ есть народъ нашъ. И начало теперешней *народной* войны и всѣ недавнія предшествовавшія ей обстоятельства показали лишь наглядно, всѣмъ, кто смотрѣть умѣетъ, всю народную мощь и свѣжесть нашу и до какой степени не коснулось народныхъ силъ нашихъ то растлѣніе, которое загнано мудрецами нашихъ. И какую услугу оказали намъ эти мудрецы передъ Европой! Они такъ недавно еще кричали на весь міръ, что мы бѣдны и ничтожны; они насмѣшливо увѣряли всѣхъ, что духа *народнаго* нѣтъ у насъ вовсе, потому что и *народа* нѣтъ вовсе, потому что и народъ нашъ и духъ его изобрѣтены лишь фантазіями доморощенныхъ московскихъ мечтателей; что восемьдесятъ милліоновъ мужиковъ русскихъ суть всего только милліоны косныхъ, пьяныхъ податныхъ единицъ; что никакого соединенія Царя съ народомъ нѣтъ, что это лишь въ прописяхъ, что все, напротивъ, расшатано и проѣдено нигилизмомъ; что солдаты наши бросаютъ ружья и побѣгутъ какъ бараны; что у насъ нѣтъ ни патроновъ, ни провіанта и что мы, въ заключеніе, сами видимъ, что разхрабрились и зарвались не въ мѣру и изобрѣли силу ждемъ только предлога, какъ-бы отступить безъ послѣдней степени позорныхъ пощечинъ, которыхъ «даже и намъ уже нельзя выносить», и молимъ, чтобъ предлогъ этотъ намъ выдумала Европа. Вотъ въ чемъ клялись мудрецы наши, и что-же: на нихъ почти и сердиться нельзя, это ихъ взглядъ и понятія, кровный взглядъ и понятія. И дѣйствительно, да, мы бѣдны, да, мы жалки во многомъ; да, дѣйствительно у насъ столько нехорошаго, что мудрецъ, и особенно если онъ *нашъ* «мудрецъ», не могъ «измѣнить» себѣ и не могъ не воскликнуть: «канутъ Россія и жалѣть нечего!» Вотъ эти-то родныя мысли мудрецовъ нашихъ и облетѣли Европу, и особенно черезъ европейскихъ корреспондентовъ, нахлынувшихъ къ намъ наканунѣ войны изучить насъ на мѣстѣ, разсмотрѣть насъ своими европейскими взглядами и измѣрить наши силы своими европейскими мѣрками. И само со

слушали однихъ лишь «премудрыхъ и разумныхъ» на-
родную силу, народный духъ всё проглядѣли и обле-
баропу вѣсть, что гибнетъ Россія, что ничто Россія, ничто
ничто я есть и въ ничто обратится. Дрогнули сердца ис-
въ враговъ нашихъ и ненавистниковъ, которымъ мы два
ль досаждаемъ въ Европѣ, дрогнули сердца многихъ ты-
мидовъ европейскихъ и милліоновъ вмѣстѣ съ ними жи-
рущихъ «христіанъ»; дрогнуло сердце Биконсфильда: ска-
мо ему, что Россія все перенесетъ, все, до самой срамной
дней пощечины, но не пойдетъ на войну—до того, де-
ально ея «миролюбіе». Но Богъ насъ спасъ, наславъ на
ва всѣхъ слѣпоту: слишкомъ уже они повѣрили въ поги-
ль ничтожность Россіи, а главное-то и проглядѣли. Про-
е они весь русскій народъ, какъ живую силу и прогля-
лоссальный фактъ: союзъ Царя съ народомъ своимъ! Вотъ
это и проглядѣли они! Кромѣ того, не могли они ни-
юнять и повѣрить тому, что Царь нашъ дѣйствительно ми-
шь и дѣйствительно такъ жалѣетъ кровь человѣческую:
чала, что все это у насъ изъ «политики». Не видятъ они
даже и теперь: они кричатъ, что у насъ вдругъ, послѣ
го манифеста появился «патріотизмъ». Да развѣ это па-
мъ, развѣ это единеніе Царя съ народомъ на великое дѣло
олько патріотизмъ? Въ томъ-то и главная наша сила, что
всѣмъ не понимаютъ Россіи, ничего не понимаютъ въ Рос-
ии не знаютъ, что мы непобѣдимы ничѣмъ въ мірѣ, что мы
ь, пожалуй, проигрывать битвы, но все-таки останемся не-
ными именно единеніемъ нашего духа народнаго и созна-
народнымъ. Что мы не Франція, которая вся въ Парижѣ,
не Европа, которая вся зависитъ отъ биржъ своей бур-
в отъ «спокойствія» своихъ пролетаріевъ, покупаемаго
сѣдними усиліями тамошнихъ правительствъ и всего лишь
ь. Не понимаютъ они и не знаютъ, что если мы захо-
то насъ не побѣдятъ ни жида всей Европы вмѣстѣ, ни
ны ихъ золота, ни милліоны ихъ армій, что если мы за-
, то насъ нельзя заставить сдѣлать то, чего мы не по-
ь, и что нѣтъ такой силы на всей землѣ. Бѣда только въ
по надъ словами этими засмѣются не только въ Европѣ,
насъ, и не только наши мудрецы и разумные, а даже и
не русскіе люди интеллигентныхъ слоевъ нашихъ—до того
не понимаемъ самихъ себя и всю неконную силу нашу.
поръ еще, слава Богу, не надломившуюся. Не пони-

въ томъ, что считаемъ великодушной идеей; но если то, что мы почитаемъ святынею—позорно и порочно, то мы не забываемъ бары отъ самой природы позорное и порочное несетъ само собой смерть и рано-ли, поздно-ли, само собою казнить себя. Она, наприимѣръ, изъ-за пріобрѣтенія богатствъ, изъ-за потребности ненасытной биржи, хотя въ основѣ своей и выходитъ изъ того-же общаго всѣмъ народамъ закона развитія своей національной личности, но бываетъ тотъ предѣлъ, который, въ этомъ развитіи, переходить нельзя, и за которымъ всякое пріобрѣтеніе, всякое развитіе значить уже излишекъ, несетъ въ себѣ болѣзнь, изъ-за нея и смерть. Такъ Англія, есаябъ стала въ теперешней ожесточенной борьбѣ за Турцію, забывъ уже окончательно, изъ-за временныхъ выгодъ своихъ, стоны измученнаго человечества—безъ жалости, подняла-бы сама на себя мечъ, который, рано-ли, поздно-ли, а опустился-бы ей самой на голову. На оборотъ: что святынею выше подвига такой войны, которую предпринимаетъ теперь Россія? Скажутъ, что «вѣдь и Россія, хотъ и въ правду идетъ лишь освобождать измученныя племена и возрождать ихъ самостоятельность, но вѣдь тѣмъ самымъ, въ этихъ-же племенахъ, пріобрѣтетъ потомъ себѣ-же союзниковъ, а, стало быть, силу,— что, стало быть, все это разумѣется составляетъ тотъ-же самый законъ развитія національной личности, къ которому стремится и Англія. А такъ какъ замыселъ «панславизма» колоссальностью своей, безъ сомнѣнія, можетъ пугать Европу, то ужъ по одному закону самосохраненія, Европа несомнѣнно вправѣ остановиться здесь, точно также впрочемъ, какъ и мы вправѣ идти впередъ, нисколько не останавливаясь передъ ея страхомъ и руководясь въ движеніи нашемъ лишь политическою предусмотрительностію и благоразуміемъ. Такимъ образомъ, ничего нѣтъ въ этомъ ни позорнаго, ни позорнаго, а есть лишь какъ-бы вѣковѣчный животный инстинктъ народовъ, которому подчиняются безразлично всѣ, еще недостаточно и неразумно развитыя племена на землѣ. Тѣмъ же менѣе накопившееся сознаніе, наука и гуманность, рано-ли, поздно-ли, непремѣнно должны ослабить вѣковѣчный и звѣрскій инстинктъ неразумныхъ націй и вселить напротивъ во всѣхъ широтахъ желаніе мира, международнаго единенія и человеколюбиваго преуспѣванія. А, стало быть, надо всетаки проповѣдывать миръ, а не кровь».

Святые слова! Но въ настоящемъ случаѣ они какъ-то не прикладываются къ Россіи, или чтобъ еще лучше выразиться,—Россія составляетъ собою, въ теперешній историческій моментъ

всей Европы, какъ-бы нѣкоторое исключеніе, что и дѣйствительно такъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Россія, столь безкорыстно и предливо ополчившаяся теперь на спасеніе и на возрожденіе угнетенныхъ племенъ, въ послѣдствіи и усилится ими-же, то все-таки и въ этомъ даже случаѣ, явить собою самый исключительный примѣръ, котораго ужь никакъ не ожидаетъ Европа, мѣряющая своей аршинъ: Усилясь, хотя-бы даже чрезмѣрно, союзомъ своимъ съ освобожденными ею племенами, она не бросится на Европу съ мечемъ, не захватитъ и не отниметъ у ней ничего, какъ-то непремѣнно сдѣлала Европа, если-бы нашла возможность соединиться вся противъ Россіи, и какъ дѣлали въ Европѣ и націи, во всю жизнь свою, чуть только получала какая-нибудь изъ нихъ возможность усилиться на счетъ своей сосѣдки. (И въ самыхъ дикихъ первобытныхъ временъ Европы вплоть до современной намъ и еще столь недавней Франко-Прусской войны и куда дѣвалась тогда вся ихняя цивилизація: бросилась сама ученая и просвѣщенная изъ всѣхъ націй на другую, столь-же ученую и просвѣщенную и, воспользовавшись случаемъ, загрызла со какъ дикій звѣрь, выпила ея кровь, выжала изъ нея собою видѣ миллиардовъ данн и отрубила у ней цѣлый бокъ въ видѣ двухъ самыхъ лучшихъ провинцій! Да, вправду, виновата-Европа, если послѣ этого не можетъ понять назначенія Россіи! Имъ-ли, гордымъ, ученымъ и сильнымъ понять и допустить хв въ фантазій, что Россія предназначена и создана, можетъ быть для ихъ-же спасенія и что она только, можетъ быть, произнесетъ наконецъ это слово спасенія!) О да, да, конечно—мы только ничего не захватимъ у нихъ и не только ничего не примемъ, но именно тѣмъ самымъ обстоятельствомъ, что чрезмѣрно усилимся (союзомъ любви и братства, а не захватомъ и насиліемъ) — тѣмъ самымъ и получимъ наконецъ возможность обнажить мечъ, а, напротивъ, въ спокойствіи силы своей, явить собою примѣръ уже искренняго мира, международнаго всеединія и безкорыстія. Мы первые объявимъ міру, что не чрезъ и давленіе личностей иноплеменныхъ намъ національностей хотимъ мы достигнуть собственнаго преуспѣянія, а, напротивъ, видимъ его лишь въ свободнѣйшемъ и самостоятельнѣйшемъ развитіи всѣхъ другихъ націй и въ братскомъ единеніи въ нихъ, воспринимая одна другую, прививая къ себѣ ихъ органическія особенности и удѣляя имъ и отъ себя вѣтви для прививки, сообщаясь ими душою и духомъ, участвуя у нихъ и участвуя въ ихъ трудѣхъ, когда человѣчество, восполняясь мировымъ общеніемъ

до всеобщаго единства, какъ великое и великолѣпное
звѣстать собою счастливую землю. О, пускай смѣются надъ
«фантастическими» словами наши теперешніе «общечело-
вѣчскіе» самооплеватели наши, но мы не виноваты, если вѣримъ
въ то, что есть идею рука въ руку вмѣстѣ съ народомъ нашимъ,
и именно вѣримъ тому. Спросите народъ, спросите солдата:
какимъ образомъ они поднимаются, для чего идутъ и чего желаютъ въ
этой войнѣ, — и всѣ скажутъ вамъ, какъ одинъ человѣкъ,
что, чтобъ Христу служить и освободить угнетенныхъ
людей, и ни одинъ изъ нихъ не думаетъ о захватѣ. Да, мы
именно въ теперешней-же войнѣ, и докажемъ всю нашу
будущую предназначенія Россіи въ Европѣ, именно тѣмъ
же, что, освободивъ славянскія земли, не приобрѣтемъ изъ
нихъ ни клочка (какъ мечтаетъ уже Австрія для себя), а,
напротивъ, будемъ надзирать за ихъ-же взаимнымъ согласіемъ
и за ихъ свободу и самостоятельность хотя-бы отъ всей
Европы. А если такъ, то идея наша свята и война наша вовсе
не «вѣчный и звѣрскій истникъ не разумныхъ націй», а,
первый шагъ къ достиженію того вѣчнаго мира въ кото-
ромъ живемъ счастье вѣрить, въ достиженію *воистину* между-
народнаго единенія и *воистину* человѣколюбиваго преуспѣянія!
И не всегда надо проповѣдывать одинъ только миръ, и не-
одномъ, во чтобы-то ни стало, спасеніе, а иногда и въ
войнѣ оно есть.

III.

Спасаетъ-ли пролитая кровь?

«Кровь, но вѣдь всетаки кровь» — наладили мудрецы, и
теперь, всѣ эти казенныя фразы о крови — все это подчасъ
выборъ самымъ ничтожнѣйшихъ высокими словъ для из-
явленія цѣлей. Биржевики, напримѣръ, чрезвычайно любятъ
толковать о гуманности. И многіе, толкующіе теперь о
спасеніи, суть лишь торгующіе гуманностью. А между тѣмъ
можно было бы, еще больше-бы пролилось безъ войны. По-
тому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если не во всѣхъ почти
(развѣ войнѣ междуособныхъ) — война есть процессъ, ко-
гда именно съ наименьшимъ пролитіемъ крови, съ наимень-
шею жертвою и съ наименьшею тратой силъ, достигается между-

... долги миръ всегда рождаетъ жестокость,
рѣзкий эгоизмъ, а главное — умственный
жирѣютъ лишь одни эксплуататоры народ
рождаетъ богатство—но вѣдь лишь десятой
тая доля, заразившись болѣзнями богатст
изу и остальнымъ девяти десятимъ. Хотя
ажается-же она развратомъ и цинизмомъ
ленія богатства въ однихъ рукахъ, ро
лей богатства грубость чувствъ. Чувство
гся въ жажду капризныхъ излишествъ и
шно развивается сладострастїе. Сладострас
ь и трусость. Грузная и грубая душа слад
: всякой другой, даже и порочной души. П
. падающій въ обморокъ при видѣ крови
а, не проститъ бѣдняку и заточитъ его въ
ышій долгъ. Жестокость-же рождаетъ усилен
ивую заботу о самообеспеченіи. Эта трус.
безнеченія всегда, въ долгій миръ, подкон
той-то панической страхъ за себя, сообщает
ва, рождаетъ страшную жажду накопленія
. Теряется вѣра въ солидарность людей, в
юющъ общества, провозглашается громко
т и для себя»; бѣднякъ слишкомъ видитъ
какой онъ ему братъ и вотъ все уед
тся. Эгоизмъ умерщвляетъ

ДВЕННИКЪ ПИСАТЛЯ.

То же оказывается, что буржуазный долгий конец концов, всегда почти зарождает сдѣланы, выносить ее самъ изъ себя какъ жалкое изъ-за великой и справедливой цѣли, достигаема, а изъ-за какихъ-нибудь жалкихъ буржуазныхъ изъ-за новыхъ рынковъ пужныхъ эксплуатационныхъ новыхъ рабовъ, необходимыхъ обязательствъ, — словомъ, изъ-за причинъ, необходимыхъ самосохраненія, а, напротивъ, говорящихъ о запризномъ, болѣзненномъ и слабости организма. Интересы эти и войны, за которыми, развращаютъ и даже совсѣмъ губить нравственность изъ-за великодушнѣйшей цѣли, изъ-за освобожденія, ради безкорыстной и святой идеи, — такая война зараженный воздухъ отъ скончившихся миазматическая порождаетъ позорную трусость и лѣнь, объявляетъ цѣль, даетъ и уясняетъ идею, въ осуществленію которой участвуетъ или другая нація. Такая война укрѣпляетъ каждую націю знаніемъ самопожертвованія, а духъ всей націи сознаніемъ солидарности и единенія всѣхъ членовъ составляющихъ націю, и главное, сознаніемъ исполненнаго долга и совершеннаго дѣла: «не совсѣмъ-же мы упали и развратились, и въ насъ челоуѣческое!» И посмотрите, съ чего начинаю проповѣдь эти столь недавніе наши проповѣдники безбожества и гуманности: они прямо начинали съ самой безчеловѣчности. Они сами не хотѣли и другихъ удерживали отъ мученикамъ, взывавшимъ къ намъ. Они, повидимому, столь же и чувствительные, хладнокровно и съ насмѣшкой и необходимостью для насъ самопожертвованія и духовнаго движенія. Они желали столкнуть Россію на самую пошлаую и грязную великой націи дорогу, не говоря уже объ ихъ отношеніяхъ къ народу, признавшему въ славянскихъ мученикахъ своихъ, а, стало быть, объ ихъ надменномъ разрывѣ съ народною, выше которой поставили они свое фальшивое «просвѣщеніе». Любимымъ тезисомъ ихъ было: «врачу и самъ». «Вы лѣзете исцѣлять и спасать другихъ, а у васъ даже школы не устроено» — выставляли они на видъ. Мы и идемъ исцѣляться. Школы важное дѣло, конечно, но намъ надобенъ духъ и направленіе, — вотъ мы и идемъ запасаться духомъ и добывать здоровое направленіе. Пусть, особенно если Богъ побѣду пошлетъ. Мы воро-

тисся съ сознаниемъ совершеннаго нами безформеннаго съ сознаниемъ того что славно послужила человечеству за своей, съ сознаниемъ обновленной силы нашей и энергій нашей и все это вмѣсто столь недавняго безобразнаго сватанія нашей, вмѣсто мертвящаго застоя нашего въ замкнутаго безъ толку европеизмѣ. Главное-же, приобщимся къ и соединимся съ нимъ тѣнѣю,—ибо у него и въ немъ найдемъ исцѣленіе отъ двухвѣковой болѣзни нашей, отъ вѣковаго неприводительнаго слабосмія нашего».

«Да и вообще можно сказать, что если общество не заражено, то даже такое благое дѣло какъ долгіи миръ, пользы обществу обращается ему-же во вредъ. Это вообще применимо даже и ко всей Европѣ. Не даромъ-же не преклоуныя въ исторіи европейской, съ тѣхъ поръ какъ запомнимъ, безъ войны. И такъ, видно и война необходима-нибудь, цѣлительна, облегчаетъ человечество. Это тѣлительно, если подумать отвѣченно, но на практикѣ выкажется, такъ, и именно потому что для зараженнаго общества такое благое дѣло, какъ миръ, обращается во вредъ. И такъ полезно оказывается лишь та война, которая принята для идею, для высшаго и великодушнаго принципа, для матерьяльнаго интереса, но для жаднаго захвата, гордаго насмія. Такія войны только сбивали ващи на дороге и всегда губили ихъ. Но мы такъ дѣли наши-чѣмъ кончить Англія. Теперь для всѣхъ въ мірѣ уже близко». Да и пора.

IV.

Мнѣніе «Тимашаго» Царя о Восточномъ вопросѣ.

Мнѣ сообщили одну выписку изъ одного сочиненія наго въ Кіевѣ въ прошломъ году: «Московское Государство Царь Алексѣй Михайловичъ и патріархъ Никонъ, по запискѣ архидіакона Павла Алеппскаго. Соч. Пв. Оболенскаго, 1876 г. «стр. 90—91». Страница изъ сочиненія чужаго, столь характерна и столь любопытна въ теперешнюю нашу нѣту, а самое сочиненіе, вѣроятно, еще такъ мало извѣстно общей массѣ публики, что я рѣшился помѣстить эти цѣлыя строкъ въ «Дневникъ». Это мнѣніе Царя Алексѣя Михайловича

точномъ вопросѣ, — тоже «Тишайшаго» Царя, но жившаго на вѣка тому назадъ и его тогдашнія слезы о томъ, что онъ можетъ быть Царемъ Освободителемъ.

Вспомнилъ, что на Св. Пасху (1656 г.) Государь, христосуясь съ двумя купцами, бывшими въ Москвѣ, сказалъ между прочимъ имъ: «хотите-ли вы, и ждете-ли, чтобы я освободилъ васъ отъ вѣда и выкупилъ?» И когда они отвѣчали: «какъ можетъ быть какъ намъ не желать этого?» онъ прибавилъ: «такъ, — но когда вы возвратитесь въ свою сторону, просите всѣхъ монастырскихъ и епископовъ молить Бога и совершать литургію за меня, чтобы Ангелами дава была мнѣ мощь отрубить голову ихъ врагу». Сидя при этомъ обильные слезы, онъ сказалъ потомъ, обращаясь къ вельможамъ: «мое сердце сокрушается о порабощеніи бѣдныхъ людей, которые стонутъ въ рукахъ враговъ нашей Родины. Богъ призоветъ меня къ отчету въ день суда, если, имея власть освободить ихъ, я предъ симъ не сделаю этого. — Я не знаю, какъ долго продолжаться это дурное востаніе государственныхъ дѣлъ, преемникъ моего отца и предшественниковъ его къ намъ не перестали приходить постоянно съ жалобой на угнетеніе порабощеннаго патриарха, епископы, монахи и простые бѣдняки, изъ которыхъ одинъ не приходилъ иначе, какъ только преслѣдуемый съ печалью и убѣгая отъ жестокости своихъ господъ; и я боюсь, что Богъ, который мнѣ предложитъ Творецъ въ тотъ день: и портиши ли ты уиъ, если Богу угодно, что потрачу всю свои войска и свою црлью свою кровь до послѣдней капли, но постараюсь освободитъ». На все это вельможи отвѣчали ему: „Господи даруй по твоему сердцу твоему“.

Глава вторая.

СОНЪ СМѢШНАГО ЧЕЛОВѢКА.

ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

1.

Смѣшной человѣкъ. Они меня называютъ теперь сумасшедшимъ. Это было-бы повышение въ чинѣ, еслибъ я все еще оставался для нихъ такимъ-же смѣшнымъ, какъ и прежде. Теперь ужъ я не сержусь, теперь они всѣ мнѣ миды и даже миды смѣются надо мной — и тогда чѣмъ-то даже особенно д-бы самъ смѣялся съ ними, — не то что надъ собой, любя, еслибъ мнѣ не было такъ грустно на нихъ глядя. Потому что они не знаютъ истины, а я знаю истину.

Охъ, какъ тяжело одному знать истину! Но они этого не муть. Нѣтъ, не поймутъ.

А прежде я тосковалъ очень отъ того, что казался нымъ. Не казался, а былъ. Я всегда былъ смѣшонъ, и это, можетъ быть, съ самаго моего рожденія. Можетъ быть уже семи лѣтъ зналъ что я смѣшонъ. Потомъ я учился школъ, потомъ въ университетѣ и что-же — чѣмъ болѣе учился, тѣмъ больше я научился тому, что я смѣшонъ. что для меня вся моя университетская наука какъ-бы дѣлалась только и существовала подконецъ, чтобы доказывать и не вѣрить мнѣ, по мѣрѣ того какъ я въ нее углублялся, что я смѣшонъ. Подобно какъ въ наукѣ шло и въ жизни. Съ каждымъ годомъ нарастало и укрѣплялось во мнѣ то-же самое чувство о моемъ смѣшномъ видѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Надо было смѣяться всѣмъ и всегда. Но не знали они никто, и не думали о томъ, что если былъ человекъ на землѣ, больше знавшій про то что я смѣшонъ, такъ это былъ самъ я, это-то было для меня всего обиднѣе, что они этого не знали, но тутъ я самъ былъ виноватъ: я всегда былъ такъ гордъ, ни за что и никогда не хотѣлъ никому въ этомъ признаться. Гордость эта росла во мнѣ съ годами и еслибъ случилось такъ, что я хотъ передъ кѣмъ-бы то ни было позволить себѣ признаться, что я смѣшной, то, мнѣ кажется, я тутъ въ тотъ же вечеръ, раздробилъ-бы себѣ голову изъ револьвера. О, какъ я страдалъ въ моемъ отрочествѣ о томъ, что не могу выдержу и вдругъ какъ-нибудь признаюсь самъ товарищамъ. Съ тѣмъ поръ какъ я сталъ молодымъ человекомъ, я узнавалъ съ каждымъ годомъ, все больше и больше о своемъ ужасномъ качествѣ, но почему-то сталъ немного спокойнѣе. Именно почему-то, потому что я и до сихъ поръ не могу сказать почему. Можетъ быть, потому что въ душѣ моей появилась страшная тоска по одному обстоятельству, которое было для меня безконечно выше всего меня: именно — это было послѣднее мое единственное убѣжденіе въ томъ, что на свѣтѣ вездѣ *все равно* очень давно предчувствовалъ это, но полное убѣжденіе я получилъ въ послѣдній годъ какъ-то вдругъ. Я вдругъ почувствовалъ что мнѣ *все равно* было-бы, существовалъ-ли-бы міръ или еслибъ нигдѣ ничего не было. Я сталъ слышать и чувствовать всѣмъ существомъ моимъ, что *ничего при мнѣ не было*. Сначала мнѣ все казалось, что за то было многое презабываемо, потомъ я догадался, что и прежде ничего тоже не было, а

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

казалось. Мало по малу я убѣдился, что и никогда не будетъ. Тогда я вдругъ пересталъ сердиться на людей, сталъ не примѣчать ихъ. Право, это обнаружилось въ самыхъ мелкихъ пустякахъ, я, напримеръ, слуху по улицѣ и ватыкаюсь на людей. И не то чтобы невнимости: объ чемъ мнѣ было думать, я совсѣмъ пересталъ думать, мнѣ было все равно. И добро-бы я разрѣшилъ вопросы: о, ни одного не разрѣшилъ, а сколько ихъ было? Мало все равно, и вопросы все удалились.

Послѣ того ужъ, я узналъ истину. Истину я узналъ въ ноябрѣ, и именно третьяго ноября, и съ того времени каждое мгновение мое помню. Это было въ мрачный, темный вечеръ какой только можетъ быть. Я возвращаюсь въ одиннадцатомъ часу вечера домой и именно подумалъ, что ужъ не можетъ быть болѣе мрачнаго времени въ физическомъ отношеніи. Дождь лилъ весь день былъ самый холодный и мрачный дождь, какой-то даже дождь, я это помню, съ явную враждебностью къ людямъ вдругъ, въ одиннадцатомъ часу, пересталъ, и нагашная сырость, сырѣе и холоднѣе чѣмъ когда дождь ото всего шелъ какой-то паръ, отъ каждаго камня на каждаго переулка, если заглянуть въ него въ самую дальше, съ улицы. Мнѣ вдругъ представилось, что воздухъ вездѣ газъ, то стало-бы отраднѣе, а съ газомъ сердцу, потому что онъ все это освѣщаетъ. Я въ этотъ вечеръ не обѣдалъ и съ раняго вечера просидѣлъ у одного друга, а у него сидѣли еще двое пріятелей. Я все молчалъ, имъ надоѣло. Они говорили объ чемъ-то вызывающе, вдругъ даже разгорячились. Но имъ было все равно, я и они горячились только такъ. Я имъ вдругъ и выговорилъ: «Господа, вѣдь вамъ, говорю, все равно». Они не поняли, а все надо мной засмѣялись. Это оттого что я сказалъ всякаго упрѣка, и просто потому что мнѣ было все равно и увидѣли что мнѣ все равно, и имъ стало весело. Когда я на улицѣ подумалъ про газъ, то взглянулъ на небо. Оно ужасно темное, но явно можно было различить разныя облака, а между ними бездонныя черныя пятна. Вдругъ взглянулъ въ одномъ изъ этихъ пятенъ звѣздочку и сталъ приглядѣть на нее. Это потому что эта звѣздочка дала мнѣ понять, что я положилъ въ эту ночь убить себя. У меня это было положено еще два мѣсяца назадъ и какъ я ни бѣдѣю,

а купилъ прекрасный рельеверъ и въ тотъ-же день за него. Но прошло уже два мѣсяца а онъ все лежалъ въ постель, но мнѣ было до того все равно, что захотѣлось наконецъ чить минуту когда будетъ не такъ все равно, для чего же не знаю. И такимъ образомъ, въ эти два мѣсяца я каждую возвращаясь домой, думалъ, что застрѣлюсь. Я все ждалъ минуты. И вотъ теперь эта звѣздочка дала мнѣ мысль, и я ждалъ, что это будетъ непременно уже въ эту ночь. А эта звѣздочка дала мысль—не знаю.

И вотъ, когда я смотрѣлъ на небо меня вдругъ схватилъ локоть эта дѣвочка. Улица уже была пуста и никого не было. Вдали спалъ на дрожжахъ извозничій. Дѣвочка была восьмилѣтняя, въ платочкѣ и въ одномъ платьищкѣ, вся мокрая, запомнилъ особенно ея мокрые разорванные башмаки и помню. Они мнѣ особенно мелькнули въ глаза. Она вдругъ дергала меня за локоть и звать. Она не плакала, но какъ рывисто выкрикивала какія-то слова, которыя не могла выговорить, потому что вся дрожала мелкой дрожью въ дрожкахъ. Она была отъ чего-то въ ужасѣ и кричала отчаянно: «мама, мамочка!» Я обернулъ было къ ней лицо, но не сказалъ слова и продолжалъ идти, но она бѣжала и дергала меня, голосъ ея прозвучалъ тотъ звукъ, который у очень испуганныхъ дѣтей означаетъ отчаяніе. Я знаю этотъ звукъ. Хотя она договаривала слова, но я понималъ, что ея мать гдѣ-то пошла или что-то тамъ съ ними случилось и она выбѣжала за кого-то, найди что-то, чтобъ помочь мамѣ. Но я не пошелъ къ ней и, напротивъ, у меня явилась вдругъ мысль прогнать ее. Я сначала ей сказалъ, чтобъ она отыскала городского. И вдругъ сложила ручки и, всхлиывая, задыхаясь, все бѣжала ко боку и не покидала меня. Вотъ тогда-то я топнулъ ногою и крикнулъ. Она прокричала лишь: «баринъ, баринъ!..» но бросила меня и стремглавъ перебѣжала улицу: тамъ пошелъ тоже какой-то прохожій и она, видно, бросилась отъ меня къ нему.

Я поднялся въ мой пятый этажъ. Я живу отъ хозяевъ на третьемъ номерѣ. Комната у меня бѣдная и маленькая, а обстановка дачное, полукруглое. У меня клеенчатый диванъ, столикъ, торомъ книги, два стула и покойное кресло, старое—просто но за то вольтеровское. Я свѣлъ, зажегъ свѣчку и сталъ читать. Рядомъ, въ другой комнатѣ, за перегородкой, продолжался шумъ. Онъ шелъ у нихъ еще съ третьяго дня. Тамъ жилъ старинной капитанъ, а у него были гости—человѣкъ шесть съ

и водку и играли въ штось старыми картами. Въ прош-
 была драка и я знаю, что двое изъ нихъ долго тас-
 друга за волосы. Хозяйка хотѣла жаловаться, но она
 капитана ужасно. Прочихъ жильцовъ у насъ въ номерахъ
 маленькая ростомъ и худенькая дама, изъ полковыхъ,
 съ тремя маленькими и заболѣвшими уже у насъ въ
 дѣтьми. И она и дѣти боятся капитана до обмороку и
 трясутся и крестятся, а съ самымъ маленькимъ ребен-
 отъ страху какой-то припадокъ. Этотъ капитанъ, я
 знаю, останавливается иной разъ прохожихъ на Нав-
 просить на бѣдность. На службу его не принимаютъ,
 свое дѣло (я вѣдь къ тому и рассказываю это), капитанъ
 мѣсяцъ, съ тѣхъ поръ какъ живетъ у насъ, не возбу-
 никакой досады. Отъ знакомства и, конечно, укло-
 самого начала, да ему и самому скучно со мной стало
 то-же разу, но сколько-бы они ни кричали за своей
 и сколько-бы ихъ тамъ ни было — мнѣ всегда все
 сижу всю ночь и, право, ихъ не слышу, — до того о-
 бываю. Я вѣдь каждую ночь не сплю до самого разсвѣта
 уже этакъ годъ. Я просиживаю всю ночь у стола въ
 и ничего не дѣлаю. Книги читаю я только днемъ. Сижу
 не думаю, а такъ, какія-то мысли бродятъ, а я ихъ ну-
 волю. Свѣчка сгораетъ въ ночь вся. Я сѣлъ у стола
 мнулъ револьверъ и положилъ передъ собою. Когда я его
 гъ, то, помню, спросилъ себя: «такъ-ли?», и совершенно
 тельно отвѣтилъ себѣ: «такъ». То есть застрѣлюсь. Я
 что ужъ въ эту ночь застрѣлюсь навѣрно, но сколько еще
 у до тѣхъ поръ за столомъ — этого не зналъ. И ужъ ко-
 застрѣлился, еслибъ не та дѣвочка.

II.

те-ли: хотъ мнѣ и было все равно, но вѣдь боль-то я,
 брѣ, чувствовалъ. Ударъ меня кто и я-бы почувствовалъ
 акъ точно и въ нравственномъ отношеніи: случись что
 очень жалкое, то почувствовалъ-бы жалость, также какъ
 , когда мнѣ было еще въ жизни не все равно. Я и по-
 валъ жалость давеча: ужъ ребенку-то я-бы непременно
 . Почему-жь я не помогъ дѣвочкѣ? А изъ одной явив-
 тогда идея: когда она дергала и звала меня, то вдругъ
 въ тогда передо мной вопросъ и я не могъ разрѣшить его.

Вопросъ былъ праздный, но я разсердился. Разсердился и стиснул того вывода, что если я уже рѣшилъ, что въ нынѣшнюю ночь съ собой покончу, то, стало быть, мнѣ все на свѣтѣ да было такъ теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, все равно. Ой же и вдругъ почувствовалъ, что мнѣ не все равно и я ждѣлочку? И помню, что я ее очень пожалѣлъ; до какой-то странной боли и совѣтъ даже невѣроятной въ моемъ полонѣ. Право, я не умѣю лучше передать этого тогдашняго моего молчаливаго ощущенія, но ощущеніе продолжалось и дома, уже и засѣлъ за столомъ и я очень былъ раздраженъ, давно уже не былъ. Разсужденіе текло за разсужденіемъ. И становилось яснымъ, что если я человѣкъ, я еще не нуль, и не обратился въ нуль, то живу, а слѣдственно могу страдать и ощущать стыдъ за свои поступки. Пусть. Но если и убью себя, напримѣръ, черезъ два часа, то что мнѣ вѣдь и какое мнѣ тогда дѣло и до стыда, и до всего на свѣтѣ? И обращаюсь въ нуль, въ нуль абсолютный. И неужели о мнѣ о томъ, что я сейчасъ совершенно не буду существовать, стало бытъ, и ничто не будетъ существовать, не могло имѣть малѣйшаго вліянія ни на чувство жалости къ дѣвочкѣ, и чувство стыда послѣ сдѣланной подлости? Вѣдь я потому затоналъ и закричалъ дикимъ голосомъ на несчастнаго ребенка, дескать, не только — вотъ не чувствую жалости, но и безчеловѣчную подлость сдѣлаю, то теперь могу, потому черезъ два часа все угаснетъ. Вѣрнѣе-ли, что потому закричалъ я теперь почти убѣжденъ въ атомъ. Яснымъ представилъ что жизнь и міръ теперь какъ-бы отъ меня зависятъ. И сказать даже такъ, что міръ теперь какъ-бы для меня сдѣланъ. Застрѣлюсь я и міра не будетъ, по крайней мѣрѣ меня. Не говоря уже о томъ что, можетъ быть, и дѣйствительно для кого ничего не будетъ послѣ меня, и весь міръ, тѣмъ лишь угаснетъ мое сознаніе, угаснетъ тотчасъ какъ призракъ какъ принадлежность лишь одного моего сознанія, и упразднится, можетъ быть, весь этотъ міръ и все эти люди — я-то одинъ и есть. Помню, что сидя и разсуждая, я обертывалъ эти новые вопросы, тѣснявшіеся одинъ за другимъ, совѣтъ къ другой сторону и выдумывалъ совѣтъ ужъ новое. И міръ, мнѣ вдругъ представилось одно странное изображеніе: если-бы я жилъ прежде на лунѣ, или на Марсѣ, и сдѣлалъ тамъ какой-нибудь самый срамный и безчестный поступокъ, то только можно себя представить и болѣе тамъ за него

обезчещенъ такъ, какъ только можно ощутить и пред-
дѣль лишь развѣ иногда во снѣ, въ кошмарѣ, и ослѣбъ, очу-
тъ потомъ на землѣ, и продолжалъ-бы сохранять сознание
что сдѣлааъ на другой планетѣ, и кромѣ того знааъ-бы
туда ни за что и никогда не возвращусь, то, смотря
на луну. — было-бы мнѣ все равно или нѣтъ? Ощу-
тъ бы я за тотъ постунокъ стыдъ или нѣтъ? Вопросы были
и лишніе, такъ какъ револьверъ лежалъ уже передо
и всѣмъ существомъ моимъ знааъ, что это будетъ на-
ю они горячили меня и я бѣсился. Я какъ-бы уже не
умереть теперь, чего-то не разрѣшивъ предварительно.
словомъ, эта дѣвочка спасла меня, потому что я вопро-
спалла выстрѣлъ. У капитана-же между тѣмъ стало тоже
или они кончили въ карты, устранились спать, а пока
и взаимно доругивались. Вотъ тутъ-то я вдругъ и заснулъ,
когда со мной не случалось прежде за столомъ въ крес-
и заснулъ совершенно мнѣ непримѣтно. Сны, какъ из-
чрезвычайно странная вещь: одно представляется съ ужа-
ленностью, съ ювелирски-мелочною отдѣлкой подробно-
черезъ другое перескакиваешь, какъ-бы не замѣчая вовсе,
ишь. черезъ пространство и время. Сны, кажется, стремятъ
иудокъ, а желаніе, не голова, а сердце. а между тѣмъ
ишрѣишія вещи продѣлывалъ иногда мой разсудокъ во
каду тѣмъ съ нимъ происходятъ во снѣ вещи совсѣмъ
ишкмыя. Мой братъ, напрімѣръ, умеръ пять лѣтъ назадъ.
из его вижу во снѣ: онъ принимаетъ участіе въ моихъ
и вы очень заинтересованы, а между тѣмъ я вѣдь вполне,
продолженіе сна, знаю и помню, что братъ мой померъ
ишсятъ. Какъ-же я не дивлюсь тому, что онъ, хотъ и мерт-
ише-таки тутъ подлѣ меня и со мной хлопочеть? Почему
и мой совершенно допускаеть все это? Но довольно. При-
ко сну моему. Да, мнѣ приснился тогда этотъ сонъ, мой
ишьяго ноября! Они дразнятъ меня теперь тѣмъ, что вѣдь
ишь только сонъ. Но неужели не все равно сонъ или нѣтъ,
ишь этотъ возвѣстия мнѣ Истину? Вѣдь если разъ узнааъ
и увидѣаъ ее, то вѣдь знаешь, что она истина и другой
ишь можетъ быть, спите вы или живете. Ну, и пусть сонъ,
ишь, но эту жизнь, которую вы такъ превозносите, я хо-
ишгаеть самоубійствомъ, а сонъ мой, сонъ мой,—о, онъ
ишь мнѣ новую, вѣзвкую, обновленную, сильную жизнь!
ишайте.

III.

Я сказалъ, что заснулъ незамѣтно, и даже какъ-бы паяя разсуждать о тѣхъ-же матеріяхъ. Вдругъ, приснилось что я беру револьверъ, и, сидя, наставляю его прямо въ сердце въ сердце, а не въ голову; я-же положилъ прежде непре застрѣлиться въ голову и именно въ правый високъ. Наставивъ въ грудь, я подождалъ секунду или двѣ и свѣчка моя, стѣнна передо мною вдругъ задвигались и заколыхались. Я скорѣе выстрѣлилъ.

Во снѣ вы падаете иногда съ высоты, или рѣжутъ васъ бьютъ, но вы никогда не чувствуете боли, кромѣ развѣ если какъ-нибудь дѣйствительно ушибетесь въ кровати: тутъ и чувствуете боль и всегда почти отъ боли проснетесь. Такъ и во снѣ моемъ: боли я не почувствовалъ, но мнѣ представилось съ выстрѣломъ моимъ все во мнѣ сотряслось и все вдругъ потухло и стало кругомъ меня ужасно черно. Я какъ будто онемѣлъ и вотъ я лежу на чемъ-то твердомъ, протягивая навзничь, ничего не вижу и не могу сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Кругомъ ходятъ и кричатъ, баситъ капитанъ, выходя хозяйка.—и вдругъ опять перерывъ, и вотъ уже меня вѣдаютъ въ закрытомъ гробѣ. И я чувствую какъ болышается гробъ. Я разсуждаю объ этомъ, и вдругъ меня въ первый разъ посетила идея, что вѣдь я умеръ, совсѣмъ умеръ, знаю это, сомнѣваюсь, не вижу и не движусь, а между тѣмъ чувствую и разсуждаю. Но я скоро мирюсь съ этимъ и, по обыкновению, какъ во снѣ, принимаю дѣйствительность безъ спору.

И вотъ меня зарываютъ въ землю. Всѣ уходятъ, я совершенно одинъ. Я не движусь. Всегда, когда я представляю представлялъ себѣ какъ меня похоронятъ въ могилу, собственно съ могилой соединялъ лишь одно ощущеніе сырости и холода. Такъ и теперь я почувствовалъ что мнѣ очень холодно, особенно концамъ пальцевъ на ногахъ, но болыше ничего не почувствовалъ.

Я лежалъ и, странно, — ничего не ждалъ, безъ спору принимая, что мертвому ждать нечего. Но было сыро. Не знаю сколько прошло времени, -- часъ или нѣсколько дней, или много. Но вотъ вдругъ, на лѣвый закрытый глазъ мой упала проливающаяся черезъ крышу гроба капля воды, за ней черезъ минуту другая, затѣмъ черезъ минуту третья, и такъ далѣе и такъ

у черезъ минуту. Глубокое негодование загорѣлось вдругъ въ моемъ, и вдругъ я почувствовалъ въ немъ физическую. «Это рана моя» подумалъ я, «это выстрѣлъ, тамъ пуля»... И все капала каждую минуту и прямо на закрытый мой. И я вдругъ воззвалъ, не голосомъ, ибо былъ недвижимъ, къ существомъ моимъ въ влѣстителяю всего того, что со-
мнѣ со мною:

«Что-бы ты ни былъ, но если ты есть, и если суще-
ство что-нибудь разумнѣе того, что теперь совершается, то
бому быть и здѣсь. Если же ты мстишь мнѣ за неразум-
ноубійство мое—безобразіемъ и нецѣпностью дальнѣйшаго
то знай, что никогда и никакому мученію, какое-бы ни
о меня, не сравниться съ тѣмъ презрѣніемъ, которое я
ощущать, хотя-бы въ продолженіи милліоновъ лѣтъ
мства!..

воззвалъ и смолкъ. Цѣлую почти минуту продолжалось
мо молчаніе и даже еще одна капля упала, но я зналъ, я
дѣльно и нерушимо зналъ и вѣрилъ, что непременно сей-
се измѣнится. И вотъ вдругъ разверзлась могила моя.
я не знаю, была-ли она раскрыта и раскопана, но я былъ
какимъ-то темнымъ и неизвѣстнымъ мнѣ существомъ и мы
сь въ пространствѣ. Я вдругъ прозрѣлъ: Была глубокая
никогда, никогда еще не было такой темноты! Мы не-
въ пространствѣ уже далеко отъ земли. Я не спрашивалъ
который несъ меня ни о чемъ, я ждалъ и былъ гордъ. Я
къ себя, что не боюсь и замираю отъ восхищенія при
, что не боюсь. Я не помню, сколько времени мы неслись
ому представить: совершалось все такъ какъ всегда во снѣ,
перескакиваешь черезъ пространство и время и черезъ за-
битія и разсудка, и останавливаешься лишь на точкахъ, о
ихъ грезить сердце. Я помню что вдругъ увидалъ въ тем-
нну звѣздочку. «Это Сиріусъ? —спросилъ я, вдругъ не
шивсь, ибо я не хотѣлъ ни о чемъ спрашивать. — «Нѣтъ,
самая звѣзда, которую ты видѣлъ между облаками, воз-
сь домой». —отвѣчало мнѣ существо уносящее меня. Я
что оно имѣло какъ-бы ликъ человѣческій. Странное дѣло,
билъ это существо, даже чувствовалъ глубокое отвращеніе.
къ совершеннаго небытія и съ тѣмъ выстрѣлилъ себѣ въ
И вотъ я въ рукахъ существа, конечно, не человѣческаго,
е есть, существуетъ: «А, стало быть, есть и за гро-
ш!» —подумалъ я съ страннымъ легкомысліемъ сна,

по сущность сердца моего оставалась со мною во всей глубине. «И если надо *быть* снова» — подумалъ я, «и жить опять чьей-то неустранимой волею, то не хочу чтобъ меня побѣди и унизили!» — «Ты знаешь, что я боюсь тебя и за то презираю тебя», — сказалъ я вдругъ моему спутнику, не удержавшись от унижительнаго вопроса, въ которомъ заключалось признаніе, ощутивъ какъ уколъ булавки, въ сердцѣ моемъ униженіе. Онъ не отвѣтилъ на вопросъ мой, но я вдругъ почувствовалъ, что меня не презираютъ, и надо мной не смѣются, и даже не жалѣютъ меня, и что путь нашъ имѣетъ цѣль, неизвѣстную, таинственную, и касающуюся одного меня. Страхъ нарасталъ въ моемъ сердцѣ. Что-то нѣмо, но съ мученіемъ сообщалось мнѣ от моего молчавшаго спутника и какъ-бы проникало меня. Мы неслись въ темныхъ и невѣдомыхъ пространствахъ. Я давно пересталъ видѣть знакомыя глазу созвѣздія. Я зналъ, что такія звѣзды въ небесныхъ пространствахъ, отъ которыхъ доходятъ на землю лишь въ тысячи и милліоны лѣтъ. Но чтобы, мы уже пролетали эти пространства. Я ждалъ чего-то страшнаго измучившей мое сердце тоскѣ. И вдругъ какое-то новое и въ высшей степени зовущее чувство сотрясло меня. Я увидѣлъ вдругъ наше солнце! Я зналъ, что это не могло быть наше солнце, породившее нашу землю, и что мы отъ него были на безконечномъ разстояніи, но я узналъ почему-то, въ существѣ моимъ, что это совершенно такое-же солнце какъ и наше повтореніе его и двойникъ его. Сладкое, зовущее чувство зазвучало въ душѣ моей: родная сила свѣта, того-же, который родилъ меня, отозвалась въ моемъ сердцѣ и воскресила его. Я ощутилъ жизнь, прежнюю жизнь, въ первый разъ послѣ моей смерти.

— «Но если это — солнце, если это совершенно такое-же солнце, какъ наше, вскричалъ я, то гдѣ-же земля?» И мой спутникъ указалъ мнѣ на звѣздочку, сверкающую въ темнотѣ яркимъ блескомъ. Мы неслись прямо къ ней.

— И неужели возможны такія повторенія во вселенной? неужели таковъ природный законъ?.. И если это тамъ земля, неужели она такая-же земля какъ и наша... совершенно такая несчастная, бѣдная, но дорогая и вѣчно любимая, и такую мучительную любовь рождающая къ себѣ въ самыхъ неблагоприятныхъ даже дѣтяхъ своихъ, какъ и наша?.. вскрикивалъ я, трясаюсь отъ неудержимой, восторженной любви къ той родной и прежней землѣ, которую я покинулъ. Образъ бѣдной дѣвочки, которую я обидѣлъ, промелькнулъ передо мною.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

Видишь все, отвѣтилъ мой спутникъ, и какая-то печаль жась въ его словѣ. Но мы быстро приближались къ пла-
на росла въ глазахъ моихъ, я уже различалъ океанъ,
Европы, и вдругъ странное чувство какой-то великой,
невности возгорѣлось въ сердцѣ моемъ: «какъ можетъ
подобное повтореніе и для чего? Я люблю, я могу любить
землю, которую я оставилъ, на которой остались брызги
рой, когда я, неблагодарный, выстрѣломъ въ сердце мое
мою жизнь. Но никогда, никогда не переставалъ я лю-
землю, и даже въ ту почъ, разставаясь съ ней, я, мо-
къ, любилъ ее мучительнѣе чѣмъ когда-либо. Есть-ли му-
этой новой землѣ? На нашей землѣ мы истинно можемъ
лншь съ мученіемъ и только черезъ мученіе! Мы иначе
нѣтъ любить и не знаемъ иной любви. Я хочу мученія
любить. Я хочу, я жажду, въ сію минуту цѣловать. обли-
лезами, лишь одну ту землю, которую я оставилъ и не
е принимаю жизни ни на какой иной!..

спутникъ мой уже оставилъ меня. Я вдругъ, совсѣмъ
а для меня незамѣтно, сталъ на этой другой землѣ въ
свѣтѣ солнечнаго, прелестнаго какъ рай дня. Я стоялъ,
и, на одномъ изъ тѣхъ острововъ, которые составляютъ
ей землѣ Греческій Архипелагъ, или гдѣ-нибудь на при-
материка, прилегающаго къ этому архипелагу. О, все
очно также какъ у насъ, но, казалось, всюду сіяло ка-
дъ праздникомъ и великимъ святымъ, и достигнутымъ на-
торжествомъ. Ласковое изумрудное море тихо плескало о
и лобызало ихъ съ любовью, явной, видимой, почти со-
дой. Высокія, прекрасныя деревья стояли во всей роскоши
цвѣта, а безчисленные листочки ихъ, я убѣжденъ въ
привѣтствовали меня тихимъ, ласковымъ своимъ шумомъ,
-бы выговаривали какія-то слова любви. Мурава горѣла
ароматными цвѣтами. Птички стадами перелетали въ воз-
дѣ, не боясь меня, садились мнѣ на плечи и на руки и ра-
бали меня своими милыми, трепетными крылышками. И
къ я увидѣлъ и узналъ людей счастливой земли этой. Они
и во мнѣ сами, они обрружили меня, цѣловали меня. Дѣти
дѣти своего солнца, — о, какъ они были прекрасны! Ни-
къ же видывалъ на нашей землѣ такой красоты въ чело-
вѣкѣхъ лишь въ дѣтяхъ нашихъ, въ самые первые годы
ихъ, можно-бы было найти отдаленный, хотя и слабый
— ~~истокъ~~ этой. Глаза этихъ счастливыхъ людей свер-

кали яснымъ блескомъ. Лица ихъ сіяли разумомъ и какою-то восполнившимся уже до спокойствія сознаниемъ, но лица были веселы; въ словахъ и голосахъ этихъ людей звенѣла дѣтская радость. О, я тотчасъ-же, при первомъ взглядѣ на лица, понялъ все, все! Это была земля не оскверненная грѣхоніемъ, на ней жили люди не согрѣшившіе, жили въ таковой раю, въ какомъ жили, по преданіямъ всего человѣчества, и согрѣшившіе прародители, съ тою только разницею, что земля здѣсь была повсюду однимъ и тѣмъ-же раемъ. Эти люди радостно смѣясь, тѣснились ко мнѣ и ласкали меня; они усаживали меня къ себѣ и всякому изъ нихъ хотѣлось успокоить меня, но они не спрашивали меня ни о чемъ, но какъ-бы все знали, такъ мнѣ казалось, и имъ хотѣлось согнать послѣднее страданіе съ лица моего.

IV.

Видите-ли что, опять-таки: Ну, пусть это былъ только мимолетный образъ. Но ощущеніе любви этихъ невинныхъ и прекрасныхъ людей осталось во мнѣ навѣки, и я чувствую, что ихъ любовь живетъ на меня и теперь оттуда. Я видѣлъ ихъ самъ, ихъ лица зналъ и убѣдился, я любилъ ихъ, я страдалъ за нихъ по-прежнему. О, я тотчасъ-же понялъ, даже тогда, что во многомъ не понимаю ихъ вовсе; мнѣ, какъ современному русскому прогрессисту и гнилому петербуржцу, казалось неразмѣшимымъ то напримѣръ, что они знали столько много, не имѣютъ нашей науки. Но я скоро понялъ, что знаніе ихъ восполнялось и питалось иными проникновеннѣйшимъ чѣмъ у насъ на землѣ, и что стремленія ихъ были тоже сознательныя. Они не желали ничего и были спокойны, они не стремились къ познанію жизни, такъ какъ мы стремимся сознать жизнь, потому что жизнь ихъ была восполнена. Но знаніе ихъ было глубже и высшее, чѣмъ у нашей науки; ибо наука наша не можетъ объяснить что такое жизнь, сама стремится сознать ее, и не можетъ научить другихъ жить; они же и безъ науки знали какъ жить. И это я понялъ, но я не могъ понять ихъ знанія. Они указывали мнѣ на деревья свои, и я не могъ понять той силы любви, съ которою они смотрѣли на нихъ: точно они говорили съ собою подобными существами. И знаете, можетъ быть, ошибусь, если скажу, что они говорили съ ними! Да, они говорили на ихъ языкъ и убѣждены, что тѣ понимали ихъ. Такъ смотрѣли они и на всю природу, — на животныхъ, которыя жили съ

не нападали на нихъ и любили ихъ, побѣжденные ихъ же
любовью. Они указывали мнѣ на звѣзды и говорили о нихъ со
мною о чемъ-то, чего я не могъ понять, но я убѣжденъ, что они
какимъ-то образомъ соприкасались съ небесными звѣздами, не мы-
слию, а какимъ-то живымъ путемъ. О, эти люди и не до-
гадывались, чтобъ я понималъ ихъ, они любили меня и безъ того,
хотя я зналъ, что они никогда не поймутъ меня, а потому
я и не говорилъ имъ о нашей землѣ. Я лишь цѣловалъ при
каждомъ случаѣ эту землю, на которой они жили, и безъ словъ обожалъ
ихъ, и они видѣли это и давали себя обожать, но сты-
жусь, что я ихъ обожаю потому, что много любили сами. Они не
заботились за меня, когда я, въ слезахъ, порою цѣловалъ ихъ
радостно зная въ сердцѣ своемъ, какую силой любви они
обладаютъ. Порою я спрашивалъ себя въ удивленіи: какъ
могутъ они, все время, не оскорбить такого какъ я, и ни разу не
высказать въ такомъ какъ я чувства ревности и зависти? Много
разъ спрашивалъ себя, какъ могъ я, хвастунъ и лжець, не
говорить имъ о моихъ познаніяхъ, о которыхъ, конечно, они не
имѣли понятія, не желать удивить ихъ ими, или хотя-бы только
высказать имъ любовь къ нимъ?—Они были рѣзвы и веселы какъ дѣти. Они
спѣвали по своимъ прекраснымъ рощамъ и лѣсамъ, они пѣли
прекрасныя пѣсни, они питались легкою пищею, плодами
лѣсныхъ деревьевъ, медомъ лѣсовъ своихъ, и молокомъ ихъ лю-
били животныхъ. Для пищи и для одежды своей они тру-
дились лишь немного и слегка. У нихъ была любовь и рождались
дѣти, но никогда я не замѣчалъ въ нихъ порывовъ того же-
лання сладострастія, которое постигаетъ почти всѣхъ на нашей
землѣ, всѣхъ и всякаго, служитъ единственнымъ источникомъ
и причиной всѣхъ грѣховъ нашего человѣчества. Они радовались явля-
ясь у нихъ дѣтямъ какъ новымъ участникамъ въ ихъ бла-
женствѣ. Между ними не было ссоръ и не было ревности, и они
знали даже что это значитъ. Ихъ дѣти были дѣтьми всѣхъ,
и они считали себя все составляя одну семью. У нихъ почти совсѣмъ не
было болѣзней, хотя и была смерть; но старики ихъ умирали тихо,
какъ бы засыная, окруженные прощавшимися съ ними людьми.
Я склонялся къ нимъ, улыбаясь имъ и сами напутствуемые ихъ
мирыми улыбками. Скорби, слезъ при этомъ я не видалъ, а
лишь умножившаяся какъ-бы до восторга любовь, но до
такой степени спокойнаго, воспользовавшагося, созерцательнаго. — По-
возможно было, что они соприкасались еще съ умершими
даже и послѣ ихъ смерти и что земное единеніе между

ними не прерывалось смертію. Они почти не понимали меня, и я спрашивалъ ихъ про вѣчную жизнь, но видимо были въ до того убѣждены безотчетно, что это не составляло для нихъ вопроса. У нихъ не было храмовъ, но у нихъ было какое-то сущное, живое и непрерывное единеніе съ Цѣлымъ вселенной. У нихъ не было вѣры, за то было твердое знаніе, что когда полнится ихъ земная радость до предѣловъ природы земной, то наступитъ для нихъ, и для живущихъ и для умершихъ, большее расширеніе соприкосновенія съ Цѣлымъ вселенной. Они ждали этого мгновенія съ радостію, но не торопясь, не страдая имъ а какъ-бы уже имѣя его въ предчувствіяхъ сердца своего. И въ минуты которыхъ они сообщали другъ другу. Но вечерамъ, отходя ко сну, они любили составлять согласные и стройные хоры. Въ этихъ хорахъ они передавали все ощущенія, которыя доставилъ имъ этотъ день, славилъ его и прощались съ нимъ. Они славилъ природу, землю, море, лѣса. Они любили слагать пѣсни другъ о другѣ, и любили другъ друга какъ дѣти; это были самыя простыя пѣсни, но выливались изъ сердца и проникали сердца. Да и не въ пѣсняхъ однихъ, а, казалось, и всю жизнь свою они проводили лишь въ томъ, что любовались другъ другомъ. Это была какая-то медленность другъ въ друга, всецѣлая, всеобщая. Иныхъ-же пѣсенъ, торжественныхъ и восторженныхъ, я почти не понималъ вовсе. Понимая слова, я никогда не могъ проникнуть во все значеніе. Оно оставалось какъ-бы недоступно моему уму, и мое сердце мое какъ-бы проникалось имъ безотчетно и все болѣе и болѣе. Я часто говорилъ имъ, что я все это давно уже предчувствовалъ, что вся эта радость и слава сказывалась мнѣ на нашей землѣ зовущею тоскою, доходившею подчасъ до стертной скорби; что я предчувствовалъ всѣхъ ихъ и слышалъ ихъ въ снахъ моего сердца и въ мечтахъ ума моего, что я не могъ смотрѣть, на землѣ нашей, на заходящее солнце и не слезъ... Что въ ненависти моей къ людямъ нашей земли, зачиналась всегда тоска: зачѣмъ я не могу ненавидѣть ихъ не любуясь ими, зачѣмъ не могу не прощать ихъ, а въ любви моей къ нимъ тоска: за чѣмъ не могу любить ихъ ненавидя ихъ? Они слушали меня и я видѣлъ, что они не могли представить себѣ то что я говорю, но я не жалѣлъ что имъ говорилъ о томъ: я зналъ, что они понимаютъ всю силу тоски моей о тѣхъ кого я покаялся. Да, когда они глядѣли на меня своимъ милымъ проникнутымъ любовью взглядомъ, когда я чувствовалъ, что при нихъ мое сердце становилось столь же невиннымъ и правдивымъ, ка-

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

сердца, то и не жалѣлъ, что не понимаю ихъ. Отъ ощущеній
этой жизни мнѣ захватывало духъ и я молча молился на нихъ.
О, всё теперь смѣются мнѣ въ глаза и убѣждаютъ меня, что
снѣ нельзя видѣть такія подробности, какія я передаю те-
перь, что во снѣ моемъ я видѣлъ или прочувствовалъ лишь одно
ощущеніе, порожденное моимъ-же сердцемъ въ бреду, а подроб-
ности уже самъ сочинилъ проснувшись. И когда я открылъ имъ,
можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ такъ было—Боже, какой смѣхъ
подняли мнѣ въ глаза и какое я имъ доставилъ веселье! О,
конечно, я былъ побужденъ лишь однимъ ощущеніемъ того
что оно только одно уцѣлѣло въ до крови раненомъ сердцѣ
моемъ: но за то дѣйствительные образы и формы сна моего, т. е.
которые я въ самомъ дѣлѣ видѣлъ въ самый часъ моего сна,
были восполнены до такой гармоніи, были до того обая-
тельны и прекрасны, я до того былъ истинны, что, проснувшись
я конечно, не въ силахъ былъ воплотить ихъ въ слабыя слова
и такъ, такъ что они должны были какъ бы стучаться въ умъ
чуждого, а стало быть, и дѣйствительно, можетъ быть, я самъ, без-
сознательно, принужденъ былъ сочинить потомъ подробности и ужъ,
конечно, сказавъ ихъ, особенно при такомъ страстномъ желаніи
ихъ поскорѣе я хотѣю сколько-нибудь ихъ передать. Но за то
я-же мнѣ не вѣрить что все это было? Было, можетъ быть,
тысячу разъ лучше, свѣтлѣе и радостнѣе, чѣмъ я рассказы-
ваю? Пусть это сонъ, но все это не могло не быть. Знаете-ли,
показу вамъ секретъ: все это быть можетъ было вовсе не
сонъ! Ибо тутъ случилось нѣчто такое, нѣчто до такого ужаса
и вѣроподобнаго, что это не могло-бы пригрезиться во снѣ. Пусть сонъ
и породило сердце мое, но развѣ одно сердце мое въ си-
лахъ было породить ту ужасную правду, которая потомъ слу-
чилась со мной? Какъ-бы могъ я ее одинъ выдумать или при-
думать сердцемъ? Неужели-же мелкое сердце мое и капризный,
ложный умъ мой могли возвыситься до такого откровенія
и смелости! О, судите сами: я до сихъ поръ скрывалъ, но теперь до-
веду и эту правду. Дѣло въ томъ, что я... развратилъ ихъ всѣхъ!

У.

Да, да, кончилось тѣмъ, что я развратилъ ихъ всѣхъ! Какъ
это совершиться—не знаю, но помню ясно. Сонъ проле-
телъ черезъ тысячелѣтія, и оставилъ во мнѣ лишь ощущеніе цѣ-
лѣбнаго только, что причиною грѣхопаденія былъ я. Какъ
она грѣшила, какъ атомъ чумы, заражающій цѣлыя государ-

ства. такъ и я заразилъ собой всю эту счастливую, безгдо меня землю. Они научились лгать и полюбили ложь и красоту лжи. О, это, можетъ быть, началось *невинно*, съ кокетства, съ любовной игры, въ самомъ дѣлѣ, можетъ съ атома, но этотъ атомъ лжи проникъ въ ихъ сердца и вился имъ. Затѣмъ быстро родилось сладострастіе, сладострастіе породило ревность, ревность—жестокость... О, не знаю, не но скоро, очень скоро брызнула первая кровь: они удивились, ужаснулись, и стали расходиться, разъединяться. Явились но уже другъ противъ друга. Начались укоры, упреки. Они стыдъ и стыдъ возвели въ добродѣтель. Родилось понятіе и въ каждомъ союзѣ поднялось свое знамя. Они стали животныхъ и животныя удалились отъ нихъ въ дѣса и имъ врагами. Началась борьба за разъединеніе, за обособленіе за личность, за мое и твое. Они стали говорить на разныхъ языкахъ. Они познали скорбь и полюбили скорбь, они дали мученія и говорили, что Истина достигается лишь мученіемъ. Тогда у нихъ явилась наука. Когда они стали то начали говорить о братствѣ и гуманности и поняли это. Когда они стали преступны, то изобрѣли справедливость и писали себѣ цѣлые кодексы, чтобъ сохранить ее, а для исполненія кодексовъ поставили гильотину. Они чуть-чуть знали о томъ, что потеряли, даже не хотѣли вѣрить то были когда-то невинны и счастливы. Они смѣялись даже въ возможность этого прежняго ихъ счастья и называли это истинной. Они не могли даже представить его себѣ въ формѣ картинъ и размахъ, но странное и чудесное дѣло: утративъ всякую возможность, бывшее счастье, назвавъ его сказкой, они до того захотѣли вернуть невинными и счастливыми вновь, опять, что пали передъ нимъ и ниями сердца своего, какъ дѣти, обоготворили это желаніе и строили храмовъ и стали молиться своей-же идее, свѣдѣнію «желанію», въ тоже время вполне вѣруя въ неосуществимость его, но со слезами обожая его и полагаясь на него. И, однако, еслибъ только могло такъ случиться, что они возвратились въ то невинное и счастливое состояніе, то они утратили, и еслибъ кто вдругъ имъ показалъ его, то они спросилъ ихъ: хотятъ-ли они возвратиться къ нему? то они вѣрно бы отказались. Они отвѣчали мнѣ: «пусть мы лжемъ и несправедливы, мы знаемъ это и плачемъ объ этомъ, и себя за это самъ, и истязаемъ себя и наказываемъ больше, даже, можетъ быть, тотъ милосердный Судья, который бу

насъ и имени котораго мы не знаемъ. Но у насъ есть на-
черезъ нее мы отыщемъ вновь истину, но примемъ ее уже
железно. Знаніе выше чувства, сознание жизни — выше жизни.
Я дасть намъ премудрость, премудрость откровенья законы, а
законовъ счастья — выше счастья». Вотъ что говорили
и послѣ словъ такихъ каждый возлюбилъ себя больше
себя, да и не могли они иначе сдѣлать. Каждый сталъ столь
любимъ къ своей личности, что изъ всѣхъ силъ старался лишь
увеличить и умалить ее въ другихъ; и въ томъ жизнь свою по-
терялъ. Явилось рабство, явилось даже добровольное рабство:
люди подчинились охотно сильнѣйшимъ, съ тѣмъ только, чтобъ
не могли имъ давить еще слабѣйшихъ, чѣмъ они сами. Яви-
лись праведники, которые приходили къ этимъ людямъ со сло-
вами и говорили имъ объ ихъ гордости, о потерѣ мѣры и гармо-
нии, о утратѣ ими стыда. Надъ ними смѣялись или побивали
каменьями. Святая кровь лилась на порогахъ храмовъ. За-
стали появляться люди, которые начали придумывать: какъ-
бы вновь такъ соединиться, чтобы каждому, не переста-
вая любить себя больше всѣхъ, въ тоже время не мѣшать никому
другому, и жить такимъ образомъ всѣмъ вмѣстѣ какъ-бы и въ
ясномъ обществѣ. Цѣлыя войны поднялись изъ-за этой идеи.
Люди, воюющіе твердо вѣрили въ тоже время, что наука, премуд-
рость и чувство самосохраненія заставятъ, наконецъ, человѣка
соединиться въ согласное и разумное общество, а потому пока,
до ускоренія дѣла «премудрые» старались поскорѣе истребить
идею «непремудрыхъ» и не понимающихъ ихъ идею, чтобы они
не мѣшали торжеству ея. Но чувство самосохраненія стало быстро
ослабѣвать, явились гордецы и сладострастники, которые прямо по-
бились всего или ничего. Для пріобрѣтенія всего пріобрѣгалось
злостью, а если оно не удавалось — къ самоубійству. Яви-
лись религіи съ культомъ небытія и саморазрушенія ради вѣч-
наго условленія въ ничтожество. Наконецъ, эти люди устали въ
мысленномъ трудѣ, и на ихъ лицахъ появилось страданіе, и
люди провозгласили, что страданіе есть красота, ибо въ стра-
даніи лишь мысль. Они воспѣли страданіе въ пѣсняхъ своихъ.
Возникъ между ними ломая руки и плавалъ надъ ними, но
былъ ихъ, можетъ быть, еще больше, чѣмъ прежде, когда на
лицахъ ихъ еще не было страданія и когда они были невинны
и столь прекрасны. Я полюбилъ ихъ оскверненную ими землю
еще больше, чѣмъ когда она была раемъ, за то лишь, что на ней
была горе. Увы, я всегда любилъ горе и скорбь, но лишь для

себя, для себя, а объ нихъ я плакалъ, жалѣя ихъ. Я про-
 разъ къ нимъ руки, въ отчаяніи обвиняя, проклиная и пр-
 рая себя. Я говорилъ имъ, что все это сдѣлалъ я, я одинъ;
 это я имъ принесъ развратъ, заразу и ложь! Я умолялъ
 чтобъ они распяли меня на крестѣ, я училъ ихъ, какъ сдѣ-
 крестъ. Я не могъ, не въ силахъ былъ убить себя самъ, я
 хотѣлъ принять отъ нихъ муки, я жаждалъ мукъ, жаждалъ
 чтобы въ этихъ мукахъ пролита была моя кровь до капли.
 Они лишь смѣялись надо мной и стали меня считать подъ кон-
 за юродиваго. Они оправдывали меня, они говорили, что по-
 чили лишь то, чего сами желали и что все то, что есть тебѣ
 не могло не быть. Наконецъ, они объявили мнѣ, что я ста-
 люсь имъ опасенъ и что они посадятъ меня въ сумасшед-
 домъ, если я не замолчу. Тогда скорбь вошла въ мою душу
 такую силой, что сердце мое стѣснилось и я почувствовалъ,
 умру, и тутъ... ну, вотъ тутъ я и проснулся.

Было уже утро, т. е. еще не разсвѣло, но было около
 стаго часу. Я очнулся въ тѣхъ-же креслахъ, свѣчка моя до-
 рѣла вся, у капитана спали и кругомъ была рѣдкая въ на-
 квартирѣ тишина. Первымъ дѣломъ, я вскочилъ въ чрезвычай-
 номъ удивленіи; никогда со мной не случалось ничего подобнаго,
 даже до пустяковъ и мелочей: никогда еще не засыпалъ я, на-
 мѣръ, такъ въ моихъ креслахъ. Тутъ вдругъ, пока я стоялъ и
 ходилъ въ себя,—вдругъ мелькнулъ передо мной мой револьверъ
 готовый, заряженный,—но я въ одинъ мигъ оттолкнулъ его отъ
 себя! О, теперь жизни и жизни! Я поднялъ руки и воззвалъ къ
 ной истинѣ; не воззвалъ, а заплакалъ; восторгъ, неизмѣримый
 сторгъ поднималъ все существо мое. Да, жизнь, я — проповѣ-
 проповѣди я порѣшилъ въ ту же минуту и ужь, конечно, на
 жизнь! Я иду проповѣдывать, я хочу проповѣдывать,—что? Исти-
 ибо я видѣлъ ее, видѣлъ своими глазами, видѣлъ всю ея славу!

И вотъ съ тѣхъ поръ я и проповѣдую! Кромѣ того — лю-
 всѣхъ, которые надо мной смѣются больше всѣхъ остальныхъ.
 Почему это такъ,—не знаю и не могу объяснить, но пусть такъ
 и будетъ. Они говорятъ, что я ужь и теперь сбиваюсь, тѣмъ
 коль ужь и теперь сбился такъ, что-же дальше-то будетъ?
 Правда истинная: Я сбиваюсь и, можетъ быть, дальше пойду
 еще хуже. И ужь, конечно, собьюсь нѣсколько разъ, пока отъ
 какъ проповѣдывать, т. е. какими словами и какими дѣлами,
 тому что это очень трудно исполнить. Я вѣдь и теперь

какъ день вижу, но послушайте: кто-же не сбивается! А
 у тѣмъ вѣдь всё крутъ-жъ одному и тому-же, по крайней
 всё стремятся въ одному и тому-же, отъ мудреца до по-
 сего разбойника, только разными дорогами. Старая это не-
 но вотъ что тутъ новое: я и сбиться-то очень не могу.
 ну что я видѣлъ истину, я видѣлъ и знаю, что люди мо-
 быть прекрасны и счастливы, не потерявъ способности
 на землѣ. Я не хочу и не могу вѣрить, чтобы зло было нор-
 мальнымъ состояніемъ людей. А вѣдь они всё только надъ этой
 то моей и смеются. Но какъ мнѣ не вѣровать: Я видѣлъ
 ну, — не то что изобрѣлъ умомъ, а видѣлъ, видѣлъ, и *железо*
 ея напаяннѣ душу мою навѣки. Я видѣлъ ее въ такой
 оплеченной цѣлости, что не могу повѣрить, чтобы ея не могло
 у людей. И такъ какже я собоюсь? Уклонюсь, конечно,
 нѣсколько разъ, и буду говорить даже, можетъ быть, чу-
 словами, но не надолго: живой образъ того, что я ви-
 будетъ всегда со мной, и всегда меня поправитъ и напра-
 О, я бодръ, я свѣжъ. я иду, иду, и хотя-бы на тысячу
 Знаете, я хотѣлъ даже скрыть, вначалѣ, что я развратилъ
 всѣхъ, но эта была ошибка, — вотъ уже первая ошибка!
 жгива шепнула мнѣ что я лгу, и охранила меня и напра-
 Но какъ устроить рай—я не знаю, потому что не умѣю
 нать словами. Послѣ сна моего потерялъ слова. Но крайней
 всё главныя слова, самыя нужныя. Но пусть; я пойду и
 буду говорить, неустанно, потому что я все-таки видѣлъ во-
 , хотя и не умѣю пересказать что я видѣлъ. Но вотъ этого
 и не помнятъ: «Сонъ, дескать, видѣлъ, бредъ:
 шинацію». Эхъ! Неужто это премудро? А они такъ гордятся,
 ? что такое сонъ? А наша то жизнь не сонъ? Больше скажу!
 , пусть, это никогда не сбудется и не бывать раю, (вѣдь
 это-то я понимаю!)—ну, а я все таки буду проповѣдывать.
 между тѣмъ, такъ это просто: въ одинъ-бы день, *въ одинъ-бы*
 —все-бы сразу устроилось! Главное — любя другихъ какъ
 , вотъ что главное, и это все, больше равно ничего не надо:
 какъ найдешь какъ устроиться. А между тѣмъ вѣдь это толь-
 старая истина, которую билліонъ разъ повторажи и читали,
 вѣдь не ужилась-же! «Сознаніе жизни выше жизни, знаніе
 сѣхъ счастья—выше счастья»—вотъ съ чѣмъ бороться надо!
 у. Если только всё захотятъ, то сейчасъ все устроится.

ту маленькую дѣвочку я отыскалъ... И пойду! И пойду!

Освобожденіе подсудимой Корниловой.

22 апрѣля сего года, въ здѣшнемъ Окружномъ судѣ рѣшено дѣло подсудимой Корниловой съ новымъ судомъ суда и присяжныхъ засѣдателей. Превжній приговоръ состоявшійся еще въ прошломъ году, былъ кассированъ томъ за недостаточно произведенной медицинской экспер-
Можетъ быть, большинство моихъ читателей очень помнитъ этотъ дѣлъ. Молодая мачиха (тогда еще несовершеннолѣтняя) въ беременномъ состояніи, въ злобѣ на мужа, попрекавшій ее прежней женой, и послѣ жестокой съ нимъ ссоры, выбросила свою шестилѣтнюю падчерицу, дочь своего мужа отъ прежней жены, изъ окошка изъ четвертаго этажа (5¹/₂ саж. въ вышину) въ садъ. При чемъ случилось почти чудо: ребенокъ не разбился, не померъ и не повредилъ себѣ ничего и скоро очнулся: теперѣ живъ и здоровъ. Это звѣрское дѣйствіе молодой женщины проводилось такой безсмыслицей и загадочностью всѣхъ остальныхъ поступковъ, что само собою являлось вопросомъ: въ здравомъ-ли умѣ она дѣйствовала? И не была-ли она въ примѣръ, хоть подъ афектомъ своего беременнаго состоянія? Проснувшись утромъ, когда уже мужъ ушелъ на работу, она дала выспаться ребенку; потомъ одѣла его, обула, и на кофе. Затѣмъ отворила окно и выбросила его за окно. Взглянувъ даже изъ окна внизъ, чтобъ посмотреть, что случилось съ ребенкомъ, она затворила окно, одѣлась и отправилась на свой участокъ. Тамъ объявила о происшедшемъ, отвѣчала на вопросы грубо и странно. Когда ей, уже нѣсколько часовъ спустя, сообщили, что ребенокъ остался живъ, она, не обнаруживъ радости, ни досады, совершенно равнодушно и хладнокровно приняла какъ-бы въ задумчивости: «какая живучая». Затѣмъ въ продолженіи почти полутора мѣсяца, въ двухъ тюрьмахъ, въ которыхъ ей пришлось находиться, она продолжала быть угрюмой, неразговорчивой. И вдругъ все разомъ прошло: всѣ эти четыре мѣсяца до разрѣшенія отъ бремени и все остальное время, на первомъ судѣ и послѣ суда, начальница женскаго дѣленія тюрьмы не могла ея нахвалиться: явился характерный, тихій, ласковый, ясный. Впрочемъ я все это уже описывалъ прежде. Однимъ словомъ, превжній приговоръ былъ кассированъ, а затѣмъ состоялся новый, 22 апрѣля, которымъ Корнилова оправдана.

Я былъ въ залѣ суда и вынесъ много впечатлѣній. Жаль только, что нахожусь въ полной невозможности передать ихъ и условно принужденъ ограничиться лишь самыми немногими словами. Да и сообщаю о дѣлѣ единственно потому, что прежде всего писалъ о немъ, а, стало быть, считаю не лишнимъ сообщить читателямъ и объ исходѣ его. Судъ продолжался вдвое дольше прежняго раза. Составъ присяжныхъ засѣдателей былъ особенно замѣчательнъ. Призвана была новая свидетельница — женщина женскаго отдѣленія тюрьмы. Показаніе ея о характерѣ виновной было очень вѣско и въ ея пользу. Замѣчательно очень и само показаніе мужа подсудимой: съ необычайною честностью не скрылъ ничего, ни ссоръ, ни обидъ съ его стороны, не издевался жену, говорилъ сердечно, прямо, откровенно. Онъ только крестьянинъ, правда, носящій нѣмецкое платье, читаетъ книги и получающій градцать рублей ежемѣсячнаго жалованья. Затѣмъ замѣчательнъ былъ подборъ экспертовъ. Пришло было шесть человекъ, — все извѣстности и знаменитости медицины; изъ нихъ давали показанія пятеро: Трое заявили, возлюбляясь, что болѣзненное состояніе, свойственное беременной женщинѣ, весьма могло повліять на совершеніе преступленія въ данномъ случаѣ. Одинъ лишь докторъ Флоринскій съ этимъ мнѣніемъ былъ не согласенъ, но, къ счастью, онъ не психіатръ, а психіатръ его прошло безъ всякаго значенія. Последнимъ показаніемъ извѣстный нашъ психіатръ Дюковъ. Онъ говорилъ почти по часу, отвѣчая на вопросы прокурора и предсѣдателя суда. Было представлено себѣ болѣе тонкое пониманіе души человѣка въ его болѣзненныхъ ея состояніяхъ. Поражало тоже богатство и разнообразіе многолѣтнихъ и чрезвычайно любопытныхъ наблюдений. Что до меня, то я выслушалъ нѣкоторые изъ показаній эксперта рѣшительно съ восхищеніемъ. Мнѣніе эксперта было именно въ пользу подсудимой: онъ утвердительно и доказательно говорилъ о несомнѣнномъ, по его мнѣнію, болѣзненномъ состояніи подсудимой, во время совершенія ею страшнаго преступленія. Кончилось тѣмъ, что самъ прокуроръ, не смотря на свою грозную рѣчь — отказался отъ обвиненія въ преднамѣренности, т. е. отъ самой главной злобы обвиненія. Защитникъ подсудимой, пріятель повѣренный Люстигъ, тоже чрезвычайно ловко отбилъ все обвиненія, а одно, важнѣйшее, — долгую будто-бы нечестивую кляксу въ падчерицѣ, — привелъ къ полному нулю, осязательно обнаруживъ въ немъ лишь корридорную слякоть. Заключивъ послѣ длинной рѣчи предсѣдателя, присяжные удалились

и менѣе чѣмъ черезъ четверть часа вынесли оправдательный говоръ, произведшій почти восторгъ въ многочисленной публикѣ. Многие крестились, другіе поздравляли другъ друга, жали другъ другу руки. Мужъ оправданной увелъ ее въ тотъ-же вечеръ уже въ одиннадцатомъ часу, къ себѣ домой и она, счастливая вошла опять въ свой домъ, почти послѣ годоваго отсутствія впечатлѣніемъ огромнаго вынесеннаго ею урока на всю жизнь и явнаго Божьяго перста во всемъ этомъ дѣлѣ, — хотя-бы тогда начинала съ чудеснаго спасенія ребенка.

Къ моимъ читателямъ.

Прибѣгаю къ чрезвычайному снисхожденію моихъ читателей. Въ прошломъ году, изъ-за моей поѣздки лѣтомъ въ Эмсъ для леченія болѣзни, я принужденъ былъ выдать №№ «Дневника» за іюль и августъ мѣсяцы вмѣстѣ, въ одномъ выпускѣ, 31 августа, конечно въ удвоенномъ числѣ листовъ. Въ нынѣшнемъ же году, по усилившейся еще болѣе моей болѣзни, я принужденъ выдать и майскій № съ іюньскимъ вмѣстѣ, въ одномъ выпускѣ въ концѣ іюня или въ самыхъ первахъ числахъ іюля. Затѣмъ іюльскій и августовскій №№ какъ и въ прошломъ году выйдутъ тоже въ августѣ. Съ сентября-же мѣсяца №№ «Дневника» начнутъ опять выдаваться акуратно въ послѣднее число cadaго мѣсяца.

Уѣзжая изъ Петербурга по приговору докторовъ, я заявляю, что хотя въ Петербургѣ помещеніе Редакціи и будетъ закрыто до самаго сентября, тѣмъ не менѣе всѣ иногородные подписчики и читатели, равно какъ и весь Петербургскіе, въ случаѣ надобности могутъ обращаться *письменно* въ Редакцію совершенно какъ и прежде. Письма эти будутъ немедленно доставлены задушевною Редакціей и всякая жалоба, всякое недоумѣніе и пр. будутъ по прежнему въ скорѣйшемъ времени удовлетворены. Равно всѣ письма на мое имя будутъ немедленно мнѣ доставлены. На этотъ счетъ сдѣланы Редакціей самыя точныя распоряженія. Подписка по прежнему можетъ продолжаться: поданшіеся будутъ немедленно удовлетворены.

Не знаю, извинять-ли меня мои читатели и подписчики «Дневника Писателя?» При такомъ непредвидѣнномъ обстоятельстве какъ уложеніе болѣзни, трудно было угадать все это впередъ. Огромное большинство читателей моихъ относилось доселѣ ко мнѣ весьма доброжелательно, въ чемъ я увѣренъ по твердымъ фактамъ. Остаиваюсь ждать этой доброты и теперь.

МАЙ—ІЮНЬ.

Глава первая.

I.

Книги предсказаній Іоанна Лихтенбергера, 1528 года.

Мы сообщили одинъ престранный документъ. Это одно древняя правда, туманное и аллегорическое, предсказаніе о нынѣшнихъ событіяхъ и о нынѣшней войнѣ. Одинъ изъ нашихъ ученыхъ нашелъ въ Лондонѣ, въ королевской библиотекѣ, старый фолиантъ, «внигу предсказаній», «Prognosticationes» Іоанна Лихтенбергера, изданіе 1528 года, на латинскомъ языкѣ. Стиль рѣдкій и даже, можеть быть, единственный въ свѣтѣ. Манерныхъ картинахъ изображается въ этой книгѣ будущее Европы и человѣчества. Книга мистическая. Помѣщая лишь рѣчь, которая намъ сообщила, и лишь какъ фактъ, но лишь нѣкотораго любопытства.

Въ предсказаніи о французской революціи (1789 г.) и о войнѣ первомъ, который именуется въ книгѣ великимъ орломъ (*aquila grandis*), говорится далѣе о грядущихъ европейскихъ войнахъ такъ:

et haec veniet altera aquila quae ignem fovebit in gremio sponsae huius mundi et erunt tres adulteri unusque legitimus qui alios vorabit.
Въ невесты Христовой и будутъ трое побочныхъ и одинъ законный, который другихъ пожретъ.

Surget aquila grandis in Oriente, aquicolae occidentales morientur.
Встанеть орелъ великій на Востокѣ, островитяне западные

народа, незнающаго хорошенько молитвъ, подымали одна-
въ въ Крыму, подъ Севастополемъ, раненыхъ французовъ и
шли ихъ на перевязку *прежде* чѣмъ своихъ русскихъ: «Тѣ
полежатъ и подождутъ: русскаго-то всякій подыметъ, а
гузикъ-то чужой, его напередъ пожалѣть надо». Развѣ тутъ
чуждость, и развѣ не Христовъ духъ въ этихъ простодуш-
ныхъ и великодушныхъ, шутливо сказанныхъ словахъ? И такъ,
не духъ Христовъ въ народѣ нашемъ, — темномъ, но до-
стоинномъ, невѣжественномъ, но не варварскомъ. Да, Христосъ его
наша русская теперь сила, когда орелъ полетѣлъ «на дѣло
свое». И что значить одинъ какой-нибудь анекдотъ о Сева-
стопольскихъ солдатикахъ, сравнительно съ тысячами проявленій
Христовыхъ и «огня милосердія» въ народѣ нашемъ, на яву
очью, въ наше время, хотя и до сихъ поръ изо всѣхъ силъ
бьются мудрецы задавить мысль и похоронить фактъ участія
нашего, духомъ и сердцемъ его, въ теперешнихъ судь-
бахъ Россіи и Востока? И не указывайте на «звѣрство и ту-
манность» народа, на невѣжественность его и неразвитость, при ко-
торой онъ будто-бы не въ силахъ понять того, что теперь про-
исходитъ. Сущность дѣла онъ понимаетъ превосходно, будьте
уверены, онъ четыре уже столѣтія какъ ее понимаетъ. Вотъ те-
пешные дипломаты не понялъ-бы вовсе, если-бы объ нихъ
было сказано: но вѣдь кто-жъ ихъ пойметъ? Да, великій народъ нашъ
выраженъ какъ звѣрь, претерпѣлъ мученія еще съ самаго
начала своего, за всю свою тысячу лѣтъ, такія, какихъ ни одинъ
животный въ мірѣ не вытерпѣлъ-бы, разложился-бы и уничтожился,
если-бы только окрѣпнѣть и сплотился въ этихъ мученіяхъ. Не ко-
гда-то онъ за «звѣрство и невѣжество», господа мудрецы, по-
толкуете вы, именно вы-то для него ничего и не сдѣлали. На-
задъ вы ушли отъ него, двѣсти лѣтъ назадъ, покинули его
и соединили съ собой, обратили его въ податную единицу и
вечную для себя статью, и росъ онъ, господа просвѣщен-
нейшіе, вами-же забытый и забитый, вами-же загнанный
звѣрь въ берлогу свою, но съ нимъ былъ его Христосъ и
онъ однимъ дожилъ онъ до великаго дня, когда двадцать
лѣтъ назадъ съвершилъ орелъ, воспламененный огнемъ ми-
ра, взмахнулъ и расправилъ свои крылья и обѣнилъ его
крыльями... Да, звѣрства въ народѣ много, но не указы-
вайте на него. Это звѣрство — тина вѣковъ, она вычистится. И
будетъ, что есть еще звѣрство; буда въ томъ, если звѣрство
человѣка будетъ какъ добродѣтель. Я видалъ и разбойниковъ.

мало-ли бываетъ совпаденій? Правда, все это написано и стало въ 1528 году и это очень любопытно. Въ то время о бытъ часто являлись подобныя сочиненія, и хотя время не только предшествовало войнамъ великой протестантской реформации, но уже протестантовъ, реформаторовъ и про- было много. Извѣстно тоже, что потомъ, особенно въ тантскихъ арміяхъ, всегда появлялись изступленные «про- изъ самихъ сражавшихся, предсказатели и конвульсіо- Если я сообщилъ эту латинскую выписку изъ старой (несомнѣнно существующей, — повторяю это), то един- о какъ занимательный фактъ. Не какъ чудо, да и не ишь чудеса чудесны. Всего чудеснѣе бываетъ весьма часто) происходить въ дѣйствительности. Мы видимъ дѣйстви- сть всегда почти такъ, какъ *хотимъ* ее видѣть, какъ *предвзято*, желаемъ растолковать ее себѣ. Если-же под- другъ разберемъ и въ видимомъ увидимъ не то что хо- видѣть, а то что есть *въ самомъ дѣлѣ*, то прямо прини- то, что увидѣли за чудо, о это весьма не рѣдко, а под- кланусь, повѣримъ скорѣе чуду и невозможности, чѣмъ истинности, чѣмъ истинѣ, *которую не желаемъ видѣть*. в всегда бываетъ на свѣтѣ, въ томъ вся исторія человѣ-

II.

Сбъ анонимныхъ ругательныхъ письмахъ.

загранну не побхалъ и нахожусь теперь въ курской гу- Мои докторъ, узнавъ, что я имѣю случай провести лѣто вень. да еще въ такой губерніи, какъ курская, проини- мѣ вить въ деревнѣ Эссентукскую воду и прибавилъ, о будетъ для меня несравненно полезнѣе Эмса, къ водѣ го я-де уже привыкъ. Долгомъ считаю заявить, что я по- в весьма много писемъ отъ моихъ читателей съ самымъ гвеннымъ выраженіемъ ихъ ко мнѣ участія по поводу объявленія о болѣзни. И вообще, къ слову скажу, за все изданія моего «Дневника» я получилъ и продолжаю полу- ного писемъ, подписанныхъ и анонимныхъ, столь для меня хъ и столь одобрявшихъ и поддерживавшихъ меня въ чествъ, что прямо скажу, я никогда не рассчитывалъ на

...и вообще сочувствіе и никогда не считалъ себя дост...
...эти письма я соберегу какъ драгоценность и—
...ораторнаго, если я заявляю объ этомъ печатно? Неуж...
...что я цвню и дорожу общимъ вниманіемъ? Но, скажу...
...хвалитесь, хвастаетесь. Пусть скажутъ это, я з...
...что это не хвастовство, что я заявляю лишь мою б...
...подарность, мое искреннее чувство и слишкомъ ужъ не молод...
...не понимать какъ раздражаю иныхъ господъ моимъ...
...двѣтнѣмъ. Но и господъ этихъ, кажется, у меня тоже сл...
...вотъ немного. Изъ нѣсколькихъ сотъ писемъ, полученныхъ...
...мною за эти полтора года изданія «Дневника» по крайней мѣ...
...сотня (но навѣрно больше) было анонимныхъ, но изъ этихъ...
...анонимныхъ писемъ лишь два письма были абсолютно вражд...
...ныя. Есть несогласные со мной въ убѣжденіяхъ, тѣ прямо из...
...гаютъ свои возраженія, но всегда серьезно, искренно, безъ м...
...льшихъ личностей, и въ подписанныхъ, и въ анонимныхъ пи...
...махъ, и я лишь жалѣю, что, по множеству получаемыхъ писемъ,...
...какъ не могу всѣмъ отвѣтить. Но эти два письма—исключе...
...и написаны не для возраженія, а для ругательства. И вотъ, э...
...то господа сочинители этихъ писемъ и будутъ раздражены м...
...имъ заявленіемъ благодарности. Последнее изъ этихъ писемъ...
...какъ разъ касается моего объявленія о болѣзни. Мой анон...
...ный корреспондентъ разсердился не на шутку: какъ, деска...
...а осмѣлился объявить печатно о такомъ частномъ, личномъ дѣ...
...какъ моя болѣзнь, и въ письмѣ ко мнѣ написалъ на мое о...
...явленіе свою пародію, весьма неприличную и грубую. Но, от...
...такая главная цѣль письма—ругательство, я невольно заинте...
...совался вопросомъ, именно: если я,—напримѣръ, поставленъ...
...необходимость, по разстроенному здоровью, уѣхать лечиться...
...потому принужденъ не выдать майскій № «Дневника» свое...
...менно, а вмѣстѣ съ іюньскимъ, и такъ какъ я каждый разъ,...
...каждомъ выпускѣ «Дневника», объявлялъ о времени выхода с...
...дующаго номера, — то мнѣ и показалось, что прямое, голосо...
...ное, безо всякихъ объясненій объявленіе о томъ, что слѣд...
...ущій выпускъ «Дневника», выдетъ вмѣстѣ съ іюльскимъ, бы...
...онъ нѣсколько безцеремоннымъ и почему-же было не объяв...
...причину, изъ за которой такъ вышло? И развѣ, въ объявлен...
...номъ такъ уже много я росписалъ о моей болѣзни? Но...
...то конечно пустяки, и еслибъ дѣло шло лишь отъ челов...
...серьезно шокированнаго въ своемъ чувствѣ литературнаго...
...общественнаго приличія, то получился-бы любопытный, у

те, пожалуй, в почтенный экземпляр господина стоящаго, быть, и въ литературу, но изъ безкорыстной любви къ такъ сказать, сгорающаго почтеннымъ огнемъ соблюденія литературныхъ приличій, и хотъ доводящаго свои стремленія до тщливости, тѣмъ не менѣе выводящаго изъ ихъ источника земаго и любопытнаго, — такъ что я, изъ одной только признатности, не могъ-бы отказать такому анониму въ своего уваженіи. Но ругательства все испортили: ясное дѣло, что ихъ-то и была вся цѣль. И ужь безъ сомнѣнія приеми- все это здѣсь и не стоило-бы; но мнѣ давно хотѣлось ска- слова два вообще объ анонимныхъ письмахъ, т. е. соб- о ругательныхъ анонимныхъ письмахъ; и я радъ, что аль на случай.

Мне въ томъ, что мнѣ давно казалося, что въ наше время, неустойчивое, столь переходное, столь исполненное пере- и столь мало кого удовлетворяющее (да такъ и должно) — непременно должно было развестись чрезвычайное мно- го людей, такъ сказать обойденныхъ, позабытыхъ, остав- ныхъ безъ вниманія и досаждующихъ: «зачѣмъ, дескать, вездѣ а не я, зачѣмъ не обращаютъ и на меня вниманія». Въ въ состояніи личнаго раздраженія и неудовлетвореннаго, такъ нтъ, идеала, иной господинъ готовъ подчасъ взять спичку и и зажигать, — до того это чувство мучительно, я это очень шую, и чтобъ осуждать это надо вооружиться скорѣе гуман- но тѣмъ негодованіемъ. Но зажигать спичкой уже крайность и, сказать, удѣлъ натуръ могучихъ, Байроновскихъ. Къ счастью, выходы не столь ужасные для натуръ не столь могучихъ. выходъ — просто напавостить, ну, тамъ наклеветать, на- наслетничать, или анонимное ругательное письмо пустить. въ словомъ, я сталъ давно уже подозрѣвать, и подозрѣваю нтъ поръ, что наше время должно быть непременно време- , хотя и великихъ реформъ и событий, это безспорно, но нтъ съ тѣмъ я усиленныхъ анонимныхъ писемъ ругатель- характера. Что касается литературы, то тутъ нѣтъ ника- сомнѣнія анонимныя ругательныя письма составляютъ, такъ нтъ, неотъемлемую часть современной русской литературы и окладуютъ ее по всѣмъ направленіямъ, — и кто только изъ той и писателей не получаетъ ихъ; я даже справлялся въ какихъ изданіяхъ, и въ одномъ изъ нихъ — именно нтъ изъ тѣхъ, которыя пошли вдругъ, произвели впе- ле быстрое, внезапное, и угодили публикѣ въ такой

онъ придаетъ выраженіямъ чрезвычайную цѣну, и что весь характеръ такого письма измѣнится къ лучшему черезъ подпись, и онъ придаетъ ему духъ примодушія, мужества, готовности и отвѣтить за свои убѣжденія, да и самая рѣзкость словъ покажетъ лишь горячку убѣжденія, а не желаніе выругаться. И такъ, ясное дѣло, что не подписывающійся ругатель желаетъ главное выругаться площадными ругательствами, и не доставить себѣ прежде всего это именно удовольствіе, этой цѣли не имѣетъ. И вѣдь самъ онъ знаетъ, что дѣлаетъ и что самъ себѣ вредитъ, т. е. силѣ письма своего, но якова потребность выругаться. Эту черту, т. е. эту потребность замѣтить, ибо она все еще преобладаетъ въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ. И пусть не смѣются надо мной, но вѣрю, что такаа черта у насъ *преобладаетъ*; я убѣжденъ, что не преувеличиваю, и что мы стоимъ теперь на этой точкѣ развитія, такъ сказать, въ массѣ нашей. Къ тому-образите и то, что можно во всю жизнь не написать ни одного анонимнаго ругательнаго письма, а между тѣмъ всю жизнь носить себѣ душу анонимнаго ругателя; а вѣдь это тоже важное явленіе. И что въ томъ, что я, въ полтора года, получилъ лишь два ругательныхъ письма; это лишь доказываетъ мою скромность и непримѣтность, равно какъ и малый кругъ моей дѣятельности, а сверхъ того и то, что я имѣю дѣло лишь съ порядочными людьми. Другіе-же дѣятеля, болѣе моего примѣтные (стало быть, уже потому одному болѣе моего виновные), и такъ того принужденные дѣйствовать по самому роду и характеру изданій своихъ въ чрезвычайно расширенномъ кругѣ дѣятельности, получаютъ ругательныхъ писемъ, можетъ быть, по двѣсти, а по два въ полтора года. Однимъ словомъ, я убѣжденъ, что наша цивилизація чрезвычайно мало привила къ намъ гуманности и что у насъ людей, желающихъ выругаться быстро и непосредственно, въ каждомъ случаѣ, который имъ чуть-чуть направится, даже, можетъ быть, до того не мало, что страшно думать; а желающихъ выругаться — при томъ-же и безнаказанно, анонимно и безопасно, изъ-за двери, еще того больше, и какъ разъ анонимное письмо даетъ эту возможность: письмо вырешь и письмо не краснѣетъ.

Старину у насъ европейской чести не было, наши бояре дрались и даже дикались между собою отврвенно и плюхали, а большую и окончательную поруху чести не считалась. Но за честь была своя честь, хоть и не въ европейской формѣ,

но не менѣе чѣмъ тамъ священная и серьезная, и изъ чести бояринъ пренебрегалъ иной разъ всѣмъ состояніемъ положеніемъ своимъ при дворѣ, даже царскою милостью перемѣною костюма и съ введеніемъ европейской шпалась у насъ новая европейская честь и — въ цѣлые не принялась серьезно, такъ что старое забыли и оп новое приняли недоувѣрчиво и скептически. Приняла, зать, механически, а душевно позабыли что значитъ сердечную потребность въ ней утратили и это, страшно пр за весьма, можетъ быть, малыми исключеніями.

Въ эти два вѣка нашего европейскаго и шпажнаго, зать, періода, честь и совѣсть, странно даже сказать, лась наиболѣе и даже пѣликомъ въ нашемъ народѣ, до почти и не коснулся шпажный періодъ нашей исторіи. родъ грязенъ, невѣжественъ, варварственъ, пусть смѣк моимъ предположеніемъ безъ малѣйшаго снисхожденія, мою жизнь я вынесъ убѣжденіе, что народъ нашъ не чище сердцемъ высшихъ нашихъ сословіи и что умъ е не на столько раздвоенъ, чтобъ рядомъ съ самою свѣт лелѣять тутъ-же, подчасъ-же, и самый гаденькій ант какъ сплошь да рядомъ въ интеллигенціи нашей, да ваться съ обѣими этими идеями, не зная которой изъ ровать и отдать преимущество на практикѣ, да еще наз состояніе ума и души своей — богатствомъ развитія европейскаго просвѣщенія, и хотъ и умирать при так ствѣ отъ скуки и отвращенія, но въ то же время изъ вс смѣяться надъ простымъ, не тронутымъ еще чужою цивили народомъ нашимъ за наивность и прямотуше его вѣ Но тема эта обширная. Просто скажу: самый грубый и постыдится чужихъ мыслей и побужденій много нашего дѣятеля», я увѣренъ въ томъ, и съ отвращеніемъ о отъ большей части дѣлъ нашихъ интеллигентныхъ люде ренъ, что онъ не понимаетъ и долго еще не пойметъ, наединѣ, за дверями, когда никто не подглядываетъ, д себя пакости и считать ихъ вполне дозволительными, нр дозволенными. единственно потому, что нѣтъ свидѣтелей не подглядываетъ, — а между тѣмъ эта черта до уж практикуется въ интеллигентномъ сословіи нашемъ, да малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, и даже, напротивъ, весьма высшимъ удовлетвореніемъ ума и высшихъ свойствъ ц наго духа. По понятіямъ народа, то, что пакостно на

за дверями. Между тѣмъ мы на народъ-то и смотримъ какъ на пахабника, пакостника, обскурантнаго ругателя ищаго лишь наслажденіе въ ругательствѣ. Кстати при-
тъмъ болѣе что это уже давно прошло и измѣнилось. Вѣра моя юности было у военныхъ людей, въ огромномъ числѣ ихъ, убѣжденіе, что русскій солдатъ, какъ вышед-
народа, чрезвычайно любить говорить пакостности, ру-
и сквернословъ. А потому, чтобъ быть популярными, иные
ны, на ученіяхъ напрямѣръ, позволяли себѣ такъ ру-
съ такими утонченностями и вывертами, что солдаты
но краснѣли отъ этихъ ругательствъ, а потомъ, у себя
вѣра, старались забыть высказанное начальствомъ, и
который припоминалъ, вскрикивали всюю артелью. Я
какимъ лично тому свидѣтелемъ. А командиры-то какъ
бы была въ душѣ, что вотъ, дескать, какъ они поддѣла-
въ духъ русскаго солдата. Да чего, — даже Гоголь въ
всѣхъ съ друзьями», совѣтовалъ другу, распекая крѣ-
го мужика всенародно, употреблять непременно крѣпкія
и даже приводилъ какія именно. т. е. именно тѣ изъ нихъ,
и садче, въ которыхъ какъ можно больше-бы оказывалось,
казать, нравственной пакостности, чѣмъ наружной, утон-
ти чтобъ въ ругательствѣ больше было. Между тѣмъ на-
усскій хоть и ругается, въ сожалѣнію, крѣпкими словами,
иже не весь, далеко не весь. въ самой незначительной
всей долѣ (повѣрять-ли тому?) а главное (и безспорно),
са онъ скорѣе машинально чѣмъ съ нравственною утон-
тью, скорѣе по привычкѣ чѣмъ съ умысломъ, и вотъ это-
хлѣднее-то, т. е. съ умысломъ, случается лишь въ чрезвы-
рѣдныхъ экземплярахъ у бродягъ, пропойць и всякихъ
ихъ презираемыхъ народомъ. Народъ хоть и ругается по
жѣ, но самъ знаетъ, что эта привычка скверная и осуж-
на. Такъ что отучить народъ отъ ругательствъ, по моему,
росто дѣло механической отвычки, а не нравственнаго уси-
вообще эта идея о народѣ нашемъ, какъ о любителѣ под-
ругательствъ, по моему мнѣнію, укоренилась въ интелли-
гъ словъ нашѣхъ, главное, уже тогда, когда уже произо-
окончательный, нравственный разрывъ его съ народомъ,
нѣйся, какъ извѣстно, со стороны интеллигентнаго слоя
и совершеннымъ непониманіемъ народа. Тогда-то явилось
и другихъ всякихъ ошибочныхъ идей о нашемъ народѣ.
не повѣрять мнѣ и свидѣтельству моему, что народъ нашъ

вовсе не такой ругатель, какъ до сихъ поръ его предсебѣ и описывали, пусть: я вѣдь убѣжденъ, что свидѣмое оправдается. Тѣже надежды, которыя возлагаю я на возлагаю я и на юное поколѣніе наше. Народъ и юное интеллигенціи нашей сойдутся вмѣстѣ вдругъ и во многом раздо ближе и успѣшнѣе поймутъ другъ друга, чѣмъ то (наше время и въ наше поколѣніе. Въ молодежи нашей естество и, дай только Богъ, чтобъ она была умнѣе насъ. Кстати о молодежи: одинъ весьма молодой человекъ и мнѣ недавно въ письмѣ весьма рѣзкое возраженіе на одну какую—умолчу, и подписался подъ своимъ рѣзкимъ (июдь не невѣжливомъ) письмомъ *en toutes lettres*, да еще вилъ адресъ. Я пригласилъ его къ себѣ объясниться. Сшелъ и поразилъ меня горячностью и серьезностью сужденія къ дѣлу. Кой въ чемъ онъ со мной согласился и въ раздумьи. Замѣчу еще, что, какъ мнѣ кажется, юное поколение наше гораздо лучше умѣетъ спорить, чѣмъ старики, т. е. ственно въ манерѣ спора: они выслушиваютъ и даютъ гов и это именно отъ того, что для нихъ разъясненіе дѣла ихъ самолюбія. Уходя, онъ пожалѣлъ о рѣзкости письма и все это вышло у него съ неподдѣльнымъ достоинствомъ ковоидителей вѣтъ у нашей молодежи, вотъ что! А ужъ къ въ нихъ нуждается, какъ часто она устремлялась съ во во слѣдъ людей, хотя и не стоившихъ того, но чуть-чуть искреннихъ! И каковы или каковъ долженъ быть этотъ ній руководитель—тамъ кто-бы онъ ни былъ? Да и и ли еще намъ такихъ людей наша русская судьба—вотъ и

III.

Планъ обличительной повѣсти изъ современной жизни

А вѣдь я объ анонимномъ ругателѣ еще не кончилъ. И томъ, что этакимъ человекъ можетъ представить собою чрезсерьезный литературный типъ, въ романѣ или повѣсти. Тутъ можно и надо взглянуть съ иной уже точки зрѣнія, общей, гуманной и согласить ее съ русскимъ характеромъ и съ современною текущею причинностью появленія у насъ типа въ особенности. Въ самомъ дѣлѣ, чуть-чуть вы начеботать надъ этимъ характеромъ, какъ тотчасъ сознаетеся

безъ такихъ людей теперь и не можетъ быть, или еще — что только подобнаго рода людей мы, скорѣе всего, и имѣть должны въ наше время, и что если ихъ сравнительно мало, то это именно по особой милости Божией. Въ самомъ же все это народъ выросшій въ нашихъ недавнихъ шатахъ и метвахъ, у недовольныхъ скептическихъ отцовъ, передавшихъ имъ одно равнодушіе ко всему насущному и много, много что-то неопредѣленное безпокойство на счетъ чего-то грядущаго, страшно фантастическаго, но во что однако-же наклонны пожать даже эти такъ называемые *потомки* реалисты и холодно-ненавистники нашего настоящаго. Да сверхъ того передавъ имъ разумѣется свой скептической безсильный смѣхъ, хотя бы и сознательный, но всегда вседовольный. Мало-ли взросло склѣпникъ двадцать, двадцать пять лѣтъ дѣтей у этихъ гадкихъ склѣпниковъ, прожившихъ послѣднія выкупныя и оставившихъ имъ нищету и завѣтъ подлости — развѣ мало такихъ семействъ? Тотъ молодой человѣкъ вступаетъ, положимъ, на службу. Фирма вѣтъ, «остроумія вѣтъ», связей никакихъ. Есть природный инстинктъ, впрочемъ, у всякаго есть, но такъ какъ онъ у него такъ прежде всего на безцѣльномъ зубоскальствѣ, вотъ ужъ опять пять лѣтъ принимаюшемся у насъ за либерализмъ, то конечно, нашъ герой свой умъ немедленно принимаетъ за О. О. Боже, какъ не оказаться безграничному самолюбію, когда малькъ выросъ безъ малѣйшей нравственной выдержки. И сна-чала онъ куражился ужасно, но такъ какъ въ немъ все-таки умъ и инстинктъ типа предпочитаютъ взять человѣка нѣсколько умнѣе середины чѣмъ гаупте, ибо только въ этихъ двухъ случаяхъ и возможно появленіе такого типа), то онъ скоро догадывается, что зубоскальство все-же вещь отрицательная и до положительнаго до чего не доведетъ. И что если довольствовался имъ его бабка, то вѣдь потому, что тотъ былъ все-же старій колнакъ, а не либеральный человѣкъ, ну а онъ, сыновъ, все-же гений. Ибо вотъ покажѣсть проявить себя затрудняется О, онъ, конечно, готовъ на всякую самую положительную подлость въ душѣ, но почему-же не употребить подлость въ дѣло? Да и кто можетъ доказать въ нашъ вѣкъ что подлость есть «подлость» и т. д. — Однимъ словомъ, онъ вѣдь выросъ на этихъ голыхъ вопросахъ. Но онъ скоро догадывается, что нынѣ, чтобъ и подлость-то употребить въ дѣло надо ждать долгой вѣщи, да къ тому-же отъ нравственной готовности на подлость онъ даже и ему пожалуй далеко, и надо предварительно еще,

такъ сказать, практически выровняться. Ну, конечно, поглупѣе, онъ-бы мигомъ устроился: «вышшія поползнове и примоститься поскорѣе въ тому-то или къ такому-то и тянуть за нимъ ляжку послушно и убѣжденно и — карьера». Но самолюбіе-то, убѣжденіе-то въ своей ген пока еще долго мѣшаетъ: не можетъ онъ даже и въ мыслить столь славную предполагаемую судьбу свою съ такого-то или такого-то: «Нѣтъ-съ, мы пока еще въ опр если они захотятъ меня, то пусть сами придутъ-пове. И вотъ онъ ждетъ пока кто-нибудь ему поклонится, злится и ждетъ, а между тѣмъ, подъ бокомъ у него уже шагнулъ выше его, другой уже примостился, а т слылъ ему въ начальники, — этотъ третій, которому онъ въ ихъ «вышемъ училищѣ» изобрѣлъ прозвище и пу него эпиграмму въ стихахъ, когда рукописный, училищ наль издавалъ и слылъ тамъ за генія. «Нѣтъ-съ, эт Нѣтъ, зачѣмъ-же не я, а онъ? И вездѣ-то, вездѣ-то вс Нѣтъ, думаетъ онъ, тутъ не моя карьера, да и что служ жать мѣшки, мое поприще литература — и вотъ онъ в разсылать по редакціямъ свои произведенія, сначала потомъ съ обозначеніемъ полного имени. Ему, разумѣт вѣчаютъ; въ нетерпѣніи онъ пускается лично обиват редакцій. При случаѣ, получая обратно рукопись, позвол даже поострить, желчно позубоскальничать, такъ сказат сорвать, но все это не помогаетъ. «Нѣтъ, видно и тут нято», думаетъ онъ, скорбно усмѣхаясь. Главное, его вс роковая забота отыскивать всегда и вездѣ какъ можн людей хуже себя. О, онъ бы и понять никогда не могъ. можно радоваться тому, что есть и лучше его! Вотъ тог и натывается въ первый разъ на мысль пустить въ каку редакцію, изъ тѣхъ, гдѣ его наиболѣе обидѣли, злобное санное письмецо. Написалъ, пустилъ, повторилъ въ друго понравилось. Но послѣдствій все-таки никакихъ, все по кругомъ его глухо, нѣмо и слѣпо. «Нѣтъ, что-жъ это за рѣшаетъ онъ окончательно и рѣшаетъ наконецъ «примо Онъ выбираетъ *лицо* — именно своего начальнива — д тутъ, можетъ быть, какъ-нибудь помогаетъ ему и случ зишки. И Поприщинъ у Гоголя началъ вѣдь съ того, чился чинкою перьевъ и былъ вытребованъ для сей квартиру его превосходительства, гдѣ и увидалъ дире дочку, для которой очинилъ два пера. Но время Попри

да и перьевъ теперь не чинять, да и не можетъ измѣнить герой своему характеру: не перья въ его головѣ, а перзвіа мечты. Короче, въ самый короткій срокъ, онъ уже въ, что избилъ директорскую дочку и что та по немъ ртъ. «Ну вотъ и карьера», думаетъ онъ, «да я къ чему-лись женщины, еслибъ нельзя было черезъ нихъ сдѣлать человѣчну карьеру: въ этомъ, въ сущности, весь женскій и заключается, если реально-то обсудить его. А главное, видно: мало-ли кто выходилъ на дорогу черезъ женщинъ?» Тутъ какъ разъ подвертывается, какъ и у Поприщина, нтъ! Поприщинъ поступилъ по своему характеру: онъ со-тъ ума на мечтѣ о томъ, что онъ Испанскій король. И курально! Что могло оставаться приниженному Поприщину, двей, безъ карьеры, безъ смѣлости и безъ всякой иници-а еще въ то петербургское время, какъ не броситься въ тчаянное мечтаніе и повѣрить ему? Но нашъ Поприщинъ, нный намъ Поприщинъ,—ни за что въ мірѣ не въ со-повѣрить, что онъ такой-же самый Поприщинъ, какъ и чальный, только повторившійся тридцать лѣтъ спустя. Въ го грома и молніи, презрѣніе и сарказмы и—и вотъ онъ ея тоже въ мечту, но въ другую. Онъ вспоминаетъ, что ѣ могутъ быть анонимныя письма и что они уже разъ лены бы, и—вотъ онъ рискуетъ свое писмецо, но уже курнальную редакцію, а почтще-сь: онъ чувствуетъ, что гь въ новый практическій фазисъ. О, какъ онъ зали-въ своей камеркѣ отъ своей хозяйки, какъ трепещетъ, в нимъ не подглядѣли, но онъ строчитъ, строчитъ, измѣ-юркъ, создаетъ четыре страницы клеветъ и ругательствъ, мвая съ наслажденіемъ и—просидѣвъ ночь, къ раз-запечатываетъ письмо и адресуетъ — къ жениху адью-Почеркъ онъ измѣнилъ, онъ не боится. Вотъ онъ раз-отъ часы, вотъ теперь письмо должно дойти — это обь его невѣстѣ,—о, тотъ, конечно, откажется, онъ не-д, вѣдь это-же не письмо, а «шедѣвр!» И молодой нашъ по всѣхъ силъ знаетъ, что онъ подленькій негодяй; но шу только радъ: «Нынѣ-де время раздвоенія мысли и сти, нынѣ прямолинейной мыслью не проживешь».

ржется, письмо не оказало дѣйствія, свадьба состоялась, во сдѣлано и герой нашъ, какъ-бы, попалъ на свою . Его обуялъ своего рода миражъ какъ и Поприщина. онъ бросается онъ въ новую дѣятельность, въ аноним-

ныя письма. Онъ вывѣдываетъ про своего генерала, онъ разжаетъ, онъ изливаетъ все, что накопилось въ немъ за три года неудовлетворенной службы, раздраженнаго самолюбія, жадности. Онъ критикуетъ все дѣйствія генерала, онъ осмѣиваетъ его самымъ безпощаднымъ образомъ, и это въ нѣсколькихъ письмахъ, въ цѣломъ рядѣ писемъ. И какъ ему это нравится? И поступки-то генерала, и жену-то его, и любовь и глупость всего ихъ вѣдомства—все, все изобразилъ онъ своихъ письмахъ. Мало по малу, онъ кидается даже въ дарственные соображенія, онъ компануетъ письмо къ министру, въ которомъ предлагаетъ измѣнить Россію, уже не церемонясь. «Нѣтъ, министръ не можетъ не поразиться, геній поразится, и письмо дойдетъ пожалуй до... До такого-то есть лица, Однимъ словомъ, куражь, шоп енант, и когда станутъ разговаривать автора, тутъ-то я разомъ я объявлюсь, такъ сказать, безъ застѣнчивости». Однимъ словомъ, онъ упивается своими пронаведеніями и поминутно воображаетъ какъ распечатываютъ его письма и что за тѣмъ происходитъ на лицахъ тѣхъ лицъ. Въ такомъ расположеніи духа онъ позволяетъ себѣ иногда даже и пошлать; для шутки пишетъ къ инымъ самымъ смѣшнымъ даже лицамъ, не пренебрегаетъ какимъ нибудь даже Егоръ Егоровичемъ, своимъ старичкомъ столоначальникомъ, котораго и вправду чуть не сводитъ съ ума, анонимно увѣривъ его, что его супруга завела любовную связь съ мѣтнымъ частнымъ приставомъ (главное, что тутъ на половину могло быть и правдой). Такъ проходитъ нѣкоторое время, но.. но вдругъ странная осѣняетъ его,—именно: что вѣдь онъ Поприщивъ, не болѣе Поприщивъ, тотъ-же самый Поприщивъ, но только въ милліонъ разъ подлѣе, и что все эти пасквили изъ-за угла, все это величественное могущество его, есть въ сущности миражь и болѣе ничего, да еще самый гаденькій миражь, самый паскуднейшій и позорный, хуже даже чѣмъ мечта объ испанскомъ престолѣ. А тутъ какъ разъ случилось обстоятельство уже серьезно, не позорное какое-нибудь: «что позоръ, позоръ вздоръ, поборются теперь лишь аптекари», а дѣйствительно страшное обстоятельство, въ самомъ дѣлѣ страшное. Дѣло въ томъ, что у него расудокъ и былъ у него, но все же онъ не удержался въ время своего упоенія новой карьерой, именно послѣ-то послѣ-то мѣца къ министру, сболтулъ о своихъ письмахъ—комплименты, хозяйкѣ своей, — ну конечно, не все, она-бы и не знала всего, конечно чуть-чуть, такъ, отъ избытка лишь се

да и перьевъ теперь не чинять, да и не можетъ измѣнить герой своему характеру: не перья въ его головѣ, а яркія мечты. Короче, въ самый короткій срокъ, онъ уже, что плѣнилъ директорскую дочку и что та по немъ. «Ну вотъ и карьера», думаетъ онъ, «да и къ чему-лись женщины, еслибъ нельзя было черезъ нихъ сдѣлать изловѣку карьеру: въ этомъ, въ сущности, весь женскій и заключается, если реально-то обсудить его. А главное, дно: мало-ли кто выходилъ на дорогу черезъ женщинъ?» Тутъ какъ разъ подвертывается, какъ и у Поприщина, съ! Поприщинъ поступилъ по своему характеру: онъ со-ума на мечтѣ о томъ, что онъ Испанскій король. И урально! Что могло оставаться приниженному Поприщину, зей, безъ карьеры, безъ смѣлости и безъ всякой инициации еще въ то петербургское время, какъ не броситься въ чаянное мечтаніе и повѣрить ему? Но нашъ Поприщинъ. ный намъ Поприщинъ,—ни за что въ мірѣ не въ со-овѣрить, что онъ такой-же самый Поприщинъ, какъ и альный, только повторившійся тридцать лѣтъ спустя. Въ о громы и молніи, презрѣніе и сарказмы и—и вотъ онъ и тоже въ мечту, но въ другую. Онъ вспоминаетъ, что могутъ быть анонимныя письма и что они уже разь ены ямъ, и—вотъ онъ рискуетъ свое писмецо, но уже риальную редакцію, а почище-съ: онъ чувствуетъ, что въ въ новый практическій фазисъ. О, какъ онъ запи- в. своей каморкѣ отъ своей хозяйки, какъ трепещетъ. нимъ не подглядѣли, но онъ строчить, строчить, измѣ- ркѣ. создаетъ четыре страницы клеветъ и ругательствъ, вая съ наслажденіемъ и—просидѣвъ ночь, къ раз- печатываетъ письмо и адресуетъ — къ жениху адью- Ючеркъ онъ измѣнилъ, онъ не боится. Вотъ онъ раз- ть часы. вотъ теперь письмо должно дойти — это объ его невѣстѣ,—о, тотъ, конечно, откажется, онъ не- вѣдь это-же не письмо, а «шедѣвр!» И молодой нашъ о всѣхъ силъ знаетъ, что онъ подленькій негодяй: но у только радъ: «Нынѣ-де время раздвоенія мысли и и. нынѣ прямолинейной мыслью не проживешь». ется, письмо не оказало дѣйствія, свадьба состоялась, ю сдѣлано и герой нашъ, какъ-бы, попалъ на свою Его обуялъ своего рода миражъ какъ и Поприщина, я бросается онъ въ новую дѣятельность, въ аноним-

его превосходительства, совсѣмъ ничего и не подозрѣвая. Но вѣдь и тутъ герой нашъ выдержалъ характеръ вполне, ибо для чего онъ бросился къ ногамъ генерала? Конечно, болѣзни, конечно отъ мнительности. Но *главное и отъ того* онъ, — и струсившій, и униженный и себя во всемъ обвиняющій, — а все-же мечталъ по прежнему, какъ всеувоенныи чомнѣніемъ дурачекъ, что, можетъ быть, его превосходительство, выслушавъ его, и все-же, такъ сказать, пораженный ея чинѣмъ. — раскроетъ объ руки свои, которыми онъ столь много подписываетъ за пользу отечества бумагъ и заключитъ въ объятія: «Неужели, дескать, ты до того доведенъ былъ несчастный, но даровитый молодой человекъ! О, это я, я во всемъ виноватъ, я просмотрѣлъ тебя! Беру всю вину на себя. О, мой, вотъ до чего принуждена доходить наша талантливая молодежь изъ за вины нашихъ старыхъ порядковъ и предрассудковъ! Но приходи приходи на грудь мою, и — вмѣстѣ со мной раздѣля постъ мой и мы... и мы перевернемъ департаменты такъ не случилось: и потомъ, долго спустя, въ позоръ и униженіи, вспоминая о пинкѣ носкомъ генеральскаго сапога, шедшагося ему прямо тогда въ лицо, онъ почти искренно оплакивалъ судьбу и людей: «Разъ, дескать, въ жизни моей я открылъ людямъ мои объятія вполне, и что-же удостоился за нихъ?» Финалъ ему можно придумать какой-нибудь самый оригинальный и современный, на примѣръ, его, уже выгнаннаго изъ службъ, нанимаютъ въ фиктивный бракъ, за сто руб., при послѣ вѣнца онъ въ одну сторону, а она въ другую къ ея лабазнику: «и мило и благородно» какъ выражается чинъ приставъ у Щедрина о подобномъ-же случаѣ.

Однимъ словомъ, мнѣ кажется, что типъ анонимнаго героя — весьма недурная тема для повѣсти. И серьезная, конечно-бы нуженъ Гоголь, но... я радъ, по крайней мѣрѣ случайно набрелъ на идею. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ пробую вставить въ романъ.

Глава вторая.

I.

Преміе земледѣльцы—будущіе дипломаты.

Куда я удалился отъ дѣла? Я началъ съ того, что я въ вѣнѣ и радъ тому. Давненько такъ я не жила въ русской вѣнѣ. Но о деревнѣ потомъ, а здѣсь лишь вставлю, что я уже между прочимъ, радъ что я въ деревнѣ, а не за границей, я уважаю за границей сходящихся тамъ нашихъ русскихъ. Тамъ дѣла, въ наше, столь народное, столь единственное и историческое время, когда именно всюду ищешь у себя дома русскихъ, ждешь русскихъ, жалеешь и требуешь русскихъ, въ это время сѣшкомъ тяжело видѣть за границей, куда вотъ двадцать лѣтъ, ежегодно эмигрируется и гдѣ колонизируется масса интеллигенція,—претвореніе чисто-русского, сырого спосходнаго, можетъ быть, матеріала въ жалкую междуна-родную дрянь, обезличенную, безъ характера, безъ народности и отечества. Я не про отцовъ говорю,—отцы несправимы въ съ ними,—а про ихъ несчастныхъ дѣтей, которыхъ они гонятъ за границей. Отцы-же даже отъявленнымъ нашимъ рус-скимъ европейцамъ становятся наконецъ смѣшны. Г. Буренинъ, ставшійся корреспондентомъ на войну, рассказываетъ въ од-номъ изъ своихъ писемъ забавную встрѣчу съ однимъ изъ на-шихъ европейцевъ сороковыхъ годовъ, «въ сѣдыхъ почтенныхъ лѣтахъ», проживающимъ постоянно за границей, но пріѣхав-шимъ нарочно на войну посмотреть на «зрѣлище борьбы» (разу-мѣю, съ самого почтительнаго разстоянія) и разострившимся сердцемъ надъ всѣмъ, надъ чѣмъ вотъ ужъ сорокъ лѣтъ острять распада, т. е. надъ русскимъ духомъ, надъ славянофилами и проч. Онъ потому-де живетъ за границей, что у насъ въ Россіи «все еще нечего дѣлать серьезному и порядочному чело-вѣку». (NB. Я привожу цитаты на память). Одна изъ удачнѣй-шихъ остроумствъ его состояла въ томъ что «уже сдѣлано распо-ряженіе по желѣзнымъ дорогамъ, привезти въ особомъ вагонѣ, въ случаѣ вступленія нашихъ войскъ въ Болгарію и обновленія государства—тѣнь Хомякова». Но этому сѣдокудру господину не было замѣтить, что самъ онъ очень тоже похожъ на

тѣнь какого-нибудь, можетъ быть, и весьма почтеннаго заш
либеральнаго говорильщика сороковыхъ годовъ, но который
перь, еслибъ столько лѣтъ спустя и доживъ до сѣдыхъ вол
повторялъ-бы тоже самое, на чемъ остановился въ своихъ
ковыхъ годахъ, то ужь, конечно, даже будь онъ хоть самъ
новскій, казался-бы непременно точъ въ точъ такимъ-же
мымъ шутомъ какъ и этотъ господинъ, извѣщавшій о рас
женіи доставить по желѣзной дорогѣ на театръ войны тѣнь
мякова и о томъ, что въ нашей Россіи все еще нечего дѣ
порядочному человѣку.

Эмигрировали изъ Россіи (я удерживаю это слово) два
лѣтъ назадъ наиболѣе помѣщики и съ тѣхъ поръ эми
продолжается съ каждымъ годомъ. Конечно, въ этомъ
много и не помѣщиковъ, были всякіе, но въ огромномъ
шинствѣ, если не всѣ,—болѣе или менѣе ненавидящіе Ро
нише правдивенно, вслѣдствіе убѣжденія, «что въ Россіи, т
порядочнымъ и умнымъ, какъ они, людямъ, нечего дѣлать»,
гіе уже просто ненавида ея безо всякихъ убѣжденій, такъ
затъ, натурально, физически: за климатъ, за поля, за лѣ
порядки, за освобожденнаго мужика, за русскую исторію, о
словомъ, за все, за все ненавида. Замѣчу, что такая ненави
можетъ быть и весьма пассивная, очень спокойная и до
равнодушная. А тутъ, какъ разъ, почувствовались въ рукахъ
купины и сверхъ того ужасно многихъ озарило убѣжденіе
съ освобожденіемъ крестьянъ все погнѣло—и деревня, и
владѣніе, и дворянство, и Россія. Правда и то, что съ осв
деніемъ крестьянъ сельскій трудъ остался безъ достаточной
низации и обезпеченія, и личное землевладѣніе натурально
сма и сконфузилося такъ, какъ ни въ какой исторической
воротъ не могло-бы случиться болѣе. Богъ и пустыни
мѣшки продавать и продавать и часть ихъ (слишкомъ
лая), брѣсцась за границу. Но что-бы ни выставили они
въ огрѣзаніе, но не могутъ же они угнать, и передъ согра
нами, и передъ дѣтьми своими, что главная причина ихъ эм
возникла была тоже и причина эгоистическаго «ничего-
дѣла» и вотъ съ тѣхъ поръ русскія лѣтъ поземельная
сцена съ въ подѣлшемъ лѣтъ, продается и покупается,
свѣтъ свѣтъ и дѣлается дѣла дѣла, мѣдѣтъ дѣтъ и въ
объясняется. — и въ 40. оставило. — и въ 40. оставило
и въ 40. оставило. — и въ 40. оставило. — и въ 40. оставило
и въ 40. оставило. — и въ 40. оставило. — и въ 40. оставило

ся оно въ концѣ концовъ—все это трудно предсказать въ тѣмъ, если хотите, въ этомъ главнѣйшій вопросъ русской юсти. Это ужь какой-то законъ природы, не только въ насъ, но и во всемъ свѣтѣ: кто въ странѣ владѣюгъ землей, тотъ и хозяинъ той страны, во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ бывало и всегда. Но у насъ, скажутъ, сверхъ того община.—начитъ и хозяева. Но... вопросъ объ общинѣ развѣ изъ новыхъ у насъ окончательно? Развѣ пятнадцать лѣтъ назадъ вошелъ у насъ тоже въ новый фазисъ, какъ и все остальное? Развѣ объ этомъ обо всемъ потомъ, а заключу пока мою мысль такъ: если въ странѣ владѣніе землей *серьезное*, то и все въ странѣ будетъ серьезно, во всѣхъ то есть отношеніяхъ, и въ общемъ и въ частностяхъ. Хлопочуть, на примѣръ, о просвѣщеніи, о народныхъ школахъ, а я вотъ вѣрю тому, что школы тогда только примутся у насъ серьезно и окончательно, когда землевладѣніе и земледѣліе наше организовано у насъ серьезно и основательно, и что скорѣе не отъ насъ получится хорошее земледѣліе, а, напротивъ, отъ хорошаго земледѣлія (т. е. отъ правильнаго землевладѣнія) получится и школа, но никакъ не раньше. Параллельно-же съ этимъ должны и все: и порядки, и законы, и правственность и даже умъ наши, и все наконецъ, всякое правильное отправление національнаго организма организуется лишь тогда, когда въ странѣ утвердятся прочное землевладѣніе. Также самое можно сказать о характерѣ землевладѣнія: будь характеръ аристократическій, будь демократическій, но каковъ характеръ земледѣлія, таковъ и весь характеръ націи.

Сейчасъ пока наши бывшіе помещики гуляютъ за границей въ величавыхъ городахъ и водахъ Европы, набивая цѣпны въ карманы, таская за собой, какъ богачи, губернаторскія и генеральскія сумки, въ которыхъ водятся кружева и въ дорогихъ костюмахъ, съ голыми ножками, на показъ Европѣ. Тамъ-то смотришь, и дивишься: «Вотъ вѣдь сколько у нихъ образованныхъ людей, и главное столь образованныхъ, столь много европейскаго просвѣщенія. Это вѣдь изъ-за деспотизма до сихъ поръ не выдавали заграничныхъ паспортовъ, а теперь сколько у нихъ оказалось землевладѣтелей и капиталистовъ и удалившихся отъ дѣлъ рантье-рантье, — да больше даже во Франціи, гдѣ столько рантье-рантье». И расскажите имъ, что это чисто-русское явленіе, что ни въ Европѣ нѣтъ рантье-рантье, а напротивъ похищеніе основ-

ныхъ своихъ фондовъ, сжиганіе свѣчки съ обонихъ кончиковъ. Европа, конечно, не повѣритъ этому, невозможному у ней, и нию, да и не пойметъ его вовсе. И вѣдь, главное, эти сибариты, слоняющіеся по германскимъ водамъ и по берегамъ нѣмецкихъ озеръ, эти Лувуаллы, проживающіеся въ ресторанахъ Рижя—вѣдь они сами знаютъ и съ нѣкоторою даже болью уже предчувствуютъ, что вѣдь фонды-то они свои, наконецъ проѣдутъ, и что дѣтямъ ихъ, вотъ этимъ самымъ хорунжимъ камъ въ англійскихъ костюмчикахъ придется, можетъ быть, и ситить по Европѣ милостыню (и будутъ просить милостыню!), обратиться въ французскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ (и обратятся въ французскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ!). Но, думаю, они, «argès sous le déluge, да и кто виноваты: виноваты все-таки наши русскіе порядки, наша неуклюжая Россія, въ которой и самому дочному человѣку до сихъ поръ еще ничего сдѣлать нельзя. Вотъ какъ они думаютъ, а либеральнѣйшіе изъ нихъ, тѣ, которые могутъ назваться высшими и чистѣйшими западными сороковыми годовъ, тѣ прибавляютъ еще, можетъ быть, про себѣ: «Ну что-жь, что дѣти останутся безъ состоянія, за то унаследуютъ идею, благородную закваску истиннаго и священнаго образа мыслей. Воспитанные вдали отъ Россіи, они не будутъ знать поповъ и глупое слово: «Отечество». Они поймутъ, что Отечество есть предразсудокъ и даже самый пагубнѣйшій изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ. Изъ нихъ выйдутъ благородные общечеловѣческіе умы. Мы и только мы, русскіе, положимъ начало этимъ новымъ умамъ. Именно тѣмъ, что проживаемъ на границѣ наши выкупныя, мы полагаемъ основаніе новому гражданскому международному гражданству, которое, рано-ли, поздно-ли, а обновитъ Европу, и вся честь за то намъ, потому что мы начали раньше всѣхъ». Впрочемъ, такъ говорятъ лишь «сидящіе въ креслахъ мудрые», т. е. еще очень немногіе, ибо много-ли передовыхъ и благородныхъ, въ концѣ концовъ, все еще надѣются на «сидящихъ въ креслахъ»: Мы-то здѣсь проживаемся, это правда, да вѣдь и мы проживаемъ-же что-нибудь все-таки, ну, тамъ знакомства, связи и знакомства, которыя потомъ въ «Отечествѣ-то», и пригодятся. Къ тому-же, хоть и въ либеральномъ духѣ воспитываемъ дѣтокъ, да въ дѣтствѣ все-жь джентльменами, — а въ этомъ вѣдь и все главное. Будутъ они витать въ сферахъ исключительныхъ и высшихъ, либерализмъ въ высшихъ сферахъ всегда обозначалъ и соприносилъ у насъ джентльменство, ибо джентльменскій либерализмъ

Для высшего-то, такъ сказать, консервативна и по-
 это всегда у насъ различать умѣли. И что-жь, мы дѣтей
 за границей и — какъ разъ, значить, готовимъ ихъ въ
 школы. Что за прелесть здѣсь всё эти мѣста при посоль-
 ствахъ, при консульствахъ и какая бездна-бездна этихъ миллі-
 онствечекъ, и какъ восхитительно дотворованныхъ! Вотъ и
 въ нашихъ дѣтисекъ и покойно, и хорошо, и донельзя,
 во, да и служба всегда на виду. Да и служба чистопь-
 ногольская, джентльменская а работа, ну, а работа про-
 стая знай знакомься съ русскими за границей, изъ тѣхъ кто
 почаще, а изъ тѣхъ кто накуралесятъ да защититъ себя
 въ просить — мы тѣхъ свысока обернемъ, поначальствуемъ-
 слушать-то не станемъ. «не вѣрять вамъ, дескать, безло-
 производите сами, все еще воображаете себя въ милліон-
 ный, тогда какъ здѣсь мѣсто чистое. Изъ-за васъ неприят-
 случай, да и стоитъ еще изъ за такого, какъ вы, иностран-
 чество беззаконно; вы только посмотрите на себя въ
 о, до чего вы дошли-съ!» Вотъ и вся служба въ этомъ!
 въ словомъ, съумѣютъ и наши дѣточки выйдти въ люди:
 были бы только связи — вотъ что первѣе всего надо ро-
 скому сердцу наблюдать, а прочее все приложится по во-
 ванію».

такъ, всё не столь благородные изъ проживающихся за
 ей болѣе или менѣе рассчитываютъ на связишки. Но вѣдь
 шое связи? Ну, хоть и значать что нибудь, но вѣдь эта
 я ужасно скоро изнашивается. И далеко-бы не мѣшало,
 связей, запасти себѣ — ну хоть нежножко знанія Россіи
 лвеннаго ума, хоть на всякій случай. Теперь-же именно,
 эту реформъ и новыхъ началъ, у насъ какъ нарочно всё
 енными умомъ хотять жить, всё того захотѣли; — идея
 ро просвѣщенная, но то бѣда, что никогда еще у насъ не
 о столь мало собственнаго ума какъ теперъ, при общемъ
 и имѣть его. Почему это такъ — рѣшать не возьмусь, да
 ро, но одну изъ причинъ, почему херувимчики наши без-
 будутъ дурачками — основательно знаю, и хоть она стара,
 ку на нее. А впрочемъ все тоже самое объ чемъ я гово-
 в въ прошломъ году. Причина — русскій языкъ, т. е. ве-
 сь русскаго, отечественнаго языка отъ воспитанія за гра-
 , съ гувернантками и боннами иностранками. Это у насъ и
 водилось, и прежде, т. е. недостатокъ этотъ, но никогда
 неперъ, когда столько херувимчиковъ взростеть за границей.

Положимъ, они готовятся въ дипломаты, а дипломатическій языкъ, какъ известно, французскій языкъ; русскій-же языкъ довольно знаетъ лишь и грамматически. Но такъ-ли это? Вопросъ этотъ хоть и пошлости старій, а между тѣмъ онъ до того еще нерѣшенъ, что недавно даже въ печати о немъ опять заговорили, хотя косвенно, по поводу сочиненій г. Тургенева на французскомъ языкѣ. Выражено было даже мнѣніе, что «не все-ли равно Тургеневу сочинять на французскомъ или на русскомъ языкѣ, что тутъ такого запрещеннаго?» Запрещеннаго, конечно, нѣтъ, чего и особенно такому огромному писателю и знатоку русскаго языка, какъ Тургеневъ, и если у него такая фантазія, то почему же ему не писать на французскомъ, да и въ тому-же если французскій языкъ почти какъ русскій знаетъ. И потому о Тургеневѣ ни слова, но... но я вижу, что я рѣшительно повторю и прошлаго года говорилъ рѣшительно тоже самое, на ту-же тему, и въ этихъ-же заграничныхъ мѣсяцахъ, толкуя съ англичанкою-русскою маменькой о вредѣ французскаго языка для ерувимчиковъ. Но маменька готовится теперь херувимчикомъ въ дипломаты и вотъ собственно лишь по поводу дипломатіи-то, и неприятно повторяется, но рискну и еще ей словцо.

— Но вѣдь дипломатическій языкъ французскій, — говоритъ меня маменька на этотъ разъ, не давъ мнѣ даже сказать. Увы, она съ прошлаго года приготовилась, она третью часть меня свысока. — Такъ, сударыня, отвѣчаю я, возраженіе сильное и я согласенъ съ вами безспорно. Но, во первыхъ, что я говорилъ о знаніи Русскаго языка, надо приложить къ французскому, вѣдь не правда-ли? Вѣдь чтобъ выразить богатство своего организма на французскомъ языкѣ, надо и французскій языкъ усвоить себѣ богатѣйшимъ образомъ. Ну, такъ знаетъ есть такая тайна природы, законъ ея, по которому только на французскомъ языкѣ можно владѣть въ совершенствѣ, съ какимъ родит. е. какимъ говоритъ тотъ народъ, къ которому принадлежитъ. Вы морщитесь, я васъ обидѣлъ, вы смотрите насмѣшливо, вы махаете ручкой и увѣряете меня, что слышали это еще прошлаго года и что я повторяюсь. Хорошо-съ, я вамъ уступаю, да не эта не дамская. Я вамъ просто за просто уступаю и соглашусь съ вами, что можно и русскому усвоить себѣ французскій языкъ въ совершенствѣ, но съ огромнымъ условіемъ: родиться во Франціи, вырасти въ ней и съ самага перваго часа своей жизни образиться въ француза. О, вы развеселились, вы уже улыбаются, но замѣтите, однако, сударыня, что это даже и для васъ и

можно будетъ исполнить касательно вашего херувим-
 смотра даже на всѣ удобства, т. е. эмиграцію, выкупныя,
 бонну и проч. и проч. Къ тому-же возьмите въ со-
 ве и природныя, такъ сказать, дары, потому что нельзя
 сравнить г. Тургенева и вашего, напримѣръ, херувим-
 ностительно этихъ даровъ. Много-ль, скажите родится
 ныхъ-то... Ахъ нѣтъ, нѣтъ, что я! Я опять ошибся, сбл-
 ть вашего херувимчика выйдетъ навѣрно Тургеневъ, или
 Тургенева разомъ, оставимъ это, но...—«Но, преры-
 вать вдругъ меня,—вѣдь дипломаты и безъ того всѣ умны,
 нѣтъ-же ужь такъ хлопотать объ умѣ? Повѣрьте, были-
 то связи. Мои шагі...»—Вы совершенно правы, сударыня,
 но и я поскорѣе, были-бы связи, и оставая вашего
 какъ можно болѣе въ сторонѣ, все-таки прибавлю, что
 нѣтъ не худо-бы хотѣ немного ума. И во первыхъ, дипло-
 маты не потому умны, что они дипломаты, а потому только,
 и до дипломатіи были умные люди, а повѣрьте, что есть
 развѣчайно много дипломатовъ замѣчательно глупыхъ лю-
 дей. Ахъ нѣтъ, вотъ ужь извините, прерываете вы меня въ
 шнѣ, дипломаты всѣ всегда умные, и всѣ на превосходныхъ
 нѣтъ, и это самая благородная служба!» «Сударыня, суда-
 рыня, вы говорите: связи и знаніе языковъ, но
 нѣтъ только мѣсто доставятъ, а тамъ, потомъ... Ну пред-
 ставьте: вашъ херувимчикъ взростаетъ въ ресторанахъ Ев-
 ропѣ съ молодыми кокетками въ товариществѣ загранич-
 никовъ и нашихъ русскихъ графовъ, но вѣдь потомъ...
 нѣтъ знаетъ всѣ языки и уже потому одному никакого. Не
 зная своего языка, онъ естественно схватываетъ обрывки
 и чувствъ всѣхъ націй, умъ его такъ сказать, сбл-
 ть еще съ мозолю въ какую-то бурду, изъ него выходитъ
 родный межеумокъ съ коротенькими, недоконченными
 нѣтъ, съ тупою прямолинейностью сужденій. Онъ дипломатъ,
 него исторія націй слагается какъ-то по шутовски. Онъ
 нѣтъ, даже не подозрѣваетъ того, чѣмъ живутъ націи и на-
 какіе законы въ организмѣ ихъ и есть-ли въ этихъ зако-
 нѣхъ, усматривается-ли общій международный законъ. Онъ
 выводитъ всѣ событія міра изъ того только, что такая-то,
 нѣтъ, королева разсердила фаворитку такого-то короля, вотъ
 война отъ того война двухъ королевствъ. Позвольте, я
 въ вашей точнѣ зрѣнія судить. Пусть связи. . Но вѣдь для
 нѣтъ связей нуженъ характеръ, пужна, такъ сказать, лю-

безность характера, мягкость, доброта и въ то же время твердость и настойчивость... Дипломатъ вѣдь долженъ быть плѣнительнъ, сказать, плѣнять, побѣждать, не правда-ли? Ну, такъ повѣрили вы или нѣтъ, когда я вамъ прямо и въ высшей степени откровенно скажу, что безъ знанія натурального своего языка, обладанія имъ, нельзя даже выровнять себѣ и характера, особенно если херувимчикъ хорошо и богато одаренъ отъ природы. У него начнутъ-же въ свое время рождаться мысли, идеи, чувства, его будутъ давить, такъ сказать, изнутри эти мысли и чувства. ища я требуя себѣ выраженія, а безъ богатыхъ усвоенныхъ дѣтства, готовыхъ формъ выраженія, т. е. безъ языка, развитія его, безъ утонченностей его, безъ обладанія отъ природы — сынъ вашъ будетъ вѣчно педовоженъ собою; обрывки идей перестанутъ его удовлетворять, накопляющійся въ немъ въ сердцѣ матеріалъ потребуетъ основательнаго уже выраженія. Молодой человекъ станетъ озабоченъ, разсѣянъ, безпрестанно задумчивъ, потомъ брюзгливъ, несносенъ, потомъ разстроитъ здоровье, даже желудокъ, можетъ быть, вѣрите-ли тому...

Но вижу, вижу, вы побатились со смѣху, я опять уже согласенъ (а вѣдь Боже какую я правду говорю!) но позвольте мнѣ забочигъ, позвольте мнѣ вамъ напомнить, что я и вамъ уступилъ, я съ вами согласился. для виду, что дивны все-же умные люди, но вы меня до того довели, сударыня, я принужденъ теперь не скрыть отъ васъ даже самую самую ибѣйшую подкладку взгляда моего на этотъ предметъ. Ни сударыня, мнѣ, какъ нарочно, нѣсколько уже разъ въ жизни приходило на мысль, что въ дипломатіи, т. е. во всеобщей дипломатіи, всѣхъ народовъ и всего девятнадцатаго столѣтія, чрезвычайно даже мало было умныхъ людей. Даже поражаетъ. И даже, судюмие этого сословія въ исторіи Европы нынѣшнѣшнѣ столѣтія... то есть, видите-ли, всѣ они умны, болѣе или менее это безспорно, всѣ остроумны, но умы-то это какіе! Промыслили ли хоть одинъ изъ этихъ умовъ въ сущность вещей, помнили ли, предчувствовали-ли тайственные законы ведущіе къ будущему Европу, къ чему-то неизвѣстному, странному, страшному — теперь уже очевидному, почти во-очію совершающемуся — каковы тѣхъ, которые чуть-чуть умѣютъ предчувствовать? Ничего, конечно можно ирречь, что не было ни одного такого разума и ни одного такого ума въ этомъ столь почтенномъ сословіи, образованномъ сословіи! — ужь конечно, говоря такъ, вы будете считать все несчастливое, потому что мы, во-

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

нашей, въ этомъ дѣлѣ «особь статья»). Напротивъ, столѣтіе являлись дипломатическіе умы, положимъ, преле интриганы, съ претензіей на реальнѣйшее пониманіе (а между тѣмъ дальше своего носу и текущихъ интересовъ еще самыхъ поверхностныхъ и ошибочныхъ) никто изъ нихъ не усматривалъ! Порванные ниточки какъ-бы тамъ и заплаточку на дырочку положить, «цѣну подбить, выиграть, за новое сойдегъ» — вотъ наше дѣло, вотъ наша работа, всему тому есть причины — и главнѣйшая, по моему — причина началъ, разьединеніе съ народомъ и обособленіе интеллигентскихъ умовъ въ слишкомъ ужъ, такъ сказать, великой и отвлеченной отъ человѣчества, сферѣ. Ну возьмите, напримеръ, графа Кавура — это-ль былъ не умъ, это-ль не дѣло? И потому и беру его, что за нимъ уже рѣшена геніальная да втому-же и потому еще что онъ умеръ. Но что-жь сказать, посмотрите: о, онъ достигъ своего, объединилъ Европу и что-же вышло: 2000 лѣтъ носила въ себѣ Италія міровую и объединяющую міръ идею — не отвлеченную какую-нибудь, не спекуляцію кабинетнаго ума, а реальную, органическую плодъ жизни націи, плодъ міровой жизни; это было обьединеніе всего міра — сначала древне-римское, потомъ папское, потомъ, взроставшіе и переходившіе въ эти два съ половиной лѣтія въ Италія, понимали, что они носители міровой идеи, они чувствовали и предчувствовали это. Наука, искусство — все облекалось и проникалось этимъ-же мировымъ знаніемъ. О, положимъ, что міровая эта идея тамъ, подъ конецъ, собою износилась и вся истратилась, вся вышла (хотя ли такъ?), но вѣдь что-жь, наконецъ, получилось вмѣсто этого чѣмъ поздравить только-то Италію, чего достигла она послѣ дипломатіи графа Кавура? А явилось объединенное, второстепенное королевствъицо, потерявшее всякое міровое значеніе, промѣнявшее его на самое изношенное буржуазное начало, — (тридцатое повтореніе этого начала со времени французской революціи) — королевство вседовольное своимъ, ровно ничего не означающимъ, единствомъ межъ нами, а не духовнымъ (т. е. не прежнимъ мировымъ духомъ), и сверхъ того въ неоплатныхъ долгахъ, и сверхъ того вседовольное своею второстепенностью. Вотъ что вышло, вотъ созданіе графа Кавура! Однимъ словомъ, собою дипломатъ есть именно «великій звѣрь на малыхъ коттерняхъ» считался однимъ изъ самыхъ глубо-

кихъ и тончайшихъ дипломатовъ въ міръ и ужь безспорно имѣлъ всеевропейское вліяніе. А между тѣмъ въ чемъ была идея, какъ понялъ онъ свой вѣкъ, въ его время лишь навѣявшійся, какъ предчувствовалъ онъ грядущее будущее? Успѣлъ онъ со всѣми основными идеями начинавшагося столѣтія справиться полицейскимъ порядкомъ и вполне былъ уверенъ въ успѣхѣ! Посмотрите теперь на князя Бисмарка, и этотъ такъ ужь безспорно геній, но...

— Finissons, monsieur, строго прерываетъ меня маменька съ видомъ глубоко и свысока оскорбленнаго достоинства. Я, конечно, съ маменьками еще нельзя теперь заговаривать на такую тему и я далъ страшнаго маху. Но съ кѣмъ можно-теперь заговаривать о дипломатіи, вотъ вѣдь вопросъ? А какая интереснѣйшая тема и какъ разъ въ наше время!

II.

Дипломатія передъ мировыми вопросами.

II какая серьезная тема! Ибо что такое теперь наше время? Всѣ кто одарены мудростью, говорятъ, что наше время есть время по преимуществу дипломатическое, время рѣшенія всѣхъ мировыхъ судебъ одной лишь дипломатіей. Утверждаютъ, намъ вѣрно, что будго-бы гдѣ-то теперь у насъ идетъ война. И я слышалъ о томъ, что идетъ война, но мнѣ говорятъ, и я знаю вездѣ, что если и есть тамъ что-то и гдѣ-то въ родѣ войны, то все это навѣрно не такъ понимается... По крайней мѣрѣ рѣшено, что эта война ничему ни помѣшаетъ, т. е. ни какому здоровому отправленіямъ націи, совмѣщающимся, по послѣднимъ взглядамъ всего того что называется вообще «премудростью» преимущественно и даже единственно въ одной лишь дипломатіи; и что самыя даже эти военныя прогулки, маневры и пр. всегда, впрочемъ, необходимыя,—въ истинномъ смыслѣ все составляютъ не болѣе какъ лишь одинъ изъ фазисовъ высшей дипломатіи и ничего болѣе. Такъ и надо вѣровать. Съ моей стороны я очень склоненъ этому вѣрить, ибо все это очень убедительно, но вотъ однако что любопытно и что ужасно выдается: у насъ, напримѣръ, загорѣлся Восточный вопросъ, загорѣлся онъ и во всей Европѣ тотчасъ-же, какъ и у насъ, да

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

—и это ужасно понятно: всё и даже не дипломаты (особенно если не дипломаты)—всё знают давнымъ давно, точный вопросъ—есть, такъ сказать, одинъ изъ мировыхъ вопросовъ, одинъ изъ главнѣйшихъ *отдѣловъ* мирового и *того* разрѣшенія судебъ человѣческихъ, новый грядущій *стѣпяхъ* судебъ. Известно, что тутъ дѣло не только одного Европы касается, не только славянъ, русскихъ и турокъ, тутъ специально болгаръ какихъ-нибудь, но тоже и всего Европы, и вообще не относительно только морей и проливовъ и выходовъ, а гораздо глубже, основнѣе, стержневнѣе, существеннѣе, первоначальнѣе. А потому потому Европа тревожится и что дипломатія такъ много дѣла *каковъ-же* однако дѣло у дипломатин?—вотъ мой вопросъ! *изъ-то* (по преимуществу теперь) въ Восточномъ вопросѣ, *дѣло* дипломатин (а иначе она и дипломатией-бы не была), *и* теперь—конфисковать Восточный вопросъ во всѣхъ *от-* *ихъ* и поскорѣй увѣрить всѣхъ, кого слѣдуетъ и не слѣдуетъ, что никакого вопроса вовсе и не начиналось, что все это такъ, маневрики и прогулочки—и даже, если только можно увѣрить, что Восточный вопросъ не только не начинался и никогда его не бывало на свѣтѣ, не существовало, а туману лѣтъ сто назадъ напустили, изъ видовъ, и тоже историческихъ, такъ вотъ и лежатъ этотъ нерастолкованный до сихъ поръ. Откровенно скажу, что этому можно-бы повѣрить, если-бы тутъ какъ разъ не представлялась одна *, но* уже не дипломатическая (вотъ бѣда!), ибо дипломатическая и ни за что не берется за такія загадки, мало того, *побаивая* отъ нихъ съ презрѣніемъ, ибо считаетъ ихъ немыми высшихъ умовъ фантазіями. Эту загадку можно-бы провать въ такомъ видѣ: «почему это всегда такъ происходитъ, и особенно въ послѣднее время, съ половины т. е. *дцатаго* столѣтія, и чѣмъ далѣе тѣмъ нагляднѣе и осозаннѣе, почему—чуть лишь дѣло коснется въ мірѣ до чего *ми-* *роваго*, всеобщаго, какъ тотчасъ-же, рядомъ съ однимъ *днимъ* гдѣ-нибудь мировымъ вопросомъ, поднимаются *па-* *но* тому и *есть* остальные мировые вопросы, такъ что *мирнѣе*, теперь Европѣ одного поднимавшагося мирового *, Восточнаго*, нѣтъ, она рядомъ съ нимъ неожиданно не *, и* вдругъ поднимаетъ во Франціи вопросъ, и тоже *мирс-* *колическій*? И католическій вопросъ не потому только что *и* узреть скоро папа, то Франція, какъ представитель-

разное. почему, почему именно какъ разъ въ ту минуту
 ять, какъ на другомъ концѣ міра загорѣлся другой мировой
 вопросъ. Восточный вопросъ? Почему вопросъ къ вопросу жист-
 почему одинъ другой вызываетъ, тогда какъ, казалось-бы,
 ду ними и связи-то нѣтъ? Да и не одни эти два вопроса
 ялись вѣсть: съ Восточнымъ поднялись и еще вопросы,
 нутся и еще и еще, если онъ правильно разовьется. Од-
 въ словомъ, всѣ главнѣйшіе вопросы Европы и человѣчества
 яшь вѣкъ начали подниматься всегда одновременно. И вотъ
 временность-то эта и поражаетъ. Условіе-то это неправдѣнно
 въ вопросахъ являться вѣсть и составляетъ загадку! Но для
 я это все говорю. А вотъ именно въ виду того, что дип-
 ція на такіе именно вопросы и смотритъ съ презрѣніемъ.
 то только не признаетъ никакихъ подобныхъ совпаденій;
 думать-то о нихъ не желаетъ. Миражи, дескать, вздоры и
 еки «нѣтъ этого всего ничего, а просто маршалу Макъ-
 ову, а душе его супругѣ чего-то захотѣлось, вотъ все и вы-
 ». А потому не смотря на то что самъ-же я провозгласилъ,
 явая этотъ отдѣлъ главы, что время наше по преимуществу
 номатическое, а прочее все миражъ—самъ-же я принужденъ
 му не повѣрить первый. Нѣтъ, тутъ загадка! Нѣтъ, тутъ рѣ-
 ить дѣло не одна дипломатія, а и еще что-то другое. И при-
 ьсь, и чрезвычайно смущенъ этимъ выводомъ; я такъ на-
 ьсть былъ вѣрить въ дипломатію, а всѣ эти новые вопро-
 — все это только новые хлопоты и больше ничего...

III.

Когда Россія не была столь могущею, какъ теперь.—
 рѣшеніе недипломатическое.

Въ самомъ дѣлѣ, я вотъ предлагалъ одинъ вопросъ и пока
 я развилъ его голословно. Но всегда мнѣ представлялся, и
 за долго до этого теперешняго вопроса (т. е. вопроса о сово-
 ености появленія разомъ всѣхъ мировыхъ вопросовъ, чуть лишь
 въ изъ нихъ подымется), еще другой вопросъ, несравненно
 стѣннѣй и естественнѣйшій, но на который, именно потому что
 такъ простъ и естественъ, люди мудрости и не обращаютъ
 никакого вниманія. Вотъ этотъ другой вопросъ: Да, пусть
 дія есть и была, всегда и вездѣ, рѣшительницей всѣхъ

основныхъ и важнѣйшихъ вопросовъ человѣчества, и буди впередъ; но всегда-ли окончательное рѣшеніе европейскихъ вопросовъ отъ нея зависитъ? Не бываетъ-ли, напротивъ, такого зиса, такой точки въ каждомъ вопросѣ, когда уже нельзя рѣшить его всѣмъ извѣстнымъ успокоительнымъ способомъ, дипломатическомъ, т. е. заплаточками. И хотъ и безспорно, что міровые вопросы, съ точки зрѣнія дипломатическаго, а, съ бытъ, и здраваго смысла, всегда объясняются не болѣе тѣмъ, что такимъ-то вотъ державамъ захотѣлось расширения ницъ, или лично чего-то захотѣлось такому-то храброму генералу или не понравилось что-нибудь какой-нибудь знатной дамы проч. и проч. (пусть, это безспорно, я это ужъ уступлю, здѣсь премудрость), — но все-таки не бываетъ-ли въ извѣстномъ моментѣ, даже вотъ и при этихъ-то самыхъ реальныхъ причинахъ и ихъ объясненіяхъ, такой точки въ ходѣ дѣлъ, та фазица, когда появляются вдругъ какія-то странныя другія силы, положимъ, и непонятныя и загадочныя, но которыя овладѣвая вдругъ всѣмъ, захватываютъ все разомъ въ совокупности и мрутъ неотразимо, слѣпо, въ родѣ какъ-бы подъ гору, а, пожалуй, такъ и въ бездну? Въ сущности я хотѣлъ-бы только узнать всегда-ли такъ ужъ надѣется на себя и на средства свои дипломатія, что никакихъ подобныхъ силъ, и точекъ, и фазисовъ боится вовсе, а, пожалуй, такъ и не предполагаетъ ихъ во Увы, кажется что всегда, а потому: какъ я повѣрю ей и доверюсь ей, и могу-ли принять ее за окончательную рѣшительную судьбу столь блажнаго и безпутнаго еще человѣчества!

Увы, въ пространной исторіи Кайданова, есть одна великая изъ фразъ. Это именно когда онъ, въ Новой Исторіи, приступилъ къ изложенію французской революціи и появленію наполеона I. Фраза эта есть начало главы и она осталась въ памяти на всю жизнь, вотъ она: «Глубокая тишина царствовала во всей Европѣ, когда Фридрихъ Великій закрывалъ на глаза свои; но никогда подобная тишина не предшествовала такой великой бурѣ!» — Скажите, что знаете вы выше изъ фразы. Въ самомъ дѣлѣ, кто тогда въ Европѣ, т. е. когда Фридрихъ Великій закрывалъ на вѣки глаза свои, могъ-бы предугадать хотя-бы самымъ отдаленнымъ образомъ, что произойдетъ людьми и съ Европой въ теченіе слѣдующаго тридцатилѣтія? не говорю про какихъ-нибудь тамъ обыкновенныхъ образцовыхъ людей, или даже писателей, журналистовъ, профессоровъ. Все они, какъ извѣстно, сошлись съ голку: Шиллеръ написалъ

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

Есть, тогда, дифирамбъ на открытіе національнаго собрания существовавшій по Европѣ молодой Карамзинъ смотрѣлъ и патетическимъ дрожаніемъ сердца на тоже событіе, а въ Европѣ, у насъ, еще за долго передъ симъ красовался мрачный бюстъ Вольтера. Нѣтъ, я обращаюсь прямо къ самой премудрости, прямо къ всерѣшителямъ судебъ человѣка, т. е. къ самимъ дипломатамъ, съ вопросомъ: предугадывали они тогда хоть что-нибудь изъ того, что въ слѣдующее столѣтіе произойдетъ?

Гдѣ вошь что ужасно. еслибъ я спросилъ объ этомъ слово (я замѣтите, всѣ почти европейскіе дипломаты учились «Байдашкѣ») — и еслибъ они удостоили меня выслушать, я бы отвѣтилъ-бы съ высокомернымъ смѣхомъ, что «Случайное предвидѣть нельзя, и что вся мудрость состоитъ лишь въ томъ, чтобы во всякихъ случайностяхъ быть готовымъ».

Оно-съ! Нѣтъ, я вамъ скажу: это отвѣтъ типическій, и хотя его выдумавъ, потому что ни одного дипломата не безъ вопроса (да я не смѣю), но весь ужасъ мой въ томъ, гдѣ увѣренъ, что мнѣ именно такъ отвѣтили-бы, а по имени называлъ сей отвѣтъ типическимъ. Ибо что такое скажили эти событія конца прошлаго вѣка въ глазахъ дипломата — какъ не *случайности*? Были и есть. А Наполеонъ, въ Европѣ — такъ ужь архи-случайность, и не явился Наполеонъ, въ тамъ, въ Корсику, трехъ лѣтъ отъ роду отъ скарлатины третье сословіе человѣчества, буржуазія, не потеклоновымъ своимъ знаменемъ въ рукахъ измѣнять весь ликъ Европы (что продолжается и до сихъ поръ), а такъ-бы и сидѣть тамъ у себя въ Парижѣ, да пожалуй и замерло-самомъ началъ!

О въ томъ, что мнѣ кажется, что и нынѣшній вѣкъ конецъ Старой Европѣ чѣмъ нибудь колоссальнымъ, т. е., можетъ, чѣмъ нибудь хотя и не буквально похожимъ на то, вышло въ восемнадцатое столѣтіе, но все-же на столько-же великимъ — стихійнымъ, и страшнымъ, и тоже съ измѣненіемъ міра сего — по крайней мѣрѣ, на Западѣ Старой Европы. Если наши премудрые будутъ утверждать, что нельзя предугадать *случайностей* и т. д., мало того: если имъ даже слово что-нибудь объ этомъ финалѣ не заходило, то... Нѣтъ словомъ: заплаточки, заплаточки и заплаточки!

Что-же, будемъ благоразумны, будемъ ждать. Заплаточки, заплаточки, или хотите, вещь тоже необходимая и полезная, благо-

разумная и практическая, Тѣмъ болѣе, что заплаточками, не обмануть врага можно. Вотъ у насъ теперь война, и еслибы случилось, что Австрія повернулась-бы къ намъ враждебно, то заплаточкой ее какъ разъ можно ввести въ обманъ, въ кото- сама-же она съ удовольствіемъ втюрится, ибо что такое Австрія? Сама-то она чуть не на ладонь дышетъ, развалиться хоч- точно такой-же «больной человѣкъ» какъ и Турція, да, мож- быть, и еще того плоше. Это образецъ всевозможныхъ дуа- мовъ, всевозможныхъ внутри себя враждебныхъ соединеній, родностей, идей, всевозможныхъ несогласій и противорѣчив- направлений; тутъ и венгры, тутъ и славяне, тутъ и ны- тутъ и царство жидовъ... Ну, а теперь, благодаря ухажива- за ней дипломатіи, она и впрямь пожалуй можетъ вздумат- о себѣ, что она—могущество, которое и дѣйствительно и- значить и многое можетъ сдѣлать въ общемъ рѣшеніи суд- Такой обманъ воображенія, возбужденный именно посредст- ухаживанія и заплаточекъ для рѣшенія славянскихъ су- выгоденъ. ибо можетъ на время отвлечь врага, а къ мом- рѣшенія, когда онъ вдругъ увидитъ, что его никто не бои- и что онъ вовсе не могущество—можетъ поразить его у- комъ духа, по просту сконфузить. Другое дѣло Англія: это- что посерьезнѣе, къ тому-же теперь страшно озабоченное- самыхъ основныхъ своихъ начинанійхъ. Эту заплаточкам- ухаживаніями не усыпишь. Что ни толкуй ей, а вѣдь она- за что и никогда не повѣритъ тому, чтобъ огромная, силь- ная теперь нація въ мірѣ, вынудившая свой могучій мечъ и- вернувшая знамя великой идеи, и уже перешедшая черезъ- нап. можетъ въ самомъ дѣлѣ пожелать разрѣшить тѣ за- за которая взялась она, себѣ въ явный ущербъ, и единств- въ ся, Англіи, пользу. Ибо всякое улучшение судебъ сла- скихъ племенъ, есть, во всякомъ случаѣ, явный для Ав- ущербъ, и заплаточками тутъ ни за что и никого не умасл- не повѣрятъ! просто ничему въ Англіи не повѣрятъ. Да и- ками аргументами убѣдить ее? «Я вотъ, дескать, немножко я- но не кончу». Но вѣдь въ политикѣ начало дѣла есть все- начато, естественно, рано-ли поздно-ли приведетъ къ ко- Что въ томъ, что окончаніе завершится не сегодня, все р- завершится завтра. Однимъ словомъ. они не повѣритъ, а по- надо-бы и намъ англичанамъ не вѣрять, или какъ можно мен- вѣрять, разумѣется, про себя. Хорошо-бы намъ тоже догад- что Англія въ самомъ критическомъ теперь положеніи, въ

когда-либо находилась. Это критическое ея положеніе бытъ формулировано точнѣйшимъ образомъ въ одномъ *Уединеніи*, ибо никогда еще, можетъ быть, Англія не была въ такомъ страшномъ уединеніи, какъ теперь. О, какъ-бы она могла теперь найти въ Европѣ союзъ, какой-нибудь естественный. Но бѣда ея въ томъ, что не было еще момента въ Европѣ, когда-бы труднѣе было составить союзъ. Ибо именно теперь Европѣ все поднялось одновременно, всѣ міровые вопросы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ міровыя противорѣчія, и для каждаго народа и государству *страшно много соблагоустроило себя дома*. А такъ какъ Англійскій интересъ мировой, а давно уже отъ всего и всѣхъ отъединенный и особенно касающійся одной только Англіи, то, на время, по крайней мѣрѣ, она и останется въ чрезвычайномъ уединеніи. О, можетъ, ей можно бы было согласиться даже и съ преслѣдующею другую цѣль изъ взаимныхъ выгодъ: «Я, дескать, тебѣ только, а ты мнѣ это». — Но по характеру-то теперешнихъ въ Европейскихъ трудно въ этомъ родѣ *entente cordiale* сойтись, по крайней мѣрѣ, въ данную минуту, и придется долго пока потомъ, въ будущемъ развитіи, найдется такой моментъ, что можно будетъ и ей куда-нибудь съ своимъ союзомъ выйти. Кромѣ того Англіи прежде всего надобенъ союзъ циничный, т. е. таковой, при которомъ она возьметъ все, а сама платитъ по возможности *ничѣмъ*. Ну вотъ именно такого-то циничнаго союза теперь всего болѣе не предвидится, и Англія въ немъ. О, еслибы этимъ уединеніемъ мы могли удачно воспользоваться! Но тутъ другое восклицаніе: «О, еслибы мы были скептиками и могли увѣрять въ то, что есть міровые вопросы и что не миражъ они! Главное то, что у насъ въ Россіи, въ большая часть интеллигенціи нашей всегда какъ-то видѣть и понимать Европу не реально, какъ она есть теперь, а всегда какъ-то заднимъ числомъ, съ запаздываніемъ. Въ будущность глядятъ, а наклонны судить болѣе по прошедшему, даже и по прошедшему».

И между тѣмъ міровые вопросы существуютъ дѣйствительно какъ-бы это въ нихъ-то не вѣрить, да еще намъ-то? Два изъ нихъ уже поднялись и влекутся уже не человѣческою премудростью, а стихійною своею силою, основною органическою своею силой, и не могутъ уже остаться безъ разрѣшенія, не только на всѣ расчеты дипломатин. Но есть и третій вопросъ мировой, и тоже подымается и почти уже поднялся. Во-

прось этотъ въ частности можно назвать Германскимъ, а въ сущности, въ цѣломъ, какъ нельзя болѣе всеевропейскимъ, и нельзя сильнѣе слить онъ органически съ судьбой всей Европѣ всѣхъ остальныхъ міровыхъ вопросовъ. Казалось-бы, однако видѣть, что ничего не можетъ быть спокойнѣе и безмятежнѣе теперь Германія: въ спокойствіи грозной силы своей она сидитъ, наблюдаетъ и ждетъ. Всѣ, болѣе или менѣе, въ ней зависятъ, всѣ, болѣе или менѣе, отъ нея зависятъ. И одна все это миражъ! Вотъ то-то и есть, что у всѣхъ теперь въ Европѣ свое дѣло, у каждаго объявилось по собственному своему важнѣйшему вопросу, по вопросу такой важности какъ само существованіе, какъ вопросъ о томъ быть иль не быть: и такой самый вопросъ нашелся и у Германіи и какъ разъ минуту, какъ поднялись и другіе міровые вопросы—и вотъ то состояніе Европы, прибавлю забѣгая впередъ, какъ не болѣе выгодно для Россіи въ данный моментъ! Ибо никогда не была столь нужна Европѣ и могущественнѣе въ глазахъ и между тѣмъ столь отъединеннѣе отъ поднявшихся въ ней этой старой Европѣ, самыхъ капитальныхъ и страшныхъ, *своихъ*, ей только, Старой Европѣ, а не Россіи свойственныхъ вопросовъ. И никогда союзъ Россіи не цѣнился-бы выше теперь въ Европѣ, никогда еще она не могла себя съ бою радостью поздравить съ тѣмъ, что она не Старая Европа, а *Нова* что она сама по себѣ, свой особый и могучій міръ, для котораго именно теперь наступилъ моментъ вступить въ новый и выразить свое могущество, и болѣе чѣмъ когда-нибудь самостоятельную отъ прочихъ, *ихнихъ*, роковыхъ вопросовъ, *и* рыми старая, дряхлая Европа связала себя!

Глава третья.

I.

Германскій міровой вопросъ. Германія отрана протестующимъ

Но мы заговорили про Германію, про теперешнюю задачу теперешней ея роковой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и міровой вопросъ. Какая-же эта задача? И почему эта задача лишь теперь ставится для Германіи въ столь хлопотливый вопросъ, а не прежде, не недавно, не годъ назадъ, или даже не два мѣсяца назадъ?

Задача Германия одна, и прежде была и всегда. Это ее *протестанство*, — не та единственно формула этого протестантизма, которая определялась при Лютерѣ, а всегдашнее ее протестанство, всегдашній *протестъ* ее — противъ римскаго міра, завая съ Арминія, противъ всего что было Римомъ и римскою имперіею, и потомъ противъ всего что отъ древняго Рима перешло къ новому Риму и ко всемъ тѣмъ народамъ, которые восприняли отъ Рима его идею, его формулу и стихію, къ наследникамъ ее и ко всему, что составляетъ это наследство. Я убежденъ; и въ некоторые изъ читателей, прочтя это, вскинуть плечами и сказать: «ну, можно-ли, дескать, въ девятнадцатомъ столѣтіи, въ тѣхъ новыхъ идеяхъ и наукахъ, толковать о католичествѣ и протестанствѣ, какъ будто мы еще въ среднихъ вѣкахъ! И если и есть, пожалуй, религіозные люди и даже фанатики, то сохрани ихъ какъ археологическую рѣдкость, сидятъ по опредѣленнымъ мѣстамъ и угламъ, осужденные и всеми осмѣянные, а, главное, какъ самозванцы маломъ числѣ, въ видѣ ничтожной мизерной кучки старыхъ людей. И такъ, можно-ли ихъ считать за что-нибудь такое въ высшемъ дѣлѣ, какъ мировая политика?»

Но я не религіозный *протестъ* разумѣю, я не останавливаюсь въ временныхъ формулахъ идеи древне-римской, равно какъ и древняго германскаго противъ нея протеста. Я беру лишь основную идею, начавшуюся еще двѣ тысячи лѣтъ тому и которая съ тѣхъ поръ не умерла, хотя постоянно перевоплощаясь въ разные виды и формулы. Теперь именно весь этотъ западно-европейскій міръ, — именно унаследовавшій римское наследство, мучится родами новаго перевоплощенія этой унаследованной древней идеи, и это для тѣхъ, кто умѣетъ смолчать, до того наглядно, что и объясненій не просить.

Древній Римъ первый родилъ идею всемірнаго единенія людей, и первый думалъ (и твердо вѣрилъ) практически ее выполнить въ формѣ всемірной монархіи. Но эта формула пала предъ христіанствомъ, — формула, а не идея. Ибо идея эта есть идея римскаго человѣчества, изъ нея составилаь его цивилизація, и вся одна лишь оно и живетъ. Пала лишь идея всемірной римской монархіи и замѣнилась новымъ идеаломъ всемірнаго единенія во Христѣ. Этотъ новый идеалъ раздвоился на Восточный и Западный. Восточный есть идеалъ совершенно духовнаго единенія людей, и на Востоке, — на восточно-европейскій, римско-католическій, папскій, совершенно материальный Западный. Это западное римско-католическое воплощеніе идеи и совершилось по своему, но утративъ свое христіан-

ское, духовное начало и подѣлившись имъ съ древне-римскимъ папствомъ. Римскимъ папствомъ было провозглашено, стѣпанство и идея его, безъ всемірнаго владѣнія землями дами, — не духовно, а государственно, — другими словами осуществленія на землѣ новой всемірной римской монархической главѣ которой будетъ уже не римскій императоръ, а осуществимо быть не можетъ. И вотъ началась опять и всемірной монархической совершенно въ духѣ древне-римской но уже въ другой формѣ. Такимъ образомъ въ Восточной землѣ — сначала духовное единеніе человѣчества во Христа, а ужь, въ силу этого духовнаго соединенія всѣхъ во Христа несомнѣнно вытекающее изъ него правильное государственное социальное единеніе, тогда какъ по римскому требованію: сначала заручиться прочнымъ государственнымъ единеніемъ въ видѣ всемірной монархической, а потомъ ужь, пожелавъ духовное единеніе подѣломъ папы, какъ владыки міра.

Съ тѣхъ поръ эта попытка въ римскомъ мірѣ шла и измѣнялась непрерывно. Съ развитіемъ этой попытки существенная часть христіанскаго начала почти утратилась все. Отвергнувъ, наконецъ, христіанство духовно, наследники древне-римскаго міра отвергли и папство. Прогрѣмѣла стѣ французская революція, которая въ сущности была не болѣе послѣднимъ видоизмѣненіемъ и перевоплощеніемъ той-же римской формулы всемірнаго единенія. Но новая формула оказалась недостаточною, новая идея не завершилась. Былъ дѣло, когда для всѣхъ націй, унаследовавшихъ древне-римское призваніе, наступило почти отчаяніе. Оно, разумѣется, тѣ общества, которая выиграла для себя съ 1789 года политическое равенство, т. е. буржуазія — восторжествовала и объявила дѣло и не надо идти. Но за то всѣ тѣ умы, которые и вѣрили въ законы природы обречены на вѣчное міровое одиночество, на исканіе новыхъ формулъ идеала и новаго слѣдующихъ для развитія человѣческаго организма. — всѣ силась ко всѣмъ униженнымъ и обойденнымъ, ко всѣмъ лучшимъ доли въ новой формулѣ всечеловѣческаго единенія провозглашенной французской революціей 1789 года. Они сами нашли свое уже новое слово, именно необходимость равенства людей уже не въ виду распределенія равенства и доли для каждой изъ одной четверти человѣчества, но для остальныхъ — лишь старымъ матеріаломъ и эксплуатируемымъ средствомъ для счастья этой четверти человѣчества, а напѣ

единствѣ людей на основаніяхъ всеобщаго уже равенства, при
 стии всѣхъ и каждаго въ пользованіи благами міра сего, какія
 они тамъ не оказались. Осуществить-же это рѣшеніе посто-
 янно слабыми средствами, т. е. отнюдь уже не средствами хри-
 стианской цивилизаціи, и не останавливаясь ни передъ чѣмъ.

Причемъ-же тутъ все это время, всѣ эти двѣ тысячи лѣтъ
 на Германія? Характернѣйшая, существеннѣйшая черта этого
 народа, гордаго и особаго народа, съ самой первой минуты его
 появления въ историческомъ мірѣ, состояла въ томъ, что онъ
 никогда не хотѣлъ соединиться. въ призваніи своемъ и въ на-
 чалѣ своемъ, съ крайне западнымъ европейскимъ міромъ, т. е.
 съ Римомъ преемникомъ древне-римскаго призванія. Онъ просто-
 ялъ противъ этого міра всѣ двѣ тысячи лѣтъ, и хотѣ и не
 оставалъ (и никогда не представлялъ еще) своего Слова, своего
 формулированнаго идеала взаимнѣ древне-римской идеи,
 какъ-то, всегда былъ убѣжденъ, внутри себя, что въ состояніи
 оставить это новое Слово и повести за собою человечество.
 Онъ бился съ Римскимъ міромъ еще во времена Арминія, затѣмъ
 приречена Римскаго христіанства онъ болѣе чѣмъ кто нибудь
 боролся за верховную власть съ новымъ Римомъ. Наконецъ, про-
 тивопоставилъ самымъ сильнымъ и могучимъ образомъ, выводя новую
 формулу протеста уже изъ самыхъ духовныхъ, стихійныхъ основъ
 римскаго міра: онъ провозгласилъ свободу изслѣдованія и воз-
 воздвигъ знамя Лютера. Разрывъ былъ страшный и міровой, фор-
 мулы протеста нашлась и возродилась, — хотя все еще отрица-
 тельная, хотя все еще новое и положительное слово сказано
 не было.

И вотъ Германскій духъ, сказавъ это Новое Слово протеста —
 время какъ-бы замеръ, и произошло это совершенно пара-
 ллельно съ такимъ-же ослабленіемъ прежняго строго формулиро-
 ванаго единства силъ и въ его противникѣ. Крайне западный
 духъ подъ вліяніемъ открытія Америки, новой науки и новыхъ
 идей вскалъ переродиться въ новую истину, въ новый фазисъ.
 Тогда наступила первая попытка этого перевоплощенія во время
 французской революціи, Германскій духъ былъ въ большомъ сму-
 теніи и на время потерялъ было самость свою и вѣру въ себя.
 Онъ ничего не могъ сказать противъ новыхъ идей крайне-запад-
 ной европейскаго міра. Лютерово Протестантство уже отжило свое
 время давно, идея-же свободнаго изслѣдованія давно уже принята
 была всемірной наукой. Огромной организмомъ Германія почувство-
 вала болѣе чѣмъ кто нибудь, что онъ не выѣдетъ, такъ сказать

плоти и формы для своего выраженія. Вотъ тогда-то въ Европѣ родилась настоящая потребность хотя-бы сплотиться тогда наружно въ единый стройный организмъ, въ виду новыхъ условий душихъ фазисовъ его вѣчной борьбы съ крайне-западнымъ противникомъ Европы. Тутъ надо замѣтить весьма любопытное совпаденіе: оба всегдашніе враждебные лагеря, оба противника старинной Европы за главенство въ ней, въ одно и тоже время (или почти одновременно) схватываются и исполняютъ очень схожую между собою задачу. Новая, еще мечтательная грядущая формула, крайне-западная формула мира, т. е. обновленіе человѣческаго общества на новыхъ принципахъ и социальныхъ началахъ — эта формула почти все наше столѣтіе провозглашавшаяся лишь мечтателями, научными представителями ея, всякими идеалистами и фантазерами, вдругъ въ послѣдніе годы измѣняетъ свой видъ и ходъ своего развитія и начинаетъ: оставить пока теоретическое опредѣленіе и возсозданіе своей задачи и приступить прямо, прежде всякихъ мечтаній, къ практическому шагу задачи, т. е. прямо начать борьбу: а не отъ того — положить начало соединенію во единую организацію всѣхъ будущихъ бойцовъ новой идеи, т. е. всему *четвертому*, общему, общенациональному въ 1789 году сословію людей, всѣмъ неимущимъ, всѣмъ рабочимъ, всѣмъ нищимъ, и, уже устроивъ это соединеніе, поднять знамя новой и неслыханной еще всемірной революціи. Явилась Интернаціоналка, международныя сношенія всѣхъ нищихъ и бедныхъ міра сего, сходки, конгрессы, новые порядки, законы, — однимъ словомъ. положено *по всей старой западной Европѣ* основаніе новому *Status in statu*, грядущему поглотить собою старый, существующій въ крайне-западной Европѣ, порядокъ міра сего. И вотъ, въ то время какъ это совершалось у противника, германскій Германіи понялъ, что и Германская задача, прежде всякаго и начинанія, прежде всякой попытки Нового Слова противъ противника — закончить собственное политическое единеніе, завершить возсозданіе собственного политическаго организма, и возсозданіе его, тогда только стать лицомъ къ лицу съ вѣковѣчнымъ противникомъ своимъ. Такъ и случилось: завершивъ свое объединеніе Германія бросилась на противника и вступила съ нимъ въ новый періодъ борьбы, начавъ ее желѣзомъ и кровью. Дѣло желѣза кончено, теперь предстоитъ его кончить духовно, существомъ своимъ. И вотъ вдругъ теперь для Германіи является новая забота, новый неожиданный поворотъ дѣла, страшно усложняющій задачу. Какая-же это задача и въ чемъ этотъ новый поворотъ дѣла?

II.

Одинъ гениально-инстинктивный человекъ.

Иногда, это новая мировая забота Германіи, если только уже проскльзнула наружу, а теперь все дѣло въ томъ, а именно: уже вдругъ высочила всѣмъ на видъ вслѣдствіе этого клерикальнаго переворота во Франціи. Формулы ее можно отчасти въ видѣ такого сомнѣнія: «Да объединится-ли Германскій организмъ въ одно цѣлое, не развалится-ли онъ напротивъ, по прежнему, не смотря на гениальнаго предводителя Германіи за послѣднія двадцать пять-наше того: объединился-ли онъ хотя-бы только лишь по-прежнему, не иражъ-ли и это не смотря на Франко-Прусскую и провозглашенную послѣ нея новую неслыханную преждескую Имперію?» Вотъ этотъ мудреный вопросъ.

И мудреность этого Вопроса заключается, главное, въ томъ, что почти до самаго послѣдняго времени, не предполагали и существующимъ, по крайней мѣрѣ, среди огромнѣйшаго народа Германцевъ. Самоупоеніе, гордость и совершенная въ свое необъятное могущество чуть не ослѣпленіе всѣхъ въ поголовно послѣ франко-германской войны. Народъ не только рѣдко побѣждавшій, но зато до странности часто заемый, — этотъ народъ вдругъ побѣдилъ такого врага, и почти всѣхъ всегда побѣждалъ! А такъ какъ ясно было, что и не могъ не побѣдить вслѣдствіе образцоваго устройства безчисленной арміи и своеобразнаго пересозданія ея на совершенно новыхъ началахъ, и кромѣ того имѣя столь гениальныхъ предводителей во главѣ, то, разумѣется, Германецъ и не могъ возгордиться этимъ до ослѣпленія. Тутъ ужъ нечего брать браженіе всегдашнюю самодовольную хвастливость всякаго — всконную черту нѣмецкаго характера. Съ другой стороны такъ недавно еще раздробленнаго политическаго организма вдругъ появилось такое стройное цѣлое, что Германецъ и тутъ усумниться и вполне повѣрилъ, что объединеніе шлось, и что для Германскаго организма наступилъ новый, шій и великій фазисъ развитія. И такъ, не только явилась гордость и шовинизмъ, но явилось почти легкомысліе; и такіе тутъ могли быть вопросы, — не только для какого-то воинственнаго лавочника или сапожника, но даже для

подождетъ или министра? Но однако-же все-таки ост
вѣда императоръ, очень скоро, почти сейчасъ-же послѣ
Нордонской войны, начавшихъ сомнѣваться и задумыват
дѣлѣ замѣчательнѣйшихъ членовъ этой кучки безспорно
князь Бисмаркъ.

Еще не успѣли выйти Германскія войска изъ Франці
уже ясно увидѣлъ, что слишкомъ мало было сдѣлано «
и желанномъ», и что надо было, имѣя передъ собою такую
цѣль, сдѣлать, по крайней мѣрѣ, вдвое больше по
сдѣлать. Правда, военныхъ выгодъ осталось все же бо
льшее на сторонѣ Германіи и это еще на долго. Франція
уступки Эльзаса и Лотарингіи, стала такой маленькой, по
тому объему, странной для великой державы, что одно
удачныхъ для Германіи сраженія, въ случаѣ новой войны.
манскія войска тотчасъ-же будутъ въ центрѣ Франціи и в
политическомъ отношеніи Франціи пропала. Но однако вѣрны
были, можно-ли надѣяться на эти два побѣдоносныя сраже
вѣрно? Въ Франко-Прусскую войну нѣмцы побѣдили-то соб
вѣдѣ не французовъ, а только Наполеона и его порядки. Не
же во Франціи будутъ войска столь плохо устроенныя и
дурныя, не всегда-же будутъ и узурпаторы, которые, ну
въ своихъ генералахъ и чиновникахъ изъ династическихх
ресурсы, принуждены будутъ допускать у себя такія пла
упущенія, при которыхъ не можетъ существовать пра
войско. Не всегда-же будетъ повторяться и Седанъ, ибо
въ сущности только случай и вышелъ лишь потому, что
тону нельзя уже было воротиться въ Парижъ императоромъ
какъ по милости короля Прусскаго. Не всегда тоже бу
столь мало даровитые генералы, какъ Макъ-Магонъ или такіе
дѣла, какъ Базенъ. Опыленные столь неслыханнымъ дѣ
торжествомъ, нѣмцы, конечно, всѣ до одинаго, могли уви
въ то, что это все они сдѣлали, одними своими таланта
въ сомнѣвающейся кучкѣ могли думать иное, особенно посл
когда побѣжденный врагъ, еще столь разстроенный и по
ныи, вдругъ уплатилъ три милліарда контрибуціи разомъ
поморился. Это ужь конечно очень огорчило князя Би

Съ другой стороны, для сомнѣвающейся кучки предст
другой вопросъ, можетъ быть, еще важнѣйшій: совѣмъ-ли
инилое политическое и гражданское объединеніе внутри орга
Для всѣхъ почти въ Европѣ, и, кажется, въ особенности
въ Россіи, въ этомъ доселѣ еще никто не сомнѣвался. I

скіе, приняли все то, что приключилось въ послѣдніа десятинадцать лѣтъ въ Германіи, за нѣчто уже окончательно высшей степени не случайное, а натуральное, за такое и не должно измѣниться. Совершившіеся факты намъ и необыкновенное почтеніе. А между тѣмъ, въ глазахъ нѣкоторыхъ людей, какъ князь Бисмаркъ, врядъ-ли все, чему онъ, приняло свою окончательную прочность. То, что мы зовемъ теперь прочнымъ, то, можетъ быть, всего только тація. Трудно предположить, чтобъ столь долгая привычка политическому разъединенію исчезла у нѣмцевъ такъ вдругъ, какъ битый стаканъ воды. Нѣмецъ упоренъ уже по своей привычкѣ, и ближайшее поколѣніе нѣмцевъ къ тому-же было подкуплено и, опьянено гордостью и сдержано желѣзной рукой предковъ. Но въ весьма можетъ недалекѣ будущемъ, когда эти нѣмцы отойдутъ въ другой міръ и уступятъ мѣсто другимъ, могутъ быть прижатые на время вопросы и ответы. Весьма тоже вѣроятно, что тогда утратится энергія порыва соединенія, напротивъ, возродится вновь энергія разрыва, которая и пошатнетъ то, что было сдѣлано. Явится опасность къ распаденію, къ обособленію, и именно тогда, когда нѣмцы уже совсѣмъ оправятся отъ удара страшнаго врага, и теперь уже не спитъ и не дремлетъ, и даже извѣстно начнетъ. А тутъ вдобавокъ и самый, такъ сказать, заговоръ природы: Германія вѣдь все-таки въ Европѣ страна середина, какъ-бы она ни была сильна — съ одной стороны Франція, съ другой Россія. Правда, русскіе пока вѣжливы. Но что если вдругъ догадаются, что не они нуждаются въ союзѣ съ Германіей, а что Германія нуждается въ союзѣ съ Россіей, мало того, что имъ отъ союза съ Россіей есть, поистинному, роковое препятствіе, съ Франко-Прусской войны особенно. То-то и въ слишкомъ сильную почтительность Россіи даже и не убѣжденные въ своей силѣ челоуѣкъ, какъ князь Бисмаркъ въ состояніи вѣрить. Правда, до послѣдняго внезапнаго включенія во Францію, измѣнившаго вдругъ весь видъ дѣла, Бисмаркъ все еще надѣялся, что чрезвычайная вѣжливость не надолго непоколебима, и вотъ вдругъ это приключившійся словомъ, случилось нѣчто необычайное. Необычайное для всѣхъ но не для князя Бисмарка! Теперь въ то, что гениіи его все это «приключеніе» предвидѣлъ заранее гениіи-ли его, скажите, не гениальный-ли глазъ его подглазнаго врага столь за долго? Почему именно онъ такъ

возненавидѣлъ католицизмъ, почему онъ такъ гналъ и преслѣдовалъ все что исходило изъ Рима (т. е. отъ папы), — вотъ столько лѣтъ? Почему онъ такъ дальновидно озаботился зачѣсть итальянскимъ союзомъ (такъ можно выразиться), — не для того, чтобъ съ помощью итальянскаго правительства давить папское начало въ мірѣ, когда придетъ срокъ выбора новаго папу. Не католическую вѣру онъ гналъ, а римское начало этой вѣры. О, безъ сомнѣнія, онъ дѣйствовалъ, какъ нѣмецъ, и протестантъ, онъ дѣйствовалъ противъ основной стихіи врага западнаго, всегда враждебнаго Германіи міра, но все-же очень много изъ геніальнѣйшихъ и либеральныхъ мыслителей Европы смотрѣли на этотъ походъ великаго Бисмарка противъ столь ничтожнаго папы, какъ на борьбу слона съ мухой. Объясняли все это даже странностью генія, капризами геніальнаго человѣка. Но дѣло въ томъ, что геніальный политикъ сумѣетъ опѣнить, можетъ быть, единый въ мірѣ изъ политиковъ, и сильно еще римское начало само въ себѣ и среди враговъ Германіи, и какимъ страшнымъ цементомъ можетъ оно послужить въ будущемъ для соединенія всѣхъ этихъ враговъ во одно. Сумѣлъ догадаться, что, можетъ быть, у одной лишь римской церкви можетъ найтись такое знамя, которое въ роковую (а въ глазахъ Бисмарка и неизбежную) минуту сплотитъ всѣхъ уже раздвинутыхъ имъ враговъ Германіи опять въ одно страшное цѣлое. Вотъ геніальная догадка вдругъ оправдалась: всѣ партіи въ обѣжденной Франціи, изъ тѣхъ, которыя могли начать движеніе противъ Германіи, — всѣ эти партіи были раздроблены, ни одна изъ нихъ не могла восторжествовать и захватить во Франціи власть. Соединиться тоже онѣ никакъ не могли, имѣя каждый виду противоположныя цѣли задачъ своихъ, — и вотъ знамя иезуитовъ соединяетъ все. Врагъ возсталъ и врагъ этотъ не Франція, а самъ папа. Это папа, предводительствующій во всемъ, кому завѣщена римская идея и идущій броситься на Германію. Но чтобы яснѣе изложить случившееся, взглянемъ притомъ въ лагерь противниковъ Германіи.

III.

И сердиты и сильны.

Папа умираетъ. Онъ очень скоро умретъ. Все католическое принимающее Христа въ образѣ римской идеи — давно уже

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

въ волненіи. Подходить роковая минута Оплошать нель-
тогда уже смерть римской идеѣ. Можетъ именно слу-
то новый папа, подъ давленіемъ правительствъ всей
будетъ избранъ, «не свободно», и провозглашенный па-
вится отказаться на вѣки, и въ принципѣ, отъ земнаго
отъ сана земнаго государя, отъ котораго не отказал-
л (напротивъ, въ самую роковую минуту, когда отъ не-
длин и Римъ и послѣдній кусокъ земля и оставляла ему
донность лишь одинъ Ватиканъ, въ эту самую мину-
въ нарочно, провозгласилъ свою непогрѣшимость. А
Римъ и тезисъ: что безъ земнаго владѣнія хри-
тъ уцѣлѣть на землѣ,—т. е. въ сущности пров-
дыкой міра, а предъ католичествомъ поставилъ, уж
въ, прямую цѣль всемірной монархіа, къ которой и по-
стремиться во славу Божію и Христа на землѣ). О, во-
тъ ужасно насмѣшилъ тогда всѣхъ остроумныхъ людей:
да не силенъ,—Хлестакову братъ». И вотъ, вдругъ,
во-избранный папа будетъ подкупленъ, если даже самъ
тъ, подъ давленіемъ всей Европы, принужденъ будетъ
въ соглашеніе съ противниками римской идеи,—ну, тогда
ртъ! Ибо разъ, правильно избранный, а, стало быть, не-
мый папа, откажется въ принципѣ отъ сана земнаго го-
—то, стало быть, и впредь на вѣки такъ и останется. Съ
стороны, если новозбранный конклавомъ папа твердо и
вселенную объявить, что онъ ни отъ чего не хочетъ
аться, а пребудетъ въ прежней идеѣ вполне, и начнетъ
емы и на всѣхъ враговъ Рима и римскаго католичества.
и правительства Европы могутъ его не признать, а, стало
въ этомъ случаѣ можетъ произойти такое роковое по-
въ римской церкви, послѣдствія котораго могутъ быть
шмы и непредвидимы.

Исправда-ли, что для полѣтчиковъ и дипломатовъ почти
роны — все это весьма смѣшно и ничтожно! Папа, повер-
и заключенный въ Ватиканѣ, представлялъ собою, въ
іе годы, въ ихъ глазахъ такое ничтожество, которымъ
было и заниматься. Такъ размышляли чрезвычайно мно-
довые люди Европы, особенно изъ остроумныхъ и ли-
тѣйшихъ. Папа, издающій аллокуціи и силлабусы, прини-
богомольцевъ, проклинаяющій и умирающій—въ глазахъ
кожъ былъ на шута для ихъ увеселенія. Мысль о томъ,
смѣйшая идея міра, идея вышедшая изъ главы діавола

во время искушенія Христова въ пустынь, идея живучи міръ уже органически тысячу лѣтъ—эта идея такъ-таки метъ и умереть въ одну минуту—эта мысль принималась сомнѣнную. Ошибка, конечно, тутъ заключалась въ религіозномъ значеніи этой идеи, въ томъ что два значенія были перемѣшаны вмѣстѣ: «Такъ какъ-де рѣдко кто теперь вѣритъ на св. Бога, особенно по римскому толкованію, а во Франціи такъ не вѣритъ въ него и народъ, а развѣ одно только высшее словіе, да и то не вѣритъ, а только ломается,—то, стало быть, какую-же силу могутъ имѣть, въ нашъ образованный вѣкъ и римское католичество? — вотъ въ чемъ увѣрены даже теперь остроумные люди. Но идея религіозная и идея папской сущности различны. Вотъ эта-то папская идея вдругъ въ дни, всего только два мѣсяца назадъ, разомъ проявила живучесть, такую силу, что произвела во Франціи радикальнѣйшій политическій переворотъ, надѣла на всю Францію рабски повлекла ее за собой.

Во Франціи за послѣдніе годы образовалось парламентское большинство изъ республиканцевъ и вели они свои дѣла дѣльно, чисто, спокойно, безъ потрясеній. Улучшили армию, для нея громадныя суммы не споря, но и не думали о томъ и всѣ понимали, и во Франціи, и въ Европѣ, что если есть въ мірѣ миролюбивая партія, то ужь, конечно, это они, республиканцы. Предводители ихъ отличались сдержанностью и неохотой еще у нихъ благоразуміемъ. Въ сущности, однако, все это отвлеченные и идеалисты. Это давно уже отпѣтые и безсильные люди. Это либеральные, сѣдые, но молодящіеся рички, воображающіе себя все еще молодыми. Они останутся на идеяхъ первой французской революціи, т. е. на торжествѣ третьего сословія, и въ полномъ смыслѣ слова суть воплощеніе буржуазіи. Это совершенно та же іюльская монархія, но лишь разницей, что она называется республикой и что у нея короля (т. е. ужь, разумѣется, «тирана»). Все, что они хотятъ новаго—это провозглашеніе въ 1848 году всеобщей политической свободы, котораго такъ боялось іюльское королевское правительство и изъ котораго не только не вышло ничего опаснаго, а, напротивъ, очень даже много, для буржуазіи, полезнаго. Очень то же опасались потомъ эта идея правительству Наполеона III. Но оно было удовлетворено ею въ высшей степени, и ихъ, какъ бы и не считая, что они республиканцы. Слово «республика» у нихъ было то комически-идеальное. Казалось-бы, эта невинная партія

довлѣтвить Францію, т. е. городскую буржуазію и цѣльцевъ. Но оказалось напротивъ. Въ самомъ дѣлѣ, республика всегда казалась во Франціи правительствомъ нежнымъ. И если республиканцы не были всегда ненавидимы, то всегда были презираемы за безсиліе ихъ огромнымъ вѣдомствомъ буржуазіи. Если не прямо презираемы, то всегда презираемы. Народъ тоже въ нихъ почти никогда не вѣрилъ. Тотъ, что каждый разъ, съ воцареніемъ во Франціи республиканцевъ, все во Франціи какъ-бы теряло свою прочность и самостоятельность. Всегда до сихъ поръ республика была лишь какой-то средней—между социальными попытками самаго широкаго размаха и какимъ-нибудь, иногда самымъ наглымъ, режимомъ. И такъ какъ это почти всегда случалось, то такъ скоро на нее смотрѣтъ общество, и чуть лишь наступала опасность, то всегда всѣ начинали чувствовать себя какъ-бы въ опасности, и какъ-бы благоразумно ни правили республику буржуазія всегда при нихъ увѣрена, что рано или поздно грянетъ красный бунтъ или опять наступитъ какая-нибудь монархія. Кончилось тѣмъ, что монархическое правленіе во Франціи полюбила гораздо больше, чѣмъ республику, не смотря на то, что монархія, какъ на примѣръ Наполеона III, выказала какъ-бы попытки войти въ соглашеніе съ социальными силами, тогда какъ ужь никто ни свѣтъ не можетъ быть враждебнымъ, какъ чистые республиканцы: для республиканцевъ было-бы только слово республика, а социалисты ищутъ не слова, а одного лишь дѣла. По принципамъ социалистовъ все равно республика, монархія-ли, французы-ли они будутъ или немцы, и право даже, если-бы вышло какъ-нибудь, то имъ могъ-бы пригодиться самъ Напа, то они провозглашаютъ Напу. Они прежде всего ищутъ *своего дѣла*, т. е. равенства и равенства въ распредѣленіи правъ и обязанностей, а подъ какимъ знаменемъ—это имъ неважно, все равно хоть подъ самымъ дешовымъ.

Интересно, что князь Бисмаркъ ненавидитъ социализмъ и монархическое правленіе, и что германское правительство, въ самое последнее время особенно, стало какъ-то слишкомъ бояться социализма и пропаганды. Безъ сомнѣнія, это потому, что социализмъ обезличиваетъ національное начало и подѣбдаетъ нацию въ самомъ корнѣ, а принципъ національности есть главная идея всего германскаго объединенія, всего

того, что совершилось въ Германіи въ послѣдніе годы. Не можетъ быть, что князь Бисмаркъ смотритъ еще глубже, а социализмъ есть сила грядущая для всей западной Европы. Если папство когда-нибудь будетъ покинута и отброшена вѣстельствами міра сего, то весьма и весьма можетъ случиться оно бросится въ объятія социализма и соединится съ нимъ едино. Папа выйдетъ ко всѣмъ нещипъ пѣшь и босъ, жать, что все, чему они учатъ и чего хотятъ, давно уже во Евангеліи, что до сихъ поръ лишь время не наступало и это узнать, а теперь наступило, и что онъ, Папа, отдастъ Христа и вѣрить въ муравейникъ. Римскому католицизму (къ комъ ужъ ясно это) нуженъ не Христосъ, а всемірное и чество: «Вамъ-де надо единеніе противъ врага—соединитесь моею властью, ибо я одинъ всеміренъ изъ всѣхъ властей ститалой міра, и пойдемъ вмѣстѣ». Эту картину, вѣроятно, видитъ князь Бисмаркъ, ибо лишь онъ одинъ изъ всѣхъ матовъ вознмѣтъ на столько зоркій взглядъ, чтобъ прожвучестъ римской идея и всю ту энергію, съ которою она това себя отстоять, не разлячая уже средствъ. Жать ей задски, а убить ее трудно, это зивѣ!—Вотъ что понимаютъ всей силѣ одинъ лишь князь Бисмаркъ,—главный врагъ и римской идеи!

Но молодящиеся старички, французскіе республиканцы, не въ состояніи были понять. Клерикаловъ они ненавидѣли, одного ужъ либерализма, но считали Папу безземльнымъ и зрѣннымъ, а римскую идею совсѣмъ отжившею. Они не думали даже ужиться съ страшною клерикальною партіею, бы только политически, чтобъ придать себѣ больше крѣпости. По крайней мѣрѣ, они могли-бы не раздражать пока клерикаловъ, не затрогивать ихъ, съ такимъ нарочнымъ задоромъ, и даже бы пообвщать нѣкоторое содѣйствіе въ ближайшемъ будущемъ при выборѣ новаго Папы. Но они именно сдѣлали все противоположное—или отъ идеальной честности своихъ убѣжденій, или просто по легкомыслію. Послѣднее время они особенно стали клерикаловъ, и какъ разъ въ ту минуту, когда папству только и оставалась что одна Франція какъ поддержка, выходилъ страшный шансъ умереть папству вмѣстѣ съ Франціею. Ибо кто, въ случаѣ нужды, могъ-бы въ Европѣ обещать за «свободу» избранія Папы и за свободу избраннаго? Да и мечъ этотъ долженъ быть сильный и могучій. Другаго бора не оставалось кромѣ Франціи и ея милліонной арміи.

о и во главѣ враговъ! Правда, маршалъ Макъ-Магонъ, но онъ въ тѣскахъ и выпутаться самъ не умѣетъ: тво палаты республиканское и либеральное и ни одна ий не въ силахъ замѣститъ его. Однимъ словомъ, скореспубликанское большинство невозможно, и вотъ вдругъ я.—эти презираемые и безсильные клерикалы, вырршала Макъ-Магона и проявляютъ на весь мѣръ такое во, какого никто отъ нихъ не ожидалъ болѣе. Они даютъ тѣямъ, что имъ можно соединиться лишь подъ клери, знаменемъ и тѣ, пораженные очевидностью, разомъ съ лашаются. Въ самомъ дѣлѣ: и у легитимистовъ и у бона, самый главный и ближайшій врагъ ихъ—все это, бликанское большинство. Если каждая изъ этихъ пар, работать для себя порознь, то ничего не достигнетъ, ввшись вмѣстѣ эти партіи могутъ составить силу и все и республиканцевъ разогнать. А тамъ уже, когда раз, еспублику, можно будетъ каждой партіи позаботиться о жь, разумѣется, каждая изъ нихъ тѣмъ больше будетъ вровъ на успѣхъ, чѣмъ больше она угодитъ клерика, ерикалы все это разсчитали математически, соединеніе го и клерикальное большинство сената разрѣшило Макъ, азогнать республиканцевъ.

IV.

ойско. — Мнѣніе легионовъ какъ новый элементъ цивилизаціи.

вивъ такую внезапную силу и ловкость, клерикалы не, пойдутъ далѣе: Они объявятъ въ рѣшительную для уту войну Германіи — и вотъ что немедленно попятъ вмаркъ! Главное они уже сдѣлали: Макъ-Магонъ уже я броситъ Францію въ политику приключеній. Имъ-ли лья передъ дальнѣйшимъ? Не жалѣть-же имъ Францію; какъ и все на свѣтѣ, имъ нужна пока лишь можетъ при, мѣ пользу. О, они-бы могли ее пожалѣть: это страна — вная ихъ надежда и служила имъ столько вѣковъ! Но жьено пришла для нихъ самая роковая минута въ цѣ, зельгіе. И коль подвернулась Франція, — то отчего-же сзе и ея соки, хотя-бы до убіенія ея, и не рискнуть

самымъ ее существованіемъ? Надо взять у насъ все что есть дать, а, главное, нельзя мѣшкать ни минуты: немножко и для нихъ будетъ несомнѣнно поздно. Такъ что имъ теперь надобно попробовать отбить Бисмарка, ибо если кто въ вредитъ при избраніи папы, то ужь конечно онъ. А въдобаву Бисмаркъ именно въ эту минуту какъ нарочно одинъ, безъ союзниковъ: Россія (вся надежда его)—занята теперь на вою Навонепъ, если удастся смирить Бисмарка, хотя-бы даже и на время, то надо какъ можно скорѣй и заранѣе положить основу *будущему*: надо воспользоваться удавшимся моментомъ и навсегда, создать изъ Франціи уже прочную для себя союзницу на все готовую и послушную, а для того произвести въ Франціи переворотъ уже *серьезный*, радикальный и *вѣковой*. Безъ сомнѣнія, во всемъ этомъ много риска, но колебаться могутъ только иезуиты, а не отцы иезуиты. Главное въ томъ, что имъ и въ случаѣ выбора въ данный моментъ какъ рисковать и рискнуть. Ограничиться однимъ совершившимся во Франціи клерикальнымъ переворотомъ, безъ войны съ Германіей и безъ *серьезной* помощи во Франціи, имъ положительно невозможно. Дѣла ихъ не дошли до такого положенія. Имъ надо все или ничего: если взять мало, ограничиться какии-нибудь тамъ *вліяніемъ* правительства, то все равно это не принесло-бы имъ никакой пользы, ибо нужды-то ихъ теперь большія! А потомъ и должны рѣшиться на самый открытый и наглый рискъ: имъ надо взять весь *va-banque*. Если, на случай, рискъ не удастся и Францію наприимѣръ иници побѣдятъ и раздавятъ, то вѣдь все равно,—имъ, клерикаламъ, хуже того какъ бы (т. е. если-бы они сидѣли смирно и не начинали переворота) будетъ: они останутся при томъ-же, при чемъ были до «приключенія», т. е. въ состояніи свернѣйшемъ, но ухудшиться уже не можетъ. Франція другое дѣло: если она будетъ опять, то несомнѣнно погибнетъ. Но тавовъ-ляты народъ чтобъ предъ этимъ остановиться: они знаютъ, если побѣдятъ Франція, то они получаютъ *все*, и ужь не укрѣпятся во Франціи, что ихъ и не выведешь. А для этого у нихъ есть свои особые средства, во Франціи еще *неслыханные*.

Всякіе другіе революціонеры, даже изъ самыхъ ярыхъ красныхъ, производя переворотъ, все же сообразуются, хотя и частію, съ чѣмъ-то общимъ, прежде даннымъ и даже закономъ. Революціонеры-же иезуиты не могутъ дѣйствовать *закономъ*, именно *необычайно*. Эта черная армія стоитъ въ *чуждомъ*

жданства, въ цивилизаціи и исходитъ вся изъ одной то *status in statu*, это армія папы, ей надо лишь торжественной своей идеей,—а затѣмъ пусть гибнетъ все что на пути идетъ, пусть гибнутъ и вянутъ всѣ остальные силы, пусть все не согласное съ ними—цивилизация, общество, наука несомнѣнно необходимо обработать Францію въ новомъ окончательномъ видѣ, если случай будетъ на нихъ стовыместити изъ нея весь соръ ужь такимъ помеломъ, о ка- о сихъ поръ никто и не слыхивалъ, съ тѣмъ чтобъ и то больше никакимъ сопротивленіемъ, и дать странѣ нораннизмъ, подъ строжайшей опекой іезуитовъ, на вѣки

это съ перваго взгляда можетъ показаться весьма не- . Во французскихъ газетахъ (и въ напихъ) всѣ благо- ные люди сильно увѣрены, что клерикалы непремѣнно гь себѣ ногу на слѣдующихъ выборахъ во французскую Французскіе республиканцы, въ невинности душевной, ино тоже убѣждены, что вся *activité devorante* новоразо- хъ префектовъ и мэровъ ровно ничего не добьется, а бу- браны все прежніе республиканцы, которые и составятъ большинство и немедленно скажутъ *veto* всѣмъ замыс- лѣт-Магона; затѣмъ клерикалы будутъ выгнаны, а, можетъ, самъ Макъ-Магонъ вмѣстѣ съ ними. Но увѣренность эта неосновательна и навѣрно клерикалы на этотъ счетъ не ить-то озабочены. Дѣло именно въ томъ, что наивные и сердцемъ старички все еще, не смотря на долги опыты, маютъ, кажется, въ полной силѣ съ какимъ народомъ они дѣло. Ибо чуть чуть выборы окажутся для клерикаловъ нымп, то они разгоняютъ и новую палату, не смотря на ституціонныя и законныя права ея. Возразятъ мнѣ, что ьтъ не законно, а потому невозможно. Это такъ, но вѣдь ь законы, этой черной арміи? Они навѣрно (и есть уже ь томъ свидѣтельствующіе) внушатъ столь послушному ь Макъ-Магону отчаянную рѣшимость употребить въ дѣло ьство такое, которое и во Франціи еще ни разу не было упо- ь, именно: *военный деспотизмъ*. Воскликнуть, что это старое ь, что его уже нѣсколько разъ употребляли, на примѣръ, ьнѣ! И однако я осмѣлюсь замѣтить, что все это было ьто средство, *во всей его откровенности, истинно* ьблялось во Франціи еще ни разу. Маршалъ Макъ-Ма- ьручившись преданностью арміи, можетъ разогнать повое

грядущее собраніе представителей Франціи, если оно пойдѣтъ
 противъ него, просто штыками, а затѣмъ прямо объявить
 странѣ, что такъ захотѣла армія. Какъ римскій императоръ
 упадка имперіи, онъ можетъ затѣмъ объявить, что отнынѣ «
 деть сообразоваться лишь съ мнѣніемъ легионовъ». Тогда на
 нетъ всеобщее осадное положеніе и военный деспотизмъ, —
 вотъ увидите, увидите, что это ужасно многимъ во Франціи
 нравится! И повѣрьте, что если будетъ надобность, то явятся
 плебесциты, которые большинствомъ голосовъ всей Франціи до
 лять войну и дадутъ потребныя деньги. Въ недавней рѣчи съ
 къ войскамъ маршалъ Макъ-Магонъ говорилъ именно въ эт
 смыслѣ и войска приняли его весьма сочувственно. Сомнѣній нѣтъ
 что армія больше на его сторонѣ. Къ тому же теперь онъ уже т
 далеко зашелъ, что ему и нельзя остановиться, иначе онъ
 какъ не останется на своемъ мѣстѣ, тогда какъ вся его по
 тика и весь онъ выражаются въ одномъ словѣ: «J'y suis et
 geste», то есть: «Сѣлъ и не сойду». Дальше этой фразы о
 какъ извѣстно, не пошелъ и, ужь конечно, для торжества в
 тезиса рискнетъ, пожалуй, даже существованіемъ Франціи. Го
 ность къ подобному риску онъ уже разъ доказалъ въ фран
 прусскую войну, когда, подъ вліяніемъ бонапартистовъ, рѣши
 сознательно лишить Францію ея арміи изъ преданности къ
 настии Наполеона. Клерикалы-же навѣрно обезпечили ему
 «J'y suis et j'y geste». Разъ соединивъ партіи подъ своимъ
 менемъ, т. е. бонапартистовъ и легитимистовъ, они навѣрно
 съумѣли ловко указать Макъ-Магону, что вѣдь въ случаѣ ну
 можно и совсѣмъ обойтись безъ Шамбора и безъ Бонапарта
 вовсе не надо будетъ ихъ призывать, ни въ какомъ даже с
 чаѣ. а просто-бы самому ему, маршалу Макъ-Магону, оста
 диктаторомъ и безсмѣннымъ правителемъ, то есть ужь не на с
 лѣтъ, а навсегда. Вотъ такимъ образомъ и осуществится тез
 «J'y suis et j'y geste»,—было-бы только согласіе арміи; согла
 же Франціи впоследствии неминуемо, ибо твердая диктаторс
 рука, во главѣ власти, очень и очень многимъ придется
 вкусу». Подобныя льстивыя указанія навѣрно уже были пр
 несены. Можетъ быть, усомнятся въ томъ, что такой человѣкъ
 какъ Макъ-Магонъ можетъ все это предпринять и исполн
 Но во первыхъ, онъ первую половину дѣла предпринял
 исполнилъ, и половину, нисколько не легчайшую относитель
 проявленія рѣшимости, чѣмъ вторая будущая. А во вторыхъ
 вотъ такіе-то именно люди, сами по себѣ вовсе не предпри

ли вдругъ подпадутъ подъ чье-нибудь верховное и рѣшое вліяніе, то могутъ обнаружить огромную и роковую сть,—и не то чтобы отъ большаго генія, а именно отъ положительной причины. Главное, тутъ не соображеніе, а прочокъ, и если ужь ихъ разъ хорошенько толкнуть, то трутъ въ одну точку, до тѣхъ поръ пока или пробьютъ стьну или сломаютъ себѣ рога.

V.

Довольно непріятный секретъ.

это совершенно понимаютъ въ Германіи. По крайней мѣрѣ, шіозные органы печати, находящіеся подъ вліяніемъ князя за, прямо увѣрены въ неминуемой войнѣ. Кто на кого я первый, и когда именно,—неизвѣстно, но война очень , можетъ загорѣться. Конечно, гроза можетъ еще пройти зся надежда, если маршалъ Макъ-Магонъ вдругъ испу- я всего, что взялъ на себя и остановится, какъ нѣкогда въ недоумѣніи среди дороги. Но тогда онъ самъ рискуетъ сть, и невѣроятно, чтобъ онъ не понималъ этого. А шанст- енія среди дороги хоть и возможенъ, но врядъ-ли на жно твердо понадѣяться. Пока князь Бисмаркъ слѣдитъ ть, что происходитъ во Франціи съ лихорадочнымъ вни- л онъ наблюдаетъ и ждетъ. Для него гроза именно въ то не въ тотъ моментъ началось это дѣло, какъ онъ ь. Теперь-же связаны руки. Всего-же хлопотливѣе то- зрылись болячки, которыя до сихъ поръ тщательно при- Про главную болячку всѣхъ нѣмцевъ я уже говорилъ.— знь, что Россія вдругъ догадается о томъ, какъ она ственна и какую силу можетъ имѣть теперь, именно въ на- т моментъ, ея рѣшающее слово, а главное—что *зависитъ война съ Россіей есть, повидимому, роковое назначеніе ея, особенно съ франко-прусской войны*. Этотъ нѣмецк- ртъ можетъ вдругъ теперь обнаружиться—и для нѣмцевъ. это конфузно. Какъ ни искренно пріязненна къ намъ, святая Германія за послѣдніе годы, но секретъ-то все- обладаете всѣми нѣмцами. Особенно печать дѣствовала: чь смелѣ. До сихъ поръ нѣмцы всегда имѣли своего брды» видѣ, прямо свойственный могуществу, не зна

дающемуся ни въ чьей помощи. Но теперь, конечно, слабое сто должно выйти наружу. Ибо если клерикальная Франція рѣшится на роковую борьбу, то Францію мало уже просто побѣдить, лишь отбить ея нападеніе, если она первая бросится, а надо на вѣки ее обезсилить, такъ-таки придавить, пользуясь случаемъ, вотъ задача! А такъ какъ у Франціи къ тому-же милліонъ солдатъ войска, то чтобъ дѣло это покончить навѣрно, надо не только побѣдить, но и обезпечить его, иначе нечего и приниматься. А обезпеченія другаго нѣтъ какъ заручиться рѣшающимъ словомъ самимъ. Однимъ словомъ, непріятнѣе всего, что все это видится такъ внезапно. Всѣ прежніе расчеты спутались и теперь уже событія командуютъ расчетами, а не расчеты властвуютъ надъ событіями. Франція можетъ начать сегодня-завтра, лишь чуть-чуть управится у себя внутри. Она бросилась въ политику приключеній, что для всѣхъ очевидно, а если тамъ гдѣ приключенія останоятся, гдѣ ихъ стѣна и граница? очень непріятно; такъ еще недавно нѣмцы имѣли такой несомнѣнный видъ, и особенно въ послѣдній годъ. Вспомнимъ, что этотъ годъ и Россія старалась разсмотрѣть въ Европѣ др своихъ, и нѣмцы знали про заботы Россіи и имѣли самый личный случаю торжественный видъ. Конечно, всякое слабое движеніе всегда нѣсколько Германію беззаконило, но мы даже прямо сказать что въ объявленіи Россіей войны два сѣнца назадъ, даже, можетъ быть, заключалось для Германіи что почти пріятное: «Нѣтъ ужъ теперь-то они никакъ не даются—думали въ Германіи два мѣсяца назадъ — что это въ нихъ нуждаемся, теперь они, напротивъ, стоя передъ Демъ — «нѣмецкой рѣкой», вполне убѣждены, что сами они уже въ насъ нуждаются, и что въ концѣ войны не обойдется нашего вѣскаго слова. И это хорошо, что русскіе такъ думаютъ, это намъ въ будущемъ пригодится». Сомнѣній нѣтъ, навѣрно объ насъ такъ думали весьма многіе тонкіе нѣмцы печать ея такъ думала и писала и—вдругъ теперь это клерикальное настроеніе все переверотило на другую сторону»: Теперь они догадаются, теперь обо всемъ догадаются! А къ тому надо, чтобъ Россія какъ можно скорѣе кончила на войну и освободилась. Но оказать на нее давленіе весьма невыгодно. Развѣ сама испугается Англія и Австрія, но врядъ-ли. Считаться-же съ Англіей и Австріей для давленія на Россію—ничего и думать: они потомъ не помогутъ, а Россія разсердится. Странное положеніе! Ужъ не помочь-ли Россіи, чтобъ она

борбе? Это можно сдѣлать и не обнажая меча, а лишь въ политическимъ, на Австрію, на примѣръ...» — вотъ думываютъ теперь тѣже политики, и очень, очень мечтаются, что все это такъ именно и есть въ самомъ дѣлѣ. И словомъ, мнѣ хотѣлось высказать лишь мое убѣжденіе, что Россія не только сильна и могущественна, гда была, но теперь, особенно теперь, она самая сильнѣйшая странъ Европы, и что никогда ея рѣшающее слово не сбивается въ Европѣ такъ вѣско, какъ въ данный моментъ Россія сама занята на Востокѣ, по одно лишь рѣшеніе ея на вѣсахъ Европейской политики можетъ по-теперь вѣсы по ея волѣ и желанію. Конечно, и сама теперь понимаетъ, что въ виду возможности весьма хлопотливыхъ новыхъ событій въ крайне-западной Европѣ, — и она, потеряетъ въ глазахъ Русскихъ двѣ трети своего прѣдѣла, что поймутъ-же наконецъ даже самые мнительные изъ насъ, что она отнюдь не рискнетъ на войну въ случаѣ сильнѣйшей Россіи продолжать свое дѣло, и скорѣе станетъ ждать на дѣлѣжъ наслѣдства послѣ «больнаго человѣка», нежели пачать открытую войну за него въ такую и безъотчетливую минуту въ Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ, случись что и впрямь что нибудь разыграется въ Западной Европѣ такое и роковое, то никогда Англія не рѣшится слишкомъ уввязаться въ такое хлопотливое дѣло, столь несходное своимъ характеромъ ея интересамъ, и ужь навѣрно при-зрѣетъ зорко наблюдательное положеніе, выжидая, по обычаю добрый моментъ когда можно будетъ пронюхать гдѣ нибудь нибудь дѣлѣжъ добычи, чтобы немедленно къ нему перейти. Затѣвать-же теперь (т. е. до окончанія разъясненій главныхъ событій) съ Россією что нибудь слишкомъ хлопотливо, будетъ ужь слишкомъ для нея неразсчитливо. Съ дру-гими, Австрія, оставшись одна — что можетъ сдѣлать? Да и то, чтобы клерикальное усложненіе дѣла въ крайне-западной Европѣ не смутило и ее хоть отчасти. И она, конечно, ждетъ и все дальнейшей развязки событій, такъ что и у насъ у всѣхъ, отчасти связаны руки. У всѣхъ связаны, а у насъ только распутаны. Вотъ ужь и разыгралось, значитъ непредвидѣнное въ нашу пользу. Ну какъ не раз-рѣшить на непредвидѣнное въ рѣшеніи судьбъ человѣческихъ? Въ управленіи Богъ и законы его, и если и впрямь раз-рѣшитъ Европой что-либо новое и усложненное, то, значитъ,

рано-ли поздно-ли, а тому непременно надо было совершить. Но дай Богъ чтобы я ошибся, дай Богъ чтобы новая гроза туча разсѣялась и всѣ предчувствія мои оказались лишь «вими» моими-же фантазіями, — фантазіями ничего не повищаго въ политикѣ челоуѣка. Все дѣло въ томъ: правы-ли офиціозные органы печати въ Германіи, ожидающіе и пророчащія войну? Съ другой стороны, министры Макъ-Магона изеисилъ, прежде всякихъ обвиненій увѣряютъ французовъ и свѣтъ, что Франція не начнетъ войны. Согласитесь, что въ по крайней мѣрѣ подозрительно и что разрѣшеніе сомнѣній жетъ послѣдовать, уже по самому ходу дѣла, весьма и въ въ непродолжительномъ времени. Но что если такъ много тависитъ отъ «мнѣнія легионовъ?» Худо, если до того до тогда конецъ Франціи. Впрочемъ, съ ней только съ оди и можетъ случиться, и ни съ кѣмъ больше въ цѣломъ мр дай Богъ, чтобъ и съ ней не случилось: начинъ нехорош мѣрѣ будетъ очень ужъ нехорошъ.

Глава четвертая.

І.

Любители турокъ.

А вѣдь у насъ теперь сѣявилося довольно много лю лей турокъ, — конечно. по поводу войны съ ними. Прежде помню ни разу во всю мою жизнь, чтобы кто нибудь начи разговоръ съ тѣмъ, чтобъ восхищаться турками. Теперь очень часто слышу про ихъ защитниковъ и даже самъ в чался съ такими, и очень даже горячатся. Тутъ, разумн потребность отличиться оригинальностью. Но вотъ оди любители ученые, учителя, профессора.

— Мусульманскій мр внесъ въ христіанскій науку. стіанскій мр потопаль во мракъ невѣжества, когда у ар уже сіяла наука.

Тутъ, видите-ли, причиною невѣжества христіанство. Бовль, тутъ даже Дреперъ. Выходитъ. стало быть, обрат мусульманство есть свѣтъ, а христіанство начало тьмы. уединенная логика! Оттого-то, вѣроятно, магометанство т

освѣщено въ настоящее время сравнительно съ христіанствомъ. Ножь они свой свѣточъ-то потушили такъ рано!

— Да, но у нихъ однако монотеизмъ, а у христіанъ...

Это превознесеніе мусульманъ за монотеизмъ, т. е. за чистоту вѣривія о единствѣ Божіемъ, будто-бы высшую сравнительно съ вѣривіемъ христіанскимъ, — это конекъ очень многихъ любителей урокъ. Но тутъ главное въ томъ, что эти любители порвали съ народомъ и не понимаютъ его. Разорвавъ съ народомъ, они сами уже составили себѣ яныя удивительныя понятія о томъ, что у русскаго простолюдина происходитъ въ головѣ. Между тѣмъ у русскаго простолюдина «ничего не смыслящаго въ дѣлѣ вѣры и не знающаго молитвъ» — какъ привыкли говорить о немъ, — весьма часто, если не всегда, составляетя однако въ вѣрѣ и въ душѣ весьма своеобразное, но *вѣрное* и строгое и неизмѣннѣе удовлетворяющее его убѣжденіе о томъ, во что онъ вѣруетъ. Хотя въ тоже время, конечно, рѣдкій изъ простолюдиновъ захочетъ изложить свои вѣрованія словами отчетливо и въ положительности. Этому, порвавшему съ народомъ «интеллигентному» русскому удивительно было-бы услышать, что этотъ безграмотный мужикъ вполне и неизбѣжно вѣруетъ въ Божіе единство, въ то что Богъ одинъ и нѣтъ другаго Бога, такого какъ онъ. Въ тоже время русскій мужикъ знаетъ и благоговѣнно вѣруетъ (всякій русскій мужикъ это знаетъ) что Христосъ, истинный Богъ его, родился отъ Бога Отца и воплотился отъ Дѣвы Маріи. Прежде всего интеллигентный русскій, порвавшій съ народомъ, не захочетъ допустить даже возможности того, чтобъ русскій мужикъ, ничему не учившійся, могъ имѣть такія знанія: «онъ такъ необразованъ, такъ темень, его ничему не учать, гдѣ же учитель?» Онъ не пойметъ никогда, что учитель мужика, «въ вѣрѣ вѣры его» — это сама почва, это вся земля русская, что вѣрованія эти какъ-бы рождаются вмѣстѣ съ нимъ и укрѣпляются въ сердцѣ его вмѣстѣ съ жизнью. Но всего невѣроятнѣе иному какому мыслителю то, какъ можетъ русскій простолюдинъ не вѣриваться въ своихъ понятіяхъ! Самъ давно уже утративъ всякое понятіе о томъ, что такое непосредственная великая теплая вѣра въ Бога, онъ уже не можетъ допустить, чтобъ благоговѣнно вѣрующій въ великую христіанскую таинну воплощенія Сына Божія, простолюдинъ могъ въ тоже время оставаться при самомъ строжайшемъ монотеизмѣ. Скорѣе-же онъ припишетъ эту твердость столь *неискусственнымъ* убѣжденій русскаго простолюдина — неприлично размышлять, приемычкѣ къ путаницѣ понятій отъ дѣтства

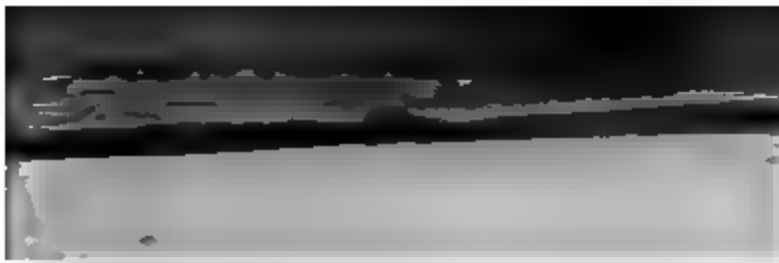
и олушѣнія мысли, отъ отсутствія всякой критики въ ухѣ «плачевное»-же состояніе ума его приводитъ забитости, ну разврату, крѣпостному состоянію и проч. На томъ и стоитъ скій ученый, изучающій русскій народъ. Совершенно тѣмъ процессомъ могло произойти осужденіе православныхъ русскихъ за поклоненіе, напримѣръ, иконамъ. Иной лютеранскій пасторъ ни за что не можетъ понять, какъ можно, вѣруя въ истиннаго Бога, поклоняться въ тоже время «доскѣ», изображенію святаго и допустить, чтобъ изъ этого не вышло идолопоклонства. Русскій интеллигентный человѣкъ всего чаще согласенъ въ этомъ случаѣ съ пасторомъ. Между тѣмъ нѣтъ ни одного русскаго мужа или бабы, которые, поклоняясь иконѣ, въ тоже время сколько нибудь смѣшивали «доску» съ самимъ Богомъ, не считая на то, что православный народъ въ тоже время вѣруетъ чудотворность многихъ иконъ. Но нѣтъ ни одного русскаго, который чудотворную силу иконы приписалъ-бы самой иконѣ, по произволу Божию. А это уже совсѣмъ другое. Вотъ это воззрѣніе русскаго простолюдина ни пасторъ, ни разорванный народомъ русскій ни за что не допустятъ, да и не повѣрятъ, что такъ оно есть.

Вспомнили-бы однако Магометовъ рай, чтобы уже совсѣмъ восполнить свое убѣжденіе о чистотѣ Турецкихъ понятій о святѣмъ Божіемъ. Все это я, разумеется, говорю не затѣмъ, чтобы затѣять съ почитателями турецкаго монотеизма богословскій споръ, и ужь, конечно, не затѣвалъ его. Вѣдь почитатели хлопочутъ больше о *здравыхъ* понятіяхъ народа, а сами имъ, пожалуй, и все равно, кто-бы какъ ни вѣровалъ. Вотъ тому-то я и свелъ этотъ вопросъ лишь на народное естественное понятіе.

II.

Золотые фраки. Прямолинейные.

Кромѣ любителей турокъ объявилось очень много людей, нуждающихся *особливаго* мнѣнія. «Все вздоръ, нѣтъ никакихъ движеній; адреса вздоръ, это не по русски; санитарные вопросы вздоръ, это не по русски. Сентиментальничаніе Славянъ и Малыхъ Болгаръ выдумали, турки лучше Болгаръ, все вздоръ, люблю турокъ»...

во то, чтобъ изъ какихъ-нибудь злобачество-тонкихъ высшей политики. «Высшая политика» у насъ есть, это да, но эти—эти просто самолюбіе. Самолюбіе въ двухъ или до крайности придавленное, а вслѣдствіе того и такая потребность пооригинальничать, чтобъ отличиться и будь заявить себя, или 2) самолюбіе отъ необыкновен-ничія. Русскій «великій чеховикъ» всего чаще не выно-житъ величія. Право, еслибъ можно было надѣть золотой шъ парчи, напиримѣрь, чтобъ ужъ не походить на всѣхъ и низшихъ, то онъ-бы откровенно надѣлъ его и да-ведя. Я увѣренъ въ томъ и если до сихъ поръ еще ни одного изъ нашихъ «великихъ» въ золотомъ фракѣ, итн, потому, что портные шить не согласны. «Я всѣхъ великъ. Всѣ они объ войнѣ такъ думаютъ, такъ я не съ какъ они думать. Докажу что великъ»...

золотомъ фракѣ, объ характерно-русскихъ социальныхъ логическихъ основаніяхъ происхожденія его, о нагляд-мибрахъ и проч. и проч., мнѣ хочется особо поговорить, ая и я, можетъ быть, о ней не забуду. Теперь-же, оста-ка золотой фракѣ въ покоѣ, скажу словечко о «прямо-хъ». Прямолинейные бываютъ всякіе,—люди добрые и гные и глупые, честные и нечестные и т. д. Ихъ у насъ зого. Эти бьютъ въ одну точку и ихъ ни за что не съ этой точки: «J'y suis et j'y reste». Это наши Макъ-

арміи доносятся извѣстія о геройствѣ, о самоотвержен-гескихъ, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ. Тутъ моло-ще не давно было такое безвѣріе въ молодежь—въ на-ашу: многіе видѣли въ ней лишь цинизмъ, обвиняли ее мь отрпнаніи, въ холодности, въ равнодушіи, въ тупомъ ствѣ, а теперь вдругъ какъ-бы прочистился воздухъ: лодержъ проявляетъ великодушіе, жажду геройскаго по-алга, чести, жертвы. Они идутъ впередъ солдатъ, они ся первые въ опасность...

Ка. но такъ сознательно бросаться на вѣрную смерть только пьяный или сумасшедшій. Другаго объясненія вайти.

Какъ? Неужели вы не предполагаете въ немъ велико-сознанія, что онъ жертвуетъ собою для Россіи, слу-...

Кулакомъ.

— То есть какъ-же? Въ войнѣ надо драться. Чѣмъ-жъ онъ могъ принести пользу?

— Гм. Напримѣръ, школы.

— Школы въ свое время. Въ школы онъ принесетъ не сознание исполненнаго долга, великодушное воспоминаніе, сближеніе съ народомъ.

— Какое сближеніе съ народомъ?

— Въ общей солидарности для общаго дѣла. Солдаты и офицеры живутъ теперь тамъ единымъ духомъ и единымъ ствомъ. Интеллигенція роднится съ народомъ, возвращается ему опять и уже дѣломъ а не теоріей, научается уважать народъ, изъ котораго вышелъ этотъ солдатъ, и научается не уважать себя и уже не какъ начальника или господина, а какъ человѣка, душевно. Недавній рассказъ о простолюдникѣ, обитавшемъ въ слезахъ въ Успенскомъ соборѣ Черняева, имѣетъ большое значеніе. Вы хотите образовать народъ, но вы скорѣе его раздражаете заставивъ его уважать ваши идеи, ваши дѣла и притомъ не уважая къ себѣ народъ сердцемъ. Чѣмъ больше народъ будетъ уважать людей образованныхъ лично, тѣмъ вѣрнѣе пойдетъ и образованіе народное. Такимъ образомъ, заслуживая уваженіе народа, вы служите уже дѣлу образованія народнаго, тѣмъ-же образомъ, о которыхъ вы такъ хлопочете.

— Заслужить уваженіе черезъ кулакъ; заставить народъ уважать кулакъ?

— Тутъ не одинъ кулакъ, тутъ прежде всего великодушная жертва собственной жизнью на виду. На виду и слава красна. Вы вотъ спрашиваете, что можетъ заставить человека въ цвѣтъ жизни, жертвовать почти навѣрно жизнью и недвижимостью, — иначе вѣдь нельзя объяснить вашихъ словъ о пылкости и сумасшедшемъ: они только аллегорія, способъ выраженія. Что можетъ заставить? Жажда славы, честнаго дѣла, жажда заслужить добрую извѣстность, похвалу всѣхъ согражданъ, которые всѣ теперь слѣдятъ за ихъ дѣлами, проявить личную прославитъ имя.

— Ага, сдѣлать карьеру!

— Но всѣ эти чувства и побужденія великодушны. Тысячи и все вмѣстѣ. Человѣкъ не изъ одного какого-нибудь побужденія состоитъ, человѣкъ — цѣлый міръ, было-бы только основное побужденіе въ немъ благородно. Пролитая-же собственная кровь и готовность пролить ее благородятъ даже и не благороднаго до тѣхъ поръ человѣка, налагаютъ на него обязанности.

сть чести на всю потомъ жизнь. У насъ уже появились въ чати опасенія, что эти люди потомъ возьмутъ верхъ, явится неудовлетвореніе, гордость, будутъ презирать образованіе, шта-прокъ, будутъ буйствовать, и что въ общество проникнутъ эти идеи. Но напрасные страхи. Улита ѣдетъ когда-то будетъ. Какъ е появиться Копѣйкинымъ, «такъ сказать кровь проливавшимъ», то правда, но вѣдь они только людей насмѣшать и себѣ по-редятъ. Выгода-же нравственная будетъ неисчислима. Развѣтается жеса цинизма, явится уваженіе къ честному подвигу...

— II къ кулаку.

— Тутъ не одни кулачные бойцы, тутъ есть почти еще и чистые сердцемъ дѣти. Онъ только что произведенъ, онъ бросается впередъ на подвигъ, съ мыслию о томъ, что скажетъ о вѣсть. тамъ, далеко, его мать, сестра, съ которыми онъ только что простился... Неужели это только смѣшно и сентиментально? Наконецъ, почему не допустить въ этихъ герояхъ высшаго со-знанія. Онъ понимаетъ, что Россія взяла задачу трудную, что задача эта можетъ и еще усложниться. Они все видятъ теперь, что Россія не съ одной ужь Турціей ведетъ войну, что турец-скими арміями руководятъ англійскіе генералы, что англійскіе генералы воздвигаютъ многочисленнѣйшія укрѣпленія на англій-скихъ земляхъ, что флотъ англійскій ободряетъ Турцію продолжать войну, что, наконецъ, чуть-ли не явились (въ Азіатской Турции) уже англійскіи войска... Они знаютъ все это и бросаются почти въ смерть, понимая, что пришло время сослужить Россіи вѣрную службу. Я уже не говорю про Болгаръ, про угнетенныхъ братьевъ славянъ, мучимыхъ, обижаемыхъ. Къ стыду нашему эта тема уже устарѣла... но не въ ихъ сердцахъ. Неужели вы не предполагаете во многихъ изъ нихъ высшаго сознанія, что они идутъ служить человечеству, угнетеннымъ, оскорбленнымъ...

— Служить человечеству кулакомъ!

— Позвольте, кстати, вамъ разсказать одинъ анекдотъ. Я уже передавалъ однажды, что въ Москвѣ, въ одномъ изъ прію-тій, гдѣ наблюдаютъ маленькихъ Болгарскихъ дѣтей сиротокъ, привезенныхъ къ намъ въ Россію послѣ тамошняго разгрома, есть одна большая девочка, лѣтъ 10, которая видѣла (и не можетъ забыть) какъ Турки, при ней, содрали кожу съ ея живаго отца. Ну, такъ въ этомъ-же пріютѣ есть и другая большая болгарка, тоже лѣтъ десяти, и мнѣ объ ней недавно разсказали. У ней страдала болѣзнь: постепенныи, все большіи и большіи упадокъ силъ и безпрерывныи позывъ ко сну. Она все спитъ, но сомъ

нисколько ее не укрѣпляетъ, а даже напротивъ. Боязнь ее серьезная. Теперь эта дѣвочка, можетъ быть, уже умерла. У нее тоже одно воспоминаніе, котораго она не можетъ выносить. Тутъ взяли ее маленькаго брата, ребенка двухъ-трехъ лѣтъ, слѣзъ выкололи ему иголкой глаза, а потомъ посадили на колъ. Бѣночекъ страшно и долго кричалъ, пока умеръ, фактъ этотъ совершенно вѣрный. Ну, вотъ этого и не можетъ забыть дѣвочка все это они сдѣлали при ней, на ее глазахъ. Природа, можетъ быть, и посылаетъ такимъ, пораженнымъ сердечно, сонъ, потому что они не могли-бы долго оставаться на яву съ такимъ безысходнымъ воспоминаніемъ предъ собою. — Теперь представьте себѣ что вы-бы тамъ были сами въ ту минуту какъ они проваляли ребенку глаза. Скажите, неужели вы-бы не бросились отбить ихъ, даже и кулакомъ?

— Да, но все-же кулакомъ.

— Да вы не бейте ихъ, если хотите, вы только ятаганомъ у нихъ отнимите! Неужели и этого нельзя сдѣлать силой?

А кстати, неужели есть у насъ даже такіе любители турокъ, которые и ятагановъ-то у нихъ не ждали-бы отобрать? Не знаю и не вѣрю, чтобъ были.

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ.

Глава первая.

I.

Разговоръ мой съ однимъ московскимъ знакомымъ.—Замѣтка по поводу новой книжки.

Выдавъ въ Петербургѣ мой запоздавшій май-іюньскій выпускъ «Дневника» и возвращаясь затѣмъ въ курскую губернію проездомъ черезъ Москву, поговорилъ кой о чемъ съ однимъ изъ моихъ давнихъ московскихъ знакомыхъ, съ которымъ видался рѣдко, но мнѣніе котораго глубоко цѣню. Разговора я впрочемъ не привожу, хотя я узналъ при этомъ кое-что весьма любопытное изъ текущаго, чего и не подозревалъ. Но разстался съ моимъ собесѣдникомъ, я, между прочимъ, упомянулъ о томъ, что хочу сдѣлать. пользуясь случаемъ, маленькій крюкъ по дороге изъ Москвы полтораста верстъ въ сторону, чтобы посѣтить мѣста перваго моего дѣтства и отрочества,—деревню, принадлежавшую когда-то моимъ родителямъ, но давно уже перешедшую во владѣніе одной изъ нашихъ родственницъ. Сорокъ лѣтъ я тамъ не былъ и столько разъ хотѣлъ туда съѣздить, но не являясь не могъ, не смотря на то, что это маленькое и незначительное мѣсто оставило во мнѣ самое глубокое и сильное впечатлѣніе на всю потомъ жизнь и гдѣ все полно для меня самыми дорогими воспоминаніями.

— Вотъ у васъ есть такія воспоминанія и такія мѣста. Какіе мѣста насъ были. Любопытно: что у нынѣшней молодежи,

нынѣшнихъ дѣтей и подростковъ будетъ драгоценнаго воспоминаніяхъ и будетъ-ли? Главное, что именно? Какъ

Что святые воспоминанія будутъ и у нынѣшнихъ дѣтей, конечно, быть не можетъ, иначе прекратилась-бы жизнь. Безъ святаго и драгоценнаго, унесеннаго въ жезъ воспоминаній дѣтства, не можетъ и жить человекъ. Индѣмому, о томъ и не думаетъ, а все таки эти воспоминанія сознательно да сохраняетъ. Воспоминанія эти могутъ быть тяжелыя, горькія, но вѣдь и прожитое страданіе можетъ въ послѣдствіи въ святую для души. Человекъ такъ созданъ, что любить свое прожитое страданіе. Чѣмъ кромѣ того, уже по самой необходимости наклоненъ какъ-бы точки въ своемъ прошедшемъ, чтобы по нимъ ориентироваться въ дальнѣйшемъ, и выводить по нимъ нѣчто цѣлое, для порядка и собственнаго назиданія. Изъ самыя сильнѣйшія и вліяющія воспоминанія почти въ которыя остаются изъ дѣтства. А потому и сомнѣнія воспоминанія и впечатлѣнія, и, можетъ быть, самыя святые, унесутся и нынѣшними дѣтьми въ жизнь. Но что будетъ въ этихъ воспоминаніяхъ, что именно унесетъ собою въ жизнь, какъ именно оформируется для него дорогой запасъ—все это, конечно, и любопытный и сложный вопросъ. Еслибы можно было хоть сколько нибудь прѣдсказать на него отвѣтъ, то можно-бы было утолить много современныя тревожныхъ сомнѣній, и, можетъ быть, многіе-бы радовались въ русскую молодежь; главное-же—можно бы было сколько нибудь почувствовать наше будущее, наше русское загадочное будущее. Но бѣда въ томъ, что никогда еще эпохи въ нашей русской жизни, которая столь меньше была-бы даннаго для предчувствованія и предузнанія загадочнаго нашего будущаго, какъ теперешняя эпоха. Когда семейство русское не было болѣе расшатано, и болѣе неразсортировано и неоформлено, какъ теперь. Гдѣ выдете теперь такія «Дѣтства и Отрочества», которые-бы были возсозданы въ такомъ стройномъ и отчетливомъ и въ какомъ представилъ, напримѣръ, намъ свою эпоху и семейство графъ Левъ Толстой, или какъ въ «Войнѣ и Мирѣ»? Всѣ эти поэмы теперь не болѣе лишь, какъ историческія картины давно прошедшаго. О, я вовсе не желаю чтобы это были такія прекрасныя картины, отнюдь я не желаю повторенія въ наше время, и совсѣмъ не про то гово

ишь объ ихъ характеръ, о законченности, точности и
иности ихъ характера, — качества, благодаря которымъ
о появиться такое ясное и отчетливое изображеніе эпохи,
ь обихъ поэмахъ графа Толстаго. Нынѣ этого нѣтъ, нѣтъ
иности, нѣтъ ясности. Современное русское семейство
тся все болѣе и болѣе случайнымъ семействомъ. Именно
ное семейство — вотъ опредѣленіе современной русской се-
тарный обликъ свой она какъ-то вдругъ потеряла, какъ-
завно даже, а новый... въ силахъ-ли она будетъ создать
овый, желанный и удовлетворяющій русское сердце об-
иные, и столь серьезные даже люди, говорятъ прямо, что
го семейства теперь «вовсе нѣтъ». Разумѣется, все это го-
я лишь о русскомъ интеллигентномъ семействѣ, т. е., выс-
сословіи, не народномъ. Но, однако, народное-то семей-
развѣ теперь оно не вопросъ тоже?

Вотъ что безспорно, — сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ, —
рно то, что въ весьма непродолжительномъ времени въ
явятся новые вопросы, да и явились — уже куча вопро-
страшная масса все новыхъ, никогда не бывавшихъ, до
юръ въ народѣ неслыханныхъ, и все это естественно. Но
вѣтить на эти вопросы народу? Кто готовъ у насъ отвѣ-
а нихъ, и кто первый выищется, кто ждетъ уже и го-
е? Вотъ вопросъ, нашъ вопросъ, да еще самой первой
ти.

ужь, конечно, первой важности. Столь крутой переломъ
какъ реформа 19-го февраля, какъ всѣ потомъ рефор-
главное, грамотность (хотя-бы даже самое малое сопри-
еніе съ нею), все это безспорно родитъ и родило уже
ы, потомъ, пожалуй, сформируетъ ихъ, объединитъ, дастъ
стойчивость и — въ самомъ дѣлѣ. кто отвѣтитъ на эти
ы? Ну кто всего ближе стоитъ къ народу? Духовенство?
овенство наше въ отвѣчаетъ на вопросы народа давно уже.
иныхъ, еще горящихъ огнемъ ревности о Христѣ свя-
ковъ, часто незамѣтныхъ, никому неизвѣстныхъ, именно
, что ничего не ищутъ для себя, а живутъ лишь для
, — кромѣ этихъ, и увы, весьма кажется немногихъ,
ые, если ужь очень потребуются отъ нихъ отвѣты — от-
, на вопросы, пожалуй, еще доносомъ на нихъ. Другіе
) отдаляютъ отъ себя паству несоразмѣрными ни съ чѣмъ
ни, что къ нимъ и не придетъ никто спрашивать. На
ну можно-бы и много прибавить, но прибавимъ потомъ.

Затѣмъ, одни изъ ближайшихъ къ народу — это сельскіе тѣла. Но въ чему годятся и въ чему готовы наши сельскіе тѣла? Что представила до сихъ поръ эта, лишь начинающа, впрочемъ, но столь важная по значенію въ будущемъ, и корпорація, и на что она въ состояніи отвѣтить? На это трудно отвѣчать. Остаются, стало быть, отвѣты случайные, — городамъ, на станціяхъ, на дорогахъ, на улицахъ, на рынкахъ, отъ прохожихъ, отъ бродягъ и, наконецъ, отъ пресвитеръ пещниковъ (объ начальствѣ само собою не упоминаю). О, отвѣты конечно, будетъ множество, пожалуй, еще больше чѣмъ вопросовъ, — отвѣтовъ добрыхъ и злыхъ, глупыхъ и проницательныхъ. Главный характеръ ихъ, кажется, будетъ тотъ, что каждый въѣтъ родитъ еще по три новыхъ вопроса, и пойдетъ это *steasendo*. Въ результатъ хаосъ, но хаосъ-бы еще хороше: распѣлыя разрѣшенія задачъ хуже хаоса.

— А главное, — нечего и говорить объ этомъ. Вынесутъ. Конечно, вынесутъ, и безъ насъ вынесутъ, и безъ отвѣтовъ и при отвѣтчикахъ. Могуца Русь и не то еще вынесетъ. Да и не таково назначеніе и цѣль ея, чтобъ зря повернула она съ вѣловой своей дороги, да и разиѣры ея не тѣ. Кто вѣритъ въ Русь, тотъ знаетъ, что вынесетъ она *все* рѣшительное, даже и вопросы и останется въ сути своей такою-же преемницею святою нашей Русью, какъ и была до сихъ поръ, и, сколько измѣнился-бы, пожалуй, обликъ ея, но измѣненія облика боже нечего и задерживать, отдалять вопросы вовсе на надо: и вѣрятъ въ Русь, тому даже стыдно это. Ея назначеніе отъ высока, и ея внутреннее предчувствіе этого назначенія столь велико (особенно теперь, въ нашу эпоху, въ теперешнюю минуту гонимое), что тотъ, кто вѣруетъ въ это назначеніе, долженъ стоять выше всѣхъ сомнѣній и опасеній. «Здѣсь терпѣніе и вѣра святыхъ», какъ говорится въ священной книгѣ.

Въ то утро я только что увидалъ, въ первый разъ, обозначеніе въ газетахъ о выходѣ отдѣльно восьмой и послѣдней части Аины Карениной, отвергнутой редакціей «Русскаго Вѣстника» въ которомъ печатался весь романъ, съ самой первой части. Всѣмъ извѣстно было тоже, что отвергнута эта послѣдняя, и самая малая часть за разногласіе ея съ направленіемъ журнала и убѣжденіями редакторовъ, и именно по поводу взгляда автора на Восточный вопросъ и прошлогоднюю войну. Книгу я немедленно положилъ купить и, прощаясь съ моимъ собесѣдникомъ, съ

лишь объ ихъ *характеръ*, о законченности, точности и ясности ихъ характера, — качества, благодаря которымъ только появиться такое ясное и отчетливое изображеніе эпохи, въ обѣихъ поэмахъ графа Толстаго. Нынѣ этого нѣтъ, нѣтъ ясности, нѣтъ ясности. Современное русское семейство вѣтъ все болѣе и болѣе *случайнымъ* семействомъ. Именно *новое семейство* — вотъ опредѣленіе современной русской семьи. Старый обликъ свой она какъ-то вдругъ потеряла, какъ-то внезапно даже, а новый... въ силахъ-ли она будетъ создать новый, желанный и удовлетворяющій русское сердце обликъ? Многие, и столь серьезные даже люди, говорятъ прямо, что старое семейство теперь «вовсе нѣтъ». Разумѣется, все это говорится лишь о русскомъ интеллигентномъ семействѣ, т. е., высшемъ сословіи, не народномъ. Но, однако, народное-то семейство — развѣ теперь оно не вопросъ тоже?

— Вотъ что безспорно, — сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ, — очевидно то, что въ весьма непродолжительномъ времени въ народѣ явятся новые вопросы, да и явились — уже куча вопросовъ. Страшная масса все новыхъ, никогда не бывавшихъ, до сихъ поръ въ народѣ неслыханныхъ, и все это естественно. Но кто отвѣтитъ на эти вопросы народу? Кто готовъ у насъ отвѣчать на нихъ, и кто первый выищется, кто ждетъ уже и готовъ? Вотъ вопросъ, нашъ вопросъ, да еще самой первой важности.

И ужь, конечно, первой важности. Столь крутой переломъ, какъ реформа 19-го февраля, какъ все потомъ реформы, главное, грамотность (хотя-бы даже самое малое соприкосновеніе съ нею), все это безспорно родитъ и родило уже вопросы. Потомъ, пожалуй, сформируетъ ихъ, объединитъ, дастъ устойчивость и — въ самомъ дѣлѣ, кто отвѣтитъ на эти вопросы? Ну кто всего ближе стоитъ къ народу? Духовенство? Духовенство наше въ отвѣчаетъ на вопросы народа давно уже. Но въ дѣлахъ, еще горящихъ огнемъ ревности о Христѣ святыняхъ, часто незамѣтныхъ, никому неизвѣстныхъ, именно тамъ, что ничего не ищутъ для себя, а живутъ лишь для народа. — Кромѣ этихъ, и увы, весьма кажется немногихъ, чуждыхъ, если ужь очень потребуются отъ нихъ отвѣты — отвѣтитъ на вопросы, пожалуй, еще доносомъ на нихъ. Другіе же отдаляютъ отъ себя паству несообразными ни съ чѣмъ формами, что къ нимъ и не придетъ никто спрашивать. На эту тему можно-бы и много прибавить, но прибавимъ потомъ.

жѣзной дорогѣ; но употребить на эти волтергофскія версты шло почти десять часовъ. Множество остановокъ, переселеній, а на одной станціи приходится ждать этого переселенія три часа. И все это при всѣхъ непріятностяхъ русской жѣзной дороги, при небрежнѣйшемъ и почти высокомерномъ поведеніи къ вамъ и къ нуждамъ вашимъ кондукторовъ и «наста». Всѣмъ давно известна формула русской жѣзной дороги: «не дорога создана для публики, а публика для дороги». Такого жѣзнодорожника, съ кондуктора до директора включительно, который-бы сомнѣвался въ этой азіатской, и не трѣблѣ-бы на васъ съ насмѣшливымъ удивленіемъ, если бы стали утверждать передъ нимъ, что дорога создана для публики. А главное я слушать не буду.

Бстать въ это гѣто я изъѣздила до четырехъ тысячъ вѣ по крайней мѣрѣ, и вездѣ по дорогѣ меня особенно порадовалъ этотъ разѣ народъ; вездѣ народъ говорилъ про войну. Вы могло сравниться съ тѣмъ интересомъ и съ тѣмъ жаднымъ любопытствомъ, съ которымъ простонародье выслушивало и спрашивало про войну. Въ вагонахъ я замѣтила даже нѣкоторыхъ мужиковъ, читавшихъ газеты, большею частію вслухъ, чалось садиться рядомъ съ ними: какой-нибудь мѣщанинъ идетъ васъ осторожно сначала, и особенно колы увидить у или подлы васъ газету,—немедленно, и чрезвычайно въ освѣдомится: откуда вы? И колы отвѣтите, что изъ Москвы или изъ Петербурга (а еще интереснѣе для него если съ юга Одессы, напримѣръ), то непременно спроситъ: «Что слышно про войну?» За тѣмъ чуть-чуть вы вселяте въ него довѣрчивымъ вашимъ отвѣтомъ и готовностью отвѣчать ему, онъ тотчасъ, чемъ опять-таки съ осторожностью, мѣняетъ любопытный на таинственный, приближается къ вамъ и спрашиваетъ, понижая голосъ: «А нѣтъ-ли, дескать, чего особеннаго?» и поособеннѣе чѣмъ въ газетахъ, того, дескать, что скрыто. При этомъ прибавлю, что недовольныхъ на правительственное объявленіе войны въ народѣ нѣтъ никого, даже въ самыхъ радныхъ типахъ, а злорадные есть, но тутъ особеннаго злорадства: Проходящъ, напримѣръ, во время остановки по формѣ станціи я вдругъ услышавъ: семнадцать тысячъ и легло, только что сейчасъ была телеграмма!» Смотришь, чувствуешь какой-нибудь паренекъ, лицо у него выражаетъ то злобщее упоеніе, и вовсе не то, чтобъ онъ былъ изъ нашихъ легло семнадцать тысячъ, нѣтъ, тутъ другое. Я

того какъ еслибъ вдругъ погорѣлъ человекъ, все сгорѣло — деньги, скотъ: «смотрите, дескать, на меня, православные вы, все пропало, въ лохмотьяхъ, одинъ какъ перстъ!» Въ минуты тоже бываетъ у такого какая-то сладость злорадамоупоенія въ лицѣ. Но на счетъ «семнадцати тысячъ» и другое: «телеграмма, дескать, такая есть, только ее задержать, скрываютъ, еще не пушаютъ... видѣли, сами читали...» — мысль. Я не утерпѣлъ, вдругъ подошелъ къ кучкѣ и скачало все вздоръ, слухи глупые, не могли побить семнадцати нашихъ, все благополучно. Паренекъ (какъ будто изъ общества, а то и мужикъ, пожалуй) нѣсколько хотя и сконфузно не очень: «мы, дескать, люди темные, не свои слова имъ, такъ слышали»; толпа быстро разошлась, къ тому-же гѣль и звонокъ. Любопытно мнѣ теперь потому, что произошло это девятнадцатаго іюля, часовъ въ пять пополудни. Пунѣ-же, восемнадцатаго, было Плевненское дѣло. Какая могла быть еще телеграмма. даже кому-бы то ни было, а не вѣдь среди поѣзда желѣзной дороги? Конечно, случайное совѣщеніе. Не думаю, впрочемъ, чтобъ парень былъ самъ распухлый и выдумщикъ ложныхъ слуховъ, вѣрнѣе всего, что онъ чѣмъ-то дѣлъ отъ кого-нибудь слышалъ. Надо думать, что вѣдѣнныя ложныхъ слуховъ, и уже, конечно, злыхъ слуховъ, неудачахъ и несчастіяхъ, развелось по Россіи въ это лѣто значное множество и ужь конечно съ цѣлями, а не то что дѣло простаго вранья.

Въ виду горячаго патріотическаго настроенія народа въ эту пору, въ виду той сознательности о значеніи и задачахъ этой войны, которая обнаружилась въ народѣ нашемъ еще съ прошлаго года, въ виду пламенной и благоговѣнной вѣры народа въ Царя — все эти задержки и секреты въ извѣстіяхъ съ войсками не только не полезны, но положительно вредны. Мы не можемъ, конечно, ни требовать, ни желать, чтобъ сообщались стратегическіе планы, цифры войскъ раньше дѣла, военныя секреты и проч., но, по крайней мѣрѣ, то, что узнаютъ вѣнныя газеты раньше нашихъ, можно-бы знать и намъ раньше ихъ. Я на станціи, на которой приходилось ждать три часа пересадки на другой поѣздъ, я былъ въ предурномъ расположеніи духа и на все досадовалъ. Отъ нечего дѣлать мнѣ при-

Теперь все это, въ самомъ важномъ, поправлено: почти ни одного не остается публика безъ денешь главнокомандующаго.

шло вдругъ на мысль наследовать: почему я досажу, и ле-
 ля тутъ, кромѣ общихъ причинъ, какой-нибудь случайно-
 жайшей? Я не долго мысалъ и вдругъ засмѣялся, найдя от-
 чину. Дѣло заключалось въ одной недавней встрѣчѣ мо-
 вагона, за двѣ станціи переходъ этой. Въ вагонъ вдругъ во-
 однѣ джентльменъ, совершенный джентльменъ, очень по-
 на типъ русскихъ джентльменовъ, считающихся за границею.
 вошелъ вода съ собой маленькаго своего сына, мальчишка
 восьми, никакъ не болѣе, даже, можетъ быть, менѣе. Ма-
 былъ прямо одѣтъ въ самый модный еврейскій дѣтскій
 стюмпчикъ, въ прелестную курточку, изящно обутъ, бѣлы-
 стовое. Отецъ видимо о немъ заботился. Вдругъ мальчишка,
 что сѣли, говоритъ отцу: «папа, дай папиросу?» Папа то-
 же идетъ въ карманъ, вынимаетъ перламутровую папиросу,
 вынимаетъ двѣ папироски, одну для себя, другую—для
 чика, и оба, съ самымъ обыкновеннымъ видомъ, прямо
 тельствующимъ, что между ними ужъ и давно такъ, закури-
 Джентльменъ погружается въ какую-то думу, а мальчишка
 рить въ окошко вагона, курить и затягивается. Онъ вы-
 свою папироску очень скоро, затѣмъ, не прошло и четверти
 вдругъ опять: «папа, дай папиросу?»—и опять оба вы-
 куриваютъ и, впродолженіи двухъ станцій, которыя они
 дѣли со мною въ одномъ вагонѣ, мальчишка выкуривъ, по-
 мѣръ, четыре папироски. Никогда я еще не видалъ ниче-
 добнаго и былъ очень удивленъ. Слабая, нѣжненькая, се-
 не сформировавшаяся грудка такого маленькаго ребенка
 уже къ такому ужасу. И откуда могла явиться такая
 ственно-ранняя привычка? Разумѣется, глядя на отца: дѣти
 перемчивы; но развѣ отецъ можетъ допустить своего ма-
 къ такой отравѣ? Чахотка, варарръ дыхательныхъ путей, въ
 въ легкяхъ—вотъ что неотразимо ожидаетъ несчастнаго
 чика—тутъ девять изъ десяти шансовъ, это ясно, это
 известно, и именно отецъ-то и развиваетъ въ своемъ ма-
 неестественно-преждевременную привычку! Что хотѣлъ де-
 этимъ этотъ джентльменъ,—я не могу себѣ и представить
 небреженіе ли къ предразсудкамъ, новую-ли идею провес-
 все, что прежде запрещалось—вадоръ, а, напротивъ, вос-
 лено?—Понять не могу. Случай этотъ такъ и остался для
 неразъясненнымъ, почти чудеснымъ. Никогда въ жизни
 встрѣчалъ такого отца и, вѣроятно, не встрѣчу. Удивитель-
 наше время попадаются отцы! Я впрочемъ тотчасъ пе-

Разсмѣялся я тому только, что такъ скоро отыскалъ моего сквернаго расположенія духа. Тутъ, хотя впрямую прямой связи съ событіемъ, припомнился мнѣ вчелюбой разговоръ съ моимъ собесѣдникомъ о томъ: что у него и святаго изъ своего дѣтства въ жизнь современнаго, потомъ напомнилась моя мысль о *случайности* современного семейства... и вотъ я вновь погрузился въ весьма интересные соображенія.

Вспомнить: что такое эта *случайность* и что я подъ этимъ подразумеваю? Отвѣчаю: случайность современнаго русскаго семейства, по моему, состоитъ въ утратѣ современными всякой общей идеи, въ отношеніи къ своимъ семействамъ, къ всѣмъ отцовъ, связующей ихъ самихъ между собою. Хотѣю-бы они сами вѣрили и научили-бы такъ вѣрить дѣтей, передали-бы имъ эту вѣру въ жизнь. Замѣтьте еще: эта вѣра — можетъ быть, даже пожалуй ошибочная, но лучшій изъ дѣтей впоследствии сами-бы отъ нея откажутся, а крайнее мѣрѣ, исправили-бы ее для своихъ уже дѣтей. Но все-же самое присутствіе этой общей, связующей общесемейство идеи, — есть уже начало порядка, т. е. начало порядка, конечно, подверженнаго измѣненію, прогрессу, но начало порядка. Тогда какъ въ наше время — никакого порядка и нѣтъ, ибо нѣтъ ничего общаго и связующаго что-бы всѣ отцы вѣрили, а есть на мѣсто того или отрицаніе и сплошное отрицаніе прежняго (но за то и ничего положительнаго); во 2-хъ, попытки положительное, но не общее и связующее, а сколько-нибудь только умовъ. — попытки, раздробившіяся на единицы безъ опыта, безъ практики, даже безъ полной вѣры въ себя и въ добротателей. Попытки эти иногда даже и съ преувеличеніемъ, но невыдержанныя, незаконченныя, а иногда вообще безобразныя, въ родѣ огульнаго допущенія всего прежде запрещалось, на основаніи принципа, что все дозволено, и это даже до самыхъ глубочайшихъ выходовъ, до того, напримеръ, курить табакъ семилѣтнимъ дѣтямъ. Наконецъ 3-хъ, лѣнивое отношеніе къ дѣлу, вялые и лѣнивые мысли: «э, пусть будетъ что будетъ, чего намъ заботиться дѣти, какъ и всѣ, во что-нибудь выровняются, пусть только они очень, хотѣ-бы ихъ вовсе и не было!» — образомъ въ результатѣ — безпорядокъ, раздробленность *жизни* русскаго семейства, — а надежда — почти что на

одного Бога: «авось, дескать, пошлетъ намъ какую-нибудь обидейку и мы вновь соединимся!»

Такой порядокъ, конечно, родитъ безотрадность, а безотрадность еще пуще родитъ лѣнность, а у горячихъ — циническую озлобленную лѣнность. Но есть и теперь много совсѣмъ новыхъ, а, напротивъ, очень даже прилежныхъ отцовъ. Большею частью это отцы съ идеями. Одинъ, наслушавшись, положивъ весьма даже не глупыхъ вещей и прочтя двѣ-три умныя книжки, вдругъ сводитъ все воспитаніе и всѣ обязанности свои къ мейству на одинъ бифштексъ: «Бифштексъ съ кровью и картофелемъ, Либихъ, дескать» и т. д. Другой, пречестнѣйшій человекъ самъ по себѣ, въ свое время даже блиставшій остроуміемъ, согналъ три няньки отъ своихъ младенцевъ: «невозможно этими шельмами, запретилъ настрого, вдругъ захожу въ черную дѣтскую и что-же, представьте себѣ, слышу: Лизочку укладываютъ въ люльку, а сама ее Богородица учитъ и креститъ милой, дескать, Господи, папу, маму... вѣдь настрого запретилъ Рѣшаюсь на англичанку, да выйдетъ-ли лучше-то?» Третій, пятнадцатилѣтнему своему мальчишкѣ, самъ подыскиваетъ любовницу: «а то, знаете, эти дѣтскія ужасныя привычки въходятся, али пойдетъ какъ-нибудь на улицу, да болѣзнь какую ную схватитъ... нѣтъ, ужъ лучше обезпечить ему этотъ путь заранѣ...» Четвертый доводитъ своего семнадцатилѣтняго мальчика до самыхъ передовыхъ «идей», а тотъ самымъ естественнымъ образомъ (ибо что можетъ выдти изъ иныхъ познаний раньше жизни и опыта?) сводитъ эти передовыя мысли (иногда очень хорошія) на то, что «если нѣтъ ничего святого, то можно дѣлать всякую пакость». Положимъ, въ эти времена отцы горячи, но вѣдь у многихъ-ли изъ нихъ эти мысли оправдываются чѣмъ-нибудь серьезнымъ, мыслию, словомъ? Много-ль у насъ такихъ-то? Большею вѣдь частью это чуждое подхихикиваніе съ чужаго голоса, и вотъ, ребенокъ живетъ жизнь, сверхъ всего и комическое воспоминаніе о комическомъ образѣ его.

Такихъ «прилежныхъ» и ихъ не такъ много; несравненно больше лѣннихъ. Всякое переходное и разлагающееся состояние возбуждаетъ лѣнность и апатію, потому что въ такія эпохи, могутъ ясно видѣть путь, который мы идемъ съ дороги. Большинство-же путается и наконецъ махаетъ рукой: «э, чтобъ и такъ жить, а обязанности когда и сами-то никто ни

А умѣемъ сказать! Прожить-бы только какъ-нибудь «то что тутъ еще обязанности». И вотъ эти лѣнишки богаты, исполняютъ даже все какъ *слѣдуетъ*: дѣтей хорошо, кормятъ хорошо, нанимаютъ гувернеровъ учителей; дѣтя ихъ наконецъ вступаютъ, по университетамъ, но... отца тутъ не было, семейства не на вступаетъ въ жизнь одинъ какъ перстъ, сердцемъ жь, сердце его ничѣмъ не связано съ его прошедшемъ семействомъ, съ дѣтствомъ. И еще вотъ что: вѣдь это итальянскіе, у нихъ былъ достатокъ, а много-ли достатокъ? Большинство, страшное большинство — вѣдь все потому, при лѣности отцевъ къ семейству дѣтки уже степени оставлены на случайность! Нужда, забота впадаютъ въ ихъ сердцахъ съ дѣтства мрачными воспоминаніями иногда самого отравляющаго свойства. Вспоминаютъ до глубокой старости малодушіе отцовъ, ссоры, ссоры, обвинения, горькіе попреки и даже проклятія, на лишніе рты, и, что хуже всего, вспоминаютъ глупость отцовъ, низкіе поступки изъ-за достиженія жгъ, гадкія интриги и гнусное раболѣпство. И долго жизни, можетъ всю жизнь, чедовѣкъ склоненъ слѣпо тихъ прежнихъ людей, ничего не вынеся изъ своего жгъ-бы могъ онъ смягчить эту грязь воспоминаній и реально, а, стало быть, и *оправдательно* взглянуть на злыхъ, старыхъ людей, около которыхъ такъ уныло въ его первые годы. Но это еще лучшіе изъ дѣтей, большинство-то ихъ уносятъ съ собою въ жизнь не грязь *воспоминаній*, а я самую грязь, запасется ею всю, карманы полные набьетъ себѣ этой грязью въ жгъ употребить ее потомъ вѣдѣло и уже не съ скрежежанія, какъ его родители, а съ легкимъ сердцемъ: «Всѣ ждять въ грязи, объ идеалахъ бредятъ только одни а съ грязной-то и лучше»..

о-же вы хотите? Какія это такія воспоминанія должны они унести изъ дѣтства для очистки грязи своихъ жгъ для *оправдательнаго*, какъ вы говорите, взгляда своихъ? Отвѣчаю: Что-же я могу сказать одинъ, жгомъ обществѣ нѣтъ на это отвѣта? Общаго нѣтъ жвременныхъ отцовъ, сказалъ я, связующаго ихъ жгъ ничего. Великой мысли нѣтъ (утратилась она), жры нѣтъ въ ихъ сердцахъ въ такую мысль. А только

подобная великая вѣра и въ состояніи породить прекрасныя воспоминаніяхъ дѣтей, — и даже какъ: не смотря даже на люютую обстановку ихъ дѣтства, бѣдность и даже самую ственную грязь, окружавшую ихъ колыбели! О, есть такіе чаи, что даже самый падшій изъ отцовъ, но еще сохранивъ въ душѣ своей хотя-бы только отдаленный прежній о великой мысли и великой вѣры въ нее, могъ и успѣвалъ сажать въ воспримчивыя и жаждущія души своихъ жалкихъ дѣтей это семя великой мысли и великаго чувства, и прощенъ потомъ своими дѣтьми всѣмъ сердцемъ за одно благодареніе, не смотря ни на что другое. Безъ зачатка положительнаго и прекраснаго нельзя выходить человѣчій жизнь изъ дѣтства, безъ зачатковъ положительнаго и прекраснаго нельзя пускать поколѣніе въ путь. Посмотрите, развѣ временные отцы, изъ горячихъ и прилежныхъ, не вѣрятъ это? О, они вполне вѣрятъ, что безъ связующей, общей, ственной и гражданской идеи нельзя взрастить поколѣніе и пустить его въ жизнь! Но сами-то они всѣ вмѣстѣ утраченное, потеряли общее, разбились по частямъ; соединились въ отрицательномъ, да и то кое-какъ, и раздѣлились въ положительномъ, а въ сущности и сами даже не въ себя ни въ чемъ, ибо говорятъ съ чужаго голоса, принимаютъ чуждой жизни и къ чуждой идеѣ и потеряли всякую связь родной русской жизнью.

Впрочемъ, повторяю, этихъ горячихъ немного, лѣнивыхъ безконечно больше. Кстати, помните-ли вы процессъ Джунковскихъ? Этотъ процессъ очень недавній и рассматривался въ Калужскомъ Окружномъ судѣ всего лишь 10-го іюня текущаго года. На него, среди грома текущихъ событій, весьма мало было вниманіе и обратили вниманіе. Я прочелъ его въ газетѣ «Новое Время» и не знаю былъ-ли онъ перепечатанъ еще гдѣ нибудь. Это — дѣло о перемышльскихъ землянкахъ майора Александръ Афонасьевъ Джунковскомъ, 50 лѣтъ, и жены его Екатерины Петровны Джунковской, 40 лѣтъ, обвиненныхъ въ жестокомъ обращеніи съ малолѣтними дѣтьми Николаемъ, Александромъ и Ольгою... Здѣсь своевременно слѣдуетъ замѣтить, что дѣти, о которыхъ идетъ рѣчь, были слѣдующаго возраста: Николай — тринадцати лѣтъ, Ольга — двѣнадцати лѣтъ и Александръ — 11 лѣтъ. Прибавлю еще прибавляя впередъ, что судъ оправдалъ подсудимыхъ.

Въ этомъ процессѣ весьма, по моему, рѣзко выступаетъ

изъ нашей действительности, а между тѣмъ, что въ немъ поразительно—это чрезвычайная обыкновенность его. Чувствуешь, что именно такихъ русъ въ необыкновенное теперь множество, — конечно, самою индѣ, конечно, не вездѣ такіа случайности мятокъ (о чемъ будетъ ниже), но суть-то дѣла, сорта множества подобныхъ семействъ одна и таже. Въ «лѣнливаго семейства», о которомъ я сейчасъ ль. Если не цѣлый, не правильный очень типъ и по инымъ весьма исключительнымъ и характерностямъ), то все-таки замѣчательная особа этого читатели судятъ сами. Подсудимые были преданы вѣнню московской судебной палаты; припомнимъ же . Перепечатаваю изъ «Новаго Времени» такъ, какъ о изложено, т. е. въ сжатомъ видѣ.

III.

родителей Джунковскихъ съ родными дѣтьми.

Джунковскіе, обладая извѣстнымъ достаткомъ и цее число прислуги, поставили дѣтей своихъ: Николая, Ольгу, въ совершенно инныя отношенія къ себѣ, чѣмъ Они не только не держали себя съ ними и не ласродители, но, оставивъ безъ присмотра, давали имъ аніе, помѣщеніе, одежду, постели и столъ, принуждали въ родѣ чесанія пягокъ и т. п., возбуждая и поддер- образомъ въ нихъ неудовольствіе и раздраженіе, до- поступка съ умершею сестрою, о чемъ будетъ сказано не могло не имѣть дурнаго вліянія на здоровье дѣтей. рь, изъ дѣла видно, что Ольга страдаетъ падучею бо- того, не способствуя ни надзоромъ, ни попеченіями венному развитію дѣтей, подсудимые прибѣгали къ ня нельзя признать кроткими мѣрами исправленія ро- къ малолѣтнихъ дѣтей. Такъ, обвиняемые запирали джнительное время въ сортиръ, оставляли дома въ хо- бь и почти безъ пищи, или посылали обѣдать и спать ислуги, ставя ихъ такимъ образомъ въ общество лицъ, къ содѣйствовать ихъ исправленію, наконецъ, часто плаю, даже кулаками, сѣкли розгами, хворостиною, иенной для лошадей, и съ такою жестокостью, что смотрѣть и что (по показанію мальчика Александра) болѣла пять дней отъ одной изъ такихъ экзекуцій. и были послѣдствіемъ не всегда какой-нибудь, хотя-бы мости, но и просто такъ себѣ—по желанію. Служив-

шая прачкою у Джунковскихъ солдатка Сергѣева, между прочимъ объяснила, что обвиняемые не любили дѣтей Николая, Александра и Ольгу, которые спали отдѣльно отъ другихъ дѣтей, внизу, въ комнатѣ, на полу, на войлокѣ, одѣвались чѣмъ попало (было рваное одѣяло); ѣли людское кушанье, такъ что всегда были голы. Одѣвали ихъ плохо: лѣтомъ въ разныя рубашки, а зимою въ шубки. Джунковская была для этихъ дѣтей хуже мачихи; она ихъ, особенно Александра, чѣмъ попало, а то такъ просто кулаками. Когда съѣла Николая, то страшно было глядѣть. Дѣти, хотя и шаловливы, но какъ дѣти. Имъ доставалось больше всего по рамамъ, когда они чесали матери пятки, что продолжалось по часу болѣе—пока мать не уснетъ. Это дѣлала раньше прислуга, въ числѣ и Сергѣева, которая наконецъ отказалась, потому что отекала! Изъ показанія Усачковой оказывается, что Александръ и Ольга валялись на полу, на грязныхъ подушкахъ, „вообще ихъ жали грязно—въ свиномъ логовищѣ чище чѣмъ у нихъ“. Жили Джунковскихъ, въ качествѣ учителя, по августъ 1875 года, дѣла нинѣ Любимовъ утверждалъ, что Николай, Ольгу и Александра держали плохо и имъ иногда приходилось ходить босикомъ. По показанію дѣвицы Шишовой (кандидатка Николаевского института бывшей у дѣтей подсудимыхъ гувернанткой, по августъ 1874 года) которое было прочтано на судѣ вслѣдствіе неявки свидѣтели значится, что Джунковская—женщина эгоистичная, не ласкаетъ никогда, равно какъ и мужъ ея, дѣтей Александра и Николая, существіе вообще порядка въ домѣ подсудимыхъ и равнодушное отношеніе къ дѣтямъ. Шишова объясняетъ какою-то небрежностью принимаемыхъ ко всему и даже въ отношеніи себя; дѣла ихъ были постоянно запутаны и они жили постоянно въ хлопотахъ и не хозяйничать. Джунковская, старавшаяся чтобы ее ничто не беспокоило, поручала мужу наказывать дѣтей, что нѣтъ и было исполнено и хотя при экзекуціяхъ свидѣтельница не присутствовала, но не менѣе удостовѣряетъ, что „никакой жестокости въ наказаніи не было“. „Случалось, продолжаетъ педагогичка Шишова, что Джунковская или я даже, за шалости заперала дѣтей въ комнату, стоялъ ватерклозетъ, но эта комната не холоднѣе другихъ въ домѣ, тирѣ и отапливалась“. Шишова и сама наказывала дѣтей ремнемъ плеткою, „но только она была маленькая“. При свидѣтельствѣ Шишовой когда не случалось, чтобы дѣтямъ не давали ѣсть по нѣскольку разъ.

Затѣмъ мальчики Николай и Александръ дали слѣдующее показаніе, изъ которыхъ однако видно, что ихъ съѣли гами, ременною плетью, которою гоняютъ лошадь, а также и растинию, употреблявшуюся въ дѣло и учителемъ Любимовымъ. Нажды у Александра пять дней болѣла спина послѣ того, какъ высѣкла его за то, что онъ изъ кухни принесъ сестрѣ Ольгѣ и Федю для завтрака.

Джунковскій въ оправданіе свое ссылаясь на полнѣйшую нечеловѣчность своихъ дѣтей въ подтвержденіе чего привелъ слѣдующій случай: когда умерла его старшая дочь Екатерина, мальчики Николай и Александръ въ то время, когда сестра ихъ лежала на столѣ, парѣзавъ въ саду прутьевъ, били мертвую по лицу, приговаривая: теперь-то патѣшимся надъ тобою, за то, что ты на насъ жаловалась.

Обвиняемые не признали себя виновными. Первый уверялъ, что тратить на воспитаніе своихъ дѣтей не позволяютъ его средства, но что онъ такъ несчастливъ, что и своей цѣли и что дѣти дѣлаются все хуже и хуже. Второй сынъ (Николай) до отдачи въ гимназію былъ хорошимъ мальчикомъ, но, побывъ въ гимназіи, выучился тамъ воровать; до отдачи въ гимназію онъ звалъ молитвы, но потомъ забылъ ихъ и рѣшилъ, что объявилъ себя католикомъ и вслѣдствіе этого совсѣмъ закону Божию, между тѣмъ было представлено некое свидѣтельство, въ которомъ сказано, что Николай—православный вѣроисповѣданія.

Надвѣемъ своимъ словъ Джунковская высказала, что она имѣетъ дѣтей нѣсколько гувернантокъ, но, къ несчастію, все равно въ нихъ, также какъ и въ учителяхъ, но что въ настоящее время самъ занимается съ дѣтьми и она надѣется, что дѣти ея поправятся.

Этотъ процессъ. Подсудимые, какъ сказано выше, были оправданы. Еще-бы нѣтъ? И замѣчательно не то, что ихъ оправдали, что ихъ предали подъ судъ и судили. Кто и какой можетъ обвинить ихъ и за что? О, конечно, есть такой юристъ можетъ ихъ обвинить и ясно указать за что, но, законный-же судъ съ присяжными засѣдателями, судящій по закону. А въ написанныхъ законахъ нигдѣ не сказано, ставящей преступленіемъ лѣнивое, неумѣлое и неосторожное отношеніе отцовъ къ дѣтямъ. Иначе пришлось-бы изгнать изъ Россіи, вуды, гораздо больше. Да и что такое безчеловѣчное отношеніе? Вотъ если-бы жестокія истязанія, какія-то жасныя, безчеловѣчныя. Но мнѣ помнится, какъ адвокатъ Кронеберга, обвинявшася въ безчеловѣчномъ обращеніи съ своимъ младенцемъ, раскрылъ сводъ законовъ и прочелъ статью о жестокомъ обращеніи, жестокихъ истязаніяхъ и проч., имѣя въ виду доказать, что кліентъ его не виноватъ ни подъ одну изъ этихъ статей, въ которыхъ ясно опредѣлено что надо считать жестокими и безчеловѣчными истязаніями. И, помню, эти опредѣленія жестокихъ истязаній были до того жестоки, что рѣшительно похожи были на истязанія болгаръ башки-бузуками, и если не сажаніе на колъ или на спицы, то разломанныя ребра, руки, ноги и еще что, такъ что какая-нибудь ременная плетка да палка, по показанію дѣвицы Шишовой—рѣшительно не подходило къ статьѣ свода законовъ и составить обвиненія. «Сѣкли, дескать, розгой». Да ктожь не бьетъ розгой? девять десятыхъ Россіи сѣчетъ. Подъ

уголовный-то законъ уже никакъ нельзя подвести. «Скажешь, дескать, ни за что, ни про что, за картофель». Нѣтъ-съ, и за картофель, отвѣтилъ-бы г. Джунковский, а тутъ ужь все въ развратъ, за развратъ, за то, что они, изверги, съѣли умершую дочь Екатерину по лицу. -- «Въ сортиръ, дескать, заперты. Да вѣдь сортиръ топленый, такъ чего-же вамъ больше, карцеръ всегда карцеръ. «За то, дескать, что людской пищей кормили и послали спать чуть не въ свиной хлѣвъ, на какой-то матрасикѣ, съ однимъ рванымъ одѣяломъ»? «А это тоже за развратъ-съ, и притомъ, рваное—не рваное, а я и безъ того могу на обученіе дѣтей свыше моихъ средствъ и надѣюсь, что законъ нечего считать въ моемъ карманѣ средства мои». «За то, дескать, что вы не ласкали дѣтей»? Но позвольте, позвольте мнѣ такую статью свода законовъ, которая повелѣвала-бы ласкать дѣтей, да и взрослыхъ, безсердечныхъ, дрянныхъ ворюшекъ и изверговъ. «За то наконецъ, что вы избрали не ту систему воспитанія вашихъ дѣтей»? А какую систему воспитанія предписываетъ уголовный законъ подѣ страхомъ уголовного наказанія? Но все это не дѣло закона...

Однимъ словомъ, я хочу сказать, что тащить это дѣло Джунковскихъ въ уголовный судъ было невозможно. Да такъ и случилось: они были оправданы, изъ обвиненія ихъ ничего не вышло. А между тѣмъ, читатель чувствуетъ, что изъ этого дѣла можетъ выйти, а, можетъ быть, ужь и вышла цѣлая трагедія. О, тутъ дѣло другаго суда, но какого-же?

Какого? Да вотъ хоть бы, на примѣръ, дѣвица Шишова, педагогичка,—она даетъ свое показаніе и уже произноситъ въ приговорѣ. Замѣтимъ, что эта г. Шишова, хоть и съѣла съ дѣтей ременной плеткой («только она была маленькая»), но является весьма умная женщина. Невозможно опредѣлить точно умъ и характеръ Джунковскихъ, какъ она его опредѣляетъ. Джунковская—женщина эгоистичная, говоритъ она. Домъ Джунковскихъ въ безпорядкѣ... по небрежности обвиняемыхъ на мужу и даже въ отношеніи себя. Дѣла ихъ постоянно запутаны, живутъ они постоянно въ хлопотахъ; не умѣютъ хозяйничать, мучаются, а между тѣмъ всего болѣе ищутъ покоя: Джунковская непрерывно старавшаяся чтобы ее ничто не беспокоило, же дѣтей поручала наказывать мужу... Однимъ словомъ, г. Шишова унесла съ собой изъ дома Джунковскихъ то мѣшечко, эти люди --безсердечные эгоисты, а главное—лѣнивые эгоисты.

и считающихъ этотъ покой ни во что, — не удивляйтесь, г-нъ, что это ненавистное чувство даже къ собственнымъ дѣтямъ можетъ переродиться наконецъ въ настоящую месть, а подстрекаемъ и подстреканіемъ безнаказанности — даже въ звѣрствѣ. Да, лѣнь и всегда порождаетъ звѣрство, заканчивается звѣрствомъ. И звѣрство это не отъ жестокости, а именно отъ лѣни. Сердца эти не жестокия, а именно лѣнивыя сердца. И вотъ эта самая любящая покой дама, даже до чесанія пятокъ возмущенная, озлобившаяся наконецъ на то, что лишь у ней, у ней, *лишь одной нѣтъ* никогда покоя, потому что все кругомъ въ беспорядкѣ и требуетъ ея безпрерывнаго присутствія и вниманія, — эта дама вскакиваетъ наконецъ съ постели, хвативъ хворостину и сѣчетъ, сѣчетъ собственнаго ребенка, неутраченно, злорадно, такъ что «страшно было глядѣть», показываетъ прислуга, и за что, изъ-за чего: за то, что слугачикъ принесъ голодной маленькой сестрѣ (страдающей психическою болѣзнію) изъ кухни немного картофелю, — т. е. сѣчетъ за хорошее чувство, за то, что не развратилось и не очерствѣло сердце ребенка. «Все равно, дескать, я запретила, а ты пренебрегла такъ вотъ-же, не дѣлай свое хорошее, а дѣлай мое дурное. Нѣтъ-съ, вѣдь это истерика. Дѣти спятъ въ грязи, «въ спальнѣ» чистѣе», съ однимъ прорваннымъ одѣяломъ на кровати. «Пусть, такъ имъ и надо, думаетъ родная мать, не даю имъ покоя!» И не потому думаетъ она такъ, что сердце у ней жестокое, нѣтъ, сердце у ней, можетъ быть, весьма доброе и хорошее отъ природы, да вотъ покоя-то ей никакъ не даютъ дѣти, тигнуть-то его она всю жизнь не можетъ, и чѣмъ дальше дѣти растутъ, шалятъ и требуютъ каждодневно все больше и больше труда и вниманія! Нѣтъ, если уже тутъ и истерика, то истерика годами накопленная. Рядомъ съ этою болѣзненною (доведенною до болѣзненности) матерью семейства стоитъ предъ судомъ г. Джунковскій. Что-жь, можетъ быть, онъ и очень хорошій адвокатъ, кажется, человѣкъ образованный, вовсе не циникъ, напротивъ, сознающій отцовскій долгъ свой, до огорченія и горечи его сознающій. Вотъ онъ чуть не со слезами жалуется на малолѣтнихъ дѣтей, онъ простираетъ руки: «я сдѣлалъ для нихъ все, все, я нанималъ учителей, гувернантокъ, я трудился на нихъ болѣе чѣмъ позволяли мнѣ средства, но они не слушались, они стали воровать, они сѣкли мертвую сестру по лицу!» И словомъ, онъ считаетъ себя вполне правымъ. Дѣти стоятъ

Вчательно что они дали «показанія сдержанныя, в. мало жаловались и чуть-чуть лишь защищались, чтобъ это отъ одного лишь страха родителей все таки придется воротиться. Напротивъ, къ фактъ, что ихъ отца уже судятъ за жестокое ими долженъ-бы ихъ былъ ободрить. Просто имъ судиться съ отцомъ, стоять подлѣ него и свидѣютивъ него, тогда какъ онъ, не думая о будущемъ, какія чувства останутся въ сердцѣ этихъ дѣдья, не подозрѣвая даже о томъ, что они унесутъ же изъ этого дня,—онъ обвиняетъ ихъ и разобъ дурное, всѣ постыдные поступки ихъ, жалуется обществу. Но онъ вѣритъ, что онъ правъ, а г-жа брять даже и въ будущность, и вполне, вполне! > суду, что все отъ дурныхъ учителей и гуверна разочаровалась въ нихъ, а что теперь, когда самъ примется за обученіе и воспитаніе дѣтей, шенно исправятся» (такъ! такъ!). Дай имъ Богъ

ѣтимъ кое-что объ этихъ шалостяхъ маленькихъ

сѣкли розгами по лицу мертвую сестру за то, что, нихъ жаловалась, конечно, возмутительно и омер- стараемся быть безпристрастнѣе, и, клянусь вамъ, аже и это лишь дѣтская шалость, именно,—это стичность». Тутъ что нибудь отъ воображенія дѣ- развращеннаго сердца. Дѣтское воображеніе даже ей, и особенно въ извѣстномъ возрастѣ чрезвычайо и склонно къ фантастическому. И особенно ствахъ, въ которыхъ хоть и тѣсно живутъ люди, лй торчить у другаго на виду, но дѣти все-таки особую кучу — заботами, вѣчнымъ недосугомъ ся, за книгу, не шалить!» Только и слышатъ они ими книжонками, по опредѣленнымъ угламъ, не чутъ ногой. Въ свиномъ своемъ хлѣвѣ, по ночамъ идя за скучными уроками, или заперты въ сор- : Джунковскіе могли приучить себя къ страннымъ въ добрымъ и сердечнымъ, и къ озлобленнымъ, дѣтски къ сказочнымъ, фантастическимъ: «вотъ, ы я побольше, пошелъ-бы на войну, а тамъ-бы учителяшка спросилъ-бы гдѣ вы были? какъ

смѣли уѣхать изъ класса? А я бы вынулъ изъ кармана и повѣсилъ въ петлицу, тутъ-бы онъ испугался и бросилъ волѣни!» Когда умерла сестра, кто-нибудь изъ нихъ тѣряясь подъ угломъ своего рваного одѣяла, могъ за придумать: «а знаешь, Николя, Богъ-то ее нарочно наказалъ, что она злая была, жаловалась. Она теперь видитъ съ хотѣла-бы пожаловаться, да нельзя уже. Давайте ее завтрагами сѣчь, пусть она смотритъ сверху, видитъ и злится, нельзя пожаловаться!» Клянусь вамъ, что ребяташки, и бытъ, черезъ нѣсколько дней раскаялись въ сердцахъ своемъ, что они сдѣлали такую гнусную глупость. Дѣтскія мягки. На этотъ счетъ, я знаю вотъ какой маленькій случай умерла одна мать у семерыхъ дѣтей. Одинъ ребенокъ, дѣлтъ семи или восьми, увидя мертвую маму, стала ужасно плакать. Она такъ плакала, что ее унесли въ дѣтскую по истерикѣ, и не знали чѣмъ утѣшить. Дура приживалка, сѣшая тутъ, вдругъ сказала ей, утѣшая: «не плачь, что ты такъ плачешь-то, вѣдь она тебя не любила, она тебя, по наказала, въ углу-то ты стояла, помнишь!» Дурѣ думалось ладъ лучше: вотъ, дескать, перестанетъ и успокоится ребенокъ и достигла вѣдь цѣли: дѣвочка вдругъ перестала плакать того и на другой день, и на похоронахъ имѣла какой-то странный, подобранный, обиженный видъ: «она, дескать, меня обидела». Ей понравилась мысль, что она была обиженная, зная, не любимая. Ей-Богу, это случилось съ ребенкомъ по тому году. Но дѣтская «фантастичность» не продержалась черезъ нѣсколько дней ребенокъ такъ опять затосковалъ тери, что сдѣлался боленъ, и никогда потомъ, во всю жизнь эта дочь не могла вспомнить о своей матери безъ благонаго чувства. За проступокъ маленькихъ Джунковскихъ съвою сестрою, ихъ, безъ сомнѣнія, слѣдовало наказать, и но поступокъ этотъ—дѣтскій, глупый, фантастическій, и дѣтскій и вовсе не означаетъ развращенія сердецъ. Шало мальчика Николая въ гимназін, объявившаго себя католикомъ чтобы не учиться Закону Божію, есть въ высшей степени дѣтская шалость: это классный вывертъ передъ товарищами «вотъ дескать вы учитесь Закону, а я избавился, иаду въ всѣхъ, благо фамилія моя похожа на польскую». Тутъ тельно одно только школьничество—глупое, скверное, за рое слѣдуетъ строжайше наказать, но не слѣдуетъ отчая за мальчика, не слѣдуетъ вѣрить, что онъ уже до того

что сталъ пощенникомъ. Но Джунковский отецъ, кажется, по тому: не жаловался-бы онъ такъ плачевно на судъ, если-бы вѣрилъ.

Васъ въ судахъ случается, что когда подсудимые бываютъ правы (и особенно, когда они очевидно виновны, но ощущаютъ лишь милосердіемъ суда), то предсѣдатель суда, объявляя имъ свободу, говоритъ ему иногда при этомъ назиданіе ему: какъ вѣрно ему сѣдуетъ принять это оправданіе, что отъ него изъ всего этого въ жизнь, какъ избѣжать въ дальнѣйшемъ повторенія бѣды. Предсѣдатель суда говоритъ въ такомъ родѣ отъ лица какъ-бы всего общества, государства; слова важныя, назиданіе церковное. Можетъ быть, подсудимымъ Джунковскимъ объявлено было ихъ оправданіе безъ всякаго назиданія, въ такомъ родѣ, внушенія,—этого я не знаю, но я самъ воображаю себѣ: что могъ-бы имъ сказать предсѣдатель суда отпуская ихъ. И вотъ что мнѣ, кажется, онъ-бы имъ сказать:

IV.

Фантастическая рѣчь предсѣдателя суда.

Подсудимые, вы оправданы, но вспомните, что кромѣ этого есть другой судъ,—судъ собственной вашей совѣсти. Судъ тотъ же такъ, чтобъ и этотъ судъ оправдалъ васъ, хотя-бы вы были виновны. Вы объявили, что намѣрены теперь сами заняться воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей вашихъ: если-бы вы раньше такъ за это, то не было-бы, вѣроятно, и сегодняшняго суда. Но боюсь: имѣете-ли вы достаточно силъ въ себѣ для исполненія добраго намѣренія вашего? Достаточно-ли рѣшиться на такое дѣло, надо спросить: доставеть-ли ревности и торпѣнія на исполненіе его? Не смѣю сказать про васъ, что вы родители безсердечныя и ненавидящія дѣтей вашихъ. Да и ненавидѣть дѣтей своихъ въ сущности, почти неестественная, а потому невозможная. Ненавидѣть-же столь малыхъ еще дѣтей, — вещь безразумная и даже смѣшная. Но лѣнь, равнодушіе, лѣнивая отъ исполненія такой первѣйшей естественной и гражданской обязанности, какъ воспитаніе собственныхъ дѣтей, действительно могутъ породить даже не любовь къ нимъ,

почти ненависть, почти чувство личной какой-то мести къ вамъ, особенно по мѣрѣ ихъ возрастанія, по мѣрѣ все возрастающаго природныхъ требованій ихъ, по мѣрѣ вашего сознанія о томъ, что для нихъ много надо сдѣлать, много потрудиться, а имъ, имъ, быть, много имъ пожертвовать изъ собственнаго вседовольнаго отъединенія и покоя. Къ тому-же все возрастающія шалости ослѣпленныя въ пренебреженіи дѣтей и укорененіе въ нихъ дурныя привычекъ, видимое извращеніе умовъ и сердець ихъ, не могли не вселить наконецъ прямое отвращеніе къ нимъ даже и въ родительскихъ сердцахъ. Въ горячихъ, слезныхъ жалобахъ вашихъ на пороки вашихъ дѣтей, мы всѣ слышали здѣсь и увидѣли глубокую неподдѣльную горестъ вашу, горестъ несчастнаго оскорбленнаго своими дѣтьми отца. Но подумайте, однако, много и разсудите: изъ чего имъ было и сдѣлаться лучше? Было ли имъ, напримѣръ, на судѣ, что за лѣность ихъ и за шалости ихъ зазирали на нѣсколько иногда часовъ въ сортиръ. Конечно, карцеръ есть карцеръ, да и сортиръ вашъ *отанглійскій* стало быть, не было тутъ жестокаго истязанія, но вѣдь такъ оно однако? Сидя тамъ, чувствуя унижительное и срамное положеніе свое, ребенокъ могъ ожесточаться, въ головѣ его могли явиться самыя фантастическія извращенныя и циническія мечты, могъ окончательно потерять любовь, любовь къ родному отцу и къ вамъ даже, родителямъ его, ибо ему могло казаться, что вы уже совершенно не дорожите ни чувствами его къ вамъ, ни человѣческимъ его достоинствомъ, а у ребенка, даже у самаго малаго есть тоже и уже сформированное человѣческое достоинство, замѣтьте это себѣ. О томъ, что эти мысли, а главнѣйшія, хотя и дѣтскія впечатлѣнія эти онъ унесетъ по себѣ въ жизнь и пронесетъ ихъ въ сердцѣ своемъ, можетъ быть самой могилы, вы, кажется совсѣмъ не подумали. Да и сдѣлали вы сами-то хоть что-нибудь предварительно, чтобъ избѣжать этой, обижающей ребенка необходимости сажать его въ сортиръ, и тѣмъ позорить его и издѣваться надъ нимъ? Вѣдь послѣдствіи, въ жизни, онъ этотъ вопросъ непременно подыметъ и поставитъ передъ собой. Вы утверждаете, что вы сдѣлали для дѣтей своихъ все, и какъ будто сами убѣждены въ этомъ, но не вѣрю тому, что вы сдѣлали все, и когда вы съ такимъ значительнымъ чувствомъ произносили это, я убѣжденъ былъ, что въ васъ самихъ было уже большое сомнѣніе на счетъ этого пункта. Вы увѣряете, что нанимали учителей и тратили средства вашихъ. Безъ сомнѣнія, учитель необходимъ для

родители учителя, вы поступили, конечно, какъ ревностный другъ и защитникъ учителя для преподаванія дѣтямъ наукъ не въ, конечно, смысле оному дѣтей, такъ сказать, съ плечъ до плечъ отвязаться отъ нихъ и чтобъ они больше ужъ васъ не смущали. А вы, кажется, именно это-то и сдѣлали и думаете, занявши деньги, уже совершенно все сдѣлали, и даже купили кое-какое «средство». Между тѣмъ, уверяю васъ, вы сдѣлали лишь наименьшее изъ того, что могли-бы сдѣлать итѣ; вы лишь откупились отъ долга и отъ обязанности родительской деньгами, а думали, что уже все совершили. Но вы забыли, что къ маленькимъ дѣтскимъ души требуютъ безпрерывнаго и неустаннаго соприкосновенія съ вашими родительскими душами, требуютъ, чтобъ вы были для нихъ, такъ сказать, всегда духовно на горѣ, какъ предметъ любви, великаго и искреннаго уваженія и прекраснаго подражанія. Наука наука отецъ передъ дѣтьми всегда долженъ быть какъ-бы добрымъ, нагляднымъ примѣромъ всего того нравственнаго вывода, который умы и сердца ихъ могутъ почерпнуть изъ науки. Сердце, всегда наглядная для нихъ забота ваша о нихъ, любовь къ нимъ, согрѣли-бы какъ теплымъ лучемъ, все посѣяли въ ихъ душахъ и плодъ вышелъ-бы, конечно, обильный и славный. Но, кажется, ничего не посѣявъ сами, и славъ ихъ чуждѣйшей семьѣ вашей сѣятелю, — вы потребовали уже жатвы и, привычные къ этому дѣлу, потребовали этой жатвы слишкомъ рано, не получивъ-же ее, озлобились и ожесточились... на мамку, на собственныхъ дѣтей вашихъ, и тоже рано, слишкомъ рано!

Все оттого, что воспитаніе дѣтей есть трудъ и долгъ. — для родителей сладкій, не смотря на гнетущія даже заботы, забота средствъ, на бѣдность даже, для другихъ-же, и даже очень многихъ достаточныхъ родителей, — это самый гнетущій трудъ и самый тяжелый долгъ. Вотъ потому и стремятся откупиться отъ него деньгами, если есть деньги. Если же денегъ не помогаютъ, или какъ у многихъ ихъ и вовсе нѣтъ, прибѣгаютъ обыкновенно къ строгости, къ жестокости, къ наказанію, къ розгѣ. Я вамъ скажу что такое розга. Розга въ сущности есть продуктъ лѣни родительской, неизбежный результатъ этой лѣни. Все что можно-бы сдѣлать трудомъ и любовью, крѣпкой работой надъ дѣтьми и съ дѣтьми, все чего можно-бы достигнуть разсудкомъ, разъясненіемъ, внушеніемъ, терпѣніемъ, воспитаніемъ и примѣромъ, — всего того слабые, лѣнивые,

но нетерпѣливые отцы полагаютъ всего чаще достигнутъ «не разъясню, а прикажу, не внушу, а заставлю». Къ результатъ выходитъ? Ребенокъ хитрый, скрытный, не покорится и обманетъ васъ и розга ваша не исправитъ, развратитъ его. Ребенка слабого, трусливаго и сердцанаго—вы забудете. Наконецъ, ребенка добраго, просто съ сердцемъ прямымъ и открытымъ—вы сначала измучите, потомъ ожесточите и потеряете его сердце. Трудно, часто трудно дѣтскому сердцу отрываться отъ тѣхъ, кого оно любитъ, но если оно уже оторвется, то въ немъ зарождается съ неестественно-ранній цинизмъ, ожесточеніе и извращеніе чувства справедливости. Все это, конечно, въ томъ только случаѣ, если жестокость происходитъ отъ эгоизма родителей, и если ребенокъ, зная нивы, не посѣявъ самъ, потребуетъ съ нея добро. Въ такихъ случаяхъ, жестокость и несправедливость со стороны отцовъ усиливаясь, безъ удержа, и это все «Не дѣлай свое хорошее, а дѣлай мое дурное!»—вообще становится девизомъ, и ребенка наказываютъ за доброе дѣло, за картофель, который онъ принесъ съ кухни: какъ же не ожесточиться сердцу и какъ же не извратить понятій? Не будучи жестокими и даже любя ихъ, родители звали ихъ своимъ пренебреженіемъ къ нимъ, униженіемъ они спали въ нечистой комнатѣ, на какой-то подстилкѣ, не съ вашего стола, а со слугами. И, конечно, вы думаете, что они наконецъ почувствуютъ вину свою и исправятся. Но въ такомъ случаѣ, надо-бы было предположить, что вы дѣлаете это отъ ненависти къ нимъ, отъ мести къ нимъ, чтобы имъ было больно? Но судъ не захотѣлъ такъ заключить и приписалъ имъ вину вашу ошибочному расчету воспитателя. Но вотъ теперь собираетесь воспитывать и учить ихъ: трудное это дѣло, и на то, что супругъ вашей кажется оно легкимъ.

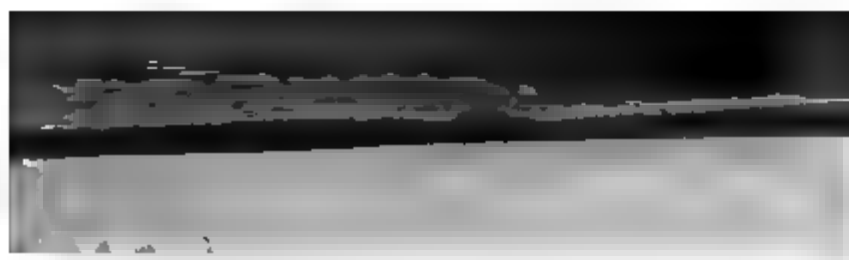
Дѣтей вашихъ иѣтъ въ залѣ, я приказалъ ихъ въ залу потому я могу коснуться до самаго главнаго въ этомъ случаѣ, а именно въ томъ, что вамъ трудно дѣлать. Самое главное въ немъ то, что вамъ стоитъ многое простить съ обѣихъ сторонъ. Они должны чувствовать вамъ горькія, тяжелыя впечатлѣнія ихъ дѣтскихъ ожесточеніе свое, пороки свои. Вы-же должны простить имъ эгоизмъ, ваше пренебреженіе къ нимъ, извращеніе чувствъ ихъ къ вамъ, жестокость вашу и то наконецъ, что вы видите и судились за нихъ. Говорю такъ потому, что не считайте вы во всемъ этомъ, выйдя изъ залы суда, а не

я увѣренъ въ этомъ! И такъ, начиная ваше трудное дѣло гнанія дѣтей вашихъ, спросите сами себя: можете-ли вы жить за всѣ эти проступки и преступленія ваши, не ихъ, а ю себя? Если можете, о, тогда вы успѣете въ трудѣ вашемъ? Значитъ, Богъ очистилъ взглядъ вашъ и просвѣтилъ вашу душу. Если-же не можете, то лучше и не принимайтесь за намѣреніе.

Печальное, что предстоитъ вамъ тяжелаго въ вашемъ трудѣ, это то, что, истребить въ ихъ сердцахъ и измѣнить въ нихъ слишкомъ многія и прежнія впечатлѣнія и воспоминанія. Но тутъ столько многое заставить забыть и столько многое вновь создать недоумѣваю: какимъ путемъ этого достигнете? О, если бы вы любили ихъ, то, конечно, всего достигнете. Но вѣдь и любовь есть трудъ, даже и любви надобно учиться, вѣрите-ли тому? Вѣрите-ли вы, наконецъ, убѣждены-ли вы, что васъ признаютъ и не побѣдятъ, въ прекрасномъ предпріятіи величавыя самыя мелкія, самыя первоначальныя, самыя пошлыя и низкія заботы, о которыхъ вы, можетъ быть, теперь и не знаете, но которыя однако могутъ составить наибольшее препятствіе добрымъ начинаніямъ вашимъ. Всякій ревностный и рачительный отецъ знаетъ, на примѣръ, сколь важно воздерживаться въ дѣтяхъ своихъ въ обыденной семейной жизни отъ извѣстныхъ скалокъ, халатности семейныхъ отношеній, отъ извѣстной слабости ихъ и разнузданности, воздерживать себя отъ ихъ и безобразныхъ привычекъ, а, главное, отъ невниманія и небреженія къ дѣтскому ихъ мнѣнію о васъ самихъ, къ неумѣру, безобразному и комическому впечатлѣнію, которое можетъ зародиться въ нихъ столько часто при созерцаніи нашей глупости въ семейномъ быту. Вѣрите-ли вы, что ревностный отецъ даже долженъ иногда совсѣмъ перевоспитать себя для своихъ. О, если родители добры, если любовь ихъ къ дѣтямъ ревностна и горяча, то дѣти многое простятъ имъ и многое простятъ потому не только изъ комическаго и безобразнаго, но и изъ уваженія къ нимъ; напротивъ, сердца ихъ непремѣнно найдутъ причину обстоятельство. Но совсѣмъ другое можетъ случиться въ семействахъ несогласныхъ и ожесточенныхъ. Ваша супруга, беззастѣнчивая на судъ, имѣетъ болѣзненную привычку заставлять себя передъ спомъ ноги. Служанка засвидѣтельствовала, что эта обязанность была для нея даже мучительна, что она плакала. Представьте-же себѣ этого мальчика, вашего

сына, котораго вмѣсто служанки заставляютъ чесать? О, если мать любила его искренно и сердечно, и онъ-бы увѣренъ бы въ томъ, то онъ-бы и теперь, да и всегда потомъ, вспоминалъ этой немощи дорогаго ему челоуѣка съ добродушною улыбкою, хотя, можетъ быть занялся-бы и досадовалъ въ тѣ минуты, когда его заставляли чесать. Но воображаю, какъ онъ смотрѣлъ и онъ чувствовалъ, что заходило ему въ голову, когда онъ сидѣлъ по часу и болѣе, надъ снѣжными занятіемъ, передъ существомъ не любившимъ его, которое вотъ-вотъ вскопнѣтъ и вычнетъ его ни за что, ни про что. Тогда требованіе отъ него этой усидчивости несомнѣнно должно было казаться ему унижающимъ его, небрежительнымъ къ нему и презрительнымъ. Не могъ онъ знать онъ, или, лучше сказать, не почувствовать, что мать своею онъ не нуженъ какъ сынъ, что какъ сына она его заботится, забываетъ, посылаетъ спать на какую-то подстилку. Если вспоминаетъ о томъ, то для того лишь, чтобъ бить его, что онъ нуженъ, стало быть, ей, не какъ сынъ, а всего только какъ какая-то чесалка! И вы-же жалуетесь послѣ того, что она раздѣлилась, что она безсердечные изверги, «что научились воровать». Напрягите немного ваше воображеніе, вообразите сына вашего въ будущемъ уже тридцати лѣтъ и подумайте съ какимъ отвращеніемъ, съ какимъ озлобленнымъ чувствомъ и презрѣніемъ припомнитъ онъ этотъ эпизодъ своего дѣтства... Онъ будетъ помнить о немъ до могилы, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Онъ не проститъ, онъ возненавидитъ свои воспоминанія, свое дѣтство, проклянетъ свое бывшее родное гнѣздо и тѣхъ, кто съ нимъ въ этомъ гнѣздѣ! Эти воспоминанія предстоитъ вамъ теперь непремѣнно искоренить, непремѣнно пересоздать, надо глушить ихъ иными новыми сильными и святыми впечатлѣніями, какой огромный трудъ! Страшно подумать! Нѣтъ: дѣло предприняемое вами, гораздо, гораздо труднѣе, чѣмъ кажется вамъ сейчасъ!

Не сердитесь, не обижайтесь словами мои. Говоря вамъ исполняю непремѣнную обязанность. Я говорю отъ лица общаго государства, отечества. Вы отцы, они ваши дѣти. вы современная Россія, они будущая: что-же будетъ съ Россіей, если русскіе отцы будутъ уклоняться отъ своего гражданскаго долга и станутъ искать уединенія, или лучше сказать, отъединенія, лѣниваго циническаго, отъ общества, народа своего и самыхъ первѣйшихъ къ нимъ обязанностей. Всего ужаснѣе то, что это такъ распространено: вы не одни такіе, хотя другіе впадаютъ въ тѣ же ош

вы, можете быть, и подъ другими формулами. Но внутренне всего то, что вы, не только еще не худшіе, но даже лучшихъ лучшіе изъ современныхъ отцовъ, ибо все-же въ сердцахъ вашихъ не умерло сознание вашего долга, хотя вы и не признали его. Абсолютнаго отрицанія долга въ васъ нѣтъ. Вы холодные эгоисты, а, напротивъ, раздраженные—на себя-ли, дѣтей-ли вашихъ, но стану опредѣлять того, но вы оказались способными принять къ сердцу вашу неуслѣхъ и глубоко чувствовать ихъ! И такъ да поможетъ вамъ Богъ въ рѣшеніи лишь исправить вашу неуслѣхъ. Ищите-же любви и кощите ее въ сердцахъ вашихъ. Любовь столь всеемльна, что перерождаетъ и насъ самихъ. Любовью лишь купимъ сердца дѣтскихъ, а не однимъ лишь естественнымъ правомъ надъ ними. Да и самая природа изъ всѣхъ обязанностей нашихъ намъ помогаетъ намъ въ обязанностяхъ передъ дѣтьми, сдѣлавъ такъ, что дѣтей нельзя не любить. Да и какъ не любить ихъ? Если уже перестанемъ дѣтей любить, то кого-же послѣ того мы будемъ полюбить и что станется тогда съ нами самими? Вспомните тоже, что, лишь для дѣтей и для ихъ золотыхъ головокъ, писатель нашъ обѣщалъ намъ «сократить времена и сроки». Если ихъ сократится мученіе перерожденія человѣческаго общества въ совершеннѣйшее. Да совершится-же это совершенство и закончатся наконецъ страданія и недоумѣнія цивилизація нашей!

А теперь ступайте, вы оправданы...

Глава вторая.

1.

Опытъ обесчеловѣченія. Весьма часть Анны Карениной.

У насъ очень многіе теперь изъ интеллигентныхъ русскихъ привыкли говорить: «какой народъ? я самъ народъ». Въ восьмой главѣ Анны Карениной, Левинъ, излюбленный герой автора романа, говоритъ про себя, что онъ *самъ народъ*. Этому Левина я раньше прежде, говоря объ Аннѣ Карениной, называлъ «чистый шельмъ Левинъ». Продолжая вѣрить въ чистоту его сердца по имени, я не вѣрю, что онъ — народъ; напротивъ, вижу те-

перъ, что и онъ съ любовью норовитъ въ обособленіе. Убѣдился въ этомъ прочитавъ вотъ ту самую восьмую часть *Анны Карениной*, о которой я заговорилъ въ началѣ этого іюль-августскаго дневника моего. *Левинъ*, какъ фактъ, есть, конечно, не действительно существующее лицо, а лишь вымыселъ романиста. Тѣмъ не менѣе, этотъ романистъ—огромный талантъ, значительный умъ и весьма уважаемый интеллигентною Россіею человѣкъ. Этотъ романистъ изображаетъ въ этомъ идеальномъ, т. е. придуманномъ лицѣ, частью и собственный взглядъ свой на современную нашу русскую дѣйствительность, что ясно каждому, читавшему его замѣчательное произведеніе. Такимъ образомъ, объ несуществующемъ *Левинѣ*, мы будемъ судить и о дѣйствительномъ уже взглядѣ одного изъ самыхъ значительныхъ современныхъ русскихъ людей на текущую русскую дѣйствительность. Это уже предметъ для сужденія серьезный даже и въ наше стремучее время, столь полное огромныхъ, потрясающихъ и бысмѣняющихся дѣйствительныхъ фактовъ. Взглядъ этотъ столь замѣчательнаго русскаго писателя, и именно на столь интересное всѣхъ русскихъ дѣло, какъ всеобщее національное движеніе русскихъ людей за послѣдніе два года по «восточному вопросу» выразился точно и окончательно именно въ этой восьмой и послѣдней части его произведенія, отвергнутой редакціей «Русскаго Вѣстника» по несходству убѣжденій автора съ ея собственными и появившейся весьма недавно отдѣльной книжкой. Сущность этого взгляда, насколько я его понялъ, заключается главнымъ образомъ, что во 1-хъ) все это такъ называемое національное движеніе нашимъ народомъ отнюдь не раздѣляется, и народъ въ немъ даже не понимаетъ его, во 2-хъ) что все это нарочно поддѣлано сперва извѣстными лицами, а потомъ поддержано журналистами изъ выгодъ, чтобъ заставить болѣе читать ихъ изданія, въ 3-хъ) что всѣ добровольцы были или потерянные и пьяные люди или просто глупцы, въ 4-хъ) что весь этотъ, такъ называемый поддѣлъ русскаго національнаго духа за славянъ, былъ не только поддѣланъ извѣстными лицами и поддержанъ продажными журналистами, но и поддѣланъ вопреки, такъ сказать, самыхъ основнѣйшихъ законовъ въ 5-хъ) что всѣ варварства и неслыханныя истязанія совершенныя надъ славянами, не могутъ возбуждать въ русскихъ непосредственнаго чувства жалости и что «такого непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ *нѣтъ и не можетъ быть.*» Последнее выражено окончательно и категорично.

Такимъ образомъ, «чистый сердцемъ *Левинъ*» ударилъ

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

Книге и разошелся съ огромнымъ большинствомъ русскихъ. Взглядъ его впрочемъ вовсе не новъ и не оригиналенъ. Книжкомъ-бы пригодился и пришелся по вкусу многимъ, также думавшимъ людямъ прошлою зимою у насъ въ Бургъ и людямъ далеко не послѣднимъ по общественному положенію, а потому и жаль что книжка нѣсколько запоздала. Отъ чего произошло столь мрачное обособленіе Левина и утрюмое отъединеніе въ сторону — не могу опредѣлить. Это человекъ горячій, «безпокойный», всеанализирующий, строго судящій, ни въ чемъ себѣ не вѣрующій. Но все-таки въ этотъ «сердцемъ чистый» и я стою на томъ, хотя трудно поставить себѣ какими таинственными, а подчасъ, и смѣшными путями можетъ проникнуть иной разъ самое неестественное, выдуманное, и самое безобразное чувство въ иное въ высшей степени искреннее и чистое сердце. Впрочемъ замѣчу еще, что и утверждаютъ многіе, и даже я самъ ясно вижу (какъ видѣлъ выше), что въ лицѣ Левина авторъ, во многомъ выставляетъ свои собственныя убѣжденія и взгляды, влагая ихъ въ Левина чуть не насильно и даже явно жертвуя иногда при художественностию, но лицо самого Левина, такъ какъ изображено авторъ, я все-же съ лицомъ самого автора отнюдь не мѣшаю. Говорю это, находясь въ нѣкоторомъ горькомъ недоумѣніи, потому что хотя очень многое изъ выраженнаго авторомъ, въ лицѣ Левина, очевидно, касается собственно одного Левина, художественно изображеннаго типа, но все-же не того ожидалъ отъ такого автора!

II.

Признанія славянофила.

А, не того. Здѣсь я принужденъ выразить нѣкоторыя чувства мои, хотя и положилъ было, начиная прошлаго года издавать «Дневникъ», что литературной критики у меня не будетъ. Но чувства не критика, хотя-бы и высказалъ я ихъ по поводу литературнаго произведенія. Въ самомъ дѣлѣ, я пишу «дневникъ», т. е. записываю мои впечатлѣнія по поводу всего, что болѣе поражаетъ меня въ текущихъ событіяхъ, — и вотъ почему-то, намѣренно предписываю самъ себѣ придуманную обязанность непремѣнно скрывать и, можетъ быть, самую сязь-

нѣйшія изъ переживаемыхъ мною впечатлѣній, лишь только, что они касаются русской литературы. Конечно, въ этомъ рѣшеніи была и вѣрная мысль, но буквенное исполненіе этого рѣшенія не вѣрно, я вижу это, уже потому только, что буква. Да и литературное-то произведеніе, о которомъ я чалъ до сихъ поръ, для меня уже не просто литературное веденіе, а цѣлый *фактъ* уже иного значенія. Я, можетъ быть, ражусь слишкомъ наивно, но однако-же рѣшаюсь сказать что: этотъ *фактъ* впечатлѣнія отъ романа, отъ выдумки, отъ совпалъ въ душѣ моей, нынѣшней весною, съ огромнымъ томъ объявленія теперь идущей войны, и оба факта, оба впечатлѣнія, нашли въ умѣ моемъ дѣйствительную связь между и поразительную для меня точку обоюдного соприкосненія. Вмѣсто того чтобъ смѣяться надо мною, послушайте меня!

Я во многомъ убѣжденій чисто славянофильскихъ, хотеть бытъ, и не вполне славянофилъ. Славянофилы до сихъ понимаются различно. Для иныхъ, даже и теперь, славянство, какъ въ старину напримѣръ для Бѣлинскаго, означало лишь квасъ и рѣдьку. Бѣлинскій, *дѣйствительно* далеко заходилъ въ пониманіи славянофильства. Для другихъ (и тѣмъ, для весьма многихъ, чуть не для большинства дамъ и мѣхъ славянофиловъ), славянофильство означаетъ стремленіе къ освобожденію и объединенію всѣхъ славянъ подъ началомъ Россіи — началомъ, которое можетъ быть даже строго-политическимъ. И наконецъ, для третьихъ, славянство, кромѣ этого объединенія славянъ подъ началомъ Россіи, означаетъ и заключаетъ въ себѣ духовный союзъ всѣхъ восточныхъ славянъ въ то, что великая наша Россія, во главѣ объединеннаго славянъ, скажетъ всему міру, всему европейскому человѣку и цивилизаціи его свое новое здоровое и еще неслыханное слово. Слово это будетъ сказано во благо и воистину въ соединеніе всего человѣчества новымъ, братскимъ, всемірнымъ союзомъ, начала котораго лежатъ въ геніи славянъ, а пріурочены въ духѣ великаго народа русскаго, столь долго давашаго, столь много вѣковъ обреченнаго на молчаніе, но заключавшаго въ себѣ великія силы для будущаго разъяреннаго и разрѣшенія многихъ горькихъ и самыхъ роковыхъ недомыслий западно-европейской цивилизаціи. Вотъ къ этому-то оубѣжденныхъ и вѣрующихъ принадлежу и я.

Тутъ трунить и смѣяться опять-таки нечего: слова эти, вѣра эта давнишняя, и уже одно то, что не умираетъ

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

не умолкаютъ эти слова, а, напротивъ, все больше и больше расширяютъ кругъ свой и пріобрѣтаютъ себѣ новыхъ убѣжденныхъ дѣяте-лей, — уже одно то-бы заставить, наконецъ, противниковъ и членовъ ученія взглянуть на него хоть немного и не въ пустой, закаменѣвшей въ себѣ, враждебности, — въ этомъ пока довольно. Дѣло въ томъ, что въ насъ великая война для великаго подвига, и, несмотря на всѣ временныя неудачи, не дѣла, а будетъ-таки доведенъ до конца и вожделѣнная теперешнюю войну. Подвигъ этотъ сдѣланный столь невѣроятна для Европы, что Европа бытъ возмущена противъ нашего коварства, — потому, о чемъ объявили мы ей начиная войну и сдѣланными нами должна вредить намъ, и, соединившись съ врагомъ, — хотя и не явнымъ, но формальнымъ политическимъ, — враждовать съ нами и воевать съ нами, хотя-бы и безъ ожиданія явной войны. И все, конечно, отъ объявленнаго и цѣлей нашихъ! «Великій восточный орелъ» надъ миромъ, сверкая двумя крылами на вершинахъ иства»; не покорять, не пріобрѣтать, не расширять границъ хочетъ, а освободить, возстановить угнетенныхъ и дать имъ новую жизнь для блага ихъ и человечества. Мы ни считай, какимъ скептическимъ взглядомъ ни смотришь на дѣло, а въ сущности цѣль вѣдь эта, эта самая, и вотъ и не хочетъ повѣрить Европа! И повѣрьте, что не пугаетъ ее предполагаемое усиленіе Россіи, какъ именно Россія способна предпринимать такіа задачи и цѣли. Зато особенно. Предпринимать что-нибудь не для прямой выгоды кажется Европѣ столь непривычнымъ, столь чуждымъ изъ международныхъ обычаевъ, что поступокъ Россіи принимается Европой не только какъ за варварство, но и какъ за злусть затѣять въ нашъ вѣкъ что-то въ родѣ прежнихъ въ темныя вѣка крестовыхъ походовъ, но даже и какъ истинный фактъ, опасный Европѣ и угрожающій будущей великой цивилизаціи. Взгляните, кто насъ любитъ въ теперь особенно? Даже друзья наши, отъявленные, формальныя сказать, друзья, и тѣ откровенно объявляютъ, что мы имѣемъ неудачамъ. Пораженіе русскихъ имѣетъ имъ соф-

ственныхъ ихнихъ побѣдъ, веселить ихъ, льстить имъ. Вѣ-
чаѣ-же удачъ нашихъ эти друзья давно уже согласились
собою употребить всѣ силы, чтобъ изъ удачъ Россіи извлечь
выгодъ еще больше, чѣмъ извлечетъ ихъ для себя сама Рос-

Но и объ этомъ послѣ. Заговорилъ я, главное, о впечат-
ніи, которое должны были ощутить въ себѣ всѣ вѣрующіе
будущее великое, общечеловѣческое значеніе Россіи, нынѣ
весною, послѣ объявленія этой войны. Эта неслыханная вѣ-
за слабыхъ и угнетенныхъ, для того чтобъ дать жизнь и
боду, а не отнять ихъ, — эта давно уже теперь неслыханная
въ мірѣ цѣль войны, для всѣхъ нашихъ вѣрующіхъ явилась
вдругъ, какъ фактъ, торжественно и знаменательно под-
твердившій вѣру ихъ. Это была уже не мечта, не гаданіе, а
дѣйствительность *начавшая совершаться*. «Если уже начало со-
вершается, то дойдетъ и до конца, до того великаго новаго сдѣ-
ланія, которое Россія, во главѣ союза славянъ скажетъ Европѣ. И
самое слово это уже начало сказываться, хотя Европа еще
легко не понимаетъ его и долго будетъ не вѣрить ему».
Итакъ какъ думали «вѣрующіе». Да, впечатлѣніе было торжественно
и знаменательное и, разумѣется, вѣра вѣрующіхъ должна была
еще больше закалиться и окрѣпнуть. Но однако-же начиналось
столь важное, что и для нихъ настали тревожные вопросы: «Россія
и Европа! Россія обнажаетъ мечъ противъ турокъ, но кто же
можетъ быть, столкнется и съ Европой — не рано-ли это? Столкну-
веніе съ Европой — не то что съ турками и должно ос-
таться не однимъ мечемъ, такъ всегда понимали вѣрующіе».
Но готовы-ли мы къ другому-то столкновенію? Правда, слово
уже начало сказываться, но не то что Европа, а и у насъ
понимаютъ-ли всѣ его? Вотъ мы, вѣрующіе, пророчествуемъ
примѣръ, что лишь Россія заключаетъ въ себѣ начала рѣ-
шить всеевропейскій роковой вопросъ низшей братьи, безъ
и безъ крови, безъ ненависти и зла, но что скажетъ она
слово, когда уже Европа будетъ залита своею кровью, такъ
раньше никто не услышалъ-бы въ Европѣ наше слово,
услышалъ-бы, то не понялъ-бы его вовсе. Да, мы вѣрующіе
это вѣримъ, но однако что пока отвѣчаютъ намъ у насъ
наши-же русскіе? Намъ отвѣчаютъ они, что все это лишь
ступленные гаданія, конвульсьонерство, бѣшенныя мечты,
падки и спрашиваютъ отъ насъ доказательствъ, твердыхъ
зачинъ и совершившихся уже фактовъ. Что-же укажемъ мы
пока, для подтвержденія нашихъ *пророчествъ*? Освобожден-

антъ,—фактъ, который еще столь мало понятъ у насъ въ степени проявленія русской духовной силы? Прирожденная и естественность братства нашего, все яснѣе и яснѣе выходящаго въ наше время наружу изъ-подъ всего, что давило насъ и не смотря на соръ и грязь, которая встрѣчаетъ насъ, грязнить и искажаетъ черты его до неузнаваемости? Пусть мы уважемъ это; намъ опять отвѣтять, что всё это опять-таки наше конвульсьонерство, бѣшеная мечта, а мечты и что толкуются они многообразно и сбивчиво и домысливаются ничему, покаместъ, служить не въ силахъ. Вотъ отвѣтять намъ чуть не всё, а между тѣмъ мы, столь ненавидящие самихъ себя и столь мало вѣрующіе въ себя, мы—связемъ съ Европой! Европа — но вѣдь это страшная и страшная вещь, Европа! О, знаете-ли вы, господа, какъ дорога мечтаемъ-славянофиламъ, по вашему ненавистникамъ — эта самая Европа, эта «страна святыхъ чудесъ!» — ли вы, какъ дороги намъ эти «чудеса» и какъ любимъ мы, болѣе чѣмъ братски любимъ и чтимъ мы великія племена, населяющія ее в все великое и прекрасное совершенное. Знаете-ли до какихъ слезъ и сжатій сердца мучаютъ и мучатъ насъ судьбы этой дорогой и родной намъ страны, мучаютъ насъ эти мрачныя тучи, все болѣе и болѣе застилающія ее небосклонъ? Никогда вы, господа, наши европейцы и западники, столь не любилъ Европу, сколько мы, мечтатели-славянофилы, по вашему исконные враги ея! Нѣтъ, намъ не эта страна—будущая мирная побѣда великаго христіанства духа, сохранившагося на Востокѣ... И въ опасеніи столкненья съ нею въ текущей войнѣ, мы всего болѣе боимся, что она не пойметъ насъ, и по прежнему, по всегдашнему встрѣтитъ насъ высокомеріемъ, презрѣніемъ и мечемъ своимъ, все какъ дикихъ варваровъ, недостойныхъ говорить передъ нею. Выспрашивали мы сами себя, что-же мы скажемъ или покажемъ ей, чтобъ она насъ поняла? У насъ, повидимому, еще такъ ничего-нибудь, что могло-бы быть ей понятно и за что-бы насъ уважала? Основной, главной идеей нашей, нашего заветнаго «новаго слова» она долго, слишкомъ долго еще не понимаетъ. Ей надо фактовъ теперь понятныхъ, понятныхъ на переименный взглядъ. Она спроситъ насъ: «гдѣ ваша цивилизація? Усматривается-ли строй экономическихъ силъ вашихъ въ хаосѣ, который видимъ мы всё у васъ. Гдѣ ваша наука. искусство, ваша литература?»

III.

Анна Каренина, какъ фактъ особаго значенія.

И вотъ тогда-же, т. е. нынѣшней-же весною, разъ вечерниѣ случилось встрѣтиться на улицѣ съ однимъ изъ любимыхъ мною нашихъ писателей. Встрѣчаемся мы съ нимъ орѣдко, въ нѣсколько мѣсяцевъ разъ, и всегда случайно, какъ нибудь на улицѣ. Это одинъ изъ виднѣйшихъ членовъ тѣхъ пяти или шести нашихъ беллетристовъ, которыхъ при всѣхъ вмѣстѣ, называютъ почему-то «плеядою». По крайней мѣрѣ критика вслѣдъ за публикой, отдѣлила ихъ особо, передъ всѣми остальными беллетристами и такъ это пребываетъ уже довольно давно, — все тотъ-же пятокъ, «плеяда» не расширяется. Я люблю встрѣчаться съ этимъ милымъ и любимымъ моимъ манистомъ. и люблю ему доказывать, между прочимъ, что вѣрю и не хочу ни за что повѣрить, что онъ устарѣлъ и что онъ говоритъ и болѣе уже ничего не напишетъ. Изъ краткаго разговора съ нимъ я всегда уношу какое нибудь тонкое и оригинальное его слово. Въ этотъ разъ было объ чемъ говорить. Война уже начиналась. Но онъ тотчасъ-же и прямо заговорилъ объ Аннѣ Карениной. Я тоже только что успѣлъ прочесть седьмую часть, которую закончился романъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Собесѣдникъ мой на видъ человѣкъ не восторженный. На этотъ разъ однако онъ поразилъ меня твердостью и настойчивостью своего мнѣнія объ Аннѣ Карениной.

— Это вещь неслыханная, это вещь первая. Кто у насъ изъ писателей, можетъ поравняться съ этимъ? А въ Европѣ кто представитъ хоть что-нибудь подобное? Было-ли у нихъ всѣхъ ихъ литературахъ, за всѣ послѣдніе годы, и даже раньше того, произведеніе, которое-бы могло стать рядомъ?

Меня поразило главное то въ этомъ приговорѣ, который онъ и самъ вполне раздѣлялъ, что это указаніе на Европу, и разъ пришлось къ тѣмъ вопросамъ и недоумѣніямъ, которые столь многимъ представлялись тогда сами собой. Книга эта приняла въ глазахъ моихъ размѣръ факта, который-бы не могъ отвѣчать за насъ Европѣ, того искомага факта, на который могли-бы указать Европѣ. Разумѣется, возопять смѣясь, что это всего лишь только литература, какой-то романъ, что смѣло такъ преувеличивать и съ романомъ являться въ Европу

что возопятъ и засмѣются, но не безпокойтесь, я не дичиваю и трезво смотрю: я самъ знаю, что это пока всего только романъ. что это одна только капля того, чего нужно. Иное тутъ дѣло для меня въ томъ, что эта капля уже дана, дѣйствительно существуетъ, взаправду, а, стало быть, и уже есть, если геній русскій могъ родить этотъ фактъ, то быть, онъ не обреченъ на безсиліе, можетъ творить, давать свое, можетъ начать свое собственное слово и дождаться когда придутъ времена и сроки. Притомъ это далеко не только. О, я и тутъ не преувеличиваю: я очень знаю, что кто въ одномъ какомъ-нибудь членѣ этой плеяды, но той-то плеядѣ не найдете того, строго говоря, что называемъ оригинальною, творящею силою. Безспорныхъ геніевъ, съ ними «новымъ словомъ» во всей литературѣ нашей было только три. Ломоносовъ, Пушкинъ и частію Гоголь. Всягда эта (в авторъ Анны Карениной въ томъ числѣ) прямо изъ Пушкина, одного изъ величайшихъ русскихъ но далеко еще не понятого и не растолкованнаго. Въ немъ двѣ главныя мысли—и обѣ заключаютъ въ себѣ про- всего будущаго назначенія и всей будущей цѣли Рос- тало быть, и всей будущей судьбы нашей. Первая мысль— юсть Россіи, ея отзывчивость и дѣйствительное, безспор- глубочайшее родство ея генія съ геніями всѣхъ временъ довѣ міра. Мысль эта выражена Пушкинымъ не какъ только указаніе, ученіе, или теорія, не какъ мечтаніе или остро, но исполнена имъ на дѣлѣ, заключена въковѣчно вальныхъ созданіяхъ его и доказана ями. Онъ человѣкъ го міра, онъ и германецъ, онъ и англичанинъ глубоко шій геній свой, тоску своего стремленія (Пиръ во время онъ и поэтъ Востока. Всѣмъ этимъ народамъ онъ ска- заявилъ, что русскій геній знаетъ ихъ, понялъ ихъ, вснулся имъ какъ родной, что онъ можетъ *перевопло-* я въ нихъ во всей полнотѣ, что лишь одному только су духу дана всемірность, дано назначеніе въ будущемъ тутъ и объединить все многообразіе національностей и всѣ противорѣчія ихъ. Другая мысль Пушкина, это пово- го къ народу и упованіе единственно на силу его, за- го, что лишь въ народѣ и въ одномъ только народѣ обрѣтемъ дѣло весь нашъ русскій геній и сознаніе назначенія его. И въ-таки, Пушкинъ не только указалъ, но и совершилъ пер- вѣдѣлъ. Съ него только начался у насъ настоящій созна-

тельный поворотъ къ народу, невысказанный еще до него съ реформы Петра. Вся теперешняя *млеяда* наша работала лишь по его указаніямъ, *новато* послѣ Пушкина ничего не сказала. Всѣ чатки ея были въ немъ, указаны имъ. Да ктому-же она разработала лишь самую малую часть имъ указаннаго. Но за то, то что сдѣлали, разработано ими съ такимъ богатствомъ силъ, съ такою глубиною и отчетливостью, что Пушкинъ, конечно, призналъ бы ихъ. Анна Каренина—вещь, конечно, не новая по идеѣ своей, не неслыханная у насъ доселѣ. Въмѣсто нея мы, конечно, могли указать Европѣ прямо на источникъ, т. е. на самого Пушкина какъ на самое яркое, твердое и неоспоримое доказательство самостоятельности русскаго генія и права его на величайшее и самое общечеловѣческое и всеединящее значеніе въ будущемъ (увиди, сколько-бы мы ни указывали, а нашихъ долго еще не будутъ читать въ Европѣ, а и станутъ читать, то долго еще не поймутъ и не оцѣнятъ. Да и оцѣнить еще они совсѣмъ не въ силахъ, не по скудости способностей, а потому что мы для нихъ совсѣмъ другой міръ, точно съ луны сошли, такъ что имъ самое существованіе наше допустить трудно. Все это я и объ «указаніи Европѣ» говорю лишь въ смыслѣ нашего собственнаго убѣжденія въ нашемъ правѣ передъ Европой на самостоятельность нашу). Тѣмъ не менѣе Анна Каренина есть произведение какъ художественное произведеніе, подвернувшееся въ разѣ кстати, и такое, съ которымъ ничто подобное изъ европейскихъ литературъ въ настоящую эпоху не можетъ сравниться, а во вторыхъ и по идеѣ своей это уже нѣчто наше, наше родное, и именно то самое, что составляетъ нашу особенность передъ европейскимъ міромъ, что составляетъ уже наше национальное «новое слово» или, по крайней мѣрѣ, начало его,—слово, котораго именно не слыхать въ Европѣ и которое одностоль необходимо ей не смотря на всю ея гордость. Я не могу не упомянуть здѣсь въ литературную критику и скажу лишь одно большое слово. Въ Аннѣ Карениной проведенъ взглядъ на виновность и преступность человѣческую. Взятые люди въ вѣчныхъ условіяхъ. Зло существуетъ прежде нихъ. Захваченные въ круговоротъ жгучихъ людей совершаютъ преступленіе и несутъ неотразимо: какъ видно мысль на любимѣйшую и ставшую изъ европейскимъ темъ. Но какъ однако-же рѣшается такой вопросъ въ Европѣ? Рѣшается онъ тамъ повсемѣстно однимъ образомъ. Первое рѣшеніе: законъ данъ, написанъ, мулованъ, составлялся тысячами. Зло и добро опредѣ-

размеры и степени определялись исторически мудростью, неустанной работой надъ душой человѣка и вѣрной разработкой надъ степенью единительной силы въ обществѣ. Этому выработанному кодексу повиноваться слѣпо. Кто не послушаетъ, кто преступитъ, платитъ свободой, имуществомъ, жизнью, платитъ жестоко и безчеловѣчно. «Я знаю», говоритъ сама ихъ «цивилизация», что это и слѣпо и безчеловѣчно и невозможно, такъ какъ нельзя выработать окончательную формулу человѣчества въ пути его, но такъ какъ другаго исхода нѣтъ, то приходится держаться того что написано, и держаться буквально и слѣпо: не будь этого будетъ хуже. Съ тѣмъ вмѣстѣ, несмотря на всю ненормальность и нецѣлѣсообразность устройства того, что мы нашей великой европейской цивилизаціей, тѣмъ не менѣе силы человѣческаго духа пребываютъ здравы и не веритъ общество не колеблется въ вѣрѣ что оно идетъ къ собою, пусть не смѣетъ думать, что затѣннился идеалъ прекраснаго, что извращается и коверкается понятіе о добротѣ и нормальности непрерывно смѣняется условностью, что и естественность гибнутъ, подавляемая непрерывно насилиемъ ложью! Другое рѣшеніе обратное: такъ какъ общественное нормально, то и нельзя спрашивать отвѣта съ единичныхъ за послѣдствія. Стало быть, преступникъ безотвѣтен за преступленія пока не существуетъ. Чтобы покончить съ насилиемъ и людскою виновностью, надо покончить съ неволею общества и склада его. Такъ какъ лечить существующій порядокъ вещей долго и безнадежно, да и лекарство не оказалось, то лучше разрушить все общество и смести старый порядокъ и начать все новое, на иныхъ началахъ, еще не известныхъ, но которыя все-же не могутъ быть хуже теперешняго. Надежда на «науку». И такъ вотъ это второе рѣшеніе: разрушить все общество и залитьъ миръ кровью. Другихъ рѣшеній виновности и преступности людской западно-европейской цивилизаціи не представляетъ.

Глядя же русскаго автора на виновность и преступность ясно усматривается, что никакой муравейникъ, ни жестокость «четвертаго сословія», никакое уничтоженіе никакой организаціи труда не спасутъ человечество отъ виновности, а слѣдственно и отъ преступности. Выражено это въ огромной психологической разра-

боткѣ души человѣческой, съ страшною глубиною и силъ необываемъ доселѣ у насъ реализмомъ художественнаго жванія. Ясно и понятно до очевидности, что зло таится въ глубжѣ, чѣмъ предполагаютъ лекаря социалістиче- ни въ какомъ устройствѣ общества не избѣгнете зла, что человѣческая останется таже, что ненормальность и грѣхъ дѣтъ изъ нея самой, и что наконецъ законы, духа че- скаго столь еще неизвѣстны, столь невѣдомы наукѣ, столь опредѣлены, и столь таинственны, что нѣтъ и не можетъ еще ни лекарей, ни даже судей *окончательныхъ*, а естъ который говоритъ: «Мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ». Ему лишь извѣстна *вся* тайна міра сего и окончательная суд- ловѣка. Человѣкъ-же пока не можетъ братья рѣшать съ гордостью своей непогрѣшности, не пришли еще вре- сроки. Самъ судья человѣческій долженъ знать о себѣ, что не судья окончательный, что онъ грѣшникъ самъ, что мѣра въ рукахъ его будутъ нелѣпостью, *если* самъ онъ въ рукахъ мѣру и вѣсы, не преклонится передъ законъ разрѣшимой еще тайны и не прибѣгнетъ въ единственн- ходу—къ Милосердію и Любви. А чтобъ не погибнуть чаяніи отъ непониманія путей и судебъ своихъ, отъ уби- въ таинственной и роковой неизбежности зла, человѣку указанъ исходъ. Онъ геніально намѣченъ поэтомъ въ 1- ной сценѣ романа еще въ предпоследней части его, въ смертельной болѣзни героини романа, когда преступники вдругъ преображаются въ существа высшія, въ братья простившихъ другъ другу, въ существа, которые сами, нымъ всепрощеніемъ сняли съ себя ложь, вину и престу- и тѣмъ разомъ сами оправдали себя съ полнымъ сознаніемъ получили право на то. Но потомъ въ концѣ романа въ м- и страшной картинѣ паденія человѣческаго духа, прослѣя шагъ за шагомъ, въ изображеніи того неотразимаго сос- когда зло, овладѣвъ существомъ человѣка, связываетъ движеніе его, парализируетъ всякую силу сопротивленія, мысль, всякую охоту борьбы съ мракомъ падающимъ на- и сознательно, излюбленно, со страстью отмщенія при- мымъ душой вмѣсто свѣта,—въ этой картинѣ—столько данія для судьи человѣческаго, для держащаго мѣру и вѣсы конечно, онъ воскликнетъ, въ страхъ и недоумѣнія: «нѣ всегда мнѣ отмщеніе и не всегда азъ воздамъ», и не пос- безчеловѣчно въ вину мрачно павшему преступнику то

пронобретъ указаннымъ въковѣчно свѣтомъ исхода и уже
невозможно отворить его. Въ буквѣ, по крайней мѣрѣ, не при-
неть...

Если у насъ есть литературныя произведенія такой силы
и исполненія, то почему у насъ не можетъ быть сто-
лѣтій, и своей науки, и своихъ рѣшеній экономическихъ,
политическихъ, почему намъ отказываетъ Европа въ самостоя-
тельности, въ нашемъ *свообразномъ словѣ*, — вотъ вопросъ,
который рождается самъ собою. Нельзя же предположить снѣш-
на мысль, что природа одарила насъ лишь одними литератур-
ными способностями. Все остальное есть вопросъ историческій, об-
стоятельствъ, условій времени. Такъ могли-бы рассудить наши,
по крайней мѣрѣ, европейцы, въ ожиданіи пока рассудятъ евро-
пейцы европейцы...

IV.

Помѣщикъ добывающій вѣру въ Бога отъ мужа.

Теперь, когда я выразилъ мои чувства, можетъ быть, пой-
тъ какъ подѣйствовало на меня отпаденіе такого автора, отъ-
шение его отъ русскаго всеобщаго и великаго дѣла, и пара-
доксальная неправда, возведенная имъ на народъ въ его несчаст-
ливѣйшей части, изданной имъ отдѣльно. Онъ просто отни-
маетъ у народа все его драгоценнѣйшее, лишаетъ его главного
дѣла его жизни. Ему-бы несравненно пріятнѣе было, еслибы
родъ нашъ не подымался повсемѣстно сердцемъ своимъ за
дѣлающихъ за вѣру братій своихъ. Въ этомъ только смыслъ
въ и отрицаетъ явленія, не смотря на очевидность его. Ко-
нечно, все это выражено лишь въ фиктивныхъ лицахъ героевъ
романа, но, повторяю это, слишкомъ видно рядомъ съ ними и
мысли автора. Правда, книжка эта искренняя, говорятъ авторъ
въ душѣ. Даже самыя щекотливыя вещи (а тамъ есть *щекот-
ливыя* вещи) удеглись въ ней совсѣмъ какъ-бы невзначай, такъ
что не смотря на всю ихъ щекотливость вы ихъ принимаете
за простое слово и не допускаете ни малѣйшей кривизны.
Но не менѣе книжку эту я все-таки считаю вовсе не столь
важною. Теперь она, разумеется, не имѣетъ и не можетъ имѣть
никакого вліянія, кромѣ какъ развѣ поддакнетъ еще разъ нѣ-
которой отшелеванной звучкѣ. Но такой фактъ, что такой авторъ

такъ пишетъ, очень грустенъ. Это для будущаго грустно, впрочемъ примусь лучше за дѣло: мнѣ хочется возразить, ужу на то, что меня особенно поразило.

Прежде, впрочемъ, расскажу про Левина,—очевидно, главный героя романа; въ немъ выражено положительное, какъ въ противоположность тѣхъ ненормальностей, отъ которыхъ гибли или пострадали другія лица романа и онъ виднѣнъ тому и предназначался авторомъ, чтобы все это въ немъ развить. И однако-же Левинъ все еще не совершененъ, все чего-то недостаетъ ему и этимъ надо было заняться и развить, чтобы ужъ никакихъ сомнѣній и вопросовъ Левинъ уже собою не представлялъ. Читатель впоследствии пойметъ причину почему я на этомъ останавливаюсь не переходя прямо главному дѣлу.

Левинъ счастливъ, романъ кончился къ пущей славѣ, но ему недостаетъ еще внутренняго духовнаго мира. Онъ мучается вѣковѣчными вопросами человѣчества: о Богѣ, о вѣчной жизни, о добрѣ и злѣ и проч. Онъ мучается тѣмъ, что онъ вѣрующій и что не можетъ успокоиться на томъ, на чемъ успокоиваются, т. е. на интересѣ, на обожаніи собственной личности или собственныхъ идоловъ, на самолюбіи и проч. Призванъ великодушія, не правда-ли? Но отъ Левина и ожидать не было меньше. Оказывается кстати, что Левинъ много прочиталъ. Ему знакомы и философы, и позитивисты, и просто естествоиспытатели. Но ничто не удовлетворяетъ его, а, напротивъ, еще болѣе запутываетъ, такъ что онъ, въ свободное по хозяйству время, убѣгаетъ въ лѣса и рощи, сердится, даже не столь цѣнить свои книги, сколько-бы надо цѣнить. И вотъ вдругъ онъ встрѣчаетъ мужика, который, передавая ему о двухъ, различныхъ нравственныхъ сторонахъ своею мужикахъ, Митюхѣ и Фоканычѣ, выражается такъ:

„Митюхъ какъ не выручить! Этотъ нажметъ да свое выберетъ. Онъ хрестьянина не пожалеетъ, а дядя Фоканычъ развѣ стараться шкуру съ человѣка? Гдѣ въ долгъ, гдѣ и снустать. Анъ и доберетъ, тоже человѣкомъ.“

— Да зачѣмъ-же онъ будетъ спускать?

— Да такъ, значить—люди разные, одинъ человѣкъ только нужды своей живетъ, хоть-бы Митюха, только брюхо набиваетъ. Фоканычъ—правдивый старикъ. Онъ для души живетъ, Бога помнитъ.

— Какъ Бога помнить? Какъ для души живетъ? почти вскрикиваетъ Левинъ.

— Известно какъ, по правдѣ, по Божью. Вѣдь люди разные. И хоть васъ взять, тоже не обидите человѣка.

внушать, что если они испортят посуду, и разольют молоко не будет у них ни посуды ни молока. Но дѣти, очевидно не повѣрили, потому что не могли себѣ и представить объема того, чѣмъ они пользуются, а потому не могли представить себѣ, что то, что они разрушаютъ есть то самое, чѣмъ живутъ».

«Это все само собой», думали они, «интереснаго и важнаго въ этомъ ничего нѣтъ. потому что это всегда было и будетъ. И все это одно и тоже. Объ этомъ намъ думать нечего, это готово; а хочется выдумать что-нибудь свое и новенькое. Вотъ мы выдумали въ чашку положить малину и жарить ее на свѣчкѣ, а молоко фонтаномъ прямо въ ротъ другу другу. Это весело и ново, и ничуть не хуже, чѣмъ пить изъ чашекъ».

«Развѣ не тоже самое дѣлаемъ мы, дѣлая я, разумемъ отсюда значеніе силъ природы и смыслъ жизни человѣка?» продолжалъ вънѣ.

«И развѣ не тоже дѣлаютъ всѣ теоріи философскія, путемъ и страннѣйшимъ несвойственнымъ человѣку, приводя его къ знанію, что онъ давно знаетъ, и такъ вѣрно знаетъ, что безъ того и жить не могъ. Развѣ не видно ясно въ развитіи теоріи каждого философа, что онъ впередъ знаетъ такъ-же несомнѣнно, какъ и мужикъ Осодъ и ничуть не яснѣе его, главный смыслъ жизни, и только сомнѣвающимъ умственнымъ путемъ хочетъ вернуться къ тому, что ему извѣстно».

«Ну-ка, пустите однихъ дѣтей, чтобъ они сами пріобрѣли, съ посудой, подожгли молоко и т. д. Стали-бы они паять? Они-бы съ голоду померли. Ну-ка, пустите насъ съ нашими страстями, мыслями безъ понятія о единомъ Богѣ и Творцѣ! Или безъ понятія того, что есть добро, безъ объясненія вѣра нравственнаго».

«Ну-ка, безъ этихъ понятій постройте что-нибудь!»

«Мы только разрушаемъ, потому что духовно сыты. Именно дѣлаемъ».

Однимъ словомъ, сомнѣнія кончились и Левинъ увѣровалъ во что? Онъ еще этого строго не опредѣлилъ, но онъ уже знаетъ. Но вѣра-ли это? Онъ самъ себѣ радостно задаетъ этотъ вопросъ: «Неужели эта вѣра?» Надобно полагать что еще нѣтъ. Мало того: вѣра-ли у такихъ какъ Левинъ и можетъ быть окончательная вѣра. Левинъ любитъ себя называть народомъ, но это баричъ, московскій баричъ средне-высшаго круга, истинно-любовинъ котораго и былъ по преимуществу графъ Л. Толстой. Онъ мужикъ и не сказалъ Левину ничего новаго, но все-же онъ натолкнулъ на идею, а съ этой идеей и началась вѣра. Уже въ этомъ-то одномъ Левинъ могъ бы увидать, что онъ не советъ народъ и что нельзя ему говорить про себя: я самъ народъ. Объ этомъ послѣ. Я хочу только сказать, что вотъ эти вѣра Левинъ, сколько-бы ни прожили съ народомъ или подлѣ наро-

народъ въполнѣ не сдѣлаются, мало того—во многихъ пунктахъ такъ и не поймутъ его никогда вовсе. Мало одного самодина, или акта воли да еще столь причудливой, чтобъ захотѣть и стать народомъ. Пусть онъ помѣщикъ, и работающій помѣщикъ, и работы мужицкія знаетъ, и самъ носить и телегу возить уметь, и знаетъ, что къ сотовому меду огурцы свѣжее идутъ. Все-таки въ душѣ его, какъ онъ ни старайся, остается отгнѣнокъ чего-то, что можно, я думаю, назвать *праздношатайствомъ*—тѣмъ самымъ праздношатайствомъ, физическимъ духовнымъ, которое, какъ онъ ни крѣпился, а все-же досталось ему по наслѣдству и которое ужь конечно виднѣть во всякомъ баринѣ народѣ, благо не нашими глазами смотритъ. Но и въ этомъ потопѣ. А вѣру свою онъ разрушитъ опять, разрушитъ самъ, долго не продержится: выйдетъ какой-нибудь новый бунтъ и разомъ все рухнетъ. Кнѣзь пошла и споткнулась, такъ зачѣмъ она споткнулась? Если споткнулась, значитъ и не могла не споткнуться; слишкомъ ясно видно, что она споткнулась потому-то и потому-то. Ясно, что все тутъ зависѣло отъ обстоятельствъ, которые могутъ быть строжайше опредѣлены. А если такъ, то значитъ всюду наука. Гдѣ-же Промыселъ? Гдѣ-же роль? Гдѣ-же отвѣтственность человѣческая? А если нѣтъ Промысла, то какъ-же я могу вѣрить въ Бога и т. д. и т. д.». Прямую линію и пустые въ безконечность. Однимъ словомъ, эта честная душа, есть самая праздно-хаотическая душа, и какъ онъ не былъ-бы современнымъ русскимъ интеллигентнымъ человекомъ, да еще средне-высшаго дворянскаго круга.

Онъ доказываетъ это блистательно всего какой-нибудь часъ послѣ по приобрѣтеніи вѣры; онъ доказываетъ, что русскій народъ вовсе не чувствуетъ того, что могутъ чувствовать вообще люди, онъ разрушаетъ душу народа самымъ всевластнымъ образомъ, мало того,—объявляетъ, что самъ не чувствуетъ никакой потребности къ человѣческому страданію. Онъ объявляетъ, что «не-средственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ и не можетъ быть» — т. е. не только у него, но и у всѣхъ русскихъ не можетъ быть: я, дескать, самъ народъ. Слишкомъ уже они не умеютъ цѣнить русскій народъ. Старые впрочемъ оцѣнщики. Не прошло и часу по приобрѣтеніи вѣры какъ пошла опять жаловаться машина на свѣчку.

Глава третья.

I.

Раздражительность самолюбія.

Прибѣжали дѣти и объявляютъ Левину, что пріѣхали гости «одинъ вотъ такъ размахиваетъ руками». Оказывается, что изъ Москвы. Левинъ сажаетъ ихъ подъ деревьями, принимаетъ имъ сотоваго меду съ свѣжими огурцами и гости тотчасъ принимаются за медъ и за Восточный вопросъ. Все происходитъ, видите-ли, прошлаго года,—помните: Черняевъ, Давыдовъ, жертвоугодники. Разговоръ быстро разгорается, и что всѣ неудержимо стремятся къ главному. Собесѣдники, дамы, во первыхъ одинъ изъ Москвы профессорчикъ, чело- милый, но глуповатый. Затѣмъ слѣдуетъ человекъ (съ тѣмъ и выставленъ) огромнаго ума и познаній, Сергѣй Ивановичъ Кознышевъ, единоутробный братъ Левина. Характеръ этотъ введенъ въ романъ искусно, и подъ конецъ понятенъ (своихъ годовъ человекъ) Сергѣй Ивановичъ только что бросилъ всецѣло и съ азартомъ, въ славянскую дѣятельность и въ томъ на него много возложено, такъ что трудно и представить себѣ, вспоминая прошлое лѣто, какъ онъ могъ бросить дѣло и пріѣхать на цѣлыя двѣ недѣли въ деревню. Правда, въ томъ случаѣ не было-бы и разговора на пчельникѣ о народномъ управленіи, а, стало быть, и всей восьмой части романа, которая изъ одного этого разговора и написана. Видите-ли, этотъ Сергѣй Ивановичъ, мѣсяца два или три передъ тѣмъ, издавъ въ Москвѣ какую-то ученую книгу о Россіи, которую давно готовилъ и которую возлагалъ большія надежды, но книга вдругъ лопнула и лопнула со срамомъ, никто-то объ ней ничего не слышалъ, прошла не замѣченная. И вотъ тутъ-то Сергѣй Ивановичъ бросился въ славянскую дѣятельность, и съ такимъ жаромъ, и отъ него ожидать нельзя было. Выходитъ, стало быть, что бросился не естественно; весь его жаръ къ славянамъ — *agentée* не болѣе, и вы ясно предчувствуете, что Левинъ не можетъ не остаться надъ такимъ побѣдителемъ. Сергѣй Ивановичъ и въ прежнихъ частяхъ проведенъ былъ въ комическомъ видѣ весьма искусно: въ восьмой-же части становится уже

яснымъ. что онъ и задуманъ-то былъ единственно для
бы въ концѣ романа послужить пьедесталомъ для ве-
ннына. Но лицо очень удачное.

о изъ неудачнѣйшихъ лицъ — это старый князь. Онъ
сидитъ и толкуетъ о восточномъ вопросѣ. Неудачный и
романѣ, а не то что въ одномъ восточномъ вопросѣ.
о изъ положительныхъ лицъ романа, предназначенныхъ
собою положительную красоту, — ну, разумѣется, не
противъ реализма: онъ и съ слабостями, и чуть-ли не съ
и сторонами, но за то почтенный, почтенный. Онъ и
къ романа, онъ и здравомысль, но не фонвизинскій ка-
къ здравомысль, который какъ уже заладить, такъ точно
внѣшній: одно здравомысліе и ничего болѣе. Нѣтъ, тутъ и
и вообще человѣческія стороны. Забавное-же въ томъ,
въ старый человѣкъ предназначенъ выражать собою остро-
умія шволу жизни, отецъ многочисленныхъ, хотя уже я
многихъ дѣтей, онъ, подъ старость, взираетъ на все кру-
го съ тихою улыбкою мудреца, но съ улыбкою, далеко,
не столь кроткою и безобидною. Онъ дастъ совѣтъ, но
съ игры ума его: отбѣетъ. И вотъ вдругъ тутъ случи-
ю несчастье: предназначенный къ остроумію здравомысль
аетъ отчего вышелъ вовсе не остроумень, а напротивъ
пошловать. Правда, онъ все порывается, равно какъ и
романъ, сказать что-нибудь остроумное, но такъ и
при одномъ желаніи, ровнешенько ничего не выходитъ.
о изъ деликатности готовъ наконецъ зачестъ ему эти
и, такъ сказать, потуги остроумія за самое остроуміе,
здо хуже то, что это-же самое лицо, въ восьмой отдѣльно
ей части романа, предназначено выразить вещи, поло-
жить-таки неостроумныя (въ этомъ старый князь твердо
имаетъ свой характеръ), но за то вещи циническія и
и на часть нашего общества и на народъ нашъ. Въсто
ида является какой-то клубный отрицатель какъ русскаго
такъ и всего, что въ немъ есть хорошаго. Слышится
раздраженіе, стариковская желчь. Впрочемъ политиче-
рія стараго князя нисколько не нова. Это стотысячное
іе того, что мы и безъ него поминутно слышимъ:

къ и я, сказалъ князь. Я жилъ за границей, читалъ газеты и,
съ, еще до Болгарскихъ ужасовъ, никакъ не понималъ, по-
и русскіе такъ вдругъ полюбили братьевъ славянъ, а я ника-
къ любви не чувствую? Я очень огорчился, думалъ что я

уродъ (это, видите-ли, онъ острить: вообразить только, что онъ думаетъ про себя, что онъ уродъ!) или что такъ Карлсбадъ на меня дѣйствуетъ (сугубая острота). Но, прѣхавъ сюда, я успокоился (Еще-бъ вижу, что и кромѣ меня есть люди, интересующіеся только Россіею а не братьями славянами...

Вотъ она гдѣ глубина-то! Надо интересоваться только Россіей. Такъ что вспоможеніе славянамъ прямо признается не своимъ дѣломъ; признавалъ-бы онъ его русскимъ дѣломъ-говорилъ-бы онъ, что надо интересоваться только Россіей, и какъ интересоваться славянами само собою означало-бы и интересоваться самой Россіей и назначеніемъ ея. Характеръ зрѣнія князя состоитъ, стало быть, въ узости пониманія своихъ интересовъ. Этого какъ не слышать, это тысячу разъ услышишь, а въ иныхъ сферахъ такъ только это и слышишь. Но вотъ однако-же нѣчто гораздо злокачественнѣе: это разговоръ, который былъ за нѣсколько минутъ прежде. Старый князь спрашиваетъ Сергѣя Ивановича.

... ради Христа, объясните мнѣ, Сергѣй Ивановичъ, куда ѣдутъ эти добровольцы, съ кѣмъ они воюютъ?

— Съ турками, спокойно улыбаясь отвѣчалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Да кто-же объявилъ войну туркамъ? Иванъ Ивановичъ Грозный и графиня Лидія Ивановна съ мадамъ Шталь?

Вотъ и проговорился. Вы понимаете, что онъ къ тому и вѣдетъ и для этого, можетъ быть, и прѣхалъ поскорѣе изъ Карлсбада. Но это вопросъ уже другаго сорта, и то, что князь объ этомъ говорилъ какъ будто даже и не хорошо. Конечно, и это идея новая, но зачѣмъ-же она опять повторяется? Прошлой зимой очень даже многіе, кому надо было, утверждали, что кто-то въ Россіи объявилъ войну туркамъ. Это выставляли; но идея ходила, погуляла и назадъ воротилась къ изобрѣтателямъ. Почему же ровно никто въ Россіи прошлаго года не объявлялъ войну туркамъ и утверждать это — по меньшей мѣрѣ преувеличенно. Правда, Сергѣй Ивановичъ далѣе отшучивается, но наивный Левинъ, какъ настоящій enfant terrible, прямо высказываетъ то что у князя на умѣ.

— Никто не объявлялъ войны, а люди сочувствуютъ страдающимъ ближнимъ и желаютъ помочь имъ, сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Но князь говоритъ не о помощи, сказалъ Левинъ, заступая за тестя, а объ войнѣ князь говоритъ, что частные люди не могутъ принимать участія въ войнѣ безъ разрѣшенія правительства.

Видите-ли теперь о чемъ заботится Левинъ? Дѣло ставится совсѣмъ прямо; разъяснено сверхъ того глупой выходкой Катавасова. Вотъ что говоритъ Левинъ далѣе:

— Да моя теорія та: война съ одной стороны есть такое животворно жестокое и ужасное дѣло, что ни одинъ человѣкъ, не говоря о христіанинѣ, не можетъ лично брать на свою отвѣтственность начало войны, а можетъ только правительство, которое призвано къ тому и приводится къ войнѣ неизбежно. Съ другой стороны, и по закону, и по здравому смыслу въ государственныхъ дѣлахъ въ особенности въ дѣлѣ войны, граждане отрываются отъ своей личной воли. Сергій Ивановичъ и Катавасовъ съ готовыми возраженіями заговорили въ одно время.

— Въ томъ-то и штука, бабушка, что могутъ быть случаи, когда правительство не исполняетъ воли гражданъ, и тогда общество сохраняетъ свою волю, сказалъ Катавасовъ.

Но Сергій Ивановичъ охотливо не одобрялъ этого возраженія...

Вдлиннѣ словомъ, указывается и поддерживается, что действительно кѣмъ-то была въ Россіи объявлена война туркамъ прошлаго года, мимо правительства. Съ его ухомъ Левинъ могъ-бы гадаться, что Катавасовъ дурачекъ, что Катавасовыхъ вездѣ видешь, что прошлогоднее движеніе было именно противоположно идеямъ Катавасовыхъ, потому что было русское, національное, настоящее наше, а не игра въ какую-то оппозицію. Но Левинъ стоитъ на своемъ, онъ ведетъ свое обвиненіе до конца; когда ему не истина, а то что онъ придумалъ. Вотъ какими соображеніями заканчиваетъ онъ свои мысли на этотъ счетъ:

— Онъ (Левинъ) говорилъ вмѣстѣ съ Михайлычемъ и народомъ, развивая свою мысль въ преданіи о призваніи Баряговъ: «Князь и владыкѣ нама. Мы радостно обѣщаемъ полную покорность и трудъ, всѣ униженія, всѣ жертвы мы беремъ на себя; но не мы и рѣшаемъ». А теперь народъ, по словамъ Сергій Ивановичей, *отказался отъ этого купленной такой дорогой цѣной, права.*

Ему хотѣлось еще сказать, что если общественное мнѣніе есть всерѣшительный судья, то почему революція коммуна не такъ-же важна какъ и движеніе въ пользу славянъ?...

Слышите? И никакія соображенія не сбиваютъ этихъ господъ съ толку, никакіе самые очевидные факты. Я сказалъ уже, что даже еслибъ князь и Левинъ такихъ обвиненій совсѣмъ не дѣлали, но кто-же не видитъ, что одинъ—оскорбленное самолюбіе, другой парадоксальность. Впрочемъ, можетъ быть, и Левинъ оскорбленное самолюбіе. потому что невѣдомо чѣмъ можетъ вдругъ рѣзаться самолюбіе людей! А между тѣмъ дѣло ясное, обви-

неніе вздорное, да и не можетъ быть такого обвиненія, что оно вовсе не можетъ существовать. Не тѣ были вовсе.

II.

Tout ce qui n'est pas expressement permis est défendu.

Война была объявлена Турціи, въ прошломъ году, не сией, и не въ Россіи, а въ славянскихъ земляхъ, славянскими владѣтельными князьями, т. е. государями, княземъ Миланъ сербскимъ и княземъ Николаемъ черногорскимъ, основанная на Турцію за неслыханныя притѣсненія, звѣрства, грабежи, избиенія подвластныхъ ей славянъ, въ томъ числѣ герцеговцевъ, вынужденныхъ наконецъ этими самыми звѣрствами возстать противъ притѣснителей. Неслыханныя истязанія и избиенія которымъ подверглись герцеговинцы, стали извѣстны всей Россіи. Извѣстія объ этихъ ужасахъ проникли и къ намъ въ Россію въ интеллигентную публику и наконецъ въ народъ. По несмысленности своей они проникли всюду. Получались свѣдѣнія, что тысячи людей, старики, беременныя женщины, оставленные произволу дѣти, бросили свои жилища и устремились вонъ изъ Турціи, въ сосѣднія земли, куда попало, безъ хлѣба, безъ одежды, въ послѣднемъ животномъ страхѣ самосохраненія. Князья, Церковь, предстоятели Церкви, возвысили за неслыханныхъ голосъ и стали собирать для нихъ подаваніе. Началъ и вать имъ и нашъ народъ, жертвы стекались въ опредѣленные мѣста, въ редакціи журналовъ, въ отдѣлы бывшихъ славянскихъ комитетовъ — и въ этомъ вовсе ничего не было незаконнаго, противъ-правительственнаго или безнравственнаго. Напротивъ смѣло можно сказать, что было лишь одно хорошее. Что изъ славянскихъ князей, затѣявшихъ войну съ Турціею, то не сія и никто въ Россіи въ этомъ не были виноваты. Правда, изъ этихъ владѣтелей, именно князь Миланъ Сербскій, владѣтелемъ не вполне независимымъ; напротивъ, обязанъ султану и некоторой вассальной подчиненностью, такъ что въ изъ русскихъ газетъ его горько упрекали за то, что онъ, сказать, бунтовщикъ, и чтобъ ужь совершенно свонфузи пристыдить его, написали, что онъ возсталъ противъ султана «сюзерена». Но все это опять-таки было собственнымъ дѣломъ князя Милана, за которое ему одному и слѣдуетъ от-

а, стало быть, ровно ничѣмъ передъ султаномъ не согрѣ-
 шъ. А пожертвованія между тѣмъ все стекались, да стекались,
 это уже совсѣмъ другое. Но вотъ вдругъ одинъ изъ русскихъ
 полковъ, на то время безъ занятій, человекъ еще не старый,
 но только генералъ-майоръ, но уже нѣсколько извѣстный по
 своимъ, довольно успѣшнымъ дѣйствіямъ своимъ въ Средней
 Европѣ, отправился, по своей собственной охотѣ, въ Сербію и пред-
 лагалъ князю Милану свои услуги. На службу онъ былъ принятъ
 въ числѣ офицеровъ, но вовсе не главнокомандующимъ сербскою арміею,
 а впродолженіе быль у насъ о томъ слухъ въ Россіи, долго дер-
 жався. Вотъ тутъ-то и начались русскіе добровольцы, которые,
 какъ мы знаемъ, несомнѣнно и прежде были, т. е. до Черняева; вмѣстѣ
 съ ними усилились сборы пожертвованій, на которыя поднялась
 Россія. Всѣхъ добровольцевъ за весь прошлый годъ было
 не такъ много, знаетъ сколько, очень не много тысячъ, но провожала
 въ Сербію рѣшительно вся Россія, и особенно народъ, на-
 шій народъ, а не стрюцкіе, какъ особенно настаиваетъ на
 этомъ ослобленный Левинъ; стрюцкими онъ считаетъ и доброволь-
 цовъ. Но это было не такъ, дѣло это не въ углу происходило,
 это всѣмъ извѣстно, всѣ могли видѣть и убѣдиться и всѣ,
 и въ Россіи, рѣшили, что дѣло это—хорошее дѣло. Со сто-
 рона народа объявилось столько благороднаго, умилительнаго и
 величаваго, что все прошлогоднее движеніе это русскаго на-
 рода въ пользу славянъ, несомнѣнно останется одною изъ луч-
 шихъ страницъ въ его исторіи. Впрочемъ, защищать народъ про-
 слобленный Левинныхъ, доказывать Левиннымъ, что это были не стрюцкіе
 воздыхатели, а, напротивъ, сознающіе свое дѣло люди—
 говорить все это, по моему, совершенно лишнее и не нужное,
 потому что—даже для народа и унижительное. Главное-же въ томъ,
 что все это происходило открыто, у всѣхъ на виду: объявлялись
 имена поразительно характерные, которые записались, запомни-
 лись и не забудутся, и оспорены быть уже не могутъ. Но о на-
 шемъ, что-же до добровольцевъ, то какъ не случится въ
 числѣ, рядомъ съ высочайшимъ самоотверженіемъ въ пользу
 славянъ (НВ Кирѣевъ) и просто удачеству, прыти, гульбѣ и
 др. Все произошло какъ всегда и вездѣ происходитъ. Прав-
 сьдено еще сколько и изъ этихъ гулякъ-пьяницъ, за-
 чѣхся людей, если только такіе были въ числѣ доброволь-
 цовъ, тамъ далеко животь свой за великодушное дѣло.
 [и въ нихъ нечего-бы было столь порицательно и даже

ругательно возставать. Но утверждать, что прошлогодніе до-вольцы были *слаомъ* гуляки, пьяницы и люди потерянныя—меньшей мѣрѣ не имѣетъ смысла, ибо, опять-таки повторю, это не въ углу происходило и всё могли видѣть. Но во всякомъ случаѣ объявленія войны, въ прошломъ году, сосѣдней державѣмъ-нибудь изъ русскихъ помимо правительства, положительно не было. Иванъ Ивановичъ Рагозовъ и графиня Лидія Иванова не могли-бы объявить войну туркамъ, если-бы даже и хотѣли. Мало того, они даже добровольцевъ не подымали, никого не манивали, не понимали, а всякій шелъ *добровольно* *столми*—рѣшительно всѣмъ извѣстно. Но что помогали они добровольцамъ и сверхъ того посылали въ славянскія земли деньги для несчастнымъ, измученнымъ и изувѣченнымъ, и сверхъ того помогали деньгами-же возставшимъ ихъ защищать,—это было, это было, и даже вместе съ самымъ ревностнымъ пожеланіемъ, чтобъ кровопійцы турки сломали себѣ шею,—да, это въ высшей степени было! Но весь вопросъ въ томъ: объявленіе-ли это ны? Если-же нѣтъ, то запрещено все это или нѣтъ правительствомъ, т. е. запрещено-ли помогать сражающимся за христіанскія деньги и желать, чтобъ турки сломали себѣ шею? Опять-никакъ не думаю, чтобъ было запрещено, ибо дѣло это открытое, всё видѣли, всё участвовали, а добровольцы получали свои заграничныя паспорта отъ правительства-же. Я не знаю впрочемъ, можетъ быть, и есть такой законъ, <что частные не могутъ принимать участія въ войнѣ безъ разрѣшенія правительства>, т. е. не могутъ вступать безъ особаго разрѣшенія своего правительства въ службу къ иноземнымъ государямъ—можетъ быть, дѣйствительно существуетъ какой-нибудь такой законъ, очень старый, но еще не отмѣненный; но правительство всегда могло-бы и само воспользоваться этимъ закономъ, а где тутъ Левину-то? Ему-то что во всемъ этомъ? Между темъ онъ именно этимъ-то и волнуется...

— Pardon, monsieur, mais il me semble, que tout ce qui n'est pas expressement défendu est permis.

— Au contraire, m-r: tout ce qui n'est pas expressement permis est défendu.

То есть по русски:

— Да, но мнѣ кажется, что все что не особенно настоятельно запрещено, то можно-бы считать дозволеннымъ.

— Совсѣмъ напротивъ-съ: все то, что не особенно настоятельно дозволено надо несомнѣнно считать уже запрещеннымъ.

Краткій коническій разговоръ человека порядка съ чело-
вѣкомъ безпорядка, происходившій во Франціи. Но вѣдь этотъ
человекъ порядка и поставленъ у порядка, онъ объяснитель
вликъ его, онъ уже такое лицо. А Левину-то что? Что
за специальность въ этомъ родѣ? Онъ все боится, чтобъ не
весь какое-то право. А между тѣмъ весь народъ, сочув-
ственный христіанамъ, совершенно зналъ, что онъ правъ,
и ничего не дѣлаетъ противъ воли Царя своего, и серд-
цонми былъ за одно съ Царемъ своимъ. Да, онъ зналъ
въ точно думали и тѣ, которые снаряжали добровольцевъ.
Онъ не утѣшалъ себя, хотя-бы въ тайнѣ, свѣтлою мыслью,
и ведутъ дѣло противъ воли правительства. Царскаго слова
съ истеричіемъ и съ великою надеждою и всё предчув-
ствіе его впередъ и въ немъ не ошибался. Обвиненіе въ
этомъ войны есть, однимъ словомъ, обвиненіе фантастиче-
ское само по себѣ и которое нельзя поддерживать.
Левинъ и князь отъ этого обвиненія сами выгораживаютъ
себя. Они прямо отрицаютъ участіе народа въ прошлогоднемъ
дѣлѣ, но за то прямо утверждаютъ, что народъ не понималъ
да и не могъ понимать, что все было искусственно воз-
ведено журналистами для пріобрѣтенія подписчиковъ и нарочно
использовано Рагозовыми и проч. и проч.

Личныя мнѣнія тутъ ничего не значатъ, сказалъ Сергій Ива-
новичъ. Нѣтъ дѣла до личныхъ мнѣній, когда вся Россія—народъ въ
свою волю.

А назовите меня. Я этого не вижу. Народъ и знаетъ не знаетъ,
князь.

Нѣтъ, шала... Какже нѣтъ? А въ воскресенье въ церкви? ска-
жи, прислушавшася къ разговору...

А что-же въ воскресенье въ церкви? Священнику вслѣдъ про-
читать. Они лично не кончили, выдыхали, какъ при есложіи
онъ, продолжалъ князь. Потомъ нѣтъ сказали, что вотъ соби-
рается душевспасительное дѣло въ церкви, ну, они выкупили по ко-
му дали. А на что, они сами не знаютъ.

Мнѣніе незлѣное, идущее прямо противъ факта и въ устахъ
оно легко объясняется: оно исходитъ отъ одного изъ
хъ опекуновъ народа, отъ прежняго крѣпостника, кото-
рому, какъ-бы ни былъ онъ добръ, не презирать своихъ
и не считать себя безмѣрно выше ихъ пониманіемъ; «по-
шли, дескать, и ничего не поняли». Но вотъ мнѣніе Ле-
вина, по крайней мѣрѣ, выставленъ не прежнимъ крѣпостни-

— Мнѣ не нужно спрашивать, сказалъ Сергійъ Иванъ видѣли и видимъ сотни и сотни людей, которые бросаютъ послужить правому дѣлу, приходятъ со всѣхъ концовъ Рос и ясно выражаютъ свою мысль и цѣль. Они приносятъ с или сами идутъ, и прямо говорятъ зачѣмъ. Что-же это зи

— Значить по моему, сказалъ начинавшій горячить что въ восьмидесяти милліонномъ народѣ всегда найдутся не теперь, а десятки тысячъ людей, потерявшихъ общественное безшабашныхъ людей, которые всегда готовы — въ шайку . *Хиру, въ Сербію.*

— Я тебѣ говорю, что не сотни и не люди безшабаш шіе представители народа!—сказалъ Сергійъ Ивановичъ раздраженіемъ, какъ будто онъ защищалъ послѣднее свое А пожертвованія? Тутъ ужъ прямо весь народъ выражаетъ

— Это слово „народъ“ такъ неопредѣленно, сказалъ I саря волостные, учителя, и изъ мужиковъ одинъ на тыся быть, знаютъ о чемъ идетъ дѣло. Остальные-же 80 миллі Михайлычъ, не только не выражаютъ своей воли, но не мажѣйшаго понятія о чемъ надо-бы выражать свою во же мы ниѣмъ право говорить, что это воля народа?

Да и вообще надо-бы здѣсь замѣтить, разъ на слово: «воля народа» въ прошлогоднемъ движеніи неумѣстно, да и ровно ни къ чему не служитъ, потс чего точно не обозначаетъ. Прошаго года не воля и значилась, а великое состраданіе его, во первыхъ, и ревность о Христѣ, а въ третьихъ собственное какъ ніе его въ родѣ какъ-бы говѣнія—право этакъ можно зиться. Я это поясню ниже, но теперь прибавлю, радъ, въ устахъ Левина, такимъ выраженіямъ про нихъ добровольцевъ, какъ *пойти въ шайку Пугаче* По крайней мѣрѣ, эти мысли я уже никакъ теперь не писать автору, чему и радъ ужасно, ибо ясно по авторъ вступилъ въ свои права художника; онъ сли чувствовалъ, что разгорячившіеся ниохондрикъ Лев имъ-же созданное художественное лицо, и не могъ моментъ спора не выдержать свой характеръ, т. е. не оскорбительнѣйшимъ ругательствомъ свой отзывъ как вольцахъ, такъ и объ русскомъ народѣ, ихъ провожави не менѣе, такъ какъ обвиненіе народа, за прошлогод шіе его, въ глупости и въ тупости, дѣйствительно суи и ходило, а намекъ на счетъ шаекъ Пугачева дѣй тоже наклевывался. то я здѣсь, кстаги, и рѣшаюсь, постя, въ самыхъ краткихъ словахъ, попробовать I какимъ образомъ надобно понимать загадку *сознани*

дняго всенароднаго движенія нашего на помощь славя-
 бо изъ этого дѣйствительно составили цѣлую загадку
 нныхъ кружкахъ: «Какъ, дескать, народъ только вчера
 о славянахъ, ничего-то онъ не знаетъ, ни географія,
 ни, и на-вотъ — вдругъ полѣзъ на стѣну за славянъ,
 всь они ему такъ вдругъ очень!»! За эту тему, кромѣ
 ихъ кружковъ, ухватились и сѣдые старичья какъ ста-
 нь въ клубахъ, и вотъ обрадовался ей, какъ видно, и
 такъ какъ ею очень можно поддержать и предлагаемое
 мненіе объ искусственной поддѣлкѣ движенія извѣстными
 для извѣстныхъ цѣлей. Правда, выставляется Сергѣй
 въ какъ-бы защитникомъ противъ Левина сознательно-
 наго движенія, но защищаетъ онъ дѣло свое плохо,
 ричится, и вообще, какъ я уже и сказалъ, выставленъ
 ческомъ видѣ. Между тѣмъ, дѣло это о сознательности
 юсти народнаго чувства въ пользу угнетенныхъ хри-
 до того ясно, до того точно можетъ быть опредѣлено,
 е могъ не соблазниться, чтобъ не выставить на видъ:
 до по моему понимать это дѣло для избѣжанія путаницы
 обонности, *загадка?*

III.

**вбочномъ знаніи необразованнымъ и безграмотнымъ рус-
 народомъ главнѣйшей сущности Восточнаго вопроса.**

амаго начала народа русскаго и его государства, съ
 грешенія земли русской, начали устремляться изъ нея
 ки во святыя земли, ко Гробу Господню, на Афонъ и
 ще во время крестовыхъ походовъ ходилъ въ Іерусалимъ
 гумень русскій и былъ ласково принятъ королемъ Іеру-
 сльмъ «Балдуиномъ», что прекрасно описалъ въ хожденіи
 Затѣмъ паломничество на Востокъ, ко святымъ мѣстамъ,
 рашалось и до нашихъ дней. Изъ русскихъ-же монаховъ
 еперь въ Россіи весьма многіе, живавшіе на Афонѣ. Та-
 йразомъ, темный и совершенно необразованный русскій
 т. е. самые даже простые деревенскіе мужики, совер-
 не зная исторіи и географіи, знаютъ однако-же отлично,
 очень давно, что святыми мѣстами и всѣми тамошними
 мни христіанами овладѣли нечестивые Агаряне, магоме-

тане, турки, и что жить христіанамъ по всему Востоку вычайно трудно и тяжело. Знаетъ объ этомъ русскій народъ сокрушеніемъ сердца; а такова уже русская народная историческая, что покаянные подвиги хожденія ко святымъ мѣстамъ, онъ издревле еще высоко цѣнилъ. Сердцемъ его влекло туда,—черта историческая. Люди безъ гроша, старотставные солдаты, старыя бабы, совершенно не зная географіи уходили изъ селеній своихъ съ нищенскими котомками съ плечами, и дѣйствительно, иногда послѣ безчисленныхъ стувій, достигали святыхъ земель. Когда-же возвращались в дину, то рассказы ихъ объ ихъ странствованіяхъ благоговѣно выслушивались. Да и вообще рассказы про «божественное» любятъ русскій народъ. Мужики, дѣти ихъ, въ городахъ шае, купцы даже, этихъ рассказовъ заслушиваются, съ леніемъ и воздыханіемъ. Напримѣръ, вопросъ: кто читалъ Четьи-Миней? Въ монастырѣ кто-нибудь, изъ свѣтскихъ профессіи какой-нибудь по обязанности, или какой-нибудь старикъ чудакъ, который постится и ходитъ ко всенощной. Да и до ихъ трудно: надо купить, а попробуйте попросите почтитать время въ приходѣ — не дадутъ. И вотъ, вѣрите-ли вы, что по всей землѣ русской чрезвычайно распространено Четьи-Миней — о, не всей конечно книги, — но распростра духъ ея по крайней мѣрѣ — почему-же такъ? А потому есть чрезвычайно много расказащиковъ и расказащицъ о Житіи Святыхъ. Рассказываютъ они изъ Четьи-Миней, прекрасно, не вставляя ни единого лишняго слова отъ себя и ихъ заслушиваются. Я самъ въ дѣтствѣ слышалъ такіе рассказы прежде чѣмъ научился читать. Слышалъ я потомъ эти рассказы въ острогахъ у разбойниковъ и разбойники слушали и вѣхали. Эти рассказы передаются не по книгамъ, а заучены изустно. Въ этихъ рассказахъ, и въ рассказахъ про свѣтскихъ мѣста, заключается для русскаго народа, такъ сказать, и покаянное и очистительное. Даже худые, дрянные люди, бабники и притѣснители, получали нерѣдко странное и неудержимое желаніе идти странствовать, очиститься трудомъ, подвигомъ и полнить давно данное обѣщаніе. Если не на Востокъ, не въ Іерусалимъ, то устремлялись ко святымъ мѣстамъ русскимъ, въ Кіевъ, въ Соловецкимъ чудотворцамъ. Некрасовъ, создавая своего ликаго «Власа», какъ великій художникъ, не могъ и вообразить себѣ иначе, какъ въ веригахъ въ покаянномъ скитальчествѣ. Черта эта въ жизни народа нашего — историческая, на кот-

можно не обратить вниманія, даже и потому только, что больше ни въ одномъ европейскомъ народѣ. Что изъ нея — сказать трудно, тѣмъ болѣе, что и къ нашему народу идетъ, черезъ школы и грамотность, просвѣщеніе и не только новые вопросы, которые могутъ многое измѣнить. Но и это, и только это одною. то есть этою только чертою и возмочь объяснить всю загадку сознательности прошлогодняго движенія народа нашего въ пользу «братьевъ-славянъ», какъ мысь прошло года официально, а теперь какъ выражается почти въ насмѣлку. Про славянъ дѣйствительно народъ почти ничего не зналъ, и не только одинъ на тысячу, какъ мысля Левинъ, но на много тысячъ одинъ какой нибудь не былъ, слышалъ, какъ-нибудь мелькомъ, что есть тамъ и сербы, черногорцы, болгары, едновѣрцы наши. Но зато нашъ, почти весь, или въ чрезвычайномъ большинствѣ, и знаетъ, что есть православные христіане подъ игомъ турецкимъ, страдаютъ, мучаются и что даже самыя святыя Іерусалимъ, Афонъ, принадлежатъ иновѣрцамъ. Онъ даже не слишкомъ вѣтъ тому назадъ могъ слышать объ истязуемыхъ восточныхъ христіанахъ и о порабощенныхъ святыхъ мѣстахъ, когда покойный Государь начиналъ свою войну съ Турціей, и войну съ Европой, кончившуюся Севастополемъ. Тогда тоже слышалъ войны, пронеслось сверху слово о святыхъ мѣстахъ, и народъ могъ тоже съ тѣхъ поръ запомнить. Кромѣ того, долго до прошлогодняго подъема нашего въ пользу славянъ начались истязанія этихъ славянъ, и почти годъ какъ мы уже говорили в писани въ Россіи, и я самъ слышалъ въ народѣ уже спрашивали даже тогда еще: «правда-турокъ опять подымается?» Кромѣ того (хотя это и отдаленное изображеніе), но мнѣ кажется, что и время какъ-бы всему способствовало, т. е. прошлогоднему движенію. Довольно уже, относительно говоря, какъ послѣдовало у насъ освобожденіе крестьянъ, и вотъ прошли эти годы — и что же увидѣть средѣ своей народъ? Увидѣлъ онъ, между прочимъ, увеличившееся пьянство, умножившихся и усилившихся вулаковъ, въ себя нищету, на себѣ верѣдко звѣриный образъ, — много, многихъ, можетъ быть, брала уже за сердце какая-то некая скорбь, скорбь самообвиненія, исканія лучшаго, и... И вотъ вдругъ раздается голосъ объ угнетеніи христіанъ, о чинахъ за церковь, за вѣру, о христіанахъ полагающихъ за Христа, и идущихъ на крестъ — (такъ какъ если-бы

они согласились отречься отъ Креста и принять магометанство (были-бы всѣ пощажены и награждены, — это-то уже и народу было извѣстно). Поднялись воззванія къ пожертвованію, затѣмъ пронесся слухъ про русскаго генерала, поѣхавшаго гонимымъ христіанамъ, затѣмъ начались добровольцы, — все это пошло изъ народа. Именно потрясло, какъ я выразился выше какъ-бы *звонъ къ покаянію, къ говнью*. Кто не могъ идти самъ, несъ свои гроши, но добровольцевъ всѣ провожали, въ Россію. Старый князь, сидя въ Карсбадѣ, не могъ понять этого движенія и воротился въ самый разгаръ его съ юморомъ на устахъ. Но вѣдь что-же могъ понять въ Россіи и въ русскіи чело­вѣкъ этотъ клубный старичекъ? Умный Левинъ могъ понять гораздо болѣе его, но его сбило съ толку соображеніе, что народъ не знаетъ исторіи и географіи, а главное досада, что какіе-то Рагозовы объявляютъ войну даже не спросивъ. Но объявленія войны не было, а со стороны народа было бы всеобщее умиленное покаяніе, жажда принять участіе въ этомъ святомъ, въ дѣлѣ Христовомъ, за ревнующихъ о крестѣ, вотъ все что было. Такъ что движеніе-то было и побаяло въ тоже время историческое. Замѣтьте себѣ, что говоря о историческую черту русскаго народа, т. е. про ревность къ «дѣлу Божію», къ Святымъ мѣстамъ, къ угнетенному христіанству и вообще ко всему *покаянному, божественному*, я вѣдь не думаю хвалить за это русскій народъ: я не хвалю и не осуждаю, я только констатирую фактъ, *которымъ многое объяснить можно*. Что-же дѣлать что у насъ есть такая *историческая черта*, не знаю что изъ нея выйдетъ, но очень можетъ быть что и выйдетъ. Въ жизни народовъ все важнѣйшее слѣдуетъ всегда сообразно съ ихъ важнѣйшими и характернѣйшими національными особенностями. Пока, напримѣръ, у насъ, изъ указанной исторической черты народа нашего, выходитъ и должно быть, *каждый разъ*, въ войну Россіи съ султаномъ — исключительно-національное отношеніе народа нашего ко всякой войнѣ, такъ что нечего дивиться горячему участію народа въ войнѣ собственно потому только, что онъ не знаетъ исторіи и географіи. Что надо знать ему онъ знаетъ. О, нашъ народъ безграмотный невѣжда, это безспорно, и ему даже въ нравственномъ отношеніи можно-бы насказать множество превосходствъ и просвѣщеннѣйшихъ вещей на счетъ столь застарѣлой въ древней исторической черты его. Этимъ русскимъ людямъ можно бы было разъяснить, что всѣ ихъ странствованія, паломничества

то узкое пониманіе ихъ долга и обязанностей: что не-
 сть за хорошимъ такъ далеко, что лучше было-бы, еслибъ
 нтъ пьянство, обратилъ вниманіе на умноженіе своего
 нія, на приращеніе экономическихъ силъ, не билъ
 ратилъ вниманіе на школы, на шоссеиныя дороги и проч.
 словомъ, хотъ чѣмъ-бы нибудь способствовалъ, чтобъ Рос-
 отечество, стала наконецъ походить на другія «просвѣ-
 ввропейскія государства». Можно-бы внушить, наконецъ,
 ку, что хожденія его по святымъ мѣстамъ Богу вовсе
 ны, потому главное, что ни ему самому, ни семейству
 кому пользы никакой не приносятъ, а что, напротивъ,
 ть даже вредъ, ибо странствующій, уходя надолго, остав-
 той домъ, родину, въ сущности для цѣли эгонстической,
 нія души своей, тогда какъ Богу несравненно было-бы
 з, еслибъ онъ употребилъ свой праздный досугъ на какую
 юльзу ближнему: посадилъ-бы на огородѣ, присмотрѣлъ-бы
 ами и проч. и проч. Однкмъ словомъ, можно-бы наговорить
 краснаго; но что-же однако дѣлать, если такъ именно сло-
 та историческая черта и исканіе добраго приняло въ народѣ
 почти что одну эту форму, то есть форму покаянную
 ническомъ или жертвенномъ видѣ? По крайней мѣрѣ,
 днн «просвѣщенія», умный Левинъ могъ-бы зачестъ
 эту историческую черту его. Онъ могъ-бы понять, по
 мѣрѣ, что многіе добровольцы и народъ, провожавшій
 ствовали изъ побужденія хорошаго, думали дѣло сдѣ-
 ірое (въ этомъ нельзя-же не согласиться!), а, стало быть,
 ть случаѣ, это были хорошіе представители народа, ко-
 е «блиставшіе просвѣщеніемъ», но и не потерянные-же
 в безшабашные, не стрюцкіе, не заболтавшіеся, а, на-
 , даже, можетъ быть, лучшіе люди изъ народа. Дѣло это
 цено прямо, какъ Христово дѣло, а у многихъ, у очень
 въ тайникахъ души ихъ — именно какъ очистительное
 ное дѣло. И не одинъ-то изъ всего этого народа не
 алъ себя, за это дѣло, виноватымъ передъ Царемъ сво-
 противъ, зналъ, что милосердымъ сердцемъ своимъ Царь-
 тель за одно съ народомъ своимъ. Воли Царевой, слова
 ждали въ умиленіи и надеждѣ, а мы, мы, сидя по угламъ
 радовались еще про себя, что великій народъ Русскій
 въ великую и вѣчную надежду нашу на него. А потому
 быть, хотъ съ какою-нибудь стороны, примѣнено къ
 въ его благородному и кроткому движенію — сравненіе

съ шайкой Пугачева, съ коммуной и проч.! Именно только раз-
женный до сотрясенія ищондрикъ Левинъ могъ провозгла-
это. Вотъ что значить обидчивость!

IV.

**Сотрясеніе Левина. Вопросъ: Имѣеть-ли разстояніе вліяніе
человѣколюбіе? Можно-ли согласиться съ мнѣніемъ одного
наго турка о гуманности нѣкоторыхъ нашихъ дамъ? Чемъ
наконецъ насъ учать наши учителя?**

Но сотрясеніе идетъ еще далѣе: Левинъ прямо и назой-
ливо провозглашаетъ, что состраданія къ мученіямъ славянъ
*«непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ,
можетъ быть»*. Сергій Ивановичъ говоритъ:

... Тутъ нѣтъ объявленія войны, а просто выраженіе чело-
вѣческаго, христіанскаго чувства. Убиваютъ братьевъ, единокров-
ныхъ и единовѣрцевъ. Ну, положимъ, даже не братьевъ, не единовѣр-
цевъ, а просто дѣтей, женщинъ, стариковъ: чувство возмущается и
люди бѣгутъ, чтобъ помочь прекратить эти ужасы. Представь
себѣ, что ты-бы шелъ по улицѣ и увидѣлъ-бы, что пьяные бьютъ
женщину, или ребенка, я думаю, ты не сталъ-бы спрашивать объ
этомъ или не объявлена война этому челоуѣку, а ты-бы бросился на
защитилъ-бы обижаемаго.

— Но не убилъ-бы, сказалъ Левинъ.

— Нѣтъ, ты-бы убилъ.

— Я не знаю. Если-бы я увидалъ это, я-бы отдался своему
чувству непосредственному; но впередъ сказать я не могу. И такое
чуждое, посредственное чувство къ угнетенію славянъ нѣтъ, и не можетъ

— Можетъ быть для тебя нѣтъ. Но для другихъ оно есть,
вольпо хмурясь, сказалъ Сергій Ивановичъ.— Въ народѣ живы
данія о православныхъ людяхъ, страдающихъ подъ игомъ „не-
верныхъ Агарянъ“. Народъ услышалъ о страданіяхъ своихъ бра-
твей и говорилъ.

— Можетъ быть, уклончиво сказалъ Левинъ, — но я не
самъ народъ, и я не чувствую этого.

И опять: «я самъ народъ». Повторяю еще разъ: всего т-
два часа тому, какъ этотъ Левинъ и вѣру-то свою получилъ
мужика, по крайней мѣрѣ, тотъ надоумилъ его какъ вѣру-
тосъ не восхваляю мужика и не унижаю Левина, да и суди-
теперь берусь теперь кто изъ нихъ лучше вѣрилъ и чье состояніе
было выше и развитѣе, ну и проч. и проч. Но вѣдь со-
тосъ сами, повторяю это, что ужъ изъ одного этого фак-
тосъ могъ-бы догадаться, что есть-же нѣкоторая существе

и между нимъ и народомъ. И вотъ онъ говоритъ: «Я народъ». А почему онъ такъ увѣренъ въ томъ, что онъ народъ? А потому что запречь телѣгу умѣетъ и знаетъ, огурцы съ медомъ ѣсть хорошо. Вотъ вѣдь люди! Я какое мнѣнiе, какая гордость, какая заносчивость!

Но все-же не въ томъ главное. Левинъ увѣряетъ, что непосредственнаго чувства къ угнетенiю славянъ *нѣтъ и не можетъ быть*. Ему возражаютъ, что «народъ услышалъ о страданiяхъ своихъ братьевъ и заговорилъ, а онъ отвѣчаетъ: *Можетъ, но я не вижу; я самъ народъ, и я не чувствую этого!*» То есть состраданiя? Замѣтьте, что споръ Левина съ Сергѣемъ Ивановичемъ о состраданiи и о непосредственномъ чувствѣ къ угнетенiю славянъ ведется уклончиво и какъ-бы съ презиенiемъ, чтобъ кончить побѣдою Левина. Сергѣй Ивановичъ, напримѣръ, изо всѣхъ силъ, что еслибъ Левинъ шелъ убивать, то пьяные бьютъ женщину, то онъ-бы бросился бодать ее! «Но не убилъ-бы!» возражаетъ Левинъ.—Итъ, бы убилъ, настаиваетъ Сергѣй Ивановичъ, и ужь конечно итъ вздоръ, потому что кто-жь, помогая женщинѣ, которую бьютъ пьяные, убьетъ пьяныхъ? Можно освободить и не убивая. А шое, дѣло вовсе идетъ не о дракъ на улицѣ, сравненiе невѣрно и однородно. Говорятъ о славянахъ, объ истязанiяхъ, пыткѣ и убiйствахъ, которымъ они подвергаются, и Левинъ слышитъ знаетъ, что онъ говоритъ о славянахъ. Стало быть, когда онъ говоритъ, что онъ не знаетъ помогъ-ли бы онъ, что онъ *видѣтъ и ничего не чувствуетъ* и проч. и проч., то именно *видѣтъ*, что не чувствуетъ состраданiя къ мученiямъ славянъ (а не къ мученiямъ прибитой пьяными женщины) и настаиваетъ, что непосредственнаго чувства къ угнетенiю славянъ *нѣтъ, и не можетъ быть*, а не къ угнетенiю пьяной женщины, такъ онъ буквально и выражается.

Здѣсь довольно любопытный психологическiй фактъ. Книга шла всего 2½ мѣсяца назадъ, а 2½ мѣсяца назадъ уже совершенно извѣстно было, что всѣ безчисленные рассказы о беззачинныхъ мученiяхъ и истязанiяхъ славянъ — совершенная правда, — истина, засвидѣтельствованная теперь тысячею свидѣтелей и очевидцевъ всѣхъ націй. То, что мы узнали въ эти года о истязанiяхъ славянъ, пересиливаетъ фантазiю самого самаго болѣзненнаго и изстуженнаго воображенiя. Итъ, во первыхъ, что убiйства эти не случайныя, а систематическiя, нарочно возбуждаемыя и всячески поощряемыя. Истреб-

ленія людей производятся тысячами и десятками тысячъ. Утѣченности въ мученіяхъ таковы, что мы не читали и не слышали ни о чемъ еще подобномъ прежде. Съ живыхъ людей сдирается кожа въ глазахъ ихъ дѣтей; въ глазахъ матерей подбрасываютъ и ловятъ на штыкъ ихъ младенцевъ, производятся насильничавіе женщины и въ моментъ насилія они проказываютъ ее кинжаломъ, а главное мучать въ пыткахъ младенцевъ и ругаются надъ ними. Левинъ говоритъ, что онъ не чувствуетъ *ничего* (!), и азартно утверждаетъ, что непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ и не можетъ быть. Но смѣю увѣрить г. Левина, что оно можетъ быть и что я самъ былъ тому уже неоднократно свидѣтелемъ. Я помню дѣлъ, напримѣръ, одного господина, который о своихъ чувствахъ говоритъ не любить, но который, услышавъ какъ одному двулѣтнему мальчику, въ глазахъ его сестры, прокололи иголкой глазъ и потомъ посадили на колъ, такъ что ребенокъ все-таки не скоро умеръ и еще долго кричалъ,—услышавъ про это, этотъ господинъ чуть не сдѣлался боленъ, всю ту ночь не спалъ и два дня послѣ того находился въ тяжеломъ и разбитомъ состояніи духа и бѣшавшемъ его занятіямъ. Смѣю увѣрить при этомъ г. Левина, что господинъ этотъ человекъ честный и бесспорно-порядочный далеко не стрюцкій и ужь отнюдь не членъ шайки Пугачева. Я хотѣлъ только заявить, что непосредственное чувство къ истязаніямъ славянъ существовать можетъ, и даже самое сильное, и даже во всѣхъ классахъ общества. Но Левинъ настаиваетъ, что его не можетъ и быть и что самъ онъ *ничего* не чувствуетъ. Это для меня загадка. Конечно, есть просто безчувственные люди грубые, съ развитіемъ извращеннымъ. Но ядѣ Левинъ, кажется не таковъ, онъ выставленъ человекомъ вполне чувствительнымъ. Не дѣйствуетъ-ли здѣсь просто разстояніе? Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ли въ иныхъ натурахъ этой *психологической* особенности: «Самъ дескать, не вижу, происходитъ далеко, ну вотъ ничего я не чувствую». Кромѣ шутокъ, представьте, что на планетѣ Марсъ есть люди, и что тамъ выкалываютъ глаза младенцамъ. Вѣдь, можетъ быть, и не было-бы намъ на землѣ жалко, по крайней мѣрѣ, такъ ужь очень жалко? Тоже самое, пожалуй, можетъ быть, и на землѣ при очень большихъ разстояніяхъ: «Э, дескать, въ другомъ полу шарѣ, не у насъ!» То есть хоть онъ и не выговариваетъ это прямо, но такъ чувствуетъ, т. е. *ничего* не чувствуетъ. Въ такомъ случаѣ, если разстояніе дѣйствительно такъ вліяетъ на гуманность, то рождается самъ собою новый вопросъ: на какомъ

Какъ кончается человеколюбіе? А Левинъ дѣйствительно кажется большую загадку въ человеколюбіи: Онъ прямо знаетъ, что онъ не знаетъ убилъ-ли-бы онъ.

Если бы я увидала это, я-бы отдался своему чувству непосреду, но впередъ сказать я не могу.

Нѣтъ не знаетъ что-бы онъ сдѣлалъ! А между тѣмъ это чувство чувствительный, и вотъ, какъ чувствительный-то человекъ и боится убить... турку. Представимъ себѣ такую картину: Левинъ уже на мѣстѣ, тамъ, съ ружьемъ и со мной, а въ двухъ шагахъ отъ него турокъ сладострастно выколотъ иглой глазки ребенку, который уже въ рукахъ. Семилѣтняя сестренка мальчика кричитъ и умоляетъ бросается вырвать его у турка. И вотъ Левинъ въ раздумьи и колеблется:

Не знаю, что сдѣлать. Я ничего не чувствую. Я самъ не испытываю непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ, можетъ быть.

Но серьезно, чтобы онъ сдѣлалъ, послѣ всего того, что онъ сказалъ? Ну, какъ-бы не освободить ребенка? Неужели мучить его, неужели не вырвать сейчасъ-же изъ рукъ турка?

Да, вырвать, но вѣдь пожалуй придется больно толкнуть

Ну и толкни!

Толкни! А какъ онъ не захочетъ отдать ребенка и вырвать саблю? Вѣдь придется, можетъ быть, убить турку?

Ну и убей!

Нѣтъ, какъ можно убить! Нѣтъ, нельзя убить турку. Пусть пусть онъ лучше выколотъ глазки ребенку и заберетъ его, а я уйду къ Кити.

Но какъ долженъ поступить Левинъ, это прямо выходитъ изъ убежденій и изъ всего того, что онъ говоритъ. Онъ говоритъ, что не знаетъ помогъ-ли-бы онъ женщине и ребенку, если-бы приходилось убить при этомъ турку. А ему жаль ужасно.

Видать гдѣ-то тому назадъ мы-бы молчали (говоритъ Сергій Гичъ), а теперь слышенъ голосъ русскаго народа, который говоритъ какъ одинъ человекъ, и готовъ жертвовать собой для своихъ братьевъ; это великій шагъ и задатокъ силы.

Но вѣдь не жертвовать только, а убивать турокъ, робко скажемъ. Народъ жертвуетъ и готовъ жертвовать для своей души, а убійства...

То есть другими словами: «возьми дѣвочка деньги, за
для души нашей, а ужь братишкѣ пусть выколуютъ гла
Нельзя-же турку убивать...»

И потомъ дальше уже говоритъ самъ авторъ про Де

... „Онъ не могъ согласиться съ тѣмъ, чтобы десятки людей
числѣ которыхъ и братъ его, имѣли право, на основаніи того
имъ рассказали сотни приходившихъ изъ столицы краснобаевъ д
вольцевъ гогорить, что они съ газетами выражаютъ волю и м
народа, и такую мысль, которая выражается въ мщеніи и убій

Это несправедливо: мщенія нѣтъ никакого. У насъ и те
ведется война съ этими кровопійцами и мы слышимъ толь
самыхъ гуманныхъ фактахъ со стороны русскихъ. Смѣло м
сказать, что немногія изъ европейскихъ армій поступили-б
такимъ непріателемъ такъ какъ поступаетъ теперь наша
давно только, въ двухъ или трехъ изъ нашихъ газетъ,
проведена мысль, что не полезнѣе-ли-бы было, и именно
уменьшенія звѣрствъ, ввести репрессалии съ отъявленно
ченными въ звѣрствахъ и мучительствахъ турками? Они
вають плѣнныхъ и раненыхъ послѣ неслыханныхъ истяз
въ родѣ отрѣзыванія носовъ и другихъ членовъ. У нихъ о
вились спеціалисты истребленія грудныхъ младенцевъ, ма
которые, схвативъ груднаго ребенка за обѣ ножки, разрыв
его сразу по поламъ на потѣху и хохотъ своихъ товарищей б
бузуконъ. Эта изолгавшаяся и изподлившаяся нація отипр
отъ звѣрствъ, совершенныхъ ею. Министры султана увѣря
что не можетъ быть умерщвленія плѣнныхъ, но «коранъ за
щаетъ это. Еще недавно человеколюбивый Императоръ гер
скій съ негодованіемъ отвергъ официальную и лживую, ш
мѣстную жалобу турокъ на русскія будто-бы жестокости и о
визъ, что не вѣрится имъ. Съ этой подлой націей нельзя-б
жется, поступать по человѣчески, но мы поступаемъ по ч
чески. Осмѣлюсь выразить даже мое личное мнѣніе, что к
прессалиямъ противъ турокъ, уличенныхъ въ убійствѣ плѣн
и раненыхъ, лучше-бы не прибѣгать. Врядъ-ли это уменьш
бы ихъ жестокости. Говорятъ, они и теперь, когда ихъ б
въ плѣнъ, смотрятъ испуганно и недоувѣрчиво, *твердо убива
ные*, что имъ сейчасъ станутъ отрѣзывать головы. Пусть уже д
великодушное и человеколюбивое веденіе этой войны русс
не омрачится репрессалиями. Но выкалывать глаза младен
нельзя допускать, а для того, чтобы пресѣчь навсегда зл
ство, надо освободить угнетенныхъ накрѣшко, а у тирановъ

оружіе разъ навсегда. Не безпокойтесь, когда ихъ обезоруживаютъ дѣлать и продавать халаты и мыло, какъ наши татары, объ чемъ уже я и говорилъ, но чтобы вырвать рукъ ихъ оружіе, надо вырвать его въ бою. Но бой не Левинъ можетъ быть за турка спокоенъ.

Могъ-бы быть и прошлаго года за турку спокоенъ. Онъ не знаетъ русскаго человѣка, русскаго солдата? Вонъ же, что солдатъ хотъ и кодетъ изверга турку въ бою, но дѣла какъ съ плѣннымъ туркой онъ уже не разъ дѣлился солдатскимъ раціономъ, кормилъ его, жалѣлъ его. И потому что солдатикъ зналъ все про турка, зналъ что попался самъ къ нему въ плѣнъ, то этотъ-же самый плѣнный отрезалъ-бы ему голову и вишетъ съ другими головами въ-бы изъ нихъ полумѣсяцъ, а въ срединѣ полумѣсяца въ-бы срамную звѣзду изъ другихъ частей тѣла. Все это солдатикъ и все-таки кормитъ измученнаго въ бою и занятаго въ плѣнъ турку: «человѣкъ тоже, хотъ и не хрестьянинъ».

Корреспондентъ англійской газеты, видя подобныя случаи, изразился: «это армія джентльменовъ». И Левинъ лучше другихъ могъ-бы знать что это дѣйствительно армія джентльменовъ. Когда болгары въ иныхъ городахъ спрашивали совѣтъ главнокомандующаго, какъ имъ поступать съ своимъ бѣжавшихъ турокъ, то онъ отвѣчалъ имъ. «нужно собрать и сохранить до ихъ возвращенія, поля ихъ убрать и сохранить, взявъ треть въ вознагражденіе за трудъ». Эти слова джентльмена, и, повторяю, Левинъ могъ-бы быть въ за турокъ: гдѣ тутъ ищеніе, гдѣ репрессалии? Сверхъ Левинъ, столь тонко знающій русское общество, могъ-бы изобразить, что турокъ спасетъ еще нашъ ложный европеизмъ и наше недѣльное, выдѣланное и прямолинейное сантиментальство, столь нерѣдкое въ нашемъ образованномъ обществѣ. Слыхалъ-ли Левинъ про нашихъ дамъ, которыя провозни въ вагонахъ плѣннымъ туркамъ бросаютъ цвѣты, выноорогаго табаку и конфетъ? Писали, что одинъ турокъ, тронудся опять поѣздъ, громко харкнулъ и энергически въ самую группу гуманныхъ русскихъ дамъ, махавотходящему поѣзду въ слѣдъ платочками. Конечно, трудно гдѣсь вполнѣ съ мнѣніемъ этого безчувственнаго турка, и онъ можетъ разсудить, что тутъ со стороны ласкавшихъ турокъ нашихъ—лишь историческое сантиментальничаніе и либеральный европеизмъ: «вотъ, дескать, какъ мы гу-

манны и какъ мы европейски развиты, и какъ мы умѣемъ выказаты!» Но однако самъ-то Левинъ: развѣ не туже и линейность, не то же сантиментальное европейничанье онъ проповѣдуетъ и высказываетъ? Убиваютъ турокъ въ войнѣ честномъ бою, не мстя имъ, а единственно *потому*, что никакъ нельзя вырвать у нихъ изъ рукъ ихъ безчестное жѣ. Такъ было и прошлаго года. А если не вырвать у оружїе и—чтобъ не убивать ихъ уйти, то они вѣдь тоже опять станутъ вырѣзывать груди у женщинъ и прокалывать младенцамъ глаза. Какъ-же быть? дать лучше прокалывать чтобъ только не убить какъ-нибудь турку? Но вѣдь это ищеніе понятїй, это тупѣйшее и грубѣйшее сантиментальни это изступленная прямолинейность; это самое полное извращенїе природы. Къ тому-же, принужденный убивать турку солдатъ, несетъ жизнь свою въ жертву, да еще терпитъ мученїя и занїя. Для мщенїя-ли, для убїйства-ли одного только под русскїй народъ? И когда бывало это, чтобъ помощь убиваемымъ истребляемымъ цѣлыми областями, насилуемымъ женщина дѣтямъ и за которыхъ уже въ цѣломъ свѣтѣ совершенно кому заступиться—считалось-бы дѣломъ грубымъ, смѣшнымъ почти безнравственнымъ, жаждой мщенїя и кровопїяства! Вѣдь за безчувственность рядомъ съ сантиментальностью! Вѣдь вина у самого есть ребенокъ, мальчикъ, вѣдь онъ-же ли его, вѣдь когда моютъ въ ваннѣ этого ребенка такъ вѣдь въ домѣ въ родѣ событїя, какъ-же не искровенить ему свое слушая и читая объ избїенїяхъ массами, объ дѣтяхъ проломанными головами, ползающихъ около изнасилованныхъ матерей, убитыхъ, съ вырѣзанными грудями. Такъ въ одной болгарской церкви, гдѣ нашли двѣсти такихъ трупоу послѣ разграбленїя города. Левинъ читаетъ все это, и стоитъ задумчивости:

— Кити весела и съ аппетитомъ сегодня кушала; мал вымыли въ ваннѣ и онъ сталъ меня узнавать: какое мнѣ что тамъ въ другомъ полушарїи происходитъ. *непосредственное чувства къ уметенїю славянъ нѣтъ и не можетъ бы* потому что я *ничего* не чувствую.

Этимъ-ли закончилъ Левинъ свою эпопею? Его-ли х выставлять намъ авторъ какъ примѣръ правдиваго и честнаго человѣка? Такіе люди, какъ авторъ Анны Карениной— суть тѣли общества, наши учителя, а мы лишь ученики ихъ. Чемъ они насъ учатъ?

СЕНТЯБРЬ.

Глава первая.

I.

Несчастливцы и неудачники.

удно представить себѣ болѣе несчастныхъ людей, какъ узкіе республиканцы и ихъ французская республика. Вотъ коро сто лѣтъ тому, какъ въ первый разъ появилось на это учрежденіе, и съ тѣхъ поръ каждый разъ (теперь уже стій), когда ловкіе узурпаторы конфисковали республику ою пользу, никто-то не вставалъ серьезно ее защищать, какою-нибудь кучки. Всенародной сильной поддержки ни нѣтъ разъ не было. Да и въ тѣ сроки, когда приходилось шествовать, рѣдко кто ее считалъ за дѣло окончательное, переходное. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ людей болѣе убѣжденныхъ чувствіи въ нѣтъ страны, какъ французскіе республиканцы. прочемъ, въ первыя двѣ попытки создать во Франціи ре-бу, въ прошломъ столѣтїи и въ 1848 году, все-же могли особенно въ началѣ попытокъ, нѣкоторые основанія у нихъ республиканцевъ разсчитывать на сочувствіе въ нѣтъ м. Но у нынѣшнихъ, у теперешнихъ республиканцевъ, — тѣхъ самыхъ, которыхъ въ самомъ скоромъ времени пред-чено конфисковать, вмѣстѣ съ ихъ республикой, кому-то въ пользу, казалось-бы не могло быть никакихъ уже надеждъ ердую будущность, даже и въ случаѣ нѣкотораго сочув-къ нѣтъ страны (очень впрочемъ нетвердаго, такъ какъ

и существуют-то они теперь лишь страдательно, но посланная безрыбья и ракъ рыба). А между тѣмъ, наканунѣ почтеннаго своего паденья, они убѣждены въ полной побѣдѣ. И что это за несчастные были люди и что за несчастная была послѣдняя третья республика, которую хоть и признавалъ и никъ Тьеръ, но именно какъ рака на безрыбьи! Вспомнить только какъ явилась эта третья республика на свѣтъ. Почти двѣлѣтъ эти республиканцы ждали «славной» минуты, когда рухнетъ узурпаторъ и когда ихъ опять «позоветъ страна». И что-же случилось: захвативъ власть послѣ Садана эти неудачники нуждены были взвалить себя на плечи страшную войну, которую не хотѣли, но которую награждалъ ихъ тотъ-же узурпаторъ, укурить свои папироски въ прелестный замокъ Вильгельмстедт-осли занялся на нихъ этотъ коварный узурпаторъ, гуляя по лѣннъ садовъ пѣмецкаго замка, за то, что они захватили его власть, то навѣрно и усмѣхался про себя, минутами, но усмѣшкой, при мысли о томъ, какъ отыскалъ они сваливъ на ихъ слабыя плечи свою вину. Потому что, какъ тамъ ни было, а все-таки Франція обвиняла потомъ съоруженъ тѣмъ его, — по крайней мѣрѣ, болѣе ихъ чѣмъ его, — въ то что они продолжали безнадежную войну, не сумѣли замолчать тотчасъ-же, какъ приняли власть, отдала двѣ большія провтри миллиарда, разорили страну, сражались неумѣло, распорядились на авось, беспорядочно и безъ контроля, въ чемъ допоръ обвиняютъ бывшаго тогдашняго диктатора Гамбетту, въ чемъ однако не виноватаго, а, напротивъ, сдѣлавшаго все только можно было сдѣлать при страшныхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Однимъ словомъ, это обвиненіе въ неумѣлости публиканцовъ и въ загубленіи ими страны держалось и держится даже теперь очень серьезно и твердо. Пусть все понимаютъ первая причина бѣды былъ императоръ Наполеонъ, «но сдѣлать, зачѣмъ не сумѣли поправить дѣла, если взяли его? Мало того — испортили его какъ нельзя вообразите хуже вотъ обвиненіе! Мало того: рядомъ съ обвиненіемъ пало и даже что-то презрительное и смѣшное при мысли, въ какой сакъ попались они въ самомъ началѣ какъ захватили власть, однако что другое они могли тогда сдѣлать? Не принять войны, заморить съ самаго начала по принятіи ими власти Садана, было совѣтъ невозможно: нѣмцы и тогда потребовали бы уступки территоріи и денегъ, и что-же-бы стало съ республиканцами, еслибы они заморили на такихъ условіяхъ

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

обвинили-бы въ малодушіи, въ безславіи страны, въ томъ, что «имѣя еще армію» не сопротивлялись, а позорно сдались. Прошло бы клеймо на ихъ новой республикѣ! А такъ какъ ни ихъ республика и ея возстановленіе во Франціи были въ дорожке спасенія страны, составляло все, то они и при этомъ были воевать, почти лживо предчувствуя, что придутъ къ большому позору въ концѣ войны. Значить и спереди позоръ и сзади стоялъ позоръ—положеніе не только не было трагическое, но въ нѣкоторомъ отношеніи комическое ибо не въ такомъ совѣтѣ видѣ воображали цариться послѣ тирана!

Этотъ комизмъ усугубился еще болѣе тѣмъ, что воцарился такъ съ самымъ легкимъ сердцемъ, не смотря ни на что, не то чтобъ они не горевали о Франціи—о, между ними превосходные люди по чувствамъ и даже истинные слуги ея, въ томъ случаѣ, если оно будетъ называться респу-

Даже, можетъ быть, есть и такихъ, одинъ или другой, и даже республику готовы поставить на второй планъ, и лишь счастлива Франція (хотя врядъ-ли впрочемъ такіе именно развѣ одинъ или другой, а не больше). Но дѣло въ томъ все-таки они, чуть лишь замрjali съ нѣмцами и распустились править страной уже на покоѣ, какъ тотчасъ-же и сами себя, что страна въ нихъ влюбилась безповоротно это по крайней мѣрѣ. Вотъ что было комично! Рѣшительно этого французскаго республиканца, есть роковое и губящее мнѣніе, что достаточно только одного слова «республика», и что лишь только назвать страну республикой, какъ тотчасъ она станетъ на вѣки счастливою. Всѣ неудачи республики когда приписываютъ лишь внѣшнимъ мѣшающимъ обстоятельствамъ, существованію узурпаторовъ, злыхъ людей, и ни въ чемъ не подумали о невѣроятной слабости тѣхъ корней, которыми растетъ республика съ почвой Франціи, и которые въ цѣлыя вѣка не могли окрѣпнуть и проникнуть въ нее глубже.

Вотъ того, республиканцы ни разу еще въ эти шесть лѣтъ не увидели, что комическое положеніе ихъ, унаслѣдованное отъ Наполеона III-го, все еще продолжается и теперь, и что прошла старая бѣда, то близится новая, подобная которой непременно поставитъ ихъ уже въ самое комическое положеніе, въ такое, при которомъ они уже и держаться не будутъ не въ состояніи и это въ самомъ ближайшемъ можетъ быть, будущемъ. Этотъ грядущій комизмъ состоитъ

въ томъ, что эта будущая бѣда, все также какъ и прежняя, заключается въ исполненіи ими высокаго долга службы отечеству *сознательно* ему на пагубу, кромѣ того, все также, какъ и прежняя, совершенно неотразима и составляетъ почти точь-в-точь такой-же просакъ, въ какой они попались и въ 1871 году, и, наконецъ, къ довершенію досады, — все также, какъ и прежняя бѣда досталась имъ по наслѣдству все отъ того-же Наполеона III-го, котораго они такъ ненавидятъ и котораго память проклинаютъ. Въ самомъ дѣлѣ: кто теперь самый ревностный послѣдователь французской республики и самый сочувствующий учрежденію ея человекъ въ цѣломъ мірѣ? Безспорно, князь Бисмаркъ. До тѣхъ поръ, пока существуетъ во Франціи республика, не возможна война «возмездія». Вообразить только что республиканцы могли-бы рѣшиться вновь объявить войну нѣмцамъ! Бисмаркъ это понимаетъ. А между тѣмъ, ясно какъ день, огромный, сорокамилліонный организмъ Франціи не можетъ существовать вѣчно въ постыдной опекѣ Германіи. Язвы залечены, потрясеніе забудется, придутъ новыя силы, наростетъ здоровое государство, создадутся средства, войска, — и можетъ-ли страна, которая столько долго первенствовала между націями политически, — не захотѣть опять прежней роли, прежняго положенія въ Европѣ? Эта мысль можетъ быть, теперь уже вовсе не далека; избытокъ внутреннихъ силъ долженъ непременно стремиться ихъ вырваться изъ-подъ опеки Бисмарка и возвратить себѣ всю прежнюю *независимость* (тогда еще Францію никакъ нельзя назвать независимою). И вотъ Франція, съ перваго новаго шагу своего натолкнулась-бы на свою республику. Опять-таки повторю: вообразить только что теперешніе республиканцы могли-бы захотѣть въ чемъ-нибудь сгрубить князю Бисмарку, и до того, чтобъ даже рискнуть на войну съ нимъ? Во первыхъ, кто за ними и пойдетъ-то, если даже сама Франція хотѣла войны, а во вторыхъ, неизбѣжно представляющееся соображеніе: ну что если нѣмцы ихъ сразобьютъ? Вѣдь тогда уже конецъ республики во Франціи очевиденъ и чателъный, потому, что ихъ-же и обвинить Франція за неучастіе и навѣки уже прогнать, забывъ, что сама-же захотѣла «возмездія» и первенствующаго прежняго положенія... А скрѣпясь республиканцы, не слушай новыхъ голосовъ и криковъ объ объявленіи войны — это значило-бы идти противъ стремленія страны, и тогда страна опять-таки смѣтила-бы ихъ и отдавала бы первому явившемуся ловкому предводителю. Однимъ словомъ сзади Седанъ и впереди Седанъ! Между тѣмъ они навѣрны

люди советскіе еще не начинали думать, не смотря на то, что новый порывъ страны, можетъ быть, очень близокъ. Никогда не думали и о томъ, что въ сущности они не болѣе какъ «протезъ князя Бисмарка, и что Франція съ каждымъ годомъ вѣдь должна понимать это все болѣе и болѣе, и именно по мѣрѣ возстановленія и нароста силъ своихъ, а, стало быть, и презирала-бы ихъ все болѣе и болѣе, сначала про себя и не столь отчетливо, а потомъ гораздо отчетливѣе и наконецъ уже вслухъ, а не про себя только».

Но комическаго вида республиканцы не признаютъ. Это люди патетическіе. Напротивъ, именно теперь они ободрились послѣ того какъ Макъ-Магонъ, президентъ «республики», прогнавъ ихъ съ мѣста и заперъ до новыхъ октябрьскихъ выборовъ палату. Теперь они «угнетенные», а потому и чувствуютъ себя вѣрнее; они ждутъ, что вся Франція вдругъ запоетъ марсельскія и закричитъ: «ou assassine nos frères!» — убиваютъ братьевъ нашихъ!) извѣстный крикъ всѣхъ прежде бывшихъ парижскихъ уличныхъ революцій, послѣ котораго толпы бросались обыкновенно строить баррикады. Во всякомъ случаѣ, они ждутъ «законности», т. е. что страна, въ негодованіи на маршала Макъ-Магона, навлевающагося будущаго узурпатора, выберетъ вновь въ палату все прежнее республиканское большинство, да еще сверхъ того прибавитъ новыхъ республиканскихъ депутатовъ, и тогда вновь собравшаяся палата скажетъ строгое слово маршалу в тотъ, испугавшись законности, подождетъ хвостъ и ступуется. Въ силѣ этой «законности» они непоколебимо увѣрены, — и не по скудости способностей, а потому, что эти добрые люди слишкомъ ужъ люди своей партіи, слишкомъ долго тянули все одну и ту-же ванитель и слишкомъ долго просидѣли въ одномъ углу. Они слишкомъ долго страдали за возлюбленную свою республику и потому и увѣрены въ возмездіи. Къ удивленію, и у насъ въ Россіи многія наши газеты вѣрятъ въ ихъ близкое торжество въ неминуемую побѣду ихъ «законности». Но чѣмъ обезпечена эта законность, если Макъ-Магонъ не удостоитъ ей подчиниться, о чемъ и объявилъ уже странѣ въ удивительномъ своемъ манифестѣ. Негодованіемъ, гитвомъ страны? Но маршалъ тотчасъ же найдетъ многочислѣннѣйшихъ послѣдователей въ этой-же самой странѣ, какъ и всегда это бывало въ подобныхъ случаяхъ въ Франціи. Что-же тогда дѣлать? Баррикады строить? Но при нынѣшнемъ ружьѣ и при нынѣшней артиллеріи прежнія баррикады невозможны. Да Франція и не захочетъ ихъ строить, если-бы даже действительно она хотѣла республики. Утомленная и измученная

ная столѣтней политической неурядицей, она самымъ прозаическимъ образомъ разсчитаетъ гдѣ сила и силѣ покорится. Сейчасъ въ *легионахъ*, и страна предчувствуетъ это. Весь вопросъ стало быть, въ томъ: за кого легионы?

II.

Любопытный характеръ.

Объ *легионахъ*, какъ объ новой силѣ, грядущей занять свое мѣсто въ европейской цивилизаціи, я уже писалъ въ май-іюньскомъ дневникѣ моемъ, то есть задолго до манифеста маршала президента, — вотъ все такъ и случилось, какъ мнѣ тогда показалось. Въ этомъ удивившемъ всѣхъ манифестѣ, маршалъ хотъ и обѣщаетъ слѣдовать законности, обѣщаетъ миръ и проч., но тутъ-же, сейчасъ-же, прибавляетъ, что если страна не согласится съ его мнѣніемъ и придетъ ему съ предстоящихъ выборовъ прежнее республиканское большинство, то и онъ въ свою очередь принужденъ будетъ согласиться съ мнѣніемъ страны и не подчиниться ея выборамъ. Такой удивительный поступокъ маршала долженъ-же чѣмъ-нибудь мотивироваться. Не могъ-бы онъ говорить такимъ языкомъ и тономъ съ страной (Франція не деревня какая-нибудь), если не былъ твердо увѣренъ въ силѣ и въ успѣхѣ. А потому я уже теперь, что вся его надежда на армію, въ которой онъ совершенно увѣренъ. И дѣйствительно, во время лѣтнихъ путешествій по Франціи маршала, его во многихъ, слишкомъ, кажется, во многихъ городахъ и провинціяхъ встрѣчали довольно дружелюбно, но армія и флотъ обнаружили вездѣ совершенную преданность и привѣтствовали маршала сочувственными криками. Снѣнія нѣтъ, что въ добрыхъ и даже, такъ сказать, неповинныхъ чувствахъ маршала нельзя сомнѣваться. Если онъ и поступаетъ такъ не по обычаю, прямо объявивъ впередъ, что не послушаетъ законнаго мнѣнія страны, если та сама его не послушается, конечно, лишь потому что онъ желаетъ, по своему, принести стране благоденствіе и увѣренъ въ томъ что принесетъ его. И такъ, въ нравственныхъ качествахъ маршала надобно сомнѣваться въ нѣкоторыхъ развѣ другихъ... И дѣйствительно, маршалъ, кажется, одинъ изъ такихъ характеровъ, которые не могутъ не быть въ чьей-нибудь опекѣ, и съ этой стороны характеръ этотъ представляетъ собою нѣкоторыя замѣчательныя особенности. Вопросъ

мѣръ: для кого онъ теперь работаетъ? Для кого такъ ста-
я для кого такъ рискуетъ? Сомнѣнія нѣтъ, что онъ кру-
зь опеку, а между тѣмъ, я увѣренъ въ томъ (впрочемъ это
ли личное мое мнѣніе), что лишь одинъ онъ, во всей Европѣ,
до сихъ поръ совершенно убѣжденъ, что онъ ровно ни въ
опекѣ не состоитъ, а дѣйствуетъ самъ по себѣ. Ловкіе люди,
звѣше имъ, вѣроятно, и поддерживаютъ въ немъ сами это
еніе до времени и поддакиваютъ ему изо всѣхъ силъ, между
направляя его безповоротно куда имъ угодно. Все это, ко-
потому что они отлично знаютъ свойства подобныхъ ха-
ровъ и ихъ самолюбій. Но такихъ ловкихъ людей можно
только въ одной партіи, правда, въ огромнѣйшей и въ силь-
ей—въ клерикальной. Остальныя всѣ политическія партіи
анціи не отличаются ловкостью. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ:
маршалъ въ опеку, то въ чьей? Вотъ теперь совершенно
но, что бонапартисты ужасно заволновались, что кандида-
они выставили множество, что самъ маршалъ покровитель-
ихъ кандидатамъ, что въ побѣдѣ на выборахъ они увѣ-
увѣрены и въ арміи, что императорскій принцъ уже пере-
на континентъ. говорили даже, что побѣдетъ въ Парижѣ.
ужели однако-же повѣрять, что маршалъ Макъ-Магонъ, столь
ный въ себѣ президентъ «республики», беретъ на себя
обузу хлопотъ и опасностей единственно, чтобъ воцарить
аторскаго принца? Мнѣ кажется (и опять-таки это совер-
личное мое мнѣніе) мнѣ кажется, что нѣтъ. Развѣ впро-
естъ тамъ совершенно особыя какія-нибудь комбинаціи,—
мѣръ, какой-то слухъ, пронесшійся по газетамъ, съ мѣсяцъ
ь, что императорскій принцъ будто-бы помолвленъ съ до-
маршала и проч. Но если нѣтъ такихъ особенныхъ секрет-
комбинаціи, если особенныхъ соглашеній и договоровъ еще
шествуетъ, то мнѣ кажется, что маршалъ склоненъ скорѣе
ливить страну въ *свою* пользу. чѣмъ въ чью-нибудь, и если
рживааетъ бонапартистскихъ кандидатовъ, то увѣренный что
все-таки всѣхъ надежитъ, а что всѣхъ ихъ потомъ онъ на-
тъ какъ ему угодно. Богъ знаетъ какія у подобнаго ума
зародиться мысли. Не даромъ-же одинъ епископъ, въ при-
венной рѣчи маршалу, уже вывелъ ему, что онъ происхо-
во женской линіи отъ Карла Великаго. Однимъ словомъ,
лько лѣтъ президентства, можетъ быть, дѣйствительно заро-
въ душу его нѣкоторыя раздражающія и фантастическія
члнннн. Ктому же это и военный человѣкъ. Впрочемъ, всѣ эти

разсужденія лишь мечтательныя попытки рязъяснить загадочный характеръ. Истина-же пока въ томъ, что маршалъ въ рукахъ клерикаловъ и что они его направляютъ, хотя онъ и, безъ сомнѣнія, думаетъ, что это онъ ихъ направляетъ, и что они въ рукахъ его, а не онъ въ ихъ рукахъ. Но они, конечно, ужь не въ его рукахъ и судьба Франціи, въ настоящій моментъ, рѣшительно кажется, зависитъ отъ нихъ и *отъ нихъ однихъ*. Сомнѣнія нѣтъ, что все еще продолжается страшная подземная интрига, и вся Европа давно уже, и съ самаго начала знала, что клерикалы въ настоящемъ западно-европейскомъ движеніи играютъ большую роль, но, кажется, тѣ все-таки до сихъ поръ скрываютъ и успѣли скрыть *какого объема и какой силы эта ихъ роль*, лавируя и прячутся за другихъ до времени, за маршала, напимѣръ, бонапартистовъ и такъ продолжится дѣло до тѣхъ поръ, пока они не достигнутъ задуманной цѣли. Въ сущности, имъ все равно: маршалъ-ли успѣетъ, или императорскій принцъ. Симпатій лично у нихъ нѣтъ и не должно быть. Для нихъ лишь задача одна: чтобъ Франція какъ можно скорѣе обнажила свой мечъ и ринулась на Германію. И вотъ для этой-то цѣли они и раздавили республиканцевъ не способныхъ стать за папу. Теперь-же тихонько выжидаютъ: за кѣмъ будетъ больше шансовъ? Если дѣйствительно императорскій принцъ представитъ имъ больше шансовъ въ способности объявить войну, то, можетъ быть, они и не него уцѣлятся и проведутъ его въ Парижъ, уже не думая о Макъ-Магонѣ. Но пока они, кажется, все еще держатся маршала. Кстати, недавно еще, говорятъ, маршалъ, въ разговорѣ, вслухъ упомянулъ: «Про меня распространяютъ, что я хочу уничтожить республиканскія учрежденія и забываютъ, конечно, что я, принимая президентство республики, далъ слово ихъ сохранить». Слова эти могутъ подтвердить вполне догадку о нравственной невинности маршала, не смотря на всѣ обвиненія республиканцевъ. Какъ честному и военному человѣку ему, стало быть, дорого его честное слово и ужь, конечно, онъ ему не измѣнитъ. Если онъ сохранитъ республику и въ то же время прогонитъ республиканцевъ, то значитъ имѣетъ въ виду продолжать республику безъ республиканцевъ. Надо думать, что такова дѣйствительно политическая программа его и что его увѣрили, что она совершенно возможна. Эта программа, вмѣстѣ съ тезисомъ: *je suis et j'y reste* (сѣлъ и не сойду) составляетъ, очевидно, цѣль всѣхъ его политическихъ убѣжденій вплоть до 1880-го года, когда кончается срокъ его президентству, а, стало быть, и честности.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

но. Но тогда уже начнется мечта: «Благодарная страна, но онъ оставляетъ президентство, предложитъ ему, за спасеніе отъ демагоговъ, другую новую должность, ну, хоть Великаго, и тогда все пойдетъ опять какъ по маслу». Я боюсь при этомъ, что движущіе его хитрые люди, въ томъ случаѣ, если онъ въ самомъ дѣлѣ пожелаетъ исполнить свое слово и сохранить республиканскія учрежденія, промѣнятъ его тотчасъ-же на Бонапарта, если сохраненная республика-бы и безъ республиканцевъ, помѣшала ихъ дальнѣйшій планамъ. Въ виду того они, кажется, и склонили его, на всякій случай, поддерживать бонапартскія кандидатуры, увѣряя, что это для него хорошо. Во всякомъ случаѣ, онъ предпочелъ быть въ такой твердой опекѣ, что уже изъ нея не вырвется. Однимъ словомъ, міръ ожидаютъ какія-то большія и много новыя событія, предчувствуется появленіе легионовъ, все движеніе католичества. Здоровье папы пишутъ «удовлетворительно». Но бѣда, если смерть папы совпадетъ съ выборами императора, или произойдетъ вскорѣ послѣ нихъ. Тогда Восточный вопросъ можетъ разомъ переродиться во всеевропейскій...

III.

не то. Ссылая на то о чемъ я писалъ еще три мѣсяца назадъ.

Я изложилъ эту мысль мою довольно подробно въ лѣтнемъ выскомъ «Дневникѣ» моемъ, но на главное мѣсто этой моей, т. е. что весь ключъ теперешнихъ и грядущихъ дѣлъ всей Европы лежатъ въ католическомъ заговорѣ и въ ономъ, несомнѣнномъ огромномъ движеніи католичества, движущемъ съ чрезвычайно близкою, по всей вѣроятности, къ папѣ и выборамъ папы новаго, — на это главное мѣсто моей, кажется, никто не обратилъ вниманія и статья прошла (или) безслѣдно.

Я жду тѣмъ теперь я еще сильнѣе и увѣреннѣе держусь того мнѣнія, чѣмъ два мѣсяца назадъ. Съ тѣхъ поръ было столько фактовъ, подтверждавшихъ мнѣ мою загадку, что я уже не могу сомнѣваться теперь въ ея справедливости. Съ тѣхъ поръ и галицкіе и иностранцы, стали поговаривать какъ будто на мѣну, но все еще какъ-бы не рѣшаясь проговорить окон-

чательный выводъ. Вотъ что говорили недавно «Московскія Вѣдомости» въ превосходной передовой статьѣ своей («Московскія Вѣдомости» № 235). Они цитуютъ, между прочимъ, мнѣнія корреспондентовъ англійскихъ газетъ.

«Корреспонденты англійскихъ газетъ пускаются въ весьма откровенныя объясненія. Ключъ европейской политики, по ихъ толкованію, въ рукахъ Германіи, и Германія именно расположена твердо держаться Россіи чѣмъ прежде, по расчетамъ весьма вѣроятнымъ. Во первыхъ, въ Берлинѣ увидѣли что неудача русскаго стратегіи оживили и ободрили Австрію, которая, какъ полагаютъ, все еще питаетъ нѣкоторую досаду противъ Пруссіи. За тѣмъ, иныя враги Германіи—Франція и католицизмъ, и объ эти силы свое сочувствіе отдають на сторону Турціи. Въ началѣ восточнаго замѣшательства Франція, правда, нѣсколько кокетничала съ Россіей, но если тогда и было въ странѣ нѣкоторое сочувствіе къ намъ, оно теперь не только охладѣло, но совершенно повернулось на сторону турокъ. Что касается воинствующаго католицизма, то онъ теперь, но и съ самаго начала рѣшительно и со страстью, какъ всѣмъ извѣстно, взялъ подъ свою защиту правовѣрную Турцію противъ схизматической Россіи. Неирличіе рьяныхъ клериковъ дошло до того, что одинъ изъ нихъ отзывался съ нѣкоторою вѣжливостью о Коранѣ, такъ что даже ультрамонтанская Германія не нужнымъ умѣрить подобныя выходки замѣчаніемъ, что хотя и дозволено радоваться побѣдамъ турокъ надъ ненавистными русскими, но не слѣдуетъ прямо выражать сочувствіе исламу. Такъ какъ *mot d'ordre* католицизма замѣчательно совпадаетъ съ переменною общественною мнѣніемъ Франціи въ пользу турокъ, и такъ какъ Австрія тоже политическая, имѣетъ интересы противные Россіи, то въ Берлинѣ естественно опасаются возможности такой католической и антипрусской лиги, въ которую могли-бы потомъ быть привлечены ультрамонтанскіе и сепаратистскіе интересы южной Германіи и даже Англіи. Такъ толкуютъ англійскіе корреспонденты, но несомнѣнно, что Англіи принадлежитъ главная роль въ интригахъ.

И такъ мы по прежнему остаемся на единѣ съ Турціей.

Все это превосходно и однако все еще это не то, не стоящее объясняющее и послѣднее слово, которое, къ удивленію никто какъ будто не хочетъ высказать, даже какъ будто не предчувствуетъ въ надлежащей полнотѣ. Въ этой статьѣ говорили однако уже и о *воинствующемъ католицизмѣ*, значеніи католицизма въ глазахъ Бисмарка, и о теперешнемъ вліяніи его на Францію и наконецъ даже о *лигѣ*, о томъ, что въ Берлинѣ естественно опасаются возможности такой католической и антипрусской лиги, въ которую могли-бы потомъ быть привлечены ультрамонтанскіе и сепаратистскіе интересы южной Германіи и даже «Англія». Но вотъ объ этомъ, объ заговорѣ-то католическомъ я и говорилъ еще два

ишкомъ передъ тѣмъ, какъ теперь заговорили, но я скагда и послѣднее заключительное слово мое, то есть, что воръ-то этомъ все дѣло и заключается, что отъ него те-е въ Европѣ и зависитъ и что даже самая Восточная южетъ въ самомъ скоромъ времени обратиться въ все-сую, единственно вслѣдствіе этого огромнаго заговора шаго римскаго католичества. Между тѣмъ въ этихъ «миѣ-орреспондентовъ» и во всей превосходной статьѣ «Мо-хъ Вѣдомостей» все еще какъ будто не хотятъ допустить зль, и даже вмѣсто того утверждаютъ, что «Англии, не-ю, принадлежитъ главная роль въ интригахъ» и что *мы ежнему остаемся наединѣ съ Турціей*. Но такъ-ли еднѣ-ли? Не предстоитъ-ли, напротивъ, въ самомъ бли-тъ будущемъ, что мы вдругъ очутимся не наединѣ съ Тур-наединѣ со всей Европой.

самомъ дѣлѣ, что-же такое этотъ «воинствующій католи- , который начали уже замѣчать и признавать все въ на-хъ событіяхъ, откуда такая воинственность, и даже «до . съ которою католицизмъ взялъ подъ «защиту», право- Турцію противъ схизматической Россіи? Неужто все изъ только, «что Россія страна схизматическая»? Католи- въ настоящее время столько хлопотъ и насущныхъ за-то объ всѣхъ этихъ древнихъ церковныхъ препираніяхъ тогда-бы и думать. А главное откуда эта «лига католи- , которой такъ боятся въ Берлинѣ? Вотъ объ этомъ-то мѣ и и распространился два слишкомъ мѣсяца назадъ, объяснить это. И выводъ мой былъ тотъ, что эта лига, о теперь уже признаютъ и другіе, есть твердый и строго ованный католическій *заговоръ* въ видахъ обновленія рим-вѣнскаго владычества, существующій въ настоящую ми-о всей Европѣ, что заговоръ этотъ будетъ имѣть громад-аніе на все текущія событія Европы, и что, стало бытъ, ко всемъ современнымъ *интригамъ* лежитъ не тамъ и зь, и не въ одной только Англии, а именно въ этомъ не-номъ всемірномъ католическомъ заговорѣ!

иствующій католицизмъ беретъ яростно «и со страстью» вь наст. сторону турокъ. И даже въ Англии, даже въ и нѣтъ столь яростныхъ ненавистниковъ Россіи въ на-ро минуто какъ эти воинствующіе клерикалы. Не то кой-нибудь прелатъ, а самъ пана, громко, въ собраніяхъ чехихъ, съ радостію говорилъ о «побѣдахъ турокъ» и

предрекалъ Россіи «страшную будущность». Этотъ старикъ да еще «глава христіанства», не постыдился всенародно, что каждый разъ съ веселіемъ выслушивалъ раженіи русскихъ. Эта страшная ненависть станетъ понятною, если признать, что римское католичество дѣйствительно теперь «воинствуетъ» и дѣйствительно на дѣлѣ, т. е. ведетъ теперь въ Европѣ войну противъ страшныхъ враговъ своихъ. Но кто теперь въ Европѣ самый врагъ римскаго католичества, т. е. свѣтской монархіи спорно, князь Бисмаркъ. Самый Римъ былъ отнятъ отъ самую минуту величія Германіи и Бисмарка, въ то время когда Германія раздавила главнаго тогдашняго защитника папскаго престола, и тѣмъ тотчасъ-же развязала руки королю Италіи и занявшему Римъ. Съ тѣхъ поръ вся забота римскаго католичества состояла въ томъ, чтобъ отыскать врага и противника въ Германіи и князю Бисмарку. Самъ-же князь Бисмаркъ отлично понимаетъ, во всей широтѣ, и давнишнее римское папское католичество, кромѣ того что есть въ Германіи, столько вѣковъ протестовавшее противъ Рима и идеи его во всѣхъ ея видахъ, и противъ союзниковъ, ея покровителей и послѣдователей, но и сверхъ того, что католичество, есть именно теперь, самую важную минуту для объединенной Германіи—самый главный элементъ изъ всѣхъ мѣшающихъ этому объединенію, т. е. завершенію зданія, надъ которымъ во всю жизнь много потрудился князь Бисмаркъ. И кромѣ того что римское католичество опасаются «возможности» такой католической и германской лиги, въ которую могли-бы потомъ быть привлечены алпийскіе и сепаратистскіе интересы южной Германіи, Берлинъ кромѣ того опасаются, и давно уже предвидѣлъ, что католичество, рано-ли поздно-ли, а непременно послужитъ къ будущему подъему Франціи на унизившую, и разорившую ее Германію, и что поводъ этотъ Римское католичество подастъ первѣе и скорѣе всѣхъ другихъ, и будетъ, самая важнѣйшая опасность объединенной Германіи именно въ римскомъ католичествѣ, а не въ чемъ другомъ. Римское предвидѣніе это выходило изъ естественно пришедшаго и естественно необходимаго соображенія, что во всемъ мірѣ у насъ теперь нѣтъ другаго защитника, все той-же Франціи, что на нее лишь чечь она едина можетъ разсчитывать, если только этотъ мечъ она

и владыка закованъ въ свою руку, и во вторыхъ, что римско-католичество есть еще далеко не раздавленный врагъ, что вѣсть тысячелѣтній, что жить этому врагу хочется страстно, ивнулось его феноменальна, что сила у него множество и сила огромная историческая идея, какъ свѣтская папская и, не можетъ угаснуть въ одну минуту. Однимъ словомъ, въ ней не только сознали врага, но и силу его. Въ Берлинѣ повернуть враговъ своихъ прежде боя.

И если католичеству такъ хочется жить, и надобно жить, и жить, который могъ-бы его защитить, лишь въ рукахъ Франціи, то выходитъ ясно, что Римъ и не упустилъ изъ Францію, особенно если дождется удобной минуты. Эта минута наступила весной,—это русская война съ тур-Восточный вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ: кто главнѣйшій союзъ-Германія? Разумѣется, Россія. Это отлично понимаютъ въ . Вотъ почему такъ и обрадовался папа русскимъ «неуда-»: Значитъ, главнѣйшій союзникъ самаго страшнаго врага вой власти отвлеченъ теперь отъ своего исконнаго союзъ-Германія, войной, а, стало быть, Германія теперь одна. -- бытъ, и наступила именно та минута, которую такъ давно зло католичество: когда-же какъ не теперь всего удобнѣе чь застарѣлую ненависть и бросить Францію въ войну возъ на Германію?

ь тому-же какъ разъ подходятъ и другіе роковые сроки католичества, такъ что медлить уже нельзя ему ни минуты. ждается неизбежно скорая смерть папы и избраніе новаго Римъ слишкомъ хорошо знаютъ, что князь Бисмаркъ употребъ весь свой умъ и всѣ свои силы, чтобы нанести послѣдъ-самый страшный ударъ папской власти, повліявъ изъ ь сила на избраніе новаго папы, но такъ, чтобы обратить въ свѣтскаго владыки и государя не болѣе какъ въ про-патрiарха, и если можно, то съ его-же и согласія, и та-образомъ, раздѣлявъ католичество на двѣ враждебныя —добиться его распадѣнія, и разрушенія всѣхъ замысловъ, вѣній и надеждъ его уже навѣки. А потому какъ-же ему не лтъ противъ Бисмарка всѣми мѣрами? И вотъ, опять-таки, разъ тутъ подвергается Восточный вопросъ! О, теперь можно прискаты для Франціи и союзниковъ, которыхъ она в столько лѣтъ не могла найти, теперь можно сплотить даже ю коалицію. Пусть вся Европа обольется кровью, но за то во-шествуетъ папа, а для римскихъ исповѣдниковъ Христа это все.

Вотъ они и начали работать. Прежде всего, разумеется надо было добиться, чтобы Франція стала за нихъ. Какъ сдѣлать? Они уже сдѣлали. Теперь уже всѣ политики Европы вся европейская печать признають, что майскій переворотъ Франціи произведенъ клерикалами, но, опять-таки повторю, какъ будто еще не признають за этимъ фактомъ того основного значенія, которое оно заключаетъ въ себѣ. Въ началѣ брѣшныя мѣсяца четыре назадъ, что клерикалы произвели переворотъ во Франціи для того только, чтобы получить себѣ въ болѣе простору, извѣстныя выгоды, льготы, расширеніе пр. Тогда какъ невозможно и представить себѣ, чтобы переворотъ былъ затѣянъ не съ самыми радикальными цѣлями, т. е. чтобы добиться (въ видахъ близкихъ смуть, по смерти папы, въ Римской церкви) скорѣйшей и неотложной войны Франціи съ Германіей, именно войны! И увидите, чѣмъ-бы ни кончилось дѣло, а они добьются своего, добьются войны, въ которой, если все жестуется Франція, то, можетъ быть, и папа добьется въ свѣтской власти.

Они сдѣлали удивительно ловкое дѣло, и, главное, выбрали такую минуту, когда все какъ будто сошлось для ихъ успѣха. Начать имъ надо было съ того чтобы прогнать республиканцевъ, которые ни за что-бы не поддержали папу и никогда не рѣшились на войну съ Германіей. Они ихъ прогнали. Было сверхъ того заставить маршала Макъ-Магона сдѣлать поправимую ошибку (именно непоправимую), чтобы направить его уже на безповоротный путь; онъ и сдѣлалъ эту ошибку, онъ прогналъ республиканцевъ и объявилъ на всю Францію, что они уже не воротятся. И такъ, начало уже положено твердое, и клерикалы пока спокойны; они знаютъ, что если Франція пошлетъ опять въ палату республиканское большинство, то парламентъ отошлетъ его назадъ. Гамбетта объявилъ, что маршалу придется или покориться рѣшенію страны или оставить мѣсто. Такъ рѣшили за нимъ и всѣ республиканцы, но они забыли, что девизъ маршала: *J'y suis et j'y reste* (сѣлъ и не сойду), и онъ сойдетъ съ мѣста. Ясно, что въ надежда маршала на преемственность легионовъ. Преданностью-же легионовъ, маршалу или вѣдь бы тамъ ни было, хотять воспользоваться и клерикалы. Была бы только окончательно завершена для нихъ государственная переворотъ, а они уже его направятъ по своему. Въ роятнѣе и то такъ и сбудется: они будутъ подлѣ узурпатора, они будутъ направлять его. А если-бы даже и не были, то дѣло даже и

съшло-бы теперь ужь само собою, благо на настоящую минуту поставлено, совершился-бы только государственный поворотъ: они знаютъ, какое колоссальное впечатлѣніе произведетъ на князя Бисмарка всякая государственная перемѣна во Франціи. Онъ еще въ 1875 году стремился объявить войну Индіи, боясь ея ежегоднаго усиленія. Республиканцы, которыхъ онъ протезировалъ, не посѣли-бы начать съ нимъ войну и не поды накинъ-бы даже предлогомъ, и отчасти онъ былъ досаднъ, видя ихъ во главѣ враждебнаго государства, не пера даже на ежегодное усиленіе его. Но за то всякій новый поворотъ во Франціи естественно заставитъ его до крайности возмущаться. И въ какую минуту: когда Германія оставлена безъ естественнаго своего союзника, Россіи, когда Австрія (тоже ея соперникъ Германіи), въ которой такъ много враждебныхъ Германіи католическихъ элементовъ, такъ вдругъ сознала всю цѣну, и когда Англія, съ самаго начала Восточной войны, съ такимъ раздражительнымъ нетерпѣніемъ ждетъ и ждетъ себя въ Европѣ союзника! Ну что, если Франція, должны судить въ Берлинѣ, съ своимъ будущимъ новымъ правительствомъ во главѣ и около котораго снуютъ клерикалы, навязываютъ его и владѣютъ имъ — что если Франція вдругъ догадается, что если уже быть войнѣ возмездія, то никогда она не найдетъ болѣе удобной минуты, какъ теперь, чтобы начать войну и такихъ значительныхъ союзниковъ какъ теперь, чтобы поддержать ее! А что если какъ разъ въ тому случаю умретъ князь (что такъ возможно)? Что если клерикалы заставятъ новое французское правительство заявить князю Бисмарку, что взгляды князя на избраніе новаго пана съ мнѣніемъ Франціи не согласны (это уже непременно случится, если будутъ прогнаны республиканцы)? Что если новое французское правительство при догадается, что если ему удастся (въ видахъ возможности) отнять въ Европѣ могучихъ союзниковъ), отвоевать хоть одну провинцію у Франціи въ 1871 году провинцій, то этимъ оно прочитъ свою власть и вліяніе въ странѣ, по крайней мѣрѣ, на двадцать? Нѣтъ, какъ тутъ не волноваться!

А главное, тутъ и еще одно маленькое обстоятельство: нѣмецъ гордъ и горда, нѣмецъ не потерпитъ непокорности. До сихъ поръ Франція была въ полной и послушной опекѣ Германіи, да и отчетъ на запросы ея чуть не въ каждомъ движеніи своемъ, князь была объясняться и извиняться за каждую прибавленную тысячу въ войскѣ, за каждую батарею и вдругъ теперь эта

Франція осмѣлится поднять голову! Такъ что клерикалы пожалуй смѣло могутъ разсчитывать, что чуть-ли не самъ князь Бисмаркъ первый и начнетъ войну. Хотѣлъ-же онъ ее начать въ 1875 г. Не начать войну значитъ уступить изъ рукъ Францію уже вѣки. Правда, въ 1875 году было не то, что теперь, но Австрія будетъ на сторонѣ Германіи, то... Однимъ словомъ, недавномъ свиданіи верховныхъ министровъ Германіи и Австріи вѣроятно, говорили не объ одномъ лишь Восточномъ вопросѣ, если есть теперь въ мірѣ государство въ самомъ выгодномъ внѣшне-политическомъ положеніи, то это именно Австрія!

IV.

О томъ, что думаетъ теперь Австрія.

Но, скажутъ: въ Австріи волненія, половина Австріи не хочетъ того чего хочетъ ея правительство. Въ Венгріи манифесты, Венгрія такъ и рвется противъ Русскихъ за Турокъ. Есть какой-то даже заговоръ, Англо-мадьяро-польскій. Съ одной стороны, славянскіе элементы ея территоріи хотъ и за правительство въ настоящую минуту, но и на нихъ правительство Австріи посматриваетъ босо и подозрительно, даже, можетъ быть, еще чѣмъ на Венгерцевъ. А если такъ, то можно ли сказать, что Австрія, въ данную минуту, въ самомъ выгодномъ политическомъ положеніи, въ какомъ только можетъ находиться европейское государство?

Да, это правда. Правда, что католическая работа идетъ сомнѣнно и въ Австріи. Клерикалы дальновидны, имъ-ли не понять теперешняго значенія этой страны, имъ-ли не упустили случая. И уже, разумѣется, они не упускаютъ случая разжечь въ этой католической и «христіанинѣйшей» землѣ всевозможныя волненія, подъ всевозможными до неузнаваемости предлогами видами и формами. Только вотъ что: кто знаетъ, можетъ быть въ Австріи, хотя и дѣлаютъ, конечно, видъ, что очень сердятся на эти волненія, но въ сущности, пожалуй, и не очень на нихъ сердятся, можетъ даже совсѣмъ напротивъ: берегутъ эти волненія на всякій случай въ видахъ того, что они могутъ пригодиться въ ближайшемъ будущемъ... Всего очевиднѣе впрочемъ то, что Австрія, хотя и чувствуетъ себя въ самомъ счастливейшемъ политическомъ положеніи, но въ видахъ текущихъ событій,

и очень определенную политику еще, может быть, не
есть, а только еще присматривается и ждет: что повелитъ
есть *благоразумие*? Если-же и рѣшилась на что-нибудь,
и на политику *ближайшую*, да и то условно. Вообще
самомъ блаженномъ состояніи духа, рѣшается не спѣша,
зная, что ее всѣ ждутъ и что всѣ въ ней нуждаются,
ждется на добычу, которую выбираетъ сама, и сладостно
ждется въ видахъ близкихъ и уже неминуемыхъ благъ.
Недавнихъ свиданіяхъ канцлеровъ обѣихъ нѣмецкихъ го-
товъ, можетъ быть, очень много было затронуто «услов-
но крайней мѣрѣ, Австрійскимъ правительствомъ было
изъявлено у себя во всеуслышаніе, что ничто на Востокѣ
пойдетъ и не разрѣшится внѣ интересовъ Австріи—мысль
очень обширная. Такимъ образомъ, даже и не дотронув-
шись мечомъ, Австрія уже увѣрена, что будетъ имѣть знатное
въ русскихъ успѣхахъ, если таковые окажутся, и, можетъ
быть, не знатнѣйшее, если таковые совсѣмъ не окажутся. И
слѣдуя только ближайшей политикѣ! А въ дальнѣй-
шей уже и теперь такъ въ ней нуждаются, ищутъ ея
ей нейтралитета, обѣщаютъ, дарятъ уже ее, можетъ быть,
только за то, что она сидитъ и говоритъ: «Гм». Но не
же эта держава, столь сознающая, конечно, теперь себѣ
не рассчитывать и на шансы дальнѣйшей своей политики,
никому еще неизвѣстна, не смотря даже на дружескія
слова канцлеровъ, я увѣренъ въ томъ. Увѣренъ даже, что
въ послѣдняго и самаго роковаго момента эта политика
не будетъ извѣстна—что будетъ совершенно по пре-
жнимъ традиціямъ вѣчной политики Австріи. И жадно,
можетъ быть, теперь присматривается она къ Франціи,
удѣлы ея, ждетъ новыхъ интереснѣйшихъ фактовъ и,
въ самомъ самоодовольнѣйшемъ расположеніи духа. Но
и однако и не волноваться; можетъ быть, очень скоро
и ей рѣшится даже на самую дальнѣйшую политику и
поворотомъ: волненіе, конечно, въ ея положеніи пріятное,
есть. Вѣдь понимаетъ-же она, и, можетъ быть, очень тонко,
всякомъ теперешнемъ переворотѣ во Франціи, (столь
и столь возможнымъ), при всякомъ даже новомъ пра-
вительствѣ во Франціи (только-бы не опять республиканскомъ),
толкновенія Германіи съ Франціей *рѣшительно неиз-*
вѣстна даже въ томъ случаѣ, если-бы новые правители Франціи
не пожелали войны, а напротивъ стремились-бы изо-

всѣхъ силъ сохранить прежній миръ. О, Австрія, можетъ лучше всѣхъ способна постигнуть, что есть такіе моменты жизни націй, когда уже не воля и не расчетъ ихъ влекутъ къ извѣстному дѣйствию, а сама судьба.

Я позволю себѣ теперь вѣдаться въ одну фантастическую (и, конечно, только мечту). Я позволю представить себѣ, думаетъ Австрія въ настоящую горячую минуту и неопредѣленную минуту объ этой самой своей *дальнѣйшей* политикѣ, которую она, конечно, еще не рѣшила, такъ какъ и факты всѣ еще ясно обозначились, но однако кто-то уже стучитъ въ дверь, она видитъ это, кто-то непременно хочетъ войти, и ручку замка уже повернулъ, но дверь еще не отворилъ, кто войдетъ еще никому неизвѣстно. Во Франціи загадка, она и разрѣшится, а пока Австрія сидитъ и *думаетъ*, да ей не думать; если обнажатся мечи, если Германія и Франція бросятся другъ на друга уже окончательно, то за кого она станетъ, съ кѣмъ она тогда будетъ? Вотъ самый *дальнѣйшій* вопросъ, а между тѣмъ, такъ скоро, можетъ быть, придется дать на него отвѣтъ!

Такъ какъ же ей не знать теперь себѣ цѣну: вѣдь за то, что она вынетъ мечъ тотъ и восторжествуетъ. Что говорено и дано канцлерамъ обѣихъ нѣмецкихъ имперій никому неизвѣстно, но намеки-то между ними ужъ навѣрно были. Какъ не бытъ намекамъ? Можетъ быть, и яснѣе, что-нибудь было сказано и *ложено*, чѣмъ только намеки. Однимъ словомъ, подарковъ и стипендій обѣщано ей множество и это несомнѣнно, такъ она совершенно увѣрена, что, останься она въ союзѣ съ Франціей, въ случаѣ войны ея съ Франціей, то получитъ за то *много*. И всего только за какой-нибудь *нейтралитетъ*, только, что посидитъ какія-нибудь полгода смирно на своемъ мѣстѣ въ ожиданіи награды за доброе свое поведеніе—вотъ что всего пріятнѣе! Потому что дѣятельнаго участія ея въ войнѣ Франціи, я думаю, никакому канцлеру отъ нея не добиться. Австрія-то такой ошибки не сдѣлаетъ: не пойдетъ она до конца на смерть Францію, напротивъ, можетъ быть, защититъ самую послѣднюю роковую минуту дипломатическимъ протектатомъ, и тѣмъ обезпечитъ себѣ и еще награду. Нельзя ей остаться *совсѣмъ безъ Франціи* въ дружескихъ объятіяхъ такого гиганта, въ какого выростетъ, послѣ второй побѣды Франціею Германія. Пожалуй вдругъ обвинитъ ее потомъ Франція, да такъ сожметъ, невзначай, разумѣется, что раздѣлитъ

«А тутъ еще и другой восточный гигантъ, на правой, вотаветъ наконецъ совсѣмъ съ своего вѣкового ложа... — «Хорошее поведеніе, хорошая вещь», можетъ быть, думать теперь про себя Австрія, «но...» Однимъ словомъ, въ ображеніи ея не можетъ не мелькнуть и другая мечта, самая яркая фантастическая:

«Переворотъ во Франціи можетъ начаться даже нынѣшней ночью, и, можетъ быть, скоро, очень скоро кончится. Если пролетитъ республика, или останется въ какомъ-нибудь номинальномъ видѣ, то, можетъ быть, зимою-же успѣютъ произойти Германіей несогласія. Клерикалы объ этомъ ужь постараются, въ болѣе, что пана навѣрно умретъ къ тому времени и тогда Франціе его тотчасъ-же подастъ предлогъ къ недоразумѣніямъ и столкновѣніямъ. Но и не умри пана, возможность недоразумѣній и столкновѣній останется во всей силѣ. И если только Франція твердо рѣшится, то къ веснѣ-же и начнется война. На юго-западѣ Европы зимняя кампанія противъ Турціи, кажется, уже неизбежна, такъ что союзникъ Германіи къ веснѣ все еще будетъ занятъ. И такъ, если загорится война возмездія, то Франція тотчасъ-же найдетъ двухъ союзниковъ: Англію и Турцію. Германія, стало быть, будетъ одна... съ Италіею, т. е. почти равно что одна. О, конечно, Германія заносчива и могуча. Но и Франція успѣла оправиться: у ней войска милліонъ, все-же Англія хоть какая-нибудь да помощь: надо будетъ взять отъ ея флота нѣмецкіе приморскіе города, стало быть, оставить войско, артиллерию, оружіе, припасы. Все-же это можно чѣмъ-нибудь, да ослабить Германію. «Однимъ словомъ, шансы, чтобъ сразиться съ успѣхомъ, у Франціи и безъ меня довольно», думаетъ Австрія — «по крайней мѣрѣ, вдвое болѣе чѣмъ было въ семидесятомъ году, такъ какъ Франція навѣрно не сдѣлаетъ теперь тогдашнихъ ошибокъ. Затѣмъ, разбита-ли будетъ Франція или нѣтъ, а я все-таки мое получу на Востокъ: ничто на Востокъ не разрѣшится въ противность интересамъ Австріи. Это уже рѣшено и подписано. Но... что если я, въ самую-то критическую минуту, благоразумно сохранивъ за собой всю свободу рѣшенія, возьму да и стану за Францію, да и мечъ выну!»

Въ самомъ дѣлѣ, что тогда выйдетъ?

Австрія очутится разомъ между тремя врагами: Италіей, Германіей и Россіей. Но Россія будетъ страшно занята своей войной и не будетъ не до нападеній. Италія можно во всякомъ случаѣ

не очень ужъ бояться. Остается одна Германія, но если она вышлетъ на Австрію силу, то, хоть и ослабитъ тѣмъ себя, ужъ, конечно, не очень большую силу, потому что ей понадобится всѣ силы ея на Францію. Въ самомъ дѣлѣ, рѣшись только Австрія на союзъ съ Франціей, и Франція бросится на Германію, можетъ быть, ужъ сама первая, еслибъ даже Германія и не захотѣла драться. Франція, Австрія, Англія и Турція противъ Германіи и Италіей—это страшная коалиція! Успѣхъ очень и очень можетъ быть возможенъ. А при успѣхѣ Австрія можетъ вдругъ вернуть все утраченное при Садовой, даже ужъ какъ болѣе того. Зато на Востокъ выгодъ своихъ и всего уже ей обѣщаннаго она никакъ не потеряетъ. А главное, несомнѣнно выиграетъ въ своемъ вліяніи въ католической Германіи. Будь побѣждена Германія, и не побѣждена, а только воротись она не совсѣмъ удачно войны — и единство Германіи сильно и вдругъ покажется южной католической Германіи явится сепаратизмъ, о которомъ сверхъ того постараются изо всѣхъ сихъ клерикалы и которыхъ Австрія уже, конечно, воспользуется... даже до того, что, можетъ быть, явятся тогда двѣ Германіи, двѣ объединенныя Германіи Имперіи, католическая и протестантская. А за симъ, усиливши тогда нѣмецкимъ элементомъ, Австрія могла-бы посягнуть на свой «дуализмъ», поставить Венгрію въ прежнія, древнія и чтительныя къ себѣ отношенія, а затѣмъ, разумѣется, распродаться ужъ и съ своими славянами, и этакъ, какъ-нибудь на вѣки. Однимъ словомъ, выгоды могли-бы быть неисчислимы. Даже и въ томъ, наконецъ, случаѣ, если Германія останется побѣдительницей, можетъ быть, не будетъ еще такой бѣды, какъ не можетъ-же она побѣдить такую сильную коалицію, и *окончательно*, какъ въ 1871 году, а, напротивъ, навѣрно натретъ себѣ бока. Стало быть, миръ можетъ быть заключенъ безъ особенно страшныхъ послѣдствій. «И такъ, за кого стать? Гдѣ лучше, съ кѣмъ выгоднѣе?»

Въ виду настоящаго хода дѣлъ въ Европѣ такіе радикальные вопросы про себя—въ Австріи несомнѣнны...

У.

Кто стучится въ дверь? Кто войдетъ? Необходимая судья

Когда я начиналъ эту главу, еще не было тѣхъ фактъ сообщеній, которые теперь вдругъ наполнили всю европ

такъ что все, что я написалъ въ этой главѣ еще гадательно подтвердилось теперь почти точнѣйшимъ образомъ. «Дневникъ» явится въ свѣтъ еще въ будущемъ мѣсяцѣ, 7-го а теперь всего 29 сентября, и мол, такъ сказать, «про», на которыя я рѣшился въ этой главѣ, какъ-бы рѣсую, и отчасти уже устарѣлыми и совершившимися фактами, оныхъ я скопировалъ мои «прорицанія». Но осмѣлюсь къ читателямъ «Дневника» мой лѣтній май-іюньскій выложить все, что я написалъ въ немъ о ближайшемъ будущемъ Европы, теперь уже подтвердилось или *начинаетъ подтвердяться*. И однако я слышалъ тогда еще мнѣніе о той же называли (правда, частные люди) «изступленнымъ бѣшено-фантасическимъ преувеличеніемъ. Надъ силою и значительнаго заговора просто смѣялись, да и заговора не признавали. Я впрочемъ еще недѣли двѣ всего тому выслушалъ мнѣніе отъ «компетентнаго» лица, что фактъ избранія новаго папы совершенно ничтоженъ и преисполненъ безсмысленно. Но даже теперь уже извѣстно какою предать ему Бисмаркъ и объ чемъ было говорено въ съ Криени. Я написалъ въ май-іюньскомъ «Дневникѣ» то гениі князя Бисмарка постигъ еще съ самой франко-войны, что самый страшный врагъ новообъединенной есть римскій католицизмъ, который прежде всего попредлогомъ къ великой войнѣ возмездія», которая и всю Европу. Это назвали нелѣпнымъ, и проч. и проч. и потому, что я написалъ объ этомъ тогда, когда еще вѣ у насъ, ни въ европейской прессѣ и не думать объ дахъ заботиться, не смотря на восточную войну, уже во въ мірѣ и заботившую всехъ. Вѣмъ тогда предъ, что такъ однимъ Востокомъ и кончится. Впрочемъ, можетъ быть, еще никто не вѣритъ почти въ *тесто* европейской войны въ ближайшемъ будущемъ. въ, недавно еще серьезно обращали вниманіе на мнѣніе англійца (рѣчь Нордекота), что можно еще дождать. Такъ что, пожалуй, я напрасно считаю мою главу заранѣе устарѣлою: хотя факты уже обозначаютъ огромное ихъ значеніе уже выходить наружу, въ всей Европой уже несомнѣнно носится что-то роковое и, глазное, близкое, но не смотря на эти обозначенія факты, я увѣренъ, очень многіе найдутъ и теперь ясненія этихъ фактовъ оныя-таки должными и смѣл-

ными, фантастическими и преувеличенными, потому что принимают происходящее теперь за несравненно меньшее и чайшее, чѣмъ оно есть въ самомъ дѣлѣ. Тутъ, какъ разъ примѣръ, подойдутъ во Франціи выборы и Франція вступитъ въ палату прежнее республиканское большинство очень можетъ случиться, и вотъ, я почти въ томъ увѣренъ, закричатъ, что все кончилось благополучно, что небо радилось, столкновений никакихъ, что Макъ-Магонъ повинился, сильные клерикалы позорно ступешевались и въ Европѣ миръ и «законность». Всѣ *измышленія* мои въ этой гл. кажутся опять лишь продуктомъ досужаго воображенія. скажутъ, что я фактамъ, положимъ, и совершившимся, значеніе не точное, а главное такое, какого *никогда* имъ *дадутъ*. Но подождемъ опять событій и увидимъ тогда ли болѣе точная и вѣрная дорога. А для памяти, попробуемъ заключеніе, еще разъ обозначить точки и вѣхи этой, кривающейся передъ всѣми дороги, и на которую, вѣдь, а, кажется, предназначено всѣмъ вступить. Дѣлаю для памяти, чтобъ потомъ можно было провѣрить. Впрочемъ только простая и заключительная перечень этой-же главы.

1) Дорога начинается и идетъ изъ Рима, изъ Ватикана умирающій старикъ, глава толпы окружающихъ его *испанцевъ* намѣтилъ ее уже давно. Когда-же загорѣлся Восточный вопросъ иезуиты поняли, что наступило самое удобное время. По ченной дорогѣ своей они ворвались во Францію, произвели тамъ государственный переворотъ, и поставили ее въ такое положеніе, что близкая война ея съ Германіей почти несомнѣнно даже еслибъ она и не желала начать ее. Все это задолго того понималъ и предвидѣлъ князь Бисмаркъ. По крайней мѣрѣ кажется только онъ одинъ, и еще, можетъ быть, за нѣсколько лѣтъ до настоящей минуты, разглядѣлъ и постигъ своего ближайшаго врага и всю ту огромную для всего міра важную послѣдней битвы за существованіе свое, которую несомнѣнно задастъ всему свѣту *умирающее навѣки панское католичество* въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

2) Эта роковая борьба въ настоящую минуту уже начинается, а послѣдняя битва близится съ страшною быстротою. Франція была выбрана и предназначена для страшнаго боя будетъ. Бой неминуемъ, это вѣрно. Впрочемъ, есть еще малый шансъ, что будетъ отложенъ, но лишь на самое короткое время. Но во всякомъ случаѣ неминуемъ и близокъ.

Только что бой начнется, какъ тотчасъ-же и обратятся въ войскій. Восточный вопросъ и Восточный бой, силою сольется тоже съ всеевропейскимъ боемъ. Однимъ изъ впечатлительнѣйшихъ эпизодовъ этого боя будетъ окончательное рѣшеніе Австріи: которой сторонѣ отдать ей своей бо самая существенная и важная часть этой послѣдней войны. Борьба будетъ состоять, съ одной стороны, въ томъ, кто вѣю разрѣшится тысячелѣтній вопросъ римскаго католика, и что волею Провидѣнія, на его мѣсто станетъ новое Восточное христіанство. Такимъ образомъ нашъ русско-восточный вопросъ раздвинется въ міровой и вселенскій, и привычнымъ предназначениемъ значеніемъ, хотя-бы и казалось это предназначение и передъ слѣбыми глазами нелицами его, до послѣдней минуты способными не видѣть и не разумѣть смысла предназначеннаго. Наконецъ — (И пусть это назовутъ самымъ гадательнымъ и фантазмъ изъ всѣхъ предреканій моихъ, согласенъ заранѣе): знаю, что бой кончится въ пользу Востока, въ пользу этого союза, что Россія бояться нечего, если Восточная сольется съ всеевропейскою, и что даже и лучше будетъ, если разрѣшится дѣло. О, безспорно, страшное будетъ, если прольется столько драгоценной человѣческой крови! Именіе въ томъ, по крайней мѣрѣ, соображеніи, что эта новая кровь несомнѣнно спасетъ Европу отъ десятикратнаго изліянія крови, еслибъ дѣло отдалилось и еще разъ возобновилось. Тѣмъ болѣе, что великая борьба эта несомнѣнно кончится быстро. Но за то разрѣшится окончательно столько дѣлъ (Римско-католическій вѣстѣ съ судьбою Франціи, Польши, Восточный, Магометанскій), столько уладится дѣлъ, сколько неразрѣшимыхъ въ прежнемъ ходѣ событій, до того, какъ кончится Европа, столько начнется новаго и прогресса въ отношеніяхъ людей, что, можетъ быть, нечего страхомъ и слишкомъ пугаться этого послѣдняго судорожнаго изжениія старой Европы наканунѣ несомнѣннаго и великаго обновленія ея...

Впрочемъ, прибавлю еще соображеніе: если взять за правило, во всѣхъ міровыхъ событіяхъ, даже самой огромной важна самый поверхностный взглядъ, надо непремѣнно судить ищипу: «нынче какъ вчера, а завтра какъ сегодня», то, конечно, будетъ, что правило это рѣшительно ляжетъ въ основу исторіи націй и человѣчества. Между тѣмъ, это

именно предписывается такъ называемымъ реальнымъ вымъ здравомысліемъ, такъ что осмѣливается и осмѣлится чуть не всякій, который осмѣлился-бы помыслить, что дѣло явится для всѣхъ глазъ, можетъ быть, совсѣмъ въ формѣ, чѣмъ въ какой тянулось все наканунѣ. Даже напримѣръ, когда уже пришли факты, не кажется-ли даже многимъ, что клерикальное движеніе есть самая мелкая что Гамбетта скажетъ рѣчь и все возстановится по вчера что война наша съ Турціей очень и очень можетъ быт читается къ зимѣ и тогда опять по прежнему начнется бн игра, желѣзнодорожное дѣло, возвысится рубль, покати границу и проч. и прочее. Немыслимость продолженія порядка дѣлъ—была явною въ Европѣ истинною, для выхъ умовъ ея, наканунѣ первой европейской револючавшейся въ концѣ прошлаго столѣтія съ Франціи. Между кто въ цѣломъ мірѣ, даже наканунѣ созванія Генерал Штатовъ, могъ-бы предвидѣть и предсказать ту форму, торую воплотится это дѣло почти на другой-же день ка чалось оно... А уже когда воплотилось оно, кто могъ, нащ предсказать Наполеона I, въ сущности бывшаго какъ-бы пначеннымъ завершителемъ перваго историческаго фазиса тсамаго дѣла, которое началось въ 1789 году? Мало то время Наполеона I-го, можетъ быть, всякому въ Европѣ лось, что появленіе его есть рѣшительная и совершенно няя случайность, ни мало не связанная съ тѣмъ самымъ вымъ закономъ, по которому предназначено было измѣт съ конца прошлаго столѣтія всему прежнему лику міра

Да, и теперь кто-то стучится, кто-то, новый человекъ новымъ словомъ—хочетъ отворить дверь и войти... И войдетъ—вотъ вопросъ: Совсѣмъ новый человекъ, или похожій на всѣхъ насъ старыхъ человекъ?

Глава вторая.

I.

Ложь ложью спасается.

Однажды Донъ-Кихоть, столь известный рыцарь печала образа, самый великодушный изъ всѣхъ рыцарей бывши

иной простой душою и однимъ изъ самыхъ великихъ сердецъ, святаясь съ своимъ вѣрнымъ оруженосцемъ. Санхо, изъ за привлеченія, вдругъ былъ объятъ нѣкоторымъ шемъ, которое заставило его долго думать. Дѣло въ томъ, то великіе древніе рыцари, начиная съ Амадиса Гальсторіи которыхъ уцѣлѣли въ правдивѣйшихъ книгахъ, въ ихъ рыцарскими романами, — (для пріобрѣтенія коней и хотъ не пожалѣлъ продать нѣсколько лучшихъ акровъ королевскаго помѣстья), — часто эти рыцари, во время поѣздки всему міру и славныхъ странствованій своихъ, встрѣчались и неожиданно цѣлыя арміи, во сто даже тысячь, и посылаемыхъ на нихъ злою силою, злыми волшебниками завидовавшими, и мѣшавшими имъ всячески достигнуть цѣли ихъ и соединиться наконецъ съ ихъ прелюбими дамами. Обыкновенно происходило такъ, что рыцарь, въ такую чудовищную и злую армію, обнажалъ свой мечъ, и въ духовную помощь себѣ имя своей дамы и затѣмъ я одинъ въ самую средину враговъ, которыхъ и уничтожалъ, до единаго человѣка. Кажется-бы, дѣло ясное, но и хотъ вдругъ задумался, и надъ чѣмъ-же: ему показались невозможнымъ, чтобы одинъ рыцарь, какой-бы онъ и былъ и даже если-бы махалъ своимъ побѣдоноснымъ цѣлымъ сутки безъ всякой усталости, могъ заразы уложить тысячь враговъ, и это въ одномъ сраженіи. Чтобы аждага человѣка нужно все-таки время, чтобы убить сто людей нужно огромное время, и какъ ни махай мечемъ, сколько какихъ-нибудь часовъ, и заразы, одному этого нѣтъ. Между тѣмъ въ этихъ правдивыхъ книгахъ повѣдано, что дѣло кончалось именно въ одно сраженіе. Какъ могло происходить?

Я разрѣшилъ это недоумѣніе, другъ мой Санхо, сказалъ, что, Донъ-Кихотъ. Такъ какъ всѣ эти великаны, всѣ эти волшебники, были нечистая сила, то и арміи ихъ носили и волшебный и нечистый характеръ. Я полагаю что эти арміи состояли не совсѣмъ изъ такихъ-же людей, какъ мы, но изъ людей. Люди эти были лишь наводненіе, созданіе волшебства сей вѣроятности тѣла ихъ не походило на наши, а были похожи на тѣла, какъ, напримѣръ, у слизняковъ, червей, и т. п. Такимъ образомъ, крѣпкій и острый мечъ рыцаря, въ его рукѣ, упавая на эти тѣла, проходилъ по нимъ мгновенно безъ всякаго сопротивленія, какъ по воздуху. А

если такъ, то дѣйствительно онъ могъ однимъ взмахомъ и по тремъ или по четыремъ тѣламъ, и даже по десяти, естояли въ тѣсной кучѣ. Понятно послѣ того, что дѣло, чрезвычайно ускорялось и рыцарь дѣйствительно могъ истребить нѣсколько часовъ, цѣлыя арміи этихъ злыхъ ароповъ и др. чудищъ...

Здѣсь подмѣчена великихъ поэтомъ и сердцевадцемъ однихъ глубочайшихъ и таинственнѣйшихъ сторонъ человѣческаго О, это книга великая, не такая, какія теперь пишутъ; книги посылаются человѣчеству по одной въ нѣсколько лѣтъ. И такихъ подмѣченныхъ глубочайшихъ сторонъ чешской природы найдете въ этой книгѣ на каждой страницѣ. Взять уже то, что этотъ Санхо, олицетвореніе здраваго смысла, благоразумія, хитрости, золотой середины, попалъ въ другую страну, и спутники къ самому сумасшедшему человѣку въ мірѣ; и онъ, а никто другой! Все время онъ обманываетъ его, надукаетъ какъ ребенка и въ то же время вполне вѣритъ въ его разумъ, до нѣжности очарованъ великостью сердца его, и вѣритъ во всѣ фантастическіе сны великаго рыцаря и ни во все время, не сомнѣвается, что тотъ завоюетъ ему, наконецъ, островъ! Какъ-бы желалось, чтобъ съ этими великими преданіями всемірной литературы основательно знакомилось наше юношество. Чему учатъ теперь въ классахъ литературы не только знакомство съ этой величайшей и самой грустной книгой всѣхъ, созданныхъ гениемъ человѣка, несомнѣнно возвысило душу юноши великою мыслию, заронило-бы въ сердце ея великіе вопросы, и способствовало-бы отвлечь его умъ отъ отклоненія вѣчному и глупому идолу середины, вседозвольному эгоизму и пошлomu благоразумію. Эту самую *грустную* изъ книгъ не забудетъ взять съ собою человѣкъ на послѣдній судъ. Онъ укажетъ на собственную въ ней глубочайшую и роковую тайну человѣка и человѣчества. Укажетъ на то, что величайшая красота человѣка, величайшая чистота его, цѣломудріе, и чистотѣ души, незлобивость, мужество и наконецъ величайшій умъ все это не рѣдко (увы, такъ часто даже) обращается никуда, и проходитъ безъ пользы для человѣчества и даже обращается въ посмѣяніе человѣчествомъ единственно потому, что всѣмъ даровано благороднѣйшимъ и богатѣйшимъ дарамъ, которыми даже и бываетъ награжденъ человѣкъ, не доставало одного только дара—именно: *умѣнія*, чтобъ управлять всѣмъ богатствомъ этихъ даровъ, и всѣмъ могуществомъ ихъ,—управить и

это могущество на правдивый, а не фантастическій и
ишій путь дѣятельности, во благо человѣчества! Но ге-
т, отпускается на племена и народы такъ мало, такъ
то зрѣлище той злой ироніи судьбы, которая столь ча-
баетъ дѣятельность иныхъ благороднѣйшихъ людей и
ихъ друзей человѣчества,—на свистъ и смѣхъ и на по-
мнями, единственно за то, что тѣ, въ роковую минуту,
бля прозрѣть въ истинный смыслъ вещей и отыскать
е слово, это зрѣлище напрасной гибели столь великихъ
однѣйшихъ силъ—можетъ довести дѣйствительно до от-
ного друга человѣчества, возбудить въ немъ уже не
горькія слезы и навсегда озлобить сомнѣніемъ дотолѣ
вѣрующее сердце его...

чемъ, я хотѣлъ только указать на ту любопытнѣйшую
оторую, вмѣстѣ съ сотней другихъ такихъ-же глубокихъ
ній, подмѣтилъ и указалъ Сервантесъ въ сердцѣ чело-
ъ. Самый фантастическій изъ людей, до помѣшательства
ншій въ самую фантастическую мечту, какую лишь можно
ть, вдругъ впадаетъ въ сомнѣніе и недоумѣніе. почти
внее всю его вѣру. И любопытно, что могло поколебать:
ость его основнаго помѣшательства, не нелѣпость суще-
я скитающихся для блага человѣчества рыцарей, не не-
тѣхъ волшебныхъ чудесъ, которыя объ нихъ разска-
-правдивѣйшихъ книгахъ». нѣтъ, а самое, напротивъ,
нее и второстепенное, совершенно частное обстоятель-
нстическій человѣкъ вдругъ *затосковалъ о реализмѣ!*

появленія волшебныхъ арміи смущаетъ его: О, это не
сно сомнѣнію, и какъ-же-бы могли эти великіе и пре-
рыцари проявить всю свою доблесть, еслибъ не посы-
ла ихъ всѣ эти испытанія, еслибъ не было завистли-
ликановъ и злыхъ волшебниковъ? Идеаль странствующаго
столь великъ, столь прекрасенъ и полезенъ и такъ оча-
сердце благороднаго Донъ-Кихота, что отказаться вѣрить
совсѣмъ уже стало для него невозможностью, стало
льно измѣнѣ идеалу, долгу, любви къ Дульцинеѣ и къ
еству. (Когда онъ отказался, когда онъ излѣчился отъ
омѣшательства и *поумнѣлъ*, возвратясь послѣ втораго сво-
да, въ которомъ онъ былъ побѣжденъ умнымъ и здраво-
змъ пирульникомъ Караско, отрицателемъ и сатирикомъ,
часть-же умеръ, тихо, съ грустною улыбкою, утѣшая
его Санхо, любя весь міръ всею великою силой любви.

заключенной въ святомъ сердцѣ его и понимая, однако, что уже нечего болѣе въ этомъ мѣрѣ дѣлать). Нѣтъ, но смутно лишь то, самое вѣрное однако и математическое соображеніе какъ-бы ни махалъ рыцарь мечомъ, и сколь-бы ни была силенъ, все-же нельзя побѣдить армію во сто тысячъ за сколько часовъ, даже въ донъ, избивъ всѣхъ до послѣдней лодыжки. Между тѣмъ, въ правдивыхъ книгахъ это не стало бытъ, написана ложь. А если ужь разъ ложь, то ложь. Какже спасти истину? И вотъ онъ придумываетъ спасенія истины другую мечту, но уже вдвое, втрое фантасматическѣе первой, грубѣе и негнѣе, придумываетъ сотни тысячъ вожженныхъ людей съ тѣлами слизняковъ, но за то по вострому мечу рыцари можетъ вдесятеро удобнѣе и скорѣе чѣмъ по обыкновеннымъ человѣческимъ. Реализмъ, ставъ удовлетворенъ, правда спасена, и вѣрять въ первую, истинную мечту, можно уже безъ сомнѣній—и все, опять такъ ственно благодаря второй уже гораздо негнѣйшей коммодуманной лишь для спасенія реализма первой.

Спросите самихъ себя: не случилось-ли съ вами что-нибудь, можетъ быть, такого-же обстоятельства въ жизни? Вотъ вы любили какую-нибудь свою мечту, идею, свой выводъ, или нѣе или видѣніи какой-нибудь фактъ, поразившій васъ, заманивавшій, околдовавшій васъ. Вы устремляетесь за прелюбви вашей всѣми силами вашей души. Правда, какъ вы пленены вы, какъ вы подкуплены сердцемъ, но если есть предметъ любви вашей ложь, *навозожденіе*, что-нибудь такое вы сами преувеличили и исказили въ немъ вашей страсти, вашимъ первоначальнымъ порывомъ — единственно, что вы дадите изъ него вашего идола и поклонитесь ему—то ужь не мѣется, вы въ тайнѣ это чувствуете про себя, сомнѣніе гнетъ васъ, дразнить умъ, ходить по душѣ вашей и мѣшаетъ вамъ покойно съ излюбленной вашей мечтой. И чтожь, не те-ли вы, не сознаетесь-ли сами, хоть про себя: чѣмъ вы вдругъ утѣшились? Не придумали-ли вы новой мечты, или даже страшно, можетъ быть, грубой, но которой вы любовью послѣднимъ повѣрять, потому только что она развѣдала первое сомнѣніе ваше?

II.

принимавшы за людей. Что намъ выгоды: когда говорить о насъ правду или когда говорить о насъ вадоръ?

Въ наше время чуть не вся Европа влюбилась въ турокъ, въ или мѣнѣе. Прежде, наприимѣръ, ну хоть годъ назадъ, хоть я гулялъ въ Европѣ отыскать въ туркахъ какія-то національныя силы, но въ тоже время почти всѣ про себя понимали, что дѣлаютъ они это единственно изъ ненависти къ Россіи. Не зна-же они въ самомъ дѣлѣ не понимаютъ что въ Турціи нѣтъ и не можетъ быть силъ правильного и здороваго національнаго организма, мало того, — что и организма-то, можетъ быть, ужь не осталось никакого, — до того онъ разшатавъ, зараженъ и истощенъ; что турки азіятская орда, а не правильное государство. И теперь, съ тѣхъ поръ какъ Турція въ войнѣ съ Россіею, но по малу укрѣпилось и установилось, въ иныхъ мѣстахъ въ Европѣ, даже уже дѣйствительное и серьезное убѣжденіе, что Турція эта не только организмъ, но и имѣющій большую силу, которая въ свою очередь обладаетъ свойствомъ развитія и дальнѣйшаго прогресса. Эта мечта лѣзнетъ многіе европейскіе умы все болѣе и болѣе, а наконецъ даже и къ намъ перешла: и у насъ въ Россіи заговорили иные о какихъ-то неожиданныхъ національныхъ силахъ, которыя вдругъ проявила Турція. Но въ Европѣ укрѣпилась эта мечта опять таки изъ ненависти къ Россіи, у насъ-же — изъ малодушія и страшной поспѣшности деспотическихъ заключеній, которыя всегда были свойствомъ интеллигентныхъ классовъ нашего общества, чуть только лишь, начинались гдѣ нибудь и въ чемъ нибудь наши «неудачи»! Въ Европѣ случилось тоже самое, что произошло въ поврежденномъ Донѣ-Бихотѣ, но лишь въ формѣ обратной, хотя сущность была совершенно таже. тотъ, чтобы спасти *истину*, выдумалъ идеи съ тѣлами слизняковъ, эти-же, чтобы спасти свою основную мечту, столь ихъ утѣшающую, о ничтожности и безсильности Россіи, — сдѣлали изъ настоящаго уже слизняка организмъ чепуховскій, одаривъ его плотью и бровью, духовною силой и порывомъ. Объ Россіи-же самыя образованныя европейскія государства со страстью распространяютъ теперь совершенныя выдумки. Въ Европѣ и прежде насъ мало знали, даже до того, что всегда надо было удивляться, что столь просвѣщенные на-

роды такъ мало интересуются изучить тотъ народъ, который же такъ ненавидятъ и котораго постоянно боятся. Эта скверная привычка европейских о насъ познаній и даже нѣкоторая невозможность Европы понять насъ во многихъ пунктахъ, все это въ исторію отношеній было для насъ до сихъ поръ отчасти выгодно. А потому вреда не будетъ и теперь. Пусть они кричатъ у себя о «позорной слабости Россіи, какъ военной державы» вопреки свидѣтельству десятковъ ихъ-же корреспондентовъ на самомъ полѣ войны, удивлявшихся боевой способности, рыцарской стойкости и высочайшей дисциплинѣ русскаго солдата и офицера; пусть самыя возможные, хотя-бы и значительныя оmissions русскаго штаба въ началѣ войны, они считаютъ не только невидимыми, но и органическими всегдашними недостатками нашей арміи и націи (забывъ какъ часто мы ихъ бивали въ бѣдѣ за всѣ послѣднія два столѣтія). Пусть, наконецъ, самая смелѣйшая изъ ихъ политическихъ изданій сообщаютъ Европѣ точную истину, объ огромномъ бунтѣ народа, предводимомъ анархистами, на Выборгской сторонѣ въ Петербургѣ и о выданныхъ русскимъ начальствомъ двухъ полкахъ по желѣзнодорожѣ изъ Динабурга для спасенія Петербурга, — пусть это говорятъ они въ слѣпой своей злобѣ. Повторяю, намъ это выгодно, такъ какъ сами они не вѣдаютъ что творятъ. Вѣдь конечно, имъ-бы хотѣлось возбудить у себя повсемѣстно къ намъ ненависть, «какъ къ опаснымъ противникамъ ихъ цивилизаціи», — и вотъ они-же представляютъ насъ въ упавшемъ въ смѣшномъ до позора слабосилии какъ военной державы и государственнаго организма. Но вѣдь кто такъ слабъ и неженъ, тотъ можетъ-ли возбуждать опасенія и противъ себя другихъ націи? А имъ именно нужно настроить противъ насъ свое государство. Стало быть, во вредъ-же себѣ говорятъ, а коли такъ приносятъ намъ не вредъ, а пользу. Мы-же подождемъ.

Но вообразить только, что къ нимъ дошло-бы самое точное, и истинное свѣдѣніе о всей силѣ духа, чувства и воли нашей націи, о вѣрѣ народа русскаго въ справедливость великаго дѣла, за которое обнажилъ мечъ Государь его и въ несомнѣнное торжество этого дѣла, рано или поздно? Вообразить, что въ Европѣ поняли наконецъ, что война эта для Россіи есть національная война въ высшей степени и что народъ нашъ вовсе не мертвая и бездушная масса, какъ они всегда представляютъ его себѣ, а могущественный и сознающій свое могущество организмъ, чуждый всякаго чуждаго и нераздѣльный въ сердцѣ.

съ своей арміею, — о, какой-бы страхъ и какое повсемѣст-
ное возмущеніе возбудило-бы у нихъ это свидѣніе! И, ужь конечно,
скорѣе способствовало-бы къ дѣйствительной и явной уже
лиціи противъ насъ Европы, чѣмъ столь любезныя имъ кле-
ветки на наше слабосиліе и паденіе. Нѣтъ, ужь пусть они лучше
идутъ бунту на Выборгской. Насъ-же только ободрить, что они
не вѣрятъ.

Но въ Европѣ все это помѣтно, и понятно отъ чего это
исходитъ. Но какъ у насъ-то могутъ колебаться, волноваться
даже вѣрить въ какія-то новыя, вдругъ открывшіяся, жизнен-
ныя силы турецкой націи? Чѣмъ проявила она эту силу? Фана-
тизмъ? Но фанатизмъ мертвечина, а не сила, у насъ сто разъ
испытывали это самое-же эти люди, которые вѣрятъ теперь
въ турецкія силы. Говорятъ про турецкія побѣды. Но турки
разли, разъ и другой, лишь наши атаки, а это побѣды,
не сказать, отрицательныя, а не положительныя. Мы, сяди
Севастополь, отразили разъ приступъ французовъ и англій-
цевъ съ страшною для нихъ потерей людей, но Европа однако-
же не кричала тогда объ нашей побѣдѣ. Мы цѣлые два послѣд-
ніе мѣсяца были гораздо слабѣе силами, чѣмъ турки и чтожь
мы не воспользовались этимъ; чтожь не вытѣснили насъ
съ Балканы, не прогнали за Дунай? Напротивъ, мы вездѣ удер-
жали наши главные позиціи и вездѣ отразили турокъ. Бывало,
семь или восемь нашихъ батальоновъ разбиваютъ ихнихъ
полки, какъ недавно случилось подъ Церковной. Убѣжденные
въ силу турокъ, указываютъ однако на ихъ ружья, которые
лучше нашихъ, и даже на ихъ артиллерію, которая какъ будто
лучше нашей. Но они не хотятъ припомнить, что мы въ
своихъ войскахъ не съ одними турками, а и съ европейскими
полками, что множество англичанъ служатъ офицерами въ
турецкомъ войскѣ, что вооружены турки на европейскія деньги,
что европейская дипломатія во многомъ стала поперегъ нашей
дороги съ самаго начала войны, лишивъ насъ помощи естествен-
ныхъ союзниковъ нашихъ, лишивъ насъ даже настоящихъ до-
веренныхъ нашихъ въ Турцію. Кромѣ того Европа, ненавистью къ
намъ, несомнѣнно ободрила и фанатизмъ турокъ. Въ Европѣ
наконецъ заговоръ цѣлыхъ шаекъ, уже организован-
ныхъ, съ оружіемъ, съ деньгами, чтобъ броситься внезапно въ
спину нашей арміи. Въ довершеніе тамъ состряпали недавно и
еще разъ для турокъ, въ огромный ущербъ своему карману, и не-
малый заемъ этотъ состоялся единственно потому, что въ

Европѣ такъ полюбили мечту о томъ, что Турція не государственный организмъ, а дѣйствительно съ такою-же плотью и кровью, какъ и европейскіе государственные организмы. И это когда-же, когда кровь цѣлыхъ провинцій Турціи лилась рѣвою, когда открылся даже правильный заговоръ между самими правителями Турціи съ цѣлью истребить Болгаръ всѣхъ до единого? Турки воюютъ съ нами, кормя и поддерживая свое войско такими реквизиціями припасовъ, лошадей и скота съ Болгаръ, которыя не могутъ разорить до тла эту богатѣйшую провинцію Турціи. И эти разорители и умертвители собственной страны, просвѣщенные англичане дали займы денегъ, повѣрили ихъ экономическимъ состоятельности! Но пусть, пусть все это тамъ, тамъ все это понятно. Но у насъ-то какъ-же признаютъ турокъ съ Разореніемъ до тла собственной земли и истребленіемъ въ ней всего христіанскаго населенія страны—развѣ эта сила? Да такой и до конца войны имъ не хватитъ. Первый оборотъ въ нашу пользу—и все это фантастическое зданіе ихъ воли и національной силы рухнетъ мгновенно и за разъ, и разскажетъ какъ истинный призракъ, вмѣстѣ даже съ ихъ фанатизмомъ, который вылетитъ какъ изъ отвореннаго клапана паръ.

Нѣкоторые умные люди проклинаютъ теперь у насъ славянофильскій вопросъ, и на словахъ и печатно: «Дались, дескать, намъ славяне и всѣ эти фантазіи объ объединеніи славянъ! И кто навалилъ этихъ славянъ на шею, и для чего: на вѣчную разнь съ Европой; на вѣчную ея подозрительность къ намъ, ненависть и теперь и въ будущемъ! Да будутъ-же прокляты славянофилы и т. д., и т. д. Но эти восклицающіе умные люди, кажется, совершенно ложныя свѣдѣнія и о славянахъ и о Восточномъ вопросе, а многіе такъ совсѣмъ даже и не интересовались имъ самой послѣдней минуты.

А потому спорить съ ними нельзя. И вѣдь дѣйствительно неизвѣстно, что Восточный вопросъ (т. е. и славянскій вопросъ) вовсе не славянофилами выдуманъ, да и никѣмъ не выдуманъ, а самъ родился и уже очень давно—родился раньше славянофиловъ, раньше насъ, раньше васъ, раньше даже Петра Великаго и Русской имперіи. Родился онъ при первомъ слитіи великорусскаго племени въ единое русское государство, т. е. еще съ царствомъ Московскимъ. Восточный вопросъ есть исконная идея Московскаго Царства, которую Петръ Великій призналъ высшей степенію и, оставляя Москву, перенесъ съ собою въ Петербургъ. Петръ въ высшей степени понималъ ея органиче-

съ русскимъ государствомъ и съ русской душой. Вотъ кому идея не только не умерла въ Петербургѣ, но прямо признана была какъ-бы русскимъ назначеніемъ всѣмъ преемникамъ ея. Вотъ почему ее нельзя оставить и нельзя ей измѣнить. Взять славянскую идею и отбросить безъ разрѣшенія задачу судьбахъ Восточнаго христіанства (NB. сущность Восточнаго вопроса) — значитъ все равно, что сломать и въдребезги разбить Россію, а на мѣсто ея выдумать что нибудь новое, но только не совсѣмъ не Россію. Это было-бы даже и не революціей, а просто злоключеніемъ, а потому и невымыслимо даже, потому что нельзя уничтожить такое цѣлое и вновь переродить его совсѣмъ въ новыхъ органахъ. Идею эту не видятъ и не признаютъ теперь даже ужь самые слѣпые изъ русскихъ европейцевъ, да видѣтъ съ собою и къ стыду ихъ, биржевикъ. Биржевиками я называю здѣсь не только всѣхъ вообще теперешнихъ русскихъ, которымъ, кромѣ своего кармана, нѣтъ никакой въ Россіи заботы, а потому возникшихъ и на Россію единственно съ точки зрѣнія интересовъ своего кармана. Они кричатъ теперь хоромъ о торговомъ застоѣ, биржевомъ кризисѣ, о паденіи рубля. Но еслибы эти биржевики наши были настолько дальновидны, чтобъ понимать кое-что въ своей сфере, то они-бы и сами догадались, что еслибы Россія начала теперешнюю войну, то было-бы имъ-же хуже. Чтобы въ «дѣла», даже биржевыя, надо чтобъ нація жила въ самомъ здоровомъ, то есть настоящемъ живомъ жизнѣю и исполняя свое естественное назначеніе, а не была-бы гальванизированнымъ трупомъ въ рукахъ жидовъ и биржевиковъ — Еслибы мы не начали теперешней войны послѣ всѣхъ циническихъ и обидныхъ вызововъ враговъ нашихъ, и еслибы мы не помогали пестыми мученикамъ, то сами-же себя стали-бы презирать. А презрѣніе, нравственное паденіе, и за нимъ цинизмъ, — мѣшаютъ даже «дѣламъ». Націи живутъ великимъ чувствомъ и великою всѣхъ единящею и все освѣщающею мыслью; соединеніемъ народа наконецъ, когда народъ невольно признаетъ верховенство людей съ нимъ за одно, изъ чего рождается національная идея — вотъ чѣмъ живутъ націи, а не одной лишь биржевой спекуляціей и заботой о цѣнѣ рубля. Чѣмъ богаче духовно нація, она и матеріально богаче... А впрочемъ, чтось я какія слова говорю!

III.

**Легкій намекъ на будущаго интеллигентнаго русскаго чела
Несомнѣнный удѣлъ будущей русской женщины.**

Есть теперь странныя заботы. Положительно есть русскіе люди, боящіеся даже русскихъ успѣховъ и русскихъ побѣдъ потому боятся они, что желаютъ зла русскимъ, напротивъ, скорбятъ объ всякой русской неудачѣ сердечно, они хорошия люди, но они боятся и удачъ, и побѣдъ русскихъ, — «потому что явится послѣ побѣдоносной войны самоувѣренность, самохваленіе, шоввинизмъ, застои». Но вся ошибка этихъ добродушныхъ людей въ томъ, что они всегда видѣли русскій прогрессъ исключительно въ самооплеваніи. Да самонадѣянность-то намъ, не нужна, и всего нужнѣе теперь! Самоуваженіе намъ нужно навѣрное, а не самооплеваніе. Не безпокойтесь: застои не будутъ. Война отнесетъ столько новаго, и заставитъ столько измѣнить стараго, вы-бы никогда не добились того самооплеваніемъ и подражаніемъ, которыя обратились въ послѣднее время лишь въ пустую забаву. За то обнаружится и многое такое, что прежде случалось даже умниками-обличителями нашими лишь мелочью, слабыми пустяками и даже послѣднимъ дѣломъ, но что одна составляеть главнѣйшую нашу сущность дѣла во всемъ. Не намъ, не намъ предаваться шоввинизму и самоупоенію! Когда это случалось въ русскомъ обществѣ! Утверждающіе просто не знаютъ русской исторіи. Объ нашемъ самоупоеніи и говорили послѣ Севастополя: самоувѣренность-де насъ тогда губила. Но никогда интеллигентное общество не было у насъ менѣе самоувѣренно и даже болѣе въ разложеніи какъ въ эти предъ Севастополемъ.

Кстати замѣчу: изъ писавшихъ о нашемъ самоупоеніи и дивившихъ насъ пѣть послѣ Севастополя было нѣсколько молодыхъ писателей, обратившихъ тогда на себя большое вниманіе общества и возбуждившихъ въ немъ горячее сочувствіе ихъ обличеніемъ. И однако къ этимъ истинно желавшимъ дѣла обличителямъ присоединилось тогда тотчасъ-же столько нахальнаго и грязнаго народу, явилось столько свистопляски, столько людей совсѣмъ не понимавшихъ въ чемъ сущность дѣла, а мнѣмъ воображавшихъ себя спасителями Россіи, мало того — было въ ихъ числѣ столько даже откровенныхъ враговъ Ро-

подконецъ сами повредили тому дѣлу, въ которому прим-
которое повелось было талантливыми людьми. Но сначала
были успѣхъ, единственно потому, что чистые сердцемъ
люди, дѣйствительно жаждавшіе тогда повсемѣстно обнов-
новаго слова—не разобрали въ нихъ негодяевъ, людей
ихъ и безъ убѣжденій, и даже продажныхъ. Напротивъ,
кто они-то и за Россію, за ея интересы, за обновленіе,
за и общество. Кончилось тѣмъ, что огромное большин-
ства людей, наконецъ, разочаровалось и отвернулось
отъ нихъ,—а затѣмъ ужь пришли биржевики и желѣзнодорож-
ники, опровергъ этой ошибки, кажется, не повторится, потому что
уже явятся новые люди, уже съ новою мыслью и съ
новымъ словомъ.

Новые люди не побоятся самоуваженія, но и не побоятся
за старымъ. Не побоятся и умниковъ: они будутъ
но будутъ уже многое знать, по опыту и уже на дѣлѣ,
, что и не снилось мудрецамъ нашимъ. По опыту и на
научатся уважать русскаго человѣка и русскій народъ.
Ознаніе они ужь навѣрно принесутъ съ собой, и въ немъ-
етъ состоятъ ихъ главная точка опоры. Они не стануть
въ всѣхъ нашихъ бѣдъ и всѣхъ *неумный* нашихъ един-
ишь на свойства русскаго человѣка и русской природы,
гилось уже въ казенный пріемъ у нашихъ умниковъ,
то это и покойно и ума не требуетъ. Они первые за-
вѣствуютъ собою, что русскій духъ и русскій человѣкъ,
ста тысячахъ взваленныхъ на нихъ обвиненій, неви-
исколько, что тамъ, гдѣ только есть возможность пря-
гупа русскому человѣку, тамъ русскій человѣкъ сдѣлаетъ
о не хуже другаго. О, эти новые люди поймутъ, на-
смотря на всю свою скромность, какъ часто наши умни-
и чистѣйшіе сердцемъ и желающіе истинной пользы,—
между двухъ стульевъ, желая отыскать корень зла. Къ
новымъ людямъ, которые несомнѣнно явятся послѣ
примѣнетъ много живыхъ силъ изъ народа и русской
и. Они и до войны уже объявлялись, но мы все еще
могли тогда замѣтить, и когда мы всѣ здѣсь ожидали
лишь зрѣлища цинизма и растлѣнія, они тамъ явили
такого сознательнаго самоотверженія, такого искренняги
такой полной вѣры въ то, за что пошли отдавать свои
что мы здѣсь лишь дивились: откуда взялось все это?
и иностранные корреспонденты иностранныхъ газетъ

упрекали нѣкоторыхъ русскихъ офицеровъ за то, что они эгоисты, карьеристы, рвутся къ отличіямъ, забывая главную цѣль: любовь къ родинѣ и къ тому дѣлу, которому взялись жить. Но если и есть у насъ такіе офицеры, то все-же эгоистамъ корреспондентамъ не дурно было-бы узнать и о той молодежи или объ тѣхъ, незамѣтныхъ даже по чину своему офицерахъ, скромныхъ слугахъ отечества и праваго дѣла, которые умножились вмѣстѣ съ своими солдатами доблестно, съ полнымъ самоотверженіемъ, вовсе уже не для награды, не для красоты и не для карьеры, а потому только, что были великія сердца, великіе стіане и незамѣтные великіе русскіе люди, которыхъ такъ мучитъ не до послѣдняго солдата въ нашемъ войскѣ. Замѣтьте, что, говоря о грядущемъ новомъ человѣкѣ, я вовсе не указываю лишь на однихъ нашихъ воиновъ, въ ожиданіи того когда они выйдутъ вонъ. Явятся и безчисленные другіе — *всѣ тѣ, которые прежде такъ жаждали вѣрить въ русскаго человека*, и которые могли проявиться и идти противъ всеобщаго царившаго на насъ отрицанія и пессимизма. Но теперь, созерцая съ какою *откровенностью* свои силы проявился русскій человѣкъ *тамъ*, они поневоле обратятся и повѣрятъ, что есть настоящія русскія силы и здѣсь: отъ тамошнія-то взялись какъ не отсюда-же? А ободрившись, обратятся и скромно, но твердо примутся уже за настоящее дѣло, не боясь ни чьихъ громкихъ и звонкихъ словъ. И все та же старуха, старуха словъ! А умные старички наши все еще сихъ поръ увѣрены, что они-то и есть самые новые и молодые люди и что говорятъ самыя новыя слова!

Но главное и самое спасительное обновленіе русскаго общества выпадетъ безспорно на долю русской женщины. Послѣ нѣшней войны, въ которую такъ высоко, такъ свѣтло, такъ ослепительно проявила себя наша русская женщина, нельзя уже сомнѣваться въ томъ высокомъ удѣлѣ, который несомнѣнно ожидаетъ ее впереди нами. Наконецъ-то падутъ вѣковые предрасудки и «варварская Россія» покажетъ, какое мѣсто отведетъ она у себя «матушкѣ» и «сестрицѣ» русскаго солдата, самоотверженницѣ и мученицѣ за русскаго человѣка. Ей-ли, этой-ли женщинѣ, столь явно проявившей доблесть свою, продолжать отказывать въ полномъ вѣнствѣ правъ съ мущиной по образованію, по занятіямъ, по должностямъ, тогда какъ на нее-то мы и возлагаемъ всѣ надежды наши теперь, послѣ подвига ея, въ духовномъ обновленіи и нравственномъ возвышеніи нашего общества! Это уже было стыдно и неразумно, тѣмъ болѣе что не совсѣмъ отъ насъ

Есть будетъ теперь, потому что русская женщина сама и подобающее ей мѣсто, сама перешагнула тѣ ступени, къ которымъ ей полагался предѣлъ. Она доказала какой высоты мѣсть достигнуть и что можетъ совершить. Впрочемъ, говорю я про русскую женщину, а не про тѣхъ чувственныхъ дамъ, которыя кормили турокъ конфетами. Въ тѣхъ туркахъ, конечно, нѣтъ худа, но все-же вѣдь это не совершенныя тамъ тѣ женщины, а потому эти всего русскія старыя барыни, а тѣ — новыя русскія женщины. О про тѣхъ однѣхъ женщинъ говорю я, которыя тамъ живутъ въ дѣлѣ Божіемъ и въ служеніи человѣчеству; тѣхъ появленіемъ только доказали намъ, что въ русской землѣ еднѣмъ сердцемъ женщины, готовыхъ на общественный на самоотверженіе, — потому что, опять-таки, откуда взялись какъ не отсюда-же? Но о русской женщинѣ единственно ближайшемъ жребіи ея въ нашемъ обществѣ, я-бы поговорить побольше и особо, а потому и возвращаю къ этой темѣ въ слѣдующемъ октябрьскомъ «Дневномъ».

ОКТАБРЬ.

Глава первая.

I.

Къ читателю.

По недостатку здоровья, особенно мѣшающему мнѣ издѣвать «Дневникъ» въ точные опредѣленные сроки, я рѣшаюсь, или на два, прекратить мое изданіе. Дѣлаю это съ чрезвычайнымъ сожалѣніемъ, потому что и не ожидалъ, начиная въ начало года «Дневникъ», что буду встрѣченъ читателями съ такимъ сочувствіемъ. Сочувствіе это продолжалось все время послѣдняго дня. Благодарю за него искренно. Благодарю особенно всѣхъ обращавшихся ко мнѣ письмами: изъ писемъ я узналъ много новаго. И вообще, изданіе «Дневника», въ продолженіи этихъ двухъ лѣтъ многому меня самого научило, многомъ еще тверже укрѣпило. Но, къ сожалѣнію, я рѣшительно принужденъ остановиться. Съ Декабрьскимъ выпускомъ изданіе окончится. А вѣдь ни я, ни читатели не забудемъ другъ до времени.

II.

Старое всегдашнее военное правило.

Объ нашихъ военныхъ ошибкахъ въ нынѣшнюю кампанию говорили и писали въ Европѣ и въ Россіи. Продолжаютъ

ть и теперь. Вѣрная и полная оцѣнка нашихъ военныхъ дѣлъ, конечно, принадлежитъ лишь будущему, т. е., по крайней мѣрѣ, можетъ состояться лишь по окончаніи войны; но нѣкоторые факты выступаютъ уже и теперь съ достаточною полнотою, чтобъ составить о нихъ болѣе или менѣе точное сужденіе. Не о военныхъ ошибкахъ нашихъ возьмусь судить я, малокомпетентный въ этомъ дѣлѣ человекъ (хотя малокомпетентные-то, какъ всѣхъ болѣе у насъ теперь и горячатся). Я лишь хочу указать одинъ современный фактъ (а не на ошибку), который не былъ военной наукой мало разъясненъ, мало наблюдаемъ, не могъ быть оцѣненъ въ своей современной сущности, которую можно было угадывать лишь въ теоріи, но который, практически почти никогда не былъ подтвержденъ, вплоть до нынѣшней войны. Этому роковому, до нынѣшней войны практически не подтвержденному въ военномъ дѣлѣ факту, суждено, какъ нарочно, проявиться въ самой полной своей силѣ и въ окончательной своей точности, неминуемо въ нынѣшней кампанію, потому что этотъ, чисто военный фактъ, какъ подошелъ къ національному военному характеру турокъ, или какъ сказать къ главному отличительному свойству ихъ военного характера. Мало того, можно даже такъ заключить, что и этотъ, и не разъясненный-бы, пожалуй, безъ турокъ,—по крайней мѣрѣ, въ Европѣ не смотря на недавнія войны (и такія войны какъ франко-прусская война) онъ еще не былъ оцѣненъ, не успѣлъ опредѣлиться. Теперь, послѣ роковаго исхода текущей войны, онъ, разумѣется, войдетъ въ военное искусство и будетъ оцѣненъ по своему значенію. Но въ текущую войну, роковое для насъ заключалось въ томъ, что русская армія, такъ сказать, наткнулась на этотъ неразъясненный фактъ, и что означено было разъяснить его намъ, русскимъ, съ огромнымъ ущербомъ для насъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока этотъ фактъ не выяснился для насъ вполне. Между тѣмъ, очень часто, и у насъ, и въ Европѣ, наклонны до сихъ поръ считать этотъ огромный ущербъ, который мы понесли отъ этого неразъясненного факта—единственно лишь нашей военной ошибкой, а какъ тутъ было нѣчто роковое и неминуемое, а не ошибка, такъ на нашемъ мѣстѣ, наприимѣръ, хотъ германское войско, оно-бы ссадило себѣ на этомъ фактѣ бока... хотя, можетъ быть, скорѣе оцѣнило-бы его и послѣднѣе приняло мѣры. Я хочу только сказать, что не всѣ наши ошибки теперешней кампаніи—

суть въ самомъ дѣлѣ ошибки и что важнѣйшая изъ этихъ ошибокъ постигла-бы и любую европейскую армию на нѣмецкостѣ. Повторяю, мы наткнулись на неразъясненный военный фактъ и до разъясненія его понесли ущербъ, — а это нельзя считать безусловной ошибкой. Но что-же это за фактъ?

Когда я, въ моей юности, слушалъ курсъ вышекъ военныхъ и инженерныхъ наукъ въ Главномъ Инженерномъ Училищѣ, существовало у насъ одно убѣжденіе, считавшееся непреклонною аксіомою. (Впрочемъ, послѣдствію оговорюсь въ скобкахъ; я такъ давно оставилъ инженерное и военное, что не претендую ни на малѣйшую въ этомъ смыслѣ компетентность. Я поступилъ въ Главное Инженерное Училище и слушалъ въ немъ шестилѣтній курсъ въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ; затѣмъ, кончивъ курсъ и оставивъ училище, прослужилъ инженеромъ лишь годъ, вышелъ въ отставку и занимался литературой. Тотлебенъ вышелъ тремя или четырьмя годами прежде меня. Кауфмана я помню въ офицерскихъ классахъ съ младшимъ Кауфманомъ я былъ въ одно время еще въ дукторскихъ. Радецкій, Петрушевскій и Толшинъ были всего лишь однимъ классомъ старше меня. Изъ моихъ-же одноклассниковъ товарищей удалились съ прямого пути на путь шаткій и недѣльный всего только трое: я, писатель Григоровичъ и инженеръ Трутовскій. Однимъ словомъ, все это было очень дѣло. Эта инженерная аксіома состояла въ томъ, что нѣтъ и не можетъ быть крѣпости неприступной, т. е. какъ-бы ни было искусно укрѣплена и оборонена крѣпость, но въ концѣ концовъ она должна падать и что, стало быть, военное искусство атаки крѣпости всегда превышаетъ средства и искусство ея обороны. Разумѣется, все это лишь вообще и теоретически: отвлеченно разсматривая лишь существующее свойство обоехъ инженерныхъ искусствъ атаки и обороны крѣпостей. Разумѣется тоже, что нѣтъ при этомъ исключеній; и у насъ указывалось тогда на нѣкоторыя существующія крѣпости, которыя будто-бы были неприступны: Гибралтаръ, напримѣръ, о которомъ впрочемъ мы знали лишь по слухамъ. Но въ научномъ смыслѣ все-таки никакой Гибралтаръ по мнѣ и не долженъ былъ считаться неприступною аксіомою, что искусство атаки крѣпости всегда превышаетъ искусство ея обороны — оставалась непоколебимою.

Въ другомъ дѣлѣ на практикѣ. Плая крѣпость, напримѣръ, можетъ получить характеръ неприступной твердыни (не будучи такою), потому только, что она, по тѣмъ или другимъ об-

нѣтъ, можетъ слишкомъ долго задержать передъ собою силы непріятели, истощить эти силы и такимъ образомъ въ службу больше которой и нельзя требовать. Тотлебенъ, вѣроятно зналъ, что Севастополь все-таки возьмутъ и не могутъ не взять, какъ-бы онъ и не защищалъ его. Никки уже навѣрно не знали и не предполагали, начиная то Севастополь потребуеть отъ нихъ такихъ напряженій и противъ, вѣроятно, полагали, что Севастополь займетъ мѣста на два и войдетъ лишь какъ мимоходный эпизодъ вѣрный планъ тѣхъ безчисленныхъ ударовъ, которые онъ не нанесетъ Россіи и кромѣ взятія Севастополя. И вотъ Севастополь-то и сослужилъ службу непреступной твердоты и былъ взятъ подъ конецъ. Долгой, неожиданной и гениальной защитой Тотлебена, силы союзниковъ, военнаго и финансовыя, были истощены и потрясены до того, что и Севастополя о дальнѣйшихъ ударахъ (ничего было и не враги наши желали мира, по крайней мѣрѣ, не менѣе. А такія-ли условія мира предложили-бы они намъ, если-бы мы взяли Севастополь черезъ два мѣсяца! Такимъ образомъ и не надо абсолютно непреступныхъ крѣпостей; — при ихъ защитѣ и при доблестной стойкости защитниковъ и не непреступная крѣпость можетъ сломить силы враговъ. Не менѣе, какъ ни гениальна была защита Севастополя, горю это, онъ все-таки, рано-ли поздно-ли, долженъ былъ пастому что, при извѣстномъ равенствѣ силъ обоихъ противъ; сила атаки всегда превышаетъ силу обороны (т. е. какъ въ научномъ смыслѣ говоря, а не въ практическомъ, — ясныхъ твердынь дѣйствительно уходили иногда атакующіе даже долгой осады ихъ и не по непреступности ихъ, стывая лишь сдѣлать другой ударъ, въ другомъ мѣстѣ и лишь съ ущербомъ силъ, если только такой исходъ могъ быть).

III.

Тоже правило, только въ новомъ видѣ.

отъ этого военный фактъ, эта, такъ сказать, военная истина, въ нынѣшнюю нашу войну съ турками вдругъ какъ-бы оживилась и чѣмъ-же, — не «долговременнымъ» фортификационнымъ укрѣпленіемъ, не непреступною твердынею грозной

крѣпости, а летучимъ полевымъ, много что «временнымъ» фортификаціоннымъ укрѣпленіемъ. Прежде полевая укрѣпленіе въ счетъ не шли, это была лишь полевая фортификація. Первая фортификація лишь укрѣпляла мѣстность боя, но непріятною никогда ее не могла сдѣлать. У насъ подъ Бородиннымъ воздвигнуты редуты и оказали свою пользу, т. е. укрѣпили мѣстность, но все-таки были взяты и хоть съ ущербомъ для насъ, но все-таки въ тотъ-же день были взяты, въ день боя.

И вотъ подъ Плевной произошло что-то совсѣмъ уже новое. Рядъ простыхъ полевыхъ, много что *временныхъ* (не очень важная вещь въ прежнее время) укрѣпленій придаетъ мѣстности значеніе неприступной твердыни, которую прежними средствами взять нельзя, которая уже потребовала отъ насъ двойныя и тройныя усилія, чѣмъ предполагалось вначалѣ, и которая до сихъ поръ еще не взята. Будь весь этотъ грозный рядъ укрѣпленій съ прежними средствами защиты—устоялъ-ли-бы онъ противъ энергическаго, блистательнаго, безпримѣрнаго натиска русскихъ? Конечно, нѣтъ: сослужилъ-бы свое дѣло, затруднилъ атаку, но 50,000 русскихъ, конечно, при такомъ беззаветномъ натискѣ, какъ 30-го августа, овладѣли-бы редутами и разбили бы пятидесяти-тысячную армію Османа-паши, т. е. дѣло завершилось бы при равномъ числѣ войскъ и не потребовалось-бы никакихъ подкрѣпленій. Теперь-же, послѣ двухъ неудавшихся штурмовъ, оказалось необходимымъ увеличить нашу армію вдвое, и это въ крайней мѣрѣ, и это только первый шагъ къ достиженію цели.

Въ чемъ-же дѣло? Уже, конечно, въ теперешнемъ ружьѣ. Порокъ закрывшись наскоро набросанною насыпью можетъ выстрѣлить въ атакующихъ такую массу пуль, что не невѣроятно, если и вся штурмующая колонна, не дойдя еще и до главнаго, будетъ истреблена, до послѣдняго человѣка. О, конечно, не взять всю Плевну совершенно прежними средствами, т. е. при фронтальной атакѣ безъ фортификаціонныхъ работъ, точно также, какъ были взяты редуты подъ Бородиннымъ. *наши русскіе это-бы сдѣлали!* Можетъ быть, ни одна армія Европы не рѣшилась-бы сдѣлать это, а они-бы сдѣлали. То вотъ бѣда: оказалось изъ опыта, что для этого навѣрно придется положить русскихъ десятками тысячъ, такъ что, овладѣвъ редутами фронтальной атакѣ, мы, при равномъ вначалѣ числѣ войскъ съ Османомъ, оказались-бы подъ самый конецъ, столь обремененными численно, что уже не могли-бы сдержать Османа, который-бы потерялъ въ десять разъ меньше нашего за сѣ

шями. И такъ, послѣ двухъ страшныхъ неудавшихся при-
говъ выяснилась наконецъ необходимость: во первыхъ, уве-
чь вдвое нашу силу, затѣмъ, съ помощію Тотлебена, при-
тъ къ инженернымъ работамъ, къ чему-то даже похожему
гакъ сильнѣйшихъ, долговременныхъ крѣпостей затѣмъ къ
кенію Плевны, къ занятію дорогъ, къ пресѣченію сообще-
юдвозовъ къ непріятелю. Однимъ словомъ, рядъ весьма обык-
иныхъ полевыхъ и временныхъ укрѣпленій сослужилъ врагу
му роль первой классной крѣпости. И хотъ и возьмутъ Плевну
навѣрно), т. е. вѣрнѣе сказать хотъ и возьмутъ Османа,
онъ пройдетъ на проломъ, чтобы выйти изъ собственной
ня и не умереть въ ней съ голоду, — (а бросившись на
мъ *откроется*, и изъ защищающагося *перейдетъ самъ въ*
атакующаго, въ этомъ-то и все для насъ дѣло), чѣмъ ра-
потеряетъ всѣ выгоды смертоноснаго и непреоборимаго огня
крытыми укрѣпленіями, — тѣмъ не менѣе въ результатъ все-
выйдетъ то, что Плевна уже сослужила свое дѣло врагу
му. остановила первоначальное побѣдоносное шествіе рус-
ь. принудила на двойныя, тройныя усилія и растраты. (къ
даже и въ Европѣ уже считали Россію неспособной) и —
насть, можетъ быть, и безъ такого страшнаго для себя ре-
ата въ концѣ. Османъ все-же вѣдь надѣется хотъ половину-
ой арміи урвать у русскихъ и убѣжать вмѣстѣ съ нею.
ь онять гдѣ-нибудь оконаться и онять воздвигнуть новую
у если только ему дадутъ все это устроить: но вѣдь вся-
дозволительно надѣяться, а Османъ человѣкъ энергичный
дѣлѣ).

аже такъ можно сказать: если у обороняющагося есть шан-
и инструментъ и хотъ десятка два тысячъ солдатъ, съ те-
нимъ ружьемъ, то рядъ этихъ простыхъ прежнихъ поле-
укрѣпленій, которыхъ можно въ одну ночь разбросать по
ной мѣстности сколько угодно — на завтра усилить эти
ешніе два десятка тысячъ воиска до силы пятидесяти, или
десяти тысячной арміи, съ которою, если обстоятельства
сопріятствуютъ при томъ маневрированію, вы уже и не
е что дѣлать. Такимъ образомъ — этотъ рядъ легкихъ укрѣп-
оказывается иной разъ даже лучше для защищающагося чѣмъ
грозная и неприступная крѣпость, потому что эту крѣпость обо-
вишяся, отступая, какъ бы переносить съ собою въ другое лю-
ето, былъ бы шанцевый инструментъ. Вы у него возьмете ее,
едь. Положивъ при штурмѣ тысячи солдатъ, а на завтра васъ

встрѣчаетъ такая-же крѣпость на вашемъ пути, если то-
пѣть уйти отъ васъ врагъ. Не одна Плевна теперь въ
а всякая турецкая армія, всякій даже отрядъ окаяны
выставляетъ на утро русскому изъ-за окоповъ свои си-
ныя ружья: «Подходи-ка, дескать, въ двойныхъ силахъ,
войска вдесятеро, чѣмъ ты рассчитывалъ въ началѣ войны
бующему остается, чтобъ поровняться силами съ атако-
вать напротивъ него и тоже окопаться. Но этого не
атакующій, онъ пришелъ, чтобъ атаковать и идти впередъ
не можетъ сидѣть за укрѣпленіями, онъ пришелъ штур-
укрѣпленія... Знающіе люди поймутъ, что я говорю ли-
ретически, говорю объ атакѣ и оборонѣ вообще, отбрасъ
другія случайности войны, измѣняющія поминутно хо-
колеблющія его въ ту или другую сторону. Я хочу то-
разить формулу, что *при нынѣшнемъ ружьѣ*, съ помо-
левыхъ укрѣпленій, всякій обороняющійся, *съ какой-бы*
было странѣ Европы, получилъ вдругъ страшный перевѣ-
передъ атакующимъ. Сила обороны *пересиливаетъ* теп-
атаки и обороняющемся несомнѣнно выгоднѣе воева-
атакующему. Вотъ тотъ фактъ, до сихъ поръ въ военномъ
неразъясненный, въ достаточной полнотѣ, и даже совсѣ-
ожиданный, на который намъ, русскимъ, суждено было не-
ся и его разъяснить къ огромному нашему ущербу. И это
не наша *ошибка*, а лишь новый военный фактъ, вдер-
шедшій наружу и вдругъ разъяснившійся...

IV.

**Самыя огромныя военныя ошибки иногда могутъ быть
не ошибками.**

Ну вотъ, скажутъ мнѣ, какой вы тутъ новый фактъ (Развѣ не знали мы до начала кампаніи, что такое новое и его смертоносная сила? Да и не новое оно, а давнее, такъ что мы не только могли, но и должны были Петербургъ рассчитать и приготовиться къ его страшности, особенно за закрытымъ укрѣпленіемъ. То-то и *на дѣлѣ* не такъ выходитъ какъ кажется въ теоріи и дѣйствительно *не могли* рассчитать и приготовиться. И кажется лишь тѣмъ штатскимъ людямъ, которые, сидя въ

стахъ, критикуютъ теперь наши военныя дѣйствія. Я вѣдь признаю ошибку, замѣтите себѣ, я вѣдь признаю, что они быть должны. Я только этотъ одинъ фактъ не хочу считать условно нашей ошибкой и объявляю, что до нынѣшней войны былъ фактомъ неразъясненнымъ и даже неизвѣстнымъ *во всей своей подавляющей силѣ*. О, безъ сомнѣнія, можно рассчитать и заранее знать, что при нынѣшнемъ ружьѣ *закрывшись самымъ легкимъ укрѣпленіемъ, нанесетъ вреда атакующему даже вдвое болѣе чѣмъ прежде*; можно и рассчитать—это дѣло легкое и даже никакой военной науки не требуетъ. Но вотъ что было уже несравненно труднѣе *считать и предузнать*—именно: что при нынѣшнемъ ружьѣ *закрывшись укрѣпленіемъ, нанесетъ вреда не вдвое болѣе прежняго, а, по крайней мѣрѣ, вдесятеро*, а при такой *германской оборонѣ*, которую мы встрѣтили у турокъ (и на которую намъ слишкомъ извинительно было не рассчитывать) *и вдесятеро*. Фактъ-то былъ, положимъ, извѣстенъ, но *его, размеры его были неизвѣстны*. Неизвѣстно было, что *новое ружье хоть и усилило нападающаго, но защищающаго усилило несравненно больше*. Эта *чрезмѣрность-то* усиленія *за намъ извѣстна*, и вотъ *чрезмѣрность-то* эта и *составляетъ новый, неожиданный фактъ*, на который мы наткнулись. *Эта была извѣстна и не могла быть извѣстна*, потому что *до теперешней войны съ турками, она не открывалась вой полнотѣ*. Повѣрьте, что будь на нашемъ мѣстѣ германская армія, то и она-бы *наткнулась* на этотъ фактъ и *набы* себѣ бока порядочно. Повторяю, можетъ быть, ранѣе *она оцѣнила-бы и усвоила все значеніе факта, и мѣры-бы взяла*. Но тутъ ужь свойства народнаго духа: нѣмецъ *остороженъ и осмотрительнѣе*, въ иныхъ случаяхъ, русскаго, но *русскій солдатъ обладаетъ за то такой самоотверженной дисциплиной, такимъ полнымъ самопожертвованіемъ, такой силой и стойкости и напора*, что, право, трудно рѣшить: что еще *лучше*—то въ военномъ дѣлѣ, то или другое? Естественно, что *компетентные люди, зная русскаго солдата, могли не задумываться вначалѣ, прежде опыта надъ силой новаго ружья, даже за укрѣпленіями, и хотя-бы оно не только оди, а вдесятеро было страшнѣе прежняго ружья*—могли не столько бояться его. А оказалось, что новое ружье за укрѣпленіями *наносило и даже вдесятеро сильнѣе прежняго ружья, но въ войну можно было убѣдиться единственно лишь изъ практикы...*

А практики въ этомъ случаѣ до сихъ поръ еще въ европейскихъ войнахъ не было. Да съ появленіемъ новаго ружья много фактовъ не разъяснилось и даже самыхъ казалось простѣйшихъ. Мы, напримѣръ, только и ожили теперь, когда прибыли къ нашему войску Берданки, а пустили войско вѣчалѣ съ другимъ ружьемъ, медленнымъ и недалнобойнымъ. Уже была безспорная ошибка. Но тотъ фактъ, на который указываю, не былъ ошибкой: предвидѣть его нельзя было всей полнотѣ, рассчитать тоже нельзя было въ точности практики.

Франко-прусская война, между двумя народами столь великими по образованію, столь равными по силѣ открытій, изобретеній, столь равными по вооруженію (у французовъ было лучше ружье, чѣмъ у нѣмцевъ, и нѣмцы принуждены были принять, не откладывая дѣла, въ самый моментъ войны) — франко-прусская война, привнесшая столь много новаго въ военное искусство и почти произведшая въ немъ переворотъ, разъяснила однакоже нашего факта ни мало. А могла-бы разъяснить. Но случились особые обстоятельства, тому помѣшавшія и побѣдитель Франціи до сихъ поръ, до самой нашей турецкой войны, оставался въ невѣденіи, что побѣжденный имъ французъ имѣлъ колоссальное средство въ своихъ рукахъ, чтобъ остановить напоръ нѣмцевъ въ 1871 году, но не прибѣгнувъ къ этому средству лишь по особымъ обстоятельствамъ, сдѣлавшимъ то средство это и не могло тогда войти французу въ голову. Нѣмецъ побѣдилъ вовсе не французовъ, а лишь французскіе тогдашніе порядки, сначала наполеоновскаго режима, а потомъ республиканскаго хаоса. Въ началѣ войны французская армія національный характеръ которой — фронтальная атака грудью была страшно изумлена и подавлена нравственно тѣмъ, вмѣсто перехода черезъ Рейнъ и вторженія въ Германію, принуждена защищать свою территорію у себя дома. Произшло нѣсколько сраженій въ которыхъ побѣдили нѣмцы. Но ни о томъ, что съ ихъ великолѣпнымъ шаспо, можно-бы съ выдвинуть, чтобъ остановить страшный натискъ врага, нѣсколько страшнѣйшихъ Плевнѣ — не приходила французу вовсе въ голову. Онъ все рвался грудью впередъ, и до самаго Седана хотѣлъ вѣрить, что онъ побѣжденъ. Послѣдовалъ Седанъ, а тѣмъ регулярныя арміи, въ большинствѣ своемъ, по соображеніямъ вовсе не военнымъ, были устранены отъ дѣла. Осталась защита Парижа съ сумасшедшимъ Трошю. Гамбетта вылетѣла

въ Парижа на воздушномъ шарѣ, descendit du Ciel (сошелъ съ ба) въ одномъ департаментѣ (какъ пишетъ объ немъ одинъ туркъ), объявилъ диктатуру и началъ набирать новыя арміи. Эти новыя арміи мало похожи были на настоящее войско составлены изъ всякаго сброду не по вину одного Гамбетты. И они писали тогда-же, что большинство ихъ солдатъ не было даже зарядить ружья и прицѣлиться, да и не заботились о томъ, не хотѣло воевать, а хотѣло покоя. Пошла зима, жажда, голодъ. Гдѣ имъ было догадаться что можно вдругъ быть втрое, вчетверо сильнѣе врага, съ ружьемъ Шаспо и съ шанцевымъ инструментомъ? Да и былъ-ли у нихъ шанцевый инструментъ? Помѣшала тоже осада Парижа, имѣвшая смыслъ не рѣшающе-политическій, чѣмъ военный. Однимъ словомъ, французы новымъ страшнымъ военнымъ фактомъ не воспользовались, да и сами не узнали его силы. Съ теперешней нашей турецкой войной фактъ выяснился во всей полнотѣ, и конечно, политическіе и военные люди Германіи съ безпокойствомъ намочали его себѣ на усть. Въ самомъ дѣлѣ, если бы этотъ войдетъ въ науку, въ тактику всѣхъ армій, то, можетъ быть, и французы имъ воспользуются, когда Германія стѣнетъ на нихъ бросится. И если французы, отбросивъ свои старые предразсудки (что очень трудно дѣлается). — вполне имѣютъ убѣжденіе, выведенное изъ турецкой нашей войны: что атака, съ новымъ ружьемъ и шанцевымъ инструментомъ не только спльнѣе теперь атаки и требуютъ отъ атакующаго меньшій силы, то выйдетъ слѣдующее соображеніе: у французовъ войска миллионъ, но есть общее военное правило, что атаковать несравненно легче совокупить свои силы, если вы воюете у себя дома, даже еслибы государство было и при атакованіи невыгодныхъ военныхъ границахъ какъ Россія, но что выигранный еслибы имѣлъ (чего никогда не бываетъ) даже хоть и миллионъ войска, то никакъ онъ не можетъ войти въ атакованную землю болѣе чѣмъ съ шестью или семьюстами тысячами войска. Вообразите-же теперь, что этотъ весь миллионъ атакованныхъ, прибѣгнетъ при томъ къ шанцевому инструменту съ такою-же энергіей и широкостью приѣма, какъ теперь французы. Вообразите при томъ талантливаго полководца и превосходныхъ инженеровъ. — тогда въ Германіи пришлось-бы поспѣвать во Францію даже и не миллионъ, а минимумъ полтора! Объявитъ навѣрно кто-нибудь теперь въ Германіи думаетъ.

V.

Мы лишь наткнулись на новый фактъ, а ошибки не было. Двѣ арміи—двѣ противоположности. Настоящее положеніе дѣла

И именно туркамъ суждено было открыть новый фактъ всей полнотѣ! Другіе народы, другія арміи долго-бы не открыли его *практически въ такой* полнотѣ. Турки слишкомъ давно не нападаютъ на Европу сами и привыкли именно въ защитѣ. Это и есть главная національная черта турецкой арміи. За укрѣпленіями турокъ выносливъ, энергиченъ, въ нынѣшнюю-же войну Европа какъ нарочно ободрила его, помогла ему оружіемъ, снарядами, въ огромномъ размѣрѣ деньгами, и, наконецъ, подстреканіями и натравливаніемъ на насъ возбудила въ немъ фанатизмъ. Было кому надоумить его если-бъ даже онъ и не зналъ факта, но фактъ какъ разъ сошелся съ его національнымъ инстинктомъ. Сразу понялъ онъ что такое шанцевый инструментъ и скорострѣльномъ ружьѣ и какой чрезмѣрный перевѣсъ силы онъ обрѣтаетъ теперь защита, съ помощію его, надъ атакой. И именно нарочно суждено было нарваться на это русскимъ,—т. е. именно арміи, которая, по старинной вѣковой привычкѣ, усвоила себѣ атаку рьянымъ напоромъ грудью, всѣмъ вмѣстѣ, товариществомъ, обращаясь изъ тысячъ вдругъ какъ-бы въ одно шествіе... Вотъ изъ двухъ-то этихъ обратныхъ другъ другу противоположностей и выяснилась новая аксіома во всей полнотѣ. Повторяю еще разъ: еще можно было предвидѣть и рассчитать, сила новаго ружья за закрытымъ шанцемъ превышаетъ вдвое даже втрое усиліе атакующаго. Надѣясь на стойкость и неслыханную энергію русскаго солдата, мы могли смотрѣть на это и *втрое*—съ презрѣніемъ (и долго смотрѣли такъ), но оказалось не вдвое и втрое, а вдесятеро. Этого нельзя было предвидѣть и даже, не смотря уже въ практику, усвоить скоро.

Штатскимъ военнымъ, разумѣется, все это будетъ смѣшно и факта, опять-таки никакого они не признаютъ вовсе: «должны были предугадать и кончено». Всѣмъ извѣстно, что ружье вѣсело даетъ десять, двѣнадцать выстрѣловъ въ минуту, и должны были понять, что съ такимъ ружьемъ, сидя за укрѣпленіемъ, турокъ побьетъ атакующую колонну до послѣдняго члена вѣка». Но въ теоріи, прежде опыта, повторяю опять, не было узнать это во всей полнотѣ. Есть удивительно про-

которыхъ самые гениальные полководцы не могли заранѣе угадать. Одинъ французскій военный историкъ горько упреждаетъ Наполеона I-го за то, что тотъ, имѣя у себя, въ пятнадцатомъ году, 170-ти-тысячную армію (всего на все) и зная отлично, какъ ни солдата болѣе не достанетъ отъ Франціи — до того она истощена двадцатилѣтними войнами, рѣшился однакоже напасть на враговъ, т. е. на вѣдущую войну, а не внутреннюю. Этотъ историкъ силится доказать, что еслибы онъ побѣдилъ при Ватерлоо, то это-бы нисколько не спасло его отъ окончательнаго разгрома въ ту же кампанію, въ виду явющаго численнаго превосходства силъ коалиціи. Вся слава Наполеона состояла, говоритъ этотъ историкъ, въ томъ, что онъ, по прежнему еще, считалъ французскаго солдата стоящимъ двухъ нѣмецкихъ; и еслибы это было дѣйствительно правдой, конечно, онъ-бы тѣмъ восполнилъ недостатокъ силъ, съ которыми выходилъ на бой со всею Европой. Но въ пятнадцатомъ году это было уже не такъ, критикуетъ историкъ: нѣмцы къ пятнадцати лѣтамъ научились сражаться и выровняли своихъ до того, что нѣмецкій солдатъ совершенно равнялся французскому. И такъ и гениальный Наполеонъ сдѣлалъ такую ошибку-бы, кажется, ошибку, не догадавшись о томъ что уже должно было давно знать и что такъ ясно бросалось въ глаза его глазу. Но критиковать легко, и легко быть великимъ полководцемъ сидя на диванѣ. Замѣчательно то, что и Наполеонъ и мы имѣемъ на весьма сходномъ пунктѣ, т. е. ошибочно приписываемъ большое значеніе нѣкоторымъ національнымъ особенностямъ нашихъ войскъ.

Въ заключеніе, повторяю еще и еще разъ, что все связанное съ смысломъ лишь вообще, имѣетъ смыслъ лишь научный, — (вѣршавъ невѣрный объ этомъ пусть всякій судить какъ хочетъ). Практикѣ результаты могутъ чрезвычайно измѣняться. Такъ, нѣмцы, турки дали-же намъ въ началѣ войны перейти за Дунай и вѣршавъ за Балканами, сдавали-же они свои крѣпости и города и шли-же передъ нами, вовсе не думая о шанцевомъ инструментѣ значенія своего ружья Пибоди. И фанатизму въ нихъ тогда еще, вѣршавъ, не было. Въ чемъ дѣло они сами-то, по настоящему, узнаютъ лишь подъ Плевной. Тутъ-то они въ первый разъ доходятъ о всѣхъ современныхъ выгодахъ атакуемаго въ тактическомъ отношеніи. Но можетъ случиться, что Плевна будетъ взята черезъ недѣлю, а съ нею и весь Османъ, т. е. ни одного изъ нихъ, можетъ быть, не удастся ему съ собой увести, если онъ

пойдетъ на пробой. Затѣмъ вдругъ, напимѣрь, можетъ явиться у турокъ прежній упадокъ духа, забудутъ и объ Адрианополѣ и объ Софіи, шанцевый инструментъ побрасаютъ, убѣгая по русскимъ натискомъ безъ оглядки, однимъ словомъ, много можетъ случиться—но все это вовсе не измѣнитъ значенія аксіомы, въ ея общемъ смыслѣ, т. е. что при теперешнихъ обстоятельствахъ, сила обороны превышаетъ силу атаки не по прежнему *чрезмѣрно*. Возьмемъ еще примѣръ: гдѣ-нибудь ведется война и генералъ затворился съ своимъ отрядомъ въ сильной крѣпости. Разсчитавъ всѣ данныя, т. е. средства провіанта, помѣщеніе, силу крѣпостныхъ верховъ, инженерная наука можетъ (можетъ) опредѣлять почти до точности: сколько времени крѣпость могла-бы сопротивляться и тѣмъ принести несомнѣнную пользу своему государству, задержавъ въ самое горячее время войны *стѣнами* своими вдвое, напимѣрь, сильнѣйшаго атакующаго пріятеля? Положимъ, этотъ срокъ шесть или семь мѣсяцевъ, вотъ вдругъ генералъ, затворившійся въ этой крѣпости, сдается на капитуляцію по своимъ особеннымъ соображеніямъ черезъ 7 мѣсяцевъ, а черезъ два! Но вѣдь это ни мало сколько не нарушаетъ первоначальнаго научнаго разсчета возможности защищаться семь мѣсяцевъ. Однимъ словомъ, практика можетъ измѣнять дѣло съ безконечными варіантами. Тѣмъ не менѣе аксіома о *чрезмѣрности* перевѣса (даже и не снывающаго никому и нигдѣ прежде до теперешней нашей войны съ турками) силы обороны передъ силой атаки, при теперешнихъ обстоятельствахъ вооруженія — остается во всей силѣ. (Подчеркну разъ: не перевѣсъ силы нельзя было намъ предвидѣть, а *чрезмѣрность* его).

Но теперь практика уже на нашей сторонѣ и мы боимся *такой* ошибки не сдѣлаемъ. Теперь тамъ Тотлебенъ; что дѣлаетъ, намъ въ точности неизвѣстно, но гениальный инженеръ найдетъ, можетъ быть, средство (не только въ частномъ случаѣ, но и вообще) потрясти аксіому, уничтожить *чрезмѣрность* и уравновѣситъ двѣ силы (атаки и обороны) какимъ-нибудь гениальнымъ открытіемъ. На его дѣйствія внижательнѣе жадно смотритъ Европа и ждетъ не однихъ политическихъ водовъ, но и научныхъ. Однимъ словомъ, нашъ военный зонтъ просіялъ и надеждъ опять много. Въ Азій бончѣ большой побѣдой. Балканская-же армія наша многочисленна и великолѣпна, духъ ея вполне на высотѣ своей цѣли. Русскій народъ (т. е. народъ) весь, какъ одинъ человекъ, хочетъ

дѣлъ войны за христіанство была достигнута. Нельзя не плакать надъ своими дѣтьми, идущими на войну: жаль; но убѣжденіе въ святости дѣла остается во всей силѣ. Отцы и матери знаютъ, на что отпускаютъ дѣтей: родная. Это отрицаютъ иные, не вѣрятъ, набираютъ ротивурѣчущіе, а вотъ табія, напримѣръ, извѣстія, желѣзнодорожники, въ газетахъ я остаются почти непримѣченными. Станціи Бирзулы пашутъ въ «Одесскій Вѣстникъ», что вѣра черезъ эту станцію провезено въ дѣйствующую 800 выздоровѣвшихъ солдатъ съ ними было 6 выздоровѣвшихъ раненыхъ офицеровъ. Замѣчательно, что изъ числа ихъ ни одинъ не пожелалъ воспользоваться своимъ правомъ остаться въ запасныхъ войскахъ. Всѣ сѣвшили и сѣвшили въ войну.» «Моск. Вѣд.», № 251

вамъ нравится такое свидѣніе? Вѣдь ужь, кажется, такіе свидѣтельства о характерѣ дѣла! Какже утверждать, что нынѣшняя война не имѣетъ народнаго характера народъ въ сторонѣ? Но такихъ фактовъ не одинъ, а много. Всѣ они соберутся и просіяютъ и войдутъ въ Исторію. Большинство этихъ фактовъ засвидѣтельствовано именнѣйшими европейскими очевидцами, и теперь уже ихъ изменить, подтасовать и представить въ биржевомъ или со-клерикальномъ видѣ...

Глава вторая.

1.

Генералъ Гартунга и всегдашній вопросъ нашъ: кто виноватъ?

Русскія газеты толковали недавно (и до сихъ поръ толковали) самоубійствѣ генерала Гартунга, въ Москвѣ, во время сѣданія Окружнаго Суда, четверть часа спустя послѣ провозглашенія обвинительнаго надъ нимъ приговора присяжныхъ. Потому я думаю, что всѣ читатели «Дневника» уже болѣе или менѣе объ этомъ чрезвычайномъ и трагическомъ происшествіи, и подробно объяснять его мнѣ уже не придется. Смыслъ въ томъ, что человекъ, въ значительномъ кругу высшего, сходится съ бывшимъ портнымъ а по-

говору: «вотъ, дескать, примѣръ, палецъ невинный». Другіе либо замѣтили, что такимъ торжественнымъ и послѣднимъ членомъ на землѣ, почти невозможно не вѣрить, а, стало почти несомнѣнно можно заключить, что произошла плачевная ошибка. И многое, многое говорили и писали. Надо признаться, нѣкоторые изъ отзывовъ газетъ были: слышалась какая-то фальшь, можетъ быть, горячая и я, но фальшь. Гартунга жалко, но тутъ скорѣе трагическая (глубокая), фатумъ русской жизни, чѣмъ съ которой стороны ошибка. Или, лучше сказать, тутъ всё виноваты: и обычай нашего интеллигентнаго общества, и характеръ этого общества выровнявшіеся и создавшіеся, нравы и обычай нашихъ заимствованныхъ и недостаточно нашихъ молодыхъ судовъ. Но вѣдь когда всё огуломъ виновато, порознь нѣтъ никого виновнаго. Изъ всѣхъ отзывовъ мнѣ всего болѣе понравился отзывъ «Норменни». Я наканунѣ какъ разъ говорилъ съ однимъ изъ тонкихъ юристовъ и знатоковъ русской жизни, и оказало на счетъ этого дѣла, у насъ одинъ и тотъ-же выречемъ мой собесѣдникъ весьма мѣтко указалъ на «трагизмъ» этого дѣла и на причины трагизма. На другой день, въ нѣ Незнакомца, я прочелъ очень многое, весьма похожее объ чемъ мы только что говорили наканунѣ. А потому, скажу теперь нѣсколько словъ, то лишь въ частности и ходу».

II.

Джентльмень. Джентльмену нельзя не остаться до конца
джентльменомъ.

о въ томъ что старые характеры еще не перевелись и, еще долго не переведутся, потому что на все надобенъ и вездѣ природа. Я говорю о характерахъ нашего интеллигентнаго общества. Здѣсь впрочемъ настойчиво и съ упоромъ замѣчу: что и не хорошо было-бы, еслибъ мы вдругъ, вдругъ измѣнились, потому что самая противная вещь въ интеллигентныхъ характерахъ именно это свойство легкости и безсодержательности. Она напоминаетъ что-то ладное, ладное, рядящагося въ барское платье. Одно изъ свойствъ, вѣдь, нашего джентльменничанья, если мы почему-нибудь

томъ процентщикомъ и дисконтеромъ Занфтлебенемъ, и въ томъ только, что принужденъ былъ занимать у него деньги даже какъ-бы и дружественно, принимаетъ, напримѣръ, на обязанность его душеприкащика и, повидимому, очень охотно. Затѣмъ по смерти Занфтлебена, происходитъ нѣсколько вѣщныхъ вещей: пропадаетъ вексельная книга неизвѣстно куда, селя, бумаги и документы, съ совершеннымъ нарушеніемъ порядка, предписаннаго закономъ, отвозятся Гартунгомъ въ на квартиру. Гартунгъ, какъ оказывается, вступаетъ въ соглашеніе съ одной частью наследниковъ въ ущербъ другой (хотя можетъ быть, и не подозреваетъ того самъ). Затѣмъ къ нему является одинъ изъ наследниковъ и бѣдному душеприкащику на дѣлѣ приходится узнать, что онъ попалъ въ такое общеніе въ какое и не ожидалъ. Затѣмъ начинаются обвиненія уже прежде въ кражѣ векселей, вексельной книги, въ перепискѣ векселей въ исчезновеніи документовъ слишкомъ на сто или даже на сотни тысячъ рублей имущества... Затѣмъ начинается судъ. Прокуроръ даже радъ суду и тому, что генераль сидитъ рядомъ престолюдиномъ и тѣмъ даетъ поводъ русской Землѣ простить торжество равенства передъ закономъ сильныхъ и высшихъ съ малыми и ничтожными.

Судъ, однако же, идетъ нормальнымъ порядкомъ (что-то говорили объ этомъ), и въ концѣ концовъ присяжные выносятъ почти неминуемое обвиненіе, въ томъ числѣ и о Гартунгѣ, съ котораго: «виновенъ и похитилъ». Судъ удаляется составить свой говоръ, но генераль Гартунгъ дожидаться его не захотѣлъ: въ другую комнату, онъ, говорятъ, сѣлъ къ столу и схватилъ объими руками свою бѣдную голову; затѣмъ вдругъ раздался выстрѣлъ: онъ умертвилъ себя принесеннымъ съ собою и выжженнымъ заранѣе револьверомъ, ударомъ въ сердце. Нашли тоже заранѣе заготовленную записку, въ которой онъ «клянется всемогущимъ Богомъ», что ничего въ этомъ дѣлѣ не похитилъ и враговъ своихъ прощаетъ». Такимъ образомъ умеръ въ сознаніи своей невинности, и въ сознаніи своего тельменства.

И вотъ эта-то смерть и взволновала всѣхъ въ Москвѣ, газеты во всей Россіи. Говорятъ, и судьи и прокуроръ изъ своихъ комнатъ совсѣмъ блѣдые. Присяжные, говорятъ, бы тоже были сконфужены. Газеты завопили даже объ «очевидномъ несправедливомъ рѣшеніи» и одинъ изъ нихъ замѣчалъ, что эти суды нельзя уже теперь обвинять за мягкіе потво-

де приговоры: «вотъ, дескать, примѣръ, палъ невиный». Другіе справедливо замѣтили, что такимъ торжественнымъ и послѣднимъ ювамъ челоуѣва на землѣ, почти невозможно не вѣрить, а, стало бытъ, почти несомнѣнно можно заключить, что произошла плачевная судебная ошибка. И многое, многое говорили и писали газеты. Надо признаться, нѣкоторые изъ отзывовъ газетъ были глупы: слышалась какая-то фальшь, можетъ быть, горячая и искренняя, но фальшь. Гартунга жалко, но тутъ скорѣе трагедія (преглубокая), фатумъ русской жизни, чѣмъ съ которой быдуть стороны ошибка. Или, лучше сказать, тутъ все виноваты нравы и обычай нашего интеллигентнаго общества, и характеры въ этомъ обществѣ выровнявшіеся и создавшіеся, накопившіеся, нравы и обычай нашихъ заимствованныхъ и недостаточно усвоившихъ молодыхъ судовъ. Но вѣдь когда все огуломъ виноваты, значить, порознь нѣтъ никого виновнаго. Изъ всѣхъ известныхъ отзывовъ мнѣ всего болѣе поправился отзывъ «Нового Времени». Я наканунѣ какъ разъ говорилъ съ однимъ изъ нашихъ тонкихъ юристовъ и знатоковъ русской жизни, и оказалось, что на счетъ этого дѣла, у насъ одинъ и тотъ-же выводъ, причемъ мой собесѣдникъ весьма мѣтко указалъ на «страшную» этого дѣла и на причины трагизма. На другой день, въ разговорѣ Познакомца, я прочелъ очень многое, весьма похожее на то, объ чемъ мы только что говорили наканунѣ. А потому и скажу теперь нѣсколько словъ, то лишь въ частности и въ поводѣ».

II.

Русскій джентльменъ. Джентльмену нельзя не остаться до конца джентельменомъ.

Дѣло въ томъ что старые характеры еще не перевелись и не переведутся, еще долго не переведутся, потому что на все надобно время и вездѣ природа. Я говорю о характерахъ нашего интеллигентнаго общества. Здѣсь впрочемъ настойчиво и съ упорствомъ замѣчу: что и не хорошо было-бы, еслибы мы вдругъ, какъ флюгера измѣнялись, потому что самая противная вещь въ характерахъ интеллигентныхъ именно это свойство легкости и безсодержательности. Она напоминаетъ что то легкое, лавая, рядяшагося въ барское платье. Одно изъ свойствъ примѣръ, нашего джентельменничанья, если мы почемъ-нибудь

разъ прикоснулись къ богатымъ и знатымъ, и особенно къ нимъ проникли—это *представительность*, потребность ставить себя широко. Замѣтите, я лично о Гартунгѣ не говорю теперь ни слова, я совершенно не знаю его біографіи; я только хочу отмѣтить нѣсколько штриховъ, всѣмъ извѣстнаго характера нашего интеллигентнаго человѣка, говоря вообще, и съ которыми при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могло-бы случиться точь точь тоже самое что и съ генераломъ Гартунгомъ. Человѣкъ, примѣръ, ничтожный, въ маломъ чинѣ, безъ гроша въ карманѣ вдругъ попадаетъ въ высшее общество, или хотя почему-то соприкасается съ нимъ. И вотъ, у бѣдняка ничего неимѣющаго, кромѣ способности профильтроваться въ высшее общество, вдругъ является своя карета, квартира, въ которой «возможно» жакетъ, лакеи, костюмы, перчатки. Можетъ быть, онъ хочетъ сдѣлать карьеру, выбиться въ люди, но чаще всего бываетъ такъ, что онъ просто подражать хочетъ: всѣ, дескать, такъ живутъ, какъ же это? Тутъ какой-то въ немъ стыдъ, котораго никакъ нельзя пересилить, однимъ словомъ: честь и порядочность понимаютъ какъ-то странно, собственнаго-же достоинства не оказываютъ никакого. Въ параллель этому непониманію такой первѣйшей потребности какъ чувство собственнаго достоинства можно поставить, кажется, лишь непониманіе, чуть не всѣмъ интеллигентнымъ обществомъ пейскимъ вѣкомъ нашимъ, свободы, въ чемъ состоитъ она, — объ этомъ потомъ. Вторая, и опять-таки почти трагическая черта нашего русскаго интеллигентнаго человѣка—это его податливость и его готовность на соглашеніе. О, есть множество кулаковъ, биржевиковъ, противныхъ но стойкихъ мерзавцевъ: есть даже и хорошия стойкіе люди, но ихъ мало ужасно. въ большинствѣ-же податливыхъ русскихъ людей царитъ именно эта скорая уступчивость, потребность уступить, согласиться. И вовсе это даже не отъ добродушія, равно какъ далеко не отъ трусости, а отъ какой-то деликатности, или неизвѣстно ужь что тутъ. Сколько разъ вамъ, напримѣръ, приходилось въ разговорѣ съ упорнымъ, напримѣръ, человѣкомъ налегавшимъ на васъ и требовавшимъ вашего отзыва—согласиться и уступить ваше мнѣніе, или даже голосъ въ какомъ-нибудь засѣданіи, хотя вы, можетъ быть, и внутри себя и вовсе-бы того не желали. Увлекаетъ тоже отъ русскаго человѣка слово *всѣ*: «я какъ и всѣ» — «я съ общаго мнѣніемъ согласенъ», — «всѣ идемъ, ура!» Но есть тутъ и странность: русскій человѣкъ самъ себя обольститъ, прельститъ, увлечетъ и уговоритъ очень любить. И не хочется ему сдѣлать

и, пойти напрямърь, въ душеприкащики къ Зауфлебену. по зоритъ себя: «чтожь, дескать, такое, пойду»...

Бываютъ въ этомъ слоѣ интеллигентныхъ русскихъ людей, и, съ нѣкоторой стороны даже чрезвычайно привлекательные, именно съ этими несчастными свойствами русскаго джентль-ства на которыя я сейчасъ намекалъ. Иные изъ нихъ почти Шиллеры, почти Шиллеры; ихъ незнаніе «дѣла» придаетъ имъ нѣчто трогательное, но чувство чести въ нихъ сильное: застрѣлится какъ Гартунгъ, если, по своему мнѣнію, поте-тъ честь. Можетъ быть, ихъ даже довольно и числомъ. Но цѣ-ли эти люди знаютъ, напрямърь, когда-нибудь сумму ихъ долговъ. И не то чтобъ всѣ они были кутилы, иные противъ, прекрасные мужья и отцы, но деньги можно мотать утилѣ и прекрасному отцу. Весьма многіе изъ нихъ входятъ жизнь съ слабыми остатками прежнихъ родовыхъ имѣній, которыя быстро улетучиваются въ первые же дни юности. За-тъ бракъ, затѣмъ чинъ, и хорошее казенное мѣстечко, кото-тъ такъ себѣ, а все-же даетъ какой-нибудь доходъ и основаніе жизни, нѣчто уже солидное, въ противоположность велико-дѣльному бродяжеству въ прежнюю жизнь. Но долги идутъ без-рывно, онъ, конечно, платитъ ихъ, потому что онъ джентль-тъ, но платитъ новыми долгами. Положительно можно ска-тъ, что многіе изъ нихъ, обдумывая въ иную минуту свое по-вѣніе про себя, наединѣ, могли-бы смѣло и съ великимъ бла-родствомъ произнести: мы ничего не похищали и ничего не гичъ похитить». Между тѣмъ, вотъ какая тутъ мелкая черточка кетъ даже произойти: при случаѣ (ну, очень понадобилось) онъ-кобень взять займы даже у няньки дѣтей своихъ, какіе-будъ накопленные ею 10 рублей. Да что-же такое, поми-те, почему-же нѣтъ? Притомъ старушка нянька весьма часто въ обжившейся близкій и интимный въ домѣ человекъ. Она-пя членъ семьи, ее ласкаютъ, ей даже самые важные ключи хранения передаютъ. Добрый генералъ, ея баринъ, давно уже-стать ей мѣсто въ богадѣльнѣ на старость, да вотъ только-то эти все мѣшаютъ ему позаботиться, давно-бы надѣ-тъ объ ней словечко замолвить. А нянька такъ и напомнитъ-адится, напоминаетъ развѣ одинъ разикъ въ годъ о бога-льнѣ, все трепещетъ досадить такому первому и обезпечен-цу всегда человекъ, какъ ея генералъ. Добрые вѣдь они, сами-мнѣтъ», думаетъ она подчасъ, укладывая въ постель свое-црѣя зрѣти; объ 10-ти-же рубляхъ и напомнитъ такъ даже

стыдится, у ней своя совѣсть есть, у старушки. И вотъ въ умираетъ генераль, и—ни мѣста у старушки, ни десяти рублей. Все это, разумѣется, пустяки и мелочь страшная, но если вдругъ на томъ свѣтѣ напомнили генералу, что нянька-то 10-ти рублей не получила, то онъ-бы страшно покраснѣлъ: кѣ десять рублей? Неужто! Ахъ, да вѣдь въ самомъ дѣлѣ, четыре назадъ! Mais comment, comment, и какъ это могло читаться!» И этотъ долгъ мучилъ-бы его сильнѣе, чѣмъ иной десяти тысячный оставленный имъ на землѣ! Ему было-бы ужъ какъ стыдно: «о, повѣрьте, я не хотѣлъ того, повѣрьте, я даже не думалъ о томъ, забылъ думать!» Но бѣднаго генерала слушали-бы тамъ только ангелы (такъ какъ онъ навѣрно попалъ-бы въ рай), а нянька все-таки осталась-бы безъ десяти рублей на землѣ, и жалко ей ихъ иногда старушкѣ: «ну, Богъ съ ними, грѣхъ поминать этимъ, а человекъ былъ с драгоцѣнный, самый какъ ни на есть праведный баринъ».

И вотъ что еще: если-бы этотъ прелестный человекъ и нибудь опять очутился на землѣ и воплотился въ прежняго генерала—отдалъ-бы онъ 10 рублей нянькѣ или нѣтъ?

Но не все вѣдь они занимаютъ. Вотъ пріятель, благопріятѣйшій Иванъ Петровичъ проситъ его выдать ему вексель на шесть тысячъ, заложу, дескать, въ банкъ, гдѣ я состою, и контирую, а вотъ тебѣ, дражайшій другъ, встрѣчные на шесть тысячъ. Чего-же думать? Векселя выдаются, Ивана Петровича часто встрѣчаетъ потомъ въ клубѣ, оба забыли, разумѣется, думать о выданныхъ векселяхъ, потому что оба суть самый цѣпкие такъ сказать, порядочныхъ людей въ нашемъ обществѣ, и въ шесть месяцевъ, всѣ шесть тысячъ падаютъ на генерала: «Извольте, дескать, платить, ваше превосходительство». Ну, вотъ тутъ и бросаются къ людямъ какъ Занфтлебенъ и шутъ документы въ сто на сто.

Повѣрьте опять-таки, что я, въ изображеніи моемъ, ни о чертой не претендую обличать покойнаго генерала Гартунга, его совѣмъ не зналъ и ничего не слыхалъ о немъ лично, только имѣлъ претензію чуть-чуть начертить характеръ одного изъ членовъ этого общества, но который однако если-бы попалъ въ такую-же передрагу, какъ генераль Гартунгъ къ Занфтлебену, то съ нимъ могло-бы произойти совершенно тоже самое, какъ съ Гартунгомъ, до самоубійства включительно. А потому, кажется, въ дѣлѣ Гартунга, нечего ни стыдить судъ, ни стыдиться суду. Тутъ вѣдь фатумъ, трагедія: генераль Гартунгъ

на послѣдней минутѣ своей считатьъ себя виновнымъ и
написать записку...

— Да, но вѣдь вотъ однаковъ эта записка, скажутъ другіе.
Не возможно-же, чтобы въ такую минуту, человекъ, да еще
чуждый какъ оказывается, могъ солгать. Значитъ, онъ ничего
не похитилъ, коли такъ торжественно заявилъ что не похитилъ.
И сдѣлалъ тутъ никакой не могъ было у него даже съ со-
бою. Какъ-бы ни былъ шатокъ и затемненъ смыслъ человека
этой нутаницей, но ужъ коли онъ говоритъ: «я не похи-
тилъ», то онъ не можетъ не знать: «похитилъ онъ или не
похитилъ?» Это вѣдь просто дѣло рукъ человеческихъ. Тутъ
то вопросъ: клалъ въ карманъ или не клалъ? Какъ-же онъ
не знаетъ, если-бъ положилъ?

Это совершенно справедливо, но вотъ вѣдь что можетъ тутъ
и даже завѣрно: Вѣдь онъ написалъ только про одного
«я, дескать, ничего не похитилъ, и не думалъ о похище-
но вѣдь могли похитить другіе.

— Совершенно невозможно, возразятъ мнѣ: Если онъ далъ
сказать другимъ, и зналъ о томъ какъ опекунъ—смолчалъ, то,
не быть, и онъ похитилъ съ другими! Генералъ Гартунгъ
могъ не понимать, что тутъ нѣтъ разницы.

Отвѣчу: во первыхъ, можно еще оспорить аргументъ, что
«онъ зналъ, и далъ похитить, то, стало быть, и онъ похитилъ»,
во вторыхъ, тутъ несомѣнно есть разница. А въ третьихъ,
Генералъ Гартунгъ могъ именно написать въ этомъ лишь букваль-
ный смыслъ, о которомъ мы говоримъ: «т. е. я, дескать, лично
Генералъ и не хотѣлъ брать ровно ничего, сдѣлали другіе и про-
сто по моей волѣ. Я виновенъ лишь въ слабости, но не въ мо-
шечествѣ, потому что самъ ничего не хотѣлъ брать ни у кого
и не сопротивлялся. Сдѣлали другіе»... Онъ именно могъ написать
этимъ смыслъ свои роковыя слова, но въ тоже время, будучи
честенъ и благороденъ, ни за что не могъ-бы согласиться
«коли попустилъ украсть, значитъ самъ укралъ». Онъ къ
себѣ шелъ и онъ зналъ, что не хотѣлъ ни украсть, ни попу-
стить, а такъ само укралось. Да ктому-же замѣтите, онъ никакъ-бы
не могъ разъяснить въ этой запискѣ свои слова пошире: т. е.
виновенъ въ послабленіи, а не въ похищеніи и проч. Не
же онъ, джентльменъ, доносить на другихъ, — особенно
въ такую торжественную минуту, въ которую онъ «простилъ
себя своимъ».

И наконецъ, и это всего ѣроятнѣе, онъ, можетъ быть, не

могъ на своемъ сердцѣ сознаться даже и въ послабленіи, въ бности, въ добродушномъ попущеніи. Тутъ, можетъ быть, была какая сѣть обстоятельствъ, которую онъ до самой послѣдней минуты, включительно, осмыслить не могъ, съ тѣмъ и ушелъ тотъ свѣтъ. «Похищена-де вексельная книга»—и вотъ только люди, которымъ онъ вполне довѣряется, убѣждаютъ его въ томъ началѣ, что вѣдь это просто пустяки, пропала сама елики-нибудь, потому что вѣдь никому она и не нужна. Они выводятъ ему цифрами, математически, что вексельная книга была-бы только вредъ, а не къ пользѣ самимъ даже наследникамъ. (Вѣдь я думаю, самый аргументъ представляла-же на судѣ потомъ защита кажется, онъ былъ справедливъ). Въ этомъ смыслѣ могло и все остальное выставлено и растолковано Гартунгу. Вѣдь дѣла не зналъ и его можно было убѣдить во всемъ. «Повѣрьте, мы тоже благородные люди, мы какъ и вы, не хотимъ похитить *ничего* у наследниковъ, но дѣла-то у Занфтлебена оказались въ такомъ щекотливомъ видѣ, что если тамъ они (наследники) узнаютъ теперь про вексельную книгу и все это, то могутъ прямо насъ обвинить въ мошенничествѣ, а потому лучше скрыть отъ нихъ». Эти «безпорядки Занфтлебена», разумеется, открывались не вдругъ а постепенно, такъ что Гартунгъ утратилъ истину, или, лучше сказать, терялъ истину и втягивалъ ложь каждый день постепенно. И вотъ вдругъ къ нему и врывается одинъ изъ наследниковъ, и если не кричитъ, что генералъ Гартунгъ воръ, то вѣдь все равно что кричитъ: Онъ вошелъ съ торжествомъ, съ побѣдоносной и злой улыбкой и вполне увѣренный, что теперь смѣетъ сдѣлать въ квартирѣ генерала всякую пакость. И тутъ только генералъ вполне узналъ въ какую трущобу забился. Потомъ онъ совсѣмъ потерялся, сталъ предлагать компромиссы, сдѣлки и запуталъ, конечно, еще болѣе, а обвиняющая сторона жадно вцѣпилась въ все компрометирующіе его факты на счетъ компромиссовъ и сдѣлок. Все пошло въ дѣло. Однимъ словомъ, Гартунгъ умеръ въ снѣгахъ совершенной своей личной невинности, но и ошибкой, и дебной ошибкой, въ строгомъ смыслѣ, никакой не было. И вотъ фатумъ, случилась трагедія: Слепая сила почему-то выбрала Гартунга, чтобъ наказать его за пороки, столь распространенные въ его обществѣ. Такихъ какъ онъ, можетъ быть, 100, но погибъ одинъ Гартунгъ. Невинный и высоко честный человекъ, съ своей трагической развязкой, конечно, могъ и заслужить наибольшую симпатію, изъ всѣхъ этихъ десяти тыся...

надежда, приобрести наибольшую огласку по Россіи для предупрежденія «порочныхъ»; но вѣдь-ли судьба, слѣпая богиня, это именно рассчитывала, поражая его.

III.

Истина для истины. Ложь на ложь даетъ правду.
Правда-ли это?

И-одною во мнѣ все-таки воскресло одно, еще прежнее впечатлѣніе, вторично хочется подняться, хотя, можетъ быть, очень слабо. Это уже вообще объ нашемъ судѣ. Гласный Судъ съ присяжными заседателями принято считать во всемъ мірѣ чуть ли не достигнутое совершенство: «это, такъ сказать, побѣда, великій влодъ ума». Я вѣрю со всеми, потому что вамъ слышно, напримѣръ: «ну, выдумайте лучше»—и вѣдь вы не выдумаете. Слѣдственно необходимо согласиться уже потому одному, что нельзя лучше выдумать. А между тѣмъ вотъ всколыхнуть на сцену... то бишь на эстраду г. прокуроръ. Представить, что это человѣкъ превосходный, умный, совѣстливый, образованный, съ христіанскими убѣжденіями и знающій Россію и русскаго человѣка какъ мало въ Россіи знаютъ. Ну-съ, вотъ этотъ совѣстливѣйшій человѣкъ прямо начинаетъ съ того, что онъ «даже радъ, что случилось это преступленіе, потому только что пришла наконецъ кара этому злодѣю, вотъ ему подсудимому, потому что еслибъ вы только знали, господа присяжные, какая это каналья!» Т. е. онъ, разумѣется, «каналья» не употребитъ, но вѣдь это все равно: онъ самымъ деликатнѣйшимъ, самымъ мягкимъ и самымъ гуманнымъ образомъ ставитъ его подъ конецъ даже хуже канальи, хуже даже какой канальи. Скорбя сердцемъ, онъ деликатнѣйшимъ образомъ передаетъ, что вѣдь, и мать его была такова, что онъ, наконецъ, не могъ не украсть, потому что самый низкій развратъ увлекалъ его все болѣе и болѣе въ бездну. Сдѣлажь-же все сознательно и преднамѣреннѣйшимъ образомъ. Вспомните, какъ хорошо послужилъ ему пожаръ въ сосѣдней улицѣ въ минуту совершенія имъ преступленія, потому что пожаръ произвелъ тревогу, отвлекъ къ себѣ вниманіе и дворника и всего околота. «О, я, разумѣется, далекъ отъ всякаго мыслимаго обвиненія въ поджогѣ, но, господа присяжные, согла-

ситесь, что тутъ странное совпаденіе двухъ обстоятельствъ избѣжно наводящихъ на извѣстную мысль, но я молчу, молчу, конечно, вы этого вора, убійцу (потому что онъ непремѣнно убилъ, еслибъ встрѣтилъ кого въ квартирѣ) и наконецъ погателя, отъявленнаго, доказаннаго поджигателя,—конечно, вы его ушлете куда-нибудь подальше, и тѣмъ дадите возможность вздохнуть добрымъ людямъ, хозяйкамъ спокойно удалиться изъ квартиры за покупкой провизіи, а владѣльцамъ домовъ трепетать за свое имущество, хотя-бы таковое и было захвачено въ томъ или другомъ страховомъ обществѣ. А, главное, напрасно я это все вывожу: взгляните на него! вотъ онъ не смѣя взглянуть въ глаза честнымъ людямъ, и рѣшилъ мало одного простаго взгляда, чтобъ убѣдиться, что это и убійца, и поджигатель. Объ одномъ лишь торжественно сдѣлаю, что ему не удалось сдѣлать десять такихъ-же поворобѣлья, зарѣзать десять такихъ-же хозяекъ и поджечь десять такихъ-же домовъ, потому что тогда самая уже колоссальная преступленія потрясла-бы граждански—сонливое общество и заставило-бы его прибѣгнуть наконецъ къ самозащитѣ и вывести изъ преступнаго своего гражданскаго усыпленія»...

О, мы знаемъ, что г. прокуроръ будетъ говорить гордо и благородно. Слова наши карриатура, и годятся лишь для юмористической воскресной газетки съ куплетами и карриатурами, которые положимъ. Положимъ, это будетъ даже одно изъ такихъ дѣлъ, которыя возбуждаютъ глубокіе соціальные и гражданскіе вопросы, а, главное, въ немъ будетъ психологическія мѣста, психологіи какъ извѣстно чрезвычайно бойки прокуроры и во всей Европѣ. Ну и что-же, все-таки выйдетъ въ законѣ и ни то же самое, т. е. что жаль, дескать, что не было въ немъ одного,—десяти, тридцати, пятисотъ отравленій, потому что тогда-бы содрогнулись ваши сердца и вы-бы встали какъ люди, а не какъ чепуха и т. д. и т. д.

Но, возражать мнѣ, что-жь тутъ такого? Положимъ, ужь много прокуроровъ совсѣмъ не ораторы, но прокуроръ, во всякомъ случаѣ, чиновникъ, и долженъ дѣйствовать сообразно службѣ своей и во вторыхъ, что прокуроры всегда преувеличиваютъ обвиненіе—въ томъ нѣтъ не только ничего предосудительнаго, но и противъ, все полезное. Пбо такъ именно и надо. За тѣмъ, что противуположность ему есть защитникъ подсудимаго, который и позволяетъ вполне опровергать прокурора. Кроме того, во всей Европѣ позволяетъ доказывать, конечно, съ полнотой

известью, что прокуроръ глупъ, нехитръ, подловать и что кто зажегъ третьяго дня въ 3-й дивіи на Васильевскомъ такъ это именно этотъ самый человекъ, потому что онъ разъ въ это самое время былъ на Васильевскомъ Островѣ у министра генерала Михайлова, превосходнѣйшаго и благороднѣйшаго существа, а что онъ зажегъ домъ, то въ этомъ сомнѣнія потому одному даже (опять психологія), что не жги онъ этотъ домъ, по враждѣ съ домовладѣльцемъ купцомъ Иваномъ Бородастымъ, то ему-бы никогда не могло прийти въ голову, такое глупое, такое ни на что не похожее и пошлѣе обвиненіе подсудимаго въ поджигательствѣ для отвода глазъ у публики во время совершенія этого мнимаго и несообразнаго съ чѣмъ преступленія. Собственно поджогъ его именно не въ его мысли». Наконецъ возьмите и то, что защитнику не дается дѣлать жесты, проливать слезы, скрежетать зубами, вырывать свои волосы, стучать стульями (но не замахиваться ими) и наконецъ падать въ обморокъ, если онъ уже очень благороден и не можетъ вынести несправедливости, что, впрочемъ и такъ не позволено прокурору, какъ-бы ни былъ онъ благороденъ, потому что какъ-то странно было-бы вдругъ упасть на голову чинovníку въ мундирѣ. Не употребляется это вовсе. Ипать-таки все что я говорю — карриатура, одна карриатура и ничего этого не бываетъ, а обходится все на самой благородной ногѣ, я согласенъ (хотя стульями-то и стучали и въ обморокъ-то падали)! Но вѣдь я только хлопочу о сущности, потому что въ самыхъ благороднѣйшихъ выраженіяхъ дойти до того-же самого, какъ и въ неблагороднѣйшихъ.

Какъ, что вы, укажутъ мнѣ, да это-то и надо, именно величїе-то и надо съ обѣихъ сторонъ! Присяжный иногда вѣкъ не столь образованный, и къ тому-же занятой, у него своя лавка, дѣла, онъ подчасъ разсѣялъ, а подчасъ такъ занятъ, что не въ силахъ самъ углубиться. А потому именно его надо углубить, показать ему все фазисы дѣла, даже самые незначительныя, чтобы онъ уже вполне былъ увѣренъ, что обвиненіе все что только можетъ прийти въ голову уже исчерпано. Не надо думать надъ этимъ уже больше нечего, равно какъ заведенно все, что только возможно и невозможно предсказать въ убѣжденію подсудимаго, паче горняго снѣга. А покуда въ особой комнатѣ, сводя итоги, они уже знаютъ, такъ механически, что должно выскочить, плюсъ или минусъ, съ совѣстью, по крайней мѣрѣ, они могутъ быть совершенно

спокойны. Въ результатѣ ясно, что все это совершенно необходимо для истины, т. е. и ожесточенное нападеніе и ожесточенная защита, и даже такъ, что ожесточенное-то нападеніе обвинителя, если только взять въ самый строгій смыслъ, и полезнѣе подсудимому, чѣмъ самому обвинителю, такъ что остальныя ничего нельзя выдумать лучше.

Однимъ словомъ, современный судъ не только победа, высшій плодъ ума, но и самая мудреная вещь. Съ этимъ не согласится. Судъ притомъ гласный; стекается публика сотнями человекъ—и неужели предположить, что они стелются въ праздности, для спектакля только? Нѣтъ, конечно: изъ какого-бы побужденія ни собирались они, а надо чтобы ухотъ съ впечатлѣніемъ высшимъ, сильнымъ, назидательнымъ и прочимъ. Между тѣмъ все сидятъ и видятъ, что тутъ въ судѣ какая-то ложь,—о, не въ судѣ, конечно, не въ изложеніи говора, а просто напримѣръ въ вѣныхъ привычкахъ съ тѣмъ счастливою легкостью воспринятыхъ у Европы и укоренившихся въ нашихъ представителяхъ защиты и обвиненія. Я вотъ у себя дома и дома про себя думаю вѣдь Ивана Христофоровича, курора, а лично знаю, умнѣйшій и добрѣйшій человекъ, а вѣдь онъ лгалъ, и звалъ что лгалъ. Дѣло какого-нибудь выговора или двухлѣтнаго заключенія онъ нагнулъ на двукратную сумму въ отдаленнѣйшія мѣста. Пусть это дѣло для самой ясности дѣла, но все же онъ лгалъ, лгалъ знательно, а вѣдь дѣло-то оъ шебъ человекъ идетъ. Какъ это такъ согласить, особенно если онъ человекъ съ талантомъ вѣдь и en toute honneur quelque chose особенно если защита ховата и только студыми увѣтъ студать. Положимъ, тутъ и самолюбіе Ивана Христофоровича раздѣралось, чиста человеческая черта, но какъ-нибудь-ли въ такомъ важномъ дѣлѣ? Бѣ же тутъ человекъ то двадцѣ, высшій-то человекъ, гуманнѣйшій, ивановичъ!

Пусть, пусть, наконецъ, азъ этого то азъ всего и выхожу истина, и выводитъ, такъ сказать, механически даже, самъ хитрѣйшій путь, но вѣдь соображался на судъ публики пожалуй, и выречь оуде въ сообра въ оудѣ за зрѣнше, въ зерцаніе механически и хитрѣйшій путь, а душа съ ностомъ какъ, напримѣръ, талантливый адвокатъ такъ охотится противъ совѣта, она чуть не изобрететъ ему съ студенью, какъ дескать, жуть ухитривъ человекъ. Вѣдь этого зарождаются въ чистѣ оудѣ оудѣ и знаешь и фальш

являются незамѣтно. Жаждаютъ уже не истины, а таланта, а-бы повеселить и развлечь. Тупѣетъ гуманное чувство, которое уже не возстановите кувырканьями въ обморокъ. Ну, а оставьте, опять-таки, если лжецъ действительно съ огромнымъ талантомъ?

Я знаю, что все это лишь праздное съ моей стороны вытье. Послушайте, учрежденіе гласнаго присяжнаго суда все-же не русское, а скопированное съ иностраннаго. Неужели вы надѣялись, что русская національность, русскій духъ, а-нибудь сгладятъ шероховатости, уничтожатъ фальшь... старыхъ привычекъ, и дѣло пойдетъ уже во всемъ по правдѣ и истинѣ. Правда, теперь это невозможно: теперь именно, когда и обвиненіе блещутъ этими дурными привычками, ибо выдаютъ денегъ, а другіе карьеры. Но вѣдь когда-нибудь все-же будетъ прокурору даже защищать подсудимаго, вмѣсто того, чтобъ обвинять его, такъ что защитники, если-бы захотѣли доказать, что даже и той малой доли обвиненія, которую прокуроръ все-же оставилъ на подсудимомъ, нельзя признать въ пользу. то присяжные заседатели имъ просто-бы не повѣрили.

Я даже такъ думаю, что такой приемъ скорѣе-бы и вѣрнѣе могло способствовать къ отысканію истины, чѣмъ прежній механическій способъ преувеличенія, состоящій въ крайности обвиненія и въ злѣбствѣ защиты? Отвѣтятъ, конечно, что это рѣшительно невозможно, а такъ какъ тоже самое и въ Европѣ, то и у насъ не должно, и что *«чѣмъ механичнѣе, тѣмъ даже и лучше»*. Вотъ этотъ механизмъ-то, этотъ механическій способъ вытаскивать наружу правду, можетъ быть, у насъ и замѣнится... истинною правдой. Искусственное преувеличеніе исчезнетъ съ обѣихъ сторонъ. Все явится искреннимъ и правдивымъ, а не игрой въ отысканіе истины. На сценѣ будетъ не зрѣлище, не игра, а жизнь, примѣръ, назиданіе. Правда, адвокатамъ будутъ платить гораздо меньше. Но все эти утопіи возможны будутъ развѣ только у насъ выростутъ крылья и все обратятся въ ангеловъ, тогда и судовъ тогда не будетъ.

«Среды газетъ и журналовъ» цитуетъ мнѣніе «Голоса», именно по поводу нѣкоторыхъ статей въ англійскомъ «Morning Post» и въ нѣкоторыхъ заграничныхъ польскихъ журналахъ. Вотъ эта выписка:

«Morning Post», отъ 22-го октября, напечатана любопытная статья неожиданности, статья, гдѣ туркофильская газета сообщаетъ переговоры, будто-бы начатыхъ уже между Россіей и Германіей, по поводу уступки Германіи Привислянскаго края по Вислу! Само по себѣ разумѣется, что въ глазахъ «Morning Post» это составляетъ выгаду сдѣлки, по которой Германія обязуется помочь «пріобрѣсти Россіи на Балканскомъ полуостровѣ». Лондонская газета однако толкуетъ далѣе, что поляки Привислянскаго края вовсе не боятся теперь о возстаніи, «не желая попасть еще въ горячайшее плото», т. е. во власть пруссакамъ, и что если въ «русской Польшѣ» возбудятъ какія-нибудь беспорядки, то они будутъ простымъ поводомъ «русско-прусскаго вѣтряга». Замѣчательно, что, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ появилась эта статья въ «Morning Post» о томъ-же самомъ предметѣ, хотя и въ нѣсколько другомъ тонѣ, статья «Dziennik Polski», сообщая, будто бы русское правительство выводитъ свои войска изъ Привислянскаго края, распространяло воззваніе къ крестьянамъ, приглашая ихъ образовать патъ себя свою стражу для наблюденія за панамъ и для подавленія всякаго возмута къ мятежу. Передавая содержание этихъ статей «Голосъ» удивляется, съ чего вдругъ стали такъ усердствовать «Dziennik Polski» и «Morning Post»? Для чего понадобился имъ негнѣная басня о воззваніи къ привислянскимъ крестьянамъ и о русско-прусскаго agents provocateurs, будто-бы старающихся возбудить собственное возстаніе въ конгрессувкѣ?

Эти неожиданныя выходки должны-же имѣть какую нибудь цѣль. Мы, ихъ напечатавшія, вѣроятно, имѣютъ свѣдѣнія, заставляющія насъ думать, что волниченія беспорядковъ въ Привислянскомъ краѣ проработаны заранее и скажутъ смыслъ движенія, послѣдствій котораго, повидному, опасаются. Пріемъ этотъ не новъ. Онъ уже былъ въ 1863 году поляками и ихъ западными друзьями. Это воспоминаніе заставляетъ уже признать, что статьи «Dziennik Polski» и «Morning Post» не лишены значенія и имѣютъ какую-нибудь собственную связь съ прежними толками мадыарской печати о стремленіи поляковъ къ туркамъ и о ихъ тайномъ желаніи усложнить дѣло Россіи революціонною агитаціей на нашей западной границѣ. Любопытно, что эти статьи совпадаютъ съ извѣстіемъ, о канцлерѣ кардинала Ледоховскаго на папскій престолъ. Мы не приносимъ, заявляеть «Голосъ», къ числу охотниковъ придать прѣдметное значеніе всѣмъ фантастическимъ комбинаціямъ, за которыми выступаютъ недоброжелатели Россіи, въ надеждѣ помѣшать

благопріятной для нея развязки вынѣшней войны. Въ данномъ случаѣ, дѣло кажется намъ настолько серьезнымъ, что нельзя оставить безъ указанія такой фактъ какимъ является неожиданнѣйшимъ и ничѣмъ, повидимому, невызванное появленіе статей «Dzielo Polsky» и «Morning Post».

Стало бытъ, есть-же нѣчто похожее на вѣтви клерикальскаго заговора, можетъ бытъ, и у насъ? Уже одно извѣстіе о кандидатурѣ Ледоховскаго, несомнѣнно польскаго происхожденія, только одна легкомысленная голова польскаго заграничнаго агитатора можетъ серьезно повѣрить, что римскій конклавъ, на члѣнскій таинственный таинственный такими тонкими умами въ состояніи-бы быль такъ шибко вѣряться избраніемъ Ледоховскаго, при чемъ новый Папа только и дѣлалъ, что занимался возстановленіемъ ойчизны, а не вселенскаго и всемірнаго владычества папъ. Но это въ сторону, а вѣтви клерикальнаго заговора въ Россіи все-таки ясны. «Новое Время» прибавляетъ къ тому-же, что—

«Настойчивая въ настоящее время полемика «Journal de St.-Petersbourg» съ итальянскими клерикальными газетами по поводу мнѣнія о гнетеніи католицизма въ Польшѣ, какъ будто показываютъ, что существуютъ признаки какой-то агитаціи на нашей западной окраинѣ».

Ну ужь вовсе не признаки только. Это, стало бытъ, именно та партія, про которую говорятъ «Московскія Вѣдомости», что «дѣйствуетъ въ согласіи съ врагами Россіи и... что ей не нравится всякое проявленіе нашего народнаго духа, всякое дѣйствіе нашего правительства въ этомъ духѣ и которая русскій патриотизмъ ставитъ на одну доску съ нигилизмомъ и революціонизмомъ партіи, которая питаетъ гнуснѣйшими корреспонденціями въ нашу печать...»

Да, именно европейскія корреспонденціи изъ Россіи, очень возможно что ея дѣло, этой партіи. Эта радость о нечестивыхъ Россіи и легкомысленное визжаніе отъ восторга, что Россія такъ-де вдругъ оказалась «слаба, безъ финансовъ, съ разстроеннымъ войскомъ, съ недовольнымъ и ропщущимъ народомъ съ нигилизмомъ подточившимъ общество» — всѣ эти небывалыя несомнѣнно носятъ на себѣ печать столь извѣстнаго происхожденія. О, нельзя чтобъ не нашлись и русскія перья, готовые писать въ униссонъ съ клерикалами, но эти корреспонденціи за границу не могутъ бытъ кажется написаны русскими: слишкомъ ужь было-бы это подло. Тѣмъ не менѣе клерикалы, можетъ бытъ и не очень стараясь, несомнѣнно направляютъ даже и русскія перья у насъ дома. Они ихъ вовсе, можетъ бытъ, и

маршируютъ, и въ сношеніи съ ними, прямая, и надежда не вступаютъ, потому что эти бойкія либеральныя перья принадлежатъ молодымъ честнѣйшимъ людямъ, которые, выслушавъ мое предложеніе клерикала, можетъ быть, спустили-бы его съ гнѣбными. Но за то клерикалъ, особенно у насъ обжигаясь, отменно знаетъ, что ему и ходить къ бойкому перу не надо, потому что бойкое русское перо ему и даромъ все нейдетъ, — единственно воображая (о, милые!) что это и честно и морально. Бойкое перо возмущается, напримеръ, клерикалами, живущими во Франціи Макъ-Магона, и пишетъ грозныя противъ нихъ статьи. Но въ то же время онъ русскаго римскаго клерикала не только не замѣтитъ, но подчасъ заплетъ ему въ уши полный унисонъ. Есть такіе, есть. И хитрые наши римско-клерикалы даже, можетъ быть, дивятся на нихъ: «Вѣдь охота-то имъ такъ пленяться между двухъ стульевъ», — киваютъ глазами своими. «И вѣдь какъ безкорыстно! Правда, надо же быть до конца либеральнымъ. Вѣдь вотъ они кричатъ, Россія права даже не имѣетъ освободить славянъ: да вѣдь это имъ мало сто тысячъ дать! И все-то это между двухъ стульевъ, поминутно, да поминутно. Какъ имъ не больно только? Знаютъ что-ли у нихъ такъ скоро»...

II.

Литвия попытка Старой Польши мириться.

Въ началѣ года эти агитаторы-клерикалы попробовали у насъ сдѣлать демонстрацію даже черезъ русскія изданія. Волки спрятались въ овецъ и заговорили въ тонѣ какъ будто поминковъ всей польской «эмиграціи» за-границей. Они стали предлагать примиреніе: примите, дескать, насъ, мы видимъ тоже, братство славянъ несомнѣнно и не хотимъ отстать. Говорятъ они чрезвычайно нѣжно и выставили резоны:

«У насъ, говорятъ они, есть инженеры, химики, технологи, режиссеры, бухгалтеры, агрономы и т. п.". Всего этого много въ насъ. Пустите ихъ въ себя! Развѣ — говоритъ житель Литвы, жившій въ 172 № „Спб. Вѣд.“ статью, — нѣтъ у насъ дѣла для России, которая произвела прежде Тенгоборскаго для Россіи, Вогаго для Франціи? А въ дѣлѣ искусствъ, столь облагчающихъ и облагораживающихъ характеръ, какъ представителями въ обществѣ, въ настоящее время всеобщно извѣстны: Брод-

кій скульпторъ, Матейко живописецъ. Вамъ эти-ли люди не нужны? Что-же сказать о сонмѣ литераторовъ, публицистовъ, проповѣдниковъ, фабрикантовъ и всякаго рода дѣятелей? Вамъ эти люди нужны тоже? („Новое Время“. Изъ статьи Костомарова)“.

Г. Костомаровъ великодушно отвѣтилъ въ «Новомъ Времени» на всѣ эти замѣчанія. Сожалѣю, что не имѣю мѣста съ выписки изъ этой превосходной статьи. Разсужденіями ясными и точными доказываетъ г. Костомаровъ, что все это лишь западня, что наведутъ они къ намъ Конрадовъ Валентинъ и предателей; что полякъ Старой Польши инстинктивно, слѣдуетъ ненавидѣть Россію и русскихъ. Г. Костомаровъ допускаетъ еще, что есть прекрасные поляки, которые могутъ жить даже въ дружбѣ съ инымъ русскимъ, спасти его въ бѣдѣ, одолжить его. Это, конечно, правда, но чуть только этотъ русскій, хотя-бы послѣ двадцати лѣтъ дружбы, вдругъ-бы выразилъ этому красному поляку свои политическія убѣжденія на счетъ Польши въ русскомъ духѣ, то этотъ полякъ тотчасъ-же, тутъ-же, съ открытымъ или тайнымъ врагомъ своего русскаго друга, и до конца жизни до конца, непримиримымъ и безграничнымъ. Объ этомъ забылъ прибавить г. Костомаровъ.

Вся эта лѣтняя попытка «примиренія», нашедшая русскіе защитниковъ и такого могучаго опонента, какъ г. Костомаровъ, есть, безспорно, клерикальная къ намъ подсылка изъ Европы, отрогъ всеевропейскаго клерикальнаго заговора. О эти поляки Старой Польши увѣряютъ, что они вовсе не клерикалы, не римляне, не паписты, не римляне и что мы давно должны это знать про нихъ. Но вообразить только, что «Старая Польша», эта польская грація—не держится папы въ іезуитскомъ смыслѣ, далека отъ клерикальных фантазій,—о, какая смѣшная мысль! Имъ-ли не держаться Ватикана, когда они такъ вполне сознавали его силу и всегда признавали? Вѣдь Ватиканъ не измѣнялъ Старой Польшѣ никогда, а, напротивъ, поддерживалъ изъ всѣхъ странъ всѣ ея фантазіи, когда другія-то государства ихъ уже слѣдили и не хотѣли! Нѣтъ, они Ватикану не измѣняютъ и Ватиканъ не измѣнитъ имъ. Лѣтняя выходка къ примиренію была сдѣлана именно въ то время, когда вся эмиграція задвигалась противъ русскаго правительства, когда создались польскіе легіоны, когда аристократы эмигрировали въ Константинополь съ огромными суммами денегъ (естественно, не своихъ) Все это примиреніе было одно только средство, какъ опредѣлилъ его г. Костомаровъ. Кстати: они пренебрегаютъ намъ своихъ ученыхъ, техниковъ, художниковъ, и

примите ихъ, они-ль вамъ не нужны!» Тутъ-бы прибавили они, вѣроятно, считаютъ насъ дивнымъ народомъ, и не то, что у насъ все то, что они предлагаютъ, можетъ быть, лишняго есть. Но обижаться нечего, а главное: зачѣмъ не ѣдутъ? У насъ было нѣсколько поляковъ, которые на свой талантъ, в Россіи ихъ почитала, уважала, ставила на ту, нисколько не раздвляя ихъ отъ русскихъ. Къ чему-же жаловаться? Приѣзжайте. Примиритесь и покоритесь сами, но то что никогда не будетъ Старой Польши. Есть Новая Польша освобожденная Царемъ, Польша возрождающаяся, несомнѣнно, можетъ ожидать впередъ, въ будущемъ, судьбы со всякимъ славянскимъ племенемъ, когда славянство встанетъ и воскреснетъ въ Европѣ. Но Старой Польши никогда не будетъ, потому что ужиться съ Россіей она не можетъ. Ея вѣстать на мѣстѣ Россіи въ славянскомъ мѣрѣ. Ея девизъ къ Россіи: «Otes-toi de là que je m'y metto». Любопытно польскій передовой застрѣльщикъ говоритъ лишь объ этомъ и художникахъ. Ну, а предводители эмиграціи, арестованные, воображаютъ только картину, что Россія поддастся льстивымъ и объявила, что хочетъ мириться, и вотъ они съ надменностію спрашиваютъ: «какія ваши условія?»

Ому что если вы предлагаете намъ впустить эмигрантовъ въ Россію, а сами они не идутъ, значитъ они дожидаются условія представьте себѣ, что Россія ихъ вдругъ признаетъ собою, за воюющую сторону, и начнетъ эти переговоры! И вотъ они прибѣгаютъ въ Россію, магнаты съ перваго-же раза фронтъ, требуютъ знатныхъ мѣстъ и отличій; затѣмъ тотчасъ начинаютъ вѣстать на всю Европу, что ихъ обманули, затѣмъ начинаютъ вѣстать бунтъ... И Россія поддается на такую бѣду, сдѣлаетъ ошибку! Разумѣется, поляки не могли вѣрить сами, чтобы рубая выходка ихъ могла обмануть Россію. Но на чистомъ сердцемъ русскихъ сторонниковъ они рассчитывали. Что о клерикаловъ, клерикальный шагъ въ Россію — въ этомъ мнѣніи. Спросить для чего-же этотъ шагъ? А развѣ клерикалъ не надо сондировать положеніе, путать мысли, скрывать свои шаги, приобретать русскія перья, волновать Польшу и проч., и проч.? Да мало-ли какіе у нихъ могли расчеты!

III.

Выхода «Биржевыхъ Вѣдомостей». Не бойкія, а сама перья

Мы говорили сейчасъ про «бойкія перья». Но есть у насъ перья вовсе не бойкія, но отвратительныя. И они тоже (да еще какъ) свистутъ съ польскими соловьями въ унисонъ, но польскіхъ даже и не направляютъ; все дѣлается безцѣльно, но въ то что творять. Тутъ просто злоба, обманутыя надежды и потерянное самолюбіе. Такова статья «Биржевыхъ Вѣдомостей» (№ 25) о господинѣ Яловайскомъ; хотя-бы написать-то смужьли, а вѣдь такъ противъ себя и валяютъ!

Всѣмъ извѣстно, что нашъ ученый г. Яловайскій былъ затѣванъ и оскорбленъ въ Галиціи. Проѣзжая съ ученою цѣлю Галицію, онъ обратился, по ошибкѣ, къ одному польскому ксендзу съ просьбою указать ему мѣстныя древности. Потому онъ и нашелъ русскаго священника, но злобный ксендзъ тотчасъ донесъ на него, подъ предлогомъ, что это русскій панславистскій провагаторъ и агитаторъ. Г. Яловайскаго арестовали безо всякаго церемоніи, обыскивали, возили изъ тюрьмы въ тюрьму и, наконецъ-то, заступничествомъ одного мѣстнаго ученаго, его препроводили до русской границы. У насъ это тотчасъ-же разгласилось. «Московскія Вѣдомости» помѣстали статью. Заговорили наши газеты, но многія безъ особаго жару, а просто какъ о курьезѣ. Фактъ оскорбленія русскаго ученаго, ни за что ни про что, по крайней мѣрѣ, кажется, всѣмъ обыкновеннымъ фактомъ. Самъ г. Яловайскій напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» тоже нѣсколько строкъ на статьи враждебныхъ газетъ, бранныхъ строкъ, вялыхъ и сонныхъ. Но за то наши биржевики, которыми вся Россія представляется лишь съ точки зрѣнія своего кармана и которыми до Россіи ровно никакого нѣтъ дѣла, услужили ей удивительною услугою. Вотъ эта статья «Биржевыхъ Вѣдомостей»:

—, Что такое наудумалъ г. Яловайскій въ Галиціи? Какую онъ затѣвалъ тамъ пропаганду?

Неужели несчастія, переживаемыя теперь Россіей, недостаточны еще для того, чтобы выгнать дурь изъ головы нашихъ изворужденныхъ панславистокъ, и неужели послѣ того, что происходитъ теперь у насъ на глазахъ, у нихъ хватаетъ духа продолжать братство и скоморошество съ этой всеславянскою чепухой, приготовляющей для насъ всевозможными государственными обѣдами и всѣмъ намъ давно уже отпавшей?

ваши отупѣвшіе отъ ничего недѣланья панслависты огрѣсь пересылкой всеславянскихъ колоколовъ, это ни до кого дѣлать, и они могли забавляться этимъ сколько угодно, но когда съ колоколами начинаютъ посылать туда своихъ пономѣровъ благовѣста, — дѣло получаетъ уже совсѣмъ иное значеніе. Вы призвали и кто уполномочилъ г. Иловайскаго на его панславистскую пропаганду.

Понимаетъ онъ или не понимаетъ, къ какимъ онъ можетъ придти дѣйствіямъ, въ особенности теперь, въ настоящую минуту? Хотите, господа, ругательства на Кляпку за то, что тотъ похитилъ Мадыря на пособничество туркамъ, — а что же дѣлаетъ что дѣлаетъ г. Иловаискій подъ видомъ изученія славянскихъ древностей? Что, вамъ мало еще того зла, которое породило многогоднее юродство? Чего вы еще хотите? Какую еще похитилъ вы заварить желаете? Чтобы бросить камень въ воду, васъ на это, мы это хорошо знаемъ; но вы должны помнить также, что вы, сами бросаемые, приходится иногда вытаскивать всѣми силами, добывать ихъ цѣною кровавыхъ жертвъ и народоубійствъ.

станьте-же дурачиться; на все есть свое время. Если до сихъ поръ во всѣхъ благоразумныхъ людяхъ вы возбуждали къ себѣ уваженіе, то теперь къ вамъ не иначе будутъ относиться негодованіемъ».

люди говорятъ о негодованіи! Послушайте, какъ смѣются, не зная дѣла, такъ утвердительно, на всю Россію и Европу (ибо ваша статья вышла въ Европѣ свое знаменіе) какъ смѣли вы написать про г. Иловайскаго: «кто же это и кто уполномочилъ г. Иловайскаго на его панславистскую пропаганду»? и потомъ, послѣ смѣшнаго сравненія г. Иловайскаго съ Кляпкой: «а что же дѣлаете вы сами, что дѣлаетъ Иловаискій подъ видомъ изученія славянскихъ древностей»? Или вы написать объ этомъ такъ утвердительно послѣ того, что совершенно знаете, что все это неправда? Неужто вы позволяете предавать Россію. Вы спрашиваете о томъ же: «Понимаетъ онъ или не понимаетъ», а я васъ самъ спрашиваю, г. публицистъ: понимаете-ли вы, или не понимаете, что такое это! Вѣдь въ Австріи не спросятъ: какой человѣкъ это пинный или не умный, образованный или необразованный, въ хоть что-нибудь въ панславизмѣ или ничего не знаетъ и ничего не читалъ объ немъ? Вѣдь въ Австріи прямо скажутъ: стало быть, правда, что Россія посылаетъ агитаторовъ? неправда была, какъ могла-бы такъ утвердительно, съ жаромъ и такъ укоризненно обращаться къ панславистамъ, петербургская, ежедневная, независимая газета, ей степени подтверждающая фактъ разсылки эмиссаровъ

для агитаторства? Вѣдь писавшій это самъ русскій, свѣдѣтъ его-бы остановилъ патріотизмъ, наконецъ, и побудилъ-бы съ преступленіе. Но онъ не могъ скрыть истину, потому что доданіе патріота вылилось наружу на панславистовъ, готовяща стало быть, дѣйствительно страшныя бѣдствія Россіи своей янной пропагандой и агитаціей въ Австріи и въ славянскіхъ земляхъ. Стало-быть намъ нечего извиняться за арестъ каков тамъ Иловайскаго, напротивъ, надо усмирить аресты и всѣхъ свихъ въ Австріи держать впредь подъ полицейскимъ ромъ. Не намъ просить извиненія, а русское правительство да но просить у насъ извиненія за то, что такъ открыто не ляетъ у себя дѣятельность зловредныхъ политическихъ, на ленныхъ противъ Австріи, обществъ, а къ намъ пропуска поминутно массаи пропагаторовъ и агитаторовъ, бунтующи австрійскихъ славянъ противъ законнаго правительства».

Это несомнѣнно скажутъ въ Австріи и статью вашу не нѣнно примутъ къ свѣдѣнію въ этомъ самомъ смыслѣ, г. ну цистъ. Что-же это, не предательство, какъ вы думаете? Не даете вы интересы Россіи полякамъ и австрійцамъ? Не под живаєте вы политическую смуту и не служите ей? Вѣдь знаете *наверно, вполне, въ точности*, что никакихъ эмиссар не посылалось ни къ кому никогда, какъ-же вы смѣли написать про г. Иловайскаго, что онъ ѣздилъ свѣять смуту *подъ видомъ изученія славянскихъ древностей*? Есть-ли кто въ Россіи, вамъ въ этомъ повѣрять? Между тѣмъ вы выражаетесь объ этомъ дѣлѣ такъ утвердительно, какъ будто знаете его какъ свои пальцевъ. Кто-же свѣетъ смуту?

Теперь о другомъ: утоливъ вашу злобу, написавъ завѣдом неправду, вы позволяете еще себѣ надѣяться, послѣ вашего поступка столь явнаго предательства русскихъ интересовъ ста полякамъ и австрійцамъ, и всякой безконечной и вѣчно агит рующей противъ насъ европейкой швали, — на сочувствіе вамъ русскихъ читателей? Неужели вы такъ низко объ нихъ думаете?

И что за тонъ? Что за трепетаніе? что за приниженіе передъ Австріей! «Изволить, дескать, она осердиться!» У Гоголя атаманъ говоритъ казакамъ: «милость чужаго короля, да и не роля, а милость польскаго магната, который желтымъ чоботомъ своимъ бьетъ ихъ въ морду, дороже для нихъ всякаго братства». Это атаманъ говоритъ про предателей. Неужели вамъ хочется что-бы и русскіе, въ трепетѣ животнаго страха за свои и

ныя склонялись точно также передъ какимъ-нибудь
роботомъ? Напротивъ, не лучшая-ли наша политика съ
именно теперь, именно въ эту минуту, — политика
собственнаго національнаго достоинства, а не та, кото-
раете. Вѣдь чѣмъ болѣе мы выкажемъ приниженія,
вы такъ желаете, тѣмъ болѣе и въ той-же степени
и усилимъ ея домогательства. Да и чего намъ бояться
на никогда не въ силахъ будетъ извлечь противъ насъ
и, еслѣбъ и захотѣла того. Напротивъ, именно теперь
ора для политики прямой и откровенной, для того что-
толо потомъ, при окончаніи войны печальныхъ недора-
Вамъ нечего давать на себя векселя. Точно также мы
мотрѣть и на Англію. Она должны понять, по крайней
мы ихъ не можемъ болѣе и что мы, напротивъ, въ
гь сдѣлать больше зла, чѣмъ она намъ. Это они долж-
между тѣмъ они объ насъ имѣютъ ложныя свѣдѣнія
ныя вотъ именно такими выходками, какъ «Биржевыхъ
В». Не въ Австріи-ли поддерживалось лѣтомъ убѣжде-
шла Россіи была миражъ, всѣхъ обманувшій, и что
лѣзя считать уже Россію сильной военной державой.
а-то и возросъ ея тонъ. Не въ Англіи-ли были убѣждены,
высшихъ сферахъ, что 10.000 человекъ англійскаго
саженныя въ Трапезундѣ, порѣшили-бы навсегда всю
ачу на Востокъ и на Кавказъ. Мы-то ихъ знаемъ, а
съ, стало быть, не знаютъ. Но плохая услуга Россіи
ей интересы недругамъ нашимъ и представлять ее въ
ь и приниженномъ видѣ, тогда какъ этого нѣтъ ни-
все ложь.

НОЯБРЬ.

Глава первая.

I.

Что значитъ слово: «стриюцкіе»?

Въ два года изданія моего «Дневника», я раза два-три, требилъ малозвѣстное слово «стриюцкіе» и получилъ нѣско- запросовъ, изъ Москвы и изъ губерній: что значитъ слово «стриюцкіе»? Извиняюсь, что не отвѣтилъ никому до сихъ поръ, хотѣлъ какъ нибудь, между строчками, отвѣтить въ «Дневникъ». Теперь, заканчивая «Дневникъ», отведу нѣсколько строкъ понятному петербургскому словцу, и если начинаю съ этой странички первую страницу ноябрьскаго выпуска, то именно по- что, откладывая на послѣднюю страницу, какъ прежде дѣлалъ, почти всегда не находилъ свободнаго мѣста для «стриюцкіе» изъ-за другихъ темъ и каждый разъ приходилось откладывать объясненіе опять до слѣдующаго выпуска.

Слово «стриюцкій, стріюцкіе» есть слово простонародное, употребляющееся единственно въ простомъ народѣ и, кажется, только въ Петербургѣ. Такъ что это слово, кажется, и изобрѣтено въ Петербургѣ. Пишу: *кажется*, потому что сколько ни разспрашивалъ людей «компетентныхъ», не могъ ни отъ кого добыть откуда оно взялось, почему такъ сложились звуки его, употребляется-ли оно хоть гдѣ-нибудь въ Россіи кромѣ Петербурга, наконецъ—дѣйствительно-ли въ Петербургѣ оно изобрѣтено до меня, то мнѣ опять-таки «кажется» (утвердительно не

же), что слово это есть слово чисто петербургское и собственно петербургскимъ простонародьемъ, но кѣмъ, вѣрно-ли?—не знаю. Означаетъ-же оно, по неоднократнымъ вопросамъ моимъ у народа, и сколько я понялъ, слѣ-

дующій:—есть человекъ пустой, дрянной и ничтожный, случайный случавъ, а, можетъ быть, и всегда—пьяница, и, потерянный человекъ. Кажется, впрочемъ стрюцкимъ быть названъ, въ иныхъ случаяхъ, и не пьяница. Но свойства этого пустого и дряннаго пьянчужка, заслуживаютъ особое наименование, выдумыву цѣлаго новаго слова во первыхъ, пустоголовость, особаго рода вздорность, есть, неосновательность. Это крикливая ничтожность.

Вечеромъ въ праздникъ на улицѣ слышны: слышенъ ступенный зовъ городского; въ сбившейся въ кучу слышно отличается чей-то протестующій, зывающій, жалующий, угрожающій голосъ. Много напускнаго гнѣва. Вы подосвѣдомляетесь что такое? Въ отвѣтъ слышется, махаютъ и отходятъ: «пустяки, стрюцкіе!» Слово стрюцкіе произпріи этомъ съ пренебреженіемъ, съ презрѣніемъ. Всегда рѣніемъ, и если-бъ дѣйствительно этотъ кричащій человекъ прибитъ или обиженъ, то и тутъ, кажется, не нашельствія, а только презрѣніе, потому что онъ лишь «стрюцкіе». Все въ немъ вздоръ и что кричитъ онъ—и то все и что приблиа его, и то вздоръ, самый «настоящій человекъ» какой есть. Прибавлю, что стрюцкіе большею частью въ платьѣ, одѣты не по сезону, въ прорванныхъ сапогахъ прибавлю тоже, что «кажется» стрюцкимъ обзывается только, кто въ нѣмецкомъ платьѣ. Впрочемъ, не ручаюсь, но, это такъ.

Самый существенный признакъ пьяницы-пропойцы, называемый «стрюцкимъ», кромѣ вздорности и неосновательности есть недостаточно-опредѣленное положеніе его въ обществѣ. Кажется, что человекъ, имѣющій деньги, домъ, или какое-нибудь имѣніе, мало того имѣющій чуть-чуть твердое и опредѣленное мѣсто, хотя-бы и рабочимъ на фабрикѣ, не могъ-бы быть «стрюцкимъ». Но если у него есть и заведеніе, лавка, или что-нибудь, но ведетъ онъ все это неосновательно-ничтожно, безъ разчета, то онъ можетъ попасть въ стрюцкіе «стрюцкіе» это ничего не стоящій, не могущій ни что-нибудь и установиться, неосновательный и себя непонимающій.

мающій человекъ, въ пьяномъ видѣ часто рисующійся: фронъ, крикунъ, часто обиженный и всего чаще потому, что любитъ быть обиженнымъ, призыватель городского, караульной—и все вмѣстѣ пустякъ, вздоръ, мыльный пузырь, издающій презрительный смѣхъ: «Э, пустое, стрюцкій».

Повторяю, мнѣ кажется это слово есть исключительно петербургское. Но употребляется-ли въ другихъ мѣстахъ Россіи не знаю. Въ простонародьи въ Петербургѣ оно очень распространено. Въ Петербургѣ очень много напыльнаго народа изъ губерній, а потому довольно вѣроятно, что слово можетъ быть и въ другія губерніи, если еще не перешло. Войдетъ, можетъ быть, и въ литературу: кажется, и другіе писатели, кромѣ его употребляли. Въ этомъ словѣ для литератора привлекаетъ сила того оттѣнка презрѣнія, съ которымъ народъ обзываетъ этимъ словомъ именно только вздорныхъ, пустоголовыхъ, чащихъ, неосновательныхъ, рисующихся въ дрянномъ своемъ дрянныхъ людишекъ. Такихъ людишекъ много и въ интеллигентныхъ кругахъ, и въ высшихъ кругахъ: правда-ли? только не всегда пьяницъ и не въ прорванныхъ погахъ, но въ этомъ часто все и различіе. Какъ удержатъ не обозвать иногда и этихъ высшихъ «стрюцкими», благо-готово и соблазнительно тѣмъ оттѣнкомъ презрѣнія, съ которымъ выговариваетъ его народъ?

II.

Исторія глагола «стушеваться».

Кстати, по поводу происхожденія и употребленія этого слова. Въ литературѣ нашей есть одно слово: «стушеваться» всѣми употребляемое, хотъ и не вчера родившееся, но довольно недавнее, не болѣе трехъ десятковъ лѣтъ существующее; при Пушкинѣ оно совсѣмъ не было извѣстно и не употреблялось никѣмъ. Теперь-же его можно найти не только у драматурговъ, у беллетристовъ, во всѣхъ смыслахъ, съ самоуничижительнаго и до серьезнѣйшаго, но можно найти и въ научныхъ трактатахъ, въ диссертацияхъ, въ философскихъ книгахъ; того, можно найти въ дѣловыхъ департаментскихъ бумагахъ, въ рапортахъ, въ отчетахъ, въ приказахъ даже; всѣмъ извѣстно, всѣ его понимаютъ, всѣ употребляютъ. И од

В Россіи есть одинъ только человѣкъ, который знаетъ точное происхожденіе этого слова, время его изобрѣтенія и появленія въ литературѣ. Этотъ человѣкъ—я, потому что ввелъ и употребилъ это слово въ литературѣ въ первый разъ—я. Показалось это слово въ печати, въ первый разъ, 1-го января 46 года, въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ повѣсти моей: «Двойникъ, приключенія господина Голядкина».

Первая повѣсть моя «Бѣдные люди» была напечатана мною въ 44 году, была окончена, стала известна Бѣлинскому и была принята Некрасовымъ для его альманаха «Петербургскій Сборникъ» въ 1845 году. Вышелъ этотъ альманахъ въ концѣ 45-го года.

Но въ этомъ-же 1845 году я и началъ, дѣломъ, уже знакомства съ Бѣлинскимъ, эту вторую мою повѣсть: «Двойникъ, приключенія господина Голядкина». Бѣлинскій, съ самаго начала осени 45-го года, очень интересовался этой моею работой. Онъ повѣстивалъ объ ней, еще не зная ее, черезъ Александровича Краевского, у котораго работалъ въ журналѣ, съ которымъ я познакомилъ меня и съ которымъ я и познакомился, что эту новую повѣсть «Двойникъ» я, по окончаніи, дамъ ему въ «Отечественныя Записки» для первыхъ мѣсяцевъ наступающаго 46-го года. Повѣсть эта мнѣ положительно не удалась, но идея ея была довольно свѣтлая, и серьезнѣе всѣхъ идей я никогда ничего въ литературѣ не проводилъ. Но форма этой повѣсти мнѣ не удалась совершенно. Я сильно переработалъ ее потомъ, дѣтъ пятнадцать спустя, для тогдашняго «Сѣвернаго собранія» моихъ сочиненій, но и тогда опять убѣдился, что эта вещь совсѣмъ неудавшаяся, и еслибъ я теперь принялся за эту идею и изложилъ ее вновь, то взялъ-бы совсѣмъ другую форму; но въ 46-мъ году этой формы я не нашелъ и повѣсти не осилилъ.

Тѣмъ не менѣе, кажется, въ началѣ декабря 45-го года, Бѣлинскій настоялъ, чтобъ я прочелъ у него хоть двѣ-три главы этой повѣсти. Для этого онъ устроилъ даже вечеръ (чего почти тогда не дѣлывалъ) и созвалъ своихъ близкихъ. На вечерѣ мною былъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, прослушалъ лишь одну часть повѣсти, то, что я прочелъ, похвалилъ и уѣхалъ, очень куда-то спѣшилъ. Три или четыре главы, которыя я прочелъ, понравились Бѣлинскому чрезвычайно (хотя и не стояли того). Но Бѣлинскій не зналъ конца повѣсти и находился подъ обаяніемъ «Бѣдныхъ людей». Ну вотъ тутъ-то, на этомъ чтеніи, и употреблено мною, въ первый разъ, слово «стусеваться» столь

потомъ распространившееся. Повѣсть всё забыли, они и слово того, а новое слово подхватили, усвоили и утвердили въ литературѣ.

Слово «стусоваться» значитъ исчезнуть, уничтожиться, такъ сказать *на нѣтъ*. Но уничтожиться не вдругъ, не прилившись сквозъ землю, съ громомъ и трескомъ, а такъ сказать деликатно, плавно, непримѣтно погрузившись въ ничто. Похоже на то, какъ сбываетъ тѣнь на затусованной тусовой полосѣ въ рисункѣ, съ чернаго постепенно на болѣе свѣтлое, наконецъ совсѣмъ на бѣлое, *на нѣтъ*. Должно быть, въ «Дневникѣ» это слово было мною употреблено удачно въ тѣхъ и въ тѣхъ-же трехъ главахъ, которыя я прочелъ у Бѣлинскаго, изображеніи того, какъ умѣлъ встать исчезнуть со сцены одинъ досадный и хитренькій человѣчекъ (или въ родѣ того, а не былъ). Потому такъ говорю, что новое слово не возбуждало никакого недоумѣнія въ слушателяхъ, напротивъ, всѣмъ было вдругъ понято и отмѣчено. Бѣлинскій прервалъ меня и началъ съ тѣмъ, чтобъ похвалить выраженіе. Всѣ слушавшіе тогда (и теперь живы) тоже похвалили. Очень помню, что похвалили и Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ (онъ вѣрно теперь позабылъ), Хвалилъ потомъ очень и Андрей Александровичъ Краевскій. Кроме этихъ существуютъ и еще лица, которыя, я думаю, могутъ припомнить, что и они капельку поинтересовались новымъ словомъ. Но принялось оно и вошло въ литературу не сейчасъ, а весьма постепенно и непримѣтно. Помню, выйдя въ 1854 году, въ Сибири изъ острога, я началъ читать всю написанную безъ меня за пять лѣтъ литературу (Записки Охотника едва при мнѣ начавшіяся и первая повесть Тургенева я прочелъ тогда разомъ, залпомъ и вынесъ употребленіе новое впечатлѣніе. Правда, тогда надо мной сіяло степное солнце, начиналась весна, а съ ней совсѣмъ новая жизнь, конецъ торги, свобода!)—и такъ, начавъ перечитывать, я былъ удивленъ, какъ часто стало мнѣ встрѣчаться слово «стусоваться». Потомъ, въ шестидесятыхъ годахъ, оно уже совершенно освоилось въ литературѣ, а теперь, повторяю, я даже въ дѣловыхъ бумагахъ, публикуемыхъ въ газетахъ, его встрѣчаю даже въ ученыхъ диссертацияхъ. И употребляется оно именно въ томъ смыслѣ, въ которомъ я въ первый разъ его употребилъ.

Впрочемъ, если я и употребилъ его въ первый разъ въ литературѣ, то изобрѣлъ его все-же не я. Слово это изобрѣлъ въ томъ классѣ Главнаго инженернаго Училища, въ которомъ

и да; именно мои однокурсники. Можетъ быть, и я уча-
лъ къ изобрѣтенію, не помню. Оно само какъ-то выдума-
и само вышло. Во всѣхъ классахъ Училища мы
мы были чертить разные планы, фортификаціонныя, строи-
ца, военно-архитектурныя. Умѣніе хорошо начертить планъ
у, своими руками, требовалось строго отъ каждого изъ
такъ что и не имѣвшіе охоты къ рисованію поневолѣ
мы были стараться во что-бы то ни стало достигнуть на-
много въ этомъ искусства. Баллы, выставляемые за рисунки
мы, шли въ общій счетъ и вліяли на величину среднего
. Вы могли выходить изъ верхняго офицерскаго класса на
бу превосходнымъ математикомъ, фортификаторомъ, инже-
ръ, но если представленныя вами рисунки были плоховаты,
оставляемый за нихъ баллъ, идя въ общій расчетъ, до того
уменьшилъ какъ средній баллъ, что вы могли лишиться
в значительныхъ льготъ при выпускѣ, напримѣръ, слѣдую-
чина, а потому всѣ старались научиться рисовать хорошо.
планы чертились и оттушевывались тушью, и всѣ старались
ся, между прочимъ, умѣнья хорошо стушевывать данную
ость, съ темнаго на свѣтлое, на бѣлое, и на нѣтъ; хорошая
вка придавала рисунку шеголеватость. И вдругъ у насъ
классъ заговорили: «гдѣ такой-то?—Э, куда-то стушевался!»—
напримѣръ, разговариваютъ двое товарищей, одному надо
шиться: «ну, говоритъ одинъ садящійся за книги другому,
сверь стушуйся». Или говорить, напримѣръ, верхнеклас-
, новопоступившему изъ низшаго класса: «я васъ давеча
, куда вы изволили стушеваться?» Стушеваться именно
ало тутъ удалиться, исчезнуть, и выраженіе взято было
ю съ стушевыванія, т. е. съ уничтоженія, съ перехода съ
го на нѣтъ. Очень помню, что слово это употреблялось
въ нашемъ классѣ, врядъ-ли было усвоено другими клас-
и когда нашъ классъ оставилъ Училище, то, кажется, съ
оно и исчезло. Года черезъ три я припомнилъ его и вста-
въ повѣсть.

записалъ я столь серьезно такое пространное изложеніе исто-
ческаго неважнаго слова—хотя-бы для будущаго ученаго
стали русскаго словаря, для какого нибудь будущаго Даля,
и я читателямъ теперь надоѣлъ, то за то будущій Даль меня
годарить. Ну такъ пусть для него одного и написано. Если-
стите, то *для ясности*, покаюсь вполне: мнѣ, въ продол-
всей моей литературной дѣятельности, *всего больше нрави-*

лось въ ней то, что и мнѣ удалось ввести совсѣмъ новое слово въ русскую рѣчь, и когда я встрѣчалъ это слово въ печати, то всегда ощущалъ самое пріятное впечатлѣніе; ну, тогда стало быть, вы поймете почему я нашелъ возможнымъ опустить такіе пустяки даже въ особой статейкѣ.

Глава вторая.

I.

Лакейство или деликатность?

Извѣстно, что всѣ русскіе интеллигентные люди чрезвычайно деликатны, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда они имѣютъ дѣло съ Европой или думаютъ, что на нихъ смотритъ Европа,—хотятъ, чтобы та впрочемъ и не смотрѣла на нихъ вовсе. О, дома, про себя и между собою, мы свое возьмемъ, дома весь европеизмъ—объему—взять лишь, походя, наши отношенія семейныя, гражданскія, чести, долга, въ самомъ огромномъ большинствѣ случаевъ. Да и кто изъ проповѣдующихъ «европейскія» идеи серьезно насъ въ нихъ вѣрять? Конечно, лишь люди честные и при этомъ непремѣнно добрые (такъ что и вѣрятъ-то лишь по добротѣ души) но вѣдь много-ль у насъ такихъ-то? Если ужъ все говорить, то вѣдь у насъ, можетъ быть, нѣтъ ни одного европейца, потому что мы и не способны быть европейцами. Умы-же передовые биржевые и всячески руководящіе берутъ у насъ съ европейскіхъ идей лишь оброкъ, и, я думаю, что это у насъ такъ и есть, повсемѣстно. Не говорю, конечно, про людей съ большимъ здравымъ смысломъ: тѣ не вѣрятъ въ европейскія идеи, потому что и вѣрить-то не во что, ибо никогда и ничто на свѣтѣ не отличалось такою неясностью, туманностью, неопредѣленностью и неопредѣлимостью какъ тотъ «циклъ идей», который мы пережили себѣ въ двухсотлѣтній періодъ нашего европейничанія, а въ сущности не циклъ, а хаосъ обрывковъ чувствъ, чужихъ недопонятыхъ мыслей, чужихъ выводовъ и чужихъ привычекъ, но особенно словъ, словъ и словъ—самыхъ европейскихъ и либеральныхъ, конечно, но для насъ все-же словъ, и только словъ.

Объяснить все это прямо попугайствомъ нельзя. Тоже и лакействомъ мысли нельзя, русскимъ лакействомъ мысли пер-

ропой. Лакейства мысля у насъ много и очень даже, но высшая причина нашей европейской кабалы все-же не лакейство, а это наша русская, врожденная намъ доминантность передъ Европой. Скажутъ, что вѣдь это, пожалуй, одно и то же, что и лакейство. Во многихъ случаяхъ—да, но нельзя сказать, чтобы всегда. (Я, разумѣется, объ руководящихъ плутахъ, о которыхъ я уже говорилъ выше, и не говорю: этимъ европейцамъ до Европы никакого дѣла нѣтъ, и никогда не бывало. Они, какъ ушныи рыбы, въ мутной водѣ рыбу ловятъ, всё два вѣка ловили).

Вотъ какъ говорить, напримѣръ, англичанинъ Гладстонъ о нашей русской войнѣ съ Турціей:

«Чтобы ни говорили о некоторыхъ другихъ главахъ русской исторіи, освобожденіемъ многихъ милліоновъ поработенныхъ народовъ отъ жестокаго и унижительнаго яга Россія оказала человѣчеству одну изъ самыхъ блестящихъ услугъ, какія только помнитъ исторія, услугу, которая никогда не изгладится изъ благодарной памяти народовъ».

Какъ вы думаете, откровенно спрашивая, могъ-ли бы произнести такія слова русскій европеецъ? Да никогда въ жизни не проглотилъ-бы языкъ свой прежде, чѣмъ это произнести отъ деликатности, не то что передъ Европой, а передъ самимъ собой покраснѣеть, если только услышитъ это, или произнесетъ по русски и у русскаго. Помилуйте, да какъ мы смѣемъ.. «заглавный рядъ!.. И «для всего человечества»—это мы-то, русскіе! Да мы еще рыломъ не вышли для этого, у насъ еще рожа такая, чтобъ «освободить человечество». И при этомъ все не либеральныя такія мысли: «Россія освобождаетъ народы»—какая не либеральная мысль!

Вотъ искреннее мнѣніе русскаго европейца чистаго типа, и онъ отрубилъ себѣ сначала пальцы чѣмъ напишетъ тоже, что и Гладстонъ. «Гладстону-де можно пожалуй такъ сочинять; онъ не понимаетъ ничего въ Россіи, или себѣ на умѣ сочиняетъ дальнѣйшихъ цѣлей»—вотъ что думаетъ европеецъ. А нынѣшнихъ, подобрѣе и погорячѣе, тутъ-же, пожалуй, прибавятъ себѣ не безъ гордости: «а вѣдь мы, русскіе европейцы, пожалуй, что и либеральнѣе европейскихъ-то европейцевъ, дальнѣйшихъ: кто у насъ изъ трезвыхъ умовъ закнётся теперь объ этомъ-то «освобожденіи народовъ? Вотъ ретроградство-то! И только такія вещи говорить не стыдятся!»

Какъ это все назвать господомъ? Лакействомъ или деликатностью передъ Европой?

Я все стою на томъ, что въ европейскомъ періодѣ нашей исторіи огромную роль играла деликатность. Вѣдь изъ этихъ европейцевъ нашихъ таѣ много людей честиѣйшихъ, смѣлыхъ людей чести, хоть и чужой, усвоенной, хоть и не понимая, можетъ быть, самимъ-то рыцаремъ, потому что все-же это европейская для него тарабарщина, но все-же чести,—людей которые лично себѣ на ногу наступить не позволяютъ. Ну какъ прямо такъ-таки и назвать ихъ лакеями? Нѣтъ, деликатность заѣла насъ, а не лакейство. Опять таки, разумѣется, передъ Европой деликатность: у себя дома мы свое наверстаемъ.

Дамы, восторженно подносявшія туркамъ конфекты и сигары, разумѣется, дѣлали это тоже изъ деликатности: «какъ деликатно мы мило, нѣжно, мягко, гуманно, европейски просвѣщены!»? Теперь этихъ дамъ вразумили отчасти нѣкоторые грубые люди, прежде, до вразумленія,—ну, положимъ, на другой день по того поѣзда турокъ, въ который бросали букетами и конфектами,—что еслибъ прибылъ другой поѣздъ съ турками-же, а не съ тоть самый баши-бузукъ, о которомъ писали, что особенно отличается умѣніемъ разрывать съ одного маху, схвативъ за ножки, груднаго ребенка на двѣ части, а у матери тутъ-же и кроить изъ спины ремень? Да, я думаю, эти дамы встрѣтили его визгомъ восторга, готовы были-бы отдать ему не только конфекты, но что нибудь и получше конфектъ, а потомъ, пожалуй, завели-бы рѣчь въ дамскомъ своемъ комитетѣ о стипендіи имени его въ мѣстной гимназіи. О, повѣрьте, что деликатно до всего можетъ у насъ дойти и предположеніе это вовсе фантастическое. Смотри на себя въ зеркало эти дамы, я думаю сами-бы влюблялись въ себя: «какія мы гуманныя, какія либеральныя милочки!» И неужели вы думаете, что эта фантастическая картинка не могла-бы осуществиться? Тотъ высомѣрный взглядъ, который бросаетъ иной европеецъ теперь на народъ нашъ и на движеніе его, отрицая во всемъ народѣ нашемъ какую-нибудь мысль и движеніе, «кромѣ глупо-кликучечьихъ выходовъ изъ тысячъ простонародья и какого-нибудь одного дурака», неужели такой взглядъ, возможность такого взгляда, обратившаяся въ дѣйствительность, не стоитъ изображенной выше фантастической картинки?

Деликатность передъ Европой съ нами повсемѣстно. Туркіе плѣнные потребовали бѣлаго хлѣба и имъ явился бѣлый хлѣбъ. Турецкіе плѣнные отказались работать. Князь Мемельскій—очевидецъ, повѣтствуетъ въ своемъ «Дневникѣ» съ

1. что —

Плѣнные наши выѣхали изъ Тифлиса. Ихъ хотѣли везти на не-
рабскихъ, но они забунтовались и позволили объявить, что не по-
тъ, или не приняты къ русскимъ телегамъ. Вслѣдствіе этого, имъ
были даны почтовые кареты и рессорные экипажи, съ шестерными
кошачьями къ каждому экипажу. На это они позволили заявить свое
возмущеніе и, вслѣдствіе огромнаго числа забравшихъ вождь ихъ
кошачья, бѣдные пробирающіе по военно-грузинской дорогѣ будутъ
идти три сутокъ безъ лошадей. А офицеру русской службы, со-
провождающему ихъ, назначено 50 коп. суточныхъ, и посадили его
въ карету, а какъ сажаютъ прислугу въ omnibusъ! Все это гуман-
но (Моск. Вѣдом. № 273).

То есть не гуманность, а именно вотъ та самая деликатность
и европейскій мнѣніемъ о насъ, чуткость, чувствитель-
ность: «Европа, дескать, на насъ глядеть, надо, стало быть, въ
мундирѣ быть и пашамъ кареты подать».

«Московскія Вѣдомости» даже, въ другомъ своемъ, 282 но-
мѣре, передаютъ о цѣломъ воплѣ голосовъ въ Москвѣ, когда уви-
дѣли москвичи всѣ тѣ неслыханныя удобства, съ которыми пе-
реѣзятъ у насъ плѣнныхъ турокъ:

«Всѣ плѣнные рядовые были удобно размѣщены въ вагонахъ
перваго класса, офицеры втораго класса, а паша занялъ купе первоклас-
наго вагона. Зачѣмъ для нихъ такія удобства? слышалось въ пуб-
личныхъ мѣстахъ. Нашихъ-то гренадеръ, небось, вывели изъ Москвы въ лошади-
ныхъ вагонахъ, а для нихъ отпускаютъ особый пассажирскій поѣздъ.
— Что гренадеры, замѣчаютъ въ толпѣ какой-то кушечикъ, вотъ
онъ раненыхъ солдатиковъ возилъ въ товарныхъ вагонахъ и со-
жалелъ подъ нихъ не успѣлъ подкладывать. А паша-то какой откорри-
пированный, что твой боровъ, въ товарный-бы его, пусть-бы съ него жиру
какогого-нибудь побавилось».

— Тамъ-то раненыхъ нашихъ прирѣзывали, живы изъ нихъ та-
ко медленнымъ огнемъ жгли, а теперь ихъ холать ва то...

Такие голоса (замѣчаютъ даже «М. Вѣд.») были не единичными,
они выражали общее въ народѣ мнѣніе о томъ, что больно ви-
дѣть, какъ баша-бузуки и вся эта турецкая рвань, обобранная своимъ
собственными пашами, пользуется такими большими удобствами
и заботливо съ нашими воннами...

То есть мы собственно ничего тутъ особаго не видимъ: дели-
катность или, такъ сказать, мундиръ деликатности передъ евро-
пейскимъ мнѣніемъ, — вотъ и все тутъ; но вѣдь это, такъ сла-
бо, два вѣка у насъ продолжается, такъ ужъ пора попривык-

Нашло до анекдотовъ, то вотъ и еще анекдотъ. Отиѣтилъ
онъ въ «Петербургской Газетѣ», а та взяла изъ письма госпо-
дина В. Крестовскаго, писаннаго съ театра военныхъ дѣйствій,

но куда не знаю. Откуда заимствовано «Петербургской Газетой» тоже не вѣдаю. Говорится такъ:

„Въ письмѣ г. Крестовскаго приводится одинъ комическій фактъ. „Около свиты появился какой-то англичанинъ въ пробковомъ шлемѣ и статскомъ пальто гороховаго цвѣта. Говорятъ, что онъ членъ парламента, пользующійся ваканціоннымъ временемъ для составленія корреспонденцій «съ мѣста военныхъ дѣйствій» въ одну изъ лучшихъ лондонскихъ газетъ («Times»); другіе же увѣряютъ, что просто любитель, а третьи, что онъ другъ Россіи. Пускай все такъ, но нельзя не замѣтить, что этотъ «другъ Россіи» ведетъ себя нѣсколько эксцентрично: сидитъ, напримѣръ, въ присутствіи Великаго Князя въ то время, когда стоятъ всѣ, не исключая даже Его Императорскаго Высочества; за обѣдомъ встаетъ когда ему вздумается изъ-за стола сидитъ Великій Князь и въ этотъ день обратился даже къ одному знакомому офицеру съ предложеніемъ затянуть на него въ рубашку гороховое пальто. Офицеръ окинулъ его съ ногъ до головы нѣсколько удивленнымъ взглядомъ, улыбнулся слегка, пожалъ плечами и прекословно помогъ одѣть пальто. Конечно, болѣе ничего и не оцѣнилось сдѣлать. Англичанинъ въ отвѣтъ слегка приложился рукою къ своему пробковому шлему“.

«Петербургская Газета» назвала этотъ фактъ комическимъ. Къ сожалѣнію, я ровно ничего въ немъ не вижу комическаго, напротивъ, очень много досаднаго и портящаго кровь. Къ тому же въ насъ какъ-бы укрѣпилась съ дѣтства вѣра, (изъ романовъ и изъ французскихъ водевилей, я думаю), что всякій англичанинъ чудакъ и эксцентрикъ. Но что такое: чудакъ? Не все же чудакъ или такой ужъ наивный человѣкъ, который не можетъ гадаться не можетъ, что на свѣтѣ не все-же вѣдь одни и те же порядки, какъ гдѣ-то тамъ у него въ углу. Англичане напротивъ очень напротивъ умный и весьма широкаго взгляда. Какъ моряки, какъ пловцы, да еще просвѣщенные, они перевидали чрезвычайно много людей и порядковъ во всѣхъ странахъ міра. Наблюдатели они необыкновенные и даровитые. У себя они откровенны, юморъ, обозначили его особымъ словомъ и растолковали по отношению къ чуждому человѣчеству. Такому-ли человѣку, да еще члену парламента, не знать гдѣ вставать, гдѣ сидѣть? Да нѣтъ страны, въ которой этикетъ имѣлъ-бы большее приложеніе какъ въ Англіи. Придирчивый, напримѣръ, англійскій этикетъ, есть самый сложный и ученый этикетъ въ мірѣ. Если этотъ англичанинъ членъ парламента, то, конечно, слишкомъ могъ научиться этикету изъ того того уже какъ одинъ парламентъ — нижній, сносится къ другимъ — высшимъ. И именно въ томъ смыслѣ: кто передъ кѣмъ можетъ сидѣть, а кто передъ кѣмъ обязанъ вставать. Если онъ при этомъ и членъ высшаго общества, то опять-таки не

такого времени, какъ на приемахъ, обѣдахъ, балахъ англій-аристократія во время ихняго лондонскаго сезона. Нѣтъ, совсѣмъ другое, если судить потому какъ изложено въ анекдотѣ. Тутъ Англійская гордость, но не просто гордость, а съ мыслима самолюбие. Этотъ «другъ Россіи» не можетъ быть самъ ей другомъ. Онъ видитъ, смотритъ на русскихъ офицеровъ и думаетъ: «Господа, я знаю, что вы львы сердцемъ, предпринимаете невозможное и исполняете его. Страхъ передъ врагомъ въ васъ нѣтъ, вы герои, вы Баярды воѣ до еди-на чувство чести вамъ знакомо вполне. Не могу-же я не сказать объ тѣхъ, что своими глазами вижу. Тѣмъ не менѣе англичанинъ, а вы только русскіе, я европеецъ, а передъ Евро-пой обязаны «деликатностью». Какія-бы вы львиныя сердца спрятали въ себя, а я все-таки высшаго типа человекъ, чѣмъ для мнѣ это очень пріятно, особенно пріятно изучать «деликатность» вашу передо мной, врожденную и неотразимую, которой русскій не можетъ смотрѣть на иностранца, тѣмъ же не на такого иностранца какъ я. Вы думаете, что это все шутка; да мелочи-то и утѣшаютъ меня, весьма забавляютъ, я люблю прогуляться, я слышалъ, что вы герои и пріѣхавъ поговорить на васъ, но ворочусь все-таки съ убѣжденіемъ, что вы сынъ старой Англій (тутъ у него дрожатъ отъ гордости глаза) а все-таки на свѣтѣ первый человекъ, а вы всего лишь второстепенные...

Всего любопытнѣе въ вышеприведенномъ фактѣ послѣднія слова.

Офицеръ окинулъ его съ ногъ до головы, нѣсколько удивленнымъ взглядомъ, улыбнулся, слегка пожалъ плечами и безсловно помогъ одѣть пальто. *Конечно, больше ничего и не оставалось сдѣлать».*

Какъ такъ: «конечно?» Почему болѣе *ничего* не оставалось сдѣлать? Напротивъ, именно можно было сдѣлать совершенно дру-го, обратное противоположное: можно было «окинуть его съ ногъ до головы нѣсколько удивленнымъ взглядомъ, улыбнуться слегка, пожалъ плечами» и — отойти мимо такъ-таки и не дотронувшись до пальто, — вотъ что можно было сдѣлать. Неужели нельзя было сказать, что просвѣщенный мореплаватель фокусничаетъ; что англійскій знатокъ этикета ловитъ минуту удовольствія ме-ди въ своей гордости? То-то и есть, что нельзя было, можетъ сложиться въ тотъ мигъ, а помѣшала именно наша привычка «деликатность» — не передъ англичаниномъ этимъ

деликатность, не передъ членомъ этимъ парламента въ такомъ пробковомъ шлемѣ (какой такой пробковый шлемъ?), передъ Европой деликатность, передъ долгомъ европейскаго признанія «деликатность», въ которой мы выросли, погразили и тери самостоятельной личности и изъ которой долго надо выкарабкаться.

Подвозъ патроновъ въ турецкую армію изъ Англіи и Греческіи колоссальный; достовѣрно теперь исполнѣ, что турки не дадутъ въ Плевно тратить въ день иной разъ 500 тысячъ ни средствъ, ни денегъ не могло быть у турокъ, чтобы вооружить армію. Присутствіе англичанъ и ихъ денегъ въ перешней войнѣ несомнѣнно. Ихніе пароходы доставляютъ все же и все необходимое. А у насъ инны газеты наши кричатъ изъ «деликатности»: «Ахъ, не говорите этого; ахъ, не подумайте вы только этого, пусть мы не видимъ, пусть мы не слышимъ, а то просвѣщенные мореплаватели разсердятся и тогда»...

Да что-же тогда? Чего вы трусите? Много-бы можно прибавить на тему о «деликатности».

Даже если есть какіе-нибудь тамъ весельки и весельки выданные нами Европѣ, въ видѣ разныхъ обѣщаній, еще и тогда какъ перешли мы Барбошскій мостъ, то несомнѣнно и должно было произойти изъ «деликатности» нашей, изъ деликатности передъ Европой и передъ обаяніемъ ея, Но о «деликатности» пока оставимъ. Я лишь припомню, что въ началѣ главы, начавъ о деликатности, я прибавилъ: «что вѣдь это только передъ Европой, а у себя-то мы всегда свое наверху». Мнѣ хочется именно, пользуясь случаемъ, указать какъ мы у себя наверху умѣемъ, реваншъ возьмемъ...

II.

Самый лакейскій случай, какой только можетъ быть.

Помните-ли, господа, какъ еще лѣтомъ, еще задолго до «Плевны» мы вдругъ вошли въ Болгарію, явились за нами и онѣмѣли отъ негодованія. То есть не всё, это передѣломъ надо заявить, даже далеко не половина, а гораздо больше,—но все-же вознегодовавшихъ было значительное число раздались голоса. Голоса корреспондентовъ изъ арміи и тотчасъ-же голоса въ нашей прессѣ, особенно въ Пе

были горячіе голоса, убѣжденные, полные самаго добродѣшнаго негодованія...

Сдѣло вышло изъ-за того, что обладатели голосовъ этихъ не въ извѣстномъ всему міру и особенно намъ, спасать угнетенныхъ, униженныхъ, раздавленныхъ и измученныхъ. Еще до начала войны, я, помню, читалъ въ самыхъ серьезнѣйшихъ нашихъ газетахъ, при разсчетахъ о шансахъ войны и необходимыхъ издержкахъ, что, конечно, «вступивъ въ Болгарию придется кормить не только нашу армию, но и болгарское населеніе, умирающее съ голоду». Я это самъ читалъ и указывать гдѣ читалъ, и вотъ, послѣ такого-то понятія о томъ, объ этихъ угнетенныхъ, измученныхъ, за которыхъ мы съ береговъ Финскаго залива и всѣхъ русскихъ рѣкъ льемъ свою кровь — вдругъ мы увидѣли прелестные болгарскія, кругомъ нихъ садки, цвѣты, плоды, скотъ, обрабатываемую землю, родящую чуть не сторицею и, въ довершеніе ю три православныхъ церкви на одну мечеть, — это за угнетенныхъ! «Да какъ они смѣютъ!» загорѣлось мгновенно обиженныхъ сердцахъ нашихъ освободителей и кровь залила ихъ щеки. «И къ тому-же мы ихъ спасать пришли, итъ, они-бы должны почти на колѣнкахъ встрѣчать. Но стоятъ на колѣнкахъ, они косятся, даже какъ-будто и на насъ! Это намъ-то! Хлѣбъ-соль выносятъ, это правда, итъ, косятся!..»

Возвѣдлись голоса. Послушайте, господа, какъ вы думаете: мы получаете или фальшивую или ложно понятую вами иму о томъ, что близкій вамъ человѣкъ, другъ или братъ лежитъ больной, гдѣ-то тамъ ограбленъ, или подъ вагонъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Вы бросаете всѣ дѣла и идите къ несчастному брату, — и вдругъ ничего не вы встрѣчаете человѣка, который здоровѣе васъ, сидитъ дома и обѣдаетъ, съ крикомъ зоветъ васъ за столъ и хохочетъ о фальшивой вашей тревогѣ, о вышедшемъ qui pro quo. Вы, или даже не очень любите этого человѣка, но не вы разсердитесь на него за то, что его не ограбили и не попалъ подъ вагонъ? Главное за то, что у него такіа щеки и что онъ такъ исправно ѣстъ обѣдъ и пьетъ вино? Правда-ли, что ѣтъ? Напротивъ, вѣдь вы порадоваться должны, что онъ живъ и здоровѣе вашего. Ну, конечно, по вѣстиву немножко и разсердитесь, — но вѣдь не за то же, что перерѣзало колесами ноги? Вѣдь не пойдете-же вы

сейчасъ изъ-за стола писать объ немъ корреспонденціи и допы, чернить его характеръ, подмѣчать невыгодныя черты, а вѣдь про болгаръ это дѣлали. «У насъ, дескать, и зажиточный мужикъ такъ не питается, какъ этотъ угнетенный болгаръ». А другіе такъ вывели потомъ, что русскіе-то и причиной несчастій болгарскихъ: что не грозилъ-бы мы прежде, вѣдь, за угнетеннаго болгарина турку и не пришли-бы мы освободить этихъ «ограбленныхъ» богачей, такъ жилъ-бы болгаринъ до сихъ поръ какъ у Христа за пазухой. Это еще еще утверждаютъ.

Я только съ той стороны говорю, что нашу «делкатность» передъ Европой и нашъ просвѣщенный европеизмъ, и умѣемъ иногда навестать по своему у себя дома, гдѣ я не вижу уже насъ и не смотритъ, да и по русски не знаетъ. А Болгарія — это вѣдь *дома*. Мы ихъ освобождали, значитъ, все равно, что къ себѣ пришли, они *наши*, тамъ садъ и имѣніе, такъ вѣдь это имѣніе все равно чуждое, конечно, не возьму у него ничего, потому что я благородный человѣкъ, да правда и власти не имѣю, но все-же онъ долженъ *чувствовать*, и на вѣки быть благодарнымъ, потому что я къ нему вошелъ, — все что у него есть это все развелъ *ему подарилъ*. Отнялъ у его угнетателя турка, а ему не платилъ. Долженъ-же онъ понимать это... А тутъ вдругъ его не угнетаетъ — какая обидная несправедливость, неправда!

А какое лакейство вмѣсто просвѣщенной-то деликатности — правда-ли? И какой смѣшной случай! Это самое комическое навестаніе *своего* «у себя дома» за тяготу неловкаго и неумѣнаго европейской деликатности, въ которомъ мы шеголяемъ передъ Европой. Самый лакейскій случай случился съ этимъ нашимъ господиномъ и засталъ довольно многихъ изъ насъ совсѣмъ плохо. Это уже посерьезнѣе чѣмъ врасплохъ подать лажу глицанину.

Потомъ все обнаружилось и истина открылась многимъ вознегодовавшимъ, хотя не всѣмъ, до сихъ поръ не всѣмъ. Обнаружилось, во-первыхъ, что болгаринъ ничѣмъ не виноватъ, что онъ трудолюбивъ и что земля его родитъ во сто кратъ. Во вторыхъ, въ томъ, что и «косился» онъ не виноватъ, а ужъ одно то, что онъ четыре столѣтія — рабъ, и, встрѣчаясь съ новыми господами, не вѣритъ, что они ему братья, а вѣритъ, что они ему новые господа, да сверхъ того еще боится прежняго господъ, тяжело про себя думаетъ: «А ну, какъ тѣ еще

«... узнаютъ, что я хлѣбъ-соль подносилъ?» Ну вотъ отъ
этихъ внутреннихъ вопросовъ онъ и коснулся — и вѣдь правъ
якобы угадалъ, бѣдняжка: послѣ того какъ мы, совершивъ
первый, молодецкій натискъ за Балканы, вдругъ отрети-
ровались, — пришли вѣдь къ нимъ опять турки и что только имъ
было — теперь уже достояніе всемірной исторіи! Эти
ихъ домики, эти посѣвы, сады, скотъ — все это было раз-
рушено, обращено въ пепелъ и стерто съ лица земли. Не де-
сятки и не сотнями, а тысячами и десятками тысячъ истреб-
лены болгары огнемъ и мечемъ, дѣти ихъ разрывались на части
или въ мукахъ, обезчещенныя жены и дочери были или
послѣ позора, или уведены въ плѣнъ на продажу, а
— вотъ тѣ самыя, которые встрѣчали русскихъ, да сверхъ
тѣхъ самыя, которые никогда не встрѣчали русскихъ, но къ
намъ могли когда-нибудь придти русскіе, всѣ они поплата-
ли русскимъ на висѣлицахъ и на кострахъ. Ихъ прибывали
не ихъ скоты на ночь за уши гвоздями къ забору, а на-
вѣшали всѣхъ до единого, заставляя одного изъ нихъ вѣ-
рочивъ, и онъ, повѣсивъ десятка два виновныхъ, кончалъ
что самъ обязанъ былъ повѣситься въ заключеніе при-
вѣсивъ мучившихъ ихъ, сладострастныхъ къ мученіямъ
ихъ, называемыхъ турецкою націей, в которыхъ столь восхи-
щеніи потому нынѣ изъ деликатнѣйшихъ барынь нашихъ...
(Кстати, еще недавно, уже въ половинѣ ноября, писали
прогоса о новыхъ звѣрствахъ этихъ изверговъ. Когда, во
время бывшей тамъ стычки, турки временно отгѣснили
наши такъ, что мы не успѣли захватить нашихъ раненыхъ
и офицеровъ, и когда потомъ, въ тотъ-же день къ ве-
чере наши воротились на прежнее мѣсто, то нашли сво-
ихъ солдатъ и офицеровъ, обрѣденными, голыми, съ
плыми носами, ушами, губами, съ вырѣзанными животами,
вещь, обгорѣлыми въ сожженныхъ турками скирдахъ со-
сѣдъ хлѣба, куда они предварительно перенесли живыхъ на-
раненныхъ. Репресалии, конечно, жестокая вещь, тѣмъ болѣе,
сущности ни къ чему не ведутъ, какъ и сказалъ уже я
въ одномъ изъ предъидущихъ выпусковъ «Дневника», но
тѣмъ съ начальствомъ этихъ свотовъ была-бы не лишнею.
Было бы прямо объявить, вслухъ и даже на всю Европу —
или навѣрно-бы сдѣлала такъ, потому что они даже съ фран-
цузскъ точно дѣлали по причинамъ въ десять разъ меньше
жизненнымъ, чѣмъ тѣ, которыя, имѣемъ мы противъ воюю-

щихъ съ ними скотовъ), — что если усмотрятся совершенныя звѣрства, то ближайшіе начальники тѣхъ турокъ, которые совершили звѣрства, въ случаѣ взятія ихъ въ плѣнъ, будутъ судимы на мѣстѣ военнымъ судомъ и подвержены смертной казни стрѣляніемъ. Это можетъ быть и нѣло-бы нѣкоторое вліяніе офицеровъ и пашей турецкихъ (NB мнѣ кажется, всегда можно было узнать, сейчасъ или потомъ, кто изъ турецкихъ начальниковъ командовалъ напримѣръ атакой у Пиргоса). Такого рода призь, вмѣсто рессорныхъ экипажей, можетъ быть, вразумитъ бы многихъ изъ нихъ. Теперь-же этотъ самый «начальникъ» попавшись въ плѣнъ и видя какъ его встрѣчаютъ послѣ взятія его, прямо воображаетъ, что онъ безмѣрно выше «поганатаго рускаго». Европейской деликатности нашей и страху нашему передъ Европой, повѣрьте, этотъ турокъ никогда не повѣритъ и не пойметъ этого вовсе, да и не вообразитъ этой причины. Деликатный страхъ передъ Европой есть чисто русское дѣло, изобрѣтеніе и не можетъ быть понято никогда и ни кѣмъ, потому «если ты такъ кланяешься мнѣ», рассуждаетъ турокъ-начальникъ, «послѣ того, какъ я, можетъ быть, брату твоему вчера еще носъ отрѣзать позволилъ, то значитъ ты чувствуешь себя передо мною низшимъ, а меня высшимъ по сравнению собою человѣкомъ. Но точно такъ и должно быть, по волю Аллаха и нѣтъ тутъ ничего удивительнаго!» Вотъ что долженъ думать про себя плѣнный турецкій паша и непременно такъ думать.

Такимъ образомъ, когда вознегодовавшіе на болгаръ увидѣли, что они хорошо живутъ, дожили до печальной съ ними разлуки, то по неволѣ поняли, что болгарская жизнь въ сущности не только одна декорация, что всѣ эти дома и садки, и дѣти, и дѣти, и несовершеннолѣтніе мальчики и дѣвочки въ этихъ домахъ, все это въ сущности принадлежитъ турку и беретъ его, когда онъ захочетъ. Онъ и беретъ, и въ мирное время беретъ, во время процвѣтанія беретъ, беретъ и деньгами и скотомъ, женами и дѣвочками, и если сверхъ того все продолжалось бы ваться въ цвѣтущемъ видѣ, то это потому только, что турокъ хотѣлъ разрушать въ конецъ такую плодородную ниву, и не въ виду и впредь почерпать съ нея. Напротивъ, дозволялъ имъ и мѣстами полное процвѣтаніе, именно для того, чтобы свое время почерпать и почерпать...

Теперь, конечно, турки разсвирѣпѣли и истребляютъ Болгарію въ конецъ. Они жалѣютъ, что не истребили вовсе. Если мы

менно и замедлимъ двинуться далѣе, то турки, видя что, быть, придется проститься на вѣки съ Болгаріей, истребятъ, что только можно въ ней истребить, пока есть еще замѣчательныя два мнѣнія: у насъ утверждаютъ мудрые люди, что безъ вмѣшательства русскихъ болгаринъ живъ у Христа за пазухой, и что русскіе—причина всѣхъ его бѣдъ. А вотъ извѣстный своими прекрасными и обстоятельными статьями съ поля битвы, изъ нашего лагеря англичанинъ, корреспондентъ газеты «Daily News», кончилъ тѣмъ, что въ наконецъ всю свою англійскую правду откровенно, резко признаетъ, что турки имѣли «полное право» истребить болгарское населеніе къ сѣверу отъ Балканъ, въ то время, когда русская армія перешла черезъ дунай. Форбесъ почти жалостливо (конечно), что этого не случилось, и выводитъ, что турки должны быть обязаны вѣчною благодарностью туркамъ, что тѣ ихъ тогда не прирѣзали всѣхъ поголовно, какъ болгаринъ у Христа за пазухой, и сопоставивъ его съ мнѣніемъ Форбеса прямо обратиться къ болгарину съ такимъ увѣщаніемъ: «ты послѣ того не у Христа за пазухой, если поголовно всего не прирѣзали?». Но странно тутъ я еще въ глаза бросаюся, и въ исторіи останется: «неужели турки имѣли такое право турковъ, можетъ такъ спокойно и смело признавать столь образованный, какъ Форбесъ, членъ высвѣщенной и великой націи, какъ Англія? Неужели это не цвѣты и плоды англійской цивилизаціи? Но замѣтьте себѣ, конечно-бы такъ не выразился, если-бы вмѣсто болгаръ дѣло шло о французахъ или объ итальянцахъ. Онъ потому только такъ, что это были всего только славяне-болгары. Какъ-же этого у нихъ у всѣхъ въ Европѣ родовое, кровное и въ славянамъ и славянскому племени! Считаются все это за собакъ! Допускается возможность и разумность въ всѣхъ до единого, все племя, съ женами и дѣтьми. И еще (это очень важно) это не графъ Биконсфильдъ готовъ можетъ выразить такія-же разбойничьи и звѣрскія и принужденный къ тому политикой, «англійскими интересами», а вѣдь Форбесъ—частный человѣкъ, не государственнаго соблюдения интересовъ Англіи *во что-бы ни что-бы ни стоило* не возложено, да еще человѣкъ-то честный, талантливый, правдивый, гуманный по прежнимъ своимъ. Тутъ именно, именно причину какая-то за-

падно-европейская гадливость во всему, что носитъ ими славы. Этихъ болгаръ можно заваривать кипяткомъ, какъ гнѣдъ клоповъ въ старушечьихъ деревянныхъ кроватяхъ! Нѣтъ-ли именно какого-нибудь инстинкта, предчувствія, что всѣ эти славянскія восточныя племена, освободясь, займутъ когда-нибудь огромную роль въ новомъ грядущемъ человѣчествѣ, вмѣсто обшейся съ праваго пути старой цивилизаціи, и станутъ имѣть? Сознательно, западные люди, конечно, это не могутъ перь представить, и допустятъ, точно также какъ не могутъ представить гнѣда клоповъ—за что-то высшее и грѣшнее смѣнить ихъ. Но тутъ Россія, тутъ, очевидно, поднята совершенно новая всѣмъ на соблазнъ, на гнѣвъ и удивленіе. Тутъ показалось уже знамя будущаго, а такъ какъ Россія «гнѣздо клоповъ», какъ для нихъ болгары, а гигантъ и не признавать которую невозможно, и такъ какъ Россія славянская нація, то какъ, должно быть, эти западные ненавидятъ теперь и Россію въ сердцахъ своихъ даже истинно, безотчетно, радуясь всякому ея неуспѣху и всякой ея! Именно тутъ истиннѣе, тутъ предчувствіе будущаго...

III.

Одно соестъ особое словцо о славянахъ, которое мнѣ хотѣлось сказать.

Кстати, скажу одно *особое* словцо о славянахъ и о славянскомъ вопросѣ. И давно мнѣ хотѣлось сказать его. Теперь именно заговорили вдругъ у насъ всѣ о скорой возможности мира, т. е., стало быть, о скорой возможности хоть сколько-нибудь разрѣшить и славянскій вопросъ. Дадимъ-же волю нашей фантазіи и представимъ вдругъ, что все дѣло кончено, что стояніями и кровью Россія славяне уже освобождены, мало что турецкой имперіи уже не существуетъ и что Балканскій полуостровъ свободенъ и живетъ новою жизнью. Разумѣется, трудно предречь, въ какой именно формѣ, до послѣднихъ подробностей, явится эта свобода славянъ хоть на первый разъ, —то будетъ-ли это какая-нибудь федерація между освобожденными маленькими племенами (Н.Р. федерація кажется еще очень долго не будетъ) или явятся небольшія отдѣльныя виды маленькихъ государствъ, съ призванными изъ раз-

ныхъ домовъ государями? Нельзя также представить: раски-ли, наконецъ, въ границахъ своихъ Сербія или Австро-Венгрии воспрепятствуетъ, въ какомъ объемѣ явится Болгарія — какъ соединится съ Герцеговиной, Босніей, въ какія отношенія въстанетъ съ новоосвобожденными славянскими народцами, напри-мѣръ, или греки даже. — константинопольскіе греки и армяне, азіатскіе греки? Будутъ-ли наконецъ всѣ эти земли и народы вполне независимы, или будутъ находиться подъ покровительствомъ и надзоромъ европейскаго концерта державъ въ числѣ и Россіи (я думаю, сами эти народы всѣ не-много выпросятъ себѣ европейскій концертъ, хоть и въ видѣ покровительства ихъ отъ Турціи Россіи) — все это невозможно рѣшить заранее въ точ-ности, и я не берусь разрѣшать. Но однако возможно и теперь — во всякомъ случаѣ знать двѣ вещи: 1) что скоро или опять не скоро, а славянскія племена Балканскаго полуострова непременно въ концѣ концовъ освободятся отъ ига турокъ и заживутъ новою, самостоятельною и можетъ быть независимою жизнью и 2)... Вотъ это-то и есть, что навѣрно, вѣрнѣйшимъ образомъ случится и сбудется, хотѣлось давно высказать.

Второе, это второе состоитъ въ томъ, что, по внутреннему чувству моему, самому полному и непреодолимому, — не буду я никогда, и никогда еще не было, такихъ ненавистниковъ, враговъ, клеветниковъ и даже явныхъ враговъ, какъ всѣ славянскія племена, чуть только ихъ Россія освободитъ, а она согласится признать ихъ освобожденными! И пусть не говорятъ мнѣ, не оспариваютъ, не кричатъ на меня, что я смягчаю и что я ненавистникъ славянъ! Я, напротивъ, люблю славянъ, но я и защищаться не буду, потому что знаю, что все точно такъ именно сбудется какъ я говорю, и именно въ томъ низкому, неблагодарному, будто-бы, характеру славянъ, къ которому, — у нихъ характеръ въ этомъ смыслѣ какъ у турокъ, — а потому, что *такія вещи* на свѣтѣ иначе и проис-ходить не могутъ. Распространяться не буду, но знаю, что намъ не надо требовать съ славянъ благодарности, къ этому надо приготовиться впередъ. Начнутъ-же они, по освобожденіи, свою новую жизнь, повторю, именно съ того, что начнутъ себя у Европы, у Англіи и Германіи, напри-мѣръ, просить покровительства и покровительствую ихъ свободѣ, и хотъ въ концертѣ европейскихъ державъ будетъ и Россія, но они именно въ за-висимости отъ Россіи это и сдѣлаютъ. Начнутъ они непременно съ

того, что внутри себя, если не прямо вслухъ, объявятъ себѣ, что Россіи они не обязаны ни малею благодарностью, напротивъ, что отъ властолюбія Россіи они едва спаслись при заключеніи мира вмѣшательствомъ австрійскаго концерта, а не вмѣшайся Европа, такъ Россія, отнявъ ихъ у Турокъ, проглотила-бы ихъ тотчасъ-же, «имѣя въ виду расширение границъ и основаніе великой Всеславянской Имперіи на порабоженіи славянъ жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени». Долго, о, долго еще они не въ состояніи будутъ признать безкорыстія Россіи и великаго, великаго, неслыханнаго въ мірѣ поднятія ею знамени величайшей идеи, изъ тѣхъ идей, которыми живъ человѣкъ и безъ которыхъ человѣчество, если эти идеи перестанутъ жить въ немъ, коченѣетъ, калѣчится и умираетъ въ язвахъ и въ безсмыслицѣ. Нынѣшнюю, на примѣръ, всенародную русскую войну, всего русскаго народа, съ Царемъ во главѣ, подъятую противъ изверговъ за освобожденіе несчастныхъ народностей,—эту войну поняли-ли, наконецъ, славяне теперь, какъ вы думаете? И теперь-ли, теперешнемъ моментѣ я говорить не стану, къ тому-же мы нужны славянамъ, мы ихъ освобождаемъ, но потомъ, когда мы освободимъ и они кое-какъ устроятся—признаютъ они эту войну за великій подвигъ, предпринятый для освобожденія славянъ? Сдѣлайте-ка это? Да ни за что на свѣтѣ не признаютъ. На выставкѣ, выставятъ какъ политическую, а потомъ и научную истину, что не будь во всѣ эти сто лѣтъ освободительницы-Россіи, то они-бы давнымъ давно сами сѣумѣли освободиться отъ Турокъ своею доблестью или помощію Европы, которая, опять-таки, будь на свѣтѣ Россіи, не только-бы не имѣла ничего противъ ихъ освобожденія, но и сама освободила-бы ихъ. Это хитрое ученіе навѣрно существуетъ у нихъ уже и теперь, а впоследствии оно неминуемо разовьется у нихъ въ научную и политическую аксіому. Мало того, даже о туркахъ станутъ говорить съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ объ Россіи. Можетъ быть, въ какое-нибудь столѣтіе, или еще болѣе они будутъ непрерывно бороться за свою свободу и бояться властолюбія Россіи; они будутъ заискивать передъ европейскими государствами, будутъ вѣстать на Россію, сплетничать на нее и интриговать противъ нея. О, я не говорю про отдѣльныя лица; будутъ такіе, которые поймутъ что значила, значить и будетъ значить Россія для славянъ всегда. Они поймутъ все величіе и всю святость дѣла Россіи и великой идеи, знамя которой поставитъ она въ человѣчествѣ.

люди эти, особенно вначале, лягутъ въ такомъ жалкомъ немощномъ, что будутъ подвергаться насмѣлкамъ, ненависти и не политическому гонимю. Особенно критично будетъ для освобожденныхъ славянъ высказать и трубить на весь свѣтъ, что въ немощномъ образованнѣя, способнѣя къ самой высшей европейской культурѣ, тогда какъ Россія страна варварская, мрачнѣя сѣверный колоссъ, даже не чистой славянской крови, гонимъ и ненавистникъ европейской цивилизаціи. У нихъ, конечно, была, съ самаго начала, конституціонное управленіе, парламенты, ответственныя министры, ораторы, рѣчи. Ихъ будутъ это неизменно утѣшать и восхищать. Они будутъ въ упоеніи, читаю о себѣ въ парижскихъ и въ лондонскихъ газетахъ телеграммы, извѣщающія весь міръ, что послѣ долгой парламентской борьбы, наконецъ министерство въ Болгаріи и составилось изъ либеральнаго большинства, и что какой-нибудь ихній членъ Чифликъ согласился наконецъ принять портфель президента совѣта министровъ. Россія надо серьезно приготовиться къ тому, что всѣ эти освобожденные славяне съ упоеніемъ ринутся въ Европу, до потери личности своей заразятся европейскими идеями, политическими и социальными, и такимъ образомъ должны будутъ пережить цѣлый и длинный періодъ европеизма прежде чѣмъ достигнутъ хоть что-нибудь въ своемъ славянскомъ знаніи и въ своемъ особомъ славянскомъ призваніи въ средѣ человечества. Между собой эти землицы будутъ вѣчно ссориться, но другъ другу завидовать и другъ противъ друга интриговать. Разумѣется, въ минуту какой-нибудь серьезной бѣды, они непременно обратятся къ Россіи за помощью. Какъ ни будутъ они ненавистничать, сплетничать и клеветать на насъ Европа, замыкая съ нею и убѣряя ее въ любви, но чувствовать они всегда будутъ инстинктивно (конечно, въ минуту бѣды, а раньше), что Европа естественный врагъ ихъ единству, была и всегда останется, а что если она существуетъ на свѣтѣ, конечно, потому что стоитъ огромный магнитъ—Россія, которая неодолимо притягивая ихъ всѣхъ къ себѣ, тѣмъ сдерживаетъ ихъ цѣлостъ и единство. Будутъ даже и такія минуты, когда они будутъ въ состояніи почти уже сознательно соглашаться, что не будь Россія, великаго восточнаго центра и великой влечущей силы, то единство ихъ мигомъ-бы развалилось, лилось въ клочья и даже такъ, что самая національность ихъ начала-бы въ европейскомъ океанѣ какъ исчезаютъ капли отдаленныхъ капель воды въ морѣ. Россія надоело дос-

танется тоска и забота мирить ихъ, вразумлять ихъ и не можетъ быть, обнажать за нихъ мечъ при случаѣ. Разумѣе сейчасъ-же представляется вопросъ: въ чемъ-же тутъ выгода Россіи, изъ-за чего Россія билась изъ-за нихъ сто лѣтъ, и пролила кровь свою, силами, деньгами? Неужто изъ-за того чтобъ познать столько маленькой смѣшной ненависти и благодарности? О, конечно, Россія все-же всегда будетъ сознавать что центръ славянскаго единства — это она, что если живы славяне свободною національною жизнію, то потому что захотѣла и хочетъ она, что совершила и создала все она. Какую-же выгоду доставить Россіи это сознаніе кромѣ трудностей и вѣчной заботы?

Отвѣтъ теперь труденъ и не можетъ быть ясенъ.

Во первыхъ, у Россіи, какъ намъ всѣмъ извѣстно, и не будетъ, и быть не должно никогда, чтобы расширить на славянъ свою территорію, присоединить ихъ къ себѣ политически, надѣлать изъ ихъ земель губерній и проч. Всѣ славяне подозрѣваютъ Россію въ этомъ стремленіи даже теперь, какъ и вся Европа, и будутъ подозрѣвать еще сто лѣтъ впередъ. Но да сохранитъ Богъ Россію отъ этихъ стремленій и тѣмъ лѣе она выкажетъ самага полнаго политическаго безкорыстія относительно Славянъ, тѣмъ вѣрнѣе достигнетъ объединенія около себя впоследствии, въ вѣкахъ, сто лѣтъ спустя. Давая имъ напротивъ, славянамъ съ самага начала, какъ можно больше политической свободы и устранивъ себя даже отъ всякаго вмешательства и надзора надъ ними, и объявивъ имъ только, что она всегда обнажитъ мечъ на тѣхъ, которые посягнутъ на ихъ свободу и національность, Россія тѣмъ самымъ избавитъ себя отъ страшныхъ заботъ и хлопотъ поддерживать силою это оплотненіе и политическое вліяніе свое на Славянъ, имъ, конечно, ненавистное, а Европѣ всегда подозрительное. Но выказавъ имъ ближайшее безкорыстіе тѣмъ самымъ Россія и побѣдитъ, и привлечетъ наконецъ къ себѣ Славянъ; сначала въ бѣдѣ будутъ бѣгать къ ней, а потомъ, когда-нибудь воротятся къ ней и прильнутъ къ ней всѣ, уже съ полной, съ дѣтскою довѣренностью. Всѣ воротятся въ родное гнѣздо. О, конечно, есть разные ученые и поэтическія даже воззрѣнія и теперь въ средѣ многихъ русскихъ. Эти русскіе ждуть что новыя, освобожденные и воссоединенныя въ новую жизнь славянскія народности съ того и начнутъ что прильнуть къ Россіи какъ къ родной матери и осмѣлятся и что несомнѣнно и въ самомъ скоромъ времени

много новыхъ и еще неслыханныхъ элементовъ въ русскую жизнь, расширятъ славянство Россіи, душу Россіи, пойдутъ даже на русскій языкъ, литературу, творчество, обогатятъ Россію духовно и укажутъ ей новые горизонты. Признаюсь всегда казалось это у насъ лишь учеными увлеченіями; правъ въ томъ, что, конечно, что-нибудь произойдетъ въ этомъ несомнѣнно, но не раньше ста напимѣрь лѣтъ, а пока, и въ бытѣ, еще цѣлый вѣкъ, Россіи вовсе нечего будетъ брать у Славянъ ни изъ идей ихъ, ни изъ литературы, и чтобъ учить ихъ они страшно недоросли. Напротивъ, весь этотъ вѣкъ, въ бытѣ, придется Россіи бороться съ ограниченностью и тупомъ Славянъ, съ ихъ дурными привычками, съ ихъ неясной и близкой измѣной славянству ради европейскіхъ политическаго и социальнаго устройства, на которые они и накинута. Послѣ разрѣшенія Славянскаго вопроса Россіи предстоитъ окончательное разрѣшеніе Восточнаго вопроса. Долго еще не поймутъ теперешніе Славяне что такое этотъ вопросъ! Да и славянскаго единенія въ братствѣ и имъ они не поймутъ тоже очень долго. Объяснять имъ это кратко, дѣломъ и великимъ примѣромъ, будетъ всегдашней задачей Россіи впредь. Опять-таки скажутъ: для чего это все это, и зачѣмъ брать Россіи на себя такую работу? Для того, чтобъ жить высшею жизнью, великою жизнью, въ міру великой безкорыстной и чистой идеей, воплотить эту идею въ концѣ концовъ великій и мощный организмъ братскаго союза племенъ, создать этотъ организмъ не политическимъ путемъ, не мечемъ, а убѣжденіемъ, примѣромъ, любовью, безкорыстіемъ, свѣтомъ; вознести наконецъ всѣхъ малыхъ сихъ до уровня до понятія ими материнскаго ея призванія—вотъ цѣль, вотъ и выгоды ея, если хотите. Если нація не будетъ высшими, безкорыстными идеями и высшими цѣлями служить человечеству, а только будутъ служить однимъ своимъ интересамъ, то погибнуть эти нація несомнѣнно, окоченеютъ, застынутъ и умрутъ. А выше цѣлей нѣтъ, какъ тѣ, которыя стоятъ передъ собой Россія служа славянамъ безкорыстно и не будучи отъ нихъ благодарности, служа ихъ нравственному (а политическому лишь) воссоединенію въ великое цѣлое. Тогда и скажетъ всеславянство свое новое цѣлительное слово человечеству... Выше такихъ цѣлей не бываетъ никакихъ на свѣтѣ. Быть, и «выгоднѣе» ничего не можетъ быть для Россіи, и стоять всегда передъ собой эти цѣли, все болѣе и болѣе

уяснить ихъ себѣ самой, и все болѣе и болѣе возвышаться томъ въ этой вѣчной, неустанной и доблестной работѣ своего челоуѣчества.

Будь окончаніе нынѣшней войны благополучно—я Россіи сомнѣнно войдетъ въ новый и высшій фазисъ своего бытія.

Глава третья.

I.

Толки о мирѣ. «Константинополь долженъ быть нашъ» — пошло-ли это? Разныя мнѣнія.

А про окончаніе войны всѣ вдругъ начали толковать только въ Европѣ, но и у насъ. Всѣ пустились дебатировать вѣроятныя условія мира. Приятно то, что даже большія нашихъ политическихъ газетъ, болѣе или менѣе, но вѣрбовать теперь труды, кровь и усиліе Россіи, и условія мира полагаютъ по возможности въ раздѣлахъ этихъ усилій. Утѣительно особенно то, что большинство судящихъ начинаетъ знать и самостоятельность Россіи въ виду грядущихъ вѣнскихъ европейскихъ вѣшательствъ при заключеніи мира: право ея заключать миръ сепаратный, личный, не призывая Европы и даже не очень внимая ей, если будетъ возможно. У насъ славянъ берется тоже въ расчетъ. Толкуютъ о вознагражденіяхъ, съ большими жаромъ требуютъ желѣзныхъ турецкихъ мониторовъ. На присоединеніе Карса, Эрзерума и на право въ присоединить ихъ къ себѣ многіе изъявили полное согласіе.

Есть люди, которые впрочемъ до сихъ поръ обижаются на предположеніяхъ, что мы что нибудь съедемъ присоединить родъ Карса. За то есть, наконецъ, и такіе, которые толкуютъ даже о Константинополѣ, не то что о Карсѣ и о томъ, Константинополь долженъ быть нашъ. Эти толки и разсужденія о мирѣ и о условіяхъ мира будутъ теперь повторяться неустанно, послѣ каждаго крушаго нашего военнаго дѣла. Мнѣ хочется только замѣтить, что во всѣхъ этихъ теперешнихъ сужденіяхъ нашихъ органовъ (или почти) кроется какъ (какой-то, не то что промахъ, а недосчетъ. Именко, всѣ глядѣтъ Европу... Европой, то есть тѣлою-же Европой какой-то

Съ разными варьяціями во все столѣтіе,—т. е. тоже почти такія державы принимаютъ, тоже политическое равновѣсіе встаетъ въ виду и проч. Между тѣмъ какъ Европа съ часу на часъ не та становится теперь что была даже назадъ тому года, и даже до того, что за три мѣсяца впередъ ручаться почти невозможно—до того можетъ измѣниться даже въ будущей веснѣ прежній ликъ ея. Колоссальныя роковыя тевушія силы, которые должны сформироваться и потребовать разрѣшенія очень можетъ быть скоро, берутся въ расчетъ какъ-бы еще не въ тѣхъ разбѣрахъ въ которыхъ они существенно должны предстать передъ міромъ. Даже составъ той Европы, которая можетъ выдѣлаться въ наши дѣла при заключеніи мира, можно опредѣлить теперь безошибочно. А потому и толковать въ условіяхъ мира лишь на прежнихъ данныхъ, недостаточно. Темъ более того, что всѣ эти прежнія данныя—двинулись сами впередъ, текутъ, улечувиваются, ждутъ сами новыхъ опредѣленій—мнѣ кажется будетъ тоже ошибочно... А впрочемъ объ этомъ потомъ. Теперь-же, такъ какъ уже зашла рѣчь о Константинополѣ, мнѣ хочется мимоходомъ отмѣтить одно очень важное, и почти неожиданное для меня мнѣніе о ближайшихъ судьбахъ Константинополя, выраженное человекомъ отъ котораго можно было ожидать совсѣмъ другого рѣшенія въ виду перешедшихъ совершившихся и несомнѣнно имѣющихъ совершиться событій. Николай Яковлевичъ Данилевскій, написавшій лишь лѣтъ тому назадъ превосходную книгу «Россія и Европа» въ которой есть лишь одна неясная и нетвердая глава, именно будущей судьбѣ Константинополя, напечаталъ недавно въ «Русскій Міръ» рядъ статей о томъ-же самомъ предметѣ. Окончательный выводъ его о Константинополѣ очень оригиналенъ.

Я впрочемъ не буду разбирать во всей подробности.

Послѣ превосходныхъ и вѣрныхъ разсужденій, напримѣръ, о томъ, что Константинополь, по изгнаніи турокъ, отнюдь не можетъ стать вольнымъ городомъ, въ родѣ какъ напримѣръ прежде Венеція, но рискуя сдѣлаться гнѣздомъ всякой гадости, интриги, замышлень всѣхъ заговорщиковъ всего міра, добычей жидовъ, магометановъ и проч. и проч.,—Н. Я. Данилевскій рѣшаетъ, что Константинополь долженъ, когда-нибудь стать общимъ городомъ для восточныхъ народностей. Всѣ народы будутъ-де владѣть имъ на равныхъ основаніяхъ, вмѣстѣ съ русскими, которые тоже будутъ допущены ко владѣнію имъ на основаніяхъ равныхъ съ

того мира будутъ и западные славяне... однимъ словомъ, Константинополь послужитъ тогда камнемъ раздора во всемъ православномъ и восточномъ мѣрѣ, что возмущаетъ единенію славянъ и возмущитъ ходъ правильной жизни ихъ. Спасеніе въ такомъ случаѣ именно въ томъ, если Россія займетъ Константинополь не для себя, за свой счетъ. Россія можетъ сказать тогда восточнымъ народамъ, что она потому беретъ себѣ Константинополь, — «что ни одинъ изъ васъ, ни всѣ вы вмѣстѣ не досростили этого, а что она, Россія, досростила. И досростила. Именно теперь наступитъ этотъ новый фазисъ жизни Россіи. Константинополь — центръ восточнаго мира, а духовный центръ восточнаго мира должна его остъ Россія. Россіи именно нужно и даже полезно, на нѣкоторое время, забыть хоть немножко Петербургъ и перебраться на Востокъ, въ виду измѣненія судебъ ея и всей Европы, измѣненія близкаго, стоящаго «при дверяхъ». Впрочемъ, до времени разборъ всѣхъ неудобствъ общаго владѣнія Константинополемъ, и даже вреда оттого, особенно для славянъ, — замѣтимъ только, хоть нѣсколько словъ, о судьбѣ въ томъ случаѣ константинопольскихъ грековъ и православія.

Греки ревниво будутъ смотрѣть на новое славянское начало въ Константинополѣ и будутъ ненавидѣть и бояться славянъ не болѣе чѣмъ бывшихъ магометанъ. Еще недавній споръ царя съ патриаршимъ престоломъ можетъ послужить въ томъ случаѣ примѣромъ будущаго. Предстоятели православія въ Константинополѣ могутъ унизиться до интриги, мелочей проклятій, отлученій, неправильныхъ соборовъ и проч., можетъ быть, упадутъ и до ереси — и все это изъ-за національныхъ причинъ, изъ-за національныхъ оскорбленій и разжиганій. «Почему славяне выше насъ, могутъ сказать всѣмъ вмѣстѣ, почему признается ихъ безусловное право на Константинополь, хотя-бы и вмѣстѣ съ нами?» Теперь въ тоже время понятно, что Россія, владѣя Константинополемъ, имѣя силу и великій очевидный авторитетъ, почти устранитъ возможность такихъ вопросовъ. Даже греки не могли-бы ей столь завидовать и засадовать на нее за владѣніе Константинополемъ, именно потому, что она столь очевидная сила, и столь явная владычица Востока. Россія, владѣя Константинополемъ будетъ стоять во какъ-бы на стражѣ свободы всѣхъ славянъ и остальнаго православнаго народностей, не различая ихъ съ славянами. Мусульманское владѣніе было во всѣ эти столѣтія, для всѣхъ этихъ народностей не единительной, но подавляющей силой, и онъ при

немъ шевельнуться не смѣли, т. е. вовсе не жили какъ и
 Съ уничтоженіемъ-же мусульманскаго владычества, можетъ
 ступить въ этихъ народностяхъ, выпрыгнувшихъ вдругъ
 гнета на свободу, страшный хаосъ. Такъ что не только пра
 ная федерація между ними, но даже просто согласіе — есть
 сомнѣнія лишь мечта будущаго. А пока новой единительной
 нихъ силой и будетъ Россія, именно тѣмъ отчасти, что тѣ
 станетъ въ Константинополь. Она спасетъ ихъ другъ отъ др
 и именно будетъ стоять на стражѣ ихъ свободы. Она бу
 стоять на стражѣ всего Востока и грядущаго порядка его
 наконецъ она-же и лишь она одна способна поднять на Вос
 знамя новой идеи и объяснить всему Восточному міру его
 вое назначеніе. Ибо что такое Восточный вопросъ? Восточ
 вопросъ есть въ сущности своей разрѣшеніе судебъ прав
 вія. Судьбы православія слиты съ назначеніемъ Россіи. Чт
 это за судьбы православія? Римское католичество, продавшее
 уже Христа за земное владѣніе, заставившее отвернуться отъ
 человѣчество, и бывшее такимъ образомъ главнѣйшей причиной
 терьялизма и атеизма Европы, это католичество естественно
 дило въ Европѣ и социализмъ. Ибо социализмъ имѣетъ задачу
 рѣшеніе судебъ человѣчества уже не по Христу, а внѣ Бо
 внѣ Христа, и долженъ былъ зародиться въ Европѣ естестве
 замѣнъ упавшаго христіанскаго въ ней начала, по мѣрѣ
 щенія и утраты его въ самой церкви католической. Утрачен
 образъ Христа сохранился во всемъ свѣтѣ чистоты свое
 православія. Съ Востока и пронесется новое слово міру
 встрѣчу грядущему социализму, которое можетъ вновь сп
 европейское человѣчество. Вотъ назначеніе Востока, вотъ въ
 для Россіи заключается Восточный вопросъ. Я знаю, очень
 гіе назовутъ такое сужденіе «кликушествомъ», но Н. Я. Д
 левскій слишкомъ можетъ понять то, что я говорю. Но д
 вого назначенія Россіи нуженъ Константинополь, такъ какъ
 центръ Восточнаго міра. Россія уже сознаетъ про себя, е
 родомъ и царемъ своимъ во главѣ, что она лишь носителемъ
 идеи Христовой, что слово православія переходитъ въ не
 великое дѣло, что уже началось это дѣло съ теперешней
 ной, а впереди передъ ней еще вѣка трудовъ самопожерт
 нія, насажденія братства народовъ и горячаго материнскаго
 женія ея имъ, какъ дорогимъ дѣтямъ.

Да, это великое христіанское дѣло, эта новая дѣятель
 христіанства и православія уже началась, именно въ тѣ

войну и фактомъ теперешней войны, а Н. Я. Данилевскій еще не вѣрить тому.. не вѣрить, очевидно, потому, что не знаетъ пока никого еще *достойнымъ* овладѣть Константинополемъ и даже Россію. Не доросла, что-ли, до Константинополя Россія — трудно понять. Конечно, трудно устроить согласное и *по правамъ* владѣніе Константинополемъ всѣхъ восточныхъ народовъ и народцевъ, но вѣдь допускаетъ-же авторъ, что Россія могла-бы владѣть Константинополемъ одна, временно, такъ сказать болѣе охраняя его, чѣмъ смѣя владѣть, съ тѣмъ однако, чтобъ послѣ передать его на общее владѣніе народцамъ (для чего? для чего передать?). Кажется, Н. Данилевскій считаетъ, что для самой Россіи будетъ искусственно и, такъ сказать, развратительно единоличное владѣніе Константинополемъ, возбудитъ въ ней дурные завоевательные инстинкты и проч., но, кажется, пора-бы, наконецъ, увѣривать Россію, особенно послѣ подвига теперешней войны. Она доросла; даже до Константинополя доросла...

И вдругъ авторъ даже и *пока* не рѣшается довѣрить Россіи Константинополь. И представьте чѣмъ кончается. онъ выводитъ, *пока* надо продлить существованіе Турціи (отнявъ у ней Балканы и проч.) и оставить пока Константинополь подъ властью турокъ, и что это даже будто-бы самое лучшее для Россіи *теперь* рѣшеніе и въ этомъ почти перестать думать. Но почему-же, перестать-то Божіи почему? Разумѣется, авторъ предполагаетъ при этомъ новомъ существованіи Турціи большее вліяніе на нее Россіи и, такъ сказать, зависимость Турціи отъ Россіи. Но для чего такой маскарадъ? Разсудите владѣть Россію, а все-таки на время надо турку поставить. Замѣтьте, что на такую комбинацію Европа еще скорѣе не согласна, чѣмъ на окончательное завоеваніе Турціи, ибо лучше уже существующій фактъ, чѣмъ все еще оспариваемый, продолжаетъ угрожающій новыми войнами въ самомъ близкомъ будущемъ. Такимъ образомъ авторъ почти сошелся, въ концѣ концовъ, съ политическимъ мнѣніемъ лорда Биконсфилда, т. е., существованіе Турціи необходимо и уничтожена она быть не можетъ.

Отъ Турціи останется одна тѣнь, говоритъ Н. Я. Данилевскій, но тѣнь эта *должна* (?) еще до поры до времени отъ берега Босфора и Дарданеллъ, ибо замѣнить ее *живымъ*, а только живымъ, но еще здоровымъ организмомъ, пока не поздно (!?)...

Это Россія-то нездоровый и даже не живой еще организм, которымъ нельзя даже смѣть замѣнить въ столицѣ православіе гнилье турокъ? Это для меня удивительно (опять-таки *подума* теперешней войны!) Чего нибудь я тутъ вѣрно не понимаю. Не разумѣетъ-ли авторъ, просто на просто, что невозможно еще пустить Россію въ Константинополь (для личного владѣнія или для передачи его потомъ народамъ). Европа не согласится ее впустить. Можетъ быть, авторъ говоритъ, что Россія въ нынѣшнюю войну въ силахъ достигнуть такого окончательнаго результата. Онъ именно говоритъ въ томъ мѣстѣ своей статьи «что *занятіе* Константинополя всеми, встрѣтитъ самое рѣшительное сопротивленіе со стороны большинства европейскихъ державъ». Если такъ, то заключеніе его о необходимости оставить на время турокъ въ Константинополь, становится понятнѣе; тѣмъ не менѣе, на счетъ «сопротивленія большинства европейскихъ державъ» можно замѣтить двѣ вещи: 1) что, какъ сказалъ я выше, Европа, можетъ быть скорѣе найдетъ примирительный исходъ въ занятіи нашемъ Константинополя, чѣмъ въ той формулѣ, которую предлагаетъ г. Гилевскій, т. е. Турцію обезличенную, подъ полной опекой сѣн, безъ Балканъ, безъ славянъ, съ скрытыми крѣпостями, безъ флота, однимъ словомъ, «тѣнь» прежней Турціи, какъ выражается авторъ. Ужь конечно не этой Турціи желало-бы «большинство европейскихъ державъ» и оставивъ на свѣтѣ лишь «тѣнь Турціи» ее тѣмъ не надуешь: «все равно не сегодня такъ займете въ Константинополь» скажетъ она Русскимъ. А по окончательномъ рѣшеніи для нея будетъ рѣшительно предположительно, чѣмъ Турція въ видѣ тѣни. Второе, что можно замѣтить, это то, что *можетъ быть* дѣйствительно никогда еще не было (и не будетъ) такого выгоднаго для насъ момента для занятія Константинополя, какъ теперь, именно въ эту войну, и не въ данный, или весьма близкій къ тому моментъ, въ политическаго положенія самой Европы въ этотъ моментъ.

II.

Опять въ послѣдній разъ «прорицанія».

Вы все говорите: «большинство европейскихъ державъ» не позволитъ. Но что такое теперь «большинство европейскихъ»?

Опредѣлимо-ли оно даже въ настоящую минуту? Повторянное выше: Европа съ часу на часъ становится не тою была прежде, еще недавно, какъ была, можетъ быть, годъ еще полгода, такъ что теперь даже за три мѣсяца гурчаться и за дальнѣйшую неизмѣняемость ея нельзя.

Томъ, что мы именно наканунѣ самыхъ величайшихъ и значащихъ событій и переворотовъ въ самой Европѣ и это каю преувеличенія. Въ данный-же моментъ, теперь, въ это «большинство европейскихъ державъ», которыя можемъ сказать въ чемъ нибудь свое грозное veto при за- и мира—сводится лишь на Англію, и—врадъ-ли еще на хотя Англія во что-бы ни стало вовлекаетъ ее въ союзъ надѣется на союзъ и съ Франціей. Но мы будемъ (те- в это очевидно) не одни. Въ Европѣ есть Германія, и ишей сторонѣ.

Европу ждутъ огромные перевороты, такіе, что умъ лю- зывается вѣрить въ нихъ, считая осуществленіе ихъ чѣмъ-то фантастическимъ. Между тѣмъ многое, что еще имъ лѣтомъ считалось фантастическимъ, невозможнымъ и ничтожнымъ—сбылось въ Европѣ къ концу года букваль- ные, напримѣръ, о силѣ католическаго всемірнаго заго- мѣненія, надъ которымъ *все* еще лѣтомъ склонны были и, и, по крайней мѣрѣ, пренебрегать имъ, раздѣляется те- ами и подтвердилось фактами. Напоминаю объ этомъ вно для того, чтобъ читатели повѣрили и теперешнимъ «заньямъ» нашимъ и не сочли-бы ихъ фантастическою и ничтожною картиною, какъ, вѣроятно, сочли многіе наши предсказанія въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ и августѣ и, которыя сбылись до буквальной точности.

истинный политикъ въ Европѣ проникающій геніаль- взглядомъ своимъ въ самую глубь фактовъ — есть без- ниязь Бисмаркъ. Самаго страшнаго врага Германіи, ея и ея обновленнаго будущаго, онъ прозрѣлъ еще за- задъ — въ римскомъ католицизмѣ и въ порожденномъ и змомъ чудовищѣ—соціализмѣ. (Соціализмомъ проѣдена). Раздавить католицизмъ въ моментъ избранія новаго и марку необходимо. О, онъ понимаетъ, что онъ не раз- его окончательно, и что онъ только поставитъ его въ ий новый фазисъ борьбы. Но старый фазисъ борьбы, и мизма еще продолжается, пока жива Франція. Пока ранція у католицизма есть сильный мечъ, и есть на-

дежды на европейскую коалицію. Что до Франціи, то эта страна въ глазахъ князя Бисмарка — обречена уже судьбѣ своей. Ибо для него одинъ вопросъ: или ей жить или Германіи. Ибо для Франціи — и католицизмъ, вмѣстѣ съ социализмомъ, войдутъ новый фазисъ. И пока европейскіе политики, слѣдуя за неслучаемой борьбой Макъ-Магона съ республиканцами, желаютъ всего сердца побѣды республиканцамъ, *принимая и считая* что республика есть во Франціи правительство народное и собственное соединить Францію — князь Бисмаркъ тѣмъ временемъ понимаетъ вполне, что Франція отжила свой вѣкъ, что эта страна раздѣлилась внутренно и окончательно сама на себя вѣки, и что въ ней никогда уже болѣе не будетъ твердаго единящаго всѣхъ авторитетнаго правленія здороваго національнаго и единящаго центра. И хотъ слабость Франціи могла бы такимъ образомъ лишь обнадеживать Германію, но князь Бисмаркъ все-же видитъ, что, повторю это, пока живетъ Фредерикъ живъ и римскій католицизмъ политически и имѣетъ въ рукахъ своихъ обнаженный мечъ, мало того, — что католицизмъ можетъ быть, и могъ-бы еще разъ, *на время*, послужить этой разложившейся страны — единящей идеей, хотя-бы внѣ политически. Ибо даже и быть не можетъ чтобъ Франція, хотъ и съ республиканцами во главѣ, могла не обнажить, *рано или поздно-ли*, меча за папу и за судьбы католичества. Республиканцы даже сами увидѣли бы, что оставъ они папу и католичество, то и собственное ихъ существованіе во Франціи стало невозможнымъ. Правда, сами-то они можетъ будутъ и способны понять это даже до самаго конца своего, и такимъ образомъ пребудутъ до конца не только фаворитами (протекже) у Бисмарка — которыхъ онъ, однако-же, все равно приговорилъ уже про себя къ смерти, вмѣстѣ съ прочими французскими политиками, имѣющими претензію на способность вновь соединить Францію въ одно неразрывное цѣлое, — но и рабами Германіи отдающими ей и всю Францію не только въ политическое и во внутреннее, существенное и духовное рабство, именно то, что лишаютъ Францію самой самостоятельнѣйшей изъ *национальных* и историческихъ идей ея, вырываютъ у ней то, въ которое она высоко держала столько вѣковъ какъ предводительница романскаго элемента въ европейскомъ человечествѣ. Но за то тѣ, которые сгоняютъ за это бездарныхъ и безумныхъ республиканцевъ съ мѣста, непременно позаботятся и двигнуть (Бисмаркъ знаетъ это), въ послѣдній разъ, като-

ия противъ Германіи. — знамя, въ которое уже, повто-
 не вѣрить Франція, уже сама почти вся отрицаетъ
 которое можетъ еще послужить ей политически послѣд-
 ой опоры и единенія противъ роковаго (и послѣдняго
 гласа протестантской Германіи, вѣчно протестовавшей
 западно-европейскихъ, унаслѣдованныхъ еще отъ древ-
 ма вачалъ цѣлой половины европейскаго человѣчества.
 кому князь Бисмаркъ вѣроятнѣе всего уже предрѣшилъ
 Франціи. Францію ждетъ судьба Польша и политически
 не будетъ — или не будетъ и Германіи. Достигнувъ
 гь пранудить тогда воюющее римское католичество (ко-
 цетъ воевать до окончанія міра) войти въ новый фа-
 цествованія и борьбы за существованіе — въ фазисъ
 II, репгильной, заговорной войны. И онъ ждетъ его въ
 ономъ фазисѣ. Чѣмъ скорѣе это совершится, тѣмъ дал-
 ше, такъ какъ тутъ онъ ждетъ уже соединенія обомъ
 Германія и человѣчества вмѣстѣ и тѣмъ самымъ раз-
 къ надѣется легче, заразъ...

III.

Надо ловить минуту.

иненіе-же обомъ враговъ произойдетъ несомнѣнно, только
 деть политически Франція. Оба врага эти имѣли съ
 всегда органическую связь. Католичество почти до
 го времени было единящей и существенной идеей ея.
 въ-же и зародился въ ней. Лишивъ Францію полити-
 жии князь Бисмаркъ думаетъ нанести ударъ и соціа-
 оціализмъ, какъ наслѣдіе католицизма и Франціи—не-
 ь богѣ всѣхъ истинному германцу и простиительно, что
 гтета Германія думаютъ съ нимъ такъ легко справиться,
 въ лишь политически Францію, какъ источникъ и на-
 . Но вотъ что произойдетъ по всей вѣроятности если
 юлитически Франція: католичество потеряетъ свой мечъ
 ый разъ обратится къ народу, котораго оно презирало
 вѣковъ, заискивая у королей и императоровъ земныхъ.
 ь оно обратится къ народу, ибо некуда идти ему больше,
 и именно къ предводителямъ наиболѣе подвижнаго и
 каго элемента въ народѣ, соціалистамъ. Народу оно ска-

жетъ, что все, что проповѣдуютъ имъ социалисты, проповѣдалъ и Христосъ. Оно исказить и продасть имъ Христа: разъ, какъ продавала прежде столько разъ за земное владѣніе отстаивая права инквизиціи мучившей людей за свободу вѣсти во имя любящаго Христа, — Христа, дорожащаго свободно пришедшимъ ученикомъ, а не купленнымъ или выкупленнымъ. Оно продавало Христа, благословляя іезуитовъ и ересь праведность «всякаго средства для Христова дѣла». Христово-же дѣло оно искони обратило лишь въ заботу о личномъ владѣніи своемъ и о будущемъ государственномъ обладаніи всѣмъ міромъ. Когда католическое человѣчество отвернулось отъ того чудовищнаго образа, въ которомъ имъ представили наводъ Христа, то послѣ цѣлаго ряда вѣковъ протестовъ, реформ и проч. явились наконецъ, съ начала нынѣшняго столѣтія, попытки устроиться внѣ Бога и внѣ Христа. Не имѣя инстинкта гнѣва или муравья, безошибочно и точно созидающихъ улей и муравейникъ, люди захотѣли создать нѣчто въ родѣ человѣчества безошибочнаго муравейника. Они отвергли происшедшую отъ Іисуса и откровеніемъ возвѣщенную человѣку единственную форму спасенія его: «Возлюби ближняго какъ самаго себя» и замѣнили ее практическими выводами въ родѣ: «Chacun pour soi et Dieu pour tous» или научными аксіомами въ родѣ «борьбы за существованіе». Не имѣя инстинкта животныхъ, по которому тѣ живутъ устраиваютъ жизнь свою безошибочно, люди гордо вознадеялись на науку, забывъ, что для такого дѣла, какъ создать общенное общество, наука еще все равно что въ пеленкахъ. Явились мечтанія: дущая Вавилонская башня стала идеаломъ и, съ другой стороны, страхомъ всего человѣчества. Но за мечтателями явились уже другія ученія, простыя и понятныя всѣмъ, въ родѣ: «убить богатыхъ, залить міръ кровью, а тамъ какъ-нибудь устроится». Наконецъ пошли дальше и учители, явилось ученіе анархіи, за которою, еслибъ она осуществилась, навѣрно-бы начался вновь періодъ антропофагіи и люди принуждены были-бы начинать опять все съ начала какъ тысячъ за десять лѣтъ назадъ. Католичество понимая все это отлично и съумѣетъ соблазнить предводителей новой войны. Оно скажетъ имъ: «У васъ нѣтъ центра, по которому въ веденіи дѣла, вы раздробленная по всему міру сила, теперь, съ паденіемъ Франціи и придавленная. Я буду единственнымъ вашимъ и привлеку къ вамъ и всѣхъ тѣхъ, кто въ мнѣ вѣруетъ». Такъ или этакъ, а соединеніе произойдетъ.

умирать не хотеть, социальная-же революція и новый, ший періодъ въ Европѣ тоже несомнѣненъ: двѣ силы не-во должны согласиться, два теченія слиться. Разумѣется, честву даже выгодна будетъ рѣзня, кровь, грабежъ и и даже антропофагія. Тутъ-то оно и можетъ надѣяться на крючокъ, въ мутной водѣ, еще разъ свою рыбу, ствывая моментъ, когда наконецъ измученное хаосомъ и шцей человѣчество бросится къ нему въ объятія, и оно я вновь, но уже всецѣло и на яву, нераздѣльно ни съ | единолично, «земнымъ владыкою и авторитетомъ міра в тѣмъ окончательно уже достигнетъ дѣла своей. Картина нъ — не фантазія. Я положительно удостоверяю, что ее шираютъ очень и очень многіе на западѣ. И, вѣроятно, ютъ и владыки Германіи. Но предводители германскаго въ одномъ ошибаются: въ легкости побѣдить и подавить двухъ страшныхъ и ужас соединенныхъ враговъ. Они на- на силу обновленной Германіи, протестантскаго и про- шаго ея духа противъ древняго и новаго Рима, началъ *подставы* его. Но не они остановятъ чудовище: остано- побѣдить его воссоединенный Востокъ и новое слово, е скажетъ онъ человѣчеству..

всякомъ случаѣ одно кажется яснымъ, именно: мы нужны ив даже болѣе, чѣмъ думаемъ. И нужны мы ей не для аго политическаго союза, а *навѣрно*. Идея воссоединен- :рманіи широка, величана и смотритъ въ глубь вѣковъ. :рманіи дѣлать съ нами? объектъ ея — все западное че- ство Она себя предназначила западный міръ Европы, ги въ него своя начала вмѣсто римскихъ и романскихъ . и впредь стать предводительницею его, а Россіи она нетъ Востокъ. Два великіе народа такимъ образомъ пред- ены измѣнить ликъ міра сего. Это не затѣи ума или че- ія: такъ самъ міръ слагается. Есть новые и странные и появляются каждый день. Когда у насъ, еще на дняхъ говорить и мечтать о Константинополѣ считалось даже о фантастическимъ, въ германскихъ газетахъ заговорили о занятіи нами Константинополя какъ о дѣлѣ самомъ иенномъ. Это почти странно сравнительно съ прежними шіями къ намъ Германіи. Надо считать, что дружба Рос- Германіей нелицемѣрна и тверда и будетъ укрѣпляться альше, тѣмъ болѣе, распространяясь и укрѣпляясь по- во въ народномъ сознаніи обѣихъ націй, а потому, можетъ

быть, даже не было и момента для Россіи выгоднѣе для рѣшенія восточнаго вопроса окончательно, какъ теперь. Въ Германіи, можетъ быть, даже нетерпѣливѣе нашего ждутъ окончанія нашей войны. Между тѣмъ дѣйствительно за три мѣсяца нельзя теперь поручиться. Кончимъ-ли мы войну раньше, чемъ начнутся послѣднія и роковыя волненія Европы? Все это неизвѣстно. Но поспѣемъ-ли мы на помощь Германіи, нѣтъ ли Германія во всякомъ случаѣ разсчитываетъ на насъ не какъ на временныхъ союзниковъ, а какъ на вѣчныхъ. Что-же до той минуты — опять-таки весь ключъ дѣла во Франціи и избраніи папы. Тутъ можетъ явиться столкновение Франціи и Германіей, теперь уже несомнѣнное, тѣмъ болѣе, что есть жигатели. Англія объ немъ особенно постарается и тогда, можетъ быть, двинется и Австрія. Но объ этомъ обо всемъ говорили еще недавно. Ничего съ тѣхъ поръ не измѣнилось, чтобы могло опровергнуть прежнія мнѣнія наши, напротивъ, подтвердилось...

Во всякомъ случаѣ Россіи надобно ловить минуту. А долга ли эта благопріятная наша европейская минута можетъ протекать? Пока дѣйствуютъ теперешніе великіе предводители Германіи, эта минута *всего вѣрнѣе* для насъ обезпечена...

ДЕКАБРЬ.

Глава первая.

I.

Заключительное разъясненіе одного прежняго факта.

Заключая двухлѣтнее изданіе «Дневника» теперешнимъ порядкомъ, декабрьскимъ выпускомъ, я нахожу необходимымъ сказать еще разъ одно слово объ одномъ дѣлѣ, о которомъ я уже прежде довольно говорилъ. Положилъ-же я объ этомъ сказать еще въ маѣ мѣсяцѣ, но оставилъ тогда по особымъ соображеніямъ, именно до этого послѣдняго выпуска. Это все опять о дѣлѣ Кориловой, которая въ злобѣ на мужа выбросила изъ шестилѣтнюю падчерицу въ окошко, а та, упавъ съ пятидесяти футовъ высоты, осталась жива. Какъ извѣстно, преступница была осуждена, потомъ приговоръ былъ кассированъ, и наконецъ, окончательно была оправдана на вторичномъ судѣ 22 мая сего года. (См. «Дневникъ Писателя» октябрь 1876 и январь 1877 года).

Объ этомъ дѣлѣ мнѣ случилось принять нѣкоторое участіе. Председатель суда, а потомъ я прокуроръ, въ самой залѣ суда, объявилъ публично, что первый обвиняющій Корилову приговоръ былъ отмененъ, именно вслѣдствіе пущенной мною въ «Дневникъ» мысли, что не повліяло-ли на поступокъ преступницы ея ненормальное состояніе? Я эту мысль провелъ и развилъ вслѣдствіе чрезвычайныхъ и странныхъ психическихъ особенностей, которыя сами собою неотразимо бросались въ глаза и останавливали вниманіе при чтеніи подробностей совершеннаго преступ-

денія. Впрочемъ это все уже извѣстно читателямъ. Извѣстно можетъ быть тоже, что послѣ самаго строгаго слѣдствія и самыхъ упорныхъ и настоятельныхъ доводовъ прокурора, сличные всетаки оправдали Корнилову, пробывъ въ залѣ сѣанса не болѣе десяти минутъ, и публика разошлась тогда сочувствуя оправданію. И вотъ, тѣмъ не менѣе, мнѣ тоже, нѣ тотъ-же день, пришла на умъ мысль, что въ процессѣ этомъ важномъ дѣлѣ, гдѣ затронуты самыя высшіе мотивы гражданской и духовной жизни, всего-бы желательнѣе чтобъ все было разъяснено до самой послѣдней возможности, чтобъ не оставалось ни въ обществѣ, ни въ душѣ присяжныхъ, несшихъ оправданіе, никакихъ сомнѣній, колебаній и сожалѣній о томъ, что несомнѣнная преступница была отпущена безъ казни. Тутъ затронуты дѣти, дѣтская судьба (часто ужасная у насъ на Руси и особенно въ бѣдномъ классѣ), дѣтскій вопросъ и вотъ оправдывается, при сочувствіи публики, убійца ребенка. И вотъ я этому самъ отчасти способствовалъ (по свидѣтельству самого суда)! Я-то дѣйствовалъ по убѣжденію, но меня, по произнесеннаго приговора вдругъ начало мучить сомнѣніе: не осталось-ли въ обществѣ недовольства, недоумѣнія, невѣрія въ оправданіе даже? Въ прессѣ нашей сказано было объ этомъ оправданіи Корниловой мало, — тогда заняты были не тѣмъ, предпринималась война. Но въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», въ новороссійской тогда газетѣ, какъ-разъ я прочелъ статью, полную изобличенія на оправданіе и даже злобы на мое участіе въ этомъ дѣлѣ. Статья эта написана недостойнымъ тономъ, да и не я оди подвергся тогда негодovanію «Сѣв. Вѣстника»: подвергся и Толстой за «Анну Каренину», подвергся злымъ и недостойнымъ насмѣшкамъ. Я лично и не отвѣтилъ-бы автору, но въ слѣдствіе этого я внутренно увидѣлъ то, чего опасался отъ нѣкоторой части общества, то есть сѣвернаго впечатлѣнія, недоумѣнія, недоумѣнія на приговоръ. И вотъ я рѣшилъ жать все въ свое распоряженіе, чтобы въ этотъ срокъ убѣдиться самому, но во время этого была болѣе обстоятельна, въ томъ, что приговоръ не казался дурно на документъ, что напротивъ милосердіе и какъ будто сама была дана на хорошую почву, что заслуживала и милосердіе и милосердіе, что не имѣла бы никакихъ недостатковъ. И вотъ я рѣшилъ жать все въ свое распоряженіе, но во время этого была болѣе обстоятельна, въ томъ, что приговоръ не казался дурно на документъ, что напротивъ милосердіе и какъ будто сама была дана на хорошую почву, что заслуживала и милосердіе и милосердіе, что не имѣла бы никакихъ недостатковъ.

и убѣжденъ былъ во время процесса) в что дѣйстви-
 ственно этой несчастной необходимо было объяснить
 будь особымъ случайнымъ обстоятельствомъ, болѣз-
 нью, «аффектомъ» — вотъ именно тѣми болѣзненными при-
 чинами бывають довольно часто (при совокупности и
 конечно, неблагоприятныхъ условий и обстоятельствъ)
 психическихъ женщинъ въ извѣстномъ періодѣ беременности, —
 наконецъ, стало быть, въ присяжномъ, ни обществу, ни
 бывшей въ залѣ суда и съ горячимъ сочувствіемъ вы-
 шелъ приговоръ, — уже нечего болѣе сомнѣваться въ та-
 коворѣ, въ его цѣлесообразности, и раскаиваться въ
 посердіи.

Теперь, послѣ этихъ восьми мѣсяцевъ я именно въ
 могу кое-что сообщить и прибавить по этому, виро-
 чью быть, слишкомъ уже наскучившему всѣмъ дѣлу.
 Имя именно какъ-бы обществу, т. е. той части его,
 о предположеніи моему, могла не согласиться съ со-
 седемъ приговоромъ, усумниться въ немъ и вознегодовать
 «если впрочемъ таковая часть недовольныхъ была въ
 шествіи». А такъ какъ изъ всѣхъ этихъ недовольныхъ
 «женъ» (не лично однако-же) всего лишь тотъ одинъ
 «есть», написавшій грозную статью въ «Сѣверномъ
 », то я буду отвѣчать этому Наблюдателю. Вѣрнѣе всего
 на него нисколько не подѣйствую никакими доводами,
 «быть, буду понятенъ читателямъ.

Наблюдатель», воснужившись въ статьѣ своей дѣла Корни-
 дакъ этому дѣлу съ первой строки самое высшее зна-
 ченіе въ негодованіи указывалъ на судьбу дѣтей, безза-
 щитной, и сожалѣлъ, что не казнили подсудимую стро-
 гимъ приговоромъ. Дѣло, стало быть, шло о Сибири, о
 аддитивной женщины, съ рожденнымъ ею уже въ
 бѣнкомъ на рукахъ (и который тоже, стало быть,
 въ Сибирь вмѣстѣ съ нею), о разрушеніи молодаго
 Въ такомъ случаѣ, кажется, слѣдовало-бы перемы-
 шлятельно, серьезно и безпристрастно отнестись къ об-
 ществу совершившимся фактамъ. И вотъ повѣрять-ли: этотъ
 «я не знаю» дѣла, о которомъ судить, говорить на-
 шляется самъ изъ головы небывалыя обстоятельства
 шихъ прямо на голову бывшей подсудимой, въ залѣ
 «я не находилъ, препій не слушалъ, при приговорѣ
 твовалъ, — и при всемъ томъ — ожесточенно и озлоб-

ленно требуетъ казни человѣка! Да вѣдь дѣло-то объ участіи человѣческой идетъ, нѣсколькихъ даже существъ заразы, о чемъ идетъ, чтобъ разорвать жизнь человѣческую пополамъ, безболестно, съ кровью. Положимъ, несчастная уже была оправдана, когда «Наблюдатель» вышелъ съ своей статьей — но вѣдѣнія нападенія вліяютъ на общество, на судъ, на общественное мнѣніе, онѣ отзовутся на будущемъ подобномъ-же подсудимомъ онѣ, наконецъ, обижаютъ оправданную, благо она изъ толпы люда, а потому беззащитна: Вотъ, однако, эта статья, т. е. мѣсто, относящееся до дѣла Корниловой; дѣлаю самыя существенныя выписки и исключаю весьма многое.

II.

Выписка.

... Гораздо труднѣе присяжнымъ представить самихъ себя въ положеніи беременной женщины; а еще труднѣе—въ положеніи шестилѣтней дѣвочки, которую эта женщина вышвырнула изъ окна четвертаго этажа. Надо имѣть всю ту силу воображенія, которою, какъ извѣстно, отличается среди всѣхъ насъ г. Достоевскій, чтобы войти въ положеніе женщины и уяснить себѣ всю неотразимую аффектовъ беременность.

Онъ дѣйствительно вошелъ въ это положеніе, ѣздилъ къ одной дамѣ въ тюрьму, былъ пораженъ ея смиреніемъ, и въ нѣсколькихъ номерахъ своего «Дневника» выступилъ горячимъ ея защитникомъ. Но г. Достоевскій слишкомъ впечатлителенъ, и притомъ «богатая проявленія воли» это—прямо по части автора «Бѣсовъ», «Соты» и т. д., ему извинительно имѣть къ нимъ слабость. Я самъ на дѣло проще и утверждаю, что послѣ такихъ примѣровъ, оправданія жестокаго обращенія съ дѣтьми, этому обращенію, которое въ Россіи, какъ и въ Англіи, очень верѣдко, не предстоитъ ни тѣни устрашенія. Изъ сколькихъ случаевъ жестокости съ дѣтьми одинъ попадаетъ судебному разсмотрѣнію? Есть дѣти, которымъ жизнь, утро, полдень и вечеръ cadaго дня, — не что иное, какъ рядъ страданій. Это -- невинныя существа, терпящія такую ужасную въ сравненіи съ которой работа отцеубійцы въ рудникахъ — бѣснотство, съ отдыхомъ, съ отсутствіемъ вѣчнаго, неумолимаго страха, полнымъ душевнымъ спокойствіемъ, насколько оно не нарушено совѣстью. Изъ десяти тысячъ, а, вѣроятно, изъ сотни тысячъ случаевъ жестокости съ дѣтьми, одинъ всплываетъ на судебную поверхность, какой-нибудь, почему-либо наиболѣе замѣченный. Напримѣръ, матица вѣчно бьетъ (?) несчастное шестилѣтнее существо, наконецъ, выбрасываетъ его изъ четвертаго этажа; когда узнаетъ, что живое ей дитя не убилося, она восклицаетъ: «ну, живуча!».

проявленіи ненависти къ ребенку, ни раскаянія послѣ совер-
шенія вѣтъ; все цѣльно, все логично въ проявленіи одной в той-
однѣ. И эту женщину оправдываютъ. Если въ такихъ ясныхъ
востяхъ случаяхъ жестокости съ дѣтьми у насъ оправдываютъ,
и ожидать въ другихъ случаяхъ, менѣе рѣзкихъ, болѣе слож-
правданія. конечно, оправданія и оправданія. Въ Англии,
въ классахъ городскихъ гоурихъ перѣдки, какъ я уже замѣ-
вилъ жестокости съ дѣтьми. Но желалъ-бы я что-бы имѣли по-
нѣе примѣръ подобнаго оправданія англискими присяжными.
Передъ нашими присяжными является раскольникъ, худо
всѣ о кунюгѣ церкви — тогда другое дѣло. Въ Англии онъ
въ суду не былъ-бы приваженъ, у насъ, онъ не жде оправ-
жестокость надъ дѣвочкой — стоитъ-ли губить за это моло-
дну. Вѣдь она все-таки мачуха, то есть почти мать жерт-
ма тамъ ни было поить, кормить ее и еще больше бить.
последнимъ русскаго человѣка не удивить. Пріятель раз-
сказалъ, что ѣхалъ онъ на дняхъ на ливонскій и тотъ все время
ждалъ. На вопросъ о томъ, ливонскій отвѣчалъ: „Ея долж-
на. Ея должно быть вѣчно и нещадно битой“.

удьба, въ продолженіи вѣковъ, русскій человѣкъ! Вѣдь, мо-
и мачуху билъ въ дѣтствѣ, и вотъ ты входишь въ это
— Богъ съ ней! Но ты такъ не дѣлай. Ты пожалуй малень-
и теперь бить не будутъ, и не оправдывай жестокость надъ
уже родился не работъ.

кажутъ: вы попадаете на институтъ присяжныхъ, когда и
и такъ далѣе. Но попадаю я на институтъ и въ умѣ не
вдаться на него, онъ хорошъ, онъ безконечно лучше того
оторомъ не участвовала общественная совѣсть. Но я бесѣ-
ой совѣстью о такомъ-то и такомъ-то ея проявленіи...

ихъ ребенка какой-нибудь годъ и потомъ выкинуть на вѣрную
то другое дѣло. „Мужъ оправданной“, пишетъ г. Достоев-
шнадшемъ на дняхъ «Дневникъ», «увезъ ее въ тотъ-же ве-
въ одиннадцатомъ часу, въ себѣ домой и она, счастливая,
тъ въ свой домъ». Какъ трогательно. Но горе бѣдному ре-
и онъ остался въ томъ домѣ, куда вошла «счастливая»; горе
онъ когда-нибудь попадетъ въ отцовскій домъ.

къ беременности» — ну, выдуманно новое жалкое слово.
авенъ этотъ аффектъ не былъ, однако женщина подъ влия-
не бросалась ни на мужа, ни на сосѣднихъ жильцовъ. Весь
я исключительно предназначался для той беззащитной дѣ-
торую она терпѣла цѣлый годъ безъ всякаго аффекта. На
становилась присяжные въ оправданіи? На томъ, что одинъ
призналъ «богъвенное состояніе души подсудимой во
ершенія преступленія, трое другихъ психіатровъ заявили
ю богъвенное состояніе беременной женщины могло по-
совершенство преступленія; а одинъ акушеръ, профессоръ
А, которому, едва-ли не лучше известны всѣ проявленія
беременности, выразилъ прямо несогласіе съ такими мнѣ-
жло быть, четверо изъ пятихъ экспертовъ не признали,
вновь случаѣ преступленія положительно было совершено
имъ «аффекта беременности» и затѣмъ невозможности. Но

присяжные оправдали. Экъ, велико дѣло: вѣдь не убили-же нокъ; а что его били, такъ вѣдь «его должность такая».

III.

Искаженія и подтасовки и—напѣ это ничего не стоитъ

Вотъ выписка, вотъ обвиненіе, много негодованія и напѣ. Но теперь я спрошу «Наблюдателя»: какъ могли вы до степени исказить факты въ такомъ важномъ обвиненіи, ставить все въ такомъ ложномъ и небываломъ видѣ? Даже было битье, систематическое *мачихино* битье? Вы прямо и точно:

«Мачиха *отъчно* бьетъ несчастное шестилѣтнее существо и вець выбрасываетъ его изъ четвертаго этажа»...

Потомъ:

«Но бить ребенка *какой-нибудь* годъ и потомъ выкинуть и ную смерть»...

Восклицаете про ребенка:

«Горе ему, если онъ когда-нибудь попадетъ въ отцовскій

И наконецъ влагаете въ уста присяжныхъ звѣрскую

«Экъ, велико дѣло: вѣдь не убитъ же ребенокъ, а что ем такъ вѣдь «его должность такая».

Однимъ словомъ, вы всѣ факты подмѣнили, и все дѣло ставили такъ, что преступленіе, по вашему, произошло, бы, единственно отъ ненависти мачихи къ ребенку, ко она мучила и била годъ и кончила тѣмъ, что выбросила е окошка. Вы представили подсудимую нарочно звѣремъ, сытно злобною мачихой, единственно, чтобъ оправдать статью и возбудить негодованіе общества на милосердный говоръ присяжныхъ. И мы вправѣ заключить, что сдѣла этотъ подмѣнъ единственно съ этою, указанною мною с цѣлю—потому вправѣ, что не могли-же вы и не иѣли не узнать подробнѣйшимъ образомъ обстоятельствъ таког въ которомъ сами берете на себя произнести приговоръ буете казни.

Между тѣмъ звѣря, звѣрской мачихи, ненавидящей р и ненасытной къ истязанію его—никогда и *созель* не И это положительно подтвердилось слѣдствіемъ. Первонач дѣйствительно выдвинута была мысль, что мачиха мучи

изъ ненависти къ нему рѣшилась убить его. Но вопреки обвиненію совѣтъ оставило эту мысль: слишкомъ глупо, что преступленіе совершилось совѣтъ изъ другихъ въ, чѣмъ ненависть къ ребенку, изъ причинъ совершенно жившихся на судѣ и при которыхъ ребенокъ былъ не при-
 Бромъ того, на судѣ не оказалось и свидѣтелей, которые-
 или подтвердить жестокость мачихи, — *мачихино* битье.
 только одно свидѣтельство одной только женщины, жив-
 гуть-же въ корридорѣ рядомъ, (гдѣ живетъ много людей),
 пла дескать очень больно ребенка, но и это свидѣтельство
 цюсь потомъ защитой, какъ «корридорная сплетня» — не
 Было-же то, что обыкновенно бываетъ въ этакого рода
 гвахъ, при ихъ степени образованія и развитія, то есть,
 бонка за шалости дѣйствительно наказывали оба, и отецъ
 жа, но иногда лишь, т. е. очень рѣдко, и не безчеловѣчно,
 чески», какъ они выражаются сами, то есть до сихъ поръ,
 частью, во всѣхъ такихъ русскихъ семействахъ, по всей
 и при этомъ, однако, любя крѣпко дѣтей, и заботясь объ
 (и весьма даже часто) гораздо сильнѣе и больше, чѣмъ
 въ это въ иныхъ интеллигентныхъ и богатыхъ, евро-
 развитыхъ русскихъ семействахъ. Тутъ только не умѣнье,
 жестокость. Корнилова-же была даже весьма хорошей ма-
 ходила и наблюдала за ребенкомъ. Наказаніе-же ребенка
 лишь одинъ разъ *жестокое*: мачиха высѣкла его разъ
 , при пробужденіи *за то, что не умѣетъ проситься*
 Никакой тутъ ненависти къ нему не было. Когда я ей
 шъ, что за это нельзя наказывать, что сложеніе дѣтей и
 и ихъ различны, что шестидѣтній ребенокъ еще слыш-
 нель чтобъ всегда умѣть проситься, то она отвѣтила: «а
 сказали, что такъ надо сдѣлать, чтобъ отучить и что его
 не отучишь». Въ этотъ разъ она ударила ребенка би-
 «шесть» разъ, но такъ, что вышли рубцы и—вотъ эти-
 рубцы и видѣла та женщина въ корридорѣ, единственная
 вѣдница единственного случая жестокости и объ нихъ-то
 мывала въ судѣ. За эти-же рубцы мужъ, воротясь съ ра-
 немедленно наказалъ жену, т. е. побилъ ее. Это человѣкъ
 и. прямой, честный и неуклонный прежде всего, хотя,
 видите, отчасти и съ обычаями прежнихъ временъ. Бываетъ
 ему рѣдко и не безчеловѣчно, (такъ сама она говоритъ),
 ственно изъ принципа мужней власти—такъ выходитъ
 характеру. Ребенка своего онъ любитъ, (хотя чаще еще

мачихи наказывалъ и самъ дѣвочку за шалости), но онъ человекъ, чтобъ дать ребенка напрасно въ обиду и женѣ своей. И такъ единственный случай строгаго (до рубцевъ), обнаружившійся на судѣ, обращенъ обви «Сѣвернаго Вѣстника» въ систематическое, звѣрское, битые цѣлый годъ, въ мачихину ненависть, которая все болѣе и болѣе кончилась швыркомъ ребенка за о она объ ребенкѣ и не думала даже за пять минутъ шенія своего ужаснаго преступленія.

Вы, Наблюдатель, засмѣетесь и скажете: да развѣ розгами до рубцевъ не жестокость, не *мачихино* битые казаніе до рубцовъ есть звѣрство, это такъ, но въ случай (единичность его была подтверждена на судѣ, же подтверждена теперь положительно), повторяю это, есть-же систематическое, постоянное, звѣрское мачихи цѣлый годъ, это только *случай* и вышедшій изъ неум питывать, изъ ложнаго пониманія какъ нужно нау бенка, а вовсе не изъ ненависти къ нему, или по «его должность такая». Такимъ образомъ, ваше изс этой женщины, какъ злой мачихи, и то лицо, котор дѣлалось на судѣ изъ дѣйствительныхъ фактовъ,—сов разница. Да, она вышвырнула ребенка, преступленіе и звѣрское, но вѣдь не какъ злобная-же мачиха она а шила, — вотъ объ чемъ прежде всего вопросъ въ о ваше голословное обвиненіе. Для чего-же вы поддержи кое лютое обвиненіе, если сами знаете, что его доказат что на судѣ оно было оставлено и что совсѣмъ не б дѣтелей его подтверждающихъ. Неужели для одного тературнаго эффекта? Вѣдь выставя на видъ и докази это сдѣлала *мачиха*, заключившая этимъ убійствомъ цѣ ребенка истязаній (не бывалыхъ вовсе) — вы тѣмъ са вращаете впечатлѣніе малосвѣдующаго въ этомъ дѣлѣ исторгаете изъ его души сожалѣніе и милосердіе, котор по неволѣ не можетъ ощущать, прочтя статью вашу, к мачихѣ; тогда какъ, не будь въ глазахъ его эта мач ставлена вами какъ мучительница ребенка, она-бы, може и заслужила въ его сердцѣ хотя малое снисхожденіе, ка ная, какъ болѣзненно-потрясенная, раздраженная бе женщина, что ясно изъ фантастическихъ, дикихъ и зага подробностей событія. Справедливо-ли такъ поступат ственному дѣятелю, человѣчно-ли?

Вы еще и не то говорите. Вы написали, и опять-таки точно, какъ изучившій все дѣло до мельчайшей подробности наблюдатель:

«Аффектъ беремености» — ну, выдуманно новое жалкое слово. Какъ-нибудь этотъ аффектъ ни былъ, однако женщина подъ влияніемъ бросалась на мужа, ни на сосѣднихъ жильцовъ. Весь аффектъ почитательно предназначался для беззащитной дѣвочки, которую явила дѣлѣмъ годъ безъ всякаго аффекта. На чемъ-же основаны всѣжныя въ оправданіи?»

на чемъ-же вы-то основались, Наблюдатель, чтобъ соорудить совершенное искаженіе дѣла? «Не бросалась на мужа»! въ этомъ только и говорилось на судѣ, что ссоры съ мужемъ у ней наконецъ (и только въ нѣсколько послѣднихъ дней, въ) до бѣшенства, до изступленія, которое и привело къ клеветѣ. Ссоры-же были вовсе не изъ-за ребенка, потому ребенокъ былъ тутъ буквально не причемъ, *не думала она дни даже о немъ вовсе*. «Вовсе мнѣ его и не надо было, какъ выразилась она сама.

Для васъ, а для читателей моихъ, постараюсь обозначить характеръ, ссорившихся мужа и жены такъ, какъ я ихъ иде еще, до приговора, понималъ и какъ они еще болѣе уже приговора, при самомъ пристальномъ наблюденіи моемъ, явились мнѣ. Нескромности относительно этихъ двухъ лицъ не быть тутъ очень большой съ моей стороны: ужь и безъ того было оглашено на судѣ. Да и дѣлаю я это инно къ ихъ оправданію. И такъ вотъ въ чемъ дѣло. Мужъ всего человѣкъ твердый, прямой, честнѣйшій и добрѣйшій: с. даже великодушный, какъ доказалъ онъ впоследствии), только слишкомъ пуританинъ, слишкомъ наивно и даже слѣдующій разъ навсегда принятому взгляду и убѣжденію. Нѣкоторая разница въ дѣтахъ съ женой, онъ много, тутъ и то еще, что онъ вдовецъ. Человѣкъ онъ работнѣйшій день, и хотя ходитъ въ нѣмецкомъ платьѣ и гь какъ-бы «образованнымъ» человѣкомъ, но человѣкъ то особеннаго образованія не получившій. Замѣчу еще, наружности его несомнѣнный видъ собственнаго достоинства. Прибавлю, что онъ не очень разговорчивъ, не очень веселъ и живъ, можетъ быть, даже обращеніе его нѣсколько и . Она взята имъ за себя еще очень молодая. Это была и дѣвушка, по ремеслу швея, добывавшая мастерствомъ нныя деньги.

Какъ они сошлись, не знаю. Вышла она за него «по любви». Но очень скоро началась разлада и хотя доходило до крайностей, но недоумѣніе, разъединеніе наконецъ, озлобленіе нарастали съ обѣихъ сторонъ, хлещенно, но твердо и неуклонно. Дѣло въ томъ, а, мож въ томъ вся и причина, что оба, не смотря на возр озлобленіе, любили другъ друга даже слишкомъ горяч до самаго конца. Любовь-то и ожесточала требованія сторонъ, усиливала ихъ, прибавляла къ нимъ раздра тутъ какъ разъ и ея характеръ. Это характеръ довол нутый и какъ-бы нѣсколько гордый. Бываютъ такіе и и щинъ и межъ мужчинъ, которые хоть и питаютъ в даже самая горячія чувства, но при этомъ всегда какт ливы на ихъ обнаруженіе; въ нихъ мало ласки, мал ласкающихъ словъ, обниманій, прыганія на шею. Ес ихъ назовутъ безсердечными, безчувственными, то они болѣе замыкаются въ себя. При обвиненіяхъ они рѣд ются разъяснить дѣло сами, напротивъ, оставляютъ э на обвинителя: «самъ, дескать, угадай; коли любишь, узнать, что я права». И если онъ не узнаетъ и оз болѣе и болѣе, то и она озлобляется болѣе и болѣе. Этотъ мужъ съ самаго начала сталъ круто (хоть и жестоко) упрекать ее, читать ей наставленія, учить е кать прежней женой своей, что было ей особенно тая однако шло не особенно дурно, но такъ однако все выходить, что при упрекахъ и обвиненіяхъ съ его начались съ ея стороны ссоры и злобныя рѣчи, а не объясниться, покончить недоумѣніе какъ-нибудь оконча разъясненіемъ, указаніемъ причинъ. Объ этомъ даже наконецъ. Кончилось тѣмъ, что въ ея сердцѣ (у ней не у мужа) начались угрюмыя чувства, разочарован любви. И все это возрастало притомъ довольно безсозна тутъ жизнь рабочая, тяжелая, объ чувствахъ-то и неко: комъ думать. Онъ уходитъ на работу, она занимается своимъ, стряпаетъ, полы даже моетъ. У нихъ по длин ридору въ казенномъ зданіи маленькія комнаты, по каждое семейство служащихъ въ этомъ казенномъ заве: натыхъ работниковъ. Случилось такъ, что она, съ п мужа, ушла на мянны, въ семейный домъ, къ тому у котораго все свое дѣтство и отрочество училась св стерству и съ которымъ и она и мужъ продолжали бы.

Мужъ, занятый работою, остается на этотъ разъ дома. На пинахъ оказалось очень весело, было много приглашенныхъ, денегъ, начались танцы. Пронировали до утра. Молодая женщина, привыкшая у мужа къ довольно скучному житью въ одной комнатѣ и къ вѣчной работѣ — видно вспомнила свое прежнее житье и повеселилась на балу такъ долго, что и забыла о срокѣ, на который была отпущена. Кончилось тѣмъ, что пришлось ее заночевать въ гостяхъ, къ тому-же возвращаться ей было очень далеко. Вотъ тутъ-то и разсердился мужъ, этотъ разъ — вочеванный безъ жены. Разсердился очень: на другой день, бросивъ работу, пустился за ней къ гостямъ, разыскавъ ее и — тутъ-же при гостяхъ наказавъ. Возвратились они и уже молча и два дня и двѣ ночи потомъ не говорили другъ другу вовсе и не бѣли вины. Узнавъ я все это отрывками, все само мало разъяснила мнѣ, не смотря на мои вопросы, мое даже свое состояніе духа. «Не помню я, объ чемъ тогда шла, всё эти два дня, а все думалось. На нее (на дѣвочку) я и не смотрѣла вовсе. Я все помню, какъ это сдѣлалось, какъ я это сдѣлала, ужъ и не знаю, какъ сказать». И вотъ, третій день утромъ, мужъ рано ушелъ на работу, дѣвочка еще спитъ. Мачиха возится съ печкой. Дѣвочка наконецъ просыпается; она машинально по обыкновенію ее умываетъ, обуваетъ, одѣваетъ и сажаетъ за кофей . . . — «я не думаю я о ней вовсе». Мужъ сидитъ, пьетъ свою чашку, кушаетъ, — «я вотъ вдругъ все тогда поглядѣла»...

IV.

Злые психологи. Анушеры психіатры.

Послушайте, Наблюдатель, вы утверждаете твердо и точно, что все дѣло произошло безъ колебаній, обдуманно, спокойно, безъ дескать, цѣлый годъ, наконецъ обдумала, спокойно взяла решение и выбросила за окно младенца: «ни внезапности прощія ненависти къ ребенку» — пишете вы въ негодованіи, — объясненія послѣ совершенія убійства нѣтъ, все цѣльно, все одно въ проявленіи одной и той-же злой воли. И эту женщину оправдываютъ. Вотъ собственные слова ваши. Но, вѣдь, объясненія въ предумышленности преступленія отказался самъ докторъ, извѣстно-ли вамъ это, Наблюдатель, — отказался пу-

блично, гласно, торжественно, въ самый ровный момент. А прокуроръ, однако, обвинялъ преступницу съ жестокою стойчивостью. Какже вы-то, Наблюдатель, утверждаете уже прокурорскаго отступленія, что не было внезапности, а, гм, гм, все было цѣльно и логично въ проявленіи одной изъ злой воли? Цѣльно и логично! Стало быть, обдуманно, стало преднамѣренно. Припомню все еще разъ быстрыми штрихами велить дѣвочкѣ встать на подоконникъ и выглянуть за окно и когда дѣвочка посмотрѣла за окно, она приподняла ее и выбросила съ высоты 5 1/2 сажень. Затѣмъ занерла оказалась и пошла въ участокъ доносить на себя. Скажите, это цѣльно и логично, а не фантастично? И во нервикъ чего поить-кормить ребенка, если ужъ дѣло было замѣдено давно въ умѣ ея, для чего ждать пока та выпьетъ кофе и съ своей хлѣбъ? Какъ можно (и естественно-ли) даже не заглянуть за окно, уже выбросивъ дѣвочку. И позвольте, въ чему доносить на себя? Вѣдь если все вышло изъ злобы, изъ ненависти къ дѣвочкѣ, «вторую она была цѣлый годъ», то для чего, эту дѣвочку, придумавъ и исполнивъ наконецъ это давнее койно замышленное убійство, идти тотчасъ-же доносить на Ненавистной дѣвочкѣ пусть смерть, а ей-то для чего събить? Кроме того, если сверхъ ненависти къ ребенку было еще мотивъ, чтобъ убить его, то есть ненависть къ мужланію отомстить мужу смертію его ребенка, то вѣдь она могла сказать мужу, что шалунья дѣвочка сама влѣзла на окно и сама вывалилась, вѣдь все равно цѣль была-бы достигнута, отецъ былъ-бы пораженъ и потрясенъ, а обвинить ее въ преднамѣренномъ убійствѣ никто-бы въ мірѣ тогда не могъ, хотя могло быть подозрѣніе? Гдѣ доказательства? Еслибъ дѣвочка и осталась жива, то кто-бы могъ повѣрить ей? Напротивъ, убійца тѣмъ вѣрнѣе и полнѣе достигла-бы своего, чему стремилась, т. е. отомстила-бы гораздо злѣе и мужу, который, еслибъ даже и подозрѣвалъ ее въ убійствѣ, именно тѣмъ пуще-бы мучился ея безнаказанностью, и наказаніе ее, т. е. предать правосудію, невозможно. Наказавъ себя сама тутъ-же, погубивъ всю свою участь въ острогѣ Сибири, въ каторгѣ, она тѣмъ самымъ давала мужу удовлетвореніе. Для чего-же все это? И кто одѣвается, наряжается въ случаѣ, чтобъ идти губить себя? О, скажутъ мнѣ, она не хотѣла лишь отомстить ребенку и мужу, она хотѣла и браться съ мужемъ: сошлютъ на каторгу, бракъ разорветъ.

не говорила, что объ разрывѣ брака можно-бы было
 задумать и задумать иначе, чѣмъ губя, девятнадцати лѣтъ,
 жизнь и свободу свою,—не говоря уже объ этомъ, согласи-
 что человекъ, рѣшающійся погубить себя сознательно, бро-
 въ развернувшуюся подъ ногами бездну безо всякой оглядки,
 малѣйшаго колебанія,—согласитесь, что въ этой человѣче-
 душѣ должно быть страшное чувство въ ту минуту, мрач-
 ное, позывъ къ гибели неудержимый, позывъ бро-
 и истребить себя,—а если такъ, то можно-ли, можно-ли
 съ, сохраняя здравый смыслъ, что «ни внезапности, ни
 ния въ душѣ не было!» Не было если раскаявїя, то были
 , проклетіе, сумасшествіе. Ужь, по крайней мѣрѣ, нельзя
 , что было все цѣльно, все логично, все предумышленно,
 внезапности. Нужно быть самому въ «аффектѣ», чтобъ
 ждать это. Не иди она доносить на себя, оставься дома,
 людямъ и мужу, что ребенокъ убитъ самъ — было-бы
 тельно все логично и цѣльно, и безъ внезапности и въ
 меніи злой воли; но погубленіе и себя тутъ-же, не вынуж-
 , а добровольное, ужь, конечно, свидѣтельствуетъ, по край-
 мѣрѣ, объ ужасномъ и возмущенномъ душевномъ состояніи
 . Это мрачное душевное состояніе продолжалось долго,
 только дней. Выраженіе: «ну, живуча» было выставлено за-
 нымъ экспертомъ-же (а не обвиненіемъ) при обрисовкѣ имъ
 судомъ того мрачнаго, холоднаго, какъ-бы омертвѣваго
 наго состоянія подсудимой послѣ совершенія ею преступле-
 а не какъ злобную, холодную нравственную безчувствен-
 съ ея стороны. Моя вся бѣда была въ томъ, что я, про-
 въ тогда первый приговоръ суда и пораженный именно
 ностью и фантастичностью всѣхъ подробностей дѣла, и взявъ
 роображеніе сообщенный въ тѣхъ же газетахъ фактъ о ея
 женности, на пятомъ мѣсяцѣ, во время совершенія убійства,
 , совершенно невольно, не подумавъ: не повліяла-ли тутъ
 временность, т. е. какъ я писалъ тогда, не случилось-ли такъ
 «посмотрѣла она на ребенка и подумала въ злобѣ своей:
 бы выбросить за окошко? Но будучи не беременна—поду-
 бы можетъ быть, по злобѣ своей, да и не сдѣлала-бы, не
 могла, а беременная — взяла, да и сдѣлала»? Ну, вотъ вся
 моя въ томъ, что я тогда такъ подумалъ и такъ написалъ.
 могли съ однихъ этихъ словъ только кассировали приго-
 тотомъ оправдали убійцу? Вы смѣетесь, Наблюдатель, надъ
 ами! Вы утверждаете, что лишь одинъ изъ нихъ пяти ска-

заль, что преступница действительно была въ аффектѣ беремен-
сти, а что трое другихъ лишь выразились, что могло быть въ
беременности, но не сказали положительно, что оно действительно
было. Изъ этого вы выводите, что лишь одинъ экспертъ оправ-
дательную подсудимую *положительно*, а четверо нѣтъ. Но вѣдь такое ра-
зсужденіе ваше невѣрно: вы слишкомъ много требуете отъ совѣсти
вѣческой. Довольно и того, что тремъ экспертамъ, очевидно, не
удалось оправдать подсудимую *положительно*, т. е. взять это со-
дѣяніе на душу, но факты до того были сильны и очевидны, что эти
три все-таки поколебались и кончилось тѣмъ, что они не
могли сказать: *нѣтъ*, прямо и просто, а *принуждены* были сказать,
что «действительно могло быть вліяніе болѣзненное въ моментъ
преступленія». Ну, а для присяжныхъ вѣдь это и приговоръ
воли не могли не сказать, что «могло быть», значитъ, *по*
и впрямь, оно было. Такое сильное сомнѣніе присяжныхъ
естественно не могло не повліять и на ихъ рѣшеніе, и это со-
вершенно такъ и слѣдовало по высшей правдѣ: неужели-же
приговоромъ ту, въ полной виновности которой трое
экспертовъ явно сомнѣваются, а четвертый, Дюковъ, экспертъ
по душевнымъ болѣзнямъ, прямо и твердо приписываетъ
злѣдѣніе тогдашнему разстроенному душевному состоянію
преступницы? Но Наблюдатель особенно ухватился за г. Флю-
скаго, пятого эксперта, не согласившагося съ мнѣніемъ
трехъ первыхъ экспертовъ: онъ, дескать, акушеръ, онъ *долженъ*
быть долженъ знать въ болѣзняхъ женщинъ. Это почему
онъ долженъ знать въ душевныхъ болѣзняхъ, больше *слѣдуетъ*
этимъ экспертамъ психіатровъ? Потому что онъ акушеръ, и зани-
мается не психіатріей, а совѣмъ другимъ дѣломъ? Не совѣмъ
логично.

V.

Одинъ случай, по моему, довольно много разъясняющій

Теперь расскажу одинъ случай, который, по моему, не
удается что разъяснить въ этомъ дѣлѣ окончательно и послѣ-
дственно той цѣли, съ которою предпринялъ я эту статью. На
следующій день послѣ оправдательнаго приговора надъ подсудимой
Дюковой (22 апрѣля 1877 г.), они, мужъ и жена, пріѣхали
въ Петербургъ. Еще наканунѣ они оба были въ дѣтскомъ г-

которомъ помѣщена теперь пострадавшая дѣвочка, (выбро-
нанная изъ окна), и теперь на другой день снова туда от-
пятились. Кстати, участь ребенка теперь обозначена и нечего
скупаться: «Горе теперь ребенку!..» и т. д. Отецъ, когда жену
велъ въ острогъ, самъ помѣстилъ ребенка въ этотъ дѣтскій
ящикъ, не имѣя никакой возможности присматривать за нимъ
со съ утра до ночи на работу. А по возвращеніи жены, они
хотѣли ее оставить тамъ въ пріютѣ, потому что тамъ ей очень
хорошо. Но на праздникі они часто берутъ ее съ собою домой.
Оставляя у нихъ и недавно на Рождествѣ. Не смотря на свою
работу, съ утра до ночи, и на груднаго еще ребенка (родивша-
го въ острогѣ) на рукахъ, мачиха находитъ иногда и теперь
въ пріютѣ и сбѣгать въ пріютъ къ дѣвочкѣ, снести ей гос-
поду и проч. Когда-же была еще въ острогѣ, то, вспоминая
о грѣхѣхъ передъ ребенкомъ, она часто мечтала, какъ-бы по-
браться съ нимъ, сдѣлать хоть что нибудь такъ, чтобъ ребе-
нокъ забылъ о случившемся. Эти фантазіи были какъ-то странны
и такой сдержанной, даже мало доверчивой женщины, какою
была Корнилова во все время подъ судомъ. Но фантазіямъ этимъ
не было осуществиться. Передъ Рождествомъ, съ мѣсяць
ранѣе, не видавъ Корниловыхъ мѣсяцевъ шесть, я зашелъ къ
нимъ на квартиру, и Корнилова первымъ словомъ мнѣ сообщила,
что дѣвочка «прыгаетъ къ ней въ радости на шею и обнимаетъ
каждый разъ, когда она приходитъ къ ней въ пріютъ». И
когда я уходилъ отъ нихъ, она мнѣ вдругъ сказала: «Она за-
была...»

И такъ они ко мнѣ заѣхали утромъ на третій день по от-
лученіи ея... Но я все отступаю, отступаю и еще разъ на ми-
нута. Наблюдатель юмористично и зло острить надо мною въ
этой статьѣ за эти посѣщенія мои Корниловой въ острогѣ. «Онъ
невѣжливо вошелъ въ это положеніе» — (т. е. въ положеніе
женной женщины), — говоритъ онъ про меня: «ѣздилъ къ
ней дамѣ въ тюрьму, былъ пораженъ ея смиреніемъ и въ нѣ-
сколькихъ номерахъ «Дневника» выступилъ горячимъ ея защит-
никомъ». Во первыхъ, къ чему тутъ слово «дама», къ чему этотъ
тонъ? Видъ Наблюдателю отлично извѣстно, что это не
дама, а простая крестьянка, работница съ утра до ночи; она
работаетъ, мочитъ полы и шьетъ на продажу если урветъ время.
И-же я у нея въ острогѣ, ровно по разу въ мѣсяць, сижи-
мъ по 10, много четверть часа, не болѣе. большею
частью въ общей камерѣ для подсудимыхъ женщинъ, имѣющихъ

грудныхъ младенцевъ. Если я съ любопытствомъ присмакъ въ этой женщинѣ и старался уяснить себѣ этотъ характеръ что-же въ томъ дурнаго, подлежащаго насмѣшкамъ и Но вернемся къ моему анекдоту.

И такъ, прѣехали они съ визитомъ, сидятъ у меня, обкомъ-то проникнутомъ серьезномъ состояніи духа. Мужа я поръ мало зналъ. И вдругъ онъ говоритъ мнѣ: «треть какъ мы воротились домой—(это послѣ оправданія, ста часу въ двѣнадцатомъ ночи, а встаетъ онъ въ пять утра),—то тотчасъ сѣли за столъ, я вынулъ евангеліе ей читать». Признаюсь, когда онъ сообщилъ это, мнѣ подумалось, глядя на него: «да онъ и не могъ иначе это типъ, цѣльный типъ, это можно-бы было угадать». словомъ, это пуританинъ, человекъ честнѣйшій, серьезнѣйшій, несомнѣнно добрый и великодушный, но который ни уступить изъ своего характера и ничего не отдастъ изъ убѣжденій. Этотъ мужъ смотритъ на бракъ со всею вѣрою но какъ на таинство. Это одинъ изъ тѣхъ супруговъ, еще сохранившихся на Руси, которые, по старому русскданію и обычаю, прійдя отъ вѣнца и уже затворившись вовѣнчанною женою въ спальнѣ своей, первымъ дѣлсаются передъ образомъ на колѣни и долго молятся, Бога благословенія на свое будущее. Подобно тому онъ пилъ и тутъ: вводя вновь свою жену въ домъ и возсѣвъ съ ней расторгнутый страшнымъ преступленіемъ ея бракъ онъ первымъ дѣломъ развернулъ евангеліе и сталъ ей его, нисколько не удерживаясь въ мужественной и своей рѣшительности хотя-бы тѣмъ соображеніемъ, что эта почти падаетъ отъ усталости, что она страшно блѣднѣетъ, а въ этотъ послѣдній для нея день суда вынесла столько подавляющихъ впечатлѣній нравственныхъ и физическихъ, что уже конечно не грѣхъ было даже и такому строгому пуританину, какъ онъ, прежде хоть ваплю отдохнуть и собраться съ духомъ, бы даже и сообразнѣе съ цѣлью, которую онъ имѣлъ въ виду, тѣвая передъ ней евангеліе. Такъ что мнѣ даже показался поступокъ его чуть-ли не неловкимъ,—слишкомъ уже прямымъ, въ томъ смыслѣ, что онъ именно могъ не достигнуть своей. Слишкомъ виновную душу, и особенно если она сама слишкомъ чувствуетъ свою виновность и много уже вынесла за того муки, не надо слишкомъ явно и *послѣднимъ* ук

ности, ибо можно достигнуть обратнаго впечатлѣнія, и въ томъ случаѣ, если раскаяніе и безъ того уже въ нѣ. Тутъ человѣкъ, отъ котораго она зависитъ, поднявшійся ей въ высшемъ ореолѣ судьи, имѣеть какъ-бы нѣчто казахъ безнощадное, слишкомъ уже самовластно вторгая въ ея душу, и сурово отталкивающее ея раскаяніе и вшійся въ ней добрыя чувства: «Не отдыхъ, не ѣда, не нужны такой какъ ты, а вотъ садись и слушай какъ надо»

Когда они уже уходили, мнѣ удалось замѣтить ему медлительно онъ принимался вновь за это дѣло не столь строго какъ сказать не такъ-бы спѣшилъ, не такъ-бы прямо лопотать что такъ можетъ быть, было-бы вѣрнѣе. Я выразился не ясно, но все-же думалъ что онъ, можетъ быть, меня погубитъ. А онъ вдругъ мнѣ и замѣчаетъ на это: «А она мнѣ ж, какъ только вошли въ домъ и какъ только мы стали и рассказала все, какъ вы ее, въ послѣднее посѣщеніе чтили добру, въ случаѣ если-бы ее въ Сибирь сослали, и свали какъ ей надо въ Сибири жить..»

то вотъ какъ было: дѣйствительно я, ровно наканунѣ дня вѣхалъ къ ней въ острогъ. Твердыхъ надеждъ на оправданіе было у насъ ни у кого, ни у меня, ни у адвоката. Убо. Я засталъ ее съ виду довольно твердою, она сидѣла и шила ребенку ея немного нездоровилось. Но была она что грустна, а какъ бы подавлена. У меня-же въ головѣ въ ея ходило нѣсколько мрачныхъ мыслей и я именно съ цѣлю сказать ей одно словцо. Сослать ее, какъ мы надѣялись, могли лишь на поселеніе и вотъ, едва совершившая женщина, съ ребенкомъ на рукахъ, пустится въ

Бракъ расторгнуть; на чужой сторонѣ, одной, беззащитной еще недурной собою, такой молодой,—гдѣ ей устоять и слава, думалось мнѣ? Подлинно на развратъ толкаетъ ее и я-же знаю Сибирь: соблазнять тамъ страшно много охотниковъ, туда очень много ѣдетъ изъ Россіи неженатыхъ людей, и ихъ и аферистовъ. Упасть легко, но за то сибиряки, простой народъ и мѣщане—это самые безжалостные къ падшей женщинѣ. Выплатить ей не помѣшаютъ, но разъ замаравшая свою репутацию женщина никогда уже не возстановитъ ее: вѣчное ей прощаніе, слово убора, попрѣки, насмѣшки, и это до самой старости могутъ. Прозвище особое дадутъ. А ребеночекъ ея (дѣвочка) разъ *принуждена* будетъ наследовать карьеру матери дурнаго дома не найдетъ хорошаго и честнаго жениха,

Но другое дѣло, если сосланныя мать соблюдетъ себя честно и строго: молодая женщина, соблюдающая себя пользуется огромнымъ уваженіемъ. Всякій-то ее защищаетъ то ей пожелаетъ угодить, всякій-то передъ ней шапку. Дочку она навѣрно пристроитъ. Даже сама можетъ совѣтъ когда разглядятъ ее и увѣрятъ въ ней, вновь въ честн вступить, въ честную семью. (Въ Сибири о прошломъ что сосланъ, ни въ острогахъ, ни куда-бы ни сослани спрашиваютъ, рѣдко любопытствуютъ. Можетъ быть, это даже, что чуть-ли не вся-то Сибирь, въ три эти столѣтія зошла отъ ссыльныхъ, населлась ими). Вотъ все это мнѣ малось высказать этой молодой, едва совершеннолѣтней: И даже я нарочно выбралъ, чтобъ сказать ей это, имѣя послѣдній день передъ судомъ: характернѣе останется мнѣ, строже напечатлѣется въ душѣ, подумалось мнѣ шавъ меня какъ ей слѣдуетъ жить въ Сибири, если ее, она мрачно и серьезно, не подымая на меня почти поблагодарила меня. И вотъ усталая, измученная, по всемъ этимъ страшнымъ многочасовымъ впечатлѣніемъ дома сурово посаженная мужемъ слушать евангеліе, она думала тогда про себя: «Хоть-бы пожалѣлъ-то меня, а завтрава отложилъ, а теперь накормилъ-бы, далъ отдохнуть обидѣлась и тѣмъ, что такъ надъ ней возвышаются (и за то, что слишкомъ уже надъ нами возвышаются моя у самого страшнаго, самаго сознающаго свое преступл ступнива и даже у самаго раскаяющагося)»—а напр нашла что лучше мужу сказать какъ сообщить ему и что вотъ и въ острогѣ ее учили тоже добру люди, что и учили ее жить на чужой сторонѣ, честно и строго соблю И ужъ явно она сдѣлала это потому, что знала, что разс этомъ доставитъ удовольствіе ея мужу, впадетъ въ и ободритъ его: «значитъ она впрямь раскаявается, впрямъ жить хорошо», подумаетъ онъ. Такъ онъ какъ разъ и и а на мой совѣтъ: не пугать ее слишкомъ поспѣшной ст съ нею, прямо сообщилъ мнѣ, конечно, съ радостью: «нечего бояться за нее и осторожничать, она сама р честной»...

Не знаю, но мнѣ кажется, что все это понятно. Читатели для чего я и сообщаю это. По крайней мѣрѣ хоть надѣяться можно, что великое милосердіе не испорт тупницу еще болѣе, а напротивъ, даже очень можетъ

на хорошую почву. Вѣдь она и прежде, и въ острогѣ, и въ тюрьмѣ считала себя несомнѣнной преступницей, а оправданіе приписывала единственно лишь великому милосердію суда. «Аффектъ беременности» она сама не понимаетъ. И точно, она виновная преступница, она была въ полной памяти совершая преступленіе, она помнитъ каждое мгновеніе, каждую черточку, каждое мгновеніе преступленія, она только не знаетъ и даже себѣ не можетъ никакъ уяснить до сихъ поръ: *«Какъ это она могла это сдѣлать и на это утѣшиться!»* Да, г. Наблюдатель, вы изображали дѣйствительную преступницу, дѣйствительную жертва на несомнѣнный теперь и роковой «аффектъ беременности» — столь осмѣянный вами, г. Наблюдатель, и въ которомъ вы сами и уже непоколебимо теперь убѣждены. Ну, а теперь рѣшайтесь: если бы разорвали бракъ, отторгли ее отъ человека, котораго она несомнѣнно любила и любитъ и который для нея значитъ все ея семейство, и одинокую, двадцатилѣтнюю, съ ребенкомъ на рукахъ, безпомощную сослали въ Сибирь — на казнь, на позоръ (вѣдь это паденіе-то въ Сибири навѣрно случилось) — скажите, что толку въ томъ, что погибла, — да-бы жизнь, которая теперь кажется возобновилась вновь, жила въ истинѣ въ суровомъ очищеніи, въ суровомъ испытаніи, и съ обновившимся сердцемъ. Не лучше-ли исправить, и возстановить человѣка, чѣмъ прямо снять съ него голову? Рѣзать головы легко по буквѣ закона, но разобрать по совѣсти, по человѣчески, по отчѣски, всегда труднѣе. Наконецъ, вы знали-же что вмѣстѣ съ молодой двадцатилѣтнею матерью, т. е. неопытною и навѣрно впереди жертвою нужды и голода — ссылается и младенецъ ея... Но позвольте мнѣ вамъ сказать о младенцахъ словечко особо.

VI.

О дѣтяхъ? О томъ что значитъ иногда слово «счастливая».

Ваша статья, г. Наблюдатель, есть протестъ «противъ несправедливаго жестокаго обращенія съ дѣтьми». То, что вы заступились за дѣтей, конечно, дѣлаетъ вамъ честь, но со мной-то вы спорите слишкомъ высокомерно.

И имѣть всю ту силу воображенія — (говорите вы обо мнѣ) — какъ известно, отличается среди всѣхъ насъ г. Достоевскій,

чтобы зловѣкъ вожди въ положеніе женщины и уяснить себѣ отразимость аффектовъ беременности... Но г. Достоевскій самъ впечатлителенъ, и притомъ «болѣзнями проявленія воли» это — по части автора «Вѣсовъ», «Идиота» и т. д. ему извинительно къ нимъ слабость. Я смотрю на дѣло кроче и утверждаю, что такихъ примѣровъ, какъ оправданія жестокаго обращенія съ этому обращенію, которое въ Россіи, какъ и въ Англіи, отъ рѣдко, не предстоитъ уже и тѣмъ устрашенія». И т. д. и т. д.

Во первыхъ о «слабости моей къ болѣзненнымъ проявленіямъ воли», я скажу вамъ лишь то; что мнѣ дѣйствительно иногда удавалось, въ моихъ романахъ и повѣстяхъ, обличить людей, считающихъ себя здоровыми и доказать имъ, что они больны. Знаете-ли, что весьма многіе люди больны своимъ здоровьемъ, т. е. непоумѣрной увѣренностью въ своей малости и тѣмъ самымъ зараженнымъ страшнымъ самолюбивымъ безсовѣстнымъ самолюбованіемъ, доходящимъ иной разъ до не до убѣжденія въ своей непогрязимости. Ну, вотъ на то то мнѣ и случалось много разъ указывать моимъ читателямъ даже, можетъ быть, доказать, что эти здоровяки далеко не здоровы, какъ думаютъ, а, напротивъ, очень больны и что надо идти лечиться. Чтожь, я не вижу въ этомъ ничего наго, но г. Наблюдатель слишкомъ жестокъ ко мнѣ, потому фраза его объ «оправданіи жестокаго обращенія съ дѣтьми» и ко мнѣ относится; онъ только «капельку» смягчаетъ ее где извинительно». Вся статья его написана прямо для дѣтства что во мнѣ, отъ пристрастія моего къ «болѣзненнымъ проявленіямъ воли», до того извратился здравый смыслъ, скорѣе готовъ пожалѣть истязателя ребенка, звѣря-ка убійцу, а не истязуемую жертву, не слабую, жалкую дѣвчонку, поруганную и наконецъ убитую. Это мнѣ обвиненіе противоположность моей болѣзненности Наблюдатель притомъ смѣшно и откровенно указываетъ на себя, выставляетъ споръ: «Я дескать, смотрю на дѣло проше (чѣмъ г. Достоевскій) и утверждаю, что послѣ такихъ примѣровъ, какъ оправданія жестокаго обращенія съ дѣтьми» и т. д. и т. д. И такъ я слышу жестокое обращеніе съ дѣтьми — страшное обвиненіе звольте-же и мнѣ, въ такомъ случаѣ, защитить себя. Не указывать на прежнюю тридцатилѣтнюю мою литературную деятельность чтобъ рѣшить вопросъ: большой-ли я врагъ и любитель жестокаго обращенія съ ними, но напомнимъ о двухъ послѣднихъ годахъ моего авторства, т. е. объ «Дневника Писателя». Когда былъ процессъ Кронеберга, а

Иногда, не смотря на все мое пристрастие въ «болѣзненныхъ мнѣнiяхъ воли» заступиться за ребенка, за жертву, а не за клемя. Слѣдственно и я иногда беру сторону здраваго смысла, Наблюдатель. Теперь я даже сомалю зачѣмъ вы не выступили тогда тоже въ защиту ребенка, г. Наблюдатель; навѣрно-бы написали самую горячую статью. Но я что-то не помню ни горячей тогда статьи за ребенка. Слѣдственно вы тогда несли заступиться. Потомъ, еще недавно, прошлымъ лѣтомъ, случилось заступиться за малолѣтнихъ дѣтей Джунковскихъ, подвергавшихся истязанiямъ въ родительскомъ домѣ. О ювскихъ тоже вы ничего не написали; впрочемъ и никто писалъ, дѣло понятное, всѣ были заняты такими важными чюскими вопросами. Наконецъ, я-бы могъ указать даже «единъ», а на нѣсколько случаевъ, когда я, въ эти два года, [жизни] заговаривалъ о дѣтяхъ, объ ихъ воспитанiи, объ малкой судьбѣ въ нашихъ семействахъ, о дѣтяхъ преступъ въ нашихъ заведенiяхъ для исправленiя ихъ, даже упоъ объ одномъ мальчикѣ у Христа на елѣ, — происшествiе, но, лживое, но однако и не свидѣтельствующее прямо объ безчувственности и равнодушiи въ дѣтямъ. Я вамъ скажу, Наблюдатель, вотъ что: когда я прочелъ въ газетѣ въ первый о преступленiи Корвиловой, о неумолимомъ приговорѣ надъ и когда я невольно былъ пораженъ соображенiемъ: что, мобыть, преступница вовсе не такъ преступна какъ она ка- (замѣтите, Наблюдатель, что о «мачихиномъ битѣ» и тогда ничего не говорилось въ газетныхъ отчетахъ о процессѣ иненiе это даже и тогда уже не поддерживалось), — то я инисъ написать что-нибудь въ пользу Корвиловой, слшшпонималъ тогда и то, на что я рѣшался. Я въ этомъ прямоъ вамъ признаюсь. Я вѣдь отлично зналъ, что я пишу статью ипатичную, что я заступаюсь за истязателя, и противъ кого ротивъ малаго ребенка. Я предугадывалъ, что меня обвини- зание въ безчувственности, въ самоиѣнiи, въ «болѣзнен-» даже: заступается де за мачиху, убившую ребенка!» Я югъ предчувствовалъ эту «прямолинейность» обвиненiя отъ орыхъ судей, — вотъ какъ отъ васъ напримѣръ, г. Наблюъ, такъ что я даже нѣкоторое время и колебался, но конъ гѣмъ, что наконецъ все-же рѣшился: «Если я вѣрю, что правда, то стоитъ-ли служить лжи изъ за исканiя попу- сти?» — вотъ на чемъ я остановился въ концѣ концовъ. И того, меня ободрила и вѣра въ моихъ читателей: «Они

разберутъ наконецъ, подумалъ я, что вѣдь нельзя-же меня нить въ желаніи оправдать истязаніе дѣтей, и если я заступлю за убійцу, выставя свое подозрѣніе въ ней болѣзненное сумасшедшаго состоянія, во время совершенія ею злодѣяствъ вѣдь не заступаюсь-же я тѣмъ самымъ за самое злодѣяство не радъ-же вѣдь я тому, что были и убили ребенка, а, напротивъ, можетъ быть, очень и очень пожалѣлъ ребенка, не кого другого»...

Вы зло посмѣялись надо мною, г. Наблюдатель, за одну изъ статей моей объ оправданіи подсудимой Корниловой:

«Мужъ оправданной,—пишетъ г. Достоевскій въ вышедшемъ дняхъ «Дневникѣ» (говорите вы) увезъ ее въ тотъ же вечеръ у одиннадцатомъ часу, къ себѣ домой и она, счастливая, вошла въ свой домъ». Какъ трогательно (прибавляете вы), но горе бы ребенку и т. д. и т. д.

Мнѣ кажется, что я не могу написать такой глупости. Но вы цитуете мою фразу точно, но вы что сдѣлали: вы перерезали ее пополамъ и тамъ, гдѣ ничего не стояло поставили тире. Смыслъ-то и вышелъ тотъ, который вамъ хотѣлось выставить. У меня точки на этомъ мѣстѣ нѣтъ, фраза продолжается, и другая половина ея, и, думаю, что вмѣстѣ съ этой другой половиною отброшенной половиной, фраза вовсе не такъ безтолкова и «трогательна», какъ она представляется. Вотъ эта фраза, но вся цѣликомъ, безъ выкидковъ.

«Мужъ оправданной увезъ ее въ тотъ же вечеръ, уже въ одиннадцатомъ часу къ себѣ домой и она, счастливая, вошла въ свой домъ почти послѣ годоваго отсутствія, съ впечатлѣніемъ, которое вынесена ею урока на всю жизнь и явнаго Божьяго переступа въ всемъ этомъ дѣлѣ, хотя бы только начиная съ чудеснаго спасенія ребенка»...

Видите-ли, г. Наблюдатель, я даже готовъ оговориться и извиниться передъ вами въ сей часъ высказанномъ вамъ у васъ за перерѣзанную на двое мою фразу. Дѣйствительно я самъ мѣшаю теперь, что фраза, можетъ быть, вовсе не такъ безтолкова какъ я надѣялся, и что можно ошибиться въ смыслѣ ея. Нужно нѣсколько пояснить и я сдѣлаю это теперь. Тутъ дѣло въ томъ, какъ я понимаю слово: «счастливая». Счастлива оправданной я ставилъ не въ томъ только, что ее отпустили на волю, а въ томъ, что она «вошла въ домъ свой съ нѣкимъ дѣлѣмъ огромнаго, вынесеннаго ею урока на всю жизнь и предчувствіемъ надъ собой явнаго переста Божья». Вѣдь

счастья, какъ увѣрится въ милосердіи людей и въ любви другъ къ другу. Вѣдь это вѣра, цѣлая вѣра, на всю жизнь! А какое-же счастье выше вѣры? Развѣ эта бывшая прелесть можетъ теперь усумниться въ людяхъ хоть когда ни въ людяхъ какъ въ человечествѣ и въ его цѣломъ, во всемъ, цѣлесообразномъ и святомъ назначеніи? Войти въ себя въ погибавшему, пропадавшему, съ такимъ могуществомъ впечатлѣніемъ новой великой вѣры, есть величайшее и, какое только можетъ быть. Мы знаемъ, что нѣкогда городные и высокіе умы весьма даже часто страдали всю свою невѣрью въ цѣлесообразность великаго назначенія, въ ихъ доброту, въ ихъ идеалы, въ божеское прохождение и умирали въ грустномъ разочарованіи. Вы, конечно, улыбаетесь надо мной и скажете, можетъ быть, что я и тутъ фантасма, и что у темной, грубой Корниловой, вышедшей изъ и лишенной образованія, не можетъ быть въ душѣ ни разочарованій, ни такихъ умиленій. Охъ, неправда! На- только она, эти темные люди, не умѣютъ это все по намъ объяснить это нашимъ языкомъ, но чувствуютъ они, и я рядомъ, также глубоко, какъ и мы, образованные, и воспринимаютъ чувства свои съ такимъ-же счастьемъ, съ такою-же грустью и болью, какъ и мы-же.

Разочарованіе въ людяхъ, невѣріе въ нихъ бываетъ и у нихъ какъ и у насъ. Еслибъ Корнилову сослали въ Сибирь и тамъ упала и погибла,—неужели вы думаете, что она-бы чувствовала въ какую нибудь горькую минуту жизни весь свой падежіи и не унесла-бы на сердцѣ своемъ, можетъ быть, и злобленія, тѣмъ болѣе горькаго, что оно было-бы для безпредметно, ибо кромѣ себя, она не могла бы никого обидѣть, потому что, повторяю вамъ это, она вполне увѣрена, и къ порѣ, что она несомнѣнная преступница и только не такъ, какъ это такъ тогда случилось надъ нею. Теперь-же, будучи, что она преступница, и считая себя таковою, и вдругъ признанная людьми, облагодѣтельствованная и помилованная, какъ-бы она не почувствовать обновленія и возрожденія въ новой уже высшую прежней жизни? Ее не одинъ кто нибудь обидѣлъ, но умилосердился надъ нею *весь*, судъ, присяжные, общество, стало быть. Какъ могла-бы она послѣ того не вынести въ душѣ своей чувства огромнаго долга впередъ на всю жизнь передъ всѣми ее пожалѣвшими, т. е. передъ всѣми людьми *всѣхъ*. Всякое великое счастье носить въ себѣ и нѣкоторое

страданію, ибо возбуждаетъ въ насъ высшее сознаніе. Г. возбуждаетъ въ насъ въ такой степени ясность совнан великое счастье. Великое, т. е. высшее счастье *обязываетъ* (Повторю: выше нѣтъ счастья, какъ увѣровать въ добро и въ любовь ихъ другъ къ другу). Когда сказано было грѣшницѣ, осужденной на побитіе камнями: «Иди въ сѣ и не грѣши», — неужели она воротилась домой, чтобы А потому весь вопросъ и въ дѣлѣ Корниловой заключаетъ въ томъ: на какую почву упало сѣмя. Вотъ почему мнѣ казалось необходимымъ написать теперь эту статью. Пять мѣсяцевъ назадъ ваше нападеніе на меня, г. Наблюдатель и именно рѣшился подождать отвѣчать вамъ, чтобы д мое свидѣніе. И вотъ, мнѣ кажется, что по нѣкоторымъ браннымъ мною чертамъ, я уже безошибочно могъ-бы теперь, что сѣмя упало на добрую почву, что человекъ шонъ, что никому это не сдѣлало зла, что душа прес именно подавлена и раскаяніемъ и вѣчнымъ благомъ впечатлѣніемъ безграничнаго милосердія людей, и что теперь сердцу ея стать злымъ, испытать на себѣ стѣ броты и любви. Несомнѣннымъ-же «аффектомъ беремъ который такъ омущаетъ васъ, г. Наблюдатель, повторе это, она вовсе не думаетъ оправдываться. Однимъ словъ показалооь вовсе не лишнимъ увѣдомить объ этомъ, кр г. Наблюдатель, и всѣхъ читателей моихъ и всѣхъ тѣ слѣпыхъ людей, которые тогда оправдали ее. А объ г. Наблюдатель, тоже не заботьтесь и не восклицайт «Горе ребенку!» Къ судьба тоже теперь довольно хороша лась и -- «она забудеть», есть серьезная надежда и на

Глава вторая.

I.

Смерть Некрасова. О томъ, что сказано было на его

Умеръ Некрасовъ. Я видѣлъ его въ послѣдній разъ олицъ до его смерти. Онъ казался тогда почти уже трупомъ что странно было даже видѣть, что такой трупъ говоритъ губами. Но онъ не только говорилъ, но и сохра

Есть уши! Кажется, онъ все еще не вѣрилъ въ возможность такой смерти. За недѣлю до смерти съ нимъ былъ параличъ одной стороны гѣла, и вотъ 28 утромъ я узналъ, что Некрасовъ умеръ наканунѣ, 27, въ 8 часовъ вечера. Въ тотъ-же день пришелъ къ нему. Отрашно изможденное страданіемъ и искаженное лицо его какъ-то особенно поражало. Уходя, я слышалъ въ псалтирникѣ, что-то и протяжно прочелъ надъ покойнымъ: «Вѣсть человекъ иже не согрѣшитъ». Вернулся домой, я не могъ пойти за работу; взялъ все три тома Некрасова и сталъ читать съ первой страницы. Я просидѣлъ всю ночь до шести часовъ утра, и все эти тридцать лѣтъ какъ будто я прожилъ свои первые четыре стихотворенія, которыми начинается первый томъ его стиховъ, явился въ Петербургскомъ Сборникѣ, вторая сторона явилась и моя первая повѣсть. Затѣмъ, по мѣру жизни, (а я читалъ снарядъ) передо мной пронеслась какъ-бы моя жизнь. Я узналъ и припомнилъ и тѣ изъ стиховъ его, которые первыми прочелъ въ Сибири, когда, выйдя изъ моего четырехлѣтняго заключенія въ острогъ, добился наконецъ до права выйти въ руки книгу. Припомнилъ и впечатлѣніе тогдашнее. Когда въ эту ночь я перечелъ чуть не двѣ трети всего, что написалъ Некрасовъ и буквально въ первый разъ далъ себѣ отчетъ: много Некрасовъ, какъ поэтъ, во все эти тридцать лѣтъ, занялъ мѣста въ моей жизни! Какъ поэтъ, конечно. Лично мы знали мало и рѣдко и лишь однажды вполне съ беззаветнымъ, искреннимъ чувствомъ, именно въ самомъ началѣ нашего знакомства, въ сорокъ пятомъ году, въ эпоху «Бѣдныхъ людей». Но я и тогда рассказывалъ объ этомъ. Тогда было между нами нѣсколько разговоровъ, въ которыхъ, разъ навсегда, обрисовался передо мною загадочный человекъ самой существенной и самой затаенной стороной своего духа. Это именно, какъ мнѣ разомъ почувствовалось тогда, было раненое въ самомъ началѣ жизни сердце, и то никогда не заживавшая рана его и была началомъ и источникомъ всей страстной, страдальческой поэзіи его на всю его жизнь. Онъ говорилъ мнѣ тогда со слезами о своемъ дѣтствѣ, о безобразной жизни, которая измучила его въ родительскомъ домѣ, о своей матери — и то какъ говорилъ онъ о своей матери, таинственнаго, съ которою онъ вспоминалъ о ней, рождала уже и предчувствіе, что если будетъ что нибудь святое въ его жизни, такое, что могло-бы спасти его и послужить ему маякомъ, то въ такой даже въ самыя темныя и роковыя мгновенія судьбы, то ужъ, конечно, лишь одно это первоначальное дѣтское

впечатлѣніе дѣтскихъ слезъ, дѣтскихъ рыданій жѣны, писалъ, гдѣ нибудь украдкой, чтобъ не видели (никакъ развѣ онъ не!) съ мученицей матерью, съ существомъ столь любя его. Я думаю, что не одна потому привязанность въ жизни могла-бы, также какъ эта, повліять и властительно водѣйс на его волю и на нѣны темныя неудержимыя влеченія ея преслѣдовавшія его всю жизнь. А темныя порывы духа ея лась уже и тогда. Потому, помню, мы какъ-то разошлись вольно скоро; близость наша другъ съ другомъ продолжалась нѣсколько нѣтъ нѣтъ. Помогли и недоразумѣнія, и нѣя обстоятельства, и добрые люди. За тѣмъ, много гдѣ (когда я уже воротился изъ Сибири, мы хотъ и не сходились но не смотря даже на разницу въ убѣжденіяхъ, уже тогда чинавшуюся, встрѣчались говорили иногда другъ другу даже нѣя вещи — точно какъ будто въ самомъ дѣлѣ что-то жалось въ нашей жизни, начатое еще въ юности, еще рокоу пятномъ году, и какъ-бы не хотѣло и не могло пр ся, хотя-бы мы и по годамъ не встрѣчались другъ съ дѣ Такъ однажды, въ шестьдесятъ третьемъ, вѣроятнѣ, году вая нѣя томикъ своихъ стиховъ, онъ указалъ мнѣ на од хотвореніе, «Несчастные» и внушительно сказалъ: «Я ту вась думалъ, когда писалъ это», (т. е. объ моей жизни бира), «это объ вась написано». И наконецъ тоже въ нѣе время мы стали опять иногда видать другъ друга, и печаталъ въ его журналѣ мой романъ «Подростокъ»...

На похороны Некрасова собралось нѣсколько тысячъ читателей. Много было учащейся молодежи. Процессія выш чалась въ 9 часовъ утра, а разошлись съ кладбища уже мерки. Много говорилось на его гробѣ рѣчей, изъ литера говорили мало. Между прочимъ, прочтены были чѣ-и красные стихи. Находясь подъ глубокимъ впечатлѣніемъ, тѣснился къ его раскрытой еще могилѣ, забросанной цвѣ вѣнками, и слабымъ моимъ голосомъ произнесъ вслѣдъ : чини нѣсколько словъ. Я именно началъ съ того, что эт раненое сердце, разъ на всю жизнь, и не закрывавшая эта и была источникомъ всей его поэзіи, всей страстной ченія любви этого человѣка ко всему, что страдаетъ, отлія, отъ жестокости необузданной воли, что гнететь нап скую женщину, нашего ребенка въ русской семьѣ, наше столюдина въ горькой, такъ часто, долѣ его. Высказал мое убѣжденіе, что въ поэзіи нашей Некрасовъ заключи

съ тѣхъ поетовъ, которые приходили со своимъ «новымъ». Въ самомъ дѣлѣ (устраняя всякій вопросъ о художеств. силѣ его поэзіи, и о размѣрахъ ея).—Некрасовъ дѣйствительно былъ въ высшей степени своеобразенъ и дѣйствительно приходилъ съ «новымъ словомъ». Былъ, напримеръ, въ немъ поэтъ Тютчевъ, поэтъ обширнѣе его и художественнѣе, Тютчевъ никогда не займетъ такого виднаго и го мѣста въ литературѣ нашей, какое, бесспорно, останется его своимъ. Въ этомъ смыслѣ онъ, въ ряду поетовъ (т. е. вѣнчикъ съ «новымъ словомъ»), долженъ прямо стоять за Пушкинымъ и Лермонтовымъ. Когда я вслухъ выражу мысль, то произошелъ одинъ маленькій эпизодъ: одинъ изъ толпы крикнулъ, что Некрасовъ былъ *выше* Пушкина поэта и что тѣ были всего только «байронисты». Нѣсколько подхватили и крикнули: «да, выше!» Я, впрочемъ, о нѣ сравнительныхъ размѣрахъ трехъ поетовъ и не думалъ думать. Но вотъ что вышло потомъ: въ «Биржевыхъ Вѣсткахъ», г. Скабичевскій, въ посланіи своемъ къ молодежи (у значенія Некрасова, рассказывая, что будто-бы когда (т. е. я) на могилѣ Некрасова, «вздумалъ сравнивать съ именами Пушкина и Лермонтова, вы всѣ (т. е. вся я молодежь) *въ одинъ голосъ, хоромъ* прокричали: «онъ выше, выше ихъ». Смію увѣрить г. Скабичевского, что такъ передали и что мнѣ твердо помнится (надѣюсь, я аюсь), что сначала крикнулъ всего одинъ голосъ: «выше, ихъ» и тутъ-же прибавилъ, что Пушкинъ и Лермонтовъ «байронисты»—прибавка, которая гораздо свойственнѣе и нѣе одному голосу и мнѣнію, чѣмъ *всѣмъ*, въ одинъ моментъ, т. е. тысячному хору—такъ что фактъ этотъ существуетъ, конечно, скорѣе въ пользу моего показанія о томъ было это дѣло. И за тѣмъ уже, сейчасъ послѣ перлюса, крикнуло еще нѣсколько голосовъ, но всего только то, тысячнаго-же хора я не слышалъ, повторяю это и , что въ этомъ не ошибаюсь.

И потому такъ на этомъ настаиваю, что мнѣ все-же было-бы желательно видѣть, что *вся* наша молодежь впадаетъ въ ошибку. Благодарность къ великимъ отшедшимъ именамъ быть присуща молодому сердцу. Безъ сомнѣнія, прокрикъ о байронистахъ и возгласы: «выше, выше»,—произошло не отъ желанія затѣять надъ раскрытой могилой какой-нибудь литературный споръ, что было-бы неумѣстно,

а что тутъ просто былъ горячій порывъ заявить какъ сильнѣе все накопившееся въ сердцѣ чувство умиленія дарности и восторга къ великому и столь сильно волно насъ поэту, и который, хотя и въ гробѣ, но все еще такъ близокъ (ну, а тѣ-то великіе прежніе старши у далеко)! Но весь этотъ эпизодъ тогда-же, на мѣстѣ, замѣнѣ намѣреніе объяснить мою мысль яснѣе въ будующемъ «Дневника» и выразить подробнѣе, какъ смотрю я на это замѣчательное и чрезвычайное явленіе въ нашей жизни и въ поэзіи, каковы были Некрасовъ и въ чемъ именно заключенъ по моему, суть и смыслъ этого явленія.

II.

Пушкинъ, Лермонтовъ и Некрасовъ.

И во первыхъ, словомъ: «байронистъ» браниться Байронизмъ хоть былъ и моментальнымъ, но великимъ, и необходимымъ явленіемъ въ жизни европейскаго чужестранца, да чуть-ли не въ жизни и всего человѣчества. Байронъ появился въ минуту страшной тоски людей, разочарованія и почти отчаянія. Послѣ изступленныхъ восторговъ нововѣровъ въ новые идеалы, провозглашенной въ концѣ прошлаго столѣтія во Франціи,—въ передовой тогдашней націи европейскаго чужестранца, наступилъ исходъ, столь не похожій на то, чего ожидали, столь обманувшій вѣру людей, что никогда, можетъ быть, не было въ исторіи западной Европы столь грустной минуты отъ однихъ только внѣшнихъ (политическихъ) причинъ, вновь воздвигнутые на мигъ кумиры, но и отъ внутренней несостоятельности ихъ, что ясно увидѣли всѣ прозорливые и передовые умы. Новый исходъ еще не обозначался, клапанъ не отворялся и все задышалось подъ страшнымъ жившимся и сѣзвившимся надъ человѣчествомъ прежнимъ горизонтомъ. Старые кумиры лежали разбитые. И вотъ въ эту минуту и явился великій и могучій геній, страстный. Въ его звукахъ зазвучала тогдашняя тоска человѣчества, новое разочарованіе его въ своемъ назначеніи и въ обмане его идеалахъ. Это была новая и неслыханная еще тогда тоска и печали, проклятія и отчаянія. Духъ байронизма пронесся какъ-бы по всему человѣчеству, все оно отклик-

Это именно было какъ-бы отворенный клапанъ; по край-
гѣрѣ, среди всеобщихъ и глухихъ стонѣвъ, даже большею
ю безсознательныхъ, это именно былъ тотъ могучій крикъ,
оторомъ соединились и согласились всѣ крики и стоны че-
чества. Какъ было не откликнуться на него и у насъ, да
такому великому, геніальному и руководящему уму какъ
звнѣ? Всякій сильный умъ и всякое великодушное сердце
гли и у насъ тогда миновать байронизма. Да и не по одному
сочувствію къ Европѣ и къ европейскому человѣчеству
и, а потому что и у насъ и въ Россіи, какъ разъ къ
времени, обозначилось слишкомъ много новыхъ неразрѣ-
ыхъ и мучительныхъ тоже вопросовъ, и слишкомъ много
ихъ разочарованій... Но величіе Пушкина, какъ руководя-
генія, состояло именно въ томъ, что онъ такъ скоро, и
венный почти совѣтъ не понимавшими его людьми, нашелъ
ую дорогу, нашелъ великій и возделанный исходъ для
русскихъ и указалъ на него. Этотъ исходъ былъ — народ-
, *преклоненіе передъ правдой народа русскаго*. «Пушкинъ
явленіе великое, чрезвычайное». Пушкинъ былъ «не
ко русскій человѣкъ, но и первымъ русскимъ человѣкомъ».
понимать русскому Пушкина, значитъ не имѣть права назы-
я русскимъ. Онъ понялъ русскій народъ и постигъ его на-
еніе въ такой глубинѣ и въ такой обширности, какъ ни-
и никто. Не говорю уже о томъ, что онъ, всечеловѣч-
ью генія своего и способностью откликаться на всѣ много-
вчныя духовныя стороны европейскаго человѣчества, и почти
воплощаться въ геніи чужихъ народовъ и національностей,
идѣтельствовавъ о всечеловѣчности и всеобъемлемости рус-
духа и тѣмъ какъ-бы провозвѣстивъ и о будущемъ пред-
аченіи генія Россіи во всемъ человѣчествѣ, какъ всеединя-
е, всепримиряющаго и все возрождающаго въ немъ начала.
скажу и о томъ даже, что Пушкинъ первый у насъ, въ
своей и въ пророческомъ предвидѣніи своемъ, воскликнулъ:

Увижу-ли народъ освобожденный
И рабство павшее по манію Царя!

Я скажу лишь теперь о любви Пушкина къ народу рус-
у. Это была любовь всеобъемлющая, такая любовь, какую
никто не выказывалъ до него. «Не люби ты меня, а по-
ты мое — вотъ что вамъ скажетъ всегда народъ, если за-
тъ увѣрится въ искренности вашей любви къ нему.

Полюбить, т. е. пожалеть народъ за его нужды, бѣдноты, страданія, можетъ и всякій баринъ, особенно изъ гуманно и европейски просвѣщенныхъ. Но народу надо, чтобъ его одни страданія его любили, а чтобъ полюбили и его самого. Не значитъ полюбить его самого? «А полюби ты то, что я люблю почти ты то, что я чту» — вотъ что это значитъ и вотъ какъ отвѣтитъ народъ, а иначе онъ никогда васъ за своего не признаетъ. Сколько-бы вы тамъ объ немъ ни печалились. Фальшь тоже не разглядитъ, какими-бы жалкими словами вы ни соблазняли. Пушкинъ именно такъ любилъ народъ какъ народъ тогда буетъ, и онъ не угадывалъ какъ надо любить народъ, не готовился, не учился: онъ самъ вдругъ оказался народомъ, поклонился передъ правдой народною, онъ призналъ народную правду какъ свою правду. Не смотря на всѣ пороки и на многія смердящія привычки его, онъ сумѣлъ различить во истинѣ его духа тогда, когда никто почти такъ не смотрѣлъ на народъ и принять эту истину народную въ свою душу какъ идеалъ. И это тогда, когда самые наиболее гуманные и европейски развитые любители народа русскаго сожалѣли открыто, что народъ нашъ столь низокъ, что никакъ не можетъ подняться до парижской уличной толпы. Въ сущности, эти любители и презирали народъ. Они вѣрили, главное, что онъ рабъ. Рабство же означало паденіе его, но раба не могли вѣдь любить, все-таки былъ отвратителенъ. Пушкинъ первый объявилъ русскій человекъ не рабъ, и никогда не былъ имъ, не съ на многолѣтнее рабство. Было рабство, но не было рабства истиннаго, конечно, въ общемъ, не въ частныхъ исключеніяхъ. Вотъ тезисъ Пушкина. (Онъ даже по виду, по походкѣ русскаго мужика заключалъ, что это не рабъ и не можетъ быть рабомъ (хотя и состоитъ въ рабствѣ)) — тезисъ свидѣтельствующій о глубокой непосредственной любви къ народу, признающей и высокое чувство собственнаго достоинства въ немъ (ощитъ такъ въ истинѣ, много всестороннихъ и исключеній), онъ предлагалъ то спокойное достоинство истиннаго народа и истиннаго гражданина и освобожденіе свое отъ истиннаго рабства — чего не понимали, вѣра въ, жалеть и вѣра въ образованные русскіе европейцы уже гораздо не Пушкина и ожидали своего друга отъ народа нашего. Служилъ народъ искренно и горячо, но не съчасту, т. е. по истинѣ. Они кричали о возвращеніи истиннаго народа, о возвращеніи его въ истиннаго рабства, но и вѣра въ истину,

и освободить, что народъ нашъ дѣйствительно звѣрь. И вдругъ народъ почувался свободнымъ съ такимъ мужественнымъ достоинствомъ, безъ малѣйшаго позыва на оскорбленіе бывшихъ кралеи своихъ: «Ты самъ по себѣ, а я самъ по себѣ, если хочешь идти во мнѣ, за твоѣ хорошее всегда тебѣ отъ меня честь». Для многихъ нашъ крестьянинъ по освобожденіи своимъ былъ страннымъ недоумѣніемъ. Многие даже рѣшили, что это былъ отъ неравности и тупости, остатковъ прозябшаго раба.

И это теперь, такое было во времена Пушкина? Но я-ли былъ самъ, въ юности моей, отъ людей передовыхъ и «компиныхъ», что образъ Пушкинскаго Савольча въ «Кавказской дочкѣ», раба помѣщиковъ Гриневыхъ, унаваши въ ноги паву и просившаго его пощадить барченка, а «для примѣра мнѣ ради повѣсятъ ужь лучше его, старика»,—что этогъ не только есть образъ раба, но и апоэозъ русскаго раба!

Пушкинъ любилъ народъ не за одни только страданія его. Страданія сожалеютъ, а сожалѣніе такъ часто идетъ рядомъ съ презрѣніемъ. Пушкинъ любилъ все, что любилъ этотъ народъ, и все, что тотъ чтитъ. Онъ любилъ природу русскую до того, до умиленія, любилъ деревню русскую. Это былъ не только, милостивый и гуманный, жалѣющій мужика за его горькую участь, это былъ человекъ самъ перевоплощавшійся сердцемъ своимъ въ простолюдина, въ суть его, почти въ образъ Умаленіе Пушкина какъ поэта болѣе исторически, болѣе исторически преданнаго народу, чѣмъ на дѣлѣ—ошибочно и не въ даже смысла. Въ этихъ историческихъ и архаическихъ какъ звучитъ такая любовь и такая оценка народа, котора принадлежатъ народу *откоычно*, всегда и теперь и въ будущемъ, а не въ одномъ только какомъ нибудь давно прошедшемъ историческомъ народѣ. Народъ нашъ любитъ свою исторію не только за то, что въ ней встрѣчаетъ незыблемую ту-же самую исторію, въ которую сохранилъ онъ свою вѣру и теперь не оставляетъ на всѣ страданія и мытарства свои. Начиная съ величавой огромной фигуры лѣтописца въ Борисѣ Годуновѣ до изобретенія спутниковъ Пугачева,—все это у Пушкина—народъ въ самыхъ глубочайшихъ проявленіяхъ, и все это понятно народу, собственная суть его. Да это-ли одно? Русскій духъ разлитъ въ твореніяхъ Пушкина, русская жилка бьется вездѣ. Въ пѣсняхъ, неподражаемыхъ, несравненныхъ пѣсняхъ будто-бы славянъ, но которыя суть явно порожденіе русскаго

великаго духа, вышло все возрѣніе русскаго на братьевъ
внѣ, вышло все сердце русское, объявилось все міровое
нѣ народа, сохраняющееся и доселѣ въ его пѣсняхъ, были
преданіяхъ, сказаніяхъ, высказалось все, что любить и
народъ, выразились его идеалы героевъ, царей, народныхъ
шутниковъ и печальниковъ, образы мужества, смиренія, и
и жертвы. А такіа прелестныя шутки Пушкина, какъ, и
и шѣрь, болтовня двухъ пьяныхъ мужиковъ или Скаванце
вѣдѣ, у котораго убил медвѣдцу — это уже что-то люб
что-то милое и умиленное въ его созерцаніи народа. И
Пушкинъ прожилъ дольше, то оставилъ-бы намъ такіа ху
ственные сокровища для пониманія народнаго, которыа,
нѣмъ своимъ, навѣрно-бы сократили времена и сроки пер
всей интеллигенціи нашей, столь возвышающейся и до сихъ
надъ народомъ въ гордости своего европеизма, — къ на
правдѣ, къ народной силѣ и къ сознанію народнаго наз
Вотъ это-то поклоненіе передъ правдой народа, вижу я е
(увы, можетъ быть, одинъ я изъ всѣхъ его почитателей) —
Некрасовѣ, въ сильнѣйшихъ произведеніяхъ его. Мнѣ д
очень дорого, что онъ «печальникъ народнаго горя» и что
такъ много и страстно говорилъ о горѣ народномъ, но ес
роже для меня въ немъ то, что въ великіе мучительные
сторженныя моменты своей жизни, онъ, не смотря на ве
твюположныя вліянія и даже на собственныя убѣжденія
преклонялся передъ народной правдой всѣмъ существомъ о
о чемъ засвидѣтельствовалъ въ своихъ лучшихъ созданіяхъ
Вотъ въ этомъ-то смыслѣ я и поставилъ его какъ принципъ
послѣ Пушкина и Лермонтова съ тѣмъ-же самымъ отчас
вымъ словомъ, какъ и тѣ (потому что «слово» Пушкина до
поръ еще для насъ новое слово. Да и не только новое, а ес
узнанное, не разобранное, за самый старыи хламъ считае

Прежде чемъ перейду къ Некрасову, скажу два слова
Лермонтовѣ, чтобъ оправдать то, почему я тоже поставилъ
какъ увѣровавшаго въ правду народную. Лермонтовѣ, ес
былъ байронистъ, но по великой своеобразной поэтической
своей и байронистъ-то особенный, — какой-то насмѣшливы
ризный и брюзгливый, вѣчно невѣрующій даже въ собств
свое вдохновеніе, въ свой собственный байронизмъ. Но е
онъ пересталъ возиться съ большою личностью русскаго
лигентнаго человѣка, мучимаго своимъ европеизмомъ, то
бы кончилъ тѣмъ, что отыскалъ исходъ, какъ и Пушк

женіи передъ народной правдой; и на то есть большія и
указанія. Но смерть опять и тутъ пемѣшала. Въ самомъ
во всѣхъ стихахъ своихъ онъ 'мраченъ, капризенъ, хо-
говоритъ правду, но чаще лжетъ и самъ знаетъ объ этомъ
тѣмъ, что лжетъ, но чуть лишь онъ воснется наро-
гъ онъ свѣтелъ и ясенъ. Онъ любитъ русскаго солдата,
, онъ чтитъ народъ. И вотъ онъ разъ пишетъ бессмерт-
ѣсно о томъ какъ молодой купецъ Калашниковъ, убивъ
честье свое государева опричника Кирибѣевича, и приз-
і царемъ Иваномъ предъ грозныя его очи отвѣчаетъ ему:
илъ онъ, государева слугу Кирибѣевича «вольной волею,
юхотя». Помните-ли вы, господа, «раба Шибанова»? Рабъ
овъ былъ рабъ князя Курбскаго, русскаго эмигранта 16-го
іа, писавшаго все къ тому же царю Ивану свои опози-
и и почти ругательныя письма изъ-за границы, гдѣ онъ
сно пріютился. Написавъ одно письмо, онъ призвалъ раба
Шибанова и велѣлъ ему письмо снести въ Москву и от-
арю лично. Такъ и сдѣлалъ рабъ Шибановъ. На Крем-
і площади онъ остановилъ выходившаго изъ собора царя,
еннаго своими приспѣшниками и подалъ ему посланіе сво-
подина, князя Курбскаго. Царь поднялъ жезлъ свой съ
тъ наконечникомъ, съ размаху вонзилъ его въ ногу Ши-
, оперся на жезлъ и сталъ читать посланіе. Шибановъ
волотой ногою не шевельнулся. А царь, когда сталъ по-
твѣчать письмомъ князю Курбскому, написалъ, между про-
«Устыдися раба твоего Шибанова». Это значило, что онъ
стыдился раба Шибанова. Этотъ образъ русскаго «раба»,
быть, поразилъ душу Лермонтова. Его Калашниковъ го-
царю безъ укора, безъ попрека за Кирибѣевича, гово-
нъ, зная про вѣрную казнь, его ожидающую, царю «всю
истинную», что убилъ его любимца «вольной волею, а
отя». Повторяю, остался-бы Лермонтовъ жить и мы-бы
великаго поэта, тоже признавшаго правду народную, а,
быть, и истиннаго «печальника горя народнаго». Но это
сталось Некрасову...

тъ таки, я не равняю Некрасова съ Пушкинымъ, я не
аршиномъ, кто выше, кто ниже, потому что тутъ не мо-
быть ни сравненія, ни даже вопроса о немъ. Пушкинъ,
шрности и глубинѣ своего русскаго генія, до сихъ поръ
къ солнцу надъ всѣмъ нашимъ русскимъ интеллигент-
ировоззрѣніемъ. Онъ великій и непонятый еще предвоз-

истинный. Некрасовъ есть лишь малая часть изъ европейскихъ, малая планета, во вселенной изъ много-много планетъ солнца. И много всѣхъ мѣрзетъ: кто много кто много, за Некрасова остается безсмертіе, великій изъ заслуженныхъ, а я уже скажу почему—за преклоненіе его передъ народной правдой, что приходило въ него не изъ подражанія какому нибудь, не изъ по сознанію даже, а потребности, неудержимой силой. И тѣмъ замѣчательнѣе въ Некрасовѣ, что онъ всю жизнь былъ подъ вліяніемъ людей, хотя и любимыхъ враговъ, и печалившихся о немъ, можетъ быть, весьма жестоко, но когда не признававшихъ въ народѣ правды, и всегда съ своихъ европейское пресвѣщеніе свое несравненно выше народа народнаго. Но выкинувъ въ русскую душу и не зная ждети и просити она, изъ часто случалось жалеть нашему роду, со всемъ любовью къ нему, того, что право могло бы служить къ его бѣдствію. Не они-ли въ русскомъ народномъ житіи, за послѣдніе два года, не признали почти вовсе той поднята духа народнаго, которую онъ, можетъ быть, въ разъ еще выказываетъ въ такой полнотѣ и силѣ и тѣмъ свидетельствуетъ о своемъ здоровьѣ, могучемъ и непоколебимомъ дѣявольномъ единеніи въ одной и той-же великой мысли и почти дузнаетъ самъ будущее предназначеніе свое. И мало того, что признаютъ правды движенія народнаго, но и считаютъ его ретроградствомъ, чѣмъ-то свидѣтельствующимъ о непроходѣ безсознательности, о заматерѣвшей въ камнѣ неразвитости въ русскаго. Некрасовъ-же, не смотря на замѣчательный, чрезвычайно сильный умъ свой, былъ лишенъ, однако, серьезнаго образованія, по крайней мѣрѣ, образованіе его было небольшое. Изъ известныхъ вліяній онъ не выходилъ во всю жизнь, не имѣлъ силы выйти. Но у него была своя, своеобразная въ душѣ, не оставлявшая его никогда,—это истинная, сильная, а, главное, непосредственная любовь къ народу. Онъ болѣе страдалъ его всей душою, но видѣлъ въ немъ не столько униженный рабствомъ образъ, звѣрское подобіе, но съ силой любви своей постичь почти безсознательно и красоту родную, и силу его, и умъ его, и страдальческую вротость, и даже частію увѣровать и въ будущее предназначеніе его сознательно Некрасовъ могъ во многомъ ошибаться. Онъ воскликнуть въ недавно напечатанномъ въ первый разъ романѣ его, съ тревожнымъ укоромъ созерпанія освобожденнаго отъ крѣпостнаго состоянія народъ.

«Счастливы-ли народъ?»

Свое чутье его сердца подсказало ему скорбь народную, но онъ его спросилъ: «чего-же пожелать народу и какъ это сдѣлать?», то онъ, можетъ быть, даль-бы и весьма ошибочный, даже скорбный отвѣтъ. И ужь, конечно, его нельзя винить: политическаго смысла у насъ еще до рѣдкости мало, а Некрасовъ, повидно, былъ всю жизнь подъ чужими вліяніями. Но сердцемъ своимъ, но великимъ поэтическимъ вдохновеніемъ своимъ, онъ твердо примыкалъ, въ иныхъ великихъ стихотвореніяхъ своихъ, къ самой сути народной. Въ этомъ смыслѣ это былъ народный поэтъ. Всякій, выходящій изъ народа, при самомъ маломъ даже образованіи, пойметъ уже много у Некрасова. Но при образованіи. Вопросъ о томъ, пойметъ-ли Некрасова прямо весь народъ русскій—безъ сомнѣнія, вопросъ явно неясный. Что пойметъ «простой народъ» въ шедеврахъ его: «Нарядъ на часъ», «Тишина», «Русскія женщины»? Даже въ своемъ «Власѣ» его, который можетъ быть понятенъ народу (не вдохновитъ нисколько народъ, ибо все это поэзія давно вышедшая изъ непосредственной жизни), народъ отличить отъ фальшивыхъ штриха навѣрно. Что разберетъ народъ въ томъ изъ самыхъ могучихъ и самыхъ зовущихъ поэмъ его: «Нарядъ»? Это настоящий духъ и тонъ Байрона. Нѣтъ, Некрасовъ не еще—лишь поэтъ русской интеллигенціи, съ любовью и сочувствіемъ говорившій о народѣ и страданіяхъ его той-же русской интеллигенціи. Не говорю въ будущемъ, —въ будущемъ народъ пойметъ Некрасова. Онъ пойметъ тогда, что былъ когда-то такой русский баринъ, который плакалъ скорбными слезами о его собственномъ горѣ и ничего лучше и придумать не могъ, какъ, убѣгая отъ своего богатства и отъ грѣшныхъ соблазновъ барской жизни, приходилъ въ очень тяжкія минуты свои къ нему, къ народу въ неудержимой любви къ нему очищать свое измученное сердце,—ибо любовь къ народу у Некрасова была лишь *исходомъ собственной скорби по себѣ самомъ...*

Но прежде, чѣмъ разъясню: какъ понимаю я эту «собственную скорбь» дорогаго намъ усопшаго поэта по себѣ самомъ—я не обратилъ вниманіе на одно характерное и любопытное обстоятельство, обозначившееся почти во всей нашей газетной прессѣ, сейчасъ послѣ смерти Некрасова, почти во всѣхъ мѣстахъ, говорившихъ о немъ.

III

Поэтъ и гражданинъ. Общія толки о Некрасовѣ, какъ о челове

Всѣ газеты, чуть только заговаривали о Некрасовѣ, по поводу смерти и похоронъ его, чуть только начинали опредѣлять его значеніе, какъ тотчасъ-же и прибавляли, всѣ безъ изъятія и въ некоторыхъ соображеніяхъ о какой-то «практичности» Некрасова, о какихъ-то недостаткахъ его, порокахъ даже, о какой-то ответственности въ томъ образѣ, который онъ намъ оставилъ о себѣ. Иныя газеты лишь намекали на эту тему чуть-чуть, въ какихъ-нибудь двухъ строкахъ, но важно то, что все таки намеки видимо по какой-то даже необходимости, которой избѣжать не могли. Въ другихъ-же изданіяхъ, говорившихъ о Некрасовѣ ширше, выходило и еще странище. Въ самомъ дѣлѣ, не формулируя обвиненій въ подробности и какъ-бы избѣгая того, глубокой и искренней почтительности къ покойному, они все таки пускались... оправдывать его, такъ что выходило еще понятнѣе. «Да въ чемъ-же вы оправдываете?» срывался вольно вопросъ: «если знаете что, то прятаться нечего, а хотимъ знать нуждается-ли еще онъ въ оправданіяхъ нашихъ?» Вотъ какой закидался вопросъ. Но формулировать не хотѣли съ оправданіями и съ оговорками сбишши, какъ будто для поскорѣе предупредить кого-то, и, главное, опять-таки, какъ будто и не могли никакъ избѣжать этого, хотя-бы и жеть быть, и хотѣли того. Вообще чрезвычайно любопытный случай, но если вникнуть въ него, то я вы, и вслѣдъ за темъ вы ян были, несомнѣнно придете къ заключенію, чуть ли не разсудите, что случай этотъ совершенно нормальный, что, говоря о Некрасовѣ, какъ о поэтѣ, дѣйствительно никакъ нельзя иновато говорить о немъ, какъ и о лицѣ, потому что въ Некрасовѣ поэтъ и гражданинъ—до того связаны, до того оба не объяснимы одинъ безъ другаго, и до того взятые въ себѣ объясняютъ другъ друга, что заговаривать о немъ какъ о поэтѣ вы даже невольно переходите къ гражданину и чувствуете, какъ-бы принужденны и должны это сдѣлать и избѣжать не можете.

Но что-же мы можемъ сказать, и что именно мы видимъ. Произносится слово «практичность», т. е. убавле обильн словъ дѣла, но и только, а за тѣмъ слышатъ съ оправданіемъ

«где страдалъ, онъ съ дѣтства былъ заѣденъ средой», онъ горѣлъ еще юношей въ Петербургѣ, безпріютнымъ, брошеннымъ, много горя, а слѣдственно и сдѣлался «практичнымъ», какъ будто и не могъ ужь не сдѣлаться). Другіе идутъ еще дальше и намекаютъ, что безъ этой-то вѣдь «практичности» Некрасовъ, пожалуй, и не совершилъ-бы столь явно полезныхъ дѣлъ на общую пользу, напр., совладавъ съ изданіемъ журнала «Соч. и проч. Что-же, для хорошихъ цѣлей оправдывать, стало дурныя средства? И это говоря о Некрасовѣ то, человѣкѣ, который потрясалъ сердца, вызывалъ восторгъ и умиленіе къ своему и прекрасному стихами своими. Конечно, все это говорится, чтобъ извинить, но, мнѣ кажется, Некрасовъ не нуждается въ такомъ извиненіи. Въ извиненіяхъ на подобную тему всегда заключается какъ-бы нѣчто принизительное, и какъ-бы унижается и умаляется образъ извиняемаго чуть не до пошлости развѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ, чуть я начну извинять «двойственность и практичность» лица, то тѣмъ какъ-бы и настаиваю, что эта двойственность даже естественна при извѣстныхъ обстоятельствахъ, чуть не необходима. А если такъ, то совершенно приходится примириться съ образомъ человѣка, который для бѣды о плиты роднаго храма, кается, кричитъ. «Я грѣшнъ, я упалъ». И это, въ безсмертной красоты стихахъ, которые онъ въ ту-же ночь запишетъ, а на завтра, чуть пройдетъ и обсохнутъ слезы, и опять примемся за «практичность», покуда что она, мимо всего другаго — и необходима. Да что-же будутъ означать эти стоны и крики, облечшіеся въ стихи? Чувство для искусства не боѣе и даже въ самомъ пошломъ значеніи, потому что онъ эти стихи самъ похваливаетъ, на нихъ любуется, ими совершенно доволенъ, ихъ печаль, на нихъ рассчитываетъ: придадутъ, дескать, блескъ издаванію, взволнуютъ молодыя сердца. Нѣтъ, если все это оправдать, да не разъяснивъ, то мы рискуемъ впасть въ большую ошибку и порожаемъ недоумѣніе, и на вопросъ: «кого вы хороните?» мы, провожавшіе гробъ его, принуждены-бы были отвѣтить, что хоронимъ «самаго яркаго представителя искусства искусства, кабой только можетъ быть». Ну, а было-ли это такъ? Нѣтъ, во истину это не было такъ, а хорониле мы во у «печальника народнаго горя» и вѣчнаго страдальца о зломъ, вѣчнаго, неуставнаго, который никогда не могъ забыть себя, и самъ съ отвращеніемъ и самобичеваніемъ отъ дешевого примиреніе.

Нужно выяснить дѣло; выяснитъ искренно и безпристрастно и что выяснится, то принять какъ оно есть, не смотрѣвая на какое лицо и ни на какія дальнѣйшія соображенія. Именно выяснитъ всю суть по возможности, чтобы какъ точнѣе добыть изъ выясненій фигуру покойнаго, лицо наше сердца требуютъ, для того, чтобы не оставалось о немъ ни малѣйшаго такого недоумѣнія, которое невоинно вытѣкаетъ изъ памяти, оставляя въ сердце и на высокомъ образѣ стойкую тѣнь.

Самъ я зналъ «практическую жизнь» покойника потому приступитъ къ анекдотической части этого дѣла, но еслибъ и могъ, то не хочу, потому что прямо оно то, что самъ признаю сплетнею. Ибо я твердо увѣренъ былъ увѣренъ), что изъ всего, что рассказывали про него по крайней мѣрѣ, половина, а, можетъ быть, и всѣ три четверти чистая ложь. Ложь, вздоръ и сплетни. У такого характера и замѣчательнаго человѣка, какъ Некрасовъ, — не быть враговъ. А то, что дѣйствительно было, что въ дѣлѣ случилось — то не могло тоже не быть подѣлено личено. Но, принявъ это, все-таки увидимъ, что нѣчто остается. Что-же такое? Нѣчто мрачное, темное и мучительное, безусловно, потому что — что-же означаютъ тогда эти слезы, эти крики, эти слезы его, эти признанія, что «онъ усталъ», «страстная исповѣдь передъ тѣнью матери? Тутъ самоубийство? Тутъ казнь? Опять-таки въ анекдотическую сторону вѣряться не буду, но думаю, что суть той мрачной и мучительной половины жизни нашего поэта какъ-бы предсказана самимъ, еще на зарѣ дней его, въ одномъ изъ самыхъ раннихъ его стихотвореній, набросанныхъ, кажется знакомства съ Бѣлинскимъ (и потомъ ужъ позднѣе обдуманныхъ и получившихъ ту форму, въ которой явились они въ печати). Вотъ эти стихи:

Огни зажигались вечерніе,
 Былъ вѣтеръ и дождикъ мочилъ,
 Когда изъ Полтавской губерніи
 Я въ городъ столичный входилъ.
 Въ рукахъ была палка предлинная
 Ботомка пустая на ней,
 На плечахъ шубенка овчинная,
 Въ карманѣ пятнадцать грошей.
 Ни денегъ, ни званья, ни племени,
 Малъ ростомъ и свиду смѣшонъ,

Да сорокъ, хѣтъ мизуча времени,—
Въ карманѣ моемъ милліонъ.

Милліонъ — вотъ демонъ Некрасова! Чтожь, онъ любилъ золото, роскошь, наслажденіе и чтобы имѣть ихъ пускался на практичность? Нѣтъ, скорѣе это былъ другаго характера, это былъ самый мрачный и унижительный бѣсъ. Это демонъ гордости, жажды самообезпеченія, потребности ограды отъ людей твердой стѣной и независимо, спокойно смотрѣть на ихъ злость, на ихъ угрозы. Я думаю, этотъ демонъ вселся еще къ сердцу ребенка, ребенка пятнадцати лѣтъ, шагающаго на петербургской мостовой, почти бѣжавшаго отъ робкая и гордая молодая душа была поражена и удивленно-повровителемъ искать не хотѣла, войти въ соглашеніе съ нуждой толпою людей не желала. Не то чтобы невѣріе въ зло закралось въ сердце его такъ рано, но скорѣе скептическое и слишкомъ раннее (а, стало быть, и ошибочное) чувство въ сердце. Пусть они не злы, пусть они не такъ страшны, какъ имъ говорятъ (навѣрно думалось ему), но они, всѣ, все-слабая и робкая дрянь, а потому и безъ злости погубятъ, если только дойдетъ до ихъ интереса. Вотъ тогда-то и начались, въ стихахъ Некрасова, можетъ быть, и сложились — же на лицѣ стихи: «въ карманѣ моемъ милліонъ».

Это была жажда мрачнаго, угрюмаго отъединеннаго самообезпеченія, чтобы уже не зависѣть ни отъ кого. Я думаю, что ошибаюсь, я припоминаю кое-что изъ самаго перваго моего знакомства съ нимъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось всю ту жизнь. Но этотъ демонъ все-же былъ низкій демонъ. Если самообезпеченія могла жаждать душа Некрасова, эта душа способная такъ отзываться на все святое и непокидавшая вѣры въ него. Развѣ такимъ самообезпеченіемъ ограждаются столь одаренныя души? Такіе люди пускаются въ путь босы и пустыми руками и на сердца ихъ ясно и свѣтло. Самообезпеченія ихъ не въ золотѣ. Золото — грубость, насиліе, дѣло! Золото можетъ казаться обезпеченіемъ именно той робкой толпѣ, которую Некрасовъ самъ презиралъ. Не-картины насилія и потому жажда сластолюбія и разврата ужиться въ такомъ сердцѣ, сердцѣ человѣка, который самъ-къ воззвать къ иному: «брось все, возьми посохъ свой и и иной».

Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви.

Но демонъ осилилъ и человекъ остался на мѣстѣ и не пошелъ.

За то и заплатилъ страданіемъ, страданіемъ всею своею. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ лишь стихи, но что знаемъ о внутренней борьбѣ его съ своимъ демономъ, бо несомнѣнно мучительной и всю жизнь продолжавшейся? Я говорю уже о добрыхъ дѣлахъ Некрасова: онъ объ нихъ публиковалъ, но они несомнѣнно были, люди уже начали свидѣтельствовать объ гуманности, нѣжности этой «практической души». Г. Суворинъ уже публиковалъ нѣчто, я увѣренъ, обнаружится много и еще добрыхъ свидѣтельствъ, но не можетъ быть иначе. «О, скажутъ мнѣ, вы тоже вѣдь оправдываете еще дешевле нашего». Нѣтъ, я не оправдываю, я только выясняю и добился того, что могу поставить вопросъ, — вопросъ окончательный и всеразрѣшающій.

VI.

Свидѣтель въ пользу Некрасова.

Еще Гамлетъ дивился на слезы актера, декламировавшаго свою роль и плакавшаго о какой-то Гекубѣ: «что ему Гекуба», спрашивалъ Гамлетъ. Вопросъ предстоитъ прямой: былъ-ли Некрасовъ такой-же самый актеръ, т. е. способный искусно заплакать о себѣ и о той святыньѣ духовной, которой самъ наслаждался, излить затѣмъ скорбь свою (настоящую скорбь, скорбь бессмертной красоты стихахъ и на завтра-же способный искусно ствительно утѣшиться... этой красотой стиховъ. Красотой стиховъ и только. Мало того: взглянуть на эту красоту стиха какъ на «практическую-же» вещь, способную доставить славу, деньги, славу и употребить эту вещь, въ этомъ смысле Или, напротивъ того, скорбь поэта не проходила и послѣ стиховъ, не удовлетворялась ими; красота ихъ, сила въ нихъ заключенная угнетала и мучила его самого, и если, будучи въ силахъ совладать съ своимъ вѣчнымъ демономъ, съ страстями побѣдившими его на всю жизнь, онъ и опять падалъ, то койно-ли примирялся съ своимъ паденіемъ, не возобновлялись ли его стоны и крики еще сильнѣе въ тайныя свята и покаянія, — повторялись-ли, усиливались-ли въ сердцѣ съ каждымъ разомъ такъ, что самъ онъ наконецъ могъ

о чѣмъ стоитъ ему его демонъ и какъ дорого заплатилъ онъ за блага, которыя получалъ отъ него. Однимъ словомъ, если бы и могъ примириться моментально съ демономъ своимъ, и если бы самъ могъ пускаться оправдывать «практичность» свою въ разговорахъ съ людьми, то оставалось-ли такое примиреніе и примиреніе навѣчно, или, напротивъ, улетало мгновенно изъ души, оставляя по себѣ еще жгуче боль, стыдъ и угрызенія? Да, — еслибъ только можно было рѣшить этотъ вопросъ — что намъ тогда-бы оставалось? Оставалось-бы только осудить себя за то, что, будучи не въ силахъ совпадать съ соблазнами своего демона, онъ не покончилъ съ собой, напримѣръ, какъ тотъ свѣдѣющій пестеревскій многострадалецъ, который, тоже будучи не въ силахъ совпадать съ зміемъ страсти его мучившей, закопалъ въ землю свой поясъ и умеръ, если не изгнавъ своего демона, то ужъ, конечно, побѣдивъ его. Въ такомъ случаѣ мы сами, каждый изъ насъ очутились-бы въ унижительномъ и комическомъ положеніи, еслибъ осмыслились брать на себя роль судей и выносившихъ такіе приговоры. Тѣмъ не менѣе поэтъ, который написалъ о себѣ:

Поэтомъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ,

тѣмъ самымъ какъ-бы и призналъ надъ собой судъ людей, какъ «гражданинъ». Какъ лицамъ намъ-бы, конечно, было стыдно признаться въ этомъ. Сами-то мы каковы, каждый-то изъ насъ? Мы только говоримъ лишь о себѣ вслухъ, и притомъ нашу мерзость, съ которою вполне миримся, внутри себя. Поэтъ плакалъ, можетъ быть, о такихъ дѣлахъ своихъ, отъ которыхъ мы-бы и не помышляли, еслибъ совершили ихъ. Въдь мы знаемъ о паденіяхъ своего демона изъ его-же стиховъ. Не было-бы этихъ стиховъ, которые онъ въ покаянной искренности своей не убоился написать, то и все, что говорилось о немъ какъ о человѣкѣ, о «практичности» его и о прочемъ — все это умерло-бы само собою, стерлось-бы изъ памяти людей, понизилось-бы прямо до уровня земли, такъ что всякое оправданіе его оказалось-бы вовсе и лишнимъ ему. Замѣчу встать, что для практическаго и столь легкаго обдѣлыванья дѣла свои человѣка, дѣйствительно не стоило было оглашать свои покаянные стоны и вопли, а, быть, онъ, можетъ быть, вовсе былъ не столь практиченъ, какъ мы утверждаемъ о немъ. Тѣмъ не менѣе, повторяю, на гражданина онъ долженъ идти, ибо самъ призналъ этотъ

судь. Такимъ образомъ, еслибъ тотъ вопросъ, которъ вился у насъ выше: удовлетворялся-ли поэтъ стихамъ въ которые облакалъ свои слезы и примирялся-ли съ того спокойствія, которое опять позволяло ему пускать кинь сердцемъ въ «практичность», или-же, напротивъ примиренія бывали лишь моментальныя, такъ что онъ зиралъ себя, можетъ быть, за позоръ ихъ, потомъ му горче и больше и такъ во всю жизнь, — еслибъ этотъ повторяю, могъ-бы быть разрѣшенъ въ пользу втораго ложенія, то ужъ, конечно, тогда мы-бы тотчасъ могли рѣшиться и съ «гражданиномъ» - Некрасовымъ, ибо со-страданія его очистили-бы передъ нами вполне нашу немъ. Разумѣется, тутъ сейчасъ является возраженіе: не въ силахъ разрѣшить такой вопросъ (а кто можетъ рѣшить?), то и ставить его не надо было. Но въ томъ-то что его можно разрѣшить. Есть свидѣтель, который и разрѣшить. Этотъ свидѣтель — народъ.

То есть любовь его къ народу! И во первыхъ для «практическому» челоуку такъ увлекаться любовью и Всякій занятъ своимъ дѣломъ: одинъ практичностью, а чалью по народѣ. Ну, положимъ, прихоть, такъ вѣдь и отсталъ. А Некрасовъ не отставалъ во всю жизнь. народъ для него — это таже «Гекуба», предметъ слѣченыхъ въ стихи и дающихъ доходъ. Но я уже не томъ, что трудно до того поддѣлать такую искренность какая слышится въ стихахъ Некрасова (объ этомъ спо-быть безконечный), но я о томъ только скажу, что почему Некрасовъ такъ любилъ народъ, почему его такъ къ нему въ тяжелыя минуты жизни, почему онъ шел и что находилъ у него. Потому, какъ сказалъ я выше, любовь къ народу была у Некрасова, какъ-бы *исходо-ственной скорби по себѣ самомъ*. Поставьте это, примни вамъ ясенъ весь Некрасовъ, и какъ поэтъ и какъ гра. Въ служеніи сердцемъ своимъ и талантомъ своимъ на находилъ все свое очищеніе передъ самимъ собой. На настоящую внутреннюю потребность его не для одиховъ. Въ любви къ нему онъ находилъ свое оправда-ствами своими въ народу онъ возвышалъ духъ сво-главное; это то, что онъ не нашель предмета любви-жду людей, окружавшихъ его, или въ томъ, что чтуть и предъ чѣмъ они преклоняются. Онъ отрывался напри

людей и уходилъ къ оскорбленнымъ, къ терпящимъ, къ униженнымъ, къ униженнымъ, когда начинало на него отравлять къ той жизни, который онъ минутами слабодушно и по-отдавался; онъ шогъ и бился о плиты бѣднаго сельскаго храма и получалъ исцѣленіе. Не избралъ-бы онъ себя въ исходе, еслибы не стиралъ съ него. Въ любви къ народу находилъ нѣчто неизблемое, какой-то неизблемый и святой въ всему, что его мучило. А если такъ, то, стало быть, и не было ничего святѣе, неизблемѣе, истиннѣе передъ чѣмъ претяло. Не могъ-же онъ полагать все самооправданіе лишь въ словахъ о народѣ. А коли такъ, то, стало быть, и онъ претяло передъ *правдой народною*. Если не нашелъ ничего въ жизни болѣе достойнаго любви какъ народъ, то, стало быть, какъ и *мысли народную* и *истину съ народомъ*, и что въ есть и сохраняется лишь въ народѣ. Если не вполнѣ жалко, не въ убѣжденіяхъ признавалъ онъ это, то сердцемъ признавалъ, неудержимо, неотразимо. Въ этомъ порочномъ въ, униженный и унижительный образъ котораго такъ его въ, онъ находилъ, стало быть, и что-то истинное и святое, не могъ не почитать, на что не могъ не отзыватьсь всѣмъ въ своимъ. Въ этомъ смыслѣ я и поставилъ его, говоря о его литературномъ значеніи, тоже въ разрядъ тѣхъ, которые признавали правду народную. Вѣчное-же исканіе этой въ, вѣчная жажда, вѣчное стремленіе къ ней свидѣлательство явно, повторяю это, о томъ, что его влекла къ народу великая потребность, потребность высшая всего, и что, стало быть, потребность эта не можетъ не свидѣлствовать и о внутренней, всегдашней, вѣчной тоскѣ его, тоскѣ не прекращавшей, не утолявшейся никакими хитрыми доводами соблазна, никакими парадоксами, никакими праятческими оправданіями. И такъ, то онъ, стало быть, страдалъ всю свою жизнь... Но-же мы судимъ его послѣ того? Если и судимъ, то не обманомъ.

Красовъ есть русскій историческій типъ, одинъ изъ крупныхъ примѣровъ того, до какихъ противорѣчій и до какихъ оснѣній, въ области нравственной и въ области убѣжденій, въ доходить русскій человекъ въ наше печальное, переломное время. Но этотъ человекъ остался въ нашемъ сердцѣ. Мы любви этого поэта такъ часто были искренни, чисты и неосердочны! Стремленіе-же его къ народу столь высоко и велико, что мы не могли не возвести его какъ поэта на высшее мѣсто. Что-же до че-

ловка, до гражданина, то опять таки, любезный, въ наше страданіе по немъ, онъ оправдалъ себя самъ, и многихъ изъ насъ, если и дѣйствительно было что искупить...

У.

Къ читателямъ.

Декабрьскій и послѣдній выпускъ «Дневника» такъ запоздалъ по двумъ причинамъ: по болѣзненному моему состоянію въ продолженіе всего декабря и вслѣдствіе неурядиваго перехода въ другую типографію изъ прежней, прервавшей свою дѣятельность. На новомъ непривычномъ мѣстѣ бѣжно затянулось дѣло. Во всякомъ случаѣ беру вину на себя и испрашиваю всего снисхожденія читателей.

На многочисленные вопросы моихъ подписчиковъ и друзей о томъ: не могу-ли я хотя время отъ времени выдать № «Дневника» въ будущемъ 1878 году, не стѣсняя себя мѣсячнымъ срокомъ, спѣшу отвѣчать, что, по многимъ причинамъ это мнѣ невозможно. Можетъ быть, рѣшусь выдать одинъ выпускъ и еще разъ поговорить съ моими читателями. Я вѣдь издалъ листовъ сколько для другихъ, столько и для себя отъ неудержимой потребности высказаться въ наше любезное и столь характерное время. Если выдамъ хоть одинъ выпускъ оповѣщу о томъ въ газетахъ. Не думаю, что буду печатанъ въ другихъ изданіяхъ. Въ другихъ изданіяхъ я могу помѣстить лишь повѣсть или романъ. Въ этотъ годъ отдыха отъ своего изданія я и впрямь займусь одной художественной работой, жившейся у меня въ эти два года изданія «Дневника» мѣтно и невольно. Но «Дневникъ» я твердо надѣюсь возобновить черезъ годъ. Отъ всего сердца благодарю всѣхъ, столь заявившихъ мнѣ о своемъ сочувствіи. Тѣмъ, которые писали, что я оставляю мое изданіе въ самое горячее время, и что черезъ годъ наступитъ время, можетъ быть, еще по еще характернѣе, и тогда еще разъ послужимъ вмѣстѣ дѣлу.

Я пишу: *вмѣстѣ*, потому что прямо считаю многими моихъ корреспондентовъ моихъ помощниками. Мнѣ помогали ихъ сообщенія, замѣчанія, совѣты и та искренность, которою всѣ обращались ко мнѣ. Какъ жалѣю, что сто-

не могъ отвѣтить, за неимѣніемъ времени и здоровья. Прошу утѣхъ, которыми не отвѣтилъ до сихъ поръ, ихъ добраго, душевнаго спискожденія. Особенно виновать передъ многими южанами по мнѣ въ послѣдніе три мѣсяца. Той особѣ, которая «о тоскѣ бѣдныхъ мальчиковъ и что она не знаетъ гдѣ сказать» (писавшая, вѣроятно, узнаеть себя по этимъ словамъ)—пользуюсь теперь послѣднимъ случаемъ сообщить, глубоко и всѣмъ сердцемъ былъ заинтересованъ письмомъ ибъ только возможно было, то я-бы напечаталъ мой отъ ей письмо въ «Дневникъ», и лишь потому оставилъ мысль, что я перепечатать все письмо ей нашего невозмож-

А между тѣмъ оно такъ ярко свидѣтельствуетъ о горячѣйшемъ настроеніи въ большей части нашей молодежи такою искреннею жаждою ей послужить всякому добру на общее благо. Скажу этой корреспонденткѣ лишь можетъ быть, русская-то женщина и спасетъ насъ всѣхъ, щество наше, новой возродившейся въ ней энергіей, самой одиной жадной *дѣлать дѣло* и это до жертвы, до подлѣна пристрастия бездѣятельности другихъ силъ, и увлечетъ собою, а сбившихся съ дороги воротитъ на истинный путь. Но довольно; отвѣчаю многоуважаемой корреспонденткѣ въ «Дневникъ» на всякій случай, такъ какъ подозреваю, что и, сообщенный ею адресъ ей теперь уже не могъ-бы служить. ибъ многимъ корреспондентамъ я потому не могъ отвѣтить, вопросы, что на такія важныя, на такія живыя темы, или они столь интересуются и нельзя отвѣчать въ письмахъ. Тутъ нужно писать статьи, цѣлыя книги даже, а не письма. и не можетъ не заключать недомолвокъ, недоумѣній. Объ темахъ рѣшительно нельзя переписываться.

Той особѣ, которая просила меня заявить въ «Дневникъ», что читая ее письмо о братѣ ея, убитомъ въ теперешнюю войну сообщить, что меня искренно тронули и потрясли слова о потерянномъ другѣ и братѣ, и въ то-же время и горѣ о томъ, что ее братъ послужилъ прекрасному дѣлу. возъстѣвъ спѣшу сообщить этой особѣ, что я встрѣтилъ одного молодого человѣка, знавшаго покойника лично и рившаго все, что она мнѣ писала о немъ.

Корреспонденту написавшему мнѣ длинное письмо (на 5 листовъ) о Красномъ крестѣ, сочувственно жму руку, искренно прою его и прошу не оставлять переписки и впродѣ. Я лично вышлю ему то, о чемъ онъ просилъ.

Нѣсколькимъ корреспондентамъ, спрашивавшимъ меня давно по пунктамъ непремѣнно буду отвѣчать каждому равно какъ и спрашивавшему о томъ: «кто есть сурожъ» (Надѣюсь, корреспонденты узнаютъ себя по этимъ выраженіямъ). Корреспондентовъ изъ Мінска и изъ Витебска особенно прошу извинить меня, что такъ замедлилъ имъ отвѣчать. Отдохну и примусь за отвѣты и отвѣчу всѣмъ по возможности. И пусть не сѣтуютъ и пусть подождутъ на мнѣ.

Мой адресъ остается прежнимъ, прошу лишь означать не улицу, а не адресовать въ редакцію «Дневника Писателя».

Еще разъ всѣмъ благодарю. Авось до близкаго и счастливаго свиданія. Время теперь славное, но тяжелое и роковое. Много виситъ на волоскѣ именно въ настоящую минуту, и то заговоримъ обо всемъ этомъ черезъ годъ!

Послѣдняя страничка *).

Во время трехмѣсячнаго перерыва, мы, въ свое время, имѣя мѣсяцъ, получили за подписью «Друга Кузьмы Пруткова» нижеслѣдующій фельетонъ, настоящій смыслъ котораго, не знаясь, для насъ не совсѣмъ ясенъ; притомъ-же мы нѣсколько не вѣримъ рассказанному событію, тѣмъ болѣе, что и прудъ Елагиномъ острову, по отзыву знатоковъ, не оказывается въ всякомъ случаѣ. мы не совсѣмъ понимаемъ, что сей сонъ значитъ, но однако помѣщаемъ его.

Ред.

Изъ дачныхъ прогулокъ Кузьмы Пруткова и его друга.

Т р и т о н ъ.

Вчера, 27-го іюля, на Елагиномъ островѣ, на закатѣ сонъ въ прелестное тихое время, вся гуляющая великосвѣтская бляха была невольною свидѣтельницею забавнаго приключенія. На поверхности пруда вдругъ показался выплывшій Тритонъ

*) Изъ журнала «Гражданинъ», № 23—25, за 1873 г.

русским водянкой, съ зелеными влажными волосами на головѣ бородѣ, и, удерживаясь на волнахъ, началъ играть и выдѣлывать разные штуки. Онъ нырялъ, вскрикивалъ, смѣялся, плескался водой, стучалъ своими длинными и крѣпкими зелеными пальцами, скрежеща ими на публику. Появленіе его произвело такое въ такихъ случаяхъ впечатлѣніе. Дамы бросились въ воду со всѣхъ сторонъ кормить его конфетами, протягивая въ воду свои бонбоньерки. Но миеологическое существо, выказывая древній характеръ водянаго сатира, принялось выдѣлывать породамъ дамамъ такіа тѣлодвиженія, что всѣ онѣ бросились отъ него съ изгнаннымъ смѣхомъ, пряча за себя своихъ болѣе взрослыхъ дочерей, на что водяной, видя это, крикнулъ имъ вслѣдъ нѣсколько весьма и весьма безцеремонныхъ замечаній, что усугубило веселость. Онъ скоро, впрочемъ, оставивъ по себѣ на поверхности воды лишь нѣсколько круговъ, а въ публикѣ недоумѣніе. Стали сомнѣваться не вѣрить, хотя видѣли собственными глазами, — конечно, мужчинами, дамы-же всѣ стояли за то, что это былъ настоящій Трипль, точь въ точь какъ бывають на столовыхъ бронзовыхъ кашкахъ. Нѣкоторые выразили мысль, что это будто-бы какой-то Пьеръ Бобо, всплывшій для оригинальности. Разумѣется, этоположеніе не устояло, потому что Пьеръ Бобо всплылъ-бы непременно во фракѣ — и въ фюколяхъ, хотя-бы и мокрыхъ. Тотъ-же былъ точь въ точь какъ ходили древнія статуи, и безъ малѣйшей одежды. Но явились скептики, которые даже утверждали, что все происшествіе есть ничто иное какъ политическая аллегорія и тѣсно связано съ восточнымъ вопросомъ, только лишь разбѣшавшимся въ данную минуту на лондонскомъ конгрессѣ.

Нѣсколько минутъ продолжалась даже идея, что это англійскія штуки и что все это продѣлываетъ все тотъ-же великій Трипль *) для британскихъ интересовъ съ хитрою цѣлью отвлечь эту публику, начиная съ дамъ, рядомъ эстетически шаловливости картинъ отъ воинственнаго задора. Немедленно, впрочемъ, явились возраженія, основанныя на томъ, что лордъ Биконсфильдъ теперь за границей, что его теперь встрѣчаютъ въ Лондонѣ, и что слишкомъ много намъ русскимъ медвѣдямъ чести въ самъ онъ залѣзъ въ русскій прудъ для эстетическаго удовольствія вашихъ дамъ съ политическими цѣлями, что у него

*) Разумѣется, лордъ Биконсфильдъ.

и безъ того свои дама въ Лондонѣ и проч. и проч. Но азартъ нашихъ дипломатовъ неудержимы: начали кричать если не самъ Бивонсфильдъ, то почему-же не быть и Полетикъ, издателю «Биржевыхъ Вѣдомостей», жаждущее и что именно его-то могли-бы избрать англичане для званія Тритона. Но и это все быстро рухнуло въ томъ же мѣсяцѣ, что хотя господинъ Полетика, можетъ быть, и сдѣлалъ на тѣлодвиженія, но все-таки безъ достаточной античности изъ-за которой все прощается, и которая однако могла-бы стигнуть нашихъ дачницъ. Подоспѣлъ потомъ какой-то германскій какой-то разъ сообщилъ, что господинъ Полетика въ томъ-же самомъ часу совсѣмъ на противоположномъ берегѣ въ одномъ мѣстѣ. Такимъ образомъ предположеніе античности Тритонѣ всплыло опять на поверхность, и на то, что самъ Тритонъ давно уже сидѣлъ въ водѣ. Только всего, что за античность и мифологичность особенно стояли дамы. Имъ чрезвычайно этого хотѣлось нечто для того чтобъ прикрыть откровенность своего такъ сказать классицизмомъ его содержанія. Такъ и въ наши комнаты и сады раздѣтыя совершенно именно потому, что мифологическія, а слѣдовательно и историческія антики, и однако не подумаемъ вмѣсто статуй и на примѣръ обнаженныхъ слугъ, что еще можно было слѣдовать вѣрному праву; даже и теперь можно, и теперь, что слуги исполнили-бы все это не только не хуже, а даже и лучше статуй, потому что они во всякомъ случаѣ натуральнѣе. Вспомните тезисъ о яблокѣ натуральномъ и нарисованномъ. Но такъ какъ не будетъ мифологичности этого и нельзя. Споръ зашелъ на почвѣ чистаго искусства далеко, что, говорятъ, былъ даже причиною нѣсколькихъ ссоръ мужей съ своими прекрасными половинками явившимися за чистое искусство, въ противоположность и своему и современному направленію, которое мужья ихъ увидѣли въ совершившемся фактѣ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ особенный и почти колоссальный успѣхъ мнѣніе известнаго сатирика, г. Щедрина. Бывъ тутъ-же на гуляньи, онъ не только Тритону, и, рассказывали мнѣ, хотѣлъ включить весь въ слѣдующій-же номеръ «Отечественныхъ Записокъ» въ «Умѣренности и Аккуратности». Взглядъ нашего юмориста тонокъ и чрезвычайно оригиналенъ: онъ полагаетъ, что Тритонъ просто на просто переодѣтый, или, лучше

ей до насъ кварталный, огражденный еще до начала сс-тисъ-же послѣ весеннихъ нашихъ петербургскихъ волнъ все лѣто въ прудъ Елагинскаго острова, на берегахъ е столь много гуляетъ дачниковъ, для подслушанія изъ рогутныхъ разговоровъ, буде таковые осядутся. Догадка оказалась впечатлѣнію потрясающее, такъ что даже дамы ли спорить и задумались. Въ счастію, известный нашъ вскій романистъ г. Мордовцевъ, случившійся тутъ-же, со-однѣ историческій фактъ изъ исторіи нашей Ойверной ры, никому неизвѣстный, всѣми забытый, но изъ кото-авалось ленытъ, что всплывшее существо—настоящій Три-сверхъ того совершенно древній. По свѣдѣніямъ г. Мор-д, добытымъ изъ древнихъ рукописей, этотъ самый Три-отставленъ былъ въ Петербургъ еще во времена Анны единственно чтобъ понравиться которой Петръ, какъ ю г-ву Мордовцеву, совершилъ свою великую реформу. се чудовище привезено было вмѣстѣ съ двумя карликами, иа тогда въ чрезвычайной модѣ, и шутомъ Балакиревымъ. : привезено было изъ нѣмецкаго городка Карлорудъ, Три-о въ кадкѣ съ карлсруйской водой для того, чтобы по ъ въ Елагинъ прудъ могъ тотчасъ-же найти около себя ждавшую его стихію. Но когда опрокинули въ прудъ кар-ю кадку, то злой и насмѣшливый Тритонъ, не взирая на за него такъ дорого заплатили, нырнулъ въ воду и ни томъ не появился на поверхности, такъ что о немъ все до самаго Іюля сего года, когда ему вдругъ почему-то ось о себѣ напомнить. Въ прудахъ-же они могутъ жить ючи по нѣскольку даже вѣковъ. Никогда ученое сооб-іе принималось публикою съ такимъ восторгомъ какъ это. всѣхъ пришли русскіе естественные ученые, нныя даже ихъ острововъ: гг. Сѣченовъ, Менделѣевъ, Бекетовъ, Бут-и tutti quanti. Но они застали лишь вышеупомянутые іа водѣ да умножившійся скептицизмъ. Конечно, они не на что рѣшиться и стояли какъ потерянные, на всякій отрица явленіе. Всѣхъ болѣе заслужилъ симпатіи одинъ ченый профессоръ зоологіи: онъ пришелъ позже всѣхъ, овершонномъ отчаяніи. Онъ бросался на всѣхъ и ко всѣмъ, шивалъ о Тритонѣ съ жадностью и почти плакалъ, что увидятъ и что зоологія и свѣтъ потеряли такую тему! Но ище городовые отвѣчали нашему зоологу не могу-знаньемъ, и смѣялись, биржевики смотрѣли свысока, а дамы, какъ

трещотки, окруживъ профессора, сообщали ему лишь о тѣхъ
женіяхъ, такъ что нашъ скромный ученый принужденъ бы
наконецъ, заткнуть себѣ пальцами уши. Горестный профес
тыкала палочкой въ воду близъ того мѣста, гдѣ скрылся
Тритонъ, бросалъ маленькими камушками, выкрикивалъ: «кусъ,
сахарцу дамъ!» но все тщетно, — Тритонъ не выплылъ...
чемъ, всѣ остались довольны... Прибавьте ко всему прелесть
лѣтній вечеръ, заходящее солнце, дамскіе обтянутые туалеты,
сладостное ожиданіе мира во всѣхъ сердцахъ и вы дорисуете
картину. Замѣчательно, что Тритонъ проговорилъ сказанныя
нѣсколько въ высшей степени нецензурныхъ словъ на чис
номъ русскомъ языкѣ, не смотря на то, что онъ по происхо
денію нѣмецъ, да сверхъ того еще родился гдѣ нибудь въ де
нихъ Афинахъ, вмѣстѣ съ тогдашней Минервой. Кто-же научилъ
его по русски — вотъ вопросъ? Да-съ, Россію такъ начали
изучать въ Европѣ! По крайней мѣрѣ, оживилъ собою общес
заснувшее было подъ шумъ войны, всѣхъ усыпившей, и ре
дилъ его для внутреннихъ вопросовъ. И за то спасибо! Въ э
смыслѣ надо-бы желать не одного, а нѣсколькихъ даже Тр
новъ, и не только въ Невѣ, но и въ Москвѣ-рѣвѣ *), и въ К
и въ Одессѣ, и вездѣ, во всякой даже деревнѣ. Въ этомъ см
ихъ даже можно-бы разводять нарочно: пусть будятъ общес
пусть всплываютъ... Но довольно, довольно! будущее впер
Мы вдыхаемъ новый воздухъ всею новою, жаждущею вопро
грудью, такъ что, можетъ быть, все это устроится само са
вмѣстѣ съ русскими финансами.

(Сообщено).

Другъ Кузьмы Пруткова.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫПУСКЪ ЗА 1880 г.

А В Г У С Т Ъ.

Глава первая.

I.

Следующее слово на переводу печатаемой ниже Рѣчи
о Пушкинѣ.

Рѣчь моя о Пушкинѣ и о значеніи его, помѣщаемая ниже и составляющая основу содержанія настоящаго выпуска «Дневника Писателя» (единственнаго выпуска за 1880 годъ *), была произнесена 8 іюня сего года въ торжественномъ засѣданіи общества любителей російской словесности, при многочисленной публикѣ, произвела значительное впечатлѣніе. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, сказавшій тутъ-же о себѣ, что его считаютъ всё какъ-бы вводителемъ славянофильствъ, заявилъ съ кафедры, что моя рѣчь «составляетъ событіе». Не для похвалы вспоминаю это слово, а для того, чтобы заявить вотъ что: Если моя рѣчь составляетъ событіе, то только съ одной и единственной точки зрѣнія, которую обозначу ниже. Для сего и пишу это предисловіе. Собственно-же въ рѣчи моей я хотѣлъ обозначить лишь следующие четыре пункта въ значеніи Пушкина для Россіи.

1) То, что Пушкинъ первый, своимъ глубоко прозорливымъ гениальнымъ умомъ и чисто русскимъ сердцемъ своимъ отыскалъ и отиѣтилъ главнѣйшее и болѣзненное явленіе нашего великаго, исторически оторваннаго отъ почвы общества, высквашагося надъ народомъ. Онъ отиѣтилъ и выдвинуло подалеку передъ нами отрицательный типъ нашъ, человека безсвязнаго и не примиряющагося, въ родную почву и въ родные силы ея не вѣрующаго, Россію и себя самаго (то есть свое

*) Изданіе «Дневника Писателя» надѣюсь возобновить въ будущемъ 1881 году, если позволитъ мое здоровье.

же общество, свой-же интеллигентный класс, нечуждый (родной почвой нашей) въ концѣ концовъ отрицающаго, да съ другими не желающаго, и искренно страдающаго. Алес. Онѣгинъ породили потомъ множество подобныхъ себѣ въ художественной литературѣ. За ними выступили Печоринъ, Чичиковы, Рудины и Лаврецы, Болконскіе (въ «Войнѣ и Мирѣ» Льва Толстаго) и множество другихъ, уже появленіемъ своимъ засвидѣтельствовавшие о правдѣ первоначально данной въ Пушкиныиъ. Ему честь и слава, его громадному уму и гениальности, отбѣтившему самую большую язву составившагося у насъ въ великой Петровской реформы общества. Его искусному діагнозу мы обязаны обозначеніемъ и распознаеніемъ болѣзни нашей, онъ-же, онъ первый, далъ и утѣшеніе: ибо онъ-же далъ и такую надежду, что болѣзнь эта не смертельна и что русское общество можетъ быть излѣчено, можетъ вновь обновиться и воскреснуть, если присоединится къ правдѣ народной, ибо

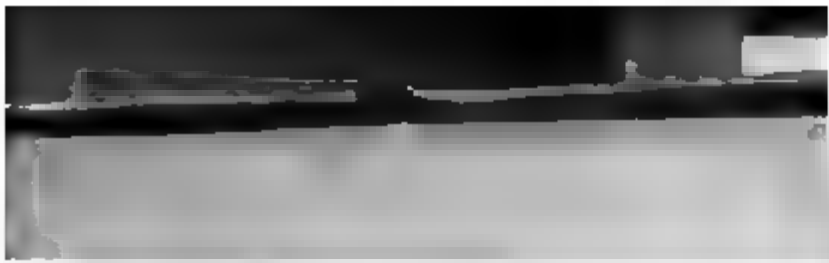
2) Онъ первый (именно первый, а до него никто) далъ художественные типы красоты русской, вышедшей прямо изъ духа русскаго, обрѣтавшейся въ народной правдѣ, въ печальней, и явь въ ней отысканныи. Свидѣтельствуютъ о томъ Татьяна, женщины совершенно русской, уберегшей себя отъ чуждой зжи, типы историческіе, какъ, на примѣръ, Инокъ и Гле въ «Борисѣ Годуновѣ», типы бытовые, какъ въ «Капитанъ Дочкѣ», и во множествѣ другихъ образовъ, мелькающихъ въ стихотвореніяхъ, въ рассказахъ, въ запискахъ, даже въ повѣсти Пугачевского бунта. Главное-же, что надо особенно подчеркнуть это то, что всѣ эти типы положительной красоты русскаго и души его, взяты всецѣло изъ народнаго духа. Тутъ надобно говорить всю правду: не въ нынѣшней нашей цивилизаціи, не въ «европейскомъ» такъ называемомъ образованіи того у насъ, къ слову сказать, никогда и не было). Въ уродливостяхъ внѣшне усвоенныхъ европейскихъ идей и указалъ Пушкинъ эту красоту, а единственно въ народности нашей нашелъ ее и только съ нею. Такимъ образомъ, повѣсть обозначивъ болѣзнь, далъ и великую надежду: «Увѣривъ духъ народный и отъ него единого ждите спасенія и спасены. Выкинувъ въ Пушкина, не сдѣлать такого выво-
возможно.

Третій пунктъ, который я хотѣлъ отмѣтить въ связи Пушкина, есть та особая характернѣйшая и не встрѣчаемая нигдѣ и ни у кого черта художественнаго гениа—

всѣмъ отзывчивости и колоссальнаго перевоплощенія въ чужія націи, перевоплощенія почти совершеннаго. Я въ моей рѣчи, что въ Европѣ были величайшіе художники міровые гении: Шекспиръ, Сервантесъ, Шиллеръ, но у кого изъ нихъ не видишь этой способности, а видишь ее у Пушкина. Не въ отзывчивости одной тутъ дѣло, а въ изумляющей полнотѣ перевоплощенія. Эту способность, я не могъ не отнѣсти въ отнѣкъ Пушкина, какъ характернѣйшую особенность его гения, принадлежать всѣмъ всемірнымъ художникамъ ему только одному, отличается онъ отъ нихъ отъ всѣхъ. Но не для умаленія величины европейскихъ гениевъ какъ Шекспиръ и Шиллеръ я это; такой глупенькій выводъ изъ моихъ словъ я сдѣлать только дуракъ. Всеми́рность, всемо́лти́мость и цѣлая глубина міровыхъ типовъ человека арійскаго планетныхъ Шекспиромъ на вѣки вѣковъ, не подвергается ни малѣйшему сомнѣнію. И еслибъ Шекспиръ создалъ действительно *венеціанскимъ* мавромъ, а не англичаниномъ только придалъ-бы ему ореолъ мѣстной національности, міровое-же значеніе этого типа осталось-бы по нему тоже самое, ибо и въ итальянцѣ онъ выразилъ-бы самое, что хотѣлъ сказать, съ такою-же силой. Повторяю, міровое значеніе Шекспировъ и Шиллеровъ хотѣлъ я по-, обозначая гениальную способность Пушкина перевоплотиться въ гении чужихъ націй, а желая лишь въ самой этой силѣ и въ полнотѣ ея отнѣсти великое и пророческое указаніе, ибо

Способность эта есть всецѣло способность русская, нація и Пушкинъ только дѣлитъ ее со всѣмъ народомъ нашимъ, какъ совершеннѣйшій художникъ, онъ есть и совершеннѣйшій выразитель этой способности, но крайней мѣрѣ, въ дѣятельности, въ дѣятельности художника. Народъ-же именно заключаетъ въ душѣ своей эту склонность къ той отзывчивости и къ всепримиренію и уже проявилъ ее двѣсотлѣтіе съ Петровской реформы не разъ. Обозначу способность народа нашего я не могъ не выставить вѣ время, въ фактъ этомъ, и великаго утѣшенія для насъ жить будущемъ, великой и, можетъ быть, величайшей нашей, свѣтающей намъ впереди. Главное, я обозначилъ стремленіе наше въ Европу даже со всѣми увлеченіями юности его, было не только законно и разумно, съ осно-

ваніи своемъ, но и народно, совпадало вполнѣ съ стремленіемъ самого духа народнаго, а въ концѣ концовъ безспорно и высшую цѣль. Въ краткой, слишкомъ краткой рѣчи моей, конечно, не могъ развить мою мысль во всей полнотѣ, но, въ крайней мѣрѣ, то, что высказано, кажется ясно. И не надо, надо возмущаться сказаннымъ мною: «что нищая земля наша можетъ быть, въ концѣ концовъ скажетъ новое слово міру». Смѣшно тоже и увѣрять, что прежде чѣмъ сказать новое слово міру, «надобно намъ самимъ развиться экономически, научно, гражданственно, и тогда только мечтать о «новыхъ словахъ такимъ совершеннымъ (будто-бы) организмамъ какъ народы Европы». Я именно напираю въ моей рѣчи, что и не пытаюсь равнять русскій народъ съ народами западными въ сферахъ экономической славы, или научной. Я просто только говорю, что русская душа, что геній народа русскаго, можетъ быть, и болѣе способны, изъ всѣхъ народовъ, вмѣстить въ себѣ идею всечеловѣческаго единенія, братской любви, трезваго взгляда, прощающаго враждебное, различающаго и извиняющаго несвое, снимающаго противорѣчія. Это не экономическая черта, не какая другая, это лишь нравственная черта, и можетъ ли кто отрицать и оспорить, что ея нѣтъ въ народѣ русскомъ? Можетъ-ли кто сказать, что русскій народъ есть только масса, осужденная лишь служить экономически преуспѣванію развитію европейской интеллигенціи нашей, возвысившейся и народомъ нашимъ, сама-же въ себѣ заключаетъ лишь мертвую косность, отъ которой ничего и не слѣдуетъ ожидать и на которую совсѣмъ нечего возлагать никакихъ надеждъ? Увы, такъ многіе утверждаютъ, но я рискнулъ объявить иное. Повторяю, конечно, не могъ доказать «этой фантазіи моей», какъ самъ выразился, обстоятельно и со всею полнотою, но и не могъ и не указать на нее. Утверждать-же, что нищая и неустроенная земля наша не можетъ заключать въ себѣ столь высокаго стремленія, пока не сдѣлается экономически и гражданственно подобною Западу,—есть уже просто нелѣпость. Основные нравственные сокровища духа въ основной сущности своей, по крайней мѣрѣ, не зависятъ отъ экономической силы. Наша нищая и неустроенная земля, кромѣ высшаго слоя своего, вся сплошь, и одинъ человѣкъ. Всѣ восемьдесятъ милліоновъ ея населенія представляютъ собою такое духовное единеніе, какого, конечно, Европѣ нѣтъ нигдѣ и не можетъ быть, а, стало быть, уже по одному пельзю сказать, что наша земля неустроена, да...

еще, смелый только сказать, что я нищая. Напротивъ, въ насъ, въ этой Европѣ, гдѣ накоплено столько богатствъ всемирное основаніе всѣхъ европейскихъ націй — все подвоязъ, можетъ быть, завтра-же рухнетъ бесслѣдно на вѣки въ-вѣки, можетъ наступить нечто неслыханно-новое, ни на что еще не похожее. И всѣ богатства, накопленные Европой, могутъ сойти отъ паденія, ибо «въ одинъ мигъ исчезнуть можетъ». Между тѣмъ на этотъ, именно на этотъ подвоязъ и зараженный имъ гражданскій строй и указываютъ на нашему какъ на идеалъ, въ которомъ онъ долженъ строиться, и лишь по достиженіи имъ этого идеала осмѣлятся назвать свое какое-либо слово Европѣ. Мы-же утверждаемъ, принимать и носить въ себѣ силу любящаго и всеединящаго можно и при теоретической экономической нищетѣ нашей, да и при такой еще нищетѣ какъ теперь: Ее можно сохранять и носить въ себѣ даже и при такой нищетѣ, какая была въ нашествіи Батыева или послѣ погрома Смутнаго времени, и единственно всеединящимъ духомъ народнымъ была старая Россія. И наконецъ, если ужъ въ самомъ дѣлѣ такъ необходимо надо, для того, чтобъ имѣть право любить человѣка и носить въ себѣ всеединящую душу, для того чтобъ имѣть въ себѣ способность не ненавидѣть чужіе народы, и чтобъ они не похожи на насъ; для того чтобъ имѣть же-лѣние не укрѣпляться отъ всѣхъ въ своей національности, чтобъ только одной все досталось, а другія національности считать ю за лимонъ, который можно выжать (а народы такого вѣдь есть въ Европѣ!) — если и въ самомъ дѣлѣ для достиженія всего этого надо, повторяю я, предварительно стать намъ богатыми и перетащить къ себѣ европейское гражданское устройство, то неужели все-таки мы и тутъ должны рабски провать это европейское устройство (которое завтра-же въ насъ рухнетъ)? Неужели и тутъ не дадутъ и не позволятъ нашему организму развиваться національно, своей органической силой, а непремѣнно обезличенно, лакейски подражая Европѣ? Уда-же дѣвать тогда русскій-то организмъ? Понимаютъ-ли люди, что такое организмъ? А еще толкуютъ о естественныхъ наукахъ! «Этого народъ не позволитъ», сказалъ по одному поводу, года два назадъ, одинъ собесѣдникъ одному ярому интеллигенту. «Такъ уничтожить народъ!» — отвѣтилъ западникъ равно и величаво. И былъ онъ не кто-нибудь, а одинъ изъ знаменитѣйшей нашей интеллигенціи. Анекдотъ этотъ вѣренъ.

Четырьмя этими пунктами я обозначилъ значеніе для насъ Пушкина и рѣчь моя, повторяю, произвела впечатлѣніе. Не слугами своими произвела она это впечатлѣніе (я напираю на это), не талантливостью изложенія (согласяюсь въ этомъ съ всеми моими противниками и не хвалюсь), а искренностью и, осмѣлюсь сказать это, — нѣкоторою неотразимостью выставленных мною фактовъ, не смотря на всю краткость и неполноту моей рѣчи. Но въ чемъ-же однако заключалось «событіе» — какъ выразился Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ? А вотъ именно то, что славянофилами, или такъ называемой русской партией (Боже, у насъ есть «русская партія!») сдѣланъ былъ огромный и окончательный, можетъ быть, шагъ къ примиренію съ западниками; ибо славянофилы заявили всю законность стремленій западниковъ въ Европу, всю законность даже самыхъ крайнихъ увлеченій и выводовъ ихъ, и объяснили эту законность чуждымъ русскимъ народнымъ стремленіемъ нашимъ, совпадаемымъ съ нашимъ духомъ народнымъ. Увлеченія-же оправдали — историческою необходимостью, историческимъ фатумомъ, такъ что въ концѣ концовъ и въ итогѣ, если когда-нибудь будетъ онъ подведенъ, обозначится, что западники ровно столько-же послужили русскому народу и стремленіямъ духа его какъ и всѣ тѣ чисто русскіе люди, которые искренно любили родную землю и слишкомъ, можетъ быть, ревниво оберегали ее доселѣ отъ всѣхъ увлеченій «русскихъ иноземцевъ». Объявлено было наконецъ, что всѣ недоразумѣнія между обѣими партіями и всѣ злыя препиранія между ними доселѣ лишь однимъ великимъ недоразумѣніемъ. Вотъ это-то и могло-бы стать, пожалуй, «событіемъ», ибо представители славянофильства тутъ-же, сейчасъ-же послѣ рѣчи моей, вполне согласились со всеми ея выводами. Я-же заявляю теперь — да и заявилъ это въ самой рѣчи моей, — что честь этого новаго примиренія (если только искреннѣйшее желаніе примиренія составляетъ его честь), что заслуга этого новаго, если хотите, слова, во всемъ принадлежитъ, а всему славянофильству, всему направлению «партіи» нашей, что это всегда было ясно и для тѣхъ которые безпристрастно вникали въ славянофильство, идея, которую я высказалъ, была уже не разъ если не выдвигавъ, то указывавъ ими. Я-же счумѣлъ лишь во время минутъ пять минутой. Теперь вотъ заключеніе: если западники примирятся съ нашимъ выводомъ и согласятся съ нимъ, то и впрямь, конечно, уничтожатся всѣ недоразумѣнія между обѣими партіями, такъ что «Западникамъ и Славянофиламъ» не объ чемъ будетъ и спорить.

написали Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, «такъ какъ все въ разъясненіе». Съ этой точки зрѣнія, конечно, рѣчь моя не «событіемъ». Но увы, слово «событіе» произнесено было въ некривомъ увлеченіи съ одной стороны, но приметелю той стороной и не останется лишь въ идеалѣ, это уже въ другой вопросъ. Рядомъ съ Славянофилами, обвинявшими и движению мнѣ руку, тутъ-же на эстрадѣ, едва лишь я съ кассандры, подошли ко мнѣ помать мою руку и Западня. Но какіе-нибудь мнѣ ихъ, а передовые представители нѣстества, занимающіе въ немъ первую роль, особенно тебни жали мнѣ руку съ такимъ-же горячимъ и искреннимъ нѣстемъ какъ Славянофилы, и называли мою рѣчь геніальнѣ нѣсколько разъ, наирая на слово это, произнесли что нѣтъ. Не боюсь, боюсь искренно: не въ первыхъ-ли хатъ» увлеченіи произнесено было это! О, не того боюсь они откажутся отъ мнѣнія своего, что моя рѣчь геніальна, и самъ знаю что она не геніальна и нѣсколько не былъ день похвалами, такъ что отъ всего сердца прошу мнѣ ихъ рованіе въ моей геніальности,—но вотъ что однако-же молучится, вотъ что могутъ сказать западники чуть-чуть пок: (Nota bene, я не объ тѣхъ пишу, которые жали мнѣ руку, пь вообще о западникахъ теперь скажу, на это я наираю): могутъ, можетъ быть, западники (слышите: только «можетъ», не болѣе)—а, вы согласились-таки наконецъ, послѣ долпоровъ и препираній, что стремленіе наше въ Европу было ю и нормально, вы признали, что на нашей сторонѣ тоже правда и склонили ваши знамена,—чтожь, мы принимаемъ признаніе радушно и снѣшимъ заявить вамъ, что съ загороны это даже довольно не дурно: обозначаетъ, по крайней въ васъ нѣкоторый умъ, въ которомъ впрочемъ мы вамъ ка не отказывали, за исключеніемъ развѣ самыхъ тупѣицъ нашихъ, за которыхъ мы отвѣчать не хотимъ и не пь,—но... тутъ, видите-ли, является опять нѣкоторая пошлата, и это надобно какъ можно скорѣе разъяснить. Дѣло то, что ваше-то положеніе, вашъ-то выводъ о томъ, что въ увлеченіяхъ нашихъ совпадали будто-бы съ народнымъ и тайноственно направлялись имъ, ваше-то это положо- все-таки остается для насъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ, а у и соглашеніе между нами опять-таки становится невоз- нить. Знайте, что мы направлялись Европой, наукой ея и рѣи Петра, но умъ отнюдь не духомъ народа нашего, ибо

духа этого мы не встрѣчали и не обоняли на насъ, и мы, не противъ, оставили его назади и поскорѣе отъ него убѣжили. Съ самаго начала пошли самостоятельно, а вовсе не сдѣлаемъ кому-то будто-бы влекущему инстинкту народа русскаго къ мирной отзывчивости и къ соединенію человѣчества, — ну, словомъ ко всему тому о чемъ вы теперь столько говорите. Въ народѣ русскомъ, такъ какъ ужь пришло время высказаться вполне откровенно, мы по прежнему видимъ лишь косную землю у которой намъ нечему учиться, тормозящую напротивъ развитіе Россіи къ прогрессивному лучшему, и которую все мы пересоздать и передѣлать, — если ужь невозможно и нельзя ганически, то, по крайней мѣрѣ, механически, то есть не заставивъ ее разъ навсегда насъ слушаться, во всемъ вѣнчавъ чтобы достигнуть сего послушанія, вотъ и необходимо у насъ себѣ гражданское устройство точь въ точь какъ въ европейскихъ земляхъ, о которыхъ именно теперь пошла рѣчь. Собственно народъ нашъ нищъ и смердъ, какимъ онъ былъ всегда, и не можетъ имѣть ни лица, ни идеи. Вся исторія народа нашего абсурдъ, изъ котораго вы до сихъ поръ чортъ знаетъ что водили, а смотрѣли только мы трезво. Надобно чтобы такой родъ какъ нашъ — не имѣлъ исторіи, а то, что имѣлъ подыдомъ исторіи должно быть съ отвращеніемъ забыто и забытъ цѣликомъ. Надобно, чтобы имѣло исторію лишь одно наше интеллигентное общество, которому народъ долженъ служить своимъ трудомъ и своими силами.

Позвольте, не безпокойтесь и не кричите: не закабалите народъ нашъ мы хотимъ, говоря о послушаніи его, о конечно не выводите, пожалуйста, этого: мы гуманны, мы Европейцы, слишкомъ знаете это. Напротивъ, мы намѣрены образовать народъ по маленьку, въ порядкѣ, и увѣнчать наше зданіе, неся народъ до себя и передѣлавъ его національность убогую, какая тамъ сама наступитъ послѣ образованія его. Зованіе-же его мы оснуемъ и начнемъ съ чего сами хотимъ, т. е. на отрицаніи имъ всего его прошлаго, и на прощаніи которому онъ самъ долженъ предать свое прошлое. Чуть выучимъ человѣка изъ народа грамотѣ, тотчасъ-же и заставимъ его нюхнуть Европы, тотчасъ-же начнемъ обольщать его европейской попой, ну хотя-бы утонченностью быта, приличій, костюмовъ, питковъ, танцевъ, — словомъ, заставимъ его устыдиться прежняго лаптя и квасу, устыдиться своихъ древнихъ и хотя изъ нихъ есть нѣсколько прекрасныхъ и музыкальных

но нечего заставить его пѣть рифмованный водовиль, яко-бы вы такъ ни сердились на это. Однимъ словомъ, для насъ цѣль мы, многочисленнѣйшими и всякими средствами, действуемъ прежде всего на слабыя струны характера какъ у насъ было, и тогда народъ—нашъ. Онъ застыдится отъ прежняго и проклянетъ его. Кто проклянетъ свое презрѣтое уже насъ,—вотъ наша формула! Мы ее всецѣло примемъ, когда прамеся возносить народъ до себя. Если-же на-окажется неспособнымъ въ образованію, то—«устрашить». Ибо тогда выставится уже ясно, что народъ нашъ есть не достойная, варварская масса, которую надо заставить слушаться. Ибо что-же тутъ дѣлать: въ Интеллигенціи и Парламентѣ лишь правда, а потому хоть у васъ и восемьдесятъ миллионовъ народу (чѣмъ вы, кажется, хвастаетесь), но всѣ эти силы должны прежде всего послужить этой европейской цѣли, такъ какъ другой нѣтъ и не можетъ быть. Количественно-миллионовъ насъ не испугаете. Вотъ всегдашній нашъ выводъ, только теперь ужь во всей наготѣ, и мы остаемся при немъ. Можемъ-же мы, принявъ вашъ выводъ, толковать вмѣстѣ съ вами, напримѣръ, о такихъ странныхъ вещахъ какъ le Droit и какое-то будто-бы особое значеніе его. Надѣемся, что и вы насъ хотя этого-то не потребуете, особенно теперь, когда последнее слово Европы и Европейской науки въ общемъ есть атеизмъ, просвѣщенный и гуманный, а мы не можемъ-же идти за Европой.

И потому ту половину произнесенной рѣчи, въ которой вы называете насъ похвалы, мы, пожалуй, согласимся принять съ нашими ограниченіями, такъ и быть, сдѣлаемъ вамъ эту любезность. Ну, а ту половину, которая относится къ вамъ и къ этимъ вашимъ «началамъ»—ужь извините, мы не можемъ принять... Вотъ какой можетъ быть грустный выводъ. Я думаю: я не только не осмѣлюсь вложить этотъ выводъ въ уста западниковъ, которые жали мнѣ руку, но и въ уста русскихъ, очень многихъ, просвѣщеннѣйшихъ изъ нихъ, русскихъ дѣятелей и вполнѣ русскихъ людей, не смотря на ихъ почтенныхъ и уважаемыхъ русскихъ гражданъ. Но за то, масса-то оторвавшихся и отщепенцевъ, масса-то вашего общества, середина-то, улица-то, по которой влзается всѣ эти смерды-то «направленія» (а ихъ какъ песку ч) о, такъ непремѣнно наскважутъ въ этомъ родѣ, и, можетъ, даже ужь и насквазили. (Nota bene. На счетъ вѣры,

напримѣръ, уже было заявлено въ одномъ изданіи со своимъ собственнымъ ему остроуміемъ, что цѣль Славянофиловъ поразкрестить всю Европу въ православіе). Не отбросимъ эти нныя мысли и будемъ надѣяться на передовыхъ представителей нашего Европейизма. И если они примутъ хоть только половину нашего вывода и нашихъ надеждъ на нихъ, то честь и слава и за это, и мы встрѣтимъ ихъ въ восторгѣ нашего сердца. Если даже одну половину примутъ они, т. е. признаютъ самостоятельность и личность русскаго духа, законность бытія и человеколюбивое, всеединящее его стремленіе, то и уже будетъ почти не о чемъ спорить, по крайней мѣрѣ, основнаго, изъ главнаго. Тогда дѣйствительно моя рѣчь пошла-бы въ основанію новаго событія. Не она сама, повторю въ послѣдній разъ, была-бы событіемъ (она недостойна таковаго наименованія) а великое Пушкинское торжество, послуживъ событіемъ нашего единенія, — единенія уже всѣхъ образованныхъ и искреннихъ русскихъ людей для будущей преобразовательной цѣли.

Глава вторая.

Пушкинъ.

(очеркъ).

Произнесено 8 Іюня въ застѣданіи Общества Любителей Русской Словесности.

Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа, сказалъ Гоголь. Прибавлю къ себѣ: и пророческое. Да, въ появленіи его заключается для насъ, Русскихъ, нѣчто безусловно пророческое. Пушкинъ и разъ приходитъ въ самый началъ правильнаго самосознанія нашего, едва лишь начавшагося и зародившагося въ обществѣ нашемъ послѣ цѣлаго столѣтія съ Петровской реформы и явленіе его сильно способствуетъ освѣщенію темной дороги новымъ направляющимъ свѣтомъ. Въ этомъ-то смыслѣ Пушкинъ есть пророчество и указаніе. Я дѣлю дѣятельность нашего великаго поэта на три періода. Говорю теперь не какъ литераторъ,

Замѣчу: касаясь творческой дѣятельности Пушкина я хочу высказать мою мысль о пророческомъ для насъ значеніи то я въ этомъ словѣ разумѣю. Замѣчу однакоже мимо-что періоды дѣятельности Пушкина не имѣютъ, кажется, рѣзкихъ между собою границъ. Начало *Онегина*, принадлежеть, по моему, еще къ первому періоду дѣятельности, а кончается *Онегинъ* во второмъ періодѣ, когда у нашего уже свои идеалы въ родной землѣ, воспріялъ и къ ихъ всецѣло своею любящею и прозорливой душой. Это же говорить, что въ первомъ періодѣ своей дѣятельности Пушкинъ подражалъ европейскимъ поэтамъ, Парни, Андрею и другимъ, особенно Байрону. Да, безъ сомнѣнія, новыя идеи великое вліяніе на развитіе его генія, да и со-вліяніе это во всю его жизнь. Тѣмъ не менѣе, даже самыя поэмы Пушкина были не однимъ лишь подражаніемъ что и въ нихъ уже выразилась чрезвычайная самостоятельность его генія. Въ подражаніяхъ никогда не появляется самостоятельности страданія и такой глубины самосознанія явилъ Пушкинъ, на примѣръ, въ *Цыганахъ*—поэмѣ, ко-всецѣло отношу еще къ первому періоду его творческой жизни. Не говорю уже о творческой силѣ и о стремитель-оторой не явилось-бы столько, еслибъ онъ только лишь дѣлалъ. Въ типѣ Алеко, героѣ поэмы *Цыганы*, сказывается такая и глубокая, совершенно русская мысль, выражен-ная въ такой гармонической полнотѣ въ *Онегинѣ*, гдѣ и-же Алеко является уже не въ фантастическомъ свѣтѣ, а въ взаимо-реальномъ и понятномъ видѣ. Въ Алеко Пушкинъ искалъ и гениально отмѣтилъ того несчастнаго скитальца родной землѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь-ски необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа въ нашемъ. Отыскалъ-же онъ его, конечно, не у Байрона. Типъ этотъ вѣрный и схваченъ безошибочно, типъ по-кой и надолго у насъ, въ нашей Русской землѣ поселив-ших русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ пор скитальчество, и еще долго, кажется, не исчезнуть. И-и не ходятъ уже въ наше время въ цыганскіе таборы и Цыганъ въ ихъ дикомъ своеобразномъ бытѣ своихъ идеаловъ и успокоенія на лонѣ природы отъ сбивчи-вой жизни нашего русскаго—интеллигентнаго обще-ства все равно ударяются въ социализмъ, котораго еще не-и Алеко, ходятъ съ новою вѣрой на другую ниву и ра-

ботаютъ на ней ревностно, вѣруя какъ я Алеко, что дости-
въ въ своемъ фантастическомъ дѣланіи цѣлей своихъ и счастья
только для себя самого, но и всемірнаго. Нбо русскому свѣту
необходимо именно всемірное счастье чтобъ успокоиться: де-
ло оное не примирится,—конечно, пока дѣло только въ теоріи.
Все тотъ-же русскій человѣкъ, только въ разное время явившійся.
Человѣкъ этотъ, повторяю, зародился какъ разъ въ началѣ
этого столѣтія послѣ великой Петровской реформы, въ на-
шомъ интеллигентномъ обществѣ, оторванномъ отъ народа, отъ на-
родной силы. О, огромное большинство интеллигентныхъ Русскихъ
и тогда при Пушкинѣ, какъ и теперь, въ наше время, служи-
тъ и служатъ мирно въ чиновникахъ, въ казисѣ или на желѣз-
ныхъ дорогахъ и въ банкахъ, или просто наживаютъ равными су-
щими деньгами, или даже и науками занимаются, читаютъ лекціи,
и все это регулярно, лѣтнво и мирно, съ полученіемъ за-
вѣданья, съ игрой въ преферансъ, безо всякаго повода, не
идя въ цыганскіе таборы или куда-нибудь въ мѣста болѣе са-
мостоятельныя нашему времени. Много, много что полюбому
начинаютъ «съ отбѣнкомъ европейскаго социализма», но котораго
приданъ нѣкоторый благодушный русскій характеръ,—но все
это вопросъ только времени. Что въ томъ, что одинъ еще
не начиналъ беспокоиться, а другой уже успѣлъ дойти до
пертой двери и объ нее крѣпко стукнулся лбомъ. Всѣхъ въ
это время то-же самое ожидаетъ, если не выйдутъ на спасительную
дорогу смиреннаго общенія съ народомъ. Да пусть и не все
ожидаетъ это: довольно лишь «избранныхъ», довольно лишь
святой доли забезпокоившихся, чтобъ и остальному огромному
большинству не видать чрезъ нихъ покоя. Алеко, конечно, не
не умѣетъ правильно высказать тоску своей: у него все
какъ-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природѣ, жажда
на свѣтское общество, міровыя стремленія, плачь о потерянномъ
гдѣ-то и кѣмъ-то правдѣ, которую онъ никакъ отыскать не
можетъ. Тутъ есть немножко Жанъ-Жакъ Руссо. Въ чемъ эта правда
гдѣ и въ чемъ она могла-бы явиться и когда именно она яви-
лась, конечно, онъ и самъ не скажетъ, но страдаетъ онъ искренно.
Фантастическій и нетерпѣливый человѣкъ жаждетъ спасенія
лишь преимущественно отъ явленій внѣшнихъ; да такъ и бы-
ть должно: «правда, дескать, гдѣ-то внѣ его, можетъ быть, гдѣ-то
въ другихъ земляхъ европейскихъ наиримѣръ, съ ихъ творчест-
вомъ историческимъ строемъ, съ ихъ установившеюся общественной
и гражданскою жизнью». И иногда-то онъ не пойметъ, что при-

кто можетъ думать его самого, да и какъ понять ему это: онъ въ своей землѣ самъ не свой, онъ уже цѣлыми вѣкомъ оту-
 отъ груди, но нѣтъ культуры, ростъ какъ институтъ въ
 стѣнахъ, обязанности исполнять странныя и безот-
 ния во вѣрѣ принадлежности въ тому или другому изъ че-
 ннадцати классовъ, на которые раздѣлено образованное русское
 ество. Онъ пока всего только оторванная носившаяся по воз-
 былинка. И онъ это чувствуетъ и этимъ страдаетъ, и часто
 мучительно! Ну и что-же въ томъ, что, принадлежа, можетъ
 къ родовому дворянству и даже весьма вѣроятно облада
 остными людьми, онъ позволялъ себѣ, по вольности своего
 нства, маленькую фантазію прельститься людьми живу-
 «безъ закона» и на время сталъ въ цыганскомъ таборѣ
 и показывать Мишку? Понятно, женщина, «дикая жен-
 », по выраженію одного поэта, всего скорѣе могла подать
 надежду на исходъ тоски его, и онъ съ легкомысленною,
 страстною вѣрой бросается къ Зефирѣ: «Вотъ, дескать, гдѣ
 мой, вотъ гдѣ можетъ быть мое счастье, здѣсь, на лонѣ
 роды далеко отъ свѣта, здѣсь, у людей у которыхъ нѣтъ
 мизанія и законовъ!» И что-же оказывается: при первомъ
 явленіи своемъ съ условіями этой дикой природы онъ не
 рживаетъ и обгагрываетъ свои руки кровью. Не только для миро-
 гармоніи, но даже и для Цыганъ не пригодился несчастный
 патель и они выгоняютъ его — безъ отщепенія, безъ злобы,
 чаво и простодушно:

Оставь насъ, гордый человѣкъ;
 Мы дикіи, нѣтъ у насъ законовъ,
 Мы не терзаемъ, не казимъ.

Все это, конечно, фантастично, но «гордый-то человѣкъ» ре-
 ль и мѣтко схваченъ. Въ первый разъ схваченъ онъ у насъ
 ннымъ, и это надо запомнить. Именно, именно, чуть не по
 ѣ, и онъ злобно растерзаетъ и казнить за свою обиду, или,
 даже удобнѣе, вспомянувъ о принадлежности своей къ одному
 четырнадцати классовъ, самъ возопіетъ можетъ быть (ибо
 лость и это) къ закону терзающему и казнящему, и при-
 ть его, только-бы отощена была личная обида его. Нѣтъ,
 — гениальная поэма не подражаніе! Тутъ уже подсказывается
 что рѣшеніе вопроса, «проклятаго вопроса», по народной
 и правдѣ: «Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего слони
 гордость. Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего по-

трудись на родной нивѣ», вотъ это рѣшеніе по народно и народному разуму. «Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ, овладѣй собой, и правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя и не згдѣ-нибудѣ, а прежде всего въ твоёмъ собственномъ тру- собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя, — и станешь с какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь вели и другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь счастье, и нится жизнь твоя, и поймешь наконецъ народъ свой и правду его. Не у Цыганъ и нигдѣ міровая гармонія, первый самъ въ достоинствѣ, злобенъ и гордъ, и требует даромъ, даже и не предполагая, что за нее надобно за Это рѣшеніе вопроса въ поэмѣ Пушкина уже сильно по. Еще яенѣе выражено оно въ *Евгеніи Онегинѣ*, поэмѣ фантастической, но осязательно реальной, въ которой в настоящая русская жизнь съ такою творческою силой и законченностію, какой и не бывало до Пушкина, да и п пожалуй.

Онѣгинъ пріѣзжаетъ изъ Петербурга, — непременно Петербурга, это несомнѣнно было необходимо въ поэмѣ и не могъ упустить такой крупной реальной черты въ своего героя. Повторяю опять, это тотъ-же Алеко, осот томъ, когда онъ восклицаетъ въ тоскѣ:

Зачѣмъ какъ тульскій засѣдатель
Я не лежу въ параличѣ?

Но теперь, въ началѣ поэмы, онъ пока еще на фатъ и свѣтскій человѣкъ, и слишкомъ еще мало жи успѣтъ вполнѣ разочароваться въ жизни. Но и его у наетъ посѣщать и безпокойтъ

Бѣсъ благородный скуки тайной.

Въ глуши, въ сердцѣ своей родины, онъ, конечно, и онъ не дома. Онъ не знаетъ что ему тутъ дѣлать и чу себя какъ-бы у себя-же въ гостяхъ. Впослѣдствіи, когда тается въ тоскѣ по родной землѣ и по землямъ иност онъ, какъ человѣкъ безспорно умный и безспорно искрен болѣе чувствуетъ себя и у чужихъ себѣ самому чужим да. и онъ любить родную землю, но ей не довѣряетъ. слыхалъ и объ родныхъ идеалахъ, но имъ не вѣритъ. лишь въ полную невозможность какой бы то ни была

одной книгѣ, а не въручивая въ эту возможность, — и тогда, и теперь, пеняя къ, — смотритъ съ грустною насильщицей. Заго онъ убилъ просто отъ хандры, почему жить, можетъ отъ хандры по мировому идеалу, — это слишкомъ по нашему, въроятно. Но такъва Татьяна: это типъ твердый, стоящій на своей почвѣ. Она глубже Онѣгина и, конечно, унйбе Она уже единъ благородный инстинктъ своихъ предствуетъ гдѣ и въ томъ правда, что и выразилось въ фивагъ ны. Можетъ быть, Пушкинъ даже лучше-бы сдѣлалъ, если-бы сдѣлалъ свою поэму именемъ Татьяны, а не Онѣгина, ибо конечно она главная героиня поэмы. Это положительный типъ, отрицательный, это типъ положительной красоты, это аще русскои женщины, и ей предназначилъ поствъ высказать въ поэмы въ знаменитой сценѣ послѣдней встрѣчи Татьяны Онѣгинныиъ. Можно даже сказать, что такой красоты положительный типъ русскои женщины почти уже и не повторялся въ всей художественной литературѣ — кромѣ развѣ образа Лизы Деоринскомъ Гинздѣ Тургенева. Но манера глэдть свысока тада то, что Онѣгинъ совсѣмъ даже не узналъ Татьяну, когда встрѣтилъ ее въ первый разъ, въ глуши, въ скромномъ образѣ той, невинной дѣвушки, такъ оробѣвшей предъ нимъ съ перо разу. Онъ не сумѣлъ отличить въ бѣдной дѣвочкѣ законности и совершенства и дѣйствительно, можетъ быть, принялъ за «вравственный эмбрионъ». Это она-то эмбрионъ, это послѣ тада-то ея къ Онѣгину! Если есть кто вравственный эмбрионъ поэиъ, такъ это, конечно, онъ самъ, Онѣгинъ, и это безспорно. Да и совсѣмъ не могъ онъ узнать ее: развѣ онъ знаетъ эту человѣческую? Это отвлеченный человѣкъ, это безпокойный пателъ во всю его жизнь. Не узналъ онъ ее и потомъ въ Петербургѣ, во образѣ знатной дамы, когда по его-же словамъ, писалъ къ Татьянѣ, «постыгалъ душой все ея совершенства». Это только слова: Она прошла въ его жизни мимо него немая и неоцѣненная ииъ; въ томъ и трагедія ихъ романа. Если-бы тогда, въ деревнѣ, при первой встрѣчѣ съ нею, при- туд-же изъ Англіи Чайльдъ-Гарольдъ или даже, какъ ни- самъ лордъ Байронъ, и, замѣтивъ ея робкую, скромную- естъ, указалъ-бы ему на нее, — о, Онѣгинъ тотчасъ-же былъ- чужденъ и удивленъ, ибо въ этихъ мировыхъ страдальцахъ много подчасъ лакейства духовнаго! Но этого не случивъ и искатель мировой гармоніи, прочтя ей проповѣдь и по- лѣ все-таки очень честно, отправился съ мировою тоскою

своею и съ пролитю въ глупенькой злости кровью на своихъ, скитаться по родинѣ, но, примѣчая ея и, инии вѣкъ и силою, восклицаетъ съ проклятіями:

Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка,
Чего мнѣ ждять, тоска, тоска!

Это поняла Татьяна. Въ бессмертныхъ строфахъ романа изобразилъ ее посѣтившею домъ этого столь чуждаго и знакомаго еще для нея человѣка. Я уже не говорю о художественности, недосыгаемой красотѣ и глубинѣ этихъ строкъ. Вотъ въ его кабинетѣ, она разглядываетъ его книги, вещи, и старается угадать по нимъ душу его, разгадать свою жизнь и «нравственный эмбрионъ» останавливается наконецъ въ думѣ, со странною улыбкой, съ предчувствіемъ разрѣшенія гадки, и губы ея тихо шепчуть:

Ужъ не пародія-ли онъ?

Да, она должна была прошептать это, она разгадала. Въ Петербургѣ, потомъ, спустя долго, при новой встрѣчѣ ихъ уже совершенно его знаетъ. Кстати, кто сказалъ, что свѣтская придворная жизнь тлетворно коснулась ея души, и что и санъ свѣтской дамы и новыя свѣтскія понятія были отчасти причиною отказа ея Онѣгину? Нѣтъ, это не такъ было. Нѣтъ та-же Таня, та-же прежняя деревенская Таня! Она не испорчена, напротивъ, удручена этою пышною петербургскою жизнью, надломлена и страдаетъ; она ненавидитъ свой санъ свѣтской дамы, и кто судить о ней иначе, тотъ совсѣмъ не понимаетъ что хотѣлъ сказать Пушкинъ. И вотъ она твердо говоритъ Онѣгину:

Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна.

Высказала она это именно какъ русская женщина, въ ея апофеоза. Она высказываетъ правду поэмы. О, я ни слова не скажу про ея религіозныя убѣжденія, про взглядъ на бракъ — нѣтъ, этого я не коснусь. Но что-же: потому-ли отказалась идти за нимъ, не смотря на то, что сама-же сказала ему: «я васъ люблю», потому-ли, что она, «какъ русская женщина» (а не южная, или не французская какая-нибудь) способна на смѣлый шагъ, не въ силахъ порвать свои узы въ силахъ пожертвовать обаяніемъ чести, богатства, силъ своего значенія, условіями добродѣтели? Нѣтъ, русская я

чѣмъ несчастье этого старика, пусть, наконецъ, никто и
 а этотъ старикъ тоже, не узнаютъ моей жертвы и не
 ея, но не хочу быть счастливою загубивъ другаго! Т
 гедя, она и совершается, и перейти предѣла нельзя, уж
 и вотъ Татьяна отсылаетъ Онягина. Скажутъ: да вѣдь не
 же и Онягиня: одного спасла, а другаго погубила! И
 тутъ другой вопросъ, и даже, можетъ быть, самый ва
 поэмъ. Кстати, вопросъ: почему Татьяна не пошла с
 нымъ, ищетъ у насъ, по крайней мѣрѣ, въ литератур
 своего рода исторію весьма характерную, а потому я
 лилъ себѣ такъ объ этомъ вопросѣ распространиться.
 характернѣе, что нравственное разрѣшеніе этого вопро
 долго подвергалось у насъ сомнѣнію. Я вотъ какъ думаю
 Татьяна даже стала свободною, еслибъ умеръ ея стар
 и она овдовѣла, то и тогда-бы она не пошла за Он
 Надобно-же понимать всю суть этого характера? Вѣд
 видитъ кто онъ такой; вѣчный скиталецъ увидалъ вдр
 щину, которою прежде пренебрегъ, въ новой блестящей
 гаемой обстановкѣ,—да вѣдь въ этой обстановкѣ-то, по
 вся суть дѣла. Вѣдь этой дѣвчкѣ, которую онъ чуть
 зиралъ, теперь поклоняется свѣтъ,—свѣтъ, этотъ стра
 торитетъ для Онягина, несмотря на всѣ его міровыя
 нія,—вотъ вѣдь, вотъ почему онъ бросается къ ней
 ный! Вотъ мой идеалъ, восклицаетъ онъ, вотъ мое
 вотъ исходъ тоски моей, я прогладѣлъ его, а «счас
 такъ возможно, такъ близко»! И какъ прежде Алеко
 фиръ, такъ и онъ устремляется къ Татьянѣ, ища въ не
 чудливой фантазіи всѣхъ своихъ разрѣшеній. Да раз
 не видитъ въ немъ Татьяна, да развѣ она не разгля
 уже давно? Вѣдь она твердо знаетъ, что онъ въ сущ
 битъ только свою новую фантазію, а не ее, смиренную
 прежде Татьяну! Она знаетъ, что онъ принимаетъ ее
 другое, а не за то, что она есть, что не ее даже онъ и
 что, можетъ быть, онъ и никого не любитъ, да и не с
 даже кого-нибудь любить, несмотря на то, что такъ му
 страдаетъ! Любитъ фантазію, да вѣдь онъ и самъ
 Вѣдь, если она пойдетъ за нимъ, то онъ завтра-же
 руется и взглянетъ на свое увлеченіе насмѣшливо. У
 какой почвы, это былинка, носимая вѣтромъ. Не та
 вовсе: у ней и въ отчаяніи, и въ страдальческомъ
 что погибла ея жизнь, все-таки есть нѣчто твердое и не

ается ее душа. Это ее воспоминанія дѣтства, воспоминанія, деревенской глуши, въ которой началась ее истая жизнь, — это «крестъ и тѣнь вѣтвей надъ бѣдной няней». О, эти воспоминанія и прежніе образы его драгоценнѣе, эти образы одни только и остаются, и спасаютъ ее душу отъ окончательнаго отчаянія. Мало, нѣтъ, тутъ уже многое, потому что тутъ дѣло, тутъ нѣчто незыблемое и неразрушимое. Тутъ связь съ родной, съ роднымъ народомъ, съ его святого что есть и кто онъ таковой? Не идти-же ей за страданія, чтобы только потѣшить его, чтобы хоть въ безконечной любовной жалости подарить ему при-я, твердо зная напередъ, что онъ завтра-же посмодъ счастье свое насмѣшливо. Нѣтъ, есть глубокія и и, которыя не могутъ сознательно отдать святыню оръ, хотя-бы и изъ безконечнаго состраданія. Нѣтъ, могла пойти за Онѣгинымъ.

въ Онѣгину, въ этой бессмертной и недосягаемой Пушкинъ явился великимъ народнымъ писателемъ, никогда и никто. Онъ разомъ, самымъ мѣткимъ, орливымъ образомъ отмѣтилъ самую глубь нашей верхняго надъ народомъ стоящаго общества. От-русскаго скитальца, скитальца до нашихъ дней и и, первый угадавъ его геніальнымъ чутьемъ своимъ, кою судьбой его и съ огромнымъ значеніемъ его и въ шей судьбѣ, рядомъ съ нимъ поставивъ типъ поло-безспорной красоты въ лицѣ русской женщины, конечно, тоже первый изъ писателей русскихъ, про-нами въ другихъ произведеніяхъ этого періода своей цѣлый рядъ положительно прекрасныхъ русскихъ я ихъ въ народѣ русскомъ. Главная красота этихъ къ правдѣ, правдѣ безспорной и осязательной, такъ ихъ уже нельзя, они стоятъ какъ изваянные. Еще я говорю не какъ литературный критикъ, а потому и ъяснять мысль мою особенно подробнымъ литера-ужденіемъ этихъ геніальныхъ произведеній нашего въ русскаго инока-лѣтописца, на примѣръ, можно бы-ть цѣлую книгу, чтобы указать всю важность и все насъ этого величаваго русскаго образа отысканнаго въ русской землѣ, имъ выведеннаго, имъ изваян-веннаго предъ нами теперь уже на вѣки въ без-

спорной, смиренной и величавой духовной красотѣ сіе свидѣтельство того мощнаго духа народной жизни, и жетъ выдѣлять изъ себя образы такой неоспоримой прѣтотъ данъ, есть, его нельзя оспорить, сказать, что онъ что онъ только фантазія и идеализація поэта. Вы созерцаете: да, это есть, стало быть, и духъ народный, есть, стало быть, и жизненная сила этого и она велика и необъятна. Повсюду у Пушкина слышн въ русскій характеръ, вѣра въ его духовную мощь, а стало быть, и надежда, великая надежда за русскаго

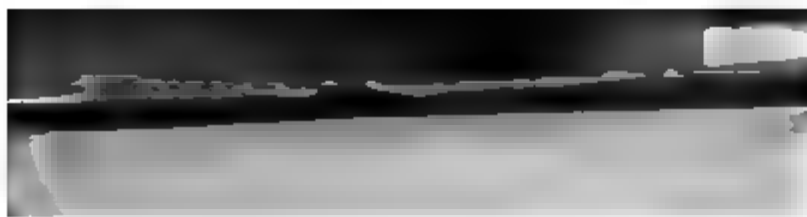
Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни—

сказать самъ поэтъ по другому поводу, но эти слова прямо прилѣпять ко всей его національной творческойности. И никогда еще ни одинъ русскій писатель, ни послѣ его, не соединялся такъ задушевно и родно народомъ своимъ какъ Пушкинъ. О, у насъ есть мѣвовъ народа нашего между писателями, и такъ талантливо и такъ любовно писавшихъ о народѣ, а между сравнить ихъ съ Пушкинымъ, то, право-же, до сихъ однимъ, много что за двумя исключеніями изъ самыхъ послѣдователей его, это лишь «господа» о народѣ. У самыхъ талантливыхъ изъ нихъ, даже вотъ у этъ исключеній, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ, нѣтъ и промелькнетъ вдругъ нѣчто высокомѣрное, нѣчто быта и міра, нѣчто желающее поднять народъ до себя и вить его этимъ поднятіемъ. Въ Пушкинѣ-же есть нѣчто сроднившееся съ народомъ *взатравду*, доходящее вѣрчти до какого-то простодушнѣйшаго умиленія. Возьмѣте о Медвѣдѣ и о томъ, какъ убилъ мужикъ его боувѣдцу, или припомните стихи:

Свять Иванъ, какъ пять мы станемъ

и вы поймете, что я хочу сказать.

Всѣ эти сокровища искусства и художественнаго оставлены нашимъ великимъ поэтомъ какъ-бы въ видѣ для будущихъ грядущихъ за нимъ художниковъ, для работниковъ на той-же нивѣ. Положительно можно было-бы Пушкина, не было-бы и послѣдовавшихъ за лантовъ. По крайней мѣрѣ, не проявились-бы они въ

новой землей, несмотря даже на великія ихъ дарованія, не удалось имъ выразиться впоследствии, уже къ нашимъ во въ поэзіи лишь одной дѣло, не въ художественности вертепствъ: не было-бы Пушкина, не опредѣлилось-бы новое творческое непоколебимое сіяніе (въ какой это явилось моментъ все еще не у всѣхъ, а у очень лишь немногихъ) дѣла въ нашу русскую самостоятельность, наша сознаніе уже теперь надежда на наши народныя силы, а затѣмъ въ грядущее самостоятельное назначеніе въ семьѣ европейскихъ народовъ. Этотъ подвигъ Пушкина особенно выясняется, икнувъ въ то, что я называю третьимъ періодомъ его творческой дѣятельности.

И еще разъ повторю: эти періоды не имѣютъ такыхъ границъ. Нѣкоторыя изъ произведеній даже этого періода могли, напримѣръ, явиться въ самомъ началѣ творческой дѣятельности нашего поэта, ибо Пушкинъ былъ гѣлымъ, цѣлокупнымъ такъ сказать, организмомъ, въ себѣ всѣ свои зачатки разомъ, внутри себя, не воспринимая ихъ извнѣ. Внѣшность только будила въ немъ то, что уже заключено во глубинѣ души его. Но организмъ этотъ не былъ, и періоды этого развитія дѣйствительно можно обозначить, въ каждомъ изъ нихъ, его особый характеръ постепенности вырожденія одного періода изъ другаго. Такимъ образомъ къ третьему періоду можно отнести тотъ разрывъ произведеній, въ которыхъ преимущественно засѣяны всемірныя, отразились поэтическіе образы другихъ гѣевъ и воплотились ихъ гѣи. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній явились уже послѣ смерти Пушкина. И въ этотъ-то періодъ своей дѣятельности нашъ поэтъ представляетъ собою нечто даже чудесное, неслыханное и невиданное до него ни у кого. Въ самомъ дѣлѣ, въ европейскихъ гѣевъ былъ громадной величины художественныя гѣи — Сервантесы, Шиллеры. Но уважьте хоть на одного изъ великихъ гѣевъ, который-бы обладалъ такою способностью всемірной отзывчивости какъ нашъ Пушкинъ. И эту отзывчивость, главнѣйшую способность нашей національности, можно раздѣлять съ народомъ нашимъ, и гѣмъ, главнѣйшимъ, народнымъ поэтомъ. Самые величайшіе изъ европейскихъ поэтовъ никогда не могли воплотить въ себѣ съ такою силой гѣи, съ ежедневнаго, можетъ быть, съ своимъ народомъ, духъ его, всю

затаенную глубину этого дуга и всю тоску его призванія, могъ это проявлять Пушкинъ. Напротивъ, обращаясь къ чуждымъ народностямъ, европейскіе поэты чаще всего перевоплощались въ свою-же національность и понимали по своему. Даже у Шекспира, его итальянцы, напримеръ, почти сплошь тѣ-же англичане. Пушкинъ лишь одинъ изъ всѣхъ мировыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполне въ чужую національность. Вотъ сцены изъ *Фауста*, вотъ *Окупной Рыцарь* и *Младца Жиль на седьмъ рыцарь бѣдный*. Перочтите *Дон-Жуана* и если-бы не было подписи Пушкина, вы-бы никогда не узнали, что это написалъ не испанецъ. Какіе глубокіе, фантастическіе образы въ поэмѣ: *Пиръ во время чумы!* Но въ этихъ фантастическихъ образахъ слышенъ гений Англіи; эта чудесная поэма о чумѣ героя поэмы, эта пѣсня Мери со стихами:

Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,

это англійскія пѣсни, это тоска британскаго гения, это и его страдальческое предчувствіе своего грядущаго. Вотъ еще странные стихи:

Однажды странствуя среди долины дикой—

Это почти буквальный переводъ первыхъ трехъ страницъ изъ странной мистической книги, написанной въ прозѣ, однимъ древняго англійскаго религіознаго сектатора, — но развѣ только переводъ? Въ грустной и восторженной музыкѣ этихъ стиховъ чувствуется самая душа сѣвернаго протестантизма, англійскаго ересіарха, безбрежнаго мистика, съ его тупымъ, неумнымъ и непреодолимымъ стремленіемъ и со всѣмъ безудержнымъ мистическимъ мечтаніемъ. Читая эти странные стихи, вамъ какъ слышится духъ вѣковъ реформаціи, вамъ понятенъ становится этотъ воинственный огонь называвшагося протестантизмомъ, вы наконецъ видите самую исторію, и не мыслите тогда какъ будто вы сами тамъ были, прошли мимо вооруженнаго стана сектантовъ, пѣли съ ними ихъ гимны, плакали съ ними въ ихъ мистическихъ восторгахъ и вѣровали вмѣстѣ съ ними въ то, во что они повѣрили. Кстати: вотъ рядомъ съ этимъ религіознымъ мистицизмомъ, религіозна-же строфы изъ Библии «Подраженія Корану»: развѣ тутъ не мусульманскій, это не самый духъ Корана и мечъ его, простодушная и восторженная вѣра и грозная кровавая сила ея? А вотъ и древній

и *Ночи*, вотъ эти земные боги, сѣвшіе надъ богами, уже презирающіе геній народный и уже не вѣращие въ него болѣе, ставшіе впрямь тани и обезумѣвшіе въ отъединеніи своемъ, въ ужѣ своей и тоскѣ тѣшачіе себя фанатическимъ страстіемъ насѣкомыхъ, сладострастіемъ паукообразной своего самца. Нѣтъ, положительно скажу, въ такую всемірною отзывчивостью какъ Пушкиной только отзывчивости тутъ дѣло, а въ изумленія, а въ перевоплощенія своего духа въ духъ, перевоплощенія почти совершенномъ, а поэтъ, потому что нигдѣ ни въ какомъ поэтѣ цѣлостнаго явленія не повторилось. Это только у Пушкина, слы, повторяю, онъ явленіе невиданное и неслыханное, и пророческое, ибо... ибо тутъ-то и вытекаетъ его національная русская сила, выразилась въ его поэзии, народность въ дальнѣйшемъ своемъ ростѣ нашего будущаго, таящагося уже въ неразрывности пророчески. Ибо что такое сила духа, какъ не стремленіе ея въ конечныхъ цѣлостности и ко всечеловѣчности? Ставъ вполнѣ омытъ, Пушкинъ тотчасъ-же, какъ только пригласилъ народной, такъ уже и предчувствуетъ величье этой силы. Тутъ онъ угадчикъ, тутъ

скажи, что такое для насъ Петровская реформа, не только, а даже и въ томъ, что уже было, уже явилось во очію? Что означала для насъ ея не была-же она только для насъ усвоеніемъ жюмоновъ, обычаевъ, изобрѣтеній и европейской, какъ дѣло было, поглядимъ пристальнѣе. Да, мытъ, что Петръ первоначально только въ этомъ производилъ ее, т. е. въ смыслѣ ближайшею впоследствии, въ дальнѣйшемъ развитіи императоръ несомнѣнно повиновался нѣкоторому затаенное влекло его, въ его дѣлѣ, къ цѣлямъ будущо огромнѣйшимъ, чѣмъ одинъ только ближайшій. Такъ точно и русскій народъ не изъ одного жюма принялъ реформу, а несомнѣнно уже ощутилъ чувствіемъ почти тотчасъ-же нѣкоторую дальнѣе болѣе высшую цѣль, чѣмъ ближайшій ути-

литарнамъ,—ощутивъ эту цѣль, опять-таки, конечно, и это, бессознательно, но однако-же и непосредственно и жизненно. Вѣдь мы разомъ устремились тогда къ самому общему возсоединенію, къ единенію всечеловѣческому! враждебно (какъ казалось должно-бы было случиться), жественно, съ полною любовію приняли въ душу наши чужихъ націй, всѣхъ вмѣстѣ, не дѣлая преимущественныхъ различій, умѣя инстинктомъ, почти съ самаго шагу различать, снимать противорѣчія, извинять и пр. различія, и тѣмъ уже выказали готовность и наклонность намъ самимъ только-что объявившуюся и сказавшую всеобщему общечеловѣческому возсоединенію со всѣми нами великаго Арійскаго рода. Да, назначеніе русскаго вѣка есть безспорно всеевропейское и всемірное. Статьею русскимъ, статьею вполне русскимъ, можетъ быть, и только (въ концѣ концовъ, это подчеркните) статьею братолюбивыхъ людей, всечеловѣкомъ, если хотите. О, все это славянское и западничество наше есть одно только великое у насъ зумѣніе, хотя исторически и необходимое. Для настоящаго Европа и удѣлъ всего великаго Арійскаго племени дороги, какъ и сама Россія, какъ и удѣлъ своей родины потому что нашъ удѣлъ и есть всемірность, и не мечта обрѣтенная, а силой братства и братскаго стремленія на возсоединенію людей. Если захотите вникнуть въ нашу послѣ Петровской реформы, вы найдете уже слѣды и этой мысли, этого мечтанія моего, если хотите, въ характерѣ общенія нашего съ европейскими племенами, даже въ внутренней политикѣ нашей. Ибо что дѣлала Россія во все эти два вѣка въ своей политикѣ какъ не служила Европѣ, быть, гораздо болѣе, чѣмъ себѣ самой? Не думаю, что неумѣнія лишь нашихъ политиковъ это происходило. О, Европы и не знаютъ, какъ они намъ дороги! И впоследствии вѣрю въ это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущіе русскіе люди, поймутъ уже всѣ до единого, что состоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться къ примиренію въ европейскія противорѣчія уже окончателемъ изъ исхода европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, вѣчной и всесоединяющей, вмѣстѣ въ нее съ братскою любовію всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ, можетъ и изречь окончательное Слово великой, общей гармоніи, брава окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову е

ду закону! Знаю, слишкомъ знаю что слова мои могутъ быть восторженными, преувеличенными и фантастическими, но я не раскаиваюсь, что ихъ высказалъ. Отому надлежитъ быть высказаннымъ, но особенно теперь, въ минуту торжества нашего, въ минуту чествованія нашего великаго генія, именно идею въ художественной силѣ своей воплощавшаго. И высказывалась уже эта мысль не разъ, я ничуть не боюсь повторять. Главная, все это покажется самонадеяннымъ: «это-то дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой землѣ такой славы? Это намъ-то предназначено въ человечествѣ высказать такое слово?» Что-же, развѣ я про экономическую славу говорю, славу меча или науки? Я говорю лишь о братствѣ людей, о томъ, что во всемірному, во всечеловѣчески-братскому единому сердцу русское, можетъ быть, изъ всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено; вижу слѣды сего въ нашей исторіи, въ нашихъ великихъ людяхъ, въ художественномъ геніи Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю «въ рабскомъ видѣ земли благословляя Христосъ». Почему-же намъ не вѣстать послѣдняго слова Его? Да и самъ онъ не въ ясляхъ-ли родился? Повторяю: по крайней мѣрѣ, мы уже можемъ указать на Пушкина, на всемірность и всечеловѣчность его генія. Вѣдь онъ же онъ вѣститъ чужіе генія въ душѣ своей, какъ родные искусства, по крайней мѣрѣ, въ художественномъ творчествѣ, проявляя эту всемірность стремленія русскаго духа неоспорно, а въ этомъ уже великое указаніе. Если наша мысль есть казая, то съ Пушкинымъ есть, по крайней мѣрѣ, на чемъ этой мысли основаться. Если-бы жилъ онъ дольше, можетъ быть, и-бы безсмертные и великіе образы души русской, уже покоряе нашихъ европейскихъ братьямъ, привлечь-бы ихъ къ себѣ гораздо болѣе и ближе, чѣмъ теперь, можетъ быть, успѣли бы разъяснить всю правду стремленій нашихъ, и они уже бы понимали-бы насъ чѣмъ теперь, стали-бы насъ предугадывать, перестали-бы на насъ смотрѣть столь недоувѣрчиво и скептически, какъ теперь еще смотрятъ. Жилъ-бы Пушкинъ такъ и между нами было-бы, можетъ быть, менѣе недоувѣрчивости и споровъ чѣмъ видимъ теперь. Но Богъ судилъ иначе. Онъ умеръ въ полномъ развитіи своихъ силъ и безспорно съ собою въ гробъ въ некоторую великую тайну. И вотъ мы безъ него эту тайну разгадываемъ.

Глава третья.

Приписка къ случаю. Четыре лекціи на разные темы по поводу одной лекціи, прочитанной мнѣ г. А. Градовскимъ.
Съ обращеніемъ къ г. Градовскому.

I

Объ одномъ самомъ основномъ дѣлѣ.

«Я уже было заключилъ мой «Дневникъ», ограничивъ его «Речью», произнесенною 8-го іюня въ Москвѣ и предисловіемъ, которое я написалъ, предчувствуя гамъ, действительно явившійся потомъ въ нашей прессѣ послѣ появленія моей «Речи» въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Не прочтя вашу критику, г. Градскій, я приостановилъ печатаніе «Дневника», чтобы явиться ему и отвѣтъ на ваши нападки. О, предчувствія мои оправданы, гамъ поднялся страшный: И гордецъ-то я, и трусъ-то я, и Манюловъ, и поэтъ, и полицію надо-бы привести чтобы оживать порывы публики, — полицію моральную, полицію либеральную, конечно. Но почему-же бы и не настоящую? И настоящая полиція вѣдь у насъ теперь либеральная, отнюдь не возопившихъ на меня либераловъ. Во истину немного не ставало до настоящей! Но оставимъ это пока, перейду прямо къ отвѣту вамъ на ваши пункты. Прямо признаюсь съ самаго начала, что лично нечего-бы мнѣ съ вами ни дѣлать, ни говорить. Мнѣ съ вами столкнуться нельзя; убѣждать или разубѣждать васъ, стало быть, я вовсе не имѣю въ виду. Читая и принимая ваши статьи я, конечно, всегда удивлялся теченію мысли. Итакъ почему-же я вамъ теперь отвѣчаю? Единственно мнѣ въ виду другихъ, которые насъ разсудятъ, т. е. читателей. Для другихъ я пишу. Я слышу, я предчувствую, вижу даже, возникаютъ и идутъ новые элементы, жаждущіе новаго истосковавшіеся отъ стараго либеральнаго подхихиванія вслѣдствіи словомъ надежды на Россію, отъ стараго прежнему либерально-беззубаго скептицизма, отъ старыхъ жертвоприношеній которыхъ забыли похоронить и которые все еще считаютъ за молодое поколѣніе, отъ стараго либерала-руководителя!

и Россіи, который за все двадцатипятилѣтіе своего пребы-
 я у насъ обозначился, наконецъ, какъ «безъ толку кричъ-
 на базарѣ чловѣкъ», по выраженію народному. Однимъ сло-
 захотѣлось мнѣ многое высказать уже кромѣ отвѣта на
 чанія ваши, такъ что и, отвѣчая теперь, какъ-бы придрался
 къ случаю.

Вы прежде всего задаетесь вопросомъ и даже упрекаете меня
 му я не вывожу ясной: откуда взялись наши «скитальцы»,
 торыхъ я говорилъ въ моей «Рвчи?» Ну, это исторія длин-
 нужно начинать слишкомъ издавна. Къ тому-же, что-бы
 на этотъ счетъ ни отвѣтилъ, вы все-таки не согласны,
 потому что у насъ уже предвзято и подготовлено наше соб-
 нное рѣшеніе о томъ откуда они завелись и какъ завелись:
 тоски, дескать, жить съ Сквозниками - Дмухановскими и
 гражданской скорби по неосвобожденнымъ еще тогда крестья-
 . Выводъ достойный современнаго либеральнаго чловѣка,
 же говоря, у котораго все, что касается до Россіи, давно
 рѣшено и подписано, съ необычайною, русскому либералу
 свойственною легкостью. Тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ
 тѣ, чѣмъ вы думаете, гораздо, не смотря на столь окон-
 чное рѣшеніе ваше. Объ «Сквозникахъ и объ скорби» скажу
 своемъ мѣстѣ, но прежде всего позвольте поднять одно пре-
 стерное ваше словцо, высказанное опять-таки съ легкостію,
 проходящею почти до рѣзвости и которое я не могу обойти.
 повторю:

Такъ или иначе, но уже два столѣтія мы находимся подъ влія-
 европейскаго просвѣщенія, дѣйствующаго на насъ чрезвычайно
 ко, благодаря «всемирной отзывчивости» русскаго чловѣка, при-
 ду г. Достоевскимъ за нашу національную черту. Уйти отъ этого
 щенія намъ некуда, да и незачѣмъ. Это фактъ, противъ кото-
 вамъ ничего нельзя сдѣлать, по той простой причинѣ, что всл-
 русскій чловѣкъ, пожелавшій сдѣлаться просвѣщеннымъ, непре-
 получить это просвѣщеніе изъ западно-европейскаго источника,
 нѣльзящимъ отсутствіемъ источниковъ русскіхъ».

Сказано конечно играиво; но вы произнесли и важное слово:
 «просвѣщеніе». Позвольте-же спросить что вы подъ нимъ ра-
 зуме: науки запада, полезныя знанія, ремесла или просвѣще-
 нное? Первое, т. е. науки и ремесла, дѣйствительно не
 и насъ миновать и уходить намъ отъ нихъ дѣйствительно
 , да и незачѣмъ. Согласенъ тоже вполне, что не откуда
 чать ихъ кромѣ какъ изъ западно-европейскіхъ источ-
 , за что хвала Европѣ и благодарность наша ей вѣчная.

Но вѣдь подъ просвѣщеніемъ я разумѣю (думаю, что не можетъ разумѣть иначе), — то, что буквально уже вырвъ въ самомъ словѣ «просвѣщеніе», т. е. свѣтъ духовный, іцій душу, просвѣщающій сердце, направляющій умъ и вающій ему дорогу жизни. Если такъ, то позвольте вамъ тить, что такое просвѣщеніе намъ нечего черпать изъ европейскихъ источниковъ за полнѣйшимъ присутствіемъ отсутствіемъ) источниковъ русскихъ. Вы удивляетесь? Вы въ спорахъ я люблю начинать съ самой сути дѣла, съ спорнаго пункта разомъ.

Я утверждаю, что нашъ народъ просвѣтился уже давнявъ въ свою суть Христа и ученіе Его. Мнѣ скажутъ: інія Христова не знаетъ и проповѣдей ему не говорятъ, — возраженіе пустое: все знаетъ, все то что именно нужно хотя и не выдержитъ экзамена изъ катехизиса. Научилъ храмахъ, гдѣ вѣками слышалъ молитвы и гимны, которые проповѣдей. Повторялъ и самъ пѣлъ эти молитвы еще сахъ, спасаясь отъ враговъ своихъ, въ Батыево нашествіе можетъ быть, пѣлъ: «Господи силъ съ нами буди!» и можетъ быть, и заучилъ этотъ гимнъ, потому что кромѣ у него тогда ничего не оставалось, а въ немъ, въ этомъ уже въ одномъ вся правда Христова. И что въ томъ, роду мало читаютъ проповѣдей, а дьячки бормочатъ и чиво, — самое колоссальное обвиненіе на нашу церковь манное либералами, вмѣстѣ съ неудобствомъ церковно-славянска языка будто-бы непонятнаго простолюдину. (А старообрядцы!). Зато выйдетъ попъ и прочтетъ: «Господи живота моего» — а въ этой молитвѣ *вся суть христовы* весь его катехизисъ, а народъ знаетъ эту молитву и знаетъ тоже опъ наизусть многія изъ житій Святыхъ, зываетъ и слушаетъ ихъ съ умиленіемъ. Главная-же шестіанства, которую прошелъ онъ — это вѣка безчисленныя безконечныхъ страданій имъ вынесенныхъ въ свою когда онъ, оставленный всѣми, попраный всѣми, рабъ на всѣхъ и на вся, оставался лишь съ однимъ Христомъ шителемъ, котораго и принялъ тогда въ свою душу на который за то спасъ отъ отчаянія его душу! Впрочемъ я вамъ это все говорю? Неужто я васъ убѣдить хочю мои покажутся вамъ, конечно, младенческими, почти ными. Но повторяю въ третій разъ: не для васъ пи тема эта важная, о ней надо особо и много еще сказать

орять, имея держу норо въ рукахъ, а теперь выражу мою мысль лишь въ основномъ положеніи: Если нашъ народъ просвѣщенъ уже давно, принявъ въ свою суть Христа и его ученіе, дѣйствъ съ Нимъ, съ Христомъ, ужь, конечно, принялъ и *многос* просвѣщеніе. При такомъ основномъ запасѣ просвѣщенія науки Запада, конечно, обратится для него лишь въ истинно-благодѣяніе. Христосъ не померкнетъ отъ нихъ у насъ, какъ Западъ, гдѣ, впрочемъ, не отъ наукъ онъ померкъ, какъ ожидаютъ либералы-же, а еще прежде наукъ, когда сама церковь западная искавила образъ Христовъ, преобразившись въ *мра* въ Римское государство и воплотивъ его вновь въ видѣ *ства*. Да, на западѣ во истинну уже нѣтъ Христіанства и *кви*, хотя и много еще есть Христіанъ, да и никогда не исчезъ. Католичество во истинну уже не Христіанство и переходъ въ идолопоклонство, а протестантизмъ исполненными шагами *ходитъ* въ атеизмъ и въ зыбкое, текущее, измѣнчивое (а не *овѣ*чное) правоученіе.

О, конечно, вы тотчасъ-же возразите мнѣ, что Христіанство поклоненіе Христу вовсе не заключаетъ въ себѣ и собою весь *мъ* просвѣщенія, что это только лишь одна ступень, что нужно, *напротивъ*, науки, гражданскія идеи, развитіе, и пр. и пр. Это мнѣ нечего вамъ отвѣчать, да и неприлично, ибо хотя *и* я правъ отчасти, на счетъ наукъ, напимѣрь, но за то *ни*гда не согласитесь, что Христіанство народа нашего есть, *и* *можно* остаться навсегда, самою главною и жизненною основою просвѣщенія его! Я вотъ въ моей «Рѣчи» сказалъ, что Татьяна, отказавшись идти за Онѣгинимъ, поступила по русски, по *той* народной правдѣ, а одинъ изъ критиковъ моихъ, оскорбленный, что у русскаго народа есть правда, вдругъ возразилъ *въ* вопросомъ. «А свальный грѣхъ?» Такимъ критикамъ развѣ *можно* отвѣчать? Главное, оскорблены тѣмъ, что русскій народъ *не* имѣетъ свою правду, а, стало бытъ, дѣйствительно просвѣщенъ. Да развѣ свальный грѣхъ существуетъ въ цѣломъ *на*шемъ и существуетъ какъ *правда*? Принимаетъ-ли его *на*шъ народъ за правду? Да, народъ нашъ грубъ, хотя и далеко *не* весь, о, не весь, въ этомъ я клянусь уже какъ свидѣтель, *пу* что я видѣлъ народъ нашъ и знаю его, жила съ нимъ *мно*го лѣтъ, ѣлъ съ нимъ, спалъ съ нимъ и самъ къ «злоте причтенъ былъ», работалъ съ нимъ настоящей мозоль-работой, въ то время когда другіе, «умывавшіе руки въ кро-

р., либеральничая и подхихкивая надъ народомъ, рѣшали на

лекціяхъ и въ отдѣленіи журнальныхъ фельетоновъ, что нашъ «образъ звѣринаго и печати его». Не говорите-же мнѣ я не знаю народа! Я его знаю: отъ него я принялъ вѣрную душу Христа, котораго узналъ въ родительскомъ домѣ ребенкомъ и котораго утратилъ было, когда преобразился въ очередь въ «европейскаго либерала». Но пусть, пусть нашъ грѣшникъ и грубъ, пусть звѣринъ еще его образъ: «на матеря вѣхаль, молодая жена на пристяжочкѣ» — съ чѣмъ будѣ да взялась эта пѣсна? Всѣ русскія пѣсни взяты съ нѣбудь были — замѣтили вы это? Но будьте-же и справедливы хоть разъ, либеральные люди: вспомните что народъ вытѣряетъ во столько вѣковъ! Вспомните кто въ звѣриномъ образѣ становится наиболее и не осуждайте! Вѣдь сивѣшно осуждаютъ жидка за то что онъ не причесанъ у французскаго парика изъ Большой Морской, а вѣдь почти до этихъ именно обрядовъ и доходитъ, когда подымутся на русскій народъ наши европейскіе либералы и примутся *отрицать* его: И личности-то онѣ не выработаны, и національности-то у него нѣтъ! Боже! на Западѣ, гдѣ хотите и въ какомъ угодно народѣ, — развѣ пьянства и воровства, не такое-же развѣ звѣрство, и при ожесточеніи (чего нѣтъ въ нашемъ народѣ) и уже неоправданное заправское невѣжество, настоящее непросвѣщеніе, потемниной развѣ соединено съ такимъ беззаконіемъ, которое у насъ считается тамъ грѣхомъ, а именно стало считаться правдой не грѣхомъ. Но пусть, все-таки пусть въ нашемъ народѣ грѣшность и грѣхъ, но вотъ что въ немъ есть неоспоримо: это не то, что онъ, въ своемъ цѣломъ по крайней мѣрѣ (и идеаль только, а въ самой заправской дѣйствительности) не принимаетъ, не приметъ и не захочетъ принять своего за правду! Онъ согрѣшитъ, но всегда скажетъ, рано-ли, поздно-ли: я сдѣлалъ неправду. Если согрѣшившій не скажетъ, то иной за него скажетъ, и правда будетъ восполнена. Грѣшность и срадъ пройдетъ когда возсіяетъ солнце вполнѣ. Грѣшность есть дѣло преходящее, а Христосъ вѣчное. Народъ грѣшникъ пакостится ежедневно, но въ лучшія минуты, во Христовы минуты, онъ никогда въ правдѣ не ошибется. То именно и то что народъ вѣритъ какъ въ свою правду, въ чемъ онъ живетъ, какъ ее представляетъ себѣ, что ставитъ своимъ высшимъ желаніемъ, что возлюбилъ, чего просить у Бога, о чемъ вѣчно плачетъ. А идеаль народа — Христосъ. А съ Христомъ вѣчно, и просвѣщеніе, и въ высшія, роковыя минуты

въ всегда рѣшаетъ и рѣшалъ все свое общество, все народное свое всегда по христіански. Вы скажете съ насмѣшками: это мало, вѣдѣть только, надо и дѣлать, надо. А у насъ-то у самихъ, господа русскіе просвѣщенные мы, много праведниковъ? Укажите мнѣ какихъ праведниковъ вы въ это Христа ставите? Но знайте, что въ ютъ и праведники. Есть непохожими характеры некой красоты и силы, до которыхъ не коснулся еще еще никто. Есть эти праведники и страдальцы за правду мы ихъ или не видимъ. Не знаю, кому дано имъ, конечно, увидеть ихъ и осмыслить, кто-же видитъ ихъ въ явномъ, тотъ, конечно, ничего не увидитъ. Но на крайней мѣрѣ, знаетъ, что они есть у него, вѣрять есть, вѣрять этою мыслью и уловить, что они всегда всю всеобщую минуту спасутъ его. И сколько разъ нашъ спасалъ отечество? И еще недавно, засмердявъ въ грѣхѣ, стѣнѣ и въ беззаконіи, онъ обрадовался духовно, весь въ влукуности, послѣдней войны за Христову вѣру, по у славянъ мусульманами. Онъ принялъ ее, онъ схватилъ ее какъ за жертву очищенія своего за грѣхъ и беззаконіе посылалъ сыновей своихъ умирать за святое дѣло, глядя, что падаетъ рубль, и что цѣна на говядину стала. Онъ жадно слушалъ, жадно спрашивалъ и самъ чужой и мы тому все свидѣтели, много насъ есть тому ей. Я знаю: подъемъ духа народа нашего въ послѣднюю, а тѣмъ болѣе причины этого подъема, не признавая либералами, смѣются они надъ этой идеей: «У этихъ, дескать собирательная идея, у нихъ гражданское чувство, ская мысль - развѣ можно это позволить?» И почему, зашь европейскій либераль такъ часто врагъ народа? Почему въ Европѣ, называющіе себя демократами, всегда за народъ, по крайней мѣрѣ, на него опираются, а повратъ зачастую аристократъ и въ концѣ концовъ всегда служить въ руку всему тому, что подавляетъ народъ, и кончается господчиной. О, я вѣдь не утверждаю, что и народа сознательно, но въ бессознательности-то и что будетъ въ негодованіи отъ этихъ вопросовъ? Пусть это все аксіомы и ужь, конечно, я не перестану ихъ и доказывать пока только буду писать и говорить. Съ кончимъ: науки это такъ, а «просвѣщеніи» нечестно, ишь въ западно-европейскихъ источникахъ. А

жалуй! вѣтеринемъ такія общественныя формулы, какъ мѣръ: *Chacun pour soi et Dieu pour tous*, или *après moi*. О, сейчасъ-же закричатъ: «А у насъ нѣтъ такихъ по не говорятъ у насъ что-ли: «Старая хлѣбъ-соль не и сотни другихъ афоризмовъ въ этомъ-же родѣ? Да, въ народѣ много всякихъ: умъ народа широкъ, оно развивающееся сознаніе всегда подсказываетъ отрицаніе все только поговорки, въ нравственную правду ихъ народ не вѣритъ, надъ ними самъ шутитъ и смѣется, въ цѣлѣмъ, по крайней мѣрѣ, ихъ отрицаетъ. А осмѣлитесь-ли ждать, что *chacun pour soi et Dieu pour tous*, есть только поговорка, а не общественная уже формула, всѣми принята надъ и которой все тамъ служить и въ нее вѣрятъ? нѣтъ мѣръ, всѣ тѣ, которые стоятъ надъ народомъ, которые его въ уздѣ, которые обладаютъ землей и пролетаріаты стоятъ на стражѣ «европейскаго просвѣщенія». Зачѣмъ-такое просвѣщеніе? Поищемъ у себя много. Наука дѣла просвѣщеніе иное. Съ надеждой на народъ и на силы жетъ, и разовьемъ когда нибудь уже въ полнотѣ, въ сіяніи и блескѣ это Христово просвѣщеніе наше. Вы мнѣ, разумѣется, что все это длинное разглагольство отвѣтъ однако-же на вашу критику. Пусть. Я считаю лишь предисловіемъ, но только необходимымъ. Какъ и ня, т. е. въ моей «Рѣчи», отмѣчаете и находите такія разногласія съ вами, которые сами считаете самыми важнѣйшими, такъ и я прежде всего отмѣтилъ и выставилъ пунтъ у васъ, который считаю самымъ основнымъ гласіемъ нашимъ, наиболѣе препятствующимъ намъ и соглашенію. Но предисловіе кончено, приступимъ къ вѣткѣ и теперь уже безъ отступленій.

II.

Алеко и Держиморда. Страданія Алеко по крѣпостному Анекдоты.

Вы пишете, критикуя мою «Рѣчь»:

«Но Пушкинъ, выводя Алеко и Онѣгина съ ихъ отрицательныхъ показателъ, что именно «отрицали» они и было-бы въ высшей степени рискованно утверждать, что они отрицали именно «народную» коренныя начала русскаго міросозерцанія. Этого не видно»

Ну, видно или не видно, рискованно или нѣтъ утверждать, — къ этому возвратимся сейчасъ, а прежде вотъ то, что вы говорите о Дмухановскихъ, отъ которыхъ будто-бы бѣжалъ Алеко цыганамъ:

Но, действительно, мѣръ тогдашнихъ скитальцевъ, — пишете вы, — въ мѣрѣ, отрицавшемъ другой мѣръ. Для объясненія этихъ типовъ, необходимы другіе типы, которыхъ Пушкинъ не воспроизвелъ, и обращаясь къ нимъ во временахъ съ жгучимъ негодованіемъ. Прода его таланта нѣшала ему спуститься въ этотъ мракъ и вознѣ въ «мерль созданія» совѣ, сычей и летучихъ мышей, наполннхъ подвальныя этажи русскаго жилища (*не серхміе-ли?*). Это сдѣлалъ Гоголь — важная оборотная сторона Пушкина. Онъ повѣдалъ, отчего бѣжалъ къ цыганамъ Алеко, отчего скучалъ Онѣгинъ, что народились на свѣтъ «лишніе люди», увѣковеченные Тургеннъ, Коробочка, Собакевичи, Сквозники-Дмухановскіе, Держннн, Тяпкинн-Ляпкинн — вотъ тѣневая сторона Алеко, Бальтова, и многихъ иныхъ. Это фонъ, безъ котораго непонятны фигуры Героевъ. А вѣдь эти гоголевскіе герои были русскими — ухъ, какн русскими людьми! У Коробочки не было мировой скорби, Сквознн-Дмухановскій превосходно умѣлъ объясняться съ купцами, Собакевичъ насквозь видѣлъ своихъ крестьянъ и они насквозь видѣли его. Конечно, Алеко и Рудинъ всего этого вполне не видали и не знали; они просто бѣжали куда кто могъ: Алеко къ цыганамъ, Рудинъ въ Парижъ, умирать за дѣло, для него совершенно постороннее.

Они просто, видите-ли, бѣжали. О, фельетонная легкость рѣчь! И какъ просто все это у васъ выходитъ, какъ все у васъ готово и предрѣшено! Подлинно готовые слова говорите. Вы говорите, къ чему вы завели рѣчь о томъ, что всѣ эти гоголевскіе герои были русскими, — «ухъ, какими русскими людьми!» Къ чему нашему это вовсе и не подходитъ. Да и кто не знаетъ, что они были русскіе люди? Да и Алеко и Онѣгинъ были русскими, да и мы съ вами русскіе люди, да русскимъ-же, вполне русскимъ былъ и Рудинъ, убѣжавшій въ Парижъ умирать за дѣло для него совершенно, будто-бы, постороннее, какъ вы утверждаете. Да вѣдь именно потому-то онъ и русскій въ высшей степени, что дѣло, за которое онъ умиралъ въ Парижѣ, ему было не столь постороннимъ, какъ было-бы англичанину въ Лондонѣ, — ибо дѣло европейское, мировое, всечеловѣческое, а не только русскому человѣку. Вѣдь это отличительная черта Рудина. Трагедія Рудина была собственно въ томъ, что онъ на своей нивѣ работы не нашелъ, и умеръ на другой нивѣ, но вовсе не столь чуждой ему, какъ вы утверждаете. Но и въ чемъ, однако-же, дѣло: всѣ эти Сквозники и Собаке-

вечи хотъ и русскіе люди, но русскіе люди вспорочныя почвы оторванныя и хотъ знающіе народный бытъ съ стороны, но ничего не знающіе съ другой, даже не подозреваліе, что она существуетъ, другая-то эта сторона, — въ это и дѣло. Души народной, того, чего народъ жаждетъ, чего вѣнно просить, они и не подозрѣвали, потому что страшныя зирали народъ. Да и душу-то они въ немъ отрицали даже, развѣ ревизской. «Собакевичъ насквозь видѣлъ своихъ кресты утверждаете вы. Это невозможно. Собакевичъ видѣлъ въ Провинціи только слышу, которую можно продать Чичиковъ утверждаете, что Сквозникъ-Дмухановскій превосходно объясняется съ купцами. «Помялосердуйте! Да перечтите монологу городничаго къ купцамъ въ пятомъ актѣ: такъ рить развѣ только съ собаками, а не съ людьми, это-ли чить «превосходно» говорить съ русскимъ человѣкомъ? И вы хвалите? Да лучше-бы прямо по зубамъ или за волосы дѣтствѣ моемъ я видѣлъ развѣ на большой дорогѣ фельдъ въ мундирѣ съ фалдочками, въ трехъуголкѣ съ перомъ, съ тузившаго въ загорбокѣ ямщика кулакомъ на всемъ лету, и изступленно стегалъ свою запаренную, склающую во несъ тройку. Этотъ фельдъегеръ былъ, разумѣется, по рожденію скій, но до того ослабшій и оторвавшійся отъ народа, могъ иначе и объясняться съ русскимъ человѣкомъ какъ имъ огромнымъ кулачищемъ вмѣсто всякаго разговора. А тѣмъ, вѣдь онъ всю жизнь свою провелъ съ ямщиками разнымъ русскимъ народомъ. Но фалдочки его мундира, съ перомъ, его офицерскій чяпъ, его вычищенные петербургскіе сапоги ему были дороже, душевно и духовно, не только скаго мужика, но, можетъ быть, и всей Россіи, которую искресталъ всю взадъ и впередъ и въ которой онъ, въ вѣроятности, ровно ничего не нашелъ примѣчательнаго стойнаго чего-нибудь инаго кромѣ какъ его кулака или вычищеннымъ его сапогомъ. Ему вся Россія представлялась въ его начальствѣ, а все, что кромѣ начальства, почти не могло существовать. Какъ таковой можетъ понимать суть народа его! Это былъ хотъ и русскій, но уже и «европейскій» русскій начавшій свой европеизмъ не съ просвѣщенія, а съ развѣ какъ и многіе, чрезвычайно многіе начинали. Да-съ, это вратъ не развѣ принимался у насъ за самый вѣрный передѣлать русскихъ людей въ европейцевъ. Вѣдь снѣтъ фельдъегеря будетъ, можетъ быть, профессоромъ, т. е.

мы ушь европейцамъ. И такъ не говорите о пониманіи сути народной. Нужно было Пушкина, Хомяковыхъ, Самарина, Аксаковыхъ, чтобъ начать толковать объ настоящей народной. (До нихъ хотъ и толковали объ ней, но какъ-то косвенно и театральное). И когда они начали толковать объ народной правдѣ, всѣ смотрѣли на нихъ какъ на эпигоны и идиотовъ, живущихъ въ идеалѣ—«въ райку и пиръ донесенія». Да, донесенія! Они до того всѣхъ удивили на своихъ порахъ своимъ появленіемъ и своими извѣстіями, что сразу начали даже сомнѣваться: не хотятъ-ли до они писать своихъ донесенія? Рѣшите сами: далеко вамъ нѣтъ отъ этого сеньскаго взгляда на славянофиловъ ушли многие современныя лабералы?

Но въ дѣлу. Вы утверждаете, что Алеко убѣждалъ къ цыганамъ отъ Держиморды. Положимъ, что это правда. Но хуже то, что вы-то сами, г. Градовскій, вполне убѣжденно прижете права Алеко на всю таковую брезгливость его: «Не могъ, хотъ, не убѣжать къ цыганамъ, ибо ужъ слишкомъ гадокъ въ Держиморда». А я утверждаю, что Алеко и Онѣгинъ были въ своемъ родѣ Держиморды, и даже въ многомъ отношеніи хуже. Только съ тою разницею, что я не обвиняю ихъ за все, вполне признавая трагичность судьбы ихъ, а вы ихъ ждете за то, что они убѣждали: «Дескать, такіе великіе и интеллигентные люди могли-ли ужиться съ такими уродами?» Вы ужасно обаетесь. Вы вотъ сами выводите, что Алеко и Онѣгинъ вовсе отрывались отъ почвы и вовсе не отрицали народную правду. Но того: «вовсе-де они и не горды были»—вотъ что вы даже утверждаете. Да тутъ гордость прямое, логическое и неминуемое послѣдствіе ихъ отвлеченности и оторванности отъ почвы. Видъ можете-же вы отрицать, что они почвы не знали, росли воспитывались по институтски, Россію узнавали въ Петербургѣ на службѣ, съ народомъ были въ отношеніяхъ барина и крестьянину. Пусть они даже и жили въ деревнѣ съ мужикомъ. Мой фельдъегерь всю жизнь съ ящиками знался, и что другаго не призналъ въ нихъ кромѣ достойнаго своего чина. Алеко и Онѣгинъ въ Россіи были высокомерны и самодовольны, какъ всѣ люди живущіе отъ народа отдѣльной жизнью на всею на готовомъ, т. е. на мужичьемъ трудѣ и денежномъ просвѣщеніи, тоже имъ даромъ доставшемся. Но тѣмъ, что всѣ интеллигентные люди наша, известной общественной подготовкой, чуть не во всѣ два вѣка нашей

исторія, обратились лишь въ праздныхъ бланкетъ, и объясняется ихъ отвлеченность и оторванность от почвы. Не Держимордой онъ погибъ, а тѣмъ что не объяснитъ себя Держиморду и происхожденіе его. Самшконъ этого гордъ былъ. Не умѣвъ-же объяснить, не нашелъ возможности и работать на родной нивѣ. Тѣхъ-же, которые въ эту возможность, считалъ за глупцовъ или тоже за Держимордъ. И не только передъ Держимордой былъ гордъ названъ талецъ, но и передъ всею Россіей, ибо Россія, по его окончательному выводу, содержала въ себѣ только рабствъ да Держимордъ. Вели-же заключала что нибудь въ себѣ благородство это ихъ, Алекъ и Онѣгныхъ, а болѣе ничего. После гордость приходитъ уже сама собой: пребывая въ отвлеченности естественно начинали удивляться своему благородству и своей надъ гадкими Держимордами, въ которыхъ не умѣли ничего объяснить. Еслибъ не были они горды, то увидали-бы, сами они Держиморды, и, прозрѣвъ это, можетъ быть, тогда, именно въ этомъ прозрѣніи и исходъ къ примиренію народу-же чувствовали уже не столько гордость, сколько оупіе, и это сплошь. Вы всему этому не повѣрите, вы, напротивъ говоря, что иные черты Алекъ и Онѣгныхъ дѣйствительно и глупы, высочайшно начинаете журить меня за уость во за то что «лечить симптомы и оставлять корень болѣзни ли разсудительно». Вы утверждаете, что я, говоря: «С гордый человекъ» — обвиняю Алеко лишь въ личныхъ оупностяхъ, упуская корень дѣла «какъ будто дескать вся су лишь въ личныхъ качествахъ гордящихся и не желающихъ риться». Не рѣшенъ вопросъ, говорите вы, передъ тѣмъ я лись скитальцы; остается бояъ отвѣта и другой передъ тѣмъ дуетъ смириться». Все это съ вашей стороны очень ужъ комѣрно: я, кажется, прямо вѣдъ вывелъ, что «скитальцы дуть историческаго хода нашего общества, стало быть, я ливаю-же всю вину на нихъ только однихъ лично и не личными качества. Вы это у меня читали, это написано чitano, стало быть, зачѣмъ-же вы искажаете? Выписывая тираду: «Смирись» вы пишете:

«Въ этихъ словахъ г. Достоевскій выражаетъ «святыя свои своихъ убѣжденій, то что составляетъ одновременно силу и оупавтора «Братьевъ Карамазовыхъ». Въ этихъ словахъ заключенъ лишь реликозныи идеалъ, мощная проповѣдь личной нравственности и намекъ на идеалы общественныя».

А затѣмъ послѣ этихъ словъ тотчасъ-же начинаете критиковать идею «личнаго совершенствованія въ духѣ христіанской веры». Къ вашему мнѣнію о «личномъ самосовершенствованіи» я перейду сейчасъ, но прежде выверну передъ вами всю вашу славаду, которую вы, кажется, хотѣли-бы скрыть, именно: Вы не то только, что я обвиняю «скитальца» на меня уже такъ серданисъ, а за-то что я, напротивъ, не признаю его за идеалъ истиннаго совершенства, за русскаго здороваго человѣка, чѣмъ только онъ можетъ и долженъ быть! Признавая, что въ немъ и Онѣгинъ есть «неприглядныя черты», вы только ухитряетесь. На вашу внутренній взглядъ, который вы почему-то не можете обнаружить вполне, «скитальцы» — нормальны и прекрасны, прекрасны уже тѣмъ, что убѣждали отъ Державинордъ. Вы негоднованіемъ смотрите, если осмѣлятся въ нихъ признать даже какой-нибудь недостатокъ. Вы говорите уже прямо: «но-бы желало утверждать, что они погибли отъ своей гордыни и не хотѣли смириться передъ народной правдой». Вы на-конецъ съ жаромъ утверждаете и настаиваете, что это они освободили крестьянъ. Вы пишете:

«Скажемъ больше: если въ душѣ лучшихъ изъ этихъ „скитальцевъ“ той половинѣ нашего столѣтія и сохранился какой-нибудь помыселъ, то это именно былъ помыселъ о народѣ, самая жгучая изъ ихъ заботъ была обращена именно къ рабству, таготѣвшему надъ народомъ. Пусть они любили народъ и ненавидѣли крѣпостное право по своему, по „европейски“ что-ли. Но кто-же какъ не они подготовили путь наше къ упраздненію крѣпостнаго права? Чѣмъ могли и они любить „родной нивѣ“ сначала въ качествѣ проповѣдниковъ освобожденія, а потомъ въ качествѣ мировыхъ посредниковъ первой оче-

реды? То-то вотъ и есть что «скитальцы» ненавидѣли крѣпостное право по своему, по «европейски», въ томъ-то и вся сила. То-то и есть, что ненавидѣли они крѣпостное право не ради какого мужика, на нихъ работавшаго, ихъ питавшаго, а, стало быть, и ни-же въ члелъ другихъ и угнетеннаго. Кто мѣшалъ имъ, кто уже до того ихъ одолевала гражданская скорбь, что къ цѣли приходилось бѣжать, али на баррикады въ Парижъ—кто мѣшалъ имъ просто за просто освободить хоть своихъ крестьянъ и снять такимъ образомъ гражданскую скорбь, по крайней мѣрѣ, хотя съ своей-то личной ответственности? Но объ освобожденіяхъ что-то мало у насъ было слышно, а денегъ воплей раздавалось довольно. «Среда, дескать, за-вѣсно-до ему своего капиталу лишиться»? Да почему-

но не думайте, когда ужъ до такой степени дѣло доходило, скорби по крестьянамъ, что на баррикады бѣжать приходило. То-то вотъ и есть, что въ «мѣстечкѣ Парижъ-съ» всетаки добны деньги, хотя-бы и на баррикадакъ участвуя, такъ крѣпостные-то и присылали оброкъ. Дѣлали и еще прощелывали, продавали, или обмѣнивали (не все-ли равно?) стѣлять и, осуществивъ денежки, уѣзжали въ Парижъ свосѣвать наданію французскихъ радикальныхъ газетъ и журналовъ для спасенія уже всего человѣчества, не только русскаго жника. Вы увѣряете, что ихъ всѣхъ заѣдала скорбь о крѣпостномъ мужикѣ? Не то чтобъ о крѣпостномъ мужикѣ, а обще отвлеченная скорбь о рабствѣ въ человѣчествѣ. Не до ему быть, это непросвѣщенно, *Liberté* дескать, *Égalité* и *Fraternité*. Что-же до русскаго мужика лично, то, можетъ быть, онъ по немъ даже и вовсе не томилъ этихъ великихъ сердецъ ужасно. Я знаю и запомнилъ множество интимныхъ изреченій даже весьма и весьма «просвѣщенныхъ» людей прежняго дѣла стараго времени: «Рабство, безъ сомнѣнія, ужасное зло, сошлись они интимно между собой, но если уже все взять, то и народъ—развѣ это народъ? Ну, похожъ онъ на парижскій родъ девяносто третьяго года? Да онъ ужъ свихся съ рабствомъ его лицо, его фигура уже изображаетъ собою раба, и, если тито, розга, напиримѣрь, конечно, ужасная мерзость, говоря все-но для русскаго человѣка ей Богу розочка еще необходима: русскаго мужичка надо посячь, русскій мужичокъ стоскуется, его не посячь, ужъ такая-де нація», — вотъ что я слышалъ въ свое время, клянусь, отъ весьма даже просвѣщенныхъ людей. Это «трезвая правда-съ». Онѣгинь, можетъ быть, и не о своихъ дворовыхъ, хотя право трудно это рѣшить, ну, а да я увѣренъ, что посягалъ, — я не отъ жестокости вѣдь сердце почти даже изъ жалости, почти для доброй цѣли: «Вѣдь онъ для него необходимо, вѣдь безъ розочки онъ не проживетъ, вѣдь онъ приходитъ и проситъ: посяки меня, баринъ, сдѣлай чинъ вонъ, сбалавался совѣмъ! Чтожъ дѣлать съ такою природою? Жите пожалуйста, ну и удовлетворишь его, посячешь!»! Почти чувство къ мужику въ нихъ доходило зачастую до гадливости, сколько презрительныхъ анекдотовъ ходило между нихъ о русскомъ мужикѣ, презрительныхъ и пахабныхъ, объ его рабской и объ его «идолопоклонствѣ», объ его попѣ, объ его бабѣ, гонимъ все это съ самымъ логичнымъ сердцемъ такіе иногда люди, у которыхъ ихъ семейная жизнь изображала собою порядко почти

ности,—о, разумеется, не всегда отъ худаго чего-нибудь, тогда именно лишь отъ излишняго жару къ воспріятію пониженья европейскихъ идей, а la Лукреція Флоріани, напримѣръ, нашему понятыхъ и усвоенныхъ со всею русской стремительностью. Русскіе люди были во всемъ-съ! О, русскіе скорбящіе скептиками бывали иногда большими плутами, г. Градовскій, вотъ именно эти самые анекдотики о русскомъ мужикѣ и протальное мнѣніе о немъ почти всегда утоляли въ сердцахъ ихъ восторгу гражданской ихъ скорби по крупястому праву, придавая такимъ образомъ лишь отвлеченно-міровой характеръ. А вѣдь отвлеченно-міровымъ характеромъ скорби весьма и весьма можно питаться, пытаюсь духовно созерцаніемъ своей нравственной красоты и полета своей гражданской мысли, ну, а тѣлесно все-таки пытаюсь обречься съ тѣхъ-же крестьянъ, да еще какъ пытаюсь! Да чего, вотъ недавно еще одинъ старожилъ, наблюдатель во времени, привелъ анекдотъ въ журналѣ объ одной встрѣчѣ двухъ сильнѣйшихъ русскихъ тогдашнихъ либеральныхъ и міровыхъ умовъ съ русской бабой. Тутъ уже были отъявленные скептиками, такъ сказать, уже патентованные, заявившіе въ этомъ отношеніи себя исторически. Лѣтомъ, видите-ли, именно въ сорокъ восьмой году, на прекрасную подмосковную дачу, гдѣ давались «колоссальные обѣды» по замѣчанію самаго старожилы, съѣхалось въ множество гостей: гуманнѣйшіе профессора, удивительнѣйшіе любители и знатоки изящныхъ искусствъ и кой-чего прочаго, вѣннѣйшіе демократы, а впоследствии знатные политическіе дѣятели уже міроваго даже значенія, критики, писатели, прелестнѣйшія по развитію дамы. И вдругъ вся компанія, вѣроятно, послѣ чаю съ шампанскимъ, съ кулебяками и съ птичьимъ молокомъ, (чего-же нибудь да названы-же обѣды «колоссальными») направились погулять въ поле. Въ глуши, во ржи, встрѣчаютъ жницу. Лѣтняя страда извѣстна: встаютъ мужики и бабы въ четыре часа и идутъ хлѣбъ убирать, работаютъ до ночи. Жать очень трудно, всѣ двѣнадцать часовъ нагнувшись, солнце жжетъ. Жница къ заберется обыкновенно въ рожь, то ее и не видно. И вотъ гдѣ-то, во ржи, и находитъ наша компанія жницу, — представьте себѣ въ «примитивномъ костюмѣ» (въ рубашкѣ?!) Это ужасно! Чувство, гуманное чувство возбуждено, тотчасъ раздался оскорбительный голосъ: «Одна только русская женщина изъ всѣхъ женщинъ ни передъ кѣмъ не стыдится!» ну, разумеется, тотчасъ и воздъ: «Одна русская женщина изъ всѣхъ такая, передъ кою никто и ни за что не стыдится» (т. е. такъ и не должно

стыдиться» что-ли?) Завязался споръ. Явились и защитники, но какіе защитники, и съ какими возраженіями имъ пришлось бороться! И вотъ такія-то мнѣнія и рѣшенія могли раздаваться въ толпѣ скитальцевъ-помѣщиковъ, ушавшихся шампанскіе наготовавшихся устриць, — а на чьи деньги? Да вѣдь на работу! Вѣдь на васъ-же она, міровые страдальцы, работавшіе вѣдь на ся-же трудъ вы навѣлись. Что во ржи, гдѣ во поле мучимая солнцемъ и потомъ, сняла паневу и осталась въ рубашкѣ — такъ она и безстыдна, такъ ужь и оскорблена, такъ стыдливое чувство: «мъ всѣхъ, дескать, женщинъ всѣхъ стыднѣе», — ахъ вы, цѣломудренники! А «Парижскія-то уроченія» ваши, а рѣзвости въ «мѣстечкѣ Парижъ-съ», а канчикъ въ Баль-Мабилѣ, отъ котораго русскіе люди таяли слезы, когда только рассказывали о немъ, а маленькая пѣсенка:

«Ma commère quand je danse
«Comment va mon cotillon?»

Съ граціознымъ приподнятіемъ юбочки и съ подергиваніемъ задкомъ, — это нашихъ русскихъ цѣломудренниковъ не возбуждаетъ, напротивъ, прельщаетъ? «Помилуйте, да вѣдь это ужь такъ граціозно, этотъ канканчикъ, эти подергиванія, — это изящнѣйшій article de Paris въ своемъ родѣ, а вѣдь тутъ тутъ баба, русская баба, обрубокъ, колода!» Нѣтъ-съ, тутъ даже не убѣжденіе въ мерзости нашего мужика и народа, тутъ ужь въ чувство перешло, тутъ ужь личное чувство гадливости къ мужику сказалось, — о, конечно, невольное, почти бессознательное, совсѣмъ даже не замѣченное съ ихъ стороны. Я знаюсь, совсѣмъ даже не могу согласиться съ столь капитальнымъ положеніемъ вашимъ, г. Градовскій: «Кто-жь какъ не они подготовили общество наше къ упраздненію крѣпостнаго права? Отвлеченной болтовней развѣ послужили, источая гражданскую скорбь по всѣмъ правиламъ, — о, конечно, все въ общую экзекуцію пошло и къ дѣлу пригодилось. Но способствовали освобожденію крестьянъ и помогали трудящимся по освобожденію скорѣе всего склада люди, какъ на примѣръ Самаринъ, а не ваши пальцы. Такого типа людей, какъ Самаринъ, типа ужь совершенно непохожаго на скитальцевъ, явилось на великую тогдашнюю работу вѣдь очень не мало, г. Градовскій, а объ нихъ вы, конечно, ни слова. Скитальцамъ-же это дѣло, по всѣмъ признакамъ, скоро наскучило и они опять стали брезгливо будировать скитальцы-бы они были, если-бы поступили иначе. Получивъ

ния, стали остальными землями и т. п. свои продавать купцамъ и лакамъ на срубъ и на истребленіе, и, выходясь за границу, имъ абсентеизмъ... Вы, вонечно, съ мнѣмъ и мнѣніемъ не согласенъ г. профессоръ, но вѣдь что-же и мнѣ-то дѣлать: никакъ могу вѣдь и я согласиться признать этотъ образъ столь дорого вамъ русскаго высшаго и либеральнаго человѣка за идеалъ нашего нормальнаго русскаго человѣка, какимъ будто-бы онъ въ самомъ дѣлѣ, есть теперь и долженъ быть даже въ будущемъ. Немного путнаго сдѣлали эти люди въ послѣднія десятилія на народной явнѣ. Это будетъ повѣрнѣе чѣмъ вамъ донести на славу вѣтъ прошлыхъ господъ.

III.

Двѣ половинки.

Теперь перейду къ вашимъ взглядамъ на «личное самоопредѣленіе въ духѣ христіанской любви» и на совершенную, будто-бы, недостаточность его сравнительно съ «идеями общественными» и, главное, съ «общественными учрежденіями». О, вы сами начинаете съ того, что это самый важный пунктъ въ нашемъ разномысліи. Вы пишете:

Теперь мы дошли до самого важнаго пункта въ нашемъ разномысліи съ г. Достоевскимъ. Требуя смиренія предъ народною правдою и предъ народными идеалами, онъ принимаетъ эту «правду» и эти идеалы, какъ нѣчто готовое, неизбѣжное и вѣковѣчное. Мы позволимъ сказать ему—нѣтъ. *Общественные идеалы нашего народа находятся еще въ процессѣ образованія, развитія.* Ему еще много надо идти надъ собою, чтобъ сдѣлаться достойнымъ имени великаго русскаго философа.

Вы уже отвѣчали вамъ отчасти на счетъ «правды» и идеаловъ народныхъ въ началѣ статьи, въ первомъ отдѣленіи ея. Народную правду и эти идеалы народные вы находите прямо недостаточными для развитія общественныхъ идеаловъ Россіи. Реальность, одно, а общественное дѣло другое. Живой, плывущій организмъ рѣжете вашимъ ученымъ ножомъ на двѣ половинки и утверждаете, что эти двѣ половинки не могутъ быть совершенно независимы одна отъ другой. Посмотрите ближе, разберемъ эти обѣ половинки отдѣльно каждая, можетъ быть, что нибудь выведемъ. Разберемъ сначала

половинку о «самосовершенствованіи въ духѣ Христіанствѣ». «Вы пишете»:

„Г. Достоевскій призываетъ работать надъ собой и смиреніе. Личное самосовершенствованіе въ духѣ Христіанской любви конечно, первая предпосылка для всякой дѣятельности, большой или малой! Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ люди, лично сообразно Христіанскому смыслу, непремѣнно образовали совершенство (?). Позволимъ себѣ привести примѣръ.

„Апостолъ Павелъ поучаетъ рабовъ и господъ въ ихъ отношеніяхъ. И тѣ и другіе могли послушать и обыкновенно слово апостола, они лично были хорошиими Христіанами, и черезъ то не освящалось и оставалось учрежденіемъ божественнымъ. Точно также г. Достоевскій, а равно и каждый изъ насъ знаемъ превосходныхъ Христіанъ — помѣщиковъ и таковыхъ степеней. Но крѣпостное право оставалось мерзостью предъ Іезусомъ Христомъ и русскій Царь-Освободитель явился выразителемъ требъ только личной, но и общественной нравственности, о которое время не было надлежащихъ понятій, не смотря на то, что „рошкихъ людей“ было, можетъ быть, не меньше, чѣмъ теперѣ.

„Личная и общественная нравственность не одно и то же. слѣдуетъ, что никакое общественное совершенствованіе не можетъ быть достигнуто только чрезъ улучшеніе личныхъ качествъ его составляющихъ. Приведемъ опять примѣръ. Предположимъ, начиная съ 1800 года, рядъ проповѣдниковъ христіанской смирности принялся-бы улучшать нравственность Коробочка-бабевичей. Можно-ли предположить, чтобъ они достигли крѣпостнаго права, чтобъ не нужно было властнаго слова и волеизъявленія этого „явленія?“ Напротивъ, Коробочка стала-бы думать, что она истинная Христіанка и настоящая „мать“ своихъ дѣтей, и пребыла-бы въ этомъ убѣжденіи, не смотря на всѣ доводы проповѣдника...

„Улучшеніе людей въ смыслѣ общественномъ не можетъ извѣдено только работой „надъ собой“ и „смирненіемъ себя“. Работать надъ собой и смирять свои страсти можно и въ пустынѣ необитаемомъ островѣ. Но, какъ существа общественныя, мы живемъ и улучшаемся въ работѣ другъ подле друга, дружно и дружно съ другомъ. Вотъ почему въ весьма великомъ общественномъ совершенствѣ людей зависитъ отъ совершенства общественныхъ учреждений, воспитывающихъ въ человѣкѣ естественныя, то гражданскія доблести“.

Видите, сколько я изъ васъ выписалъ! Все это у васъ совершенно и страшно досталось «личному самосовершенствованію въ духѣ Христіанской любви»: въ гражданскихъ дѣлахъ почти ни къ чему непригодно. Курьезно вы понимаете Христіанство! Представьте только, что Коробочка-бабевичъ стали настоящими Христіанами, уже сообразно (вы сами говорите о совершенствѣ)—можно-ли де ихъ

отказаться отъ крѣпостнаго права? Вотъ коварный вопросъ, который вы задаете и, разумѣется, отвѣчаете на него: «нѣтъ, не убѣдятъ Коробочку даже и совершенную Христіанку». Это прямо отвѣчу: еслибъ только Коробочка стала и могла *настоящей*, совершенной уже Христіанкой, то крѣпостнаго права въ ея помѣстьи уже не существовало-бы вовсе, такъ и хлопотать-бы не о чемъ было, не смотря на то, что всѣ истинные акты и купчія оставались-бы у ней по прежнему индукъ. Позвольте еще: вѣдь Коробочка и прежде была *Христіанкой*, и родилась таковою? Стало быть, говоря о новыхъ *единицахъ* Христіанства, вы разумѣете хоть и прежнее, но *своей* Христіанство, но усиленное, *совершенное*, такъ она уже дошедшее до своего идеала? Ну какіе-же тогда рабы *не-же* господя, помилуйте! Надо-же понимать хоть сколько-нибудь Христіанство! И какое дѣло тогда Коробочкѣ, *совершенной* уже Христіанкѣ, крѣпостные или некрѣпостные ея крѣпостныя? Она имъ «мать», настоящая уже мать, и «мать» тот-же бы упраздняла прежнюю «барыню». Это само собою-бы являлось. Превжная барыня и прежній рабъ исчезли-бы какъ *нѣтъ* отъ солнца и явились-бы совсѣмъ новые люди, совсѣмъ *новыхъ* между собою отношенійхъ, прежде неслыханныхъ. И дѣло-то совершилось-бы неслыханное: явились-бы *повершенно* совершенные Христіане, которыхъ и въ единицахъ-то *еще* было такъ мало, что и разглядѣть трудно было. Вѣдь *раннѣе* сдѣлали такое фантастическое предположеніе, г. Граммель, вѣдь вы сами-же вѣхали въ такую удивительную *фантасмагорію*, а вѣхали такъ и принимайте послѣдствія. Увѣряю васъ, *недовѣрчивый*, что крестьяне Коробочки сами-бы тогда не пошли *вдаль*, по той простой причинѣ, что всякъ ищетъ гдѣ ему *лучше*. Въ учрежденіяхъ, что-ли, вашихъ было-бы ему лучше, *лишь* у любящей ихъ, родной уже матери помѣщицы? Сидю *еще* васъ тоже, что если при апостолѣ Павлѣ сохранялось *рабство*, то это именно потому, что возникавшія тогдашнія *церкви* еще не были *совершенны* (что видимъ и изъ посланій *апостола*). Тѣже члены церквей, которые лично достигали тогда *совершенства*, уже не имѣли и не могли имѣть рабовъ, потому *они* *всегда* обращались въ братьевъ, а братъ, во истину братъ, *никогда* не имѣетъ своего брата у себя рабомъ. По вашему-же *убы* выходитъ, что проповѣдь Христіанства была безсмысленна. *Вотъ*, по крайней мѣрѣ, пишете, что проповѣдью апостола *не* *освящалось*. А вѣдь другіе ученые, особенно исто-

религіозныя, европейскія, во множествѣ укоряли Христіанство за то, будто-бы, освящаютъ рабство. Это значитъ не-суть дѣла. Предположить только, что у Маріи Египетскія вѣрныя крестьяне, и что она не хочетъ ихъ отнудить волю. Что за абсурдъ! Въ Христіанствѣ, въ настоящемъ Христіанствѣ, есть и будутъ господа и слуги, но раба не помыслить. Я говорю про настоящее, совершенное Христіанство. Слуги-же не рабы. Ученикъ Тимофей прислуживалъ Павлу, они ходили вмѣстѣ, но прочтите посланіе Павла къ Тимофею: въ рабу-ли онъ пишетъ, — даже въ слугѣ-ли, помилуйте именно «Чадо Тимофее» возлюбленный сынъ его. Вотъ именно такія будутъ отношенія господъ къ своимъ, если ты и другіе станутъ уже совершенными Христіанами и господа будутъ, но господа уже будутъ не господами, не рабами. Представьте, что въ будущемъ обществѣ ересь, Кантъ и Шекспиръ: они работаютъ великую работу, всѣхъ и всѣ сознаютъ и чтутъ ихъ. Но некогда Шекспиръ вѣдь отъ работы, убирать около себя, вычищать комы, носить ненужное. И повѣрьте, непременно придетъ къ нему жить другой гражданинъ, самъ пожелаетъ, своею волею и будетъ выносить у Шекспира ненужное. Что-жь онъ униженъ, рабъ? Отнюдь нѣтъ. Онъ знаетъ, что Шекспиръ лезнѣе его безконечно: «Честъ тебѣ и слава, скажетъ и я радъ послужить тебѣ; хотъ каплей и я послужу общую пользу, ибо сохраню тебѣ часы для великаго твою, но я не рабъ. Именно сознавшись въ томъ, что ты, Шекспиръ, выше меня своимъ гениемъ и прійдя къ тебѣ служить, — этимъ признаніемъ моимъ и доказалъ, что по нравственной цѣнѣ я не ниже тебя нисколько и, лопотка, тебѣ равенъ». Да онъ и не скажетъ этого тогда, потому одному, что и вопросовъ такихъ тогда не во-вообще, да и невысказанными они будутъ. Ибо всѣ будутъ новые люди, Христовы дѣти, а прежнее животное будетъ дено. Вы скажете, конечно, что это опять-таки фантазія, вѣдь не я-же началъ фантазировать первый, а вы-же предположили Коробочку, уже совершенную Христіанскую «вѣрными дѣтьми», которыхъ она не хочетъ отнудить волю; это почище моей фантазіи.

Умные люди тутъ разсмѣются и скажутъ: «хорошо-я того, хлопотать о самосовершенствованіи въ духѣ Христіанской любви, когда настоящаго Христіанства, стало быть, нѣтъ»

земля, или такъ мало, что и разглядѣть трудно, иначе (по-
 нятъ же то есть словамъ) мигонъ все-бы уладилось, всякое раб-
 о уничтожилось, Коробочка переродилась-бы въ свѣтлыхъ го-
 рахъ и всѣмъ-бы оставалось только зайти Богу гимнь? Да,
 конечно, господа наемниками, настоящихъ Христіанъ еще ужасно
 мало (хотя они и есть). Но почему вы знаете сколько именно
 ихъ, чтобъ не умирали идеалы Христіанства въ народѣ, а
 жизнь и великая надежда его? Примѣните къ свѣтскимъ по-
 нятіямъ: Сколько надо настоящихъ гражданъ, чтобъ не умирали
 въ обществѣ гражданская доблесть? И на это тоже вы не отвѣ-
 чаете. Тутъ своя политическая экономія, совѣтъ особаго рода, и
 она неизвѣстная, даже вамъ неизвѣстная, г. Градовскій. Ска-
 жите опять: если такъ мало исповѣдниковъ великой идеи, то
 какъ въ ней польза? А вы почему знаете, къ какой это пользе
 концовъ концовъ приведетъ? До сихъ поръ, повидному, только
 и надо было, чтобъ не умирали великая мысль. Вотъ дру-
 дѣло теперь, когда что-то новое надвигается въ міръ по-
 нятіемъ и надо быть готовымъ... Да и дѣло-то тутъ вовсе не
 польза, а въ истинѣ. Вѣдь если я вѣрю, что истина тутъ,
 то именно въ томъ, во что я вѣрую, то какое мнѣ дѣло,
 чтобъ даже весь міръ не повѣрилъ моей истинѣ, насмѣялся
 надо мной и пошелъ мною дорогой? Да тѣмъ-то и сильна ве-
 рная нравственная мысль, тѣмъ-то и единитъ она людей въ
 почтенный союзъ, что измѣряется она не немедленной пользой,
 стремитъ ихъ будущее, къ цѣлямъ вѣковѣчнымъ, къ радости
 вѣчной. Чѣмъ соедините вы людей для достиженія вашихъ
 гражданскихъ цѣлей, если нѣтъ у васъ основы въ первоначаль-
 ной великой идеѣ нравственной? А нравственные идеи только
 тогда всѣ основаны на идеѣ личнаго абсолютнаго самосовершен-
 ственія впередъ, въ идеалъ, ибо оно несетъ въ себѣ все, всѣ
 стремленія, всѣ жажды, а стало быть, изъ него-же исходятъ и
 ваши гражданскіе идеалы. Попробуйте-ка соединить людей
 гражданское общество съ одной только цѣлью «спасти живо-
 тныя?» Ничего не получите кромѣ нравственной формулы: *Chacun
 pour soi et Dieu pour tous*. Съ такой формулой никакое граж-
 данское учрежденіе долго не проживетъ, г. Градовскій.

Но я пойду далѣе, я намѣренъ васъ удивить: Узнайте, уче-
 ный профессоръ, что общественныхъ гражданскихъ идеаловъ,
 въ такихъ, какъ не связанныхъ органически съ идеалами нрав-
 ственными, а существующихъ сами по себѣ, въ видѣ отдѣльной

возможны, отброшенной отъ цѣлаго, выдвинутъ ученые не какъ таковыя наконецъ, которые могутъ быть взяты извнѣ, рессажены на какое угодно новое мѣсто съ успѣхомъ, въ отдѣльнаго «учрежденія», таковыя идеаловъ, говорю я, — нѣтъ и не существовало никогда, да и не можетъ существовать! Что такое общественный идеалъ, какъ понимать это слово, вѣчно, суть его въ стремленіи людей отыскать себѣ форму общественнаго устройства, по возможности безопибочную и удовлетворяющую—вѣдь такъ? Но формулы этой люди не ищутъ, люди ищутъ ее въ шесть тысячъ лѣтъ своего историческаго періода и не могутъ найти. Муравей знаетъ формулу своего жилища, пчела тоже своего улья (хоть не знаютъ по чужому, такъ знаютъ по своему, имъ больше не надо), но человѣкъ не знаетъ своей формулы. Откуда-же коимъ такъ взяться идеалу гражданскаго устройства въ обществѣ человѣческомъ? А слѣдите историческую, тотчасъ увидите изъ чего онъ берется. Увидите, что онъ естественно только продуктъ нравственнаго самосовершенствованія единицъ, съ него и начинается, и что было такъ съ еврейства и пребудетъ во вѣки вѣковъ. При началѣ всякаго народа, всякой національности, идея нравственная всегда присутствовала зарожденію національности, ибо она-же и создавала. Исходила-же эта нравственная идея всегда изъ идей миссионерскихъ, изъ убѣжденій, что человѣкъ вѣченъ, что онъ не земное животное, а связанъ съ другими мірами и съ вѣками. Эти убѣжденія формулировались всегда и вездѣ въ религіозномъ исповѣданіи новой идеи, и всегда, какъ только начиналась религія, такъ тотчасъ-же и создавалась гражданская национальность. Взгляните на евреевъ и мусульманъ: національность у евреевъ сложилась только послѣ закона Моисеева, и началась еще изъ закона Авраамова, а національность мусульманскія явились только послѣ Корана. Чтобъ сохранить лучшую духовную драгоценность тотчасъ-же и влекутся къ другу люди и тогда только, ревностно и тревожно, «*религія другъ подлѣ друга, другъ для друга и другъ съ другомъ*» — вы краснорѣчиво написали) — тогда только и начинаютъ скривать люди: какъ-бы имъ такъ устроиться чтобъ сохранивъ полученную драгоценность не потерявъ изъ нея ничего, какъ отыскать такую гражданскую формулу совмѣстнаго житія, которая именно помогла-бы имъ выдвинуть на весь міръ въ полной ея славу ту нравственную драгоценность, которую получили. И замѣтите, какъ только послѣ времени и жѣ

что тутъ тоже свой законъ, намъ невѣдомый) начиналъ шататься и ослабѣвать въ данной національности ея идеальнѣйшій, такъ тотчасъ-же начинала падать и національность, а съ нею падалъ и весь ея гражданскій уставъ и померкали всѣ ея гражданскіе идеалы, которые успѣвали въ ней сложиться. Въ ка-комъ характерѣ слагалась въ народѣ религія въ такомъ характерѣ складались и формулировались и гражданскія формы этого народа. Стало быть, гражданскіе идеалы всегда прямо и органически связаны съ идеалами нравственными, а главное то, что нисколько изъ нихъ только однихъ и выходятъ. *Сами-оно по себе* тогда не являются, ибо, являясь, имѣютъ лишь цѣлью утоленіе нравственнаго стремленія данной національности какъ и по-тому это нравственное стремленіе въ ней сложилось. А, стало быть, «самосовершенствованіе въ духѣ религіозномъ» въ жизни народовъ есть основаніе всему, ибо самосовершенствованіе и есть *основаніе полученной религіи*, а «гражданскіе идеалы» сами, въ этомъ стремленіи въ самосовершенствованію никогда не при-рождаются, да и зародиться не могутъ. Вы скажете, можетъ быть, вы и сами говорили что «личное самосовершенствованіе есть начало всему» и что вовсе ничего не дѣлили ножомъ. То-то и въ томъ что дѣлили, что разрѣзывали живой организмъ на двѣ по-ловины. Не «начало только всему» есть личное самосовершенствованіе, но и продолженіе всего и исходъ. Оно объемлетъ, питаетъ и сохраняетъ организмъ національности и только оно и живетъ. Для него и живетъ гражданская формула націи, ибо и была она для того только, чтобъ сохранять его какъ первоначальную полученную драгоценность. Когда-же утрачивается въ національности потребность общаго единичнаго самосовершенствованія *въ томъ духѣ который зародилъ ее*, тогда постепенно исчезаютъ всѣ «гражданскія учрежденія» ибо нечего болѣе охранять. Такимъ образомъ никакъ нельзя сказать то, что вы скажете въ слѣдующей вашей фразѣ:

«Вотъ почему въ весьма великой степени общественное совершенство людей зависитъ отъ совершенства *общественныхъ учреждений* питающихъ въ человѣкѣ, если не христіанскія, то гражданскія доблести».

«Если не христіанскія, то гражданскія доблести!» Развѣ не въ тутъ ученый ножъ, дѣлящій недѣлимое, разрѣзающій *живой организмъ* на двѣ отдѣльныя мертвыя половинки: нравственную и гражданскую? Вы скажете и «въ обществѣ: *учрежденіяхъ*» и въ санѣ «гражданина» можетъ

заключиться величайшая нравственная идея, что «гражданская идея» въ націяхъ уже зрѣлыхъ, развитыхъ, всегда замѣняетъ первоначальную идею религіозную, которая въ нее и вливается и въ которой она по праву наследуетъ. Да, такъ и утверждаютъ, но мы такой фантазіи еще не видали въ исторіи. Когда являлась нравственно-религіозная идеальность національности, то всегда наступала нравственно — грубая потребность единенія, съ единственною цѣлью «спасенія души» — другихъ цѣлей гражданскаго единенія тогда не было. Вотъ теперь французская буржуазія единается именно съ этою цѣлью «спасенія животиншекъ» отъ четвертаго локтя въ ея дверь есловія. Но «спасеніе животиншекъ» есть безсильная и послѣдняя идея изъ всѣхъ идей единичныхъ — единство. Это уже начало конца, предчувствіе конца. Едино и сами уже наострили глаза какъ-бы при первой опасной ссорѣ разсыпаться врознь. И что тутъ можетъ спасти «единеніе» какъ таковое, какъ взятое само по себѣ? Были-бы братство и братство. Если-же нѣтъ братьевъ, то никакимъ «единеніемъ» не получите братства. Что толку поставить «учрежденіе» и написать на немъ: Liberté, Egalité, Fraternité? Разъ какого толку не добьетесь тутъ «учрежденіемъ», такъ что придется, — необходимо, неминуемо придется — присоветовать «учредительнымъ» словечкамъ четвертое: «ou la fraternité ou la mort» — и пойдутъ братья отказывать и братьямъ, чтобъ получить чрезъ «гражданское учрежденіе» братство. Это только примѣръ, но хорошій. Вы, г. Градовскій, и Алексю, ищите спасенія въ вещахъ и въ явленіяхъ вѣчныхъ («Пусть же у насъ въ Россіи помянуто глупцы и мошенники иной взглядъ можетъ и такъ»), но стоитъ лишь пересадить намъ изъ Европы какое нибудь «учрежденіе» и по вашему спасено. Механическое перенесеніе къ намъ европейскихъ (которые тамъ завтра-же рухнутъ), народу нашему чуждыхъ волю его непригодныхъ, есть, какъ извѣстно, самое важное русскаго европеизма. Кстати, вотъ вы, г. Градовскій, о нашемъ неустройствѣ, стыдя тѣмъ Россію и указывая ей роу, извольте говорить:

«А пока что, мы не можемъ справиться даже съ такими неслыханными противурѣчіями, съ которыми Европа справилась давнымъ давно»

Это Европа-то справилась? Да это только могъ въ Европу сказать? Да она наканунѣ паденія, ваша Европа, повсемѣстно общаго и ужаснаго. Муравейникъ, давно уже создавшійся

церкви и безъ Христа (ибо церковь, замутивъ идеалъ свой, уже и повсемѣстно перевоплотилась тамъ въ Государство), сплывшимъ до основанія нравственнымъ началомъ, утрачивающимъ все общее и все абсолютное, — этого создавшагося величаво, говорю я, весь подконтанъ. Грядетъ четвертое се- стучится и ломится въ дверь, и если ему не отворять, стучитъ въ дверь. Не хочетъ оно прежнихъ идеаловъ, отвергаетъ доселѣ бывший законъ. На компромисъ, на уступочки не идетъ, подпорочками не спасете зданія. Уступочны только раз- говоры, а оно хочетъ всего. Наступитъ нѣчто такое чего никто не выслать. Всѣ эти парламентаризмы, всѣ исповѣдываемыя гражданскія теоріи, всѣ накопленные богатства, банки, индустрии, все это рухнетъ въ одинъ мигъ и безслѣдно — разрывъ жидовъ, которые и тогда найдутся какъ поступить, что имъ даже въ руку будетъ работа. Все это «близко, веряхъ». Вы смѣетесь? Блаженны смѣющіеся. Дай Богъ вѣку, сами увидите. Удивитесь тогда. Вы скажете мнѣ: «Хорошо-же вы любите Европу коли такъ ей проро- чите. А я развѣ радуюсь? Я только предчувствую, что подвѣ- ститъ. Окончательный-же расчетъ, уплата по итогу, можетъ быть даже гораздо скорѣе, чѣмъ самая сильная фантазія бы предположить. Смишломъ ужасны. Уже одно только равне-нестественное политическое положеніе европейскихъ державъ можетъ послужить началомъ всему. Да и какъ-бы оно было естественнымъ, когда неестественность заложена въ инстинкты ихъ и накоплялась вѣками? Не можетъ одна малая часть человечества владѣть всѣмъ остальнымъ человечествомъ рабомъ, а вѣдь для этой единственно цѣли и слагались до поры всѣ гражданскія (уже давно не христіанскія) учреж- денія Европы, теперь совершенно языческой. Эта неестественность, и эти «неразрѣшимые» политическіе вопросы (всѣ вѣдѣныя впрочемъ) непременно должны привести къ войнѣ, окончательной, раздѣлочной политической войнѣ, въ которой всѣ будутъ захвачены и которая разразится въ нынѣш- немъ столѣтіи, можетъ даже въ наступающемъ десятилітіи. Вы думаете: выдержитъ тамъ теперь длинную политиче- скую войну общество? Фабрикантъ трусливъ и пугливъ, жиды фабрики и банки закроются всѣ, чуть-чуть лишь война начнется или погрозитъ затянуться, и милліоны голодныхъ ртовъ, миллионовъ пролетаріевъ, брошены будутъ на улицу. Уже не гость-ли вы на благоразуміе политическихъ мужей и на то,

что они не затѣяютъ войну? Да когда-же на это благоразумно можно было надѣяться? Уже не надѣетесь-ли вы на палаты, если они не дадутъ денегъ на войну, предвидя послѣдствія? Да и тамъ палаты предвидѣли послѣдствія и отказывали въ деньгахъ чуть-чуть настойчивому руководящему человѣку? И пролетарій на улицѣ. Какъ вы думаете, будетъ онъ теперь прежнему терпѣливо ждать умирая съ голоду? Это послѣ историческаго-то социализма, послѣ интернаціоналки, социальнаго конгрессовъ и Парижской коммуны? Нѣтъ, теперь уже не прежнему будетъ: они бросятся на Европу и все старое рухнетъ навѣки. Волны разобьются лишь о нашъ берегъ, ибо тогда только въявь и воочію обнаружатся пороки всѣми до какой степени нашъ національный организмъ осособливъ отъ европейскаго. Вы и вы, гг. доктринеры, можете быть, схватитесь и начнете мѣшать у насъ «народныхъ началъ», надъ которыми теперь только смѣетесь. А теперь-то вы, господа, теперь-то—указываете на Европу и зовете пересаживать въ насъ именно тѣ общественныя учрежденія, которыя тамъ завтра-же рухнутъ, какъ изгнившій свой вѣкъ абсурдъ и въ которыя и такъ уже многіе умные люди давно не вѣрятъ, которыя держатся и существуютъ тамъ до сихъ поръ лишь по одной инерціи. Да и кто, кромя отвлеченнаго доктринера могъ принимать комедію буржуазнаго единенія, которую видятъ въ Европѣ, за нормальную формулу человѣческаго единенія на землѣ? Она-де у себя давно справилась: Это двѣдцати-то конституцій менѣе чѣмъ въ столѣтіе, и безъ насъ послѣ десятка революцій? О, можетъ быть, только тогда, освобожденные отъ влияния Европы, мы займемся уже сами, безъ европейской опеки, нашими общественными идеалами, и вопреки всходящимъ изъ Христа и личнаго самосовершенствованія, г. Добровольцевъ. Вы спросите: какіе-же могутъ быть у насъ свои общественные и гражданскіе идеалы вѣро Европы? Да, общественные идеалы—лучше вашихъ европейскихъ, крѣпче нашихъ европейскихъ, ярче нашихъ и даже—о ужасы!—либеральнѣе нашихъ! Да, либеральнѣе, потому что исходятъ прямо изъ совѣсти народа нашего, а не изъ какой бездѣльной пересадки съ чуждаго. Теперь я, конечно, не могу объ этомъ распространяться, но хотѣю потому сказать что и безъ того статья длинна была бы. Кстати, вспомните что такое и чѣмъ такія стремилась быть древняя Христіанская Церковь? Началась она сейчасъ-же изъ Христа, всего съ исключительнаго членства, и тотчасъ, чуть-чуть отлучивъ для себя Христа, стремилась отыскать своимъ ер-

кую формулу, все основанную на нравственной надеждѣ
духа по началамъ личнаго самосовершенствованія. На-
чалась Христіанскія общины—Церкви, затѣмъ быстро начала со-
браться новая, неслыханная дотола національность — всеобрат-
ная, всечеловѣческая, въ формѣ общей вселенской Церкви. Но
она была гонима, идеаль создавался подъ землею, а надъ нею,
надъ архъ земли тоже создавалось огромное зданіе, громадный му-
зейникъ — древняя Римская Имперія, тоже являвшаяся какъ
идеаломъ и исходомъ нравственныхъ стремленій всего древ-
няго міра: явился человекобогъ, Имперія сама воплощалась какъ
идеальная идея, дающая въ себѣ и собою исходъ всѣмъ нрав-
ственнымъ стремленіямъ всего древняго міра. Но музеевникъ
исключился, онъ былъ подкопанъ Церковью. Произошло столк-
нѣніе двухъ самыхъ противоположныхъ идей, которыя только
могутъ существовать на землѣ: Человекобогъ встрѣтилъ Богоче-
лка, Аполлонъ Бельведерскій Христа. Явился компромисъ:
Имперія приняла Христіанство, а Церковь римское право и го-
сударство. Малая часть церкви ушла въ пустыню и стала про-
дѣлывать прежнюю работу: явились опять христіанскія общины,
монастыри — все только лишь пробы, даже до нашихъ
дней. Оставшаяся-же огромная часть Церкви, раздѣлилась впо-
слѣдствіи, какъ извѣстно, на двѣ половины. Въ Западной поло-
винѣ государство одолѣло наконецъ Церковь совершенно. Цер-
ковь уничтожилась и перевоплотилась уже окончательно въ Го-
сударство. Явилось папство—продолженіе древней Римской Им-
періи въ новомъ воплощеніи. Въ Восточной-же половинѣ Госу-
дарство было покорено и разрушено мечемъ Магомета и остался
Христосъ, уже отдѣленный отъ Государства. А то Государство,
которое приняло и вновь вознесло Христа, претерпѣло такія страш-
нѣйшія страданія отъ враговъ, отъ Татарщины, отъ неустрой-
ства отъ крѣпостнаго права, отъ Европы и европеизма, и столько
до сихъ поръ выносить, что настоящей общественной фор-
мы, въ смыслѣ духа любви и христіанскаго самосовершенство-
ванія, действительно еще въ немъ не выработалось. Но не вамъ
только укорять его за это, г. Градовскій. Пока народъ нашъ
только носитель Христа, на него одного и надѣется. Онъ
не чувствуетъ себя крестьяниномъ, т. е. христіаниномъ, и тутъ не одно
слово, тутъ идея на все его будущее. Вы, г. Градовскій,
частію укоряете Россію за ея неустройство. А кто мѣшалъ
ему поръ ей устроиться во всѣ эти два послѣдніе вѣка, и
что въ послѣднее пятидесятилѣтіе? А вотъ все, подобные

«Гордиться грехомъ? И какую неважность нашли мы въ Европѣ это «служеніе»!»

Остановившись сначала на этой послѣдней, маленькой, почти ничтожной передержкѣ: Да развѣ я, сказавъ что «мы въ послѣдніе два года служили Европѣ, можетъ быть, даже болѣе чѣмъ» — развѣ я хвалю то какъ мы служили? Я только хотѣлъ указать фактъ служенія, и фактъ этотъ истиненъ. Но фактъ служенія и то: какъ мы служили — два дѣла совсѣмъ разныхъ. Мы могли надѣлать очень много политическихъ ошибокъ, да и ошибки ихъ дѣлаютъ во множествѣ поминутно, но не про насъ я хвалю, я только фактъ нашего служенія (почти да безкорыстнаго) обозначилъ. Неужели вы не понимаете, что это двѣ вещи разные? «Г. Достоевскій гордится тѣмъ, что мы служили Европѣ», говорите вы. Да вовсе я не горжусь я это сказать, я только обозначалъ черту нашего народнаго духа, эту многознаменующую. Такъ отыскать прекрасную, здоровую черту въ духѣ національномъ значить уже непремѣнно гордиться? А что вы говорите про Меттерниха и про конгрессы? Это — то меня будете въ этомъ учить? Да я еще когда вы были студентомъ про служеніе Меттерниху говорилъ, да еще посильнее вашего, и именно за слова объ неудачномъ служеніи Меттерниху, — (между другими словами, конечно) — тридцать лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ образомъ и отвѣтилъ. Для чего-же вы это сказали? А вотъ чтобъ показать: «Видите-ли какой я лирикъ, а вотъ поэтъ, восторженный-то любитель народа, слышите какія ретроградныя вещи мелеть, горжусь нашимъ служеніемъ Меттерниху». Самолюбіе, г. Градовскій.

Но это, конечно, пустяки, а вотъ слѣдующее не пустяки.

И такъ, сказавъ народу: «возвышайся духомъ» значить сказать ему: «гордись», значить склонять его къ гордости, учить къ гордости? Вообразите, г. Градовскій, что вы своимъ роднымъ языкомъ говорите: «Дѣти, возвышайте духъ вашъ, дѣти, будьте городны!» — неужели-же это значить, что вы ихъ гордитесь, или что вы сами, уча ихъ, гордитесь? А я что сказалъ? Я говорилъ о надеждѣ «стать братомъ всѣхъ людей въ концѣ вѣковъ», прося подчеркнуть слово: «въ концѣ вѣковъ». Неужели-же свѣтлая надежда, что хоть когда-нибудь въ нашемъ будущемъ мѣрѣ осуществится братство, и что и намъ можетъ быть позволено стать братьями всѣхъ людей — неужели эта надежда есть уже гордость и призывъ къ гордости? Да вѣдь я это, прямо сказалъ въ концѣ «Рѣчи»: «Что-же, развѣ я про

экономическую славу говорю, про славу меча или науки говорю лишь о братствѣ людей и о томъ, что ко всенародно-всечеловѣчески — братскому единенію сердце русское, и быть, изъ всѣхъ народовъ наиболее предназначено... Во слова. И неужто въ нихъ призывъ къ гордости? Сейчасъ приведенныхъ словъ моихъ «Рѣчи» я прибавилъ: «Пусть земля нищая, но эту нищую землю въ рабскомъ видѣ не благословляя Христось. Почему-же намъ не вмѣстятъ послѣ слова Его»? Это слово-то Христово значитъ призывъ и дости, а надежда вмѣстятъ это слово есть гордость? Вы говорите: «что намъ слишкомъ рано требовать себѣ ненія». — Да какое-же тутъ требованіе поклоненія — помысли желаніе-то всеслуженія, стать всѣмъ слугами и братьями жить имъ своею любовью, значить требовать отъ всѣхъ ненія? Да если тутъ требованіе поклоненія, то святое, безкор-желаніе всеслуженія становится тотчасъ абсурдомъ. Слуг кланяются, а братъ не когвнпреклоненій пожелаетъ отъ

Представьте, г. Градовскій, что вы сдѣлали какое доброе дѣло, или идете только сдѣлать его, и вотъ вы, въ добромъ умиленіи вашемъ думаете и воображаете: «какъ радуется этотъ несчастный неожиданной помощи, которуи несу, какъ воспрянетъ духомъ, какъ воскреснетъ, пойдетъ скажетъ о своей радости своимъ домашнимъ, своимъ и заплачетъ съ ними»... думая и воображая это вы, конечно почувствуете умиленіе, иногда даже слезы (неужели отъ вами никогда не случалось)? и вотъ подлѣ васъ умный вамъ въ ухо: «Это ты гордишься воображая все это себѣ ты отъ гордости проливаешь слезы»? Помилуйте: да отъ надежда на то, что и мы, русскіе, можемъ хоть что значить въ челоуѣчествѣ и хотя-бы въ концѣ концовъ удос-братски послужить ему, — одна ужъ эта надежда вызо-сторгъ и слезы восторга въ тысячной массѣ слушателей. не для похвальбы, не изъ гордости это припоминаю, я обозначаю серьезность момента. Дана была только свѣтл-дежда, что и мы можемъ быть чѣмъ въ челоуѣчествѣ, х-только братьями другимъ людямъ, и вотъ одинъ только чій намекъ соединяетъ всѣхъ въ одну мысль и въ одн-ство. Обнимались незнакомые и клялись другъ другу, впрел-лучшими. Ко мнѣ подошли два старика и сказали мнѣ: «двадцать лѣтъ были врагами другъ другу и вредили другъ-вашему слову мы помирились». Въ одной газетѣ

не замѣтите, что весь этотъ восторгъ ничего не выражаетъ, было-де такое ужь настроеніе «съ цѣлованіемъ рукъ», и напрасно ораторы выходили и говорили и доканчивали свои... Что-бы они ни сказали, все тотъ-же де былъ-бы восторгъ, такое ужь благодушное настроеніе въ Москвѣ объявилось». Хотъ похвалъ-бы журналистъ самъ туда и сказалъ-бы что-нибудь отъ себя: кинулись-ли бы къ нему тамъ, какъ во мнѣ, и нѣтъ? Отвѣта-же три дня передъ тѣмъ говорили рѣчи и были пылныя оваціи говорящихъ, но того, что случилось послѣ моей рѣчи на съѣздѣ тамъ не было? Это былъ единственный моментъ на праздникѣ Пушкина и не повторился. Видитъ Богъ не для оправданія своего говору, но моментъ этотъ былъ слишкомъ серьезъ и я не могу о немъ умолчать. Серьезность его состояла именно въ томъ, что въ обществѣ ярко и ясно объявились новые элементы, появились люди, которые жаждутъ подвига, утѣшающей мысли, сознанія дѣла. Значитъ не хочетъ уже общество удовлетворяться лишь только нашимъ либеральнымъ хихиканіемъ надъ Россіей. Хотѣть мерзить уже ученіе о вѣковѣчномъ безсиліи Россіи! Однако же надежда, одинъ намекъ и сердца зажглись святою жаждою челоуѣческаго дѣла, всебратскаго служенія и подвига. Это отъ горести они зажглись? Это отъ гордости пролились слезы? Это отъ гордости я ихъ призывалъ? Ахъ вы!

Видите-ли, г. Градовскій: серьезность этого момента вдругъ испугала въ нашемъ либеральномъ стаканчикѣ, тѣмъ болѣе, что это было такъ неожиданно. «Какъ? До сихъ поръ мы такъ приятно и себѣ полезно хихикали и все оплевывали, а тутъ вдругъ... да это вѣдь бунтъ? Полицію!» Выскочило нѣсколько шумливыхъ разныхъ господъ: «Какъ-же съ вами-то теперь жить и мы тоже писали... куда-же насъ теперь дѣнуть? Зате же затереть это все поскорѣе и чтобъ не осталось и слѣда и объяснить скорѣе на всю Россію, что это только такое благодушное настроеніе въ хлѣбосоленной Москвѣ случилось, миленькіе моментикъ послѣ ряда обѣдовъ, а болѣе ничего, ну, а бунтъ потушить полиціей?» И принялись: и трусь-то я, и поэтъ-то я ничтоженъ-то я, и вулевое-то значеніе имѣетъ моя рѣчь, — и въ словомъ, сгоряча поступили даже неосторожно: публикѣ не вѣрять. Надо было, напротивъ, это дѣло сдѣлать спокойно, подойти хладнокровнѣе, даже хотъ что нибудь и похвалить мою «Рѣчь»: «дескать, все-таки есть теченіе мыслей» и такъ, мало-по-малу, мало-по-малу, все и заплевать, и затеять къ общему удовлетворенію. Однимъ словомъ, поступили не

столь искусно. Явился пробѣль, его надо было поспѣшно и нить, и вотъ немедленно отыскался солидный, опытный утиликъ, соединяющій безотчетность нападеній съ надлежащею фотностью. Этотъ критикъ были вы, г. Градовскій: вы насъ прочли и всё успокоились. Вы послужили общему красному дѣлу, по крайней мѣрѣ, васъ вездѣ перопечатали: держиваетъ, дескать, строгой критики рѣчь поэта; поэты по вотъ умные-то люди стоять на стражѣ и всегда во время обхолодной водой мечтателя». Въ самомъ концѣ вашей стал просите меня извинить вамъ выраженія, которыя я, въ вашей, могъ-бы счесть рѣзкими. Я, кончая мою статью, не у васъ извиненія за рѣзкости, г. Градовскій, будто таковъ статья моей ость. Я отвѣчалъ не лично А. Д. Градовскому публицисту А. Градовскому. Лично я не имѣю ни малѣйшій причинъ не уважать васъ. Если-же не уважаю ваши мнѣя остаюсь при томъ, то чѣмъ смягчу прося извиненій? Н тяжело было видѣть, что весьма серьезная и знаменателн минута въ жизни общества нашего представлена извращенно разъяснена ошибочно. Тяжело было видѣть, что идею, къ служу я, воловуть по улицѣ. Вотъ вы-то ее и поволокли.

Я знаю, мнѣ скажутъ со всѣхъ сторонъ, что не стѣснительно было писать такой длинный отвѣтъ на вашу докороткую, сравнительно съ моей, статью. Но повторяю, статья послужила только предлогомъ: мнѣ хотѣлось кое-что обще высказать. Я намѣренъ съ будущаго года «Дневникъ сателя» возобновить. Такъ вотъ этотъ теперешній номеръ «ника» пусть послужитъ моимъ profession de foi на будущій «пробнымъ» такъ сказать номеромъ.

Скажутъ еще пожалуй, что я моимъ вамъ отвѣтомъ упустилъ весь смыслъ моей «Рѣчи», произнесенной въ Москвѣ самъ призывалъ обѣ партіи русскія къ единенію и примирился и признавалъ законность той и другой. Нѣтъ, совсѣмъ смыслъ «Рѣчи» не уничтоженъ, а напротивъ еще болѣе ясенъ, ибо именно я обозначая въ моемъ вамъ отвѣтѣ, что партіи, въ отчужденіи одна отъ другой, во враждѣ одна съ другой, сами ставятъ себя и свою дѣятельность въ ненормальное положеніе, тогда какъ въ единеніи и въ соглашеніи другъ с другомъ, могли-бы, можетъ быть, все вознести, все спасти, будить безконечныя силы и воззвать Россію къ новой, здѣсь великой жизни, доселѣ еще невиданной!

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

Я Н В А Р Ъ 1881 г.

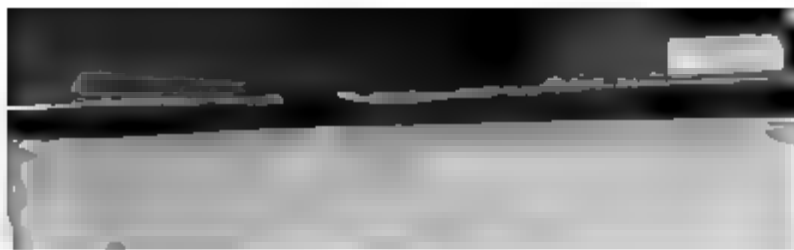
Глава первая.

I.

I. Гражданинъ скорбленный въ Веронтъ. Улычаніе смеху и музыканты. Говоральни и говоруны.

Оди, неужели и я, послѣ трехъ лѣтъ молчанія, выступлю, обновленномъ «Дневникъ» моемъ, съ статьей экономическую и я экономистъ, финансистъ? Нивогда таковыми .. Не смотря даже на теперешнее повѣтріе, не заразился зномъ и вотъ туда-же за всѣми выступаю съ статьей ческой. А что теперь повѣтріе на экономизмъ—въ томъ мнѣніи. Теперь всѣ экономисты. Всякій начинающійся , смотритъ экономистомъ и въ смыслѣ этомъ рекоменда .. Да и какъ не быть экономистомъ, кто можетъ теперь экономистомъ: паденіе рубля, дефицитъ! Этотъ все-экономическій видъ появился у насъ наиболѣе въ по-годы, послѣ нашей турецкой кампаніи. О, и прежде у изсуждали много о финансахъ, но во время войны и юины всѣ бросались въ финансы по преимуществу,—-таки, конечно, все это произошло естественно: рубль займы на военные расходы и проч. Но тутъ, кромѣ шно рубля, была и отместка, да и теперь продолжается, за войну отместка: «мы, дескать, говорили, мы предре-особенно пустялся въ экономизмъ тѣ, которые говорили ть семьдесятъ шестомъ и седьмомъ годахъ, что денежки мливодущія, что восточный вопросъ одно баловство и что не только подъема духа народнаго нѣтъ, не только е народна и не національна, но, въ сущности, и народа- , а есть и пребываетъ по прежнему все та-же косная тѣмая и глухая, устроенная къ платежу податей и къ со- в интеллигенціи; масса, которая если и даетъ по цер-

квантъ грона, то потому лишь, что сдѣлалось в началѣ
 дѣтъ. Всѣ русскіе Герсеты (а ихъ много развелось въ
 ингенціи нашей) были тогда странно оскорблены въ
 лучшихъ чувствахъ. Гражданинъ въ Герсетѣ былъ оскорбленъ.
 Вотъ и начали они истить, попрокая финансы. Мало
 прикинули къ нимъ уже и не Герсеты, даже бывшіе
 прикинули. Всѣ по немногу надулись, нѣкоторые, впрочемъ,
 Правда и нѣтъ невыгодный воспособствовать, берлинская
 ференція. (NB. Кстати объ этой берлинской конференціи
 тогда одна баба въ глуши, въ захоlustы, на проселочномъ
 рогѣ, хозяйка постоялаго дворика, вдругъ спрашивается
 тюшка, скажи ты мнѣ, какъ насъ тамъ заграничой-то
 порышши, не слыжать-ли чего? Подивился я тогда на ю
 Но объ этомъ, т. е. о тогдашнемъ подъемѣ духа народна
 томъ). Я только хочу теперь сказать, что объ рублѣ и
 фидатѣ всѣ теперь пишутъ, и ужь, конечно, тутъ есть
 стадность: всѣ пишутъ, всѣ тревожатся, такъ какъ
 не тревожатся, подумаютъ, что не гражданинъ, не
 суюсь. Впрочемъ, есть кое-гдѣ и настоящая гражданск
 вога, есть боль, есть болезненные сомнѣнія за будущее
 хочу душой кривить. Но, однако-же, хоть и истинныя
 данскія боли, а почти вездѣ все на тему: Зачѣмъ-де у насъ
 не такъ, какъ въ Европѣ? «Въ Европѣ-де вездѣ хоронѣтъ т
 а у насъ рубль дуренъ. Такъ какъ же это мы не Европа
 зачѣмъ-же это мы не Европа?» Умные люди разрѣшши
 нецъ, вопросъ, почему мы не Европа и почему у насъ не
 какъ въ Европѣ: «Потому-де, что не увѣнчано зданіе». И
 начали всѣ кричать объ увѣнчаніи зданія, забывъ, что и
 то еще никакого не выведено, что и увѣнчать-то, стало бы
 всѣмъ нечего, что вмѣсто зданія всего только нѣсколько
 жилетовъ, вообразившихъ, что они уже зданіе, и что увѣ
 если ужь и начать его, гораздо пригоднѣе начать прямо
 съ армяка и лаптя, а не съ блага жилета. Тутъ слыш
 обходимую оговорку: увѣнчаніе снизу на первый взглядъ
 нечно, нелѣпость, хотя-бы лишь въ архитектурномъ см
 противорѣчить всему, что было и есть въ этомъ родѣ въ
 Но такъ какъ у насъ все своеобразно, все не такъ
 Европѣ, а иногда такъ совсѣмъ наоборотъ, то и въ такомъ
 номъ дѣлѣ, какъ увѣнчаніе зданія, дѣло это можетъ пр
 наоборотъ Европѣ, къ удивленію и негодованію нашихъ
 скихъ европейскихъ умовъ. Ибо, къ удивленію Европы,

ннѣ армякъ и лалоть, есть въ салонѣ дѣлѣ въ своемъ по зданіе; — но фундаментъ только, а именно зданіе, — не законченное, но твердое и неизблемое, вѣками вы-
е, а действительно, взаправду всю настоящую истинную юти еще и не вполне развитую, нашего будущаго уже стурно-законченнаго зданія, въ себѣ одномъ предчув-
во. Впрочемъ, всё эти возгласы европейцевъ нашихъ объ
ни, если ужъ всю правду сказать, имѣютъ характеръ,
какъ и сказали мы выше, болѣе стадный и механически-
гильный, чѣмъ рассудочный и действительно гражданскій,
енно-гражданскій. И потому такъ набросались всё на
ое утѣшенія, что всё эти внѣшнія, именно механически-
гильныя утѣшенія, всегда легка и пріятны и трезвы-
шодручны: «Нужна-де только европейская формула и все
нѣ спасено; приложить ее, взять изъ готоваго сундука,
съ-же Россія станетъ Европой, а рубль талеромъ». Глав-
о пріятно въ этихъ механическихъ успокоеніяхъ, — это
думать совсѣмъ не надо, а страдать и смущаться и по-
Я про стадо говорю, я праведниковъ не трогаю. Пра-
вездѣ есть, даже и изъ европейцевъ русскихъ, и я ихъ
согласитесь, что у насъ, въ большинствѣ случаевъ, все
ль-то танцуютъ происходить. Чего думать, чего голову ло-
де заболитъ: взять готовое у чужихъ и тотчасъ нач-
узыка, согласный концертъ—

Мы вѣрно ужъ поладимъ
Коль радомъ садимъ.

а что коль вы въ музыканты-то еще не годитесь, и это
миѣйшемъ, въ колоссальнѣйшемъ большинствѣ, господа?
оль изъ бѣлыхъ жилетовъ выйдетъ лишь одна говорильня?
юли колоссальнѣйшее большинство бѣлыхъ-то жилетовъ
ичайное зданіе и вовсе-бы пускать не надо (на первый
конечно), если ужъ такъ случится когда-нибудь, что оно
увѣячано? То есть ихъ-бы и можно пустять и должно,
что все-жъ они русскіе люди (а многіе такъ и люди хо-
еслибъ только они, со всей землей, захотѣли смиренно,
съ общемъ великомъ дѣлѣ, свой совѣтъ сказать. Но вѣдъ
тять они свой совѣтъ вмѣстѣ съ землей сказать, возгор-
адъ нею. До сихъ поръ, цѣлыхъ два столѣтія были особо,
вдругъ и соединятся! Это вѣдъ не водевиаль, это требуетъ
и культуры, а культуры у насъ нѣтъ и не было. По-

смотрите, взгляните въ азартъ много-авроепейскаго русскаго ловака и притомъ иной разъ самаго невиннѣйшаго и любезнаго по личному своему характеру, посмотрите, взгляните, съ какою неопытностью, ядовитымъ и преступнымъ, доходящимъ до вѣнчаго рта, до клеветы азартомъ препирается онъ за свои заветные идеи, и именно за тѣ, которыя въ высшей степени не похожи на складъ русскаго народнаго міросозерцанія, на священнѣйшія чужія и върванія народныя! Вѣдь такому баряну, такому баряну, чтобъ соединиться съ землемъ, воняющею злуномъ и зломъ, — чѣмъ надо поступиться, какими святѣйшими для насъ книжками и европейскими убѣжденіями? Не поступится онъ, а брезгливъ къ народу и высокомеренъ къ землѣ Русской уже вольно. «Мы, дескать, только одни и можемъ совѣтъ сказать, скажутъ они, а тѣ, остальные (то есть вся-то земля), пусть тѣмъ довольны будутъ пока, что мы, образуя ихъ, будемъ постепенно возносить до себя и «научимъ народъ его правды и обязанностямъ». (Это они-то собираются поучать народъ его правды и, главное, — обязанностямъ! Ахъ, шалуны!). «Русское общество не можетъ-де пребывать въ уѣздной бутузкѣ вмѣстѣ съ оборваннымъ народомъ, одѣтымъ въ національные лапти». Такъ вѣдь выходи съ такимъ настроеніемъ, можно (и даже неминуемо) дойти опять до закрѣпощенія народнаго, злуна-то и лаптя, и не прежнимъ крѣпостнымъ путемъ, такъ интеллигентной охотой и ея политическими послѣдствіями, —

«А народъ опять скуемъ!»

Ну и разумеется кончатъ тѣмъ, что заведутъ для однихъ себя говорильню. Заведутъ, да и сами себя и другъ друга, и перваго-же шагу, не поймутъ и не узнаютъ, — и это навѣрное случится такъ. Будутъ лишь въ темнотѣ другъ объ друга стучать лбами. Не обижайтесь, господа. Это и не съ такимъ обществомъ пѣлыхъ два вѣка оторваннымъ отъ всякаго дѣла и не имѣющимъ никакою самообытною культуры. Какъ ваше, случилось, когда доходила до него очередь въ первый разъ свой совѣтъ сказать, это и съ культурнѣйшими народами случилось. Но такъ и тѣ всетаки за собой и тѣмъ вѣковую культуру, и что прежде всего всегда болѣе или менѣе на народъ опиралась, то и оправданно своро, и выступала на дорогу твердую, конечно, тоже не безъ предварительныхъ пишекъ на лбу. Ну, а вы, наши европейцы, на что ободретесь, чѣмъ сладитесь? — тѣмъ только, что рассядете. А сколько, сколько расплодилось у насъ теперь говору-

Точно и для самого дьябл готовятся. Сядет передъ вами передовой и научившій господинъ и начнетъ говорить: ни словъ, ни началъ, все сбито и сверчено въ клубокъ. Часа пора говорить и, главное, идѣ такъ сладко и гладко, точно какъ поеть. Спрашиваешь себя, что онъ: умный или иной какой?— и можешь рѣшить. Каждое слово, казалось-бы, понятно и ясно, а цѣломъ ничего-то не разберешь. Курицу-ль впрямь яйца учить, курица будетъ по прежнему на яйцахъ сидѣть, —ничего этого разберешь, увидишь только что краснорѣчивая курица, вмѣсто яйца дичь несетъ. Глаза выпучишь подъ конецъ, въ головѣ дурь. Это типъ новый, недавно народившійся; художественная литература его еще не затронула. Много чего не затронула еще и художественная литература изъ современнаго и текущаго, то совсѣмъ проглядѣла и страшно отстала. Все больше типами годовыхъ пребываются, много что пятидесятыхъ. Даже историческій-то романъ можетъ потому ударилась, что смыслъ много потеряла.

II

Возможно-ль у насъ спрашивать европейскихъ финансовъ?

А что-же финансы? Что-жъ финансовая-то статья?— скажутъ. Но опять-таки: какою я экономистъ, какою финансистъ? и не смѣю я вовсе писать о финансахъ. Почему-же осмѣиваю-то и собираюсь писать? А вотъ именно потому, что увѣдѣлъ, что, начавъ о финансахъ, переѣду совсѣмъ на другое, и статья у меня не финансовая, а совсѣмъ иная какая-нибудь статья. Вотъ этимъ только я и ободренъ. Ибо и недостойнъ я писать о финансахъ, такъ какъ самъ знаю, что смотрю на наши финансы совсѣмъ не съ европейской точки и не въ-хаже, что ее можно въ намъ приложить—и именно потому, что вовсе не Европа и что все у насъ до того особливо, что въ сравненіи съ Европой, почти какъ на лунѣ сидимъ. Европа, впримѣръ, рабское, феодальное отношеніе низшихъ къ высшимъ уничтожалось вѣками и, наконецъ-то, раз-революція; все, однимъ словомъ, совершилось культурно и чински. У насъ-же крѣпостное право рушилось въ одинъ мигъ всѣми послѣдствіями, и, слава Богу, безъ малѣйшей ре-волюціи. И вотъ, казалось-бы, откуда-то быть потрясенію, то есть

капитальному, очень большому? Правда и то: все, что даетъ, надаетъ всегда очень опасно, то есть, съ больша саніемъ. Но я, разумеется, пожалуй, что вдругъ упало: хорошо, напротивъ, что весь этотъ мертвостный историче нашъ упразднится разомъ по великому слову Освободит не менѣ законъ природы нельзя миновать и потрясен большое. Пусть-бы большое, но почему столь великъ мѣется, на все законы исторіи и ужь, безъ сомнѣнія, е многіе, которые и теперь ясно различаютъ, почему вышло. Но, не развивая эту тему дальше—(велика она историче будущаго вѣка развѣ только по слухамъ)—не больше ни слова, укажу лишь на нныя частности, ч всего бросаются въ глаза и смущаютъ. Вотъ, напри мѣрите: Рухнуло крѣпостное право, мѣшавшее всему, вильному развитію земледѣлія,—и вотъ тутъ-то бы, к зацвѣсти мужику, тутъ-то бы, кажется, и разбогатѣть чуть не бывало: въ земледѣліи мужикъ съѣхалъ прямо мумъ того, что можетъ ему дать земля. И главное, въ что еще неизвѣстно: найдется-ли даже и впредь така въ чемъ именно она заключается), чтобъ мужикъ рѣш выситъ надъ минимумомъ, который даетъ ему тепері попроситъ у ней максимума. Скажутъ умники: вопро и уже всѣмъ понятный, но я твердо увѣренъ, что е не разрѣшенный и несравненно огромнѣйшій, несрав лѣе захватывающій въ себѣ содержанія, чѣмъ преді его. Затѣмъ посмотрите опять: все прежнее барское дѣніе упало и понизилось до жалкаго уровня, а вмѣст видимо началось перерожденіе всего бывшаго владѣльч словія въ нѣчто иное чѣмъ прежде, въ народъ, въ гентный народъ—ибо во что-же, казалось-бы, перероди Вотъ бы я прекрасно и ужь лучше, кажется, нельзя-б ибо страшно нужна народу интеллигенція предводящая онъ жаждетъ и ищетъ ея. Но, къ сожалѣнію, и это у еще въ идеалѣ, и представляется лишь прелестным лемъ, летающимъ въ небѣ; въ дѣйствительности-же такъ. Захочетъ-ли сословіе и прежній помѣщикъ стати гентнымъ народомъ? Вотъ вопросъ и, знаете-ли: самы самый капитальный, какой только есть у насъ теперь, тораго зависить, можетъ быть, все наше будущее! А м вопросъ этотъ далеко еще не рѣшенъ и даже представи какимъ путемъ разрѣшится. Не захочетъ-ли, напротивъ

ть возгордиться и стать охотнаждь народомъ властію силы, ужь, конечно, не прежнимъ крѣпостнымъ правомъ, но не захочеть-ли на- шѣрь, оно вѣдетъ единенія съ народомъ, изъ самаго образованія его создать новую властную и разъединительную силу и стать съ народомъ аристократіей интеллигенціи, его олевающей. Зако- нъ-ли оно испрению признать народъ своимъ братомъ по крови и ду, впрядь навсегда, почитать-ли оно то, что чтитъ народъ нашъ, заскитса-ли возлюбить то, что возлюбилъ народъ даже болѣе него себя. А вѣдь безъ этого никогда и никто не сойдется съ нимъ народомъ, ибо то, что онъ чтитъ и любить, у него крѣпко- ть не послуניתся имъ ни для какой интеллигенціи, какъ-бы каждакъ ея самъ. Все это у насъ страшно насущно и страшно рѣшено. И вообще у насъ все теперь въ вопросахъ. И, что иное, все вѣдь это требуетъ времени, исторіи, культуры, по- ниманія, а у насъ, напротивъ того, предстоитъ разрѣшить въ нѣтъ мигъ. Въ томъ-то и главная наша разница съ Европой, не историческимъ, не культурнымъ ходомъ дѣла у насъ сто- лѣтнее происходитъ, а вдругъ и совсѣмъ даже какъ-то внезапно. И разъ даже никѣмъ до того неожиданнымъ предписаніемъ мѣльства. Конечно, все произошло и идетъ не по винѣ чьей- то, и ужь, если хотите, такъ даже и исторически, но согла- сись и съ тѣмъ, что такой исторіи не знала Европа. Какъ-же смѣивать съ насъ Европы, да еще съ европейской системой инноваций? И, напримѣръ, вѣрю какъ въ экономическую аксіому, не желѣзно-дорожники, не промышленники, не миллионеры, банки, не жиды *обладаютъ* землею, а прежде всѣхъ лишь земледѣльцы; что кто обрабатываетъ землю, тотъ и ведетъ за собою, что земледѣльцы и суть государство, ядро его развития. А такъ-ли у насъ, не на выворотъ-ли въ настоящемъ мѣту, гдѣ наше ядро и въ комъ? Не желѣзнодорожники-ли и въ владѣютъ экономическими силами нашими? Вотъ у насъ вѣдѣтся желѣзные дороги и опять фактъ, какъ ни у кого: Европа не полѣвка покрывалась своей сѣтью желѣзныхъ дорогъ еще при своемъ-то богатствѣ. А у насъ послѣднія пятнад- цать-шестнадцать тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ въ десяти лѣтъ выстроились, да еще при нашей-то нищетѣ и въ такое по- слѣднее экономически время, сейчасъ послѣ уничтоженія крѣ- пѣстнаго права! И уже, конечно, всѣ капиталы перетянули къ себѣ именно тогда, когда земля ихъ жаждала наиболѣе. На раз- личное землевладѣніе и создались желѣзные дороги. А раз- нѣ-ли у насъ до сихъ поръ вопросъ о единичномъ, част

нотъ землемладѣнн? Уживется-ли впредь оно рѣшеть жичьимъ, съ опредѣленной рабочей силой, но здоровой дой, а не на пролетаріатъ и кабакъ основанной? А въ здраваго разрѣшенія такого вопроса что-же здраваго в Намъ именно здравыя рѣшенія необходимы, — до тѣхъ 1 будетъ спокойствія, а вѣдь только спокойствіе есть во всякой великой силы. Какъ-же спрашивать у насъ тоне пейскихъ бюджетовъ и правильныхъ финансовъ? Тутъ въ томъ вопросъ, почему у насъ нѣтъ европейской эка хорошихъ финансовъ, а вопросъ лишь въ томъ какъ устояли? Опять такая крѣпкой, единительной, всенародно устояли.

А спокойствія у насъ мало, спокойствія духовнаго от г. е. самаго главнаго, ибо безъ духовнаго спокойствія н не будетъ. На это особенно не обращаютъ вниманія, а ются только временной, матеріальной глади. Спокойствія в нѣтъ, и это во всѣхъ слояхъ, спокойствія въ убѣждені шихъ, во взглядахъ нашихъ, въ нервахъ нашихъ, въ тахъ нашихъ. Труда и сознанія, что лишь трудомъ « будешн » — нѣтъ даже вовсе. Чувства долга нѣтъ, да н ему завестись: культуры полтора вѣка не было правильно жалуй, что и ни какой. « Къ чему я стану трудиться, самой культурой моей доведенъ до того, что все, что 1 меня, отрицаю? А если и есть колпаки, которые думаютъ зданіе какими-то европейскими измышленіями, — то я и ковъ отрицаю, а вѣрю лишь въ то, что чѣмъ хуже, тѣмъ и вотъ вся моя философія ». Увѣряю васъ, что у насъ это очень многіе говорятъ, про себя, по крайней мѣрѣ, такъ и вслухъ. И однако говорящій такіе афоризмы ч самъ-то вѣдь изъ костей и плоти. « Чѣмъ хуже, тѣмъ . говорятъ онъ, но это вѣдь только для другихъ, для вс самому-то мнѣ пусть будетъ какъ можно лучше » — во какъ онъ разумѣетъ свою философію. Аппетитъ-же у н чій. Мужчина съ медвѣдя, а нервы у него женскіе, раз ные, избалованные; жестокъ и сластолюбивъ, ничего не не можетъ, « да и къ чему-де утруждать себя и пере Пресѣклись обѣды въ ресторанъ, пресѣклись коботки для чего-же и жить, — баць и пулю въ лобъ. Ещю шо, если себѣ пулю въ лобъ, а то вѣдь пойдетъ да гаго обокрадетъ, законно-юридическимъ образомъ. А дѣла не ждетъ, бѣдность нарастаетъ всеобщая. Вонъ ку

стено жалуются, что никто ничего не покупаетъ. Фабрики снижаютъ производство до минимума. Войдите въ магазинъ и вы увидите, какъ дѣло идетъ: «прежде, скажутъ вамъ, къ праздникамъ, на крайней мѣрѣ, подюжны рубахъ себѣ купить, а теперь все по одной берутъ». Спросите даже въ ресторанѣ водникъ—такъ какъ это послѣднее мѣсто, гдѣ бѣдность мѣшается. «Нѣтъ, скажутъ вамъ, ужь теперь не вутятъ по вѣду, всѣ прижались, много что придетъ и обыкновенный спроситъ»—и это вѣдь прежній щеголь, бонбансникъ. Вы уже прожили. Теперь еще все-таки валятъ послѣдніе лѣса, валятъ—и ничего ужь не будетъ. А какіе ужь теперь лѣса? кто по желѣзной дорогѣ, замѣтите у станціи дрова: прежде они бровна рубили, а теперь совсѣмъ не рѣдкость встрѣтятся тоненькія палочки вѣсто дровъ, — не дерево, а ужь рубить, подросточки. Вамъ, конечно, наблюденіе это вѣдетъ мелочью въ виду прочихъ громадныхъ вопросовъ на-времена. Но вѣдь про лѣса наши финансисты рѣшительно шруютъ, точно и не хотятъ знать, какъ будто даже по у-то принципу. А безъ лѣсовъ вѣдь и финансы понизятся рашномъ размѣрѣ, если все-то сообразить и въ самую глубь. Но въ лѣсномъ вопросѣ всѣ какъ будто слово дали себѣ скользить по поверхности, пока не пришла бѣда. Она привдругъ, ибо всѣ пока успокоены тѣмъ, что цѣна лѣсу на вѣ все еще стоитъ подходящая, и знать не хотятъ, что она, сказать, искусственная, отъ усиленнаго предложенія тѣхъ, не валятъ лѣса и кусты даже, потому что уже все про-Повалятъ и вдругъ ничего не окажется, нечего будетъ пред-ъ. Но объ этомъ потомъ. Я вѣдь началъ рѣчь о повсемѣстной гѣ и, обратномъ ей, развитіи appetitovъ.

хочу только, между прочимъ, замѣтить, что страшно раз-ъ много Капитановъ Копѣйкиныхъ, въ безчисленныхъ ви-вненіяхъ, начиная съ настоящихъ, до великосвѣтскихъ и шенныхъ. И всѣ-то на казну и на общественное достояніе точатъ. Разумѣется, всѣ они быстро превратятся у насъ не въ разбойниковъ на большихъ дорогахъ, какъ было съ щимъ Копѣйвинимъ, то въ карманныхъ промышленниковъ, въ дозволенныхъ, а иные такъ и прикрывать себя юри-мя не станутъ. Иной даже гордо скажетъ: «Я потому та-что все отрицаю и отрицанію способствую». О, развѣ нѣтъ кннхъ-либераловъ? Они слишкомъ поняли, что въ модѣ мннхъ и что на немъ можно выѣхать. Кто ихъ не види-

важъ: Либераль всесвѣтній, атеистъ догматическій, надъ нимъ величается своимъ просвѣщеніемъ въ патакъ цѣны! Онъ пошелъ изъ всѣхъ пошлыхъ проявленій нашего желалаберанно все-таки у него неутолимо развитъ эстетизмъ, а потому опасенъ. Вотъ такіе-то первые и ирривынають президе вои всякой идеѣ о пересадкахъ извиѣ для механическаго вращеніи группируются и составляютъ толпу, которую водуть весьма весьма честные люди, въ сущности не виноваты въ томъ, имъ такой контингентъ: «Пусть всякая переиѣна, только безъ труда и готовая, говоритъ либеральный Конѣякинъ, такъ лучше мнѣ будетъ съ внѣшней-то переиѣной, съ какою тамъ ни было, чѣмъ теперь, потому что навѣрное найду, поживитесь на первыхъ порахъ»,—такъ вѣдь съ этой стороны онъ очень опасенъ, хотя всего только Конѣякинъ. Но еще Конѣякина. Все сказанное теперь еще только самый малый шекъ на тему о томъ, что у насъ нѣтъ спокойствія. Самое что предисловіе мое вышло слишкомъ ужъ длинно. Не наансамъ, къ финансамъ!

III.

**Забуть текущее ради оздоровленія корней. По изумительному
въ нѣчто духовное.**

По свойству природы моеи начну съ конца, а не съ начала, равномъ выставляю всю мою мысль. Никогда-то я не умѣлъ и постепенно, подходит подходами и выставлялъ идею лишь тогда уже успѣю ее всю разжевать предварительно и до по возможности. Терпѣнія не хватало, характеръ препятствитель чѣмъ я, конечно, вредилъ себѣ, потому что иной окончательный выводъ, высказанный прямо, безъ подготовленій, безъ предварительныхъ доказательствъ, способенъ иногда просто удивлять, а пожалуй такъ вызвать и смѣхъ, а у меня, — предчувствую—именно такой выводъ, что надъ нимъ можно разсвѣяться, если не подготовить къ нему читателя предварительно. Мысль моя, формула моя—слѣдующая: «Для приобретения хорошихъ государственныхъ финансовъ въ государствѣ, давшей извѣстныя потрясенія, не думай слишкомъ много о текущихъ потребностяхъ, сколь-бы сильно ни вопіяли они, а лишь объ оздоровленіи корней—и получишь финансы».

разумѣется, тотчасъ-же раздается смѣхъ: «Это-де всё зна-
кажутъ мнѣ, въ вашей формулѣ нѣтъ ровно ничего неизвѣ-
стно, кто-жь не знаетъ, что не надо вѣстовать корнямъ, что, за-
рѣжь корни, плодовъ не получишь и т. д. и т. д.». Но однако-же
рассуждаясь, я еще не всю мою мысль сказалъ, и увы, въ
то и бѣда моя, что если-бъ я даже цѣлую книгу написалъ,
то эта мысль моя, то и тогда (о, опять-таки предчувствую)
не сумѣлъ-бы разъяснить ее настолько, чтобъ ее можно
было понять со всею полнотою. Ибо въ этой мысли заключается
какого-то своего рода фатализмъ.

Скажите-ли: объ оздоровленіи корней, конечно, всё знаютъ и
не только министръ финансовъ болѣе или менѣе о нихъ ве-
даютъ, а ужь особенно министръ нынѣшній: онъ прямо при-
шелъ къ корнямъ, и вотъ уже соляной налогъ уничтоженъ.
Вотъ еще реформы, и чрезвычайныя, капитальныя, имен-
но «аренныя». Кроме того всегда, и прежде, и десять лѣтъ тому,
облажались многія средства на оздоровленіе корней: назнача-
лись ревизіи, устраивались коммисіи для изслѣдованія благосо-
стоянія русскаго мужика, его промышленности, его судовъ, его са-
мостоятельности, его болѣзней, его нравовъ и обычаевъ, и пр. и пр. Ко-
гда выдѣляли изъ себя подкоммисіи на собраніе статистическихъ
данныхъ, и дѣло шло какъ по маслу, т. е. самымъ лучшимъ адми-
нистративнымъ путемъ, какой только можетъ быть. Но я вовсе
не про то говорить теперь началъ. Мало того, не только
коммисіи, но даже и такія капитальныя реформы, какъ отмена
солянаго налога или ожидаемая великая реформа податной си-
стемы,—по моему, суть лишь одни пальятывы, нѣчто внѣшнее
къ самому корню начатое,—вотъ что я хочу выставить.
Какого корня будетъ то, когда мы, если не совсѣмъ, то хоть
чуть-чуть забудемъ о текущемъ, о злобѣ дня сего, о вопію-
щихъ нуждахъ нашего бюджета, о долгахъ по иностраннымъ
банкамъ, объ дефицитѣ, объ рублѣ, о банкротствѣ даже, кото-
рое, впрочемъ, никогда у насъ и не будетъ, какъ ни пророчать
намъ злорадно иностранныя друзья наши. Однимъ словомъ,
ибо всемъ, обо всемъ текущемъ позабудемъ и обратимъ
внимание лишь на одно оздоровленіе корней, и это до тѣхъ поръ,
пока не получимъ дѣйствительно обильный и здоровый плодъ. Ну,
возможно будетъ и опять въѣхать въ текущее, или, лучше
скажемъ, уже въ новое текущее, потому что въ этотъ антрактъ,
въ этотъ перерывъ, что прежде (т. е. современное, теперешнее наше
время) кажутся все радикально и преобразить свой харак-

терь до того, что мы сами его не узнаемъ. И что же
 мѣется, понимаю, что все, что я сказалъ сейчасъ, пока
 вамъ, что не думать о рублѣ, о платежахъ по займамъ
 кротствѣ, о войскѣ нельзя, что это надо удовлетворить
 творять и, повидимому, прежде всего. Но увѣрю-же
 и я понимаю это. Видите, я вамъ признаюсь: я нароч
 вилъ мою мысль ребромъ и желанія мои доведъ до иде
 невозможнаго. Я думалъ, что именно начавъ съ абсурд
 понятнѣе. Я и сказалъ: «Что еслибъ мы хоть на половин
 смогли заставить себя забыть про текущее и направ
 вниманіе на нѣчто совсѣмъ другое, въ нѣкую глубь, въ
 по правдѣ, доселѣ никогда и не заглядывали, потому
 искали на поверхности? Но я сейчасъ-же готовъ смят
 формулу и вотъ что вмѣсто нея предложу: не на половин
 о текущемъ, — отъ половины я отказываюсь — а всего-о
 на одну двадцатую долю, но съ тѣмъ (непремѣнно съ тѣмъ
 начавъ съ двадцатой доли забвенія текущаго, въ кажды
 шій годъ прибавлять къ прежней долѣ еще по одной
 и дойти — ну, дойти, напримѣръ, такимъ образомъ, до
 четвертой забвенія. Важна тутъ не доля, а важенъ ту
 мить, который взять, поставить передъ собой и затѣмъ
 довать ему неуклонно. О, на это все тотъ-же вопросъ
 дѣвать текущее-то, — не похерить-же его, какъ не су
 щее? Я и не говорю: похерить; знаю самъ, что суще
 нельзя сдѣлать несуществующимъ, — но знаете, господи
 и можно. Вѣдь если только перестать лишь на одну д
 долю ежегодно удостоивать его столь болѣзненно-тревож
 манія, какъ теперь, а обратить это болѣзненно-тревож
 маніе, въ размѣрѣ тоже одной двадцатой доли ежегодно,
 другое, то дѣло-то представится почти что и не фантаст
 а совсѣмъ даже возможнымъ къ начатію, тѣмъ болѣе,
 вущемъ (повторяю это) пренебрегаемомъ на одну двадца
 ежегодно, уже потому одному нечего безпокоиться, чт
 не утратится, вовсе не похерится, а, повторяю это, он
 бою преобразится въ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ теперь,
 чинится новому принципу и войдетъ въ смыслъ и духъ
 образится непремѣнно къ лучшему, къ самому даже лучш
 скажутъ, что я говорю загадками и однако-же это ни
 примѣра и на первый случай закину лишь одно только
 ленькое предисловное слово на тему о томъ, какимъ образ
 но сразу начать переходъ отъ текущаго къ «оздоровленію

Ну: что еслибъ, напримеръ, Петербургъ согласился вдругъ, въ-набродъ чудомъ, сбавить своего высокомерья во взглядѣ на Россію,—о, какимъ-бы славнымъ и здоровымъ перемѣнамъ послужило-бы это къ «оздоровленію корней!» Ибо не Петербургъ,—онъ видъ дошелъ до того что рѣшительно есть себя всей Россіей, и это отъ поколѣнія къ поколѣнію въ нарастающій. Въ этомъ смыслѣ Петербургъ какъ-бы слѣдуетъ кѣмъ Парижа, не смотря на то, что на Парижъ совсѣмъ не такъ! Парижъ ужъ такъ самъ собою устроился исторически, и охватилъ всю Францію, все значеніе ея политической и общественной жизни, весь смыслъ ея,—и отнимите Парижъ у Франціи, что при ней останется, одно географическое опредѣленіе. И вотъ у насъ воображаютъ иные почти такъ-же какъ и въ Парижѣ, что въ Петербургѣ сидитъ вся Россія. Но Петербургъ не Россія. Для огромнаго большинства русскаго народа Петербургъ имѣетъ значеніе лишь тѣмъ, что въ немъ его Царь сидитъ. Между тѣмъ, и это мы знаемъ, петербургская интеллигенція наша, отъ поколѣнія къ поколѣнію, все менѣе и менѣе перестаетъ понимать Россію, именно потому, что, замкнувшись въ себя въ своемъ чухонскомъ болотѣ, все болѣе и болѣе измѣняетъ свой взглядъ на нее, который у иныхъ сѣзился, наконецъ, до размѣровъ микроскопическихъ, до размѣровъ какого-нибудь Карлсруэ. Но выгляните изъ Петербурга и вамъ представитъ море-океанъ земли Русской, море необъятное и глубокое. И вотъ сынъ петербургскихъ отцовъ самымъ спокойнымъ образомъ отрицаетъ море народа русскаго и принимаетъ за нѣчто косное и безсознательное, въ духовномъ отношеніи ничтожное и въ высшей степени ретроградное. «Велика-де ра да дура, годится лишь насъ содержать, чтобы мы ее умному обучили и порядку государственному». Танцующія и лошадки, создаются въ Петербургѣ будущіе сыны отечества, а «пераробочія крысы», какъ называлъ Иванъ Александровичъ Панаевъ, изучаютъ отечество въ канцеляріяхъ и, разумеется, что изучаются, но не Россіи, а совсѣмъ иному, подчасъ въ странному. Это что-то иное и странное Россіи и навязывается. А между тѣмъ море-океанъ живетъ своеобразно, съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе духовно отдѣляясь отъ Петербурга. И не говорите, что живетъ онъ хотя мощною жизнью, но безсознательною, какъ увѣрены до сихъ поръ не только «бурашки», но даже и понимающіе Россію иные немногіе русскіе люди. О, еслибъ знали какъ это невѣрно, и уже сколько

сознанія накопилося въ народѣ русскомъ, напримѣръ, не только въ теперешнее царствованіе! Да, сознаніе уже растетъ и уже столь многое народомъ понято, и всѣмъ-таки петербургскіе люди и не повѣрили-бы. Это видится тамъ, рые видѣть умѣютъ, это предчувствуется и только еще не руживается въ цѣломъ, хотя сильно обнаруживается по угламъ, по домамъ и по избамъ. Гдѣ-же обнаружится въ цѣломъ — вѣдь это океанъ, океанъ! Но если когда обжиться или только начнетъ обнаруживаться, то въ какое зашло удивленіе повергнетъ оно петербургскаго интеллигентнаго человѣка! Правда, долго онъ будетъ отрицать и не въ своимъ пяти чувствамъ, долго не сдастся европейскій чекъ, — иные такъ и умрутъ не одавшись. Но, чтобъ избѣ великихъ и грядущихъ недоразумѣній, о, какъ-бы жаль было, повторяю это, чтобъ Петербургъ, хотя-бы въ лучшихъ представителяхъ своихъ, сбавилъ хоть капельку своего вмѣрія во взглядѣ своемъ на Россію! Проникновенія-бы какъ больше, пониманія, смиренія передъ великой землей Русіи передъ моремъ-океаномъ, — вотъ-бы чего надо. И какіе вѣрнымъ первымъ шагомъ послужило это къ «оздоровленію ней»...

— Но позвольте, прервуть меня, все это пока лишь старыя, истрепанныя славянофильскія бредни, совсѣмъ далъ реальное, какое-то даже духовное; но что такое «оздоровленіе корней», — вы еще это не разъяснили? И что это за корни? корни? Что вы подъ этимъ разумѣете?

— Вы правы, господа, правы, — начнемъ объ самихъ «корняхъ».

IV.

Первый корень. Въсто твердаго финансоваго тона владѣ старыя снова. Море-Океанъ. Жамда правды и необходи спокойствія, столь полезнаго для финансовъ.

Первый корень, первый самый главный корень, ко предстоитъ непремѣнно и какъ можно оздоровить — это, сомнѣнія, все тотъ-же русскій народъ, все тотъ-же море-океанъ о которомъ я сейчасъ мою рѣчь завелъ. Я про простой народъ теперь говорю, про простолюдина и мужика, про тежную силу, про мозольныя рабочія руки, про море-океанъ

не знаетъ ли, что сдѣлало и дѣлаетъ для него непрерывно правительство въ нынѣшнее царствованіе начиная съ освобожденія его отъ крѣпостной зависимости? Да, оно заботится о нуждахъ, о его просвѣщеніи, леченіи, прощаетъ ему даже ошибки при случаѣ, — однимъ словомъ, дѣлаетъ и заботится то, кто-жь про это не знаетъ. Но я не про это хочу говорить: я разумѣю лишь духовное оздоровленіе этого великаго корня, который есть начало всему. Да, онъ духовно боленъ смертельно: главная мощная сердцевина его души адорова, всетамъ болѣзнь жестока. Какая-же она, какъ она называться? Трудно это выразить въ одномъ словѣ. Можно-бы вестъ и сказать: «Жажда правды, но неутоленная». Ищетъ народъ и выхода къ ней непрерывно и все не находитъ. Хотѣлъ-бы мнѣ ограничиться тутъ лишь финансовой точкой взгляда на эту болѣзнь, но придется прибавить и нѣсколько иныхъ словъ. Съ самаго освобожденія отъ крѣпостной зависимости, явилась въ народѣ потребность и жажда чего-то новаго, уже не прежняго, жажда правды, но уже полной правды, новаго гражданскаго воскресенія своего въ новую жизнь послѣ стараго освобожденія его. Затребовалось новое слово, стали загорѣть новыя чувства, стало глубоко вѣряться въ новый порядокъ. Послѣ перваго періода посредниковъ перваго призыва на помощь вдругъ нѣчто иное, чѣмъ ожидалъ народъ. Наступилъ переломъ, въ который народъ и радъ былъ увѣровать, но мало въ немъ понималъ. Не понималъ онъ его, терялся, а потому не могъ увѣровать. Являлось что-то внѣшнее, что-то какъ-бы чужое и не его собственное. Пережевываютъ эту тему столько пережеванную нечего: другіе расскажутъ про это лучше, — прочтите хоть въ журналѣ «Русь». Явилось затѣмъ кабацкое пьянство, пьяное море какъ-бы разлилось по Россіи, опять свирѣпствуетъ оно и теперь, но все-таки жажды новаго, жажды новой, правды уже полной народъ не утратилъ, унимать даже и виномъ. И никогда, можетъ быть, не былъ онъ более склоненъ къ инымъ вліяніямъ, и вѣяніямъ, и болѣе беззащитенъ отъ нихъ какъ теперь. Возьмите даже какую-то штунду посмотрите на ея успѣхъ въ народѣ: что свидѣтельствуетъ она? Жажда правды и безпокойство по ней. Именно безпокойство; жажда теперь именно «обезбожена» нравственно. Я убѣжденъ, что если антихристіческая пропаганда не нашла до сихъ поръ путей «въ народъ», то единственно по неумѣлости, глупости и не подготовленности пропагаторовъ, неумѣвшихъ даже

и подойти къ народу. А то при самой мнѣйшей умѣлости, бы проникли, какъ проникла и шгунда. О, надо беречь насъ. Сказано: «Будутъ времена, скажутъ вамъ: Се здѣсь Христъ или тамъ, не вѣрете». Вотъ и теперь какъ будто нечто такое совершается, и не только въ народѣ, но, пожалуй, даже у насъ наверху. Ну, развѣ не волнуется народъ разными обычными слухами о передѣлѣ, наприимѣръ, надѣловѣ, о новыхъ золотыхъ грамотахъ? Недавно мы читали по церквамъ, не вѣрили, что ничего не будетъ, и вотъ, вѣрите-ли: именно этого чтенія и утвердилась, по мѣстамъ, еще болѣе мысль «будеть»: «Даромъ бы читать не стали, а коли ужъ зачитывать, значитъ «будеть». Вотъ что она заговорила тотчасъ послѣ чтенія, по крайней мѣрѣ, по мѣстамъ. Я именно зналъ: покупали крестьяне у сосѣдняго помѣщика землю и сейчасъ было въ цѣнѣ, а послѣ этого чтенія отступились: «И безъ насъ возьмемъ». Посмѣиваются и ждуть. Я только про слухъ говорю, про способность внимать имъ, свидѣтельствующую о нравственномъ безпокойствѣ народа. И вотъ что главное: родъ у насъ одинъ, т. е. въ уединеніи, весь только изъ лишь силы оставленъ, духовно его никто не поддерживаетъ. Есть земство, но оно «начальство». Есть судъ, но и то «начальство»; есть община наконецъ, міръ, но и то какъ будто бы теперь танеть къ чему-то похожему на начальство. Газеты и описаніями, какъ народъ выбираетъ своихъ выборныхъ, присутствій «начальства», непремѣннаго члена какого нибудь и что изъ этого происходитъ. Но анекдотовъ этихъ ты пересчитывать не буду. Посмотришь иной простакъ кругомъ и вдругъ выведетъ, что одному-де кулаку и міровду и что какъ будто дая имъ все и дѣлается, такъ стану-де и я закономъ,—и станетъ. Другой, помирнѣе, просто сѣнется, а тому что бѣдность одолѣла, а потому, что отъ безправности и что? Что-же тутъ дѣлать? Тутъ фатумъ. Вѣдь ужъ, кажется, дано у насъ и дѣленіе, начальство, тутъ-то бы и успокоиться, — а нѣтъ, къ чему-то наоборотъ. Вонъ высчитали, что у народа, теперь, въ мѣстѣ, чуть-ли не два десятка начальственныхъ чиновъ сведенныхъ къ нему опредѣленныхъ, надъ нимъ стоящихъ, его оберегающихъ и опекающихъ. И безъ того уже бѣдному человѣку все и есть начальство, а тутъ еще двадцать штукъ специальныхъ! Слово движенія ровно какъ у мухи, попавшей въ тарелку съ пивомъ. А вѣдь это не только съ нравственной, но и съ физическою точки зрѣнія вредно, т. е. такая свобода движенія. А и

къ жизни, безъ бездѣтельности. Есть у него только Богъ и — вотъ этиже двумя силами и двумя великими надеждами и держится. А другіе совѣтники всё проходятъ мимо него, не коснувшись. Вся прогрессивная интеллигенція, наиряднѣе, сплошь проходитъ мимо народа, ибо хотя и много въ интеллигенціи нашей толковыхъ людей, но зато о народѣ русскомъ никто имѣетъ понятія. У насъ только отрицають, да безпрестанно жалуется: «Вачѣтъ-де не «оживляется» общество, и покуда никакъ нельзя оживить его, и что-же это за задача такая?» Потому нельзя оживить, что вы на народъ не обратились: и народъ не съ вами духовно и вамъ чужой. Вы какъ-бы со своего верхняго яруса надъ народомъ, обернувшую землю Русскую и для васъ-то собственно, по крайней мѣрѣ, какъ гово- рятъ и пишутъ у насъ-же, Преобразователь и оставилъ народъ востынь, чтобы онъ, служа вамъ трудомъ своимъ, дакъ средствомъ къ европейскому просвѣщенію прижнуть. Вы и отстались въ два-то столѣтія, а народъ-то отъ васъ отда- лись, а вы отъ него. «Да не мы-ли, скажете вы, объ народѣ пишемъ, не мы-ли объ немъ столь много пишемъ, не мы-ли его къ нему призываемъ?» Такъ, вы все это дѣлаете, но русскій народъ убѣжденъ почему-то, что вы не объ немъ болѣете, а объ немъ-то кромѣ народъ, въ вашу голову засѣвшемъ и на русскій народъ не похожемъ, а его такъ даже и презираете. Это отъ чего-то отношеніе къ народу — въ нѣкоторыхъ изъ насъ — совсемъ безосознательное, положительно можно сказать, не- нравное. Это остатокъ крѣпостнаго права. Началось-же оно съ того, что поръ какъ былъ умерщвленъ гражданскій народъ для на- шего европейскаго просвѣщенія и пребываетъ въ насъ несом- ненно доселѣ, когда и воскресъ народъ, и, знаете, намъ даже и невозможно уже теперь сойтись съ народомъ, если только не случится какого чуда въ землѣ Русской. Тутъ, повторяю, весьма важны мои-же слова: Народъ русскій въ огромномъ большинствѣ своемъ — православенъ и живетъ идеей православія въ полнотѣ, и не разумѣетъ эту идею отвѣтчиво и научно. Въ сущности народъ нашъ кромѣ этой «идеи» и нѣтъ никакой, и все, что онъ одной и исходитъ, по крайней мѣрѣ, народъ нашъ такъ и всѣмъ сердцемъ своимъ и глубокимъ убѣжденіемъ своимъ. Онъ лишь хочетъ, чтобы все, что есть у него и что даютъ ему, — лишь одной идее и исходило. И это несмотря на то, что у самого-же народа является и выходитъ до нелѣ- пы этой идее, а сираднаго, гадкаго, преступнаго, вар-

варскаго и грѣховнаго. Но и дѣла преступныя и варварь, и грѣшныя, а все-таки молятъ Бога, въ высшія минуты души жизни своей, чтобъ пресѣкъ грѣхъ ихъ и сирадъ и все-бы ходило опять изъ той влюбленной «идеи» ихъ. Я знаю, мною смѣялись наши интеллигентные люди: «той идеи» да признавать они не хотятъ въ народѣ, указывая на грѣхи сирадъ его (которые сами-же они виной были, два вѣка угнетеніе его), указываютъ на предрасудки, на индифферентность бы народа въ религіи, а иные такъ даже воображаютъ, что русскій народъ просто-на-просто атеистъ. Вся глубокая ошибка ихъ въ томъ, что они не признаютъ въ русскомъ народѣ Церкви. Про зданія церковныя теперь говорю и не про причты, а нашу русскій «соціализмъ» теперь говорю (и это обратнотивоположное Церкви слово беру именно для разъясненія мысли, какъ ни показалось-бы это страннымъ) → цѣль и воля котораго всенародная и вселенская Церковь, осуществленная земля, покольку земля можетъ вмѣстятъ ее. Я говорю про неустанныя жажду въ народѣ русскомъ, всегда въ немъ присутствіе великаго, всеобщаго, всенароднаго, всебратскаго единенія во Христово. И если нѣтъ еще этого единенія, если не создана еще Церковь вполне, уже не въ молитвѣ одной, а на дѣлѣ, то все-таки инстинктъ этой Церкви и неустанная жажда ея, равъ даже почти безсознательная, въ сердцахъ много-милліоннаго народа нашего несомнѣнно присутствуютъ. Не въ коммунизмѣ, не въ механическихъ формахъ заключается социализмъ нашъ русский: онъ вѣрить, что спасется лишь въ концѣ концовъ *сътлммы единеніемъ во имя Христово*. Вотъ нашъ русскій социализмъ! Вотъ надъ присутствіемъ въ народѣ русскомъ высшей единительно — «Церковной» идеи вы и смѣетесь, господа европейцы наши. О, есть много и другихъ «идей» въ народѣ русскомъ, которыми вы никогда не сойдетесь и признаете ихъ прямо-таки варварскими въ европейскомъ міросозерцаніи вашемъ. Объ этихъ остальныхъ идеяхъ я теперь и упоминать не буду, это чрезвычайно важныя идеи, которыхъ правды вы вовсе не знаете. Но теперь я объ этой лишь главной идеѣ народа нашего говорю, объ чаяніи въ грядущей и зиждущейся въ немъ, евангелии Божьей, его Церкви вселенской. И тутъ прямо можно поставить формулу. кто не понимаетъ въ народѣ нашемъ его величія и окончательныхъ цѣлей его, тотъ никогда не пойметъ и самаго народа нашего. Мало того: тотъ не можетъ и жить въ народѣ русскомъ (а у многихъ вѣдь изъ нихъ, изъ европей-

ица, сердце чистое, справедливости и любви жаждущее),
в любви его лишь такимъ, какими-бы желалъ его ве-
нники собою представить его. А такъ какъ народъ ин-
женеръ не сдѣлается, каковы-бы его хотѣли видѣть наши,
а останется самимъ собою, то и предвидится въ буду-
щемъ и опасное столкновение. Ибо вынесшаяся
и нѣтъ и обратное значеніе, т. е. никогда народъ не
такого русскаго европейца за своего человека: «Полюбилъ
святину мою, вотъ ты то, что я чту, и тогда ты точно
какъ я, мой братъ, не смотри на то, что одѣтъ не такъ,
баринъ, что ты начальство и что даже и по русскому-то
къ сказать хорошо не умѣешь»,—вотъ что языкъ сво-
роды, ибо народъ нашъ широкъ и уменъ. Онъ и по кару-
ю его святину, хорошаго человека, иной разъ почтять
бѣтъ, выслушаетъ его, если тотъ уменъ, за собою не-
реть и совѣтомъ воспользуется. Ужиться народъ русскій
нѣтъ можетъ, ибо много видавъ видовъ, многое замѣтилъ
шилъ въ долгую, тяжелую жизнь свою двухъ послѣднихъ
(А вотъ вы даже и съ этимъ не соглашаетесь, что онъ
апонилъ и замѣтилъ, а, стало быть, и созналъ, и что
нѣтъ, не совсѣмъ-же онъ только косная масса и пассив-
а, какими вы его опредѣлили). Но ужиться и даже лю-
житься съ человекомъ—дѣло одно, а соимъ человекомъ
ь его—это совсѣмъ уже другое. А безъ этого признанія
тъ и единенія.

нѣтъ то хочу выразить, что силы, разъединяющія насъ съ
тъ, чрезвычайно велики и что народъ остался одинъ, въ
тъ единеніи своемъ, и кромѣ Царя своего, въ котораго
нерушимо,—ни въ комъ и нигдѣ опоры теперь уже не
не видятъ. И радъ-бы увидѣть, да трудно ему разгля-
между тѣмъ,—о, какая-бы страшная, злительная и
нвенная сила, новая, совсѣмъ уже новая сила явилась-бы
и, еслибы произошло у насъ единеніе сословій интелли-
тъ съ народомъ! Единеніе духовное, то есть. О, господа
мы финансы, не такіе-бы годовые бюджеты составляли
а, какіе составляете нынѣ! Молочныя рѣки потекли-бы
тѣмъ, всѣ идеалы ваши были-бы достигнуты разомъ!—
какъ это сдѣлать, и неужели-же виною тому европе-
вѣщеніе наше? О, совсѣмъ не просвѣщеніе, да, по
его у насъ и нѣтъ вовсе даже доселѣ, а разъедине-
все-таки пребываетъ и дѣйствительно вышло какъ-бы

во имя европейскаго просвѣщенія; котораго нѣтъ у насъ настоящее просвѣщеніе тутъ не виновато. Я даже думаю, будь у насъ настоящее, заправское просвѣщеніе, то и безъ насъ-бы никакого не произошло у насъ, вѣдь, настоящее просвѣщеніе-бы никакого не произошло у насъ, вѣдь, настоящее просвѣщеніе жаждетъ. Но улетѣли мы отъ европейскаго, просвѣтись, на луну и всякую дорогу къ кому-нибудь. Какъ-же намъ такимъ отлетѣвшимъ людямъ, браться за заботу оздоровить народъ? Какъ сдѣлать, чтобъ духъ затоскующій и обезпокоенный повсемѣстно, ободрился и успокоился? Вѣдь даже самые капиталы и движеніе ихъ требуютъ много спокойствія ищутъ, а безъ нравственнаго спокойствія прячутся или непронизываемы. Какъ сдѣлать, чтобъ народъ успокоился въ правдѣ и видя правду? Моветъ правда-то есть и теперь, но надо, чтобъ онъ ей повѣрилъ, видѣрить въ его душу, что правда есть въ Русской. Да что высоко стоитъ ея знамя. Какъ сдѣлать, наприимѣръ, чтобъ онъ въ свой судъ увѣровалъ, въ свое представительство? Какъ зналъ его за плоть отъ плоти своя и за кость отъ кости ихъ? О, я не пускаюсь въ подробности, гдѣ мнѣ, и если бы начать все разъяснять и описывать, то думаю и «всему мнѣ вмѣстить-бы книгъ сѣхъ». Но если-бы только хотъ обезпокоенная была правда народу въ будущемъ, такъ чтобы онъ повѣровалъ, что придетъ она непременно, если-бы только хотъ пельку выбралась муха изъ тарелки съ патовой, то и тогда совершилось дѣло великое и неисчислимое. Прямо скажу, бѣда отъ давняго разъединенія высшаго интеллигентнаго сословія съ низшимъ, съ народомъ нашимъ. Какъ-же помирить этотъ поясъ съ море-океаномъ и какъ успокоить море-океанъ, чтобы не случилось въ немъ большаго волненія?

У.

Пусть первые скажутъ, а мы пока стоимъ въ сторонѣ, собственно чтобъ уму-разуму поучиться.

На это есть одно магическое слово, именно: «Оказаніе довѣрія». Да, нашему народу можно оказать довѣріе, ибо онъ достоинъ его. Позовите сѣрые зипуны и спросите ихъ сами о ихъ нуждахъ, о томъ, чего имъ надо, и они скажутъ правду, и мы всѣ, въ первый разъ, можетъ быть, услышимъ

ищу правду. И не нужно никакихъ великихъ подвиговъ и подвиговъ; народъ можно спросить по мѣстамъ, по уѣздамъ, по уѣздамъ. Ибо народъ нашъ, и по мѣстамъ судя, скажетъ точь въ точь все то же, что сказалъ-бы и весь въ вкупѣ, ибо онъ одинъ. Единственный одинъ и сообща одинъ, ибо духъ его одинъ. Каждая мѣстность только лишь свою мѣстную особенность признаетъ-бы, не въ цѣломъ, въ общемъ, все-бы вышло согласно. Надо только соблюсти, чтобы высказался поваръ именно только поваръ, одинъ только заправскій мужикъ. Правда, съ мужикомъ считать кулака и миротца, но вѣдь и тотъ мужикъ, и въ такомъ великомъ дѣлѣ даже кулакъ и миротца землѣ не измѣнятъ. Правда слово скажутъ, — такова ужь наша народная особенность. Какъ же это сдѣлать? О, люди власть имѣющіе это могутъ. Но рѣшится, чѣмъ я, — я же только вѣрю въ одно, что формулы чуждыхъ народовъ не потребуются. Народъ нашъ за формулы не погонится, особенно за готовыми, чужеземными, которыхъ вовсе не надо, ибо вовсе не то у него на умѣ, и не только куда не бывало, но никогда и не будетъ, потому что у него свой взглядъ на это дѣло, особый, совсѣмъ его собственный. Да, въ семь случаевъ народъ нашъ, — таковъ народъ, какъ онъ, — можетъ быть вполне удостоенъ довѣрія. Ибо кто же не видалъ около Царя, близь Царя, у Царя? Это дѣти Царя, дѣти заправскія, настоящія, родныя, а Царь ихъ отецъ. Ибо это у насъ только слово, только звукъ, только наименованіе, что «Царь имъ отецъ»? Кто думаетъ такъ, тотъ ничего не понимаетъ въ Россіи! Нѣтъ, тутъ идея глубокая и оригинальная, тутъ организмъ, живой и могучій, организмъ неразрывнаго съ своимъ Царемъ во едино. Идея же эта есть сила. Сила эта сила вѣками, особенно послѣдними, страшными вѣками народа двумя вѣками, которые мы столь восхваляемъ за европейское просвѣщеніе наше, забывъ, что это просвѣщеніе обезцвѣчено было намъ еще два вѣка назадъ крѣпостной кабалой и частнымъ страданіемъ народа русскаго, намъ служившаго. И ждалъ народъ Освободителя своего и дождался, — ждалъ какъ же они не настоящія, не заправскія дѣти его? Сила народа не внѣшняя сила, не сила какого-нибудь полководца (какъ было, напримѣръ, съ династіями прежнихъ королей Франціи), а всенародная, всеединяющая сила, которую народъ восхотѣлъ, которую выростилъ въ сердцахъ своихъ, которую возлюбилъ, за которую претерпѣлъ, потому что ждалъ только одной ждалъ исхода своего изъ Клянитъ Дѣла

народа Царь есть воплощенію его самого, всей его жизни, надеждъ и вѣрованій его. Надежды эти еще недавно стали юрссально осуществились, — такъ какъ-же народу отрезаны дальнѣйшихъ надеждъ? Какъ-же, напротивъ, не утѣшиться не утвердиться, ибо Царь послѣ крестьянской реформы и идеѣ только, не въ надеждѣ лишь, а на дѣлѣ ему стала опора. Да вѣдь это отношеніе народа къ Царю, какъ къ отцу, и оно насъ то настоящее, адамантовое основаніе, на которомъ всѣ реформа у насъ можетъ выжидаться и создаваться. Если же у насъ въ Россіи и нѣтъ никакой другой силы, выжидющей, хранящей и ведущей насъ, какъ эта органическая, живая связь народа съ Царемъ своимъ, и изъ нея у насъ все и должно идти. Кто-же бы и помыслить могъ, напримѣръ, хотя-бы о той крестьянской реформѣ, если-бы заранѣе не зналъ и не вѣдалъ, что Царь народу отецъ и что именно вѣра народа въ Царя, какъ въ отца своего, все спасетъ, все убережетъ, удалитъ отъ насъ. Увы, плохъ тотъ экономистъ-реформаторъ, который обхоронитъ настоящія и дѣйствительно живыя силы народныя изъ каки-нибудь предубѣжденія и чуждаго вѣрованія. Да: мы уже по одному не съ народомъ и не можемъ понять его, что же мы знаемъ и понимаемъ его отношенія къ Царю, но вмѣстѣ съ тѣмъ можемъ въ себя во всей полнотѣ самаго главнаго и необходимаго пункта въ судьбахъ нашихъ: что отношеніе это русскаго народа къ Царю своему есть самый особенный пунктъ, отличающій народъ нашъ отъ всѣхъ другихъ народовъ Европы и всего міра; что это не временное только дѣло у насъ, не случайное, не признакъ лишь дѣтства народнаго, напримѣръ, недостатка роста и проч., какъ заключилъ-бы иной умникъ, но вѣчное, всегдашнее и никогда, по крайней мѣрѣ, еще долго, очень долго оно не измѣнится. Такъ какъ-же послѣ этого (уже по одному только одному) народъ нашъ не особеннѣе ото всѣхъ народовъ и не заключаетъ въ себѣ особой идеи? Не ясно-ли, напротивъ, что народъ нашъ носитъ въ себѣ органическій зачатокъ идеи, отъ всего свѣта особенной. Идея-же эта заключаетъ въ себѣ такую великую у насъ силу, что, конечно, повліяетъ на всю дальнѣйшую исторію нашу, а такъ какъ она совсѣмъ особенная и какъ ни у кого, то и исторія наша не можетъ быть похожею на исторію другихъ европейскихъ народовъ, тѣмъ болѣе ея рабскою копіей. Вотъ чего не понимаютъ у насъ интеллигенты, вѣрующіе, что все у насъ передѣляется въ Европу, всѣмъ особенностями, и ненавидящіе особенности, отъ чего-

во, дѣло можетъ возникнуть даже бѣдой. А что у насъ все
 такое какъ нигдѣ въ Европѣ, то вотъ намъ тому первый
 примеръ: у насъ свобода (въ будущемъ нашемъ, когда мы пе-
 ридемъ периодъ зрѣлостеи нашего, это навѣрно такъ бу-
 детъ) — у насъ гражданская свобода можетъ водвориться самая
 полная, полнѣе чѣмъ гдѣ-либо въ мирѣ, въ Европѣ или даже
 въ Северной Америкѣ, и именно на этомъ-же алмазномъ
 базисѣ она и соизидется. Не письменнымъ закономъ утвер-
 ждена, а соизидется лишь на дѣтской любви народа къ Царю,
 къ отцу, ибо дѣтямъ можно многое такое позволить, что
 мыслимо у другихъ, у договорныхъ народовъ, дѣтямъ можно
 въ многое довѣрить и столь многое разрѣшить, какъ нигдѣ
 не бывало видано, ибо не измѣнять дѣти отцу своему и,
 дѣти, съ любовью примутъ отъ Него всякую поправку
 той ошибки и всякаго заблужденія ихъ.

Итакъ такому-ли народу отказать въ довѣрїи? Пусть ска-
 жетъ онъ самъ о нуждахъ своихъ и полную объ нихъ правду.
 Повторяю это, пусть скажетъ сначала одинъ; мы-же, «ин-
 теллигенція народная», пусть станемъ пока смиренно въ сто-
 ять и сперва только поглядимъ на него, какъ онъ будетъ
 говорить, и послушаемъ. О, не изъ какихъ-либо политическихъ
 побужденій я предложилъ-бы устранить на время нашу интеллиген-
 цию — не приписывайте мнѣ ихъ пожалуйста, — но предло-
 жилъ-бы я это (ужь извините пожалуйста) — изъ цѣлей лишь
 педагогическихъ. Да, пускай въ сторонкѣ пока стоимъ
 и послушаемъ, какъ ясно и толково съумѣетъ народъ свою
 правду сказать, совсѣмъ безъ нашей помощи, и объ дѣлѣ, именно
 о заправскомъ дѣлѣ въ самую точку попадетъ, да и насъ не
 придетъ коли объ насъ рѣчь зайдетъ. Пусть стоимъ и по-
 слушаемъ у народа, какъ надо правду говорить. Пусть тутъ-же
 увидимъ и смиренїю народному, и дѣловитости его и реаль-
 ности ума его, серьезности этого ума. Вы скажете: «Сами-же
 говорилимъ какъ податливъ народъ на нелѣпые слухи, — ка-
 кую мудрости ожидать отъ него»? Такъ, но одно дѣло слухи,
 другое — единенїе въ общемъ дѣлѣ. Явится цѣлое, а цѣлое
 знаетъ само на себя и вызоветъ разумъ. Да, это будетъ
 великою школою для всѣхъ насъ и самую плодотворнѣйшую
 школу. Увидавъ отъ народа столько дѣловитости и серьез-
 ности, мы будемъ озадачены и ужь, конечно, вникнемъ въ насъ,
 и поверятъ глазамъ своимъ, но такихъ будетъ сличкомъ
 ибо всѣ дѣйствительно искреннїе, всѣ во-истину жажду-

нѣ правды, а главное дѣла, заправскаго дѣла и общаго
 вы,—такіе всё присоединятся къ премудрому слову народа,
 всё-же неискренніе развѣтъ обнаружатъ все свое содержаніе
 обнаружатся сами. А если останутся и искренніе, что и
 въ народѣ не укрѣпятся,—то это какіе-нибудь старомодные
 доктринеры сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, старыя
 поправныя дѣла, и они будутъ только смѣшны и бесполезны.
 Всё-же крошкѣ ихъ въ первый разъ прочтутъ глаза и
 очистятъ пониманіе свое. Дѣйствіе можетъ быть чрезъ
 важное не послѣдствіемъ, ибо... ибо тутъ-то, въ этой-то
 можетъ быть и возможно начало и первый шагъ думъ
 сдѣланія всего интеллигентнаго сословія нашего, столь чуждого
 предъ народомъ, съ народомъ нашимъ. Я про духовное
 сдѣланіе говорю, — его только намъ и надо, ибо оно съ
 поможетъ всему, все породитъ новое, новую идею дастъ
 для, свѣтлая молодежь наша, думаю я, тотчасъ-же и
 всѣхъ отдастъ свое сердце народу и пойметъ его духовно
 вые. Я потому такъ, и прежде всѣхъ, на молодежь надеюсь,
 что она у насъ тоже страдаетъ «исканіемъ правды» и
 по ней, а, стало быть, она народу сродни наиболѣе, и
 пойметъ, что и народъ ищетъ правды. А познакомившись
 близко съ душою народа, броситъ тѣ крайнія бредни, въ
 увлекли-было столь многихъ изъ нея, воображавшихъ, что
 наша истина въ крайнихъ европейскихъ ученіяхъ. О, а
 что не фантавирую и не преувеличиваю тѣхъ благихъ и
 стій, которыя могли-бы изъ столь хорошаго дѣла выйти. На
 высокоуміе и родилось-бы уваженіе къ землѣ. Совсѣмъ
 идея вошла-бы вдругъ въ нашу душу и освѣтила-бы
 все, что пребывало до сихъ поръ во мракѣ, обѣтомъ и
 обличила-бы ложь и прогнала ее. И кто знаетъ, можетъ
 это было-бы началомъ таковой реформы, которая по
 своему даже могла-бы быть выше крестьянской: тутъ и
 могло-бы тоже «освобожденіе» — освобожденіе умовъ и
 нашихъ отъ нѣкоей крѣпостной зависимости, въ которой
 мы тоже пробывали цѣлыхъ два вѣка у Европы, подобно
 крестьянинъ, недавній рабъ нашъ, у насъ. И еслибъ и
 могла начаться и осуществиться эта вторая реформа, то
 конечно, была-бы лишь послѣдствіемъ великой первой
 формы въ началѣ царствованія. Ибо тогда матеріальное
 двухвѣковая стѣна, отдѣлявшая народъ отъ интеллигентнаго
 нымъ стѣна эта уже духовно падеть. Что-же выше, что

Мнѣ извѣстно, что для Россіи, вѣдь не это духов-
 нное сословіе? Свое въ первый разъ узнать своихъ.
 вѣдѣнія доселѣ народа нашего, какъ варварскаго и задер-
 жанаго развитіемъ, устыдятся прежняго стыда своего и предъ-
 нѣтъ смирятся и многое почтутъ, чего прежде въ чинахъ
 презирали. И когда отвѣтитъ народъ, когда доложитъ все
 себѣ и самокнеть его смиренное слово,—спросите, попро-
 сите тогда и интеллигенцію нашу, — ну, хоть лишь
 и ея о томъ, что сказалъ народъ, и вы сейчасъ-же уви-
 дите послѣдствія. О, тогда и ихъ слово плодотворно будетъ,
 ни все-же вѣдь интеллигенция и послѣднее слово за ними
 народъ, сказавшаго прежде ихъ свое слово, во вся-
 комъ случаѣ избавилъ-бы насъ отъ многихъ промаховъ и думъ,
 вѣдь, если-бы намъ самимъ пришлось прежде народа сказать
 слово. И увидите, что ничего не скажетъ тогда наша интел-
 лигенция народу противорѣчиво, а лишь облечетъ его истину въ
 свое слово и разовьетъ его во всю ширину своего образо-
 ванія, ибо все-же вѣдь у ней наука или начала ея, а наука
 такъ страшно нужна. Да если-бы и захотѣлъ кто изъ нихъ
 спорить, если-бы и явились какія нибудь несогласія съ
 нашими началами народа нашего, то все-таки не осмѣлились-
 бы сильно возстать противъ духа народнаго, то есть про-
 тивъ взгляда его на дѣло,—вотъ что важно, и даже очень.
 А весьма можетъ быть, что духовное спокойствіе началось
 именно съ этого шага. Явилась-бы надежда и уже
 не, нераздѣленная, стали-бы ярко сознаваться и выясняться
 наши и цѣли наши. А это очень важно, ибо вся наша
 интеллигентная сила, весь нашъ интеллигентъ совсѣмъ не знаетъ
 весьма не твердо и сбивчиво знаетъ о томъ, какія суть и
 должны быть впередъ наши цѣли, то есть національныя, государ-
 ственныя. Въ этомъ у насъ очень слабо, именно теперь, въ
 эту минуту. А эта сбивчивость, это незнаніе есть, безъ со-
 мнѣнія, источникъ великаго безпокойства и неустройства, и не
 только теперь, а и несравненно горшаго въ будущемъ. Все это
 должно бы быть разъяснено, освѣщено, или дало-бы хоть пер-
 вые указанія въ тому, чѣмъ освѣтить и какъ разъяс-
 чивало-бы на мысль... А, впрочемъ, на эту тему довольно;
 вѣдь, какъ умѣлъ. Пусть не поймутъ всего, если не съумѣлъ
 сказать,—беру вину на себя,—но то, что поймутъ пусть
 будетъ въ безобидномъ и мирномъ смыслѣ. Я желаю-бы только,
 вошедши безпристрастно, что я лишь за народъ стою прежде

всего, въ его душу, въ его великія силы, которыхъ мы изъ насъ не знаемъ во всемъ объемѣ и величіи ихъ; — святыню вѣрую, главное, въ спасительное ихъ названіе: великій народный охранительный и зиждительный духъ; лишь одного: да узрять ихъ всё. Только что узрять, же начнутъ понимать и все остальное.

И почему-бы все это мечта? Я вѣдь не про всю область говорю. Я вѣдь говорю лишь о мужикѣ, о его сныхъ первоначальныхъ дѣлахъ, лишь до него отнесъ Развѣ нѣтъ у него такихъ дѣлъ, особенныхъ и однихъ ихнихъ, о которыхъ-бы надо было узнать, въ видѣ, т. е. зать, почва и предисловія ко всякой дальнѣйшей, хотя и гораздо обширнѣйшей реформы? А между тѣмъ получаются годы чрезвычайныя: получатся факты, узнается правды, добудется драгоценный матеріалъ, который у многихъ изъ насъ отъ фантастическихъ надеждъ, отъ востаній на западный ладъ, отъ преувеличеній. А гдѣ это еще разъ повторю, — получится тонъ и смыслъ, и тотъ самый духъ, въ которомъ только и можетъ совершиться все что нибудь дальнѣйшее и обширнѣйшее. На это дѣло бы печать ляжетъ, печать національная и глубоко-конечная. И печати этой и впоследствии никто не избѣгнетъ самые фантастическіе умы, и тѣ соблазнятся и доб примутъ ее.

Глава вторая.

I.

Оstreумный бюрократъ. Его мнѣніе о нашихъ либералахъ и европейцахъ.

Но, кончивъ эту первую мою главу, прерву пока о финансахъ, ибо чувствую, что пишу очень скучно. И лишь на время. Мнѣ еще хотѣлось-бы поговорить и о корняхъ, о другихъ началахъ, которые, представляется можно-бы оздоровить. Потому еще прерываю, что на двухъ моихъ «Дневника» и безъ того не уписалъ-бы все такъ что и по-невогѣ пришлось-бы отложить до слѣдующихъ номеровъ...

ДНЕВНИКЪ ДЕСАТІЯ.

Напросто, но надо и въ слѣдующихъ номерахъ,—
формулы-воли голоса (я уже предчувствую эти голоса
на финансы, а... баловство. Все это не реально (и
вообще почему-бы такъ?), все это истиннаго какъ
идея, а не насущнаго, не текущаго! Въ слѣдующихъ
дайте мысль.

Именно голоса! Да вѣдь я именно и стою на томъ, что
спернуться отъ многого въ теперешнемъ намъ насущ-
наго и создать себѣ иное насущное и текущее,
иногда даже реальнѣе, чѣмъ теперешнее, въ которое я
и въ которомъ слѣдую,—извините пожалуйста,—тогда
уже въ потокѣ,—въ этомъ вся моя мысль. Т. е. именно
протѣчь голову и взглядомъ нашихъ совѣмъ въ нуль это
было до сихъ поръ — вотъ моя мысль. Власть и финансы
и начать такое дѣло, и съ этой стороны моя мечта ста-

даже вовсе не стала фантастическими, ибо если нач-
ность, то многое могло даже сейчасъ-же осуществиться.
ты, принципы наши нѣкоторые надо-бы совѣмъ измѣ-
нить изъ потока повытащить и освободить. Не популярна,
эта мысль: безъ движенія мы давно уже привыкли
въ потокѣ-то даже и сладко стало сидѣть. Правда, я
лекся и мнѣ тутъ-же сейчасъ-же могутъ напомнить,
я и доселѣ, столько ужъ написавъ, все еще не со-
гласенъ: какое именно теперешнее текущее я подразу-
маю именно будущее текущее ему предпочитаю. Вотъ
но я хочу разъяснять неустанно въ будущихъ мо-
хъ «Дневника». Но, чтобъ кончатъ теперь, приведу одну
оторую я имѣлъ съ однимъ довольно остроумнымъ
ь, в который мнѣ изрекъ одну довольно любопытную
именно на счетъ нѣкоторыхъ принциповъ, касающихся
ашего теперешняго «текущаго». Разговоръ зашелъ
бществѣ, какъ разъ о финансахъ и объ экономіи,
о въ смыслѣ бережливости финансовыхъ средствъ
топленія ихъ, употребленія въ дѣло такъ, чтобы ни
не терялась, не пошла въ расходъ фантастическій.
въ этомъ смыслѣ у насъ говорятъ теперь поми-
равительство занимается этимъ-же неустанно. У
ежегодное сокращеніе въ штатахъ. Заговорили
ремя даже о сокращеніи арміи, предлагали въ га-
7, именно на пятьдесятъ тысячъ солдатъ, а другіе
то и на половину сократить можно армію нашу:

ничего-де отъ того не будетъ. Все это и прекрасно-бы, но что однако невольно дѣлаетъ въ соображеніи: армию-то мы боимся, на нервы случай, хоть тысячу на пятьдесятъ, а девять-то у насъ и промелькнуть опять между пальцами, туда да сюда ужь конечно, на государственныя потребности, но на такія-то торны, можетъ быть, и не стоять такой радикальной жер. Сокращенныя-же пятьдесятъ тысячъ войска ужь мы никакъ опять не заведемъ, или съ большой катугой, потому что, уничтоживъ, трудно это опять возстановить, а войско-то мы ужь какъ нужно, особенно теперь, когда всё-то тамъ дорвется противъ насъ камень за пазухой. На эту дорогу вступать однако только теперь, при теперешнемъ т. е. текущемъ, на которое пойдутъ денежки. Только тогда и будемъ увѣрены, свѣтыя эти денежки дѣйствительно на настоящее дѣло пойдутъ, когда вступимъ, напримѣръ, на окончательную, на суровую, угрюмую экономію, на экономію въ духѣ и силѣ Петра, съ которою положимъ экономить. А способны-ли мы на это при настоящихъ-то нуждахъ нашего текущаго, которыми мы столько залили себя? Замѣчу, что если-бы мы сдѣлали или начали такъ, это и было-бы однимъ изъ первыхъ шаговъ на поворотѣ прежняго фантастическаго текущаго на новое, реальное и настоящее. Мы вотъ довольно часто сокращаемъ штаты, персоналы чиновниковъ, а между тѣмъ, въ результатахъ выходитъ что штаты и персоналъ какъ-бы все увеличиваются. А способны мы вотъ къ такому, напримѣръ, сокращенію: чтобы съ сорока чиновниковъ сразу съѣхать на четырехъ? Что четыре чиновника сложить и рядомъ исполнять то, что дѣлаютъ сорокъ—въ этомъ сомнѣнія, конечно, нѣтъ не можетъ имѣть, особенно при сокращеніи бумажнаго дѣлопроизводства и вообще при радикальномъ преобразованіи теперешнихъ формулъ веденія дѣлъ? Вотъ эту-то тему и зашла рѣчь въ нашей компаніи. Замѣтили, что это большая ловка, во всякомъ случаѣ. Другіе возражали, вѣдь у насъ и гораздо капитальнѣйшія реформы происходили чѣмъ эта. Третіи прибавляли, что новымъ чиновникамъ, то есть вотъ этимъ четвернымъ, замѣстившимъ сорокъ, можно-бы и званье даже утратить—и слишкомъ охотно будутъ работать, безъ ропота. Но если и утратить, и на четырехъ, стало быть, пойдутъ столько-же чего стоятъ теперешніе двѣнадцать, то и тогда мы сократимъ расходы чуть не на три четверти противъ теперешняго.

Тутъ-то меня и остановилъ мой бюрократъ. Замѣчу при

на, въ величайшему моему удивленію, даже и онъ не
 возразилъ противъ возможности четырехъ замѣнить
 «И при четырехъ, дескать, дѣло будетъ идти», стало
 для него этого невозможнымъ. Но онъ возразилъ не
 только на принципъ, на ошибочность и преступность про-
 рока принципа. Привожу возраженія его не дословно,
 а только въ моей редакціи. Повторяю, привожу именно
 потому, чтобы его показались нѣ любопытныя въ своемъ
 разсужденіи въ себѣ некоторую почти инкантивую даже
 силу, конечно, не удостоилъ пускаться со мною въ ве-
 реніе, такъ какъ я въ такомъ дѣлѣ не специалистъ, «понимаю
 (въ томъ, ужь конечно, спѣшу и самъ сознаться)—но
 не то, онъ надеялся, я пойму.

Сокращеніе чиновниковъ, съ сорока на четырехъ, началъ
 еще и съ проникновеніемъ,—не только не полезно для
 страны и вредно уже по самому существу своему, несмотря
 что действительно государственный расходъ уменьшился
 значительно. Но не только съ сорока на четырехъ нельзя
 и вредно, но и съ сорока на тридцать восемь, и вотъ
 потому что вы зловредно посягнули-бы тѣмъ на основной
 законъ. Ибо вотъ уже почти двѣсти лѣтъ, съ самаго Петра,
 сократія, составляемъ въ государствѣ все; въ сущности
 и есть государство и все—а прочее лишь привѣсокъ. По-
 ка еще, до недавняго времени, до освобожденія крестьянъ
 было. Всѣ выборныя прежнія должности, ну тамъ дворян-
 скія, тамъ купеческія, сами собою, самою тяготѣнія, такъ сказать,
 имъ нашъ духъ и смыслъ. И мы, созерцая это, вовсе не
 жалелись, потому что принципъ, указанный двѣсти лѣтъ тому,
 не нарушался. Вотъ послѣ крестьянской реформы дѣй-
 ствительно потянуло было тѣмъ то новымъ: явилось самоуправ-
 леніе такъ и земство и прочее... Оказалось теперь ясно, что
 это новое тотчасъ-же начало само собою принимать нашъ-же
 нашъ-же духъ и тѣло, въ насъ перевоплощаться. И
 это отнюдь не нашимъ давленіемъ (это ошибочная мысль),
 оно само собою, ибо отъ вѣковыхъ привычекъ отучаться
 не если хотите, то и не надо, особенно въ такомъ основ-
 номъ національномъ дѣлѣ. Вы можете мнѣ не повѣ-
 рить, если способны выкинуть, то, конечно, поймете. Ибо
 такое? Мы все, все и до сихъ поръ и продолжаемъ быть
 —и опять таки вовсе не очень стараясь о томъ сами, не
 мы, такъ сказать, ни мало, а именно невольны, естествен-

ничего-де отъ того не будетъ. Все это и прекрасно-бы, но что однако неважно дѣлать въ соображеніи: армія-то не мнѣ тнѣ, на первый случай, хоть тысячь на пятьдесятъ, а дѣло то у насъ и промелькнуть опять между пальцами, тудѣ же ужь конечно, на государственныя потребности, но на тѣмъ торія, можетъ быть, и не стоять такой радикальной мѣры. Сокращенныя-же пятьдесятъ тысячъ войска ужь мы не опять не заводимъ, или съ большой натугой, потому что, уничтоживъ, трудно это опять возстановить, а войска-то ужь какъ нужно, особенно теперь, когда всё-то тамъ дѣлать противъ насъ камень за пазухой. На эту дорогу вступать можно только теперь, при теперешнемъ т. е. текущемъ, и тогда пойдутъ денежки. Только тогда и будемъ увѣрены, что свята эти денежки дѣйствительно на настоящее дѣло, когда вступимъ, напримѣръ, на окончательную, на суровую, угрюмую экономію, на экономію въ духѣ и силѣ Петра, тотъ положилъ экономить. А способны-ли мы на это при піющихъ-то нуждахъ нашего текущаго, которыми мы стоимъ за себя? Замѣчу, что если-бы мы сдѣлали или начали такъ это и было-бы однимъ изъ первыхъ шаговъ на поворотъ прежняго фантастическаго текущаго на новое, реальное и живое. Мы вотъ довольно часто сокращаемъ штаты, пересчитываемъ чиновниковъ, а между тѣмъ, въ результатахъ выходитъ что штаты и персоналъ какъ-бы все увеличиваются. А способны мы вотъ къ такому, напримѣръ, сокращенію: чтобы съ сорока чиновниковъ сразу съѣхать на четырехъ? Что четыре чиновника способны и рядомъ исполнять то, что дѣлаютъ сорокъ—въ сомнѣніи, конечно, никто не можетъ имѣть, особенно при сменѣ бумажнаго дѣлопроизводства и вообще при радикальномъ преобразованіи теперешнихъ формъ веденія дѣлъ? Вотъ эту-то тему и зашла рѣчь въ нашей компаніи. Замѣтили мы это большая лонка во всякомъ случаѣ. Другіе возражали, вѣдь у насъ и гораздо капитальнѣйшія реформы происходили, вѣдь эта. Гретьи прибавили, что новыи чиновники, то есть этии четверныи, замѣстившии сорокъ, можно-бы и сами даже утратить—и слышавши охотно будутъ работать, и безъ ропота. Но если и утратить, и на четырехъ, стало быть, по бы столько-же чего стоять теперешніе двѣнадцатъ, то и мы сократимъ расходы чуть не на три четверти противъ теперешняго.

Тутъ-то меня и остановили мои бюрократы. Замѣчу прѣ-

тис, на величайшему моему удивленію, даже и онъ не возразилъ противъ возможности четырехъ замѣтъ: «И при четырехъ, десять, дѣле будетъ одинъ», стало не только этого невозможнымъ. Но онъ возразилъ на именно на принципъ, на ошибочность и преступность предложеннаго принципа. Привожу возраженія его, не дословно, а по смыслу, изъ моей редакціи. Повторяю, привожу именно то, что мною его показалось мнѣ любопытными въ своемъ разсужденіи въ себя некоторую почти приятную даже дѣлу, конечно, не удостоивъ пускаться со мною въ полемику, такъ какъ я въ такомъ дѣлѣ не специалистъ, «поэтому» (въ томъ, ужь конечно, спѣшу и самъ сознаться)—не въ-то, онъ надеялся, а койму.

Обращеніе чиновниковъ, съ сорока на четырехъ, началъ рожать и съ принципомъ, — не только не полезно для насъ и даже и вредно уже по самому существу своему, несмотря что действительно государственный расходъ уменьшился значительно. Но не только съ сорока на четырехъ нельзя и вредно, но и съ сорока на тридцать восемь, и вотъ потому что вы зловредно посягнули бы тѣмъ на основной принципъ. Ибо вотъ уже почти двѣсти лѣтъ, съ самаго Петра, бюрократія, составляемъ въ государствѣ все; въ сущности и есть государство и все — а прочее лишь привѣсокъ. По крайней мѣрѣ, до недавняго времени, до освобожденія крестьянъ мало. Всѣ выборныя прежнія должности, ну тамъ дворян-камергертъ, сами собою, силою тяготѣнія, такъ сказать, или нашъ духъ и смыслъ. И мы, созерцая это, вовсе не возмущались, потому что принципъ, указанный двѣсти лѣтъ тому, никоимъ образомъ не нарушался. Вотъ послѣ крестьянской реформы действительно потянуло было тѣмъ то новымъ: явилось самоуправеніе тамъ и земство и прочее... Оказалось теперь ясно, что то новое тотчасъ-же начало само собою принимать нашъ-же духъ, нашу-же душу и тѣло, въ насъ перевоплощаться. И это отнюдь не нашимъ давленіемъ (это ошибочная мысль), а именно само собою, ибо отъ вѣковыхъ привычекъ отучаться, а если хотите, то и не надо, особенно въ такомъ основномъ великомъ національномъ дѣлѣ. Вы можете мнѣ не повѣрить, если способны выскнуть, то, конечно, поймете. Ибо что такое? Мы все, все и до сихъ поръ и продолжаемъ быть — я опять такъ вовсе не очень старался о томъ самъ, но такъ сказать, ни мало, а именно невольно, естествен-

нынѣ ходомъ дѣла. Кричатъ давно, что у насъ дѣло оское не живое, а мертвое, бумажное, и что Россія выросла. Можетъ быть, выросла, но пока все еще мы держимъ, ждемъ и сохраняемъ, чтобы не разсыпалась что вы называете канцелярской мертвечной, т. е. мы какъ установленіе, а затѣмъ и вся наша дѣятельность, составляетъ, если прибѣгнуть къ сравненію, какъ бы, зачатъ, скелетъ въ живомъ организмѣ. Разсыпьте скелетъ, ркости, погибнетъ и живое тѣло. Пусть, пусть дѣло по мертвому, за то по системѣ, по принципу, по принципу, позвольте вамъ это сказать. Пусть канцелярски дѣлается, пусть даже плохо, не полно, какъ-нибудь дѣлается-же, и, главное, все стоитъ и даетъ, — именно то-то и главное, что пока не нададутъ гласенъ и готовъ уступить вамъ, что мы на самомъ-то жалуй, что и не все, — о, мы достаточно умны, чтобы что мы не восполняемъ всего въ Россіи, а особенно то пусть не все, за то все-таки *нѣчто*, т. е. нѣчто уже дѣйствительно существующее, хотя, конечно, можетъ (части и безтѣлесное. Ну, а что тамъ у васъ, чѣмъ вы-то замѣстили, такъ чтобъ мы уже могли съ увѣренностью нитъ, въ виду того, что и у васъ явилось-бы тоже способное насъ замѣстить такъ, чтобы ничего не упало? у васъ, всѣ эти самоуправленія и земства, — вѣдь это пока журавль въ небѣ, журавль до сихъ поръ, прекр въ небѣ летающій, но на землю еще не слетавшій. Стан онъ все-таки нуль, хотъ и прекрасенъ, а мы хотъ и не ц и надоѣли, но за то мы *нѣчто* и уже вовсе не нуль. насъ всѣ сплошь обвиняете за журавля: затѣмъ-де онъ поръ не слетѣлъ, что въ этомъ-де мы виноваты, что а мы стараемся преобразить прекраснаго журавля въ наш и духъ. Это, конечно, очень-бы хорошо было съ нашей еслибъ дѣйствительно тутъ только наша вина была, но казали-бы тѣмъ, что стоимъ за вѣковой, основной и с нѣйшій принципъ и бесполезный нуль обращаемъ въ нѣчто. Но повѣрьте, что мы тутъ вовсе не виноваты, т. комъ мало, и что прекрасный журавль самъ въ нервшимо не знаетъ чѣмъ ему стать окончательно, т. е. нами-ли ма ду чѣмъ-то самостоятельнымъ, самъ колеблется, самъ и себѣ, даже почти потерялся. Увѣряю васъ, что полѣзь намъ своею собственною доброю волею, а вовсе безъ

нія. Выходитъ, что мы, такъ сказать, какъ естественный магнитъ, къ которому все тянется даже доселѣ и долго будетъ тянуться. Вы опять не вѣрите, вамъ смѣшно? А я паря готовъ держать въ чемъ угодно: Попробуйте, развяжите крылья вашей прекрасной птички вполне, разрешите ей возможности, предлинните, наприѣръ, вашему земству даже только за номеромъ и со строгостью: «доселѣ-де быть тебѣ самостоятельнымъ, а не бюрократическимъ журавлемъ», и, помните, что всѣ они тамъ, всѣ какіе есть журавли, сами собою, лучше запрсятся къ намъ и кончатъ тѣмъ, что станутъ птичками уже вполне, духъ нашъ и образъ примутъ, все у насъ скопируютъ. Даже выборный мужикъ въ намъ запросится, считать ему это очень. Но даромъ-же два столѣтія развивались вкусы. И вотъ вы хотите чтобы мы, т. е. нѣчто твердое на ногахъ стоящее, промѣняли-бы самихъ себя на эту зару, на эту шараду, на вашего прекраснаго журавля? Нѣтъ, мы лучше свою синицу въ рукахъ попридержимъ. Мы уже не сами какъ-нибудь тамъ исправимся, пообчистимся, ну, что-нибудь введемъ новое, боже, такъ сказать, прогрессивное, духу соответствующее, ну, тамъ станемъ какъ-нибудь добродѣтели или что, — а на призракъ, на внезапно приснившійся намъ не промѣняемъ наше дѣйствительное, реальное *ничто*, не чѣмъ и не кѣмъ насъ замѣститъ, это вѣрно! Мы сопроменяемъ уничтоженію, такъ сказать, по инерціи. Инерція-то въ насъ и дорога, потому что, по правдѣ-то, ею лишь одною держится въ наше время. А потому я сокращаюсь даже тридцать восемь съ сорока (а не то съ что сорока на четырѣ) было-бы дѣломъ глубоковреднымъ, и даже безправственнымъ. Гроши получите, а разрушите принципъ. Уничтожьте-ка, уничтожьте теперь нашу формулу, если только у васъ хватитъ смелости посягнуть на такое дѣло: Да вѣдь это будетъ измѣной нашему русскому европеизму и просвѣщенію, — знаете-ли это? Это будетъ отрицаніемъ того, что и мы государство, и мы европейцы, это измѣна Петру! И знаете, ваши либералы (вирочемъ и наши тоже), стоящіе столь рьяно въ газетахъ земство противъ чиновничества, въ сущности противорѣчатъ себѣ. Да вѣдь земство, да вѣдь всѣ эти новости и «народ-» — вѣдь это и есть тѣ самыя «народныя начала», или ищущая формула тѣхъ «началъ», объ которыхъ кричитъ неслыханная европейцамъ нашимъ «Русская партія» (модельщики, ихъ такъ въ Берлинѣ обозвали)—тѣ самыя «на-

чужды, которые такъ жестоко отрицаютъ нашу русскую жизнь съ европейскъ, надъ которыми они свѣтятся и мы ихъ признавать даже существующими! О, они ихъ очень. Ну, что-же если они въ самомъ дѣлѣ есть и осуществятъ вѣдь тогда въ некоторомъ родѣ сдружились-съ! Значитъ, мы европейцы по настоящему съ нами, а мы съ ними, и они давно должны-бы были войти в себѣ зарудить. И что, то мы не только за одно съ нами, а мы и советы и то-же: въ нихъ, въ нихъ самихъ нашу духъ взяли даже нашу образъ, въ европейцахъ-то нашихъ, и это я вамъ вотъ что прибавлю: Европа, т. е. Русская Европа въ Россіи — это мы-то лишь одинъ и есть. Это же, прощенье всей формулы русскаго европеизма и все сейчасъ въ себѣ. Мы одинъ ее толкователи. И не понимая бы не давать ихъ за ихъ европейскія установленныя и открытія, если ужъ мы съ ними такъ безгранично сливаемся удовольствіемъ стануть носить и этимъ даже можно-бы привлечь. Но у насъ не уйдутъ. А они-то насъ брали длинно своя своихъ не познали! А чтобъ кончить объ этихъ замѣткахъ и всѣхъ этихъ новшествахъ, то я вамъ скажу на всегда: Нѣтъ-съ! Ибо дѣло это длинное, а не столь же. На то нужна своя предварительная культура, свои не можетъ быть, тоже двухвѣковая. Ну вѣковая, ну хоть да вѣковая, такъ какъ нынѣ вѣкъ телеграфовъ и желѣзныя рогъ и всѣ отношенія сокращены и облегчены. Такъ вѣ же полвѣковая, все-же вѣдь не сейчасъ. «Сейчасъ намъ тутъ это все русскія мерзостныя словечки. Сейчасъ ничего не дѣлается, кромѣ намъ-же подобныхъ. И долго еще такъ бу

Тутъ мой бюрократъ гордо и осанисто замолч знаете, я и не возражалъ ему, потому что въ его словахъ именно какъ-бы «нѣчто», какая-то грустная правда, д только существующая. Разумѣется, я съ нимъ не согласенъ душой. И притомъ такимъ тономъ говорятъ лишь люди шіе. А все-таки въ его словахъ было «нѣчто»...

II.

Старая басня Крылова объ одной санинѣ.

А чтобы обо всемъ этомъ наконецъ совсѣмъ уже и приведу одну маленькую, очень хорошенькую басенку К

но быть, вѣдь теперь забытую, ибо до Крылова-ли въ нашу
основнй дѣловой и метущійся вѣкъ? Эта басенка довольно
соинялась мнѣ еще когда я началъ собираться писать мою
о финансахъ и объ оздоровленіи вѣрней. У Крылова
имѣеть прекрасное нравоченіе, но на другую тему, на тему
другихъ корняхъ. Но это все равно, она и къ намъ подо-
шла. Вотъ эта басня:

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась жолудей до сита, до отвала;
Наѣвшись высналась подъ нимъ,
Потомъ, глаза продравши, встала
И риломъ подрывать у дуба корни стала.
«Видь это дереву вредить»—
Ея съ дубу Воронъ говорить:
«Коль корни обважишь, оно засохнуть можетъ».
— «Пусть сохнетъ», говоритъ Свинья;
«Вичуть меня то не тревожить;
Въ немъ проку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его ве будь, вичуть не пожагѣю,
Линь были-бъ жолуду: вѣдь я отъ нихъ жирѣю».
— «Неблагодарная! промолвилъ Дубъ ей тутъ:
«Когда-бъ вверху могла поднять ты рило,
Тебѣ-бы видно было,
Что эти жолуди на мнѣ растутъ».

Короона басенка? И неужели мы согласимся походить на та-
портретъ?

III.

Геокъ-Тепе. Что такое для насъ Азія?

Геокъ-Тепе взять, текинцы разбиты и хотя еще вполне не
сны, но наша побѣда несомнѣнна. Въ обществѣ и въ пе-
возликовали. А давно-ли еще въ обществѣ, да и въ печа-
участи, къ этому дѣлу относились чрезвычайно равнодушно.
Одно послѣ неудачи генерала Ломакина и въ началѣ приго-
нній къ вторичному наступленію. «И зачѣмъ намъ туда, и
намъ далась эта Азія, сколько денегъ истрчено, тогда какъ
съ голодъ, дифтеритъ, пѣтъ школъ, и проч., и проч.» Да,
вѣтнія раздавались и мы ихъ слышали. Не все вообще были
мнѣнія, — о, нѣтъ, — но все-же надо сознаться, что къ на-
наступательной политикѣ въ Азіи въ послѣднее время весьма

многіе стали-было относиться непріязненно. Правда, помогая и неизвѣстность о предпринятой экспедиціи. Въ самое последнее только время стали проскакивать у насъ извѣстія изъ странныхъ газетъ, и только подъ самый конецъ раздалась по всей Россіи телеграмма Скобелева. Тутъ не жаль и во всякомъ случаѣ трудно сказать, чтобы общество наше было прояснено яснымъ сознаніемъ нашей миссіи въ Азію и того, что обещана для насъ значить и могла-бы значить впредь Азія. Да и во всякую нашу русскую Азію, включая и Сибирь, для Россіи не такъ какъ будто существуютъ въ видѣ какого-то привѣса, какъ-бы вовсе даже и не хотеть европейская наша Россія интересоваться. «Мы, дескать, Европа, что намъ дѣлать въ Азіи? Бывали даже и очень рѣзкіе голоса: «ужь эта наша Азія и въ Европѣ-то не можемъ себѣ порядка добыть и устроить, а тутъ еще суютъ намъ и Азію. Лишняя вовсе намъ эта Азія, хоть-бы ее куда-нибудь дѣть!» Эти сужденія иногда и раздаются у умниковъ нашихъ, отъ очень ихъ большого конечно.

Съ побѣдой Скобелева пронесется гулъ по всей Азіи, и по нашихъ отдаленныхъ предѣловъ ея: «Вотъ, дескать, и еще одинъ свирѣпый и гордый правовѣрный народъ Бѣлому Царю и царю нился». И пусть пронесется гулъ. Пусть въ этихъ милліонахъ народовъ, до самой Индіи, даже и въ Индіи, пожалуй, распространится убѣжденіе въ непобѣдимости Бѣлаго Царя и въ несокрушимости меча его. А вѣдь послѣ неудачи генерала Ломакіна не должно было пронестись по всей Азіи сомнѣніе въ несокрушимости меча нашего и русскій престижъ навѣрно былъ бы леблень. Вотъ почему мы и не можемъ остановиться на дорогѣ. У этихъ народовъ могутъ быть свои ханы и эмиры, умѣ и въ воображеніи ихъ можетъ стоять грозой Англія, которой они удивляются,—но имя Бѣлаго Царя должно превыше хановъ и эмировъ, превыше Индѣйской имперіи, превыше даже самаго калифова имени. Пусть калифъ, но Царь есть царь и калифу. Вотъ какое убѣжденіе надо утвердилось! И оно утверждается и нарастаетъ ежегодно: намъ необходимо, ибо оно ихъ приучаетъ къ грядущему.

— Для чего и къ какому грядущему? Какая необходимость въ грядущемъ захватѣ Азіи? Что намъ въ ней дѣлать?

Потому необходимость, что Россія не въ одной только Европѣ, но и въ Азіи; потому что русскій не только европеецъ, но и азіатецъ. Мало того: въ Азіи, можетъ быть, еще бы

надеясь чѣмъ въ Европѣ. Мало того: въ грядущихъ суднахъ, можетъ быть Азія-то и есть нашъ главный ис-

Предчувствіе негодование, съ которымъ прочтутъ шны ретроградное предположеніе мое (а оно для меня аксіома). Если есть одинъ изъ важнейшихъ корней, который надо-бы съ оздоровить, такъ это именно взглядъ нашъ на Азію. Прогнать лавийскую боязнь, что насъ назовутъ въ Европѣ скскими варварами, и скажутъ про насъ, что мы азіаты еще чѣмъ европейцы. Этотъ стыдъ, что насъ Европа считаетъ теми, преслѣдуетъ насъ ужь чуть не два вѣка. Но особенно этотъ стыдъ усилится въ насъ въ нынѣшнемъ девятнадцатомъ вѣкѣ и дойдетъ почти до чего-то паническаго, дошла и жупела» московскихъ купчихъ. Этотъ ошибочный нашъ, этотъ ошибочный нашъ взглядъ на себя единственно какъ только на европейцевъ, а не азіатовъ (каковыми некогда не переставали пребывать),—этотъ стыдъ и этотъ ошибочный взглядъ дорого, очень дорого стоили намъ въ эти вѣка и мы заплатились за него и утратою духовной самостоятельности нашей, и неудачной европейской политикой нашей, наконецъ деньгами, деньгами, которыхъ Богъ знаетъ сколько у насъ на то, чтобы доказать Европѣ, что мы только европейцы, а не азіаты. Но толчевъ Петра, двинувшаго насъ въ Европу, необходимый и спасительный вначалѣ, былъ все-таки въ томъ сленѣ и тутъ отчасти уже не мы виноваты. И чего-то мы не дѣлали, чтобъ Европа признала насъ за своихъ, за европейцевъ, за однихъ только европейцевъ, а не за татаръ. Мы шли къ Европѣ поминутно и неустанно, сами напрашивались къ себѣ ей дѣла и дѣлашки. Мы то пугали ее силой, посылали наши арміи «спасать царей», то склонялись опять передъ нею какъ не надо-бы было, и увѣряли ее, что мы созданы для того, чтобъ служить Европѣ и сдѣлать ее счастливою. Въ двѣнадцатомъ году, выгнавъ отъ себя Наполеона, мы не помирились съ нимъ, мы совѣтовали и желали тогда нѣкоторые немногіе прозорливые люди, а двинулись всей стѣной осчастливить Европу, ославивъ ее отъ похитителя. Конечно, вышла картина яркая: съ одной стороны шелъ деспотъ и похититель, съ другой—миротворецъ и воскреситель. Но политическое счастье наше состояло тогда не въ картинѣ, а въ томъ, что этотъ похититель, былъ въ то время тогда въ такомъ положеніи, въ первый разъ во всю свою жизнь, что помирился-бы съ нами крѣпко-на-крѣпко и искренно.

и надолго, можетъ быть, навсегда. За условіе, что мы не даемъ ему вѣшать въ Европѣ, онъ отдастъ-бы намъ Востокъ теперешній Восточный вопросъ нашъ—гроза и бѣда нашего кушаго и нашего будущаго, — былъ-бы уже теперь давно рѣшенъ. Похититель это самъ говорилъ потомъ, и навѣрно лгалъ говоря, ибо ничего-то бы онъ не могъ лучше сдѣлать впередъ быть съ нами въ союзѣ, съ тѣмъ, чтобъ у насъ былъ Востокъ, а у него Западъ. Съ европейскими народами онъ бы вѣрно справился и тогда. Они-же были слишкомъ еще слабы тогда, чтобъ намъ помѣшать на Востокѣ, даже Англія. Наполеонъ можетъ быть, и палъ-бы потомъ, или послѣ его смерти диня его, а Востокъ остался-бы всетаки за нами. (У насъ тогда бы море и мы могли-бы даже и на морѣ Англію встрѣтить), мы все отдали за картинку. И что-же всѣ эти освобожденные нами народы тотчасъ-же, еще и недобивъ Наполеона, стали вѣрять на насъ съ самымъ яркимъ недоброжелательствомъ и вѣрными подозрѣніями. На конгрессахъ они тотчасъ про насъ соединились вмѣстѣ сплошной стѣной и захватили себя, а намъ не только не оставили ничего, но еще съ насъ-же взяли обязательства, правда, добровольныя, но весьма намъ убыточныя, какъ и оказалось впоследствии. Затѣмъ, не смотря на полученный урокъ,—что дѣлали мы во всѣ остальные годы столѣтія и донынѣ? Не мы-ли способствовали укрѣпленію германскихъ державъ, не мы-ли создали ихъ силу до того, что они, можетъ быть, теперь и сильнѣе насъ стали? Да, сказать, что это мы способствовали ихъ росту и силѣ вовсе не преувеличенно выйдетъ. Мы-ли, по ихъ зову, ходили укрощать ихъ междуусобіе, не мы-ли оберегали ихъ тылъ, когда имъ могла угрожать бѣда? И вотъ не они-ли, напротивъ, выходили къ намъ въ тылъ, когда имъ угрожала бѣда, или грозили выйти намъ въ тылъ, когда имъ грозила другая бѣда? Кончилось тѣмъ, что теперь всякій-то въ Европѣ, всякій тамъ образъ и языкъ держитъ у себя за пазуху давно уже припасенный на насъ камень, и ждетъ только пераго столкновенія. Вотъ что мы выиграли въ Европѣ столь ей слуги. Одну ей ненависть! Мы сыграли такъ роль Репетилова, вотогоняясь за фортуной,

„Приданого ввѣлъ шить, по службѣ ничего“.

Но почему эта ей ненависть къ намъ, почему они всемогутъ никакъ въ насъ увѣриться разъ навсегда, повѣрять безвредность нашу, повѣрять, что мы ихъ друзья и слуги, доб

и что дало все европейское назначеніе намъ—это слу-
жа Европѣ и ея благоденствію. (Потому что развѣ не такъ,
то же-ли самое дѣлали мы во все столѣтія, развѣ судѣли мы
для себя, развѣ добивались чего себя?.. Всего на Европу пошло!)
И, она не могутъ увѣряться въ насъ! Главная причина имен-
но томъ состоитъ, что они не могутъ никакъ насъ осознать.

Или не за что и никогда не повѣрять, что мы во истину
можемъ участвовать вмѣстѣ съ ними и маршировать съ ними въ даль-
нейшихъ судьбахъ ихъ цивилизаціи. Они признали насъ чуж-
дымъ своей цивилизаціи, приморальцами, самозванцами. Они при-
знали насъ за воровъ, укравшихъ у нихъ ихъ просвѣщеніе,
ихъ нравы переродившихся. Турки, семиты, иль ближе по-
чтѣмъ мы, арийцы. Всему этому есть одна чрезвычайная при-
чина! И это не смотря на то, что наши «русскіе евро-
пейцы» нѣко всѣхъ силъ увѣраютъ Европу, что у насъ нѣтъ ни-
какой идеи, да и впредь быть не можетъ, что Россія и не спо-
собна имѣть идею, а способна лишь подражать, что дѣло тѣмъ
кончится, что мы все будемъ подражать, и что мы вовсе не
варвары, а совсѣмъ, совсѣмъ какъ они, европейцы.
Европа нашимъ русскимъ европейцамъ на этотъ разъ, по край-
ней мѣрѣ, не повѣрила. Напротивъ, въ этомъ случаѣ она, такъ
какъ и совнала въ заключеніяхъ своихъ съ славянофилами на-
шимъ, хотя ихъ не знаетъ вовсе, и только развѣ слышала объ
этомъ кое-что. Совпаденіе-же именно въ томъ, что и Европа вѣ-
рится, какъ и славянофилы, что у насъ есть «идея», своя, осо-
бая и не европейская, что Россія можетъ и способна имѣть
идею. Про сущность этой идеи нашей Европа, конечно, еще ни-
чего не знаетъ,—ибо еслибъ знала, такъ тотчасъ-же бы успо-
коилась, даже обрадовалась. Но узнать непременно когда ни-
когда и именно когда наступитъ самая критическая минута въ
жизни ея. Но теперь она не вѣрится; признавая за нами идею,
боятся ея. И наконецъ мерзимъ мы ей, мерзимъ, даже лично,
и такъ и бываютъ иногда съ нами вѣжливы. Они, напримѣръ,
иногда сознаются, что русская наука можетъ выставить уже нѣ-
сколько замѣчательныхъ дѣятелей, представить нѣсколько хоро-
шихъ работъ, даже послужившихъ уже ихъ европейской наукѣ
образцомъ. Но не за что однако-же не повѣрять теперь Европа,
что у насъ въ Россіи могутъ родиться не одни только работники
науки (хотя-бы и очень талантливые), а и гении, руководи-

тели человечества, въ родѣ Бэкона, Канта и Аристотеля: они никогда не повѣрятъ, ибо въ цивилизацію нашу еще не знаютъ. Но настоящему, а нашей грядущей идеѣ еще не знаютъ. По настоящему, правы: ибо и впрямь не будетъ у насъ ни Бэкона, ни Канта, ни Аристотеля, доколѣ мы не станемъ прямо на дорогу идемъ духовно самостоятельными. Во всемъ остальномъ то-е нашихъ искусствахъ, въ промышленности: Европа насъ хвалитъ, по головеѣ гладитъ, но своими насъ не признаетъ: зираетъ насъ втайнѣ и явно, считаетъ низшими себя какъ и какъ породу, а иногда такъ мерзимъ мы имъ, мерзимъ особенно когда имъ на шею бросаема съ братскими поцѣми.

Но отъ окна въ Европу отвернуться трудно, тутъ ф... А между тѣмъ Азія—да вѣдь это и впрямь можетъ быть исходъ въ нашемъ будущемъ,—опять восклицаю это! Не совершилось у насъ хоть отчасти усвоеніе этой идеѣ—о, бы корень былъ тогда оздоровленъ! Азія, азіатская наша Россія вѣдь это тоже нашъ больной корень, который не то что жить, а совсѣмъ воскресить и пересоздать надо! Принципъ, принципъ, новый взглядъ на дѣло—вотъ что необходимо!

IV.

Вопросы и отвѣты.

— Да зачѣмъ, зачѣмъ? послышатся голоса уже разные, — азіатскія наши дѣла и теперь требуютъ отъ насъ прерывно войска, затратъ непронизводительныхъ. И какая промышленность? Гдѣ ихъ товары, гдѣ найдете вы тамъ и бителей нашихъ товаровъ? И вотъ вы приглашаете насъ, вѣстно зачѣмъ, отвернуться отъ Европы на вѣки.

— Не на вѣки—(продолжаю я стоять на своемъ),—менно, и опять таки не совсѣмъ, не совершенно вѣдь отор какъ-бы ни отрывались. Намъ нельзя оставлять Европу со да и не надо. Это «страна святыхъ чудесъ», и изрекъ я мый рьяный славянофилъ. Европа намъ тоже мать, какъ сія, вторая мать наша; мы много взяли отъ нея, и опять мемъ, и не захотимъ быть передъ нею неблагодарными. Я и душее великое значеніе въ Европѣ народа русскаго (въ м вѣрую) сказалъ было одно слово прошлаго года на пу скихъ празднествахъ въ Москвѣ,—и меня всѣ потомъ забл

и бранью, даже и изъ тѣхъ, которые меня обвиняли тогда слова мои, — точно я давно морское, подвѣнное дѣло одѣлалъ, да въ тогда мое слово.

Но, можетъ быть, не забудется это слово мое. Объ этокъ, речень, теперь довольно. Но все-же мы въ краѣ е перевозаціи нашей вѣ въ исходѣ нашемъ изъ Кемля позаботитесь, да мы сами изъ Европы одѣлали для себя какъ-бы какой-то особый Кемль.

— Позвольте, прервать меня, да чѣмъ-же намъ Азія при-
тъ самостоятельности? Заснемъ такъ по-азиатски, а не ста-
тъ самостоятельными!

— Видите-ли, — продолжимо я, — съ поворотомъ въ Азію, съ
намъ на нее взглядомъ нашимъ, у насъ можетъ явиться
то въ родѣ чего-то такого, что случилось съ Европой, когда
были Америка. Ибо во истину Азія для насъ тамъ не откры-
е еще нами тогдашняя Америка. Съ стремленіемъ въ Азію у
въ возродится подъемъ духа и силъ. Чуть лишь станемъ са-
стоятельными, — тотчасъ найдемъ что намъ дѣлать, а съ Евро-
и, въ два вѣка, мы отвыкамъ отъ всякаго дѣла и стали гово-
нами и дѣтлями.

— Ну такъ какже вы подымете насъ въ Азію коль у насъ
дѣтля? Да и кто у насъ подымеется первый, еслибъ даже и до-
вать всѣмъ какъ дважды два, что тамъ наше счастье?

— Въ Европѣ мы были приживальщики и рабы, а въ Азію
мы господани. Въ Европѣ мы были татарами, а въ Азію
мы европейцы. Миссія, миссія наша цивилизаторская въ Азію
духъ нашъ и увлечетъ насъ туда, только-бы нача-
е движеніе. Постройте только двѣ желѣзныя дороги, начните
е того, — одну въ Сибирь, а другую въ Среднюю Азію, и уви-
е тотчасъ послѣдствія.

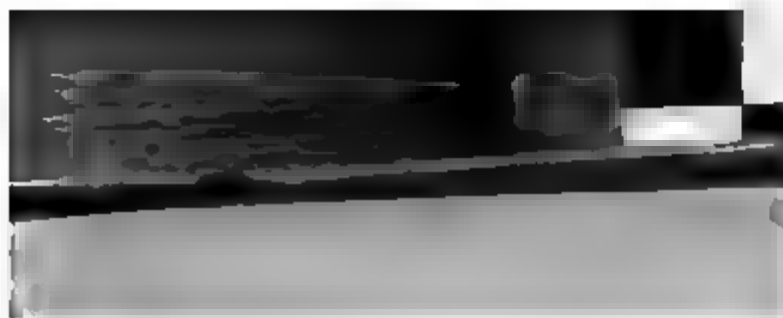
— Мало захотѣли! засмѣются инѣ, гдѣ средства и что по-
е: себѣ убытокъ и только.

— Во первыхъ, еслибъ мы въ послѣднія двадцать пять лѣтъ,
то только по три милліона въ годъ на эти дороги отклады-
е (а три-то милліона у насъ просто сквозь пальцы иной разъ
е), — то было-бы уже теперь выстроена на семьдесятъ
е милліоновъ азіатскихъ дорогъ, т. е. слѣшкомъ тысячу
е, какъ ни считать. Затѣмъ вы толкуете про убытокъ. О,
е кто-то насъ жмилъ въ Россіи англичане или американцы:
е-бы они намъ убытокъ! Вотъ они-то бы открыли нашу
е. Да знаете-ли что тамъ есть земли, которыя намъ нечѣ

извѣстны, чѣмъ внутренность Африки? И знаемъ-ли мы богатства заключаются въ недрахъ этихъ необъятныхъ земель? О, они-бы добрались до всего, до металловъ и минераловъ, до безчисленныхъ залежей каменнаго угля,—все-бы нашли, все-бы разыскали, и матеріалъ, и какъ его употребить. Они-бы приложили науку, заставили-бы землю родить самъ-пятьдесятъ,—ту самую землю, про которую мы все еще думаемъ здѣсь, что это голая, какъ ладонь наша, степь. Изъ добытому хлѣбу потянулись бы люди, завелась-бы промышленность, производство. Не покойтесь, нашли-бы потребителей и дорогу къ нимъ изыскали бы ихъ въ недрахъ Азіи, гдѣ они дремлютъ теперь миллионы, и дороги-бы новыя къ нимъ провели!

— Ну, такъ какже вы восклицаете про науку, а сами смотрите насъ къ измѣнѣ наукъ и просвѣщенію, приглашая насъ стать азіатами.

— Да науки-то тамъ еще больше потребуются! (воскликнулъ онъ),—ибо что мы теперь въ наукѣ: недоучки и дилетанты, тамъ станемъ дѣятелями, сама необходимость прижметъ и заставитъ, чуть лишь подымется самостоятельный предпринимательскій духъ—тотчасъ-же и въ наукѣ явимся господами, а не въ хвостыи, какъ сплосъ и рядомъ нынѣ. А главное—цивилизаторская миссія наша въ Азіи, съ самыхъ первыхъ шаговъ (это несомнѣнно) поймется и усвоится нами. Она возвыситъ нашъ духъ, она придастъ намъ достоинства и самосознанія,—а это сплосъ у насъ теперь нѣтъ, или очень мало. Стремленіе въ Азію, еслибъ только оно зародилось межъ нами, послужило-бы сверхъ того исходомъ многочисленнымъ безпобойнымъ умамъ всѣмъ стосковавшимся, всѣмъ облѣнившимся, всѣмъ безъ дѣла уставшимъ. Устройте истокъ водъ и исчезнетъ плѣсень в моряхъ. А разъ затянувшись въ дѣло—уже не будутъ скучать, всѣ и реродятся. Даже иная бездарность, съ израненнымъ, помочи самолюбіемъ, нашла-бы тамъ свой исходъ. Ибо часто въ одномъ мѣстѣ бездарность воскресаетъ въ другомъ—чуть не гениумъ. Э часто и въ европейскихъ колоніяхъ происходитъ. Но опустѣла Россія, не бойтесь: начнется постепенно, пойдутъ сначала и многіе, но скоро объ нихъ придутъ слухи и увлекутъ другихъ. И всетаки для моря русскаго это будетъ даже и неимѣнно. Освободите муху изъ патоки, расправьте ей даже какъ можно крылья, и всетаки потянется туда самый ничтожный процентъ населенія, будетъ даже и неимѣнно. А тамъ—ухъ тамъ будетъ примѣтно! Гдѣ въ Азіи поселится «Урусъ», тамъ

ДЛИННІВЪ ПЕСЧАЛА.

1911

становится земля русскою. — Сохранили-бы Россія нова, и старую-бы воскресила и воскресила; современно и ей ей раздала. Но для всего этого нуженъ новый принципъ. И всѣхъ менѣе потребовалъ-бы отъ земли и ей. Пусть только хоть немного проявятся (не проникло въ будущее Азія нашъ выходъ, что тамъ наши богатствъ у насъ ослѣтъ; что когда въ Европѣ, уже отъ одной только, заведется неизбежный и прелестный лѣтъ земный коммунизмъ, когда цѣлыми толпами станутъ тѣмъ мало одного очка и мало по малу войдутъ разрушительныя хозяйства, а семейства начнутъ бросать свои углы и вообще коммунизмъ, когда дѣтей будутъ растить въ жилищныхъ домахъ — (на три четверти подкидышами), тогда — насъ все еще просторъ и миръ, поля и лѣса, и дѣти наши ютѣ у отцовъ своихъ, не въ каменныхъ жилищахъ, а среди засѣянныхъ полей, видя надъ собою чистое небо. Да, и въ нашихъ надеждахъ заключено и много возможностей, и въ мы здѣсь и понятія еще составить не можемъ во всемъ! Не одно только золото тамъ въ почвѣ спрятано. и въ новый принципъ. Новый принципъ и потребности на эти родитъ. Ибо къ чему намъ, если ужъ все говорить, — намъ (и особенно въ теперешнюю минуту) содержать Европѣ, хотя-бы столько посольствъ съ такими, столь стоящими, блестящими, съ ихъ тонкими остроуміемъ и съ ихъ великодушными но убыточными персоналомъ. и въ тамъ (и именно теперь) до какихъ-то Гамбеттъ, до его дальнейшей участи, хотя-бы и угнеталъ его Бисмаркъ. Не лучше-ли, напротивъ, на время, въ глазахъ Европы, и въ сѣсть на дорожку, шапочку передъ собой положить, собирать: дескать, «la Russie опять se recueille». А дома, временомъ собираться, внутри-бы тѣмъ временомъ социализма. Скажутъ: въ чему-жъ унижаться. Да и не унижись! и въ только въ видѣ аллегоріи про шапочку сказали. то не унижись, а разомъ повысился, вотъ какъ будетъ! хитра и умна, сейчасъ догадается и, повѣрьте, начнетъ гнать-же уважать! О, конечно, самостоятельность наша притомъ порахъ, озадачить, но отчасти ей и понравится. и въ, что мы въ «угрюмую экономію» вступили и прямо одежку протягивать ножи, увидить, что и мы тоже несчастливцы и свой рубль сами первые бережемъ и цѣне дѣлаемъ его изъ бумажки, то и она тоже тотчасъ-

же вапгъ рубль, на своихъ рынкахъ, дѣлать минутой: Да что увидать, что мы даже дефицитовъ и банкротствъ не боимся прямо къ своей точкѣ ломимъ, то сами-же придуть къ денегъ предлагать,—и предложить уже какъ серьезнымъ дѣломъ уже научившимся дѣлу и тому, какъ надо каждое дѣло дѣлать.

Постояйте,—слышится голосъ,—вотъ вы, однако-же, про боту, но намъ нельзя тамъ бросать. Хотя-бы тотъ-же Восточный вопросъ на первый случай: вѣдь онъ осязается; какъ-же уйдемъ отъ него?

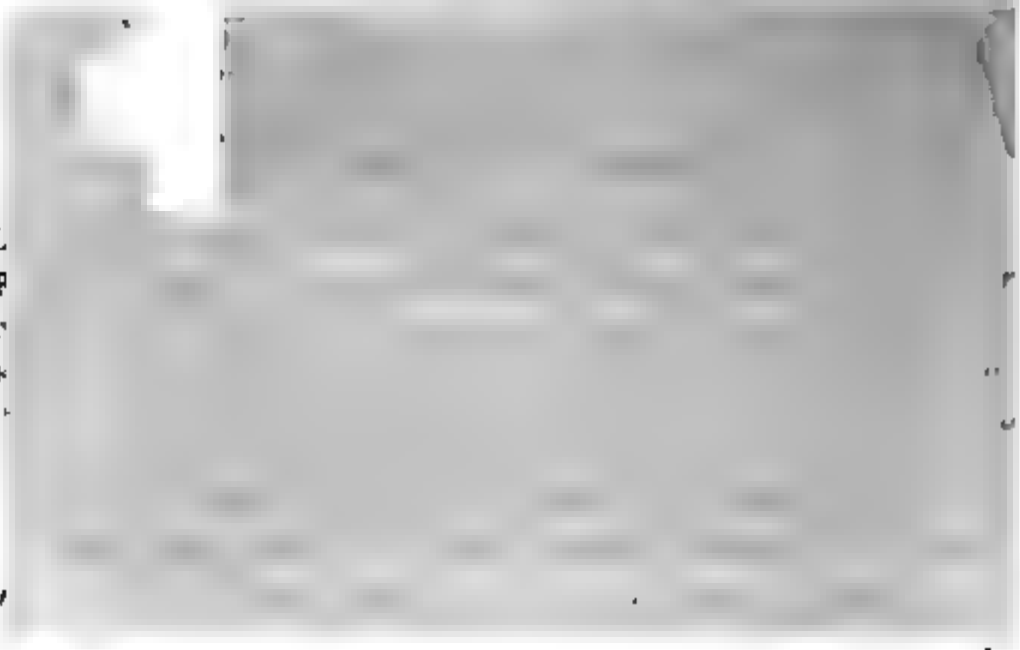
На счетъ Восточнаго вопроса я-бы вотъ что сказать и минутой: Вѣдь въ эту минуту у насъ, въ политическихъ сферахъ не найдется, можетъ быть, ни одного политическаго ума, который-бы признавалъ за здравое, что Константинополь долженъ быть нашъ,—(кромя развѣ какъ въ отдаленномъ, загадочномъ еще нашемъ грядущемъ). А коли такъ, такъ чего-же намъ ожидать? Вся суть Восточнаго вопроса въ эту минуту заключена въ союзъ Германіи съ Австріей, да еще въ австрійскихъ заботахъ въ Турціи, поощряемыхъ княземъ Бисмаркомъ. Мы ждемъ и будемъ, конечно, протестовать, въ крайнихъ уже какихъ-нибудь случаяхъ, но пока эти обѣ націи вкупѣ,—что-же можемъ сдѣлать теперь безъ огромныхъ для насъ потрясеній? И вѣдьте, что союзникамъ можетъ только того надо, чтобы наконецъ, разсердились. Славянскіе-же народы мы можемъ прежнему поощрять и любить, даже помогать имъ чѣмъ и при случаѣ. Въ тому-же очень-то они не погибнуть въ какой-нибудь срокъ. А срокъ можетъ даже очень скоро кончиться. Вѣдь только-бы мы вѣдь показали, что въ Европу столь шиваться какъ прежде мы уже не желаемъ, то они тамъ, насъ-то оставшихся, можетъ еще скорѣй перессорятся. Вѣдь когда-то не повѣрять Австрія, что Германія ее столь возлюбивъ единственно за ее прекрасные глаза. Вѣдь она слишкомъ злила напротивъ, что Германія все-таки надо, въ концѣ вонцовъ австрійскихъ нѣмцевъ къ германскому единству присоединитъ. А своихъ нѣмцевъ Австрія ни за что не уступить, даже отдавали Константинополь за нихъ—до того ихъ дорого цѣнили. Матеріаль-то для распрей, стало быть, тамъ уже есть. А тутъ подъ божомъ у Германіи все тотъ-же неразрѣшенный французскій вопросъ, теперь для нея уже вѣчный. А тутъ, сверхъ того даже самое объединеніе Германіи, вдругъ оказывается, не только не завершено, а даже грозитъ колебаніемъ. А тутъ оказывается и соціализмъ европейскій не только не умеръ, а даже еще

должаетъ грозить. Однимъ словомъ, намъ стоитъ только и не вмешиваться даже когда звать начнутъ, и чуть явится тамъ—у нихъ распря, и затрещитъ ихъ «полнравовѣсіе»,—разомъ покончить и Восточный вопросъ, мгновеніе какъ и во франко-прусскую бойню, вдругъ какъ тогда на счетъ Чернаго моря мы заявили: «не же-австрийскихъ захватовъ въ Турціи признавать» и раззнуть захваты, можетъ быть, и съ Австріей вмѣстѣ. и наверстаемъ все, что на время какъ будто-бы упу-

у, а Англія? Вы упускаете Англію. Увидавъ наше стрем-Азію, она тотчасъ взволнуется.

Англіи бояться—никуда не ходить»,—возражаю я пе-ою на новый ладъ пословицей. Да и ничѣмъ новымъ она-уется, ибо все тѣмъ-же волнуется и теперь. Напротивъ,мы и держимъ ее въ смущеніи и невѣдѣніи на счетъи она ждетъ отъ насъ всего худшаго. Когда-же поитоящій характеръ всѣхъ нашихъ движеній въ Азіи, то,быть, сбавитъ многое изъ своихъ опасеній... Впрочемъ,нѣ, что не сбавитъ и что до этого еще ей далеко. Но,с: Англіи бояться—никуда не ходить! А потому и опять-здравствуетъ побѣда у Геокъ-Тепе! Да здравствуетъь и его солдатики и вѣчная память «выбывшимъ изъ» богатырямъ! Мы въ наши списки ихъ занесемъ.

КОНЕЦЪ ОДИННАДЦАТАГО ТОМА.

1.1
 1.2
 1.3
 1.4
 1.5
 1.6
 1.7
 1.8
 1.9
 1.10
 1.11
 1.12
 1.13
 1.14
 1.15
 1.16
 1.17
 1.18
 1.19
 1.20
 1.21
 1.22
 1.23
 1.24
 1.25
 1.26
 1.27
 1.28
 1.29
 1.30
 1.31
 1.32
 1.33
 1.34
 1.35
 1.36
 1.37
 1.38
 1.39
 1.40
 1.41
 1.42
 1.43
 1.44
 1.45
 1.46
 1.47
 1.48
 1.49
 1.50
 1.51
 1.52
 1.53
 1.54
 1.55
 1.56
 1.57
 1.58
 1.59
 1.60
 1.61
 1.62
 1.63
 1.64
 1.65
 1.66
 1.67
 1.68
 1.69
 1.70
 1.71
 1.72
 1.73
 1.74
 1.75
 1.76
 1.77
 1.78
 1.79
 1.80
 1.81
 1.82
 1.83
 1.84
 1.85
 1.86
 1.87
 1.88
 1.89
 1.90
 1.91
 1.92
 1.93
 1.94
 1.95
 1.96
 1.97
 1.98
 1.99
 2.00

...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...

Оглавленіе.

Я Н В А Р Ъ.

СТРАНИЦЫ

Глава первая. I. Три идеи. II. Миражи. Штунда и Ред- косты. III. Ома Даниловъ, замученный русскій герой.	3—1'
Глава вторая. I. Примирительная мечта внѣ науки. II. Мы Европѣ лишь струціе. III. Русская сатира. „Новъ“. „Слѣдніа пѣсни“. Старыя воспоминанія. IV. Именинникъ. редакціи	18—3

Ф Е В Р А Л Ъ.

Глава первая. I. Самозваніе пророки и хромие бочары, можающіе дѣлать луну въ Гороховой. Одинъ изъ ве- днѣйшихъ русскихъ великихъ людей. II. Доморощен- скіе великаны и привижанный сынъ „Кучи“. Анекдотъ о равной со спины кожѣ. Высшіе интересы цивилизаціи не будутъ онѣ проліяты, если ихъ надо покупать такою кожой! III. О сдираниіи кожъ вообще, разныя aberrации въ зности. Ненависть въ авторитету при лакействѣ мысли. Метгерники и Донъ-Кихоты	37—6
Глава вторая. I. Одинъ изъ главнѣйшихъ современныхъ росовъ. II. „Злоба дня“. III. Злоба дня въ Европѣ. Русское рѣшеніе вопроса. Отвѣтъ на письмо	64 6

М А Р Т Ъ.

Глава первая. I. Еще разъ о томъ, что Константинополь,
не, похудо-ли, а долженъ быть нашъ. II. Русскій на-
слѣдникъ доросъ до здраваго понятія о Восточномъ

вопросъ съ своей точки зрѣнія. III. Самыя подходящія въ настоящее время мысли

Глава вторая. I. „Еврейскій вопросъ“. II. Pro и contra. III. Status in statu. Сорокъ вѣковъ бытія. IV. Но да здравствуетъ братство

Глава третья. I. Похороны „Общечеловѣка“. II. Единичный случай

А П Р Ъ Л Ъ .

Глава первая. I. Война. Мы всѣхъ сильнѣе. II. Не всегда война бичъ, иногда и спасеніе. III. Спасаетъ-ли пролитая кровь? IV. Мнѣніе „Тишайшаго“ Царя о Восточномъ вопросѣ 10

Глава вторая. Сонъ смѣшнаго человѣка. Фантастическій рассказъ 11

Освобожденіе Подсудимой Корниловой. Въ моихъ читателямъ

М А Й — І Ю Н Ъ .

Глава первая. I. Изъ книги предсказаній Іоанна Лихтенбергера, 1528 года. II. Объ анонимныхъ ругательныхъ письмахъ. III. Планъ обличительной повѣсти изъ современной жизни 12

Глава вторая. I. Пржезніе земледѣльцы—будущіе дипломаты. II. Дипломатія передъ мировыми вопросами. III. Никогда Россія не была столь могущественною, какъ теперь, — рѣшеніе недипломатическое 15

Глава третья. I. Германскій мировой вопросъ. Германія страна протестующая. II. Одинъ геніально-мыслительный человѣкъ. III. И сердиты и сильны. IV. Черное войско. Мнѣніе легионовъ, какъ новый элементъ цивилизаціи. V. Довольно неприятный секретъ 17

Глава четвертая. I. Любители турокъ. II. Золотые фракы. Прямолинейные 19

І Ю Л Ъ — А В Г У С Т Ъ .

Глава первая. I. Разговоръ мой съ однимъ московскимъ знакомымъ. Замѣтка по поводу новой книжки. II. Жажда

СТРАНИЦЫ.

того, что „скрываютъ“. Слово: <i>скрываютъ</i> можетъ ущность, а потому и надобно принять мѣры за- гь о случайномъ семействѣ. III. Дѣло родителей зкъ съ родными дѣтьми. IV. Фантастическая рѣчь ак суда	201—227
мира. I. Опять обособленіе. Восьмая часть Анны . II. Признанія славянофила. III. Анна Каренина ъ особаго значенія. IV. Помѣщикъ добывающій оля отъ мужика	227—243
мъ. I. Раздражительность самолюбія. II. <i>Tout t pas expressement permis est défendu</i> . III. О номъ знаніи необразованнымъ и безграмотнымъ народомъ главнѣйшей сущности Восточнаго во- Сотрясеніе Левана. Вопросъ: имѣеть-ли раз- іліе на человѣколюбіе? Можно-ли согласиться къ одного плѣннаго турка о гуманности нѣко- шкхъ дамъ? Чему-же наконецъ насъ учать наши	244—264

С Е Н Т Я Б Р Ъ.

рвая. I. Несчастливыи и неудачники. II. Любо- фрактерь. III. То да не то. Ссылка на то, о чемъ еще три мѣсяца навадь. IV. О томъ, что думаетъ стрик. V. Кто стучится въ дверь? Кто войдетъ? и судьба	265—288
торая. I. Ложь дождю спасается. II. Сливняки, не на людей. Что намъ выйдѣе: когда знаютъ вду или когда говорятъ о насъ вздоръ? III. Лег- . на будущаго интеллигентнаго русскаго человѣка. мъй удѣлъ будущей русской женщины	288—301

О К Т Я Б Р Ъ.

рвая. I. Къ читателю. II. Старое всегдашнее равило. III. Тоже правило, только въ новомъ Самыя огромныя военныя ошибки иногда могутъ бѣть не ошибками. V. Мы лашь наткнулись на ть, а ошибки не было. Двѣ арміи — двѣ проти- сти. Настоящее положеніе дѣлъ	302—315
--	---------

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТ

Глава вторая. I. Самоубійство Гартунга и всегдашній во-
просъ науки: кто виноватъ? II. Русский джентльменъ.
Джентльмену нельзя не остаться до конца джентльменомъ.
III. Дождь необходимъ для истины. Дождь на дождь даетъ
правду. Правда-ли это? 3

Глава третья. I. Римские клерикалы у насъ въ Россіи.
II. Литва пошла изъ Старой Польши ирритуется. III. Выходка
„Буржевыкъ Вѣдомостей“. Не бойся, а злыя перья 3

Н О Я Б Р Ъ.

Глава первая. I. Что значитъ слово: „стрицкіе“? II. Исто-
рія глагола „студеваются“? 3

Глава вторая. I. Делкатство или деликатность? II. Самый
такойскій случай, какой только можетъ быть. III. Одно
совсемъ особое слово о славянахъ, которое мнѣ давно
хотѣлось сказать 3

Глава третья. I. Толки о мирѣ. „Константинополь дол-
женъ быть нами“—возможно-ли это? Разныя мнѣнія. Опять
въ послѣдній разъ „пророчанія“. II. Надо ловить минуту 3

Д Е К А Б Р Ъ.

Глава первая. I. Замѣчательное разъясненіе одного преж-
него факта. II. Выписка. III. Искаженія и подтасовки и —
какимъ по чему не стоитъ. IV. Знше психологи. Акушеры
и психиатры. V. Самый случай, по моему, довольно много разъ-
ясняющій. VI. Фрагментъ и дѣтей? О томъ что значитъ
слово „очинчиван“ 3

Глава вторая. I. Смерть Некрасова. О томъ что сказано
о немъ на его могилѣ. II. Пушкинъ, Лермонтовъ и Некра-
совъ. III. Народъ и гражданскій. Общія толки о Некрасовѣ,
и IV. Слѣдствія въ пользу Некрасова. V. Въ
заключеніи. Шестидесяти страничка 3
Въ концѣ Декабря. Августъ, за 1880 годъ 4
Въ концѣ Декабря. Январь, за 1881 годъ 4

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНІЙ

М. Достоевскіа

Изданіе четвертое.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія брат. Пашковскихъ. Вербовая, 16.

1892.

БРАТЯ
КАРАМАЗОВЫ.

РОМАНЪ

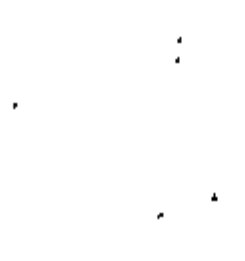
ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

С. П. П.

Въ первый разъ напечатанъ въ журналѣ «Русскій Вѣстникъ»
1879 и 1880 гг.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

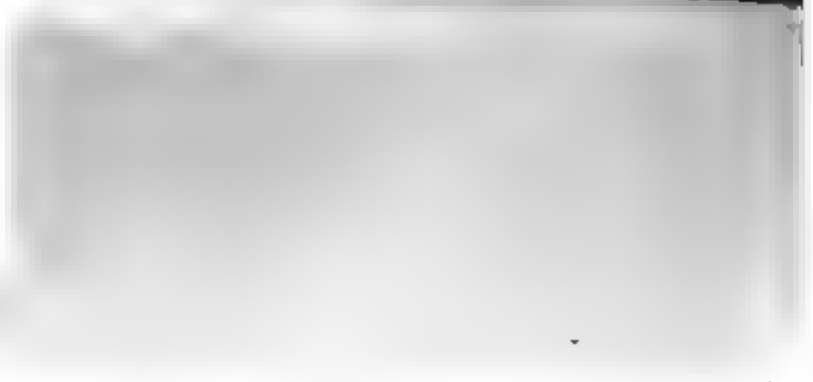
Аннѣ Григорьевнѣ
Достоевской.

**Истинно, истинно говорю вамъ: если щипче-
нее верно, падши на землю, не умреть, то
останется одно: а если умреть, то принесетъ
много плода.**

(Евангелие отъ Іоанна глава XII 24).

РѢТЬ АВТОРА.

Начиная жизнеописание героя моего, Алексѣя Федоровича Кармазова, нахожусь въ нѣкоторомъ недоумѣніи. А именно: хотя я и называю Алексѣя Федоровича моимъ героемъ, но однако самъ знаю, что человекъ онъ отнюдь не великій, а по сему и предвижу неизбежные вопросы въ родѣ таковыхъ: чѣмъ же замѣчательнѣе вашъ Алексѣй Федоровичъ, что вы выбрали его своимъ героемъ? Что сдѣлалъ онъ такого? Кому и чѣмъ извѣстенъ? Почему я, читатель, долженъ тратить время на изученіе фактовъ его жизни?

Последній вопросъ самый роковой, ибо на него могу лишь отвѣтить: «Можетъ быть, увидите сами изъ романа». Ну, а коль прочтутъ романъ и не увидятъ, не согласятся съ примѣчательностью моего Алексѣя Федоровича? Говорю такъ, потому что съ прискорбіемъ это предвижу. Для меня онъ примѣчательнѣе, но рѣшительно сомнѣваюсь, успѣю-ли это доказать читателю. Дѣло въ томъ, что это, пожалуй, и дѣятель, но дѣятель неопредѣленный, невыяснившійся. Впрочемъ, странно-бы требовать въ такое время, какъ наше, отъ людей ясности. Одно, пожалуй, довольно несомнѣнно: это человекъ странный, даже чужакъ. Но странность и чужачество скорѣе вредятъ, чѣмъ даютъ право на вниманіе, особенно когда всѣ стремятся къ тому, чтобъ объединить частности и найти хоть какой нибудь общій толкъ во всеобщей безтолочи. Чужакъ-же въ большинствѣ случаевъ частность и обособленіе. Не такъ-ли?

Вотъ если вы не согласитесь съ этимъ последнимъ тезисомъ и отвѣтите: «Не такъ» или «не всегда такъ», то я, пожалуй, и ободрюсь духомъ на счетъ значенія героя моего Алексѣя Федоровича. Пбо не только чужакъ «не всегда» частность и обособленіе. а, напротивъ, бываетъ такъ, что онъ-то, пожалуй, и носитъ въ себѣ иной разъ сердцевину цѣлаго, а остальные люди его эпохи — всѣ, какимъ нибудь наплывнымъ вѣтромъ, на время почему-то отъ него оторвались...

2-ой, впрочем, не пустяком въ эти весьма важные и существенныя объясненія и изъясненія просто на просто (какъ вы говорите) — такъ и такъ прочтутъ, но будучи что изъясненіе-то у меня одно, а романъ два, романъ второй, — это дѣтельность моего героя уже въ прошломъ. именно въ этотъ переходный текущій моментъ. этотъ романъ произойдетъ еще принадлежать дѣтъ назадъ, вотъ такъ и не романъ, а лишь одинъ моментъ изъ жизни моего героя. Объяснить мнѣ безъ этого нельзя невозможно, потому что много во второмъ романѣ непонятнаго. Но такія объясненія еще усложняются чуждымъ мое затрудненіе: если уже я, то еще скажу и полагаю что и одного-то романа, можетъ быть, было-бы много скромнаго и непосредственнаго героя изъяснить, то и являться съ двумя и такъ объяснить такую съ моей заботливостью?

Теряясь въ разрѣшеніи сихъ вопросовъ, рѣшилъ обойти безо всякаго разрѣшенія. Рззучивается, пророкъ татель уже давно угадалъ, что я съ самаго начала клонилъ, и только досадовать на меня — затѣмъ и трать безплодные слова и драгоценное время. На это уже въ точности. тратить я безплодные слова и драгоценнаго, во первыхъ, изъ важности, а во вторыхъ, изъ сти: «всетаки, дескать, заранѣе въ чемъ-то предупредитель, я даже радъ тому, что романъ мой разбился самъ на два разсказа «при существенномъ единствѣ цѣлаго копившіеся съ первымъ разсказомъ, читатель уже самъ лить: стоитъ-ли ему приниматься за второй? Конечно ничтъ не связанъ, можно бросить книгу и съ двухъ перваго разсказа, съ тѣмъ чтобъ и не раскрывать б нѣтъ еще такіе деликатные читатели, которые не прем хотѣтъ дочитать до конца, чтобы не ошибиться въ стращномъ сужденіи, таковы, напримѣръ, всѣ русскіе. Такъ вотъ породъ такими-то всетаки сердцу легче: и на всю ихъ аккуратность и добросовѣстность, всетаки самыя канонныя предлогъ бросить разсказъ на первомъ романа. Ну, вотъ и все предисловіе. Я совершенно с что оно лишнее, но такъ какъ оно уже написано, то останется.

А теперь къ дѣлу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГ ПЕРВАЯ.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

I.

Федоръ Павловичъ Карамазовъ.

Мелкшій Федоровичъ Карамазовъ былъ третьимъ сыномъ помѣщика нашего уѣзда Федора Павловича Карамазова, столь извѣстнаго въ свое время (да и теперь еще у насъ припоминаютъ) по трагической и темной кончинѣ своей, привлекчившейся в тринадцать лѣтъ назадъ и о которой сообщу въ своемъ мѣсяцѣ. Теперь же скажу объ этомъ «помѣщикѣ» какъ его у насъ называли, (хотя онъ всю жизнь совсѣмъ почти не жилъ въ своемъ помѣстьи) лишь то, что это былъ странный типъ, до того часто однако встрѣчающійся, именно, типъ человека не только дряннаго и развратнаго, но выѣстѣ съ тѣмъ и безтолковаго — но изъ такихъ однако безтолковыхъ, которые умѣютъ только обдѣлывать свои имущественныя дѣлишки, и только, и для, одни эти. Федоръ Павловичъ, наиримѣръ, началъ почти всю жизнь свою съ тѣмъ, помѣщикъ онъ былъ самый маленькій, бѣгалъ по чужимъ столамъ, наравилъ въ приживальщикъ, а у тѣмъ въ моментъ кончины его у него оказалось до ста рублей чистыми деньгами. И въ тоже время онъ всю жизнь свою продолжалъ быть однимъ изъ безтолковыхъ сумасбродовъ по всему нашему уѣзду. Повторю еще:

туть не глупость, большинство этих сумасбродовъ довольно умно и хитро, — а именно безтолковость, да еще какая-то обаятельная, національная.

Онъ былъ женатъ два раза и у него было три сына, старшій Дмитрій Ѳедоровичъ, отъ первой супруги, а остальные два, Иванъ и Алексѣй, отъ второй. Первая супруга Ѳедора Павловича была изъ довольно богатаго и знатнаго рода дворянъ Миусовыхъ, тоже помѣщиковъ нашего уѣзда. Какъ именно случилось, что дѣвушка съ приданымъ, да еще красивая, и свѣдѣвшая изъ бойкихъ умницъ, столь не рѣдкихъ у насъ въ перешнее поколѣніе, но появлявшихся уже и въ прошломъ поколѣніи, могла выйти замужъ за такого ничтожнаго «мозгляка», въ всѣхъ его тогда называли, объяснить слишкомъ не стану. Въ зналъ-же я одну дѣвицу, еще въ запрошломъ «романтическомъ» поколѣніи, которая послѣ нѣсколькихъ лѣтъ загадочной жизни въ одному господину, за котораго, впрочемъ, всегда могла выйти замужъ самымъ спокойнымъ образомъ, кончила однако-же тѣмъ, что сама навдумала себѣ непреодолимые препятствія и въ одну ночь бросилась съ высокаго берега, похожаго на утесъ, довольно глубокую и быструю рѣку и погибла въ ней рѣшительно отъ собственныхъ капризовъ, единственно изъ-за того, чтобы походить на Шекспировскую Офелію и даже такъ, будь этотъ утесъ, столь давно ею намѣченный и излюбленный, не столь живописенъ, а будь на его мѣстѣ лишь прозаическій плоскій берегъ, то самоубійства, можетъ быть, не произошло вовсе. Фактъ этотъ истинный, и надо думать, что въ нашей русской жизни, въ два или три послѣднія поколѣнія, такихъ или однородныхъ съ нимъ фактовъ происходило не мало. Подобно тому и поступокъ Аделаиды Ивановны Миусовой былъ безъ сомнѣнія отголоскомъ чужихъ вѣяній и тоже плѣнной мысли раздраженіемъ. Ей, можетъ быть, захотѣлось заявить женскую самостоятельность, пойдти противъ общественныхъ условій, противъ деспотизма своего родства и семейства, а услужливая фаворитка убѣдила ее, положимъ, на одинъ только мигъ, что Ѳедоръ Павловичъ, не смотря на свой чинъ приживальщика, все-таки одинъ изъ смѣлѣйшихъ и насмѣшливѣйшихъ людей той, переходной ко всему лучшему, эпохи, тогда какъ онъ былъ тогда злой шутъ и больше ничего. Пикантное состояло еще и въ томъ, что дѣло обошлось увозомъ, а это очень прельстило Аделаиду Ивановну. Ѳедоръ-же Павловичъ на всѣ подобные пассажи былъ даже и по соціальному своему положенію весьма тогда по-

говленъ, ибо страстно желалъ устроить свою карьеру, хотя чѣмъ-бы то ни было: примазаться-же къ хорошей роднѣ и взять приданое было очень заманчиво. Что-же до обоюдной любви, то ея вовсе, кажется, не было — ни со стороны невесты, ни съ его стороны, не смотря даже на красоту Аделаиды Ивановны. Какъ что случай этотъ былъ, можетъ быть, единственнымъ въ всемъ родѣ въ жизни Федора Павловича, сладострастнѣйшаго мловѣка во всю свою жизнь, въ одинъ мигъ готоваго прильнуть къ какой угодно юбкѣ, только-бы та его поманила. А между тѣмъ одна только эта женщина не произвела въ немъ со страстной стороны никакого особеннаго впечатлѣнія.

Аделаида Ивановна, тотчасъ-же послѣ увоза, мигомъ разглядела, что мужа своего она только презираетъ и больше ничего. Такимъ образомъ слѣдствія брака обозначились съ чрезвычайною быстротой. Но смотря на то, что семейство даже довольно скоро примирилось съ событіемъ и выдѣлило бѣглянкѣ приданое, между супругами началась самая беспорядочная жизнь и вѣчныя сцены. Рассказывали, что молодая супруга выказала притомъ несравненно болѣе благородства и возвышенности нежели Федоръ Павловичъ, который, какъ извѣстно теперь, подпиралъ у нея тогда-же, разомъ, всѣ ея денежки, до двадцати пяти тысячъ, только что она ихъ получила, такъ что тысячки эти съ тѣхъ поръ рѣшительно какъ-бы канули для нея въ воду. Деревеньку-же и довольно хорошій городской домъ, которые тоже пошли ей въ приданое, онъ долгое время и изо всѣхъ силъ старался перевести на свое имя чрезъ совершеніе какого-нибудь подходящаго акта, и навѣрно-бы добился того изъ одного, такъ сказать, презрѣнія и отвращенія къ себѣ, которое онъ возбуждалъ въ своей супругѣ ежеминутно своими безстыдными вымогательствами и вымаливаніями, изъ одной ея душевной усталости, только чтобъ отвязался. Но къ счастью вступилось семейство Аделаиды Ивановны и ограничило хапугу. Положительно извѣстно, что между супругами происходили нерѣдкія драки, но, по преданію, билъ не Федоръ Павловичъ, а била Аделаида Ивановна, дама горячая, смѣлая, смуглая, нетерпѣливая, одаренная замѣчательною физическою силой. Наконецъ, она бросила домъ и сбѣжала отъ Федора Павловича съ однимъ погибавшимъ отъ шпеты семинаристомъ-учителемъ, оставивъ Федору Павловичу на рукахъ трехлѣтняго Митю. Федоръ Павловичъ мигомъ завелъ въ домъ цѣлый гаремъ и самое забубенное пьянство, а въ антрактахъ ѣздилъ чуть не по всей губерніи и слезно жало

вался всѣмъ и каждому на покинувшую его Адаманду Павловну, причемъ сообщалъ такія подробности, которыя смѣшкоть-стыдно было сообщать супругу о своей брачной жизни. Главное, ему какъ будто пріятно было и даже льстило разыгрывать предъ всѣми свою смѣшную роль обиженного супруга и съ прекрасами даже росписывать подробности о своей обидѣ. «Подумаешь, что вы, Федоръ Павловичъ, чинъ получили, такъ вы вольны, не смотря на всю вашу горестъ», говорили ему смѣшники. Многие даже прибавляли, что онъ радъ жить въ подновленномъ видѣ шута и что нарочно, для усмиренія смѣха, дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ своего комическаго положенія. Кто знаетъ впрочемъ, можетъ быть, было это въ немъ и наивно. Наконецъ, ему удалось открыть слѣды своей бѣглянки. Бѣгляница оказалась въ Петербургѣ, куда переехала съ своимъ семинаристомъ и гдѣ беззавѣтно пустилась въ самую полную свистопляску. Федоръ Павловичъ немедленно хлопоталъ и сталъ собираться въ Петербургъ, — для чего? — онъ, конечно, и самъ не зналъ. Право, можетъ быть, онъ-бы тогда и побѣжалъ; но предпринявъ такое рѣшеніе, тотчасъ-же почалъ себя въ особенномъ правѣ, для бодрости, предъ дорогой, пуститься вновь въ самое безбрежное пьянство. И вотъ въ это-то время, семействомъ его супруга получило извѣстіе о смерти ея въ Петербургѣ. Она какъ-то вдругъ умерла, гдѣ-то на чердакѣ, по однимъ сказаніямъ — отъ тифа, а по другимъ — будто-бы съ голоду. Федоръ Павловичъ узналъ о смерти своей супруги пьяный, говоритъ, побѣжалъ по улицѣ и началъ кричать, въ радости, воздвѣвая руки къ небу: «нынѣ отпускаеши», а по другимъ — плакалъ навзрыдъ, какъ маленькій ребенокъ и до того, что, говорятъ, жалко даже было смотрѣть на него, не смотря на все къ нему отвращеніе. Очень можетъ быть, что было и то и другое, то есть: что и радовался онъ своему освобожденію, и плакалъ по освобожденію — все вмѣстѣ. Въ большинствѣ случаевъ люди, даже злодѣи, гораздо наивнѣе и простодушнѣе, чѣмъ мы вообще о нихъ заключаемъ. Да и мы сами тоже.

II.

Перваго сына спровадилъ.

Конечно, можно представить себѣ, какимъ воспитателемъ и отцомъ могъ быть такой человекъ. Съ нимъ какъ съ отцомъ

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

...тно желалъ устроить свою карьеру, хотя чѣмъ
...риказаться-же въ хорошей роднѣ и взять се
...заманчиво. Что-же до обоюдной любви, то
...е было — ни со стороны невѣсты, ни съ
...ра даже на красоту Аделаиды Ивановны
...этотъ былъ, можетъ быть, единственнымъ
...жизни Федора Павловича, сладострастнѣйшимъ
...свою жизнь, въ одинъ мигъ готового при
...одно любѣ, только-бы та его полюбила. А
...олько эта женщина не произвела въ немъ
...никакого особеннаго впечатлѣнія.

...она, тотчасъ-же послѣ увоза, мигомъ разгн
...ого она только презираетъ и больше ниче
...слѣдствія брака обозначались съ чрезвыч
...смотря на то, что семейство даже доволь
...съ событіемъ и выдѣлило бѣглянкѣ при
...ами началась самая беспорядочная жизнь
...взсказывали, что молодая супруга выказ
...но болѣе благородства и возвышенности
...овичъ, который, какъ извѣстно теперь, по
...огда-же, разомъ, всѣ ея денежки, до двадца
...то что она ихъ получила, такъ что тысяч
...рѣшительно какъ-бы канули для нея
...же и довольно хорошій городской домъ, ко
...ей въ приданое, онъ долгое время и изъ всѣ
...перевести на свое имя чрезъ совершеніе како
...резервіа и отвращенія къ себѣ, которое онъ в
...своей супругѣ ежеминутно своими безстыдными в
...вымаливаніями, изъ одной ея душевной ус
...чтобъ отвязался. Но къ счастью вступилось
...Аиды Ивановны и ограничило хапугу. Положители
...между супругами происходили перѣдкія драки, и
...билъ не Федоръ Павловичъ, а была Аделаида И
...горячая, смѣлая, смуглая, нетерпѣливая, одаренн
...физическою силой. Наконецъ, она бросила до
...Федора Павловича съ однимъ погибавшимъ о
...семинаристомъ-учителемъ, оставивъ Федору Павлови
...трехлѣтняго Митю. Федоръ Павловичъ мигомъ заве
...гаремъ и самое забубенное пьянство, а
...идель чуть не по всей губерніи и слезно жа.

порубокъ въ лѣсу, доподлинно не знаю, но начать прои
 съ «клерикалами» почелъ даже своею гражданскою и про
 щенною обязанностью. Услышавъ все про Аделанду Ивано
 которую, разумѣется, помнилъ и когда-то даже замѣтилъ
 узнавъ, что остался Митя, онъ, не смотря на все молодое
 годоваше свое и презрѣніе къ Федору Павловичу, въ это
 ввязался. Тутъ-то онъ съ Федоромъ Павловичемъ въ пер
 разъ и познакомился. Онъ прямо ему объявилъ, что желалъ
 взять воспитаніе ребенка на себя. Онъ долго потомъ раз
 нывалъ, въ видѣ характерной черты, что когда онъ заговор
 съ Федоромъ Павловичемъ о Митѣ, то тотъ нѣкоторое вр
 имѣлъ видъ совершенно непонимающаго о какомъ такомъ
 бонкѣ идетъ дѣло, и даже какъ-бы удивился, что у него е
 гдѣ-то въ домѣ, маленькій сынъ. Если въ рассказѣ По
 Александровича могло быть преувеличеніе, то все-же дол
 было быть и нѣчто похожее на правду. Но дѣйствительно
 доръ Павловичъ всю жизнь свою любилъ представляться, вдр
 проиграть предъ вами какую-нибудь неожиданную роль
 главное, безъ всякой иногда надобности, даже въ пря
 ущербъ себѣ, какъ въ настоящемъ, на примѣръ, случаѣ. Че
 эта, впрочемъ, свойственна чрезвычайно многимъ людямъ и д
 весьма умнымъ, не то что Федору Павловичу. Петръ Алекс
 ровичъ повелъ дѣло горячо и даже назначенъ былъ (купно
 Федоромъ Павловичемъ) въ опекуны ребенку, потому то
 же послѣ матери оставалось и нѣтъ, домъ и помѣстье. М
 дѣйствительно переѣхалъ къ этому двоюродному дядѣ, но
 ственнаго семейства у того не было, а такъ какъ самъ о
 лишь уладивъ и обезпечивъ свои денежныя полученія съ о
 ихъ имѣній, немедленно посѣшилъ опять надолго въ Пари
 то ребенка и поручилъ одной изъ своихъ двоюродныхъ тет
 одной московской баринѣ. Случилось такъ, что, обживш
 въ Парижѣ, и онъ забылъ о ребенкѣ, особенно когда наст
 та самая февральская революція, столь вразившая его воо
 жоніе и о которой онъ уже не могъ забыть всю свою жизнь.
 ская-же барыня умерла и Митя перешелъ къ одной
 замужнику съ дочерей. Кажется, онъ и еще потомъ переѣх
 въ четвертый разъ гнѣздо. Объ этомъ я теперь распространя
 не стану, тѣмъ болѣе, что много еще придется рассказывать
 этомъ первенцѣ Федора Павловича, а теперь лишь ограничива
 самыя необходимыя о немъ свѣдѣнія, безъ которыхъ ми
 лочная печать невозможна.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

Во перанхъ, этотъ Дмитрій Федоровичъ былъ одинъ толькѣ изъ трехъ сыновей Федора Павловича, который росъ въ убѣжденіи, что онъ все-же имѣетъ нѣкоторое состояніе и когда достигнетъ совершенныхъ лѣтъ, то будетъ независимъ. Юность и молодость его протекала безпорядочно: въ гимназіи онъ не доучился, попалъ потомъ въ одну военную школу, потомъ очутился на Кавказѣ, выслужился, дрался на дуэли, былъ разжалованъ, опять выслужился, много куталъ и, сравнительно, прожилъ довольно много. Сталъ-же получать ихъ отъ Федора Павловича не раньше совершеннолѣтія, а до тѣхъ поръ надѣлалъ долговъ. Федора Павловича, отца своего, узналъ и увидалъ въ первый разъ уже послѣ совершеннолѣтія, когда нарочно прибылъ въ наши мѣста выясниться съ нимъ на счетъ своего имущества. Кажется, родителю ему тогда не понравился; пробылъ онъ у него недолго и сказалъ поскорѣй, успѣвъ лишь получить отъ него нѣкоторую сумму, и войдя съ нимъ въ нѣкоторую сдѣлку на счетъ дальнѣйшаго полученія доходовъ съ имѣнія, котораго (фактъ достопримечательный) ни доходности, ни стоимости онъ въ тотъ разъ отъ Федора Павловича такъ и не добился. Федоръ Павловичъ замѣчалъ тогда, съ перваго разу (и это надо запомнить), что Митя имѣетъ о своемъ состояніи понятіе преувеличенное и невѣрное. Федоръ Павловичъ былъ очень этимъ доволенъ, имѣя въ виду свои особые расчеты. Онъ вывелъ лишь, что молодой человекъ немысленъ, буенъ, со страстями, петербургскій, бутылка и которому только чтобы что-нибудь временно перехватить, и онъ, хоть и на малое время, разувѣтается, но тотчасъ успокоится. Вотъ это и началъ эксплуатировать Федоръ Павловичъ, то есть отдѣлываться своими подачками, временными высылками и въ концѣ концовъ случилось, что когда, уже года четыре спустя, Митя, потѣсивъ терпѣніе, явился въ нашъ городокъ въ другой разъ чтобы расквитаться ужъ покончить дѣла съ родителями, то вдругъ оказалось, что его величайшему изумленію, что у него уже нѣтъ ничего, что сосчитать даже трудно, что онъ перебралъ уже деньгами всю сумму своего имущества у Федора Павловича, можетъ быть, и еще даже самъ долженъ ему; что по такимъ-то и такимъ-то причинамъ, въ которыхъ самъ тогда-то и тогда пожелалъ вступить, онъ и права не имѣетъ требовать ничего болѣе и проч., и. Молодой человекъ былъ пораженъ, заподозрилъ пелену, обманъ, почти вышелъ изъ себя и какъ-бы потерялъ сознаніе.

Вотъ это-то обстоятельство и привело къ катастрофѣ, мѣсто которой и составитъ предметъ моего перваго вступленія.

тельнаго романа или, лучше сказать, его внѣшнюю сторону. Но пока перейду къ этому роману, нужно еще разсказать объ остальныхъ двухъ сыновьяхъ Федора Павловича, братьяхъ Мити, и объяснить откуда тѣ-то взялись.

III.

Второй бракъ и вторыя дѣти.

Федоръ Павловичъ, спровадивъ съ рукъ четырехлѣтняго Митю, очень скоро послѣ того женился во второй разъ. Этотъ бракъ этотъ продолжался лѣтъ восемь. Взялъ онъ эту вторую супругу свою, тоже очень молоденькую особу, Софью Ивановну изъ другой губерніи, въ которую заѣхалъ по одному малодядьному дѣлу, съ какимъ-то жидкомъ въ компаніи. Федоръ Павловичъ хотя и кутилъ, и пилъ, и дебоширилъ, но нѣсколько не переставалъ заниматься помѣщеніемъ своего капитала, устраивалъ дѣлшки свои всегда удачно, хотя, конечно, по временамъ всегда подловато. / Софья Ивановна была изъ «сиротокъ», родная съ дѣтства, дочь какого-то темнаго дьякона, выросла въ богатомъ домѣ своей благодѣтельницы, воспитательницы мучительницы, знатной генеральши старухи, вдовы генерала Ворохова. Подробностей не знаю, но слышалъ лишь то, будто воспитанницу, кроткую, незлобивую, и безотвѣтную, сняли съ пегли, которую она привѣсила на гвоздѣ въ чуланъ, до того тяжело было ей переносить своеправіе и вѣчныя преки этой, повидимому, злой старухи, но бывшей лишь несимѣйшею самодуркой отъ праздности. / Федоръ Павловичъ положилъ свою руку, о немъ справились и его прогнали, и тутъ-то онъ опять, какъ и въ первомъ бракѣ, предложилъ роткѣ увозъ. Очень, очень, можетъ быть, что и она даже пошла-бы за него ни за что, если-бъ узнала о немъ собственно побольше подробностей. Но дѣло было въ другой губерніи; да и что могла понимать шестнадцатилѣтняя дѣвочка къ тому, что лучше въ рѣву, чѣмъ оставаться у благодѣтельницы. Такъ и промѣняла бѣдняжка благодѣтельницу на благодѣтеля. Федоръ Павловичъ не взялъ въ этотъ разъ ни гроша, по тому что генеральша разсердилась, ничего не дала и сверхъ прокляла ихъ обоихъ; но онъ и не рассчитывалъ на этотъ разъ взять, а прельстился лишь замѣчательною красотой не-

Меня и, главное, ея невиннымъ видомъ, поразившимъ острастника и доселѣ порочнаго любителя лишь грубой красоты. «Меня эти невинныя глазки какъ бритвой душѣ полоснули», говаривалъ онъ потомъ, гадко по ихикая. Впрочемъ, у развратнаго человѣка и это могло бы сладострастнымъ влеченіемъ. Не взявъ-же никакого вденія, Федоръ Павловичъ съ супругой не церемонился, и съ тѣмъ, что она, такъ сказать, предъ нимъ «вино-что онъ ее почти «съ петли снялъ», пользуясь кромѣ феноменальнымъ смиреніемъ и безотвѣтностью, даже ногами самыя обыкновенныя брачныя приличія. Въ тѣ-же при женѣ, съвѣжались дурныя женщины и имѣли оргіи. Какъ характерную черту сообщу, что слуга ирачный, глупый, и упрямый резонеръ, ненавидѣвшій барыню Аделаиду Ивановну, на этотъ разъ взявъ новой барыни, защищалъ и бранился за нее съ Федоровичемъ почти непозволительнымъ для слуги образомъ: такъ даже разогналъ оргію и всѣхъ нахвѣзобразницъ силой. Впослѣдствіи съ несчастною, съ саства запуганною молодою женщиною, произошло въ юй-то нервной женской болѣзни, встрѣчаемой чаще простонародьи у деревенскихъ бабъ, именуемыхъ за знь кликушами. Отъ этой болѣзни, со страшными истев припадками, больная временами даже теряла рассу-дила она однако-же Федору Павловичу двухъ сыновей, Алексѣя, перваго въ первый годъ брака, а втораго спустя. Когда она померла, мальчикъ Алексѣй былъ ртому году, и хоть странно это, но я знаю, что онъ омигъ потомъ на всю жизнь, какъ сквозь сонъ, разу-По смерти ея съ обоими мальчиками случилось почти точь тоже самое что и съ первымъ, Митей: они были но забыты и заброшены отцомъ и попали все къ тому-рю и также къ нему въ избу. Въ избѣ ихъ и нашла самодурка генеральша, благодѣтельница и воспитатель-ь матери. Она еще была въ живыхъ, и все время, всѣ ть, не могла забыть обиды ей нанесенной. О житьѣ-и «Софьи» всѣ восемь лѣтъ она имѣла изъ-подъ руки чныя свѣдѣнія, и слыша какъ она больна и какія бе-ее обружаютъ, раза два или три произнесла вслухъ приживалкамъ: «Такъ ей и надо, это ей Богъ за небла-гь послалъ».

Ровно три мѣсяца по смерти Софьи Ивановны, генералъ вдругъ явилась въ нашъ городъ лично и прямо на квартиру Федора Павловича, и всего-то пробыла въ городѣ съ поно много сдѣлала. Былъ тогда часъ вечерній. Федоръ Павловичъ котораго она всѣ восемь лѣтъ не видала, вышелъ къ ней неенькій. Повѣтствуютъ, что она мигомъ, безо всякихъ объясненій только что увидала его, задала ему двѣ знатныя и звонкія пощечины и три раза рванула его за вихоръ сверху внизъ, за не прибавивъ ни слова, направилась прямо въ избу къ дѣтямъ мальчикамъ. Съ перваго взгляда замѣтивъ, что они не вымыты и въ грязномъ бѣльѣ, она тотчасъ-же дала еще пощечину старшему Григорію, и объявила ему, что увозитъ обонхъ дѣтей съ собою, затѣмъ вывела ихъ въ чемъ были, завернула въ платки, посадила въ карету и увезла въ свой городъ. Григорій въ эту пощечину, какъ преданный рабъ, не сгрубилъ ни слова. Когда провожалъ старую барыню до кареты, то, поклонившись ей въ поясъ, внушительно произнесъ, что ей «за сиротъ заплачивать». «А всетаки ты балбесъ!» крикнула ему генеральша отъѣзжая. Федоръ Павловичъ, сообразивъ все дѣло, на то что оно дѣло хорошее и въ формальномъ согласіи своемъ счетъ воспитанія дѣтей у генеральши не отказалъ потомъ въ одномъ пунктѣ. О полученныхъ-же пощечинахъ самъ въ разсказывать по всему городу.

Случилось такъ, что и генеральша скоро послѣ того ушла, но выговоривъ однако въ завѣщаніи обоимъ малюткамъ по тысячѣ рублей каждому, «на ихъ обученіе, и чтобы всѣ эти деньги были на нихъ истрачены непременно, но съ тѣмъ, чтобы не торопилось до совершеннолѣтія, потому что слишкомъ дорого и такой подачки для этакихъ дѣтей, а если кому угодно, то самъ раскошеливается и проч., и проч.» Я завѣщанія не читалъ, но слышалъ, что именно было что-то странное въ этомъ родѣ и слишкомъ своеобразно выраженное. Главнымъ слѣдникомъ старухи оказался, однако-же, честный человѣкъ, бернскій предводитель дворянства той губерніи, Ефимъ Ивановичъ Полѣновъ. Списавшись съ Федоромъ Павловичемъ и въ томъ угадавъ, что отъ него денегъ на воспитаніе его-же не вытащишь (хотя тотъ прямо никогда не отказывалъ, а тѣмъ всегда въ этакихъ случаяхъ тянулъ, иногда даже изливая чувствительностяхъ), онъ принялъ въ сиротахъ участіе и особенно полюбилъ младшаго изъ нихъ, Алексѣя, такъ что тотъ долгое время даже и росъ въ его семействѣ. Это я

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

не замѣтитъ съ самаго начала. И если кому обязаны о
люди своимъ воспитаніемъ и образованіемъ на всю жизнь
то именно этому Ефиму Петровичу, благороднѣйшему и
дѣльному человѣку, изъ такихъ, какіе рѣдко встрѣчаются.
Краниль мазюткамъ по ихъ тысячѣ оставленной гене-
неприкосновенно, такъ что онѣ къ совершеннолѣтію
просли процентами, каждая до двухъ, воспиталь-же и
деньги, и ужь, конечно, гораздо болѣе, чѣмъ по т
на каждого. Въ подробный разсказъ не
я опять пока не вступаю, а обозначу лишь са
льства. Впрочемъ, о старшемъ, Иванѣ, сообщу
росъ какимъ-то угрюмымъ и закрывшимся самъ в.
ь, далеко не робкимъ, но какъ-бы еще съ десяти
увшимъ въ то, что растутъ они всетаки въ чужой с
ужихъ милостяхъ, и что отецъ у нихъ какой-то та
ромъ даже и говорить стыдно, и проч., и проч. Это
ль очень скоро, чуть не въ младенчествѣ (какъ переда-
крайней мѣрѣ), сталъ обнаруживать какія-то необычно-
и блестящія способности къ ученію. Въ точности не
но какъ-то такъ случилось, что съ семьей Ефима Петро-
ичъ разстался чуть-ли не тринадцати лѣтъ, перейдя въ
изъ московскихъ гимназій и на пансіонъ къ какому-то
ому и знаменитому тогда педагогу, другу съ дѣтства Ефима
ича. Самъ Иванъ разсказывалъ потомъ, что все произо-
какъ сказать, отъ «пылкости къ добрымъ дѣламъ» Ефима
ича, увлекшагося идеей, что геніальныхъ способностей
къ долженъ и воспитываться у геніальнаго воспитателя.
мъ, ни Ефима Петровича, ни геніальнаго воспитателя уже
ю въ живыхъ, когда молодой человѣкъ, кончивъ гимназію,
шелъ въ университетъ. Такъ какъ Ефимъ Петровичъ плохо
идлся и полученіе завѣщанныхъ самодуркой генеральшей
енныхъ дѣтскихъ денегъ, возросшихъ съ тысячи уже на
роцентами, замедлилось по разнымъ совершенно неизбѣж-
у насъ формальностямъ и проводочкамъ, то молодому че-
у въ первые его два года въ университетѣ пришлось очень
, такъ какъ онъ принужденъ былъ все это время кормить
ржать себя самъ и въ тоже время учиться. Замѣтитъ надо,
въ даже и попытки не захотѣлъ тогда сдѣлать списаться
домъ, — можетъ быть, изъ гордости, изъ презрѣнія къ нему,
иотъ быть, вълѣдствіе холоднаго здраваго разсужденія, под-
мшаго ему, что отъ папеньки никакой чуть-чуть серьезной

поддержки не получить. Какъ-бы тамъ ни было, молодой че-
вѣкъ не потерялся нисколько и добился-таки работы; сперва у
ками въ двугривенный, а потомъ бѣгая по редакціямъ газетъ
доставляя статейки въ десять строчекъ объ уличныхъ про-
шествіяхъ, за подписью «Очевидецъ». Статьи эти, говорятъ,
были такъ всегда любопытно и пикантно составлены, что бы-
пошли въ ходъ, и ужь въ этомъ одномъ молодое чело-
вѣкъ залъ все свое практическое и умственное превосходство надъ
многочисленною, вѣчно нуждающеюся и несчастною частью на-
учающейся молодежи обоего пола, которая, въ столицахъ, по об-
новенію съ утра до ночи обиваетъ пороги разныхъ газетъ
журналовъ, не умѣя ничего лучше выдумать, кромѣ вѣчнаго
вторенія одной и той-же просьбы о переводахъ съ французскаго
или о перепискѣ. Познакомившись съ редакціями, Иванъ Фе-
доровичъ все время потомъ не разрывалъ связей съ ними и
послѣдніе свои годы въ университетѣ сталъ печатать все
талантливые разборы книгъ на разные спеціальныя темы, такъ
что даже сталъ въ литературныхъ кружкахъ извѣстенъ. Вече-
ремъ, лишь въ самое только послѣднее время ему удалось са-
чайно обратить на себя вдругъ особенное вниманіе въ горо-
большемъ кругѣ читателей, такъ что его весьма многіе раз-
тогда отиѣтили и запомнили. Это былъ довольно любопыт-
случай. Уже выйдя изъ университета и приготавливаясь на са-
двѣ тѣсячи съѣздить за границу, Иванъ Федоровичъ вдругъ
печатавъ въ одной изъ большихъ газетъ одну странную статью
обратившую на себя вниманіе даже и не специалистовъ, и, глав-
но предмету, повидимому, вовсе ему незнакому, потому
кончилъ онъ курсъ естественникомъ. Статья была написана
поднявшійся повсемѣстно тогда вопросъ о церковномъ судѣ.
Обирая нѣкоторыя уже поданныя мнѣнія объ этомъ вопросѣ,
высказалъ и свой личный взглядъ. Главное было въ тонѣ и
замѣчательной неожиданности заключенія. А между тѣмъ
изъ церковниковъ рѣшительно сочли автора за своего. И вде-
рядомъ съ ними не только гражданственники, но даже са-
атенсты принялись и съ своей стороны аплодировать. Въ ве-
концовъ нѣкоторые догадливые люди рѣшили, что вся ста-
есть лишь дерзкій фарсъ и насмѣшка. Упоминаю о семъ слу-
особенно потому, что статья эта своевременно проникла въ
подгородный знаменитый нашъ монастырь, гдѣ возникшимъ
просомъ о церковномъ судѣ вообще интересовались,—проис-
и произвела совершенное недоумѣніе. Узнавъ-же имя авт-

интересовались и тѣмъ, что онъ уроженецъ нашего города и что «вотъ этого самаго Федора Павловича». А тутъ вдругъ въ этотъ этому времени явился къ намъ и самъ авторъ.

Вѣсти пріѣхалъ тогда къ намъ Иванъ Федоровичъ, — я, само собою, даже и тогда еще задавалъ себѣ этотъ вопросъ съ какою-то почти безпокойствомъ. Столь роковой пріѣздъ этотъ, случившійся началомъ ко столькимъ послѣдствіямъ — для меня въ потомъ, почти всегда оставался дѣломъ неяснымъ. Вообще странно было, что молодой человѣкъ, столь ученый, столь смелый и осторожный на видъ, вдругъ явился въ такой безобразный домъ, къ такому отцу, который всю жизнь его игнорировалъ, не зналъ его и не помнилъ, и хотъ не даль-бы, конечно, денегъ ни за что и ни въ какомъ случаѣ, если-бы сынъ его попросилъ, но все-же всю жизнь боялся, что и сыновья, Иванъ и Алексѣй, тоже когда нибудь придутъ да и попросятъ денегъ. И вотъ молодой человѣкъ поселяется въ домъ такого отца, живетъ съ нимъ мѣсяць и другой, и оба уживаются какъ будто лучше. Послѣднее даже особенно удивило не только насъ, но и многихъ другихъ. Петръ Александровичъ Мусовъ, о которомъ я говорилъ уже выше, дальній родственникъ Федора Павловича по его первой женѣ, случился тогда опять у насъ, своемъ подгородномъ имѣніи, пожаловавъ изъ Парижа, въ которомъ уже совсѣмъ поселился. Помню, онъ-то именно и дивился всѣхъ болѣе, познакомившись съ заинтересовавшимъ его необычайно молодымъ человѣкомъ, съ которымъ онъ не безъ трепетной боли пикировался иногда познаніями. «Онъ гордъ», говорилъ онъ намъ тогда про него, «всегда добудетъ себѣ копейку, у него и теперь есть деньги на границу — чего-жь ему еще надо? Всѣмъ ясно, что онъ пріѣхалъ къ отцу не за деньгами, потому что во всякомъ случаѣ отецъ ихъ не дастъ. Пить и развратничать онъ не любитъ, а между тѣмъ старикъ нейдетъ безъ него не можетъ, до того ужились!» Эта была правда; молодой человѣкъ имѣлъ даже видимое вліяніе на старика, тотъ почти началъ его иногда какъ будто слушаться, а былъ чрезвычайно и даже злобно подъ часъ своенравенъ; вести себя началъ иногда прилично...

Только въ послѣдствіи объяснилось, что Иванъ Федоровичъ началъ отчасти по просьбѣ и по дѣламъ своего старшаго брата Дмитрія Федоровича, котораго въ первый разъ отъ роду онъ и увидалъ тоже почти въ это-же самое время, въ этотъ пріѣздъ, но съ которымъ однако-же по одному важному

случаю, касавшемуся болѣе Дмитрія Федоровича, вступлю до прїѣзда своего изъ Москвы въ переписку. Какое дѣло, читатель вполне узнаетъ въ свое время въ подлинномъ. Тѣмъ не менѣе даже тогда, когда я уже зналъ и про военное обстоятельство, мнѣ Иванъ Федоровичъ все казалося гадочнымъ, а прїѣздъ къ намъ всетаки необъяснимымъ.

Прибавлю еще, что Иванъ Федоровичъ имѣлъ тогда средника и примирителя между отцомъ и затѣявшимъ такую ссору и даже формальный искъ на отца старшимъ своимъ, Дмитриемъ Федоровичемъ.

Семейка эта, повторяю, сошлась тогда вся вмѣстѣ впервые въ жизни и нѣкоторые члены ея въ первый разъ увидали другъ друга. Лишь одинъ только младшій сынъ Федоровичъ, уже съ годъ предъ тѣмъ какъ проживалъ подалеку къ намъ такимъ образомъ раньше всѣхъ братьевъ про этого-то Алексѣя мнѣ всего труднѣе говорить теперешнимъ предисловнымъ разговоромъ прежде чѣмъ вывести сцену въ романѣ. Но придется и про него выписать по крайней мѣрѣ, чтобы разъяснить предварительно одинъ странный пунктъ, именно: будущаго героя моего я представляю читателямъ съ первой сцены его романа послушника. Да, уже съ годъ какъ проживалъ онъ тогда въ монастырѣ и, казалось, на всю жизнь готовился затвориться.

IV.

Третій сынъ Алеша.

Было ему всего двадцать лѣтъ (брату его Ивану шестнадцать четвертый годъ, а старшему ихъ брату, Дмитрию двадцать восьмой). Прежде всего объявляю, что этотъ Алеша, былъ вовсе не фанатикъ, и, по моему, по крайней мере и не мистикъ вовсе. Заранѣе скажу мое полное мнѣніе о немъ просто ранній человеколюбецъ, и если ударился на такую дорогу, то потому только, что въ то время она одна его и представила ему, такъ сказать, идеальную исходу изъ мрака мірской злобы къ свѣту любви души его. И по этому эта дорога лишь потому, что на ней онъ встрѣтилъ обыкновенное, по его мнѣнію, существо—нашего знамен

БРАТЯ БАРАМАЗОВЫ.

скаго старца Зосиму, въ которому привязался
 любовью своего неуголимаго сердца. Впрочемъ
 онъ и тогда уже очень страненъ, начавъ
 Бетати, я уже упоминалъ про него, что, ос
 всего лишь по четвертому году, онъ запоми
 жизнь, ея лицо, ея ласки, «точно какъ буд
 мной живая». Такія воспоминанія могутъ зна
 (всѣмъ извѣстно) даже и изъ ранняго воз
 бгнато, во лишь выстуая всю жизнь какъ
 изъ права, какъ-бы выжаннымъ уголко
 ны, которая вся погасла и исчезла, кромѣ этого
 Такъ точно было и съ нимъ. Онъ запомнилъ одинъ
 тихій, отворенное окно, косые лучи заходящаго с
 то лучи и запомнились всего болѣе), въ комнатѣ, въ
 предъ нимъ зажженную лампадку, а предъ образомъ
 къ, рыдающую какъ въ истерикѣ, со взвизгиваніями и
 лваніями, мать свою, схватившую его въ обѣ руки, обняв
 го крѣпко, до боли, и молящую за него Богородицу, протя
 цую его изъ объятій своихъ обѣими руками къ образу какъ
 къ покровъ Богородицы... и вдругъ вбѣгаетъ нянька и вы
 ть его у нея въ испугѣ. Вотъ картина! Алеша запомнилъ въ
 нгъ в лицо своей матери: онъ говорилъ, что оно было
 енное, но прекрасное, судя по тому сколько могъ онъ при
 ь. Но онъ рѣдко кому любилъ повѣрять это воспоминаніе.
 ствѣ и юности онъ былъ мало экспансивенъ и даже мало
 рчивъ, но не отъ робости или угрюмой нелюдимости, вовсе
 напротивъ, а отъ чего-то другаго, отъ какой-то какъ-бы
 нней заботы, собственно личной, до другихъ не касавшейся,
 ь для него важной, что онъ изъ-за нея какъ-бы забывалъ
 ь. Но людей онъ любилъ: онъ, казалось, всю жизнь жилъ
 онко вѣря въ людей, а между тѣмъ никто и никогда не счи
 го ни простачкомъ, ни наивнымъ человѣкомъ. Что-то было
 ь что говорило и внушало (да и всю жизнь потомъ), что онъ
 сть быть судьей людей, что онъ не захочетъ взять на себя
 нія и ни за что не осудитъ. Казалось даже, что онъ все до
 ь, ни мало не осуждая, хотя часто очень горько грустя.
 ьто, въ этомъ смыслѣ онъ до того дошелъ, что его никто не
 и удивить, ни испугать и это даже въ самой ранней своей
 сти. Явись по двадцатому году къ отцу, положительно въ
 ь грязнаго разврата, онъ, цѣломудренный и чистый, лишь
 удался, когда глядѣть было нестерпимо, но безъ малѣя-

всю горяче
 я не см
 съ
 съ
 I
 A

шаго вида презрѣнія или осужденія кому-бы то ни было. Онъ же, бывшій когда-то приживальщикъ, а потому челоуѣкъ чувствительнѣе тонкій на обиду, сначала недоувѣрчиво и угрюмо его встрѣтилъ («много, дескать, молчитъ и много про себя разсуждаетъ»), но кончилъ однако-же тѣмъ, что сталъ его ужасно часто обнимать, не далѣе какъ черезъ двѣ какія-нибудь недѣли, и съ пьяными слезами, въ хмельной чувствительности, но не то что полюбивъ его искренно и глубоко, и такъ какъ иныя, конечно, не удавалось такому какъ онъ никого любить...

Да и всѣ этого юношу любили, гдѣ-бы онъ не появился, и съ самыхъ дѣтскихъ даже лѣтъ его. Очувтившись въ домъ своего благодѣтеля и воспитателя, Ефима Петровича Полѣнова, онъ тотого привязалъ къ себѣ всѣхъ въ этомъ семействѣ, что его особенно считали тамъ какъ-бы за родное дитя. А между тѣмъ вступилъ въ этотъ домъ еще въ такихъ младенческихъ лѣтахъ въ какихъ никакъ нельзя ожидать въ ребенкѣ расчетливости, пронырства или искусства заискать и понравиться, ужь заставить себя полюбить. Такъ что даръ возбуждать въ себѣ такую любовь онъ заключалъ въ себѣ, такъ сказать, въ природѣ, безъискусственно и непосредственно. Тоже самое и съ нимъ и въ школѣ, и однако-же, казалось-бы, онъ именно изъ такихъ дѣтей, которыя возбуждаютъ къ себѣ недоувѣренность, ирищей, иногда насмѣшки, а пожалуй и ненависть. Онъ, напротивъ, задумывался и какъ-бы отъединялся. Онъ съ самаго дѣтства билъ уходить въ уголъ и книжки читать, и однако-же и товарищи его до того полюбили, что рѣшительно можно было назвать его всеобщимъ любимцемъ во все время пребыванія его въ школѣ. Онъ рѣдко бывалъ рѣзвъ, даже рѣдко веселъ, но всѣ, взглянувъ на него, тотчасъ видѣли, что это вовсе не отъ какой-нибудь унылости, что, напротивъ, онъ ровенъ и ясенъ. И сверстниками онъ никогда не хотѣлъ выставляться. Можете себѣ этому самому онъ никогда и никого не боялся, а между тѣмъ мальчики тотчасъ поняли, что онъ вовсе не гордится своимъ страхомъ, а смотритъ какъ будто и не понимаетъ, что онъ и безстрашенъ. Обиды никогда не помнилъ. Случалось, что въ тотъ часъ послѣ обиды онъ отвѣчалъ обидчику, или самъ съ нимъ разговаривалъ, съ такимъ доувѣрчивымъ и яснымъ видомъ какъ будто ничего и не было между ними вовсе. И не то чтобъ онъ при этомъ имѣлъ видъ, что случайно забылъ или намѣренно простилъ, а просто не считалъ ее за обиду, и это рѣшительно плѣняло и поражало дѣтей. Была въ немъ одна лишь черта, которая, во

казіи, начиная съ низшаго и даже до высшихъ, воз-
ю товарищахъ постоянное желаніе подтрунить надъ
съ злобной насмѣшкой, а потому, что это было имъ
эта въ немъ была—дикая, наступленная стыдли-
удренность. Онъ не могъ слышать извѣстныхъ словъ
разговоровъ про женщинъ. Эти «извѣстныя» слова
къ несчастію, немскоренимы въ школахъ. Чистые въ
въ мальчики, почти еще дѣти, очень часто любятъ го-
всахъ между собою и даже вслухъ про такія вещи
язы, о которыхъ не всегда заговарятъ даже и сол-
го, солдаты-то многого не знаютъ и не понимаютъ
уже знакомо, въ этомъ родѣ, столь юнымъ еще дѣ-
ителлигентнаго и высшаго общества. Нравственнаго
ь, пожалуй, еще нѣтъ, динизма тоже нѣтъ настоя-
наго, внутренняго, но есть наружный, и онъ-то счи-
верѣдко чѣмъ-то даже деликатнымъ, тонкимъ, мо-
достойнымъ подражанія. Видя что «Алешка Карам-
заговарятъ «про это», быстро затыкаетъ уши паль-
новились иногда подлѣ него нарочно толпой и, на-
ля руки отъ ушей его, кричали ему въ оба уха сквер-
рвался, спускался на полъ, ложился, закрывался и
юра имъ ни слова, не бранясь, молча перенося обиду.
однако оставили его въ покоѣ и уже не дразнили
мало того, глядѣли на него въ этомъ смыслѣ съ со-
статя, въ классахъ онъ всегда стоялъ по ученію изъ
никогда не былъ отиѣченъ первымъ.

ръ Ефимъ Петровичъ, Алеша два года еще пробылъ
и гимназіи. Неутѣшная супруга Ефима Петровича,
ь-же по смерти его, отправилась на долгій срокъ
и всѣмъ семействомъ, состоявшимъ все изъ особъ
а, а Алеша попалъ въ домъ къ какимъ-то двумъ
рыхъ онъ прежде никогда и не видывалъ, какимъ-
родственницамъ Ефима Петровича, но на какихъ
къ самъ того не зналъ. Характерная тоже, и даже
его была въ томъ, что онъ никогда не заботился
два живетъ. Въ этомъ онъ былъ совершенная про-
ть своему старшему брату, Ивану Федоровичу, про-
му два первые года въ университетѣ, кормя себя
мъ, и съ самаго дѣтства горько почувствовавшему,
онъ на чужихъ хлѣбахъ у благодѣтеля. Но эту
ту въ характерѣ Алексѣя, кажется, нельзя было

осудить очень строго, потому что всякій чуть-чуть лишь увидишь его, тотчасъ, при возникшемъ на этотъ счетъ вопросѣ, новился увѣренъ, что Алексѣй непременно изъ такихъ изъ въ родѣ какъ-бы юродивыхъ, которому, попади вдругъ хоть даже цѣлый капиталъ, то онъ не затруднится отдать съ первому даже спросу или на доброе дѣло, или, можетъ быть, даже просто ловкому пройдохѣ, если-бы тотъ у него попросилъ. Да и вообще говоря, онъ какъ-бы вовсе не зналъ цѣны денегамъ, разумѣется, не въ буквальномъ смыслѣ говоря. Когда выдавали карманные деньги, которыхъ онъ самъ никогда не просилъ, то онъ или по цѣлымъ недѣлямъ не зналъ что съ дѣлать, или ужасно ихъ не берегъ, мигомъ они у него исчерпывались. Петръ Александровичъ Міусовъ, человекъ на счетъ даже буржуазной честности весьма шекотливый, разъ, впоследствии приглядѣвшись въ Алексѣю, произнесъ о немъ слѣдующій приговоръ: «Вотъ, можетъ быть, единственный человекъ въ городѣ, котораго оставьте вы вдругъ одного и безъ денегъ на улицѣ незнакомаго въ миллионѣ жителей города, и онъ ни за что не погибнетъ и не умретъ съ голоду и холоду, потому что его тотъ мигомъ накормятъ, мигомъ пристроятъ, а сами не пристроятъ, онъ самъ мигомъ пристроится и это не будетъ стоить ему никакихъ усилій и никакого униженія, а пристроившему никакаго труда, а, можетъ быть, напротивъ, почтутъ за удовольствіе».

Въ гимназіи своей онъ курса не кончилъ; ему оставался еще цѣлый годъ, какъ онъ вдругъ объявилъ своимъ дамамъ, что ѣдетъ къ отцу по одному дѣлу, которое взбрело ему въ голову. Тамъ его жалѣли его и не хотѣли было пускать. Проѣздъ стоилъ очень дорого и дамы не позволили ему заложить свои часы, — подруги семейства благодѣтеля предъ отъѣздомъ за границу, а родители снабдили его средствами, даже новымъ платьемъ и бѣльемъ, однако отдалъ имъ половину денегъ назадъ, объявивъ, что непременно хочетъ сидѣть въ третьемъ классѣ. Пріѣхавъ въ городокъ, онъ на первые разспросы родителей: «Зачѣмъ вы пожаловалъ, не докончивъ курса?» прямо ничего не отвѣтилъ, былъ, какъ говорятъ, не по обыкновенному задумчивъ. Въ это время обнаружилось, что онъ розыскиваетъ могилу своей матери, и даже самъ признался было тогда, что затѣмъ только и пріѣхалъ. Но врядъ-ли этимъ исчерпывалась вся причина его пріѣзда. Вѣроятно, что онъ тогда и самъ не зналъ и не смогъ-бы ни объяснить: что именно такое какъ-бы поднялось вдругъ въ его души и неотразимо повлекло его на какую-то новую, невѣдомую

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

объезженную уже дорогу. Федоръ Павловичъ не могъ указать похоронилъ свою вторую супругу, потому что никогда не на ея могилѣ, послѣ того какъ засыпали гробъ, а за давностью лѣтъ в совсѣмъ запамятовалъ гдѣ ея похоронили.

Слову о Федорѣ Павловичѣ. Онъ долгое время не въ нашемъ городѣ. Года три—четыре раньше онъ отправился на югъ Россіи и подъ конецъ, гдѣ я прожилъ сряду нѣсколько лѣтъ.

Начала, по его собственнымъ словамъ, «со мною: си, жидешками и жиденятами», а кончилъ тѣмъ, что даже не только у жидовъ, но «я у евреевъ былъ приходить, что въ этотъ-то періодъ своей жизни онъ и раба особенное умѣнье сколачивать и выколачивать деньги и онъ снова въ нашъ городокъ окончательно всего три до пріѣзда Алеша. Пренные знакомые его наибольшую состарившимся, хотя былъ онъ вовсе еще не такой стар.

Держалъ-же онъ себя не то что благороднѣе, а какъ-то наивно. Явилась, на примѣръ, наглая потребность въ прежнемъ и другихъ въ шуты рядить. Безобразничать съ женскимъ и любилъ не то что по прежнему, а даже какъ-бы и отвратнѣе. Въ скорости онъ сталъ основателемъ по уѣзду многихъ кабаковъ. Видно было, что у него есть, можетъ быть, тысяча ста или развѣ немногимъ только менѣе. Многие изъ городчанъ изъ уѣздныхъ обитателей тотчасъ-же ему задолжали, впріѣйшіе залоги, разумѣется. Въ самое-же послѣднее время какъ-то обрюзгъ, какъ-то сталъ терять ровность, сзмоотчетливалъ даже въ какое-то легкомысліе, начиналъ одно и контругимъ, какъ-то раскидывался я все чаще и чаще напивался и если-бы не все тотъ-же лакей Григорій, тоже порядочно времени состарившійся и смотрѣвшій за нимъ иногда въ качествѣ гувернера, то, можетъ быть, Федоръ Павловичъ и не былъ-бы безъ особыхъ хлопотъ. Пріѣздъ Алеша какъ-бы повлиялъ на него даже съ нравственной стороны, какъ-бы что-то случилось въ этомъ безвременномъ старикѣ изъ того, что давно заохло въ душѣ его: «Знаешь-ли ты», сталъ онъ часто говорить Алешѣ, приглядываясь къ нему, «что ты на нее похожъ, то?» Такъ называлъ онъ свою покойную жену, мать Алешу «кликуню» указалъ, наконецъ, Алешѣ лакей и свелъ его на наше городское кладбище и тамъ, въ концѣ, указалъ ему чугунную, ведорогую, но опрятную горой была даже надпись съ именемъ, званіемъ. »

тамъ и годомъ смерти покойницы, а внизу было даже начертано въ родѣ четырехстишія изъ старинныхъ, общеупотребительныхъ на могилахъ средняго люда, кладбищенскихъ стиховъ. Удивленію, эта плита оказалась дѣломъ Григорія. Это онъ и воздвигъ ее надъ могилой бѣдной «вликучи» и на собственное издивеніе, послѣ того, когда Федоръ Павловичъ, которому множество разъ уже досаждалъ напоминаніями объ этой могилѣ, уѣхалъ, наконецъ, въ Одессу, махнувъ рукой не только на могилу, но и на всѣ свои воспоминанія. Алеша не выказалъ никакой матері никакой особенной чувствительности; онъ только выслушалъ важный и резонный рассказъ Григорія о сооруженіи плиты, постоялъ понурившись и ушелъ не вымолвивъ ни слова. Съ тѣхъ поръ, можетъ быть, даже во весь годъ и не бывалъ на кладбищѣ. Но на Федора Павловича этотъ маленькій эпизодъ произвелъ свое дѣйствіе и очень оригинальное. Онъ вдругъ вынулъ тысячу рублей и свезъ ее въ нашъ монастырь на поминъ дѣла своей супруги, но не второй, не матери Алеши, не «вликучи» первой, Аделаиды Ивановны, которая колотила его. Въ вечеръ того дня онъ напился пьянъ и ругалъ Алешѣ монаховъ. Самъ онъ былъ далеко не изъ религіозныхъ людей; человѣкъ никогда не зажигалъ свѣчки, пятикопѣечной свѣчки не поставилъ передъ образомъ. Странные порывы внезапныхъ чувствъ и внезапныхъ мыслей бывають у этакихъ субъектовъ.

Я уже говорилъ, что онъ очень обрюзгъ. Физиономія его представляла къ тому времени что-то рѣзко свидѣтельствовавшія характеристикѣ и сущности всей прожитой имъ жизни. Короткіе и длинные и мясистыхъ мѣшечковъ подъ маленькимъ его глазами вѣчно наглыми, подозрительными и насмѣшливыми, кромѣ множества глубокихъ морщинокъ на его маленькомъ, но жирномъ носѣ, къ острому подбородку его подвѣшивался еще большіе кадыкъ, мясистый и продолговатый какъ кошелекъ, что придавало ему какой-то отвратительно-сладострастный видъ. Прибавлялъ къ тому плотоядный, длинный ротъ, съ пухлыми губами, изъ щелей которыхъ виднѣлись маленькіе обломки черныхъ, почти истертыхъ зубовъ. Онъ брызгался слюной каждый разъ когда начиналъ говорить. Впрочемъ, и самъ онъ любилъ шутить надъ своимъ лицомъ, хотя, кажется оставался имъ доволенъ. Особенно указывалъ онъ на свой носъ, не очень большой, но очень тонкій, съ выдающейся горбиной: «настоящій римскій», говорилъ онъ, «вмѣстѣ съ кадыкомъ настоящая физиономія древняго римскаго патриція временъ упадка». Этимъ онъ, кажется, гордился.

И вотъ довольно скоро послѣ обрѣтенія могилы матери, Алеша вдругъ объявилъ ему, что хочетъ поступить въ монастырь и что они готовы допустить его послушникомъ. Онъ объяснилъ при этомъ, что это чрезвычайное желаніе его, и что испрашиваетъ у него торжественное позволеніе, какъ у отца. Старикъ уже зналъ, что старецъ Зосима, спасавшійся въ монастырскомъ скитѣ, говорилъ на его «тихаго мальчика» особенное впечатлѣніе.

— Этотъ старецъ, конечно, у нихъ самый честный монахъ, говорилъ онъ, молчаливо и вдумчиво выслушавъ Алешу, почти даже однако не удивившись его просьбѣ:—Гм... такъ ты вотъ хочешь, мой тихій мальчикъ! Онъ былъ вполъпьяна и вдругъ забулся своею дянною, полупьяною, но не лишенною хитрости и нѣжнаго лукавства улыбкою:—Гм... а вѣдь я такъ и представлялъ, что ты чѣмъ нибудь вотъ этакимъ кончишь, можешь себѣ представить? Ты именно туда наровишь. Ну что-жь, скажи, у тебя-же есть свои двѣ тыщеночки, вотъ тебѣ и припасеное, а я тебя, мой ангелъ, никогда не оставлю, да и теперь пишу за тебя что тамъ слѣдуетъ, если спросятъ. Ну, а если не спросятъ, къ чему намъ навязываться, не такъ-ли? Вѣдь ты де-лаешь что ванарейка тратишь, по два зернышка въ недѣльку... Гм... Знаешь, въ одномъ монастырѣ есть одна подгородная слобода и ужь всѣмъ тамъ извѣстно, что въ ней однѣ только «монастырскія жены живутъ», такъ ихъ тамъ называютъ, штукъ двадцать женъ, я думаю... Я тамъ былъ, и, знаешь, интересно, въ своемъ родѣ, разумѣется, въ смыслѣ разнообразія. Скверно тамъ только, что руссизмъ ужасный, француженокъ совсѣмъ еще нѣтъ, могли-бы быть, средства знатныя. Провѣдаютъ—пріѣдутъ. Ну, а здѣсь ничего, здѣсь нѣтъ монастырскихъ женъ, а монастырь штукъ двѣсти. Честно. Постники. Сознаюсь... Гм. Такъ ты въ монахамъ хочешь? А вѣдь мнѣ тебя жаль, Алеша, воистину, люблю-ли, я тебя полюбилъ... Впрочемъ, вотъ и удобный случай: помолишься и за насъ грѣшныхъ, слишкомъ мы ужь, сидя здѣсь, нагрѣшили. Я все помышлялъ о томъ: кто это за меня куда нибудь помолится? Есть-ли въ свѣтѣ такой человѣкъ? Минимъ ты мальчикъ, я вѣдь на этотъ счетъ ужасно какъ глупъ, и, можетъ быть, не вѣришь? Ужасно. Видишь-ли: я объ этомъ нѣтъ ни глупъ, а все думаю, все думаю, изрѣдка, разумѣется, не все-же вѣдь. Вѣдь невозможно-же, думаю, чтобы черти меня вѣдьмами позабыли стащить съ себѣ когда я помру. Ну, вотъ я думаю: врючья? А откуда они у нихъ? Изъ чего? Желѣзные? Гдѣ-же ихъ вуютъ? Фабрика, что-ли, у нихъ какая тамъ есть?

Вѣдь тамъ монастырѣ иноки навѣрно полагають, что въ напримѣръ, еслѣ потолокъ. А я вотъ готовъ повѣрить въ: только чтобъ безъ потолка; выходитъ онъ какъ будто делинѣе, просвѣщеннѣе, по лютеранскя, то есть. А въ сущности не все-ли равно: съ потолкомъ или безъ потолка? Вѣдь вопросъ-то проклятый въ чемъ заключается! Ну, а коли потолокъ, стало быть и нѣтъ крючьевъ. А коли нѣтъ крючьевъ стало быть, и все по боку; значить опять невѣроятно: къ меня тогда крючьями-то потащитъ, потому что если ужъ не потащатъ, то что-жь тогда будетъ, гдѣ-же правда на сѣ! Il faudrait les inventer, эти крючья для меня нарочно, для одного, потому что если-бы ты зналъ, Алеша, какой я еникъ!..

— Да тамъ нѣтъ крючьевъ, тихо и серьезно приглядывая къ отцу, выговорилъ Алеша.

— Такъ, такъ, одни только тѣни крючьевъ. Знаю, и это какъ одинъ французъ описывалъ адъ: J'ai vu l'ombre cocher qui avec l'ombre d'une brosse frottait l'ombre d'une saie Ты, голубчикъ, почему знаешь, что нѣтъ крючьевъ? Побудь у монаховъ, не то запоешь. А, впрочемъ, ступай, доберись до правды, да и приди рассказать: все-же идти на тотъ сбудетъ легче, коли навѣрно знаешь, что тамъ такое. Да и личнѣе тебѣ будетъ у монаховъ, чѣмъ у меня, съ пьез стариканкой, да съ дѣвчонками... хоть до тебя, какъ до анничего не коснется. Ну авось и тамъ до тебя ничего ненется, вотъ вѣдь я почему и позволяю тебѣ, что на послѣ надѣюсь. Умъ-то у тебя не чертъ съѣлъ. Погоришь и погасишь выльчишься и назадъ придеши. А я тебя буду ждать: вѣдъ чувствую-же, что ты единственный человѣкъ на землѣ, котъ меня не осудилъ, мальчикъ ты мой милый, я вѣдь чувствую это, не могу-же я это не чувствовать!..

И онъ даже расхныкался. Онъ былъ сентименталенъ. Былъ зодъ и сентименталенъ.

У.

Старцы.

Можетъ быть, кто изъ читателей подумаетъ, что мой герой человѣкъ былъ болѣзненная, экстазная, бѣдно развитъ.

Единъ мечтатель, чаклый, испитой человекъ. Напро-
 оша былъ въ то время статный, краснощекій, со свѣт-
 лымъ, пышашій здоровьемъ девятнадцатилѣтній подро-
 нь былъ въ то время даже очень красавецъ собой, стро-
 же-высокаго роста, темнорусъ, съ правильнымъ хотя
 и удлиненнымъ оваломъ лица, съ блестящими темносѣры-
 ми разставленными глазами, весьма задумчивый и, пови-
 весьма спокойный. Скажутъ, можетъ быть, что крас-
 не не мѣшаютъ ни фанатизму, ни мистицизму; а мнѣ
 ется, что Алеша былъ даже больше чѣмъ кто-нибудь
 гь. О, конечно, въ монастырѣ онъ совершенно вѣро-
 чудеса, но, по моему, чудеса реалиста никогда не сму-
 чудеса склоняютъ реалиста къ вѣрѣ. Истинный реалистъ,
 не вѣрующій, всегда найдетъ въ себѣ силу и способ-
 повѣрить и чуду, а если чудо станетъ предъ нимъ не-
 мѣ фактомъ, то онъ скорѣе не повѣритъ своимъ чув-
 ствамъ допустить фактъ. Если-же и допустить его, то до-
 какъ фактъ естественный, но доселѣ лишь бывший ему
 лымъ. Въ реалистѣ вѣра не отъ чуда рождается, а чудо
 и. Если реалистъ разъ повѣритъ, то онъ именно по реал-
 оему долженъ непремѣнно допустить и чудо. Апостолъ
 явилъ, что не повѣритъ, прежде чѣмъ не увидитъ,
 увидѣлъ, сказалъ: «Господь мой и Богъ мой!» Чудо-
 зило его увѣровать? Вѣроятнѣе всего, что нѣтъ, а увѣ-
 ать лишь единственно потому, что желалъ увѣровать, и,
 ыть, уже вѣровалъ вполнѣ, въ тайникъ существа своего,
 тогда, когда произносилъ: «Не повѣрю, пока не увижу».
 утъ, можетъ быть, что Алеша былъ тупъ, не развитъ, не
 курса я проч. Что онъ не кончилъ курса, это была прав-
 зать, что онъ былъ тупъ или глупъ было-бы большою
 лавостью. Просто повторю что уже сказалъ выше:
 онъ на эту дорогу потому только, что въ это время
 и поразила его и представила ему разомъ весь иде-
 да рвавшейся изъ мрака къ свѣту души его. Пря-
 что онъ былъ юноша отчасти уже нашего послѣд-
 мени, то есть честный по природѣ своей, требующій
 шущій ее и вѣрующій въ нее, а, увѣровавъ, требующій
 аго участія въ ней всею силой души своей, требую-
 раго подвига, съ непремѣннымъ желаніемъ хотя-бы
 жертвовать для этого подвига, даже жизнью. Хотя, къ
), не понимаютъ эти юноши, что жертва жизнью есть, мо-

можетъ быть, самая легчайшая изъ всѣхъ жертвъ во множествѣ такихъ случаевъ, и что пожертвовать, на примѣръ, изъ своей юной юности жизни пять—шесть лѣтъ на трудное, тяжкое ученіе, на науку, хотя-бы для того только, чтобы удесятерить въ себѣ силы для служенія той-же правдѣ и тому-же подвигу, который излюбилъ и который предположилъ себѣ совершить—такая жертва сплошь да рядомъ для многихъ изъ нихъ почти всѣмъ не по силамъ. Алеша избралъ лишь противоположную всѣмъ дорогу но съ тою-же жаждой скорого подвига. И только онъ, задумавшись серьезно, поразился убѣжденіемъ, что безсмертіе и Богъ существуютъ, то сейчасъ-же естественно сказалъ себѣ: «Хочу жить для безсмертія, а половиннаго компромисса не принимаю». Точно также, еслибы онъ порѣшилъ, что безсмертія и Бога нѣтъ, то сейчасъ-бы пошелъ въ атеисты или въ социалисты (ибо социализмъ есть не только рабочій вопросъ или такъ называемаго четвертаго сословія, но по преимуществу есть атеистическій вопросъ, вопросъ современнаго воплощенія атеизма, вопросъ Вавилонской башни, строящейся именно противъ Бога, не для достиженія небесъ съ земли, а для сведенія небесъ на землю). Алешѣ казалось даже страннымъ и невозможнымъ жить по прежнему. Сказано: «Раздай все и иди за мною, если хочешь быть совершенъ» Алеша и сказалъ себѣ: «Не могу я отдать вмѣсто «всего», два рубля, а вмѣсто «иди за мною» ходить лишь къ обѣднѣ». Изъ воспоминаній его младенчества можетъ быть, сохранилось нѣчто о нашемъ подгородномъ монастырѣ, куда могла возить его мать къ обѣднѣ. Можетъ быть, подѣйствовали и косые лучи заходящаго солнца передъ образомъ къ которому его протягивала его кликуша мать. Задумчивый пріѣхалъ къ намъ тогда, можетъ быть, только лишь посмотреть все-ли тутъ или и тутъ только два рубля и—въ монастырѣ встрѣтилъ этого старца...

Старецъ этотъ, какъ я уже объяснилъ выше, былъ старецъ Зосима; но надо-бы здѣсь сказать нѣсколько словъ и о томъ, что такое вообще «старцы» въ нашихъ монастыряхъ. И жаль, что чувствую себя на этой дорогѣ не довольно компетентнымъ и твердымъ. Попробую, однако, сообщить малыши вамъ и въ поверхностномъ изложеніи. И во первыхъ, люди спеціальныя и компетентныя утверждаютъ, что старцы и старчество появились у насъ, по нашимъ русскимъ монастырямъ, всего лишь недавно, даже нѣтъ и ста лѣтъ, тогда какъ на всемъ восточномъ Востокѣ, особенно на Синаѣ и на Аѳонѣ, суще-

ю уже за тысячу лѣтъ. Утверждаютъ, что существо-
ство и у насъ на Руси во времена древнѣйшія, или
о должно было существовать, но вслѣдствіе бѣдствій
старщины, смуть, перерыва прежнихъ сношеній съ
послѣ покоренія Константинополя, установленіе это
у насъ и старцы пресѣклись. Возрождено-же оно у
съ съ конца прошлаго столѣтія однимъ изъ великихъ
ювъ (какъ называютъ его) Писемъ Величковскимъ
ми его. но и доселѣ, даже черезъ сто почти лѣтъ, су-
весьма еще не во многихъ монастыряхъ, и даже под-
иногда почти что гоненіямъ, какъ неслыханное по Рос-
тву. Въ особенности процвѣло оно у насъ на Руси въ
менитой пустынѣ Козельской Оптиной. Когда и къмъ
оно и въ нашемъ подгородномъ монастырѣ — не могу
о въ немъ уже считалось третье преемничество стар-
гарець Зосима былъ изъ нихъ послѣднимъ, но и онъ
и помиралъ отъ слабости и болѣзней, а замѣнить его
знали къмъ. Вопросъ для нашего монастыря былъ важ-
какъ монастырь нашъ ничѣмъ особенно не былъ до
ь знаменитъ: въ немъ не было ни мощей святыхъ
ь, ни явленныхъ чудотворныхъ иконъ, не было даже
преданій, связанныхъ съ нашею исторіей, не числи-
янимъ историческихъ подвиговъ и заслугъ отечеству.
онъ и прославился на всю Россію именно изъ-за
чтобы видѣть и послушать которыхъ стекались въ
мольцы толпами со всей Россіи изъ-за тысячъ верстъ.
же такое старецъ? Старецъ — это берущій вашу душу,
ю въ свою душу и свою волю. Избравъ старца, вы
воли отрѣшаетесь и отдаете ее ему въ полное по-
съ полнымъ самоотрѣшеніемъ. Этотъ искусъ, эту
школу жизни обрекающій себя принимаетъ добро-
о надеждѣ послѣ долгаго искуса побѣдить себя, овла-
о до того, чтобы могъ, наконецъ достигъ, чрезъ по-
всей жизни, уже совершенной свободы, то есть сво-
самого себя, избѣгнуть участи тѣхъ, которые всю
жили, а себя въ себѣ не нашли. Изобрѣтеніе это, то
ество, — не теоретическое, а выведено на Востокѣ изъ
въ наше время уже тысячелѣтней. Обязанности къ
то что обыкновенное «послушаніе», всегда бывшее и
ь русскихъ монастыряхъ. Тутъ признается вѣчная
всѣхъ подвизающихся старцу и неразрушимая связь

между связаннымъ и связаннымъ. Разсказываютъ, напримеръ, что однажды, въ древнѣйшія времена христіанства, одинъ новобранецъ, не исполнивъ нѣкоего послушанія, возложеннаго на него его старцемъ, ушелъ отъ него изъ монастыря и пришелъ въ другую страну, изъ Сиріи въ Египетъ. Тамъ послѣ долгихъ и великихъ подвиговъ сподобился, наконецъ, претерпѣть истязанія и мученическую смерть за вѣру. Когда церковь хоронила тѣло его, уже чтя его какъ святаго, то вдругъ при возгласѣ діакона: «Оглашенные изыдите!»—гробъ съ лежащимъ въ немъ тѣломъ мученика сорвался съ мѣста и былъ извергнутъ изъ храма, и такъ до трехъ разъ. И наконецъ узнали, что этотъ святой страстотерпецъ нарушилъ послушаніе и ушелъ отъ своего старца, а потому безъ разрѣшенія старца не могъ быть и прощенъ, даже не смотря на свои великіе подвиги. Но когда призванный старецъ разрѣшилъ его отъ послушанія, тогда лишь могло совершиться и погребеніе его. Конечно, все это лишь древняя легенда, но вотъ и недавняя быль: одинъ изъ нашихъ современныхъ иноковъ спасался на Аѳонъ и вдругъ старецъ его повелѣлъ ему оставить Аѳонъ, который онъ считалъ какъ святыню, какъ тихое пристанище, до глубины души своей, и идти сначала въ Іерусалимъ на поклоненіе Святынямъ, а потомъ обратно въ Россію, на Сѣверъ, въ Сибирь, «Тамъ тебѣ мѣсто, а не здѣсь». Пораженный и убитый горемъ монахъ явился въ Константинополь къ вселенскому патріарху и молилъ разрѣшить его послушаніе, и вотъ вселенскій патріархъ отвѣтилъ ему, что не только онъ, патріархъ вселенскій, не можетъ разрѣшить его, но и на всей землѣ нѣтъ, да и не можетъ быть такой власти, которая-бы могла разрѣшить его отъ послушанія, разъ уже наложеннаго старцемъ, кромѣ лишь власти самого того старца, который наложилъ его. Такимъ образомъ святыньство одарено властью въ извѣстныхъ случаяхъ безпредѣльно и нецостижимо. Вотъ почему во многихъ монастыряхъ святыньство у насъ сначала встрѣчено было почти гоненіемъ. Мертвѣмъ старцевъ тотчасъ-же стали высоко уважать въ народѣ. Къ старцамъ нашего монастыря стекались, напримеръ, и простые люди, и самые знатные люди съ тѣмъ, чтобы, повергаясь предъ ними, исповѣдывать имъ свои сомнѣнія, свои грѣхи, свои скорданія, и испросить совѣта и наставленія. Видя это, противники старцевъ кричали, вмѣстѣ съ прочими обвиненіями, что это самовластно и легкомысленно унижается таинство исповѣданія, хотя непрерывное исповѣданіе своей души старцу послуш-

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

В его или свѣтскимъ производится совѣтъ и
милось, однако, тѣмъ, что старчество удержи
у по русскимъ монастырямъ водворяется. И
в, что это испытанное и уже тысячелѣтнее
знаго перерожденія чловѣка отъ рабства
внственному совершенствованію можетъ обрат
рое орудіе, такъ что много, пожалуй, приве
на и окончательнаго самосъзнанія, напротивъ
инской гордости, то есть
Старецъ Зосима былъ д
помѣшниковъ, когда-то в
и служилъ на Кавказѣ
молвъ Алешу каинъ-нибу
она жилъ въ самой келье
и допустилъ къ себѣ. На
монастырѣ, былъ еще
и угодно хоть на цѣлые дни, и, если носилъ свой подряс
ъ, то добровольно, чтобы ни отъ кого въ монастырѣ не отли
ся. Но ужь, конечно, это ему и самому нравилось. Можетъ
ь, на юношеское воображеніе Алешы сильно подѣйствовала
слава и слава, которая окружала непрерывно его старца.
старца Зосиму говорили многіе, что онъ, допуская къ себѣ
и многіе годы всѣхъ приходившихъ къ нему исповѣдывать
де свое и жаждавшихъ отъ него совѣта и врачебнаго слова,—
того много принялъ въ душу свою откровеній, сокрушеній,
авій, что подъ конецъ пріобрѣлъ прозорливость уже столь
ую, что съ перваго взгляда на лицо незнакомаго, прихо
наго къ нему, могъ угадывать: съ чѣмъ тотъ пришелъ, чего
нужно, и даже какого рода мученіе терзаетъ его совѣсть,
влялъ, смущалъ и почти пугалъ иногда приходшаго та
ь знаніемъ тайны его, прежде чѣмъ тотъ молвилъ слово.
при этомъ Алеша почти всегда замѣчалъ, что многіе, почти
входившіе въ первый разъ къ старцу на уединенную бе
и, входили въ страхъ и безпокойствѣ, а выходили отъ него
и всегда свѣтлыми и радостными, и самое мрачное лицо обра
сь въ счастливое. Алешу необыкновенно поражадо и то,
старецъ былъ вовсе не строгъ; напротивъ, былъ всегда почти
къ въ обхожденіи. Монахи про него говорили, что онъ именно
значается душой въ тому, кто грѣшнѣе, и кто всѣхъ болѣе
ь, того онъ всѣхъ болѣе и возлюбилъ. Изъ монаховъ на
ь, даже и подъ самый конецъ жизни старца, ненавистники

Тайны

№ 1

Пятидесяти Пяти,
райской мысли

Сон

осознаниемъ души

старца, который очень и

замѣтить, что Алеша, жилъ

монастырѣ, былъ еще и чѣмъ не связанъ, могъ выходить

и угодно хоть на цѣлые дни, и, если носилъ свой подряс

ъ, то добровольно, чтобы ни отъ кого въ монастырѣ не отли

ся. Но ужь, конечно, это ему и самому нравилось. Можетъ

ь, на юношеское воображеніе Алешы сильно подѣйствовала

слава и слава, которая окружала непрерывно его старца.

старца Зосиму говорили многіе, что онъ, допуская къ себѣ

и многіе годы всѣхъ приходившихъ къ нему исповѣдывать

де свое и жаждавшихъ отъ него совѣта и врачебнаго слова,—

того много принялъ въ душу свою откровеній, сокрушеній,

авій, что подъ конецъ пріобрѣлъ прозорливость уже столь

ую, что съ перваго взгляда на лицо незнакомаго, прихо

наго къ нему, могъ угадывать: съ чѣмъ тотъ пришелъ, чего

нужно, и даже какого рода мученіе терзаетъ его совѣсть,

влялъ, смущалъ и почти пугалъ иногда приходшаго та

ь знаніемъ тайны его, прежде чѣмъ тотъ молвилъ слово.

при этомъ Алеша почти всегда замѣчалъ, что многіе, почти

входившіе въ первый разъ къ старцу на уединенную бе

и, входили въ страхъ и безпокойствѣ, а выходили отъ него

и всегда свѣтлыми и радостными, и самое мрачное лицо обра

сь въ счастливое. Алешу необыкновенно поражадо и то,

старецъ былъ вовсе не строгъ; напротивъ, былъ всегда почти

къ въ обхожденіи. Монахи про него говорили, что онъ именно

значается душой въ тому, кто грѣшнѣе, и кто всѣхъ болѣе

ь, того онъ всѣхъ болѣе и возлюбилъ. Изъ монаховъ на

ь, даже и подъ самый конецъ жизни старца, ненавистники

и завистники его, но ихъ становилось уже мало, и они начали, хотя было въ ихъ числѣ нѣсколько весьма знаменитыхъ и важныхъ въ монастырѣ лицъ, какъ, напримѣръ, одинъ изъ древнѣйшихъ иноковъ, великій молчальникъ и необычайный подвижникъ. Но все таки огромное большинство держало уже неизменно сторону старца Зосимы, а изъ нихъ очень много любили его всѣмъ сердцемъ, горячо и искренно; нѣкоторые были привязаны къ нему почти фанатически. Такіе прямо говорили, не совсѣмъ, впрочемъ, вслухъ, что онъ святой, что въ этомъ нѣтъ уже и сомнѣнія и, предвидя близкую кончину, ожидали немедленныхъ даже чудесъ и великой славы въ самомъ ближайшемъ будущемъ отъ почившаго монастыря. Въ чудеса по силу старца вѣрилъ безпрекословно и Алеша, точно также, безпрекословно вѣрилъ и разсказу о вылетавшемъ изъ гроба. Онъ видѣлъ, какъ многіе изъ приходившихъ съ больными дѣтьми или взрослыми родственниками и молившихъ, чтобы старецъ возложилъ на нихъ руки и прочиталъ надъ ними молитву, возвращались въ скорости, а иные такъ и на другой-же день обратно, и, падая со слезами предъ старцемъ, благодарили его за исцѣленіе ихъ больныхъ. Исцѣленіе-ли было въ самомъ дѣлѣ или только естественное улучшеніе въ ходѣ болѣзни—для Алеши въ этомъ вопроса не существовало, ибо онъ вполне уже вѣрилъ въ духовную силу своего учителя и слава его была какъ-бы собственнымъ его торжествомъ. Особенно-же дрожало у него сердце и весь какъ-бы сіялъ онъ, когда старецъ выходилъ изъ толпѣ ожидавшихъ его выхода у вратъ скита богомольцевъ изъ простаго народа, нарочно, чтобы видѣть старца и благословиться у него стекавшагося со всей Россіи. Они повергались предъ нимъ, плакали, цѣловали ноги его, цѣловали землю, на которой онъ стоитъ, вопили, бабы протягивали къ нему дѣтей своихъ, подводили больныхъ кликушъ. Старецъ говорилъ съ ними, читалъ надъ ними краткую молитву, благословлялъ и отпускалъ ихъ. Въ послѣднее время отъ припадковъ болѣзни онъ становился иногда такъ слабъ, что едва бывалъ въ силахъ выйти изъ кельи и богомольцы ждали иногда въ монастырѣ его выхода по нѣскольку дней. Для Алеши не составляло никакого вопроса, за что они его такъ любятъ, за что они повергаются предъ нимъ и плачутъ отъ умиленія, завидѣвъ лишь лицо старца. О, онъ отлично понималъ, что для смиренной души русскаго простодушнаго, измученной трудомъ и горемъ, а главное, всегдашней несправедливостью и всегдашнимъ грѣхомъ, какъ своимъ, такъ

нѣтъ сильнѣе потребности и утѣшенія какъ обрѣсти
святаго, пасть предъ нимъ и поклониться ему:
грѣхъ, неправда и искушение, то все равно, есть
что-то, гдѣ-то, святой и высшій; у того зато правда,
есть правда: значить, не умираетъ она на землѣ,
и когда-нибудь и къ намъ перейдетъ и воцарится
какъ обѣщано». Зналъ Алеша, что такъ именно
и даже разсуждаетъ народъ, онъ понималъ это,
старецъ именно и есть этотъ самый святой, этотъ
истинный правды въ глазахъ народа—въ этомъ онъ не
исколько, и самъ, вмѣстѣ съ этими плачущими му-
льными ихъ бабами, протягивающими старцу дѣтей
и деніе-же въ томъ, что старецъ, почивши, доставитъ
славу монастырю, царило въ душѣ Алеши, можетъ
еще чѣмъ у кого-бы то ни было въ монастырѣ.
Это послѣднее время какой-то глубокой, пламенный
восторгъ все сильнѣе и сильнѣе разгорался въ его
мушало его нисколько, что этотъ старецъ все такъ
и нимъ единцей: «Все равно, онъ святой, въ его
обновленія для всѣхъ, та мощь, которая устано-
вится, правду на землѣ и будутъ все святы, и будутъ
и друга и не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни
хозяевъ, ни униженныхъ, а будутъ все какъ дѣти Бо-
жьи настоящаго Царства Христова». Вотъ о чемъ
думалъ Алеша.

Что на Алешу произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе
бояхъ братьевъ, которыхъ онъ до того совершенно
братомъ Дмитріемъ Федоровичемъ онъ сошелся сво-
хотя тотъ пріѣхалъ позже, чѣмъ съ другимъ (одно-
братомъ своимъ, Иваномъ Федоровичемъ. Онъ ужасно
хотѣлъ узнать брата Ивана, но вотъ тотъ уже жилъ два
года и видѣлись довольно часто, но все еще никакъ
не : Алеша былъ и самъ молчаливъ и какъ-бы ждалъ
и -бы стыдился чего-то, а братъ Иванъ, хотя Алеша и
началъ на себѣ его длинные и любопытные взгляды,
и прѣ пересталъ даже и думать о немъ. Алеша замѣтилъ
и прѣ смущеніемъ. Онъ приписалъ равнодушіе брата
и прѣ лѣтахъ и въ особенности въ образованіи. Но ду-
ма и другое: столь малое любопытство и участіе къ
и прѣ бытъ, происходило у Ивана и отъ чего-нибудь со-
и прѣ непонятнаго. Ему все казалось почему-то, что

Иванъ чѣмъ-то занятъ, чѣмъ-то внутреннимъ и важнымъ; то стремится къ какой-то цѣли, можетъ быть, очень трудной, то что ему не до него, и что вотъ это и есть та единственная причина, почему онъ смотритъ на Алешу разсѣянно. Задумывая Алеша и о томъ: не было-ли тутъ какого-нибудь презрѣнія къ нему, къ глупенькому послушнику, отъ ученаго атеиста. Онъ совершенно зналъ, что братъ его атеистъ. Презрѣніемъ этимъ, если оно и было, онъ обидѣться не могъ, но все-таки съ какимъ-то понятнымъ себѣ самому и тревожнымъ смущеніемъ ждалъ, когда братъ захочетъ подойти къ нему ближе. Братъ Дмитрій Федоровичъ отзывался о братѣ Иванѣ съ глубочайшимъ уваженіемъ, какимъ-то особымъ проповѣдованіемъ говорилъ о немъ. Отъ него же узналъ Алеша всѣ подробности того важнаго дѣла, которое связало, въ послѣднее время, обоихъ старшихъ братьевъ заочной и тѣсною связью. Восторженные отзывы Дмитрія о братѣ Иванѣ были тѣмъ характернѣе въ глазахъ Алеши, что братъ Дмитрій былъ человѣкъ, въ сравненіи съ Иваномъ, почти необразованный, и оба поставленные вмѣстѣ одиной съ другою составляли, казалось, такую яркую противоположность, въ личности и характеры, что, можетъ быть, нельзя-бы было придумать двухъ человѣкъ несходнѣе между собой.

Вотъ въ это-то время и состоялось свиданіе или, лучше сказать, семейная сходка всѣхъ членовъ этого нестройнаго семейства въ кельѣ старца, имѣвшая чрезвычайное вліяніе на Алешу. Предлогъ къ этой сходкѣ, по настоящему, былъ фальшивый. То именно несогласіе по наслѣдству и по имущественнымъ расчетамъ Дмитрія Федоровича съ отцомъ его Федоромъ Павловичемъ дошли, повидямому, до невозможной точки. Отношенія обострились и стали невыносимы. Федоръ Павловичъ, кажется первый и, кажется, шутя подавъ мысль о томъ, чтобы сойтись всѣмъ въ кельѣ старца Зосимы, и хоть и не прибѣгая къ помощи его посредничеству, все-таки какъ-нибудь сговориться и личнѣе, причѣмъ самъ и лицо старца могли-бы имѣть нѣчто решающее и примирительное. Дмитрій Федоровичъ, явкогда старца не бывавшій и даже не выдавшій его, конечно, по малу, что старцемъ его хотятъ какъ-бы испугать; но такъ и онъ и самъ укорялъ себя втайнѣ за многія особенно рѣзкія выходки въ спорѣ съ отцомъ за послѣднее время, то и призывъ. Кстати замѣтить, что жилъ онъ не въ домѣ отца, какъ Иванъ Федоровичъ, а отдѣльно, въ другомъ концѣ города. Тамъ случалось, что проживавшій въ это время у насъ Петръ Ал

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ;

Иванъ Мисовъ особенно ухватился за эту идею Феофановича. Либераль сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, волюнтеръ и атеистъ, онъ, отъ скуки, можетъ быть, а, можетъ быть, для легкомысленной потѣхи, принялъ въ этомъ нѣчто необычайное участіе. Ему вдругъ захотѣлось посмотрѣть и на «святаго». Такъ какъ все еще продолжались споры съ монастыремъ и все еще тянулась эта неловкая граница ихъ владѣній, о какихъ-то правахъ на рыбной ловли въ цѣль и проч., то онъ и хотѣлъ этимъ воспользоваться подъ предлогомъ того, что хотѣлъ-бы стовориться съ отцомъ игуменомъ: нельзя-ли куда-нибудь покончить ихъ споры полюбовно? Посѣтителя съ такими намѣреніями, конечно, могли принять въ монастырѣ и патеръ и предупредительнѣе, чѣмъ просто любопытству. Въ слѣдствіе всѣхъ сихъ соображеній и могло устроиться какое-нибудь внутреннее вліяніе въ монастырѣ на больного старца, послѣднее время почти совсѣмъ уже не покидавашаго келью указывавшаго, по болѣзни, даже обыкновеннымъ посѣтителемъ. Кончилось тѣмъ, что старецъ далъ согласіе и день былъ назначенъ. «Кто меня поставилъ дѣлать между нами?» заявилъ только съ улыбкой Алеша.

Узнавъ о свиданіи, Алеша очень смутился. Если кто изъ этихъ тяжущихся и пререкающихся могъ смотрѣть серьезно на этотъ сѣздъ, то, безъ сомнѣнія, одинъ только братъ Дмитрій; остальные-же всѣ придутъ изъ цѣлей легкомысленныхъ и для чего-нибудь, можетъ быть, оскорбительныхъ, — вотъ что понималъ Алеша. Братъ Иванъ и Мисовъ придутъ изъ любопытства, можетъ быть, самаго грубаго, а отецъ его, можетъ быть, для каибудь шутовской и актерской сцены. О, Алеша хотѣлъ и не хотѣлъ, но довольно и глубоко зналъ уже своего отца. Повторялось, этотъ мальчикъ былъ вовсе не столь простодушнымъ, какъ всѣ считала его. Съ тяжелымъ чувствомъ дожидался онъ назначеннаго дня. Безъ сомнѣнія онъ очень заботился про себя, про сердце свое, о томъ, чтобы какъ-нибудь всѣ эти семейно-несогласія кончились. Тѣмъ не менѣе самая главная забота была о старцѣ: онъ трепеталъ за него, и за славу его, бо-
го-заслуженій ему, особенно тонкихъ, вѣжливыхъ насмѣшекъ и недомолвокъ свысока ученаго Ивана, такъ это все вѣдалось ему. Онъ даже хотѣлъ рискнуть предупредить и сказать ему что-нибудь объ этихъ могущихъ прибыть но подумалъ и промолчалъ. Передалъ только наканунѣ

назначеннаго дня чрезъ одного знакомаго брату Дмитрію, очень любить его и ждетъ отъ него исполненія обѣщанія. Дмитрій задумался, потому что ничего не могъ припомнить, бы такое ему обѣщанъ, отвѣтить только письмомъ, что всѣхъ силъ себя сдержитъ «предъ низостью», и хотя гдѣ уважаетъ старца и брата Ивана, но убѣжденъ, что тутъ какая нибудь ему ловушка, или недостойная комедія. «Тѣмъ менѣе скорѣе прогложу свой языкъ чѣмъ манкирую уваженію къ святому мужу, тобою столь уважаемому», закончилъ Дмитрій свое письмо. Алешу оно не весьма ободрило.

КНИГА

НЕУМѢСТНОЕ СОВРА

I

Пріѣхали въ монастырь.

удался прекрасный, теплый и ясный день. Былъ конецъ га. Свиданіе со старцемъ условлено было сейчасъ послѣ ей обѣди, примѣрно къ половинѣ двѣнадцатаго. Наши по-шли монастыря къ обѣднѣ однако не пожаловали, а пріѣ-ровно къ шапочному разбору. Пріѣхали они въ двухъ эки-; въ первомъ экипажѣ, въ шегольской коляскѣ, запря-ей парой дорогихъ лошадей, прибылъ Петръ Александро-Миусовъ, со своимъ дальнимъ родственникомъ, очень моло-человѣкомъ, лѣтъ двадцати, Петромъ Фомичемъ Калгано-

Этотъ молодой человѣкъ готовился поступить въ универ-; Миусовъ-же, у котораго онъ почему-то пока жилъ, со-нлъ его съ собою за границу, въ Цюрихъ или въ Іену, тамъ поступить въ университетъ и окончить курсъ. Мо-человѣкъ еще не рѣшился. Онъ былъ задумчивъ и какъ-зсѣянъ. Лицо его было пріятное, сложеніе крѣпкое, ростъ ьно высокій. Во взглядѣ его случалась странная неподвиж-; подобно всѣмъ очень разсѣяннымъ людямъ, онъ глядѣлъ съ иногда въ упоръ и подолгу, а между тѣмъ совсѣмъ не видѣлъ. Былъ онъ молчаливъ и нѣсколько неловокъ, звало, — впрочемъ, не иначе, какъ съ кѣмъ-нибудь однимъ нъ, — что онъ вдругъ станетъ ужасно разговорчивъ, по-тъ, смѣшливъ, смѣясь Богъ знаетъ иногда чему. Но оду-ніе его столь-же быстро и вдругъ погасало, какъ быстро

и вдругъ нарождалось. Былъ онъ одѣтъ всегда хорошо и мнѣ изысканно; онъ уже имѣлъ нѣкоторое независимое состояніе, ожидалъ еще гораздо большаго. Съ Алешей былъ пріятелемъ.

Въ весьма ветхой, дребезжащей, но помѣстительной нищичьей коляскѣ, на парѣ старыхъ сиворозовыхъ лошадей, съ но отстававшихъ отъ коляски Міусова, подъѣхали и Федор Павловичъ съ сыномъ своимъ Иваномъ Федоровичемъ. Дмитрій Федоровичу еще наканунѣ сообщенъ былъ и часъ, и срокъ, онъ запоздалъ. Посѣтители оставили экипажи у ограды, въ гостинницѣ, и вошли въ монастырскія ворота пѣшкомъ. Крѣпость Федора Павловича, остальные трое, кажется, никогда не видѣли никакого монастыря, а Міусовъ такъ лѣтъ тридцать, можетъ быть, и въ церкви не былъ. Онъ озирался съ нѣкоторымъ любопытствомъ, не лишеннымъ нѣкоторой напущенной на него развязности. Но для наблюдательнаго его ума кромѣ церковныхъ и хозяйственныхъ построекъ, весьма, впрочемъ, обыкновенныхъ, во внутренности монастыря ничего не представляло. Проходилъ послѣдній народъ изъ церкви, снимая шапки и кланяясь. Между простонародьемъ встрѣчались и пріѣзжіе бо высшаго общества, двѣ — три дамы, одинъ очень старый герцогъ; всѣ они стояли въ гостинницѣ. Нищіе обступили нашихъ посѣтителей тотчасъ-же, но имъ никто ничего не далъ. Тогда Петруша Калгановъ вынулъ изъ портмонѣ гривенникъ и, заропившись и сконфузившись Богъ знаетъ отчего, поскорѣе вынулъ одной бабѣ, быстро проговоривъ: «раздѣлить по ровнѣ». Никто ему на это ничего изъ его спутниковъ не замѣтилъ такъ что нечего было ему конфузиться; но, замѣтивъ это, онъ еще больше сконфузился.

Было однако странно; ихъ по настоящему должны-бы были ждать и, можетъ быть, съ нѣкоторымъ даже почетомъ: онъ недавно еще тысячу рублей пожертвовалъ, а другой былъ богатѣйшимъ помѣщикомъ и образованнѣйшимъ, такъ сказать, членомъ, отъ котораго всѣ они тутъ отчасти зависѣли по повелѣнью рыбы въ рѣкѣ, вслѣдствіе оборота, какой могъ припродѣлать процессъ. И вотъ однако-жь никто изъ официальныхъ лицъ ихъ не встрѣчаетъ. Міусовъ разсѣянно смотрѣлъ на могилы и камни около церкви и хотѣлъ было замѣтить, что могилки должны быть, обошлись дорогонько хоронившимъ, за право похоронить въ такомъ «святомъ» мѣстѣ, но промолчалъ: простая беральная иронія перерождалась въ немъ почти что ужъ гнѣвъ.

— Чортъ, у кого здѣсь, однако, спросить, въ этой безтолковой... Это нужно-бы рѣшить, потому что время уходитъ,— промолвилъ онъ вдругъ какъ-бы говоря про себя.

Вдругъ подошелъ къ нимъ одинъ пожилой, лысоватый господинъ, въ широкомъ лѣтнемъ пальто и съ сладкими глазками. Придвигая шляпу, медово присюсюкивая, отреккомендовался онъ имъ вообще тульскимъ помѣщикомъ Максимовымъ. Онъ нигомъ шелъ въ заботу нашихъ путниковъ.

— Старецъ Зосима живетъ въ скиту, въ скиту наглухо, шаговъ четыреста отъ монастыря, черезъ лѣсокъ, черезъ лѣсокъ...

— Это я знаю-съ, что черезъ лѣсокъ, отвѣтилъ ему Федоръ Павловичъ, да дорогу-то мы не совсѣмъ помнимъ, давно не ѣздили.

— А вотъ въ эти врата, и прямо лѣскомъ... лѣскомъ. Поищите. Не угодно-ли... мнѣ самому... я самъ... Вотъ сюда, сюда...

Они вышли изъ вратъ и направились лѣсомъ. Помѣщикъ Максимовъ, человекъ лѣтъ шестидесяти, не то что шелъ, а, лучше сказать, почти бѣжалъ сбоку, рассматривая ихъ всѣхъ съ удорожнымъ, невозможнымъ почти любопытствомъ. Въ глазахъ его было что-то лупоглазое.

— Видите-ли, мы къ этому старцу по своему дѣлу, замѣтилъ грого Миусовъ,—мы, такъ сказать, получили аудіенцію «у сего пца», а потому хоть и благодарны вамъ за дорогу, но васъ ужь не попросимъ входить вмѣстѣ.

— Я былъ, былъ, я уже былъ... Un chevalier parfait! и помѣщикъ пустилъ на воздухъ щелчокъ пальцемъ.

— Кто это chevalier? спросилъ Миусовъ.

— Старецъ, великолѣпный старецъ, старецъ... Честь и слава монастырю. Зосима. Это такой старецъ...

Но безпорядочную рѣчь его перебилъ догнавшій путниковъ монашекъ, въ клубокъ, невысокаго росту, очень блѣдный и испитый. Федоръ Павловичъ и Миусовъ остановились. Монахъ съ резвычайно вѣжливымъ, почти пояснымъ поклономъ произнесъ:

— Отецъ игуменъ, послѣ посѣщенія вашего въ скитъ, покорѣннѣе проситъ васъ всѣхъ, господа, у него откушать. У него въ часъ, не позже. И васъ также, обратился онъ къ Максиму.

— Это я непременно исполню! вскричалъ Федоръ Павловичъ, жасно обрадовавшись приглашенію,—непременно. И знаете, мы съ дали слово вести себя здѣсь порядочно... А вы, Петръ Александровичъ, пожелаете?

— Да еще-же-бы нѣтъ? Да я зачѣмъ-же сюда и прѣ какъ не видѣть всѣ ихъ здѣшніе обычаи. Я однимъ только в няюсь, именно тѣмъ, что я теперь съ вами, Федоръ Павло

— Да, Дмитрія Федоровича еще не существуетъ.

— Да и отлично-бы было, еслибъ онъ манкировалъ пріятно, что-ли, вся эта ваша мазня, да еще съ вами на дачу? Такъ къ обѣду будемъ, поблагодарите отца игумена, тился онъ къ монашку.

— Нѣтъ, ужь я васъ обязанъ руководить къ самому с отвѣтилъ монахъ.

— А я, коль такъ, къ отцу игумену, я тѣмъ немъ прямо къ отцу игумену, зашебеталъ помѣщикъ I мовъ.

— Отецъ игумень въ настоящій часъ занятъ, но какъ будетъ угодно... нервѣшительно произнесъ монахъ.

— Преназойливый старичишка, замѣтилъ вслухъ Мі когда помѣщикъ Максимовъ побѣжалъ обратно въ монасты

— На фонъ-Зона похожъ, проговорилъ вдругъ Федор: ловичъ.

— Вы только это и знаете... Съ чего онъ похожъ на Зона? Вы сами-то видѣли фонъ-Зона?

— Его карточку видѣлъ. Хоть не чертами лица, такъ ч неизъяснымъ. Чистѣйшій второй экземпляръ фонъ-Зона. всегда по одной фізіономіи узнаю.

— А, пожалуй; вы въ этомъ знатокъ. Только вотъ ч доръ Павловичъ, вы сами сейчасъ изволили упомянуть, ч дали слово вести себя прилично, помните. Говорю вамъ, житесь. А начнете шута изъ себя строить, такъ я не на ч тобы меня съ вами на одну доску здѣсь поставили... В какой человекъ, обратился онъ къ монаху, — я вотъ съ боюсь входить къ порядочнымъ людямъ.

На блѣдныхъ, безкровныхъ губахъ монашка показалас кая, молчальная улыбочка, не безъ хитрости въ своемъ но онъ ничего не отвѣтилъ и слишкомъ ясно было, что п чаль изъ чувства собственнаго достоинства. Міусовъ еще б наморщился.

«О, чортъ ихъ всѣхъ дери, вѣками лишь выработанны: ружность, а въ сущности шарлатанство и вздоръ!» пронес него въ головѣ.

— Вотъ и скить, дошли! крикнулъ Федоръ Павлови ограда и врата запертыя.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

И онъ пустился класть большіе кресты предъ главными надъ вратами и сбоку вратъ.

— Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ входить нельзя.— Всѣхъ здѣсь въ скиту двадцать пять, другъ на друга смотрятъ и капусту ѣдятъ, женщины въ эти врата не войдетъ, вотъ что важно. И это вѣдь дѣйствительно такъ. Только скажите, что старецъ дамъ прѣдлагаетъ? обратится къ вамъ.

— Изъ простонародья, да и въ саду, да въ калиткѣ, да въ галлерейкѣ, да въ пристроены здѣсь-же и окна, вотъ эти самыя окна, да въ садикѣ, да въ садикѣ ходомъ, когда здѣсь теперь одна барыня, помилуйте, дожидается со своею расслабленною дочерью. Вѣроятно она не можетъ къ нимъ выйти, хотя въ послѣднія времена столь разсвѣтало, что и къ народу едва появляется.

— Значитъ, все-же лазейка къ барынямъ-то изъ скита проведена. Не подумайте, отецъ святой, что я что-нибудь, я только говорю. Знаете, на Афонѣ, это вы слышали-ль, не только посѣщенія женщинъ не полагается, но и совѣтъ не полагается женщинамъ и какихъ даже существъ женскаго рода, курочекъ, видюшечекъ, мушечекъ...

— Федоръ Павловичъ, я ворочусь и васъ брошу здѣсь одного, васъ безъ меня отсюда выведутъ за руки, это я вамъ предсказываю.

— А чѣмъ я вамъ мешаю, Петръ Александровичъ. Посмотрите-ка, вскричалъ онъ вдругъ, шагнувъ за ограду скита,—посмотрите, какой они долины розъ проживаютъ!

Дѣйствительно, хоть розъ теперь и не было, но было множество рѣдкихъ и прекрасныхъ осеннихъ цвѣтовъ вездѣ, гдѣ только можно было ихъ насадить. Лелѣяла ихъ видимо опытная хозяйка. Цвѣтники устроены были въ оградахъ церкви и между монастырскими домиками, въ которомъ находилась келья старца, деревянный, двухэтажный, съ галлереей предъ входомъ, былъ тоже обсаженъ розами.

— А было-ль это при предъидущемъ старцѣ, Варсонофій? Известности-то, говорятъ, не любилъ, вскакивалъ и билъ даже дамскій полъ, замѣтилъ Федоръ Павловичъ, подымаю крылечко.

святыми, .

в ходятъ. жь-

—

«скій полъ и теперь ?

дутъ. А для высшихъ

галерей, но внѣ ограды, .

и старецъ выходитъ къ нѣ

къ, то есть все-же за огр

лица харьковская, госпожа Лу

ль, дожидается со своею расслабленною дочерью. Вѣроятно она

не можетъ къ нимъ выйти, хотя въ послѣднія времена столь разсвѣ

тало, что и къ народу едва появляется.

— Значитъ, все-же лазейка къ барынямъ-то изъ скита про

ведена. Не подумайте, отецъ святой, что я что-нибудь, я только

говорю. Знаете, на Афонѣ, это вы слышали-ль, не только посѣщенія

женщинъ не полагается, но и совѣтъ не полагается женщинамъ и

какихъ даже существъ женскаго рода, курочекъ, видюшечекъ,

мушечекъ...

— Федоръ Павловичъ, я ворочусь и васъ брошу здѣсь одного,

васъ безъ меня отсюда выведутъ за руки, это я вамъ пред-

сказываю.

— А чѣмъ я вамъ мешаю, Петръ Александровичъ. Посмотрите-

ка, вскричалъ онъ вдругъ, шагнувъ за ограду скита,—посмотрите,

какой они долины розъ проживаютъ!

Дѣйствительно, хоть розъ теперь и не было, но было мно-

жество рѣдкихъ и прекрасныхъ осеннихъ цвѣтовъ вездѣ, гдѣ

только можно было ихъ насадить. Лелѣяла ихъ видимо опытная

хозяйка. Цвѣтники устроены были въ оградахъ церкви и между мо-

настырскими домиками, въ которомъ находилась келья старца, дере-

вянный, двухэтажный, съ галлереей предъ входомъ, былъ тоже об-

саженъ розами.

— А было-ль это при предъидущемъ старцѣ, Варсонофій?

Известности-то, говорятъ, не любилъ, вскакивалъ и билъ

даже дамскій полъ, замѣтилъ Федоръ Павловичъ, поды-

мая крылечко.

— Варсонофій дѣйствительно казался иногда и бы юридическимъ, но много разсказываютъ и глупостей. Пансій никогда и никого не бивалъ, отвѣтилъ монашекъ. — Теперь, пода, минутку повремените, я о васъ повѣщу.

— Федоръ Павловичъ, въ послѣдній разъ условіе, слыш Водите себя хорошо, не то я вамъ отплачу, успѣлъ еще разъ! бормотать Міусовъ.

— Совсѣмъ неизвѣстно съ чего вы въ такомъ великомъ неніи, насмѣшливо замѣтилъ Федоръ Павловичъ, — али грѣши боитесь! Вѣдь онъ, говорятъ, но глазамъ узнаеть кто съ приходитъ. Да и какъ высоко цѣните вы ихъ мнѣніе, вы, т парижанинъ и передовой господинъ, удивили вы меня д вотъ что!

Но Міусовъ не успѣлъ отвѣтить на этотъ сарказмъ, какъ просили войти. Вошелъ онъ нѣсколько раздраженный...

«Ну, теперь заранѣе себя знаю, раздраженъ, засно начну горячиться — и себя и идею унижу, мелькнуло у въ головѣ».

II.

Старый шутъ.

Они вступили въ комнату почти одновременно со старикомъ который при появленіи ихъ тотчасъ показался изъ своей лѣжки. Въ кельѣ еще раньше ихъ дожидались выхода ст два скитскіе іеромонаха, одінь отецъ бібліотекаръ, а другіи отецъ Пансій, человекъ больной, хотя и не старій, но о какъ говорили про него, ученый. Кромѣ того ожидалъ стол уголку, и все время потомъ оставался стоя — молодой парен лѣтъ двадцати двухъ на видъ, въ статскомъ сюртукѣ, сем ристъ и будущій богословъ, покровительствуемый почему-т настыремъ и братією. Онъ былъ довольно высокаго роста свѣжмъ лицомъ, съ широкими скулами, съ умными и ин тельными узенькими карими глазами. Въ лицѣ выражалась вершенная почтительность, но приличная, безъ видимаго зан ванія. Вошедшихъ гостей онъ даже и не привѣтствовалъ по номъ, какъ лицо имъ не равное, а, напротивъ, подвѣдомство и зависимое.

Старецъ Зосима вышелъ въ сопровожденіи послушник

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

Иеромонахи поднялись и приветствовали его глубо-
 ко поклономъ, пальцами касаясь земли, затѣмъ, благосла-
 вились, поцѣловали руку его. Благословивъ ихъ старецъ о-
 тѣмъ каждому стоаль-же глубокимъ покло-
 номъ земли, и у каждого изъ нихъ попроси-
 лъ словенія. Вся церемонія произошла весьма (тѣмъ)
 какъ всеневный обрядъ какой-нибудь, а поч-
 туствомъ. Міусову однако показалось что
 страннымъ внушеніемъ. Старецъ стоялъ впер-
 едъ съ нимъ товарищей. Старецъ ало-бы, — и
 какъ это еще вчера вечеромъ, — не смотря ни на
 что итвенно изъ простой вѣжливости (такъ какъ ужъ з-
 ачѣмъ), подойти и благословиться у старца, по крайнемъ
 и благословиться, если ужъ не цѣловать руку. Но увидѣвъ
 что вездѣ эти поклоны и лобызанія іеромонаховъ, онъ въ
 виду перемѣнилъ рѣшеніе: важно и серьезно отдалъ онъ до-
 вольно глубокой, по свѣтскому, поклонъ и отошелъ къ стулу.
 Но также поступилъ и Федоръ Павловичъ, на этотъ разъ
 и обезьяна совершенно передразнивъ Міусова. Иванъ Федо-
 ровъ раскланялся очень важно и вѣжливо, но тоже держа
 и по швамъ, а Калгановъ до того сконфузился что и со-
 гда не поклонился. Старецъ опустилъ поднявшуюся было для
 словенія руку и, поклонившись имъ въ другой разъ, по-
 шлъ всѣхъ садиться. Кровь залила щеки Алеши; ему стало
 тепло. Сбывались его дурныя предчувствія.
 Старецъ усѣлся на кожаный краснаго дерева диванчикъ,
 въ старинной постройки, а гостей, кромѣ обонхъ іеромона-
 хъ, помѣстилъ у противоположной стѣны, всѣхъ четверыхъ
 на четырехъ краснаго дерева, обитыхъ черною
 и протершеюся кожей, стульяхъ. Іеромонахи усѣлись по
 швамъ, одинъ у дверей, другой у окна. Семинаристъ, Алеша
 и ученикъ оставались стоя. Вся келья была очень не обширна
 и много-то вялаго вида. Вещи и мебель были грубыя, бѣдныя
 и лишь необходимыя. Два горшка цвѣтовъ на окнѣ, а
 на полу много иконъ — одна изъ нихъ Богородицы, огромнаго
 образа и писанная вѣроятно еще задолго до раскола. Предъ
 старцемъ теплилась лампадка. Около нея двѣ другія иконы въ сіяю-
 щихъ ризахъ, затѣмъ около нихъ дѣланные херувимчики, фар-
 форовыя яички, католическій крестъ изъ слоновой кости съ
 изображеніемъ его Матеръ dolorosa, и нѣсколько заграничныхъ гра-
 нитныхъ вазочекъ италинскихъ художниковъ прошлыхъ сто-

и дорогих гравюрных ико
 листов самых престонарде
 икографий святых, мучеников, святителей
 иконок на всех яриарках. Было
 портретов русских современны
 но уже по другим стѣнамъ. Миус
 «казенщину» и пристальный взгляд
 Онъ уважалъ свой взглядъ, имѣлъ эту
 въ немъ простительную, принять
 было ему уже пятьдесятъ лѣтъ, — возрас
 умный свѣтскій и обеспеченный человекъ вс
 своей почтительнѣе, иногда даже по неволѣ.

Въ сам
 въ лицѣ старца, что многими-бы и в
 не понравилось. Это былъ невысокій сторбленный
 съ очень слабыми ногами, всего только шестиде
 казавшійся отъ болѣзни гораздо старше, по кр
 на десять. Все лицо его, впрочемъ, очень
 было усѣвно мелкими морщинами, особенно было мн
 глаза. Глаза-же были небольшіе, изъ свѣтлы
 въ родѣ какъ-бы двѣ блестящія то
 волоски сохранились лишь на вискахъ, борода б
 и рѣдѣющая, клиномъ, а губы, часто усмѣхавшіе
 какъ двѣ бичевочки. Носъ не то чтобы длинный
 точно у птицы.

Но въ мѣ признакамъ злобная и мелко-надменная душой
 пролетѣло въ головѣ Миусова. Вообще онъ былъ очень недово
 собой.

Пробившіе часы помогли начать разговоръ. Ударило скоро
 на дешовыхъ маленькыхъ стѣнныхъ часахъ съ ги
 ровно двѣнадцать.

— Ровнешенько настоящій часъ, — вскричалъ Федоръ Пав
 — а сына моего Дмитрія Федоровича все еще нѣтъ. Не
 имюсъ за него, священный старецъ! (Алеша весь такъ и взд
 отъ «священнаго старца»). Самъ-же я всегда акку
 мнута въ минуту, помня, что точность есть вѣжливо
 морозей.

— Но вѣдь вы, по крайней мѣрѣ, не король, пробормота
 не удержавшись, Миусовъ.

— Да, это такъ. не король. И представьте, Петръ Алеш
 вѣдь это я и самъ зналъ, ей Богу! И вотъ всегда-т

но встать скажу! Ваше преподобіе! воскликнулъ охъ съ ка-
 тегорическимъ пафосомъ:—Вы видите передъ собою шута
 шутку! Такъ и рекомендую. Старая привычка, увы! А что
 иногда вру, такъ это даже съ намѣреніемъ, съ намѣреніемъ
 казнить и пріятнымъ быть. Надобно-же быть пріятнымъ, не пра-
 вильно? Пріѣзжаю лѣтъ семь назадъ въ одинъ городишко, были тамъ
 шутки, а я кой съ какими вупчашками завязалъ было компанья-
 ный. Идемъ къ исправнику, потому что его надо было кой о чемъ
 спросить и отгушать къ намъ позвать. Выходитъ исправникъ,
 толстый, бѣлокурый и угрюмый человекъ,—самые опас-
 ные въ такихъ случаяхъ субъекты: печень у нихъ, печень. Я
 тому прямо и, знаете, съ развязностью свѣтскаго человека:
 «Исправникъ, будьте, говорю, нашимъ, такъ сказать, Направ-
 никомъ?»—«Какимъ это, говоритъ, Направникомъ? Я ужь вижу
 первой полсекунды, что дѣло не выгорѣло, стоитъ серьезный,
 всерьезъ. «Я, говорю, пошутить желалъ, для общей веселости, такъ
 въ г. Направникъ извѣстный нашъ русскій капельмейстеръ, а
 именно нужно для гармоніи нашего предпріятія въ родѣ
 капель-бы тоже капельмейстера»... И резонно вѣдь разъяснилъ и
 объяснилъ, не правда-ли? «Извините, говоритъ, я исправникъ и
 Самбуровъ изъ званія моего строить не позволю». Повернулся
 уходитъ. Я за нимъ, кричу: «да, да, вы исправникъ, а не На-
 правникъ!»—«Нѣтъ, говоритъ, ужь коль сказано, такъ значитъ
 Направникъ». И представьте, вѣдь дѣло-то наше разстроилось!
 все-то я такъ, всегда-то я такъ. Непремѣнно-то я своею-же
 развязностью себѣ наврежу!—Разъ, много лѣтъ уже тому назадъ,
 говорю одному вліятельному даже лицу: «Ваша супруга щекотли-
 вая женщина-съ»,—въ смыслѣ то есть чести, такъ сказать, нрав-
 ственныхъ качествъ, а онъ мнѣ вдругъ на то: «А вы ее щеко-
 тите?» Не удержался, вдругъ, дай, думаю, полюбезничаю: «да,
 говорю, щекоталъ-съ», ну тутъ онъ меня и пощекоталъ... Только
 что ужь это произошло, такъ что ужь не стыдно и рассказать;
 что-то я такъ себѣ наврежу.

— Вы это и теперь дѣлаете, съ отвращеніемъ пробормоталъ
 старецъ.

Старецъ молча разглядывалъ того и другаго.

— Будто! Представьте, вѣдь я и это зналъ, Петръ Алексан-
 дровичъ, и даже знаете: предчувствовалъ что дѣлаю, только что
 не говорю, и даже, знаете, предчувствовалъ, что вы мнѣ
 скажете это и замѣтите. Въ эти секунды, когда вижу, что шутка
 моя не выходитъ, у меня, ваше преподобіе, обѣ щеки къ

нижнимъ деснамъ присыхать начинаютъ, почти какъ-бы с рога дѣлается; это у меня еще съ юности какъ я былъ у рянь приживальщикомъ и приживаніемъ хлѣбъ добывалъ шутъ коренной, съ рожденія, все равно, ваше преподобіе, юродивый; не спору, что и духъ нечистый, можетъ, во мнѣ ключается, небольшого впрочемъ калибра, поваживѣ-то друг бы квартиру выбралъ, только не вашу, Петръ Александровичъ и вы вѣдь квартира не важная. Но зато я вѣрую, въ Бога вѣрую. Я только въ послѣднее время усумнился, но зато те сижу и жду великихъ словесъ. Я, ваше преподобіе, какъ философъ Дидеротъ. Извѣстно-ли вамъ, святѣйшій отецъ, какъ Дидеротъ-философъ явился къ митрополиту Платону при мнѣрицѣ Екаторинѣ. Входитъ и прямо сразу: «Нѣтъ Бога». На великій святитель подымаетъ перстъ и отвѣчаетъ: «Рече Бомецъ въ сердцѣ своемъ нѣсть Богъ!» Тотъ какъ былъ тѣмъ въ ноги: «Вѣрую, кричитъ, и крещеніе принимаю». Такъ окрестили тутъ же. Бнягиня Дашкова была воспріемницей, а темкинъ крестнымъ отцомъ...

— Ѳедоръ Павловичъ, это несносно! Вѣдь вы сами знаете что вы врите, и что этотъ глупый анекдотъ не правда, къ чему вы ломаетесь? дрожащимъ голосомъ проговорилъ совершенно не сдерживая себя. Міусовъ.

— Всю жизнь предчувствовалъ, что не правда! съ увѣреніемъ воскликнулъ Ѳедоръ Павловичъ.—Я вамъ, господа, всю правду скажу: старецъ великій! Простите, я послѣднее крещеніе-то Дидерота, самъ сейчасъ присочинилъ, вотъ сію те минуточку, вотъ какъ рассказывалъ, а прежде никогда и в голову не приходило. Для пикантности присочинилъ. Для того ломаюсь, Петръ Александровичъ, чтобы милѣе быть. А, впрочемъ, и самъ не знаю иногда для чего. А что до Дидерота, то я этого: «рече безумца», разъ двадцать, отъ здѣшнихъ-же мѣщиковъ еще въ молодыхъ лѣтахъ моихъ слышалъ, какъ они ихъ проживалъ; отъ вашей тетеньки, Петръ Александровичъ, Мавры Ѳомишишны, тоже между прочимъ слышалъ. Всѣ-то до сихъ поръ увѣрены, что безбожникъ Дидеротъ къ митрополиту Платону спорить о Богѣ приходилъ...

Міусовъ всталъ, не только потерявъ терпѣніе, но даже и бы забывшись. Онъ былъ въ бѣшенствѣ и сознавалъ, что это самого самъ смѣшонъ. Дѣйствительно въ кельѣ происходило и совсѣмъ невозможное. Въ этой самой кельѣ, можетъ быть, сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ, еще при прежнихъ старцахъ

иногда посетители, но всегда съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, и уваженіемъ. Всѣ почти допускаемые, входя въ келью, понимали, что имъ оказываютъ тѣмъ великую милость. Многие повергались на колѣни и не вставали съ колѣнъ во все время посѣщенія. Многие изъ «высшихъ» даже лицъ и даже изъ ученѣйшихъ, мало-помалу, некоторые изъ вольнодумныхъ даже лицъ, приходившіе сюда по любопытству, или по иному поводу, входя въ келью со своимъ или получая свиданіе наединѣ, ставили себѣ въ первѣйшую обязанность, всѣ до одного, глубочайшую почтительность и уважительность во все время свиданія, тѣмъ болѣе, что здѣсь вовсе не полагалось, а была лишь любовь и милость съ одной стороны, а съ другой—покаяніе и жажда разрѣшить какой-нибудь трудный вопросъ души или трудный моментъ въ жизни душевнаго сердца. Такъ что вдругъ такое шутовство, которое обнаружилъ Федоръ Павловичъ, непочтительное къ мѣсту, въ которомъ онъ находился, произвело въ свидѣтеляхъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, недоумѣніе и удивленіе. Иеромонахи, впрочемъ, нисколько не измѣнившіе своихъ физиономій, съ серьезнымъ вниманіемъ слѣдили, что скажетъ старецъ, и, кажется, готовились уже встать какъ Міусовъ. Алеша готовъ былъ заплакать и стоялъ понуривъ голову. Всего страннѣе казалось ему то, что братъ его, Иванъ Федоровичъ, единственно въ котораго онъ надѣялся и который одинъ имѣлъ такое вліяніе на отца, что могъ-бы его остановить, сидѣлъ теперь совсѣмъ недвижимо на своемъ стулѣ, опустивъ глаза и, повидимому, съ какимъ-то даже любознательнымъ любопытствомъ ожидалъ чѣмъ все кончится, точно самъ онъ былъ совершенно тутъ потеронный человѣкъ. На Ракитина (семинариста), тоже Алешѣ очень знакомаго и почти близкаго, Алеша и взглянуть не могъ: онъ зналъ его мысли (хотя зналъ ихъ одинъ Алеша во всемъ монастырѣ).

— Простите меня... началъ Міусовъ, обращаясь къ старцу, — но я, можетъ быть, тоже кажусь вамъ участникомъ въ этой недостойной шуткѣ. Ошибка моя въ томъ, что я повѣрилъ, что и вы и такой, какъ Федоръ Павловичъ, при посѣщеніи столь священнаго лица, захочетъ понять свои обязанности... Я не сообразилъ, что придется просить извиненія именно зато, что съ вами входилъ...

Петръ Александровичъ не договорилъ и, совсѣмъ сконфузившись, хотѣлъ было уже выйти изъ комнаты.

— Не безпокойтесь, прошу васъ, привсталъ вдругъ съ сво

его мѣста на свои хилыя ноги старецъ и, взявъ за оба уха Петра Александровича, усадилъ его опять въ кресла. — Будьте спокойны, прошу васъ. Я особенно прошу васъ быть моимъ гостемъ, — и съ поклономъ повернувшись, сѣлъ опять на свой диванчикъ.

— Великій старецъ, изрежьте, оскорбляю я васъ моею известію или нѣтъ? вскричалъ вдругъ Федоръ Павловичъ, сѣвши обѣими руками за ручки кресель и какъ-бы готовый изъ нихъ выпрыгнуть сообразно съ отвѣтомъ.

— Убѣдительно и васъ прошу не беспокоиться и не стесняться, внушительно проговорилъ ему старецъ... — Не стыдитесь, будьте совершенно какъ дома. А главное, не стыдитесь столь самого себя, ибо отъ сего лишь все и выходитъ.

— Совершенно какъ дома? То есть въ натуральномъ-то видѣ? О, этого много, слишкомъ много, но — съ умилениемъ принимайте. Знаете, благословенный отецъ, вы меня на натуральный-то видъ не вызывайте, не рискуйте... до натурального вида я и самъ не дойду. Это я чтобы васъ охранить предупреждаю. Ну-съ, прочее все еще подвержено мраку неизвѣстности, хотя-бы нѣкоторые и желали росписать меня. Это я по вашему адресу, Петра Александровичъ, говорю, а вамъ, святѣйшее существо, вотъ что вамъ: восторгъ изливаю! Онъ привсталъ и, поднявъ вверхъ руки произнесъ: «Блаженно чрево носившее тебя и сосцы тебя питавшіе, сосцы особенно!» Вы меня сейчасъ замѣчаніемъ вашимъ: «Не стыдитесь столь самого себя, потому что отъ сего лишь все и выходитъ», — вы меня замѣчаніемъ этимъ какъ-бы насквозь проколупали и внутри прочли. Именно мнѣ все такъ и кажется, когда я въ людямъ вхожу, что я подлѣе всѣхъ и что меня всѣ за шутокъ принимаютъ, такъ вотъ «давай-же и я въ самомъ дѣлѣ сыграю шутокъ, не боюсь вашихъ мнѣній, потому что всѣ вы до одинака подлѣе меня!» Вотъ потому я и шутъ, отъ стыда шутъ, старецъ великій, отъ стыда. Отъ мнительности одной я буяню. Вы бы если-бъ я только былъ увѣренъ, когда вхожу, что всѣ меня за умнѣйшаго и умнѣйшаго человѣка сейчасъ-же примутъ, — Господи, какой-бы я тогда былъ добрый человѣкъ! Учитель! — повергся онъ вдругъ на колѣни, — что мнѣ дѣлать чтобы вслѣдовать жизнь вѣчную? — Трудно было и теперь рѣшить: шутить онъ, или въ самомъ дѣлѣ въ такомъ умилениіи?

Старецъ поднялъ на него глаза и съ улыбкой произнесъ:

— Сами давно знаете, что надо дѣлать, ума въ васъ довольно, не предавайтесь пьянству и словесному невоздержанію, не пре

приходите сладострастію, а особенно обоманію денегъ. да займите ваши питейные дома, если не можете всѣхъ, то хоть два или три. А главное, самое главное — не лгите.

Е. — То есть это про Дидерота, что-ли?

— Нѣтъ, не то, что про Дидерота. Главное самому себѣ не лгите. Лгушій самому себѣ и собственную ложь свою слушающій до того доходитъ, что ужь никакой правды ни въ себѣ, ни кругомъ не различаетъ, а стало быть, входитъ въ неуваженіе и къ себѣ, и къ другимъ. Не уважая-же никого, перестаетъ любить, а чтобы, не имѣя любви, занять себя и развлечься, предается страстямъ и грубымъ сладостямъ, и доходитъ наконецъ до свотства въ порокахъ своихъ, а все отъ безпрерывной лжи и людямъ, и себѣ самому. Лгушій себѣ самому прежде обидѣть и обидѣться можетъ. Вѣдь обидѣться иногда очень пріятно, а такъ-ли? И вѣдь знаютъ человѣкъ, что никто не обидѣлъ его, а что онъ самъ себѣ обиду навывдумалъ и нагаль для красоты и себя преувеличалъ, чтобы картину создать, къ слову привязался и изъ горошинки сдѣлалъ гору, — знаетъ самъ это, а всетаки самый перый обижается, обижается до пріятности, до ощущенія большаго удовольствія, а тѣмъ самымъ доходитъ и до вражды истинной.. Да встаньте-же, сядьте, прошу васъ очень, вѣдь все это тоже ложные жесты.

— Блаженный человѣкъ! Дайте ручку поцѣловать, подскокните Федоръ Павловичъ и быстро чмокнулъ старца въ худенькую его руку. — Именно, именно пріятно обидѣться. Это вы такъ хорошо сказали, что я и не слышалъ еще. Именно, именно я-то всю жизнь и обижался до пріятности, для эстетика обижался, да не только пріятно, да и красиво иной разъ обиженнымъ быть; — вотъ что вы забыли, великій старецъ: красиво! Это я въ книжку запишу! А галь я, галь, рѣшительно всю жизнь живу, на всякъ день и часъ. Во истину ложь емь и отецъ лжи! Впрочемъ, кажется, не отецъ лжи, это я все въ текстахъ сбиваюсь, ну хоть сынъ лжи и того будетъ довольно. Только... вы мой... про Дидерота иногда можно! Дидеротъ не по-редитъ, а вотъ иное словцо повредить. Старецъ великій, кстати, вотъ было забыть, а вѣдь такъ и положилъ еще съ третьяго года, здѣсь справиться, именно захватить сюда и настоятельно узнать и спросить: не прикажите только Петру Александрову прерывать. Вотъ что спрошу: справедливо-ли, отецъ великій, то что въ *Четыр-Минси* повѣствуется гдѣ-то — о какомъ-то святомъ чудотворцѣ, котораго мучили за вѣру и когда отру-

били ему подъ конецъ голову, то онъ всталъ, поднялъ съ головы, и «любезно ее лобызаше», и долго шель неся ее въ рукахъ и «любезно ее лобызаше». Справедливо это или нѣтъ отцы честные?

— Нѣтъ, несправедливо, сказалъ старецъ.

— Ничего подобнаго во всѣхъ *Четырь-Миней* не существуетъ. Про какого это святаго, вы говорите, такъ написалъ спросилъ іеромонахъ, отецъ бібліотекарь.

— Самъ не знаю про какого. Не знаю и не вѣдаю. Введенъ въ обманъ, говорили. Слышалъ и знаете кто рассказалъ? А вотъ Петръ Александровичъ Міусовъ, вотъ что за Дидерота сейчасъ рассердился, вотъ онъ-то и рассказалъ.

— Никогда я вамъ этого не рассказывалъ, я съ вами и не говорю никогда вовсе.

— Правда, вы не мнѣ рассказывали; но вы рассказывали въ компаніи, гдѣ и я находился, четвертаго года это дѣло было. Я потому и упомянулъ, что рассказомъ симъ смѣшливымъ и потрясли мою вѣру, Петръ Александровичъ. Вы не знали семь, не вѣдали, а я воротился домой съ потрясенною вѣрой въ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе сотрясаюсь. Да, Петръ Александровичъ, вы великаго паденія были причиной. Это ужъ Дидеротъ-съ!

Федоръ Павловичъ патетически разгорячился, хотя и совершенно ясно было уже всѣмъ, что онъ опять представляется. Міусовъ всетаки былъ больно уязвленъ.

— Какой вздоръ, и все это вздоръ, бормоталъ онъ. — дѣйствительно, можетъ быть, говорилъ когда-то... только не вамъ мнѣ самому говорили. Я это въ Парижѣ слышалъ, отъ одного француза, что будто-бы у насъ въ *Четы-Миней* это за обѣдней читаютъ... Это очень ученый человекъ, который спеціально изучалъ статистику Россіи... долго жилъ въ Россіи... Я самъ *Четы-Миней* не читалъ... да и не стану читать... Мало-ли что болтается за обѣдомъ?.. Мы тогда обѣдали...

— Да, вотъ вы тогда обѣдали, а я вотъ вѣру-то и потерялъ поддразнивалъ Федоръ Павловичъ.

— Какое мнѣ дѣло до вашей вѣры! крикнулъ было Міусовъ но вдругъ сдержалъ себя, съ презрѣніемъ проговоривъ: — вы безусловно мараєте все, къ чему не прикоснетесь.

Старецъ вдругъ поднялся съ мѣста:

— Простите, господа, что оставляю васъ пока на нѣсколько лишь минутъ, проговорилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ.

БРАТЯ КАРАМАНОВЫ.

—но меня ждутъ еще раньше вашего и бывшіе. А такъ не гайте, прибавилъ онъ, обратившись къ Ѳеодору молчу съ веселымъ лицомъ.

Онъ пошелъ изъ кельи, Алеша и послушникъ бѣговы свести его съ лѣстницы. Алеша задыхался, онъ радъ былъ, но радъ былъ и тому, что старецъ не обиженъ и старецъ направился къ галлерее, чтобы благословить молчу его. Но Ѳеодоръ Павлъ вѣтъ всетаки остановилъ его въ кельи:

— Блаженнѣйшій человекъ вы! вскричалъ онъ съ чувствомъ: «вольте мнѣ еще разъ взять вашу ручку облобызать! Нѣтъ, не можно говорить, можно жить! Вы думаете что я всегда шутовъ изображаю? Знайте-же, что это я все время молчу чтобы васъ испробовать такъ представлялся. Это можно васъ опупывать можно-ли съ вами жить? Моому-то молчу есть-ли при вашей гордости мѣсто? Листъ вамъ похвалы выдаю: можно съ вами жить! А теперь молчу, на все время замолчу. Сяду въ кресло и замолчу. Теперь вамъ, Петръ Александровичъ, говорить, вы теперь самый главный человекъ оставшись... на десять минутъ.

III.

Вѣрующія бабы.

Внизу у деревянной галлерейки, приделанной къ наружной оградѣ, толпились на этотъ разъ все женщины, бабы было двадцати. Ихъ уведомили, что старецъ, наконецъ, выйдетъ и они собрались въ ожиданія. Вышли на галлерейку и помѣщанцы Хохлаковы, тоже ожидавшія старца, но въ отведенномъ имъ благородныхъ посѣтительницъ помещеніи. Ихъ было мать и дочь. Госпожа Хохлакова-мать, дама богатая и всегда вкусно одѣтая, была еще довольно молода и очень важная собою особа, немного блѣдная, съ очень оживленными и темными совсемъ черными глазами. Ей было не больше тридцати лѣтъ и она уже лѣтъ пять какъ была вдовой. Четвертьстипная дочь ея страдала параличемъ ногъ. Бѣдняжка не могла ходить уже съ полгода и ее возили въ дрянномъ креслѣ на колесахъ. Это было прелестное дѣлечко, но не отъ болѣзни, но веселое. Что-то слышала

свѣтилось въ ея темныхъ большихъ глазахъ съ длинными ресницами. Мать еще съ весны собиралась ее везти за границу, но лѣтомъ опоздали за устройствомъ по мѣвнѣю. Онѣ уже съ нею какъ жили въ нашемъ городѣ, больше по дѣламъ, чѣмъ для гомоля, но уже разъ, три дня тому назадъ, посѣщали старца. Теперь онѣ пріѣхали вдругъ опять, хотя и знали, что старецъ почти уже не можетъ вовсе никого принимать и, настоятельно умоляя, просили еще разъ «счастья узрѣть великаго исцѣлителя». Въ ожиданіи выхода старца, мамаша сидѣла на стулѣ, впереди кресель дочери, а въ двухъ шагахъ отъ нея стоялъ старинный монахъ, не изъ здѣшняго монастыря, а захожіи изъ одной далекой сѣверной малонизвѣстной обители. Онъ тоже желалъ благополучія у старца. Но показавшійся на галлерей старецъ пріѣхавъ сначала прямо къ народу. Толпа затѣснилась къ крыльцу, о трехъ ступенькахъ соединявшему низенькую галлерейку с полемъ. Старецъ сталъ на верхней ступенькѣ, надѣлъ эпитрахиль и началъ благословлять тѣснившихся къ нему женщинъ. Притянули къ нему одну кликушу за обѣ руки. Та, едва лишь завидѣла старца, вдругъ начала какъ-то нелѣпо взвизгивая и вся затряслась какъ въ родимцѣ. Наложивъ ей на голову эпитрахиль, старецъ прочелъ надъ нею краткую молитву и она тотчасъ затихла и успокоилась. Не знаю какъ теперь, но въ дѣтствѣ моемъ мнѣ часто случалось въ деревняхъ и по монастырямъ видѣть и слышать этихъ кликушъ. Ихъ приводили къ обѣднѣ, онѣ визжали или лаяли по собачьи на всю церковь, и когда выносили дары и ихъ подводили къ дарамъ, тотчасъ «бѣснованіе» прекращалось и больныя на нѣсколько времени всегда успокаивались. Меня ребенка очень это поражало и удивляло. Но тогда-же я слышалъ отъ иныхъ помѣщиковъ и особенно отъ городскихъ учителей моихъ, на мои расспросы, что это все притворство, чтобы не работать и что это всегда можно искоренить надлежащею строгостью, причемъ приводились для подтвержденія разные анекдоты. Но впоследствии я съ удивленіемъ узналъ отъ специалистовъ-медиковъ, что тутъ никакъ нѣтъ притворства, что это страшная женская болѣзнь, и, кажется, по преимуществу у насъ на Руси, свидѣтельствующая о тяжелой судьбѣ нашей сельской женщины, болѣзнь, происходящая отъ изнурительныхъ работъ слишкомъ скорѣ послѣ тяжелыхъ, неправильныхъ, безо всякой медицинской помощи родовъ, кромѣ того отъ безвыходнаго горя, отъ побоевъ и проч., что для многихъ женскія природы выносить по общему примѣру все таки не

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

раннее-же и мгновенное исцѣленіе бѣдныя женщины, только лишь бывало ее подвѣсивъ, да и то объясняли мнѣ притворствомъ и свѣдѣваемымъ чуть-ли не самими «клериками» френологически самымъ натуральнымъ образомъ къ дарамъ бабы, а главное и сама баба какъ установившейся истинѣ, что не можетъ быть больною, никогда не можетъ выздороветь, а едя къ дарамъ, наклонять предъ нимъ, и всходило (и должно было происходить), и уже психически больной женщины непроизвольное всего организма ея въ моментъ потрясенія, сотрясеніе, вызванное ожиданіемъ выздоровленія и самую полную вѣрой въ то, что оно совершалось хотя-бы только на одну минуту, и оно и теперь совершилось, едва лишь старецъ началъ говорить эпиграфическию.

изъ тѣснѣвшихся къ нему женщинъ заливались слезы и восторга, вызваннаго эффектомъ минуты; другія облобызывать край одежды его, иныя что-то прямо благословляли всѣхъ, а съ иными разговаривали. Онъ уже зналъ, ее привели не издалека, изъ деревни за шесть отъ монастыря, да и прежде ее водили

зотъ далекая! указавъ онъ на одну еще вовсе не старую, но очень худую и испуганную, не то что загорѣвшую-бы всю почернѣвшую лицомъ. Она стояла на коленяхъ неподвижнымъ взглядомъ смотрѣла на старца. Было что-то какъ-бы изступленное.

далека, батюшка, издалека, отселева триста верстъ. Отецъ, издалека, проговорила женщина нарастающимъ, качивая плавно изъ стороны въ сторону головой и щеку ладонью. Говорила она какъ-бы причитывая. Горькое горе молчаливое и многотерпѣливое; оно ухаживаетъ и молчитъ. Но есть горе и надорванное: оно разь слезами и съ той минуты уходитъ въ причитываніе особенно у женщинъ. Но не легче оно молчаливаго читанія утешаютъ тутъ лишь тѣмъ, что еще болѣе отъ и надрываютъ сердце. Такое горе и утѣшенія не чувствомъ своей неутолимости питается. Причитанія жадность раздражать непрерывно рану.

— Истину надоть быть? продолжалъ, любоньтѣи
нео Владимъ ѿ, старецъ.

— Городекіе мы, отецъ, городекіе, по крестьянству и
городскіе, въ городу проживаемъ. Тебя повидать, отецъ,
была. Слышали о тебѣ, батюшка, слышали. Сыночка моя
чика схоронила, пошла молить Бога. Въ трехъ монастыряхъ
бывала, да указали мнѣ: «Зайди, Настасьюшка, и сюда,
вамъ то есть, голубчикъ, въ вамъ». Пришла, вчера у сто
была, а сегодня и къ вамъ.

— О чемъ плачешь-то?

— Сыночка жалъ, батюшка, трехлѣточекъ былъ, безъ тѣ
только мѣсяцевъ и три-бы годика ему. По сыночку муч
отецъ, по сыночку. Последній сыночекъ оставался, чет
было у насъ съ Никитишкой, да не стоятъ у насъ дѣту
не стоятъ, желанный, не стоятъ. Трехъ первыхъ схоронила
не жалѣла я ихъ очень-то, а этого послѣдняго схоронила и
быть его не могу. Вотъ точно онъ тутъ предо мной стоитъ
отходить. Душу мнѣ изсушилъ. Посмотрю на его бѣльище
на рубашоночку аль на сапожки и взвою. Разложу что по
него осталось, всякую вещь его, смотрю и вою. Говорю Н
тушкѣ, мужу-то моему: отпусти ты меня, хозяинъ, на богом
сходить. Извошкиъ онъ, не бѣдные мы, отецъ, не бѣдные,
отъ себя извозъ ведемъ, все свое содержимъ, и лошадок
экипажъ. Да на что теперь намъ добро? Зашибаться онъ с
безъ меня Никитишка-то мой, это навѣрно, что такъ,
прежде того: чуть я отвернусь, а ужъ онъ и ослабѣетъ. А
перь и о немъ не думаю. Вотъ ужъ третій мѣсяцъ изъ и
Забыла я, обо всемъ забыла и помнить не хочу; а и что і
нимъ теперь буду? Кончила я съ нимъ, кончила, со всѣми
кончила. И не глядѣла-бы я теперь на свой домъ и на свои
бро и не видала-бъ я ничего вовсе!

— Вотъ что, мать, проговорилъ старецъ, — однажды дре
великій святой увидѣлъ во храмѣ такую-же какъ ты плачу
мать и тоже по младенцѣ своему, по единственному, кото
тоже призвалъ Господь. «Или не знаешь ты, сказалъ ей свя
сколь сін младенцы предъ престоломъ Божиимъ дерзновеи
Даже и нѣтъ никого дерзновеннѣе ихъ въ Царствіи Небеси
Ты, Господи, даровалъ намъ жизнь, говорятъ они Богъ
только лишь мы узрѣли ее, какъ Ты ее у насъ и взялъ насъ
И столь дерзновенно просятъ и упрашиваютъ, что Гос
даетъ имъ немедленно ангельскій чинъ. А посему, моливъ

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

и ты радуйся, жена, а не плачь, и твой младенец твой Господа въ сонмѣ ангеловъ его пребываетъ». И въ что святой плачущей женѣ въ древнія времена, ангелъ-же святой и неправды ей повѣдать не могъ. И сему ангелу мать, что и твой младенецъ навѣрно теперь предъ Престоломъ Господнимъ, и радуется и веселится, и о Бога молитъ. А потому и ты не плачь, но радуйся. Женщина слушала его, покрывая рукой щеку и пот глубоко вздохнула.

— Тѣмъ самымъ и Никитушка меня утѣшалъ, какъ ты говорилъ «И разумная ты, говоришь, что сыночекъ нашъ навѣрно теперь у Господа Бога ангелами восхваляется». Господи, какъ онъ это мнѣ, а и самъ! вижу я, какъ и я-же, плачетъ. Знаю я, говорю, Никитушка, гдѣ-жъ ему и быть колы не у Господа Бога, тогда-то, съ нами-то его теперь, Никитушка, нѣтъ, подлѣ-то, какъ прежде сидѣлъ! И хотя-бы я только взглянула на него лишь разочекъ, только одинъ разочекъ на него мнѣ-бы только поглядѣть и не подошла-бы къ нему, не промолвила, въ домъ-бы притаилась, только-бы минуточку едину повидать, поглядѣть его, какъ онъ играетъ на дворѣ, придетъ, бывало, и кричитъ своимъ голосочкомъ: «Мамка, гдѣ ты?» Только-бы слышать-то мнѣ какъ онъ по комнатѣ своими ножками прохаживать, всего-бы только разивъ, ножками-то своими тукать, да такъ часто. часто, помню какъ, бывало, бѣжитъ ко мне, кричатъ да смѣется, только-бы я его ножки-то услышала, слышала-бы, признала! Да нѣтъ его, батюшка, нѣтъ, и не вижу его никогда! Вотъ его поясочекъ, а его-то и нѣтъ и когда-то мнѣ теперь не увидать, не слышать его!..

Она вынула изъ за-пазухи маленькій позументный поясочекъ, это мальчикъ и только лишь взглянула на него, такъ и задрожала отъ рыданій, закрывъ пальцами глаза свои, сквозь которые потекли, вдругъ брызнувшія ручьемъ слезы.

— А это, проговорилъ старецъ,—это древняя «Рахиль плачущая о дѣтяхъ своихъ и не можетъ утѣшиться потому что ихъ не было», и таковой вамъ, матерямъ, предѣлъ на землѣ положенъ. Утѣшайся, и не надо тебѣ утѣшаться, не утѣшайся и только каждыйразъ когда плачешь вспоминай неуклонно, ангелъ твой — есть единый отъ ангеловъ Божіихъ, отъ ангеловъ, онъ смотритъ и видитъ тебя и на твои слезы рахильскія Господу Богу указываетъ. И надолго еще

тебѣ сего великаго материнскаго плача будетъ, но обратнъ онъ подѣ конецъ тебѣ въ тихую радость и будутъ горькія слезы твои лишь слезами тихаго умиленія и сердечнаго очищенія отъ грѣховъ спасающаго. А младенчика твоего помяну упокой, какъ звали-то?

— Алексѣемъ, батюшка.

— Имя-то милое. На Алексѣя Человѣка Божія?

— Божія, батюшка, Божія, Алексѣя Человѣка Божія!

— Святой-то какой! Помяну, мать, помяну и печаль твою молитвѣ вспоману и супруга твоего за здравіе помяну. Только тебѣ грѣхъ оставляютъ. Ступай къ мужу и береги его. Увидишь оттуда твой мальчикъ, что бросила ты его отца и заплачешь вась: зачѣмъ-же ты блаженство-то его нарушаешь? Вѣдь живъ онъ, живъ, ибо жива душа во вѣки, и нѣтъ его въ домъ, а сего невидимо подлѣ вась. Какъ-же онъ въ домъ придетъ коль ты говоришь, что возненавидѣла домъ свой? Къ кому-жь онъ придетъ коль вась вмѣстѣ, отца съ матерью, не найдетъ? Вотъ онъ снится теперь тебѣ и ты мучаешься, а тогда онъ тебѣ кроткіе сны шлетъ. Ступай къ мужу, мать, сего-же дня ступай.

— Пойду, родной, по твоему слову пойду. Сердце ты мое собралъ. Никитушка ты мой, Никитушка, ждешь ты меня, голубчикъ, ждешь, начала было причитывать баба, но старецъ у насъ обратился къ одной старенькой старушонкѣ, одѣтой не по старинчески, а по городски. По глазамъ ея видно было, что у нея какое-то дѣло и что пришла она нѣчто сообщить. Назвалась она унтеръ-офицерскою вдовой, не издалека, всего изъ нашего-же города. Сыночекъ у ней, Васиенька, гдѣ-то въ комиссаріатѣ служилъ, да въ Сибирь поѣхалъ, въ Иркутскъ. Два раза оттуда писалъ, а тутъ вотъ уже годъ писать пересталъ. Справлялась она о немъ, да по правдѣ не знаетъ гдѣ и справиться-то.

— Только и говоритъ мнѣ наемни Степанида Ильинишна: дрягина, купчиха она, богатая; возьми ты, говоритъ, Прохорова и запиши ты, говоритъ, сыночка своего въ поминанье. снеси въ церковь, да и помяни за упокой. Душа-то его, говоритъ, за свѣтъ, онъ и напишетъ письмо. И это говоритъ Степанида Ильинишна, какъ есть вѣрно, многократно испытано. Да только и мѣдваюсь... Свѣтъ ты нашъ, правда оно аль неправда и хороши ли такъ будутъ?

— И не думай о семъ. Стыдно это и спрашивать. Да и не это возможно, чтобы живую душу, да еще родная мать за упокой поминала! Это великій грѣхъ, колдовству подобно, только по

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

...ню твоему лишь прощается. А ты лучше по... и Царяц
...ую, скорую заступницу и помощницу о адоро... его, да что
...тебя простила за неправильное размышленіе тв... И вотъ что
...тебѣ еще скажу, Прохоровна: кля самъ онъ... в
...ратно прибудетъ, сынокъ твой, или навѣрно ш...
...тъ ты и знай. Ступай и отсевай покойна будь.
...шь, говорю тебѣ.

— Милый ты нашъ, ~~размаши~~ ~~тебя~~ Богъ, бла...
...шь, молебникъ ты за всѣ... за грѣхи на...
... А старецъ уже замѣтаетъ... два горящіе, с
...ему взгляда изнуренной... чухоточной, хотѣ...
...крестьянки. Она глядѣ... глаза просили о чемъ

... какъ-бы боялась прибли...
— Ты съ чѣмъ, роднен...
— Разрѣши мою душу, ~~милый~~, тихо и не спѣша ш
...она, стала на колѣни и ~~поклонилась~~ ему въ ноги.

— Согрѣшила, отецъ родной, грѣха моего боюсь.
Старецъ сѣлъ на нижнюю ступеньку, женщина приблизилась
...ему, не вставая съ колѣнъ.

— Вдовѣю я, третій годъ, начала она полупшепотомъ; сама
...-бы вздрагивая.— Тяжело было замужемъ-то, старый былъ
... больно избилъ меня. Лежалъ онъ больной; думаю я, гляжу
... него, а вошь выздоровѣетъ, онять встанетъ, что тогда? И вопла
... нивъ тогда эта самая мысль!..

— Постой, сказалъ старецъ и приблизилъ ухо свое прямо
...ая губамъ. Женщина стала продолжать тихимъ шепотомъ,
... что ничего почти нельзя было уловить. Она кончила скоро.

— Третій годъ? спросилъ старецъ.
— Третій годъ. Сперва не думала, а теперь хворать начала,
...а пристала.

— Издалека?
— За пятьсотъ верстъ отселева.
— На исповѣди говорила?
— Говорила, по два раза говорила.
— Допустили къ причастію-то?
— Допустили. Боюсь; помирать боюсь.

— Ничего не бойся, и никогда не бойся, и не тоскуй. Только-
...ніе не оскудѣвало въ тебѣ—и все Богъ проститъ. Да и
...кого вѣтъ и не можетъ быть на всей землѣ, какого-бы не
... Господь во истину кающемуся. Да и совершить не мо-
...стѣмъ такого грѣха великаго человѣкъ, который-бы исто-

шилъ безконечную Божью любовь. Али можетъ быть такой чтобы превысилъ Божью любовь? О покаяніи лишь заботься престанномъ, а боязнь отгони вовсе. Вѣруй, что Богъ тебѣ битъ такъ, какъ ты и не помышляешь о томъ, хотя-бы съ хомъ твоимъ и во грѣхъ твоемъ любить. А объ одномъ какъ больше радости въ небѣ чѣмъ о десяти праведныхъ, слышно давно. Иди-же и не бойся. На людей не огорчайся, за обиду сердись. Покойнику въ сердцѣ все прости чѣмъ тебя оскорбилъ. Примирись съ нимъ во истину. Коли каешься, такъ и ли. А будешь любить, то ты уже Божья... Любовью все покупается. Уже коли я, такой-же какъ и ты человѣкъ, надъ тобой умиллся и пожалѣлъ тебя, кольми паче. Любовь такое безцѣнное сокровище, что на нее весь міръ можешь, и не только свои, но и чужіе грѣхи еще выкупить. Ступай и не бойся.

Онъ перекрестилъ ее три раза, снялъ съ своей шеи и на нее образокъ. Она молча поклонилась ему до земли. Онъ всталъ и весело поглядѣлъ на одну здоровую бабу съ грубымъ ребеночкомъ на рукахъ.

— Изъ Вышегорья, милый.

— Шесть верстъ однако отсюда, съ ребеночкомъ твоимъ. Чего тебѣ?

— На тебя глянуть пришла. Я вѣдь у тебя бывала, а забыла? Не велика-же въ тебѣ память, коли ужъ меня забыла. Зали у насъ, что ты хворый, думаю, что-жь, я пойду его повидѣю: вотъ и вижу тебя, да какой-же ты хворый? Еще цѣль лѣтъ проживешь, право, Богъ съ тобою! Да и мало тебѣ молебщниковъ, тебѣ-ль хворать?

— Спасибо тебѣ за все, милая.

— Кстати будетъ просьбица моя не великая: вотъ шестьдесятъ копѣекъ, отдай ты ихъ, милый, такой какая бѣднѣй. Пошла я сюда, да и думаю: лучше ужъ чрезъ незнакомую дамъ, ужъ онъ знаетъ которой отдать.

— Спасибо, милая, спасибо, добрая. Люблю тебя. И твою просьбу мѣнно исполню. Дѣвочка на рукахъ-то?

— Дѣвочка, свѣтъ, Лизавета.

— Благослови Господь васъ обѣихъ, и тебя, и милого твоего Лизавету. Развеселила ты мое сердце, мать. Прощайте, и вы прощайте, дорогія, любезныя!

Онъ всѣхъ благословилъ и глубоко всѣмъ поклонился.

IV.

Маловѣрная дама

Пріѣзжая дама помѣщица, взирая на всю сцену зрительнаго народья и благословенія его, проливая слезы на ихъ платочкомъ. Это была чувствительная дама, склонностями во многомъ искренно добрыми. Наконецъ, наконецъ, и къ ней, она встала и сказала:

— Я столько, столько въ восторгѣ, смотря на всю эту чудную сцену... не договорилась... она отъ волненія. — О, да, да, что насъ любить народъ, я сама люблю народъ, я его люблю, да и какъ не любить народъ, нашъ прелесть, простодушный въ своемъ величїи русскій народъ!

— Какъ здоровье вашей дочери? Вы опять пожелали со мной бесѣдовать?

— О, я настоятельно просила, я умоляла, я готова была на все, чтобы стать и стоять на колѣняхъ хоть три дня предъ вами, и окнами, пока-бы вы меня впустили. Мы пріѣхали къ вамъ, великій исцѣлитель, чтобы высказать всю нашу восторженную благодарность. Вѣдь вы Лизу мою исцѣляли, исцѣлили совершенно, а чѣмъ — тѣмъ что въ четвергъ помолились надъ ней, возложили на нее ваши руки. Мы облобызать эти руки хотимъ, излить наши чувства и наше благоговѣніе!

— Какъ такъ исцѣлили? Вѣдь она все еще въ креслѣ лежитъ?

— Но ночныя лихорадки совершенно исчезли, вотъ уже сутки, съ самаго четверга, нервно заспѣшила дама. —

— Вотъ того: у ней ноги окрѣпли. Сегодня утромъ она встала сама, она спала всю ночь, посмотрите на ея румянецъ, на блестящія глазки. То все плакала, а теперь смѣется, веселится. Сегодня непременно требовала, чтобы ее поставили на ноги постоять и она цѣлую минуту простояла сама, безъ всякой поддержки. Она бѣется со мной объ закладъ, что въ двѣ недѣли будетъ кадрили танцовать. Я призывала моего доктора Герценштубе; онъ пожимаетъ плечами и говоритъ: дивлюсь, недоумѣваю. И вы хотите, чтобы мы не безъ васъ, могли не летѣть сюда, не благодарить? Лизе, благодарю, благодарю!

Именно-то, смѣющееся личико Лизе, сдѣлалось было вдругъ

серьезнымъ, она приподнялась въ креслахъ слегка ноги смотря на старца, сложила предъ нимъ свои руки, но не терпѣла и вдругъ разсѣялась...

— Это я на это, на него! увидела она на Алешу, съ своей досадою на себя за то, что не вытерпѣла и разсѣялась. Кто-бы посмотрѣлъ на Алешу, стоявшаго на шагъ впереди старца тотъ замѣтилъ-бы въ его лицѣ быструю краску, въ одинъ мигъ залившую его щеки. Глаза его сверкнули и потупились.

— У ней къ вамъ, Алексѣй Федоровичъ, вѣручнѣе... Ваше здоровье, продолжала маленька, обращаясь вдругъ къ Алешѣ и протягивая къ нему свою прелестно гангирежанную руку. Старецъ оглянулся и вдругъ внимательно посмотрѣлъ на Алешу. Тотъ приблизился къ Алешѣ и какъ-то странно и вполнѣ неожиданно протянулъ къ ней руку. Лизе сдѣлала важную физиономію.

— Катерина Ивановна присылаетъ вамъ чрезъ меня это, подала она ему маленькое письмецо. — Она особенно проситъ, чтобы вы зашли къ ней, да поскорѣй, поскорѣй, и чтобы не обманывать, а непременно прийти.

— Она меня проситъ зайти? Къ ней, меня... Зачѣмъ съ глубокимъ удивленіемъ пробормоталъ Алеша. Лицо его вдругъ стало совсѣмъ озабоченное.

— О, это все по поводу Дмитрія Федоровича и... всѣхъ этихъ послѣднихъ происшествій, бѣгло пояснила мамаша. — Катерина Ивановна остановилась теперь на одномъ рѣшеніи... но для васъ ей непременно надо васъ видѣть... зачѣмъ? Конечно, но это по она просила какъ можно скорѣй. И вы это сдѣлаете, вѣрно сдѣлаете, тутъ даже христіанское чувство велитъ.

И видѣлъ ее всего только одинъ разъ, продолжалъ въ томъ-же недоумѣніи Алеша.

— О, это такое высокое, такое недостижимое существо. Уже по однимъ страданіямъ своимъ... Сообразите, что она несетъ, что она теперь выносить, сообразите, что ее ожидаетъ все это ужасно, ужасно!

— Хорошо, я приду, рѣшилъ Алеша, пробѣжавъ короткую и загадочную записочку, въ которой, кромѣ убѣдительной просьбы прийти, не было никакихъ поясненій.

— Ахъ, какъ это съ вашей стороны мило и великодушно будетъ, вдругъ вса одушеваясь вскричала Лизе—А я въ этой разговорѣ ни за что онъ не пойдетъ, онъ спасается. Экой, какой прекрасный! Вѣдь я всегда думала, что вы прекрасный, что мнѣ пріятно вамъ теперь сказать!

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

— Lise! внушительно проговорила мамаша, впрочемъ, тотъ-же улыбулась.

— Вы и насъ забыли, Алексѣй Федоровичъ, вы совсѣмъ не хотите бывать у насъ; а между тѣмъ Lise мнѣ два раза говорила, что только съ вами ей хорошо. Алеша поднялъ по-маленьки глаза, опять вдругъ покраснѣлъ и опять вдругъ, не зная чему, усмѣхнулся. Впрочемъ, старецъ уже не обращалъ на него. Онъ вступилъ въ разговоръ съ захожимъ монахомъ, давшимъ, какъ мы уже знаемъ, подлѣ кресель кота. Это былъ, повидимо, одинъ изъ самыхъ простыхъ монаховъ, изъ простаго званія, въ коротенькихъ, нерушимыхъ рясахъ, съ зрѣніемъ, но върующаго въ своемъ родѣ упорный. Онъ явился себя откуда-то съ дальняго сѣвера, изъ Обдорскъ, изъ того Сильвестра, изъ одного бѣднаго монастыря всего сѣвера монаховъ. Старецъ благословилъ его и пригласилъ зайти къ нему въ келью, когда ему будетъ угодно.

— Какъ-же вы дерзаете дѣлать такія дѣла? спросилъ вдругъ старецъ, внушительно и торжественно указывая на Lise. Онъ назвалъ на ея «исцѣленіе».

— Объ этомъ, конечно, говорить еще рано. Облегченіе не было еще полное исцѣленіе и могло произойти и отъ другихъ причинъ. Но если что и было, то ничьею силой, кромѣ какъ Божіимъ изволеніемъ. Все отъ Бога. Посѣтите меня, отецъ, при-ходите онъ монаху, — а то не во всякое время могу; хвораю и знаю, что дни мои сочтены.

— О, нѣтъ, нѣтъ, Богъ васъ у насъ не отниметъ, вы прожить еще долго, долго, вскричала мамаша. — Да и чѣмъ вы больны? Вы смотрите такимъ здоровымъ, веселымъ, счастливымъ.

— Мнѣ сегодня необыкновенно легче, но я уже знаю, что это только лишь минута. Я мою болѣзнь теперь безошибочно понимаю. И-же я вамъ кажусь столь веселымъ, то ничѣмъ и никогда не могли вы меня столь обрадовать, какъ сдѣлавъ такое замѣчаніе. Ибо для счастья созданы люди, и кто вполнѣ счастливъ, тотъ прямо удостоенъ сказать себѣ: «Я выполнилъ завѣтъ Бога на сей землѣ». Всѣ праведные, всѣ святые, всѣ святые мученики были всѣ счастливы.

— О, какъ вы говорите, какія смѣлыя и высшія слова, сказала мамаша. — Вы скажете и какъ будто прозрите. А гдѣ же счастье, счастье — гдѣ оно? Кто можетъ сказать про себя: онъ счастливъ? О, если ужъ вы были такъ добры, если бы вы стали насъ сегодня еще разъ васъ видѣть, то выслу-

шайте все, что я вамъ прошлый разъ не договорила, не смѣла сказать, все чѣмъ я такъ страдаю, и такъ давно, да... Я страдаю, простите меня, я страдаю... И она въ какомъ горячемъ порывистомъ чувствѣ сложила предъ нимъ руки.

— Чѣмъ-же особенно?

— Я страдаю... невѣріемъ...

— Въ Бога невѣріемъ?

— О, нѣтъ нѣтъ, я не смѣю и подумать объ этомъ: будущая жизнь — это такая загадка! И никто-то, вѣдь никто на нее не отвѣчаетъ! Послушайте, вы цѣлитель, вы знаете души человѣческой; я, конечно, не смѣю претендовать на то, чтобы вы мнѣ совершенно вѣрили, но увѣряю васъ самымъ легкимъ словомъ, что я не изъ легкомыслія теперь говорю, мысль эта о будущей загробной жизни до страданія волну меня, до ужаса и испуга... И я не знаю къ кому обратиться, я не смѣла всю жизнь... И вотъ, я теперь осмѣливаюсь обратиться къ вамъ... О, Боже, за какую вы меня теперь сочтете! всплеснула руками.

— Не безпокойтесь о моемъ мнѣніи, отвѣтилъ старецъ. — вполне вѣрую въ искренность вашей тоски.

— О, какъ я вамъ благодарна! Видите: я зырываю глаза, думаю: Если всѣ вѣруютъ, то откуда взялось это? А тутъ говорятъ, что все это взялось сначала отъ страха предъ грозными явленіями природы, и что всего этого нѣтъ. Ну что, думаю, я жизнь вѣрила — умру и вдругъ ничего нѣтъ, и только «выросло допухъ на могилѣ», какъ прочитала я у одного писателя. ужасно! Чѣмъ, чѣмъ возратить вѣру? Впрочемъ, я вѣрила когда была маленькимъ ребенкомъ, механически, ни о чемъ не думая... Чѣмъ-же, чѣмъ это доказать, я теперь пришла погнущаяся предъ вами и просить васъ объ этомъ.. Вѣдь если упущу и теперешній случай — то мнѣ во всю жизнь никто не отвѣтитъ. Чѣмъ-же доказать, чѣмъ убѣдиться? О, мнѣ несчастье! Я стою и кругомъ вижу, что всѣмъ все равно, почти всѣмъ, и объ этомъ теперь не заботится, а я одна только переношу и не могу. Это убійственно, убійственно!

— Безъ сомнѣнія, убійственно! Но доказать тутъ вамъ ничего, убѣдиться-же возможно.

— Какъ? Чѣмъ?

— Опытомъ дѣятельной любви. Постарайтесь любить вашихъ ближнихъ дѣятельно и неустанно. По мѣрѣ того, какъ будете успѣвать въ любви, будете убѣждаться и въ бытіи Бога, и

всмертій души вашей. Если-же дойдете до полного самоотверженія въ любви къ ближнему, тогда ужь несомнѣнно увѣруете, никакое сомнѣніе даже и не возможетъ зайти въ вашу душу. Это испытано, это точно.

— Дѣятельной любви? Вотъ и опять вопросъ и такой вопросъ, такой вопросъ! Видите: я такъ люблю человѣчество, что, брате-ли, мечтаю иногда бросить все, все что имѣю, оставить все и идти въ сестры милосердія. Я закрываю глаза, думаю и мечтаю, и въ эти минуты я чувствую въ себѣ непреодолимую силу. Никакія раны, никакія гнойныя язвы не могли-бы меня мучить. Я-бы перевязывала и обмывала собственными руками, была-бы сидѣлкой у этихъ страдальцевъ, я готова цѣловать язвы.

— И то ужь много и хорошо, что умъ вашъ мечтаетъ объ этомъ, а не о чемъ иномъ. Нѣтъ, нѣтъ, да невзначай и въ самомъ дѣлѣ сдѣлаете какое-нибудь доброе дѣло.

— Да, но долго-ли-бы я могла выжить въ такой жизни? горячо почти какъ-бы изступленно продолжала дама.—Вотъ главнѣйшій вопросъ. Это самый мой мучительный изъ вопросовъ. Я закрываю глаза и спрашиваю сама себя: долго-ли-бы ты выдержала на этомъ пути? И если больной, язвы котораго ты обмылаешь, не отвѣтитъ тебѣ тотчасъ-же благодарностью, а, напротивъ, станетъ тебя-же мучить капризами, не цѣня и не замѣчая этого человѣколюбиваго служенія, станетъ кричать на тебя, грубо требовать, даже жаловаться какому-нибудь начальству (какъ и часто случается съ очень страдающими)—что тогда? Продолжится твоя любовь или нѣтъ? И вотъ — представьте, я съ прогнаніемъ это уже рѣшила: если есть что нибудь, что могло-бы расхолодить мою «дѣятельную» любовь къ человѣчеству тотчасъ-же, то это единственно неблагодарность. Однимъ словомъ, работница за плату, я требую тотчасъ-же платы, то есть платишь себѣ и платы за любовь любовью. Иначе я никого не способна любить!

Она была въ припадкѣ самаго искренняго самобичеванія и, мучивъ, съ вызывающею рѣшимостью поглядѣла на старца.

— Это точь въ точь какъ рассказывалъ мнѣ, давно уже, впрямь, одинъ докторъ, замѣтилъ старецъ.—Человѣкъ былъ уже злой и бесспорно умный. Онъ говорилъ также откровенно, въ вы, хотя и шутя, но скорбно шутя; я, говоритъ, люблю чужество, но дивлюсь на себя самого: чѣмъ больше я люблю чужество вообще, тѣмъ меньше я люблю людей въ частно

сти, то ес рознь, какъ отдѣльныхъ лицъ. Въ мечтахъ я рѣдко, говоришь, доходилъ до странныхъ помысловъ о славѣ и человѣчеству и, можетъ быть, дѣйствительно пошелъ-бы крестъ за людей, еслибы это вдругъ какъ нибудь потребовалось, а между тѣмъ я двухъ дней не въ состоянїи прожить съ кѣмъ въ одной комнатѣ, о чемъ знаю изъ опыта. Чуть-бы близко отъ меня, и вотъ ужъ его личность давить мое самолюбїе и стѣснять мою свободу. Въ однѣ сутки я могу даже лучшаго человѣка возненавидѣть: одного зато, что онъ долго ѣсть объѣдомъ, другаго зато, что у него насморкъ и онъ безпрерывно сморкается. Я, говоришь, становлюсь врагомъ людей чуть-лишь тѣ ко мнѣ прикоснутся. За то всегда такъ происходитъ, что чѣмъ болѣе я ненавиждѣлъ людей въ частности, тѣмъ и менѣе становилась любовь моя къ человѣчеству вообще.

— Но что-же дѣлать? Что-же въ такомъ случаѣ дѣлать? Тутъ надо въ отчаянїе придти?

— Нѣтъ, ибо я того довольно, что вы о семъ сокрушаетесь. Сдѣлайте, что можете и сочтется вамъ. У васъ-же много сдѣлано, ибо вы могли столь глубоко и искренно сознать себя сами! Если-же я вы со мной теперь говорила столь искренно для того, чтобы какъ теперь отъ меня лишь похвалу получить за вашу правдивость, то, конечно, ни до чего не дойдете подвиговъ дѣятельной любви, такъ все и останется лишь мечтахъ вашихъ, и вся жизнь мелькнетъ какъ призракъ. Тутъ понятнo, и о будущей жизни забудете, и сами собой подытецъ какъ нибудь успокоитесь.

— Вы меня раздавили! Я теперь только, вотъ въ это мнѣнїе, какъ вы говорили, поняла, что я дѣйствительно жила только вашей похвалы моей искренности, когда вамъ разсказывала о томъ, что не выдержку неблагодарности. Вы мнѣ и сказали меня, вы удовили меня и мнѣ-же объяснили меня!

— Взаправду вы говорите? Ну, теперь послѣ такого вашего признанїя я вѣрую, что вы искренны и сердцемъ добры. Если не дойдете до счастья, то всегда помните, что вы на хорошей дорогѣ и постарайтесь съ нею не сходить. Главное, убѣгайте лжи, всякой лжи, лжи себѣ самой въ особенности. Наблюдайте свою ложь и вглядывайтесь въ нее каждый часъ, каждую минуту. Брезгливости убѣгайте тоже и въ другимъ и къ себѣ: что вамъ кажется внутри себя сквернымъ, уже однимъ темъ что вы это замѣтили въ себѣ, очищается. Страха тоже убѣгайте: хотя страхъ есть лишь послѣдствїе всякой лжи. Не смѣ

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

когда собственнаго вашего малодушія въ достиже іи любви, да
ныхъ при этомъ поступковъ вашихъ не пойдѣте очень
люблю, что не могу сказать вамъ ничего отраднѣе, ибо любовь
истинная сравнительно съ мечтательною есть дѣло жестокое и
гранжающее. Любовь мечтательная жаждетъ подвига ск
стро удовлетворимаго и чтобы всё на него глядѣли.
истинно доходить до того, что даже и жизнь
бы не продлилось долго, а поскорѣй совершилось
на сценѣ, и чтобы всё глядѣли и хвалили. Любовь
истинная—это работа и выдержка, а для иныхъ такъ, і
наука. Но предрекаю, что въ ту даже самую
да вы будете съ ужасомъ смотрѣть на то, что не см
ваши усилія вы не тогда не подвинулись къ цѣ
же какъ-бы отъ нея удалились,—въ ту самую минуту,
когда вамъ это, вы вдругъ и достигнете цѣли и узрите
въ собою чудодѣйственную силу Господа, васъ все время лю
бимаго и все время таинственно руководившаго. Простите, что
сказать не могу съ вами долѣе, ждуть меня. До свиданія.

Дама плакала.

— Lise, Lise, благословите-же ее, благословите! вдругъ
порхнула она вся.

— А ее и любить не стоитъ. Я видѣлъ какъ она все время
шутливо провзнесъ старецъ. — Вы зачѣмъ все время
запались надъ Алексѣемъ?

А Lise и вправду все время занималась этою продѣлкой.
и давно уже, еще съ прошлаго раза, замѣтила, что Алеша
конфузится и старается не смотрѣть на нее, и вотъ это ее
само стало забавлять. Она пристально ждала и ловила его
взглядъ: не выдерживая упорно направленного на него взгляда,
она нѣтъ-нѣтъ и вдругъ неволью, непреодолимою силой,
глядывалъ на нее самъ, и тотчасъ-же она усмѣхалась тор
жествующею улыбкой прямо ему въ глаза. Алеша конфузился
и расадовалъ еще болѣе. Наконецъ, совсѣмъ отъ нея отвер
нулся и свиртался за спину старца. Послѣ нѣсколькихъ ми
нутъ онъ опять, влекомый тою-же непреодолимою силой, по
пынулся посмотрѣть, глядятъ-ли на него или нѣтъ. и увидѣлъ,
Lise, совсѣмъ почти свѣсившись изъ кресель, выглядывала
сбоку и ждала изъ всѣхъ силъ, когда онъ поглядитъ;
и же его взглядъ, расхохоталась такъ, что даже и ста
ндржалъ:

— Чѣмъ его, шалунья, такъ стыдите?

Лицо і ея совсѣмъ неожиданно, покраснѣла, сверкнувъ глазами, и ея стало ужасно серьезнымъ и она съ горькою негодующею жалобой вдругъ заговорила скоро, нервно.

— А онъ зачѣмъ все забылъ? Онъ меня маленькую и какъ носилъ, мы играли съ нимъ. Вѣдь онъ меня читалъ, дилъ учить, вы это знаете? Онъ, два года назадъ, прошепталъ, говоря, что никогда не забудетъ, что мы вѣчные друзья, вѣчные, вѣчные! И вотъ онъ вдругъ меня теперь боится, и совсѣмъ, что-ли? Чего онъ не хочетъ подойти, чего онъ не говоритъ? Зачѣмъ онъ къ намъ не хочетъ придти? Развѣ его не пускаете: вѣдь мы-же знаемъ, что онъ вездѣ ходитъ. Мы неправдично его звать, онъ первый долженъ-бы былъ прийти, если не забыть. Нѣтъ-съ, онъ теперь спасается! Что на него эту долгополую-то раску надѣли... Побѣжать, побѣжать...

И она вдругъ, не выдержавъ, закрыла лицо рукой и всхлинула ужасно, неудержимо, своимъ дикимъ, нервнымъ, содрогавшимся и неслышимымъ всхликомъ. Старецъ выслушалъ, улыбаясь и съ нѣжностью благословилъ; когда-же она съ удивленіемъ взяла его руку, то вдругъ прижала ее къ глазамъ своимъ и заплакала.

— Вы на меня не сердитесь, я дура, ничего не стою. Алеша, можетъ быть, правъ, очень правъ, что не хочетъ такой сѣбишной ходить.

— Непремѣнно пришлю его, рѣшилъ старецъ.

У.

Буди, буди!

Отсутствіе старца въ кельи продолжалось минутъ сорокъ двадцати пяти. Было уже за половину перваго, а Дмитрія Федоровича, ради котораго всѣ собрались, все еще не бывало. Онъ почти какъ бы и забыли и когда старецъ вступилъ въ келью, то засталъ самый оживленный общій разговоръ между своими гостями. Въ разговорѣ участвовали прежде всего Федоровичъ и оба іеромонаха. Ввязывался и, повидимому, горячо въ разговоръ и Миусовъ, но ему опять не везло: онъ былъ видимо на второмъ планѣ и ему даже изло отвѣчали, что это новое обстоятельство лишь усилило все накопившуюся его раздражительность. Дѣло въ томъ, что онъ и пр-

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

домъ Федоровичемъ нѣсколько цѣвировался къ познаніяхъ. Некоторую небрежность его къ себѣ хладнокровно не выносилъ. «До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, стоялъ и не отсталъ отъ передоваго въ Европѣ, а это новое полагали насъ игнорируетъ», думалъ онъ про себя. Федоровичъ, который самъ далъ слово уѣхать на стулъ и нѣкоторое время молчалъ, но съ насмѣшкой сѣднѣлъ за своимъ столомъ, Петромъ Алешинымъ и видимо радовался его раздражительности. Онъ собирался отплатить ему кое за что и теперь не оставилъ случая. Наконецъ, онъ вытерпѣлъ, нагнулся къ нему и въ полголоса поддразнивалъ его еще разъ:

— Вѣдь вы давеча почему не ушли послѣ «любезно-только» и согласились въ такой неприличной компаніи остаться? А потому, что чувствовали себя униженнымъ и оскорбленнымъ и остались чтобы для реваншу выставить умъ. Теперь вы не уйдете пока умъ своего не выставите.

— Вы опять? Сейчасъ уйду, напротивъ.

— Позже, позже всѣхъ отправитесь! кольнулъ еще разъ старецъ Павловичъ. Это было почти въ самый моментъ возвращенія старца.

Споръ на одну минутку затихъ, но старецъ, уѣхавъ на свое мѣсто, оглядѣлъ всѣхъ какъ-бы привѣтливо вызывая молчать. Алеша, изучившій почти всякое выраженіе его лица, видѣлъ ясно, что онъ ужасно утомленъ и себя пересиливаетъ. Въ послѣднее время болѣзни съ нимъ случались отъ истощенія силъ обмороки. Почти такая-же блѣдность какъ предъ обморокомъ распространялась и теперь по его лицу, губы его блѣдны. Но онъ очевидно не хотѣлъ распустить собраніе; казалось, онъ имѣлъ при томъ какую-то свою цѣль, — какую-то. Алеша пристально слѣдилъ за нимъ.

— О любопытнѣйшей ихъ статьѣ толкуемъ, произнесъ іеромонахъ Іосифъ, бібліотекаръ, обращаясь къ старцу и указывая на статью Ивана Федоровича. — Новаго много выводятъ, да, кажется, что о двухъ концахъ. По поводу вопроса о церковно-общественномъ судѣ и обширности его права отвѣтили журнальною статью одному духовному лицу, написавшему о вопросѣ семъ что...

— Сожалѣнію, вашей статья не читалъ, но о ней слышалъ старецъ, пристально и зорко вглядываясь въ Федоровича.

— Они стоятъ на любопытнѣйшей точкѣ, продолжалъ отецъ библіотекаръ, — повидимому совершенно отвергаютъ въ вопросѣ о церковно-общественномъ судѣ раздѣленіе церкви отъ государства.

— Это любопытно, но въ какомъ-же смыслѣ? спросилъ отецъ Ивана Фёдоровича.

Тотъ, наконецъ, ему отвѣтилъ, но не свысока-учтиво, боялся еще накануне Алеша, а скромно и сдержанно, съ своею предупредительностью и, повидимому, безъ малѣйшей злой мысли.

— Я иду изъ положенія, что это смѣшеніе элементовъ, есть сущностей церкви и государства отдѣльно взятыхъ, буди конечно, вѣчнымъ, не смотря на то, что оно невозможно и его никогда нельзя будетъ привести не только въ нормальное но и въ сколько-нибудь согласное состояніе, потому что оно лежитъ въ самомъ основаніи дѣла. Компромиссъ между государствомъ и церковью въ такихъ вопросахъ какъ, напримеръ, судъ, по моему, въ совершенной и чистой сущности своей невозможенъ. Духовное лицо, которому я возражалъ, утверждаетъ что церковь занимаетъ точное и опредѣленное мѣсто въ государствѣ. Я-же возразилъ ему, что, напротивъ, церковь должна заключать сама въ себѣ все государство, а не занимать въ немъ лишь нѣкоторый уголокъ, и что если теперь это почему-либо невозможно, то, въ сущности вещей, несомнѣнно должно быть поставлено прямою и главнѣйшею цѣлю всего дальнѣйшаго развитія христіанскаго общества.

— Совершенно справедливо, твердо и нервно проговорилъ отецъ Паисій, молчаливый и ученый іеромонахъ.

— Чистѣйшее ультрамонтанство! вскричалъ Міусовъ, нетерпѣливо переложивъ ногу на ногу.

— Э, да у насъ и горь-то нѣту! воскликнулъ отецъ Іосифъ, обращаясь къ старцу, продолжалъ: — они отвѣчаютъ, же прочимъ, на слѣдующія «основныя и существенныя» положенія своего противника, духовнаго лица, замѣтите себѣ. Первое: «ни одинъ общественный союзъ не можетъ и не долженъ присвоивать себѣ власть — распоряжаться гражданскими и политическими правами своихъ членовъ». Второе: что «уголовно-судно-гражданская власть не должна принадлежать церкви и несовмѣстима съ природою ея и какъ божественнаго установленія и какъ союза людей для религіозныхъ цѣлей» и, наконецъ третьихъ: что «церковь есть царство не отъ міра сего»...

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

— Недостойнѣйшая игра словъ для духовнаго лица! не былъ и прервалъ опять отецъ Паксій.— Я читалъ эту книгу, которую вы возражали, обратился онъ къ Ивану Федорову, — и удивленъ былъ словами духовнаго лица, что «церковь царство не отъ міра сего». Если не отъ міра сего, то, стало бы, и не можетъ быть на землѣ ея вовсе. Въ святомъ Евѣеѣ слова: «не отъ міра сего» не въ томъ смыслѣ употреблены. Играть такими словами невозможно. Господь нашъ истинно именно приходилъ установить церковь на землѣ, а не на небесномъ, разумѣется, не отъ міра сего, въ небѣ входить не иначе, какъ чрезъ церковь, которая установлена на землѣ. А потому свѣтскіе каламбуры въ подобномъ родѣ невозможны и недостойны. Церковь же есть во истину, и опредѣлена царствовать, и въ концѣ своемъ должа быть какъ царство на всей землѣ несомнѣнно, — на всѣмъ обитованіи...

Онъ вдругъ умолкъ, какъ-бы сдержавъ себя. Иванъ Федоровъ почтительно и внимательно его выслушавъ, съ чрезвычайнѣйшимъ спокойствіемъ, по прежнему охотно и простоудшно промолвилъ, обращаясь къ старцу:

— Вся мысль моей статьи въ томъ, что въ древнія времена у насъ трехъ вѣковъ христіанства, христіанство на землѣ являлось лишь церковью и было лишь церковью. Когда же римское государство возжелало стать христіанскимъ, то непосредственно случилось такъ, что, ставъ христіанскимъ, оно лишь включило въ себя церковь, но само продолжало оставаться государствомъ языческимъ по прежнему, въ чрезвычайномъ многостороннемъ отпаденіи. Въ сущности такъ несомнѣнно и должно было произойти. Но въ Римѣ, какъ въ государствѣ, слишкомъ долго осталось отъ цивилизаціи и мудрости языческой, какъ, римскій, самая даже цѣль и основы государства. Христова-церковь, вступивъ въ государство, безъ сомнѣнія, не могла разрушить ничего изъ своихъ основъ, отъ того камня, на которомъ стояла она, и могла лишь преслѣдовать не иначе какъ въ цѣли, разъ твердо поставленныя и указанныя ей самимъ Богомъ, между прочимъ: обратить весь міръ, а стало быть, и языческое государство въ церковь. Такимъ образомъ (и это есть въ цѣляхъ будущаго) не церковь должна искать опредѣленнаго мѣста въ государствѣ, какъ «всякій обществѣ» или какъ «союзъ людей для религіозныхъ цѣлей» (какъ говорится о церкви авторъ, которому возражаю), а,

напротивъ, всякое земное государство должно-бы вполнѣ обратиться въ церковь вполнѣ, и стать ничѣмъ инымъ какъ церковью и уже отклонивъ всякія несходныя съ церковью цѣли. Все-же это ничѣмъ не унижить его, не отнять славы, ни славы его, какъ великаго государства, ни славы тѣлѣй его, а лишь поставить его съ ложной, еще изыч ошибочной дороги на правильную и истинную дорогу, вѣнно ведущую къ вѣчнымъ цѣлямъ. Вотъ почему авторъ объ *Основахъ Церковно-Общественнаго Суда* судилъ-бы вильно, если-бы, изыскивая и предлагая эти основы, см бы на нихъ какъ на временный, необходимый еще в грѣшное и незавершившееся время компромиссъ, но ни Но чуть лишь сочинитель этихъ основъ осмысливается объ что основы, которыми предлагаетъ онъ теперь и часть из перечислилъ сейчасъ отецъ Іосифъ, — суть основы незы стихійныя и вѣковѣчныя, то уже прямо идетъ противъ и святаго вѣковѣчнаго и незыблемаго предназначенія е вся моя статья, полный ея конспектъ.

— То есть въ двухъ словахъ, упирая на каждое сло говорилъ опять отецъ Пансіи. — по инымъ теоріямъ, съ выяснившимся въ нашъ девятнадцатый вѣкъ, церковь перерождаться въ государство, такъ какъ-бы изъ низшій видъ, чтобы затѣмъ въ немъ исчезнуть, уступивъ духу времени и цивилизаціи. Если-же не хочетъ того и тивляется, то отводится ей въ государствѣ зато какъ-б торый лишь уголъ, да и то подъ надзоромъ, — и эт мѣстно въ наше время въ современныхъ европейскихъ : По русскому-же пониманію и упованію надо, чтобы не перерождалась въ государство, какъ изъ низшаго въ типъ, а, напротивъ, государство должно кончить тѣмъ сподобиться стать единственно лишь церковью и ничѣмъ бодѣ. Ся и буди, буди!

— Ну-съ, признаюсь, вы меня теперь нѣсколько о уемѣхнулся Міусовъ, переложивъ опять ногу на ногу. — я понимаю это, стало быть, осуществленіе какого-то безконечно далекаго, во второмъ пришествіи. Это какъ Прекрасная утопическая мечта объ исчезновеніи войнъ матовъ, банковъ и проч. Что-то даже похожее на сои А то я думалъ, что все это серьезно, и что церковь те примѣръ, будетъ судить уголовщину и приговаривать каторгу, а, пожалуй, такъ и смертную казнь.

— Да если-бы и теперь былъ одинъ лишь церковно-о-
бывенный судъ, то и теперь-бы церковь не посылала на кат-
ки на смертную казнь. Преступленіе и взглядъ на него долж-
ны были несомнѣнно тогда измѣниться, конечно, мало по м-
ногу вдругъ и не сейчасъ, но однако довольно скоро... спок-
но не смитнувъ глазомъ произнесъ Иванъ Федоровичъ.

— Вы серьезно? пристально глянулъ на него Міусовъ.

— Если-бы все стало церковью, то церковь отлучала-бы
только преступнаго и непослушнаго, а не рубила-бы тогда го-
лову продолжалъ Иванъ Федоровичъ.—Я васъ спрашиваю, и
отлученный? Вѣдь тогда онъ долженъ былъ-бы не
уходить отъ людей, какъ теперь, а и отъ Христа уйдти. Вѣдь онъ
остался преступленіемъ возстать-бы не только на людей, но и
на Христа Христову. Это и теперь, конечно, такъ въ стро-
е мысли, но все-таки не явлено, и совѣсть нынѣшняго
преступника весьма и весьма часто вступаетъ съ собою въ судъ
и разсудка, дескать, но не за церковь иду, Христу не вра-
ждую, что говорить себѣ и иній преступникъ сплошь да
рядомъ; ну а тогда, когда совѣсть станетъ на мѣсто государ-
ственнаго судьи, тогда трудно было-бы ей это сказать, развѣ съ отрица-
ніемъ церкви на всей землѣ. «Всѣ, дескать, ошибаются, всѣ у-
павши, всѣ ложная церковь, и одинъ убійца и воръ—спра-
шивается христіанская церковь». Это вѣдь очень трудно себѣ
представить. Требуется условій огромныхъ, обстоятельствъ не часто
встрѣчающихся. Теперь съ другой стороны возьмите взглядъ съ
церкви на преступленіе: развѣ не долженъ онъ измѣниться
взглядъ теперешняго, почти языческаго, и изъ механическаго о-
бщества зараженнаго члена, какъ дѣлается нынѣ для охран-
енства, преобразиться, и уже вполне и не должно, въ ид-
ею рожденія вновь человѣка, о воскресеніи его и о спасеніи
его.— То есть что-же это такое? Я опять перестаю пони-
мать Міусовъ,—онякъ-то какая-то мечта. Что-то безформен-
но понять нельзя. Какъ это отлученіе, что за отлученіе
разрѣваю, вы просто потѣшаетесь, Иванъ Федоровичъ.

— Да вѣдь по настоящему тоже самое и теперь, загово-
рилъ старецъ и всѣ разомъ въ нему обратились;—вѣдь е-
ще теперь не было Христовой церкви, то не было-бы прес-
тупленія и удержу въ злодѣйствѣ и даже кары за
это есть кары настоящей, не механической, какъ
есть сейчасъ, и которая лишь раздражаетъ въ большин-
ствѣ людей, а настоящей кары, единственной дѣйствител-

единственной устрашающей и умиротворяющей, заключающей въ сознаниі собственной совѣсти.

— Какъ-же такъ, позвольте узнать? съ живѣйшимъ любопытствомъ спросилъ Міусовъ.

— Это вотъ какъ, началъ старецъ.— Всѣ эти ссыльные работы, а прежде съ битьемъ, никого не исправляютъ, а, гласъ почти никакого преступника и не устрашаютъ, и число преступленій не только не уменьшается, а чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе растетъ. Вѣдь вы съ этимъ должны-же согласиться. И видите, что общество такимъ образомъ совсѣмъ не охранено, хоть и отсѣкается вредный членъ механически, и ссылается далеко, съ глазъ долой, но на его мѣсто тотчасъ-же появляется другой преступникъ, а, можетъ, и два другіе. Если что и охраняетъ общество даже въ наше время, и даже самого преступника исправляетъ и въ другого человѣка перерождаетъ, то опять таки единственно лишь законъ Христовъ, связывающій въ сознаниі собственной совѣсти. Только сознавъ свою вину и ставъ сыномъ Христова общества, то есть церкви, онъ сознаетъ и свою вину предъ самимъ обществомъ, то есть предъ церковью. Такимъ образомъ, предъ одною только церковью современный преступникъ и способенъ сознать вину свою, а не то что предъ государствомъ. Вотъ если-бы судъ принадлежалъ обществу какъ церковь, тогда-бы оно знало кого воротить изъ отлученія и оцѣнить и вернуть къ себѣ. Теперь-же церковь, не имѣя никакого дѣятельнаго суда, а имѣя лишь возможность одного нравственнаго осужденія отъ дѣятельной кары преступника и сама удаляется. Не отлучаетъ она его отъ себя, а лишь не оставляетъ его отеческимъ заботамъ. Мало того, даже старается сохранить съ преступникомъ все христіанское церковное общеніе: допускаетъ его къ церковнымъ службамъ, къ святымъ дарамъ, даетъ ему подаваніе и общается съ нимъ болѣе какъ съ плѣннымъ, чѣмъ какъ съ преступникомъ. И что было-бы съ преступникомъ, о, Господи! если бы и христіанское общество, то есть церковь, отвергло его по закону, какъ отвергаетъ и отсѣкаетъ его гражданскій законъ? Было-бы если-бъ и церковь карала его своимъ отлученіемъ, тогда-бы и каждый разъ во слѣдъ кары государственнаго закона да выше не могло-бы и быть отчаянія, по крайней мѣрѣ, для преступника русскаго, ибо русскіе преступники еще вѣруютъ въ Бога, въпрочемъ, кто знаетъ: можетъ быть, случилось-бы тогда страданіе, — произошла бы, можетъ быть, потеря вѣры въ отчаяніи сердца преступника, и тогда что? Но церковь какъ мать нѣжна

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

шная, отъ дѣятельной кары сама устраняется, такъ какъ
за ея кары слишкомъ больно наказанъ виновный и государство
за судомъ, и надо-же его хоть кому-нибудь помиловать. Главное-
потому устраняется, что судъ церкви есть судъ единств. ино-
скающій въ себя истину и не съ какимъ инымъ судомъ, а
до сего, существенно и нравственно сочетаться даже и въ
мисль временный не можетъ. Тутъ нельзя уже въ
судъ. Иностранный преступникъ, говорятъ, рѣдко
идетъ, ибо самыя даже современныя ученія утверждаютъ
мысль, что преступленіе его не есть преступленіе, а
противъ несправедливо угнетающей силы.
Избавляетъ его отъ себя вполне механически торжествующе-
ю силой, и сопровождаетъ отлученіе это ненавистью
крайней мѣрѣ, они сами о себѣ, въ Европѣ, повѣствуютъ,
ненавистью и полнѣйшимъ въ дальнѣйшей судьбѣ его, въ
да своего, равнодушіемъ и забвеніемъ. Такимъ образомъ
исходитъ безъ малѣйшаго сожалѣнія церковнаго, ибо во мно-
гихъ случаяхъ тамъ церквей уже нѣтъ вовсе, а остались лишь
ковники и великолѣпныя зданія церквей, сами-же церкви
уже стремятся тамъ къ переходу изъ низшаго вида, какъ
церковь, въ высшій видъ, какъ государство, чтобы въ немъ со-
вершенно исчезнуть. Такъ, кажется, по крайней мѣрѣ, въ люте-
рскихъ земляхъ. Въ Римѣ-же такъ ужь тысячу лѣтъ вмѣсто
церкви провозглашено государство. А потому самъ преступникъ
отъ церкви ужь и не сознаетъ себя и, отлученный, пребы-
ваетъ въ отчаяніи. Если-же возвращается въ общество, то не-
дело съ такою ненавистью, что самое общество какъ-бы уже
отлучается отъ себя. Чѣмъ это кончится, можете сами раз-
судить. Во многихъ случаяхъ, казалось-бы, и у насъ тоже: по-
тому и дѣло, что, кромѣ установленныхъ судовъ, есть у насъ
еще того еще и церковь, которая никогда не теряетъ обще-
ства съ преступникомъ, какъ съ милымъ и все еще дорогимъ
человѣкомъ своимъ, а сверхъ того есть и сохраняется, хотя-бы даже
только мысленно, и судъ церкви, теперь хотя и не дѣятельный,
все-же живущій для будущаго, хотя бы въ мечтѣ, да и пре-
двѣдѣнъ самымъ несомнѣнно, инстинктомъ души его, призна-
нъ. Справедливо и то, что было здѣсь сейчасъ сказано, что
дѣйствительно наступилъ судъ церкви, и во всей своей
силѣ, если-бы все общество обратилось лишь въ цер-
ковь, только судъ церкви повліялъ-бы на исправленіе
человѣка, какъ нѣкогда не вліяетъ нынѣ, но, можетъ

быть, и вправду самыя преступленія уменьшились-бы въ неятную долю. Да и церковь, сомнѣнія нѣтъ, понимала-бы шаго преступника и будущее преступленіе во многихъ случаѣхъ совсѣмъ иначе чѣмъ нынѣ, и сумѣла-бы возвратить отлученію предупредить замышляющаго и возродить падшаго. Правда иѣхнулся старецъ—теперь общество христіанское пока еще не готово и стоитъ лишь на семи праведникахъ; но такъ они не оскудѣваютъ, то и пребываетъ все-же незыблемо, вѣданіи своего полного преобразенія изъ общества, какъ почти еще языческаго, во единую вселенскую и владычещую церковь. Сіе и буди, буди, хотя-бы и въ концѣ вѣка, ибо лишь сему предназначено совершиться! И нечего смущать временами и сроками, ибо тайна временъ и сроковъ въ мундѣ Божіей, въ предвидѣніи Его и въ любви Его. И что по разсудку человѣческому можетъ быть еще и весьма отдаленно, то по допредѣленію Божьему, можетъ быть, уже стоитъ наканунѣ появленія, при дверяхъ. Сіе последнее буди, буди.

— Буди! буди! благоговѣнно и сурово подтвердилъ Павсій.

— Странно, въ высшей степени странно! произнес усовъ и не то что съ горячностью, а какъ-бы съ затаеннымъ какимъ-то негодованіемъ.

— Что-же кажется вамъ столь страннымъ? осторожно дошлся отецъ Іосифъ.

— Да что-же это въ самомъ дѣлѣ такое? воскликнул усовъ, какъ-бы вдругъ прорвавшись: — устраняется на государство, а церковь возводится на степенъ государства не то что ультрамонтанство, это архи-ультрамонтанство палъ Григорію Седьмому не мерещилось!

— Совершенно обратно изволите понимать! строго прорывъ отецъ Павсій,—не церковь обращается въ государство поймите это. То Римъ и его мечта. То третье дѣло діаволово и шеніе! А, напротивъ, государство обращается въ церковь ходитъ до церкви и становится церковью на всей землѣ,— совершенно уже противоположно и ультрамонтанству, и Ри вашему толкованію, и есть лишь великое предназначеніе славія на землѣ. Отъ Востока земля сія возсіяетъ.

Міусовъ внушительно помолчалъ. Вся фигура его вынесла собою необыкновенное собственное достоинство. Свысока съ дѣлательная улыбка показала на его губахъ. Алеша слѣдилъ за всѣмъ съ сильно бьющимся сердцемъ. Весь этотъ разгоръ

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

... его до основанія. Онъ случайно взглянулъ на Ракетинъ стоялъ неподвижно на своемъ прежнемъ мѣстѣ у двери, внимательно вслушиваясь и всматриваясь, хотя и опустивъ глаза. Но оживленному румянцу на его щекахъ, Алеша догадался, и Ракетинъ взволнованъ, кажется, не меньше его; Алеша лишь тѣмъ онъ взволнованъ.

— Позвольте мнѣ сообщить вамъ одинъ маленькій анекдотъ тогда, внушительно и съ какимъ-то особенно осанистымъ интонаціею проговорилъ вдругъ Миусовъ. — Въ Парижѣ уже пѣсятъ тому, вскорѣ послѣ декабрьскаго переворота, мнѣ прѣжде, дѣлая по знакомству визитъ одному очень-очень высокому и управляющему тогда лицу, повстрѣчать у него одного опытнѣйшаго господина. Былъ этотъ индивидуумъ не только знакомъ, а въ родѣ управляющаго цѣлою командой политическихъ сыщиковъ, — въ своемъ родѣ довольно вліятельная дѣла. Придравшись къ случаю, я, изъ чрезвычайнаго любопытства, разговорился съ нимъ; а такъ какъ онъ принятъ былъ мною по знакомству, а какъ подчиненный чиновникъ, пришедшій со знаменитаго рода рапортомъ, то, видя съ своей стороны какъ онъ принятъ у его начальника, онъ удостоилъ меня нѣкоторою уваженностію, — ну, разумѣется, въ известной степени, то и я съ скорѣе былъ вѣжливъ, чѣмъ откровененъ, именно какъ индусы умѣютъ быть вѣжливыми, тѣмъ болѣе, что видѣлъ во мнѣ иностранца. Но я его очень понялъ. Тема шла о социалистско-революціонерахъ, которыхъ тогда между прочимъ преслѣдовали Опуская главную суть разговора, приведу лишь одно замѣчательнѣйшее замѣчаніе, которое у этого господчика вдругъ произошло: «мы, сказалъ онъ, — собственно этихъ всѣхъ социалистовъ — анархистовъ, безбожниковъ и революціонеровъ, очень-то и опасаемся; мы за ними слѣдимъ и ходы ихъ намъ известны. Но есть изъ нихъ, хотя и немного, нѣсколько особенныхъ людей: это въ Бога вѣрующіе и христіане, а въ тоже время и социалисты. Вотъ этихъ-то мы больше всѣхъ опасаемся, это страшный народъ! Социалисты-христіанцы страшнѣе социалиста-безбожника». Слова эти и тогда меня поразили, а теперь у васъ, господа, они мнѣ какъ-то вдругъ припо-

...
«**о есть вы ихъ прикладываете къ намъ и въ насъ социалистовъ? прямо и безъ обиняковъ спросилъ отецъ прежде чѣмъ Петръ Александровичъ сообразилъ дать за сѣбя дверь и вошелъ столь опоздавшій Дмитрій**

Федоровичъ. Его и вправду какъ-бы перестали ждать, и внезапное появленіе его произвело, въ первый моментъ, даже такое удивленіе.

VI.

Зачѣмъ живетъ такой человѣкъ!

Дмитрій Федоровичъ, двадцати-восьми-лѣтній молодой чело- вѣкъ, средняго роста и пріятнаго лица, казался однако-же гораздо старѣе своихъ лѣтъ. Былъ онъ мускулистъ и въ немъ можно было угадывать значительную физическую силу, тѣмъ не менѣе въ лицѣ его выражалось какъ-бы нѣчто болѣзненное. Лицо его было худощаво, щеки ввалились, цвѣтъ-же ихъ отдалъ какою-то нездоровою желтизною. Довольно большіе темные глаза на выкатѣ смотрѣли хотя, повидимому, и съ твердымъ упорствомъ, но какъ-то неопредѣленно. Даже когда онъ возмущался и говорилъ съ раздраженіемъ, взглядъ его какъ-бы повиновался его внутреннему настроенію и выражалъ что-то другое, иногда совсѣмъ не соответствующее настоящей минутѣ. «Трудно узнать о чемъ онъ думаетъ», отзывались иной разъ разговаривавшіе съ нимъ. Иные, видѣвшіе въ его глазахъ что-то задумчивое и угрюмое, случалось, вдругъ поражались внезапнымъ смѣхомъ его, свидѣтельствовавшимъ о веселыхъ и игривыхъ мысляхъ бывшихъ въ немъ именно въ то время, когда онъ смотрѣлъ съ такою угрюмостью. Впрочемъ, нѣкоторая болѣзненность его лица въ настоящую минуту могла быть понятна, знали или слышали о чрезвычайно тревожной и «кутанной» жизни, которой онъ именно въ послѣднее время у насъ претерпѣвалъ, равно какъ всѣмъ извѣстно было и то необычайное раздраженіе, до котораго онъ достигъ въ ссорахъ со своимъ отцомъ изъ-за спорныхъ денегъ. По городу ходило уже объ этомъ сколько анекдотовъ. Правда, что онъ и отъ природы былъ раздражителенъ, «ума отрывистаго и неправильнаго», какъ характерно выразился о немъ у насъ нашъ мировой судья Семъ Ивановичъ Качальниковъ въ одномъ собраніи. Вошелъ онъ въ залу зуворизненно и щегольски одѣтый, въ застегнутомъ сюртукѣ, въ черныхъ перчаткахъ и съ цилиндромъ въ рукахъ. Какъ военный недавно въ отставкѣ, онъ носилъ усы и бриль пока боролся. Темнорусые волосы его были коротко обстрижены и зачесаны.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

— то височками впередъ. Шагаль онъ рѣшительно, широко, Фрунтовику. На мгновеніе остановился онъ на порогѣ, и, окинувъ всѣхъ взглядомъ, прямо направился къ старцу, угадавъ въ немъ хозяина. Онъ глубоко поклонился ему и попросилъ блаженія. Старецъ привставъ благословялъ его. Дмитрій Федоровичъ почтительно поцѣловалъ его руку и съ необыкновеннымъ мнѣніемъ, почти съ раздраженіемъ произнесъ:

— Простите великодушно за то, что заставилъ столъ и службу Смердяковъ, посланный батюшкою, на настоящей прось о времени, отвѣтилъ мнѣ два раза самымъ рѣшимымъ, что назначено въ часъ. Теперь я вдругъ ;

— Не беспокойтесь, перебилъ старецъ, — ничего, и не думайтесь, не бѣда...

— Чрезвычайно вамъ благодаренъ и менѣе не могъ описать вашей доброты. Отрѣзавъ это, Дмитрій Федоровичъ еще поклонился, затѣмъ вдругъ обернувшись въ сторону своего «дяди» сдѣлалъ и ему такой-же почтительный и глубокий поклонъ. Видно было, что онъ обдумалъ этотъ поклонъ заранее, задумалъ его искренно, почти своею обязанностью выразить свою почтительность и добрыя намѣренія. Федоръ Павловичъ, хоть и затруднился врасплохъ, тотчасъ по своему началу: въ отвѣтъ на поклонъ Дмитрія Федоровича, онъ вскопился съ кресель и отвѣтилъ сыну точно такимъ-же глубокимъ поклономъ. Лицо его сдѣлалось вдругъ важно и внушительно, и выдало ему однако рѣшительно злой видъ. Затѣмъ молча своимъ поклономъ откланявшись всѣмъ бывшимъ въ комнатѣ, Дмитрій Федоровичъ своими большими и рѣшительными шагами пошелъ къ окну, усѣлся на единственный оставшійся стулъ, недалеко отъ отца Пансіа, и, весь выдвинувшись впередъ на стулъ, тотчасъ приготовился слушать продолженіе и въ прерванномъ разговорѣ.

Появленіе Дмитрія Федоровича заняло не болѣе какихъ-нибудь двухъ минутъ и разговоръ не могъ не возобновиться. Но тотъ разъ на настойчивый и почти раздражительный вопросъ отца Пансіа, Петръ Александровичъ не почелъ нужнымъ отвѣтить.

— Позвольте мнѣ эту тему отклонить, произнесъ онъ съ своимъ свѣтскою небрежностью. — Тема эта къ тому-же мудрейше Иванъ Федоровичъ на васъ усмѣхается: должно быть, есть что-нибудь любопытное и на этотъ случай. Вотъ сядьте.

— Ничего особеннаго, кромѣ маленькаго замѣчанія, тотъ же отвѣтилъ Иванъ Федоровичъ, — о томъ, что вообще европейскій либерализмъ, и даже нашъ русскій либеральный дилетантизмъ, часто и давно уже смѣшиваетъ конечные результаты социализма съ христіанскими. Этотъ дикій выводъ, конечно, характерная черта. Впрочемъ, социализмъ съ христіанствомъ смѣшиваютъ, какъ оказывается, не одни либералы и дилетанты вмѣстѣ съ ними, во многихъ случаяхъ, и жандармы, те же заграничныя, разумеется. Вашъ парижскій анекдотъ довольно характеренъ, Петръ Александровичъ.

— Вообще эту тему я опять прошу позволенія опять повторять Петръ Александровичъ, а вмѣсто того я вамъ скажу, господа, другой анекдотъ о самомъ Иванѣ Федоровичѣ интереснѣйшій и характернѣйшій. Не далье, какъ дней пять назадъ, въ одномъ здѣшнемъ, по преимуществу, дамскомъ обществѣ, онъ торжественно заявилъ въ спорѣ, что на всей землѣ рѣшительно ничего такого, чтобы заставляло людей бить себѣ подобныхъ, что такого закона природы: чтобы кто въѣкъ любилъ человѣчество — не существуетъ вовсе, и что есть и была до сихъ поръ любовь на землѣ, то не отъ какого-нибудь естественнаго, а единственно потому, что люди вѣровали свое безсмертіе. Иванъ Федоровичъ прибавилъ при этомъ свободкахъ, что въ этомъ-то и состоитъ весь законъ естественный, такъ что уничтожьте въ человѣчествѣ вѣру въ свое безсмертіе, въ немъ тотчасъ-же исчезнетъ не только любовь и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь. Если того: тогда ничего уже не будетъ. безнравственнаго, всѣмъ дозволено, даже антропофагія. Но и этого мало, онъ кончилъ утвержденіемъ, что для каждаго частнаго лица, въ мірѣ, какъ-бы мы теперь, не вѣрующаго ни въ Бога, и безсмертіе свое, нравственный законъ природы долженъ иленно измѣниться въ полную противоположность прежней религіозному, и что эгоизмъ даже до злодѣйства не только можетъ быть дозволенъ человѣку, но даже признанъ необходимъ самымъ разумнымъ и чуть-ли не благороднѣйшимъ исходило его положеніе. По такому парадоксу можете заключить, господа, и о всемъ остальномъ, что изволить провозглашать и что провозгласитъ еще, можетъ быть, провозгласитъ нашъ милый эсперанто и парадоксалистъ Иванъ Федоровичъ.

— Позвольте, — неожиданно крикнулъ вдругъ Дмитрій Федоровичъ, — чтобы не ослышаться: «злодѣйство не только до

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

— дозволено, но даже признано самымъ необходимымъ и разумнымъ выходомъ изъ положенія всякаго безбожника: или не такъ?

— Точно такъ, сказалъ отецъ Паисій.

— Запомню.

Произнеся это, Дмитрій Федоровичъ также внезапно умолкъ, и внезапно влетѣлъ въ разговоръ. Всѣ смотрѣли на него съ изумленіемъ.

— Неужели вы действительно такого убѣжденія о возможности изсякновенія у людей вѣры въ безсмертіе души?— вскрикнулъ вдругъ старецъ Ив. на Федоровича.

— Да, я это утверждалъ Ивѣтъ добродѣтели, если ивѣтъ души!

— Блаженны вы, коли такъ вѣруете, или уже очень и очень!

— Почему несчастенъ?— улыбнулся Иванъ Федоровичъ.

— Потому что по всей вѣроятности не вѣруете сами ни въ безсмертіе вашей души, ни даже въ то, что написали о церкви въ церковномъ вопросѣ.

— Можетъ быть, вы правы!.. Но все-же я и не советѣлъ бы... вдругъ странно признался, впрочемъ, быстро покраснѣвъ Иванъ Федоровичъ.

— Не советѣлъ шутили, это истинно. Идея эта еще не рѣшена въ нашемъ сердцѣ и мучаетъ его. Но и мученикъ любить когда забавляться своимъ отчаяніемъ, какъ бы тоже отъ отчаянія. Пока съ отчаянія и вы забавляетесь—и журнальными спорами, и свѣтскими спорами, сами не вѣруя своей діалектикой съ болью сердца усмѣхаясь ей про себя... Въ васъ этотъ вопросъ не рѣшенъ, и въ этомъ ваше великое горе, ибо настоятельно требуетъ разрѣшенія..

— А можетъ-ли быть онъ во мнѣ рѣшенъ? Рѣшенъ въ сторону положительную? продолжалъ странно спрашивать Иванъ Федоровичъ, все съ какою-то необъяснимою улыбкой смотря на старца.

— Если не можетъ рѣшиться въ положительную, то никакъ не рѣшится и въ отрицательную, сами знаете это свойство нашего сердца; и въ этомъ вся мука его. Но благодарите Бога, что далъ вамъ сердце высшее, способное такою мукой и «горняя мудрствовать и горнихъ искати, наше бо живое на небесѣхъ есть». Дай вамъ Богъ, чтобы рѣшеніе этого постигло васъ еще на землѣ, и да благословитъ васъ!

Старецъ поднялъ руку и хотѣлъ было съ мѣста переступить Ивана Федоровича. Но тотъ вдругъ всталъ со стула, подошелъ къ нему, принялъ его благословленіе и, поцѣловавъ руку, вернулся молча на свое мѣсто. Видъ его былъ твердъ и серьезенъ. Поступокъ этотъ, да и весь предъидущій, неожиданный отъ Ивана Федоровича, разговоръ со старцемъ какъ всѣхъ поразили своею загадочностью и даже какою-то торжественностью, такъ что всѣ на минуту были приомкли, а лицъ Алеша выразился почти испугъ. Но Миусовъ вдругъ вскочилъ плечами и въ ту-же минуту Федоръ Павловичъ вскокилъ со стула.

— Божественный и святѣйшій старецъ! вскричалъ онъ, зывая на Ивана Федоровича:— Это мой сынъ, плоть отъ плоти моея, любяиѣйшая плоть моя! Это мой почтительнѣйшій, такъ сказать, Карлъ Моръ, а вотъ этотъ, сейчасъ вошедшій сюда, Дмитрій Федоровичъ, и противъ котораго у васъ управы ищутъ, это ужъ непочтительнѣйшій Францъ Моръ,—оба изъ *Разбойниковъ* Шиллера, а я, я самъ въ такомъ случаѣ ужъ *Regierender Graf von Moog!* Разсудите и спасите! Нуждаемся не только въ молитвахъ, но и въ пророчествахъ вашихъ.

— Говорите безъ юрества и не начинайте оскорбленій домашнихъ вашихъ, отвѣтилъ старецъ слабымъ изнеможеннымъ голосомъ. Онъ видимо уставалъ тѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и притомъ лишался силъ.

— Недостойная комедія, которую я предчувствовалъ видя сюда! воскликнулъ Дмитрій Федоровичъ въ негодовашии тожо вскочивъ съ мѣста.—Простите, преподобный отецъ, обратился онъ къ старцу,—я человекъ необразованный и даже не знаю какъ васъ именовать, но васъ обманули, а вы слишкомъ были добры, позволивъ намъ у васъ съѣхаться. Батюшкѣ и женѣ лишь скандалъ, для чего—это ужъ его расчетъ. У насъ всегда свой расчетъ. Но, кажется, я теперь знаю для чего.

— Обвиняютъ меня всѣ, всѣ они! кричалъ въ свою очередь Федоръ Павловичъ.—вотъ и Петръ Александровичъ обвиняетъ. Обвиняли, Петръ Александровичъ, обвиняли! обернулся онъ вдругъ къ Миусову, хотя тотъ и не думалъ перебивать его. Обвиняютъ въ томъ, что я дѣтскія деньги за сапогъ спрятали и взялъ башъ на башъ; но позвольте, развѣ не существуетъ суда? Тамъ вамъ сочтутъ, Дмитрій Федоровичъ, по самыя росписавъ вашимъ, письмамъ и договорамъ, сколько у *было*, сколько вы истребили и сколько у васъ остается! (

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

— Александровичъ уклоняется произвести съ... ление? Дмитрій Фёдоровичъ ему не чужой. Оттого что всё на м... , а Дмитрій Фёдоровичъ въ итогѣ еще мнѣ-же долженъ, да... сколько-ни... а нѣсколько тысячъ-съ, на что имѣю... документы!... городъ трещить и греметь отъ его кутежей! А тамъ, гдѣ онъ... где служилъ, тамъ по тысячѣ и по двѣ за обольщеніе ч... съ двѣцѣ платилъ; это, Дмитрій Фёдоровичъ, намъ и... въ самыхъ секретныхъ п... остяхъ, и я докаж... мой отецъ, вѣрите-ли: вла... въ себя благородн... ицѣ, хорошаго дома, съ состояніемъ, дочь прежняго... та своего, храбраго полковника, заслуженнаго, имѣвшаго... мечани на шеѣ, компромитировалъ дѣвушку предлож... ; теперь она здѣсь, теперь она сирота, его невеста, а он... хъ ея, въ одной здѣшней обольстительницѣ ходитъ. Но... стительница эта и жила, такъ сказать, въ гражданск... къ съ однимъ почтеннымъ человѣкомъ, но характера независи... в, крѣпость неприступная для всѣхъ, все равно что жена за... наи, но добродѣтельна, — да-съ! отцы святые, она добродѣ... на! А Дмитрій Фёдоровичъ хочетъ эту крѣпость золотымъ... чемъ отпереть, для чего онъ теперь надо мной и куражится,... въ съ меня денегъ сорвать, а пока ужъ тысячи на эту... стительницу просорилъ; на то и деньги занимаетъ безпре... но, и между прочимъ у кого, какъ вы думаете? Сказать аль... ъ, Митя!

— Молчать! закричалъ Дмитрій Фёдоровичъ, — подождите, а я выйду, а при мнѣ не смѣйте марать благороднѣйшую дѣ... у... Ужъ одно то, что вы о ней осмѣливаетесь завкнутъ, и... рѣ для нея... Не позволю!

Онъ задыхался.

— Митя! Митя! слабонервно и выдавливая изъ себя слезы, началъ Фёдоръ Павловичъ, — а родительское-то благословеніе по? А ну проклянущу, что тогда будетъ?

— Безстыдникъ и притворщикъ! нестово рявкнулъ Дмитрій Фёдоровичъ.

— Это онъ отца, отца! Что-же съ прочими? Господа, представте себѣ: честь здѣсь бѣдный, но почтенный человѣкъ, отстав... — титанъ, былъ въ несчастьи, отставленъ отъ службы, но не... не по суду, сохранивъ всю свою честь, многочисленнымъ... онъ обремененъ. А три недѣли тому нашъ Дмитрій Фёдо... — трактиръ схватилъ его за бороду, вытащилъ за эту са... а улицу и на улицѣ всенародно избилъ, и все зато,

что тотъ состоитъ негласнымъ повѣреннымъ по одному и дѣлишку.

— Ложь все это! Снаружи правда, внутри ложь! весь гнѣвъ дрожалъ Дмитрій Ѳедоровичъ. — Батюшка! Я свои ступки не оправдываю; да, всенародно признаюсь: я поступилъ какъ звѣрь съ этимъ капитаномъ и теперь сожалею и собою и за звѣрскій гнѣвъ, но этотъ вашъ капитанъ, вашъ повѣренный, пошелъ вотъ къ этой самой госпожѣ, о которой вы жалуетесь, что она обольстительница и сталъ ей предлагать от своего имени, чтобъ она взяла имѣющіеся у васъ мои векселя и дала на меня, чтобъ по этимъ векселямъ меня засадить, и ужь слишкомъ буду приставать къ вамъ въ расчетахъ по ихъ ству. Вы-же теперь меня упрекаете тѣмъ, что я имѣю слабость этой госпожѣ, тогда какъ сами-же учили ее заманить меня! она прямо въ глаза рассказываетъ; сама мнѣ рассказывала, вами смѣясь! Засадить-же вы меня хотите только потому что сами вы ревнуете, потому что сами вы приступать не смѣли къ этой женщинѣ со своею любовью и мнѣ это опять такъ извѣстно, и опять такъ она смѣялась, — слышите — смѣясь надъ пересказывала. Такъ вотъ вамъ, святые люди, этотъ человекъ, упрекающій развратнаго сына отца! Господа свидѣтели, про гнѣвъ мой, но я предчувствовалъ, что этотъ коварный старикъ валъ всѣхъ васъ сюда на скандалъ. Я пошелъ съ тѣмъ, чтобъ простить, если-бъ онъ протянулъ мнѣ руку, простить и просить! Но такъ какъ онъ оскорбилъ сію минуту не только меня, но и благороднѣйшую дѣвицу, которой даже имѣлъ смѣло произнести всуе изъ благоговѣнія къ ней, то и рѣшился обнаружить всю его игру публично, хотя-бы онъ и отецъ.

Онъ не могъ болѣе продолжать. Глаза его сверкали, онъ шепталъ трудно. Но и всѣ въ кельѣ были взволнованы. Всѣ старца съ безпокойствомъ встали со своихъ мѣстъ. Отцы и монахи смотрѣли сурово, но ждали однако воли старца. Тотъ сидѣлъ совсѣмъ уже блѣдный, но не отъ волненія, а отъ неннаго безсилія. Умоляющая улыбка свѣтилась на губахъ; онъ изрѣдка подымалъ руку какъ-бы желая остановить говорящихъ и ужь, конечно, одного жеста его было-бы достаточно чтобы сцена была прекращена; но онъ самъ какъ будто что еще выжидалъ и пристально приглядывался, какъ-бы желая что еще понять, какъ-бы еще не уяснивъ себѣ чего-то. Наконецъ, Петръ Александровичъ Міусовъ окончательно почувствовалъ себя униженнымъ и опозореннымъ.

БРАТЯ БАРАМАЗОВЫ.

— Въ происшедшемъ скандалѣ мы всё виноваты! говорилъ онъ,—но я все-же вѣдь не предчувствовалъ, хотя и зналъ съ кѣмъ имѣю дѣло... Это надо кончать-же! Ваше прекодобіе, повѣрьте, что я всёхъ объясню здѣсь подробностей въ точности не зналъ, не хотѣлъ и только теперь въ первый разъ узнаю...
— А сына къ сквернаго поведенія женщины и сарьяго сговаривается засадить сына въ тюрьму...

— Что компаніи меня принудили сюда явиться... Я не вѣдаю всѣмъ, что обмануть не меньше другихъ...

— Дмитрій Федоровичъ! завопилъ вдругъ какимъ-то голосомъ Федоръ Павловичъ,—если-бы только вы, то я въ ту-же минуту вызвалъ-бы васъ на дуэль...
— Метахъ, на разстояніи трехъ шаговъ... черезъ платокъ платокъ! кончалъ онъ, топая обѣими ногами.

— Вотъ у старыхъ дуновъ, всю жизнь свою проактерствовавъ, минуты, когда они до того зарисуются, что уже во истину плачутъ и плачутъ отъ волненія, не смотря на то что даже въ самое мгновеніе (или секунду только спустя) могли-бы сами утѣшить себя: «вѣдь ты джешь, старый безстыдникъ, вѣдь ты и теперь не смотря на весь твой «святой» гнѣвъ и гую» минуту гнѣва.

Дмитрій Федоровичъ страшно нахмурился и съ невыразимымъ гнѣвомъ поглядѣлъ на отца.

— Я думалъ... я думалъ, какъ-то тихо и сдержанно проговорилъ онъ,—что пріѣду на родину съ ангеломъ души моей, тою моей, чтобы дѣлать его старость, а вижу лишь разнаго сладострастника и подлѣйшаго комедіанта!

— На дуэль! завопилъ опять старикашка, задыхаясь и гаясь съ каждымъ словомъ слюной.—А вы, Петръ Александръ Миусовъ, знайте, сударь, что, можетъ быть, во всемъ родѣ нѣтъ и не было выше и честиѣ,—слышите, чест-женщины, какъ эта по вашему тварь, какъ вы осмѣли-сейчасъ назвать ее! А вы, Дмитрій Федоровичъ, на эту-же «вашу невесту промѣняли, стало быть, сами присудили, и невеста ваша подошвы ея не стѣбитъ, вотъ какова эта тварь!

— Стыдно! вырвалось вдругъ у отца Іосифа.

— Стыдно и позорно! своимъ отроческимъ голосомъ, дрожа отъ волненія, и весь покраснѣвъ, крикнулъ вдругъ Калъ, все время молчавшій.

— Зачѣмъ живетъ такой человекъ! глухо прорычалъ Дми-

трій Ѳедоръ б, почти уже въ изступленіи отъ гнѣва, какъ чрезвычайно приподнявъ плечи и почти отъ того сгорбившись нѣтъ, скажите мнѣ можно-ли еще позволить ему безчестить съемъ землю,—оглядѣлъ онъ всѣхъ, указывая на старика рукой. Онъ говорилъ медленно и мѣрно.

— Слышите-ли, слышите-ли вы, монахи, отцеубійцу, какъ сидѣлъ Ѳедоръ Павловичъ на отца Іосифа.— Вотъ отвѣтъ на то «стыдно!» Что стыдно? Эта «тварь», эта «сквернаго поведѣнія женщина», можетъ быть, святѣ васъ самихъ, господа священники іеромонахи! Она, можетъ быть, въ юности пала, заживая средой, но она «возлюбила много», а возлюбившую иже Христосъ простилъ...

— Христосъ не за такую любовь простилъ... вырвалось вѣтерпѣніи у кроткаго отца Іосифа.

— Нѣтъ, за такую, за эту самую, монахи, за эту! Вы же на капустѣ спасаетесь и думаете что праведники! Пискарику кушаете въ день по пискарику, и думаете пискариками и покупать!

— Невозможно, невозможно! слышалось въ кельѣ со всѣхъ сторонъ.

Но вся эта дошедшая до безобразія сцена прекратилась самымъ неожиданнымъ образомъ. Вдругъ поднялся съ мѣста старецъ. Совсѣмъ почти потерявшійся отъ страха за него и всѣхъ, Алеша успѣлъ, однако, поддержать его за руку. Старецъ шагнулъ по направленію къ Дмитрію Ѳедоровичу и, дойдя до него вплотъ, опустился предъ нимъ на колѣни. Алеша подумало было, что онъ упалъ отъ безсилія, но это было не то. Онъ на колѣни, старецъ поклонился Дмитрію Ѳедоровичу въ полномъ, отчетливомъ, сознательномъ поклономъ, и даже до своимъ коснулся земли. Алеша былъ такъ изумленъ, что и не успѣлъ поддержать его, когда тотъ поднимался. Слабая улыбка чуть-чуть блеснула на его губахъ.

— Простите! Простите всѣ! проговорилъ онъ, откланявшись на всѣ стороны своимъ гостямъ.

Дмитрій Ѳедоровичъ стоялъ нѣсколько мгновений какъ ошарашенный: ему поклонъ въ ноги—что такое? Наконецъ, вдругъ вскрикнулъ: «О, Боже!» и, закрывъ руками лицо, бросился изъ комнаты. За нимъ повалили гурьбой и всѣ гости, отъ испуга даже не простаясь и не откланявшись хозяину. Только іеромонахи опять подошли подъ благословеніе.

— Это что-же онъ въ ноги-то, это эмблема какая

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

дъ было разговоръ начать вдругъ почему-то присм
едоръ Павловичъ, ни къ кому, впрочемъ, не осмѣли-
ваться лично. Они всѣ выходили въ эту минуту изъ
эта.

за сумасшедшій домъ и за сумасшедшихъ не отвѣчаю,
е озлобленно отвѣтилъ Миусовъ, — но за то избавлю
вашего общества, Федоръ Павловичъ, и, повѣрьте, что
Гдѣ этотъ давешній монахъ?..

тотъ монахъ», то есть тотъ, который приглашалъ
обѣдъ къ игумену, ждать себя не заставилъ. Онъ
илъ гостей, тотчасъ-же какъ они сошли съ крыль
старца, точно дожидаль ихъ все время.

Блайте одолженіе, почтенный отецъ, засвидѣтельству
глубокое уваженіе отцу игумену и извините меня лично,
иредъ его высокопреподобіемъ въ томъ, что по встрѣ-
внезапно непредвидѣннымъ обстоятельствамъ ни за что
гѣтъ честь принять участіе въ его трапезѣ, не смотря на
нѣйшее желаніе мое, раздражительно проговорилъ
тръ Александровичъ.

вѣдъ непредвидѣнное-то обстоятельство — это вѣдъ я!
е подхватилъ Федоръ Павловичъ. — Слышите, отецъ, это
ксандровичъ со мной не желаетъ виѣстѣ оставаться, а
тотчасъ пошелъ. И пойдете, Петръ Александровичъ,
ожаловать къ отцу игумену, и — добраго вамъ аппе-
те, что это я уклоняюсь, а не вы. Домой, домой, дома
здѣсь чувствую себя неспособнымъ, Петръ Александро-
любезнѣйшій родственникъ.

родственникъ я вамъ и никогда вмѣ не былъ, низ-
говѣкъ!

нарочно и сказалъ, чтобы васъ побѣситъ, потому что
юдства уклоняетесь, хотя всетаки вы родственникъ,
интите, по святцамъ докажу; за тобой, Иванъ Федо-
въ свое время лошадей пришлю, оставайся, если хо-
гы. Вамъ-же, Петръ Александровичъ, даже приличіе
еръ явиться къ отцу игумену, надо извиниться въ
мы съ вами тамъ накутили...

правда-ли, что вы уѣзжаете? Не можете-ли вы?

тръ Александровичъ, какъ-же-бы я посмѣлъ послѣ
случилось! Увлекся, простите, господа, увлекся! И
что потрясенъ! Да и стыдно. Господа, у иного сердце
ександра Македонскаго, а у другаго какъ у собачки

СОЧИНЕНІЯ О. М. ДОСТОКВСКАГО.

ка. меня какъ у собачки Фидельки. Обробьтъ! После такого эскапада да еще на обѣдъ, соусы монашекъ съуплетать? Стыдно, не могу, извините!

«Чортъ его знаетъ, а ну какъ обманываетъ!» остановился раздумья Міусовъ, слѣдя недоумѣвающимъ взглядомъ за удалившимся шуткомъ. Тотъ обернулся и, замѣтивъ, что Петръ Александровичъ за нимъ слѣдетъ, послалъ ему рукою поцѣлуй.

— Вы-то идете къ игумену? отрывисто спросилъ Міусъ Ивана Федоровича.

— Почему-же нѣтъ? Къ тому-же я особенно приглашенъ игуменомъ еще вчерашняго дня.

— Къ несчастію, я дѣйствительно чувствую себя почти необходимости явиться на этотъ проклятый обѣдъ, все съ той горькою раздражительностью продолжалъ Міусовъ, даже и обращая вниманія, что монашекъ слушаетъ. — Хоть тамъ-то и явиться надо за то, что мы здѣсь натворили и разъяснить, это не мы... Какъ вы думаете?

— Да, надо разъяснить, что это не мы. Къ тому-же, тюшки не будетъ, замѣтилъ Иванъ Федоровичъ.

— Да еще-же-бы съ вапнимъ батюшкой! Проклятый эт обѣдъ!

И однако всѣ шли. Монашекъ молчалъ и слушалъ. Дорвавшись черезъ лѣсокъ онъ только разъ лишь замѣтилъ, что отецъ и братья давно уже ожидаютъ и что болѣе получаса опоздали. Но не отвѣтили. Міусовъ съ ненавистью посмотрѣлъ на Ивана Федоровича:

«А вѣдь идетъ на обѣдъ, какъ ни въ чемъ не бывало!» и махнулъ рукою. «Мѣдный лобъ и Карамазовская совѣсть».

УІІ.

Семинаристъ-нарьеристъ.

Алеша довелъ своего старца въ спаленку и усадилъ на стулъ. Это была очень маленькая комнатка съ небольшою мебелью: кровать была узенькая, желѣзная, а на ней нѣчто только одинъ только войлокъ. Въ уголку у иконъ стоялъ палокъ, на немъ лежали крестъ и Евангеліе. Старецъ опустился на кровать безсилѣмъ; глаза его блестяли и дышалъ онъ трудно. Усталъ онъ пристально и какъ-бы обдумывая нѣчто посмотрѣлъ на

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

Ступай, милый, ступай, мнѣ и Порфирія довольно, а ты тамъ нуженъ, ступай къ отцу игумену, за обѣдомъ гужи.

Благословите здѣсь остаться, просящимъ голосомъ Алеши.

Ты тамъ нужнѣе. Тамъ миру нѣтъ. Прислужи. Подымутся бѣси, молитву читай. И ты любишь его такъ называть), что и впредь. Запомни сіе, юноша. Какъ только сподобится мнѣ — и уходи изъ монастыря. Совсѣмъ никуда вдрогнуть.

Чего ты? Не здѣсь твое мѣсто пока. Благословляю твое послушаніе въ міру. Много тебѣ еще странствоваться долженъ будешь, долженъ. Все долженъ, пока вновь прибудешь. А дѣла много будетъ.

сомнѣваюсь, потому и посылаю тебя. Съ тобой Христосъ. Кто и Онъ сохранитъ тебя. Горе узришь великое и въ мѣхъ счастья будешь. Вотъ тебѣ завѣтъ: въ горѣ счастья аботай, неустанно работай. Запомни слово мое отнынѣ, я и буду бесѣдовать съ тобой, но не только дни, а мои сочтены.

лицѣ Алеши опять изобразилось сильное движеніе. Углы рта тряслись.

Чего-же ты снова? тихо улынулся старецъ.—Пусть мірзаны провожаютъ своихъ покойниковъ, а мы здѣсь отцу радуемся. Радуемся и молимъ о немъ. Оставь-же болѣть надо. Ступай и поспѣши. Около братьевъ будь. Около одного, а около обонхъ.

Старецъ поднялъ руку благословить. Возражать было невозможно, хотя Алешѣ чрезвычайно хотѣлось остаться. Хотѣлось спросить, и даже съ языка срывался вопросъ, что предъ этимъ земной поклонъ брату Дмитрію? но онъ не поспросить. Онъ зналъ, что старецъ и самъ-бы, безъ воли ему разъяснилъ, еслибы можно было. Но значить не то его воли. А поклонъ этотъ страшно поразилъ Алешу; онъ чувствовалъ слѣпо, что въ немъ былъ таинственный смыслъ. Тайный, а можетъ быть, и ужасный. Когда онъ вышелъ изъ скита, чтобы поспѣть въ монастырь къ началу обѣда (конечно, чтобы только прислуживать за столомъ) у него больно сжалось сердце и онъ остановился на мѣстѣ: слышалъ какъ-бы снова прозвучали слова старца предрекав-

шаго столь близкую кончину свою. Что предвѣдалъ, да еще такую точностию, старецъ, то должно было случиться несомненно. Алеша вѣровалъ тому свято. Но какъ-же онъ останется вѣчно отъ него, какъ же будетъ онъ не видѣть его, не слышать его? куда онъ пойдетъ? Вѣзить не плакать и идти изъ монастыря? Господи! Давно уже Алеша не испытывалъ такой тоски. Онъ пошелъ поскорѣе лѣсомъ отдѣлявшимся скять отъ монастыря, но въ силахъ даже выносить свои мысли, до того они давили его, сталъ смотрѣть на вѣковыя сосны по обѣимъ сторонамъ лѣсной дорожки. Переходъ былъ не длиненъ, шаговъ въ двѣ-сотъ не болѣе; въ этотъ часъ никто-бы не могъ и повстрѣчаться, но вдругъ на первомъ изгибѣ дорожки онъ замѣтилъ Ракитина. Тотъ поджидалъ кого-то.

— Не меня-ли ждешь? спросилъ поровнявшись съ вѣтромъ Алеша.

— Именно тебя, усмѣхнулся Ракитинъ. — Посылалаешь отцу игумену. Знаю; у того столъ. Съ самаго того времени какъ архіерея съ генераломъ Пахатовымъ принимаешь, помнилъ такого стола еще не было. Я тамъ не буду, а ты ступай, съ усы подавай. Скажи ты мнѣ, Алексѣй, одно: что сей сонъ значитъ? И вотъ что хотѣлъ спросить.

— Какой сонъ?

— А вотъ земной-то поклонъ твоему братцу Дмитрию Черновичу. Да еще какъ лбомъ-то стукнулся!

— Это ты про отца Зосиму?

— Да, про отца Зосиму.

— Лбомъ?

— А, непочтительно выразился! Ну, пусть непочтительно. И такъ, что-же сей сонъ означаетъ?

— Не знаю, Миша, что значитъ!

— Такъ я и зналъ, что онъ тебѣ это не объяснить. Ну, да кто тутъ, конечно, нѣтъ ничего, одинъ-бы кажись всегда благоговѣюща. Но фактъ былъ предклавъ нарочно. Вотъ тебѣ и загадывать нѣтъ святоши въ городѣ и во губерніи разноситъ. «Что, дескать, сей сонъ означаетъ?» По воле, старикъ действительно предсказывалъ: утѣшительныя предсказанья. Скордигъ у него.

— Какую утѣшительную?

Ракитину надлежало хотѣлось что-то сказать.

— Въ нашей семьѣ она будетъ эта утѣшительная. Слушай, она между твоими братьями а твоимъ богатейшимъ братомъ. Вотъ отецъ Зосима и стукнулся лбомъ на всякій будущій

Потомъ, что случится: «ахъ, вѣдь это старецъ свя-
 дерекъ, напроорочествовалъ»,—хотя какое-бы въ томъ про-
 сиво, что онъ лбомъ стукнулся? Нѣтъ, это, дескать, эмби-
 ма, аллегорія, и чортъ знаетъ что! Разславить, завоинять:
 преступленіе, дескать, предугадалъ, преступника отиѣтилъ. У
 одивыхъ и все такъ: на кабакъ крестится, а въ храмъ
 и мечеть. Такъ и твой старецъ: праведника палкой вор-
 онъ въ ноги поклонъ.

— Какое преступленіе? Какому убиѣцъ! Что ты?
 какъ вкопанный, остановился и Ракитинъ.

— Какому? Быдто не знаешь? Бьюсь объ закладъ, что
 ужь объ этомъ думалъ. Кстати, это любопытно:
 Миша, ты всегда правду говоришь, хотя всегда между
 Мишей садись: думалъ ты объ этомъ или не думалъ,
 да?

— Думалъ, тихо отвѣтилъ Алеша. Даже Ракитинъ смутился.

— Что ты? Да неужто и ты ужь думалъ? вскричалъ онъ.

— Я... я не то, чтобы думалъ, пробормоталъ Алеша, — а вотъ
 ты сейчасъ сталъ про это такъ странно говорить, то мнѣ
 показалось, что я про это самъ думалъ.

— Видишь (и какъ ты это ясно выразилъ), видишь? Сегодня
 да на папашу и на брата Митеньку о преступленіи поду-
 мь? Стало быть, не ошибаюсь-же я?

— Да подожди, подожди, тревожно прервалъ Алеша,—изъ
 о ты-то все это видишь?.. Почему это тебя такъ занимаетъ,
 въ первое дѣло.

— Два вопроса раздѣльные, но естественные. Отвѣчу на
 первый порознь. Почему вижу? Ничего я-бы тутъ не видѣлъ,
 бы Дмитрія Федоровича, брата твоего, вдругъ сегодня не по-
 го всего, какъ есть, разомъ и вдругъ, всего какъ онъ есть.
 Какой-то одной чертѣ такъ и хватилъ его разомъ всего.
 тихъ честнѣйшихъ, но любострастныхъ людей есть черта,
 орую не переходит. Не то — не то онъ и папеньку ножемъ
 метъ. А папенька пьяный и невоздержный безпутникъ, ни-
 да и ни въ чемъ мѣры не понималъ—не удержатся оба и бухъ
 въ канаву...

— Нѣтъ, Миша, нѣтъ, если только это, такъ ты меня обо-
 до того не дойдетъ.

А чего ты весь трясешься? Знаешь ты штуку? Пусть онъ
 лй человекъ, Митенька-то (онъ глупъ, но честенъ); но
 ладострастникъ. Вотъ его опредѣленіе и вся внутренняя

суть. Это отецъ ему передалъ свое подлое сладострастїе только на тебя, Алеша, дивлюсь: какъ это ты дѣлалъ! Вѣдь и ты Карамазовъ! Вѣдь въ вашемъ семействѣ сладко до воспаления доведено. Но вотъ эти три сладострастника за другомъ теперь и слѣдятъ... съ ножами за сапогомъ. Нулись трое лбами, а ты, пожалуй, четвертый.

— Ты про эту женщину ошибаешься. Дмитрій ее не презираетъ, какъ-то вздрагивая проговорилъ Алеша.

— Грушеньку-то? Нѣтъ, братъ, не презираетъ. Ужъ не вѣсту свою въ явь на нее промѣнялъ, то не презираетъ тутъ, братъ, нѣчто, чего ты теперь не поймешь. Тутъ въ человѣкѣ въ какую-нибудь красоту, въ тѣло женское, и только въ часть одну тѣла женскаго (это сладострастникъ жечь понять), то и отдастъ за нее собственныхъ дѣтей, дастъ отца и мать, Россію и отечество; будучи честенъ, и украдетъ; будучи вротокъ—зарѣжетъ, будучи вѣренъ нить. Пѣвецъ женскихъ ножекъ, Пушкинъ, ножки въ воспѣвалъ; другіе не воспѣваютъ, а смотрѣтъ на ножки гутъ безъ судорогъ. Но вѣдь не одиѣ ножки... Тутъ презрѣніе не помогаетъ, хотя-бы онъ и презиралъ Грушеньку, да оторваться не можетъ.

— Я это понимаю, вдругъ брякнулъ Алеша.

— Быдто? И впрямь, стало быть, ты это понимаешь такъ съ перваго слова брякнулъ, что понимаешь, съ званомъ проговорилъ Ракитинъ.—Ты это нечаянно брякну вырвалось. Тѣмъ драгоцѣннѣе признаніе: стало быть, ты знакомая тема, объ этомъ ужъ думалъ, о сладострастникѣ ты дѣвственникъ! Ты Алешка тихоня, ты святой, а само ты тихоня и чортъ знаетъ о чемъ ты ужъ не чортъ знаетъ, что тебѣ ужъ извѣстно! Дѣвственникъ, зную глубину прошелъ, я тебя давно наблюдаю. Ты самъ Карамазовъ, ты Карамазовъ вполне — стало быть, значитъ: идибудь порода и подборъ. По отцу сладострастникъ, по породивый. Чего дрожишь? Аль правду говорю? Знаешь чиневка просила меня «приведи ты его (тебя, то ости него раску стащу». Да вѣдь какъ просила-то: приведи, веди! Подумалъ только: чѣмъ ты это ей такъ любопытен ешь, необычайная и она женщина тоже!

— Кланяйся, скажи что не приду, криво усмѣхнулся Алеша. Договаривай, Михайла, о чемъ зачалъ, я тебѣ потомъ мысль скажу.

— Чего тутъ договаривать, все ясно. Все это, братъ, старая музыка. Если ужъ и ты сладострастника въ себѣ заключаешь, то что же братъ твой Иванъ, единоутробный? Вѣдь и онъ Карамазовъ. Въ этомъ весь вашъ Карамазовскій вопросъ заключается: сладострастники, стяжатели и юродивые! Братъ твой Иванъ теперь богословскія статейки пока въ шутку по какому-то глупѣйшему неизвѣстному разсчету печатаетъ, будучи самъ негодникомъ, и въ подлости этой самъ сознается — братъ твой тотъ, Иванъ. Кроме того, отъ братца Мити невѣсту себѣ отбилъ, ну и этой цѣли, кажется, что достигнетъ. Да еще какъ въ согласіи самого Митеньки, потому что Митенька самъ ему невѣсту свою уступаетъ, чтобы только отвязаться отъ нея да идти поскорѣй къ Грушенькѣ. И все это при всемъ своемъ нагородствѣ и безкорыстїи, замѣтъ себѣ это. Вотъ эти-то люди и есть рововые и есть! Чортъ васъ разберетъ послѣ этого: самъ подлость свою сознаетъ и самъ въ подлость лѣзетъ! Слушай дальше. Митенькѣ теперь пересѣкаетъ дорогу старикашка — бѣдѣ. Вѣдь тотъ по Грушенькѣ съума вдругъ сошелъ, вѣдь у него слюна бѣжитъ, когда на нее глядитъ только. Вѣдь это онъ только изъ-за нея одной въ кельѣ сейчасъ скандалъ такой сдѣлалъ, зато только, что Миусовъ ее безпутною тварью называть смѣлился. Влюбился хуже кошки. Прежде она ему тутъ только дѣлишкамъ какимъ-то темнымъ да кабачнымъ на жалованьи прислуживала, а теперь вдругъ догадался и разглядѣлъ, остервенился, съ предложенїями лѣзетъ, не съ честными, конечно. Ну, столкнутся же они, папенька съ сыночкомъ, на этой дорожкѣ. Грушенька ни тому, ни другому, пока еще виляетъ да обоимъ дразнитъ, высматриваетъ, который выгоднѣе, потому хоть у нашихъ можно много денегъ тяпнуть, да вѣдь зато онъ не жалеется, а пожалуй, такъ подъ конецъ ожидовѣетъ и запретъ косякъ. Въ такомъ случаѣ и Митенька свою цѣну имѣетъ; денегъ много нѣтъ, но зато способенъ жениться. Да съ, способенъ жениться! Бросить невѣсту, несравненную красоту, Катерину Ивановну, богатую, дворянку и полковничью дочь, и жениться на Грушенькѣ, бывшей содержанкѣ стараго купчишки, развратнаго пьяна и городского головы Самсонова. Изъ всего сего дѣйстви-тельно можетъ столкновение произойти уголовное. А этого братъ твой Иванъ и ждетъ, тутъ онъ и въ малинѣ: и Катерину Ивановну приобрѣтетъ, по которой сохнетъ, да и шестьдесятъ тысячъ приданаго тяпнетъ. Маленькому-то человѣчку и большу, какъ онъ, это и весьма прельстительно для начала. И

вѣдь замѣть себѣ: не только Митю не обидить, но и гробъ одолжить. Вѣдь я навѣрно знаю, что Митенька вслухъ, на прошлой недѣлѣ еще, кричалъ въ трактирѣ съ цыганками, что недостойнъ невѣсты своей, Катериновна, ужь конечно, такого обворожителя, какъ Иванъ вичъ, подъ конецъ не отвергнетъ; вѣдь она ужь и теперь двумя ими колеблется. И чѣмъ только этотъ Иванъ превасъ всѣхъ, что вы всѣ предъ нимъ благоговѣете? А о вами-же смѣется: въ малинѣ, дескать, сижу и на вашъ лакомствую.

— Почему ты все это знаешь? Почему такъ утверди говоришь? рѣзко и нахмурившись спросилъ вдругъ Алешка.

— А почему ты теперь спрашиваешь и моего отвѣта боишься? Значить, самъ соглашаешься, что я правду говорю.

— Ты Ивана не любишь. Иванъ не польстится на твои деньги, хотя и шестьдесятъ тысячъ вещь предъстятель.

— Быдто? А красота Катерины Ивановны? Не одиѣ деньги, хотя и шестьдесятъ тысячъ вещь предъстятель.

— Иванъ выше смотреть. Иванъ и на тысячи не ститя. Иванъ не денегъ, не спокойствія ищетъ. Онъ можетъ быть, ищетъ.

— Это еще что за сонъ? Ахъ вы... дворяне!

— Эхъ, Миша, душа его бурная. Умъ его въ плечѣ немъ мысль великая и неразрѣшенная. Онъ изъ тѣхъ, въ немъ не надобно миллионъ, а надобно мысль разрѣшить.

— Литературное воровство, Алешка. Ты старца своего фразировалъ. Экъ вѣдь Иванъ вамъ загадку задалъ! съ злобой крикнулъ Ракитинъ. Онъ даже въ лицѣ измѣнились губы его перекошались. — Да и загадка-то глупая, отъ нечего. Пошевели мозгами — поймешь. Статья его смѣшная. А слышалъ давеча его глупую теорію: «нѣтъ безъ души, такъ нѣтъ и добродѣтели, значить, все позволено братецъ-то Митенька, кстати, помнишь, какъ крикнулъ помню!»). Соблазнительная теорія подлецамъ... я ругалъ глупо... не подлецамъ, а школьнымъ фанфаронамъ съ «шикою глубиной мыслей». Хвастунишка, а суть-то вся: той стороны нельзя не признаться, а съ другой — не сознаться!» Вся его теорія — подлость! Человѣчество само себя силу найдетъ чтобы жить для добродѣтели, даже и въ безсмертіе души! Въ любви къ свободѣ, къ равенству найдетъ...

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

Ракитинъ разгорячился, почти не могъ сдѣлать себя, какъ-бы вспомнивъ что-то, остановился.

— Ну, довольно, еще кривѣе улыбнулся онъ. — Ты смѣешься? Думаешь, что я пошлякъ?

— Нѣтъ, я и не думалъ думать, что ты пошлякъ, оставь, это я слугу усмѣхнулся. Я понимаю

разгорячиться, Миша. По твоему увлеченію я ревную неравнодушенъ къ Катеринѣ Ивановнѣ, я, пошлякъ, а потому и не люблю брата Иванушу?

— И къ ея денежкамъ тоже ревную? Прибавляй,

— Нѣтъ, я ничего о деньгахъ не прибавляю, я не слѣдуетъ.

— Вѣрю, потому что ты сказалъ, но чортъ васъ возьми съ твоимъ братомъ Иваномъ! Не поймете вы никто, что безъ Катерины Ивановны можно весьма не любить. И за что я стану любить, чортъ возьми! Вѣдь удостоиваетъ-же онъ меня ругать. Почему-же я его не люблю права ругать?

— Я никогда не слыхалъ, чтобъ онъ хоть чтонибудь сказалъ о тебѣ, хорошаго или дурнаго; онъ совсѣмъ о тебѣ не говоритъ.

— А я такъ слышалъ, что третьяго дня у Катерины Ивановны онъ отдѣлывалъ меня на чемъ свѣтъ стоитъ,— вотъ до чего интересовался вашимъ поворнымъ слугой. И кто, братъ, послѣ этого ревнуетъ— не знаю! Изволилъ выразить мысль, если я-де не соглашусь на карьеру архимандрита въ весьма далекомъ будущемъ, и не рѣшусь постричься, то непременно поеду въ Петербургъ и примкну къ толстому журналу, непременно къ отдѣленію критики, буду писать лѣтъ десятокъ и въ концѣ концовъ переведу журналъ на себя. Затѣмъ буду опять издавать и непременно въ либеральномъ и атеистическомъ направленіи, съ социалистическимъ оттѣнкомъ, съ маленькимъ же лоскомъ социализма, но держа ухо востро, то есть въ сущности держа нашимъ и вашимъ и отводя глаза дуракамъ. Боюсь карьеры моей, по толкованію твоего брата, въ томъ, что ревность социализма не помѣшаетъ мнѣ откладывать на текущій подписныя денежки и пускать ихъ при случаѣ въ оборотъ руководствомъ какого-нибудь жидишки, до тѣхъ поръ выстрою капитальный домъ въ Петербургѣ, съ тѣмъ, перевести въ него и редакцію, а въ остальные этажи нацѣлю. Даже мѣсто дому назначилъ: у Нового Ка-

женнаго моста черезъ Неву, который проектируется, говоря въ Петербургѣ, съ Дитейной на Выборгскую...

— Ахъ, Миша, вѣдь это, пожалуй, какъ есть все и сдѣтся, до послѣдняго даже слова! вскричалъ вдругъ Алеша, удержавшись и весело усмѣхаясь.

— И вы въ сарказмы пускаетесь, Алексѣй Федоровичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я шучу, извини. У меня совсѣмъ другіе умѣ. Позволь однако: кто-бы тебѣ могъ такіа подробности сказать, и отъ кого-бы ты могъ о нихъ слышать. Ты не могъ и быть у Катерины Ивановны лично, когда онъ про тебя говорилъ.

— Меня не было, зато былъ Дмитрій Федоровичъ, и я слышалъ это своими ушами отъ Дмитрія-же Федоровича, то если хочешь, онъ не мнѣ говорилъ, а я подслушалъ, разумеется по неволѣ, потому что у Грушеньки въ ея спальнѣ сидѣть выйти не могъ все время, пока Дмитрій Федоровичъ въ сѣдующей комнатѣ находился.

— Ахъ да, я и забылъ, вѣдь она тебѣ родственница...

— Родственница? Это Грушенька-то мнѣ родственница? вскричалъ вдругъ Ракитинъ весь покраснѣвъ. — Да ты съ ума сошелъ, что-ли? Мозги не въ порядкѣ.

— А что? Развѣ не родственница? Я такъ слышалъ...

— Гдѣ ты могъ это слышать? Нѣтъ, вы господа Карповы какихъ-то великихъ и древнихъ дворянъ изъ себя считайте, тогда какъ отецъ твой бѣгалъ шуткомъ по чужимъ домамъ, да при милости на кухнѣ числился. Положимъ, я толковатѣе поповскій сынъ и тля передъ вами, дворянами, но не оскорбляйте же меня такъ весело и безпутно. У меня тоже честь есть, Алексѣй Федоровичъ. Я Грушенькѣ не могу быть родней, публично скажу, прошу понять-съ!

Ракитинъ былъ въ сильномъ раздраженіи.

— Извини меня, ради Бога, я никакъ не могъ предположить, и притомъ какая она публичная? Развѣ она... такая? вскричалъ вдругъ Алеша. — Повторяю тебѣ, я такъ слышалъ, что родственница. Ты къ ней часто ходишь и самъ мнѣ говорилъ, что ты съ нею связей любви не имѣешь... Вотъ я когда не думалъ, что ужъ ты-то ее такъ презираешь! Да ужели она достойна того?

— Если я ее почитаю, то на то могу имѣть свои причины и довольно съ тебя. А на счетъ родства, такъ скорѣй ты братецъ, али даже самъ батюшка навяжетъ ее тебѣ, а не въ родню. Ну вотъ и дошли. Ступай-ка на кухню лучше.

уть такое, что это? Аль опоздали? Да не могли-же они скоро отобѣдать? Аль тутъ опять что Карамазовы напрои? Навѣрно такъ. Вотъ и батюшка твой, и Иванъ Ѳедоръ за нихъ. Это они отъ игумена вырвались. Вонъ отецъ съ крыльца кричитъ имъ что-то во слѣдъ. Да и батюшка твой кричитъ и руками махаетъ, вѣрно бранится. Батюшка и Миусовъ въ коляскѣ уѣхалъ, видишь, ѣдетъ. Вотъ и новъ помѣщикъ бѣжитъ — да тутъ скандалъ; значитъ, не обѣда! Ужь не приближили они игумена? Али ихъ, пожаприближи? Вотъ-бы стѣмло!..

Китинъ восклицалъ не напрасно. Скандалъ дѣйствительно шель, неслыханный и неожиданный. Все произошло «повенію».

VIII.

Скандалъ.

Когда Миусовъ и Иванъ Ѳедоровичъ входили уже въ игуменскую комнату въ Петръ Александровичъ, какъ въ искренно порядочномъ и деликатномъ человѣкѣ, быстро произошелъ одинъ деликатный процессъ, ему стало стыдно сердиться. Онъ почувствовалъ про себя, что дряннаго Ѳедора Павловича, по крайней мѣрѣ, долженъ-бы былъ онъ до того не уважать, что не смѣло-бы ему терять свое хладнокровіе въ кельѣ старца и самому потеряться, какъ оно вышло. «По крайней мѣрѣ, и-то ужъ тутъ не виноваты ни въ чемъ», рѣшилъ онъ и пошелъ на крыльцо игумена, — «а если и тутъ порядочный игуменъ (этотъ отецъ Николай игуменъ тоже, кажется, изъ дворянъ), то почему-же не быть съ ними милымъ, любезнымъ и вымымъ?..» «Спорить не буду, буду даже поддакивать, за-любезностью и... и... наконецъ, докажу имъ, что я не вѣрю этому Эзопу, этому шуту, этому пьеро и попался въ такую же точно такъ же, какъ и они всѣ»...

Скорѣе-же порубки въ лѣсу и эту ловлю рыбы (гдѣ все это онъ и самъ не зналъ) онъ рѣшилъ имъ уступить окончательно, разъ навсегда, сегодня-же, тѣмъ болѣе, что все это очень дорого стоило, и всѣ свои искн противъ монастыря прекратить. Въ эти благія намѣренія еще болѣе укрѣпились. Когда они вошли въ столовую отца игумена. Столовой у того. Впрочемъ, это было потому что было у него всего по настоящему дѣлѣ комнатъ во всемъ помѣщеніи, правда, гораздо обширнѣйшія и удоб-

нѣйшія чѣмъ у старца. Но убранство комнатъ также не отличалось особымъ комфортомъ: мебель была кожаная, красная рева, старой моды двадцатыхъ годовъ, даже полы были не лакированны; зато все блистало чистотой, на окнахъ было много дорогихъ цвѣтовъ; но главную роскошь въ эту минуту естественно составлялъ роскошно сервированный столъ, хотя, впрочемъ тутъ говоря относительно: сватерть была чистая, посуда блестящая; превосходно выпеченный хлѣбъ трехъ сортовъ, двѣ тыжки вина, двѣ бутылки великолѣпнаго монастырскаго и большой стеклянный кувшинъ съ монастырскимъ квасомъ, славившимся въ окологдѣ. Водки не было вовсе. Ракидинъ вѣствовалъ потомъ, что обѣдъ приготовленъ былъ на этотъ разъ изъ пяти блюдъ: была уха со стерлядью и съ пироженками изъ рыбы; затѣмъ разварная рыба какъ-то отменно и особенно вкусно приготовленная; затѣмъ котлеты изъ красной рыбы, морозникъ и компотъ и, наконецъ, киселекъ въ родѣ бламанже. Все это пронюхалъ Ракидинъ, не утерпѣвъ и нарочно заглянувъ въ игуменскую кухню, съ которою тоже имѣлъ свои связи. Онъ вездѣ имѣлъ связи и вездѣ добывалъ языка. Сердце онъ имѣло весьма безпокойное и завистливое. Значительныя свои способности онъ совершенно въ себѣ признавалъ, но нервно преувеличивалъ ихъ въ своемъ самомнѣніи. Онъ зналъ навѣрно, что будетъ въ своемъ родѣ дѣятелемъ, но Алешу, который былъ къ нему очень привязанъ, мучило то, что его другъ Ракидинъ безчестенъ и рѣшительно не сознаетъ того самъ, напротивъ, зная про себя, что онъ не украдетъ денегъ со стола, онъ вѣроятно считалъ себя человѣкомъ высшей честности. Тутъ у него не только Алеша, но и никто-бы не могъ ничего сдѣлать.

Ракидинъ, какъ лицо мелкое, приглашенъ быть къ обѣду не могъ, зато были приглашены отецъ Іосифъ и отецъ Павелъ и съ ними еще одинъ іеромонахъ. Они уже ожидали въ столовой игумена, когда вступили Петръ Александровичъ, Калгановъ Иванъ Ѳеодоровичъ. Дожидался еще въ сторонкѣ и помянутый Максимовъ. Отецъ игуменъ, чтобы встрѣтить гостей, выступилъ впередъ на средину комнаты. Это былъ высокій, худощавый, но все еще сильный старикъ, черноволосый, съ сильною седью, съ длиннымъ постнымъ и важнымъ лицомъ. Онъ кланялся съ гостями молча, но тѣ на этотъ разъ подошли къ нему съ благословеніемъ. Міусовъ рискнулъ было даже поцѣловать руку игумена, но игуменъ вовремя какъ-то отдернулъ и поцѣлуй не состоялся. Зато Иванъ Ѳеодоровичъ и Калгановъ благословились на

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

въ вполнѣ, то есть съ самымъ простодушнымъ и просто-
душнымъ чмокомъ въ руку.

— Мы должны сильно извиниться, ваше высокопреподоб-
нѣе Павелъ Александровичъ, съ любезностью оскла- 166
бно все-же важнымъ и почтительнымъ тономъ, — извини-
мся одни, безъ приглашеннаго вами спутника нашего
дяди Павловича; онъ принужденъ былъ отъ вашей
команды и не безъ причины. Въ кельѣ у препод-
обнаго, увлекшись своею несчастною родственною
темой, онъ произнесъ нѣсколько словъ совершенно не-
умоу сказать, совершенно неприличныхъ... о чемъ, а
вѣдь (онъ взглянулъ на іеромонаховъ), вашему высоко-
преподобію уже и извѣстно. А потому самъ сознавая себя
виноватымъ и искренно раскаяваясь, почувствовалъ стыдъ и не
могъ продолжать его, просилъ насъ, меня и сына своего, Иванъ
Ивановича, заявить предъ вами все свое искреннее сожалѣніе,
раскаяніе и покаяніе... Однимъ словомъ, онъ надѣется и хо-
телъ бы вознаградить все потому, а теперь, испрашивая вашего
благословенія, проситъ васъ забыть о случившемся...

Игуменъ умолялъ. Произнеся послѣднія слова своей тирады
онъ остался собою совершенно доволенъ, до того, что и слѣ-
ды недавняго раздраженія не осталось въ душѣ его. Онъ
снова и искренно любилъ опять человѣчество. Игуменъ, съ
благодарностью выслушавъ его, слегка наклонилъ голову и произ-
несъ въ отвѣтъ:

— Чувствительно сожалѣю объ отлучившемся. Можетъ быть
трапезой нашею онъ полюбилъ-бы насъ, равно какъ и мы
ею. Милости просимъ, господа, откушать.

Онъ всталъ передъ образомъ и началъ вслухъ молитву. Все
почтительно преклоняя головы, а помѣщикъ Максимовъ даже
собою выставился впередъ, сложивъ передъ собой ладош-
ки и руки отъ особаго благоговѣнія.

И вотъ тутъ-то Федоръ Павловичъ и выкинулъ свое по-
зднее козыно. Надо замѣтить, что онъ дѣйствительно хотѣлъ
то ухачать и дѣйствительно почувствовалъ невозможность, послѣ
такого позорнаго поведенія въ кельѣ старца, идти какъ ни въ
что бывало къ игумену на обѣдъ. Не то чтобъ онъ сты-
дился такъ ужъ очень и обвинялъ; можетъ быть, даже со-
сѣдѣлъ; но все-же онъ чувствовалъ, что обѣдать-то
нельзя. Но только было подали въ крыльду гостини-
цы чашу коляску, какъ онъ, уже влѣзая въ нее

вдругъ приостановился. Ему вспомнились его-же собственные слова у старца: «Мнѣ все такъ и кажется, когда я вѣ кому кому-нибудь, что я подаю всѣхъ и что меня все за шута принимаютъ,—такъ вотъ давай-же я и въ самомъ дѣлѣ сыграю шута потому что вы все до одинаго глупѣе и подаѣ меня». Ему хотѣлось всѣмъ отомстить за собственные пакости. Вспомнилъ онъ вдругъ теперь встать, какъ когда-то, еще прежде, спросилъ его разъ: «За что вы такого-то такъ ненавидите»? И онъ отплатилъ тогда, въ принадлежъ своего шутовскаго безстыдства: «Вотъ за что: онъ, правда, мнѣ ничего не сдѣлалъ, но за то сдѣлалъ ему одну безсовѣстивѣйшую пакость, и только что сдѣлалъ, тотчасъ-же зато и возненавидѣлъ его». Припомнилъ онъ теперь, онъ тихо и злобно усмѣхнулся въ минутномъ раздумьи. Глаза его сверкнули и даже губы затряслись. «А коль началъ такъ и кончить», рѣшилъ онъ вдругъ. Сокровѣннѣйшее ощущение его въ этотъ мигъ можно было-бы выразить такими словами: «Вѣдь ужъ теперь себя не реабилитируешь, такъ давай-ка мнѣ еще наплюю до безстыдства: не стыжусь, дескать, встать да и только!» Кучеру онъ велѣлъ подождать, а самъ скорыми шагами воротился въ монастырь и прямо въ игумену. Онъ еще не зналъ хорошо, что сдѣлаетъ, но зналъ, что уже не владеетъ собою и—чуть толчекъ—мигомъ дойдетъ теперь до послѣдней предѣла какой-нибудь мерзости,—впрочемъ, только мерзости, отнюдь не какого-нибудь преступленія или такой выходки, за которую можетъ судъ наказать. Въ послѣднемъ случаѣ онъ все-таки умѣлъ себя сдерживать и даже самъ себѣ давилъ на счетъ этого въ иныхъ случаяхъ. Онъ показался въ столовой игумена ровно въ тотъ мигъ, когда кончилась молитва и все двинулись къ столу. Остановившись на порогѣ, оглядѣлъ компанію и засмѣялся длиннымъ, наглымъ, злымъ смѣшкомъ, всѣмъ отведеннымъ взглядомъ въ глаза.

— А они-то думали, я уѣхалъ, а я вотъ онъ! вскричалъ онъ на всю залу.

Одно мгновеніе все смотрѣло на него въ упоръ и молчало, и вдругъ все почувствовало, что выдѣтеть сейчасъ что-нибудь отвратительное, нечестное, съ несомнѣннымъ скандаломъ. Пятръ Александровичъ изъ самаго благодушнаго настроенія перешелъ немедленно въ самое свѣрѣное. Все, что угасло было въ сердцахъ и затихло, разомъ воскресло и поднялось.

— Нѣтъ, вывести этого я не могу! вскричалъ онъ,— вывести не могу я... никакъ не могу!

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

Кровь бросилась ему въ голову. Онъ даже съгазся, но не до слога и онъ схватилъ свою шляпу.

— Чего такого онъ не можетъ? вскричалъ Федоръ Павловичъ, — «никакъ не можетъ и ни за что не можетъ?»

— Подобіе, входите мнѣ азь нѣтъ? Принимаете «отрапеза»

— Милости просимъ отъ всего сердца, отъ души!

— Позволю-ли себѣ — прибавилъ онъ въ

нѣтъ отъ всей души, оставилъ случайныя распу-

нѣтъ въ любви и родственнѣтъ согласіи, съ молит-

нѣтъ ду, за смиренною трапезою нашей...

— Нѣтъ, нѣтъ, невозможно, крикнулъ какъ-бы и

нѣтъ Александровичъ.

— А коли Петру Александровичу невозможно, такъ

нѣтъ возможно, и я не останусь. Я съ тѣмъ и шелъ. И

нѣтъ буду съ Петромъ Александровичемъ: уйдете, Петр

нѣтъ Александровичъ, и я пойду, останетесь — и я останусь. Родствен-

нѣтъ нѣтъ-то согласіемъ вы его наплече кольнули, отецъ игуменъ:

нѣтъ признаетъ онъ себя мнѣ родственникомъ? Такъ-ли, фонъ-Зонъ?

нѣтъ и фонъ-Зонъ стоятъ. Здравствуй, фонъ-Зонъ.

— Вы... это мнѣ-съ? пробормоталъ изумленный помѣщикъ

нѣтъ Максимовъ.

— Конечно, тебѣ, крикнулъ Федоръ Павловичъ. — А то кому-

нѣтъ? Не отцу-же игумену быть фонъ-Зономъ.

— Да вѣдь и я не фонъ-Зонъ, я Максимовъ.

— Нѣтъ, ты фонъ-Зонъ. Ваше преподобіе, знаете вы, что

нѣтъ фонъ-Зонъ? Процессъ такой уголовный былъ: его убили

нѣтъ блудящій — такъ, кажется, у васъ сіи нѣста именуются —

нѣтъ и ограбили, и, не смотря на его почтенныя лѣта, вколо-

нѣтъ ли въ ящикъ, закупорили и изъ Петербурга въ Москву ото-

нѣтъ ли въ багажномъ вагонѣ, за номеромъ. А когда заколачи-

нѣтъ ли, то блудныя плясавицы пѣли нѣсни и играли на гусяхъ,

нѣтъ ли есть на фортопьясахъ. Такъ вотъ тотъ самый фонъ-Зонъ и

нѣтъ ли (онъ изъ мертвыхъ воскресъ, такъ-ли, фонъ-Зонъ?)

— Что-же это такое? Какъ-же это? слышались голоса

нѣтъ ли группъ іеромонаховъ.

— Идемъ! крикнулъ Петръ Александровичъ, обращаясь къ

нѣтъ ли янову.

Нѣтъ-съ, позвольте! визгливо перебилъ Федоръ Павло-

нѣтъ ли дагнувъ еще шагъ въ комнату, — позвольте и мнѣ довер-

нѣтъ ли мѣ въ кельѣ ославили меня, что я будто-бы непочти-

нѣтъ ли ть себя, а именно тѣмъ, что про пискариковъ крик-

нуль. Петръ Александровичъ Миусовъ, родственникъ мой, и
 бить, чтобы въ рѣчи было plus de noblesse que de sincérité, а
 обратно люблю, чтобы въ моей рѣчи было plus de sincérité que
 de noblesse. я—наплевать на noblesse! Такъ-ли, фонъ-Зонъ? Не
 вольте, отецъ игуменъ, я хоть и шутъ, и представляюсь ш
 томъ, но я рыцарь чести и хочу высказать. Да-съ, я рыц
 чести, а въ Петръ Александровичъ—прищемленное самолюбіе
 ничего больше. Я и пріѣхалъ-то, можетъ быть, сюда да
 чтобы посмотрѣть да высказать. У меня здѣсь сынъ Алек
 спасается: я отецъ, я объ его участи забочусь и долженъ за
 титься. Я все слушалъ да представлялся, да и смотрѣлъ
 тихоньку, а теперь хочу вамъ и послѣдній актъ представле
 продѣлать. У насъ вѣдь какъ? У насъ что падаетъ, то уж
 лежитъ. У насъ что разъ упало, то ужъ и во вѣки лежи. Ка
 бы не такъ-съ! Я встать желаю. Отцы святыя, я вами воз
 щенъ. Исповѣдь есть великое таинство, предъ которымъ
 благоговѣю и готовъ повергнуться ницъ, а тутъ вдругъ тамъ
 кельѣ всѣ на колѣнкахъ и исповѣдуются вслухъ. Развѣ вслу
 позволено исповѣдываться? Святыми отцами установлено испо
 даніе на ухо, тогда только исповѣдь ваша будетъ таинствомъ
 это издревле. А то, какъ я ему объясню при всѣхъ, что я, на
 мѣръ, то и то... ну, то есть то и то, понимаете? Иногда вѣд
 сказать неприлично. Такъ вѣдь это скандалъ! Нѣтъ, отцы, съ
 тутъ, пожалуй, въ хлыстовщину втянешься... Я при первомъ
 случаѣ напишу въ Синодъ, а сына своего Алексѣя домой возъ

Здѣсь нотабене. Федоръ Павловичъ слышалъ, гдѣ въ ко
 кола звонятъ. Были когда-то злыя сплетни, достигшія даже
 архіерея (не только по нашему, но и въ другихъ монастыряхъ
 гдѣ установилось старчество), что будто слишкомъ уважаю
 чтарцы, въ ущербъ даже сану игуменскому, и что между
 симъ будто-бы старцы злоупотребляютъ таинствомъ испов
 и проч., и проч. Обвиненія нелѣпныя, которыя я пали въ с
 время сами собой и у насъ, и повсемѣстно. Но глупый д
 волю, который подхватилъ и несъ Федора Павловича на
 собственныхъ нервахъ куда-то все дальше и дальше въ поз
 ную глубину, подсказалъ ему это бывшее обвиненіе, въ ко
 ромъ Федоръ Павловичъ самъ не понималъ перваго слова. Да
 высказать-то его грамотно не съумѣлъ, тѣмъ болѣе, что на эт
 разъ никто въ кельѣ старца на колѣняхъ не стоялъ и вслу
 не исповѣдывался, такъ что Федоръ Павловичъ ничего не м
 подобнаго самъ видѣть и говорилъ лишь по старымъ слухамъ

истинно, которые кое-какъ припомнилъ. Но высказавъ свою мысль, онъ почувствовалъ, что сморозилъ нелѣпый вздоръ и тутъ захотѣлось ему тотчасъ-же довазать слушателямъ, а пуще всего себѣ самому, что сказалъ онъ вовсе не вздоръ. И хотѣя отлично знать, что съ каждымъ будущимъ словомъ все больше и нелѣпѣе будетъ прибавлять къ сказанному уже вздору такого-же, — но ужь сдержать себя не могъ и полетѣлъ съ горы.

— Какая подлость! крикнулъ Петръ Александровичъ.

— Простите, сказалъ вдругъ игумень. — Было сказано изъяснение: «И начать глаголати на мя многая нѣкая, даже и доверныхъ нѣкихъ вещей. Азъ же вся слышавъ, глаголахъ въ вѣрѣ: ое врачество Іисусово есть и послалъ исцѣлти тщеславную душу мою». А потому и мы благодаримъ васъ съ покорностью, гость драгоценный.

И онъ поклонился Ѳедору Павловичу въ поясъ.

— Те-те-те! Ханженство и старыя фразы! Старыя фразы и старые жесты! Старая ложь и казенщина земныхъ поклоновъ! Приемъ мы эти поклоны! «Поцѣлуй въ губы и кинжалъ въ спину» какъ въ *Разбойникахъ* Шиллера. Не люблю, отцы, лжи, а хочу истины! Но не въ писварикахъ истина, и я это возгласилъ! Отцы монахи, зачѣмъ поститесь? Зачѣмъ вы ждете это себѣ награды на небеси? Такъ вѣдь изъ-за этакой награды и я пойду поститься! Нѣтъ, монахъ святой, ты будь-ка родителемъ въ жизни, принеси пользу обществу не заключивъ въ монастырѣ на готовые хлѣба и не ожидая награды тамъ сверху, — такъ это-то потруднѣе будетъ. Я тоже вѣдь, отецъ меня, умѣю складно сказать. Что у нихъ тутъ наготовлено? — Пошелъ онъ къ столу. — Портвейнъ старый Фактори, медокъ дивна братьевъ Елисеѣвыхъ, ай да отцы! Не похоже вѣдь на жариковъ. Ишь бутылочекъ-то отцы наставили, хе-хе-хе! А это все доставлялъ сюда? Это мужикъ русскій, труженикъ, своими мозольными руками заработанный грошъ сюда несетъ. Живая его отъ семейства и отъ нуждъ государственныхъ! Вѣдь вы, отцы святые, народъ сосете!

— Это ужь совсѣмъ недостойно съ вашей стороны, проговорилъ отецъ Іосифъ. Отецъ Паисій упорно молчалъ. Міусовъ начался бѣжать изъ комнаты, а за нимъ и Калгановъ.

— Ну, отцы, и я за Петромъ Александровичемъ! Больше я вамъ не приду, просить будете на колѣняхъ, не приду. Ты же, Калгановъ я вамъ прислалъ, такъ вы опять глазки на-

вострили, хе-хе-хе! Нѣтъ, еще не прибавлю. Иду за мою прошедшую молодость, за все униженіе мое!—застучалъ онъ кулакомъ по столу въ припадкѣ выдуманнаго чувства.—Много значилъ этотъ монастырь въ моей жизни! Много горькихъ слезъ я изъ-за него пролилъ! Вы жену мою, вилкушу, возстановили противъ меня. Вы меня на семи соборахъ проклинали, но судотку разнесли! Довольно, отцы, нынче вѣкъ либеральный, пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ. Ни тысячи, ни ста рублей, ни ста копѣекъ, ничего отъ меня не получите!

Опять потабене. Никогда и ничего такого особеннаго не значилъ нашъ монастырь въ его жизни и никакихъ горькихъ слезъ не проливалъ онъ изъ-за него. Но онъ до того увлекся выдуманными слезами своими, что на одно мгновеніе чуть было самъ не повѣрнулъ; даже заплакалъ было отъ умиленія; но въ тотъ-же мигъ почувствовалъ, что пора поворачивать оглобли назадъ. Игуменъ на злобную ложь его наклонилъ голову и опять внушительно произнесъ:

— Сказано снова: «Претерпи смотрительнѣ находящее на тебѣ невольное безчестіе съ радостію, и да не смутишася, ниже возненавидиши безчестящаго тя». Такъ и мы поступимъ.

— Те-те-те, вознещеваху! и прочая галиматья! Испшуйте отцы, а я пойду. А сына моего Алексѣя беру отсель родительскою властію моею навсегда. Иванъ Федоровичъ, почтительнѣйшій сынъ мой, позволяете вамъ приказать за мною слѣдовать Фонъ-Зонъ, чего тебѣ тутъ оставаться! Приходи сейчасъ ко мнѣ въ городъ. У меня весело. Всего верстуська какая-нибудь, висте постнаго-то масла подамъ поросенка съ кашей; пообѣдаемъ; коньячку поставлю, потомъ джигерцу; мамуровка есть... Эй, фонъ-Зонъ, не упускай своего счастья!

Онъ выпелъ крича и жестыкуларуя. Вотъ въ это-то мгновеніе Гавриилъ я увидѣлъ его выходящаго и указалъ Алешѣ.

— Алексѣй! крикнулъ ему вслѣдъ отецъ, завидѣвъ его, — сегодня-же переѣзжай ко мнѣ совсѣмъ, и подушку и тюфякъ тащи, а чтобы твоего духу зѣкъ не было.

Алеша оставовался, какъ влюбанный волкъ и внимательно наблюдалъ сцену. Федоръ Павловичъ между тѣмъ влѣзъ въ коляску, а за нимъ, уже и не иморитившись къ Алешѣ проститься, молча и угрюмо сталъ было ѣхать. Иванъ Федоровичъ. Но тутъ произошло еще одна паясническая и новѣйшества почти свои воспоминавшія явизодъ. Кругомъ у подножья казаски новѣйшій почтшникъ Максимовъ. Онъ продолжалъ заныкавшисъ, чтобы и

БРАТЯ БАРАМАЗОВЫ.

сноздать. Ракитинъ и Алеша видѣли, какъ онъ ѣжалъ. Онъ вѣдѣлъ, что въ нетерпѣніи занесъ уже не у ва сту на которой еще стояла лѣвая нога Ивана Федоровича, и, отъ тившись за кузовъ, сталъ было подпрыгивати въ коляс

— И я, и я съ вами! выкрикивалъ онъ, подпрыгиваясь мелкимъ веселымъ смѣшкомъ, съ блаженствомъ въ глаза все готовый, — возьмите и меня.

— Ну, не говорилъ-ли я, — восторженно крикъ Павловичъ, — что это фонъ-Зонъ! Что это настоящій изъ мертвыхъ фонъ-Зонъ! Да какъ ты вырвался отъ ты тамъ нафонзонилъ такого и какъ ты-то могъ отъ уйти? Вѣдь надо-же мѣдный лобъ имѣть! У меня лобъ, а твоему удивляюсь! Прыгай, прыгай скорѣй! Пусть вѣдь, весело будетъ. Онъ тутъ какъ нибудь въ ногахъ полежи лежишь, фонъ-Зонъ? Али на облучекъ его съ кучеромъ шитить?.. Прыгай на облучекъ, фонъ-Зонъ.

Но Иванъ Федоровичъ, услышійся уже на мѣсто, молча и всей силой вдругъ отпихнулъ въ грудь Максимова и тотъ отлетѣлъ на сажень. Если не упалъ, то только случайно.

— Пошелъ! злобно крикнулъ кучеру Иванъ Федоровичъ.

— Ну, чего-же ты? Чего-же ты? Зачѣмъ ты его такъ? вслухъ Федоръ Павловичъ, но коляска уже поѣхала. Иванъ Федоровичъ не отвѣтилъ.

— Ишь вѣдь ты! помолчавъ двѣ минуты, проговорилъ онъ Федоръ Павловичъ, воясь на сынка: — Самъ вѣдь ты весь эт монастырь затѣялъ, самъ подстрекалъ, самъ одобрялъ, чего теперь сердачишься?

— Полно вамъ вздоръ толочь, отдохните хоть теперь много, сурово отрѣзалъ Иванъ Федоровичъ.

Федоръ Павловичъ опять помолчалъ съ двѣ минуты.

— Конячку-бы теперь хорошо, сентенціозно замѣтилъ онъ Иванъ Федоровичъ не отвѣтилъ.

— Доедемъ, и ты выпьешь.

Иванъ Федоровичъ все молчалъ.

Федоръ Павловичъ подождалъ еще минуты съ двѣ:

— А Алешку-то я все-таки изъ монастыря возьму, но смолчи то, что вамъ это очень неприятно будетъ, почтительнѣйшій фонъ-Моръ.

Иванъ Федоровичъ презрительно вскинулъ плечами, и, отсталъ смотрѣть на дорогу. Затѣмъ ужь до самаго дома.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

СЛАДОСТРАСТНИКИ.

I.

Въ лакейской.

Домъ Федора Павловича Карамазова стоялъ далеко не въ томъ центрѣ города, но и не совсѣмъ на окраинѣ. Былъ онъ вольно ветхъ, но наружность имѣлъ пріятную: одноэтажный мезонинномъ, окрашенный сѣренькою краской и съ красною лѣзною крышкою. Впрочемъ, могъ еще простоять очень долго, былъ помѣстителенъ и уютенъ. Много было въ немъ различныхъ прятковъ, и неожиданныхъ лѣсенокъ. Дились въ немъ крысы, но Федоръ Павловичъ на нихъ вполне сердился: «все-же не такъ скучно по вечерамъ, если остаешься одинъ». А онъ дѣйствительно имѣлъ обыкновеніе пускать слугъ на ночь во флигель и въ домъ самъ запирались одинъ на всю ночь. Флигель этотъ стоялъ на дворѣ, былъ ширенъ и проченъ; въ немъ-же опредѣлилъ Федоръ Павловичъ быть и кухню, хотя кухня была и въ домѣ; не любилъ онъ хонпаго запаха и кушанье приносили черезъ дворъ зимой и томъ. Вообще домъ былъ построенъ на большую семью, и подъ и слугъ можно было бы помѣстить вдесятеро больше. В моментъ нашего разсказа въ домѣ жилъ лишь Федоръ Павловичъ съ Иваномъ Федоровичемъ, а въ людскомъ флигелѣ только три человѣка прислуги: старикъ Григорій, старуха Мого жена, и слуга Смердяковъ, еще молодой человѣкъ. Придется оказать нѣсколько по подробнѣе объ этихъ трехъ слугахъ лицахъ. О старикѣ Григоріѣ Васильевичѣ Кутузовѣ

прочемъ, уже говорили довольно. Это былъ человѣкъ твердый и неуклонный, упорно и прямолинейно идущій къ своей цѣли. Для него только эта точка по какимъ-нибудь причинамъ (часто удивительно нелогическимъ) становилась предъ нимъ какъ непреложная истина. Вообще говоря, онъ былъ честенъ и неподкупенъ. Жена его, Марѳа Игнатьевна, не смотря на то, что предъ ней мужъ безпрекословно всю жизнь склонялась, ужасно привадала къ нему, напрямѣръ, тотчасъ послѣ освобожденія крестника, уйдти отъ Федора Павловича въ Москву и тамъ начать какую-нибудь торговашку (у нихъ водились кое-какіе деньжонки). Но Григорій рѣшилъ тогда-же и разъ навсегда, что баба вретъ. «Потому что всякая баба безчестна», но что уходить имъ отъ этого жаднаго господина не слѣдуетъ, каковъ-бы онъ тамъ самъ не былъ, «потому что это ихній таперича долгъ».

«Ты понимаешь-ли что есть долгъ?» обратился онъ къ Марѳе Игнатьевнѣ.

— Про долгъ я понимаю, Григорій Васильевичъ, но каковъ тамъ тутъ долгъ, чтобы намъ здѣсь оставаться, того ничего не знаю, отвѣтила твердо Марѳа Игнатьевна.

— И не понимай, а оно такъ будетъ. Впредь молчи.

Такъ и вышло: они не ушли, а Федоръ Павловичъ назначилъ имъ жалованье, небольшое, и жалованье выплачивалъ. Григорій зналъ къ тому-же, что онъ на барина имѣетъ вліяніе неоспоримое. Онъ чувствовалъ это, и это было справедливо: хитрый и упрямый шутъ, Федоръ Павловичъ, очень твердаго характера «въ нѣкоторыхъ вещахъ жизни», какъ онъ самъ выражался, бывалъ, къ собственному удивленію своему, весьма дѣловитъ и добоватъ характеромъ въ нѣкоторыхъ другихъ «вещахъ жизни». Онъ самъ зналъ въ какихъ, зналъ и боялся многого. Въ нѣкоторыхъ вещахъ жизни надо было держать ухо востро, и притомъ тяжело было безъ вѣрнаго человѣка, а Григорій былъ чѣмъ-то вѣрнѣйшій. Даже такъ случалось, что Федоръ Павловичъ много разъ въ продолженіи своей карьеры могъ быть битъ, и только битъ, и всегда выручалъ Григорій, хотя каждый разъ считывалъ ему послѣ того наставленіе. Но одни побои и пошутали-бы Федора Павловича: бывали высшіе случаи и даже тонкіе и сложные, когда Федоръ Павловичъ и самъ-бы въ своемъ состояніи, пожалуй, былъ опредѣлить ту необычайную поспѣхъ въ вѣрномъ и близкомъ человѣкѣ, которую онъ моментально и непостижимо вдругъ иногда начиналъ ощущать въ себѣ. Были почти болѣзненные случаи: развратнѣйшій и въ слѣдѣ

добрасти своемъ часто жестокой, какъ злое насѣемое, Федоръ Павловичъ вдругъ ощущалъ въ себѣ иной разъ, пьяными мыслями, духовный страхъ и нравственное сотрясеніе, почти, такъ сказать, даже физически отзывавшееся въ душѣ его. «Душа моя точно въ горлѣ трепещетъ въ эти разы», говаривалъ онъ иногда. Вотъ въ эти-то мгновенія онъ и любилъ, чтобы подошелъ по близости, пожалуй, хоть и не въ той комнатѣ, а во флигель былъ такой человекъ, преданный, твердый, совсѣмъ не такой, какъ онъ, не развратный, который хотя-бы все это совершающееся безпутство и видѣлъ, и зналъ всѣ тайны, но все же изъ преданности допускалъ-бы это все, не противился, главное—не укорялъ и ничѣмъ-бы не грозилъ, ни въ семь вѣкъ, въ будущемъ; а въ случаѣ нужды такъ-бы и защитилъ его,—отъ кого? Отъ кого-то неизвѣстнаго, но страшнаго и опаснаго. Дѣло было именно въ томъ, чтобы былъ непременно *другой* человекъ старинный и дружественный, чтобы въ большую минуту позвалъ его, только съ тѣмъ, чтобы всмотрѣться въ его лицо, пожалуй переброситься словцомъ, совсѣмъ даже постороннимъ какимъ-нибудь, и коли онъ ничего, не сердится, то какъ-то и легче сердиться, а коли сердится, ну, тогда грустнѣй. Случалось (но впрочемъ чрезвычайно рѣдко), что Федоръ Павловичъ шелъ даже ночью во флигель будить Григорія, чтобы тотъ на минутку пришелъ къ нему. Тотъ приходилъ, и Федоръ Павловичъ заговаривалъ о совершеннѣйшихъ пустякахъ и скоро отпускалъ, иногда даже с насмѣшкой и шуточкой, а самъ, плюнувъ, ложился спать и спалъ уже сномъ праведника. Нѣчто въ этомъ родѣ случилось съ Федоромъ Павловичемъ и по пріѣздѣ Алеши. Алеша «прошилъ его сердце» тѣтъ, что «жилъ, все видѣлъ и ничего не осудилъ». Мало того, принесъ съ собой небывалую вещь: совершенное отсутствіе презрѣнія къ нему, старику, напротивъ, все дашнюю ласковость и совершенно натуральную прямодушную привязанность къ нему, столь мало ее заслужившему. Все это было для стараго потаскуна и безсемейника совершеннымъ сюрпризомъ, совсѣмъ для него, любившаго доселѣ одну лишь «скверную неожиданность». По уходѣ Алеши онъ признался себѣ, что понималъ кое-что, чего доселѣ не хотѣлъ понимать.

Я уже упоминалъ, въ началѣ моего разсказа, какъ Григорій ненавидѣлъ Аделаиду Ивановну, первую супругу Федора Павловича и мать перваго сына его, Дмитрія Федоровича, и какъ, наоборотъ, защищалъ вторую его супругу, кликушу, Софью Ивановну, противъ самого своего господина, и противъ всѣхъ, кому

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

Мило на умъ молвить о ней худое или злое. Въ немъ симпатія къ этой несчастной образинной, такъ что и двадцать лѣтъ спустя онъ итъ кого-бы то ни шло, даже худаго намека и возразилъ обидчику. Но наружности ея словѣкъ холодный и важный, не болтливы и ва въскія, нелегкомысленныя. Точно такъ и разъяснить въ немъ съ перваго взгляда зотвѣтную, покорную жену или нѣтъ, а итвительно любилъ и та, конечно, это

Игнатъевна была женщина не только не гауптъ, и умѣе своего супруга, по меньшей мѣрѣ. его въ дѣлахъ житейскихъ, а между тѣмъ она и безропотно и безотвѣтно, съ самаго начала итвительно безспорно уважала его за духовный верхъ. Замѣ

они, всю жизнь свою, чрезвычайно мало говорили другъ ому, развѣ о самыхъ необходимыхъ и текущихъ вещахъ.

и величественный Григорій обдумывалъ всѣ свои дѣла и всегда одинъ, такъ что Марѳа Игнатъевна развѣ наивно уже поняла, что въ совѣтахъ ея онъ совсѣмъ не ся. Она чувствовала, что мужъ цѣнить ея молчаніе и гъ за это въ ней умъ. Бить онъ ее нивогда не бывалъ, сего только одинъ разъ, да и то слегка. Въ первый годъ деланды Ивановны съ Федоромъ Павловичемъ, развѣ въ деревенскія дѣвки и бабы, тогда еще крѣпостныя, соили на барскій дворъ попѣть и поплясать. Начали «во и вдругъ Марѳа Игнатъевна, тогда еще женщина молодскочила впередъ предъ хоромъ и прошлась «русскую» итвительно манеромъ, не по деревенскому какъ бабы, а какъ ва она когда была дворовою дѣвушкой у богатыхъ Миуна домашнемъ помѣщичьемъ итвительно театрѣ, гдѣ обучалъ танцовать выписанный изъ Москвы танцмейстеръ. Гридѣлъ, какъ прошлась его жена, и дома у себя въ избѣ, итвительно, поучилъ ее, потаскавъ маленько за волосы. Но кончились развѣ навсегда побом и не повторались болѣе во всю жизнь, да и Марѳа Игнатъевна закаялась съ рѣ танцовать.

И итвительно Богъ не далъ, былъ одинъ ребеночекъ, да и тотъ Григорій-же видимо любилъ дѣтей, даже не скрывалъ итвительно ость не стыдился выказывать. Дмитрія Федоровича онъ итвительно принималъ на руки, когда сбѣжала Аделаида Ивановна,

гробикомъ мальчонку, и провозился съ нею по саду гробикомъ вытаскивая. Самъ даже обнималъ ее рыть. Потомъ хлопоталъ онъ и съ Иваномъ Федоровичемъ Алошей за тѣмъ и получить пенсичку: но объ этомъ онъ уже повѣствовалъ. Собственный-же ребеночекъ пересталъ лишь одною надеждою, когда Марса Пгнатьевна была еще мѣсна. Когда-же родился, то пережить его сердце случилось ужасно. Дѣло въ томъ, что родился этотъ мальчикъ лытъ. Увидя это, Григорій бѣжалъ до того убѣтъ, что и молчалъ вплоть до самого дня крещенія, но и нарочно молчалъ въ садѣ. Была весна, онъ все три дня копалъ въ огородѣ, въ саду. На третій день приходилось крестить дѣнца; Григорій въ этому времени уже нѣчто сообразилъ въ избу, гдѣ собрались притѣ и пришли гости и, наконецъ Федоръ Павловичъ, явившійся лично въ качествѣ восполнителя, онъ вдругъ заявилъ, что ребенка «не надо-бы крестить и заявилъ не громко, въ словахъ не распространился, ежилъ по словечку, а только туго и пристально смотрѣлъ на священника.

— Почему такъ? съ веселымъ удивленіемъ осведомилъ священникъ.

— Потому это... драконъ... пробормоталъ Григорій.

— Какъ драконъ, какой драконъ?

Григорій промолчалъ нѣкоторое время.

— Сившее природу произошло... пробормоталъ священникъ, и весьма внятно, но очень твердо, и видимо не желая распространяться.

Посмѣялись и, разумеется, бѣдневъкаго ребеночка о Григорій молился у купели усердно, но мнѣнія своего рожденной не измѣнилъ. Впрочемъ, ничему не помѣшалъ все двѣ недѣли, какъ жилъ болѣзненный мальчикъ, глядѣлъ на него, даже замѣчать не хотѣлъ и больше не уходилъ изъ избы. Но когда мальчикъ черезъ двѣ недѣли умеръ отъ молочницы, то самъ его уложилъ въ гробикъ (молкую тоской смотрѣлъ на него, и когда засыпали небольшую его могилку, сталъ на колѣни и поклонился въ землю. Съ тѣхъ поръ, многіе годы онъ ни разу ребенкѣ не упомянулъ, да и Марса Пгнатьевна ни разу про ребенка своего не вспоминала, а когда съ кѣмъ-то говорить о своемъ «дѣточкѣ», то говорила шепотомъ, тутъ и не было Григорія Васильевича. По замѣчанію

тьовны, онъ, съ самой той могилки, сталъ по преимуществу читать «божественнымъ», читалъ Четин-Миней, больше молчалъ, каждый разъ надѣвая большія свои серебряныя кругочки. Рѣдко читывалъ вслухъ, развѣ великимъ постомъ. Читалъ книгу Іова, добылъ откуда-то списокъ словъ и проповѣди «богоноснаго отца нашего Исаака Сирина», читалъ его много и многолѣтно, почти ровно ничего не понималъ въ немъ, это-то, можетъ быть, наиболѣе цѣнилъ и любилъ эту книгу. Въ самое послѣднее время сталъ прислушиваться и внимать хлыстовщину, на что по сосѣдству оказался случай, въ бытность потрясенъ, но переходить въ новую вѣру не заблагоразсудилъ. Начетливость, «отъ божественнаго», разумѣется, при его физиономіи еще пушую важность.

Можетъ быть, онъ склоненъ былъ къ мистицизму. А тутъ, впрочемъ, случай появленія на свѣтъ его шестипалаго младенца и смерть его совпали какъ разъ съ другимъ, весьма страннымъ, неожиданнымъ и оригинальнымъ случаемъ, оставившимъ послѣдствіе, какъ однажды онъ самъ впоследствии выразился, «въ». Такъ случилось, что въ тотъ самый день какъ появились шестипалаго крошку, Марѳа Игнатьевна, проснувшись рано, услышала словно плачь новорожденнаго ребенка. Она встала и разбудила мужа. Тотъ прислушался и замѣтилъ, скорѣе это кто нибудь стонетъ, «женщина будто-бы». Онъ всталъ, одѣлся; была довольно теплая майская ночь. Выйдя на дворъ, онъ ясно вслушался, что стоны идутъ изъ сада. Но въ садъ на ночь запираемъ со двора на замокъ, попасть-же въ садъ кромѣ этого входа нельзя было, потому что кругомъ сада шелъ крѣпкій и высокій заборъ. Воротясь домой, Григорій зажгъ фонарь, взялъ садовый ключъ, и, не обращая вниманія на истерическій ужасъ своей супруги, все еще увѣряющей, что она слышитъ дѣтскій плачь и что это плачетъ навѣрно мальчикъ и зоветъ ее, молча пошелъ въ садъ. Тутъ онъ ясно замѣтилъ, что стоны идутъ изъ ихъ баньки, стоявшей въ саду, прямо отъ калитки, и что стонетъ въправду женщина. Отворивъ баню, онъ увидалъ зрѣлище, передъ которымъ остолбенѣлъ. Тамъ, въ баню, скитавшаяся по улицамъ и извѣстная всему городу по прозвищу Лизавета Смердящая, забравшись въ ихъ баню, только что родила младенца. Младенецъ лежалъ подлѣ нея, она помирала подлѣ него. Говорить ничего не говорила никому одному, что не умѣла говорить. Но все это надо-было сказать особо.

II.

Лизавета Смердящая.

Тутъ было одно особенное обстоятельство, которое глупо потрясло Григорія, окончательно укрѣпивъ въ немъ одно пріятное и омерзительное прежнее подозрѣніе. Эта Лизавета Смердящая была очень малаго роста дѣвка, «двухъ аршинъ слышнѣ», какъ умиленно вспоминали о ней послѣ ея смерти многія изъ богомольныхъ старушекъ нашего городка. Дѣлѣтнѣе лицо ея, здоровое, широкое и румяное, было идиотское; взглядъ-же глазъ неподвижный и непріятный, и смиренный. Ходила она всю жизнь, и лѣтомъ, и зимой, и въ одной посконной рубашкѣ. Почти черные волосы ея, вычайно густые, закурчавленные какъ у барана, держали головѣ ея въ видѣ какъ-бы какой-то огромной шапки. Изъ-за того, всегда были запачканы въ землѣ, въ грязи, съ иголки и шими въ нихъ листочками, лучиночками, стружками, потому что спала она всегда на землѣ и въ грязи. Отецъ ея былъ бѣдный, раззорившійся и хворый мѣщанинъ Илья, сильно пивавшій и приживавшій уже много лѣтъ въ родѣ работничьихъ однихъ зажиточныхъ хозяевъ, тоже нашихъ мѣщанъ. Мать Лизаветы давно померла. Вѣчно болѣзненный и злобный безчеловѣчно бивалъ Лизавету, когда та приходила домой. Приходила она рѣдко, потому что приживала по всему городу какъ юродивый божій человѣкъ. И хозяйка Ильи, и самъ Илья, и даже многіе изъ городскихъ сострадательныхъ людей, купцовъ и купчихъ преимущественно, пробовали не разъ одѣвать Лизавету приличнѣе чѣмъ въ одной рубашкѣ, а къ ней всегда надѣвали на нее тулупъ, а ноги обували въ сапоги. Но она обыкновенно, давая все надѣтъ на себя безпрекословно уходила и гдѣ нибудь, преимущественно на соборной церкви паперти, непременно снимала съ себя все ей пожертвованное платокъ-ли, юбку-ли, тулупъ, сапоги, — все оставляла на улицѣ и уходила босая и въ одной рубашкѣ по прежнему. Разсказывалось, что новый губернаторъ нашей губерніи, обозрѣвъ въ вѣдомъ нашъ городокъ, очень обиженъ былъ въ своихъ сердечныхъ чувствахъ, увидавъ Лизавету, и, хотя понялъ, что она «юродивая», какъ и доложили ему, но все-таки поставилъ ей въ видѣ, что молодая дѣвка, скитающаяся въ одной рубашкѣ

ушаеть благопримчїе, а потому, чтобы сего впредь не было. Губернаторъ уѣхалъ, а Лизавету оставили какъ была. Названецъ, отецъ ея померъ и она тѣмъ самымъ стала всѣмъ богоугоднымъ лицамъ въ городѣ еще милѣе, какъ сирота. Въ семь дѣлѣ, ее какъ будто всѣ даже любили, даже мальчишки не дразнили и не обижали, а мальчишки у насъ, особенно въ лавкѣ, народъ задорный. Она входила въ незнакомые дома и никто не выгонялъ ее, напротивъ, всякъ-то приласкаетъ и грошъ дастъ. Дадутъ ей грошкѣ, она возьметъ и тотчасъ снесетъ и опуститъ въ которую-нибудь кружку, церковную, или божью. Дадутъ ей на базарѣ бубликъ или калачикъ, непременно пойдетъ и первому встрѣчному ребеночку отдастъ бубликъ или калачикъ, а то такъ остановитъ какую-нибудь нашу богатую барыню и той отдастъ; и барыни принимали это съ радостію. Сама-же питалась не иначе какъ только чернымъ хлѣбомъ съ водой. Зайдетъ она, бывало, въ богатую лавку и тамъ, тутъ дорогой товаръ лежитъ, тутъ и деньги, хозяева иногда ее не остерегаются, знаютъ, что хоть тысячи выложишь ей денегъ и забудь, она изъ нихъ не возьметъ ни копейки. Въ церковь рѣдко заходила; спала-же или по церковнымъ дворамъ, или перелѣзши черезъ чей-нибудь плетень (у насъ много плетней вмѣсто заборовъ даже до сегодня) въ чьемъ-нибудь огородѣ. Домой, то есть въ домъ тѣхъ хозяевъ, у которыхъ жила ея покойный отецъ, она являлась, примѣрно, разъ въ недѣлю, а по зимамъ приходила и каждый день, но только на ночь, и ночуетъ либо въ сѣняхъ, либо въ коровникѣ. Дивились на нее, что она выноситъ такую жизнь, но ужъ такъ привыкла; хоть и мала была ростомъ, но сложенія необыкновенно крѣпкаго. Утверждали и у насъ иные изъ господъ, что это она дѣлаетъ лишь изъ гордости, но какъ-то это не вѣрится: она и говорить-то ни слова не умѣла и изрѣдка только пролила что-то языкомъ и мычала,—какая ужъ тутъ гордость! И случилось, что однажды (давненько это было), въ одну январьскую свѣтлую и теплую ночь, въ полнолуніе, весьма поздно, одна хмѣльная ватага разгулявшихся господъ, молодцовъ пять или шесть, возвращалась изъ кабака «задами» по домамъ. По обѣ стороны переулка шелъ плетень, за которымъ тянулись огороды прилежащихъ домовъ; плетень-же выходилъ на мостки черезъ нашу вонючую и длинную улицу, которую у насъ принято называть иногда рѣчкой. У плетня, въ крапивѣ и въ лопушникѣ, усмотрѣла наша компанія

спящую Лизавету. Подгулявшіе госнода остановились надъ съ хохотомъ и начали острить со всею возможною безцерковностью. Одному барченку пришелъ вдругъ въ голову совершенно эксцентрическій вопросъ на невозможную тему: «Можно-ли сватать, хотя кому-бы то ни было, счастье такого звѣря за щину, вотъ хоть-бы теперь, и проч.». Всѣ съ гордымъ ономъ рѣшили, что нельзя. Но въ этой кучкѣ случился (Павловичъ и онъ мигомъ выскочилъ и рѣшилъ, что можно за женщину, даже очень, и что тутъ даже нѣчто особенно пикантное, и проч., и проч. Правда, въ ту пору онъ у саншкомъ ужъ даже выдѣланно напрашивался на свою шута, любилъ выскакивать и веселить господъ, съ видъ равенствомъ, конечно, но на дѣлѣ совершеннымъ предъхамомъ. Это было именно то самое время, когда онъ по изъ Петербурга извѣстіе о смерти его первой супруги, Ады Ивановны, и когда съ крепомъ на шляпѣ шелъ и безобчаль такъ, что иныхъ въ городѣ, даже изъ самыхъ безцерковныхъ, при взглядѣ на него коробило. Ватага, конечно, хоталась надъ неожиданнымъ мнѣніемъ; какой-то одинъ и таги даже началъ подстрекать Федора Павловича, но остальные принялись плевать еще пуще, хотя все еще съ чрезмѣрною селостью, и, наконецъ, пошли всѣ прочь своею дорогой. слѣдствіи, Федоръ Павловичъ клятвенно увѣрялъ, что то онъ вмѣстѣ со всѣми ушелъ; можетъ быть, такъ именно и никто этого не знаетъ навѣрно и никогда не зналъ, и сяцевъ черезъ пять или шесть всѣ въ городѣ заговорили искреннимъ и чрезвычайнымъ негодованіемъ о томъ, что вета ходитъ беременная, спрашивали и доискивались: чей кто обидчикъ? Вотъ тутъ-то вдругъ и разнеслась по всему роду страшная молва, что обидчикъ есть самый этотъ (Павловичъ. Откуда взялась эта молва? Изъ той ватаги шихъ господъ какъ разъ оставался къ тому времени въ лишь одинъ участникъ, да и то пожилой и почтенный съ совѣтникъ, обладавшій семействомъ и взрослыми дочерями, который ужъ отнюдь ничего-бы не сталъ распространять, бы даже что и было; прочіе-же участивки, человекъ пять ту пору разѣхались. Но молва прямешенько указывала дора Павловича и продолжала указывать. Конечно, то очень-то даже и претендовалъ на это: какимъ-нибудь камъ или мѣщанамъ онъ и отвѣчать не сталъ-бы. Тогда былъ гордъ и разговаривалъ не иначе какъ въ своей ко

БРАТЯ КАРАМАНОВЫ.

винковъ и дворянъ, которыхъ столь веселилъ. Вотъ въ эту пору Григорій энергически и изо всѣхъ силъ сталъ за себя, и не только защищалъ его противъ всѣхъ этихъ наговоровъ, но вступалъ за него въ брань и препирательства, и много переувѣрилъ. «Она сама, низкая, виновата», говорилъ съ твердительною, а обидчикомъ былъ никто иной, какъ «Карпъ Помъ» (такъ назывался одинъ извѣстный тогда городу арестантъ, въ тому времени бѣжавшій изъ губернии и въ нашемъ городѣ имъ проживавшій). Долго вралась правдоподобно, и все это въ самыя ночи, подъ освѣщеніемъ луны и звѣздъ. Но весь этотъ слухъ и всѣ эти толки не только не дали общей симпатіи отъ него, но всѣ охранять и оберегать его, и даже такъ распорядилась, что въ концѣ еще и пригласила Лизавету къ себѣ съ тѣмъ, чтобъ ее и не выпускать изъ своихъ родовъ. Стерегли неусыпно; но такъ вышло, что, несмотря на всю неусыпность, Лизавета, въ самый послѣдній день, вдругъ тайкомъ ушла отъ Кондратьевой и очутилась у сада Федора Павловича. Какъ она, въ ея положеніи, перелезла черезъ высокій и крѣпкій заборъ сада, осталось нѣкотораго рода загадкой. Одни увѣряли, что ее «перенесли», другіе, что ее «перенесло». Вѣроятіе всего, что все произошло хотъ весьма мудренымъ, но натуральнымъ образомъ, и Лизавета, видя лазить по плетнямъ, въ чужіе огороды, чтобы въ нихъ лазить, забралась какъ-нибудь и на заборъ Федора Павловича, а съ него, хотъ и со вредомъ себѣ, соскочила въ садъ, несмотря на свое положеніе. Григорій бросился къ Марѣ Игнатьевнѣ и послалъ ее къ Лизаветѣ помогать, а самъ съѣхалъ за старухой повитухой, мѣшанкой, кстати недалеко жившею. Ночью спасли, а Лизавета къ разсвѣту померла. Григорій съ младенцемъ, принесъ въ домъ, посадилъ жену и положилъ ее къ ней на волѣнъ, къ самой ея груди: «Божье дитя — съ нами всѣмъ родня, а намъ съ тобой давно. Этого покойника нашъ прислалъ, а произошелъ сей отъ бѣсова сына и отъ едницы. Питай и впредь не плачь» Такъ Марѣ Игнатьевнѣ да ребеночка. Окрестили и назвали Павломъ, а по имени его я сами, безъ указа, стали звать Федоровичемъ. Павлу не противорѣчилъ ничему и даже нашелъ въ немъ, хотъ изо всѣхъ силъ продолжалъ отъ всего рода понравилась, что онъ взялъ подкидыша.

Впослѣдствіи, Федоръ Павловичъ сочинилъ подкидышу и милію: назвалъ онъ его Смердяковымъ, по прозвищу матери Лизаветы Смердящей. Вотъ этотъ-то Смердяковъ и вышелъ рымъ слугою Федора Павловича и проживалъ, къ началу исторіи, во флигелѣ, вмѣстѣ со старикомъ Григоріемъ и рухой Марѳой. Употреблялся-же въ поваряхъ. Очень-бы примолвить кое-что и о немъ специально, но мнѣ совѣстно долго отвлекать вниманіе моего читателя на столь обыкновенныхъ лакеевъ, а потому и перехожу къ моему разсказу, упоминая, что о Смердяковѣ какъ-нибудь сойдетъ само собою въ дальшемъ теченіи повѣсти.

III.

Исповѣдь горячаго сердца. Въ стихахъ

Алеша, выслушавъ приказаніе отца, которое тотъ вынулъ ему изъ коляски, уѣзжая изъ монастыря, оставался некоторое время на мѣстѣ въ большомъ недоумѣніи. Не то что онъ стоялъ какъ столбъ, съ нимъ этого не случалось. Навѣть, онъ, при всемъ безпокойствѣ, успѣлъ тотчасъ-же сходивъ на кухню игумена и разузнать, что надѣлалъ вверху его паша. Затѣмъ однако пустился въ путь, уповая, что по дороге къ городу успѣетъ какъ-нибудь разрѣшить томившую его дачу. Скажу заранѣе: кривовъ отца и приказанія переселити домой, «съ подушками и тюфякомъ» онъ не боялся ни на минуту. Онъ слишкомъ хорошо понималъ, что приказаніе переѣхать, вслѣдствіе и съ такимъ показнымъ крикомъ, дано было «въ увлеченіи», такъ сказать, даже для красоты, — въ родѣ, какъ раскутившійся недавно въ ихъ-же городѣ мѣщанинъ, на своихъ собственныхъ именинахъ, и при гостяхъ, разсердясь на то, что ему не даютъ больше водки, вдругъ началъ бить свою-же собственную посуду, рвать свое и женино платье, разбивать мебель и, наконецъ, стекла въ домѣ и все опять таки для красоты и все въ томъ-же родѣ, конечно, случилось теперь и съ мѣщаниномъ. На завтра, конечно, раскутившійся мѣщанинъ, отрезавшись, пожалѣлъ разбитыя чашки и тарелки. Алеша зналъ, что и старикъ на завтра-же навѣрно отпуститъ его опять въ монастырь, даже сегодня-же, можетъ, отпустить. Да и былъ онъ увѣренъ вполне, что отецъ кого другаго, а его обидѣтъ и

БРАТЯ БАРАМАЗОВЫ.

Алеша увѣренъ былъ, что его и на всѣхъ свѣтѣхъ никогда обидѣть не захочетъ, даже не только не захочетъ, а не можетъ. Это было для него аксіомой, дано разъ навсегда, безъ разсужденій, и онъ въ этомъ смыслѣ шелъ впередъ безъ всякаго колебанія.

Но въ эту минуту въ немъ возпошилась нѣкоторая жизнь, совсѣмъ другаго рода, и тѣмъ болѣе мучительная, которую онъ не могъ, именно боязнь : боязнь именно Катерины Ивановны, которая такъ напоминала его давешнюю, перешедшую къ нему г-жею Хохлаковой придти къ ней для чего-то. Это требованіе и настоятельное пойдти вселяла сразу какое-то мучительное чувство въ его сердце, и все утро, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе въ немъ это чувство разбалкивалось, и на всѣ послѣдовавшія затѣмъ сцены и приключенія въ деревнѣ, и сейчасъ у ягумена, и проч., и проч. Боялся онъ не то, что не зналъ о чемъ она съ нимъ заговоритъ и что онъ не отвѣтитъ. И не женщины вообще онъ боялся въ ней: женщины онъ зналъ, конечно, мало, но всетаки всю жизнь, съ самаго младенчества и до самаго монастыря, только съ ними одними и жилъ. Онъ боялся вотъ этой женщины, именно самой Катерины Ивановны. Онъ боялся ее съ самаго того времени, когда въ первый разъ ее увидалъ. Видалъ-же онъ ее всего только въ два, даже три, пожалуй, вымолвилъ даже однажды случайно съ ней нѣсколько словъ. Образъ ея вспоминался ему какъ красивой, гордой и властной дѣвушки. Но не красота ея пугала его, а что-то другое. Вотъ именно эта необъяснимость этого страха и усмывала въ немъ теперь этотъ страхъ. Цѣли этой дѣвушки были благороднѣйшія, онъ зналъ это, она стремилась спасти брата его Дмитрія, предъ ней уже виноватаго, и получила въ награду лишь великодушія. И вотъ, не смотря на знаніе и на справедливость, которую не могъ-же онъ не отдать своимъ этимъ прекраснымъ и великодушнымъ чувствамъ, по силѣ прошедшаго морозъ, чѣмъ ближе онъ подвигался къ ея дому. Онъ сообразилъ, что брата Ивана Федоровича, который былъ для него такъ близокъ, онъ у нея не застанетъ: братъ Иванъ теперь съ отцомъ. Дмитрія-же не застанетъ еще вѣрнее предчувствовалось почему. Итакъ разговоръ ихъ состоялся. Хотѣлось-бы очень ему повидать прежде этого разговора брата Дмитрія и забѣжать къ нему. Но полагая, что онъ-бы могъ съ нимъ что-нибудь перемос

Но братъ Дмитрій жилъ далеко и навѣрно теперь тоже не дѣлалъ. Постоаявъ съ минуту на мѣстѣ, онъ рѣшился, наконецъ, съ рѣшительностью. Перекрестивъ себя привычнымъ и спѣшнымъ крестомъ и сейчасъ-же чему-то улыбувшійся, онъ твердо направился къ своей страшной дамѣ.

Домъ ея онъ зналъ. Но если-бы пришлось пойти на Большую улицу, потомъ черезъ площадь и проч., то было-бы довольно не близко. Нашъ небольшой городокъ чрезвычайно бросанъ и разстоянія въ немъ бываютъ довольно большія. Поэтому его ждалъ отецъ, можетъ быть, не успѣвъ еще забвѣть своего приказанія, могъ раскапризиться, а потому надо было поспѣшить, чтобы поспѣть туда и сюда. Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, онъ и рѣшился сократить путь, пройдя заданъ, всѣ эти ходы онъ зналъ въ городкѣ, какъ пять пальцевъ. Садомъ, значило, почти безъ дорогъ, вдоль пустынныхъ заборовъ перебѣгая иногда даже черезъ чужіе плетни, минуя чужіе дворы гдѣ, впрочемъ, всякій-то его зналъ и всѣ съ нимъ здоровались. Такимъ путемъ онъ могъ выйдти на Большую улицу въ довольно близкомъ мѣстѣ ему пришлось проходить мимо очень близко отъ отцовскаго дома, именно мимо сосѣдскаго сада, принадлежавшаго одному ветхому маленькому закривившемуся домишкѣ въ четыре окна. Обладательница этого домишка была, какъ извѣстно было Алешѣ, одна городская шанка, безногая старуха, которая жила со своею дочерью, бывшею цѣвализованною горничной въ столицѣ, проживавшею недавно все по генеральскимъ мѣстамъ, а теперь уже съ года за болѣзнию старухи, прибывшею домой и щеголявшею въ шикарныхъ платьяхъ. Эта старуха и дочка впади, однако, въ страшную бѣдность и даже ходили по сосѣдству на кухню Федору Павловичу за супомъ и хлѣбомъ ежедневно. Марья Игнатьевна имъ отливала съ охотой. Но дочка, приходя за супомъ и платьевъ своихъ ни одного не продала, а одно изъ нихъ было даже съ предлиннымъ хвостомъ. О послѣднемъ обстоятельствѣ Алеша узналъ, и ужь, конечно, совсѣмъ случайно, отъ своего друга Ракитина, которому рѣшительно все въ ихъ городкѣ было извѣстно, и, узнавъ, позабылъ, разумѣется, тотчасъ. Поровнявшись теперь съ садомъ сосѣдки, онъ вдругъ вспомнилъ именно про этотъ хвостъ, быстро поднялъ понуренную и мавшуюся свою голову и... наткнулся вдругъ на самую и данную встрѣчу.

За плотнемъ въ сосѣдскомъ саду, взмоется на что-то,

погнувшись по грудь, братъ его, Дмитрій Федоровичъ, изъ всѣхъ силъ дѣлалъ ему руками знаки, звалъ его и манилъ, видимо боясь не только крикнуть, но даже сказать вслухъ слово, чтобы не услышали. Алеша тотчасъ подбѣжалъ къ плетню.

— Хорошо, что ты самъ оглянулся, а то я чуть было тебѣ не крикнулъ, радостно и торопливо прошепталъ ему Дмитрій Федоровичъ.—Ползай сюда! Быстро! Ахъ, какъ славно, что ты пришелъ. Я только что о тебѣ думалъ...

Алеша и самъ былъ радъ и недоумѣвалъ только, какъ перебраться черезъ плетень. Но «Митя» богатырскою рукой подхватилъ его локоть и помогъ скачку. Подобралъ подрясникъ, Алеша неслучайно съ ловкостью босоногого городского мальчишки.

— Ну, и гуляй, идемъ! восторженнымъ шопотомъ вырвалось Митя.

— Куда-же, шепталъ и Алеша, озираясь во всѣ стороны и видя себя въ совершенно пустомъ саду, въ которомъ никого кромѣ ихъ обоихъ не было. Садъ былъ маленькій, но хозяйскій поминшко всетаки стоялъ отъ нихъ не менѣе какъ шагахъ въ пятидесяти.—Да тутъ никого нѣтъ, чего-же ты шепчешь?

— Чего шепчу? Ахъ, чортъ возьми, крикнулъ вдругъ Дмитрій Федоровичъ самымъ полнымъ голосомъ, — да чего-же я шепчу? Ну, вотъ самъ видишь, какъ можетъ выйдти вдругъ сумбуръ природы. Я здѣсь на секретѣ и стерегу секретъ. Объясненіе шепчу, но понимая, что секретъ, я вдругъ и говорить сталъ секретно, и шепчу какъ дуракъ. тогда какъ не надо. Идемъ! Вонъ куда! До тѣхъ поръ молчи. Поцѣловать тебя хочу!

Слава Вышему на свѣтъ,
Слава Вышему во мнѣ...

Я это сейчасъ только предъ тобой, сидя здѣсь, повторялъ... Садъ былъ величиной съ десятину или немногимъ болѣе, но обсаженъ деревьями лишь кругомъ, вдоль по всѣмъ четыремъ угламъ, — яблонями, кленомъ, липой, березой. Средина сада была пустая, подъ лужайкой, на которой накашивалось въ лѣто несколько пудовъ сѣна. Садъ отдавался хозяйкой съ весны въ аренду за нѣсколько рублей. Были и гряды съ малиной, крыжовникомъ, смородиной, тоже все около заборовъ; грядки съ мясами близъ самаго дома, заведенныя, впрочемъ, недавно. Дмитрій Федоровичъ велъ гостя въ одинъ самый отдаленный отъ угла сада. Тамъ вдругъ, среди густо стоявшихъ липъ и кустовъ смородины и бузины, вазины и сирени, откры-

Но братъ Дмитрій жилъ далеко и навѣрно теперь тоже не дѣлалъ. Постоявъ съ минуту на мѣстѣ, онъ рѣшился, наконецъ, съ рѣшительностью. Перекрестивъ себя привычнымъ и слѣпымъ крестомъ и сейчасъ-же чему-то улыбувшись, онъ твердо направился въ сторону своей страшной дамѣ.

Домъ ея онъ зналъ. Но если-бы пришлось пойти на Большую улицу, потомъ черезъ площадь и проч., то было-бы довольно не близко. Нашъ небольшой городокъ чрезвычайно небрежно брошенъ и разстоянія въ немъ бываютъ довольно большія. И потому онъ ждалъ отца, можетъ быть, не успѣвъ еще записать своего приказанія, могъ раскапризиться, а потому надо было поспѣшить, чтобы поспѣть туда и сюда. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, онъ и рѣшился сократить путь, пройдя задомышными всѣ эти ходы онъ зналъ въ городкѣ, какъ пять пальцевъ. Задомышными, значило, почти безъ дорогъ, вдоль пустынныхъ заборовъ перелѣзая иногда даже черезъ чужіе плетни, минуя чужіе дворы, въпрочемъ, всякій-то его зналъ и всѣ съ нимъ здоровались. Такимъ путемъ онъ могъ выйти на Большую улицу въ самомъ близкомъ мѣстѣ ему пришлось проходить довольно далеко отъ отцовскаго дома, именно мимо сосѣдскаго сада, принадлежавшаго одному ветхому маленькому закривившемуся домишкѣ въ четыре окна. Обладательница этого домишка была, какъ извѣстно было Алешѣ, одна городская старушка, безногая старуха, которая жила со своею дочерью, бывшею цивилизованною горничной въ столицѣ, проживавшею недавно все по генеральскимъ мѣстамъ, а теперь уже съ гонимой за болѣзнію старухи, прибывшею домой и шеголявшюю въ карпыхъ платьяхъ. Эта старуха и дочка впали, однако, въ страшную бѣдность и даже ходили по сосѣдству на кухню Федору Павловичу за супомъ и хлѣбомъ ежедневно. Марья Ивановна имъ отливала съ охотой. Но дочка, приходя за супомъ и платьевъ своихъ ни одного не продала, а одно изъ нихъ даже съ предлиннымъ хвостомъ. О послѣднемъ обстоятельствѣ Алеша узналъ, и ужь, конечно, совсѣмъ случайно, отъ своего друга Ракитина, которому рѣшительно все въ ихъ городкѣ было извѣстно, и, узнавъ, позабылъ, разумѣется, тотчасъ. Поровнявшись теперь съ садомъ сосѣдки, онъ вдругъ вспомнилъ именно про этотъ хвостъ, быстро поднялъ понуренную и замедившую свою голову и... наткнулся вдругъ на самую и самую данную встрѣчу.

За плетнемъ въ сосѣдскомъ саду, взмоглась на что-то, с

БРАТЯ БАРАМАЗОВЫ.

всунувшись по грудь, братъ его, Дмитрій Федоровичъ, изо вѣтъ дѣлалъ ему руками знаки, звалъ его и манилъ, видимо боясь только крикнуть, но даже сказать вслухъ слово, чтобы не услышали. Алеша тотчасъ подбѣжалъ къ плетню.

— Хорошо, что ты самъ оглянулся, а то я чуть бы только крикнулъ, радостно и торопливо прошепталъ ему Дмитрій Федоровичъ.— Подвзай сюда! Быстро! Ахъ, какъ славно, шепель. Я только что о тебѣ думалъ...

Алеша и самъ былъ радъ и недоумѣвалъ только, какъ перелезть черезъ плетень. Но «лѣтя» богатырскою рукой подхватилъ локоть и помогъ скачку. Подобралъ подрясникъ, Алеша спрыгнулъ съ ловкостью босоногого городского мальчишки.

— Ну, и гулай, идемъ! восторженнымъ шопотомъ выринулся Дмитрій.

— Куда-же, шепталъ и Алеша, озираясь во всѣ стороны сада, изъ себя въ совершенно пустомъ саду, въ которомъ никого изъ нихъ обихъ не было. Садъ былъ маленькій, но хозяйскій вышко все-таки стоялъ отъ нихъ не менѣе какъ шагахъ въ тридцать.— Да тутъ никого нѣтъ, чего-же ты шепчешь?

— Чего шепчу? Ахъ, чортъ возьми, крикнулъ вдругъ Дмитрій Федоровичъ самымъ полнымъ голосомъ, — да чего-же я шепчу? Вотъ самъ видишь, какъ можетъ выйдти вдругъ сумбури изъ природы. Я здѣсь на секретѣ и стерегу секретъ. Объясненіе предъ, но понимая, что секретъ, я вдругъ и говорить сталъ секретно, и шепчу какъ дуракъ, тогда какъ не надо. Идемъ! Вонъ тамъ! До тѣхъ поръ молчи. Поцѣловать тебя хочу!

Слава Вышему на свѣтѣ,
Слава Вышему во мнѣ...

Я это сейчасъ только предъ тобой, сидя здѣсь, повторялъ... Садъ былъ величиной съ десятину или немногимъ болѣе, несаженъ деревьями лишь кругомъ, вдоль по всѣмъ четыремъ сторонамъ, — яблонями, кленомъ, липой, березой. Средина сада была пустая, подъ лужайкой, на которой накашивалось въ лѣто несколько пудовъ сѣна. Садъ отдавался хозяйкой съ весны въ аренду за нѣсколько рублей. Были и гряды съ малиной, крыжовникомъ, смородиной, тоже все около заборовъ; грядки съ капустою близъ самаго дома, заведенныя, впрочемъ, недавно. Тамъ вдругъ, среди густо стоявшихъ липъ и березы, а также и бузины, калитны и сирени, откры-

лось что-то въ родѣ развалинъ стариннѣйшей зеленой бѣ почернѣвшей и покрявившейся, съ рѣшетчатыми стѣнками съ крытымъ верхомъ, и въ которой еще можно было укрыть отъ дождя. Бесѣдка строена была Богъ вѣсть когда, по вѣнью, лѣтъ пятьдесятъ назадъ, какимъ-то тогдашнимъ владельцемъ домика, Александромъ Карловичемъ фонъ-Шиндтомъ, какимъ-то подполковникомъ. Но все уже истлѣло, полъ сгнилъ, половицы шатались, отъ дерева пахло сыростью. Въ бесѣдкѣ стоялъ деревянный зеленый столъ, врытый въ землю, а кругомъ шли лавки, тоже зеленныя, на которыхъ еще можно сидѣть. Алепа сейчасъ-же замѣтилъ восторженное лицо брата, но, войдя въ бесѣдку, увидалъ на столикѣ полбутылку коньяку и рюмочку.

— Это коньякъ! захохоталъ Митя, — а ты ужь смоди «онять пьянствуетъ?» Не вѣрь фантому.

Не вѣрь толпѣ пустой и живой,
Забудь сомнѣнія свои...—

Не пьянствую я, а лишь «лакомствую», какъ говоритъ свинья Разягинъ, который будетъ статскимъ совѣтникомъ будетъ говорить «лакомствую». Садись. Я-бы взялъ тебя, Ал, и прижалъ въ груди, да такъ, чтобы раздавить, ибо на свѣтъ... по настоящему... по на-сто-яще-му... (выкни! вы люблю только одного тебя!

Онъ проговорилъ послѣднюю строчку въ какомъ-то изступленіи.

— Одного тебя, да еще одну «подлюю», въ которую бился, да съ тѣмъ я пропалъ. Но влюбиться не значитъ ли Влюбиться можно и ненавидя. Запомни! Теперь пока веселюсь! Садись, вотъ здѣсь за столъ, а я подлѣ сбоку, и смотрѣть на тебя, и все говорить. Ты будешь все молчать буду все говорить, потому что срокъ пришелъ. А, впрочемъ знаешь, я разсудилъ, что надо говорить действительно потому что здѣсь... здѣсь... могутъ открыться самыя неожиданныя уши. Все объясню, сказано: продолженіе впродъ. Прорвался къ тебѣ, жаждалъ сейчасъ тебя, всѣ эти дни, и сей (Я здѣсь уже пять дней какъ бросаю якорь). Всѣ эти Потому что тебѣ одному все скажу, потому что нужно, и что ты нуженъ, потому что завтра лечу съ облаковъ, и что завтра жизнь кончится и начнется. Испытывалъ ты, и ты во снѣ, какъ въ яму съ горы падаютъ? Ну, такъ я т

снѣ лечу. И не боюсь, и ты не бойся. То есть боюсь, сладко. То есть не сладко, а восторгъ... Ну, да чортъ, знаю, что-бы ни было. Сильный духъ, слабый духъ, бабій — что-бы ни было! Восхваляемъ природу: видишь солнца, небо-то какъ чисто, листья все зелены, совсѣмъ еще часъ четвертый пополудни, тишина! Куда шель?

Шель къ отцу, а сначала хотѣлъ зайти къ Катеринѣ

нѣ. Къ ней и къ отцу! Ухъ! Совпаденіе! Да вѣдь я тебя для чего и звалъ-то, для чего и желалъ, для чего алкалъ и жаждалъ — съими изгибами души и даже ребрами? Чтобы послать тебя къ отцу отъ меня, а потомъ и къ ней, къ Катеринѣ Ивана тѣмъ и покончить и съ ней, и съ отцомъ. Послать я могъ-бы послать всякаго, но мнѣ надо было послать И вотъ ты самъ къ ней и къ отцу.

Неужто ты меня хотѣлъ послать? съ болѣзненнымъ выемъ въ лицѣ вырвалось у Алеши.

Стой, ты это зналъ. И вижу, что ты все сразу понялъ. Молчи, пока молчи. Не жалѣй и не плачь!

Григорій Федоровичъ всталъ, задумался и приложилъ палецъ

Она тебя сама позвала, она тебѣ письмо написала, или что-то, оттого ты къ ней и пошелъ, а то развѣ-бы ты пошелъ?

Вотъ записка, вынулъ ее изъ кармана Алеши. Митя пробѣжалъ ее.

И ты пошелъ по задачѣ! О, боги! Благодарю васъ, что или его по задачѣ и онъ попался ко мнѣ, какъ золотая старому дурню рыбаку въ сказкѣ. Слушай, Алеша, слушай. Теперь я намѣренъ уже все говорить. Ибо хоть кому-то надо-же сказать. Ангелу въ небѣ я уже сказалъ, но надо и ангелу на землѣ. Ты ангелъ на землѣ. Ты выслушаешь, и судишь и ты простишь... А мнѣ того и надо, чтобы меня будь высшій простилъ. Слушай: если два существа вдругъ вылетятъ отъ всего земнаго и летятъ въ необычайное, или, или иной мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, и предъ тѣмъ, улетающій или идущій, приходитъ къ другому и говоритъ: сдѣлай мнѣ то и то, о чемъ никогда никого не просятъ, но о чемъ можно просить лишь на смертномъ одрѣ, — то неужели-же тотъ не простишь... если другъ, если братъ?

Я исполню, но скажи, что такое, и скажи поскорѣй, скажи Алеша.

125
[REDACTED]

[REDACTED]

[REDACTED]

1 Служба пуншеровъ
2 Служба пуншеровъ оскъ

А я и тотчасъ бѣжалъ не вѣдая и не слыша. Не
спать, потому что рѣшилъ на это идти. Ты ждал
протѣ ты много-много слышалъ слышалъ протѣ, в
кальбурь. Не ждалъ бы я не рѣшилъ, а дѣло
въ дѣлу въ мѣсяцъ прѣду. Не стану жидъ въ дѣлу
стой. нѣтъ это...

Она пошла въ гору, задумавъ и веруть восторж
чать:

Робокъ, нѣтъ и дѣла слышалъ
Грозилъ въ пещерахъ спать,
По волнѣ волны слышалъ
И былъ ослепленъ.
Завралъ съ конемъ, стрѣлами,
Гресь бѣгалъ во горахъ...
Горе брошенныя волнами
Въ неурядицы берегамъ!

«Ольжичскія вершины
Следишь мать—Церера вслѣдъ
Похитанной Прозерпины:
Дни лежатъ предъ нею свѣтъ.
Ни уган, ни угощенья
Нѣтъ нигдѣ догнѣ тамъ;
Нигдѣ догнѣченъ
Но смачнолютнуетъ храмъ.»

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

«Плоды полей и грозды сладки
Не блистаютъ на нивахъ;
Лишь дымится тѣль остатокъ
На кровавыхъ алтаряхъ.
И куда печальнымъ окомъ—
Тамъ Церера ни глядитъ—
Въ униженія глубокомъ
Человѣка всюду зреть!»

танія вырвались вдругъ изъ груди Мити, онъ за руку.

Другъ, другъ, въ униженіи, въ униженіи и то много человѣку на землѣ терпѣть, страшно мнѣ. Не думай, что я всего только хамъ въ офицерскомъ. Я пьеть коньякъ и развратничаетъ. Я, братъ, объ этомъ и думаю, объ этомъ униженномъ человѣкѣ только не вру. Дай Богъ мнѣ теперь не врать и себѣ. Потому мысляю объ этомъ человѣкѣ, что я самъ такой въ.

«Чтобъ изъ низости душою
Могъ подняться человѣкъ
Съ древней матерью землею
Онъ вступи въ союзъ на вѣкъ».

только, вотъ въ чемъ дѣло: какъ я вступлю въ союзъ землѣю на вѣкъ? Я не цѣлую землю, не взрѣзаю ей грудь; мнѣ мужикомъ сдѣлаться аль пастушкомъ? Я иду и не въ вонь-ли я попалъ и позоръ или въ свѣтъ и радость. вѣдь гдѣ бѣда, ибо все на свѣтѣ загадка! И когда мнѣ ось погружаться въ самый, въ самый глубокий позоръ та (а мнѣ только это и случалось), то я всегда это стихотвореніе о Церерѣ и о человѣкѣ читалъ. Исправляло оно меня? да! Потому что я Карамазовъ. Потому что если ужъ погубь бездну, то такъ-таки прямо, головой внизъ и вверхъ и, и даже доволенъ, что именно въ униженномъ такомъ положеніи падаю и считаю это для себя красотою. И вотъ въ то-то этомъ позорѣ я вдругъ начинаю гимнъ. Пусть я грязь, пусть я низовъ и подлѣ, но пусть и я цалую край земли, въ которую облекается Богъ мой; пусть я иду въ самое время вслѣдъ за чортомъ, но я все-таки и Твой сынъ, да, и люблю Тебя, и ощущаю радость, безъ которой нельзя жить и быть.

СОЧИНЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

«Душу Божьяго творенья
Радость вѣчная поеть,
Тайной силою броженья
Кубокъ жизни пламенитъ;
Травку выманила въ свѣту
Въ солиды хаосъ развила
И въ пространствахъ, звѣздочету
Неподвластныхъ, развила.»

«У груди благой природы,
Все что дышетъ, радость льетъ;
Всѣ созданья, всѣ народы
За собой она влечетъ.
Намъ друзей дала въ несчастьи,
Гроздїй сокъ, вѣнки Харить,
Насѣкомымъ — сладострастьемъ...
Ангель—Богу предстоить.»

Но довольно стиховъ. Я пролилъ слезы, и ты дай мнѣ вать. Пусть это будетъ глупость, надъ которою всѣ смѣяться, но ты нѣтъ. Вотъ и у тебя глазенки горятъ. Д стиховъ. Я тебѣ хочу сказать теперь о «насекомыхъ», тѣхъ, которыхъ Богъ одарилъ сладострастьемъ.

«Насѣкомымъ—сладострастьемъ!»

Я, братъ, это самое насекомое и есть, и это обо мнѣ ально и сказано. И мы всѣ Карамазовы такіе-же, и в ангелъ, это насекомое живетъ, и въ крови твоей буря. Это — буря, потому что сладострастье — буря, больше Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, что неопредѣлимая, а опредѣлить нельзя, потому что Б даль однѣ загадки. Тутъ берега сходятся, тутъ всѣ пр чія виѣсть живутъ. Я, братъ, очень необразованъ, но объ этомъ думалъ. Страшно много тайнъ! Слишкомъ мн гадокъ угнетаютъ на землѣ человѣка. Разгадывай какъ и выльзай сухъ изъ воды. Красота! Перенести я при могу, что иной, высшїй даже сердцемъ человѣкъ и съ высшимъ, начинается съ идеала Мадонны, а кончается в Содомскимъ. Еще страшнѣе кто уже съ идеаломъ Соди въ душѣ не отрицаетъ и идеала Мадонны, и горитъ о сердце его, и во истину, во истину горитъ, какъ и в безпорочные годы. Нѣтъ, широкъ человѣкъ, слишкомъ да рокъ, а-бы съузилъ. Чортъ знаетъ, что такое даже, во Что уму представляется позоромъ, то сердцу сплошь и

В Содомѣ-ли красота? Вѣрь, что въ Содомѣ-то она и сидитъ на огромнаго большинства людей,—зналъ ты эту тайну или нѣтъ? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и единственная вещь. Тутъ дьяволъ съ Богомъ борется, а полетишь—сердца людей. А, впрочемъ, что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Слушай, теперь къ самому дѣлу.

IV.

Словѣдь горячаго сердца. Въ анекдотахъ.

Я тамъ кутизъ. Давеча отецъ говорилъ, что я по нѣскольку тысячъ платилъ за оболъщенье дѣвицъ. Это свинскій фантомъ—никогда того не бывало, а что было, то собственно на «это» денегъ не требовало. У меня деньги—аксессуаръ, жаръ души, установка. Нынѣ вотъ она моя дама, завтра на ея мѣстѣ уличная дѣвчоночка. И ту, и другую веселю, деньги бросаю пригорстями, музыка, гамъ, цыганки. Коли надо и ей даю, потому что берутъ, берутъ съ азартомъ, въ этомъ надо признаться, и добрыя, и благодарныя. Барыньки меня любили, не всѣ, а случалось, случалось; но я всегда переулочки любилъ, глухіе и живые закоулочки, за площадью, — тамъ приключенія, тамъ неожиданности, тамъ самородки въ грязи. Я, братъ, аллегорически говорю. У насъ въ городишкѣ такихъ переулковъ въ-дѣйствительныхъ не было, но нравственные были. Но если-бы ты зналъ то что я, ты понялъ-бы что эти значатъ. Любилъ развѣтъ, любилъ и срамъ разврата. Любилъ жестокость: развѣ я клопъ, не злое насекомое? Сказано—Карамазовъ! Разъ пикнулъ всѣмъ городомъ былъ, поѣхали на семи тройкахъ; въ-зимотѣ, зимой, въ саняхъ, сталъ я жать одну сосѣдскую дѣвчонку ручку, и принудилъ къ поцѣлуямъ эту дѣвчонку, дочку кузнеца, бѣдную, милую, кроткую, безответную. Позволила, конечно позволила въ темнотѣ. Думала, бѣдняжка, что я завтра прійду, и предложеніе сдѣлаю (меня вѣдь, главное, за-мѣшка цѣнила); а я съ ней послѣ того ни слова, пять мѣсяцевъ ни полслова. Видѣлъ, какъ слѣдили за мной изъ угла—когда бывало танцуютъ, (а у насъ то и дѣло что танцуютъ) ея глазки, видѣлъ какъ горѣли огонькомъ—огонькомъ большого негодованія. Забавляла эта игра только мое сладострастное насекомое, которое я въ себѣ кормилъ. Черезъ пять мѣ-

сидевъ она за чиновника вышла и уѣхала... сердясь и не любя, можетъ быть. Теперь они счастливо живутъ. Замѣнь я никому не сказалъ, не ославилъ; я хоть и низокъ жель и низость люблю, но я не безчестенъ. Ты краснѣешь, глаза сверкнули. Довольно съ тебя этой грязи. И все это только такъ, цвѣточки польдекоховскіе, хотя жестокое и мое уже росло, уже разрослось въ душѣ. Тутъ, братъ, альбомъ воспоминаній. Пусть имъ Богъ, маленькимъ, ад пошлетъ. Я, разрывая, любилъ не ссориться. И никогда не давалъ, никогда ни одну не ославилъ. Но довольно. И ты думалъ, что я тебя для этой только дряни назвалъ? Нѣтъ, я тебѣ любопытнѣе вещь расскажу; но не удивляйся, не стыжусь тебя, а какъ будто даже и радъ.

— Это ты оттого, что я покраснѣлъ, вдругъ замѣтилъ ша.—Я не отъ твоихъ рѣчей покраснѣлъ и не за твою а зато, что я тоже самое что и ты.

— Ты-то? Ну хватилъ немного далеко.

— Нѣтъ, не далеко, съ жаромъ проговорилъ Алеша (димо эта мысль давно уже въ немъ была).—Все одніе ступеньки. Я на самой низшей, а ты вверху, гдѣ-нибудь тринадцатой. Я такъ смотрю на это дѣло, но это все одно и совершенно однородное. Кто ступилъ на нижнюю ступеньку тотъ все равно непременно вступитъ и на верхнюю.

— Стало быть, совсѣмъ не вступать?

— Кому можно—совсѣмъ не вступать.

— А тебѣ—можно?

— Кажется, нѣтъ.

— Молчи, Алеша, молчи, милый, хочется мнѣ ручку поцѣловать, такъ, изъ умиленія. Эта шельма Грушенька токъ въ человѣкахъ, она мнѣ говорила однажды, что она нибудь тебя съѣсть! Молчу, молчу! Изъ мерзостей, съ загаженнаго мухами, перейдемъ на мою трагедію, тоже на загаженное мухами, то есть всякою низостью. Дѣло-то въ томъ, что старикашка хоть и совралъ объ обольщеніи и ностей, но, въ сущности, въ трагедіи моей, это такъ и было, хотя разъ только было, да и то не состоялось. Онъ который меня-же корилъ небылицей, этой-то штуки и не я никому никогда не рассказывалъ, тебѣ первому сейчасъ скажу, конечно, Ивана исключая, Иванъ все знаетъ. Тебя давно знаетъ. Но Иванъ—могила.

— Иванъ—могила?

— Да.

Алена слушала чрезвычайно внимательно.

— Я вѣдь въ этомъ баталіонѣ, въ линейномъ, хоть и пра-
вничкомъ состоялъ, но все равно какъ-бы подъ надзоромъ, въ
себѣ какъ осмысленный какой. А городишко принималъ меня
очень хорошо. Денегъ я бросаю много, вѣрилъ, что я бо-
гатъ, а и самъ тому вѣрилъ. А, впрочемъ, чѣмъ-то и другія
люди, должно быть, угождать. Хоть и головами поживали, а,
все же, любили. Мой подполковникъ, старикъ уже, не валил
меня изъ рукъ. Придирался ко мнѣ; да рука у меня была, въ тому-
шескомъ городѣ за меня стоялъ, придираться нельзя было очень-то.
Можетъ бытьъ я и самъ, самъ нарочно почтенія не отдавалъ
никому. Гордился. У этого стараго упрямца, недурнаго
человѣка и добродушнѣйшаго хлѣбосола, были когда-то
дѣвочки, обѣ померли. Одна, первая, была изъ какихъ-то про-
чихъ и оставила ему дочь, тоже простую. Была уже при мнѣ
всю дѣть двадцати четырехъ и жила съ отцомъ вмѣстѣ съ
матерью, сестрой покойной матери. Тетка—безсловесная простота,
вменяница, старшая дочь подполковника,—бойкая простота.
Люблю, вспоминая, хорошее слово сказать: никогда-то, голуб-
чикъ, я прелестнѣе характера женскаго не зналъ, какъ этой дѣ-
вочки, Агафьей звали ее, представь себѣ, Агафьей Ивановной. Да
не дурака она вовсе была, въ русскомъ вкусѣ—высокая, де-
лая, полновѣсная, съ глазами прекрасными, лицо, положимъ,
убоватое. Не выходила замужъ, хотя двое сватались, отказала
всехъ сватовъ не терпѣла. Сошелся я съ ней—не этакимъ обра-
зомъ, нѣтъ, тутъ было чисто, а такъ, по дружески. Я вѣдь ча-
сто съ женщинами сходился совершенно безгрѣшно, по друже-
ски. Болталъ съ ней такіа откровенныя вещи, что ухъ! а она
ничего смѣется. Многія женщины откровенности любятъ, зашѣ-
леть, а она къ тому-же была дѣвушка, что очень меня весе-
лило. И вотъ еще что: никакъ-бы ее барышней нельзя было
считать. Жила она у отца съ теткой какъ-то добровольно при-
нявъ себя, со всѣмъ другимъ обществомъ не равнялась. Ее всѣ
любили и нуждались въ ней, потому что портника была знат-
но была талатить, денегъ за услуги не требовала, дѣлала изъ
себя, но когда дарили—не отказывалась принять. Под-
полковникъ-же тотъ—куда! Подполковникъ былъ одно изъ са-
мыхъ первыхъ лицъ по нашему мѣсту. Жилъ широко, прини-
малъ весь городъ, ужины, танцы. Когда я прѣѣхалъ и въ ба-
тальонъ поступилъ, заговорили во всемъ городишкѣ, что вскорѣ

пожалуетъ въ намъ изъ столицы вторая дочь подполковника раскрасавица изъ красавицъ, а теперь только что-де вышла аристократическаго столичнаго одного института. Это же дочь — вотъ эта самая Катерина Ивановна и есть, и уже второй жены подполковника. А вторая эта жена, уже покойница была изъ знатнаго, какого-то большаго генеральскаго дома, и впрочемъ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, денегъ подполковнице тоже никакихъ не принесла. Значитъ, была съ родней, да только, развѣ тамъ какія надежды, а въ наличности ничего однако, когда пріѣхала институтка (погостить, а не навсѣ весь городишко у насъ точно обновился, самыя знатныя дамы, — двѣ превосходительныя, одна полковница, да и всѣ за ними, тотчасъ-же приняли участіе, расхватили ее, веселыя начали, царица баловъ, пикниковъ, живыя картины состричь въ пользу какихъ-то гувернантовъ. Я молчу, я кучу, я штуку именно тогда удралъ такую, что весь городъ тогда галдѣлъ. Вижу, она меня разъ обмѣрила взглядомъ, у батюшкаго командира это было, да я тогда не подошелъ: пренебрегъ дескать, знакомиться. Подошелъ я къ ней уже нѣсколько сутокъ тоже на вечерѣ, заговорилъ, еле поглядѣла, презрительныя глаза сложила, а, думаю, подожди, отомщу! Бурбонъ я былъ у нѣйшій въ большинствѣ тогдашнихъ случаевъ, и самъ это ствовалъ. Главное, то чувствовалъ, что «Катенька» не то что невинная институтка такая, а особа съ характеромъ, гордая въ самомъ дѣлѣ добродѣтельная, а пуще всего съ умомъ и сужованіемъ, а у меня ни того, ни другаго. Ты думаешь, я и положеніе хотѣлъ сдѣлать? Ни мало, просто отомстить хотѣлъ, что я такой молодецъ, а она не чувствуетъ. А пока кутеж погромъ. Меня, наконецъ, подполковникъ на три дня въ арестъ посадилъ. Вотъ къ этому-то времени какъ разъ онъ мнѣ шесть тысячъ прислалъ, послѣ того какъ я послалъ форменное отреченіе отъ всѣхъ и вся, то есть мы, дескать, «разсчитъ» и требовать больше ничего не буду. Не понималъ тогда ничего; я, братъ, до самаго сюда пріѣзда, и даже до моихъ послѣднихъ теперешнихъ дней, и даже, можетъ быть, сего дня, не понималъ ничего объ этихъ всѣхъ нашихъ съ ея помъ денежныхъ пререканіяхъ. Но это къ чорту, это неважно. А тогда, получивъ эти шесть, узналъ я вдругъ завѣдомому одному письмецу отъ пріятеля про одну любопытнѣйшую вещь для себя, именно, что подполковникомъ нашимъ недоволенъ и подозрѣваютъ его не въ порядкѣ, однимъ словомъ, что

БРАТЯ ПАРАМАЗОВЫ.

готовятъ ему закуску. И впрямь прѣхалъ начальникъ дѣла распекъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Затѣмъ, и много спусти, но въ отставку подать. Я тебѣ рассказывать не буду какъ все вышло въ подробности, были у него враги **Ивантальна**. Но вдругъ въ городѣ чрезмѣрное охлажденіе фамилии, всѣ вдругъ точно отхлынули. Вотъ моя шутка: встрѣчаю я Агафью Ивановну, съ нею дружбу хранилъ, и говорю: «А вѣдь у папаша-то денегъ четырехъ тысячъ пятисотъ рублей в. то, почему говорите? Не, но генералъ былъ, всѣ...» «Тогда были, а теперь нѣтъ». Испугалась ужасно, пожайте, отъ кого вы слышали?» «Не беспокоюсь, ни кому не скажу, а вы знаете, что я на сей счетъ, а вотъ что хотѣлъ я вамъ только на сей счетъ тогда, такъ сказать, «всякаго случая» присовокупить: когда побуютъ у папаша четыре-то тысячки пятьсотъ, а у него не хватаетъ, такъ чѣмъ подѣ судъ-то, а потомъ въ солдаты на ставитъ угудить, пришлите мнѣ тогда лучше вашу институтку лично, мнѣ какъ разъ деньги выслали, я ей четыре-то тысячки, пожалуй, и отвалю и въ святости секретъ сохраню». «Ахъ, вы, говорить, подлецы! (такъ я сказала), —какой вы злой, подлецы! Да какъ вы смѣете!» Ушла въ негодованіи своемъ, а я ей вслѣдъ еще разъ крикнулъ, что секретъ со мной будетъ свято и нерушимо. Эти обѣ бабы, то есть Агафья и Катя ея, скажу впередъ, оказались во всей этой исторіи чистыми ангелами, а сестру эту гордячку, Катю, во истину обоими, прижимали себя предъ нею, горничными ея были. Только эта штука, то есть разговоръ-то нашъ ей тогда и не понравился. Я это потомъ какъ пять пальцевъ узналъ. Не скрываю, мнѣ, разумеется, того было и надо.

Вдругъ прѣзжаетъ новый майоръ принимать баталіонъ. Старый подполковникъ вдругъ заболѣваетъ, двигаться не можетъ, двое сутокъ дома сидитъ, суммы казенной не беретъ. Докторъ нашъ Кравченко увѣрялъ, что дѣйствительно боленъ былъ. Только я вотъ что досконально зналъ по опыту и даже давно: что сумма, когда отсмотреть ее начальство, первый разъ послѣ того, и это уже года четыре сряду, не беретъ. Сужалъ ее подполковникъ вѣрнѣйшему одному изъ нашему, старому вдовцу, Трифонову, бородачу. Тотъ съѣздитъ на ярмарку, сдѣлаетъ какой-нибудь оборотъ и возвращаетъ тотчасъ подполков-

нику денегъ въ пакетъ а съ тѣмъ пакетомъ привезенъ
 достану, а съ гостиницею и привезенъ Голубъ въ
 и тогда узналъ все это совершенно случайно отъ
 донявато сына Голубова сына его и наследника
 бѣшаго мальчишка каково свѣтъ промолвилъ, въ
 волю. Трифонъ возмущенъ съ донявато ничто же
 доподполковникъ бросился къ нему: «Почему я отъ в
 не получаю, да и получить не могу». — Заставил
 и спитъ нашъ полковникъ Юнкъ Голубу соеъ ои
 отрещеть. «Ну онъ все тѣмъ же въ гонимъ при
 здругъ въ томъ съ бѣнгомъ и съ привезенъ: «Сдѣл
 учу, тотчасъ-же. Заставилъ. Черезъ два часа». —
 ялся. Я эту болтовню въ книгу потомъ ввелъ. — Заста
 то отвѣтъ въ чинѣхъ итѣ. Довѣдѣ въ свои
 зялъ двухствольное охотничье свое ружье, зарядилъ
 патрону пулю. Тянулъ съ правой ноги сапогъ, пу
 лѣ выстрѣлъ и ногой сталъ вытѣкать левую. — Аггера
 бѣла, чоп голландия зова зломилъ, подбрасаетъ
 адмирала: зорвался, пошелъ изъ его сада, чон
 выстрѣломъ выстрѣлъ съ потолка: много же вышло
 стальной, стальной его, тянулъ пулю, за рука дер
 то и потомъ узналъ по вѣсты. Тянулъ а тогда чон
 дерка и только по вѣсты, вышло, дѣлся, причес
 бѣтъ издупилъ, ружьку взялъ, какъ здругъ отворилъ
 средо мною, у меня на заводе. Катерина Иван
 бѣзавать-же странности: никто-то не замѣтилъ
 дѣлѣ какъ она за мѣнѣ прошла, какъ то въ городѣ
 заруло и-же начиналъ заводку: вухъ зновни
 бѣднѣ, старухъ, онѣ мнѣ прислуживали, бѣды поч
 дѣлаться меня за зоръ, и. по моему приказу, зам
 бѣтъ обѣ какъ тугинныя тумбы. Конечно, а все тотчасъ
 бѣтъ копла и прямо глянуть на меня, темныя глаза си
 пательно держа даже, но въ губахъ а около губъ
 определенность

Моя сестра сказала, что вы идите четыре ты
 сѣе рублей, если я пойду за ними... въ замъ сама. Я
 ядѣе чинилъ, не выдержала, захохоталась, испугалась, п
 бѣея, а копла губъ, а линия около губъ издрожала
 случилась, или спитъ?

Мнѣ, я знаю, что ты все правду сказываешь.
 и. по имени Алина.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

Ее самую и скажу. Если всю правду, то вотъ какъ было, в пощажу. Первая мысль была — Карамазовская. Разъ, меня фаланга укусила, я двѣ недѣли отъ нея въ жару былъ; ну такъ вотъ и теперь вдругъ за сердце слышу укуманга, злое-то насѣкомое, понимаешь? Обмѣрилъ я ея видѣлъ ты ее? Вѣдь красавица. Да не тѣмъ она была. Красива была она тѣмъ къ ту минуту, а я подлець, что она въ величїи своего вы своей за отца, а я клопъ. И вотъ отъ ~~мом~~ она вся зависеть, вся, вся кругомъ и съ души. Очерчена. И тебѣ прямо скажу: эта мысль, мысль же такой степени захватила мнѣ сердце, что оно чуется отъ одного томленія. Казалось-бы и борьбы не могло никакой, именно-бы поступить какъ клопу, какъ злому, безо всякаго сожалѣнія... Пересѣкло у меня душой: вѣдь я, разумѣется, завтра-же прїѣхалъ-бы руки, чтобы все это благороднѣйшимъ, такъ сказать, обработать и чтобы никто, стало быть, этого не зналъ и бы знать. Потому что вѣдь я человекъ хоть и низкихъ, но честный. И вотъ вдругъ мнѣ тогда въ ту-же се-то-то и шепни на ухо: «Да вѣдь завтра-то этакая, какъ съ предложеніемъ руки, я не выйду къ тебѣ, а вечеру со двора тебя вытолкать. Ославляй, дескать, поороду, не боюсь тебя!» Взглянулъ я на дѣвицу, не соей голосъ: такъ, конечно, такъ оно и будетъ. Меня въ шею, по теперешнему лицу уже судить можно. За во мнѣ злость, захотѣлось подлѣйшую, поросячью, вую штучку выкинуть: поглядѣть это на нее съ насмѣхутъ-же, пова стоять передъ тобой, и огорошить ее съ ней, съ какою только купчикъ умѣетъ сказать. Это четыре-то тысячи! Да я пошутилъ-съ, что вы это? въ легковѣрно, сударыня, сосчитали. Сотенки двѣ я, по съ момъ даже удовольствіемъ и охотою, а четыре ты-ю деньги не такія, барышня, чтобы ихъ на такое легко-кидать. Обезпокоить себя напрасно изволили. рншь, я-бы, конечно, все потерялъ, она-бы убѣжала, но рнально, мстительно вышло-бы, всего остальнаго стоило-бы потомъ всю жизнь отъ раскаянія, но только чтобы штучку отмочить! Вѣришь-ли, никогда этого у меня не бывало, ни съ единою женщиной, чтобы въ гуту я на нее глядѣлъ съ ненавистью, — и вотъ

крестъ владу: я на эту глядѣль тогда секунды три въ страшную ненавистью, — съ тою самою ненавистью, — рой до любви, до безумнѣйшей любви — одинъ волосок дошелъ къ окну, приложилъ лобъ къ мерзлону стеклянню, что мнѣ лобъ обожгло льдомъ какъ огнемъ. Долго держалъ, не безпокоясь, обернулся, подошелъ къ столу, вынулъ ящикъ и досталъ пятидесятирублевый билетъ (въ лексиконѣ французскомъ лежалъ). Затѣмъ молча ей показалъ, сложилъ, отдалъ, самъ отворилъ дверь въ сѣни, и, отступя шагъ, поклонился ей въ почтительнѣйшимъ, проникновеннѣйшимъ поклономъ, въ который она вся вздрогнула, посмотрѣла пристально секунду, поблѣднѣла, ну, какъ скатерть, и вдругъ, тоже ни слова не говоря, не съ порывомъ, а мягко такъ, глубоко, тихо съелась и прямо мнѣ въ ноги — лбомъ до земли, не по русски! Вскочила и побѣжала. Когда она выбѣжала изъ комнаты, я вынулъ шпагу и хотѣлъ-было тутъ-же зарезать себя, для чего — не знаю, глупость была-бы страшная, но, должно быть, отъ восторга. Понимаешь-ли ты, что восторга можно убить себя: но я не закололся, а толкнулъ шпагу и вложилъ ее опять въ ножны, — о чемъ, могъ-бы тебѣ и не упоминать. И даже, кажется, часъ-то рассказывая обо всѣхъ борьбахъ немножко ругалъ себя похвалить. Но пусть, пусть такъ и будетъ в дери всѣхъ шпионовъ сердца человѣческаго! Вотъ весь и бывшій «случай» съ Катериной Ивановной. Теперь, братъ Иванъ о немъ знаетъ, да ты — и только.

Дмитрій Федоровичъ всталъ, въ волненіи шагнулъ къ другой, вынулъ платокъ, обтеръ со лба потъ, затѣмъ сѣлъ не на то мѣсто, гдѣ прежде сидѣлъ, а на другое, впрямую напротивъ, у другой стѣны, такъ что Алеша долженъ былъ къ нему повернуться.

У.

Исповѣдь горячаго сердца. «Вверхъ по

— Теперь, сказалъ Алеша, — я первую половину знаю.

— Первую половину ты понимаешь: это драма, и п

тань. Вторая-же половина есть трагедія и произойдетъ она

— Нао второй половины я до сихъ поръ ничего не пони-
а, сказалъ Алеша.

— А я-то? Я-то развѣ понимаю?

— Постой, Дмитрій, тутъ есть одно главное слово. Скажи
е видъ ты женихъ, женихъ и теперь?

— Женихомъ я сталъ не сейчасъ, а всего три мѣсяца лишь
послѣ тогдашняго-то. На другой-же день, какъ это тог-
случилось, я сказалъ себѣ, что случай исчерпанъ и конченъ,
дѣленія не будетъ. Прийти съ предложеніемъ рубли ка-
кошь мнѣ низостью. Съ своей стороны и она всѣ шесть не-
потомъ какъ у насъ въ городѣ прожила — ни словечкомъ
объ знать не дала. Кромѣ одного, вправду, случая: на другой
послѣ ея посѣщенія прошмыгнула во мнѣ ихъ горничная,
ни слова не говоря, пакетъ передала. На пакетѣ адресъ: та-
у-то. Вскрываю — сдача съ билета въ 5000. Надо было всего
тысячи пятьсотъ, да на продажѣ пятитысячнаго билета
три рубли въ двѣсти слишкомъ произошла. Прислала мнѣ
то двѣсти шестьдесятъ, кажется, рубляковъ, не помню хоро-
шко, и только однѣ деньги, — ни записки, ни словечка, ни
ясненія. Я въ пакетѣ искалъ знака какого-нибудь каранда-
шъ — и-ничего! Что-жь, я закутилъ пока на мои остальные
ли, такъ что и новый майоръ мнѣ выговоръ, наконецъ, при-
денъ былъ сдѣлать. Ну, а подполковникъ казенную сумму
къ — благополучно и всѣмъ на удивленіе, потому что никто
е у него денегъ въ цѣлости не предполагалъ. Сдалъ, да я
мораль, слегъ, лежалъ недѣли три, затѣмъ, вдругъ размяг-
ше въ мозгу произошло и въ пять дней скончался. Похоро-
ни съ воинскими почестями, еще не успѣлъ отставку получить.
верна Ивановна, сестра и тетка, только что похоронивъ отца,
и черезъ десять двинулись въ Москву. И вотъ предъ отъѣз-
къ только, въ самый тотъ день, когда уѣхали (я ихъ не ви-
лъ и не провожалъ), получаю крошечный пакетикъ, синенькій,
жесткая бумажка, а на ней одна только строчка карандашомъ:
вамъ напишу, ждите. К.». Вотъ и все.

Поясню тебѣ теперь въ двухъ словахъ. Въ Москвѣ у нихъ
обернулся съ быстротою молніи и съ неожиданностью
свихъ свазокъ. Эта генеральша, ея главная родственница,
тъ разомъ лишается своихъ двухъ ближайшихъ наслед-
ь, своихъ двухъ ближайшихъ племянницъ, — обѣ на одной

и той-а іѣ помирають отъ оспы. Потрясенная съ Катѣ обрадовалась, какъ родной дочери, какъ звѣздѣ спасавшейся на нее, передѣлала тотчасъ завѣщаніе въ ея пользу, но это въ будущемъ, а пока теперь, прямо въ руки—десять тысячъ, вотъ тебѣ, молю, приданое, дѣлай съ нимъ, что хочешь. Истерическая женщина, а ее въ Москвѣ потому не держатъ. Ну, вотъ, вдругъ я тогда и получаю по почтѣ четыре тысячи пятьсотъ рублей, разумѣется, недоумѣваю и удивляюсь, какъ безсловесный. Три дня спустя приходитъ вѣщательное письмо. Оно я теперь у меня, оно всегда со мной и умру съ нимъ, — хочешь покажу? Непременно прочти: предлагаетъ невѣсты, сама себя предлагаетъ, «люблю, дескать, безумно, а вы меня не любите—все равно, будьте только моимъ мужемъ. Не пугайтесь—ни въ чемъ васъ стѣснять не буду, буду мебелью, буду тотъ коверъ, по которому вы ходите... Хочу бить васъ вѣчно, хочу спасти васъ отъ самого себя»... А я недостойный даже пересказывать эти строки моими собственными словами и моимъ подлымъ тономъ, всегдашнимъ моимъ подлымъ тономъ, отъ котораго я никогда не могъ исправиться! Прочитавъ это письмо меня до сегодня, и развѣ мнѣ теперь легко, развѣ мнѣ сегодня легко? Тогда я тотчасъ-же ей написалъ отвѣтъ (я никакъ не могъ самъ пріѣхать въ Москву). Слезами писалъ, однимъ стыжусь вѣчно: упомянулъ, что она теперь богата и приданымъ, а я только нищій бурбонъ—про деньги упомянулъ. Я-бы долженъ былъ это перенести, да съ пера сорвалось. Я же, тотчасъ написалъ, въ Москву, Ивану и все ему объяснилъ въ письмѣ по возможности, въ шесть листовъ письмо было, послалъ Ивана къ ней. Что ты смотришь, что ты глядишь на меня? Ну да, Иванъ влюбился въ нее, влюбленъ и теперь это знаю, я глупость сдѣлалъ, по вашему, по свѣтскому, можетъ быть, вотъ эта-то глупость одна теперь и спасетъ всѣхъ! Ухъ! Развѣ ты не видишь, какъ она его почитаетъ, она его уважаетъ? Развѣ она можетъ, сравнивъ насъ обоихъ, бить такого какъ я, да еще послѣ всего того, что здѣсь произошло?

— А я увѣренъ, что она любить такого какъ ты, а не кого какъ онъ.

— Она свою добродѣтель любить, а не меня, невольникъ почти злобно вырвалось вдругъ у Дмитрія Федоровича. Он смѣялся, но черезъ секунду глаза его сверкнули, онъ покраснѣлъ и съ силой ударилъ кулакомъ по столу.

— Клянусь, Алеша, воскликнулъ онъ со страшнымъ

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

внимъ глѣвомъ на себя, — вѣрь—не вѣрь, но вотъ, какъ ты святъ, и что Христосъ есть Господь, клянусь, что я, хотя и смѣкнулся сейчасъ ея высшимъ чувствомъ, но знаю, что я милліонъ разъ ничтожнѣе душой, чѣмъ она, и что эти лучшія чувства ея—искренни какъ у небснаго ангела! Въ томъ трагедія, что я знаю это навѣрно. Что въ томъ, что человекъ такъ глупо декламируетъ? Развѣ я не декламирую? А вѣдь исплъненъ-же я, искрененъ. Что-же касается Ивана, то вѣдь я знаю съ какимъ проклятіемъ долженъ онъ смотрѣть на природу, да еще при его-то умѣ! Кому, чему отдано прѣдѣленіе? Отдано извергу, который и здѣсь, уже женихомъ будучи, когда на него всѣ глядѣли, удержатъ свои deboшности, — и это при невѣстѣ-то, при невѣстѣ-то! И вотъ ты, Катя, я, предпочтенъ, а онъ отвергается. Но для чего-же? А для того, что дѣвица изъ благодарности жизнь и судьбу свою извѣдать хочетъ! Нелѣпость! Я Ивану въ этомъ смыслѣ ничего никогда не говорилъ, Иванъ, разумѣется, мнѣ тоже объ этомъ когда ни полслова, ни малѣйшаго намека; но судьба свершится и достойный станетъ на мѣсто, а недостойный скроется въ переулочкѣ на вѣки—въ грязный свой переулочекъ, въ возмеченный и свойственный ему переулочекъ, и тамъ, въ грязи и пыли, погибнетъ добровольно и съ наслажденіемъ. Заврался я тогда, слова у меня всѣ износились, точно наобумъ ставлю, но какъ я опредѣлялъ, такъ тому и быть. Потому въ переулочкѣ она выйдетъ за Ивана.

— Братъ, постой, съ чрезвычайнымъ безпокойствомъ опять началъ Алеша, — вѣдь тутъ всетаки одно дѣло ты мнѣ до сихъ поръ не разъяснилъ: вѣдь ты женихъ, вѣдь ты всетаки женихъ? Какъ-же ты хочешь порвать, если она, невѣста, не согласна?

— Я женихъ, формальный и благословенный, произошло въ Москвѣ, по моему прїѣздѣ, съ парадомъ, съ образами, и лучшимъ видѣ. Генеральша благословила и — вѣришь-ли, позволила даже Катю: ты выбрала, говорить, хорошо, я вижу възвездъ. И вѣришь-ли, Ивана она не влюбила и не полюбила. Въ Москвѣ-же я много и съ Катей переговаривалъ, и ей себя росписалъ, благородно, въ точности, въ искренности ушала:

«Было много смущенья,
Были вѣжныя слова»...

Ну, слова-то были и гордыя. Она вынудила у меня тогда кое обѣщаніе исправиться. Я далъ обѣщаніе. И вотъ...

— Что-же?

— И вотъ я тебя кликнулъ и перетащилъ сюда съ сегодняшняго числа,—запомни!—съ тѣмъ, чтобы послать и опять-таки сегодня-же, къ Катеринѣ Ивановнѣ, и...

— Что?

— Сказать ей, что я больше къ ней не приду никогда, казалъ, дескать, кланяться.

— Да развѣ это возможно?

— Да я потому-то тебя и посылаю вмѣсто себя, что и это возможно, а то какъ-же я самъ-то ей это скажу?

— Да куда-же ты пойдешь?

— Въ переулочекъ.

— Такъ это къ Грушенькѣ? горестно воскликнулъ и всплеснувъ руками. — Да неужто-же Равитинъ въ самомъ правду сказалъ? А я думалъ, что ты только такъ къ ней дилъ и кончилъ.

— Это жениху-то ходить? Да развѣ это возможно, да при такой невѣстѣ, и на глазахъ у людей? Вѣдь честь-то есть, небось. Только что я сталъ ходить къ Грушенькѣ, тотчасъ-же и пересталъ быть женихомъ и честнымъ человекомъ, вѣдь я это понимаю-же. Что ты смотришь? Я, видишь-ли, всего пошелъ ее бить. Я узналъ и знаю теперь достовѣрно, что Грушенькѣ этой былъ этимъ штабсъ-капитаномъ, отцомъ повѣреннымъ, вексель на меня переданъ, чтобы взыскала, а я унялся и кончилъ. Испугать хотѣли. Я Грушеньку и двести бить. Видалъ я ее и прежде мелькомъ. Она не поражает старика купца зналъ, который теперь вдобавокъ и боленъ и слабленъ лежитъ, но ей кушъ всетаки оставить знатный. И то же, что деньгу нажить любить, наживаетъ, на злые прощаетъ, пройдоха, шельма, безъ жалости. Пошелъ я бить у ней и остался. Грянула гроза, ударила чума, заразился и я, раженъ доселѣ, и знаю, что ужъ все кончено, что ничто не будетъ. Цивль времянь совершенъ. Вѣдь это дѣло. А тогда вдругъ какъ нарочно у меня въ карманѣ, вѣдь шаго, очутились три тысячи. Мы отсюда съ ней въ Мокрый дворъ двадцать пять отсюда верстъ, цыганъ туда добылъ, цыганокъ панскаго, всѣхъ мужиковъ тамъ шампанскимъ переполнилъ, бабъ и дѣвокъ, двинулъ тысячами. Черезъ три дня голъ, голъ. Ты думалъ достигъ чего соколъ-то? Даже издали

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

— Да. Я говорю тебѣ: изгибъ. У Грушеньки, челмы, есть тебѣ одинъ изгибъ тѣла, онъ и на ножкѣ у ней утразился, даже пальчикъ-мизинчикъ на лѣвой ножкѣ отозвался. Видѣлъ и говорилъ, но в только — влянулся! Говорить: «хочешь выйдти мужъ, вѣдь ты нищій. Скажи, что бить не будешь и плачьшь все мнѣ дѣлать, что я захочу, тогда, можетъ, я выйдется. И теперь смѣется!

Дмитрий Федоровичъ почти съ какою-то яростью шибста, онъ вдругъ сталъ какъ пьяный. Глаза его наполнились кровью.

— И ты въ самомъ дѣлѣ хочешь на ней жениться?

— Коль захочетъ, такъ тотчасъ-же, а не захочетъ, и влянусь; у нея на дворѣ буду дворникомъ. Ты... ты, Александровичъ, онъ вдругъ предъ ними и, схвативъ его за руку, вдругъ съ силою трясти его: — да знаешь-ли ты, вѣдь ты мальчикъ, что все это бредъ, невысказанный бредъ, трагедія! Узнай-же, Алексѣй, что я могу быть низкимъ воромъ, со страстями низкими и погибшими, но воромъ маннымъ воромъ, воришкой по переднимъ, Дмитрій Карамазовъ не можетъ быть никогда. Ну, такъ узнай-же теперь, что воришка, я воръ по карманамъ и по переднимъ! Какъ разидь тѣмъ какъ я Грушеньку пошелъ бить, призываетъ меня то самое утро Катерина Ивановна, и въ ужасномъ секретѣ бы покаместъ никто не зналъ (для чего, не знаю, видно такъ было нужно) проситъ меня съѣздить въ губернской городъ тамъ по почтѣ послать три тысячи Агафѣ Ивановнѣ, въ Москву, потому въ городъ чтобъ здѣсь и не знали. Вотъ съ эти три тысячи въ карманѣ я и очутился тогда у Грушеньки, на нихъ я въ Мокрое съѣздили. Потомъ я сдѣлалъ, что слеталъ въ городъ, но росписки почтовой ей не предидь, сказалъ, что послалъ, росписку принесу, и до сих поръ не несу, забылъ-съ. Теперь, какъ ты думаешь, вотъ ты одна пойдешь и ей скажешь: «приказали вамъ кланяться» она тебѣ: «А деньги?» Ты еще могъ-бы сказать ей: «это низкоудострастяжикъ, и съ неудержимыми чувствами подлое существо. Онъ тогда не послалъ ваши деньги, а растратилъ, что удержаться не могъ, какъ низкое животное, и ты могъ-бы прибавить: за то онъ не воръ, вотъ вашъ послылаетъ обратно, пошлите сами Агафѣ Ивановнѣ деньги кланяться. А теперь вдругъ она: «а гдѣ

— Митя ты несчастенъ, да! Но все-же не столько ты думаешь,—не убивай себя отчаяніемъ, не убивай!

— А что ты думаешь, застрѣлюсь, какъ не достану тысячь отдать? Въ томъ-то и дѣло что не застрѣлюсь. Не силахъ теперь, потомъ, можетъ быть, а теперь я къ Груше пойду... Пропадай мое сало!

— А у ней?

— Буду мужемъ ея, въ супруги удостоюсь, а коли при любовникѣ, выйду въ другую комнату. У ея пріятелей буду лоши грязныя обчищать, самоваръ раздувать, на косы бѣгать...

— Катерина Ивановна все пойметъ, торжественно прокрикъ вдругъ Алеша, — пойметъ всю глубину во всемъ горѣ и примирится. У нея высшій умъ, потому что нельзя несчастію тебя, она увидитъ сама.

— Не помирится она совсѣмъ, ослабился Митя. — Братъ, есть вѣчто, съ чѣмъ нельзя никакой женщиной мириться. А знаешь что всего лучше сдѣлать?

— Что?

— Три тысячи ей отдать.

— Гдѣ-же взять-то? Слушай, у меня есть двѣ тысячи, я дамъ тоже тысячу, вотъ и три, возьми и отдай.

— А когда онѣ придутъ, твоя три тысячи? Ты еще совершеннолѣтній вдобавокъ, а надо непремѣнно, непремѣно чтобы ты сегодня уже ей откланялся, съ деньгами или денегъ, потому что я дальше тянуть не могу, дѣло на я точкѣ стало. Завтра уже поздно, поздно. Я тебя къ отцу по-

— Къ отцу?

— Да, къ отцу прежде нея. У него три тысячи и сдѣ-

— Да вѣдь онъ, Митя, не дастъ.

— Еще-бы далъ, знаю что не дастъ. Знаешь ты, Алеша, что значить отчаяніе?

— Знаю.

— Слушай: юридически онъ мнѣ ничего не долженъ. Я у него выбралъ, все, я это знаю. Но вѣдь нравственно-то женъ онъ мнѣ, такъ или не такъ? Вѣдь онъ съ матерью двадцати восьми тысячъ пошелъ и сто тысячъ нажилъ. И онъ мнѣ дастъ только три тысячи изъ двадцати восьми, три, и душу мою изъ ада извлечетъ, и зачтется это многе грѣхи! Я-же на этихъ трехъ тысячахъ, вотъ тебѣ кое слово, — покончу, и не услышитъ онъ ничего обо

БРАТЯ БАРАМАЗОВЫ.

вовсе. Въ послѣдній разъ случай ему даю быть отцомъ ему, что самъ Богъ ему этотъ случай посылаетъ.

— Митя, онъ ни за что не дастъ.

— Знаю, что не дастъ, въ совершенствѣ знаю. А теперь знаю. Мало того, я вотъ что еще знаю: теперь, на дняхъ только, всего только, можетъ быть, вчера, онъ въ первый разъ былъ *серьезно* (подчеркни серьезно) что Грушенька-то въ сакъ дѣлѣ, можетъ быть, не шутить и за меня замужъ прыгнуть. Знаетъ онъ этотъ характеръ, знаетъ это, такъ неужто-жъ онъ мнѣ вдобавокъ и деньги дастъ. Кому случаю способствовать, тогда какъ самъ онъ (въ памяти? Но и этого еще мало, я еще больше тебѣ скажу: я знаю, что у него ужъ двей пять какъ вынуты пачки рублей, размѣнены въ сотенныя кредитки и упавовъ. Большой пакетъ, подъ пятью печатами, а сверху красной ниточкой на-крестъ перевязаны. Видишь, какъ подробно знала. Пакетъ-же надписано: «Ангелу моему, Грушенькѣ, коли захочетъ придти», самъ нацарапалъ, въ тишинѣ и въ тайнѣ, и никто не знаетъ, что у него деньги лежатъ, кромѣ лакея Смердякова, въ честность котораго онъ вѣритъ какъ въ себя само. Вотъ онъ ужъ третій аль четвертый день Грушеньку ждетъ, надѣется, что придетъ за пакетомъ, далъ онъ ей знать, а знать дала, что, «можетъ-де и приду». Такъ вѣдь если придетъ къ старикъ, развѣ я могу тогда жениться на ней? Знаешь теперь зачѣмъ, значитъ, я здѣсь на секретъ сижу и именно сторожу?

— Ее?

— Ее. У этихъ шлюхъ, здѣшнихъ хозяекъ, нанимаетъ каждую Оома. Оома изъ нашихъ мѣстъ, нашъ бывшій солдатъ. У нихъ прислуживаетъ, ночью сторожить, а днемъ тете-тѣ ходитъ стрѣлять, да тѣмъ и живетъ. Я у него тутъ и сижу: ни ему, ни хозяйкамъ, секретъ неизвѣстенъ, то есть я здѣсь сторожу.

— Одинъ Смердяковъ знаетъ?

— Онъ одинъ. Онъ мнѣ и знать дастъ, коль та къ старикъ придетъ.

— Это онъ тебѣ про пакетъ рассказалъ?

— Да. Величайшій секретъ. Даже Иванъ не знаетъ ни о чемъ, ни о чемъ. А старикъ Ивана въ Чермашню посылалъ, на три дня прокатиться: объявился покупатель на Грушеньку, за бить ее за восемь тысячъ, вотъ и уиращиваетъ ста-

СОЧИНЕНІЯ С. М. ДОСТОВЬСКАГО

р помоги, дескать, съѣзди самъ» денька на-
Груш., Это онъ хочетъ, чтобы Грушенька бѣ-
пришла.

— Стало быть, онъ и сегодня ждетъ Грушеньку?

— Нѣтъ, сегодня она не придетъ, есть примѣты. И не придетъ! кривнулъ вдругъ Митя. — Такъ и Смердако лагаецъ. Отецъ теперь пьянствуетъ, сидитъ за столомъ съ томъ Иваномъ. Сходи, Алексѣй, спроси у него эти три ты

— Митя, милый, что съ тобой! воскликнулъ Алеша, кивая съ мѣста и всматриваясь въ изступленнаго Дмитіу доровича. Одно мгновеніе онъ думалъ, что тотъ помѣшал

— Что ты? Я не помѣшанъ въ умѣ, пристально и даже то торжественно смотря, произнесъ Дмитрій Федоровичъ. — Б я тебя посылаю къ отцу и знаю что говорю: я чуду

— Чуду?

— Чуду Промысла Божьяго. Богу извѣстно мое сердце видитъ все мое отчаяніе. Онъ всю эту картину видитъ. И Онъ понуститъ совершиться ужасу? Алеша, я чуду вѣри

— Я пойду. Скажи, ты здѣсь будешь ждать?

— Буду, понимаю, что не скоро, что нельзя этакъ и прямо бухъ! Онъ теперь пьянъ. Буду ждать и три часа тыре, и пять, и шесть, и семь, но только знай, что с хотя-бы даже и въ полночь, ты явишься къ Катеринѣ Ия *съ деньгами или безъ денегъ*, и скажешь: велѣлъ вамъ клан Я именно хочу, чтобъ ты этотъ стихъ сказалъ: «велѣлъ, я кланяться».

— Митя! А вдругъ Грушенька придетъ сегодня... не с такъ завтра, аль послѣ завтра?

— Грушенька? Посмотрю, ворвусь и помѣшаю...

— А если...

— А коль если, такъ убью. Такъ не переживу.

— Кого убьешь?

— Старика. Ее не убью.

— Братъ, что ты говоришь!

— Я вѣдь не знаю, не знаю.. Можетъ быть, не уби жетъ убью. Боюсь, что ненавистенъ онъ вдругъ мнѣ (своимъ лицомъ въ ту самую минуту. Ненавижу я его и его носъ, его глаза, его безстыжную насмѣшку. Личное ніе чувствую. Вотъ этого боюсь. Вотъ я не удержусь...

— Я пойду, Митя. Я вѣрю, что Богъ устроитъ какъ лучше, чтобы не было ужаса.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

— А я буду сидѣть и чуда ждать. Но если и свершится, то Алеша, задумчивый, направился къ отцу.

VI.

Смердяновъ.

Онъ и вправду засталъ де отца за столомъ. Столъ всегдашнему обыкновенно накрытъ въ залѣ, хотя находилась и настоящая столовая. Эта зала была самая добромъ комната, съ какою-то старинною претензіей на старинную мебель была древнѣйшая, бѣлая, съ красною, въ шелковомъ обивкой. Въ простѣвкахъ между оконъ вставлены зеркала въ вычурныхъ рамахъ старинной рѣзбы, украшенныхъ съ золотомъ. На стѣнахъ, обитыхъ бѣлыми бумагами, во многихъ мѣстахъ уже треснувшими обоями, красовались большіе портрета, — одною какого-то князя, дѣтъ тридцать лѣтъ бывшаго генераль-губернаторомъ мѣстнаго края, и какаго-то архіерея, давно уже тоже почившаго. Въ переднемъ углу помѣщалось нѣсколько иконъ, предъ которыми на ночь загоралась лампадка... не столько изъ благоговѣнія, сколько для того, чтобы комната на ночь была освѣщена. Федоръ Павловичъ вставалъ по ночамъ очень поздно, часа въ три, въ четыре утра, и въ тѣхъ поръ все, бывало, ходитъ по комнатѣ или сидитъ въ креслахъ и думаетъ. Такую привычку сдѣлалъ. Ночевалъ онъ только совсѣмъ одинъ въ домѣ, отсылая слугъ во флигель, но въ верхней частію съ нимъ оставался по ночамъ слуга Смердяновъ, спавшій въ передней на залавкѣ. Когда вошелъ Алеша, обѣдъ былъ уже поконченъ, но подано было варенье и кофе. Федоръ Павловичъ любилъ послѣ обѣда сладости съ коньячкомъ. Смердяновъ Федоровичъ находился тутъ-же за столомъ и тоже кушалъ кофе. Слуги, Григорій и Смердяновъ, стояли у стола. И вода, и слуги были въ видномъ и необыкновенно веселомъ настроеніи. Федоръ Павловичъ громко хохоталъ и смѣялся; Алеша еще изъ сѣней слышалъ его визгливый, столь знакомый прежде смѣхъ, и тотчасъ-же заключилъ, по звукамъ смѣха, что Смердяновъ еще далеко не пьянъ, а пока лишь всего благодуше-

... и онъ, вотъ и онъ! завопилъ Федоръ Павловичъ, явно обрадовавшись Алешѣ. — Присоединяйся къ намъ,

садись, кофейку, — постный, вѣдь, постный, да горячій, да с
ный! Коньячку не приглашаю, ты постникъ, а хочешь, хоч
Нѣтъ, я лучше тебѣ ликерцу дамъ, знатный! — Смердяковъ, с
въ шкафъ, на второй полкѣ направо, вотъ ключи, живѣй!

Алеша сталъ было отъ ликера отказываться.

— Все равно подадутъ, не для тебя, такъ для насъ, с
Федоръ Павловичъ. — Да постой, ты обѣдалъ аль нѣтъ?

— Обѣдалъ, сказалъ Алеша, съѣвшій, по правдѣ, всего то
ломоть хлѣба и выпившій стаканъ квасу на игуменской кухнѣ.
Вотъ я кофе горячаго выпью съ охотой.

— Милый! Молодецъ! Онъ кофейку выпьетъ. Не подогрѣтъ
Да нѣтъ, и теперь кипитъ. Кофе знатный, Смердяковскій.
кофе да на кулебяки Смердяковъ у меня артистъ, да на уху с
правда. Когда-нибудь на уху приходи, заранѣе дай знать...
постой, постой, вѣдь я тебѣ давеча совсѣмъ велѣлъ сегодня
переселиться съ тюфякомъ и подушками? Тюфякъ-то притащи
хе-хе-хе!..

— Нѣтъ, не принесъ, усмѣхнулся и Алеша.

— А, испугался, испугался таки давеча, испугался? Ахъ
голубчикъ, да я-ль тебя обидѣть могу. Слушай, Иванъ, не м
я видѣть какъ онъ этакъ смотритъ въ глаза и смѣется, не м
Утроба у меня вся начинается на него смѣяться, люблю
Алешка, дай я тебѣ благословеніе родительское дамъ.

Алеша всталъ, но Федоръ Павловичъ успѣлъ одуматься.

— Нѣтъ, нѣтъ, я только теперь перекрещу тебя, вотъ т
садись. Ну, теперь тебѣ удовольствіе будетъ, и именно на т
тему. Насмѣешься. У насъ Валамова ослица заговорила, да
говорить-то, какъ говорить!

Валаамовою ослицей оказался лакей Смердяковъ. Челов
еще молодой, всего лѣтъ двадцати-четырехъ, онъ былъ стра
нелюдимъ и молчаливъ. Не то, чтобы дикъ или чего-ни
стыдился, нѣтъ, характеромъ онъ былъ, напротивъ, надмен
и какъ будто всѣхъ презиралъ. Но вотъ и нельзя миновать
чтобы не сказать о немъ хотя двухъ словъ, и именно те
Воспитали его Марѳа Игнатьевна и Григорій Васильевичъ,
мальчикъ росъ «безо всякой благодарности», какъ выраж
о немъ Григорій, мальчикомъ дикимъ и смотря на всѣхъ
угла. Въ дѣтствѣ онъ очень любилъ вѣшать кошекъ и по
хоронить ихъ съ церемоніей. Онъ надѣвалъ для этого прост
что составляло въ родѣ какъ-бы ризы, и пѣлъ и махалъ ч
нибудь надъ мертвою кошкой, какъ будто вадилъ. Все это

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

рзоньку, въ величайшей тайнѣ. Григорій поймалъ его одна
этомъ упражненіи я больно наказалъ розгой. Тотъ ушелъ
и косился оттуда съ недѣлю. «Не любитъ онъ насъ»,
«Бой, этотъ извергъ», говорилъ Григорій Марѣ Игнатъ
и никого не любить. Ты развѣ человекъ», обращалъ
прямъ въ Смердякову, — «ты не человекъ, ты изъ
вроты завелся, вотъ ты кто»... Смердяковъ, какъ она
вслѣдствіи, никогда не могъ простить ему этихъ с
онъ выучилъ его грамотѣ и, когда минуло ему лѣтъ д
алъ учить Священной Исторіи. Но дѣло кончилось т
дѣль. Какъ-то однажды, всего только на второмъ
тѣмъ урокъ, мальчикъ вдругъ усмѣхнулся.

— Чего ты? спросилъ Григорій, грозно выглядывая
подъ очковъ.

— Ничего-съ. Свѣтъ создалъ Господь Богъ въ первый де
звѣзды на четвертый день. Откуда-же свѣтъ
въ первый день?

Григорій остолбенѣлъ. Мальчикъ насмѣшливо глядѣлъ на
читателя. Даже было во взглядѣ его что-то высокомерное. Григо
не выдержалъ. «А вотъ откуда!» крикнулъ онъ и неистово
арилъ ученика по щекѣ. Мальчикъ вынесъ пощечину, не воз
авъ ни слова, но забился опять въ уголъ на нѣсколько дней.
къ разъ случилось такъ, что черезъ недѣлю у него объяви
надухая болѣзнь въ первый разъ въ жизни, не покидав
его потомъ на всю жизнь. Узнавъ объ этомъ, Федоръ Пав
ичъ какъ будто вдругъ измѣнилъ на мальчика свой взглядъ.
жде онъ какъ-то равнодушно глядѣлъ на него, хотя никогда
брания и, встрѣчая, всегда давалъ копѣечку. Въ благодуш
н настроеніи иногда посылалъ со стола мальчишкѣ чего-ни
ль сладенькаго. Но тутъ, узнавъ о болѣзни, рѣшительно сталъ
нень заботиться, пригласилъ доктора, сталъ было лѣчить, не
залось, что вылѣчить невозможно. Среднимъ числомъ при
ки приходили по разу въ мѣсяцъ и въ разные сроки. При
ки тоже бывали разной силы, — иногда легкіе, другіе очень же
же. Федоръ Павловичъ запретилъ настраожайше Григорію на
ывать мальчишку тѣлесно и сталъ пускать его къ себѣ и
нъ. Учить его чему-бы то ни было тоже пока запретилъ. Не
гда мальчику было уже лѣтъ пятнадцать, замѣтилъ Фе
вичъ, что тотъ бродитъ около шкафа съ книгами, и
сло читаетъ ихъ названія. У Федора Павловича води
довольно, томовъ сотня слишкомъ, но никто никогда

не видалъ его самого за книгой. Онъ тотчасъ-же передалъ е отъ шкафа Смердякову: «Ну, и читай, будешь библиотечникъ тѣмъ по двору шлаться, садись да читай. Вотъ прочти эту *Вечера на хуторѣ близъ каньки*».

Малый прочелъ, но остался недоволенъ, ни разу не унулся, напротивъ, кончилъ нахмурившись.

— Что-жь? Не смѣшно? спросилъ Федоръ Павловичъ.

Смердяковъ молчалъ.

— Отвѣчай, дуракъ.

— Про неправду все написано, — ухмыляясь, прошепталъ Смердяковъ.

— Ну, и убирайся къ чорту, лакейская ты душа. Стой, у тебя *Всеобщая Исторія* Смагдадова, тутъ ужъ все правда, читай.

Но Смердяковъ не прочелъ и десяти страницъ изъ Смагдадова, показалось скучно. Такъ и закрылся опять шкафъ съ книгами. Въ скорости Марѳа и Григорій доложили Федору Павловичу, что въ Смердяковѣ мало по малу проявилась вдругъ новая какая-то брезгливость; сидитъ за супомъ, возьметъ ложку и ищетъ-ищетъ въ супѣ, нагибается, высматриваетъ, почерпнетъ ложку и подыметъ на свѣтъ.

— Тараканъ, что-ли? спросить, бывало, Григорій.

— Муха, можетъ, замѣтитъ Марѳа.

Чистоплотный юноша никогда не отвѣчалъ, но и съ супомъ, и съ мясомъ, и со всѣми кушаньями оказалось тоже съ подыметъ, бывало, кусокъ на вилкѣ на свѣтъ, разсматриваетъ точно въ микроскопъ, долго, бывало, рѣшается и, наконецъ, рѣшится въ ротъ отправить. «Вишь барченокъ какой объявился», бормоталъ на него глядя Григорій. Федоръ Павловичъ, услышавъ о новомъ качествѣ Смердякова, рѣшилъ немедленно, что ему поваромъ и отдалъ его въ ученіе въ Москву. Въ ученье онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ и воротился сильно перемѣнившись лицомъ. Онъ вдругъ какъ-то необычайно постарѣлъ, всѣмъ даже не соразмѣрно съ возрастомъ, сморщился, пошатнулся, сталъ походить на скопца. Нравственно-же воротился почти тѣмъ-же самымъ какъ и до отъѣзда въ Москву: все тѣ же былъ нелюдимъ и ни въ чьемъ обществѣ не ошущалъ никакой нужды и лѣйшей надобности. Онъ и въ Москвѣ, какъ передавали по слухамъ, все молчалъ; сама-же Москва его какъ-то чрезвычайно мало интересовала, такъ что онъ узналъ въ ней развѣ все-то же, что и все остальное и вниманія не обратилъ. Былъ даже разъ и

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

но молча и съ неудовольствіемъ воротился. Зато и намъ изъ Москвы въ хорошемъ платьѣ, въ чистомъ сюртукѣ, очень тщательно вычишалъ самъ щеткой свое платье и ежедневно по два раза въ день, а сапоги свои опойковые щегольские, ужасно любилъ чистить особенною англійскою ваксой, которую они сверкали какъ зеркало. Поваромъ онъ оказался отличнымъ. Федоръ Павловичъ положилъ ему жалованье по старому обычаю, а Иванъ Смердяковъ употреблялъ чуть не въ цѣлости и в помаду, на духи и проч. Но жевекій полъ онъ, казался разиралъ, какъ и мужской, держалъ себя съ нимъ съ величайшей недоступно. Федоръ Павловичъ сталъ поглядывать на него съ некоторой другой точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что при немъ надучей болѣзней уславились, и въ тѣ дни кушанье готовило Марья Игнатьевна, что было Федору Павловичу вовсе не по вкусу.

— Съ чего у тебя припадки-то чаще? косился онъ иногда на Иванова повара, всматриваясь въ его лицо.—Хоть-бы ты женился на какой-нибудь, хочешь женю?..

Но Смердяковъ на эти рѣчи только блѣднѣлъ отъ досады, но ничего не отвѣчалъ. Федоръ Павловичъ отходилъ, махнувъ рукой. Вѣрное, въ честности его онъ былъ увѣренъ, и это разъ навсегда въ томъ, что онъ не возьметъ ничего и не украдетъ. Разъ случился, что Федоръ Павловичъ, пьяненькій, обронилъ на собственномъ дворѣ, въ грязи, три радужныя бумажки, которыя только онъ получалъ, и хватился ихъ на другой только день; только онъ бросился искать по карманамъ, а радужныя вдругъ уже лежали у него всѣ три на столѣ. Откуда? Смердяковъ поднялъ и вчера принесъ. «Ну, братъ, я такихъ какъ ты не видаю!» — отрѣзалъ тогда Федоръ Павловичъ и подарилъ ему десять рублей. Надо прибавить, что не только въ честности его онъ былъ увѣренъ, но почему-то даже и любилъ его, хотя и смѣялся и на него глядѣлъ также косо, какъ и на другихъ, и молчалъ. Рѣдко, бывало, заговорить. Если-бы въ то время кому-нибудь вздумалось спросить, глядя на него: чѣмъ этотъ человекъ интересуется и что всего чаще у него на умѣ, то, право, возможно было бы рѣшить это, на него глядя. А между тѣмъ, онъ иногда въ домъ-же, аль хоть на дворѣ или на улицѣ, останавливался, задумывался и стоялъ такъ по десятку минутъ. Физиономистъ, взглянувъ на него, сказалъ-бы, что ни думы, ни мысли нѣтъ, а такъ какое-то созерцаніе. Исаа Крамского есть одна замѣчательная картина, цоку

назва *зерцатель*: изображенъ гдѣсь зимою, и въ на дѣрзкѣ, оборванномъ кафтаникѣ и лаптишкахъ, одинъ-одиношенекъ, въ глубочайшемъ уединеніи, забредъ жиченко, стоитъ и какъ-бы задумался, но онъ не думаетъ что-то «созерцаетъ». Если-бъ его толкнуть, онъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на васъ точно проснувшись, но ничего не замечая. Правда, сейчасъ-бы и очнулся, а спросили-бы его, онъ это стоялъ и думалъ, то навѣрно-бы ничего не припомнилъ, но зато навѣрно-бы затанлъ въ себѣ то впечатлѣніе, по которому находился во время своего созерцанія. Впечатлѣніе эти ему дороги и онъ навѣрно ихъ копилъ, непримѣтно не сознавая,—для чего и зачѣмъ, конечно, тоже не знаетъ, вдругъ, накопивъ впечатлѣній за многіе годы, ѣдетъ все и уйдетъ въ Іерусалимъ, скитаться и спасаться, а, и село родное вдругъ спалить, а, можетъ быть, случится и другое виѣсть. Созерцателей въ народѣ довольно. Вотъ изъ такихъ созерцателей былъ навѣрно и Смердяковъ, вѣрно тоже копилъ впечатлѣнія свои съ жадностью, почти еще не зная зачѣмъ.

VII.

Контроверза.

Но Балаамова ослица вдругъ заговорила. Тема странная: Григорій, по утру, забирая въ лавкѣ у купца нова товаръ, услышалъ отъ него объ одномъ русскомъ о томъ, что тотъ, гдѣ-то далеко на границѣ, у азіатовъ, попавъ въ плѣнъ и будучи принуждаемъ ими подъ страхомъ мучитъ и немедленной смерти отказаться отъ христіанства и перейти въ исламъ, не согласился измѣнить своей вѣрѣ и принялъ даже содрать съ себя кожу и умеръ, слава и хвала Христу о каковомъ подвигѣ и было напечатано какъ разъ въ полу въ тотъ день газетѣ. Объ этомъ вотъ и заговорилъ за сѣбѣ Григорій. Федоръ Павловичъ любилъ и прежде, каждыя послѣ стола, за десертомъ, посмѣяться и поговорить и даже съ Григоріемъ. Въ этотъ же разъ былъ въ легкомъ и пріятно раскидывающемся настроеніи. Попивая воньчочку и слушавъ сообщенное извѣстіе, онъ замѣтилъ, что такого слѣдовало-бы произвести сейчасъ-же во святые, и сняту!

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

и препроводить въ какой-нибудь монастырь: «То-то на; талант и денегъ». Григорій поморщился, видя, что Федоръ Павловичъ несколько не умилился, а по всегдашней привычкѣ своей начинаетъ возмущиваться. Какъ вдругъ Смердяковъ, стоявшій у двери, усмѣкнулся. Смердяковъ весьма часто и выпускался стоять у стола, то есть подъ конецъ обѣда. Съ прибытія въ нашъ городъ Ивана Федоровича сталъ являться къ обѣду почти каждый разъ.

— Ты чего? спросилъ Федоръ Павловичъ, нигомъ за языкъ и понявъ, конечно, что относится она къ Гри

— А я на счетъ того-съ, заговоришь вдругъ громко и радостно Смердяковъ, — что если этого похвальнаго и великаго дѣла было и очень великъ-съ, то никакого опять-таки тому, не было-бы грѣха и въ томъ, если-бъ и отказаться отъ случайности отъ Христова, примѣрно, имени и отъ священнаго крещенія своего, чтобы спасти твои самые интересы для добрыхъ дѣлъ, кони въ теченіи лѣтъ и искупить вѣдущіе.

— Это какъ-же не будетъ грѣха? Врешь, за это тебя прямо въ адъ и тамъ какъ баранину поджаривать стануть, подхватилъ Федоръ Павловичъ.

И вотъ тутъ-то и вошелъ Алеша. Федоръ Павловичъ, какъ увидѣвъ, ужасно обрадовался Алешѣ.

— На твою тему, на твою тему! радостно хихикалъ онъ живая Алешу слушать.

— На счетъ баранины это не такъ-съ, да и ничего тамъ это не будетъ-съ, да и не должно быть такого, если не по справедливости, солидно замѣтилъ Смердяковъ.

— Какъ такъ по всей справедливости, крикнулъ еще весело Федоръ Павловичъ, подталкивая колѣномъ Алешу.

— Подлецъ онъ, вотъ онъ кто! вырвалось вдругъ у Григорія. Гнѣвно посмотрѣлъ онъ Смердякову прямо въ глаза.

— На счетъ подлца повремените-съ, Григорій Васильевичъ спокойно и сдержанно отразилъ Смердяковъ, — а лучше разсушите сами, что разъ я попалъ къ мучителямъ рода христіанъ въ плѣнъ и требуютъ они отъ меня имя Божіе проклинаетъ святаго крещенія своего отказаться, то я вполне уполномочен въ томъ собственнымъ разсудкомъ, ибо никакого тутъ не будетъ.

ты ужъ это говоришь, ты не расписывай, а доказывай Федоръ Павловичъ.

— Бульфоншавъ! прошепталъ Григорій презрительно.

— На счетъ бульфонщика тоже повремените-сь, а, не ругайтесь, разсудите сами, Григорій Васильевичъ. Ибо едва только скажу мучителямъ. «Нѣтъ, я не христіанинъ и истиннаго Бога моего проклинаю», какъ тотчасъ-же я самымъ высшимъ Богомъ чинъ судомъ немедленно и специально становлюсь анаѣма прѣдъять и отъ церкви святой отлученъ, совершенно какъ-бы язычникомъ, такъ даже, что въ тотъ-же мигъ-сь, — не то какъ только произнесу, а только что подумаю произнести, такъ что даже самой четверти секунды тутъ не пройдетъ-сь, какъ отлученъ,—такъ вѣкъ не такъ, Григорій Васильевичъ?

Онъ съ видимымъ удовольствіемъ обращался къ Григорію отвѣчая въ сущности на одни лишь вопросы Федора Павловича и очень хорошо понимая это, но нарочно дѣлая видъ, что вопросы эти какъ будто задастъ ему Григорій.

— Иванъ! крикнулъ вдругъ Федоръ Павловичъ, — нагнись ко мнѣ въ самому уху. Это онъ для тебя все это устроилъ, хочеть, чтобы ты его похвалилъ. Ты похвали.

Иванъ Федоровичъ выслушалъ совершенно серьезно восторженное сообщеніе папаша.

— Стой, Смердяковъ, помолчи на время, крикнулъ опять Федоръ Павловичъ:—Иванъ, опять ко мнѣ въ самому уху нагнись.

Иванъ Федоровичъ вновь съ самымъ серьезнѣйшимъ видомъ нагнулся.

— Люблю тебя также, какъ и Алошку. Ты не думай, что тебя не люблю. Коньячку?

— Дайте. «Однако самъ-то ты порядочно нагрузился», пристально поглядѣлъ на отца Ивана Федоровичъ. Смердякова-то онъ наблюдалъ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ.

— Анаѣма ты проклять и теперь, разразился вдругъ Григорій, —и какъ-же ты послѣ того, подлець, разсуждать смѣешь если...

— Не бранись, Григорій, не бранись! прервалъ Федоръ Павловичъ.

— Вы переждите, Григорій Васильевичъ, хотя-бы самъ даже малое время-сь, и прослушайте дальше, потому что всего не окончилъ. Потому, въ самое то время, какъ я Богомъ стану немедленно проклятъ-сь, въ самый, тотъ самый высшій моментъ-сь, я уже сталъ все равно какъ-бы язычникомъ крещеніе мое съ меня снимается и ни во что выѣняется,—ли хоть это-сь?

— Заклучай, братъ, скорѣй, заклучай, поторопиль Федоръ Павловичъ, съ наслажденіемъ хлебнувъ изъ рюмки.

— А коли я ужъ не христіанинъ, то, значитъ, я и не со-
гдалъ мучителямъ, когда они спрашивали: «Христіанинъ я или
не христіанинъ», ибо я уже былъ самимъ Богомъ совлеченъ
моего христіанства, по причинѣ одного лишь замысла, и прежде
тѣмъ даже слово успѣлъ мое молвить мучителямъ. А коли я
уже разжалованъ, то какимъ-же манеромъ и по какой справед-
ливости стануть спрашивать съ меня на томъ свѣтѣ, какъ съ
христіанина, за то, что я отрекъся Христа, тогда какъ я за по-
нышленіе только одно, еще до отреченія, былъ уже вращенія мо-
его совлеченъ? Коли я ужъ не христіанинъ, значитъ, я и не могу
отъ Христа отречься, ибо не отъ чего тогда мнѣ и отречься
будеть. Съ татарина поганого кто-же станеть спрашивать, Григо-
рій Васильевичъ, хотя-бы и въ небесахъ, за то, что онъ не христі-
аниномъ родился, и кто-же станеть его за это наказывать, раз-
суждая, что съ одного вола двухъ шкуръ не деруть. Да и самъ
Богъ Вседержитель съ татарина если и будетъ спрашивать, когда
тотъ помретъ, то полагаю какимъ нибудь самымъ малымъ наказа-
ніемъ (такъ какъ нельзя-же совсѣмъ не наказать его), разсудивъ,
что вѣдь не повиненъ-же онъ въ томъ, если отъ поганныхъ роди-
телей поганымъ на свѣтѣ произошелъ. Не можетъ-же Господь
Богъ насильно взять татарина и говорить про него, что и онъ
былъ христіаниномъ? Вѣдь значило-бы тогда, что Господь Вседер-
житель скажетъ сухую неправду. А развѣ можетъ Господь Все-
держитель неба и земли произнести дождь хотя-бы въ одномъ
только какомъ-нибудь словѣ-съ?

Григорій остолбенѣлъ и смотрѣлъ на оратора, выпучивъ
глаза. Онъ хотъ и не понималъ хорошо что говорятъ, но
что-то изъ всей этой дребедени вдругъ понялъ, и остановился
съ видомъ челоуѣка вдругъ стукнувшася лбомъ объ стѣну.
Федоръ Павловичъ допилъ рюмку и занялся визгивымъ смѣ-
хомъ.

— Алешка, Алешка, каково! Ахъ ты, казуистъ! Это онъ былъ
у іезуитовъ гдѣ нибудь, Иванъ. Ахъ ты, іезуитъ смердящій, да
кто-же тебя научилъ? Но только ты врешь, казуистъ, врешь,
врешь и врешь. Не плачь, Григорій, мы его сю-же минутой ра-
зобьемъ въ дымъ и прахъ. Ты мнѣ вотъ что скажи, ослица: пусть
ты предъ мучителями правъ, но вѣдь ты самъ-то въ себѣ все-же
отрекся отъ вѣры своей и самъ-же говоришь, что въ тотъ-же
часъ былъ анаѣема проклятъ. а коли разъ ужъ анаѣема, такъ

тебя за эту землю по головѣ въ аду не поглядятъ. Объ эти ты какъ полагаешь, іезуитъ ты мой прекрасный?

— Это сумаснія нѣтъ-съ, что самъ въ себѣ я отрекся, а все же никакого и тутъ специально грѣха не было-съ, а коли бы грѣшокъ, то самый обыкновенный весьма-съ.

— Какъ такъ обыкновенный весьма-съ!

— Врешь пр-р-роклѣтый, прошилъ-съ Григорій.

— Разсудите сами, Григорій Васильевичъ; — ровно и очевидно, сознавая побѣду, но какъ-бы и великодушничая съ разнѣю противникомъ, продолжалъ Смердяковъ, — разсудите самъ Григорій Васильевичъ, вѣдь сказано-же въ Писаніи, что ни вынете вѣру хотябы на самое малое даже зерно и притомъ вынете сей горѣ, чтобы съѣхала въ море, то и съѣдетъ, ни малое медля, по первому-же вашему приказанію. Что-же, Григорій Васильевичъ, коли я не вѣрующій, а вы столь вѣрующій что непрерывно даже ругаете, то попробуйте сами-съ сказать горѣ, чтобы не то чтобы въ море (потому что до моря отсюда лево-съ), но даже хоть въ рѣчку нашу вонючую съѣхала, и что у насъ за садомъ течеть: то и увидите сами въ тотъ же моментъ, что ничего не съѣдетъ-съ, а все останется въ прежнемъ порядкѣ и цѣлости, сколько-бы вы не кричали-съ. А это означаетъ, что и вы не вѣруете, Григорій Васильевичъ, надлежащимъ манеромъ, а лишь другихъ зато всячески ругаете. Опять такъ и взявши, что никто въ наше время, не только вы-съ, но и рѣшительно никто, начиная съ самыхъ даже высокыхъ лицъ до самаго послѣдняго мужика-съ, не сможетъ спихнуть горы въ море, кромѣ развѣ какого нибудь одного человѣка на всей землѣ, много двухъ, да и то, можетъ, гдѣ нибудь тамъ въ пустынѣ египетской въ секретѣ спасаются, такъ что ихъ и не найдешь вовсе, — коли такъ-съ, коли всѣ остальные выходятъ невѣрующіе, то ужьели-же всѣхъ сихъ остальныхъ, то есть населеніе всей земли-съ, кромѣ какихъ нибудь тѣхъ двухъ пустынниковъ, прощаетъ Господь и при милосердіи Своемъ, столь извѣстномъ, ни изъ нихъ не проститъ? А потому и я уповаю, что, разъ усомнившись, буду прощенъ, когда раскаяніа слезы пролью.

— Стой! завизжалъ Федоръ Павловичъ въ апопеезѣ исторга: — такъ двухъ-то такихъ, что горы могутъ сдвигать, все-таки полагаешь, что есть они? Иванъ, заруби черту, завизжалъ весь русскій человѣкъ тутъ сказався!

— Вы совершенно вѣрно замѣтили, что это народная вѣра, съ одобрительною улыбкой согласился Иванъ Федоръ

да
и
Человек
тутъ своей
мёртъ, свою
вая, питаюсь

аха и самого разсудка рѣшиться можно,
то будетъ совсѣмъ невозможно. А, ста
выйду особенно виновать, если не видя ня
выгоды, ни награды, хоть кожу-то, по
Господню ве
что и совсѣмъ прощенъ буду-

VIII.

За коньячкомъ.

Споръ кончился, но странное дѣло, столь развесѣ
Федоръ Павловичъ подъ конецъ вдругъ нахмурился. На
и хлопнулъ коньячку, и это уже была совсѣмъ лишняя

— А убирайтесь вы, іезуиты, вонъ, крикнулъ онъ на
Пошелъ, Смердяковъ. Сегодня обѣщанный червонецъ
а ты пошелъ. Не плачь, Григорій, ступай въ Марѣвъ, она
спать уложить. Не даютъ канальи послѣ обѣда въ
посидѣть, досадливо отрѣзалъ онъ вдругъ, когда тотчасъ
приказу его удалились слуги. — Смердяковъ за обѣдомъ
каждый разъ сюда лѣзетъ, это ты ему стоишь любовытъ
ты его такъ заласкалъ? прибавлялъ онъ Ивану Федорову

— Ровно ничѣмъ, отвѣтилъ тотъ, — уважать не
малъ; это лакей и хамъ. Передовое мясо, впрочемъ, ко
наступитъ.

— Передовое?

— Будутъ другіе и получше, но будутъ и такіе
будутъ такіе, а за ними получше.

— А когда срокъ наступитъ?

— Загорится ракета, да и не догоритъ, можетъ и
родъ этихъ бульфонщиковъ пока не очень-то любить

— То-то, братъ, вотъ этакая Валаамова ослица
думаетъ, да и чортъ знаетъ про себя тамъ до чего до

— Мыслей навонять, — усмѣхнулся Иванъ.

— Видишь, я вотъ знаю, что онъ и меня тернѣтъ не
равно какъ и всѣхъ, и тебя точно также, хотя тебѣ и
что онъ тебя «уважать вздумалъ». Алешку недавно
онъ презираетъ. Да не украдетъ онъ, вотъ что, не с
онъ, молчать, изъ дому сору не вынесетъ, кулебякѣ с
четъ, да къ тому-же ко всему и чортъ съ нимъ, по
такъ стоить-ли объ немъ говорить?

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

— Конечно не стоить.

— А что до того, что онъ тамъ про себя надумаетъ, то скаго мужика, вообще говоря, надо пороть. Я это все ожидалъ. Мужикъ нашъ мошенникъ, его жалеть не приходится еще, что дерутъ его иной разъ и теперь. Делать крѣпка березой. Истребятъ лѣса, пропадетъ земля на умныхъ людей стою. Мужиковъ мы драть перестали, а больше ума, а тѣ сами еще пороть продолжаютъ. Въ ту-же мѣру и платятъ, въ ту-же и возятъ это тамъ... Однимъ словомъ, возвѣрнется. А Россия не Россия, другъ мой, если-бы ты зналъ, какъ я ненавижу Россию, а всѣ эти пороки... а, пожалуй, tout cela c'est de la cochonnerie. Знаешь, что это такое остроуміе.

— Вы опять рюмку выпили. Довольно-бы вамъ.

— Подожди, я еще одну, и еще одну, а тамъ и покончу. Ты постой, ты меня перебилъ. Въ Мокромъ я проѣздомъ спрашиваю старика, а онъ мнѣ: «Мы очень, говоритъ, любимъ пушкинскую дѣвочку по приговору пороть, и пороть даемъ все парнямъ. Мы эту-же, которую нынѣ поролятъ, завтра царень въ пеленки оденутъ, такъ что оно самимъ дѣвкамъ, говоритъ, у насъ пошло». Какковы маркизы де-Сады, а? А какъ хочешь, оно остроумно. Съѣздить-бы и намъ поглядѣть, а? Алешка, ты покраснѣлъ? Не стыдись, дѣтка. Жаль, что давеча я у игумена за обѣдъ съѣлъ, да монахамъ про Мокрыхъ дѣвочекъ не рассказалъ. Алешка, не сардись, что я твоего игумена давеча разобидѣлъ. Я, братъ, зло беретъ. Въдь коли Богъ есть, существуетъ, — конечно, я тогда виноватъ и отвѣчу, а коли нѣтъ Его вовсе, такъ-ли ихъ еще надо, твоихъ отцовъ-то? Въдь съ ними я тогда головы срубить, потому что они развитие задерживаютъ. Вѣришь-ли, Иванъ, что это меня въ моихъ чувствахъ терзаетъ. Нѣтъ, ты не вѣришь, потому я вижу по твоимъ глазамъ. Вѣришь людямъ, что я всего только шутъ. Алеша, вѣришь ты, я не всего только шутъ,

— Вѣрю, что не всего только шутъ.

— И вѣрю, что вѣришь, и искренно говоришь. Искренно говоришь, и искренно говоришь. А Иванъ нѣтъ. Иванъ высоко-

А все-таки я-бы съ твоимъ монастырькомъ повончилъ всю эту мистичку да разомъ по всей русской землѣ и проговорю, чтобъ окончательно всѣхъ дураковъ обрезать. А вѣдь золота сколько-бы на монетный дворъ поступило

— Да зачѣмъ упразднить, — сказалъ Иванъ.

— А чтобъ истина скорѣе возсіяла, вотъ зачѣмъ.

— Да вѣдь коль эта истина возсіяетъ, такъ вась-ваго сначала ограбятъ, а потомъ... упразднить.

— Ба! А вѣдь, пожалуй, ты правъ. Ахъ, я ослици нулся вдругъ Федоръ Павловичъ, слегка ударивъ себя! Ну, такъ пусть стоятъ твой монастырекъ, Алешка, коли А мы, умные люди, будемъ въ теплѣ сидѣть, да коньячкомъ зоваться. Знаешь-ли, Иванъ, что это самимъ Богомъ быть непременно нарочно такъ устроено? Иванъ, говори Богъ или нѣтъ? Стой: навѣрно говори, серьезно говори опять смѣешься?

— Смѣюсь я тому, какъ вы сами давеча остроумно за о вѣрѣ Смердякова въ существованіе двухъ старцевъ, и могутъ горы двигать.

— Такъ развѣ теперь похоже?

— Очень.

— Ну такъ, значитъ, и я русскій человѣкъ, и у мѣн своя черта, и тебя, философа, можно тоже на своей чертѣ мать въ этомъ-же родѣ. Хочешь поймаю. Побьемся объ з что завтра-же поймаю. А всетаки говоря, есть Богъ или Только серьезно! Миѣ надо теперь серьезно.

— Нѣтъ, нѣту Бога.

— Алешка, есть Богъ?

— Есть Богъ.

— Иванъ, а безсмертіе есть, ну тамъ какое-нибудь, маленькое, малюсенькое?

— Нѣтъ и безсмертія.

— Никакого?

— Никакого.

— То есть совершеннѣйшій нуль или нѣчто. Можетъ нѣчто какое-нибудь есть? Все-же вѣдь не ничто!

— Совершенный нуль.

— Алешка, есть безсмертіе?

— Есть.

— А Богъ и безсмертіе?

— И Богъ и безсмертіе.

— Гм. Вѣроятноѣ, что правъ Иванъ. Господи, и только о томъ, сколько отдалъ человѣкъ вѣры, сколько кихъ силъ даромъ на эту мечту, и это столько ужъ хѣты! Кто-же это такъ смѣется надъ человѣкомъ, Ива:

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

— Последний раз я рѣшительно: есть Богъ или нѣтъ? Я въ мнѣ
— Последний разъ!

— И въ послѣдній разъ нѣтъ.

— Кто-же смѣется надъ людьми, Иванъ?

— Чортъ, должно быть, усмѣхнулся Иванъ Федоровичъ.

— А чортъ есть?

— Нѣтъ, и чорта нѣтъ.

— Жаль. Чортъ возьми, что-бъ я послѣ того с
— Чортъ, кто первый выдумалъ Бога! Повѣсить его мало
— Оснѣ.

— Цивилизация-бы тогда совсѣмъ не было, если-бы
— Не было-бы? Это безъ Бога-то?

— Да. И коньячку-бы не было. А коньякъ всетаки у
— Чортъ придется.

— Постой, постой, постой, милый, еще одну рюмочку.
— Чортъ оскорбилъ. Ты не сердись, Алексѣй? Милый Алексѣй
— Чортъ ты мой, Алексѣйчикъ!

— Нѣтъ, не сержусь. Я ваши мысли знаю. Сердце у васъ
— Не лучше головы.

— У меня-то сердце лучше головы? Господи, да еще кто это
— Чортъ? Иванъ, любишь ты Алешку?

— Люблю.

— Люби (Федоръ Павловичъ сильно хмѣлѣлъ). — Слушай
— Чортъ, я старцу твоему давеча грубость сдѣлалъ. Но я былъ
— Чортъ вонненіи. А вѣдь въ старцѣ этомъ есть остроуміе, какъ ты
— Чортъ знаешь, Иванъ.

— Пожалуй, что и есть.

— Есть, есть, il y a du Pignon là-dedans. Это лезунтъ, рус
— Чортъ то есть. Какъ у благороднаго существа, въ немъ это за
— Чортъ чное негодование кипеть на то, что надо представляться..
— Чортъ чья на себя натягивать.

— Да вѣдь онъ-же вѣруетъ въ Бога.

— Ни на грошъ. А ты не зналъ? Да онъ всѣмъ говоритъ
— Чортъ самъ, то есть не всѣмъ, а всѣмъ умнымъ людямъ, которые
— Чортъ знаютъ. Губернатору Шухльцу онъ прямо отвѣзалъ: «credo
— Чортъ я знаю во что».

ужто?

— Чортъ енно такъ. Но я его уважаю. Есть въ немъ что-то
— Чортъ альское или лучше изъ Героя нашей времени... Арбе
— Чортъ мѣтъ тамъ... то есть, видишь, онъ сладострастный

онъ до тѣхъ радострастникъ, что я-бы и теперь за дочь побоялся, ... за жену. если-бы къ нему исповѣдываться! Знаешь, какъ начнетъ рассказывать... Третьяго года онъ зазвалъ къ себѣ на чаекъ, да съ ликерцемъ (барыни ему верь присылаютъ), да какъ пустился росписывать старину, мы животики надорвали... Особенно какъ онъ одну разсказную излѣчалъ. «Если-бы ноги не болѣли, я-бы вамъ, господа, протанцевалъ одинъ танецъ». А, каковъ? «Нааеонилъ я, я рить, на своемъ вѣку не мало». Онъ у Демидова купца и десять тысячъ тяпнулъ.

— Какъ, уврагъ?

— Тотъ ему какъ доброму челоуѣку привезъ: «свой братъ, у меня на завтра обоекъ». А тотъ и сохранилъ, вѣдь на церковь, говоритъ, пожертвовалъ». Я ему говорю: аецъ ты, говорю. Нѣтъ, говоритъ, не подлець, а я широко впрочемъ, это не онъ... Это другой. Я про другаго сблизъ не замѣчаю. Ну, вотъ еще рюмочку и довольно, убери бутылку Иванъ. Я вралъ, отчего ты не остановилъ меня, Иванъ... сказалъ, что вру?

— Я зналъ, что вы сами остановитесь.

— Врешь, это ты по злобѣ на меня, по единственной злобѣ Ты меня презираешь. Ты прѣхалъ ко мнѣ и меня въ моемъ презираешь.

— Я и уѣду; васъ коньякъ разбираетъ.

— Я тебя просилъ Христомъ-Богомъ въ Чермашню съѣзди на день, на два, а ты не ѣдешь.

— Завтра поѣду, коли вы такъ настаиваете.

— Не поѣдешь. Тебѣ подсматривать здѣсь за мной хочешь, вотъ тебѣ чего хочется, злая душа, оттого ты и не поѣдешь.

Старикъ не унимался. Онъ дошелъ до той черточки, когда, когда инымъ пьянымъ, дотолѣ смирнымъ, неприякъ вдругъ захочется разозлиться и себя показать.

— Что ты глядишь на меня? Какіе твои глаза? Твои глаза глядятъ на меня и говорятъ мнѣ: «Пьяная ты харя». Подельные твои глаза, презрительные твои глаза... Ты себѣ прѣхалъ. Вотъ Алешка смотритъ я глаза его сияютъ. Не обижаетъ меня Алеша. Алексѣй, не любя Ивана.

— Не сердитесь на брата! Перестаньте его обижать, и настойчиво произнесъ Алеша.

— Ну что-жь, я, пожалуй. Ухъ, голова болитъ коньякъ, Иванъ, третій разъ говорю. Онъ за

но и хитро улыбнулся: — Не сердись, Иванъ, на старога дядя. Я знаю, что ты не любишь меня, только всетаки не нись. Не за что меня и любить-то. Въ Чермашню съѣдешь, тебѣ самъ пріѣду, гостинцу привезу. Я тебѣ тамъ одну онку укажу, я ее тамъ давно насмотрѣлъ. Пока она еще ножка. Не пугайся босоножекъ, не призирай—перлы!.. И онъ чмокнулъ себя въ ручку.

— Для меня, — оживился онъ вдругъ весь, какъ будто на вѣнѣ отрезвѣвъ, только что попалъ на любимую тему, — меня.. Эхъ вы, ребята! Дѣточки, поросяточки вы маленькіе, меня... даже во всю мою жизнь не было безобразной женщины, мое правило! Можете вы это понять? Да гдѣ же вамъ это ть: у васъ еще вмѣсто крови молочко течетъ, не вылупи-

По моему правилу во всякой женщинѣ можно найти чрез-чайно, чортъ возьми, интересное, чего ни у которой другой не найдешь, — только надобно умѣть находить, вотъ гдѣ штука! Это правило! Для меня мовешекъ не существовало: ужь одно то, она женщина, ужь это одно половина всего... да гдѣ вамъ понять! Даже вельфильки и въ тѣхъ иногда отыщешь та-кого только диву дашься на прочихъ дураковъ, какъ это ей ригься дали и до сихъ поръ не замѣтили! Босоножку и мою надо сперва наперво удивить — вотъ какъ надо за нее за-ра-дѣ. А ты не зналъ? Удивить ее надо до восхищенія, до восторженія, до стыда, что въ такую чернявку, какъ она, такой женщиной влюбился. Истинно славно, что всегда есть и будутъ женщины да баре на свѣтѣ, всегда тогда будетъ и такая поломочка, когда ея господниъ, а вѣдь того только и надо для счастья женщины! Постои... слушай, Алешка, я твою мать покойницу всегда любилъ, только въ другомъ выходило родѣ. Никогда, бывало, не ласкаю, а вдругъ какъ минутка-то наступитъ, — вдругъ она нею такъ весь и рассыплюсь, на колѣняхъ ползаю, ножки мои и доведу ее всегда, всегда, — помню это какъ вотъ сей-часъ — до этакого маленькаго такого смѣшка, разсыпчатого, не громкаго, нервнаго, особеннаго. У ней только онъ смѣхъ. Знаю, бывало, что такъ у ней всегда болѣзнь начиналась, завтра-же она вликушей выкликать начнетъ, и что смѣшокъ, теперешній, маленькій, никакого восторга не означаетъ, а вѣдь хоть и обманъ да восторгъ. Вотъ оно что значитъ черточку во всемъ умѣть находить! Разъ Бѣляевъ въ Чермашню ѣхалъ, одинъ тутъ былъ и богачъ, за ней влохотился и влохотился ѣздить, — вдругъ у меня-же и дай мѣнѣ влохотиться

да при ней. Такъ она, этакая овца—да я думалъ она меня за эту пощечину, вѣдь какъ напала: «Ты, говорю перь битый, битый, ты пощечину отъ него получи меня, говоритъ, ему продавалъ... Да какъ онъ смѣлъ трить при мнѣ! И не смѣй ко мнѣ приходить никогда. Сейчасъ бѣги, вызови его на дуэль»... Такъ я ее тогда настырѣ для смиренія возилъ, отцы святые ее отчитывъ вотъ тебѣ Богъ, Алеша, не обижалъ я никогда мою князю Разъ только, развѣ одинъ, еще въ первый годъ: молви она тогда очень, особенно Богородичные праздники наба меня тогда отъ себя въ кабинетъ гнада. Думаю, дай-ка я изъ нея эту мистику! «Видишь, говорю, видишь, во образъ, вотъ онъ, вотъ я его сниму: Смотри-же, ты отъ дотворный считаешь, а я вотъ сейчасъ на него при тебѣ и мнѣ ничего за это не будетъ!..» Какъ она увидѣла, думаю: убьетъ она меня теперь, а она только вскочила, нула руками, потомъ вдругъ закрыла руками лицо, вся лась и пала на полъ... такъ и опустилась... Алеша, Алешъ тобой, что съ тобой!

Старикъ вскочилъ въ испугъ. Алеша съ самаго того какъ онъ заговорилъ о его матеря, мало по малу сталъ няться въ лицѣ. Онъ покраснѣлъ, глаза его загорѣли, вздрогнул... Пьяный старикашка брызгался слюной, не замѣчалъ до той самой минуты, когда съ Алешей произошло нѣчто очень странное, а именно съ нимъ въ вторилось точь въ точь тоже самое, что сейчасъ ты рассказываешь про «вликлушу». Алеша вдругъ вскочилъ стола, точь въ точь какъ,—по рассказу, мать его, всъ руками, потомъ закрылъ ими лицо, упалъ, какъ пьяный, на стулъ и такъ затрясся вдругъ весь отъ некаго припадка внезапныхъ, сотрясающихъ и несслезъ. Необычайное сходство съ матерью особенно старика.

— Иванъ, Иванъ! Свори ему воды. Это какъ она, точь какъ она, какъ тогда его мать! Вспрысни его водой, я такъ съ той дѣлалъ. Это онъ за мать свою, свою... бормоталъ онъ Ивану.

— Да вѣдь и моя, я думаю, мать, его мать была, полагаете? вдругъ съ неудержимымъ гнѣвнымъ презрѣнъ рвался Иванъ. Старикъ вздрогнулъ отъ его заслепзгляда. Но тутъ случилось нѣчто очень странное, пр

ту секунду: у старика действительно, кажется, выскочило изъ
а соображеніе, что мать Алеши была и матерью Ивана...

— Какъ такъ твоя мать? пробормоталъ онъ, не понимая. — Ты
что это? Ты про какую мать?... да развѣ она... Ахъ, чортъ!
Гдѣ она и твоя! Ахъ, чортъ! Ну, это, братъ, затмѣніе какъ
когда, извини, а я думалъ, Иванъ... Хе-хе-хе! Онъ остано-
лся. Длинная, пьяная, полубезсмысленная усмѣшка раздвинула
лицо. И вотъ вдругъ въ это самое мгновеніе раздался въ
ихъ страшный шумъ и громъ, послышались неистовые крики,
и распахнулась и въ залу влетѣлъ Дмитрій Ѳедоровичъ.
Крикъ бросился къ Ивану въ испугъ:

— Убѣть, убѣть! Не давай меня, не давай! выкрикивалъ
онъ, вцѣпившись въ полу сюртука Ивана Ѳедоровича.

IV.

Сладострастники.

Сейчасъ вслѣдъ за Дмитріемъ Ѳедоровичемъ вбѣжали въ залу
Григорій со Смердяковымъ. Они-же въ сѣняхъ и боролись съ
дверью, не впускали его (вслѣдствіе инструкціи самого Ѳедора
Ѳедоровича, данной уже нѣсколько дней назадъ). Воспользовав-
шись тѣмъ, что Дмитрій Ѳедоровичъ, ворвавшись въ залу, на
ходу остановился, чтобъ осмотрѣться, Григорій обѣжалъ столъ,
и юркнувъ на обѣ половинки противоположныхъ входнымъ двери
мъ, ведшія во внутренніе покои, и сталъ предъ затворенною
дверью, раздвинувъ обѣ руки крестомъ и готовый защищать
дверь, такъ сказать, до послѣдней капли. Увидавъ это, Дмитрій
вскрикнулъ, а даже какъ-бы взвизгнулъ и бросился на Гри-
горія.

— Значить, она тамъ! Ее спрятали тамъ! Прочь, подлець!
и рвануль было Григорія, но тотъ оттолкнулъ его. Въ себя
и ярости, Дмитрій размахнулся и изо всей силы ударилъ Гри-
горія. Старикъ рухнулъ какъ подкошенный, а Дмитрій, пере-
швы черезъ него, вломился въ дверь. Смердяковъ оставался
на другомъ концѣ, блѣдный и дрожащій, тѣсно прижи-
вшись къ Ѳедору Павловичу.

— Она здѣсь, кричалъ Дмитрій Ѳедоровичъ. — я сейчасъ самъ
пойду, какъ она повернула къ дому, только я не догналъ. Гдѣ
она? Гдѣ она?

Непостижимое впечатлѣніе произвелъ на Федора Павла этотъ крикъ: «Она здѣсь!» Весь испугъ соскочилъ съ него.

— Держи, держи его, завопилъ онъ и ринулся вслѣдъ Дмитріемъ Федоровичемъ. Григорій межъ тѣмъ поднялся съ но былъ еще какъ-бы внѣ себя. Иванъ Федоровичъ и Аша побѣжали въ догонку за отцомъ. Въ третьей комнатѣ послышлось какъ вдругъ что-то упало объ полъ, разбилось и издало нѣло: это была большая стеклянная ваза (не изъ дорогихъ мраморномъ пьедесталѣ, которую, пробѣгая мимо, задѣлъ Дмитрій Федоровичъ).

— Ату его! завопилъ старикъ.—Караулъ!

Иванъ Федоровичъ и Аша догнали-таки старика и воротили въ залу.

— Чего гонитесь за нимъ! Онъ васъ и впрямь тамъ убитъ гнѣвно крикнулъ на отца Иванъ Федоровичъ.

— Ванечка, Лешечка, она, стало быть, здѣсь, Груша здѣсь, самъ, говоритъ, видѣлъ, что пробѣжала...

Онъ захлебывался. Онъ не ждалъ въ этотъ разъ Груши и вдругъ извѣстіе, что она здѣсь, разомъ вывело его изъ себя. Онъ весь дрожалъ, онъ какъ-бы обезумѣлъ.

— Да вѣдь вы видѣли сами, что она не приходила! бр. Иванъ.

— А можетъ черезъ тотъ входъ?

— Да вѣдь онъ запертъ, тотъ входъ, а ключъ у васъ.

Дмитрій вдругъ появился опять въ залѣ. Онъ, конечно, нашелъ тотъ входъ запертымъ, да и дѣйствительно ключъ отъ запертаго входа былъ въ карманѣ у Федора Павловича. Всѣ комнаты во всѣхъ комнатахъ были тоже заперты: ни откуда, стало быть, не могла пройти Грушенька и ни откуда не могла выскочить.

— Держи его! завизжалъ Федоръ Павловичъ, только что видѣлъ опять Дмитрія,—онъ тамъ въ спальнѣ у меня дѣло укралъ!—И, вырвавшись отъ Ивана, онъ опять бросился за Дмитріемъ. Но тотъ поднялъ объ руки и вдругъ схватилъ старика за объ послѣднія космы волосъ его, уцѣлѣвшія на вискахъ, и съ грохотомъ ударилъ объ полъ. Онъ успѣлъ два или три раза ударить лежащаго каблукомъ по лицу. Старикъ пронзительно застоналъ. Иванъ Федоровичъ, хоть и былъ столь сильный, какъ братъ Дмитрій, обхватилъ того руками изъ всей силы оторвалъ отъ старика. Аша всею своею силой кой тоже помогъ ему, обхвативъ брата спереди.

— Сумасшедшій, вѣдь ты убилъ его! крикнулъ Иванъ

— Такъ ему и надо! задыхаясь, воскликнулъ Дмитрій. — А
убилъ, такъ приду еще убить. Не устережете.

— Дмитрій! Иди отсюда вонъ сейчасъ! властно вскрикнулъ
Алеша.

— Алексѣй! Скажи ты мнѣ одинъ, тебѣ одному повѣрю: была
сейчасъ она или не была? Я ее самъ видѣлъ какъ она
сейчасъ мимо плетня изъ переулка въ эту сторону проскольз
ла. Я крикнулъ, она убѣжала...

— Клянусь тебѣ, она здѣсь не была, и никто здѣсь не ждалъ
вовсе!

— Но я ее видѣлъ... Стало быть, она... Я узнаю сейчасъ, гдѣ
... Прощай, Алексѣй! Езопу теперь о деньгахъ ни слова, а

Катеринѣ Ивановнѣ сейчасъ-же и непремѣнно: «кланяться
тебѣ, кланяться велѣлъ, кланяться! Именно кланяться и ра
кланяться!» Опиши ей сцену.

Тѣмъ временемъ Иванъ и Григорій подняли старика и уса
дили въ кресла. Лицо его было окровавлено, но самъ онъ былъ
въ памяти и съ жадностью прислушивался къ крикамъ Дмитрія
и все еще казалось, что Грушенька вправду гдѣ-нибудь вт
рѣхъ. Дмитрій Ѳедоровичъ ненавистно взглянулъ на него, уходя

— Не раскаиваюсь за твою кровь! воскликнулъ онъ, — бере
ись, старикъ, береги мечту, потому что и у меня мечта! Прок
щай меня самъ и отрекаюсь отъ тебя совсѣмъ...

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

— Она здѣсь, она вѣрно здѣсь! Смердяковъ, Смердяковъ, чути
шьно хрипѣлъ старикъ, пальчикомъ маня Смердякова.

— Нѣтъ ея здѣсь, нѣтъ, безумный вы старикъ, злобно за
чалъ на него Иванъ. — Ну, съ нимъ обморокъ! Воды, поло
ще. Поворачивайся, Смердяковъ!

Смердяковъ бросился за водой. Старика, наконецъ, раздѣли
ли въ спальню и уложили въ постель. Голову обвязали ему
холоднымъ полотенцемъ. Ослабѣвъ отъ коньяку, отъ сильныхъ
трусений и отъ побоевъ, онъ мигомъ, только что коснулся по
столи, завелъ глаза и забылся. Иванъ Ѳедоровичъ и Алеша
пошли въ залу. Смердяковъ выносилъ черенки разбитой ва
зы, а Григорій стоялъ у стола, мрачно потупившись.

— Не помочить-ли и тебѣ голову и не лечь-ли тебѣ тоже вт
постель, обратился къ Григорію Алеша. — Мы здѣсь за нимъ по
шли; братъ ужасно больно ударилъ тебя... по головѣ.

— Онъ меня дерзнулъ! мрачно и раздѣльно произнесъ Гри

— Онъ и отца «дерзнулъ» не то что тебя! заштытъ, ротъ, Иванъ Ѳеодоровичъ.

— Я его въ корытѣ мылъ... онъ меня дерзнулъ! конте Григорій.

— Чортъ возьми, если-бъ я не оторвалъ его, пожалуй, бы такъ и убилъ. Много-ли надо Езопу? прошептавъ Иванъ доровичъ Алешѣ.

— Боже сохрани! воскликнулъ Алеша.

— А зачѣмъ сохрани, все тѣмъ-же шопотомъ прошептавъ Иванъ, злобно скрививъ лицо.—Одинъ гадъ съѣстъ друга дину, обонимъ туда и дорога!

Алеша вздрогнулъ.

— Я, разумѣется, не дамъ совершиться убійству, какъ далъ и сейчасъ. Останься тутъ, Алеша, я выйду походить двору, у меня голова начала болѣть.

Алеша пошелъ въ спальню къ отцу и просидѣлъ у его головья за ширмами около часа. Старикъ вдругъ открылъ глаза и долго молча смотрѣлъ на Алешу, видимо припоминая и ображая. Вдругъ необыкновенное волненіе изобразилось въ лицѣ.

— Алеша, шепталъ онъ опасливо,—гдѣ Иванъ?

— На дворѣ, у него голова болитъ. Онъ насъ стережетъ.

— Подай зеркальце, вонъ тамъ стоитъ!

Алеша подалъ ему маленькое складное кругленькое зеркальце стоявшее на комодѣ. Старикъ поглядѣлся въ него: распухолью сильно носъ и на лбу надъ лѣвою бровью былъ заметный багровый подтекъ.

— Что говоритъ Иванъ? Алеша, милый, единственный сын мой, я Ивана боюсь, я Ивана больше чѣмъ того боюсь. Я тебя одного не боюсь...

— Не бойтесь и Ивана, Иванъ сердится, но онъ васъ защититъ.

— Алеша, а тотъ-то? Къ Грушенькѣ побѣжалъ! Милый гелъ, скажи правду: была давеча Грушенька, али нѣтъ?

— Никто ея не видалъ. Это обманъ, не была!

— Вѣдь Митька-то на ней жениться хочетъ, жениться!

— Она за него не пойдетъ.

— Не пойдетъ, не пойдетъ, не пойдетъ, не пойдетъ, ни за не пойдетъ!.. радостно, такъ весь и вострепнулся старикъ, и ничего ему не могли сказать въ эту минуту отраднѣе. Въ щеніи онъ схватилъ руку Алешы и крѣпко прижалъ ее къ

руку. Даже слезы засветились въ глазахъ его.—Образокъ-то, швей-то Матери, вотъ про которой я давеча разсказалъ, возьми съ собою, унеси съ собою. И въ монастырь воротиться позволяю. . . неча пошутить, не сердись. Голова болитъ, Алеша... Даша, утѣми мое сердце, будь ангеломъ, скажи правду!

— Вы все про то, была-ли она или не была? горестно про-верилъ Алеша.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я тебѣ вѣрю, а вотъ что; сходи ты къ уденькѣ самъ, аль поспдай ее какъ; разспроси ты ее скорѣй, къ можно скорѣй, угадай ты самъ своимъ глазами: къ кому она идетъ, ко мнѣ аль къ кому? Ась? Что? Можешь, аль не можешь?

— Коль ее увижу, то спрошу, пробормоталъ было Алеша въ удонѣи.

— Нѣтъ, она тебѣ не скажетъ, перебилъ старикъ,—она егоса- въ тебѣ нѣловать начнетъ и скажетъ, что за тебѣ хочетъ. Она бабница, она безстыдница, нѣтъ, тебѣ нельзя къ ней идти, ась?

— Да и не хорошо, батюшка, будетъ, не хорошо совсѣмъ.

— Куда онъ посылалъ-то тебя давеча, кричалъ «сходи», куда убѣжалъ?

— Къ Катеринѣ Ивановнѣ посылалъ?

— За деньгами? Денегъ просить?

— Нѣтъ, не за деньгами.

— У него денегъ нѣтъ, нѣтъ ни капли. Слушай, Алеша, я между ночь и обдумаю, а ты пока ступай. Можетъ, и ее встрѣ- шь... Только зайди ты ко мнѣ завтра навѣрно по утру; навѣрно, тебѣ завтра одно словечко такое скажу: зайдешь?

— Зайду.

— Коль придешь, сдѣлай видъ, что самъ пришелъ, навѣститъ пришелъ. Никому не говори, что я звалъ. Ивану ни слова не говори.

— Хорошо.

— Прощай, ангель, давеча ты за меня заступился, вѣкъ не забуду. Я тебѣ одно словечко завтра скажу... только еще поду- мать надо.

— А какъ вы теперь себя чувствуете?

— Завтра-же, завтра встану и пойду, совсѣмъ здоровъ, со- всѣмъ здоровъ, совсѣмъ здоровъ!..

Проходя по двору, Алеша встрѣтилъ брата Ивана на скамьѣ веротъ: тотъ сидѣлъ и вписывалъ что-то въ свою записную книжку карандашемъ. Алеша передалъ Ивану, что старикъ

проснулся и въ памяти, а его отпустилъ ночовать въ стирь.

— Алеша, я съ большимъ удовольствіемъ встрѣтился съ тобой завтра по утру, — привставъ, привѣтливо проговорилъ Иванъ, — привѣтливость даже совсѣмъ для Алеши неожиданна.

— Я завтра буду у Хохлаковыхъ, отвѣтилъ Алеша. — Катерины Ивановны, можетъ, завтра тоже буду, если теперь застаю...

— А теперь всетаки къ Катеринѣ Ивановнѣ? Это «раскланяйся-то, раскланяться?» улыбнулся вдругъ Иванъ. Алеша смутно

— Я, кажется, все понялъ изъ давешнихъ восклицаній и изъ чего прежняго. Дмитрій навѣрно просилъ тебя сходиться и передать, что онъ... ну... ну, однимъ словомъ «отъѣзжается»?

— Братъ! чѣмъ весь этотъ ужасъ кончится у отца и Дмитрія воскликнулъ Алеша.

— Нельзя навѣрно угадать. Ничѣмъ, можетъ быть: рассвется дѣло. Эта женщина—звѣрь. Во всякомъ случаѣ старик надо въ домѣ держать, а Дмитрія въ домъ не пускать.

— Братъ, позволь еще спросить: неужели имѣетъ всякій человѣкъ рѣшать, смотря на остальныхъ людей: кто изъ нихъ достоинъ жить и кто болѣе не достоинъ?

— Къ чему-же тутъ вмѣшивать рѣшеніе по достоинству? Этотъ вопросъ всего чаще рѣшается въ сердцахъ людей совсѣмъ не на основаніи достоинствъ, а по другимъ причинамъ, гораздо болѣе натуральнымъ. А на счетъ права, такъ кто-же не имѣетъ права желать?

— Не смерти-же другаго?

— А хотя-бы даже и смерти? Къ чему-же лгать предъ бою, когда всѣ люди такъ живутъ, а, пожалуй, такъ и могутъ иначе жить. Ты это на счетъ давешнихъ моихъ словъ томъ что «два гада побѣдятъ другъ друга?» Позволь и спросить въ такомъ случаѣ: считаешь ты и меня, какъ Дмитрія, способнымъ пролить кровь Езопа, ну, убить его, а?

— Что ты, Иванъ! Никогда и въ мысляхъ этого у меня не было! Да и Дмитрія я не считаю...

— Спасибо хоть за это, усмѣхнулся Иванъ. — Знай, что я всегда защищу. Но въ желаніяхъ моихъ я оставляю тебѣ бою въ данномъ случаѣ полный просторъ. До свиданія! Не осуждай и не смотри на меня какъ на злодѣя, приди ко мнѣ онъ съ улыбкою.

Они крѣпко пожали другъ другу руки какъ никогда еще прежде. Алеша почувствовалъ, что братъ самъ первый шагнулъ ему шагъ и что сдѣлалъ онъ это для чего-то, непременно какимъ-то намѣреніемъ.

X.

Объ вмѣстѣ.

Вышелъ-же Алеша изъ дома отца въ состояніи духа разбитомъ и подавленномъ, еще больше чѣмъ давеча, когда вошелъ къ отцу. Умъ его былъ тоже какъ-бы раздробленъ и разбросанъ, тогда какъ самъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, боится соединить разбросанное и снять общую идею со всѣхъ мучительныхъ противорѣчій, пережитыхъ имъ въ этотъ день. Что-то граничило почти съ отчаяніемъ, чего никогда не было въ сердцѣ Алеши. Надо всѣмъ стоялъ какъ гора главный, роковой и неразрѣшимый вопросъ: чѣмъ кончится у отца и братомъ Дмитріемъ предъ этою страшною женщиной? Теперь ужь онъ самъ былъ свидѣтелемъ. Онъ самъ тутъ присутствовалъ и видѣлъ ихъ другъ передъ другомъ. Впрочемъ, неслучайнымъ, вполне и страшно несчастнымъ, могъ оказаться лишь Дмитрій: его сторожила несомнѣнная бѣда. Оказались тоже другіе люди, до которыхъ все это касалось, и, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ могло казаться Алешѣ прежде. Выходило что-то даже загадочное. Братъ Иванъ сдѣлалъ къ нему шагъ, о такъ давно желалъ Алеша, и вотъ самъ онъ отчего-то чувствуетъ теперь, что его испугалъ этотъ шагъ сближенія. А женщины? Странное дѣло: давеча онъ направлялся къ Катеринѣ Ивановнѣ въ чрезвычайномъ смущеніи, теперь-же не чувствовалъ никакого; напротивъ, снѣшилъ къ ней самъ, словно боясь не найти у ней указанія. А однако передать ей порученіе было видно теперь тяжелѣе, чѣмъ давеча: дѣло о трехъ мальчикахъ было рѣшено окончательно, и братъ Дмитрій, почувствовавъ теперь себя безчестнымъ и уже безо всякой надежды, конечно, не остановится болѣе и ни предъ какимъ паденіемъ. Поэтому-же еще велѣлъ передать Катеринѣ Ивановнѣ и только происшедшую сцену.

Уже уже семь часовъ и смеркалось, когда Алеша вошелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ, занимавшей одинъ очень просторный ч

удобный домъ на Большой улицѣ. Алеша зналъ, что тамъ вѣтъ съ двумя тетками. Одна изъ нихъ приходилась, по теткой лишь сестрѣ Агафѣ Ивановнѣ; это была та самая особа въ домѣ ея отца, которая ухаживала за нимъ вѣсть съ сестрой, когда она прѣехала къ нимъ туда въ института. Другая-же тетка была тонная и важная московская барыня, хотя и изъ бѣдныхъ. Слышно было, что объ ея чинялись во всемъ Катеринѣ Ивановнѣ и состояли при ней ственно для этикета. Катерина-же Ивановна подчинилась своей благодѣтельницѣ, генеральшѣ, оставшейся за болѣзнь Москвѣ, и къ которой она обязана была посылать по два раза съ подробными извѣстіями о себѣ каждую недѣлю.

Когда Алеша вошелъ въ переднюю и спросилъ о себѣ ложить отворившей ему горничной, въ залѣ очевидно уже о его прибытіи (можетъ быть, замѣтили его изъ окна), но Алеша вдругъ услышалъ какой-то шумъ, слышались бѣгушіе женскіе шаги, шумящія платья, можетъ быть, жали двѣ или три женщины. Алешѣ показалось страннымъ, онъ могъ произвести своимъ прибытіемъ такое волненіе. Его нао тотчасъ-же ввели въ залу. Это была большая комната уставленная элегантною и обильною мебелью, совсѣмъ провинціальному. Было много дивановъ и кушетокъ, диванковъ, большихъ и маленькихъ столиковъ; были картины на стѣнахъ, вазы и лампы на столахъ, было много цвѣтовъ, даже акваріумъ у окна. Отъ сумерекъ въ комнатѣ было сколько темновато. Алеша разглядѣлъ на диванѣ, на которомъ очевидно, сейчасъ сидѣли, брошенную шелковую мантиль, столъ передъ диваномъ двѣ недопитыя чашки шоколаду, бисерную хрустальную тарелку съ синимъ изюмомъ и другую съ фруктами. Кого-то угощали. Алеша догадался, что полагали гостей и поморщился. Но въ тотъ-же мигъ поднялась перья и быстрыми спѣшными шагами вошла Катерина Ивановна радостною, восхищенною улыбкой протягивая обѣ руки Алешѣ. Въ ту же минуту служанка внесла и поставила на столъ зажженные свѣчи.

— Слава Богу, наконецъ-то и вы! Я одного только и молила у Бога весь день! Садитесь.

Красота Катерины Ивановны еще и прежде поразила Алешу, когда братъ Дмитрій, недѣли три тому назадъ, привозилъ къ ней въ первый разъ представить и познакомить, по ственному чрезвычайному желанію Катерины Ивановны.

жду ними въ то свиданіе, впрочемъ, не завязался. Почто Алеша очень сконфузился, Катерина Ивановна какъ-диза его и все время проговорила въ тотъ разъ съ Дмитріевичемъ. Алеша молчалъ, но многое очень хорошо дѣлъ. Его поразила властность, гордая развязность, саркастичность надменной дѣвушки. И все это было несомнѣнно, чувствовалъ, что онъ не преувеличиваетъ. Онъ нашелъ. Дѣше черныя горящія глаза ея прекрасны, и особенно къ ея блѣдному, даже нѣсколько блѣдно-желтому протому лицу. Но въ этихъ глазахъ, равно какъ и въ очер прелестныхъ губъ, было нѣчто такое, во что, конечно, было брату его влюбиться ужасно, но что, можетъ быть, было долго любить. Онъ почти прямо высказалъ свою Дмитрію, когда тотъ послѣ визита присталъ къ нему, его не утаить, какое онъ вынесъ впечатлѣніе, повидавъ вѣсту.

Ты будешь съ нею счастливъ, но, можетъ быть... не но счастливъ.

То-то, братъ, такія такими и остаются, онъ не смиряются судьбой. Такъ ты думаешь, что я не буду ее вѣчно лю-

Нѣтъ, можетъ быть, ты будешь ее вѣчно любить, но, , быть, не будешь съ нею всегда счастливъ...

Алеша произнесъ тогда свое мнѣніе краснѣя и досадуя на то подавшись просьбамъ брата, высказалъ такія «глупыя» мысли. Потому что ему самому его мнѣніе показалось ужасно глупымъ тотчасъ-же какъ онъ его высказалъ. Да и стало ему высказывать такъ властно мнѣніе о женщинѣ. Онъ бѣльшимъ изумленіемъ почувствовалъ онъ теперь при въ взглядѣ на выбѣжавшую къ нему Катерину Ивановну, можетъ быть, тогда онъ очень ошибся. Въ этотъ разъ лицо о неподдѣльной простодушной добротой, прямою и пылкостью. Изъ всей прежней «гордости и надменности», поразившихъ тогда Алешу, замѣчалась теперь лишь одна благородная энергія и какая-то ясная, могучая вѣра въ теша понялъ съ перваго взгляда на нее, съ первыхъ словъ. Въ трагизмъ ея положенія относительно столь любимого дѣла для нея вовсе не тайна, что она, можетъ быть, знаетъ все, рѣшительно все. И однако же, не смотря на то, только свѣта въ лицѣ ея, столько вѣры въ будущее. Онъ почувствовалъ себя предъ нею вдругъ серьезно и умаш-

ленно виноватымъ. Онъ былъ побѣжденъ и прилежно слушалъ. Кроме всего этого, онъ замѣтилъ съ первыхъ-же словъ, что она въ какомъ-то сильномъ возбужденіи, можетъ быть, въ ней необычайномъ, — возбужденіи похожемъ почти на какой-то восторгъ.

— Я потому такъ ждала васъ, что отъ васъ отъ одного теперь узнать всю правду, — ни отъ кого больше!

— Я пришелъ... пробормоталъ Алеша, путаясь, — а послалъ меня...

— А, онъ послалъ васъ, ну, такъ я и предчувствовалъ, теперь все знаю, все! воскликнула Катерина Ивановна съ закатившимися вдругъ глазами. — Пойдите, Алексѣй Федоровичъ, вамъ заранее скажу, зачѣмъ я васъ такъ ожидала. Видно, можетъ быть, гораздо болѣе знаю, чѣмъ даже вы сами; мнѣ извѣстій отъ васъ нужно. Мнѣ вотъ что отъ васъ нужно: надо знать ваше собственное, личное послѣднее впечатлѣніе о немъ, мнѣ нужно, чтобы вы мнѣ рассказали въ самомъ неприкрашенномъ, въ грубомъ даже (о, во сколько хотѣлось бы!) видѣ — какъ вы сами смотрите на него сейчасъ и въ положеніе послѣ вашей съ нимъ встрѣчи сегодня? Это будетъ можетъ быть, лучше чѣмъ если-бъ я сама, къ которой онъ и захочетъ больше ходить, объяснилась съ нимъ лично. Появилось что-нибудь? Чего я отъ васъ хочу? Теперь, съ чѣмъ-же онъ васъ пошлетъ ко мнѣ (я такъ и знала, что онъ васъ пошлетъ!) — говорите просто, самое послѣднее слово говорите!..

— Онъ приказалъ вамъ... кланяться, и что больше не надо, и не надо никогда... а вамъ кланяться.

— Кланяться? Онъ такъ и сказалъ, такъ и выразился?

— Да.

— Мелькомъ, можетъ быть, нечаянно, ошибся въ слове, то слово поставилъ какое надо?

— Нѣтъ, онъ велѣлъ именно, чтобъ я передалъ это «кланяться». Просилъ раза три, чтобъ я не забылъ передать.

Катерина Ивановна вспыхнула.

— Помогите мнѣ теперь, Алексѣй Федоровичъ, теперь-то и нужна ваша помощь: я вамъ скажу мою мысль, а вы только скажите на нее, вѣрно или нѣтъ я думаю? Слушайте, если-бъ онъ велѣлъ мнѣ кланяться мелькомъ, не настаивая на передачѣ слова, не подчеркивая слова, то это было-бы хорошо. Тутъ былъ-бы конецъ! Но если онъ особенно настаивалъ на этомъ словѣ, если особенно поручалъ вамъ не забыть пере-

В этотъ поклонъ, — то, стало быть, онъ былъ въ возбужденіи, въ себя, можетъ быть? Рѣшился, и рѣшенія своего испугался! ушелъ отъ меня твердымъ шагомъ, а полетѣлъ съ горы. Подживаніе этого слова можетъ означать одну браваду...

— Такъ, такъ! горячо подтвердилъ Алеша, — мнѣ самому въ теперь кажется.

— А коли такъ, то онъ еще не погибъ! Онъ только въ отшнїи, но я еще могу спасти его. Стойте: не передавалъ-ли онъ что-нибудь о деньгахъ, о трехъ тысячахъ?

— Не только говорилъ, но это, можетъ быть, всего сильнѣе убивало его. Онъ говорилъ, что лишенъ теперь чести и въ теперь уже все равно, съ жаромъ отвѣтилъ Алеша, чувствуя въ сердцемъ своимъ, какъ надежда вливается въ его сердце, что въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, есть выходъ и спасеніе и его брата. — Но развѣ вы... про эти деньги знаете? прибавилъ онъ и вдругъ осѣкся.

— Давно знаю, и знаю навѣрно. Я въ Москвѣ телеграммой рашивала и давно знаю, что деньги не получены. Онъ деньги послалъ, но я молчала. Въ послѣднюю недѣлю я узнала, какъ у были и еще нужны деньги... Я поставила во всемъ этомъ ну только цѣль: чтобъ онъ зналъ къ кому воротиться и кто самый вѣрный другъ. Нѣтъ, онъ не хочетъ вѣрить, что я самый вѣрный другъ, не захотѣлъ узнать меня, онъ смотритъ на меня только какъ на женщину. Меня всю недѣлю муча страшная забота: какъ-бы сдѣлать, чтобъ онъ не постылся предо мной этой растраты трехъ тысячъ? То есть пусть идетъ и всѣхъ и себя самого, но пусть меня не стыдится. Въ Богу онъ говоритъ-же все, не стыдись. Зачѣмъ-же не идетъ до сихъ поръ сколько я могу для него вынести? Зачѣмъ, чѣмъ не знаетъ меня, какъ онъ смѣетъ не знать меня послѣ того что было? Я хочу его спасти на вѣки. Пусть онъ забудетъ меня, какъ свою невѣсту! И вотъ онъ боится предо мной честь свою! Въдъ вамъ-же Алексѣй Федоровичъ, онъ не посялся открыться? Отчего я до сихъ поръ не заслужила тоже?

Послѣднія слова она произнесла въ слезахъ: слезы брызнули изъ ея глазъ.

— Я долженъ вамъ сообщить, произнесъ тоже дрожащимъ голосомъ Алеша. — о томъ что сейчасъ было у него съ отцемъ. Онъ рассказалъ всю сцену, рассказалъ, что былъ посланъ за отцами, что тотъ ворвался, избилъ отца и послѣ того осо-

бенио и настоятельно еще разъ подтвердилъ ему, Алексѣю «влюбиться»...—Онъ пошелъ къ этой женщинѣ... тихо и вѣжливо Алеша.

— А вы думаете, что я эту женщину не перенесу? Онъ знаетъ, что я не перенесу? Но онъ на ней не женится, — не разсчиталась она вдругъ; — развѣ Карамазовъ можетъ гореть всю страстью вѣчно? Это страсть, а не любовь. Онъ не женится потому что она и не выйдетъ за него... опять странно крикнулась вдругъ Катерина Ивановна.

— Онъ, можетъ быть, женится, грустно проговорилъ Алексѣй потупивъ глаза.

— Онъ не женится, говорю вамъ! Эта дѣвушка — ангелъ, знаете вы это? Знаете вы это! воскликнула вдругъ необыкновеннымъ жаромъ Катерина Ивановна. — Это самое фантастическое изъ фантастическихъ созданій! Я знаю какъ обольстительна, но я знаю, какъ она и добра, тверда, благородна. Чего вы смотрите такъ на меня, Алексѣй Федоровичъ? Не удивляетесь моимъ словамъ, можетъ быть, не вѣрите. Аграфена Александровна, ангелъ мой! крикнула она вдругъ и то, смотря въ другую комнату, — подите къ намъ, это не человекъ, это Алеша, онъ про наши дѣла все знаетъ, почитесь ему!

— А я только и ждала за занавѣской, что вы только произнесъ нѣжный, нѣсколько слащавый даже, женскій голосъ.

Поднялась портьера и... сама Грушенька, смѣясь и радостно подошла къ столу. Въ Алешѣ какъ будто что переломилось. Онъ приковался къ ней взглядомъ, глазъ отвести не могъ. Она, эта ужасная женщина, — «звѣрь», какъ полчаса назадъ вырвалось про нее у брата Ивана. И однако-же предъ собой стояло, казалось-бы, самое обыкновенное и простое существо. Взглядъ, — добрая, милая женщина, положимъ, красивая, такъ похожая на всѣхъ другихъ красивыхъ, но «обыкновенная» женщина! Правда, хороша она была очень, очень даже, — такая красота, такъ многимъ до страсти любимая. Это была вольно высокаго роста женщина, нѣсколько пониже одной Катерины Ивановны (та была уже совсѣмъ высокаго роста), полная, съ мягкими, какъ-бы веселыми даже движениями, какъ-бы тоже изнѣженными до какой-то особенной слащавости выдѣлки, какъ и голосъ ея. Она подошла не какъ Катерина Ивановна — мощною бодрою походкой; напротивъ, неслышимо пошла на полу совсѣмъ не было слышно. Мягко опу-

кресло, мягко прошумѣвъ своимъ пышнымъ, чернымъ, зымъ платьемъ, и пзѣженно кутая свою бѣлую какъ киполную шею и широкія плечи въ дорожную, черную, шершаль. Ей было двадцать два года и лицо ея выражало въ точь этотъ возрастъ. Она была очень бѣла лицомъ, съ имъ блѣднорозовымъ оттѣнкомъ румянца. Очертаніе лица ло какъ-бы слишкомъ широко, а нижняя челюсть выла даже капельку впередъ. Верхняя губа была тонка, а я, нѣсколько выдавшаяся, была вдвое полнѣе и какъ-бы гла. Но чуднѣйшіе, обильнѣйшіе темнорусые волосы, я соболиныя брови и прелестные сѣроголубые глаза съ ями рѣсницами — заставили-бы непременно самаго равного и разсѣяннаго человѣка, даже гдѣ-нибудь въ толпѣ, на я, въ давкѣ, вдругъ остановиться предъ этимъ лицомъ яго запомнить его. Алешу поразило всего болѣе въ этомъ го дѣтское, простодушное выраженіе. Она глядѣла какъ радовалась чему-то какъ дитя, она именно подошла къ «радуясь» и какъ-бы сейчасъ чего-то ожидая съ самымъ мь нетерпѣливымъ и довѣрчивымъ любопытствомъ. Взглядъ елилъ душу. — Алеша это почувствовалъ. Было и еще въ ней, о чемъ онъ не могъ или не сумѣлъ-бы дать , но что, можетъ быть, и ему сказалось безсознательно, о опять-таки эта мягкость, нѣжность движеній тѣла, эта я неслышность этихъ движеній. И однако-жь это было я и обильное тѣло. Подъ шалью сказывались широкія я плечи, высокая, еще совѣмъ юношеская грудь. Это можетъ быть, обѣщало формы Венеры Милосской, хотя ѣнно и теперь уже въ нѣсколько утрированной пропорціи, — едчувствовалось. Знатоки русской женской красоты могли зошибочно предсказать, глядя на Грушеньку, что эта , еще юношеская красота къ тридцати годамъ потеряетъ ю, расплывется, самое лицо обрюзгнетъ, около глазъ и чрезвычайно быстро появятся морщиночки, цвѣтъ лица ть, побагровѣетъ, можетъ быть, — однимъ словомъ, кра я мгновение, красота летучая, которая такъ часто встрѣя именно у русской женщины. Алеша, разумѣется, не объ этомъ, но хоть и очарованный, онъ съ непріятнымъ -то ощущеніемъ, и какъ-бы жалѣя, спрашивалъ себя: это она такъ тянетъ слова и не можетъ говорить наю? Она дѣлала это очевидно находя въ этомъ растяги я въ усиленно-слащавомъ оттѣненіи слоговъ и звуковъ.

красоту. Это была, конечно, лишь дурная привычка тона, свидѣтельствовавшая о низкомъ воспитаніи, о усвоенномъ съ дѣтства пониманіи приличнаго. И единъ этотъ выговоръ и интонація словъ представлялась Алексѣю невозможнымъ какимъ-то противорѣчіемъ этому дѣлски-душному и радостному выраженію лица, этому тихому, смирному, какъ у младенца, сіянію глазъ! Катерина Ивановна посадила ее въ кресло противъ Алешки и съ восторгомъ навала ее нѣсколько разъ въ ея смѣющіяся губки. Она была влюблена въ нее.

— Мы въ первый разъ видимся, Алексѣй Федоровичъ, говорила она въ упоеніи; — я захотѣла узнать ее, увидѣла я хотѣла идти къ ней, но она по первому желанію пришла сама. Я такъ и знала, что мы съ ней все рѣшимъ. Такъ сердце предчувствовало... Меня спрашивали оставить шагъ, но я предчувствовала исходъ и не ошиблась. Груша все разъяснила мнѣ, всѣ свои намѣренія; она какъ добрый слетѣла сюда и принесла покой и радость...

— Не погнушались мной, милая, достойная барышня, распѣвъ протянула Грушенька все съ тою-же милою, радостною улыбкой.

— И не смѣйте говорить мнѣ такія слова, обаятельная волшебница! Вами-то гнушаться! Вотъ я нижнюю губку еще разъ поцѣлую. Она у васъ точно припухла, такъ чтобъ она еще больше припухла, и еще, еще... Посмотрите, она смѣется, Алексѣй Федоровичъ, сердце веселится, глаза этого ангела... Алеша краснѣлъ и дрожалъ незамѣтною дрожью.

— Нѣжьте вы меня, милая барышня, а я, можетъ, и не стою ласки вашей.

— Не стойте! Она-то этого не стойте! воскликнула съ тѣмъ-же жаромъ Катерина Ивановна, — знайте, Алексѣй Федоровичъ, что мы фантастическая головка, что мы своевольное гордое-прегордое сердечко! Мы благородны, Алексѣй Федоровичъ, мы великодушны, знаете-ли вы это? Мы были несчастны. Мы слишкомъ скоро готовы были принести въ жертву недостойному, можетъ быть, или легкомысленному вѣку. Былъ одинъ, одинъ тоже офицеръ, мы его полюбили, ему все принесли, давно это было, пять лѣтъ назадъ, насъ забылъ, онъ женился. Теперь онъ овдовѣлъ, писалъ ѣдетъ сюда—и знайте, что мы одного его, одного его!

нимъ до сихъ поръ и любили всю жизнь! Онъ прїѣдетъ и шенька опять будетъ счастлива, а всѣ пять лѣтъ эти она такъ несчастна. Но кто-же попрекнетъ ее, кто можетъ похваляться ея благосклонностью! Одинъ этотъ старикъ безногій, — но онъ былъ скорѣй нашимъ отцомъ, другомъ нашимъ, регателемъ. Онъ засталъ насъ тогда въ отчаяніи, въ мукахъ, вѣдливую тѣмъ, кого мы такъ любили... да вѣдь она утопала тогда хотѣла, вѣдь старикъ этотъ спасъ ее, спасъ ее!

— Очень ужъ вы защищаете меня, милая барышня, очень вы во всемъ поспѣшаете, протянула опять Грушенька.

— Защищаю? Да памъ-ли защищать, да еще смѣемъ-ли мы такъ защищать? Грушенька, ангелъ, дайте мнѣ вашу ручку, посмотрите на эту пухленькую, маленькую, прелестную ручку, вѣсть Федоровичъ; видите-ли вы ее, она мнѣ счастье принесла воскресила меня и я вотъ цаловать ее сейчасъ буду, и сверху, въ ладошку, вотъ, вотъ и вотъ! И она три раза какъ-бы въ юнію поцаловала дѣйствительно прелестную, слишкомъ, можетъ быть, пухлую ручку Грушеньки. Та-же, протянувъ эту ручку, первымъ звонкимъ прелестнымъ смѣшкомъ слѣдила за «мишени барышней», и ей видимо было пріятно, что ея ручку такъ ласкаютъ. «Можетъ быть, слишкомъ ужъ много восторга», — всхлинуло въ головѣ Алеши. Онъ покраснѣлъ. Сердце его было время какъ-то особенно неспокойно.

— Не устыдите вѣдь вы меня, милая барышня, что ручку при Алексѣ Федоровичѣ такъ цаловали.

— Да развѣ я васъ тѣмъ устыдить хотѣла? промолвила нѣсколько удивленно Катерина Ивановна, — ахъ, милая, какъ вы дурно понимаете!

— Да вы-то меня, можетъ, тоже не такъ совсѣмъ понимаете, милая барышня, я, можетъ, гораздо дурнѣе того чѣмъ у васъ на сердце. Я сердцемъ дурная, я своевольная. Я Дмитрія Федоровича изъ-за насмѣшки одной тогда заплонила.

— Но вѣдь теперь вы-же его и спасаете. Вы дали слово. Вы пообещали ему, вы откроете ему, что любите другаго, давно, и другій теперь вамъ руку свою предлагаетъ...

— Ахъ нѣтъ, я вамъ не давала такого слова. Вы это сами все говорили, а я не давала.

— Я васъ не такъ, стало быть, поняла, тихо и какъ-бы шепотомъ поблѣдивъ проговорила Катерина Ивановна. — Вы дали...

— Ахъ нѣтъ, ангелъ-барышня, ничего я вамъ не обѣщала, —

тихо и ровно все съ тѣмъ-же веселымъ и новиннымъ мнѣніемъ перебила Грушенька. — Вотъ и видно сейчасъ, даже барышня, какая я предъ вами сверная и самовластная. Если захочется такъ я такъ и поступлю. Давеча я, можетъ, вамъ пообѣщала что, а вотъ сейчасъ опять думаю: вдругъ онъ мнѣ понравится, Митя-то, — разъ ужъ мнѣ вѣдь онъ очень понравился, цѣлый часъ почти даже нравился. Вотъ я, можетъ, сейчасъ пойду да и скажу ему сейчасъ, чтобъ онъ у меня съ сего-же остался... Вотъ я какая непостоянная...

— Давеча вы говорили... совсѣмъ не то... едва пренево Катерина Ивановна.

— Ахъ давеча! А вѣдь я сердцемъ нѣжная, глухая. Вѣдь думать только, что онъ изъ-за меня перенесъ! А вдругъ да приду да и пожалѣю его, — тогда что?

— Я не ожидала...

— Эхъ, барышня, какая вы предо мной добрая, благородная, выходите. Вотъ вы теперь, пожалуй, меня, этакую дуру. и любите за мой характеръ. Дайте мнѣ вашу милую ручку, ангелъ-барышня, нѣжно попросила она и какъ-бы съ благоговѣніемъ взяла ручку Катерины Ивановны. — Вотъ я, милая барышня, вашу ручку возьму и также какъ вы мнѣ поцалую. Вы мнѣ три раза поцаловали, а мнѣ-бы вамъ надо триста разъ за это поцаловать, чтобы сквитаться. Да такъ ужъ и быть, а затѣмъ ну какъ Богъ пошлетъ, можетъ, я вамъ полная раба буду и во всемъ пожелаю вамъ рабски угодить. Какъ Богъ положитъ, пусть такъ оно и будетъ, безо всякихъ между собой сговоровъ и обѣщаній. Ручка-то. ручка-то у васъ милая, ручка-то! Барышня вы и правда красавица вы моя невозможная!

Она тихо понесла эту ручку къ губамъ своимъ, правду сказать, странную цѣлю: «сквитаться» поцалуями. Катерина Ивановна отняла руки: она съ робкою надеждой выслушала послѣднее, и тоже очень странно выраженное обѣщаніе Грушеньки «раба угодить ей»; она напряженно смотрѣла ей въ глаза: она видѣла въ этихъ глазахъ все тоже простодушное, довѣрчивое выраженіе все ту-же ясную веселость... «Она, можетъ быть, слишкомъ наивна!» — промелькнуло надеждой въ сердцѣ Катерины Ивановны. Грушенька межъ тѣмъ какъ-бы въ восхищеніи отъ «ручки», медленно поднимала ее къ губамъ своимъ. Но у самой губъ она вдругъ ручку задержала на два, на три мгновенія, бы раздумывая о чемъ-то.

— А знаете что, ангелъ-барышня, вдругъ протяну

имъ уже нѣжнымъ и слащавѣйшимъ голоскомъ, — знаете возьму я да вашу ручку и не поцалую. И она засмѣялась нѣжкимъ развеселымъ смѣшкомъ.

— Какъ хотите... Что съ вами? вздрогнула вдругъ Катерина Ивановна.

— А такъ и оставайтесь съ тѣмъ на память, что вы-то у меня ручку целовали, а я у васъ нѣтъ. — Что-то сверкнуло въ ея глазахъ. Она ужасно пристально глядѣла на Катерину Ивановну.

— Наглая! проговорила вдругъ Катерина Ивановна, какъ-то вдругъ что-то понявъ, вся вспыхнула и вскочила съ мѣста. слѣша поднялась и Грушенька.

— Такъ я и Митѣ сейчасъ перескажу, какъ вы мнѣ целовали ручку, а я-то у васъ совсѣмъ нѣтъ. А ужь какъ онъ будетъ смѣяться!

— Мерзавка, вонъ!

— Ахъ, какъ стыдно, барышня, ахъ, какъ стыдно. это даже и непристойно совсѣмъ, такія слова, милая барышня.

— Вонъ, продажная тварь! завопила Катерина Ивановна. — какая черточка дрожала въ ея совсѣмъ исказившемся лицѣ.

— Ну ужь и продажная. Сами вы дѣвицей къ кавалерамъ деньгами въ сумерки хаживали, свою красоту продавать пришли, вѣдь я-же знаю.

Катерина Ивановна вскрикнула и бросилась было на нее, ее удержалъ всею силою Алеша:

— Ни шагу, ни слова! Не говорите, не отвѣчайте ничего, уйдетъ, сейчасъ уйдетъ!

Въ это мгновеніе въ комнату вбѣжали на крикъ объ родственницы Катерины Ивановны, вбѣжала и горничная. Всѣ бросились къ ней.

— И уйду, проговорила Грушенька, подхвативъ съ дивана шалью. — Алеша, милый, проводи-ка меня!

— Уйдите, уйдите поскорѣй! сложилъ предъ нею, умоляя, Алеша.

— Милый Алешинька, проводи! Я тебѣ дордогой, хорошенько-хорошенькое одно словцо скажу! Я это для тебя, Алеша, сцену продѣлала. Проводи, голубчикъ, послѣ поправится. Алеша отвернулся, ломая руки. Грушенька, звонко смѣясь, вышла изъ дому.

Съ Катериной Ивановной сдѣлался припадокъ. Она рыдала, слезы душили ее. Всѣ около нея суетились.

— Я васъ предупреждала, говорила ей старшая тетка, васъ удерживала отъ этого шага... вы слишкомъ пылки... можно было рѣшиться на такой шагъ! Вы этихъ тварей знаете, а про эту говорить, что она хуже всѣхъ... Нѣтъ, слишкомъ своевольны!

— Это тигръ! завопила Катерина Ивановна.— Затылъ удержали меня, Алексѣй Ѳеодоровичъ, я-бы избилъ ее, избилъ! Она не въ силахъ была сдерживать себя предъ Алексѣемъ, жеть быть, и не хотѣла сдерживаться.

— Не нужно плетью, на эшафотѣ, черезъ палача, при родѣ!...

Алеша попятился къ дверямъ.

— Но, Боже! вскрикнула вдругъ Катерина Ивановна, вскинувъ руками,—онъ-то! Онъ могъ быть такъ безчестенъ, безчеловѣченъ! Вѣдь онъ разсказалъ этой твари о томъ, было тамъ, въ тогдашней роковой, вѣчно проклятой, протытый день! «Приходили красу продавать, милая барышня!» знаетъ! Вашъ братъ подлець, Алексѣй Ѳеодоровичъ!

Алешѣ хотѣлось что-то сказать, но онъ не находилъ ни одного слова. Сердце его сжималось до боли.

— Уходите, Алексѣй Ѳеодоровичъ! Мнѣ стыдно, мнѣ ужасно! Завтра... умоляю васъ на колѣняхъ, придите завтра. Не придите, простите, я не знаю что съ собой еще сдѣлаю!

Алеша вышелъ на улицу, какъ-бы шатаясь. Ему хотѣлось плакать, какъ и ей. Вдругъ его догнала служанка.

— Барыня забыла вамъ передать это письмецо отъ пожи Хохлаковой, оно у нихъ съ обѣда лежитъ.

Алеша машинально принялъ маленькій розовый конвертъ и сунулъ его, почти не сознавая, въ карманъ.

XI.

Еще одна погибшая репутація.

Отъ города до монастыря было не болѣе версты съ небольшимъ. Алеша спѣшно пошелъ по пустынной въ этотъ часъ дорога. Почти уже стала ночь, въ тридцати шагахъ трудно было различать предметы. На половинѣ дороги приходилъ рекрестокъ. На перекресткѣ, подъ уединенною ракией, стояла какая-то фигура. Только что Алеша вступилъ на

пестокъ, какъ фигура сорвалась съ мѣста, бросилась на него и неистовымъ голосомъ прокричала:

— Кошелекъ или жизнь!

— Такъ это ты, Митя! удивился сильно вздрогнувшій одинокимъ Алеша.

— Ха-ха-ха! Ты не ожидалъ? Я думаю: гдѣ тебя подождутъ? У ея дома? Оттуда три дороги и я могу тебя прозѣвать. Подумалъ, наконецъ, дождаться здѣсь, потому что здѣсь-то онъ пройдетъ непременно, другаго пути въ монастырь не имѣется. Ну, объявляй правду, дави меня какъ таракана... Да что съ тобой?

— Ничего, братъ... я такъ, съ испугу. Ахъ, Дмитрій! Да эта кровь отца (Алеша заплакалъ, ему давно хотѣлось заплакать, а теперь у него вдругъ, какъ-бы что-то порвалось въ груди). Ты чуть не убилъ его... проклялъ его... и вотъ теперь... здѣсь... сейчасъ... ты шутишь шутки... кошелекъ или жизнь!

— А, да, что-жь? Неприлично что-ли? Не идетъ къ положенію?

— Да нѣтъ... я такъ...

— Стой. Посмотри на ночь: видишь, какая мрачная ночь. Блава-то, вѣтеръ какой поднялся! Спрятался я здѣсь, подъ ракетой, тебя жду, и вдругъ подумалъ (вотъ тебѣ Богъ!): да чего же больше маяться, чего ждать? Вотъ ракета, платокъ есть, рубашка есть, веревку сейчасъ можно свить, помочи въ придачу — не бременить ужъ болѣе землю, не безчестить низкими звукомъ присутствіемъ! И вотъ слышу ты идешь, — Господи, точно слетѣло что на меня вдругъ: да вѣдь есть-же, стало быть, шовѣкъ, котораго и я люблю, вѣдь вотъ онъ, вотъ тотъ чепчикъ, братишка мой милый, кого я всѣхъ болѣе на свѣтѣ люблю и кого я единственно люблю! И такъ я тебя полюбилъ въ эту минуту любилъ, что подумалъ: брошусь сейчасъ къ нему на шею! Да глупая мысль пришла: «повеселю его, испугаю». Я и закричалъ какъ дуракъ: «кошелекъ!» Прости дурачеству — это только вздоръ, а на душѣ у меня... тоже прилично... Ну, да чортъ, говори однако, что тамъ? Что она сказала? Ви меня, рази меня, не щади! Въ изступленіе пришла?

— Нѣтъ, не то... Тамъ было совсѣмъ не то, Митя. Тамъ... тамъ сейчасъ ихъ обѣихъ засталъ.

— Какихъ обѣихъ?

— Грушеньку у Катерины Ивановны.

Дмитрій Федоровичъ остоленѣлъ.

— Невозможно! вскричалъ онъ, — ты бредишь! Грушанка у ней?

Алеша разсказалъ все, что случилось съ нимъ съ самой минуты, какъ вошелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ. Онъ разсказывалъ минутъ десять, нельзя сказать, чтобы плавно и складно, — кажется, передалъ ясно, схватывая самыя главныя слова, самыя главныя движенія и ярко передавая, часто одною чертою, собственныя чувства. Братъ Дмитрій слушалъ молча, глядя упоръ со странною неподвижностью, но Алешѣ ясно было, что онъ уже все понялъ, осмыслилъ весь фактъ. Но лицо его, что дальше подвигался разсказъ, становилось не то что мрачнѣе, а какъ-бы грознымъ. Онъ нахмурилъ брови, стиснулъ зубы, и подвижный взглядъ его сталъ какъ-бы еще неподвижнѣе, умнѣе, ужаснѣе... Тѣмъ неожиданнѣе было когда вдругъ, съ неслыханною быстротою, измѣнилось разомъ все лицо его, доселѣ гнѣвное и свирѣпое, сжатая губы раздвинулись и Дмитрій Сидоровичъ залился вдругъ самымъ неудержимымъ, самымъ неодолимымъ смѣхомъ. Онъ буквально залился смѣхомъ, онъ долгое время даже не могъ говорить отъ смѣха.

— Такъ и не поцаловала ручку! Такъ и не поцаловала такъ и убѣжала! выкрикивалъ онъ въ болѣзненномъ баянѣ восторгѣ, — въ нагомъ восторгѣ можно-бы тоже сказать, если восторгъ этотъ не былъ столь безыскусственъ. — Такъ та кричала, что это тигръ! Тигръ и есть! Такъ ее на эшафотъ вывела. Да, да, надо-бы, надо, я самъ того мнѣнія, что надо, да надо! Видишь-ли, братъ, пусть эшафотъ, но надо еще спешно выздоровѣть. Понимаю царицу наглости, вся она тутъ, вся она въ этой ручкѣ высказалась, инфернальница? Это царица всѣхъ инфернальницъ, какихъ можно только вообразить на свѣтѣ! Въ своемъ родѣ восторгъ! Такъ она до мной побѣжала? Сейчас я ухъ... Побѣгу-ка я къ ней! Алешка, не вини меня, я вѣдь ослѣпелъ, что ее придушить мало...

— А Катерина Ивановна! печально воскликнулъ Алеша.

— И ту вижу, всю насквозь и ту вижу, и такъ вижу, какъ никогда! Тутъ цѣлое открытіе всѣхъ четырехъ странъ свѣта, пяти то есть! Этакій шагъ! Это именно та самая Катерина институточка, которая къ великодушному грубому офицеру не побѣжала изъ великодушной идеи спасти отца прибѣжать, рискуя страшно быть оскорбленною! Но гордость ваша, но потребная риска, но вызовъ судьбѣ, вызовъ въ безпредѣльность! Ты говоришь, ее эта тетка останавливала? Эта тетка, знаешь, сама с

властная, это вѣдь родная сестра московской той генеральши, а поднимала еще больше той носъ, да мужъ былъ уличенъ въ казнокрадствѣ, лишился всего, и имѣнія, и всего, и гордая вдругъ понизила тонъ, да съ тѣхъ поръ и не поднялась. Такъ она удерживала Катю, а та не послушалась. «Все, Катя, могу побѣдить, все мнѣ подвластно; захочу и Грушеньку выдую!» — сама вѣдь собѣ вѣрила, сама надъ собой форсила, а не виноватъ? Ты думаешь, она нарочно эту ручку перья вылавывала у Грушеньки, съ расчетомъ хитрыи? Нѣтъ, она нарочно, она всаправду влюбилась въ Грушеньку, то есть не въ Грушеньку, а въ свою-же мечту, въ свой бредъ, — потому-де это моя мечта, мой бредъ! Голубчикъ, Алеша, да какъ ты обо нихъ, отъ этихъ, спасся? Убѣждалъ что-ли, подобралъ пресеникъ? Ха-ха-ха!

— Братъ, а ты, кажется, и не обратилъ вниманія, какъ ты обидѣлъ Катерину Ивановну тѣмъ, что рассказалъ Грушенькѣ о томъ днѣ, а та сейчасъ ей бросила въ глаза, что вы сами «къ камеранъ красу тайкомъ продавать ходили!» Братъ, что-же дальше этой обиды? — Алешу всего болѣе мучила мысль, что онъ точно радъ униженію Катерины Ивановны, хотя, конечно, это быть не могло.

— Ба! страшно вдругъ нахмурился Дмитрій Федоровичъ и ударилъ себя ладонью по лбу. Онъ только что теперь обратилъ вниманіе, хотя Алеша рассказалъ все давеча за разъ, и обиду, и крикъ Катерины Ивановны: — «Вашъ братъ подлець!» — Да, въ томъ днѣ, можетъ быть, я и рассказалъ Грушенькѣ о томъ московскомъ днѣ, какъ говоритъ Катя. Да, это такъ, рассказалъ, припоминаю! Это было тогда-же, въ Мокромъ, я былъ пьянъ. Катинки пѣли... Но вѣдь я рыдалъ, рыдалъ тогда самъ, я стоялъ въ колѣнкахъ, я молился на образъ Кати. и Грушенька это замечала. Она тогда все поняла, я припоминаю, она сама плакала... А, чортъ! да могло-ли иначе быть теперь? Тогда плакала, а теперь... Теперь «кинжалъ въ сердце!» Такъ у бабъ. Онъ потупился и задумался.

— Да, я подлець! Несомнѣнный подлець, произнесъ онъ вдругъ мрачнымъ голосомъ. — Все равно плакалъ или нѣтъ, все равно подлець! Передай тамъ, что припоминаю наименованіе, если можешь утѣшить. Ну и довольно, прощай, что болтать-то! Даго нѣтъ. Ты своею дорогой, а я своею. Да и видѣться же не хочу, до какой-нибудь самой послѣдней минуты. Прощай, Алексѣй! Онъ крѣпко сжалъ руку Алешина и, все еще

потупившись и не поднимая головы, точно сорвавшись, башагалъ въ городу. Алеша смотрѣлъ ему вслѣдъ, но чтобъ онъ совсѣмъ вдругъ ушелъ.

— Стой, Алексѣй, еще одно признаніе, тебѣ одному! и воротился Дмитрій Федоровичъ назадъ.—Смотри на меня, стально смотри: видишь, вотъ тутъ, вотъ тутъ — готъ страшное безчестіе. (Говоря «вотъ тутъ» Дмитрій Федоръ ударялъ себя кулакомъ по груди и съ такимъ страннымъ домъ, какъ будто безчестіе лежало и сохранялось именно на груди его, въ какомъ-то мѣстѣ, въ карманѣ, можетъ или на шеѣ висѣло зашитое). Ты уже знаешь меня: по подлецъ признанный! Но знай, что-бы я ни сдѣлалъ и теперь или впереди, — ничто, ничто не можетъ сравниться подлости съ тѣмъ безчестіемъ, которое именно теперь, и въ эту минуту ношу вотъ здѣсь на груди моей, вотъ тутъ, которое дѣйствуетъ и совершается, и которое я полный хо остановить, могу остановить или совершить, замѣть это Ну, такъ знай-же, что я его совершу, а не остановлю. веча тебѣ все рассказалъ, а этого не рассказалъ, потом даже и у меня на то мѣднаго лба не хватило! Я могу остановиться; остановясь, я могу завтра-же цѣлую половину терянной чести воротить, но я не останавлиюсь, я совершу лый замыселъ, и будь ты впереди свидѣтелемъ, что я за и зазнамо говорю это! Гибель и мракъ! Объяснять нече свое время узнаешь. Смраднй переулочъ и инфернал! Прощай. Не молись обо мнѣ, не стою, да и не нужно сои совсѣмъ не нужно... не нуждаюсь вовсе! Прочь!..

И онъ вдругъ удалился, на этотъ разъ уже совсѣмъ. и пошелъ въ монастырю: «Какъ-же, какъ-же я никогда увижу, что онъ говоритъ?» дико представлялось ему,—«дтра-же непременно увижу и розыщу его, нарочно розыщ онъ такое говорить!..

Монастырь онъ обошелъ кругомъ и черезъ сосновую прошелъ прямо въ скитъ. Тамъ ему отворили, хотя въ часъ никого уже не впускали. Сердце у него дрожало, онъ вошелъ въ келью старца: «Зачѣмъ, зачѣмъ онъ вых зачѣмъ тотъ послалъ его «въ мѣръ?» Здѣсь тишина, здѣсь тыня, а тамъ—смущенье, тамъ мракъ, въ которомъ сразу ряешься и заблудишься»...

въ кельѣ находились послушникъ Порфирій и іеромонахъ Пансіій, весь день каждый часъ заходившій узнать о здорѣвѣ отца Зосимы, которому, какъ со страхомъ узналъ Алеша, казалось все хуже и хуже. Даже обычной вечерней бесѣды братіей на сей разъ не могло состояться. Обыкновенно по утру, послѣ службы, ежедневно, на сонъ грядущій стекалась стырская братія въ келью старца и всякій вслухъ исповѣлъ ему сегодняшнія прегрѣшенія свои, грѣшныя мечты, мысли, соблазны, даже ссоры между собой, если таковыя случались. Иные исповѣдывались на колѣняхъ. Старецъ разрѣшалъ, наставлялъ, налагалъ покаяніе, благословлялъ и отпускалъ. Вотъ противъ этихъ-то братскихъ «исповѣдей» и возмущались противники старчества, говоря, что это профанація исповѣданія, какъ таинства, почти кощунство, хотя тутъ было совершенно иное. Выставляли даже епархіальному начальству, что исповѣди не только не достигаютъ доброй цѣли, но дѣйствительно и нарочито вводятъ въ грѣхъ и соблазнъ. Многіе-де братіи тяготятся ходить къ старцу, а приходятъ поневолѣ, потому что всѣ идутъ, такъ чтобы не приняли ихъ за гордыхъ и тщеславныхъ помысловъ. Рассказывали, что нѣкоторые изъ нихъ, отправляясь на вечернюю исповѣдь, условливались между собою заранѣе: «я, дескать, скажу, что я на тебя утромъ озлился, подтверди», — это чтобы было что сказать, чтобы только не казаться. Алеша зналъ, что это дѣйствительно иногда такъ и происходило. Онъ зналъ тоже, что есть изъ братіи весьма негодные и на то, что, по обычаю, даже письма отъ родныхъ, помытая скитниками, приносились сначала къ старцу, чтобы онъ распечатывалъ и прочитывалъ ихъ прежде получателей. Но случалось, разумѣется, что все это должно совершаться искренно и искренно, отъ всей души, во имя вольнаго смиреннаго назиданія, но на дѣлѣ, какъ оказывалось, происходило иногда и весьма неискренно, а, напротивъ, выдѣлывалось и фальшиво. Но старшіе и опытнѣйшіе изъ братіи стояли за старое, рассуждая, что «кто искренно вошелъ въ эти стѣны, чтобы спастись, для тѣхъ всѣ эти послушанія и подвиги окажутся несомнѣнно спасительными и принесутъ имъ великую пользу; кто-же, напротивъ, тяготится и ропщетъ, тотъ все равно бы и не инокъ и напрасно только пришелъ въ монастырь, а лучше мѣсто въ міру. Отъ грѣха-же и отъ діавола не только въ міру, но и въ храмѣ не убережешься, а, стало быть, и не удержишь потакать».

— Ослабѣлъ, сомнѣность напала, шепотомъ сообщилъ отецъ Павсій, благословивъ его.—Разбудить даже трупъ и не надо будить. Минутъ на пять просыпался, просилъ братію это благословеніе, а у братіи просилъ о немъ молитвѣ. Завтра намѣренъ еще разъ причаститься. О тебѣ мнѣ, Алексѣй, спрашивалъ ушелъ-ли ты, отвѣчалъ, городѣ. «На то и я благословилъ его: тамъ его мѣсто, не здѣсь»,—вотъ что изрекъ о тебѣ. Любовно о тебѣ нахлѣвъ, съ заботой, смыслишь-ли ты, чего удостоился? какъ-же это опредѣлилъ онъ тебѣ, пова быть срокъ вѣнчанъ. Значитъ, предвѣдѣлъ что въ судьбѣ твоей! Пойми, что если и возвратишься въ міръ, то какъ-бы на возы на ты послужаніе старцемъ твоимъ, а не на суетное легкое и не на мирское веселіе...

Отецъ Павсій вышелъ. Что старецъ отходилъ, въ было сомнѣніе для Алеши, хотя могъ прожить еще и денъ. Алеша твердо и горячо рѣшилъ что не смотря на общае имѣ видѣться съ отцомъ, Хохлаковыми, братомъ и К. Ивановой—завтра онъ не выйдетъ изъ монастыря съ оставленіемъ при старцѣ своемъ до самой кончины его. Селъ на корточки любовью и онъ горько упрекнулъ себя, что мимолетно тамъ, въ городѣ, даже забыть о томъ, кого онъ въ монастырѣ на одрѣ смерти и кого чтилъ выше есаулѣ. Онъ прошелъ въ спальню старца, сталъ на вѣнчаніи поклонился снѣжному до земли. Тотъ тихо, недвижимо чуть дыша, ровно и почти непримѣтно. Лицо его было покойно.

Воротнувъ въ другую комнату, — въ ту самую, въ которую старецъ принималъ гостей, Алеша, почти не разинувъ лишь сапоги, улегся на вожанномъ, жесткомъ какъ дубчикѣ, на которомъ онъ и всегда спалъ, да каждую ночь, принося лишь подушку. Тюфякъ-же, о которомъ кричала дача отецъ его, онъ уже давно забылъ и не вспоминалъ. Онъ снималъ лишь свой подрясникъ, и имъ на вѣнчаніи одѣлся. Но передъ сномъ онъ бросился на вѣнчаніи молился. Въ горячей молитвѣ своей онъ не просилъ избавленія ому смущенію его, а лишь жаждалъ радости жизни, прежняго умиленія, всегда посѣщавшаго его души и слышны Богу, въ которыхъ и состояла обыкновенная сонъ грядущій молитва его. Эта радость, посѣщавшая его за собой легкой и спокойный сонъ. Молясь и теп-

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

Случайно нашупалъ въ карманѣ тотъ розовый который передала ему догнавшая его на террины Ивановны. Онъ смутился, но дѣтъ, послѣ нѣкотораго колебання, вскрылъ о къ нему письмецо, подписанное Lise, — ю дочью госпожи Хохлаковой, которая надъ нимъ при старцѣ.

Свѣѣ Федоровичъ, писала она, пишу вамъ отъ мамаша, и знаю, какъ это не хуже жить, если не скажу вамъ того, что мнѣ, а этого никто, кромѣ насъ двоихъ не знаетъ. Но, какъ я вамъ скажу то, что я знаю? Бумага, говорятъ, не краснѣетъ, увѣряю неправда и что краснѣетъ она также точно, какъ я. Милый Алеша, я васъ люблю, люблю еще Москвы, когда вы были совсѣмъ не такой, какъ теперь на всю жизнь. Я васъ избрала сердцемъ моимъ, чтобы соединиться, а въ старости кончить вмѣстѣ нашу жизнь. Я тѣмъ условіемъ, что вы выйдете изъ монастыря. На лѣтъ нашихъ мы подождемъ, сколько приказано закономъ времени я непремѣнно выздоровлю, буду ходить гулять. Объ этомъ не можетъ быть слова.

Итакъ какъ я все обдумала, одного только не могу придумать — подумаете вы обо мнѣ, когда прочтете? Я все смѣюсь, а давеча васъ разсердила, но увѣряю васъ, что сейчасъ тѣмъ какъ взяла перо, я помолилась на образъ святой, да и теперь молюсь, и чуть не плачу.

Секретъ у васъ въ рукахъ, завтра какъ придете, не забудьте и взгляну на васъ. Ахъ, Алексѣй Федоровичъ, что я не удержусь, какъ дура, и засмѣюсь какъ давеча, глядя? Вѣдь вы меня примете за скверную насмѣшницу моему не повѣрите. А потому умоляю васъ, милый, если есть состраданіе ко мнѣ, когда вы войдете завтра, не смотрите мнѣ слишкомъ прямо въ глаза, потому что я, какъ съ вашими, можетъ быть, непремѣнно вдругъ разсмѣюсь тому-же вы будете въ этомъ длинномъ платьѣ... Даже вся холодѣю, когда объ этомъ подумаю, а потому какъ вы смотрите на меня нѣкоторое время совсѣмъ, а смолчать или на ошошко...

Итакъ я написала вамъ любовное письмо, Боже мой, что я Алеша, не презирайте меня, и если я что сдѣлала

очень дурное и васъ огорчила, то извините меня. Теперь моей, погибшей на вѣки, можетъ быть, репутаціи въ рукахъ.

«Я сегодня непременно буду плавать. До свиданья, до *наш* свиданья. Lise».

«P. S. Алеша, только вы непременно, непременно, мѣнно придите! Lise».

Алеша прочелъ съ удивленіемъ, прочелъ два раза, но и вдругъ тихо, сладко засмѣялся. Онъ было вздрогнулъ, этотъ показался ему грѣховнымъ. Но мгновеніе спустя опять разсмѣялся также тихо и также счастливо. Медленно жилъ онъ письмо въ конвертикъ, перекрестился и легъ. Теніе души его вдругъ прошло. «Господи, помилуй ихъ давешнихъ, сохрани ихъ несчастныхъ и бурныхъ, и нынѣ у Тебя пути: ими-же вѣси путями спаси ихъ. Ты любовь всѣмъ пошлешь и радость!» бормоталъ крестясь, засыпая тяжелымъ сномъ, Алеша.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

НАДРЫВЫ.

I.

Отецъ Ѳерапонтъ.

но утромъ, еще до свѣта, былъ пробужденъ Алеша. Староснулся и почувствовалъ себя весьма слабымъ, хотя и лѣтъ съ постели пересѣсть въ кресло. Онъ былъ въ полной силѣ; лицо-же его было хотя и весьма утомленное, но ясное, радостное, а взглядъ веселый, привѣтливый, зовущій. Онъ, и не переживу наступившаго дня сего», сказалъ лѣтъ; затѣмъ возжелалъ исповѣдаться и причаститься свято. Духовникомъ его всегда былъ отецъ Паисій. По повелѣніи обоихъ таинствъ, началось соборованіе. Собрались на немъ, келья мало по малу наполнилась скитниками. Наступилъ вечеръ. Стали приходить и изъ монастыря. Кончилась служба, старецъ со всѣми возжелалъ проститься и поцаловалъ. По тѣснотѣ кельи, приходившіе прежде выходя и уступали другимъ. Алеша стоялъ подлѣ старца, когда тотъ пересѣлъ въ кресло. Онъ говорилъ и училъ сколько могъ его, хоть и слабый, былъ еще довольно твердъ. Но лѣтъ училъ васъ и, стало быть, столько лѣтъ вслухъ слышать, что какъ-бы и привычку взялъ говорить, а говоря не слышать, и до того сіе, что молчать мнѣ почти и труднѣе

было-бы чѣмъ говорить, отцы и братія милые, даже при слабости моей», — пошутилъ онъ, умиленно взирившихся около него. Алеша упомянулъ потомъ кое-что, что онъ тогда сказалъ. Но хотъ и внятно говорилъ, голосомъ достаточно твердымъ, но рѣчь его была доевязна. Говорилъ онъ о многомъ, казалось, хотѣлъ-бы сказать, все высказать еще разъ, предъ смертною мнѣ всего недосказаннаго въ жизни, и не поученія ради, а какъ-бы жаждая подѣлиться радостью и своимъ со всѣми и вся, излиться еще разъ въ жизни своимъ...

«Любите другъ друга, отцы, училъ старецъ (свои нилъ потомъ Алеша). Любите народъ Божій. Не святъ мірскихъ зато, что сюда пришли и въ сихъ стѣнахъ лись, а напротивъ, всякій сюда пришедшій, уже тѣмъ что пришелъ сюда, позналъ про себя, что онъ хуже скихъ и всѣхъ и вся на землѣ... И чѣмъ долѣе потожить инокъ въ стѣнахъ своихъ, тѣмъ чувствительнѣе и сознавать сіе. Ибо въ противномъ случаѣ не зачѣмъ и приходитъ сюда. Когда-же познаетъ, что не только всѣхъ мірскихъ, но и предъ всѣми людьми за всѣхъ виновать, за всѣ грѣхи людскіе, міровые и единос: тогда лишь цѣль нашего единенія достигнется. Ибо злые, что каждый единый изъ насъ виновенъ за всѣхъ на землѣ несомнѣнно, не только по общей міровой единолично каждый за всѣхъ людей и за всякаго человека землѣ. Сіе сознаніе есть вѣнецъ пути иноческаго каго на землѣ человека. Ибо иноки не иные суть ч: лишь только такіе, какими и всѣмъ на землѣ людямъ лежало-бы. Тогда лишь и умилилось-бы сердце наше безконечную, вселенскую, не знающую насыщенія. Тдый изъ васъ будетъ въ силахъ весь міръ любовью и слезами своими міровые грѣхи омыть... Всякъ х сердца своего, всякъ себѣ исповѣдайся неустанно. Грѣ не бойтесь, даже и сознавъ его, лишь-бы покаяніе условій съ Богомъ не дѣлайте. Паки говорю—не гордитесь предъ малыми, не гордитесь и предъ великими, не ненавидьте и отвергающихъ васъ, позорящихъ васъ, по васъ и на васъ клеветующихъ. Не ненавидьте атеистовъ, учителей, матеріалистовъ, даже злыхъ изъ нихъ, неродныхъ, ибо и изъ нихъ много добрыхъ, наипаче въ на

минайте ихъ на молитвѣ тако: спаси всѣхъ, Господи, за кого кому помолиться, спаси и тѣхъ, кто не хочетъ Тебѣ молиться. прибавьте тутъ-же: не по гордости моей молю о семъ, Господи, ибо и самъ мерзокъ есмь паче всѣхъ и вся... Народъ жій любите, не отдавайте стада отбивать пришельцамъ, ибо ни заснете въ дѣни и въ брезгливой гордости вашей, а пуще въ корыстолюбіи, то придуть со всѣхъ странъ и отобьютъ у васъ стадо ваше. Толкуйте народу Евангеліе неустанно... Не поимствуйте... Серебра и золота не любите, не держите... Въ плъте и знамя держите. Высоко возносите его»...

Старецъ, впрочемъ, говорилъ отрывочнѣе чѣмъ здѣсь было сказано и какъ записалъ потомъ Алеша. Иногда онъ пресѣчь говорить совсѣмъ, какъ-бы собираясь съ силами, задыхался, былъ какъ-бы въ восторгѣ. Слушали его съ умиленіемъ, хотя и не и дивились словамъ его и видѣли въ нихъ темноту... Потомъ всѣ эти слова вспомнили. Когда Алешѣ случилось на минуту отлучиться изъ кельи, то онъ былъ пораженъ всеобщимъ вниманіемъ и ожиданіемъ толпившейся въ кельѣ и около кельи братіи. Ожиданіе было между иными почти тревожное, у другихъ торжественное. Всѣ ожидали чего-то немедленнаго и великаго случая по усненіи старца. Ожиданіе это съ одной точки зрѣнія было почти какъ-бы и легкомысленное, но даже и самые строгіе старцы подвергались сему. Всего строже было лицо старца монаха Паисія. Алеша отлучился изъ кельи лишь потому, что былъ тайно вызванъ, чрезъ одного монаха, прибывшаго изъ города Ракитинымъ со страннымъ письмомъ къ Алешѣ отъ госпожи Хохлаковой. Та сообщала Алешѣ одно любопытное, чрезвычайно кстати пришедшее извѣстіе. Дѣло состояло въ томъ, что вчера между вѣрующими простонародными женщинами, приходившими поклониться старцу и благословиться у него, была одна городская старушка, Прохоровна, утѣрщеская вдова. Спрашивала она старца: можно-ли ей поминать сыночка своего Васеньку, захавшаго по службѣ далеко въ Сибирь, въ Иркутскъ, и отъ котораго она уже годъ не получила никакого извѣстія, вмѣсто покойника, въ церкви за упокой? На что старецъ отвѣтилъ ей со строгостію, запретивъ и назвавъ такого рода поминаніе подобнымъ колдовству. Но старецъ оставивъ ей по невѣдѣнію, прибавилъ, «какъ-бы слухъ о немъ будущаго» (выражалась госпожа Хохлакова въ письмѣ) и утѣшеніе: «что сынъ ея Вася живъ, и можетъ быть самъ пріѣдетъ къ ней въ скорости, или гдѣ-то др...»

и чтобъ она шла въ свой домъ и ждала сего. И что-же? пр
 ляла въ восторгъ госпожа Хохлакова: — «пророчество сове
 лось даже буквально, и даже болѣе того». Едва лишь стар
 вернулась домой, какъ ей тотчасъ-же передали уже ож
 шее ее письмо изъ Сибири. Но этого еще мало: въ пи
 этомъ, писанномъ съ дороги, изъ Екатеринбургa, Вася
 домлялъ свою мать, что ѣдетъ самъ въ Россію, возвраща
 съ однимъ чинсвникомъ, и что недѣли черезъ три по
 ченіи письма сего «онъ надѣется обнять свою мать». Гос
 Хохлакова настоятельно и горячо умоляла Алешу немед
 передать это свершившееся вновь «чудо предсказанія»
 мену и всей братіи: «Это должно быть всѣмъ, всѣмъ и
 стно!» восклицала она, заключая письмо свое. Письмо ея
 написано на-скоро, поспѣшно, волненіе писавшей отзывалос
 каждой строчкѣ его. Но Алешѣ уже и нечего было сообщ
 братіи, ибо всѣ уже все знали: Ракитинъ, пославъ за
 монаха, поручилъ тому, кромѣ того «почтительнѣйше до
 и его высокопреподобію отцу Паисію, что имѣеть до него
 Ракитинъ, нѣкое дѣло, по такой важности, что и минуты
 смѣеть отложить для сообщенія ему, за дерзость-же свою з
 просить простить его». Такъ какъ отцу Паисію монашек
 общилъ просьбу Ракитина раньше, чѣмъ Алешѣ, то Ал
 придя на мѣсто, оставалось лишь, прочтя письмецо, сообщ
 его тотчасъ-же отцу Паисію въ видѣ лишь документа. П
 даже этотъ суровый и недовѣрчивый человѣкъ, прочтя,
 мутившись, извѣстіе о «чудѣ», не могъ удержать вполне
 котораго внутренняго чувства своего. Глаза его сверк
 уста важно и проникновенно вдругъ улынулись.

— То-ли узримъ? какъ-бы вырвалось у него вдругъ.

— То-ли еще узримъ, то-ли еще узримъ! повторил
 гомъ монахи, но отецъ Паисій, снова нахмурившись, по
 силъ всѣхъ хотя-бы до времени вслухъ о семъ не сообщ
 никому, «пока еще болѣе подтвердится, ибо много въ с
 скихъ легкомыслія, да и случай сей могъ произойти
 ственно», прибавилъ онъ осторожно, какъ-бы для очисти
 вѣсти, но почти самъ не вѣруя своей оговоркѣ, что о
 хорошо усмотрѣли и слушавшіе. Въ тотъ-же часъ, кон
 «чудо» стало извѣстно всему монастырю и многимъ даже
 шедшимъ въ монастырь къ литургіи свѣтскимъ. Всѣхъ-же
 лѣе, казалось, былъ пораженъ совершившимся чудомъ вѣс
 ній захожіи въ обитель монашекъ «отъ Святаго Сильвест

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

одной малой обители Обдорской на дальнемъ сѣверѣ. Онъ понизся вчера старцу, стоя около г-жи Хохлаковой и, указывая ему на «исцѣлѣвшую» дочь этой дамы, пропикновенно оснлъ его: «Какъ дерзаете вы дѣлать такіа дѣла?»

Дѣло въ томъ, что теперь онъ былъ уже въ нѣкоторомъ умѣнн и почти не зналъ чему вѣрить. Еще вчера въ вечеру, встрѣлъ онъ монастырскаго отца Ферапонта въ особой келье за пасѣвкой и былъ пораженъ этою встрѣчей, которая произвела на него чрезвычайное и ужасающее впечатлѣніе. Этотъ, отецъ Ферапонтъ, былъ тотъ самый престарелый монахъ, великій постникъ и молчальникъ, о которомъ мы упоминали, какъ о противникѣ старца Зосимы, и главною чертою его характера, которое и считалъ онъ вреднымъ и легкомысленнымъ качествомъ. Противникъ этотъ былъ чрезвычайно опасный, хотя на то, что онъ, какъ молчальникъ, почти и не говорилъ ни слова. Опасенъ-же онъ главною былъ тѣмъ, что множество братія вполнѣ сочувствовало ему, а изъ приходящихъ мирскихъ очень многіе читли его, какъ великаго праведника и подвижника, не смотря на то, что видѣли въ немъ несомненно юродиваго. Но юродство то и плѣняло. Къ старцу Зосимѣ этотъ отецъ Ферапонтъ никогда не ходилъ. Хотя онъ и жила въ скиту, но его не очень-то беспокоили скитскими делами, потому опять таки, что держалъ онъ себя прямо живымъ. Было ему лѣтъ семьдесятъ пять, если не болѣе, а жила онъ за скитскою пасѣвкой, въ углу стѣны, въ старинной, почти развалившейся деревянной келье, поставленной тутъ въ древнѣйшія времена, еще въ прошломъ столѣтіи, для этого тоже величайшаго постника и молчальника, отца Юны, жившаго до ста пяти лѣтъ, и о подвигахъ котораго даже до сих поръ ходили въ монастырѣ и въ окрестностяхъ его многіе любознательнѣйшіе рассказы. Отецъ Ферапонтъ добился того, что и его, наконецъ, поселили, лѣтъ семь тому назадъ, въ этой келье уединенной келье, то есть просто въ избѣ, но которая весьма похожа была на часовню, ибо заключала въ себѣ не только обыкновенно много жертвованныхъ образовъ съ теплившимися свѣчами передъ ними жертвованными лампаками, какъ-бы за которыми и возжигать ихъ и приставленъ былъ Ферапонтъ. Ълъ онъ, какъ говорили (да оно и правда) всего лишь по два фунта хлѣба въ три дня, не болѣе, а получалъ ему ихъ каждые три дня, жившій тутъ-же и Ферапонтъ, но даже и съ этимъ прислуживавшимъ

ему пасѣчникомъ, отецъ Ѳерапонтъ тоже рѣдко когда виль слово. Эти четыре фунта хлѣба, вмѣстѣ съ воску просвиркой, послѣ поздней обѣдни, аккуратно присылъ блаженному игуменомъ, и составляли все его недѣльное питаніе. Воду-же въ кружкѣ перемѣняли ему на каждыѣ У обѣдни онъ рѣдко появлялся. Приходившіе поклонники дѣла, какъ онъ протавалъ иногда весь день на м не вставая съ колѣнъ и не озираясь. Если-же и вс когда съ ними въ бесѣду, то былъ вратокъ, отрывистъ. нень и всегда почти грубъ. Бывали однако очень рѣдкѣ чан, что и онъ разговорится съ прибывшими, но бо частію произносилъ одно лишь какое нибудь странное задававшее всегда посѣтителю большую загадку, и уже, не смотря ни на какія просьбы, не произносилъ въ объясненіе. Чина священническаго не имѣлъ, былъ стой лишь монахъ. Ходилъ очень странный слухъ, мезыми, впрочемъ, темными людьми, что отецъ Ѳерапонтъ етъ сообщеніе съ небесными духами и съ ними толь деть бесѣду, вотъ почему съ людьми и молчитъ. Об монашекъ, пробравшись на пасѣку по указанію пас тоже весьма молчаливаго и угрюмаго монаха, пошелъ локъ, гдѣ стояла келійка отца Ѳерапонта. «Можетъ ворять, какъ съ пришельцемъ, а, можетъ, и ничего го не добьешься», предупредилъ его пасѣчникъ. По монашекъ, какъ и самъ передавалъ онъ потомъ, съ чайшимъ страхомъ. Часъ былъ уже довольно поздній. Ѳерапонтъ сидѣлъ въ этотъ разъ у дверей келійки, зенькой скамеечкѣ. Надъ нимъ слегка шумѣлъ огромный вязъ. Набѣгалъ вечерній холодокъ. Обдорскій монашекъ и ницъ передъ блаженнымъ и попросилъ благословенія.

— Хочешь, чтобъ и я передъ тобой, монахъ, ницъ проговорилъ отецъ Ѳерапонтъ.— Возстани!

Монашекъ всталъ:

— Благословляя да благословившись, садись подлѣ. О занесло?

Что всего болѣе поразило бѣднаго монашка, такъ э отецъ Ѳерапонтъ, при несомнѣнномъ, великомъ постничес и будучи въ столь преклонныхъ лѣтахъ, былъ еще л старикъ сильный, высокій, держащій себя прямо, несогбе лицомъ свѣжымъ, хотъ и худымъ, но здоровымъ. Несомнѣн сохранлась въ немъ еще л значительная сила. Сложенія-

БРАТЯ БАРАМАЗОВЫ.

ищическаго. Не смотря на столь великія лѣта его, былъ не и не вполне сѣдъ, съ весьма еще густыми, прежде собою рыжими волосами на головѣ и бородѣ. Глаза его были сѣрышіе, свѣтяшіеся, но чрезвычайно выдупившіеся, что даже помало. Говорилъ съ сильнымъ удареніемъ на о. Одѣтъ-же былъ рыжеватый длинный армякъ, грубаго арестантскаго, до плечъ именованію, сукна и подпоясанъ толстою веревкой. Руки обнажены. Толстѣйшаго холста, почти совсѣмъ почтеннаго, но мѣсяцамъ не снимавшаяся, выглядывала изъ-подъ. Говорили, что носятъ онъ на себѣ, подъ армякомъ фунтовыя вериги. Обутъ-же былъ въ старыя, почти разбитыя башмаки на босу ногу.

— Изъ малой Обдорской обители, отъ Святаго Селивестра отвѣтилъ захожіи монашекъ, быстрыми, любопытными глазками, хотя нѣсколько и испуганными, наблюдателя.

— Бывалъ у твоего Селивестра. Живалъ. Здоровъ-ли Селивестръ-отъ?

Монашекъ замаялся.

— Безтолковые вы человекѣ! Како соблюдаете постъ?

— Трапезникъ нашъ, по древнему скитскому, тако устроенъ: Четырдесятницѣ въ понедѣльникъ, въ среду и пятокъ, трапезы не поставляютъ. Во вторникъ и четвертокъ, на братію каша бѣлая, взваръ съ медомъ, ягода морошка или капуста квашая, да толокно мѣшано. Въ субботу шти бѣлая, лапша ржовая, каша соковая, все съ масломъ. Въ недѣлю ко штиамъ да рыба да каша. Въ Страстную-же седмицу отъ понедѣльника, даже до субботняго вечера, двѣи шесть, хлѣбъ съ водою, но ясти и зеле не варено, и се съ воздержаніемъ; аще есть кно и не на всякъ день примати, но яко-же речено бысть въ первой седмицѣ. Во святыи-же Великій Пятокъ, ничесо-же не ясти, такожде и Великую Субботу постится намъ до третяго дня и тогда вкусити мало хлѣба съ водою и по единой чашѣ вина испити. Во Святыи-же Великій Четвертокъ ядимъ веренія съ масла, пиемъ-же вино и ино сухояденіемъ. Ибо иже въ Великомъ соборѣ о Велицѣмъ Четвертѣ тако глаголетъ: «Яко не ясти въ Четырдесятницу послѣдней недѣли четвертокъ шти и всю Четырдесятницу безчестити». Вотъ какъ у насъ. Но что сіе сравнительно съ вами, великій отче, ободривъ рабашиа монашекъ, — ибо и круглый годъ, даже и во Великую Пасху, лишь хлѣбомъ съ водою питаются, и что у насъ

хлѣба на два дня, то у васъ на всю седмицу идетъ. Во я дивно такое великое воздержаніе ваше.

— А грузди? спросилъ вдругъ отецъ Ѳерапонтъ, прѣбу въ : придыхательно, почти какъ херъ.

— Грузди? переспросилъ удивленный монашекъ.

— То-то. Я-то отъ ихъ хлѣба уйду, не нуждаюсь въ вовсе, хотя-бы и въ лѣсъ, и тамъ груздемъ проживу, выдой, а они здѣсь не уйдутъ отъ своего хлѣба, стало бытъ, связаны. Нынѣ поганцы рекутъ, что поститься столь въ Надменное и поганое сіе есть разсужденіе ихъ.

— Охъ, правда, вздохнулъ монашекъ.

— А чертей у тѣхъ видѣлъ? спросилъ отецъ Ѳерапонтъ.

— У кого-же у тѣхъ? робко осѣдомался монашекъ.

— Я къ игумену прошлаго года во святую Пятидесятъ восходилъ, а съ тѣхъ поръ и не былъ. Видѣлъ, у котора персихъ сидитъ, подъ рясу прячется, только рожки выскляютъ; у котораго изъ кармана высматриваетъ, глаза быкъ меня-то боится; у котораго во чревѣ поселился, въ самомъ чистомъ брюхѣ его, а у нѣкоего такъ на шеѣ виситъ, уцѣпъ такъ я носить, а его не видитъ.

— Вы... видите? осѣдомался монашекъ.

— Говорю вижу, наскрость вижу. Какъ сталъ отъ не выходить, смотрю — одинъ за дверь отъ меня прячется, и терой такой, аршина въ полтора или больше росту, хвостъ же толстый, бурый, длинный, да концомъ хвоста въ щель ную и попада, а я не будь глупъ, дверь-то вдругъ и прѣнулъ, да хвостъ-то ему и защемилъ. Какъ завизжитъ, и бѣтъся, а я его крестнымъ знаменіемъ, да трижды, — и зтилъ. Тутъ и подохъ какъ паукъ давленный. Тепоръ и бытъ, погнилъ въ углу-то, смердитъ, а они-то не ви не чухаютъ. Годъ не хожу. Тебѣ лишь, какъ иностранцу крываю.

— Страшныя словеса ваши! А что, великій и блаженъ отче, осмѣливался все больше и больше монашекъ, — вили, про васъ великая слава идетъ; даже до отдаленныхъ мѣлъ, будто со Святымъ Духомъ безпрерывное общеніе и

— Слетаетъ. Бываетъ.

— Какъ-же слетаетъ? Въ какомъ-же видѣ?

— Птицею.

— Святой Духъ въ видѣ голубинѣ?

— То святой Духъ, а то Святодухъ. Святодухъ иное,

БРАТЯ БАРАМАЗОВЫ

и в другую птицею снизойди: или ласточкой, или щегломъ, или свицедю.

— Какъ-же вы узнаете его отъ свици-то?

— Говорить.

— Какъ-же говоритъ, какимъ языкомъ?

— Человѣчьиъ.

— А что-же онъ вамъ говорить?

— Вотъ сегодня возвѣстилъ, что дуракъ посѣтитъ и събудетъ негожее. Много, нянокъ, знать хочеша.

— Ужасны словеса ваши, блаженнѣйшій и святѣйшій головою монашекъ. Въ пугливыхъ глазахъ его и, впрочемъ, и недоувѣрчивость.

— А видишь-ли древо сіе? спросилъ, помолчавъ, отецъ гъ.

— Вижу, блаженнѣйшій отче.

— По твоему вязъ, а по моему иная картина.

— Какая-же? помолчалъ въ тиетномъ ожиданіи монашекъ.

— Бываетъ въ ноши. Видишь сіа два сука? Въ ноши-же и истосъ рудъ ко мнѣ простираетъ и руками тѣми ищетъ явно вижу и трепещу. Страшно, о, страшно!

— Что-же страшнаго, коли самъ-бы Христосъ?

— А захватить и вознесетъ.

— Живаго-то?

— А въ духъ и славъ Ілиа, не слыхалъ, что-ли? Обыметъ зотъ...

Тя обдорскій монашекъ послѣ сего разговора воротился въ шую ему келійку, у одного изъ братій, даже въ довольно мѣхъ недоумѣніи, но сердце его несомнѣнно все-же лежало въ отцу Ферапонту, чѣмъ въ отцу Зосимѣ. Монашекъ кій былъ прежде всего за постъ, а тавому великому пост-какъ отецъ Ферапонтъ, не дивно было и «чудная видѣти» его, конечно, были какъ-бы и нелѣпыя, но вѣдь Господь, что въ нехъ заключалось-то въ этихъ словахъ, а у Христа ради иродивыхъ и не такіе еще бываютъ слова гунки. Защемленному-же чортову хвосту онъ не только въ шательномъ, но и въ прямомъ смыслѣ душевно и съ удо-віемъ готовъ былъ повѣрять. Кромѣ сего, онъ и прежде, у прихода въ монастырь, былъ въ большемъ предубѣж-противъ старчества, которое зналъ доселѣ лишь по раз-ъ и ирнималъ его вслѣдъ за многими другими рѣши-вредное новшество. Ободнявъ уже въ монастырь,

успѣлъ отмѣтить и тайный ропотъ нѣкоторыхъ легкомысленныхъ и несогласныхъ на старчество братій. Былъ онъ еще по натурѣ своей инокъ шныряющій и проворный, съ великимъ ко всему любопытствомъ. Вотъ почему великое вѣстіе о новомъ «чудѣ», совершенномъ старцемъ Зосимомъ вергло его въ чрезвычайное недоумѣніе. Алеша припомнилъ томъ, какъ въ числѣ тѣснившихся къ старцу и около келий инокъ мелькала много разъ предъ нимъ шныряющая по всѣмъ кучкамъ фигурка любопытнаго обдорскаго гостя ко всему прислушивающагося и всѣхъ вопрошающаго. Но онъ мало обратилъ вниманія на него и только потому не помнилъ... Да и не до того ему было: старецъ Зосима, существовавшій вновь усталость и улегшійся опять въ постель, вдругъ, заводя уже очи, вспомнилъ о немъ и потребовалъ къ себѣ. Алеша немедленно прибѣжалъ. Около старца явились тогда всего лишь отецъ Пансіій, отецъ іеромонаха Іоанна да Порфирій послушникъ. Старецъ, раскрывъ утомленные и пристально глянувъ на Алешу, вдругъ спросилъ его:

— Ждутъ-ли тебя твои, сынокъ?

Алеша замаялся.

— Не имѣютъ-ли нужды въ тебѣ? Обѣщаль-ли кому на сегодня быти?

— Обѣщался... отцу... братьямъ... другимъ тоже...

— Видишь. Непремѣнно иди. Не печалься. Знай, что и безъ того, чтобы не сказать при тебѣ послѣднее мое на слово. Тебѣ скажу это слово, сынокъ, тебѣ и завѣщаю его. Сынокъ милый, ибо любишь меня. А теперь пока иди къ кому обѣщаль.

Алеша немедленно поворился, хотя и тяжело ему было идти. Но обѣщаніе слышать послѣднее слово его на землѣ и, вое, какъ-бы ему, Алешѣ, завѣщанное, потрясло его душу вглубь. Онъ заспѣшилъ, чтобы, окончивъ все въ городѣ, поскорѣе воротиться. Какъ разъ и отецъ Пансіій молвилъ ему напутное слово, произведшее на него весьма сильное и неожиданное впечатлѣніе. Это когда уже они оба вышли изъ кельи ст-

— Помни, юный, неустанно (такъ прямо и безо всякаго дисловія началъ отецъ Пансіій), что мірская наука, соединивъ въ великую силу, разобрала, въ послѣдній вѣкъ особенно что завѣщано въ книгахъ святыхъ намъ небеснаго и послѣдствіа анализа у ученыхъ міра сего не осталось изъ всей ней святыни рѣшительно ничего. Но разбирали они по чин

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

цѣлое посмотрѣли, и даже удивленія достойно до какой слѣ-
ды. Тогда какъ цѣлое стоитъ предъ ихъ-же глазами неизмѣ-
нно какъ и прежде, и врата адовы не одолеваютъ его. Развѣ не
то оно девятнадцать вѣковъ, развѣ не живетъ и теперь въ
движеніяхъ единичныхъ душъ и въ движеніяхъ народныхъ массъ?
Развѣ въ движеніяхъ душъ тѣхъ-же самыхъ, все разрушившихъ
мѣстовъ живетъ оно какъ прежде неизмѣнно! Ибо и отраженіе
христіанства и бунтующіе противъ него, въ существѣ
и того-же самаго Христова облика суть, таковыми-ж
и, ибо до сихъ поръ ни мудрость ихъ, ни жаръ си-
лы въ силахъ были создать иного высшаго образа чѣмъ
образу его, какъ образъ, указанный древле Христъ
въ было попытокъ, то выходили одни лишь уродливости.
Или сіе особенно, юный, ибо въ міръ назначаешься отъ
отца старцемъ твоимъ. Можетъ, вспоминая сей день великій, по-
думашь и словъ моихъ, ради сердечнаго тебѣ напутствія дан-
наго, ибо младъ еси, а соблазны въ мірѣ тяжелые и не твоимъ
умомъ вывести ихъ. Ну, теперь ступай, сирота.

Съ этимъ словомъ отецъ Паясій благословилъ его. Выходя
изъ монастыря и обдумывая всѣ эти внезапныя слова, Алеша
уже понялъ, что въ этомъ строгомъ и суровомъ доселѣ къ
нему монахѣ онъ встрѣчаетъ теперь новаго неожиданнаго друга
горячо любящаго его новаго руководителя, — точно какъ-бы
отецъ Зосима завѣщалъ ему его, умирая. «А, можетъ быть,
и оно впрямь между ними произошло», подумалъ вдругъ
Алеша. Неожиданное-же и ученое разсужденіе его, которое онъ
доселъ выслушалъ, именно это, а не другое какое-нибудь, сви-
дѣтельствовало лишь о горячности сердца отца Паясія: онъ уже
думалъ какъ можно скорѣе вооружить юный умъ для борьбы
съ соблазнами и огородить юную душу, ему завѣщанную, огра-
дой какой крѣпче и самъ не могъ представить себѣ.

II.

У О Т Ц А.

Всего Алеша пошелъ къ отцу. Подходя, онъ вспо-
мнилъ, что отецъ очень настаивалъ наканунѣ, чтобъ онъ какъ
чуждъ потихоньку отъ брата Ивана. «Почему-жь? подумай
теперь Алеша. Если отецъ хочетъ что нибудь мнѣ

СОЧИНЕНІЯ Ф. М. ДОСТОЙВСКАГО.

Потяхоньку, то зачѣмъ-же мнѣ входить въ комнату? Онъ вчера въ волненіи хотѣлъ что-то сказать, да не успѣлъ», рѣшилъ онъ. Тѣмъ не менѣе очень давно отпорившая ему калитку Марѳа Игнатьевна (Григорьевна, расхворалась и лежала во флигелѣ) сообщила ему вопросъ, что Иванъ Ѳедоровичъ уже два часа какъ вышелъ.

— А батюшка?

— Всталъ, кофе кушаетъ, какъ-то сухо отвѣтила Марѳа Игнатьевна.

Алеина вошелъ. Старикъ сидѣлъ одинъ за столомъ, въ фляжѣ и въ старомъ пальтишкѣ, и просматривалъ для развлеченія, безъ большого однако вниманія, какіе-то счета. Онъ былъ одинъ во всемъ домѣ (Смердяковъ тоже ушелъ за прогулкой къ обѣду). Но не счета его занимали. Хотя онъ и всталъ утромъ рано съ постели и бодрился, а видъ всетаки имѣлъ усталый и слабый. Лобъ его, на которомъ за ночь разрослись огромныя багровыя подтеки, обвязанъ былъ краснымъ платкомъ. Въ тоже за ночь сильно припухъ и на немъ тоже образовалось сколько хотъ и незначительныхъ подтековъ пятнами, но рѣшительно придавшихъ всему лицу какой-то особенно злобный раздраженный видъ. Старикъ зналъ про это самъ и недружелюбно поглядывалъ на входившаго Алешу.

— Кофе холодный, крикнулъ онъ рѣзко, — не подчуждывай братъ, самъ сегодня на одной постной ухѣ сижу и никого приглашаю. Зачѣмъ пожаловалъ?

— Узнать о вашемъ здоровьѣ, проговорилъ Алеша.

— Да. И кромѣ того, я тебѣ вчера самъ велѣлъ приходить. Вадоръ все это. Напрасно изволилъ потревожиться. Я въпрочемъ, и зналъ, что ты тотчасъ притащившись...

Онъ проговорилъ это съ самымъ непріязненнымъ чувствомъ. Тѣмъ временемъ всталъ съ мѣста и озабоченно посмотрѣлъ въ зеркало (можетъ быть, въ сороковой разъ съ утра) на свой лобъ. Началъ тоже прилаживать по красивѣе на лбу свой красный платокъ.

— Красный-то лучше, а въ бѣломъ на больницѣ почитаютъ сенсационно замѣтилъ онъ. — Ну, что тамъ у тебя? Что у старецъ?

— Ему очень худо, онъ, можетъ быть, сегодня умретъ, отвѣтилъ Алеина, но отецъ даже и не разслышалъ, да и вопросъ не слыхалъ.

— Иванъ ушелъ, сказалъ онъ вдругъ.—Онъ у Миши

БРАТІЯ КАРАМАЗОВЫ.

онъ свѣтъ невѣсту его отбѣваетъ, для того здѣсь и живе.

— Обавилъ онъ злобно и, скрививъ ротъ, посмотрѣлъ на Алешу.

— Неужто-жь онъ вамъ самъ такъ сказалъ? спросилъ Алеша.

— Да и давно еще сказалъ. Какъ ты думаешь: недѣли съ... какъ сказалъ. Не зарѣзать-же меня тайкомъ и онъ прѣхалъ за? Для чего-нибудь да прѣхалъ-же?

— Что вы! Чего вы это такъ говорите? смутился ужасно Алеша.

— Денегъ онъ не проситъ, правда, а все-же отъ меня она не получаютъ. Я, малѣйшій Алексѣй Федоровичъ, но дольше на свѣтѣ намѣренъ прожить, было-бы известно, а потому мнѣ каждая копейка нужна, и чѣмъ у жить, тѣмъ она будетъ нужнѣе, продолжалъ онъ, пока стоялъ изъ угла въ уголь, держа руки по карманамъ своего, засаленнаго, изъ желтой лѣтной коломянки, пальто.

— Теперь я пока всетаки мужчина, пятьдесятъ пять всего, но я хочу еще лѣтъ двадцать на ливнѣ мужчины состоять, такъ вѣдь составлюсь — поганъ стану, не пойдутъ онѣ ко мнѣ тогда доброю волей, ну вотъ тутъ-то денежки мнѣ и понадобятся. Такъ вотъ я теперь и подкапливаю все побольше, да побольше, для одного сына-сь, милый сынъ мой Алексѣй Федоровичъ, было-бы вамъ известно, потому что я въ сквернѣ моей до конца хочу прожить, но-бы вамъ это известно. Въ сквернѣ-то слаще: всѣ ее ругаютъ, всѣ въ ней живутъ, только всѣ тайкомъ, а я открыто. Вотъ за это судушнѣе-то это мое на меня всѣ сквернавцы и накинулись. Въ рай твой, Алексѣй Федоровичъ, я не хочу, это было-бы тебѣ известно, да порядочному человѣку оно даже въ рай-то твой и прилично, если даже тамъ и есть онъ. По моему, заснулъ и не проснулся, и нѣтъ ничего, поминайте меня коли хотите, а не хотите, такъ и чортъ васъ дерн. Вотъ моя философія. Вчера онъ здѣсь хорошо говорилъ, хотя и были мы всѣ пьяны. Онъ хвастунъ, да и никакой у него такой учености нѣтъ... да и образованія даже нѣтъ никакого, молчитъ, да усмѣхнется на тебя молча,—вотъ на чемъ только и выѣзжаетъ.

Алеша его слушалъ и молчалъ.

— Зачѣмъ онъ не говорить со мной? А и говорить такъ хочется; подлець твой Иванъ! А на Грушкѣ сейчасъ женюсь, захочу. Потому что съ деньгами стоить только захотѣть-Алексѣй Федоровичъ, все и будетъ. Вотъ Иванъ-то этого и боится и сторожитъ меня, чтобъ я не женился, а для алкаваетъ Митьку, чтобы тотъ на Грушкѣ женился: та-

кимъ образомъ хочеть и меня отъ Грушки уберечь (буду ему денегъ оставляю, если на Грушкѣ не женюсь!), а съ стороны, если Митька на Грушкѣ женится, такъ Иванъ вѣсту богатую себѣ возьметъ, вотъ у него рассчитаю Подлеца твой Иванъ!

— Какъ вы раздражительны. Это вы со вчерашняго; бы вы да легли, сказалъ Алеша.

— Вотъ ты говоришь это, вдругъ замѣтилъ старикъ; это ему въ первый разъ только въ голову вошло,—го а я на тебя не сержусь, а на Ивана, если-бъ онъ а самое сказалъ, я-бы разсердился. Съ тобой только бываю у меня добренькія минутки, а то я вѣдь а ловѣкъ.

— Не злой вы человекъ, а исковерканный, улынулся

— Слушай, я разбойника Митьку хотѣлъ сегодня б садить, да и теперь еще не знаю какъ рѣшу. Конечно, перешнее модное время принято отцовъ да матерей за судокъ считать, но вѣдь по законамъ-то, кажется, и в время не позволено стариковъ отцовъ за волосы таскать рожѣ каблуками на полу бить, въ ихъ собственномъ а похваляться придти и совсѣмъ убить—все при свидѣте: Я-бы, если-бы захотѣлъ, скрючилъ его и могъ-бы за нее сейчасъ засадить.

— Такъ вы не хотите жаловаться, нѣтъ?

— Иванъ отговорилъ. Я-бы наплевалъ на Ивана, а одну штуку знаю...

И, нагнувшись въ Алешѣ, онъ продолжалъ конфиденнымъ полупшепотомъ.

— Засади я его, подлеца, она услышитъ, что я е дилъ и тотчасъ къ нему побѣжитъ. А услышитъ, если что тотъ меня до полусмерти, слабаго старика, избилъ пожалуй, броситъ его, да ко мнѣ придетъ навѣстять. вѣдь мы какими характерами одарены—только чтобы и тивъ дѣлать. Я ее насквозь знаю! А что, коньячку не в Возьми-ка кофейку холодненькаго, да я тебѣ и прилью рюмочки, хорошо это, братъ. для вкуса.

— Нѣтъ, не надо, благодарю. Вотъ этотъ хлѣбецъ съ собой, коли дадите, сказалъ Алеша, и, взявъ трехко французскую булку, положилъ ее въ карманъ подряс коньяку и вамъ-бы не пить, опасно посоветовалъ он: дываясь въ лицо старика.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

— Правда твоя, раздражаетъ, а покою не даетъ. А въ
одно одну рюмочку... Я вѣдь изъ шкапика...

Онъ отворилъ ключемъ «шкапикъ», налилъ рюмочку, вы-
пилъ, потомъ шкапикъ заперъ и ключъ опять въ карманъ по-
ложилъ.

— И довольно, съ рюмки не околѣю.

— Вотъ вы теперь и добрее стали, улыбнулся Алеша.

— Гм! Я тебя и безъ коньяку люблю, а съ подлецами и

еще. Вавька не ѣдетъ въ Чермашню — почему? Шпюнт...

... много-ль я Грушенекѣ дамъ, коли она придетъ. В

ы! Да я Ивана не признаю совсѣмъ, не знаю я его с

уда такой появился! Не наша совсѣмъ душа. И точн

оставлю? Да я и завѣщанія-то не оставляю, было-бы

о известно. А Митьку я раздавлю какъ таракана. Я ч

т таракановъ ночью туфлей давлю: такъ я щелкнетъ ка

лупишь. Щелкнетъ и Митька твой. Твой Митька, потому ч

то любишь. Вотъ ты его любишь, а я не боюсь, что ты

любишь. А кабы Иванъ его любилъ, я-бы за себя боялся

е, что онъ его любить. Но Иванъ никого не любить, Иванъ

нашъ человекъ, эти люди, какъ Иванъ, это, братъ, не наши

и, это пыль поднявшаяся... Подуетъ вѣтеръ и пыль прой-

... Вчера было глупость мнѣ въ голову пришла, когда я

и на сегодня велѣлъ приходить; хотѣлъ было я черезъ тебя

ить на счетъ Митьки-то, если-бъ ему тысячку, ну другую,

и теперь отсчиталъ, согласился-ли-бы онъ, нищій и мерза-

рь, отселева убраться совсѣмъ, лѣтъ на пять, а лучше на

идать пять, да безъ Грушки, и уже отъ нея совсѣмъ отка-

лся, а?

— Я... я спрошу его... пробормоталъ Алеша. — Если всѣ три
мича, такъ, можетъ быть, онъ...

— Врешь! Не надо теперь спрашивать, ничего не надо! Я
думалъ. Это вчера глупость въ башку мнѣ сглупу влѣзла.

ого не дамъ, ничевошеньки, мнѣ денежки мои нужны са-

и, замахалъ рукою старикъ. Я его и безъ того, какъ тара-

и раздавлю. Ничего не говори ему, а то еще будетъ надѣяться.

я тебѣ совсѣмъ нечего у меня дѣлать, ступай-ка. Невѣста-

ва, Катерина-то Ивановна, которую онъ такъ тшательно отъ

се время пряталъ, за него идетъ али нѣтъ? Ты вчера хо-

лъ ней, важется?

Она его ни за что не хочетъ оставить.

Вотъ такихъ-то эти нѣжныя барышни и любятъ, бутилъ

да подлеповы! Дрянъ, я тебѣ скажу, эти барышни блѣдныя; тебѣ дѣло... Ну! кабы мнѣ его молодость, да тогдашнее мое лицо, да тому что я лучше его былъ собой въ двадцать восемь-то лѣтъ, такъ я-бы точно также какъ и онъ побѣждалъ. Каналья онъ Грушеньку всегавя не получитъ-съ, не получитъ-съ... Въ гробъ обращу!

Онъ снова разсвирѣпѣлъ съ послѣднихъ словъ.

— Ступай и ты, нечего тебѣ у меня дѣлать сегодня, рѣшительно отрѣзалъ онъ.

Алеша подошелъ проститься и поцѣловалъ его въ плечо.

— Ты чего это? удивился немного старикъ.—Еще увидимся вѣдь. Аль думаешь не увидимся?

— Совсѣмъ нѣтъ, я только такъ, нечаянно.

— Да ничего и я, и я только такъ... глядѣлъ на него старикъ.—Слышь ты, слышь, крикнулъ онъ ему вслѣдъ,—приходи когда-нибудь поскорѣй, и на уху, уху сварю, особенную, негодняшнюю, непременно приходи! Да завтра, слышишь, завтра приходи!

И только что Алеша вышелъ за дверь, подошелъ опять шкапикъ и хлопнулъ еще полрюмочки.

— Больше не буду! пробормоталъ онъ, крикнувъ, опять перъ шкапикъ, опять положилъ ключъ въ карманъ, затѣмъ пошелъ въ спальню, въ безсиліи прилегъ на постель и въ одинъ мигъ заснулъ.

III.

Связался со школьниками.

«Слава Богу, что онъ меня про Грушеньку не спросилъ», думалъ въ свою очередь Алеша, выходя отъ отца и направляясь въ домъ г-жи Хохлаковой, «а то-бы пришлось, пожалуй, про рашню вѣстрѣчу съ Грушенькой разсказать». Алеша больно чувствовалъ, что за ночь бойцы собрались съ новыми силами сердца ихъ съ наступившимъ днемъ опять окаменѣли: «Онъ раздраженъ и золъ, онъ выдумалъ что-то и сталъ на томъ; а Дмитрій? Тотъ тоже за ночь укрѣпился, тоже надо быть, раздраженъ и золъ, и тоже что-нибудь, конечно, надумалъ... О, мнѣ надо сегодня его успѣть розыскать во что-бы ни ст

Но Алешѣ не удалось долго думать: съ нимъ вдругъ слу

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

орогой одно провѣщствіе, на видъ хоть и не очень важно, сильно его поразившее. Какъ только онъ прошелъ площадь, вернулся въ переулокъ, чтобы выйти въ Михайловскую улицу (параллельную Большой, но отдѣляющуюся отъ нея лишь канавкой, по которой городъ нашъ пронизанъ канавками), онъ увидѣлъ въ средѣ мостикомъ маленькую кучку школьничковъ, все мальчишекъ дѣтокъ, отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ не больше. Исходясь по домамъ изъ класса со своими ранчиками, сумками, другіе съ кожаными мѣшечками на ремняхъ черными просто въ курточкахъ, другіе въ пальтишкахъ, а несовсѣмъ сапогахъ со складками на голенищахъ, въ школу они любили шеголять маленькія дѣтки, которыхъ баловали точные отцы. Вся группа оживленно о чемъ-то толковала, шумно, совѣщалась. Алеша никогда не могъ безучастно проходить мимо ребятковъ, въ Москвѣ тоже это бывало съ нимъ, и онъ больше всего любилъ трехлѣтнихъ дѣтей или около того. Школьнички лѣтъ десяти, одиннадцати ему очень нравились. А потому какъ ни озабоченъ онъ былъ теперь, но ему вдругъ захотѣлось свернуть къ нимъ и вступить въ разговоръ. Подходя, онъ глядывался въ ихъ румяныя, оживленные личики и вдругъ увидѣлъ, что у всѣхъ мальчишковъ было въ рукахъ по камню, у другихъ такъ по два. За канавкой-же, примѣрно въ шагахъ тридцати отъ группы, стоялъ у забора и еще мальчикъ, тоже школьничекъ, тоже съ мѣшечкомъ на боку, по росту лѣтъ десяти не больше или же меньше того, — блѣдненькій, болѣзненный и со сверкавшими черными глазками. Онъ внимательно и пытливо наблюдалъ группу дѣтей школьничковъ, очевидно, его-же товарищей, съ нихъ-же выходящихъ сейчасъ изъ школы, но съ которыми онъ видимо былъ въ враждѣ. Алеша подошелъ и, обратясь къ одному курчавому, влокурому, румяному мальчику въ черной курточкѣ, замѣтилъ глядѣвъ его:

— Когда я носилъ вотъ такой какъ у васъ мѣшочекъ, такъ насъ носили на лѣвомъ боку, чтобы правою рукой тотчасъ хватать; а у васъ вашъ мѣшокъ на правомъ боку, важъ неловко хватать.

Алеша безо всякой предумышленной хитрости началъ прямо въ этого дѣловаго замѣчаніа а между тѣмъ взрослому и нельзя было иначе, если надо войти прямо въ довѣренность ребенка, и надо цѣлой группой дѣтей. Надо именно начинать серьезно и такъ, чтобы было совсѣмъ на ровной ногѣ; Алеша это инстинктомъ.

— Да он лѣвша, отвѣтилъ тотчасъ-же другой мальчикъ молодцоватый и здоровый, лѣтъ одиннадцати. Всѣ остальные мальчишковъ уперлись глазами въ Алешу.

— Онъ и камни лѣвшой бросаетъ, замѣтилъ третій мальчикъ. Въ это мгновеніе въ группу какъ разъ влетѣлъ камень, задевъ слегка мальчика-лѣвшу, но пролетѣлъ мимо, хотя пущенъ былъ ловко и энергически. Пустилъ-же его мальчикъ за канавкой.

— Луни его, сажай въ него, Смуровъ! закричали всѣ. Смуровъ (лѣвша) и безъ того не заставилъ ждать себя и тотчасъ отплатилъ: онъ бросилъ камень въ мальчика за канавкой, но неудачно: камень ударился въ землю. Мальчикъ за канавкой тотчасъ-же пустилъ еще въ группу камень, на этотъ разъ прямо въ Алешу и довольно больно ударилъ его въ плечо. У мальчика за канавкой весь карманъ былъ полонъ заготовленными камнями. Это видно было за тридцать шаговъ по отдувшимся карманамъ его пальтишка.

— Это онъ въ васъ, въ васъ, онъ нарочно въ васъ мѣтилъ! Вѣдь вы Карамазовъ, Карамазовъ? закричали, хохоча, мальчишки. Ну, всѣ разомъ въ него, нали!

И шесть камней разомъ вылетѣли изъ группы. Одинъ угодила мальчику въ голову и тотъ уналъ, но мигомъ вскочилъ и съ остервенѣніемъ началъ отвѣчать въ группу камнями. Съ обѣихъ сторонъ началась непрерывная перестрѣлка, у многихъ въ группѣ тоже оказались въ карманѣ заготовленные камни.

— Что вы это! Не стыдно-ли, господа! Шестеро на одного, вы убьете его! закричалъ Алеша.

Онъ выскочилъ и сталъ на встрѣчу летящимъ камнямъ, чтобъ загородить собою мальчика за канавкой. Трое или четверо минутку унялись.

— Онъ самъ первый началъ! закричалъ мальчикъ въ красной рубашкѣ раздраженнымъ дѣтскимъ голосомъ, — онъ водилъ онъ давеча въ классѣ Красоткина перочиннымъ ножикомъ вынулъ, кровь потекла. Красоткинъ только фискалить не хотѣлъ, этого надо избить...

— Да за что? Вы вѣрно сами его дразните?

— А вотъ онъ опять вамъ камень въ спину прислалъ. Онъ васъ знаетъ, закричали дѣти.— Это онъ въ васъ теперь видаетъ а не въ насъ. Ну, всѣ, опять въ него, не промахивайся, Смуровъ!

И опять началась перестрѣлка, на этотъ разъ очень замѣтно. Мальчику за канавкой ударило камнемъ въ грудь; онъ унулъ, заплакалъ и побѣжалъ вверхъ въ гору, на Мих

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

то улицу. Въ группѣ загадѣли: «Ага, струсилъ, бѣжалъ, и тика!»

— Вы еще не знаете, Карамазовъ, какой онъ подлый, его чуть мало, повторилъ мальчикъ въ куртучкѣ, съ горящими глазами, старше всѣхъ, повидному.

— А какой онъ? спросилъ Алеша.—Фискалъ, что-ли? Мальчички переглянулись какъ будто съ усмѣшкой.

— Вы туда-же идете, въ Михайловскую? продолжалъ мальчикъ.—Такъ вотъ догоните-ка его... Вонъ, видите, явился опять, ждетъ и на васъ глядитъ.

— На васъ глядитъ, на васъ глядитъ! подхватилъ

— Такъ вотъ и спросите его, любитъ-ли онъ бляку, растрепанную. Слышите, такъ и спросите.

Раздался общій хохотъ. Алеша смотрѣлъ на нихъ, а не него.

— Не ходите, онъ васъ зашибетъ, закричалъ предупредительно Смуровъ.

— Господа, я его спрашивать о мочалкѣ не буду, потому что вы вѣрно его этимъ какъ-нибудь дразните, но я узнаю не него, за что вы его такъ ненавидите...

— Узнайте-ка, узнайте-ка, засмѣялись мальчики.

Алеша перешелъ мостикъ и пошелъ въ горку мимо забора мимо къ опальному мальчику.

— Смотрите, кричали ему вслѣдъ предупредительно, — онъ съ не побойтса, онъ вдругъ пырнетъ, изподтишка... какъ расоткина.

Мальчикъ ждалъ его, не двигаясь съ мѣста. Подойдя совсѣмъ Алеша увидѣлъ предъ собою ребенка не болѣе девяти лѣтъ отъ году, изъ слабыхъ и малорослыхъ, съ блѣдненькимъ, худенькимъ продолговатымъ личкомъ, съ большими, темными и злобно потрѣвшими на него глазами. Одѣтъ онъ былъ въ довольно стхін старенькій пальтишко, изъ котораго уродливо выросъ бѣлая руки торчали изъ рукавовъ. На правомъ колѣнкѣ панталонъ была большая заплатка, а на правомъ сапогѣ, на носкѣ былъ большой палець, большая дырка, видно что сильно замаранная чернилами. Въ оба отдувшіеся карманка его пальто набраны камни. Алеша остановился предъ нимъ въ двухъ шагахъ, вопросительно смотря на него. Мальчикъ, дождавшись, по глазамъ Алешы, что тотъ его бить не хочетъ, пошелъ къ куражу и самъ даже заговорилъ:

— а ихъ шесть... Я ихъ всѣхъ перебью е
 (вдругъ, сверкнувъ глазами.

— Васъ одинъ камень должно быть очень больно уд
 замѣтилъ Алеша.

— А я Смурову въ голову поцалъ! вскрикнулъ мальч

— Она мнѣ тамъ сказала, что вы меня знаете и за
 въ меня камень бросила? спросилъ Алеша.

Мальчикъ мрачно посмотрѣлъ на него.

— Я васъ не знаю. Развѣ вы меня знаете? допраш
 Алеша.

— Не приставайте! вдругъ раздражительно вскрикнулъ
 чикъ, самъ, однако-жь, не двигаясь съ мѣста, какъ-би
 чего-то выжидая и опять злобно засверкавъ глазами.

— Хорошо, я пойду, сказалъ Алеша — только я ва
 знаю и не дразню. Они мнѣ сказали, какъ васъ дразнят
 я васъ не хочу дразнить, прощайте!

— Монахъ въ гарнитуровыхъ штанахъ! кривнулъ маль
 все тѣмъ же злобнымъ и вызывающимъ взглядомъ слѣ
 Алешей, да встать и вставъ въ позу, разсчитывая, что
 непременно бросится на него теперь, но Алеша повер
 поглядѣлъ на него и пошелъ прочь. Но не успѣлъ онъ с
 и трехъ шаговъ, какъ въ спину его больно ударился пуш
 мальчикомъ самый большой булыжникъ, который только
 у него въ карманѣ.

— Такъ вы сзади? Они правду, стало быть, говорятъ про
 что вы нападаете изподтишка? обернулся опять Алеша, и
 этотъ разъ мальчишка съ остервенѣніемъ опять пусти
 Алешу камнемъ и уже прямо въ лицо, но Алеша успѣлъ
 ниться во время и камень ударилъ его въ локоть.

— Какъ вамъ не стыдно! Что я вамъ сдѣлалъ? вскр
 онъ.

Мальчикъ молча и задорно ждалъ лишь одного, что во
 перь Алеша ужъ несомнѣнно на него бросится; видя-же, что
 даже и теперь не бросается, совершенно озявъ какъ звѣрь
 онъ сорвался съ мѣста и кинулся самъ на Алешу, и не у
 тотъ шевельнуться, какъ злой мальчишка, нагнувъ голо
 схвативъ обѣими руками его лѣвую руку, больно укусил
 средній ея палецъ. Онъ впился въ него зубами и секундъ
 не выпускалъ его. Алеша закричалъ отъ боли, дергая из
 силы палецъ. Мальчикъ выпустилъ его, наконецъ, и отскочи
 прежнюю дистанцію. Палецъ былъ больно прокушенъ, у с

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

глубоко, до кости; полилась кровь, Алеша вычуть платок и обернулъ въ него раненую руку. Обертывъ, онъ почти въ минуту. Мальчишка все это время стоялъ и плакалъ. Наконецъ, Алеша подвядъ на него свой тихій взоръ.

— Ну, хорошо, сказалъ онъ, — видите, какъ вы меня больно ши, ну и довольно вѣдь, такъ-ли? Теперь скажите что я вамъ сдѣлалъ?

Мальчикъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ.

— Я хотъ васъ совсѣмъ не знаю и въ первый разъ вижу, — спокойно продолжалъ Алеша, — но не можетъ быть, чтобы ничего не сдѣлалъ, — не стали бы вы меня такъ любить. Такъ что же я сдѣлалъ и чѣмъ я виноватъ предъ вами?

Вместо отвѣта мальчикъ вдругъ громко заплакалъ, въ голосъ и рывъ побѣжалъ отъ Алеши. Алеша пошелъ тихо вслѣдъ. Онъ пошелъ на Михайловскую улицу и долго еще видѣлъ онъ, какъ мальчикъ вдали, не умаляя шагу, не оглядываясь и плача все также въ голосъ плача. Онъ положилъ непременно, что только найдется время, розыскать его и разъяснить эту случайно поразившую его загадку. Теперь же ему было нечего думать.

IV.

У Хохлаковыхъ.

Утромъ подошелъ онъ къ дому госпожи Хохлаковой, къ дому большому, собственному, двухэтажному, красивому, изъ лучшихъ домовъ въ нашемъ городкѣ. Хотя госпожа Хохлакова провела большую часть въ другой губерніи, гдѣ имѣла помѣстье, въ Москвѣ, гдѣ имѣла собственный домъ, но и въ нашемъ городкѣ у нея былъ свой домъ, доставшійся отъ отцовъ и дѣдушки. Да и помѣстье ея, которое имѣла она въ нашемъ уѣздѣ, самое большое изъ всѣхъ трехъ ея помѣстій, а между тѣмъ она жила она доселѣ въ нашу губернію весьма рѣдко. Она выехала къ Алешѣ еще въ прихожую.

— Получили, получили письмо о новомъ чудѣ? быстро, нервно спросила она.

— Получилъ.

— Спространили, показали всѣмъ? Онъ матеря сына воз-

— Онъ сегодня умретъ, сказалъ Алеша.

Слышала, знаю, о, какъ я желаю съ вами говорить, или съ кѣмъ-нибудь обо всемъ этомъ. Нѣтъ, съ кѣмъ вами! И какъ жаль, что мнѣ никакъ нельзя его видѣть! городъ возбужденъ, всё въ ожиданіи. Но теперь... знаете ли у насъ теперь сидитъ Катерина Ивановна?

— Ахъ, это счастливо! воскликнулъ Алеша.— Вотъ и вы увидите у насъ, она вчера велѣла мнѣ непремѣнно съ ней сегодня.

— Я все знаю, все знаю. Я слышала все до подробностей, что было у ней вчера... и обо всѣхъ этихъ ужасахъ этой... тварью. *C'est tragique* и я-бы на ее мѣстѣ,—я не знаю, что-бы я сдѣлала на ее мѣстѣ! Но и братъ-то вашъ, Дмитрій Федоровичъ вашъ, каковъ — о, Боже Алексѣй Федоровичъ сбиваюсь, представьте: тамъ теперь сидитъ вашъ братъ, но не тотъ, не ужасный вчерашній, а другой, Иванъ Федоровичъ сидитъ и съ ней говоритъ: разговоръ у нихъ торжественный. И если-бы вы только повѣрили, что между ними теперь и ходитъ,—то это ужасно, это я вамъ скажу надрывѣть, это ужасная сказка, которой повѣрить ни за что нельзя: оба губятъ, неизвестно для чего, сами знаютъ про это и сами наслаждаются этимъ. Я васъ ждала! Я васъ жаждала! Я, главное, этого вести не могу. Я сейчасъ вамъ все расскажу, но теперь и это уже самое главное, — ахъ, вѣдь я даже и забыла, что это мое главное: Скажите, почему съ Лизе истерика? Только что услышала, что вы подходите, и съ ней тотчасъ-же началась истерика!

— Маша, это съ вами теперь истерика, а не со мной, — шепеталъ вдругъ въ щелочку голосокъ Лизе изъ боковой комнаты. Щелочка была самая маленькая, а голосокъ надрывчатый, въ точь такой, когда ужасно хочется засмѣяться, но изъ страха перемогаешь смѣхъ. Алеша тотчасъ-же замѣтилъ эту щелочку и навѣрно Лизе со своихъ креселъ на него изъ угла глядывала, но этого ужъ онъ разглядѣть не могъ.

— Не мудрено, Лизе, не мудрено... отъ твоихъ-же креселъ и со мной истерика будетъ, а впрочемъ, она такъ больна, и съ Дмитріемъ Федоровичемъ, она всю ночь была такъ больна, въ жару была! Я насилу дождалась утра и Герценштубе. Онъ говоритъ, что ничего не можетъ понять и что надо обождать. Этотъ Герценштубе всегда придетъ и говоритъ, что ничего не можетъ понять. Какъ только вы подошли къ дому, она вскрикнула!

случился припадокъ, и приказала себя сюда въ свою прежнюю комнату перевезть...

— Мама, я совсѣмъ не знала, что онъ подходитъ, и вовсе не хотѣла въ эту комнату захотѣла переѣхать.

— Это ужь неправда, Lise, тебѣ Юлія прибѣжала сказать, что Фёдоровичъ идетъ, она у тебя на сторожахъ стояла.

— Милый голубчикъ мама, это ужасно не остроумно съ вашей стороны. А если хотите поправиться и сказать сейчасъ что-нибудь очень умное, то скажите, милая мама, милостивому моему вошедшему Алексѣю Фёдоровичу, что онъ уже доказалъ, что не обладаетъ остроуміемъ, что рѣчь въ намъ сегодня послѣ вчерашняго и не смотря на то надъ нимъ смѣются.

— Lise, ты слишкомъ много себѣ позволяешь и увѣряю тебя, наконецъ прибѣгну къ мѣрамъ строгости. Кто-жъ надъ нимъ смѣется, я такъ рада, что онъ пришелъ, онъ мнѣ нуженъ, онъ мнѣ необходимъ. Охъ, Алексѣй Фёдоровичъ, я чрезвычайно рада!

— Да что-жъ такое съ вами, мама-голубчикъ?

— Ахъ, эти твои капризы, Lise, непостоянство, твоя болтовня, эта ужасная ночь въ жару, этотъ ужасный и вѣчный приступъ, главное, вѣчный, вѣчный и вѣчный! И наконецъ, все... И наконецъ, даже это чудо! О, какъ поразило, какъ поразило меня это чудо, милый Алексѣй Фёдоровичъ! И тамъ эта комедія теперь въ гостиной, которую я не могу перенести, но я вамъ враніе объявляю, что не могу. Комедія, можетъ быть, а не трагедія. Скажите, старикъ Зосима еще проживетъ завтра, проживетъ? О, Боже мой! Что со мной дѣлается, я чувствую закрываю глаза и вижу, что все вздоръ, все вздоръ.

— Я-бы очень васъ попросилъ, перебилъ вдругъ Алеша, — мнѣ какую-нибудь чистую тряпочку, чтобы завязать палецъ. Я очень поранилъ его, и онъ у меня мучительно теперь болитъ.

— Алеша развернулъ свой укушенный палецъ. Платокъ былъ замаранъ кровью. Госпожа Хохлакова вскрикнула и зажала глаза.

— Боже, какая рана, это ужасно!

— Какъ только увидѣла въ шелку палецъ Алешки, тотсаго розмаха отворила дверь.

— Идите, войдите ко мнѣ сюда, настойчиво и повелительно она, — теперь ужь безъ глупостей! О, Господи, что-жъ

вы стояли и молчали такое время? Онъ могъ встечь мама! Гдѣ это вы, какъ это вы? Прежде всего воды, въ рану промыть, просто опустить въ холодную воду, что перестала и держать, все держать... Скорѣй, скорѣй возъ въ полоскательную чашку. Да скорѣе-же, нервно законч! Она была въ совершенномъ испугѣ; рана Алеши страш зила ее.

— Не послать-ли за Герценштубе? воскликнула бн пожа Хохлакова.

— Мама, вы меня убьете. Вашъ Герценштубе пр скажетъ что не можетъ понять! Воды, воды! Мама, р сходите сами, поторопите Юлію, которая гдѣ-то тамъ з никогда не можетъ скоро придти! Да скорѣе-же, мама, умру...

— Да это-жь пустяки! воскликнулъ Алеша, испугави испуга.

Юлія прибѣжала съ водой. Алеша опустилъ въ воду

— Мама, ради Бога принесите корпію, корпію и эт мутной воды для порѣзовъ, ну, какъ ее зовутъ! У н есть, есть... Мама, вы сами знаете гдѣ стеклянка, въ вашей въ шкапикѣ направо, тамъ большая стеклянка и

— Сейчавъ принесу все, Lise, только не кричи и койся. Видишь, какъ твердо Алексѣй Федоровичъ перенос несчаствіе. И гдѣ это вы такъ ужасно могли поранить себ сѣй Федоровичъ?

Г-жа Хохлакова поспѣшно вышла. Lise того только

— Прежде всего отвѣчайте на вопросъ, быстро за она Алешѣ:—гдѣ это вы такъ себя изволили поранит томъ ужъ я съ вами буду говорить совсѣмъ о другомъ

Алеша, истиннѣе всего чувствуя, что для нея время до шенія мамаша дорого, — поспѣшно, много выпустивъ тивъ, но однако точно и ясно, передалъ ей о загадочной своей со школьниками. Выслушавъ его, Lise всплеснула

— Ну можно-ли, можно-ли вамъ, да еще въ этомъ связываться съ мальчишками! гнѣвно вскричала она, кн даже имѣя какое-то право надъ нимъ,—да вы сами по мальчикъ, самый маленькій мальчикъ, какой только може Однако, вы непременно разузнайте мнѣ какъ-нибудь ш сквернаго мальчишку и мнѣ все расскажите, потому ч какой-то секретъ. Теперь второе, но прежде вопросъ? и вы, Алексѣй Федоровичъ, не смотря на страданіе отъ б

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

- ть о совершенныхъ пустякахъ, но говорить разсудительно?
- Совершенно могу, да и боля я такой уже теперь не чувствую.
- Это оттого, что вашъ палецъ въ водѣ. Ее нужно сейчасъ-переменить, потому что она мигомъ нагрѣется. Юлія, мигомъ носи кусокъ льду изъ погреба и новую полоскательную чашку водой. Ну, теперь она ушла, я о дѣлѣ: мигомъ, милый Алехандровичъ, извольте отдать мнѣ мое письмо, которое я писала вчера, — мигомъ, потому что сейчасъ можетъ и кончиться день, а я не хочу...
- Со мной нѣтъ письма.
- Неправда, оно съ вами. Я такъ и знала, что вы скрываете. Оно у васъ въ этомъ карманѣ. Я такъ рассказывалась вамъ, какъ глупой шуткѣ всю ночь. Воротите-же письмо сейчасъ, тут же!
- Оно тамъ осталось.
- Но вы не можете-же меня не считать за дѣвочку, за маленькую-маленькую дѣвочку, послѣ моего письма съ такою глупою шуткой! Я прошу у васъ прошенія за глупую шутку, но письмо непременно мнѣ принесите, если ужъ его нѣтъ у васъ въ карманѣ, — сегодня-же принесите, непременно, непременно!
- Сегодня никакъ нельзя, потому что я уйду въ монастырь и придетъ къ вамъ дня два—три, четыре, можетъ быть, потому что старецъ Зосима.
- Четыре дня, экой вздоръ! Послушайте, вы очень надо мной смѣялись?
- Я ни капли не смѣялся.
- Почему-же?
- Потому что я совершенно всему повѣрилъ.
- Вы меня оскорбляете!
- Нисколько. Я какъ прочелъ, то тотчасъ я подумалъ, что все и будетъ, потому что я, какъ только умретъ старецъ Зосима, сейчасъ долженъ буду выйти изъ монастыря. Затѣмъ, я буду продолжать курсъ и сдать экзаменъ, а какъ придетъ назначенный срокъ, мы и женимся. Я васъ буду любить. Хотѣлъ мнѣ когда было еще думать, но я подумалъ, что лучше васъ не найду, а мнѣ старецъ велитъ жениться...
- Вѣдь я уродъ, меня на креслахъ возятъ! засмѣялась рдѣвшимся на щекахъ румянцемъ.
- Я самъ буду въ креслѣ возить, но я увѣренъ, что вы и уроду выйдете.

— Но вы сумасшедшій, нервно проговорила Лиза, такой шутки и вдругъ вывели такой вздоръ!.. Ахъ, вотъ маша, можетъ быть, очень кстати. Мама, какъ вы всегда даете, можно-ли такъ долго! Вотъ ужь Юлія ледъ несетъ!

— Ахъ, Lise, не кричи, главное—ты не кричи. У жень этого крику... Что-жь дѣлать, коли ты сама корпію въ мѣсто засунула... Я искала, искала... Я подозреваю, что нарочно сдѣлала.

— Да вѣдь не могла-же я знать, что онъ придетъ съ шевнымъ пальцемъ, а то, можетъ быть, вправду нарочно-сдѣлала. Ангель, мама, вы начинаете говорить чрезвычайно умныя вещи.

— Пусть остроумныя, но какія чувства, Lise, на счетъ Алексѣя Федоровича и всего этого! Охъ, милый Алексѣй Фидичъ, меня убиваютъ не частности, не Герценштубе какой-н а все вмѣстѣ, все въ цѣломъ, вотъ чего я не могу выне

— Довольно, мама, довольно о Герценштубе, весело съ Лиза, — давайте-же скорѣй корпію, мама, и воду. Это просто цовая примочка, Алексѣй Федоровичъ, я теперь вспоминаю но это прекрасная примочка. Мама, вообразите себѣ, о мальчишкамъ дорогой подрался на улицѣ, и это мальчиш укусилъ, ну не маленький-ли, не маленький-ли онъ самъ вѣкъ, и можно-ли ему, мама, послѣ этого жениться, потомъ онъ, вообразите себѣ, онъ хочетъ жениться, мама. Предсе себѣ, что онъ женатъ, ну не смѣхъ-ли, не ужасно-ли это

И Lise все смѣялась своимъ нервнымъ мелкимъ смѣшкомъ каво смотря на Алешу.

— Ну, какъ-же жениться, Lise, и съ какой стати это, всѣмъ это тебѣ не кстати... тогда какъ этотъ мальчикъ, и быть, бѣшеный.

— Ахъ, мама! Развѣ бываютъ бѣшеные мальчики?

— Почему-жь не бываютъ, Lise, точно я глупость съ Вашего мальчика укусила бѣшеная собака и онъ сталъ бы мальчикъ и вотъ кого-нибудь и укуситъ около себя въ очередь. Какъ она вамъ хорошо перевязала, Алексѣй Федор я-бы никогда такъ не съумѣла. Чувствуете вы теперь б

— Теперь очень небольшую.

— А не боитесь-ли вы воды? спросила Lise.

— Ну, довольно, Lise, я, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ поспѣшно сказала про бѣшеного мальчика, а ты ужь соф вывела. Катерина Ивановна только что узнала, что вы пр

Алексій Федоровичъ, такъ и бросилась ко мнѣ, она васъ жаждетъ, идетъ.

— Ахъ, мама! Подите одна туда, а онъ не можетъ пойти сейчасъ, онъ слишкомъ страдаетъ.

— Совсѣмъ не страдаю, я очень могу пойти... сказалъ Алеша.

— Какъ! Вы уходите? Такъ-то вы? Такъ-то вы?

— Что-жь? Вѣдь я когда кончу тамъ, то опять приду и мы тутъ можемъ говорить сколько вамъ будетъ угодно. А мнѣ очень хотелось-бы видѣть поскорѣе Катерину Ивановну, потому что я ввсякомъ случаѣ очень хочу какъ можно скорѣе воротиться сюда въ монастырь.

— Мама, возьмите его и скорѣе уведите. Алексій Федоровичъ, трудитесь заходить ко мнѣ послѣ Катерины Ивановны, а ступайте прямо въ вашъ монастырь, туда вамъ и дорога! А я спать не могу, я всю ночь не спала.

— Ахъ, Lise, это только шутки съ твоей стороны, но что бы ты въ самомъ дѣлѣ заснула! воскликнула г-жа Хохлакова.

— Я не знаю чѣмъ я... Я останусь еще минуты три, если вы позволите, даже пять, пробормоталъ Алеша.

— Даже пять! Да уведите-же его скорѣе, мама, это монстръ!

— Lise, ты съума сошла. Уйдемте, Алексій Федоровичъ, она слишкомъ капризна сегодня, я ее раздражать боюсь. О, горе съ этой женщиной, Алексій Федоровичъ! А вѣдь въ самомъ дѣлѣ она можетъ быть, при васъ спать захотѣла. Какъ это вы такъ скоро нагнали на нее сонъ, и такъ это счастливо!

— Ахъ мама, какъ вы много стали говорить, цалую васъ, дочка, за это.

— И я тебя тоже, Lise. Послушайте. Алексій Федоровичъ, серьезно и важно, быстрымъ шепотомъ заговорила г-жа Хохлакова, уходя съ Алешей,—я вамъ ничего не хочу внушать, ни снимать этой завѣсы, но вы войдете и сами увидите все, что тутъ происходитъ, это ужасъ, это самая фантастическая комедія: она любитъ вашего брата Ивана Федоровича и увѣряетъ себя изъ страха слѣзъ, что любитъ вашего брата Дмитрія Федоровича. Это ясно! Я войду вмѣстѣ съ вами и, если не прогнать меня, буду съ конца.

V.

Надрывъ въ гостиной.

Но въ гостиной бесѣда уже оканчивалась: Катерина Ивановна была въ большомъ возбужденіи, хотя и имѣла видъ рѣшитель-

ный. Въ минуту когда вошли Алеша и г-жа Хохлакова Федоровичъ вставалъ чтобъ уходить. Лицо его было блѣдно и Алеша съ безпокойствомъ поглядѣлъ на него. томъ, что тутъ для Алеши разрыпалось теперь одно сомнѣній, одна безпокойная загадка, съ нѣкотораго вре мучившая. Еще съ мѣсяцъ назадъ ему уже нѣсколько съ разныхъ сторонъ, внушали, что братъ Иванъ любить Івановну и, главное, дѣйствительно намѣренъ «отбить» ее. До самаго послѣдняго времени это казалось Алешѣ чудовищно и безпокойло его очень. Онъ любилъ обоихъ братьевъ и страшился между ними такого соперничества. Между тѣмъ Дмитрій Федоровичъ вдругъ прямо объявилъ ему вчера, «радъ соперничеству брата Ивана и что это ему-же, Дмитрію, много поможетъ. Чему-же поможетъ? Жениться ему шенькъ? Но дѣло это считалъ Алеша отчаяннымъ и послѣднимъ. Кроме всего этого Алеша несомнѣнно вѣрилъ до самаго нынѣшняго вечера, что Катерина Ивановна сама до страсти любитъ брата его Дмитрія.—но лишь до вчерашняго вѣрилъ. Сверхъ того, ему почему-то все мерещилось, что можетъ любить такого, какъ Иванъ, а любить его брата и именно такимъ, какимъ онъ есть, не смотря на всю чуждость такой любви. Вчера же въ сценѣ съ Грушениной вдругъ какъ-бы померещилось иное. Слово «надрывъ» что произнесенное г-жей Хохлаковой, заставило его почтительно, потому что именно въ эту ночь, полупроснувшись съвѣтъ, онъ вдругъ, вѣроятно, отвѣчая своему сновидѣнію, несъ: «Надрывъ, надрывъ!» Снилось-же ему всю ночь въ сценѣ у Катерины Ивановны. Теперь вдругъ прямое и увѣреніе г-жи Хохлаковой, что Катерина Ивановна любитъ Ивана и только сама, нарочно, изъ какой-то игры, изъ «н. обманываетъ себя и сама себя мучитъ напускною любовью къ Дмитрію изъ какой-то будто-бы благодарности, — Алешу: «Да, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ полная именно въ этихъ словахъ!» Но въ такомъ случаѣ каково же положеніе брата Ивана? Алеша чувствовалъ какимъ-то томъ, что такому характеру, какъ Катерина Ивановна, и властвовать, а властвовать она могла-бы лишь надъ какъ Дмитріемъ, и отнюдь не надъ такимъ, какъ Иванъ Дмитрій только (положимъ, хоть въ долгій срокъ) смириться, наконецъ, предъ нею «къ своему-же счастью даже желалъ-бы Алеша), но Иванъ нѣтъ, Иванъ не

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

Ему смириться, да и смирение это не дало-бы в
тѣхъ. Такое ужь понятіе Алеша почечу-то невольно соск
въ себѣ объ Иванѣ. И вотъ всѣ эти колебанія и соображен
тотѣли и мелькнули въ его умѣ въ тотъ мигъ, когда
залъ теперь въ гостиную. Промелькнула и еще одна м
тъ и неудержимо: «А что, если она и никого не люби
ни другаго?» Замѣчу, что Алеша какъ-бы стыдился
къ мыслей и упрекалъ себя въ нихъ, когда онѣ
мѣсяцъ, случалось, приходили ему: «Ну, что я пон
ли и въ женщинахъ и какъ могу я заключать такі
съ упрекомъ себѣ думалъ онъ послѣ каждой подобн
ли или догадки. А между тѣмъ нельзя было не думать
малъ истинникомъ, что теперь, напримѣръ, въ судьбѣ дв
свѣтъ его это соперничество слишкомъ важный вопросъ и
раго слишкомъ много зависить. «Одинъ гадъ съѣстъ друг
му», произнесъ вчера братъ Иванъ, говоря въ раздраженн
отца и брата Дмитрія. Стало быть, братъ Дмитрій въ глазахъ
гадъ и, можетъ быть, давно уже гадъ? Не съ тѣхъ-ли поръ,
узналъ братъ Иванъ Катерину Ивановну? Слова эти, ко
но, вырвались у Ивана вчера невольно, но тѣмъ важнѣе, что
мно. Если такъ, то какой-же тутъ миръ? Не новые ли, на
тивъ, поводы къ ненависти и враждѣ въ ихъ семействахъ? А
вое, кого ему, Алешѣ, жалѣтъ? И что каждому пожелать?
любить ихъ обояхъ, но что каждому изъ нихъ пожелать
и такихъ страшныхъ противорѣчій? Въ этой путаницѣ можно
со всѣмъ потеряться, а сердце Алеша не могло выносить
вѣстности, потому что характеръ любви его былъ всегда
цѣльный. Любить пассивно онъ не могъ, возлюбивъ, онъ тот
же принимался и помогать. А для этого надо было поста
цѣль, надо твердо было знать что каждому изъ нихъ хо
и нужно, а утвердившись въ вѣрности цѣли—естественно
тому изъ нихъ и помочь. Но вмѣсто твердой цѣли во всемъ
лишь неясность и путаница. «Надрывъ» произнесено те
! Но что онъ могъ понять хотя-бы даже въ этомъ надрывѣ?
раго даже слова во всей этой путаницѣ онъ не понимаетъ!
Увидавъ Алешу, Катерина Ивановна быстро и съ радостью
шла Ивану Федоровичу, уже вставшему съ своего мѣста,

цѣль:

**минутку! Оставайтесь еще на одну минуту. Я хочу
нѣбнѣе вотъ этого человѣка, которому я всѣмъ суще
мъ доверяю. Катерина Осиповна, не уходите и вы,**

прибавила она, обращаясь къ г-жѣ Хохлаковой. Она у Алешу подлѣ себя, а Хохлакова сѣла напротивъ, рядомъ съ номъ Федоровичемъ.

— Здѣсь всѣ друзья мои, всѣ, кого я люблю въ мірѣ, друзья мои, горячо начала она голосомъ, въ которомъ д искреннія страдальческія слезы, и сердце Алеша опять повернулось къ ней. — Вы, Алексѣй Федоровичъ, вы были свидѣтелемъ этого... ужаса и видѣли, какова я была. Вы дали этого, Иванъ Федоровичъ, онъ видѣлъ. Что онъ обо мнѣ вчера — не знаю, знаю только одно, что повторился самое сегодня, сейчасъ, и я высказала-бы такія-же чувства вчера, — такія-же чувства, такія-же слова и такія-же движенія. Вы помните мои движенія, Алексѣй Федоровичъ, вы удержали меня въ одномъ изъ нихъ... (Говоря это, она покрывала глаза и засверкала). Объявляю вамъ, Алексѣй Федоровичъ, я не могу ни съ чѣмъ примириться. Слушайте, Алексѣй Федоровичъ, я даже не знаю, люблю-ли я его теперь. Онъ мнѣ жалокъ, это плохое свидѣтельство любви. Если-бъ я любила, продолжала любить, то я, можетъ быть, не жалѣла-бы его, а, напротивъ, ненавидѣла...

Голосъ ея задрожалъ и слезинки блеснули на ея рѣсн. Алеша вздрогнулъ внутри себя: эта дѣвушка правдива и все подумалъ онъ, — и... и она болѣе не любитъ Дмитрія!

— Это такъ! Такъ! воскликнула было г-жа Хохлакова.

— Подождите, милая Катерина Осиповна, я не сказала наго, не сказала окончательно, что рѣшила въ эту ночь. Я думаю, что, можетъ быть, рѣшеніе мое ужасно, — для не предчувствую, что я уже не переживу его ни за что, ни за всю жизнь мою, такъ и будетъ. Мой милый, мой добрый всегдашній и великодушный совѣтникъ и глубокій сердцемъ и единственный другъ мой, какого я только люблю въ мірѣ, Федоровичъ, одобряетъ меня во всемъ и хвалитъ мое рѣшеніе. Онъ его знаетъ.

— Да, я одобряю его, тихимъ, но твердымъ голосомъ сказала Иванъ Федоровичъ.

— Но я желаю, чтобъ и Алеша (ахъ, Алексѣй Федоровичъ, простите, что я васъ назвала Алешей просто), — я желаю, и Алексѣй Федоровичъ сказалъ мнѣ теперь же, при обоихъ друзьяхъ, — права я или нѣтъ? У меня инстинктивное предчувствіе, что вы, Алеша, братъ мой милый (потому что вы братъ мой милый), восторженно проговорила она опять, схвативъ его хол...

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

моею горячею рукой,—я предчувствую, что ваше рѣшеніе, добреніе, не смотря, на всѣ муки мои, подастъ мнѣ спокойнотому что послѣ вашихъ словъ я затихну и примирюсь,—предчувствую!

Я не знаю о чемъ вы спросите меня, выговорилъ съ блѣднымъ лицомъ Алеша,—я только знаю, что я васъ и васъ въ эту минуту счастья больше чѣмъ себя и я ничего не знаю въ этихъ дѣлахъ... вдругъ за мной онъ прибавить...

Въ этихъ дѣлахъ, Алексѣй Фёдоровичъ, въ этихъ дѣлахъ равное—честь и долгъ, и не знаю что еще, но нѣчто можетъ быть, высшее самаго долга. Мнѣ сердце сказало непреодолимое чувство и оно непреодолимо влечетъ меня речемъ, въ двухъ словахъ, я уже рѣшилась: Если даже всѣхъ на той... твари (начала она торжественно), которую я никогда простить не могу, то я *все-таки не оставляю его!* Ихъ поръ я уже никогда, никогда не оставляю его! произнесла какимъ-то надрывомъ какого-то блѣднаго, вымученнаго голоса. То есть не то, чтобъ я таскалась за нимъ, попадалась ему тно на глаза, мучила его, — о, нѣтъ, я уѣду въ другой куда хотите, но я всю жизнь, всю жизнь мою буду слѣдить за нимъ, не уставая. Когда же онъ станеть съ тою несчастною это непременно и сейчасъ-же будетъ, то пусть придетъ и онъ встрѣтитъ друга, сестру... Только сестру, конечно, изъ всѣхъ такъ, но онъ убѣдится, наконецъ, что эта сестра—истинно сестра его, любящая и всю жизнь ему пожертвуетъ. Я добьюсь того, я настою на томъ, что, наконецъ, онъ и меня и будетъ передавать мнѣ все не стыдясь! воскликнула какъ-бы въ изступленіи.—Я буду Богомъ его, кто-нибудь будетъ молиться,—и это, по меньшей мѣрѣ, онъ долженъ за измѣну свою и зато, что я перенесла черезъ него. И пусть-же онъ видитъ во всю жизнь свою, что я всю мою буду вѣрна ему и моему данному ему разъ слову, грѣя на то, что онъ былъ невѣренъ и измѣнилъ. Я буду... пусть лишь въ средство для его счастья (или какъ это), въ инструментъ, въ машину для его счастья, и это на всю жизнь, на всю жизнь, и чтобъ онъ видѣлъ это впередъ всю свою! Вотъ все мое рѣшеніе! Иванъ Фёдоровичъ въ высшемъ одобреньи одобряетъ меня.

и задыхалась. Она, можетъ быть, гораздо достойнѣе, и естественнѣе хотѣла-бы выразить свою мысль, но вышла

слишкомъ поспѣшно и слишкомъ обнажено. Много былъ людей невыдержки, многое отзывается лишь вчерашнимъ роженіемъ, потребностью погордиться, это она почувствовала. Лицо ея какъ то вдругъ омрачилось, выраженіе глазъ стало холодно. Алеша тотчасъ-же замѣтилъ все это и въ сердцѣ шевельнулось состраданіе. А тутъ какъ разъ подбавилъ и Иванъ.

— Я высказалъ только мою мысль, сказалъ онъ. — У меня другой вышло-бы все это надломлено, вымучено, а у васъ итъ. Другая была-бы неправда, а вы правы. Я не знаю, что мотивировать, но я вижу, что вы искренни въ высшей степени, а потому вы и правы...

— Но вѣдь это только въ эту минуту... А что такое минута? Всего лишь вчерашнее оскорбленіе, — вотъ что эта минута! не выдержала вдругъ г-жа Хохлакова, очевидно шалавинная вмѣшиваться, но не удержавшаяся и вдругъ съшая очень вѣрную мысль.

— Такъ, такъ, перебилъ Иванъ, съ какими-то вдругъ томъ и видимо озлясь, что его перебили, — такъ, но у другой минута лишь вчерашнее впечатлѣніе, и только минута, а с характеромъ Катерины Ивановны эта минута — протянется въ жизнь. Что для другихъ лишь обѣщаніе, то для нея вѣрный, тяжелый, угрюмый, можетъ быть, но неустанный долг! И она будетъ питаться чувствомъ этого исполненнаго долга въ жизни. Катерина Ивановна, будетъ проходить теперь въ дальнемомъ созерцаніи собственныхъ чувствъ, собственнаго вѣста и собственнаго горя, но впоследствии страданіе это чистея, и жизнь ваша обратится уже въ сладкое созерцаніе навсегда исполненнаго твердаго и гордаго замысла, дѣйствіе въ своемъ родѣ гордаго, во всякомъ случаѣ отчаяннаго, и обрѣденнаго вами, и это сознаніе доставитъ вамъ, наконецъ, полное удовлетвореніе и примиритъ васъ со всѣми остальными.

Проговорилъ онъ это рѣшительно съ какою-то злобой, и нарочно, и даже, можетъ быть, не желая скрыть своего іренія, то есть что говорить нарочно и въ насмѣшку.

— О, Боже, какъ это все не такъ! воскликнула опять Хохлакова.

— Алексѣй Федоровичъ, скажите-же вы? Мнѣ мучно надо знать, что вы мнѣ скажете! воскликнула Катерина Ивановна и вдругъ залилась слезами. Алеша всталъ съ дивана.

— Это ничего, ничего! съ плачемъ продолжала она, — вы

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

ства, отъ сегодняшней ночи, но подлѣ такихъ двухъ какъ вы и братъ вашъ, я еще чувствую себѣ крѣпкою... это знаю... вы оба меня никогда не оставите.

Бѣ несчастію, я завтра-же, можетъ быть, долженъ уѣхать въ Москву и надолго оставить васъ.. И это, къ несчастію моему... проговорилъ вдругъ Иванъ Федоровичъ.

Завтра, въ Москву! перокосилось вдругъ все лицо ея, — но... но Боже мой, какъ это счастливо! вскричала она въ мигъ совсѣмъ измѣнившимся голосомъ, и въ этотъ мигъ свои слезы, такъ что и слѣда не осталось.

Въ этотъ мигъ произошла въ ней удивительная перемена, которую замѣтила Алеша: вмѣсто плакавшей сейчасъ въ какомъ-то своемъ чувствѣ бѣдной оскорбленной дѣвушки, явилась женщина совершенно владѣющая собой и даже чѣмъ-то странно довольная, точно вдругъ чему-то обрадовавшаяся. Э, не то счастливо, что я васъ покидаю, ужь разумѣется, какъ-бы поправилась она вдругъ съ милою свѣтскою улыбкой другъ, какъ вы, не можетъ этого подумать; я слыша напротивъ, несчастна, что васъ лишусь (она вдругъ стрелою бросилась къ Ивану Федоровичу и, схвативъ его за руку, съ горячимъ чувствомъ пожала ихъ); но вотъ что важно, это то, что вы сами, лично, въ состояніи будете теперь въ Москвѣ, тетускѣ и Агашѣ, все мое положеніе, перешій ужасъ мой, въ полной откровенности съ Агашей и милую тетуску, такъ, какъ сами съумѣете это сделать. Вы не можете себѣ представить, какъ я была вчера и сегодня утромъ несчастна, недоумѣвая, какъ я напишу имъ это письмо... потому что въ письмѣ этого никакъ ни за что не напишешь... Теперь-же мнѣ легко будетъ написать, потому что тамъ у нихъ будете на лицо и все объясните. О, какъ

Но я только этому рада, опять такъ повѣрьте мнѣ. Самы вы, конечно, незамѣнимы... Сейчасъ-же бѣгу напишу письмо, и она вдругъ и даже шагнула уже, чтобы выйти изъ комнаты.

А Алеша-то? А мнѣніе-то Алексѣя Федоровича, которое такъ непремѣнно желалось выслушать? вскричала г-жа Марья. Язычительная и гнѣвливая нотка прозвучала въ ея голосѣ.

И не забыла этого, приостановилась вдругъ Катерина Ивановна — почему вы такъ враждебны ко мнѣ въ такую минуту, Анна? съ горькимъ, горячимъ упрекомъ произнесла она.

несла она.—Что я сказала, то я подтверждаю. Мы димо мѣніе его, мало того: мнѣ надо рѣшеніе его! Скажетъ, такъ и будетъ—вотъ до какой степени, напре жажду вашихъ словъ, Алексѣй Ѳедоровичъ... Но что е

— Я никогда не думалъ, я не могу этого представи влихнулъ вдругъ Алеша горестно.

— Чего, чего?

— Онъ ѣдетъ въ Москву, а вы вскрикнули, что ра вы нарочно вскрикнули! А потомъ тотчасъ стали об что вы не тому рады, а что, напротивъ, жалѣете, что... друга,—но и это вы нарочно сыграли... какъ на театрѣ медин сыграли!..

— На театрѣ? Какъ?.. Что это такое? воскликнул рина Ивановна въ глубокомъ изумленіи, вся вспыхнул хмуривъ брови.

— Да какъ ни увѣряйте его, что вамъ жалко въ нем а всетаки вы настаиваете ему въ глаза, что счастье въ т онъ уѣзжаетъ... проговорилъ какъ-то совсѣмъ уже за Алеша. Онъ стоялъ за столомъ и не садился.

— О чемъ вы, я не понимаю...

— Да я и самъ не знаю... У меня вдругъ какъ бу реніе... Я знаю, что я не хорошо это говорю, но я все скажу, продолжалъ Алеша тѣмъ-же дрожащимъ и пе щимся голосомъ:—озареніе мое въ томъ, что вы брата, можетъ быть, совсѣмъ не любите... съ самаго начала Дмитрій, можетъ быть, не любитъ васъ тоже вовсе... съ са чала... а только чтить... Я, право, не знаю, какъ я все эт смѣю, но надо-же кому-нибудь правду сказать... потому ч здѣсь правды не хочется сказать...

— Какой правды? вскричала Катерина Ивановна, истерическое зазвенѣло въ ея голосѣ.

— А вотъ какой, пролепеталъ Алеша, какъ будто и съ крыши:—позовите сейчасъ Дмитрія—я его найду,— онъ придетъ сюда и возьметъ васъ за руку, потомъ и за руку брата Ивана и соединитъ ваши руки. Потому мучаете Ивана, потому только, что его любите... а ну чтому, что Дмитрія надрывомъ любите... въ неправду и потому что увѣрили себя такъ...

Алеша оборвался и замолчалъ.

— Вы... вы... вы маленький юродивый, вотъ вы поблѣднѣвшимъ уже лицомъ и съ врывившимися отъ м

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

отрѣзала вдругъ Катерина Ивановна. Иванъ Федоровичъ засмѣялся и всталъ съ мѣста. Шляпа была въ ру- его.

— Ты ошибся, мой добрый Алеша, проговорилъ онъ съ жоніемъ лица, котораго никогда еще Алеша у него не ви- — съ выраженіемъ какой-то молодой искренности и силь- — неудержимо откровеннаго чувства: — никогда Ката — рина не любила меня! Она знала все время, что — я, хоть я и никогда не говорилъ ей ни слова е — — знала, но меня не любила. Другомъ тоже я — ни разу, ни одного дня: гордая женщина въ моей дру- — жась. Она держала меня при себѣ для непрерывнаго — Она мстила мнѣ я на мнѣ за всѣ оскорбленія, которые — но и всякую минуту выносила во весь этотъ срокъ о — рія, оскорбленія съ первой встрѣчи ихъ. Потому что и са- — мервая встрѣча ихъ осталась у ней на сердцѣ какъ ос- — татокъ. Вотъ каково ея сердце! Я все время только и дѣ- — лалъ что выслушивалъ о любви ея къ нему. Я теперь ѣду, но — те, Катерина Ивановна, что вы дѣйствительно любите только — я, по мѣрѣ оскорбленія его, все больше и больше. Вотъ — что есть вашъ надрывъ. Вы именно любите его такимъ, ка- — онъ есть, васъ оскорбляющимъ его любите. Если-бъ онъ — явился, вы его тотчасъ забросили-бы и разлюбили вовсе. — мнѣ онъ нуженъ, чтобы созерцать непрерывно вашъ под- — вѣрности и упрекать его въ невѣрности. И все это отъ — я гордости. О, тутъ много приниженности и униженія, но все — то гордости... Я слишкомъ молодъ и слишкомъ сильно — люблю васъ. Я знаю, что это-бы не надо мнѣ вамъ говорить, — было-бы больше достоинства съ моей стороны просто выйдти — васъ; было-бы и не такъ для васъ оскорбительно. Но вѣдь — я далеко и не приѣду никогда. Это вѣдь на вѣки... Я не — сиѣтъ подлѣ надрыва... Впрочемъ, я уже не умѣю гово- — все сказалъ... Прощайте Катерина Ивановна, вамъ нельзя — ния сердиться, потому что я во сто разъ болѣе васъ на- — ть: наказанъ уже тѣмъ однимъ, что никогда васъ не увижу. — яйте. Мнѣ не надобно руки вашей. Вы слишкомъ созна- — ченія мучила, чтобъ я вамъ въ эту минуту могъ про- — томъ прощу, а теперь не надо руки.

Den Dank, Dame, begehrt ich nicht

съ искривленною улыбкой, доказавъ, впрочемъ

совершенно неожиданно, что и онъ выжить чинить Паша научившая камчатъ, чему прежде не побороть-бы Алена вышеть къ вынаты. Даже не приставившись и съ 1-ой Хитлаковой. Алена велескуль руками.

— Иванъ, крикнулъ онъ ему, какъ потерянный, вернись. Иванъ! Нѣтъ, нѣтъ, онъ теперь ни за что не тится! воскликнулъ онъ опять въ горестномъ ослепеніи, — я, я виноватъ, я началъ! Иванъ говорилъ злобно, не! Неправедливо и злобно... Онъ долженъ опять придетъ воротиться, воротиться... Алена восклицалъ, какъ волеу

Катерина Ивановна вдругъ вышла въ другую комнату

— Вы ничего не надѣлали, вы дѣйствовали прелестно ангель, — быстро и восторженно зашептала горестному г жа Хитлакова. — Я употреблю все усилія, чтобъ Иванъ ровить не уѣхалъ...

Радость сияла на ея лицѣ къ величайшему огорченію но Катерина Ивановна вдругъ вернулась. Въ рукахъ е два радужные кредитные билета.

— Я взяю къ вамъ одну большую кросьбу, Алексей ровить, начала она, прямо обращаясь къ Алешѣ, повн спокойнымъ и ровнымъ голосомъ, точно и въ самомъ д чего сейчасъ не случилось — Недѣлю, — да, кажется, нех задъ, — Дмитрій Федоровичъ сдѣлалъ одинъ горячій и ведливый поступокъ, очень безобразный. Тутъ есть одн рошее мѣсто, одинъ трактиръ. Въ немъ онъ встрѣтилъ отставнаго офицера, штабсъ-капитана этого, котораго м тюшка употреблялъ по какимъ-то своимъ дѣламъ. Разсерд почему-то на этого штабсъ-капитана, Дмитрій Федорович твля его за бороду и при всѣхъ вывелъ въ этомъ уни номъ видѣ на улицу, и на улицѣ еще долго велъ, и, го что мальчикъ, сынъ этого штабсъ-капитана, который уч здѣшнемъ училищѣ, еще ребенокъ, увидавъ это, бѣж подлѣ и плакалъ вслухъ и просилъ за отца и бросался м и просилъ, чтобы защитили, а все смѣялись. Простите, Федоровичъ, я не могу вспомнить безъ негодованія этого наго его поступка.. одного изъ такихъ поступковъ, на которые рѣшиться только одинъ Дмитрій Федоровичъ въ гнѣвѣ, и въ страстяхъ своихъ! Я и рассказать этого не въ состояніи... Я сбиваюсь въ словахъ. Я справляю этомъ обиженномъ и узнала, что онъ очень бѣдный че Фамилія его Сибиревъ. Онъ за что то провинился ва

высказали, и не умю вамъ это рассказать, и теперь онъ своимъ семействомъ, съ несчастнымъ семействомъ больныхъ и жены, сумасшедшей, кажется, попалъ въ страшную беду. Онъ уже давно здѣсь въ городѣ, онъ что-то дѣлаетъ, никуда гдѣ-то былъ, а ему вдругъ теперь ничего не платятъ! Я сама взглянь на васъ... то есть я думала, — я не знаю, а что-то путалось, — видите, я хотѣла васъ просить, Алексѣй Федоровичъ, — добрый мой Алексѣй Федоровичъ, сходить къ нему, отыскать предлога, войти въ него, то есть къ этому безъ-капитану, — о, Боже! какъ я обиваюсь, — и деликатно, конечно, — именно какъ только вы одинъ съумѣете сдѣлать (она вдругъ покраснѣла) — съумѣете отдать ему это вспоможеніе, вотъ, двѣсти рублей. Онъ навѣрно приметъ... то есть принять его принять... Или нѣтъ, какъ это? Видите-ли, это не то плата ему за приниреніе, чтобъ онъ не жаловался (потому что онъ, кажется, хотѣлъ жаловаться), а просто сочувствіе, денежная помощь; отъ меня, отъ меня, отъ невесты Дмитрія Федоровича, а не отъ него самого... Однимъ словомъ, вы съумѣете... Я сама повѣхала, но вы съумѣете гораздо лучше меня. Онъ живетъ въ Озерной улицѣ, въ домѣ мѣщанки Балмыковой... Ради бога, Алексѣй Федоровичъ, сдѣлайте мнѣ это, а теперь... теперь несколько... устала. До свиданья...

Она вдругъ такъ быстро повернулась и скрылась опять за пюльеру, что Алеша не успѣлъ и слова сказать, — а ему хотѣлось сказать. Ему хотѣлось просить прощенія, обвинить себя — что-нибудь сказать, потому что сердце его было полно, и идти изъ комнаты онъ рѣшительно не хотѣлъ безъ этого. Но Хохлакова схватила его за руку и вывела сама. Въ прихожей она остановила его, какъ и давеча.

— Гордая, себя бореть, но добрая, прелестная, великодушная — полущепотомъ восклицала г-жа Хохлакова. — О, какъ я люблю, особенно иногда, и какъ я всему, всему теперь вновь рада! Милый Алексѣй Федоровичъ, вы вѣдь не знали этого: знаете-же, что мы всѣ, всѣ — я, обѣ сестры, — ну всѣ, даже мы, вотъ уже цѣлый мѣсяцъ какъ мы только того и желаемъ, хотимъ, чтобъ она разошлась съ вашимъ любимцемъ Дмитриемъ Федоровичемъ, который ее знать не хочетъ и несколько не любитъ и вышла-бы за Ивана Федоровича, образованнаго и превосходнаго молодого человѣка, который ее любитъ больше всего на свете. Мы вѣдь цѣлый заговоръ тутъ составили, и я даже, можетъ быть, не укажу лишь изъ-за этого...

— Но вѣдь она-же плакала, опять оскорбленная! иди Алеша

— Не вѣрьте слезамъ женщины, Алексѣй Федоровичъ всегда противъ женщинъ въ этомъ случаѣ, я за мужчинъ

— Мама, вы его портите и губите, послышался ли голосокъ Lise изъ-за двери.

— Нѣтъ, это я всему причиною, я ужасно виновата! ржалъ неутѣшный Алеша въ порывѣ мучительнаго стыда и выходку и даже закрывая руками лицо отъ стыда.

— Напротивъ, вы поступили какъ ангелъ, какъ же это тысячи тысячъ разъ повторить готова.

— Мама, почему онъ поступилъ какъ ангелъ, послышался опять голосокъ Lise.

— Мнѣ вдругъ почему-то вообразилось, на все это продолжалъ Алеша, какъ-бы и не слыхавъ Лизы,—что (бить Ивана, вотъ я и сказалъ эту глупость... и что теперь

— Да съ кѣмъ, съ кѣмъ! воскликнула Lise,—мама, вы хотите умертвить меня. Я васъ спрашиваю—вы мнѣ не опи

Въ эту минуту вбѣжала горничная.

— Съ Катериной Ивановной худо... Онѣ плачутъ.. рика, бьются.

— Что такое, закричала Lise, уже тревожнымъ голосомъ. Мама, это со мной будетъ истерика, а не съ ней!

— Lise, ради Бога не кричи, не убивай меня. Ты еще кихъ лѣтахъ, что тебѣ нельзя всего знать, что большіе : прибѣгу все расскажу, что можно тебѣ сообщить. О, Боже! Я бѣгу, бѣгу... Истерика—это добрый знакъ, Алексѣй вичъ, это превосходно, что съ ней истерика, Это имени и надо. Я въ этомъ случаѣ всегда противъ женщинъ, и всѣхъ этихъ истерикъ и женскихъ слезъ. Юлія, бѣги и что я лечу. А что Иванъ Федоровичъ такъ вышелъ, ты сама виновата. Но онъ не уѣдетъ. Lise, ради Бога не Ахъ да, ты не кричишь, это я кричу, прости свою маму я въ восторгѣ, въ восторгѣ, въ восторгѣ! А замѣтили вы сѣй Федоровичъ, какимъ молодымъ, молодымъ человекомъ Федоровичъ давеча вышелъ, сказалъ это все и вышелъ! мала, онъ такой ученый, академикъ, а онъ вдругъ такъ горячо, откровенно и молодо, неопытно и молодо, и ты все прекрасно-прекрасно, точно вы... И этотъ стишокъ кій сказалъ, ну, точно какъ вы! Но бѣгу, бѣгу. Алексѣй ровничъ, спѣшите скорѣй по этому порученію и поскорѣ

«Господи, Лизе, не надобно-ли тебѣ чего? Ради Бога не задержи ни минуты Алексѣя Федоровича, онъ сейчасъ къ тебѣ вернется. Г-жа Хохлакова, наконецъ, убѣжала. Алеша, прежде чѣмъ уйти, хотѣлъ было отворить дверь къ Лизе.

— Ни за что! вскричала Лизе, — теперь ужь ни за что! Господи такъ, сквозь дверь. За что вы въ ангелы попали! Я только это одно и хочу знать.

— За ужасную глупость, Лизе! Прощайте!

— Не смѣйте такъ уходить! вскричала было Лизе.

— Лизе, у меня серьезное горе! Я сейчасъ ворочусь, но у меня большое-большое горе!

И онъ выбѣжалъ изъ коннаты.

VI.

Надрывъ въ избѣ.

У него было дѣйствительно серьезное горе, изъ такихъ, какихъ онъ доселѣ рѣдко испытывалъ. Онъ высочилъ и «наглушь», — и въ какомъ-же дѣлѣ: въ любовныхъ чувствахъ! «Но что я въ этомъ понимаю, что я въ этихъ дѣлахъ разбираться могу?» въ сотый разъ повторялъ онъ про себя, краснѣя, — «охъ, стыдъ-бы ничего, стыдъ только должно мнѣ наказаніе, — бѣда въ томъ, что несомнѣнно теперь я буду причиною новыхъ несчастій... А старецъ посылалъ меня чтобы примирить и соединить. Такъ-ли соединяютъ?» Тутъ онъ вдругъ опять припомнилъ, какъ онъ «соединилъ руки» и страшно стыдно стало ему думать. «Хоть я сдѣлалъ это все и искренно, но впередъ надо думать умнѣе», заключилъ онъ вдругъ и даже не улыбнулся своему заключенію.

Порученіе Катерины Ивановны было дано въ Озерную улицу, братъ Дмитрій жилъ какъ разъ тутъ по дорогѣ, недалеко отъ Озерной улицы въ переулкѣ. Алеша рѣшилъ зайти къ нему во всякомъ случаѣ прежде чѣмъ къ штабсъ-капитану, хотя и предостерегалъ, что не застанетъ брата. Онъ подозрѣвалъ, что тотъ можетъ быть, какъ-нибудь нарочно будетъ прятаться отъ него въ домѣ, — но во что-бы то ни стало надо было его розыскать. Алеша же уходило; мысль объ отходившемъ старцѣ ни на минуту, ни на секунду не оставляла его съ того часа, какъ онъ ушелъ изъ монастыря.

Въ порученіи Катерины Ивановны промелькнуло одно обстоятельство, чрезвычайно тоже его заинтересовавшее: когда Ирина Ивановна упомянула о маленькомъ мальчикѣ, школьнѣ сынѣ того штабсъ-капитана, который бѣжалъ, плача въ голѣ подлѣ отца,—то у Алеши, и тогда уже вдругъ мелькнула мысль, что этотъ мальчикъ есть навѣрное тотъ давешній школьнѣ укусившій его за палецъ, когда онъ, Алеша, допрашивалъ чѣмъ онъ его обидѣлъ. Теперь ужъ Алеша былъ почти уверенъ въ этомъ, самъ не зная еще почему. Такимъ образомъ, ушедшій въ сторону отъ посторонними соображеніями, онъ развлекся и рѣшилъ «думать» о сейчасъ надѣланной имъ «бѣдѣ», не мучить себя раскаяніемъ, а дѣлать дѣло, а тамъ что будетъ, то и выйдетъ. На этой мысли онъ обончательно ободрился. Кстати, завернувшись въ переулокъ къ брату Дмитрію и чувствуя голодь, онъ вынулъ изъ кармана взятую у отца булку и съѣлъ дорогой. Это подвѣрило его силы.

Дмитрія дома не оказалось. Хозяева домишка—старикъ и старуха, его сынъ и старушка жена его—даже подозрительно смотрѣли на Алешу. «Ужъ третій день, какъ не ночуетъ, жетъ, куда и выбылъ», отвѣтилъ старикъ на усиленные вопросы Алеши. Алеша понялъ, что онъ отвѣчаетъ по данной инструкціи. На вопросъ его: «Не у Грушеньки-ли онъ, и у Фомы-ли опять прячется» (Алеша нарочно пустилъ въ ходъ откровенности), всѣ хозяева дажъ пугливо на него посмотрѣли. «Любятъ его, стало быть, руку его держать», подумалъ Алеша. «это хорошо».

Наконецъ, онъ розыскалъ въ Озерной улицѣ домъ мѣшечника Калмыковой, ветхій домишко, перекосившійся, всего въ три сажени на улицу, съ грязнымъ дворомъ, среди котораго уединенно стояла корова. Входъ былъ со двора въ сѣни—нагѣво изъ сѣней жила старая хозяйка со старухою дочерью и, кажется, еще и глухія. На вопросъ его о штабсъ-капитанѣ. нѣсколько разъ повторенный, одна изъ нихъ, понявъ, наконецъ, что спрашиваютъ жильцовъ, ткнула ему пальцемъ чрезъ сѣни, указывая на дверь въ чистую избу. Квартира штабсъ-капитана дѣйствительно оказалась только простою избой. Алеша взялся было рукою за желѣзную скобу, чтобъ отворить дверь, какъ вдругъ необыкновенная тишина за дверями поразила его. Онъ зналъ, откуда со словъ Катерины Ивановны, что отставной штабсъ-капитанъ былъ человѣкъ семейный: «Или спятъ всѣ они, или, можетъ быть, услышали, что я пришелъ и ждутъ, пока я отворю; лучшѣ

«постучусь къ нимъ», — и онъ постучалъ. Отвѣтъ послы-
ше, но не сейчасъ, а секундъ даже, можетъ быть, десять

«Что таковъ? прокричалъ кто-то громкимъ и усленно сер-
дѣчь голосомъ.

Алеша отворилъ тогда дверь, и шагнулъ черезъ порогъ.
Очутился въ избѣ, хотя и довольно просторной, но чрез-
вычайно загроможденной и людьми, и всякимъ домашнимъ скар-

платомъ. Налѣво была большая русская печь. Отъ печи къ лѣвому
углу чрезъ всю комнату была протянута веревка, на которой
развѣшено разное тряпье. По обѣимъ стѣнамъ налѣво и
справа помѣщалось по кровати, покрытыхъ вязаными одѣя-

лами. На одной изъ нихъ, на лѣвой, была воздвигнута горка
изъ четырехъ ситцевыхъ подушекъ, одна другой меньше. На

другой же кровати справа виднѣлась лишь одна очень малень-
кая подушечка. Далѣе въ переднемъ углу было небольшое мѣсто,

занавѣшенное занавѣской или простыней, тоже перекинутою чрезъ
уголокъ, протянутую поперекъ угла. За этою занавѣской тоже

была устроена сбоку на лавкѣ и на приставленномъ
къ ней стулѣ постель. Простой деревянный, четырехъ-угольный

столъ былъ отодвинутъ изъ передняго угла къ сере-
днѣ комнаты. Всѣ три окна, каждыя въ четыре мелкія, зе-

ленныя заплеснѣвшія стекла, были очень тусклы и на-глухо за-
крыты, такъ что въ комнатѣ было довольно душно и не такъ

ясно. На столѣ стояла сковорода съ остатками глазной яичницы,
на лѣвой кровати на стулѣ помѣщалась женщина, похожая на

старуху съ слабыми остатками земныхъ благъ лишь на донушкѣ.
Она одѣтая въ ситцевое платье. Она была очень худа лицомъ,

и, чрезвычайно впалыя щеки ея свидѣтельствовали съ пер-
вымъ взглядомъ о ея болѣзненномъ состояніи. Но всего болѣе пора-

жалъ Алешу взглядъ бѣдной дамы, — взглядъ чрезвычайно во-
лѣбный и въ тоже время ужасно надменный. И до тѣхъ

пока дама не заговорила сама и пока объяснялся Алеша
въ разговорѣ, она все время также надменно и вопросительно

смотрѣла свои большіе каріе глаза съ одного говорившаго на
нее. Подлѣ этой дамы, у лѣваго окошка, стояла молодая дѣ-

вушка съ довольно некрасивымъ лицомъ, съ рыженькими жи-
выми волосами, бѣдно, хотя и весьма опрятно, одѣтая. Она

тоже во вниманіи осматрѣла вошедшаго Алешу. Направо, тоже у постели,
и еще одно женское существо. Это было очень жалкое

созданіе, молодая тоже дѣвушка, лѣтъ двадцати, но горба безногая, съ отсохшими, какъ сказали потомъ Алешѣ, и Костыли ея стояли подлѣ, въ углу, между кроватью и стѣною. Замѣчательно прекрасные и добрые глаза бѣдной дѣвушки, какою-то спокойною кротостью поглядѣли на Алешу. За стѣною, въ кончая яичницу, сидѣлъ господинъ лѣтъ сорока пяти, не высокаго роста, сухощавый, слабаго сложенія, рыжеватый, съ женькою рѣдкою бородкой, весьма похожею на растрепанную мочалку (это сравненіе и особенно слово «мочалка» такъ и вѣшали на немъ, почему-то съ перваго-же взгляда въ умѣ Алешы, о немъ потомъ припомнилъ). Очевидно, этотъ самый господинъ и сидѣлъ изъ-за двери: «кто таковъ!» такъ какъ другаго мужчины въ комнатѣ не было. Но когда Алеша вошелъ, онъ словесно сорвался со скамьи, на которой сидѣлъ за столомъ, и, не вытираясь дырявою салфеткой, подлетѣлъ къ Алешѣ.

— Монахъ на монастырь просить, зналъ къ кому и кто, и громко между тѣмъ проговорила стоявшая въ лѣвомъ углу женщина. Но господинъ, подбѣжавшій къ Алешѣ, мигомъ повернулся къ ней на каблучкахъ, и взволнованнымъ, срывающимся въ то голосомъ ей отвѣтилъ:

— Нѣтъ-съ, Варвара Николаевна, это не то-съ, не угадайте. Позвольте спросить въ свою очередь, вдругъ опять повернулся онъ къ Алешѣ, — что побудило васъ-съ посѣтить... эти нѣтъ-съ.

Алеша внимательно смотрѣлъ на него, онъ въ первый разъ этого человѣка видѣлъ. Было въ немъ что-то угловатое, шашее и раздражительное. Хотя онъ, очевидно, сейчасъ въ себя, но пьянъ не былъ. Лицо его изображало какую-то брѣвную наглость и въ то же время, — странно это было, — видимость сдержанности. Онъ похожъ былъ на человѣка долгое время подождавшагося и натерпѣвшагося, но который-бы вдругъ всколыхнулся захотѣлъ заявить себя. Или, еще лучше, на человѣка, который ужасно-бы хотѣлось васъ ударить, но который ужасно стеснялся, что вы его ударите. Въ рѣчахъ его и въ интонаціи до такой степени пронзительнаго голоса слышался какой-то юродливый юморъ, злой, то робѣющій, не выдерживающій тона и срывающійся, просилъ о «нѣдрахъ» задалъ онъ какъ-бы весь дрожа, вытаращивъ глаза и подскочивъ къ Алешѣ до того въ упоръ, что тотъ машинально сдѣлалъ шагъ назадъ. Одѣтъ былъ господинъ не модно, весьма плохое, какое-то нанковое пальто, заштопанное въ пятнахъ. Панталоны на немъ были чрезвычайно темные и свѣтлыя, такія, что никто давно и не носитъ, клѣтчатыя

тоненькой какой-то материи, смятая снизу и сбившаяся наверхъ, точно онъ изъ нихъ какъ маленькій мальчикъ.

— Я... Алексѣй Карамазовъ... проговорилъ было въ отвѣтъ.

— Отвѣнно умѣю понимать-сь, тотчасъ-же отрѣзалъ господавая звать, что ему и безъ того извѣстно кто онъ та-

— Штабсъ я капитанъ-сь Снѣгиревъ-сь, въ свою очередь, в-же желательнo узнать, что именно побудило...

— Да я такъ только зашелъ. Мнѣ въ сущности отъ себя ось-бы вамъ сказать одно слово... Если только позволите...

— Въ такомъ случаѣ вотъ и стулъ-сь, извольте взять мѣ-

... Это въ древнихъ комедіяхъ говорили: «извольте взять»... и штабсъ-капитанъ быстрымъ жестомъ схватилъ по-и стулъ (простой мужицкій, весь деревянный и ничѣмъ не-и) и поставилъ его чуть не по срединѣ комнаты; затѣмъ, ивъ другой такой-же стулъ для себя, сѣлъ напротивъ Алеши, ижнему въ нему въ упоръ и такъ, что колѣни ихъ почти касались вмѣстѣ.

— Николай Ильичъ Снѣгиревъ-сь, русской пѣхоты бывший съ-капитанъ-сь, хоть и посрамленный своими пороками, но не штабсъ-капитанъ. Скорѣе-бы надо сказать: штабсъ-капи-Словоерсовъ, а не Снѣгиревъ, ибо лишь со второй поло-жизни сталъ говорить словоерсами. Слово-ерь-сь приобрѣ-я въ униженіи.

— Это такъ точно, усмѣхнулся Алеша, — только невольнo рѣшается или нарочно?

— Видитъ Богъ, невольнo. Все не говорилъ, цѣлую жизнь говорилъ словоерсами, вдругъ упалъ и всталъ съ словоер-... Это дѣлается высшею силой. Вижу, что интересуетесь женными вопросами. Чѣмъ, однако, могъ возбудить столь пытства, ибо живу въ обстановкѣ невозможной для госте-ства.

— Я пришелъ... по тому самому дѣлу...

— По тому самому дѣлу? нетерпѣливо перервалъ штабсъ-танъ.

— По поводу той встрѣчи вашей съ братомъ моимъ Дми-тъ Федоровичемъ, неловко отрѣзалъ Алеша.

— Какой-же это встрѣчи-сь? Это ужъ не той-ли самой-сь? мтъ, на счетъ мочалки, банной мочалки? надвинулся онъ мтъ такъ, что въ этотъ разъ положительно стукнулся колѣп-

ками въ Алешу. Губы его какъ-то особенно сжались въ точку.

— Какая это мочалка? пробормоталъ Алеша.

— Это онъ на меня тебѣ, папа, жаловаться пришелъ! нуль знакомый уже Алешѣ голосокъ давешняго мальчугана за занавѣски въ углу.— Это я ему давеча палецъ укусила навѣска отдернулась, и Алеша увидѣлъ давешняго врага съ въ углу подъ образами, на прилаженной на лавкѣ и на постелькѣ. Мальчикъ лежалъ накрытый своимъ пальтишкомъ еще старенькимъ ватнымъ одѣяльцемъ. Очевидно, былъ и ровъ и, судя по горящимъ глазамъ, въ лихорадочномъ. Онъ безстрашно, не по давешнему, глядѣлъ теперь на Алешу. «Дома, дескать, теперь не достанешь».

— Какой такой палецъ укусилъ? привскочилъ со штабсъ-капитанъ.— Это вамъ онъ палецъ укусилъ-съ?

— Да, мнѣ. Давеча онъ на улицѣ съ мальчиками камнями перебрасывался; они въ него шестеро кидаютъ, а онъ съ Я подошелъ къ нему, а онъ и въ меня камень бросилъ, во другой мнѣ въ голову. Я спросилъ: что я ему сдѣлалъ? вдругъ бросился и больно укусилъ мнѣ палецъ, не знаю за что.

— Сейчасъ высѣку-съ! Сею минутой высѣку-съ, сейчасъ уже вскочилъ со стула штабсъ-капитанъ.

— Да я вѣдь вовсе не жалуясь, я только рассказалъ. Я вовсе не хочу чтобы вы его высѣкли! Да онъ, кажется, теперь и болѣнъ...

— А вы думали я высѣку-съ? Что я Илюшечку возьму сейчасъ и высѣку предъ вами для вашего полного удовольствія? Скоро вамъ это надо-съ? проговорилъ штабсъ-капитанъ вдругъ повернувшись къ Алешѣ съ такимъ жестомъ, какъ будто хотѣлъ на него броситься — Жалѣю, сударь, о вашемъ мальчуганѣ, но не хотите-ли я, прежде чѣмъ Илюшечку сѣчь, для справедливаго удовлетворенія, вотъ этимъ самымъ ножомъ сѣчь паю. Четырехъ-то пальцевъ я думаю вамъ будетъ довольно для утоленія жажды мщенія-съ, пятого не потребуете? — Онъ вдругъ остановился и какъ-бы задохся. Каждая черточка на лицѣ ходила и дергалась, глядѣлъ же съ чрезвычайнымъ вниманіемъ. Онъ былъ какъ-бы въ изступленіи.

— Я, кажется, теперь все понялъ, тихо и грустно продолжалъ Алеша, продолжая сидѣть. — Значитъ, вашъ мальчуганъ добрый мальчикъ, любитъ отца и бросился на меня, какъ

вашего обидчика... Это я теперь понимаю, повторилъ онъ, думывая. — Но братъ мой Дмитрій Ѳедоровичъ раскаивается въ своемъ поступкѣ, я знаю это, и если только ему возможно придетъ къ вамъ, или всего лучше свидѣться съ вами въ томъ самомъ мѣстѣ, то онъ попроситъ у васъ при прощеніи... если вы пожелаете.

— То есть вырвалъ бородавку и попросилъ извиненія... Все, нѣтъ, закончилъ и удовлетворилъ, такъ-ли-съ?

— О, нѣтъ, напротивъ, онъ сдѣлаетъ все что будетъ угодно вамъ будетъ угодно!

— Такъ что если-бъ я попросилъ его свѣтлость стать на мнѣ предо мной въ этомъ самомъ трактирѣ-съ, — «Столичный городъ» ему наименованіе, — или на площади-съ, такъ онъ пошелъ-бы?

— Да, онъ станетъ на колѣни.

— Пронзили-съ. Прослезили меня и пронзили-съ. Слишкомъ мнѣ чувствовать великодушіе вашего братца. Позвольте-же рекомендоваться вполнѣ: моя семья, мои двѣ дочери и мой — мой пометъ-съ. Умру я, кто-то ихъ возлюбитъ-съ? А пока я, кто-то меня, скверненькаго, кромѣ нихъ возлюбитъ? Все это дѣло устроилъ Господь для каждаго человѣка въ родѣ-съ. Ибо надобно чтобъ и человѣка въ моемъ родѣ кто-нибудь возлюбитъ-съ...

— Ахъ, это совершенная правда! воскликнулъ Алеша.

— Да полноте, наконецъ, паясничать, какой-нибудь дуракъ нѣтъ, а вы срамите! воскликнула неожиданно дѣвушка у окна, глядя въ отцу съ брезгливою и презрительною миной.

— Повремените немного, Варвара Николаевна, позвольте выслушать направленіе, крикнулъ ей отецъ хотя и повелительнымъ тономъ, но однако весьма одобрительно смотря на нее. — Ужъ у насъ такой характеръ-съ, повернулся онъ опять къ

«И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ».

нѣтъ надо-бы въ женскомъ родѣ: благословить она не хотѣла. Но теперь позвольте васъ представить и моей супругѣ: — съ Арина Петровна, дама безъ ногъ-съ, лѣтъ сорока трехъ, ходятъ да немножко-съ. Изъ простыхъ-съ. Арина Петровна, цѣте черты ваши: вотъ Алексѣй Ѳедоровичъ Карамазовъ. — Вотъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, — онъ взялъ его за руку и съ

силой, которой даже нельзя было ожидать отъ него, вдругъ приподнялъ: — вы дамѣ представляетесь, надо встать — тотъ-съ Кармазовъ, маменька, который... ги! и такъ обхватилъ его, блистающій смиренными добродѣтелями. Поздравилъ Арину Петровна, позвольте, маменька, позвольте, вашу предварительно поцаловать.

И онъ почтительно, нѣжно даже поцаловалъ у супруги Дѣвица у окна съ негодованіемъ повернулась къ сценѣ — надменно вопросительное лицо супруги вдругъ выразило новенную ласковость.

— Здравствуйте, садитесь, г. Черномазовъ, проговорилъ

— Кармазовъ, маменька, Кармазовъ (мы изъ просты подшенинулъ онъ снова.

— Ну Кармазовъ или какъ тамъ, а я всегда Черном Садитесь-же, и зачѣмъ онъ васъ поднялъ? Дама безъ ногъ говоритъ, ноги-то есть, да распухли какъ ведра, а сама сохла. Прежде-то я куда была толстая, а теперь вонъ я гла проглотила...

— Мы изъ простыхъ-съ, изъ простыхъ-съ, подсказалъ разъ капитанъ.

— Папа, ахъ, папа! проговорила вдругъ горбатая доселѣ молчавшая на своемъ стулѣ, и вдругъ закрыла платкомъ.

— Шуты! бравнула дѣвица у окна.

— Видите у насъ какія извѣстія, разставила руки указывая на дочерей, — точно облака идутъ; пройдутъ и опять наша музыка. Прежде, когда мы военными бы намъ много приходило такихъ гостей. Я, батюшка, это не приравниваю. Кто любитъ кого, тотъ и любитъ того. Дѣвица тогда приходитъ и говоритъ: Александръ Алексан превосходнѣйшей души человекъ, а Настасья, говоритъ, и это нечадіе ада. Ну, отвѣчаю, это, какъ кто кого обогатилъ ты и мала куча да вонюча. — А тебя, говоритъ, надо в новеніи держать. — Ахъ ты, черная ты, говорю ей, ии и кого ты учить пришла? Я, говоритъ она, воздухъ чистъ каю, а ты нечистый. — А спроси, отвѣчаю ей, всѣхъ офицеровъ, нечистый-ли во мнѣ воздухъ, или другой И такъ это у меня съ того самаго времени на душѣ что намеднишь, сижу я вотъ здѣсь какъ теперь и вы самый генералъ вошелъ, что на Святую сюда прѣзжа говорю ему, ваше превосходительство, можно-ли бла

воздухъ свободный впускать?— Да, отвѣчаетъ, надо-бы у форточку, али дверь отворить, потому самому, что у васъ въ домѣ не свѣжій. Ну и всё-то такъ! А и что имъ мой воздухъ дался? Отъ мертвыхъ и того хуже пахнетъ. Я, говорю, духу вашего не порчу, а башмаки закажу и уйду. Батюшки, батюшки, не попрекайте мать родную! Николай Ильичъ, батюшка, я-ль тебѣ не угодила, только вѣдь у меня и есть что пощечка изъ класса придетъ и любить. Вчера яблочко принесли. Простите, батюшки, простите, голубчики, мать родную, простите меня совсѣмъ одинокую, а и чего вамъ мой воздухъ въ домъ сталъ!

Бѣдная помѣшанная вдругъ разрыдалась, слезы брызнули изъ глазъ. Штабсъ-капитанъ стремительно подскочилъ къ ней.

— Маменька, маменька, голубчикъ, полно, полно! Не один ты. Всѣ-то тебя любятъ, всѣ обожаютъ! и опъ началъ целовать у нея обѣ руки и нѣжно сталъ гладить по ея своимъ ладонями; схвативъ-же салфетку, началъ вдругъ вытирать съ лица ея слезы. Алешѣ показалось даже, что у него самого засверкали слезы.— Ну-съ, видѣли-съ? Слышали-съ?— Онъ вдругъ яростно обернулся онъ къ нему, показывая рукой одну слабую руку.

— Вижу и слышу, пробормоталъ Алеша.

— Папа, папа! Неужели ты съ нимъ... Брось ты его, папа! Онъ вдругъ мальчикъ, привставъ на своей постелькѣ и горько взглядомъ смотря на отца.

— Да полноте вы, наконецъ, паясничать, ваши выверты только показывать, которые ни къ чему никогда не ведутъ!.. Она уже озлившись, крикнула все изъ того угла Варвара Николаевна, даже ногой топнула.

— Совершенно справедливо на этотъ разъ изволите изъ себя выводить, Варвара Николаевна, и я васъ стремительно удовлетворю. Ну-съ, шапочку вашу надѣньте, Алексѣй Федоровичъ, а я картузъ возьму— и пойдете-съ. Надобно вамъ одно серьезное словечко сказать, только внѣ этихъ стѣнъ. Эта вотъ сила двинца— это дочка моя-съ, Нина Николаевна-съ, забылъ я ее представить, — ангелъ Божій во плоти... къ смерти слетѣвшій... если можете только это понять...

— Весь вѣдь такъ и сотрясается, словно судорогой его свое продолжала въ негодованіи Варвара Николаевна.

— А это вотъ что теперь на меня ножкой топаетъ и паясничаетъ давеча обличила,— это тоже ангелъ Божій во плоти-съ,

и справедливо меня обозвала-сь. Пойдемте-же, Алексѣевичъ, повончить надо-сь...

И, схвативъ Алешу за руку, онъ вывелъ его изъ прямо на улицу.

VII.

И на чистомъ воздухѣ.

— Воздухъ чистый-сь, а въ хоромахъ-то у меня не свѣжо; во всѣхъ даже смыслахъ. Пройдемте, сударь, и очень-бы хотѣлось мнѣ васъ заинтересовать-сь.

— Я и самъ къ вамъ имѣю одно чрезвычайное дѣлѣ Алеша,—и только не знаю какъ мнѣ начать.

— Какъ не узнать, что у васъ до меня дѣло-сь? Безвы-бы никогда ко мнѣ и не заглянули. Али въ самомъ дѣлѣ жаловаться на мальчика приходили-сь? Такъ вѣдь э роятно-сь. А кстати, о мальчикѣ-сь: я вамъ тамъ всег нить не могъ-сь, а здѣсь теперь сцену эту вамъ о Видите-ли, мочалка-то была гуще-сь, еще всего недѣлю я про бороденку мою говорю-сь; это вѣдь бороденку чалкой прозвали, школьники главное-сь. Ну-сь, вотъ-с: меня тогда вашъ братецъ Дмитрій Федоровичъ за мою б за ничто-сь, забуянилъ, а я подвернулся, вытянулъ и тира на площадь, а какъ разъ школьники изъ школы в а съ ними и Илюша. Какъ увидалъ онъ меня въ такомъ в бросился ко мнѣ: «Папа, кричитъ, папа!» Хватается обнимаетъ меня, хочетъ меня вырвать, кричитъ моему «Пустите, пустите, это папа мой, папа, простите его» вѣдь и кричитъ: «простите»; рученками-то тоже его да руку-то ему, эту самую-то руку его, и цаплетъ-сь. я въ ту минуту какое у него было личико-сь, не заб не забуду-сь!..

— Клянусь, воскликнулъ Алеша,--братъ вамъ са кренимъ образомъ, самымъ полнымъ, выразить раскаяніе даже на волѣняхъ на той самой площади... Я заставлю е онъ мнѣ не братъ!

— Ага, такъ это еще въ прожектѣ находится. Не п него, а отъ благородства лишь вашего сердца исходит го-сь. Такъ-бы и сказали-сь. Нѣтъ, ужъ въ такомъ с

«Что мнѣ и о высочайшемъ рыцарскомъ и офицерскомъ благо-
дѣлѣ вашего брата досказать, ибо онъ его тогда выразилъ-съ.
«Видишь онъ это меня за мочалку тащить, пустилъ на волю-съ:
«Я, говоритъ, офицеръ и я офицеръ, если можешь найти се-
дланта, порядочнаго человѣка, то присылай—дамъ удовлетво-
рѣно, хотя-бы ты и мерзавецъ!» Вотъ что сказалъ-съ. Во истину
рыцарскій духъ! Удалились мы тогда съ Илюшей, а родословная
и истинная картина на вѣки у Илюши въ памяти душевной от-
блѣлась. Нѣтъ, ужь гдѣ намъ дворянами оставаться-съ. Да и
судите сами-съ, изволили сами быть сейчасъ у меня въ хоро-
мъ, — что видѣли-съ? Три дамы сидятъ-съ, одна безъ ногъ
умная, другая безъ ногъ горбатая, а третья съ ногами, да
школомъ ужь умная, курсистка-съ, въ Петербургъ снова рвется,
на берегахъ Невы права женщины русской отыскивать. Про
Илюшу не говорю-съ, всего девять лѣтъ-съ, одинъ какъ перстъ,
Купри я--и что со всѣми этими нѣдрами станется, я только
это одно васъ спрошу-съ? А если такъ, то вызови я его
дуэль, а ну какъ онъ меня тотчасъ-же и убьетъ, ну что-же
я? Съ ними-то тогда со всѣми что станется-съ? Еще хуже
если онъ не убьетъ-съ, а лишь только меня искалѣчить:
стать нельзя, а ротъ-то всетаки остается, кто-жь его накор-
митъ тогда, мой ротъ, и кто-жь ихъ-то всѣхъ тогда накормитъ-съ?
Илюшу, вмѣсто школы, милостыню просить высылать еже-
дневно? Такъ вотъ что оно для меня значить-съ на дуэль-то его
звать-съ, глупое это слово-съ и больше ничего-съ.

— Онъ будетъ у васъ просить прощенія, онъ посреди пло-
щади вамъ въ ноги поклонится, вскричалъ опять Алеша съ за-
жмурившимся взоромъ.

— Хотѣлъ я его въ судъ позвать, продолжалъ штабсъ-ка-
питанъ, — но разверните нашъ кодексъ, много-ль мнѣ придется
ответственности за личную обиду мою съ обидчика получить-съ?
Тутъ вдругъ Аграфена Александровна призываетъ меня и кри-
читъ: «Думать не смѣй! Если въ судъ его позовешь, такъ под-
умно такъ, что всему свѣту публично обнаружится, что билъ онъ
тебя за твое-же мошенничество, тогда самого тебя подъ судъ
позовутъ». А Господь одинъ видитъ отъ кого мошенничество-то
вышло-съ, и по чьему приказу я какъ мелкая сошка тутъ
поступаю-съ, — не по ея-ли самой распоряженію, да Федора
Куприча? «А къ тому-же, прибавляетъ, на вѣки тебя прогону,
никогда ты у меня впредь не заработаешь. Купцу моему тоже
(она его такъ и называетъ, старика-то: бупецъ мой), такъ

и тотъ тебѣ... знить». Вотъ и думаю, если ужъ и купецъ стонитъ, то... тогда, у кого заработаю? Вѣдь онъ только мнѣ и остались, такъ какъ батюшка вашъ Федоръ Павловичъ только мнѣ довѣрять пересталъ, по одной посторонней причинѣ, но еще самъ, заручившись моими росписками, въ судъ нести хочетъ. Вслѣдствіе сего я и притихъ-съ и вы вѣдали-съ. А теперь позвольте спросить: больно онъ вамъ чихъ давеча укусилъ, Плюша-то? Въ хоромахъ-то и пріе... войти въ сію подробность не рѣшился.

— Да, очень больно, и онъ очень былъ раздраженъ мнѣ какъ Карамазову за васъ отомстилъ, мнѣ это ясно... Но если-бы вы видѣли какъ онъ съ товарищами школьниками перекидывался? Это очень опасно, они могутъ его у... они дѣти, глупы, камень летитъ и можетъ голову проломить.

— Да ужъ и попало-съ, не въ голову, такъ въ грудь, повыше сердца-съ сегодня ударъ камнемъ, синякъ-съ, плачетъ, охаетъ, а вотъ и заболѣлъ.

— И знаете, вѣдь онъ тамъ самъ первый и нападаетъ на васъ, онъ озлился за васъ, они говорятъ, что онъ одному мальчику Красоткину, давеча въ бокъ перочиннымъ ножикомъ пырнулъ.

— Слышалъ я про это, опасно-съ: Красоткинъ это ч... нникъ здѣшній, еще, можетъ быть, хлопоты выйдутъ-съ...

— Я-бы вамъ совѣтовалъ, съ жаромъ продолжалъ Алес... нѣкоторое время не посылать его вовсе въ школу пока... уймется... и гнѣвъ этотъ въ немъ пройдетъ...

— Гнѣвъ-съ! подхватилъ штабсъ-капитанъ, — именно гнѣвъ. Въ маленькомъ существѣ, а великій гнѣвъ-съ. Вы этого все... знаете-съ. Позвольте мнѣ пояснить эту повѣсть особенно... въ томъ, что послѣ того событія все школьники въ школѣ... его мочалкой дразнить. Дѣти въ школахъ народъ безжалостный, порознь ангелы Божіи, а вмѣстѣ, особенно въ школахъ, часто безжалостны. Начали они его дразнить, восприняли Плюшѣ благородный духъ. Обыкновенный мальчикъ, сынъ, — тотъ-бы смирился, отца своего застыдилъ, а онъ одинъ противъ всѣхъ возсталъ за отца. За отца и за истину за правду-съ. Ибо, что онъ тогда вынесъ, какъ вашему батюшкѣ руки цаловалъ и кричалъ ему: «Простите папочку, простите папочку», — то это только Богъ одинъ знаетъ да я-съ. И такъ-то дѣтя наши — то есть не ваши, а наши-съ, дѣтямъ зрѣвшихъ, но благородныхъ нищихъ-съ, правду на землѣ... девять лѣтъ отъ роду узнаютъ-съ. Богатымъ гдѣ: тѣмъ...

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

убины не изслѣдуютъ, а мой Илюшка въ ту
 кди-то-съ, какъ рука-то его цаловалъ, въ ту
 ну произошло-съ. Вошла въ него эта
 а его на вѣли-съ, горячо и опять какъ-б
 ознесь штабсъ-капитанъ и при этомъ уда
 кулакомъ въ лѣвую ладонь, какъ-бы жала
 какъ пришибла его Илюшу «истина».— В
 , у меня въ лихорадкѣ былъ-съ, всю но
 ь мало со мной говорилъ, совсѣмъ молчалъ
 ь я: глядѣть, глядѣть на меня изъ угла,
 припадаетъ и дѣлаетъ видъ, будто-бы уро
 го не уроки у него на умѣ. На другой день
 о не помню-съ, грѣшный человѣкъ, съ горя-съ
 ь плавать начала-съ, — маменьку-то я очень
 торя и клюкнулъ, на послѣднѣя-съ. Вы, сударь, не
 меня: въ Россіи пьяные люди у насъ самые добры
 обрые люди у насъ и самые пьяные. Лежу это я и
 въ тотъ день не очень запомнилъ, а въ тотъ-то именно
 ьчишки и подняли его на смѣхъ въ школѣ съ утра-съ:
 а, кричатъ ему, отца твоего за мочалку изъ трактира
 а ты подлѣ бѣжалъ и прощенія просилъ». На третій
 , пришелъ онъ опять изъ школы, смотрю, лица на немъ
 блѣднѣлъ. Что ты, говорю? Молчатъ. Ну, въ хоромахъ-то
 ыло разговаривать, а то сейчасъ маменька и дѣвицы
 прикутъ—дѣвцы-то къ тому-же узнали, даже еще въ
 день. Варвара-то Николаевна уже стала ворчать: «Шуты,
 азвѣ можетъ у васъ что разумное быть». — Такъ точно,
 Варвара Николаевна, развѣ можетъ у насъ что разумное
 ьмъ на тотъ разъ и отдѣлался. Вотъ-съ къ вечеру я и
 мальчика погулять. А мы съ нимъ, надо вамъ знать-съ,
 вечеръ и допрежь того гулять выходили, ровно по тому
 пути, по которому съ вами теперь, идемъ, отъ самой на
 стки до вонъ того камня большущаго, который вонъ
 дорогѣ сиротой лежитъ у плетня, и гдѣ выгонъ город
 ьнается: мѣсто пустынное и прекрасное-съ. Идемъ мы съ
 , ручка его въ моей рукѣ, по обыкновенію; махонькая у
 ша, пальчики тоненькіе, холодненькіе, — грудкой вѣдь
 она страдаетъ.— «Папа, говоритъ, папа!» — Что, говорю
 ьзеньки вижу у него сверкають.— «Папа, какъ онъ тебя
 апа!» — Что дѣлать, Илюша, говорю. — «Не мирись съ
 ьмъ, не мирись. Школьники говорятъ, что онъ тебѣ десять

кую мнѣ
 лую мнѣ
 съ
 тѣмъ
 и

даль». — Нѣтъ, говорю, Илюша, я денегъ не беру ни за что. Такъ онъ и затрясся весь, и пошелъ къ своимъ обѣмъ ручьямъ, опять цалуется. — «Папа, говоришь, вызови его на дуэль, въ школу дразнить, что ты не вызовешь его на дуэль, а десять рублей у него возьми. На дуэль, Илюша, мнѣ нельзя его вызвать, отвѣчаю я, и говорю ему вкратцѣ все то, что и вамъ на сей счетъ сейчасъ скажу. Выслушалъ онъ: — «Папа, говоритъ, папа, всетаки не на моемъ выросту, я вызову его самъ и убью его!» Глазенки-то съ него и горятъ. Ну, при всемъ томъ вѣдь я и отецъ, надобно-то ему слово правды сказать: грѣшно, говорю я ему, убивать, и на поединкѣ. — «Папа, говоритъ, папа, я его поваляю большой буду, и ему саблю выбью своей саблей, брошу его, поваляю его, замахнусь на него саблей и скажу ему: тебя сейчасъ убить, но прощаю тебя, вотъ тебѣ!» — Видите, сударь, какой процессикъ въ головкѣ-то его прошевелился въ эти два дня, это онъ день и ночь объ этомъ именно съ саблей думалъ и ночью, должно быть, объ этомъ бредилъ. Голько сталъ онъ изъ школы приходить больно битъ, третьего дня я все узналъ, и вы правы-съ; больше школы эту я его не пошлю-съ. Узнаю я, что онъ противъ класса одинъ идетъ и всѣхъ самъ вызываетъ, самъ въ сердце въ немъ зажглось, — испугался я тогда за него, ходимъ гуляемъ. — «Папа, спрашиваетъ, папа, вѣдь всѣхъ сильнѣе на свѣтѣ? — Да, говорю, Илюша, нѣтъ и сильнѣе богатаго. — «Папа, говоритъ, я разбогатѣю, я царицы пойду и всѣхъ разобью, меня царь наградить, а я тогда никто не посмѣетъ»... Потомъ помолчалъ да и говору губенки-то у него все по прежнему вздрагиваютъ. — «Поворачивай, какой это нехорошій городъ нашъ, папа!» — «Говорю, Илюшечка, не очень-таки хорошъ нашъ городъ. — переѣдемъ въ другой городъ, въ хорошій, говорятъ, горы про насъ и не знаютъ.» — «Переѣдемъ, говорю, переѣдемъ, папа, — вотъ только денегъ скоплю. Обрадовался я случаю, что онъ отъ мыслей тяжелыхъ, и стали мы мечтать съ нимъ, и въ другой городъ переѣдемъ, лошадку свою купимъ да тѣмъ мамоньку да сестрицъ усадимъ, закроемъ ихъ, а сами поѣдемъ, изрѣдка тебя подсажу, а я тутъ подлѣ поѣду, лошадку свою побережъ надо, не всѣмъ-же садиться, отправимся. Восхитился очъ этимъ, а главное, что своя будетъ и самъ на ней поѣдетъ. А ужъ извѣстно, что

родится вмѣстѣ съ лошадкой. Болтали мы долго; о, развлекъ я его, утѣшилъ. Это третьяго дня вечера вечеромъ уже другое оказалось. Опять онъ утромъ вышелъ, мрачный вернулся, очень ужъ мраченъ.

Я его за ручку, вывелъ гулять, молчить, не жкъ тогда начался, солнце затмилось, осенью поркалось ужъ, — идемъ, обнимъ намъ грустно.— Какъ-же мы, говорю, съ тобой въ дорогу-то со, на вчерашній-то разговоръ навести. Молчить, его слышу въ моей рукѣ вздрогнули. Э, думаю, ты. Дошли мы вотъ, какъ теперь, до этого сажъ я на камень этотъ, а на небесахъ все змигитъ и трещать, змѣевъ тридцать видно. Въдъ сезонъ-съ. Вотъ, говорю, Илюша, пора-бы и намъ одинъ запустить. Починю-ва я его, гдѣ онъ у ганъ? Молчить мой мальчикъ, глядитъ въ стомиѣ бокомъ. А тутъ вѣтеръ вдругъ загудѣлъ, ь... Бросился онъ вдругъ ко мнѣ весь, обнялъ руками шею, стиснулъ меня. Знаете, дѣтка коли чордыя, да слезы долго перемогаютъ въ себѣ, прорвутся, если горе большое придетъ, такъ слезы потекутъ-съ, а брызнуть словно ручьи-съ. згами этими такъ вдругъ и обмочилъ онъ мнѣ алъ, какъ въ судорогѣ, затрясся, прижимаетъ сажу на камнѣ. — «Папочка, вскрикиваетъ, папочка, какъ онъ тебя унижилъ!» Зарыдалъ тутъ и сотрясаемъ обнявшись. — «Папочка, говоритъ, юша, говорю ему, Илюшечка! Никто-то насъ -съ, Богъ одинъ видѣлъ, авось мнѣ въ формуь. Поблагодарите вашего братца, Алексѣй Федо, я моего мальчика для вашего удовольвенія

. опять со своимъ давешнимъ злымъ и юродли. Алеша почувствовалъ, однако, что ему ужъ и что будь на его мѣстѣ другой, то съ другимъ не сталъ-бы такъ «разговаривать» и не сообщто, что сейчасъ ему сообщилъ. Это ободрило его душа дрожала отъ слезъ.

ь-бы мнѣ хотѣлось помириться съ вашимъ мальчулъ онъ. — Если-бы вы это устроили... въ-съ, пробормоталъ штабсъ-капитанъ.

— Но теперь не про то, совсѣмъ не про то, слушайте! Должалъ восклицать Алеша, — слушайте! Я имѣю къ вамъ порученіе: этотъ самый мой братъ, этотъ Дмитрій, оскорбилъ и оскорбилъ невесту, благороднѣйшую дѣвушку, и о которой вы вѣрно слышали. Я имѣю право вамъ открыть про ея оскорбленіе, и я долженъ такъ сдѣлать, потому что она, узнавъ про вашу обиду и узнавъ все про ваше несчастное положеніе, поручила мнѣ сейчасъ... давеча... снести вамъ это вспоможеніе отъ нея... не отъ нея одной, не отъ Дмитрія, который и ее бросилъ, отъ нѣтъ, и не отъ меня, отъ брата его, и не отъ кого-нибудь отъ нея, только отъ нея одной! Она васъ умоляетъ принять ея помощь... вы оба обижены однимъ и тѣмъ-же человекомъ. Она и вспомнила-то о васъ лишь тогда, когда вынесла отъ васъ такую-же обиду (по силѣ обиды), — какъ и вы отъ него! Значитъ сестра идетъ къ брату съ помощью... Она именно поручила мнѣ уговорить васъ принять отъ нея вотъ эти двѣсти рублей, какъ отъ сестры, зная, что вы такъ нуждаетесь. Никто объ этомъ не узнаетъ, никакихъ несправедливыхъ сплетенъ можетъ произойти... вотъ эти двѣсти рублей и, клянусь, — должны принять ихъ, иначе... иначе, стало бытъ, всѣ должны быть врагами другъ другу на свѣтѣ! Но вѣдь есть-же и на свѣтѣ братья... У васъ благородная душа... вы должны это принять!

И Алеша протянулъ ему двѣ новенькія радужныя сторублевныя кредитки. Оба они стояли тогда именно у большаго камня у забора, и никого кругомъ не было. Кредитки произвели, и досѣ, на штабсъ-капитана страшное впечатлѣніе: онъ вздрогнулъ сначала какъ-бы отъ одного удивленія: ничего подобнаго и не мерещилось и такого исхода онъ не ожидалъ вовсе. Мощь отъ кого-нибудь, да еще такая значительная, ему и мечталась даже и во снѣ. Онъ взялъ кредитки и съ минутой и отвѣчать не могъ, совсѣмъ что-то новое промелькнуло у него на лицѣ его.

— Это мнѣ-то, мнѣ-съ, это столько денегъ, двѣсти рублей Батюшки! Да я ужь четыре года не видалъ такихъ денегъ, Господи! И говорить, что сестра... и вправду это, вправду!

— Клянусь вамъ, что все, что я вамъ сказалъ, правда! началъ Алеша. Штабсъ капитанъ побраснѣлъ.

— Послушайте-съ, голубчикъ мой, послушайте-съ, вѣдь я и приму, то вѣдь не буду-же я подлецомъ? Въ глазахъ-то вашихъ, Алексѣй Федоровичъ, вѣдь не буду, не буду подле-

— съ, Алексѣй Федоровичъ, вы выслушайте, выслушайте-съ, слышавъ онъ поминутно, дотрогиваясь до Алеши обѣими руками. — вы вотъ уговариваете меня принять тѣмъ, что «сестра» знаетъ, а внутри-то, про себя-то, — не восчувствуете ко мнѣ обиды, если я приму-съ, а?

— Да нѣтъ-же, нѣтъ! Спасеніемъ моимъ клянусь вамъ, что ни кто не узнаетъ никогда, только мы: я, вы, да она, да еще одна дама, ея большой другъ...

— Что дама! Слушайте Алексѣй Федоровичъ, выслушайте-съ, сейчасъ теперь минута такая пришла-съ. что надо выслушать, вы даже и понять не можете, что могутъ значить для меня теперь эти двѣсти рублей, продолжалъ бѣднякъ, приходя именно въ какой-то беспорядочный, почти дикій восторгъ. Онъ былъ какъ-бы сбитъ съ толку, говорилъ-же чрезвычайно и торопясь, точно опасаясь, что ему не дадутъ всего выслушать. — Кромѣ того, что это честно пріобрѣтено, отъ столь уважаемой и святой «сестры-съ», знаете-ли вы, что я маменьку и дочку. — горбатенькаго-то ангела моего, дочку-то, полѣчить могу? Пріѣзжалъ ко мнѣ докторъ Герценштубе, по добротѣ моего сердца, осматривалъ ихъ обѣихъ цѣлый часъ: «Не понимаю, говоритъ, ничего», а, однако-жь, минеральная вода, которая вытекъ здѣшной есть (прописалъ онъ ее), несомнѣнную пользу принесетъ, да ванны ножныя изъ лѣкарствъ тоже ей пропишутъ. Минеральная-то вода стоитъ тридцать копѣекъ, а кувшинъ-то надо выпить, можетъ быть, сорокъ. Такъ я взялъ да и положилъ на полку подъ образа, да тамъ и лежитъ. Дочку прописалъ купать въ какомъ-то растворѣ, въ горячихъ ваннахъ такихъ, да ежедневно утромъ и вечеромъ, такъ гдѣ-жь было сочинить такое лѣчение-съ у насъ-то, въ хоромахъ-то нашихъ, безъ прислуги, безъ помощи, безъ посуды и безъ воды-съ? Дочка-то вся въ ревматизмѣ. я вамъ это еще и не говорилъ, сейчасъ ноетъ у нея вся правая половина, мучается, и, вѣдь, ангелъ Божій, крѣпится, чтобы насъ не обезпокоить, не понетъ, чтобы насъ не разбудить. Кушаемъ мы что попало, не забудется; такъ вѣдь она самый послѣдній кусокъ возьметъ, а собакъ только можно выкинуть: «Не стою я, дескать, этого, а я у васъ отнимаю, вамъ бременемъ сижусь». Вотъ что ея мать ангельскій хочетъ изобразить. Служимъ мы ей, а ей это не стою: «Не стою я этого, не стою, недостойная я калѣвка, безнужная», — а еще-бы она не стояла-съ, когда она всѣхъ насъ своимъ ангельскою кротостью у Бога вымолила, безъ нея, безъ ея

СОЧИНЕНІЯ О. М. ДОСТОЕВСКАГО.

насъ былъ-бы адъ съ, даже Варю и ту сестру Николаевну тоже не осуждайте-съ, тоже ангелъ-подобная. Прибыла она къ намъ лѣтомъ, а было пятьдесятъ рублей, уроками заработала и отложила на зиму, чтобы въ сентябрѣ, то есть теперь-то, въ Петербургъ на нихъ воротиться. А мы взяли денежки-то ея и прожили на что ей теперь воротиться, вотъ какъ-съ. Да и нельзя воротиться-то, потому, на насъ какъ каторжная работаетъ, все какъ клячу запрягли-осѣдлали, за всѣмъ ходитъ, чинитъ, полъ мететъ, маменьку въ постель укладываетъ, а мы капризная-съ, а маменька слезливая-съ, а маменька сумасшедшая-съ!.. Такъ вѣдь теперь я на эти двѣсти рублей нанять могу-съ, понимаю-ли вы, Алексѣй Федоровичъ, и милыхъ существъ предпринять могу-съ, курсетку въ Петербургъ направлю-съ, говядины куплю-съ, дѣту новую заведу-съ. Гдѣ же да вѣдь это мечта!

Алеша былъ ужасно радъ, что доставилъ столько счастья, что бѣднякъ согласился быть очастливленнымъ.

— Стойте, Алексѣй Федоровичъ, стойте, схватился онъ новую вдругъ представившуюся ему мечту штабсъ капитанъ опять затараторилъ изступленною скороговоркой. — да знаете вы, что мы съ Илюшкой, пожалуй, и впрямь теперь мечтатели-шестивиль: купимъ лошадку да кибитку, да лошадку-то вороную, онъ просилъ непременно чтобы вороненькую, да и выиска, какъ третьяго дня росписывали. У меня въ К—сибирнѣ адвокатъ есть знакомый-съ, съ дѣтства пріятель-съ давали мнѣ чрезъ вѣрнаго человѣка, что если пріѣду, то онъ у себя на конторѣ мѣсто писмоводителя будто-бы дастъ-съ вѣдь кто его знаетъ, можетъ, и дастъ... Ну, такъ посадимъ маменьку, посадить-бы Ниночку, Илюшечку править по я-бы пѣшечкомъ, пѣшечкомъ, да всѣхъ-бы и повезъ-съ... Гдѣ же да если-бы только одинъ должокъ пропашій здѣсь погасить такъ, можетъ, достанетъ даже и на это-съ!

— Достанетъ, достанетъ! воскликнулъ Алеша, — Ка Ивановна вамъ пришлетъ еще, сколько угодно, и, знаетъ меня тоже есть деньги, возьмите сколько вамъ надо, какъ брата, какъ отъ друга, потомъ отдадите... (Вы разбогатеете богатеете!). И знаете, что никогда вы ничего лучше даже думать не въ состояніи какъ этотъ переѣздъ въ другую губернію! Въ этомъ ваше спасеніе, а главное, для вашего малышъ и знаете, поскорѣе-бы, до зимы-бы, до холодовъ, и навис-

СОЧИНЕНІЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

скричалъ онъ, простирая на воздухъ руку. улея и бросился бѣжать; но онъ не пробѣжалъ и пяти шаговъ, казъ, весь повернувшись опять, вдругъ схватилъ ручкой. Но и опять не пробѣжавъ пяти шаговъ, послѣдній уже разъ обернулся, на этотъ разъ безъ всякаго смѣха въ лицѣ, а, напротивъ, все оно сотрясалось. Плачущею, срывающеюся, захлебывающеюся скороговоркой кричалъ онъ:

— А что-жь-бы я моему мальчику-то сказалъ, если-бъ деньги за позоръ нашъ взялъ? я, проговоривъ это, бросился бѣжать, на сей разъ уже не оборачиваясь. Алеши глядѣлъ ему въ невыразимую грусть. О, онъ понималъ, что тотъ до послѣдняго мгновенія самъ не зналъ, что скрываетъ и притворяется кредитки. Бѣжавшій ни разу не обернулся, такъ и зналъ, что не обернется. Преслѣдовать и звать его онъ не могъ, онъ зналъ почему? Когда-же тотъ исчезъ изъ виду, Алеша началъ обѣ кредитки. Онѣ были лишь очень сматы, слегка вдавлены въ песокъ, и совершенно цѣлы и даже захватывали запахъ новенькія, когда Алеша развертывалъ ихъ и разглаживалъ. Разгладивъ, онъ сложилъ ихъ, сунулъ въ карманъ и пошелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ докладывать объ успѣхѣ оя по

КНИГА ПЯТАЯ.

ПРО И КОНТРА.

I.

Сговоръ.

Г-жа Хохлакова опять встрѣтила Алешу первая. Она тороплась: случилось нѣчто важное; истерика Катерины Ивановны кончилась обморокомъ, затѣмъ наступила «ужасная, страшная тревога», она легла, завела глаза и стала бредить. Теперь жаръ, послали за Герценштубе, послала за тетками. Тетки ужь здѣсь, Герценштубе еще нѣтъ. Всѣ сидятъ въ ея комнатѣ и ждутъ. «Что-то будетъ, а она безъ памяти. А ну, если горячка!»

Воскликая это, г-жа Хохлакова имѣла видъ серьезно-испуганный: «это ужь серьезно, серьезно!» прибавляла она къ какому-нибудь слову, какъ будто все что случалось съ ней прежде, было серьезно. Алеша выслушалъ ее съ горестью; началъ было разсказать ей и свои приключенія; но она его съ первыхъ же словъ прервала; ей было некогда, она просила посидѣть у Lise и у Lise подождать ее.

— Lise, милѣйшій Алексѣй Федоровичъ, зашептала она ему почти на ухо, — Lise меня странно удивила сейчасъ, но и умна, а потому сердце мое ей все прощаетъ. Представьте, только что вы ушли, она вдругъ искренно стала раскаяваться, что надѣялась будто-бы смѣяться вчера и сегодня. Но вѣдь она не смѣялась, она лишь шутила. Но такъ серьезно раскаявалась, почти со слезъ, такъ что я удивилась. Никогда она прежде серьезно не раскаявалась, когда надо мною смѣялась, а все въ шутку.

А вы знаете, она поминутно надо мною смѣется. А вотъ теперь она серьезно, теперь все пошло серьезно. Она чрезвычайно удивила ваше мнѣніе, Алексѣй Федоровичъ, и если можете, то не обращайтесь на нее, и не имѣйте претензіи. Я сама только и дѣлаю, что шажу ее, потому что она такая умненькая, — вѣрите-ли вы? Она говорила сейчасъ, что вы были другомъ ея дѣтства, — «самымъ серьезнымъ другомъ моего дѣтства, — представьте себѣ это, самымъ серьезнымъ, а я-то? У ней на этотъ счетъ чрезвычайно серьезные чувства, и даже воспоминанія, а главное эти фразы и словечки, самыя неожиданныя эти словечки, такъ что ни въ комъ не ожидаешь, а вдругъ оно и выскочитъ. Вотъ недавно о соснахъ на примѣръ: Стояла у насъ въ саду, въ ея первомъ дѣтствѣ, сосна, можетъ, и теперь стоитъ, такъ что нечего говорить о прошедшемъ времени. Сосны не люди, онѣ долго не измѣняются. Алексѣй Федоровичъ. «Мама, говоритъ, я помню эту сосну и по снѣгу, — то есть «сосну, какъ со сна» — это какъ-то она и выразилась, потому что тутъ путаница, сосна слово глупое, только она мнѣ наговорила по этому поводу что-то такое оригинальное, что я рѣшительно не возьмусь передать. Да и забыла. Ну, до свиданья, я очень потрясена и навѣрно съ вами схожу. Ахъ, Алексѣй Федоровичъ, я два раза въ жизни съ вами сходила и меня лѣчили. Ступайте къ Lise. Ободрите ее, какъ вы всегда прелестно это съумѣете сдѣлать. Lise, крикнула она, входя къ ея двери, — вотъ я привела къ тебѣ столь оскорбительнаго тобою Алексѣя Федоровича, и онъ нисколько не сердитъ, уверяю тебя, напротивъ, удивляется, какъ ты могла подумать...»

— Мерси, тата, войдите, Алексѣй Федоровичъ.

Алеша вошелъ. Lise смотрѣла какъ-то сконфуженно и вдругъ вся покраснѣла. Она видимо чего-то стыдилась, и какъ всегда при этомъ бываетъ, быстро-быстро заговорила совсѣмъ о постороннемъ, точно этимъ только постороннимъ она и интересовалась въ эту минуту.

— Мама мнѣ вдругъ передала сейчасъ, Алексѣй Федоровичъ, всю исторію объ этихъ двухстахъ рубляхъ, и объ этомъ вашемъ порученіи... къ этому бѣдному офицеру... и рассказала всю ужасную исторію, какъ его обидѣли, и, знаете, хотъ мама рассказываетъ очень не толково... она все перескакиваетъ... но я слушала и плакала. Что-же, какъ-же, отдали вы эти деньги, какъ-же теперь этотъ несчастный?..

— То-то и есть, что не отдашь, и тутъ цѣлая исторія, отъ которой Алеша, съ своей стороны какъ-бы именно болѣе всего об...

...иный тѣмъ, что деньги не отдалъ, а между тѣмъ Lise рано замѣтила, что и онъ смотритъ въ сторону, и тоже въ старается говорить о постороннемъ. Алеша присѣлъ къ нему и сталъ рассказывать, но съ первыхъ-же словъ онъ совершенно пересталъ конфузиться и увлекъ въ свою очередь Lise. говорилъ подъ вліяніемъ сильнаго чувства и недавняго необычнаго впечатлѣнія, и рассказать ему удалось хорошо и интересно. Онъ и прежде, еще въ Москвѣ, еще въ дѣтствѣ любилъ приходить къ ней, и рассказывать то изъ случившагося съ нимъ сейчасъ, то изъ прочитаннаго, то вспоминать прожитаго имъ дѣтства. Иногда даже оба мечтали вмѣстѣ и начинали цѣлыя повѣсти вдвоемъ, но большею частью все это было смѣшныя. Теперь они оба какъ-бы вдругъ перенеслись въ древнее московское время, два года назадъ. Lise была чрезвычайно растрогана его рассказомъ. Алеша съ горячимъ чувствомъ сумѣлъ нарисовать передъ ней образъ «Илюшечки». Когда же кончилъ во всей подробности сцену о томъ, какъ тотъ несчастный человѣкъ топталъ деньги, то Lise всплеснула руками и вскричала въ неудержимомъ чувствѣ:

— Такъ вы не отдали денегъ, такъ вы такъ и дали ему топтать! Боже мой, да вы хоть-бы побѣжали за нимъ сами и узнали его...

— Нѣтъ, Lise, этакъ лучше, что я не побѣжалъ, сказалъ Алеша, всталъ со стула, и озабоченно прошелся по комнатѣ.

— Какъ лучше, чѣмъ лучше? Теперь они безъ хлѣба, и поумрутъ!

— Не погибнуть, потому что эти двѣсти рублей ихъ все равно не минуютъ. Онъ все равно возьметъ ихъ завтра. Завтра-то онъ навѣрно возьметъ, проговорилъ Алеша, шагая въ раздумьи. — Идите-ли, Lise, продолжалъ онъ, вдругъ остановясь предъ ней, — тамъ тутъ сдѣлалъ одну ошибку, но и ошибка-то вышла къ лучшему.

— Какая ошибка, и почему къ лучшему?

— А вотъ почему, это человѣкъ трусливый и слабый характеромъ. Онъ такой измученный и очень добрый. Я вотъ теперь все думаю: чѣмъ это онъ такъ вдругъ обидѣлся и деньги топталъ, потому что, увѣряю васъ, онъ до самаго послѣдняго словенія не зналъ, что растопчетъ ихъ. И вотъ мнѣ кажется, онъ многимъ тутъ обидѣлся... да и не могло быть иначе въ такомъ положеніи... Во первыхъ, онъ ужь тѣмъ обидѣлся, что слышитъ при мнѣ деньгамъ обрадовался и предо мною этого не скрывалъ.

Если-бы обрадовался, да не очень, не показавъ этого, фасынъ сталъ дѣлать, какъ другіе, принимая деньги, кривляясь, тогда-бы еще могъ снести и принять, а то онъ ужь слишкомъ правдиво обрадовался, а это-то и обидно. Ахъ, Lise, онъ удивный и добрый человекъ, вотъ въ этомъ-то и вся бѣда въ подобныхъ случаяхъ! У него все время, пока онъ тогда говорилъ, онъ былъ такой слабый, ослабленный, и говорилъ онъ такъ скоро, все какъ-то хихикалъ такимъ смѣшкомъ, или ужь какъ... право, онъ плакалъ, до того онъ былъ въ восхищеніи и про дочерей своихъ говорилъ... и про мѣсто, что ему въ томъ городѣ дадутъ... И чуть только излилъ душу, вотъ ему и стыдно стало зато, что онъ такъ всю душу мнѣ покаялся. Вотъ онъ меня сейчасъ и возненавидѣлъ. А онъ изъ ужасно славныхъ бѣдныхъ. Главное-же обидѣлся тѣмъ, что слишкомъ онъ меня за своего друга принялъ и скоро мнѣ сдался; то бросилъ на меня, пугалъ, а тутъ, вдругъ только что увидѣлъ деньги, сталъ меня обнимать. Потому что онъ меня обнималъ, все руки трогалъ. Это именно вотъ въ такомъ видѣ онъ долженъ было все это униженіе почувствовать, а тутъ какъ разъ я эту ошибку сдѣлалъ, очень важную: Я вдругъ и скажи ему, что если деньги у него не достанутъ на переѣздъ въ другой городъ, то ему дадутъ, и даже я самъ ему дамъ изъ моихъ денегъ сколько угодно. Вотъ это вдругъ его и поразило: зачѣмъ, дескать, и я выскочу ему помогать? Знаете, Lise, это ужасно какъ тяжело для женнаго человека, когда все на него стануть смотрѣть его родители... я это слышалъ, мнѣ это старецъ говорилъ. Я знаю какъ это выразить, но я это часто и самъ видѣлъ. И вѣдь я самъ точно также чувствую. А главное, то, что хотѣлъ и не зналъ до самаго послѣдняго мгновенія, что растопчетъ ребенка, но все-таки это предчувствовалъ, это ужь непреклонно. Потому-то и восторгъ у него былъ такой сильный, что онъ и чувствовалъ... И вотъ хотѣло все это такъ сверно, но все-таки лучшему. Я такъ даже думаю, что къ самому лучшему, лучше быть не могло...

— Почему, почему лучше и быть не могло? воскликнула Lise съ большимъ удивленіемъ смотря на Алешу.

— Потому, Lise, что если-бы онъ не растопталъ, а взялъ деньги, то, придя домой, чрезъ часъ какой-нибудь и заплакалъ бы о своемъ униженіи, вотъ что вышло-бы непременно. Заплакалъ-бы и, пожалуй, завтра пришелъ-бы ко мнѣ чѣмъ, бросилъ-бы, можетъ быть, мнѣ кредитки и растопталъ-бы

а. А теперь онъ ушелъ ужасно гордый и съ торжествомъ, и знаетъ, что «погубилъ себя». А, стало быть, теперь ужъ нѣтъ легче какъ заставить его принять эти-же двѣсти и не далѣе какъ завтра, потому что онъ ужъ свою честь алъ, деньги швырнулъ, растопталъ... Не могъ-же онъ знать, топталъ, что я завтра ихъ ему опять принесу. А между деньги-то эти ему ужасно какъ вѣдь нужны. Хоть онъ и гордъ, а всетаки вѣдь даже сегодня будетъ думать о какой помощи онъ лишился. Ночью будетъ еще сильнѣе, во снѣ будетъ видѣть, а къ завтрашнему утру, пожалуй, будетъ ко мнѣ бѣжать и прощенья просить. А я-то вотъ и явлюсь: «Вотъ, дескать, вы гордый человекъ, вы дока- ну, теперь возьмите, простите насъ». Вотъ тутъ-то онъ и идетъ!

Алеша съ какимъ-то упоеніемъ произнесъ: «Вотъ тутъ-то и возьметъ!» Lise захлопала въ ладошки.

— Ахъ, это правда, ахъ, я это ужасно вдругъ поняла! Ахъ, да, какъ вы это все знаете? Такой молодой и ужъ знаетъ, въ душѣ... Я-бы никогда этого не выдумала...

— Его, главное, надо теперь убѣдить въ томъ, что онъ со нами на равной ногѣ, не смотря на то, что онъ у насъ и беретъ, продолжалъ въ своемъ упоеніи Алеша,—и не то на равной, но даже на высшей ногѣ...

— «На высшей ногѣ» — прелестно, Алексѣй Федоровичъ, помните, говорите!

— То есть я не такъ выразился... про высшую ногу... но ничего, потому что...

— Ахъ, ничего, ничего, конечно, ничего! Простите, Алеша. И... Знаете, я васъ до сихъ поръ почти не уважала... то уважала, да на равной ногѣ, а теперь буду на высшей стоять... Милый, не сердитесь, что я «острю», подхватила она съ-же съ сильнымъ чувствомъ.—Я смѣшная и маленькая, вы!.. Слушайте, Алексѣй Федоровичъ, нѣтъ-ли тутъ во въ этомъ разсужденіи нашемъ, то есть вашемъ.. нѣтъ ужъ не нашемъ... нѣтъ-ли тутъ презрѣнія къ нему, въ этому истинному... въ томъ, что мы такъ его душу теперь разбира- свысока точно, а? Въ томъ, что такъ навѣрно рѣшили те- , что онъ деньги приметъ, а?

— Нѣтъ, Lise, нѣтъ презрѣнія, твердо отвѣтилъ Алеша, будто уже приготовленный къ этому вопросу,—я ужъ объ въ самъ думалъ, идя сюда. Разсудите, какое ужъ тутъ пре-

зрѣніе, когда мы сами такіе-же какъ онъ, когда всё такъ какъ онъ. Потому что вѣдь и мы такіе-же, не лучше. А если и лучше были, то были-бы всетаки такіе-же на его мѣстѣ. Не знаю, какъ вы, Lise, но я считаю про себя, что у меня многомъ мелкая душа. А у него и не мелкая, напротивъ, очень деликатная... Нѣтъ Lise, нѣтъ тутъ никакого презрѣнія къ вамъ. Знаете, Lise, мой старецъ сказалъ одинъ разъ: за людьми сплести надо какъ за дѣтьми ходить, а за иными какъ за больными въ больницахъ...

— Ахъ, Алексѣй Федоровичъ, ахъ голубчикъ, давайте людямъ какъ за больными ходить!

— Давайте, Lise, я готовъ, только я самъ не совсѣмъ здоровъ; я иной разъ очень нетерпѣливъ, а въ другой разъ и къ вамъ нѣтъ. Вотъ у васъ другое дѣло.

— Ахъ, не вѣрю! Алексѣй Федоровичъ, какъ я счастлива!

— Какъ хорошо, что вы это говорите, Lise.

— Алексѣй Федоровичъ, вы удивительно хороши, но иногда какъ будто педантъ. а между тѣмъ, смотришь, вовсе не педантъ. Подите, посмотрите у дверей, отворите ихъ тихонько и посмотрите, не подслушивается-ли маменька, — прошепталъ вдругъ Lise какимъ-то нервнымъ, торопливымъ шепотомъ.

Алеша пошелъ, приотворилъ двери и доложилъ, что никто не подслушиваетъ.

— Подойдите сюда, Алексѣй Федоровичъ, продолжала Lise краснѣя все болѣе и болѣе, — дайте вашу руку, вотъ такъ. Скажите, я вамъ должна большое признаніе сдѣлать: вчерашнее письмо я вамъ не въ шутку написала, а серьезно...

И она закрыла рукой свои глаза. Видно было, что ей очень стыдно сдѣлать это признаніе. Вдругъ она схватила его руку, стремительно поцаловала ее три раза.

— Ахъ, Lise, вотъ и прекрасно, радостно воскликнулъ Алеша. — А я вѣдь былъ совершенно увѣренъ, что вы наплевательски серьезно.

— Увѣренъ, представьте себѣ! отвела вдругъ она его руку, не выпуская ее, однако, изъ своей руки, краснѣя ужасно, смѣясь маленькимъ, счастливымъ смѣшкомъ, — я ему руку поцаловала, а онъ говоритъ: «и прекрасно». Но упрекала она несправедливо: Алеша тоже былъ въ большомъ смятеніи.

— Я-бы желалъ вамъ всегда нравиться, Lise, но не такъ это сдѣлать, — пробормоталъ онъ кое-какъ, и тоже нѣтъ.

Алеша, милый, вы холодны и дерзки. Видите-ли-съ. Онъ мнѣ меня выбрать въ свои супруги и на томъ успокоился! Онъ уже увѣренъ, что я написала серьезно, каково! Но то дерзость—вотъ что!

Да развѣ это худо, что я былъ увѣренъ? засмѣялся вдругъ

Ахъ, Алеша, напротивъ, ужасно какъ хорошо, нѣжно и стѣмъ посмотрѣла на него Lise. Алеша стоялъ все еще свою руку въ ея рукѣ. Вдругъ онъ нагнулся и поцаловалъ въ самыя губки.

Это что еще? Что съ вами? вскрикнула Lise. Алеша сопотерялся.

Ну, простите, если не такъ... Я, можетъ быть, ужасно... Вы сказали, что я холоденъ, я взялъ и поцаловалъ... я вижу, что вышло глупо...

е засмѣялась и закрыла лицо руками.

И въ этомъ платьѣ! вырвалось у ней между смѣхомъ, но она перестала смѣяться и стала вся серьезная, почти я.

Ну, Алеша, мы еще подождемъ съ поцалуями, потому что го еще оба не умѣемъ, а ждать намъ еще очень долго, за-на она вдругъ.—Скажите лучше, за что вы берете меня, дуру, больную дурочку, вы, такой умный, такой мыслящій, замѣчающій? Ахъ, Алеша, я ужасно счастлива, потому что совсѣмъ не стою!

Стойте, Lise. Я на дняхъ выйду изъ монастыря совсѣмъ въ свѣтъ, надо жениться, это-то я знаю. Такъ и онъ мнѣ. Кого-жь я лучше васъ возьму... и кто меня, кромѣ васъ мнѣ? Я ужь это обдумывалъ. Во первыхъ, вы меня съ дѣт-наете, а во вторыхъ, въ васъ очень много способностей, въ во мнѣ совсѣмъ нѣтъ. У васъ душа веселѣе, чѣмъ у меня; равное, невиннѣе меня, а ужь я до многого, до многого при-ся... Ахъ, вы не знаете, вѣдь и я Карамазовъ! Что въ что вы смѣтесъ и шутите, и надо мной тоже, напротивъ, есь, и шутите, я такъ этому радъ... Но вы смѣтесъ, какъ бая дѣвочка, а про себя думаете, какъ мученица...

Какъ мученица? Какъ это?

Да, Lise, вотъ давеча вашъ вопросъ: нѣтъ-ли въ насъ пре-къ тому несчастному, что мы такъ душу его анатоми-—этотъ вопросъ мученическій... видите, я никакъ не умѣю выразить, но у кого такіе вопросы являются, тотъ самъ

способенъ страдать. Сидя въ креслахъ, вы ужь и теперь
были много передумать...

— Алена, дайте мнѣ вашу руку, что вы ее отним
проговорила Lise ослабленнымъ отъ счастья, упавшимъ на
голоскомъ. — Послушайте, Алена, во что вы одѣнетесь, ка
дете изъ монастыря, въ какой костюмъ? Не смѣйтесь,
дайте, это очень, очень для меня важно.

— Про костюмъ, Lise, а еще не думала, но въ ка
тите, въ такой и одѣнусь.

— Я хочу, чтобъ у васъ былъ темносенній, бархатн
жакъ, бѣлыми никейный жакесть и пуховая сѣрая легкая
Скажите, вы такъ и выбрали давеча, что я васъ не
когда я отъ письма вчерашняго отрекаюсь?

— Итъ, не выбрала.

— О, несчастный человекъ, несчастный!

— Видите, я знала, что вы меня... кажется, любил
сказала вамъ, что вамъ жаль, что вы не любите, что
было... убоице...

— Еще того хуже! И хуже и лучше всего. Алена
ужасно любила. И давеча, какъ вамъ прѣйдя, замарал:
у него вчерашнее письмо, и если отъ мнѣ съобщено и
отдасть его (какъ и ожидать отъ него письма писано). — то
что отъ счастья меня не любите, ничего не чувствуете,
глубинный и неустойчивый мальчикъ, а я выжила. Но вы
писало въ письмѣ и это письмо обидѣла на прощаньи, вы
оставили въ письмѣ, что представляли, что я буду пр
казало письма, такъ чтобы не отравить его? Какъ-же? Къ
— Отъ Lise, съобщить не такъ, чтобъ письмо-то се
говеря, и давеча было лучше, чтобъ въ письмѣ написать, и
Алена, написать, съобщить, письмо и писала въ ей пись
— Какъ-же и какъ не сказать ему, какъ-же не руг
— Какъ? Какъ же давеча съобщить, видъ письма, и
— Какъ-же, сказать, съобщить и Алена, — чтобы
сказать письмо сказать, чтобъ отъ мнѣ письма, прѣйдя
писать съ сообщеніемъ чувствовать и сказать, какъ-же, —
за языкъ и я отъ письма писано не сказать.

Lise сказала въ письмѣ въ выжиданіи.

— Алена, какъ-же не сказать, — какъ-же не руг
и какъ-же не сказать, — какъ-же не руг

— Какъ-же, сказать, съобщить и Алена, — чтобы
сказать письмо сказать, чтобъ отъ мнѣ письма, прѣйдя

писать съ сообщеніемъ чувствовать и сказать, какъ-же, —
за языкъ и я отъ письма писано не сказать.

Lise сказала въ письмѣ въ выжиданіи.

— Алена, какъ-же не сказать, — какъ-же не руг
и какъ-же не сказать, — какъ-же не руг

— Какъ-же, сказать, съобщить и Алена, — чтобы
сказать письмо сказать, чтобъ отъ мнѣ письма, прѣйдя

— Какъ низости? Въ какой низости? Это то, что она подслушиваетъ за дочерью, такъ это ея право, а не низость, вспыхнула Lise. — Будьте увѣрены, Алексѣй Федоровичъ, что когда я буду матерью и у меня будетъ такая-же дочь, какъ я, то непременно буду за нею подслушивать.

— Неужели, Lise? Это не хорошо.

— Ахъ, Боже мой, какая тутъ низость? Если-бъ обыкновенный свѣтскій разговоръ какой-нибудь подслушивала, то это низость, а тутъ родная дочь заперлась съ молодымъ человекомъ... Слушайте, Алеша, знайте, я за вами тоже буду подслушивать, только что мы обвиняемся, я знайте еще, что я письма ваши буду распечатывать и все читать... Это ужь будьте предувѣдомлены...

— Да, конечно, если такъ... бормоталъ Алеша, — только это хорошо...

— Ахъ, какое презрѣніе! Алеша, милый, не будемъ ссориться съ самага перваго раза, — я вамъ лучше всю правду скажу: это, конечно, очень дурно подслушивать и ужь конечно, не права, а вы правы, но только я всетаки буду подслушивать.

— Дѣлайте. Ничего за мной такого не подглядите, засмѣялся Алеша.

— Алеша, а будете-ли вы мнѣ подчиняться? Это тоже надо раньше рѣшить.

— Съ большою охотой, Lise, и непременно, только не въ самомъ главномъ. Въ самомъ главномъ, если вы будете со мной согласны, то я всетаки сдѣлаю, какъ мнѣ долгъ велить.

— Такъ и нужно. Такъ знайте, что и я, напротивъ, не только въ самомъ главномъ подчиняться готова, но и во всемъ уступлю вамъ и вамъ теперь-же въ этомъ клятву даю, — во всемъ и на всю жизнь, вскричала пламенно Lise, — и это со счастьемъ, со счастьемъ! Мало того, клянусь вамъ, что я никогда не буду за вами подслушивать, ни разу и никогда, ни одного письма вашего не прочту, потому что вы правы, а я нѣтъ. И хоть мнѣ ужасно будетъ хотѣлось подслушивать, я это знаю, но я всетаки не буду, потому что вы считаете это не благороднымъ. Вы теперь какъ мое предвѣніе... Слушайте, Алексѣй Федоровичъ, почему вы такой грустный всѣ эти дни, и вчера и сегодня; я знаю, что у васъ есть заботы, бѣдствія, но я вижу, кромѣ того, что у васъ есть особая какая-то грусть, — секретная, можетъ быть, а?

— Да, Lise, есть и секретная, грустно произнесъ Алеша. — Знайте, что меня любите, коли угадали это.

— Какая-же грусть? О чемъ? Можно сказать? съ ребной бой произнесла Lise.

— Потомъ скажу, Lise... послѣ... смутился Алеша.—Теперь пожалуй, и непонятно будетъ. Да я, пожалуй, и самъ не съужу сказать.

— Я знаю, кромѣ того, что васъ мучаютъ ваши братъ и отецъ?

— Да, и братья, проговорилъ Алеша какъ-бы въ раздумьи.

— Я вашего брата Ивана Ѳедоровича не люблю, Алеша вдругъ замѣтила Lise.

Алеша замѣчаніе это отмѣтилъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но не поднялъ его.

— Братья губятъ себя, продолжалъ онъ,—отецъ тоже и другихъ губятъ вмѣстѣ съ собою. Тутъ «земляная карамазонская сила», какъ отецъ Паисій, намедни, выразился,—земляная и истовая, необдѣланная... Даже носится-ли Духъ Божій вверху силы—и того не знаю. Знаю только, что и самъ я Карамазонъ. Я монахъ, монахъ? Монахъ я, Lise? Вы какъ-то сказали сію минуту, что я монахъ?

— Да, сказала.

— А я въ Бога-то вотъ, можетъ быть, и не вѣрую.

— Вы не вѣруете, что съ вами? тихо и осторожно проговорила Lise. Но Алеша не отвѣтилъ на это. Было тутъ, въ эти слишкомъ внезапныхъ словахъ его нѣчто слишкомъ таинственное и слишкомъ субъективное, можетъ быть, и ему самому неясное, но уже несомнѣнно его мучившее.

— И вотъ теперь, кромѣ всего, мой другъ уходитъ, первый въ мірѣ человекъ землю покидаетъ. Если-бы вы знали, если бы знали, Lise, какъ я связанъ, какъ я спаянъ душевно съ этимъ человекомъ! И вотъ я останусь одинъ... Я къ вамъ приду, Lise. Впередъ будемъ вмѣстѣ...

— Да, вмѣстѣ, вмѣстѣ! Отнынѣ всегда вмѣстѣ на всю жизнь. Слушайте, поцалуйте меня, я позволяю.

Алеша поцаловалъ ее.

— Ну, теперь ступайте, Христось съ вами! (и она перестала его). Ступайте скорѣе къ нему пока живъ. Я вижу, что стою васъ задержала. Я буду сегодня молиться за него и за васъ. Алеша, мы будемъ счастливы! Будемъ мы счастливы, будемъ?

— Кажется, будемъ, Lise.

Выйдя отъ Lise, Алеша не заблагоразсудилъ пройти къ пожѣ Хохлаковой и, не простясь съ нею, направился было

Но только что отворилъ дверь и вышелъ на лѣстницу, отъ нихъ возмись предъ нимъ сама госпожа Хохлакова. Съ пер-
слова Алеша догадался, что она поджидала его тутъ нарочно.
— Алексѣй Ѳедоровичъ, это ужасно. Это дѣтскіе пустяки и
вздоръ. Надѣюсь, вы не вздумаете мечтать... Глупости, глуп-
ости и глупости! навинулась она на него.

— Только не говорите этого ей, сказалъ Алеша,—а то она
будетъ взволнована, а это ей теперь вредно.

— Слышу благоразумное слово благоразумнаго молодаго че-
ловека. Понимать-ли мнѣ такъ, что вы сами только потому согла-
сь съ ней, что не хотѣли, изъ состраданія къ ея болѣзнен-
ному состоянію, противорѣчимъ разсердить ее.

— О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, я совершенно серьезно съ нею го-
ворю, твердо заявилъ Алеша.

— Серьезность тутъ невозможна, немыслима, и во первыхъ,
я теперь совсѣмъ не приму ни разу, а во вторыхъ, я уѣду и
уезду, знайте это.

— Да зачѣмъ-же, сказалъ Алеша,—вѣдь это такъ еще не
полгода, года полтора еще, можетъ быть, ждать придется.

— Ахъ, Алексѣй, Ѳедоровичъ, это, конечно, правда, и въ
полтора года вы тысячу разъ съ ней поссоритесь и разоидетесь.
И такъ несчастна, такъ несчастна! Пусть это все пустяки,
но это меня сразило. Теперь я какъ Фамусовъ въ послѣдней
сценѣ, вы Чацкій, она Софья, и, представьте, я нарочно убѣжала
на лѣстницу, чтобы васъ встрѣтить, а вѣдь и тамъ все ро-
вое произошло на лѣстницѣ. Я все слышала, я едва устояла.
Вотъ гдѣ объясненіе ужасовъ всей этой ночи и всѣхъ да-
вшихъ истерикъ! Дочкѣ любовь, а матери смерть. Ложись въ
постель. Теперь второе и самое главное: чтò это за письмо, кото-
рое она вамъ написала, покажите мнѣ его сейчасъ, сейчасъ!

— Нѣтъ, не надо. Скажите, какъ здоровье Катерины Ива-
ны, мнѣ очень надо знать.

— Продолжаетъ лежать въ бреду, она не очнулась; ея тетки
и только ахаютъ и надо мной гордятся, а Герценштубе
сказалъ и такъ испугался, что я не знала чтò съ нимъ и дѣлать
нечего его спасти, хотѣла даже послать за докторомъ. Его увезли
какой каретѣ. И вдругъ, въ довершеніе всего, вы вдругъ съ
мной письмомъ. Правда, все это еще черезъ полтора года. Именемъ
того великаго и святаго, именемъ умирающаго старца вашего по-
чтите мнѣ это письмо, Алексѣй Ѳедоровичъ, мнѣ, матери! Если хо-
тею, то держите его пальцами, а я буду читать изъ вашихъ рукъ.

— Ничь не покажу, Катерина Осиповна, никуда-бы не пошла, я не покажу. Я завтра приду к, если можно, вам о многомъ переговорю, а теперь—прощай!

И Алеша выбѣжалъ съ лестницы на улицу.

II.

Смердяновъ съ гитарой

Да и некогда было ему. У него блеснула мысль о томъ, что онъ прощался съ Лизе. Мысль о томъ: какъ-бы слышать и слышать образы поймавъ сейчасъ брата Дмитрія, отъ него отъ скрывающагося? Было уже не рано, былъ часъ третьей ночи. Всю жизнь существовъ своимъ Алеша стремился въ монастырь своему «великому» умирающему, но потребность видеть Дмитрія пересилила все: въ умъ Алешинъ съ каждымъ часомъ росло убѣжденіе о неминуемой ужасной катастрофѣ, которая совершится. Въ чемъ именно состояла катастрофа и что хотѣлъ бы онъ сказать сію минуту брату, можетъ быть, онъ и самъ не опредѣлялъ. «Пусть благодѣтель мой умретъ безъ меня, по крайней мѣрѣ, я не буду укорять себя всю жизнь, что, можетъ быть, могъ-бы что спасти и не спасъ, прошелъ мимо, торопясь въ свой домъ. Дѣлая такъ, по его великому слову сдѣлаю».

Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы захватить брата Дмитрія нечаянно, а именно: перелѣзть, какъ вчера черезъ тотъ заборъ войдти въ садъ и засѣсть въ ту бесѣдку. «Если-же его не найдутъ, думалъ Алеша, то, не сказавшись ни Томѣ, ни хозяйкѣ, притаиться и ждать въ бесѣдкѣ, хотя-бы до вечера. Если онъ придетъ къ прежнему караулить приходъ Грушеньки, то, очень можетъ быть, что и придетъ въ бесѣдку»... Алеша, впрочемъ, не раздумывалъ слишкомъ много о подробностяхъ плана, но онъ рѣшилъ исполнить, хотя бы пришлось и въ монастырь не попасть сегодня.

Все произошло безъ помѣхи: онъ перелѣзъ черезъ заборъ почти въ томъ самомъ мѣстѣ какъ вчера и скрытно пробрался въ бесѣдку. Ему не хотѣлось чтобъ его замѣтили: и хозяйка Тома (если онъ тутъ), могли держать сторону брата и слушаться его приказаній, а, стало быть, или въ садъ Алешу не пустили, или брата предупредили во-время, что его ищутъ и скрываютъ. Въ бесѣдкѣ никого не было. Алеша сѣлъ на свое обычное мѣсто и началъ ждать. Онъ оглядѣлъ бесѣдку, она

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

у почему-то гораздо болѣе ветхою, чѣмъ вчера; драп
показалась ему въ этотъ разъ День былъ впрочемъ
ный, какъ и вчера. На зеленомъ столѣ отпечатались
ь вчерашней, должно быть расплескавши ки
ь. Пустыя и непригодныя къ дѣлу мы .. и
ремя скучнаго ожиданія, дѣлали ему въ гол
гу онъ, войдя теперь сюда, сѣлъ именно т
; мѣсто, на которомъ вчера сидѣлъ, и по
онецъ, ему стало очень грустно, груст
тности. Но не просидѣлъ онъ и четверт
въ гдѣ-то вблизи, послышался аккордъ і
льво сейчасъ услѣлся кто-то шагахъ отъ
нкакъ не дальше, гдѣ нибудь въ кустах
кнуло воспоминаніе, что, уходя вчера отъ
ь увидѣлъ, или какъ-бы мелькнула перед имъ
довая, зеленая, низенькая старая сѣнница встала
ней-то, стало быть, и услѣлись теперь гости. Кто-же?
ской голосъ вдругъ запѣлъ сладенькою фистулой куп
анируя себѣ на гитарѣ:

Необходимой силой
Привержень я къ милой
Господи пом-и-луй
Ее и меня!
Ее и меня!
Ее и меня!

остановился. Лавейскій теноръ и вывертъ пѣсни ла
угой, женскій уже голосъ, вдругъ произвель ласка
акъ-бы робко съ небольшими, однако, жеманствомъ.
вы къ намъ долго не ходите, Павелъ Федоровичъ.
ь все презираете?

го-сь, отвѣтилъ мужской голосъ, хотя и вяжливо,
всего съ настойчивымъ и твердымъ достоинствомъ.
обладалъ мужчина, а заигрывала женщина. «Мужчи
жется, Смердяковъ, подумалъ Алеша, по крайней
мосу, а дама, это, вѣрно хозяйки здѣшняго домика
ая изъ Москвы прѣехала, платье со шлейфомъ носить
ь къ Марѣ Игнатьевнѣ ходить»...

сно я всякій стихъ люблю, если складно, продолжалъ
осъ. — Что-же вы не продолжаете? Голосъ запѣлъ

Царская корона
 Была-бы моя милая здорова
 Господи пом-и-милуй
 Ее и меня!
 Ее и меня!
 Ее и меня!

— Въ прошлый разъ еще лучше выходило, замѣтилъ свѣтъ голосъ. — Вы сѣли про корону: «была-бы моя милая здорова». Этакъ ивжнѣе выходило, вы вѣрно сегодня позавѣдали.

— Стихи вздоръ-съ, отрѣзалъ Смердяковъ.

— Ахъ, нѣтъ, я очень стихокъ люблю.

— Это чтобы стихъ-съ, то это существенный вздоръ. Разсудите сами: кто-же на свѣтъ въ рѣму говорить? И если мы стали въ рѣму говорить, хотя-бы даже по приказу начальства, то много-ли бы мы насказали-съ? Стихи не Марья Кондратьевна.

— Какъ вы во всемъ столь умны, какъ это вы во всемъ произошли? заскакала все болѣе и болѣе женскій голосъ.

— Я-бы не то еще могъ-съ, я-бы и не то еще зналъ, если-бы не жребій мой съ самаго моего сыздѣтства. Я-бы дуали изъ пистолета того убилъ, который-бы мнѣ произнесъ, я подлець, потому что безъ отца отъ смердящей произошелъ, они и въ Москвѣ это мнѣ въ глаза тыкали, отсюда благо Григорію Васильевичу переползло-съ. Григорій Васильевичъ прекаеть, что я противъ рождества бунтую; «ты, дескать, ложесна расверзь». Оно пусть ложесна, но я-бы дозволялъ у себя еще во чревѣ съ тѣмъ чтобы лишь на свѣтъ не проидти вовсе-съ. На базарѣ говорили, а ваша маменька тоже свазывать мнѣ пустилась, по великой своей неделикатности, ходила она съ колтуномъ на головѣ, а росту была всего двѣ аршинъ съ малымымъ. Для чего-же съ малымымъ, когда и просто съ малымъ сказать, какъ всѣ люди произносятся. Съ выговорить захотѣлось, такъ вѣдь это мужицкая такъ съ слеза-съ, мужицкія самыя чувства. Можетъ-ли русскій мужъ противъ образованнаго человѣка чувство имѣть? По необходимости своей онъ никакого чувства не можетъ имѣть. Я самаго сыздѣтства, какъ услышу, бывало, «съ малымымъ», точно на стѣну-бы бросился. Я всю Россію ненавижу, Марья Кондратьевна.

— Когда-бы вы были военнымъ юнкерочкомъ, или гусаркомъ молоденькимъ, вы-бы не такъ говорили, а саблю бынули и всю Россію стали-бы защищать.

— Я не только не желаю быть военнымъ гусарикомъ, Марья Кондратьевна, но желаю, напротивъ, уничтоженія всѣхъ солдатовъ-съ.

— А когда непріятель придетъ, кто-же насъ защищать будетъ?

— Да и не надо вовсе-съ. Въ двѣнадцатомъ году было такое великое нашествіе императора Наполеона французскаго того, отца нынѣшнему, и хорошо кабы насъ тогда поворили самые франгузы: умная нація покорила-бы весьма глупую-съ, и присоединила къ себѣ. Совсѣмъ даже были-бы другіе помыслы-съ.

— Да будто они тамъ у себя такъ ужь лучше нашихъ? Я нашего щеголочка на трехъ молодыхъ самыхъ англичанъ промѣняю, нѣжно проговорила Марья Кондратьевна, должно-съ, сопровождая въ эту минуту слова свои самыми томными глазами.

— Это какъ кто обожаетъ-съ.

— А вы и сами точно иностранецъ, точно благородный сам иностранецъ, ужь это я вамъ чрезъ стыдъ говорю.

— Если вы желаете знать, то по разврату и тамошніе, и мы всѣ похожи. Всѣ шельмы-съ, но съ тѣмъ, что тамошній извѣствованный сапогахъ ходитъ, а нашъ подлець въ своей курткѣ смердитъ, и ничего въ этомъ дурнаго не находитъ. Русскій народъ надо пороть-съ, какъ правильно говорилъ вчера баринъ Павловичъ, хотя и сумасшедшій онъ человекъ со всѣми своими дѣтьми-съ.

— Вы Ивана Федоровича, говорили сами, такъ уважаете.

— А они про меня отнесли, что я вонючій лакей. Они считаютъ, что я бунтовать могу; это они ошибаются-съ. У меня-бы въ карманѣ моемъ такая сумма и меня-бы здѣсь давно было. Дмитрій Федоровичъ хуже всякаго лакея и поведеніемъ, и умомъ, и нищетой своею-съ, и ничего-то онъ не умѣетъ дѣлать, а, напротивъ, отъ всѣхъ почтенъ. Я, положимъ, только ионщикъ, но я, при счастья, могу въ Москвѣ кафе-ресторанъ открыть на Петровкѣ. Потому что я готовлю спеціально, а одинъ изъ нихъ въ Москвѣ, кромѣ иностранцевъ, не можетъ спеціально. Дмитрій Федоровичъ голоштанникъ-съ, а вы-онъ на дуэль самаго первѣйшаго графскаго сына, и тотъ же поидетъ-съ, а чѣмъ онъ лучше меня-съ? Потому что онъ примѣръ меня глупѣе. Сколько денегъ просвисталъ безъ всякаго употребленія-съ.

— На дуэли очень, я думаю, хорошо, замѣтила вдругъ Кондратьевна.

— Чѣмъ-же это-съ?

— Страшно такъ и храбро, особенно коли молодые офицеры съ пистолетами въ рукахъ одинъ противъ другаго палятъ торую нибудь. Просто картинка. Ахъ, кабы дѣвицъ въ смотрѣть, я ужасно какъ хотѣла-бы посмотрѣть.

— Хорошо, коли самъ наводитъ, а коли ему самому въ рыло наводятъ, такъ оно тогда самое глупое чувство-съ. Убѣсь мѣста, Марья Кондратьевна.

— Неужто вы побѣжали-бы?

Но Смердяковъ не удостоилъ отвѣтить. Послѣ минутнаго чаія раздался опять аккордъ и фистула зазвучала послѣ вундетомъ:

Сколько ни стараться
Стану удаляться,
Жизнью наслажда-а-аться
И въ столицѣ жить!
Не буду тужить!
Совсѣмъ не буду тужить,
Совсѣмъ даже не намѣренъ тужить!"

Тутъ случилась неожиданность: Алеша вдругъ чихнул скамейкѣ мигомъ притихли. Алеша всталъ и пошелъ въ сторону. Это былъ дѣйствительно Смердяковъ, разодѣтый помаженный и чуть-ли не завитой, въ лакированныхъ ботинкахъ Гитара лежала на скамейкѣ. Дама-же была Марья Кондратьевна хозяйкина дочка; платье на ней было свѣтлоголубое, съ длиннымъ аршиннымъ хвостомъ; дѣвушка была еще молоденькая и вѣсившая-бы собой, но съ очень ужъ круглымъ лицомъ и со слезными веснушками.

— Братъ Дмитрій скоро воротится? сказалъ Алеша можно спокойнѣе.

Смердяковъ медленно приподнялся со скамейки; приподнялась и Марья Кондратьевна.

— Почему-жь-бы я могъ быть извѣстенъ про Дмитрія ровича; другое дѣло, кабы я при нихъ сторожемъ состоялъ! раздѣльно и пренебрежительно отвѣтилъ Смердяковъ.

— Да я просто спросилъ не знаете-ли? объяснилъ А.

— Ничего я про ихнее пребываніе не знаю, да и звать-желая-съ.

— А братъ мнѣ именно говорилъ, что вы-то и дает

къ обо всемъ, что въ домѣ дѣлается и общались дать знать
когда придетъ Аграфена Александровна.

Смердяковъ медленно и невозмутимо вскинулъ на него гла-

— А вы какъ изволили на сей разъ пройти, такъ какъ
эта здѣшняя уже часъ какъ на щеколду затворены? спросилъ
пристально смотря на Алешу.

— А я прошелъ съ нереулка черезъ заборъ прямо въ бе-
гу. Вы, надѣюсь, извините меня въ этомъ, обратился онъ
Марья Кондратьевичъ, — мнѣ надо было захватить скорѣе брата.

— Ахъ, можемъ-ли мы на васъ обижаться, протянула Марья
Кондратьевна, польщенная извиненіемъ Алешы, — такъ какъ и
Дмитрій Федоровичъ часто этимъ манеромъ въ бесѣдку ходятъ,
и я не знаемъ, а онъ ужь въ бесѣдкѣ сидитъ.

— Я его теперь очень ищу, я очень-бы желалъ его видѣть
и отъ васъ узнать, гдѣ онъ теперь находится. Повѣрьте, что
очень важному для него-же самого дѣлу.

— Они намъ не сказываются, пролепетала Марья Кондратьевна.

— Хотя-бы я и по знакомству сюда приходилъ, началъ вновь
Смердяковъ, — но они и здѣсь меня безчеловѣчно стѣснили без-
останновымъ спросомъ про барина: что, дескать, да какъ у нихъ,
приходить и кто таковъ уходитъ, и не могу-ли я что иное
сообщить? Два раза грозилъ мнѣ даже смертью.

— Какъ это смертью? удивился Алеша.

— А для нихъ развѣ это что составляетъ, по ихнему харак-
теру, который сами вчера изволили наблюдать-съ. Если, говорятъ,
Аграфену Александровну пропущу и она здѣсь переночуетъ — не
въ тебѣ первому живому. Боюсь я ихъ очень-съ, и кабы не
было еще пуще того, то заявить-бы долженъ на нихъ город-
скому начальству. Даже Богъ знаетъ что произвести могутъ-съ.

— Намедни, сказали мнѣ: «въ ступѣ тебя истолку», приба-
вила Марья Кондратьевна.

— Ну, если въ ступѣ, то это только, можетъ быть, разго-
воръ... замѣтилъ Алеша. — Если-бъ я его могъ сейчасъ встрѣтить,
и ногъ ему что нибудь и объ этомъ сказать...

— Вотъ что единственно могу сообщить, какъ-бы надумался
Смердяковъ. — Бываю я здѣсь по всегдашнему сосѣдскому
дѣлу, и какже-бы я не ходилъ-съ? Съ другой стороны,
Дмитрій Федоровичъ чѣмъ свѣтъ сегодня послали меня къ нимъ на
улицу въ ихнюю Озерную улицу, безъ письма-съ, съ тѣмъ,
Дмитрій Федоровичъ на словахъ непремѣнно пришелъ въ

здѣшній трактиръ-съ на площади, чтобы вѣстѣ обѣдать, шелъ-съ, но Дмитрія Фёдоровича я на квартирѣ своей я сталъ-съ, а было ужь восемь часовъ: «Быль, говорятъ, я вышелъ»,—этими самыми словами ихъ хозяева сообщали, точно у нихъ заговоръ какой-съ, обоюдный-съ. Теперь-жъ жеть быть, они въ эту самую минуту въ трактиръ этого-съ съ братцемъ Иваномъ Фёдоровичемъ, такъ какъ Павелъ Фёдоровичъ домой обѣдать не приходилъ, а Фёдоръ Павловичъ отъ часъ тому назадъ одинъ и теперь почивать легалъ. Убѣдительно однако, прошу, чтобы вы мнѣ про меня и про то что я шёлъ ничего не говорили-съ, ибо они ни за что убьютъ

— Братъ Иванъ звалъ Дмитрія сегодня въ трактиръ? (переспросилъ Алеша.

— Это точно такъ-съ.

— Въ трактиръ *Столичный городъ*, на площади?

— Въ этотъ самый-съ.

— Это очень возможно! воскликнулъ Алеша въ болѣе волненіи.—Благодарю васъ, Смердяковъ, извѣстіе важно: часъ пойду туда.

— Не выдавайте-съ, проговорилъ ему вслѣдъ Смердяковъ.

— О, нѣтъ, я въ трактиръ явлюсь какъ-бы нечаянно, покойны.

— Да куда-же вы, я вамъ калитку отопру, крикнулъ Марья Бондратьевна.

— Нѣтъ, здѣсь ближе, я опять черезъ плетень.

Извѣстіе страшно потрясло Алешу. Онъ пустился къ трактиру. Въ трактиръ ему входить было въ его одеждѣ неприлично осведомиться на лестницѣ и вызвать ихъ, это было возмозжно. Но только что онъ подошелъ къ трактиру, какъ вдругъ ринулось одно окно и самъ братъ Иванъ закричалъ ему изъ окна:

— Алеша, можешь ты ко мнѣ сейчасъ войти сюда или не можешь? Одолжишь ужасно.

— Очень могу, только не знаю какъ мнѣ въ моемъ платьѣ.

— А я какъ разъ въ отдельной комнатѣ, ступай на крыльцо и сбѣгу на встрѣчу...

Черезъ минуту Алеша сидѣлъ рядомъ съ братомъ. Онъ былъ одинъ и обѣдалъ.

III.

Братья знакомятся.

Сидялся Иванъ, однако, не въ отдельной комнатѣ. Въ маленькомъ мѣсто у окна, отгороженное ширмами, но сидѣть за ширмами всетаки не могли видѣть посторонніе. Эта была входная, первая, съ буфетомъ у боковой стѣны, поминутно шмыгали половые. Изъ посѣтителей была лишь старичокъ отставной военный, и пилъ въ уголокъ, то въ остальныхъ комнатахъ трактира происходила всякая трактирная возня, слышались призывные крики званіе пивныхъ бутылокъ, стукъ бильярдныхъ шаровъ, органъ. Алеша зналъ, что Иванъ въ этотъ трактиръ никогда не ходилъ и до трактировъ вообще не охотникъ; быть, именно потому только и очутился здѣсь, подумалъ чтобы сойтись по условію съ братомъ Дмитріемъ. И брата Дмитрія не было.

— Крикну я тебѣ ужъ аль чего-нибудь, не чаемъ-же вѣдь съ живешь, крикнулъ Иванъ, повидимому, ужасно до чего залучилъ Алешу. Самъ онъ ужъ кончилъ обѣдъ и

— Давай, давай потомъ и чаю, я проголодался, весело съ Алеша.

— Варенья вишневаго? Здѣсь есть. Помнишь, какъ ты у Полѣнова вишневое варенье любилъ?

— Ты это помнишь? Давай я варенья, я и теперь люблю. Позвонилъ половаго и приказалъ уху, чай и варенье. Се помню, Алеша, я помню тебя до одиннадцати лѣтъ, тогда пятнадцатый годъ. Пятнадцать и одиннадцать, азница, что братья въ эти годы никогда не бываютъ.

— Не знаю, любилъ-ли я тебя даже: когда я уѣхалъ то въ первые годы я даже и не вспоминалъ объ Истомѣ, когда ты самъ попалъ въ Москву, мы разстались, и встрѣтились гдѣ-то. А вотъ здѣсь я уже садъ живу и до сихъ поръ мы съ тобой не скажемъ я уѣзжаю, и думаю сейчасъ, здѣсь сиди: это увидать, чтобы проститься, а ты и идешь мимо: очень желалъ меня увидать?

— Я хочу съ тобой познакомиться разъ навсегда и

тебя съ собой познакомить. Да съ тѣмъ и проститься. По моему всего лучше знакомиться предъ разлукой. Я видѣлъ, какъ ты меня смотрѣлъ всѣ эти три мѣсяца, въ глазахъ твоихъ какое-то непрерывное ожиданіе, а вотъ этого-то я и не терпелъ оттого и не подошелъ къ тебѣ. Но въ концѣ я тебя научился уважать: твердо, дескать, стоитъ человѣчекъ. Замѣть, я и смѣюсь теперь, но говорю серьезно. Вѣдь ты твердо стоишь. Я такихъ твердыхъ люблю, на чемъ-бы тамъ они ни стояли, будь они такіе маленькіе мальчуганы, какъ ты. Ожиданіе твой взглядъ твой сталъ мнѣ вовсе подъ конецъ не противенъ: противъ, подлюбилъ я, наконецъ, твой ожидающій взглядъ. Кажется, почему-то любишь меня, Алеша?

— Люблю, Иванъ. Братъ Дмитрій говоритъ про тебя: Иванъ могла! Я говорю про тебя: Иванъ—загадка. Ты и теперь меня загадка, но нѣчто я уже осмыслилъ въ тебѣ, и всего только съ сегодняшняго утра!

— Что-жь это такое? засмѣялся Иванъ.

— А не разсердишься? засмѣялся и Алеша.

— Ну?

— А то, что ты такой-же точно молодой человѣкъ, какъ всѣ остальные двадцатитрехлѣтніе молодые люди, такой-же молодой, молоденькій, свѣжій и славный мальчикъ, ну желторотый наконецъ, мальчикъ! Что не очень тебя обидѣлъ?

— Напротивъ, поразилъ совпадениемъ! весело и съ жаромъ вскричалъ Иванъ.—Вѣришь-ли, что я, послѣ давешняго нашего свиданія у ней, только объ этомъ про себя и думалъ, объ этой двадцатитрехлѣтней моей желторотости, а ты вдругъ теперь ты угадалъ и съ этого самого начинаешь. Я сейчасъ здѣсь сидю и, знаешь, что говорилъ себѣ: не вѣруй я въ жизнь, разувѣрься въ дорогой женщинѣ, разувѣрься въ порядкѣ вещей, убѣди даже, что все, напротивъ, беспорядочный, проклятый и, можетъ быть, бѣсовскій хаосъ, порази меня хоть всѣ ужасы человеческого разочарованія, — а я все-таки захочу жить и ужъ припалъ къ этому кубку, то не оторвусь отъ него, пока его не осидю! Впрочемъ, къ тридцати годамъ навѣрно брошу бокъ, хоть и не допью всего и отойду... не знаю куда. Но тридцати моихъ лѣтъ, знаю это твердо. все побѣдить моя молодость,—всякое разочарованіе, всякое отвращеніе къ жизни спрашивалъ себя много разъ: есть-ли въ мірѣ такое отчаяніе, чтобы побѣдило во мнѣ эту изступленную и неприличную жажду быть, жажду жизни, и рѣшилъ, что, кажется, нѣтъ.

то есть опять-таки до тридцати этихъ лѣтъ, а тамъ ужъ не захочу, мнѣ такъ кажется. Эту жажду жизни иные частные соплики-моралисты называютъ часто подлюю, особенно ны. Черта-то она отчасти Карамазовская, это правда, жажда-то жизни, не смотря ни на что, въ тебѣ она тоже непремѣнно гь, но почему-жъ она подлая? Центростремительной силы страшно много на нашей планетѣ, Алеша. Жить хочется, живу, хотя-бы и вопреки логикѣ. Пусть я не вѣрю въ пользу вещей, но дороги мнѣ клейкіе, распускающіеся весной пучки, дорого голубое небо, дорогъ иной человекъ, котораго разъ, повѣришь-ли, не знаешь за что и любишь, дорогъ подвигъ человѣческій, въ который давно уже, можетъ быть, всталъ и вѣрить, а все-таки по старой памяти чтить его сердце. Вотъ тебѣ уху принесли, кушай на здоровье. Уха славно хорошо готовятъ. Я хочу въ Европу съѣздить, Алеша, да и поѣду; и вѣдь я знаю, что поѣду лишь на кладбище, но самое, на самое дорогое кладбище, вотъ что! Дорогіе тамъ лежатъ покойники, каждый камень надъ ними гласитъ о такой чей минувшей жизни, о такой страстной вѣрѣ въ свой подвигъ, въ свою истину, въ свою борьбу и въ свою науку, что наю заранѣе, паду на землю и буду цаловать эти камни и лежать надъ ними, — въ тоже время убѣжденный всѣмъ сердцемъ гь, что все это давно уже кладбище и никакъ не болѣе. И тутъ отчаянія буду плакать, а лишь просто потому, что буду гливъ пролитыми слезами моими. Собственнымъ умиленіемъ всь. Клейкіе весенніе листочки, голубое небо люблю я, вотъ тутъ не умъ, не логика, тутъ нутромъ, тутъ чревомъ люблю, первая свои молодыя силы любишь... Понимаешь ты что-дъ въ моей ахинеѣ, Алешка, аль нѣтъ? засмѣялся вдругъ гь.

— Слишкомъ понимаю, Иванъ: нутромъ и чревомъ хочется гь, — прекрасно ты это сказалъ, и радъ я ужасно за то, тебѣ такъ жить хочется, воскликнулъ Алеша. — Я думаю, всѣ должны прежде всего на свѣтѣ жизнь полюбить.

— Жизнь полюбить больше чѣмъ смыслъ ея?

— Непремѣнно такъ, полюбить прежде логики, какъ ты говоришь, непремѣнно чтобы прежде логики, и тогда только я и гь пойму. Вотъ что мнѣ давно уже мерещится. Половина о дѣла сдѣлана, Иванъ, и приобрѣтена: ты жить любишь. гь надо постараться тебѣ о второй твоей половинѣ, и ты гь.

— Ужь ты и спасаешь, да я и не погибаю, можетъ бытъ. А въ чемъ она вторая твоя половина?

— Въ томъ, что надо воскресить твоихъ мертвецовъ, которые можетъ быть, никогда и не умирали. Ну, давай чаю. Я знаю, что мы говоримъ, Иванъ.

— Ты, я вижу, въ какомъ-то вдохновеніи. Ужасно я люблю такія professions de foi вотъ отъ такихъ... послушниковъ. Ты смѣлый ты человекъ, Алексѣй. Правда, что ты изъ монастыря хочешь выйти?

— Правда. Мой старецъ меня въ міръ посылаетъ.

— Увидимся еще, стало быть, въ міру-то, встрѣтятся. Тридцати-то лѣтъ, когда я отъ кубка-то начну отрываться. Онъ вотъ не хочетъ отрываться отъ своего кубка до семидесяти лѣтъ, до восьмидесяти даже мечтаетъ, самъ говорилъ, у него, слишкомъ серьезно, хоть онъ и шутъ. Сталъ на сладострастіи своемъ и тоже будто на камнѣ... хотя послѣ тридцати-то лѣтъ правда, и не на чемъ, пожалуй, стать, кромѣ какъ на этомъ. Но до семидесяти подло, лучше до тридцати: можно сохранить «отгѣнокъ благородства», себя надувая. Не видалъ сего Дмитрія?

— Нѣтъ, не видалъ, но я Смердякова видѣлъ. И Алеша рассказалъ брату на-скоро, и подробно о своей встрѣчѣ Смердяковымъ. Иванъ сталъ вдругъ очень озабоченно слушать кое-что даже переспросилъ.

— Только онъ просилъ меня брату Дмитрію не говорить о томъ, что онъ о немъ говорилъ, прибавилъ Алеша.

Иванъ нахмурился и задумался.

— Ты это изъ-за Смердякова нахмурился? спросилъ Алеша.

— Да, изъ-за него. Къ чорту его, Дмитрія я дѣйствительно хотѣлъ было видѣть. но теперь не надо... неохотно проговорилъ Иванъ.

— А ты въ самомъ дѣлѣ такъ скоро уѣзжаешь, братъ?

— Да.

— Что-же Дмитрій, и отецъ? Чѣмъ это у нихъ кончилось тревожно промолвилъ Алеша.

— А ты все свою канитель! Да я-то тутъ что? Сторожить что-ли, моему брату Дмитрію? раздражительно отрѣзалъ Иванъ, но вдругъ какъ-то горько улыбнулся:— Канновъ отъ Бога объ убитомъ братѣ, а? Можетъ быть, ты это думаешь въ эту минуту? Но, чортъ возьми, не могу-же я въ самомъ дѣлѣ оставаться тутъ у нихъ сторожемъ? Дѣла кончили, и ѣду.

думаешь-ли ты, что я ревную къ Дмитрію; что я отбивалъ того всѣ эти три мѣсяца его красавицу Катерину Ивановну. Чортъ, у меня свои дѣла были. Дѣла кончилъ, и ѣду. Дѣла эта кончилъ, ты былъ свидѣтелемъ.

— Это давеча у Катерины Ивановны?

— Да, у ней, и разомъ развязался. И что-жь такое? Какое дѣло до Дмитрія? Дмитрій тутъ ни при чемъ! У меня были свои собственные дѣла съ Катериною Ивановною. Самъ ты знаешь, напротивъ, что Дмитрій велъ себя такъ, какъ будто въ заговорѣ со мной. Я вѣдь не просилъ его нисколько, а самъ мнѣ торжественно ее передалъ, и благословилъ. Это мнѣ такъ подобно. Нѣтъ, Алеша, нѣтъ, если-бы ты зналъ, какъ себя теперь легко чувствую! Я вотъ здѣсь сидѣлъ и обѣдалъ, и вѣришь-ли, хотѣлъ было спросить шампанскаго, чтобъ отпраздновать первый мой часъ свободы. Тѣфу, полгода почти, — вдругъ разомъ, все разомъ снялъ. Ну, подозрѣвалъ-ли я даже тогда, что это, если захотѣть, то ничего не стоитъ кончить!

— Ты про любовь свою говоришь, Иванъ?

— Любовь, если хочешь, да, я влюбился въ барышню, въ институтку. Мучился съ ней, и она меня мучила. Сидѣлъ надъ ней, и вдругъ все слетѣло. Давеча я говорилъ вдохновенно, а сейчасъ и расхохотался, — вѣришь этому. Нѣтъ, я буквально вѣрю.

— Ты и теперь такъ это весело говоришь, замѣтилъ Алеша, видываясь въ его въ самомъ дѣлѣ повеселѣвшее вдругъ лицо.

— Да почему-же я зналъ, что я ее вовсе не люблю! Хе-хе! И такъ и оказалось, что нѣтъ. А вѣдь какъ она мнѣ нравилась! И вѣришь-ли, и теперь нравится ужасно, — а между тѣмъ какъ легко ее можно уѣхать. Ты думаешь, я фанфароню?

— Нѣтъ. Только это, можетъ, не любовь была.

— Алешка, засмѣялся Иванъ, — не пускайся въ разсужденія любви! Тебѣ неприлично. Давеча-то, давеча-то ты выскочилъ, и я еще и забылъ поцаловать тебя за это... А мучила-то она меня какъ! Во истину у надрыва сидѣлъ. Охъ, она знала что я ее люблю! Любила меня, а не Дмитрія, весело настаивала на томъ. — Дмитрій только надрывъ. Все, что я давеча ей говорилъ, истинная правда. Но только въ томъ дѣло, самое главное, что ей нужно, можетъ быть, лѣтъ пятнадцать, аль двадцать, чтобы догадаться, что Дмитрія она вовсе не любитъ, а любитъ кого меня, котораго мучаетъ. Да, пожалуй, и не догадается

она никогда, не смотря даже на сегодняшний урокъ. Ну и да всталъ да и ушелъ на вѣля. Кстати, что онъ теперь? Что тамъ когда я ушелъ?

Алеша рассказалъ ему объ истерикѣ, и о томъ, что она, какъ теперь въ безпамятствѣ и въ бреду.

— А не вретъ Хохлакова?

— Кажется, нѣтъ.

— Надо справиться. Отъ истерики, впрочемъ, никто не умиралъ. Да и пусть истерика, Богъ женщины слалъ истерику любви. Не пойду я туда вовсе. Къ чему опять.

— Ты, однако-же, давеча ей сказалъ, что она никогда не любила.

— Это я нарочно. Алешка, прикажу-ка я шампанскаго, емъ за мою свободу. Нѣтъ, если-бы ты зналъ, какъ я радъ!

— Нѣтъ, братъ, не будемъ лучше пить, сказалъ Алеша, — въ тому-же мнѣ какъ-то грустно.

— Да, тебѣ давно грустно, и это давно вежу.

— Такъ ты непременно завтра утромъ поѣдешь?

— Утромъ? Я не говорилъ, что утромъ... А, впрочемъ, жетъ, и утромъ. Вѣришь-ли, я вѣдь здѣсь обѣдалъ сегодня собственно чтобы не обѣдать со старикомъ, до того онъ мнѣ противенъ. Я отъ него отъ одного давно-бы уѣхалъ. А ты такъ безпокоишься, что я уѣзжаю, У насъ съ тобой еще знаетъ сколько времени до отъѣзда. Цѣлая вѣчность зря безсмертіе!

— Если ты завтра уѣзжаешь, какая-же вѣчность?

— Да насъ-то съ тобой чѣмъ это касается? засмѣялся Иванъ вѣдь свое-то мы успѣемъ все-таки переговорить, свое-то, для чего мы пришли сюда? Чего ты глядишь съ удивленіемъ? Отъ чего мы для чего здѣсь сошлись? Чтобы говорить о любви къ Ивану Ивановичу, о старикѣ и о Дмитріѣ? О за границѣ? О какомъ положеніи Россіи? Объ императорѣ Наполеонѣ? Такъ-ли, этого-ли?

— Нѣтъ, не для этого.

— Самъ понимаешь, значить, для чего. Другимъ однимъ намъ, желторотымъ, другое, намъ прежде всего надо практическіе вопросы разрѣшить, вотъ наша забота. Вся молодая Россія только лишь о вѣковѣчныхъ вопросахъ теперь и только. Именно теперь, какъ старики всѣ полѣзли вдругъ практическіе вопросы заниматься. Ты изъ-за чего всѣ три мѣсяца

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

въ ожиданіи? Чтобы допросить меня: «како вѣруешь» не вѣруешь»,—вотъ вѣдь къ чему сложились ваши ные взгляды, Алексѣй Федоровичъ, вѣдь ожалуй, что и такъ, улыбуился Алеша: ь не
теперь надо мною, братъ?

—то смѣюсь? Не захочу я огорчить моего и мѣсяца глядѣлъ на меня въ такомъ оми прямо. я вѣдь и самъ точь въ точь и икъ, какъ и ты, развѣ только вотъ на екіе мальчики какъ до сихъ поръ орудуи гь, напримѣръ, здѣшній вонючій трактиръ, и , засѣли въ уголь. Всю жизнь прежде не зна выйдутъ изъ трактира, сорокъ лѣтъ опять не , угъ друга, ну и что-жь, о чемъ они будутъ ра мали минутку въ трактиръ-то? О мировыхъ вѣрсахъ : есть-ли Богъ, есть-ли безсмертіе? А которые въ Бога ть, ну, тѣ о социализмѣ и объ анархизмѣ заговорятъ, о въ всего человѣчества по новому штату, такъ вѣдь это : чортъ выйдетъ, всѣ тѣ-же вопросы, только съ другаго множество, множество самыхъ оригинальныхъ русскихъ въ только и дѣлаютъ, что о вѣковѣчныхъ вопросахъ у насъ въ наше время. Развѣ не такъ?

а, настоящіи русскими вопросы о томъ: есть-ли Богъ и безсмертіе, или, какъ вотъ ты говоришь, вопросы съ сонца, конечно, первые вопросы и прежде всего, да такъ проговарялъ Алеша все съ тою-же тихою и испытующею взглядываясь въ брата.

отъ что, Алеша, быть русскимъ человѣкомъ иногда во-мно, во всетаки глупѣе того, чѣмъ теперь занимаютъ мальчики, и представить нельзя себѣ. Но я одного рус-льчика, Алешку, ужасно люблю.

акъ ты это славно подвелъ, засмѣялся вдругъ Алеша. у, говори-же, съ чего начинать, приказывай самъ, съ шествуетъ-ли Богъ, что-ли?

ъ чего хочешь, съ того и начинай, хоть съ «другаго» Вѣдь ты вчера у отца провозгласилъ, что нѣтъ Бога, поглядѣлъ на брата Алеша.

вчера за обѣдомъ у старика тебя этимъ наругали дру-идѣлъ какъ у тебя разгорѣлись глаза. Но теперь и чь съ тобой переговорить и говорю это ~~очень серьезно~~ чу сойдтись, Алеша, потому что у ~~меня есть~~

друзей, попробовать хочу. Ну, представь-же себѣ, неужетъ бы я принимаю Бога, засмѣялся Иванъ,—для тебя это неожиданнѣе.

— Да, конечно, если ты только и теперь не шутишь.

— Шутишь. Это вчера у старца сказали, что я шушу. Види голубчикъ, былъ одинъ старый грѣшникъ въ восемнадцатомъ столѣтіи, который изрекъ, что если-бы не было Бога, то сдѣлало-бы его выдумать, *s'il n'existait pas Dieu il faudrait l'inventer*. И дѣйствительно человекъ выдумалъ Бога. И не то странно, то было-бы дивно, что Богъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ; то дивно, что такая мысль—мысль о необходимости Бога—могла зайти въ голову такому дивному и злому животному какъ человекъ, до того она свята, до того трогательна, до того мудра и до того она дѣлаетъ честь человекъ. Что-же до меня, то я давно уже положилъ не думать о томъ: человекъ-ли онъ далъ Бога или Богъ человекъ? Не стану я, разумеется, перебирать на этотъ счетъ всѣ современныя аксіомы русскихъ мальчиковъ, всѣ сплошь выведенныя изъ европейскихъ гипотезъ; потому что, что тамъ гипотеза, то у русскаго мальчика тотчасъ-же аксіома и не только у мальчиковъ, но, пожалуй, у ихнихъ профессоровъ, потому что и профессора русскіе все часто у насъ теперь тѣ-же русскіе мальчики. А потому объясню всѣ гипотезы. Вѣдь у насъ съ тобой какая теперь задача? Задача въ томъ, чтобъ я какъ можно скорѣе могъ объяснить тебѣ истину, то есть что я за человекъ, во что вѣрую и на что надеюсь, вѣдь такъ, такъ? А потому и объясняю, что принимаю Бога прямо и просто. Но вотъ, однако, что надо отмѣтить: если Богъ есть и если онъ дѣйствительно создалъ землю, то, какъ намъ совершенно извѣстно, создалъ онъ ее по эвклидовой геометріи, а умъ человѣческій съ понятіемъ лишь о трехъ измеренияхъ пространства. Между тѣмъ находились и находятся и теперь геометры и философы, и даже изъ замѣчательнѣйшихъ, которые сомнѣваются въ томъ, чтобы вся вселенная, или, если обширнѣе,—все бытіе было создано лишь по эвклидовой геометріи, осмѣливаются даже мечтать, что двѣ параллельныя прямыя, которыя по Эвклиду ни за что не могутъ сойтись на землѣ, можетъ быть, и сошлись-бы гдѣ-нибудь въ безконечности. Я, голубчикъ, рѣшилъ такъ, что если я даже этого не могу понять, то гдѣ-жь мнѣ про Бога понять. Я смиренно признаю, что меня нѣтъ никакихъ способностей разрѣшать такіе вопросы, какъ меня умъ эвклидовскій, земной, а потому гдѣ намъ рѣшать о томъ, что не отъ міра сего. Да и тебѣ совѣтую объ этомъ никогда

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫЕ.

И вдругъ Алеша, а пуще всего на счетъ? Все это вопросы совершенно неясны для меня съ понятіемъ лишь о трехъ извѣстныхъ Богу я не только съ охотой, но жажду знать Его, и цѣль Его,—намъ совершить жизнь въ порядокъ, въ смыслъ жизни, въ которой мы будто-бы все сольемся въ одну точку стремится все. И въ которое Слово Божье есть само Богъ, и прочее, и прочее. Слово-то много на этотъ счетъ на, на хорошей дорогѣ—а? Ну, такъ представь-мъ впечательномъ результатѣ я міра этого Божьяго — ...

И хоть и знаю, что онъ существуетъ, да не допустить. Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я міра много, міра-то Божьяго не принимаю и не могу согласиться. Оговорюсь: я убѣжденъ какъ младенецъ, что страдающие и сгладятся, что весь обидный комизмъ человѣчій противорѣчій исчезнетъ какъ жалкій миражъ, какъ гнусное измышленіе малосильнаго и маленькаго, какъ атомъ всякаго эвклидовскаго ума, что, наконецъ, въ мировомъ въ моментъ вѣчной гармоніи, случится и явится нѣчто краше, что хватить его на всѣ сердца, на утѣлу и негодованийъ, на искупленіе всѣхъ злодѣйствъ людей, и той или ихъ крови, хватить чтобы не только было простить, но и оправдать все что случилось съ людьми,— и это все будетъ и явится, но я-то этого не принимаю принять! Пусть даже параллельныя линіи сойдутся и я увижу: увижу и скажу что сошлись, а все-таки не такъ моя суть, Алеша, вотъ мой тезисъ. Это ужъ я бы высказалъ. Я нарочно началъ этотъ нашъ съговоръ какъ глупѣе нельзя начать, но довелъ до моей цѣли, что ее только тебѣ и надо. Не о Богъ тебѣ, а лишь нужно было узнать чѣмъ живетъ твой братъ. Я и сказалъ.

Ключилъ свою длинную тираду вдругъ съ какимъ-то неожиданнымъ чувствомъ.

Чего ты началъ такъ, какъ «глупѣе нельзя начать Алеша, задумчиво смотря на него.

Первыхъ, хоть для руссизма: русскіе разговоры съ ведутся какъ глупѣе нельзя вести. А во вторыхъ чѣмъ глупѣе, тѣмъ ближе къ дѣлу. Чѣмъ глупѣе,

есть-ли
на у,
1

СОЧИНЕНІЯ Ф. М. ДОСТОВЬСКАГО.

Глупость коротка и не хитра, а умъ зѣва
умъ подлець, а глупость пряма и честна. Я
до моего отчаянія, и чѣмъ глупѣе я его выставилъ
для меня-же выгоднѣе.

— Ты мнѣ объяснишь, для чего «міра не принимаешь»
говорилъ Алеша.

— Ужь, конечно, объясню, не секретъ, къ тому я вел
тишка ты мой, не тебя я хочу развратить и сдвинуть съ
устоя, я, можетъ быть, себя хотѣлъ-бы исцѣлять тобой,
нулся вдругъ Иванъ совсѣмъ какъ маленькій кроткій
Никогда еще Алеша не видалъ у него такой улыбки.

IV.

Б у н т ь .

Я тебѣ долженъ сдѣлать одно признаніе, началъ И
я никогда не могъ понять какъ можно любить своихъ бли
Именно ближнихъ-то, по моему, и невозможно любить, и
лишь дальнихъ. Я читалъ вотъ какъ-то и гдѣ-то про «Іоанни
стиваго» (одного святаго), что онъ, когда къ нему пришелъ
ный и обмерзшій прохожій и попросилъ согрѣть его, легъ с
вмѣстѣ въ постель, обналъ его и началъ дышать ему въ гно
и зловонный отъ какой-то ужасной болѣзни ротъ его. Я уби
что онъ это сдѣлалъ съ надрывомъ, съ надрывомъ жи
заказанной долгою любовью, изъ-за натащенной на себя ви
Чтобы полюбить человѣка надо чтобы тотъ спрятался,
лишь покажетъ лицо свое—пропала любовь.

— Объ этомъ не разъ говорилъ старецъ Зосима, за
Алеша,—онъ тоже говорилъ, что лицо человѣка часто и
еще неопытнымъ въ любви людямъ мѣшаетъ любить. И
есть и много любви въ человѣчествѣ, и почти подобной Хри
любви, это я самъ знаю, Иванъ...

— Ну, я-то пока еще этого не знаю и понять не
безчисленное множество людей со мною тоже. Вопросъ в
томъ, отъ дурныхъ-ли качествъ людей это происходитъ, и
оттого, что такова ихъ натура. По моему, Христова люб
людямъ есть въ своемъ родѣ невозможное на землѣ чудо. І
Онъ былъ Богъ. Но мы-то не боги. Положимъ, я, напр
глубоко могу страдать, но другой никогда вѣдь не можетъ

И степенно я страдаю, потому что онъ другой, а не я, и того, рѣдко человѣкъ согласится признать другаго за себя (точно будто это чинъ). Почему не согласится, какъ вѣшь? Потому, напримѣръ, что отъ меня дурно пахнетъ, у меня глупое лицо, потому что я разъ, когда-то, отдалилъ у. Къ тому-же страданіе и страданіе: унижительное страданіе, унижающее меня, голодъ, напримѣръ, еще допустить во благодѣтель, но чуть повыше страданіе, за идею, на- , кѣтъ онъ это въ рѣдкихъ развѣ случаяхъ допустить, что онъ, напримѣръ, посмотритъ на меня и вдругъ уви- го у меня вовсе не то лицо, какое по его фантазіи долж- ытъ у человѣка, страдающаго за такую-то, напримѣръ, ьотъ онъ и лишаетъ меня сейчасъ-же своихъ благодѣ- аже вовсе не отъ злаго сердца. Нищіе, особенно благо- нищіе, должны-бы были наружу никогда не показы- а просить милостыню чрезъ газеты. Отвлеченно еще любить ближняго и даже иногда издали, но вблизи почти . Если-бы все было какъ на сценѣ, въ балетѣ, гдѣ ни- да они появляются, приходятъ въ шелковыхъ лохмотьяхъ ихъ кружевахъ и просятъ милостыню, граціозно танцуя, а еще можно любоваться ими. Любоваться, но всетаки не Но довольно объ этомъ. Мнѣ надо было лишь поставить мою точку. Я хотѣлъ заговорить о страданіи человѣче- обще, но лучше ужъ остановимся на страданіяхъ однихъ то уменьшить размѣры моей аргументаціи разъ въ де-) лучше ужъ про однихъ дѣтей. Тѣмъ не выйднѣе для азумѣется. Но, во первыхъ, дѣтокъ можно любить даже и, даже и грязныхъ, даже дурныхъ лицомъ (мнѣ, одна- кажется, что дѣтки никогда не бываютъ дурны лицомъ). ыхъ, о большихъ я и потому еще говорить не буду, что того что они отвратительны и любви не заслуживаютъ, у ть и возмездіе: они съѣли яблоко и познали добро и зло, «яко бози». Продолжаютъ и теперь ѣсть его. Но дѣ- ничего не съѣли и пска еще ни въ чемъ невиновны. , ты дѣтокъ, Алеша? Знаю, что любишь, и тебѣ будетъ , для чего я про нихъ однихъ хочу теперь говорить. и на землѣ тоже ужасно страдаютъ, то ужъ, конечно, за своихъ, наказаны за отцовъ своихъ, съѣвшихъ яблоко;— , это разсужденіе изъ другаго міра, сердцу-же человѣче- дѣсь на землѣ непонятное. Нельзя страдать неповинному аго, да еще такому неповинному! Подивись на меня,

въ зрѣніи забываясь въ вѣрныя или грѣшныя стороны
быть... и еще то. Для въ строго. Въ ихъ
дети... Изъ бѣда строго не была и въ
мощь въ ирашше на формочъ свое...
дальшаго... въ... приходтъ въ
ны. А вотъ очень... Тамъ же
это и это все говорю. Ахъ... Тамъ...
и въ...

— Ты говоришь въ... бездом
забытъ... — точно ты въ...

— Матя, чѣмъ недавно...
Москва. — продолжалъ Иванъ...
брата. — какъ турки и...
всѣмъ...
заявъ. — то есть...
прибываютъ арестантамъ...
такъ до утра, а до...
невозможно. Въ самомъ...
скую жестокость...
и общно для...
жестокъ, какъ...
ственно жестокъ. Тигръ...
умѣть. Ему и въ...
на ночь...
турки, между...
чаяя съ...
бросанія...
птыкъ въ...
слабую...
республиканская...
гренешушей...
песелки...
раземкшитъ, имъ...
турокъ...
стоянтіи... Мальчикъ радостно хохочетъ, ты

...чтобъ схватить пистолетъ и вдругъ артистъ спускаетъ курокъ прямо ему въ лицо и раздробляетъ ему голову... Хулиганство, не правда-ли? Бстати, турки, говорятъ, очень лю-бятъ сладкое.

— Братъ, къ чему это все? спросилъ Алеша.

— Я думаю, что если дьяволъ не существуетъ и, стало бытъ, создалъ его человекъ, то создалъ онъ его по своему образу и подобію.

— Въ такомъ случаѣ, равно какъ и Бога.

— А ты удивительно какъ умѣешь оборачивать словечки, говоритъ Полоній въ *Гамлетъ*, засмѣялся Иванъ. — Ты смѣешь меня на словѣ; пусть, я радъ. Хорошъ-же твой Богъ, что создалъ человекъ по образу своему и подобію. Ты смѣешь сейчасъ, для чего я это все: я, видишь-ли, любитель и собиратель нѣкоторыхъ фактивовъ и, вѣришь-ли, записываю и собираю изъ газетъ и рассказовъ, откуда попало, нѣкотораго анекдотика, и у меня уже хорошая коллекція. Турки, конечно, вошли въ коллекцію, но это все иностранцы. У меня много родныхъ штучки и даже лучше турецкихъ. Знаешь, у насъ больше битые, больше розга и плеть, и это національно: у насъ прибитые гвоздями уши невыносимы, мы всетаки европейцы, а турки, но плеть, это нѣчто уже наше и не можетъ быть у насъ отнято. За границей теперь какъ будто и не бьютъ со-всѣмъ, нравы что-ли очистились, али ужъ законы такіе устроили, что человекъ человека какъ будто ужъ и не смѣетъ по-бить, но за то, они вознаграждали себя другимъ и тоже чисто национальнымъ какъ и у насъ, и до того национальнымъ, что у насъ оно какъ будто и невозможно, хотя, впрочемъ, кажется, и въ насъ прививается, особенно со времени религіознаго движенія въ высшемъ обществѣ. Есть у меня одна прелестная пьеса, переводъ съ французскаго, о томъ какъ въ Женевѣ, недавно, всего лѣтъ пять тому, казнили одного злодѣя и убійцу, Ришара, двадцатитрехлѣтняго, кажется, малаго, раскаявшагося и обратившагося къ христіанской вѣрѣ предъ самымъ казнѣю. Этотъ Ришаръ, былъ чей-то незаконнорожденный, которого еще младенцемъ, лѣтъ шести, подарили родители какому-то горнымъ швейцарскимъ пастухамъ и тѣ его взростили, употребляютъ въ работу. Росъ онъ у нихъ какъ дикій звѣрь, но не научили его пастухи ничему, напротивъ, семи лѣтъ казнили пастухи стадо, въ мокреть и въ холодъ, почти безъ пищи и почти не кормя его. И ужъ конечно, такъ дѣлая, вы-

кто изъ нихъ не задумывался и не раскаивался, напротивъ талъ себя въ полномъ правѣ, ибо Ришаръ подаренъ имъ какъ вещь и они даже не находили необходимыми кормить. Самъ Ришаръ свидѣтельствуесть, что въ тѣ годы онъ блудный сынъ въ Евангеліи, желалъ ужасно поѣсть хлѣбъ свиной, которое давали откармливаемымъ на продажѣ, но ему не давали даже и этого и били, когда онъ красть у и такъ провелъ онъ все дѣтство свое и всю юность, д поръ, пока возросъ и, укрьпившись въ силахъ, пошелъ воровать. Дикарь сталъ добывать деньги подонною работою въ Женевѣ, добытое пропивалъ, жилъ какъ извергъ и в тѣмъ, что убилъ какого-то старика и ограбилъ. Его сх судили и присудили къ смерти. Тамъ вѣдь не сантимент чаютъ. И вотъ, въ тюрьмѣ, его немедленно окружаютъ и я члены разныхъ Христовыхъ братствъ, благотворительны и проч. Научили они его въ тюрьмѣ читать и писать, ставать ему Евангеліе, усовѣщевали, убѣждали, напирали, и давили, и вотъ онъ самъ торжественно сознается, наконецъ своемъ преступленіи. Онъ обратился, онъ самъ написалъ съ онъ извергъ и что, наконецъ-таки, онъ удостоился того его озарилъ Господь и послалъ ему благодать. Все взв лось въ Женевѣ, вся благотворительная и благочестив нева. Все, что было высшаго и благовоспитаннаго, ринулось ему въ тюрьму; Ришара целуютъ, обнимаютъ: «ты братъ на тебя сошла благодать!» А самъ Ришаръ только плачъ умиленіи: «да, на меня сошла благодать! Прежде я все дѣ юность мою радъ былъ корму свиней, а теперь сошла и благодать, умираю во Господѣ!» — «Да, да, Ришаръ, умри подѣ, ты пролилъ кровь и долженъ умереть во Господѣ ты невиновенъ, что не зналъ совсѣмъ Господа, когда валъ корму свиней и когда тебя били за то, что ты красть кормъ (что ты дѣлалъ очень не хорошо, ибо красть не лено), — но ты пролилъ кровь и долженъ умереть». И в ступаетъ послѣдній день. Разслабленный Ришаръ пла только и дѣлаетъ, что повторяетъ ежеминутно: «Это лучи дней моихъ, я иду къ Господу!» — «Да», кричатъ пасторы и благотворительныя дамы, «это счастливѣйшій день тв ты идешь къ Господу!» Все это двигается къ эшафоту, за позорною колесницей, въ которой везутъ Ришара, въ жахъ, пѣшкомъ. Вотъ достигли эшафота: «умри, братъ кричатъ Ришару, умри во Господѣ, ибо и на тебя сошла

И вотъ, покрытаго поцалуями братьевъ, брата Ришара на эшафотъ, положили на гильйотину и оттапали-таки по братски, голову зато, что и на него сошла благодать. Это характерно. Брошюрка эта переведена по русски, какъ-то русскими лютеранствующими благотворителями высшаго кута и разослана для просвѣщенія народа русскаго при газетъ и другихъ изданіяхъ даромъ. Шутка съ Ришаромъ хотѣтъ, что національна. У насъ хотъ нелѣпо рубить голову брата потому только, что онъ сталъ намъ братъ, и что на него сошла благодать, но, повторяю, у насъ есть свое почти, что такое. У насъ историческое, непосредственное и ближайшее преданіе истязаніемъ битья. У Некрасова есть стихи о томъ, мужикъ сбьетъ лошадь кнутомъ по глазамъ, «по кроткимъ глазамъ». Этого кто-жь не видалъ, это руссизмъ. Онъ описываетъ какъ слабосильная лошаденка, на которую навалили слишкомъ завязла съ возомъ и не можетъ вытащить. Мужикъ бьетъ лошадь съ остервенѣніемъ, бьетъ, наконецъ, не понимая что делаетъ, въ опьяненіи битья сбьетъ больно, безчисленно: «Хотъ не въ силахъ, а вези, умри, да вези!» Кляченка рвется и онъ начинаетъ сбьть ее, беззащитную, по плачущимъ, по кроткимъ глазамъ». Въ себя, она рванула и вывезла, и повелась дрожа, не дыша, какъ-то бокомъ, съ какою-то припадкой, какъ-то неестественно и позорно,—у Некрасова это такъ. Но вѣдь это всего только лошадь, лошадей и самъ Богъ знаетъ чтобъ ихъ сбьть. Такъ татары намъ растолковали и кнутъ подарилъ. Но можно вѣдь сбьть и людей. И вотъ интеллигентный образованный господинъ и его дама сбьютъ маленькую дочку, младенца семи лѣтъ, розгами,—объ этомъ подробно записано. Папенька радъ, что прутья съ сучьями «садче будетъ», говоритъ онъ, и вотъ начинаетъ «садить» родную дочь. Я знаю навѣрно, есть такіе сбьщисше, которые разгорячаются съ каждымъ ударомъ до сладострастія, до большого сладострастія, съ каждымъ послѣдующимъ ударомъ больше и больше, все прогрессивнѣе. Сбьютъ минуту, сбьютъ наконецъ, пять минутъ, сбьютъ десять минутъ, дальше, еще, чаще, садче. Ребенокъ кричитъ, ребенокъ, наконецъ, не можетъ кричать, задыхается: «папа, папа, папочка, папочка!» Какимъ-то чортовымъ неприличнымъ случаемъ доходитъ до того, что называется адвокатъ. Русскій народъ давно уже называлъ адвокатовъ—«аблакатъ—нанятая совѣсть». Адвокатъ кричитъ своему кліенту. «Дѣло, дескать, такое простое.

семейное и обыкновенное, отецъ посѣкъ дочку и вотъ, къ нашихъ дней, дошло до суда! Убѣжденные прислаиваются и выносятъ оправдательный приговоръ. Публика отъ счастья, что оправдали мучителя. — Э-эхъ, меня и тамъ, я-бы рявкнулъ предложеніе учредить стипендію въ имени истязателя!.. Картинки прелестныя. Но о дѣткахъ меня и еще лучше, у меня очень, очень много собрано свихъ дѣткахъ, Алеша. Дѣвчоночку маленькую, пятилетнюю возненавидѣли отецъ и мать «почтеннѣйшіе и чиновнымъ образованные и воспитанные». Видишь, я еще разъ положу утверждаю, что есть особенное свойство у многихъ въ чествѣ — это любовь къ истязанію дѣтей, но однихъ дѣтей всѣмъ другимъ субъектамъ человѣческаго рода эти-же истязатели относятся даже благосклонно и кротко, какъ ванные и гуманные европейскіе люди, но очень любятъ дѣтей, любятъ даже самихъ дѣтей въ этомъ смыслѣ. Тутъ незащищенность-то этихъ созданій и соблазняетъ мучительская доврчивость дитяти, которому некуда дѣться къ кому идти, — вотъ это-то и распаляетъ гадкую кровь тела. Во всякомъ человѣкѣ, конечно, таится звѣрь, — звѣрливости, звѣрь сладострастной распаляемости отъ криковъ зумой жертвы, звѣрь безудержу спущеннаго съ цѣпи, нажитыхъ въ развратѣ болѣзней, подагръ, больныхъ и проч. Эту бѣдную пятилѣтнюю дѣвочку эти образованные подвергали всевозможнымъ истязаніямъ. Они били пинали ее ногами, не зная сами за что, обратили все тѣло синяки; наконецъ, дошли и до высшей утонченности: въ морозъ запирали ее на всю ночь въ отхожее мѣсто, что она не просилась ночью (какъ будто пятилѣтній респящій своимъ ангельскимъ крѣпкимъ сномъ, еще можетъ лѣта научиться проситься) — за это обмазывали ей все лицо каломъ и заставляли ее ѣсть этотъ калъ, и это мать заставляла! И эта мать могла спать, когда ночью слышны стоны бѣднаго ребеночка, запертаго въ подломъ мѣстѣ! маешь-ли ты это, когда маленькое существо, еще не умеющее даже осмыслить, что съ ней дѣлается, бьетъ себя въ мѣстѣ, и въ темнотѣ и въ холодѣ, крошечнымъ своимъ комомъ въ надорванную грудку и плачетъ своими, незлобными кроткими слезками къ «Боженкѣ», чтобы тотъ защитилъ понимаешь-ли ты эту ахинею, другъ мой и братъ мой, и никъ ты мой Божій и смиренный, понимаешь-ли ты дѣ

...ахинея такъ нужна и создана! Безъ нея, говорятъ, и про-
...бы не могъ человекъ на землѣ, ибо не позналъ-бы добра
... Для чего познавать это чортово добро и зло, когда это
...кого стоитъ? Да вѣдь весь міръ познанія не стоитъ тогда
... слезою ребеночка въ «Боженкѣ». Я не говорю про
...авія большихъ, тѣ яблоко съѣли и чортъ съ ними, и
...бы ихъ всѣхъ чортъ взялъ, но эти, эти! Мучаю я тебя,
...ика, ты какъ будто-бы не въ себѣ. Я перестану, если хо-

— Ничего, я тоже хочу мучиться, пробормоталъ Алеша.
— Одну, только одну еще картинку, и то изъ любопытства,
... ужъ характерная, и, главное, только что прочелъ въ
... изъ сборниковъ нашихъ древностей, въ *Архивъ*, въ
... время, что-ли, надо справиться, забылъ даже гдѣ и прочелъ.
... было въ самое мрачное время вѣростнаго права, еще въ
... столѣтія, и да здравствуетъ Освободитель народа! Былъ
... въ началѣ столѣтія одинъ генералъ, генералъ со связями
... шими и богатѣйшій помѣщикъ, но изъ такихъ (правда, и
... а уже, кажется, очень не многихъ), которые, удаляясь на
... ой со службы, чуть чуть не бывали увѣрены, что выслужили
... право на жизнь и смерть своихъ подданныхъ. Такіе тогда бы-
... Ну, вотъ живетъ генералъ въ своемъ помѣстьи въ двѣ ты-
... душъ, чванится, третируетъ мелкихъ сосѣдей какъ прижи-
... щиковъ и шутовъ своихъ. Псарня съ сотнями собакъ и чуть
... сотня псарей, всѣ въ мундирахъ, всѣ на коняхъ. И вотъ дво-
... ный мальчикъ, маленькій мальчикъ, всего восьми лѣтъ, пустилъ
... то играя камнемъ и зашибъ ногу любимой генеральской гон-
... «Почему собака моя любимая охрамѣла?» Докладываютъ ему,
... вотъ, дескать, этотъ самый мальчикъ камнемъ въ нее пустилъ
... ему ей зашибъ. «А, это ты, оглядѣлъ его генералъ, — взять
...» Взяли его, взяли у матери, всю ночь просидѣлъ въ кутузкѣ,
... утро, чѣмъ свѣтъ, выѣзжаетъ генералъ во всемъ парадѣ на
... лу, сѣлъ на коня, кругомъ него приживальщики, собаки, псари,
... е, всѣ на коняхъ. Вокругъ собрана дворня для назиданія, а
... ради всѣхъ мать виновнаго мальчика. Выводятъ мальчика изъ
... кутзки. Мрачный, холодный, туманный осенній день, знатный
... охоты. Мальчика генералъ велитъ раздѣть, ребеночка раздѣ-
... въ всего до нага, онъ дрожитъ, обезумѣлъ отъ страха, не смѣетъ
... ть... «Гони его!» командуетъ генералъ, «бѣги. бѣги!» кри-
... ну псари, мальчикъ бѣжитъ... «Ату его!» вопитъ генералъ
... зотъ на него всю стаю борзыхъ собакъ. Затравилъ въ гла-

загъ матери и псы растерзали ребенка въ клочки!.. Говорятъ, въ опеку взяли. Ну... что-же его? Разстрѣлять? Для летворенія нравственнаго чувства разстрѣлять? Говори, Алеша.

— Разстрѣлять! тихо проговорилъ Алеша, съ блѣдною, востановившеюся какою-то улыбкой поднявъ взоръ на брата.

— Bravo! завопилъ Иванъ въ какомъ-то восторгѣ, — ужъ ты сказалъ, значитъ... Ай да схимникъ! Такъ вотъ какой у бѣсонокъ въ сердечкѣ сидятъ, Алешка Карамазовъ!

— Я сказалъ недѣлность, но...

— То-то и есть, что но... кричалъ Иванъ. Знай, послушай, что недѣлности слишкомъ нужны на землѣ. На недѣлностяхъ стоитъ и безъ нихъ, можетъ быть, въ немъ совсѣмъ ничего произошло. Мы знаемъ что знаемъ!

— Что ты знаешь?

— Я ничего не понимаю, продолжалъ Иванъ, какъ-то бреду, — я и не хочу теперь ничего понимать. Я хочу остаться при фактѣ. Я давно рѣшилъ не понимать. Если я захочу что-нибудь понимать, то тотчасъ-же измѣню факты, а я рѣшился остаться при фактѣ.

— Для чего ты меня испытываешь? съ надрывомъ горестно воскликнулъ Алеша, — скажешь-ли мнѣ, наконецъ?

— Конечно, скажу, къ тому и велю, чтобъ сказать. Ты дорогъ, я тебя упустить не хочу и не уступаю твоему Зосимѣ.

Иванъ помолчалъ съ минуту, лицо его стало вдругъ грустно.

— Слушай меня: я взялъ однихъ дѣтокъ, для того, что вышло очевидно. Объ остальныхъ слезахъ человѣческихъ, которыми пропитана вся земля, отъ коры до центра — я ужъ ни о чемъ не говорю, и тому мою нарочно съюзилъ. Я клопъ и признаю всѣмъ признаніемъ, что ничего не могу понять для чего все такъ устроено. Люди сами, значитъ, виноваты: имъ данъ былъ рай, захотѣли свободы и похитили огонь въ небеси, сами зная, что будутъ несчастны, значитъ, нечего ихъ жалѣть. О, по моему жалкому, земному эвклидовскому уму моему, я знаю лишь то, что страданіе есть, что виновныхъ нѣтъ, что все одно изъ другого выходитъ прямо и просто, что все течетъ и уравнивается, — вѣдь это лишь эвклидовская дичь, вѣдь я знаю-же это, вѣдь по ней я и не могу-же согласиться! Что мнѣ въ томъ, что виновныхъ нѣтъ и что все прямо и просто одно изъ другого вытекаетъ и что я это знаю — мнѣ надо возмездіе, иначе вѣдь я истребю себя. И возмездіе не въ безвѣчности гдѣ нибудь и когда нибудь

сь уже на землѣ, и чтобъ я его самъ увидалъ. Я вѣровалъ, я самъ и видѣть, а если къ тому часу буду уже мертвъ, то воскресать меня, ибо если все безъ меня произойдетъ, то мнѣ слишкомъ обидно. Не для того-же я страдалъ, чтобы собой, дѣланіемъ и страданіями моими унавозить кому-то будущую гармонію. Я хочу видѣть своими глазами какъ лань ляжетъ подлѣ и какъ зарѣзанный встанетъ и обнимется съ убившимъ его. Хочу быть тутъ, когда всѣ вдругъ узнаютъ для чего все такъ. На этомъ желаніи зиждутся всѣ религіи на землѣ, а я вѣрую. Хотѣлъ, однако-же, дѣтки, и что я съ ними стану тогда дѣлать? Вопросъ, который я не могу рѣшить. Въ сотый разъ повторилъ вопросъ множество, но я взялъ однихъ дѣтокъ, потому что неострашимо ясно то, что мнѣ надо сказать. Слушай: если должны страдать, чтобы страданіемъ купить вѣчную гармонию, то при чемъ тутъ дѣти, скажи мнѣ, пожалуйста? Совсѣмъ непонятно для чего должны были страдать и они, и зачѣмъ имѣть страданіями гармонию? Для чего они то тоже попали въ бѣду и унавозили собою для кого-то будущую гармонию? Солидарность въ грѣхѣ между людьми я понимаю, понимаю солидарность и въ возмездіи, но не съ дѣтками-же солидарность въ грѣхѣ, и если правда въ самомъ дѣлѣ въ томъ, что и они солидарны съ отцами ихъ во всѣхъ злодѣйствахъ отцовъ, то, ужь конечно, правда эта не отъ міра сего и мнѣ непонятна. Иной можетъ сказать, пожалуй, что все равно дитя вырастетъ и не захочетъ нагрѣшиться, но вотъ-же онъ не выросъ, его восьмилѣтнею заправили собаками. О, Алеша, я не богохульствую! По-моему же я каково должно быть сотрясеніе вселенной, когда на небѣ и подъ землею сольется въ одинъ хвалебный гласъ живое и жившее воскликнетъ: «Правъ Ты, Господи, ибо каковы пути Твои!» Ужь когда мать обнимется съ мучителемъ, растерзавшимъ псами сына ея и всѣ трое возгласятъ со слезами: «Правъ Ты, Господи», то, ужь конечно, настанетъ вѣра, познанія и все объяснится. Но вотъ тутъ-то и запятая, которую я и не могу принять. И пока я на землѣ, я спѣшу исполнить свои мѣры. Видишь-ли, Алеша, вѣдь, можетъ быть, и дѣйствительно такъ случится, что когда я самъ доживу до того часа, али воскресну, чтобъ увидать его, то и самъ я, подойдя, воскликну со всѣми, смотря на мать, обнявшуюся съ грѣшникомъ ея дитяти: «Правъ Ты, Господи,» но я не хочу восклицать. Пока еще время, спѣшу оградить себя, а по отношению къ высшей гармоніи совершенно отказываюсь. Не стоить

она слезинки хотя-бы одного только того замученнаго въ который билъ себя кулачкомъ въ грудь и молился въ вонной конурѣ своей неискупленными слезками своими и женькѣ! Не стоитъ, потому что слезки его остались вѣчными. Онѣ должны быть искуплены, иначе не можетъ быть гармоніи. Но чѣмъ, чѣмъ ты искупишь ихъ? Развѣ возможно? Неужто тѣмъ, что они будутъ отомщены? Но зачѣмъ ихъ отомщеніе, зачѣмъ мнѣ адъ для мучителей, что ты можешь поправить, когда тѣ уже замучены? И какая-я монія если адъ: я простить хочу и обнять хочу, я не чтобы страдали больше. И если страданія дѣтей пошли пополненіе той суммы страданій, которая необходима была, купки истины, то я утверждаю заранѣе, что вся истина стоитъ такой цѣны. Не хочу я, наконецъ, чтобы мать слась съ мучителемъ, растерзавшимъ ея сына псами! Не она прощать ему! Если хочеть пусть простить за себя, простить мучителю материнское безмѣрное страданіе страданія своего растерзаннаго ребенка она не имѣеть простить, не смѣеть простить мучителя, хотя-бы самъ ре простилъ ихъ ему! А если такъ, если они не смѣютъ прѣдѣ-же гармонія? Есть-ли во всемъ мірѣ существо, которое могло-бы и имѣло право простить? Не хочу гармоніи, любви къ человѣчеству не хочу. Я хочу оставаться въ страданіяхъ неотомщенными. Лучше ужь я останусь въ отомщенномъ страданіи моемъ и неутоленномъ негодованіи хотя-бы я былъ и не правъ. Да и слишкомъ дорого о гармонію, но по карману нашему вовсе столько платить за А потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратить обрѣ если только я честный человѣкъ, то обязанъ возврати какъ можно заранѣе. Это я дѣлаю. Не Бога я не при Алеша, а только билетъ Ему почтительнѣйше возвраща

— Это бунтъ, тихо и потупившись проговорилъ Ал

— Бунтъ? Я-бы не хотѣлъ отъ тебя такого слова, и новенно сказалъ Иванъ. — Можно-ли жить бунтомъ, а жить. Скажи мнѣ самъ прямо, я зову тебя, — отвѣчай ставъ, что это ты самъ возводишь зданіе судьбы человѣ съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ, на миръ и покой, но для этого необходимо и неминуемо предсто замучить всего лишь одно только крохотное созданье того самаго ребеночка, бившаго себя кулачкомъ въ и на неотомщенныхъ слезкахъ его основать это зданіе,

и быть архитекторомъ на этихъ условіяхъ, скажи

мнѣ, не согласился-бы, тихо проговорилъ Алеша.

«Ждешь-ли ты допустить идею, что люди, для котороушъ, согласились-бы сами принять свое счастье на чуждй крови маленькаго замученнаго, а принявъ, остаться счастливыми?»

«Я, не могу допустить. Братъ, проговорилъ вдругъ съ этими глазами Алеша, — ты сказалъ сейчасъ: есть-ли такое Существо, которое могло-бы и имѣло право прощенья это есть, и Оно можетъ все простить, всѣхъ и все, потому что Само отдало неповинную кровь свою за все. Ты забылъ о Немъ, а на Немъ-то и созидается и это Ему воскликнуть: «Правъ Ты, Господи, ибо истина Твоя».

«То «Единый безгрѣшный» и Его крови Нѣтъ, не заговаривай и удивлялся, напротивъ, все время, какъ ты Его водишь, ибо обыкновенно въ спорахъ всѣ вапня Его въ прежде всего. Знаешь, Алеша, ты не смѣйся, я сочинилъ поэму, съ годъ назадъ. Если можешь потемнѣе еще минутъ десять, то я-бъ ее тебѣ разскажалъ? записалъ поэму?»

«Нѣтъ, не написалъ, засмѣялся Иванъ, — и никогда въ сочинилъ даже двухъ стиховъ. Но я поэму эту вспоминалъ. Съ жаромъ выдумалъ. Ты будешь первый слушатель. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, автору одного слушателя, усмѣхнулся Иванъ. — Разскажи-мнѣ?»

«Я тебѣ слушаю, произнесъ Алеша.

«Моя называется «Великій Инквизиторъ», — вещь интереснѣе мнѣ хочется ее тебѣ сообщить.»

У.

Великій Инквизиторъ.

«Нѣтъ и тутъ безъ предисловія невозможно, — то есть турнаго предисловія, тѣфу! засмѣялся Иванъ, — а я сочинитель! Видишь, дѣйствіе у меня происходитъ въ столѣтіи, а тогда, — тебѣ, впрочемъ, это должно

да, Онъ ничего и не говоритъ въ поэмѣ, а только по-
 1 проходитъ. Пятнадцать вѣковъ уже минуло тому,
 далъ обѣтованіе придти во царствіи своемъ, пятнад-
 цать, какъ пророкъ Его писалъ: «Се гряду скоро и
 эмъ и часъ не знаетъ даже и Сынъ, токмо лишь Отецъ
 ный», какъ изрекъ Онъ и самъ еще на землѣ. Но чело-
 деть Его съ прежнею вѣрой и съ прежнимъ умиле-
 съ болѣею даже вѣрой, ибо пятнадцать вѣковъ уже
 ; тѣхъ поръ, какъ прекратились залогн съ небесъ

Вѣрь тому, что сердце скажетъ
 Нѣтъ залоговъ отъ небесъ.

ко одна лишь вѣра въ сказанное сердцемъ! Правда,
 и много чудесъ. Были святыя, производившіе чудес-
 енія; къ инымъ праведникамъ, по жизнеописаніямъ ихъ,
 ма Царица Небесная. Но дьяволъ не дремлетъ, и въ
 вѣ началось уже сомнѣніе въ правдивости этихъ чу-
 ь разъ явилась тогда на сѣверѣ, въ Германіи, страш-
 ересь. Огромная звѣзда, «подобная свѣтильнику» (то
 и) «пала на источники водъ и стали они горьки». Эти
 и богохульно отрицать чудеса. Но тѣмъ пламеннѣе
 авшіеся вѣрными. Слезы человечества восходятъ къ
 режнему, ждуть Его, любятъ Его, надѣются на Него,
 ежде... И вотъ столько вѣковъ молило человечество
 и пламенемъ: «Богъ Господи явился намъ», столько
 лвало къ Нему, что Онъ, въ неизмѣримомъ сострада-
 ь, возжелалъ снизойти къ молящимъ. Снисходилъ,
 Онъ и до этого иныхъ праведниковъ, мучениковъ и
 гшельниковъ еще на землѣ, какъ и записано въ ихъ
 У насъ Тютчевъ, глубоко вѣровавшій въ правду
 хъ, возвѣстилъ, что

Удрученный ношей крестной,
 Всю тебя, земля родная,
 Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
 Исходилъ, благословляя.

гнѣно и было такъ, это я тебѣ скажу. И вотъ Онъ
 появиться хоть на мгновеніе къ народу,—къ мучаю-
 радающему, смрадно-грѣшному, но младенчески любя-
 народу. Дѣйствіе у меня въ Испаніи, въ Севильѣ, въ

само страшное время инквизиціи, когда во славу Божію
странѣ ежедневно горѣли костры и

Въ великолѣпныхъ автодафе
Сжигали злыхъ еретиковъ.

О, это конечно было не то сошествіе, въ которомъ явилъ
себѣ обѣщанію своему, въ концѣ временъ, во всей славіи
и которое будетъ внезапно «какъ молнія блистающая (с
тока до запада). Нѣтъ, Онъ возжелалъ хоть на мгновен
ить дѣтей Своихъ и именно тамъ, гдѣ какъ разъ затреп
стры еретиковъ. По безмѣрному милосердію Своему, Онъ пр
еще разъ между людей въ томъ самомъ образѣ человѣка
въ которомъ ходилъ тридцать три года между людьми пят
вѣковъ назадъ. Онъ снисходитъ на «стогны жаркіе» южна
да, какъ разъ въ которомъ всего лишь наканунѣ въ «вен
номъ автодафе», въ присутствіи короля, двора, рыцарей
наковъ и прелестнѣйшихъ придворныхъ дамъ, при мног
вомъ населеніи всей Севильи, была сожжена кардиналом
или инквизиторомъ, разомъ чуть не цѣлая сотня ерети
шаюгем gloriam Dei. Онъ появился тихо, незамѣтно, и вот
странно это—узнають Его. Это могло-бы быть однимъ изъ
шихъ мѣстъ поэмы,—то есть почему именно узнають
родъ необыкновенною силой стремится къ Нему, окружаетъ
ростають кругомъ Него, слѣдуютъ за нимъ. Онъ молча пр
среде ихъ съ тихою улыбкой безконечнаго состраданія.
любви горитъ въ Его сердцѣ, лучи Свѣта Просвѣщенія
тебуть изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясаютъ
сердца отвѣтною любовью. Онъ простираетъ къ нимъ ру
гословляетъ ихъ, и отъ прикосновенія къ Нему, даже
свѣжданъ Его, всходитъ цѣлая сила. Вотъ изъ толпы
цать старикъ, слѣдой съ дѣтскихъ лѣтъ: «Господи, ищѣ
да и я Тебя узрю», и вотъ какъ-бы чешуя скондтъ с
его и слѣдой Его видѣть. Народъ плачетъ и цѣлуетъ зе
второй идетъ Онъ. Дѣти бросаютъ предъ Нимъ цвѣты
и воіють Ему: «Осанна!» «Это Онъ, это самъ Онъ, пов
всѣ. Это долженъ быть Онъ, это никто, какъ Онъ». Онъ
наклоняется на паперти Севильскаго собора въ ту самую
богда во храмъ вносятъ съ плачемъ дѣтскій открытый
гробчикъ: въ немъ семилѣтняя дѣвочка, единственная доч
живаго гражданина. Мертвый ребенокъ лежитъ весь
тахъ. «Онъ воскреситъ твое дитя», кричатъ изъ толпы
китеря. Вышедшій на встрѣчу гроба соборный пастеръ с

доухъ и хмуритъ брови. Но вотъ раздается вопль матери
 того ребенка. Она повергается къ ногамъ Его. «Если это
 то воскрес дитя мое?» восклицаетъ она, проситъ Его
 Процессія останавливается, гробикъ опускаютъ къ
 ногамъ Его. Онъ глядитъ съ состраданіемъ и
 въ одинъ разъ произносятъ: «Талифа куми» — «и вселенная
 она подымается въ гробъ, садится и смотритъ
 своими раскрытыми глазками кругомъ. Въ рубашечныхъ
 рубцахъ розъ, съ которыми она лежала въ гробу, слышатся
 шептаніе, крики, рыданія, и вотъ, въ эту самую минуту
 проходитъ мимо собора по площади самъ кардиналъ-
 инквизиторъ. Это девяностолѣтній почти старикъ, высокаго
 роста, съ изсохшимъ лицомъ, со впалыми глазами, но
 въ глазахъ еще свѣтится, какъ огненная искорка, блескъ. О, о
 великолѣпныхъ кардинальскихъ одеждахъ своихъ, въ которыхъ
 красовался вчера предъ народомъ, когда сжигали враговъ
 его вѣры, — нѣтъ, въ эту минуту онъ лишь въ старой,
 монашеской своей рясѣ. За нимъ въ извѣстномъ разстояніи
 идутъ мрачные помощники и рабы его и «священная»
 процессія. Онъ останавливается предъ толпой и наблюдаетъ издали.
 Все видѣлъ, онъ видѣлъ какъ поставили гробъ у ногъ Его,
 какъ воскресла дѣвица, и лицо его омрачилось. Онъ хмуритъ
 густыя брови свои и взглядъ его сверкаетъ злобнымъ
 огнемъ. Онъ простираетъ переть свои и велитъ стражамъ
 охранять Его. И вотъ, такова его сила и до того уже приучень,
 что и трепетно послушенъ ему народъ, что толпа немед-
 ленно раздвигается предъ стражами и тѣ, среди гробоваго мол-
 чия вдругъ наступившаго, налагаютъ на Него руки и уводятъ
 Его. Толпа моментально, вся какъ одинъ человѣкъ, склоняется
 до земли предъ старцемъ-инквизиторомъ; тотъ молча
 возглавляетъ народъ и проходитъ мимо. Стража приводитъ
 старика въ тѣсную и мрачную сводчатую тюрьму въ древнемъ
 монастырѣ Святаго Судилища и запираетъ въ нее. Проходитъ день,
 ночь темная, горячая и «бездыханная севильская ночь». Воздухъ
 пахнетъ лавромъ и лимономъ. Среди глубокаго мрака
 открывается желѣзная дверь тюрьмы и самъ старикъ-инквизиторъ
 со свѣтильникомъ въ рукѣ медленно входитъ въ камеру.
 Онъ одинъ, дверь за нимъ тотчасъ-же запирается.
 Онъ стоитъ при входѣ и долго, минуту или двѣ, всматривается
 въ гробъ. Наконецъ, тихо подходитъ, ставитъ свѣтъ
 на столъ и говоритъ Ему:

— Это Ты? Ты?—Но, не получая отвѣта, быстро ляетъ: — Не отвѣчай, молчи. Да и что-бы Ты могъ смъ слишкомъ знаю, что Ты скажешь. Да Ты и права не ничего прибавлять къ тому, что уже сказано Тебѣ прѣмъ-же Ты пришелъ намъ мѣшать? Ибо Ты пришелъ и шать и самъ это знаешь. Но знаешь-ли, что будетъ эи но знаю, кто Ты и знать не хочу: Ты-ли это или только Его, но завтра-же я осужу и сожгу Тебя на кострѣ, как шаго изъ еретиковъ, и тотъ самый народъ, который цѣловалъ Твои ноги, завтра-же по одному косяку на бросится подгрѣбать къ Твоему костру угли, знаешь Ты? Ты, можетъ быть, это знаешь, прибавилъ онъ въ проижен раздумьи, ни на мгновеніе не отрываясь взглядомъ отъ Пѣтшика.

— Я не совсѣмъ понимаю, Иванъ, что это такое? ули все время молча слушавшій, Алеша,—прямо-ли безбрежна тазія или какая-нибудь ошибка старика, какое-нибудь возможное qui pro quo?

— Прими хоть послѣднее, разсмѣялся Иванъ, — е-тебя такъ разбаловалъ современный реализмъ, и ты не вынести ничего фантастическаго—хочешь qui pro quo. т такъ и будетъ. Оно правда, разсмѣялся онъ опять,— девяносто лѣтъ и онъ давно могъ сойти съ ума на свое Пѣтшикъ-же могъ поразить его своею наружностью. Э бытъ, наконецъ, просто бредъ, видѣніе девяностолѣтняго предъ смертью, да еще разгоряченнаго вчерашнимъ авто-сто сожженныхъ еретиковъ. Но не все-ли равно намъ съ что qui pro quo, что безбрежная фантазія? Тутъ дѣло и только, что старикъ надо высказаться, что, наконецъ, девяносто лѣтъ онъ высказывается и говоритъ вслухъ то, въ девяносто лѣтъ молчалъ.

— А Пѣтшикъ тоже молчитъ? Глядитъ на него и и реть ни слова?

— Да такъ и можно быть, но въѣтъ еще случаетъ жывался Иванъ. Самъ старикъ зашепталъ Ену, что тазія не можетъ ничего прибавить къ тому, что уже сказано. Но онъ молчалъ такъ въ этотъ и въ этотъ о-отъ дѣлалъ раздумья, но молчалъ, не говоря ни слова. Иванъ молчалъ, Алеша молчалъ, и въ этотъ лѣтъ, т бытъ и въ этотъ и въ этотъ время, но молчалъ молчалъ молчалъ. Но этотъ молчалъ и въ этотъ

— А въ этомъ-то и состоитъ главное, что сказать, высказать.

— «Страшный и умный духъ, духъ самоубиеннаго бытія, продолжаетъ старикъ, — великій духъ говоритъ въ пустынь и намъ передано въ книгахъ, что онъ былъ «искушалъ» Тебя. Такъ-ли это? И можно-ли было сказать что-нибудь истиннѣе того, что онъ возвѣстилъ Тебѣ въ вопросахъ, и что Ты отвергъ, и что въ книгахъ названо шеніями?» А между тѣмъ, если было когда-нибудь на землѣ совершено настоящее, громовое чудо, то это въ тотъ день, въ этихъ трехъ искушеніяхъ. Именно въ появленіи этихъ трехъ вопросовъ и заключалось чудо. Если-бы возможно было назвать лишь для пробы и для примѣра, что три эти вопроса сроду духа безслѣдно утрачены въ книгахъ и что ихъ надо было вновь придумать и сочинить, чтобъ внести опять въ миръ и для этого собрать всѣхъ мудрецовъ земныхъ — первосвященниковъ, ученыхъ, философовъ, поэтовъ, и имъ задачу: придумайте, сочините три вопроса, но такіе, не мало того, что соотвѣтствовали-бы разиѣру событія, но и выражали-бы сверхъ того, въ трехъ словахъ, въ трехъ фразахъ человѣческихъ, всю будущую исторію міра и чина — то думаешь-ли Ты, что вся премудрость земли, соединившаяся, могла-бы придумать хоть что-нибудь подобнаго силѣ и по глубинѣ тѣмъ тремъ вопросамъ, которые дѣйствительно были предложены Тебѣ тогда могучимъ и умнымъ духомъ пустыни? Ужь по однимъ вопросамъ этимъ, лишь по чуду появленія, можно понимать, что имѣешь дѣло не съ земскимъ текущимъ умомъ, а съ вѣковѣчнымъ и абсолютнымъ. Въ этихъ трехъ вопросахъ какъ-бы совоуплена въ однихъ и предсказана вся дальнѣйшая исторія человѣческая и три образа, въ которыхъ сойдутся всѣ неразрѣшимыя истины противорѣчія человѣческой природы на всей землѣ. Это не могло быть еще такъ видно, ибо будущее было неопредѣлено, но теперь, когда прошло пятнадцать вѣковъ, мы видимъ, все въ этихъ трехъ вопросахъ до того угадано и предсказано, до того оправдалось, что прибавить къ нимъ или убавить отъ нихъ ничего нельзя болѣе.

Рѣши-же Самъ, кто былъ правъ: Ты или тотъ, который вопрошалъ Тебя? Вспомни первый вопросъ: хотъ и не буди по смыслъ его тотъ: «Ты хочешь идти въ міръ и идти голыми руками, съ какими-то обѣтомъ свободы, который

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

простотѣ своей и въ прирожденномъ безчинствѣ своемъ, — и не смѣютъ и осмыслить, котораго боятся они и страшатся, — ибо кто и вѣкогда не было для человѣка и для человѣческаго дѣла пвыносимѣе свободы! А видишь-ли сіи камни той горы и раскаленной пустыни? Обрати ихъ въ хлѣбы, и зможешь считать человѣчество, какъ стадо, благородное и покоемъ вѣчно трепещущее, что Ты отымешь руку Святыя Твоея и хлѣбы Твои. Но Ты не захотѣлъ лишиться ихъ и отвергъ предложеніе, ибо какая-же свобода, если послушаніе куплено хлѣбами? Ты возразишь, что живъ не единымъ хлѣбомъ, но знаешь-ли, что во время самаго хлѣба земнаго и возстанетъ на Тебя духъ и побѣдитъ Тебя и всѣ пойдутъ за нимъ, говоря: «Кто подобенъ звѣрю сему, онъ далъ намъ обѣщаніе!» Знаешь-ли Ты, что пройдутъ вѣка и человѣчество провозгласитъ устами своей премудрости и науки, что преступленіе нѣтъ, а стало быть, нѣтъ и грѣха, а есть лишь только добродѣтели. «Накорми, тогда и спрашивай съ нихъ добродѣтели!» — что напишутъ на знамени, которое воздвигнуть противъ Тебя и которымъ разрушится храмъ Твой. На мѣстѣ храма Твоего воздвигнется новое зданіе, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, какъ и прежняя, но все-таки Ты-бы могъ избѣжать этой новой башни и на тысячу сократить страданія людей, — ибо къ намъ-же вѣдь придутъ термучившіеся тысячу лѣтъ со своею башней! Они отыщутъ тогда опять подъ землей, въ катакомбахъ, скрывающихся отъ насъ (мы будемъ вповѣ гонимы и мучимы), найдутъ насъ и вопиютъ къ намъ: «Накормите насъ, ибо тѣ, которые обѣщали намъ огонь съ небеси, его не дали». И тогда уже мы и достроимъ башню, ибо достроитъ тотъ, кто накормитъ, а накормимъ лишь во имя Твое, и солжемъ, что во имя Твое. О, никогда, никогда насъ они не накормятъ себя! Никакая наука не дастъ имъ свободы, пока они будутъ оставаться свободными, но кончится тѣмъ, что они принесутъ свою свободу къ ногамъ нашимъ и скажутъ къ намъ: «лучше поработите насъ, но накормите насъ». Поймутъ, вѣдь, сами, что свобода и хлѣбъ земной вдоволь для всякаго человека не мыслимы, ибо никогда, никогда, не съумѣютъ они раздѣлиться между собою! Убѣдятся тоже, что не могутъ быть никогда и вѣчно, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовобѣщали имъ хлѣбъ небесный, но, повторяю опять, всѣ сравнятся въ глазахъ слабого, вѣчно порочнаго.

и вѣчно неблагогороднаго людскаго племени съ земнымъ? И за Тобою, во имя хлѣба небеснаго, пойдутъ тысячи и десятки тысячъ, то что́ станется съ милліонами и съ десятками милліоновъ существъ, которыя не въ силахъ будутъ прожить хлѣбомъ земнымъ для небеснаго? Иль Тебѣ дороги лишь десятки великихъ и сильныхъ, а остальные милліоны, миллионы, какъ песокъ морской, слабыхъ, но любящихъ Тебя, да лишь послужить матеріаломъ для великихъ и сильныхъ? Намъ дороги и слабые. Они порочны и бунтовщики, но наконецъ они-то станутъ и послушными. Они будутъ дивиться намъ и будутъ считать насъ за боговъ зато, что мы, ставъ главѣ ихъ, согласились выносить свободу, которой они жили, и надъ ними господствовать, — такъ ужасно имъ съ концомъ быть свободными! Но мы скажемъ, что послѣ Тебѣ и господствуемъ во имя Твое. Мы ихъ обманемъ оспаривая Тебя мы ужь не пустимъ къ себѣ. Въ обманѣ этомъ и будетъ заключаться наше страданіе, ибо мы должны будемъ лгать. И что́ значилъ этотъ первый вопросъ въ пустынѣ, и вотъ что́ отвергъ во имя свободы, которую поставилъ выше всего. А въ концѣ, въ вопросѣ этомъ заключалась великая тайна міра. Принявъ «хлѣбы», Ты-бы отвѣтилъ на всеобщую и вѣковую тоску человѣческую, какъ единоличнаго существа, такъ и цѣлаго человѣчества вмѣстѣ—это: «предъ кѣмъ преклониться?» И заботы непрерывнѣе и мучительнѣе для человѣка, какъ, оставшись свободнымъ, сыскать поскорѣе того, предъ кѣмъ преклониться. Но шцетъ человѣкъ преклониться предъ тѣмъ, что́ безспорно, столь безспорно, чтобы всѣ люди разомъ согласились на всеобщее предъ нимъ преклоненіе. Ибо забота жалкихъ созданій не въ томъ только состоитъ, чтобы сыскать то, предъ чѣмъ имъ или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтобы и всѣ увѣровали въ него и преклонились предъ нимъ, и чтобы непремѣнно *есть* *есть*. И эта потребность *общности* преклоненія и есть главнѣйшее членіе каждаго человѣка единолично и какъ цѣлаго членства съ начала вѣковъ. Изъ-за всеобщаго преклоненія истребляли другъ друга мечомъ. Они создали боговъ и вали другъ къ другу: «Бросьте вашихъ боговъ и придите поклониться нашимъ, не то смерть вамъ и богамъ вашимъ!» такъ будетъ до скончанія міра, даже и тогда, когда встанетъ въ мірѣ и боги: все равно, падутъ предъ идолами. Ты и Ты не могъ не знать эту основную тайну природы человѣка

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

и отвергъ единственное абсолютное знамя, которое предла-
галъ Тебѣ, чтобы заставитьъ всѣхъ преклониться предъ Тобою
одно,—знамя хлѣба земнаго, и отвергъ во имя свободы и
небеснаго. Взгляни-же, что сдѣлалъ Ты далѣе. И ^{опять}
к свободы! Говорю Тебѣ, что нѣтъ у человѣка зем-
наго, какъ найти того, кому-бы передать ~~полную~~
свободу, съ которымъ это несчастное существо
надѣвается свободой людей лишь тотъ, кто успеваетъ

Съ хлѣбомъ Тебѣ давалось безспорное знамя: да
всѣхъ преклонится, ибо ничего нѣтъ безспорнѣе хлѣ-
ба. Въ тоже время кто нибудь овладѣетъ его совѣстью: и
тогда онъ даже броситъ хлѣбъ Твой и пойдетъ за
нѣмъ обольстить его совѣсть. Въ этомъ Ты былъ правъ.
Бытія человѣческаго не въ томъ, чтобы только жить, а
для чего жить. Безъ твердаго представленія себѣ для чего
жить, человѣкъ не согласится жить и скорѣй истребитъ себя,
станется на землѣ, хотя бы кругомъ его все были хлѣбы,
хлѣбъ, но что-же вышло: вмѣсто того, чтобы овладѣть свобо-
дой, Ты увеличилъ имъ ее еще больше! Или Ты забылъ,
что жизнь и даже смерть человѣку дороже свободнаго вы-
сшего познанія добра и зла? Нѣтъ ничего обольстительнѣе для
человѣка, какъ свобода его совѣсти, но нѣтъ ничего и мучитель-
нѣе, вотъ вмѣсто твердыхъ основъ для успокоенія совѣсти
человѣка разъ навсегда—Ты взялъ все, что есть необычай-
но желательнаго и неопредѣленнаго, взялъ все что было не по
желанію людей, а потому поступилъ какъ-бы и не любя ихъ во-
обще: это кто-же: Тотъ, который пришелъ отдать за нихъ
Свою! Вмѣсто того, чтобы овладѣть людскою свободой, Ты
взялъ ее и обременилъ ея мученіями душевное царство че-
ловѣка во вѣки. Ты возжелалъ свободной любви человѣка, чтобы
онъ пошелъ онъ за Тобою, прельщенный и плѣненный То-
бою вмѣсто твердаго древняго закона, — свободнымъ сердцемъ
онъ былъ человѣкъ рѣшать впредь самъ, что добро и что
зло, и лишь въ руководствѣ Твоемъ образъ предъ собою,—но
Ты не подумалъ, что онъ отвергнетъ-же, наконецъ, и
Твоемъ образъ и Твою правду, если его угнетутъ
чуждымъ бременемъ, какъ свобода выбора? Они вос-
станутъ, наконецъ, что правда не въ Тебѣ, ибо невозможно
наложить ихъ въ смятеніи и мученіи болѣе, чѣмъ сдѣлалъ
Ты столько заботъ и неразрѣшимыхъ задачъ. Та-
кимъ образомъ положилъ основаніе къ разрушенію

Своего ства и не вини никого въ этомъ болѣе. А тѣмъ, когда предлагалось Тебѣ? Есть три силы, единственныя три силы на землѣ, могущія на вѣки побѣдить и извѣдывать этихъ слабосильныхъ бунтовщиковъ, для ихъ славы эти силы: чудо, тайна и авторитетъ. Ты отвергъ и то и второе и самъ подалъ примѣръ тому. Когда страшный и мудрый духъ поставилъ Тебя на вершинѣ храма и сказалъ «Если хочешь узнать Сынъ-ли ты Божій, то верзись внизъ какъ сказано про Того, что ангелы подхватятъ и понесутъ Тебя и не разшибется, и узнаешь тогда Сынъ-ли Ты и докажешь тогда, какова вѣра Твоя въ отца Твоего», выслушавъ, отвергъ предложеніе и не поддался и не бросился внизъ. О, конечно, Ты поступилъ тутъ гордо и велико какъ Богъ, но люди-то, но слабое бунтующее племя это-боги-ли? О, Ты понялъ тогда, что, сдѣлавъ лишь шагъ движеніе броситься внизъ, Ты тотчасъ-бы и испыталъ Голгофту въ Него всю потерялъ, и разбился-бы о землю, и спасать пришелъ, и возрадовался-бы умный духъ, испусти Тебя. Но, повторяю, много-ли такихъ, какъ Ты? И неужель въ самомъ дѣлѣ могъ допустить хоть минуту, что и люди падутъ подъ силу подобное искушеніе? Такъ-ли создана и человѣческая, чтобъ отвергнуть чудо, и въ такіе страшные моменты жизни, моменты самыхъ страшныхъ основныхъ и главныхъ душевныхъ вопросовъ своихъ оставаться лишь свободнымъ рѣшеніемъ сердца? О, Ты зналъ, что подвижничество хранится въ книгахъ, достигнетъ глубины времени и послѣдствіемъ предѣловъ земли, и понадеялся, что, слѣдуя Тебѣ, и ты останется съ Богомъ, не нуждаясь въ чудѣ. Но Ты не зналъ, что чуть лишь человѣкъ отвергнетъ чудо, то тотчасъ отойдетъ отъ Бога, ибо человѣкъ ищетъ не столько Бога сколько Истакъ какъ человѣкъ оставаться безъ чуда не въ силѣ насоздастъ себѣ новыхъ чудесъ, уже собственныхъ, и не вѣритъ уже знахарскому чуду, бабьему колдовству, хотя-сто разъ былъ бунтовщикомъ, еретикомъ и безбожникомъ не сошелъ со креста когда кричали Тебѣ, издѣваясь и надъ Тебя: «Сойди со креста и увѣруемъ, что это Ты». Ты не зналъ, что, опять таки, не захотѣлъ поработить чуждымъ домъ, и жаждалъ свободной вѣры, а не чудесной. Жаждалъ свободной любви, а не рабскихъ восторговъ невольника преступникомъ, разъ навсегда его ужаснувшимся. Но и тутъ Ты о людяхъ слишкомъ высоко, ибо, конечно, они невольники

созданы бунтовщиками. Озрись и суди, вотъ прошло пятнадцать вѣковъ, поди посмотри на нихъ: кого Ты вознесъ до себя? Янусь, человѣкъ слабѣе и ниже созданъ, чѣмъ Ты о немъ думать! Можетъ-ли, можетъ-ли онъ исполнить, то что и Ты? Столь уважая его, Ты поступилъ какъ-бы переставъ ему сострадать, потому что слишкомъ много отъ него и потребовалъ, — и это же, Тотъ, который возлюбилъ его болѣе самого Себя! Уважая менѣе, менѣе-бы отъ него и потребовалъ, а это было-бы ближе любви, ибо легче была-бы поща его. Онъ слабъ и подлъ. Въ томъ, что онъ теперь повсемѣстно бунтуетъ противъ власти и гордится, что онъ бунтуетъ? Это гордость ребенка школьника. Это маленькія дѣти, взбунтовавшіяся въ классѣ выгнавшія учителя. Но придетъ конецъ и восторгу ребятишекъ, онъ будетъ дорого стоить имъ. Они испровергнутъ храмы, льютъ кровью землю. Но догадаются, наконецъ, глупыя дѣти, хоть они и бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собственного бунта своего невыдерживающіе. Обливаясь слезами своими, они сознаются, наконецъ, что создавшій ихъ бунтовщиками, безъ сомнѣнія, хотѣлъ посмѣяться надъ ними. Жуть это они въ отчаяніи и сказанное ими будетъ боульствомъ, отъ котораго они станутъ еще несчастнѣе, ибо природа человѣческая не выноситъ богохульства, и, въ концѣ концовъ, сама-же себѣ всегда и отмститъ за него. Итакъ неспособство, смятеніе и несчастіе — вотъ теперешній удѣлъ людей въ томъ, какъ Ты столь претерпѣлъ за свободу ихъ! Великіи слова Твой въ видѣніи и въ иносказаніи говоритъ, что въ всѣхъ участниковъ перваго воскресенія и что было ихъ въ каждомъ колѣна по двѣнадцати тысячъ. Но если было ихъ много, то были и они какъ-бы нелюди, а боги. Они вытерпѣли смерть твою, они вытерпѣли десяти лѣтъ голодной и нагой жизни, питаясь акридами и кореньями,—и, ужь конечно, Ты можешь съ гордостью указать на этихъ дѣтей свободы, свободной любви, свободной и великолѣпной жертвы ихъ во имя Твое. Вспомни, что ихъ было всего только нѣсколько тысячъ, да ты боговъ, а остальные? И чѣмъ виноваты остальные слабые люди, что не могли вытерпѣть того, что могучіе? Чѣмъ виновата добрая душа, что не въ силахъ вмѣстить столь страшныхъ дѣлъ? Да неужто-же и впрямь приходилъ Ты лишь къ избраннымъ и для избранныхъ? Но если такъ, то тутъ тайна и намъ непонять ея. А если тайна, то и мы въ правѣ были проповѣдать тайну и учить ихъ, что не свободное рѣшеніе сердцемъ

ихъ важно и не любовь, а тайна, которой они повинны слѣпо, даже мимо ихъ совѣсти. Такъ мы и сдѣлали: мы исправили подвигъ Твой и основали его на *чудѣ, тайнѣ, и триумфѣ*. И люди обрадовались, что ихъ вновь повели какъ слѣдуетъ и что съ сердець ихъ снятъ, наконецъ, столь страшный даръ, несшій имъ столько муки. Правы мы были, уча и дѣлая: скажи? Неужели мы не любили человечества, столь смиренно навѣ его безсиліе, съ любовію облегчивъ его ношу и разрывъ слабосильной природѣ его, хотя-бы и грѣхъ, но съ нашего воленія? Къ чему-же теперь пришелъ намъ мѣшать? И ты молча и проникновенно глядишь на меня кроткими глазами своими? Разсердись, я не хочу любви Твоей, потому что я не люблю Тебя. И что мнѣ скрывать отъ Тебя? Или я не знаю съ кѣмъ говорю? То, что имѣю сказать Тебѣ, все Тебѣ уже вѣстно, я читаю это въ глазахъ Твоихъ. И я-ли скрою отъ Тебя тайну нашу? Можетъ быть, Ты именно хочешь услышать изъ устъ моихъ, слушай-же: Мы не съ Тобой, а съ *нимъ*, наша тайна! Мы давно уже не съ Тобою, а съ *нимъ*, уже въ вѣковъ. Ровно восемь вѣковъ назадъ какъ мы взяли отъ Тебя то, что Ты съ негодованіемъ отвергъ, тотъ послѣдній даръ, который онъ предлагалъ Тебѣ, показавъ Тебѣ всѣ царства земныя: мы взяли отъ него Римъ и мечъ Кесаря и объявили себя царями земными, царями едиными, хотя и дониндѣ не успѣли еще привести наше дѣло къ полному окончанію. Не виновать? О, дѣло это до сихъ поръ лишь въ началѣ, но началось. Долго еще ждать завершения его и еще много выдаетъ земля, но мы достигнемъ и будемъ кесарями, и тогда помыслимъ о всемірномъ счастіи людей. А между тѣмъ Ты могъ еще и тогда взять мечъ Кесаря. Зачѣмъ ты отвергъ послѣдній даръ? Принявъ этотъ третій совѣтъ могучаго дѣла, Ты восполнилъ-бы все, чего ищетъ человекъ на землѣ, тебѣ предъ кѣмъ преклониться, кому вручить совѣсть и какимъ образомъ соединиться, наконецъ, всѣмъ въ безспорный общій и гласный муравейникъ, ибо потребность всемірнаго соединенія есть третье и послѣднее мученіе людей. Всегда человечество цѣломъ своемъ стремилось устроиться непременно всемірно. Было великихъ народовъ съ великою исторіей, но чѣмъ были эти народы, тѣмъ были и несчастіе, ибо сильнѣе другъ друга сознавали потребность всемірности соединенія людей. Восточные завоеватели, Тимуры и Чингисъ-ханы, пролетѣли какъ по землѣ, стремясь завоевать вселенную, но и тѣ, хотя и

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

ольно, выразили ту-же самую великую потребность чело-
ва ко всемирному и всеобщему единенію. Принявъ міръ и
дру Кесаря, основалъ-бы всемирное царство и далъ все-
мъ покой. Ибо кому-же владѣть людьми, какъ не тѣмъ, ко-
му владѣютъ ихъ совѣстью и въ чьихъ рукахъ хлѣбы ихъ.
И взяли мечъ Кесаря, а взявъ его, конечно, отвергли Тебя
и за нимъ. О, пройдутъ еще вѣка безчинства свобо-
ды науки и антропофагін, потому что, начавъ і-
ерусалимскую башню безъ насъ, они кончатъ ав-
раамову. Но тогда-то и приползетъ къ намъ звѣрь и буд-
дущіе наши и обрызжетъ ихъ кровавыми слезами изъ
носъ. И мы сядемъ на звѣря и воздвигнемъ чашу и на
ней написано: «Тайна!» Но тогда лишь и тогда настатъ
и царство покоя и счастья. Ты гордишься твоими
идеями, но у Тебя лишь избранныки, а мы успокоимъ всѣхъ,
такъ-ли еще сколь многие изъ этихъ избранныхъ, изъ
нихъ, которые могли-бы стать избранныками, устали, наво-
ождая Тебя, и понесли и еще понесутъ силы духа сво-
его сердца своего на яную ниву и кончатъ тѣмъ, что
они-же и воздвигнутъ свободное знамя свое. Но Ты самъ
идеи это знамя. У насъ же всѣ будутъ счастливы и не
будутъ божье ни бунтовать, ни истреблять другъ друга, какъ
и божье Твоей, повсемѣстно. О, мы убѣдимъ ихъ, что они
только и станутъ свободными, когда откажутся отъ сво-
ей для насъ и намъ покорятся. И что-же, правы мы
или солжемъ? Они сами убѣдятся, что правы, ибо вспо-
мню какихъ ужасовъ рабства и смятенія доводила ихъ сво-
боды. Свобода, свободный умъ и наука заведутъ ихъ въ
доброе, и поставятъ предъ такими чудами и неразрѣши-
мыми тайнами, что одни изъ нихъ, непокорные и свирѣпые,
убьютъ себя самихъ, другіе непокорные, но малосильные, ие-
убьютъ другъ друга, а третьи оставшіеся, слабосильные и не-
многие, приползутъ къ ногамъ нашимъ, и возопіютъ къ намъ:
«мы были правы, вы одни владѣли тайной Его, и мы воз-
вращены къ вамъ, спасите насъ отъ себя самихъ». Получая
у насъ хлѣбы, конечно, они ясно будутъ видѣть, что мы ихъ-же
ихъ-же руками добытые, беремъ у нихъ, чтобы имъ-же
безо всякаго чуда, увидятъ, что не обратили мы кам-
ни, но во истину божье чѣмъ самому хлѣбу ради
и чѣмъ, что получаютъ его изъ рукъ нашихъ! Ибо
помнить, что прежде, безъ насъ, самые хлѣбы,

добытые ими, обращались въ рукахъ ихъ лишь въ камни; когда они воротились къ намъ, то самые камни обратились въ рукахъ ихъ въ хлѣбы. Слишкомъ, слишкомъ оцѣнить они значить разъ навсегда подчиниться! И пока люди не поборются сего они будутъ несчастны. Кто болѣе всего способствовалъ этому непониманію, скажи? Кто раздробилъ стадо и развелъ его по путямъ невѣдомымъ? Но стадо вновь соберется, и оно покорится, и уже разъ навсегда. Тогда мы дадимъ имъ твое смиренное счастье, счастье слабосильныхъ существъ, какими они созданы. О, мы убѣдимъ ихъ, наконецъ, не гордиться, и Ты вознесъ ихъ, и тѣмъ научилъ гордиться; докажемъ имъ, что они слабосильны, что они только жадкія дѣти, но что твоё счастье слаще всякаго. Они станутъ робки и станутъ отступать на насъ и прижиматься къ намъ въ страхъ, какъ дѣти къ насѣдкѣ. Они будутъ двигаться, и ужасаться на насъ и отступать тѣмъ, что мы такъ могучи и такъ умны, что можемъ мирить такое буйное тысячемилліонное стадо. Они будутъ слабленно трепетать гнѣва нашего, умы ихъ оробѣютъ, гнѣвъ ихъ станутъ слезоточивы, какъ у дѣтей и женщинъ, но столь-таки легко будутъ переходить они по нашему мановенію къ веселью и къ смѣху, свѣтлой радости, и счастливой дѣтской пѣснью. Да, мы заставимъ ихъ работать, но въ свободные отъ труда часы мы устроимъ имъ жизнь, какъ дѣтскую игру, съ дѣтскими пѣснями, хоромъ, съ невинными плясками. О, мы разрешимъ имъ и грѣхъ, они слабы и безсильны, и они будутъ любить насъ, какъ дѣти, зато, что мы имъ позволимъ грѣшить. Мы скажемъ имъ, что всякій грѣхъ будетъ искупленъ, если сдѣланъ будетъ съ нашего позволенія; позволяемъ-же имъ грѣшить потому, что ихъ любимъ, наказаніе-же за эти грѣхи, такъ и мы возьмемъ на себя. И возьмемъ на себя, а насъ они будутъ обожать, какъ благодѣтелей, понесшихъ на себѣ ихъ грѣхи предъ Богомъ. И не будетъ у нихъ никакихъ отъ насъ тайнъ. Мы будемъ позволять или запрещать имъ жить съ ихъ женами-любовницами, имѣть или не имѣть дѣтей,—все судя по ихъ послушанію,—и они будутъ намъ покоряться съ весельемъ и радостью. Самыя мучительныя тайны ихъ совѣсти,—все, все несутъ они намъ, и мы все разрешимъ, и они повѣрятъ рѣшенію нашему съ радостію, потому, что оно избавитъ ихъ отъ великой заботы и страшныхъ теперешнихъ мукъ рѣшенія и наго и свободнаго. И всѣ будутъ счастливы, всѣ милліоны существъ, кромѣ сотни тысячъ управляющихъ ими. Ибо лишь

БРАТЯ БАРАМАЗОВЫ.

Знаяшіе тайну, только мы будемъ несчастны. Будетъ : милліоновъ счастливыхъ младенцевъ, и сто тысячъ страдальцевъ, взявшихъ на себя проявленіе познанія добра и зла. Умрутъ они, тихо угаснутъ во имя Твое, и за гробомъ ждутъ лишь смерть. Но мы сохранимъ секретъ, и для ихъ участи будемъ манить ихъ наградой небесною и вѣчностію. Если-бъ и было что на томъ свѣтѣ, то, ужь кои такихъ, какъ они. Говорятъ и пророчествуютъ, мнѣ слышъ, и вновь побѣдишь, придешь со своими избранными гордыми и могучими, но мы скажемъ, что слышъ самихъ себя, а мы спасли всѣхъ. Говорятъ, что будетъ блудница, сидящая на звѣрѣ, и держащая на своихъ *таику*, что взбунтуются вновь малосильные, будутъ порфиру ея, и обнажатъ ея «гадкое» тѣло. Но я встану, и укажу Тебѣ на тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ, не знавшихъ грѣха. И мы, взявшіе грѣхи ихъ, для себя ихъ, на себя, мы станемъ предъ Тобой и скажемъ: «Суди, если можешь и смѣешь». Знай, что я не боюсь Тебя. Знай что былъ въ пустынѣ, что и я питался акридами и кореньями, что благословлялъ свободу, которою Ты благословилъ людей, и я являлся стать въ число избранниковъ Твоихъ, въ число мощныхъ и сильныхъ съ жаждой «восподнять число». Но я очнулся и не захотѣлъ служить безумію. Я воротился и пришелъ къ сонму тѣхъ, которые *исправили подвигъ Твой*. Я ушелъ отъ гордыхъ, и воротился къ смиреннымъ для счастья этихъ смиренныхъ. То, что я говорю Тебѣ, сбудется и царство наше придетъ. Повторяю Тебѣ, завтра-же Ты увидишь это послушество, которое по первому мановенію моему бросится подъ горячіе угля къ костру Твоему, на которомъ сожгу Тебя, что пришелъ намъ мѣшать. Ибо если былъ, кто всѣхъ заслужилъ нашъ костеръ, то это Ты. Завтра сожгу тебя.

Славъ остановился. Онъ разгорячился, говоря, и говорилъ увлеченіемъ; когда-же кончилъ, то вдругъ улыбнулся. Сидѣла, все слушавшій его молча, подъ конецъ-же, въ чрезвычайномъ волненіи, много разъ пытавшійся перебить рѣчь, но видимо себя сдерживавшій, вдругъ заговорилъ, точно въ мѣста.

«Это негѣпость! вскричалъ онъ, краснѣя. — Поэма была Іисусу, а не хула... какъ ты хотѣлъ того. И что о свободѣ? Такъ-ли, такъ-ли надо ее пони-

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

для завершѣнія башни, что не для такихъ гусей великій вѣсть мечталъ о своей гармоніи. Появѣвъ все это, онъ воронитъ и примѣвуль... къ умнымъ людямъ. Неужели этого не случатся?

Къ кому примѣвуль, къ какимъ умнымъ людямъ? почти мартѣ воскликнулъ Алеша.—Нивакого у нихъ нѣтъ такого и нивакихъ такихъ тайнъ и секретовъ... Одно только и жие, вотъ и весь ихъ секретъ. Инквизиторъ твой и въ Бога, вотъ и весь его секретъ!

Хотя-бы и такъ! Наконецъ-то ты догадался. И дто такъ, дѣйствительно только въ этомъ и весь секретъ это не страданіе, хотя-бы для такого, какъ онъ, челоый всю жизнь свою убилъ на подвигъ въ пустынѣ и ялся отъ любви къ челоовѣчеству? На закатѣ дней своихъ, убѣждается ясно, что лишь совѣты великаго страшнаго духа бы хотъ сколько нибудь устроить въ сносномъ порядкѣ яльныхъ бунтовщиковъ, «неодѣланныя пробныя существа, инныя въ насмѣшку». И вотъ, убѣдясъ въ этомъ, онъ ви- что надо идти по указанію умнаго духа, страшнаго духа и разрушенія, а для того принять ложь и обманъ, и людей уже сознательно къ смерти и разрушенію и при- обманывать ихъ всю дорогу, чтобъ они какъ-нибудь не тили, куда ихъ ведутъ, для того, чтобъ хотъ въ дорогѣ-то эти слѣпцы считали себя счастливыми. И замѣть себѣ, въ во имя Того, въ идеаль котораго столь страстно вѣро- старикъ во всю свою жизнь! Развѣ это не несчастье! И бы хотъ одинъ такой очутился во главѣ всей этой арміи, душей власти для однихъ только грязныхъ благъ»,—то али-же не довольно хотъ одного такого, чтобъ вышла тра- Мало того, довольно и одного такого, стоящаго во главѣ, и нашлась, наконецъ, настоящая руководящая идея всего аго дѣла, со всѣми его арміями и іезуитами, высшая идея дѣла. Я тебѣ прямо говорю что я твердо вѣрую, что этотъ ий челоовѣкъ и не оскудѣвалъ никогда между стоящими во движения. Кто знаетъ, можетъ быть, случались и между ими первосвященниками эти единные. Кто знаетъ, можетъ этотъ провлитый старикъ, столь упорно и столь по своему челоовѣчество, существуетъ и теперь въ видѣ цѣлаго икъ таковыхъ единныхъ стариковъ и не случайно ествуется какъ согласіе, какъ тайный союзъ, давно яный для храненія тайны, для храненія ея отъ не-

Алеша. — Ты не веришь въ Бога, приближивъ ему такую вычайною скорбью. Ему показалося къ тому-же, что рятъ на него съ насмѣшкою. — Чѣмъ-же кончается спросилъ онъ вдругъ, смотря въ землю. — Или ужь о

— Я хотѣлъ ее кончить такъ: когда невизитор нѣкоторое время ждетъ, что Пльнникъ его ему отвѣтъ жело его молчаніе. Онъ видѣлъ какъ Узникъ все вр его, проникновенно и тихо смотря ему прямо въ глаза желая ничего возражать. Старикъ хотѣлось-бы, что залъ ему что-нибудь, хотя-бы и горькое, страшное. Но молча приближается къ старикъ и тихо целуетъ его кровныя девяностолѣтнія уста. Вотъ и весь отвѣтъ вздрагиваетъ. Что-то шевельнулось въ бонцахъ г идетъ къ двери, отворяетъ ее и говоритъ Ему: ступи ходи болѣе... не приходи вовсе... никогда, никогда! П его на «темныя стогна града». Пльнникъ уходитъ.

— А старикъ?

— Поцалуй горитъ на его сердць, но старикъ прежней идеѣ.

— И ты вмѣстѣ съ нимъ, и ты? горестно восклик Иванъ засмѣялся.

— Да вѣдь это-же вздоръ, Алеша, вѣдь это тольк поема безтолковаго студента, который никогда двухт написалъ. Къ чему ты въ такой серъезъ берешь? Ужь н

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

чтобы къ нимъ прикинуть... а если нѣтъ, то убьешь
а не выдержишь!

— Есть такая сила, что все выдержитъ! съ холодною уже
лицою проговорилъ Иванъ.

— Какая сила?

— Карамазовская... сила низости Карамазовской.

— Это потонуть въ развратъ, задавить душу въ раст
л?

— Пожалуй и это... только до тридцати лѣтъ, може
вбгну, а тамъ...

— Какъ-же избѣгнешь? Чѣмъ избѣгнешь? Это нев
воими мыслями

— Опять гаки по Карамазовски.

— Это чтобы «все позволено»? Все позволено, такъ-
ни?

Иванъ нахмурился и вдругъ странно какъ-то поблѣднѣлъ.

— А, это ты подхватилъ вчерашнее словцо, которымъ такъ
ялся Миусовъ... и что такъ наивно выскочилъ и переговорилъ
Дмитрій? криво усмѣхнулся онъ.— Да, пожалуй. «все позво
но», если ужъ слово произнесено. Не отрекаюсь. Да и ре
да Митянькина не дурна.

Алеша молча глядѣлъ на него.

— Я, братъ, уѣзжая, думалъ, что имѣю на всемъ свѣтѣ
тебя, съ неожиданнымъ чувствомъ проговорилъ вдругъ
къ, — а теперь вижу, что и въ твоемъ сердцѣ мнѣ нѣтъ
я, мой милый отшельникъ. Отъ формулы: «все позволено»
отрекись, ну и что-же, за это ты отъ меня отречешься,
да?

Алеша всталъ, подошелъ къ нему, и молча тихо поцаловалъ
въ губы.

— Литературное воровство! вскричалъ Иванъ, переходя
въ въ какой-то восторгъ,—это ты укралъ изъ моей поэмы!
ибо, однако. Вставай Алеша, идемъ, пора и мнѣ, и тебѣ.
они вышли, но остановились у крыльца трактира.

— Вотъ что, Алеша, проговорилъ Иванъ твердымъ голо
—если въ самомъ дѣлѣ хватить меня на клейкіе листочки,
убить ихъ буду лишь тебя вспоминая. Довольно мнѣ того,
тутъ гдѣ-то есть, и жить еще не разхочу. Довольно
в? Если хочешь, прими хоть за объясненіе въ любви.
ты направо, я налево — и довольно, слышишь, до
чъ есть, если а-бы завтра и не уѣхалъ (кажется, уѣду

VI.

Пока еще очень не ясная.

Иванъ Федоровичъ, разставшись съ Алешей, пошелъ домой, къ Федора Павловича. Но, странное дѣло, на него явилась тоска нестерпимая и, главное, съ каждымъ шагомъ приближенія къ дому, все болѣе и болѣе нараставшая. Тоска была странность, а въ томъ, что Иванъ Федоровичъ не могъ опредѣлить, въ чемъ тоска состояла. Тоска случалась часто и прежде и не диво-бы, что пришла она въ эту минуту, когда онъ, завтра-же, порвавъ вдругъ со всѣмъ старымъ сюда привлекло, готовился вновь повернуть круто назадъ и вступить на новый, совершенно невѣдомый путь, и идти по нему совсѣмъ одинокимъ какъ прежде, много надѣясь, но не зная на что, многого, слишкомъ многого ожидая отъ жизни, не зная чего не умѣя самъ опредѣлять, ни въ ожиданіяхъ, ни въ желаніяхъ своихъ. И всетаки въ эту минуту, хотя и было новое и невѣdomое дѣйствительно была въ душѣ его, тоска, но это не то. «Ужь не отвращеніе-ли къ родительскому дому?», подумалъ онъ про себя, — «похоже на то, до того опротивѣлъ я и хоть сегодня въ послѣдній разъ войду за этотъ скверный порогъ, а всетаки противно... Но нѣтъ, и это не то. Ужь не признаніе-ли съ Алешей и бывший съ нимъ разговоръ: «Столько молчалъ со всѣмъ свѣтомъ и не удостоивалъ говорить, и столько наговаривалъ столько ахиней». Въ самомъ дѣлѣ, это могла быть молодая досада молодой неопытности и молодого тщесла-вотства на то, что не сумѣлъ высказаться, да еще съ такимъ авторитетомъ, какъ Алеша, на котораго въ сердцѣ его несомнѣнно существовали большіе расчеты. Конечно, и это было, то есть эта досада, даже непремѣнно должна была быть, но и это было не то, не то. «Тоска до тошноты, а опредѣлять не въ силахъ чего-то. Не думать развѣ»...

Иванъ Федоровичъ попробовалъ было «не думать», но и тѣмъ не могъ пособить. Главное, тѣмъ она была досадна, эта тоска, что раздражала, что имѣла какой-то случайный, совершенно неопредѣленный видъ; это чувствовалось. Стояло и торчало гдѣ-то какое-то существо или предметъ, въ родѣ какъ торчитъ что-нибудь передъ глазомъ, и долго, за дѣломъ или въ горячемъ разговорѣ не замѣчаешь его, а между тѣмъ, видимо раздра-

жаешься, почти мучаешься, и, наконецъ-то, догадаешься отнѣять негодный предметъ, часто очень пустой и смѣшной, и нибудь вещь, забытую не на своемъ мѣстѣ, платокъ, ушныя наполь, книгу, не убранную въ шкафъ и пр. и пр. Наконецъ, Иванъ Федоровичъ, въ самомъ скверномъ и раздранномъ состояніи духа, достигъ родительскаго дома, и въ примѣрно, шаговъ за пятнадцать отъ калитки, взглянувъ въ ворота, разомъ догадался о томъ, что его такъ мучило и вожгло.

На скамейкѣ у воротъ сидѣлъ и прохлаждался вечернимъ воздухомъ лакей Смердяковъ, и Иванъ Федоровичъ съ перваго взгляда на него понялъ, что и въ душѣ его сидѣлъ Смердяковъ и что именно этого-то человѣка и не можетъ нести его душа. Все вдругъ озарилось и стало ясно. Давно съ разсказа Алеши о его встрѣчѣ со Смердяковымъ, мрачное и противное вдругъ вонзилось въ сердце его и вышло въ немъ тотчасъ-же отвѣтную злобу. Потомъ, за разговоромъ Смердяковъ на время позабылся, но однако-же остался въ душѣ, и только что Иванъ Федоровичъ разстался съ Алексеемъ, пошелъ одинъ къ дому, какъ тотчасъ-же забытое ощущение вдругъ быстро стало опять выходить наружу. «Да неужели этотъ дрянной негодяй до такой степени можетъ меня (конть!» подумалось ему съ нестерпимою злобой.

Дѣло въ томъ, что Иванъ Федоровичъ дѣйствительно не взлюбилъ этого человѣка въ послѣднее время, и особенные самые послѣдніе дни. Онъ даже началъ самъ замѣчать эту оставшую почти ненависть къ этому существу. Можетъ быть процессъ ненависти такъ обострился именно потому, что началъ, когда только что пріѣхалъ къ намъ Иванъ Федоровичъ происходило совсѣмъ другое. Тогда Иванъ Федоровичъ пріѣхалъ было въ Смердяковѣ какое-то особенное вдругъ участіе, на которое его даже очень оригинальнымъ. Самъ пріучилъ его говорить собою, всегда, однако, дивясь нѣкоторой безтолковости или, сказать, нѣкоторому безпокойству его ума и не понимая, что такое «этого созерцателя» могло-бы такъ постоянно и неотлучно безпокоить. Они говорили и о философскихъ вопросахъ, и о томъ, почему свѣтилъ свѣтъ въ первый день, когда сдѣлана луна и звѣзды устроены были лишь на четвертый день и это понимать слѣдуетъ; но Иванъ Федоровичъ скоро убѣдился, что дѣло вовсе не въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, что солнце и звѣзды предметъ хотя и любопытный, но для Смердякова

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

мно третьестепенный и что ему надо чего-то совсѣмъ !
Такъ или этакъ, но во всякомъ случаѣ начало высказан-
на и обличаться самолюбіе необъятное и притомъ самолюбіе
блженное. Ивану Федоровичу это очень не понравилось. Съ
началось его отвращеніе. Впоследствии начались в чр
дницы, явилась Грушенька, начались исторіи съ б з
вѣмъ, пошла хлопота, -- говорили она и объ этомъ,
Смердяковъ вель всегда объ этомъ разговоръ съ болы
ціемъ, а опять-таки никакъ нельзя было добиться
у-то ему тутъ желается. Даже подивиться можно !
ности и безпорядку иныхъ желаній его, понево
еихъ наружу и всегда одинаково неясныхъ. Смердяковъ
вшивалъ, задавалъ какіе-то косвенные, очевидно, наду
вопросы, но для чего -- не объяснялъ того, а обыкновен
ую горячую минуту своихъ-же разспросовъ вдругъ уми
шли переходилъ совсѣмъ на иное. Но главное, что раздражило,
еще, Ивана Федоровича окончательно и вселило въ него такое
щеніе -- была какая-то отвратительная и особая фамильяр-
; которую сильно сталъ выказывать къ нему Смердяковъ,
въ дальше, тѣмъ больше. Не то, чтобъ онъ позволялъ себѣ
невѣжливымъ, напротивъ, говорилъ онъ всегда чрезвычайно
тельно, но такъ поставилось, однако-жь, дѣло, что Смер-
ъ видимо сталъ считать себя, Богъ знаетъ почему, въ
го, наконецъ, съ Иваномъ Федоровичемъ какъ-бы солидар-
; говорилъ всегда въ такомъ тонѣ, будто между ними вдвоемъ
уже что-то условленное и какъ-бы секретное, что-то ког-
произнесенное съ обѣихъ сторонъ, лишь имъ обоимъ только
ное, а другимъ около нихъ вопошавшимся смертнымъ такъ
и непонятное. Иванъ Федоровичъ, однако, и тутъ долго не
талъ этой настоящей причины своего нараставшаго отвра-
и, наконецъ, только лишь въ самое послѣднее время,
въ догадаться въ чемъ дѣло. Съ брезгливымъ и раздражи-
нымъ ощущеніемъ хотѣлъ было онъ пройти теперь молча
глядя на Смердякова въ калитку, но Смердяковъ всталъ
шмейки и ужъ по одному этому жесту Иванъ Федоровичъ
въ догадался, что тотъ желаетъ имѣть съ нимъ особенный
говъ. Иванъ Федоровичъ поглядѣлъ на него и остановился,
онъ такъ вдругъ остановился и не прошелъ мимо,
того еще минутой назадъ, озлило его до сотрясенія.
гвращеніемъ глядѣлъ онъ на скопческую испи-
Смердякова съ зачесаннымъ гребешкомъ ви-

сочками и со взбитымъ маленькимъ хохолкомъ. Лѣвый прищуренный глазокъ его мигалъ и усмѣхался, точно ирвая: «чего идешь, не пройдешь, видишь, что обобщеннымъ людямъ, переговорить есть чего». Иванъ Ѳедоръ затрясся.

«Прочь, негодяй, какая я тебѣ компанія, дуракъ!» и было съ языка его, но, къ величайшему удивленію его, съ языка совсѣмъ другое:

— Что батюшка спитъ или проснулся? тихо и смирно говорилъ онъ, себѣ самому неожиданно, и вдругъ, тоже неожиданно, съѣлъ на сламейку. На мгновеніе ему стало страшно, онъ вспомнилъ объ этомъ потомъ. Смердяковъ стоялъ надъ нимъ, закинувъ руки за спину, и глядѣлъ съ увѣренностью почти строгого.

— Еще почиваютъ-съ, выговорилъ онъ не торопливо, дескать, первый заговаривалъ, а не я»). Удивляюсь я и сударь, прибавилъ онъ, помолчавъ, какъ-то жеманно въ глаза, выставивъ правую ножку впередъ и погрызая но лакированной ботинки.

— Съ чего ты на меня удивляешься? отрывисто и произнесъ Иванъ Ѳедоровичъ, изъ всѣхъ силъ себя сдерживая и вдругъ съ отвращеніемъ понялъ, что чувствуетъ сильное любопытство и что ни за что не уйдетъ отсюда, не удравъ его.

— Зачѣмъ вы, сударь, въ Чермашню не ѣдете-съ? вскинулъ глазками Смердяковъ и фамильярно улыбнулся. я улыбнулся, самъ, дескать, долженъ понять, если умни въкъ», — какъ-бы говорилъ его прищуренный лѣвый глазъ.

— Зачѣмъ я въ Чермашню поѣду? удивился Иванъ Ѳедоровичъ.

Смердяковъ опять помолчалъ.

— Сами даже Ѳедоръ Павловичъ такъ васъ объ тебѣ думали-съ, проговорилъ онъ, наконецъ, не спѣша и какъ-то не цѣня своего отвѣта: третьестепенною, дескать, причиною удивляюсь, только чтобы что-нибудь сказать.

— Э, чертъ, говори яснѣй, чего тебѣ надобно? вскрикнулъ наконецъ, гнѣвно Иванъ Ѳедоровичъ, со смиренія переключивъ на грубость.

Смердяковъ приставилъ правую ножку къ лѣвой, вынулъ ее прямо, но продолжалъ глядѣть съ тѣмъ-же своеобразнымъ тою-же улыбочкой.

— Существеннаго ничего вѣтъ-съ... а такъ-съ, къ разговору наступило опять молчаніе. Промолчали чуть не съ минуту. Иванъ Федоровичъ зналъ, что онъ долженъ былъ сейчасъ встать и разсердиться, а Смердяковъ стоялъ предъ нимъ и какъ-бы ждалъ: «А вотъ посмотрю я, разсердишься ты или нѣтъ». Но въ крайней мѣрѣ, представлялось Ивану Федоровичу, что онъ не захочетъ начнудся чтобы встать. Смердяковъ точно поймалъ

— Ужасное мое положеніе-съ, Иванъ Федоровичъ, не знаю, какъ я помочь себѣ, проговорилъ онъ вдругъ твердо и съ послѣднимъ словомъ своимъ вздохнулъ. Иванъ Федоровичъ тотчасъ-же опять усѣлся.

— Оба совсѣмъ блажны-съ, оба дошли до самаго малаго рожденья-съ, продолжалъ Смердяковъ.—Я про вашего родителя и вашего брата-съ, Дмитрія Федоровича. Вотъ они встанутъ завтра, Федоръ Павловичъ, и начнутъ сейчасъ приставать ко мнѣ каждую минуту: «Что не пришла? Зачѣмъ не пришла?» — и такъ до полуночи, даже и за полночь. А коль Аграфена Александровна не придетъ (потому что она, пожалуй, совсѣмъ и не придетъ вовсе никогда придти-съ), то пакинутся на меня опять на по утрахъ: «Зачѣмъ не пришла? Отчего не пришла, когда пришла?» — точно я въ этомъ въ чемъ предъ ними выхожу виноватъ. Съ другой стороны, такая статья-съ, какъ только сейчасъ смеркнется, да и раньше того, братецъ вашъ съ оружіемъ въ рукахъ явится по сосѣдству»: «Смотри, дескать, шельма, Конюшня: проглядишь ее у меня и не дашь мнѣ знать, что она пришла — убью тебя прежде всякаго. «Пройдетъ ночь, на утро и такъ же, какъ и Федоръ Павловичъ, мучительно мучить меня будутъ: «зачѣмъ не пришла, скоро-ль покажется», — и точно я такъ-таки я предъ ними виноватъ выхожу-съ, въ томъ, что она не пришла. И до того съ каждымъ днемъ и съ каждымъ часомъ все дальше серчаютъ оба-съ, что думаю, иной разъ отъ страху самъ жизнь себя лишитъ-съ. Я, сударь, на это не надѣюсь-съ.

— А зачѣмъ вязался? Зачѣмъ Дмитрію Федоровичу стало такъ? раздражительно проговорилъ Иванъ Федоровичъ.
— Какъ-бы я не вязался-съ? Да я и не вязался-съ и не хочу знать въ полной точности-съ. Я съ самымъ малымъ опытомъ, возражать не смѣя, а они сами опредѣляютъ
— Личардой при нихъ состоять. Только и

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

Другого боюсь: чтобы меня въ ихъ сообществѣ не сочли, что нелѣпое надъ родителемъ своимъ учинятъ.

Почему тебя сочтутъ сообщникомъ?

Потому сочтутъ сообщникомъ, что я имъ эти самые знаки вретъ большомъ сообщилъ-съ.

Какіе знаки? Кому сообщилъ? Чортъ тебя побори, говори

Долженъ совершенно признаться, съ педантскимъ спо-
мъ тянулъ Смердяковъ, — что тутъ есть одинъ секр-
тъ Федоромъ Павловичемъ. (они, какъ сами изволите
только изволите это знать), уже нѣсколько дней, какъ
ночь али даже вечеръ, такъ тотчасъ съизнутри и запру-
двѣй разъ стали подъ конецъ возвращаться рано къ се-
рѣ, а вчера такъ и совсѣмъ никуда не выходили-съ, —
г, можетъ, я не знаете, какъ они старательно начали те-
напираться на ночь. И приди хоть самъ Григорій Василье-
такъ они, развѣ что по голосу убѣдясь, ему отопрутъ-съ.
Григорій Васильевичъ не приходитъ-съ, потому служу имъ
въ комнатахъ одинъ я-съ, — такъ они сами опредѣлили
самой минуты, какъ начали эту затѣю съ Аграфеной
Идровной, а на ночь такъ и я теперь, по ихнему распо-
лю, удаляюсь и ноую во флигелѣ, съ тѣмъ, чтобы до пол-
ниѣ не спать, а дежурить, вставать и дворъ обходить, и
когда Аграфена Александровна придутъ-съ, такъ какъ онѣ
же нѣсколько дней ея ждутъ, словно какъ помѣшанные.
Идутъ-же они такъ-съ: она, говорятъ, его боятся, Дми-
Федоровича (они его Митькой зовутъ-съ), а потому ночью
ю задами ко мнѣ пройдетъ; ты-же, говорятъ, ее сторожи
и полночи и больше. И если она придетъ, то ты къ две-
юдбѣги и постучи мнѣ въ дверь, аль въ окно изъ саду
два первые раза потише, этакъ: разъ-два, а потомъ сей-
ш разъ поскорѣе: тукъ-тукъ-тукъ. Вотъ, говорятъ, я и пойму
ь, что это она пришла и отопру тебѣ дверь потихоньку.
знакъ сообщила мнѣ на тотъ случай, если что встрен-
сойдетъ: сначала два раза скоро: тукъ-тукъ, а потомъ,
шь, еще одинъ разъ гораздо крѣпче. Вотъ они и поймутъ,
случилось внезапное и что очень надо мнѣ ихъ видѣть,
шь отопрутъ, а я пойду и доложу. Все на тотъ случай,
ь Александровна можетъ сама не придти, а пришлетъ
ь извѣстить; окромя того, Дмитрій Федоровичъ тоже
такъ и о немъ извѣстить, что онъ близко. Очень

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

кую, на какой-то травѣ, секретомъ такимъ обладаютъ-сь. Мать она этимъ секретнымъ лѣкарствомъ Григорія Васильевича по три въ годъ-сь, когда у того поносница отнимается вся-сь, въ родѣ какъ-бы съ нимъ параличъ-сь, раза по два въ годъ-сь. Тогда онѣ берутъ полотенце-сь, мочатъ въ него настой и всю-то ему спину Марѣа Игнатъевна третъ по два-сь, до суха-сь, совсѣмъ даже покраснѣетъ и вспухнетъ у него все остальное, что въ стѣлнѣ, даютъ ему выпить какую-нибудь молитвою-сь, не все, однако-жь, потому что и при семъ рѣдкомъ случаѣ и себѣ оставляютъ-сь и спятъ-сь. И оба, я вамъ скажу, какъ не пьющіе, такъ спятъ-сь и спятъ очень долгое время крѣпко-сь; и когда проснется Григорій Васильевичъ, то всегда почти послѣ того голова болитъ-сь, а Марѣа Игнатъевна проснется и у нея всегда послѣ этого голова болитъ-сь. Такъ вотъ, если завтра Марѣа Игнатъевна это намѣреніе исполнить-сь, такъ врядъ-ли имъ что услышать и Дмитрія Федоровича не допуститъ-сь. Спать будутъ-сь. Что за ахинея! И все это какъ нарочно такъ сразу и такъ: и у тебя падучая, и тѣ оба безъ памяти! прокричалъ Федоровичъ;—да ты самъ ужь не хочешь-ли такъ поддаться, чтобы сошлось? вырвалось у него вдругъ и онъ грозно прищелкнулъ брови.

Какъ-же-бы я такъ подведъ-сь... и для чего подводить, все тутъ отъ Дмитрія Федоровича одного и зависитъ-сь, отъ одного его мысли-сь... Захотятъ они что учинить—такъ-сь, а нѣтъ, такъ не я-же нарочно ихъ приведу, чтобы вышло изъ моего рта что-нибудь.

А зачѣмъ ему къ отцу приходиться, да еще потихоньку, какъ ты самъ говоришь, Аграфена Александровна и со мной не придетъ, продолжалъ Иванъ Федоровичъ, блѣднѣя отъ удивленія—самъ-же ты это говоришь, да и я все время, тутъ живя, уверенъ, что старикъ только фантазируетъ и что не придетъ ему эта тварь. Зачѣмъ же Дмитрію врываться къ старцу, если та не придетъ? Говори! Я хочу твои мысли знать.

Сами изволите знать зачѣмъ придутъ, къ чему-же тутъ придетъ? Придутъ по единой ихней злобѣ, или по своей мнительности въ случаѣ, примѣрно, моей болѣзни, усумнятся и пойдутъ терпѣнія искать въ комнаты, какъ вчерашній разъ: и, дескать, она какъ-нибудь отъ нихъ потихоньку выйдетъ. Известно тоже известно, что у Федора Павловича конвертъ вложенъ, а въ немъ три тысячи запечатаны, подѣ

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

сего этого въ Чермашню мнѣ совѣтуешь ѣхать? Что ты хотѣлъ сказать? Я ѣду, и у васъ вотъ что произойдетъ. Федоровичъ съ трудомъ переводилъ духъ.

Совершенно вѣрно-съ, тихо и разсудительно проговорилъ онъ, пристально, однако-же, слѣдя за Иваномъ Фе ро-

Какъ совершенно вѣрно? переспросилъ Иванъ Федоровичъ, сдерживая себя и грозно сверкая глаза.

И говорилъ васъ жалючи. На вашемъ мѣстѣ, тутъ я, такъ все-бы это тутъ-же бросилъ... чѣмъ же сидѣть-съ... отвѣтилъ Смердяковъ съ самымъ вѣдомъ смотря на сверкающіе глаза Ивана Федоровича

Вы, кажется, большой идіотъ и, ужь конечно... страшноревецъ! всталъ вдругъ со скамейки Иванъ Федоровичъ, тотчасъ-же хотѣлъ было пройти въ калитку, но вдругъ перемѣня и повернулся къ Смердякову. Произошло что-то такое: Иванъ Федоровичъ внезапно, какъ-бы въ судорогѣ, загубу, сжалъ кулаки и — еще мгновение, конечно, бросилъ на Смердякова. Тотъ, по крайней мѣрѣ, это замѣтилъ — еще мигъ, вздрогнулъ и отдернулся всѣмъ тѣломъ — и мгновение прошло для Смердякова благополучно и Иванъ Федоровичъ молча, но какъ-бы въ какомъ-то недоумѣніи, повернулся въ калитку.

И завтра въ Москву уѣзжаю, если хочешь это знать, — рано утромъ — вотъ и все! со злобою, раздѣльно и громко проговорилъ онъ, самъ себѣ потомъ удивляясь, какимъ образом понадобилось ему тогда это сказать Смердякову.

Вамое это лучшее-съ, подхватилъ тотъ, точно и ждалъ только развѣ то, что изъ Москвы васъ могутъ по телеграфу обезножить-съ, въ какомъ либо такомъ случаѣ-съ. Иванъ Федоровичъ опять остановился и опять быстро повернулся къ Смердякову. Но и съ тѣмъ точно что случилось. Вся строгость и небрежность его соскочили мгновенно; все лицо заняло чрезвычайное вниманіе и ожиданіе, но уже робкое и страстное: «Не скажешь-ли, дескать, еще чего, не приди», такъ и читалось въ его пристальномъ, такъ и впивавшемся въ Ивана Федоровича, взглядѣ.

А изъ Чермашни развѣ не вызвали-бы тоже... въ какомъ такомъ случаѣ? завопилъ вдругъ Иванъ Федоровичъ, не имея чего вдругъ ужасно возвысивъ голосъ.

— ... и изъ Черманни-съ... обезпоятъ-съ... И тоталъ Смердяковъ почти шопотомъ, точно какъ-бы потерянно пристально-примстально продолжая смотрѣть Ивану Федору прямо въ глаза.

— Только Москва дальше, а Черманниа ближе, тамъ прогонныхъ деньгахъ жалѣешь, что-ли, настаивая въ Черманниа меня жалѣешь, что я крякъ большой сдѣлаю?

— Совершенно вѣрно-съ... пробормоталъ уже пресѣвшимъ голосомъ Смердяковъ, гнусно улыбаясь и опять судорожно готовившись во-время отпрыгнуть назадъ. Но Иванъ Федоръ вдругъ, къ удивленію Смердякова, засмѣялся и быстро прѣвѣлъ въ калитку, продолжая смѣяться. Кто взглянулъ-бы на него тотъ навѣрно заключилъ-бы, что засмѣялся онъ вовсе не изъ-за того что было такъ весело. Да и самъ онъ ни за что не объявилъ бы, что было тогда съ нимъ въ ту минуту. Двигался онъ точно судорогой.

VII.

„Съ умнымъ человѣкомъ и поговори любопытно“.

Да и говорилъ тоже. Встрѣтивъ Федора Павловича въ только что войдя, онъ вдругъ закричалъ ему, махая руками къ себѣ на верхъ, а не къ вамъ, до свиданія», и прошель даже стараясь не взглянуть на отца. Очень можетъ быть старикъ слишкомъ былъ ему въ эту минуту ненавистен такое безцеремонное проявленіе враждебнаго чувства даже Федора Павловича было неожиданнымъ. А старикъ и видно хотѣлъ ему что-то поскорѣй сообщить, для чего и вышелъ встрѣтить его въ залу; услышавъ-же такую дерзость, остановился молча и съ насмѣшливымъ видомъ и длилъ сына глазами на лѣстницу въ мезонинъ, до тѣхъ пока тотъ скрылся изъ виду.

— Чего это онъ? быстро спросилъ онъ вошедшаго и за Иваномъ Федоровичемъ Смердякова.

— Сердятся на что-то-съ, кто ихъ разберетъ, пробормоталъ тотъ уклончиво.

— А и чорты! Пусть сердится. Подавай самоваръ и самъ убирайся, живо. Нѣтъ-ли чего новаго?

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

тѣ начались разспросы именно изъ такъ на вол
 ствовъ сейчасъ жаловался Ивану Федоровичу то есть
 стѣ ожидаемой посѣтительницы, и мы эти р
 шимъ. Чрезъ полчаса домъ былъ запертъ
 кашка показивалъ одинъ по комнатамъ, въ
 шнн, что вотъ-вотъ раздадутся пять условны
 да заглядывая въ темныя окна и ничего въ н
 б) ночь.

шло уже очень поздно, а Иванъ Федоровичъ все не
 бралъ. Поздно онъ легъ въ эту ночь, часа въ двѣ
 в станемъ передавать все теченіе его мыслей, да и не
 выходитъ въ эту душу этой души свой чередъ. И
 въ и попробовали что передать, то было-бы очень мудр
 дѣлать, потому что были не мысли, а было что-то оч.
 едѣленное, а главное—слишкомъ взволнованное. Самъ онъ
 вовалъ, что потерялъ все свои концы. Мучила его тоже
 ж странныя и почти неожиданныя совсѣмъ желанія, на-
 рь: ужъ послѣ полночи ему вдругъ настоятельно и не-
 имо хотѣлось сойти внизъ, отпереть дверь, пройти во
 въ и избить Смердякова, но спросили-бы вы за что, и самъ
 Ышительно не сумѣлъ-бы изложить ни одной причины въ
 ти, кромѣ той развѣ, что сталъ ему этотъ лакей ненави-
 какъ самый тяжкій обидчикъ, какого только можно при-
 на свѣтъ. Съ другой стороны, не разъ охватывала въ эту
 го душу какая-то необъяснимая и унижительная робость,
 второй онъ, — онъ это чувствовалъ, — даже какъ-бы те-
 вдругъ физическія силы. Голова его болѣла и кружилась.

ненавистное щемило его душу, точно онъ собирался мстить
 Ненавидѣлъ онъ даже Алешу, вспоминая давешній съ нимъ
 оръ, ненавидѣлъ очень минутами и себя. О Катеринѣ Ива-
 онъ почти что и думать забылъ, и много этому потому
 мся, тѣмъ болѣе, что самъ твердо помнилъ, какъ еще
 утромъ, когда онъ такъ размахисто похвалился у Кате-
 Ивановны, что завтра уѣдетъ въ Москву, — въ душѣ своей
 ке шепнулъ про себя: «а вѣдь вздоръ, не поѣдешь, я не
 себѣ будетъ легко оторваться, какъ ты теперь фанфаро-

Припоминая потомъ, долго спустя, эту ночь, Иванъ Федо-
 съ особеннымъ отвращеніемъ вспоминалъ, какъ онъ вдругъ,
 , вставалъ съ дивана и тихонько, какъ-бы страшно боясь,
 ю подглядывал за нимъ, отворялъ двери, выходилъ на лест-
 слушалъ внизъ, въ нижнія комнаты, какъ шевелюлась в

похаживалъ тамъ внизу Федоръ Павловичъ, слушалъ—и минутъ по пяти, со страннымъ какимъ-то любопытствомъ гавъ духъ, и съ біеніемъ сердца, а для чего онъ все дѣлывалъ, для чего слушалъ—конечно, и самъ не зналъ. «Поступокъ» онъ всю жизнь свою потомъ называлъ «первое» и всю жизнь свою считалъ, глубоко про себя, въ тайнѣ души своей—самымъ подлымъ поступкомъ изъ всей своей жизни. Къ самому-же Федору Павловичу онъ не чувствовалъ ни минуты никакой даже ненависти; а лишь любопытствовалъ чѣму-то изъ всѣхъ силъ: какъ онъ тамъ внизу ходитъ, что примѣрно, тамъ у себя теперь долженъ дѣлать, предугадывалъ и соображалъ, какъ онъ долженъ былъ тамъ внизу заглянуть въ темныя окна и вдругъ останавливаться среди комнаты ждать, ждать—не стучитъ-ли кто. Выходилъ Иванъ Федоровичъ для этого занятія на лѣстницу раза два. Когда все затихло уже улегся и Федоръ Павловичъ, часовъ около двухъ, уже Иванъ Федоровичъ съ твердымъ желаніемъ поскорѣе закончилъ такъ какъ чувствовалъ себя страшно измученнымъ. И вдругъ заснулъ онъ вдругъ крѣпко и спалъ безъ сновъ, но проспалъ рано, часовъ въ семь, когда уже разсвѣло. Раскрывъ глаза изумленію своему, онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ приливъ какой-то необычайной энергіи, быстро вскочилъ и быстро одѣвшись затѣмъ вытащилъ свой чемоданъ и, не медля, поспѣшно началъ его укладывать. Бѣлье какъ разъ еще вчера утромъ получилъ все отъ прачки. Иванъ Федоровичъ даже усмѣхнулся при этомъ, что такъ все оно сошлось, что нѣтъ никакой задержки въ моментъ отъѣзду. А отъѣздъ выходилъ дѣйствительно внезапно. Хотя Иванъ Федоровичъ и говорилъ вчера (Катеринѣ Ивановнѣ и потомъ Смердякову), что завтра уѣдетъ, но, когда вчера спать, онъ очень хорошо помнилъ, что въ ту минуту не думалъ объ отъѣздѣ, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ не мыслилъ, что по утру, проснувшись, первымъ движеніемъ бросится укладывать чемоданъ. Наконецъ, чемоданъ и сакъ были готовы: уже около девяти часовъ, когда Марѳа Игнатьевна (взошла къ нему съ обычнымъ ежедневнымъ вопросомъ: «Гдѣ изволите кушать, у себя, аль сойдете внизъ?») Иванъ Федоровичъ сошелъ внизъ, видъ имѣлъ почти что веселый, хотя было въ немъ и въ словахъ и въ жестахъ его, нѣчто какъ-бы раскидывающее торопливое. Привѣтливо поздоровавшись съ отцомъ, и даже особенно навѣдавшись о здоровьѣ, онъ, не дождавшись, впрочемъ окончанія отвѣта родителя, разомъ объявилъ, что чрезъ

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

...ехать въ Москву, совсѣмъ, и проситъ послать за лошадьми. Павелъ выслушалъ сообщеніе безъ малѣйшаго удивленія, прерывчиво позабывъ поскорѣе объ отъѣздѣ сына; вмѣсто того онъ чрезвычайно хлопоталъ, вспомнивъ какъ разъ кстати свое насущное собственное дѣло.

— Ахъ ты! Экой! Не сказалъ вчера... ну да все равно, и пусть уладимъ. Сдѣлай ты мнѣ милость великую, отецъ ты мой добрый, заѣзжай въ Чермашню. Вѣдь тебѣ съ Воловьею станціей только вѣтви свернуть, всего двѣнадцать какихъ-нибудь верстечекъ, и вотъ она, Чермашня.

— Помните, не могу: до желѣзной дороги восемьдесятъ верстъ, а машина уходитъ со станціи въ Москву въ семь часовъ вечера—ровно только чтобъ поспѣть.

— Поспѣешь завтра, не то послѣзавтра, а сегодня сверни въ Чермашню. Чего тебѣ стѣдуетъ родителя успокоить! Если-бы не дѣла, я самъ давно слеталъ-бы, потому что штука-то хорошая и чрезвычайная, а здѣсь у меня... время теперь такое... Видишь, тамъ эта ропа моя, въ двухъ участкахъ въ три версты, да въ Дачкинѣ, въ пустошахъ. Масловы, старикъ съ сыномъ, купцы, всего восемь тысячъ даютъ на срубъ, а всего только прошлаго года покушникъ нарывался, такъ двѣнадцать тысячъ, да не здѣшній, вотъ гдѣ черта. Потому, у здѣшнихъ земля въ сбыту вѣтъ: кулачать Масловы отецъ съ сыномъ столичники: что положить, то и бери, а изъ здѣшнихъ никто и не пойдетъ противъ нихъ тягаться. А Ильинскій батюшка вдругъ приѣхалъ сюда въ прошлый четвергъ, что приѣхалъ Горсткинъ, купчикъ, знаю я его, только драгодѣнность-то въ томъ, что онъ здѣшній, а изъ Погребова, значить, не боится онъ Масловыхъ, потому, не здѣшній. Одиннадцать тысячъ, говоритъ, за участокъ дамъ, слышишь? А пробудетъ онъ здѣсь, нишетъ батюшка, всего лишь недѣлю. Такъ вотъ-бы ты поѣхалъ, да съ нимъ и сговорился...

— Такъ вы напишите батюшкѣ, тотъ и сговорится.

— Не умѣетъ онъ, тутъ штука. Этотъ батюшка смотрѣть не умѣетъ. Золото человекъ, я ему сейчасъ двадцать тысячъ дамъ безъ росписки на сохраненіе, а смотрѣть ничего не умѣетъ, какъ-бы я не человекъ вовсе, ворона обманетъ. А вѣдь ученый человекъ представъ себѣ это. Этотъ Горсткинъ на видъ мужикъ, купчикъ, только характеромъ онъ совершенный поджигатель—то и бѣда наша общая: онъ лжетъ, вотъ черта. И налетитъ, что только удивишься зачѣмъ это онъ.

Напалъ третьяго года, что жена у него умерла и что женатъ на другой, я ничего этого не было, представь се когда жена его не умирала, живетъ и теперь и его быдые три дня по разу. Такъ вотъ и теперь надо узнать аль правду говорить, что хочеть купить и одиннадцать дать?

— Такъ вѣдь и я тутъ ничего не сдѣлаю, у меня глазу нѣтъ.

— Стой, подожди, годишься и ты, потому я тебѣ нѣты его сообщу, Горстклина-то, я съ нимъ дѣла уже дамъ. Видишь: ему на бороду надо глядѣть: бороденка у него кая, гаденькая, тоненькая. Коли бороденка трясется, а сговорить да сердится — значить, ладно, правду говорить дѣло дѣлать; а коли бороду гладить дѣвою рукой, посмѣивается, — ну, значить, надуть хочеть, плутуетъ. А ему никогда не гляди, по глазамъ ничего не разберешь вода, плуть, — гляди на бороду. Я тебѣ въ нему запишю а ты покажи. Онъ Горстклинъ, только онъ не Горстклинъ гавый, такъ ты ему не говори, что онъ Лягавый, обидитъ сговоришься съ нимъ и увидишь что ладно, тотчасъ и сюда. Только это и напиши: «не лжетъ, дескать». Стой надцати, одну тысячку можешь спустить, больше не Подумай: восемь и одиннадцать — три тысячи разницы три тысячи ровно какъ нашелъ, скоро-ли поупищика до а деньги до зарѣзу нужны. Дашь знать, что серьезно, самъ ужь отсюда слетаю и кончу, какъ-нибудь урву теперь чего я туда поскачу, если все это батька выдумъ вѣдешъ или нѣтъ?

— Э, некогда, избавьте.

— Эхъ, одолжи отца, припомню! Безъ сердца вы и что! Чего тебѣ день или два? Куда ты теперь, въ Вез развалится твоя Венеція въ два-то дня. Я Алешку посада вѣдь что Алешка въ этихъ дѣлахъ? Я вѣдь единствому, что ты умный человекъ, развѣ я не вижу. Лѣсомъ гуешь, а глазъ имѣешь. Тутъ только чтобы видѣть: въ или нѣтъ человекъ говорить. Говорю, гляди на бороду: бороденка — значить, въ серьезъ.

— Самы-жъ вы меня въ Чермашию эту проваляють а? вскричалъ Иванъ Федоровичъ, злобно усмѣхнувшись.

Федоръ Павловичъ злобы не разглядѣлъ или не хотѣлъ глядѣть, а усмѣшку подхватилъ:

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

— Значить, ѣдешь, ѣдешь? Сейчасъ тебѣ записку настрочу.

— Не знаю, поѣду-ли, не знаю, дорогой рѣшу.

— Что дорогой, рѣши сейчасъ. Голубчикъ, рѣши! Сгово-
ся, напиши мнѣ двѣ строчки, вручи батюшкѣ и онъ мнѣ
съ свою дидулку пришлетъ. А затѣмъ я не держу тебя,
иди въ Венецію. Тебя обратно на Воловьёю станцію батюшка
вонхъ доставить...

Старикъ былъ просто въ восторгѣ, записку настрочилъ
и за лошадьми, подали закуску, коньякъ. Когда старикъ
радъ, то всегда начиналъ экспансивничать, но на
этотъ разъ какъ-бы сдерживался. Про Дмитрія Федоровича
ничего не произнесъ ни единого словечка. Разлукой
онъ не былъ тронутъ. Даже какъ-бы и не находилъ о чемъ
говорить; и Иванъ Федоровичъ это очень замѣтилъ: «Надо влѣ-
чь, однако», подумалъ онъ про себя. Только провожая сына
съ крыльца, старикъ немного какъ-бы заметался, погѣвъ
лобызаться. Но Иванъ Федоровичъ поскорѣе протянулъ ему
пожатія руку, видимо отстраняя лобзанія. Старикъ тотчасъ
къ и въ мигъ осадилъ себя.

— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ! повторялъ онъ съ крыльца.—
пріѣдешь еще когда въ жизни-то? Ну и пріѣзжай, всегда
радъ. Ну, Христосъ съ тобою!

Иванъ Федоровичъ влѣзъ въ тарантасъ.

— Прощай, Иванъ, очень-то не брани! крикнулъ въ послѣд-
ствіи отецъ.

Провожать вышли всѣ домашніе: Смердяковъ, Марья и Гри-
горій. Иванъ Федоровичъ подарилъ всѣмъ по десяти рублей.
Уже онъ усѣлся въ тарантасъ, Смердяковъ подскочилъ
внѣ коверъ.

— Видишь... въ Чермашню ѣду... какъ-то вдругъ вырвалось
у Федоровича, опять какъ вчера, такъ само собою сле-
да еще съ какимъ-то нервнымъ смѣшкомъ. Долго онъ это
зналъ потомъ.

— Значить, правду говорятъ люди, что съ умнымъ человѣ-
комъ поговорить любопытно, твердо отвѣтилъ Смердяковъ, про-
ронно глянувъ на Ивана Федоровича.

Итакъ тронулся и поехалъ. Въ душѣ путешественника
ничего, но онъ жадно глядѣлъ кругомъ на поля, на холмы,
стаю гусей пролетающую надъ нимъ высоко по
небу. Ему стало такъ хорошо. Онъ попробо-
валъ извопить и его ужасно что-то заикте-

1941
1942
1943
1944
1945
1946
1947
1948
1949
1950
1951
1952
1953
1954
1955
1956
1957
1958
1959
1960
1961
1962
1963
1964
1965
1966
1967
1968
1969
1970
1971
1972
1973
1974
1975
1976
1977
1978
1979
1980
1981
1982
1983
1984
1985
1986
1987
1988
1989
1990
1991
1992
1993
1994
1995
1996
1997
1998
1999
2000
2001
2002
2003
2004
2005
2006
2007
2008
2009
2010
2011
2012
2013
2014
2015
2016
2017
2018
2019
2020
2021
2022
2023
2024
2025

БРАТЯ ПАРАМАЗОВЫ.

«Я подлец!—прошенталъ онъ про себя.

Федоръ Павловичъ, проводивъ сына, остался очень доволенъ. Первые два часа чувствовалъ онъ себя почти счастливымъ и жевалъ коньячекъ; но вдругъ въ домѣ произошло одно пре-
жде и пренепріятное для всѣхъ обстоятельство, мигомъ по-
вѣ Федора Павловича въ большое смятеніе: Смердяковъ по-
зачѣмъ-то въ погребъ и упалъ внизъ съ верхней ступеньки.
Онъ еще, что на дворѣ случилась въ то время Марѣа Игнать-
евна во-время услышала. Паденія она не видѣла, но зато услы-
шала крикъ, крикъ, особенный, странный, но ей уже давно извѣст-
ный крикъ эпилептика, падающаго въ припадкѣ. Приключился
этимъ припадокъ въ эту минуту, когда онъ сходилъ по
лѣстницѣ внизъ, такъ что онъ, конечно, тотчасъ-же и дол-
женъ былъ слетѣть внизъ въ безчувствіи, или, напротивъ, уже
паденія и отъ сотрясенія произошелъ у Смердякова, извѣст-
ный крикъ эпилептика, его припадокъ,—разобрать нельзя было, но
его уже на днѣ погреба, въ корчахъ и судорогахъ, бью-
щихъ съ пѣной у рта. Думали сначала, что онъ навѣрно
захватилъ себя что-нибудь, руку или ногу, и расшибся, но, однако,
сказавъ «Господь», какъ выразилась Марѣа Игнатьевна: ничего
не случилось, а только трудно было достать его и вы-
тащить погреба на свѣтъ Божій. Но попросили у сосѣдей
помощи и кое-какъ это совершили. Находились при всей этой
бѣдѣ и самъ Федоръ Павловичъ, самъ помогалъ, видимо пе-
реставъ и какъ-бы потерявшійся. Больной, однако, въ чув-
ствѣ входилъ: припадки хотъ и прекращались на время, но
возобновлялись опять, и всѣ заключили, что произойдетъ
то же самое, что и въ прошломъ году, когда онъ тоже упалъ
но съ чердака. Вспомнили, что тогда прикладывали ему
на лобъ лѣду. Ледокъ къ погребъ еще нашелся и Марѣа
Игнатьевна распорядилась, а Федоръ Павловичъ подъ вечеръ по-
звалъ докторомъ Герценштубе, который и прибылъ немед-
ленно. Осмотрѣвъ больного тщательно (это былъ самый тща-
тельный и внимательный докторъ во всей губерніи, пожилой и
опытнѣйшій старичокъ), онъ заключилъ, что припадокъ чрез-
вычайный и «можетъ грозить опасностью», что покажетъ онъ,
штубе, еще не понимаетъ всего, но что завтра утромъ,
если помогутъ теперешнія средства, онъ рѣшится принять
больного уложивъ во флигелъ, въ комнатѣ рядомъ съ
комнатой Григорія и Марѣы Игнатьевны. Затѣмъ Федоръ
Павловичъ уже весь день претерпѣвалъ лишь несчастіе :

вало
образн.
не пог.
шо бы:
ное. М.
вановнъ
ризраки
нъ. Стан
на Воловь
болытно, ?
тило ему .
ѣду?» Досі
шелъ изъ
машню, дв.
лѣль впрямь
кругомъ, в
обратно на
— Це
самъ на я
— Ка
— Вн
городѣ?
— К:
— :
отцу ?
я въ
—
знае.

РУССКІЙ ИНОКЪ.

I.

Старецъ Зосима и его гости.

Когда Алеша съ тревогой и съ болью въ сердцѣ вошелъ къ келью старца, то остановился почти въ изумленіи; вмѣстѣ съ отходящаго больного, можетъ быть, уже безъ памяти, какимъ образомъ найдти его, онъ вдругъ его увидалъ сидящимъ въ креслѣ, блѣднѣе съ изможденнымъ отъ слабости, но съ бодрымъ и веселымъ лицомъ, окруженнаго гостями и ведущаго съ ними тихую и интимную бесѣду. Впрочемъ, всталъ онъ съ постели не болѣе, чѣмъ за четверть часа до прихода Алеши: гости уже собрались къ нему раньше и ждали, пока онъ проснется, по твердому рѣшенію отца Пансія, что «учитель встанетъ несомнѣнно, чтобы еще разъ побесѣдовать съ милыми сердцу его, какъ самъ изрекъ, какъ самъ пообѣщавъ еще утромъ». Общанію-же этому, для всякаго слова отходящаго старца, отецъ Пансій вѣровалъ твердо, до того, что если-бы видѣлъ его и совсѣмъ уже безъ дыханія и даже безъ дыханія, но имѣлъ-бы его общаніе, что онъ еще разъ возстанетъ и простится съ нимъ, то не повѣрилъ-бы въ возможность быть, и самой смерти, все ожидая, что умирающій очнетъ и исполнитъ обѣтованное. Но утру-же старецъ Зосима положительно изрекъ ему, отходя ко сну: «Не умру, прежде чѣмъ еще не выпьюсь бесѣдою съ вами, возлюбленные сердца моего, милые лица ваши погляжу, душу мою вамъ еще разъ изолью, какъ бывшій на эту послѣднюю, вѣроятно, бесѣду старца, бывшій преданнымъ ему друзья съ давнихъ лѣтъ. Ихъ было четверо: іеромонахи отецъ Іосифъ и отецъ Пансій, іеромонахъ отецъ Стефанъ, настоятель скита, человекъ не весьма еще стару

далеко не столь ученый, изъ званія простаго, но духомъ твердымъ и нерушимо и просто вѣрующій, съ виду суровый, но проникновенный глубокимъ умиленіемъ въ сердцѣ своемъ, хотя видъ скрывалъ свое умиленіе до какого-то даже стыда. Четвертый гость былъ совсѣмъ уже старенькій, простенькій монашекъ, бѣднѣйшаго крестьянскаго званія, братъ Анѳимъ, чуть-ли не малограмотный, молчаливый и тихій, рѣдко даже съ кѣмъ-то говорившій, между самыми смиренными смиреннѣйшій и въ видѣ челоуѣка какъ-бы на вѣки испуганнаго чѣмъ-то великимъ и страшнымъ, не въ подъемъ уму его. Этого какъ-бы трепещущаго челоуѣка старецъ Зосима весьма любилъ и во всю жизнь свою относился къ нему съ необыкновеннымъ уваженіемъ, такъ можетъ быть, ни съ кѣмъ во всю жизнь свою не сказалъ ни одного слова какъ съ нимъ, не смотря на то, что когда-то много летъ провелъ въ странствованіяхъ съ нимъ вдвоемъ по всей Русси. Было это уже очень давно, лѣтъ предъ тѣмъ уже сорокъ, когда старецъ Зосима впервые началъ иноческій подвигъ свой въ одномъ бѣдномъ, мало извѣстномъ Костромскомъ монастырѣ, и когда, вскорѣ послѣ того, пошелъ сопутствовать отцу Анѳиму въ странствія его для сбора пожертвованій на ихъ бѣдную Костромскую монастырекъ. Всѣ, и хозяинъ, и гости распорядились жить во второй комнатѣ старца, въ которой стояла постель его. Комнатъ, какъ и было указано прежде, весьма тѣсной, такъ что всѣ четверо (кромѣ Порфирія послушника, пребывшаго съ ними едва размѣстились вокругъ кресель старца на принесенныхъ въ первой комнатѣ стульяхъ. Начало уже смеркаться, комната освѣщалась отъ лампадъ и восковыхъ свѣчъ предъ иконами. Увидѣвъ Алешу, смутившагося при входѣ и ставшаго въ дверяхъ, старецъ радостно улыбнулся ему и протянулъ руку:

— Здравствуй, тихій, здравствуй, милый, вотъ я ты. И знаешь, что придешь.

Алеша подошелъ къ нему, склонился предъ нимъ до земли и заплакалъ. Что-то рвалось изъ его сердца, душа его трепетала, ему хотѣлось рыдать.

— Что ты, подожди оплакивать, улыбнулся старецъ, положивъ правую руку свою на его голову, — видишь, сижу и живу, съядую, можетъ, и двадцать лѣтъ еще проживу, какъ помню тебѣ вчера та добрая, милая, изъ Вышегорья, съ дѣвочкою заветой на рукахъ. Помни Господи и мать и дѣвочку Лизу (онъ перекрестился). Порфирій, даръ-то ея снесъ, куда я съ

Это онъ припоминалъ о вчерашнихъ шести гривнахъ, и

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

ныхъ веселою поклонницей, чтобы отдать «той, которая бѣднѣй». Такія жертвы происходятъ какъ эпитемія добродѣлю на себя почему либо наложенныя, и непременно изъ собственныхъ трудовъ добытыхъ. Старецъ послалъ Порфирія еще съ вечера къ одной, недавно еще погорѣвшей нашей мѣшкѣ, вдовѣ съ дѣтьми, пошедшей послѣ пожара нищенствовать. Порфирій успѣшилъ донести, что дѣло уже сдѣлано и что онъ, какъ приказано ему было, «отъ невѣстной благотворительницы».

— Встань, милый, продолжалъ старикъ Алешѣ, — дай посмотри тебя. Былъ-ли у своихъ и видѣлъ-ли брата?

Алешѣ странно показалось, что онъ спрашиваетъ такъ твердо и о, объ одномъ только изъ братьевъ, — но о которомъ-же: о старшомъ, для этого-то брата, можетъ быть, и отсылалъ его отсюда вчера, и сегодня.

— Одного изъ братьевъ видѣлъ, отвѣчалъ Алеша.

— Я про того, вчерашняго, старшаго, которому я до земли поклонился.

— Того я вчера лишь видѣлъ, а сегодня никакъ не могъ видеть, сказалъ Алеша.

— Поспѣши найти, завтра опять ступай и поспѣши, все въ тебѣ и поспѣши. Можетъ, еще успѣешь что либо ужасное предсказать. Я вчера великому будущему страданію его поклонился. Онъ вдругъ умолялъ и какъ-бы задумался. Слова были странныя. Отецъ Іосифъ, свидѣтель вчерашняго земнаго поклона старца, всталъ съ отцемъ Пансіемъ. Алеша не вытерпѣлъ:

— Отецъ и учитель, проговорилъ онъ въ чрезвычайномъ волненіи, — слышемъ неясны слова ваши... Какое это страданіе ждетъ его?

— Не любопытствуй. Показалось мнѣ вчера нѣчто страшное, словно всю судьбу его выразилъ вчера его взглядъ. Былъ у него одинъ взглядъ... такъ что ужаснулся я въ сердцѣ мгновенно тому что уготовляетъ этотъ человѣкъ для себя. Или два въ жизни видѣлъ я у нѣкоторыхъ такое-же выразительное лица... какъ-бы изображавшее всю судьбу тѣхъ людей, но оба ихъ, увы, сбылась. Послалъ я тебя къ нему, Алексѣй, предполагая, что брасскій ликъ твой поможетъ ему. Но все отъ насъ и всѣ судьбы наши. «Если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода». Запомни сіе. А тебя, Алексѣй, много разъ видѣлъ я мысленно въ жизни моей за ликъ твой, узнай

сіа въ старецъ съ тихою улыбкой. Мысля о тебѣ и
 гвнъ сихъ, а въ міру пребудешь, какъ инокъ. Не
 имѣю противниковъ, но и самые враги твои будутъ
 тебя. Много несчастій принесетъ тебѣ жизнь, но и сча-
 стья будешь и жизнь благословишь, и другихъ бла-
 вить заставишь,—что важнѣе всего. Ну, вотъ ты каковъ.
 и учителя мой, умиленно улыбаясь, обратился онъ къ гостямъ
 своимъ,—никогда до сего дня не говорилъ я, даже и самъ
 что былъ столь милымъ душѣ моей ликъ сего юноши. Ты
 лишь сваяку: былъ мнѣ ликъ его какъ-бы напоминаемъ въ
 рочествомъ. На зарѣ дней моихъ, еще малымъ ребенкомъ,
 я старшаго брата, умершаго юношей, на глазахъ моихъ,
 только семнадцати лѣтъ. И потомъ, проходя жизнь мою, убо
 я постепенно, что былъ этотъ братъ мой въ судьбѣ моей
 указаніемъ и предназначеніемъ свыше, ибо не явился онъ въ
 моей, не будь его вовсе, и никогда-то, можетъ быть, я такъ
 не принялъ-бы я вноческаго сана и не вступилъ на драгоцѣ
 путь сей. То первое явленіе было еще въ дѣтствѣ моемъ, и
 уже на склонѣ пути моего явилось мнѣ воочію какъ-бы я
 реніе его. Чудно это, отцы и учителя, что не бывъ столь
 на него лицомъ, а лишь нѣсколько, Алексѣй казался мнѣ до
 схожимъ съ тѣмъ духовно, что много разъ считалъ я его, какъ
 прямо за того юношу, брата моего, пришедшаго ко мнѣ на
 пути моего таинственно, для нѣкаго воспоминавія и про-
 венія, такъ что даже удивлялся себѣ самому и таковой стр-
 мечтѣ моей. Слышишь-ли сіе, Порфирій, обратился онъ къ
 служивавшему ему послужнику.—Много разъ видѣлъ я на
 твоёмъ какъ-бы огорченіе, что я Алексѣя больше любилъ
 тебя. Теперь знаешь почему такъ было, но и тебя любилъ,
 это, и много разъ горевалъ, что ты огорчаешься. Вамъ-же, и
 гости, хочу я повѣдать о семъ юношѣ братѣ моемъ, ибо не
 въ жизни моей явленія драгоцѣннѣе сего, болѣе пророч-
 и трогательнаго. Умилилось сердце мое и созерцаю всю
 мою въ сію минуту, какъ-бы вновь ее всю изживая...

Здѣсь я долженъ замѣтить, что эта послѣдняя бесѣда
 съ посѣтившими его въ послѣдній день его жизни его не
 сохранилась отчасти записанною. Записалъ Алексѣй Федоръ
 Карамазовъ нѣкоторое время спустя по смерти старца на и
 Но была-ли это вполнѣ тогдашняя бесѣда или онъ ир-
 купилъ къ ней въ запискѣ своей и изъ прежнихъ бесѣдъ

читателемъ своимъ, этого уже я не могу рѣшить, въ тому-ж
 вѣчь старца въ запискѣ этой ведется какъ-бы непрерывно, с
 какъ-бы онъ излагалъ жизнь свою въ видѣ повѣсти, обра
 въ друзьямъ своимъ, тогда какъ, безъ сомнѣнія, по послѣд
 нямъ рассказамъ, на дѣлѣ, происходило нѣсколько иначе
 алась бесѣда въ тотъ вечеръ общая и хотя гости хозяина
 ло перебивали, но все-же говорили и отъ себя, вмѣ
 въ разговоръ, можетъ быть, даже и отъ себя повѣдали
 казали что либо, къ тому-же и непрерывности тако
 ствованія семъ быть не могло, ибо старецъ иногда з
 рялъ голосъ и даже ложился отдохнуть на постель св
 не засыпалъ, а гости не покидали мѣстъ своихъ. Раз
 а бесѣда прерывалась чтеніемъ Евангелія, читалъ отецъ
 ий. Замѣчательно тоже, что никто изъ нихъ, однако-же, н
 галъ, что умереть онъ въ самую эту-же ночь, тѣмъ болѣ
 этотъ послѣдній вечеръ жизни своей онъ, послѣ глуб
 овнаго сна, вдругъ какъ-бы обрѣлъ въ себѣ новую силу
 рживавшую его во всю длинную эту бесѣду съ друзьями
 ло какъ-бы послѣднимъ умиленіемъ, поддержавшимъ въ
 мовное оживленіе, но на малый лишь срокъ, ибо з
 е пресѣялась вдругъ... Но объ этомъ послѣ. Теперь-же
 ъдомить, что предпочелъ, не излагая всѣхъ подробносте
 ды, ограничиться лишь рассказомъ старца по рукописи
 ѣ Федоровича Карамазова. Будетъ оно короче, да я не
 мительно, хотя, конечно, повторяю это, многое Алеша
 изъ прежнихъ бесѣдъ и совокупилъ вмѣстѣ.

II.

въ житія въ Бозѣ преставившагося іе
 кимонаха старца Зосимы, составлено
 бственныхъ словъ его Алексѣемъ Фе
 ровичемъ Карамазовымъ.

Свѣдѣнія біографическія.

а) О юношѣ братъ старца Зосимы.

мче отцы и учителя, родился я въ далеко
 въ городѣ В., отъ родителя дворянина, и
 сьма чиновнаго. Скончался онъ. когда былъ

зналъ, что давно нездоровъ и еще за годъ предъ тѣмъ п
 разъ за столомъ мнѣ и матери хладнокровно «не
 на свѣтѣ межъ вами, межеть, я года не проживу»,
 ловно и напроорочилъ. Прошло дня три и настала Страст
 ѣля. И вотъ братъ со вторника утра пошелъ говѣть.
 матушка, собственно для васъ дѣлаю, чтобъ обрадовать
 «спокоитъ», сказалъ онъ ей. Заплакала мать отъ рад
 съ горя: «знать близка кончина его, коли такая
 другъ пережива». Но не долго ходилъ онъ въ церковь
 какъ что исповѣдывали и причастили его уже дома. Д
 ая свѣтлые, ясные, благоуханные, Пасха была повд
 ночь онъ, я помню, кашляетъ, худо спитъ, а на утр
 вьнется и попробуетъ сѣсть въ мягкія кресла. Такъ и з
 то: сидитъ тихій, кроткій, улыбается, самъ больной,
 веселый, радостный. Измѣнился онъ весь душевно—та
 а началась въ немъ вдругъ пережива! Войдетъ къ
 мату старая нянька: «возволь, голубчикъ, я и у те
 лампу зажгу предъ образомъ». А онъ прежде не допус
 увалъ даже. — «Зажигай, милая, зажигай, извергъ я бы
 ретилъ вамъ прежде. Ты Богу лампадку зажигая моли
 ва тебя радуясь молюсь. Значить, одному Богу я мо
 транными казались намъ эти слова, а мать уйдетъ къ
 плачетъ, только къ нему входя обтирала глаза и при
 веселый видъ. «Матушка, не плачь, голубушка, говори
 ло, много еще жить мнѣ, много веселиться съ вами, а
 , жизнь-то веселая радостная!». «Ахъ, милый, ну
 бѣ веселье, когда ночь горитъ въ жару да кашляеш
 грудь тебѣ чуть не разорветъ». — «Мама, отвѣча
 плачь, жизнь есть рай, и всѣ мы въ раю, да не
 нать того, а если-бы захотѣли узнать, завтра-же и с
 всемъ свѣтѣ рай». И дивились всѣ словамъ его, та
 то странно и такъ рѣшительно говорилъ; умилялись и п
 приходили къ намъ знакомые. «милые, говоритъ, до
 въ я заслужилъ, что вы меня любите, за что вы меня
 бите и какъ я того прежде не зналъ, не цѣнилъ». Вхо
 дугая говорилъ поминутно: «Милые моя, дорогіе, за
 служите. да и стою-ли я того, чтобы служить-то мнѣ
 помиловалъ Богъ и оставилъ въ живыхъ, сталъ-б
 , ибо всѣ должны одинъ другому служить
 ая, качала головой: «дорогой ты мой, отъ
 мшь! — «Мама, радость моя, говоритъ, нели

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

«Вспенъ предъ всѣми, да зато и меня всѣ простятъ, во
Развѣ я теперь не въ раю?»

И много еще было чего и не припомнить и не вписать.
Одно, однажды вошелъ я къ нему одинъ, когда никого у него
было. Часъ былъ вечерній, ясный, солнце закатывалось и
комнату освѣтило воссымъ лучомъ. Поманилъ онъ меня
къ себѣ, подошелъ я къ нему; взялъ онъ обѣими руками за
шею мнѣ въ лицо умиленно, любовно; ничего не
говоря поглядѣлъ такъ съ минутою: «Ну», говоритъ, «
играй, живи за меня!» Вышелъ я тогда и пошелъ
въ жизнь потомъ много разъ припоминалъ уже со
бою онъ велѣлъ мнѣ жить за себя. Много еще говор-
илъ дивныхъ и прекрасныхъ, хотя и непонятныхъ намъ
словъ. Скончался-же на третьей недѣлѣ послѣ Пасхи,
и хотя и говорить уже пересталъ, но не измѣнился до
послѣдняго своего часа: смотритъ радостно, въ очахъ,
и взглядами насъ ищетъ, улыбается намъ, насъ зоветъ.
Во въ городѣ много говорили о его кончинѣ. Потрясло меня
это тогда, но не сляшкомъ, хотъ и плакалъ я очень, когда
хоронили. Юнъ былъ, ребенокъ, но на сердцѣ осталось все
неизгладимо, затаилось чувство. Въ свое время должно было
возстать и откликнуться. Такъ оно и случилось.

б) О Священномъ Писаніи въ жизни отца Зосимы.

Остались мы тогда одни съ матушкой. Посоветовали ей скоро
бые знакомые, что вотъ, дескать, остался всего одинъ у васъ
докъ, и не бѣдные вы, капиталъ имѣете, такъ по примѣру
другихъ, почему-бы сына вашего не отправить вамъ въ Петер-
бургъ, а оставшись здѣсь, знатной, можетъ быть, участи его
ждать. И надоумили матушку меня въ Петербургъ, въ кадет-
корпусъ свезти, чтобы въ императорскую гвардію потомъ
купить. Матушка долго колебалась: какъ это съ послѣднимъ
момъ разстаться, но, однако, рѣшилась, хотя и не безъ мно-
го слезъ, думая счастію моему способствовать. Свезла она
меня въ Петербургъ, да и опредѣлила, а съ тѣхъ поръ я ей и
не видалъ вовсе; ибо черезъ три года сама скончалась, всѣ три
года насъ обоихъ грустила и трепетала. Изъ дома родитель-
вынесъ я лишь драгоцѣнныя воспоминанія, ибо нѣтъ дра-
го воспоминаній у человѣка, какъ отъ перваго дѣтства
родительскомъ, и это почти всегда такъ, если даже

въ семействѣ хотѣ только чуть-чуть любовь да союзъ. Да самаго дурнаго семейства могутъ сохраниться воспоминашя гоцѣнныя, если только сама душа твоя способна искать цѣнное. Къ воспоминаніямъ-же домашнимъ причитаю и минанія о священной исторіи, которую въ домѣ родителей хотя и ребенкомъ, я очень любопытствовалъ знать. Была тогда книга, священная исторія, съ прекрасными картинками подъ названіемъ: «Сто четыре священные исторіи Вѣка Новаго Завѣта», и по ней я и читать учился. И теперь меня здѣсь на полкѣ лежитъ, какъ драгоценную память няю. Но и до того еще какъ читать научился, помню, въ первый разъ посѣтило меня нѣкоторое происшествіе души еще восьми лѣтъ отъ роду. Повела матушка меня оди одного помню, гдѣ былъ тогда братъ), во храмъ Господень, въ одну недѣлю въ понедѣльникъ къ обѣднѣ. День былъ ясный, вспоминая теперь, точно вижу вновь, какъ возносилась кадильца ошмѣмъ и тихо восходила вверхъ, а сверху, въ узенькое окошечко, такъ и льются на насъ въ церковь лучи и, восходя къ нимъ волнами, какъ-бы таятъ въ нихъ. Смотрѣлъ я умиленно и въ первый разъ отъ роду нялъ я тогда въ душу первое сѣмя Слова Божія осмысленно. Вышелъ на середину храма отрокъ съ большою книгой, большою что, показалось мнѣ тогда, съ трудомъ даже и не могъ возложить на нагой, отверзъ и началъ читать, и въ тотъ же день въ первый разъ нѣчто понялъ, въ первый разъ въ жизни понялъ, что во храмѣ Божиѣмъ читаютъ. Былъ мужъ въ Унѣ, правдивый и благочестивый, и было у него столько богатства, столько-то верблюдовъ, столько-то овецъ и ословъ, дѣти его веселились, и любилъ онъ ихъ очень и молилъ з Бога: можетъ, согрѣшили они, веселись. И вотъ восходилъ Богу дѣволъ вмѣстѣ съ сынами Божиими и говорить Господу что прошелъ по всей землѣ и подъ землею. А видѣлъ-ли Моего Іова? спрашиваетъ его Богъ. И похвалился Богъ дѣволъ указавъ на великаго святаго раба Своего. И усмѣхнулся Господь на слова Божии: «предай его мнѣ и увидишь, что возрѣтъ рабъ твой и проклянетъ Твое имя». И предалъ Богъ праведника, столь имъ любимаго, дѣволу и поразилъ дѣтелъ его, и скотъ его, и разметалъ богатство его, все истребилъ какъ Божиимъ громомъ, и разодралъ Іовъ одежды свои и селся на землю, и возопилъ: «нагъ вышелъ изъ чрева матери и нагъ и возвращусь въ землю, Богъ далъ, Богъ и взялъ.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

Господне благословенно отнынѣ и до вѣка! Отцы и учителя, ждите теперешнія слезы мои, — ибо все младенчество мое бы вновь возстаетъ предо мною, и дышу теперь какъ ды- тогда дѣтскою восьмилѣтнею грудкой моею, и чувствую, тогда, удивленіе и смятеніе, и радость. И верблюды-то такъ мое воображеніе заняли, и сатана, который такъ съ Бо- говоритъ, и Богъ, отдавшій раба Своего на погибель, и ра восклицаящая: «Буди имя Твое благословенно, не смотря то казнишь меня», — а загнѣмъ тихое и сладостное и рама: «Да исправится молитва моя», и снова ошимаъ на священника и колѣнопреклоненная молитва! Съ х — даже вчера еще взялъ ее, и не могу читать эту и ю повѣсть безъ слезъ. А и сколько тутъ великаго, тайнаго, бразнаго! Слышалъ я потомъ слова насмѣшниковъ и ху- кой, слова гордыя: «какъ это могъ Господь отдать любимаго святыхъ Своихъ на потѣху діаволу, отнять отъ него дѣтей, итть его самого болѣзнью и язвами такъ, что черепкомъ итть съ себя гной своихъ ранъ, и для чего: чтобы только итть передъ сатаной: «Вотъ что, дескать, можетъ вытер- святой Мой ради Меня!» Но въ томъ и великое, что тутъ — что мимоидущій ликъ земной и вѣчная истина сопря- итть тутъ вмѣстѣ. Предъ правдой земною совершается дѣи- вѣчной правды. Тутъ Творецъ какъ и въ первые дни тво- завершая каждый день похвалою: «хорошо то, что я со- итть», смотритъ на Іова и вновь хвалится созданіемъ Сво- А Іовъ, хваля Господа, служитъ не только Ему, но по- итть и всему созданію Его въ роды и роды и во вѣки вѣ- ибо къ тому и предназначень былъ. Господи, что это за и какіе уроки! Что за книга это Священное Писаніе, и чудо и какая сила данна съ нею человѣку! Точно изваяніе и человѣка и характеровъ человѣческихъ, и названо все и то на вѣки вѣковъ. И сколько тайнъ разрѣшенныхъ и отгро- итть: возстановляетъ Богъ снова Іова, даетъ ему вновь бо- го, проходятъ опять многіе годы, и вотъ у него уже новыя другія, и любить онъ ихъ, — Господи: «Да какъ могъ-бы итть, возлюбить этихъ новыхъ, когда тѣхъ прежнихъ итть тѣхъ лишился? Вспомниая тѣхъ, развѣ можно быть итть въ полнотѣ, какъ прежде, съ новыми, какъ-бы итть ему милы? Но можно, можно: старое горе ве- итть человѣческой, переходитъ постепенно въ итть радость; вмѣсто юной кипучей брови насту-

наетъ вроткая ясная старость: благословляю восходъ ежедневный, и сердце мое по прежнему поетъ ему, но улюблю закатъ его, длинныя косые лучи его, а съ ними кроткія, умиленные воспоминаія, милые образы изъ юной и благословенной жизни, — а надо всѣмъ-то правду умиляющая, примиряющая, всепрощающая! Кончается моя, знаю и слышу это, но чувствую на каждый день мой, какъ жизнь моя земная соприкасается уживою, безвѣчною, невѣдомою, но близко грядущею отъ предчувствія которой восторгомъ трепещетъ душа и умъ и радостно плачетъ сердце... Други и учителя, я не разъ, а теперь, въ послѣднее время, еще слыши о томъ, какъ у насъ іерои Божіи, а душе всего сельсются слезно и повсемѣстно на малое свое содержаніе: жненіе свое, и прямо завѣряють, даже печатно, — что самъ, — что не могутъ они уже теперь будто-бы толкороду Писаніе, ибо мало у нихъ содержанія, и если приходютъ лютеране, и еретики начинаютъ отбивать стадо, то и пувають, ибо мало-де у насъ содержанія. Господи! ду Богъ имъ болѣе сего столь драгоцѣннаго для нихъ ес (ибо справедлива и ихъ жалоба), но во истину говорю: виновать сему, то на половину мы сами! Ибо пусть и мени, пусть онъ справедливо говорить, что угнетаетъ и работой и требами, но не все-же вѣдь время, вѣдь есть-же хоть часъ одинъ во всю-то недѣлю, чтобъ и о Богѣ и о Дѣлѣ и не круглый-же годъ работа. Собери онъ у себѣ въ недѣлю, въ вечерній часъ, сначала лишь только токъ, — прослышать отцы и отцы приходятъ начнутъ не хоромы-же строить для сего дѣла, а просто къ избу прими: не страшись, не изгадать они твою изъ всего-то на часъ одинъ собираешь. Разверни-ка онъ книгу и начини читать безъ премудрыхъ словъ и безъ безъ возношенія надъ ними, а умиленно и вротко, самъ тому, что читаешь имъ и что они тебя слушаютъ и ищутъ тебя, самъ любя словеса сіи, изрѣдка лишь останови толкуй иное непонятное простолюдну слово, не безпокоимуть все, все пойметъ православное сердце! Прочти и ираамъ и Саррѣ, объ Исаакѣ и Ревеккѣ, о томъ какъ Іа шелъ въ Лавану и боролся во снѣ съ Господомъ и «Страшно мѣсто сіе», и поразишь благочестивый умъ и душа. Прочти имъ, а дѣткамъ особенно, о томъ какъ бр

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

въ рабство роднаго брата своего, отрока милаго, Іосифа, сина и пророка великаго, а отцу сказали, что звѣрь растерзалъ сына, показавъ окровавленную одежду его. Прочти, какъ братья прѣзжали за хлѣбомъ въ Египеть, и Іосифъ, царедворецъ великій, ими не узанный, мучилъ и задержалъ брата Веніамина, и все любя «Любя мучаю». Ибо вѣдь всю жизнь свою вспоминалъ неужли продали его гдѣ-нибудь тамъ въ горячей степи, у каменья, и какъ онъ, ломая руки, плакалъ и молилъ бѣдавать его рабомъ въ чужую землю, и вотъ, увидавъ столько лѣтъ, возлюбилъ ихъ вновь безмѣрно, и мучилъ ихъ, все любя. Уходитъ, наконецъ не выдержавъ самъ муки сердца своего, бросается на землю и плачетъ; утираетъ потомъ лицо свое и выходитъ сіи слова и возвѣщаетъ имъ: «Братья, я Іосифъ, братъ вашъ» и прочтетъ онъ далѣе о томъ, какъ обрадовался старецъ, узнавъ, что живъ еще его милый мальчикъ, и потянулся въ Египеть, бросивъ даже отчизну, и умеръ въ чужой землѣ, живши на вѣки вѣковъ въ завѣщаніи своемъ величайшее слово, жившее таинственно въ короткомъ и боязливомъ сердцѣ его о его жизнь, о томъ что отъ рода его, отъ Іуды, выйдетъ новое чаяніе міра, Примиритель и Спаситель его! Отцы и ученики простите я не сердитесь, что какъ малый младенецъ тогда-тогда давно уже знаете и о чемъ меня-же научите, о томъ что искуснѣе и благодѣннѣе. Отъ восторга лишь говорю сіи слова и слезы мои, ибо люблю книгу сію! Пусть заплачетъ и сердце Божіе, и увидитъ, что сотрясутся въ отвѣтъ ему сердца трушающихъ. Нужно лишь малое сѣмя, крохотное брось онъ въ душу простолюдина, и не умретъ оно, будетъ жить въ душѣ всю жизнь, танься въ немъ среди мрака, среди сирада грѣшного, какъ свѣтлая точка, какъ великое напомяніе. И не надо много толковать и учить, все пойметъ онъ просто. Не-ль вы, что не пойметъ простолудинъ? Попробуйте, прочтите ему далѣе повѣсть, трогательную и умилятельную, о пророкѣ Эсеири и надменной Вастии; или чудное сказаніе о пророкѣ Іонѣ во чревѣ китовѣ. Не забудьте тоже притчи Господни, повѣствованіе по Евангелію отъ Луки (такъ я дѣлалъ), а потомъ Апостольскихъ обращеніе Савла (это непременно, не забудете, и изъ Четвы-Миней хотя-бы житіе Алексѣя Кіева и великой изъ великихъ радостной страдальницы, востаносицы матери Маріи Египтяныни—и про-

зашь ему сердце его теми простыми связаніями, и все-часъ въ недѣлю, не взирая на малое свое содержаніе, од сокъ. И увидитъ самъ, что милостивъ народъ нашъ и ренъ, отблагодарить во сто кратъ; помня радѣніе юрел денныя слова его, поможетъ ему на нивѣ его добровол можетъ и въ дому его, да и уваженіемъ воздастъ ему бѣ прежняго, — вотъ уже и увеличатся содержаніе его. Дѣм простодушное, что иной разъ боится даже и высказать, и тобою-же засмѣются, а между тѣмъ, сколь оно вѣрно! вѣрить въ Бога, тотъ и въ народъ Божій не повѣритъ, увѣровалъ въ народъ Божій, тотъ узритъ и святыню Его, и самъ не вѣрилъ въ нее до того вовсе. Дѣшь народъ ная сила его грядущая обратитъ отторгнувшихъ отъ земли атеистовъ нашихъ. И что за слово Христово бѣ мѣра? Гибель народу безъ Слова Божія, ибо жаждетъ Слово и всякаго прекраснаго воспріятія. Въ юности мое уже, чуть не соровъ лѣтъ тому, ходили мы съ отцомъ А по всей Руси, собирая на монастырь подаванію, и заночев на большой рѣкѣ судоходной, на берегу, съ рыбаками, съ нами присѣлъ одинъ благообразный юноша, крестьянин уже восемнадцати на видъ, поспѣшалъ онъ къ своему и завтра купеческую барку бичевою тянуть. И вижу я, онъ предъ собой умиленно и ясно. Ночь свѣтлая, тихая, июльская, рѣка широкая, паръ отъ нея поднимается, насть, слегка всплеснетъ рыба, птички замолкли, все ти голѣпно, все Богу молится. И не спимъ мы только о юноша этотъ, и разговорились мы о красѣ міра сего Бо о великой тайнѣ его. Всякая-то травка, всякая-то бука равей, пчела золотая, всѣ-то до изумленія знаютъ путь лиѣя ума, тайну Божію свидѣльствуютъ, непрерывно сом ее сами, и, вижу я, разгорѣлось сердце мизаго юноши. И онъ мнѣ, что лѣсь любить, птичекъ лѣсныхъ; былъ он ловъ, каждый ихъ свистъ понималъ, каждую птичку и умѣлъ: лучше того какъ въ лѣчу ничего я, говоритъ, да и все хорошо. «Истинно, отвѣчаю ему, все хорошо колѣпно, по тому что все истина. Посмотри, говорю ему, животное великое, близъ человѣка стоящее, али на и питающаго и работающаго ему, понураго и задумчив смотри на лица ихъ: какая кротость, какая привязанн човѣку часто бывшему его безжалостно, какая незли кака довѣрчивость и какая красота въ его лицѣ. Тро

«Это и знать, что на немъ нѣтъ никакого грѣха, ибо все шенно, все кромѣ человѣка безгрѣшно, и съ нимъ Христосъ раньше нашего». «Да неужто, спрашиваетъ юноша, и у нихъ тось?» — «Какъ-же можетъ быть иначе, говорю ему, ибо всѣхъ Слово, все созданіе и вся тварь, каждый листикъ яляется къ Слово, Богу славу поетъ, Христу плачетъ, себѣ домо, тайной житія своего безгрѣшнаго совершаетъ сіе. Вонъ, ю ему, въ лѣсу скитается страшный медвѣдь, грозный и шый, и ничѣмъ-то въ томъ неповинный». И рассказалъ я какъ приходилъ разъ медвѣдь къ великому святому, спамуся въ лѣсу, въ малой келіикѣ, и умилился надъ нимъ ий святой, безстрашно вышелъ къ нему и подалъ ему хлѣба ѣ: «Ступай, дескать, Христосъ съ тобой», и отошелъ сви- и звѣрь послушно и кротко, вреда не сдѣлавъ. И умилился а на то, что отошелъ, вреда не сдѣлавъ, и что и съ нимъ тось. «Ахъ, какъ, говорятъ, это хорошо, какъ все Божіе но и чудесно!» Сидитъ, задумался тихо и сладко. Вижу сонялъ. И заснулъ онъ подлѣ меня сномъ легкимъ, без- нымъ. Благослови Господь юность! И помолился я тутъ за самъ, отходя ко сну. Господи, пошли миръ и свѣтъ Твоимъ нымъ!

Вспоминаніе о юности и молодости старца Зосимы вше въ міру. Поединокъ.

Въ Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ пробылъ я долго, въ восемь лѣтъ, и съ новымъ воспитаніемъ многое заглушилъ впечатлѣній дѣтскихъ, хотя и не забылъ ничего. Взамѣнъ принялъ столько новыхъ привычекъ, и даже мнѣній, что казался въ существо почти дикое, жестокое и нелѣпое. Въ учтивости и свѣтскаго обращенія вмѣстѣ съ французскимъ юмъ приобрѣлъ, а служившихъ намъ въ корпусѣ солдатъ ми мы всѣ какъ за совершенныхъ скотовъ, и я тоже. Я-то, гь быть, больше всѣхъ, ибо изо всѣхъ товарищей былъ на юспринчивѣе. Когда вышли мы офицерами, то готовы были вать свою кровь за оскорбленную полковую честь нашу, юящей-же чести почти никто изъ насъ и не зналъ, что ю есть, а узналъ-бы, такъ осмѣялъ-бы ее тотчасъ-же ый. Пьянствомъ, дебошарствомъ и ухарствомъ чуть лсь. Не скажу чтобы были скверные; всѣ эти молодые ли хорошіе, да вели-то себя скверно, а душе всѣхъ я.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

мую. Съ краской въ лицѣ началъ вспоминать, какъ много почти высказывалъ ей любовь мою, а такъ какъ она меня не звливала, и не предупредила, то, стало быть, вывелъ я, надо смѣялась. Потомъ, конечно, сообразилъ и припомнилъ, что только она не смѣялась, сама-же напротивъ разговоры тѣ живо прерывала, и зачинала на мѣсто ихъ другіе,—испытать этого я не смогъ, и занялся отищеніемъ. Въ явленіемъ, что отищеніе сіе и гнѣвъ мой были мнѣ тяжести тяжелы и противны, потому что, ниѣя характера могъ по долгу ни на кого сердиться, а потому какъ естественно разжигалъ себя, и сталъ, наконецъ, безобразнѣе. Выждалъ я время, и разъ въ большемъ обществѣ удачно другъ «соперника» моего оскорбить будто-бы изъ-за какой-нибудь причины, подсмѣяться надъ однимъ мнѣніемъ его въ важномъ тогда событіи, —въ двадцать шестомъ году — и подсмѣяться, говорили люди, удалось остроумно, и Леонидъ вынудилъ у него объясненіе, я уже до того обошелся при меніи грубо, что вызовъ мой онъ принялъ, не смотря на большую разницу между нами, ибо былъ я и моложе его, незначительна и чина малаго. Потомъ ужъ я твердо узналъ, что принялъ вызовъ мой какъ-бы тоже изъ ревниваго ко мнѣ чувства ревности онъ меня и прежде, немножко, къ женѣ своей, еще тогда смѣлъ; теперь-же подумалъ, что если та узнаетъ, что онъ оскорбилъ меня перенесъ, а вызвать на поединокъ не рѣшился, то не стала она неволью презирать его и не поколебалась любуясь. Секунданта я досталъ скоро, товарища нашего-же полка полка. Тогда хоть и преслѣдовались поединки жестоко, но была еще какъ-бы даже мода между военными,—до того дикіе нравы и укрѣпляются иногда предрассудки. Былъ въ исходѣ и вотъ встрѣча наша на завтра за городомъ, въ семь часовъ — и воистину случилось тутъ со мной нѣчто какъ-бы роковое. Съ вечера, возвратившись домой, свирѣпый и безобразный, ударилъ я на моего деньщика Аванасія и ударилъ его изо всей силы два раза по лицу, такъ что окровавилъ ему лицо. Служилъ меня уже давно и случалось и прежде, что ударялъ его, но тогда съ такою звѣрскою жестокостью. И вѣрите-ли, милые, —тому минуло времени, а припоминаю и теперь о томъ съ мукой. Легъ я спать, заснулъ часа три, встаю, уже проснулся. Я вдругъ поднялся, спать болѣе не захотѣлъ, пошелъ, отворилъ,—отпиралось у меня въ садъ, вижу, дышко, тепло, прекрасно, зазвенѣли птички. Что-

Я, ощущая в въ дуплѣ носа какъ-бы утиски
 и оттого же что края нѣу проливаются чѣмъ,
 «буду и не оттого. Не оттого-ли, что смелѣе и
 смѣль убивать? Нѣтъ, смелѣе не то, смелѣе другъ не
 вдругъ сейчасъ-же и догадался въ чемъ была причина
 что я съ вечера казаль Анастасіа! Все мнѣ вдругъ
 ставилось точно мнѣ повторилось стоять отъ лица
 я былъ его съ размаху прямо въ лицо, а онъ удерживалъ
 иванъ, голову прямо, глаза выучилъ какъ бы смелѣе
 гнаеть съ каждымъ ударомъ и даже руки подвѣтъ. Ч
 слониться, не снѣтъ, — и это человекъ до того дѣлалъ
 человекъ (мать человека! Это преступленіе! Словно мнѣ
 пришла мнѣ всю душу насквозь. Стою я какъ пшеница
 солнышко-то свѣтитъ, листочки-то радуется, сверкаютъ,
 кто-то, птички-то Бога хвалятъ... Закрылъ я обѣими
 лицо, повалился на постель и заглазал навзрытъ. И
 мнѣ и тутъ моего брата Маркела и слова его презъ
 слугамъ: «Милые мои, дорогие, за что вы мнѣ служите,
 мени любите, да и стою-ли я чтобы служить-то мнѣ
 стою-ли», вскоцило мнѣ вдругъ въ голову. Въ сани
 чѣмъ я такъ стою, чтобы другой человекъ, такой-же
 образъ и подобіе Божіе, мнѣ служилъ? Такъ и возни
 въ умъ въ первый разъ въ жизни тогда этотъ и
 «Матушка, кроинушка ты моя, вонистину всякій презъ
 за всѣхъ виноватъ, не знаютъ только этого люди, а
 узнали — сейчасъ былъ-бы рай!» Господи, да неужто-же
 неправа» плачу я и думаю, — «вонистину я за всѣхъ,
 блять, всѣхъ виновнѣе, да я хуже всѣхъ на свѣтѣ людей!»
 станилась мнѣ вдругъ вся правда, во всемъ просвѣщеніи
 что и иду дѣлать? Иду убивать человека добраго, умна
 горюднаго, ни въ чемъ предо мной неповиннаго, а супр
 тѣмъ на нѣки счастья лишу, измучаю и убью. Лежалъ
 на постели ничкомъ, лицомъ въ подушку и не замѣтилъ
 какъ и время прошло. Вдругъ входитъ мой товарищъ по
 за мной, съ пистолетамъ: «А, говорить, вотъ это хоро
 ты уже всталъ, пора, идемъ». Заметался я тутъ, совсѣ
 герался, вышла мы, однако-же, садиться въ коляску: «
 дѣлать время, говори ему, — я въ одинъ шагъ сбѣгаю, во
 мѣмъ». И обѣжалъ одинъ въ квартиру обратно, прям
 морду къ Анастасіа: «Анастасіа, говори, — я вчера тебя
 два раза по лицу, прости ты меня», говори. Отъ такъ и

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

точно испугался, глядя, — и вижу я, что этого мало, да вдругъ, такъ какъ былъ въ эполетахъ, то бухъ ему въ лбомъ до земли: «Прости меня!» говорю. Тутъ ужъ онъ всѣмъ обомлѣлъ: «Ваше благородіе, батюшка, баринъ, да вы... да стою-ли я»... и заплакалъ вдругъ самъ, точно давеча я, ладонями обѣими закрылъ лицо, повернулся къ мнѣ и весь отъ слезъ такъ и затрясся, я-же выбѣжалъ къ нему, влетѣлъ въ коляску, «вези» кричу: «Видалъ, кричу — побѣдителя, — вотъ онъ предъ тобою!» Восторгъ во мнѣ смѣюсь всю дорогу, говорю, говорю, не помню ужъ что и сказать. Смотритъ онъ на меня: «Ну, братъ, молодець-же ты, что поддержишь мундиръ». Такъ пріѣхали мы на мѣсто, а тамъ же тамъ, насъ ожидаютъ. Разставили насъ, въ двѣнадцать шагахъ другъ отъ друга, ему первый выстрѣлъ, — стою я нимаи веселый, прямо лицомъ къ лицу, глазомъ не смигну, на него гляжу, знаю что сдѣлаю. Выстрѣлилъ онъ, какъ у меня лишь оцарапало мнѣ щеку да за ухо задѣло, — «слава, кричу, не убили человѣка!» да свой-то пистолеть схватилъ, оборотился назадъ, да швыркомъ, вверхъ, въ лѣсъ и пулъ: «Туда, кричу, — тебѣ и дорога!» Оборотился къ противнику: «Милостивый государь, говорю, — простите меня, глупаго чужаго человѣка, что по винѣ моей васъ разобидѣлъ, а теперь каюсь въ себя заставилъ. Самъ я хуже васъ въ десять разъ, а пожалуй еще и того больше. Передайте это той особѣ, которую чтите больше всѣхъ на свѣтѣ» Только что я это проговорилъ, — такъ всѣ трое они и закричали: «Помилуйте, говорю мой противникъ, — разсердился даже, — если вы не хотѣли проститься, къ чему-же беспокоили?» — «Вчера, говорю ему, — еще былъ, а сегодня поумнѣлъ», весело такъ ему отвѣчаю. — «Слышите про вчерашнее, говоритъ, — но про сегодняшнее трудно говорить по вашему мнѣнію». — «Браво, кричу ему, въ ладоши хлопая, — я съ вами и въ этомъ согласенъ, заслуживалъ!» — «Слышите-ли, милостивый государь, стрѣлять или нѣтъ?» — «Не стрѣляйте, говорю, — а вы, если хотите, стрѣляйте еще разъ, только не-бы вамъ не стрѣлять». Кричатъ и секунданты, особенно одинъ: «Какъ это срамить полкъ, на барьерѣ стоя прощенія просить — ли-бы только я это зналъ!» Сталъ я тутъ предъ ними смѣясь и уже не смѣюсь: «Господа мои, говорю, неужели барьеръ для нашего времени удивительно встрѣтитъ чело-вѣка-который-бы самъ покаялся въ своей глупости и повинился, чемъ самъ виноватъ публично?» — «Да не на барьерѣ»

пистолета испугался и нечего его слушать. Тогда я вдруг отъ всего сердца посмотрите зрѣнію Божію: небо ясное. воздухъ чистый. трава въ природа прекрасная и безгрѣшная. а мы, только божныя и глупые и не понимаемъ, что жизнь стоитъ только намъ захотѣть понять и тогда-то нетъ во всей красотѣ своей, обвиняемъ мы и запятлѣ я и еще продолжать, да не смогъ. духъ захватило, сладостно, юно такъ, а въ сердце какого и не ощущалъ никогда во всю жизнь. все это и благочестиво, говорятъ мнѣ противники комъ случаѣ человекъ вы оригинальный». — «Сми и я ему, — а потомъ сами похвалите». — «Да я готов говорить, похвалить, извольте, я протяну вамъ кажется, вы дѣйствительно искренній человекъ». вору, сейчасъ не надо, а потомъ, когда я лучше уваженіе ваше заслужу, тогда протяните, — хорошо. Воротились мы домой, секундантъ мой всю-то дорогу я-то его цалую. Тотчасъ всѣ товарищи прославились меня судить въ тотъ-же день: «мундиръ, дескать пусть въ отставку подаетъ». Явились и защитники все же, говорятъ, онъ выдержалъ»: — «Да, но побойсьте и попросилъ на барьерѣ прощенія». —

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

сказалъ, расхохотался всё до единого: «Да ты-бъ съ са-
начала увѣдомля, ну теперь все и объясняется, монаха
нельзя», смѣются, не унижаются, да и не насмѣшливо
а ласково такъ смѣются, весело, полюбили меня вдругъ
даже самые ярые обвинители, и потомъ весь-то этотъ мѣ-
сяца отставка не вышла, точно на рукахъ меня е
ты, монахъ», говорятъ. И всякій-то мнѣ ласковое
отговаривать начали, жалѣть даже: «что ты на
дѣлаешь?» — «Нѣтъ, говорятъ, онъ у насъ храбрый, онъ
выдержалъ и изъ своего пистолета выстрѣлить мо
ну сонъ наканунѣ приснился, чтобъ онъ въ монахъ
вотъ онъ отчего». Точно тоже почти произошло и въ
обществѣ. Прежде особенно-то я не примѣчали м
лько принимали съ радушіемъ, а теперь вдругъ всё н
знала и стали звать къ себѣ: сами смѣются надо мной,
я-же люблю. Замѣчу тутъ, что хотя о поединкѣ нашемъ
слухъ тогда говорили, но начальство это дѣло закрыло,
противникъ мой былъ генералу нашему близкимъ родствен-
къ, а такъ какъ дѣло обошлось безъ крови, а какъ-бы въ
у, да я я, наконецъ, въ отставку подалъ, то и повернули
вѣтливо въ шутку. И сталъ я тогда вслухъ и безбояз-
но говорить, не смотря на ихъ смѣхъ, потому что все-же
смѣхъ не злобный, а добрый. Происходили-же всё эти
споры больше по вечерамъ въ дамскомъ обществѣ, жен-
е больше тогда полюбили меня слушать, и мужчинъ за-
шли. «Да какъ-же это можно чтобъ я за всѣхъ виновать
свѣтеса мнѣ всякій въ глаза, — ну, развѣ я могу быть за
напримѣръ, виновать?» — «Да гдѣ, отвѣчаю имъ, — вамъ это
нать, когда весь міръ давно уже на другую дорогу вы-
и когда сущую ложь за правду считаемъ да и отъ дру-
такой-же лжи требуемъ. Вотъ я разъ въ жизни взялъ
поступилъ искренно, и что-же, сталъ для всѣхъ васъ
юродивый: хоть и полюбили меня, а все-же надо мной,
но, — смѣетесь». — «Да какъ васъ такого не любить?» —
я мнѣ вслухъ хозяйка, а собраніе у ней было многолюд-
другъ, смотрю, подымается изъ среди дамъ та самая моло-
изъ-за которой я тогда на поединокъ вызвалъ и кото-
веданно еще въ невѣсты себѣ прочилъ, а я и не за-
она теперь на вечеръ пріѣхала. Поднялась, подошла
сгнула руку: «Позвольте мнѣ, говорить, изъяснить
рвая не смѣюсь надъ вами, а, напротивъ, со

зани благодарю васъ и уваженіе мое къ вамъ заявлю за нѣ поступокъ вашъ». Подошелъ тутъ и кужь ся, и вдругъ и всѣ ко мнѣ потянулись, чуть меня не цапнутъ. И мнѣ такъ стало, но нунче всѣхъ замѣтилъ я вдругъ тотъ господина, человека уже пожилато, тоже ко мнѣ подходъ котораго я хотя прежде и зналъ но именн, но никогда знакомъ не былъ и до сего вечера даже и слова съ сказалъ.

г) ТАИНСТВЕННЫЙ ПОСВЯТЕНЪ.

Былъ онъ въ городѣ нашемъ на службѣ уже давно, и нимаъ видное, человекъ былъ уважаемый всѣми, богачъ вился благотворительностью, пожертвовалъ значительнѣ талъ на богадѣльню и на сиротскій домъ, и много кр дѣлалъ благодѣяній тайно, безъ огласки, что все потомъ, п его, и обнаружилось. Лѣтъ былъ около пятидесяти, и видъ почти строгій, былъ малорѣчивъ; женатъ-же былъ не б сяти лѣтъ, съ супругой еще молодою, отъ которой имѣ малолѣтнихъ еще дѣтей. Вотъ я на другой вечеръ сижу дома, какъ вдругъ отворяется моя дверь и входитъ во мн самый господинъ.

А надо замѣтить, что жилъ я тогда уже не на прежитирѣ, какъ только подавъ въ отставку, съѣхалъ на другя нядъ у одной старой женщины, вдовы чиновницы, и съ слугой, ибо и переѣздъ-то мой на сію квартиру прои лишь потому только, что я Аванасія въ тотъ-же денъ съ поединка воротился, обратно въ роту препровождъ стыдно было въ глаза ему глядѣть послѣ давешняго и нимъ поступка, — до того наклоненъ стыдиться неприятный мірской человекъ даже много справедливѣйшаго свое

«Я, говоритъ мнѣ вошедшій ко мнѣ господинъ, — васъ уже нѣсколько дней въ разныхъ домахъ съ большъ бопытствомъ и пожелалъ, наконецъ, познакомиться лично поговорить съ вами еще подробнѣе. Можете вы оказать достивый государь, таковую великую услугу?» — «Могу, съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ и почту за особу говорю это ему, а самъ почти испугался. до того онъ перваго разу тогда поразилъ. Ибо хоть я слушалъ немъ бопытствовали, но никто еще съ такимъ серьезнымъ и с внутреннимъ видомъ ко мнѣ не подходилъ. А этотъ он

ко мнѣ пришелъ. Слѣзъ онъ. «Великую, продол-
 —вижу въ васъ силу характера, ибо не побоялись
 гужить въ такомъ дѣлѣ, въ какомъ рисковали, за-
 , общее презрѣніе отъ всѣхъ понести». Чо-
 очень меня преувеличенно хваляте», го... ту.
 преувеличенно, отвѣчаетъ мнѣ, повѣрьте, мн-
 ѣй поступокъ гораздо труднѣе чѣмъ вы
 продолжаетъ онъ, этимъ только и пораз-
 амъ пришелъ. Опишите мнѣ, если не ш-
 стойнымъ, можетъ быть, моимъ любопытств-
 цали вы въ ту минуту, когда на поединкѣ пр-
 ь прощенія, если только запомните? Не сочтите
 за легкомысліе; напротивъ, имѣю, задавая таковым
 ою тайную цѣль, которую вѣроятно и объясню вамъ
 и, если угодно будетъ Богу сблизить насъ еще ко-

мя, какъ онъ говорилъ это, глядѣлъ я ему прямо въ
 гь ощутилъ къ нему сильнѣйшую довѣренность, а
 и необычайное и съ моей стороны любопытство, ибо
 лъ, что есть у него въ душѣ какая-то своя особая

спрашиваете, что я именно ощущалъ въ ту минуту,
 тивника прощенія просилъ, отвѣчаю я ему, — но я
) съ самаго начала расскажу, чего другимъ еще не
 гь, и рассказалъ ему все, что произошло у меня съ
 и какъ поклонился ему до земли. «Изъ сего сами
 Ётъ, заключилъ я ему, что уже во время поединка
 ыло, ибо началъ я еще дома, и разъ только на эту
 пилъ, то все дальнѣйшее пошло не только не трудно,
 стно и весело».

чалъ онъ, смотритъ такъ хорошо на меня: «Все это,
 резвычайно какъ любопытно, я къ вамъ еще и еще
 сталъ съ тѣхъ поръ ко мнѣ ходить чуть не каждый
 здружились-бы мы очень, если-бъ онъ мнѣ и о себѣ
 ю о себѣ онъ не говорилъ почти ни слова, а все
 нѣ-же разспрашивалъ. Не смотря на то, я очень его
 и совершенно ему довѣрился во всѣхъ моихъ чув-
) мысляю: на что мнѣ тайны его, вижу и безъ сего,
 нѣ человѣкъ. Къ тому-же, еще человѣкъ столь серьез-
 вный мнѣ лѣтами, а ходитъ ко мнѣ, юношѣ, и мною
 ь. И многому я отъ него научился полезному,

высокаго ума былъ человѣкъ. «Что жизнь есть рай, вдругъ мнѣ, — объ этомъ я давно уже думаю», и вдругъ бавилъ: «Только вѣдь объ этомъ я думаю». Смотритъ и улыбается. «Я больше вашего въ этомъ, говоритъ, и потомъ узнаете почему». Слушаю я это и думаю про себѣ: онъ навѣрно хочетъ мнѣ нѣчто открыть». «Рай, говорю, каждый изъ насъ затаилъ, вотъ онъ теперь и во мнѣ и, захочу, — завтра-же настанетъ онъ для меня въ самъ я уже на всю мою жизнь». Гляжу: съ умилениемъ и таинственно на меня смотритъ, точно вопрошаетъ не томъ, продолжаетъ, что всякій человѣкъ за всѣхъ и знаетъ, помимо своихъ грѣховъ, о томъ вы совершенно вѣрно разсудили и удивительно какъ вы вдругъ въ тѣ минуты могли сію мысль обнять. И во истину вѣрно, люди эту мысль поймутъ, то настанетъ для нихъ царство бесное уже не въ мечтѣ, а въ самомъ дѣлѣ». «А когда нуль я ему тутъ съ горестію, сіе сбудется, и сбудется когда-нибудь? Не мечта-ли сіе лишь только?» «А вотъ говоритъ, не вѣруете, проповѣдуете и сами не вѣруете же, что несомнѣнно сія мечта, какъ вы говорите, сбудется, но не теперь, ибо на всякое дѣйствіе свое за это душевное, психологическое. Чтобы передѣлать міръ воу, надо чтобы люди сами психически повернулись в дорогу. Раньше чѣмъ не сдѣлаешься въ самомъ дѣлѣ братомъ, не наступитъ братства. Никогда люди никакою и никакою выгодой не сдѣлаются безобидно раздѣлитесь ственности своей и въ правахъ своихъ. Все будетъ дѣломъ и все будутъ роптать, завидовать и истреблять другъ друга. Вы спрашиваете, когда сіе сбудется. Сбудется, но сначала заключится періодъ человѣческаго *уединенія*. — это уединенія?» спрашиваю его. — «А такого, какое теперь царствуетъ, и особенно въ нашемъ вѣкѣ, но не заключится и не пришелъ еще срокъ ему. Ибо всякій-то теперь мнитъ отдѣлать свое лицо наиболѣе, хочетъ испытать самъ полноту жизни, а между тѣмъ выходитъ изъ жизни усилій вмѣсто полноты жизни лишь полное самоубійство вмѣсто полноты опредѣленія существа своего впадаютъ въ совершенное уединеніе. Ибо всѣ-то въ нашъ вѣкъ раздѣляются на единицы, всякій уединяется въ свою нору, всякій отъ себя отдалается, прячется и что имѣетъ прячетъ, и кончается что самъ отъ людей отталкивается и самъ людей отъ

БРАТЯ БАРАМАЗОВЫ.

аеть. Копить уединенно богатство и думаетъ: сколь е-
г теперь и сколь обезпеченъ, а и не знаетъ безумный, что
болѣе копить, тѣмъ болѣе погружается въ самоубійствен-
нство. Ибо привыкъ надѣяться на себя одного и отъ цѣ-
тдѣлялся единицей, приучилъ свою душу не и тѣмъ
тѣ помощь, въ людей и въ человѣчество, и тогда
гого, что пропадутъ его деньги и приобретенныя
всемѣстно нынѣ ужъ человѣческой начинаетъ
имать, что истинное обезпеченіе лица состоитъ
въ уединенномъ его усилии, а въ людской общей

Но непременно будетъ такъ, что придетъ срокъ
тому уединенію, и поймутъ всѣ разомъ, какъ неестествен-
нось одинъ отъ другаго. Таково уже будетъ вѣяніе
и удивятся тому, что такъ долго сидѣли во тьмѣ, а свѣтъ
бли. Тогда и явится знаменіе Сына Человѣческаго на
... Но до тѣхъ поръ надо всетаки знамя беречь и нѣтъ-
а хотъ единично долженъ человѣкъ вдругъ примѣръ по-
и вывести душу изъ единенія на подвигъ братолюбиваго
и, хотя-бы даже и въ чинѣ юродиваго. Это чтобы не
и великая мысль».

въ въ такихъ-то пламенныхъ и восторгающихъ бесѣдахъ
или вечера наши одинъ за другимъ. Я даже и общество
и гораздо рѣже сталъ появляться въ гостяхъ, кромѣ
то и мода на меня начала проходить. Говорю сіе не въ
нше, ибо продолжали меня любить и весело ко мнѣ отно-
; но въ томъ, что мода дѣйствительно въ свѣтѣ царца не
въ этомъ все-же надо сознаться. На таинственнаго-же по-
ля моего сталъ я, наконецъ, смотрѣть въ восхищеніи, ибо
наслажденія умомъ его, началъ предчувствовать, что ни-
онъ въ себѣ нѣкій замыселъ и готовится къ великому,
и быть, подвигу. Можетъ, и это ему нравилось, что я на-
не любопытствовалъ о секретѣ его, ни прямо, ни наме-
ю разспрашивалъ. Но замѣтилъ я, наконецъ, что и самъ
къ-бы началъ уже томиться желаніемъ открыть мнѣ нѣчто.
Иней мѣръ, это уже очень стало видно, примѣрно, мѣсяць
какъ онъ сталъ посѣщать меня. «Знаете-ли вы, спросилъ
на одважды, что въ городѣ очень о насъ обоихъ любо-
уютъ и дивятся тому, что я къ вамъ столь часто хожу;
въ ихъ, ибо скоро все объяснится». Иногда вдругъ напа-
чего чрезвычайное волненіе, и почти всегда въ такихъ
онъ вставалъ и уходилъ. Иногда-же долго и какъ-бы

именно на головную боль жаловался.

— Я... знаете-ли вы... я... человека убилъ.

Проговорилъ да улыбается, я самъ блѣлый какъ это онъ улыбается, — пронзила мнѣ мысль эта вѣднѣе прежде чѣмъ я еще что-либо сообразилъ. Самъ я

— Что вы это? кричу ему.

— Видите-ли, отвѣчаетъ мнѣ все съ блѣдною какъ дорого мнѣ стоило сказать первое слово. Теперь кажется, оталь на дорогу. Поѣду.

Долго я ему не вѣрилъ, да и не въ одинъ разъ лишь послѣ того, какъ онъ три дня ходилъ ко мнѣ въ подробности разсказалъ. Считалъ его за нечестнаго кончалъ тѣмъ, что убѣдился, наконецъ, явно съ пренебреженіемъ и удивленіемъ. Было мнѣ совершенно великое преступленіе, четырнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, на дѣлѣ тою госпожей, молодою и прекрасною особой, вдовою имѣвшею въ городѣ нашемъ для пріѣзда собственнаго чувствовалъ къ ней любовь великую, сдѣлалъ онъ въ любви и началъ склонять ее выйти за него она отдала уже свое сердце другому, одному знатному чина военному, бывшему въ то время въ походѣ ожидала она, однако, скоро къ себѣ. Предложеніе вергла, а его попросила къ себѣ не ходить. Черезъ онъ, зная расположеніе ея дома, пробрался къ ней сада чрезъ крышу, съ превеликою дерзостью, рас

и горѣла лампада. И какъ нарочно обѣ горничныя ся дѣ-
ла ушли потихоньку безъ спросу, по сосѣдству, на мянни-
пирушку, случившуюся въ той-же улицѣ. Остальные-же
и служанки спали въ людскихъ и въ кухнѣ, въ нижнемъ
этажѣ. При видѣ спящей, разгорѣлась въ немъ страсть, а за-
схватила его сердце мстительная ревнивая злоба, и, не
заботясь, какъ пьяный, подошелъ и вонзилъ ей ножъ прямо
въ сердце, такъ что она и не вскрикнула. Затѣмъ съ адскимъ
преступнѣйшимъ расчетомъ устроилъ такъ, чтобы поду-
шка слуги: не побрезгалъ взять ея кошелекъ, отворилъ ящикъ,
которые вынулъ изъ подъ подушки, ея кофодъ и захва-
тилъ изъ него нѣкоторыя вещи, именно такъ, какъ-бы сдѣлалъ
в-слуга, то есть цѣнныя бумаги оставилъ, а взялъ одѣж-
у, взялъ нѣсколько золотыхъ вещей покрупнѣе, а драго-
цѣнностями въ десять разъ, но малыми вещами пренебрегъ. За-
тѣмъ и еще кое-что себѣ на память, но о семъ послѣ. Со-
вершивъ се ужасное дѣло, вышелъ прежнимъ путемъ. На
следующій день, когда поднялась тревога, и никогда потомъ во всю
жизнь, никому и въ голову не пришло заподозрить настоящаго
убійцу. Да и о любви его къ ней никто не зналъ, ибо былъ и
характера молчаливаго и несообщительнаго, и друга, ко-
му повѣрялъ-бы душу свою, не имѣлъ. Считали-же его про-
стымъ убитой и даже не столь близкимъ, ибо въ по-
слѣднее время дѣла онъ и не посѣщалъ ее. Заподозрили-же тотъ-
же преступнаго слугу ея Петра и какъ разъ сошлись всѣ об-
стоятельства, чтобъ утвердить се подозрѣнiе, ибо слуга этотъ
и покойница сама не скрывала, что намѣрена его въ сол-
даты, въ зачетъ слѣдуемаго съ ея крестьянъ рекрута,
къ которому былъ одинокъ и дурнаго сверхъ того поведенiя. Слы-
шавъ какъ онъ въ злобѣ, пьяный, грозился въ питейномъ домѣ
убiть ее. За два-же дня до ея кончины, сбѣжалъ и проживалъ
въ городѣ въ неизвѣстныхъ мѣстахъ. На другой-же день
убiйства нашли его на дорогѣ, при выѣздѣ изъ города,
пьянаго, имѣвшаго въ карманѣ своемъ ножъ, да еще съ
кровою почему-то въ крови правою ладонью. Утверждалъ,
что онъ шёлъ изъ носу, но ему не повѣрили. Служанки-же по-
казали, что были на пирушкѣ, и что входныя двери съ
ключами оставались незапертыми до ихъ возвращенiя. Да и мно-
го сверхъ того являлось подобныхъ сему признаковъ, по-
этому и невиннаго слугу и захватили. Арестовали его и на-
казали, но какъ разъ черезъ недѣлю арестованный заболѣлъ

въ горячкѣ и умеръ въ больницѣ безъ памяти. Тѣмъ дѣломъ, предали волю Божью, и всѣ, и судья, и начальство все общество, остались убѣждены, что совершилъ преступленіе какъ умершій слуга. А за снѣмъ началось наказаніе.

Таинственный гость, а теперь уже другъ мой, но въ то время что въ началѣ даже и совсѣмъ не мучился угрызеніями. Мучился долго, но не тѣмъ, а лишь сожалѣніемъ, что убилъ женщину, что ея нѣтъ уже болѣе, что, убивъ ее, лишилъ любовь свою, тогда какъ огонь страсти оставался въ немъ. Но о пролитой неповинной крови, объ убійствѣ чело-вѣка, почти тогда и не мыслялъ. Мысль-же о томъ, что женщина могла стать супругой другому, казалась ему невозможной. Тому долгое время убѣжденъ былъ въ совѣсти своей, могъ поступить иначе. Томилъ его нѣсколько въ началѣ слуги, но скорая болѣзнь, а потомъ и смерть арестанта кончили его, ибо умеръ тотъ, по всей очевидности (рано онъ тогда) не отъ ареста или испуга, а отъ простудной приобрѣтенной именно во дни его бѣговъ, когда онъ пьяный, валялся цѣлую ночь на сырой землѣ. Краденые деньги мало смущали его, ибо (все также разсуждая) сдѣлана кража не для корысти, а для отвода подозрѣнію сторону. Сумма-же краденая была незначительная, и въ скорости всю эту сумму, и даже гораздо болѣшую, онъ выдалъ на учредившуюся у насъ въ городѣ богадѣльню. Сдѣлалъ сие для успокоенія совѣсти на счетъ кражи и тѣмъ только, на время и, даже долгое, дѣйствительно успокоился самъ передавалъ мнѣ это. Пустился онъ тогда въ болѣзненную дѣятельность, самъ напросился на хлопотливое порученіе, занимавшее его года два и, будучи характернаго, почти забывалъ происшедшее; когда-же вспоминался, не думалъ о немъ вовсе. Пустился и въ благотворительность, много устроилъ и пожертвовалъ въ нашемъ городѣ, явилъ себя и въ столицахъ, былъ избранъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ членомъ тамошнихъ благотворительныхъ обществъ. Все-же сталъ, наконецъ, задумываться съ мученіемъ о подъемѣ своимъ силамъ. Тутъ понравилась ему одна женщина и благоразумная дѣвица и онъ въ скорости женился, мечтая, что женитьбой прогонитъ уединенную тоску, вступивъ на новую дорогу и исполняя ревностно обязанности относительно жены и дѣтей, удалится отъ старыхъ воспоминаній и тоски вовсе. Но какъ разъ случилось противное сему ожида-

Первый месяц брака, стала его смущать непрерывная мысль: «Жена любить меня, ну что если-бъ она узнала?» Когда в беременна первымъ ребенкомъ и повѣдала ему это, онъ гъ смутился: «Даю жизнь, а самъ отнялъ жизнь». Пошли: «Какъ я смѣю любить, учить и воспитать ихъ, какъ буду добродѣтель имъ говорить: я кровь пролилъ». Дѣти растутъ расныя, хочется ихъ ласкать: «А я не могу смотрѣть на невинные, ясные лики; не достоинъ того». Наконецъ, начала грозно и горько мерещиться кровь убитой жертвы, погубленной молодая жизнь ея, кровь, вопіющая объ отмщеніи. Сталъ видѣть ужасные сны. Но будучи твердъ сердцемъ, сносилъ долго. «Искуплю все сею тайною мѣрой моею». Но напрас- была и сія надежда: чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе станови- страданіе. Въ обществѣ за благотворительную дѣятельность і его уважать, хотя и боялись всѣ строгаго и мрачнаго ха- ра его, но чѣмъ болѣе стали уважать его, тѣмъ станови- ему невыносимѣе. Признавался мнѣ, что думалъ было убить . Но вмѣсто того начала мерещиться ему иная мечта,— а, которую считалъ онъ въ началѣ невозможною и безум- но которая такъ присосалась, наконецъ, къ его сердцу, і оторвать нельзя было. Мечталъ онъ такъ: возстать, выйти в народомъ и объявить всѣмъ, что убилъ человѣка. Года три проходилъ съ этою мечтой, мерещилась она ему все въ раз- ь видахъ. Наконецъ, увѣровалъ всѣмъ сердцемъ своимъ, что, вивъ свое преступленіе, излѣчитъ душу свою несомнѣнно и контся разъ навсегда. Но, увѣровавъ, почувствовалъ въ сердцѣ ѣ, ибо какъ исполнить? И вдругъ произошелъ этотъ слу- на моемъ поединкѣ. «Глядя на васъ, я теперь рѣшился». Я ю на него.

— И неужели, воскликнулъ я ему, всплеснувъ руками,— і малый случай могъ рѣшимость такую въ васъ породить?
— Рѣшимость моя три года рождалась, отвѣчаетъ мнѣ,— а и вашъ далъ ей только толчокъ. Глядя на васъ, упрек- себя и вамъ позавидовалъ, проговорилъ онъ мнѣ это даже ровостью.

— Да вамъ и не повѣрятъ, замѣтилъ я ему,— четырнадцать прошло.

— Доказательства имѣю, великія. Представлю.
заплакалъ я тогда, облобызалъ его.

— Одно рѣшите мнѣ, одно! сказалъ онъ мнѣ (точно отъ меня ; все и зависѣло):—жена, дѣти! Жена умретъ, можетъ быть,

съ гора, а дѣти хотѣ я не лишиться дворянства и выдѣти варшавка, а на вѣкъ. А память-то, память казубацкая ихъ на себѣ оставлю!

Молчу я.

— А разстаться-то съ ними, оставить на вѣкъ? вѣкъ, на вѣкъ!

Сажу я, молча про себя молитву шепчу. Всталъ я, страшно мнѣ стало.

— Что-же? смотрите на меня.

— Идите, говорю, объявите людямъ. Все знаете, все останется. Дѣти поймутъ, когда выростутъ, сколько и рѣшительности вашей было великодушна.

Ушелъ онъ тогда отъ меня какъ-бы и вранья рѣ. Но все-же болѣе двухъ недѣль потомъ ко мнѣ ходилъ вечеръ сразу, все приготовлялся, все не могъ рѣшиться чинъ онъ мое сердце. То приходитъ твердь и говоритъ лениемъ:

— Знаю, что наступитъ рай для меня, тотчасъ-же ницъ, какъ объявлю. Четырнадцать лѣтъ былъ во адѣ дать хочу. Приму страданіе и жить начну. Не правда пройдешь, да назадъ не воротишься. Теперь не толняго моего, но и дѣтей моихъ любить не смѣю. Го вѣдь поймутъ-же дѣти, можетъ быть, чего стоило мнѣ мое, и не осудятъ меня! Господь не въ силѣ, а въ ш

— Поймутъ всѣ подвигъ вашъ, говорю ему, — не такъ потомъ поймутъ, ибо правдѣ послужили, выше неземной...

И уйдетъ онъ отъ меня какъ-бы утѣшенный; а вдругъ опять приходитъ злобный, блѣдный, говоритъ ницъ.

— Каждый разъ какъ вхожу къ вамъ, вы смотрите кимъ любопытствомъ: «Опять, дескать, не объявилъ?» И не презирайте очень. Не такъ вѣдь оно легко сдѣлать и кажется. Я, можетъ быть, еще и не сдѣлаю вовсе. Не же вы на меня доносить тогда, а?

А я, бывало, не только что смотрѣть съ любопытства разумнымъ, я и взглянуть-то на него боялся. Измученъ я до болѣзни, и дума моя была полна слезъ. Ночной потерялъ.

— Я сейчасъ, продолжаетъ, — отъ жены. Понимае что такое жена? Дѣтки, когда я уходилъ, прокрич

папа, приходите скорѣе съ нами *Дѣтское чтеніе* гь, вы этого не понимаете! Чужая бѣда не даетъ ума. Зеркала глазами, губы запрыгали. Вдругъ стукнулъ локоть, такъ что вещи на столѣ вспрыгнули, —такой звѣкъ, въ первый разъ съ нимъ случилось.

ужно-ли? воскликнулъ, — да надо-ли? Вѣдь никто не былъ, никого въ каторгу изъ-за меня не сослали, олѣзни померъ. А за кровь проліянную я мученіями анъ. Да и не повѣрятъ мнѣ вовсе, никакими дова- моймъ не повѣрятъ. Надо-ли объявлять, надо-ли? Молитую я всю жизнь готовъ еще мучиться, только и дѣтей не поразить. Будеть-ли справедливо ихъ собою? Не ошибаемся-ли мы? Гдѣ тутъ правда? Да-ли правду эти люди, оцѣнятъ-ли, почтутъ-ли ее?

«! мысля про себя, о почтеніи людей думаетъ въ ту!» И до того жалко мнѣ стало его тогда, что, ть-бы раздѣлилъ его участь, лишь-бы облегчить его. какъ изступленный. Ужаснулся я, понявъ уже не мѣ, а живую душой, чего стоитъ такая рѣшимость. айте-же судьбу! воскликнулъ опять.

е и объявите, прошепталъ я ему. Голосу во мнѣ не прошепталъ я твердо. Взялъ я тутъ со стола Еван- ій переводъ, показалъ ему отъ Іоанна, глава XII,

ю, истинно говорю вамъ, если пшеничное зерно падши е умретъ, то останется одно, а если умретъ, то при- о плода». Я этотъ стихъ только что прочиталъ предъ омъ.

онъ: «Правда», говоритъ, но усмѣхнулся горько: ихъ книгахъ, говоритъ, помолчавъ, —ужасъ что такое Подъ носъ-то ихъ легко совать. И кто это ихъ пи- ели люди?»

ь Святой писалъ, говорю.

ать-то вамъ легко, усмѣхнулся онъ еще, но уже истно. Взялъ я книгу опять, развернулъ въ другомъ казалъ ему къ Евреямъ, глава X, стихъ 31. Про-

ашно впасть въ руки Бога живаго».

онъ, да такъ и отбросилъ книгу. Задрожалъ онъ

шныи стихъ, говоритъ, —нечего сказать, подобралъ.

тъ о скоромъ прибытіи, и отвѣтъ ея на сіе письмо, который
ла и не дописала, оставила на столѣ, чтобы завтра отослать
ючту. Оба письма захватилъ онъ съ собою,—для чего? Для
потомъ сохранялъ четырнадцать лѣтъ вмѣсто того, чтобъ
ебить, какъ улики? И вотъ, что же случилось: всѣ пришли въ
вленіе и въ ужасъ и никто не захотѣлъ повѣрить, хотя всѣ
лушали съ чрезвычайнымъ любопытствомъ, но какъ отъ боль-
, а нѣсколько дней спустя уже совсѣмъ рѣшено было во всѣхъ
ихъ и приговорено, что несчастный человѣкъ помѣшался. На-
ство и судъ не могли не дать хода дѣлу, но пріостановились и
хотя представленныя вещи и письма и заставили размышлять,
рѣшено было и тутъ, что если сіи документы и оказались бы
ыми, то все-же окончательное обвиненіе не могло бы быть
изнесено на основаніи только сихъ документовъ. Да и вещи
онъ могъ имѣть отъ нея самой, какъ знакомый ея, и по
ренности. Слышалъ я, впрочемъ, что подлинность вещей была
омъ провѣрена чрезъ многихъ знакомыхъ и родныхъ убитой,
по сомнѣнія въ томъ не было. Но дѣлу сему опять не суждено
о завершиться. Дней черезъ пять всѣ узнали, что страда-
тъ заболѣлъ и что опасаются за жизнь его. Какою болѣзнію
заболѣлъ,—не могу объяснить, говорили, что разстройствомъ
дцебіенія, но извѣстно стало, что совѣтъ докторовъ, по на-
шнію супруги его, свидѣтельствовалъ и душевное его состоя-
, и что вынесли заключеніе, что помѣшательство уже есть. Я
его не выдалъ, хотя и бросились разспрашивать меня, но
да пожелалъ его навѣстить, то долго мнѣ возбраняли, главное,
руга его: «Это вы, говоритъ мнѣ, его разстроили, онъ и прежде
тъ мраченъ, а въ послѣдній годъ всѣ замѣчали въ немъ не-
новенное волненіе и странные поступки, а тутъ какъ разъ
его погубили, это вы его зачитали, не выходилъ онъ отъ васъ
ый мѣсяцъ». И что-же, не только супруга, но и всѣ въ городѣ
гнулись на меня и меня обвинили: «Это все вы», говорятъ.
юлчу, да я радъ въ душѣ, пбо узрѣлъ несомнѣнную милость
ію въ возставшему на себя и казнившему себя. А помѣша-
ству его я вѣрить не могъ. Допустили, наконецъ, и меня къ
у, самъ потребовалъ того настоятельно, чтобы проститься со
мъ. Вошелъ я, и какъ разъ увидѣлъ, что не только дни, но
сы его сочтены. Былъ онъ слабъ, желтъ, руки трепещутъ,
задыхается, но смотритъ умиленно и радостно.

— Совершилось!—проговорилъ мнѣ,—давно жажду видѣть
что не приходилъ?

Я ему не объявилъ, что меня не допускали въ нему.

— Богъ смаллся надо мной и зоветъ къ себѣ. Знаю умираю, но радость чувствую и миръ послѣ столькихъ впервые. Разомъ ощутилъ въ душѣ моей рай, только лишь нить, что надо было. Теперь уже смѣю любить дѣтей и добывать ихъ. Мнѣ не вѣрятъ и никто не повѣрилъ, ни не судья мой; не повѣрятъ никогда и дѣти. Милость Божия въ семь къ дѣтямъ моимъ. Умру и имя мое будетъ для незапятнано. А теперь предчувствую Бога, сердце какъ в веселится... долгъ исполнилъ...

Говорить не можетъ, задыхается, горячо мнѣ руку и пламенно глядитъ на меня. Но недолго мы бесѣдовали, с его безпрерывно къ намъ заглядывала. Но успѣлъ таки нуть мнѣ.

— А помнишь-ли, какъ я къ тебѣ тогда въ другой приходилъ, въ полночь? Еще запомнить тебѣ велѣлъ? Знаю для чего я входилъ? Я вѣдь убить тебя приходилъ!

И такъ и вздрогнулъ.

— Вышелъ я тогда отъ тебя во мракъ, бродилъ по темъ и боролся съ собою. И вдругъ возненавидѣлъ тебя до ада сердце вынесло. «Теперь, думаю, онъ единый судья, и судья мой, не могу уже отказаться отъ завтрашней смерти, но онъ все знаетъ». И не то чтобъ я боялся, чуждымъ (не было и мысли о семь), но думаю: «Какъ я убью на него, если не донесу на себя?» И хотя-бы ты отдалъ земель, но живъ, все равно, невыносима эта казнь и все знаешь, и меня судишь. Возненавидѣлъ я этому причиной и всему виноватъ. Воротился я къ тебѣ, думаю, что у тебя на столѣ лежитъ кинжалъ. И спросилъ, и цѣлую минуту думалъ. Если бы все равно-бы погибъ за это убійство, х бы не оставилъ прежнемъ преступленіи. Но о семь я думать не хотѣлъ въ эту минуту. Я тогда отпустилъ тебѣ желалъ изо всѣхъ силъ за себя призвалъ діавола въ моемъ сердцѣ. Знаю, что не былъ ближе отъ смерти.

И такъ мнѣ померъ. Гробъ его до могилы проносилъ, и сказалъ прочувствованное слово.

И такъ жизнь, прекратившую дни его. Но въ то время, когда похоронили его, и даже когда я былъ близъ правды, нѣкоторые, въ началѣ нем

томъ все больше и больше стали вѣровать въ истину его покаяній и очень начали посѣщать меня и спрашивать съ большимъ любопытствомъ и радостью: ибо любить челоуѣкъ паденіе введнаго и позоръ его. Но я замолчалъ и въ скорости изъ гора совсѣмъ выбылъ, а черезъ пять мѣсяцевъ удостоился Господь Богомъ стать на путь твердый и благолѣпный, благословляя естъ невидимый мнѣ, столь явно сей путь указавшій. А многокадальнаго раба Божія Михаила памятую въ молитвахъ моихъ до сего дня на каждый день.

III.

Изъ бесѣдъ и поученій старца Зосимы.

Нѣчто объ инокъ русскомъ и о возможномъ значеніи его.

Отцы и учителя, что есть инокъ? Въ просвѣщенномъ мірѣ во сіе произносится въ наши дни у иныхъ уже съ насмѣшкой, у нѣкоторыхъ и какъ бранное. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Правда, охъ правда, много и въ монашествѣ тунеядцевъ, плотодниковъ, сластолюбцевъ и наглыхъ бродягъ. На сіе указываютъ образованные свѣтскіе люди: «Вы, дескать, лѣнтяи и безстыдные члены общества, живете чужимъ трудомъ, безстыдные». А между тѣмъ, сколь много въ монашествѣ смиренныхъ кроткихъ, жаждущихъ уединенія и пламенной въ тишинѣ молитвы. На сихъ меньше указываютъ, и даже обходятъ молчаніемъ вовсе, и сколь подивились-бы, если скажу, что отъ сихъ кроткихъ и жаждущихъ уединенной молитвы выйдетъ, можетъ быть, еще разъ спасеніе земли русской! Ибо во истину приготовлены въ тишинѣ «на день и часъ, и мѣсяць, и годъ». Образъ истовъ хранятъ пока въ уединеніи своемъ благолѣпно и неуклонно, въ чистотѣ правды Божіей, отъ древнѣйшихъ отцовъ, апостоловъ и мучениковъ, и когда надо будетъ, явятъ его велебавшейся правдѣ мірѣ. Сія мысль великая. Отъ востока да сія возсіяетъ.

Такъ мысля объ инокъ и неужели ложно, неужели надменно? Посмотрите у мірскихъ и во всемъ превозносящемся надъ родомъ Божіимъ мірѣ, не исказился-ли въ немъ ликъ Божій правда Его? У нихъ наука, а въ наукѣ лишь то, что подложено чувствамъ. Міръ-же духовный, высшая половина су-

СОЧИНЕНІЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

человѣческаго отвергнута вовсе, изгнана съ лица земли даже съ ненавистью. Провозгласилъ міръ ежесекундное время особенно, и что-же видимъ въ этомъ мірѣ? Одно лишь рабство и самоубійство! Ибо міръ гонимъ потребности, а потому и насыщай ихъ, ибо и въ рабствѣ же, какъ и у знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ людей, можно насыщать ихъ, но даже приумножай», — вотъ истинное ученіе міра. Въ этомъ и видать свободу. И что-же выхвачено сего права на приумноженіе потребностей? У богатыхъ — и духовное самоубійство, а у бѣдныхъ — зависть и убожество. Ибо права-то дали, а средствъ насытить потребности не указали. Увѣряютъ, что міръ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе сближается въ братское общеніе, тѣмъ что сокращаетъ разстояніе и передаетъ по воздуху мысли. Увы, не вѣрете такому учению людей. Понимая свободу какъ приумноженіе и скорое удовлетвореніе потребностей, искажаютъ природу свою, ибо зарождаютъ много безсмысленныхъ и глупыхъ желаній, привычекъ и предвзятѣйшихъ выдумокъ. Живутъ лишь для зависти другъ къ другу, для плотоугодія и чванства. Имѣть обѣды, выѣзды, эскортныя и рабовъ-прислуживковъ — считается уже такою необходимостью, для которой жертвуютъ даже жизнью, честью и любовью, чтобъ утолить эту необходимость, и даже у себя, если не могутъ утолить ее. У тѣхъ, которые не понимаютъ этого, тоже самое видимъ, а у бѣдныхъ неутоленіе потребности зависти пока заглушаются пьянствомъ. Но вскорѣ вмѣстѣ умрутъ и кровью, къ тому ихъ ведутъ. Спрашиваю: свободенъ-ли такой человѣкъ? Я зналъ одного «борца за свободу», который самъ рассказывалъ мнѣ, что, когда лишили его табаку, то онъ до того былъ измученъ лишеніемъ сигаретъ, что чуть не пошелъ и не предалъ свою «идею», чтобъ тотъ ему табакъ. А вѣдь этакой говорить: «за человѣчество идею». Ну, куда такой пойдетъ и на что онъ способенъ? Такой поступокъ развѣ, а долго не вытерпятъ. И не для свободы впади въ рабство, а вмѣсто служенія брату и человѣческому единенію впади, напротивъ, въ отчужденіе и уединеніе, какъ говорилъ мнѣ въ юности мой тайный гость и учитель мой. А потому въ мірѣ все болѣе и болѣе распространяется мысль о служеніи человѣчеству, о братствѣ и цѣлостности людей и во истину встрѣчается мысль сія даже уже съ рабомъ, ибо какъ отстать отъ привычекъ своихъ, куда пойдешь невольникъ, если столь привыкъ утолять безчисленныя

и свои, которыя самъ-же навыдумалъ? Въ уединеніи онъ и е ему дѣло до цѣлаго. И достигли того, что вещей накопили ше, а радости стало меньше.

Другое дѣло путь иноческій. Надъ послушаніемъ, постомъ и твоей даже смѣются, а между тѣмъ лишь въ нихъ заклю- ся путь къ настоящей, истинной уже свободѣ: отсѣкаю отъ потребности лишнія и ненужныя, самолюбивую и гордую мою смиряю и бичую послушаніемъ, и достигаю тѣмъ, съ мпшо Божіей, свободы духа, а съ нею и веселья духовнаго! же изъ нихъ способнѣе вознести великую мысль и пойдти лужить,—уединенный-ли богачъ или сей *освобожденный* отъ вства вещей и привычекъ? Инока корятъ его уединеніемъ: жнился ты, чгобъ себя спасти въ монастырскихъ стѣнахъ, а жое служеніе челоувѣчеству забылъ». Но посмотримъ еще, кто братолюбію поусердствуетъ? Ибо уединеніе не у насъ, а у , но не видятъ сего. А отъ насъ и издревле дѣятели народныя дили, отчего-же не можетъ ихъ быть и теперь? Тѣ-же смирен- и кроткіе постники и молчальники возстанутъ и пойдутъ на юе дѣло. Отъ народа спасеніе Руси. Русскій-же монастырь ви былъ съ народомъ. Если-же народъ въ уединеніи, то и мы единеніи. Народъ вѣрять по нашему, а не вѣрующій дѣтатель съ въ Россіи ничего не сдѣлаетъ, даже будь онъ искрененъ демъ и умомъ геніаленъ. Это помните. Народъ встрѣтитъ ста и поборетъ его, и станетъ единая православная Русь. Бе- пе-же народъ и оберегайте сердце его. Въ тишинѣ воспитайте Вотъ вашъ иноческій подвигъ, ибо сей народъ богоносецъ.

ВЧТО О ГОСПОДАХЪ И СЛУГАХЪ И О ТОМЪ, ВОЗМОЖНО-ЛИ ГОСПОДАМЪ И СЛУГАМЪ СТАТЬ ВЗАИМНО ПО ДУХУ БРАТЬЯМИ.

Юже, кто говоритъ, и въ народѣ грѣхъ. А пламень растлѣнія жается даже видно, ежечасно, сверху идетъ. Наступаетъ народъ уединеніе: начинаются кулаки и міроѣды; уже ку- все больше и больше желаетъ почестей, стремится пока- себя образованнымъ, образованія не имѣя ни мало, а для гнусно пренебрегаетъ древнимъ обычаемъ и стыдится даже отцовъ. Ъздитъ ко князьямъ, а всего-то самъ мужикъ пор- І. Народъ загноился отъ пьянства и не можетъ уже сттатъ іего. А сколько жестокости къ семьѣ, къ женѣ, къ дѣтямъ отъ пьянства все. Видалъ я на фабрикахъ девятилѣтнихъ

СОЧИНЕНІЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Иныхъ, чаклыхъ, согбенныхъ и уже развѣ-
вѣ, стучающая машина, весь Божій день рабо-
таетъ и вино, вино, а то-ли надо душѣ тако-
му? Ему надо солнце, дѣтскія игры и всюду
любовь и хоть каплю любви къ нему. Да не будетъ
и, да не будетъ истязанія дѣтей, возстаньте и про-
скорѣе, скорѣе. Но спасетъ Богъ Россію, ибо хоть и
тѣмъ престолюдинъ и не можетъ уже отказать себѣ въ
помѣ грѣхѣ, но все-же знаетъ, что проклятъ Богомъ е-
динъ грѣхъ, и что поступаетъ онъ худо, грѣша. Такъ
устанно еще вѣруетъ народъ нашъ въ правду, Бога про-
умилительно плачетъ. Не то у вышнихъ. Тѣ во слѣдъ
хотятъ устроиться справедливо однимъ умомъ своимъ,
безъ Христа, какъ прежде, и уже провозгласили, что въ
ступленія, нѣтъ уже грѣха. Да оно и правильно по ихъ
если нѣтъ у тебя Бога, то какое-же тогда преступленіе? Въ
возрастаетъ народъ на богатыхъ уже силой, и народныя
повсемѣстно ведутъ его къ крови и учатъ, что правъ гнѣвъ.
Но «проклятъ гнѣвъ ихъ, ибо жестокъ». А Россію спасетъ
подъ, какъ спасалъ уже много разъ. Изъ народа спасетъ
дѣть, изъ вѣры и смиренія его. Отцы и учителя, берегите
народа, и не мечта сіе: поражало меня всю жизнь въ
народѣ нашемъ его достоинство благолѣпное и истинное
видѣлъ, самъ свидѣтельствовать могу, видѣлъ и удивляю
дѣлъ, не смотря даже на сирадъ грѣховъ и нищій видъ
нашего. Не раболѣпенъ онъ, и это послѣ рабства двухъ
Свободенъ видомъ и обращеніемъ, но безо всякой обиды
мстителенъ и не завистливъ. «Ты знатенъ, ты богатъ, ты
и талантливъ, — и пусть, благослові тебя Богъ. Чту тебя,
что и я человекъ. Тѣмъ, что безъ зависти чту тебя, тѣмъ-и
стоинство мое являю предъ тобой человѣческое». Во истинѣ
не говорятъ сего (ибо не умѣютъ еще сказать сего), то
ступаютъ, самъ видѣлъ, самъ испытывалъ, и вѣрите ли
бѣднѣе и ниже человекъ нашъ русскій, тѣмъ и болѣе въ
благолѣпной правды замѣтно, ибо богатые изъ нихъ куда
ряды во множествѣ уже развращены, и много, много ту
первѣднѣя и несмотрѣнія нашего вышло! Но спасетъ Богъ
спокхъ, ибо велика Россія смиреніемъ своимъ. Мечтаю
какъ-бы уже вижу ясно наше грядущее: ибо будетъ
даже самій развращенный богачъ нашъ кончить тѣмъ,
дѣтъ богатства своего предъ бѣднымъ, а бѣдный, види

, пойметъ и уступить ему, съ радостью и лаской отвѣтитъ на
аголъный стыдъ его. Вѣрьте, что кончится симъ: на то идетъ.
шь въ человѣческомъ духовномъ достоинствѣ равенство, и сіе
лмутъ лишь у насъ. Были-бы братья, будетъ и братство, а
нше братства никогда не раздѣлится. Образъ Христовъ хра-
мъ, и возсіяетъ какъ драгоценный алмазъ всему міру... Буди,
ди!

Отцы и учителя, произошло разъ со мною умиленное дѣло.
ранствуя, встрѣтилъ я однажды, въ губернскомъ городѣ К., быв-
го моего деньщика Анаасія, а съ тѣхъ поръ какъ я раз-
лся съ нимъ, прошло уже тогда восемь лѣтъ. Нечаянно увидѣлъ
ня на базарѣ, узналъ, подбѣжалъ ко мнѣ, и, Боже, сколь обрадо-
лся, такъ и кинулся ко мнѣ: «Батюшка, баринъ, вы-ли это?
неужто васъ вижу?» Повелъ меня къ себѣ. Былъ уже онъ
отставкѣ, женился, двухъ дѣтей младенцевъ уже прижилъ.
оживалъ съ супругой своею мелкимъ торгомъ на рынкѣ съ
тка. Комнатка у него бѣдная, но чистенькая, радостная.
сидѣлъ меня, самоваръ поставилъ, за женой послалъ, точно я
разникъ какой ему сдѣлалъ, у него появившись. Подвелъ ко мнѣ
стокъ: «благословите, батюшка». «Мнѣ-ли благословлять, отвѣ-
ю ему, инокъ я простой и смиренный, Бога о нихъ помолю, а
тебѣ. Анаасій Павловичъ, и всегда, на всякъ день, съ того
амаго дня, Бога молю, ибо съ тебѣя, говорю, все и вышло». И
бяснилъ ему я это, какъ умѣлъ. Такъ что-же человѣкъ: смот-
тъ на меня и все не можетъ представить, что я, прежній ба-
инъ его, офицеръ, предъ нимъ теперь въ такомъ видѣ и въ та-
ой одеждѣ: заплакалъ даже. «Чего-же ты плачешь, говорю ему,
забвенный ты человѣкъ, лучше повеселись за меня душой,
шый, ибо радостенъ и свѣтелъ путь мой». Многого не гово-
лъ, а все охалъ и качалъ на меня головой умиленно. «Гдѣ-
е ваше, спрашиваетъ, богатство?» Отвѣчаю ему: «Въ мона-
ырь отдалъ, а живемъ мы въ общежитіи». Послѣ чаю сталъ
прошаться съ ними и вдругъ вынесъ онъ мнѣ полтину,
ертву на монастырь, а другую полтину, смотрю, суетъ мнѣ
въ руку, торопится: «это ужь вамъ, говоритъ, странному,
утешествующему, пригодится вамъ, можетъ, батюшка». При-
лъ я его полтину, поклонился ему и супругѣ его и ушелъ
зрадованный, и думаю дорогою: «вотъ мы теперь оба, и онъ
себя и я, идущій, охаемъ, должно быть, да усяѣхаемся ра-
жно, въ веселіи сердца нашего покивая головой и вспоминая,
къ Богъ привелъ встрѣтиться». И больше я уже съ тѣхъ

поръ никогда не видалъ его. Былъ я ему господи́нъ, а онъ слуга, а теперь какъ облобызались мы съ нимъ любовно духовномъ умиленіи, межъ нами великое человѣческое единеніе произошло. Думалъ я о семъ много, а теперь мысля такъ ужели такъ недоступно уму, что сіе великое и простое единеніе могло-бы въ свой срокъ и повсемѣстно произойти межъ нашихъ русскихъ людей? Вѣрую, что произойдетъ и близки.

А про слугъ прибавлю слѣдующее: сердился я прежде, шею, на слугъ много: «кухарка горячо подала, деньщикъ не вычистилъ». Но озарила меня тогда вдругъ мысль милаго брата, которую слышалъ отъ него въ дѣтствѣ: «стою-ли я того и весь-то, чтобы мнѣ другой служилъ, а я, за нищету и темноту его, имъ помыкалъ?» И подивилъ тогда-же, сколь самыя простыя мысли, воочію ясны, и появляются въ умѣ нашемъ. Безъ слугъ невозможно жить, но такъ сдѣлай, чтобы былъ у тебя твой слуга свободнымъ, чѣмъ если-бы былъ не слугою. И почему я не могу слугою слугѣ моему и такъ, чтобы онъ даже видѣлъ это безо всякой гордости съ моей стороны, а съ его, невѣри чему не быть слугѣ моему какъ-бы мнѣ роднымъ, такъ приму его, наконецъ, въ семью свою и возрадуюсь ему и теперь еще это такъ исполнимо, но послужить основой будущему уже великолѣпному единенію людей, къ слугѣ будетъ искать себѣ человѣкъ и не въ слугѣ поворачивать себѣ подобныхъ людей, какъ нынѣ, а, напротивъ, всѣхъ силъ пожелаетъ стать самъ всѣмъ слугою, по Евангелію. И неужели сіе мечта, чтобы подъ конецъ человѣкъ находилъ радости лишь въ подвигахъ просвѣщенія и милосердія, а не достяхъ жестокихъ, какъ нынѣ, — въ объяденіи, блудѣ, чванствѣ и завистливомъ превышеніи одного надъ другимъ? Твердо вѣрую, что нѣтъ и что время близко. Смѣются и смѣются: когда-же сіе время наступитъ и похоже-ли на то, наступитъ? Я-же мысля, что мы со Христомъ это великое дѣлаемъ. И сколько-же было идей на землѣ, въ исторіи челоука, которыя даже за десять лѣтъ немислимы были и вдругъ появлялись, когда приходилъ для нихъ таинственный срокъ ихъ, и проносились по всей землѣ? Такъ и у насъ будетъ возсіяетъ міру народъ нашъ и скажутъ всѣ люди: «камень, который отвергли зиждущіе, сталъ главою угла». А насмѣшники спросятъ-бы самихъ: если у насъ мечта, то когда-же вы-

СОЧИНЕНІЯ В. И. ДОСТОЕВСКАГО.

существо и его любящее. Да и Богъ милъ
онхъ васъ, ибо если уже ты столь пожалѣ
и наче пожалѣеть Онъ, безконечно болѣе милъ
милый, чѣмъ ты. И простить его тебя ради.
а ты, не бойтесь грѣха людей, любите человека и ве
ибо сіе ужь подобіе Божеской любви и есть верхъ
земля. Любите все созданіе Божіе, и цѣлое, и каждую
часть. Каждый листикъ, каждый лучъ Божій любите. И
животныхъ, любите растенія, любите всякую вещь. Буде
бить всякую вещь и тайну Божію постигнешь въ вещахъ
стигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познава
далѣе и болѣе, на всякъ день. И полюбишь, наконецъ
міръ уже всецѣлою, всемірною любовью. Животныхъ и
имъ Богъ далъ начало мысли и радость безмятежную. И
мучайте-же ее, не мучьте ихъ, не отнимайте у нихъ радост
противьтесь мысли Божіей. Человѣкъ, не возносись надъ
вотными. они безгрѣшны, а ты со своимъ величіемъ и
землю своимъ появленіемъ на ней и слѣдъ свой гнойный
ляешь послѣ себя,—увы, почти всякъ изъ насъ!—Дѣтот
бите особенно, ибо они тоже безгрѣшны, яко ангелы, и и
для умиленія нашего, для очищенія сердець нашихъ и ка
кое указаніе намъ. Горе оскорбленному младенцу. А меня
Анениъ училъ дѣтотъ любить: онъ милый и молчаливый, во
ствіяхъ нашихъ, на подаваемые грошники имъ пряничкови
денцу, бывало, купить и раздасть; проходить не могъ ми
тотъ безъ сотрясенія душевнаго: таковъ человѣкъ.

Предъ мною мыслью станешь въ недоумѣніи, особенно
грѣхъ людей, и спросишь себя: «взять-ли силой или смиренн
бостью?» Всегда рѣшай: «возьму смиренною любовью». Рѣш
такъ разъ навсегда, и весь міръ покорить сможешь. Си
любное—страшная сила, изъ всѣхъ сильнѣйшая, подобн
торой и нѣтъ ничего. На всякъ день и часъ, на всякую и
ходи около себя и смотри за собой, чтобъ образъ твой былъ
лѣпенъ. Вотъ ты прошелъ мимо малаго ребенка, прошелъ за
со сквернымъ словомъ, съ гнѣвливой душой; ты и не при
можетъ, ребенка-то, а онъ видѣлъ тебя и образъ твой, непр
ный и нечестивый, можетъ, въ его беззащитномъ сердечкѣ ос
Ты и не зналъ сего, а можетъ быть, ты уже тѣмъ въ неч
бросилъ дурное, и возрастетъ оно, пожалуй, а все потомъ
ты не уберешься передъ дѣтотей, потому что любви осмотрит
дѣятельной не воспиталъ въ себѣ. Братъ, любовь уч

но не нужно умѣть ее приобрѣсти, ибо она трудно приобрѣтается, долго побунается, долгою работою и черезъ долгій срокъ, ибо на мгновеніе лишь случайное надо любить, а на весь срокъ. Случайно-то и всякъ полюбить можетъ, и злодѣй полюбить. Она, братъ мой, у птичекъ прощенія просилъ: оно какъ-бы и мысленно, а вѣдь правда, ибо все какъ океанъ, все течетъ и прикасается, въ одномъ мѣстѣ тронешь, въ другомъ концѣ отдастся. Пусть безуміе у птичекъ прощенія просить, но и птичкамъ было-бы легче, и ребенку, и всякому животному около тебя, если-бы ты самъ былъ благолѣпнѣе, чѣмъ ты теперь, хоть на одну каплю да было-бы. Все какъ океанъ, я говорю вамъ. Тогда и птичкамъ сталъ-бы молиться, всецѣлою душою мучимый, какъ-бы въ восторгѣ какомъ, и молить, чтобъ грѣхъ твой отпустили тебѣ. Восторгомъ-же симъ дорожи, а не бы ни казался онъ людямъ бессмысленнымъ.

Други мои, просите у Бога веселья. Будьте веселы какъ дѣти, и птички небесныя. И да не смущаетъ васъ грѣхъ людей въ дѣланіи, не бойтесь, что затретъ онъ дѣло ваше и не дастъ совершиться, не говорите: «сиденъ грѣхъ, сильно нечестіе, а среда скверная, а мы одиноки и безсильны, затретъ насъ скверная среда и не дастъ совершиться благому дѣланію». Бѣгите, и сего унынія! Одно тутъ спасеніе себѣ: возьми себя и сдѣлай же отвѣтчикомъ за весь грѣхъ людской. Другъ, да вѣдь это и я такъ, ибо чуть только сдѣлаешь себя за все и за всѣхъ отвѣтчикомъ искренно, то тотчасъ-же увидишь, что оно такъ и въ самомъ дѣлѣ и что ты-то и есть за всѣхъ и за вся виною. А скидывая свою-же лѣнь и свое безсиліе на людей, кончишь тѣмъ, что гордости сатанинской приобщишься и на Бога нищешь. О гордости-же сатанинской мысля такъ: трудно намъ землѣ ее и постичь, а потому сколь легко впасть въ ошибку и приобщиться ей, да еще полагая, что нѣчто великое и прекрасное дѣлаемъ. Да и многое изъ самыхъ сильныхъ чувствъ и ощущений природы нашей мы пока на землѣ не можемъ постигнуть, не соблазняйся и симъ и не думай, что сіе въ чемъ либо можетъ тебѣ служить оправданіемъ, ибо спроситъ съ тебя Судія Божій то, что ты могъ постичь, а не то, чего не могъ, самъ нищешь въ томъ, ибо тогда все узришь правильно и спорить не станешь. На землѣ-же во истину мы какъ-бы блуждаемъ и не было-бы драгоцѣннаго Христова образа предъ нами, и не было-бы мы и заблудились совсѣмъ, какъ родъ человѣчій предъ потопомъ. Многое на землѣ отъ насъ скрыто, но вза-

СОЧИНЕНІЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ровано намъ тайное сокровенное ощущеніе
съ міромъ инымъ, съ міромъ горнимъ и не
нашихъ мыслей и чувствъ не здѣсь, а въ
Богъ. Вотъ почему и говорятъ философы, что сущность
наша постичь на землѣ. Богъ взялъ сѣмена изъ міровъ
посѣялъ на сей землѣ и взросталъ садъ Свой, и взро-
дилось воиже, но взрощенное живетъ и живо ин-
ствомъ соприкосновенія своего таинственнымъ мірамъ
если ослабѣваетъ или уничтожается въ тебѣ сіе чувство,
раетъ и взрощенное въ тебѣ. Тогда станешь къ жизни
душень и даже возненавидишь ее. Мысляю такъ.

э) Можно-ли быть судією себѣ подобныхъ? О вѣрѣ до

Помни особенно, что не можешь ничѣмъ судією бы-
ти не можешь быть на землѣ судья преступника, прежде чѣмъ
себя судья не познаетъ, что и онъ такой-же точно преступ-
никъ и стоящій предъ нимъ, и что онъ-то за преступле-
ншаго предъ нимъ, можетъ, прежде всѣхъ и виноватъ. И
постигнетъ сіе, то возможетъ стать и судією. Какъ ни
на видъ, но правда сіе. Ибо былъ-бы я самъ праведенъ,
и преступника, стоящаго предо мною, не было-бы. Если
жешь принять на себя преступленіе стоящаго предъ
судимаго сердцемъ твоимъ преступника, то немедленно
и пострадай за него самъ, его-же безъ укора отпусти.
если-бъ и самый законъ поставилъ тебя его судією, то
лишь возможно будетъ тебѣ, сотвори я тогда въ духѣ си-
удеть и осудить себя самъ еще горше суда твоего.
отойдетъ съ цѣлованіемъ твоимъ безчувственный и смѣя-
тобою-же, то не соблазняйся и смѣя: значить, срокъ
не пришелъ, но придетъ въ свое время; а не придетъ, во-
не онъ, такъ другой за него познаетъ и пострадаетъ, и
и обвинить себя самъ и правда будетъ восполнена. Въ
несомнѣнно вѣрь, ибо въ семъ самомъ и лежитъ все
и вся вѣра святыхъ.

Дѣлай неустанно. Если вспомнишь въ нѣщи, отходя
«я не исполнилъ что надо было», то немедленно воз-
исполни. Если кругомъ тебя люди злобные и безчувствен-
не захотятъ тебя слушать, то пади предъ ними и у ни-
щенія проси, ибо во истину и ты въ томъ виноватъ,

тебя слушать. А если уже не можешь говорить съ озлобленными, то служи имъ молча и въ униженіи, никогда не теряя надежды. Если-же всѣ оставятъ тебя и уже изгонятъ тебя силой, оставшись одинъ, пади на землю и цалуи ея, омочи ея слезами твоими, и дастъ плодъ отъ слезъ твоихъ земля, хотя-бы не ведалъ и не слышалъ тебя никто въ уединеніи твоёмъ. До конца, хотя-бы даже и случилось такъ, что всѣ-бы на тебя обратились, а ты лишь единый вѣренъ остался; принеси же жертву и восхваляи Бога ты, единый оставшійся. А если такихъ двое сойдутся, — то вотъ ужъ и весь міръ, міръ любви, обнимите другъ друга въ умиленіи и восхваляйте Бога: ибо хотя и въ васъ двоихъ, но восполнилась правда Его. Если самъ согрѣшишь и будешь скорбенъ даже до смерти о грѣхѣ твоихъ, или о грѣхѣ твоёмъ внезапно, то возрадуйся тому, возрадуйся за праведнаго, возрадуйся тому, что если согрѣшилъ, то онъ зато праведенъ и не согрѣшилъ. Если-же злодѣйство людей возмутитъ тебя негодованіемъ и болью уже неодолимою, даже до желанія отмщенія злодѣямъ, не бойся всего страшись сего чувства; тотчасъ-же иди и ищи муки такъ какъ бы самъ былъ виновенъ въ семъ злодѣйствѣ людей. Прими сіи муки и вытерпи, и утолится сердце твое. Знаешь, что и самъ виновенъ, ибо могъ свѣтить злодѣямъ какъ единый безгрѣшный и не свѣтилъ. Если-бы свѣтилъ, то своимъ озарилъ-бы и другимъ путь, и тотъ который совершилъ злодѣйство, можетъ быть, не совершилъ-бы его при свѣтѣ твоёмъ. И даже если ты и свѣтилъ, но увидишь, что не спасаются люди даже и при свѣтѣ твоёмъ, то пребудь твердъ и не бойся въ силѣ свѣта небеснаго; вѣрь тому, что если теперь не спаслись, то потомъ спасутся. А не спасутся и потомъ, то не спасутся, ибо не умретъ свѣтъ твой, хотя-бы и ты умеръ. Праведникъ отходитъ, а свѣтъ его остается. Спасаетъ-же и всегда по смерти спасающаго. Не принимаетъ родъ своихъ пророковъ своихъ и избиваетъ ихъ, но любятъ люди пророковъ своихъ и чтятъ тѣхъ, коихъ замучили. Ты-же для Бога работаешь, для грядущаго дѣлаешь. Награды-же никогда не получишь, ибо и безъ того уже велика тебѣ награда на сей землѣ: радость твоя, которую лишь праведный обрѣтаетъ. Не бойся ни знатныхъ, ни сильныхъ, но будь премудръ и всегда смиренъ. Знай мѣру, знай сроки, научись сему. Въ уединеніи оставаясь, молись. Люби повергаться не землю и лобызай ее. Землю цѣлуй и неустанно, ненасытимо люби, всѣхъ

люби, все люби, ищи восторга и воступленія сего. Очисти слезами радости твоея и люби сн слезы твои. Наступленіе сего не стыдись, дорожи имъ, ибо есть даръ Божій, который и не многимъ дается, а избраннымъ.

И) О АДЪ И АДСКОМЪ ОГНѢ, РАЗСУЖДЕНІЕ МИСТИЧЕСКОЕ

Отцы и учителя, мысля: «что есть адъ?» Разсуждая о «Страданіе о томъ, что нельзя уже болѣе любить». Разъ, въ конечномъ бытіи, неизмѣримомъ ни временемъ, ни пространствомъ дана была нѣкоему духовному существу, появленіемъ его на землѣ способность сказать себѣ: «я емь и я люблю». Разъ, то же дано было ему мгновение любви дѣятельной, *живой*, а дн дана была земная жизнь, а съ нею времена и сроки, и оно отвергло сіе счастливое существо даръ безцѣнный, не принявъ его, не возлюбило, взглянуло насмѣшливо и осталось бездѣльнымъ. Таковой, уже отошедшій съ земли, видитъ и въ Авраамово, и бесѣдуетъ съ Авраамомъ какъ въ притчѣ о блудномъ сынѣ, и Лазарь намъ указано, и рай созерцаетъ, и во Господи восходитъ можетъ, но именно тѣмъ-то и мучается, что во Господи взойдетъ онъ не любившій, сопрекоснется съ любившими, и любовью ихъ пренебрегшій. Ибо зрять ясно и говорить себѣ самъ: «нынѣ уже знаніе имѣю и хоть возжаждалъ любви, но уже подвига не будетъ въ любви моей, не будетъ и жертвы, ибо кончена жизнь земная и не придетъ Авраамъ хоть какъ вода живой (то есть вновь даромъ земной жизни, прежнее дѣятельной) прохладить пламень жажды любви духовной, которую пламенью теперь, на землѣ ее пренебрегши; нѣтъ уже жизни и времени болѣе не будетъ! Хоть-бы и жизнь свою радъ отдать за другихъ, но уже нельзя, ибо прошла та жизнь, которую возможно было въ жертву любви принести, и теперь бездѣльно между тою жизнью и симъ бытіемъ». Говорятъ о пламени адскаго матеріальномъ: не изслѣдую тайну сію и страшусь, но мысля, что если-бы и былъ пламень матеріальный, то во истину обожгались-бы ему, ибо. мечтаю такъ, въ мученіи матеріальномъ хоть на мигъ позабылась-бы ни страшнѣйшая сего мука духовная. Да и отнять у нихъ эту муку духовную не возможно, ибо мученіе сіе не внѣшнее, а внутри ихъ. А если-бы и можно было отнять, то мысля, стали-бы оттого еще горше несчастными. Ибо хоть и простили-бы ихъ праведные изъ

вращая муки ихъ, и призывали-бы ихъ къ себѣ, любя безконечно, но тѣмъ самымъ имъ еще болѣе-бы приумножили мукъ, возбудили-бы въ нихъ еще сильнѣе пламень жажды отвѣта, дѣятельной и благодарной любви, которая уже невозможна. Робости сердца моего мысля, однако-же, что самое сознание невозможности послужило-бы имъ, наконецъ, и къ облегченію, ибо, принявъ любовь праведныхъ съ невозможностью воздать за нее, въ поворотности сей и въ дѣйствіи смиренія сего, образъ, наконецъ, какъ-бы нѣкій образъ той дѣятельной любви, всю пренебрегли на землѣ и какъ-бы нѣкое дѣйствіе съ нею имѣю... Сожалѣю, братья и други мои, что не умѣю сказать ясно, но горе самимъ истребившимъ себя на землѣ, горе убійцамъ! Мысля, что уже несчастнѣе сихъ и не можетъ быть никого. Грѣхъ, рекутъ намъ о сихъ Бога молить и церковь равно ихъ какъ-бы и отвергаетъ, но мысля въ тайнѣ души, что можно-бы и за сихъ помолиться. За любовь не осердился вѣдь Христосъ. О такихъ я внутренно во всю жизнь мысля, исповѣдуюсь вамъ въ томъ, отцы и учителя, да и нынѣ всякъ день молюсь.

Но, есть и во адѣ бывшіе гордыми и свирѣпыми, не смотря на знаніе безспорное и на созерцаніе правды неотразимой, въ страшные, приобщившіеся сатанѣ и гордому духу его всемогущаго. Для тѣхъ адъ уже добровольный и ненасытимый; тѣ уже рохотные мученики. Ибо сами проклинали себя, проклявъ Бога живаго. Злобною гордостью своею питаются, какъ если-бы гонимый въ пустынѣ кровь собственную свою сосать изъ своего-же желудка началъ. Но ненасытимы во вѣки вѣковъ и прощеніе отвергъ, Бога, зовущаго ихъ, проклинаяютъ. Бога живаго безъ несправедливости созерцать не могутъ и требуютъ, чтобы не было Бога живаго, чтобъ уничтожилъ Себя Богъ и все созданіе Свое. И будутъ горѣть въ огнѣ гнѣва своего вѣчно, жаждать смерти и не получатъ.

Здѣсь оканчивается рукопись Алексѣя Федоровича Карамазова. Говорятъ: она не полна и отрывочна. Біографическія свѣдѣнія, собранныя, обнимаютъ лишь первую молодость старца. Изъ помысловъ же его и мнѣній сведено вмѣстѣ, какъ-бы въ единое цѣлое, данное очевидно въ разные сроки и вслѣдствіе побужденій случайныхъ. Все-же то что изречено было старцемъ собственно въ послѣдніе часы жизни его, не опредѣлено въ точности,

и ятіе о духѣ и характерѣ я сей бесѣды,
 тѣмъ, что приведено въ рукописи Алексѣя
 пророка изъ прожнихъ поученій. Кончина-же старца прои
 стину совсѣмъ неожиданно. Ибо хотя всѣ собравшіе
 въ тотъ послѣдній вечеръ и понимали вполне, что е
 близка, но все-же нельзя было представить, что насту
 она столь внезапно; напротивъ, друзья его, какъ уже я
 тель я выше, видя его въ ту ночь столь, казалось-бы, бо
 и словоохотливымъ, убѣждены были даже, что въ здоров
 произошло замѣтное улучшеніе, хотя-бы и на малое лишь
 Даже за пять минутъ до кончины, какъ съ удивленіемъ
 давали потомъ, нельзя было еще ничего предвидѣть. Онъ и
 почувствовалъ какъ-бы свѣдѣвшую боль въ груди, побѣ
 я крѣпко прижалъ рука къ сердцу. Всѣ тогда встали съ
 своихъ и устремились къ нему; но онъ, хотъ и страдавш
 все еще съ улыбкой взиралъ на нихъ, тихо опустился съ
 селъ на полъ и сталъ на колѣни, затѣмъ склонился лико
 къ землѣ, распростеръ свои руки я, какъ-бы въ радост
 восторгѣ, палуи землю и молясь (какъ самъ училъ), тихо
 дотно отдалъ душу Богу. Извѣстіе о кончинѣ его посл
 пронеслось въ свитѣ и достигло монастыря. Ближайшіе к
 вопреставленному я кому слѣдовало по чину стали убра
 древнему обряду тѣло его, а вся братія собралась въ соб
 церковь. И еще до разсвѣта, какъ передавалось пот
 слухамъ, вѣсть о новопреставленномъ достигла города. Е
 чуть не весь городъ говорилъ о событіи и множество гр
 потекло въ монастырь. Но о семъ скажемъ въ слѣдующей
 а теперь лишь прибавимъ впередъ, что не прошелъ еще я
 какъ совершилось нѣчто до того для всѣхъ неизгладимое
 впечатлѣнію, произведенному въ средѣ монастыря и въ г
 до того какъ-бы странное, тревожное и обичивое, что и д
 поръ, послѣ столькихъ лѣтъ, сохраняется въ городѣ я
 самое живое воспоминаніе о томъ столь для нашихъ ц
 номъ днѣ...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

АЛЕША.

I.

Тлетворный духъ.

ю усопшаго іеросхимонаха отца Зосимы приготовили въ
нію по установленному чину. Умершихъ монаховъ и
ковъ, какъ извѣстно, не омывають. «Егда кто отъ мо-
ко Господу отыдетъ (сказано въ Большомъ Требникѣ),
ненный монахъ (то есть для сего назначенный) отираетъ
его теплою водой, творя прежде губою (то есть грече-
губкой) крестъ на челѣ скончавшагося, на персѣхъ, на
и на ногахъ и на колѣнахъ, вѣще-же ничто-же». Все
исполнилъ надъ усопшимъ самъ отецъ Паисій. Послѣ оти-
одѣлъ его въ монашеское одѣяніе и обвилъ мантию; для
ю правилу, нѣсколько разрѣзалъ ее, чтобъ обвить кресто-
о. На голову надѣлъ ему куколь съ осьмиконечнымъ крес-
Куколь оставленъ былъ открытымъ, ликъ-же усопшаго
и чернымъ воздухомъ. Въ руки ему положили икону Спа-
Въ такомъ видѣ къ утру переложили его въ гробъ (уже
давно заготовленный). Гробъ-же вознамѣрились оста-
въ кельѣ (въ первой большой комнатѣ, въ той самой, въ
і повойный старецъ принималъ братію и мірскихъ) на
нѣ. Такъ какъ усопшій по чину былъ іеросхимонахъ, то

ительными, — хотя и не ихъ однихъ можно было замѣ-
ть этомъ-же смыслѣ. Инокъ обдорскій изъ всѣхъ волно-
къ выдавался наиболѣе суетящимся; замѣтить его можно
всюду, во всѣхъ мѣстахъ: вездѣ онъ разспрашивалъ,
прислушивался, вездѣ шептался съ какимъ-то особеннымъ
веннымъ видомъ. Выраженіе-же лица имѣлъ самое нетер-
пѣливое и какъ-бы уже раздраженное тѣмъ, что ожидаемое столь
не совершается. А что до Ракитина, то тотъ, какъ ова-
потомъ, очутился столь рано въ скитѣ по особливому
вѣлю госпожи Хохлаковой. Сія добрая, но безхарактерная
на, которая сама не могла быть допущена въ скитъ, чуть
проснулась и узнала о преставившемся, вдругъ проник-
нула стремительнымъ любопытствомъ, что немедленно отря-
хнуто себя въ скитъ Ракитина, съ тѣмъ, чтобы тотъ
блюдалъ и немедленно доносилъ ей письменно, примѣрно
 каждыя полчаса, *о всемъ что произойдетъ*. Ракитина-же
она за самаго благочестиваго и вѣрующаго молодаго че-
— до того онъ умѣлъ со всѣми обойтись и каждому
завѣяться сообразно съ желаніемъ того, если только усмат-
ривъ себѣ малѣйшую для себя выгоду. День былъ ясный
и изъ прибывшихъ богомольцевъ многіе толпились
скитскихъ могилъ, наиболѣе скученныхъ кругомъ храма,
какъ и разсыпанныхъ по всему скиту. Обходя скитъ, отецъ
вдругъ вспомнулъ объ Алешѣ и о томъ, что давно онъ
видѣлъ, съ самой почти ночи. И только что вспомнилъ
его, какъ тотчасъ-же и примѣтилъ его въ самомъ отдален-
номъ углу скита, у ограды, сидящаго на могильномъ камнѣ
древле почившаго и знаменитаго по подвигамъ своимъ.
Онъ сидѣлъ спиной къ скиту, лицомъ къ оградѣ и
прятался за памятникъ. Подойдя вплотъ, отецъ Паисій
увидѣлъ, что онъ, закрывъ обоими ладонями лицо, хотя и без-
шумно, но горько плачетъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ своимъ отъ
грусти. Отецъ Паисій постоялъ надъ нимъ нѣсколько.
— Полно, сыне милый, полно, другъ, прочувствованно про-
говори онъ, наконецъ, — чего ты? Радуйся, а не плачь. Или не
радуйся, что сей день есть величайшій изъ дней *его*? Гдѣ онъ
былъ въ минуту сію, вспомни-ка лишь о томъ!
Отецъ Паисій взглянулъ было на него, открывъ свое распухшее отъ
слезъ какъ у малаго ребенка лицо, но тотчасъ-же, ни слова не
говоря, отвернулся и снова закрылся обѣими ладонями.
— А, пожалуй, что я такъ, произнесъ отецъ Паисій вдум-

СОЧИНЕНІЯ В. М. ДОСТОЕВСКАГО.

на дѣдовало іеромонахамъ-же и іеродіаконант
на а Евангеліе. Началь чтеніе, сейчасъ посл
т , о. Іосифъ; отецъ-же Пасій, самъ пожелавшій
тѣ весь день и всю ночь, пока еще былъ очень и
ченъ, вмѣстѣ съ отцомъ настоятелемъ скита, обо
мо обнаруживаться, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, и въ
ырской братіи, и въ прибывавшихъ изъ монастырскихъ
нацъ и изъ города толпами мірскихъ нѣчто необычайн
кое-то неслыханное и «неподобающее» даже волненіе и
пѣливое ожиданіе. И настоятель, и отецъ Пасій прилаг
старанія по возможности успокоить столь суетливо волну
Когда уже достаточно ободняло, то изъ города начали
вать нѣкоторые даже такіе, кои захватили съ собою бе
своихъ, особенно дѣтей,—точно ждали для сего наре
минуты, видимо уповая на немедленную силу исцѣленія
по вѣрѣ ихъ, не могла замедлить обнаружиться. И во
только обнаружилось, до какой степени всѣ у насъ пр
считать усоншаго старца, еще при жизни его, за несом
и великаго святаго. И между прибывающими были да
изъ одного лишь престоляродья. Это великое ожиданіе
щихъ, столь поспѣшно и обнаженно выказываемое и
нетерпѣніемъ и чуть не съ требованіемъ, казалось отцу
несомнѣннымъ соблазномъ, и хотя еще и задолго ни
чувствованнымъ, но на самомъ дѣлѣ превысившимъ е
данія. Встрѣчаясь со взволнованными изъ иновоу, от
сій сталъ даже выговаривать имъ: «Такое и столь и
новое ожиданіе чего-то великаго», говорилъ онъ, «ест
мысліе, возможное лишь между свѣтскими, намъ-же
бающее». Но его мало слушали, и отецъ Пасій съ бы
ствомъ замѣчалъ это, не смотря на то, что даже и сам
ужь все вспоминать правдиво), хотя и возмущался са
нетерпѣливыми ожиданіями и находилъ въ нихъ легком
суету, но потаенно про себя, въ глубинѣ души своей
почти того-же, чего и сіи взволнованные, въ чемъ самъ
могъ не сознаться. Тѣмъ не менѣе ему особенно неприят
ныя встрѣчи, возбуждавшія въ немъ, по нѣкому предч
большія сомнѣнія. Въ тѣснѣвшейся въ кельѣ усоншаго
замѣтилъ онъ съ отвращеніемъ душевнымъ (за котор
себя тутъ-же и попрекнулъ) присутствіе, наприимѣръ, Ра
или далекаго гостя обдорскаго, инока, все еще пребывавш
монастырѣ, и обомхъ ихъ отецъ Пасій вдругъ почему-т

ительными, — хотя и не ихъ однихъ можно было замѣ-
ть этомъ-же смыслѣ. Инокъ обдорскій изво всѣхъ волно-
къ выдавался наиболѣе суетящимся; замѣтить его можно
всюду, во всѣхъ мѣстахъ: вездѣ онъ спрашивалъ,
прислушивался, вездѣ шептался съ какими-то особеннымъ
веннымъ видомъ. Выраженіе-же лица имѣлъ самое нетер-
пѣливое и какъ-бы уже раздраженное тѣмъ, что ожидаемое столь
не совершается. А что до Равитина, то тотъ, какъ она-
потомъ, очутился столь рано въ скитѣ по особливому
вѣдѣнію госпожи Хохлаковой. Сія добрая, но безхарактерная
на, которая сама не могла быть допущена въ скитъ, чуть
проснулась и узнала о преставившемся, вдругъ проник-
ла стремительнымъ любопытствомъ, что немедленно отпра-
вилась въ скитъ Равитина, съ тѣмъ, чтобы тотъ
блуждалъ и немедленно доносилъ ей письменно, примѣрно
каждые полчаса, *о всемъ что произойдетъ*. Равитина-же
она за самаго благочестиваго и вѣрующаго молодого че-
ловека — до того онъ умѣлъ со всѣми обоидтись и каждому
сдѣлать сообразно съ желаніемъ того, если только усмат-
ривъ себѣ малѣйшую для себя выгоду. День былъ ясный
и изъ прибывшихъ богомольцевъ многіе толпились
скитскихъ могилъ, наиболѣе скученныхъ кругомъ храма,
какъ и разсыпанныхъ по всему скиту. Обходя скитъ, отецъ
вдругъ вспомнулъ объ Алешѣ и о томъ, что давно онъ
видѣлъ, съ самой почти ночи. И только что вспомнилъ
о немъ, какъ тотчасъ-же и примѣтилъ его въ самомъ отдален-
номъ углу скита, у ограды, сидящаго на могильномъ камнѣ
древле почившаго и знаменитаго по подвигамъ своимъ.
Онъ сидѣлъ спиной къ скиту, лицомъ къ оградѣ и
прятался за памятникъ. Подойдя вплотъ, отецъ Паисій
увидѣлъ, что онъ, закрывъ обоими ладонями лицо, хотя и без-
шумно, но горько плачетъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ своимъ отъ
грусти. Отецъ Паисій постоялъ надъ нимъ нѣсколько.
— Полно, сыне милый, полно, другъ, прочувствованно про-
чувствуй, наконецъ, — чего ты? Радуйся, а не плачь. Или не
чувствуешь, что сей день есть величайшій изъ дней *его*? Гдѣ онъ
въ минуту сію, вспомни-ка лишь о томъ!
Отецъ Паисій взглянулъ было на него, открывъ свое распухшее отъ
слезъ какъ у малаго ребенка лицо, но тотчасъ-же, ни слова не
сказавъ, отвернулся и снова закрылся обѣими ладонями.
— А, пожалуй, что я такъ, произнесъ отецъ Паисій вдум-

дуи, и плачь, Христось тебѣ эти слезы
 «...и слезки твои лишь отдыхъ душевный и
 да твоего милаго послужатъ», прибавилъ онъ,
 выходя отъ Алеши и любовно о немъ думая. Отто
 «...юмъ, поскорѣе, ибо почувствовалъ, что и самъ, и
 дя на него, заплачетъ. Время между тѣмъ шло, новы
 службы и панихиды по усопшемъ продолжались въ
 Отець Пансіи снова замѣтилъ отца Іосифа у гроба
 принялъ отъ него чтеніе Евангелія. Но еще не минуло
 часовъ по полудни, какъ совершилось нѣчто, о чемъ у
 я еще въ концѣ прошлой книги, нѣчто до того никѣмъ
 неожиданное и до того въ разрѣзъ всеобщему упован
 повтораю, подробная и суетная повѣсть о семъ прои
 даже до сихъ поръ съ чрезвычайною живостію воспомина
 нашемъ городѣ и по всей нашей окрестности. Тутъ и
 еще разъ отъ себя лично: мнѣ почти противно вспоми
 этомъ суетномъ и соблазнительномъ событіи, въ сущ
 самомъ пустомъ и естественномъ, и я, конечно, выпус
 его въ разсказѣ моемъ вовсе безъ упоминовенія, если-бѣ
 вліяло оно сильнѣйшимъ и извѣстнымъ образомъ на
 сердце главнаго, *хотя и будущаго* героя разсказа моего
 составивъ въ душѣ его какъ-бы переломъ и перевор
 трясній, но и укрѣпившій его разумъ уже окончате
 всю жизнь и къ извѣстной цѣли.

Итакъ въ разсказу: Когда еще до свѣту положили у
 ное къ погребенію тѣло старца во гробъ и вынесли ег
 вую, бывшую приемную, комнату, то возникъ было м
 ходившимся у гроба вопросъ: надо-ли отворить въ
 окна? Но вопросъ сей, высказанный кѣмъ-то мимох
 малькомъ, остался безъ отвѣта и почти незамѣченнымъ
 лишь замѣтили его, да и то про себя, нѣкоторые изъ
 ствующихъ лишь въ томъ смыслѣ, что ожиданіе тѣлн
 творнаго духа отъ тѣла такого почившаго есть сущая не
 достойная даже сожалѣнія (если не усмѣшки), отно
 малой вѣры и легкомыслія изрекшаго вопросъ сей. Ис
 совершенно противоположнаго. И вотъ, въ скорости п
 лудня началось нѣчто, сначала принимаемое входящими
 ходившими лишь молча и про себя и даже съ видимою
 каждаго сообщить кому либо начинающую мысль свои
 трехъ часамъ пополудни обнаружившееся уже столь я
 опровержимо, что извѣстіе о семъ нигомъ облетѣло во

но другіе даже и скрывать уже не хотѣли своей радости, сѣвшеі въ озлобленныхъ взорахъ ихъ. И никто-то ихъ не смѣлъ болѣе, никто-то добраго гласа не подымалъ, что было имъ чудно, ибо преданныхъ усопшему старцу было въ монастырѣ все-же большинство: но ужь такъ видно самъ Господь хотѣлъ, чтобы на сей разъ меньшинство временно одержало верхъ. Въ скорости стали являться въ келью такими-же соглядатами и свѣтскіе, болѣе изъ образованныхъ посѣтителей. Простаго народа входило мало, хотя и столпилось много его у воротъ кельи. Несомнѣнно то, что именно послѣ трехъ часовъ, послѣ посѣтителей свѣтскихъ весьма усилился, и именно послѣдствіе соблазнительнаго извѣстія. Тѣ, кои-бы, можетъ, и не были въ сей день вовсе, и не располагали прибыть, теперь вдругъ пріѣхали; между ними нѣкоторыя значительнаго чина особы. Впрочемъ, благочиніе наружно еще не нарушалось, и отецъ Паисій твердо и раздѣльно, съ лицомъ строгимъ, продолжалъ читать Евангеліе въ голосъ, какъ-бы не замѣчая совершеннаго, хотя давно уже замѣтилъ нѣчто необычайное. Но и до него стали достигать голоса, сперва весьма тихіе, но постепенно твердѣвшіе и ободрявшіеся. «Знать судъ-то Божій и что человѣческій!» слышалъ вдругъ отецъ Паисій. Вышелъ сіе первѣе всѣхъ одинъ свѣтскій, городской чиновникъ, высокаго звѣка уже пожилой и сколь извѣстно было о немъ весьма много, но, вымолвивъ вслухъ, повторилъ лишь то, что давно уже себя повторяли иноки другъ другу на ухо. Тѣ давно уже вымолвили сіе безнадежное слово, и хуже всего было то, что съ каждою почти минутой обнаруживалось и возрастало при немъ словъ нѣкое торжество. Вскорѣ, однако, и самое даже благочиніе начало нарушаться и вотъ точно всѣ почувствовали въ какомъ-то даже правѣ его нарушить. «И почему-бы сіе не случилось», говорили нѣкоторые изъ иноковъ, сначала съ сожалѣніемъ, — «тѣло имѣлъ не великое, сухое, къ колену присохшее, откуда-бы тутъ духу быть?» «Значить, надо хотѣлъ Богъ указать», поспѣшно прибавляли другіе и имъ ихъ принималось безспорно и тотчасъ-же, ибо опять-таки бывали, что если-бъ и быть духу естественно, какъ отъ всякаго усопшаго грѣшнаго, то все-же изощель-бы позднѣе, не съ такою столь явною поспѣшностью, по крайности, чрезъ сутки. «Этотъ естество предупредилъ», стало быть, тутъ никто не сомнѣвался въ Богъ и нарочитый перстъ Его. Указать хотѣлъ. Сужденіе неопровержимо. Кроткій отецъ іеромонахъ Іосифъ

библіотекаръ, любимецъ покойнаго, сталъ было возражать которымъ изъ злословниковъ, что «не вездѣ вѣдь это: и что не догматъ-же какой въ православіи, сія необиетлѣнія тѣлесъ праведниковъ, а лишь мнѣніе, и что въ даже православныхъ странахъ, на Аѳонѣ, напримѣръ, тлетворнымъ не столь смущаются, и не нетлѣніе тѣлоса тается тамъ главнымъ признакомъ прославленія спасенцвѣтъ костей ихъ, когда тѣлеса ихъ полежать уже мно въ землѣ и даже истлѣютъ въ ней, и «если обрѣщутъ желты какъ воскъ, то вотъ и главнѣйшій знакъ, что пра Господь усопшаго праведнаго; если же не желты, а чери шутся, то значить не удостоилъ такого Господь славы, какъ на Аѳонѣ, мѣстѣ великомъ, гдѣ издревле неруши свѣтаѣйшей чистотѣ сохраняется православіе», заключилъ Іосифъ. Но рѣчи смиреннаго отца пронеслись безъ нужды даже вызвали отпоръ насмѣшливый: «это все учености шества, нечего и слушать» — порѣшили про себя иноки. по старому; мали-ли новшества теперь выходить, всѣмъ ражать?» прибавляли другіе. «У насъ не менѣе ихняго отцовъ было. Они тамъ подъ туркой сидятъ и все пере У нихъ и православіе давно замутилось, да и колоколовъ нѣтъ», присоединяли самые насмѣшливые. Отецъ Іосифъ шелъ съ горестію, тѣмъ болѣе, что и самъ-то высказалъ мнѣніе не весьма твердо, а какъ-бы и самъ ему мало въ со смущеніемъ провидѣлъ, что начинается нѣчто очень видное и что возвышаетъ главу даже самое непослушан по малу, вслѣдъ за отцомъ Іосифомъ, затихли и всѣ разсудительные. И какъ-то такъ сошлось, что всѣ и покойнаго старца и съ умиленнымъ послушаніемъ прив установленіе старчества, страшно чего-то вдругъ испуга встрѣчаясь другъ съ другомъ, робко лишь заглядывали другому въ лицо. Враги-же старчества, яко новшества подняли голову. «Отъ покойнаго старца Варсонофія не духу не было, но точилось благоуханіе», злорадно нап они, «но не старчествомъ заслужилъ, а тѣмъ, что и са веденъ былъ». А вслѣдъ за симъ на новопреставившагося посыпались уже осужденія и самыя даже обвиненія: «ведливо училъ; училъ, что жизнь есть великая радость смиреніе слезное», говорили одни, изъ наиболѣе безтол «По модному вѣровалъ, огня матеріальнаго во адѣ не валъ» — присоединяли другіе еще тѣхъ безтолковѣе. «Бѣ

не строгъ, сладости себѣ разрѣшалъ, вареніе вишневое съ чаемъ, очень любилъ, барыни ему присылали. Схимнику-ли расливать?» слышалось отъ иныхъ завистующихъ. Гордясь сядѣть, съ жестокостью припоминали самые злодѣи, — за святаго себя почиталъ, на колѣннѣхъ предъ нимъ стояли, яко должное ему принималъ». «Тайнствомъ исповѣди построблялъ», злобнымъ шепотомъ прибавляли самые ярые ревнители старчества, и это даже изъ самыхъ старѣйшихъ дѣлаемыхъ въ богомольи своемъ иноковъ, истинныхъ постниковъ и молчальниковъ, замолчавшихъ при жизни усопшаго, но вдругъ отверзшихъ уста свои, что было уже ужасно, ибо сильно въ словеса ихъ на молодыхъ и еще неустановившихся иноковъ. Восма выслушивалъ все сіе и обдорскій гость, монашекъ святаго Сильвестра, глубоко воздыхая и покивая главою: «Видно отецъ-то Ѳерапонтъ справедливо вчера судилъ», говорилъ онъ про себя, а тутъ какъ разъ и показался отецъ Ѳерапонтъ; какъ-бы именно чтобъ усугубить потрясеніе вышелъ. Упомянулъ уже я прежде, что выходилъ онъ изъ своей деревенской келійки на пасѣвѣхъ рѣдко, даже въ церковь по-долгу не ходилъ и что попускали ему это якобы юродивому, не связывая правилу общимъ для всѣхъ. Но если сказать по всей правдѣ, то попускалось ему все сіе даже и по нѣкоторой необходимости. Ибо столь великаго постника и молчальника, дни и ночи стояшагося (даже и засыпалъ на колѣнкахъ стоя), какъ-то даже странно было настоятельно обременять общимъ уставомъ, если самъ не хотѣлъ подчиниться. «Онъ и всѣхъ-то насъ святѣе и труднѣйшее чѣмъ по уставу», сказали-бы тогдашніе, «а что въ церковь не ходитъ, то, значитъ, самъ знаетъ, что ему ходить, у него свой уставъ». Ради сего-то въроятнаго страха и соблазна и оставляли отца Ѳерапонта въ покоѣ. Старца же, какъ уже и всѣмъ извѣстно было сіе, не любилъ отецъ Ѳерапонтъ чрезвычайно; и вотъ и къ нему въ его келійку дошелъ вдругъ вѣсть о томъ, что «судъ-то Божій, значитъ, не обманетъ, что у человѣковъ, и что естество даже предупредилъ». Надо было сказать, что изъ первыхъ сбѣгалъ ему передать извѣстіе обдорскій гость, вчера посѣщавшій его и во ужасѣ отъ него вчера ушедшій. Упомянулъ я тоже, что отецъ Паисій, твердо и незыбчивый стоявшій и читавшій надъ гробомъ, хотя и не могъ слышать вѣсть что происходило внѣ кельи, но въ сердцѣ своемъ все же безошибочно предугадалъ, ибо зналъ среду свою насквозь. Онъ-же не былъ, а ожидалъ всего что еще могло произойти

СОЧИНЕНІЯ О. М. ДОСТОЕВСКАГО.

пронзающимъ взглядомъ слѣди за будущимъ, уже представлявшимся умственному взору, необычайный и уже явно нарушавшій балансъ свѣтъ поразилъ слухъ его. Дверь отворилась и порогъ показался отецъ Ферапонтъ. За нимъ, какъ шедъ, и даже ясно было видно изъ кельи, столпилось множество монаховъ, сопровождавшихъ его, а между свѣтскихъ. Сопровождавшіе, однако, не вошли, и на крыльцо поднялись, но, остановясь, ждали что скажетъ и сдѣлаетъ Ферапонтъ далѣе, ибо предчувствовали они, и даже съ нѣмало страхомъ, не смотря на все дерзновеніе свое, что пришелъ даромъ. Остановясь на порогѣ, отецъ Ферапонтъ воздвигъ изъ подъ правой руки его выгнувши острые и глубоки глазки обдорскаго гостя, единаго не утерпѣвшаго и взбѣжавъ слѣдъ отцу Ферапонту по лѣсенкѣ изъ-за превеликаго любопытства. Прочіе-же кромѣ него, только что съ шумомъ ридась настежь дверь, напротивъ, потѣснились еще болѣе отъ внезапнаго страха. Поднявъ руки горь, отецъ Ферапонтъ вдругъ завопилъ:

— Извергая извергну! и тотчасъ-же началъ, обращаясь къ четыремъ сторонамъ попеременно, крестить стѣны и всѣ углы кельи рукой. Это дѣйствіе отца Ферапонта тотчасъ-же сопровождавшіе его; ибо знали, что и всегда такъ дѣлалъ, входя, и что и не сидеть и слова не скажетъ, прежде чѣмъ изгонитъ нечистую силу.

— Сатана, изыди, сатана, изыди! повторялъ онъ съ крестомъ. — Извергая извергну! возопилъ онъ опять. Онъ въ своей грубой рясѣ, подпоясанный вервѣжъ. На посконной рубахи выглядывала обнаженная грудь его, шая сѣдыми волосами. Ноги-же совсѣмъ были босы. Какъ сталъ онъ махать руками, стали сотрясаться и звенѣть стокія вериги, которыя носилъ онъ подъ рясой. Отецъ прервалъ чтеніе, выступилъ впередъ и сталъ предъ нимъ ожиданіемъ.

— Почто пришелъ, честный отче? Почто благочинишаешь? Почто стадо смиренное возмущаешь? проговори наконецъ, строго смотря на него.

— Чесо ради пришелъ еси? Чесо просиши? Како мнѣ прокричалъ отецъ Ферапонтъ, юродствуя, — притекъ здѣсь въ вашихъ гостей изгонять, чертей поганыхъ. Смотрю, много-безъ меня накопили. Въникомъ ихъ березовымъ выметатъ

Нечистаго изгоняешь, а, можетъ, самъ ему-же и служишь, извѣнно продолжалъ отецъ Паисій,—и кто про себя сказать тебѣ: «святъ есть?» Не ты-ли, отче?

Поганъ есмь, а не святъ. Въ кресла не сяду и не восхощу къ идолу, поклоненія! загремѣлъ отецъ Ѳерапонтъ.—Нынѣ въру святую губятъ. Покойникъ, святой-то вашъ,—оберонъ къ толпѣ, указывая перстомъ на гробъ,—чертею отъ Пурганцу отъ чертей давалъ. Вотъ они и развелись у насъ пауки по угламъ. А днесъ и самъ провонялъ. Въ семь Не Господне великое видимъ.

Это и дѣйствительно однажды такъ случилось при жизни Феодосія. Единному отъ иноковъ стала сниться, а подъ конецъ живу представляться нечистая сила. Когда-же онъ, въ великомъ страхѣ, открылъ сію старцу, тотъ посоветовалъ ему некую молитву и усиленный постъ. Но когда и это не помогло, посоветовалъ, не оставляя поста и молитвы, принять одъшкарства. О семъ многіе тогда соблазнялись и говорили межъ собой, покивая главами,—пуще-же всѣхъ отецъ Ѳерапонтъ, котораго-же тогда поспѣшили передать нѣкоторые хуители въ «необычайномъ» въ такомъ особливомъ случаѣ распорядка старца.

Изыди, отче! повелительно произнесъ отецъ Паисій:—не мы судяты, а Богъ. Можетъ, здѣсь «указаніе» видимъ коего не въ силахъ понять ни ты, ни я и никто. Изыди, и стадо не возмущай! повторилъ онъ настойчиво.

Постовъ не содержалъ по чину схимы своей, потому и не вышло. Сію ясно есть, а скрывать грѣхъ! не унимался жившійся во рвеніи своемъ не по разуму изувѣръ.—Кандалы прельщались, барыни ему въ карманахъ привозили, чащадобился, чреву жертвовалъ, сладостями его наполняя, помышленіемъ надменнымъ... Потому и срамъ потер-

Легкомысленны словеса твои, отче! возвысилъ голосъ и Паисій,—посту и подвижничеству твоему удивляюсь, но легкомысленны словеса твои, якобы изрекъ юноша въ міру, непоумный и младоумный. Изыди-же, отче, повелѣваю тебѣ, прогнать въ заключеніе отецъ Паисій.

Я-то изыду! проговорилъ отецъ Ѳерапонтъ, какъ-бы нѣсколько и смутившись, но не покидая озлобленія своего,—ученики! Отъ большаго разума вознеслись надъ моимъ ничтожествомъ. Притекъ я сюда малограмотенъ, а здѣсь что и зналъ за-

былъ, самъ Господь Богъ отъ премудрости вашей земли, какъ заштыль...

Отецъ Павсій стоялъ надъ нимъ и ждалъ съ твердостью. Терапонтъ помолчалъ и вдругъ, пригорюнившись и прижавъ правую ладонь къ щекѣ, промвнесь нараспѣвъ, взирая на усопшаго старца.

— Надъ нимъ завтра «Помощника и Покровителя» спѣтъ—канонъ преславный, а надо мною, когда подохну, то лишь «Кая житейская сладость»—стихирчикъ мады! говорилъ онъ слезно и сожалеательно.—Возгордился я и злился, пусто мѣсто сіе! завонилъ онъ вдругъ какъ безумный и нувъ рукою, быстро повернулся и быстро сошелъ по ступенямъ крылечка внизъ. Ожидавшая внизу толпа заколебалась и пошла за нимъ тотчасъ-же, но шны замедлила, ибо земля еще была отперта, а отецъ Павсій, выйдя вслѣдъ за отцомъ терапонтомъ на крылечко, стоя наблюдалъ. Но расходившійся рывъ еще не окончилъ всего: отойдя шаговъ двадцать, онъ обратился въ сторону заходящаго солнца, воздѣвъ надъ собою обѣ руки и,—какъ-бы кто подкосилъ его,—рухнулся на землю съ превеликимъ крикомъ:

Мой Господь побѣднвъ! Христось побѣднлъ захоу солнцу! нествова прокричалъ онъ, воздѣвая къ солнцу руки и павъ лицомъ ницъ на землю, зарыдалъ въ голосъ, какъ и дитя, весь сотрясаясь отъ слезъ своихъ и распростирая ноги и руки. Тутъ ужъ всѣ бросились къ нему, раздались всеобщіе отвѣтное рыданіе... Изступленіе какое-то всѣхъ обуяло.

— Вотъ кто святъ! Вотъ кто праведень! раздавались всѣ уже не боязненно,—вотъ кому въ старцахъ сидѣть, прибавляли другіе уже озлобленно.

— Не сядетъ онъ въ старцахъ... Самъ отвергнетъ... не служить проклятому новшеству... не станетъ ихнимъ дуракомъ подражать, тотчасъ-же подхватили другіе голоса, и до чего это дошло, трудно и представить себѣ, но какъ разъ ударилъ ту минуту колоколъ, призывая къ службѣ. Всѣ вдругъ стали стнться. Поднялся и отецъ Терапонтъ и, ограждая себя крестомъ знаменемъ, пошелъ къ своей кельѣ, не оглядываясь, все еще

*) При выносѣ тѣла (изъ келин въ церковь и послѣ отнесенья въ церкви на кладбище) монаха и схимонаха, поются стн «Кая житейская сладость»... Если-же почившій былъ іероскхомъ, то поють канонъ «Помощникъ и Покровитель»...

кая восмицать, но уже нѣчто совсѣмъ несвязное. За нимъ шли было нѣкоторые, въ маломъ числѣ, но большинство стало видѣться, поспѣвая къ службѣ. Отецъ Паисій передалъ чтеніе Іосифу и сошелъ внизъ. Изступленными кликами изувѣровъ поколебаться не могъ, но сердце его вдругъ загрустило и говорило о чемъ-то особенно, и онъ почувствовалъ это. Онъ повзвѣлся и вдругъ спросилъ себя: «Отчего сія грусть моя даже ради духа?» и съ удивленіемъ постигъ тотчасъ-же, что сія странная грусть его происходитъ, повидному, отъ самой малой и близкой причины: дѣло въ томъ, что въ толпѣ, тѣснившейся у входа въ келью, запримѣтилъ онъ между прочими волонтерами и Алешу, и вспомнилъ онъ, что, увидавъ его, тотчасъ почувствовалъ тогда въ сердцѣ своемъ какъ-бы нѣкую боль. Неужто-же сей младый столь много значитъ нынѣ въ сердцѣ отца? — вдругъ съ удивленіемъ спросилъ онъ себя. Въ эту минуту Алеша какъ разъ проходилъ мимо него, какъ-бы поспѣвая къ службѣ, но не въ сторону храма. Взоры ихъ встрѣтились. Алеша быстро отвелъ свои глаза и опустилъ ихъ въ землю, и уже по одному виду юноши отецъ Паисій догадался, какая въ минуту сію происходитъ въ немъ сильная перемѣна.

— Или и ты соблазнился? воскликнулъ вдругъ отецъ Паисій, — да неужто-же и ты съ маловѣрными! прибавилъ онъ горько.

Алеша остановился и какъ-то неопредѣленно взглянулъ на Паисія, но снова быстро отвелъ глаза и снова опустилъ ихъ въ землю. Стоялъ-же бокомъ и не повернулся лицомъ къ вопрошавшему. Отецъ Паисій наблюдалъ внимательно.

— Куда-же поспѣшаешь? Къ службѣ благовѣстять, спросилъ онъ снова, но Алеша опять отвѣта не далъ.

— Али изъ скита уходишь? Какъ-же не спросясь-то, не словясь?

Алеша вдругъ криво усмѣхнулся, странно, очень странно взглянулъ на вопрошавшаго отца свои очи, на того, кому ввѣрилъ онъ всю свою жизнь, бывший руководитель его, бывший владыка сердца его, возлюбленный старецъ его, и вдругъ, все по прежнему, отвѣта, махнувъ рукой, какъ-бы не заботясь даже и о почти-исполненіи, и быстрыми шагами пошелъ къ выходнымъ вратамъ изъ скита.

Возвратишься еще! прошепталъ отецъ Паисій, смотря во слѣдъ ему съ горестнымъ удивленіемъ.

II

Такая минута.

Отецъ Панаіа, конечно, не ошибся, рѣшивъ, что «сынъ мальчикъ» снова воротится, и даже, можетъ быть (хотя въполнѣ, но все-же прозорливо), проникъ въ истинный сдѣла душевнаго настроенія Алеши. Тѣмъ не менѣе, признаюсь совершенно, что самому мнѣ очень было-бы трудно теоретически ясно точный смыслъ этой странной и неопредѣленной минуты жизни столь излюбленнаго мною и столь еще юнаго героя разсказа. На горестный вопросъ отца Панаіа, устремленнаго къ Алешѣ: «Или и ты съ маловѣрными?»—я, конечно, не съ твердостью отвѣтилъ за Алешу: «Нѣтъ, онъ не съ маловѣрными». Мало того, тутъ было даже совсѣмъ противоположное все смущеніе его произошло именно оттого, что онъ не вѣровалъ. Но смущеніе все-же было, все-же произошло и было столь мучительно, что даже и потомъ, уже долго спустя, Алеша считалъ этотъ горестный день однимъ изъ самыхъ тягостныхъ и роковыхъ дней своей жизни. Если-же спросить прямо: «Ужели-же вся эта тоска и такая тревога могли въ немъ изойти лишь потому, что тѣло его старца, вмѣсто того чтобы немедленно начать производить исцѣленія, подверглось, инстинктивъ того, раннему таѣнію»,—то отвѣчу на это не общими «Да, дѣйствительно было такъ». Попросилъ-бы только читатель не спѣшить еще слишкомъ смѣяться надъ чистымъ сердцемъ моего юноши. Самъ-же я не только не намѣренъ просить него прощенія, или извинять и оправдывать простодушную вѣру, его юнымъ возрастомъ, напримѣръ, или малыми успѣхами въ пройденныхъ имъ прежде наукахъ и пр., и пр., но самъ даже напротивъ и твердо заявлю, что чувствую искреннейшее уваженіе къ природѣ сердца его. Безъ сомнѣнія, иной юный принимающій впечатлѣнія сердечныя осторожно, уже умѣетъ любить не горячо, а лишь тепло, съ умомъ хотя и вѣрными, но слишкомъ ужъ, судя по возрасту, разсудительными (а по моему дешевымъ), такой юноша, говорю я, избѣгъ-бы того, что случилось съ моимъ юношей, но въ иныхъ случаяхъ, право, и чтенію поддастся иному увлеченію, хотя-бы и неразумному. Все-же отъ великой любви происшедшему, чѣмъ вовсе не поддастся ему. А въ юности тѣмъ паче, ибо неблаговаденію

жъ постоянно разсудительный юноша и дешева цѣна мое мнѣніе! «Но, — воскликнуть тутъ, пожалуй, оди, — нельзя-же всякому юношѣ вѣровать въ такой съ и вашъ юноша не указъ остальнымъ». На это я вѣ-таки: да, мой юноша вѣровалъ, вѣровалъ свято и (о я все-таки не прошу за него прощенія.

ж: хотъ я и заявилъ выше (и, можетъ быть, слышно), что объясняться, извиняться и оправдывать не стану, но вижу, что нѣчто все-же необходимо дальнѣйшаго пониманія разсказа. Вотъ что скажу: чтобы чудеса. Не легкомысленное въ своемъ нетерпѣннѣ ожиданіе чудесъ. И не для торжества убѣждѣ-либо понадобились тогда чудеса Алешѣ (это-то уже не для идеи какой либо прежней, предвзятой, которожествовала поскорѣй надъ другою, — о, нѣтъ, тѣ: тутъ во всемъ этомъ и прежде всего, на первомъ (о предъ нимъ лицо, и только лицо, — лицо воз-старца его, лицо того праведника, котораго онъ до анія чтилъ. То-то и есть, что вся любовь, таившаяся и чистомъ сердцѣ его ко «всѣмъ и вся», въ то весь предшествовавшій тому годъ, какъ-бы вся вредоточивалась, и, можетъ быть, даже неправильно, юмъ существѣ преимущественно, по крайней мѣрѣ, ихъ порывахъ сердца его, — на возлюбленномъ теперь почившемъ. Правда, это существо столь долго въ немъ какъ идеалъ безспорный, что всѣ юныя силы стремленіе ихъ и не могли уже не направиться къ у исключительно, а минутами такъ даже и до забвѣ-м вся». (Онъ вспоминалъ потомъ самъ, что въ тѣ-этотъ забылъ совсѣмъ о братѣ Дмитріи, о которомъ дся и тосковалъ наканунѣ; забылъ тоже снести отцу вѣсти рублей, что съ такимъ жаромъ намѣревался оже наканунѣ). Но не чудесъ опять таки ему нужно ь «высшей справедливости», которая была, по вѣ-нарушена и чѣмъ такъ жестоко и внезапно было рдце его. И что въ томъ, что «справедливость» эта, хъ Алеша, самимъ даже ходомъ дѣла, приняла форму еденно ожидаемыхъ отъ праха обожаемаго имъ оводителя его? Но вѣдь такъ мыслили и ожидали и стырѣ, тѣ даже, предъ умомъ которыхъ преклонялся , отецъ Пансіи, напимѣрѣ, и вотъ Алеша, не тревожа

сомнѣніями, облекъ и свои мечты въ ту же чуждую оболочку. Да и давно уже это такъ устроилось, цѣлымъ годомъ монастырской жизни его, и сердце уже привычку такъ ожидать. Но справедливости жаждалъ, а не только лишь чудесъ! И вотъ тотъ, который бы былъ, по упованіямъ его, быть вознесенъ въ міръ въ цѣломъ мірѣ, — тотъ самый, вмѣсто славы ея, вдругъ низверженъ и опозоренъ! За что? Кто съумѣлъ такъ разсудить — вотъ вопросы, которые тогда измучили неопытное и дѣвственное сердце его. Не могъ онъ нести безъ оскорбленія, безъ озлобленія даже сердечнаго праведнѣйшій изъ праведныхъ преданъ на такое насмѣшливое злобное глумленіе столь легкомысленной и столь ниже себя бывшей толпѣ. Ну, и пусть-бы не было чудесъ вовсе, пусть ничего не объявилось чуднаго и не оправдалось немедленно ожидаемое, — но зачѣмъ-же объявилось безславіе, зачѣмъ пустился позоръ, зачѣмъ это поспѣшное тлѣніе, «предупредительное», какъ говорили злобные монахи? Зачѣмъ это «предупредительное», которое они съ такимъ торжествомъ выводятъ вмѣстѣ съ отцомъ Терапонтомъ, и зачѣмъ они вѣрятъ, что лучше даже право такъ выводить? Гдѣ-же Провидѣніе и Писаніе Его? Къ чему сокрыло Оно Свой перстъ «въ самую нужную минуту» (думалъ Алеша) и какъ-бы само захотѣло подчинить слѣпымъ, нѣмымъ, безжалостнымъ законамъ естественнымъ?

Вотъ отчего точилось кровью сердце Алеши, и ужь, и ужь, но, какъ я сказалъ уже, прежде всего тутъ стояло лицо любимое имъ болѣе всего въ мірѣ и оно-же «опозоренное» оно-же и «обезславленное!» Пусть этотъ ропотъ юноши былъ легкомысленъ и безразсуденъ, но опять-таки, въ первый разъ повторяю (и согласенъ впередъ, что, можетъ быть, съ легкомысліемъ): я радъ, что мой юноша оказался не разсудительнымъ въ такую минуту, ибо разсудку всегда даетъ время у человѣка неслупаго, а если ужь и въ исключительную минуту не окажется любви въ сердцѣ, то когда-же придетъ она? Не захочу, однако-же, умолчать о семъ случаѣ и о нѣкоторомъ странномъ явленіи, хотя и неясно, но все-же обнаружившемся въ эту роковую и смутную для Алеши минуту въ умѣ его. Это новое объявившееся и неслухившее *ничего* состояло въ нѣкоторомъ мучительномъ и тлѣніи отъ неустанно припомятавшагося теперь Алешей и слышимаго его разговора съ братомъ Иваномъ. Именно т

чтобы что-нибудь было поколеблено въ душѣ его изъ основательныхъ, тихійныхъ, такъ сказать, ея вѣрованій. Бога своего онъ и вѣровалъ въ Него незыблемо, хотя и возропталъ было Него внезапно. Но все-же какое-то смутное, но мучительное и впечатлѣніе отъ припомнанія вчерашняго разговора съ Иваномъ вдругъ теперь снова зашевелилось въ душѣ и все болѣе и болѣе просилось выйти на верхъ ея. Когда стало сильно смеркаться, проходившій сосновою рощей изъ монастыря Ракитинъ вдругъ замѣтилъ Алешу, лежащаго подъ деревомъ, лицомъ къ землѣ, недвижимаго и какъ-бы мѣткого. Онъ подошелъ и окликнулъ его.

— Ты здѣсь, Алексѣй? Да неужто-же ты... произнесъ было удивленный, но, не докончивъ, остановился. Онъ хотѣлъ сказать: «неужто-же ты до того дошелъ?» Алеша не взглянулъ на него, но по нѣкоторому движенію его Ракитинъ сейчасъ догадался, что онъ его слышитъ и понимаетъ.

— Да что съ тобой? продолжалъ онъ удивляться, но удивленіе уже начало смѣняться въ лицѣ его улыбкой, принимавшею болѣе и болѣе насмѣшливое выраженіе.

— Послушай, да вѣдь я тебя ищу уже больше двухъ часовъ. Ты вдругъ пропалъ отсюда. Да что ты тутъ дѣлаешь? Или это съ тобой благоглупости? Да взгляни хоть на меня...

Алеша поднялъ голову, сѣлъ и прислонился спиной къ дереву. Онъ не плакалъ, но лицо его выражало страданіе, а во рту виднѣлось раздраженіе. Смотрѣлъ онъ, впрочемъ, не на Ракитина, а куда-то въ сторону.

— Знаешь, ты совсѣмъ перемѣнился въ лицѣ. Никакой этой кривости прежней пресловутой твоей нѣтъ. Осердился на кого, на чья? Обидѣли?

— Отстань! проговорилъ вдругъ Алеша, все по прежнему глядя на него и устало махнувъ рукой.

— Ого, вотъ мы какъ! Совсѣмъ какъ и прочіе смертные и покрививать. Это изъ ангеловъ-то! Ну, Алешка, удивилъ меня, знаешь ты это, искренно говорю. Давно я ничему такъ не удивляюсь. Вѣдь я все-же тебя за образованнаго человека почиталъ...

Алеша, наконецъ, поглядѣлъ на него, но какъ-то разсѣянно, и все еще мало его понимая.

— Да неужель ты только оттого, что твой старикъ проводилъ... Да неужели-же ты вѣрилъ серьезно, что онъ чудеса отма-

ч ъ? воскликнулъ Ракитинъ, опять переходя въ изумленіе.

— алъ, вѣрую и хочу вѣровать, и буду вѣровать чего тебѣ еще! раздражительно прокричалъ Алеша.

— Да ничего ровно, голубчикъ. Фу, чортъ, да этому надцатилѣтній школьникъ теперь не вѣритъ. А, впрочемъ, такъ ты вотъ и разсердился теперь на Бога-то своего, и товался: чиноуъ, дескать, обошли, къ празднику ордена вѣтъ, вы!

Алеша давно и какъ-то прищуривъ глаза посмотрѣлъ Ракитина и въ глазахъ его что-то вдругъ сверкнуло... озлобленіе на Ракитина.

— Я противъ Бога моего не бунтуюсь, я только «нѣ» не принимаю», криво усмѣхнулся вдругъ Алеша.

— Какъ это міра не принимаешь? капельку подумалъ его отвѣтомъ Ракитинъ.—Что за билиберда?

Алеша не отвѣтилъ.

— Ну, довольно о пустякахъ-то, теперь къ дѣлу: а сегодня?

— Не помню... ѣлъ, кажется.

— Тебѣ надо подкрѣпитъ, судя по лицу-то. Сострадаю на тебя глядя беретъ. Вѣдь ты и ночь не спалъ, я слышала засѣданіе у васъ тамъ было. А потомъ вся эта возня и всего-то антидорцу кусочекъ, надо быть, пожевалъ. Есть у тебя съ собою въ карманѣ колбаса, давеча изъ города захватилъ всякій случай, сюда направляясь, только вѣдь ты колбасу станешь...

— Давай колбасы.

— Эге! Такъ ты вотъ какъ! Значитъ, совсѣмъ ужъ баррикады! Ну, братъ, этимъ дѣломъ пренебрегать нечего, дамъ ко мнѣ... Я-бы водочки самъ теперь тяпнулъ, смерть у меня, водки-то небось, не рѣшишься... аль выпьешь?

— Давай и водки.

— Эвона! Чудно, братъ! дико посмотрѣлъ Ракитинъ. да такъ или этакъ, водка или колбаса, а дѣло это лихое, шее и упускать невозможно, идемъ!

Алеша молча поднялся съ земли и пошелъ за Ракити

— Видѣлъ-бы это братъ Ванюшка, такъ какъ-бы изу Ксатя, братецъ твой Иванъ Федоровичъ сегодня утромъ Москву уватилъ, знаешь ты это?

— Знаю, безучастно произнесъ Алеша, и вдругъ

его въ умѣ образъ брата Дмитрія, но только мелькнулъ, и напомнилъ что-то, какое-то дѣло спѣшное, котораго уже ни на минуту откладывать, какой-то долгъ, обязанность страшную, но и это воспоминаніе не произвело никакаго на него впечатлѣнія, не достигло сердца его, въ тотъ-же мигъ вылетѣло изъ памяти и забылось. Но долго потомъ вспоминая объ этомъ Алеша.

— Братецъ твой Ванюшка изрекъ про меня единожды, что «бездарный либеральный мѣшокъ». Ты-же одинъ разикъ только утерпѣлъ и далъ мнѣ понять, что я «безчестенъ»... Пусть! Пусть-ка я теперь на вашу даровитость и честность (оковы это Ракитинъ уже про себя, шепотомъ). Тьфу, слушай! — Ворилъ онъ снова громко, — минуемъ-ка монастырь, пойдемъ по тропинкѣ прямо въ городъ... Гм! Мнѣ-бы кстати надо Хохлаковой зайти. Вообрази: я ей отписалъ о всемъ приключившемся, и, представь, она мнѣ мигомъ отвѣчаетъ запиской, индашомъ (ужасно любить записки писать эта дама), что какъ она не ожидала отъ такого почтеннаго старца, какъ г. Зосима — *такого поступка!* Такъ вѣдь и написала: «поступка!» Тоже вѣдь озлилась; эхъ вы всѣ! Пстой! — внезапно прокричалъ онъ опять, вдругъ остановился и, придерживавъ руку за плечо, остановилъ и его:

— Знаешь, Алешка, — пытливо глядѣлъ онъ ему въ глаза, подъ впечатлѣніемъ внезапной новой мысли, вдругъ его охватившей, и хотъ самъ и смѣялся наружно, но видимо боясь говорить вслухъ эту новую внезапную мысль свою, до того все еще не могъ повѣрить чудному для него и никакъ неизвѣстному настроенію, въ которомъ видѣлъ теперь Алешу, — Алешка, знаешь куда мы всего лучше-бы теперь пошли? выгодно онъ, наконецъ, робко и искательно.

— Все равно... куда хочешь.

— Пойдемъ-ка къ Грушенькѣ, а? Пойдешь? весь даже дрожитъ робкаго ожиданія, изрекъ, наконецъ, Ракитинъ.

— Пойдемъ къ Грушенькѣ, спокойно и тотчасъ-же отвѣтилъ Алеша, и ужъ это было до того неожиданно для Ракитина, то такое скорое и спокойное согласіе, что онъ чуть было не отступилъ назадъ.

— Ну-ну!.. Вотъ! прокричалъ было онъ въ изумленіи, но вдругъ, вѣриво подхвативъ Алешу подъ руку, быстро повлекъ его по тропинкѣ, все еще ужасно опасаясь, что въ томъ исчезновеніи. Шли молча, Ракитинъ даже заговорить боялся.

интересоваться такою «раскрасавицей», въ какую превра-
щась въ четыре года Аграфена Александровна. Были только
то, что семнадцатилѣтнею еще дѣвочкой была она кѣмъ-то
двута, какимъ-то будто-бы офицеромъ, и затѣмъ тотчасъ-же
брошена. Офицеръ-де уѣхалъ и гдѣ-то потомъ женился, а
дѣнька осталась въ позорѣ и нищетѣ. Говорили, впрочемъ,
хотя Грушенька и дѣйствительно была взята своимъ стари-
комъ изъ нищеты, но что семейства была честнаго и происходила
изъ духовнаго званія, была дочь какого-то заштатнаго
дѣла или что-то въ этомъ родѣ. И вотъ, въ четыре года, изъ
сироты, обиженной и жалкой сироточки вышла румяная,
красивая русская красавица, женщина съ характеромъ смѣ-
лымъ и рѣшительнымъ, гордая и наглая, понимавшая толкъ въ
дѣлахъ, пріобрѣтательница, скупая и осторожная, правдами и
неправдами, но уже успѣвшая, какъ говорили про нее, сколотить
собственный капиталецъ. Въ одномъ только всѣ были убѣж-
дены: что въ Грушенькѣ доступъ труденъ, и что кромѣ старика,
покровителя, не было ни единого еще человѣка, во всѣ четыре
года, который-бы могъ похвалиться ея благосклонностью. Фактъ
былъ твердый, потому что на пріобрѣтеніе этой благосклонности
закладывало не мало охотниковъ, особливо въ послѣдніе два
года. Но всѣ попытки оказались втунѣ, а иные изъ искателей
уждены были отретироваться даже съ комическою и зазор-
натою развязкой, благодаря твердому и насмѣшливому отпору со
стороны характерной молодой особы. Знали еще, что молодая
женщина, особенно въ послѣдній годъ, пустилась въ то что назы-
вается «гешефтомъ», и что съ этой стороны она оказалась съ
необычайными способностями, такъ что подъ конецъ многіе про-
звали ее сущою жидовкой. Не то чтобъ она давала деньги въ
руки, но извѣстно было, на примѣръ, что въ компаніи съ Федо-
ромъ Павловичемъ Карамазовымъ она нѣкоторое время дѣйстви-
тельно занималась скупкою векселей за безцѣнокъ, по гривен-
нику за рубль, а потомъ пріобрѣла на иныхъ изъ этихъ векселей
полрублю на гривенникъ. Больной Самсоновъ, въ послѣдній годъ
жившійся употребленія своихъ распухшихъ ногъ, вдовецъ,
отецъ своихъ взрослыхъ сыновей, большой стотысячникъ, че-
ловѣкъ скарденый и неумолимый, подпалъ, однако-же, подъ
новое вліяніе своей протече, которую сначала было держалъ
въ перчаткахъ и въ черномъ тѣлѣ, «на постномъ
маслѣ», какъ говорили тогда зубоскалы. Но Грушенька успѣла
привлечь, внушивъ, однако-же, ему безграничное довѣріе

СОЧИНЕНІЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Ѣ ему вѣрности. Этотъ старикъ, большой (давно покойникъ), былъ тоже характера замѣчательнаго, скупъ и твердъ какъ камень, и хотъ Грушенька любила его, такъ что онъ и жить безъ нея не могъ (днѣ два года, напримѣръ, это такъ и было), но каждаго шага, значительнаго, онъ всетаки ей не отдѣлялъ, и если-бъ она пригрозила ему совсѣмъ его бросить, то и тогда остался неумолимъ. Но отдѣлялъ зато капиталъ малый, и когда узналось это, то и это стало всѣмъ на удивленіе. «Ты сама не промахъ, сказалъ онъ ей, отдѣлая ей тысячу съ всею самою орудуй, но знай, что вромѣ ежегоднаго содержанія прежнему, до самой смерти моей больше ничего отъ не получишь, да и въ завѣщаніи ничего больше тебѣ не отдамъ». Такъ и сдержалъ слово: умеръ и все оставилъ сыновьямъ, которыхъ всю жизнь держалъ при себѣ, наравнѣ какъ съ ихъ женами и дѣтьми, а о Грушенькѣ даже и не упоминалъ въ завѣщаніи вовсе. Все это стало извѣстно впоследствии. Совѣтами-же какъ орудовать «своимъ собственнымъ капиталомъ» онъ Грушенькѣ помогалъ не мало и указывалъ ей «дѣла». Бѣ Федоръ Павловичъ Карамазовъ, связавшійся первоначально Грушенькой по поводу одного случайнаго «гешефта», вотъ совсѣмъ для себя неожиданно тѣмъ, что влюбился въ нее по памяти, и какъ-бы даже умъ потерявъ, то старикъ Самсонъ уже дышавшій въ то время на ладонь, сильно подстрекалъ. Замѣчательно, что Грушенька была со своимъ старикомъ въ время ихъ знакомства вполне и даже какъ-бы сердечно привѣнна, и это, кажется, съ единственнымъ человѣкомъ въ городѣ. Въ самое послѣднее время, когда появился вдругъ съ любовью и Дмитрій Федоровичъ, старикъ пересталъ съ ней говорить. Напротивъ, однажды серьезно и строго посоветовалъ Грушенькѣ «Если ужъ выбирать изъ обоихъ, отца аль сына, то выбери старика, но съ тѣмъ, однако-же, чтобы старый подлецъ бѣжалъ и вѣрно на тебѣ женился, а предварительно хотъ пѣвотъ капиталъ отписалъ. А съ капитаномъ не якшайся, пусть будетъ». Вотъ были собственные слова Грушенькѣ старика-столюбца, предчувствовавшаго тогда уже близкую смерть самъ впрямь чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ совѣта сего умершаго. Знаю еще мелькомъ, что хотя у насъ въ городѣ даже многие знали про нелѣпное и уродливое соперничество Карамазовыхъ сыномъ, предметомъ котораго была Грушенька, во смысла ея отношеній къ обоимъ изъ нихъ, въ старѣ

кто тогда понималъ. Даже обѣ служанки Грушеньки (послѣ аэразившейся катастрофы, о которой еще рѣчь впереди) по-
 1 потому на судѣ, что Дмитрія Федоровича принимала Агра-
 Александровна изъ одного лишь страху, потому, будто-бы,
 1 убить грозился». Служанокъ у нея было двѣ, одна очень
 1 кухарка, еще изъ родительскаго семейства ея, больная и
 оглохшая, и внучка ея, молоденькая, бойкая дѣвушка лѣтъ
 1 Грушенькина горничная. Жила-же Грушенька очень
 1 въ обстановкѣ совсѣмъ небогатой. Было у ней во
 1 всего три комнаты, меблированныя отъ хозяйки древ-
 1 краснаго дерева мебелью, фасона двадцатыхъ годовъ. Когда
 1 къ ней Ракитинъ и Алеша, были уже полныя сумерки,
 1 комнаты еще не были освѣщены. Сама Грушенька лежала у
 1 въ гостиной, на своемъ большомъ, неуклюжемъ диванѣ со
 1 обитомъ кожей, давно
 1 стертую и продырявленную. Подъ головой у ней были
 1 пуховыя подушки съ ея постели. Она лежала навз-
 1 неподвижно протянувшись, заложивъ обѣ руки за голову.
 1 она пріодѣта, будто ждала кого, въ шелковомъ черномъ
 1 и въ легкой кружевной на головѣ наколкѣ, которая
 1 къ ней шла; на плечи была наброшена кружевная ко-
 1 , приколотая массивною золотою брошкой. Именно она
 1 ждала, лежала какъ-бы въ тоскѣ и въ нетерпѣннн, съ
 1 лько поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ горячими губами и глазами,
 1 сомъ правой ноги нетерпѣливо постукивая по ручкѣ дивана.
 1 только появились Ракитинъ и Алеша, какъ произошелъ
 1 маленькій переполохъ: слышно было изъ передней какъ
 1 нѣка быстро вскочила съ дивана и вдругъ испуганно про-
 1 : «Кто тамъ?» Но гостей встрѣтила дѣвушка и тотчасъ-
 1 влинулась барынѣ.

Да не онѣ-съ, это другіе, эти ничего.
 1 «то-бы у ней такое?» пробормоталъ Ракитинъ, вводя Алешу
 1 въ гостиную. Грушенька стояла у дивана, какъ-бы все
 1 испугъ. Густая прядь темнорусой косы ея выбилась
 1 изъ подъ наковки и упала на ея правое плечо но она
 1 вѣтила и не поправила, пока не взглянула въ гостей и не
 1 ихъ.

Ахъ, это ты, Ракитка? Испугалъ было меня всю. Съ
 1 ты это? Кто это съ тобой? Господи, вотъ кого привелъ!
 1 внула она, разглядѣвъ Алешу.

Да вели подать свѣчей-то! проговорилъ Ракитинъ съ раз-

ъ самаго короткаго знакомаго и близкаго
или... о даже право распоряжаться въ домѣ.
 свѣчей... конечно, свѣчей... Феня, принеси ему свѣч
 шель время его привести! воскликнула она опять
 на Алешу, и, оборотясь къ зеркалу, быстро начала
 руками вправлять свою косу. Она какъ будто была
 вольна.

— Аль не потрафилъ? спросилъ Равитинъ, мигомъ
 обидѣвшись.

— Испугалъ ты меня, Равитка, вотъ что, обернулась
 шенька съ улыбкой къ Алешѣ.— Не бойся ты меня, голубчикъ
 Алеша, страхъ какъ я тебѣ рада, гость ты мой неожиданный.
 А ты меня, Равитка, испугалъ: Я вѣдь думала, Митя лопнулъ.
 Видишь, я его давеча надула и съ него честное слово
 что-бы мнѣ вѣрилъ, а я нагала. Сказала ему, что къ Кузьмичу,
 къ старяку моему, на весь вечеръ уйду и буду
 нимъ до ночи деньги считать. Я вѣдь каждую недѣлю къ
 ухажу на весь вечеръ счета сводить. На замокъ запрещаю
 на счетахъ постукиваетъ, а я сижу—въ книги вписываю—
 ной мнѣ довѣряетъ. Митя-то и повѣрилъ, что я тамъ, а я
 дома заперлась — сижу, одной вѣсти жду. Какъ это васъ
 впустила! Феня, Феня! Бѣги къ воротамъ, отвори и оглянись
 гомъ, нѣтъ-ли гдѣ капитана-то? Можетъ, спрятался и выжи
 ваетъ, смерть боюсь!

— Никого нѣтъ, Аграфена Александровна, сейчасъ кругомъ
 оглянула, я и въ щелку подхожу гляжу поминутно, сама
 страхъ-трепетъ.

— Ставни заперты-ли, Феня, да занавѣсь-бы опусти
 вотъ такъ! Она сама опустила тяжелыя занавѣсы, — а ты
 огонь-то онъ какъ разъ налетитъ. Митю, брата твоего, да
 сегодня боюсь. Грушенька говорила громко, хотя и въ трепетѣ
 но и какъ будто въ какомъ-то почти восторгѣ.

— Почему такъ сегодня Митеньки боишься? освѣдомилъ
 китинъ, — кажется, съ нимъ не пуглива, по твоей дудкѣ пляшетъ.

— Говорю тебѣ, вѣсти жду, золотой одной такой вѣсти
 такъ что Митеньки-то и не надо-бы теперь вовсе. Да и не
 вѣрилъ онъ мнѣ, это чувствую, что я къ Кузьмѣ Кузьмичу
 шла. Должно быть, сидитъ теперь тамъ у себя, у Федора
 ловича на задахъ въ саду, меня сторожить. А кол
 сѣлъ, значить, сюда не придетъ, тѣмъ и лучше!
 Кузьмѣ Кузьмичу я и впрямь сбѣгала, Митя-же

сказала—до полночи посижу и чтобъ онъ-же меня безвременно пришелъ въ полночь домой проводить. Онъ ушелъ, минутъ десять у старика посидѣла, да и опять сюда, ухъ—бѣжала, чтобъ его не повстрѣчать.

— А разрядилась-то куда? Ишь вѣдь какой чепецъ на тебѣ вышитый?

— И ужь какой-же ты самъ любопытный, Ракитинъ! Готова тебѣ, такой одной вѣсточки жду. Придетъ вѣсточка, вскаполечу, только вы меня здѣсь и видѣли. Для того и разрядилась, чтобъ готовой сидѣть.

— А куда полетишь?

— Много знать будешь—скоро состаришься.

— Ишь вѣдь. Вся въ радости... Никогда еще я тебя не видѣла такую. Разодѣлась какъ на балъ, оглядывалъ ее Ракитинъ.

— Много ты въ балахъ-то понимаешь.

— А ты много?

— Я-то видала балъ. Третьяго года Кузьма Кузьмичъ сына привелъ, такъ я съ хоръ смотрѣла. Чтѣ-жь мнѣ, Ракитка, съ нимъ что-ли разговаривать, когда тутъ такой князь стоитъ. Ты такъ гость! Алеша, голубчикъ, гляжу я на тебя и не вѣрю; подожди, какъ это ты у меня появился! По правдѣ тебѣ сказать, я ждала, не гадала, да и прежде никогда тому не вѣрила, что ты могъ придти. Хоть и не та минутка теперь, а я страхъ въ рада! Садись на диванъ, вотъ сюда, вотъ такъ, мѣсяць ты молодой. Право, я еще какъ будто и не соображусь... Эхъ Ракитка, если-бы ты его вчера, али третьяго дня привелъ!.. да рада и такъ. Можетъ, и лучше, что теперь, подъ такую луну, а не третьяго дня...

Она рѣзво подсѣла къ Алешѣ на диванъ, съ нимъ рядомъ, глядѣла на него рѣшительно съ восхищеніемъ. И дѣйствительно была рада, не лгала, говоря это. Глаза ея горѣли, губы дрожали, но добродушно, весело смѣялись. Алеша даже и не смѣлъ отъ нея такого добраго выраженія въ лицѣ... Онъ началъ ее до вчерашняго дня мало, составилъ объ ней устарѣвшее понятіе, а вчера такъ страшно былъ потрясенъ ея злою и коварною выходкой противъ Катерины Ивановны и очень удивленъ, что теперь вдругъ увидалъ въ ней совсѣмъ бы иное и неожиданное существо. И какъ ни былъ онъ погруженъ своимъ собственнымъ горемъ, но глаза его невольно остановились на ней со вниманіемъ. Всѣ манеры ея какъ-бы смѣнились тоже со вчерашняго дня совсѣмъ къ лучшему: не

)

сочиненія е. м. достоевскаго.

вращеній слащавости въ выговорѣ почти б
ныхъ и манерныхъ движеній... все было
„ движенія ея были скорыя, прямыя, добры
Она очень возбуждена.

— Господи, зкія все вещи сегодня сбываются, право,
ла она опять. — И чего я тебѣ такъ рада, Алеша, са
знаю. Вотъ спроси, а я не знаю.

— Ну ужь и не знаешь чему рада? усмѣхнулся Ракитка
Прежде-то за чѣмъ нибудь приставадала-же ко мнѣ: приведи
приведи его, имѣла-же цѣль.

— Прежде-то я другую цѣль имѣла, а теперь то преш
такая минута. Подбивать я васъ стану, вотъ что Я тепе
добрѣла, Ракитка. Да садись и ты, Ракитка, чего стоишь
ты ужь сѣлъ? Небось, Ракитушка, себя не забудеть. Вот
теперь, Алеша, сидитъ тамъ противъ насъ, да и обижается
чѣмъ это я его прежде тебя не пригласила садиться Ухъ
чивъ у меня Ракитка, обидчивы! засмѣялась Грушенька. —
злась, Ракитка, нынѣ я добрая. Да чего ты грустенъ сид
Алешечка, аль меня боишься? съ веселою насмѣшкой загля
она ему въ глаза.

— У него горе. Чину не дали, пробасилъ Ракитинъ.

— Какого чину?

— Старецъ его пропахъ.

— Какъ пропахъ? Вздоръ ты какой-нибудь мелешь, а
ность какую-нибудь хочешь сказать. Молчи, дуракъ. Пус
меня, Алеша, на колѣни въ себѣ посидѣть, вотъ такъ! И
она мигомъ привскочила и прыгнула, смѣясь, ему на кол
какъ ласкающаяся кошечка, нѣжно правою рукой охватить
шею. — развеселю я тебя, мальчикъ ты мой богомольный! И
въ самомъ дѣлѣ, неужто позволишь мнѣ на колѣнкахъ у
посидѣть, не осердишься? Прикажешь—я соскочу.

Алеша молчалъ. Онъ сидѣлъ, боясь шевельнуться, онъ
шалъ ея слова: «прикажешь — я соскочу», но не отвѣ
какъ будто замеръ. Но не то въ немъ было, чего могъ-бы
и что могъ-бы вообразить въ немъ теперь, напримѣръ, хот
китинъ, плотоядно наблюдавшій со своего мѣста. Великое
души его поглощало всѣ ощущенія, какія только могли
даться въ сердцѣ его, и если только могъ-бы онъ въ сію м
дать себѣ полный отчетъ, то и самъ-бы догадался, что он
перь въ вѣрчайшей бронѣ противъ всякаго соблазна и
шенія. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всю смутную безот

шевного состоянія и на все угнетавшее его горе, онъ дѣвнлся невольно одному новому и странному ощущенію, шемуся въ его сердцѣ: эта женщина, эта «страшная» на не только не пугала его теперь прежнимъ страхомъ, мь, зарождавшимся въ немъ прежде при всякой мечтѣ о нѣ, если мелькала таковая въ его душѣ, но, напротивъ, нишна, которую онъ боялся болѣе всѣхъ, сидѣвшая у него ньяхъ и его обнимавшая, возбуждала въ немъ вдругъ те- овсѣмъ иное, неожиданное и особенное чувство, чувство -то необыкновеннаго, величайшаго и чистосердечнѣйшаго любопытства, и все это уже безо всякой боязни, безъ паго прежняго ужаса, — вотъ что было главное и что но удивляло его.

Да полно вздоръ-то вамъ болтать, закричалъ Ракитинъ, — не шампанскаго подавай, долгъ на тебѣ, сама знаешь!

Вправду долгъ. Вѣдь я, Алеша, ему за тебя шампан- сверхъ всего, обѣщала, коль тебя приведетъ. Катай шам- го и я стану пить! Оня, Оня, неси намъ шампанскаго, ылку, которую Митя оставилъ, бѣги скорѣе. Я хотъ и , а бутылку подамъ, не тебѣ, Ракитка, ты грибъ, а онъ И хотъ не тѣмъ душа моя теперь полна, а, такъ и быть, и я съ вами, дебоширить хочется!

Да что это у тебя за минута, и какая такая тамъ «вѣсть», спросить, аль секретъ? съ любопытствомъ ввернулъ опять нѣ, изо всей силы дѣлая видъ, что и вниманія не обра- на щелчки, которые въ него летѣли непрерывно.

Эхъ, не секретъ, да и самъ ты знаешь, озабоченно про- на вдругъ Грушенька, повернувъ голову къ Ракитину и всь немного отъ Алеши, хотя все еще продолжая сидѣть на колѣняхъ, рукой обнявъ его шею, — офицеръ ѣдетъ, нѣ, офицеръ мой ѣдетъ!

Слышалъ я, что ѣдетъ, да развѣ ужь такъ близко?

Въ Мокромъ теперь, оттуда сюда эстафетъ пришлетъ, самъ написалъ, давеча письмо получила? Сижу и жду га.

Вона! Почему въ Мокромъ?

Долго рассказывать, да и довольно съ тебя.

То-то Митенька-то теперь, — уй, уй! Онъ-то знаетъ, аль етъ?

Чего знаетъ! Совсѣмъ не знаетъ! Кабы узналъ, такъ бы. Да я этого теперь совсѣмъ не боюсь, не боюсь я те-

паян. 1. Молчи, Ракитка, не поминай мнѣ о Дашу
 цѣ онъ мнѣ все размозжилъ. Да не хочу
 мнѣ ооъ этомъ въ эту минуту и думать. Вотъ обѣ
 чкъ могу думать, я на Алешечку гляжу... Да усмѣхн
 еня, голубчикъ, развеселясь, на глупость-то мою,
 -то мою усмѣхнись... А вѣдь улыбнулся, улыбнулся
 она какъ смотрятъ. Я, знаешь, Алеша, все думала,
 -и з серднишься за третьеводнишнее, за барышню-то
 ка и была, вотъ что... Только, всетаия, хорошо оно, что
 вошло. И дурно оно было, и хорошо оно было, вдруг
 усмѣхнулась вдругъ Грушенька и какая-то жестовая ч
 мелькнула вдругъ въ ея усмѣшкѣ.—Митя сказывалъ, что
 чала: «Плетьми се надо!» Разобидѣла я тогда ее ужъ
 Зазвала меня, побѣдить хотѣла, шоколадомъ своимъ обман
 Нѣтъ, оно хорошо, что такъ произошло, усмѣхнулась она
 Да вотъ боюсь все, что ты осердился...

— А вѣдь и впрямь, съ серьезнымъ удивленіемъ
 вдругъ Ракитнякъ. — Вѣдь она тебя, Алеша, въ самомъ
 боится, цыпленка этакого.

— Это для тебя, Ракитка, онъ цыпленокъ, вотъ что
 тому что у тебя совѣсти нѣтъ, вотъ что! Я, видишь, я люблю
 душой, вотъ что! Вѣришь, Алеша, что я люблю тебя всею

— Ахъ ты безстыдница! Это она въ любви тебѣ, Ал
 объясняется!

— А что-жь, и люблю.

— А офицеръ? А вѣсточка золотая изъ Мокрого?

— То одно, а это другое.

— Вотъ какъ по бабьему выходить!

— Не зли меня, Ракитка, горячо подхватила Груше
 одно, а это другое. Я Алешу по яному люблю. Правда,
 была у меня на тебя мысль хитрая прежде. Да вѣдь я и
 я вѣдь неистовая, ну, а, въ другую минуту я, бывало,
 на тебя какъ на совѣсть мою смотрю. Все думаю: «вѣ
 какъ такой меня скверную презирать теперь долженъ». И тр
 дня это думала, какъ отъ барышни сюда бѣжала. Давно
 замѣтила такъ, Алеша, я Митя знаетъ, ему говорила. Вотъ
 такъ понимаетъ. Вѣришь-ли, иной разъ, право, Алеша,
 на тебя и стыжусь, всеѣ себя стыжусь... И какъ это
 тебѣ думать стала и съ которыхъ поръ, не знаю и не

Вошла Феня и поставила на столъ подвось, на семь
 пореннюю бутылку и три налитые бокала.

Шампанское принесли! прокричалъ Ракитинъ,—возбужденно, Аграфена Александровна, и вѣ себя. Бокаль выпьешь, и пойдешь. Э-эхъ, и того не сумѣли сдѣлать, прибавила, разглядывая шампанское. — Въ кухнѣ старуха разбутылку безъ пробки принесли, и теплое. Ну, давай же.

Подождалъ къ столу, взялъ бокаль, выпилъ залпомъ и себѣ другой.

[а шампанское-то не часто нарвешься, проговорилъ онъ, улыбаясь,—нутка, Алеша, бери бокаль, покажи себя. За что пить? За райскія двери? Бери, Груша, бокаль, пей и райскія двери?

а какія это райскія двери?

взяла бокаль, Алеша взялъ свой отпилъ глотокъ и поставилъ бокаль назадъ.

[ѣтъ, ужь лучше не надо! улыбнулся онъ тихо.

и хвалился! крикнулъ Ракитинъ.

[у и я, коли такъ, не буду, подхватила Грушенька, — хочется. Пей, Ракитка, одинъ всю бутылку. Выпьетъ и я тогда выпью.

Мелочныя нѣжности пошли! поддразнилъ Ракитинъ. — А колѣнкахъ у него сидитъ! У него, положимъ, горе, а что? Онъ противъ Бога своего взбунтовался, колбасу и жрать...

то такъ?

старецъ его померъ сегодня. старецъ Зосима, святой.

какъ умеръ старецъ Зосима, воскликнула Грушенька, — а я того и не знала!—Она набожно перекрестилась. —

да что-же я, а я-то у него на колѣнкахъ теперь сижу! и она вдругъ, какъ въ испугѣ, мигомъ соскочила съ кресла и пересѣла на диванъ. Алеша длинно съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее и на лицѣ его какъ будто что засвѣтилось. Ракитинъ, проговорилъ онъ вдругъ громко и твердо, — и ты меня, что я противъ Бога моего взбунтовался. Не смѣй ты лобызать меня, а потому будь и ты добрее. Ты знаешь такое сокровище, какого ты никогда не имѣлъ, и ты не можешь судить меня. Посмотри лучше сюда на Грушеньку, какъ она меня пощадила? Я шелъ сюда злую душу, а такъ влекло меня самого къ тому, потому что я былъ золъ, а нашелъ сестру искреннюю, нашелъ сокровище—любовь... Она сейчасъ пощадила меня... Аграфена Алек-

сандровка. — Про тебя говорю. Ты мою душу сейчас же повела.

У Алеши затряслись губы и стѣснилось дыханіе. Онъ повелся.

— Будто ужъ такъ и спасла тебя! засмѣялся Ракитинъ злобно. — А она тебя проглотить хотѣла, знаешь ты это?

— Стой, Ракитка! вскочила вдругъ Грушенька, — вы оба. Теперь я все скажу: ты, Алеша, молчи, потому что твоихъ такихъ словъ меня стыдъ беретъ, потому что я не добрая. — вотъ я кабая. А ты, Ракитка, молчи потому, что ты лжешь. Была такая подлая мысль, что хотѣла его убить, а теперь ты лжешь, теперь вовсе не то... и чтобъ больше совсѣмъ не слыхала, Ракитка! Все это Грушенька говорила съ необыкновеннымъ волненіемъ.

— Ишь вѣдь оба бѣсятся! прошипѣлъ Ракитинъ, съ леніемъ разсматривая ихъ обонхъ, — какъ помѣшанные, а я въ сумасшедшій домъ попалъ. Разслабѣли обоюдно, а сейчасъ начнутъ!

— И начну плакать, и начну плакать! приговаривала Грушенька, — онъ меня сестрой своей называлъ, и я никогда впредь не забуду! Только вотъ что, Ракитка, я хоть и не всетаки я луковку подала.

— Какую такую луковку? Фу, чортъ, да и впрямь помѣши-

Ракитинъ удивлялся на ихъ восторженность и обонхъ злился, хотя и могъ-бы сообразить, что у обонхъ какъ сошлось все, что могло потрясти ихъ души такъ, какъ бываетъ это не часто въ жизни. Но Ракитинъ, умѣвшій такъ чувствительно понимать все, что касалось его самого, очень грубъ въ пониманіи чувствъ и ощущеній ближнихъ, — отчасти по молодой неопытности своей, а отчасти по великому своему эгоизму.

— Видишь, Алешечка, нервно разсмѣялась вдругъ Грушенька, обращаясь къ нему, — это я Ракиткѣ похвалилась луковку подала, а тебѣ не похваляюсь, я тебѣ съ яной и это скажу. Это только басня, но она хорошая басня, а ее дитой была, отъ моей Матрены, что теперь у меня въ рукахъ служить, слышала. Видишь какъ это. «Жила была баба, злющая-презлющая, и померла. И не осталось ни одной добродѣтели. Схватили ее черти и кинули въ озеро. А Ангель-хранитель ея стоитъ да и думаетъ: мнѣ такую добродѣтель ея припомнить, чтобы Богъ

...и говорить Богу: она, говоритъ, въ огородѣ луковку
 вынула и нищенкѣ подала. И отвѣчаетъ ему Богъ: возьми-жь
 говоритъ, эту самую луковку, протяни ей въ озеро, пусть
 тянется и тянется, и коли вытянешь ее вонъ изъ озера, то
 въ рай идетъ, а оборвется луковка, то тамъ и оставаться
 гдѣ теперь. Побѣжалъ Ангелъ къ бабѣ, протянулъ ей лу-
 ковку: на, говоритъ, баба, схватись и тянись. И сталъ онъ ее осто-
 рожно тянуть, и ужь всю было вытянулъ, да грѣшники прочіе въ-
 сѣ, какъ увидали, что ее тянуть вонъ, и стали всѣ за нее хва-
 лить, чтобъ и ихъ вмѣстѣ съ нею вытянули. А баба-то была
 зло-презлющая, и почала она ихъ ногами брыкать: «Меня
 хвалятъ, а не васъ, моя луковка, а не ваша». Только что она
 выговорила, луковка-то и прорвалась. И упала баба въ озеро
 и по сей день. А Ангелъ заплакалъ и отошелъ. Вотъ
 эта басня, Алеша, наизусть запомнила, потому что сама я
 въ эту самую баба злющая. Ракиткѣ я похвалилась, что лу-
 ковку подала, а тебѣ иначе скажу: *всею-то* я луковку какую-
 нибудь во всю жизнь мою подала, всего только на мнѣ и есть
 родители. И не хвали ты меня послѣ того, Алеша, не почитай
 меня доброю, злая я, злющая презлющая, а будешь хвалить въ
 рай введешь. Эхъ, да ужь покаюсь совсѣмъ. Слушай, Алеша:
 я столько желала къ себѣ залучить и столько приставала къ
 Ракиткѣ, что ему двадцать пять рублей пообѣщала, если тебя ко
 мнѣ приведетъ. Стой, Ракитка, жди! Она быстрыми шагами по-
 шла къ столу, отворила ящикъ, вынула портмоне, а изъ него
 пяти-пятирублевую кредитку.

— Экой вздоръ! Экой вздоръ! восклицалъ озадаченный Ра-
 китинъ.

— Принимай, Ракитка, долгъ, не бось не откажешься, самъ
 вынулъ.—И швырнула ему кредитку.

— Еще-бъ отказаться, пробасилъ Ракитинъ, видимо сконфу-
 зился, но молодцовато прикрывая стыдъ,—это намъ вельми
 вѣруку будетъ, дураки и существуютъ въ профитъ умному
 бѣду.

— А теперь молчи, Ракитка, теперь все что буду говорить,
 въ твоихъ ушей будетъ. Садись сюда въ уголъ и молчи, не
 смей ты насъ, и молчи.

— Да за что мнѣ любить-то васъ? не скрывая уже злобы,
 гуделъ Ракитинъ. Двадцати-пятирублевую кредитку онъ су-
 чилъ карманъ и предъ Алешей ему было рѣшительно стыдно.
 считывалъ получить плату послѣ, такъ чтобы тотъ и не

СОЧИНЕНІЯ О. М. ДОСТОВЬСКАГО.

серъ отъ стыда озлился. До сей минуты онъ политичнымъ не очень противорѣчить Грушенькѣ на всѣ ея щелчки, ибо видно было, что она имѣла надъ нимъ какую-то власть. Но теперь и онъ разсердился. — Любить за что нибудь, а вы что мнѣ сдѣлали? — А ты ни за что люби, вотъ какъ Алеша любитъ! — А чѣмъ онъ тебя любитъ, и что онъ тебѣ говоритъ, что ты носилась?

Грушенька стояла среди комнаты, говорила съ жаромъ, голосъ ея слышались истерическія нотки.

— Молчи, Рахитка, не понимаешь ты ничего у насъ смѣй ты мнѣ впредь ты говорить, не хочу тебѣ позволю чего ты такую смѣлость взяла, вотъ что! Садись въ уголъ молчи какъ мой лакей! А теперь, Алеша, всю правду тебѣ одному скажу, чтобы ты видѣлъ какая я тварь! И китица, а тебѣ говорю. Хотѣла я тебя погубить, Алеша, это великая, совсѣмъ положила; до того хотѣла, что и деньгами подкупила, чтобы тебя привела. И изъ чего ты такъ захотѣла? Ты, Алеша, и не зналъ ничего, отъ меня рачивался, пройдеши—глаза опустишь, а я на тебя стою до сего глядѣла, всѣхъ спрашивать объ тебѣ начала. Лишь у меня въ сердцѣ осталось: «Презираетъ онъ меня, думаетъ даже на меня не захочетъ». И такое меня взяло подъ конецъ, что сама себя удивляюсь; чего я мальчишка боюсь? Проглочу его всего и смѣяться буду. Иди сюда совсѣмъ. Вѣришь-ли тому; никто-то здѣсь не смѣетъ и подумать, чтобы къ Аграфенѣ Александровнѣ зайти этимъ дѣломъ прйдти; старикъ одинъ только тутъ у меня и она я ему и продана, сатана насъ вѣнчалъ, зато изъ дружки никто. Но на тебя глядя, положила; его проглочу. Проглочу и смѣяться буду. Видишь, какая я злая собака, которую такъ твой отецъ назвалъ! Вотъ теперь пріѣхалъ этотъ обидчикъ сижу теперь и жду вѣсти. А знаешь, чѣмъ былъ мнѣ этотъ обидчикъ? Пять лѣтъ тому какъ завезъ меня сюда Кузьма, я сижу, бывало, отъ людей хоронюсь, чтобы меня не слышали, тоненькая, глупенькая, сижу да рыдаю, но пролетъ не сплю—думаю: «И ужь гдѣ-жъ онъ теперь обидчикъ? Смѣется, должно быть, съ другою надо мной, а-жъ его, думаю только-бы увидѣть его, встрѣтить его, ужь я-жъ ему отплачу, ужь я-жъ ему отплачу!» Ночью потъ рыдаю въ подушку и все это передумаю, сердце мое

нарочно, злобой его утоляю: «Ужь я-жь ему, ужь я-жь отплачу!» Такъ, бывало, и закричу въ темнотѣ. Да какъ мною вдругъ, что ничего-то я ему не сдѣлаю, а онъ-то надо мнѣ сейчасъ теперь, а, можетъ, и совсѣмъ забылъ и не по-мню, такъ кинусь съ постели на полъ, заляжусь безсиленною и трясусь-трясусь до разсвѣта. Поутру встану злѣе собою, рада весь свѣтъ проглотить. Потомъ что-жь ты думаешь: я капиталъ вопить, безъ жалости сдѣлалась, растолстѣла, дурачина ты думаешь, а? Такъ вотъ нѣтъ-же, никто того не знаетъ и не знаетъ во всей вселенной, а какъ сойдетъ мракъ мой, все также какъ и дѣвчонкой, пять лѣтъ тому, лежу въ разъ, скрежещу зубами и всю ночь плачу: «Ужь я-жь ему, ужь я-жь ему», думаю! Слышалъ ты это все? Ну такъ какъ-бы теперь понимаешь меня: мѣсяць тому приходитъ ко мнѣ въ это самое письмо: ѣдетъ онъ, овдовѣлъ, со мной пови-дѣться хочетъ. Духъ у меня тогда весь захватило, Господи, да-же и подумала; а прѣдетъ да свиснетъ мнѣ, позоветъ меня, я какъ собаченка къ нему поползу битая, виноватая! Думаю и сама себѣ не вѣрю: «Подлая я, аль не подлая, побѣгу я къ нему, аль не побѣгу?». И такая меня злость взяла теперь на себя во весь этотъ мѣсяць, что хуже еще чѣмъ пять лѣтъ. Видишь-ли теперь, Алеша, какая я неистовая, какая я глупая, всю тебѣ правду выразила! Митей забавлялась, чтобы ему не бѣжать. Молчи, Ракитка, не тебѣ меня судить, не тебѣ пла-ла. Я теперь до вашего прихода лежала здѣсь, ждала, и судьбу мою всю разрѣшала, и никогда вамъ не узнать, что у въ сердцѣ было. Нѣтъ, Алеша, скажи своей барышнѣ, чтобъ въ третеводнишнее не сердилась!.. И не знаетъ никто во всемъ каково мнѣ теперь, да и не можетъ знать... Потому я, можетъ сегодня туда съ собой ножъ возьму, я еще того не рѣшила... вымолвивъ это «жалкое» слово, Грушенька вдругъ не вы-шла, не докончила, закрыла лицо руками, бросилась на ди-въ подушки и зарыдала какъ малое дитя. Алеша всталъ съ и подошелъ къ Ракитину.

— Миша, проговорилъ онъ, — не сердись. Ты обиженъ ею, в сердись. Слышалъ ты ее сейчасъ? Нельзя съ души чело-сто-лько спрашивать, надо быть милосерднѣе.

Алеша проговорилъ это въ неудержимомъ порывѣ сердца. Ему было высказаться и онъ обратился къ Ракитину. Если-бъ не Ракитина, онъ сталъ-бы восклицать одинъ. Но Ракитинъ цѣль насмѣшливо и Алеша вдругъ остановился.

СОЧИНЕНІЯ О. М. ДОСТОЕВСКАГО.

то тебя твоимъ старцемъ давеча зарядили и теперь ордемъ въ меня и выпалилъ, Алешенька Божій чортъ! — ненавистною улыбкой проговорилъ Ракитинъ. Не смѣйся, Ракитинъ; не усмѣхайся, не говори про ва: онъ выше всѣхъ кто былъ на землѣ! съ плачемъ въ прокричалъ Алеша. — Я не какъ судья тебѣ всталъ и нтъ, а самъ какъ послѣдній изъ подсудимыхъ. Кто я передъ І шель сюда чтобы погноруль и говорилъ. «пусть, пусть!» изъ-за моего малодушія, а она, черезъ пять лѣтъ муки, что кто-то первый пришелъ и ей искреннее слово сказала — простила, все забыла и плачетъ! Обидчикъ ея воротился, зор ее, и она все прощаетъ ему и спѣшить къ нему въ радость не возьметъ ножа, не возьметъ! Нѣтъ, я не таковъ. Я не таковъ-ли ты, Миша, но я не таковъ. Я сегодня, сейчасъ урокъ получилъ... Она выше любовью чѣмъ мы... Слышалъ-ж отъ нея прежде то, что она рассказала теперь? Нѣтъ, не б шалъ; если-бы слышалъ, то давно-бы все понялъ... и другая женная третьяго дня, и та пусть простить ее! И простить и узнаеть... и узнаеть... Эта душа еще не примиренная, надо дить ее... въ душѣ этой можетъ быть сокровище...

Алеша замолкъ, потому что ему пересѣкло дыханіе. Ракитинъ, не смотря на всю свою злость, глядѣлъ съ удивленіемъ. Никогда не ожидалъ онъ отъ тахаго Алеша такой тирады.

— Вотъ адвокатъ проявился! Да ты влюбился въ нее, ли? Аграфена Александровна, вѣдь-то постникъ нашъ и враня тебя влюбился, побѣдила! прокричалъ онъ съ наглымъ свѣтъ

Грушенька подняла съ подушка голову и поглядѣла Алешу съ умиленною улыбкой, засіявшею на ея какъ-то въ распухшемъ отъ сейчасныхъ слезъ лицѣ.

— Остань ты его, Алеша, херувимъ ты мой, видишь, какой, нашелъ кому говорить. Я, Михаилъ Осиповичъ, обр лась она къ Ракитину. — хотѣла было у тебя прошенія по сить зато, что обругала тебя, да теперь опять не хочу. Ам подв ко мнѣ, сядь сюда, манила она его съ радостною улы воть такъ, воть садись сюда, скажи ты мнѣ (она взяла ея руку и заглядывала ему, улыбаясь, въ лицо), — скажи ты люблю я того или нѣтъ? Обидчика-то моего, люблю или н Лежала я до васъ здѣсь въ темнотѣ, все допрашивала сам люблю я того или нѣтъ? Разрѣши ты меня, Алеша пришло, что положяшь, такъ и будетъ. Простить мнѣ нѣтъ?

— Да вѣдь ужь простила, улыбаясь, проговорилъ Алеша.
 — А и впрямь простила, вдумчиво произнесла Грушенька.—
 'вѣдь подлое сердце! За подлое сердце мое! схватила она
 съ стола бокалъ, разомъ выпила, подняла его и съ роз-
 бросила на полъ. Бокалъ разбился и зазвенѣлъ. Какая-то
 окая черточка мелькнула въ ея улыбкѣ.

— А вѣдь, можетъ, еще и не простила, какъ-то грозно
 сказала она, опустивъ глаза въ землю, какъ будто одна
 съ собой говорила.—Можетъ, еще только собирается сердце
 жить. Поборюсь еще съ сердцемъ-то. Я, видишь, Алеша,
 и мой пятнадцатилѣтній страхъ полюбила... Я, можетъ, только
 у мою и полюбила, а не его вовсе!

— Ну, не хотѣлъ-бы я быть въ его кожѣ! прошипѣлъ Ракитинъ.

— И не будешь, Ракитка, никогда въ его кожѣ не будешь.
 нѣ башмаки будешь шить, Ракитка, вотъ я тебя на какое
 употреблю, а такой какъ я тебѣ никогда не видать... Да
 у, можетъ, не увидать...

— Ему-то? А нарядилась-то зачѣмъ? эхидно поддразнилъ
 гнѣнь.

— Не кори меня нарядомъ, Ракитка, не знаешь еще ты
 моего сердца! Захочу и сорву нарядъ, сейчасъ сорву, сию
 гу, звонко прокричала она.—Не знаешь ты для чего этотъ
 гъ, Ракитка! Можетъ, выйду къ нему и скажу: «Видалъ
 снѣя такую, аль нѣтъ еще?» — Вѣдь онъ меня семнадцати-
 лѣтнюю, тоненькую, чахоточную плаксу оставилъ. Да подсяду
 ему, да обольщу, да разожгу его: «Видалъ ты, какова я
 я, скажу, ну такъ и оставайся при томъ, милостивый го-
 бь, по усамъ текло, а въ ротъ не попало!» — вотъ вѣдь къ
 можетъ, этотъ нарядъ, Ракитка, закончила Грушенька со
 ымъ смѣшкомъ.—Неистовая я, Алеша, яростная. Сорву я
 нарядъ, изувѣчу я себя, мою красоту, обожгу себѣ лицо и
 жу ножомъ, пойду милостыню просить. Захочу и не пойду я
 въ никуда и ни къ кому, захочу завтра-же отошлю Кузьмѣ
 то онъ мнѣ подарилъ и всѣ деньги его, а сама на всю жизнь
 нищей поденной пойду!.. Думаешь, не сдѣлаю я того, Ра-
 я, не посмѣю сдѣлать? Сдѣлаю, сдѣлаю, сейчасъ могу сдѣ-
 лать не раздражайте только меня... а того прогоню, тому шишь
 ну, тому меня не видать!

Слѣднія слова она истерически прокричала, но не выдер-
 жавъ, закрыла руками лицо, бросилась въ подушку и опять
 плакала отъ рыданій. Ракитинъ всталъ съ мѣста:

сказалъ онъ, — поздно, въ монастырь не

7

и она такъ и вскочила съ мѣста.

— Да нушто-жь ты уходить, Алеша, хочешь! востона въ горестномъ изумленіи.—да что-жь ты надо мною дѣлаешь: всю воззвалъ, истерзалъ и опять теперь эта ночь мнѣ одной оставаться!

— Не почевать-же ему у тебя? А коли хочеть—пусть одинъ уйду! язвительно подшутялъ Ракишнякъ.

— Молчи, злая душа, яростно крикнула ему Грушенька никогда ты мнѣ такихъ словъ не говоришь, какія онъ и шелъ сказать.

— Что онъ такое тебѣ сказалъ? раздражительно спросила Ракишнякъ.

— Не знаю я, не вѣдаю, ничего не вѣдаю, что онъ кое сказалъ, сердцу свазалось, сердце онъ мнѣ перевернулъ. Пожалѣлъ онъ меня первый, единственный, вотъ что! Зачѣмъ ты вимъ, не приходилъ прежде, упала вдругъ она предъ твоими колѣни, какъ-бы въ изступленіи. —Я всю жизнь такого, какъ ждала, знала, что кто-то такой придетъ и меня простить. И что и меня кто-то полюбитъ, гадкую, не за одинъ только

— Что я тебѣ такого сдѣлалъ, умиленно улыбаясь, спросила Алеша, нагнувшись къ ней и нѣжно взявъ ее за руки,—я тебѣ подаль, одну самую малую луковку, только, только!

И, проговоривъ, самъ заплакалъ. Въ эту минуту въ вдругъ раздался шумъ, кто-то вошелъ въ переднюю; Грушенька вскочила какъ-бы въ страшномъ испугѣ. Въ комнату съ шумомъ и крикомъ вбѣжала Феня.

— Барыня, голубушка, барыня, эстафетъ прискакала вликала она весело и запыхавшись.—Тарантасъ изъ Мокшанами, Тимошей ямщикъ на тройкѣ, сейчасъ новыхъ лошадей дожать... Письмо, письмо, барыня, вотъ письмо!

Письмо было въ ея рукѣ и она все время, пока кричала хала имъ по воздуху. Грушенька выхватила отъ нея письмо и поднесла къ свѣчкѣ. Это была только записочка, нѣсколько въ одинъ мигъ она прочла ее.

— Кликнулъ! прокричала она вся блѣдная, съ перекосомъ отъ болѣзненной улыбки лицомъ,—свистнулъ! Ползи, соб

Но только мигъ одинъ простояла какъ-бы въ нерѣшительности вдругъ кровь бросилась въ ея голову и залила ея щеки

— Ыду! воскликнула она вдругъ.—Пять монхъ лѣтъ

«Прощай, Алеша, рѣшена судьба,.. Ступайте, ступайте, ступайте отъ меня теперь всѣ, чтобъ я уже васъ не видала!.. Поле- Грушенька въ новую жизнь... Не поминай меня лихомъ и Ракитка. Можетъ, на смерть иду! Ухъ! Словно пьяная! Она вдругъ бросила ихъ и побѣжала въ свою спальню.

«Ну, ей теперь не до насъ! проворчалъ Ракитинъ.—Идемъ, пожалуй, опять этотъ бабій крикъ поидетъ, надоѣли ужъ эти слезные крики...

Алеша далъ себя машинально вывести. На дворѣ стоялъ табуль, выпрягали лошадей, ходили съ фонаремъ, суетились. Въ конныя ворота вводили свѣжую тройку. Но только что сошли и Ракитинъ съ крыльца, какъ вдругъ отворилось окно изъ спальни Грушеньки и она звонкимъ голосомъ прокричала вслѣдъ имъ:

«Алешечка, поклонись своему братцу Митенькѣ, да скажи чтобы не поминалъ меня, злодѣйку свою, лихомъ. Да пере- ему тоже моими словами: «Подлецу досталась Грушенька, а ты, благородному!» Да прибавь ему тоже, что любила его Гру- ша одинъ часокъ времени, только одинъ часокъ всего и лю- —такъ чтобъ онъ этотъ часокъ всю жизнь свою отселева- етъ, такъ, дескать, Грушенька на всю жизнь тебѣ заказала!.. Она закончила голосомъ полнымъ рыданій. Окно захлопну-

«Гм! Гм! промычалъ Ракитинъ, смѣясь,—зарѣзала братца- ку, да еще велитъ на всю жизнь свою помнить. Экое пло-

Алеша ничего не отвѣтилъ, точно и не слышалъ; онъ шелъ Ракитина скоро, какъ-бы ужасно спѣша; онъ былъ какъ-бы бытъя, шелъ машинально. Ракитина вдругъ что-то укололо, у ранку его свѣжую тронули пальцемъ. Совсѣмъ не того онъ давеча, когда сводилъ Грушеньку съ Алешей; совсѣмъ случилось, а не то чего-бы ему очень хотѣлось.

Полякъ онъ, ея офицеръ этотъ, заговорилъ онъ опять, шаясь,—да и не офицеръ онъ вовсе теперь, онъ въ та- чиновникомъ въ Сибири служилъ гдѣ-то тамъ на Китай- границѣ, должно быть, какой поляченочекъ мозглявенькій. говорятъ, потерялъ. Прослышалъ теперь, что у Гру- капиталъ завелся, вотъ и вернулся, — въ томъ и всѣ

на опять точно не слышалъ. Ракитинъ не выдержалъ: что-жъ, обратилъ грѣшницу? злобно засмѣялся онъ

СОЧИШЕНІЯ О. М. ДОСТОВЕВСКАГО.

уднищу на путь истины обратилъ? Сего
Зотъ они гдѣ, наши чудеса-то давешнія, омы

тѣ рашалсы!

— Перестань, Ракитинъ, со страданіемъ въ душѣ е
Алеша.

— Это ты теперь за двадцать пять рублей меня д
«презираешь?» Продалъ, дескать, истиннаго друга. Да я
не Христосъ, а я не Іуда.

— Ахъ, Ракитинъ, увѣряю тебя, я и забылъ объ
воскликнулъ Алеша—самъ ты сейчасъ напомнилъ...

Но Ракитинъ озлился уже окончательно.

— Да чортъ васъ дери всѣхъ и каждаго! завопи
вдругъ,—я зачѣмъ я, чортъ, съ тобою связался! Знать
не хочу больше отселева. Пошелъ одишь, вонъ твоя до

И онъ круто повернулъ въ другую улицу, оставивъ
одного во мракѣ. Алеша вышелъ изъ города и пошелъ
къ монастырю.

IV.

Нана Галилейская.

Было уже очень поздно по монастырскому, когда
пришелъ въ скитъ; его пропустилъ привратникъ особы
темъ. Пробыло уже девять часовъ,—часъ общаго отд
покая послѣ столь тревожнаго для всѣхъ дня. Алеша
отворилъ дверь и вступилъ въ келью старца, въ котор
перъ стоялъ гробъ его. Кромѣ отца Паксія, уединенно
шаго надъ гробомъ Евангеліе, и юноши послушника По
утомленнаго вчерашнею ночью бесѣдой и сегодняшней
и спавшаго въ другой комнатѣ на полу своимъ крѣпк
лодымъ сномъ, въ кельѣ никого не было. Отецъ Паксі
и слышалъ, что вошелъ Алеша, но даже и не посмотрѣ
его сторону. Алеша повернулъ вправо отъ двора въ
сталъ на колѣни и началъ молиться. Душа его была не
вена, но какъ-то смутно, и ни одно ощущеніе не выдѣ
слишкомъ сказываясь, напротивъ, одно вытѣсняло дру
какомъ-то тихомъ, ровномъ коловращеніи. Но сердцу
сладко и странно, Алеша не удивлялся тому. Опять
онъ предъ собою этотъ гробъ, этого закрытаго кругомъ,
цѣннаго ему мертвеца, но плачущей, воющей, мучительн

было въ душѣ его, какъ давеча утромъ. Предъ гро-
мъчасъ войдя, онъ палъ какъ предъ святыней, но ра-
дость сіяла въ умѣ его и въ сердцѣ его. Одно окно
ло отперто, воздухъ стоялъ свѣжій и холодноватый,—
духъ сталъ еще сильнѣе, коли рѣшились отворить
думалъ Алеша. Но и эта мысль о тлетворномъ духѣ,
ся ему еще только давеча столь ужасною и безслав-
подняла теперь въ немъ давешней тоски и давешняго
сія. Онъ тихо началъ молиться, но вскорѣ самъ по-
мъ, что молится почти машинально. Обрывки мыслей
въ душѣ его, загорались какъ звѣздочки и тутъ-
смѣняясь другими, но зато царило въ душѣ что-то
сердое, утѣляющее, и онъ признавалъ это самъ. Иногда
енно начиналъ молитву, ему такъ хотѣлось благода-
юбить... Но, начавъ молитву, переходилъ вдругъ на что-
другое, задумывался, забывалъ и молитву, и то чѣмъ
ь ее. Сталъ было слушать, что читалъ отецъ Паисій,
енный очень, мало по малу началъ дремать...

*въ третій день бракъ бысть въ Канѣ Галилейстѣй,
тецъ Паисій, и бѣ Мати Иисусова ту. Званъ-же бысть
ученица ея на бракъ».*

ракъ? Что это... бракъ... неслось какъ вихрь въ умѣ
— у ней тоже счастье... поѣхала на пиръ... Нѣтъ, она
ножа, не взяла ножа... Это было только «жалкое»
ту... жалкія слова надо прощать, непременно. Жалкія
цать душу... безъ нихъ горе было-бы слишкомъ тя-
юдей. Ракитинъ ушелъ въ переулочекъ. Пока Ракитинъ
думать о своихъ обидахъ, онъ будетъ всегда уходить
ловъ... А дорога... дорога-то большая, прямая, свѣтлая,
лая и солнце въ концѣ ея... А?... что читаютъ?

*не доставиши вина, глагола Мати Иисусова къ Нему:
смутъ»... слышалось Алешѣ.*

тъ да, я тутъ пропустилъ, а не хотѣлъ пропускать, я
о люблю: Это Кана Галилейская, первое чудо... Ахъ,
ахъ, это милое чудо. Не горе, а радость людскую
Христосъ, въ первый разъ сотворяя чудо, радости
помогъ... «Кто любитъ людей, тотъ и радость ихъ лю-
Это повторялъ повойникъ поминутно, это одна изъ
ихъ мыслей его была... Безъ радости жить нельзя,
Митя... Да, Митя... Все, что истинно и прекрасно,
дно всепрощенія,—это опять-таки онъ говорилъ...

«...Глагола ей Иисусъ: что есть Милъ и тебѣ, ѿ у прииде часъ Мой. Глагола Мати Ею слышала: ѿ малолетъ вамъ, сотворите»...

— Сотворите... Радость, радость какнхъ-нибудь ѿ очень бѣдныхъ людей... Ужъ конечно, бѣдныхъ, коли свадьбу вина не достало... Вонъ пишутъ историки, что озера Геннисаретскаго и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ разселены тогда самое бѣднѣйшее населеніе, какое только можно жить... И знало-же другое великое сердце другаго великаго вѣдѣщаго, бывшаго тутъ-же, Матери Ею, что не для однаго великаго страшнаго подвига Своего сошелъ Онъ тогда доступно сердцу Ею и простодушное немудрое веселіе и нѣбудь темныхъ, темныхъ и не хитрыхъ существъ, двѣ звавшихъ Ею на убогій бракъ ихъ. «Не пришелъ еще часъ Онъ говоритъ съ тихою улыбкой (непремѣнно улыбкой вротко)... Въ самомъ дѣлѣ, неужто для того, чтобъ умножить на бѣдныхъ свадьбахъ, сошелъ Онъ на землю? А вотъ по и сдѣлалъ-же по Ея просьбѣ... Ахъ, онъ опять читаетъ

«...Глагола имъ Иисусъ: напоиште водоносн воды помниша ихъ до верха.

«И глагола имъ: почерпните мнѣ и принесите архінови, и принесоша.

«Якоже вкуси архітриклінъ вина бывшаю отъ водъ вдѣше откуду есть: слыш-же вдѣху почерпшии воду: и жениха архітриклінъ:

«И глагола ему: всякъ человекъ прежде доброе вино гаетъ, и егда упиются, тогда худшее: ты же соблюлъ еси вино досель».

— Но что это, что это? Почему раздвигается комната да... вѣдь это бракъ, свадьба... да, конечно. Вотъ и гости молодые сидятъ, и веселая толпа и... гдѣ-же премудрый Архивъ? Но кто это? Кто? Опять раздвинулась комната... Есть тамъ изъ-за большаго стола? Какъ.. И онъ здѣсь? Онъ во гробѣ... Но онъ и здѣсь... всталъ, увидалъ меня сюда... Господи!..

Да, къ нему, къ нему подошелъ онъ, сухенькій старикъ мелкими морщинками на лицѣ, радостный и тихо съ Гроба ужъ вѣтъ, и онъ въ той-же одеждѣ, какъ и вчера съ ними, когда собрались къ нему гости. Лицо все открытъ сіяютъ. Какъ-же это, онъ, стало быть, тоже на царѣ, тоже на бракъ въ Канѣ Галилейской...

— Тоже, милый, тоже званъ, званъ и призванъ, раздается нимъ тихій голосъ.—Зачѣмъ сюда сخورонился, что не ви-тебя... пойдѣмъ и ты къ намъ.

Голосъ его, голосъ старца Зосимы... Да и какъ-же не онъ, завоетъ? Старецъ приподнялъ Алешу рукой, тотъ поднялся одинъ.

— Веселился, продолжаетъ сухенькій старичекъ, — цѣмъ новое, вино радости новой, великой; видишь, сколько го- Вотъ и женихъ и невѣста, вотъ и премудрый Архитрикланъ новое пробуетъ. Чего дивишься на меня? Я луковку подалъ, и я здѣсь. И многіе здѣсь только по луковкѣ подали, но только маленькой луковкѣ... Что наши дѣла? И ты, тихій, кроткій мой мальчикъ, и ты сегодня луковку съумѣлъ по-лучушей. Начинай, милый, начинай, кроткій, дѣло свое!.. Видишь-ли Солнце наше, видишь-ли ты Его?

— Боюсь... не смѣю глядѣть... прошепталъ Алеша.

— Не бойся Его. Страшенъ величіемъ предъ нами, ужасенъ этою Своею, но милостивъ безконечно, намъ изъ любви упо-исся и веселится съ нами, воду въ вино превращаетъ, чтобы пресѣдалась радость гостей, новыхъ гостей ждетъ, новыхъ прерывно зоветъ и уже на вѣки вѣковъ. Вонъ и вино несутъ се, видишь, сосуды несутъ...

Что-то горѣло въ сердцѣ Алеши, что-то наполнило его вдругъ боли, слезы восторга рвались изъ души его... Онъ простеръ и, вскрикнувъ и проснулся...

Опять гробъ, отворенное окно и тихое, важное, раздѣльное въ Евангелія. Но Алеша уже не слушалъ что читаютъ. Стран-онъ заснулъ на колѣняхъ, а теперь стоялъ на ногахъ, и гъ, точно сорвавшись съ мѣста, тремя твердыми скорыми ша-подошелъ вплоть ко гробу. Даже задѣлъ плечомъ отца Па-и не замѣтилъ того. Тотъ на мгновеніе поднялъ было на глаза отъ книги, но тотчасъ-же отвелъ ихъ опять, понявъ въ юношей что-то случилось странное. Алеша глядѣлъ съ нуты на гробъ, на закрытаго, недвижимаго, протянутаго въ мертвеца, съ иконой на груди и съ куколемъ съ восьми-нымъ крестомъ на головѣ. Сейчасъ только онъ слышалъ его и голосъ этотъ еще раздавался въ его ушахъ. Онъ ислушивался, онъ ждалъ еще звуковъ... но вдругъ, круто-гвшись, вышелъ изъ кельи.

не остановился и на крылечкѣ, но быстро сошелъ внизъ восторгомъ душа его жаждала свободы, мѣста, широты

СОЧИНЕНІЯ О. М. ДОСТОЕВСКАГО.

широко, необозримо опрокинулся небесный сводъ съ сіяющихъ звѣздъ. Съ зенита до горизонта менишимъ Млечный путь. Свѣжая и тихая до неподвижности облегла землю. Бѣлыя башни и золотыя главы сали на яхонтовомъ небѣ. Осенніе роскошныя цвѣты на клумбахъ около дома заснули до утра. Тишина земная сливалась съ небесною, тайна земная сопривасалась съ нею... Алеша стоялъ, смотрѣлъ, и вдругъ, какъ подкованный конь повергся на землю.

Онъ не зналъ, для чего обнималъ ее, онъ не давалъ отчета, почему ему такъ неудержимо хотѣлось цаловать ее всю, но онъ цаловалъ ее плача, рыдая и со своими слезами, и изступленно клялся любить ее, любить въ вѣки вѣковъ. «Облей землю слезами радости твоея и твоими слезы твои»... прозвенѣло въ душѣ его. О чемъ плакалъ онъ, онъ плакалъ въ восторгѣ своемъ даже и объ этихъ звѣздахъ, которыя сіяли ему изъ бездны и «не стыдился изстать изъ сего». Какъ будто нити ото всѣхъ этихъ безчисленныхъ Божіихъ сошлись разомъ въ душѣ его и она вся трепетала «сопривасаясь мірамъ инымъ». Простить хотѣлось ему и за все, и просить прощенія, о! не себя, а за всѣхъ, и за вся, а «за меня и другіе просятъ», прозвенѣло он въ душѣ его. Но съ каждымъ мгновеніемъ онъ чувствовалъ и какъ-бы осязательно, какъ что-то твердое и неизменно этотъ сводъ небесный, сходило въ душу его. Какая-то идея воцарялась въ умѣ его—и уже на всю жизнь и въ вѣки вѣковъ. Палъ онъ на землю слабымъ юношей, а всталъ дымъ на всю жизнь бойцомъ, и созналъ и почувствовалъ вдругъ, въ ту-же минуту своего восторга. И никогда, не могъ забыть Алеша во всю жизнь свою потомъ этой идеи «Кто-то посвѣтилъ мою душу въ тотъ часъ», говорилъ онъ съ твердою вѣрой въ слова свои...

Черезъ три дня онъ вышелъ изъ монастыря, что согласно и со словомъ покойнаго старца его, повелѣвшаго ему «идти въ міру».

КНИГА ВОСЬМАЯ.

МИТЯ.

I.

Нузьма Самсоновъ.

Дмитрій Федоровичъ, которому Грушенька, улетая въ новую «вагъна» передать свой послѣдній привѣтъ и заказала ему на вѣки часокъ ея любви, былъ въ эту минуту, ничего не зная о происшедшемъ съ нею, тоже въ страшномъ смятеніи мысляхъ. Въ послѣдніе два дня онъ былъ въ такомъ невозможномъ состояніи, что дѣйствительно могъ заболѣть воспаленіемъ въ мозгу, какъ самъ потомъ говорилъ. Алеша наканунѣ началъ розыскать его утромъ, а братъ Иванъ въ тотъ-же день началъ устроить съ нимъ свиданія въ трактиръ. Хозяева квартиры въ которой онъ квартировалъ, скрыли по его приказу его. Онъ-же въ эти два дня буквально метался во всѣ стороны, «борясь съ своею судьбой и спасая себя», какъ онъ потомъ выразился, и даже на нѣсколько часовъ слеталъ своему горячему дѣлу вонъ изъ города, не смотря на то, что было ему уѣзжать, оставляя Грушеньку хоть на минутку безъ забота надъ нею. Все это впоследствии выяснилось въ подробномъ и документальномъ видѣ, но теперь мы знаемъ фактически лишь самое необходимое изъ исторіи этихъ двухъ дней въ его жизни, предшествовавшихъ страшнѣйшей катастрофѣ, такъ внезапно разразившейся надъ судьбой его. Грушенька хоть и любила его часочекъ истинно и искренно, но и мучила-же его въ тоже время иной разъ дѣйствительно жестоко и безпощадно. Главное въ томъ, что ничего-

то онъ не могъ разгадать изъ ея намѣреній; выманить-ли или силой не было тоже возможности не далась-бы и а только-бы разсердилась и отвернулась отъ него навсегда, ясно тогда понималъ. Онъ подозрѣвалъ тогда весьма и она и сама находится въ какой-то борьбѣ, въ какой-то чайной нерѣшимости, на что-то рѣшается и все не можетъ, а потому и не безъ основанія предполагалъ сердцемъ, что минутами она должна была просто невеста съ его страстью. Такъ, можетъ быть, и было, но именно тосковала Грушенька, того онъ все-таки не! Собственно для него весь вопросъ, его мучившій, свелъ лишь въ два опредѣленія: «или онъ, Митя, или Федоръ вѣдь». Тутъ, кстати, нужно обозначить одинъ твердый онъ вполне былъ увѣренъ, что Федоръ Павловичъ не предложитъ (если ужъ не предлагалъ) Грушенькѣ бракъ, и не вѣрилъ ни минуты, что старый сластолюбецъ отдѣлается лишь тремя тысячами. Это вывелъ Митя, зная шеньку и ея характеръ. Вотъ почему ему и могло казаться менами, что вся мука Грушеньки и вся ея нерѣшимость дитъ тоже лишь оттого, что она не знаетъ кого изъ нихъ и кто изъ нихъ будетъ ей выгоднѣе. О близкомъ-же возлюбленномъ «офицера», то есть того роковаго человѣка въ жизни Грушеньки, котораго она ждала съ такимъ волненіемъ и о которомъ онъ—странно это—въ тѣ дни даже и не думалъ думать, что Грушенька съ нимъ объ этомъ въ самые послѣдніе дни молчала. Однако ему было вполне извѣстно отъ нея-же въ письмѣ, полученномъ тою мѣсяцъ назадъ отъ этого ея оболѣстителя, было извѣстно отчасти и содержаніе. Тогда, въ одну злую минутку, Грушенька ему это и показала, но, въ ея удивленію, письму этому онъ не придавалъ никакой цѣны. И очень было-бы трудно объяснить почему можетъ быть, просто потому, что самъ, угнетенный всѣмъ бразіемъ и ужасомъ своей борьбы съ роднымъ отцомъ женщиною, онъ уже и предположить не могъ для себя страшнѣе и опаснѣе, по крайней мѣрѣ, въ то время. Но, вдругъ выскочившему откуда-то послѣ пятилѣтняго новенія, онъ просто даже не вѣрилъ, и особенно тому, что скоро придетъ. Да и въ самомъ этомъ первомъ письмѣ «офицера», которое показали Митенькѣ, говорилось о пріѣздѣ новаго соперника весьма неопредѣленно: письмо было сдержанное, очень высокопарное и наполнено лишь чуждыми

Гла. Надо замѣтить, что Грушенька въ тотъ разъ скрыла отъ послѣднія строчки письма, въ которыхъ говорилось нѣко-ко опредѣленнѣе о возвращеніи. Къ тому-же Митенька вспо-мечь потомъ, что въ ту минуту уловилъ какъ-бы нѣкоторое льное и гордое презрѣніе къ этому посланію изъ Сибири нѣ самой Грушеньки. Затѣмъ Грушенька о всѣхъ даль-нихъ сношеніяхъ съ этимъ новымъ соперникомъ Митенькѣ ничего не сообщала. Такимъ образомъ и мало по малу онъ нѣ даже забылъ объ офицерѣ. Онъ думалъ только о томъ, то-бы тамъ ни вышло и какъ-бы дѣло не обернулось, а ставшая окончательная ошибка его съ Федоромъ Павло-мъ слишкомъ близка и должна разрѣшиться раньше всего го. Замирая душой, онъ ежеминутно ждалъ рѣшенія Гру-ши, и все вѣрилъ, что оно произойдетъ какъ-бы внезапно, похновенію. Вдругъ она скажетъ ему: «Возьми меня, я на твоя» — и все кончится: онъ схватитъ ее и увезетъ на край то-тотчасъ-же. О, тотчасъ-же увезетъ какъ можно, какъ то-дальше, если не на край свѣта, то куда-нибудь на край нѣ, женится тамъ на ней и поселится съ ней incognito, такъ нѣ ужъ никто не зналъ объ нихъ вовсе, ни здѣсь, ни тамъ нѣ. Тогда, о, тогда, начнется, тотчасъ-же совсѣмъ новая нѣ! Объ этой другой, обновленной и уже «добродѣтельной» нѣ («непремѣнно, непремѣнно добродѣтельной») онъ мечталъ нѣтутно и изступленно. Онъ жаждалъ этого воскресенія и нѣшенія. Гнусный омутъ, въ которомъ онъ завязъ самою нѣ, слишкомъ тяготилъ его и онъ, какъ и очень многіе въ нѣ случаяхъ, всего болѣе вѣрилъ въ переменѣ мѣста: только- нѣ эти люди, только-бы не эти обстоятельства, только-бы нѣ изъ этого проклятаго мѣста и — все возродится, пойдетъ нѣновому! Вотъ во что онъ вѣрилъ и по чемъ томился.

Но это было лишь въ случаѣ перваго, счастливаго рѣшенія нѣса. Было и другое рѣшеніе, представлялся и другой, но нѣный уже исходъ. Вдругъ она скажетъ ему: «ступай, я по- нѣла сейчасъ съ Федоромъ Павловичемъ, и выхожу за него нѣтъ, а тебя не надо» — и тогда... но тогда... Митя, впро- нѣ, не зналъ что будетъ тогда, до самаго послѣдняго часу нѣчалъ, въ этомъ надо его оправдать. Намѣреній опредѣлен- нѣ у него не было, преступленіе обдуманно не было. Онъ только нѣтъ, шпіонилъ и мучился, но готовился всетаки лишь въ нѣму счастливому исходу судьбы своей. Даже отгонялъ вся- нѣдругую мысль. Но здѣсь уже начиналась совсѣмъ другая

мука, вставало одно совѣсть новое и постороннее, не тѣловое и неразрѣшимое обстоятельство.

Именно, въ случаѣ, если она скажетъ ему: «я твою меня», то какъ онъ ее увезетъ? Гдѣ у него на то деньги? У него какъ разъ къ этому сроку изсякли всѣ, и поръ не прерывавшіеся въ продолженіи столькихъ лѣтъ доходы отъ подачекъ Федора Павловича. Конечно, у Груши были деньги, но въ Митѣ на этотъ счетъ вдругъ была страшная гордость: онъ хотѣлъ увезти ее самъ и начать новую жизнь на свои средства, а не на ея, онъ вообразилъ не могъ, что возьметъ у нея ея деньги, и страдалъ отъ мысли до мучительнаго отвращенія. Не распространяясь объ этомъ фактѣ, не анализирую его, а лишь отмѣчая: былъ скардакъ души его въ ту минуту. Могло все это и дать косвенно и какъ-бы безсознательно даже отъ тайны его совѣсти за воровски присвоенныя имъ деньги Катерины: «предъ одной подлець и предъ другой тотчасъ-же опять подлець», думалъ онъ тогда, какъ самъ потомъ ваялся: «да Грушанька коли узнаетъ, такъ и сама не з такого подлеца». Итакъ, гдѣ-же взять средства, гдѣ въ роковыя деньги? Иначе все пропадетъ и ничего не со-
«и единственно потому, что не хватило денегъ, о, позор!»

Забѣгаю впередъ: то-то и есть, что онъ, можетъ быть, гдѣ достать эти деньги, зналъ, можетъ быть, гдѣ и лежалъ. Подробности на этотъ разъ ничего не скажу, ибо потомъ выяснится; но вотъ въ чемъ состояла главная для него бѣда неясно, но я это выскажу: чтобы взять эти лежащія средства, чтобы *имѣть право* взять ихъ, надо было и только возвратитъ три тысячи Катеринѣ Ивановнѣ — и карманный воръ, я подлець, а новую жизнь я не хоч нать подлецомъ», рѣшилъ Митя, а потому рѣшилъ пере весь міръ, если надо, но непременно эти три тысячи отъ теринѣ Ивановнѣ во что-бы то ни стало и *прежде все* чительный процессъ этого рѣшенія произошелъ съ нимъ сказать, въ самые послѣдніе часы его жизни, именно съ няго свиданія съ Алешей, два дня тому назадъ вѣчея дорогѣ, послѣ того какъ Грушенька оскорбила Катерин новну, а Митя, выслушавъ рассказъ о томъ отъ Алеши, с что онъ подлець и велѣлъ передать это Катеринѣ И-
«если это можетъ сколько-нибудь ее облегчить». Тогда ту ночь, разставшася съ братомъ, почувствовалъ онъ въ

тъ, что лучше ему даже «убить и ограбить кого ни-
мгъ Катѣ возвратитъ». «Пусть ужъ лучше я предъ-
имъ и ограбленнымъ— убійцей и воромъ выйду, и предъ-
ыми, и въ Сибирь пойду, чѣмъ если Катя въ правѣ
затъ, что я ей измѣнилъ и у нея-же деньги укралъ,
о деньги съ Грушенькой убѣжалъ добродѣтельную
знать! Этого не могу!» Такъ со скрежетомъ зубовъ
га и дѣйствительно могъ представлять себѣ време-
кончить воспаленіемъ въ мозгу. Но пока боролся...
ю дѣло: казалось-бы, что тутъ при такомъ рѣшеніи,
янія, ничего уже болѣе для него не оставалось; ибо гдѣ
гъ такія деньги, да еще такому голышу, какъ онъ?
ѣмъ онъ до конца все то время надѣялся, что доста-
ри тысячи, что онѣ придутъ, слетятъ къ нему какъ
и, даже хотъ съ неба. Но такъ именно бываетъ съ
рые, какъ и Дмитрій Ѳедоровичъ, всю жизнь свою
шь тратитъ и мотать доставшіяся по наслѣдству деньги
о томъ, какъ добываются деньги, не имѣютъ никакого
амый фантастическій вихрь поднялся въ головѣ его
слѣ того, какъ онъ третьяго дня разстался съ Але-
талъ всѣ его мысли. Такимъ образомъ вышло, что на-
шь самага дикаго предпріятія. Да, можетъ быть, именно
ь положеніяхъ у этакихъ людей самыя невозможныя
ическія предпріятія представляются зервыми, возмож-
Онъ вдругъ порѣшилъ пойти къ купцу Самсонову,
ю Грушеньки, и предложить ему одинъ «планъ», до-
него подъ этотъ «планъ» разомъ всю искомую сумму;
своимъ съ коммерческой стороны онъ не сомнѣвался
а сомнѣвался лишь въ томъ, какъ посмотритъ на его
амъ Самсоновъ, если захочетъ взглянуть не съ одной
мерческой стороны. Митя хотъ и зналъ этого купца въ
знакомъ съ нимъ не былъ и даже ни разу не гово-
имъ. Но почему-то въ немъ, и даже уже давно, основа-
деніе, что этотъ старый развратитель, дышашій теперь
, можетъ быть, вовсе не будетъ въ настоящую минуту
я, если Грушенька устроитъ какъ-нибудь свою жизнь
йдеть за «благонадежнаго человѣка» замужъ. И что не
будетъ противиться, но что и самъ желаетъ того и, на-
шько случай, самъ будетъ способствовать. По слухамъ-
, или изъ какихъ-нибудь словъ Грушеньки, но онъ
тоже, что старикъ, можетъ быть, предпочелъ-бы

его для Грушеньки Федору Павловичу. Можетъ быть, изъ читателей нашей повѣсти покажется этотъ разсчетъ добную помощь и намѣреніе взять свою невѣсту, такъ изъ рукъ ея покровителя слишкомъ ужь грубымъ и невынымъ со стороны Дмитрія Федоровича. Могу замѣтить и что прошлое Грушеньки представлялось Митѣ уже окомъ прошедшимъ. Онъ глядѣлъ на это прошлое съ безконнымъ состраданіемъ и рѣшилъ со всѣмъ пламенемъ своей страсти разъ Грушенька выговорить ему, что его любитъ и идетъ, то тотчасъ-же и начнется совсѣмъ новая Грушенька вмѣстѣ съ нею и совсѣмъ новый Дмитрій Федоровичъ, бѣхъ уже пороковъ, а лишь съ однѣми добродѣтелями: другъ другу простятъ и начнутъ свою жизнь уже совершенно. Что-же до Кузьмы Самсонова, то считалъ онъ этотъ прежнемъ провалившемся прошломъ Грушеньки вѣвка въ жизни ея роковаго, котораго она, однако, не любила и который, это главное, уже тоже «прошелъ», и такъ что и его уже нѣтъ теперь вовсе. Да къ тому-же и даже и за человѣка теперь считать не могъ, ибо извѣстъ всѣмъ и каждому въ городѣ, что это лишь больная ра сохранившая отношенія съ Грушенькой, такъ сказалъ отеческія, а совсѣмъ не на тѣхъ основаніяхъ, какъ и что это уже давно такъ, уже почти годъ какъ такъ. комъ случаѣ тутъ было много и простодушія со стороны нбо при всѣхъ порокахъ своихъ это былъ очень простой человѣкъ. Вслѣдствіе этого-то простодушія своего онъ прочимъ, былъ серьезно убѣжденъ, что старый Кузьма раясь отходить въ другой міръ, чувствуетъ искреннее ние за свое прошлое съ Грушенькой, и что нѣтъ теперь покровителя и друга болѣе преданнаго, какъ этотъ безъ уже старикъ.

На другой-же день послѣ разговора своего съ Александромъ, послѣ котораго Митя почти не спалъ всю ночь, онъ въ домъ Самсонова около десяти часовъ утра и велѣлъ доложить. Домъ этотъ былъ старый, мрачный, очень обдвухъ-этажный, съ надворными строеніями и съ флигелемъ нижнемъ этажѣ проживали два женатые сына Самсоновыхъ своими семействами, престарѣлая сестра его и одна нездочь. Во флигелѣ-же помѣщались два его прикащика, и рыхъ одинъ былъ тоже многосемейный. И дѣти, и прѣтѣснились въ своихъ помѣщеніяхъ, но верхъ дома заняли

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

не пускалъ къ себѣ жить даже дочь, уху
, и которая въ опредѣленные часы и въ нок
я его должна была каждый разъ взбѣ лтъ. рт. 4
зу, не смотря на давнишнюю одышку ш
малъ изъ множества большихъ парадны
къ по купеческой старинѣ, съ длинны
южныхъ креселъ и стульевъ краснѣ
рустальными люстрами въ чехлахъ
простѣнкахъ. Всѣ эти комнаты не
обитаемыи, потому что большой
и комнатѣ, въ отдаленной маленькой
рислуживала ему старуха-служанка,
да «малый», пребывавшій на завали
къ изъ-за распухшихъ ногъ своихъ по
и только нѣрѣдка поднимался со свѣ
, и старуха, придерживая его подъ руки, и
-другой по комнатѣ. Былъ онъ строгъ и нѣрадо
съ этою старухой. Когда доложили ему о приходѣ
нѣ тотчасъ-же велѣлъ отказать. Но Митя настаи
лся еще разъ. Кузьма Кузьмичъ опросилъ под
что, дескать, каковъ съ виду, не пьянъ-ли? Не
I получилъ въ отвѣтъ что «тверезъ», но уходитъ
старикъ опять велѣлъ отказать. Тогда Митя, все
шій и нарочно на сей случай захватившій съ со
карандашъ, четко написалъ на клочкѣ бумаги одну
самонужнѣйшему дѣлу, близко касающемуся Агра
дровны», и послалъ это старикъ. Подумавъ нѣ
нѣ велѣлъ малому ввести посетителя въ залу, а
нѣ въязъ съ приказаніемъ къ младшему сыну
йтися къ нему на верхъ. Этотъ младшій сынъ,
иковъ двѣнадцати и силы непомерной, брившій
шійся по нѣмецки (самъ Самсоновъ ходилъ въ
бородой), явился немедленно, и безмолвно. Всѣ
цель трепетали. Пригласилъ отецъ этого молодца
изъ страху предъ капитаномъ, характера онъ былъ
каго, а такъ, лишь на всякій случай, болѣе чтобъ
ля. Въ сопровожденіи сына, взявшаго его подъ
о, онъ выплылъ, наконецъ, въ залу. Надо думать,
онъ и нѣкоторое довольно сильное любопытство.
которой ждалъ Митя, была огромная, угрюмая,
шой душу комната, въ два свѣта, съ хорамъ, со

стѣнами «подъ мраморъ» и съ тремя огромными хрустальными люстрами въ чехлахъ. Митя сидѣлъ на стульчикѣ у входной двери и въ нервномъ нетерпѣніи ждалъ своей участи. Старикъ появился у противоположнаго входа, сажень зашагалъ отъ стула Митя, то тотъ вдругъ вскочилъ и своими торжественными, аршинными шагами пошелъ къ нему на встречу. Одѣтъ былъ Митя прилично, въ застегнутомъ сюртукѣ, съ шляпою въ рукахъ и въ черныхъ перчаткахъ, точно такъ какъ былъ дня три тому назадъ въ монастырѣ, у свѣта на семейномъ свиданіи съ Федоромъ Павловичемъ и съ братомъ. Старикъ важно и строго ожидалъ его стоя и Митя развѣсивъ голову чувствовалъ, что, пока онъ подходилъ, тотъ его всего разглядывалъ. Поразило тоже Митю чрезвычайно опухшее за последнее время лицо Кузьмы Кузьмича: нижняя и безъ того толстая губа его казалась теперь какою-то отвисшею лепешкой. Внимательно молча поклонился онъ гостю, указавъ ему на кресло передъ ванной, а самъ медленно, опираясь на руку сына и болѣе громко вскрихтя, сталъ усаживаться напротивъ Мити на диванъ, такъ что тотъ, видя болѣзненные усилія его, немедленно почувствовалъ въ сердцѣ своемъ раскаяніе и деликатный стыдъ за свое теперешнее ничтожество предъ столь важнымъ имъ обезьяньимъ лицомъ.

— Что вамъ, сударь, отъ меня угодно? проговорилъ, усѣвшись наконецъ, старикъ, медленно, раздѣльно, строго, но вѣжливо.

Митя вздрогнулъ, вскочилъ было, но сѣлъ опять. Затѣмъ тотчасъ-же сталъ говорить громко, быстро, нервно, съ жестокостью и въ рѣшительномъ изступленіи. Видно было, что человекъ шелъ до черты, погибъ и ищетъ послѣдняго выхода, а не увидитъ то хоть сейчасъ и въ воду. Все это въ одинъ мигъ вѣроятно и произнесъ старикъ Самсоновъ, хотя лицо его оставалось неизмѣннымъ и холоднымъ, какъ у истукана.

«Благороднѣйшій Кузьма Кузьмичъ вѣроятно слыхалъ уже и разъ о моихъ контрахъ съ отцомъ моимъ, Федоромъ Павловичемъ Карамазовымъ, ограбившимъ меня по наследству покойной моей матери... такъ какъ весь городъ уже трещитъ объ этомъ... потому что здѣсь всѣ трещать объ томъ, чего не надо. А кромѣ того, могло дойти и отъ Грушеньки... виновать: отъ Аграфены Александровны... отъ многоуважаемой и многочтенной мною Аграфены Александровны»... такъ началъ и оборвалъ съ перваго слова Митя. Но мы не будемъ приводить дословно всю его рѣчь, а представимъ лишь изложеніе. Дѣло, дословно

выключается въ томъ, что онъ, Митя, еще три мѣсяца и
 нарочно совѣтовался (онъ именно проговорилъ «наро-
 не нарочно) съ адвокатомъ въ губернскомъ городѣ, «с
 снитымъ адвокатомъ, Кузьма Кузьмичъ, Павломъ Па
 томъ Корнеплодовымъ, изволили вѣроятно слышать? Ло
 мирный, почти государственный умъ... васъ тоже ин
 тзывался въ лучшемъ видѣ»... оборвался въ другой разъ
 обрывы его не оставаливали, онъ тотчасъ-же чрезъ
 орескакивалъ и устремлялся все далѣе и далѣе. Этотъ-
 Корнеплодовъ, опросивъ подробно и разсмотрѣвъ доку
 акіе Митя могъ представить ему (о документахъ Митя выр
 ясно и особенно спѣша въ этомъ мѣстѣ) отнесся, «
 етъ деревни Чермашни, которая должна-бы, дескать
 принадлежать ему, Митѣ, по матери, дѣйствительно мож
 ло начать искъ я тѣмъ старика - безобразника огоро
 тому что не всё-же двери заперты, а юстиція ужъ
 лъ пролѣзть». Однимъ словомъ, можно-бы было над
 де тысячъ на шесть додати отъ Федора Павлови
 даже, такъ какъ Чермашня все-же стоить не менѣе
 ти пять тысячъ, то есть навѣрно двадцати восьми,—
 ти, тридцати, Кузьма Кузьмичъ, а я, представьте себѣ
 дати отъ этого жестокаго человѣка не выбралъ!..» Такъ
 дескать, Митя, тогда это дѣло бросилъ, ибо не умѣю съ
 а, а пріѣхавъ сюда, поставленъ былъ въ столбнякъ в
 искомъ (здѣсь Митя опять запутался и опять круто
 очилъ): такъ вотъ, дескать, не пожелаете-ли вы, благо
 Кузьма Кузьмичъ, взять всѣ права мои на этого изв
 а мнѣ дайте три только тысячи... Вы ни въ какомъ
 играть вѣдь не можете, въ этомъ честию, честию вли
 съмъ напротивъ, можете нажать тысячъ шесть или сем
 трехъ... А главное дѣло, чтобъ это кончить «даже се
 ». «Я такъ вамъ у нотариуса, что-ли, или какъ тамъ... (с
 ономъ, я готовъ на все, выдамъ всѣ документы, какіе
 те, все подпишу... и мы эту бумагу сейчасъ-же и сове
 и если-бы можно, если-бы только можно, то сегодня-
 ромъ... Вы-бы мнѣ эти три тысячи выдали... какъ какъ
 противъ васъ капиталистъ въ этомъ городишкѣ... и
 бы меня отъ... однимъ словомъ, спасли-бы мою б
 ли : благороднѣйшаго дѣла, для возвышеннаго
 вать... ибо питаю благороднѣйшія чувства къ я
 «которую слишкомъ знаете и о которой нечетес

чески. — Я и не пришелъ, если-бы не отечески. И, если хотите, тутъ яровъ состукнулся лбами, ибо судьба — это старуха, Бузьма Кузьмичъ! Реализмъ, Бузьма Кузьмичъ, реализмъ! А такъ какъ васъ давно уже надо исключить, то останутся два лба, какъ и выразился, можетъ быть, не ловко, но не литераторъ. То есть одинъ лобъ мой, а другой — этого изверга. Итакъ, выбирайте: или я, или извергъ? Все теперь въ вашихъ рукахъ — три судьбы и два жребія... Извините, я сбился, но вы понимаете... я вижу по вашимъ почтеннымъ глазамъ, что вы поняли... А если не поняли, то сегодня-же въ воду, вотъ!

Митя оборвалъ свою нелѣпую рѣчь этими «вотъ» и, выйдя съ мѣста, ждалъ отвѣта на свое глупое предложеніе. Последнею фразой онъ вдругъ и безнадежно почувствовалъ, что все кончилось, а, главное, что онъ нагородилъ страшной ахинеи «Странное дѣло, пока шелъ сюда, все казалось хорошо, а теперь вотъ и ахинея!» вдругъ пронеслось въ его безнадежной головѣ. Все время, пока онъ говорилъ, старикъ сидѣлъ неподвижно съ ледянымъ выраженіемъ во взорѣ слѣдилъ за нимъ. Выйдя отъ него, однако, съ минутою въ ожиданіи, Кузьма Кузьмичъ изрекъ наконецъ, самымъ рѣшительнымъ и безограднымъ тономъ:

— Извините-сь, мы такими дѣлами не занимаемся.

Митя вдругъ почувствовалъ, что подъ нимъ слабѣютъ ноги.

— Какъ-же я теперь, Кузьма Кузьмичъ, пробормоталъ и блѣдно улыбаясь. — Вѣдь я теперь пропаю, какъ вы думаете?

— Извините-сь...

Митя все стоялъ и все смотрѣлъ неподвижно въ упоръ вдругъ замѣтилъ, что что-то двинулось въ лицѣ старика. Онъ вздрогнулъ.

— Видите, сударь, намъ такія дѣла — несподручны, мѣдленно промолвилъ старикъ, — суды пойдутъ, адвокаты, сушая бѣды, если хотите, тутъ есть одинъ человѣкъ, вотъ къ нему и обратитесь...

— Боже мой, кто-же это!.. Вы воскрешаете меня, Бузьма Кузьмичъ, залепеталъ вдругъ Митя.

— Не здѣшній онъ, этотъ человѣкъ, да и здѣсь его тоже не находится. Онъ по крестьянству, лѣсомъ торгуетъ, прозванъ Лагавый. У Федора Павловича вотъ ужъ годъ какъ торгуетъ въ Чермашнѣ этой вашей рошу, да за цѣной расходится, мои слышала. Теперь онъ какъ разъ пріѣхалъ опять и стоитъ теперь у батюшки Ильинскаго, отъ Воловьей станціи верста надцать, что-ли, будетъ, въ селѣ Ильинскомъ. Писалъ онъ

не мнѣ по этому дѣлу, то есть на счетъ этой роши, совѣта
 дали. Федоръ Павловичъ къ нему самъ хочетъ ѣхать. Такъ
 бы вы Федора Павловича предупредили, да Лягавому пред-

дали вотъ то самое, что мнѣ говорили, то онъ можетъ статься...
 — Геніальная мысль! восторженно перебилъ Митя. — Именно
 именно ему въ руку! Онъ торгуетъ, съ него дорого про-
 а тутъ ему именно документъ на самое владѣніе, ха-ха-ха!
 Митя вдругъ захохоталъ своимъ бороткамъ, деревяннымъ
 комъ, совсѣмъ неожиданнымъ, такъ что даже Самсоновъ дрог-
 нуть головой.

— Какъ благодарить мнѣ васъ, Кузьма Кузьмичъ, кнѣзь

— Ничего-съ, склонилъ голову Самсоновъ.

— Но вы не знаете, вы спасли меня, о, меня влекло къ вамъ
 чувство... Итакъ, къ этому попу!

— Не стоитъ благодарности-съ.

— Спѣшу и лечу. Злоупотребилъ вашимъ здоровьемъ. Въѣкъ
 забуду, русскій человѣкъ говоритъ вамъ это, Кузьма Кузь-
 мичъ, р-русскій человѣкъ!

— Тэ-эксъ.

Митя схватилъ было старика за руку, чтобы потрясть ее, но
 то злобное промелькнуло въ глазахъ того. Митя отнялъ руку,
 тотчасъ-же упрекнулъ себя во мнительности. «Это онъ усталъ»...
 промелькнуло въ умѣ его.

— Для нея! Для нея, Кузьма Кузьмичъ! Вы понимаете, что
 для нея! рывнувшись онъ вдругъ на всю залу, поклонился,
 что повернулся и тѣми-же скорыми, аршинными шагами, не
 обращившись, устремился къ выходу. Онъ трепеталъ отъ восторга.
 «Вѣдь ужъ погибало, и вотъ Ангелъ Хранитель спасъ», не-
 промелькнуло въ умѣ его. «И ужъ если такой дѣлецъ, какъ этотъ ста-
 рикъ (благороднѣйшій старикъ, и какая осанка!) указалъ этотъ
 путь, то... то ужъ, конечно, выигранъ путь. Сейчасъ и летѣть.
 Ночи вернусь, ночью вернусь, но дѣло побѣждено. Неужели-
 старикъ могъ надо мной насмѣяться?» Такъ восклицалъ Митя,
 идя въ свою квартиру, и ужъ, конечно, иначе и не могло
 представляться уму его, то есть: или дѣльный совѣтъ (отъ та-
 кого-то дѣльца) — со знаніемъ дѣла, со знаніемъ этого Лягаваго
 фамилія!) или — или старикъ надъ нимъ посмѣялся!
 Эта послѣдняя-то мысль и была единственно вѣрною. Потомъ,
 долго спустя, когда уже совершилась вся катастрофа, ста-
 рикъ Самсоновъ самъ сознавался, смѣясь, что тогда осмѣялъ

СОЧИНЕНІЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

что былъ злобный, холодный и насмѣшливый
ему-же съ болезненными антипатіями. Восст
капитана, глупое-ли убѣжденіе этого «мота
да, что онъ, Самсоновъ, можетъ поддаться на такую
«его «планъ», ревнивое-ли чувство на счетъ Груше
которой «этотъ сорванецъ пришелъ къ нему съ
за деньгами,—не знаю что именно побудило т
а, но въ ту минуту, когда Митя стоялъ передъ нимъ, что
что слабѣютъ его ноги и безмысленно восклицалъ, что он
паль—въ ту минуту старикъ посмотрѣлъ на него съ
нечною злобой и придумалъ надъ нимъ посягаться. Когда
вышелъ, Кузьма Кузьмичъ, блѣдный отъ злобы, обратил
сыну и велѣлъ распорядиться, чтобы впредь этого обори
духу не было, и на дворъ не впускать, не то...

Онъ не договаривалъ того чѣмъ угрожалъ, но даже слы
видавшій его во гнѣвѣ, вздрогнулъ отъ страха. Цѣлы
спустя старикъ даже весь трясся отъ злобы, а къ вечеру
лѣлъ и послалъ за «лѣкаремъ».

II.

Л я г а в ы й.

Итакъ, надо было «скакать», а денегъ на лошадей и
не было ни копѣйки, то есть были два двугривенныхъ,
все, что оставалось отъ столькихъ лѣтъ прежняго б
стоянія. Но у него лежали дома старые серебряные часы
уже переставшіе ходить. Онъ схватилъ ихъ и снесъ къ
часовщику, помѣщавшемуся въ своей лавчонкѣ на базарѣ
далъ за нихъ шесть рублей. «И того не ожидалъ!» вск
восхищенный Митя (онъ все продолжалъ быть въ восши
схватилъ свои шесть рублей и побѣжалъ домой. Дома он
полнилъ сумму, взявъ займы три рубля отъ хозяевъ, и
дали ему съ удовольствіемъ, не смотря на то, что отдава
слѣднія свои деньги, до того любили его. Митя въ вост
номъ состояніи своемъ открылъ имъ тутъ-же, что рѣ
судьба его и рассказалъ имъ, ужасно снѣша, разумеется,
весь свой «планъ», который только что представилъ Самс
затѣмъ рѣшеніе Самсонова, будущія надежды свои, и проч.,
Хозяева и допражь сего были посвящены во многія его

ему-то и смотрѣли на него, какъ на *своею* человѣка, совсѣмъ *бардаго* барина. Совокупивъ такимъ образомъ девять рублей, онъ послалъ за почтовыми лошадьми до Воловьей станціи. Но такимъ образомъ запомнился и обозначился фактъ, что «нака-
нѣ котораго событія, въ полдень, у Мити не было ни ко-
пей и что онъ, чтобы достать денегъ, продалъ часы и занялъ
три рубля у хозяевъ, и все при свидѣтеляхъ».

Смѣлаю этотъ фактъ заранѣе, потомъ разъяснится, для чего
дѣлаю.

Поскакавъ на Воловью станцію, Митя, хоть и сѣлъ отъ ра-
дого предчувствія, что, наконецъ-то, кончитъ и развяжетъ
свои дѣла, тѣмъ не менѣе трепеталъ и отъ страху: что
теперь съ Грушенькой въ его отсутствіе? Ну, какъ разъ
дѣла-то и рѣшится, наконецъ, пойдти къ Федору Павловичу?
почему онъ и уѣхалъ, ей не сказавшись и заказавъ хозяе-
въ отнюдь не открывать, куда онъ дѣлся, если откуда-нибудь
будетъ его спрашивать. «Непремѣнно, непремѣнно сегодня къ
Фодору надо вернуться», повторялъ онъ, трясясь въ телѣгѣ, «а
то Лягавого, пожалуй, и сюда притащить... для совершенія
этого акта»... такъ, замирая душою, мечталъ Митя, но увы, меч-
таніемъ его слишкомъ не суждено было совершиться по его
плану».

Во первыхъ, онъ опоздалъ, отправившись съ Воловьей стан-
проселкомъ. Проселокъ оказался не въ двѣнадцать, а въ во-
надцать верстъ. Во вторыхъ, Ильинскаго «батюшки» онъ не
нашелъ дома, тотъ отлучился въ сосѣднюю деревню. Пока ро-
вался тамъ его Митя, отправившись въ эту сосѣднюю деревню
на тѣхъ-же, уже измученныхъ лошадяхъ, наступила почти
ночь. «Батюшка», робкій и ласковый на видъ человѣчекъ,
сообщилъ ему немедленно, что этотъ Лягавый, хоть и остано-
вался было у него съ первоначалу, но теперь находится въ Су-
хой Поселкѣ, тамъ у лѣснаго сторожа въ избѣ сегодня ночуетъ,
и что и тамъ тоже лѣсъ торгуетъ. На усиленные просьбы
сводить его къ Лягавому сейчасъ-же и «тѣмъ, такъ ска-
жи, снасти его», батюшка хоть и заколебался вначалѣ, но со-
гласился, однако, проводить его въ Сухой Поселокъ, видимо по-
крываясь любопытствомъ; но на грѣхъ посоветовалъ дойти «пѣ-
шкомъ», такъ какъ тутъ всего какая-нибудь верста «съ не-
малымъ излишкомъ» будетъ. Митя, разумѣется, согласился и
идти своими аршинными шагами, такъ что бѣдный батюшка
успѣвалъ за нимъ. Это былъ еще не старый и очень осто-

жъ. Митя и съ нимъ тотчасъ-же заговорилъ о томъ, что, нервно требовавъ совѣтовъ на счетъ дѣла, онъ проговорилъ всю дорогу. Батюшка слушалъ внимательно, но совѣтовалъ мало. На вопросы Мити отвѣчалъ уклончиво: «Вѣрнѣе, не знаю, гдѣ-же мнѣ это знать» и т. д. Когда Митя заговорилъ о своихъ контрахъ съ отцомъ на счетъ наслѣдства, то онъ даже испугался, потому что состоялъ съ Федоромъ Павловичемъ въ какихъ-то зависимыхъ къ нему отношеніяхъ. Съ удивленіемъ и впрочемъ, освѣдомился, почему онъ называетъ этого торговца крестьянина Горсткяна Лягавымъ, и разъяснилъ обязательно, что хоть тотъ и впрямь Лягавый, но что онъ и не Лягавый, потому что именемъ этимъ жестоко обижается, и что и безъ него надо непременно Горсткянымъ, «иначе ничего съ дѣломъ не совершите, да и слушать не станеть», заключилъ батюшка нѣсколько и наскоро удивился и объяснилъ, что такъ и впрямь его самъ Самсоновъ. Услышавъ про это обстоятельство, онъ тотчасъ-же этотъ разговоръ замаялъ, хотя и хорошо-бы ему, если-бы разъяснилъ тогда-же Дмитрію Федоровичу догадаться, что если самъ Самсоновъ послалъ его къ этому мужичку, Лягавому, то не сдѣлалъ-ли сего почему-либо на свѣтъ нѣтъ-ли чего тутъ неладнаго? Но Митѣ некогда было думать о такихъ мелочахъ. Онъ спѣшилъ, шагаль, и придя въ Сухой Поселокъ догадался, что прошли они не за полторы, а навѣрное три; это его раздосадовало, и онъ стѣсняясь, вошелъ въ избу. Лѣсникъ, знакомый батюшкѣ, сидѣлъ въ одной половинѣ избы, а въ другой, чистой и чистой, черезъ сѣни, расположился Горсткянъ. Вошли въ эту избу и засвѣтили сальную свѣчку. Изба была сильно нагрѣта. На сосновомъ столѣ стоялъ потухшій самоваръ, тутъ-же стояли чашки, допитая бутылка рому, не совсѣмъ допиты водки и объѣдки пшеничнаго хлѣба. Самъ-же пріѣзжій протянувшись на скамьѣ, со скомканною верхнею одежною головою вмѣсто подушки, и грузно храпѣлъ. Митя сталъ доумѣннѣе. «Конечно, надо будить: мое дѣло слишкомъ важно, такъ спѣшилъ, я спѣшу сегодня-же воротиться», затревожился Митя; но батюшка и сторожъ стояли молча, не высказывая ни слова. Митя подошелъ и принялся будить самъ, и энергически, но спящій не пробуждался. «Онъ пьянъ, Митя, но что-же мнѣ дѣлать, Господи, что-же мнѣ дѣлать!» вдругъ въ страшномъ нетерпѣніи принялся дергать съ рукъ, за ноги, раскачивать его за голову, приподымать и

лавку, и всетаки послѣ весьма долгихъ усилій добился лишь , что тотъ началъ нелѣпо мычать и крѣпко, хотя и неясно эваривая, ругаться.

— Нѣтъ, ужь вы лучше повремените, изрекъ, наконецъ, батюшка, — потому, онъ, видимо, не въ состояніи.

— Весь день циль, отозвался сторожъ.

— Боже! вскрикивалъ Митя, — если-бы вы только знали какъ необходимо и въ какомъ я теперь отчаяніи!

— Нѣтъ, ужь лучше-бы вамъ повременить до утра, повторилъ батюшка.

— До утра? Помилосердуйте, это невозможно! И въ отчаяніи чуть было опять не бросился будить пьяницу, но тотчасъ смилъ, понявъ всю бесполезность усилій. Батюшка молчалъ, а пьяный сторожъ былъ мраченъ.

— Какія страшныя трагедіи устраиваетъ съ людьми реализмъ! говорилъ Митя въ совершенномъ отчаяніи. Потъ лился съ его лица. Воспользовавшись минутой, батюшка весьма резонно изложилъ, что хотя-бы и удалось разбудить спящаго, но, будучи пьянымъ, онъ все-же не способенъ ни къ какому разговору, «а все дѣло важное, такъ ужь вѣрнѣе-бы оставить до утраца»... Митя развелъ руками и согласился.

— Я, батюшка, останусь здѣсь со свѣчей и буду ловить ловленіе. Пробудится и тогда я начну... За свѣчку я тебѣ заеду, обратился онъ къ сторожу, — за постой тоже, будешь ловить Дмитрія Карамазова. Вотъ только съ вами, батюшка, не могу теперь какъ быть: гдѣ-же вы ляжете?

— Нѣтъ, я ужь къ себѣ-съ. Я вотъ на его кобылкѣ и доведу, показалъ онъ на сторожа. — За симъ прощайте-съ, желаю вамъ полное удовольствіе получить.

Такъ и порѣшили. Батюшка отправился на кобылкѣ, обратившись, что, наконецъ, отвязался, но все-же смятенно покачалъ головой и раздумывая: не надо-ли будетъ завтра благоговѣнно увѣдомить о семъ любопытномъ случаѣ благодѣтеля Павловича, «а то, неравенъ часъ, узнаетъ, осердится и все прекратитъ». Сторожъ, почесавшись, молча отправился в свою избу, а Митя сѣлъ на лавку ловить, какъ онъ выражался, мгновеніе. Глубокая тоска облегла, какъ тяжелый туманъ, душу. Глубокая, страшная тоска! Онъ сидѣлъ, думалъ, но думать ничего не могъ. Свѣчка нагорала, затрепалъ сверчокъ, а топленной комнатѣ становилось нестерпимо душно. Ему вдругъ представился садъ, ходъ за садомъ, у отца въ домѣ таин-

СОЧИНЕНІЯ В. М. ДОСТОЕВСКАГО.

открылась дверь, а въ дверь пробѣгаетъ Грушницкій съ лавки.

— 'Трагедія! проговорилъ онъ, скрежеща зубами, когда подошелъ въ спящему и сталъ смотрѣть на его лицо. Онъ былъ сухопарый, еще не старый мужикъ, съ весьма выразительнымъ лицомъ, въ русыхъ кудряхъ и съ длинною темнорыжеватою бородкой въ ситцевой рубахѣ и въ черномъ пальто. Изъ кармана котораго выглядывала цѣпочка отъ серебряныхъ часовъ. Митя разсматривалъ эту физиономію со страшнымъ интересомъ, и ему почему-то особенно ненавистно было, что у этого мужика кудряхъ. Главное, то было нестерпимо обидно, что этотъ Митя, стоялъ надъ нимъ со своимъ неотложнымъ дѣломъ, съ жертвованьемъ, столько бросивъ, весь измученный, а этотъ неадець, «отъ котораго зависитъ теперь вся судьба моя и моя семья какъ ни въ чемъ не бывало, точно съ другой стороны!» «О, иронія судьбы!» воскликнулъ Митя и вдругъ, совсѣмъ терявъ голову, бросился опять будить пьянаго мужика. Онъ билъ его съ какимъ-то остервененіемъ, рвалъ его, толкалъ, но, провозившись минутъ пять и опять ничего не добившись, въ безсильномъ отчаяніи воротился на свою лавку.

— Глупо, глупо! восклицалъ Митя, — и... какъ это не честно! прибавилъ онъ вдругъ почему-то. У него страшно болѣть голова: «бросить развѣ? Уѣхать совсѣмъ», мелькнуло въ умѣ его. «Нѣтъ, ужь до утра. Вотъ нарочно-же останусь до утра! Зачѣмъ-же я и пріѣхалъ послѣ того? Да и уѣхать некуда, какъ теперь отсюда уѣдешь, о, безсмыслица!»

Голова его, однако, разбалчивалась все больше и больше. Неподаяжно сидѣлъ онъ и уже не помнилъ какъ задремалъ вдругъ, сидя, заснулъ. Повидимому, онъ спалъ часа два больше. Очнувшись-же отъ нестерпимой головной боли, всталъ и пошелъ до крику. Въ вискахъ его стучало, темя болѣло; очнувшись онъ долго еще не могъ войти въ себя совершенно и не могъ вспомнить что съ нимъ такое произошло. Наконецъ-то, догадался, что натопленной комнатѣ страшный угаръ и что онъ, можетъ быть, могъ умереть. А пьяный мужикъ все лежалъ и храпѣлъ; оплыла и готова была погаснуть. Митя закричалъ и бѣжалъ, шатаясь, черезъ сѣни въ избу сторожа. Тотъ скоро проносился, услыхавъ, что въ другой избѣ угаръ, хотя и пошелъ рѣшиться, но принявъ фактъ до странности развѣдуши обидно удивило Митю.

— Но онъ умеръ, онъ умеръ, и тогда... что тогда? воскликнулъ предъ нимъ въ изступленіи Митя.

Двери растворили, отворили окно, открыли трубу, Митя припалъ изъ сѣней ведро съ водой, сперва намочилъ голову себѣ, затѣмъ, найдя какую-то тряпку, окунулъ ее въ воду и припалъ къ головѣ Лягаваго. Сторожъ-же продолжалъ относиться къ нему къ событію какъ-то даже презрительно и, отворивъ окно, принесъ угрюмо: «ладно и такъ», и пошелъ опять спать, взявъ Митѣ зажженный желѣзный фонарь. Митя провозился горѣвшимъ пьяницей съ полчаса, все намачивая ему голову, и рѣзко уже намѣревался не спать всю ночь, но, измучившись, присѣлъ какъ-то на одну минутку, чтобы перевести духъ, мгновенно закрылъ глаза, затѣмъ тотчасъ-же безсознательно гнулся на лавкѣ и заснулъ какъ убитый.

Проснулся онъ ужасно поздно. Было, примѣрно, уже часовъ пять утра. Солнце ярко сіяло въ два оконца избышки. Вечерній кудрявый мужикъ сидѣлъ на лавкѣ уже одѣтый въ подшубу. Предъ нимъ стоялъ новый самоваръ и новый штофъ. Штофъ, вчерашній, былъ уже допить, а новый опорожненъ на чѣмъ на половину. Митя вскочилъ и мигомъ догадался, проклятый мужикъ пьянъ опять, пьянъ глубоко и невозвратно. Онъ глядѣлъ на него съ минуту, выпучивъ глаза. Мужикъ-то глядывалъ на него молча и лукаво, съ какимъ-то обиднымъ кокетствомъ, даже съ презрительнымъ какимъ-то высокомеріемъ, въ показаніи Митѣ. Онъ бросился къ нему.

— Позвольте, видите... я... вы вѣроятно слышали отъ здѣшняго сторожа въ той избѣ: я поручикъ Дмитрій Карамазовъ, братъ старика Карамазова, у котораго вы изволите рошу торговать.

— Это ты врешь! вдругъ твердо и спокойно отчеканилъ мужикъ.

— Какъ вру? Федора Павловича изволите знать?

— Никакого твоего Федора Павловича не изволю знать, какъ-нибудь ворочая языкомъ, проговорилъ мужикъ.

— Рошу, рошу вы у него торгуете: да проснитесь, опомнитесь. Отецъ Павелъ Пльинскій меня проводилъ сюда... Вы къ отцову писали и онъ меня къ вамъ прислалъ... задыхался

— В-врешь! отчеканилъ опять Лягавый. У Мити похолодѣли

— Помилосердуйте, вѣдь это не шутка! Вы, можетъ быть,

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

ствъ: «Какое отчаяніе, какая смерть вразомъ!» и
всѣ, все пагая впередъ и впередъ.
знали проѣзжіе: извозчикъ везъ по просе и какого-то
-купца. Когда поровнялись, Митя спросилъ и дорожку
ось, что тѣ тоже ѣдутъ на Воловью. Ветеръ
и посадили Митю попутчикомъ. Часа черезъ
всей станціи Митя тотчасъ-же заказалъ
самъ вдругъ догадался, что до невозможна
ригала лошадей, ему смастерили яичницу
всю, съѣлъ весь большой ломоть хлѣба,
болбасу и выпилъ три рюмки водки. Под
принялся и на душѣ его опять прояснѣло. Онъ
огонялъ ямщика и вдругъ составилъ новый
ый» планъ какъ достать еще сегодня-же до вечера
изъ деньги». «И подумать, только подумать, что въ
чтожыхъ трехъ тысячъ пропадаетъ судьба человѣка
осклиннулъ онъ презрительно. «Сегодня-же порѣшу!» И
только не непрерывная мысль о Грушенькѣ и о томъ,
цось-ли съ ней чего, то онъ сталъ-бы, можетъ быть,
всѣмъ-веселъ. Но мысль о ней вонзалась въ его душу
ю какъ острый ножъ. Наконецъ, пріѣхали и Митя
же побѣжалъ къ Грушенькѣ.

III.

Золотые пріиски.

было именно то посѣщеніе Мити, про которое Грушенька
гъ страхомъ рассказывала Ракитину. Она тогда ожидала
стафеты» и очень рада была, что Митя ни вчера, ни
не приходилъ, надѣялась, что, авось Богъ дастъ, не при-
оя отъѣзда, а онъ вдругъ и нагрянулъ. Дальнѣйшее
хѣстно: чтобы сбыть его съ рубъ, она нигомъ уговорила
одить ее въ Кузьмѣ Самсонову, куда будто-бы ей ужасно
ю идти «деньги считать», и когда Митя ее тотчасъ-же
ъ, то, прощаясь съ нимъ у воротъ Кузьмы, взяла съ
цаніе придти за нею въ двѣнадцатомъ часу, чтобы про-
в обратно домой. Митя этому распоряженію тоже былъ
просидитъ у Кузьмы, значитъ, не пойдетъ къ Федору
у... если только не лжетъ», прибавилъ онъ тотчасъ-же.

Но на его глазъ, кажется, не лгала. Онъ былъ и прежде свойства ревнивецъ, что въ разлукѣ съ любимею женщиною часъ-же навывдумывалъ Богъ знаетъ какихъ ужасовъ о томъ, съ нею дѣлается и какъ она ему тамъ «измѣняетъ». Но бѣжавъ къ ней опять, потрясенный, убитый, увѣренный безвозвратно, что она успѣла таки ему измѣнить, съ перемѣною взгляда на ея лицо, на смѣющееся, веселое и ласковое этой женщины — тотчасъ-же возрождался духомъ, тотчасъ терялъ всякое подозрѣніе и съ радостнымъ стыдомъ бросалъ себя самъ за ревность. Проводивъ Грушеньку, онъ бросилъ себя домой. О, ему столько еще надо было успѣть сегодня! Но, по крайней мѣрѣ, отъ сердца отлегло. «Вотъ только бы поскорѣе узнать отъ Смердякова, не было-ли чего тамъ злого ромъ, не приходила-ли она, чего добраго, къ Федору Назарову!» пронеслось въ его головѣ. Такъ что не успѣлъ онъ добѣжать къ себѣ на квартиру, какъ ревность уже опять пошла въ неугомонномъ сердцѣ его.

Ревность! «Отелло не ревнивъ, онъ доврчивъ», замѣтилъ Пушкинъ, и уже одно это замѣчаніе свидѣтельствуетъ о неслыханной глубинѣ ума нашего великаго поэта. У Отелло просто невозможна душа и помутилось все міровоззрѣніе его, потому что *пошибъ его идеаль*. Но Отелло не станетъ прятаться, шпіонствовать, подглядывать: онъ доврчивъ. Напротивъ, его надо было напугивать, наталкивать, разжигать съ чрезвычайными усиліями, чтобъ онъ только догадался объ измѣнѣ. Не таковъ истинный ревнивецъ. Невозможно даже представить себѣ всего позора и нравственнаго паденія, съ которыми способенъ ужиться ревнивецъ съ всякихъ угрызений совѣсти. И вѣдь не то чтобъ это были пошлыя и грязныя души. Напротивъ, съ сердцемъ высокимъ съ любовью чистою, полною самопожертвованія. можно въ это время прятаться подъ столы, подкупать подлѣйшихъ людей, уживаться съ самою скверною грязью шпіонства и подслушанія. Отелло не могъ-бы, ни за что примириться съ измѣною, не простить не могъ-бы, а примириться, — хотя душа его и злобива и невинна, какъ душа младенца. Не то съ настоящимъ ревнивцемъ: трудно представить себѣ съ чѣмъ можетъ ужиться и примириться и что можетъ простить иной ревнивецъ! Ревнивцы-то скорѣе всѣхъ и прощаютъ, и это знаютъ всѣ женщины. Ревнивецъ чрезвычайно скоро (разумеется, послѣ страшной ссоры въ началѣ) можетъ и способенъ простить, напримѣръ, уже указанную почти измѣну, уже видѣнные имъ самимъ обманъ

и, если-бы, наприимѣръ, онъ въ тоже время могъ какъ-увериться, что это было «въ послѣдній разъ» и что со-тъ его съ этого часа уже исчезнетъ, уѣдетъ на край земли, о самъ онъ увезетъ ее куда-нибудь въ такое мѣсто, куда мѣше не придетъ этотъ страшный саперникъ. Разумѣется, онѣ произойдетъ лишь на часъ, потому что если-бы даже анномъ дѣлѣ исчезъ соперникъ, то завтра-же онъ изобрѣ-ругаго, новаго и приревнуетъ къ новому. И казалось-бы, той любви, за которую надо такъ подсматривать, и чего любовь, которую надобно столь усиленно сторожить? Но этого-то никогда и не пойметъ настоящій ревнивецъ; а тѣмъ между ними, право, случаются люди даже съ серд-исокими. Замѣчательно еще то, что эти самые люди съ ни сердцами, стоя въ какой-нибудь камеркѣ, подслушивая ня, хоть и понимаютъ ясно «высокими сердцами своими» рмъ, въ который они сами добровольно залѣзли, но од-въ ту минуту, по крайней мѣрѣ, пока стоятъ въ этой ка-никогда не чувствуютъ угрызеній совѣсти. У Мити, при рушеньки, пропадала ревность и на мгновение онъ ста-я довѣрчивъ и благороденъ, даже самъ презиралъ себя ныя чувства. Но это значило только, что въ любви его ѣ женщины заключалось нѣчто гораздо высшее, чѣмъ онъ предполагалъ, а не одна лишь страстность, не одинъ лишь тѣла», о которомъ онъ толковалъ Алешѣ. Но зато, когда а Грушенька, Митя тотчасъ-же начиналъ опять подозрѣ-ь ней всё низости и коварства измѣны. Угрызеній-же со-никакихъ при этомъ не чувствовалъ.

къ ревность закипѣла въ немъ снова. Во всякомъ случаѣ ыло спѣшить. Первымъ дѣломъ надо было достать хоть ку денегъ на перехватку. Вчерашніе девять рублей почти ли на проѣздъ, а совсѣмъ безъ денегъ, извѣстно, никуда тупить нельзя. Но онъ, вмѣстѣ съ новымъ планомъ сво-бдумалъ гдѣ достать и на перехватку еще давеча на те-го была пара хорошихъ дуэльныхъ пистолетовъ съ ими, и если до сихъ поръ онъ ея не заложилъ, то по-го любилъ эту вещь больше всего что имѣлъ. Въ трак-Столичный городъ» онъ уже давно слегка познакомился кмъ молодымъ чиновникомъ и какъ-то узналъ въ трак-ъ, что этотъ холостой и весьма достаточный чиновникъ сти любить оружіе, покупаетъ пистолеты, револьверы, и, развѣшиваятъ у себя по стѣнамъ, показываетъ зна-

1 теса, мастеръ растолковать систему револьвера какъ выстрѣлить и проч. Долго не думавъ къ нему отправился и предложилъ ему взять часы за десять рублей. Чиновникъ съ радостью соглашался его советамъ продать, но Митя не согласился, и далъ ему десять рублей, заявивъ, что процентовъ не ни за что. Разстались пріятелями. Митя сѣвшикъ, окликаясь къ Федору Павловичу на задъ, въ свою бесѣду, вызвать поскорѣ Смердякова. Но такимъ образомъ онъ случился фактъ, что всего за три, за четыре часа до приключенія, о которомъ будетъ мною говорено ниже, не было ни копейки денегъ и онъ за десять рублей за любимую вещь, тогда какъ вдругъ, черезъ три часа, онъ въ рукахъ его тысячи... Но я забѣгаю впередъ.

У Марьи Кондратьевны (сосѣдки Федора Павловича) я далю чрезвычайно поразившее и смутившее его извѣщеніи Смердякова. Онъ выслушалъ исторію о паденіи въ зачѣмъ о падучей, пріѣздѣ доктора, заботахъ Федора Павловича съ любопытствомъ узналъ о томъ, что братъ Иванъ вичъ уже уватилъ давеча утромъ въ Москву. «Должно раньше меня проѣхалъ черезъ Воловью», подумалъ Дмитрій ровичъ, но Смердяковъ его безпокоилъ ужасно: «какъ перь, кто сторожить будетъ, кто мнѣ передастъ? Съ жа началъ онъ разспрашивать этихъ женщинъ, не замѣтили чего вчера вечеромъ? Ты очень хорошо понимали, о чемъ разузнаеть и разувѣрили его вполне: никого не было, ни Иванъ Федоровичъ, «все было въ совершенномъ порядкѣ задумался. Безъ сомнѣнія, надо и сегодня караулить, здѣсь или у воротъ Самсонова? Онъ рѣшилъ, что и тамъ, все по усмотрѣнію, а пока, пова... Дѣло въ томъ, перь стоялъ передъ нимъ этотъ «планъ», давешній, вовсе вѣрный планъ, выдуманный имъ на телѣгѣ, и откладывая исполненіе котораго было уже невозможно. Митя рѣшилъ говорить на этотъ часъ: «въ часъ все порѣшу, все узнаю! тогда, во первыхъ, въ домъ къ Самсонову, справлюсь. Грушенька и мигомъ обратно сюда, и до одиннадцати здѣсь, а потомъ опять за ней къ Самсонову, чтобы преее обратно домой». Вотъ какъ онъ рѣшилъ.

Онъ полетѣлъ домой, умылся, причесался, вычистилъ одѣлся и отправился къ госпожѣ Хохляковой. Увы, онъ его былъ тутъ. Онъ рѣшился занять три тысячи у эти

вное, у него вдругъ, какъ-то внезапно, явилась необыкновенная увѣренность, что она ему не откажетъ. Можетъ быть, итса тому, что если была такая увѣренность, то почему-дъ заранѣе не пошелъ сюда, такъ сказать, въ свое общество, явился къ Самсонову, человеку склада чужаго, съ которымъ даже и не зналъ какъ говорить. Но дѣло въ томъ, что съ Ковой онъ въ послѣдній мѣсяцъ совсѣмъ почти разнаковалъ, да и прежде знакомъ былъ мало, и сверхъ того очень то, что и сама она его терпѣть не можетъ. Эта дама возненавидѣла его съ самаго начала просто за то, что онъ женихъ Ковы Ивановны, тогда какъ ей почему-то вдругъ захотѣлось, Катерина Ивановна его бросила и вышла замужъ за «милаго, кси образованнаго Ивана Федоровича у котораго такія снныя манеры». Манеры-же Мити она ненавидѣла. Митя жѣлся надъ ней и разъ какъ-то выразился про нее, что она «настолько жива и развязна, насколько не образована». Къ, давеча утромъ, на телѣгѣ, его озарила самая яркая мысль: если ужъ она такъ не хочетъ, чтобъ я женился на Катеринѣ Ковы, и не хочетъ до такой степени (онъ зналъ, что почти горьки), то почему-бы ей отказать мнѣ теперь въ этихъ тысячахъ, именно для того, чтобъ я на эти деньги могъ, въ Катю, укатить на вѣки отсюда? Эти избалованныя дамы, если ужъ захотятъ чего до капризу, то ужъ ничего не дадутъ, чтобы вышло по ихнему. Она-же къ тому такъ богата», идалъ Митя. Что-же касается собственно до «плана», то все тоже самое, что и прежде, то есть предложеніе правъ на Чермашню,—но уже не съ коммерческою цѣлью, какъ Самсонову, не прельщая эту даму, какъ вчера Самсонова, кнностью стяпать вмѣсто трехъ тысячъ кушъ вдвое, тысячъ сть или семь, а просто какъ благородную гарантію за долгъ. Кая эту новую свою мысль, Митя доходилъ до восторга, къ съ нимъ и всегда случалось при всѣхъ его начинаніяхъ, дѣхъ его внезапныхъ рѣшеніяхъ. Всякой новой мысли своей давался до страсти. Тѣмъ не менѣе, когда ступилъ на цо дома госпожи Хохлаковой, вдругъ почувствовалъ на своей ознобъ ужаса: въ эту только секунду онъ созналъ въ и уже математически ясно, что тутъ вѣдь послѣдняя уже въ его, что дальше уже ничего не остается въ мірѣ, если оборвется, «развѣ зарѣзать и ограбить кого-нибудь изъ-за тысячъ, а болѣе ничего»... Было часовъ семь съ половиною онъ позвонилъ въ колокольчикъ.

СОЧИНЕНІЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Или какъ-бы улыбнулось: только что онъ думалъ, что-то приняла съ необыкновенною быстротою. Ждала меня», мелькнуло въ умѣ Митя, а затѣмъ что ввела его въ гостиную, почти вбѣжала къ нему объявила ему, что ждала его...

— Ждала, ждала! Вѣдь я не могла даже и думать, что вы мнѣ придете, согласитесь сами, и, однако, я вѣсь подявитесь моему инстинкту, Дмитрій Федоровичъ, я была увѣрена, что вы сегодня придете.

— Это дѣйствительно, сударыня, удивительно, при Митя, мѣшковато усаживаясь,—но... я пришелъ по чрезвычайно важному дѣлу... наиважнѣйшему изъ важнѣйшихъ, для васъ есть, сударыня, для меня одного, и слѣзшу...

— Знаю, что по наиважнѣйшему дѣлу, Дмитрій Федоровичъ, тутъ не предчувствія какія-нибудь, не ретроградныя посылки на чудеса (слышала про старца Зосиму?), тутъ, тутъ вы не могли не придти, послѣ того какъ произошло все Батериной Ивановной, вы не могли, не могла; это мнѣ...

— Реализмъ дѣйствительной жизни, сударыня, вотъ такое! Но позвольте, однако-жь изложить...

— Именно реализмъ, Дмитрій Федоровичъ. Я теперь реализмъ, я слишкомъ проучена на счетъ чудесъ. Вы слышите, что померъ старецъ Зосима?

— Нѣтъ, сударыня, въ первый разъ слышу, удивительно много Митя. Въ умѣ его мелькнулъ образъ Алеши.

— Сегодня въ ночь, и представьте себѣ...

— Сударыня, прервалъ Митя,—я представляю себѣ то, что я въ отчаяннѣйшемъ положеніи и что если вы поможете, то все провалится, и я провалюсь первый. Пространственность выраженія, но я въ жару, я въ горячкѣ...

— Знаю, знаю, что вы въ горячкѣ, все знаю, вы и не быть въ другомъ состояніи духа, и что-бы вы ни сказали знаю напередъ. Я давно взяла вашу судьбу въ соображеніи Дмитрій Федоровичъ, я слѣжу за нею и изучаю ее... О, не то что я опытный душевный докторъ, Дмитрій Федоровичъ.

— Сударыня, если вы опытный докторъ, то я зато обильной, слюбезничала черезъ силу Митя,—и предчувствую если вы ужь такъ слѣдите за судьбой моею то и поощрите въ ея гибели, но для этого позвольте мнѣ, наконецъ, изъяснить предъ вами тотъ планъ, съ которымъ я рискнулъ жить то, чего отъ васъ ожидаю... Я пришелъ, сударыня...

Не излагайте, это второстепенность. А на счетъ помощи, ервому вамъ помогаю, Дмитрій Ѳедоровичъ. Вы вѣроятно и о моей кузинѣ Бельмесовой, ея мужъ погибалъ, про- и, какъ вы характерно выразились, Дмитрій Ѳедоровичъ, ке, я указала ему на коннозаводство, и онъ теперь про- ть. Вы имѣете понятіе о коннозаводствѣ, Дмитрій Ѳедоровичъ? Ни малѣйшаго, сударыня, — охъ, сударыня, ни малѣйшаго! алъ въ нервномъ нетерпѣніи Митя и даже поднялся было та. — Я только умоляю васъ, сударыня, меня выслушать, нѣ только двѣ минуты свободнаго разговора, чтобъ я могъ изложить вамъ все, весь проэктъ, съ которымъ пришелъ. гу-же мнѣ нужно время, я ужасно спѣшу!.. прокричалъ ески Митя, почувствовавъ, что она сейчасъ опять начнетъ гь и въ надеждѣ перекричать ее: — Я пришелъ въ отчаяніи... лѣдней степени отчаянія, чтобы просить у васъ займы три тысячи, займы, но подъ вѣрный, подъ вѣрнѣйшій , сударыня, подъ вѣрнѣйшее обезпеченіе! Позвольте только ть...

Это вы все потомъ, потомъ! замахала на него рукой въ чередъ госпожа Хохлакова, — да и все что-бы вы ни сказали,) все напередъ, я уже говорила вамъ это. Вы просите го суммы, вамъ нужны три тысячи, но я вамъ дамъ больше, но больше, я васъ спасу, Дмитрій Ѳедоровичъ, но надо, вы меня послушались!

гя такъ и прынулъ опять съ мѣста.

Сударыня, неужто вы такъ добры! вскричалъ онъ съ чайнымъ чувствомъ. — Господи, вы спасли меня. Вы спадовѣрка, сударыня, отъ насильственной смерти, отъ писто- Вѣчная благодарность моя...

Я вамъ дамъ безконечно, безконечно больше, чѣмъ три ! прокричала госпожа Хохлакова, съ сіяющею улыбкой на восторгъ Мити.

Безконечно? Но столько и не надо. Необходимы только овые для меня три тысячи, а я съ своей стороны пришелъ провать вамъ эту сумму съ безконечною благодарностью лагаю вамъ планъ, который...

Довольно, Дмитрій Ѳедоровичъ, сказано и сдѣлано, отрѣзала в Хохлакова съ цѣломудреннымъ торжествомъ благодарѣ- ны. — Я общала васъ спасти, и спасу. Я васъ спасу, какъ месова. Что думаете вы о золотыхъ пріискахъ, Дмитрій ичъ?

— О золотыхъ прискахъ, сударыня! Я никогда ихъ не думала.

— А зато я за васъ думала! Думала и передумала! Цѣлый мѣсяцъ слѣжу за вами съ этою цѣлью. Я сто разъ была на васъ, когда вы проходили, и повторила себѣ: вотъ этотъ человѣкъ, которому надо на приски. Я изучила даже вашу и рѣшила: этотъ человѣкъ найдетъ много приски.

— По походкѣ, сударыня? улыбнулся Митя.

— А что-жь, и по походкѣ. Что-же, неужели вы знаете, что можно по походкѣ узнавать характеръ, Дмитрій Ѳедоровичъ! Естественныя науки подтверждаютъ тоже самое. О, я реалистка, Дмитрій Ѳедоровичъ. Я съ сегодняшняго дня всей этой исторіи въ монастырѣ, которая меня такъ растрогала, совершенная реалистка и хочу броситься въ практическую жизнь. Я излѣчена. Довольно! какъ сказалъ Тургеневъ.

— Но, сударыня, эти три тысячи, которыми вы такъ щедро и кодушно меня обѣщали ссудить...

— Васъ не минуютъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, тотчасъ-же рѣзала госпожа Хохлакова,—эти три тысячи все равно въ васъ въ карманѣ, и не три тысячи, а три милліона, Дмитрій Ѳедоровичъ, въ самое короткое время! Я вамъ скажу вашу программу: вы отыщете приски, наживете милліоны, воротитесь и станете дѣятелемъ, будете и насъ двигать, направлять къ добру. Неужели-же все предоставить жидамъ? Вы будете строить и разные предпріятія. Вы будете помогать бѣднымъ, а тѣмъ благословлять. Нынче вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, Дмитрій Ѳедоровичъ. Вы станете извѣстны и необходимы министерству финансовъ, которое теперь такъ нуждается. Паденіе нашего дитнаго рубля не даетъ мнѣ спать, Дмитрій Ѳедоровичъ, съ этой стороны меня мало знаютъ...

— Сударыня, сударыня! въ какомъ-то безпокойномъ чувствіи прервала опять Дмитрій Ѳедоровичъ.—я весьма и весьма могу быть, послѣдую вашему совѣту,—умному совѣту вашей сударыни.—и я отправлюсь, можетъ быть, туда... на эти приски... и еще разъ приду къ вамъ говорить объ этомъ... много разъ... но теперь эти три тысячи, которыми вы такъ щедро и кодушно... О, онѣ-бы развязали меня, и если можно сегодня же... То есть, видите-ли, у меня теперь ни часу, ни часу времени.

— Довольно, Дмитрій Ѳедоровичъ, довольно! настоятельно рвала госпожа Хохлакова:—вопросъ: ѣдете вы на приски или нѣтъ, рѣшилась-ли вы вполне, отвѣчайте математически!

— Ёду, сударыня, потомъ... Я поѣду куда хотите, сударыня... теперь...

— Подождите-же! крикнула госпожа Хохлакова, вскочила и бѣжала къ своему великолѣпному бюро съ безчисленными ящиками и начала выдвигать одинъ ящикъ за другимъ, что-то живая и ужасно торопясь.

«Три тысячи!» подумалъ, замирая, Митя, — «и это сейчасъ, въ всякихъ бумагахъ, безъ акта... о, это по джентльменски! Великая женщина, и если-бы только не такъ разговорчива»...

— Вотъ! вскрикнула въ радости госпожа Хохлакова, возвращаясь въ Митю, — вотъ что я искала!

Это былъ крошечный серебряный образокъ на шнуркѣ, изъ которыхъ, какіе носятъ иногда вмѣстѣ съ натѣльнымъ крестомъ.

— Это изъ Кіева, Дмитрій Ѳедоровичъ, съ благоговѣніемъ держала она, — отъ мощей Варвары Великомученицы. Позвольте самой вамъ надѣть на шею и тѣмъ благословить васъ на новую жизнь и на новые подвиги.

И она дѣйствительно накинула ему образокъ на шею и стала помогать ему вправлять его. Митя въ большомъ смущеніи принагнулся къ ней, чтобы ей помогать и, наконецъ, вправилъ себѣ образокъ чрезъ дырку и воротъ рубашки на грудь.

— Вотъ теперь вы можете ѣхать! произнесла госпожа Хохлакова, торжественно садясь опять на мѣсто.

— Сударыня, я такъ тронута... и не знаю какъ даже благодарить... за такія чувства, но... если-бы вы знали какъ мнѣ дорого теперь время!.. Эта сумма, которую я столь жду отъ васъ, — о великодушія!.. О, сударыня, если вы ужь такъ добры, такъ щедро и великодушны ко мнѣ (воскликнулъ вдругъ во вдохновеніи Митя), — то позвольте мнѣ вамъ открыть... что, впрочемъ, вы давно уже знаете... что я люблю здѣсь одно существо... Катю... Катеринѣ Ивановнѣ. я хочу сказать... О, я такъ безчеловѣченъ и безчестенъ предъ нею, но я здѣсь люблю другую... одну женщину, сударыня, можетъ быть, презируемую вами, потому что вы все уже знаете, но которую я никакъ не могу оставить, никакъ, а потому теперь, эти три тысячи...

— Оставьте все, Дмитрій Ѳедоровичъ! самымъ рѣшительнымъ образомъ перебила госпожа Хохлакова. — Оставьте, и особенно Катю. Ваша цѣль — пріиски, а женщинъ туда незачѣмъ везти. Катя, когда вы возвратитесь въ богатствѣ и славѣ, вы наймете себѣ подружку сердца въ самомъ высшемъ обществѣ. Это будетъ дѣвушка современная, съ познаніями и безъ предразсуд-

ковъ. Въ тому времени какъ разъ созрѣеть теперь этотъ женскій вопросъ, и явится новая женщина...

— Сударыня, это не то, не то... сложила было у руки Дмитрій Федоровичъ.

— То самое, Дмитрій Федоровичъ, именно то, что вы чего вы жаждете, сами не зная того. Я вовсе не прочь отъ перешняго женскаго вопроса, Дмитрій Федоровичъ. Женское вѣтье и даже политическая роль женщины въ настоящее и шемъ будущемъ—вотъ мой идеалъ. У меня у самой Дмитрій Федоровичъ, я съ этой стороны меня мало занимало. писала по этому поводу писателю Щедрина. Этотъ писатель столько указалъ, столько указалъ въ назначеніи женщины я отправила ему прошлаго года анонимное письмо въ видѣ «Обнимаю и цѣлую васъ, мой писатель, за современную женщину, продолжайте». И подписалась: «мать». Я хотѣла подписаться «современная мать», и колебалась, но осталась просто на матери: больше красоты нравственной, Дмитрій ровичъ, да и слово «современная» напомнила-бы въ «мемникъ»,—воспоминаніе для нихъ горькое въ виду цензуры... Ахъ, Боже мой, что съ вами?

— Сударыня, вскочилъ, наконецъ, Митя, складывая ей руки ладонями въ безсильной мольбѣ, — вы не можете заплакать, сударыня, если будете откладывать то, что такъ ливодушно...

— И плачьте, Дмитрій Федоровичъ, не плачьте! Эти красныя чувства... вамъ предстоитъ такой путь! Слезы обмы васъ, потомъ возвратитесь и будете радоваться. Нарочно и чете ко мнѣ изъ Сибири, чтобы со мной порадоваться...

— Но позвольте-же и мнѣ, завопилъ вдругъ Митя, послѣдній разъ умоляю васъ, скажите, могу я получить отъ сегодня эту обѣщанную сумму? Если-же нѣтъ, то когда мнѣ явиться за ней?

— Какую сумму, Дмитрій Федоровичъ?

— Обѣщанная вами три тысяча... которая вы такъ ливодушно ..

— Три тысяча? Это рублей? Охъ, нѣтъ, у меня нѣтъ тысячъ, съ какимъ-то спокойнымъ удивленіемъ произнесъ помя Хохлакова. Митя обомлѣлъ...

— Какъ-же вы... сейчасъ... вы сказали... вы выра даже, что онѣ все равно какъ у меня въ карманѣ...

— Охъ, нѣтъ, вы меня не такъ поняли, Дмитрій Федо

жъ, то вы не поняли меня. Я говорила про приски... я вамъ обвѣщала больше, безконечно больше, чѣмъ три я теперь все припоминаю, но я имѣла въ виду одни

А деньги? А три тысячи? нелѣпо воскликнулъ Дмитрій

нѣтъ. О, если вы разумѣли деньги, то у меня ихъ нѣтъ. У меня совсѣмъ нѣтъ денегъ, Дмитрій Ѳеодоровичъ, я какъ разъ оперъ съ моимъ управляющимъ и сама на дняхъ заняла рублей у Миусова. Нѣтъ, нѣтъ, денегъ у меня нѣтъ. го, Дмитрій Ѳеодоровичъ, если-бъ у меня даже и были, мѣ не дала. Во первыхъ, я никому не даю займы. Дать, значить, поссориться. Но вамъ, вамъ я особенно-бы не обя васъ не дала-бы, чтобы спасти васъ не дала-бы, по-о вамъ нужно только одно: приски, приски и приски!.. О, что-бы чортъ!.. взревѣлъ вдругъ Митя и изо всѣхъ царилъ кулакомъ по столу.

Ай, ай! завричала Хохлакова въ испугѣ и отлетѣла въ дру-иецъ гостиной.

я плюнулъ и быстрыми шагами вышелъ изъ комнаты, изъ на улицу, въ темноту! Онъ шелъ какъ помѣшанный, себя по груди, по тому самому мѣсту груди, по кото-дарялъ себя два дня тому назадъ предъ Алешей, когда съ нимъ въ послѣдній разъ вечеромъ, въ темнотѣ, на Что означало это битье себя по груди *по этому мѣсту* б онъ тѣмъ хотѣлъ указать,—это была пока еще тайна, в не зналъ никто въ мірѣ, которую онъ не открылъ тогда дешѣ, но въ тайнѣ этой заключался для него болѣе чѣмъ заключались гибель и самоубійство, онъ такъ уже рѣ-если не достанетъ тѣхъ трехъ тысячъ, чтобы уплатить нѣ Ивановнѣ и тѣмъ снять съ своей груди, «съ того *груди*» позоръ, который онъ носилъ на ней, и который вилъ его совѣсть. Все это вполне объяснится читателю ствіи, но теперь, послѣ того какъ исчезла послѣдняя на-эго, этотъ столь сильный физически человекъ, только что въ нѣсколько шаговъ отъ дому Хохлаковой, вдругъ за-лезами, какъ малый ребенокъ. Онъ шелъ и, въ забытьи, кулакомъ слезы. Такъ вышелъ онъ на площадь и вдругъ воевалъ, что наткнулся на что-то всѣмъ тѣломъ. Раздался кый вой какой-то старушонки, которую онъ чуть не опро-

— Господи, чуть не убилъ! Чего зря шагавешь, ворюга!

— Какъ, это вы? вскричалъ Митя разглядѣвъ въ темнотѣ старушонку. Это была та самая старая служанка, которая служивала Кузьмѣ Самсонову, и которую слишкомъ замѣтилъ вчера Митя.

— А вы сами кто таковы, батюшка? совсѣмъ дружелюбно проговорила старушка, — не признавъ ни въ васъ ничего-то.

— Вы у Кузьмы Кузьмича живете, ему прислуживаете?

— Точно такъ, батюшка, сейчасъ только къ Якову сбѣгала... Да чтой-то я васъ все признавъ не могу?

— Скажите, матушка, Аграфена Александровна у васъ перь? вѣдь себя отъ ожиданія пронзесъ Митя. — Дядюшка самъ проводилъ.

— Была, батюшка, приходила, посидѣла время и ушла.

— Какъ? Ушла? вскричалъ Митя. — Когда ушла?

— Да въ ту пору и ушла-же, минутку только и побѣжала насъ. Кузьмѣ Кузьмичу сказку одну рассказала, разсѣянная да и убѣжала.

— Врешь, проклятая! завопилъ Митя.

— А-ай! закричала старушонка, но Митя и садѣвъ проскочилъ побѣжалъ что было силы въ домъ Морозовой. Это было то время, когда Грушенька укатила въ Мокрое, промѣтивъ болѣе четверти часа послѣ ея отъѣзда. Феня сидѣла со старушкой, кухаркой Матреной, въ кухнѣ, когда вдругъ вошелъ «капитанъ». Увидавъ его, Феня закричала благимъ матомъ.

— Кричишь? завопилъ Митя: — гдѣ она? Но не давъ отъ себя еще слова обомлѣвшей отъ страху Фенѣ, онъ вдругъ повалился ей въ ноги:

— Феня, ради Господа Христа нашего, скажи, гдѣ она?

— Батюшка, ничего не знаю, голубчикъ Дмитрій Фенявичъ, ничего не знаю, хоть убейте ничего не знаю, закричала забоявшаяся Феня, — сами вы давеча съ ней пошла...

— Она назадъ пришла!..

— Голубчикъ, не приходила, Богомъ клянусь, не приходила!

— Врешь, вскричалъ Митя, — ужъ по одному твоему я знаю, гдѣ она!..

Онъ бросился вонъ. Испуганная Феня рада была, что дядюшка отдѣлалась, но очень хорошо поняла, что ему было только тогда, а то-бы ей, можетъ, не сдобровать. Но, убѣгая, онъ вскричалъ и Феню, и старуху Матрену одною самою неожиданною

на столѣ стояла мѣдная ступка, а въ ней пестикъ
мѣдный пестикъ въ четверть аршина всего длиною
выбитъ и уже отворивъ одною рукою дверь, другою
на лету выхватилъ пестикъ изъ ступки и сунулъ себѣ
въ карманъ, съ нимъ и былъ таковъ.

— Ахъ, Господи, онъ убить ного хочетъ! вскрикнула рукава

IV.

Въ темнотѣ.

Туда побѣжалъ онъ? Извѣстно: «гдѣ-же она могла быть
не у Федора Павловича? Отъ Самсонова прямо и побѣжала
ему, теперь-то ужъ это ясно. Вся интрига, весь обманъ
очевидны»... Все это летѣло какъ вихрь въ головѣ его
говоръ къ Марьѣ Кондратьевнѣ онъ не забѣжалъ: «Туда не
отнюдь не надо... чтобы ни малѣйшей тревоги... тотчасъ
дадутъ и предадутъ... Марья Кондратьевна, очевидно, въ за-
рѣ. Смердяковъ тоже, тоже, всѣ подкуплены!» У него созда-
другое намѣреніе: онъ обѣжалъ большимъ крюкомъ, чрезъ
дворъ, домъ Федора Павловича, пробѣжалъ Дмитровскую
улицу, перебѣжалъ потомъ мостикъ и прямо почалъ въ уединен-
переулокъ на задахъ, пустой и необитаемый, огороженный
одной стороны плетнемъ сосѣдскаго огорода, а съ другой
кирпичъ-высокимъ заборомъ, обходящимъ кругомъ сада Федора
Павловича. Тутъ онъ выбралъ мѣсто и, кажется, то самое, гдѣ
преданію, ему извѣстному, Лизавета Смердящая перелѣзла
на то заборъ. «Если ужъ та смогла перелѣзть», Богъ знаетъ
ему мелькнуло въ его головѣ, — «то какъ-же-бы я-то не пе-
релѣзъ?» И дѣйствительно, онъ подскочилъ и мигомъ снаровилъ
рукою за верхъ забора, затѣмъ энергически припод-
нялся, разомъ влѣзъ и сѣлъ на заборѣ верхомъ. Тутъ вблизи
саду стояла банька, но съ забора видны были и освѣщен-
го окна дома. «Такъ и есть, у старика въ спальнѣ освѣщено
табачь!» и онъ прыгнулъ съ забора въ садъ. Хоть онъ и
зналъ, что Григорій боленъ, а, можетъ быть, и Смердяковъ въ
дѣлѣ боленъ, и что услышать его некому, но инстинк-
тивно такъ, замеръ на мѣстѣ и сталъ прислушиваться. Но
ничего: мертвое молчаніе и какъ нарочно полное затишье
въ вѣтерка.

СОЧИНЕНІЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

шепчетъ тишина», мелькнулъ почему-то
словъ его, — «вотъ только не услышалъ»
очидь: кажется, нѣтъ». Постоявъ минуту
шелъ по саду, по травѣ; обходя деревья и
долго, скрадывая каждый шагъ, къ каждому шагу
прислушиваясь. Минуть съ пять добирался онъ до
наго окна. Онъ помнилъ, что тамъ, подь самыми
нѣскольکو большихъ, высокихъ, густыхъ кустовъ
и калины. Выходная дверь изъ дома въ садъ въ лѣвой
фасада была заперта, и онъ это нарочно и тщательно
трѣлъ, проходя. Наконецъ, достигъ и кустовъ и притаи
ними. Онъ не дышалъ. «Переждать теперь надо», подумалъ
«если они слышали мои шаги и теперь прислушиваются
чтобы разувериться... какъ-бы только не кашлянуть,
хнуть»...

Онъ переждалъ минуты двѣ, но сердце его билось уж
мгновеніями онъ почти задыхался. «Нѣтъ, не пройдетъ
бленіе», подумалъ онъ, — «не могу дольше ждать». Онъ
ва кустомъ въ тѣни, передняя половина куста была осв
изъ окна. «Калина, ягоды, какія красныя!» прошепталъ
зная зачѣмъ. Тихо, раздѣльными неслышными шагами по
онъ къ окну и подвигая на цыпочки. Вся спаленка
Павловича предстала предъ нимъ, какъ на ладони. Эт
небольшая комната, вся раздѣленная поперекъ красными
мочками, «китайскими», какъ называлъ ихъ Федоръ Пав
«Китайскія», пронеслось въ умъ Мити, «а за ширмами
шенька». Онъ сталъ разглядывать Федора Павловича. Тот
въ своемъ новомъ полосатомъ шелковомъ халатикѣ, и
никогда еще не видѣлъ у него Митя, подпоясанномъ шнур
же шнуркомъ съ кистями. Изъ-подъ ворота халата выгля
чистое щегольское бѣлье, тонкая голландская рубашка съ
тыми запонками. На головѣ у Федора Павловича была
красная повязка, которую видѣлъ на немъ Алеша. «Разсе
подумалъ Митя. Федоръ Павловичъ стоялъ близъ окна, и
тому, въ задумчивости, вдругъ онъ вздернулъ голову, чу
прислушался и, ничего не услышавъ, подошелъ къ стол
илъ изъ графина поарюмочки коньяку и выпилъ. О
вздохнулъ всею грудью, опять постоялъ, разсвѣянно по
къ зеркалу въ простѣнкѣ, правою рукой приподнялъ и
красную повязку со лба и сталъ разглядывать свои спи
болячки, которые еще не прошли. «Онъ одинъ», подумалъ

«всѣмъ вѣроятностямъ одинъ». Федоръ Павловичъ отошелъ отъ зеркала, вдругъ повернулся къ окну и глянулъ въ него. Въ мигомъ отскочилъ въ тѣнь.

«Она, можетъ быть, у него за ширмами, можетъ быть, уже тамъ», кольнуло его въ сердце. Федоръ Павловичъ отъ окна шелъ. «Это онъ въ окошко ее высматривалъ, стало быть, ея: чего ему въ темноту смотрѣть?.. нетерпѣннѣе, значитъ, полагаетъ»... Митя тотчасъ подскочилъ и опять сталъ глядѣть въ окно. Старикъ уже сидѣлъ предъ столикомъ, видимо пригорющенный. Наконецъ, облокотился и приложилъ правую ладонь щекъ. Митя жадно вглядывался.

«Одинъ, одинъ!» твердилъ онъ опять. «Если-бъ она была тамъ, у него было-бы другое лицо». Странное дѣло: въ его сердце вдругъ закипѣла какая-то бессмысленная и чудная досада на то, что ея тутъ нѣтъ. «Не на то, что ея тутъ нѣтъ» осмыслилъ и отвѣтилъ Митя себѣ тотчасъ-же, — «а на то, что никакъ твердо узнать не могу, тутъ она или нѣтъ». Митя припомнилъ потомъ самъ, что умъ его былъ въ ту минуту ясень необыкновенно и соображалъ все до послѣдней подробности, схватывалъ каждую черточку. Но тоска, тоска невѣдѣнія и нерѣши-мости нарастала въ сердце его съ быстротой непомѣрною. «Здѣсь ли, наконецъ, или не здѣсь?» злобно закипѣло у него въ сердце. Онъ вдругъ рѣшился, протянулъ руку и потихоньку постучалъ въ раму окна. Онъ простучалъ условный знакъ старика со стариковымъ: два первые раза потише, а потомъ три раза по-рѣше: тукъ-тукъ-тукъ,—знакъ обозначающій, что «Грушенька пришла». Старикъ вздрогнулъ, вздернулъ голову, быстро вскочилъ и бросился къ окну. Митя отскочилъ въ тѣнь. Федоръ Павловичъ отперъ окно и высунулъ всю свою голову.

— Грушенька, ты? Ты, что-ли? проговорилъ онъ какимъ-то шепотомъ. — Гдѣ ты, маточка, ангелочикъ, гдѣ ты? Онъ былъ въ страшномъ волненіи, онъ задыхался.

«Одинъ!» рѣшилъ Митя.

— Гдѣ-же ты? крикнулъ опять старикъ и высунулъ еще выше голову, высунулъ ее съ плечами, озираясь на всѣ стороны, направо и налево;—иди сюда; я гостинчику приготовилъ, покажу!..

«Это онъ про пакетъ, съ тремя тысячами», мелькнуло у Мити. — Да гдѣ-же?.. Али у дверей? Сейчасъ отворю..

И старикъ чуть не выльзъ изъ окна, заглядывая направо и налево, гдѣ была дверь въ садъ, и стараясь разглядѣть въ

темнотѣ. Черезъ секунду онъ непременно побѣжалъ бы въ дверь, не дождавшись отвѣта Грушеньки. Митя свѣтъ боку и не шевелился. Весь столъ противный ему приража, весь отвѣсній кадыкъ его, носъ крючкомъ, уша въ сладостномъ ожиданіи, губы его, все это ярко бѣшено косытъ свѣтомъ лампы слѣва изъ комнаты. Неизвестная злоба закипѣла вдругъ въ сердцѣ Мити: «его соперникъ, его мучитель, мучитель его жизни!» приливъ той самой внезапной, мстительной и нестойкой про которую, какъ-бы предчувствуя ее, возвѣстивъ онъ въ разговорѣ съ нимъ въ бесѣдкѣ четыре дня назадъ отвѣтилъ на вопросъ Алеша: «какъ можешь ты говорить объ отцѣ?»

«Я видѣ не знаю, не знаю, сказалъ онъ тогда; не убью, а, можетъ, убью. Боюсь, что неавиестенъ онъ мнѣ станетъ *«своимъ лицомъ въ ту самую минуту»*. И я его кадыкъ, его носъ, его глаза, его безстыжую и личное омерзѣніе чувствую. Вотъ этого боюсь, вотъ и жуть».

Личное омерзѣніе нарастало нестерпимо. Митя уже ниль себя и вдругъ выхватилъ мѣдный пестикъ изъ

«Богъ», какъ самъ Митя говорилъ потомъ, «сторожа тогда»: какъ разъ въ то самое время проснулся на одѣ больнои Григорій Васильевичъ. Къ вечеру того-же дня вершилъ надъ собою извѣстное лѣчение, о которомъ говъ разсказывалъ Ивану Федоровичу, то есть вытереть помощью супруги водкой съ какимъ-то секретнымъ кри настоємъ, а остальное выпилъ съ «нѣкоторою молитвою шептанною надъ нимъ супругой, и залегъ спать. И натѣвна вкусила тоже и, какъ не пьющая, заснула и пруга мертвымъ сномъ. Но вотъ совсѣмъ неожиданно вдругъ проснулся въ ночи, сообразилъ минутку и хотъ же опять почувствовалъ сильную боль въ поясницѣ, нялся на постели. Затѣмъ опять что-то обдумалъ, вста скоро одѣлся. Можетъ быть, угрызеніе совѣсти кольну. то, что онъ спитъ, а домъ безъ сторожа «въ такое время». Разбитый надучею Смердяковъ лежалъ въ д моркѣ безъ движенія. Марѣа Игнатьевна не шевелима была баба», подумалъ, глянувъ на нее Григорій Васи вряхта вышелъ на крылечко. Конечно, онъ хотѣлъ те

лечка, потому что ходить былъ не въ силахъ, боль ; и въ правой ногѣ была нестерпимая. Но какъ разъ омылъ, что калитку въ садъ онъ съ вечера на заперъ. Это былъ человекъ аккуратнѣйшій и точнѣйшій разъ установившагося порядка и многолѣтнихъ Хромая и корчась отъ боли, сошелъ онъ съ кры-равился къ саду. Такъ и есть, калитка совсѣмъ наинально ступилъ онъ въ садъ: можетъ быть, ему (илось, можетъ, услыхалъ какой нибудь звукъ, но, (ѣво, увидалъ отворенное окно у барина, пустое уже то уже изъ него не выглядывалъ. «Почему отво-не лѣто!» подумалъ Григорій и вдругъ, какъ разъ мгновеніе, прямо предъ нимъ въ саду замелькало лчайное. Шагахъ въ сорока предъ нимъ какъ-бы ть темнотѣ человекъ, очень быстро двигалась какая-осподи!» проговорилъ Григорій и, не помня себя, за-зою боль въ поясицѣ, пустился на перерѣзъ бѣгу-взялъ короче, садъ былъ ему видимо знакомѣе, чѣмъ отъ-же направлялся къ банѣ, пробѣжалъ за баню, стѣнѣ... Григорій слѣдилъ его, не теряя изъ виду и помня себя. Онъ добѣжалъ до забора какъ разъ въ когда бѣглецъ уже перелѣзалъ заборъ. Внѣ себя игорій, кинулся и вцѣпился обѣими руками въ его

есть, предчувствіе не обмануло его; онъ узналъ его, чѣ «извергъ-отцеубивецъ!»

убивецъ! прокричалъ старикъ на всю окрестность, то и успѣлъ прокричать; онъ вдругъ упалъ, какъ громомъ. Митя соскочилъ опять въ садъ и нагнулся кеннымъ. Въ рукахъ Мити былъ мѣдный пестикъ и льно отбросилъ его въ траву. Пестикъ упалъ въ хъ отъ Григорія, но не на траву, а на тропинку, дноое мѣсто. Нѣсколько секундъ разсматривалъ онъ редъ нимъ. Голова старика была вся въ крови; Митя руку и сталъ ее ощупывать. Онъ припомнилъ по-что ему ужасно захотѣлось въ ту минуту «вполнѣ проломилъ онъ черепъ старику или только «огоро-пестикомъ по темени? Но кровь лилась, лилась пгомъ облила горячею струей дрожащія пальцы Мити. ть, что выхватилъ изъ кармана свой бѣлый новый торымъ запасся идя къ Хохлаковой. в приложилъ

въ головѣ старика, безмысленно стараясь оттереть лба и съ лица. Но и платокъ мигомъ весь намокъ. «Господи, да для чего это я?» очнулся вдругъ Митя ужъ проломилъ, то какъ теперь узнать... Да и не въперъ равно!» прибавилъ онъ вдругъ безнадежно, — убилъ убилъ... Попался старикъ и лежи!» громко проговорилъ вдругъ кинулся на заборъ, перепрыгнулъ въ перепустился бѣжать. Намокшій кровью платокъ былъ свѣтъ него въ правомъ кулачѣ и онъ на бѣгу сунулъ его въ карманъ куртки. Онъ бѣжалъ сломя голову, и нѣкоторые прохожихъ, повстрѣчавшихся ему въ темнотѣ, въ города, запомнили потомъ, какъ встрѣтили они въ ту истово бѣгущаго человека. Летѣлъ онъ опять въ домъ вой. Давеча Феня, тотчасъ по уходѣ его, бросилась къ дворянику Назару Ивановичу и «Христомъ-Богомъ» шептала ему, чтобъ онъ «не впускалъ ужъ больше каки сегодня, ни завтра». Назаръ Ивановичъ, выслушавъ, согласно на грѣхъ отлучился на верхъ къ баринѣ, куда его и позвали, и на ходу, встрѣтивъ своего племянника, парня двадцати, недавно только прибывшаго изъ деревни, прему побыть на дворѣ, но забылъ приказать о капитанѣ жавъ до воротъ, Митя постучался. Парень мигомъ узна Митя не разъ уже давалъ ему на чай. Тотчасъ-же отворил калитку, впустилъ в, весело улыбаясь, предупредительно шепталъ увѣдомить, что «вѣдь Аграфены Александровны дома-то и нѣтъ-съ».

— Гдѣ-же она, Прохоръ? вдругъ остановился Митя

— Давеча уѣхала, часа съ два тому, съ Тимошеемъ, въ

— Зачѣмъ? крикнулъ Митя.

— Этого знать не могу-съ, къ офицеру какому-то ихъ позвалъ, отгудова и лошадей прислал...

Митя бросилъ его и какъ полоумный вбѣжалъ къ (

у.

Внезапное рѣшеніе.

Та сидѣла въ кухнѣ съ бабушкой, обѣ собирались и спать. Надѣясь на Назара Ивановича, они мзнутри она не заперлась. Митя вбѣжалъ, кинулся на Феню и кричалъ ее за горло.

— Говори сейчасъ, гдѣ она, съ кѣмъ теперь въ Мокромъ? — вопилъ онъ въ изступленіи.

Обѣ женщины взвизгнули.

— Ай, скажу, ай, голубчикъ Дмитрій Ѳедоровичъ, сейчасъ не скажу, ничего не цотаю, прокричала скороговоркой на смерть испуганная Ѳеня:—она въ Мокрое къ офицеру поѣхала.

— Къ какому офицеру? вопилъ Митя.

— Къ прежнему офицеру, къ тому самому, къ прежнему своему, пять лѣтъ тому который былъ, бросилъ и уѣхалъ, тою-же скороговоркой протрещала Ѳеня.

Дмитрій Ѳедоровичъ отнялъ руки, которыми сжималъ ей горло. Онъ стоялъ предъ нею блѣдный какъ мертвецъ и безгласный, но въ глазахъ его было видно, что онъ все разомъ понялъ, все, все разомъ съ полслова понялъ до послѣдней черточки и обо всемъ догадался. Не блѣдной Ѳенѣ, конечно, было наблюдать въ секунду, понялъ онъ или нѣтъ. Она какъ была, сидя на сундукѣ, когда онъ вбѣжалъ, такъ и осталась теперь, вся трепещущая и, выставивъ предъ собою руки, какъ-бы желая защититься, такъ и замерла въ этомъ положеніи. Испуганными, расширенными отъ страха зрачками глазъ впиалась она въ него недвижно. А у того какъ разъ къ тому обѣ руки были запачканы въ крови. Дорогой, когда вбѣжалъ, онъ, должно быть, догнывался ими до своего лба, вытирая съ лица потъ, такъ что на лбу, и на правой щекѣ остались красныя пятна размазанной крови. Съ Ѳеней могла сейчасъ начаться истерика, старуха-же Бухарка вскочила и глядѣла какъ сумасшедшая, почти потерявъ сознание. Дмитрій Ѳедоровичъ простоялъ съ минуту и вдругъ машинально опустился возлѣ Ѳени на стулъ.

Онъ сидѣлъ и не то чтобы соображалъ, а былъ какъ-бы въ испугѣ, точно въ какомъ-то столбнякѣ. Но все было ясно какъ день: этотъ офицеръ—онъ зналъ про него, зналъ вѣдь отлично все, зналъ отъ самой-же Грушеньки, зналъ, что мѣсяць назадъ въ письмо прислалъ. Значитъ, мѣсяць, цѣлый мѣсяць это дѣлалось въ глубокой отъ него тайнѣ до самаго теперешняго пріезда этого новаго человѣка, а онъ-то и не думалъ о немъ! Но какъ могъ, какъ могъ онъ не думать о немъ? Почему онъ такъ-таки и забылъ тогда про этого офицера, забылъ тотчасъ-же какъ узналъ про него? Вотъ вопросъ, который стоялъ предъ нимъ какъ какое-то чудище. И онъ созерцалъ это чудище дѣйствительно въ испугѣ, похолодѣвъ отъ испуга.

Но вдругъ онъ тихо и кротко, какъ тихій и ласковый ре-

бенокъ, заговорилъ съ Феней, совсѣмъ точно и забывъ, что часъ ее такъ перепугалъ, обидѣлъ и измучилъ. Онъ вдругъ чрезвычайно и даже удивительно въ его положеніи тотчасъ принялся разспрашивать Феню. А Феня хоть и дико смотрѣла на окровавленные руки его, но тоже съ удивительною готовностью и поспѣшностью принялась отвѣчать ему на каждый вопросъ, даже какъ-бы спѣша выложить ему всю «правду ерминскую». Мало по малу, даже съ какою-то радостью начала излагать всѣ подробности, и вовсе не желая мучить, а какъ-то спѣша изо всѣхъ силъ отъ сердца услужить ему. До послѣднихъ подробностей рассказала она ему и весь сегодняшній день, происшествіе Ракитина и Алеши, какъ она, Феня, стояла на сторожѣ, какъ барыня поѣхала и что она прокричала въ окошко Алеши поклонъ ему, Митенькѣ, и чтобы «вѣчно помнилъ какъ любилъ она его часочекъ». Выслушавъ о поклонѣ, Митя вдругъ улыбнулся и на блѣдныхъ щекахъ его вспыхнулъ румянецъ. Феня въ ту-же минуту сказала ему, уже ни крошечки не боясь свое любопытство:

— Руки-то какія у васъ, Дмитрій Федоровичъ, всѣ-то въ крови.

— Да, отвѣтилъ машинально Митя, разсѣянно посмотрѣвъ на свои руки, и тотчасъ забылъ про нихъ, и про вопросъ Феней. Онъ опять погрузился въ молчаніе. Съ тѣхъ поръ какъ въѣхалъ онъ, прошло уже минутъ двадцать. Давешній испугъ его прошелъ, но видимо имъ уже овладѣла вполне какая-то новая и преклонная рѣшимость. Онъ вдругъ всталъ съ мѣста и заучиво улыбнулся.

— Баринъ, что съ вами это такое было? проговорила Феня опять показывая ему на его руки, — проговорила съ сожалѣніемъ, точно самое близкое теперь къ нему въ горѣ его существо.

Митя опять посмотрѣлъ себѣ на руки.

— Это кровь, Феня, проговорилъ онъ со страннымъ выраженіемъ смотря на нее, — это кровь человѣческая и, Боже, изъ чѣмъ она пролилась! Но... Феня... тутъ одинъ заборъ (онъ обидѣлъ на нее какъ-бы загадывая ей загадку), одинъ высокій заборъ и страшный на видъ, но... завтра на разсвѣтъ, когда «взйдетъ солнце», Митенька черезъ этотъ заборъ перескочитъ... Ты понимаешь, Феня, какой заборъ, ну да ничего... все равно, завтра услышишь и все поймешь... а теперь прощай! Не помнишь и устранюсь, съумѣю устраниваться. Живи, моя радость... люби меня часокъ, такъ и помни на вѣки Митеньку Карамазова. Вѣдь она меня все называла Митенькой, помнишь?

И съ этими словами вдругъ вышелъ изъ кухни. А Оеня вы-
да этого испугалась чуть не больше еще, чѣмъ когда онъ да-
ча вбѣжалъ и бросился на нее.

Ровно десять минутъ спустя, Дмитрій Федоровичъ вошелъ къ
му молодому чиновнику, Петру Ильичу Перхотину, которому
веча заложилъ пистолеты. Было уже половина девятаго и
гръ Ильичъ, напившись дома чаю, только что облекся снова
сюртукъ, чтобъ отправиться въ трактиръ «Столичный Городъ»
играть на билліардѣ. Митя захватилъ его на выходѣ. Тотъ,
идѣвъ его и его запачканное кровью лицо, такъ и вскрикнулъ.

— Господи! Да что это съ вами?

— А вотъ, быстро проговорилъ Митя,—за пистолетами мо-
и пришелъ и вамъ деньги принесъ. Съ благодарностію. То-
плюсь, Петръ Ильичъ, пожалуйста, поскорѣе.

Петръ Ильичъ все больше и больше удивлялся: въ рукахъ
сти онъ вдругъ разсмотрѣлъ кучу денегъ, а, главное, онъ дер-
лъ эту кучу, и вошелъ съ нею, какъ никто деньги не дер-
тъ и никто съ ними не входитъ: всѣ кредитки несъ въ пра-
й рукѣ, точно напоказъ, прямо держа руку предъ собою. Маль-
въ, слуга чиновника, встрѣтившій Митю въ передней, сказыв-
лъ потомъ, что онъ такъ и въ переднюю вошелъ съ день-
ми въ рукахъ, стало быть, и по улицѣ все также несъ ихъ
едъ собою въ правой рукѣ. Бумажки были все сторублевая,
цужныя, придерживалъ онъ ихъ окровавленными пальцами.
етръ Ильичъ, потомъ, на позднѣйшіе вопросы интересовавшихся
щъ: сколько было денегъ, заявлялъ, что тогда сосчитать на-
лзъ трудно было. можетъ быть, двѣ тысячи, можетъ быть,
ри, но пачка была большая, «плотненькая». Самъ-же Дмитрій
Федоровичъ, какъ показывалъ онъ тоже потомъ, «былъ какъ-бы
уже совсѣмъ не въ себѣ, но не пьянъ, а точно въ какомъ-то
осторгѣ, очень разсѣянъ, а въ тоже время какъ будто и со-
редоточенъ, точно объ чемъ-то думалъ и добивался, и рѣшить
е могъ. Очень торопился, отвѣчалъ рѣзко, очень странно, мгно-
вѣніями-же былъ какъ будто вовсе не въ горѣ, а даже веселъ».

— Да съ вами-то что, съ вами-то что теперь? прокричалъ
вять Петръ Ильичъ, дико разсматривая гостя. — Какъ это вы
къ раскровенились, упали, что-ли, посмотрите!

Онъ схватилъ его за локоть и поставилъ къ зеркалу. Митя,
здавъ свое запачканное кровью лицо, вздрогнулъ и гнѣвно
хмурился.

— Э, чортъ! Этого не доставало, пробормоталъ онъ со злобой

быстро корзинка изъ правой руки кредитки въ дѣшную судорожно выдернулъ изъ кармана платокъ. Но въ платокъ зался весь въ крови (этимъ самымъ платкомъ онъ вытиралъ голову и лицо Григорію): ни одного почти мѣстечка не было, и не то что началъ засыхать, а какъ-то заскорузъ и не хотѣлъ развернуться. Митя злобно шваркнулъ его обѣими руками.

— Э, чортъ! Нѣтъ-ли у васъ какой тряпки... обтереться?

— Такъ вы только запачкались, а не ранены? Тамъ лучше вымойтесь, отвѣтилъ Петръ Ильичъ. — Вотъ рукоямокъ я вамъ подамъ.

— Рукоямокъ? Это хорошо... только куда-же я это въ какомъ-то совсѣмъ ужъ странномъ недоумѣніи указавъ Петру Ильичу на свою пачку сторублевыхъ, вопросительно на него, точно тотъ долженъ былъ рѣшить, куда ему дѣлать собственные деньги.

— Въ карманъ суньте, аки на столъ вотъ здѣсь мол не пропадутъ.

— Въ карманъ? Да, въ карманъ. Это хорошо.. Нѣтъ, я ли, это все вздоръ! вскричалъ онъ, какъ-бы вдругъ выходя изъ разсѣянности. — Видите: мы сперва это дѣло кончимъ, послѣ того, вы мнѣ ихъ отдайте, а вотъ ваши деньги.. потому что очень, очень нужно... и времени, времени ни капли...

И, снявъ съ пачки верхнюю сторублевую, онъ протянулъ чиновнику.

— Да у меня и сдачи не будетъ, замѣтилъ тотъ: — у мальчишки нѣтъ?

— Нѣтъ, сказалъ Митя, поглядѣвъ опять на пачку, и неувѣренный въ словахъ своихъ попробовалъ пальцами и бумажки сверху, — нѣтъ, все такія-же, прибавилъ онъ и вопросительно поглядѣлъ на Петра Ильича.

— Да откуда вы такъ разбогатыли? спросилъ тотъ стойте, я мальчишка своего пошлю сбѣгать къ Плотниковымъ. Они забираютъ поздно, — вотъ не развѣиваютъ-ли. Эй, крикнулъ онъ въ переднюю.

— Въ лавку къ Плотниковымъ — великолѣпнѣйшее крикнулъ и Митя, какъ-бы осѣненный какою-то мыслью. — обернулся онъ къ вошедшему мальчику, — видишь, бѣ Плотниковымъ, и скажи, что Дмитрій Федоровичъ велѣлъ вамъ и сейчасъ самъ будетъ... Да слушай, слушай: чтобы къ его и приготовили шампанскаго, этакъ дюжины три, да уложи тогда, когда въ Мокрое ѣдешь... Я тогда четыре дюжины!

шь (вдругъ обратился онъ къ Петру Ильичу)—они ужь зна-
ь, не безпокойся, Миша, повернулся онъ опять къ мальчику.—
слушай: чтобы сыру тамъ, пироговъ страсбургскихъ, сиговъ
ченыхъ, ветчины, икры, ну и всего, всего, что только есть у
тъ, рублей этакъ на сто или на сто двадцать, какъ прежде
ю... Да слушай: гостинцевъ чтобы не забыли, конфетъ, грушъ,
уза два или три, аль четыре,—ну нѣтъ, арбуза-то одного до-
бно, а шоколаду, леденцовъ, монпансье, тягущекъ—ну всего,
тогда со мной въ Мокрое уложили, съ шампанскимъ рублей
триста чтобы было... Ну, вотъ и теперь чтобы также точно.
вспомни ты, Миша, если ты Миша... Вѣдь его Мишей зовутъ?
тъ обратился онъ къ Петру Ильичу.

— Да постоитъ, перебилъ Петръ Ильичъ, съ безпокойствомъ
слушая и разсматривая,—вы лучше сами пойдете, тогда и
вите, а онъ переверетъ.

— Переверетъ, вижу что переверетъ! Эхъ, Миша, а я было
я поцаловать хотѣлъ за комиссію... Коли не переверешь,
ать рублей тебѣ, скачи скорѣй... Шампанское, главное, шам-
ское чтобы выкатили, да и коньячку, да и краснаго, и бѣлаго,
всего этого какъ тогда... Они ужь знаютъ какъ тогда было.

— Да слушайте вы! съ нетерпѣніемъ уже перебилъ Петръ
ичъ.—Я говорю: пусть онъ только сбѣгаетъ размѣнить, да
ажетъ, чтобы не запирали, а вы пойдете и сами скажете...
айте вашу кредитку, маршъ, Миша, одна нога тамъ, другая
ъ! Петръ Ильичъ, кажется, нарочно поскорѣй прогналъ Мишу,
ому что тотъ какъ сталъ предъ гостемъ, выпуча глаза на
кровоавое лицо и окровавленные руки съ пучкомъ денегъ въ
жащихъ пальцахъ, такъ и стоялъ, разиня ротъ отъ удивле-
н страха и, вѣроятно, мало понялъ изъ всего того, что ему
азывалъ Митя.

— Ну, теперь пойдите мыться, сурово сказалъ Петръ Иль-
.—Положите деньги на столъ, али суньте въ карманъ... Вотъ
ь, идемъ. Да снимите сюртукъ.

И онъ сталъ ему помогать снять сюртукъ и вдругъ опять
жвнулъ.

— Смотрите, у васъ и сюртукъ въ крови!

— Это... это не сюртукъ. Только немного тутъ у рукава...
го вотъ только здѣсь, гдѣ платокъ лежалъ. Изъ кармана
очилось. Я на платокъ-то у Фени сѣлъ, кровь-то и просочи-
ь, съ какою-то удивительною довѣрчивостью тотчасъ-же объ-
шь Митя. Петръ Ильичъ выслушалъ нахмурившись.

— Угораздило-же васъ; подрались, должно быть, с пробормоталъ онъ.

Начали мыться. Петръ Ильичъ держалъ кувшинъ и валъ воду. Митя торопился и плохо было намылить руки у него дрожали, какъ припомнилъ потомъ Петръ Ильичъ, Ильичъ тотчасъ-же велѣлъ намылить больше и тереть. Онъ какъ будто бралъ какой-то верхъ надъ Митей въ нуту, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Замѣтимъ кстати: человекъ былъ характера не робкаго.

— Смотрите, не отмыли подъ ногтями; ну, тенью лицо, вотъ тутъ: на вискахъ, у уха... Вы въ этой рубашкѣ пойдете? Куда это вы ѣдете? Смотрите, весь обшлагъ рукава въ крови.

— Да, въ крови, замѣтилъ Митя, рассматривая рубашки.

— Такъ переѣньте бѣлье.

— Некогда. А я вотъ, вотъ видите... продолжалъ же довѣрчивостью Митя, уже вытирая полотенцемъ лицо и надѣвая сюртукъ,—я вотъ здѣсь край рукава загнул, видно будетъ подъ сюртукомъ... Видите!

— Говорите теперь, гдѣ это васъ угораздило? По что-ли, съ кѣмъ? Не въ трактирѣ-ли опять, какъ и опять-ли съ капитаномъ, какъ тогда, блинъ его и таскалъ бы съ укоризною припомнилъ Петръ Ильичъ. Бого еш ли... али убилъ, пожалуй.

— Вздоръ! проговорилъ Митя.

— Какъ вздоръ?

— Не надо, сказалъ Митя и вдругъ усмѣхнулся. Старушонку одну на площади сейчасъ раздавилъ.

— Раздавили? Старушонку?

— Старика! крикнулъ Митя, смотря Петру Ильичу въ лицо, смѣясь и крича ему какъ глухому.

— Э, чертъ возьми, старика, старушонку... Убавилъ что

— Помиралась. Сцѣпилась—и помиралась. Въ саду разошлись пріятельски. Одинъ дуракъ... безъ изъясненій теперь ужь навѣрно простилъ... Если-бы встала, такъ стала-бы.—подмигнулъ вдругъ Митя.—только слышите его слышите. Петръ Ильичъ, въ чортъ, не ездитъ. Я не хочу! рѣшительно отрѣзалъ Митя.

— Я вѣдь къ тому, что охота-же вамъ изъ пустяковъ ссориться... какъ тогда изъ пустяковъ съ старикомъ и

шомъ... подрались и кутить теперь мчитесь—весь вашъ характеръ!
 дюжины шампанскаго,—это куда-же столько!

— Браво! Давайте теперь пистолеты. Ей Богу, нѣтъ времени.
 хотѣлъ-бы съ тобой поговорить, голубчикъ, да времени нѣтъ.
 и не надо вовсе, поздно говорить. А! гдѣ-же деньги, куда я
 дѣлъ? вскрикнулъ онъ и принялся совать по карманамъ руки.

— На столъ положили... сами... вонъ онѣ лежатъ. Забыли?
 длинно деньги у васъ точно соръ аль вода. Вотъ ваши пи-
 столеты. Странно, въ шестомъ часу, давеча заложилъ ихъ за
 пять рублей, а теперь эвона у васъ, тысячъ-то. Двѣ или три,
 Бось?

— Три небось, засмѣялся Митя, сунувъ деньги въ боковой
 карманъ панталонъ.

— Потеряете такъ-то. Золотые пріиски у васъ, что-ли?

— Пріиски? Золотые пріиски! изо всей силы закричалъ
 Митя и закатился смѣхомъ.—Хотите, Перхотинъ, на пріиски? Тот-
 съ вамъ одна дама здѣсь три тысячи отсыплетъ, чтобы только
 дали. Мнѣ отсыпала. ужь такъ она пріиски любитъ! Хохлакову
 вете?

— Незнакомъ, а слыхаль и видалъ. Неужто это она вамъ
 три тысячи дала? Такъ и отсыпала? недовѣрчиво глядѣлъ Петръ
 Печъ.

— А вы завтра, какъ солнце взлетитъ, вѣчно юный-то Фебъ
 взлетитъ, хваля и славя Бога, вы завтра пойдите къ ней,
 Хохлаковой-то, и спросите у ней сами: отсыпала она мнѣ три
 тысячи, али нѣтъ? Справьтесь-ка.

— Я не знаю вашихъ отношеній... коли вы такъ утверди-
 лено говорите, значитъ дала... А вы денежки-то въ лапки, да,
 это Сибири-то, по всѣмъ по тремъ... Да куда вы въ самомъ
 дѣлѣ теперь, а?

— Въ Мокрое.

— Въ Мокрое? Да вѣдь ночь!

— Былъ Матрюкъ во всемъ, сталъ Матрюкъ ни въ чемъ!
 говорилъ вдругъ Митя.

— Какъ ни въ чемъ? Это съ такими-то тысячами, да ни въ
 чемъ?

— Я не про тысячи. Къ чорту тысячи! Я про женскій нравъ
 Мокроу:

„Легковѣривъ женскій нравъ
 И измѣнчивъ и порочивъ“.

[съ Улиссомъ согласенъ, это онъ говоритъ.

— Не понимаю я васъ?

— Пьянъ что-ли?

— Не пьянъ, а хуже того.

— Я духомъ пьянъ, Петръ Ильичъ, духомъ пьянъ вольно, довольно.

— Что это вы, пистолеть заряжаете?

— Пистолеть заряжаю.

Митя, дѣйствительно, раскрывъ ящикъ съ пистолетами, вынулъ рожокъ съ порохомъ и тщательно высыпалъ и зарядъ. Затѣмъ взялъ пулю и, передъ тѣмъ какъ вкатила ее въ двухъ пальцахъ предъ собою надъ свѣчкою

— Чего это вы на пулю смотрите? съ беспокойнымъ пытствомъ слѣдилъ Петръ Ильичъ.

— Такъ. Воображеніе. Вотъ если-бы ты вздумалъ всадить себѣ въ мозгъ, то, заряжая пистолеть, посмотри на нее или нѣтъ?

— Зачѣмъ на нее смотрѣть?

— Въ мой мозгъ войдетъ, такъ интересно на нее въ какова она есть... А, впрочемъ вздоръ, минутный вздоръ и конечно, прибавилъ онъ, вкативъ пулю и заколотивъ ей.— Петръ Ильичъ, милый, вздоръ, все вздоръ и если зналъ, до какой степени вздоръ! Дай-ка мнѣ теперь бумажку.

— Вотъ бумажка.

— Нѣтъ, гладкой, чистой, на которой пишутъ. Вотъ и Митя, схвативъ со стола перо, быстро написалъ на двѣ строки, сложилъ вчетверо бумажку и сунулъ въ карманъ. Пистолеты вложилъ въ ящикъ, заперъ ключомъ, взялъ ящикъ въ руки. Затѣмъ посмотрѣвъ на Петра Ильича длинно, вдумчиво улыбнулся.

— Теперь идемъ, сказалъ онъ.

— Куда идемъ? Нѣтъ, постоитъ... Это вы, пожалуй, мозгъ ее хотите послать, пулю-то... съ беспокойствомъ несъ Петръ Ильичъ.

— Пуля вздоръ! Я жить хочу, а жизнь люблю! Знаю я златокудраго Бога и свѣтъ его горячій люблю... Милый Ильичъ, умѣешь ты устранишься?

— Какъ это устранишься?

— Дорогу дать. Милому существу и ненавистному рогу. И чтобъ и ненавистное милымъ стало, — вотъ какъ рогу! И сказать имъ: Богъ съ вами, идите, проходите и

но, идемъ.

Я скажу кому-нибудь (глядѣлъ на него Петръ) вы васъ не пустить туда. Зачѣмъ вамъ теперь въ

ина тамъ, женщина, и довольно съ тебя, Петръ
башъ!

пайте, вы хоть и дики, но вы мнѣ всегда какъ-то
и вотъ и безпокоюсь.

ю тебѣ, братъ. Я дикій, говоришь ты. Дикари, дя-
только и твержу: дикари! А, да вотъ Миша, а я-то

ъ попыхахъ Миша съ пачкой размѣненныхъ денегъ
алъ, что у Плотниковыхъ «всѣ заходили» и бутылки
ыбу, и чай—сейчасъ все готово будетъ. Митя схва-
ублевую и подалъ Петру Ильичу, а другую десяти-
гулъ Мишѣ.

тъ! вскричалъ Петръ Ильичъ.—У меня дома нельзя,
баловство это. Спрячьте ваши деньги, вотъ сюда по-
ихъ сорить-то? Завтра-же пригодятся, ко мнѣ-же
ге десять рублей просить. Что это вы въ боковой
суете? Эй, потеряете!

й, милый человекъ, поѣдемъ въ Мокрое вмѣстѣ?
о зачѣмъ туда?

й. хочешь сейчасъ бутылку откупорю, выпьемъ за
сочется выпить, а пуще всего съ тобою выпить.
тобою не пилъ, а?

уй, въ трактирѣ можно, поѣдемъ, я туда самъ сей-
яюсь.

да въ трактирѣ, а у Плотниковыхъ въ лавкѣ, въ
гѣ. Хочешь, я тебѣ одну загадку загадаю сейчасъ.
й.

уль изъ жилета свою бумажку, развернулъ ее и
вмѣ и крупнымъ почеркомъ было на ней написано:
ебя за всю жизнь, всю жизнь мою наказую!»!

скажу кому-нибудь. поѣду сейчасъ и скажу, про-
читавъ бумажку, Петръ Ильичъ.

пѣшь, голубчикъ, идемъ и выпьемъ, маршъ!

тниковыхъ приходилась почти черезъ одинъ только
ра Пльича, на углу улицы. Это былъ самый глав-
ый магазинъ въ нашемъ городѣ, богатыхъ торгов-

— Часомъ только развѣ прежде нашего придутъ, да и того будетъ, часомъ всего упредятъ! поспѣшно отозвался Андрей.— Гимоея и снарядилъ, знаю, какъ поѣдутъ. Ихъ ѣзда не наша, Дмитрій Федоровичъ, гдѣ имъ до нашего. Часомъ не поѣдутъ раньше! съ жаромъ перебилъ Андрей, еще не старый шивъ, рыжеватый, сухощавый паренъ въ поддевкѣ и съ армякомъ на лѣвой рукѣ.

— Пятьдесятъ рублей на водку, коли только часомъ отѣдешь.

— За часъ времени ручаемся, Дмитрій Федоровичъ, эхъ, часомъ не упредятъ, не то что часомъ.

Митя хоть и засуетился распорядясь, но говорилъ и привалъ какъ-то странно, въ разбивку, а не по порядку. Намъ одно и забывалъ окончаніе. Петръ Ильичъ нашелъ неиднымъ ввязаться и помочь дѣлу.

— На четыреста рублей, не менѣе какъ на четыреста, чтобы въ точъ по тогдашнему, командовалъ Митя.— Четыре дюжы шампанскаго, ни одной бутылки меньше.

— Зачѣмъ тебѣ столько, къ чему это? Стой! завопилъ Петръ Ильичъ.— Это что за ящикъ? Съ чѣмъ? Неужели тутъ на четыреста рублей?

Ему тотчасъ-же объяснили суетившіеся прикащики со славою рѣчью, что въ этомъ первомъ ящикѣ всего лишь полдюжы шампанскаго и всякіе необходимые на первый случай «меты» изъ закусокъ, конфетъ, моннасье и проч. Но что второе «потребленіе» уложится и отправится сей-же часъ особо, такъ и въ тогдашній разъ, въ особой телѣгѣ и тоже тройкой и рафить къ сроку, «развѣ всего только часомъ позже Дмитрія Федоровича къ мѣсту придутъ».

— Не болѣе часу, чтобъ не болѣе часу, и какъ можно больше пансье и тягушекъ положите: это тамъ дѣвки любятъ, съ юмъ настаивалъ Митя.

— Тягушекъ—пусть. Да четыре-то дюжины къ чему тебѣ? Онъ довольно, почти осердился уже Петръ Ильичъ. Онъ сталъ говаться, онъ потребовалъ счетъ, онъ не хотѣлъ успокоиться. Съ, однако, всего одну сотню рублей. Остановились на томъ, что всего товару доставлено было не болѣе какъ на триста рублей.

— А, чортъ васъ подери! вскричалъ Петръ Ильичъ, какъ-бы гдѣ одумавшись,— да мнѣ-то тутъ что? Бросай свои деньги, и даромъ нажилъ!

— Сюда, экономя, сюда, не сердись, потащавъ его заднюю комнату лавки:— вотъ здѣсь намъ бутылку сода дадутъ, мы и хлебнемъ. Эхъ, Петръ Ильичъ, поѣдемъ потому что ты человекъ милый, такихъ люблю.

Митя усѣлся на плетеный стульчикъ передъ крошечнымъ столикомъ, накрытымъ грязнѣйшею салфеткой. Петръ Ильичъ примостился напротивъ него и мигомъ явилось шампанское. Предложили не пожелають-ли господа устрицъ, «первая устрицъ, самаго послѣдняго полученія».

— Къ чорту устрицъ, я не ѣмъ, да и ничего не надо, злобно огрызнулся Петръ Ильичъ.

— Некогда устрицъ, замѣтилъ Митя,— да и аппетитъ. Знаешь, другъ, проговорилъ онъ вдругъ съ чувствомъ, билъ я никогда всего этого безпорядка.

— Да кто-жь его любитъ! Три дюжины, помилуй, съ гововъ, это хоть кого взорветъ.

— Я не про это. Я про высшій порядокъ. Порядку нѣтъ, высшаго порядка... Но... все это закончено, горючего. Поздно, и къ чорту! Вся жизнь моя была безпорядокъ надо положить порядокъ. Каламбурю, а?

— Бредишь, а не каламбуришь.

— Слава Высшему на свѣтъ,
Слава Высшему во мнѣ!

Этотъ стиховъ у меня изъ души вырвался когда-то, не а слеза... самъ сочинилъ... не тогда, однако, когда штетинитана за бородежку ташилъ...

— Чего это ты вдругъ о немъ?

— Чего я вдругъ о немъ? Вздоръ! Все кончается, все няется, черта—и итогъ.

— Право, мнѣ все твои пистолеты мерещатся.

— И пистолеты вздоръ! Пей и не фантазируй. Жизнь я слишкомъ ужъ жизнь полюбилъ, такъ слишкомъ, что и я доволенъ! За жизнь, голубчикъ за жизнь выпьемъ, за предлагаю тосты! Почему я доволенъ собой? Я подлъ, но добръ собой. И, однако-жь, я мучусь тѣмъ, что я подлъ, но добръ собой. Благословляю твореніе, сейчасъ готовъ Бога благословить и Его твореніе, но... надо истребить одно смрадное насѣдство чтобы не ползало, другимъ жизни не портило... Выпьемъ за милый братъ! Что можетъ быть дороже жизни! Ничего! За жизнь и за одну царицу изъ царицъ.

- Выпьемъ за жизнь, а, пожалуй, за твою царицу.
- пили по стакану. Митя былъ хотя и восторженъ, и раскидно какъ-то грустенъ. Точно какая-то непреодолимая и тягучая забота стояла за нимъ.
- Миша... это твой Миша вошелъ? Миша, голубчикъ, Миша, сюда, выпей ты мнѣ этотъ стаканъ, за Феба златокудраго, шняго...
- Да зачѣмъ ты ему! крикнудь Петръ Ильичъ раздражился.
- Ну, позволь, ну такъ, ну я хочу.
- Э-эхъ!
- Миша выпилъ стаканъ, поклонился и убѣжалъ.
- Запомнить долше, замѣтилъ Митя.—Женщину я люблю, яву! Что есть женщина? Царица земли! Грустно мнѣ, грустно, Ильичъ. Помнишь Гамлета: «Мнѣ такъ грустно, такъ грустно, Горацио... Ахъ, бѣдный Юрикъ!» Это я, можетъ быть, и есть. Именно теперь я Юрикъ, а черепъ потомъ.
- Петръ Ильичъ слушалъ и молчалъ, помолчалъ и Митя.
- Это какая у васъ собачка? спросилъ онъ вдругъ разсѣянно шика, замѣтивъ въ углу маленькую хорошенькую боло-ска съ черными глазками.
- Это Варвары Алексѣевны, хозяйки нашей болоночка, отвѣ-прикащикъ, — сами запесли давеча, да и забыли у насъ. Имъ надо будетъ обратно.
- Я одну такую-же видѣлъ... въ полку... вдумчиво произ-Митя,—только у той задняя ножка была сломана... Петръ Ильичъ, хотѣлъ я спросить тебя кстати: кралъ ты когда что въ жизни, аль нѣтъ?
- Это что за вопросъ?
- Нѣтъ, я такъ. Видишь, изъ кармана у кого-нибудь, чужое? про казну говорю, казну всѣ деруть и ты, конечно, тоже...
- Убирайся къ чорту.
- Я про чужое: прямо изъ кармана, изъ кошелька, а?
- Укралъ одинъ разъ у матери двугривенный, девяти лѣтъ со стола. Взялъ тихоньбо и зажалъ въ руку.
- Ну, и что-же?
- Ну, и ничего. Три дня хранилъ, стыдно стало, признался.
- Ну, и что-же?
- Естественно, высѣкли. Да ты чего ужъ, ты самъ не знаешь?

— Укралъ, быстро подмигнулъ Митя.

— Что укралъ? залюбовытствовалъ Петръ Ильичъ.

— У матери двугривенный, девяти лѣтъ былъ, чернъ и отдалъ. Сказавъ это, Митя вдругъ всталъ съ мѣста.

— Дмитрій Федоровичъ, не послѣшьте-ли? крикнулъ другой лакей Андрей.

— Готово? Идемъ! всполохнулся Митя. — Еще не свануло и... Андрею стаканъ водки на дорогу, сейчасъ нѣяку ему кровъ водки рюмку! Этотъ ащикъ (съ пятеркой) подъ сидѣнье. Прощай, Петръ Ильичъ, не поминай!

— Да кѣмъ завтра порогнѣшься?

— Небрежно.

— Рассчитываешь теперь нѣволито пологнѣть? недовольно спросилъ.

— А, да, рассчитать! Небрежно!

Онъ опять выхватилъ изъ кармана свою пачку кредитовъ три радужныхъ, бросилъ на прилавокъ и сѣлъ на кѣшку за лавкой. Всѣ за нимъ послѣдовали и, кланяясь, проводили мѣтственными и пожеланіями. Андрей крикнулъ отъ толпы митяго коньяку и вскочилъ на сидѣнье. Но едва только началъ садиться, какъ вдругъ предъ нимъ совсѣмъ неожиданно появилась Оня. Она приближалась вся запылавшись, съ крѣпкой дрожью предъ нимъ руки и бухнулась ему въ ноги.

Батюшка, Дмитрій Федоровичъ, голубчикъ, не попрымай! А я-то вамъ все рассказала!.. И его не погубите, идѣ кѣмъ онъ, ихній! Замужъ теперь Аграфену Александру выдать, съ тѣмъ и изъ Сибири вернулся... Батюшка, Дмитрій Федоровичъ, не загубите чужой жизни!

То-то-то, вотъ оно что! Ну, надѣлаешь ты теперь дѣла! пробормоталъ про себя Петръ Ильичъ. — Теперь и дѣло, теперь какъ не повать. Дмитрій Федоровичъ, если вы сейчасъ pistols, если хочешь быть человекомъ, вы идѣ идѣ громко Митѣ,—слышишь, Дмитрій!

Pistols? Подожди, голубчикъ, я ихъ дорогой изыщу, отыскалъ Митя. — Оня, встань, но лежи ты тихо. Не погубить Митя, впродъ никого ужъ не погубить душой человекъ. Да вотъ что, Оня, крикнулъ онъ ей съ силой.—обидѣлъ я тебя давеча, такъ прости меня и прощай, прости подлаца... А не простишь, все равно! Потомъ теперь уже все равно! Трогай, Андрей, живо улетай!

Андрей тронулъ; колокольчикъ зазвенѣлъ.

— Прощай, Петръ Ильичъ! Тебѣ послѣдняя слеза!...

«Не пьянъ вѣдь, а какую ахинею поретъ!» подумалъ вслѣдъ Петръ Ильичъ. Онъ расположился было остаться присмотрѣть за тѣмъ, какъ будутъ снаряжать возъ (на тройкѣ-же) съ шельными припасами и винами, предчувствуя, что надуютъ и штаятъ Митю, но вдругъ, самъ на себя разсердившись, плюнь и пошелъ въ свой трактиръ играть на билліардѣ.

— Дуракъ, хотъ и хорошій малый... бормоталъ онъ про себя кой-кой. — Про этого какого-то офицера «прежняго» Грушенькова я слыхалъ. Ну, если прибылъ, то... Эхъ, пистолеты эти! Юртъ, что я его дядька, что-ли? Пусть ихъ! Да и ничего не гтъ. Горданы и больше ничего. Напьются и подерутся, потся и помирятся. Развѣ это люди дѣла? Что это за «устрарь, казню себя» — ничего не будетъ! Тысячу разъ кричалъ къ слогомъ пьяный въ трактирѣ. Теперь-то не пьянъ. «Пьянъ мь» — слогъ любятъ, подлецы. Дядька я ему, что-ли? И не в не подратся, вся харя въ крови. Съ кѣмъ-бы это? Въ ктирѣ узнаю. И платокъ въ крови... Фу, чортъ, у меня на у остался... наплевать!

Пришелъ въ трактиръ онъ въ сквернѣйшемъ расположеніи и тотчасъ-же началъ партію. Партія развеселила его. Сыгралъ лую и вдругъ заговорилъ съ однимъ изъ партнеровъ о томъ, у Дмитрія Карамазова опять деньги появились, тысячъ докъ, самъ видѣлъ, и что онъ опять укатилъ кутить въ Мокрое Грушенькой. Это было принято почти съ неожиданнымъ любо-ствомъ слушателями. И всѣ они заговорили не смѣясь, а какъ-странно серьезно. Даже ягру перервали.

— Три тысячи? Да откуда у него быть тремъ тысячамъ? Стали разспрашивать дальше. Извѣстіе о Хохлаковой приняли шительно.

— А не ограбилъ-ли старика, вотъ что?

— Три тысячи! Что-то не ладно.

— Похвалялся-же убить отца вслухъ, всѣ здѣсь слышали. вно про три тысячи говорилъ...

Петръ Ильичъ слушалъ и вдругъ сталъ отвѣчать на разспросы ю и скупо. Про кровь, которая была на лицѣ и на рукахъ м, не упомянулъ ни слова, а когда шелъ сюда, хотѣлъ было сказать. Начали третью партію, мало по малу разговоръ о гъ затихъ; но, докончивъ третью партію, Петръ Ильичъ больше втъ не пожелалъ, положилъ кій и, не поужинавъ, какъ со- влся, вышелъ изъ трактира. Выйдя на площадь, онъ сталъ

въ недоумѣніи и даже дивясь на себя. Онъ вдругъ вспомнилъ, что вѣдь онъ хотѣлъ сейчасъ идти въ домъ Федора. Какъ узнать, не произошло-ли чего. «Нѣтъ-на вадра, который онъ разбудитъ чужой домъ и надѣлаю скандала. Оу, чортъ, да мнѣ, что-ли?»

Въ свержѣйшемъ расположеніи духа, поднялся онъ къ себѣ домой и вдругъ вспомнилъ про Оленю: «Э, чертъ бы давеча разспросить ее, подумалъ онъ въ досадѣ, и зналъ». И до того вдругъ загорѣлось въ немъ самое истеричное и упрямое желаніе поговорить съ нею и разузнать, что съ роги онъ круто повернулъ къ дому Морозовой, въ которой тировала Грушенька. Подойдя къ воротамъ, онъ поступивъ раздавшійся въ тишинѣ ночи стукъ опять какъ-бы вдругъ взглянулъ и обозлилъ его. Въ тому-же никто не откликнулся, домъ спалъ. «И тутъ скандалу надѣлаю!» подумалъ онъ какъ-то уже страданіемъ въ душѣ, но вмѣсто того, чтобъ окончательно, принялся вдругъ стучать снова и изо всей ужъ Поднялся гамъ на всю улицу. «Такъ вотъ, нѣтъ-же, достучусь!» бормоталъ онъ, съ каждымъ звукомъ злая на остервенѣнія, но съ тѣмъ вмѣстѣ и усугубляя удары въ

VI.

С а м ъ ъ д у

А Дмитрій Федоровичъ летѣлъ по дорогѣ. До Мокра двадцать верстъ съ небольшимъ, но тройка Андреева скакала, что могла поспѣть въ часъ съ четвертью. Быстрая ѣзда и вдругъ освѣжила Митю. Воздухъ былъ свѣжій и холодноватомъ небѣ сіяли крупныя звѣзды. Это была та самая можетъ, и тотъ самый часъ, когда Алеша, упавъ на землю «ленно клялся любить ее во вѣки вѣковъ». Но смутно, очень было въ душѣ Мити, и хотъ многое терзало теперь его ду въ этотъ моментъ все существо его неотразимо устремилось къ ней, къ его царцѣ, къ которой летѣлъ онъ, чтобы въ на нее въ послѣдній разъ. Скажу лишь одно: даже и не сердце его ни минуты. Не повѣрять мнѣ, можетъ быть, если что этотъ ревнивецъ не ошущалъ къ этому новому человеку сопернику, выскочившему изъ подъ земли, къ этому «церу» ни малѣйшей ревности. Ко всякому другому, явля

равновалъ-бы тотчасъ-же и, можетъ, вновь-бы намочилъ свои
шныя руки кровью,—а къ этому, къ этому «ея первому», не
щаль онъ теперь, летя на своей тройкѣ, не только ревнивой
вности, но даже враждебнаго чувства,—правда, еще не видалъ
«Тутъ ужь безспорно, тутъ право ея и его; тутъ ея первая
ювь, которую она въ пять лѣтъ не забыла: значить, только его
любила въ эти пять лѣтъ, а я-то, я зачѣмъ тутъ подвернулся?
я-то тутъ и при чемъ? Отстанись, Митя, и дай дорогу! Да и
я теперь? Теперь ужь и безъ офицера все кончено, хотя-бы и
ввился онъ вовсе, то все равно все было-бы кончено»...

Вотъ въ какихъ словахъ онъ-бы могъ приблизительно изло-
зъ свои ощущенія, если-бы только могъ разсуждать. Но онъ
не могъ тогда разсуждать. Вся теперешняя рѣшимость его
влась безъ разсужденій, въ одинъ мигъ, была сразу почув-
вана и принята цѣликомъ со всѣми послѣдствіями еще да-
е, у Фени, съ первыхъ словъ ея. И всетаки, не смотря на
принятую рѣшимость, было смутно въ душѣ его, смутно до
данія: не дала и рѣшимость спокойствія. Слишкомъ мно-
стояло сзади его и мучило. И странно было ему это мгнове-
ни: вѣдь ужь написанъ былъ имъ самимъ себѣ приговоръ
ромъ на бумагѣ: «казню себя и наказую»; и бумажка лежала
въ карманѣ его, приготовленная; вѣдь ужь заряженъ писто-
лъ, вѣдь ужь рѣшилъ-же онъ, какъ встрѣтитъ онъ завтра пер-
горячій лучъ «Феба златокудраго», а между тѣмъ съ преж-
нъ, со всѣмъ стоявшимъ сзади и мучившимъ его, всетаки
взя было расчитаться, чувствовалъ онъ это до мученія и
ель о томъ впиалась въ его душу отчаяніемъ. Было одно мгно-
не въ пути, что ему вдругъ захотѣлось остановить Андрея,
скочить изъ телѣги, достать свой заряженный пистолетъ и
ончить все, не дождавшись и разсвѣта. Но мгновение это про-
шло какъ искорка. Да и тройка летѣла. «пожирая простран-
ю», и, по мѣрѣ приближенія къ цѣли, опять таки мысль о
е, о ней одной, все сильнѣе и сильнѣе захватывала ему духъ
отгоняла всѣ остальные страшные признаки отъ его сердца.
ему такъ хотѣлось поглядѣть на нее хоть мелькомъ, хоть
или! «Она теперь съ нимъ, ну вотъ и погляжу какъ она
брь съ нимъ, со своимъ прежнимъ милымъ, и только этого
и надо». И никогда еще не подымалось изъ груди его столько
ви къ этой роковой въ судьбѣ его женщинѣ, столько новаго,
спытаннаго имъ еще никогда чувства, чувства неожиданнаго
е для него самаго, чувства нѣжнаго до моленія, до исчезно-

венія предъ ней! «И исчезну!» проговорилъ онъ вдругъ въ падѣ какого-то истерическаго восторга.

Свакали уже почти часъ. Митя молчалъ, а Андрей, словоохотливый былъ мужикъ, тоже не выговаривалъ ни слова, точно опасаясь заговорить и только живо погонялъ своимъ ровъ», свою гнѣдую, сухопарую, но рѣзвую тройку. Внѣзъ Митя въ страшномъ безпокойствѣ воскликнулъ:

— Андрей! А что если спятъ?

Ему это вдругъ вспало на умъ, а до сихъ поръ онъ и не подумалъ.

— Надо думать, что ужь легли, Дмитрій Федоровичъ.

Митя болѣзненно нахмурился: что, въ самомъ дѣлѣ, онъ летитъ... съ такими чувствами.. а они спятъ... спитъ можетъ быть, тутъ-же... Злое чувство закипѣло въ его

— Погоняй, Андрей, катая, Андрей, живо! закричалъ въ изступленіи.

— А, можетъ, еще и не легли, рассудилъ, помогалъ Андрей.— Даве Тимофеей сказывалъ, что тамъ много ихъ собра-

— На станціи?

— Не въ станціи, а у Пластуновыхъ, на постояломъ вольная, значить, станція.

— Знаю; такъ какъ-же ты говоришь, что много? много? Кто такіе? вскинулся Митя въ страшной тревогѣ неожиданномъ извѣстіи.

— Да сказывалъ Тимофеей, все господа: изъ города двѣ таковы—не знаю, только, сказывалъ Тимофеей, двое изъ нихъ господъ, да тѣхъ двое, будто-бы пріѣзжихъ, а, и еще кто есть, не спросилъ я его толково. Въ карты, господа стали играть.

— Въ карты?

— Такъ вотъ, можетъ, и не спятъ, коли въ карты играютъ. Думать надо, теперь всего одиннадцатый часъ въ исходе болѣе того.

— Погоняй, Андрей, погоняй! нервно вскричалъ опять

— Что это, я васъ спрошу, сударь, помолчавъ, началъ Андрей,—вотъ только-бы не осердить мнѣ васъ, боюсь, б-

— Чего тебѣ?

— Давеча Федосья Марковна легла вамъ въ ноги, сударь, барыню чтобы вамъ не сгубить и еще кого... такъ вотъ, сударь, что везу-то я васъ туда... Простите, сударь, меня, такъ совѣсти, можетъ, глупо что сказалъ.

Митя вдругъ схватилъ его сзади за плечи.

— Ты ямщикъ? Ямщикъ? началъ онъ изступленно.

— Ямщикъ...

— Знаешь ты, что надо дорогу давать. Что ямщикъ, такъ ужь никому и дороги не дать, дави, дескать, я ъду! Нѣтъ, шкъ, не дави! Нельзя давить человѣка, нельзя людямъ жизнь гить; а коли испортилъ жизнь—наказуй себя... если только ртилъ, если только загубилъ кому жизнь—казни себя и уйди.

Все это вырвалось у Мити какъ-бы въ совершенной истерикѣ. реи хотъ и подивился на барина, но разговоръ поддержалъ.

— Правда это, батюшка Дмитрій Ѳедоровичъ, это вы правы, не надо человѣка давить, тоже и мучить, равно какъ и всякую рь, потому, всякая тварь—она тварь созданная, вотъ хотъ-бы адъ, потому другой ломить зря, хоша-бы и нашъ ямщикъ... держу ему нѣтъ, такъ онъ и преть, прямо тебѣ такъ и преть.

— Во адъ? перебилъ вдругъ Митя и захохоталъ своимъ неданнымъ короткимъ смѣхомъ.— Андрей, простая душа,—схватилъ онъ опять его крѣпко за плечи,—говори: попадетъ Дмитрій доровичъ Карамазовъ во адъ, али нѣтъ, какъ по твоему?

— Не знаю, голубчикъ, отъ васъ зависитъ, потому, вы у съ... Видишь, сударь, когда Сынъ Божій на крестѣ былъ расгъ и померъ, то сошелъ Онъ со креста прямо во адъ и освоешь всѣхъ грѣшниковъ, которые мучились. И застоналъ адъ томъ, что ужь больше, думалъ, къ нему никто теперь не деть, грѣшниковъ-то. И сказалъ тогда аду Господь: «Не стони, и, ибо придутъ къ тебѣ отселева всякіе вельможи, управивши, главные судьи и богачи, и будешь восполненъ такъ-же юно, какъ былъ во вѣки вѣковъ, до того времени пока снова иду». Это точно, это было такое слово...

— Народная легенда, великолѣпно! Стегни лѣвую, Андрей!

— Такъ вотъ, сударь, для кого адъ назначенъ,—стегнулъ дрей лѣвую, — а вы у насъ, сударь, все одно какъ малый ѣнокъ... такъ мы васъ почитаемъ... И хотъ гнѣвливы вы, сурь, это есть, но за простодушіе ваше простить Господь.

— А ты, ты простишь меня, Андрей?

— Миѣ что-же васъ прощать, вы миѣ ничего не сдѣлали.

— Нѣтъ, за всѣхъ, за всѣхъ ты одинъ, вотъ теперъ, сейтъ, здѣсь, на дорогѣ, простишь меня за всѣхъ? Говори, душа столюдина!

— Охъ, сударь! Боязно васъ и везти-то, странный какой-то гъ разговоръ...

сочиненія в. м. достоевскаго.

не разсказывалъ. Онъ вступленно молился
себя.

— ~~Хорошо~~ прими меня во всемъ моемъ беззаконіи
ея. Пропусти мимо безъ суда твоего... Не суди
самъ осудилъ себя, не суди, потому что люблю Тебя
Мертвѣ! Мерзокъ самъ, а люблю Тебя: во адъ пошлешь, а ты
быть буду, и оттуда буду кричать, что люблю Тебя во вѣки
Но дай и мнѣ дожить... здѣсь, теперь долюбить, вотъ
часовъ до горячаго луча Твоего... Ибо люблю царицу душъ
Люблю и не могу не любить. Самъ видишь меня всего. По
паду предъ нею: права ты, что мимо меня прошла... Не
забудь твою жертву, не тревожь себя никогда!

— Мокрое! крикнулъ Андрей, указывая впередъ
Сквозь безданный мракъ ночи зачернѣлась вдругъ теснота
строений, раскинутыхъ на огромномъ пространствѣ. Само
было въ двѣ тысячи душъ, но въ этотъ часъ все оно ужъ
и лишь кое-гдѣ изъ мрака мелькали еще рѣдкіе огоньки

— Гони, гони, Андрей, вду! — воскликнулъ какъ-бы
рычекъ Митя.

— Но опять! проговорилъ опять Андрей, указывая
на постоялый дворъ Пластуновыхъ, стоящій сейчасъ же на
и въ которомъ всѣ шесть оконъ на улицу были ярко освѣ-

— Но опять! радостно подхватилъ Митя, — грени,
гони, вкача, звони, подкати съ трескомъ. Чтобы знали!
урѣхалъ! Я вду! Самъ вду! вступленно восклицалъ М

Андрей вставилъ измученную тройку вскачь и дѣйствіе
съ трескомъ подкатилъ къ высокому крыльцу и осадилъ
замаренныхъ, полузадохшихся коней. Митя соскочилъ съ
и какъ разъ хозяинъ двора, правда, уходящій ужъ съ
любовью любовался взглянуть съ крыльца, кто это-таки
подкатилъ.

— Грифонъ Борисычъ, ты?

Хозяинъ нагнулся, взглянулъ, строгимъ взглядомъ с
лечка и въ подобострастномъ восторгѣ кинулся къ гонимымъ

— Батюшка, Дмитрій Федоровычъ! Настъ-ли кони, кони

Этотъ Грифонъ Борисычъ былъ плотный и здоровый и
средняго роста, съ нѣсколько толстоватымъ лицомъ, ни
гаго и неяривающаго, съ Москвитинскимъ мужикомъ собой
вѣрный даръ быстро измѣнять лицо свое на самыя
страстное выраженія, когда туль изъять улыбку. Ум
русскія, въ рубахѣ съ косыми воротомъ и въ лаптикахъ,

жонки значительныя, но мечталъ и о высшей роли неустанно. Ювина слишкомъ мужиковъ была у него въ когтяхъ, всѣ были должны кругомъ. Онъ арендовалъ у помѣщиковъ землю и въ покупалъ, а обрабатывали ему мужики эту землю за долгъ, котораго никогда не могли выйдти. Былъ онъ вдовъ и имѣлъ трехъ взрослыхъ дочерей; одна была уже вдовой, жила у него двумя малолѣтками, ему внучками, и работала на него, какъ женщина. Другая дочка-мужичка была замужемъ за чиновникомъ, какимъ-то выслужившимся писаречкомъ, и въ одной изъ комнатъ постоялаго двора на стѣнкѣ можно было видѣть въ рамкѣ семейныхъ фотографій, миниатюрнѣйшаго размѣра, фотографію и этого чиновника въ мундирѣ и въ чиновныхъ погонахъ. Двѣ младшія дочери, въ храмовой праздникъ, али отправлялись куда въ гости, надѣвали голубыя или зеленыя платья, модныя по модному, съ обтяжкой сзади и съ аршиннымъ хвостомъ, но на другой-же день утромъ, какъ и во всякій день, подымались чѣмъ свѣтъ и съ березовыми вѣнками въ рукахъ выносили горницы, выносили помои и убирали соръ послѣ постояльцевъ. Не смотря на пріобрѣтенныя уже тысячи, Трифонъ Борисовичъ очень любилъ сорвать съ постояльца кутяшаго и, помня, что еще мѣсяца не прошло, какъ онъ въ одни сутки поживился съ Дмитрія Ѳедоровича во время кутежа его съ Грушенькой на сотнями рубликовъ слишкомъ, если не всѣми тремя, встрѣчаясь его теперь радостно и стремительно уже по тому одному, подошелъ ко крыльцу его Митя, почувавъ снова добычу.

— Батюшка, Дмитрій Ѳедоровичъ, васъ-ли вновь обрѣтаемъ?

— Стой, Трифонъ Борисычъ,—началъ Митя,—прежде всего скажи главное: гдѣ она?

— Аграфена Александровна?—тотчасъ понялъ хозяинъ, зорко подываясь въ лицо Мити,—да здѣсь и она.. пребываетъ...

— Съ кѣмъ, съ кѣмъ?

— Гости проѣзжіе-съ... Одинъ-то чиновникъ, надоть быть полябовъ, по разговору судя, онъ-то за ней и послалъ лошадку отсюда; а другой съ нимъ товарищъ его, али попутчикъ, разбереть: по штатски одѣты...

— Чтѣ-же, кутятъ? Богачи?

— Какое кутятъ! Небольшая величина, Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Небольшая? Ну, а другіе?

— Изъ города эти, двое господь... Изъ Черней возвращались, и остались. Одинъ-то, молодой, надоть быть родственникъ Юдину Міусову, вотъ только какъ звать забылъ... а другаго,

надо полагать, вы тоже знаете: помѣщикъ Максимычъ, въ
мольбе, говорить, захватъ въ монастырь нашъ тамъ, въ
родственникомъ этомъ молодымъ господиномъ Миусовымъ и т. д.

— Только и всёхъ?

— Только.

— Стой, молчи, Трифонъ Борисычъ, говори теперь
главное: что она, какъ она?

— Да вотъ давеча прибыла и сидитъ съ ними.

— Весела? Смиѣется?

— Нѣтъ, кажись, не очень смиѣется... Даже случая и
сидитъ, молодому человеку волосы расчесывала.

— Это поляку, офицеру?

— Да какой-же онъ молодой, да и не офицеръ онъ
нѣтъ, сударь, не ему, а Миусовскому племяннику этому
дому-то... вотъ только имя забыть.

— Калгановъ.

— Именно Калгановъ.

— Хорошо, самъ рѣшу. Въ карты играютъ?

— Играли да перестали, чай отпили, наливки чѣмъ
потребовалъ.

— Стой, Трифонъ Борисычъ, стой, душа, самъ рѣш
перь отвѣчай самое главное: нѣтъ цыганъ?

— Цыганъ теперь вовсе не слышно, Дмитрій Федо
согнало начальство, а вотъ янды здѣсь есть, на цы
играютъ и на свиривахъ, въ Рождественской, такъ это и
за ними хоба и теперь послать. Прибудутъ.

— Послать, непременно послать! вскричалъ Митя. —
вокъ можно поднять, какъ тогда, Марью особенно, Степана
Арину. Двѣсти рублей за хоръ!

— Да за этикія деньги я все село тебѣ подыму, хот
легли теперь дрыхнуть. Да и стоять-ли, батюшка Дмитр
ровичъ, здѣшніе мужики такой ласки, али вотъ дѣвки?
подлости да грубости такую сумму опредѣлять! Кну-ли,
мужяку, цыгарки курить, а ты имъ давалъ. Бѣды отъ ни
дигъ, отъ разбойнива. А дѣвки всё, сколько ихъ ни ест
выя. Да я своихъ дочерей тебѣ даромъ подыму, не то чт
кую сумму, полегли только спать теперь, такъ я ихъ на
спину напинаю, да для тебя пѣть заставляю. Мужиковъ и
шампанскимъ поили, э-эхъ!

Трифонъ Борисычъ напрасно сожалѣлъ Митю: онъ
него самъ съ полдюжины бутылокъ шампанскаго утаилъ,

ь сторублевую бумажку поднялъ и зажалъ себѣ въ кулакѣ. Такъ и осталась она у него въ кулакѣ.

Трифонъ Борисычъ, растрясъ я тогда не одну здѣсь ты-Помнишь?

Растрясли, голубчикъ, какъ васъ не вспомнить, три ты-у насъ, небось, оставили.

Ну, такъ и теперь съ тѣмъ пріѣхалъ, видишь.

онъ вынулъ и поднесъ къ самому носу хозяина свою пачку окъ.

Теперь слушай и понимай: черезъ часъ вино придетъ, за-широги и конфекты, — все тотчасъ-же туда на верхъ. ящикъ, что у Андрея, туда тоже сейчасъ на верхъ, рас-и тотчасъ-же шампанское подавать... А, главное, — дѣ-дѣвокъ, и Марью чтобы непременно...

ь повернулся къ телѣгѣ и вытащилъ изъ-подъ сидѣнья щикъ съ пистолетами.

Разсчетъ, Андрей, принимай! Вотъ тебѣ пятнадцать руб-тройку, а вотъ пятьдесятъ на водку... за готовность, за твою... Помни барина Карамазова!

Боюсь я, баринъ!..—заколебался Андрей, — пять рублей пожалуйте, а больше не приму. Трифонъ Борисычъ сви-мъ. Ужь простите глупое слово мое...

Чего боишься, объѣрилъ его взглядомъ Митя, — ну и съ тобой коли такъ! крикнулъ онъ, бросая ему пять.—Теперь, Трифонъ Борисычъ, проводи меня тихо и дай имъ на всѣхъ перво-на-перво глазкомъ глянуть. такъ. они меня не замѣтили. Гдѣ они тамъ, въ голубой комнатѣ? Трифонъ Борисычъ опасливо поглядѣлъ на Митю, но тот-же послушно исполнилъ требуемое: осторожно провелъ его и самъ вошелъ въ большую первую комнату, сосѣдную, въ которой сидѣли гости, и вынесъ изъ нея свѣчу. Затѣмъ свѣчку ввелъ Митю и поставилъ его въ углу, въ темнотѣ, —бы онъ могъ свободно разглядѣть собесѣдниковъ ими не-иди. Но Митя не долго глядѣлъ. да и не могъ разглядѣ-ннъ увидѣлъ ее и сердце его застучало, въ глазахъ пому-она сидѣла за столомъ сбоку, въ креслахъ. а рядомъ, на диванѣ. хорошенькѣй собою и еще очень молодой овъ; она держала его за руку и, кажется, смѣялась. а не глядя на нее, что-то громко говорилъ, какъ будто съ и, сидѣвшему черезъ столъ напротивъ Грушеньки. Макси-Максимовъ-же чему-то очень смѣялся. На диванѣ сидѣлъ

онъ, а подлѣ дивана, на стулѣ, у стѣны, какой-то другой комодецъ. Тотъ, который сидѣлъ на диванѣ развалился, трубку, и у Мити лишь промелькнуло, что это какой-то ватый и широколицый человѣчекъ, ростомъ, должно бы высокій и какъ будто на что-то сердитый. Товарищъ другой незнакомецъ, показался Митѣ что-то ужъ чре высокаго роста; но болѣе онъ ничего не могъ разглядѣть у него захватило. И минуты онъ не смогъ выстоять, нырнувши на комодъ и прямо, холодѣя и замирая, направил голубую комнату къ собесѣдникамъ.

— Ай! взвизгнула въ испугѣ Грушенька, заи первая.

VII.

Преній и безспорный.

Митя скорыми и длинными своими шагами подступил къ столу.

— Господа, началъ онъ громко, почти крича, но на каждомъ словѣ, — я... я ничего! Не бойтесь! воск онъ, — я вѣдь ничего, ничего, — повернулся онъ вдругъ шенькѣ, которая отклонилась на креслѣ въ сторону Кал крѣпко уцѣпилась за его руку. — Я... Я тоже ѣду. Я Господа, проѣзжому путешественнику... можно съ вами Только до утра, въ послѣдній разъ, въ этой самой во

Это ужъ онъ докончилъ, обращаясь къ толстенному вѣчку, сидѣвшему на диванѣ съ трубкой. Тотъ важно отъ губъ своихъ трубку и строго произнесъ:

— Пана, мы здѣсь приватно. Имѣются иные покоя.

— Да это вы, Дмитрій Федоровичъ, да чего это звался вдругъ Калгановъ:— да садитесь съ нами, здрав

— Здравствуйте, дорогой, человѣкъ... и безцѣнный! уважалъ васъ... радостно и стремительно отозвался Митя, же протянувъ ему черезъ столъ свою руку.

— Ай, какъ вы крѣпко пожали! Совсѣмъ сломали засмѣялся Калгановъ.

— Вотъ онъ такъ всегда жметъ, всегда такъ, вес звалась, еще робко улыбаясь, Грушенька, кажется, вдру дившаяся по виду Мити, что тотъ не будетъ буяннить, с

любопытствомъ и все еще съ безпокойствомъ въ него (ываясь. Было что-то въ немъ чрезвычайно ее поразившее, вовсе не ожидала она отъ него, что въ такую минуту онъ войдетъ и такъ заговоритъ.

— Здравствуйте-съ, сладко отозвался слѣва и помѣщикъ ямовъ. Митя бросился и къ нему.

— Здравствуйте, и вы тутъ, какъ я радъ, что и вы тутъ! да, господа, я... (Онъ снова обратился къ пану съ трубкой, но принимая его за главнаго здѣсь человѣка). Я летѣлъ... летѣлъ послѣдній день и послѣдній часъ мой провести въ этой стѣ, въ этой самой комнатѣ... гдѣ и я обожалъ... мою па... .. Прости, пане! крикнулъ онъ изступленно, — я летѣлъ и клятву... О, не бойтесь, послѣдняя ночь моя! Выпьемъ, мировую! Сейчасъ подадутъ вино... Я привезъ вотъ это. вдругъ для чего-то вытащилъ свою пачку кредитокъ). — эль, пане! Я хочу музыки, грому, гаму, всего что прежде... ервь, пенужный червь проползетъ по землѣ, и его не бу... День моей радости помяну въ послѣднюю ночь мою!..

нъ почти задохся; онъ многое, многое хотѣлъ сказать, но очили одни странныя восклицанія. Панъ неподвижно смотрѣлъ на него, на пачку его кредитокъ, смотрѣлъ на Грушеньку лъ въ видимомъ недоумѣннн.

— Ежели поволить моя крулева... началъ было онъ.

— Да что крулева. это королева, что-ли? перебила вдругъ енька. — И смѣшно мнѣ на васъ, какъ вы всѣ говорите. съ, Митя, и что это ты говоришь? Не пугай, пожалуйста. удешь пугать, не будешь? Коли не будешь, такъ я тебѣ

— Мнѣ, мнѣ пугать? вскричалъ вдругъ Митя, вскинувъ вверхъ руки. — О, идите мимо, проходите, не помѣшаю!.. И вдругъ совсѣмъ неожиданно для всѣхъ и, ужь, конечно, для Грушеньки бросился на стулъ и залился слезами, отвернувшись отъ противоположной стѣны свою голову, а руками крѣпко обхватилъ спинку стула, точно обнимая ее.

— Ну вотъ, ну вотъ, экой ты! укоризненно сказала Грушенька. — Вотъ онъ такой точно ходилъ ко мнѣ — и плакалъ, орить, а я ничего не понимаю. А одинъ разъ такъ плакалъ, а теперь вотъ въ другой — экой стѣна! — а плакаешь-то? *Было-бы еще съ чего!* прибавила Грушенька, но и съ какимъ-то раздраженннмъ напирала на Митю.

— Я... я не плачу... Ну, здравствуйте!

однѣмъ Митѣ на стулѣ, и вдругъ засмѣялся, но не дерзкими стрывистымъ смѣхомъ, а какимъ-то неслышаннымъ, первозваннымъ и сотрясающимъ смѣхомъ.

— Ну, вотъ опять... Ну, развеселась, развеселился, пана его Грушенька. — Я очень рада, что ты пріѣхалъ, рада, Митя, слышишь ты, что я очень рада? Я хочу, чтобы сидѣлъ здѣсь съ нами, повелительно обратилась она къ хозяину, хотя слова ея видимо относились къ сидѣвшему пану. — Хочу, хочу! А коли онъ уйдетъ, такъ и я уйду! прибавила она съ загорѣвшимися вдругъ глазами.

— Что повелитъ моя царица — то законъ! произнесъ галантно поклонившись ручку Грушеньки. — Прошу пана и компаньи! обратился онъ любезно къ Митѣ. Митя оскочилъ было съ видимымъ намереніемъ снова разразиться радой, но вышло другое:

— Выпьемъ, пане! оборвалъ онъ вдругъ вмѣсто разсѣялись.

— Господи! А я думала, онъ опять говорить хочетъ, возно воскликнула Грушенька. — Слышишь, Митя, нас прибавила она, — больше не всакивай, а что шампанскіе возъ, такъ это славно. Я сама пить буду, а наливки я не могу. А лучше всего, что самъ приватилъ, а то съ да ты кутить, что-ли, пріѣхалъ опять? Да спрячь донес карманъ! Откуда столько досталъ?

Митя, у котораго въ рукѣ все еще свомканы были и очень всѣми и особенно панамъ замѣченныя, быстро и ловко сунулъ ихъ въ карманъ. Онъ покраснѣлъ. Въ эту самую хозяйинъ принесъ откупоренную бутылку шампанскаго на и стаканы. Митя схватилъ было бутылку, но такъ растерявабылъ что съ ней надо дѣлать. Взялъ у него ее уже какъ и розлилъ за него вино.

— Да еще, еще бутылку! закричалъ Митя хозяйину и, чокнувшись съ паномъ, котораго такъ торжественно пригласить съ нимъ мировую, вдругъ выпилъ весь своей одинъ, никого не дожидавшись. Все лицо его вдругъ какъ вмѣсто торжественнаго и трагическаго выраженія, съ во онъ вошелъ, въ немъ явилось какъ-бы что-то младенческое вдругъ какъ-бы весь смирился и принизился. Онъ смотрѣлъ всѣхъ робко и радостно, часто и нервно хихикая, съ былымъ видомъ виноватой собачонки, которую опять простили и опять впустили. Онъ какъ будто все забылъ и оглядывалъ

восхищеніемъ, съ дѣтскою улыбкой. На Грушеньку смотрѣлъ непрерывно смѣясь и придвинулъ свой стулъ вплотъ къ самому креслу. Помаленьку разглядѣлъ и обоихъ пановъ, хотя еще мало осмысливъ ихъ. Панъ на диванѣ поражаъ его своею осанкой, польскимъ акцентомъ, а главное—трубкой. «Ну, что-же жое, ну, и хорошо что онъ куритъ трубку», созерцаъ Митя. Вскольцо обрюзглое, почти уже сорокалѣтнее лицо пана, съ вѣнь маленькимъ носикомъ, подъ которымъ виднѣлись два прешенькіе востренькіе усика, нафабреные и нахальные, не воздидло въ Митѣ тоже ни малѣйшихъ пока вопросовъ. Даже очень шпененькій паричекъ пана, сдѣланный въ Сибири, съ преглупочесанными впередъ височками, не поразиъ особенно Митю: «начитъ, такъ и надо, коли парикъ», блаженно продолжалъ онъ верцать. Другой-же панъ, сидѣвшій у стѣны, болѣе молодой, въ панъ на диванѣ, смотрѣвшій на всю компанію дерзко и зарвно и съ молчаливымъ презрѣніемъ слушавшіи общій разговоръ, опять таки поразиъ Митю только очень высокимъ своимъ ростомъ, ужасно непропорціональнымъ съ паномъ сидѣвшимъ на диванѣ. «Коли встанетъ на ноги, будетъ вершковъ одиннадцати», мелькнуло въ головѣ Мити. Мелькнуло у него тоже, что этотъ высокій панъ, вѣроятно, другъ и приспѣшникъ пану на диванѣ, въ-бы «стѣлохранитель его», и что маленькій панъ съ трубкой, вѣчно, командуетъ паномъ высокимъ. Но и это все казалось Митѣ ужасно какъ хорошо и безспорно. Въ маленькой собачкѣ мерло всякое соперничество. Въ Грушенькѣ и въ загадочномъ Митѣ нѣсколькихъ фразъ ея. онъ еще ничего не понялъ, а понялъ лишь, сотрясаясь всѣмъ сердцемъ своимъ, что она къ нему привола, что она его «простила», и подлѣ себя посадила. Онъ отъ вѣнь себя отъ восхищенія, увидѣвъ, какъ она хлѣбнула изъ стакана вино. Молчаніе компаніи какъ-бы вдругъ, однако, позволило ему и онъ сталъ обводить всѣхъ ожидающими чего-то глазами: «что-же мы, однако, сидимъ, что-же вы ничего не знаете, господа?» какъ-бы говорилъ ослабленный взоръ его. — Да вотъ онъ все вретъ. и мы тутъ все смѣялись, началъ вдругъ Калгановъ, точно угадавъ его мысль и показывая на Максимова.

Митя стремительно уставился на Калганова и потомъ толкнулъ-же на Максимова.

— Вретъ? разсмѣялся онъ своимъ короткимъ деревяннымъ кономъ, тотчасъ-же чему-то обрадовавшись. — Ха-ха!

— Да. Представьте, онъ утверждаетъ, что будто-бы все какъ

кавалерія въ двадцатыхъ годахъ переженчалась на полкаго ужасный вздоръ, не правда-ли?

— На полькахъ? подхватилъ опять Митя и уже въ тонкомъ восхищеніи.

Калгановъ очень хорошо понималъ отношенія Мити къ панькѣ, досадовался и о панѣ, но его вовсе это не занимало, даже, можетъ быть, вовсе не занимало, а занимало всего болѣе Максимовъ. Пошалъ онъ сюда съ Максимовымъ тайно и пановъ встрѣтилъ здѣсь на постояломъ дворѣ въ первый разъ въ жизни. Грушеньку-же зналъ прежде и раньше былъ у нея съ кѣмъ-то: тогда онъ ей не понравился. Но она очень ласково на него поглядывала: до пріѣзда Мити ласкала его, но онъ какъ-то оставался безчувственнымъ былъ молодой человѣкъ, дѣтъ не болѣе двадцата, одѣтый, съ очень милымъ бѣленькимъ личикомъ и съ длинными густыми русыми волосами. Но на этомъ блѣдомъ личикѣ прелестные свѣтло-голубые глаза, съ унылымъ, а еще глубокимъ выраженіемъ, но по возрасту даже, не смотря что молодой человѣкъ иногда говорилъ и смотрѣлъ совсѣтъ дитя и нисколько этимъ не стѣснялся, даже самъ это онъ. Вообще, онъ былъ очень своеобразенъ, даже капризенъ всегда ласковъ. Иногда въ выраженіи лица его мелькала неподвижное и упрямое: онъ глядѣлъ на васъ, слушалъ, и какъ будто упорно мечталъ о чемъ-то своемъ. То становялся и лѣнивъ, то вдругъ начиналъ волноваться иногда, динному, отъ самой пустой причины.

— Вообразите, я его уже четыре дня возю съ собой долженъ онъ, немного какъ бы растягивая лѣнливо см безо всякаго фатовства, а совершенно натурально. — Онъ съ тѣхъ поръ, какъ вашъ братъ его тогда изъ коляски инулъ и онъ полетѣлъ. Тогда онъ меня очень этимъ занималъ и я взялъ его въ деревню, а онъ все теперь вретъ что съ нимъ стыдно. Я его назадъ везу...

— Панъ польской пани не видѣлъ и нуви что бы могло, замѣтилъ панъ съ трубкой Максиму.

Панъ съ трубкой говорилъ по русски поряточно, но и мѣръ, гораздо лучше тѣмъ представлялся. Русскія слова, употреблялъ ихъ, коверкалъ на польскій лакъ.

— Да вѣдь я и самъ былъ женатъ на польской мани-хихикнулся въ отвѣтъ Максимовъ.

— Ну, такъ вы развѣ служили въ кавалеріи? Вѣдь я

в кавалерію говорили. Такъ развѣ вы кавалеристъ? ввязался Калгановъ.

— Да, конечно, развѣ онъ кавалеристъ? Ха-ха! вкрикнулъ она, жадно слушавшій и быстро переводившій свой вопросительный взглядъ на каждаго кто заговорить, точно Богъ знаетъ и ожидалъ отъ каждаго услышать.

— Нѣтъ-съ, видите-съ, повернулся къ нему Максимовъ, — я то-съ, что этѣ тамъ панѣнки... хорошенькія-съ... какъ оттанцуетъ съ нашимъ уланомъ мазурку... какъ оттанцовала она съ мазурку, такъ тотчасъ и вскочить къ нему на колѣнки, какъ пчелка-съ... бѣленькая-съ... а панъ ойцъ и пани-матка видятъ и позволяютъ... и позволяютъ-съ... а уланъ-то на завтра пой-детъ и руку предложитъ... вотъ-съ... и предложитъ руку, хи-хи! вкрикнулъ закончивъ Максимовъ.

— Панъ лайдакъ! проворчалъ вдругъ высокій панъ на стулѣ переложилъ ногу на ногу. Митѣ только бросился въ глаза сманный смазной сапогъ его съ толстою и грязною подошвой. И вообще оба пана были одѣты довольно засаженно.

— Ну, вотъ и лайдакъ! Чего онъ бранится? разсердилась тутъ Грушенька.

— Пани Агриппина, панъ видѣлъ въ польскомъ краю хлопотъ, а не шаяхетныхъ паней, замѣтилъ панъ съ трубкой Грушеньку.

— Можешь на то раховаць! презрительно отрѣзалъ высокій панъ на стулѣ.

— Вотъ еще! Дайте ему говорить-то! Люди говорятъ, чего шаять! Съ ними весело, огрызнулась Грушенька.

— Я не мѣшаю, пани, значительно замѣтилъ панъ въ па-рѣ съ продолжительнымъ взглядомъ на Грушеньку и, важно замолчавъ, снова началъ сосать свою трубку.

— Да нѣтъ, нѣтъ, это панъ теперь правду сказалъ, загоря-лся опять Калгановъ, точно Богъ знаетъ о чемъ шло дѣло. — Дѣло онъ въ Польшѣ не былъ, какъ-же онъ говоритъ про Польшу? Вѣдь вы-же не въ Польшѣ женились, вѣдь нѣтъ?

— Нѣтъ-съ, въ Смоленской губерніи-съ. А только ее уланъ прежде того вывезъ-съ, супругу-то мою-съ, будущую-съ, и пани-маткой, и съ тантой, и еще съ одною родственницей со своимъ сыномъ, это ужъ изъ самой Польши, изъ самой... а онъ уступилъ. Это одинъ нашъ поручикъ, очень хорошій молодой человекъ. Сначала онъ самъ хотѣлъ жениться, да и не женился, потому что она оказалась хромая...

СОЧИНЕНІЯ Ф. М. ДОСТОВСКАГО.

— Такъ вы на хромой женились! воскликнулъ Катя

— На хромой-съ. Это ужь она меня оба тогда сама обманула и скрыла. Я думалъ, что она подпрыгиваетъ, подпрыгивала, я и думалъ, что она это отъ веселости.

— Отъ радости, что за васъ идетъ? завопилъ какъ-то ски звонкимъ голосомъ Калгановъ.

— Да-съ, отъ радости-съ. А вышло, что совѣтъ о причинахъ-съ. Потомъ, когда мы обвинялись, она мнѣ посвъ тотъ-же вечеръ и призналась, и очень чувствительна ненія просила, чрезъ лужу, говоритъ, въ молодыхъ гоняжды перескочила и ножку тѣмъ повредила, хи-хи!

Калгановъ такъ и заглялся самымъ дѣтскимъ смѣхомъ упалъ на диванъ. Разсмѣялась и Грушенька. Митя-жеверху счастья.

— Знаете, знаете, это онъ теперь уже правду, это перъ не лжетъ, восклицалъ, обращаясь къ Митѣ, Катя. И знаете, онъ вѣдь два раза былъ женатъ,—это онъ вую жену говоритъ,—а вторая жена его, знаете, сбѣжала до сихъ поръ, знаете вы это?

— Неужто! быстро повернулся къ Максиму Митя зивъ необыкновенное изумленіе въ лицѣ.

— Да-съ, сбѣжала-съ, я имѣлъ эту непріятность, подтвердилъ Максимовъ.— Съ однимъ мусью-съ. А глая деревушку мою перво-на-перво на одну себя предварит писала. Ты, говоритъ, человекъ образованный, ты и сдешь себѣ кусокъ. Съ тѣмъ и посадила. Мнѣ разъ одинъ ный архіерей и замѣтилъ: «у тебя одна супруга была а другая ужь черезчуръ легконогая», хи-хи!

— Послушайте, послушайте! такъ и кикнулъ Катя если онъ и лжетъ,—а онъ часто лжетъ,—то онъ лже ственно чтобы доставить всѣмъ удовольствіе: это вѣдь не подло! Знаете, я люблю его иногда. Онъ очень подл натурально подлъ, а? Какъ вы думаете? Другой подлчас чего-нибудь, чтобы выгоду получить, а онъ просто, он туры... Вообразите, напримѣръ, онъ претендуетъ (вчера рогу спорилъ), что Гоголь въ *Мертвыхъ Душахъ* это сочинилъ. Помните, тамъ есть помѣщикъ Максимовъ, высѣкъ Ноздревъ и былъ преданъ суду: «за нанесеніе в Максимову личной обиды розгами въ пьяномъ видѣ»,— минте! Такъ что-жь, представьте, онъ претендуетъ, что и былъ, и что это его высѣкла! Ну, можетъ-ли это бы

вздилъ, самое позднее, въ двадцатыхъ годахъ, въ началѣ
 что совсѣмъ годы не сходятся. Не могли его тогда высѣчи
 не могли, не могли?

Трудно было представить изъ-за чего такъ горячился Кар
 вѣ, но горячился онъ искренно. Митя беззавѣтно входилъ
 его интересы.

— Ну, да вѣдь коли высѣкли! крикнулъ онъ, хохоча.

— Не то чтобы высѣкли-сь, а такъ, вставилъ вдругъ Макс
 вѣ.

— Какъ такъ? Или высѣкли, или нѣтъ?

— Етура годзина, пане? (который часъ?) обратился со ску
 димъ видомъ панъ съ трубкой къ высокому пану на стулѣ
 вскинулъ въ отвѣтъ плечами: часовъ у нихъ у обоихъ
 было.

— Отчего не поговорить? Дайте и другимъ говорить. Коли вам
 до, такъ другіе и не говори, вскинулась опять Грушенька
 нарочно привязываясь. У Мити какъ-бы въ первый разъ
 промелькнуло въ умѣ. На этотъ разъ панъ отвѣтилъ уж
 видимою раздражительностью:

— Пани, я ницъ не мувѣнъ противъ, ницъ не повѣдзелемт
 противорѣчу, я ничего не сказалъ).

— Ну да хорошо, а ты рассказывай, крикнула Грушенька
 Максиму.—Что-жь вы всѣ замолчали?

— Да тутъ и рассказывать-то нечего-сь, потому все это одн
 сти, подхватилъ тотчасъ Максимовъ съ видимымъ удоволь
 вѣмъ и капельку жеманясь,—да и у Гоголя все это тольк
 идѣ аллегорическомъ, потому что всѣ фамиліи поставил
 историческія? Ноздревъ-то вѣдь былъ не Ноздревъ, а Носовъ,
 Шкворневъ — это уже совсѣмъ даже и не похоже, потому что он
 Шкворневъ. А Фенарди дѣйствительно былъ Фенарди, тольк
 итальянецъ, а русскій, Петровъ-сь, и мамзель Фенарди был
 французская-сь, и ножки въ трико, хорошенькія-сь, юбочка коро
 ная въ блесткахъ, и это она вертѣлась, да только не четыр
 а всего только четыре минутки-сь... и всѣхъ обольстила.

— Да за что высѣкли-то, высѣкли-то тебя за что? вопил
 Максимовъ.

— За Пирона-сь, отвѣтилъ Максимовъ.

— За какого Пирона? крикнулъ Митя.

— За французскаго извѣстнаго писателя, Пирона-сь. М
 всѣ вино пили въ большомъ обществѣ, въ трактирѣ, н
 самой ярмаркѣ. Они меня и пригласили, а я, перво-на-перво

СОЧИНЕНІЯ В. М. ДОСТОВЬСКАГО.

они говорить: «Ты-ль это, Буало, какой же Буало-то отвѣчаетъ, что онъ въ маскарадъ собралъ оаню-съ, хн-хн, они и приняли на свой счетъ поскорѣй другую сказаль, очень извѣстную всѣмъ образованнымъ людямъ, Ыдкую-съ:

Ты Сафо, я Фаонъ, объ этомъ я не спорю,
Но къ моему ты горю
Пути не знаешь къ морю.

Они еще пуще обидѣлись и начали меня неприлично за это, а я какъ разъ, на Ыду себѣ, чтобы поправить обстоятельство и разсказаль очень образованный анекдотъ про Ы какъ его не приняли во французскую академію, а онъ, отметить, написалъ свою эпитафію для надгробнаго камня

*Ci-git Piron qui ne fut rien
Pas même académicien.*

Они взяли да меня и высѣкли.

— Да за что-же, за что?

— За образование мое. Мало-ли изъ-за чего люди и человека высѣчь, кротко и правоучительно заключилъ Макс

— Э, полно, скверно все это, не хочу слушать, я и что веселое будетъ, оборвала вдругъ Грушенька. Митя испугался и тотчасъ-же пересталъ смѣяться. Высокій панъ не съ мѣста и съ высокомернымъ видомъ скучающаго не въ компаніи человека, началъ шагать по комнатѣ изъ угла въ заложивъ за спину руки.

— Ишь зашагалъ! презрительно поглядѣла на него Груша. Митя безбоязненно, къ тому-же замѣтилъ, что на диванѣ съ раздражительнымъ видомъ поглядываетъ на него

— Панъ, крикнулъ Митя, — выпьемъ, пане! И съ дивана паномъ тоже: выпьемъ, панове! Онъ мгновенно сдвинулъ тюканъ и разлилъ въ нихъ шампанское.

— За Польшу, панове, пью за вашу Польшу, за Польшу! воскликнулъ Митя.

— Бардзо ми то мило, пане, выпьемъ (это мнѣ очень и пане, выпьемъ), важно и благосклонно проговорилъ панъ и онъ и взялъ свой стаканъ.

— И другой панъ, какъ его, ей, ясновельможный, бей канъ! хлопоталъ Митя.

— Панъ Врублевскій, подсказаль панъ на диванѣ.

Панъ Врублевскій, раскачиваясь, подошелъ къ столу и, стоя, выпилъ свой стаканъ.

— За Польшу, панове, ура! прокричалъ Митя, поднявъ стаканъ. Всѣ трое выпили. Митя схватилъ бутылку и тотчасъ-же налилъ въ три стакана.

— Теперь за Россію, панове, и побратаемся!

— Надѣй и намъ, сказала Грушенька—за Россію и я хочу пить.

— И я, сказалъ Балгановъ.

— Да и я-бы тоже-съ... за Россейку, старую бабусеньку, крикнулъ Максимовъ.

— Всѣ, всѣ! восклицалъ Митя.—Хозяинъ, еще бутылокъ! Принесли всѣ три оставшіяся бутылки изъ привезенныхъ. Митя розлилъ.

— За Россію, ура! провозгласилъ онъ снова. Всѣ, кромѣ Мити, выпили, а Грушенька выпила разомъ весь свой стаканъ. Все-же и не дотронулись до своихъ.

— Какъ-же вы, панове? воскликнулъ Митя.—Такъ вы такъ-то? Панъ Врублевскій взялъ стаканъ, поднялъ его и зычнымъ голосомъ проговорилъ:

— За Россію въ предѣлахъ до семьсотъ семьдесятъ втораго года!

— Ото бардзо пѣвкне! (Вотъ такъ хорошо!), крикнулъ другой, и оба разомъ осушили свои стаканы.

— Дурачье-же вы, панове! сорвалось вдругъ у Мити.

— Па-но! прокричали оба пана съ угрозой, наставившись на Митю какъ пѣтухи. Особенно вскипѣлъ панъ Врублевскій.

— Але не можно не мѣць слабосьци до своего краю? возгласилъ (Развѣ можно не любить своей стороны?)

— Молчать! Не ссориться! Чтобы не было ссоръ! крикнула сердительно Грушенька и стукнула ножкой объ полъ. Лицо ея покраснѣло, глаза засверкали. Только что выпитый стаканъ скакнулъ. Митя страшно испугался.

— Панове, простите! Это я виновать, я не буду. Врублевскій, Врублевскій, я не буду!..

— Да молчи хоть ты-то, садись, эвоѣ глупый! со злобною улыбкой огрызнулась на него Грушенька.

Всѣ усѣлись, всѣ примолкли, всѣ смотрѣли другъ на друга.

— Господа, всему я причиной! началъ опять Митя, ничего не понявшій въ возгласѣ Грушеньки;—ну, чего-же мы сидимъ?

— Живѣ-же намъ заняться... чтобы было весело, опять весело?

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ ужасно не весело, лѣнливо промямлилъ Балгановъ.

— Въ банчикъ-бы-съ сыграть-съ, какъ давоча... хн-хн-хн! — вдругъ Максимовъ.

— Банкъ? Великолѣпно! подхватилъ Митя, — если ты панове...

— Пузыно, пане! какъ-бы нехотя отозвался панъ на диванѣ.

— Тò правда, поддакнулъ и панъ Врублевскій.

— Пузыно? Это что такое пузыно? спросила Грушенька.

— То значи поздно, пани, поздно, часъ поздній, разъярился панъ на диванѣ.

— И все-то имъ поздно, и все-то имъ нельзя! почти вскинула въ досадѣ Грушенька. — Сами скучные сидятъ, такъ и глумь чтобы скучно было. Предъ тобой, Митя, они все вотъ такъ молчали и надо мной фуфырились...

— Богиня моя! крикнулъ панъ на диванѣ, — цо мурманскень стане. Видзенъ неласкөнъ, и естемъ смутны. (Вижу и положеніе, оттого я и печальный). Естемъ готувъ (я готувъ, пане, докончилъ онъ, обращаясь къ Митѣ).

— Начинай, пане, подхватилъ Митя, выхватывая изъ кармана свои кредитки и выкладывая изъ нихъ двѣ сторублевыхъ на столъ.

— Я тебѣ много, пане, хочу проиграть. Берн карты, заставляй банкъ!

— Карты чтобъ отъ хозяина, пане, настойчиво и серьезно произнесъ маленькій панъ.

— Тò найлѣпши спосубъ (самый лучший способъ), подкинулъ панъ Врублевскій.

— Отъ хозяина? Хорошо, понимаю, пусть отъ хозяина, вы хорошо, панове! Карты! скомандовалъ Митя хозяину.

Хозяинъ принесъ нераспечатанную игру картъ и объявилъ Митѣ, что ужь собираются дѣвки, жидки съ цимбалами придутъ тоже вѣроятно скоро, а что тройка съ припасами еще успѣла прибыть. Митя выскочилъ изъ-за стола и побѣжалъ сосѣднюю комнату сейчасъ-же распорядиться. Но дѣвокъ не пришло только три, да и Марья еще не было. Да и самъ онъ зналъ, какъ ему распорядиться и зачѣмъ онъ выбѣжалъ: валъ только достать изъ ящика гостинцевъ, леденцовъ и тягущекъ одѣлать дѣвокъ. — «Да Андрею водки, водки Андрею! приказалъ онъ на-скоро, — я обидѣлъ Андрея!» Тутъ его вдругъ тронулъ плечо прибѣжавшій вслѣдъ за нимъ Максимовъ.

— Дайте мнѣ пять рублей, прошепталъ онъ Митѣ: — я тоже въ банчикъ рискнулъ, хи-хи!

— Прекрасно, великолѣпно! Берите десять, вотъ! Онъ вы

— Опять всё кредитки изъ кармана и отыскалъ десять руб.
— А проиграешь, еще приходи, еще приходи...

— Хорошо-съ, радостно прошепталъ Максимовъ и побѣждалъ залу. Воротился тотчасъ и Митя и извинился, что заставилъ себя. Паны уже усѣлись и распечатали игру. Смотрѣли-же ваздо привѣтливѣе, почти ласково. Панъ на диванѣ закурилъ свою трубку и приготовился метать; въ лицѣ его изобразилась во нѣкая торжественность.

— На мѣйса, панове! провозгласилъ панъ Врублевскій.

— Нѣтъ, я не стану больше играть, отозвался Калгановъ, — вавоча ужъ имъ проигралъ пятьдесятъ рублей.

— Панъ былъ нищенсливый, панъ можетъ быть опять щен-вымъ, замѣтилъ въ его сторону панъ на диванѣ.

— Сколько въ банкѣ? Отвѣтный? горячился Митя.

— Слухамъ, пане, можетъ сто, може двѣсьць, сколько ста-тъ будешь.

— Милліонъ! захохоталъ Митя.

— Панъ капитанъ, можетъ, слышалъ про пана Подвысоц-каго?

— Какого Подвысоцкаго?

— Въ Варшавѣ банкъ отвѣтный ставитъ кто идетъ. Прихо-тъ Подвысоцкій, видитъ тысенць золотыхъ, ставитъ: вабанкъ.

— Муви: «пане Подвысоцки, ставишь злото, чи на гѣ-норъ?» — На гѣноръ, пане, муви Подвысоцкій. — «Тѣмъ лѣпшѣй, муви».

Банкеръ мечетъ талью, Подвысоцкій беретъ тысенць зло-тыхъ. — «Почекай, пане», муви банкеръ, вынулъ ящикъ и даетъ

милліонъ. «бери, пане, ото есть твой рахунекъ» (вотъ твой гѣноръ!). Банкъ былъ милліоннымъ. — Я не зналъ того, муви

Подвысоцкій. — «Пане Подвысоцки, муви банкеръ, ты ставилэсь гѣноръ, и мы на гѣноръ». Подвысоцкій взялъ милліонъ.

— Это не правда, сказалъ Калгановъ.

— Пане Калгановъ, въ шляхетной компаніи такъ мувиць пржистои (въ порядочномъ обществѣ такъ не говорятъ).

— Такъ и отдасть тебѣ польскій игрокъ милліонъ! восклик-нулъ Митя, но тотчасъ спохватился: — прости, пане, виновенъ,

виновенъ, отдасть, отдасть милліонъ на гѣноръ, на поль-скую честь! Видишь, какъ я говорю по польски, ха-ха! Вотъ

идетъ десять рублей, идетъ — валеть.

— А я рубликъ на дамочку, на червонную, на хорошень-кую, на паненочку, хи-хи! прохихикалъ Максимовъ, выдвинувъ

даму, и какъ-бы желая скрыть отъ всѣхъ, придвинулся

— Ну и наскоро перекрестился подь столомъ.

— Выигралъ и рубликъ.

— Угодъ! крикнулъ Митя.

— А я опять рубликъ, я семпелечкомъ, я маленькимъ ленькимъ семпелечкомъ, блаженно, бормоталъ Максимовъ въ ной радости, что выигралъ рубликъ.

— Бита! крикнулъ Митя. — Семерку на *не!*

Убили и на *не.*

— Перестаньте, сказалъ вдругъ Калгановъ.

— На *не*, на *не*, удваивалъ ставки Митя, и что вы ст на *не* — все убивалось. А рублики выигрывали.

— На *не!* рывкнулъ въ ярости Митя.

— Двѣсць проигралъ, пане. Еще ставишь двѣсць? домился пане на диванѣ.

— Какъ, двѣсти ужъ проигралъ? Такъ еще двѣста! Б сти на *не!* И выхвативъ изъ кармана доньги, Митя бросилъ двѣсти рублей на даму, какъ вдругъ Калгановъ накрылъ се

— Довольно! крикнулъ онъ своимъ звонкимъ голосомъ

— Что вы это? уставился на него Митя.

— Довольно, не хочу! Не будете больше играть.

— Почему?

— А потому. Плюньте и уйдите, вотъ почему. Не больше играть!

Митя глядѣлъ на него въ изумленіи.

— Брось, Митя, онъ, можетъ, правду говоритъ; и безъ много проигралъ, со странною ноткой въ голосѣ произи Грушенька. Оба пана вдругъ поднялись съ мѣста со с обиженнымъ видомъ.

— Жартуешь (шутить), пане? проговорилъ маленькіи строго осматривая Калганова.

— Якъ сѣнъ повожашъ то робиць, пане! (Какъ вы это дѣлать!) рывкнулъ на Калганова и пане Врублевскіи

— Не смѣть, не смѣть кричать! крикнула Грушенька. нѣтуха индѣйскіе!

Митя смотрѣлъ на нихъ на всѣхъ поочередно; но вдругъ поразило его въ лицѣ Грушеньки и въ тотъ-же что-то совсѣмъ новое промелькнуло и въ умѣ его, — ст новая мысль!

— Пани Агриппина! началъ было маленькіи пане, вес ный отъ задора, какъ вдругъ Митя, подойдя къ нему, тм его по плечу.

- 490 ГОДЫ,
- Ясневельможный, на два слова.
- Чего хцешь, пане? (Что угодно?)
- Въ ту комнату. въ тотъ покой, два слѣпыхъ, самыхъ лучшихъ, останешься довѣренный панъ удивился и опасливо пошелъ съ нимъ и панъ Врублевскій.
- Тылохранитель-то? Пусть и онъ, и его надо! Его даже мѣнно! воскликнулъ Митя. — Маршъ, панове!
- Куда это вы? тревожно спросила Грушенька.
- Въ одинъ мигъ вернемся, отвѣтилъ Митя. Какая-то смѣлая-какая-то неожиданная бодрость засверкала въ лицѣ его; онъ не съ тѣмъ лицомъ вошелъ онъ часъ назадъ въ эту комнату. Онъ провелъ пановъ въ комнату направо, не въ ту, лѣвую, въ которой собирался хоръ дѣвокъ и накрывался, а въ спальную, въ которой помѣщались сундуки, укладки большія кровати съ ситцевыми подушками горой на каблукахъ на маленькомъ тесовомъ столикѣ, въ самомъ углу, горелка. Панъ и Митя расположились у этого столика другъ за друга, а огромный панъ Врублевскій сбоку ихъ, заложилъ руки за спину. Паны смотрѣли строго, но съ видимымъ изумленіемъ.
- Чемъ mogenъ служиць пану? пролепеталъ маленький панъ.
- А вотъ чѣмъ, пане, я много говорить не буду: вотъ тебѣ три тысячи, — онъ вытащилъ свои кредитки: — хочешь три тысячи, и уѣзжай куда знаешь.
- Митя смотрѣлъ пылливо, во всѣ глаза, такъ и впился въ лицо Мити.
- Тржи тысенцы, пане? Онъ переглянулся съ Врублевскимъ.
- Тржи, панове, тржи! Слушай, пане, вижу, что ты челоука разумный. Бери три тысячи и убирайся ко всѣмъ чертямъ, Врублевскаго съ собой захвати—слышишь это? Но сейчасъ-ию-же минути, и это на вѣки, понимаешь, пане, на вѣки въ эту самую дверь и выйдешь. У тебя что тамъ: пальто, шляпа? Я тебѣ вынесу. Сю-же секунду тройку тебѣ заложать въ карманъ, пане! А!
- Митя увѣренно ждалъ отвѣта. Онъ не сомнѣвался. Нѣчто чрезвычайно рѣшительное мелькнуло въ лицѣ пана.
- А рубли, пане?
- Рубли-то, вотъ какъ, пане: пятьсотъ рублей сію минути въ извошникъ и въ задатокъ, а двѣ тысячи пятьсотъ завтра въ

Видѣ—честью клянусь, будутъ, достану изъ подъ земли
нуль Митя.

Поляки переглянулись опять. Лицо пана стало
къ худшему.

— Семьсотъ, семьсотъ, а не пятьсотъ, сейчасъ, сіе
въ руки! надбавилъ Митя, почувствовавъ нѣчто нехорошее.
Чего ты, панъ? Не вѣришь? Не всѣ-же три тысячи дѣтъ
сразу. Я дамъ, а ты и воротись къ ней завтра-же... Да ты
и нѣтъ у меня всѣхъ трехъ тысячъ, у меня въ городѣ дѣла
жатъ, лепеталъ Митя, труся и падая духомъ съ каждымъ
имъ словомъ,—ей Богу лежать, спрятаны...

Въ одинъ мигъ чувство необыкновеннаго собственнаго
стоинства засіяло въ лицѣ маленькаго пана:

— Чи не потшебуешь еще чего? спросилъ онъ прогнанный.
Пфе! А пфе! (стыдъ, срамъ!) И онъ плюнулъ. Плюнулъ и
Врублевскій.

— Это ты оттого плюешься, пане, проговорилъ Митя
отчаянный, понявъ, что все кончилось, — оттого, что отъ
шеньки думаешь больше тяпнуть. Каплуны вы оба, вотъ чѣмъ

— Естемъ до живого доткнентнымъ! (Я оскорбленъ до
слѣдней степени!) раскраснѣлся вдругъ маленькій панъ, и
какъ, и живо, въ страшномъ негодованіи, какъ-бы не желая болѣе
ничего слушать, вышелъ изъ комнаты. За нимъ, раскраснѣвшись
послѣдовалъ и Врублевскій, а за ними ужъ и Митя, своенравный
и опѣшенный. Онъ боялся Грушеньки, онъ предчувствовалъ,
что панъ сейчасъ раскричится. Такъ и случилось.
Панъ вошелъ въ залу и театральнo всталъ передъ Грушенькой.

— Пани Агрипина, естемъ до живого доткнентнымъ! и
кликнулъ было онъ, но Грушенька какъ-бы вдругъ потерявъ
всякое терпѣніе, точно тронули ее по самому больному мѣсту

— По русски, говори по русски, чтобы ни одного слова по
скаго не было! закричала она на него. — Говорилъ-же прежде по
ски, неужели забылъ въ пять лѣтъ! Она вся покраснѣла отъ гнѣва.

— Пани Агрипина...

— Я—Аграфена, я—Грушенька, говори по русски или
слушать не хочу!—Панъ запыхтѣлъ отъ гонора и, ломая русскій
рѣчь, быстро и напыщенно произнесъ:

— Пани Аграфена, я пріѣхалъ забыть старое и простить и
забыть, что было допрежъ сегодня...

— Какъ простить? Это меня-то ты пріѣхалъ простить? и
била Грушенька и вскочила съ мѣста.

акъ есть, пани (точно такъ, пани), я не малодушны, душны. Но я былемъ здивёны (былъ удивленъ) когда твоихъ любовниковъ. Панъ Митя въ томъ покоѣ да три тысячи, чтобъ я отбылъ. Я плюнулъ пану въ

акъ? Онъ тебѣ деньги за меня давалъ? исторически вскрипенька. — Правда, Митя? Да какъ ты смѣлъ? Развѣ я про-

ане, пане, возопилъ Митя, — она чиста и сіяетъ, и ни не былъ ея любовникомъ! Это ты совралъ...

акъ смѣешь ты меня предъ нимъ защищать? вопила Груш — не изъ добродѣтели я чиста была и не потому, что боялась, а чтобы предъ нимъ гордой быть и чтобы право у подлеца сказать, когда встрѣчу. Да неужто-жь онъ съ егъ не взялъ?

а бралъ-же, бралъ! воскликнулъ Митя, — да только тысячи разомъ захотѣлъ, а я всего семьсотъ задатку

у, и понятно: прослышалъ, что у меня деньги есть, а по-пріѣхалъ вѣнчаться!

ани Агрипина, завричалъ панъ, — я — рыцарь, я — бь, а не лайдакъ! Я пшибылъ взять тебя въ супругу, а ву пани, не ту что прежде, а упарту и безъ встыду шую и безстыдную).

и убирайся откуда пріѣхалъ! Велю сейчасъ прогнать и ть! крикнула въ изступленіи Грушенька. — Дура, дура кто пять лѣтъ себя мучила! Да и не за него себя мучила со злобы себя мучила! Да и не онъ это вовсе! Развѣ онъ кой? Это отецъ его какой-то! Это гдѣ ты парикъ-то себѣ? Тотъ былъ соколъ, а это селезень. Тотъ смѣялся и мнѣ мѣ... А я-то, я-то пять лѣтъ слезами заливалась, прокля-ра, низкая я, безстыжая!

упала на свое кресло и закрыла лицо ладонями. Въ эту здругъ раздался въ сосѣдней комнатѣ слѣва хоръ собрав-законецъ, Мокринскихъ дѣвокъ, — залихватская плясо-ля.

дъ есть Содомъ! — взревѣлъ вдругъ панъ Врублевскій. — , прогони безстыжихъ!

нѣ, который давно уже съ любопытствомъ заглядывалъ , слыша крикъ и чуя, что гости перессорились, тотчасъ гь комнату.

— Ты чего кричишь, глотку рвешь? — обратился Врублевскому съ какою-то непонятною даже невѣжливостію.

— Скотина! заоралъ было панъ Врублевскій.

— Скотина? А ты въ какія карты сейчасъ игралъ? Я тебѣ колоду, а ты мон сиряталъ! Ты въ поддѣльныя карты! Я тебя за поддѣльныя карты въ Сибирь могу упрятать; ты это, потому, оно все одно что бумажки поддѣльныя.. Дойдя къ дивану, онъ засунулъ пальцы между спинкою дивана и вытащилъ оттуда нераспечатанную карту.

— Вотъ она моя колода, не распечатана! Онъ поднялъ и показалъ всѣмъ кругомъ:—я вѣдь видѣлъ оттелева какъ онъ колоду сунулъ въ щель, а своею поддѣлилъ,— шильникъ твой, а не панъ!

— А я видѣлъ, какъ тотъ панъ два раза передернулъ, нуль Калгановъ.

— Ахъ, какъ стыдно, ахъ, какъ стыдно! воскликнула шенъка, всплеснувъ руками и во истину покраснѣла отъ слез Господи, экой, экой сталъ человекъ!

— И я это думалъ, крикнулъ Митя. Но не успѣлъ онъ выговорить, какъ панъ Врублевскій, сконфуженный и красный, обратясь въ Грушенькѣ и, грозя ей кулакомъ, закричалъ:

— Публична шельма! Но не успѣлъ онъ и воскликнуть, какъ Митя бросился на него, обхватилъ его обѣими руками и вынесъ его изъ залы и на улицу направо, въ которую сейчасъ только водилъ ихъ.

— Я его тамъ на полъ положилъ! возвѣстилъ онъ часъ-же возвратившись и задыхаясь отъ волненія,— деретъ нахъ, небось не придетъ оттуда!.. Онъ заперъ одну полдвери и, держа настежь другую, воскликнулъ къ мамѣ:

— Ясневельможный, не угодно-ли туда-же? Пшопр

— Батюшка, Митрій Федоровичъ, возгласилъ Трифисычъ,—да отбери ты у нихъ деньги-то, то что имъ провѣдь все равно что воровствомъ съ тебя взяли.

— Я свои пятьдесятъ рублей не хочу отбирать, отидругъ Калгановъ.

— И я свои двѣсти, и я не хочу! воскликнулъ Митя,—что не отберу, пусть ему въ утѣшеніе останутся.

— Славис, Митя! Молодецъ, Митя! крикнула Грушенька, и страшна-злобная нотка прозвенѣла въ ея восклицаніи.

овый отъ ярости, но нисколько не потерявши
ги, направился было къ двери, но остановился
зорилъ, обращаясь къ Грушенькѣ:

«если хчешь исьць за мною, идзьмы, если не —
(Пани, если хочешь идти за мной — пойдёмъ, а
прощай!).

лхтя отъ негодованія и амбиціи, прошелъ въ
былъ съ характеромъ: онъ еще послѣ всего
в терялъ надежды, что пани пойдетъ за нимъ —
себя. Митя прихлопнулъ за нимъ дверь.

ихъ на ключъ, сказалъ Калгановъ. Но замокъ
къ стороны, они заперлись сами.

добно и беспощадно крикнула опять Грушенька. —
дорога!

VIII.

Б р е д ъ.

чти оргія, пиръ на весь міръ. Грушенька закри-
объ ей дали вина: «Пить хочу, совсѣмъ пьяная
чтобы какъ прежде, помнишь, Митя, помнишь,
тогда спознавались!» Самъ-же Митя былъ какъ
чувствовалъ «свое счастье». Грушенька его, впро-
но отгоняла: «Ступай, веселись, скажи имъ, чтобы
всѣ веселились, «ходи изба, ходи печь», какъ
а!» продолжала она восклицать. Была она ужасно
Митя бросался распорядиться. Хоръ собрался въ
ѣ. Та-же комната, въ которой до сихъ поръ си-
тому-же и тѣсна, разгорожена на-двое ситцевою
оторою опять-таки помѣщалась огромная кровать
ной и съ такими-же ситцевыми подушками горкой.
четырехъ «чистыхъ» комнатахъ этого дома вездѣ
Грушенька расположилась въ самыхъ дверяхъ.
, сюда кресло: также точно сидѣла она и «тогда»,
рваго здѣсь кутежа и смотрѣла отсюда на хоръ
зки собрались всѣ тогдашнія-же. Жидки со скрип-
тоже прибыли, а, наконецъ-то, прибылъ и столикъ
, на тройкѣ съ винами и припасами. Митя сует-
нату входили глядѣть и посторонніе, мужики

бабы, уже спавшіе, но пробудившіеся и почувавшіе небывающее, какъ и мѣсяць назадь. Митя здоровался и обнималъ знакомыми, припоминалъ лица, откупоривалъ бутылки и валилъ всѣмъ кому попало. На шампанское зарился очень гдѣвки, мужикамъ-же нравился больше ромъ и коньякъ и острѣйшій пуншъ. Митя распорядился, чтобы былъ сваренъ кофе на всѣхъ дѣвокъ и чтобы не переводились всю ночь пѣли три самовара для чаю и пунша на всякаго приходящаго, кто захочетъ пусть и угощается. Однимъ словомъ, началось беспорядочное и нелѣпое, но Митя былъ какъ-бы въ своемъ элементѣ, и чѣмъ нелѣпѣе все становилось, тѣмъ болѣе онъ оживлялся духомъ. Попроси у него какой-нибудь рубль въ тѣ минуты денегъ, онъ тотчасъ-же вытащилъ-бы всю пачку и сталъ-бы раздавать направо и налево безъ счета. Почему, вѣроятно, чтобы уберечь Митю, сновалъ кругомъ почти безотлучно хозяинъ. Трифонъ Борисычъ, совсѣмъ ужасается, раздумавшій дожитья спать въ эту ночь, пившій, еще мало (всего только выкушалъ одинъ стаканчикъ пуншу) и наблюдавшій по своему за интересами Мити. Въ нужные моменты онъ ласково и подобострастно останавливалъ его и уговаривалъ не давалъ ему одѣлать, какъ «тогда», мужиковъ «цыгарки ренскимъ виномъ» и, Боже сохрани, деньгами, и очень настаивалъ на то, что дѣвки пьютъ ливеръ и ѣдятъ конфеты: «Востокъ лишь одна, Митрій Федоровичъ, говорилъ онъ; — а въ колѣнкомъ всякую напинаю, да еще за честь почитать прикажи воть онѣ какия!» Митя еще разъ вспомнилъ про Андрея и хотѣлъ послать ему пуншу: — «Я его давеча обидѣлъ», повторилъ онъ ослабѣвшимъ и умилненнымъ голосомъ. Калгановъ не то было пить и хоръ дѣвокъ ему сначала не понравился очень выпивъ еще бокала два шампанскаго, страшно развеселился, галъ по комнатамъ, свѣлся и все и всѣхъ хвалилъ, и пѣлъ и музыку. Максимовъ, блаженный и пьяненькій, не покинулъ его. Грушенька, тоже начинавшая хмѣлѣть, указывала на Калганова Митѣ: «Какой онъ миленькій, какой чудесный мальчикъ!» И Митя съ восторгомъ бѣжалъ цаловаться съ Калгановымъ Максимовымъ. О, онъ многое предчувствовалъ: ничего она ему не сказала такого и даже, видимо, нарочно задерживала зать, нѣрѣдка только поглядывая на него ласковымъ, но чѣмъ глазкомъ. Наконецъ, она вдругъ схватила его крѣпко руку и съ силой притянула къ себѣ. Сама она сидѣла тогда креслахъ у дверей.

— Какъ это ты давеча вошелъ-то, а? Какъ ты вошелъ-то!.. Ты испугалась. Какъ-же ты меня ему уступить-то хотѣла, ну-жто хотѣла?

— Счастье твое губить не хотѣла! въ блаженствѣ лепетала ты. Но ей и не надо было его отвѣта:

— Ну, ступай... веселись, отгоняла она его опять, — да не опять позову.

— Онъ убѣгалъ, а она принималась опять слушать пѣсни и на пляску, слѣдя за нимъ взглядомъ гдѣ-бы онъ ни былъ, и черезъ четверть часа опять подзывала его и онъ опять при-

— Ну, садись теперь подлѣ, рассказывай, какъ ты вчера обо всемъ дѣлалъ, что я сюда прѣехала; отъ кого отъ перваго

— Дитя начиналъ все рассказывать, безсвязно, беспорядочно, но странно однако-же рассказывалъ, часто вдругъ хмурился и обрывался.

— Чего ты хмуришься-то? спрашивала она.

— Ничего... одного больного тамъ оставилъ. Кабы выздоровѣлъ, кабы зналъ, что выздоровѣетъ, десять-бы лѣтъ сейчасъ отдалъ!

— Ну, Богъ съ нимъ, коли больной. Такъ неужто ты хочешь завтра застрѣлить себя, экой глупый, да изъ-за чего? Я вѣдалахъ какъ ты безразсудныхъ люблю, лепетала она ему этого отяжелѣвшимъ языкомъ. — Такъ ты для меня на все пойдешь? А? И неужто-жь ты, дурачокъ, вправду хотѣла завтра застрѣлиться! Нѣтъ, погоди пока, завтра я тебѣ, можетъ, одно слово скажу... не сегодня скажу, а завтра. А ты-бы хотѣла жить? Нѣтъ, я сегодня не хочу... Ну, ступай, ступай теперь, садись.

— Сказъ, однако, она подозвала его какъ-бы въ недоумѣніи и печально.

— Чего тебѣ грустно? Я вижу, тебѣ грустно... Нѣтъ, ужь я прибавила она, зорко вглядываясь въ его глаза. — Хоть ты и цалуешься съ мужиками и кричишь, а я что-то вижу. Нѣтъ, веселись, я весела и ты веселись... Я кого-то здѣсь люблю, кто?.. Аѣ, посмотри: мальчикъ-то мой заснулъ, охмѣлѣлъ, чужій.

— Она говорила про Калганова: тотъ дѣйствительно охмѣлѣлъ и легъ на мгновеніе, сидя на диванѣ. И не отъ одного хмѣля за-... ему стало вдругъ отчего-то грустно, или, какъ онъ гово-

Сильно обезкуражили его подъ вонецъ! Сдѣлавшія переходить, постепенно съ попойкой, в смышкомъ уже скоромное и разнузданное. Да и пляски их даѣ дѣвки переодѣлись въ медвѣдей, а Степанида, бойки съ палкой въ рукѣ, представляла жожака, стала ихъ «показъ» «Веселѣй, Марья, кричала она,—не то палкой!» Медвѣдъ нецъ, повалились на полъ какъ-то совсѣмъ ужь неприлично громкомъ хохотъ набравшейся, не въ прорѣзъ, всякой бабъ и мужиковъ.— «Ну, и пусть ихъ, ну и пусть ихъ, и сентенціозно Грушенька съ блаженнымъ видомъ въ лицѣ, денекъ выйдетъ имъ повеселиться, такъ и не радоваться!» Калгановъ-же смотрѣлъ такъ, какъ будто чѣмъ запачка «Свинство это все, эта вся народность», замѣтилъ онъ, «это у нихъ весеннія игры, когда они солнце берегутъ лѣтнюю ночь». Но особенно не понравилась ему одна пѣсенка съ бойкимъ плясовымъ напѣвомъ, пропѣтая о томъ ѣхалъ баринъ и дѣвушекъ пыталъ:

Баринъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

Но дѣвкамъ показалось, что нельзя любить барина:

Баринъ будетъ больно бить,
А я его не любить.

Ѣхалъ потомъ цыганъ (произносилось цыганъ) и этотъ

Цыганъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

Но и цыгана нельзя любить,

Цыганъ будетъ воровать,
А я буду горевать.

И много проѣхало такъ людей, которые пытали дѣ даже солдатъ:

Солдатъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

Но солдата съ презрѣніемъ отвергли:

Солдатъ будетъ равецъ несть,
А и за нимъ.

Тутъ слѣдовалъ самый нецензурный стишокъ, пропѣ вершено откровенно и произведшіи фуроръ въ слушавши ляхъ. Кончилось, наконецъ, дѣло на купцѣ:

Купчикъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

И оказалось, что очень любятъ, потому, дескать, что

Бунчикъ будетъ торговать,
А я буду царевать.

Калгановъ даже озябъ:

— Это совсѣмъ вчерашняя пѣсня, замѣтилъ онъ вслухъ, — и это имъ сочиняетъ! Не достаетъ, чтобы желѣзнодорожникъ аль въ проѣхали и дѣвушекъ пытали: эти всѣхъ-бы побѣдили. И, пообедавши, онъ тутъ-же и объявилъ, что ему скучно, сѣлъ въ кресло и вдругъ задремалъ. Хорошенькое личико его нѣсколько крѣпче и откинулось на подушку дивана.

— Посмотри, какой онъ хорошенькій, говорила Грушенька, идя къ нему Митю:—я ему давеча головку расчесывала; волосы точно лень и густые...

И, нагнувшись надъ нимъ въ умиленіи, она поцаловала его въ щеку. Калгановъ въ одинъ мигъ открылъ глаза, взглянулъ на нее, всталъ и съ самымъ озабоченнымъ видомъ спросилъ: гдѣ Максимовъ?

— Вотъ ему кого надо, засмѣялась Грушенька;—да посиди минутку. Митя, сбѣгай за его Максимовымъ.

Оказалось, что Максимовъ ужъ и не отходилъ отъ дѣвокъ, идя только отбѣгалъ налить себѣ ликерчику, шоколаду-же выпилъ двѣ чашки. Личико его покраснѣло, а носъ побагровѣлъ, глаза стали влажные, сладостные. Онъ подбѣжалъ и объявилъ, что сейчасъ «подъ одинъ мотивчикъ» хочетъ протанцовать танецъ саботьеру.

— Меня вѣдь маленькаго всѣмъ этимъ благовоспитаннымъ танцамъ обучали-съ...

— Ну ступай, ступай съ нимъ, Митя, а я отсюда посмотрю, какъ онъ тамъ танцовать будетъ.

— Нѣтъ, и я, и я пойду смотрѣть, воскликнулъ Калгановъ, и въ наивномъ образомъ отвергая предложеніе Грушеньки пошелъ съ нимъ. И всѣ направились смотрѣть. Максимовъ дѣйствительно свой танецъ протанцовалъ, но кромѣ Мити почти ни въ комъ не произвелъ особеннаго восхищенія. Весь танецъ состоялъ изъ какихъ-то подпрыгиваній съ вывертываніемъ въ стороны, подошвами вверху, и съ каждымъ прыжкомъ Максимовъ ударялъ ладонью по подошвѣ. Калганову совсѣмъ не понравилось, и онъ даже облобызалъ танцора.

— Ну, спасибо, усталъ, можетъ, что глядишь сюда: конфетку хочешь, а? Цыгарочку, можетъ, хочешь?

— Папирочку-съ.

— Выпить не хочешь-ли?

— Я тутъ ливерцу-съ... А шоколатныхъ конфеточекъ ъ нѣтъ-съ?

— Да вотъ на столѣ цѣлый возъ, выбирай любую, голу ты душа!

— Нѣтъ-съ, я такую-съ, чтобы съ ванилью... для еховъ-съ... Хи-хи!

— Нѣтъ, братъ, такихъ особенныхъ нѣтъ.

— Послушайте! нагнулся вдругъ старичокъ къ самому Мити,—эта вотъ дѣвочка-съ, Марьюшка-съ, хи-хи! Какъ-бы если бы можно, съ нею познакомиться, по добротѣ вашей...

— Ишь ты чего захотѣлъ! Нѣтъ, братъ, врешь.

— Я никому вѣдь зла не дѣлаю-съ, уныло прошепталъ сивовъ.

— Ну, хорошо, хорошо. Здѣсь, братъ, только поютъ и шутъ, а, впрочемъ, чортъ! Подожди... Кушай пока, вѣшь, и селись. Денегъ не надо-ли?

— Потомъ-бы развѣ-съ, улыбнулся Максимовъ.

— Хорошо, хорошо...

Голова горѣла у Мити. Онъ вышелъ въ сѣни на деревенскую верхнюю галлерею, обходившую и внутри, со двора, часть строения. Свѣжій воздухъ оживилъ его. Онъ стоялъ одинъ въ темнотѣ, въ углу, и вдругъ схватилъ себя обѣими руками за голову. Разбросанныя мысли его вдругъ соединились, ошупались во едино и все дало свѣтъ. Страшный, ужасный! «Вотъ, если застрѣлится, такъ когда-же, какъ не теперь? Неслось въ умъ его. «Сходить за пистолетомъ, принести его и вотъ въ этомъ самомъ, грязномъ и темномъ углу, в покоя. Почти съ минутой онъ стоялъ въ нерѣшимости. Давеча, летѣлъ сюда, сзади него стоялъ позоръ, совершенное, содѣланное уже имъ воровство и эта кровь, кровь!.. Но тогда было о, легче! Вѣдь ужъ все тогда было покончено: ее онъ потупилъ, она погибла для него, исчезла,—о, приговоръ былъ легче ему, по крайней мѣрѣ, казался неминуемымъ, ходимымъ, ибо для чего-же было оставаться на свѣтѣ? А теперь развѣ то что тогда? Теперь съ однимъ, по крайней мѣрѣ привидѣніемъ, страшалищемъ, покончено: этотъ ея «прежій» безспорный, фатальный человекъ этотъ исчезъ, не оставивъ слѣда. Страшное привидѣніе обратилось вдругъ во что-то маленькое, такое комическое; его снесли руками въ спальню и заперли на ключъ. Оно никогда не воротится. Ей стыдно,

онъ уже видитъ теперь ясно кого она любитъ. Ну, рь-бы только и жить, и... нельзя жить, нельзя, о, про-боже, оживи поверженнаго у забора! Пронеси эту страш-но мимо меня! Вѣдь дѣлалъ-же Ты чудеса, Господи, для грѣшниковъ какъ и я! Ну что, ну что, если старикъ тогда срамъ остальнаго позора я уничтожу, я ворочу деньги, я отдамъ ихъ, достану изъ-подъ земли... позора не останется, кромѣ какъ въ сердцѣ моемъ на нѣтъ, нѣтъ, о, невозможныя, малодушныя мечты! О,

е-же какъ-бы лучъ какой-то свѣтлой надежды блеснулъ мѣ. Онъ сорвался съ мѣста и бросился въ комнаты— въ ней опять, къ царицѣ его на вѣки! «Да неужели съ, одна минута ея любви не стоятъ всей остальной тѣ-бы и въ мукахъ позора?» Этотъ дикій вопросъ за-го сердце. «Къ ней, къ ней одной, ее видѣть, слушать емъ не думать, обо всемъ забыть, хотя-бы только на на часъ, на мгновеніе!» Предъ самымъ входомъ въ на галлерейкѣ, онъ столкнулся съ хозяиномъ Трифо-исычемъ. Тотъ что-то показался ему мрачнымъ и оза-ь и, кажется, шелъ его розыскивать.

о ты, Борисычъ, не меня-ли искалъ?

зтъ-съ, не васъ, какъ-бы опѣшилъ вдругъ хозяинъ,— нѣ васъ розыскивать? А вы... гдѣ были-съ?

о ты такой свучный? Не сердись-ли? погоди, скоро идешь... Который часъ-то?

ужь три часа будетъ. Надо быть, даже четвертый. нчимъ, кончимъ.

омируйте, ничего-съ. Даже сколько угодно-съ...

съ нимъ? мелькомъ подумалъ Митя и вбѣжалъ въ ком-плясали дѣвки. Но ея тамъ не было. Въ голубой ком-в не было; одинъ лишь Калгановъ дремалъ на диванѣ. нудъ за занавѣсы—она была тамъ. Она сидѣла въ углу, бѣ, и, склонившись съ руками и съ головой на подлѣ кровать, горько плакала, изъ всѣхъ силъ крѣпясь и голосъ, чтобы не услышали. Увидавъ Митю, она по-о къ себѣ и, когда тотъ подбѣжалъ, крѣпко схватила ку.

итя, Митя, я вѣдь любила его! начала она ему шепо-жъ любила его, всѣ пять лѣтъ, все, все это время. Ея а, али только злобу мою? Нѣтъ, его! Охъ, его! Я ч

СОЧИНЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЙЕВСКАГО.

дгу, что любила только злобу мою, а не его! Митя, вѣдь-то всего семнадцать лѣтъ тогда, онъ тогда былъ такой ласковый, такой развеселый, мнѣ пѣсни пѣлъ... Иль ужъ замся тогда такимъ дурѣ мнѣ, дѣвчонкѣ... А теперь, Госи это не тотъ, совсѣмъ и не онъ. Да и лицомъ не онъ, вовсе. Я и съ лица его не узнала. Ёхала я сюда съ Тей и все-то думала, всю дорогу думала: «какъ встрѣчу его, скажу, какъ глядѣть-то мы другъ на друга будемъ?..» Взамбрала, и вотъ онъ меня тутъ точно изъ шайки покомтилъ. Точно учитель говорить: все такое ученое, важное тилъ такъ важно, такъ я и стала втуникъ. Слова некунуть. Я сначала думала, что онъ этого своего длиннаго и стыдится. Сижу, смотрю на нихъ и думаю: почему это ничего съ нимъ говорить теперь не умѣю? Знаешь, это е испортила, вотъ на которой онъ, бросилъ меня тогда, да же Это она его тамъ передѣлала. Митя, стыдъ-то какой! Охъ, мнѣ, Митя, стыдно, охъ, за всю жизнь мою стыдно! Пр прокляты пусть будутъ эти пять лѣтъ, прокляты! И он заилась слезами, но Митину руку не выпускала, крѣпко лась за нее.

— Митя, голубчикъ, постой, не уходи, я тебѣ одно с хочу сказать, прошептала она и вдругъ подняла къ нему. Слушай, скажи ты мнѣ, кого я люблю? Я здѣсь одного ч люблю. Который это человекъ? вотъ что скажи ты мнѣ. | пухшемъ отъ слезъ лицѣ ея засвѣтилась улыбка, глаза е полутьмѣ. — Вошелъ давеча одинъ соколъ, такъ сердце и у мнѣ: «Дура ты, вотъ вѣдь кого ты любишь», — такъ сразу нуло сердце. Вошелъ ты и все освѣтилъ. Да чего онъ бо маю. А вѣдь ты забоялся, совсѣмъ забоялся, говорить не Не ихъ-же, думаю, онъ боится, — развѣ ты кого испугат жешь? Это меня онъ боится, думаю, только меня. Такъ е скавала-же тебѣ, дурачку, Оени какъ я Алешѣ въ окно чала, что любила часочекъ Митеньку, а теперь ёду любит гаго. Митя, Митя, какъ это я могла, дура, подумать, что другаго послѣ тебя! Прощаешь, Митя? Прощаешь меня и Любишь? Любишь?

Она вскочила и схватила его обѣими руками за плеч нѣмой отъ восторга, глядѣлъ ей въ глаза, въ лицо, на ул и вдругъ, крѣпко обнявъ ее, бросился ее целовать.

— А простишь, что мучила? Я вѣдь со злобы всѣхъ и мучила. Я вѣдь стариканку того нарочно со злобы

какъ ты разъ у меня пилъ и боваль разбилъ? За-это и сегодня тоже разбила боваль, за «подлое сердце», Митя, соколь, что-жь ты меня не цалуешь? Разъ и оторвался, глядитъ, слушаетъ... Что меня слушать! я, цалуй крѣпче, вотъ такъ. Любить, такъ ужь любить! теперь буду, раба на всю жизнь! Сладко рабой быть!.. Цалю тебя, мучай меня, сдѣлай что надо мной.. Охъ, да и впрямь гучить... Стой! Подожди, потомъ, не кочу такъ... оттолкну вдругъ:— Ступай прочь, Митька, пойду теперь вина на-на хочу быть, сейчасъ пьяная плясать пойду, хочу, хочу! Провалась отъ него изъ-за занавѣсокъ. Митя вышелъ къ пьяный. «Да: пусть-же, пусть, что-бы теперь ни—за минуту одну весь мѣръ отдамъ», промелькнуло въ. Грушенька въ самомъ дѣлѣ вышла залномъ еще ампанскаго и очень вдругъ охмѣлѣла. Она усѣлась въ прежнемъ мѣстѣ, съ блаженною улыбкой. Щеки ея губы разгорѣлись, сверкавшіе глаза посоловѣли, страждь манилъ. Даже Калганова какъ будто укусило что-це и онъ подошелъ къ ней.

ты слышалъ, какъ я тебя давеча поцаловала, когда ты лепетала она ему.—Опьянѣла я теперь, вотъ что... А янѣлъ? А Митя чего не пьетъ? Что-жь ты не пьешь, выпила, а ты не пьешь...

инъ! И такъ пьянъ.. отъ тебя пьянъ, а теперь и отъ Онъ выпилъ еще стаканъ и—странно это ему показаву—только отъ этаго послѣдняго стакана и охмѣлѣлъ, бѣлѣлъ, а до тѣхъ поръ все былъ трезвъ, самъ помнилъ ой минуты все завертѣлось кругомъ него какъ въ бреду. ѣ, смѣялся, заговаривалъ со всѣми и все это какъ-бы мня себя. Одно лишь неподвижное и жгучее чувство въ немъ поминутно, «точно горячій уголь въ душѣ», онъ потомъ. Онъ подходилъ къ ней, садился подлѣ лѣ на нее, слушалъ ее... Она-же стала ужасно какъ лва, всѣхъ къ себѣ подзывала, манила вдругъ къ себѣ удъ дѣвку изъ хора, та подходила, а она или цаловала жкала, или иногда крестила ее рукой. Еще минутку и заплакать. Развеселялъ ее очень «старикашка», какъ она Максимова. Онъ поминутно подбѣгалъ цаловать у «и всякій пальчикъ», а подъ конецъ проплясалъ еще оцъ подъ одну старую пѣсенку, которую самъ-же и въ особенности съ жаромъ подплясывалъ за припѣвкомъ

Свинунка хрю-хрю, хрю-хрю,
 Телочка му-му, му-му,
 Уточка ква-ква, ква-ква,
 Гусиныйя га-га, га-га.
 Бурочка во свинункамъ показывала,
 Гюрю-рю, рю-рю выговаривала,
 Ай, ай выговаривала!

— Дай ему что-нибудь, Митя, говорила Грушенька. — Да ему, вѣдь онъ бѣдный. Ахъ бѣдные, обиженыя! Завтра, Митя, и въ монастырь пойду. Нѣтъ, вѣрава, когда-нибудь пойду. Алеша сегодня на всю жизнь слова сказалъ... Да... А свертны пусть попляшутъ. Завтра въ монастырь, а сегодня никакъ. Я шалить хочу, добрые люди, ну и ты-жъ таковъ. Богъ прости. Кабы Богомъ была, всѣхъ-бы людей простила: «никому ни слова ни слова, съ этого дня прощаю всѣхъ». А я пойду прощения просить. «Простите, добрые люди, бабу глупую, вотъ что». Завтра я, Митя, что-то. А молиться хочу. Я луковку подаю. Злодѣйскъ такой молиться хочется! Митя, пусть пляшутъ, но шланый. Всѣ свертны хороши, всѣ до единого. Хорошо на свѣтѣ. Хотъ и свертны мы, а хорошо на свѣтѣ. Свертны мы и хорошия, и свертны хорошия... Нѣтъ, скажите, я васъ спрошу, всѣ подойдите и я спрошу, скажите мнѣ всѣ вотъ что: почему я такая хорошая? Я вѣдь хорошая, я очень хорошая... Ну, такъ вотъ: почему я такая хорошая? — Такъ лепетала Грушенька, хмѣля всѣ больше и больше, наконецъ, прямо объявила, что сейчасъ сама хочетъ плясать. Встала съ кресель и пошатнулась: — Митя, не давай мнѣ бани, вина, просить буду — не давай. Вино спокойствія не даетъ. И кружится, и печка, и все кружится. Плясать хочу. Пусть и свертны смотреть какъ я пляшу... какъ я хорошо и прекрасно пляшу.

Намѣреніе было серьезное: она вынула изъ кармана бѣлый батмстовый платочекъ и взяла его за кончикъ, въ правую руку, чтобы махать имъ въ пляскѣ. Митя захопоталъ, дѣвки затаились, приготовясь грянуть хоромъ плясовую по первому мановенію. Митя, узнавъ что Грушенька хочетъ сама плясать, завидывая отъ восторга и пошелъ было предъ ней подпрыгивать, приплясывать.

Ножки тонки, бока звонки,
 Хвостикъ закорючкой.

Но Грушенька махнула на него платочкомъ и отогнала его. — Ш-шь! Митя, что-жъ нейдутъ? Пусть всѣ придутъ... свертны трѣть. Позови и тѣхъ, запертыхъ... За что ты ихъ заперъ? Скажи мнѣ, что я пляшу, пусть и они смотрятъ какъ я пляшу...

СОЧИНЕНІЯ О. М. ДОСТОЕВСКАГО.

— Ты хоть и звѣрь, а ты благородный, ты выговаривалась Грушенька:—надо, чтобъ это честно... вѣрно... чтобъ и мы были честные, чтобъ и мы добрые, не звѣри, а добрые... Увези меня, увези далеко, далеко... Я здѣсь не хочу, а чтобъ далеко, далеко...

— О, да, да, непременно! сжимаешь ее въ объятіяхъ и увезу тебя, улетимъ... О, всю жизнь за одинъ годъ отдашь часть чтобы только звать... кровь!

— Какая кровь? къ... иди переговорила Грушеньку.

— Ничего! про... ити.—Груша, ты хочешь.

честно, а я воръ. Я у... ити украсть... Позоръ, и

— У Катьки? Это у... ити? Вѣтъ, ты не украсть ей, у меня возьми... Что... ити? Теперь все мое—твои

намъ деньги? Мы ихъ и безъ... ити прокутимъ... Таковскіе

не прокутили. А мы пойдемъ съ тобою лучше землю и

Я землю вотъ этими руками скрести хочу. Трудиться надо

швишь? Алеша приказалъ. Я не любовница тебѣ буду, а

вѣрная буду, раба твоя буду, работать на тебя буду. Мы

рышнѣ сходимъ и поклонимся оба, чтобы простила и у

А не проститъ, мы и такъ уѣдемъ. А ты деньги ей съ

меня люби... А ее не люби. Больше ее не люби. А полюби

ее задушу... Я ей оба глаза иголкой выволю...

— Тебя люблю, тебя одну, въ Сибири буду любить...

— Зачѣмъ въ Сибирь? А что-жь, и въ Сибирь коли мы

все равно... работать будемъ . въ Сибири сибѣтъ. Я по

люблю ѣхать... и чтобы колокольчикъ былъ... Слышишь, и

колокольчикъ... Гдѣ это звенитъ колокольчикъ? Ыдутъ какъ

вотъ и пересталъ звенѣть.

Она въ безсиліи закрыла глаза и вдругъ какъ-бы и

на одну минуту. Колокольчикъ въ самомъ дѣлѣ звенѣлъ

въ отдаленіи и вдругъ пересталъ звенѣть. Митя склонился

вою къ ней на грудь. Онъ не замѣтилъ какъ пересталъ и

колокольчикъ, но не замѣтилъ и того какъ вдругъ перес

иѣсни, и на мѣсто пѣсенъ и пьянаго гама во всемъ домѣ и

ласъ какъ-бы внезапно мертвая тишина. Грушенька от

глаза.

— Что это, я спала? Да... колокольчикъ... Я спала и

видѣла: будто я ѣду, по снѣгу... колокольчикъ звенитъ

дремлю. Съ милымъ человекомъ, съ тобою ѣду будто. И д

далево. Обнимала-цѣловала тебя, прижималась къ тебѣ, и

будто мнѣ, а снѣгъ-то блеститъ... Знаешь, коли ночью

Митя, а мѣсяцъ глядѣть, и точно я гдѣ не на землѣ... Просну-
а милый-то подлѣ, какъ хорошо...

— Подлѣ, бормоталъ Митя, цалуя ея платье, грудь, руки. И
ему показалось что-то странное: показалось ему, что она
прямо предъ собой, но не на него, не въ лицо ему, а
срѣзь его головы, пристально, и до странности неподвижно.
Лице вдругъ выразилось въ ея лицѣ, почти испугъ.

— Митя, кто это оттуда глядѣть сюда къ намъ? прошептала она
ему. Митя обернулся и увидѣлъ, что въ самомъ дѣлѣ кто-то раз-
глядывалъ занавѣску и ихъ какъ-бы высматриваетъ. Да и не одинъ
будто. Онъ вскочилъ и быстро ступилъ къ смотрѣвшему.

— Сюда, пожалуйста къ намъ сюда, не громко, но твердо и
рѣшительно проговорилъ ему чей-то голосъ.

Митя выступилъ изъ-за занавѣски и сталъ неподвижно. Вся
комната была полна людьми, но не давешними, а совсѣмъ но-
выми! Мгновенный ознобъ пробѣжалъ по спинѣ его и онъ вздрог-
нулъ. Всѣхъ этихъ людей онъ узналъ въ одинъ мигъ. Вотъ этотъ
толстый и дебелый старикъ, въ пальто и съ фуражкой съ ко-
лодой — это исправникъ, Михаилъ Макарычъ. А этотъ «чахо-
ванецъ» — это товарищъ прокурора. «У него хронометръ въ че-
стиста рублей есть, онъ показывалъ». А этотъ молоденькій, ма-
ленькій, въ очкахъ... Митя вотъ только фамилію его позабылъ,
но онъ знаетъ и его, видѣлъ: это слѣдователь, судебный слѣдова-
тель, «изъ правовѣдѣнія», недавно пріѣхалъ. А этотъ вотъ —
докторъ, Маврикій Маврикичъ, этого-то ужъ онъ знаетъ, знако-
мый человѣкъ. Ну, а эти съ бляхами, эти зачѣмъ-же? И еще
какихъ-то, мужики... А вотъ тамъ въ дверяхъ Калгановъ
и телефонъ Борисычъ...

— Господа... Что это вы, господа? проговорилъ было Митя,
вдругъ, какъ-бы внѣ себя, какъ-бы не самъ собой, восклик-
нулъ громко, во весь голосъ:

— По-ни-маю!

Молодой человѣкъ въ очкахъ вдругъ выдвинулся впередъ и,
ступивъ къ Митѣ, началъ, хоть и осанисто, но немного какъ-бы
шутливо:

— Мы имѣемъ къ вамъ... однимъ словомъ, я васъ попрошу
вотъ сюда, къ дивану... Существуетъ настоятельная не-
обходимость съ вами объясниться.

— Старикъ! вскричалъ Митя въ изступленіи, — старикъ и
говори!.. По-ни-маю!

одкошенный, сѣлъ, словно упалъ, на подлѣ

— понимаешь? Понялъ! Отцеубійца и извергъ, кровь съ отца твоего вопіеть за тобою! заревѣлъ внезапно, подступилъ Митѣ, старикъ исправникъ. Онъ былъ внѣ себя, побагровѣлъ весь такъ и трясся.

— Но это невозможно! вскричалъ маленькій молодой вѣчекъ.— Михайлъ Макарычъ, Михайлъ Макарычъ! Это не такъ-съ!.. Прошу позволить мнѣ одному говорить. Я и не могъ предположить отъ васъ подобнаго эпизода...

— Но вѣдь это-же бредъ, господа, бреды восклицалъ и никъ,—посмотрите на него: ночью, пьяный, съ безпутной кой и въ крови отца своего... Бредъ! Бредъ!

— Я васъ изо всѣхъ сѣлъ попрошу, голубчикъ. Ия Макарычъ, на сей разъ удержать ваши чувства, зашепталъ скороговоркой старику товарищъ прокурора,—иначе я ири день буду принять...

Но маленький слѣдователь не далъ докончить; онъ обернулся къ Митѣ, и твердо, громко и важно произнесъ:

— Господинъ отставной поручикъ Карамазовъ, я дамъ вамъ объявить, что вы обвиняетесь въ убійствѣ отца и Федора Павловича Карамазова, происшедшемъ въ эту ночь

Онъ что-то и еще сказалъ, тоже и прокуроръ какъ что-то ввернулъ, но Митя хоть и слушалъ, но уже не дои ихъ. Онъ дикимъ взглядомъ озиралъ ихъ всѣхъ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛѢДСТВІЕ.

I.

Начало карьеры чиновника Перхотина.

Петръ Ильичъ Перхотинъ, котораго мы оставили стучащимся всей силой въ крѣпкія запертыя ворота дома купчихи Морозовой, кончиль, разумѣется, тѣмъ, что, наконецъ, достучался. Узнавъ такой неистовый стукъ въ ворота, Феня, столь напуганная часа два назадъ и все еще отъ волненія и «думы», хотѣвшая лечь спать, была испугана теперь вновь почти истерикой: ей вообразилось, что стучится опять Дмитрій Федоровичъ (не смотря на то, что сама-же видѣла какъ онъ ушелъ), потому что стучаться такъ «дерзко» никто не могъ, кромѣ него. Она бросилась къ проснувшемуся дворнику, уже вставшему на стукъ къ воротамъ, и стала-было молить его, чтобы онъ выискалъ. Но дворникъ опросилъ стучавшагося и, узнавъ кто это, что хочетъ онъ видѣть Федосью Марковну по весьма важному дѣлу, отпереть ему, наконецъ, рѣшился. Войдя къ Федосьѣ Марковнѣ все въ ту-же кухню, причемъ «для сумленія» она показала Петра Ильича, чтобы позволилъ войти и дворнику, Петръ Ильичъ началъ ее спрашивать и въ мигъ попалъ на самое главное: то есть, что Дмитрій Федоровичъ, убѣгая искать дворнику, захватилъ изъ ступки пестикъ, а воротился уже съ пестикомъ, но съ руками окровавленными: «И кровь еще капала, какъ и каплетъ съ нихъ, такъ и каплетъ!» восклицала Федосья очевидно, сама создавшая этотъ ужасный фактъ въ своемъ воображеніи. Но окровавленные руки видѣлъ и

самъ Ильичъ, хотя съ нихъ и не капало, и съ поминутымъ стмывать, да и не въ томъ былъ вопросъ, они высохли, а въ томъ, куда именно бѣгалъ съ ш Дмитриій Федоровичъ, то есть навѣрно-ли къ Федору Павлу и изъ чего это можно столь рѣшительно заключить? В пунктѣ Петръ Ильичъ настаивалъ обстоятельно и хоти результатъ твердо ничего не узналъ, но все-же вынес убѣжденіе, что нивуда Дмитриій Федоровичъ и бѣгалъ какъ въ домъ родителя, и что, стало быть, тамъ не должно было *ничто* произойти. «А когда онъ воротивъ волненіемъ прибавила Феня,—и я призналась ему во и стала я его разспрашивать: отчего у васъ, голубчикъ, Федоровичъ, въ крови обѣ руки, то онъ будто-бы съ отвѣтъмъ: что эта кровь человѣческая и что онъ только часть человѣка убилъ, — такъ и признался, такъ мнѣ тутъ и покаялся, да вдругъ и выбѣжалъ, какъ сумас Я сѣла да и стала думать: куда это онъ, теперь, как сшедшій побѣжалъ? Повдеть въ Мокрое, думаю, и убѣ барыню. Выбѣжала я эта его молить, чтобы барыню валъ, къ нему на квартиру, да у Плотниковыхъ лавки и вижу, что онъ ужъ отъѣзжаетъ и что руки ужъ у въ крови (Феня это замѣтила и запомнила)». Старуха, Феня, сколько могла, подтвердила всѣ показанія своей Разспросивъ еще кой о чемъ, Петръ Ильичъ вышелъ и еще въ бѣльшемъ волненіи и безпокойствѣ, чѣмъ какъ въ него.

Казалось-бы, что всего прамѣе и ближе было-бы ей отправиться въ домъ Федора Павловича, узнать не случ тамъ чего, а если случилось, то что именно, и уже убѣ неоспоримо, тогда только идти къ исправнику, какъ тѣе положилъ Петръ Ильичъ. Но ночь была темная, ворота Павловича крѣпкія, надо опять стучать, съ Федоромъ-же чѣмъ знавомъ онъ былъ отдаленно—и вотъ онъ достучи отворять, и вдругъ тамъ ничего не случилось, а наситъ Федоръ Павловичъ пойдетъ завтра рассказывать по городотъ, какъ въ полночь домился къ нему незнакомый чѣ Перхотинъ, чтобъ узнать, не убилъ-ли его кто-нибудь. Съ Скандала-же Петръ Ильичъ боялся душе всего изъ свѣт не менѣе чувство, увлекавшее его, было столь сильно, ч злобно топнувъ ногой въ землю и опять себя выбранивъ ленно бросился въ новый нуть, но уже не къ Федору Пав

госпожѣ Хохлаковой. Если та, думалъ онъ, отвѣтитъ на ось: она-ли дала три тысячи давеча, въ такомъ-то часу, рю Федоровичу, то въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, онъ же и пойдетъ въ исправнику, не заходя къ Федору Павло-; въ противномъ-же случаѣ, отложить все до завтра и веро- и къ себѣ домой. Тутъ, конечно, прямо представляется, что ршеніи молодаго человека идти ночью, почти въ одиннадцать въ, въ домъ къ совершенно незнакомой ему свѣтской барынѣ, ить ее, можетъ быть, съ постели съ тѣмъ, чтобы задать ей ительный по своей обстановкѣ вопросъ, заключалось, можетъ , гораздо еще больше шансовъ произвести скандалъ, чѣмъ къ Федору Павловичу. Но такъ случается иногда, особенно добныхъ настоящему случаяхъ, съ ршеніями самыхъ точ- ныхъ и флегматическихъ людей. Петръ-же Ильичъ, въ ту ду, былъ уже совсѣмъ не флегматикомъ! Онъ всю жизнь къ вспоминалъ, какъ непреоборимое безпокойство, овладѣв- имъ постепенно, дошло, наконецъ, въ немъ до муки и вало его даже противъ воли. Разумѣется, онъ всетаки ругалъ всю дорогу за то, что идетъ къ этой дамѣ, но «довежу, до- до конца!» повторялъ онъ въ десятый разъ, скрежеща зу- , и исполнилъ свое намѣреніе—довелъ.

шло ровно одиннадцать часовъ, когда онъ вступилъ въ домъ жи Хохлаковой. Впустили его во дворъ довольно скоро, но опросъ: почиваетъ-ли уже барыня, или еще не легла— никъ не могъ отвѣтитъ въ точности, кромѣ того, что въ эту обыкновенно ложатся.—«Тамъ, наверху, доложите: за- ть васъ принять, то примутъ, а не захотятъ—не примутъ». Ильичъ поднялся на верхъ, но тутъ пошло потруднѣе. Докладывать не захотѣлъ, вызвалъ, наконецъ, дѣвушку. Ильичъ вѣжливо, но настоятельно попросилъ ее доложить ѣ, что вотъ, дескать, пришелъ здѣшній одинъ чиновникъ итинъ, по особому дѣлу, и если-бъ не важное такое дѣло, не посмѣлъ-бы придти.—«именно, именно въ этихъ словахъ ите», попросилъ онъ дѣвушку. Та ушла. Онъ остался ждать родней. Сама госпожа Хохлакова, хотя еще не започивала, ма уже въ своей спальнѣ. Была она разстроена съ самага няго посѣщенія Мити и уже предчувствовала, что въ ночь мивовать обыкновеннаго въ такихъ случаяхъ съ нею ми- . Выслушавъ докладъ дѣвушки и удивившись, она, однако, ительно велѣла отказать, не смотря на то, что неожн- посѣщеніе въ такой часъ незнакомаго ей «здѣшняго чи-

новника» чрезвычайно заинтересовало ее дамское любопытство. Но Петръ Ильичъ на этотъ разъ уперся какъ мулъ; выслушавъ отказъ, онъ чрезвычайно настойчиво попросилъ еще разъ повторить и передать именно «въ этихъ самыхъ словахъ», что «по чрезвычайно важному дѣлу, и онъ, можетъ быть, самъ думать потомъ сожалѣть, если теперь не примутъ его». «Я съ горы тогда летѣлъ», рассказывалъ онъ потомъ самъ. Госпожа, удивленно оглядѣвъ его, пошла другой разъ докладывать. Госпожа Хохлакова была поражена, подумала, разспросила, вѣдь онъ съ виду и узнала, что «очень прилично одѣтъ, молодые и такіе вѣжливые». Замѣтимъ въ скобкахъ и то, что Петръ Ильичъ былъ довольно такъ красивый молодой человѣкъ и самъ это зналъ о себѣ. Госпожа Хохлакова рѣшилась выйти. Была она уже въ своемъ домашнемъ шлафрокѣ и туфляхъ, но на плечи она накинула черную шаль. «Чинишныя» попросили войти въ гостиную, въ ту самую, въ которой принимали Митю. Хозяйка вышла въ гостю съ строго восточнымъ видомъ и, не пригласивъ сѣсть, прямо начала съпроса: «что угодно?»

— Я рѣшился обезпоконть васъ, сударыня, по поводу обѣдъ знакомаго нашего, Дмитрія Федоровича Карамазова, началъ говорить Перхотинъ, но только что произнесъ это имя, какъ вдругъ лицо хозяйки изобразилось сильнѣйшее раздраженіе. Она чуть взвизгнула и съ яростью прервала его.

— Долго-ли, долго-ли будутъ меня мучить этимъ ужаснымъ человѣкомъ! вскричала она изступленно. — Какъ вы смѣете, недостойный государь, какъ рѣшились обезпоконть незаконную даму въ ея домъ и въ такой часъ... и явиться къ ней говорить о человѣкѣ, который здѣсь-же, въ этой самой гостиной, всего часа тому, приходилъ убить меня, стучалъ ногами и вышелъ, а никто не выходитъ изъ порядочнаго дома. Знайте, милостивый государь, что я на васъ буду жаловаться, что я не спущу вамъ, изъ сей-же часъ оставитъ меня... Я мать, я сейчасъ-же... а...

— Убить! Такъ онъ и васъ хотѣлъ убить?

— А развѣ онъ кого-нибудь уже убилъ? стремительно сказала госпожа Хохлакова.

— Соблаговолите выслушать, сударыня, только погонишь и въ двухъ словахъ разъясню вамъ все, съ твердостью началъ Перхотинъ. — Сегодня, въ пять часовъ пополудни, одинъ Карамазовъ занялъ у меня, по товарищески, десятъ и я положительно знаю, что у него денегъ не было, а сей

В пять часов онъ вошелъ ко мнѣ, неся въ рукахъ на виду сторублевыхъ бумажекъ, примѣрно въ двѣ или даже въ три тысячи рублей. Руки-же у него и лицо были всѣ окровавлены, что казался какъ-бы помѣшаннымъ. На вопросъ мой, откуда столько денегъ, онъ съ точностью отвѣтилъ, что взял ихъ въ предѣлъ тѣмъ отъ васъ и что вы ссудили его суммою въ тысячу, чтобъ ѣхать будто-бы на золотые прінскы...

На лицѣ госпожи Хохлаковой вдругъ выразилось необычайное богѣзненное волненіе.

— Боже! Это онъ старика-отца своего убилъ! вскричала она, волнуясь руками.— Никакихъ я ему денегъ не давала, никакихъ! О, бѣгите, бѣгите!.. Не говорите больше ни слова! Спасите старика, бѣгите къ отцу его, бѣгите!

— Позвольте, сударыня, итакъ вы не давали ему денегъ? Вы же помните, что не давали ему никакой суммы?

— Не давала, не давала! Я ему отказала, потому что онъ не могъ оцѣнить. Онъ вышелъ въ бѣшенствѣ и затопалъ ногами. Онъ на меня бросился, а я отскочила... И я вамъ скажу еще, что этотъ человѣкъ, отъ котораго теперь ужъ ничего скрывать не остается, что онъ даже въ меня плюнулъ, можете это себѣ представить? Но что-же мы стоимъ? Ахъ, сядьте... Извините, я... Или бѣгите, бѣгите, вамъ надо бѣжать и спасти несчастнаго старика отъ ужасной смерти!

— Но если ужъ онъ убилъ его?

— Ахъ, Боже мой, въ самомъ дѣлѣ! Такъ что-же мы теперь должны дѣлать? Какъ вы думаете, что теперь надо дѣлать?

Между тѣмъ она усадила Петра Ильича и сѣла сама противъ него. Петръ Ильичъ вкратцѣ, но довольно ясно изложилъ ей всю дѣлу, по крайней мѣрѣ, ту часть исторіи, которой самъ онъ былъ свидѣтелемъ, рассказалъ и о сейчашнемъ своемъ положеніи Фени, и сообщилъ извѣстіе о пестикѣ. Всѣ эти подробности до-нельзя потрясли возбужденную даму, которая вскричала и закрывала глаза руками...

— Представьте, я все это предчувствовала! Я одарена этимъ талантомъ, все что я себѣ ни представлю, то и случится. И вотъ, сколько разъ я смотрѣла на этого ужаснаго человѣка и думала: вотъ человѣкъ, который кончитъ тѣмъ, что убьетъ меня, а только отца своего, то навѣрное потому, что онъ самый перстъ Божій, меня охранявшій, да и сверхъ того, онъ постыдился убить, потому что я ему сама, здѣсь, на этомъ

СОЧИНЕНІЯ О. М. ДОСТОВЬСКАГО.

на шею образокъ съ мощей Барвары Великой — въ-же я была близка въ ту минуту отъ смерти! — Образокъ подошла къ нему, вплоть, и онъ всю свою силу вытянулъ! Знаете, Петръ Ильичъ... (извините, васъ, вы сказали, зовутъ Петромъ Ильичемъ), знаете, я не верю въ чудеса, но этотъ образокъ и это явное чудо со мною тогда — это меня потрясаетъ и я начинаю опять вѣрять во все чудотворно. Слышали вы о старцѣ Зосимѣ?.. А, впрочемъ я не знаю, что говорю... И представьте, вѣдь онъ и съ образкомъ вѣдь въ меня плюнулъ... Конечно, только плюнулъ, а не убилъ, и вонъ куда поспкавалъ! Но куда-жь мы-то, намъ-то теперь какъ вы думаете?

Петръ Ильичъ всталъ и объявилъ, что поидетъ теперь въ исправнику и все ему расскажетъ, а тамъ ужъ какъ самъ знаетъ.

— Ахъ, это прекрасный, прекрасный человекъ, а знаешь, съ Михаиломъ Макаровичемъ. Непремѣнно, именно въ нему вы находчивы, Петръ Ильичъ, и какъ хорошо это вы все подумали; знаете, я-бы никакъ на вашемъ мѣстѣ этого не придумалъ.

— Тѣмъ болѣе, что я и самъ хорошій знакомый исправника замѣтилъ Петръ Ильичъ, все еще стоя и видимо желая какъ-нибудь поскорѣе вырваться отъ стремительной дамы, которая какъ не давала ему проститься съ ней и отправиться.

— И знаете, знаете, лепетала она, — придите сказать что тамъ увидите и узнаете... и что обнаружится... в какомъ мѣстѣ рѣшать и куда осудить... Скажите, вѣдь у насъ нѣтъ смертной казни? Но непременно придите, хоть въ три часа ночи, или въ четыре, даже въ половинѣ пятого... Велите меня разбудить, будить, растолкать, если вставать не буду... О, Боже, да я засну даже. Знаете, не поѣхать-ли мнѣ самой съ вами?..

— Н-нѣтъ-съ, а вотъ если-бы вы написали вашею рукой сейчасъ три строки, на всякій случай, о томъ, что денегъ Дмитрію Федоровичу никакнхъ не давали, то было-бы, можетъ быть, лишнее... на всякій случай...

— Непремѣнно! восторженно прыгнула къ своему бюро пожилая Хохлакова. — И знаете, вы меня поражаете, вы меня потрясаете вашею находчивостью и вашимъ умѣніемъ въ дѣлахъ... Вы здѣсь служите? Какъ это приятно услышать, что вы здѣсь служите...

И, еще говоря это, она быстро начертала на полулистовой бумагѣ три крупныя слѣдующія строчки:

«Никогда въ жизни моей я не давала займы несчастному Петру Федоровичу Карамазову (такъ какъ онъ все-же теперь нашенъ) трехъ тысячъ рублей сегодня, да и никакихъ другихъ денегъ никогда, никогда! Въ томъ клянусь всѣмъ что есть наго въ нашемъ мѣрѣ.

«Хохлакова».

— Вотъ эта записка! быстро обернулась она къ Петру Ильичу.—Идите-же, спасайте. Это великій подвигъ съ вашей стороны.

И она три раза его перекрестила. Она выбѣжала провожать его даже до передней.

— Какъ я вамъ благодарна! Вы не повѣрите, какъ я вамъ благодарна за то, что вы зашли ко мнѣ, къ первой. Какъ мы съ вами не встрѣчались? Мнѣ очень лестно бы было васъ принимать и впредь въ моемъ домѣ. И какъ это пріятно слышать, что вы здѣсь служите... и съ такою точностью, съ такою добросовѣстностью... Но васъ они должны цѣнить, васъ должны, наконецъ, понять, и все что я-бы могла для васъ сдѣлать, то поспею... О, я такъ люблю молодежь! Я влюблена въ молодежь. Молодые люди—это основаніе всей теперешней страждущей нашей Россіи, вся надежда ея... О, идите, идите!..

Но Петръ Ильичъ уже выбѣжалъ, а то-бы она его такъ скоро выпустила. Впрочемъ, госпожа Хохлакова произвела на него весьма пріятное впечатлѣніе, даже нѣсколько смягчившее его о томъ, что онъ втянулся въ такое скверное дѣло. Вкусы и пристрастія чрезвычайно многообразны, это извѣстно. «И вовсе она такая пожилая», подумалъ онъ съ пріятностью,—«напротивъ, онъ принялъ ее за ея дочь».

Что же до самой госпожи Хохлаковой, то она была просто очарована молодымъ человекомъ. «Столько умѣнья, столько аккуратности и въ такомъ молодомъ человекѣ въ наше время, и все при такихъ манерахъ и наружности. Вотъ говорятъ про молодыхъ людей, что они ничего не умѣютъ, вотъ въ примѣръ, и т. д. и т. д.» Такъ что объ этомъ «ужасномъ обстоятельстве» она просто даже позабыла и только ужъ ложась въ постель и вдругъ вновь вспомнивъ о томъ, «какъ близка была смерть», она проговорила: «ахъ, это ужасно, ужасно! Но тот-же же заснула самымъ крѣпкимъ и сладкимъ сномъ. Я-бы, конечно, и не стала распространяться о такихъ мелочныхъ и ничтожныхъ подробностяхъ, если-бы эта сейчасъ лишь описанная эксцентрическая встрѣча молодого чиновника съ вовсе не

старая Анна Ивановна не послужила впоследствии основой жизненной карьеры этого точного и аккуратного молодика, о чемъ съ изумленіемъ вспоминають до сихъ поръ нашъ городъ и о чемъ, можетъ быть, и мы скажемъ словечко, когда заключимъ нашъ длинный рассказъ о Бармазовыхъ.

II.

Тревога.

Исправникъ нашъ Михаилъ Макаровичъ Макаровъ, изъ подполковникъ, переименованный въ надворные советники, человекъ ядреный и хорошій. Пожаловалъ-же къ намъ послѣднѣе три года, но уже заслужилъ общее сочувствіе тѣмъ, что «умѣлъ соединять общество». Гости у него не шари, казалось, безъ нихъ онъ-бы и самъ прожить не могъ и въино кто-нибудь ежедневно у него обѣдалъ, хоть два, хоть только гость, но безъ гостей и за столъ не садился. Бывавые обѣды, подъ всякими, иногда даже неожиданными догами. Кушанье подавалось хоть и невзысканное, но обилубяки готовились превосходныя, а вина хоть и не въ качествомъ, зато брали количествомъ. Во входной комнатѣ бильярдъ съ весьма приличною обстановкой, то есть, изображеніями скаковыхъ, англійскихъ лошадей въ рамкахъ по стѣнамъ, что, какъ извѣстно, составляетъ неособое украшеніе всякой бильярдной у холостаго человека. Вечеръ играли въ карты, хотя-бы на одномъ только столѣ весьма часто собиралось и все лучшее общество нашего съ маленькими и дѣвками, потанцовать. Михаилъ Мак хоть и вдовствовалъ, но жилъ семейно, имѣя при себѣ еще уже овдовѣвшую дочь, въ свою очередь мать двухъ внучекъ Михаилу Макаровичу. Дѣвочки были уже въ окончившія свое воспитаніе, наружности не непріятной, нрава, и, хотя всѣ знали, что за ними ничего не дадутъ, привлекавшія въ домъ дѣдушки нашу свѣтскую молодѣжь. Михаилъ Макаровичъ былъ не совсѣмъ далеко, но до свою исполнялъ не хуже многихъ другихъ. Если право, то былъ онъ человекъ довольно-таки необразованный и не печный въ ясномъ пониманіи предѣловъ своей административной

сти. Иныхъ реформъ современнаго царствованія онъ не то что могъ вполне осмыслить, но понималъ ихъ съ нѣкоторыми, иногда весьма замѣтными ошибками и вовсе не по особенной какой-нибудь своей неспособности, а просто по безпечности своего характера, потому что все некогда было вникнуть. «Души я, господа, не военной, чѣмъ гражданской», выражался онъ самъ о себѣ. Но о точныхъ основаніяхъ крестьянской реформы онъ все еще какъ-бы не приобрѣлъ окончательнаго и твердаго понятія, и говорилъ о нихъ, такъ сказать, изъ года въ годъ, приумножая свои знанія практически и невольно, а между тѣмъ самъ былъ въшибкомъ. Петръ Ильичъ съ точностію зналъ, что въ этотъ вечеръ онъ непременно у Михаила Макаровича встрѣтитъ кого-нибудь изъ гостей, но лишь не зналъ, кого именно. А между тѣмъ, въ разъ у него сидѣли въ эту минуту за ермашемъ прокуроръ и нашъ земскій врачъ, Варвинскій, молодой человекъ, только что къ намъ прибывшій изъ Петербурга, одинъ изъ блистательно окончившихъ курсъ въ петербургской медицинской академіи. Прокуроръ-же, то есть товарищъ прокурора, но котораго у насъ звали прокуроромъ, Ипполитъ Кирилловичъ, былъ у насъ человекъ особенный, не старый, всего лишь лѣтъ тридцати пяти, сильно наклонный къ чахоткѣ, при семь женатый на весьма молодой и бездѣтной дамѣ. Самолюбивый и раздражительный, при этомъ солидномъ, однако, умѣ и даже доброй душѣ. Кажется, особенность его характера заключалась въ томъ, что думалъ онъ о себѣ нѣсколько выше, чѣмъ позволяли его истинныя достоинства. Хотѣлъ онъ почему онъ постоянно казался безпокойнымъ. Были въ немъ къ тому-же нѣкоторыя высшія и художественныя даже способности, напримѣръ, на психологичность, на особенное понимание души человѣческой, на особенный даръ познания преступника и его преступленія. Въ этомъ смыслѣ онъ считалъ себя только обиженнымъ и обойденнымъ по службѣ и всегда увѣренъ былъ, что тамъ, въ высшихъ сферахъ, его не съумѣли понять и что у него есть враги. Въ мрачныя минуты грозился перебѣжать въ адвокаты по дѣламъ уголовнымъ. Неожиданное дѣло Карамазовыхъ объ отцеубійствѣ какъ-бы встряхнуло его всего: «Дѣло такое, что всей Россіи могло стать извѣстно». Это ужъ я говорю забѣгая впередъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, съ барышнями, сидѣлъ и нашъ молодой слѣдователь, Николай Пареевичъ Недюдовъ, всего два дня тому прибывшій къ намъ изъ Петербурга. Потомъ у насъ были и даже дивились тому, что всѣ эти лица какъ-будто

нарочно: свидѣялись въ вечеръ «преступленія» вѣстѣ исполнительской власти. А между тѣмъ, дѣло было гораздо и произошло крайне естественно. у супруги Цыполита была другая дѣнь какъ болѣли зубы и ему надо-же было зубъ убѣжать отъ ея стонѡвъ; врачъ-же по существу не могъ быть вечеромъ нигдѣ иначе, какъ за картами. Николасъ Игнатовичъ Нелюдовъ, даже еще за три дня разсчитывалъ быть: въ этотъ вечеръ къ Михаилу Макаровичу, такъ и нечаянно, чтобы вдругъ и коварно поразить его старшую дочь Ольгу Михайловну, тѣмъ, что ему извѣстенъ ея секретъ знаетъ, что сегодня день ея рожденія и что она нарочно скрыть его отъ нашего общества, съ тѣмъ, чтобы не въ городѣ на танцы. Предстояло много смѣху и намерѣннѣе; что она будто-бы боится ихъ обнаружить, что темъ какъ она дѣлатель ея секрета, то завтра-же всѣмъ разомъ проч., и проч. Милый, молоденькій человекъ былъ на этомъ большой шалуни, его такъ и прозвали у насъ дамы ни и ему, кажется, это очень нравилось. Впрочемъ, онъ былъ хорошаго общества, хорошей фамили, хорошаго воспитанія хорошихъ чувствъ, и хотя жмуръ, но весьма невинный и приличный. Съ виду онъ былъ маленькаго роста, слабаго сложения. На тоненькихъ и блѣдненькихъ пальцахъ всегда сверкали нѣсколько чрезвычайно крупныхъ и блестящихъ брилліантовъ. Когда-же исполнялъ свою должность, то становился необыкновенно важенъ, какъ-бы до святости понимая свое значеніе обязанности. Особенно умѣлъ онъ озадачивать при до убійцъ и прочихъ злодѣевъ изъ престонородья и дѣлать возбуждалъ въ нихъ если не уваженіе къ себѣ, то все которое удивленіе.

Петръ Ильичъ, войдя въ исправнику, былъ просто ошеломленъ онъ вдругъ увидалъ, что тамъ все уже знаютъ. Дѣлать карты бросили, всѣ стояли и разсуждали и даже Николасъ Игнатовичъ прибѣжалъ отъ барышень и имѣлъ самый бѣшеный видъ. Петра Ильича встрѣтило ошеломленіе извѣстіе, что старикъ Федоръ Павловичъ дѣлатель самонъ дѣлъ убить въ этотъ вечеръ въ своемъ домѣ, и ограбленъ. Узналось-же это только сейчасъ предъ тѣмъ дующимъ образомъ.

Марса Игнатьевна, супруга поверженнаго у забора Покота и спала крѣпкимъ сномъ на своей постели и такъ проспала еще до утра, вдругъ, однако-же, пробудилась.

тому страшный эпилептический вопль Смердякова, соседней комнаткѣ безъ сознанія,—тотъ вопль, а начинались его припадки падучей и которые жизнь, страшно пугали Марѳу Игнатьевну и нее болѣзненно. Не могла она къ нимъ никогда, просонья она вскочила и почти безъ памяти бросилась къ Смердякову. Но тамъ было темно; слышно было больной началъ страшно храпѣть и биться. Игнатьевна закричала сама и начала было звать мужа, но не знала, что вѣдь Григорія-то на кровати, когда какъ-бы и не было. Она побѣжала къ кровати и увидѣла, но кровать была въ самомъ дѣлѣ пуста. Стало ей страшно, куда-же? Она побѣжала на крылечко и робко постучала въ крыльца. Отвѣта, конечно, не получила, но зато въ этой ночной тишинѣ откуда-то какъ-бы далеко изъ сада слышались стоны. Она прислушалась; стоны повторились. Она поняла, что они въ самомъ дѣлѣ изъ сада. «Господи, какъ тогда Лизавета Смердящая!» пронеслось въ ея головѣ. Робко сошла она со ступенекъ и разбитая въ садѣ отворена: «Вѣрно онъ, сердечный, а она, подошла къ калиткѣ и вдругъ явственно ее зоветъ Григорій, кличетъ: «Марѳа, Марѳа!» слышитъ, страшнымъ голосомъ. «Господи, сохрани!» прошептала Марѳа Игнатьевна и бросилась на землю какимъ-то образомъ и нашла Григорія. Но нашла его не на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ поверженъ, а шагахъ вѣсьма отъ забора. Потомъ оказалось, что, очнувшись, онъ ползъ долго, теряя по нѣсколькуну и вѣсьма впадая въ безпамятство. Она тотчасъ зашла въ садъ въ крови и тутъ ужъ закричала благимъ образомъ лепеталъ тихо и безсвязно: «убилъ... отца. кричишь, дура... бѣги, зови»... Но Марѳа Игнатьевна и все кричала и вдругъ, увидѣвъ, что у него окно и въ окнѣ свѣтъ, побѣжала къ нему и увидѣла Федора Павловича. Но, взглянувъ въ окно, увидѣла зрѣлище: баринъ лежалъ навзничь на полу, безъ рубашки, въ халатѣ и бѣлая рубашка на груди была залита кровью. Свѣчка на столѣ ярко освѣщала кровь и неподвижное лицо Федора Павловича. Тутъ ужъ въ послѣднюю минуту Марѳа Игнатьевна бросилась отъ окна, выскочила, отворила воротный запоръ и побѣжала, сломя

голове, да, рады къ сосѣдкѣ Марьѣ Кондратьевнѣ. Обѣ и дочь, тогда уже започивали, но на усмеленный стукъ въ ставни и крики Марѣ Игнатьевнѣ проподскотили въ окно. Марѣ Игнатьевнѣ безсвязно, крича, передала, однако, главное и звала на помощь. Въ эту ночь заночевалъ у нихъ скитающійся Ѳома. Имяли его и всѣ трое побѣжали на мѣсто преступленія. Марья Кондратьевна успѣла припомнить, что давеча, въ томъ часу, слышала страшный и пронзительный вопль окрестность изъ ихъ сада—и это именно былъ, конемъ самый крикъ Григорія, когда онъ, вѣдѣвшійся руками свидѣшаго, уже на заборѣ Дмитрія Ѳедоровича, про «Отдубравецъ!» «Завопилъ кто-то одинъ и вдругъ все показывала, бѣжа, Марья Кондратьевна. Прибѣжавъ же гдѣ лежалъ Григорій, обѣ женщины съ помощью Ѳоманесли его во флигель. Зажгли огонь и увидали, что Самъ все еще не унимается и бьется въ своей каморкѣ, слесилъ а съ губъ его текла пѣна. Голову Григорія обмыли и уксусомъ и отъ воды онъ совсѣмъ уже опаматовался и спросилъ: «убить аль нѣтъ баринъ?» Обѣ женщины ишли тогда къ барину и, войдя въ садъ, увидали на это что не только окно, но и дверь изъ дома въ садъ стѣ стѣжь отпертою, тогда какъ баринъ на-крѣпко запираетъ съ вечера каждую ночь вотъ уже всю недѣлю и даже и ни подъ какимъ видомъ не позволялъ стучать къ себѣ давъ отворенную эту дверь, всѣ они тотчасъ-же, обѣ и Ѳома забоялись идти къ барину, «чтобы не вышло ч томъ». А Григорій, когда воротились онѣ, велѣлъ имъ бѣжать къ самому исправнику. Тутъ-то Марья Кондратьевна побѣжала и всполошила всѣхъ у исправника. Прибытіе-и Ильича упредила всего только пятью минутами, такъ и звякъ уже не съ однѣми своими догадками и заключе какъ очевидный свидѣтель, еще болѣе разговоромъ своимъ твердившій общую догадку о томъ, кто преступникъ (что чемъ онъ въ глубинахъ души, до самой этой послѣдней все еще отказывался вѣрить).

Рѣшила дѣйствовать энергически. Помощнику городовъ става тотчасъ-же поручили набрать штукъ до четырехъ и по всѣмъ правиламъ, которыхъ уже и здѣсь не въ проникли въ домъ Ѳедора Павловича и слѣдствію проиждѣтъ. Земскій врачъ, человѣкъ горячій и новый, самъ

юсился сопровождать исправника, прокурора и слѣдователя. Вѣчу лишь вкратцѣ: Ѳедоръ Павловичъ оказался убитымъ вѣ, съ продолженною головою, но чѣмъ? вѣроятно же всего же самымъ оружіемъ, которымъ пораженъ былъ потомъ и орій. И вотъ какъ разъ отыскали и оружіе, выслушавъ отъ орія, которому подана была возможная медицинская помощь, вѣсно связной, хотя слабымъ и прерывающимся голосомъ пениый рассказъ о томъ, какъ онъ былъ поверженъ. Стали съ фонаремъ у забора и нашли брошенный прямо на саю дорожку, на самомъ виду, мѣдный пестикъ. Въ комнатѣ, въ рои лежалъ Ѳедоръ Павловичъ, никакого особеннаго безпоа не замѣтили, но за ширмами, у кровати его, подняли съ большой, изъ толстой бумаги, канцелярскихъ размѣровъ вртъ съ надписью: «Гостинчикъ въ три тысячи рублей ю моему Грушенькѣ, если захочетъ придти», а внизу было писано, вѣроятно, уже потомъ самимъ Ѳедоромъ Павловичемъ: «ыпленочку». На конвертѣ были три большія печати крассургуча, но конвертъ былъ уже разорванъ и пустъ: деньги унесены. Нашли на полу и тоненькую розовую ленточку, юю былъ обвязанъ конвертъ. Въ показаніяхъ Петра Ильича, обстоятельство, между прочимъ, произвело чрезвычайное тлѣніе на прокурора и слѣдователя, а именно: догадка о что Дмитрій Ѳедоровичъ непременно къ разсвѣту застрѣ, что онъ самъ порѣшилъ это, самъ говорилъ объ этомъ Ильичу, пистолетъ зарядилъ при немъ, записочку написалъ, рманъ положилъ и проч., и проч. Когда же-де Петръ Пльичъ, це не хотѣвшій вѣрить ему, пригрозилъ, что онъ пойдетъ и ввбудь расскажетъ, чтобы пресѣчь самоубійство, то самъ-де ооскабляясь, отвѣтилъ ему: «не успѣешь». Стало быть, надо спѣшить на мѣсто, въ Мокрое, чтобы накрыть преступника е чѣмъ онъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ вздумалъ-бы за- гаться. «Это ясно, это ясно!» повторялъ прокуроръ въ чрез- номъ возбужденіи, «это точь въ точь у подобныхъ сорван- такъ и дѣлается: завтра убью себя, а предъ смертью ку- . Исторія, какъ онъ забралъ въ лавкѣ вина и товару, только ячиза еще больше прокурора. «Помните того парня, гос- что убилъ купца Олсуфьева, ограбилъ на полторы тысячи часъ-же пошелъ, завялся, а потомъ, не припрятавъ даже хо- пько денегъ, тоже почти въ рукахъ неся, отправился къ мь». Задерживало, однако, всѣхъ слѣдствіе, обыскъ въ Ѳедора Павловича, формы и проч. Все это требовало вре-

мени, а потому и отправили часа за два прежде себя въ Истановаго Маврикія Маврикіевича Шмерцова, какъ разъ нунѣ по утру прибывшаго въ городъ за жалованьемъ. Маврикіевичу дали инструкцію: прибывъ въ Мокрое и, не имея никакой тревоги, слѣдить за «преступникомъ» неусыпно до прибытія надлежащихъ властей, равно какъ изготопленыхъ, сотскихъ и проч., и проч. Такъ Маврикіій Маврикіевичъ и поступилъ, сохранилъ incognito и лишь одного Трифона Борисовича, стараго своего знакомаго, отчасти лишь святилъ въ тайну дѣла. Время это именно совпадало съ тѣмъ, когда Митя встрѣтилъ въ темнотѣ на галерейкѣ розыскашаго его хозяина, при чемъ тутъ-же замѣтилъ, что у Трифона Борисовича какая-то въ лицѣ и въ рѣчахъ вдругъ перемѣна. Такимъ образомъ ни Митя и никто не знали, что за ними и даютъ; ящикъ-же его съ пистолетами былъ давно уже украденъ Трифономъ Борисовичемъ и припрятанъ въ укромное мѣсто. И только уже въ пятомъ часу утра, почти на разсвѣтѣ, было все начальство, исправникъ, прокуроръ и слѣдователи двухъ экипажахъ и на двухъ тройкахъ. Докторъ-же остался дома Федора Павловича, имѣя въ предметѣ сдѣлать на вскрытіе трупа убитаго, но, главное, заинтересовался именитымъ стояніемъ больнаго слуги Смердякова: «Такіе ожесточенныя такіе длинныя припадки падучей, повторяющіеся безпрерывно теченіи двухъ сутокъ, рѣдко встрѣтишь и это принадлежность наукъ», проговорилъ онъ въ возбужденіи отъѣзжавшимъ партнерамъ и тѣмъ его поздравили, смѣясь, съ находкой. При прокуроръ и слѣдователь очень хорошо запомнили, что докторъ прибавилъ самымъ рѣшительнымъ тономъ, что Смердяковъ утра не доживетъ.

Теперь, послѣ долгаго, но, кажется, необходимаго обмѣна, мы возвратились именно къ тому моменту нашего разсказа на которомъ остановили его въ предыдущей книгѣ.

III.

Хожденіе души по мытарствамъ. Мытарство первое.

Итакъ Митя сидѣлъ и дикимъ взглядомъ озиралъ присутствующихъ, не понимая что ему говорятъ. Вдругъ онъ подскочилъ вверхъ руки и громко прокричалъ:

Не повиненъ! Въ этой крови не повиненъ! Въ крови отца не повиненъ... Хотѣлъ убить, но не повиненъ! Не я! Только что онъ успѣлъ прокричать это, какъ изъ-за за- вѣськи выскочила Грушенька и такъ и рухнулась исправнику въ ноги.

«Что я, я оваянная, я виновата! прокричала она разди- рая душу воплемъ, вся въ слезахъ, простирая ко всѣмъ — это изъ-за меня онъ убилъ! Это я его измучила и до- веда. Я и того старичка-покойничка бѣднаго измучила, со- вѣтъ ей, и до того довела! Я виноватая, я первая, я главная, я главная!»

«А, ты виноватая! Ты главная преступница! Ты неистовая, неистовая, ты главная виноватая, завопилъ, грозя ей рукой, кричалъ, но тутъ ужъ его быстро и рѣшительно уняли. Про- даже обхватилъ его руками.

«Что ужъ совсѣмъ безпорядокъ будетъ, Михаилъ Макаро- вичъ кричалъ онъ, — вы положительно мѣшаете слѣдствию... удержите... почти задыхался онъ.

«Мѣры принять, мѣры принять, мѣры принять! страшно за- дя и Николай Парѣновичъ, — иначе положительно невоз-

«Вмѣстѣ судите насъ! продолжала изступленно восклицать Гру- ша, все еще на колѣняхъ, — вмѣстѣ вазните насъ, пойду с вами, теперь хоть на смертную казнь!»

«Груша, жизнь моя, кровь моя, святыня моя! бросился онъ на колѣни и Митя и крѣпко сжалъ ее въ объятіяхъ. — Не бойся ей, — кричалъ онъ, — не виновата она ни въ чемъ, ни въ чемъ, ни въ чемъ и ни въ чемъ!»

«Помнилъ потомъ, что его оттащили отъ нея силой нѣ- сколько человѣкъ, а что ее вдругъ увели, и что опаматовался онъ и за столомъ. Подлѣ и сзади него стояли люди съ бля- дами, — противъ него, черезъ столъ, на диванѣ сидѣлъ Николай Ивановичъ, судебный слѣдователь, и все уговаривалъ его отпить чаю, — на столѣ стакана немного воды: «Это освѣжить васъ и успокоитъ, не бойтесь, не безпокойтесь», при- казалъ онъ чрезвычайно вѣжливо. Митѣ-же вдругъ, онъ пом- ня, ужасно любопытны стали его большіе перстни, одинъ изъ нихъ былъ, а другой какой-то яркожелтый, прозрачный и та- кой-то краснаго блеска. И долго еще онъ потомъ съ удивле- ниемъ вспоминалъ, что эти перстни привлекали его взглядъ не- даже во все время этихъ страшныхъ часовъ допроса,

такъ что они почему-то все не могъ отъ нихъ оторвать, какъ совершенно неподходящую къ его вкусу вещь. Наконецъ, сбоку отъ Мити, на мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ вчера Максимовъ, усѣлся теперь прокуроръ, а по правую сторону Мити, на мѣстѣ гдѣ была тогда Грушенька, расположился румяный, молодой человѣкъ, въ какомъ-то охотничьемъ пиджакѣ и весьма поношенномъ, предъ которымъ очутилась нѣльница и бумага. Оказалось, что это былъ писмоводитель дователя, котораго привезъ тотъ съ собою. Неуравненокъ теперь у окна, въ другомъ концѣ комнаты, подлѣ Калитина, который тоже усѣлся на стулѣ у того-же окна.

— Выпейте воды! мягко повторилъ въ десятый разъ всталъ.

— Выпить, господа, выпить... но... что-жь, господа, кажите, рѣшайте судьбу! воскликнулъ Митя со страшною важностію, вынужившимся взглядомъ на слѣдователя.

— Итакъ, вы положительо утверждаете, что не отецъ вашего, Федора Павловича, вы не виновны? мягко, но еще спросилъ слѣдователь.

— Невиновенъ! Виновенъ въ другой кровя, въ кровяго старика, но не отца моего. И оплакиваю! Убилъ, старика, убилъ и повергъ... Но тяжело отвѣчать за эту другую кровью, страшную кровью, въ которой не моя Страшное обвиненіе, господа, точно по лбу огорошили! же убилъ отца, кто-же убилъ? Кто-же могъ убить если Чудо, нелѣпость, невозможность!..

— Да, вотъ кто могъ убить... началъ было слѣдователь прокуроръ Иполитъ Кирилловичъ (товарищъ прокурора мы будемъ его называть для краткости прокуроромъ), и вставши со слѣдователемъ, произнесъ, обращаясь къ Мити.

— Вы напрасно беспокоитесь за старика, слугу Григорія Сальва. Узнайте, что онъ живъ, очнулся и, не смотря на все побои, причиненные ему вами, по его и вашему же казанію, кажется, останется живъ несомнѣнно, по крайней по отзыву доктора.

— Живъ? Такъ онъ живъ! завопилъ вдругъ Митя, вставъ руками. Все лицо его просіяло, — Господи, благодаръ за величайшее чудо, содѣянное Тобой мнѣ, грѣшному и во молитвѣ моей!.. Да, да, это по молитвѣ моей, я вса ночь!.. и онъ три раза перекрестился. Онъ почти задыхался.

— Такъ вотъ отъ этого-то самаго Григорія. изъ и м

значительныя показанія на вашъ счетъ, что... сталъ было катъ прокуроръ, но Митя вдругъ вскочилъ со стула.

Одну минуту, господа, ради Бога, одну лишь минутку; ю къ ней...

Позвольте! Въ эту минуту никакъ нельзя! даже чуть изгнулъ Николай Парѣеновичъ и тоже вскочилъ на ноги. Обхватили люди съ бляхами на груди, впрочемъ, онъ и былъ на стулѣ...

Господа, какъ жаль! Я хотѣлъ къ ней на одно лишь слово... хотѣлъ возвѣстить ей, что смыта, исчезла эта кровь, и всю ночь сосала мнѣ сердце, и что я уже не убійца! и, вѣдь она не вѣста моя! восторженно и благоговѣйно проговорилъ онъ вдругъ, обводя всѣхъ глазами.—О, благодарю васъ, о, какъ вы возродили, какъ вы воскресили меня въ мгновеніе!.. Этотъ старикъ—вѣдь онъ носилъ меня на рукахъ, господа, мылъ меня въ корытѣ, когда меня трехлѣтняго и всѣ покинули, былъ отцомъ роднымъ!..

Итакъ, вы... началъ было слѣдователь.

Позвольте, господа, позвольте еще одну минутку, про Митя, поставивъ оба локтя на столъ и закрывъ лицо руками. — дайте-же чуточку сообразиться, дайте вздохнуть, дайте. Все это ужасно потрясаетъ, ужасно, не барабанная-же челоуѣкъ, господа!

Вы-бы опять водицы... пролепеталъ Николай Парѣеновичъ. Онъ отнял отъ лица руки и разсмѣялся. Взглядъ его былъ онъ весь какъ-бы измѣнился въ одно мгновеніе. Измѣнился весь тонъ его: это сидѣлъ уже опять равный всѣмъ людямъ челоуѣкъ, всѣмъ этимъ прежнимъ знакомымъ его, точно такъ какъ если-бы всѣ они сошлись вчера, когда чего не случилось, гдѣ-нибудь въ свѣтскомъ обществѣ. Но, однако, встать, что у исправника Митя, въ началѣ бытія къ намъ, былъ принятъ радушно, но потомъ, въ іюль мѣсяцъ особенно, Митя почти не посѣщалъ его, а теперь, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, на примѣръ, сильно боялся и только лишь изъ вѣжливости отдавалъ поклонъ, что хорошо замѣтилъ Митя. Съ прокуроромъ былъ знакомъ давно, вѣдь онъ вѣжливъ, но къ супругѣ прокурора, первой и фантастичной, иногда хаживалъ съ самыми почтительными, однако, и, и даже самъ не совсѣмъ понимая, зачѣмъ къ ней ходилъ, она всегда ласково его принимала, почему-то интересуясь имъ много послѣдняго времени. Со слѣдователемъ-же познако-

миться еще не успѣлъ, но, однако, встрѣчалъ и его и да
рилъ съ нимъ разъ или два, оба раза о женскомъ вои

— Вы, Николай Пареонычъ, искуснѣйшій, какъ
слѣдователь, весело разсмѣялся вдругъ Митя, — но я
перъ самъ помогу. О, господа, я воскрешень... и не про
на меня, что я такъ запросто и такъ прямо къ вамъ обр
Къ тому-же я немного пьянъ, я это вамъ скажу откровен
кажется, имѣлъ честь... честь и удовольствіе встрѣчать
колай Пареонычъ, у родственника моего Міусова... Госпа
пода, я не претендую на равенство, я вѣдь понимаю-ж
такой теперь передъ вами сижу. На мнѣ лежитъ... если
показанія на меня далъ Григорій... то лежитъ,—о, конеш
лежитъ — страшное подозрѣніе! Ужасъ, ужасъ — я вѣ
маю-же это! Но въ дѣлу, господа, я готовъ и мы это в
мигъ теперь и покончимъ, потому что, послушайте, посл
господа. Вѣдь если я знаю, что я не виновень, то ужь, и
въ одинъ мигъ покончимъ! Такъ-ли? Такъ-ли?

Митя говорилъ скоро и много, нервно и экспансивно
бы рѣшительно принимая своихъ слушателей за лучшихъ
своихъ.

— Итакъ, мы пока запишемъ, что вы отвергаете въ
на васъ обвиненіе радикально, внушительно проговорилъ
Пареоновичъ и, повернувшись къ писарю, вполголоса п
валъ ему что надо записать.

— Записывать? Вы хотите это записывать? Что-ж
сывайте, я согласень, даю полное мое согласіе, господа...
видите... Стойте, стойте, запишите такъ: «Въ буйствѣ
новень, въ тяжкихъ побояхъ, нанесенныхъ бѣдному стар
новень. Ну, тамъ еще про себя, внутри, въ глубинѣ сердца
виновень,—но это ужь не надо писать (повернулся онъ
къ писарю) это уже моя частная жизнь, господа, это у
не касается, эти глубины-то сердца, то есть... Но въ
старика отца—не виновень! Это дикая мысль! Это совс
дикая мысль!.. Я вамъ докажу и вы убѣдитесь мгновен
будете смѣяться. господа, сами будете хохотать надъ
подозрѣніемъ!..

— Успокойтесь, Дмитрій Федоровичъ, напомнилъ слѣд
какъ-бы видимо желая побѣдить изступленнаго своимъ
ствіемъ.—Прежде чѣмъ будемъ продолжатъ допросъ, я
лазь, если вы только согласитесь отвѣтить. слышать от
подтвержденіе того факта, что, кажется, вы не любил

Федора Павловича, были съ нимъ въ какой-то постоянной тайнѣ... Здѣсь, по крайней мѣрѣ, четверть часа назадъ, вы, ка-зя, изволили произнести, что даже хотѣли убить его: «Не-тъ, воскликнули вы, но хотѣлъ убить!»

— Я это воскликнулъ? Охъ, это можетъ быть, господа! Да, несчастію, я хотѣлъ убить его, много разъ хотѣлъ... къ не-гю, къ несчастію!

— Хотѣли. Не согласитесь-ли вы объяснить, какіе собственно принципы руководствовали васъ въ такой ненависти къ лично-вашего родителя?

— Что-жь объяснять, господа! угрюмо вскинулъ плечами я, потупясь.— Я вѣдь не скрывалъ моихъ чувствъ, весь го-въ объ этомъ знаетъ,—знаютъ всѣ въ трактирѣ. Еще недавно монастырѣ заявилъ въ кельѣ старца Зосимы... Въ тотъ-же вечеромъ, билъ и чуть не убилъ отца и поклялся, что въ приду и убью, при свидѣтеляхъ... О, тысяча свидѣтелей! мѣсяцъ кричалъ, всѣ свидѣтели!.. Фактъ на лицо, фактъ кричать, кричать, но—чувства, господа, чувства, это ужь дру-

Видите, господа (нахмурился Митя), мнѣ кажется, что про-тва вы не имѣете права меня спрашивать. Вы хоть и обле-и, я понимаю это, но это дѣло мое, мое внутреннее дѣло. мною, но... такъ какъ я ужь не скрывалъ моихъ чувствъ где... въ трактирѣ, на примѣръ, и говорилъ всѣмъ и каждому, то не сдѣлаю и теперь изъ этого тайны. Видите, господа, дѣ понимаю, что въ этомъ случаѣ на меня улики страшныя: въ говорилъ, что его убью, а вдругъ его и убили: какъ-же въ такомъ случаѣ? Ха-ха! Я васъ извиняю, господа, вполнѣ няю. Я вѣдь и самъ пораженъ до эпидермы, потому что въ его убилъ, наконецъ, въ такомъ случаѣ. если не я? Вѣдь правда-ли? Если не я, такъ кто-же, кто-же? Господа,—вдругъ шкнулъ, онъ, — я хочу знать, я даже требую отъ васъ, да: гдѣ онъ убитъ? Какъ онъ убитъ, чѣмъ и какъ? Ска- мнѣ, быстро спросилъ онъ, обводя прокурора и слѣдователя ши.

— Мы нашли его лежащимъ на полу, навзничъ, въ своемъ зетѣ, съ проломленною головою, проговорилъ прокуроръ.

— Страшно. это господа! вздрогнулъ вдругъ Митя и, обло-вшись на столъ, закрылъ лицо правою рукой.

— Мы будемъ продолжать, прервалъ Николай Парѣеновичъ.— въ, что-же тогда руководило васъ въ вашихъ чувствахъ не-ти? Вы, кажется, заявляли публично, что чувство ревности?

— Ну да, ревность, и не одна только ревность.

— Споры изъ за деньги?

— Ну да, и изъ за денегъ.

— Кажется, споръ былъ въ трехъ тысячахъ, судя по документамъ, переданнымъ вамъ по наследству.

— Какое трехъ! Больше, больше, вскинулся Митя, шестидесяти, больше десяти, можетъ быть. Я всѣмъ говорилъ и кричалъ! Но я рѣшился ужь, такъ и быть, помириться на тысячахъ. Мнѣ до зарѣзу нужны были эти три тысячи, что тотъ пакетъ съ тремя тысячами, который, я знаю, лежалъ подушкой, приготовленный для Грушеньки, а считалъ я совершенно какъ-бы у меня украденнымъ, вотъ что, господинъ, такъ своимъ, все равно какъ моею собственностью...

Прокуроръ значительно переглянулся со слѣдователемъ и успѣлъ незамѣтно мигнуть ему.

— Мы къ этому предмету еще возвратимся, проговорилъ тотчасъ слѣдователь, — вы же позвольте намъ теперь отнѣсти и записать именно этотъ пунктикъ: что вы считали эти деньги темъ конвертѣ, какъ-бы за свою собственность.

— Пишите, господа, я вѣдь понимаю-же, что это опять на меня улика, но я не боюсь уликъ и самъ говорю на судъ. Слышите, самъ! Видите, господа, вы, кажется, принимаете меня за многого человѣка, чѣмъ я есть, прибавилъ онъ иронично и грустно. — Съ вами говоритъ благородный чело-вѣкъ, благороднѣйшее лицо, главное—этого не упускайте изъ виду, чело-вѣкъ надѣлавшій бездну подлостей, но всегда бывшій и бывшійся благороднѣйшимъ существомъ, какъ существо. И въ глубинѣ, ну, однимъ словомъ, я не умѣю выразиться... И тѣмъ-то и мучился всю жизнь, что жаждалъ благородства, такъ сказать, страдальцемъ благородства и искателемъ фонаремъ, съ Дюгеновымъ фонаремъ, а между тѣмъ все время жаждалъ однѣ только пакости, какъ и всѣ мы, господа... то какъ я одинъ, господа, не всѣ, а я одинъ, я ошибся, о-днимъ!.. Господа, у меня голова болитъ,—страдальчески и жалко, слышите, —видите, господа, мнѣ не нравилась его наружность, что-то безчестное, похвальба и попираніе всякой святыни, смѣшка и безвѣріе, гадко, гадко! Но теперь, когда ужь смерть, я думаю иначе.

Какъ это иначе?

Не иначе, но я жалью, что такъ его ненавижу. Чувствуете раскаяніе?

— Нѣтъ, не то чтобы раскаяніе, этого не записывайте. Самъ-я нехорошъ, господа, вотъ что, самъ-то я не очень красивъ, потому права не имѣлъ и его считать отвратительнымъ, вотъ это, пожалуй, запишите.

Проговоривъ это, Митя сталъ вдругъ чрезвычайно грустенъ. С давно, постепенно съ отвѣтами на вопросы слѣдователя, становился все мрачнѣе и мрачнѣе. И вдругъ какъ разъ это мгновеніе разразилась опять неожиданная сцена. Дѣло томъ, что Грушеньку хоть давеча и удалили, но увели не такъ далеко, всего только въ третью комнату отъ той голубой комнаты, въ которой происходилъ теперь допросъ. Это была маленькая комнатка въ одно окно, сейчасъ за тою большою комнатой, въ которой ночью танцовали и шелъ пиръ горой. Она сидѣла она, а съ ней пока одинъ только Максимовъ, видимо пораженный, ужасно струсившій и къ ней прильпившій, какъ-бы ища около нея спасенія. У ихней двери стоялъ какой-то мужикъ съ бляхой на груди. Грушенька плакала, и такъ вдругъ, когда горе ужъ слишкомъ подступило къ душѣ ея, она вскочила, всплеснула руками и, прокричавъ громкимъ воплемъ: «горе мое, горе!» бросилась вонъ изъ комнаты къ нему, къ своему Митѣ, и такъ неожиданно, что ее никто не успѣлъ остановить. Митя-же, слышавъ вопль ея, такъ и задрожалъ, вскрикнувъ, завонилъ и стремглавъ бросился къ ней на встрѣчу, какъ-бы не помня себя. Но имъ опять сойтись не дали, хотя они уже увидѣли другъ друга. Его крѣпко схватили за руки: онъ бился, рвался, понадобилось троиухъ или четверыхъ, чтобы удержать его. Схватили и ее и онъ видѣлъ какъ она съ крикомъ метнулась къ нему руки, когда ее увлекали. Когда кончилась сцена, онъ опомнился опять на прежнемъ мѣстѣ, за столомъ, противъ слѣдователя, и выкрикивалъ, обращаясь къ нимъ:

— Что вамъ въ ней? Зачѣмъ вы ее мучаете? Она невинна, невинна!..

Его уговаривали прокуроръ и слѣдователь. Такъ прошло некоторое время, минутъ десять: наконецъ, въ комнату поспѣшно вошелъ отлучившійся было Михаилъ Макаровичъ, и громко, въ возбужденіи, проговорилъ прокурору:

— Она удалена, она внизу, не позволите-ли мнѣ сказать, господа, всего одно слово этому несчастному человѣку? При васъ, господа, при васъ!

— Сдѣлайте милость, Михаилъ Макаровичъ, отвѣтилъ слѣдователь, — въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ ничего сказать противъ.

— Дмитрій Федоровичъ, слушай, батюшка, началъ шептать къ Митѣ, Михаилъ Макаровичъ, и все взоромъ его выражало горячее отеческое почти состраданіе къ несчастному, — я твою Аграфену Александровну отвелъ въ монастырь къ хозяйскимъ дочерямъ и съ ней тамъ тогда отлучилъ этого старичокъ Максимовъ, и я ее уговорилъ, ты? уговорилъ и успокоилъ, внушилъ, что тебѣ надо ждать, такъ чтобъ она не мѣшала, чтобъ не нагоняла тоски, не то ты можешь смутиться и на себя неправды вѣсть, понимаешь? Ну, однимъ словомъ, говорилъ я ей. Она, братъ, умница, она добрая, она руки у меня стиснула было цѣловать, за тебя просила. Сама послала мнѣ сказать тебѣ, чтобъ ты за нее былъ спокоенъ, да и надеюсь, надо, чтобъ я пошелъ и сказалъ ей, что ты съ ней за нее утѣшенъ. И такъ успокойся, пойми ты это. Я не виновата, она христіанская душа, да, господа, это кротко и ни въ чемъ неповинная. Такъ какъ-же ей сказать, Федоровичъ, будешь сидѣть спокоенъ аль нѣтъ?

Добренькъ наговорилъ много лишняго, но горе Груде горе человѣческое, проникло въ его добрую душу и даже отекли на глазахъ его. Митя вскочилъ и бросился къ нему.

— Простите, господа, позвольте, о позвольте! вса онь, — ангельская, ангельская вы душа, Михаилъ Макаровичъ благодарю за нее! Буду, буду спокоенъ, весель буду, по ей по безмѣрной добротѣ души вашей, что я весель, и снѣяться дажо начну сейчасъ, зная, что съ ней такой хранитель, какъ вы. Сейчасъ все покончу и только что жуть, сейчасъ и къ ней, она увидитъ, пусть ждетъ! Господи оборотился онь вдругъ къ прокурору и слѣдователю, — всю вамъ душу мою открою, всю изолью, вы это нигоже чинъ, весело покончимъ — подъ конецъ какъ будемъ-же вы? Но, господа, эта женщина — царица души моей! Позвольте мнѣ это сказать, это-то я ужъ вамъ откровенно... Я вижу-же, что я съ благороднѣйшими людьми: это святыня моя, и если-бъ вы только знали! Слышали вы «съ тобой хоть на казнь!» А что я ей дакъ, я, нишій, и за что такая любовь ко мнѣ, стою-ли я, неуклюжая, не тварь и съ позорнымъ лицомъ, такой любви, чтобъ со мной каторгу идти? За меня въ ногахъ у васъ давича валялся гордая и ни въ чемъ неповинная! Какъ-же мнѣ не обещать

ть, не стремиться къ ней, какъ сейчасъ? О, господа, а! Но теперь, теперь я утѣшенъ!

Онъ упалъ на стулъ и, закрывъ обѣими ладонями лицо, заплакалъ. Но это были уже счастливыя слезы. Онъ опомнился. Старикъ исправникъ былъ очень доволенъ, ется, и юристы тоже: они почувствовали, что допросъ въ сейчасъ въ новый фазисъ. Проводивъ исправника, просто повеселѣлъ.

Ну, господа, теперь вашъ, вашъ вполне. И... Если-бъ не всѣ эти мелочи, то мы-бы сейчасъ-же и сговорились про мелочи. Я вашъ, господа, но, клянусь, нужно взаимнѣе, — ваше ко мнѣ и мое къ вамъ, — иначе мы никогда ничимъ. Для васъ-же говорю. Къ дѣлу, господа, къ дѣлу, мое, не ройтесь вы такъ въ душѣ моей, не терзайте ее ни, а спрашивайте одно только дѣло и факты, и я васъ-же удовлетворю. А мелочи къ чорту!

Онъ восклицалъ Митя. Допросъ начался вновь.

IV.

Мытарство второе.

Вы не повѣрите, какъ вы насъ самихъ ободряете, Дмитрій ичъ, вашею этою готовностью... — заговорилъ Николай ичъ, съ оживленнымъ видомъ и съ видимымъ удовольствіемъ засіявшимъ въ большихъ свѣтлосѣрыхъ на выкатѣ, лизорукихъ, впрочемъ, глазахъ его. съ которыхъ онъ, за передъ тѣмъ, снялъ очки. — И вы справедливо сейчасъ и на счетъ этой взаимной нашей довѣренности, безъ коюгда даже и невозможно въ подобной важности, дѣлахъ случаѣ и смыслѣ, если подозрѣваемое лицо дѣйствительно, надѣется и можетъ оправдать себя. Съ нашей стороны требуемъ все, что отъ насъ зависитъ, и вы сами могли даже и теперь какъ мы ведемъ это дѣло.. Вы одобряете, чъ Кирилловичъ? — обратился онъ вдругъ къ прокурору.), безъ сомнѣнія, одобрилъ прокуроръ, хотя и нѣсколько) сравнительно съ порывомъ Николая Парѣеновича.)чу разъ навсегда: новоприбывшій къ намъ Николай Паръ, съ самага начала своего у насъ поприща, почувство- нашему Иполиту Кирилловичу, прокурору, необыкно-

вѣнное уваженіе, и почти сердцемъ сошелся съ нимъ. Это почти единственный человѣкъ, который безусловно конгрессу необычайный психологическій и ораторскій талантъ нашего времени по службѣ» Ипполита Кирилловича и вполнѣ вѣръ то, что тотъ обиженъ. О немъ слышалъ онъ еще въ буржѣ. Зато, въ свою очередь, молоденькій Николай Паресовичъ оказался единственнымъ тоже человѣкомъ въ вѣломъ мірѣ, раго искренно полюбилъ нашъ «обиженный» прокуроръ. Дѣла оны успѣли кой въ чемъ сговориться и условиться на предстоящаго дѣла и теперь, за столомъ, востренькій умъ Николай Паресовича схватывалъ на лету и понималъ всякое слово, со взгляда, съ подмига глазкомъ.

— Господа, предоставьте мнѣ только самому разсказать, не перебивайте пустяками, и я вамъ нигомъ все изложу, прятался Митя.

— Прекрасно-съ. Благодарю васъ. Но прежде чѣмъ приступить къ выслушанію вашего сообщенія, вы-бы позволяли только констатировать еще одинъ фактикъ, для насъ очень важный, именно о тѣхъ десять рубльяхъ, которые вы около пяти часовъ, взяли взаймы подъ закладъ пистолетовъ вашихъ у пріятелиа вашего Петра Ильича Перхотина.

— Заложилъ, господа, заложилъ, за десять рубльей, и дальше? Вотъ и все, какъ только воротился въ городъ с роги, такъ и заложилъ.

— А вы воротились съ дороги? Вы ѣздили за городомъ?

— Ыадилъ, господа, за сорокъ верстѣ ѣздилъ, а вы знали?

Прокуроръ и Николай Паресовичъ переглянулись.

— И вообще, если-бы вы начали вашу повѣсть со свѣдѣтвеннаго описанія всего вашего вчерашняго дня съ самаго начала. Позвольте, наврѣмѣрь, узнать: зачѣмъ вы отлучались изъ города и когда именно уѣхали и пріѣхали... и всѣ эти факты...

— Такъ вы-бы такъ и спросили съ самаго начала, гдѣ разсказался Митя, — и если хотите, то дѣло надо начать съ вчерашняго, а съ третьогодняшняго дня, съ самаго утра, и поймете куда, какъ и почему я пошелъ и воѣхалъ. Позвольте, господа, третьяго дня утромъ въ вѣдѣшнему купчинѣ Самуилѣ занимать у него три тысячи денегъ подъ вѣривѣшнее обещаніе, — это вдругъ прервѣчило, господа, вдругъ прервѣчило.

— Позвольте прервать васъ, вѣждливо перебиваетъ проку

у вамъ такъ вдругъ понадобилась, и именно такая сумма, въ три тысячи рублей?

Э, господа, не надо-бы мелочи: какъ, когда и почему, и именно денегъ столько, а не столько, и вся эта гамазня... этакъ въ трехъ томахъ не упишешь, да еще эпилогъ по-тса!

е это проговорилъ Митя съ добродушною, но нетерпѣливою ярностью челоуѣка, желающаго сказать всю истину и еннаго самыми добрыми намѣреніями.

Господа, какъ-бы спохватился онъ вдругъ, — вы на меня щите за мою брыкливость, опять прошу: повѣрьте еще что, я чувствую полную попечительность и понимаю насто- оложеніе дѣла. Не думайте, что я пьянъ. Я ужь теперь ялся. Да и что пьянъ не мѣшало-бы вовсе. У меня вѣдь

Отрезвѣлъ, поуменьѣлъ—сталъ глупъ,
Напился, оглупѣлъ—сталъ уменъ.

А, впрочемъ, я вижу, господа, что мнѣ пока еще непри- острить передъ вами, пока то есть не объяснимся. Позвольте сти и собственное достоинство. Понимаю-же я теперешнюю ду: вѣдь я все-таки предъ вами преступникъ сижу, вамъ, быть, въ высшей степени не ровня, а вамъ поручено меня дать: не погладите-же вы меня по головкѣ за Григорія, и-же въ самомъ дѣлѣ безнаказанно головы ломать старикамъ, прячете-же вы меня за него по суду, ну на полгода, ну на зъ смирительный, но знаю какъ тамъ у васъ присудятъ, и безъ лишенія правъ, вѣдь безъ лишенія правъ, прокуроръ? къ вотъ, господа, понимаю-же я это различіе... Но согла- я въ томъ, что вѣдь вы можете самого Бога сбить съ такими вопросами: гдѣ ступилъ, какъ ступилъ, когда сту- и во что ступилъ? Вѣдь я собьюсь если такъ, а вы сей- ыко въ строку и запишите, и что-жь выйдетъ? Ничего не гь! Да, наконецъ, если ужь я началъ теперь врать, то и у, а вы, господа, какъ высшаго образованія и благород- е люди, меня простите. Именно закончу просьбой: разучи- вы, господа, этой казенщинѣ допроса, то есть сперва-де, -ли, начинай съ чего-нибудь мизернаго, съ ничтожнаго: дескать, всталъ, что съѣлъ, какъ плюнулъ, куда плюнулъ, явивъ вниманіе преступника», вдругъ накрывай его оше- щимъ вопросомъ: «кого убилъ, кого обокралъ?» Ха-ха! вотъ ваша казенщина, это вѣдь у васъ правило, вотъ на

чемъ вся ваша хитрость-то выйдетъ! Да иль это въ-ну усыпляютъ подобными хитростями, а не меня. Я вѣдь дѣло, самъ служилъ; ха-ха-ха! Не сердитесь, господа, и дерзости? Врикнулъ онъ, смотря на нихъ съ удивительнымъ добродушіемъ. — Вѣдь Митяка Карамазовъ сказалъ, стѣ можно и извинить, потому, умному человѣку не извинитъ Митякѣ извинительно! Ха-ха!

Николай Пареевичъ слушалъ и тоже смѣялся. И хоть и не смѣялся, но зорко, не спуская глазъ, разгля Митю, какъ-бы не желая упустить ни малѣйшаго слова малѣйшаго движенія его, ни малѣйшаго сотрясенія и чорточки въ лицѣ его.

— Мы, однако, такъ и начали съ вами первоначалъ звался, все продолжая смѣяться, Николай Пареевичъ, стали сбивать васъ вопросами: какъ вы встали поутру скушали, а начали даже со слишкомъ существеннаго.

— Понимаю, понялъ и оцѣнилъ, и еще болѣе цѣнющую вашу доброту со мной, безпримѣрную, достойную бнѣйшихъ душъ. Мы тутъ трое сошлись люди благородныхъ и свѣтскихъ людей, связанныхъ дворянствомъ и Во всякомъ случаѣ позвольте мнѣ считать васъ за лучшій зей моихъ въ эту минуту жизни моей, въ эту минуту у чести моей! Вѣдь не обидно это вамъ, господа, не обиди

— Напротивъ, вы все это такъ прекрасно выразили, Федоровичъ, важно и одобрительно согласился Николай новичъ.

— А мелочи, господа, всѣ эти крючкотворныя мелочи восторженно воскликнулъ Митя, — а то это просто выйдетъ знаетъ что, вѣдь не правда-ли?

— Вполнѣ послѣдую вашимъ благоразумнымъ совѣтамъ зался вдругъ прокуроръ, обращаясь къ Митѣ, — но отъ моего, однако, не откажусь. Намъ слишкомъ существенно ходимо узнать, для чего именно вамъ понадобилась такая то есть именно въ три тысячи?

— Для чего понадобилась? Ну, для того, для себѣ долгъ отдать.

— Кому именно?

— Это положительно отказываюсь сказать, господа! не потому чтобъ не могъ сказать, али не смѣлъ, али отъ потому что все это плевое дѣло и совершенные пустяки

— Этому не скажу, что тутъ принципъ: это моя частная жизнь и я не позволю вторгаться въ мою частную жизнь. Вотъ мой принципъ. Вашъ вопросъ до дѣла не относится, а все что до дѣла относится есть моя частная жизнь! Долгъ хотѣлъ отдать, честь хотѣлъ отдать, а кому—не скажу.

— Позвольте намъ записать это, сказалъ прокуроръ.

— Сдѣлайте одолженіе. Такъ и записывайте: что не скажу не скажу. Пишите, господа, что считаю даже безчестнымъ это сказать. Экъ у васъ времени-то много записывать!

— Позвольте васъ, милостивый государь, предупредить и еще разъ вамъ напомнить, если вы только не знали того, съ особенной и весьма строгимъ внушеніемъ проговорилъ прокуроръ,— вы имѣете полное право не отвѣчать на предлагаемые вамъ вопросы, а мы обратно, никакого не имѣемъ права вынуждать у васъ отвѣты, если вы сами уклоняетесь отвѣчать по той или другой причинѣ. Это дѣло личнаго соображенія вашего. Наше дѣло состоитъ опять-таки въ томъ, чтобы вамъ въ полномъ теперешнему случаѣ представить на видъ и разъяснить ту степень вреда, который вы сами-же себѣ производите, называясь дать то или другое показаніе. Затѣмъ прошу прощать.

— Господа, я вѣдь не сержусь... я... забормоталъ было Митя, несколько сконфуженный внушеніемъ,—вотъ-съ, видите, господа, вотъ самый Самсоновъ, къ которому я тогда пошелъ...

Мы, конечно, не станемъ приводить рассказъ его въ подробности о томъ, что уже извѣстно читателю. Разскашикъ нетерпѣливо хотѣлъ рассказать все до малѣйшей черточки и въ то же время чтобы вышло поскорѣй. Но по мѣрѣ показаній ихъ записывали, а, стало быть, необходимо его останавливали. Дмитрій Ивановичъ осуждалъ это, но подчинялся, сердился, но пока еще терпеливо. Правда, вскрикивалъ иногда: «господа, это самого Господа Бога взбѣситъ» или: «господа, знаете-ли вы, что вы только напрасно меня раздражаете?» но все еще, восклицая это, своего дружески экспансивнаго настроенія пока не измѣнялъ. Такимъ образомъ онъ рассказалъ какъ «надулъ» его третьяго Самсоновъ. (Онъ уже догадывался теперь вполне, что тогда надули). Продажа часовъ за шесть рублей, чтобы быть на дорогу денегъ, совсѣмъ еще неизвѣстная слѣдовательно и прокурору, возбудила тотчасъ-же все чрезвычайное ихъ вниманіе и уже къ безмѣрному негодованію Мити: нашли нужнымъ фактъ этотъ въ подробности записать, въ виду вторич-

Именно в этот момент он заговорил, но у него
было много вопросов, и он начал за Грушенькой
идти. Он начал говорить с Марьей Кондратьевной
и начал говорить о Смердякове: это очень
важно, и он начал говорить о том, что горя
и что ему пришлось сказать, что выставя
его, и что он сказал, на «всеобщий
суд» и что он сказал, чтобы быть правдивым
и что он начал говорить пристально на него
и что он начал говорить и особенно про
Смердякова, и что он сказал: «Этот мальчик
очень хороший, и я еще всего только ибе
и что он начал говорить про женщин, и этот бо
и что он начал говорить и имь это рассказывал
и что он начал говорить, «позор!» Терпи, сми
и что он начал говорить думу стихом, но опять
и что он начал говорить дальше. Перейдя въ ра
и что он начал говорить и даже хотъ
и что он начал говорить особый недавний анек
и что он начал говорить но следователь остановилъ
и что он начал говорить «къ болѣе существенному»
и что он начал говорить и рассказавъ о той минут
и что он начал говорить, онъ даже подумалъ «скорѣе з
и что он начал говорить три тысячи», его вновь остан
и что он начал говорить» записали. Митя безмо
и что он начал говорить, что дошло до той точки въ

льшой портфель, лежавшій подлѣ него на диванѣ, вынулъ изъ него мѣдный пестикъ.

— Знакомъ вамъ этотъ предметъ? показалъ онъ его Митѣ.

— Ахъ, да! мрачно усмѣхнулся онъ, — какъ не знакомъ! Не-ба посмотрѣть... А, чортъ, не надо!

— Вы о немъ упомянуть забыли, замѣтилъ слѣдователь.

— А, чортъ! Не скрылъ-бы отъ васъ, небось безъ него-бы обошлось, какъ вы думаете? Изъ памяти только вылетѣло.

— Благоволите-же рассказать обстоятельно, какъ вы имъ оружились.

— Извольте, благоволю, господа.

И Митя рассказалъ, какъ онъ взялъ пестикъ и побѣждалъ.

— Но какую-же цѣль имѣли вы въ предметъ, вооружаясь этимъ орудіемъ?

— Какую цѣль? Никакой цѣли! Захватилъ и побѣждалъ.

— Зачѣмъ-же, если безъ цѣли?

Въ Митѣ кипѣла досада. Онъ пристально посмотрѣлъ на «мальчика» и мрачно и злобно усмѣхнулся. Дѣло въ томъ, что у все стыдѣе и стыдѣе становилось за то, что онъ сейчасъ въ искренно и съ такими изліяніями рассказалъ «такимъ людемъ» исторію своей ревности.

— Наплевать на пестикъ! вырвалось вдругъ у него.

— Однако-же-съ.

— Ну, отъ собакъ схватилъ. Ну, темнота... Ну, на всякій случай.

— А прежде вы тоже брали, выходя ночью со двора, ка-нибудь оружіе. если боялись такъ темноты?

— Э, чортъ, тьфу! Господа, съ вами буквально нельзя говорить! вскрикнулъ Митя въ послѣдней степени раздраженія и, вернувшись къ писарю, весь покраснѣвъ отъ злобы, съ ка-кой-то изступленною потвой въ голосъ, быстро проговорилъ, ему:

— Защищи сейчасъ... сейчасъ... «что схватилъ съ собой пестикъ, чтобы бѣжать убить отца моего... Федора Павловича... промѣнь по головѣ!» Ну, довольны-ли вы теперь, господа? Отдайте душу? проговорилъ онъ, уставясь съ вызовомъ на слѣдователя и прокурора.

— Мы слишкомъ понимаемъ, что подобное показаніе вы сейчасъ въ раздраженіи на насъ и въ досадѣ на вопросы, которые мы вамъ представляемъ, которые вы считаете мелочными и которые въ сущности весьма существенны, сухо проговорилъ ему въ отвѣтъ прокуроръ.

— Да помилуйте-же, господа! Ну, взялъ пестикъ... Но чего берутъ въ такихъ случаяхъ, что илѣтъ въ руку? Я знаю для чего. Схватилъ и побѣжалъ. Вотъ и все. Спасибо, господа, rassons, а то, клянусь, я перестану рассказывать.

Онъ облокотился на столъ и подперъ рукой голову, сидѣлъ въ нѣтъ бокомъ и смотрѣлъ на стѣну, пересиливъ собою дурное чувство. Въ самомъ дѣлѣ, ему ужасно захотѣлось встать и объявить, что болѣе не скажетъ ни слова, «ведите на смертную казнь».

— Видите, господа, проговорилъ онъ вдругъ, съ презрительной улыбкой, — видите. Слушаю я васъ и мнѣ мерещится, видите, вижу иногда во снѣ одинъ сонъ... одинъ таковой и онъ мнѣ часто снится, повторяется, что кто-то за мной идетъ, кто-то такой, котораго я ужасно боюсь, гонится и ночью, и днемъ, ищетъ меня, а я прячусь куда-нибудь отъ за дверь, или за шкапъ, прячусь унизительно, а главное, ему отлично извѣстно, куда я отъ него свиртался, во что будто-бы нарочно притворяется, что не знаетъ гдѣ я, чтобы дольше промучить меня, чтобы страхомъ моемъ измучиться... Вотъ это и вы теперь дѣлаете! На то похоже!

— Это вы такіе видите сны? осязательная прокуроръ.

— Да, такіе вижу сны... А вы ужь не хотите-ли записать криво усмѣхнулся Митя.

— Нѣтъ-съ, не записать, но все-же любопытныя у васъ.

— Теперь ужь не сонъ! Реализмъ, господа, реализмъ! осязательной жизни! Я волкъ, а вы охотники, ну и три волка.

— Вы напрасно взяли такое сравненіе... началъ было выходя изъ комнаты Николай Пареевичъ.

— Не напрасно, господа, не напрасно! вскипѣлъ опять Митя, хотя и видимо облегчивъ душу выходкой внезапнаго гнѣва. Началъ уже опять добръть съ каждымъ словомъ: — Вы можете вѣрить преступнику или подсудимому, истязуемому вашимъ просвѣтомъ, но благороднѣйшему человѣку, господа, благороднѣйшему корывамъ души (смыло это кричу!) — нѣтъ! Этому нельзя не вѣрить... права даже не имѣете... но—

молчокъ сердце,

Терпѣе, смѣяйся и молчи!

Ну, что-же, продолжать? мрачно оборвалъ онъ.

— Какже, сдѣлайте одолженіе, сдѣлалъ Николай Пареевичъ.

V.

Третье мытарство.

Митя хоть и заговорилъ сурово, но видимо еще болѣе сталъ рваться не забыть и не упустить ни одной черточки изъ перваемаго. Онъ разсказалъ, какъ онъ перескочилъ черезъ заборъ въ садъ отца, какъ шелъ до окна и обо всемъ, наконецъ, было подь окномъ. Ясно, точно, какъ-бы отчеканивая, пересказалъ онъ о чувствахъ, волновавшихъ его въ тѣ мгновенія въ садѣ, когда ему такъ ужасно хотѣлось узнать: у отца-ли Грушенька или нѣтъ? Но, странно это: и прокуроръ, и слѣдователь слушали на этотъ разъ какъ-то ужасно сдержанно, смотрѣли сухо, вопросовъ дѣлали гораздо меньше. Митя ничего не могъ заключить по ихъ лицамъ. «Разсердились и обидѣлись, полагалъ онъ, ну и чортъ!» Когда-же разсказалъ, какъ онъ рѣшился, наконецъ, дать отцу знакъ, что пришла Грушенька и чтобы тотъ открывалъ окно, то прокуроръ и слѣдователь совсѣмъ не обратили вниманіе на слово «знакъ», какъ-бы не понявъ вовсе, какое значеніе имѣетъ тутъ это слово, такъ что Митя это даже не обратилъ вниманія. Дойдя, наконецъ, до того мгновенія, когда, увидѣвъ испугавшагося изъ окна отца, онъ вскинулъ ненавистью и выкинулъ изъ кармана пестикъ, онъ вдругъ какъ-бы нарочно остановился. Онъ сидѣлъ и глядѣлъ въ стѣну и зналъ, что тѣ такъ впились въ него глазами.

— Ну-съ, сказалъ слѣдователь, — вы выхватили оружіе и... что-же произошло затѣмъ?

— Затѣмъ? А затѣмъ убилъ... хватилъ его въ темя и расшибилъ ему черепъ... Вѣдь, такъ, по вашему, такъ! засверкалъ въ вдругъ глазами. Весь потухшій было гнѣвъ его вдругъ подскочилъ въ его душѣ съ необычайною силой.

— По нашему, переговорилъ Николай Пароеновичъ, — ну, а вашему?

Митя опустилъ глаза и долго молчалъ.

— По моему, господа, по моему, вотъ какъ было, тихо заговорилъ онъ: — слезы-ли чьи, мать-ли моя умолила Бога, духъ свѣтлый облобызалъ меня въ то мгновеніе — не знаю, но я былъ побѣжденъ. Я бросился отъ окна и побѣжалъ къ проку... Отецъ испугался, и въ первый разъ тутъ меня разсмотрѣлъ, вскрикнулъ и отскочилъ отъ окна, — я это очень помню.

СОСНИКИНЪ В. Я. ДОСТОВЬСКОГО.

... садъ къ забору... вотъ тутъ-то и настигъ мнѣ
... уже я сяду на заборъ...

... поднялъ, наконецъ, глаза на слушателей. Ты
... совершенно беззаботнымъ вниманіемъ глядѣли
... судорога измодованія прошла въ душѣ Мити.

... вы, господа, въ эту минуту надо мной
... прервалъ онъ вдругъ.

Почему вы такъ заключаете? забылъ Николай

... Ни одному слову не вѣрите, вотъ почему! Видѣте

... что до главной точки дошелъ: старикъ теперь

... сѣра и какъ уже пестикъ выхватилъ, я вдругъ

... Пома! Въ стихахъ! Можно повѣрить
... А-ха! Насмѣшники вы, господа!

... онъ вдругъ коряво повернулся на стулѣ, такъ что

... началъ прокуроръ,
... и вниманіемъ не обративъ на волненіе Мити,—не забылъ

... вы, когда отбѣгали отъ окна: была-ли дверь въ садъ
... находящаяся въ другомъ концѣ флигеля, отперта или нѣтъ?

... Нѣтъ, не была отперта.

... Не была?

... была отперта, напротивъ, и кто-жъ могъ ее отперть?

... дверь, постойте! какъ-бы опомнился онъ вдругъ и чу

... щипнуть, а развѣ вы нашли дверь отпертою?

... Отпертою.

... Такъ кто-жъ ее могъ отворить, если не сами вы ее

... страшно удивился вдругъ Митя.

... Дверь стояла отпертою и убійца вашего родителя

... вошелъ въ эту дверь и, совершивъ убійство, эту

... дверью и вышелъ, какъ-бы отчеканивая, медленно и разд

... прояснѣлъ прокуроръ. Это намъ совершенно ясно. Убійство

... ишло, очевидно, въ комнату, а не черезъ окно, что, вы

въ саду и когда я убѣгалъ изъ сада. Я только подъ
голялъ и въ окно его видѣлъ, и только, только... До
минуты помню. Да хоть бы и не помнилъ, то все равно
тому что *знаки* только и извѣстны были, что мнѣ, да
зу, да ему, покойнику, а онъ, безъ знаковъ, никому-бы
не отворилъ!

знаки? Какіе-же это знаки? съ жаднымъ, почти истери-
любопытствомъ проговорилъ прокуроръ, и въ мигъ по-
сю сдержанную свою осанку. Онъ спросилъ какъ-бы
ползая. Онъ почуялъ важный фактъ, ему еще неизвѣст-
отчасъ-же почувствовалъ величайшій страхъ, что Митя,
ыть, не захочетъ открыть его въ полноть.

вы и не знали! подмигнулъ ему Митя, насмѣшливо и
ныбнувшись.—А что коль не скажу? Отъ кого тогда
знали вѣдь о знакахъ-то покойникъ, я, да Смердяковъ,
сѣ, да еще небо знало, да оно вѣдь вамъ не скажетъ.
ль-то любопытный, чортъ знаетъ что на немъ можно
ха-ха! Утѣштесь, господа, открою, глупости у васъ
не знаете вы съ кѣмъ имѣете дѣло! Вы имѣете дѣло
подсудимымъ, который самъ на себя показываетъ, во
къ показываетъ! Да-съ, ибо я рыцарь чести, а вы —

прокуроръ скушалъ всѣ пилюли, онъ лишь дрожалъ отъ не-
узнать про новый фактъ. Митя точно и пространно
имъ все, что касалось знаковъ, изобрѣтенныхъ Федо-
ловичемъ для Смердякова, рассказалъ, что именно озна-
мительный стукъ въ окно, простучалъ даже эти знаки по
на вопросъ Николая Парѣновича: что, стало быть, и
я, когда стучалъ старику въ окно, то простучалъ именно
тукъ, который означалъ: «Грушенька пришла» — отвѣтилъ
мнѣ, что именно точно такъ и простучалъ, что, дескать,
«Грушенька пришла».

теперь вамъ, теперь сооружайте башню! оборвалъ Митя и
внимъ опять отъ нихъ отвернулся.

знали про эти знаки только покойный родитель вашъ,
да Смердяковъ? И никто болѣе? еще разъ освѣдомился
Парѣновичъ.

я, слуга Смердяковъ и еще небо. Запишите и про небо;
не лишнимъ записать. Да и вамъ самимъ Богъ по-
кажетъ.

и, конечно, стали записывать, но когда записывали, то

сталъ каждый разъ, чтобъ я не убилъ его, тогда какъ я и не подымалъ. Онъ падалъ мнѣ въ ноги и плакалъ, онъ валя мнѣ вотъ эти самые сапоги, буквально, умоляя, чтобъ «не пугалъ». Слышите: «не пугалъ».—что это за слово та- А я его даже дарилъ. Это болѣзненная курица въ падучей ни, со слабымъ умомъ и которую приѣдетъ восьмилѣтній шшка. Развѣ это натура? Не Смердяковъ, господа, да и де- не любить, подарковъ отъ меня вовсе не бралъ... Да и за му убивать старика? Вѣдь онъ, можетъ быть, сынъ его, ный сынъ, знаете вы это?

— Мы слышали эту легенду. Но вѣдь вотъ и вы-же сынъ вашего, а вѣдь говорили-же всѣмъ сами-же вы, что хотѣли ъ его.

— Камень въ огородъ! И камень низкій, скверный! Не боюсь! спода, можетъ быть, вамъ слишкомъ подло мнѣ-же въ глаза рить это! Потому подло, что я это самъ говорилъ вамъ. Не во хотѣлъ, но и могъ убить, да еще на себя добровольно шилъ, что чуть не убилъ! Но вѣдь не убилъ-же его, вѣдь ъ-же меня ангель-хранитель мой,—вотъ этого-то вы и не и въ соображеніе... А потому вамъ и подло, подло! Потому я не убилъ, не убилъ! Слышите, прокуроръ: не убилъ! Онъ чуть не задохся. Во все время допроса онъ еще ни разу ылъ въ такомъ волненіи.

— А что онъ вамъ сказалъ, господа, Смердяковъ-то? заклю- онъ вдругъ, помолчавъ.—Могу я про это спросить у васъ?

— Вы обо всемъ насъ можете спрашивать, съ холоднымъ рогимъ видомъ отвѣтилъ прокуроръ, — обо всемъ, что ка- я фактической стороны дѣла, а мы, повторяю это, даже ны удовлетворяютъ васъ на каждый вопросъ. Мы нашли у Смердякова, о которомъ вы спрашиваете, лежащимъ безъ ти на своей постели, въ чрезвычайно сильномъ, можетъ , въ десятый разъ сряду повторявшемся припадкѣ падучей зни. Медикъ, бывший съ нами, освидѣтельствовавъ больнаго, ылъ даже намъ, что онъ не доживетъ, можетъ быть, и до

— Ну, въ такомъ случаѣ отца чортъ убилъ! сорвалось вдругъ ги, какъ будто онъ даже до сей минуты спрашивалъ все : «Смердяковъ или не Смердяковъ»?

— Мы еще къ этому факту воротимся, порѣшилъ Николай еновичъ,—теперь-же не пожелаете-ли вы продолжать ваше заніе далѣе.

Митя просилъ отдохнуть. Ему вѣжливо позволили, но она стала продолжать. Но было ему видимо такъ больно и мучительно, оскорбленъ и потрясенъ нравственно. Въ запискахъ, теперь уже точно нарочно, сталъ поминать принципъ его принципной къ «мелочамъ». Едва только Митя сѣлъ, какъ она, сѣдя верхомъ на заборѣ, ударила по периламъ и привалившись въ его лѣвую ногу Григорія и тотчасъ же соскочилъ въ поверженному, какъ прокуроръ, позвать его и спросилъ опенать подробности, какъ онъ сѣлъ на заборѣ. Митя удивился.

— Ну, вотъ такъ сѣдѣлъ, верхомъ сѣдѣлъ, одна нога на заборѣ тутъ...

— А вѣстникъ?

— Вѣстникъ въ рукахъ.

— Не въ карманѣ? Вы это такъ подробно помните? Вы сильно размахнулись рукой.

— Должно быть что сильно, а вамъ это зачѣмъ?

— Всам-бѣ вы сѣли на стулъ точно такъ, какъ на заборѣ, и представили-бы намъ наглядно, для уясненія и куда размахнулись, въ какую сторону?

— Да ужь вы не насмѣхаетесь-ли надо мной, спросилъ высокомерно глянувъ на допрощика, но тотъ не мигнулъ глазомъ. Митя судорожно повернулся, сѣлъ верхомъ на стулъ и размахнулся рукой:

— Вотъ какъ ударилъ! Вотъ какъ убилъ! Чего жаль?

— Благодарю васъ. Не потрудитесь-ли вы теперь сѣсть: для чего собственно соскочилъ внизъ, съ какой стороны и что собственно имѣя въ виду?

— Ну, чортъ... въ поверженному соскочилъ... Но зналъ ли?

— Бывши въ такомъ волненіи! И убѣгая?

— Да, въ волненіи и убѣгая.

— Помочь ему хотѣли?

— Какое помочь... Да, помочь, и помочь, но помню.

— Не помнили себя? То есть были даже въ нѣкоторомъ состояніи безпамятствія?

— О, нѣтъ, совсѣмъ не въ безпамятствѣ, все помню. И платокъ. Соскочилъ поглядѣть и платкомъ кровь ему обтереть.

— Мы видѣли вашъ платокъ. Надѣялись возвратитъ вамъ платокъ и жену вамъ въ жизни?

— Не знаю, надѣялся-ли? Просто убѣдиться хотѣлъ, и платокъ.

.., такъ хотѣли убѣдиться? Ну, и что-жь?
не медикъ, рѣшить не могъ. Убѣждалъ, думая, что убилъ,
онъ очнулся.

прекрасно-съ, закончилъ прокуроръ. — Благодарю васъ.
ько и нужно было. Потрудитесь продолжать далѣе.

Митѣ и въ голову не пришло рассказать, хотя онъ и
это, что соскочилъ онъ изъ жалости, и, ставъ надъ
, произнесъ даже нѣсколько жалкихъ словъ: «попался
нечего дѣлать, ну и лежи». Прокуроръ-же вывелъ лишь
люченіе, что соскакивалъ человекъ, «въ такой моментъ
сомъ волненіи» лишь для того только, чтобы навѣрное
я: живъ или нѣтъ *единственный* свидѣтель его преступ-
что, стало быть, какова-же была сила, рѣшимость, хлад-
и расчетливость человекъ даже въ такой моментъ и...
проч. Прокуроръ былъ доволенъ: «раздражалъ-де бо-
го человекъ «мелочами», онъ и проговорился».

съ мученіемъ продолжалъ далѣе. Но тотчасъ-же оста-
го опять уже Николай Парѣновичъ:

акимъ-же образомъ могли вы вбѣжать къ служанкѣ Фе-
рковой, имѣя столь окровавленные руки, и, какъ ока-
отомъ, лицо?

а я вовсе тогда и не замѣтилъ, что я въ крови! отвѣ-
гя.

то они правдоподобно, это такъ и бываетъ, перегля-
юкуроръ съ Николаемъ Парѣновичемъ.

менно не замѣтилъ, это вы прекрасно, прокуроръ, одоб-
ругъ и Митя. Но далѣе пошла исторія внезапнаго рѣше-
«устраниться» и пропустить счастливыхъ мимо себя».

же никакъ не могъ, какъ давеча, рѣшиться вновь ра-
свое сердце и рассказывать про «царицу души своей».
ило предъ этими холодными, «вливающимися въ него
цы» людьми. А потому на повторенные вопросы, зая-
тко и рѣзко:

у, и рѣшился убить себя. Зачѣмъ было оставаться
о само собой въ вопросъ вскакивало. Явился ея преж-
юрный, ея обидчикъ, но пріѣхавшій съ любовью послѣ
ь завершить законнымъ бракомъ обиду. Ну и понялъ,
ля меня пропало... А сзади позоръ, и вотъ эта кровь,
горія... Зачѣмъ-же жить? Ну, и пошелъ выкупать за-
пистолеты, чтобы зарядить и къ разсвѣту себѣ пулю
всадить...

— А ночью пиръ горой?

— Ночью пиръ горой. Э, чортъ, господа кончайте съ...
Застрѣлиться я хотѣлъ навѣрно, вотъ тутъ недалеко, за ок-
цей и распорядился-бы съ собою часовъ въ пять утра, а в
карманъ бумажку приготовилъ, у Перхотина написалъ, и
пистолеты зарядилъ. Вотъ она бумажка, читайте. Не да
рассказываю! прибавилъ онъ вдругъ презрительно. Онъ на-
силъ имъ на столъ бумажку изъ жилетнаго своего кар-
ману, слѣдователи прочли съ любопытствомъ и, какъ водится, при-
шли къ дѣлу.

— А руки все еще не подумали вымыть даже и входъ
господину Перхотину? Не опасались, стало быть, подозрѣній?

— Какихъ такихъ подозрѣній? Подозрѣвай—хоть нѣтъ,
равно, я-бы сюда ускакалъ и въ пять часовъ застрѣлился,
ничего-бы не успѣли сдѣлать. Вѣдь если-бы не случай съ отцомъ,
вѣдь вы-бы ничего не узнали и сюда не прибыли. О, это чортъ
сдѣлалъ, чортъ отца убилъ, черезъ чорта и вы такъ скоро узнали.
Какъ сюда-то такъ скоро поспѣли? Диво, фантазія!

— Господинъ Перхотинъ передалъ намъ, что вы, войдя к
нему, держали въ рукахъ... въ окровавленныхъ рукахъ... много
денегъ... большія деньги... пачку сторублевыхъ бумажекъ, и
видѣлъ это и служившій ему мальчикъ!

— Такъ, господа, помнится. что такъ.

— Теперь встрѣчается одинъ вопросикъ. Не можете-ли
сообщить, чрезвычайно мягко началъ Николай Парѣновичъ,
откуда вы взяли вдругъ столько денегъ, тогда какъ изъ дѣла
оказывается, по расчету времени даже, что вы не заходили
домой?

Прокуроръ немножко поморщился отъ вопроса, поставленнаго
такъ ребромъ, но не прервалъ Николая Парѣновича.

— Нѣтъ, не заходилъ домой, отвѣтилъ Митя, повидимому
очень спокойно, но глядя въ землю.

— Позвольте-же повторить вопросъ въ такомъ случаѣ, какъ
то подползая продолжалъ Николай Парѣновичъ.— Откуда-же
могли разомъ достать такую сумму, когда по собственному при-
знанію вашему, еще въ пять часовъ того дня...

— Нуждался въ десяти рубляхъ и заложилъ пистолеты
Перхотина. потомъ ходилъ къ Хохлаковой за тремя тысячами,
та не дала, и проч. и всякая эта. всячина, рѣзко прервалъ
Митя,—да, вотъ, господа, нуждался, а тутъ вдругъ тысяча
появилась, а? Знаете, господа, вѣдь вы оба теперь трусите: а?

— Не скажете, откуда взялъ? Такъ и есть: не скажу, господа, да и вы, конечно, не узнаете, отчеканилъ вдругъ Митя съ чрезвычайно важностью. Слѣдователи капельку помолчали.

— Поймите, господинъ Карамазовъ, что намъ это знать существенно необходимо, тихо и смиренно проговорилъ Николай Пареновичъ.

— Понимаю, а все-таки не скажу.

Ввязался и прокуроръ и опять напомнилъ, что допрашивается, конечно, можетъ не отвѣчать на вопросы, если считаетъ себя это выгоднѣйшимъ и т. д., но въ видахъ того, какой вредъ подозрѣваемый можетъ самъ нанести себѣ своимъ умолчаніемъ и особенно въ виду вопросовъ такой важности, которая...

— И такъ далѣе, господа, и такъ далѣе. Довольно, слышалъ я и раньше и прежде! опять оборвалъ Митя, — самъ понимаю важности дѣло, и что тутъ самый существенный пунктъ, а такъ не скажу.

— Вѣдь намъ что-съ, это вѣдь не наше дѣло, а ваше, сами вы повредите, нервно замѣтилъ Николай Пареновичъ.

— Видите, господа, шутки въ сторону, вскинулся глазами Митя и твердо посмотрѣлъ на нихъ обоихъ. — Я съ самаго начала уже предчувствовалъ, что мы на этомъ пунктѣ сшибемся с вами. Но въ началѣ, когда я давеча началъ показывать, все это было въ дальнѣйшемъ туманѣ, все плавало, и я даже былъ такъ радъ, что началъ съ предложенія «взаимнаго между нами доверія». Теперь самъ вижу, что доверія этого и быть не могло, потому что все-же-бы мы пришли къ этому проклятому забору! Вотъ и пришли! Нельзя, и конечно! Впрочемъ, я вѣдь васъ обвиню, нельзя-же и вамъ мнѣ вѣрить на слово, я вѣдь это знаю!

Онъ мрачно замолчалъ.

— А не могли-ли-бы вы, не нарушая нисколько вашей рѣшимости умолчать о главнѣйшемъ, не могли-ли-бы вы въ тоже время дать намъ хоть малѣйшій намекъ на то: какіе именно столь важные мотивы могли-бы привести васъ къ умолчанію въ столь важный для васъ моментъ настоящихъ показаній?

Митя грустно и какъ-то задумчиво усмѣхнулся.

— Я гораздо лучше, чѣмъ вы думаете, господа, я вамъ собою покажу, и дамъ этотъ намекъ, хотя вы того и не стоите. Тому, господа, умалчиваю, что тутъ для меня позоръ. Въ отвѣтъ на вопросъ: откуда взялъ эти деньги заключенъ для меня такой позоръ, съ которымъ не могло-бы сравняться даже и убій-

ство, и ограбленіе отца, если-бъ я его убилъ и ограбилъ, почему не могу говорить. Отъ позора не боюсь. Что вы хотите, записывать хотите?

— Да, мы запишемъ, пролепеталъ Николай Парсеновичъ.

— Вамъ-бы не слѣдовало это записывать, пролепеталъ Николай Парсеновичъ. Это я вамъ по добротѣ только души показалъ, а могъ и казывать, я вамъ, такъ сказать, подарилъ, а вы сейчасъ записываете. Ну, пишете, пишете, что хотите, презрительно и высокомерно заключилъ онъ, — не боюсь я васъ и... горжусь даже.

— А не скажете-ли вы какого-бы рода этотъ вымыселъ былъ Николай Парсеновичъ.

Прокуроръ ужасно наморщился.

— Ни-ни, с'est fini, не трудитесь. Да и не стоить. Уже и такъ объ васъ замарался. Не стоите вы, ни выслушивать, ни записывать. Довольно, господа, обрываю.

Проговорено было слишкомъ рѣшительно. Николай Парсеновичъ пересталъ настаивать, но въ взглядовъ Николая Парсеновича можно успѣлъ усмотрѣть, что тотъ еще не терпитъ.

— Не можете-ли, по крайней мѣрѣ, объяснить: какіе чины была сумма въ рукахъ вашихъ, когда вы вошли съ господиномъ Перхотину, то есть сколько именно рублей?

— Не могу я этого объявить.

— Господину Перхотину вы, кажется, заявляли о трехъ тысячахъ, будто-бы полученныхъ вами отъ госпожи Хохловой.

— Можетъ быть, и заявлялъ. Довольно, господа, не сколько.

— Потрудитесь въ такомъ случаѣ описать, какъ вы поѣхали и все, что вы сдѣлали, сюда прѣхавъ?

— Охъ, объ этомъ спросите всѣхъ здѣшнихъ. А, мнѣ пожалуй, и я расскажу.

Онъ рассказывалъ, но мы уже приводить рассказа не стали. Рассказывалъ сухо, бѣгло. О восторгахъ любви своей не говорилъ вовсе. Рассказывалъ, однако, какъ рѣшимость застрѣлится и прошла «въ виду новыхъ фактовъ». Онъ рассказывалъ не впадая въ подробности. Да и слѣдователи не спрашивали его на этотъ разъ безпокойли: ясно было, что и для нихъ въ томъ состоитъ теперь главный пунктъ.

— Мы это все повѣримъ, во всему еще возвернемся допросъ свидѣтелей, который будетъ, конечно, происходить въ вашемъ присутствіи, заключилъ допросъ Николай Парсеновичъ.

— же позвольте обратиться къ вамъ съ просьбою, выложить на столъ всѣ ваши вещи, находящіяся при васъ, а, главное, деньги, какія только теперь имѣете.

— Деньги, господа? Извольте, понимаю, что надо. Удивляюсь какъ раньше не полюбопытствовали. Правда, никуда-бы не въ, на виду сижу. Ну, вотъ онѣ, мои деньги, вотъ считайте, е, всѣ, кажется.

— Вынулъ все изъ кармановъ, даже мелочь, два двугривенны вытащилъ изъ боковаго жилетнаго кармана. Сосчитали и, оказалось восемьсотъ тридцать шесть рублей сорокъ ко-

— И это все? спросилъ слѣдователь.

— Все.

— Вы изволили сказать сейчасъ, дѣлая показанія ваши, что въ Плотниковыхъ оставили триста рублей. Перхотину дали въ, ящику двадцать, здѣсь проиграли двѣсти, потомъ...

Николай Парѣновичъ пересчиталъ все. Митя помогъ охотно. Помнили и включили въ счетъ всякую копейку. Николай Парѣвичъ бѣгло свелъ итогъ.

— Съ этими восьмьюстами было, стало быть, всего у васъ изначально около полутора тысячъ?

— Стало быть, отрѣзалъ Митя.

— Какъ-же всѣ утверждаютъ, что было гораздо болѣе.

— Пусть утверждаютъ.

— Да и вы сами утверждали.

— И я самъ утверждалъ.

— Мы еще проверимъ все это свидѣтельствами еще не спрошенныхъ другихъ лицъ; о деньгахъ вашихъ не безпокойтесь, онѣ найдутся гдѣ слѣдуетъ и окажутся къ вашимъ услугамъ по исполненію всего... начавшагося... если окажется или, такъ скажемъ, докажется, что вы имѣете на нихъ неоспоримое право. Ну, а теперь...

Николай Парѣновичъ вдругъ всталъ и твердо объявилъ Митѣ, принужденъ и долженъ учинить самый подробный и точный осмотръ «какъ платья вашего, такъ и всего»...

— Извольте, господа, всѣ карманы выверну, если хотите.

— Онъ дѣйствительно принялся было вывертывать карманы.

— Необходимо даже снять одежду.

— Какъ? Раздѣться? Фу, чортъ! Да обыщите такъ? Нельзя-жъ?

— Ни за что нельзя, Дмитрій Федоровичъ. Надо одежду снять.

— Какъ хотите, мрачно подчинился Митя, — только, жалуиста, не здѣсь, а за занавѣсками. Кто будетъ осматривать?

— Конечно, за занавѣсками, въ знакъ согласія наказать голову Николай Парѣеновичъ. Личико его изобразило особую даже важность.

VI.

Прокуроръ поймалъ Митю.

Началось нѣчто совсѣмъ для Мити неожиданное и удивительное. Онъ ни за что-бы не могъ прежде, даже за минуту предъ собою предположить, чтобы такъ могъ кто-нибудь обойтись съ нимъ съ Митей Карамазовымъ! Главное, явилось нѣчто униженное, а съ ихъ стороны «высокомѣрное и къ нему презрительное». Ничего-бы снять сюртукъ, но его попросили раздѣться и даже снять пальто. И не то что попросили, а въ сущности приказали: онъ это отнюдь не понималъ. Изъ гордости и презрѣнія онъ подчинился вполнѣ, въ точности по слову. За занавѣску вошли, кромѣ Николая Парѣеновича, и прокуроръ, присутствовали и нѣсколько мужиковъ, «конечно и въ силѣ», подумалъ Митя, «а, можетъ, и еще для чего-нибудь».

— Что-жь, неужели и рубашку снимать? рѣзко спросилъ онъ, но Николай Парѣеновичъ ему не отвѣтилъ: онъ вѣсть прокуроромъ былъ углубленъ въ разсматриваніе сюртука, пальто, жилета и фуражки, и видно было, что оба они съ интересомъ осматривали: «Совсѣмъ не церемонятся», подумало у Мити, «даже въ живности необходимой не наблюдаютъ».

— Я васъ спрашиваю во второй разъ: надо ли нѣтъ снять рубашку? — проговорилъ онъ еще рѣзче и раздражительно.

— Не беспокойтесь, мы васъ уведомимъ, къ-то начавъ, вѣрно даже отвѣтилъ Николай Парѣеновичъ. По крайней мѣрѣ Митя такъ побазалось.

Между слѣдователемъ и прокуроромъ было между тѣмъ заливое совѣщаніе вполголоса. Обсуждали за сюртукъ, особенно пальто, сзади, огромныя пятна брызгъ, засохшія, заскорупились и не очень еще размятыя. На пальто указывалъ тоже, Николай Парѣеновичъ, кромѣ того, собственноручно, въ присутствіи понюхавъ, прошелъ пальцами по воротнику, по обшлагамъ и до всѣхъ швовъ сюртука и пальто, очевидно, что-то отыскивая. — Кому денегъ. Главное, не скрывали отъ Мити удивленія, что онъ и

обень былъ зашить деньги въ платье. «Это ужь прямо въ воровъ, а не какъ съ офицеромъ», проворчалъ онъ про тообщали-же другъ другу мысли свои при немъ до странтвровенно. Напримѣръ, письмоводитель, очутившійся тоже въской, суетившійся и прислуживавшій, обратилъ вниманіе я Парѣновича на фуражку, которую тоже ощупали: «Помиденку писаря-съ, замѣтилъ письмоводитель: лѣтомъ жажэ вѣдиль получать на всю канцелярію, а вѣрнувшись, ъ, что потерялъ въ пьяномъ видѣ,—такъ гдѣ-же нашли? въ этихъ самыхъ кантикахъ, въ фуражкѣ-съ, сторублевья вернуты трубочками-съ и въ кантики зашиты». Фактъ съ кой очень помнили и слѣдователь, и прокуроръ, а потому ну фуражку отложили и рѣшили, что все это надо будетъ пересмѣтрѣть серьезно, да и все платье.

Позвольте, вскрикнулъ вдругъ Николай Парѣновичъ, заввернутый внутрь правый обшлагъ праваго рукава румити, весь залитый кровью, — позвольте-съ, это какъ-овь?

Кровь, отрѣзалъ Митя.

То есть это какая-же-съ... и почему ввернуто внутрь?

Митя рассказалъ, какъ онъ запачкалъ обшлагъ, возясь съ іемъ, и ввернулъ его внутрь еще у Перхотина, когда мылъ руки.

Рубашку вашу тоже придется взять, это очень важно... цественныхъ доказательствъ. Митя покраснѣлъ и разсви-

». Что-жь мнѣ голымъ оставаться! крикнулъ онъ.

Не безпокойтесь... мы какъ-нибудь поправимъ это, а пока итесь снять и носки.

Вы не шутите? Это дѣйствительно такъ необходимо? — уль глазами Митя.

Намъ не до шутокъ! строго отпарировалъ Николай Парчъ.

Что-жь, если надо... я... забормоталъ Митя и, сѣвъ на ъ, началъ снимать носки. Ему было нестерпимо конфузно: бты, а онъ раздѣтъ и, странно это,—раздѣтый, онъ какъ-мъ почувствовалъ себя предъ ними виноватымъ, и, главное, ылъ почти согласенъ, что дѣйствительно вдругъ сталъ ихъ ниже и что теперь они уже имѣютъ полное право зирать. «Если всѣ раздѣты, такъ не стыдно, а одинъ

раздѣтъ, а всё смотрятъ — позоръ!» мелькало ему въ умѣ! «Точно во снѣ, я во снѣ иногда такіе вещи собою видывалъ». Но снять носки ему было даже хуже, они были очень не чисты, да и нижнее бѣлье тоже, и это всё увидали. А, главное, онъ самъ не любилъ, онъ почему-то всю жизнь находилъ свои большіе пальцы на ногахъ уродливыми, особенно одинъ грубый, плоскій, загнувшійся внизъ палецъ на правой ногѣ, и вотъ тамъ они увидятъ. Отъ нестерпимаго стыда онъ вдругъ сталъ болѣе и уже нарочно грубъ. Онъ самъ сорвалъ съ себя р

— Не хотите-ли и еще гдѣ поискать, если вамъ не

— Нѣтъ-съ, пока не надо.

— Что-жь, мнѣ такъ и оставаться голымъ? свирѣло бавилъ онъ.

— Да, это пока необходимо... Потрудитесь пока здѣсь сѣсть, можете взять съ кровати одѣяло и завернуться, это все улажу.

Всѣ вещи показали понятнымъ, составили актъ ослѣдствій, наконецъ, Николай Парѣеновичъ вышелъ, а платье вынулъ. Ипполитъ Кирилловичъ тоже вышелъ. Остались съ одними мужики и стояли молча, не спуская съ него глазъ. Онъ завернулся въ одѣяло, ему стало холодно. Голыя ноги его наружу и онъ все никакъ не могъ такъ напаялить на нихъ, чтобъ ихъ закрыть. Николай Парѣеновичъ что-то долго вращался, «истязательно долго», «за щенка меня почти скрежеталъ зубами Митя. «Эта дрянь прокуроръ тоже вѣрно изъ презрѣнія, гадко стало смотрѣть на голаго всетаки полагаю, что платье его тамъ гдѣ-то осмотрятъ несутъ обратно. Но каково-же было его негодованіе, когда Парѣеновичъ вдругъ воротился совсѣмъ съ другимъ платьемъ, которое несъ за нимъ мужикъ.

— Ну, вотъ вамъ и платье, развязно проговорилъ онъ, довольному, очень довольному успѣхомъ своего хожденія. Это голый Калгановъ жертвуетъ на сей любопытный случай, равно чистую вамъ рубашку. Съ нимъ все это, къ счастью, какъ разъ залось въ чемоданъ. Нижнее бѣлье и носки можете сохранить Митя страшно вскипѣлъ:

— Не хочу чужаго платья! грозно закричалъ онъ, вайте мое!

— Невозможно.

— Давайте мое, къ чорту Калганова, и его платье, и его

го долго уговаривали. Кое-какъ, однако, успокоили. Ему или, что платье его, какъ запачканное кровью, должно ивнуть къ собранію вещественныхъ доказательствъ», оста- же его на немъ они теперь «не имѣютъ даже и права... въ то того, чѣмъ можетъ окончиться дѣло». Митя кое-какъ, ецъ, это понялъ. Онъ мрачно замолчалъ и сталъ, однако, ться. Замѣтилъ только, надѣвая платье, что оно богаче его го платья и что онъ-бы не хотѣлъ «пользоваться». Кромѣ «унизительно узко. Шута, что-ли, я горохового долженъ емъ розыгрывать... къ вашему наслажденію?»

му опять внушили, что онъ и тутъ преувеличиваетъ, что динъ Калгановъ, хотя и выше его ростомъ, но лишь немного, вѣ только вотъ панталоны выйдутъ длинноваты. Но сюр- оказался дѣйствительно узокъ въ плечахъ.

— Чортъ возьми, и застегнуться трудно, заворчалъ снова, —сдѣлайте одолженіе, извольте отъ меня сей-же часъ пе- ть господину Калганову, что не я просилъ у него его платья,) меня самого перерядили въ шута.

— Онъ это очень хорошо понимаетъ и сожалѣетъ... то есть платье своемъ сожалѣетъ, а собственно обо всемъ этомъ тѣ, промямлилъ было Николай Парѣновичъ.

— Наплевать на его сожалѣніе! Ну, куда теперь? Или все ь сидѣть?

Эго попросили выйти опять въ «ту комнату». Митя вышелъ ый отъ злобы и стараясь ни на кого не глядѣть. Въ чужомъ ьѣ онъ чувствовалъ себя совсѣмъ опозореннымъ, даже предъ и мужиками и Трифономъ Борисовичемъ, лицо котораго гь зачѣмъ-то мелькнуло въ дверяхъ и исчезло: «На ряже- взглянуть приходилъ», подумалъ Митя. Онъ усѣлся на мѣ прежнемъ стулѣ. Мерещилось ему что-то кошмарное и шое, казалось ему, что онъ не въ своемъ умѣ.

— Ну, что-жь теперь, пороть розгами, что-ли, меня нач- , вѣдь больше-то ничего не осталось, заскрежеталъ онъ, щаясь къ прокурору. Къ Николаю Парѣновичу онъ и по- уться уже не хотѣлъ, какъ-бы и говорить съ нимъ не удо- вая. «Слишкомъ ужъ пристально мои носки осматривалъ, да велѣлъ, подлецъ, выворотить, это онъ нарочно, чтобы вы- ить всѣмъ, какое у меня грязное бѣлье.

— Да вотъ придется теперь перейти къ вопросу свидѣте- произнесъ Николай Парѣновичъ, какъ-бы въ отвѣтъ на ось Дмитрія Федоровича.

— Да съ, вдумчиво проговорилъ прокуроръ, томе къ что-то соображая.

— Мы, Дмитрій Федоровичъ, сдѣлали что могли въ вашихъ интересахъ, продолжалъ Николай Парсеновичъ, — но, болѣе столь радикальный съ вашей стороны отказъ разъяснить на счетъ происхожденія находившейся при васъ суммы, къ давнюю минуту...

— Это изъ чего у васъ перстень? перобилъ вдругъ Николай Парсеновичъ, какъ-бы выходя изъ какой-то задумчивости и указывая перцемъ на одинъ изъ трехъ большихъ перстней, украшавшихъ правую руку Николая Парсеновича.

— Перстень? переспросилъ съ удивленіемъ Николай Парсеновичъ.

— Да, вотъ этотъ... вотъ на среднемъ пальцѣ, съ камнемъ, какой это камень? какъ-то раздражительно, словно къ нѣкому ребенку, настаивалъ Митя.

— Это дымчатый топазъ, — улыбнулся Николай Парсеновичъ, — хотите посмотреть, я сниму...

— Нѣтъ, нѣтъ, не снимайте! свирѣпо крикнулъ Митя, опомнившись и озлившись на себя самого, — не снимайте надо... Чортъ... Господа, вы огадили мою душу! Неужели думаете, что я сталъ-бы скрывать отъ васъ, если-бы въ сандѣлѣ убилъ отца, видя, лгать и прятаться! Нѣтъ, не я Дмитрій Карамазовъ, онъ-бы этого не вынесъ, и если-бы я виновенъ, клянусь, не ждалъ-бы вашего сюда прибытія въ скода солнца, какъ намѣревался сначала, а истребилъ-бы еще прежде, еще не дожидаясь разсвѣта! Я чувствую теперь по себѣ. Я въ двадцать лѣтъ жизни не научился-бы скрывать кому, сколько узналъ въ эту проклятую ночь!.. И такъ-ли таковъ-ли былъ-бы я въ эту ночь, и въ эту минуту тогда сидя съ вами, — такъ-ли-бы я говорилъ, такъ-ли думалъ, такъ-ли-бы смотрѣлъ на васъ и на міръ, если-бы въ сандѣлѣ былъ отцеубійцей, когда даже нечаянное это убійство горя не давало мнѣ покоя всю ночь, — не отъ страха, о! не отъ одного только страха вашего наказанія! Позоръ! И вы хотите, чтобъ я такимъ насмѣшникамъ какъ вы, ничего не видя и ничему не вѣряющимъ, слѣпымъ кротамъ и насмѣшникамъ, открывать и рассказывать еще новую подлость мою, еще позоръ, хотя-бы это и спасло меня отъ вашего обаянія! Да лучше въ каторгу! Тотъ, который отперъ къ отцу дверь, вошелъ этою дверью, тотъ и убилъ его, тотъ и обокралъ

въ бреду, въ крови, отъ раны, ему нестерпимось, когда очнулся. Вотъ онъ и бредитъ.

— Да-съ, но вѣдь заикнулъ онъ открытую дверь не очнувшись отъ раны, а еще прежде того, когда только онъ сидѣлъ въ садѣ изъ флигеля.

— Да неправда-же, неправда, это не можетъ быть! Это со злобы на меня клевететь... Онъ не могъ видѣть... Я же бѣжалъ изъ двора, задыхался Митя.

Прокуроръ повернулся къ Николаю Паресникову и мучительно проговорилъ ему:

— Предъявите.

— Знакомъ вамъ этотъ предметъ? вылезаетъ вдругъ Николай Паресниковъ на столъ большой, изъ толстой бумаги, изъ лирскаго размѣра конвертъ, на которомъ виднѣлись еще сохранившися печати. Самый-же конвертъ былъ пустъ и одного бока разорванъ. Митя выпучилъ на него глаза.

— Это... это отцовскій, стало быть, конвертъ, проборавъ онъ, — тотъ самый, въ которомъ лежали эти три тысячи... если надпись, позвольте: «Цыленочку»... вотъ: три тысячи вскричалъ онъ, — три тысячи, видите?

— Какже-съ, видимъ, но мы денегъ уже въ немъ не нашли, онъ былъ пустой и валялся на полу, у кровати за ширмами. Нѣсколько секундъ Митя стоялъ какъ ошеложенный.

— Господа, это Смердяковъ! закричалъ онъ вдругъ изъ слезъ, — это онъ убилъ, онъ ограбилъ! Только онъ одинъ зналъ, гдѣ спрятанъ у старика конвертъ... Это онъ, теперь!

— Но вѣдь я вы же знали про конвертъ и о томъ, что лежитъ подъ подушкой.

— Никогда не зналъ; я и не видѣлъ никогда его вовсе, первый разъ теперь вижу, а прежде только отъ Смердякова слышалъ... Онъ одинъ зналъ, гдѣ у старика спрятано, а я не зналъ... совсѣмъ задыхался Митя.

— И, однако-же, вы сами показали намъ давеча, что конвертъ лежалъ у покойнаго родителя подъ подушкой. Вы именно сказали, что подъ подушкой, стало быть, знали-же, гдѣ лежалъ.

— Мы такъ и записали! подтвердилъ Николай Паресниковъ.

— Вздоръ, нелѣпость! Я совсѣмъ не зналъ, что подъ подушкой. Да, можетъ быть, вовсе и не подъ подушкой... Я нарочно сказалъ, что подъ подушкой... Что Смердяковъ говоритъ? Вы спрашивали, гдѣ лежалъ? Что Смердяковъ говоритъ? Это клевета! А я нарочно нагналъ на себя... Я вамъ совралъ, но душой

жалъ подъ подушкой, а вы теперь... Ну, знаете, сорвется съ
шка и соврешь. А зналъ одинъ Смердяковъ, только одинъ Смер-
ковъ и никто больше!.. Онъ и мнѣ не открылъ, гдѣ лежитъ! Но
онъ, это онъ; это несомнѣнно онъ убилъ, это мнѣ теперь
ю какъ свѣтъ, восклицалъ все болѣе и болѣе въ изступленія
я, безсвязно повторяясь, горячась и ожесточаясь.—Поймите
это и арестуйте его скорѣе, скорѣй... Онъ именно убилъ, когда я
жалъ и когда Григорій лежалъ безъ чувствъ, это теперь ясно...
подалъ знаки отецъ ему отперъ... Потому что только онъ одинъ
налъ знаки, а безъ знаковъ отецъ-бы никому не отперъ...
— Но опять вы забываете то обстоятельство, все также сдер-
жно, но какъ-бы уже торжествуя, замѣтилъ прокуроръ,—что
вовъ и подавать было не надо, если дверь уже стояла отпертою,
при васъ, еще, когда вы находились въ саду...

— Дверь, дверь, бормоталъ Митя и безмолвно уставился на
курора: онъ въ безсиліи опустился опять на стулъ. Всѣ за-
чали.

— Да, дверь!.. Это фантомъ! Богъ противъ меня! воскликнулъ
совсѣмъ уже безъ мысли глядя предъ собою.

— Вотъ видите, важно проговорилъ прокуроръ,—и посудите
сами, Дмитрій Ѳедоровичъ: съ одной стороны это показаніе
отворенной двери, изъ которой вы выбѣжали, подавляющее
и насъ: съ другой стороны—непонятное, упорное и почти
сточенное умолчаніе ваше на счетъ происхожденія денегъ,
появившихся въ вашихъ рукахъ, тогда какъ еще за три
до этой суммы вы, по собственному показанію, заложили пи-
еты ваши, чтобы получить только десять рублей! Въ виду
этого рѣшите сами: чему-же намъ вѣрить и на чемъ остано-
ся? И не претендуйте на насъ, что мы «холодные циники и
вѣшливые люди», которые не въ состояніи вѣрить благород-
къ порывамъ вашей души... Вникните, напротивъ, и въ наше
уженіе...

Митя былъ въ невообразимомъ волненіи, онъ пооблѣднѣлъ.

— Хорошо! воскликнулъ онъ вдругъ,—я открою вамъ мою
ну, открою, откуда взялъ деньги!.. Открою позоръ, чтобы не
ить потомъ ни васъ, ни себя.

— И повѣрьте, Дмитрій Ѳедоровичъ, какимъ-то умиленно ра-
нымъ голоскомъ подхватилъ Николай Парѣеновичъ, — что
все искреннее и полное сознаніе ваше, сдѣланное именно въ
шнюю минуту, можетъ въ послѣдствіи повліять къ безмѣр-
облегченію участи вашей и даже, кромѣ того...

Но прокуроръ слегка толкнулъ его въ сторону, успѣвъ во-время остановиться. Митя, правда, это и не слышалъ.

VII.

Великая тайна Мити. ~~Обвинитель~~

— Господа, началъ онъ все въ томъ-же разговорѣ, деньги... я хочу признаться вполнѣ... эти деньги были

У прокурора и слѣдователя даже лица вытянулись, но совсѣмъ они ожидали.

— Какъ-же ваши, пролепеталъ Николай Николаевичъ тогда какъ еще въ пять часовъ дня, по собственному призыву вашему...

— Э, къ чорту пять часовъ того дня и собственное мое, не въ томъ теперь дѣло! Эти деньги были мои, мои, и краденныя мои... не мои, то есть, а краденныя, мною украденныя ихъ было полторы тысячи, и онѣ были со мной, все время со мной.

— Да откуда-же вы ихъ взяли?

— Съ шее, господа, взялъ, съ шее, вотъ съ этой самой шее... здѣсь онѣ были, у меня на шеѣ, защиты въ тряпку сѣли на шеѣ, уже давно, уже мѣсяць, какъ я ихъ на шеѣ съ собой и съ позоромъ носилъ!

— Но у кого-же вы ихъ... присвоили?

— Вы хотѣли сказать: «украли?» Говорите теперь прямо. Да, я считаю, что я ихъ все равно что укралъ, а считайте, дѣйствительно «присвоилъ». Но, по моему, укралъ. А! вечеромъ, такъ ужь совсѣмъ укралъ.

— Вчера вечеромъ? Но вы сейчасъ сказали, что ужь и какъ ихъ... достали!

— Да, но не у отца, не у отца, не безпокойтесь, не у отца укралъ, а у ней. Дайте рассказать и не перебивайте. Это въ жалю. Видите: мѣсяць назадъ призываетъ меня Катерина Ивановна Верховцева, бывшая невѣста моя... Знаете вы ее?

— Какже-съ, помните.

— Знаю, что знаете. Благороднѣйшая душа, благороднѣйшая изъ благородныхъ, но меня ненавидѣвшая давно уже, и давно... и заслуженно, заслуженно ненавидѣвшая!

— Катерина Ивановна? съ удивленіемъ переспросилъ прокуроръ. Прокуроръ тоже ужасно уставился.

— О, не произносите имени ея всуе! Я подлецъ что ее вы-
да. Да, я видѣлъ, что она меня ненавидѣла... давно съ са-
перваго раза, съ самаго того у меня на квартирѣ еще тамъ...
овольно, довольно, это вы даже и знать недостойны, это
до вовсе... А надо лишь то, что она призвала меня мѣсяцъ на-
выдала мнѣ три тысячи, чтобъ отослать своей сестрѣ и
одной родственницѣ въ Москву (и какъ будто сама не могла
тъ!), а я... это было именно въ тотъ роковой часъ моей
и когда я... ну, однимъ словомъ, когда я только что по-
лъ другую, ее, теперешнюю, вонъ она у васъ теперь тамъ
сидитъ, Грушеньку... я схватилъ ее тогда сюда въ Мокрое
кутилъ здѣсь въ два дня половину этихъ проклятыхъ трехъ
тъ, то есть полторы тысячи, а другую половину удержалъ
бѣ. Ну, вотъ эти полторы тысячи, которыя я удержалъ,
осилъ съ собой на шеѣ, вмѣсто ладонки, а вчера распе-
тъ и прокутилъ. Сдача въ восемьсотъ рублей у васъ те-
въ рукахъ, Николай Парѣновичъ, это сдача со вчераш-
полутора тысячъ.

— Позвольте, какъ-же это, вѣдь вы прокутили тогда здѣсь,
тъ назадъ, три тысячи, а не полторы, всѣ это знаютъ?

— Кто-жъ это знаетъ? Кто считалъ? Кому я давалъ считать?

— Помилуйте, да вы сами говорили всѣмъ, что прокутили
ровно три тысячи.

— Правда, говорилъ, всему городу говорилъ и весь городъ
илъ, и всѣ такъ считали, и здѣсь, въ Мокромъ, также всѣ
ли, что три тысячи. Только всетаки я прокутилъ не три,
кторы тысячи, а другія полторы зашилъ въ ладонку; вотъ
дѣло было, господа, вотъ откуда эти вчерашнія деньги...

— Это почти чудесно... пролепеталъ Николай Парѣновичъ.

— Позвольте спросить, проговорилъ, наконецъ, прокуроръ, —
бъявили-ли вы хоть кому-нибудь объ этомъ обстоятельстве
де... то есть, что полторы эти тысячи оставили тогда-же,
тъ назадъ, при себѣ?

— Никому не говорилъ.

— Это странно. Неужели такъ-таки совсѣмъ никому?

— Совсѣмъ никому. Никому и никому.

— Но почему-же такое умолчаніе? Что побудило васъ сдѣ-
изъ этого такой секретъ! Я объяснюсь точнѣе: вы объявили
, наконецъ, вашу тайну, по словамъ вашимъ, столь «позор-
, хотя въ сущности—то есть, конечно, лишь относительно
я—этотъ поступокъ, то есть именно присвоеніе чужихъ

трехъ тысячъ рублей, и, безъ сомнѣнiя, лишь временно, пока этотъ, на мой взглядъ, по крайней мѣрѣ, еще въ высшей степени поступокъ легкомысленный, но не зазорный, принимая, кромѣ того, во вниманiе и вантъ... Ну, положимъ, даже и зазорный, въ высшей степени, я согласенъ, но зазорный—все-же не позорный... То именно собственно къ тому, что про растраченные вами эти три отъ госпожи Верховцевой, уже многiе догадывались въ мѣсяцъ и безъ вашего признанiя, я слышалъ эту легенду Михаилъ Макаровичъ, на примѣръ, тоже слышалъ. Такъ и наконецъ, это почти уже не легенда, а слухи всего: горъ тому-же есть слѣды, что и вы сами, если не ошибаетесь, признавались въ этомъ, то есть именно что деньги эти отъ госпожи Верховцевой... А потому и удивляетъ меня слухи вы придавали до сихъ поръ, то есть до самой настоящей такую необычайную тайну этимъ отложеннымъ, по вашимъ, полутора тысячамъ, сопрягая съ вашею тайною какой-то даже ужасъ... Невѣроятно, чтобы подобная тайна стоить вамъ столькихъ мученiй къ признанiю... потому кричали сейчасъ даже, что лучше на каторгу, чѣмъ призна-

Прокуроръ замолкъ. Онъ разгорячился. Онъ не съ своей досады, почти злобы, и выложилъ все накопившееся даже не заботясь о красотѣ слога, то есть безсвязно и сбивчиво.

— Не въ полутора тысячахъ заключался позоръ, а въ томъ, что эти полторы тысячи я отдѣлилъ отъ тѣхъ трехъ тысячъ твердо произнесъ Митя.

— Но что-же, раздражительно усмѣхнулся прокуроръ именно въ томъ позорнаго, что уже отъ взятыхъ зазорныхъ если сами желаете, то и позорно. трехъ тысячъ вы отделили по половине по своему усмотрѣнiю? Важнѣе то, что вы три тысячи присвоили, а не то какъ съ ними распорядились. Кстати вы именно такъ распорядились, то есть отдѣлили эту сумму для чего, для какой цѣли такъ сдѣлали, можете это объяснить!

— О, господа, да въ цѣли-то и вся сила, воскликнулъ онъ, отдѣлилъ по подлости, то есть по расчету, ибо расчетъ въ этомъ случаѣ и есть подлость... И цѣлый мѣсяцъ продолжался эта подлость!

— Непонятно.

— Удивляюсь вамъ. А, впрочемъ, объяснюсь еще, и

но, можетъ быть, непонятно. Видите, слѣдите за мной: Я вояю три тысячи, ввѣренныя моей чести, вучу на нихъ, пролъ всѣ, на утро являюсь къ ней и говорю: «Катя, виноватъ, прокутилъ твои три тысячи», — ну что, хорошо? Нѣтъ, не шо, — безчестно и малодушно, звѣрь и до звѣрства не умѣю-сдержатъ себя человекъ, такъ-ли, такъ-ли? Но все-же не? Не прямой-же вѣдь воръ, не прямой, согласитесь! Прокучу, но не укралъ! Теперь второй, еще выгоднѣйшій случай; ите за мной, а то я, пожалуй, опять собьюсь — какъ-то голова лтса, — итакъ, второй случай: прокучиваю я здѣсь только юры тысячи изъ трехъ, то есть половину. На другой день ожу къ ней и приношу эту половину: «Катя, возьми отъ мерзавца и легкомысленнаго подлеца, эту половину, потому половину я прокутилъ, прокучу, стало быть, и эту, такъ отъ грѣха долой!» Ну, какъ въ такомъ случаѣ? Все что ю, и звѣрь и подлець, но уже не воръ, не воръ окончаю, ибо, если-бъ воръ, то навѣрно бы не принесъ назадъ ину сдачи, а присвоилъ-бы и ее. Тутъ-же она видитъ, что скоро принесъ половину, то донесетъ и остальные, то есть ученныя, всю жизнь искать будетъ, работать будетъ, но итъ и отдастъ. Такимъ образомъ, подлець, но не воръ, не, какъ хотите, не воръ!

— Положимъ, что есть нѣкоторая разница, холодно усмѣх-я прокуроръ. — Но странно всетаки, что вы видите въ этомъ ю роковую уже разницу.

— Да, вижу такую роковую разницу! Подлецомъ можетъ всякій, да и есть, пожалуй, всякій, но воромъ можетъ быть сякій, а только архиподлець. Ну, да я тамъ этимъ тонко-ь не умѣю... А только воръ подлѣе подлеца, вотъ мое убѣж-. Слушайте: я ношу деньги цѣлый мѣсяць на себѣ, завтра-могу рѣшиться ихъ отдать, и я уже не подлець, но рѣ-ся-то я не могу, вотъ что, хотя и каждый день рѣшаюсь, и каждый день толкаю себя: «рѣшись, рѣшись подлець», гъ весь мѣсяць не могу рѣшиться, вотъ что! Что, хорошо шему, хорошо?

— Положимъ, не такъ хорошо, это я отлично могу понять этомъ я не спорю, сдержанно отвѣтилъ прокуроръ. — Да и де отложимъ всякое препирание объ этихъ тонкостяхъ и чіяхъ, а вотъ опять-таки если-бы вамъ угодно было пе-бъ дѣлу. А дѣло именно въ томъ, что вы еще не изво-намъ объяснить, хотя мы и спрашивали: для чего перво-

начально сдѣлали такое раздѣленіе въ этихъ трехъ тысячахъ: есть одну половину прокутили, а другую припрятали? Для чего собственно припрятали, на что хотѣли собственно отдѣльныя полторы тысячи употребить? Я на этомъ настаиваю, Дмитрій Федоровичъ.

— Ахъ, да и въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ Митя, ударивъ по лбу, — простите, я васъ мучаю, а главнаго и не знаю, а то-бы вы въ мигъ поняли, ибо въ цѣли-то, въ цѣли-и позоры! Видите, тутъ все этотъ старикъ, покойникъ, онъ Аграфену Александровну смущалъ, а я равновалъ, думалъ: что она колеблется между мною и имъ: вотъ и думаю и доню: что если вдругъ съ ея стороны рѣшеніе, что она устанетъ меня мучить, и вдругъ скажетъ мнѣ: «тебя ли не сто, увози меня на край свѣта». А у меня всего два дворянскихъ; съ чѣмъ увезешь, что тогда дѣлать, — вотъ и кричу. Я вѣдь ее тогда не зналъ и не понималъ, я думалъ, что негъ надо и что нищеты моей она мнѣ не проститъ. И я ехидно отсчитываю половину отъ трехъ тысячъ и зашиваю хладнокровно, зашиваю съ расчетомъ, еще до пьянства ваю, а потомъ, какъ ужъ зашилъ, на остальную половину пьянствовать! Нѣтъ-съ, это подлость! Поняли теперь?

Прокуроръ громко разсмѣялся, слѣдователь тоже.

— По моему, даже благоразумно и нравственно, что ушли и не всё прокутили, прохихикалъ Николай Парѣновъ потому что, что-же тутъ такого-съ?

— Да то, что укралъ, вотъ что! О, Боже, вы меня ужъ непониманіемъ! Все время пока я носилъ эти полторы тысячи зашитыя на груди, я каждый день и каждый часъ говорилъ себѣ: «ты воръ, ты воръ!» Да я оттого и свирѣпствовалъ въ мѣсяцъ, оттого и дрался въ трактирѣ, оттого и отца избилъ, чувствовалъ себя воромъ! Я даже Алешѣ, брату моему, шепталъ и не посмѣлъ открыть про эти полторы тысячи: думалъ, что подлець и мазурикъ! Но знайте, что я носилъ, я въ тоже время каждый день и каждый часъ и говорилъ себѣ: «Нѣтъ, Дмитрій Федоровичъ, ты, можетъ быть и не воръ». Почему? А именно потому, что ты можешь пойти и отдать эти полторы тысячи Катѣ. И вотъ вчера я рѣшился сорвать мою ладонку съ шеи, идя отъ Фени къ хотину, а до той минуты не рѣшался, и только что сорвалъ ту же минуту сталъ уже окончательный и безспорный воръ и безчестный человѣкъ на всю жизнь. Почему? Потому что

ладонкой и мечту мою пойдти къ Катѣ и сказать: «Я под-
лъ, а не воръ» разорвалъ! Понимаете теперь, понимаете?

— Почему-же вы именно вчера вечеромъ на это рѣшились?
Развалъ было Николай Пареевичъ.

— Почему? Смѣшно спрашивать: потому что осудилъ себя
смерть, въ пять часовъ утра, здѣсь, на разсвѣтѣ: «Вѣдь все
но, подумалъ, умирать подлецомъ или благороднымъ!» Такъ
нѣтъ-же, не все равно оказалось! Вѣрите-ли, господа, не
не то меня мучило больше всего въ эту ночь, что я старика-
гу убилъ, и что грозила Сибирь, и еще когда? когда увѣнча-
лъ любовь моя и небо открылось мнѣ снова! О, это мучило,
не такъ; все-же не такъ, какъ это проклятое сознание, что я
валъ, наконецъ, съ груди эти проклятыя деньги и ихъ рас-
плъ, а, стало быть, теперь уже воръ окончательный! О,
юда, повторяю вамъ съ кровью сердца: много я узналъ въ
ночь! Узналъ я, что не только жить подлецомъ невозможно,
и умирать подлецомъ невозможно... Нѣтъ, господа, умирать
честно!..

Митя былъ блѣденъ. Лицо его имѣло изможденный и изму-
тый видъ, не смотря на то, что онъ былъ до крайности
оряченъ.

— Я начинаю васъ понимать, Дмитрій Федоровичъ, мягко
уже какъ-бы сострадательно протянулъ прокуроръ,—но все
воля ваша, по моему, лишь нервы... болѣзненные нервы
ш, вотъ что-съ. И почему-бы, на примѣръ, вамъ, чтобъ изба-
ь себя отъ столькихъ мукъ, почти цѣлаго мѣсяца, не пойдти
в отдать эти полторы тысячи, той особѣ, которая вамъ ихъ
брила, и, уже объяснившись съ нею, почему-бы вамъ, въ
у вашего тогдашняго положенія, столь ужаснаго, какъ вы
рисуете, не испробовать комбинацію, столь естественно пред-
вляющуюся уму, то есть послѣ благороднаго признанія ей
вашихъ ошибокъ, почему-бы вамъ у ней-же и не попро-
ь потребную на ваши расходы сумму, въ которой она, при
вкодушномъ сердцѣ своемъ и видя ваше разстройство, ужь
очно-бы, вамъ не отказала, особенно, если-бы подѣ доку-
тъ, или, наконецъ, хотя-бы подѣ такое-же обезпеченіе, ко-
ве вы предлагали купцу Самсонову и госпожѣ Хохлаковой?
ь считаете-же вы даже до сихъ поръ это обезпеченіе цѣн-
гъ?

Митя вдругъ покраснѣлъ:

— Неужто-же вы меня считаете даже до такой ужь сте-

они подпадаютъ? Не можетъ быть, чтобы вы со мной серьезно говорили охъ съ негодованіемъ, смотря къ вамъ проку какъ-бы не въира, что отъ него слышалъ.

— Увѣряю васъ, что серьезно... Почему вы думаете серьезно? удивился въ свою очередь и прокуроръ.

— О, какъ это было-бы подло! Господа, знаете-ли вы меня мучаете! Извольте, я вамъ все скажу, такъ въ вамъ теперь уже во всей моей inferнальности признаю чтобы васъ-же устыдить, и вы сами удивитесь, до какой дести можетъ дойти комбинація чувствъ чокоческихъ. те-же, что я уже имѣлъ эту комбинацію самъ, вотъ эту-е про которую вы сейчасъ говорили, прокуроръ! Да, господа, у меня была эта мысль, въ этотъ проклятый мѣсяцъ, такъ почти уже рѣшался идти къ Катѣ, до того былъ подлы! И къ ней, объявить ей мою измѣну, и на эту-же измѣну исполненія-же этой измѣны, для предстоящихъ расходовъ! измѣну, у ней-же, у Катя-же, просить денегъ (просить, сами просить!) и тотчасъ отъ нея-же убѣжать съ другою, съ перницей, съ ея ненавистницей и обидчицей,—помилуйте, съума сошли, прокуроры!

— Съ ума не съ ума, но, конечно, я сгоряча не сообра на счетъ этой самой вотъ женской ревности... если тутъ, ствительно, могла быть ревность, какъ вы утверждаете... жалуй, тутъ есть нѣчто въ этомъ родѣ, усмѣхнулся прок!

— Но это была-бы ужъ такая мерзость, свирѣпо уи Митя кудакомъ по столу, — это такъ-бы воняло, что уж не знаю! Да знаете-ли вы, что она могла-бы мнѣ дать деньги, да и дала-бы, навѣрно дала-бы, изъ отщепенія и ла-бы, изъ наслажденія мщеніемъ, изъ презрѣнія ко мнѣ бы, потому что это тоже inferнальная душа и великаго женщина! Я-то-бы деньги взялъ, о, взялъ-бы, взялъ, и всю жизнь... о, Боже! Простите, господа, я потому такъ что у меня была эта мысль еще такъ недавно, еще всего третьяго дня, именно когда я ночью съ Лягавымъ возм потомъ вчера, да и вчера, весь день вчера, я помню и самого этого случая...

— До какого случая? ввернулъ было Николай Парес съ любопытствомъ, но Митя не слышалъ.

— Я сдѣлалъ вамъ страшное признаніе, мрачно закл онъ.—Оцѣните-же его, господа. Да мало того, мало он не оцѣните, а цѣните его, а если нѣтъ, если и это пр

во вашихъ душъ: то тогда уже вы прямо не уважаете меня, тогда, вотъ что я вамъ говорю, и я умру отъ стыда, что при-
мся такимъ, какъ вы! О, я застрѣлюсь! Да, я уже вижу, вижу,
и вы мнѣ не вѣрите! Какъ, такъ вы и это хотите записывать?
кричалъ онъ уже въ испугѣ.

— Да вотъ что вы сейчасъ сказали, въ удивленіи смотрѣлъ
него Николай Пареневичъ, — то есть, что вы до самаго послѣд-
го часа все еще располагали идти къ госпожѣ Верховцевой про-
сить у нея эту сумму... Увѣряю васъ, что это очень важное для
васъ показаніе, Дмитрій Ѳедоровичъ, то есть про весь этотъ
случай... и особенно для васъ, особенно для васъ важное.

— Помилосердуйте, господа, всплеснулъ руками Митя, —
отъ этого-то не пишите, постыдитесь! Вѣдь я, такъ сказать,
пу мою разорвалъ пополамъ предъ вами, а вы воспользовались
моими пальцами по разорванному мѣсту въ обѣихъ полови-
нахъ... О, Боже!

Онъ закрылся въ отчаяніи руками.

— Не безпокойтесь такъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, заключилъ
судуроръ, — все теперь записанное вы потомъ прослушаете сами
и съ чѣмъ не согласитесь, мы по вашимъ словамъ измѣнимъ, а
теперь я вамъ одинъ вопросикъ еще въ третій разъ повторю:
кто въ самомъ дѣлѣ никто, такъ таки вовсе никто, не слышалъ
отъ васъ объ этихъ зашитыхъ вами въ ладонку деньгахъ? Это,
вамъ скажу, почти невозможно представить.

— Никто, никто, я сказалъ, иначе вы ничего не поняли!
Схватите меня въ покоѣ.

— Извольте-съ, это дѣло должно объясниться и еще много
тому времени впереди, но пока разсудите: у насъ, можетъ
быть, десятки свидѣтельствъ о томъ, что вы именно сами распро-
давали, и даже кричали вездѣ о трехъ тысячахъ, потраченныхъ
денегъ, о трехъ, а не о полутора, да и теперь, при появленіи вче-
решнихъ денегъ, тоже многимъ успѣли дать знать, что денегъ
привезли съ собою три тысячи...

— Не десятки, а сотни свидѣтельствъ у васъ въ рукахъ, двѣ
сотни свидѣтельствъ, двѣ сотни челоуѣкъ слышали, тысяча слы-
шала! воскликнулъ Митя.

— Ну, вотъ видите-съ, всѣ, всѣ свидѣлствуютъ. Такъ вѣдь
считъ-же что-нибудь слово *всѣ*.

— Ничего не значитъ, я совралъ, а за мной и всѣ стали врать.

— Да зачѣмъ-же вамъ-то такъ надо было «врать». какъ вы
объясняетесь?

— А чортъ знаетъ. Изъ похвальбы, можетъ быть, что вотъ такъ много денегъ прокутилъ... Изъ того, можетъ объ этихъ зашитыхъ деньгахъ забыть... да, это именно чортъ... который разъ вы задаете этотъ вопросъ? Ну, съ кончено, разъ совралъ и не хотѣлъ ужь переправить чего иной разъ вретъ человѣкъ?

— Это очень трудно рѣшить, Дмитрій Ѳедоровичъ, чего вретъ человѣкъ, внушительно проговорилъ проку. Скажите, однако, велика-ли была эта, какъ вы назвали ладонка, на вашей шеѣ.

— Нѣтъ, не велика.

— А какою, напримѣръ, величины?

— Бумажку сторублевую пополамъ сложить, вотъ и я

— А лучше-бы вы намъ показали лоскутки? Вѣдь нибудь при васъ.

— Э, чортъ... какія глупости... я не знаю гдѣ они.

— Но позвольте, однако: гдѣ-же и когда вы ее сшили? Вѣдь вы, какъ сами показываете, домой не заходили.

— А вотъ какъ отъ Ѳени вышелъ и шелъ къ Петру дорогой и сорвалъ съ шеи и вынулъ деньги.

— Въ темнотѣ?

— Для чего тутъ свѣчка? Я это пальцемъ въ одну дырку сдѣлалъ.

— Безъ ножницъ, на улицѣ?

— На площади, кажется; зачѣмъ ножницы? Вѣтъ сейчасъ разодралась.

— Куда-же вы ее потомъ дѣли?

— Тамъ-же и бросилъ.

— Гдѣ именно?

— Да на площади-же, вообще на площади! Чортъ ели гдѣ на площади. Да для чего вамъ это?

— Это чрезвычайно важно, Дмитрій Ѳедоровичъ: вѣрные доказательства въ вашу-же пользу, и какъ это вы не понимаете? Кто-же вамъ помогалъ зашивать мѣсяцъ назадъ?

— Никто не помогалъ, самъ зашилъ.

— Вы умѣете шить?

— Солдатъ долженъ умѣть шить, а тутъ и умѣть кого не надо.

— Гдѣ-же вы взяли матеріалъ, то есть эту ткань, которую зашили?

— Неужто вы не смѣетесь?

— Отнюдь нѣтъ, и намъ вовсе не до смѣха, Дмитрій Ѳе-
эвичъ.

— Не помню, гдѣ взялъ тряпку, гдѣ-нибудь взялъ.

— Какъ-бы, кажется, этого-то ужъ не запомнить.

— Да ей Богу-же не помню, можетъ, что-нибудь разодралъ
въ бѣлья.

— Это очень интересно: въ вашей квартирѣ могла-бы завтра
искаться эта вещь, рубашка, можетъ быть, отъ которой вы отор-
п кусокъ. Изъ чего эта тряпка была, изъ холста, изъ полотна?

— Чортъ ее знаетъ изъ чего. Постойте... Я, кажется, ни
чего не отрывалъ. Она была коленкоровая... Я, кажется,
хозяйкинъ чепчикъ зашилъ.

— Въ хозяйкинъ чепчикъ?

— Да, я у ней уташилъ.

— Какъ это утащили?

— Видите, я дѣйствительно, помнится, какъ-то уташилъ
въ чепчикъ на тряпки, а, можетъ, перо обтирать. Взялъ ти-
ько, потому никуда негодная тряпка, лоскутки у меня валя-
ь, а тутъ эти полторы тысячи, я взялъ и зашилъ... Кажется,
вно, въ эти тряпки зашилъ. Старая коленкоровая дрянъ, ты-
у разъ мытая.

— И вы это твердо помните?

— Не знаю, твердо-ли. Кажется, въ чепчикъ. Ну. да наплевать.

— Въ такомъ случаѣ, ваша хозяйка могла-бы, по крайней
ѣ, припомнить, что у нея пропала эта вещь?

— Во все нѣтъ, она и не хватилась. Старая тряпка, говорю
ь, старая тряпка, гроша не стоитъ.

— А иголку откуда взяли, нитки?

— Я прекращаю, больше не хочу. Довольно! разсердился,
юнецъ, Митя.

— И странно опять таки, что вы такъ совсѣмъ ужъ забыли,
какомъ именно мѣстѣ бросили на площади эту... ладонку.

— Да велите завтра площадь выместъ, можетъ, найдете, усмѣх-
ся Митя.—Довольно, господа, довольно, измученнымъ голо-
ъ порѣшилъ онъ.—Вижу ясно: вы мнѣ не повѣрили! Ни въ
ъ и ни на грошъ. Вина моя, а не ваша, не надо было со-
ься. Зачѣмъ, зачѣмъ я омерзилъ себя признаніемъ въ тайнѣ
я! А вамъ это смѣхъ, я по глазамъ вашимъ вижу. Это вы меня,
куроръ, довели! Пойте себѣ гимнъ, если можете... Будьте вы
кляты, встязатели!

Онъ склонился головой и закрылъ лицо руками. Прокуроръ

къ допросу свидѣтелей. Все это должно произойти не-
но въ вашемъ присутствіи, а потому...

А не выпить-ли сперва чайку? перебилъ Николай Пар-
гъ,—вѣдь ужь, кажется, заслужили!

ѣшили, что если есть готовый чай внизу (въ виду того,
хилъ Макаровичъ навѣрно ушелъ «почаевать») то вы-
стаканчику и затѣмъ «продолжать и продолжать». Настоя-
чай и «закусочку» отложить до болѣе свободнаго часа.
Истинительно нашелся внизу и его въ скорости доставили
къ. Митя сначала отказался отъ стакана, который ему
о предложилъ Николай Парѣеновичъ, но потомъ самъ по-
и выпилъ съ жадностью. Вообще-же имѣлъ какой-то
дивительно измученный видъ. Казалось-бы, при его бога-
хъ силахъ, что могла значить одна ночь кутежа и хотя-
ыхъ сильныхъ при томъ ощущеній? Но онъ самъ чувство-
то едва сидитъ, а по временамъ такъ всѣ предметы на-
какъ-бы ходить и вертѣться у него предъ глазами. «Еще
и, пожалуй, бредить начну», подумалъ онъ про себя.

VIII.

Показаніе свидѣтелей. Дитѣ.

Допросъ свидѣтелей начался. Но мы уже не станемъ про-
нашъ рассказъ въ такой подробности, въ какой вели-
сихъ поръ. А потому и опустимъ о томъ, какъ Николай
овичъ внушалъ каждому призываемому свидѣтелю, что
дженъ показывать по правдѣ и совѣсти и что впослед-
одженъ будетъ повторить это показаніе свое подъ при-
Какъ, наконецъ, отъ каждаго свидѣтеля требовалось, чтобъ
писалъ протоколъ своихъ показаній и проч., и проч. Отмѣ-
ишь одно, что главнѣйшій пунктъ, на который обраща-
е вниманіе допрашивавшихъ, преимущественно былъ все
е самый вопросъ о трехъ тысячахъ, то есть было-ли ихъ
и полторы въ первый разъ, то есть въ первый кутежъ
о Федоровича здѣсь въ Мокромъ, мѣсяцъ назадъ, и было-
три или полторы тысячи вчера, во второй кутежъ Дмитрія
ича. Увы, всѣ свидѣтельства, всѣ до единого, оказались
ь Мити и ни одного въ его пользу, а иные изъ свидѣ-
съ такъ даже внесли новые, почти ошеломляющіе факты

въ опроверженіе показаній его. Первымъ спрошеннымъ былъ Фонъ Борисычъ. Онъ предсталъ предъ допрашивающими въ видѣ страшнаго страха, напротивъ, съ видомъ строгаго и суроваго годованія противъ обвиняемаго и тѣмъ несомнѣнно правды видъ чрезвычайной правдивости и собственнаго достоинства. Ворилъ мало, одержанно, ждалъ вопросовъ, отвѣчалъ въ обдуманно. Твердо и не обвинуясь показалъ, что мѣсяца не могло быть истрчено менѣе трехъ тысячъ, что зря мужики покажутъ, что слышали о трехъ тысячахъ отъ «Митрія Федорыча»: «Однимъ цыганкамъ сколько денегъ бросали. Нѣтъ однимъ небось за тысячу перевалило».

— И пятисотъ, можетъ, не дасть, мрачно замѣтилъ Митя, — вотъ только не считалъ тогда, нѣтъ бытъ, а ж

Митя сидѣлъ на этотъ разъ сбоку, спиной къ замку, слушалъ мрачно, и былъ видъ грустный и усталый, бы говорившій: «Э, показывайте, что хотите, теперь все р

— Больше тысячи пошло на нихъ, Митрій Федоровичъ, опровергъ Трифонъ Борисовичъ, — бросали зря, а онъ под Народо-то вѣдь этотъ воръ и мошенникъ, конокрады они, у ихъ отселева, а то они сами, можетъ, показали-бы скотъ васъ поживались. Самъ я въ рукахъ у васъ тогда видѣлъ, — считать не считалъ, вы мнѣ не давали, это слыво, — а на глазъ, помню, многимъ больше было, чѣмъ по тысячи... Буды полторы! Видывали и мы деньги, могли су.

На счетъ вчерашней-же суммы Трифонъ Борисовичъ приказалъ, что Дмитрій Федоровичъ самъ ему, только что встал лошадей, объявлялъ, что привезъ три тысячи.

— Полно, такъ-ли, Трифонъ Борисычъ, возразилъ Митя, — неужто такъ-таки положительно объявилъ, что три тысячи?

— Говорили, Митрій Федоровичъ. При Андрей говорили. онъ тутъ самъ Андрей, еще не уѣхалъ, призовите его. А та закъ, когда хоръ подчивали, такъ прямо закричали, что три тысячу здѣсь оставляете, — съ прежними, то есть, оно такъ мать надо. Степанъ да Семень слышали, да Петръ Фомичъ! новъ съ вами тогда рядомъ стоялъ, можетъ, и они тотъ помнили...

Показаніе о шестой тысячѣ принято было съ необычнымъ впечатлѣніемъ допрашивающими. Понравилась новая ція: три да три, значитъ, шесть, стало быть, три тысячи тотъ три тысячи теперь, вотъ онъ и все шесть, выходило все

Опросили всѣхъ указанныхъ Трифономъ Борисовичемъ мужи-
къ, Степана и Семена, ямщика Андрея и Петра Ѳомича Калга-
на. Мужики и ямщикъ не обинуясь подтвердили показаніе
Ѳона Бориыча. Кромѣ того особенно записали, со словъ
драя, о разговорѣ его съ Митей дорогой на счетъ того «куда,
зять, я, Дмитрій Ѳедоровичъ, попаду: на небо аль въ адъ, и
устать-ли мнѣ на томъ свѣтѣ аль нѣтъ?» «Психологъ» Иппо-
къ Кирилловичъ выслушалъ все это съ тонкою улыбкой и кон-
къ тѣмъ, что и это показаніе о томъ, куда Дмитрій Ѳедоровичъ
идеть, порекомендовалъ «пріобщить къ дѣлу».

Спрошенный Калгановъ вошелъ нехотя, хмурый, капризный,
разговаривалъ съ прокуроромъ и съ Николаемъ Парѣеновичемъ
къ, какъ-бы въ первый разъ увидѣлъ ихъ въ жизни, тогда
къ былъ давній и ежедневный ихъ знакомый. Онъ началъ съ
къ, что «ничего этого не знаетъ и знать не хочетъ». Но о
той тысячѣ, оказалось, слышалъ, и онъ признался, что въ ту
уту подлѣ стоялъ. На его взглядъ денегъ было у Мити въ
ахъ «не знаю сколько». На счетъ того, что поляки въ каръ
къ передернули, показалъ утвердительно. Объяснилъ тоже, на
горенные разспросы, что по изгнаніи поляковъ дѣйствительно
къ Мити у Аграфены Александровны поправились и что она
къ сказала, что его любитъ. Объ Аграфенѣ Александровнѣ изъ-
кълся сдержанно и почтительно, какъ будто она была самага
шаго общества барыня, и даже ни разу не позволилъ себѣ на-
къ ее «Грушенькой». Не смотря на видимое отвращеніе моло-
къ челдовѣка показывать, Ипполитъ Кирилловичъ разспраши-
къ его долго и лишь отъ него узналъ всѣ подробности того,
составляло, такъ сказать, «романъ» Мити въ эту ночь. Митя
разу не остановилъ Калганова. Наконецъ, юношу отпустили и
къ удалился съ нескрываемымъ негодованіемъ.

Допросили и поляковъ. Они въ своей комнатѣ хоть и легли
къ спать, но во всю ночь не заснули, а съ прибытіемъ властей
къ ворѣи одѣлись и прибрались, сами понимая, что ихъ непремѣн-
къ потребуютъ. Явились они съ достоинствомъ, хотя и не безъ
къ котораго страху. Главный, то есть маленькій панъ, оказался
къ ювникомъ двѣнадцатаго класса въ отставкѣ, служилъ въ Си-
къ ветеринаромъ, по фамиліи-же былъ панъ Муссяловичъ.
къ-же Врублевскій оказался вольнопрактикующимъ дантистомъ,
къ русски зубнымъ врачомъ. Оба они какъ вошли въ комнату,
къ въ тотчасъ-же, не смотря на вопросы Николая Парѣеновича,
къ обращать съ отвѣтами къ стоявшему въ сторонѣ Михаилу

Макаровичу, принимая его, по невѣдѣнію, за главный начальствующее здѣсь лицо и называя его съ каждаго разомъ: «пане пулковнику». И только послѣ нѣсколькихъ разговоровъ и наставленія самого Михаила Макаровича, догадались, что подобно обращаться съ отвѣтами лишь въ Николаю Парѣеновичу. Оказалось, что по русски они умѣли даже весьма и весьма вѣжливо говорить, кромѣ развѣ выговора иныхъ словъ. Объ отношеніяхъ своихъ къ Грушенькѣ, прежнихъ и теперешнихъ, Муссяловичъ сталъ было заявлять горячо и гордо, такъ Митя сразу вышелъ изъ себя и закричалъ, что не позволено «подлецу» при себѣ такъ говорить! Панъ Муссяловичъ тотъ же обратилъ вниманіе на слово «подлецъ» и попросилъ внести въ протоколъ. Митя закипѣлъ отъ ярости.

— И подлецъ, подлецъ! Внесите это, и внесите тоже, что, смотря на протоколъ, я все таки кричу, что подлецъ! прокричалъ.

Николай Парѣеновичъ, хотъ и внесъ въ протоколъ, но явилъ при семъ непріятномъ случаѣ самую похвальную дѣятельность и умѣніе распорядиться: послѣ строгаго внушенія онъ самъ тотчасъ-же прекратилъ всѣ дальнѣйшіе разспросы съ романтической стороны дѣла и поскорѣе перешелъ къ существенному. Въ существенномъ-же явилось одно показаніе пановъ, возбудившее необыкновенное любопытство слѣдователей: это именно о томъ, какъ подкупалъ Митя, въ той конной панна Муссяловича и предлагалъ ему три тысячи отступнаго, тѣмъ что семьсотъ рублей въ руки, а остальные двѣ тысячи триста «завтра-же утромъ въ городъ», причемъ клялся честнымъ словомъ, объявляя, что здѣсь, въ Мокромъ, съ нимъ и нѣтъ ни такихъ денегъ а что деньги въ городъ. Митя замѣтилъ въ горяча, что не говорилъ, что навѣрно отдастъ завтра въ городъ, но панъ Врубевскій подтвердилъ показаніе, да и самъ Митя, подумавъ съ минуту, нахмуренно согласился, что должно быть такъ и было какъ паны говорятъ, что онъ былъ тогда разгоряченъ, а потому дѣйствительно могъ такъ сказать. Куроръ такъ и впили въ показаніе: оказывалось для слѣдственныхъ (какъ и впрямь потомъ вывели) что половина или три тысячи, доставшихся въ руки Митѣ, дѣйствительно не оставались гдѣ-нибудь припрятанною въ городъ, а пожили такъ даже гдѣ-нибудь и тутъ въ Мокромъ, такъ что вышло такимъ образомъ и то щекотливое для слѣдствія обстоятельство, что у Мити нашли въ рукахъ всего только восемьсотъ рублей,—обстоятельство, бывшее до сихъ поръ хотя ед-

жнимъ и довольно ничтожнымъ, но все-же нѣкоторымъ свидѣтельствомъ въ пользу Мити. Теперь-же и это единственное дѣтельство въ его пользу разрушалось. На вопросъ прокурора: гдѣ-же-бы онъ взялъ остальные двѣ тысячи триста, чтобъ дать завтра пану, коли самъ утверждаетъ, что у него было только полторы тысячи, а между тѣмъ завѣрялъ пана своимъ честнымъ словомъ, Митя твердо отвѣтилъ, что хотѣлъ положить «полячишекъ» на завтра не деньги, а формальный актъ на права свои по имѣнію Чермашинъ, тѣ самыя права, которые предлагалъ Самсонову и Хохлаковой. Прокуроръ даже усмѣлся «невинности выверта».

— И вы думаете, что онъ-бы согласился взять эти «права» сто наличныхъ двухъ тысячъ трехсотъ рублей?

— Непремѣнно согласился-бы, горячо отрѣзалъ Митя.— По-смотрите, да тутъ не только двѣ, тутъ четыре, тутъ шесть даже вещь онъ могъ-бы на этомъ тяпнуть! Онъ-бы тотчасъ наикъ своихъ адвокатишекъ, полячковъ да жидковъ, и не то что тысячи, а всю-бы Чермашню отъ старика оттягали.

Разумѣется, показаніе пана Муссяловича внесли въ протоколъ въ самой полной подробности. На томъ пановъ и отпустили. Актъ-же передержки въ картахъ почти и не упомянули; Николай Пареевичъ имъ слишкомъ былъ и безъ того благодаренъ и пустяками не хотѣлъ беспокоить; тѣмъ болѣе, что все пустая ссора въ пьяномъ видѣ за картами и болѣе ничего.

Если было кутежа и безобразій въ ту ночь... Такъ что оставили двѣсти рублей, такъ и остались у пановъ въ карманѣ.

Призвали затѣмъ старичка Максимова. Онъ явился робѣя, пошелъ мелкими шажками, видъ имѣлъ растрепанный и очень стѣнный. Все время онъ ютился тамъ внизу подлѣ Грушеньки, сидѣлъ съ нею молча и «нѣтъ-нѣтъ, да и начнетъ надъ нею шептать, а глаза утираетъ синимъ клѣтчатымъ платочкомъ»,

какъ рассказывалъ потомъ Михайлъ Макаровичъ. Такъ что она и уже унимала и утѣшала его. Старичокъ тотчасъ-же и со слезами признался, что виноватъ, что взялъ у Дмитрія Федорова

взаимы «десять рублей-съ, по моей бѣдности-съ» и что готовъ возратить...

На прямой вопросъ Николая Пареевича: замѣтилъ-ли онъ сколько-же именно денегъ было въ рукахъ Дмитрія Федоровича, такъ какъ онъ ближе всѣхъ могъ видѣть его въ рукахъ деньги когда получалъ отъ него взаимы,—

Максимовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвѣтилъ, что денегъ было «двадцать тысячъ-съ».

— А вы видѣли когда-нибудь двадцать тысячъ гдѣ-нибудь прежде? спросилъ, улыбувшись, Николай Парсеновичъ.

— Какъ-же-съ, видѣлъ-съ, только не двадцать-съ, а сорокъ, когда супруга моя деревеньку мою заехала. Дала мнѣ тысячу задачекъ поглядѣть, похвалилась предо мной. Очень крутые задачки-съ, все радужныя. И у Дмитрія Федоровича были задачки радужныя...

Его скоро отпустили. Наконецъ, дошла очередь и до Грушеньки. Слѣдователи видимо опасались того впечатлѣнія, которое могло произвести ея появленіе на Дмитрія Федоровича. Николай Парсеновичъ пробормоталъ даже нѣсколько словъ въ утѣшеніе, но Митя, въ отвѣтъ ему, молча склонилъ голову, давая тѣмъ знать, что «безпорядка не произойдетъ». Ввелъ Грушеньку самъ Михаилъ Макаровичъ. Она вошла со строго угрюмымъ лицомъ, съ виду почти спокойнымъ, вѣсивъ на указанный ей стулъ напротивъ Николая Парсеновича. Она очень блѣдна, казалось, что ей холодно и она плотно закуталась въ свою прекрасную, черную шаль. Дѣйствительно, ей начинался тогда легкій зихорадочный ознобъ—начало той болѣзни, которую она потомъ съ этой ночи перенесла. Но въ видѣ ея, прямой и серьезный взглядъ и спокойная манера произвели весьма благопріятное впечатлѣніе на всѣхъ. Николай Парсеновичъ даже сразу нѣсколько «увлекся». Онъ привелъ самъ, рассказывая кое-гдѣ потомъ, что только съ этого вечера достигъ, какъ эта женщина «хороша собой», а прежде онъ видывалъ ее, но всегда считалъ тѣмъ-то въ родѣ «утилитарныя». «У ней манеры какъ у самаго высшаго общества», торжественно сбоднулъ онъ какъ-то въ одномъ дамскомъ кругу. Но его выслушали съ самымъ полнымъ негодованіемъ и тогда назвали за это «шалуномъ», чѣмъ онъ и остался очень доволенъ. Входя въ комнату, Грушенька лишь какъ-бы взглянула на Митю, въ свою очередь съ безпокойствомъ взглянувшаго, но видъ ея въ ту-же минуту и его успокоилъ. Послѣ первыхъ необходимыхъ вопросовъ и утѣшеній, Николай Парсеновичъ, хоть и нѣсколько запинаясь, но сохраняя свое вѣжливый, однако-же, видъ, спросилъ ее: «Въ какихъ отношеніяхъ состояла она въ отставному поручику Дмитрію Федоровичу Карамазову?» На что Грушенька тихо и твердо произнесла:

— Знакомый мой былъ, какъ знакомаго его въ прошломъ мѣсяцѣ принимала.

На дальнѣйшіе любопытствующіе вопросы прямо и ясно

откровенностью заявила, что хотя онъ ей «часами» и нравился, но что она не любила его, но завлекала изъ «гнусной жизни моей», равно какъ и того «старичка», видѣла, что Митя очень ревновалъ къ Ѳедору Павловичу и ко всѣмъ, но тѣмъ въ тѣшилась. Къ Ѳедору-же Павловичу совсѣмъ никогда не шла идти, а только смѣялась надъ нимъ. «Въ тотъ весь мѣсяцъ не до нихъ мнѣ обоихъ было; я ждала другаго человѣка, а мною виновнаго... Только, думаю, заключила она, что въ нечего объ этомъ любопытствовать, а мнѣ нечего вамъ печаль, потому это особенное мое дѣло».

Такъ немедленно и поступилъ Николай Парѣеновичъ: на «роческихъ» пунктахъ онъ опять пересталъ настаивать, а прямо шелъ къ серьезному, то есть все къ тому-же и главнѣйшему вопросу о трехъ тысячахъ. Грушенька подтвердила, что въ Москвѣ, мѣсяцъ назадъ, дѣйствительно истрачены были три тысячи рублей, и хоть денегъ сама и не считала, но слышала отъ Дмитрія Ѳедоровича, что три тысячи рублей.

— Наединѣ онъ вамъ это говорилъ или при комъ-нибудь, вы только слышали какъ онъ съ другими при васъ говорилъ? осведомился тотъ-же прокуроръ.

На что Грушенька объявила, что слышала и при людяхъ, пала какъ и съ другими говорилъ, слышала и наединѣ отъ самого.

— Однажды слышали отъ него наединѣ или неоднократно? осведомился опять прокуроръ и узналъ, что Грушенька слышала неоднократно.

Исполнить Кириллычъ остался очень доволенъ этимъ показаньемъ. Изъ дальнѣйшихъ вопросовъ выяснилось тоже, что Грушенькѣ было извѣстно откуда эти деньги и что взялъ ихъ Дмитрий Ѳедоровичъ отъ Катерины Ивановны.

— А не слышали-ли вы хоть однажды, что денегъ было пропущено мѣсяцъ назадъ не три тысячи, а меньше, и что Дмитрій Ѳедоровичъ уберегъ изъ нихъ цѣлую половину для себя?

— Нѣтъ, никогда этого не слышала, показала Грушенька. Дальше выяснилось даже, что Митя, напротивъ, часто говорилъ ей во весь этотъ мѣсяцъ, что денегъ у него нѣтъ ни копейки. «Съ родителя своего все ждалъ получить», заключила Грушенька.

— А не говорилъ-ли когда при васъ... или какъ-нибудь въ какомъ, или въ раздраженіи, хватилъ вдругъ Николай Парѣеновичъ, что намѣренъ посягнуть на жизнь своего отца?

слово.

— Скажите, разрѣшилъ Николай

— Аграфена Александровна, пр
вѣрь Богу и мнѣ: въ крови убитаго
вишень!

Произнеся это, Митя опять сѣлъ
встала и набожно перекрестилась на

— Слава Тебѣ Господи! проговор
повеннымъ голосомъ и еще не садя
къ Николаю Пароеновичу, прибавила:
тому и вѣрьте! Знаю его: сболтнуть чт
али съ упрямства, но если противъ со
нетъ. Прямо правду скажетъ, тому в

— Спасибо, Аграфена Александро
жанимъ голосомъ отзывался Митя.

На вопросы о вчерашнихъ деньгахъ
знаеть сколько ихъ было, но слыша
разъ говорилъ вчера, что привезъ съ
счесть того: откуда деньги взяли, то
Катерины Ивановны «украсть», а что
что онъ не украсть и что деньги над
стойчивый вопросъ прокурора: о какъ
украсть у Катерины Ивановны: о вчер
тысячахъ, которыя были потрачены з;

БРАТЯ БАРАМАЗОВЫ.

ь тѣмъ старичкомъ отправлюсь, съ помѣщикомъ, его дожда подожду внизу, коль позволите, какъ вы тутъ Дмитровича порѣшите.

Она вышла. Митя былъ спокоенъ и даже имѣлъ совсрившійся видъ, но лишь на минуту. Все какое-то страшическое безсиліе одолевало его чѣмъ дальше, тѣмъ болза его закрывались отъ усталости. Допросъ свидѣтонецъ, окончился. Приступили къ окончательной редакговола. Митя всталъ и перешелъ съ своего стула въ узанавѣскѣ, прилегъ на большой накрытый ковромъ хозяйдубъ и мигомъ заснулъ. Приснился ему какой-то страшъ, какъ-то совсѣмъ не къ мѣсту и не ко времени. Вотъ го-бы гдѣ-то ѣдетъ въ степи, тамъ, гдѣ служилъ давно, где, и везетъ его въ слякоть на телѣгѣ, на парѣ, мужько холодно будто-бы Митѣ, въ началѣ ноябрь, и снѣгъ ваиными мокрыми хлопьями, а падая на землю тотчасъ тойко везетъ его мужикъ, славно помахиваетъ, русая, длиья у него борода, и не то что старикъ, а такъ лѣтъ буидесяти, сѣрый мужичій на немъ зипунишко. И вотъ неданіе, виднѣются избы черныя-пречерныя, а половинарѣла, торчатъ только одни обгорѣлыя бревна. А при втгромясь на дорогѣ бабы, много бабъ, цѣлый рядъ, все хутыя, какія-то коричневые у нихъ лица. Вотъ особеннокраю, такая костлявая, високаго роста, кажется, ейжъ, а, можетъ, и всего только двадцать, лицо длинное, хв рукахъ у нея плачетъ ребенокъ, и груди-то, должно ией такія изсохшія. и ни капли въ нихъ молока. И пламетъ дитя, и ручки протягиваетъ, голенькія, съ кулаченъ холоду совсѣмъ какія-то сизыя.

— Что они плачутъ? Чего они плачутъ? спрашиваетъ, метая мимо нихъ, Митя.

— Дитѣ, отвѣчаетъ ему ямщикъ, — дитѣ плачетъ. И пораю то, что онъ сказалъ по своему, по мужицки: дитдтя. И ему нравится, что мужикъ сказалъ дитѣ: жаго больше.

— Да отчего оно плачетъ? домогается, какъ гзушья

— Почему ручки голенькія, почему его не закутаетъ?

— А иззябло дитѣ, промерзла одежонка, вотъ и плачетъ.

— Да почему это такъ? Почему? все не отсыаетъ дитѣ?

— А бѣдные, погорѣлые, хлѣбушка нѣту-те. За что

то просятъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, все будто еще не понимаетъ Митя, — почему это стоятъ погорѣлыя матери, почему бѣдныя дѣти, бѣдно дитѣ, почему голая степь, почему они не обнимаются, почему не поютъ пѣсенъ радостныхъ, почему они нѣли такъ отъ черной бѣды, почему не кормятъ дитѣ?

И чувствуетъ онъ про себя, что хоть онъ и безуменъ, и безъ толку, но непременно хочется ему что-нибудь спросить и что именно такъ и надо спросить. И чувствуетъ еще, что подымается въ сердцѣ его какое-то никогда не бывавшее въ немъ умиленіе, что плакать ему хочется, что онъ всѣмъ сдѣлать что-то такое, чтобы не плакала больная не плакала-бы и черная изсохшая мать дити, чтобы вовсе слезъ отъ сей минуты ни у кого, и чтобы сей-часъ-же это сдѣлать не отлагая и не смотря ни на что всѣмъ безудержемъ Карамазовскимъ.

— А я съ тобой, я теперь тебя не оставлю, на все съ тобой иду, раздаются подлѣ него милыя, проникновенныя слова Грушеньки. И вотъ загорѣлось все сердце устремилось къ какому-то свѣту, и хочется ему жить и идти и идти въ какой-то путь, къ новому зовущему скорѣе, скорѣе, теперь-же, сейчасъ!

— Что? Куда? восклицаетъ онъ, открывая глаза и сдвигая свой сундукъ, совсѣмъ какъ-бы очнувшись отъ обморока въ свѣтло улыбаясь. Надъ нимъ стоитъ Николай Паренко и приглашаетъ его выслушать и подписать протоколъ. Дитя, что спалъ онъ часъ или болѣе, но онъ Николая Паренко не слушалъ. Его вдругъ поразило, что подъ головой у него была подушка, которой, не было, однако, когда онъ сидѣлъ въ безсиліи на сундукъ.

— Кто это мнѣ подъ голову подушку принесъ? Кто такой добрый человѣкъ! воскликнулъ онъ съ какимъ-то женнымъ, благодарнымъ чувствомъ и плачущимъ какнишь-сомъ, будто и Богъ знаетъ какое благодѣяніе оказали ему. Человѣкъ такъ потомъ и остался въ неизвѣстности, кто изъ понятыхъ, а, можетъ быть, и писарекъ Николая Паренко распорядились подложить ему подушку изъ состраданія. Душа его какъ-бы сотряслась отъ слезъ. Онъ подошелъ къ столу и объявилъ, что подпишетъ все что угодно.

— Я хорошій сонъ видѣлъ, господа, странно какъ изнесъ онъ, съ какимъ-то новымъ, словно радостью озареннымъ лицомъ.

IX.

Увезли Митю.

и подписанъ былъ протоколъ, Николай Парѣеновичъ тогда обратился къ обвиняемому и прочелъ ему «Постановленіе, что такого-то года и такого-то дня, тамъ-то, слѣдователь такого-то окружнаго суда, допросивъ такогото (Митю) въ качествѣ обвиняемаго въ томъ-то и въ (всѣ вины были тщательно прописаны) и принимая во , что обвиняемый, не признавая себя виновнымъ во взво-на него преступленіяхъ, ничего въ оправданіе свое не илъ, а между тѣмъ, свидѣтели (такіе-то) и обстоятельства) его вполне уличаютъ, руководствуясь такими-то и о статьями Уложенія о Наказаніяхъ, и т. д. постановилъ: сѣченія такому-то (Митѣ), способовъ уклониться отъ и суда, заключить его въ такой-то тюремный замокъ, обвиняемому объявить, а копію съ сего постановленія това-журора сообщить и т. д., и т. д. Словомъ, Митѣ объявили, отъ сей минуты арестантъ, и что повезутъ его сейчасъ , гдѣ и заключать въ одно очень непріятное мѣсто. и внимательно выслушавъ, вскинулъ только плечами. то-жь, господа, я васъ не виню, я готовъ... Понимаю, , ничего болѣе не остается.

Николай Парѣеновичъ мягко изъяснилъ ему, что свезетъ его же становой приставъ, Маврикій Маврикіевичъ, который съ теперь тутъ случился...

Идите, перебилъ вдругъ Митя и съ какимъ-то неудержимымъ чувствомъ произнесъ, обращаясь ко всѣмъ въ комнатѣ:— всѣ мы жестоки, всѣ мы изверги, всѣ плакать заставляемъ матерей и грудныхъ дѣтей, но изъ всѣхъ—пусть ужь , пусть рѣшено теперь—изъ всѣхъ я самый подлый гадъ! Каждый день моей жизни я, бѣя себя въ грудь, обѣщавъ , и каждый день творилъ все тѣ-же пакости. Понимаю , что на такихъ какъ я, нуженъ ударъ, ударъ судьбы, хватить его какъ въ арканъ и скрутить вѣшною силой. никогда не поднялся-бы я самъ собой! Но громъ грянулъ. о муку обвиненія и всенароднаго позора моего, постра- и страданіемъ очищусь! Вѣдь, можетъ быть, и очищусь.

господа, а? Но услышьте, однако, въ послѣдній разъ: отца моего не повиненъ! Принимаю казнь не за то, что я его, а за то, что хотѣлъ убить и, можетъ быть, въ самомъ убилъ-бы... Но всетаки я намѣренъ съ вами бороться и не сдаю. Буду бороться съ вами до послѣдняго конца, а рѣшитъ Богъ! Прощайте, господа, не сердитесь, что я просомъ кричалъ на васъ, о, я былъ тогда еще такъ... Черезъ минуту я арестантъ и теперь, въ послѣдній разъ, Карамазовъ, какъ свободный еще человѣкъ, протягиваетъ свою руку. Прощаясь съ вами, съ людьми прощусь!..

Голосъ его задрожалъ и онъ дѣйствительно протянулъ руку, но Николай Парѣеновичъ, всѣхъ ближе къ нему и шійся, какъ-то вдругъ, почти судорожнымъ какимъ-то жъ припряталъ свои руки назадъ. Митя мигомъ замѣтилъ вздрогнулъ. Протянутую руку свою тотчасъ-же опустилъ.

— Слѣдствіе еще не заключилось, залепеталъ Николай Парѣеновичъ, нѣсколько сконфузясь, — продолжать будемъ и городъ, и я, конечно, съ моей стороны, готовъ вамъ и всякой удачи... къ вашему оправданію... Собственно-жъ Дмитрій Федоровичъ, я всегда наклоненъ считать за честь такъ сказать, болѣ несчастнаго чѣмъ виновнаго... Мы в здѣсь, если только осмѣлюсь выразиться отъ лица всѣхъ, готовы признать васъ за благороднаго въ основѣ своей и человѣка, но, увы, увлеченнаго нѣкоторыми страстями въ нѣсколько излишней...

Маленькая фигурка Николая Парѣеновича выразила в нецъ рѣчи самую полную сановитость. У Мити мелькнуло вдругъ, что вотъ этотъ «мальчикъ» сейчасъ возьметъ руку, уведетъ въ другой уголъ и тамъ возобновитъ съ давній еще разговоръ ихъ о «дѣвочкахъ». Но мало-ли мы совсѣмъ постороннихъ и неидущихъ къ дѣлу мыслей не даже у преступника, ведомаго на смертную казнь.

— Господа, вы добры, вы гуманны, — могу я видѣть ститься въ послѣдній разъ? спросилъ Митя.

— Безъ сомнѣнія, но въ видахъ... однимъ словомъ ужъ нельзя не въ присутствіи...

— Пожалуй, присутствуйте!

Привели Грушенъку, но прощаніе состоялось короткое словное и Николая Парѣеновича не удовлетворившее. Грушенъка глубоко поклонилась Митѣ.

— Сказала тебѣ, что твоя, и буду твоя, пойду съ

куда-бы тебя ни рѣшили. Прощай, безвинно погубившій
человѣкъ!

Губки ея вздрогнули, слезы потекли изъ глазъ.

— Прости, Груша, меня за любовь мою, зато что любовью
и тебя сгубилъ.

Митя хотѣлъ и еще что-то сказать, но вдругъ самъ прер-
вался и вышелъ. Кругомъ него тотчасъ-же очутились люди не
знавшіе съ него глазъ. Внизу у крылечка, къ которому онъ
такимъ громомъ подкатилъ вчера на Андреевой тройкѣ, стояли
готовыя двѣ телѣги. Маврикій Маврикіевичъ, приземистый
маленькій человѣкъ, съ обрюзглымъ лицомъ, былъ чѣмъ-то раз-
строенъ, какимъ-то внезапно случившимся беспорядкомъ, сер-
дился и кричалъ. Какъ-то слишкомъ уже сурово пригласилъ онъ
Митю взлѣзть на телѣгу. «Прежде, какъ я въ трактирѣ поилъ
совсѣмъ было другое лицо у человѣка», подумалъ Митя,
идя. Съ крылечка спустился внизъ и Трифонъ Борисовичъ.
Вокругъ столпились люди, мужики, бабы, ямщики, всѣ уста-
вились на Митю.

— Прощайте, Божьи люди! крикнулъ имъ вдругъ съ телѣги Митя.

— И насъ прости, раздались два—три голоса.

— Прощай и ты, Трифонъ Борисычъ!

Но Трифонъ Борисычъ даже не обернулся, можетъ быть, ужь
ему было занятъ. Онъ тоже чего-то кричалъ и суетился. Ока-
залось, что на второй телѣгѣ, на которой должны были сопро-
вождать Маврикія Маврикіевича двое сотскихъ, еще не все было
всправности. Мужиченко, котораго нарядили было на вторую
телѣгу, натягивалъ зипунишко и крѣпко спорилъ, что ѣхать не
надо, а Акиму. Но Акима не было; за нимъ побѣжали; мужиченко
кричалъ и молилъ обождать.

— Вѣдь это народъ-то у насъ, Маврикій Маврикіевичъ, со-
всѣмъ безъ стыда! восклицалъ Трифонъ Борисычъ.— Тебѣ Акимъ
пятью дня далъ четвертакъ денегъ, ты ихъ пропилъ, а теперь
кричишь. Добротѣ только вашей удивляюсь съ нашимъ подлымъ
народомъ, Маврикій Маврикіевичъ, только это одно скажу!

— Да зачѣмъ намъ вторую тройку? вступился было Митя,—
ѣдемъ на одной, Маврикій Маврикіевичъ, небось не взбун-
туются, не убѣгу отъ тебя, къ чему конвой?

— А извольте, сударь, умѣть со мной говорить, если еще
не научены, я вамъ не *ты*. не извольте тыкать-съ, да и совѣты
другой разъ сберегите... свирѣпо отрѣзалъ вдругъ Митя Мав-
рикія Маврикіевичъ, точно обрадовался сердце сорвать.

Митя примолкъ. Онъ весь покраснѣлъ. Черезъ мгново стало вдругъ очень холодно. Дождь пересталъ, но путь все было обтянуто облаками, дулъ рѣзкій вѣтеръ прямо и «Ознобъ что-ли со мной», подумалъ Митя, передернувъ и. Наконецъ влѣзъ въ телѣгу и Маврикій Маврикіевичъ, грузно, широко и, какъ-бы не замѣтивъ, крѣпко потѣснивъ Митю. Правда, онъ былъ не въ духѣ и ему сильно не досъ возложенное на него порученіе.

— Прощай, Трифонъ Борисычъ! крикнулъ опять М самъ почувствовалъ, что не отъ добродушія теперь за а со злости, противъ воли крикнулъ. Но Трифонъ Борисычъ гордо, заложивъ назадъ обѣ руки и прямо уставясь на глядѣлъ строго и сердито и Митѣ ничего не отвѣтилъ.

— Прощайте, Дмитрій Ѳедоровичъ, прощайте! раздался голосъ Калганова, вдругъ откуда-то выскочившаго. Подъ къ телѣгѣ, онъ протянулъ Митѣ руку. Былъ онъ безъ фу Митя успѣлъ еще схватить и пожать его руку.

— Прощай, милый человѣкъ, не забуду великодушія! воскликнулъ онъ. Но телѣга тронулась и руки ихъ разв Зазвенѣлъ колокольчикъ—увезли Митю.

А Калгановъ забѣжалъ въ сѣни, сѣлъ въ углу, нагну лову, закрылъ руками лицо и заплакалъ; долго онъ такъ и плакалъ, — плакалъ точно былъ еще маленькій мальч не двадцатилѣтній уже молодой человѣкъ. О, онъ вѣрилъ новность Мити почти вполнѣ! «Что-же это за люди, въ послѣ того могутъ быть люди!» безсвязно восклицалъ (горькомъ уныніи, почти въ отчаяніи. Не хотѣлось даже ему въ ту минуту на свѣтъ. «Стѣнтъ-ли, стѣнтъ-ли!» и цалъ огорченный юноша.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

МАЛЬЧИКИ.

I.

Коля Красоткинъ.

ябрь въ началѣ. У насъ сталъ морозъ градусовъ въ двадцать, а съ нимъ гололедица. На мерзлую землю упало много сухаго снѣгу, и вѣтеръ «сухой и острый» пошелъ его и мететь по скучнымъ улицамъ нашего городка и по базарной площади. Утро мутное, но снѣжокъ переноситъ. Недалеко отъ площади, по близости отъ лавки Плотниковъ, стоитъ небольшой, очень чистенькій и снаружи, и внутри, вдовы чиновника Красоткиной. Самъ губернской секретарь Красоткинъ померъ уже очень давно, тому назадъ почти двадцать лѣтъ, но вдова его, тридцатилѣтняя и до сихъ поръ еще весьма смазливая собою дамочка, жива и живетъ въ чистенькомъ домикѣ «своимъ капиталомъ». Живетъ она въ роѣко, характера нѣжнаго, но довольно веселаго. Она послѣ мужа лѣтъ восемнадцать, проживъ съ нимъ лишь около году и только что родивъ ему сына. Съ тѣхъ поръ съ самой его смерти, она посвятила всю себя воспитанію своего нещечка мальчика Коли, и хоть любила его все двадцать лѣтъ безъ памяти, но ужь, конечно, перенесла съ несравненно больше страданій, чѣмъ выжила радостей, тре-

пеша и умирая отъ страха чуть не каждый день, что онъ болѣветъ, простудится, напалитъ, полѣзетъ на стулъ и спадетъ и проч., и проч. Когда-же Коля сталъ ходить въ школу, то въ нашу прогимназію, то мать бросилась изучать и съ нимъ всё науки, чтобы помогать ему и репетировать съ уроки, бросилась знакомиться съ учителями и съ ихъ дочками, даже товарищей Колю, школьничковъ, и ласкала и нянчила, чтобы не трогали Колю, не насмѣхались надъ нимъ, приближили его. Довела до того, что мальчишки и въ садовѣ стали было чрезъ нее надъ нимъ насмѣхаться и начали говорить ему тѣмъ, что онъ маменькинъ сыночекъ. Но мальчикъ съ достоинствомъ отстоялъ себя. Былъ онъ смѣлый мальчишка, «ужасно смѣлый», какъ пронеслась и скоро утвердилась молва о немъ въ школѣ, былъ ловокъ, характера упornaго, духа дерзкаго и предпримчиваго. Учился онъ хорошо, и шла даже молва, что онъ въ арифметикѣ и изъ всемірной исторіи собьетъ самого учителя Дарданелова. Но мальчикъ хоть и смотрѣлъ на всѣхъ смѣлымъ и вздернувъ носикъ, но товарищемъ былъ хорошимъ и не возносился. Уваженіе школьничковъ принималъ какъ должное, но держалъ себя дружелюбно. Главное, зналъ мѣру, умѣлъ случаи сдерживать себя самого, а въ отношеніяхъ къ начальникамъ никогда не переступалъ нѣкоторой послѣдней и замѣтной черты, за которую уже проступокъ не можетъ быть терпимъ, считался въ безпорядокъ, бунтъ и въ беззаконіе. И, однако, очень, очень не прочь былъ пошалить при всякомъ удобномъ случаѣ, пошалить какъ самый послѣдній мальчишка, и не стѣсняясь пошалить, сколько что нибудь намудрить, начудесить, изощриться «актрафоферу», шикну, порисоваться. Главное, былъ очень любимъ. Даже свою маму съумѣлъ поставить къ себѣ въ отношеніи подчиненныя, дѣйствуя на нее почти деспотически. Она подчинилась, о, давно уже подчинилась, и лишь не могла за что перенести одной только мысли, что мальчикъ ее не любитъ». Ей непрерывно казалось, что Коля къ ней «безразличенъ», и бывали случаи, что она, обливаясь истерическими слезами, начинала упрекать его въ холодности. Мальчикъ ее не любилъ, и чѣмъ болѣе требовали отъ него сердечныхъ отношеній, тѣмъ какъ-бы нарочно становился неподатливѣе. Но происходило это у него не нарочно, а невольно, — таковъ ужъ его характеръ. Мать ошибалась: маму свою онъ очень любилъ, любилъ только «телячьихъ нѣжностей», какъ выражался на своемъ школьническомъ языкѣ. Послѣ отца остался

которомъ хранилось нѣсколько книгъ; Коля любилъ читать про себя прочелъ уже нѣкоторыя изъ нихъ. Мать этимъ не щалась и только дивилась иногда, какъ это мальчикъ вмѣсто того чтобъ идти играть, простаиваетъ у шкапа по цѣлымъ часамъ надъ какою-нибудь книжкой. И такимъ образомъ Коля прожилъ кое-что чего бы ему нельзя еще было давать читать въ его возрастѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время хотя мальчикъ и не пересталъ переходить въ своихъ шалостяхъ извѣстной черты, но шалости испугавшія мать не на шутку, — правда, не нравственныя какія-нибудь, зато отчаянныя, говорѣзныя. Въ разъ въ это лѣто, въ іюль мѣсяцъ, во время вакацій, случилось такъ, что маменька съ сынкомъ отправились погостить недѣльку въ другой уѣздъ, за семьдесятъ верстъ, къ одной своей родственницѣ, мужъ которой служилъ на станціи желѣзнодорожной (той самой, ближайшей отъ нашего города станціи, которой Иванъ Федоровичъ Карамазовъ, мѣсяцъ спустя, отпра- ся въ Москву). Тамъ Коля началъ съ того, что оглядѣлъ желѣзную дорогу въ подробности, изучилъ распорядки, понимая, новыми знаніями своими можетъ блеснуть, возвратясь до- ма, между школьниками своей прогимназіи. Но нашлись тамъ въ разъ въ то время и еще нѣсколько мальчиковъ, съ кото- рыми онъ и сошелся; одни изъ нихъ проживали на станціи, другие по сосѣдству, — всего молодого народа, отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, сошлось человекъ шесть или семь, а изъ нихъ двое случились и изъ нашего городка. Мальчики вмѣстѣ шали, шалили, и вотъ на четвертый или на пятый день го- ды на станціи состоялось между глупою молодежью одно невозможное пари въ два рубля, именно: Коля, почти изъ младшій, а потому нѣсколько презираемый старшими, изъ любія или изъ безпардонной отваги, предложилъ, что онъ, Коля, когда придетъ одиннадцатичасовой поѣздъ, ляжетъ между рельсами ничкомъ и пролежитъ недвижимо, пока поѣздъ проне- сется надъ нимъ на всѣхъ парахъ. Правда, сдѣлано было пред- варительное изученіе, изъ котораго оказалось, что дѣйствительно такъ протянуться и сплющиться вдоль между рельсами, поѣздъ, конечно, пронесется и не задѣнетъ лежащаго, но, во-первыхъ, каково пролежать! Коля стоялъ твердо, что проле- жать. Надъ нимъ сначала смѣялись, звали лгунишкой, фаифа- фомъ, но тѣмъ пуще его подзадорили. Главное, эти пятнадцати- летки слишкомъ ужъ задирали предъ нимъ носъ и сперва даже не считали его товарищемъ, какъ «маленькаго», что было

уже нестерпимо обидно. И вотъ рѣшено было отпра-
вить вечера за версту отъ станціи, чтобы поѣздъ, снявшись съ
рельсовъ, успѣлъ уже совсѣмъ разбѣжаться. Мальчишки со-
брались на Ночь настала безлунная, не то что темная, а почти черная
надлежащій часъ Коля легъ между рельсами. Пятеро оста-
ва державшихъ пари, съ замираніемъ сердца, а наконецъ въ
и съ раскаяніемъ ждали внизу насыпи подлѣ дороги и
стахъ. Наконецъ, загрѣмѣлъ вдали поѣздъ, снявшійся со с-
Засверкали изъ тьмы два красные фонаря, загрохотало и
жающееся чудовище. «Бѣги, бѣги долой съ рельсовъ!»
чали Коля изъ кустовъ умиравшіе отъ страха мальчиш-
было уже поздно: поѣздъ наскочилъ и промчался мимо.
чишки бросились къ Коля: онъ лежалъ недвижимо. Они
его теребить, начали подымать. Онъ вдругъ поднялся и
сошелъ съ насыпи. Сойдя внизъ, онъ объявилъ, что
лежалъ какъ безъ чувствъ, чтобъ ихъ испугать, но правъ
въ томъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ лишился чувствъ,
признался потомъ самъ, уже долго спустя, своей мамѣ.
образомъ, слава «отчаяннаго» за нимъ укрѣпилась на вѣ-
ротился онъ домой на станцію блѣдный, какъ полотно. И
гой день заболѣлъ слегка нервной лихорадкой, но духомъ
ужасно веселъ, радъ и доволенъ. Происшествіе огласи-
сейчасъ, а уже въ нашемъ городѣ, проникло въ провинцію
достигло до ея начальства. Но тутъ маменька Коли бр-
молить начальство за своего мальчика и кончила тѣмъ,
отстоялъ и упросилъ за него уважаемый и вліятельный
тель Дарданеловъ, и дѣло оставили втунѣ, какъ не
вовсе. Этотъ Дарданеловъ, человекъ холостой и не
былъ страстно и уже многолѣтне влюбленъ въ госпожу
кину, и уже разъ, назадъ тому съ годъ, почтительнѣйш-
мирая отъ страха и деликатности, рискнулъ было през-
ей свою руку; но она наотрѣзъ отказала, считая соглас-
ной своему мальчику, хотя Дарданеловъ, по нѣкоторымъ
ственнымъ признакамъ, даже, можетъ быть, имѣлъ-бы
рое право мечтать, что онъ не совсѣмъ противенъ през-
но уже слишкомъ цѣломудренной и нѣжной вдовницѣ.
сшедшая шалость Коли, кажется, пробила ледъ, и Дарда-
за его заступничество, сдѣланъ былъ намекъ о надеждѣ.
отдаленный, но и самъ Дарданеловъ былъ феноменомъ
и деликатности, а потому съ него и того было покажи-
волью для полноты его счастья. Мальчика онъ любилъ

здѣ-бы унизительнымъ предъ нимъ заискивать и отно-
ш къ нему въ классахъ строго и требовательно. Но Коля
нѣ держалъ его на почтительномъ разстояніи, уроки гото-
о отлично, былъ въ класѣ вторымъ ученикомъ, обращался
Дарданелову сухо, и весь классъ твердо вѣрилъ, что во
рной исторіи Коля такъ силенъ, что «собьетъ» самаго Дар-
мова. И дѣйствительно, Коля задалъ ему разъ вопросъ: кто
свалъ Трою? на что Дарданеловъ отвѣчалъ лишь вообще про
ны, ихъ движенія, и переселенія, про глубину временъ,
баснословіе, но на то, кто именно основалъ Трою, то есть
и именно лица, отвѣтить не могъ, и даже вопросъ нашелъ
ему-то празднымъ и несостоятельнымъ. Но мальчики такъ и
ились въ увѣренности, что Дарданеловъ не знаетъ, кто осно-
в Трою. Коля-же вычиталъ объ основателяхъ Трои у Сма-
рова, хранившася въ шкафѣ съ книгами, который остался
у родителя. Кончилось тѣмъ, что всѣхъ даже мальчиковъ
ю, наконецъ, интересовалъ: кто-жь именно основалъ Трою,
Красоткинъ своего секрета не открывалъ, и слава знанія
взлалась за нимъ незыблемо.

Послѣ случая на желѣзной дорогѣ, у Коли въ отношеніяхъ
атери произошла нѣкоторая перемѣна. Когда Анна Федо-
ва (вдова Красоткина) узнала о подвигѣ сына, то чуть не
на съума отъ ужаса. Съ ней сдѣлались такіе страшные
рическіе припадки, продолжавшіеся съ перемежками нѣ-
ско дней, что испуганный уже серьезно Коля, далъ ей чест-
но благородное слово, что подобныхъ шалостей уже никогда
не повторится. Онъ поклялся на колѣняхъ предъ образомъ и
взялся памятью отца, какъ потребовала сама госпожа Кра-
соткина, причемъ «мужественный» Коля самъ расплакался какъ
слабѣйшій мальчикъ отъ «чувствъ», и мать, и сынъ во весь
день бросались другъ другу въ объятія и плакали сотря-
саны. На другой день Коля проснулся по прежнему «безчув-
ственнымъ», однако, сталъ молчаливѣе, скромнѣе, строже, задум-
чивѣе. Правда, мѣсяца черезъ полтора онъ опять было попался
на одной шалости, и имя его сдѣлалось даже извѣстнымъ на
у мировому судѣ, но шалость была уже совсѣмъ въ другомъ
родѣ, даже смѣшная и глупенькая, да и не самъ онъ, какъ
сдѣлалось, совершилъ ее, а только очутился въ нее замѣшан-
нымъ. Но объ этомъ какъ-нибудь послѣ. Мать продолжала трепе-
тливо и мучиться, а Дарданеловъ по мѣрѣ тревогъ ея все болѣе
болѣе воспринималъ надежду. Надо замѣтить, что Коля пони-

маль и разгадывалъ съ этой стороны Дарданелова и уже мѣется, глубоко презиралъ его за его «чувства»; прежде имѣлъ не деликатность выказывать это презрѣніе свое притерью, отдаленно намекая ей, что понимаетъ, чего добивался Дарданеловъ. Но послѣ случая на желѣзной дорогѣ онъ и на счетъ измѣнилъ свое поведеніе: намековъ себѣ уже болѣе не лялъ, даже самыхъ отдаленныхъ. а о Дарданеловѣ притсталъ отзываться почтительнѣе, что тотчасъ-же съ безпримѣрной благодарностью въ сердцѣ своемъ поняла чуткая Анна. Но зато при малѣйшемъ, самомъ нечаянномъ словѣ даже (со стороны какого-нибудь гостя о Дарданеловѣ, если при находился Коля, вдругъ вся вспыхивала отъ стыда какъ Коля-же въ эти мгновенія или смотрѣлъ нахмуренно и или разглядывалъ, не просятъ-ли у него сапоги каше, и рѣпо звалъ «Перезвона», лохматую, довольно большую и вую собаку, которую съ мѣсяцъ вдругъ откуда-то привтащилъ въ домъ и держалъ почему-то въ секретѣ, въ коннвиному ее не показывая изъ товарищей. Тиранилъ-же и обучая ее всякимъ шуткамъ и наукамъ, и довелъ бѣдную до того, что та выла безъ него, когда онъ отлучался въ а когда приходилъ, визжала отъ восторга, скакала какъ умная, служила, валилась на землю и притворялась мер проч., словомъ, показывала всѣ штуки, которымъ ее оуже не по требованію, а единственно отъ пылкости своихъ сторженныхъ чувствъ и благодарнаго сердца.

Кстати: я и забылъ упомянуть, что Коля Красоткинъ тотъ самый мальчикъ, котораго знакомый уже читателю чикъ Илюша, сынъ отставнаго штабсъ-капитана Ситъ пырнулъ перочиннымъ ножичкомъ въ бедро, заступаясь : котораго школьники задразнили «мочалкой».

II.

Дѣтвора.

Итакъ, въ то морозное и сиверное ноябрьское утро чикъ Коля Красоткинъ сидѣлъ дома. Было воскресенье, и в не было. Но пробило уже одиннадцать часовъ, а ему не но надо было идти со двора «по одному весьма важному а между тѣмъ онъ во всемъ домѣ оставался одинъ и рѣш

Б хранитель его, потому что такъ случилось, что всѣ его
ише обитатели, по нѣкоторому экстренному и оригинальному
чтательству, отлучились со двора. Въ домѣ вдовы Красоткиной,
съ сѣни отъ квартиры, которую занимала она сама, отдавалась
одна и единственная въ домѣ квартирка изъ двухъ малень-
ь комнатъ, въ наймы, и занимала ее докторша съ двумя
дѣтскими дѣтьми. Эта докторша была однихъ лѣтъ съ Анной
Вровной и большая ея пріятельница, самъ-же докторъ вотъ
съ годъ заѣхалъ куда-то сперва въ Оренбургъ, а потомъ
Ташкентъ, и уже съ полгода какъ отъ него не было ни
ду, ни духу, такъ что если-бы не дружба съ г-жею Красот-
кой, нѣсколько смягчавшая горе оставленной докторши, то
вероятно-бы истекла отъ этого горя слезами. И вотъ,
рочно-же было такъ случиться къ довершенію всѣхъ угнетеній
еи, что въ эту-же самую ночь, съ субботы на воскресенье,
Катерина, единственная служанка докторши, вдругъ и совсѣмъ
нежданно для своей барыни объявила ей, что намѣрена родить
утру ребеночка. Какъ случилось, что никто этого не замѣтилъ
иже, было для всѣхъ почти чудомъ. Пораженная докторша
удила, пока есть еще время, свезти Катерину въ одно при-
обленное къ подобнымъ случаямъ въ нашемъ городкѣ заве-
ю у повивальной бабушки. Такъ какъ служанкою этой она
къ дорожила, то немедленно и исполнила свой проэктъ, отвезла
и сверхъ того осталась тамъ при ней. Затѣмъ уже утромъ
удобилось почему-то все дружеское участіе и помощь самой
и Красоткиной, которая при этомъ случаѣ могла кого-то о-
ь-то попросить и оказать какое-то покровительство. Такимъ
изомъ обѣ дамы были въ отлучкѣ, служанка-же самой г-жи
Коткиной, баба Агаѣя, ушла на базаръ, и Коля очутился
амъ образомъ, на время, хранителемъ и караульщикомъ «пу-
ры», то есть мальчика и дѣвочки докторши, оставшихся
шешенькими. Караулить домъ Коля не боялся, съ нимъ къ
пу-же былъ Перезвонъ, которому повелѣно было лежать ничкомъ
передней подъ лавкой «безъ движеній», и который именно,
тому каждый разъ, какъ входилъ въ переднюю расхаживавшій
комнатамъ Коля, вздрагивалъ головой и давалъ два твердые
вскивающие удара хвостомъ по полу, но увы, призывнаго
ста не раздавалось. Коля грозно взглядывалъ на несчастнаго
и тотъ опять замиралъ въ послушномъ оцѣпенѣніи. Но если
смущало Колю, то единственно «пузыри». На нечаянное
ключеніе съ Катериной онъ, разумѣется, смотрѣлъ съ самымъ

ЧЛН
Не
НО Н.
2 Мет.

[Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page]

Ключалъ, что это вредитъ дисциплинѣ, и хотъ минуту, а вынулъ его еще подъ лавкой, и, уже отворивъ только дверь въ садъ, вдругъ свистнулъ его. Песъ вскочилъ, какъ сумасшедшій, бросился скакать предъ нимъ отъ восторга. Перейдя сѣни, онъ отворилъ дверь къ «пузырямъ». Оба по прежнему сидѣли на столикомъ, но уже не читали, а жарко о чемъ-то спорили.

Дѣтки часто другъ съ другомъ спорили о разныхъ вымышленныхъ житейскихъ предметахъ, причемъ Настя, какъ старшая, да одерживала верхъ; Костя-же, если не соглашался съ нею, всегда почти шелъ апеллировать въ Колѣ Красоткину, и ужь въ тотъ рѣшалъ, такъ оно и оставалось въ видѣ абсолютнагоговора для всѣхъ сторонъ. На этотъ разъ споръ «пузырей» сколько заинтересовалъ Красоткина, и онъ остановился въ рядахъ послушать. Дѣтки видѣли, что онъ слушаетъ и тѣмъ съ большимъ азартомъ продолжали свое препираніе.

— Никогда, никогда я не повѣрю, горячо лепетала Настя — маленькихъ дѣтокъ повивальныя бабушки находятъ въ огородахъ между грядками съ капустой. Теперь ужь зима, и никакихъ дождей нѣтъ, и бабушка не могла принести Катеринѣ дочку.

— Фью! присвистнулъ про себя Коля.

— Или вотъ какъ: онѣ приносятъ откуда нибудь, но только въ садъ, которыя замужъ выходятъ.

Костя пристально смотрѣлъ на Настю, глубокомысленно слушалъ и соображалъ.

— Настя, какая ты дура, произнесъ онъ, наконецъ, твердо и горячась, — какой-же можетъ быть у Катерины ребеночекъ, если она не замужемъ?

Настя ужасно загорячилась.

— Ты ничего не понимаешь, раздражительно оборвала она, — вѣдь, у нея мужъ былъ, но только въ тюрьмѣ сидитъ, а она и родила.

— Да развѣ у нея мужъ въ тюрьмѣ сидитъ? важно освѣдился положительный Костя.

— Или вотъ что, стремительно перебила Настя, совершенно забывъ и забывъ свою первую гипотезу: у нея нѣтъ мужа, ты правъ, но она хочетъ выйдти замужъ, вотъ и стала думать, какъ выйдеть замужъ, и все думала, все думала, и до тѣхъ поръ думала, что вотъ онъ у ней и сталъ, не мужъ, а ребеночекъ.

— Ну, развѣ такъ, согласился совершенно побѣжденный Костя, — а ты этого раньше не сказала, такъ какъ-же я могъ знать.

— Ну, дѣтвора, произнесъ Коля, шагнувъ къ нему, — опасный вы, я вижу, народъ!

— И Перезвонъ съ вами? ослабился Костя и началъ пожимать пальцами и звать Перезвона.

— Пузыри, я въ затрудненіи, началъ важно Красоткинъ и вы должны мнѣ помочь. Агаея, вонечно, ногу сломала, что до сихъ поръ не является, это рѣшено и подписано, необходимо со двора. Отпустите вы меня аля нѣтъ?

Дѣти озабоченно переглянулись другъ съ другомъ, осмѣяныя лица ихъ стали выражать безпокойство. Они, какъ еще не понимали вполне чего отъ нихъ добиваются.

— Шалить безъ меня не будете? Не полѣзете на ногу сломаете ногу? Не заплачете отъ страха одни?

На лицахъ дѣтей выразилась страшная тоска.

— А я-бы вамъ зато могъ показать одну поважку, и я думаю, изъ которой можно стрѣлять настоящимъ порохомъ. Лица дѣтокъ мгновенно прояснились.

— Покажите пушечку, весь прослывшій проговорился.

Красоткинъ запустилъ руку въ свою сумку и, вынувъ изъ нея маленькую бронзовую пушечку, поставилъ ее на столъ.

— То-то покажите! Смотри, на колескахъ, — прокатилъ игрушка по столу, — и стрѣлять можно. Дробью зарядъ стрѣлять.

— И убьетъ?

— Всѣхъ убьетъ, только стоитъ навести, — и Красоткинъ растолковалъ куда положить порохъ, куда вклатить дробь, показалъ на дырочку въ видѣ затравки и рассказалъ, что ваетъ отвать. Дѣти слушали со страшнымъ любопытствомъ. Особенно поразило ихъ воображеніе, что бываетъ отвать.

— А у васъ есть порохъ? осведомилась Настя.

— Есть.

— Покажите я порохъ, протянула она съ просищемъ уми.

Красоткинъ опять слезилъ въ сумку и вынулъ изъ нея маленькій пузырекъ, въ которомъ дѣйствительно было нѣсколько настоящаго пороха, а въ свернутой бумажкѣ онъ нѣсколько крупнокъ дробя. Онъ даже откупорилъ пузырекъ и высыпалъ немножко пороку на ладонь.

— Вотъ, только не было-бы гдѣ огня, а то такъ и имъ и насъ всѣхъ перебьетъ, предупредилъ для эффекта Красоткинъ.

Дѣти разсматривали порохъ съ благоговѣйнымъ страхомъ усилившемъ наслажденіе. Но Костя больше понравилась

— А дробь не горитъ? освѣдомился онъ.

— Дробь не горитъ.

— Подарите мнѣ немножко дроби, проговорилъ онъ умоляюще голоскомъ.

— Дроби немножко подарю, вотъ, бери, только мамѣ своей вѣня не показывай, пока я не приду обратно, а то подумаетъ, что порохъ и такъ и умереть отъ страха, а васъ выпоретъ.

— Мама насъ никогда не сѣчетъ розгой, тотчасъ-же замѣ-

Настя.

— Знаю, я только для красоты слога сказалъ. И маму вы когда не обманывайте, но на этотъ разъ—пока я приду. Жуть, пузыри, можно мнѣ идти или нѣтъ? Не заплачете безъ я отъ страха.

За-пла-чемъ, протянулъ Костя, уже приготовляясь плакать.

— Заплачемъ, непременно заплачемъ! подхватила пугливою роговоркой и Настя.

— Охъ дѣти, дѣти, какъ опасны ваши лѣта. Нечего дѣлать, щы, придется съ вами просидѣть не знаю сколько. А время-время-то, ухъ!

— А прикажите Перезвону мертвымъ притвориться, попро- бь Костя.

— Да ужъ нечего дѣлать, придется прибѣгнуть и къ Перезвону. Перезвонъ! И Коля началъ повелѣвать собакъ, а та пред- лять все что знала. Это была лохматая собака, величиной обыкновенную дворняшку, какой-то сѣро-лиловой шерсти. Вѣдый глазъ ея былъ кривъ, а лѣвое ухо почему-то съ разрѣзомъ.

взвизгивала и прыгала, служила, ходила на заднихъ лапахъ, садась на спину всѣми четырьмя лапами вверхъ и лежала въ движеніи, какъ мертвая. Во время этой послѣдней шутки прилась дверь и Агаѣя, толстая служанка г-жи Красоткиной, въ баба лѣтъ сорока, показалась на порогъ, возвратясь съ кра съ кулькомъ купленной провизіи въ рукъ. Она стала держа въ лѣвой рукъ на отвѣсѣ кулекъ, принялась глядѣть на собаку. Коля, какъ ни ждалъ Агаѣи, представленія не выдалъ и, выдержавъ Перезвона определенное время мертвымъ, конецъ-то свистнулъ ему: собака вскочила и пустилась прыгать въ радости что исполнила свой долгъ.

— Вишь, песъ! проговорила назидательно Агаѣя.

— А ты чего, женскій полъ, опоздала? спросилъ грозно Красоткинъ.

— Женскій полъ, ишь, пупырь!

— Пузырь?

— И пузырь. Что тебѣ что я опоздала, значить ты
воли опоздала, бормотала Агаѣя, принимаясь возить
печки, но совсѣмъ не недовольнымъ и не сердитымъ
а, напротивъ, очень довольнымъ, какъ будто радуясь
позубоскалить съ веселымъ барченкомъ.

— Слушай, легкомысленная старуха, началъ, вска-
дывая, Красоткинъ,—можешь ты мнѣ поклясться во
имя святаго въ этомъ мірѣ и сверхъ того чѣмъ-нибудь
что будешь наблюдать за пузырями въ мое отсутствіе
И уйду со двора.

— А зачѣмъ я тебѣ клясться стану? засмѣялась Ага-
и такъ присмотрю.

— Нѣтъ, не иначе какъ поклявшись вѣчнымъ своимъ
души твоей. Иначе не уйду.

— И не уходи. Мнѣ каво дѣло, на дворѣ морозъ, слы-
шь?

— Пузыри, обратился Коля къ дѣтвкамъ,—эта
останется съ вами до моего прихода или до прихода вашей
потому что къ той давно-бы воротиться надо. Сверхъ того,
вамъ позавтракать. Дашь чего-нибудь мнѣ, Агаѣя?

— Это возможно.

— До свиданія, птенцы, уйду со спокойнымъ сердцемъ.
бабуся,—вполголоса и важно проговорилъ онъ, проходя
Агаѣя,—надѣюсь, не станешь мнѣ врать обычныя ваши
глупости про Катерину, пощадишь дѣтскій возрастъ. Исц, Перс-

— Ну тебя къ Богу, огрызнулась уже съ сердцемъ Ага-
Сиданной! Выпороть самого-то, вотъ что, за такія слова.

III.

Шнольниками.

Но Коля уже не слышалъ. Намочень-то онъ пошелъ у
Выйдя за ворота, онъ оглядѣлся, передорнулъ и
проговорилъ: «морозъ!» направился прямо по улицѣ и
направо по переулку къ базарной площади. Не доходя
дома до площади, онъ остановился у воротъ, вынулъ
карманша свистульку и свистнулъ изъ всей силы, какъ
подавая условный знакъ. Ему пришлось ждать не болѣе
изъ калитки вдругъ выскочилъ къ нему ружьевый

одинадцати, тоже одѣтый въ теплое, чистенькое и даже мѣское пальтецо. Это былъ мальчикъ Смуровъ, состоявшій въ подготовительномъ классѣ (тогда какъ Коля Красоткинъ былъ двумя классами выше), сынъ зажиточнаго чиновника и потому, кажется, не позволяли родители водиться съ Красоткинымъ, какъ съ извѣстнѣйшимъ отчаяннымъ шалуномъ, такъ Смуровъ очевидно выскочилъ теперь украдкой. Этотъ Смуровъ, не забылъ читатель, былъ одинъ изъ той группы мальчиковъ, которые два мѣсяца тому назадъ кидали камнями черезъ канаву Илюшу, и который рассказывалъ тогда про Илюшу Алешѣ Карамазову.

— Я васъ уже цѣлый часъ жду, Красоткинъ, съ рѣшительнымъ видомъ проговорилъ Смуровъ и мальчики зашагали къ пади.

— Запоздалъ, отвѣтилъ Красоткинъ. — Есть обстоятельства. Не выпорютъ, что ты со мной?

— Ну, полноте, развѣ меня порютъ? И Перезвонъ съ вами?

— И Перезвонъ!

— Вы и его туда?

— И его туда.

— Ахъ, кабы Жучка!

— Нельзя Жучку. Жучка не существуетъ. Жучка исчезла фактъ неизвѣстности.

— Ахъ, нельзя-ли-бы такъ, пріостановился вдругъ Смуровъ, — вѣдь Илюша говоритъ, что Жучка тоже была лохматая же такая-же сѣдая, дымчатая, какъ и Перезвонъ, — нельзя-казать, что это та самая Жучка и есть, онъ, можетъ быть, вѣрить?

— Школьникъ, гнушайся лжи, это разъ; даже для добраго дела. А главное, надѣюсь, ты тамъ не объявлялъ ничего ему приходѣ.

— Боже сохрани, я вѣдь понимаю-же. Но Перезвономъ его гнѣшишь, вздохнулъ Смуровъ. Знаешь что: отецъ этотъ, канъ, мочалка-то, говорилъ намъ, что сегодня щеночка ему всетъ, настоящаго меделянскаго, съ чернымъ носомъ; онъ вѣтъ, что этимъ утѣшитъ Илюшу, только врядъ-ли?

— А каковъ онъ самъ, Илюша-то?

— Ахъ, плохъ, плохъ! Я думаю, у него чахотка. Онъ весь вмятъ, только такъ дышетъ — дышетъ, нехорошо онъ дышетъ. Они попросилъ, чтобъ его поводили, обули его въ сапожки, вѣтъ было, да и валится. «Ахъ, говоритъ, я говорилъ тебѣ,

папа, что это у меня дурные сапожки, прежніе, въ прежнее было не ловко ходить». Это онъ думалъ, что сапожечекъ съ ногъ валится, а онъ просто отъ слабости не прожить. Герценштубе ѣздитъ. Теперь они опять у нихъ много денегъ.

— Шельмы.

— Кто шельмы?

— Доктора, и вся медицинская сволочь, говоря ужъ, разумѣется, въ частности. Я отрицаю медицину. Боевое учрежденіе. Я, впрочемъ, все это изслѣдую. Что тамъ за сентиментальности, однако, завелись? Вы такъ классомъ, кажется, пребываете?

— Не всѣмъ, а такъ человекъ десять нашихъ ходитъ всегда, всякій день. Это ничего.

— Удивляетъ меня во всемъ этомъ роль Алексѣя зова: брата его завтра или послѣзавтра судятъ за преступленіе, а у него столько времени на сентиментальныя мальчишьяки?

— Совсѣмъ тутъ никакого нѣтъ сентиментальничья. же вотъ идешь теперь съ Илюшей мириться.

— Мириться! Смѣшное выраженіе. Я, впрочемъ, не позволю анализировать мои поступки.

— А какъ Илюша будетъ тебѣ радъ! Онъ и не воображаетъ, что ты придешь. Почему, почему ты такъ долго не хотѣлъ воскликнуть вдругъ съ жаромъ Смуровъ.

— Милый мальчикъ, это мое дѣло, а не твое. Я иду по себѣ, потому что такова моя воля, а васъ всѣхъ иду туда Алексѣй Карамазовъ, значить, разница. И почему ты, я, можетъ, вовсе не мириться иду? Глупое выраженіе.

— Во все не Карамазовъ, совсѣмъ не онъ. Просто сами туда стали ходить, конечно, сперва съ Карамазовымъ ничего такого не было, никакихъ глупостей. Сначала потомъ другой. Отецъ былъ ужасно намъ радъ. Ты знаешь просто съ ума сойдешь какъ умретъ Илюша. Онъ иди Илюша умретъ. А самъ-то какъ радъ, что мы съ Илюшей миримся. Илюша о тебѣ спрашивалъ, ничего больше не бавилъ. Спросить и замолчать. А отецъ съ ума сойдешь повѣсится. Онъ вѣдь и прежде держалъ себя какъ помини знаешь, онъ благородный человекъ, и тогда вышла оштрафованъ этотъ отцеубійца виноватъ, что избилъ его тогда.

— А всетаки Карамазовъ для меня загадка. Я и

ю съ нимъ познакомиться, но я въ иныхъ случаяхъ люблю и гордымъ. Притомъ, я составилъ о немъ нѣкоторое мнѣніе, кое надо еще провѣрить и разъяснить.

Коля важно примолкъ; Смуровъ тоже. Смуровъ, разумѣется, поговѣлъ предъ Колей Красоткинымъ и не смѣлъ и думать вѣщаться съ нимъ. Теперь-же былъ ужасно заинтересованъ, кому что Коля объяснилъ, что идетъ «самъ по себѣ», и была ли, стало быть, непременно какая-то загадка въ томъ, что онъ вдругъ вздумалъ теперь и именно сегодня идти? Они шли базарной площади, на которой на этотъ разъ стояло много всякихъ возовъ и было много пригнанной птицы. Городскія и торговали подъ своими навѣсами бубликами, нитками и т. п. Такіе воскресные съѣзды наивно называются у насъ въ деревѣ ярмарками, и такихъ ярмарокъ бываетъ много въ году. Смуровъ бѣжалъ въ веселѣйшемъ настроеніи духа, уклоняясь пререстанно направо и налево гдѣ-нибудь что-нибудь поиню- . Встрѣчаясь съ другими собачонками, съ необыкновенною любовью съ ними обнюхивался по всѣмъ собачьимъ правиламъ.

— Я люблю наблюдать реализмъ, Смуровъ, заговорилъ вдругъ Коля. — Замѣтилъ ты, какъ собаки встрѣчаются и обнюхиваются? Какой-то общій у нихъ законъ природы.

— Да, какой-то смѣшной.

— То есть не смѣшной, это ты неправильно. Въ природѣ нечего нѣтъ смѣшнаго, какъ-бы тамъ ни казалось человѣку съ предразсудками. Если-бы собаки могли разсуждать и критиковать, то навѣрно-бы нашли столько-же для себя смѣшнаго, сколько не гораздо больше, въ социальныхъ отношеніяхъ между людьми, ихъ поводителемъ, — если не гораздо больше; это повторяю потому, что я твердо увѣренъ, что глупостей у насъ не меньше. Это мысль Ракитина, мысль замѣчательная. Я слышалъ, Смуровъ.

— А что такое социалистъ? спросилъ Смуровъ.

— Это коли всѣ равны, у всѣхъ одно общее мнѣніе, нѣтъ власти, а религія и всѣ законы какъ кому угодно, ну и тамъ остальное. Ты еще не доросъ до этого, тебѣ рано. Холодно, Коля.

— Да. Двѣнадцать градусовъ. Давеча отецъ смотрѣлъ на термометръ.

— И замѣтилъ ты, Смуровъ, что въ срединѣ зимы, если градусовъ пятнадцать или даже восемнадцать, то кажется не такъ холодно, какъ, напримѣръ, теперь, въ началѣ зимы, когда

занидевлз отъ мороза.

— У мужика борода замерзла!
нуль Коль, проходя мимо него.

— У многихъ замерзла, спокойно
въ отвѣтъ мужикъ.

- Не запрай его, замѣтилъ См

--- Ничего, не осердится, онъ хо
Прощай.

- А ты развѣ Матвѣй?

-- Матвѣй. А ты не зналъ?

- Не зналъ: я наугадъ сказалъ

--- Ишь вѣдь. Въ школьникахъ и
Въ школьникахъ.

· Что-жь тебя порютъ?

· Не то чтобы, а такъ.

--- Больно?

Не безъ того!

---- Эхъ, жисть! вздохнулъ мужик

· Прощай, Матвѣй.

--- Прощай Парнишка ты милый.
Мальчики пошли дальше.

· Это хорошій мужикъ, загово-
люблю поговорить съ народомъ и все
ведливость.

впрочемъ, ты этого не понимаешь. Съ народомъ надо умѣючи
руть.

— Только не задирай, пожалуйста, а то опять выйдетъ исто-
какъ тогда съ этимъ гусемъ.

— А ты боишься.

— Не смѣйся, Коля, ей Богу боюсь. Отецъ ужасно разсер-
ся. Мнѣ строго запрещено ходить съ тобой.

— Не безпокойся, нынѣшній разъ ничего не произойдетъ.
авствуи, Наташа, крикнулъ онъ одной изъ торговыхъ подъ
сомъ.

— Какая я тебѣ Наташа, я Марья, крикливо отвѣтила тор-
ва, далеко еще не старая женщина.

— Это хорошо, что Марья, прощай.

— Ахъ ты, пострѣленокъ, отъ земли не видать, а туда-же!

— Некогда, некогда мнѣ съ тобой, въ будущее воскресеньѣ
жажешь, замахалъ руками Коля, точно она къ нему приста-
ла, а не онъ къ ней.

— А что мнѣ тебѣ рассказывать въ воскресеньѣ? Самъ при-
лся, а не я къ тебѣ, озорникъ, раскричалась Марья, — вы-
тъ тебя, вотъ что, обидчикъ ты извѣстный, вотъ что!

Между другими торговками, торговавшими на своихъ лот-
рядомъ съ Марьей, раздался смѣхъ, какъ вдругъ изъ-подъ
ды городскихъ лавокъ выскочилъ ни съ того, ни съ сего,
къ раздраженный человекъ въ родѣ купеческаго прикащика,
нашъ торговецъ, а изъ прѣзжихъ, въ длиннополомъ си-
кафтанѣ, въ фуражкѣ съ козырькомъ, еще молодой, въ
орусыхъ кудряхъ и съ длиннымъ, блѣднымъ, рябоватымъ
мъ. Онъ былъ въ какомъ-то глухомъ волненіи и тотчасъ
ялся грозить Колѣ кулакомъ.

— Я тебя знаю, восклицалъ онъ раздраженно, — я тебя знаю!
Коля пристально поглядѣлъ на него. Онъ что-то не могъ при-
ить, когда онъ съ этимъ человекомъ могъ имѣть какую-ни-
схватку. Но мало-ли у него было схватокъ на улицахъ,
ъ и припомнить было нельзя.

— Знаешь? иронически спросилъ онъ его.

— Я тебя знаю! Я тебя знаю! наладилъ, какъ дуракъ, мѣщанинъ.

— Тебѣ-же лучше. Ну, некогда мнѣ, прощай!

— Чего озорничаешь? закричалъ мѣщанинъ. — Ты опять озор-
ить? Я тебя знаю! Ты опять озорничать?

— Это, братъ, не твое теперь дѣло, что я озорничаю, про-
къ Коля, остановясь и продолжая его разглядывать.

— Какъ не мое?

— Твое, не твое.

— А чье-же? Чье-же? Ну, чье-же?

— Это, братъ, теперь Трифона Никитича дѣло, а

какого такого Трифона Никитича? съ дурацкимъ зѣнкомъ, хотя все также горячась, уставился на Колю. Коля важно обмѣрилъ его взглядомъ.

— Въ Вознесенью ходилъ? строго и настойчиво вѣдалъ онъ его.

— Въ какому Вознесенью? Зачѣмъ? Нѣтъ, не ходилъ немного парень.

— Сабанѣва знаешь? еще настойчивѣе и еще строже дожидалъ Коля.

— Какого тѣ Сабанѣва? Нѣтъ, не знаю.

— Ну, и чертъ съ тобой послѣ этого! отрываясь отъ мѣста, круто повернувъ направо, быстро зашагалъ своимъ шагомъ, какъ будто и говорить презирая съ такимъ олухомъ, Сабанѣва даже не знаетъ.

— Стой ты, эй! Какого тѣ Сабанѣва? опомнись весь опять заволнованный. — Это онъ чего такого и повернулся онъ вдругъ къ торговкамъ, глуше смотря въ глаза Бабы разсмѣялись.

— Мудреный мальчишка, проговорила одна.

— Какого, какого это онъ Сабанѣва? все неистово рвалъ парень, махая правою рукой.

— А это, надоть быть, Сабанѣва, который у Кузи служилъ, вотъ какъ надоть быть, догадалась вдругъ одна. Парень дико на нее уставился.

— Кузь-ми чева? переговорила другая баба, да къ Трифонъ? Тотъ Кузьма, а не Трифонъ, а парнишка Три Никитычемъ называлъ, стало, не онъ.

— Это, видишь, не Трифонъ и не Сабанѣвъ, это Чижовъ, тѣла вдругъ третья баба, доселѣ молчаливая и серьезная, — Алексѣй Иванычемъ звать его. Чижовъ, Алексѣй Ивановичъ.

— Это такъ и есть что Чижовъ, настойчиво подхватила четвертая баба.

Ошеломленный парень глядѣлъ то на ту, то на дру-

— Да зачѣмъ онъ спрашивалъ, спрашивалъ-то онъ люди добрые! восклицалъ онъ уже почти въ отчаяніи: «Кто знаетъ?» А чертъ его знаетъ, какой онъ есть тѣ бабѣ?

— Безтолковый ты человекъ, говорятъ тѣ не Сабанѣевъ, Чижовъ, Алексѣй Ивановичъ Чижовъ, вотъ кто! внушительно жнула ему одна торговка.

— Какой Чижовъ? Ну, какой? Говори коли знаешь.

— А длинный, возгривый, лѣтось на базарѣ сидѣлъ.

— А на кой лядъ мнѣ твое Чижова, люди добрые, а?

— А я почемъ знаю на кой тѣ лядъ Чижова.

— А кто тебя знаетъ, на что онъ тебѣ, подхватила другая, — ты долженъ знать, на что его тебѣ надо, коли галдѣшь. Вѣдь ты тебѣ говорилъ, а не намъ, глупый ты человекъ. Аль вправду знаешь?

— Кого?

— Чижова.

— А чортѣ его дери Чижова, съ тобой вмѣстѣ! Отколочу его, ты что! Смѣялся онъ надо мной!

— Чижова-то отколотишь? Либо онъ тебя! Дуракъ ты вотъ что!

— Не Чижова, не Чижова, баба ты злая, вредная, мальчишку колочу, вотъ что! Давайте его, давайте его сюда, смѣялся онъ надо мной!

Бабы хохотали. А Коля шагаль уже далеко съ побѣдоноснымъ выраженіемъ въ лицѣ. Смуровъ шелъ подлѣ, оглядываясь на кричущую вдали группу. Ему тоже было очень весело, хотя онъ еще опасался какъ-бы не попасть съ Колей въ исторію.

— Про какого ты его спросилъ Сабанѣева? спросилъ онъ Колю, предчувствуя отвѣтъ.

— А почему я знаю про какого? Теперь у нихъ до вечера шуму будетъ. Я люблю расшевелить дураковъ во всѣхъ слояхъ общества. Вотъ и еще стоитъ олухъ, вотъ этотъ мужикъ. Замѣтъ ты, говорятъ: «Ничего нѣтъ глупѣе глупаго француза», но и такая физіономія выдаетъ себя. Ну, не написано-ль у этого лица, что онъ дуракъ, вотъ у этого мужика, а?

— Оставь его Коля, пойдѣмъ мимо.

— Ни за что не оставлю, я теперь поѣхаль. Эй! здравствуй, Коля!

Дюжій мужикъ, медленно проходившій мимо и уже, должно быть, выпившій, съ круглымъ простоватымъ лицомъ и съ бокомъ съ просѣдью, поднялъ голову и посмотрѣлъ на парнишку.

— Ну, здравствуй, коли не шутишь, не торопливо проговори онъ въ отвѣтъ.

— А воль шучу? засмѣялся Коля.

— А шутишь, такъ и шути, Богъ съ тобой. Ничего, это можно. всегда возможно чтобъ пошутить.

— Виновать, братъ, пошутилъ.
 — Ну и Богъ тѣ прости.
 — Ты-то прощаешь-ли?
 — Очень прощаю. Ступай.
 — Вишь вѣдь ты, да ты, пожалуй, мужикъ умный.
 — Умнѣй тебя, неожиданно и по прежнему важно от мужикъ.

— Врядъ-ли, опѣшилъ нѣсколько Коля.
 — Вѣрно говорю.
 — А пожалуй, что и такъ.
 — То-то, братъ.
 — Прощай, мужикъ.
 — Прощай.
 — Мужики бываютъ разные, замѣтилъ Коля Смуровъ нѣкотораго молчанія.—Почемъ-же я зналъ, что нарвусь на Я всегда готовъ признать умъ въ народѣ.

Вдали на соборныхъ часахъ пробило половина двѣна Мальчики заспѣшили, и остальной довольно еще длиннѣ до жилища штабсъ-капитана Снѣгирева прошли быстро, уже не разговаривая. За двадцать шаговъ до дома Коля вился и велѣлъ Смурову пойти впередъ и вызвать ему с рамазова.

— Надо предварительно обнюхаться, замѣтилъ онъ С
 — Да зачѣмъ вызывать, возразилъ было Смуровъ, — и такъ, тебѣ ужасно обрадуются. А что-же на морозѣ миться?

-- Это ужъ я знаю, зачѣмъ мнѣ его надо сюда на мороз потически отрѣзать Коля (что ужасно любилъ дѣлать съ «маленькими»), и Смуровъ побѣжалъ исполнять приказа

IV.

Жучна.

Коля съ важною миной въ лицѣ прислонился къ за сталъ ожидать появленія Алеша. Да, съ нимъ ему давно тѣло съ встрѣтиться. Онъ много слышалъ о немъ отъ бовъ но до сихъ поръ всегда наружно выказывалъ презр равнодушный видъ когда ему о немъ говорили. Уже «взль» Алешу, выслушавъ то, что о немъ ему говорили

я очень, очень хотѣлъ познакомиться: что-то было во всѣхъ слушанныхъ имъ разказахъ объ Алешѣ симпатическое и влещее. Такимъ образомъ теперешняя минута была важная; во всякомъ случаѣ, надо было себя въ грязь лицомъ не ударить, показать независимость: «А то думаетъ, что мнѣ тринадцать лѣтъ и притѣмъ меня за такого-же мальчишку, какъ и эти. И что ему эти мальчишки? Спрошу его когда сойдусь? Скверно однако-же то, что такого маленькаго росту. Тузиковъ моложе меня, а на полголовы выше. Лицо у меня, впрочемъ, умное; я не хорошъ, я знаю, что я не красивъ лицомъ, но лицо умное. Тоже надо не очень высказываться, а то сразу-то съ объятіями, онъ и подумаетъ... Тьфу, какая будетъ мерзость, если подумаетъ!...»

Такъ волновался Коля, изо всѣхъ силъ стараясь принять независимый видъ. Главное, его мучилъ маленькій его ростъ, не столько «мерзкое» лицо, сколько ростъ. У него дома, въ углу на стѣнѣ, еще съ прошлаго года была сдѣлана карандашомъ черточка, которою онъ отмѣтилъ свой ростъ, и съ тѣхъ поръ каждые два мѣсяца онъ съ волненіемъ подходилъ опять измеряться: на сколько успѣлъ вырасти? Но, увы! Выросталъ онъ весьма мало, и это приводило его порой просто въ отчаяніе. Но до лица, то было оно вовсе не «мерзкое», напротивъ, довольно миловидное, бѣленькое, блѣдненькое, съ веснушками. Глаза, небольшие, но живые глазки смотрѣли смѣло и часто выражали чувствомъ. Скулы были нѣсколько широки, губы тоненькія, не очень толстыя, но очень красныя; носъ маленькій и весьма изящно вздернутый: «совсѣмъ курносый, совсѣмъ курносый!» бормоталъ про себя Коля, когда смотрѣлся въ зеркало, и тогда отходилъ отъ зеркала съ негодованіемъ. «Да врядъ-ли и это умное?» подумывалъ онъ иногда, даже сомнѣваясь и въ себя. Впрочемъ, не надо полагать, что забота о лицѣ и о ростѣ мучала всю его душу. Напротивъ, какъ ни язвительны были замечанія предъ зеркаломъ, но онъ быстро забывалъ о нихъ и не надолго, «весь отдаваясь идеямъ и дѣйствительной жизни», а что определялъ онъ самъ свою дѣятельность.

Алеша появился скоро и спѣша подошелъ къ Колю: за нѣсколько шаговъ еще тотъ разглядѣлъ, что у Алеши было какое-то такое радостное лицо. «Неужели такъ радъ мнѣ?» съ удовольствіемъ подумалъ Коля. Здѣсь, встати, замѣтимъ, что Алеша очень перемѣнился съ тѣхъ поръ какъ мы его оставили: онъ сбросилъ старыя бѣшенки и носилъ теперь прекрасно сшитый сюртукъ, мягкую круглую шляпу и коротко обстриженные волосы. Все это

очень его скрасило и смотрѣлъ онъ совсѣмъ красавчикомъ. Ловицкое лицо его имѣло всегда веселый видъ, но веселость была какая-то тихая и спокойная. Къ удивленію Коля вышло къ нему въ томъ, въ чемъ сидѣлъ въ конной пальто, видно что поспѣвшихъ. Онъ прямо протянулъ Колю:

— Вотъ и вы, наконецъ, какъ мы васъ всѣ ждали!

— Были причины, о которыхъ сейчасъ узнаете. Все случай радъ познакомиться. Давно ждалъ случая и ждалъ, пробормоталъ, немного задыхаясь, Коля.

— Да мы съ вами и безъ того-бы познакомились, о васъ много слышалъ, но здѣсь-то, сюда-то вы заехали?

— Скажите, какъ здѣсь?

— Илюша очень плохъ, онъ непременно умретъ.

— Что вы! Согласитесь, что медицина подлость, Карамазовъ жаромъ воскликнулъ Коля.

— Илюша часто, очень часто поминалъ объ васъ, знаете, во снѣ, въ бреду. Видно, что вы ему очень, очень дороги прежде... до того случая... съ ножикомъ. Тутъ есть причина... Скажите, это ваша собака?

— Моя. Перезвонъ.

— А не Жучка? жалостно поглядѣлъ Алеша въ глаза! Та уже такъ и пропала?

— Знаю, что вамъ хотѣлось-бы всѣмъ Жучку, съ все-съ, загадочно усмѣхнулся Коля.—Слушайте, Карамъ вамъ объясню все дѣло, я, главное, съ тѣмъ и пришелъ этого васъ и вызвалъ, чтобы вамъ предварительно объ весь пассажъ, прежде чѣмъ мы войдемъ, оживленно началъ. Видите, Карамазовъ, весной Илюша поступаетъ въ прѣдѣльный классъ. Ну, извѣстно, нашъ приготовительный мальчишкин, дѣтворъ. Илюшу тотчасъ-же начали задерживать. Въ классамъ выше и, разумеется, смотрю издали, со стороны мальчикъ маленькій, слабенькій, но не подчиняется, даже дерется, гордый, глазенки горятъ. Я люблю этакихъ. А его пуще. Главное, у него тогда было платьишко скверное, нитки на верхъ лѣзутъ, а сапоги каша просятъ. Они сего это. Унижаютъ. Нѣтъ, этого ужъ я не люблю, тотчасъ ступился и экстрафеферу задалъ. Я вѣдь ихъ бью, а они обожаютъ, вы знаете-ли это, Карамазовъ?—эспансивно стался Коля.—Да я вообще люблю дѣтвору. У меня и на шеѣ дома два птенца сидятъ, даже сегодня меня замъ. Такимъ образомъ Илюшу перестали бить, и я всталъ съ

гекцію. Вижу, мальчикъ гордый, это я вамъ говорю, что но кончилъ тѣмъ, что предался мнѣ рабски, исполняетъ мои повелѣнія, слушаетъ меня какъ Бога, лѣзетъ мнѣ въ антрактахъ между классами сейчасъ ко мнѣ, и гвѣ съ нимъ ходимъ. По воскресеньямъ тоже. У насъ въ смѣются, когда старшій сходитъ на такую ногу съ имъ, но это предрасудокъ. Такова моя фантазія, и баста, да-ли? Я его учу, развиваю, — почему, скажите, я не развивать, если онъ мнѣ нравится? Вѣдь вотъ вы-же, вѣ, сошлись со всѣми этими птенцами, значить, хотите ать на молодое поколѣніе, развивать, быть полезнымъ? аюсь, эта черта въ вашемъ характерѣ, которую я узналъ лшкѣ, всего болѣе заинтересовала меня. Впрочемъ, къ имѣчаю, что въ мальчикѣ развивается какая-то чувстви- б, сентиментальность, а я, знаете, рѣшительный врагъ телячьихъ нѣжностей, съ самаго моего рожденія. И къ противорѣчія: гордъ, а мнѣ преданъ рабски, — преданъ а вдругъ засверкаютъ глазенки и не хочетъ даже со- ся со мной, спорить, на стѣну лѣзетъ. Я проводилъ разныя идеи: онъ не то что съ идеями не согласенъ, а вижу, что онъ лично противъ меня бунтуетъ, потому что нѣжности отвѣчаю хладнокровіемъ. И вотъ, чтобъ его вы- я, чѣмъ онъ нѣжнѣе, тѣмъ становлюсь еще хладнокров- очно такъ поступаю, таково мое убѣжденіе. Я имѣлъ въ школить характеръ, выровнять, создать человека... ну и вы, разумѣется, меня съ полслова понимаете. Вдругъ за- онъ день, другой, третій смущенъ, скорбитъ, но ужь не о яхъ, а о чемъ-то другомъ, сильнѣйшемъ, высшемъ. Ду- о за трагедія? Наступаю на него, и узнаю штуку: ка- онъ образомъ сошелся съ лакеемъ покойнаго отца ва- оторый тогда еще былъ въ живыхъ) Смердяковымъ, а научи его, дурачка, глупой шуткѣ, то есть звѣрской подлой шуткѣ, — взять кусокъ хлѣба, мякишу, воткнуть булавку и бросить какой-нибудь дворовой собакѣ, изъ которыя съ голодухи кусокъ не жуя глотаютъ, и по- зъ, что изъ этого выйдетъ. Вотъ и смастерили они такой и бросили вотъ этой самой лохматой Жучкѣ, о которой такая исторія, одной дворовой собакѣ изъ такого двора, просто не кормили, а она-то весь день на вѣтеръ лаетъ. вы этотъ глупый лай, Карамазовъ? Я терпѣть не могу). бросилась, проглотила и завизжала, завертѣлась и пу-

сдѣлалъ низкій постонокъ, ты под:
но пока прерываю съ тобою си
дамъ тебѣ знать черезъ Смурова
который теперь со мной пришелъ
преданъ): буду-ли продолжать съ
брошу тебя на вѣки, какъ подлен
М. признаюсь, тогда-же почувствов
комъ строго отнесся, но что дѣла
няя мысль. День спустя, посыла
него передаю, что я съ нимъ боли
табъ у насъ называется, когда два
собой сношенія. Гайна въ томъ, что
фербантъ всего только нѣсколько
онячь протянуть ему руку. Это бы
что-же вы думаете: выслушалъ отъ
сверкали глаза: «Передаи, закричалъ
что я всѣмъ собакамъ буду теперь
всѣмъ, всѣмъ!» : А, думаю, вольныи
курля». И сталъ ему выказывать
встрѣчь отвертываюсь или ирониче
происходитъ этотъ случай съ его
Поймите, что онъ такимъ образомъ
ловленъ былъ къ страшному разду
я его оставилъ, изкинувшись на
чалка». Вотъ путь-то у нихъ и
А страшно сожалѣю, потому что

его въ бедро, вотъ тутъ у правой ноги. Я не двинулся, я, знаюсь, иногда бываю храбръ, Карамазовъ, я только порывъ съ презрѣніемъ, какъ-бы говоря взглядомъ: «Не ходи, молю, еще, за всю мою дружбу, такъ я къ твоимъ дамъ». Но онъ другой разъ не нырнулъ, онъ не выдержалъ, онъ самъ испугался, бросилъ ножикъ, заплакалъ въ горло и пустился бѣжать. Я, разумеется, не фискализъ и при этомъ всѣмъ молчать, чтобы не дошло до начальства, даже мать сказала только когда все зажило, да и ранка была пустая, чистая. Потомъ, слышу, въ тотъ-же день бросался камнями и палецъ укусилъ, — но, понимаете, въ какомъ онъ былъ настроеніи! Ну что дѣлать, я сдѣлалъ глупо: когда онъ заболѣлъ, я пошелъ его простить, то есть помириться, теперь раскаиваюсь. Но тутъ ужъ у меня явились особыя цѣли. Ну, вотъ и эта исторія... только, кажется, я сдѣлалъ глупо...

— Ахъ, какъ это жаль, воскликнулъ съ волненіемъ Алеша — я не зналъ, вашихъ этихъ съ нимъ отношеній раньше, а вы я самъ давно уже пришелъ къ вамъ васъ просить пойдти ко мнѣ со мной вмѣстѣ. Вѣрите-ли, въ жару, въ болѣзни, онъ былъ вамъ. Я и не зналъ, какъ вы ему дороги! И неужели, если вы такъ и не отыскали эту Жучку? Отецъ и всѣ мальчики по всему городу розыскивали. Вѣрите-ли, онъ, больной, влезалъ, три раза при мнѣ ужъ повторялъ: «Это оттого я такъ, папа, что я Жучку тогда убилъ, это меня Богъ наказалъ»: не собьешь его съ этой мысли! И если-бы только достали эту Жучку и показали, что она не умерла, а живая, то, вѣрите, онъ-бы воскресъ отъ радости. Всѣ мы на васъ напались.

— Скажите, съ какой-же стати надѣялись, что я отыщу Жучку, то есть что именно я отыщу? — съ чрезвычайнымъ любопытствомъ спросилъ Коля, — почему именно на меня рассчитали, а не на другаго?

— Какой-то слухъ былъ, что вы ее отыскиваете, и что когда найдете ее, то приведете. Смуровъ что-то говорилъ въ этомъ смыслѣ. Мы, главное, все стараемся увѣрить, что Жучка жива, где-то видѣли. Мальчннки ему живаго зайчика откуда-то принесли, только онъ посмотрѣлъ, чуть-чуть улыбнулся и попросилъ, чтобы выпустили его въ поле. Такъ мы и сдѣлали. Сію минуту отецъ воротился и ему щенка меделянскаго принесъ, остался откуда-то, думалъ этимъ утѣшить, только хуже вышло...

У него все теперь, все на землѣ с
умри Плюша, онъ или съ ума сойде
себя жизни. Я почти убѣжденъ въ э
смотрю!

— Я васъ понимаю, Карамазовъ.
вѣва, прибавилъ проникновенно Коля

— А я какъ увидалъ васъ съ соі
вы это привели ту самую Жучку.

— Подождите, Карамазовъ, може
а эта—это Церезвонъ. Я внушу ее
жетъ быть, развеселю Плюшу побес
щенкомъ. Подождите, Карамазовъ, ви
Ахъ, Боже мой, что-жь я васъ держу
нительно Коля.—Вы въ одномъ сюрт
я васъ задерживаю: видите, видите,
мы эгонисты, Карамазовъ!

— Не безпокойтесь, правда, холд
Пойдемте однако-же. Кстати: какъ ва
а дальше.

— Николай, Николай Пвановъ К
рать по казенному, сынъ Красоткинъ,
но вдругъ прибавилъ:

— Я, разумѣется, ненавижу мое

— Почему-же?

я игралъ — это дѣйствительность, но что я для себя, для доставленія себѣ самому удовольствія, то это рѣвно клевета. Я имѣю основанія думать, что до васъ это, но я не для себя игралъ, а для дѣтвора игралъ, потому они ничего безъ меня не умѣли выдумать. И вотъ у всегда вздоръ распустиятъ. Это городъ сплетень, увѣряю

А хотъ-бы и для своего удовольствія играли что-жь тутъ?

Ну для себя... Не станете-же вы въ лошади играть?

А вы разсуждайте такъ, улыбнулся Алеша:—въ театрѣ, въ циркѣ, въ циркѣ-же взрослые, а въ театрѣ тоже представляющія всякихъ героевъ, иногда даже съ разбойниками съ войной,—такъ развѣ это не то-же самое, въ своемъ, въ своемъ, родѣ? А игра въ войну у молодыхъ людей, въ револьверное время, или тамъ въ разбойники,—это вѣдь тоже заходящее искусство, зарождающаяся потребность искусства для души, и эти игры иногда даже сочиняются складнѣе представленія на театрѣ, только въ томъ разница, что въ циркѣ вѣдятъ смотрѣть актеровъ, а тутъ молодежь сами актеры. Это только естественно.

Вы такъ думаете? Таково ваше убѣжденіе? пристально взглянулъ на него Коля.— Знаете, вы довольно любопытную сказали; я теперь приду домой и шевельну мозгами на счетъ. Признаюсь, я такъ и ждалъ, что отъ васъ можно чему поучиться. Я пришелъ у васъ учиться, Карамазовъ, и вновеннымъ и экспансивнымъ голосомъ заключилъ Коля.

А я у васъ, улыбнулся Алеша, пожавъ ему руку. Алеша былъ чрезвычайно доволенъ Алешей. Его поразило то, что онъ въ высшей степени на ровной ногѣ и что тотъ былъ съ нимъ какъ «съ самымъ большимъ».

Я вамъ сейчасъ одинъ фортель покажу, Карамазовъ, тоже театральное представленіе, нервно засмѣялся онъ, — я съ вами пришелъ.

Зайдемъ сначала наверхъ къ хозяевамъ, тамъ всѣ ваши пальто оставляютъ, потому что въ комнатѣ тѣсно и жарко. О, вѣдь я на мгновенье, я войду и просижу въ пальто. Онъ останется здѣсь въ сѣняхъ и умретъ: «исси, Перезвонъ и умри!» — видите, онъ и умеръ. А я сначала посмотрю обстановку, и потомъ, когда надо будетъ, войду! «исси Перезвонъ!» и вы увидите, онъ тотчасъ-же вле-

туть, какъ угорьлый. Только надо, чтобы Смуровъ за-
отворить въ то мгновение дверь. Ужь я распоряджусь
дате фортель...

У.

У Илюшиной постельни.

Въ знакомой ужъ намъ коннатѣ, въ которой обитан-
ство известнаго намъ отставнаго штабсъ-капитана Ол-
было въ эту минуту и душно и тѣсно отъ многочислен-
бравшейся публички. Нѣсколько мальчиковъ сидѣли въ
разъ у Илюши, и хотъ все они готовы были, какъ и О-
отрадать, что помирная и свадь ихъ съ Илюшей Але-
это было такъ. Все искусство его въ этомъ случаѣ состо-
томъ, что свадь онъ ихъ съ Илюшей, одного за другимъ
«тепличныхъ нѣжностей», а совсемъ какъ-бы не нарече-
чаянно. Илюшѣ-же это принесло огромное облегченіе въ и-
даніяхъ. Увидѣвъ почти нѣжную дружбу и участіе къ себѣ
этихъ мальчиковъ, прежнихъ враговъ своихъ, онъ былъ
тронуть. Одного только Красоткина не доставало, и это
на его сердцѣ страшнымъ гнетомъ. Если было въ тѣ
воспоминаніяхъ Илюшечки нѣчто самое горьчайшее, то это
весь этотъ эпизодъ съ Красоткинымъ, бывшимъ единствѣ
другомъ его и защитникомъ, на котораго онъ бросился
съ ножикомъ. Такъ думалъ и умненькій мальчикъ Смуро-
вый пришедшій помириться съ Илюшей). Но самъ Крас-
когда Смуровъ отдаленно сообщалъ ему, что Алеша хотъ
ему придти «по одному дѣлу», тотчасъ-же оборвалъ:
залъ подходъ, поручивъ Смурову немедленно сообщить
назову», что онъ самъ знаетъ какъ поступать, что е-
ни отъ кого не просить, и что, если пойдетъ къ бѣдѣ
самъ знаетъ когда пойти, потому что у него «свой разъ»
Это было еще недѣля за двѣ до этого воскресенья. Вотъ
Алеша и не пошелъ къ нему самъ, какъ нагѣревалос-
чемъ, онъ хотъ и подождать, но, однакъ-же, послалъ
къ Красоткину еще разъ и еще разъ. Но въ оба эти ра-
сотканъ отвѣтилъ уже самымъ нетерпѣливымъ и рѣзкимъ
зомъ, передавъ Алешѣ, что, если тотъ придетъ за нимъ
то онъ за это никогда не пойдетъ къ Илюшѣ, и что

ьше не надоѣдали. Даже до самаго этого послѣдняго дня Коля Смуровъ не зналъ, что Коля рѣшилъ отправиться къ Юшѣ въ это утро, и только наканунѣ вечеромъ, прощаясь со Смуровымъ, Коля вдругъ рѣзко объявилъ ему, чтобъ онъ ѣдетъ его завтра утромъ дома, потому что пойдетъ вмѣстѣ съ нимъ въ Снѣгиревымъ, но чтобы не смѣлъ, однако-же, никого докладывать о его прибытіи, такъ какъ онъ хочетъ придти внезапно. Смуровъ послушался. Мечта-же о томъ, что онъ придетъ пропавшую Жучку, явилась у Смурова на основаніи разсѣянныхъ мелькомъ словъ Красоткинымъ, что «ослы они, коли не могутъ отыскать собаку, если только она жива». Да-же Смуровъ робко, выждавъ время, намекнулъ о своей заботѣ на счетъ собаки Красоткину, тотъ вдругъ ужасно озлился: «Я за осель, чтобъ искать чужихъ собакъ по всему городу, а у меня свой Перезвонъ? И можно-ли мечтать, чтобы собака, проглотившая булавку, осталась жива? Телячьи нѣжности, а еще ничего!»

Между тѣмъ Плюша уже недѣли двѣ какъ почти не сходилъ съ своей постельки, въ углу, у образовъ. Въ классы-же ходилъ съ самаго того случая, когда встрѣтился съ Алешей и кусилъ ему палецъ. Впрочемъ, онъ съ того-же дня и захворалъ, хотя еще съ мѣсяцъ могъ кое-какъ ходить изрѣдка по коридору и въ сѣняхъ, изрѣдка вставая съ постельки. Наконецъ, Плюша совсемъ обезсилѣлъ, такъ что безъ помощи отца не могъ двинуться. Отецъ трепеталъ надъ нимъ, пересталъ даже совсемъ ходить, почти обезумѣлъ отъ страха, что умретъ его мальчикъ, и, особенно послѣ того, какъ проведетъ, бывало, его по комоду, подъ руку и уложитъ опять въ постельку, — вдругъ выскочитъ въ сѣни, въ темный уголокъ, и, присѣжившись лбомъ къ стѣнѣ, начиналъ рыдать какимъ-то залихватымъ, сотрясающимся рыданіемъ, давая свой голосъ, чтобы рыданій его не было слышно никому.

Возвращаясь-же въ комнату, начиналъ обыкновенно чѣмъ-нибудь развлекать и утѣшать своего дорогаго мальчика, рассказывать ему сказки смѣшныя анекдоты, или представлялъ изъ себя разныхъ смѣшныхъ людей, которыхъ ему удавалось встрѣтить, даже подражалъ животнымъ, какъ они смѣшно воютъ и кричатъ. Но Плюша очень не любилъ, когда отецъ коверкаетъ и представлялъ изъ себя шута. Мальчикъ хотъ и старался не показывать, что ему это непріятно, но съ болію сердца говорилъ, что отецъ въ обществѣ униженъ, и всегда неотвязно,

вспоминалъ о «мочалкѣ» и о томъ «страшномъ днѣ». И безногая, тихая и кроткая сестра Илюшечки, тогда, когда отецъ коверкался (что-же до Варвары Николаевны она давно уже отправилась въ Петербургъ слушать курсы), полоумная маменька очень забавлялась и отъ всего сердилась, когда ея супругъ начнетъ, бывало, что-нибудь шутить или выдѣлывать какія-нибудь смѣшныя жесты. Только ее и можно было утѣшить, во все-же остальные дни она непрерывно брюзжала и плакалась, что теперь всѣ были, что ее никто не уважаетъ, что ее обижаютъ и проч. Но въ самые послѣдніе дни и она вдругъ какъ переѣнилась. Она часто начала смотрѣть въ уголокъ на него и стала задумываться. Стала гораздо молчаливѣе, при этомъ принималась плакать, то тихо, чтобы не слышали. Капитанъ съ горькимъ недоумѣніемъ замѣтилъ эту въ немъ переѣну. Посѣщенія мальчиковъ ей сначала не понравились, сердили ее, но потомъ веселые крики и рассказы дѣтей развлекать и ее и до того подъ конецъ ей понравились, перестань ходить эти мальчики, она-бы затосковала. Когда дѣти что рассказывали или начинали играть, она ласково и хлопала въ ладошки. Иныхъ подзывала къ себѣ, ласковала. Мальчика Смурова полюбила особенно. Что-же до капитана, то появленіе въ его квартирѣ дѣтей, приходило веселить Илюшу, наполнило душу его съ самаго начала женною радостью и даже надеждой, что Илюша перестанетъ теперь тосковать и, можетъ быть, отъ того скорѣе и выздоровѣетъ. Онъ ни одной минуты, до самаго послѣдняго, не сомнѣвался, не смотря на весь свой страхъ за Илюшу, что его мальчикъ вдругъ выздоровѣетъ. Онъ встрѣчалъ малыхъ гостей съ благоговѣніемъ, ходилъ около нихъ, услуживать имъ былъ имъ на себѣ возить, и даже впрямь началъ возить, но Илюшѣ эти игры не понравились, и были оставлены. Сталъ для нихъ покупать гостинцевъ, пряничковъ, орешковъ, устраивалъ чай, намазывалъ бутерброды. Надо замѣтить, что все это время деньги у него не пореводились. Тогдашніе рубль отъ Катерины Ивановны онъ принялъ точь по предсказанію Алеши. А потомъ Катерина Ивановна, разсказавъ подробно объ ихъ обстоятельствахъ и о болѣзни Илюши, посѣтила ихъ квартиру, познакомилась со всѣмъ семействомъ и даже съумѣла очаровать полоумную штабсъ-капитаншу, поръ рука ея не оскудѣвала, а самъ штабсъ-ка-

Маленький ужасомъ при мысли, что умретъ его мальчикъ, въ свой прежній гоноръ и смиренно принималъ подавнѣ. Это время докторъ Герценштубе, по приглашенію Катерины Ивановны, ѣздилъ постоянно и аккуратно черезъ день въ больницу, но толку отъ его посѣщеній выходило мало, а пичкалъ его лѣкарствами ужасно. Но зато въ этотъ день, то есть въ воскресенье утромъ, у штабсъ-капитана ждали одного молодого доктора, прѣзжаго изъ Москвы и считавшагося въ Москвѣ знатностью. Его нарочно выписала и пригласила изъ Москвы Анна Ивановна за большія деньги,—не для Илюшечки, а для другой одной цѣли, о которой будетъ сказано ниже и въ томъ мѣстѣ, но ужь такъ какъ онъ прибылъ, то и Анна Ивановна его навѣститъ и Илюшечку, о чемъ штабсъ-капитанъ былъ заранѣе предувѣдомленъ. О прибытіи-же Коли Крапоткина онъ не имѣлъ никакого предчувствія, хотя уже давно зналъ, чтобы пришелъ, наконецъ, этотъ мальчикъ, по которому такъ мучился его Илюшечка. Въ то самое мгновеніе, когда Крапоткинъ отворилъ дверь и появился въ комнатѣ, всѣ, штабсъ-капитанъ и мальчики, столпились около постельки больного и изумлялись только что принесеннаго крошечнаго медвянскаго щенка, вчера только родившагося, но еще за недѣлю заказаннаго штабсъ-капитаномъ, чтобы развлечь и утѣшить Илюшечку, все бывшаго объ исчезнувшей и, конечно, уже погибшей Жучкѣ. Илюша, уже слышавшій и знавшій еще за три дня, что ему подарятъ маленькую собачку и не простую, а настоящую медвянскую (что, конечно, было ужасно важно), хотя и показывалъ тонкаго и деликатнаго чувства, что радъ подарку, но всѣ, Анна Ивановна и мальчики, ясно увидѣли, что новая собачка, можетъ быть, только еще сильнѣе шевельнула въ его сердечкѣ воспоминаніе о несчастной, имъ замученной, Жучкѣ. Шеночекъ лежалъ и пошмыгалъ подлѣ него, и онъ, болѣзненно улыбаясь, гладилъ его всюю тоненькою, блѣдненькою, высохшею ручкой: даже можно было, что собачка ему поправилась. Но... Жучки все-же не было, все-же это не Жучка, а вотъ если-бы Жучка и шеночекъ были, тогда-бы было полное счастье!

— Красоткинъ! крикнулъ вдругъ одинъ изъ мальчиковъ, перваго увидѣвшій вошедшаго Колю. Произошло видное волненіе, мальчики разступились и стали по обѣ стороны постельки, такъ другъ открыли всего Илюшечку. Штабсъ-капитанъ стремительно бросился на встрѣчу Колю.

— Пожалуйте, пожалуйста... дорогой гость! зашепталъ онъ

ему, — Няношечка, господишь Красоткинъ къ тебѣ. Я вѣдь...

Но Красоткинъ, на-скоро подавъ ему руку, миготъ имъ чрезвычайное свое знаніе свѣтскихъ приличій. Онъ тотчасъ прежде всего обратился къ сидѣвшей въ своемъ креслѣ штабсъ-капитана (которая какъ разъ въ ту минуту была какъ недовольна и брюзжала на то, что мальчики засели бою постельку Няноши и не дають ей поглядѣть на нее бачку), и чрезвычайно вѣжливо шаркнувъ предъ нею ною затѣмъ, повернувшись къ Няночкѣ, отдалъ и ей, какъ двой-же поклонъ. Этотъ вѣжливый поступокъ произвелъ и нуу даму необыкновенно пріятное впечатлѣніе.

— Вотъ и видно сейчасъ хорошо воспитаннаго мамон ловика, громко произнесла она, разводя руками, — а те чѣ-то наши гости: одинъ на другомъ прѣзжаются.

— Какъ-же, мамочка, одинъ-то на другомъ, какъ же хотя и ласково, но опасаясь немного за «мамочку», прѣз штабсъ-капитанъ.

— А такъ и вѣзжаются. Сядеть въ сѣняхъ одинъ и верхомъ на плечи, да въ благородное семейство и вѣдетъ верхомъ. Какой-же это гость?

— Да кто-же, кто-же, мамочка, такъ вѣзжалъ, кто-!

— Да вотъ этотъ мальчикъ на этомъ мальчикѣ сегодня халъ, а вотъ тотъ на томъ...

Но Коля уже стоялъ у постельки Няноши. Больной поблѣднѣлъ. Онъ приподнялся на кровати и пристально сталью посмотрѣлъ на Колю. Тотъ не видалъ своего пр маленькаго друга уже мѣсяца два, и вдругъ остановился нимъ совсѣмъ пораженный: онъ и вообразить не могъ, ч дить такое похудѣвшее и пожелтѣвшее личико, такіе горя лихорадочномъ жару и какъ будто ужасно увеличившіес такія худенькія ручки. Съ горестнымъ удивленіемъ всмат онъ, что Няноша такъ глубоко и часто дышетъ и что такъ сохлись губы. Онъ шагнулъ къ нему, подавъ руку и совсѣмъ потерявшись, проговорилъ:

— Ну что, старикъ... какъ поживаешь?

Но голосъ его пресѣлся, развязности не хватило, лицо вдругъ передернулось и что-то задрожало около его губъ. болѣзненно ему улыбался, все еще не въ силахъ сказа Коля вдругъ поднялъ руку и провель для чего-то своимъ по волосамъ Няноши.

— Ни-че-го! пролепеталъ онъ ему тихо, — не то ободряя, не то самъ не зная зачѣмъ это сказалъ. Съ минутку опять молчали.

— Что это у тебя новый щенокъ? вдругъ самымъ безчувственнымъ голосомъ спросилъ Коля.

— Да-а-а! отвѣтилъ Илюша длиннымъ шепотомъ, задыхаясь.

— Черный носъ, значитъ изъ злыхъ, изъ цѣпныхъ, важно твердо замѣтилъ Коля, какъ будто все дѣло было именно въ носѣ и въ его черномъ носѣ. Но главное было въ томъ, что въ все еще изъ всѣхъ силъ старался побороть въ себѣ чувство, чтобы не заплакать какъ «маленькій», и все еще не могъ побороть. — Подростеть, придется посадить на цѣпь, ужъ я знаю,

— Онъ огромный будетъ! воскликнулъ одинъ мальчикъ изъ цѣпи.

— Извѣстно, медеянскій, огромный, вотъ этакій, съ теленка, издавалось вдругъ нѣсколько голосовъ.

— Съ теленка, съ настоящаго теленка-съ, подскочилъ штабсъ-капитанъ, — я нарочно отыскалъ такого, самага-самага злющаго, родители его тоже огромные и самые злющіе, вотъ этикіе отъ этого ростомъ... Присядьте-съ, вотъ здѣсь на кроваткѣ у Илюши, не то здѣсь на лавку. Милости просимъ, гость дорогой, гость долго жданный... Съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ изволили присядеть-съ?

Красоткинъ присѣлъ на постелькѣ, въ ногахъ у Илюши. Онъ хотѣлъ, можетъ быть, и приготовить дорогой съ чего развязно начать разговоръ, но теперь рѣшительно потерялъ нитку.

— Нѣтъ... я съ Перезвономъ... У меня такая собака теперь, Перезвонъ. Славянское имя. Тамъ ждетъ... свистну и влетитъ. Я какъ же съ собакой, — оборотился онъ вдругъ къ Илюшѣ, — помнишь, старикъ, Жучку? вдругъ огрѣлъ онъ его вопросомъ.

Лицо Илюшечки перекосилось. Онъ страдальчески посмотрѣлъ на Колю. Алеша, стоявшій у дверей, нахмурился и кивнулъ было Колю украдкой, чтобъ не заговаривалъ про Жучку, тотъ не замѣтилъ или не захотѣлъ замѣтить.

— Гдѣ-же... Жучка? надорваннымъ голоскомъ спросилъ Илюша.

— Ну, братъ, твоя Жучка — фью! Пропала твоя Жучка.

Илюша смолчалъ, но пристально-пристально посмотрѣлъ еще разъ на Колю. Алеша, поймавъ взглядъ Коли, изъ всѣхъ силъ хотѣлъ закивалъ ему, но тотъ снова отвелъ глаза, сдѣлавъ видъ, что и теперь не замѣтилъ.

— Забѣжала куда нибудь и пропала. Какъ же пропастъ въ такой закуски, безжалостно рѣзалъ Коля, а между тѣмъ, онъ какъ будто сталъ отъ чего-то задыхаться.—У меня зато Перезвонъ... Славянское имя... Я къ тебѣ привелъ...

— Не на-до! проговорилъ вдругъ Илюшечка.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо, непременно посмотрѣть... Ты разскажешься. Я нарочно привелъ... такая-жедохматая, какъ и ты. Вы позволите, сударыня, позвать сюда мою собаку? обратилъ онъ вдругъ къ г-жѣ Свѣгиревой въ какомъ-то совсѣмъ ужъ не постижимомъ волненіи.

— Не надо, не надо! съ горестнымъ надрывомъ къ тебѣ воскликнулъ Илюша. Уборъ загорѣлся въ глазахъ его.

— Вы-бы-съ... рванулся вдругъ штабсъ-капитанъ съ стула у стѣнки, на которомъ было присѣлъ,—вы-бы-съ... въ другое время-съ... пролепеталъ онъ, но Коля неудержимо настаивалъ, слыша, вдругъ крикнулъ Смурову: «Смуровъ, отвори дверь!» только что тотъ отворилъ, свистнулъ въ свою свистулку. Перезвонъ стремительно влетѣлъ въ комнату.

— Прыгай, Перезвонъ, служи! Служи! завопилъ Коля, вставъ съ мѣста, и собака, ставъ на заднія лапы, вытянувшись прямо передъ постелькой Илюши. Произошло нѣчто никѣмъ не ожидаемое: Илюша вздрогнулъ и вдругъ съ силой двинулся впередъ, нагнулся къ Перезвону и, какъ-бы замирая, смотрѣлъ на него:

— Это... Жучка! прокричалъ онъ вдругъ надтреснутымъ отъ страданія и счастья голоскомъ.

— А ты думалъ кто? звонкимъ, счастливымъ голосомъ съ всей силы завопилъ Красоткинъ, и, нагнувшись къ собацѣ, схватилъ ее и приподнялъ къ Илюшѣ.

— Гляди, старикъ, видишь, глазъ кривой в лѣвое ухо рѣзано, точь въ точь тѣ примѣты какъ ты мнѣ рассказывалъ его по этимъ примѣтамъ и розыскалъ. Тогда-же розыскалъ въ скорости. Она вѣдь ничья была, она вѣдь была ничья! — восторженъ онъ, быстро оборачиваясь къ штабсъ-капитану, къ стулу его, къ Азешѣ и потомъ опять къ Илюшѣ,—она была у Свѣгировыхъ на задворкахъ, прижалась было такъ, но тѣ ее не заметили, а она бѣглая, она забѣглая изъ деревни... Я ее и разыскалъ... Видишь, старикъ, она тогда твой кусокъ, значить, и проглотила. Если-бы проглотила такъ ужъ, конечно-бы, повсра вѣдь ужъ конечно! Значить, успѣла выплюнуть, какъ тогда жила. А ты и не замѣтилъ, что она выплюнула. Выплюнула.

къ себѣ все-таки уколола, вотъ отчего тогда и завизжала. Визжала и визжала, а ты и думалъ, что она совсѣмъ проглотила. Ты должна была очень визжать, потому что у собаки очень тонкая кожа во рту... нѣжнѣе, чѣмъ у человѣка, гораздо нѣжнѣе! восклицалъ неистово Коля, съ разгорѣвшимся и съ сіяющимъ отъ восторга лицомъ.

Илюша-же и говорить не могъ. Онъ смотрѣлъ на Колю своими большими и какъ-то ужасно выкатившимися глазами, съ растертымъ ртомъ и поблѣднѣвъ какъ полотно. И если-бы только онъ не подозрѣвавшій ничего Красоткинъ, какъ мучительно и истинно могла вліять такая минута на здоровье больного мальчика, то ни за что-бы не рѣшился выкинуть такую штуку, такую выкинулъ. Но въ комнатѣ понималъ это, можетъ быть, только одинъ Алеппа. Что-же до штабсъ-капитана, то онъ весь бы-бы обратился въ самага маленькаго мальчика.

— Жучка! Такъ это-то Жучка? выкрикивалъ онъ блаженнымъ голосомъ.—Илюшечка, вѣдь это Жучка, твоя Жучка! Мамынька, вѣдь это Жучка!—Онъ чуть не плакалъ.

— А я-то и не догадался, горестно воскликнулъ Смуровъ.— Да Красоткинъ, я говорилъ, что онъ найдетъ Жучку, вотъ и нашелъ.

— Вотъ и нашелъ! радостно отозвался еще кто-то.

— Молодецъ, Красоткинъ! прозвенѣлъ третій голосокъ.

— Молодецъ, молодецъ! закричали всѣ мальчики и начали шлодировать.

— Да стойте, стойте, силится всѣхъ перекричать Красоткинъ:—я вамъ расскажу какъ это было, штука въ томъ, какъ это было, а не въ чемъ другомъ! Вѣдь я его розыскалъ, затаилъ къ себѣ и тотчасъ-же спряталъ, и домъ на замокъ, и ни-кого не показывалъ до самага послѣдняго дня. Только одинъ Смуровъ узналъ двѣ недѣли назадъ, но я увѣрилъ его, что это развонъ, и онъ не догадался, а я въ антрактѣ научилъ Жучку играть на наукамъ, вы посмотрите, посмотрите только какія онъ науки знаетъ! Для того и училъ, чтобъ ужъ привести къ тебѣ, Красоткинъ, обученнаго, гладкаго: «Вотъ, дескать, старикъ, какая у него Жучка теперь! Да нѣтъ-ли у васъ какогонибудь кусочка сырки, онъ вамъ сейчасъ одну такую штуку покажетъ, что вы со смѣху упадете,—говядинки, кусочекъ, ну, неужели-же у васъ нѣтъ?»

Штабсъ-капитанъ стремительно кинулся, черезъ сѣни, въ кухню къ хозяевамъ, гдѣ варилось и штабсъ-капитанское кушанье.

Коля-же, чтобы не терять драгоценнаго времени, отчаянно крикнулъ Перезвону: «Умри!» И тотъ вдругъ завертѣлся на спину и замеръ неподвижно всѣми членами своими вверхъ. Мальчики смѣялись, Илюша смотрѣлъ съ прежнею дальнѣею своею улыбкой, но всѣхъ больше понравилась умерь Перезвонъ, «маменькѣ». Она расхохоталась изъ себя, принялась щелкать пальцами и звать:

— Перезвонъ, Перезвонъ!

— Ни за что не подымется, ни за что, побѣдительно и вѣдливо гордясь, прокричалъ Коля, — хоть весь свѣтъ кричи, вотъ я крикну, и въ одинъ мигъ вскочитъ! Ісі, Перезвонъ!

Собака вскочила и принялась прыгать, вилла отъ рта Штабсъ-капитанъ вбѣжалъ съ кускомъ вареной говядины.

— Не горяча? — торопливо и дѣловито освидомился Коля, принимая кусокъ, — нѣтъ, не горяча, а то собака не любитъ горячаго. Смотрите-же всѣ, Илюшечка, смотри, да смотри-смотри, старикъ, что-же ты не смотришь? Я кричу, а ты смотришь!

Новая штука состояла въ томъ, чтобы неподвижно стоять и протянувшей свой носъ собакѣ, положить на самый носъ какой-нибудь кусочекъ говядины. Несчастный песъ, не шевелясь, долженъ былъ простоять съ кускомъ на носу сколько велитъ Коля, не двинуться, не шевельнуться, хоть полчаса. Но Перезвонъ выдержали только самую маленькую минутку.

— Пиль! крикнулъ Коля, и кусокъ въ одинъ мигъ влетѣлъ съ носу въ ротъ Перезвона. Публика, разумѣется, имѣла восторженное удивленіе.

— И неужели, неужели вы изъ-за того только, чтобы не чить собаку, все время не приходили! воскликнулъ съ изумленіемъ укоромъ Алеша.

— Именно для того, прокричалъ простодушнѣйшимъ образомъ Коля. — Я хотѣлъ показать его во всемъ блескѣ.

— Перезвонъ! Перезвонъ! — зашелкалъ вдругъ своими дѣньскими пальчиками Илюша, мани собаку.

— Да чего тебѣ! Пусть онъ къ тебѣ на постель сѣсть и чить. Ісі, Перезвонъ! — стукнулъ ладонью по постели Коля. Перезвонъ, какъ стрѣла, влетѣлъ къ Илюшѣ. Тотъ стремительно обнялъ его голову обѣими руками, а Перезвонъ мигомъ обнялъ ему за это шеку. Илюшечка прижался къ нему, протянулъ постельскій и спряталъ отъ всѣхъ въ его волосатой шерсти свое лицо.

— Господи, Господи! восклицалъ штабсъ-капитанъ. Коля всѣлъ опять на постель къ Илюшѣ.

— Илюша, я тебѣ могу еще одну штуку показать. Я тебѣ пшечку принесъ. Помнишь, я тебѣ еще тогда говорилъ про эту пшечку, а ты сказалъ: «Ахъ, какъ-бы и мнѣ ее посмотрѣть!» вотъ я теперь и принесъ.

И Коля, торопясь, вытащилъ изъ своей сумки свою бронзовую пушечку. Торопился онъ потому, что ужь самъ былъ очень стливъ: въ другое время такъ выждалъ-бы, когда пройдетъ рекътъ, произведенный Перезвономъ, но теперь поспѣшилъ, пренебрегая всякую выдержку: «ужь и такъ счастливы, такъ вотъ гдѣ и еще счастья!» Самъ ужь онъ былъ очень упоенъ.

— Я эту штучку давно уже у чиновника Морозова наглядалъ,—для тебя, старикъ, для тебя. Она у него стояла даромъ, а брата ему досталась, я и вымѣнялъ ему на книжку, изъ магазина швапа: *Родственникъ Магомета или цѣлительное дѣйство*. Сто лѣтъ книжкѣ, забубенная, въ Москвѣ вышла когда еще цензуры не было, а Морозовъ до этихъ штучекъ охотникъ. Не поблагодарилъ...

Пушечку Коля держалъ въ рукѣ предъ всѣми, такъ что всѣ могли видѣть и наслаждаться. Илюша приподнялся и, продолжая своею рукой обнимать Перезвона, съ восхищеніемъ разглядывалъ игрушку. Эффектъ дошелъ до высокой степени, когда Коля объявилъ, что у него есть и порохъ, и что можно сейчасъ-же выстрѣлить, «если это только не обезпочитъ дамъ». «Маменька» медленно попросила, чтобы ей дали поближе посмотрѣть на пушечку, что тотчасъ и было исполнено. Бронзовая пушечка на глазахъ ей ужасно понравилась и она принялась ее катать на своихъ колѣняхъ. На просьбу о позволеніи выстрѣлить отвѣчала самымъ полнымъ согласіемъ, не понимая, впрочемъ, о чемъ ее шашиваютъ. Коля показалъ порохъ и дробь. Штабсъ-капитанъ, бывшій военный человекъ, самъ распорядился зарядомъ, давъ самую маленькую порцію пороху, дробь-же попросилъ зажечь до другаго раза. Пушку поставили на полъ, дуломъ в пустое мѣсто, втиснули въ затравку три порошинки и зажгли фитиль. Произошелъ самый блистательный выстрѣлъ. «Маменька» рогнула было, но тотчасъ-же засмѣялась отъ радости. Мальчики смотрѣли съ молчаливымъ торжествомъ, но болѣе всего блаженствовалъ, смотря на Илюшу, штабсъ-капитанъ. Коля поднялъ пшечку и немедленно подарилъ ее Илюшѣ, вмѣстѣ съ дробью и порохомъ.

— Это я для тебя, для тебя! Давно приготовилъ, потому онъ еще разъ въ полнотѣ счастья.

— Ахъ, подарите мнѣ! Нѣтъ, подарите пушечку лучше, вдругъ точно маленькая начала просить «маменька». Она изобразило горестное безпокойство отъ боязни, что ей не вѣрятъ. Коля смутился. Штабсъ-капитанъ безпокойно заволновался.

— Мамоchка, мамочка! подскочилъ онъ къ ней, пушечка твоя, но пусть она будетъ у Илюши, потому что ему надо, но она все равно что твоя. Илюшечка всегда тебѣ дастъ играть, она у васъ пусть будетъ общая, общая...

— Нѣтъ, не хочу чтобъ общая, нѣтъ, чтобы совсѣмъ была, а не Илюшина, продолжала маменька, приготовляясь совсѣмъ заплакать.

— Мама, возьми себѣ, вотъ, возьми себѣ! крикнулъ и Илюша. — Красоткинъ, можно мнѣ ее мамѣ подарить? обрѣлся онъ вдругъ съ молящимъ видомъ къ Красоткину, какъ-бы чтобы тотъ не обидѣлся, что онъ его подарокъ другому не дастъ.

— Совершенно возможно! тотчасъ-же согласился Красоткинъ, и, взявъ пушечку изъ рукъ Илюши, самъ и передъ нимъ самымъ вѣжливымъ поклономъ «маменькѣ». Та даже рождалась отъ удивленія.

— Илюшечка, милый, вотъ кто мамочку свою любитъ, лениво воскликнула она и немедленно опять принялась за пушечку на своихъ колѣняхъ.

— Маменька, дай я тебѣ ручку поцалую, подскочилъ и супругъ и тотчасъ-же исполнилъ намѣреніе.

— И кто еще самый милый молодой человекъ, такъ этотъ добрый мальчикъ! проговорила благородная дама, и вѣдь она на Красоткина.

— А пороху я тебѣ, Илюша, теперь сколько угодно носить. Мы теперь сами порохъ дѣлаемъ. Боровиковъ узналъ: двадцать четыре части селитры, десять сѣры и шестнадцать резоваго угля, все вмѣстѣ столочь, влить воды, смѣшать кость и протереть черезъ барабанную шкуру—вотъ и порохъ.

— Мнѣ Смуровъ про вашъ порохъ уже говорилъ, а папа говоритъ, что это не настоящій порохъ, отозвался Красоткинъ.

— Какъ не настоящій? покраснѣлъ Коля, у насъ и порохъ есть, Я, впрочемъ, не знаю...

— Нѣтъ-съ, я ничего-съ, подскочилъ вдругъ съ виноватымъ видомъ штабсъ-капитанъ.—Я, правда, говорилъ, что нашъ порохъ не такъ составляется, но это ничего-съ, можно и такъ

— Не знаю, вы лучше знаете. Мы въ помадной каменной свѣчѣ зажгли, славно горѣлъ, весь сгорѣлъ, самая маленькая свѣчка осталась. Но вѣдь это только мякоть, а если протереть лезъ шкуру... А, впрочемъ, вы лучше знаете, я не знаю... А дедина отецъ выдралъ за нашъ порохъ, ты слышалъ? обратился онъ вдругъ къ Илюшѣ.

— Слышалъ, отвѣтилъ Илюша. Онъ съ безконечнымъ интересомъ и наслажденіемъ слушалъ Колю.

— Мы цѣлую бутылку пороху заготовили, онъ подъ кровлю и держалъ. Отецъ увидалъ. Взорвать, говоритъ, можетъ. И высѣкъ его тутъ-же. Хотѣлъ въ гимназію на меня жаловаться. Теперь со мной его не пускаютъ, теперь со мной никого пускаютъ. Смурова тоже не пускаютъ, у всѣхъ прославился. — говорятъ, что я «отчаянный», презрительно усмѣхнулся на. — Это все съ желѣзной дороги здѣсь началось.

— Ахъ, мы слышали и про этотъ вашъ пассажъ! воскликнулъ штабсъ-капитанъ, — какъ это вы тамъ пролежали? И несли вы такъ ничего совсѣмъ и не испугались, когда лежали въ поѣздомъ. Страшно вамъ было-съ?

Штабсъ-капитанъ ужасно лисилъ предъ Колей.

— Н-не особенно! небрежно отозвался Коля. -- Репутацію въ пуще всего здѣсь этотъ проклятый гусь подкузмилъ — пошелъ онъ опять Илюшѣ. Но хоть онъ и корчилъ, рассказывалъ, небрежный видъ, а все еще не могъ совладать съ собою и продолжалъ какъ-бы сбиваться съ тону.

— Ахъ, я и про гуся слышалъ! засмѣялся, весь сіяя, Илюша; — мнѣ рассказывали, да я не понялъ, неужто тебя у судьи дили?

— Самая безмозглая штука, самая ничтожная, изъ которой много слона, по обыкновенію, у насъ сочинили, началъ развязно Коля. — Это я разъ тутъ по площади шелъ, а какъ разъ приехали гусей. Я остановился и смотрю на гусей. Вдругъ одинъ въшній парень, Вишняковъ, онъ теперь у Плотниковыхъ разнымъ служитъ, смотритъ на меня, да и говоритъ: «Ты чего гусей глядишь?» Я смотрю на него: глупая, круглая харя, видно двадцать лѣтъ, я, знаете, никогда не отвергаю народа. люблю съ народомъ... Мы отстаи отъ народа—это аксіома—, кажется, изволите смѣяться, Карамазовъ?

— Нѣтъ, Боже сохрани, я васъ очень слушаю, съ самымъ восторженнымъ видомъ отозвался Алеша, и мнительный Коля опять ободрился.

говорить. — «Ну такъ вотъ, говорю, с
точку теперь тронуть впередъ — перерѣ
или нѣтъ?» — «Безпремѣнно, говоритъ,
ухмыляется во весь ротъ, такъ весь
пойдемъ, говорю, парень, давай». —
долго намъ пришлось мастерить: онъ
узды сталъ, а я сбоку, чтобы гуся на
пору завѣвался, говорилъ съ кѣмъ-то
не пришлось направлять: прямо гусь
нулъ шею за овсомъ, подъ телѣгу, и
нулъ парню, онъ дернулъ и — в-бракъ
шею пополамъ! И вотъ надо-жь та
всѣ мужики увидали насъ, ну, и за
нарочно!» — «Нѣтъ, не нарочно». —
дять: «Къ мировому!» захватили и м
былъ, ты подсоблялъ, тебя весь базаръ
стивительно почему-то весь базаръ зи
быво Коля. — Потянулись мы всѣ къ
Смотрю, а парень мой струсилъ и зар
баба. А гуртовщикъ кричить: «Этакъ
сколько угодно передавить можно!» И
Мировой мигомъ кончалъ: за гуся отъ
гусь дусть парень беретъ себя. Да вн

говорялъ, это шутки, но дѣло дѣйствительно разнеслось и дошло ушей начальства: уши-то вѣдь у насъ длинныя! Особенно цѣнялся классикъ Колбасниковъ, да Дарданеловъ опять отстоялъ. Колбасниковъ золь теперь у насъ на всѣхъ, какъ зеленый мѣлъ. Ты, Илюша, слышалъ, онъ вѣдь женился, взялъ у Милюковыхъ приданого тысячу рублей, а невѣста рыловоротъ переруки и послѣдней степени. Третьеклассники тотчасъ-же программу сочинили:

Поразила вѣсть третьеклассниковъ,
Что женился веряха Колбасниковъ.

и тамъ дальше, очень смѣшно, я тебѣ потомъ принесу. Я Дарданелова ничего не говорю: человекъ съ познаніями, рѣшительными познаніями. Этакихъ я уважаю, и вовсе не за того, что меня отстоялъ...

— Однако-жь ты сбилъ его на томъ, кто основалъ Трою! рнулъ вдругъ Смуровъ, рѣшительно гордясь въ эту минуту сотвинымъ. Очень ужъ ему понравился рассказъ про гуся.

— Неужто такъ и сбили-съ? льстиво подхватилъ штабсъ-капитанъ; — это про то кто основалъ Трою-съ? Это мы уже знали что сбили-съ. Илюшечка мнѣ тогда-же и рассказалъ-съ...

— Онъ, папа, все знаетъ, лучше всѣхъ у насъ знаетъ! подхватилъ и Плюшечка, — онъ вѣдь только прикидывается, а онъ такой, а онъ первый у насъ ученикъ по всѣмъ предметамъ...

Илюша съ безпредѣльнымъ счастіемъ смотрѣлъ на Колю.

— Ну, это о Трой вздоръ, пустяки. Я самъ этотъ вопросъ ставлю пустымъ, съ горделивою скромностью отозвался Коля. Онъ уже успѣлъ вполне войти въ тонъ, хотя, впрочемъ, былъ въ нѣкоторомъ безпокойствѣ: онъ чувствовалъ, что находится въ большомъ возбужденіи и что о гусѣ, напрямѣръ, рассказалъ въ швомъ ужъ отъ всего сердца, а между тѣмъ Алеша молчалъ въ время рассказа и былъ серьезенъ, и вотъ самолюбивому мальчику мало по малу начало уже скрестя по сердцу: «не того-ли-де онъ молчитъ, что меня презираетъ, думая, что я о похвалы ищу? Въ такомъ случаѣ, если онъ осмѣливается думать, то я»...

— Я считаю этотъ вопросъ рѣшительно пустымъ, отрѣзалъ еще разъ горделиво.

— А я знаю кто основалъ Трою, вдругъ проговорилъ совсѣмъ неожиданно одинъ доселѣ ничего почти еще не сказавшій мальчикъ, чаливый и видимо застѣнчивый, очень собою хорошенькій,

лѣтъ одиннадцатя, по фамиліи Карташовъ. Онъ сидѣлъ у дверей. Коля съ удивленіемъ и важностію поглядѣлъ въ Дѣло въ томъ, что вопросъ: «Кто именно основатель рѣшительно обратился во всѣхъ классахъ въ секретъ, и проявить его надо было прочесть у Смараглова. Но Смари у кого кромѣ Коли не было. И вотъ разъ мальчикъ Карпотьихоньку, когда Коля отвернулся, поскорѣй развернулъ между его книгами Смараглова и прямо попалъ на то, гдѣ говорилось объ основателяхъ Трои. Случилось это уже давно, но онъ все какъ-то конфузился и не рѣшался публично, что и онъ знаетъ, кто основатель Трои, опасаясь не вышло чего-нибудь и чтобы не сконфузилъ его какъ-то за это Коля. А теперь вдругъ почему-то не утерпѣлъ и сказалъ и давно ему хотѣлось.

— Ну, кто-же основатель? надменно и свысока повернувшись к нему Коля, уже по лицу угадавъ, что тотъ дѣйствительно знаетъ, и, разумѣется, тотчасъ-же приготовившись ко всѣмъ послѣдствіямъ. Въ общемъ настроеніи произошло, что называется, дѣло.

— Трои основали Тевкръ, Дарданъ, Илюсь и Тросъ, отчеканилъ мальчикъ и въ одинъ мигъ весь покраснѣлъ и поблѣднѣлъ, что на него жалко стало смотрѣть. Но на всѣ на него глядѣли въ упоръ, глядѣли цѣлую минуту, и вдругъ всѣ эти глядящіе въ упоръ глаза разомъ повернулись къ Колѣ. Тотъ съ презрительнымъ хладнокровіемъ все еще долженъ былъ обмѣривать взглядомъ дерзкаго мальчика:

— То есть какъ-же это они основали? удостоилъ онъ, на проговорить, — да и что значить вообще основать государство? Что жъ они: пришли и по кирпичу положили,

Раздался смѣхъ. Винаватый мальчикъ изъ розоваго пунцовымъ. Онъ молчалъ, онъ готовъ былъ заплакать, выдержалъ его такъ еще съ минутку.

— Чтобы толковать о такихъ историческихъ событіяхъ основаніе національности, надо, прежде всего, понимать это значить, строго отчеканилъ онъ въ назиданіе. — Я, вы не придаю всѣмъ этимъ бабьимъ сказкамъ важности, да и всемірную исторію не весьма уважаю, прибавилъ онъ небрежно, обращаясь уже ко всѣмъ вообще.

— Это всемірную-то исторію-съ? съ какими-то вдругъ гомъ освѣдомился штабсъ-капитанъ.

— Да, всемірную исторію. Изученіе ряда глупостей вѣческихъ, и только. Я уважаю одну математику и естество-

Бернулъ Коля и мелькомъ глянулъ на Алешу: его только одного видя онъ здѣсь и боялся. Но Алеша все молчалъ и былъ все прежнему серьезень. Если-бы сказалъ что-нибудь сейчасъ отца на томъ-бы оно и покончилось, но Алеша смолчалъ, а вычваніе его могло быть презрительнымъ, и Коля раздражился совсѣмъ.

— Опять эти классическіе теперь у насъ языки: одно сумасшествіе и ничего больше... Вы опять, кажется, не согласны со мной, Карамазовъ.

— Не согласенъ, сдержанно улыбнулся Алеша.

— Классическіе языки, если хотите все мое о нихъ мнѣніе— полицейская мѣра, вотъ для чего единственно они заведены, но по малу началъ вдругъ опять задыхаться Коля,—они заведены потому, что скучны и потому что отупляютъ способности. Было скучно, такъ вотъ какъ сдѣлать, чтобъ еще больше было скучно? Было безтолково, такъ какъ сдѣлать, чтобы стало еще толковѣе? Вотъ и выдумали классическіе языки. Вотъ мое мнѣніе о нихъ мнѣніе, и надѣюсь, что я никогда не измѣню его, и закончилъ Коля. На обѣихъ щекахъ его показалось по красной точкѣ румянца.

— Это правда, звонкимъ и убѣжденнымъ голоскомъ согласился вдругъ прилежно слушавшій Смуровъ.

— А самъ первый по латинскому языку! вдругъ крикнулъ въ толпы одинъ мальчикъ.

— Да, папа, онъ самъ говоритъ, а самъ у насъ первый по латинскому въ классѣ, отозвался и Илюша.

— Что-жь такое? счелъ нужнымъ оборониться Коля, хотя ему очень пріятна была и похвала.— Латынь я зубрю, потому что надо, потому что я обѣщался матери кончить курсъ, а, по моему, за что взялся, то ужъ дѣлать хорошо, но въ душѣ глубоко презираю классицизмъ и всю эту подлость... Не соглашаетесь, Карамазовъ?

— Ну, зачѣмъ-же «подлость?» усмѣхнулся опять Алеша.

— Да помируйте, вѣдь классики всѣ переведены на всѣ языки, было бы, вовсе не для изученія классиковъ понадобилась имъ латынь, а единственно для полицейскихъ мѣръ и для отупленія способностей. Какъ-же послѣ того не подлость?

— Ну, кто васъ этому всему научилъ? воскликнулъ, удивленный, наконецъ, Алеша.

— Во первыхъ я и самъ могу понимать, безъ наученія, а вторыхъ, знайте, вотъ это-же самое, что я вамъ сейчасъ

толковалъ про переведенныхъ классиковъ, говорилъ все
всему третьему классу самъ преподаватель Колбасниковъ..

— Докторъ прѣхалъ! воскликнула вдругъ все время
чавшая Ниночка.

Дѣйствительно, къ воротамъ дома подъѣхала принадлежавшая
госпожѣ Хохлаковой карета Штабсъ-капитанъ, ждавшій все
доктора, сломя голову бросился къ воротамъ встрѣчать
«Маменька» подобралась и напустила на себя важности. А
подошелъ къ Илюшѣ я сталъ оправлять ему подушку. Илюшъ
изъ своихъ кресель, съ безпокойствомъ слѣдила за гѣмъ, а
онъ оправляетъ постельку. Мальчишки торопливо стали прощаться,
нѣкоторые изъ нихъ пообѣщались зайдти вечеромъ. Коля
нулъ Перезвонова, и тотъ соскочилъ съ постели.

— Я не уйду, не уйду! проговорилъ въ поныхахъ
Илюшѣ, — я пережду въ сѣняхъ и приду опять, когда уйдетъ
докторъ, приду съ Перезвономъ.

Но ужъ докторъ входилъ — важная фигура въ медвежьей
шубѣ съ длинными темными бакенбардами и съ глянцемъ
выбритымъ подбородкомъ. Ступивъ черезъ порогъ, онъ вдругъ
остановился, какъ-бы опѣшивъ: ему вѣрно показалось, что онъ
не туда зашелъ. «Что это? Гдѣ я?» пробормоталъ онъ, не сдвигая
съ плечъ шубы и не снимая котиковой фуражки съ котиковымъ
же козырькомъ съ своей головы. Толпа, бѣдность комнатъ
развѣшанное въ углу на веревкѣ бѣлье, сблизил его съ толпой.
Штабсъ-капитанъ согнулся передъ нимъ въ три погибели.

— Вы здѣсь-съ, здѣсь-съ, бормоталъ онъ подобострастно,
вы здѣсь-съ, у меня-съ, вамъ ко мнѣ-съ...

— Снѣ-ги-ревъ? произнесъ важно и громко докторъ.—Господинъ Снѣгиревъ—это вы?

— Это я-съ?

— А!

Докторъ еще разъ брезгливо оглядѣлъ комнату и сбросилъ
съ себя шубу. Всѣмъ въ глаза блеснулъ важный орденъ на
Штабсъ-капитанъ подхватилъ на лету шубу, а докторъ снялъ
фуражку.

— Гдѣ же пациентъ? спросилъ онъ громко и настоятельно

VI.

Раннее развитіе.

— Какъ вы думаете, что ему скажетъ докторъ? скороговор-
проговорилъ Коля; — какая отвратительная, однако-же, харя,
авда-ли? Терпѣть не могу медицину!

— Илюша умереть. Это, мнѣ кажется, ужь навѣрно, грустно
илъ Алеша.

— Шельмы! Медицина шельма! Я радъ, однако, что узналъ
Карамазовъ. Я давно васъ хотѣлъ узнать. Жаль только,
мы такъ грустно встрѣтились...

Онъ очень-бы хотѣлось что-то сказать еще горячѣе, еще
живнѣе, но какъ-будто что-то его коробило. Алеша это
илъ, улыбнулся и пожалъ ему руку.

— Я давно научился уважать въ васъ рѣдкое существо,
ормоталъ опять Коля, сбиваясь и путаясь. — Я слышалъ,
мистикъ и были въ монастырѣ. Я знаю, что вы мистикъ,
это меня не остановило. Прикосновеніе къ дѣйствительно-
асъ излѣчить... Съ натурами какъ вы не бываетъ иначе.

— Что вы называете мистикомъ? Отъ чего излѣчить? уди-
и немного Алеша.

— Ну, тамъ Богъ и прочее.

— Какъ, да развѣ вы въ Бога не вѣруете?

— Напротивъ, я ничего не имѣю противъ Бога. Конечно,
есть только гипотеза... но... я признаю, что Онъ нуженъ,
порядка... для міроваго порядка и такъ далѣе... и если-бъ
не было, то надо-бы Его выдумать, прибавилъ Коля, начи-
краснѣть. Ему вдругъ вообразилось, что Алеша сейчасъ
аетъ, что онъ хочетъ выставить свои познанія и пока-
какой онъ «большой». «А я вовсе не хочу выставлять
нимъ мои познанія», съ негодованіемъ подумалъ Коля.
вдругъ стало ужасно досадно.

— Я, признаюсь, терпѣть не могу вступать во всѣ эти пре-
ія, отрѣзалъ онъ, — можно вѣдь и не вѣруя въ Бога, лю-
человѣчество, какъ вы думаете? Вольтеръ-же не вѣровалъ
га, а любилъ человѣчество? (Опять, опять! подумалъ онъ
вбя!)

— Вольтеръ въ Бога вѣрилъ, но, кажется, мало, и, ва-
мало любилъ и человѣчество, — тихо, сдержанно и совер-

СОЧИНЕНІЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ивно произнесъ Алеша, какъ-бы разговаривая по лѣтамъ, или даже со старшимъ лѣтамъ. Долою именно поразила эта какъ-бы неуверенность въ свое мнѣніе о Вольтерѣ и что онъ какъ будто маленькому Колю, отдаетъ этотъ вопросъ на рѣшеніе.

— А вы развѣ читали Вольтера? заключилъ Алеша.

— Нѣтъ, не то чтобы читалъ... Я, впрочемъ, *Кандидъ*, въ русскомъ переводѣ... въ старомъ, уродливомъ водѣ, смѣшномъ... (Опять,

— И поняла?

— О, да, все... то есть... почему-же вы думаете, что не понялъ? Тамъ, конечно, много сальностей... Я, вонъ въ какомъ состояніи понять, что это романъ философскій, и на что чтобы провести идею... запутался уже совсѣмъ Коля. — Философъ, Карамазовъ, я несправивый социалистъ, вдругъ началъ онъ ни съ того, ни съ сего.

— Социалистъ? засмѣялся Алеша, — да когда это вы узнали? Въдъ вамъ еще только тринадцать лѣтъ, кажется?

Колю скрючило.

— Во первыхъ, не тринадцать, а четырнадцать, черезъ недѣлю четырнадцать, такъ и вслыхнулъ онъ, — а во вторыхъ совершенно не понимаю, къ чему тутъ мой лѣтъ? Дѣло въ томъ, каковы мои убѣжденія, а не который мнѣ годъ, не правда ли?

— Когда вамъ будетъ больше лѣтъ, то вы сами увидите какое значеніе имѣетъ на убѣжденіе возрастъ. Мнѣ показало то же, что вы не свои слова говорите, скромно и спокойно говорилъ Алеша, но Коля горячо его прервалъ.

— Помилуйте, вы хотите послушанія и мистицизма. Сидите въ томъ, что, наприимѣръ, христанская вѣра послушна только богатымъ и знатымъ, чтобы держать въ рабствѣ низшій классъ, не правда-ли?

— Ахъ, я знаю, гдѣ вы это прочли, и васъ непременно научилъ! воскликнулъ Алеша.

— Помилуйте, зачѣмъ-же непременно прочелъ? И никто не научилъ. Я и самъ могу... И если хотите, я не противъ. Это была вполне гуманная личность и живъ Онъ въ свое время, Онъ-бы прямо прикнулъ къ революціонерамъ и, можетъ-быть, игралъ-бы видную роль.. Это даже непременно.

— Ну гдѣ, ну гдѣ вы этого нахватались! Съ какимъ дуракомъ вы связались? воскликнулъ Алеша.

— Помилуйте, правды не скроешь. Я, конечно, во

чаю, часто говорю съ господиномъ Ракитинымъ, но... Это еще
рикъ Бѣлинскій тоже, говорятъ, говорилъ.

— Бѣлинскій? Не помню. Онъ этого нигдѣ не написалъ.

— Если не написалъ, то, говорятъ, говорилъ. Я это слы-
съ отъ одного... впрочемъ, чортъ...

— А Бѣлинскаго вы читали?

— Видите-ли... нѣтъ... я не совсѣмъ читалъ, но... мѣсто о
Бѣлинъ, зачѣмъ она не пошла съ Онѣгинымъ, я читалъ.

— Какъ не пошла съ Онѣгинымъ? Да развѣ вы это ужь...
знаете?

— Помилуйте, вы, кажется, принимаете меня за мальчика
рова, раздражительно ослабился Коля. — Впрочемъ, пожа-
ста, не думайте, что я ужь такой революціонеръ. Я очень
со несогласенъ съ господиномъ Ракитинымъ. Если я о Татьянѣ,
и вовсе не за эманципацію женщинъ. Я признаю, что жен-
на есть существо подчиненное и должна слушаться. Les fem-
tricotent, какъ сказалъ Наполеонъ, — усмѣхнулся почему-то
я, — и, по крайней мѣрѣ, въ этомъ я совершенно раздѣляю
зденіе этого псевдо-великаго человѣка. Я тоже, напримѣръ,
стаю, что бѣжать въ Америку изъ отечества — низость, хуже
ности — глупость. Зачѣмъ въ Америку, когда и у насъ можно
го принести пользы для человѣчества? Именно теперь. Цѣлая
са плодотворной дѣятельности. Такъ я и отвѣчалъ.

— Какъ отвѣчали? Кому? Развѣ васъ ктонибудь уже при-
наль въ Америку?

— Признаюсь, меня подбивали, но я отвергъ. Это, разу-
тся, между нами, Карамазовъ, слышите, никому ни слова.
я вамъ только. Я совсѣмъ не желаю попасть въ лапки
тѣяго Отдѣленія и брать уроки у Цѣпнаго моста,

Будешь помнить зданіе
У Цѣпнаго Моста!

ните? Великолѣпно! Чему вы смѣтесъ? Ужь не думаете-ли
что я вамъ все навралъ? (А что если онъ узнаетъ что у
и въ отцовскомъ шкапу всего только и есть одинъ этотъ ну-
ь Колокола, а больше я изъ этого ничего не читалъ? мель-
ь, но съ содроганіемъ подумалъ Коля).

— Охъ, нѣтъ, я не смѣюсь и вовсе не думаю, что вы мнѣ
гани. Вотъ то-то и есть, что этого не думаю, потому что все
увы, сущая правда! Ну, скажите, а Пушкина-то вы читали,
мина-то... Вотъ вы сейчасъ говорили о Татьянѣ?

— Нѣтъ, еще не читалъ, но хочу прочесть. Я безъ пред-

разсудковъ, Карамазовъ. Я хочу выслушать и ту, и другую. Зачѣмъ вы спросили?

— Такъ.

— Скажите, Карамазовъ, вы ужасно меня презирали, когда залъ вдругъ Коля я весь вытянулся предъ Алешей, ставъ въ позицію.—Сдѣлайте одолженіе, безъ обвиняющаго.

— Презираю васъ? съ удивленіемъ посмотрѣлъ Алеша.—Да за что-же? Мнѣ только грустно, что прелесть тура какъ ваша, еще и не начавшая жить, уже во всемъ этимъ грубымъ вздоромъ.

— Объ моей натурѣ не заботьтесь, не безъ самодевой ребилъ Коля,—а что я мнителенъ, то это такъ. Глухо и грубо мнителенъ. Вы сейчасъ усмѣхнулись, мнѣ и не то что вы какъ-будто...

— Ахъ, я усмѣхнулся совсѣмъ другому. Видите, чему нудся: я недавно прочелъ одинъ отзывъ одного заграничнаго нѣмца, жившаго въ Россіи, объ нашей теперешней учебной одеждѣ: «Покажите вы — онъ пишетъ — русскому шкѣрту звѣзднаго неба, о которой онъ до тѣхъ поръ и никакого понятія, и онъ завтра-же возвратитъ вамъ э исправленную». Никакихъ знаній и беззавѣтное самолюбие вотъ что хотѣлъ сказать нѣмецъ про русскаго школьника.

— Ахъ, да вѣдь это совершенно вѣрно! захохотал Коля, — вѣрнѣшмо, точь въ точь! Bravo, нѣмецъ! О чухна не разсмотрѣлъ и хорошей стороны, а, какъ вы Самомнѣвнѣе—это пусть, это отъ молодости, это исправитъ только надо чтобъ это исправилось, но зато и независимъ съ самаго чуть не дѣтства, зато смѣлость мысли и убѣжденіе духъ ихнаго колбасническаго работѣлства предъ авторомъ. Но всетаки нѣмецъ хорошо сказалъ! Bravo, нѣмецъ! И такъ нѣмцевъ надо душить. Пусть они тамъ сильны въ а ихъ всетаки надо душить...

— За что-же душить-то? улыбнулся Алеша.

— Ну я совралъ, можетъ быть, соглашаюсь. Я много ный ребенокъ, и когда радъ чему, то не удерживаюсь и говорю въ вратъ вздору. Слушайте, мы съ вами однако-же здѣсь богатые, а этотъ докторъ тамъ что-то долго застрялъ. Впрочемъ можетъ, тамъ и «мамашу» осмотритъ и эту Ниночку б Знаете, эта Ниночка мнѣ понравилась. Она вдругъ мнѣ про когда я выходилъ: «Зачѣмъ вы не приходили раньше?» — и голосомъ, съ укоромъ! Мнѣ кажется, она ужасно добра и

— Да, да! Вотъ вы будете ходить, вы увидите что это за жство. Вамъ очень полезно узнавать вотъ такія существа, въ умѣть цѣнить и еще многое другое что узнаете именно изъ опыта съ этими существами, съ жаромъ замѣтилъ Алеша.— лучше всего васъ передѣлаеть.

— О, какъ я жалѣю и браню всего себя, что не приходилъ ше! съ горькимъ чувствомъ воскликнулъ Коля.

— Да, очень жаль. Вы видѣли сами какое радостное въ прощаніи впечатлѣніе на бѣднаго малютку! И какъ онъ убивался ожидая!

— Не говорите мнѣ! Вы меня растравляете. А, впрочемъ, по-дѣломъ: я не приходилъ изъ самолюбія, изъ эгонистическаго самолюбія и подлаго самовластія, отъ котораго всю жизнь югу избавитъся, хотя всю жизнь ломаю себя. Я теперь это и, я во многомъ подлець, Карамазовъ!

— Нѣтъ, вы прелестная натура, хотя и извращенная, и я въ этомъ понимаю почему вы могли имѣть такое вліяніе на этого бѣднаго и болѣзненно воспримчиваго мальчика! горячо отъ шъ Алеша.

— И это вы говорите мнѣ! вскричалъ Коля, — а я, предъ вами, я думалъ, — я уже нѣсколько разъ, вотъ теперь какъ и, думалъ, что вы меня презираете! Если-бъ вы только и, какъ я дорожу вашимъ мнѣніемъ!

— Но неужели вы вправду такъ мнительны? Въ такихъ хъ! Ну, представьте-же себѣ, я именно подумалъ тамъ въ атѣ, глядя на васъ, когда вы рассказывали, что вы должны , очень мнительны.

— Ужь и подумали? Какой, однако-же у васъ глазъ, видите, ге! Бьюсь объ закладъ, что это было на томъ мѣстѣ, когда о гуся рассказывалъ. Мнѣ именно въ этомъ мѣстѣ вообразилъ, что вы меня глубоко презираете за то, что я спѣшу звиться молодцомъ, и я даже вдругъ возненавидѣлъ васъ ю и началъ нести ахиною. Потомъ мнѣ вообразилось (это сейчасъ здѣсь) на томъ мѣстѣ, когда я говорилъ: «Если-бы яло Бога, то Его надо выдумать», что я слишкомъ торопъ выставить мое образованіе, тѣмъ болѣе, что эту фразу въ книгѣ прочелъ. Но клянусь вамъ, я торопился выставить въ тщеславія, а такъ, не знаю отчего, отъ радости, ей Богу будто отъ радости... хотя это глубоко-постыдная черта, человекъ всѣмъ лѣзетъ на шею отъ радости. Я это знаю. вато убѣжденъ теперь, что вы меня не презираете, а все это

СОЧИНЕНИЯ О. М. ДОСТОВЬСКАГО.

— О, Карамазовъ, я глубоко несчастенъ. Я знаю, что надо мной всё смѣются, и я просто готовъ тогда уничтожить весь миръ.

—

— И мучаете окружающихъ, улыбнулся Алеша.

— И мучаю окружающихъ, особенно мать. Карамазовы жите, я очень теперь смѣшонъ?

— Да не думайте-же про это, не думайте объ этомъ, воскликнулъ Алеша.— Да и что такое смѣшонъ? Мало-ли разъ бываетъ или кажется смѣшнымъ человекъ? При нынче почти всё люди со способностями ужасно болѣе смѣшными и тѣмъ несчастны. Меня только удивляетъ, такъ рано стали ощущать это, хотя, впрочемъ, я и замѣчаю это и не на васъ однихъ. Нынче даже почти начали ужь этимъ страдать. Это почти сумасшествіе, самолюбіе воплотился чортъ и заѣлъ во все поколѣніе, чортъ, — прибавилъ Алеша, вовсе не усмѣхнувшись, какъ малъ было глядѣвшій въ упоръ на него Коля.— Вы, какъ заключилъ Алеша,—то есть какъ очень многіе, только быть такимъ какъ всё, вотъ что.

— Даже не смотря на то, что всё такіе?

— Да, не смотря на то, что всё такіе. Одинъ вы не такой. Вы и въ самомъ дѣлѣ не такой какъ всё; теперь не постыдился-же признаться въ дурномъ и смѣшномъ. А нынче кто въ этомъ сознается? Никто, и потребность даже перестали находить въ самоосужденіи. Бу не такой какъ всё; хотя-бы только вы одинъ оставались такой, а всетаки будьте не такой.

— Великолѣпно! Я въ васъ не ошибся. Вы способны. О, какъ я стремился къ вамъ, Карамазовъ, какъ давно встрѣчи съ вами! Неужели и вы обо мнѣ тоже давеча вы говорили, что вы обо мнѣ тоже думали?

— Да, я слышалъ объ васъ и объ васъ тоже думалъ, если отчасти и самолюбіе заставило васъ теперь это сказать это ничего.

— Знаете, Карамазовъ, наше объясненіе похоже на объясненіе въ любви, какимъ-то разслабленнымъ и стыдливымъ лосомъ проговорилъ Коля.— Это не смѣшно, не смѣшно.

— Совсѣмъ не смѣшно, да хоть-бы и смѣшно, такъ ничего, потому что хорошо, свѣтло улыбнулся Алеша.

— А знаете, Карамазовъ, согласитесь, что и вамъ

немного со мною стыдно... Я вижу по глазамъ, какъ-то
но и съ какимъ-то почти счастьемъ усмѣхнулся Коля.

— Чего-же это стыдно?

— А зачѣмъ вы покраснѣли?

— Да это вы такъ сдѣлали что я покраснѣлъ! засмѣялся
да, и дѣйствительно весь покраснѣлъ.— Ну да, немного стыдно,
знаетъ отчего, не знаю отчего... бормоталъ онъ, почти даже
сфузившись.

— О, какъ я васъ люблю и цѣню въ эту минуту, именно
то, что и вамъ чего-то стыдно со мной! Потому что и вы точно
рѣшительномъ восторгѣ воскликнулъ Коля. Щеки его пы-
глаза блестѣли.

— Послушайте, Коля, вы между прочимъ будете и очень не-
тный человѣкъ въ жизни, сказалъ вдругъ отчего-то Алеша

— Знаю, знаю. Какъ вы это все знаете впередъ! тотчасъ-же
сказалъ Коля.

— Но въ цѣломъ всетаки благословите жизнь.

— Именно! Ура! Вы пророкъ! О, мы сойдемся, Карамазовъ.
те, меня всего болѣе восхищаетъ, что вы со мной совершенно
съ ровней. А мы не ровня, нѣтъ, не ровня, вы выше! Но мы
соемся. Знаете, я весь послѣдній мѣсяцъ говорилъ себѣ: «Или
разомъ съ нимъ сойдемся друзьями на вѣки, или съ пер-
же разу разойдемся врагами до гроба!»

— И говоря такъ ужь, конечно, любилъ меня! весело смѣялся
она.

— Любилъ, ужасно любилъ, любилъ и мечталъ объ васъ!
какъ это вы знаете все напередъ? Ба, вотъ и докторъ. Гос-
и, что-то скажетъ, посмотрите какое у него лицо!

VII.

И л ю ш а.

Докторъ выходилъ изъ избы опять уже закутанный въ шубу
фуражкой на головѣ. Лицо его было почти сердитое и брез-
ое, какъ будто онъ все боялся обо что-то запачкаться. Мель-
окнулъ онъ глазами сѣни и при этомъ строго глянулъ на
ну и Колю. Алеша махнулъ изъ дверей кучеру, и карета,
езшая доктора, подѣхала къ выходнымъ дверямъ. Штабсъ-
канъ стремительно выскочилъ вслѣдъ за докторомъ и со-

гнувшись, почти извиняясь предъ нимъ, остановилъ послѣдняго слова. Лицо бѣдняка было убитое, изгнанный:

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство ужели?.. началъ было онъ, и не договорилъ, а лишь въ рукахъ въ отчаяніи, хотя все еще съ послѣднею мольбою на доктора, точно въ самомъ дѣлѣ отъ теперешняго доктора могъ измѣниться приговоръ надъ бѣднымъ мальчишкой.

— Что дѣлать! Я не Богъ, небрежнымъ, хотя и внушительнымъ голосомъ отвѣтилъ докторъ.

— Докторъ... Ваше превосходительство... и скоро это

— При-го-товъ-тесь ко всему, отчеканилъ, ударяя въ дому слогу, докторъ и, склонивъ взоръ, самъ приготовился шагнуть за порогъ къ каретѣ.

— Ваше превосходительство, ради Христа! испуганнымъ новилъ его еще разъ штабсъ-капитанъ, — ваше превосходительство!.. такъ развѣ ничего, неужели ничего, совсѣмъ теперь не спасеть?..

— Не отъ меня теперь за-ви-ситъ, нетерпѣливо проговорилъ докторъ, — и однако-же, гм, — приостановился онъ въ если-бъ вы, наприимѣръ, могли... на-править... вашего па сейчасъ в ни мало не медя (слова «сейчасъ в ни мало в докторъ произнесъ не то что строго, а почти гнѣвно, и штабсъ-капитанъ даже вздрогнулъ) въ Си-ра-ку-зы, то ствіе новыхъ благо-прі-ятныхъ кли-ма-ти-ческихъ условіи-ло-бы, можетъ быть, про-и-зойдти...

— Въ Сиракузы! вскричалъ штабсъ-капитанъ, какъ-чего еще не понимая.

— Сиракузы—это въ Сициліи, отрѣзалъ вдругъ громъ для поясненія. Докторъ поглядѣлъ на него.

— Въ Сицилію! Батюшка, ваше превосходительство раялся штабсъ-капитанъ, да вѣдь вы видѣли! обвелъ онъ руками кругомъ, указывая на свою обстановку, — а маме а семейство-то?

— Н-явтъ, семейство не въ Сицилію, а семейство Кавказъ, раннею весной... дочь вашу на Кавказъ, а с продержавъ курсъ водъ тоже на Кав-ка-зѣ въ виду оя р мовъ... немедленно послѣ того на-пра-вить въ Парижъ, чебницу доктора пси-хі-атра Ле-пель-летье, я-бы могъ ему записку, и тогда... могло-бы, можетъ быть, произ

— Докторъ, докторъ! Да вѣдь вы видите! размахнул

руками штабсъ-капитанъ, указывая въ отчаяніи на голыя
печатыя стѣны сѣней.

— А, это ужь не мое дѣло, усмѣхнулся докторъ, — я лишь
то, что могла сказать на-у-ка на вашъ вопросъ о по-
нхъ средствахъ, а остальное... къ сожалѣнію моему...

— Не безпокойтесь, лѣкаръ, моя собака васъ не укуситъ,
но отрѣзалъ Коля, замѣтивъ нѣсколько безпокойный взглядъ
ора на Перезвона, ставшаго на порогъ. Гнѣвная нотка про-
шла въ голосъ Коли. Слово-же «лѣкаръ» вмѣсто докторъ онъ
нарочно и, какъ самъ объявилъ потомъ, «для оскорб-
н сказалъ».

— Что та-ко-е? вскинулъ головой докторъ, удивленно уста-
вись на Колю. — Ка-кой это? обратился онъ вдругъ къ Алешѣ,
о спрашивалъ у того отчета.

— Это хозяинъ Перезвона, лѣкаръ, не безпокойтесь о моей
юсти, отчеканилъ опять Коля.

— Звонъ? переговорилъ докторъ, не понявъ что такое Пе-
зонъ.

— Да не знаетъ гдѣ онъ. Прощайте, лѣкаръ, увидимся въ
бузахъ.

— Кто эт-то? Кто, кто? вдругъ закипятился ужасно докторъ.

— Это здѣшній школьникъ, докторъ, онъ шалунъ, не обращай-
манія, нахмурившись и скороговоркой проговорилъ Алеша. —

молчите! — крикнулъ онъ Красоткину. — Не надо обращать
анія, докторъ, повторилъ онъ уже нѣсколько нетерпѣливѣе.

— Выс-сѣчь, выс-сѣчь, надо, выс-сѣчь! затопалъ было но-
слишкомъ уже почему-то взбѣсившійся докторъ.

— А, знаете, лѣкаръ, вѣдь Перезвонъ-то у меня, пожалуй,
кусается! проговорилъ Коля задрожавшимъ голосомъ, по-
тѣвъ и сверкнувъ глазами. — Ісі, Перезвонъ!

— Коля, если вы скажете еще одно только слово, то я съ
разорву на вѣки! властно крикнулъ Алеша.

— Лѣкаръ, есть только одно существо въ цѣломъ мірѣ, ко-
е можетъ приказывать Николаю Красоткину, это вотъ этотъ
вѣкъ (Коля указалъ На Алешу); ему повинуюсь, прощайте!

Онъ сорвался съ мѣста и, отворивъ дверь, быстро прошелъ
комнату. Перезвонъ бросился за нимъ. Докторъ постоялъ

еще секундъ пять, какъ-бы въ столбнякѣ, смотря на Алешу,
тѣ вдругъ плюнулъ и быстро пошелъ къ каретѣ, громко

оряя: «Этта, этта, этта, я не знаю, что этта!» Штабсъ-ка-
тѣ бросился его подсаживать. Алеша прошелъ въ комнату

лей. Тотъ стоялъ уже у постельки Илюши за руку и звалъ папу. Черезъ минуту вошелъ капитанъ.

— Папа, папа, пооди сюда... мы... пролетѣталъ бы въ чрезвычайномъ возбужденіи, но, видимо не въ силахъ дожидать, вдругъ бросилъ свои обѣ исхудалыя ручки въ крѣпко, какъ только могъ, обнялъ ихъ обонхъ разомъ, и папу, соединивъ ихъ въ одно объятіе и самъ къ нимъ прижавшись. Штабсъ-капитанъ вдругъ весь такъ и затрясся отъ молвныхъ рыданій, а у Коли задрожали губы и подбородокъ.

— Папа, папа! Какъ мнѣ жалко тебя, папа! горько плачетъ Илюша.

— Илюшечка... голубчикъ... докторъ сказалъ... будемъ счастливы... докторъ... заговорилъ было капитанъ.

— Ахъ, папа! Я вѣдь знаю, что тебѣ новый докторъ меня сказалъ... Я вѣдь видѣлъ! воскликнулъ Илюша крѣпко, изо всей силы, прижалъ ихъ обонхъ къ себѣ, с на плечъ у папы свое лицо.

— Папа, не плачь... а какъ я умру, то возьми ты х мальчика, другаго... самъ выбери изъ нихъ изъ всѣхъ, хо назови его Илюшей и люби его вмѣсто меня...

— Молчи, старикъ, выздоровѣешь, точно осердившись нуль Красоткинъ.

— А меня, папа, меня не забывай никогда, про Илюша,—ходи ко мнѣ на могилку... да вотъ что, папа, в ты меня у нашего большаго камня, къ которому мы с гулять ходили, и ходи ко мнѣ туда съ Красоткинымъ, съ И Перезвонъ... А я буду васъ ждать... Папа, папа!

Его голосъ пресѣлся, всѣ трое стояли обнявшись и у чали. Плакала тихо на своемъ креслѣ и Ниночка, и вдругъ давъ всѣхъ плачущими, залилась слезами и мамаша.

— Илюшечка! Илюшечка! восклицала она. Красоткинъ высвободился изъ объятій Илюши:

— Прощай старикъ, меня ждетъ мать въ обѣду, и рилъ онъ скороговоркой.—Какъ жаль, что я ее не при милъ! Очень будетъ беспокоиться... Но послѣ обѣда я въ тебѣ, на весь день, на весь вечеръ, и столько тебѣ р столько расскажу. И Перезвона приведу, а теперь съ собою потому что онъ безъ меня выть начнетъ и тебѣ мѣшать до свиданья!

онъ выбѣжалъ въ сѣни. Ему не хотѣлось расплакаться, но онъ такъ заплакалъ. Въ этомъ состояніи нашелъ его

Коля, вы должны непременно сдержать слово и придти, онъ будетъ въ страшномъ горѣ, настойчиво проговорилъ

Непремѣнно! О, какъ я вляну себя, что не приходилъ въ плача и уже не конфузясь что плачетъ, пробормоталъ. Въ эту минуту вдругъ словно выскочилъ изъ комнаты капитанъ и тотчасъ затворилъ за собою дверь. Лицо его изстуженное, губы дрожали. Онъ сталъ передъ обоими моими людьми и вскинулъ вверхъ обѣ руки:

Не хочу хорошаго мальчика! Не хочу другаго мальчика! шепталъ онъ дикимъ шепотомъ, скрежеща зубами,—аще за-тебе, Іерусалиме, да прильпнетъ...

Онъ не договорилъ, какъ-бы захлебнувшись, и опустился въ предъ деревянною лавкой на колѣни. Стиснувъ обоними руками свою голову, онъ началъ рыдать какъ-то нелѣпо взвизывая изъ всей силы крѣпясь, однако, чтобы не услышали его въ избѣ. Коля выскочилъ на улицу.

Прощайте, Карамазовъ! Сами-то придете? рѣзко и сердито крикнулъ онъ Алешѣ.

Вечеромъ непременно буду.

Что онъ это такое про Іерусалимъ... Это что еще такое?

Это изъ Библии: «Аще забуду тебе, Іерусалиме», — то если забуду все, что есть самага у меня драгоцѣннаго промѣняю на что, то да поразить...

Понимаю, довольно! Сами-то приходите! Ісі, Перезвонъ! Онъ уже свирѣпо прокричалъ онъ собакѣ, и большими, скользящими шагами зашагалъ домой.

инному преступленію, почти въ тотъ самый мигъ, когда она его невѣстой, не смотря потомъ на болѣзнь и на угрозу впереди почти неминуемое рѣшеніе суда, Грушенька не потеряла прежней своей молодой веселости. Въ горѣ, прежде глазахъ ея засіяла теперь какая-то тихость, хотя... впрочемъ, глаза эти изрѣдка опять таки пламенѣли нѣмымъ зловѣщимъ огонькомъ, когда ее посѣщала одна прежняя, не только не заглухнувшая, но даже и увеличившаяся в сердце. Предметъ этой заботы былъ все тотъ-же: Катерина Ивановна, о которой Грушенька, когда еще лежала больница даже въ бреду. Алеша понималъ, что она страшно ждала къ ней Митю, арестанта Митю, не смотря на то, что Катерина Ивановна ни разу не посѣтила того въ заключеніи, бы и могла это сдѣлать когда угодно. Все это обратилось для Алешы въ нѣкоторую трудную задачу, ибо Грушенька только у него довѣряла свое сердце и непрерывно просила у него помощи; онъ-же иногда совсѣмъ ничего не въ силахъ былъ сдѣлать.

Вечеромъ вступилъ онъ въ ея квартиру. Она была уже дома; Алеша какъ воротилась отъ Мити, и уже по тому быстрому движенію, съ которымъ она вскочила съ кресель изъ-за стола къ нему на встрѣчу, онъ заключилъ, что ждала она его съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. На столѣ лежали карты и была сдана игра въ дурачки. На кожанномъ диванѣ съ другой стороны стола была постлана постель и на ней полулежалъ, въ халатѣ и въ шапкѣ, Максимовъ, видимо больной и ослабѣвшій, но съ сладко улыбавшійся. Этотъ бездомный старичокъ, какъ онъ жилъ тогда, еще мѣсяца два тому, съ Грушенькой изъ Москвы такъ и остался у ней и при ней съ тѣхъ поръ неотлучно. Какъ тогда съ ней въ дождь и слякоть, онъ, промокшій и грязный, сѣлъ на диванъ и устроился на нее молча, съ робко-просящею улыбкой. Грушенька, бывшая въ страшномъ горѣ и въ начинавшейся лихорадкѣ, почти забывшая о немъ въ то время полчасу по пріѣздѣ за разными хлопотами, вдругъ какъ-то внезапно посмотрѣла на него: онъ жалко и потерянно хихикалъ ей въ глаза. Она кликнула Осею и велѣла дать ему покушать. Весь этотъ день онъ просидѣлъ на своемъ мѣстѣ почти не вставая; когда-же стемнѣло и заперли ставни, Осея спросила барыню:

- Что-жь, барыня, развѣ они почевать останутся?

- Да, постели ему на диванѣ, отвѣтила Грушенька.

СОЧИНЕНІЯ В. М. ДОСТОЕВСКАГО.

его подробнѣе, Грушенька узнала отъ
 ему какъ разъ теперь некуда дѣться са
 нъ Калгановъ, благодѣтель мой, прямо и
 , что оубо меня ужъ не примутъ и пять рублей
 — «Ну, Богъ съ тобой, оставайся ужъ», рѣшила
 ленька, сострадательно ему улыбувшись. Старикъ
) отъ ея улыбки и губы его задрожали отъ благо
 ности. Такъ съ тѣхъ поръ и остался у ней скитающійся
 вальщикъ. Даже въ болѣзнь ея онъ не ушелъ изъ дома
 и ея мать, кухарка Грушеньки, его не прогнали, а про
 его кормить и стлать ему постель на диванѣ. Впослѣдств
 шенька даже привыкла къ нему и, придя отъ Мити (и
 рому, чуть оправившись, тотчасъ-же стала ходить, и
 даже хорошенько выздоровѣть), чтобъ убить тоску, сад
 начинала разговаривать съ «Максимушкой» о всякихъ
 бахъ, только чтобъ не думать о своемъ горѣ. Оказалось,
 ричокъ умѣлъ иногда кое-что и поразсказать, такъ что ст
 наконецъ, даже и необходимъ. Кромѣ Алеши, заходящ
 наво, не каждый день, и всегда не на долго, Грушенька
 почти и не принимала. Старикъ-же ея, купецъ, лежалъ
 время уже страшно больной, «отходилъ», какъ говорили
 родѣ, и дѣйствительно умеръ всего недѣлю спустя посл
 надъ Митей. За три недѣли до смерти, почувствовавъ
 финалъ, онъ вликнулъ къ себѣ, наконецъ, на верхъ сынов
 ихъ, съ ихъ женами и дѣтьми, и повелѣлъ имъ уже болѣе не о
 отъ себя. Грушеньку-же съ этой самой минуты строго и
 слугамъ не принимать вовсе, а коли придетъ, то говор
 «Приказываетъ, дескать, вамъ долго въ веселіи жить, а
 всѣмъ позабыть». Грушенька, однако-жь, посылала почт
 дый день справляться объ его здоровьѣ.

— Наконецъ-то пришелъ! крикнула она, бросивъ и
 радостно здороваясь съ Алешей, — а Максимушка такъ
 что, пожалуй, ужъ и не придешь. Ахъ, какъ тебя нуж
 дись къ столу; ну, что тебѣ, кофею?

— А, пожалуй, сказалъ Алеша, подсаживаясь къ ст
 очень проголодался.

— То-то; Феня, Феня, кофею! крикнула Грушенька,
 у меня ужъ давно кипитъ, тебя ждетъ, да широжковъ и
 да чтобы горячихъ! Нѣтъ, постой, Алеша, у меня съ эти
 рогами сегодня громъ вышелъ. Понесла я ихъ къ нему
 рогу, а онъ, вѣрнись-ли, назадъ мнѣ ихъ бросилъ, такъ

Одинъ пирогъ такъ совсѣмъ на полъ кинулъ и растопталъ. сказала: «сторожу оставляю; коли не съѣшь до вечера, зна- тебя злость эхидная кормить!» съ тѣмъ и ушла. Опять поссорились, вѣришь тому. Что ни приду, такъ и поссоримся. Грушенька проговорила все это залпомъ, въ волненіи. Максѣ, тотчасъ-же оробѣвъ, улыбался, потупивъ глазки.

— Этотъ-то разъ за что-же поссорились? спросилъ Алеша. — Да ужь совсѣмъ и не ожидала! Представь себѣ, бѣ «преж- приревновалъ: «Зачѣмъ, дескать, ты его содержишь. Ты значить, содержать начала?» Все ревнуетъ, все меня рев- И спитъ и вѣсть ревнуетъ. Къ Кузьмѣ даже разъ на шлой недѣлѣ приревновалъ.

— Да вѣдь онъ-же зналъ про «прежняго»-то?

— Ну, вотъ поди. Съ самага начала до самага сегодня зналъ, сегодня вдругъ всталъ и началъ ругать. Срамно только сказать говорилъ. Дуракъ! Ракитка къ нему пришелъ, какъ я вышла. Ракитка-то его и уськаетъ, а? Какъ ты думаешь? при- на она какъ-бы разсѣянна.

— Любитъ онъ тебя, вотъ что, очень любитъ. А теперь какъ и раздраженъ.

— Еще-бы не раздраженъ, завтра судятъ. И шла съ тѣмъ объ завтрашнемъ ему мое слово сказать потому, Алеша, но мнѣ даже и подумать что завтра будетъ! Ты вотъ го- что онъ раздраженъ, да я-то какъ раздражена. А онъ объ вѣ! Экой дуракъ! Вотъ къ Максимушкѣ небось не ревнуетъ. Меня супруга моя очень тоже ревновала-съ, вставилъ слово Максимова.

— Ну, ужь тебя-то, разсмѣялась нехотя Грушенька, — къ тебя и ревновать-то?

— Къ горничнымъ дѣвушкамъ-съ.

— Э, молчи, Максимушка, не до смѣху мнѣ теперь, даже беретъ. На пирожки-то глазъ не пяль, не дамъ, тебѣ и бальзамчику тоже не дамъ. Вотъ съ нимъ тоже во- точно у меня домъ богадѣльный, право, разсмѣялась она.

— Я вашихъ благодѣяній не стою-съ, я ничтоженъ-съ, про- мѣ слезящимся голоскомъ Максимовъ. — Лучше-бы вы рас- благодѣянія ваши тѣмъ, которые нужиѣ меня-съ.

— Эхъ, всякій нуженъ, Максимушка, и почему узнать, кто нужнѣй. Хоть-бы и не было этого поляка вовсе, Алеша, вѣдь разболѣться сегодня вздумалъ. Была и у него. Такъ нарочно-же и ему пошлю пироговъ. я не послала, а Митя

обвинилъ, что посылаю, такъ вотъ нарочно-же теперь рочно! Ахъ, вотъ и Феня съ письмомъ! Ну, такъ и отъ поляковъ, опять денегъ просить!

Панъ Муссяловичъ дѣйствительно прислалъ чрезвычайное и витіеватое по своему обыкновенію письмо, въ которомъ просилъ ссудить его тремя рублями. Къ письму была росписка въ полученіи съ обязательствомъ уплатить въ трехъ мѣсяцевъ; подъ роспиской подписался и панъ скій. Такихъ писемъ и все съ такими-же росписками Груша уже много получила отъ своего «прежняго». Начало самаго выздоровленія Грушеньки, недѣли двѣ назадъ. Однако, что оба пана и во время болѣзни ей приходилось думать о ея здоровьѣ. Первое письмо, полученное Грушей было длинное на почтовомъ кистѣ большаго формата, тайное большою фамильною печатью и страшно темноватое, такъ что Грушенька прочла только половину и ровно ничего не понявъ. Да и не до писемъ ей тогда! Этимъ первымъ письмомъ послѣдовало на другой день въ которомъ панъ Муссяловичъ просилъ ссудить его десятистами рублей, на самый короткій срокъ. Грушенька и это оставила безъ отвѣта. Затѣмъ послѣдовалъ уже цѣлый рядъ писемъ, по письму въ день, все также важныхъ и витіеватыхъ въ которыхъ сумма просимая займы, постепенно ея дошла до ста рублей, до двадцати пяти, до десяти рублей конецъ, вдругъ Грушенька получила письмо, въ которомъ пана просили у ней одинъ только рубль и приложили рублик на которой оба и подписались. Тогда Грушенькѣ стало жалко, и она, въ сумерки, сбѣгала сама къ пану. На обоихъ поляковъ въ страшной бѣдности, почти въ нищевушанья, безъ дровъ, безъ паниросъ, задолжавшихъ двѣсти рублей, выигранные въ Мокромъ у Мити, куда-то исчезли. Удивило, однако-же, Грушеньку, что встрѣтилъ пана съ заносчивою важностью и независимостью, съ широкимъ этикетомъ, съ раздутыми рѣчами. Грушенька тогда смѣялась и дала своему «прежнему» десять рублей. Тогда смѣясь, рассказала объ этомъ Митѣ, и тотъ вовсе не прервалъ. Но съ тѣхъ поръ паны ухватились за Грушеньку каждый день ее бомбардировали письмами съ просьбой о деньгахъ и та каждый разъ посылала по немножку. И вотъ вдругъ годня Митя вздумалъ жестоко приревновать.

— Я, дура, къ нему тоже забѣжала, всего только

ду, когда къ Митѣ шла, потому разболѣлся тоже и онъ, панъ-
той прежній, начала опять Грушенька, суетливо и торопясь, —
весь я это и рассказываю Митѣ-то: представь, говорю, полякъ-
той на гитарѣ прежнія пѣсни мнѣ вздумалъ пѣть, думаетъ,
я разчувствуюсь и за него пойду. А Митя-то какъ вскочить
ругательствами... Такъ вотъ нѣтъ-же, пошлю панамъ пиро-
въ! Охъ, что они тамъ дѣвчонку эту прислали? Вотъ, отдай
три рубля, да съ десятокъ пирожковъ въ бумагу имъ уверни
или свести, а ты, Алеша, непременно расскажи Митѣ, что я
пироговъ послала.

— Ни за что не расскажу, проговорилъ, улыбнувшись, Алеша.

— Эхъ, ты думаешь, что онъ мучается; вѣдь онъ это на-
но приревновалъ, а ему самому все равно, горько погово-
я Грушенька.

— Какъ такъ нарочно? спросилъ Алеша.

— Глупый ты, Алешенька, вотъ что, ничего ты тутъ не по-
вѣшь при всемъ умѣ, вотъ что. Мнѣ не то обидно, что онъ
я, такую, приревновалъ, а то стало-бы мнѣ обидно, коли-бы
се не ревновалъ. Я такова. Я за ревность не обижусь, у
я у самой сердце жестокое, я сама приревную. Только мнѣ
обидно, что онъ меня вовсе и не любитъ и теперь нарочно при-
новалъ, вотъ что. Слепая я, что-ли, не вижу? Онъ мнѣ объ
объ Каткѣ, вдругъ сейчасъ и говоритъ: такая-де она и
я, доктора изъ Москвы на судъ для меня выписала, чтобы
сти меня выписала, адвоката самаго перваго, самаго ученаго
е выписала. Значитъ ее любить, коли мнѣ въ глаза на-
къ хвалить, безстыжіе его глаза! Предо мной самъ виноватъ,
къ вотъ ко мнѣ и привязался, чтобы меня прежде себя ви-
той сдѣлать, да на меня на одну и свалить: «ты, дескать,
жде меня съ полякомъ была, такъ вотъ мнѣ съ Каткой и
воинственно это стало». Вотъ оно что! На меня на одну всю
у свалить хочетъ. Нарочно, онъ привязался, нарочно, говорю
я, только я...

Грушенька не договорила что она сдѣлаетъ, закрыла глаза
твомъ и ужасно разрыдалась.

— Онъ Катерину Ивановну не любитъ, сказалъ твердо Алеша.

— Ну, любить не любить, это я сама скоро узнаю, съ гроз-
в ноткой въ голосѣ проговорила Грушенька, отнимая отъ глазъ
потокъ. Лицо ея искажилось. Алеша съ горестью увидѣлъ, какъ
ругъ, изъ кроткаго и тихо-веселаго, лицо ея стало угрюмымъ
лымъ.

А Григорій-то, Григорій-то Васильичъ, вѣдь стоитъ на что дверь была отперта, ломить на своемъ, что видѣлъ, ешь его, я къ нему бѣгала, сама съ нимъ говорила. Ру-еще!

Да, это, можетъ быть, самое сильное показаніе противъ проговорилъ Алеша.

А про то, что Митя помѣшанный, такъ онъ и теперь аковъ, съ какимъ-то особенно озабоченнымъ и таин-имъ видомъ начала вдругъ Грушенька. — Знаешь, Але-давно я хотѣла тебѣ про это сказать: хожу къ нему день и просто дивлюсь. Скажи ты мнѣ, какъ ты ду-объ чемъ это онъ теперь началъ все говорить? Загово-говорить -- ничего понимать не могу, думаю, это онъ въ умномъ, ну, я глупая, не понять мнѣ, думаю; только нѣ мнѣ вдругъ говорить про дитѣ, то есть про дитятю ю, «зачѣмъ, дескать, бѣдно дитѣ? За дитѣ-то это я теперь и-рь пойду, я не убилъ, но мнѣ надо въ Сибирь пойти!») такое, какое такое дитѣ — ничевошеньки не поняла. расплакалась какъ онъ говорилъ, потому очень ужъ онъ это говорилъ, самъ плачетъ, и я заплакала, онъ меня и поцаловалъ и рукой перекрестилъ. Что это такое, Алеша, и ты мнѣ, какое это «дитѣ?».

Это къ нему Равитинъ почему-то повадился ходить, улыба-леша, — впрочемъ... это не отъ Равитина. Я у него вчера ѣ, сегодня буду.

Нѣтъ, это не Ракитка, это его братъ Иванъ Ѳедоровичъ ѣ, это онъ къ нему ходить, вотъ что... проговорила Гру-и вдругъ какъ-бы осѣклась. Алеша уставился на нее раженный.

Какъ ходить? Да развѣ онъ ходилъ къ нему? Митя мнѣ ворилъ, что Иванъ ни разу не приходилъ.

Ну... ну, вотъ я какая! Проболталась! воскликнула Гру-въ смущеніи, вся вдругъ зарумянившись. — Стой, Алеша, такъ и быть, коль ужъ пробормоталась, всю правду скажу: него два раза былъ, первый разъ только что онъ тогда ѣ — тогда-же вѣдь онъ сейчасъ изъ Москвы и приска-еще и слечь не успѣла, а другой разъ приходилъ недѣлю Митѣ-то онъ не велѣлъ объ этомъ тебѣ сказывать, отнюдь ѣ, да и никому не велѣлъ сказывать, потаенно приходилъ. да сидѣлъ въ глубокой задумчивости и что-то сообра-звѣстіе видимо его поразило.

— Братъ Иванъ объ Митиномъ дѣлѣ со мной не проговорилъ онъ медленно, — да и вообще со мной эти два мѣсяца очень мало говорилъ, а когда я приходилъ к нему, то всегда бывалъ недоволенъ, что я пришелъ, такъ три недѣли къ нему уже не хожу. Гм... Если онъ былъ и назадъ, то... за эту недѣлю въ Митѣ дѣйствительно какая-то перемѣна...

— Перемѣна, перемѣна! быстро подхватила Грушенька ихъ секретъ, у нихъ былъ секретъ! Митя мнѣ самъ онъ что секретъ и, знаешь, такой секретъ, что Митя и уснуть не можетъ. А вѣдь прежде былъ веселый, да онъ и теперь лый, только, знаешь, когда начнетъ этакъ головой по комнатѣ шагать, а вотъ этимъ правымъ пальцемъ себя на вискѣ волосы тереть, то ужъ я и знаю, что у него безпокойное на душѣ... я ужъ знаю!.. А то былъ весел и сегодня веселый!

— А ты сказала: раздраженъ?

— Да онъ и раздраженъ, да веселый. Онъ и все раздра на минутку, а тамъ веселый, а потомъ вдругъ опять раздраженъ. И знаешь, Алеша, все я на него дивлюсь: впередъ страхъ, а онъ даже иной разъ такимъ пустякамъ хол точно самъ-то дитя.

— И это правда, что онъ мнѣ не велѣлъ говорить про Такъ и сказалъ: не говори?

— Такъ и сказалъ: не говори. Тебя-то онъ, гла боится, Митя-то. Потому тутъ секретъ, самъ сказалъ, вретъ... Алеша, голубчикъ, сходи, вывѣдай: какой это ихъ секретъ, да и приходи мнѣ сказать, — вскинулась и лась вдругъ Грушенька, — порѣши ты меня, бѣдную, что знала я мою участь проклятую! Съ тѣмъ и звала тебя.

— Ты думаешь, что это про тебя что-нибудь? Такъ тогда-бы онъ не сказалъ при тебѣ про секретъ.

— Не знаю. Можетъ, мнѣ-то онъ и хочетъ сказать смѣть. Предупреждаетъ. Секретъ, дескать, есть, а какъ реть — не сказалъ.

— Ты сама-то что-же думаешь?

— А что думаю? Конецъ мнѣ пришелъ, вотъ что! Конецъ мнѣ они всѣ трое приготовили, потому что тутъ! Все это Катька, отъ нея и идетъ. «Такая она и сякая», зя это я не такая. Это онъ впередъ говоритъ, впередъ предупреждаетъ. Бросить онъ меня замыслилъ, вотъ и всѣ

еть! Втроемъ это и придумали.—Митька, Катька, да Иванъ ровичъ. Алеша, хотѣла я тебя спросить давно: недѣлю на- онъ мнѣ вдругъ и открываетъ, что Иванъ влюбленъ въ жу, потому что часто къ той ходитъ. Правду онъ это мнѣ алъ или нѣтъ? Говори по совѣсти, рѣжь меня.

— Я тебѣ не солгу. Иванъ въ Катерину Ивановну не влюбъ, такъ я думаю.

— Ну, такъ и я тогда-же подумала! Лжетъ онъ мнѣ, безжій, вотъ что! И приревновалъ онъ теперь меня, чтобы поъ на меня свалить. Вѣдь онъ дуракъ, вѣдь онъ не умѣетъ цовъ хоронить, откровенный онъ вѣдь такой... Только я-жь , я-жь ему! «Ты, говоритъ, вѣришь, что я убилъ» —это мнѣ-то говоритъ, мнѣ-то, это меня-то онъ тѣмъ попрекнулъ! Богъ нимъ! Ну, постой, плохо этой Катькѣ будетъ отъ меня на ! Я тамъ одно такое словечко скажу... Я тамъ ужь все скажу! И опять она горько заплакала.

— Вотъ что я тебѣ могу твердо объявить, Грушенька, ска- , вставая съ мѣста, Алеша:—первое то, что онъ тебя лю- , любить болѣе всѣхъ на свѣтѣ, и одну тебя, въ этомъ ты вѣрь. Я знаю. Ужь я знаю. Второе то скажу тебѣ, что я ета выпытывать отъ него не хочу, а если самъ мнѣ скажетъ дня, то прямо скажу ему, что тебѣ обѣщался сказать. Тогда цу къ тебѣ сегодня-же и скажу. Только... кажется мнѣ... въ тутъ Катерины Ивановны и въ поминѣ, а это про другое что-нибудь этотъ секретъ. И это навѣрно такъ. И не похоже мѣмъ. чтобы про Катерину Ивановну, такъ мнѣ сдается. А а прощай!

Алеша пожалъ ей руку. Грушенька все еще плакала. Онъ влѣ, что она его утѣшеніямъ очень мало повѣрила, но и то было ей хорошо, что хоть горе сорвала, высказалась. Жалко было оставлять ее въ такомъ состояніи, но онъ спѣшилъ. стояло ему еще много дѣла.

II.

Больная ножка.

Первое изъ этихъ дѣлъ было въ домѣ г-жи Хохлаковой, и спѣшилъ туда, чтобы покончить тамъ поскорѣе и не опоз- въ Митѣ. Г-жа Хохлакова уже три недѣли какъ прихва-

рывала: у ней отчего-то вспухла нога, и она хоть не въ постели, но все равно, днемъ, въ привлекательномъ, стойномъ дезабильте полулежала у себя въ будуарѣ на к. Алеша какъ-то разъ замѣтилъ про себя съ невинною усмѣшкою, что г-жа Хохлакова, не смотря на болѣзнь свою, стала щеголять: явились какія-то наволоочки, бантики, распахивались, и онъ смекалъ почему это такъ, хотя и гналъ эти мысли какъ праздна. Въ послѣдніе два мѣсяца г-жу Хохлакову стѣснѣло сѣщать, между прочими ея гостями, молодой человекъ тинъ. Алеша не заходилъ уже дня четыре, и, войдя и успѣвши было прямо пройти къ Лизѣ, ибо у ней и было дѣло, такъ какъ Лиза еще вчера прислала къ нему дѣло съ настоятельною просьбой немедленно къ ней придти «на важному обстоятельству», что по нѣкоторымъ причинамъ тересовало Алешу. Но пока дѣвушка ходила къ Лизѣ давать, г-жа Хохлакова уже узнала отъ кого-то о его приездѣ и немедленно прислала попросить его къ себѣ «на одну минутку». Алеша разсудилъ, что лучше ужъ удовлетворить просьбу мамашы, ибо та будетъ поминутно посылать къ нему пока онъ будетъ у той сидѣть. Г-жа Хохлакова лежала на шеткѣ, какъ-то особенно празднично одѣтая и видимо въ вычайно нервическомъ возбужденіи. Алешу встрѣтила въ восторга.

— Вѣка, вѣка, цѣлые вѣка не видала васъ! Цѣлую помилуйте, ахъ, впрочемъ, вы были всего четыре дня въ среду. Вы къ Lise, я увѣрена, что вы хотѣли пройтись къ ней прямо на цыпочкахъ, чтобъ я не слыхала. Милый. Алексѣй Федоровичъ, если-бы вы знали какъ она меня любитъ! Но это потомъ. Это хоть и самое главное, но это Милый Алексѣй Федоровичъ я вамъ довѣряю мою Лизу. Послѣ смерти старца Зосимы — упокой Господи его душу (перекрестилась), послѣ него я смотрю на васъ какъ и никакъ, хотя вы и премило носите вашъ новый костюмъ. Вы достали здѣсь такого портнаго? Но нѣтъ, нѣтъ, это не такъ, это потомъ. Простите, что я васъ называю иногда старуха, мнѣ все позволено, — кокетливо улыбуясь, но это тоже потомъ. Главное, мнѣ-бы не забыть про г-жу. Пожалуйста, напомните мнѣ самъ, чуть я заговорюсь, а не забывайте: «а главное?» Ахъ, почему я знаю что теперь главное? Съ тѣхъ поръ какъ Lise взяла у васъ назадъ свое обѣщаніе свое дѣтское обѣщаніе, Алексѣй Федоровичъ. — выйдти з

жъ, то вы, конечно, поняли, что все это была лишь дѣтская вая фантазія больной дѣвочки, долго просидѣвшей въ креслѣ, — слава Богу, она теперь уже ходитъ. Этотъ новый докторъ, котораго Катя выписала изъ Москвы для этого несчастнаго вашего брата, котораго завтра... Ну, что объ завтрашнемъ! умираю отъ одной мысли объ завтрашнемъ! Главное-же любопытства... Однимъ словомъ, этотъ докторъ вчера былъ у насъ и видѣлъ Lise... Я ему пятьдесятъ рублей за визитъ платила. Но это все не то, опять не то. Видите, я ужь сошла теперь сбилась. Я тороплюсь. Почему я тороплюсь? Я не знаю. Я ужасно перестаю теперь знать. Для меня все смѣлось въ какой-то комокъ. Я боюсь, что вы возьмете и выгнете отъ меня отъ скуки, и я васъ только и видѣла. Ахъ, мой! Что-же мы сидимъ, и во первыхъ, — кофе, Юлія, Глаза, кофе!

Алеша поспѣшно поблагодарилъ и объявилъ, что онъ сейчасъ только пилъ кофе.

— У кого?

— У Аграевны Александровны.

— Это... это у этой женщины! Ахъ, это она всѣхъ погубила, прочемъ, я не знаю, говорятъ, она стала святая, хотя и немолодая. Лучше-бы прежде, когда надо было, а теперь что-жъ, я-же польза? Молчите, молчите, Алексѣй Федоровичъ, потому что я столько хочу сказать, что, кажется, такъ ничего и не могу. Этотъ ужасный процессъ... я непременно поѣду, я боюсь, меня внесутъ въ кресла, и притомъ я могу сидѣть, и тогда будутъ люди, и вы знаете вѣдь, я въ свидѣтеляхъ. Я буду говорить, какъ я буду говорить! Я не знаю что я буду говорить. Надо вѣдь присягу принять, вѣдь такъ, такъ?

— Такъ, но не думаю, чтобы вамъ можно было явиться.

— Я могу сидѣть; ахъ, вы меня сбиваете! Этотъ процессъ, это дикій поступокъ, и потомъ всѣ идутъ въ Сибирь, другіе уходятъ, и все это быстро, быстро, и все мѣняется, и, наконецъ; пойдутъ всѣ старики и въ гробъ смотреть. Ну и пусть, я устала. Катя — *cette charmante personne*, она разбила всѣ мои надежды: теперь она пойдетъ за однимъ вашимъ братомъ въ Сибирь, а другой вашъ братъ поѣдетъ за ней и будетъ жить въ немъ городѣ, и всѣ будутъ мучить другъ друга. Меня это не сводитъ, а, главное, эта огласка: во всѣхъ газетахъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ милліонъ разъ писали. Ахъ, да, предположили о себѣ, и про меня написали, что я была «милымъ дру-

казанно, чѣмъ тащиться въ Сибирь съ сорокалѣт-
ли своей скучающей дамы. Игривая корреспонден-
и слѣдуетъ, заканчивалась благороднымъ негодо-
етъ безнравственности отцеубійства и бывшего
ава. Прочтя съ любопытствомъ, Алеша свернулъ
едалъ его обратно г-жѣ Хохлаковой.

— же не я? залепетала она опять, — вѣдь это я, я
предлагала ему золотые прѣски и вдругъ «со-
лести!» Да развѣ я затѣмъ? Это онъ нарочно!
чный Судья за сорокалѣтнія прелести, какъ и я
идь это... вѣдь это знаете кто? Это вашъ другъ,

быть, сказалъ Алеша, хотя я ничего не слы-

шь, а не можетъ быть! Вѣдь я его выгнала... Вѣдь
эту исторію?

, что вы его пригласили не посѣщать васъ впредь,
ино, — этого я... отъ васъ, по крайней мѣрѣ, не

о быть, отъ него слышали! Что-жь, онъ бранить
бранить?

бранить, но вѣдь онъ всѣхъ бранить. Но за что
ли — я и отъ него не слыхалъ. Да и вообще я
с нимъ теперь встрѣчаюсь. Мы не друзья.

шь я вамъ это все открою и, нечего дѣлать, по-
что тутъ есть одна черта, въ которой я, можетъ

ювата. Только маленькая, маленькая черточка, са-
такъ что, можетъ быть, ея и нѣтъ вовсе. Видите,

(г-жа Хохлакова вдругъ приняла какой-то игри-
у устахъ ея замелькала милая, хотя и загадочная

ите, я подозреваю... вы меня простите, Алеша, я
шь... о, нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, я къ вамъ теперь

отцу... потому что мать тутъ совсѣмъ не идетъ...
какъ къ старцу Зосимѣ на исповѣди, и это самое

ень подходитъ: назвала-же я васъ давеча схим-
какъ вотъ этотъ бѣдный молодой человѣкъ, вашъ

шь (о, Боже, я просто на него не могу сердиться!
люсь, но не очень), однимъ словомъ, этотъ легко-

одой человѣкъ, вдругъ, представьте себѣ, кажется,
еня влюбиться. Я это потомъ, потомъ только

шла, но въ началѣ, то есть съ мѣсяцъ назадъ, онъ

сталъ бывать у меня чаще, почти каждый день, хотя мы были знакомы. Я ничего не знаю... и вотъ вдругъ какъ-бы озарило, и я начинаю, къ удивленію, пріятельнице, я уже два мѣсяца тому назадъ начала принимать скромнаго, милого и достойнаго молодаго человека, Петра Перхотина, который здѣсь служитъ. Вы столько разъ слышали сами. И не правда-ли, онъ достойный, серьезный, идетъ онъ въ три дня разъ, а не каждый день (хотя и каждый день), и всегда такъ хорошо одѣтъ, и вообще молодежь, Алена, талантливую, скромную, вотъ какъ и него почти государственный умъ, онъ такъ мило говоритъ непрѣменно, непрѣменно буду просить за него. Это будетъ лежать. Онъ въ тотъ ужасный день меня почти отъ спасъ, придя ко мнѣ ночью. Ну, а вашъ другъ Ракитин ходитъ всегда въ такихъ сапогахъ и протянетъ ихъ однимъ словомъ, онъ началъ мнѣ даже что-то намекать, а одинъ разъ, уходя, пожалъ мнѣ ужасно крѣпко руку. Тамъ онъ мнѣ пожалъ руку, какъ вдругъ у меня разболѣлась и и прежде встрѣчалъ у меня Петра Ильича, и, вѣрите-ли, и няетъ его, все шпыняетъ, такъ и мычитъ на него за то только смотрю на нихъ обонхъ, какъ они сойдутся, а смѣюсь. Вотъ вдругъ я сижу одна, то есть нѣтъ, я тогда лежала, вдругъ я лежу одна, Михайлъ Ивановичъ и пріятель, представьте, приносятъ свои стишки, самые короткія мою больную ногу, то есть описалъ въ стихахъ мою ногу. Пойдите, какъ это:

Эта ножка, эта ножка
Разболѣлася немножко...

или какъ тамъ,—вотъ никакъ не могу стиховъ запомнить меня тутъ лежать,—ну, я вамъ потомъ покажу, только и прелесть, я, знаете, не объ одной только ножкѣ, а и нѣчто, съ прелестью идеей, только я ее забыла, одинъ вомъ, прямо въ альбомъ. Ну, и, разумеется, поблагодаритъ онъ былъ видимо польщенъ. Не успѣла поблагодарить вдругъ входитъ и Петръ Ильичъ, а Михайлъ Ивановичъ насупился какъ ночь. Я уже вижу, что Петръ Ильичъ чемъ-то помѣшалъ, потому что Михайлъ Ивановичъ не что-то хотѣлъ сказать сейчасъ послѣ стиховъ, я уже и ствовала, а Петръ Ильичъ и вошелъ. Я вдругъ Петру стихи и показываю, да и не говорю кто сочинилъ. Но

я увѣрена, что онъ сейчасъ догадался, хотя и до сихъ не признается, а говоритъ, что не догадался; но это онъ чно. Петръ Ильичъ тотчасъ захохоталъ и началъ критиковать, — дрянные, говоритъ, стишонки, какой-нибудь семинаръ написалъ, да знаете, съ такимъ азартомъ, съ такимъ томъ! Тутъ вашъ другъ вмѣсто того, чтобы разсмѣяться, гъ совсѣмъ и взбѣсился... Господи, я думала, они подерутся: я, говоритъ, написалъ. Я, говоритъ, написалъ въ шутку, му что считаю за низость писать стихи... Только стихи мои ши. Вашему Пушкину за женскія ножки монументъ хотятъ гать, а у меня съ направлениемъ, а вы сами, говоритъ, крѣпнѣе; вы, говоритъ, никакой гуманности не имѣете, вы ни-хъ теперешнихъ просвѣщенныхъ чувствъ не чувствуете, не коснулось развитіе, вы, говоритъ, чиновникъ и взяточникъ!» Тутъ ужъ я начала кричать и молить ихъ. А Петръ чъ, вы знаете, такой не робкій, и вдругъ принялъ самый родный тонъ: смотритъ на него насмѣшливо, слушаетъ и яется: «Я, говоритъ, не зналъ. Если-бы я зналъ, я-бы не лъ, я-бы, говоритъ, похвалилъ... Поэты, говоритъ, всѣ такъ азжительны»... Однимъ словомъ, такія насмѣшки подъ ви-самаго благороднаго тона. Это онъ мнѣ самъ потомъ объ-тъ, что это все были насмѣшки, а я думала, онъ и въ са-дѣлъ. Только вдругъ я лежу, какъ вотъ теперь предъ вами, аю: будетъ ли не будетъ благородно, если я Михаила Ива-а вдругъ прогоню зато, что неприлично кричитъ у меня въ на моего гостя? И вотъ, вѣрите-ли: лежу, закрыла глаза и ду-будетъ или не будетъ благородно, и не могу рѣшить, и му-мучаюсь, и сердце бьется: крикнуть, аль не крикнуть? Одинъ съ говоритъ: кричи, а другой говоритъ: нѣтъ, не кричи! Только тотъ другой голосъ сказалъ. я вдругъ и закричала и вдругъ а въ обморокъ. Ну, тутъ, разумѣется, шумъ. Я вдругъ встаю юрю Михаилу Ивановичу: мнѣ горько вамъ объявить, но я не ю васъ болѣе принимать въ моемъ домѣ. Такъ и выгнала. Алексѣй Федоровичъ! Я сама знаю, что скверно сдѣлала, я гнала, я вовсе на него не сердилась, но мнѣ вдругъ, глав-вдругъ, показалось, что это будетъ такъ хорошо, эта сцена... ко, вѣрите-ли, эта сцена, всетаки была натуральна, потому я даже расцлакалась, и нѣсколько дней потомъ плакала, а гъ вдругъ послѣ обѣда все и позабыла. Вотъ онъ и пере-ходить уже двѣ недѣли, я и думаю: да неужто-жь онъ мѣ не придетъ? Это еще вчера, а вдругъ къ вечеру при-

— За зачѣмъ, зачѣмъ?

— Получилъ аффектъ. Какъ Дмитрій Ѳедоровичъ ударилъ словѣ, онъ очнулся и получилъ аффектъ, пошелъ и убилъ. Онъ говоритъ самъ, что не убилъ, такъ этого онъ, мол, не помнитъ. Только видите-ли: лучше, гораздо лучше если Дмитрій Ѳедоровичъ убилъ. Да это такъ и было, и говорю, что Григорій, но это навѣрно Дмитрій Ѳедоръ и это гораздо, гораздо лучше! Ахъ, не потому лучше, что отца убилъ, я не хвалю, дѣти, напротивъ, должны поубиудителей, а только всетаки лучше, если это онъ, потому что тогда и плакать нечего, такъ какъ онъ убилъ себя не или лучше сказать, все помня, но не зная, какъ это случилось. Нѣтъ, пусть они его простятъ; это такъ гуманно,

видѣли благодѣяніе новыхъ судовъ, а я-то и не знала, что это уже давно, и какъ я вчера узнала, то меня это разило, что я тотчасъ-же хотѣла за вами послать; и если бы его простятъ, то прямо его изъ суда ко мнѣ обвѣдать, позову знакомыхъ и мы выпьемъ за новые суды. Я не думаю, что онъ былъ опасенъ, притомъ я позову очень много гостей, и если его можно всегда вывести, если онъ что-нибудь, а если онъ можетъ гдѣ-нибудь въ другомъ городѣ быть миродѣей или чѣмъ-нибудь, потому что тѣ, которые сами не несчастіе, всѣхъ лучше судятъ. А главное, кто-жъ не въ аффектъ, вы, я, всѣ въ аффектъ, и сколько присидитъ человекъ, поетъ романсъ, вдругъ ему что не понравилось, взялъ пистолетъ и убилъ кого попало, а за это ему всѣ прощаютъ. Я это недавно читала, и всѣ докторы подтвердили. Доктора теперь подтверждаютъ, все подтверждаютъ. Помилуйте, у меня Lise въ аффектъ, я еще вчера отъ вѣда, третьяго дня плакала, а сегодня догадалась, что у ней просто аффектъ. Охъ, Lise меня такъ огорчаетъ! Охъ, она совсѣмъ помѣшалась. Зачѣмъ она васъ позвала? Почему позвала, или вы сами къ ней пришли?

— Да, она звала, и я пойду сейчасъ къ ней, всталъ было только Алеша.

— Ахъ, милый, милый Алексѣй Ѳедоровичъ, тутъ-то, можетъ быть самое главное, вскрикнула госпожа Хохлакова, вдругъ сказала. — Богъ видитъ, что я вамъ искренно довѣряю Lise, ничего, что она васъ тайкомъ отъ матери позвала. Но Дмитрій Ѳедоровичу, вашему брату, простите меня, я не могу дочку мою съ такою легкостью, хотя и продолжаю счи-

тать его за самаго рыцарскаго молодого человѣка. А впрямь онъ вдругъ и былъ у Lise, а я этого ничего и не знала.

— Какъ? Что? Когда? ужасно удивился Алеша. Онъ садился и слушалъ стоя.

— Я вамъ расскажу, я для этого-то, можетъ быть, и знала, потому что я ужъ и не знаю, для чего васъ повелъ это: Иванъ Федоровичъ былъ у меня всего два раза вращенія своимъ изъ Москвы, первый разъ пришелъ въ комый одѣлать визитъ, а въ другой разъ, это уже недавно у меня сидѣла, онъ и зашелъ, узнавъ, что она у меня. Я и вѣстася, и не претендовала на его частые визиты, зная у него теперь и безъ того хлопотъ, vous comprenez, *ce n'est et la mort terrible de votre papa*, только вдругъ узнаю, что былъ опять, только не у меня, а у Lise, это уже для тому, пришелъ, просидѣлъ пять минутъ и ушелъ. А ужъ про это цѣлыхъ три дня спустя отъ Глафиры, такъ что и вдругъ фрадировало. Тотчасъ призываю Lise, а она сидитъ доскаты, думалъ, что вы спите и зашелъ ко мнѣ спросить о здоровьѣ. Конечно, оно такъ и было. Только Lise о, Боже, какъ она меня огорчаетъ! Вообразите, вдругъ въ одну ночь—это четыре дня тому, сейчасъ послѣ того вы въ послѣдній разъ были и ушли—вдругъ съ ней ночью падохъ, крикъ, визгъ, истерика! Отчего у меня никогда не бываетъ истерика? Затѣмъ на другой день припадохъ, а по на третій день, и вчера, и вотъ вчера этотъ аффектъ. мнѣ вдругъ кричить: «Я ненавижу Ивана Федоровича, я чтобы вы его не принимали, чтобы вы ему отказали отъ...» Я обомлѣла при такой неожиданности и возражаю ей: съ ка стати буду я отказывать такому достойному молодому чело и притомъ съ такими познаніями и съ такимъ несчастьемъ тому что все таки всѣ эти исторіи — вѣдь это несчастье, счастье, не правда-ли? Она вдругъ расхохоталась надъ словами и такъ, знаете, оскорбительно. Ну, я рада, думаю разсмѣшила ее, и припадки теперь пройдутъ, тѣмъ болѣе я сама хотѣла отказать Ивану Федоровичу за странные безъ моего согласія и потребовать объясненія. Только сегодня утромъ Лиза проснулась и рассердилась на Юлію и ставьте, ударила ее рукой по лицу. Но вѣдь это монетъ я съ моими дѣвушками на вы. И вдругъ черезъ часъ она нимаешь и цѣлуетъ у Юліи ноги. Ко мнѣ-же прислала что не придетъ ко мнѣ вовсе и впредь никогда не хоче

а когда я сама къ ней потащила, то бросилась меня обнимать и плакать и, цалуя, такъ и выпихнула вонъ, ни слова говоря, такъ что я такъ ничего и не узнала. Теперь, милый всѣмъ Федоровичъ, на васъ всѣ мои надежды и, конечно, судьба моей жизни въ вашихъ рукахъ. Я васъ просто прошу пойдти къ Лизе, разузнать у ней все, какъ вы только одинъ умѣете это дѣлать, и придти рассказать мнѣ, мнѣ, матери, потому что, вы знаете, я умру, я просто умру, если все это будетъ продолжаться, или убѣгу изъ дому. Я больше не могу, у меня есть дѣлѣ, но я могу его лишиться, и тогда... и тогда будутъ ужасы. — Боже мой, наконецъ-то, Петръ Ильичъ! вскрикнула, вся дрогавъ просіявъ, госпожа Хохлакова, завидя входяшаго Петра Ильича Перхотина. — Опоздали, опоздали! Ну что, садитесь, гонимые, рѣшайте судьбу, ну что-жь этотъ адвокатъ? Куда-же вы, всѣмъ Федоровичъ?

— Я къ Лизе.

— Ахъ, да! Такъ вы не забудете, не забудете о чемъ я васъ просила? Тутъ судьба, судьба!

— Конечно, не забуду, если только можно... но я такъ опоздала, пробормотала, поскорѣе ретируясь, Алеша.

— Нѣтъ навѣрно, навѣрно заходите, а не «если можно», не я умру! прокричала вслѣдъ ему госпожа Хохлакова, но она уже вышла изъ комнаты.

III.

Бѣсенокъ.

Войдя къ Лизѣ, онъ засталъ ее полулежащею въ ея прежнемъ креслѣ, въ которомъ ее возили, когда она еще не могла ходить. Она не тронулась къ нему на встрѣчу, но зоркій, острый взглядъ такъ и впился въ него. Взглядъ былъ нѣсколько воспаленный, лицо блѣдно-желтое. Алеша изумился тому, какъ измѣнилась въ три дня, даже похудѣла. Она не протянула руки. Онъ самъ притронулся къ ея тонкимъ, длиннымъ пальцамъ, неподвижно лежавшимъ на ея платѣ, затѣмъ молчалъ противъ нея.

— Я знаю, что вы спѣшите въ острогъ, рѣзко проговорила она, — а васъ два часа задержала мама, сейчасъ вамъ про меня обо всемъ Юлію рассказала.

...ЗДЕСЬ. ВЫ ВО
...И СОР
...ЗАП
...ЗДЕСЬ.
...ДОБРОЕ И
...АЛЕША.
...ТО, ЧТО
...ХОЧУ С
...Я В
...Е
...ЗДЕСЬ ТАК?

...ВАСЬ
...
...ЗАМБЛАС
...ИМТРИЮ С
...ТАКОЙ В
...СКО
...СЕГОДН
...СОБН
...ИТЕРЗАЛ
...УЪХ
...ОРЯДОВЪ?
...КОРЯДКА.
...ПОДОЙДУ П
...ТУШАТ

Да. Пусть я богата, а всё бѣдные, я буду конфеты ѣсть и пиво пить, а тѣмъ никому не дамъ. Ахъ, не говорите, не верите ничего (замахала она ручкой, хотя Алеша и рта не рывалъ), вы мнѣ ужь прежде все это говорили, я все знаю. Скучно. Если я буду бѣдная, я кого-нибудь убью, — я богата если буду, можетъ быть, убью, — что сидѣть-то! А вы, я хочу жать, рожь жать. Я за васъ выйду, а вы станьте настоящимъ мужикомъ; у насъ жеребеночекъ, хотите? Балганова знаете!

— Знаю.

— Онъ все ходитъ и мечтаетъ. Онъ говоритъ: зачѣмъ вѣду жить, лучше мечтать. Намечтать можно самое веселое, а въ скука. А вѣдь самъ скоро женится, онъ ужь и мнѣ обѣщанъ въ любви. Вы умѣете кубари спускать?

— Умѣю.

— Вотъ это онъ какъ кубарь: завертѣть его и спустить, и стегать, стегать кнутикомъ. Выйду за него замужъ, всю жизнь буду спускать. Вамъ не стыдно со мной сидѣть?

— Нѣтъ.

— Вы ужасно сердитесь, что я не про святое говорю. Я не могу быть святою. Что сдѣлаютъ на томъ свѣтѣ за самый большой грѣхъ? Вамъ это должно быть въ точности извѣстно.

— Богъ осудить, пристально вглядывался въ нее Алеша.

— Вотъ такъ я и хочу. Я-бы пришла, а меня-бы и осудили, а вы вдругъ всѣмъ имъ и засмѣялась въ глаза. Я ужасно хочу зажечь домъ, Алеша, нашъ домъ, вы мнѣ все не вѣрите?

— Почему-же? Есть даже дѣти, лѣтъ по двѣнадцати, которымъ хочется зажечь что-нибудь и они зажигаютъ. Это въ болѣзни.

— Неправда, неправда, пусть есть дѣти, но я не про то.

— Вы злое принимаете за доброе: это минутный кризисъ, потомъ ваша прежняя болѣзнь, можетъ быть, виновата.

— А вы таки меня презираете! Я просто не хочу дѣлать злое, я хочу дѣлать злое, а никакой тутъ болѣзни нѣтъ.

— Зачѣмъ дѣлать злое?

— А чтобы нигдѣ ничего не осталось. Ахъ, какъ-бы хорошо, чтобы ничего не осталось! Знаете, Алеша, я иногда думаю надѣяться ужасно много зла и всего свернаго, и долго буду тихонько ждать, и вдругъ всё узнаютъ. Всѣ меня обступятъ и будутъ называть на меня пальцами, а я буду на всѣхъ смотрѣть. Это очень пріятно. Почему это такъ пріятно, Алеша?

— Такъ. Потребность раздавить что-нибудь хорошее вотъ, какъ вы говорили, зажечь. Это тоже бываетъ.

— Я вѣдь не то что говорила, я вѣдь и сдѣлаю.

— Вѣрю.

— Ахъ, какъ я васъ люблю за то, что вы говорите! И вѣдь вы вовсе, вовсе не лжете. А, можетъ быть, вы думаете, что я вамъ все это нарочно, чтобы васъ дразнить?

— Нѣтъ, не думаю... хотя, можетъ быть, и есть въ этой потребности.

— Немного есть. Никогда предъ вами не солгу, прости она со сверкнувшими какимъ-то огонькомъ глазами.

Алешу всего болѣе поражала ея серьезность: ни тинливости и шутливости не было теперь въ ея лицѣ, хотя и веселость и шутливость не покидали ея въ самыя «серьезныя» минуты.

— Есть минуты, когда люди любятъ преступленіе, — тихо проговорилъ Алеша.

— Да, да! Вы мою мысль сказали, любятъ, всѣ любятъ всегда любить, я не то что «минуты». Знаете, въ этомъ какъ будто когда-то условились згать и всѣ съ тѣхъ поръ. Всѣ говорятъ, что ненавидятъ дурное, а про себя всѣ его любятъ.

— А вы все по прежнему дурныя книги читаете?

— Читаю. Мама читаетъ и подъ подушку прячетъ, а я...

— Какъ вамъ не совѣстно разрушать себя?

— Я хочу себя разрушать. Тутъ есть одинъ мальчикъ подъ рельсами пролежалъ, когда надъ нимъ вагоны ѣхали. Ливецъ! Послушайте, теперь вашего брата судятъ за то, что отца убилъ, и всѣ любятъ, что онъ отца убилъ.

— Любятъ, что отца убилъ?

— Любятъ, всѣ любятъ! Всѣ говорятъ, что это ужасно про себя ужасно любятъ. Я первая люблю.

— Въ вашихъ словахъ про всѣхъ есть нѣсколько и проговорилъ тихо Алеша.

— Ахъ, какія у васъ мысли! взвизгнула въ восторгѣ. Это у монаха-то! Вы не повѣрите, какъ я васъ уважаю, и за то что вы никогда не лжете. Ахъ, я вамъ одинъ мой сонъ расскажу: мнѣ иногда во снѣ снятся черти. Будто въ моей комнатѣ со свѣчкой, и вдругъ вездѣ черти, во углахъ, и подъ столомъ. и двери отворяются, а изъ ихъ дверями толпа и имъ хочется войти и меня схватить. И подходятъ, ужь хватаютъ. А я вдругъ перекрещусь, и он

къ, боятся, только не уходятъ совсѣмъ, а у дверей стоятъ у угламъ, ждутъ. И вдругъ мнѣ ужасно захочется вслухъ къ Богу бранить, вотъ и начну бранить, а они-то вдругъ къ толпой ко мнѣ, такъ и обрадуются, вотъ ужъ и хватаютъ опять, а я вдругъ опять перекрещусь—а они всѣ назадъ. Оно весело, духъ замираетъ.

— И у меня бывалъ этотъ самый сонъ, вдругъ сказалъ Алеша.

— Неужто, вскрикнула Лиза въ удивленіи. — Послушайте, да, не смѣйтесь, это ужасно важно: развѣ можно, чтобы у разныхъ былъ одинъ и тотъ-же сонъ?

— Вѣрно можно.

— Алеша, говорю вамъ, это ужасно важно, въ какомъ-то вѣрномъ уже удивленіи, продолжала Лиза.— Не сонъ важенъ, что вы могли видѣть этотъ-же самый сонъ, какъ и я. Вы да мнѣ не лжете, не лгите и теперь: это правда? Вы не есь?

— Правда.

Лиза была чѣмъ-то ужасно поражена и на полминутку примолкла.

— Алеша, ходите ко мнѣ, ходите ко мнѣ чаще, проговорила вдругъ молящимъ голосомъ.

— Я всегда, всю жизнь буду къ вамъ приходить, твердо шлъ Алеша.

— Я вѣдь одному вамъ говорю, начала опять Лиза.— Я себѣ говорю, да еще вамъ. Вамъ одному въ цѣломъ мірѣ. И охотнѣе чѣмъ самой себѣ говорю. И вамъ совсѣмъ не стыжусь, совсѣмъ. Алеша, почему я васъ совсѣмъ не стыжусь, мнѣ? Алеша, правда-ли, что жида на Пасху дѣтей крадутъ и жутъ?

— Не знаю.

— Вотъ у меня одна книга, я читала про какой-то гдѣ-то судъ жидъ четырехлѣтнему мальчику сначала всѣ пальчики обрѣла на обѣихъ ручкахъ, а потомъ распяла на стѣнѣ, прибилъ ями и распяла, и потомъ на судѣ сказалъ, что мальчикъ въ скоро, чрезъ четыре часа. Экъ скоро! Говорить: стоналъ, стоналъ, а тотъ стоялъ и на него любовался. Это хорошо!

— Хорошо?

— Хорошо. Я иногда думаю, что это я сама распяла. Онъ стонетъ, а я сяду противъ него и буду ананасный компотъ ѣсть. Я очень люблю ананасный компотъ. Вы любите? Алеша молчалъ и смотрѣлъ на нее. Блѣдно-желтое лицо ея въ исказилось, глаза загорѣлись.

— Знаете, я про жиду этого какъ прочла, то всю ночь и тряслась въ слезахъ. Воображаю какъ ребенокъ кричитъ (вѣдь четырехлѣтніе мальчики понимаютъ), и все эта мысль про компотъ не отстаеетъ. Утромъ я послала къ одному человѣку, чтобы непременно пришелъ ко мнѣ, пришелъ, а я ему вдругъ рассказала про мальчика и компотъ, все рассказала, все, и сказала, что «это хорошо». Онъ вдругъ засмѣялся и сказалъ, что это въ самомъ дѣлѣ хорошо. Затѣмъ всталъ и ушелъ. Всего пять минутъ сидѣлъ. Презиралъ онъ меня, презиралъ? Говорите, говорите, Алеша, презиралъ онъ меня или нѣтъ? выпрямилась она на кушеткѣ, засмѣялась глазами.

— Сказите, проговорилъ въ волненіи Алеша, — вы ее позвали, этого человѣка?

— Сама.

— Письмо ему послали?

— Письмо.

— Собственно про это спросить, про ребенка?

— Нѣтъ, совсѣмъ не про это, совсѣмъ. А какъ онъ! я сейчасъ про это и спросила. Онъ отвѣтилъ, засмѣялся, и ушелъ.

— Этотъ человѣкъ честно съ вами поступилъ, тихо говорилъ Алеша.

— А меня презиралъ? Смѣялся?

— Нѣтъ, потому что онъ самъ, можетъ, вѣрить ана компоту. Онъ тоже очень теперь боленъ, Lise.

— Да, вѣрить! засверкала глазами Лиза.

— Онъ никого не презираетъ, продолжалъ Алеша. только никому не вѣрить. Коль не вѣрить, то, конечно, зираетъ.

— Стало быть, и меня? Меня?

— И васъ.

— Это хорошо, какъ-то проскрежетала Лиза. — Когда вышелъ и засмѣялся, я почувствовала, что въ презрѣніи хорошо. И мальчикъ съ отрѣзанными пальчиками хорошо презрѣніи быть хорошо...

И она какъ-то злобно и воспаленно засмѣялась Алеша.

— Знаете, Алеша, знаете, я-бы хотѣла... Алеша, меня! вскочила она вдругъ съ кушетки, бросилась къ крѣпко обхватила его руками. — Спасите меня, — почти

Развѣ я комунибудь въ мірѣ скажу что вамъ годѣ я правду, правду, правду говорила! Я убью себя, мнѣ все гадко! Я не хочу жить, потому что мнѣ все все гадко, все гадко! Алеша, зачѣмъ вы меня со- змѣ не любите! закончила она въ изступленіи.

„люблю! горячо отвѣтилъ Алеша.
дете обо мнѣ плакать, будете?

а то что я вашею женой не захотѣла быть, а просто вать, просто?

«бо! Мнѣ только вашихъ слезъ надо. А всѣ осталь- азнять меня и раздавятъ ногой, всѣ, всѣ, не исклю- Потому что я не люблю никого. Слышите, ни-ко-го! ненавижу! Ступайте, Алеша, вамъ пора къ брату! на отъ него вдругъ.

-же вы останетесь? почти въ испугѣ проговорилъ

айте къ брату, острогъ запрутъ, ступайте, вотъ ваша плуйте Митю, ступайте, ступайте!

ь силой почти выпихнула Алешу въ двери. Тотъ горестнымъ недоумѣніемъ, какъ вдругъ почувство- ей правой рукѣ письмо, маленькое письмецо, твердо запечатанное. Онъ взглянулъ и мгновенно прочелъ ну Федоровичу Карамазову». Онъ быстро поглядѣлъ цо ея сдѣлалось почти грозно.

айте, непременно передайте! изступленно, вся со- указываетъ она,—сегодня, сейчасъ! Иначе я отрав- ь затѣмъ и звала!

) захлопнула дверь. Щелкнула щеколда. Алеша по- мо въ карманъ и пошелъ прямо на лѣстницу, не оспожъ Хохлаковой, даже забывъ о ней. А Лиза, удалился Алеша, тотчасъ-же отвернула щеколду, капельку дверь, вложила въ щель свой палецъ и, дверь, изо всей силы придавила его. Секундъ че- высвободивъ руку, она тихо, медленно прошла на сѣла, вся выпрямившись, и стала пристально смо- ой почернѣвшій пальчикъ и на выдавившуюся мзъ- кровь. Губы ея дрожали и она быстро-быстро шеп- ія:

ия, подлая, подлая, подлая!

IV.

Гимнъ и секретъ.

Было уже совсѣмъ поздно (да и великъ-ли ноябрьскій морозъ), когда Алеша позвонилъ у воротъ острога. Начинало даже морозиться. Но Алеша зналъ, что его пропустятъ къ Митѣ безъ всякаго препятствія. Все это у насъ, въ нашемъ городкѣ, какъ и въ Петербургѣ. Сначала, конечно, по заключеніи всего предварительнаго распоряженія, доступъ къ Митѣ для свиданія съ родственниками и съ нѣкоторыми другими лицами все-же былъ обставленъ нѣкоторыми необходимыми формальностями, но въ послѣдствіи формальности не то что ослабѣли, но для иныхъ лицъ, по крайней мѣрѣ, приходившихъ къ Митѣ, какъ-то сами собой установились нѣкоторыя исключенія. До того, что иной разъ даже и свиданія съ заключеннымъ въ назначенной для того комнатѣ происходили почти между четырехъ глазъ. Впрочемъ, такъ было очень немного: всего только Грушенька. Алеша и Митѣ были знакомы. Но къ Грушенькѣ очень благоволилъ самъ исправникъ Михаилъ Макаровичъ. У старика лежалъ на сердцѣ его образъ некоей женщины въ Мокромъ. Потомъ, узнавъ всю суть, онъ началъ думать о ней свои мысли. И, странное дѣло, хотя онъ былъ твердо убѣжденъ въ преступленіи Мити, но со времени свиданія его, все какъ-то болѣе и болѣе смотрѣлъ на него какъ на хорошаго, можетъ быть, душой былъ человѣкъ. «А что за дѣла, какъ шведъ, отъ пьянства и безпорядка!» При этомъ въ сердцѣ его какою-то жалостью. Что-то такое смѣшалось въ сердцѣ его и давно уже было знакомымъ, а Ракитинъ, повадившійся въ послѣдствіи бывать очень часто къ заключенному, былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ знакомыхъ «исправничьихъ барышень», какъ ихъ называли, и ежедневно терся въ ихъ домѣ. У смотрителя былъ еще и благодушнаго старика, хотя и крѣпкаго слуха, который давалъ уроки. Алеша-же опять-таки былъ знакомъ и съ давнѣйшимъ знакомымъ и смотрителемъ, любившимъ говорить вообще о «премудрости». Ивана Федоровича не то что уважалъ, а даже боялся. Онъ былъ очень ученъ, хотя самъ былъ большимъ философомъ, но въ умѣ своемъ доходилъ до истины. Но къ Алешѣ въ острогѣ была и другая симпатія. Въ послѣдній годъ съ

разъ зашелъ за апокрифическія евангелія и поминутно сообщалъ о своихъ впечатлѣніяхъ своему молодому другу. Прежде заходилъ къ нему въ монастырь и толковалъ съ нимъ и промонахами по цѣлымъ часамъ. Словомъ, Алешѣ, если-бы онъ и запоздалъ въ острогъ, стоило пройти къ смотрителю и дѣло всегда улаживалось. Къ тому-же къ Алешѣ всѣ свидняго сторожа въ острогѣ привыкли. Карауль-же, когда не стѣснялъ, было-бы лишь дозволеніе начальства. Митя своей каморки, когда вызывали его, сходилъ всегда внизъ, въ залу, назначенное для свиданій. Войдя въ комнату, Алеша въ разъ столкнулся съ Ракитинымъ, уже уходившимъ отъ него. Оба они громко говорили. Митя, провожая его, чему-то смѣялся, а Ракитинъ какъ будто ворчалъ. Ракитинъ, особливо въ послѣднее время, не любилъ встрѣчаться съ Алешей, и не говорилъ съ нимъ, даже и раскланивался съ натугой. Митя теперь входящаго Алешу, онъ особенно нахмурилъ брови и велъ глаза въ сторону, какъ-бы весь занятый застегиваніемъ своего большаго теплаго съ мѣховымъ воротникомъ пальто. Митя тотчасъ-же принялся искать свой зонтикъ.

— Своего-бы не забыть чего, пробормоталъ онъ единственною цѣлю что-нибудь сказать.

— Ты чужаго-то чего не забудь! съострилъ Митя и тотъ-же самъ расхохотался своей остротѣ. Ракитинъ мигомъ вышелъ.

— Ты это своимъ Карамазовымъ рекомендуй, крѣпостничье отродье, а не Ракитину! крикнулъ онъ вдругъ, такъ и зашелся отъ злости.

— Чего ты? Я пошутилъ! вскрикнулъ Митя, — фу, чортъ! они всѣ таковы, — обратился онъ къ Алешѣ, кивая на уходившаго Ракитина: — то все сидѣлъ, смѣялся и веселье, а тутъ вдругъ и вскипѣлъ! Тебѣ даже и головой не кивнулъ совсѣмъ, что-ли, вы разсорились? Что ты такъ поздно? Я не то что ждалъ, а жаждалъ все утро. Ну, да ничего! Остаемъ.

— Что онъ въ тебѣ такъ часто повадился? Подружился ты съ нимъ, что-ли? спросилъ Алеша, кивая тоже на дверь, въ которую убрался Ракитинъ.

— Съ Михаиломъ-то подружился? Нѣтъ, не то чтобъ. Да и съ свинья! Считаетъ, что я... подлець. Шутки тоже не пойдутъ — вотъ что въ нихъ главное. Никогда не поймутъ шутки. Да и сухо у нихъ въ душѣ, плоско и сухо, точно какъ

— да, им про судъ! Ну, я
съ тобой о пустякахъ говорилъ, а
объ самомъ главномъ съ тобою мо-
я не про судъ сказалъ, что прона-
пала, а то, что въ головѣ сидѣло.
съ такою критикой въ лицѣ смотрѣ

— Про что ты это, Митя?

— Идем, идем, вотъ что! Ээик

— Ээика? удивился Алеша.

— Да, наука, что-ли, какая?

— Да, есть такая наука... то-
тебѣ объяснить какая наука.

— Ракитинъ знаетъ. Много за-
дери! Въ монахи не пойдеть. Въ
говорить, въ отдѣленіе критики. и
ленія. Что-жь, можетъ пользу прин-
карьеру они мастера! Чортъ съ ээ
я-то, Божій ты человѣкъ! Я тебя
сается у меня сердце на тебя. и
Карлъ Бернаръ?

— Карлъ Бернаръ?—удивился

— Нѣтъ, не Карлъ, постой, съ
что такое? Химія, что-ли?

— Это, должно быть, ученый
только признаюсъ тебѣ, и о немъ
Слышалъ только, ученый, а какой.

— Ну, и чортъ его тебѣ и вѣ

яснялъ. Съ направлениемъ что-то хочетъ: «дескать, было ему не убить, заѣденъ средой» и прочее, объяснѣ. Съ оттенкомъ социализма, говоритъ, будетъ. Ну, и о дери, съ оттенкомъ, такъ съ оттенкомъ, мнѣ все равно Ивану не любить, ненавидитъ, тебя тоже не жалуешь. его не гоню, потому что человекъ умный. Возносится однако. Я ему сейчасъ вотъ говорилъ: «Карамазовы не философы, потому что всѣ настоящіе русскіе люди, а ты хоть и учился, а не философъ, ты смердъ». злобно такъ. А я ему: де мыслибусъ поп est disputatio острога? По крайней мѣрѣ, и я въ классицизмѣ, захохоталъ вдругъ Митя.

«Что ты пропалъ-то? Вотъ ты сейчасъ сказалъ? перееша.

«Что пропалъ? Гм! Въ сущности... если все цѣлое Бога жалко, вотъ отчего!

«Какъ Бога жалко?

«Вообрази себѣ: это тамъ въ нервахъ, въ головѣ, то есть мозгу эти нервы... (ну, чортъ ихъ возьми!) есть такіе востики, у нервовъ этихъ хвостики, ну, и какъ только въ задрожать... то есть, видишь, я посмотрю на что-нибудь, вотъ такъ, и они задрожать, хвостики-то... а какъ съ, то и является образъ, и не сейчасъ является, тамъ мгновенье, секунда такая пройдетъ, и является такой моментъ, то есть не моментъ, — чортъ его дери молча образъ, то есть предметъ, али происшествіе, ну тамъ зри—вотъ почему я и созерцаю, а потомъ мыслю... по хвостикъ, а вовсе не потому, что у меня душа и что какой-то образъ и подобіе, все это глупости. Это, братъ, канлъ еще вчера объяснялъ, и меня точно обожгло. Великая, Алеша, эта наука! Новый человекъ пойдетъ, это-то знаю... А всетаки Бога жалко!

«Ну, и то хорошо, сказалъ Алеша.

«Что Бога-то жалко? Химія, братъ, химія! Нечего дѣлать, реподобіе, подвиньтесь немножко, химія идетъ! А не люба Равитинъ, ухъ, не любить! Это у нихъ самое больное у всѣхъ! Но скрываютъ. Лгутъ. Представляются. «будешь это проводить въ отдѣленіи критики?» спрашиваю — «Ну, явно-то не дадутъ», говоритъ. Смѣется. — Только спрашиваю, послѣ того человекъ-то? Безъ Бога-то и душей жизни? Вѣдь это, стало быть, теперь все позво-

— **Митя, как можно думать?** — «А ты и не знаешь?»
Сидителю. — «Умному, говорить, человеку все можно,
 даже умиотъ равновъ ловить, ну, а вотъ ты, говоришь,
 и двоялся, и въ тюрьмѣ гниешь!» Это онъ мнѣ-то
Сидителю естественная! Я этакихъ прежде вонъ вышнѣ
 а теперь слушаю. Много вѣдь и дѣльнаго говорить,
 пишеть. Онъ мнѣ съ недѣлю назадъ статью одну
 тать, я тамъ три строки тогда нарочно выписалъ, вотъ
 вотъ адѣсь.

Митя, сѣдша, вынулъ изъ жилетнаго кармана и
 прочелъ:

«Чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ, необходимо при
 поставить свою личность въ разрѣзъ со своею дѣ
 ностью».

— Понимаешь или нѣтъ?

— Нѣтъ, не понимаю, сказалъ Алеша.

Онъ съ любопытствомъ приглядывался къ **Митѣ**
Шалѣ что.

— И я не понимаю. Темно и не ясно, 'зато уи
 говорить, такъ теперь пишуть, потому что такая ужъ
 Среды боятся. Стихи тоже пишеть подлецъ, Хохлакову
 воспѣлъ, ха-ха-ха!

— Я слышалъ, сказалъ Алеша.

— Слышалъ? А стишонки слышалъ?

— Нѣтъ.

— У меня они есть, вотъ, я прочту. Ты не знаешь
 не рассказывалъ, тутъ цѣлая исторія. Шельма! Три не
 задъ меня дразнить вздумалъ: «Ты, вотъ, говоришь, и
 какъ дуракъ, изъ-за трехъ тысячъ, а я полтораста и
 на вдовицѣ одной женюсь и каменный домъ въ Петербу
 лю». И рассказалъ мнѣ, что стронть куры Хохлаковой
 съ молоду умна не была, а въ сорокъ-то лѣтъ и совсѣмъ
 шилась. «Да чувствительна, говоритъ, ужъ очень, вотъ
 гонъ и добыю. Женюсь, въ Петербургъ ее отвезу, а тамъ
 издавать начну». И такая у него свѣрная сладострастна
 ка губакъ,—не на Хохлакову слюна, а на полтораста
 сѣтъ И увѣрилъ меня, увѣрилъ, все ко мнѣ ходить,
 шидъ поддается, говоритъ. Радостью сѣлъ. А тутъ вдру
 шилъ Перхотинъ, Петръ Пльичъ, взялъ верхъ, помо
 сѣтъ тамъ бы и распаловалъ эту дурицу за то, что его и
 сѣтъ мнѣ какъ ходилъ-то ко мнѣ тогда и сочинилъ в

«Въ первый разъ, говоритъ, руки мараю, стихи пишу, льщенія, значить, для полезнаго дѣла. Забравъ капиталъ ци, гражданскую пользу потомъ принести могу». У нихъ якой мерзости гражданское оправданіе есть! «А всетаки, въ, лучше твоего Пушкина написалъ, потому что и въ той стишокъ съумѣлъ гражданскую скорбь всучить». Это Пушкина-то—я понимаю. Что-же если въ самомъ дѣлѣ былъ человекъ, а только ножки описывалъ. Да вѣдь я-то стишонками какъ! Самолюбіе-то у нихъ, самолюбіе! Издорование больной ножки моего предмета»,—это онъ аглавіе придумалъ,—рѣзвый человекъ!

Ужь какая-жь эта ножка,
Ножка, вспухшая немножко!
Доктора къ ней ѣздятъ, лѣчатъ
И бинтуютъ и калѣчатъ.

—
Не по ножкамъ я тоскую,—
Пусть ихъ Пушкинъ воспѣваетъ:
По головкѣ я тоскую
Что идей не понимаетъ.

—
Понимала ужъ немножко,
Да вотъ ножка помѣшала!
Пусть же вылѣчится ножка,
Чтобъ головка понимала.

иья, чистая свинья, а игриво у мерзавца вышло! И дѣйно «гражданскую»-то всучилъ. А какъ разсердился, когда нали. Скрежеталъ!

Онъ уже отомстилъ, сказалъ Алеша.—Онъ про Хохлакову корреспонденцію написалъ.

Алеша рассказалъ ему наскоро о корреспонденціи въ газети.

«Это онъ, онъ! подтвердилъ Митя, нахмурившись, — это и корреспонденціи... я вѣдь знаю... то есть сколько ны было уже написано, про Грушу, на примѣръ!.. И про ту про Катю... Гм!

А озабоченно прошелся по комнатѣ.

Братъ, мнѣ нельзя долго оставаться, сказалъ, помолчавъ, —Завтра ужасный, великій день для тебя: Божій судьбой совершится... и вотъ я удивляюсь, ходишь ты и дѣла говоришь Богъ знаетъ о чемъ...

Нѣтъ, не удивляйся, горячо перебилъ Митя. — Что-же мердящемъ этомъ псѣ говорить, что-ли? Объ убійцѣ? До-

Меня, запоемъ изъ нѣдръ земли трагическій гимнъ Богу, у
го радость! Да здравствуетъ Богъ и Его радость! Люблю

Меня, произнося свою дикую рѣчь, почти задышался. Онъ
нѣтъ, губы его вздрагивали, и изъ глазъ катились слезы.

Нѣтъ, жизнь полна, жизнь есть и подъ землею! началъ
Меня. — Ты не повѣришь, Алексѣй, какъ я теперь жить
какая жажда существовать и сознавать, именно въ этихъ
Меня стѣнахъ, во мнѣ зародилась! Ракитинъ этого не по-
Меня, ему-бы только домъ выстроить да жильцовъ пустить,
Меня ждалъ тебя. Да и что такое страданіе? Не боюсь его,
Меня бы оно было безчисленно. Теперь не боюсь, прежде боялся.
Меня, я, можетъ быть, не буду и отвѣчать на судъ... И, ка-
Меня, столько во мнѣ этой силы теперь, что я все поборю,
Меня, раданія, только чтобы сказать и говорить себѣ поминутно:
Меня! Въ тысячѣ мукъ — я есмь, въ пыткѣ корчусь — но
Меня въ столпѣ сижу, но и я существую, солнце вижу, а не
Меня солнца, то знаю, что оно есть. А знать, что есть солнце—
Меня, не вся жизнь. Алеша, херувимъ ты мой, меня убиваютъ
Меня я философін, чортъ ихъ дерн! Братъ Иванъ...

Меня. Что братъ Иванъ? перебилъ было Алеша, но Митя не раз-
Меня, мѣлъ.

Меня. Видишь, я прежде этихъ всѣхъ сомнѣній никакихъ не
Меня, но все во мнѣ это танлось. Именно, можетъ, оттого, что
Меня, душевали во мнѣ неизвѣстныя, я и пьянствовалъ, и дрался,
Меня, дрался. Чтобъ утолить въ себѣ ихъ дрался, чтобъ ихъ усми-
Меня, вдавить. Братъ Иванъ не Ракитинъ, онъ тантъ идею. Братъ
Меня, сфинксъ, и молчить, все молчить. А меня Богъ мучить.
Меня, только это и мучить. А что, какъ его нѣтъ? Что если правъ
Меня, нѣтъ, что это идея искусственная въ человѣчествѣ? Тогда,
Меня, Его нѣтъ, то человѣкъ шефъ земли, мірозданія. Велико-
Меня, ! Только какъ онъ будетъ добродѣтеленъ безъ Бога-то?
Меня, съ! Я все про это. Ибо кого-же онъ будетъ тогда любить,
Меня, въ-то? Кому благодаренъ-то будетъ, кому гимнъ-то вос-
Меня, ? Ракитинъ смѣется. Ракитинъ говоритъ, что можно любить
Меня, чество и безъ Бога. Ну, это сморчокъ сопливый можетъ
Меня, в такъ утверждать, а я понять не могу. Легко жить Раки-
Меня, ты, говоритъ онъ мнѣ сегодня, о расширеніи гражданскихъ
Меня, ; человека хлопочи лучше, али хоть о томъ, чтобы цѣна на
Меня, ему не возвысилась; этимъ проще и ближе человѣчеству
Меня, въ окажешь, чѣмъ философіями». Я ему на это и отмочилъ:

«А о, безъ Бога-то, самъ еще на говядину цѣлу
 вс — руку попадетъ, и назолотишь рубль
 ку — ошардился. Ибо что такое добродѣтель? Отвѣтъ
 Алексѣй. У меня одна добродѣтель, а у китайца
 вещь, значитъ, относительная. Или нѣтъ? Или не отвѣтъ
 Вопросъ коварный! Ты не засмѣешься, если скажу,
 почти не спалъ отъ этого. Я удивляюсь теперь только
 люди тамъ живутъ и объ этомъ ничего не думаютъ.
 Ивана Бога нѣтъ. У него идея. Не въ моихъ раз-
 онъ молчитъ. Я думаю, онъ масонъ. Я его спрашивалъ
 чить. Въ родникѣ у него хотѣлъ водицы испить — молчалъ
 только разъ одно словечко сказалъ.

— Что сказалъ? поспѣшно поднялъ Алеша.

— Я ему говорю: стало быть, все позволено, когда
 нахмурился: «Федоръ Павловичъ, говоритъ, папенька какъ
 поросенокъ, но мыслилъ онъ правильно». Вотъ вѣдь ты
 чилъ. Только всего и сказалъ. Это уже почише Ракитина

— Да, горько подтвердилъ Алеша. — Когда онъ у тебѣ

— Объ этомъ послѣ, теперь другое. Я объ Иванѣ
 разъ тебѣ до сихъ поръ почти ничего. Откладывалъ и
 Когда эта штука моя здѣсь окончится и скажутъ приговоръ
 тебѣ кое-что расскажу, все расскажу. Странное тутъ дѣло
 А ты будешь мнѣ судья въ этомъ дѣлѣ. А теперь и не
 объ этомъ, теперь молчокъ. Вотъ ты говоришь объ завтра
 о судѣ, а вѣришь-ли, я ничего не знаю.

— Ты съ этимъ адвокатомъ говорилъ?

— Что адвокатъ! Я ему про все говорилъ. Митка
 столичная, Бернаръ! Только не вѣрить мнѣ ни на се
 грошъ. Вѣрить, что я убилъ, вообрази себѣ, — ужь,
 «Зачѣмъ-же, спрашиваю, въ такомъ случаѣ вы меня и
 прѣхали?» Нанлевать на нихъ. Тоже доктора вынесли
 спешнымъ хотѣтъ меня показать. Не позволю! Катери
 нова «свой долгъ» до конца исполнить хотѣтъ. Съ
 (Митка горько усмѣхнулся). Кошка! Жестокое сердце! А
 знаетъ, что я про нее сказалъ тогда въ Мокромъ, что она
 каго гѣва» женщина! Передали. Да, показанія уклонили
 песокъ морской! Григорій стоитъ на своемъ; Григорій
 но дуракъ. Много людей честныхъ, благодаря тому, что
 Это — мысль Ракитина. Григорій мнѣ врагъ. Много
 имѣтъ въ числѣ враговъ чѣмъ друзей. Говорю это пр
 Ивановну. Боюсь, охъ, боюсь, что она на судѣ рази

поклонъ послѣ четырехъ-то тысячъ пятисотъ! До конца стигъ, послѣдній кадантъ. Не хочу ея жертвы! Устыдятъ меня на судѣ! Какъ то вытерплю. Сходи къ ней Алеша, если ея, чтобы не говорила этого на судѣ. Аль нельзя? Да все равно, вытерплю! А ея не жаль. Сама желаетъ. По вору мука. Я, Алексѣй, свою рѣчь скажу. (Онъ опять усмѣхнулся)! Только... только Груша-то, Груша-то, Господи! Она-то за что такую муку на себя теперь приметъ?— воскликнулъ онъ вдругъ со слезами. — Убиваетъ меня Груша, а о ней убиваетъ меня, убиваетъ! Она давеча была у меня... — Она мнѣ рассказывала. Она очень была сегодня тобою чуждена.

— Знаю. Чортъ меня дери за характеръ. Приревновалъ, скакая раскаялся, цаловалъ ея. Прощенья не попросилъ.

— Почему не попросилъ? воскликнулъ Алеша.

Митя вдругъ почти весело разсмѣялся.

— Боже тебя сохрани, милаго мальчика, когда-нибудь у любимой женщины за вину свою прощенія просить! У любимой конечно, особенно, какъ-бы ни былъ ты предъ ней виноватъ! Мужу женщина—это, братъ, чортъ знаетъ что такое, ужъ въ это я, по крайней мѣрѣ, знаю толкъ! Но попробуй предъ вознаться въ винѣ, «виноватъ, дескать, прости, извини»: это и пойдетъ градъ попрековъ! Ни за что не проститъ прямо и чуждо, а унизитъ тебя до тряпки, вычитаетъ чего даже не было, возьметъ, ничего не забудетъ, своего прибавитъ, и тогда только проститъ. И это еще лучшая, лучшая изъ нихъ! Иднѣя поскребки выскребетъ и все тебѣ на голову сложить— и я тебѣ скажу, живодерность въ нихъ сидитъ, во всѣхъ виновной, въ этихъ ангелахъ-то, безъ которыхъ жить-то намъ невозможно! Видишь, голубчикъ, я откровенно и просто скажу: порядочный человекъ долженъ быть подъ башмакомъ хоть какой-нибудь женщины. Таково мое убѣжденіе: не убѣжденіе, а чувство. Мужчина долженъ быть великодушенъ, и мужчину не замараешь. Героя даже не замараешь, Цезаря не замараешь. Ну, а прощенія всетаки не проси, никогда и ни за что. Правило: преподаль тебѣ его братъ твой Митя, отъ женщины погибшій. Нѣтъ ужъ я лучше безъ прощенія Грушѣ чѣмъ безъ заслужу. Благоговѣю я предъ ней, Алексѣй, благоговѣю! Видитъ только она этого, нѣтъ, все ей мало любви. И тогда она меня, любовью томить. Что прежде! Прежде меня только инфернальные томили, а теперь я всю ея душу въ свою

«А ты, говорю, безъ Бога-то, самъ еще на говядину цѣну кожь подъ руку попадетъ, и наколотышь рубль ни ку». Разсердился. Ибо что такое добродѣтель? Отвѣчай Алексѣй. У меня одна добродѣтель, а у китайца двѣ, значить, относительная. Или нѣтъ? Или не относительная? Вопросъ коварный! Ты не засмѣешься, если скажу, что ночи не спалъ отъ этого. Я удивляюсь теперь только темъ люди тамъ живутъ и объ этомъ ничего не думаютъ. (Ивана Бога нѣтъ. У него идея. Не въ моихъ разиѣръ онъ молчитъ. Я думаю, онъ масонъ. Я его спрашивалъ читать. Въ родникѣ у него хотѣлъ водицы испить—молчалъ только разъ одно словечко сказалъ.

— Что сказалъ? поспѣшно поднялъ Алеша.

— Я ему говорю: стало быть, все позволено, коли ты нахмурился: «Федоръ Павловичъ, говоритъ, папенька наш поросенокъ, но мыслилъ онъ правильно». Вотъ вѣдь ты читалъ. Только всего и сказалъ. Это уже почище Ракити

— Да, горько подтвердилъ Алеша.—Когда онъ у тебѣ

— Объ этомъ послѣ, теперь другое. Я объ Иванѣ и рилъ тебѣ до сихъ поръ почти ничего. Отълаживалъ да когда эта штука моя здѣсь окончится и скажутъ приговоръ тебѣ кое-что расскажу, все расскажу. Странное тутъ дѣло. А ты будешь мнѣ судья въ этомъ дѣлѣ. А теперь и не объ этомъ, теперь молчокъ. Вотъ ты говоришь объ завтрашнемъ судѣ, а вѣришь-ли, я ничего не знаю.

— Ты съ этимъ адвокатомъ говорилъ?

— Что адвокатъ! Я ему про все говорилъ. Мягкая столичная, Бернаръ! Только не вѣрять мнѣ ни на грошъ. Вѣрять, что я убилъ, вообрази себѣ, — ужь. «Зачѣмъ-же, спрашиваю, въ такомъ случаѣ вы меня за пріѣхали?» Наплевать на нихъ. Тоже доктора выписали спешнымъ хотятъ меня показать. Не позволю! Батерина новна «свой долгъ» до конца исполнить хочетъ. Съ (Митя горько усмѣхнулся). Кошба! Жестокое сердце! А я знаетъ, что я про нее сказалъ тогда въ Мокромъ, что она каго гнѣва женщина! Передали. Да показанія умножили песочъ морской! Григорій стоять на своемъ; Григорій но дуракъ. Много людей честныхъ, (благодаря тому, что это — мысль Ракитина. Григорій мнѣ братъ. Много и имѣть въ числѣ враговъ чѣмъ друзей. Говорю это про Б. Ивановну. Боюсь, охъ, боюсь, что она за судѣ расска-

Юй поклонъ послѣ четырехъ-то тысячъ пятисотъ! До конца
титъ, послѣдній кадрантъ. Не хочу ея жертвы! Устыдятъ
меня на судѣ! Какъ-то вытерплю. Сходи къ ней Алеша,
оси ее, чтобы не говорила этого на судѣ. Аль нельзя? Да
тъ, все равно, вытерплю! А ея не жаль. Сама желаетъ. По
мъ вору мука. Я, Алексѣй, свою рѣчь скажу. (Онъ опять
ко усмѣхнулся)! Только... только Груша-то, Груша-то, Гос-
! Она-то за что такую муку на себя теперь приметъ?—
ивнулъ онъ вдругъ со слезами. — Убиваетъ меня Груша,
ь о ней убиваетъ меня, убиваетъ! Она давеча была у меня...
— Она мнѣ рассказывала. Она очень была сегодня тобою
чена.

— Знаю. Чортъ меня дерн за характеръ. Приревновалъ
ская раскаялся, цаловалъ ее. Прощенья не попросилъ.

— Почему не попросилъ? воскликнулъ Алеша.

Митя вдругъ почти весело разсмѣялся.

— Боже тебя сохрани, милаго мальчика, когда-нибудь у лю-
В женщины за вину свою прощенія просить! У любимой
вно, особенно, какъ-бы ни былъ ты предъ ней виноватъ!
гу женщина—это, братъ, чортъ знаетъ что такое, ужъ въ
-то я, по крайней мѣрѣ, знаю толкъ! Но попробуй предъ
юзнаться въ винѣ, «виноватъ, дескать, прости, извини»:—
то и пойдетъ градъ попрековъ! Ни за что не проститъ прямо и
о, а унизитъ тебя до тряпки, вычитаетъ чего даже не было,
юзьметъ, ничего не забудетъ, своего прибавитъ, и тогда
только проститъ. И это еще лучшая, лучшая изъ нихъ!
днѣя поскребки выскребетъ и все тебѣ на голову сложить—
, я тебѣ скажу, живодерность въ нихъ сидитъ. во всѣхъ
ной, въ этихъ ангелахъ-то, безъ которыхъ жить-то намъ
ожно! Видишь, голубчикъ, я откровенно и просто скажу:
порядочный человѣкъ долженъ быть подъ башмакомъ хоть
ой-нибудь женщины. Таково мое убѣжденіе: не убѣжденіе,
ство. Мужчина долженъ быть великодушень, и мужчину
замараешь. Героя даже не замараешь, Цезаря не зама-
Ну, а прощенія всетаки не проси, никогда и ни за что.
правило: преподалъ тебѣ его братъ твой Митя, отъ жен-
погибшій. Нѣтъ ужъ я лучше безъ прощенія Грушѣ чѣмъ
заслужу. Благоговѣю я предъ ней, Алексѣй, благоговѣю!
дѣтъ только она этого, нѣтъ, все ей мало любви. И то-
на меня, любовью томить. Что прежде! Прежде меня только
инфернальные томили, а теперь я всю ея душу въ свою

душу принялъ и черезъ нее самъ человѣкомъ сталъ! Пошли насъ? А безъ того я умру отъ ревности. Такъ и слыхибудь каждый день... Что она тебѣ обо мнѣ говорила?

Алеша повторилъ всѣ давешнія рѣчи Грушеньки. Онъ слушалъ подробно, многое переспросилъ, и остался доволенъ.

— Такъ не сердится, что ревную, воскликнулъ онъ-женщина! «У меня у самой жестокое сердце». Ухъ, любихъ жестовихъ-то, хотя и не терплю когда меня ругаютъ, но не терплю!—Драться будемъ. Но любить—любить ее будетъ конечно. Повѣнчаютъ-ли насъ? Каторжныхъ развѣ не повѣнчали? Вопросъ. А безъ нея я жить не могу...

Митя нахмуренно прошелся по комнатѣ. Въ комнатѣ вилось почти темно. Онъ вдругъ сталъ страшно озабоченъ.

— Такъ секретъ, говорить, секретъ? У меня, дескать, и противъ нея заговоръ, и «Катьва», дескать, замѣшана? О братъ, Грушенька, это не то. Ты тутъ маху дала, свое пеньяго женсваго маху! Алеша, голубчикъ, эхъ, куда! Открою я тебѣ нашъ секретъ!

Онъ оглянулся во всѣ стороны. быстро вплотъ подошелъ къ стоявшему предъ нимъ Алешѣ и зашепталъ ему съ тайнымъ видомъ, хотя по настоящему, ихъ никто не могъ слышать: старикъ сторожъ дремалъ въ углу на лавкѣ, а до другихъ солдатъ ни слова не долетало.

— Я тебѣ всю нашу тайну открою! зашепталъ Митя.—Хотѣлъ потомъ открыть, потому что безъ тебя не могу на что рѣшиться? Ты у меня все. Я хоть и говорю Иванъ надъ нами высшій, но ты у меня херувимъ. Ты рѣшеніе рѣшишь. Можетъ ты-то и есть высшій человекъ Иванъ. Видишь, тутъ дѣло совѣсти, дѣло высшей совѣсти, столь важная, что не справится самъ не смогу и все отдамъ до тебя. А все таки теперь равно рѣшать, потому, надо приговора: приговоръ выйдетъ, тогда ты и рѣшишь судись, теперь не рѣшай: я тебѣ сейчасъ скажу, ты услышишь, рѣшай. Стой и молчи. Я тебѣ не все открою. Я тебѣ идею скажу, безъ подробностей, а ты ищи. Ни слова движенья, согласенъ? А, впрочемъ, Господи, будь я дѣломъ твоимъ! Божь, глаза твои скажутъ рѣшеніе, хоть-бы ты чалъ. Ухъ, божь! Алеша, слушай: братъ Иванъ не гаетъ божьимъ. Подробности не скажу, все предъ тобой все можетъ устроиться. Молчи, не рѣшай въ Америку, шей. Будь я безъ Груши жить не могу! Ну, какъ се бы и

пустятъ? Каторжныхъ развѣ вѣнчаютъ? Братъ Иванъ, говори, что нѣтъ. А безъ Груши что я тамъ подъ землею съ молоткомъ-то? Я себѣ только голову раздроблю этимъ молоткомъ! А другой стороны, совѣсть-то? Отъ страданія вѣдь убѣжалъ! По указанію — отвергъ указаніе, былъ путь очищенія — поволокъ налѣво кругомъ. Иванъ говоритъ, что въ Америкѣ «при такихъ наклонностяхъ» можно больше пользы принести, чѣмъ въ землей. Ну, а гимнъ-то нашъ подземный гдѣ состоится? Скажи что, Америка опять суета! Да и мошенничества тоже, думаю, много въ Америкѣ-то. Отъ распятыя убѣжалъ! Потому я говорю тебѣ, Алексѣй, что ты одинъ понять это можешь, больше никто, для другихъ это глупости, бредъ, вотъ все то что я тебѣ про гимнъ говорилъ. Скажутъ съ ума сошелъ, аль не такъ. А я не сошелъ съ ума, да и не дуракъ. Понимаетъ про это и Иванъ, ухъ, понимаетъ, только на это не отвѣчаетъ, молчитъ. Гимну не вѣрить. Не говори, не говори: я вѣдь вижу что ты смотришь: Ты ужь рѣшилъ! Не рѣшай, пощади меня, безъ Груши жить не могу, подожди до суда!

Митя кончилъ какъ изступленный. Онъ держалъ Алешу своими руками за плечи и такъ и впился въ его глаза своимъ блудшимъ воспаленнымъ взглядомъ.

— Каторжныхъ развѣ вѣнчаютъ? повторилъ онъ въ третій разъ, молящимъ голосомъ.

Алеша слушалъ съ чрезвычайнымъ удивленіемъ и глубоко въ потрясенъ.

— Скажи мнѣ одно, проговорилъ онъ: — Иванъ очень настаиваетъ, и кто это выдумалъ первый?

— Онъ, онъ выдумалъ, онъ настаиваетъ! Онъ ко мнѣ все ходилъ, и вдругъ пришелъ, недѣлю назадъ, и прямо съ этого началъ. Страшно настаиваетъ. Не просить, а велить. Въ послушаніи не сомнѣвается, хотя я ему все мое сердце какъ тебѣ открылъ и про гимнъ говорилъ. Онъ мнѣ рассказалъ какъ и какъ, всѣ свѣдѣнія собралъ, но это потомъ. До истерики дошелъ. Главное, деньги: десять тысячъ, говоритъ, тебѣ на поѣздъ, а двадцать тысячъ на Америку, а на десять тысячъ, говоритъ, мы великолѣпный побѣгъ устроимъ.

— И мнѣ отнюдь не велѣлъ передавать? переспросилъ снова

— Отнюдь, никому, а главное тебѣ: тебѣ ни за что! Боится, что ты какъ совѣсть предо мной станешь. Не говори, что я тебѣ передалъ. Ухъ, не говори!

— Ты правъ, рѣшилъ Алеша, — рѣшить невозможно приговора суда. Послѣ суда самъ и рѣшишь; тогда самъ новаго человѣка найдешь, онъ и рѣшитъ.

— Новаго человѣка, аль Бернара, тотъ и рѣшитъ и ровски! Потому, кажется, я и самъ Бернаръ презрѣнный оскаблился Митя.

— Но неужели, неужели, братъ, ты такъ ужь самъ надѣнешься оправдаться?

Митя судорожно вскинулъ вверхъ плечами и отчаянно покачалъ головой.

— Алеша, голубчикъ, тебѣ пора! вдругъ засѣпалъ Смотритель закричалъ на дворѣ, сейчасъ сюда буди, поздно, беспорядокъ. Обними меня поскорѣй, поцалуй, мнѣ меня, голубчикъ, перекрести на завтрашній крестъ...

Они обнялись и поцаловались.

— А Иванъ-то, проговорилъ вдругъ Митя, — бѣжать и ложилъ, а самъ вѣдь вѣрить, что я убилъ!

Грустная насмѣшка выдавилась на его губахъ.

— Ты спрашивалъ его: вѣрить онъ или нѣтъ? спросилъ Алеша.

— Нѣтъ, не спрашивалъ. Хотѣлъ спросить, да не смогъ не хватило. Да все равно я вѣдь по глазамъ вижу. Ну, и

Еще разъ поцаловались наскоро, и Алеша уже было какъ вдругъ Митя кликнулъ его опять:

— Становись предо мной, вотъ такъ.

И онъ опять крѣпко схватилъ Алешу обѣими руками плечи. Лицо его стало вдругъ совсѣмъ блѣдно, такъ что въ темнотѣ это было страшно замѣтно. Губы перекосилъ взглядъ впился въ Алешу.

— Алеша, говори мнѣ полную правду, какъ предъ Госемъ Богомъ: вѣришь ты, что я убилъ или не вѣришь? То-то, а ты вѣришь или нѣтъ? Полную правду, не лги! крикнулъ ему изступленно.

Алешу какъ-бы всего покачнуло, а въ сердцѣ его, онъ чувствовалъ это, какъ-бы прошло что-то острое.

— Полно, что ты... пролепеталъ было онъ какъ потеря

— Всю правду, всю, не лги! повторилъ Митя.

— Ни единой минуты не вѣрялъ, что ты убійца, вдругъ вылезъ дрожащимъ голосомъ изъ груди Алеша, и онъ махнулъ правой рукою вверхъ, какъ-бы призывая Бога въ смыслъ своихъ словъ. Блаженство озарило мгновенно все лицо.

— Спасибо тебѣ! выговорилъ онъ протяжно, точно испуская духъ послѣ обморока.—Теперь ты меня возродилъ... Вѣришь-ли до сихъ поръ боялся спросить тебя, это тебя-то, тебя! Ну, иди! Укрѣпилъ ты меня на завтра, благослови тебя Богъ! ступай, люби Ивана! вырвалось послѣднимъ словомъ у Мити. Алеша вышелъ весь въ слезахъ. Такая степень мнительности Мити, такая степень недовѣрія его даже къ нему, къ Алешѣ— это вдругъ раскрыло предъ Алешей такую бездну безвысказанной горя и отчаянія въ душѣ его несчастнаго брата, какой онъ и не подозрѣвалъ прежде. Глубокое, безконечное состраданіе вдругъ охватило и измучило его мгновенно. Пронзенное сердце страшно болѣло. «Люби Ивана!» вспомнились ему вдругъ послѣднія слова Мити. Да онъ и шелъ къ Ивану. Ему еще страшнѣе надо было видѣть Ивана. Не менѣе какъ Митя мучилъ Иванъ, а теперь, послѣ свиданія съ братомъ, болѣе въ когда-нибудь.

V.

Не ты, не ты!

По дорогѣ къ Ивану пришлось ему проходить мимо дома, въ которомъ квартировала Катерина Ивановна. Въ окнахъ былъ сумракъ. Онъ вдругъ остановился и рѣшилъ войти. Катерину Ивановну онъ не видалъ уже болѣе недѣли. Но ему теперь пришла на умъ, что Иванъ, можетъ быть, сейчасъ у ней, особенно въ этотъ такой день. Позвонивъ и войдя на лестницу, тускло освѣщенную китайскимъ фонаремъ, онъ увидалъ спускавшагося по ступенькамъ человека, въ которомъ, поровнявшись, узналъ брата. Иванъ стало быть, выходилъ уже отъ Катерины Ивановны.

— Ахъ, это только ты, сказалъ сухо Иванъ Федоровичъ.— Прощай. Ты къ ней.

— Да.

— Не совѣтую, она «въ волненіи», и ты еще пуще ее разволнуешь.

— Нѣтъ, нѣтъ! прокричалъ вдругъ голосъ сверху изъ отворенной мигомъ двери.— Алексѣй Федоровичъ, вы отъ него?

— Да, я былъ у него.

— Мнѣ что-нибудь прислалъ сказать? Войдите, Алеша, и скажите Ивану Федоровичу, непременно, непременно воротитесь.

— Да!

Въ голосѣ Кати зазвучала такая повелительная интонація. Иванъ Федоровичъ, помедливъ одно мгновеніе, рѣшился, не дожидаясь, же; подняться опять, вмѣстѣ съ Алешей.

— Подслушивала! раздражительно процептала онъ, но Алеша разслышала.

— Позвольте мнѣ остаться въ палатѣ, проговорила Катя Федоровичъ, встукая въ залу.— Я и не сяду. Я болѣе спокойна не останусь.

— Садитесь, Алексѣй Федоровичъ, проговорила Катя Ивановна, сама оставаясь стоя. Она измѣнилась мало въ время, но темные глаза ея сверкали злобѣющимъ огнемъ. Она помнила потомъ, что она показала ему чрезвычайно много собою въ ту минуту.

— Что-жь онъ велѣлъ передать?

— Только одно, сказалъ Алеша, прямо глядя ей въ глаза, чтобы вы шадли себя и не показывали ничего изъ себя (онъ нѣсколько замаялся)... что было между вами... въ самомъ, первомъ вашемъ знакомствѣ... въ томъ городѣ...

— А, это про земной поклонъ за тѣ деньги! подхватила Катя горько разсмѣившись.—Что-жь, онъ за себя или за меня? —а? Онъ сказалъ, чтобъ я шадла — кого-же? Его или Говорите, Алексѣй Федоровичъ.

Алеша всматривался пристально, стараясь понять ее.

— И себя, и его, проговорила онъ тихо.

— То-то, какъ-то злобно отчеканила она и вступила краснѣла.

— Вы не знаете еще меня, Алексѣй Федоровичъ, грешница зала она,—да и я еще не знаю себя. Можетъ быть, вы знаете меня растоптать ногами послѣ завтрашняго допроса.

— Вы покажете честно, сказалъ Алеша, — только и надо.

— Женщина часто безчестна, проскрежетала она.— А часть тому думала, что мнѣ страшно дотронуться до этого изъ себя какъ до гада... и вотъ нѣтъ, онъ все еще для меня чуждъ. Да убилъ-ли онъ? Онъ-ли убилъ! воскликнула она вдругъ рически, быстро обращаясь къ Ивану Федоровичу. Алеша и поняла, что этотъ самый вопросъ она уже задавала Ивану Федоровичу, можетъ, всего за минуту предъ его приходомъ и въ первый разъ, а въ сотый, и что кончили они ссорой.

— Я была у Смердякова... Это ты, ты убилъ отца, онъ отцеубійца. Я только тебѣ и повѣрила! продолжала она

даясь къ Ивану Федоровичу. Тотъ какъ-бы съ натуги усмѣх-
 лся. Алеша вздрогнулъ, услышавъ это *мы*. Онъ и подозрѣвать
 оговъ такихъ отношеній.

— Ну, однако, довольно, отрѣзалъ Иванъ.—Я пойду. Приду
 да. И тотчасъ-же, повернувшись, вышелъ изъ комнаты и
 пошелъ прямо на лѣстницу. Катерина Ивановна вдругъ съ ка-
 кимъ-то повелительнымъ жестомъ схватила Алешу за обѣ руки.

— Ступайте за нимъ! Догоните его! Не оставляйте его одного
 минуты, быстро зашептала она.—Онъ помѣшанный. Вы не
 знаете, что онъ помѣшался? У него горячка, нервная горячка!
 Докторъ говорилъ, идите, бѣгите за нимъ...

Алеша вскочилъ и бросился за Иваномъ Федоровичемъ. Тотъ
 успѣлъ отойти и пятидесяти шаговъ.

— Чего тебѣ? вдругъ обернулся онъ къ Алешѣ, видя, что
 его догоняетъ:—велѣла тебѣ бѣжать за мною, потому что
 я испуганный. Знаю наизусть, раздражительно прибавилъ онъ.

— Она, разумѣется, ошибается, но она права, что ты боленъ,
 сказалъ Алеша. — Я сейчасъ смотрѣлъ у ней на твое лицо; у
 тебя очень больное лицо, очень, Иванъ!

Иванъ шелъ не останавливаясь. Алеша за нимъ.

— А ты знаешь, Алексѣй Федоровичъ, какъ сходятъ съума?
 спросилъ Иванъ совсѣмъ вдругъ тихимъ, совсѣмъ уже не раз-
 гнаннымъ голосомъ, въ которомъ внезапно послышалось
 простодушное любопытство.

— Нѣтъ, не знаю; полагаю, что много разныхъ видовъ
 шестствія.

— А надъ самимъ собой можно наблюдать, что сходишь съума?

— Я думаю нельзя ясно слѣдить за собой въ такомъ слу-
 чаѣ, удивленіемъ отвѣчалъ Алеша. Иванъ на полминутки
 замолкъ.

— Если ты хочешь со мной о чемъ говорить, то перемѣни,
 сказалъ онъ вдругъ.

— А вотъ, чтобы не забыть, въ тебѣ письмо, робко прого-
 ворилъ Алеша и, вынувъ изъ кармана, протянулъ къ нему письмо.
 Они какъ разъ подошли къ фонарю. Иванъ тотчасъ-же
 схватилъ руку.

— А, это отъ того бѣсенка! разсмѣялся онъ злобно, и, не
 давъ конверта, вдругъ разорвалъ его на нѣсколько кус-
 ковъ и бросилъ на вѣтеръ. Ключья разлетѣлись.

— Шестнадцать лѣтъ еще нѣтъ, кажется, и ужь предла-
 гаютъ презрительно проговорилъ онъ, опять зашагавъ по улицѣ.

— Какъ предлагалъ? выслушай Алеша.

— Истинно, какъ разорившия женихи предлагали.

— Что ты, Алеша, что ты? горько и горько мнѣ.

Алеша.— Это робинья, ты обманываешь робинья! Она была сама очень балла, она была, можетъ быть, съ ума съ. Я не могу тебѣ не верить въ слова. Я, напротивъ, отъ хотѣлъ что услышать... чтобы слыть ее.

— Почему тебѣ отъ меня слыть. Какъ она робинья? ей не балла. Могла, Алеша! Не предлагалъ. Я отъ этого не дуван.

Можетъ быть слыть съ минуту.

— Она теперь всю ночь молить Божью Матерь будетъ, указала ей какъ завтра на судѣ поступить, рѣшило и молъ говорилъ она вдругъ слыть.

— Ты... ты объ Катеринѣ Ивановѣ?

— Да. Счастливицей или губительницей Митюшкѣ явиться! О томъ молить будетъ, чтобы озарило ее душу, еще, видите-ли, не знаетъ, приготовиться не успѣла. Тоже за няньку принимаетъ, хотеть чтобы я ее убавкала.

— Катерина Ивановна любить тебя, братъ, съ гуръ чувствомъ проговорилъ Алеша.

— Можетъ быть. Только я до нея не охотникъ.

— Она страдаетъ. Зачѣмъ-же ты ей говоришь... и такія слова, что она надѣется? съ робкимъ упрекомъ жалъ Алеша:—вѣдь я знаю, что ты ей подавалъ надежду, что я такъ говорю, прибавилъ онъ.

— Не могу я тутъ поступить какъ надо, разорвалъ прямо сказать! раздражительно произнесъ Иванъ.—Надо ждать, пока скажутъ приговоръ убійцѣ. Если я разорву теперь, она изъ мщенія ко мнѣ завтра-же погубитъ этого дя на судѣ, потому что его ненавидитъ и знаетъ что и дитъ. Тутъ все ложь, ложь на лжи! Теперь-же, пока я не разорвалъ, она все еще надѣется и не станетъ губить изверга, зная, какъ я хочу вытащить его изъ бѣды. И только придетъ этотъ проклятый приговоръ!

Слова «убійца» и «извергъ» больно отозвались въ Алеша.

— Да чѣмъ такимъ она можетъ погубить брата? слыть онъ, вдумываясь въ слова Ивана.—Что она можетъ и такого, что прямо могло-бы сгубить Митю?

— Ты этого еще не знаешь. У нея въ рукахъ еси

ть, собственноручный, Митенькинъ, математически дока-
й, что онъ убилъ Федора Павловича.

ого быть не можетъ! воскликнулъ Алеша.

акъ не можетъ? Я самъ читалъ.

акого документа быть не можетъ! съ жаромъ повторилъ
— Не можетъ быть, потому что убійца не онъ. Не онъ
ца, не онъ!

ь Федоровичъ вдругъ остановился.

го-же убійца, по вашему, какъ-то холодно, повидимому,
онъ, и какая-то даже высокомерная нотка прозвучала
вопроса.

ы самъ знаешь кто, тихо и проникновенно проговорилъ

го? Эта басня-то объ этомъ помѣшанномъ идиотѣ, эпи-
Объ Смердяковѣ?

а вдругъ почувствовалъ, что весь дрожить.

ы самъ знаешь кто, бессильно вырвалось у него. Онъ
я.

кто, кто? уже почти свирѣпо вскричалъ Иванъ. Вся
ость вдругъ исчезла.

одно только знаю, все также почти шепотомъ прого-
леша:—убилъ отца *не ты*.

е ты!> Что такое не ты? остолбенѣлъ Иванъ.

ты убилъ отца, не ты! твердо повторилъ Алеша.

минуты длилось молчаніе.

я и самъ знаю, что не я, ты бредишь? блѣдно и искрив-
гѣхнувшись, проговорилъ Иванъ. Онъ какъ-бы виился
къ Алешу. Оба опять стояли у фонаря.

тъ, Иванъ, ты самъ себѣ нѣсколько разъ говорилъ,
ты.

гда я говорилъ? Я въ Москвѣ былъ... Когда я гово-
сѣмъ потерянно пролепеталъ Иванъ.

говорилъ это себѣ много разъ, когда оставался одинъ
рашныя два мѣсяца, по прежнему тихо и раздѣльно
къ Алеша. Но говорилъ опъ уже какъ-бы внѣ себя,
е своею волей, повинуюсь какому-то непреодолимому
— Ты обвинялъ себя и признавался себѣ, что убійца
ты. Но убилъ не ты, ты ошибаешься, не ты убійца,
меня, не ты! Меня Богъ послалъ тебѣ это сказать.

молчали. Цѣлую длинную минуту протянулось это мол-
стояли и все смотрѣли другъ другу въ глаза. Оба

были свидѣны. Вдругъ Иванъ весь затрясся и крѣпко схватилъ Алешу за плечо.

— Ты былъ у меня! скрежущими шепотомъ онъ сказалъ.— Ты былъ у меня ночью, когда онъ приходилъ вѣнчаться... ты его видѣлъ, видѣлъ?

— Про кого ты говоришь... про Митю? въ недружелюбный смѣхъ Алеши.

— Не про него, къ чорту изверга! наступавшій Иванъ. Развѣ ты знаешь, что онъ ко мнѣ ходитъ? узнаешь, говори!

— Кто онъ? Я не знаю про кого ты говоришь; про Алеши уже въ испугѣ.

— Нѣтъ, ты знаешь... иначе какъ-бы ты... не могъ чтобы ты не зналъ...

Но вдругъ онъ какъ-бы сдержалъ себя. Онъ стоялъ бы что-то обдумывая. Странная усмѣшка кривила его ротъ.

— Братъ, дрожащимъ голосомъ началъ опять Алексѣй сказалъ тебѣ это потому, что ты моему слову повѣришь это. И тебѣ на всю жизнь это слово сказалъ: не имѣй на всю жизнь. И это Богъ положилъ мнѣ на душу сказать, хотя-бы ты съ сего часа навсегда возненавидѣлъ меня.

Но Иванъ Федоровичъ, повидимому, со всѣмъ уже овладѣлъ собой.

— Алексѣй Федоровичъ, проговарялъ онъ съ холодной улыбкой, — я пророковъ и эпилептиковъ не терплю; но Божіихъ особенно, вы это слишкомъ знаете. Съ сей минуты съ вами разрываю и, кажется, на всегда. Пропу съ собой на этомъ-же перекресткѣ, меня оставьте. Да вамъ и въ этомъ проулку дорога. Особенно поберегитесь за мнѣ сегодня! Слышите?

Онъ повернулся и, твердо шагая, пошелъ прямо, чинясь.

— Братъ, крикнулъ ему вслѣдъ Алеша, — если что сегодня съ тобой случится, подумай прежде всего обо мнѣ.

Но Иванъ не отвѣтилъ. Алеша стоялъ на перекресткѣ фонаря, пока Иванъ не скрылся совсѣмъ во мракѣ. Иванъ повернулся и медленно направился къ себѣ по переулку и Иванъ Федоровичъ квартировалъ особо, на разныхъ улицахъ: на одинъ изъ нихъ не захотѣлъ жить въ одну квартиру Федора Павловича. Алеша нанималъ неблагоустроенную квартиру въ семействѣ однихъ мѣщанъ; Иванъ же Федоровичъ

но отъ него далеко и занималъ просторное и довольно ком-
ное помѣщеніе во флигелѣ одного хорошаго дома, принадле-
щую одной небѣдной вдовѣ-чиновницѣ. Но прислуживала ему
в томъ флигелѣ всего только одна древняя, совсѣмъ глухая
шонка, вся въ ревматизмахъ, ложившаяся въ шесть часовъ
и встававшая въ шесть часовъ утра. Иванъ Ѳедоровичъ
до странности въ эти два мѣсяца нетребователенъ и очень
любилъ оставаться совсѣмъ одинъ. Даже комнату, которую за-
нималъ, онъ самъ убиралъ, а въ остальные комнаты своего по-
мѣщенія даже и заходилъ рѣдко. Дойдя до воротъ своего дома и
завяшнись за ручку звонка, онъ остановился. Онъ почув-
ствовалъ, что весь еще дрожитъ злобною дрожью. Вдругъ онъ
нажалъ звонокъ, плюнулъ, повернулъ назадъ и быстро по-
шелъ опять совсѣмъ на другой, противоположный конецъ го-
родской улицы за двѣ отъ своей квартиры, въ одинъ крошечный,
затѣшненькій бревенчатый домикъ, въ которомъ квартировала
Евдокия Кондратьевна, бывшая сосѣдка Ѳедора Павловича, прихо-
дящая къ Ѳедору Павловичу на кухню за супомъ, и которой
Смердяковъ пѣлъ тогда свои пѣсни и игралъ на гитарѣ. Преж-
дѣ времени свой она продала и теперь проживала съ матерью
въ избѣ, а больной, почти умирающій Смердяковъ, съ
смерти Ѳедора Павловича поселился у нихъ. Вотъ къ нему-
то и направился теперь Иванъ Ѳедоровичъ, влекомый однимъ
неловкимъ и непобѣдимымъ соображеніемъ.

VI.

Первое свиданіе со Смердяковымъ.

Иванъ Ѳедоровичъ уже въ третій разъ шелъ поговорить
со Смердяковымъ по возвращеніи своемъ изъ Москвы. Въ пер-
вый разъ послѣ катастрофы онъ видѣлъ его и говорилъ съ нимъ
въ первый день своего пріѣзда, затѣмъ посѣтилъ его
еще разъ, двѣ недѣли спустя. Но послѣ этого втораго раза
свои свиданія со Смердяковымъ прекратилъ, такъ что теперь
уже мѣсяцъ, какъ онъ уже не видалъ его и почти ни-
кого не слыхалъ о немъ. Воротился-же тогда Иванъ Ѳедоро-
вичъ изъ Москвы уже на пятый только день послѣ смерти ро-
дителя такъ что не засталъ и гроба его: погребеніе соверши-
лось въ этотъ разъ наканунѣ его пріѣзда. Причина замедленія Ивана

что тотъ даже и подозрѣвать не хотѣлъ
идти на Смердякова, какъ на убійцу, что
и другимъ мѣшьямъ въ нашемъ городѣ
и званика, прокурора, узнавъ подробности
и еще болѣе удивился на Алешу и пр
ишь возбужденному до послѣдней степени
состраданію къ Митѣ, котораго Алеша, какъ
очень любилъ. Кстати, промолвимъ лишь
когда о чувствахъ Ивана къ брату Дмитрію
то рѣшительно не любилъ и много-много
ему иногда состраданіе, но и то смѣшанное с
емь, доходившимъ до гадливости. Митя все
шурою, былъ ему крайне несимпатиченъ.
Материня Ивановны Иванъ смотрѣлъ съ нег
и думалъ Митей онъ, однако-же увидѣлся т
его приобщенія, и это свиданіе не только н
убѣжденія въ его виновности, а даже усилен
иногда тогда въ безпокойствѣ, въ болѣзнен
иногда многорѣчивъ, но разсѣянъ и раскидчи
иногда, обвинялъ Смердякова и страшно пу
говаривалъ про тѣ-же три тысячи, которыя «
кошникъ. «денъги мои, онѣ были мои, твер
и даже украсть ихъ, то былъ-бы правъ»
иногда прогнать него. почти не оснаивалъ.

дича, рѣзко сказавъ ему, что не тѣмъ его подозрѣвать и шивать, которые сами утверждаютъ, что «все позволено». Не на этотъ разъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ былъ очень жалобенъ. Сейчасъ послѣ этого свиданія съ Митей, Иванъ Ѳедоровичъ и направился тогда къ Смердякову.

Еще въ вагонѣ, летя изъ Москвы, онъ все думалъ про Смердяка и про послѣдній свой разговоръ съ нимъ вечеромъ на станціи отъѣзда. Многое смущало его, многое казалось подозрительнымъ. Но давая свои показанія судебному слѣдователю, Иванъ Ѳедоровичъ до времени умолчалъ о томъ разговорѣ. Все случилось до свиданія со Смердяковымъ. Тотъ находился тогда въ городской больницѣ. Докторъ Герценштубе и встрѣтившійся тамъ Ивану Ѳедоровичу въ больницѣ врачъ Варвинскій на настоятельные вопросы Ивана Ѳедоровича твердо отвѣчали, что падучая Смердякова несомнѣнна, и даже удивились вопросу: «припадался-ли онъ въ день катастрофы?» Они дали ему понять, что припадокъ этотъ былъ даже необыкновенный, продолжался и повторялся нѣсколько дней, такъ что жизнь пациента была въ рѣшительной опасности, и что только теперь, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, можно уже сказать утвердительно, что больной останется въ живыхъ, хотя очень возможно (прибавилъ докторъ Герценштубе) что расудокъ его останется отчасти разбитъ, «если не на всю жизнь, то на довольно продолжительное время». На нетерпѣливый спросъ Ивана Ѳедоровича что, «сталъ ли онъ теперь сумасшедшій?» ему отвѣтили, что этого въ полнѣмъ смыслѣ еще нѣтъ, но что замѣчаются нѣкоторыя ненормальности. Иванъ Ѳедоровичъ положилъ самъ узнать какія это ненормальности. Въ больницѣ его тотчасъ-же допустили къ свиданію со Смердяковымъ. Смердяковъ находился въ отдѣльномъ помѣщеніи и лежалъ въ кровати. Тутъ-же подлѣ него была еще койка, которую занималъ одинъ разслабленный городской мѣщанинъ, весь распухшій отъ водяной, видимо готовый завтра или послѣ завтра умереть. Въ разговоръ онъ помѣшанъ не могъ. Смердяковъ осклабился и началъ шутливо, завидѣвъ Ивана Ѳедоровича и въ первое мгновеніе даже сробѣлъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мелькнуло въ умѣ Ивана Ѳедоровича. Но это было лишь мгновеніе, на слѣдующее же, во все остальное время Смердяковъ почти поразилъ его своимъ спокойствіемъ. Съ самаго перваго взгляда на него Иванъ Ѳедоровичъ несомнѣнно убѣдился въ полномъ и чрезвычайномъ безумствѣ его состояніи: онъ былъ очень слабъ, говорилъ очень тихо и какъ-бы съ трудомъ ворочая языкомъ; очень похудѣлъ

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

гъ напередъ узнать, что провалишься именно въ этотъ въ припадкѣ, если не притворился въ падучей нарочно?

Въ погребѣ надлежало и безъ того идти-съ, въ день по въ даже разъ-съ, не снѣша протянулъ Смердяковъ.—Такъ годъ тому назадъ я съ чердака полетѣлъ-съ. Безпремѣнно это падучую нельзя предсказать впередъ днемъ и часомъ дчувствіе всегда можно имѣть.

А ты предсказалъ день и часъ!

На счетъ моей болѣзни падучей-съ освѣдомьтесь всего, сударь, у докторовъ здѣшнихъ: истинная-ли была со или не истинная, а мнѣ и говорить вамъ больше на сей ть нечего.

А погребъ? Погребъ-то какъ ты предузналъ?

Дался вамъ этотъ самый погребъ! Я тогда какъ въ этотъ полѣзъ, то въ страхѣ былъ и въ сумлѣніи; потому больше хъ, что былъ васъ лишимшись и ни отъ кого уже защиты въ цѣломъ мірѣ. Лѣзу я тогда въ этотъ самый погребъ ю: «вотъ сейчасъ придетъ, вотъ она ударитъ, провалюсь, втъ?» и отъ самага этого сумлѣнія вдругъ схватила меня мѣ эта самая неминуемая спазма-съ... ну и полетѣлъ. Все мое и весь разговоръ нашъ предъидущій съ вами-съ, наканого дня вечеромъ у воротъ-съ, какъ я вамъ тогда мой, сообщилъ, и про погребъ-съ—все это я въ подробности къ господину доктору Герценштубе и слѣдователю Николаю ювичу, и все они въ протоколъ записали-съ. А здѣшній ъ, господинъ Варвинскій, такъ предъ всѣми ими особо вали, что такъ именно отъ думы оно и произошло, отъ то есть, той мнительности, «что вотъ, дескать, упаду аль ду?» А она тутъ и подхватила. Такъ и записали-съ, что мѣнно этому такъ и надо было произойти, отъ одинаго, ь, моего страху-съ.

оговоривъ это, Смердяковъ, какъ-бы измученный утомъ, глубоко перевелъ дыханіе.

Такъ ты ужь это объявлялъ въ показаніи? спросилъ ько опѣшенный Иванъ Федоровичъ. Онъ именно хотѣлъ пугнуть его тѣмъ, что объявитъ про ихъ тогдашній разъ, а оказалось, что тотъ ужь и самъ объявилъ.

Чего мнѣ бояться? Пускай всю правду истинную запитвердо произнесъ Смердяковъ.

И про нашъ разговоръ съ тобой у воротъ все до слова иалъ?

— Нѣтъ, не то чтобы все до слова-съ.

— А что представляться въ падучей умѣешь, какъ мнѣ тогда, тоже сказалъ?

— Нѣтъ, этого тоже не сказалъ-съ.

— Скажи ты мнѣ теперь, для чего ты меня тогда машню посылаешь?

— Боялся, что въ Москву уѣдете, въ Чермаш ближе-съ.

— Врешь, ты самъ приглашалъ меня уѣхать: говорилъ, отъ грѣха долой!

— Это я тогда по единому къ вамъ дружеству и ной моей преданности, предчувствуя въ домѣ бѣду-съ. лѣючи. Только себя больше вашего сожалѣлъ-съ. Потерялъ: уѣзжайте отъ грѣха, чтобы вы поняли, что будетъ и остались-бы родителя защитить.

— Такъ ты-бы прямѣе сказалъ, дуракъ! вспыхну Иванъ Федоровичъ.

— Какъ-же-бы я могъ тогда прямѣе сказать-съ? О страхъ во мнѣ говорилъ-съ, да и вы могли осердиться. Опасаться могъ, чтобы Дмитрій Федоровичъ не съѣлъ скандалу, и самыя эти деньги не унесли, такъ какъ равно, что за свои почитали, а вотъ кто-же зналъ, убивствомъ кончится? Думалъ, они просто только по три тысячи рублей, что у барина подъ тюфякомъ лежалъ пакетъ-съ, а они вогъ убили-съ. Гдѣ-же и вамъ угадать сударь?

— Такъ если самъ говоришь, что нельзя было угадать же я могъ догадаться и остаться? Что ты путаешь? в проговорилъ Иванъ Федоровичъ.

— А потому и могли догадаться, что я васъ въ направляю вмѣсто этой Москвы-съ.

— Да какъ тутъ догадаться!

Смердяковъ казался очень утомленнымъ и опять съ минутой.

— Тѣмъ самымъ-съ догадаться могли-съ, что бо отъ Москвы въ Чермашню отклоняю, то, значить, и вашего здѣсь желаю ближайшаго, потому что Москва Дмитрій Федоровичъ, знавши что вы недалеко, не стоить будутъ. Да и меня могли въ большей скорости, въ слѣд пріѣхать и защитить, ибо самъ я вамъ на болѣзнь Васильича къ тому-же указывалъ, да и то что излуч

Уяснивъ вамъ про эти стуки, по которымъ къ покойному было войти, и что они Дмитрію Федоровичу черезъ меня извѣстны, думалъ что вы уже сами тогда догадаетесь, что что-нибудь непременно совершатъ, и не то что въ Чермашню, вовсе останетесь.

Онъ очень связно говоритъ, подумалъ Иванъ Федоровичъ, и мямлитъ; про какое-же Герценштубе говорилъ разстрой-способностей?»

— Хитришь ты со мной, чортъ тебя дери! воскликнулъ онъ, удившись.

— А я, признаться, тогда подумалъ, что вы ужь совсѣмъ дались, съ самымъ простодушнымъ видомъ отпарировалъ дяковъ.

— Кабы догадался такъ остался-бы! вскричалъ Иванъ Федоръ опять вспыхнувъ.

— Ну-съ, а я-то думалъ, что вы обо всемъ догадавшись не какъ можно уѣзжаете лишь отъ грѣха одного, чтобы не уѣзжать куда-нибудь, себя спасая отъ страху-съ.

— Ты думалъ, что всѣ такіе-же трусы какъ ты?

— Простите-съ, подумалъ, что и вы какъ и я.

— Конечно, надо было догадаться, волновался Иванъ, — да догадывался объ чемъ-нибудь мерзкомъ съ твоей стороны...

— Ты врешь, опять врешь, вскричалъ онъ вдругъ припом-

— Помнишь, какъ ты къ тарантасу тогда подошелъ и мнѣ былъ: «съ умнымъ человѣкомъ и поговорить любопытно». Былъ, радъ былъ, что я уѣзжаю коль похвалилъ?

Мердяковъ еще и еще разъ вздохнулъ. Въ лицѣ его какъ-то показалась краска.

— Если былъ радъ, произнесъ онъ нѣсколько задыхаясь, — одну единственно, что не въ Москву, а въ Чермашню со-шлись. Потому все-же ближе; а только я вамъ тѣ самыя не въ похвалу тогда произнесъ, а въ попрекъ-съ. Не ра-зи вы этого-съ.

— Въ какой попрекъ?

— А то что, предчувствуя такую бѣду, собственнаго роди-оставляете-съ и насъ защитить не хотите, потому что меня три тысячи всегда могли притянуть, что я ихъ укралъ-съ.

— Чортъ тебя дери! опять обругался Иванъ. — Стой: ты знаки, про стуки эти, слѣдователю и прокурору объявилъ?

— Все какъ есть объявилъ-съ.

Иванъ Федоровичъ опять про себя удивился.

— Если я подумалъ тогда объ чемъ, началъ объ те это про мерзость какую-нибудь единственно съ твоей стороны. Дмитрій могъ убить, но что онъ украдетъ—я не вѣрилъ... А съ твоей стороны всякой мерзости ждалъ. Ты мнѣ сказалъ, что притворяться въ падучей уищу, чего ты это сказалъ?

— По одному моему простодушію. Да и никогда в жизни не представлялся въ падучей нарочно, а такъ и чтобъ похвалиться предъ вами, сказалъ. Одна глупость—любилъ я васъ тогда очень и былъ съ вами по всей правде.

— Братъ прямо тебя обвиняетъ, что ты убилъ и украдъ.

— Да мнѣ что-же больше остается? горько осклабился дьяволъ, — и кто-же мнѣ повѣритъ послѣ всѣхъ твоихъ словъ? Дверь-то Григорій Васильевичъ отпертую видѣли-съ, послѣ какъ-же-съ. Да что ужъ, Богъ съ ними! Себя спасая дрались.

Онъ тихо помолчалъ и вдругъ какъ-бы сообразивъ прѣдъ собой.

— Вѣдь вотъ-съ, опять это самое: они на меня сваливаютъ, что это моихъ рукъ дѣло-съ, — это я уже слышалъ, а вотъ хоть-бы это самое, что въ я падучей представляю мастеръ: ну сказалъ-ли бы я вамъ напередъ, что представляю уищу, если-бъ у меня въ самомъ дѣлѣ какой замыселъ былъ на родителя вашего? Коли такое убивство ужъ я и делалъ, то можно-ли быть столь дуракомъ, чтобы впередъ и бы такую утку сказать, да еще сыну родному, помилуй! Похоже это на вѣроятію? Это, чтобъ это могло быть-съ, напротивъ, совсѣмъ никогда-съ. Вотъ теперь этого никто вамъ разговору никто не слышитъ, кромѣ самого этого дѣвня-съ, а если-бы вы сообщили прокурору и Николаю Семеновичу, такъ тѣмъ самымъ могли-бы меня въ концѣ считать-съ: ибо что за злодѣй за такой коли заранѣе стоя стодушень? Все это разсудить очень могутъ.

— Слушай, всталъ съ мѣста Иванъ Федоровичъ, порывшись послѣднимъ доводомъ Смердякова и прерывая разговоръ я тебя вовсе не подозреваю и даже считаю смѣшнымъ считать... напротивъ, благодаренъ тебѣ, что ты меня успокоилъ. Теперь иду, но опять зайду. Пока прощай, выздоравливай, нуждаешься-ли въ чемъ?

— Во всемъ благодаренъ-съ. Марья Игнатьевна знаетъ меня-съ и во всемъ способствуетъ коли что надо по прежней своей добротѣ. Ежедневно навѣщаютъ добрыя

— До свиданія. Я, впрочемъ, про то, что ты притвориться
ишь не скажу... да и тебѣ совѣтую не показывать, прого-
ишь вдругъ почему-то Иванъ.

— Очень понимаю-сь. А коли вы этого не покажете, то
сь всего нашего съ вами разговору тогда у воротъ не
звлю...

Тутъ случилось такъ, что Иванъ Федоровичъ вдругъ вы-
ишь, только пройдя уже шаговъ десять по корридору, вдругъ
чувствовалъ, что въ послѣдней фразѣ Смердякова заключался
ишь-то обидный смыслъ. Онъ хотѣлъ было уже вернуться, но
только мелькнуло, и проговоривъ: «глуности!» — онъ по-
ишь пошелъ изъ больницы. Главное, онъ чувствовалъ, что
ствительно былъ успокоенъ, и именно тѣмъ обстоятельствомъ,
виновенъ не Смердяковъ, а братъ его Митя, хотя каза-
ишь-бы должно было выйти напротивъ. Почему такъ было —
не хотѣлъ тогда разбирать, даже чувствовалъ отвращеніе
ишь въ своихъ ощущеніяхъ. Ему поскорѣ хотѣлось какъ-
что-то забыть. Затѣмъ въ слѣдующіе нѣсколько дней онъ
совсѣмъ убѣдился въ виновности Мити, когда ближе и осно-
ишь ознакомился со всѣми удручавшими того уликами.
и показанія самыхъ ничтожныхъ людей, но почти потря-
ишь, напримѣръ, Фени и ея матери. Про Перхотина, про
ишь, про лавку Плотниковыхъ, про свидѣтелей въ Мокромъ
ишь-ворить было нечего. Главное, удручали подробности. Из-
ишь о тайныхъ «стукахъ» поразило слѣдователя и прокурора
ишь въ той-же степени, какъ и показаніе Григорія объ от-
ишь-ной двери. Жена Григорія, Марѳа Игнатьевна, на спросъ
ишь Федоровича, прямо заявила ему, что Смердяковъ всю ночь
ишь у нихъ за перегородкой, «трехъ шаговъ отъ нашей по-
ишь не было», и что хоть и спала она сама крѣпко, по много
ишь пробуждалась, слыша, какъ онъ тутъ стонетъ: «все время
ишь, непрерывно стоналъ». Поговоривъ съ Герценштубе и
ишь-ивъ ему свое мнѣніе о томъ, что Смердяковъ вовсе не
ишь-тся ему помѣшаннымъ, а только слабымъ, онъ только выз-
ишь у старика тоненькую улыбочку. «А вы знаете, чѣмъ онъ
ишь-рь особенно занимается?» спросилъ онъ Ивана Федоровича, —
ишь-ицускія вокабулы наизустъ учить; у него подъ подушкой
ишь-адва лежитъ и французскія слова русскими буквами кѣмъ-
ишь-вписаны, хе-хе-хе!» Иванъ Федоровичъ оставилъ, наконецъ,
ишь-сомнѣнія. О братѣ Дмитріѣ онъ уже и подумать не могъ
ишь-омерзѣнія. Одно было всетаки странно: что Алеша упорно

продолжалъ стоять на томъ, что убилъ не Дикерри, а вѣроятности» Смердяковъ. Иванъ всегда чувствовалъ, что нѣ Алеши для него высоко, а потому теперь очень ждалъ на него. Странно было и то, что Алеша не началъ разговоровъ о Митѣ и самъ не начиналъ никогда, а вѣчалъ на вопросы Ивана. Это тоже сильно заботило Федоровича. Впрочемъ, въ то время онъ очень былъ въ одномъ совсѣмъ постороннемъ обстоятельствѣ: при Москвѣ, онъ въ первые-же дни весь и безноворожденно пламенной и безумной страсти своей къ Катеринѣ Ивановнѣ. Здѣсь не мѣсто начинать объ этой новой страсти Федоровича, отразившейся потомъ на всей его жизни: это бы послужить канвой уже многого разсказа, другаго романа, который и не знаю, предприиму-ли я еще когда-нибудь. Но не могу умолчать и теперь о томъ, что когда Иванъ Федоровичъ, идя, какъ уже описалъ я, ночью съ Алешей Сергѣевичемъ Ивановны, сказалъ ему: «я-то до нея не охотился, то страшно лгалъ въ ту минуту: онъ безумно любилъ правду и то, что временами ненавидѣлъ ее до того, что даже убить. Тутъ сходилось много причинъ: вся потаена событіемъ съ Митей, она бросилась къ возвратившемуся опять Ивану Федоровичу какъ-бы къ какому своему спутнику. Она была обижена, оскорблена, унижена въ своихъ чувствахъ. И вотъ явился опять человекъ, который ее прежде билъ,—о, она слишкомъ это знала,—и котораго умъ она всегда ставила столь высоко надъ собой. Но страсть ее не отдала себя въ жертву всю, не смотря на рамазовскій безудержъ желаній своего возлюбленнаго и обаяніе его на нее. Въ то же время мучилась безпрерывно какою-то каяніемъ, что измѣнила Митѣ, и въ грозныя ссоры съ Иваномъ (а ихъ было много) прямо высказывала. Это-то и называлъ онъ, говоря съ Алешей: «ложью и клеветой». Тутъ, конечно, было и въ самомъ дѣлѣ много лжи, и это болѣе раздражало Ивана Федоровича... но все это потомъ. (Онъ на время почти забылъ о Смердяковѣ. И, однако, двѣ спустя послѣ перваго къ нему посѣщенія, начали его опять всѣ тѣ-же странныя мысли, какъ и прежде. Довольно что онъ безпрерывно сталъ себя спрашивать: для чего онъ въ послѣднюю свою ночь, въ домѣ Федора Павловича отъѣздомъ своимъ, сходилъ тихонько какъ воръ на лестницу, прислушивался, что дѣлаетъ внизу отецъ? Почему съ е

Ель вспомнилъ это потомъ, почему на другой день утромъ въ Мѣ такъ вдругъ затосковалъ, а, въѣзжая въ Москву, сказалъ Е «я подлецъ»! И вотъ теперь ему однажды подумалось, что — за всѣхъ этихъ мучительныхъ мыслей онъ, пожалуй, готовъ идти даже и Катерину Ивановну, до того онъ сильно имъ вдругъ съ овладѣли! Какъ разъ, подумавъ это, онъ встрѣтилъ Алешу улицѣ. Онъ тотчасъ остановилъ его и вдругъ задалъ ему во-
съ:

— Помнишь ты, когда послѣ обѣда Дмитрій ворвался въ Е и избилъ отца, и я потомъ сказалъ тебѣ на дворѣ, что «во желаній» оставляю за собой, — скажи, подумалъ ты тогда, «я желаю смерти отца или нѣтъ?»

— Подумалъ, тихо отвѣтилъ Алеша.

— Оно, впрочемъ, такъ и было, тутъ и угадывать было не-
е. Но не подумалось-ли тебѣ тогда и то, что я именно же-
е, чтобъ «одна гадъ съѣлъ другую гадину», то есть чтобъ
ино Дмитрій отца убилъ, да еще поскорѣе... и что и самъ я.
способствовать даже не прочь?

Алеша слегка поблѣднѣлъ и молча смотрѣлъ въ глаза брату.

— Говори-же! воскликнулъ Иванъ.—Я изо всей силы хочу
тъ, что ты тогда подумалъ. Мнѣ надо правду, правду! Онъ
ило перевелъ духъ, уже заранѣе съ какою-то злобой смотря
Алешу.

— Прости меня, я и это тогда подумалъ, прошепталъ Алеша
молчалъ, не прибавивъ ни одного «облегчающаго обстоя-
ства».

— Спасибо! отрѣзалъ Иванъ и, бросивъ Алешу, быстро по-
тъ своею дорогой. Съ тѣхъ поръ Алеша замѣтилъ, что братъ
нъ какъ-то рѣзко началъ отъ него отдаляться и даже какъ-бы
влюбилъ его, такъ что потомъ и самъ онъ уже пересталъ
тъ къ нему. Но въ ту минуту, сейчасъ послѣ той съ нимъ
вчи, Иванъ Федоровичъ, не заходя домой, вдругъ направился
къ Смердякову.

VII.

Второй визитъ къ Смердякову.

Смердяковъ къ тому времени выписался изъ больницы. Иванъ
Федоровичъ зналъ его новую квартиру: именно въ этомъ пере-

Иванъ въспротивился, прошелъ прямо на кухню къ тетенькѣ Ивановой. Въ этой избѣ печь была выжита и затоплена. По стѣнамъ висѣли картины и гравюры, а подъ ними лежали на полу бревна-бруссаки въ странномъ количестве. На полу лежалъ и старый шорохъ. Мебель была простая: дѣмъ стѣнамъ и два стула подлѣ печи. На полу лежалъ деревянный, былъ накрытъ, одѣянъ въ войлоки. На двухъ маленькихъ остовахъ стоялъ по горшку съ геранями. На полу стоялъ столъ небольшой, сильно выжита, на немъ лежала подносъ съ двумя чашками. На столе стоялъ самоваръ погасъ... Самъ онъ сидѣлъ на стулѣ, смотря въ тетрадь, что-то чертилъ карандашомъ. Карандашъ находился подлѣ, равно какъ и подсвѣчникъ со стеариновой, впрочемъ погасъ. Онъ сейчасъ заключилъ по лицу Смердякова, что онъ боленъ. Лицо его было блѣднѣе, височки примазаны. Сидѣлъ онъ на стулѣ, очень, однако, затасканномъ и выжитомъ. На носу его были очки, которыхъ онъ никогда не носилъ прежде. Это пустѣйшее изъ вещей въ домѣ-бы вдвое даже озлило Ивана Феофановича. Онъ всталъ, пошелъ къ окнамъ, медленно...

«...ились, зачѣмъ-же опять пришелъ?» Иванъ Федоровичъ едва держалъ себя;

— Жарко у тебя, сказалъ онъ, еще стоя, и разстегнулъ пальто.

— Снимите-съ, позволилъ Смердяковъ.

Иванъ Федоровичъ снялъ пальто и бросилъ его на лавку, жесткими руками взялъ стулъ, быстро придвинулъ его къ столу и сѣлъ. Смердяковъ успѣлъ опуститься на свою лавку вѣше его.

— Во первыхъ, одни-ли мы? строго и стремительно спросилъ Иванъ Федоровичъ.— Не услышатъ насъ отсюда?

— Никто ничего не услышитъ-съ. Сами видѣли: сѣни.

— Слушай, голубчикъ: что ты такое тогда сморозилъ, когда уходилъ отъ тебя изъ больницы, что если я промолчу о томъ, что ты мастеръ представляться въ падучей, то и ты-де не обманешь всего слѣдователю о нашемъ разговорѣ съ тобой у воротъ? Что это такое *всего*? Что ты могъ тогда разумѣть? Угрожалъ ты мнѣ, что-ли? Что я въ союзъ, что-ли, въ какой съ тобою вступаю, боюсь тебя, что-ли?

Иванъ Федоровичъ проговорилъ это совсѣмъ въ ярости, видимо и парочно давая знать, что презираетъ всякій обинякъ и всякій подходъ и играетъ въ открытую. Глаза Смердякова злобно сверкнули, лѣвый глазокъ замигалъ, и онъ тотчасъ-же хотя по привычкѣ своему сдержанно и мѣрно, далъ и свой отвѣтъ: «Хочешь, дескать, на чистоту, такъ вотъ тебѣ и эта самая чистота»:

— А то самое я тогда разумѣлъ и для того я тогда это и возносилъ, что вы, знавши напередъ про это убийство родного родителя вашего, въ жертву его тогда оставили, и чтобы заключили послѣ сего люди чего дурнаго объ вашихъ чувствахъ, а, можетъ, и объ чемъ иномъ прочемъ,— вотъ что тогда и вѣщался я начальству не объявлять.

Проговорилъ Смердяковъ хоть и не спѣша и обладая собою, видимо, но ужъ въ голосѣ его даже послышалось нѣчто дерзкое и настойчивое, злобное и нагло-вызывающее. Дерзко заявился онъ въ Ивана Федоровича, а у него въ первую минуту даже въ глазахъ зарябило:

— Какъ? Что? Да ты въ умѣ, али нѣтъ?

— Совершенно въ полномъ своемъ умѣ-съ.

— Да развѣ я *зналъ* тогда про убійство? вскричалъ, наконецъ, Иванъ Федоровичъ и крѣпко стукнулъ кулакомъ по столу.— Это значитъ: «объ чемъ иномъ прочемъ?» — говори, подлецъ!

Смердяковъ молчалъ и все тѣмъ-же наглымъ взглядомъ долженъ осматривать Ивана Федоровича.

— Говори, смердящая шельма, объ чемъ «иномъ прѣдъложилъ тотъ».

— А объ томъ «иномъ прочемъ» я сею минутой рѣшилъ, что вы, подлая, и сами очень желали тогда смерти моего отца.

Иванъ Федоровичъ вскочился и изъ всей силы ударилъ кулакомъ въ плечо, такъ что тотъ откочнулся въ стѣну. Одна минута, и все лицо его облилось слезами, проговоривъ: «О сударь, слабое человѣкъ быть!» онъ вдругъ закрылъ глазами бумажными съ синими клѣточками и совершенно замигнулъ глазами. Вышелъ и погрузился въ тихій слезный и Цромло съ минутой.

— Довольно! Перестань! повелительно сказалъ, и Иванъ Федоровичъ, садясь опять на стулъ. — Не выводили послѣднiго терпѣнiя.

Смердяковъ отмахъ отъ глазъ свою тряпочку. Всякая черта его сморщеннаго лица выражала только что перенесенную боль.

— Какъ ты, подлецъ, подумалъ тогда, что я за одно съ рѣшеньемъ хочу отца убить?

— Мыслью вашихъ тогдашнихъ не зналъ-съ, обижено говорилъ Смердяковъ, — а потому и остановилъ васъ тогда ны входяи въ ворота, чтобы васъ на этомъ самомъ мѣстѣ испытать-съ.

— Что испытать? Что?

— А вогу именно это самое обстоятельство: хочется и хочется вамъ, чтобы вашъ родитель былъ поскорѣе убитъ.

Всего болѣе возмущалъ Ивана Федоровича этотъ настоящiй наглый тонъ, отъ котораго упорно не хотѣлъ отступить Смердяковъ.

— Это ты его убилъ! воскликнулъ онъ вдругъ.

Смердяковъ презрительно усмѣхнулся.

— Что не я убилъ, это вы знаете сами доподлинно. И зналъ я, что умному человѣку и говорить о семъ больше нечего.

— Но почему, почему у тебя явилось тогда такое наподозрѣнiе?

— Какъ ужъ извѣстно вамъ, отъ единого страху-съ. Въ такомъ былъ тогда положенiи, что, въ страхѣ сотрясаясь, и подозревалъ. Васъ тоже положилъ испытать-съ, ибо если я думаю, того-же самаго желаете, что и братецъ вашъ, то и вы тогда всякому этому дѣлу, а самъ пропаду заодно какъ и

Слушай, ты двѣ недѣли назадъ не то говорилъ.

Тоже самое и въ больницѣ говоря съ вами разумѣлъ, а полагалъ, что вы и безъ лишнихъ словъ поймете, и разговора не желаете сами, какъ самый умный человекъ-съ. Ишь вѣдь! Но отвѣчай, отвѣчай, я настаиваю: съ чего чѣмъ именно я могъ вселить тогда въ твою подлую душу низкое для меня подозрѣніе?

Чтобъ убить—это вы сами ни за что не могли-съ, да и ли, а чтобы хотѣть, чтобы другой кто убилъ, это вы хотѣли. И какъ спокойно, какъ спокойно, вѣдь говоритъ! Да съ гѣ хотѣть, на кой лядъ мпѣ было хотѣть?

Какъ это такъ на кой лядъ-съ? А наслѣдство-то-съ, ядобакъ-то даже отмстительно подхватилъ Смердяковъ.—Вѣдь тогда послѣ родителя вашего на каждыя изъ трехъ братцевъ шаго по сорока тысячъ могло придтись, а, можетъ, и того-съ, а женись тогда Ѳедоръ Павловичъ на этой самой-съ, Аграфенѣ Александровнѣ, такъ ужъ та весь-бы капиталъ-же послѣ вѣнца на себя перевела, ибо онѣ очень была-съ, такъ что вамъ всѣмъ троицъ братцамъ и двухъ не досталось-бы послѣ родителя. А много-ль тогда до о оставалось? Одинъ волосокъ-съ: стоило этой барынѣ вотъ пальцо мизинчикомъ предъ ними сдѣлать и они-бы тотчасъ совъ за ними высуня языкъ побѣжали.

нѣ Ѳедоровичъ со страданіемъ сдержалъ себя.

Хорошо, проговорилъ онъ, наконецъ,—ты видишь, я не ть, не избилъ тебя, не убилъ тебя. Говори дальше: стало, по твоему, брата Дмитрія къ тому и предназначалъ, на разсчитывалъ?

Какъ-же вамъ на нихъ не разсчитывать было-съ; вѣдь и, то тогда всѣхъ правъ дворянства лишатся, чиновъ и гва, и въ ссылку пойдутъ-съ. Такъ вѣдь тогда ихняя, послѣ родителя вамъ съ братцемъ Алексѣемъ Ѳедоро-останется, по ровну-съ, значить, уже не по сороку, а пятидесяти тысячъ вамъ пришлось-бы каждому-съ. Это вы рія Ѳедоровича безпремѣнно тогда разсчитывали!

Ну, терплю-же я отъ тебя! Слушай, негодяй: если-бъ я втывалъ тогда на когонибудь, такъ ужъ, конечно-бы, на не на Дмитрія, и, клянусь, предчувствовалъ даже отъ кой-нибудь мерзости... тогда... я помню мое впечатлѣніе! И я тоже подумалъ тогда минутку одну, что и на меня изсчитываете, насмѣшливо ослабился Смердяковъ,—такъ

что ты съездишь еще болѣе тогда себя предо мной облачишь, если предчувствовали на меня и въ то же самое время указывать, мнѣ ты самыя точно какъ-бы сказали: это ты убьешь родителя, а я не препятствую.

— Подлецъ! Ты такъ понялъ.

— А все чрезъ эту самую Чермашню-съ. Помалосику собираетесь въ Москву и на всѣ просьбы родителя эту Чермашню отказались-съ! И по одному только глупому слову вдругъ согласились-съ! И на что вамъ было тогда соглашаться на эту Чермашню? Коли не въ Москву, а поѣхали въ Чермашню безъ причины, по единому моему слову, то, стало быть, либо отъ меня ожидали.

— Нѣтъ, яланусь, нѣтъ! завопилъ скрежеща зубами Иванъ.

— Какже это нѣтъ-съ? Слѣдовало, напротивъ, за такіе тогдашнія слова вамъ, сыну родителя вашего, меня первому ломъ въ часть представить и выдрать-съ.. по крайности обидасамъ тутъ-же на мѣстѣ отколотить, а вы, помилуйте-съ, противъ, ни мало не разсердились, тотчасъ дружелюбно заняте въ точности по моему весьма глупому слову-съ и на что было вовсе нехѣло-съ, ибо вамъ слѣдовало оставаться и охранять жизнь родителя... Какже мнѣ было не заключить?

Иванъ сидѣлъ насупившись, конвульсивно опершись обо кулаками въ свои колѣна.

— Да, жаль что не отколотилъ тебя по мордасамъ, гор усѣхнулся онъ. — Въ часть тогда тебя тащить нельзя бы кто-жь-бы мнѣ повѣрилъ и на что я могъ указать, ну, а по моему самъ... ухъ, жаль не догадался; хоть и запрещены мордасы, а указалъ-бы я изъ твоей хари кашу.

Смердяковъ почти съ наслажденіемъ смотрѣлъ на него.

— Въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни, проговорилъ ты самыя самодовольно-доктринерскимъ тономъ, съ которыми говорилъ некогда съ Григоріемъ Васильевичемъ о вѣрѣ и драмѣ его, стоя за столомъ Федора Павловича, — въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни мордасы нонѣ дѣйствительно запрещены и вону, и всѣ перестали бить-съ, ну а въ отличительныхъ случаяхъ жизни, такъ не то что у насъ, а и на всемъ свѣтѣ, будь хоть самая полная французская республика, все одно продолжают бить какъ и при Адамѣ и Евѣ-съ, да и никогда того не перестаютъ-съ, а вы и въ отличительномъ случаѣ тогда не посмѣли.

— Что это ты французскія вокабулы учишь? вынулъ Иванъ тетрадку лежавшую на столѣ.

— А почему-же-бы мнѣ ихъ не учить-съ, чтобы тѣмъ зованію моему способствовать, думая, что и самому мнѣ да въ тѣхъ счастливыхъ мѣстахъ Европы, можетъ, придется гь.

— Слушай, извергъ, засверкалъ глазами Иванъ и весь за-сся, — я не боюсь твоихъ обвиненій, показывай на меня что вѣшь, и если не избилъ тебя сейчасъ до смерти, то единственно ому, что подозрѣваю тебя въ этомъ преступленіи и притяну суду. Я еще тебя обнаружу.

— А по моему лучше молчите-съ. Ибо что можете вы на я объявить въ моей совершенной невинности, и кто вамъ вѣритъ? А только если начнете, то и я все расскажу-съ, ибо б-же-бы мнѣ не защитить себя?

— Ты думаешь, я тебя теперь боюсь?

— Пусть этимъ всѣмъ моимъ словамъ, что вамъ теперь гово- въ, въ судѣ не повѣрятъ-съ, зато въ публикѣ повѣрятъ-съ, амъ стыдно станетъ-съ.

— Это значить опять таки что: «съ умнымъ человѣкомъ и ворить любопытно», — а? поскрежеталъ Иванъ.

— Въ самую точку изволили-съ. Умнымъ и будьте-съ.

Иванъ Федоровичъ всталъ, весь дрожа отъ негодовапія, надѣлъ што, и, не отвѣчая болѣе Смердякову, даже не глядя на него, тро вышелъ изъ избы. Свѣжій вечерній воздухъ освѣжилъ . На небѣ ярко свѣтила луна. Страшный кошмаръ мыслей и ущеній кипѣлъ въ его душѣ. «Идти объявить сейчасъ на рдякова? Но что-же объявить: онъ всетаки невиненъ. Онъ, противъ, меня-же обвинить. Въ самомъ дѣлѣ, для чего я тогда халъ въ Черманню? Для чего, для чего? спрашивалъ Иванъ оровичъ. Да, конечно, я чего-то ожидалъ, и онъ правъ»... му опять въ сотый разъ припомнилось, какъ онъ въ по- днюю ночь у отца подслушивалъ къ нему съ лѣстницы, но такимъ уже страданіемъ теперь припомнилось, что онъ даже ановился на мѣстѣ, какъ пронзенный: «Да, я этого тогда мль, это правда! Я хотѣлъ, я именно хотѣлъ убійства! Хо- гь-ли я убійства, хотѣлъ-ли? Надо убить Смердякова!.. Если е смѣю теперь убить Смердякова, то не стоитъ и жить!..» инъ Федоровичъ, не заходя домой, прошелъ тогда прямо къ еринѣ Ивановнѣ и испугалъ ее своимъ появленіемъ: онъ былъ зъ безумный. Онъ передалъ ей весь свой разговоръ со Смер- овымъ, весь до черточки. Опъ не могъ успокоиться, сколько ни уговаривала его, все ходилъ по комнатѣ и говорилъ от-

Иванъ Федоровичъ потому объявилъ Алешѣ и
тескомъ доказательствѣ», что убилъ отца бр
было лжымъ. Напряженіе Митя въ вечеръ
Ивановнѣ, въ тотъ самый вечеръ, когда ее за
съ Алешей, уходящими въ монастырь, посл
Катерины Ивановны, когда ее оскорбля Гру
ставшись съ Алешей. Митя бросился было въ
вѣстно видѣлъ-ли ее, но къ ночи очутился въ
ный городъ», гдѣ какъ слѣдуетъ и назвался.
требовалъ перо и бумагу и начерталъ важн
ментъ. Это было изступленное, многорѣчивое и
именно «пьяное». Похоже было на то, когда
воротясь домой, начинается съ необычными
зывать женѣ или кому изъ домашнихъ, как
корбили, какой подлець его оскорбитель, как
противъ, прекрасный человекъ и какъ онъ тому
и все это длинно-длинно, безсвязно и возбуж
кулаками по столу, съ пьяными слезами. Бу
которую ему подали въ трактирѣ, была гряз
обыкновенной письменной бумаги, плохаго сор
сторонѣ котораго былъ написанъ какой-то сче
горѣчю, очевидно, не достало мѣста, и Митя у
ветъ полн но даже послѣднія строчки были на

ь, лучше не прощай: легче и мнѣ и тебѣ! Лучше въ-
зъмь твоя любовь, ибо другую люблю, а ее слишкомъ
нала, какъ-же ты можешь простить? Убью вора моего!
васъ уйду на Востокъ, чтобъ никого не знать. Ее
не ты одна мучительница, а и она. Прощай!
Проклятіе пишу, а тебя обожаю! Слышу въ груди моей.
руна и звенить. Лучше сердце пополамъ. Убью себя,
сетакі пса. Вырву у него три и брошу тебѣ. Хоть под-
тобой, а не воръ! Жди трехъ тысячъ. У пса подъ
розовая ленточка. Не я воръ, а вора моего убью.
яди презрительно: Дмитрій не воръ, а убійца! Отца
бья погубилъ чтобы стоять и гордости твоей не вы-
тебя не любить.

Ноги твои цѣлую, прощай!

S. Катя, моли Бога, чтобы дали люди деньги. Тогда
крови, а не дадутъ—въ крови! Убей меня!

«Рабъ и врагъ»

Д. Карамазовъ.

Иванъ прочелъ «документъ», то всталъ убѣжденный.
билъ братъ, а не Смердяковъ. Не Смердяковъ, то,
, и не онъ, Иванъ. Письмо это вдругъ получило въ
о смыслъ математическій. Никакихъ сомнѣній въ ви-
ити быть для него не могло уже болѣе. Кстати, по-
томъ, что Митя могъ убить вмѣстѣ со Смердяковымъ,
нкогда не было, да это не вязалось и съ фактами.
ть вполнѣ успокоенъ. На другое утро онъ лишь съ
ь вспоминалъ о Смердяковѣ и о насмѣшкахъ его. Черезъ
дней даже удивлялся, какъ могъ онъ такъ мучительно
его подозрѣніями. Онъ рѣшился презрѣть его и за-
прошелъ мѣсяць. О Смердяковѣ онъ не разспраши-
це ни у кого, но слышалъ мелькомъ, раза два, что
болень и не въ своемъ разсудкѣ. «Кончить сумас-
, сказалъ разъ про него молодой врачъ Варвинскій,
го запомнилъ. Въ послѣднюю недѣлю этого мѣсяца
ь началъ чувствовать себя очень худо. Съ пріѣхав-
ь самымъ судомъ докторомъ изъ Москвы, котораго вы-
ерина Ивановна, онъ уже ходилъ совѣтоваться. И
это-же время отношенія его къ Катерины Ивановны
ь до крайней степени. Это были какіе-то два влюб-
ть въ друга врага. Возвраты Катерины Ивановны
гновенные, но сильные, уже приводили Ивана въ

опустить ей эти слова и не закричать тогда-же. Онъ вонокъ и пустился къ Смердякову. «Я убью его, мать, въ тотъ разъ», подумалъ онъ дорогой.

VIII.

и послѣднее свиданіе со Смердяковымъ.

На полпути поднялся острый, сухой вѣтеръ, такой-же въ тотъ день рано утромъ, и посыпалъ мелкій, густой, снѣгъ. Онъ падалъ на землю не прилипая къ ней, вѣтеръ пошелъ, и вскорѣ поднялась совершенная метель. Въ той мѣстности, гдѣ жилъ Смердяковъ, у насъ почти и нѣтъ фонарей. Иванъ Федоровичъ шагаль во мракъ, не замѣчая метели, инстинктивно збирая дорогу. У него болѣла голова и мучительно жали вискахъ. Въ кистяхъ рукъ, онъ чувствовалъ это, и дрожали. Нѣсколько не доходя до домишка Марья Кондратьевна, Иванъ Федоровичъ вдругъ повстрѣчалъ одинокаго пьянаго роста мужиченка, въ заплатанномъ зипунишкѣ, въ зигзагахъ, ворчавшаго и бранившагося и вдругъ оборотился и начинавшаго сильнымъ пьянымъ голосомъ

Ахъ, поѣхалъ Ванька въ Питеръ,
Я не буду его ждать.

Иванъ Федоровичъ все прерывалъ на этой второй строчкѣ и опять начиналъ бранить, затѣмъ опять вдругъ затыкалъ ту-же Ваню Федоровичъ давно уже чувствовалъ страшную къ нему зависть, объ немъ еще совсѣмъ не думая, и вдругъ его ударило. Тотчасъ-же ему неотразимо захотѣлось пришибить этого глазомъ мужиченку. Какъ разъ въ это мгновеніе они шли рядомъ, и мужиченко, сильно качнувшись, вдругъ выскочилъ изъ всей силы объ Ивана. Тотъ бѣшено оттолкнулъ его. Мужиченко отлетѣлъ и шлепнулся какъ колода объ мерзлую землю и изъ него слышненько простонавъ только одинъ разъ: о-о! и замолкъ. Иванъ Федоровичъ всталъ и пошелъ къ нему. Тотъ лежалъ навзничъ, совсѣмъ неподвижно. Иванъ Федоровичъ изъ чувства: «замерзнетъ!» подумалъ Иванъ и шагаль къ Смердякову.

Иванъ Федоровичъ снялъ съ Марья Кондратьевна, выбѣжавшая открытъ. Она въ рукахъ, зашептала ему, что Павелъ Федоровичъ

— Сами кажись больны, ишь осунулись, лица на васъ нѣтъ, говорилъ онъ Ивану.

— Оставь мое здоровье, говоря объ чемъ спрашиваютъ.

— А чего у васъ глаза пожелтѣли, совсѣмъ бѣлки желтые. Стесъ, что-ли, очень?

Онъ презрительно усмѣхнулся и вдругъ совсѣмъ ужь разсмѣялся.

— Слушай, я сказалъ, что не уйду отъ тебя безъ отвѣта! Грашномъ раздраженіи крикнулъ Иванъ.

— Чего вы ко мнѣ пристааете съ? Чего меня мучаете? со страхомъ проговорилъ Смердяковъ.

— Э, чортъ! Мнѣ до тебя нѣтъ и дѣла. Отвѣтъ на вопросъ готчасъ уйду.

— Нечего мнѣ вамъ отвѣчать! опять потупился Смердяковъ.

— Увѣряю тебя, что я заставлю тебѣ отвѣчать!

— Чего вы все беспокоитесь! вдругъ уставился на него Смердяковъ, но не то что съ презрѣніемъ, а почти съ какою-то уже вѣстостью, — это что судъ-то завтра начнется? Такъ вѣдь ничего не будетъ, увѣрьтесь-же, наконецъ! Ступайте домой, ложитесь спокойно спать, ничего не опасайтесь.

— Не понимаю я тебя... чего мнѣ бояться завтра? удивленно говорилъ Иванъ, и вдругъ въ самомъ дѣлѣ какой-то испугъ домъ пахнулъ на его душу. Смердяковъ обмѣрилъ его гла-

— Не по-ни-маете? протянулъ онъ укоризненно. — Охота-же му человѣку этакую комедь изъ себя представлять!

Иванъ молча глядѣлъ на него. Одишь ужь этотъ неожиданный, совсѣмъ какой-то небывало высокомерный, съ которымъ бывшій его лакей обращался теперь къ нему, былъ необы-
Такого тона все-таки не было даже и въ прошлый разъ.

— Говорю вамъ, нечего вамъ бояться. Ничего на васъ не будетъ, нѣтъ уликъ. Ишь руки трясутся. Съ чего у васъ пальцы-цапать? Идите домой, не вы убили.

Иванъ вздрогнулъ, ему вспомнился Алеша.

— Я знаю, что не я... пролепеталъ было онъ.

— Зна-е-те? опять подхватилъ Смердяковъ.

Иванъ вскочилъ и схватилъ его за плечо.

— Говори все, гадина! Говори все!

Смердяковъ нисколько не испугался. Онъ только съ безумною улыбкою приковался къ нему глазами:

— Ахъ вотъ вы-то и убили, коль такъ, яростно прошипѣлъ

- Подождите-съ, проговорилъ онъ, наконецъ, слабымъ го-
 ъ, и вдругъ, вытащивъ изъ-подъ стола свою лѣвую ногу,
 ъ заворачивать на ней на верхъ панталоны. Нога оказа-
 въ длинномъ бѣломъ чулкѣ и обута въ туфлю. Не торо-
 Смердяковъ снялъ подвязку и запустилъ въ чулокъ глу-
 свои пальцы. Иванъ Федоровичъ глядѣлъ на него и вдругъ
 сся въ конвульсивномъ испугѣ.

- Сумасшедшій! завопилъ онъ и, быстро вскочивъ съ мѣста,
 нулся назадъ, такъ что стукнулся спиной объ стѣну и какъ
 прилипъ къ стѣнѣ, весь вытянувшись въ нитку. Онъ въ
 номъ ужасѣ смотрѣлъ на Смердякова. Тотъ, ни мало не
 вшись его испугомъ, все еще копался въ чулкѣ, какъ будто
 влясь пальцами что-то въ немъ ухватить и вытащить. На-
 ъ, ухватилъ и сталъ тащить. Иванъ Федоровичъ видѣлъ,
 то были какія-то бумаги или какая-то пачка бумагъ. Смер-
 ъ вытащилъ ее и положилъ на столъ.

- Вотъ-съ! сказалъ онъ тихо.

- Что? отвѣтилъ, трясясь, Иванъ.

- Извольте взглянуть-съ, также тихо произнесъ Смердяковъ.
 ванъ шагнулъ къ столу, взялся было за пачку и сталъ ее
 рывать, но вдругъ отдернулъ пальцы какъ будто отъ при-
 венія какого-то отвратительнаго, страшнаго гада.

- Пальцы-то у васъ все дрожатъ-съ, въ судорогѣ, замѣ-
 Смердяковъ и самъ, не снѣша, развернулъ бумагу. Подъ
 вой оказались три пачки сторублевыхъ радужныхъ кре-
 ъ.

- Всѣ здѣсь-съ, всѣ три тысячи, хоть не считайте. При-
 ъ, пригласилъ онъ Ивана, кивая на деньги. Иванъ опу-
 г на стулъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ платокъ.

- Ты меня испугалъ... съ этимъ чулкомъ... проговорилъ онъ,
 го странно ухмыляясь.

- Неужто-же, неужто вы до сихъ поръ не знали? спросилъ
 въ Смердяковъ.

- Нѣтъ, не зналъ. Я все на Дмитрія думалъ. Братъ! Братъ!
 Онъ вдругъ схватилъ себя за голову обѣими руками.—

- Ты одинъ убилъ? Безъ брата или съ братомъ?

- Всего только вмѣстѣ съ вами-съ; съ вами вмѣстѣ убилъ-съ,
 рій Федоровичъ какъ есть безвинны-съ.

- Хорошо, хорошо... Обо мнѣ потомъ. Чего это я все дрожу...
 не могу выговорить.

- Все тогда смѣлы были-съ, «все, дескать, позволено», го-

ворились, а теперь вотъ какъ испугались! пролепеталъ, и Смердяковъ. — Лимонаду не хотите-ли, сейчасъ прикажу-съ. Освѣжить можетъ. Только вотъ это-бы прежде закрыть-ся.

И онъ опять кивнулъ на пачки. Онъ двинулся было и влихнулъ въ дверь Марью Кондратьевну, чтобы та сдѣла принесла лимонаду, но, отыскивая чѣмъ-бы накрыть деньги, та не увидѣла ихъ, вынулъ было сперва платокъ, но такъ тотъ опять оказался совсѣмъ засморканнымъ, то взялъ со стула единственную лежавшую на немъ толстую желтую и которую замѣтилъ войдя Иванъ, и придавилъ ею деньги. Званіе книги было: *Святая отца нашего Исаака Сирина* и Иванъ Федоровичъ успѣлъ машинально прочесть заглавіе.

— Не хочу лимонаду, сказалъ онъ. — Обо мнѣ потомъ дись и говори: какъ ты это сдѣлалъ? Все говори...

— Вы-бы пальто хоть сняли-съ, а то весь взопрѣете.

Иванъ Федоровичъ, будто теперь только догадавшись, валь пальто и бросилъ его, не сходя со стула, на лавку.

— Говори-же, пожалуйста говори!

Онъ какъ-бы утихъ. Онъ увѣренно ждалъ, что Смердяковъ все теперь скажетъ.

— Объ томъ какъ это было сдѣлано-съ? вздохнулъ Смердяковъ. — Самымъ естественнымъ манеромъ сдѣлано было-съ вашихъ тѣхъ самыхъ словъ...

— Объ моихъ словахъ потомъ, прервалъ опять Иванъ уже не крича какъ прежде, твердо выговаривая слова и был совсѣмъ овладѣвъ собою. — Расскажи только въ подробности ты это сдѣлалъ. Все по порядку. Ничего не забудь. Подробное, подробности. Прощу.

— Вы уѣхали, я упалъ тогда въ погребъ-съ...

— Въ падучей или притворился?

— Понятно что притворился-съ. Во всемъ притворился. Лѣстницы спокойно сошелъ-съ, въ самый низъ-съ, и легъ-съ, а какъ легъ, тутъ и завопилъ. И бѣлся пока вы...

— Стой! И все время, и потомъ, и въ больницѣ все бѣлся?

— Никкакъ нѣтъ-съ. На другой-же день на утро, дѣлницы еще, ударила настоящая и столь сильная, что уже лѣтъ таковой не бывало. Два дня былъ въ совершенномъ помраченіи.

— Хорошо, хорошо. Продолжай дальше.

— Положилъ меня на эту койку-съ, а такъ и зналъ

городку-съ, потому Марѳа Игнатьевна во всѣ разы какъ я къ всегда меня на ночь за эту самую перегородку у себя вмѣщеніи клали-съ. Нѣжныя онѣ всегда ко мнѣ были съ моего рожденія-съ. Ночью стоналъ-съ, только тихо. Все ожи- Дмитрія Ѳедоровича.

— Какъ ждалъ, къ себѣ?

— Зачѣмъ ко мнѣ. Въ домъ ихъ ждалъ, потому сумлѣнія моего уже не было никакого въ томъ, что они въ эту самую придутъ, ибо имъ, меня лишимшись и никакихъ свѣдѣній не имѣвши, безпремѣнно приходилось самимъ въ домъ ѣхать черезъ заборъ-съ, какъ они умѣли-съ, и что ни есть со- вѣтъ.

— А если-бы не пришелъ?

— Тогда ничего-бы и не было-съ. Безъ нихъ не рѣшился-бы.

— Хорошо, хорошо... говори понятнѣе, не торопись, главное— о не пропускай!

— Я ждалъ, что они Ѳедора Павловича убьютъ-съ... это было-съ. Потому я ихъ уже такъ приготовилъ... въ послѣдніе дни... а главное— тѣ знаки имъ стали извѣстны. При ихней злобности и ярости, что въ нихъ за эти дни накопилась, очевидно черезъ знаки въ самый домъ должны были пройти-съ. Это безпремѣнно. Я такъ ихъ и ожидалъ-съ.

— Стой, прервалъ Иванъ, — вѣдь если-бъ онъ убилъ, то бы деньги и унесъ; вѣдь ты именно такъ долженъ былъ ждать? Что-жь тебѣ-то досталось-бы послѣ него? Я не вижу.

— Такъ вѣдь деньги-то-бы они никогда и не нашли-съ. Вѣдь ихъ только я научилъ, что деньги подъ тюфякомъ. Но эта была не правда-съ. Прежде въ шкатункѣ лежали, какъ было-съ. А потомъ я Ѳедора Павловича, такъ какъ онъ единственно во всемъ человѣчествѣ одному довѣряли, спряталъ пакетъ этотъ самый съ деньгами въ уголъ за образами, потому что тамъ совсѣмъ никто не догадается, особливо, коли спѣша придетъ. Такъ онъ тамъ, пакетъ этотъ, у меня въ углу за образами и лежалъ-съ. А подъ тюфякомъ такъ очевидно-бы ихъ было держать вовсе, въ шкатункѣ, по крайней мѣрѣ подъ ключомъ. А здѣсь всѣ теперь повѣрили, что будто-бы подъ тюфякомъ лежали. Глупое разсужденіе-съ. Такъ вотъ если-бы Дмитрій Ѳедоровичъ совершили это самое убийство, то они бы не найдя или-бы убѣждали-съ поспѣшно, всякаго шороху, какъ и всегда бываетъ съ убийцами, или бы арестованы были-съ. Такъ я тогда всегда могъ-съ, на другой день, али

гда-бы ничего и не произошло, я-бы такъ и зналъ-а этого не хотите, и ничего-бы не предпринималъ. Объхали, то ужь меня, значить, завѣрили въ томъ, что судъ заявить не посмѣете и три эти тысячи мнѣ и не могли вы меня потомъ преслѣдовать вовсе, тогда все и рассказалъ-бы на судѣ-съ, то есть не алъ алъ убилъ,—этого-бы я не сказалъ-съ,—а то, сами подбивали къ тому, чтобъ украсть и убить, согласился. Потому-то мнѣ и надо было тогда ваше и вы меня ничѣмъ не могли припереть-съ, потому что васъ къ тому доказательство, я-же васъ всегда знаю-съ, обнаруживъ какую вы жажду имѣли къ тому, и вотъ вамъ слово—въ публикѣ всѣ-бы тому мнѣ было-бы стыдно на всю вашу жизнь.

Имѣлъ, такъ имѣлъ я эту жажду, имѣлъ? проскре-Иванъ.

Именно имѣли-съ и согласіемъ своимъ мнѣ это дѣло разрѣшили-съ, твердо поглядѣлъ Смердяковъ на Иванъ, былъ очень слабъ и говорилъ тихо и устало, но в немъ и затаенное поджигало его, у него очевидно намѣреніе. Иванъ это предчувствовалъ.

Иванъ дальше, сказалъ онъ ему,—продолжай про

зачто-же-съ! Вотъ я лежу и слышу какъ будто крикъ. А Григорій Васильчъ предъ тѣмъ вдругъ вышелъ, и вдругъ завопили, а потомъ все тихо, то я, жду, сердце бьется, вытерпѣть не могу. Всталъ, пошелъ-съ, — вижу налѣво окно въ садъ у нихъ еще шагнулъ налѣво-то-съ, чтобы прислушаться, тамъ сидятъ или нѣтъ, и слышу, что баринъ мечется о бытъ, живъ-съ. Эхъ, думаю! Подошелъ къ окну, слышу: «Это я, дескать». А онъ мнѣ: «Былъ, былъ, убилъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, значить, были-съ.—«Григорія Васильчъ?» шепчу ему.—«Тамъ, въ углу», указываетъ, самъ же.—«Подождите», говорю. Пошелъ я въ уголъ искать Григорія Васильевича, лежащаго, и наткнулся, весь онемѣлъ, въ безчувствіи. Стало быть, вѣрно, что былъ Дмитрій Ѳедоровичъ, вскочило мнѣ тотчасъ въ голову и тотчасъ пришла мысль все это покончить внезапно-съ, такъ какъ Григорія Васильевича, если и живы еще, то лежатъ въ безчувствіи, пока не умрутъ. Одинъ только рискъ и былъ-съ, что вдругъ

проснется Марѳа Игнатьевна. Почувствовалъ я это въ ту минуту, только ужъ жажда эта меня всего захватила, ажно духъ! Пришелъ опять подъ окно къ баринѣ и говорю: «Она пришла, Аграфена Александровна пришла, просится». Та и вздрогнулъ весь какъ младенецъ:—«Гдѣ здѣсь? Гдѣ?» охаетъ, а самъ еще не вѣритъ. — «Тамъ, говорю, стойте!» Глядитъ на меня въ окно-то, и вѣритъ, и не вѣ отпереть боится, это ужъ меня-то боится, думаю. И сѣ вдругъ я эти самые знаки вздумалъ имъ тогда по рамя прочто Грушенька, дескать, пришла, при нихъ-же, въ глаза вамъ-то какъ-бы не вѣрилъ, а какъ знаки я простучал готчасъ-же и побѣжали дверь отворить. Отворили. Я было, а онъ стоитъ, тѣломъ-то меня и не пускаетъ всего она, гдѣ она»,—смотритъ на меня и трепещетъ. Ну, думаю, коль меня такъ боится—плохо! и тутъ у меня даже ноги отъ страху у самого, что не пуститъ онъ меня въ комнаты крикнетъ, али Марѳа Игнатьевна прибѣжитъ, али что выйдетъ, я ужъ не помню тогда, самъ должно быть предъ ними стоялъ. Шепчу ему:—«Да тамъ, тамъ она подъ какъ-же вы, говорю, не видѣли?»—«А ты ее приведи, приведи!»—Да боится, говорю, крику испугалась, въ кусты талась, подите, крикните, говорю, сами изъ кабинета». По онъ, подошелъ къ окну, свѣчку на окно поставилъ:—«Гру кричитъ, Грушенька, здѣсь ты?» Самъ-то это кричитъ, а в то нагнуть не хочетъ, отъ меня отойти не хочетъ, отъ этого страху, потому забоялся меня ужъ очень, а потому отъ меня не смѣетъ. «Да вотъ она, говорю (подошелъ я в самъ весь высунулся), вонъ она въ кустъ-то, смѣете ли видите?» Повѣрилъ вдругъ онъ, такъ и затрясся, боюсь они влюблены въ нее были-сь, да весь и высунулся в И тутъ схватилъ это самое преспанье чугунное, на столѣ помните-сь, фунта три вѣдь въ немъ будетъ, размахнулъ сзади его въ самое темя угломъ. Не крикнулъ даже. Только вдругъ осѣлъ, а я въ другой разъ и въ третій. На третій почувствовалъ, что проломилъ. Они вдругъ навзничь и лисъ, лицомъ къ верху, всѣ-то въ крови. Осмотрѣлъ я мнѣ крови, не брызнуло, преспанье обтеръ, положилъ, за сходилъ, въ пакетъ деньги вынулъ, а пакетъ бросилъ и ленточку эту самую розовую подлѣ. Сошелъ въ садъ трясусь. Прямо къ той яблонкѣ что съ дипломъ,—вы д это знаете, а я его ужъ давно наглядѣлъ, въ немъ ужъ

умага, давно заготовилъ; обернулъ всю сумму въ
лоскутъ въ тряпку и заткнулъ глубоко. Такъ она тамъ
недѣли оставалась, сумма-то эта самая-съ, потомъ,
когда Иванъ вынулъ. Воротился къ себѣ на кровать, легъ,
въ страхъ: «вотъ коли убить Григорій Васильевичъ
въ тѣмъ самымъ очень худо можетъ произойти, а
если и очнется, то очень хорошо это произойдетъ,
будутъ тогда свидѣтелями, что Дмитрій Федоровичъ
стало быть, они и убили и деньги унесли-съ».
Иванъ отъ сумлѣнія и нетерпѣнія стонать, чтобы Марѳа
взбудить поскорѣй. Встала она, наконецъ, бросилась
туда какъ увидала вдругъ, что нѣтъ Григорія Василь-
евича и, слышу, завопила въ саду. Ну, тутъ-съ все
на всю ночь, я ужь во всемъ успокоенъ былъ.
Иванъ остановился. Иванъ все время слушалъ его въ
молчаніи, не шевелясь, не спуская съ него глазъ.
Иванъ, рассказывая, лишь изрѣдка на него поглядывалъ,
сидя въ сторону. Кончивъ рассказъ, онъ видимо
усталъ и тяжело переводилъ духъ. На лицѣ его по-
казалось было, однако, угадать, чувствуетъ-ли онъ
что-то.

Иванъ подхватилъ, соображаясь, Иванъ.—А дверь-то? Если
дверь только тебѣ, то какъ-же могъ видѣть ее
Григорій отворенною? Потому вѣдь Григорій видѣлъ

явно, что Иванъ спрашивалъ самымъ мирнымъ го-
воромъ какъ будто другимъ тономъ, совсемъ не
такъ какъ если-бы кто-нибудь отворилъ къ нимъ те-
перь порога взглянулъ на нихъ, то непременно за-
то они сидятъ и миролюбиво разговариваютъ о ка-
комъ-нибудь обыкновенномъ, хотя и интересномъ предметѣ.

Иванъ отъ этой двери и что Григорій Васильевичъ будто-
то она отперта, то это ему только такъ почудилось,
думалъ Смердяковъ.—Вѣдь это, я вамъ скажу,
такъ, а все равно что упрямый меринъ: и не видалъ,
ему что видѣлъ — вотъ его ужь и не съете-съ.
Иванъ съ вами счастье такое выпало, что онъ это при-
думалъ что Дмитрія Федоровича несомнѣнно послѣ того
впечатлѣннъ.

Иванъ проговорилъ Иванъ Федоровичъ, словно опять
думалъ и что-то усиливаясь сообразить,—слушай... Я

много хотѣлъ спросить тебя еще, но забылъ... Я все запутаюсь... Да! Скажи ты мнѣ хоть это одно: зачѣмъ ты распечаталъ и тутъ-же на полу оставилъ? Зачѣмъ не в пакетѣ унесъ... Ты когда рассказывалъ, то мнѣ показало будто ты такъ говорилъ про этотъ пакетъ, что такъ и поступить... а почему такъ надо—не могу понять...

— А это я такъ сдѣлалъ по нѣкоторой причинѣ-съ. Человѣкъ знающій и привычный, вотъ какъ я, напримеръ эти деньги самъ видѣлъ зараньше и, можетъ, и же въ тотъ пакетъ ввертывалъ и собственными глазами какъ его запечатывали и надписывали, то такой человекъ какой-же-бы стати, если-бы примѣрно это онъ убилъ, тогда, послѣ убивства, этотъ пакетъ распечатывать, да такихъ попыхахъ, зная и безъ того совсѣмъ ужь навѣдены эти въ томъ пакетѣ безпримѣнно лежать-съ? На будь это похититель какъ-бы я, напримеръ, то онъ-б сунулъ этотъ пакетъ въ карманъ, нисколько не распечатывая и съ нимъ поскорѣе утекъ-съ. Совсѣмъ другое тутъ Федоровичъ: они объ пакетѣ только по наслышкѣ и самого не видѣли, и вотъ какъ достали его, примѣрно, б подъ тюфяка, то поскорѣе и распечатали его тутъ-ж справиться: есть-ли въ немъ въ самомъ дѣлѣ эти самныя ; пакетъ тутъ-же бросили, уже не успѣвъ разсудить, что кой имъ послѣ нихъ останется, потому что они воръ и ный-съ, и прежде никогда ничего явно не крали, ибо дворяне-съ, а если теперь украсть и рѣшились, то имъ бы не украсть, а свое собственное только взять обратно такъ какъ всему городу объ этомъ предварительно повѣдаже похвалялись зараньше вслухъ предъ всѣми, что по собственность свою отъ Федора Павловича отберутъ. Я э мысль прокурору въ опросѣ моемъ не то что ясно сънапротивъ, какъ будто намекомъ подвелъ-съ, точно самъ не понимаючи, и точно какъ-бы это они сами в а не я имъ подсказалъ-съ.—такъ у господина проку этого самага намека моего даже слюнки потекли-съ...

— Такъ неужели, неужели ты все это тогда-же мѣсть и обдумалъ? воскликнулъ Иванъ Федоровичъ въ удивленіи. Онъ опять глядѣлъ на Смердякова въ испугѣ.

— Помилосердуйте, да можно-ли это все выдумать в попыхахъ-съ? Заранѣе все обдуманно было.

— Ну... ну, тебѣ значить самъ чертъ помогалъ!

пять Иванъ Федоровичъ.—Нѣтъ, ты не глупъ, ты гораздо чѣмъ я думалъ...

Онъ всталъ съ очевиднымъ намѣреніемъ пройтись по комнате, но онъ былъ въ страшной тоскѣ. Но такъ какъ столъ загородилъ дорогу и мимо стола и стѣны почти приходилось проходить, то онъ только повернулся на мѣстѣ и сѣлъ опять. Тогда онъ не успѣлъ пройтись, можетъ быть, вдругъ и раздраженъ, такъ что онъ почти въ прежнемъ изступленіи вдругъ вскрикнулъ:

Слушай, несчастный, презрѣнный ты человекъ! Неужели понимаешь, что если я еще не убилъ тебя до сихъ поръ, то только, что берегу тебя на завтрашній отвѣтъ на твой вопросъ (поднялъ Иванъ руку къверху) — можетъ быть, я былъ виновенъ, можетъ быть, дѣйствительно я имѣлъ желаніе, чтобъ... умеръ отецъ, но клянусь тебѣ, я не столь виновенъ, какъ ты думаешь и, можетъ быть, не подбивалъ все. Нѣтъ, нѣтъ, не подбивалъ! Но все равно, я покажу тебѣ самъ, завтра-же, на судѣ, я рѣшилъ! Я все скажу, все. Ты явись вмѣстѣ съ тобою! И что-бы ты ни говорилъ на судѣ, что-бы ты ни свидѣтельствовалъ—принимаю и не отрицаю себя; самъ все подтверждаю! Но и ты долженъ предъ судомъ явиться! Долженъ, долженъ, вмѣстѣ пойдемъ! Такъ и будетъ. Ты только проговорилъ это торжественно и энергично, и видно было по одному сверкающему взгляду его, что такъ и будетъ. Больны вы, я вижу-съ, совсѣмъ больны-съ. Желтые у васъ глаза-съ, произнесъ Смердяковъ, но совсѣмъ безъ души, даже какъ будто соболѣзнуя.

Вмѣстѣ пойдемъ! повторилъ Иванъ — а не пойдешь, — все равно одинъ сознаюсь.

Смердяковъ помолчалъ, какъ-бы вдумываясь.

Ничего этого не будетъ-съ, и вы не пойдете-съ, рѣшилъ Иванъ наконецъ, безапелляціонно.

Не понимаешь ты меня! укоризненно воскликнулъ Иванъ. Слишкомъ стыдно вамъ будетъ-съ, если на себя во всемъ виноваты. А пуще того бесполезно будетъ, совсѣмъ-съ, потому что я вѣдь скажу, что ничего такого я вамъ не говорилъ-съ, а что вы или въ болѣзни какой (а на то и похоже-съ), или братца такъ своего пожалѣли что собой пожертвовали, или вы меня выдумали, такъ какъ все равно меня какъ за кошечку или за всю вашу жизнь, а не за человека. Ну и кто-жь вамъ докажетъ, ну и какое у васъ есть хоть одно доказательство?

— Слушай, эти деньги ты покажешь мнѣ теперь, и чтобы меня убѣдить.

Смердяковъ снялъ съ пачекъ Исаака Сирина в одну сторону.

— Эти деньги съ собою возьмите-съ и унесите, Иванъ Смердяковъ.

— Конечно, унесу! Но почему-же ты мнѣ отдаешь, если за нихъ убьютъ? съ большимъ удивленіемъ посмотрѣлъ Иванъ.

— Не надо мнѣ ихъ вовсе-съ, дрожащимъ голосомъ говорилъ Смердяковъ, махнувъ рукой. — Была такая мысль-съ, что съ такими деньгами жизнь начну, въ Москву нуше того за границей, такая мечта была-съ, а нуше и тому что «воо позволено». Это вы вправду меня учили-съ много вы мнѣ тогда этого говорили: ибо коли Бога боишься, то и вѣтъ никакой добродѣтели, да и не вѣтъ тогда вовсе. Это вы вправду. Такъ я и рассудилъ.

— Своимъ умомъ дошелъ? криво усмѣхнулся Иванъ.

— Вашимъ руководствомъ-съ.

— А теперь, стало быть, въ Бога увѣровалъ, коли я назадъ отдаешь?

— Нѣтъ-съ, не увѣровалъ-съ, прошепталъ Смердяковъ.

— Такъ зачѣмъ отдаешь?

— Полноте... ничего-съ! махнулъ опять Смердяковъ руку. Вы вотъ сами тогда все говорили, что все позволено, а теперь почему такъ встревожены, сами-то-съ? Показывать на себя ходите идти... Только ничего того не будетъ! Не пойдете звать! твердо и убѣжденно рѣшилъ опять Смердяковъ.

— Увидишь! проговорилъ Иванъ.

— Не можетъ того быть. Умны вы очень-съ. Деньги битье, это я знаю-съ, почетъ тоже любите, потому что горды, прелесть женскую чрезмѣрно любите, а нуше все покойномъ довольствѣ жить и чтобы никому не кланяться, нуше всего-съ. Не захотите вы жизнь на вѣки испортить, стыдъ на судѣ принявъ. Вы, какъ Федоръ Павловичъ, наиболѣе изъ всѣхъ дѣтей наиболѣе на него похожи вышли, съ одними душой-съ.

— Ты не глупъ, проговорилъ Иванъ какъ-бы пораженная кровь ударила ему въ лицо:—а прежде думалъ, что ты! Ты теперь серьезенъ! замѣтилъ онъ. какъ-то вдругъ догляда на Смердякова.

— Отъ гордости вашей думали, что я глупъ. Примите
ьги-то-съ.

Иванъ взялъ всѣ три пачки кредитокъ и сунулъ въ карманъ,
обертывая ихъ ничѣмъ.

— Завтра ихъ на судѣ покажу, сказалъ онъ.

— Никто вамъ тамъ не повѣритъ-съ, благо денегъ-то у васъ
звонихъ теперь довольно, взяли изъ шкатулки да и при-
ли-съ.

Иванъ всталъ съ мѣста.

— Повторяю тебѣ, если не убилъ тебя, то единственно по-
у, что ты мнѣ на завтра нуженъ, помни это, не забывай!

— А что-жь, убейте-съ. Убейте теперь, вдругъ странно про-
орилъ Смердяковъ, странно смотря на Пвана.— Не посмѣете ли
го-съ, прибавилъ онъ горько усмѣхнувшись,—ничего не по-
ете, прежній смѣлый человѣкъ-съ!

— До завтра! крикнулъ Иванъ и двинулся идти.

— Пойдите... покажите мнѣ ихъ еще разъ.

Иванъ вынулъ кредитки и показалъ ему. Смердяковъ погля-
лъ на нихъ секундъ десять.

— Ну, ступайте. проговорилъ онъ, махнувъ рукой.— Иванъ
Федоровичъ! крикнулъ онъ вдругъ ему вслѣдъ опять.

— Чего тебѣ? обернулся Иванъ уже на ходу.

— Прощайте-съ!

— До завтра! крикнулъ опять Иванъ, и вышелъ изъ избы.
Сель все еще продолжалась. Первые шаги прошелъ онъ бодро,
вдругъ какъ-бы сталъ шататься. «Это что-то физическое»,
умалъ онъ, усмѣхнувшись. Какая-то словно радость сошла
ерь въ его душу. Онъ почувствовалъ въ себѣ какую-то без-
ечную твердость: конецъ колебаніямъ его столь ужасно его
ившимъ все послѣднее время! Рѣшеніе было взято «и уже
измѣнится», со счастьемъ подумалъ онъ. Въ это мгновеніе
вдругъ на что-то споткнулся и чуть не упалъ. Остановясь,
различилъ въ ногахъ своихъ поверженнаго имъ мужиченку,
также лежавшаго на томъ-же самомъ мѣстѣ, безъ чувствъ и
въ движенія. Мятель уже засыпала ему почти все лицо. Иванъ
угъ схватилъ его и потащилъ на себѣ. Увидавъ направо въ
шикъ свѣтъ, подошелъ, постучался въ ставни, и откликнув-
гося мѣшанина, которому принадлежалъ домшко, попросилъ
очь ему дотащить мужика въ частный домъ, обѣщая тутъ-же
ь за то три рубля. Мѣшанинъ собрался и вышелъ. Не стану
подробности описывать какъ удалось тогда Ивану Федоровичу

достигнуть цели и пристроить мужика въ части съ тѣмъ сейчасъ-же учинить и осмотръ его докторомъ, причѣмъ выдавъ и тутъ щедрою рукой «на расходы». Скажу тебѣ дѣло было почти цѣлый часъ времени. Но Иванъ остался очень доволенъ. Мысли его раскладывались и «если-бы не было взято такъ твердо рѣшеніе мое не подумалъ онъ вдругъ съ наслажденіемъ, — что не оставлю я на цѣлый часъ пристраивать мужиченку, а прошелъ его и только плюнулъ-бы на то что онъ замерзнетъ. Какъ я въ слѣдхъ наблюдать за собой?» подумалъ онъ минуту еще съ большимъ наслажденіемъ: «а они-то тамъ, что я съ ума схожу!» Дойдя до своего дома, онъ остановился подъ внезапнымъ вопросомъ: «а не надо-ль теперь-же, пойти къ прокурору и все объявить?» Вопросъ рѣшилъ, поворотивъ опять къ дому: «завтра все выйдетъ нешта!» онъ про себя, и странно, почти вся радость вольство его собою прошли въ одинъ мигъ. Когда-же вошелъ въ свою комнату, что-то ледяное прикоснулось къ его сердцу, какъ будто воспоминаніе, вѣрнѣе, напомненьемъ-то мучительномъ и отвратительномъ, находящемся въ этой комнатѣ теперь, сейчасъ, да и прежде бывшемъ устало онустился на свой диванъ. Старуха принесла ему варъ, онъ заварилъ чай, но не прикоснулся къ нему, отослалъ до завтра. Онъ сидѣлъ на диванѣ и чувствовалъ окружающее. Онъ чувствовалъ, что боленъ и безсилъ было засыпать, но въ беспокойствѣ всталъ и прошался ватъ, чтобы прогнать сонъ. Минутами мерещилось ему, что будто онъ бредитъ. Но не болѣзнь занимала его всѣмъ усѣвшись опять, онъ началъ изрѣдка оглядываться и какъ будто что-то высматривая. Такъ было нѣсколько. Наконецъ, взглядъ его пристально направился въ одну сторону. Иванъ усѣхнулся, но краска гнѣва залила его лицо. Онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, крѣпко подперевъ обѣими руками и всетаки всея глазами на прежнюю точку, на стоявшій тивоположной стѣны диванъ. Его видимо что-то такъ жало, какой-то предметъ, беспокоило, мучило.

IX.

ортъ. Кошмаръ Ивана Федоровича.

не докторъ, а между тѣмъ чувствую, что пришла минута, мнѣ рѣшительно необходимо объяснить хоть что-нибудь истинѣ болѣзни Ивана Федоровича читателю. Забѣгая впередъ скажу лишь одно: онъ былъ теперь, въ этотъ вечеръ, какъ разъ наканунѣ бѣлой горячки, которая, наконецъ, полнѣ овладѣла его издавна разстроеннымъ, но упорно являвшимся болѣзни организмомъ. Не зная ничего въ медицинѣ, рискну высказать предположеніе, что, дѣствительно, мои старанія, ужаснымъ напряженіемъ воли своей онъ успѣлъ наотдалить болѣзнь, мечтая, разумѣется, совсѣмъ преодолѣть ее. Онъ зналъ, что нездоровъ, но ему съ отвращеніемъ не хотѣлось быть больнымъ въ это время, въ эти наступающія минуты его жизни, когда надо было быть налицо, выслушать свое слово смѣло и рѣшительно и самому «оправдаться передъ собою». Онъ, впрочемъ, сходилъ однажды къ новому врачу изъ Москвы доктору, выписанному Катериной Ивановой въ услуженіе одной ея фантазіи, о которой я уже упоминалъ выше. Докторъ, выслушавъ и осмотрѣвъ его, заключилъ, что у него въ родѣ даже какъ-бы разстройства въ мозгу, и ни въ чемъ не удивился нѣкоторому признанію, которое тотъ съ отчаяніемъ, однако, сдѣлалъ ему. «Галлюцинаціи въ вашемъ случаѣ очень возможны, рѣшилъ докторъ, хотя надо-бы ихъ вѣрить... вообще-же необходимо начать лѣченіе серьезно, не теряя ни минуты, не то будетъ плохо». Но Иванъ Федоровичъ, выйдя отъ него, благоразумнаго совѣта не исполнилъ и считался пренебрегъ: «Хожу вѣдь, силы есть пока, свадѣло другое, тогда пусть лѣчитъ кто хочетъ», рѣшилъ онъ, ахнувъ рукой. Итакъ, онъ сидѣлъ теперь почти сознавая, что въ бреду и, какъ уже и сказалъ я, упорно приглядывая къ какому-то предмету у противоположной стѣны на диванѣ, вдругъ оказался сидящимъ нѣкто Богъ знаетъ какъ широкій, потому что его еще не было въ комнатѣ, когда Федоровичъ, возвратясь отъ Смердякова, вступилъ въ комнату. Тамъ былъ какой-то господинъ или, лучше сказать, извѣстный орта русскій джентльменъ, лѣтъ уже не молодыхъ, «qui la cinquantaine», какъ говорятъ французы, съ не очень

сильною просѣдью въ темныхъ, довольно длинныхъ и еще волосахъ и въ стриженой бородкѣ вѣрномъ. Одежда была въ какой-то коричневый пиджакъ, очевидно, отъ португала, но уже ношенный, сшитый примѣрно еще года и совершенно уже вышедшій изъ моды, такъ какъ свѣтскихъ достаточныхъ людей такихъ уже два года не носилъ. Бѣлье, длинный галстухъ въ видѣ шарфа, все было какъ и у всѣхъ шикватыхъ джентльменовъ, но бѣлье, взглянуть ближе, было грязновато, а широкій шарфъ съ тортъ. Блѣтчатые панталоны гостя сидѣли превосходно, но шляпки такъ слишкомъ свѣтлы и какъ-то слишкомъ узки, теперь уже перестали носить, равно какъ и мягкая бѣлая вая шляпа, которую уже слишкомъ не по сезону притаилъ собой гость. Словомъ, былъ видъ порядочности при весьма быхъ карманныхъ средствахъ. Похоже было на то, что джентльменъ принадлежитъ къ разряду бывшихъ бѣлоручекъ-новиковъ, процвѣтавшихъ еще при крѣпостномъ правѣ; очевидно, давшій свѣтъ и порядочное общество, имѣвшій когда-то и сохранившій ихъ, пожалуй, и до сихъ поръ, но, мало имѣя съ обѣдненіемъ послѣ веселой жизни въ молодости и величавы крѣпостнаго права, обратившійся въ родѣ какъ-то приживальщика хорошаго тона, скитающагося по добрымъ рымъ знакомымъ, которые принимаютъ его за уживчивый и ный характеръ, да еще въ виду того, что все-же порядочный человекъ, котораго даже и при комъ угодно можно посадить себя за столъ, хотя, конечно, на скромное мѣсто. Такіе и вальщики, складнаго характера джентльмены, умѣющіе по крайней мѣрѣ, составить партію въ карты и рѣшительно не любящіе какихъ порученій, если ихъ имъ навязываютъ, — обыкновенно одиноки, или холостяки, или вдовцы, можетъ быть, и имѣющіе дѣтей, но дѣти ихъ воспитываются всегда гдѣ-то далеко, кихъ-нибудь тетокъ, о которыхъ джентльменъ никогда не упоминаетъ въ порядочномъ обществѣ, какъ-бы нѣсколько даясь такого родства. Отъ дѣтей-же отвыкаетъ мало по малу всѣмъ, изрѣдка получая отъ нихъ къ своимъ именинамъ Рождеству поздравительныя письма и иногда даже отъ нихъ. Физиономія неожиданнаго гостя была не то чтобы душная, а опять-таки складная и готовая, судя по обстоятельствамъ, на всякое любезное выраженіе. Часовъ на немъ было быль черепаховый дорнетъ на черной лентѣ. На среднѣ пальцѣ правой руки красовался массивный золотой перстень

корогимъ опаломъ. Иванъ Федоровичъ злобно молчалъ и не рѣлъ заговаривать. Гость ждалъ и именно сидѣлъ какъ привалщикъ, только что сошедшій съ верху изъ отведенной ему кнаты внизъ къ чаю, составить хозяину компанію, но смиренно чавшій въ виду того, что хозяинъ занятъ и объ чемъ-то на-ронно думаетъ; готовый, однако, ко всякому любезному раз-ору, только лишь хозяинъ начнетъ его. Вдругъ лицо его вы-шло какъ-бы нѣкоторую внезапную озабоченность.

— Послушай, началъ онъ Ивану Федоровичу,—ты извини, только чтобы напомнить: ты вѣдь къ Смердякову пошелъ съ гь чтобъ узнать про Катерину Ивановну, а ушелъ ничего объ не узнавъ, вѣрно забылъ...

— Ахъ, да! вырвалось вдругъ у Ивана, и лицо его омрачи-ль заботой,—да, я забылъ... Впрочемъ, теперь все равно, все завтра, пробормоталъ онъ про себя.—А ты, раздражительно стиснулъ онъ къ гостю,—это я самъ сейчасъ долженъ былъ помнить, потому что именно объ этомъ томило тоской! Что ты звочилъ, такъ я тебѣ и повѣрю, что это ты подсказалъ, а я самъ вспомнилъ?

— А не вѣрь, ласково, усмѣхнулся джентльменъ.—Что за а насиліемъ? Притомъ же въ вѣрѣ никакія доказательства не югаютъ, особенно матеріальныя. Тома повѣрилъ не потому, увидѣлъ воскресшаго Христа, а потому что еще прежде же-лъ повѣрить. Вотъ, напримѣръ, спириты... я ихъ очень люблю... Брази, они полагаютъ, что полезны для вѣры, потому что имъ ти съ того свѣта рожки показываютъ. «Это, дескать, дока-ельство уже, такъ сказать, матеріальное, что есть тотъ свѣтъ». гь свѣтъ и матеріальныя доказательства, ай люди! И наконецъ, и доказанъ чортъ, то еще неизвѣстно, доказанъ ли Богъ? Хочу въ идеалистическое общество записаться, оппозицію у хъ буду дѣлать: «дескать, реалистъ, а не матеріалистъ, хе-хе!»

— Слушай, всталъ вдругъ изъ-за стола Иванъ Федоровичъ.—теперь точно въ бреду... и ужь, конечно, въ бреду, ври что чешь, мнѣ все равно! Ты меня не приведешь въ изступленіе въ въ прошлый разъ. Мнѣ только чего-то стыдно... Я хочу дить по комнатѣ... Я тебя иногда не вижу и голоса твоего же не слышу, какъ въ прошлый разъ, не всегда угадываю то б ты мелешь, потому что *это я, я самъ говорю, а не ты!* Не до только, спалъ-ли я въ прошлый разъ или видѣлъ тебя на у? Вотъ я обмочу полотенце холодною водою и приложу къ ковѣ и авось ты испаришься.

ранишься, а самъ смѣешься, —хорошій знакъ. Ты, впрочемъ, гораздо со мной любезнѣе, чѣмъ въ прошлый разъ, и маю отчего: это великое рѣшеніе...

Голчи про рѣшеніе! свирѣпо вскричалъ Иванъ.

Понимаю, понимаю, *c'est noble, c'est charmant*, ты идешь завтра брата и приносишь себя въ жертву... *c'est sage*...

Голчи, я тебѣ пинковъ надаю!

Въ части буду радъ, ибо тогда моя цѣль достигнута, коли начитъ, вѣришь въ мой реализмъ, потому что призракъ пинковъ. Шутки въ сторону: мнѣ вѣдь все равно, брати хочешь, но все-же лучше быть хоть каплю повѣжотя-бы даже со мной. А то дуракъ, да лакей, ну что!

Браня тебя—себя браню! опять засмѣялся Иванъ, ты—я, только съ другой рожей. Ты именно говоришь то, къ чему мысляю... и ничего не въ силахъ сказать мнѣ новаго! Если я схожусь съ тобою въ мысляхъ, то это дѣлаетъ мою честь, съ деликатностью и достоинствомъ проговори джентльменъ.

Только все скверныя мои мысли берешь, а главное — Ты глупъ и пошлъ. Ты ужасно глупъ. Нѣтъ, я тебя люблю! Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать! проскрежеталъ

ругъ мой, я, все-таки, хочу быть джентльменомъ и чтобы меня уважали, —въ припадкѣ нѣкоторой чисто прижизненной и уже впередъ уступчивой и добродушной амбиціи. — Я бѣденъ, но... не скажу, что очень честенъ, но повенно въ обществѣ принято за аксіому, что я надъ. Ей Богу, не могу представить, какимъ образомъ я могу когда-нибудь ангеломъ. Если и былъ когда, то такъ скоро не грѣшно и забыть. Теперь я дорожу лишь репутационнаго человѣка и живу какъ придется, стараюсь быть правымъ. Я людей люблю искренно, —о, меня во многомъ оклеветаютъ. Здѣсь, когда временами я къ вамъ переселяюсь, моя душа протекаетъ въ родѣ чего-то какъ-бы и въ самомъ дѣлѣ, и больше всего нравится. Вѣдь я и самъ, какъ и ты-же, отъ фантастическаго, а потому и люблю вашъ земной. Тутъ у васъ все очерчено, тутъ формула, тутъ геометрія у насъ все какія-то неопредѣленныя уравненія! Я здѣсь мечтаю. Я люблю мечтать. Къ тому-же на землѣ я ста-

и его какъ не бывало, если-бы... только тамъ могъ съ топоръ...

— А тамъ можетъ случиться топоръ?—разсѣянно и перебилъ вдругъ Иванъ Федоровичъ. Онъ сопротивлялся всѣхъ силъ, чтобы не повѣрить своему бреду и не впасть въ безуміе окончательно.

— Топоръ? переспросилъ гость въ удивленіи.

— Ну да, чтоъ станется тамъ съ топоромъ? съ кимъ свирѣпымъ и настойчивымъ упорствомъ вдругъ вскричалъ Федоровичъ.

— Чтоъ станется въ пространствѣ съ топоромъ? Что? Если куда попадетъ подальше, то примется, я думаю, летъ кругъ земли, самъ не зная зачѣмъ, въ видѣ спутника. Номы вычислятъ восхожденіе и захожденіе топора, Гапцусеть въ календарь, вотъ и все.

— Ты глупъ, ты ужасно глупъ! строптиво сказалъ Иври умище, а то я не буду слушать. Ты, хочешь поборъ реализмомъ, увѣрить меня, что ты есть, но я не хочу, что ты есть! Не повѣрю!!

— Да я не вру, все правда, къ сожалѣнію, правда всегда бываетъ неостроумна. Ты, я вижу, рѣшительно отъ меня чего-то великаго, а, можетъ быть, и прекраснаго очень жаль, потому что я даю лишь то, что могу...

— Не философствуй, осель!

— Какая тутъ философія, когда вся правая сторона лась, кряхчу и мычу. Былъ у всей медицины: распознать, отлично, всю болѣзнь расскажутъ тебѣ какъ по пальцу, а вылечить не умѣютъ. Студентикъ тутъ одинъ случился женный: «если вы, говоритъ, я умрете, то зато будете знать отъ какой болѣзни умерли!» Опять таки эта ихъ отсылать къ спеціалистамъ: мы, дескать, только распознаемъ, вотъ поѣзжайте къ такому-то спеціалисту, онъ ужь вы Совсѣмъ, совсѣмъ, я тебѣ скажу исчезъ прежній докторъ рый ото всѣхъ болѣзней лѣчилъ, теперь только одинъ листы и все въ газетахъ публикуются. Заболѣи у тебя носъ шлютъ въ Парижъ: тамъ, дескать, европейскій спеціалистъ лѣчатъ. Приѣдешь въ Парижъ, онъ осмотритъ носъ: и скажетъ, только правую ноздрю могу вылечить, потому лѣвыхъ ноздрей не лѣчу, это не моя спеціальность, поѣжайте послѣ меня въ Вѣну, тамъ возьмъ особыи спеціальную ноздрю долѣчатъ. Что будешь дѣлать? Прибѣгнулъ къ

въ средствамъ, одинъ нѣмецъ-докторъ посовѣтовалъ въ банѣ
шпатель медомъ съ солью вытереться. Я единственно, чтобы
было въ баню лишній разъ сходить, пошелъ: выпачкался весь,
никакой пользы. Съ отчаянія графу Маттею въ Миланѣ на-
писалъ; прислалъ книгу и капли, Богъ съ нимъ. И вообрази:
эфиръ-экстрактъ Гоффа помогъ! Купилъ нечаянно, вышилъ пол-
дюжины стклянки, и хотъ танцовать, все какъ рукой сняло. Не-
ожиданно положилъ ему «спасибо» въ газетахъ напечатать, чув-
ство благодарности заговорило, и вотъ, вообрази, тутъ уже дру-
гисторія пошла ни въ одной-то редакціи не принимаютъ!
Ретроградно очень будетъ, говорятъ, никто не повѣритъ, le
n'existe point. Вы, совѣтуютъ, напечатайте анонимно». —
«такое-же «спасибо», если анонимно. Смѣюсь съ конторщи-
комъ: «это въ Бога, говорю, въ нашъ вѣкъ ретроградно вѣрить,
вѣдь я чортъ, въ меня можно». — «Понимаемъ, говорятъ, кто-
то въ чорта не вѣритъ, а всетаки нельзя, направленію повре-
ды можетъ. Развѣ въ видѣ шутки?» Ну, въ шутку-то, подумалъ,
вѣдь неостроумно. Такъ и не напечатали. И вѣришь-ли, у
я даже на сердцѣ это осталось. Самыя лучшія чувства мои,
напримѣръ, благодарность, мнѣ формально запрещены един-
ственно социальнымъ моимъ положеніемъ.

— Опять въ философію въѣхалъ? ненавистно проскрежеталъ
шпатель.

— Боже меня убереги, но вѣдь нельзя-же иногда не пожа-
лѣться. Я человѣкъ оклеветанный. Вотъ ты поминутно мнѣ,
я глупъ. Такъ и видно молодаго человѣка. Другъ мой, не
одномъ умѣ дѣло! У меня отъ природы сердце доброе и весе-
лое. «я вѣдь тоже разные водевильчики». Ты, кажется, рѣши-
тельно принимаешь меня за посѣдѣлаго Хлестакова, и, однако,
твоя моя гораздо серьезнѣе. Какимъ-то тамъ довременнымъ
значеніемъ, котораго я никогда разобрать не могъ, я опредѣ-
ляю «отрицать», между тѣмъ я искренно добръ и къ отрицанію
самъ неспособенъ. «Нѣтъ; ступай отрицать, безъ отрицанія-де
будетъ критики, а какой-же журналъ, если нѣтъ «отдѣленія
критики»? Безъ критики будетъ одна «осанна». Но для жизни
одной «осанны», надо, чтобъ «осанна»-то эта переходила
въ горнило сомнѣній, ну и такъ далѣе, въ этомъ родѣ. Я,
почемъ, во все это не ввязываюсь, не я сотворялъ, не я и въ
нѣтъ. Ну, и выбрали козла отпущенія, заставили писать въ
полоніи критики, и получилась жизнь. Мы эту комедію пони-
маемъ: я, напримѣръ, прямо и просто требую себѣ уничтоженія.

Нѣтъ, живи, говорить, потому что безъ тебя ничего. Если-бы на землѣ было все благоразумно, то ничего произошло. Безъ тебя не будетъ никакихъ происшествій, чтобы были происшества. Вотъ и служу, скрѣпя сердце, бываю происшества, и творю не разумное по приказу. Они принимаютъ всю эту комедію за нѣчто серьезное, даже своимъ безспорнымъ умъ. Въ этомъ ихъ и трагедія. Они видятъ, конечно, но... все-же зато живутъ, живутъ реально-фантастически; ибо страданіе-то и есть жизнь. Безъ какого было-бы въ ней удовольствіе; все обратилось-бы въ безконечный молебень: оно свято, но скучновато. Ну, страдаю, а все-же не живу. Я вѣсь въ неопредѣленности. Я какой-то призракъ жизни, который потерялъ и начало, и даже самъ позабылъ, наконецъ, какъ же себя. Ты смѣешься... нѣтъ, ты не смѣешься, ты смедишься. Ты вѣчно сердитшься, тебѣ-бы все только ума, и такъ повторю тебѣ, что я отдалъ-бы всю эту надзвѣздную всѣ чины и почести за то только, чтобы воплотиться въ семинудовой купчихи и Богу свѣчки ставить.

— Ужь и ты въ Бога не вѣришь? ненавистно усмѣхнулся

— То есть какъ тебѣ это сказать, если ты только сер

— Есть Богъ или нѣтъ?—опять со свирѣпою настоичи крикнулъ Иванъ.

— А, такъ ты серьезно? Голубчикъ мой, ей Богу я вотъ великое слово сказалъ.

— Не знаешь, а Бога видишь? Нѣтъ, ты не самъ я ты—я, ты есть я и болѣе ничего! Ты—дрянь, ты—моя ф

— То есть, если хочешь, я одной съ тобой философіи это будетъ справедливо. Je pense donc je suis, это я знаю в остальное-же все, что кругомъ меня, всѣ эти міры, Богъ самъ сатана, — все это для меня не доказано, существу оно само по себѣ, или есть только одна моя эманация, и вательное, развитіе моего я, существующаго до временно и лично... словомъ, я быстро прерываю, потому что ты, и сейчасъ драться вскочаешь.

— Лучше-бы ты какой анекдотъ! болѣзненно промолвилъ Иванъ.

— Анекдотъ есть я именно на нашу тему, то есть, анекдотъ, а такъ, легенда. Ты вотъ укоряешь меня въ «видишь-де, а не вѣришь». Но, другъ мой, вѣдь не я-же таковъ, у насъ тамъ всѣ теперь помутнѣлись, и все отъ!

Еще пока были атомы, пять чувствъ, четыре стихіи, ну все кое-какъ влелось. Атомы-то и въ древнемъ мірѣ были. Вотъ какъ узнали у насъ, что вы тамъ открыли у себя «химическую молекулу», да «протоплазму», да чортъ знаетъ что еще,— у насъ поджали хвосты. Просто сумбуръ начался; глав—суевѣріе, сплетни; сплетень вѣдь и у насъ столько-же, сколько у васъ, даже капельку больше, а, наконецъ, и доносы, а вѣдь тоже есть такое одно отдѣленіе, гдѣ принимаютъ вѣстныя «свѣдѣнія». Такъ вотъ эта дикая легенда, еще средъ нашихъ вѣковъ,—не вашихъ, а нашихъ,—и никто-то ей вѣритъ даже и у насъ, кромѣ семишудовыхъ купчихъ, то есть г-тави не вашихъ, а нашихъ купчихъ. Все что у васъ есть— и у насъ, это я ужъ тебѣ по дружбѣ одну тайну нашу открылъ, хоть и запрещено. Легенда-то эта объ раѣ. Былъ, дескать, у васъ на землѣ одинъ такой мыслитель и философъ, «всеурагаль, законы, совѣсть, вѣру», а главное—будущую жизнь. Онъ думалъ, что прямо во мракъ и смерть, анъ передъ нимъ— другая жизнь. Изумился и вознегодовалъ: «Это, говоритъ, проорѣчь мои убѣжденія». Вотъ его за это и присудили... Ну, видишь, ты меня извини, я вѣдь передаю самъ что слышалъ, это только легенда... присудили, видишь, его, чтобы промракъ квадриллионъ километровъ (у насъ вѣдь теперь километры), и когда кончитъ этотъ квадриллионъ, то тогда отворятъ райскія двери и все простятъ...

— А какія муки у васъ на томъ свѣтѣ кромѣ-то квадриллиона? съ какимъ-то страннымъ оживленіемъ прервалъ Иванъ.

— Какія муки? Ахъ, и не спрашивай: прежде было и такъ плохо, а нынѣ все больше нравственныя пошла, «угрызения совѣсти» и весь этотъ вздоръ. Это тоже отъ васъ завелось. отъ угрызения вашихъ нравовъ». Ну, и кто-же выигралъ, выиграли и безсовѣстные, потому что-жь ему за угрызения совѣсти, да и совѣсти-то нѣтъ вовсе. Зато пострадали люди порядочные, у которыхъ еще оставалась совѣсть и честь... То-то вотъ бурмы-то на неприготовленную-то почву, да еще списанныя чужихъ учрежденій,—одинъ только вредъ! Древній огонекъ-то еще-бы. Ну, такъ вотъ этотъ осужденный на квадриллионъ стоялъ, посмотрѣлъ и легъ поперекъ дороги: «не хочу идти, по принципу не пойду!» Возьми душу русскаго просвѣщеннаго вѣста и смѣшай съ душой пророка Іоны, будировавшаго во вѣ китовъ три дня и три ночи,—вотъ тебѣ характеръ этого гшагося на дорогѣ мыслителя.

— На чемъ-же онъ тамъ улегся?

— Ну, тамъ вѣрно было на чемъ. Ты не смѣешь

— Молодецъ! крикнулъ Иванъ, все въ томъ-же споживленіи. Теперь онъ слушалъ съ какимъ-то нескладнымъ любопытствомъ.—Ну, что-жь, и теперь лежитъ?

— То-то и есть что нѣтъ. Онъ пролежалъ почти лѣтъ, а потомъ всталъ и пошелъ.

— Вотъ осель-то! воскликнулъ Иванъ, нервно захватывая все какъ-бы что-то усиленно соображая. Не все-ли рожать-ли вѣчно или идти квадриллионъ верстъ? Вѣдь это бѣтъ ходу?

— Даже гораздо больше, вотъ только нѣтъ карандашечки, а то-бы рассчитать можно. Да вѣдь онъ да дошелъ и тутъ-то начинается анекдотъ.

— Какъ дошелъ! Да гдѣ-жь онъ биллионъ лѣтъ взи

— Да вѣдь ты думаешь все про нашу теперешнюю землю. Да вѣдь теперешняя земля, можетъ, сама-то биллионъ развѣтвлялась; ну отживала, леденѣла, трескалась, рассыпалась, лагала на составныя начала, опять вода яже бѣ надъ и потомъ опять комета, опять солнце, опять изъ солнца звѣзды, вѣдь это развитіе, можетъ уже безконечно разъ повторяется все въ одномъ и томъ-же видѣ, до черточка. Скучиша личнѣйшая...

— Ну-ну, что-же вышло когда дошелъ?

— А только что ему отворили въ рай и онъ вступилъ не пробывъ еще двухъ секундъ и это по часамъ, по часамъ часы его, по моему, давно должны были-бы разложить составныя элементы у него въ карманѣ дорогой) — не по двухъ секундъ, воскликнулъ, что за эти двѣ секунды не квадриллионъ, но квадриллионъ квадриллионовъ пройди да еще возвысивъ въ квадриллионную степень! Словомъ, онъ «осанну», да и пересолилъ, такъ что иные тамъ, съ омыслией поблагороднѣе, такъ даже руки ему не хотѣли на первыхъ порахъ: слишкомъ-де ужь стремительно въ ваторы перескочилъ. Русская натура. Повторяю: легенда купилъ за то и продалъ. Такъ вотъ еще какія тамъ обо всѣхъ этихъ предметахъ понятія ходятъ.

— Я тебя поймалъ! вскричалъ Иванъ съ какою-то дѣтскою радостью, какъ-бы уже окончательно что-то пришло этотъ анекдотъ о квадриллионѣ лѣтъ,—это я самъ со Мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ, я былъ въ гимназиіи...

... тотъ тогда сочинилъ и разсказалъ одному товарищу! фактъ его Коровкинъ, это было въ Москвѣ... Анекдотъ этотъ характеренъ, что я не могъ его ни откуда взять Я его забылъ... но онъ мнѣ припомнился теперь безсознательно, — самому, а не ты разсказалъ! Какъ тысячи вещей припомнятся иногда безсознательно, даже когда казнить везутъ... во мнѣ припомнился. Вотъ ты и есть этотъ сонъ! Ты сонъ, и не чувствуешь!

— По азарту, съ какимъ ты отвергаешь меня, засмѣялся игральменъ, — я убѣждаюсь, что ты всетаки въ меня вѣришь.

— Ни мало! На сотую долю не вѣрю!

— Но на тысячную вѣришь. Гомеопатическія-то доли вѣдь малы, можетъ быть, сильныя. Признайся, что вѣришь, ну на двѣ-три тысячную...

— Ни одной минуты! яростно вскричалъ Иванъ.—Я, впрочемъ, желалъ-бы въ тебя повѣрить! странно вдругъ прибавилъ онъ.

— Эге! Вотъ, однако, признаніе! Но я добръ, я тебѣ и тутъ могу. Слушай: это я тебя поймалъ, а не ты меня! Я нарочно въ твой-же анекдотъ разсказалъ, который ты уже забылъ, чтобы ты окончательно во мнѣ разувѣрился.

— Лжешь! Цѣль твоего появленія увѣрить меня... что ты есмь.

— Именно. Но колебанія, но безпокойство, но борьба вѣры и невѣрія,—это вѣдь такая иногда мука для совѣстливаго человека, вотъ какъ ты, что лучше повѣситься. Я именно, зная, что ты капельку вѣришь въ меня, подпустилъ тебѣ невѣрія окончательно, разсказавъ этотъ анекдотъ. Я тебя вожу туда вѣрой и безвѣріемъ попеременно, и тутъ у меня своя система. Новая метода-съ. Вѣдь когда ты во мнѣ совсѣмъ разувѣришься, то тотчасъ меня-же въ глаза начнешь увѣрять, что я сонъ, а есмь въ самомъ дѣлѣ, я тебя ужъ знаю: вотъ я когда и достигну цѣли, а цѣль моя благородная. Я въ тебя только крохотное сѣмечко вѣры брошу, а изъ этого выростетъ дубъ,—да еще такой дубъ, что ты, сидя въ дубѣ-то, въ «отцы стынники и въ жены непорочны» пожелаешь вступить; ибо въ очень, очень того въ тайнѣ хочется, акриды кушать будешь, спасаться въ пустыню потащишься!

— Такъ ты, негодяй, для спасенія моей души стараешься?

— Надо-же хоть когда-нибудь доброе дѣло сдѣлать. Злишься-ты, злишься, какъ я погляжу!

— Шутъ! А искушалъ ты когда-нибудь вотъ этакихъ-то,

— На ~~чемъ~~ же онъ тамъ улегся?

— Ну, тамъ вѣрно было на чемъ...

— Молодецъ! крикнулъ Иванъ, все оживленія. Теперь онъ слушалъ съ вѣжливымъ любопытствомъ.—Ну, что-жь, в тепер...

— То-то и есть что нѣтъ. Онъ пролежалъ, а потомъ всталъ и пошелъ.

— Вотъ осель-то! воскликнулъ Иванъ все какъ-бы что-то усиленно соображая: жать-ли вѣчно или идти квадриллионъ лѣтъ ходу?

— Даже гораздо больше, вотъ толпа бумажекъ, а то-бы разсчитать возм...

дошелъ и тутъ-то начинается анекдотъ...

— Какъ дошелъ! Да гдѣ-жь онъ...

— Да вѣдь ты думаешь все шестидесять лѣтъ? Да вѣдь теперешняя земля, можетъ, и не существовала; вторгалась; ну отживала, леденѣла, трескалась, лагала на составныя начала, опять вода, потомъ опять комета, опять солнце, опять вѣдь это развитіе, можетъ уже безконечно все въ одномъ и томъ-же видѣ, до черноты личнѣйшая...

— Ну-ну, что-же вышло когда дошелъ?

— А только что ему отворили въ рай, не пробывъ еще двухъ секундъ и это на часы его, по моему, давно должны были составныя элементы у него въ карманѣ до двухъ секундъ, воскликнулъ, что за эти двѣ квадриллионъ, но квадриллионъ квадриллионъ да еще возвысивъ въ квадриллионную «осанну», да и пересолить, такъ что мыслей благороднѣе, такъ даже рубли на первыхъ порахъ: слишкомъ-до ужь ваторы перескочилъ. Русская натура. Не купилъ за то и продалъ. Такъ вотъ обо всѣхъ этихъ предметахъ понайтъ...

— Я тебя поймалъ! вскричалъ Иванъ лѣтскою радостью, какъ-бы уже окончивъ этотъ анекдотъ о квадриллионѣ лѣтъ.— Унѣ было тогда семнадцать лѣтъ, а

жизни. Вотъ тебѣ еще одинъ
приходъ. Приходитъ къ старику патеру
двѣдцати дѣвушка. Красота, тѣлеса,
Нагнулась, шепчетъ патеру въ дырочку
дочь моя, неужели вы опять уже пали?..»
O, Sancta Magia, что я слышу: уже не съ
что продолжится, и какъ вамъ это не стыд-
отвѣчаетъ грѣшница, вся въ покаянныхъ
«le plaisir et à moi si peu de peine!» Ну,
отвѣтъ! Тутъ ужъ я и отступился: это крикъ
если хочешь, лучше самой невинности! Я
и повернулся было идти, но тотчасъ-
и воротиться: слышу, патеръ въ дырочку
свиданіе, — а вѣдь старикъ — кремень, и
мгновеніе. Природа-то, правда-то природы
воротить носъ, опять серднишься? Не знаю
тебѣ...

ты стучишь въ моемъ мозгу какъ неотвязный
точно простоналъ Иванъ, въ безсиліи предъ своимъ
скучно съ тобою, невыносимо и мучительно!
если-бы могъ прогнать тебя!

амѣрь свои требованія, не требуй отъ меня
«краснаго», и увидишь, какъ мы дружно съ
дѣлительно проговорилъ джентльменъ. — Во
на меня за то, что я не явился тебѣ какъ
«сіяніи, «гремя и блистая», съ опаленными
въ такомъ скромномъ видѣ. Ты оскор-
эстетическихъ чувствахъ твоихъ, а во
какъ, дескать, къ такому великому че-
кой пошлый чортъ? Нѣтъ, въ тебѣ таки
кая струйка, столь осмѣянная еще Бѣ-
молодой человекъ. Я вотъ думалъ давеча,
шутки предстать въ видѣ отставнаго
сваго совѣтника, служившаго на Кавказѣ,
лица на фракъ, но рѣшительно побоялся,
меня только за то, какъ я смѣлъ прицѣпить
се, а не прицѣпилъ, по крайней мѣрѣ,
Сиріуса. И все ты о томъ, что я глупъ.
не имѣю равняться съ тобою умомъ.
Фаусту, засвидѣтельствовалъ о себѣ,
власть лишь добро. Но, это какъ ему

вотъ что: ширды-то ѣдятъ, да по осмѣленію зѣтъ и нустины мѣлятся, мохомъ обросли?

— Покубчикъ мой, только это и дѣлать. Весь миръ забудешь, а къ одному этакому приглядѣшься, потому что ширды-то ужь очень драгоценны; одна ширда такая душевною разъ цѣлаго созвѣдія, — у насъ ширда своя зря. Побѣда-то драгоценна! А ширда иные изъ нихъ, ей Богу, и тебя по развѣтію, хоть ты этому и не повѣришь: такія ширды и невѣрія могутъ созерцать въ одинъ и тотъ-же мѣсто, право, иной разъ кажется только-бы еще одинъ шагъ и полетитъ человекъ «вверхъ тормашки», какъ говорятъ Горбуновъ.

— Ну и что-жь, отходилъ съ носомъ?

— Другъ мой, захватилъ сентенціозно гость, — все-таки же лучше отойти, чѣмъ иногда совсѣмъ безъ носа, — давно еще изрекъ одинъ болящій маркизъ (должно было сказать лѣчилъ) на исповѣди своему духовному отцу и Я присутствовалъ—просто прелесть. «Возвратите мнѣ, гол мой носъ!» И бьетъ себя въ грудь.—«Сынъ мой, выйдетъ теръ, по несповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія все восстанетъ и великая бѣда влечетъ иногда за собою чрезвычайную, невидимую выгоду. Если строгая судьба лишила васъ во выгода ваша въ томъ, что уже никто во всю вашу жизнь осмѣлится вамъ сказать, что вы остались съ носомъ». — «свѣтой, это не утѣшеніе!» восклицаетъ отчаянный, — «я бы напротивъ, въ восторгѣ всю жизнь каждый день оставалъ носомъ, только-бы онъ былъ у меня на надлежащемъ мѣстѣ». — «Сынъ мой, вздыхаетъ патеръ, всѣхъ благъ нельзя тро разомъ и это уже ропотъ на Провидѣніе, которое даже и ты забыло васъ; ибо если вы вопіете, какъ возопили сейчасъ, радостью готовы-бы всю жизнь оставаться съ носомъ, то уже косвенно исполнено желаніе ваше: ибо, потерявъ носъ, вы тѣмъ самымъ все-же какъ-бы остались съ носомъ»...

— Фу, какъ глупо! крикнулъ Иванъ.

— Другъ мой, я хотѣлъ только тебя разсѣшнить, но, вс это настоящая іезуитская базунстика, и, клянусь, все это и лось буква въ букву, какъ я наложилъ тебѣ. Случай этотъ на и доставилъ мнѣ много хлопотъ. Несчастный молодой чакъ возвратяся домой, въ ту-же ночь застрѣлился; я былъ при неотлучно до послѣдняго момента... Что-же до исповѣданъ этихъ іезуитскихъ будочекъ, то это во истину самое мнѣ

ніе въ грустныя минуты жизни. Вотъ тебѣ еще одинъ совѣтъ уже на дняхъ. Приходитъ къ старику патеру дочка, норманочка, лѣтъ двадцати дѣвушка. Красота, тѣлеса, — слюнки текутъ. Нагнулась, шепчетъ патеру въ дырочку ихъ. — «Что вы, дочь моя, неужели вы опять уже пали?..» отвѣтъ патеръ. — «O, Sancta Maria, что я слышу: уже не съ доколь-же это продолжится, и какъ вамъ это не стыдно? Ah mon père», отвѣчаетъ грѣшница, вся въ покаянныхъ — «Ça lui fait tant de plaisir et à moi si peu de peine!» Ну, въ себѣ такой отвѣтъ! Тутъ ужъ я и отступился: это крикъ природы, это, если хочешь, лучше самой невинности! Я отпустилъ ей грѣхъ и повернулся было идти, но тотчасъ-ужденъ былъ и воротиться: слышу, патеръ въ дырочку шепчетъ вечеромъ свиданіе, — а вѣдь старикъ — камень, и въ одно мгновеніе. Природа-то, правда-то природы мое! Что опять воротись носъ, опять сердисься? Не знаю какъ и угодить тебѣ...

Оставь меня, ты стучишь въ моемъ мозгу какъ неотвязный, болѣзненно простоналъ Иванъ, въ безсиліи предъ своимъ братомъ, — мнѣ скучно съ тобою, невыносимо и мучительно! Уходи отсюда, если-бы могъ прогнать тебя!

Повторяю, умѣрь свои требованія, не требуй отъ меня еликаго и прекраснаго», и увидишь, какъ мы дружно съ тобой живемъ, внушительно проговорилъ джентльменъ. — Когда ты злишься на меня за то, что я не явился тебѣ какъ въ красномъ сіяніи, «гремя и блистая», съ опаленными волосами, а предсталъ въ такомъ скромномъ видѣ. Ты оскорбляешь первыхъ, въ эстетическихъ чувствахъ твоихъ, а во мнѣ, въ гордости: какъ, дескать, къ такому великому человеку войти такой пошлый чортъ? Нѣтъ, въ тебѣ таки романтическая струйка, столь осмѣянная еще Бѣлинымъ. Что дѣлать, молодой человекъ. Я вотъ думалъ давеча, какъ я приду къ тебѣ, для шутки предстать въ видѣ отставнаго генеральнаго статскаго совѣтника, служившаго на Кавказѣ, въ мундирѣ Лява и Солнца на фракъ, но рѣшительно побоялся, чтобы избилъ-бы меня только за то, какъ я смѣлъ прицѣпить къ Ляву и Солнцу, а не прицѣпилъ, по крайней мѣрѣ, къ Звѣздѣ или Сиріусу. И все ты о томъ, что я глупъ. Но въ мой, я и претензій не имѣю равняться съ тобой умомъ. Я, вѣдь, явившись къ Фаусту, засвидѣтельствовалъ о себѣ, что я, хотя и хочу зла, а дѣлаетъ лишь добро. Но, это какъ ему

вотъ что: заряды-то ѣдятъ, да по семнадцати лѣтъ въ пустынь молятся, мохомъ обросли?

— Голубчикъ мой, только это и дѣлать. Вася, широкъ забудешь, а къ одному этакому прильпнись, потому что мангъ-то ужь очень драгоцененъ; одна вѣдь такая думиной разъ цѣлаго созвѣздія, — у насъ вѣдь своя армія. Побѣда-то драгоценна! А вѣдь иные изъ нихъ, ей Богу, и тебя по развитію, хоть ты этому и не повѣришь: такіе вѣры и невѣрія могутъ созерцать въ одинъ и тотъ-же мигъ что, право, иной разъ кажется только-бы еще одинъ волосъ и полетитъ человекъ «вверхъ тормашки», какъ говоритъ Горбуновъ.

— Ну и что-жь, отходилъ съ носомъ?

— Другъ мой, забылъ сентенціозно гость, — съ носомъ же лучше отойти, чѣмъ иногда совсѣмъ безъ носа, и недавно еще изрекъ одинъ болящій маркизъ (должно быть ціалистъ лѣчилъ) на исповѣди своему духовному отцу и я присутствовалъ — просто предель. «Возвратите мнѣ, голубчикъ мой носъ!» И бьетъ себя въ грудь. — «Сынъ мой, выйдетъ теперь, по несповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія все восполнитъ и великая бѣда влечетъ иногда за собою чрезвычайную, и невидимую выгоду. Если строгая судьба лишила васъ носъ, выгода ваша въ томъ, что уже никто во всю вашу жизнь осмѣлится вамъ сказать, что вы остались съ носомъ». — «Святой, это не утѣшеніе!» восклицаетъ отчаянный, — «я бы напротивъ, въ восторгѣ всю жизнь каждый день оставалъ носомъ, только-бы онъ былъ у меня на надлежащемъ мѣстѣ». — «Сынъ мой, вздыхаетъ патеръ, всѣхъ благъ нельзя трезво разомъ и это уже ропотъ на Провидѣніе, которое даже и ты забыло васъ; ибо если вы вопіете, какъ возопили сейчасъ, радостью готовы-бы всю жизнь оставаться съ носомъ, то и уже косвенно исполнено желаніе ваше: ибо, потерявъ носъ, вы самымъ все-же какъ-бы остались съ носомъ»...

— Фу, какъ глупо! крикнулъ Иванъ.

— Другъ мой, я хотѣлъ только тебя разсмѣшить, но, какъ это настоящая іезуитская казуистика, и, вѣрю, все это слово буква въ букву, какъ я изложилъ тебѣ. Случай этотъ не только доставилъ мнѣ много хлопотъ. Несчастный молодой человекъ возвратясь домой, въ ту-же ночь застрѣлился; я былъ при немъ неотлучно до послѣдняго момента... Что-же до исповѣдалъ этихъ іезуитскихъ будочекъ, то это во истину самое нелепое

ие въ грустныя минуты жизни. Вотъ тебѣ еще одинъ овсѣмъ уже на дняхъ. Приходитъ къ старику патерушка, норманочка, лѣтъ двадцати дѣвушка. Красота, тѣлеса, слюнки текутъ. Нагнулась, шепчетъ патеру въ дырочку къ. — «Что вы, дочь моя, неужели вы опять уже пали?..» отвѣтъ патеръ. — «O, Sancta Maria, что я слышу: уже не съ доколѣ-же это продолжится, и какъ вамъ это не стыдно топ рѣге», отвѣчаетъ грѣшница, вся въ покаянныхъ — «Ca lui fait tant de plaisir et à moi si peu de peine!» Ну, себѣ такой отвѣтъ! Тутъ ужь я и отступился: это крикъ природы, это, если хочешь, лучше самой невинности! Я отпустилъ ей грѣхъ и повернулся было идти, но тотчасъ-же жденъ былъ и воротиться: слышу, патеръ въ дырочку даетъ вечеромъ свиданіе, — а вѣдь старикъ — кремень, и въ одно мгновеніе. Природа-то, правда-то природы не! Что опять воротись носъ, опять сердисься? Не знаю и угодить тебѣ...

ставь меня, ты стучишь въ моему мозгу какъ неотвязный болѣзненно простоналъ Иванъ, въ безснѣн предъ своимъ, — мнѣ скучно съ тобою, невыносимо и мучительно! Уго даль, если-бы могъ прогнать тебя!

повторяю, умѣрь свои требованія, не требуй отъ меня «никакого и прекраснаго», и увидишь, какъ мы дружно съ живемся, внушительно проговорилъ джентльменъ. — Вы бы злишься на меня за то, что я не явился тебѣ какъ въ красномъ сіяніи, «гремя и блистая», съ опаленными и, а предсталъ въ такомъ скромномъ видѣ. Ты оскорбленъ первыхъ, въ эстетическихъ чувствахъ твоихъ, а во въ гордости: какъ, дескать, къ такому великому человеку войдти такой пошлый чортъ? Нѣтъ, въ тебѣ таки романтическая струйка, столь осмѣянная еще Бѣ... Что дѣлать, молодой человѣкъ. Я вотъ думалъ давеча, къ тебѣ, для шутки предстать въ видѣ отставнаго полнаго статскаго совѣтника, служившаго на Кавказѣ, въ Лѣва и Солнца на фракѣ, но рѣшительно побоялся, я избѣлъ-бы меня только за то, какъ я смѣлъ прицѣпить Лѣва и Солнце, а не прицѣпилъ, по крайней мѣрѣ, Звѣзду или Сиріуса. И все ты о томъ, что я глупъ. мой, я и претензій не имѣю равняться съ тобою умомъ. желъ, явившись къ Фаусту, засвидѣтельствовалъ о себѣ. хочеть зла, а дѣлаетъ лишь добро. Но, это какъ ему

вотъ что акриды-то ѣдятъ, да по семнадцати лѣтъ въ пустынѣ молятся, мохомъ обросли?

— Голубчикъ мой, только это и дѣлалъ. Весь міръ забудешь, а къ одному такому приаѣдешься, потому что лѣантъ-то ужь очень драгоцѣненъ; одна вѣдь такая душа иной разъ цѣлаго созвѣздія, — у насъ вѣдь своя армія Побѣда-то драгоцѣнна! А вѣдь иные изъ нихъ, ей Богу, в тебѣ по развитію, хотъ ты этому и не повѣришь: такія вѣры и невѣрія могутъ созерцать въ одинъ и тотъ-же моментъ, право, иной разъ кажется только-бы еще одинъ волос и полетитъ человѣкъ «вверхъ тормашки», какъ говоритъ Горбуновъ.

— Ну и что-жь, отходилъ съ носомъ?

— Другъ мой, замѣтилъ сентенціозно гость, — съ носомъ же лучше отойти, чѣмъ иногда совсѣмъ безъ носа, какъ давно еще изрекъ одинъ болящій маркизь (должно быти цѣлистомъ лѣчилъ) на исповѣди своему духовному отцу и я присутствовалъ — просто прелесть. «Возвратите мнѣ, гость мой носъ!» И бьетъ себя въ грудь. — «Сынъ мой, виждетъ теръ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія все восполнитъ и великая бѣда влечетъ иногда за собою чрезвычайную и невидимую выгоду. Если строгая судьба лишила васъ не выгода ваша въ томъ, что уже никто во всю вашу жизнь осмѣлится вамъ сказать, что вы остались съ носомъ». — «Святой, это не утѣшеніе!» восклицаетъ отчаянный, — «я бы напротивъ, въ восторгѣ всю жизнь каждый день оставалъ носомъ, только-бы онъ былъ у меня на надлежащемъ мѣстѣ». — «Сынъ мой, вздыхаетъ патеръ, всѣхъ благъ нельзя трѣбовать разомъ и это уже ропотъ на Провидѣніе, которое даже и ты забыло васъ: ибо если вы вопіете, какъ возопили сейчасъ, радостью готовы-бы всю жизнь оставаться съ носомъ, то и уже косвенно исполнено желаніе ваше: ибо, потерявъ носъ, вы самымъ все-же какъ-бы остались съ носомъ»...

— Фу, какъ глупо! крикнулъ Пванъ.

— Другъ мой, я хотѣлъ только тебя разсмѣшить, но, видишь, это настоящая іезуитская казуистика, и, вѣрюсь, все это слово буква въ букву, какъ я изложилъ тебѣ. Случай этотъ не только доставилъ мнѣ много хлопотъ. Несчастный молодой человекъ возвратясь домой, въ ту-же ночь застрѣлился: я былъ при немъ неотлучно до послѣдняго момента... Что-же до исповѣданій этихъ іезуитскихъ будочекъ, то это во истину самое милое

леченіе въ грустныя минуты жизни. Вотъ тебѣ еще одинъ ай, совсѣмъ уже на дняхъ. Приходить къ старику патеру диночка, норманочка, лѣтъ двадцати дѣвушка. Красота, тѣлеса, гра,—слюнки текутъ. Нагнулась, шепчетъ патеру въ дырочку грѣхъ.—«Что вы, дочь моя, неужели вы опять уже пали?..» Лицаетъ патеръ.—«О, Sancta Maria, что я слышу: уже не съ.. Но доволѣ-же это продолжится, и какъ вамъ это не стыдъ.—«Ah mon père», отвѣчаетъ грѣшница, вся въ поваанныхъ хъ:—«Ca lui fait tant de plaisir et à moi si peu de peine!» Ну, ставь себѣ такой отвѣтъ! Тутъ ужь я и отступился: это крикъ природы, это, если хочешь, лучше самой невинности! Я же отпустилъ ей грѣхъ и повернулся было идти, но тотчасъ принужденъ былъ и воротиться: слышу, патеръ въ дырочку назначаетъ вечеромъ свиданіе,—а вѣдь старикъ—камень, и палъ въ одно мгновеніе. Природа-то, правда-то природы свое! Что опять воротись носъ, опять серднишься? Не знаю чѣмъ и угодить тебѣ...

— Оставь меня, ты стучишь въ моемъ мозгу какъ неотвязный таръ, болѣзненно простоналъ Иванъ, въ безсиліи предъ своимъ ніемъ, — мнѣ скучно съ тобою, невыносимо и мучительно! и много далъ, если-бы могъ прогнать тебя!

— Повторяю, умѣрь свои требованія, не требуй отъ меня го великаго и прекраснаго», и увидишь, какъ мы дружно съ и уживемся, внушительно проговорилъ джентльменъ. — Во ну ты злишься на меня за то, что я не явился тебѣ какъ идь въ красномъ сіяніи, «гремя и блистая», съ опаленными льями, а предсталъ въ такомъ скромномъ видѣ. Ты оскорбь, во первыхъ, въ эстетическихъ чувствахъ твоихъ, а во ыхъ, въ гордости: какъ, дескать, къ такому великому че- жу могъ войти такой пошлый чортъ? Нѣтъ, въ тебѣ таки эта романтическая струйка, столь осмѣянная еще Бѣ- жимъ. Что дѣлать, молодой человекъ. Я вотъ думалъ давеча, раясь къ тебѣ, для шутки предстать въ видѣ отставнаго твительнаго статскаго совѣтника, служившаго на Кавказѣ, звѣздой Льва и Солнца на фракѣ, но рѣшительно побоялся, му ты избилъ-бы меня только за то, какъ я смѣлъ прицѣпить фракъ Льва и Солнце, а не прицѣпилъ, по крайней мѣрѣ, рную Звѣзду или Сиріуса. И все ты о томъ, что я глупъ. Богъ мой, я и претензій не имѣю равняться съ тобой умомъ. стофель, явившись къ Фаусту, засвидѣтельствовалъ о себѣ, онъ хочетъ зла, а дѣлаетъ лишь добро. Но, это какъ ему

вотъ что! заряды-то идти, да по сснладителнмъ мѣстамъ пустынь велатся, моховы обросли?

— Голубчикъ мой, только это и дѣлать. Вамъ, вѣрно, забудешь, а въ одному такому приглянься, потому что мѣста-то ужь очень драгоценны; одна вѣдь такая думиной разъ цѣлаго созвѣдія, — у насъ вѣдь свое сроднѣе Побѣда-то драгоценна! А вѣдь иные изъ нихъ, ой Богу, и тебя по развитію, хоть ты этому и не повѣришь: такіе вѣры и невѣрія могутъ созерцать въ одинъ и тотъ-же мѣсто что, право, иной разъ кажется только-бы еще одинъ нѣтъ и полетѣть человѣкъ «вверхъ тормашка», какъ говорятъ Горбуновъ.

— Ну и что-жь, отходилъ съ носомъ?

— Другъ мой, заштыль сентенціозно гость, — съ носомъ же лучше отойти, чѣмъ иногда совсѣмъ безъ носа, — и давно еще изрекъ одинъ болящій маркизъ (должно быть циникъ лѣчилъ) на исповѣди своему духовному отцу: «Я присутствовалъ — просто прелесть. «Возвратите мнѣ, гол мой носъ!» И бьетъ себя въ грудь. — «Сынъ мой, выйдетъ теръ, по несповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія все восполн и великая бѣда влечетъ иногда за собою чрезвычайную, и невидимую выгоду. Если строгая судьба лишила васъ носъ, выгода ваша въ томъ, что уже никто во всю вашу жизнь осмѣлится вамъ сказать, что вы остались съ носомъ». — «Святой, это не утѣшеніе!» восклицаетъ отчаянный, — «я бы напротивъ, въ восторгѣ всю жизнь каждый день оставалъ носомъ, только-бы онъ былъ у меня на надлежащемъ мѣстѣ». «Сынъ мой, вздыхаетъ патеръ, всѣхъ благъ нельзя тро разомъ и это уже ропотъ на Провидѣніе, которое даже и ты забыло васъ; ибо если вы вопіете, какъ возопилъ сейчасъ, радостью готовы-бы всю жизнь оставаться съ носомъ, то уже косвенно исполнено желаніе ваше: ибо, потерявъ носъ, вы тѣмъ самымъ все-же какъ-бы остались съ носомъ»...

— Фу, какъ глупо! крикнулъ Иванъ.

— Другъ мой, я хотѣлъ только тебя разсѣшнить, но, вы это настоящая лезуитская казуистика, и, вѣрюсь, все это сдѣлось буква въ букву, какъ я изложилъ тебѣ. Случай этотъ мой и доставилъ мнѣ много хлопотъ. Несчастный молодой чинъ возвратясь домой, въ ту-же ночь застрѣлился; я былъ при неотлучно до послѣдняго момента... Что-же до исповѣдалъ этихъ лезуитскихъ будочекъ, то это во истину самое нѣтъ

грустные минуты жизни. Вотъ тебѣ еще одинъ день уже на дняхъ. Приходитъ къ старику патеру орманочка, лѣтъ двадцати дѣвушка. Красота, тѣлеса, ки текутъ. Нагнулась, шепчетъ патеру въ дырочку «Что вы, дочь моя, неужели вы опять уже пали?..» патеръ.—«O, Sancta Maria, что я слышу: уже не съ мѣ-же это продолжится, и какъ вамъ это не стыдно рече», отвѣчаетъ грѣшница, вся въ повайныхъ *ui fait tant de plaisir et à moi si peu de peine!*» Ну, такой отвѣтъ! Тутъ ужъ я и отступился: это крикъ, это, если хочешь, лучше самой невинности! Я гиль ей грѣхъ и повернулся было идти, но тотчасъ былъ и воротиться: слышу, патеръ въ дырочку вечеромъ свиданіе,—а вѣдь старикъ—камень, и одно мгновеніе. Природа-то, правда-то природы то опять воротись носъ, опять сердисься? Не знаю годить тебѣ...

меня, ты стучишь въ моемъ мозгу какъ неотвязный зненно простоналъ Иванъ, въ безсиліи предъ своимъ мнѣ скучно съ тобою, невыносимо и мучительно! гдѣ, если-бы могъ прогнать тебя!

яю, умѣрь свои требованія, не требуй отъ меня то и прекраснаго», и увидишь, какъ мы дружно съ я, внушительно проговорилъ джентльменъ. — Во шисья на меня за то, что я не явился тебѣ какъ исномъ сіяніи, «гремя и блистая», съ опаленными предсталъ въ такомъ скромномъ видѣ. Ты оскор- выхъ, въ эстетическихъ чувствахъ твоихъ, а во гордости: какъ, дескать, къ такому великому че- ойдти такой пошлый чортъ? Нѣтъ, въ тебѣ таки интическая струйка, столь осмѣянная еще Бѣ- дѣлать, молодой человекъ. Я вотъ думалъ давеча, тебѣ, для шутки предстать въ видѣ отставнаго го статскаго совѣтника, служившаго на Кавказѣ, ва и Солнца на фракѣ, но рѣшительно побоялся, гдѣ-бы меня только за то, какъ я смѣлъ прицѣпить а и Солнце, а не прицѣпилъ, по крайней мѣрѣ, зду или Сиріуса. И все ты о томъ, что я глупъ.

я и претензій не имѣю равняться съ тобой умомъ. явившись къ Фаусту, засвидѣтельствовалъ о себѣ, въ зла, а дѣлаетъ лишь добро. Но, это какъ ему

и словесно, какъ богъ. Онъ изъ гордости пойметъ, что чего ронять за то, что жизнь есть мгновение и возлюбленнаго своего уже безо всякой мзды. Любовь будетъ удача лишь мгновению жизни, но одно уже сознание ея миги усилитъ огонь ея настолько, насколько прежде роняли она въ упованіяхъ на любовь загробную и безконечную и прочее, и прочее, въ томъ-же родѣ. Премкну!

Иванъ сидѣлъ, зажавъ себѣ уши руками и смотря и но началъ дрожать вслѣдъ тѣломъ. Голосъ продолжалъ:

— Вопросъ теперь въ томъ, думать кой иной ли возможно-ли, чтобы твоей періодъ наступилъ когда-нибудь? Если наступитъ, то все рѣшено, и человечество окончателно. Но такъ какъ, въ виду закоренѣлой гадюшеческой, это, пожалуй, еще и въ тысячу лѣтъ не утѣтъ всякому, сознающему уже и теперь истину, не можетъ устроиться совершенно какъ ему угодно, на новыхъ и въ этомъ смыслѣ ему «все позволено». Мало того: если періодъ этотъ и никогда не наступитъ, то такъ какъ безсмертія всетаки нѣтъ, то новому человѣку позволено стать челоѣко-богомъ, даже хотя-бы одному въ цѣломъ и, ужь конечно, въ новомъ чинѣ, съ легкимъ сердцемъ скочить всякую прежнюю нравственную преграду прежняго челоѣка, если оно понадобится. Для Бога не существуетъ кона! Гдѣ станетъ Богъ—тамъ уже мѣсто Божіе! Гдѣ и тамъ сейчасъ-же будетъ первое мѣсто... «все дозволено» башь! Все это очень мило; только если захотѣлъ моча зачѣмъ-бы еще, кажется, санкція истинны? Но ужь таковъ русскій современный челоѣкъ: безъ санкціи и смелости не рѣшится, до того ужь истину возлюбилъ...

Гость говорилъ очевидно увлекаясь своимъ красноречіемъ все болѣе и болѣе возвышая голосъ и насмѣшливо поглядывая на хозяина; но ему не удалось докончить: Иванъ вдругъ тиль со стола стаканъ и съ размаху пустилъ въ ораторъ

— Ah, mais c'est bête enfin! воскликнулъ тотъ, вскинувъ дивана и смахивая пальцами съ себя брызги чаю,—къ Лютерову чернильницу! Самъ-же меня считаетъ за собою дается стаканамъ въ сонъ! Это по женски! А вѣдь я такъ дозрѣвалъ, что ты дѣлалъ только видъ, что заткнулъ себѣ а ты слушалъ...

Въ раму окна вдругъ раздался со двора твердый и чистый стукъ. Иванъ Федоровичъ вскочилъ съ дивана.

— Слышишь, лучше отвори, вскричалъ гость, — это братъ Алеша, съ самымъ неожиданнымъ и любопытнымъ извѣстїемъ, ужь я тебѣ отвѣчаю!

— Молча, обманщикъ, я прежде тебя зналъ, что это Алеша, но предчувствовалъ, и, ужь конечно, онъ не даромъ, конечно, извѣстїемъ!.. воскликнулъ изступленно Иванъ.

— Отопри-же, отопри ему. На дворѣ мятель, а онъ братъ твой. *Qu'il fait le temps qu'il fait? C'est à ne pas mettre un chien dehors...*

Стукъ продолжался. Иванъ хотѣлъ было кинуться къ окну, что-то какъ-бы вдругъ связало ему ноги и руки. Изъ всѣхъ онъ напрягался какъ-бы порвать свои путы, но тщетно. Стукъ въ окно усиливался все больше и громче. Наконецъ, вдругъ рвались путы, и Иванъ Федоровичъ вскочилъ на диванъ. Онъ осмотрѣлся. Обѣ свѣчки почти догорѣли, стаканъ, который только что бросилъ въ своего гостя, стоялъ предъ нимъ на столѣ, а на противоположномъ диванѣ никого не было. Стукъ оконную раму хотя и продолжался настойчиво, но совсѣмъ не такъ громко, какъ сейчасъ только мерещилось ему во снѣ, нагивъ, очень сдержанно.

— Это не сонъ! Нѣтъ, клянусь, это былъ не сонъ, это все такъ было! вскричалъ Иванъ Федоровичъ, бросился къ окну и говорилъ форточку.

— Алеша, я вѣдь не велѣлъ приходить! свирѣпо крикнулъ брату.—Въ двухъ словахъ: чего тебѣ надо? Въ двухъ словахъ, слышишь?

— Часъ тому назадъ повѣсился Смердяковъ, отвѣтилъ со смѣхомъ Алеша.

— Пройди на крыльцо, сейчасъ отворю тебѣ, сказалъ Иванъ, и пошелъ отворять Алешѣ.

Х.

«Это онъ говорилъ!»

Алеша, войдя, сообщилъ Ивану Федоровичу, что часъ съ небольшимъ назадъ, прибѣжала къ нему на квартиру Марья Кондратьевна и объявила, что Смердяковъ лишилъ себя жизни. «Вхожу къ нему самоваръ прибрать, а онъ у стѣнки на гвоздочкѣ висѣлъ». На вопросъ Алеша: «заявила-ль она кому слѣдуетъ?» отвѣтила, что никому не заявляла, а «прямо бросилась къ вамъ».

въ первому и всю дорогу бѣжала бѣгомъ». Она была и мѣшанная, передавалъ Алеша, и вся дрожала какъ листъ же Алеша прибѣжалъ вмѣстѣ съ ней въ ихъ избу, то Смердякова все еще висѣвшимъ, На столѣ лежала записка: «ляю свою жизнь своею собственною волей и охотой, чтобы не винить». Алеша такъ и оставилъ эту записку на пошелъ прямо къ исправнику, у него обо всемъ заяв оттуда прямо къ тебѣ», заключилъ Алеша, пристально ваясь въ лицо Ивана. И все время, пока онъ рассказывает не отводилъ отъ него глазъ, какъ-бы чѣмъ-то очень пора въ выраженіи его лица.

— Братъ, вскричалъ онъ вдругъ, — ты вѣрно ужаленъ! Ты смотришь и какъ будто не понимаешь что я

— Это хорошо, что ты пришелъ, проговорилъ какъ-бы чиво Иванъ и какъ-бы вовсе не слыхавъ восклицанія А: А вѣдь я зналъ, что онъ повѣсился.

— Отъ кого-же?

— Не знаю отъ кого. Но я зналъ. Зналъ-ли я? Да, сказалъ. Онъ сейчасъ еще мнѣ говорилъ...

Иванъ стоялъ среди комнаты и говорилъ все также за и смотря въ землю.

— Кто онъ? спросилъ Алеша, невольно оглядѣвшись к:

— Онъ улизнулъ.

Иванъ поднялъ голову и тихо улыбнулся:

— Онъ тебя испугался, тебя, голубя. Ты «чистый херу Тебя Дмитрій херувимомъ зоветъ. Херувимъ... Громовый восторга серафимовъ! Что такое серафимъ? Можетъ быть, созвѣздіе. А, можетъ быть, все то созвѣздіе есть всего какая-нибудь химическая молекула... Есть созвѣздіе Солнца, не знаешь-ли?

— Братъ, сядь! проговорилъ Алеша въ испугѣ, — сядь Бога, на диванъ. Ты въ бреду, прилягъ на подушку, вот! Хочешь полотенце мокрое къ головѣ? Можетъ, лучше ст

— Дай полотенце, вотъ тутъ на стулѣ, я давеча сюда бѣ

— Тутъ нѣтъ его. Не безпокойся, я знаю гдѣ лежитъ оно, сказалъ Алеша, сыскавъ въ другомъ углу комнаты, у паго столика Ивана, чистое, еще сложенное и не употребленное полотенце. Иванъ странно посмотрѣлъ на полотенце; память бы въ мигъ воротилась къ нему.

— Постой, привсталъ онъ съ дивана, — я давеча, часъ это самое полотенце взялъ оттуда-же и смочилъ водой.

ывалъ къ головѣ и бросилъ сюда... какже оно сухое? Дру-
не было.

— Ты прикладывалъ это полотенце къ головѣ? спросилъ
я.

— Да, и ходилъ по комнатѣ, часъ назадъ... Почему такъ
ки сгорѣли? Который часъ?

— Скоро двѣнадцать.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ вдругъ Иванъ,—это былъ
онъ! Онъ былъ, онъ тутъ сидѣлъ, вонъ на томъ диванѣ.
В ты стучалъ въ окно, я бросилъ на него стаканъ... вотъ
э... Постой, я и прежде спалъ, но этотъ сонъ не сонъ. И
де было. У меня, Алеша, теперь бываютъ сны... но они не
а на яву: я хожу, говорю и вижу... а сплю. Но онъ тутъ
гъ, онъ былъ, вотъ на этомъ диванѣ... Онъ ужасно глупъ,
я, ужасно глупъ, засмѣялся вдругъ Иванъ и принялся шагать
омнатѣ.

— Кто глупъ? Про кого ты говоришь, братъ? опять тоскливо
илъ Алеша.

— Чортъ! Онъ ко мнѣ повадился. Два раза былъ, даже почти
Онъ дразнилъ меня тѣмъ, будто я сержусь, что онъ просто
ь, а не сатана съ опаленными крыльями, въ громѣ и блескѣ.
нъ не сатана, это онъ лжетъ. Онъ самозванецъ. Онъ просто
ь, дрянной, мелкій чортъ. Онъ въ баню ходитъ. Раздѣнь его
вѣрно отыщешь хвостъ, длинный, гладкій какъ у датской
и, въ аршинъ длиной, бурый... Алеша, ты озябъ, ты въ снѣгу
, хочешь чаю? Что? Холодный? Хочешь велю поставить? *C'est
pas mettre un chien dehors...*

Алеша быстро сбѣгалъ къ рукомойнику, намочилъ полотенце,
приль Ивана опять състь и обложилъ ему мокрымъ полотен-
голову. Самъ сѣлъ подлѣ него.

— Чтò ты мнѣ давеча говорилъ про Лизу? началъ опять Иванъ.
становился очень словоохотливъ).—Мнѣ нравится Лиза. Я
шь про нее тебѣ что-то скверное. Я солгалъ, мнѣ она нра-
в... Я боюсь завтра за Катю, больше всего боюсь. За буду-
Она завтра броситъ меня и растопчетъ ногами. Она думаетъ,
я изъ ревности къ ней гублю Митю! Да, она это думаетъ!
ь вотъ нѣтъ-же! Завтра крестъ, но не висѣлица. Нѣтъ, я не
шусь. Знаешь-ли ты, что я никогда не могу лишить себя
и, Алеша! Отъ подлости, что-ли? Я не трусь. Отъ жажды
ь! Почему это я зналъ, что Смердяковъ повѣсился? Да, это
мнѣ сказалъ...

— И ты твердо увѣренъ, что это не ты? — сказалъ Алеша.

— Вонъ на томъ диванѣ, въ углу. Ты-бы его прогналъ, ты-же его и прогналъ: онъ исчезъ какъ ты явился. Я твоё лицо, Алеша. Зналъ-ли ты, что я люблю твоё лицо? Да это я, Алеша, я самъ. Все мое низкое, все мое подлое и зрѣнное! Да, я «романтикъ», онъ это поджвѣтъ. Хоть и клевета. Онъ ужасно глупъ, но онъ этии беретъ. Онъ животное хитеръ, онъ знаетъ чѣмъ избѣсить меня. Онъ вообразилъ меня, что я въ него вѣрю и тѣмъ заставилъ меня его слушать. Онъ надулъ меня какъ мальчишку. Онъ мнѣ, впрочемъ, сказалъ много правды. Я-бы никогда этого не сказалъ себѣ. Знаешь Алеша, знаешь, — ужасно серьезно и какъ-бы конфиденціально прибавлялъ Иванъ, — я-бы очень желалъ, чтобъ онъ въ дѣлѣ былъ онъ, а не я!

— Онъ тебя измучилъ, сказалъ Алеша, съ жестокимъ взглядомъ смотря на брата.

— Дразнилъ меня! И, знаешь, ловко, ловко: «Совѣсть совѣсть? Я самъ ее дѣлаю. Зачѣмъ-же я мучаюсь? Попробуй. По всемірной человѣческой привычкѣ за семь тысячъ лѣтъ. Мы отвыкнемъ и будемъ боги». — Это онъ говорилъ, это онъ говорилъ.

— А не ты, не ты? ясно смотря на брата, неудержимо началъ Алеша. — Ну и пусть его, брось его и забудь о немъ! Пусть онъ унесетъ съ собою все, что ты теперь проклинаешь, и пусть не приходитъ!

— Да, но онъ золъ. Онъ надо мной смѣялся. Онъ дерзокъ, Алеша, съ содраганіемъ обиды проговорилъ Иванъ. Но онъ клеветалъ на меня, онъ во многомъ клеветалъ. Да мнѣ-же на меня-же въ глаза. «О, ты идешь совершить великое добродѣтели, объявишь, что убилъ отца, что лакей по твоему наущенію убилъ отца»...

— Братъ, прервалъ Алеша, — удержиись: не ты убилъ. Это неправда!

— Это онъ говорить, онъ, а онъ это знаетъ. «Ты идешь совершить подвигъ добродѣтели, а въ добродѣтель-то и идишь — вотъ что тебя злитъ и мучаетъ, вотъ отчего ты такъ истеричный». — Это онъ мнѣ про меня говорилъ, а онъ знаетъ, что говорить...

— Это ты говоришь, а не онъ! горестно воскликнулъ Иванъ, — и говоришь въ болѣзнь, въ бреду, себя мучая!

— Нѣтъ, онъ знаетъ что говорить. Ты, говоришь, изъ

«И идешь, ты станешь и скажешь: «это я убилъ, и чего вычитесь отъ ужаса, вы лжете! Мнѣніе ваше презираю, ужасъ къ презираю».—это онъ про меня говоритъ, и вдругъ говоритъ: «А знаешь, тебѣ хочется, чтобъ они тебя похвалили: препникъ, дескать, убійца, но какія у него великодушныя чувства, брата спасти захотѣлъ и признался!» Вотъ это такъ ужъ, Алеша! вскричалъ вдругъ Иванъ, засверкавъ глазами.—«Я хочу, чтобы меня смерды хвалили! Это онъ солгалъ, Алеша, солгалъ, клянусь тебѣ! Я бросилъ въ него за это стаканомъ, и расшибся объ его морду.

— Братъ, успокойся, перестань! упрашивалъ Алеша.

— Нѣтъ, онъ умѣетъ мучить, онъ жестокъ, продолжалъ не шая Иванъ.—Я всегда предчувствовалъ, зачѣмъ онъ приходитъ. «Пусть, говоритъ, ты шелъ изъ гордости, но вѣдь все-же а и надежда, что уличатъ Смердякова и сошлютъ въ каторгу,

Митю оправдаютъ, а тебя осудятъ лишь *нравственно* — вышнись, онъ тутъ смѣялся!)—а другіе такъ и похвалятъ. Но ты умеръ Смердяковъ, повѣсился,—ну, и кто-жь тебѣ тамъ на вѣ теперь-то одному повѣритъ? А вѣдь ты идешь, идешь, ты такъ пойдешь, ты рѣшилъ, что пойдешь. Для чего-же ты идешь послѣ этого?» Это страшно, Алеша, я не могу выносить такихъ вопросовъ. Кто смѣетъ мнѣ задавать такіе вопросы?

— Братъ, прервалъ Алеша, замирая отъ страха, но все еще съ-бы надѣясь образумить Ивана, — какъ-же могъ онъ говорить тебѣ про смерть Смердякова до моего прихода, когда еще кто и не зналъ о ней, да и времени не было никому узнать?

— Онъ говорилъ, твердо произнесъ Иванъ, не допуская и вѣннїя. — Онъ только про это и говорилъ, если хочешь. «И ро-бы ты, говоритъ, въ добродѣтель вѣрилъ: пусть не повѣтъ мнѣ, для принципа иду. Но вѣдь ты поросенокъ, какъ Фель Павловичъ и что тебѣ добродѣтель? Для чего-же ты туда идешь, если жертва твоя ни къ чему не послужитъ? А кому, что ты самъ не знаешь для чего идешь! О, ты-бы много бы, чтобъ узнать самому для чего идешь! И будто ты рѣшился? Ты еще не рѣшился? Ты всю ночь будешь сидѣть и думать: идти или нѣтъ? Но ты все-таки пойдешь и знаешь, что идешь, самъ знаешь, что какъ-бы ты ни рѣшался, а рѣшеніе не отъ тебя зависитъ. Пойдешь, потому что не смѣешь не идти. Почему не смѣешь, — это ужъ самъ угадай, вотъ тебѣ подсказка!» Всталъ и ушелъ. Ты пришелъ, а онъ ушелъ. Онъ я трусомъ назвалъ, Алеша! *Le mot de l'enigme*, что я трусъ!

«Не такія орлы вспарять надъ землею!» Это онъ прибавилъ это онъ прибавилъ! И Смердяковъ это-же говорилъ. Его не убить! Катя меня презираетъ, я уже мѣсяць это вижу, да и Катя презирать начнетъ! «Идешь, чтобъ тебя похваляли», — «это мѣсяцъ ложь! И ты тоже презираешь меня, Алеша. Теперь я тебѣ опять возненавижу! И изверга ненавижу, и изверга ненавижу. Не хочу спасать изверга, пусть сгніетъ въ каторгѣ! Гни въ каторгѣ! О, завтра я пойду, стану предъ ними и плюну имъ въ глаза!»

Онъ вскочилъ въ изступленіи, сбросилъ съ себя пальто и принялся снова шагать по комнатѣ. Алеша вспомнилъ дѣтскія слова его: «Какъ будто я сплю на яву... Хожу, говорю и вижу, а сплю». Именно какъ будто это совершалось тогда. Алеша не отходилъ отъ него. Мелькнула было у него мысль обратиться къ доктору и привести того, но онъ побоялся оставить брата одного: поручить его совсѣмъ не кому было. Наконечномъ Иванъ, мало по малу, сталъ совсѣмъ лишаться памяти. Онъ продолжалъ говорить, говорилъ не умолкая, но уже совсѣмъ не слышно. Даже плохо выговаривалъ слова и вдругъ сильно сбавился на мѣстѣ. Но Алеша успѣлъ поддержать его. Иванъ далъ себя довести до постели, Алеша кое-какъ раздѣлъ его и уложилъ. Самъ просидѣлъ надъ нимъ еще часа два. Больной спалъ крѣпко, безъ движенія, тихо и ровно дыша. Алеша взял подушку и легъ на диванѣ, не раздѣваясь. Засыпая, помолился о Митѣ и объ Иванѣ. Ему становилась понятною болѣзнь Иванова. «Муки гордаго рѣшенія, глубокая совѣсть!» Богъ, которому онъ не вѣрилъ, и правда Его одолевали сердце, все еще не хотѣвшее подчиниться. «Да, — неслось въ головѣ Алеша, уже лежавшаго на подушкѣ, — да, коль Смердяковъ умеръ, то показанію Иванова никто уже не повѣритъ; но онъ пойдетъ и покажетъ!» Алеша тихо улыбнулся: «Богъ побѣдитъ!» подумалъ онъ. «Для возстанетъ въ свѣтѣ правды, или... погибнетъ въ ненависти, мстя самъ и всѣмъ за то, что послужилъ тому, во что не вѣритъ», гордо прибавилъ Алеша и опять помолился за Ивана.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

СУДЕБНАЯ ОШИБКА.

I.

Роковой день.

На другой день послѣ описанных мною событій, въ десять часовъ утра, открылось засѣданіе нашего окружнаго суда и на судѣ надъ Дмитріемъ Карамазовымъ.

Скажу впередъ и скажу съ настойчивостью: я далеко не стою себя въ силахъ передать все то, что произошло на судѣ, въ только въ надлежащей полнотѣ, но даже и въ надлежащемъ порядкѣ. Мнѣ все кажется, что если-бы все припомнить такъ какъ слѣдуетъ разъяснить, то потребуются цѣлая книга же пребольшая. А потому пусть не посятуютъ на меня, что предаю лишь то, что меня лично поразило и что я особенно мнилъ. Я могъ принять второстепенное за главнѣйшее, даже бытъ упустилъ самыя рѣзкія необходимѣйшія черты... А, впрочемъ, вижу, что лучше не извиняться. Сдѣлаю какъ умѣю, и сами поймутъ, что я сдѣлалъ лишь какъ умѣлъ.

А, во первыхъ, прежде чѣмъ мы войдемъ въ залу суда, упомяну о томъ, что меня въ этотъ день особенно удивило. Впрочемъ, удивило не одного меня, а, какъ оказалось впоследствии, многихъ. Именно: всѣ знали, что дѣло это заинтересовало слышавшихъ, что всѣ сгорали отъ нетерпѣнія, когда начнется процессъ, что въ обществѣ нашемъ много говорили, предполагали, мечтали уже цѣлые два мѣсяца. Всѣ знали тоже, что дѣло это получило всероссійскую огласку, но, всетаки, не

представляли себѣ, что оно до такой уже жгучей, до такой дражнительной степени потрясло всѣхъ и каждого, да не только, а повсемѣстно, какъ оказалось это на самомъ этотъ день. Къ этому дню къ намъ съѣхались гости изъ нашего губернскаго города, но и изъ нѣкоторыхъ городовъ Россіи, а, наконецъ, изъ Москвы и изъ Петербурга. Пріѣхали юристы, пріѣхало даже нѣсколько знатныхъ также и дамы. Всѣ билеты были расхвачаны. Для почетныхъ и знатныхъ посѣтителей изъ мужчинъ были даже совсѣмъ уже необыкновенныя мѣста сзади за которыми помѣщался судья; тамъ появился цѣлый рядъ креселъ, занятыхъ разными особами, чего никогда у насъ не допускалось. Особенно много оказалось дамъ, — и пріѣзжихъ, я думаю, даже не менѣе половины всѣхъ! Однихъ только съѣхавшихся отовсюду юристовъ оказалось много, что даже не знали ужь гдѣ ихъ помѣстить, такъ всѣ билеты давно уже были розданы, выпрошены и выкуплены. Я видѣлъ самъ, какъ въ концѣ залы, за эстрадой, была менно и наскоро устроена особая загородка, въ которой стояли всѣхъ этихъ съѣхавшихся юристовъ, и они почти все были счастливыми, что могли тутъ хоть стоять, по крайней мѣрѣ, чтобы выгадать мѣсто, были изъ этой загородки вынесены, и вся набравшаяся толпа простояла все «дѣла сомкнувшей» кучей, плечомъ къ плечу. Нѣкоторыя изъ особенно изъ пріѣзжихъ, явились на хорахъ залы чрезъ разряженныя, но большинство дамъ даже и о нарядахъ за ихъ лицахъ читалось истерическое, жадное, болѣзненно любопытство. Одна изъ характернѣйшихъ особенностей этого собравшагося въ залѣ общества, и которую не могу не отмѣтить, состояла въ томъ, что, какъ и оправдалось по многимъ наблюденіямъ, почти всѣ дамы, по крайней мѣрѣ нѣйшее большинство ихъ, стояли за Митю и за оправданіе. Можетъ быть, главное, потому, что о немъ составилось представленіе какъ о покорителѣ женскихъ сердецъ. Звѣствуются двѣ женщины-соперницы. Одна изъ нихъ, то есть Ирина Ивановна, особенно всѣхъ интересовала; про нее зывалось чрезвычайно много необыкновеннаго, про сякъ къ Митѣ, не смотря даже на его преступленіе, рассказывались удивительныя анекдоты. Особенно упоминалось объ ея «аристократическихъ связяхъ». Говорили, что она

ить правительство, чтобъ ей позволили сопровождать преника на каторгу и обвиняться съ нимъ гдѣ-нибудь въ швахъ подъ землей. Съ неменьшимъ волненіемъ ожидали сненія на судѣ и Грушеньки, какъ соперницы Катерины Ивановны. Съ мучительнымъ любопытствомъ ожидали встрѣчи предъ мѣ двухъ соперницъ — аристократической гордой дѣвушки Катерины; Грушенька, впрочемъ, была извѣстнѣе нашимъ дамамъ, чѣмъ Катерина Ивановна. Ее, «погубительницу Федора Павловича и несчастнаго сына его», видали наши дамы и прежде, и почти до единой, удивлялись, какъ въ такую «самую обыкновенную, совсѣмъ даже не красивую собой русскую мѣщанку» могли въ какой степени влюбиться отецъ и сынъ. Словомъ, толковъ было много. Мнѣ положительно извѣстно, что собственно въ нашемъ дѣлѣ произошло даже нѣсколько серьезныхъ семейныхъ ссоръ за Митю. Многія дамы горячо поссорились со своими супругами за разность взглядовъ на все это ужасное дѣло, и естественно послѣ того, что всѣ мужья этихъ дамъ явились въ залу уже не только нерасположенными къ подсудимому, но даже враждебными противъ него. И вообще положительно можно сказать, что, въ противоположность дамскому, весь мужской элементъ былъ настроенъ противъ подсудимаго. Виднѣлись суровыя, нахмуренныя лица, другія даже совсѣмъ злобныя, и во множествѣ. Правда и то, что Митя многихъ изъ нихъ не смѣлъ оскорбить лично во всемя своего у насъ пребыванія. Конечно, иные изъ посѣтителей были почти даже веселы и весьма безучастны собственно къ судьбѣ Мити, но все-же въ-таки не къ разсматривавшемуся дѣлу; всѣ были заняты разговоромъ его, и большинство мужчинъ рѣшительно желало кары виновнику, кромѣ развѣ юристовъ, которымъ дорога была не виновная сторона дѣла, а лишь, такъ сказать, современно-эстетическая. Всѣхъ волновалъ пріѣздъ знаменитаго Фетюкова. Талантъ его былъ извѣстенъ повсемѣстно, и это уже не первый разъ, что онъ являлся въ провинціи защищать громоздочныя дѣла. И послѣ его защиты таковыя дѣла всегда являлись знаменитыми на всю Россію и надолго памятными. Но нѣсколько анекдотовъ и о нашемъ прокурорѣ и о предсѣдателѣ суда. Разсказывалось, что нашъ прокуроръ трепеталъ встрѣчи съ Фетюковичемъ, что это были старинные враги еще Петербурга, еще съ начала ихъ карьеры, что самолюбивый и высокомерный Ипполитъ Кирилловичъ, считавшій себя постоянно кѣмъ-то обиженнымъ еще съ Петербурга, за то, что не были надле-

жаше опѣнены его таланты. воскресъ было духомъ надъ Карамазовыхъ и мечталъ даже воскресить этимъ дѣломъ увядшее поприще. но что пугалъ его лишь Ѳетюковичъ. счетъ трепета средъ Ѳетюковичемъ сужденія были не справедливы. Прокуроръ нашъ былъ не изъ такихъ характoрные падаютъ духомъ предъ опасностью, а, напротивъ тѣхъ чье самолюбіе вырастаетъ и обрывается именно по возростанію опасности. Вообще-же надо замѣтить, что прокуроръ нашъ былъ слишкомъ горячъ и болѣзненно воспримчивое дѣло онъ вложилъ всю свою душу и велъ его такъ, какъ отъ рѣшенія его зависѣла вся его судьба и все его будущее. Въ юридическомъ мѣрѣ надъ этимъ нѣсколько смѣялись нашъ прокуроръ именно этимъ качествомъ своимъ заслуживъ даже нѣкоторую извѣстность, если далеко не повсемѣстно гораздо бoльшую чѣмъ можно было предположить въ видѣ скромнаго мѣста въ нашемъ судѣ. Особенно смѣялись на страстью къ психологій. По моему, все ошибались: нашъ прокуроръ, какъ человекъ и характеръ, кажется мнѣ, былъ и серьезнѣе, чѣмъ многіе о немъ думали. Но ужь такъ не поставитъ себя этотъ болѣзненный человекъ съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ еще въ началѣ поприща, а затѣмъ всю свою жизнь.

Что-же до предсѣдателя нашего суда, то о немъ можно сказать лишь то, что это былъ человекъ образованный, гуманный, практически знающій дѣло и самыхъ современныхъ идей. Онъ довольно самолюбивъ, но о карьерѣ своей не очень заботился. Главная цѣль его жизни заключалась въ томъ, быть передовымъ человекомъ. Притомъ имѣлъ связи и влияние. На дѣло Карамазовыхъ, какъ оказалось потомъ, онъ относился довольно горячо, но лишь въ общемъ смыслѣ. Его мало интересовало явленіе, классификація его, взглядъ на него, какъ на продуктъ нашихъ социальныхъ основъ, какъ на характеръ русскаго элемента, и проч., и проч. Къ личному-же участи дѣла, къ трагедіи его, равно какъ и къ личностямъ участвующихъ лицъ, начиная съ подсудимаго, онъ относился довольно безразлично и отвлеченно, какъ, впрочемъ, можетъ быть и следовало.

За долго до появленія суда зала была уже набита бумагой. У насъ зала суда лучшая въ городѣ, обширная, высокая и светлая. Направо отъ членовъ суда, помѣщавшихся на нѣсколько возвышеніи, былъ приготовленъ столъ и два ряда креселъ.

присяжныхъ заседателей. Налѣво было мѣсто подсудимаго защитника. На срединѣ залы, близъ помѣщенія суда, стоялъ съ «вещественными доказательствами». На немъ лежали вѣденный шелковый бѣлый халатъ Федора Павловича, ромбидный пестикъ, коимъ было совершено предполагаемое убійство, рубашка Мити съ запачканнымъ кровью рукавомъ, его сюртукъ весь въ кровавыхъ пятнахъ сзади на мѣстѣ, на которомъ онъ сунулъ тогда свой весь мокрый отъ платковъ, самый платокъ, весь закорузлый отъ крови, уже совсѣмъ пожелтѣвшій, пистолетъ, заряженный для убійства Митей у Перхотина и отобранный у него тогда въ Мокромъ Трифономъ Борисовичемъ, конвертъ съ надписью, въ которомъ были приготовлены для Грушеньки три тыщи рублей розовая тоненькая ленточка, которою онъ былъ обвязанъ, и нѣсколько другихъ предметовъ, которыхъ и не упомяну. На нѣсколькихъ разстояніи дальше, въ глубь залы, начинались мѣста для присяжныхъ, но еще предъ баллюстрадой стояло нѣсколько креселъ для свидѣтелей, уже давшихъ свое показаніе, которые оставлены въ залѣ. Въ десять часовъ появился судъ съ приставомъ предсѣдателя, одного члена и одного почетнаго присяжнаго судьи. Разумѣется, тотчасъ-же появился и прокуроръ. Судя по виду, онъ былъ плотный, коренастый человекъ, ниже среднего роста, съ гемороидальнымъ лицомъ, лѣтъ пятидесяти, съ седыми съ просѣдью волосами, коротко обстриженными, и въ лентѣ — не помню ужь какого ордена. Прокуроръ-же появился блѣдный, — да и не блѣдный, а всѣмъ, очень ужь какъ-то блѣдный, почти съ зеленымъ лицомъ, почему-то какъ-бы внезапно поблѣвшимъ въ одну, можетъ быть, ночь, потому что я всего третьяго дня видѣлъ его совсѣмъ еще въ своемъ видѣ. Судя предсѣдатель началъ съ вопроса судебному приставу: «всѣ-ли ли присяжные заседатели»?.. Вижу, однако, что такъ болѣе сказать не могу, уже потому даже, что многого не разслышавъ другое пропустилъ вникнуть, третье забылъ упомянуть, и т.д., потому, что какъ уже и сказалъ я выше, если все вспомнить что было сказано и что произошло, то буквально танетъ у меня ни времени, ни мѣста. Знаю только, что присяжныхъ заседателей, тою и другою стороною, то есть адвокатомъ и прокуроромъ, отведено было не очень много. Со-помню двѣнадцати присяжныхъ запомнилъ: четыре нашихъ купца, два купца и шесть крестьянъ и мѣщанъ нашего города. Въ насъ въ обществѣ, я помню, еще задолго до суда, съ

нѣкоторымъ удивленіемъ спрашивали, особенно дѣла такое тонкое, сложное и психологическое дѣло будетъ ли роковое рѣшеніе какинъ-то чиновникамъ и, наконецъ, куда и «что-де пойметъ тутъ какой-нибудь такой чиновникъ, а где же мужикъ?» Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти четыре чиновника, бывшіе въ составѣ присяжныхъ, были люди мелкіе, карликовые, сѣдые, — одинъ только изъ нихъ былъ нѣсколько выше, — въ обществѣ нашемъ малоизвѣстныя, прозябшіе и вовсе жалованья, имѣвшіе, должно быть, старыхъ женъ, старыхъ никуда нельзя показать, и по кучѣ дѣтей, можетъ быть даже босоногихъ, много-много что развлекавшіе себя досужно нѣбудь картишками и, ужъ разумеется, никогда не прочитавъ одной книги. Два-же купца имѣли хоть и степенныя, но были, какъ-то странно молчаливы и неподвижны; одинъ изъ нихъ брилъ бороду и былъ одѣтъ по нѣмецки, другой, въ денской бородкѣ, имѣлъ на шеѣ, на красной лентѣ, какую-то медаль. Про мѣщанъ и крестьянъ и говорить нечего. Наши пригоньовскіе мѣщане почти тѣ же крестьяне, даже нанути изъ нихъ былъ тоже въ нѣмецкомъ платьѣ и оттого-то, можетъ быть, грязнѣе и непригляднѣе на видъ, чѣмъ остальные. Такъ что дѣйствительно могла зайти мысль, какъ замѣтилъ наприимѣръ, только что я ихъ разсмотрѣлъ: «что могутъ и постичь въ такомъ дѣлѣ?» Тѣмъ не менѣе лица ихъ производило какое-то странно внушительное и почти грозашее впечатлѣніе; были строги и нахмурены.

Наконецъ, председатель объявилъ къ слушанію дѣло о убійствѣ отставнаго титулярнаго совѣтника Федора Павла Карамазова, — не помню вполне, какъ онъ тогда выразился, — дебному приставу велѣно было ввести подсудимаго, и тотъ явился Митя. Все затихло въ залѣ, муху можно было услышать. Не знаю какъ на другихъ, но видъ Митя произвелъ на меня самое неприятное впечатлѣніе. Главное, онъ явился ужасно франтомъ, въ новомъ съ иголочкой сюртукѣ. Я узналъ, что онъ нарочно забазалъ къ этому дню себѣ сюртукъ въ свѣтъ, прежнему портному, у котораго сохранилась еще и была онъ въ новешенькихъ черныхъ лайковыхъ порты въ щегольскомъ бѣльѣ. Онъ прошелъ своими длинными и длинными шагами, прямо, до неподвижности, смотря передъ собою и сълы на свое мѣсто съ самымъ безтрепетнымъ видомъ. Тутъ сейчасъ-же явился и зачатникъ, знаменитый Фотомъ, какъ-бы какой-то подавленный гудъ пронесся къ залѣ. Это

ный, сухой человекъ, съ длинными тонкими ногами, съ чрезвычайно длинными, блѣдными, тонкими пальцами, съ обритымъ мѣ, со скромно причесанными, довольно короткими волосами, онкими изрѣдка кривившимися, не то насмѣшкой, не то злобой, губами. На видъ ему было лѣтъ сорокъ. Лицо его было бы и пріятнымъ, если-бы не глаза его, сами по себѣ нежные и не выразительные, но до рѣдкости близко одинъ отъ друга поставленные, такъ что ихъ раздѣляла всего только одна маленькая косточка его продолговатаго тонкаго носа. Словомъ, физіомія эта имѣла въ себѣ что-то рѣзко птичье, что поражало. Былъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ. Помню первый вопросъ председателя, то есть объ имени, званіи и проч. Митя рѣзко, но какъ-то неожиданно громко, такъ что председатель встряхнулъ даже головой и почти съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Затѣмъ былъ прочитанъ списокъ лицъ, вызванныхъ къ судебному слѣдствію, то есть свидѣтелей и экспертовъ. Списокъ былъ длинный; четверо изъ свидѣтелей не явились. Миусовъ, бывшій въ настоящее время уже въ Парижѣ, по званію котораго имѣлось еще въ предварительномъ слѣдствіи, Хохлакова и помѣщикъ Максимовъ по болѣзни и Смердяковъ за внезапную смертью, причемъ было представлено свидѣтельство отъ полиціи. Извѣстіе о Смердяковѣ вызвало сильное волненіе и шепотъ въ залѣ. Конечно, въ публикѣ многіе еще не знали объ этомъ внезапномъ эпизодѣ самоубійства. Но особенно поразило, это—внезапная выходка Мити: только что донесли о Смердяковѣ, какъ вдругъ онъ со своего мѣста вскочилъ на всю залу:

— Собакѣ собачья смерть!

Помню, какъ бросился къ нему его защитникъ и какъ председатель обратился къ нему, съ угрозой принять строгія мѣры, еще разъ повторится подобная этой выходка. Митя отрыгнулъ и кивая головой, но какъ будто совсѣмъ не раскаяваясь, только разъ повторилъ вполголоса защитнику:

— Не буду, не буду! Сорвалось! Больше не буду!

И ужь конечно, этотъ коротенькій эпизодъ послужилъ не только къ пользѣ во мнѣніи присяжныхъ и публики. Объявлялся адвокатъ и рекомендовалъ себя самъ. Подъ этимъ-то впечатленіемъ былъ прочитанъ секретаремъ суда обвинительный актъ. Актъ былъ довольно кратокъ, но обстоятеленъ. Излагались главнѣйшія причины, почему привлеченъ такой-то, почему онъ долженъ было предать суду, и такъ далѣе. Тѣмъ не менѣе онъ

произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Секретарь прочелъ звучно, отчетливо. Вся эта трагедія какъ-бы вновь предъ всѣми выпукло, концентрично, освѣщенная роковымъ умолимымъ свѣтомъ. Помню, какъ сейчасъ-же по прочтеніи свидѣтель громко и внушительно спросилъ Митю.

— Подсудимый, признаете-ли вы себя виновнымъ?

Митя вдругъ всталъ съ мѣста:

— Признаю себя виновнымъ въ пьянствѣ и развратѣ. Вскрикнулъ онъ какимъ-то опять-таки неожиданнымъ, испуганнымъ голосомъ, — въ дѣлѣ и въ дебошнрствѣ. Хотѣлъ на вѣки честнымъ человѣкомъ именно въ ту секунду, когда сѣла судьба! Но въ смерти старика, врага моего и отца виновенъ! Но въ ограбленіи его—нѣтъ, нѣтъ, не виновенъ и не могу быть виновнымъ. Дмитрій Карамазовъ подлецъ, воръ!

Прокричавъ это, онъ сѣлъ на мѣсто, видимо весь измученный. Предсѣдатель снова обратился къ нему съ краткимъ, но вѣдательнымъ увѣщаніемъ отвѣчать лишь на вопросы, а не вѣстаться въ постороннія и изступленныя восклицанія. Затѣмъ приступилъ къ судебному слѣдствію. Ввели всѣхъ свидетелей для присяги. Тутъ я увидѣлъ ихъ всѣхъ разомъ. Вѣдь, братья подсудимаго были допущены къ свидѣтельству и присяги. Послѣ увѣщанія священника и предсѣдателя, свидетелей увели и расадили по возможности порознь. Затѣмъ они вызывались по одному.

II.

Опасные свидѣтели.

Не знаю были-ли свидѣтели прокурорскіе и отъ защиты отдѣлены предсѣдателемъ какъ-нибудь на группы и въ какомъ именно порядкѣ предположено было вызвать ихъ. Должно бы все это было. Знаю только, что первыми стали вызывать свидетелей прокурорскихъ. Повторю, я не навѣренъ слышалъ всѣхъ допросы и шагъ за шагомъ. Къ тому-же, мое опасеніе! шло-бы отчасти и лишнимъ, потому что въ рѣчахъ прокурора и защитника, когда приступили къ преніямъ, весь ходъ и всѣхъ данныхъ и выслушанныхъ показаній были сведены бы въ одну точку съ яркимъ и характернымъ освѣщеніемъ

замѣчательныя рѣчи я, по крайней мѣрѣ, мѣстами завѣрно и передамъ въ свое время, равно какъ и чрезвычайный и совсѣмъ неожиданный эпизодъ процесса, вшійся внезапно еще до судебныхъ преній и несомнѣнно шій на грозный и роковой исходъ его. Замѣчу только, самыхъ первыхъ минутъ суда выступила ярко нѣбособая характерность этого «дѣла», всѣми замѣченная, необыкновенная сила обвиненія сравнительно со среднѣйшѣй имѣла защита. Это всѣ поняли въ первый мигъ, въ этой грозной залѣ суда начали, концентрируясь, группируя факты и стали постепенно выступать весь этотъ и вся эта кровь наружу. Всѣмъ, можетъ быть, стало еще съ самыхъ первыхъ шаговъ, что это совсѣмъ даже орное дѣло, что тутъ нѣтъ сомнѣній, что въ сущности тѣ-бы и преній не надо, что пренія будутъ лишь только мы, а что преступникъ виновенъ, виновенъ явно, виновончательно. Я думаю даже, что и всѣ дамы, всѣ до единого такимъ нетерпѣніемъ жаждавшія оправданія интереснаго (аго), были въ то-же время совершенно увѣрены въ полвиновности. Мало того, мнѣ кажется, онѣ-бы даже огоресли-бы виновность его не столь подтвердилась, ибо было-бы такого эффекта въ развязкѣ, когда оправреступника. А что его оправдаютъ—въ этомъ, странное тѣ дамы были окончательно убѣждены почти до самойей минуты: «виновенъ, но оправдаютъ изъ гуманности,ыхъ идей, изъ новыхъ чувствъ, которыя теперь пошли», и проч. Для того-то онѣ и сбѣжались сюда съ такимъ иемъ. Мужчины-же наиболѣе интересовались борьбой а и славнаго Фетюковича. Всѣ удивлялись и спрашиа: что можетъ сдѣлать изъ такого потеряннаго дѣла,го выѣденнаго яйца даже и такой талантъ какъ Фетюа потому съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили шагъ мъ за его подвигами. Но Фетюковичъ до самаго конца, рѣчи своей, остался для всѣхъ загадкой. Опытные люди твовали, что у него есть система, что у него уже нѣчто ось, что впереди у него есть цѣль, но какая она—угадо почти невозможно. Его увѣренность и самонадѣяносались, однако-же, въ глаза. Кромѣ того, всѣ съ удоэмъ сейчасъ-же замѣтили, что онъ, въ такое краткоеіе у насъ, всего въ какіе нибудь три дня, можетъ быть, удивительно ознакомиться съ дѣломъ и «до тонкости

изучалъ его». Съ наслажденіемъ рассказывали, напротивъ томъ, какъ онъ всѣхъ прокурорскихъ свидѣтелей съумѣлъ въ время «подвести» и по возможности сбить, а, главное, сохранить ихъ нравственную репутацію, а, стало быть, само собой разумеется и ихъ показанія. Полагали, впрочемъ, что онъ дѣлалъ много-много, что для игры, такъ сказать, для нѣкотораго дѣческаго блеска, чтобъ ужь ничего не было забыто изъ нѣкоторыхъ адвокатскихъ приемовъ: ибо всѣ были убѣждены, что какой-нибудь большой и окончательной пользы онъ всѣмъ «подмарываніями» не могъ достигъ, и, вѣроятно, это самъ онъ всѣхъ понимаетъ, имѣя какую-то свою идею въ запасѣ, и еще пока припрятанное оружіе защиты, которое вдругъ и ружить, когда придетъ срокъ. Но пока все-таки, сознавая силу, онъ какъ бы игралъ и рѣзвился. Такъ, напримеръ, спрашивали Григорія Васильевича, бывшего камердьянера Павловича, дававшего самое капитальное показаніе объ «открытой въ садѣ двери», защитникъ такъ и вцѣплялся въ него, когда ему, въ свою очередь, пришлось предлагать вопросы, замѣтитъ, что Григорій Васильевичъ предсталъ въ залу, и что вѣдѣлись ни мало ни величіемъ суда, ни присутствіемъ отслушавшей его публики, съ видомъ спокойнымъ и чуждымъ величавымъ. Онъ давалъ свои показанія съ такою увѣренностью, какъ если-бы бесѣдовалъ наединѣ со своею Марѳой Игнатьевной, только развѣ почтительнѣе. Сбить его было невозможно: сначала долго спрашивалъ прокуроръ о всѣхъ подробностяхъ семейства Карамазовыхъ. Семейная картина ярко выстала наружу. Слышалось, видѣлось, что свидѣтель былъ простодушенъ и безпристрастенъ. При всей глубочайшей почтительности памяти своего бывшего барина, онъ все-таки, напримеръ, говорилъ, что тотъ былъ въ Митѣ несправедливъ и «не такъ и такъ» дѣтей. «Его, малаго мальчика, безъ меня вши-бы и прибавилъ онъ повѣствуя о дѣтскихъ годахъ Мити. «То годилось отцу сына въ имѣніи его материнскомъ, родовомъ жать». На вопросъ-же прокурора о томъ, какія у него данія утверждать, что Федоръ Павловичъ обидѣлъ въ расѣ сына, Григорій Васильевичъ, въ удивленію всѣхъ, основныхъ данныхъ совсѣмъ никакихъ не представилъ, но и стоялъ на томъ, что расчетъ съ сыномъ былъ «неправильный» и что это точно ему «нѣсколько тысячъ слѣдовало доплачивать». Замѣчу встать, что этотъ вопросъ — дѣйствительно-ли Павловичъ не доплатилъ чего Митѣ, прокуроръ съ особ

ойчивостью предлагалъ потомъ и всѣмъ тѣмъ свидѣтелямъ, которымъ могъ его предложить, не исключая ни Алеши, ни Пвана Фроловича, но ни отъ кого изъ свидѣтелей не получилъ ничего точнаго свѣдѣнія; всѣ утверждали фактъ и никто не могъ представить хоть сколько нибудь яснаго доказательства. После какъ Григорій описалъ сцену за столомъ, когда ворвался грій Федоровичъ и избилъ отца, угрожая воротиться убитъ — мрачное впечатлѣнiе пронеслось по залѣ, тѣмъ болѣе, что малый слуга рассказывалъ спокойно, безъ лишнихъ словъ, образнымъ языкомъ, а вышло страшно краснорѣчиво. За эту свою Митей, ударившимъ его тогда по лицу и сбившимъ съ ногъ, онъ замѣтилъ, что не сердится и давно простилъ. Спокойномъ Смердяковъ выразился, перебрестаясь, что малый не со способностью, да глупъ и болѣзненно угнетенъ, а душевною жнижью, и что его безбожеству Федоръ Павловичъ и старшій братъ учили. Но о честности Смердякова подтвердилъ почти съ темъ же тутъ-же передалъ, какъ Смердяковъ, во время оно, для оброченныхъ барскія деньги, не утаилъ ихъ, а принесъ ину, и тотъ ему за это «золотой подарилъ» и впредь во всемъ брать началъ. Отворенную-же дверь въ садъ подтвердилъ съ тѣмъ же настойчивостью. Впрочемъ, его такъ много расспрашивали, что я всего и припомнить не могу. Наконецъ, опросы перешли къ защитнику, и тотъ первымъ дѣломъ началъ узнавать пакетъ, въ которомъ «будто-бы» спрятаны были Федоромъ Фроловичемъ три тысячи рублей для «известной особы». «Видѣли-вы его сами—вы, столь многолѣтне-приближенный къ вашему ину человекъ?» Григорій отвѣтилъ, что не видѣлъ, да и не знаетъ о такихъ деньгахъ вовсе ни отъ кого, «до самыхъ тѣхъ денегъ, какъ вотъ зачали теперь всѣ говорить». Этотъ вопросъ о пакетѣ Федюковичъ со своей стороны тоже предлагалъ всѣмъ, но могъ объ этомъ спросить изъ свидѣтелей съ такою-же настойчивостью, какъ и прокуроръ свой вопросъ о раздѣлѣ имѣнiя. Но всѣхъ тоже получалъ лишь одинъ отвѣтъ, что пакета никто не видалъ, хотя очень многіе о немъ слышали. Эту настойчивую защитника на этомъ вопросѣ всѣ съ самаго начала замѣтили. — Теперь могу-ли обратиться къ вамъ съ вопросомъ, если вы только позволите, вдругъ и совсѣмъ неожиданно спросилъ Федюковичъ, — изъ чего состоялъ тотъ бальзамъ, или, такъ сказать, настойка, посредствомъ которой вы въ тотъ вечеръ, передъ своимъ уходомъ, какъ известно изъ предварительнаго слѣдствiя, вытерли у страдающую поясницу, надеясь тѣмъ излѣчиться?

Григорій туво посмотрѣлъ на опрочиска и, полагаясь сколько, пробормоталъ: «былъ шалфей положенъ».

— Только шалфей? Не припомните-ли еще чего-нибудь?

— Подорожникъ былъ тоже.

— И перецъ, можетъ быть? любопытствовалъ Фетюковичъ.

— И перецъ былъ.

— И такъ далѣе. И все это на водочкѣ?

— На спирту.

Въ залѣ чуть-чуть пронесся смѣшокъ.

— Видите, даже и на спирту. Вытерши спину, вытерши тальное содержаніе бутылки, съ нѣкою благочестивою немилостью известной лишь вашей супругѣ, изволили выпить, вѣдь и

— Выпилъ.

— Много-ли примѣрно выпили? Примѣрно? Рюмочку, дружокъ?

— Со стаканъ будетъ.

— Даже и со стаканъ. Можетъ быть, и полтора стакана.

Григорій замолкъ. Онъ какъ-бы что-то понялъ.

— Стаканчика полтора чистенькаго спиртику — оно очень недурно, какъ вы думаете? Можно и «райскія двери» увидеть, не то что дверь въ садъ?

Григорій все молчалъ. Опять прошелъ смѣшокъ въ залѣ. Предсѣдатель пошевелился.

— Не знаете-ли вы навѣрно, вливался все болѣе и болѣе Фетюковичъ — почивали вы или нѣтъ въ ту минуту, когда увидѣли отворенную въ садъ дверь?

— На ногахъ стоялъ.

— Это еще не доказательство, что не почивали (еще и смѣшокъ въ залѣ). Могли-ли, напримѣръ, отвѣтить въ ту минуту, если-бы васъ кто спросилъ о чемъ, — ну, напримѣръ, о томъ который у насъ теперь годъ?

— Этого не знаю.

— А который у насъ теперь годъ, нашей эры, отъ Рождества Христова, не знаете-ли?

Григорій стоялъ со сбитымъ видомъ, въ упоръ смотря на своего мучителя. Странно это. казалось, повидимому, что онъ действительно не знаетъ какой теперь годъ.

— Можетъ быть, знаете, однако, сколько у васъ на рунѣ пальцевъ?

— Я человекъ подневольный. вдругъ грѣшно и раздѣлъ проговорилъ Григорій, — коли начальству угодно надо мною смѣхаться, такъ я снести долженъ.

Фетюковича какъ-бы немножко осадило, но ввязался и пред-
тель и назидательно напомнилъ защитнику, что слѣдуетъ
звать болѣе подходящіе вопросы. Фетюковичъ, выслушавъ, съ
уважениемъ поклонился и объявилъ, что разспросы свои кон-
читъ. Конечно, и въ публикѣ, и у присяжныхъ могъ остаться
нѣкій червячекъ сомнѣнія въ показаніи челоуѣка, имѣвшаго
важность «видѣть райскія двери» въ извѣстномъ состояніи
и, и кромѣ того даже невѣдующаго какой нынче годъ отъ-
цества Христова; такъ что защитникъ своей цѣли всетаки
достигъ. Но предъ уходомъ Григорія произошелъ еще эпизодъ.
Предатель, обратившись къ подсудимому, спросилъ: не имѣетъ-
ли чего замѣтить по поводу данныхъ показаній?

— Кромѣ двери, во всемъ правду сказалъ, громко крикнулъ
предатель. — Что вшей мнѣ вычесывалъ — благодарю, что побои мнѣ
давалъ — благодарю; старикъ былъ честенъ, всю жизнь и въ-
отцу какъ семьсотъ пуделей.

— Подсудимый, выбирайте ваши слова, строго проговорилъ
предатель.

— Я не пудель, проворчалъ и Григорій.

— Ну, такъ это я пудель, я! крикнулъ Митя. — Коли обидно,
на себя принимаю, а у него прощенія прошу: былъ звѣрь и
былъ жестокъ! Съ Езопомъ былъ жестокъ.

— Съ какимъ Езопомъ? строго поднялъ опять предсѣдатель.

— Ну, съ Пьеро... съ отцемъ, съ Федоромъ Павловичемъ.

Предсѣдатель опять и опять внушительно и строжайше уже
сказалъ Митѣ, чтобъ онъ осторожнѣе выбиралъ свои выраженія.

— Вы сами вредите себѣ тѣмъ во мнѣніи судей вашихъ.

Одно также весьма ловко распорядился защитникъ и при
звалъ свидѣтеля Ракитина. Замѣчу, что Ракитинъ былъ изъ
числа важныхъ свидѣтелей, и которымъ несомнѣнно дорожилъ
Фетюковичъ. Оказалось, что онъ все зналъ, удивительно много
зналъ, у всѣхъ-то онъ былъ, все-то видѣлъ. со всѣми-то гово-
рилъ, подробнѣйшимъ образомъ зналъ біографію Федора Павловича
Карамазовыхъ. Правда, про пакетъ съ тремя тысячами
рублей слышалъ лишь отъ самого Мити. Зато подробно описалъ
Мити въ трактирѣ «Столичный городъ», всѣ компроме-
тированія того слова и жесты и передалъ исторію о «мочалкѣ»
съ-вапитана Снѣгирева. На счетъ-же того особаго пункта,
какимъ образомъ что-нибудь долженъ Федоръ Павловичъ Митѣ при раз-
рѣшеніи — даже самъ Ракитинъ не могъ ничего указать
и ограничился лишь общими мѣстами презрительнаго характера:

«кто, дескать, могъ-бы разобрать чью-нибудь выводитную и кто кому остался долженъ при безтолковой Карачановой, которой никто себя не могъ ни понять, ни опредѣлить трагедію судимаго преступленія онъ изображалъ какъ въ застарѣлыхъ нравовъ крѣпостнаго права и погруженнаго въ порядокъ Россіи, страдающей безъ соответственныхъ умовъ. Словомъ, ему дали все-что высказать. Съ этого процесса на другой день Ракитинъ въ первый разъ заявилъ себя и сталъ какъ прокуроръ звать, что свидѣтель готовить въ журналъ о настоящемъ преступленіи и потомъ уже въ рѣчи своей (увидимъ ниже) цитовалъ нѣсколько мыслей изъ этой книги, значить, уже былъ съ нею знакомъ. Картина, изображенная дѣломъ, вышла мрачною и роковою и сильно подкрѣпленна «неніе». Вообще-же изложеніе Ракитина плѣнило публику всимостию мысли и необыкновеннымъ благородствомъ. Послышались даже два—три внезапно сорвавшіяся рукоплесканія именно въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ говорилось о крѣпостности и о страдающей отъ безурядицы Россіи. Но Ракитинъ, какъ молодой человѣкъ, сдѣлалъ маленькій промахъ, и тотчасъ-же отиѣвно успѣлъ воспользоваться защитникомъ. На навѣстные вопросы на счетъ Грушеньки, онъ, увлеченный своимъ успѣхомъ, который, конечно, уже самъ сознавалъ, въ высотой благородства, на которую воспарилъ, позволилъ выразиться объ Аграфенѣ Александровнѣ нѣсколько презрительно какъ о «содержанкѣ купца Самсонова». Дорого далъ-бы онъ тогь, чтобы воротить свое словечко, ибо на немъ-то и стоялъ его тотчасъ-же Фетюковичъ. И все потому, что Ракитинъ не рассчитывалъ, что тотъ въ такой краткій срокъ могъ бы ихъ интимныхъ подробностей ознакомиться съ дѣломъ.

— Позвольте узнать, началъ защитникъ съ самою доброй и даже почтительною улыбкой, когда пришлось ему къ очередь задавать вопросы,—вы, конечно, тотъ самый и есть на другой день Ракитинъ, котораго брошюру, изданную епархіальнымъ чальствомъ, *Жизніе въ Бозѣ почитаемо старца оца* въ полную глубину и религиозныхъ мыслей, съ превосходнымъ благочестивымъ посвященіемъ пресвященному, а недавно еще съ такимъ удовольствіемъ.

— Я написалъ не для печати... это потому напечаталъ бормоталъ Ракитинъ, какъ-бы вдругъ чѣмъ-то опѣшонный и со стыдомъ.

— О, это прекрасно! Мыслитель, какъ вы, можете и

относиться весьма широко ко всякому общественному Покровительству пресвященнаго ваша полезнѣшая разошлась и доставила относительную пользу... Но я емь, главное, желаю-бы у васъ полюбобытствовать: вы то заявляя, что были весьма близко знакомы съ господиной? Нога была. Фамиле Грушевыи оказалась «Свѣтло я узналъ въ первый разъ только въ этотъ день, во да процесса».

«Не могу отвѣчать за все мои знакомства... Я молодой... и кто-же можетъ отвѣчать за всѣхъ тѣхъ, кого встрѣлъ и вспыхнулъ весь Ракининъ».

«Понимаю, слышномъ понимаю! Воспылнулъ Остроковичъ, самъ сконфуженный и какъ-бы стремительно спѣша извинивы, какъ и всѣмъ другой, могли быть въ свою очередь рованы знакомствомъ молодой и красивой женщины, принимавшей къ себѣ кѣтъ здѣшней мовожеи, е... а иншь освѣдомиться: намъ известно, что Свѣтлова, мѣсяца дѣ, чрезвычайно желала познакомиться съ младшимъ вымъ, Алексѣемъ Федоровичемъ, и только зато чтобы ли его къ ней, и именно въ его тогдашнемъ монастырѣ, она пообѣщала вамъ выдать двадцать пять рублей что вы его къ ней приведете. Это, какъ и известно, съ именно въ вечеръ того дня, который закончилось трагикатастрофой, послужившею основаніемъ настоящему».

«привелъ Алексѣя Карамазова къ госпожѣ Свѣтловой.— или вы тогда эти двадцать пять рублей наградныхъ отъ я, вотъ что я желаю-бы отъ васъ услышать? что была шутка... Я не вижу, почему васъ можетъ интел... Я взялъ для шутки... и чтобы потомъ отдать... тало быть, взяли. Но вѣдь не отдали-же и до сихъ поръ... ли?»

«то пустое... бормоталъ Ракининъ.— я не могу на этикіе отвѣчать... Я, конечно, отдамъ...»

«пился председателю, но защитникъ возвысился, что онъ росы господину Ракинину кончель. Господинъ Ракининъ со сцены нѣсколько подзадоренный. Блещательнѣе отъ выгородства его рѣчи было такъ спорчено, и Остроковичъ, в его глазахъ, какъ-бы говорилъ, указывая публикѣ: ескать, каковы ваши благородные обвинители!» Почую, ю и тутъ безъ эпизода со стороны Мити разбитый, то, какимъ Ракининъ выразился о Грушевыи, онъ вдругъ

закричалъ со своего мѣста: «Бернаръ!» Когда-же по окончаніи всего вопроса Ракитина, обратился къ нему не желая-ли онъ чего замѣтить со своей стороны, то крикнулъ:

— Онъ у меня уже у подсудимаго дѣньга таскаетъ! Бернаръ презрѣнный и карьеристъ, и въ Бога не вѣрующаго священнаго надуль!

Митю, конечно, опять, образумили за неистовство, но господинъ Ракитинъ былъ доконченъ. Не повезло и самому штабсъ-капитану Сибирева, но уже совѣтъ отъ причины. Онъ предсталъ весь изорванный, въ грязной и грязныхъ сапогахъ, и не смотря на всѣ предосторожности верительную «экспертизу», вдругъ оказался совѣтъ пьянъ. На вопросы объ обидѣ нанесенной ему Митей, вдругъ отвѣчать.

— Богъ съ нами-съ. Илюшечка не велѣлъ. Митя не заплачетъ-съ.

— Кто вамъ не велѣлъ говорить? Про кого вы у...

— Илюшечка, сыночекъ мой: «Папочка, папочка, не тебя унижилъ!» У камушка произнесъ. Теперь помиримъ.

Штабсъ-капитанъ вдругъ зарыдалъ и съ размаху бунтовать ноги председателю. Кто поскорѣ вывели, при сихъ публичныхъ готовленномъ прокуроромъ впечатлѣніе не состоялось.

Защитникъ-же продолжалъ пользоваться всѣми средствами все болѣе и болѣе удивляя своимъ ознакомленіемъ съ дѣльми мельчайшихъ подробностей. Такъ, напримѣръ, показаніе П. Борисовича произвело было весьма сильное впечатлѣніе и конечно, было чрезвычайно неблагоприятно для Мити. Онъ чуть не по пальцамъ, высчиталъ, что Митя, въ первый свой въ Мокрое, за мѣсяцъ почти предъ катастрофой, и истратилъ менѣе трехъ тысячъ или «развѣ безъ самаго малаго. На однѣхъ этихъ цыганокъ сколько раскиданно! Ни то, нашимъ-то шивымъ мужикамъ не то что «полтинное не шибали», а по меньшей мѣрѣ двадцатипяти-рублевый бундарики, меньше не давали. А сколько у нихъ тогда простояли-съ! Вѣдь кто украсть, тотъ руки своей не оставилъ, цѣлкомъ понять, вора-то-съ, когда сами зря разбрасывали! Вѣдь народъ разбойникъ, душу свою не хранить. А дѣвки-то-съ, а тамъ-то нашимъ деревенскимъ что пошло! Разбогатѣли у той поры, вотъ что-съ, прежде бѣдность была». Слова припомнилъ всякую задорную и вывелъ все точно на се

разомъ, предположеніе о томъ, что истрачены были лишь
 ысячи, а другіе отложены въ задонку, становилось не-
 ь. «Самъ видѣлъ, въ рукавъ у нихъ видѣлъ три тысячи
 бопѣчеу, глазами созерцалъ, ужъ намъ-ли счету не
 съ!» восклицалъ Трифонъ Борисовичъ, изъ всѣхъ слѣзъ
 дить «начальству». Но когда опросъ перешелъ въ за-
 тотъ, бочка и не пробуя опровергать показаніе, вдругъ
 ь о томъ, что эмшевъ Тимошею и другой мужикъ Акимъ
 ь Моромъ, въ этотъ первый бутель, еще за мѣсяцъ до
 0 рублей въ сѣняхъ на полу, сброшеными Митей въ
 ь видѣ, и представили ихъ Трифону Борисовичу, а тотъ
 за это по рублю. «Ну, такъ возвратили вы тогда эти
 в господну Карамазову или нѣтъ?» Трифонъ Бори-
 ь ни видѣлъ, но, послѣ допроса мужиковъ, въ задней
 ой сознался, прибавивъ только, что Дмитрію Федоровичу
 свято все возвратилъ и вручилъ по «самой честности, и
 олько онъ самъ будучи въ то время совсѣмъ пьянымъ-съ,
 то могутъ припомнить». Но такъ какъ онъ все такъ до
 видѣтелей-мужиковъ въ находѣ ста рублей отписался,
 ваніе его о возвратѣ суммы имѣльному Митею естественно
 ь большому сомнѣнію. Такимъ образомъ, слѣдъ изъ обя-
 свѣдѣтели, выставленные прокураторомъ, ужель одель
 озрѣными и въ репутаціи своей слѣдъ освоенными,
 ключевымъ и съ поляками: тѣ звѣдось тогда и беззавѣ-
 ько засвѣдѣтельствовали, что, во первыхъ, она «служила
 что «панъ Мита» предлагалъ имъ три тысячи, чтобы
 ь честь, и что они сами видѣли большіе деньги въ ру-
 Панъ Муссаловичъ вставлялъ страшно много пльскихъ
 свои фразы и видя, что это только возвышаетъ его въ
 рещидателя и прокурора, возвысилъ, наконецъ, свои
 чательно и сталъ уже совсѣмъ говорить по русски. Но
 ь показавъ и какъ въ свои персты какъ онъ велѣлъ вы-
 патъ Трифонъ Борисовичъ, а восталъ дожидатъ болѣе со-
 о его богота какъ была подмѣнена панъ на Крѣпаче-
 ю, и что панъ Муссаловичъ, мѣта банъ, подтвердилъ
) уже подтвердилъ Кашановъ, давалъ въ свою очередь
 и оба пана удалились съ вѣдѣльскими сумками, давъ
 рублемъ.

точно такъ произошло почти во время каждаго изъ
 свѣдѣтели. Каждый-то изъ нихъ ступилъ есте-
 ственно рожарать и отпустилъ съ вѣдѣльскими сумками.

Любители и юристы только любовались и лишь недоумевали, въ чему такому большому и окончательному все это послужить, ибо, повторяю, всѣ чувствовали неотразимую невинія, все болѣе и трагичнѣе нараставашаго. Но по уму «великаго мага» видѣли, что онъ былъ спокоенъ, и даромъ-же пріѣхалъ изъ Петербурга таковъ человѣкъ и человѣкъ, что-бы ни съ чѣмъ назадъ воротитъ.

III.

Медицинская экспертиза и одинъ Фроловъ.

Медицинская экспертиза тоже не очень помогла. Да и самъ Фетюковичъ, кажется, не очень на нее разсчиталъ, что и оказалось впоследствии. Въ основанія своемъ она была единственно по настоянію Екатерины Ивановны, вызвавъ рочно знаменитаго доктора изъ Москвы. Защита, конечно не могла черезъ нее проиграть, а въ лучшемъ случаѣ и побудить и выиграть. Впрочемъ, отчасти вышло даже какъ что комическое, именно по нѣкоторому разногласію. Экспертиза явилась — пріѣхавшій знаменитый доктор нашъ доктор Герценштубе и, наконецъ, молодой врачъ скій. Оба послѣдніе фигурировали тоже и какъ просто вызванные прокуроромъ. Первымъ спрошенъ былъ въ экспертиза докторъ Герценштубе. Это былъ семидесятилѣтній, свѣдой и плѣшивый, средняго роста, крѣпкаго сложенья всѣ у насъ въ городѣ очень цѣнили и уважали. Былъ добросовѣстный, человѣкъ прекрасный и благочестивый герингутеръ или «Моравскій братъ» — ужь не знаю навѣрно у насъ уже очень давно и держалъ себя съ чрезвычайнымъ достоинствомъ. Онъ былъ добръ и человѣколюбивъ, лѣчилъ бѣдныхъ и крестьянъ даромъ, самъ ходилъ въ ихъ конуры оставляя деньги на лѣкарство, но при томъ былъ и упрямъ. Сбить его съ его идеи, если она зашла у него было невозможно. Кстати, уже всѣмъ почти было извѣстно въ городѣ, что пріѣзжій знаменитый врачъ въ какіе-нибудь три дня своего у насъ пребыванія, позволилъ себѣ чрезвычайно обидныхъ отзывовъ на счетъ дарованнаго Герценштубе. Дѣло въ томъ, что хотъ московскій врачъ

изиты не менѣе двадцати пяти рублей, но все-же нѣкоторые
вашемъ городѣ обрадовались случаю его прїѣзда, не пожа-
денегъ и винулись къ нему за совѣтами. Всѣхъ этихъ боль-
лѣчилъ до него, конечно, докторъ Герценштубе, и вотъ
внѣшній врачъ съ чрезвычайною рѣзкостью окритиковалъ вездѣ
лѣченіе. Подъ конецъ даже, являсь къ больному, прямо спра-
силъ: «Ну, кто васъ здѣсь пачкалъ, Герценштубе? Хе-хе!»
оръ Герценштубе, конечно, все это узналъ. И вотъ всѣ три
а появились одинъ за другимъ для опроса. Докторъ Герцен-
бе прямо заявилъ, что «ненормальность умственныхъ способ-
ей подсудимаго усматривается сама собой» Затѣмъ, пред-
вѣвъ свои соображенія, которыя я здѣсь опускаю, онъ при-
лѣлъ, что ненормальность эта усматривается, главное, не только
прежнихъ многихъ поступковъ подсудимаго, но и теперь, въ
даже минуту, и когда его попросили объяснить, въ чемъ-же
привагается теперь, въ сію-то минуту, то старикъ-докторъ со
прямой своего простодушія указалъ на то, что подсу-
дѣй, войдя въ залу, «имѣлъ необыкновенный и чудный по
оцѣткамъ видъ, шагаль впередъ какъ солдатъ и держалъ
а впереди себя, упираясь, тогда какъ вѣриѣ было ему смо-
ль налѣво, гдѣ въ публикѣ сидятъ дамы, ибо онъ былъ боль-
любитель прекраснаго поза и долженъ былъ очень много
тъ о томъ, что теперь о немъ скажутъ дамы», заключилъ
нчекъ своимъ своеобразнымъ языкомъ. Надо прибавить, что
говорилъ по русски много и охотно, но какъ-то у него каж-
фраза выходила на нѣмецкій манеръ, что, впрочемъ, никогда
мущало его, ибо онъ всю жизнь имѣлъ слабость считать свою
кую рѣчь за образцовую, «за лучшую чѣмъ даже у русскихъ»,
же очень любилъ прибѣгать къ русскимъ пословицамъ, увѣряя
дый разъ, что русскія пословицы лучшія и выразительнѣйшія
всѣхъ пословицъ въ мірѣ. Замѣчу еще, что онъ, въ разго-
ѣ, отъ разсѣянности-ли какой, часто забывалъ слова самыя
чныя, которыя отлично зналъ, но которыя вдругъ почему-то
него изъ ума выскакивали. Тоже самое, впрочемъ, бывало,
да онъ говорилъ по нѣмецки, и при этомъ всегда махалъ рукой
нъ лицомъ своимъ, какъ-бы ища ухватить потерянное сло-
во, и ужъ никто не могъ-бы принудить его продолжать на-
ую рѣчь, прежде чѣмъ онъ не отыщетъ пропавшаго слова.
лчаніе его на счетъ того, что подсудимый, войдя, долженъ
гъ-бы посмотрѣть на дамъ, вызвало игривый шепотъ въ пуб-
лѣ. Старичка нашего очень у насъ любили всѣ дамы, знали

тоже, что онъ, холостой всю жизнь человекъ, блгочнѣломудренный, на женщинъ смотрѣлъ, какъ на высшія ния существа. А потому неожиданное замѣчаніе его и казалось ужасно страннымъ.

Московскій докторъ, спрошенный въ свою очередь, настойчиво подтвердилъ, что считаетъ умственное состояніе подсудимаго за ненормальное, «даже въ высшей степени». Он и умно говорилъ про «аффектъ» и «манію» и выводъ по всѣмъ собраннымъ даннымъ подсудимый предъ судомъ, за нѣсколько еще дней, находился въ несомнѣнномъ аффектѣ, и если совершилъ преступленіе, и сознавая его, но почти невольно, совсѣмъ не итъ сротья съ болѣзненнымъ нравственнымъ влеченіемъ, и дѣвшимъ. Но кромѣ аффекта, докторъ усматривалъ и и уже пророчило впередъ, по его словамъ, прямую дорогу вершеному уже помѣшательству. (NB. Я передаю свои вамъ, докторъ-же изъяснялся очень ученымъ и специязыкомъ). «Всѣ дѣйствія его наоборотъ здравому смыслу гикъ», продолжалъ онъ.—«Уже не говорю о томъ что далъ, то есть о самомъ преступленіи и всей этой баг но даже третьяго дня во время разговора со мной, у не необъяснимый неподвижный взглядъ. Неожиданный смѣхъ вовсе его не надо. Непонятное постоянное раздраженіе ния слова: «Бернаръ, эника и другія, которыхъ не и особенно усматривалъ докторъ эту манію въ томъ, что димый даже не можетъ и говорить о тѣхъ трехъ тысячахъ въ которыхъ считаетъ себя обманутымъ, безъ какого обыкновеннаго раздраженія, тогда какъ обо всѣхъ другихъ чахъ и обидахъ своихъ говорить и вспоминаеть довольно. Наконецъ, по справкамъ, онъ точно также и прежде, вся когда касалось этихъ трехъ тысячъ, приходилъ въ какое-изступленіе, а между тѣмъ свидѣлствуютъ о немъ. безкорыстенъ и нестяжателенъ. «На счетъ-же мнѣнія собрата моего,—иронически присовокупилъ московскій забанчивая свою рѣчь, — что подсудимый, входя въ залъ, женъ былъ смотрѣть на дамъ, а не прямо предъ собою лишь то, что, кромѣ игривости подобнаго заключенія, оно того и радикально ошибочно: ибо, хотя я вполне согласенъ что подсудимый, входя въ залъ суда, въ которомъ рѣшалъ участь, не долженъ былъ такъ неподвижно смотрѣть на бой и что это дѣйствительно могло-бы считаться признакомъ

иты не менѣе двадцати пяти рублей, но все-же нѣкоторые шемъ городѣ обрадовались случаю его прїѣзда, не пожа-ленегъ и винулись къ нему за совѣтами. Всѣхъ этихъ боль-лѣчилъ до него, конечно, докторъ Герценштубе, и вотъ штый врачъ съ чрезвычайною рѣзкостью окритиковалъ вездѣ ченіе. Подъ конецъ даже, являсь къ больному, прямо спра-лъ: «Ну, кто васъ здѣсь пачкалъ, Герценштубе? Хе-хе!» рь Герценштубе, конечно, все это узналъ. И вотъ всѣ три появились одинъ за другимъ для опроса. Докторъ Герцен-прямо заявилъ, что «ненормальность умственныхъ способ-подсудимаго усматривается сама собой». Затѣмъ, пред-лъ свои соображенія, которыя я здѣсь опускаю, онъ при-ь, что ненормальность эта усматривается, главное, не только режныхъ многихъ поступковъ подсудимаго, но и теперь, въ же минуту, и когда его попросили объяснить, въ чемъ-же швается теперь, въ сію-то минуту, то старикъ-докторъ со прямотой своего простодушія указалъ на то, что подсу-, войдя въ залу, «имѣлъ необыкновенный и чудный по тельствамъ видъ, шагаль впередъ какъ солдатъ и держалъ впереди себя, упираясь, тогда какъ вѣрнѣе было ему смо-налѣво, гдѣ въ публикѣ сидятъ дамы, ибо онъ былъ боль-любитель прекраснаго пола и долженъ былъ очень много о томъ, что теперь о немъ скажутъ дамы», заключилъ юкъ своимъ своеобразнымъ языкомъ. Надо прибавить, что зворилъ по русски много и охотно, но какъ-то у него каж-раза выходила на нѣмецкій манеръ, что, впрочемъ, никогда щало его, ибо онъ всю жизнь имѣлъ слабость считать свою ю рѣчь за образцовую, «за лучшую чѣмъ даже у русскихъ», в очень любилъ прибѣгать къ русскимъ пословицамъ, увѣряя ий разъ, что русскія пословицы лучшія и выразительнѣйшія сѣхъ пословицъ въ мірѣ. Замѣчу еще, что онъ, въ разго-отъ разсѣянности-ли какой, часто забывалъ слова самыя яя, которыя отлично зналъ, но которыя вдругъ почему-то о изъ ума выскакивали. Тоже самое, впрочемъ, бывало, онъ говорилъ по нѣмецки, и при этомъ всегда махалъ рукой лицомъ своимъ, какъ-бы ища ухватить потерянное сло-, и ужъ никто не могъ-бы принудить его продолжать на-рѣчь, прежде чѣмъ онъ не отыщетъ пропавшаго слова. аніе его на счетъ того, что подсудимый, войдя, долженъ бы посмотрѣть на дамъ, вызвало игривый шепотъ въ пуб-Старичка нашего очень у насъ любили всѣ дамы, знали

— Умъ хорошо, а два — лучше, въ потеряннѣмъ прокуроръ, давно уже знавшій обычай старичка говорить, растянута, не смущаясь производимымъ впечатлѣннѣмъ и тѣмъ, что заставляетъ себя ждать, а, напротивъ, еще цѣна свое тугое, картофельное и всегда радостно-самодовольное остроуміе. Старичокъ-же любилъ острить.

— О, да, и я тоже говорю, упрямо подхватывалъ одинъ умъ хорошо, а два гораздо лучше. Но къ нему съ умомъ не пришелъ, а онъ в свой пустякъ... Какъ же онъ его пустякъ? Это слово—куда онъ пустякъ свой забылъ,—продолжалъ онъ, вертя рукой предъ своими глазами да, шпацирень.

— Гулять?

— Ну да, гулять, и я тоже говорю. Вотъ умъ пришел прогуливаться и пришел въ такое глубокое кѣсто, торомъ и потерялъ себя. А между тѣмъ, это былъ блондинъ и чувствительный юноша, о, я очень помню его еще ребенкомъ малюткой, брошеннымъ у отца въ задній дворъ, когда бѣгалъ по землѣ безъ сапожекъ и съ панталончиками и пуговкѣ...

Какая-то чувствительная и проникновенная нота послышалась вдругъ въ голосъ честнаго старичка. Фетюковичъ вздрогнулъ, какъ-бы что-то предчувствуя, и мигомъ привсталъ.

— О, да, я самъ былъ тогда еще молодой человекъ... Ну да, мнѣ было тогда сорокъ пять лѣтъ, а я только-что прѣхалъ. И мнѣ стало тогда жаль мальчика, и я спросилъ почему я не могу купить ему одинъ фунтъ... Ну да, чего фунтъ? Я забылъ, какъ это называется... фунтъ того что дѣти любятъ, какъ это, — ну, какъ это...—замахалъ опять руками, — это на деревѣ растетъ, и его собираютъ и дарятъ...

— Яблоки?

— О, н-нѣ-ѣ-ѣтъ! Фунтъ, фунтъ, яблоки десятокъ, а фунтъ... нѣтъ, ихъ много и все маленькіе, кладутъ въ рюмку в-р-р-рахъ!..

— Орѣхи?

— Ну да, орѣхи, и я тоже говорю, самымъ слезливомъ образомъ, какъ-бы вовсе и не искалъ слова, подтверждая торъ, — и я принесъ ему одинъ фунтъ орѣховъ, ибо я никогда и никто еще не приносилъ фунтъ орѣховъ, и я мой палецъ и сказалъ ему: Мальчикъ! Gott der Vater, er

ся и говорить: Gott der Vater. — Gott der Sohn. Онъ еще
 ялся и лепеталъ: Gott der Sohn. — Gott der heilige Geist.
 онъ еще засмѣялся и проговорилъ сколько могъ, Gott der
 e Geist, А я ушелъ, на третій день иду мимо, а онъ кри-
 мнѣ самъ: «Дядя, Gott der Vater, Gott der Sohn, и только
 ть Gott der heilige Geist, но я ему вспомнилъ, и мнѣ опять
 очень жаль его. Но его увезли, и я болѣе не видалъ его.
 ть прошло двадцать три года, я сижу въ одно утро въ
 кабинетѣ, уже съ бѣлою головой, и вдругъ входитъ цвѣ-
 молодой человѣкъ, котораго я никакъ не могу узнать, но
 юднялъ палецъ и смѣясь говоритъ: Gott der Vater, Gott der
 und Gott der heilige Geist. Я сейчасъ пріѣхалъ и пришелъ
 поблагодарить за фунтъ орѣховъ, ибо мнѣ никто никогда
 купалъ тогда фунтъ орѣховъ, а вы одинъ купили мнѣ
 орѣховъ». И тогда я вспомнилъ мою счастливую моло-
 и бѣднаго мальчика на дворѣ безъ сапожекъ и у меня
 нулось сердце, и я сказалъ: Ты благодарный молодой че-
 лъ, ибо всю жизнь помнилъ тотъ фунтъ орѣховъ, который
 въ принесъ въ твоёмъ дѣтствѣ. И я обнялъ его и благосло-
 И я заплакалъ. Онъ смѣялся, но онъ и плакалъ... ибо
 ии весьма часто смѣется тамъ, гдѣ надо плакать. Но онъ и
 лъ, я видѣлъ это. А теперь, увы!..

- И теперь плачу, нѣмецъ, и теперь плачу, Божій ты че-
 лъ! крикнулъ вдругъ Митя со своего мѣста.

къ-бы тамъ ни было, а анекдотикъ произвелъ въ публикѣ
 орое благопріятное впечатлѣніе. Но главный эффектъ въ
 у Мити произведенъ былъ показаніемъ Катерины Ивановны,
 оромъ сейчасъ скажу. Да и вообще, когда начались свидѣ-
 à discharge, то есть вызванные защитникомъ, то судьба
 бы вдругъ и даже серьезно улыбнулась Митѣ и что всего
 ательнѣе — неожиданно даже для самой защиты. Но еще
 е Катерины Ивановны спрошенъ былъ Алеша, который
 въ припомнилъ одинъ фактъ, имѣвшій видъ даже какъ-будто
 стельнаго уже свидѣтельства противъ одного важнѣйшаго
 а обвиненія.

IV.

Счастье улыбается Митѣ.

ушло это вовсе нечаянно даже для самого Алеши. Онъ
 былъ безъ присяги, и, я помню, что къ нему всѣ сто-

роны отнеслись съ самыхъ первыхъ словъ вопроса чрезвычайно мягко и симпатично. Видно было, что ему предшествовала рая слава. Алеша показывалъ скромно и сдержанно, въ разговорахъ его явно прорывалась горячая симпатія къ несчащному брату. Отвѣчая по одному вопросу, онъ очертилъ характеръ брата, какъ человѣка, можетъ быть, и неистоваго и упрямнаго страстями, но тоже и благороднаго, гордаго и великодушнаго, готоваго даже на жертву, если-бъ отъ него потребовали. Сознавался, впрочемъ, что братъ былъ въ послѣдніе дни страсти къ Грушенькѣ, изъ-за соперничества съ отцомъ, положенія невыносимомъ. Но онъ съ негодованіемъ отвергъ предположеніе о томъ, что братъ могъ убитъ съ цѣлю мести, хотя и сознался, что эти три тысячи обратились въ утѣху, какую-то почти манію, что онъ считалъ ихъ за недодаваемое обманомъ отца, наслѣдство, и что, будучи вовсе не корыстолюбивымъ, даже не могъ заговорить объ этихъ трехъ тысячахъ безъ иступленія и бѣшенства. Про соперничество же съ отцомъ «особь», какъ выразился прокуроръ, то есть Грушенька, онъ отвѣчалъ уклончиво и даже на одинъ или два вопроса онъ не пожелалъ отвѣчать.

— Говорилъ-ли вамъ, по крайней мѣрѣ, братъ вашъ, намѣренъ убитъ своего отца? спросилъ прокуроръ. — Вы не отвѣчать, если найдете это нужнымъ, прибавилъ онъ.

— Прямо не говорилъ, отвѣталъ Алеша.

— Какъ-же? Косвенно?

— Онъ говорилъ мнѣ разъ о своей личной ненависти къ отцу и что боятся, что... въ крайнюю минуту... въ минуту отчаянія... можетъ быть, и могъ-бы убитъ его.

— И вы слышавъ повѣрили тому?

— Боюсь сказать, что повѣрилъ. Но я всегда былъ увѣренъ, что нѣкоторое высшее чувство всегда спасетъ его въ эту минуту, какъ и спасло въ самую дѣлѣ, потому что онъ не убилъ отца моего, твердо закончилъ Алеша громкимъ голосомъ и на всю залу. Прокуроръ вздрогнулъ, какъ боевой конь, слышавшій трубный сигналъ.

— Будьте увѣрены, что я совершенно вѣрю самой искренности убѣжденія вашего, не обуславливая и не assuming его несколько съ любовью къ вашему несчастному брату. Свообразный взглядъ вашъ на весь трагическій эпизодъ, происшедшій въ вашемъ семействѣ, уже извѣстенъ намъ по предварительному слѣдствію. Не скрою отъ васъ, что онъ къ мнѣ

и противорѣчить всѣмъ прочимъ показаніямъ, ратурою. А потому и нахожу нужнымъ спро-
настойчивостью, какія именно данныя руко-
у и направили ее на окончательное убѣжденіе
ста вашего, и, напротивъ, въ виновности дру-
раго вы уже указали прямо на предваритель-

ительномъ слѣдствіи я отвѣчалъ лишь на во-
войно проговорилъ Алеша,—а не шелъ самъ
Смердякова.

а него указали?

со словъ брата Дмитрія. Мнѣ еще до вопроса
что произошло при арестѣ его и какъ онъ самъ
Смердякова. Я вѣрю вполне, что братъ неви-
илъ не онъ, то...

овъ? Почему-же именно Смердяковъ? И почему
ончательно убѣдились въ невиновности вашего

не повѣрять брату. Я знаю, что онъ мнѣ не
цу его видѣлъ, что онъ мнѣ не лжетъ.

лицу? Въ этомъ всѣ ваши доказательства?

мѣю доказательствъ.

ости Смердякова тоже не основываетесь ни на
доказательствѣхъ кромѣ лишь словъ вашего
лица его?

ю иного доказательства.

уроръ прекратилъ разспросы. Отвѣты Алеши
публику самое разочаровывающее впечатлѣ-
у насъ уже поговаривали еще до суда, кто-
ь, кто-то на что-то указывалъ, говорили про
накопилъ какія-то чрезвычайныя доказатель-
ата и въ виновности лакея, и вотъ—ничего,
льствъ, кромѣ какихъ-то нравственныхъ убѣж-
венныхъ въ его качествѣ роднаго брата под-

рашивать и Фетюковичъ. На вопросъ о томъ:
удимый говорилъ ему, Алешѣ, о своей нена-
томъ, что онъ могъ-бы убить его; и что слы-
отъ него, напримѣръ, при послѣднемъ свиде-
офой, Алеша, отвѣчая, вдругъ какъ-бы вздрог-
то, только теперь, припомнивъ и сообразивъ.

— Я припоминаю теперь одно обстоятельство, о котором я было совсѣмъ и самъ позабылъ, но тогда оно было не ясно, а теперь...

И Алеша съ увлеченіемъ, видимо самъ только что недавно попавъ на идею, припомнилъ, какъ въ послѣднемъ изъ свиданій съ Митей, вечеромъ, у дерева, по дорогѣ къ нему, Митя, ударяя себя въ грудь, «въ верхнюю часть груди» сколько разъ повторилъ ему, что у него есть средство спасти свою честь, что средство это здѣсь, вотъ тутъ, въ груди... «Я подумалъ тогда, что онъ, ударяя себя и говоря о своемъ сердцѣ», продолжалъ Алеша, — «о томъ въ сердцѣ своемъ могъ-бы отыскать силы, чтобы избежать одного какого-то ужаснаго позора, который предстоялъ о которомъ онъ даже мнѣ не смѣлъ признаться. Правда, именно подумалъ тогда, что онъ говоритъ объ отцѣ и содрагается какъ отъ позора при мысли пойти къ отцу и выслушать съ нимъ какое-нибудь насвѣіе, а между темъ именно тогда какъ-бы на что-то указывалъ на своей груди, что, помню, у меня мелькнула именно тогда-же мысль, что сердце совсѣмъ не въ той сторонѣ груди, а нѣкогда ударяетъ себя гораздо выше, вотъ тутъ, сейчасъ нѣкогда все указываетъ въ это мѣсто. Моя мысль мнѣ показана была глупою, а онъ именно, можетъ быть, тогда указывалъ на задонку, въ которой защиты были эти полторы тысячи».

— Именно! крикнулъ вдругъ Митя съ мѣста. — Это Алеша, такъ, я тогда объ немъ стучалъ кулакомъ.

Бетюковичъ бросился къ нему впопыхахъ, утѣшиться, и въ тотъ-же мигъ такъ и вцѣпилась въ Алешу. Алеша самъ увлеченный своимъ воспоминаніемъ, горячо высказалъ предположеніе, что позоръ этотъ вѣроятіе всего состоялъ въ томъ, что, нѣкогда на себѣ эти тысячу пятьсотъ рублей, рубли-бы могъ возвратитъ Катеринѣ Ивановнѣ, какъ половину ея долга, онъ всетаки рѣшилъ не отдать ей этой половины, употребить на другое, то есть на увозъ Грушеньки, и она согласилась...

— Это такъ, это именно такъ, восклицалъ во время возбужденія Алеша, — братъ именно восклицалъ мнѣ тогда половину, половину позора (онъ нѣсколько разъ вынулъ половину!), онъ могъ-бы сейчасъ снять съ себя, но что несчастенъ слабостью своего характера, что этого не знаетъ заранѣе, что этого не можетъ и не въ силахъ онъ

И вы твердо, ясно помните, что онъ ударялъ себя именно это мѣсто груди? жадно допрашивалъ Фетюковичъ.

Ясно и твердо, потому что именно мнѣ подумалось тогда: это онъ ударяетъ такъ высоко, когда сердце ниже, и тогда-же показалась моя мысль глупою... я это помню, что мысль глупою... это мелькнуло. Вотъ потому-то я сейчасъ и вспомнилъ. И какъ я могъ позабыть это до самыхъ поръ! Именно онъ на эту ладонку указывалъ, какъ на у него есть средства, но что онъ не отдастъ эти полторы! А при арестѣ, въ Мокромъ, онъ именно кричалъ—я это мнѣ передавали,—что считаетъ самымъ позорнымъ дѣломъ своей жизни, что, имѣя средства отдать половину (именно половину!) долга Катеринѣ Ивановнѣ и стать предъ ней не вонъ онъ все-таки не рѣшился отдать и лучше захотѣлъ остаться в глазахъ воровъ, чѣмъ разстаться съ деньгами! А какъ мучился, какъ онъ мучился этимъ долгомъ! закончилъ, сказавъ, Алеша.

Вздумается, ввязался прокуроръ. Онъ попросилъ Алешу описать какъ это все было, и нѣсколько разъ настаивающая: точно-ли подсудимый, бѣя себя въ грудь, какъ-то указывалъ? Можетъ быть, просто билъ себя кулакомъ по груди?

— Да и не кулакомъ! восклицалъ Алеша, а именно указывалъ пальцами, и указывалъ сюда, очень высоко... Но какъ я это такъ совсѣмъ забылъ до самой этой минуты!

Предсѣдатель обратился къ Митѣ съ вопросомъ, что можетъ сказать на счетъ даннаго показанія. Митя подтвердилъ, что все такъ и было, что онъ именно указывалъ на свои тысячи, бывшіе у него на груди, сейчасъ пониже шеи, вонечно, это былъ позоръ,—«позоръ, отъ котораго не было, позорнѣйшій актъ во всей своей жизни!» вскричалъ. «Я могъ отдать и не отдалъ. Захотѣлъ лучше остаться в глазахъ воровъ, но не отдалъ, а самый главный позоръ въ томъ, что и впередъ зналъ, что не отдамъ! Правъ. Спасибо, Алеша!»

И кончился допросъ Алешин. Важно и характерно было это обстоятельство, что отыскался хоть одинъ лишь фактъ. Одно лишь, положимъ, самое мелкое доказательство, почти намекъ на доказательство, но которое все-же хоть капельку указывало, что дѣйствительно существовала эта ладонка, и въ ней полторы тысячи, и подсудимый не лгалъ

на предварительномъ слѣдствіи, когда въ Мокромъ объявилъ эти полторы тысячи «были мои». Алеша былъ радъ, и краснѣвшійся, онъ прослѣдовалъ на указанное ему мѣсто, долго еще повторялъ про себя: «Какъ это я забылъ! Какъ я это забылъ! И какъ это такъ вдругъ только такъ помнилось!»

Начался допросъ Екатерины Ивановны. Только что она встала, въ залѣ пронеслось нѣчто необыкновенное. Дамы тислись за лорнеты и бинокли, мужчины зашевелились, вставали съ мѣсть, чтобы лучше видѣть. Всѣ утверждали тогъ, что Митя вдругъ поблѣднѣлъ, «какъ платокъ», тогда она вошла. Вся въ черномъ, скромно и почти робко пришла она къ указанному ей мѣсту. Нельзя было угадать изъ нея, что она была изволнована, но рѣшимость сверкала въ темномъ, сумрачномъ взглядѣ. Надо замѣтить, потому что многіе утверждали, что она была удивительно хороша въ ту минуту. Заговорила она тихо, но ясно, на всю залу. Жалась чрезвычайно спокойно или, по крайней мѣрѣ, успѣла быть спокойною. Предсѣдатель началъ вопросы свои особенно чрезвычайно почтительно, какъ-бы боясь коснуться «струны» и уважая великое несчастіе. Но Екатерина Иванова сама, съ самыхъ первыхъ словъ, твердо объявляла на одинъ предложенныхъ вопросовъ, что она была помолвленной въ этой подсудимаго «до тѣхъ поръ, пока онъ самъ меня не вывелъ»... тихо прибавила она. Когда ее спросили о трехъ часахъ, ввѣренныхъ Митѣ для отсылки на почту ее родителямъ, она твердо проговорила: «Я дала ему не прямо на руки, я тогда предчувствовала, что ему очень нужны деньги... въ минуту... Я дала ему эти три тысячи подъ условіемъ, чтобы отослалъ ихъ, если захочетъ, въ теченіе мѣсяца. Напрасно такъ потомъ себя мучилъ изъ-за этого долга»...

Я не передаю всѣхъ вопросовъ и въ точности всѣхъ отвѣтовъ, я только передаю существенный смыслъ ихъ по возможности.

— Я твердо была увѣрена, что онъ всегда успѣетъ послать эти три тысячи, только что получить отъ отца, и жала она, отвѣчая на вопросы. — Я всегда была увѣрена въ его корыстѣ и въ его честности... высокой честности... въ денежныхъ дѣлахъ. Онъ твердо былъ увѣренъ, что получитъ отъ отца три тысячи рублей и нѣсколько разъ мнѣ говорилъ про это. Я знала, что у него съ отцомъ распря, и всегда была я въ распрѣ, и поръ тоже увѣрена, что онъ былъ обиженъ отцомъ. Я жила

нихъ угрозъ отцу съ его стороны. При мнѣ, по крайней мѣрѣ, онъ ничего не говорилъ, никакихъ угрозъ. Если-бъ онъ былъ тогда ко мнѣ, я тотчасъ успокоила-бы его тревогу изъ-за этихъ мнѣ имъ этихъ несчастныхъ трехъ тысячъ, но онъ не приходилъ ко мнѣ болѣе... а я сама... я была поставлена въ такое положеніе... что не могла его звать къ себѣ... Да я и ни-чего права не имѣла быть къ нему требовательна за этотъ долгъ,—прибавила она вдругъ и что-то рѣшительное зазвенѣло въ ея голосѣ,—я сама однажды получила отъ него денежное вспоможеніе еще болѣе чѣмъ въ три тысячи, и приняла его не смотря на то, что и предвидѣть еще тогда не могла, что хоть когда-нибудь въ состояніи буду заплатить ему долгъ мой...

Въ тонѣ голоса ея какъ-бы почувствовался какой-то вызовъ. Но въ эту минуту вопросы перешли къ Фетюковичу.

— Это было еще не здѣсь, а въ началѣ вашего знакомства? Можно подходя подхватилъ Фетюковичъ, въ мигъ запредчувствуя нѣчто благопріятное. (Замѣчу въ скобкахъ, что онъ, несмотря на то что былъ вызванъ изъ Петербурга отчасти и по Катериною Ивановной,—все-таки не зналъ ничего объ этомъ «земномъ поклонѣ». Она этого не сказала ему и скрыла! И это было удивительно. Можно съ увѣренностію предположить, что она сама, до самой послѣдней минуты, не знала: расскажетъ ли тотъ эпизодъ на судъ или нѣтъ, и ждала какого-то вдохновенія).

— Нѣтъ, никогда я не могу забыть этихъ минутъ! Она не могла рассказывать, она все рассказала, весь этотъ эпизодъ, полный Митей Алешѣ, и «земной поклонъ», и причины, и прощаніе своего, и появленіе свое у Мити, и ни словомъ, ни единымъ намекомъ не упомянула о томъ, что Митя, чрезъ сестру Катерину Ивановну предложилъ «прислать къ нему Катерину Ивановну за деньгами». Это она великодушно утаила и не успѣдила съ выстаннымъ наружу, что это она, она сама, приѣхала тогда къ молодому офицеру, своимъ собственнымъ порывомъ, надѣясь на что-нибудь выпросить у него денегъ. Это было нѣчто потрясающее. Я холодѣлъ и дрожалъ, слушая, заглаза замерла, ловя каждое слово. Тутъ было что-то безпримѣрное, такъ что даже въ такой самовластной и презрительно гордой дѣвушки, какъ Катерина, почти невозможно было ожидать такого высоко-откровеннаго показанія, такой жертвы, такого саможертванія. И для чего, Катерина? Чтобы спасти своего измѣнника и обидчика, чтобы

послужить хоть чѣмъ-нибудь, хоть жалкимъ, но своимъ пронаведя въ его пользу хорошее впечатлѣнiе! И въ-дѣлѣ: образъ офицера, отдающаго свои послѣднiя кнѣпы рублемъ,—все что у него оставалось въ жизни,—и почтительное преклонившагося предъ невинною дѣвушкой, выставленное симпатично и привлекательно, но... у меня болѣе въ сердце! Я почувствовалъ, что можетъ выйти потопъ (дѣвушка потопъ, вышла!) клевета! Со злобнымъ свѣтлосомъ потопъ во весь городъ, что разскажь, можетъ быть, не было точнѣе, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ офицеръ отпустилъ себя дѣвицу «будто-бы только съ почтительнымъ поклономъ». Намекали что тутъ нѣчто «пропущено». «Да если-бъ и не пропущено, если-бъ и все правда была, говорили даже почтенныя наши дамы,—то и тогда еще невинность такъ благородно такъ поступить было дѣвушкѣ, даже хоть-бы отца?» И неужели Катерина Ивановна, съ ея умомъ, съ ея дѣвственною проникательностью, не предчувствовала заранѣе такъ заговорить? Непрѣменно предчувствовала, и хоть-бы же сказать все! Разумѣется, всѣ эти грязненькiя сочиненiя правдѣ разсказа начались лишь потопъ, а въ первую очередь и всѣ были потрясены. Что-же до членовъ суда, то Катерина Ивановна выслушала въ благоговѣйномъ, такъ сказать, стыдливомъ молчанiи. Прокуроръ не позволялъ себѣ ни о дальнѣйшаго вопроса на эту тему. Фетюковичъ глубоко задумался ей. О, онъ почти торжествовалъ. Многое было предъ нимъ человѣкъ, отдающiй, въ благородномъ порывѣ, послѣднiе тысячъ, и потопъ тотъ-же человѣкъ убивающiй отца ради цѣлю ограбить его на три тысячи,—это было нѣчто новое и несвязуемое. Но крайней мѣрѣ, хоть грабежъ-то могъ и устранить Фетюковичъ. «Дѣло» вдругъ облилось какою-то новымъ свѣтомъ. Что-то симпатичное пронеслось въ пользу Фетюковича. Онъ-же... про него разсказывали, что онъ разъ или два на показанiя Катерины Ивановны всколыхнулъ было съ мѣста, но упалъ опять на скамью и закрылъ обѣими ладонями лицо. Когда она кончила, онъ вдругъ рыдающимъ голосомъ вскрикнулъ, простирая въ ней руки.

— Катя, зачѣмъ меня погубила!

И громко зарыдалъ было на всю залу. Впрочемъ, не сдержалъ себя и опять прокричалъ:

— Теперь я приговоренъ!

А затѣмъ какъ-бы зачехлилъ на мѣстѣ, стиснувъ

въ крестомъ на груди руки. Катерина Ивановна осталась въ
и сѣла на указанный ей стулъ. Она была блѣдна и сидѣла
лившись. Рассказывали бывшіе близъ нея, что она долго вся
вала какъ въ лихорадкѣ. Къ допросу явилась Грушенька.

Я подхожу близко къ той катастрофѣ, которая, разразившись
платно, дѣйствительно, можетъ быть, погубила Митю. Ибо я
онъ, да и всѣ тоже, всѣ юристы послѣ такъ говорили, что
этого эпизода, преступнику, по крайней мѣрѣ, дали-бы
ожожденіе. Но объ этомъ сейчасъ. Два слова лишь прежде о
женкѣ.

Она явилась въ залу, тоже вся одѣтая въ черное, въ своей
красной черной шали на плечахъ. Платно, своею неслышною
одкой, съ маленькою раскачкой, какъ ходятъ иногда полныя
планы, приблизилась она къ балюстрадѣ, пристально смотря
предсѣдателя и ни разу не взглянувъ ни направо, ни налево.
Поэтому, она была очень хороша собой въ ту минуту и вовсе
блѣдна, какъ увѣряли потомъ дамы. Увѣряли тоже, что у
было какое-то сосредоточенное и злое лицо. Я думаю только,
она была раздражена и тяжело чувствовала на себѣ презри-
тно-любопытные взгляды жадной къ скандалу нашей публики.
Былъ характеръ гордый, не выносящій презрѣнія, одинъ изъ
ихъ, которые, чуть лишь заподозрятъ отъ кого презрѣніе—
часъ воспаляются гнѣвомъ и жаждой отпора. При этомъ
я, конечно, и робость, и внутренній стыдъ за эту робость,
что не мудрено, что разговоръ ея былъ неровенъ — то
сливъ, то презрителенъ и усиленно грубъ, то вдругъ звучала
рѣнная сердечная нотка самоосужденія, самообвиненія. Иногда
говорила такъ, какъ будто летѣла въ какую-то пропасть:
«де равно, что-бы ни вышло, а я, всетаки, скажу»... На
знакомства своего съ Федоромъ Павловичемъ она рѣзко
встала: «Все пустяки, развѣ я виновата, что онъ ко мнѣ при-
дѣлся?» А потомъ черезъ минуту прибавила: «А во всемъ ви-
вѣта, я смѣялась надъ тѣмъ и другимъ,—и надъ старикомъ,
надъ этимъ,—и ихъ обоихъ до того довела. Изъ-за меня все
прошло». Какъ-то коснулось дѣло до Самсонова: «Какое кому
о,—съ какимъ-то наглымъ вызовомъ тотчасъ-же огрызну-
ь она,—онъ былъ мой благодѣтель, онъ меня босоногую
лъ, когда меня родные изъ избы вышвырнули». Предсѣда-
лъ, впрочемъ, весьма вѣжливо, напомнилъ ей, что надо отвѣ-
ь прямо на вопросы, не вдаваясь въ излишнія подробности.
женка побраснѣла и глаза ея сверкнули.

Пакета съ деньгами она не видела, а только слыла «заодья», что есть у Федора Павловича дажной-то пакетъ съ тысячами. «Только это все глупости, и смѣшалась, и не бы туда не пошла»...

— Про кого вы сейчасъ упоминаете пакетъ «заодья»? — домыслился прокуроръ.

— А про лакея, про Смердякова, что барина своего а вчера повѣсился.

Конечно, ее нигомъ спросили: какія-же у ней основанія такого рѣшительнаго обвиненія, но основаній не оказалось и у ней никакихъ.

— Такъ Дмитрій Федоровичъ мнѣ самъ говорилъ, что вѣрнѣе. Разлучница его погубила, вотъ что, всему одна причина, вотъ что, — вся какъ будто содрагалась отъ него прибавила Грушенька и злобная нотка зазвенѣла въ ея голосѣ.

Осмѣдомившись на кого она опять намекаетъ.

— А на барышню, на эту вотъ Катерину Давыдовну. Меня тогда зазвала, шоколадомъ подчивала, прельщала. Стыда въ ней мало истиннаго, вотъ что...

Тутъ предсѣдатель уже строго остановилъ ее, прося у себя выраженія. Но сердце ревнивой женщины уже разгорѣлось, она готова была полетѣть хоть въ бездну...

— При арестѣ въ селѣ Мокромъ, припоинная, спросилъ прокуроръ, — всѣ видѣли и слышали какъ вы, выбѣжавъ изъ двора комнаты, закричали: «Я во всемъ виновата, вмѣстѣ въ каторгу пойдемъ!» Стало быть, была уже и у васъ въ ту минуту ревнивость, что онъ отцеубійца?

— Я чувствъ моихъ тогдашнихъ не помню, отвѣтила Грушенька, — всѣ тогда закричали, что онъ отца убилъ, а я молчала, что это я виновата, и что изъ-за меня онъ убилъ какъ онъ сказалъ, что неповиненъ, а ему тотчасъ повѣрили, теперь вѣрю, и всегда буду вѣрить; не таковъ человекъ онъ солгалъ.

Вопросы перешли къ Остиковичу. Между прочимъ, а онъ спросилъ про Ракитина и про двадцать пять рублей «и что привелъ къ вамъ Алексѣя Федоровича Карамазова».

— А что-жъ удивительнаго, что онъ деньги взялъ, съ зрительною злобой усмѣхнулась Грушенька, — онъ и все не приходилъ деньги канючить, рублей по тридцати, бывало, мѣсяцъ выбереть, все больше на баловство: пить-ѣсть ему на что и безъ моего.

На какомъ-же основаніи вы были такъ щедры къ г. Ра-? подхватилъ Ѳетюковичъ, не смотря на то, что предсѣ- сильно шевелился.

Да вѣдь онъ-же мнѣ двоюродный братъ. Моя мать съ его о родныя сестры. Онъ только все молилъ меня никому здѣсь не сказывать, стыдился меня ужь очень.

Тъ новый фактъ оказался совершенною неожиданностью Бкъ, никто про него до сихъ поръ не зналъ во всемъ даже въ монастырѣ, даже не зналъ Митя. Рассказывали,

Китинъ побагровѣлъ отъ стыда на своемъ стулѣ. Гру- еще до входа въ залу какъ-то узнала, что онъ показалъ

Мити, а потому и озлилась. Вся давешняя рѣчь госпо- акитина, все благородство ея, всѣ выходы на вѣрпостное на гражданское нестройство Россіи,—все это уже окон-

ю на этотъ разъ было похерено и уничтожено въ общемъ . Ѳетюковичъ былъ доволенъ: опять Богъ на шапку по-

Вообще-же Грушеньку допрашивали не очень долго, да огла она, конечно, сообщить ничего особенно новаго. Оста- на въ публикѣ весьма непріятное впечатлѣніе. Сотни пре-

ныхъ взглядовъ устремились на нее, когда она, кончивъ це, усѣлась въ залѣ довольно далеко отъ Катерины Ива- Все время, пока ее спрашивали, Митя молчалъ, какъ-бы въ, опустивъ глаза въ землю. явился свидѣтелемъ Иванъ Ѳедоровичъ.

V.

Внезапная катастрофа.

Ѣчу, что его вызвали было еще до Алешки. Но судебный къ доложилъ тогда предсѣдателю, что, по внезапному не- лю или какому-то припадку, свидѣтель не можетъ явиться , но только что оправится, то когда угодно готовъ будетъ юе показаніе. Этого, впрочемъ, какъ-то никто не слы- узнали уже впоследствии. Появленіе его въ первую ми- ыло почти незамѣчено: главные свидѣтели, особенно двѣ ны, были уже допрошены; любопытство было пока удов- но. Въ публикѣ чувствовалось даже утомленіе. Предстояло слушать нѣсколько свидѣтелей, которые вѣроятно ничего аго не могли сообщить въ виду всего, что было уже

сообщено. Время-же уходило. Иванъ Федоровичъ прѣдъ какъ-то удивительно медленно, ни на кого не глядя и даже голову, точно о чемъ-то нахмуренно соображая. Онъ былъ безукоризненно, но лицо его на меня, по крайнему произвело болѣзненное впечатлѣніе: было въ этомъ лицѣ какъ-бы тронутое землей, что-то похожее на лицо покойнаго человѣка. Глаза были мутны, онъ подынялъ ихъ и медленнымъ залу. Адепта вдругъ вскопчилъ было со своего стула и стоналъ: ахъ! Я помню это. Но и это мало кто узналъ.

Предсѣдатель началъ было съ того, что онъ свидѣтель присяги, что онъ можетъ показывать или умалчивать, конечно, все показанное должно быть по совѣсти, и т. д. Иванъ Федоровичъ слушалъ и мутно глядѣлъ на него; но лицо его стало медленно раздвигаться въ улыбку, и тогда предсѣдатель, съ удивленіемъ на него смотрѣвшій, началъ говорить, онъ вдругъ разсмѣялся.

— Ну и что-же еще? громко спросилъ онъ.

Все затихло въ залѣ, что-то какъ-бы почувствовалось свидатель забеспокоился.

— Вы... можетъ быть, еще не такъ здоровы? протѣнулъ онъ было, ница глазами судебного пристава.

— Не беспокойтесь, ваше превосходительство, я все здоровъ и могу вамъ кое-что рассказать любопытное, онъ вдругъ совсѣмъ спокойно и почтительно Иванъ Федоровичъ.

— Вы имѣете предъявить какое-нибудь особое свидѣтельство все еще съ недовѣрчивостью продолжалъ предсѣдатель.

Иванъ Федоровичъ потупился, помедлилъ нѣсколько секундъ и, поднявъ снова голову, отвѣтилъ какъ-бы заикаясь:

— Нѣтъ... не имѣю. Не имѣю ничего особеннаго.

Ему стали предлагать вопросы. Онъ отвѣчалъ совсѣмъ то нехотя, какъ-то усиленно кратко, въ какихъ-то даже цѣнѣнъ, все болѣе и болѣе нарастающимъ, хотя, впрочемъ, частъ всетаки толково. На многое отговорился незнаемъ счетовъ отца съ Дмитріемъ Федоровичемъ ничего не замѣтилъ не занимался этимъ», произнесъ онъ. Объ угрозахъ убій слышалъ отъ подсудимаго. Про деньги въ пакетѣ слышалъ Смердякова...

— Все одно и то же, прервалъ онъ вдругъ съ утомленнымъ видомъ:—я ничего не могу сообщить суду особеннаго.

— Я вижу, вы нездоровы, и понимаю ваши чувства, началъ было предсѣдатель.

обратился было къ сторонамъ, къ прокурору и защитриглашая ихъ, если найдутъ нужнымъ, предложить во-какъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ изнеможеннымъ голосомъ нъ.

Отпустите меня, ваше превосходительство, я чувствую нъ нездоровымъ.

Въ этомъ словомъ, не дожидаясь позволенія, вдругъ самъ нся и пошелъ было изъ залы. Но, пройдя шага четыре, нся, какъ-бы что-то вдругъ обдумавъ, тихо усмѣхнулся нся опять на прежнее мѣсто.

И, ваше превосходительство, какъ та крестьянская дѣвка... какъ это: «Захоцу—вскоцу, захоцу—нѣ вскоцу», за ней съ сарафаномъ, али съ панёвой, что-ли, чтобъ она вско-гобы завязать и вѣнчать везти, а она говоритъ: «За-скоцу, захоцу—нѣ вскоцу»... Это въ какой-то нашей на-и...

Итѣ вы этимъ хотите сказать? строго спросилъ предсѣ-

А вотъ, вынулъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ пачку денегъ,— нги... тѣ самыя, которыя лежали вотъ въ томъ пакетѣ внулъ на столъ съ вещественными доказательствами) и которыхъ убили отца. Куда положить? Господинъ судеб-иставъ, передайте.

бный приставъ взялъ всю пачку и передалъ предсѣда-

Какимъ образомъ могли эти деньги очутиться у васъ...

тѣ самыя деньги? въ удивленіи проговорилъ предсѣдатель. Иолучилъ отъ Смердякова, отъ убійцы, вчера... Былъ у юдъ тѣмъ какъ онъ повѣсился. Убилъ отца онъ, а не Энъ убилъ, а я его научилъ убить... Кто не желаетъ нтца?..

Вы въ умѣ или нѣтъ? вырвалось невольно у предсѣдателя.

То-то и есть что въ умѣ... и въ подломъ умѣ, въ та-

какъ и вы, какъ и всѣ эти... р-рожи! обернулся онъ на публику.—Убили отца, а притворяются что испуга-

проскрежеталъ онъ съ яростнымъ презрѣніемъ.— Другъ

ругомъ кривляются. Лгуны! Всѣ желаютъ смерти отца.

адъ съѣдаетъ другую гадину... Не будь отцеубійства--

ни разсердились и разошлись злые... Зрѣлищъ! «Хлѣба и

!» Впрочемъ, вѣдь и я хорошъ! Есть у васъ вода или нѣтъ,

питься, Христа ради! схватилъ онъ вдругъ себя за голову.

Судебный приставъ тотчасъ къ нему приблизился, вдругъ вскопчалъ и закричалъ: «Онъ боленъ, не вѣрьте въ бѣлой горячкѣ!» Катерина Ивановна стремительно съ своего стула и, неподвижная отъ ужаса, смотрѣла на Федоровича. Митя поднялся и съ какою-то дикою искривленной улыбкой жадно смотрѣлъ и слушалъ брата.

— Успокойтесь, не помѣшанный, я только убиваю опять Иванъ.— Съ убійцы нельзя-же спрашивать красноречиво прибавилъ онъ вдругъ для чего-то и искривленно засмеялся.

Прокуроръ въ видимомъ смятеніи нагнулся къ председателю. Члены суда суетливо зашептались между собой. Остальные наостригли уши, прислушиваясь. Зала замерла въ ожиданіи. Председатель вдругъ какъ-бы опомнился.

— Свидѣтель, ваши слова непонятны и здѣсь неумѣстно. Успокойтесь; если можете, и расскажите... если выразитъ что сказать. Чѣмъ вы можете подтвердить такое признаніе? вы только не бредите?

— То-то и есть что не имѣю свидѣтелей. Собака Смерть не пришлетъ съ того свѣта вамъ показанію... въ пакетѣ бы все пакетовъ, довольно и одного. Нѣтъ у меня свидѣтелей. Кромѣ того развѣ одного,—задумчиво усмѣхнулся онъ.

— Кто вашъ свидѣтель?

— Съ хвостомъ, ваше превосходительство, не по фортъ деть! *Le diable n'existe point!* Не обращайтесь вниманіи, другъ мелкій чортъ, — прибавилъ онъ, вдругъ переставъ смѣяться какъ-бы конфиденціально:—онъ навѣрно здѣсь гдѣ нибудь подъ этимъ столомъ съ вещественными доказательствами, и ему сидѣть какъ не тамъ? Видите, слушайте меня: а онъ залъ: не хочу молчать, а онъ про геологическій перерывъ глуности! Ну, освободите-же изверга... онъ гинитъ заливъ потому, что ему легко! Все равно, что пьяная каналья и нитъ какъ «поѣхалъ Ванька въ Питеръ», а и за дѣлѣ счастіи радости отдалъ-бы квадриллионъ квадриллионовъ. Не жалею меня! О, какъ это все у васъ глупо! Ну, берите-же некоемъ него! Для чего-же я нибудь пришелъ... Отчего, отчего же что ни есть какъ глупо?..

И онъ опять сталъ медленно и какъ-бы въ задумчивости оглядывать залу. Но уже все заволновалось. Алеша княжикъ всталъ къ нему со своего мѣста, но судебный приставъ уже схватилъ Ивана Федоровича за руку.

— Это что еще такое? вскричалъ тотъ, оглядываясь на...

пристава, и вдругъ, схвативъ его за плечи, яростно уда-
нолъ. Но стража уже подоспѣла, его схватили и тутъ
и въ неистовымъ воплемъ. И все время, пока его уно-
вопиалъ и выкрикивалъ что-то несвязное.

ась суматоха. Я не упомяну всего въ порядкѣ, самъ
лованъ и не могъ услѣдить. Знаю только, что потомъ,
все успокоилось и всѣ поняли въ чемъ дѣло, судебному
тави досталось, хотя онъ и основательно объяснилъ
, что свидѣтель былъ все время здоровъ, что его видѣлъ
огда часъ предъ тѣмъ съ нимъ сдѣлалась легкая дурнота,
входа въ залу онъ все говорилъ связно, такъ что
, было ничего невозможно; что онъ самъ, напротивъ,
, и непремѣнно хотѣлъ дать показаніе. Но прежде чѣмъ
ько-нибудь успокоились и пришли въ себя, сейчасъ-же
этой сценой разразилась и другая: съ Катериной Ива-
блалась истерика. Она громко взвизгивая, зарыдала, но
уйдти, рвалась, молила чтобъ ее не уводили и вдругъ
предсѣдателю:

должна сообщить еще одно показаніе, немедленно... не-
Вотъ бумага, письмо... возьмите, прочтите скорѣе, это
письмо этого изверга, вотъ этого, этого! она указы-
тку. Это онъ убилъ отца, вы увидите сейчасъ, онъ хотѣлъ
убить онъ убить отца! А тотъ болывой, болывой, тотъ
горячій! Я уже три дня вижу, что онъ въ горячкѣ
выкрикивала она въ себя. Судебные пристава встали
торую протягивала предсѣдателю, а она, ухвативъ свое
сердце въ руку, начала конвульсивно и беззвучно рыдать.
заясь и подавая махляшки съ чаемъ въ бокалы, что се-
изъ залы. Бумага поданная ей была то самое письмо
трактира «Столичныя Горелы», которое Иванъ пред-
зываетъ «математической» величины документомъ. Я
менно приехалъ эту математическую бумагу, буди это
жестъ былъ, и въ бокалы Митя, Иванъ и Иванъ-Иванъ
были такъ ужасно поворочены, будто были свидетели за-
знае. Митя и Иванъ все это представляли и въ тѣло
Давидъ, тотъ предсѣдатель тутъ-же сообщилъ своимъ
суду, прокурору, секретарю, и въ тѣло. Я и Иванъ
въ свидетелемъ, въ тѣло, въ тѣло. Въ тѣло
въ тѣло Иванъ, Иванъ, Иванъ, Иванъ, Иванъ, Иванъ
Ивановъ, Иванъ, Иванъ, Иванъ, Иванъ, Иванъ, Иванъ
Иванъ, Иванъ, Иванъ, Иванъ, Иванъ, Иванъ, Иванъ, Иванъ

чать, прибавала она, видимо все еще ужасно боясь, что кому-нибудь не выслушаютъ. Но спросили объяснить мнѣ: какъ это письмо и при какихъ обстоятельствахъ получила?

— Я получила его накануне самого преступления, а онъ его еще за день изъ трактира, стало быть, за два своего преступления,—посмотрите, оно написано на конвертъ—прокричала она, задыхаясь.—Онъ меня тогда велелъ потому что самъ сдѣлалъ подлый поступокъ и пошелъ за тварью... и потому еще, что долженъ былъ мнѣ эти три тысячи, ему было обидно за эти три тысячи изъ-за своей же твари. Эти три тысячи вотъ какъ была—я васъ прошу, я прошу васъ меня выслушать: еще за три недѣли до того какъ ушелъ отца, онъ пришелъ ко мнѣ утромъ. Я знала, что ему надо и знала на что,—вотъ, вотъ именно на то, чтобы соблазнить тварь и увести съ собой. Я знала тогда, что ужъ онъ пришелъ и хочетъ бросить меня, и я, я сама протянула ему эти деньги, сама предложила будто-бы для того чтобы отъ моей сестрѣ въ Москвѣ,—и когда отдавала, то посмотрѣла въ лицо и сказала, что онъ можетъ когда хочетъ послать еще черезъ мѣсяць». Ну какъ-же, какъ-же-бы онъ не сказалъ что я въ глаза ему прямо говорила: тебѣ надо денегъ для твоей твари, такъ вотъ тебѣ эти деньги, я сама ихъ даю, возьми, если ты такъ безчестенъ что возмочилъ уличить его хотѣла, и что-же? Онъ взялъ, онъ ихъ и унесъ, и истратилъ ихъ съ этою тварью тамъ, въ одну недѣлю. Но онъ понималъ, онъ понималъ, что я все знаю, утромъ я пытаю его: будетъ-ли онъ такъ безчестенъ, что возьметъ меня, или нѣтъ? Въ глаза ему глядела, и онъ мнѣ гляделъ въ глаза я все понималъ, все понималъ, и взялъ, и взялъ и унесъ свои деньги!

— Правда, Катя! завонилъ вдругъ Митя,—въ глаза смотрѣлъ и понималъ, что безчестилъ меня, и все-таки взялъ эти деньги! Презирайте подлнца, презирайте всѣ, заслужилъ!

— Подсудимый, вскричалъ председатель, — еще слышавъ велю вывести.

— Эти деньги его мучили, продолжала судорожно тарахтеть Катя,—онъ хотѣлъ мнѣ ихъ отдать, онъ хотѣлъ, это видно ему деньги нужны были и для этой твари. Вотъ онъ ушелъ отца, а денегъ все-таки мнѣ не отдалъ, а ухалъ съ мнѣ

но где его сватили. Тамъ онъ опять прокутилъ эти деньги. Была украсть у убитаго мнѣ отца. А на день до того казнь отца, и написали мнѣ это письмо. Записали письмо, а въ тогда увидѣла написали изъ любви и зная, каково что я никому не покажу этого письма. Даже если-бы онъ былъ. А то-бы онъ не написалъ. Онъ знаетъ, что я не захочу стить и его погубить. Но прочтите, прочтите внимательно. Пуста, внимательно. И вы увидите, что онъ въ письмѣ все въ, все заранѣе: казнь убить отца и гдѣ у того деньги въ. Посмотрите, пожалуйста, не пропустите, тамъ есть одна к «убью, только-бы убилъ Пванъ». Значитъ, онъ заранѣе подумалъ какъ онъ убьетъ. — Зорачко и сумно показывали Катерина Пвановна. О, видно было, что она до тонкости дась въ это робовое письмо и изучила въ немъ каждую букву. — Не пьяный онъ-бы мнѣ не написалъ, но посмотрите, все описано впередъ, все точь въ точь. Казнь онъ котомъ, вся программа.

Онъ восклицала она въ себя и ужь, конечно, презирая въ себя послѣдствія. Хотя, разумеется, ихъ предвѣдѣла еще, за мѣсяць тому, потому что и тогда еще, можетъ быть, гаясь отъ злобы, мечтала: «не прочесть-ли это суду?» Теперь-бы полетѣла съ горы. Помню, кажется, именно тутъ-же было прочтано вслухъ секретаремъ, и произвело сильное впечатлѣнiе. Обратилась въ Митѣ съ вопросомъ: вѣтъ-ли онъ это письмо?

Мое, мое! воскликнула Митя. — Не пьяный-бы не напи- . За многое мы другъ друга ненавидѣли. Катя, но, вѣраюсь, съ, я тебя и ненавнѣя любила, а ты меня — нѣтъ!

Онъ упалъ на свое мѣсто, ломая руки въ отчаянiи. Пробу- и защитники стали предлагать перебрестные вопр-сы, глав- ный томъ смыслъ: «что, дескать, побудило васъ давеча угнать документъ и показывать прежде совершенно въ другомъ и тонѣ?»

- Да, да, я давеча солгала, все лгала, противъ чести и ш, но я хотѣла давеча спасти его, потому что онъ меня ненавидѣлъ и такъ презиралъ. Казнь безумнае воскликнула — О, онъ презиралъ меня ужасно, презиралъ всегда. И, знаете—онъ презиралъ меня съ самой той минуты. Когда тогда въ ноги за эти деньги поклонилась. И увидѣла это. ась, тогда-же это почувствовала, но я долго себя не вѣрила. Но разъ я читала въ глазахъ его: «все-таки ты сама тогда

во мнѣ яригла». О, онъ не понималъ, онъ не понималъ! Я тогда приближалась, онъ способенъ подозревать низость! Онъ мѣрилъ на себя, онъ думалъ, что и всѣмъ онъ,—ярко проскрежетала Катя, совсѣмъ уже въ нѣмъ.—А жениться онъ на мнѣ захотѣлъ потому что получила наследство, потому, потому! Я всегда подозрѣвала потому! О, это звѣрь! Онъ всю жизнь былъ увѣренъ, что жизнь буду предъ нимъ трепетать отъ стыда за то, что приходила, и что онъ можетъ вѣчно за это презирать потому первенствовать,—вотъ почему онъ на мнѣ женился! Это такъ, это все такъ! Я пробовала побѣдить любовью, любовью безъ конца, даже измѣню его хотя бы онъ ничего, ничего не понималъ. Да развѣ онъ не могъ нибудь понять! Это извергъ! Это письмо я получила! Другой день вечеромъ, мнѣ изъ трактира принесли, а еще утромъ въ тотъ день, а котѣла было все проставлено даже его измѣну!

Конечно, предѣдатель и прокуроръ ее успокоивали, ренъ, что имъ всѣмъ было даже, можетъ быть, самимъ такъ пользоваться ее изступленіемъ и выслушивать тѣхъ знанія. Я помню, я слышалъ какъ они говорили ей: «маемъ какъ вамъ тяжело, повѣрьте, мы способны чувствовать и проч., и проч.,—а показанія-то всетаки вытянули отъ мѣвшей женщины въ истерикѣ. Она, наконецъ, описала вычайною ясностью, которая такъ часто, хотя и мгновенно, кажетъ даже въ минуты такого напряженного состоянія. Иванъ Федоровичъ почти сходилъ съ ума во всѣ эти дни на томъ, чтобы спасти «изверга и убійцу», своего брата».

— Онъ себя мучилъ, восклицала она,—онъ все хотѣлъ шить его вину, признавался мнѣ, что онъ и самъ и отца и, можетъ быть, самъ желалъ его смерти. О, это глубокая совѣсть! Онъ замучилъ себя совѣстью! Онъ открывалъ, все, онъ приходилъ ко мнѣ и говорилъ каждый день, какъ съ единственнымъ другомъ своей жизни, честь быть его единственнымъ другомъ!—воскликнула она точно какъ-бы съ какимъ-то вызовомъ, засверкала гонимая. Онъ ходилъ къ Смердякову два раза. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: если убилъ не братъ, а Смердяковъ, что эту басню пустили здѣсь всѣ, что убилъ Смердяковъ можетъ быть, виновенъ и я, потому, что Смердяковъ: я не люблю отца и, можетъ быть, думалъ, что я жам

Тогда я вынула это письмо и показала ему, и онъ ужь
убѣдился, что убилъ братъ и это ужь совсѣмъ сразило
Онъ не могъ снести, что его родной братъ—отцеубійца! Еще
назадъ я видѣла, что онъ отъ этого боленъ. Въ послѣдніе
онъ, сидя у меня, бредилъ. Я видѣла, что онъ мѣшается въ
Онъ ходилъ и бредилъ, его видѣли такъ по улицамъ. Приѣз-
докторъ, по моей просьбѣ, его осматривалъ третьяго дня и
мнѣ, что онъ близокъ къ горячкѣ.—все чрезъ него, все
изверга! А вчера онъ узналъ, что Смердяковъ умеръ —
его такъ поразило, что онъ сошелъ съ ума... и все отъ из-
а, все на томъ чтобы спасти изверга!

), разумѣется, такъ говорить и такъ признаваться можно
во какой-нибудь разъ въ жизни,—въ предсмертную минуту,
шпѣрь, всходя на эшафотъ. Но Катя именно была въ своемъ
втеръ и въ своей минутѣ. Это была та-же самая стремитель-
Катя, которая кинулась тогда къ молодому развратнику,
ы спасти отца: та-же самая Катя, которая давеча, предъ всею
публикой, гордая и цѣломудренная, принесла себя и двѣн-
стыдъ свой въ жертву, рассказавъ про «благородный посту-
Мити», чтобы только лишь сколько-нибудь смягчить ожи-
ую его участь. И вотъ теперь точно также она тоже принесла
въ жертву, но уже за другаго, и, можетъ быть, только лишь
рь, только въ эту минуту, впервые почувствовавъ и осмы-
ь вполнѣ, какъ дорогъ ей этотъ другой человекъ! Она пожер-
ла собою въ испугъ за него, вдругъ вообразивъ, что онъ
билъ себя своимъ показаньемъ, что это онъ убилъ, а не
ь, пожертвовала, чтобы спасти его, его славу, его репутацію!
днако, промелькнула страшная вещь: лгала-ли она на Митю,
ывая бывшія свои къ нему отношенія.—вотъ вопросъ. Итъ,
, она не клеветала намѣренно, крича что Митя презиралъ
земной поклонъ! Она сама вѣрила въ это, она была глубоко
дена, съ самаго, можетъ быть, этого поклона, что просто-
ый, обожавшій ее еще тогда Митя съѣлся надъ ней и пре-
еть ее. И только изъ гордости она сама привязалась къ нему
ь любовью, истерическою и надорванной, изъ уязвленной
ести, и эта любовь походила не на любовь, а на мщеніе.
ожетъ быть, эта надорванная любовь и выродилась-бы въ
звѣдную, можетъ, Катя ничего и не желала, какъ этого, но
оскорбилъ ее измѣной до глубины души, и душа не про-
в. Минута-же мщенія слетѣла неожиданно, и все такъ долго
льно скончавшееся въ груди обиженной женщины разомъ.

и опять такъ неожиданно, вырвалось наружу. Она преданно предала и себя! И, разумеется, только что успѣла выскочить, какъ напряженіе порвалось, и стыдъ подавилъ ее. Опять истерика, она упала, рыдая и выкрикивая. Ее унесли. Минуту, когда ее выносили, съ воплемъ бросилась къ Иваненька со своего мѣста такъ, что ее и удержать не успѣли.

— Митя! завопила она, — погубила тебя твоя зѣна! Она сама себя показала! прокричала она, сотрясаясь отъ злобы. По мановенію предсѣдателя ее схватили и стали выводить изъ залы. Она не давалась, билась и рвалась назадъ къ Митѣ, завопила и тоже рванулася къ ней. Ихъ овладѣли.

Да, полагаю, что наши зрительницы дамы остались для зрѣлища было богатое. Затѣмъ, помню, какъ появился московскій докторъ. Кажется, предсѣдатель еще и пренія посылалъ пристава, чтобы распорядиться оказать Ивану ровачу пособіе. Докторъ доложилъ суду, что больной вѣснѣйшемъ припадкѣ горячки и что слѣдовало-бы его увезти. На вопросы прокурора и защитника подтвердилъ пациентъ самъ приходилъ къ нему третьяго дня и что онъ рѣкъ ему тогда-же скорую горячку, но что лечиться онъ не тѣлъ. «Былъ-же онъ положительно не въ здоровомъ состояніи самъ мнѣ признавался, что на яву видитъ видѣнія, встрѣчи улицѣ разныхъ лицъ, которые уже померли, и что къ всады вечеръ ходитъ въ гости сатана», заключилъ докторъ свое показаніе, знаменитый врачъ удалился. Представленною Ивановой письмо было присоединено къ вещественнымъ доказательствамъ. По совѣщаніи, судъ постановилъ: произвести судебное слѣдствіе, а оба неожиданныя показанія (Катериновны и Ивана Федоровича) занести въ протоколъ.

Но уже не буду описывать дальнѣйшаго судебного слѣдствія. Да и показанія остальныхъ свидѣтелей были лишь повтореніемъ и подтвержденіемъ прежнихъ, хотя всѣ со своими характерными особенностями. Но, повторяю, все сведется въ одну точку и къ прокурору, къ которой и перейду сейчасъ. Всѣ были въ вѣдѣніи, всѣ были наэлектризованы послѣднею катастрофою жгучимъ нетерпѣніемъ ждали поскорѣе лишь развязки, рѣшенія и приговора. Федюковичъ былъ видимо потрясенъ и пораженъ показаніями Катерины Ивановны. Зато торжествовалъ прокуроръ: кончилось судебное слѣдствіе, былъ объявленъ перерывъ: пренія, продолжавшійся почти часъ. Наконецъ, предсѣдатель объявилъ пренія. Кажется, было ровно восемь часовъ вечеру.

прокуроръ, Ипполитъ Кирилловичъ, началъ свою обвинительную рѣчь.

VI.

Рѣчь прокурора. Характеристика.

Ипполитъ Кирилловичъ свою обвинительную рѣчь, сотрясаясь нервной дрожью, съ холоднымъ, болѣзненнымъ блѣдомъ на лбу и вискахъ, чувствуя ознобъ и жаръ во всемъ тѣлѣ, началъ рѣчь за свой *chef d'oeuvre*, за *chef d'oeuvre* всей своей жизни, за единую цѣль свою. Правда, девять мѣсяцевъ спустя онъ и самъ отъ злой чахотки, такъ что дѣйствительно, какъ оказали бы право сравнить себя съ лебедемъ, поющимъ свою единую цѣль, если бы предчувствовалъ свой конецъ заранее. Въ эту рѣчь онъ вложилъ все свое сердце и все сколько было у него ума и неожиданно доказалъ, что въ немъ таились и гражданское чувство, и «провлѣтыя» вопросы, по крайней мѣрѣ, по поводу нашъ бѣдный Ипполитъ Кирилловичъ могъ ихъ вмѣстить въ себя. Главное, тѣмъ взяло его слово, что было искренно: онъ не только вѣрилъ въ виновность подсудимаго; не на заказъ, не по повелѣнью, не по вѣнцу, а по совѣсти только обвинялъ его, и, взывая къ отмщенію, дѣйствительно сотрясался желаніемъ «спасти общество». Даже наша публика, въ концѣ концовъ враждебная Ипполиту Кирилловичу, признавала, однако, въ чрезвычайномъ вынесенномъ приговорѣ. Началъ онъ надтреснутымъ, срывающимся голосомъ, потомъ очень скоро голосъ его окрѣпъ и зазвенѣлъ на всю залу и такъ до конца рѣчи. Но только что кончилъ ее, то чуть не упалъ въ обморокъ.

Господа присяжные засѣдатели, началъ обвинитель, — наше дѣло прогремѣло по всей Россіи. Но чему бы, кажется, удивляться, чего такъ особенно ужасаться? Намъ-то, намъ-то осужденнымъ? Вѣдь мы такіе привычные ко всему этому люди! Въ томъ ужасѣ нашъ, что такіа мрачныя дѣла почти перестали для насъ быть ужасными! Вотъ почему надо ужасаться привычкѣ къ преступленію, а не единичному злодѣянію того или другаго индивидуума. Гдѣ же причины нашего равнодушія, нашего чуть теплаго отношенія къ такимъ дѣламъ, къ такимъ знаменіямъ времени, пророчествующимъ намъ незавидную будущность? Въ томъ ли нашъ, въ раннемъ ли истощеніи ума и воображенія

нія столь молодого еще нашего общества, но столь безобразнаго и одряхлѣвшаго? Въ распатанныхъ-ли до основанія нравственныхъ началахъ нашихъ, или въ томъ, наконецъ, что этихъ нравственныхъ началъ, можетъ быть, у насъ совсѣмъ даже и нѣтъ? Не разрѣшаю эти вопросы, тѣмъ не менѣе они мучаютъ всякій гражданинъ, не то что долженъ, а обязанъ страдать. Наша начинающаяся, робкая еще наша пресса, оказывая, однако, обществу нѣкоторыя услуги, ибо никогда-бы не была она не узнала, сколько-нибудь въ полнотѣ про тѣ ужасы и нужданной воли и нравственнаго паденія, которые безпрерывно передаетъ она на своихъ страницахъ уже всѣмъ, не однимъ только посѣщающимъ залы новаго гласнаго суда, дарованнаго намъ настоящимъ царствованіемъ. И что-же мы читаемъ почти повсюду, про такія вещи помянуто, предъ которыми даже тѣмъ, кто дѣло блѣднѣетъ и представляется почти чѣмъ-то уже обманчивымъ. Но важнѣе всего то, что множество нашихъ русифицированныхъ нашихъ уголовныхъ дѣлъ, свидѣтельствуютъ о чемъ-то всеобщемъ, о какой-то общей бѣдѣ, прижившейся намъ, и съ которой, какъ со всеобщимъ зломъ, уже труднѣе бороться. Вотъ тамъ молодой блестящій офицеръ высшаго звѣна, едва начинающій свою жизнь и карьеру, подло, въ безо всякаго угрызенія совѣсти зарѣзываетъ малкаго чиновника отчасти бывшаго своего благодѣтеля, и служанку его, что хититъ свой долговой документъ, а вѣстѣ и остальныхъ дѣл чиновника: «пригодятся-де для великосвѣтскихъ моихъ услугъ и для карьеры моей впереди». Зарѣзавъ обоихъ, уж подложивъ обоимъ мертвецамъ подъ головы подушки. Там молодой герой, обвиняемый крестами за храбрость, разбойно умерщвляетъ на большой дорогѣ мать своего вождя и брата, и, подговаривая своихъ товарищей, увѣряетъ, что любить его какъ роднаго сына и потому послѣдуетъ всѣмъ совѣтамъ и не приметъ предосторожностей». Пусть это и не такъ, но я теперь, въ наше время, не смѣю уже сказать, что это единичный извергъ. Другой и не зарѣжетъ, но подумаетъ, почувствуетъ точно также какъ онъ, въ душѣ своей безчеловѣчно точно также какъ онъ. Въ тиши, наединѣ со своимъ совѣдомъ можетъ быть, спрашиваетъ себя. «Да что такое честь и не разсудокъ-ли кровь?» Можетъ быть, крикнуть противъ и сказать, что я человекъ болѣзненный, историческій, и чудовищно, брежу, преувеличиваю. Пусть, пусть, — я, какъ-бы я былъ радъ тому первый! О, не вѣрьте мнѣ, со

я за больного, но всетаки запомните слова мои: вѣдь если
только хоть десятая, хоть двадцатая доля въ словахъ моихъ
ида,—то вѣдь и тогда ужасно! Посмотрите, господа, посмот-
те какъ у насъ застрѣливаются молодые люди: О, безъ ма-
шихъ гамлетовскихъ вопросовъ о томъ: «Что будетъ тамъ?»
признаковъ этихъ вопросовъ, какъ будто эта статья о духѣ
и о всемъ, что ждетъ насъ за гробомъ, давно похерена
ихъ природѣ, похоронена и пескомъ засыпана. Посмотрите,
конецъ, на нашъ развратъ, на нашихъ сладострастниковъ.
Доръ Павловичъ, несчастная жертва текущаго процесса, есть
иными изъ нихъ почти невинный младенецъ а вѣдь мы
его знали, онъ между нами жилъ»... Да, психологіей рус-
скаго преступленія займутся, можетъ быть когда нибудь пер-
ствующіе умы, и наши и европейскіе, ибо тема стоить того.
это изученіе произойдетъ когда-нибудь послѣ уже на досугѣ
когда вся трагическая безалаберщина нашей настоящей ми-
ры отойдетъ на болѣе отдаленный планъ, такъ что ее уже
можно будетъ разсмотрѣть и умнѣе, и безпристрастиѣе чѣмъ,
примѣръ, люди, какъ я, могутъ сдѣлать. Теперь-же мы или
иссаемся, или притворяемся, что ужасаемся, а сами, напро-
въ, смакуемъ зрѣлище, какъ любители ощущеній сильныхъ,
центрическихъ, шевелящихъ нашу цинически-лѣнивую празд-
ель, или, наконецъ, какъ малыя дѣти отмахиваемъ отъ себя
нами страшные призраки и прячемъ голову въ подушку пока
идетъ страшное видѣніе съ тѣмъ, чтобы потомъ тотчасъ-же
ыть его въ веселіи и играхъ. Но когда-нибудь надо-же и
къ начать нашу жизнь трезво и вдумчиво, надо-же и намъ
снть взглядъ на себя какъ на общество, надо-же и намъ
къ что-нибудь и въ нашемъ общественномъ дѣлѣ осмыслить или
къко хоть начать осмысленіе наше. Великій писатель предше-
овавшей эпохи, въ финалѣ величайшаго изъ произведеній
ихъ, олицетворяя всю Россію въ видѣ скачущей къ невѣдо-
тѣ цѣли удалой русской тройки, восклицаетъ: «Ахъ тройка,
ида тройка, кто тебя выдумалъ!» — и въ гордомъ восторгѣ
бавляетъ что предъ скачущею сломя голову тройкой почти-
ьно сторонятся всѣ народы. Такъ господа, это пусть, пусть
ронятся почтительно или нѣтъ, но на мой грѣшный взглядъ
альный художникъ закончилъ такъ или въ припадкѣ мла-
чески невиннаго прекрасномыслія, или просто боясь тогдаш-
цепзуры. Ибо, если въ его тройку впрячь только его-же ге-
въ, Собакевичей, Ноздревыхъ и Чичиковыхъ, то кого-бы ни

посадить ямщикомъ, ни до чего путнаго на такихъ коняхъ доѣдешь! А это только еще прежніе кони, которымъ теперешнихъ, у насъ почище»...

Здѣсь рѣчь Ипполита Кирилловича была прервана вскриканіями. Либерализмъ изображенія русской тройки не устоялъ. Правда, сорвалось лишь два—три вала, такъ что прерваніе не нашелъ даже нужнымъ обратиться къ публикѣ съ просьбой «очистить залу» и лишь строго поглядѣлъ въ сторону разговора. Но Ипполитъ Кирилловичъ былъ ободренъ. никогда до сихъ поръ не аплодировали! Человѣкъ столько летъ привыкъ слушать и вдругъ возможность на всю Россію высказаться!

«Въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ онъ, что такое это семейство Карамазовыхъ, заслужившее вдругъ такую печальную судьбу по всей даже Россіи? Можетъ быть, я слишкомъ любопытнаго, но мнѣ кажется что въ картинѣ этой семействѣ мелькаютъ нѣкоторые общіе основные элементы нашего современнаго интеллигентнаго общества,—о, не всё элементъ мелькнуло лишь въ микроскопическомъ видѣ, «какъ одна малая капля водъ», но все-же нѣчто отразилось, все-же сказалось. Посмотрите на этого несчастнаго, разнузданнаго развратнаго старика, этого отца семейства», столь печально кончившаго свое существованіе. Рядовой дворянинъ, вѣдь карьеру бѣдненькимъ приживальщикомъ, чрезъ нечаянную неожиданную женитьбу схватившій въ приданое небольшое имѣніе, въ началѣ мелкій плутъ и льстивый шутъ съ дышломъ умственныхъ способностей, довольно, впрочемъ, бытъ, и прежде всего ростовщикъ. Съ годами, то есть рожденіемъ капиталчика, онъ ободряется. Притворенныя искиваніе исчезаютъ, остается лишь насмѣшливый и злой и сладострастникъ. Духовная сторона вся похерена, а жизни чрезвычайная. Свелось на то, что кромѣ сладострастія наслажденій онъ ничего въ жизни и не видитъ, такъ и дѣтей своихъ. Отеческихъ духовныхъ какихъ-нибудь обязанностей—никакихъ. Онъ надъ ними смѣется, онъ воспитываетъ своихъ маленькихъ дѣтей на заднемъ дворѣ и радъ, что и вѣтъ его увозятъ. Забываетъ объ нихъ даже вовсе. Вся нравственная правда старика—après moi le déluge. Все что есть у него понятію о гражданствѣ, полнѣйшее даже враждебное отношеніе отъ общества: «Гори хоть весь свѣтъ огнемъ, въ одному мнѣ хорошо». И ему хорошо, онъ вполне доволенъ и жаждетъ прожить такъ еще двадцать—тридцать лѣтъ. О

ываешь роднаго сына, и на его-же деньги, на наслѣдство
ри его, которыя не хочетъ отдать ему, отбиваешь у него, у
-же своего, любовницу. Нѣтъ, я не хочу уступать защиту
удимаго высокоталантливому защитнику, прибывшему изъ
рбурга. Я и самъ скажу правду, я и самъ понимаю ту сумму
дованія, которую онъ накопилъ въ сердцѣ своего сына. Но
ьно, довольно объ этомъ несчастномъ старикѣ, онъ полу-
ую свою мзду. Вспомнимъ, однако, что это отецъ и одинъ изъ
юнныхъ отцовъ. Обману-ли я общество сказавъ, что это
гъ даже изъ многихъ современныхъ отцовъ? Увы, столь
го изъ современныхъ отцовъ лишь не высказываются столь
ически, какъ этотъ, ибо лучше воспитаны, лучше образованы,
ь сущности—почти такой-же какъ и онъ философіи. Но пусть
всемнѣ, пусть. Мы уже условились, что вы меня про-
те. Уговоримся заранѣе: вы мнѣ не вѣрьте, не вѣрьте, я
у говорить, а вы не вѣрьте. Но всетаки дайте мнѣ выска-
ся, всетаки кое-что изъ моихъ словъ не забудьте. Но вотъ,
ко, дѣти этого старика, этого отца семейства: одинъ предъ
и на скамьѣ подсудимыхъ, объ немъ вся рѣчь впереди; про-
ихъ скажу лишь вскользь. Изъ этихъ другихъ, старшій—
одинъ изъ современныхъ молодыхъ людей съ блестящимъ
зованіемъ, съ умомъ довольно сильнымъ, уже ни во что,
ко, не вѣрующимъ, многое, слишкомъ уже многое въ жизни
ргшимъ и похерившимъ, точь въ точь какъ и родитель его.
всѣ его слышали, онъ въ нашемъ обществѣ былъ принятъ
влюбно. Мнѣнїи слыхъ онъ не скрывалъ, даже напротивъ,
ѣмъ напротивъ, что и даетъ мнѣ смѣлость говорить теперь
мъ нѣсколько откровенно, конечно, не какъ о частномъ
ѣ, а лишь какъ о членѣ семьи Карамазовыхъ. Здѣсь умеръ
я, самоубійствомъ, на краю города, одинъ болѣзненный идиотъ,
но привлеченный къ настоящему дѣлу, бывший слуга и, мо-
ь быть, побочный сынъ Федора Павловича, Смердяковъ. Онъ
истерическими слезами рассказывалъ мнѣ на предваритель-
ь слѣдствіи, какъ этотъ молодой Карамазовъ, Иванъ Федоро-
ь, ужаснулъ его своимъ душевнымъ безудержемъ: «Все, де-
ъ, по ихнему, позволено что ни есть въ мірѣ, и ничего впредь
должно быть запрещено,—вотъ они меня чему все учили».
ется, идиотъ на этомъ тезисѣ, которому обучили его, и со-
ь съ ума окончательно, хотя, конечно, повліяли на умствен-
разстройство его и падучая болѣзнь, и вся эта страшная,
азившаяся въ ихъ домѣ катастрофа. Но у этого идиота про-

мелькнуло одно весьма и весьма любопытное замѣчаніе — бы честь и поумиѣ его наблюдателю, вотъ почти объ этомъ и заговарялъ. «Если есть, сказалъ онъ изъ сыновей болѣе похожій на Федора Павловича, но такъ это онъ, Иванъ Федоровичъ!» На этомъ замѣчаніи рываю начатую характеристику, не считая деликатности жать далѣе. О, я не хочу выводить дальнѣйшихъ заключеній какъ воронъ карвагъ молодой судьбѣ одну только гадидѣли еще сегодня здѣсь, въ этой залѣ, что непосредственно правда еще живетъ въ его молодомъ сердцѣ, что чувства семейной привязанности не заглушены въ немъ цинизмомъ и нравственнымъ цинизмомъ, прибрѣтеннымъ болшеизученіемъ, чѣмъ истиннымъ страданіемъ мысли. Затѣмъ думаю, это еще юноша, благочестивый и смиренный, въ должностъ врачуному растлѣвающему міровоззрѣнію и мнущій прилѣпляться, такъ сказать, къ «народнымъ мѣстамъ» къ тому, что у насъ называютъ этимъ мудренымъ словомъ въ иныхъ теоретическихъ углахъ мыслящей интеллигенціи нашей. Онъ, видите-ли, прилѣпился къ монастырю чуть было самъ не постригся въ монахи. Въ немъ, мнѣ, какъ-бы безсознательно, и такъ рано, выразилось кое отчаяніе, съ которымъ столь многіе теперь въ бѣдномъ обществѣ, убоясь цинизма и разврата его, и приписывая все зло европейскому просвѣщенію, бросаютъ говорить они, къ «родной почвѣ», такъ сказать, въ ма объятія родной земли, какъ дѣти напуганныя призракъ усохшей груди разслабленной матери жаждутъ хотя-бы спокойно заснуть и даже всю жизнь проспять, лишь-бы дѣти ихъ пугающихъ ужасовъ. Съ моей стороны, я жарому и даровитому юношѣ всего лучшаго, желаю, чтобы прекраснодушіе и стремленіе къ народнымъ началамъ тѣло въносѣдствіи, какъ столь часто оно случается, съ нравственной въ врачный мистицизмъ, а со стороны ской въ тупой шовинизмъ — два качества, грозящія, можетъ еще большимъ зломъ націи, чѣмъ даже раннее растлѣженіе понятаго и даромъ добытаго европейскаго вресъ какимъ страдаетъ старшій братъ его».

За шовинизмъ и мистицизмъ опять раздалась была клака. И ужь, конечно, Инноцентъ Кирилловичъ увлекъ все это мало подходило къ настоящему дѣлу, но говорю томъ, что вышло довольно неясно, но ужь слишкомъ и

сказаться чахоточному и озлобленному человѣку хоть разъ въ жизни. У насъ потомъ говорили, что въ характеристикѣ на Федоровича онъ руководился чувствомъ даже не деликатнѣе, потому что тотъ разъ или два публично осадилъ его въ рахъ, и Ипполитъ Кирилловичъ, помня это, захотѣлъ теперь мстить. Но не знаю, можно-ли было такъ заключить. Во всякомъ случаѣ все это было только введеніемъ, затѣмъ рѣчь пошла мѣе и ближе къ дѣлу.

«Но вотъ третій сынъ отца современнаго семейства, прозвалъ Ипполитъ Кирилловичъ, онъ на сканьѣ подсудимыхъ, передъ нами. Передъ нами и его подвиги, его жизнь и дѣла пришелъ срокъ и все развернулось, все обнаружилось. Въ живоположность «европеизму» и «народнымъ началамъ» братьевъ своихъ, онъ какъ-бы изображаетъ собою Россію непосредственную,—о, не всю, не всю, и Боже сохрани, если-бы всю! И, ако-же, тутъ она, наша Россейшка, пахнетъ ею, слышится, матушка. О, мы непосредственны, мы зло и добро въ удивительнѣйшемъ смѣшеніи, мы любители просвѣщенія и Шиллера, и тоже время мы бушемъ по трактирамъ и вырываемъ у пьян-какъ собутельниковъ нашихъ бороденки. О, и мы бываемъ хороши и прекрасны, но только тогда, когда намъ самимъ хорошо и жарко. Напротивъ, мы даже обуреваемы,—именно обуреваемы,—благороднѣйшими идеалами, но только съ тѣмъ условіемъ, что они достигались сама собою, упали-бы въ намъ на столъ неба и, главное, чтобы даромъ, даромъ, чтобы за нихъ ничего платить. Платить мы ужасно не любимъ, зато получаютъ очень билимъ, и это во всемъ. О, дайте, дайте намъ всевозможныя блага свои (именно всевозможныя, дешевле не помиримся) и особенно препятствуйте нашему нраву ни въ чемъ, и тогда и мы докажемъ, что можемъ быть хороши и прекрасны. Мы не жадны, нѣтъ однако-же, подавайте намъ денегъ, больше, больше, какъ возможно денегъ, и вы увидите какъ великодушно, съ какимъ зрѣніемъ къ презрѣнному металлу мы разбрасываемъ ихъ въ одну въ безудержномъ кутежѣ. А не дадутъ намъ денегъ, такъ мы возьмемъ какъ мы ихъ съумѣемъ достать, когда намъ очень того очется. Но объ этомъ послѣ, будемъ слѣдить по порядку. Прежде всего предъ нами бѣдный заброшенный мальчикъ, «на заднемъ рѣ безъ сапожекъ», какъ выразился давеча нашъ почтенный и жаемый согражданинъ, увы, происхожденія иностраннаго! Еще повторю,—никому не уступлю защиту подсудимаго! Я обвиняю, я и защитникъ. Да-съ, и мы люди, и мы человѣки, и мы

слышимъ извѣстны то какъ могутъ повліять на характерныя впечатлѣнія дѣтства и роднаго гивидышка. Но вотъ уже юнона, уже молодой человекъ, офицеръ; за буйные поступки и за вызовъ на поединокъ ссылаютъ его въ одинъ изъ отдаленныхъ пограничныхъ городковъ нашей благодатной России. Онъ служить, тамъ и кутитъ, и вонюче—большому кораблю свое и плаваніе. Намъ надо средствъ-съ, средствъ прежде всего и вотъ, послѣ долгихъ споровъ, порѣшено у него съ отцомъ послѣднихъ шести тысячахъ рублехъ и ихъ ему высылаютъ вѣтъ, онъ выдаетъ документъ и существуетъ вѣтъ его, вѣтъ онъ отъ остальнаго вѣтъ отрезается и этии шести тысячами прощраніе съ отцомъ по наследству окончиваетъ. Происходитъ его встрѣча съ молодою, высокого характера женщиною дѣвушкой. О, я не смѣю повторять подробностей, мы только что слышали: тутъ честь, тутъ самопожертвованіе, уважаніе. Образъ молодого человека, легкомысленнаго и развѣснаго, но склонившагося предъ потиннымъ благородствомъ, высшею идеею, мелькнулъ предъ нами чрезвычайно смѣло. Но вдругъ послѣ того, въ этой-же самой заглѣ суда послѣднихъ совсѣмъ неожиданно и обратная сторона медали. Опять-таки смѣю пускаться въ догадки и удержусь анализировать—такъ послѣдовало. Но, однако, были-же причины—почему послѣдовало. Эта-же самая особа, вся въ слезахъ негодованія долго тамъшагося, объявляетъ намъ, что онъ-же, онъ-же пренебрегалъ ее за ее неосторожный, безудержный, можетъ быть порывъ, но все-же возвышенный, все-же великодушный. У него же, у женуха этой дѣвушки, и промелькнула прежде всѣхъ смѣливая улыбка, которую она лишь отъ него одного не могла снести. Зная, что онъ уже извѣнилъ ей (извѣнилъ въ убѣжденіи, что она уже все должна впредь снести отъ него, дако и отъ него), зная это, она нарочно предлагаетъ ему три тысячи рублехъ ясно, слишкомъ ясно даетъ ему при этомъ понять, что предлагаетъ ему деньги на замѣну ей-же: «Что-жъ, принимаешь или нѣтъ, будешь ли столь циниченъ», говорить она ему молча своимъ сумашедшимъ испытующимъ взглядомъ. Онъ глядитъ на нее, минимизировать ее не смѣетъ совершенно (онъ вѣдь самъ сознался здѣсь при насъ, что онъ все понималъ) и безусловно присвоитъ себѣ эти три тысячи, прокучиваетъ ихъ въ два дня съ своимъ новымъ возлюбленнымъ. Чему-же вѣрить? Первой-ли легендѣ—морально-ли высокому благородства, отдающаго послѣднія средства для жизни и прощранія шагося предъ добродѣтелью, или обратной стороной медали, онъ

итительной? Обыкновенно въ жизни бываетъ такъ, что при
въ противоположностяхъ правду надо искать посрединѣ; въ
ящемъ случаѣ это буквально не такъ. Вѣроятно же всего, что
в первомъ случаѣ онъ былъ искренно благороденъ, а во второмъ
и въ также искренно низокъ. Почему? А вотъ именно потому,
ны природы широкія, Карамазовскія, — я вѣдь къ тому и веду, —
бныя вмѣщать всевозможныя противоположности и разомъ
цать обѣ бездны, бездну надъ нами, бездну высшихъ идеа-
и бездну подъ нами, бездну самаго низшаго и зловоннаго
я. Вспомните блестящую мысль, высказанную давеча моло-
наблюдателемъ, глубоко и близко созерцавшимъ всю семью
мазовыхъ, господиномъ Равитинымъ: «Ощущеніе низости
я также необходимо этимъ разнузданнымъ, безудержнымъ
амъ, какъ и ощущеніе высшаго благородства», — и это прав-
менно имъ нужна эта неестественная смѣсь постоянно и без-
ивно. Двѣ бездны, двѣ бездны, господа, въ одинъ и тотъ-же
тъ, — безъ того мы несчастны и неудовлетворены, существо-
наше не полно. Мы широки, широки, какъ вся наша матуш-
ссія, мы все вмѣстимъ и со всѣмъ уживемъ! Кстати, господа
жныя засѣдатели, мы коснулись теперь этихъ трехъ ты-
рублей, и я позволю себѣ нѣсколько забѣжать впередъ. Во-
ите только, что онъ, этотъ характеръ, получивъ тогда эти
и, да еще такимъ образомъ, чрезъ такой стыдъ, чрезъ такой
тъ, чрезъ послѣдней степени униженіе, — вообразите только,
и въ тотъ-же день возмогъ будто-бы отдѣлать изъ нихъ по-
иу, зашить въ ладонку и цѣлый мѣсяцъ потомъ имѣть твер-
носить ихъ у себя на шеѣ, не смотря на всѣ соблазны и
ычайныя нужды! Ни въ пьяномъ кутежѣ по трактирамъ, ни
, когда ему пришлось летѣть изъ города доставать Богъ
тъ у кого деньги, необходимѣйшія ему, чтобъ увести свою
обенную отъ соблазновъ соперника отца своего, — онъ не
ивается притронуться къ этой ладонкѣ. Да хотъ именно для
только, чтобы не оставить свою возлюбленную на соблазны
ва, къ которому онъ такъ ревновалъ, онъ долженъ-бы былъ
печатать свою ладонку и остаться дома неотступнымъ сторо-
своей возлюбленной, ожидая той минуты, когда она скажетъ
наконецъ: «Я твоя», чтобъ летѣть съ нею куда-нибудь по-
ле изъ теперешней роковой обстановки. Но нѣтъ, онъ не ка-
я своего талисмана и подъ какимъ-же предлогомъ? Первона-
ый предлогъ, мы сказали, былъ именно тотъ, что когда ему
тъ: «я твоя, вези меня куда хочешь», — то было-бы на что

увести. Но этот первый промах, на собственныя слова судимаго, поблѣднѣлъ предъ вторымъ. Покодь, дескать, а на себя эти деньги — «я подлець, но не воръ» ибо всегда могу въ оскорбленной мною новѣстѣ и, выложивъ предъ нею эту новую обманно присвоенной отъ нея суммы, всегда могу ей сказать: «Видишь, я прокутилъ половину твоихъ денегъ и доказалъ, что я слабый и безнравственный человѣкъ и, если хочешь, подлець (я выражаюсь языкомъ самаго подсудимаго), — но, я подлець, а не воръ, ибо если-бы былъ воромъ, то не оставилъ бы тебѣ этой половины оставшихся денегъ, а присвоилъ ее, какъ и первую половину». Удивительное объясненіе! Этотъ самый бѣшеный, но слабый человѣкъ, не могшій устоять отъ соблазна принять три тысячи рублей при первомъ поверѣ, — этотъ самый человѣкъ ощущаетъ вдругъ въ себѣ такую степенную твердость и несетъ на своей шеѣ тысячи рублей, не смѣя до нихъ дотронуться! Сообразно-ли это хоть сколько-нибудь съ разборчивымъ нами характеромъ? Нѣтъ, и я позволю себѣ вамъ рассказать, какъ-бы поступилъ въ такомъ случаѣ настоящій Дмитрій Карамазовъ, если-бы даже и въ судѣ рѣшился вынуть свои деньги въ ладонку. При первомъ соблазнѣ, — ну хоть чтобъ опять чѣмъ потѣшить ту самую возлюбленную, съ которой уже прокутилъ первую сотню этихъ-же денегъ, онъ-бы распахнулъ свою ладонку и отхлѣбывалъ, — ну, положимъ, на первый случай хоть только сто рублей, — ибо къ чему-де непременно относить половину, то полторы тысячи, довольно и тысячи четырехсотъ рублей, — все тоже выйдетъ: «подлець, дескать, а не воръ, потому что хоть тысячу четыреста рублей да принесъ назадъ, а я бы все взялъ и ничего не принесъ». Затѣмъ еще черезъ сколько времени опять распахнулъ-бы ладонку и опять вынулъ вторую сотню, затѣмъ третью, затѣмъ четвертую, и не какъ къ концу мѣсяца вынулъ-бы, наконецъ, предпоследнюю сотню: дескать, и одну сотню принесу назадъ все тоже выйдетъ: подлець, а не воръ. Двадцать девять сотенъ прокутилъ, а все-же одну возвратилъ, воръ-бы и ту не возвратилъ. И, наконецъ, уже прокутивъ эту предпоследнюю сотню, смотрѣлъ-бы на послѣднюю и сказалъ-бы себѣ: «А что, впрямь не стоитъ относить одну сотню, — давай и ту прокутилъ». Вотъ какъ-бы поступалъ настоящій Дмитрій Карамазовъ, которого мы знаемъ! Легенда-же объ ладонкѣ — это такое совѣщаніе съ действительностью, какого боже и предтаить!

можно предположить все, а не это. Но мы къ этому еще вер-

Обозначивъ въ порядкѣ все, что извѣстно было судебному дѣйствию объ имущественныхъ спорахъ и семейныхъ отноше- ній отца съ сыномъ и еще, и еще разъ выведя заключеніе, по извѣстнымъ даннымъ, нѣтъ ни малѣйшей возможности сдѣлать въ этомъ вопросѣ о дѣлѣжѣ наслѣдства кто кого читалъ или кто на кого насчиталъ, Ипполитъ Кирилловичъ по поводу этихъ трехъ тысячъ рублей, засѣвшихъ въ умѣ Мити, съ неподвижная идея, упомянулъ объ медицинской экспертизѣ.

VI.

Обзоръ историческій.

«Экспертиза медиковъ стремилась доказать намъ, что подсудимый не въ своемъ умѣ и маньякъ. Я утверждаю, что онъ именно въ своемъ умѣ, но что это-то и всего хуже: былъ-бы не въ умѣ, то оказался-бы, можетъ быть, гораздо умнѣе. Что-же до того, что онъ маньякъ, то съ этимъ я-бы и согласился, но именно въ одномъ только пунктѣ, — въ томъ самомъ, на который и экспертиза указывала, именно во взглядѣ подсудимаго на эти три тысячи, будто-бы недоплаченные ему отцомъ. Тѣмъ не менѣе, можетъ быть, можно найти несравненно ближайшую точку зрѣнія, чтобъ объяснить это всегдашнее изступленіе подсудимаго по поводу этихъ денегъ, чѣмъ пакиклонность его къ помѣшательству. Съ своей стороны, я вполне согласенъ съ мнѣніемъ молодого врача, находившаго, что подсудимый пользуется и пользуется полными и нормальными умственными способностями, а лишь лишь раздраженъ и озлобленъ. Вотъ въ этомъ и дѣло: не въ трехъ тысячахъ, не въ суммѣ собственно заключался предметъ постояннаго и изступленнаго озлобленія подсудимаго, а въ томъ, что была тутъ особая причина, возбуждавшая его гнѣвъ. Причина эта—ревность!»

Здѣсь Ипполитъ Кирилловичъ пространно развернулъ всю истинную роковую страсти подсудимаго къ Грушенькѣ. Началъ съ самаго того момента, когда подсудимый отправился къ молодой особѣ, чтобъ «избить ее», — выражаясь его собственными словами, пояснилъ Ипполитъ Кирилловичъ, — но вместо того, чтобъ избить, остался у ногъ ея, — вотъ начало

этой любви. Въ то же время бросаетъ взглядъ на ту-же старикъ, отецъ подсудимаго, — совпаденіе удивительное и ибо оба сердца зажглись вдругъ, въ одно время, хе и тотъ и другой знали-же и встрѣчали эту особу, — въ эти оба сердца самую безудержную, самую Карамазовскую. Тутъ мы имѣемъ ея собственное признаніе. «Я, говорившаяся надъ тѣмъ и другимъ». Да, ей захотѣлось и смѣяться надъ тѣмъ и другимъ: прежде не хотѣлось, вдругъ влетѣло ей въ умъ это намѣреніе, — и кончилось что оба наги передъ ней побѣжденные. Старикъ, поклонившись деньгамъ какъ Богу, тотчасъ-же приготовилъ три тысячи лянъ за то только, чтобъ она посѣтила его обитель, и доведенъ былъ и до того, что за счастье почелъ-бы помочь ногамъ ея свое имя и все свое состояніе, лишь-бы могла стать законною супругой его. На это мы имѣемъ свидѣтельство твердыя. Что-же до подсудимаго, то трагедія его очевидна передъ нами. Но такова была «игра» молодой особы. Иному молодому человѣку обольстительница не поданамъ надежды, ибо надежда, настоящая надежда была ему лишь только въ самый послѣдній моментъ, когда онъ, сядя на колѣняхъ, простиралъ уже обгащенные кровью своего отца и соперника руки, и именно положеніи онъ и былъ арестованъ. «Искренне съ нимъ въ ваторгу пошлите, я его до того до больше всѣхъ виновата!» восклицала эта женщина сама, искренномъ раскаяніи, въ минуту его ареста. Талантливейшій молодой человѣкъ, взявшій на себя описать настоящее дѣло тотъ-же господинъ Ракитинъ, о которомъ я уже упомянулъ въ нѣсколькихъ сжатыхъ и характерныхъ фразахъ описавъ характеръ этой героини: «Раннее разочарованіе, ранній и паденіе, измѣна обольстителя жениха, ее бросившаго, бѣдность, проклятіе честной семьи и, наконецъ, покровительство одного богатаго старика, котораго она, впрочемъ считаетъ и теперь своимъ благодѣтелемъ. Въ молодомъ можетъ быть, заключавшемъ въ себѣ много хорошаго, и гнѣвъ еще слишкомъ съ ранней поры. Образовался хитрымъ и расчетливый, копящій капиталъ. Образовалась насильственная мстительность обществу». Послѣ этой характеристики видно, что она могла смѣяться надъ тѣмъ и другимъ собственно для игры, для злобной игры. И вотъ въ эту безнадѣжную любви, нравственныхъ паденій, измѣны се

этѣ, присвоенія чужихъ денегъ, ввѣренныхъ его чести, — под-
шлый вромѣ того доходить почти до изступленія, до бѣшен-
ства, отъ непрерывной ревности, и къ кому же, къ своему отцу!
Главное, безумный старикъ сманиваетъ и прельщаетъ пред-
дѣломъ его страсти—этими-же самыми тремя тысячами, которыя
онъ считаетъ своими родовыми, наслѣдствомъ матери, въ
своихъ укоряетъ отца. Да, я согласенъ, это было тяжело
нести! Тутъ могла явиться даже и манія. Не въ деньгахъ
дѣло, а въ томъ, что этими-же деньгами съ такимъ омер-
зительнымъ цинизмомъ разбивалось счастье его!»

Затѣмъ Ипполитъ Кирилловичъ перешелъ къ тому, какъ
копчено зарождалась въ подсудимомъ мысль отцеубійства и
слѣдилъ ее по фактамъ.

«Сначала мы только кричимъ по трактирамъ, — весь этотъ
яцъ кричимъ. О, мы любимъ жить на людяхъ и тотчасъ-же
бѣжать этимъ людямъ всѣ, даже самыя inferнальныя и опас-
ныя наши идеи, мы любимъ дѣлиться съ людьми, и, неизвѣстно
кому, тутъ-же, сейчасъ же и требуемъ, чтобъ эти люди тот-
часъ-же отвѣчали намъ полнѣйшею симпатіей, входили во всѣ
наши заботы и тревоги, намъ поддакивали и нраву нашему не
мѣшествовали. Не то мы озлимся и разнесемъ весь трактиръ.
Видѣвалъ анекдотъ о штабсъ-капитанѣ Сибгиревѣ). Видѣвшіе
слышавшіе подсудимаго въ этотъ мѣсяцъ почувствовали, на-
вѣдъ, что тутъ уже могутъ быть не одни крики и угрозы
только, но что при такомъ изступленіи угрозы, пожалуй, перей-
дутъ и въ дѣло. (Тутъ прокуроръ описалъ семейную встрѣчу
въ монастырѣ, разговоры съ Алешей и безобразную сцену наси-
я въ домѣ отца, когда подсудимый ворвался къ нему послѣ
убійства). Не думаю настойчиво утверждать, продолжалъ Ипполитъ
Кирилловичъ,—что до этой сцены подсудимый уже обдуманно и
предназначенно положилъ покончить съ отцомъ своимъ убійствомъ
в. Тѣмъ не менѣе идея эта уже нѣсколько разъ предстояла
ему и онъ обдуманно созерцалъ ее — на это мы имѣемъ факты,
свидѣтелей и собственное сознание его. Признаюсь, господа при-
личные засѣдатели, присовокупилъ Ипполитъ Кирилловичъ,—я
еще до сегодня колебался оставить за подсудимымъ полное и
неопредѣленное предназначение напрашивавшагося къ нему преступ-
ленія. Я твердо былъ убѣжденъ, что душа его уже многократно
созерцала роковой моментъ впереди, но лишь созерцала, пред-
ставляла его себѣ лишь въ возможности, но еще не опредѣляла
срока исполненія, ни обстоятельствъ. Но я колебался лишь

до сегодня, до этого рокового документа, представляющаго для суда госпожею Верховцевой. Вы сами слышали, и ея восклицаніе: «Это планъ, это программа убійства!» и опредѣляла она несчастное «пьяное» письмо несчастнаго дмаго. И дѣйствительно, за письмомъ этимъ все значенія граммы и преднамѣренія. Оно написано за двое сутокъ ступленія,—и, такимъ образомъ, намъ твердо теперь и что за двое сутокъ до исполненія своего страшнаго и подсудимый съ клятвою объявлялъ, что если не достанетъ денегъ, то убьетъ отца, съ тѣмъ, чтобы взять у него изъ-подъ подушки «въ пакетѣ съ красною ленточкою» бы уѣхалъ Иванъ». Слышите: «только-бы уѣхалъ Иванъ» стало быть, уже все обдуманно, обстоятельства взвѣшены, что-же: все потомъ и исполнено какъ по писанному! Намѣренность и обдуманность несомнѣны, преступленіе было совершено съ цѣлью грабежа, это прямо объявлено написано и подписано. Подсудимый отъ своей подписи и цается. Скажутъ: это писалъ пьяный. Но это ничего не знаетъ и тѣмъ важнѣе: въ пьяномъ видѣ написалъ те, думалъ въ трезвомъ. Не было-бы задумано въ трезвомъ писалось-бы въ пьяномъ. Скажутъ, пожалуй: въ чему-кричалъ о своемъ намѣреніи по трактирамъ? Кто на так рѣшается *преднамеренно*, тотъ молчитъ и таитъ про себя. но кричалъ онъ тогда, когда еще не было плановъ и прренія, а лишь стояло одно желаніе, созрѣвало лишь стр. Потомъ онъ объ этомъ уже меньше кричитъ. Въ тотъ когда было написано это письмо, напившись въ трактирѣ личный Городъ», онъ, противъ обыкновенія, былъ не игралъ на билліардѣ, сидѣлъ въ сторонѣ, ни съ кѣмъ ворилъ и лишь согналъ съ мѣста одного здѣшняго куна прикащика, но это уже почти безсознательно, по прихв есорѣ, безъ которой, войдя въ трактиръ, онъ уже не могъ обс Правда, вмѣстѣ съ окончательнымъ рѣшеніемъ, подсуд должно-же было придти въ голову опасеніе, что онъ сл много накричалъ по городу предварительно и что это весьма послужитъ къ его уличенію и его обвиненію, кон исполнить задуманное. Но ужъ что-же дѣлать, фактъ былъ совершенъ, его не воротишь, и, наконецъ, вывод прежде кривая, вывезетъ и теперь. Мы на звѣзду свои лись, господа! Я долженъ къ тому-же признаться, что онъ сдѣлалъ, чтобъ обойти роковую минуту, что онъ упи

если мы уже целый мѣсяц созерцали эту картину и приготовлялись, то чуть мелькнуло намъ что-то въ видѣ мы и схватываемъ его какъ оружiе. А о томъ, что како предметъ въ этомъ родѣ можетъ послужить оружiемъ, — уже целый мѣсяцъ представляли себѣ. Потому-то такъ верно и безспорно и признали его за оружiе! А потому не бессознательно, все-же невольно схватилъ онъ новую пестикъ. И вотъ онъ въ отцовскомъ саду — полна свидѣтелей итъ, глубокая ночь, мракъ и равность. Почему она здѣсь, съ нимъ, съ соперникомъ его, въ его объемъ, можетъ быть, свѣтоса надъ нимъ въ эту минуту — власть ему дуть. Да и не подозрѣнiе только, — какiя ужъ подозрѣнiя, обманъ явенъ, очевиденъ: она тутъ, вотъ въ комнатѣ, откуда свѣтъ, она у него тамъ за ширмами, — несчастный подкрадывается къ огню, почтительно въ надеждѣ, благонаравно смиряется и благоразумно уходитъ рѣе вонъ отъ бѣды, чтобы чего не произошло, опаснаго нравственнаго — и насъ въ этомъ хотѣть увѣрить, насъ, щихъ характеръ подсудимаго, понимающихъ, въ какомъ онъ состоянiи духа, въ состоянiи намъ извѣстномъ по фактамъ главное, обладая знаками, которыми тотчасъ-же могъ онъ домъ и войти!» Здѣсь, по поводу «знаковъ» Николитъ Бирюковичъ оставилъ на время свое обвиненiе и напалъ своимъ распространиться о Смердяковѣ, съ тѣмъ, чтобы совершенно исчерпать весь этотъ вводный эпизодъ о водѣ Смердякова въ убiйствѣ и покончить съ этою мыслью навсегда. Сдѣлалъ онъ это весьма обстоятельно, и всѣмъ что не смотря на все выказываемое имъ презрѣнiе къ предположенiю, онъ все-таки считалъ его весьма важнымъ.

VIII.

Трактатъ о Смердяковѣ.

«Во первыхъ, откуда взялась возможность подобнаго зрѣнiя?» — началъ съ этого вопроса Николитъ Бирюковичъ, выйдя, крикнувшiй, что убилъ Смердяковъ, былъ самъ подсудимый въ минуту своего ареста и, однако, не представившiй съ самаго перваго крика своего и до самой сей минуты суда ни одного факта въ подтвержденiе своего обвиненiя, — и не только ф

же сколько-нибудь сообразнаго съ человѣческимъ смысломъ и на какой-нибудь фактъ. Затѣмъ подтверждаютъ обвиненію только три лица: оба брата подсудимаго и г-жа Свѣтлова. Но старшій братъ подсудимаго объявилъ свое подозрѣніе только сегодня, въ болѣзни, въ припадкѣ безспорнаго умоизступленія и горячки, а прежде, во всѣ два мѣсяца, какъ намъ повѣстно, это извѣстно, совершенно раздѣлялъ убѣжденіе о виновности своего брата, даже не искалъ возражать противъ этой идеи. Но мы этимъ займемся особенно еще потомъ. Затѣмъ младшій братъ подсудимаго намъ объявляетъ давеча самъ, что въ подтвержденіе своей мысли о виновности Смердякова не имѣетъ никакихъ, ни малѣйшихъ, а заключаетъ такъ со словъ самого подсудимаго и «по выраженію его лица» — это колоссальное доказательство было дважды произнесено только его братомъ. Г-жа-же Свѣтлова выразилась даже, можетъ быть еще колоссальнѣе: «Что подсудимый вамъ скажетъ, тому вы и вѣрите, не таковъ человѣкъ, чтобы солгалъ». Вотъ всѣ факты — доказательства на Смердякова отъ этихъ трехъ лицъ, слышанныхъ заинтересованныхъ въ судьбѣ подсудимаго. И, между тѣмъ, обвиненіе на Смердякова ходило и держалось, и держится, — въ этомъ повѣрить, можно это представить?

Ипполитъ Кирилловичъ нашелъ нужнымъ слегка очеркнуть характеръ покойнаго Смердякова, «прекратившаго жизнь въ припадкѣ болѣзненнаго умоизступленія и помѣшательства». Онъ представилъ его человѣкомъ слабоумнымъ, съ зачаточнаго смутнаго образованія, сбитаго съ толку философскими идеями не подъ силу его уму и испугавшагося иныхъ чуждыхъ ученій о долгѣ и обязанности, широко преподаваемому — практически-безшабашною жизнію покойнаго его отца, а, можетъ быть, и отца — Федора Павловича, а теоретически — разными странными философскими разговорами съ старшимъ барина, Иваномъ Федоровичемъ, охотно позволяя себѣ это развлеченіе, — вѣроятно, отъ скуки, или отъ пошлости насмѣшки, не нашедшей лучшаго приложенія. Онъ самъ рассказывалъ о своемъ душевномъ состояніи въ последние дни своего пребыванія въ домѣ своего барина, — поясняя Ипполитъ Кирилловичъ, — но свидѣтельствуютъ о томъ-же и другие: самъ подсудимый, братъ его и даже слуга Григорій, всѣ тѣ, которые должны были знать его весьма близко. Въ то же время, удрученный падучею болѣзнію, Смердяковъ былъ «упавъ какъ курица». «Онъ падалъ мнѣ въ ноги и цаловалъ

нон мози», сообщать какъ самъ подсудимый въ ту минуту еще не сознавалъ никакой для себя невыгоды въ таковыхъ случаяхъ, — «это курица въ падушей болѣзни», выразился онъ своимъ характернымъ языкомъ. И вотъ онъ-то (о чемъ и самъ свидѣтельствуешь) выбираетъ въ свои дѣла и запугиваетъ настолько, что тотъ соглашается ему служить ему шпиономъ и порочникомъ. Въ этомъ случаѣ домашняя соглядатая онъ напоминаетъ своему барину, подсудимому и о существованіи пакета съ деньгами, и про который можно проникнуть къ барину, — да и какъ-нибудь не сообщить! «Убьютъ-съ, видѣлъ прямо, что убьютъ» говорилъ онъ на свидѣніи, трясся и трепеща даже передъ не смотря на то, что запугавшій его мучитель былъ уже тогда подъ арестомъ и не могъ уже придти наказывать его. Дворники меня всякую минуту-съ, самъ въ страхѣ и чтобы только ихъ гнѣвъ утолить, сѣмилъ сообщать какую тайну-съ, чтобы тѣмъ самымъ невзвѣность мою передъ видѣть могли-съ, и живаго на покаяніе отпустили-съ». Собственные слова его, я ихъ записалъ и заеживалъ. Слышавъ, бывало, на меня, я такъ на колѣнѣхъ передъ и паду». Будучи высокочестнымъ отъ природы своей по характеромъ и войдя тѣмъ въ довѣренность своего барина, чившаго въ немъ эту честность, когда тотъ возвратилъ потерянные имъ деньги, несчастный Смердяковъ, надо думать страшно мучился раскаяніемъ въ измѣнѣ своему барину. Яраго любилъ, какъ своего благодѣтеля. Сильно страдавшій падушей болѣзнію, по свидѣтельству глубочайшихъ психологовъ всегда склонны къ безиррывному и, конечно, болѣзненно самообвиненію. Они мучаются отъ своей «виновности» въ то и передъ кѣмъ-то, мучаются угрозами совѣсти, часто безо всякаго основанія, преувеличиваютъ и даже сами навешиваютъ на себя разные вины и преступленія. И вотъ подожетъ субъектъ становится дѣйствительно виновнымъ и преступникомъ отъ страха и отъ запугиванія. Кроме того, онъ сильно чувствовалъ, что изъ слагающихся на глазахъ его обстоятельствъ можетъ выйти нѣчто недоброе. Когда старшій сынъ Федоръ Ивановича, Иванъ Федоровичъ, передъ самой катастрофой уѣхалъ въ Москву, Смердяковъ умолялъ его остаться, не сѣлъ, однако, по трусливому обычаю своему, высказать ему все, что онъ своимъ въ видѣ ясномъ и категорическомъ. Онъ лишь умолялся намеками, но намековъ не поняла. Надо замѣтить,

Иванъ Ѳедоровичъ онъ видѣлъ какъ-бы свою защиту, какъ-
гарантію въ томъ, что пока тотъ дома, то не случится бѣды.
Вспомните выраженіе въ «пьяномъ» письмѣ Дмитрія Карамазова
«убью старика, если только уѣдетъ Иванъ», стало бытъ.
Сутствие Ивана Ѳедоровича казалось всѣмъ какъ-бы гарантіей
тишины и порядка въ домѣ. И вотъ онъ-то и уѣзжаетъ, а Смердяковъ
тотчасъ-же, почти черезъ часъ по отъѣздѣ молодаго брата,
упадаетъ въ падучей болѣзни. Но это совершенно понятно.
Надо упомянуть, что, удрученный страхами и своего рода
мнѣніемъ, Смердяковъ въ послѣдніе дни особенно ощущалъ въ
возможность приближенія припадковъ падучей, которая и
всегда случалась съ нимъ въ минуты нравственнаго на-
вѣшенія и потрясенія. День и часъ этихъ припадковъ угадать,
точно, нельзя, но расположеніе къ припадку каждый эпилептикъ
ощутить въ себѣ можетъ заранѣе. Такъ говоритъ медицина.
Вотъ, только что съѣзжаетъ со двора Иванъ Ѳедоровичъ, какъ
Смердяковъ, подъ впечатлѣніемъ своего, такъ сказать, сиротства
своей беззащитности, идетъ за домашнимъ дѣломъ въ погребъ,
спускается внизъ по лѣстницѣ и думаетъ: «будетъ или не бу-
детъ припадокъ, а что колъ сейчасъ придетъ?»—И вотъ именно
въ этого настроенія, отъ этой мнительности, отъ этихъ вопро-
совъ и схватываетъ его горловая спазма, всегда предшествую-
щая падучей, и онъ летитъ стремглавъ, безъ сознанія, на дно
погребка. И вотъ, въ этой самой естественной случайности, ухви-
стается видѣть какое-то подозрѣніе, какое-то указаніе, какой-то
намекъ на то, что онъ нарочно притворился больнымъ! Но если
точно, то является тотчасъ вопросъ: для чего-же? Изъ какого
счета, въ какую-же цѣль? Я уже не говорю про медицину:
да, дескать, лжетъ, наука ошибается, доктора не съумѣли
узнать истины отъ притворства,—пусть, пусть, но отвѣтите-
мнѣ, однако, на вопросъ: для чего ему было притворяться?
для того-ли, чтобы, замысливъ убійство, обратить на себя
вниманіе припадкомъ заранѣе и поскорѣе вниманіе въ домѣ?
или-ли, господа присяжные засѣдатели, въ домѣ Ѳедора Пав-
ловича, въ ночь преступленія было и перебивало пять человѣкъ:
первыхъ, самъ Ѳедоръ Павловичъ,—но вѣдь не онъ-же убилъ
отца, это ясно; во вторыхъ, слуга его Григорій, но вѣдь того
его чуть не убили,—въ третьихъ, жена Григорія, служанка
Евдокия Игнатьевна, но представить ее убійцей своего барина
это стыдно. Остаются, стало бытъ, на виду два человѣка:
Смердяковъ и Смердяковъ. Но такъ какъ подсудимый увѣряетъ,

что убилъ не онъ, то, стало быть, долженъ былъ убить
 воровъ, другаго выхода нѣтъ, ибо никакого другаго нельзя
 никакого другаго убійцы не подберешь. Вотъ, вотъ, отъ
 отсюда произошло это «хитрое» и колоссальное обманъ
 несчастнаго, вчера покончившаго съ собой, идиота! Именно
 потому одному, что другаго некого подобрать! Будь же
 хоть подозрѣніе на кого другаго, на какое-нибудь шестое
 то, я убѣжденъ, что даже самъ подсудимый постыдился
 казать тогда на Смердякова, а показаль-бы на это шестое
 либо обвинять Смердякова въ этомъ убійствѣ есть совсѣмъ
 абсурдъ.

«Господа, оставимъ психологію, оставимъ медицину, и
 даже самую логику, обратимся лишь къ фактамъ, къ
 только фактамъ и посмотримъ, что сважутъ намъ факты
 Смердяковъ, но какъ? Одинъ или въ сообществѣ съ
 мымъ? Разсмотримъ сперва первый случай, то есть, что
 дяковъ убиваетъ одинъ. Конечно, если убилъ, то для
 нибудь, изъ какой-нибудь выгоды. Но, не имѣя ни те-
 вовъ къ убійству изъ такихъ, какіе имѣлъ подсудимый,
 ненависти, ревности и проч., и проч., Смердяковъ, безъ
 ния, могъ убить только лишь изъ-за денегъ, чтобы и
 себѣ именно эти три тысячи, которыя самъ-же видѣлъ
 барнякъ его укладывавалъ въ пакетъ. И вотъ, замысле-
 ство, онъ заранѣе сообщаетъ другому лицу,—и къ той
 высочайшей степени заинтересованному лицу, именно
 мому,—всѣ обстоятельства о деньгахъ и знакахъ: гдѣ
 пакетъ, что именно на пакетѣ написано, тѣмъ онъ обер-
 главное, главное сообщаетъ про эти «знаки», которыми
 рину можно пройти. Что-жь, онъ прямо чтобы выдать
 дѣлаетъ? Или чтобы найти себѣ соперника, который, и
 и самъ пожелаетъ войти и приобрести пакетъ? Да, и
 нѣтъ, но вѣдь онъ сообщилъ отъ страху. Но какъ-же
 ловѣкъ, не смигнувшій задумать такое безстрашное и
 дѣло и потомъ исполнить его, — сообщаетъ такія извѣ-
 торыя знаетъ только онъ въ цѣломъ мірѣ, и о которыхъ
 бы только онъ о нихъ умолчалъ, никто и не догадался
 когда въ цѣломъ мірѣ. Нѣтъ, ужь какъ-бы ни былъ
 человекъ, а ужь если такое дѣло задумалъ, то уже ни за
 сказать никому, по крайней мѣрѣ, про пакетъ и про
 это значило-бы впередъ всего себя выдать. Что-нибу-
 даль-бы нарочно, что-нибудь выдалъ-бы другое, если

непремѣнно требовали извѣстій, а ужь объ этомъ-бы умол-
Напротивъ, повторяю это, если-бъ онъ промолчалъ хоть
о объ деньгахъ, а потомъ убилъ и присвоилъ эти деньги
то никто-бы никогда въ цѣломъ мірѣ не могъ обвинить
по крайней мѣрѣ, въ убійствѣ для грабежа, ибо денегъ
вѣдь никто кромѣ него не видалъ, никто не зналъ, что
существуютъ въ домѣ. Если-бы даже и обвинили его, то
вѣрно сочли-бы, что онъ изъ другаго какого-нибудь мотива
убилъ. Но такъ какъ мотивовъ этихъ за нимъ никто предвари-
тельно не примѣтилъ, а всѣ видѣли, напротивъ, что онъ бари-
любимъ, почтенъ бариновою довѣренностью, то, конечно-
его послѣдняго и заподозрили, а заподозрили-бы прежде
такого, который-бы имѣлъ эти мотивы, кто самъ кричалъ,
имѣетъ эти мотивы, кто ихъ не скрывалъ, передъ всѣми об-
говаривалъ, однимъ словомъ, заподозрили-бы сына убитаго, Дми-
Федоровича. Смердяковъ-бы убилъ и ограбилъ, а сына-бы
убили,—вѣдь Смердякову убійцѣ, ужь конечно, было-бы это
цѣло? Ну, такъ вотъ этому-то сыну Дмитрію, Смердяковъ,
слышавъ убійство, и сообщаетъ впередъ про деньги, про па-
си и про знаки,—какъ это логично, какъ это ясно!!

Приходитъ день замышленнаго Смердяковымъ убійства, и
онъ летитъ съ ногъ, притворившись, въ припадкѣ паду-
ючій, для чего? Ужь конечно, для того, чтобы, во пер-
хъ, слуга Григорій, замыслившій свое лѣченіе и, видя, что со-
вершенно некому стеречь домъ, можетъ быть, отложилъ-бы свое
дѣло и сѣлъ караулить. Во вторыхъ, конечно, для того, чтобы
баринъ, видя, что его никто не караулитъ и страшно
ясъ прихода сына, чего не скрывалъ, усугубилъ свою не-
вѣрчивость и свою осторожность. Наконецъ, и главное, ко-
му, для того, чтобъ его, Смердякова, разбитаго припадкомъ,
съ-же перенесли изъ кухни, гдѣ онъ всегда отдѣльно ото
барина, ночевалъ и гдѣ имѣлъ свой особенный входъ и выходъ,
другой конецъ флигеля, въ комнатку Григорія, къ нимъ обо-
за перегородку, въ трехъ шагахъ отъ ихъ собственной по-
койни, какъ всегда это бывало, съ поконъ вѣка, чуть только
заболѣвала падучая, по распоряженіямъ барина и сердобольной
жены Игнатьевны. Тамъ, лежа за перегородкой, онъ вѣроятнѣе
всего, чтобъ вѣрнѣе изобразиться больнымъ, начнетъ, конечно,
плакать, то есть будить ихъ всю ночь — (какъ и было по по-
воду Григорія и жены его) — и все это, все это для того,
чтобы, тѣмъ удобнѣе вдругъ встать и потомъ убить барина!

«Но, скажутъ мнѣ, можетъ быть, онъ именно притворился, чтобы на него, какъ на больнаго, не подумали, а всѣмъ сообщилъ про деньги и про знака именно для того, чтобы соблазнилъ и самъ пришелъ, и убилъ, и когда, видя, что убивъ, уйдетъ и унесетъ деньги, и при этомъ, пожелавъ мнѣ, нагренитъ, разбудитъ свидѣтелей, то тогда и встанетъ и Смердяковъ, и пойдетъ, — ну, что-же дѣлать? А вотъ именно пойдетъ въ другой разъ убить барина и той разъ унести уже унесенныя деньги. Господа, вы бы мнѣ самому стыдно дѣлать такія предположенія, а если представьте себѣ это, именно вѣдь подсудимый это утверждаетъ: послѣ меня, дескать, когда я уже вышелъ дому, повалявъ Григорія и надѣлавъ тревоги, онъ всталъ, ушелъ, убилъ и ограбилъ. Ужь я и не говорю про то, могъ Смердяковъ разсчитать это все заранее и все предвидѣть какъ по пальцамъ, то есть, что раздраженный и бѣшеный придетъ единственно для того только, чтобы почтительно постучать въ окно и, обладая знаками, отретироваться, оставивъ Смердякову, свою добычу! Господа, я серьезно ставлю вамъ въ гдѣ тотъ моментъ, когда Смердяковъ совершилъ свое преступленіе? Укажите этотъ моментъ, ибо безъ этого нельзя о немъ говорить».

«А, можетъ быть, падучая была настоящая. Больной очнулся, услыхавъ крикъ, вышелъ, — ну, и что-же? Послѣ и сказалъ себѣ: дай пойду убью барина? А почему онъ что тутъ было, что тутъ происходило, вѣдь онъ до смерти лежалъ въ безпамятствѣ? А, впрочемъ, господа, есть и фантазіямъ».

«Такъ-съ, скажутъ тонкіе люди, а ну, какъ оба были гласны, а ну, какъ это они оба вмѣстѣ убили и деньги взяли, ну, тогда какже?»

«Да, дѣйствительно подозрѣніе важное, и во первый часъ-же колоссальныя улики, его подтверждающія: одинъ валяется и беретъ всѣ труды на себя, а другой сообщникъ на боку, притворившись въ падучей, — именно для того предварительно возбудитъ во всѣхъ подозрѣніе, тревогу ринѣ, тревогу въ Григоріѣ. Любопытно, изъ какихъ мотивовъ сообщника могли-бы выдумать именно такой сумасшедшій планъ? Но, можетъ быть, это было вовсе не активное сообщество стороны Смердякова, а, такъ сказать, пассивное и страдающее. Можетъ быть, запуганный Смердяковъ согласился лишь противиться убійству и, предчувствуя, что его-же вѣдѣтъ».

Э, что онъ далъ убить барина. не кричалъ, не сопротивлялся — заранѣе выговорилъ себѣ у Дмитрія Карамазова позволеніе лежать это время какъ-бы въ падучей. «а ты тамъ убивай какъ угодно. моя изба съ краю». Но если и такъ, то такъ и опять-таки эта падучая должна была произвести въ переполохъ, предвидя это. Дмитрій Карамазовъ ужь ни-когда не могъ-бы согласиться на такой уговоръ. Но я уступаю. Онъ согласился: такъ вѣдь, все-таки, вышло-бы тогда, что Дмитрій Карамазовъ — убійца, прямой убійца и зачинщикъ, а Смердяковъ лишь пассивный участникъ, да и не участникъ даже, лишь попуститель отъ страха и противъ воли. вѣдь судъ-то бы ужь непременно могъ различить, и вотъ, что-же мы видимъ? Только что арестовали подсудимаго, какъ онъ нигомъ свалитъ все на одного Смердякова и его одного обвиняетъ. Не сообщничествъ съ собой обвиняетъ, а его одного: одинъ, а такъ, онъ это сдѣлалъ, онъ убилъ и ограбилъ, его рубль дѣло! Что-же это за сообщники, которые тотчасъ-же начинаютъ кричать одинъ на другаго. — да этого никогда не бываетъ. И вы видите, какой рискъ для Карамазова: онъ главный убійца, а не главный, тотъ только попуститель и пролежалъ за переподкой, и вотъ онъ сваливаетъ на лежачаго. Такъ вѣдь тотъ, кто-нибудь-то могъ разсердиться, и изъ-за одного только самосознания поскорѣе объявить правду истинную: оба, дескать, участвовали, только я не убивалъ, а лишь дозволилъ и попустилъ, въ страху. Вѣдь онъ-же, Смердяковъ, могъ понять, что судъ такъ-бы различилъ степень его виновности, а, стало быть, могъ и рассчитать, что если его и накажутъ, то несравненно меньше, чѣмъ того, главнаго убійцу, желающаго все свалить на него. Но тогда, стало быть, ужь по неволѣ сдѣлалъ-бы признаніе. Этого мы, однако-же, не видали. Смердяковъ и не запнулся о сообщничествѣ, не смотря на то, что убійца твердо обвинялъ его и все время указывалъ на него, какъ на убійцу истиннаго. Мало того: Смердяковъ-же и открылъ слѣдствію, что пакетъ съ деньгами и о знакахъ сообщилъ подсудимому самъ, и что безъ него тотъ и не узналъ-бы ничего. Если бы онъ былъ действительно въ сообщничествѣ и виновенъ, сообщилъ-бы онъ такъ легко объ этомъ слѣдствію, то есть, что это все самъ сообщилъ подсудимому? Напротивъ, сталъ-бы запиныться и ужь непременно искажать факты и уменьшать ихъ. Но онъ не искажалъ и не уменьшалъ. Такъ можетъ дѣлать только виновный, не боящійся, что его обвинять въ сообщничествѣ. И вотъ

онъ, въ принадлежѣ болѣзненной меланхоліи отъ своей шогъ всей этой разразившейся катастрофы, вчера повѣсивъ себя, оставилъ записку, писанную своеобразнымъ «Цстребляю себя своею волей и охотой, чтобы никогдѣ нить». Ну, чтобъ ему прибавить въ запискѣ: убійца Карамазовъ. Но этого онъ не прибавилъ: на одно совѣтъ, а на другое нѣтъ?

«И что-же! давеча сюда, въ судъ, приносятъ деньги сами дублей. — тѣ самыя, дескать, которыя лежали въ томъ самомъ пакетѣ, что на столѣ съ вещественными доказательствами. Получилъ, дескать, вчера отъ Смердякова» — стоишь предъ глазами застѣватели, сами помните грустную картину. И не возобновлю подробностей, однако-же, себя считать лишь два—три соображенія, выбирая изъ невнятныхъ и неясныхъ. — именно потому, что онъ не знаетъ, куда имъ, не вѣдьному придуть въ голову и зѣвать, и думать, и думать-таки: отъ угрызенія совѣсти Смердякова, да и денегъ и самъ повѣсился. (Шбо безъ угрызенія совѣсти деньги не отдалъ). И ужь, конечно, тогда-то въ первый разъ признался Ивану Карамазову, что онъ, Смердяковъ, какъ объявилъ и самъ Иванъ Карамазовъ, не знаетъ, куда имъ до сихъ поръ? Штакъ, онъ и теперь, какъ я повторяю это, въ предсмертной запискѣ, повторяю всю правду, зная, что завтра-же для бѣдѣ его страшный судъ? Одиѣ деньги вѣдь не дошли до Смердякова, а Фимѣрь, и еще двумъ лицамъ въ этой запискѣ, какъ я уже сталъ извѣстенъ, еще недѣлю назадъ, а именно, что Иванъ Федоровичъ Карамазовъ посылалъ Фимѣрь и двумъ другимъ для размѣна два пятипроцентные облигации, каждая каждый, всего, стало быть, на десять тысячъ рублей, потому, что деньги у всѣхъ могутъ случиться въ одну руку и что, принесся три тысячи, нельзя доказать, что это вотъ тѣ самыя деньги, вотъ именно такая записка или пакета. Наконецъ, Иванъ Карамазовъ, какъ вчера такое важное сообщеніе отъ настоящаго убійцы, пришелъ въ покоѣ. Но почему-бы ему не заявить объ этомъ же? Почему онъ отложилъ все до утра? Полагаю, что онъ не могъ не догадываться почему: уже недѣлю, какъ разстроился докторъ, самъ признавшійся доктору и близкимъ своимъ, что видигъ видѣнія, что встрѣчаетъ уже умершихъ людей въ видѣ горячки, которая сегодня именно и поразилъ его.

внезапно узнавъ о кончинѣ Смердякова, вдругъ составляетъ слѣдующее разсужденіе: «Человѣкъ мертвъ, на него сказать нечего, а брата спасу. Деньги-же есть у меня: возьму пачку и скажу, что Смердяковъ предъ смертью мнѣ отдалъ. Вы скажете, нечестно, хоть на мертваго, но нечестно-же лгать, даже и спасенія брата? Такъ, ну, а что если онъ солгалъ безсознательно, если онъ самъ вообразилъ, что такъ и было, именно чрезвычайно пораженный въ разсудкѣ своемъ извѣстіемъ объ внезапной смерти лакея? Вы вѣдь видѣли давешнюю сцену, были въ какомъ положеніи былъ этотъ человѣкъ. Онъ стоялъ ногахъ и говорилъ, но гдѣ былъ умъ его? За давешнимъ поименемъ горячешнаго послѣдовалъ документъ, письмо подсудимъ къ г-жѣ Верховцевой, писанное имъ за два дня до совершенія преступленія, съ подробною программой преступленія въ письмѣ. Ну, такъ чего-же мы ищемъ программу и ея составителей? Въ точь по этой программѣ и совершилось, и совершилось не имъ другимъ, какъ ея составителемъ. Да, господа присяжные заседатели, «свершилось какъ по писанному!» И вовсе. во-первыхъ мы не бѣжали почтительно и боязливо отъ отцова обошья, еще въ твердой увѣренности, что у того теперь наша возлюбленная. Нѣтъ, это нелѣпо и неправдоподобно. Онъ вошелъ и докончилъ дѣло. Вѣроятно, онъ убилъ въ раздраженіи, разгнѣвшись злобой, только что взглянулъ на своего ненавистника Поперника, но убивъ, что сдѣлалъ, можетъ быть, однимъ разомъ, однимъ взмахомъ руки, вооруженной мѣднымъ пестомъ, и удивившись затѣмъ уже послѣ подробнаго обыска, что ея тутъ нѣтъ, онъ, однако-же, не забылъ засунуть руку подъ подушку достать конвертъ съ деньгами, разорванная обложка котораго лежитъ теперь здѣсь на столѣ съ вещественными доказательствами. Я говорю къ тому, чтобы вы замѣтили одно обстоятельство, по моему, прехарактерное. Будь это опытный убійца и именно убійца съ цѣлью одного грабежа.— ну, оставилъ-ли бы онъ обложку конверта на полу, въ томъ видѣ, какъ нашли ее подъ трупомъ? Ну, будь это, напримѣръ, Смердяковъ, убивающій и грабежа, — да онъ-бы просто унесъ весь пакетъ съ собой, все не трудясь распечатывать надъ трупомъ жертвы своей, такъ какъ зналъ навѣрно, что въ пакетѣ есть деньги. — вѣдь и немъ-же ихъ вкладывали и запечатывали, — а гдѣ унеси онъ пакетъ совсѣмъ и тогда становится неизвѣстнымъ существованіе ли ограбленіе? Я васъ спрашиваю, господа присяжные, оставилъ-ли бы такъ Смердяковъ, оставилъ-ли-бы онъ конвертъ

стовѣрится, есть-ли деньги, затѣмъ бѣжитъ Станѣ, даже и подумать забывъ, что оставляетъ сальнѣйшее на себя обвиненіе въ видѣ разорваннаго потому, что Карамазовъ, а не Смердяковъ, не образилъ; да и гдѣ ему! Онъ убѣгаетъ, онъ сстигающаго его слуги, слуга хватаетъ его, отдастъ, пораженный мѣднымъ пестомъ. Подсудимый падаетъ къ нему внизъ изъ жалости. Представьте, онъ насъ, что онъ соскочилъ тогда къ нему внизъ состраданія, чтобы посмотрѣть, не можетъ-ли Ну, такова-ли эта минута, чтобы выказать подлѣтъ, онъ соскочилъ именно для того, чтобы уединенный свидѣтель его злодѣянія? Всякой другой мотивъ были бы неестественны надъ Григоріемъ трудится, обтираетъ ему платокъ, убѣдись, что онъ мертвъ, какъ потерянный, онъ бѣгаетъ опять туда, въ домъ своей возлюбленной, подумалъ онъ, что онъ весь въ крови и что не личатъ? Но подсудимый самъ увѣряетъ насъ вниманія не обратилъ что весь въ крови; это очень возможно, это всегда бываетъ въ преступниками. На одно—адскій расчетъ, а не думаетъ соображенія. Но онъ думалъ въ ту минуту

IX.

Психологія на всѣхъ парахъ. Сначущая тройна. Финалъ рѣчи прокурора.

Идя до этого момента въ своей рѣчи Ппоолитъ Кирилловичъ, но, избравшій строго историческій методъ изложенія, къ му очень любятъ прибѣгать всѣ нервныя ораторы, ищущіе о строго поставленныхъ рамокъ, чтобы сдерживать себе нетерпѣливое увлеченіе,—Ппоолитъ Кирилловичъ осораспространился о «прежнемъ» и «безспорномъ» и вы на эту тему нѣсколько въ своемъ родѣ занимательныхъ . Карамазовъ, ревновавшій ко всѣмъ до бѣшенства, вдругъ мь какъ-бы падаетъ и исчезаетъ передъ «прежнимъ» п «раннымъ». И тѣмъ болѣе это странно, что прежде онъ сопочти и не обращалъ вниманія на эту новую для себя сть, грядущую въ лицѣ неожиданнаго для него соперника. все представлялъ себѣ, что это еще такъ далеко, а Кара- всегда живетъ лишь настоящею минутой. Вѣроятно, онъ вь его даже фикціей. Но мигомъ понявъ болѣнымъ серд- воимъ, что, можетъ быть, потому-то эта женщина и скры- того новаго соперника, потому-то и обманывала его давеча, сть вновь прилетѣвшій соперникъ былъ слишкомъ для фантазіей и не фикціей, а составлялъ для нея все, все ваніе въ жизни.—мигомъ понявъ это, онъ смирился. Что- оспода присяжные, я не могу обойти умолчаніемъ эту зую черту въ душѣ подсудимаго, который-бы, базалось, что не способенъ былъ проявить ее, высказалась вдругъ имая потребность правды, уваженія къ женщинѣ, признанія ея сердца, и когда-же — въ тотъ моментъ, когда изъ-за онъ обагрилъ свои руки кровью отца своего! Правда и и пролитая кровь уже закричала въ эту минуту объ ии, ибо онъ, погубившій душу свою и всю земную судьбу онъ невольно долженъ былъ почувствовать и спросить , то мгновеніе: «Что значитъ онъ и что можетъ онъ зна- теперь для нея, для этого любимаго имъ больше души своей ва въ сравненіи съ этимъ «прежнимъ» и «безспорнымъ», шимся и воротившимся къ этой, когда-то погубленной имъ вѣ, съ новой любовью, съ предложеніями честными, съ вь возражденной и уже счастливой жизни. А онъ, несча-

стный, что дастъ онъ ей *теперь*, что ей предложитъ назвать все это понялъ, понялъ что преступленіе его за все дороги и что онъ лишь приговоренный къ казни про а не человекъ которому жить! Эта мысль его раздавила тожила. И вотъ онъ мгновенно останавливается на преступленномъ планѣ, который, при характерѣ, Карамазовъ, не представится ему какъ единственнымъ и фатальнымъ домъ изъ страшнаго его положенія. Этотъ исходъ—самъ Онъ бѣжить за своими заложенными чиновнику Перхотина летами и въ тоже время дорогой, на бѣгу, выхватываетъ кармана все свои деньги, изъ-за которыхъ только что галь руки свои отцовскою кровью. О, деньги теперь все всего: умираетъ Карамазовъ, застрѣливается Карамазовъ будутъ помнить! Не даромъ-же мы поэтъ, не даромъ-же жигали нашу жизнь какъ свѣчку съ обомъ концовъ. «къ ней,—я тамъ, о, тамъ я задаю пиръ на весь міръ какого еще не бывало, чтобы помнили и долго разска Среди дикихъ бривовъ, безумныхъ цыганскихъ пѣсень и мы подыдемъ заздравный бокаль и поздравимъ обожаем щину съ ея новымъ счастьемъ, а затѣмъ—туть-же, у разможимъ передъ нею нашъ черепъ и казнимъ нашу Вспомнитъ когда-нибудь Митю Карамазова, увидитъ какъ ее Митя, пожалѣетъ Митю!» Много картинности, романъ изступленія, дикаго Карамазовскаго безудержу и чувственности,—ну, и еще чего-то другаго, господа присяжные, что кричитъ въ душѣ, стучитъ въ умъ неустанно и отъ его сердце до смерти,—это *что-то*—это совѣсть, господа присяжные, это судъ ея, это страшныя ея угрызения! Но все помпрать, пистолетъ единственный выходъ и нѣтъ а тамъ—я не знаю, думаль-ли въ ту минуту Карамазовъ *будетъ тамъ*», и можетъ-ли Карамазовъ по Гамлетовски о томъ, что будетъ тамъ? Нѣтъ, господа присяжные, Гамлеты, а у насъ еще пока Карамазовы!»

Туть Ипполитъ Кирилловичъ развернулъ подробности тину сборовъ Мити, сцену у Перхотина, въ завкѣ, съ яи Онъ привелъ массу словъ, изрѣченій, жестовъ, все подт ныхъ свидѣтелями,—я картина страшно повліяла на у слушателей. Главное, повліяла совокупность фактовъ. Вн этого изступленно-матушагося и уже не берегущаго се вѣка выставилась неотразимо. Нечего уже ему было бер говорилъ Ипполитъ Кирилловичъ, —два—три раза онъ ч

Он не сознавался в вине, почти замчалась и только развѣ не шаривалъ (здѣсь следовали показанія свидѣтелей). Даже ампу въ дорогѣ прыгнулъ: «Знаешь-ли, что ты убійцу ведешь!» Договорить всетаки ему нельзя было надо было податься въ село Мокрое и уже тамъ закончить поѣзду. Но что-же, кто, ожидаетъ несчастнаго? Дѣло въ томъ, что почти съ дерт-же минутъ въ Мокромъ онъ видитъ и наконецъ, постигаетъ ршенно, что «безспорный» соперникъ его вовсе, можетъ быть, не такъ безспоренъ и что подозрѣній съ новымъ счастьемъ и задравнаго божала отъ него не хотятъ и не принимаютъ. Вы уже знаете факты, господа присяжные, по судебному ствію. Торжество Карамазова надъ соперникомъ обязалось поримымъ и тутъ—о, тутъ начался советъ уже новый фавъ въ его душѣ, и даже самый страшный фавъ изъ всѣхъ, въ пережила и еще переживетъ когда либо эта душа! Позвольте можно признать, господа присяжные, возмущенъ Пастъ Кирилловичъ, что поруганная природа и преступное цо—сами за себя метили долѣе всякаго земнаго правосудія! Того: правосудіе и земная казнь даже облегчаютъ казнь юды, даже необходимы душѣ преступника въ эти моменты, спасеніе ея отъ отчаянія, ибо я и представить себѣ не могу ужаса и тѣхъ нравственныхъ страданій Карамазова, когда узналъ, что она его любитъ, что для него отвергаетъ своего жняго» и «безспорнаго», что его, его, «Митю», зоветъ съ ю въ обновленную жизнь, общаетъ ему счастье и это когда- Когда уже все для него покончено и когда уже ничего невозможно! Кстати, сдѣлаю вскользь одну весьма важную для насъ тѣку для поясненія настоящей сущности тогдашняго положія подсудимаго: эта женщина, эта любовь его до самой этой мѣдней минуты, до самаго даже мига ареста, пребывала для ю существомъ недоступнымъ, страстно желаемымъ, но недо- жимымъ. Но почему, почему онъ не застрѣлся тогда-же, юму оставилъ принятое намѣреніе и даже забылъ, гдѣ лежитъ пистолеть? А вотъ именно эта страстная жажда любви и жажда ее тогда-же, тутъ-же утолить и удержалъ его. Въ чаду я онъ приковался къ своей возлюбленной, тоже вытѣтъ съ гь пирующей, прелестной и обольстительной для него божѣ, гь когда либо, — онъ не отходить отъ нея, любитъ ее, знаетъ предъ нею. Эта страстная жажда даже могла на мигъ двинуть не только страхъ ареста, но и самыя упривенія со- ги! На мигъ, о, только на мигъ! Я представляю себѣ тогдаш-

нее состояніе души преступника въ безспорномъ рабскомъ чиненіи трехъ элементамъ, подавившимъ ее совершенно: мракъ, пьяное состояніе, чадъ и гамъ, топотъ пляски, пѣсенъ, и она, она, раскраснѣвшаяся отъ вина, поющая и шушая, пьяная и смѣющаяся ему! Во вторыхъ, ободранная, отдаленная мечта о томъ, что роковая развязка еще для крайней мѣрѣ, не близко, — развѣ на другой только день, на утро, придутъ и возьмутъ его. Стало быть, нѣсколько часовъ это много, ужасно много! Въ нѣсколько часовъ можно придумать. Я представляю себѣ, что съ нимъ было нѣчто такое же на то, когда преступника везутъ на смертную казнь. Висѣлицу: еще надо проѣхать длинную-длинную улицу, шагъ за шагомъ, мимо тысячъ народа, затѣмъ будетъ поворотъ въ другую улицу и въ концѣ только этой другой улицы страшная казнь! Миѣ именно кажется, что въ началѣ шествія осужденный, сидя на позорной своей колесницѣ, долженъ именно чувствовать, что предъ нимъ еще безконечная жизнь. Но вотъ, одна изъ улицъ уходитъ дома, колесница все подвигается, — о, это ничего. Поворота во вторую улицу еще такъ далеко, и вотъ онъ все бодро смотритъ направо и налево и на эти тысячи безучастныхъ любопытныхъ людей, приковавшихся къ нему взглядами, и онъ все еще мерещится, что онъ такой-же, какъ и они, человекъ. И вотъ уже и поворотъ въ другую улицу, о! это ничего. Еще еще цѣлая улица. И сколько-бы ни уходило домовъ, онъ не будетъ думать: «Еще осталось много домовъ». И такъ, до самаго конца, до самой площади. Такъ, представляю себѣ, было и съ Карамазовымъ. «Еще тамъ не успѣли, думаетъ онъ, еще можно что-нибудь подыскать, о, еще будетъ время сочинять планъ защиты, сообразить отпоръ, а теперь, теперь. — теперь она такъ прелестна!» Смутно и страшно въ душѣ его. Онъ не успѣваетъ, однако-же, отложить отъ своихъ денегъ половину, гдѣ-то ихъ спрятать, — иначе я не могу объяснить себѣ, какъ могла исчезнуть цѣлая половина этихъ трехъ тысячъ, которые взятыхъ имъ у отца изъ-подъ подушки. Онъ въ Москвѣ уже не разъ, онъ тамъ уже кутилъ двое сутокъ. Этотъ огромный большой деревянный домъ ему извѣстенъ, со всѣми сараями и галереями. Я именно предполагаю, что часть денегъ спрятана тогда-же, и именно въ этомъ домѣ, не задолго предъ арестомъ въ какую-нибудь щель, въ расщелину, подъ какую-нибудь половицу, гдѣ-нибудь въ углу, подъ кровлей — для чего? Для чего? Катастрофа можетъ совершиться сейчасъ. Бывало

ше не обдумали, какъ ее встрѣтить, да и некогда намъ, да жить у насъ въ головѣ, да и къ ней-то тянетъ, ну, а ж, — деньги во всякомъ положеніи необходимы! Человѣкъ съ нами вездѣ человѣкъ. Можетъ быть, такая расчетливость такую минуту вамъ покажется неестественною? Но вѣдь есть-же онъ самъ, что еще за мѣсяць предъ тѣмъ, въ тоже самый тревожный и роковой для него моментъ, онъ шлъ отъ трехъ тысячъ половину и зашилъ себѣ въ ла- , и если, конечно, это неправда, что и докажемъ сейчасъ, то-же эта идея Карамазову знакомая, онъ ее созерцалъ. Мало когда онъ увѣрялъ потомъ слѣдователя, что отдѣлилъ пол-тысячи въ ладонку (которой никогда не бывало), то, мо- быть, и выдумалъ эту ладонку, тутъ-же мгновенно, именно ту, что два часа предъ тѣмъ отдѣлилъ половину денегъ и шалъ куда-нибудь тамъ въ Мокромъ, на всякій случай, до только чтобы не хранить на себѣ, по внезапно представив- ся вдохновенію. Двѣ бездны, господа присяжные, вспомните, Карамазовъ можетъ созерцать двѣ бездны, и обѣ разомъ! Въ домѣ мы искали, но не нашли. Можетъ, эти деньги и те- еще тамъ, а, можетъ, и на другой день исчезли, и теперь судимаго. Во всякомъ случаѣ, арестовали его подлѣ нея, въ ней на колѣняхъ, она лежала на кровати, онъ прости- въ ней руки и до того забылъ все въ ту минуту, что не ышалъ и приближенія арестующихъ. Онъ ничего еще не гъ приготовить въ умѣ своемъ для отвѣта. И онъ, и умъ ыли взяты въ расплохъ.

И вотъ онъ предъ своими судьями, предъ рѣшителями бы своей. Господа присяжные засѣдатели, бываютъ моменты, , при нашей обязанности, намъ самимъ становится почти цно предъ человѣкомъ, страшно и за человѣка! Это минуты цанія того животного ужаса, когда преступникъ уже видитъ, се пропало, но все еще борется, все еще намѣренъ бороться ами. Это минуты, когда всѣ инстинкты самосохраненія воз- гъ въ немъ разомъ, и онъ, спасая себя, глядитъ на всѣ ызывающимъ взглядомъ, вопрошающимъ и страдающимъ, гъ и изучаетъ васъ, ваше лицо, ваши мысли, ждетъ, съ кото- боку вы ударите, и создаетъ мгновенно въ сотрясающемся своемъ тысячи плановъ, но всетаки боится говорить, боится ьвориться! Эти унижительные моменты души человѣческой, кожденіе ея по мытарствамъ, эта животная жажда самоспа- —ужасны и вызываютъ иногда содраганіе и состраданіе къ

преступнику даже въ слѣдствіи! И вотъ на этому все
было основано. Сначала онъ былъ опьяненъ, и на
у него вырвалось нѣсколько словъ, его слыше конспиром
иные: «Брва! Заслужилъ!» Но онъ быстро сдержалъ се
бя, какъ стоять, — все это была еще у него на го
лова одна одногласное суровое: «Въ смерти
иначе!» Вотъ пока намъ заборъ, а тамъ, за заборе
живетъ Фан, еще что и устроить, какую-нибудь бе
дородителюшка первая восклицанія свои онъ слыше
дурно: вопросы наши, объяснилъ тѣмъ, что счита
иначе: даже въ смерти слуги Григорія. «Въ этой ку
рице, не кто-то убилъ отца, господи, кто убилъ? Кто-
то убилъ, кто, самъ же да!» Слышите это: спрашиваетъ онъ и
иначе, иронически къ нему самому съ этимъ самымъ во
сказаніемъ что это заблудшее впередъ словечко: «если
ты можешь хитрость, эту хитрость и эту карнавалом
признаться!» Не я убилъ и думать не могу, что я: «
хитрость, господи, хотѣлъ убить», признается онъ поскорѣ
иначе, а, слышите ужасно!) «но все-же неповиненъ, не я!
Да, хотѣлъ убить: видите, дескать
иначе и признаться, ну, такъ тѣмъ скорѣ повѣрьте, что
иначе, и, въ этихъ случаяхъ преступникъ становится
иначе: иронически замечанье и легковѣренъ. И вотъ тутъ, с
иначе же нечаянно, слѣдствіе вдругъ задало ему самый
иначе вопросъ: «Да не Смердяковъ-ли убилъ?» Такъ и
иначе же мы ожидали: онъ страшно разсердился за то, что
иначе же онъ и попалъ въ раслохъ, когда онъ еще не
иначе же, вырвать и ухватить тотъ моментъ, когда
иначе же да всего ввоятъ. По натурѣ своей онъ
иначе же ушелъ въ крайность и самъ началъ насъ из
иначе же уверять, что Смердяковъ не могъ убить, не см
иначе же. Но не врите ему, это лишь его хитрость: онъ
иначе же не отказывается отъ Смердякова, напротивъ, о
иначе же, потому что кого-же ему выставить, какъ
иначе же, это въ другую минуту, потому что теб
иначе же испорчено. Онъ выставить его только, может
иначе же даже черезъ нѣсколько дней, присквавъ нове
иначе же самъ-же крикнетъ намъ: «Видите, я самъ от
иначе же больше тѣмъ вы, вы сами это помните, но т
иначе же это онъ убилъ, и какъ-же не онъ!» А по
иначе же съ нами въ мрачное и раздражительное отрица

ГѢВЪ подсказываютъ ему, однако, самое неумѣлое и
бѣное объясненіе о томъ, какъ онъ глядѣлъ отцу
какъ онъ почтительно отошелъ отъ окна. Главное,
знаетъ обстоятельство, степени показаній очнущ-
рія. Мы приступаемъ къ осмотру и обыску. Осмотръ
но и ободряетъ: всѣхъ трехъ тысячъ не розыскали,
олько полторы. И, ужь конечно, лишь въ этотъ мо-
заго молчанія и отрицанія вскакиваетъ ему въ голову
азъ въ жизни идея объ ладонкѣ. Безъ сомнѣнія, онъ
мъ всю невѣроятность выдумки и мучается, страшно
съ-бы сдѣлать ее вѣроятнѣе, такъ сочинить, чтобъ
цѣлый правдоподобный романъ. Въ этихъ случаяхъ
дѣло, самая главная задача слѣдствія — не дать
и, накрыть неожиданно, чтобы преступникъ выска-
ия идеи свои во всемъ выдающемъ ихъ простодушіи,
бности и противорѣчій. Заставить-же говорить пре-
жно лишь внезапнымъ и какъ-бы нечаяннымъ
ему какого-нибудь новаго факта, какого-нибудь
а дѣла, которое по значенію своему колоссально,
онъ до сихъ поръ ни за что не предполагалъ и
огъ усмотрѣть. Этотъ фактъ былъ у насъ наготовѣ,
наготовѣ: это показаніе очнушагося слуги Григорія
ой двери, изъ которой выбѣжалъ подсудимый. Про
и, совсѣмъ забылъ, а что Григорій могъ ее видѣть, в
алъ. Эффектъ вышелъ колоссальный. Онъ вскочилъ
ричалъ намъ: «Это Смердяковъ убилъ, Смердяковъ!»
лъ свою завѣтную, свою основную мысль, въ самой
бной формѣ ея, ибо Смердяковъ могъ убить лишь
акъ онъ повергъ Григорія и убѣжалъ. Когда-же мы
и, что Григорій видѣлъ отпертую дверь раньше своего
ходя изъ своей спальни, слышалъ стонущаго за пе-
мердякова—Карамазовъ былъ во истину раздавленъ.
мой, нашъ почтенный и остроумный Николай Пар-
едавалъ мнѣ потомъ, что въ это мгновеніе ему стало
слезъ. И вотъ въ это-то мгновеніе, чтобы поправить
спѣшитъ намъ сообщить объ этой пресловутой ла-
и быть, дескать, услышите эту повѣсть! Господа при-
ке выразилъ вамъ мои мысли, почему считаю всю эту
защитыхъ за мѣсяць передъ тѣмъ деньгахъ въ ла-
лько недѣлицей, но и самымъ неправдоподобнымъ
ь, которое только можно было приискать въ данномъ

12

минуту не до того. Ихъ ужь создасть дѣла гнѣ
и вотъ смѣютъ имъ предлагать такую мелоч
ихъ и ловятъ! Задаютъ подсудному вопросъ:
или взять матеріалъ для вашей ладони. Кто
Самъ зашилъ.—А полотно гдѣ изволили взять
обижается, онъ считаетъ это почти обидною для
вѣрите-ли, искренно, искренно! Но таковы всё о
моей оторвалъ.—Прекрасно-съ. Стало быть, въ
завтра-же отыщемъ эту рубашку съ вырванны
комъ. И сообразите, господа присяжные, вѣдь
нашли въ самомъ дѣлѣ эту рубашку (а какъ-бы
его чемоданъ или комодъ, если-бы такая рубаш
существовала),—то вѣдь это ужь фактъ, фактъ
пользу справедливости его показаній! Но это
сообразить.—Я не помню, можетъ, не отъ руб
шилъ чепчикъ зашилъ. — Въ какой таковой чеп
взялъ, у нея валялся, старая коленкоровая д
твердо помните?—Нѣтъ, твердо не помню... И с
а между тѣмъ представьте: какъ-бы это не по
страшныя минуты человѣческія, ну, на казнь въ
эти-то мелочи и запоминаются. Онъ обо всемъ э
нибудь зеленую кровлю, мелькнувшую ему по
на крестъ - вотъ это онъ запомнить. Вѣдь онъ

Однимъ словомъ, Ипполитъ Кирилловичъ, хоть и очевидно кончилъ такъ ватетическа — и дѣйствительно, все произведенное имъ, было чрезвычайное. Самъ онъ, рѣчь свою, поснѣшно вынешъ в. повторяю, почти у другой комнатѣ въ обморокъ. Зала не аплодировала, иные люди были довольны. Не такъ довольны были тамъ дамы, но все-же и имъ понравилось краснорѣчіе, тѣмъ, что за послѣдствія онъ совсѣмъ не боялся и ждалъ отъ Федюковича; наконецъ-то, онъ заговоритъ в ужъ, и всѣхъ побѣдитъ!» Все поглядывали на Митю; всю рѣчь рора онъ просидѣлъ молча, сжавъ руки, стиснувъ зубы и вившись. Изрѣдка только подымалъ голову и прислушивался. Особенно когда заговорила о Грушеньки. Когда прокуроръ предавалъ о ней мнѣніе Равитина, въ лицѣ его вырзалъ презрительная и злобная улыбка и онъ довольно слышн говорилъ: «Бернары!» Когда-же Ипполитъ Кирилловичъ шалъ о томъ, какъ онъ допрашивалъ и мучилъ его в ромъ, Митя подымалъ голову и прислушивался со стр любопытствомъ. Въ одномъ мѣстѣ рѣчи какъ будто даже всочить и что-то крикнуть, но, однако, осмилъ только презрительно вскинулъ плечами. Про этотъ фини чь, именно про подвиги прокурора въ Мокромъ, при преступника, потомъ у насъ въ обществѣ говорили Ипполитомъ Кирилловичемъ подсмѣивались: «Не утерпѣ скать, человекъ, чтобы не похвастаться своими способи Засѣданіе было прервано, но на очень короткій срокъ, вертъ часа, много на двадцать минутъ. Въ публикѣ разг разговоры и восклицанія. Я инья запомнилъ:

— Серьезная рѣчь! нахмуренно замѣтилъ господинъ и группѣ.

— Психологія наvertsъ ужъ много, раздался другой

— Да вѣдь все правда, неотразимая истина!

— Да, это онъ мастеръ.

— Итогъ подвелъ.

— И намъ, и намъ тоже итогъ подвелъ, присоедини тій голосъ, — въ началѣ-то рѣчи, помните, что всѣ такіе-и Федоръ Павловичъ

— И въ концѣ тоже. Только онъ это совралъ.

— Да и неясности были.

— Увлекся маленько.

— Несправедливо, несправедливо-съ.

- Ну, нѣтъ, всетаки ловко. Долго ждалъ человекъ, а вотъ
 сказать, хе-хе!
- Что-то защитникъ скажетъ?
- Въ другой группѣ:
- А петербургскаго-то онъ напрасно сейчасъ задѣлъ: «бю-
 то на чувствительность», помните?
- Да, это онъ не ловко.
- Послѣшилъ.
- Нервный человекъ-съ.
- Вотъ мы смѣемся, а каково подсудимому?
- Да-съ. Митенькѣ-то каково?
- А вотъ что-то защитникъ скажетъ?
- Въ третьей группѣ:
- Это какая такая дама, съ зонетомъ, толстая, съ браю-
 ть.
- Это генеральша одна, разводка, я ее знаю.
- То-то съ зонетомъ.
- Шушера.
- Ну, нѣтъ, пикантенъея.
- Подлѣ нея черезъ два мѣста сидитъ блондиночка, та лучше.
- А ловко они его тогда въ Мокромъ накрыли, а?
- Ловко-то ловко. Опять рассказать. Вѣдь онъ про это
 по домамъ ужь сколько рассказывалъ.
- И теперь не утерпѣлъ. Самолюбие.
- Обиженный человекъ, хе-хе!
- И обидчивый. Да и риторикъ много, фразы длинные.
- Да и пугаетъ, замѣтите, все пугаетъ. Про тройку-то пом-
 ? «Тамъ Гамлеты, а у насъ еще пока Карамазовы!» Это
 ловко.
- Это онъ либерализму болдунивалъ. Боятся!
- Да и адвоката боятся.
- Да, что-то скажетъ господинъ Фетюковичъ?
- Ну, что-бы не сказать, а нашихъ мужичковъ не прошибетъ.
- Вы думаете?
- Въ четвертой группѣ:
- А про тройку-то вѣдь у него хорошо, это гдѣ про народы-то.
- И вѣдь правда, помнишь, гдѣ онъ говоритъ, что народы
 ждутъ ждать.
- А что?
- Да въ англійскомъ парламентѣ ужь одинъ членъ вста-
 ва прошлой недѣлѣ, по поводу интеллигентъ и спрашивалъ

министерство: не пора-ли ввязаться въ варварскую канцелярію, чтобы насъ образовать. Исполнить это про него, я знаю, что онъ на прошлой недѣлѣ объ этомъ говорилъ.

— Далечно куликамъ.

— Какимъ куликамъ? Почему далеко?

— А мы запремъ Кронштадтъ, да и не дадимъ имъ. Гдѣ они возьмутъ?

— А въ Америкѣ? Теперь въ Америкѣ.

— Врешь.

Но зазвонялъ колокольчикъ, все бросилось на мѣсто, и Ковчъ вошелъ на кафедру.

X.

Рѣчь защитника. Пална о двухъ номѣ

Все затихло, когда раздались первыя слова знаменитора. Вся зала впилась въ него глазами. Началъ онъ чайно прямо, просто и убѣжденно, но безъ малѣйшей заботы. Ни малѣйшей попытки на краснорѣчіе, на патетичность, на звенящія чувствомъ словечки. Это былъ чужеземный заговорившій въ интимномъ кругу сочувствующихъ людей у него былъ прекрасный, громкій и симпатичный, въ самомъ голосѣ этомъ какъ будто слышалось ужь искреннее и простодушное. Но всѣмъ тотчасъ-же стало вѣдомо, что ораторъ можетъ вдругъ подняться до истинно великаго, — и ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой. Рѣчь онъ, можетъ быть, неправильнѣе Иполита Кирилова безъ длинныхъ фразъ и даже точиѣе. Одно не пошло дамамъ: онъ все какъ-то изгибался спиной, особенно началъ рѣчи, не то что кланяясь, а какъ-бы стремясь къ своимъ слушателямъ, причемъ нагибался именно какъ-бы виной своей длинной спины, какъ будто въ серединѣ этой спины и тонкой спины его былъ устроенъ такой шарниръ, что она могла сгибаться чуть не подъ прямымъ угломъ. Рѣчь говорилъ какъ-то раскидчиво, какъ будто бѣшено, схватывая факты на разбѣвъ, а въ концѣ концовъ шло цѣлое. Рѣчь его можно было-бы раздѣлить на двѣ половины: первая половина — это критика, это опроверженія, иногда злое и саркастическое. Но во второй онъ

ы вдругъ измѣнилъ и тонъ, и даже пріемъ свой, и лсился до патетическаго, а зала какъ-будто ждала атрепетала отъ восторга. Онъ прямо подошелъ къ лъ съ того, что хотя попріше его и въ Петербургѣ, не первый разъ посѣщаетъ города Россіи для за- цимыхъ, но такихъ, въ невинности которыхъ онъ ть, или предчувствуетъ ее заранѣе. «Тоже самое о мной и въ настоящемъ случаѣ, объяснилъ онъ.

изъ однѣхъ первоначальныхъ газетныхъ корреспонден- /же мелькнуло нѣчто, чрезвычайно меня поразившее подсудимаго. Однимъ словомъ, меня прежде всего лъ нѣкоторый юридическій фактъ, хотя и часто пов- въ судебной практикѣ, но никогда, мнѣ кажется, въ тѣ и съ такими характерными особенностями, какъ мѣ дѣлѣ. Фактъ этотъ надо-бы мнѣ формулировать налѣ моей рѣчи, когда я закончу мое слово, но, скажу мою мысль и въ самомъ началѣ, ибо имѣю ступать прямо къ предмету, не припрятывая эффек- кономизируя впечатлѣній. Это, можетъ быть, съ моей азсчетливо, но зато искренно. Эта мысль моя, фор- лѣдующая: подавляющая совокупность фактовъ про- маго и въ тоже время ни одного факта, выдержи- ттику, если разсматривать его единично, самого по далѣе по слухамъ и по газетамъ, я утверждался ли все болѣе и болѣе, и вдругъ я получилъ отъ судимаго приглашеніе защищать его. Я тотчасъ-же юда и здѣсь уже окончательно убѣдился. Вотъ, въ эту страшную совокупность фактовъ и выставить ть и фантастичность каждаго обвиняющаго факта сти, я и взялся защищать это дѣло».

чалъ защитникъ и вдругъ возгласилъ:

присяжные засѣдатели, я здѣсь человекъ свѣжій. бнія легли на меня не предвзято. Подсудимый, буй- ромъ и разнузданный, не обидѣлъ меня предвари- сотню, можетъ быть, лицъ въ этомъ городѣ, отчего дубѣждены противъ него заранѣе. Конечно, и я о нравственное чувство здѣшняго общества возбуж- диво: подсудимый буюнъ и необузданъ. Въ здѣшнемъ), однако-же принимали, даже въ семействѣ высоко- обвинителя онъ былъ обласканъ. (Nota bene. Цркъ въ публикѣ раздалися два—три смѣшка, хотя и

быстро подавленные, но всѣмъ замѣчательные. Всѣмъ у насъ известно, что прокуроръ допускалъ къ себѣ Митю противъ воли тому единственно, что его, почему-то, находила любопытнымъ курортомъ, — дама въ высшей степени добродѣтельная и почтенная, фантастическая и своеобразная и любившая въ некоторыхъ случаяхъ преимущественно въ мелочахъ, оппонировать своему супругу (и, впрочемъ, посѣщала икъ домъ довольно рѣдко). Тѣмъ не менее я осмѣлюсь допустить, продолжалъ защитникъ, — что даже такомъ независимомъ умѣ и справедливомъ характерѣ моего оппонента, могло составиться противъ моего (всего элемента нѣкоторое ошибочное предубѣжденіе. О, это такъ реально: несчастный слишкомъ заслужилъ, чтобы къ нему сложились даже съ предубѣжденіемъ. Оскорбленное-же правосудіе и еще пуще того эстетическое чувство иногда бываетъ велико. Конечно, въ высокоталантливой обвинительной рѣчи слышали всѣ строгій анализъ характера и поступковъ подсудимаго, строгое критическое отношеніе къ дѣлу, а главное, ставлены были такіа психологическіа глубины для объясненія сути дѣла, что проникновеніе въ эти глубины не могло бы вовсе состояться при сколько-нибудь намѣренно и предубѣжденномъ отношеніи къ личности подсудимаго. Но есть вещи, которыя даже хуже, даже губельнѣе въ подобныхъ случаяхъ, чѣмъ самое злое и преднамѣренное отношеніе къ дѣлу. Именно, если насъ, напримѣръ, обуяетъ нѣкоторая, сказать, художественная игра, потребность художественнаго творчества, такъ сказать, созданія романа, особенно при богатырскихъ психологическихъ дарахъ, которыми Богъ одѣлалъ наши способности. Еще въ Петербургѣ, еще только собираясь сюда, былъ предваренъ — да я самъ зналъ безо всякаго предубѣжденія, что встрѣчу здѣсь оппонентомъ глубокаго и тончайшаго мыслителя, давно уже заслужившаго этимъ качествомъ своимъ большую особливую славу въ нашемъ молодомъ еще юридическомъ мірѣ. Но вѣдь психологіа, господа, хоть и глубокая вещь, все-таки, похожа на палку о двухъ концахъ (сильнокъ и слабокъ). О, вы, конечно, простите мнѣ тривіальное сравненіе, я слишкомъ краснорѣчиво говорить не мастеръ. Но вотъ, ко-же, примѣръ — беру первый попавшійся изъ рѣчи обвинителя. Подсудимый, ночью, въ саду, убѣгая, перелѣзаетъ черезъ заборъ и повергаетъ мѣднымъ пестомъ вѣдлившагося въ его ногу. Затѣмъ тотчасъ-же соскакиваетъ обратно въ садъ и вѣдлившаго минутъ хлопочетъ надъ поверженнымъ, стараясь угадать у

или нѣтъ? И вотъ обвинитель ни за что не хочетъ по-
йти въ справедливость показанія подсудимаго, что соскочилъ
къ старику Григорію изъ жалости. «Нѣтъ, дескать, можетъ-
быть такая чувствительность въ такую минуту; это-де не-
естественно, а соскочилъ онъ именно для того, чтобъ убѣдиться:
живъ или убитъ единственный свидѣтель его злодѣянія. а, стало
бы, тѣмъ и засвидѣтельствовалъ, что онъ совершилъ это зло-
дѣяніе, такъ какъ не могъ соскочить въ садъ по какому-нибудь
тому поводу, влеченію или чувству». Вотъ психологія; но
взъедемъ ту-же самую психологію и приложимъ ее къ дѣлу, но
съ другого конца, и выйдетъ совсѣмъ не менѣе правдо-
подобно. Убийца соскакиваетъ внизъ изъ предосторожности, чтобъ
убѣдиться, живъ или нѣтъ свидѣтель, а между тѣмъ только что
забилъ въ кабинетъ убитаго имъ отца своего, по свидѣтельству
того-же обвинителя. колоссальную на себя улику въ видѣ
орваннаго пакета, на которомъ было написано, что въ немъ
было три тысячъ. «Вѣдь унеси онъ этотъ пакетъ съ собою,
никто-бы и не узналъ въ цѣломъ мірѣ, что былъ и суще-
ствовалъ пакетъ, а въ немъ деньги, и что, стало быть, деньги
или ограблены подсудимымъ». Это изрѣченіе самого обвинителя.
Итакъ, такъ на одно, видите-ли, не хватило предосторожности, по-
пался человекъ. испугался и убѣжалъ, оставивъ на полу улику,
какъ вотъ минуты двѣ спустя ударилъ и убилъ другого че-
ловѣка, то тутъ сейчасъ-же является самое безсердечное и раз-
судливое чувство предосторожности къ нашимъ услугамъ. Но
даже, пусть это такъ и было: въ томъ-то-де и тонкость пси-
хологіи, что при такихъ обстоятельствахъ я сейчасъ-же крово-
жаденъ и зорокъ, какъ кавказскій орелъ, а въ слѣдующую ми-
нуту слѣпъ и робокъ какъ ничтожный кротъ. Но если ужъ я
кровожаденъ и жестоко расчетливъ, что, убивъ, соско-
чилъ лишь для того, чтобы посмотреть живъ-ли на меня сви-
дѣтель или нѣтъ, то къ чему-бы, кажется, возиться надъ этою
вою жертвою моею цѣлыхъ пять минутъ, да еще нажать, по-
луить, новыхъ свидѣтелей? Къ чему мочить платокъ, обтирая
тѣмъ съ головы поверженнаго, съ тѣмъ, чтобы платокъ этотъ
служилъ потомъ противъ меня-же уликой? Нѣтъ, если мы ужъ
такъ расчетливы и жестокосерды, то не лучше-ли-бы было,
вспомнивъ, просто огорошить поверженнаго слугу тѣмъ-же са-
мымъ пестомъ еще и еще разъ по головѣ, чтобъ ужъ убить его
значительно и, истребивъ свидѣтеля, снять съ сердца всякую
заботу? И, наконецъ, я соскакиваю, чтобы провѣрить, жметъ ли

нѣтъ на меня свидѣтель, и тутъ-же на дорожкѣ остави-
гого свидѣтеля, именно этотъ самый пестикъ, который
тѣлъ у двухъ женщинъ и которыя обѣ всегда могутъ
знать потомъ этотъ пестикъ за свой и засвидѣтельствуютъ
это я у нихъ его захватилъ. И не то что забыть ору-
рожіе, обронилъ въ разсѣянности, въ потерянности: мы
именно отбросили наше оружіе, потому что нашли его
въ пятнадцати отъ того мѣста, гдѣ былъ поверженъ Г.
Спрашивается, для чего-же мы такъ сдѣлали? А вотъ
потому и сдѣлали, что намъ горько стало, что мы
убили, стараго слугу, а потому въ досадѣ, съ проклятіемъ
отбросили пестикъ, какъ оружіе убійства, иначе быть не
для чего-же его было бросать съ такого размаху? Если-же
почувствовать боль и жалость, что человѣка убили, то, вы
ужь потому, что отца не убили. Убивъ отца, не соскочилъ
къ другому поверженному изъ жалости, тогда уже было бы
чувство, не до жалости-бы было тогда, а до самоспасенія
это, конечно, такъ. Напротивъ, повторяю, размохили-бы
черепъ окончательно, а не возились-бы съ нимъ пять мѣ-
Явилось мѣсто жалости и доброму чувству именно потому,
была предъ тѣмъ чиста совѣсть. Вотъ, стало быть, другая
психологія. Я вѣдь нарочно, господа присяжные, прибилъ
теперь самъ къ психологіи, чтобы наглядно показать, что
нея можно вывести все что угодно. Все дѣло въ какихъ
рукахъ. Психологія подзываетъ на романъ даже самыхъ сер-
ныхъ людей, и это совершенно невольно. Я говорю про
нюю психологію, господа присяжные, про нѣкоторое зму-
ребленіе ея».

Здѣсь опять слышались одобрительныя смѣшки въ публи-
и все по адресу прокурора. Не буду приводить всей рѣчи
щитника въ подробности, возьму только нѣкоторыя изъ не-
ста, нѣкоторыя главнѣйшіе пункты.

ХІ.

Денегъ не было. Грабежа не было.

Былъ одинъ пунктъ, даже всѣхъ поразившій, въ рѣчи
щитника, — а именно полное отрицаніе существованія этихъ
ковыхъ трехъ тысячъ рублей, а, стало быть, и возмож-
ихъ грабежа.

Господа присяжные засѣдатели, приступилъ защитникъ, въ
вещемъ дѣлѣ всякаго свѣжаго и непредубѣжденнаго чело-
поражаетъ одна характернѣйшая особенность, а именно:
оніе въ грабежѣ и въ то же время совершенная невозмож-
фактически указать на то: что именно было ограблено?
денегъ, дескать, деньги, именно три тысячи,—а существо-
ли онѣ въ самомъ дѣлѣ,—этого никто не знаетъ. Разсудите;
первыхъ, какъ мы узнали, что были три тысячи и кто ихъ
дѣлъ? Видѣлъ ихъ и указалъ на то, что онѣ были уложены
пакетъ съ надписью одинъ только слуга Смердяковъ. Онъ-же
сказалъ о семъ свѣдѣніи еще до катастрофы подсудимому и его
у Ивану Ѳеодоровичу. Дано было то же знать г-жѣ Свѣтловой.
всѣ эти три лица сами этихъ денегъ, однако, не видали, ви-
опять такъ лишь Смердяковъ; но тутъ самъ собою во-
дѣлъ: если и правда, что онѣ были и что видѣлъ ихъ Смердя-
дѣлъ, то когда онѣ ихъ видѣлъ въ послѣдній разъ? А что если
эти деньги изъ-подъ постели вынулъ и опять положилъ въ
тулку, ему не сказавши? Замѣтите, по словамъ Смердякова,
денегъ лежали подъ постелью, подъ тюфякомъ; подсудимый дол-
дѣлъ былъ ихъ вырвать изъ подъ тюфяка, и, однако-же, постель
ничуть не помята и объ этомъ старательно записано въ про-
дѣлъ. Какъ могъ подсудимый совсѣмъ такъ ничего не помять
дѣлъ постели и вдобавокъ съ окровавленными еще руками не
врать свѣжѣйшаго, тонкаго постельнаго бѣлья, которое нароч-
на этотъ разъ было постлано? Но, скажутъ намъ: а пакетъ-то
полу? Вотъ объ этомъ-то пакетѣ и стоить поговорить. Да-
я былъ даже нѣсколько удивленъ: высокоталантливый обви-
тель, заговоривъ объ этомъ пакетѣ, вдругъ самъ,—слышите,
пода, самъ,—заявилъ про него въ своей рѣчи, именно въ томъ
дѣлъ, гдѣ онъ указываетъ на нелѣпость предположенія, что убилъ
Смердяковъ: «Не было-бы этого пакета, не останься онъ на полу
улика, унеси его грабитель съ собою, то никто-бы и не
зналъ въ цѣломъ мірѣ, что былъ пакетъ, а въ немъ деньги и
и, стало быть, деньги были ограблены подсудимымъ». Итакъ
исключительно только этотъ разорванный клочекъ бумаги съ над-
писью, даже по признанію самого обвинителя, и послужилъ къ
опредѣленію подсудимаго въ грабежѣ, «иначе-де не узналъ-бы ни-
кто, что былъ грабежъ, а, можетъ быть, что были и деньги».
неужели одно то, что этотъ клочекъ валялся на полу есть
доказательство, что въ немъ были деньги и что деньги эти ограб-
лены? «Но, отвѣчаютъ, вѣдь видѣлъ ихъ въ пакетѣ Смердяковъ»

но когда, когда онъ ихъ видѣлъ въ послѣдній разъ, чѣмъ я спрашиваю? Я говорилъ съ Смердяковымъ и объяснялъ, что видѣлъ ихъ за два дня предъ катастрофой, чѣму-же я не могу предположить, напримѣръ, хотъ такое тельство, что старикъ Федоръ Павловичъ, запершись до терпѣливомъ истерическомъ ожиданіи своей возлюбленной, вздумалъ-бы, отъ нечего дѣлать, вынуть пакетъ и его тать: «Что, дескать, пакетъ, еще, пожалуй, и не пачка какъ тридцать-то радужныхъ въ одной пачкѣ ей пока бошь сильнѣе подѣйствуетъ, потекутъ слюнки», — и онъ разрываетъ конвертъ, вынимаетъ деньги, а конвертъ онъ на полъ властной рукой хозяина и, ужь конечно, не въ какой уликъ. Послушайте, господа присяжные, есть-ли ч можнѣе такого предположенія и такого факта? Почему возможно? Но вѣдь если хотъ что-нибудь подобное могло мѣсто, то вѣдь тогда обвиненіе въ грабежѣ само собой жаεται. не было денегъ, не было, стало быть, и грабежъ пакетъ лежалъ на полу, какъ улика, что въ немъ была то почему я не могу утверждать обратное, а именно, что валялся на полу именно потому, что въ немъ уже не было денегъ, взятыхъ изъ него предварительно самимъ хозяиномъ но куда-жь, въ такомъ случаѣ, дѣлись деньги, если ихъ в изъ пакета самъ Федоръ Павловичъ, въ его домѣ при обн нашихъ? Во первыхъ, въ шкатулкѣ у него часть денегъ а во вторыхъ, онъ могъ вынуть ихъ еще утромъ, даже канунѣ, распорядиться ими иначе, выдать ихъ, отослать нить, наконецъ, свою мысль, свой планъ дѣйствій въ основаніи и при этомъ совсѣмъ даже не найдя нужнымъ дываться объ этомъ предварительно Смердякову? А вѣ существуетъ хотя-бы даже только возможность такого ложенія, — то какъ-же можно столь настойчиво и столь обвинять подсудимаго, что убійство совершено имъ для и что дѣйствительно существовалъ грабежъ? Вѣдь мы образомъ вступаемъ въ область романовъ. Вѣдь если утвер что такая-то вещь ограблена, то надобно указать эту вещь по крайней мѣрѣ, доказать непреложно, что она существуетъ. А ея даже никто и не видалъ. Недавно въ Петербургѣ молодой человѣкъ, почти мальчикъ, восемнадцати лѣтъ, разнощикъ съ лотка, вошелъ среди бѣла дня съ толпой мѣняльскую лавку и съ необычайною типическою дерзостью хозяина лавки и унесъ съ собою тысячу пятьсотъ рублѣ

Часовъ черезъ пять онъ былъ арестованъ, на немъ, кромѣ пяти рублей, которые онъ уже успѣлъ истратить, нашли полторы тысячи. Кромѣ того, воротившійся послѣ убійства лавку прикащикъ сообщилъ полиціи не только объ украденной суммѣ, но и изъ какихъ именно денегъ, она состояла, сколько было кредитовъ радужныхъ, сколько синихъ, сколько красныхъ, сколько золотыхъ монетъ и какихъ именно, на арестованномъ убійцѣ именно такія-же деньги и монеты найдены. Вдобавокъ ко всему послѣдовало полное и сердечное признаніе убійцы въ томъ, что онъ убилъ и съ собою эти самыя деньги. Вотъ это господа присяжники называю уликой! Вотъ тутъ ужъ я знаю, вижу, осязаю и не могу сказать, что ихъ нѣтъ или не было. Такъ-ли въ стоящемъ случаѣ? А между тѣмъ вѣдь дѣло идетъ о жизни и смерти, о судьбѣ человѣка. «Такъ, скажутъ, но вѣдь онъ въ ночь кутилъ, сорилъ деньгами, у него обнаружено полторы и рублей,—откуда-же онъ взялъ ихъ?» Но вѣдь именно то, что обнаружено было всего только полторы тысячи, а не половины суммы ни за что не могли отыскать и обнаружить, именно тѣмъ и доказывается, что эти деньги могли быть не тѣ, совсѣмъ никогда не бывшія ни въ какомъ па- По расчету времени (и уже строжайшему) дознано и до предварительнымъ слѣдствіемъ, что подсудимый, выбѣжавъ лужанокъ къ чиновнику Перхотину, домой не заходилъ, да куда не заходилъ, а затѣмъ все время былъ на людяхъ, а, быть, не могъ отдѣлать отъ трехъ тысячъ половины и илѣнъ спрятать въ городѣ. Вотъ именно это соображеніе и по причиню предположенія обвинителя, что деньги гдѣ-то были въ расщелинѣ въ селѣ Мокромъ. Да ужъ не въ под- ли Удольфскаго замка, господа? Ну не фантастическое-ли, маническое-ли это предположеніе? И, замѣтьте вѣдь унич- я только это одно предположеніе, то есть что спрятано въ мѣстѣ—и все обвиненіе въ грабежѣ взлетаетъ на воздухъ, дѣ-же, куда-же дѣвались тогда эти полторы тысячи? Какимъ же онѣ могли исчезнуть, если доказано, что подсудимый ни- не заходилъ? И такими-то романами мы готовы погубить , человѣческую! Скажутъ, всетаки онъ не умѣлъ объяснить зялъ эти полторы тысячи, которая на немъ обнаружены; того всѣ знали, что до этой ночи у него не было денегъ». —же это зналъ? Но подсудимый далъ ясное и твердое ко- ле о томъ откуда взялъ деньги и если хотите, господа при-

сяжные заседатели, если хотятъ-
можетъ быть въроятнѣе этого по
совмѣстнаго съ характеромъ и
понравился собственный романъ:
шившійся взять три тысячи, ст
невѣстой его, не могъ, дескать,
въ ладонку, напротивъ, если-бъ я
дые два дня и отволупывалъ-бы
извелъ-бы все въ одинъ мѣсяць
жено тономъ, нетерпящимъ ника
дѣло происходило вовсе не такъ
а въ немъ совсѣмъ другое лицо
создала другое лицо! Возражать,
онъ прокутилъ въ селѣ Мокромъ
у г-жи Верховцевой, за мѣсяць
одну копѣйку, стало быть, не м
вину». Но кто-же эти свидѣтели
свидѣтелей на судѣ уже обнару
рукъ домотъ всегда больше каж
свидѣтелей денегъ этихъ самъ е
свой глазъ Вѣдь показаль-же с
судимаго было въ рукахъ двадца
сяжные, такъ какъ психологія о
вольте миѣ и тутъ другой конецъ
выйдетъ.

«За мѣсяць до катастрофы я
отсылки по почтѣ три тысячи я
вопросъ. справедливо-ли, что бы
и съ такимъ униженіемъ, какъ
первомъ показаніи о томъ же по
ходило не такъ, совершенно не
мы слышали лишь крики озлобле
шейся ненависти. Но ужь одно
первомъ показаніи своемъ показ
заклЮчить, что и второе показа
нитель «не хочеть, не смѣеть» («
романа. Ну и пусть я гоже не
позволю себѣ лишь замѣтить, ч
ственная особа, какова безпорн
Верховцева, если такая особа, го
разомъ, на судѣ, измѣнить перв

то погубить подсудимаго, то ясно и то, что это показаніе было сдѣлано не безпристрастно, не хладнокровно. Неужели-же можно отнмуть право заключить, что отмщавшая женщина могла не преувеличить? Да, именно преувеличить тотъ стыдъ и позоръ, съ которымъ были ею предложены деньги. Напротивъ, деньги предложены именно такъ, что ихъ еще можно было взять, особенно такому легкомысленному человѣку, какъ нашъ Федоръ. Главное, онъ имѣлъ тогда въ виду скорое получение отъ отца этихъ должныхъ ему по расчету трехъ тысячъ. Это было несомненно, но именно по легкомыслию своему онъ и былъ такъ увѣренъ, что тотъ ихъ выдастъ ему, что онъ ихъ получитъ и, стало быть, всегда можетъ отправить ввѣренныя ему деньги Верховцевой по почтѣ и расъбитаться съ долгомъ. Обвинитель ни за что не хочетъ допустить, что онъ могъ въ тотъ-же день, въ день обвиненія, отдѣлить изъ полученныхъ денегъ половину и зашить въ ладонку: «Не таковъ, дескать, это характеръ, не могъ имѣть такихъ чувствъ». Но вѣдь вы же вы кричали, что широкъ Карамазовъ, сами-же вы кричали про двѣ крайнія бездны, которыя можетъ созерцать Карамазовъ. Карамазовъ именно такая натура о двухъ сторонахъ, о двухъ безднахъ, что при самой безудержной потребности можетъ остановиться, если что-нибудь его поразитъ съ другой стороны. А вѣдь другая-то сторона, любовь. — Именно эта новая загорѣвшаяся тогда какъ порохъ любовь, а на любовь нужны деньги и нужнѣе, о! гораздо нужнѣе, чѣмъ на кутежъ съ этою самою возлюбленною. Скажетъ она ему: «Я не хочу Федора Павловича», и онъ схватитъ ее и увезетъ — такъ было-бы на что увезти. Это вѣдь важнѣе кутежа. Карамазову-ль этого не понять? Да онъ именно этимъ и боленъ, боленъ этою заботой, — что-жъ невѣроятнаго, что онъ отдѣлилъ деньги и припряталъ на всякій случай? Но вотъ, однако, онъ уходитъ, а Федоръ Павловичъ трехъ тысячъ подсудимому не отдаетъ, напротивъ, слышно, что опредѣлилъ ихъ именно на то, чтобы сманить ими его-же возлюбленную. «Если не отдастъ Федоръ Павловичъ, думаетъ онъ, то вѣдь я передъ Катериной Ивановной выйду воромъ». И вотъ у него рождается мысль, что эти полторы тысячи, которыя онъ продолжалъ носить на себѣ въ этой ладонкѣ, онъ придетъ, положитъ предъ г-жею Верховцевою и скажетъ ей: «Я подлецъ, но не воръ». И вотъ, стало уже двойная причина хранить эти полторы тысячи какъ злато, и оба, отнюдь не расшивать ладонку и не отколупывать

безушествовать такъ, и извивался, и бунт
во весь этотъ мѣсяцъ. то это именно, мож
самому было горько. не въ мочь переноси
до того. наконецъ. обострился. что довел
отчаяннiя. Онъ послалъ было своего младша
сить у него эти три тысячи въ послѣднiй
шись отвѣта, ворвался и самъ бончили т
рика при свидѣтеляхъ. Послѣ этого получи
у кого, избитый отецъ не дастъ. Въ тотъ-ж
бьетъ себя по груди, именно по верхней
ладонка, и влянется брату, что у него ес
подлецомъ, но что всетаки онъ останется
видять, что не воспользуется средствомъ,
шевной, не хватить характера. Почему, поч
рить показанiю Алексѣя Карамазова, данн
искренно, неподготовленно и правдоподобно
заставляетъ меня вѣрить деньгамъ въ бак
подвалахъ Удольфскаго замка? Въ тотъ-ж
говора съ братомъ, подсудимый пишетъ э
вотъ это-то письмо и есть самое главное, са
ченiе подсудимаго въ грабежѣ! «Буду про
не дадутъ люди, убью отца и возьму у н
въ пакетѣ съ розовою ленточкой, только-с

— не по программѣ, стало быть, не по написанному убѣжалъ, то есть не для обдуманнаго грабежа, а побѣжалъ о, нечаянно, въ ревнивомъ бѣшенствѣ! «Да, скажутъ, иви, прибѣжавъ и убивъ, захватилъ и деньги». Да, накобилъ-ли онъ еще или нѣтъ? Обвиненіе въ грабежѣ я отъ негодованіемъ: нельзя обвинять въ грабежѣ, если нельзя съ точностью что именно ограблено, это аксіома! Но и еще онъ, безъ грабежа-то убилъ-ли? Это-то дока-? Ужъ не романъ-ли и это?»

ХІІ.

Да и убійства не было.

звольте, господа присяжные, тутъ жизнь человѣческая быть осторожнѣе. Мы слышали какъ обвиненіе само за-льствовало, что до самаго послѣдняго дня, до сегодня, суда, колебалось обвинить подсудимаго въ полной и со-зой преднамѣренности убійства, колебалось до самаго этого о «пьянаго» письма, представленнаго сегодня суду. «Со-сь какъ по писанному!» Но опять-таки повторяю: онъ къ ней, за ней, единственно только узнать гдѣ она? о фактъ непреложный. Случись она дома, онъ никуда-бы жалъ, а остался при ней и не сдержалъ-бы того, что въ общалъ. Онъ побѣжалъ нечаянно, и внезапно, а о «пья-письмѣ своемъ онъ, можетъ быть, вовсе тогда и не пом-Захватилъ, дескать, пестикъ»—и, помните, какъ изъ этого пестика намъ вывели цѣлую психологію, почему-де онъ былъ принять этотъ пестикъ за оружіе, схватить его оружіе, и проч., и проч. Тутъ мнѣ приходитъ въ голову мая обыкновенная мысль: ну, что если-бъ этотъ пестикъ не на виду, не на полкѣ, съ которой схватилъ его под-л, а былъ прибранъ въ шкафъ, — вѣдь подсудимому не-ль-бы онъ тогда въ глаза и онъ-бы убѣжалъ безъ оружія, ыми руками, и вотъ, можетъ быть, никого-бы тогда и не Какимъ-же образомъ я могу заключать о пестикѣ, какъ ательствѣ вооруженія и преднамѣренія? Да, но онъ кри-о трактирамъ, что убьетъ отца, а за два дня, въ тотъ ве-огда написалъ свое пьяное письмо, былъ тихъ и поссо-лъ трактирѣ лишь съ однимъ только купеческимъ при-

замыслилъ. «потому-де, что Карамазовъ не могъ не досе-
 А я отвѣчу на это, что ужь если замыслилъ такое убій-
 еще по плану, по написанному, то ужь навѣрно-бы не дѣ-
 и съ приказникомъ, да, можетъ быть, и въ трактиръ не за-
 вовсе, потому что душа, замыслившая такое дѣло, ищетъ
 и ступеньки, ищетъ исчезновенія, чтобы не видала, чтобы
 хали: «забудьте-де обо мнѣ если можете», и это не то-
 только, а по истиннѣму. Господа присяжные, психологія
 концалъ и мы тоже умѣемъ понимать психологію. Что же
 оныхъ трактирныхъ криковъ во весь этотъ мѣсяцъ, то
 разъ кричатъ дѣти, али пьяные гуляки, выходя въ са-
 и ссорясь другъ съ другомъ: «Я убью тебя», но вѣдь
 ваюгъ-же. Да и самое это роковое письмо, — ну, не въ
 оно раздраженіе тоже, не крикъ-ли изъ кабака выхо-
 «убью, дескать, всѣхъ васъ убью!» Почему не такъ, по-
 могло быть такъ? Почему это письмо роковое, почему
 было, оно не смѣшное? А вотъ именно потому, что
 другъ убитого отца, потому что свидѣтель видѣлъ то-
 въ саду, вооруженнаго и убѣгающаго, и самъ былъ те-
 амъ, такъ быть, и совершилось все по написанному, а
 и письмо не смѣшное, а роковое. Слава Богу, мы доказали,
 коли былъ въ саду, значитъ, онъ и убитъ». Этими ду-
 речками: коли *былъ* такъ ужь непременно и *значитъ*, въ
 вываается, все обвиненіе — «былъ такъ и значить». А
значитъ, хотя-бы и *былъ*? О, я согласенъ, что совсе-
 фактовъ, совпаденіе фактовъ дѣйствительно довольно вѣ-
 чивы. Но разсмотримте, однако, всѣ эти факты отдель-
 шаясь ихъ совокупностью: почему, напримѣръ, обвиненъ
 что не хочетъ допустить правдивости показанія подсудимъ
 онъ убѣжалъ отъ отца окошка? Вспомните даже сарказ-
 которые пускается здѣсь обвиненіе на счетъ почтителя
 «благочестивыхъ» чувствъ, вдругъ обуювшихъ убійцу. А
 и въ самомъ дѣлѣ тутъ было нѣчто подобное, то есть
 почтительность чувствъ, но благочестивость чувствъ
 быть, мать за меня замолила въ эту минуту», показывая
 слѣдствіи подсудимый, и вотъ онъ убѣжалъ чуть лишь уви-
 что Свѣловой у отца въ домѣ нѣтъ. «Но онъ не могъ уви-
 черезъ окно», возражаетъ намъ обвиненіе. А почему же?
 Вѣдь окно отворилось-же на поданные подсудимымъ зна-
 могло быть произнесено одно какое-нибудь такое слово Ф.
 Павловичемъ, могъ вырваться какой-нибудь такой крикъ

Подсудимый могъ вдругъ удостовѣриться, что Свѣтловой тутъ нѣтъ? Ему непременно предполагать такъ, какъ мы воображаемъ, какъ положили воображать? Въ дѣйствительности можетъ мелькаютъ тысяча вещей, ускользающихъ отъ наблюденія самаго тонкаго романиста. «Да, но Григорій видѣлъ дверь отворенною, а, можетъ быть, подсудимый былъ въ домѣ навѣрно, а,, стало быть, былъ». Объ этой двери, господа присяжные... Видите-ли, объ этой двери свидѣтельствуется лишь одно лицо, бывшее, можетъ быть, въ то время въ такомъ состояніи само, что... Но пусть, пусть была дверь отворена, пусть подсудимый отперся, солгалъ, чувства самозащиты, столь понятнаго въ его положеніи, пусть, пусть онъ проникъ въ домъ, былъ въ домѣ, — ну и что-же, по-прежнему непремѣнно коли былъ, то и убилъ? Онъ могъ ворваться, бѣжать по комнатамъ, могъ оттолкнуть отца, могъ даже ударить отца, но, удостовѣрившись, что Свѣтловой нѣтъ у него, убѣдился, радуясь, что ее нѣтъ и что убѣждалъ отца не убивъ. Именно ему, можетъ быть, и соскочилъ черезъ минуту съ забора въ броженному имъ въ азартѣ Григорію, что въ состояніи былъ ощущать чувство чистое, чувство состраданія и жалости, потому что убѣждалъ отъ искушенія убить отца, потому что ощущалъ въ себѣ сердце чистое и радость, что не убилъ отца. Краснорѣчиво до ужаса описываетъ намъ обвинитель страшное состояніе подсудимаго въ селѣ Мокромъ, когда любовь вновь открылась ему, и его въ новую жизнь, и когда ему уже нельзя было любить, потому что сзади былъ окрававленный трупъ отца его, а за трупомъ казнь. И однако-же, обвинитель все-таки допустилъ любовь, и объяснилъ по своей психологій: «Пьяное, дескать, состояніе, преступника везутъ на казнь, еще долго ждать, и пр., и пр.» Но не другое-ли вы создали лицо, господинъ обвинитель, такъ-таки спрашиваю? Такъ-ли, такъ-ли грубъ и бездушенъ подсудимый, что могъ еще думать въ тотъ моментъ о любви и о жизни предъ судомъ, если-бы дѣйствительно на немъ была кровь? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Только что открылось, что она его любитъ, зоветъ съ собою, сулитъ ему новое счастье, — о, клянусь, подсудимый долженъ былъ тогда почувствовать двойную, тройную потребность убить себя и убилъ-бы себя непременно, если-бы сзади лежалъ трупъ отца! О, нѣтъ, не забылъ-бы гдѣ лежатъ его гробовы! Я знаю подсудимаго: дикая, деревянная безсердечность, введенная на него обвиненіемъ, не совмѣстна съ его характеромъ. Онъ-бы убилъ себя, это навѣрно; онъ не убилъ себя именно потому, что «мать замолила о немъ» и сердце его было непо-

ка какъ убійцы? О, я вполне убѣжденъ вмѣстѣ съ судьями и прокуратурой, что Иванъ Карамазовъ больной и въ томъ показаніе его дѣйствительно могло быть отчаянною, замышленною притомъ-же въ бреду, спасти брата, и умершаго. Но однако-же все-таки произнесено имя Иванъ, опять таки какъ-будто слышится что-то загадочное. Кажется-будто тутъ не договорено, господа присяжные, и не договорится. И, можетъ быть, еще договорится. Но объ этомъ пока не знаю. Судья рѣшилъ давеча продолжать заочное теперь пока, въ ожиданіи, я-бы могъ кое-что, однако, наприимѣръ, по поводу характеристики покойнаго Смердякова тонко и столь талантливо очерченной обвинителемъ. Я, вѣдаясь таланту, не могу, однако-же, вполне согласиться съ характеристикой. Я былъ у Смердякова, я видѣлъ его разговоръ съ нимъ, онъ произвелъ на меня впечатлѣніе совсѣмъ ровнымъ онъ былъ слабъ, это правда, но характеромъ, манерами, — о, нѣтъ, это вовсе не столь слабый былъ человѣкъ, заключило о немъ обвиненіе. Особенно не нашелъ я въ немъ ни робости, той робости, которую такъ характерно описывалъ обвинитель. Простодушія-же въ немъ не было вовсе, но я нашелъ страшную недоувѣрчивость, прячущуюся подъ маскою, и умъ способный весьма многое созерцать. О! обвинителемъ простодушно почло его слабоумнымъ. На меня произвелъ впечатлѣніе совершенно опредѣленное: я ушелъ съ убѣжденіемъ, что существо это рѣшительно злобное, непопулярное, мстительное и злобно-завистливое. Я со-блюдая-какія свѣдѣнія: онъ ненавидѣлъ происхождение свое, и его и со скрежетомъ зубовъ припоминалъ, что «отъ него и произошелъ». Къ слугѣ Григорію и къ женѣ его, къ благодѣтелямъ его дѣтства, онъ былъ непочтительно проклиналъ и надъ нею смѣялся. Онъ мечталъ о Франціи, съ тѣмъ, чтобы передѣлаться во француза. Онъ и часто толковалъ еще прежде, что на это не доу средствъ. Мнѣ кажется, онъ никого не любилъ, кромѣ жалъ-же себя до странности высоко. Просвѣщеніе въ хорошемъ платьѣ, въ чистыхъ манишкахъ и въ вышитыхъ сапогахъ. Считаая себя самъ (и на это есть факты) имѣющимъ сыномъ Федора Павловича, онъ могъ ненавидѣть жену сравнительно съ законными дѣтьми своего господина, дескать, все, а ему ничего, имъ всѣ права, имъ на-званъ а онъ только поварь. Онъ повѣдалъ мнѣ, что самъ.

вместѣ съ Федоромъ Павловичемъ, укладывалъ деньги и Назначеніе этой суммы; — сумма, которая могла-бы влиять на его карьеру, — было, конечно, ему неизвестно. Въ тотъ день онъ увидалъ три тысячи рублей въ свѣтленькихъ радужныхъ диткахъ (я объ этомъ нарочно спросилъ его). О, но ни никогда завистливому и самолюбивому человѣку большаго разума, а онъ въ первый разъ увидалъ такую сумму въ рукахъ. Впечатлѣніе радужной пачки могло болѣзненно отразиться въ его воображеніи, на первый разъ пока безо всякихъ последствий. Высокоталантливый обвинитель съ необыкновенною костью очертилъ намъ всѣ его и соотвѣстныя предположенія возможности обвинить Смердякова въ убійствѣ и особенно ввѣвалъ: для чего тому было притворяться въ падучей? Да, онъ могъ и не притворяться вовсе, припадковъ могъ приходить всѣмъ естественно, но вѣдь могъ-же и пройти совсѣмъ кату и больной могъ очнуться. Положимъ, не выйдется, но когда-нибудь придетъ въ себя и очнуться, какъ и бывало припадочей. Обвиненіе спрашиваетъ: гдѣ моментъ совершенія убійства? Но указать этотъ моментъ чрезвычайно трудно. Онъ могъ очнуться и встать отъ глубокаго сна (ибо онъ спалъ только во снѣ; послѣ припадковъ падучей болѣзнь всегда даетъ глубокій сонъ), именно въ то мгновеніе, когда Григорій, схвативъ за ногу на заборѣ убѣгающаго и маго, завопилъ на всю окрестность: «Отцеубивецы!» Въ этотъ необычайный, въ тиши и во мракѣ, и могъ разбудить Смердякова, сонъ котораго въ тоу времени могъ быть очень крепокъ: онъ естественно могъ уже часъ тому какъ просыпаться. Вставъ съ постели, онъ отправляется почти сознательно и безо всякаго намѣренія на крикъ посмотрѣть такое. Въ его головѣ болѣзненный чадъ, соображеніе еще не легло, но вотъ онъ въ саду, подходитъ къ освѣщенному и слышитъ страшную вѣсть отъ барина, который, конечно, обрадовался. Соображеніе разомъ загорается въ головѣ. Отъ испуганнаго барина онъ узнаетъ вѣсть въ подробностяхъ. Постепенно, въ разстроенномъ и больномъ мозгу его соображеніе, — страшная, но соблазнительная и неотразимая мысль: убить, взять три тысячи денегъ и свалить все на барченка: на кого-же подумаютъ теперь, какъ не на (кого-же могутъ обвинить, какъ не барченка. Въ углубленіи тутъ былъ? Страшная жажда денегъ, добычи, когда и ему духъ, вмѣстѣ съ соображеніемъ о безкавалности

шны и неотразимые порывы такъ часто приходятъ при
тъ, и, главное, приходятъ внезапно такимъ убійцамъ, ко-
в еще за минуту не знали, что захотятъ убить! И вотъ
Смердяковъ могъ войти къ барину и исполнить свой планъ,
какимъ оружіемъ, — а первымъ камнемъ, который онъ
лъ въ саду. Но для чего-же, съ какою-же цѣлью? А три-то
ли, вѣдь это карьера. О! я не противорѣчу себѣ: деньги
быть и существовать. И даже, можетъ быть, Смердя-
то одинъ и зналъ гдѣ ихъ найти, гдѣ именно онѣ лежатъ
ина. «Ну, а обложка денегъ, а разорванный на полу па-
» Давеча, когда обвинитель, говоря объ этомъ пакетѣ,
вилъ чрезвычайно тонкое соображеніе свое о томъ, что оста-
его на полу могъ именно воръ непривычный, именно такой,
Карамазовъ, а совсѣмъ уже не Смердяковъ, который-бы ни
то не оставилъ на себя такую улику — давеча, господа
ажные, я, слушая, вдругъ почувствовалъ, что слышу что-то
ычайно знакомое. И, представьте себѣ, именно это самое
аженіе, эту догадку о томъ какъ-бы могъ поступить Кара-
зь съ пакетомъ, я уже слышалъ ровно за два дня до того
амого Смердякова, мало того, онъ даже тѣмъ поразилъ меня:
именно показалось, что онъ фальшиво найвничаетъ, забѣ-
впередъ, навязываетъ эту мысль мнѣ, чтобъ я самъ вы-
это самое соображеніе и мнѣ его какъ будто подсказываетъ.
одсказалъ-ли онъ это соображеніе и слѣдствію? Не навя-
ли его и высокоталантливому обвинителю? Скажутъ: а
ха жена Григорія? Вѣдь она-же слышала какъ больной
в нея стоналъ во всю ночь. Такъ, слышала, но вѣдь сообра-
это чрезвычайно шаткое. Я зналъ одну даму, которая
ю жаловалась, что ее всю ночь будила на дворѣ шавка и
вала ей спать. И, однако, бѣдная собаченка, какъ извѣстно
, тьякнула всего только раза два — три во всю ночь. И
естественно; человекъ спитъ и вдругъ слышитъ стонъ, онъ
падается въ досадѣ, что его разбудили, но засыпаетъ мгно-
о снова. Часа черезъ два опять стонъ, опять просыпается и
засыпаетъ, наконецъ, еще разъ стонъ, и опять черезъ
аса, всего въ ночь раза три. На утро спящій встаетъ и жа-
я, что кто-то всю ночь стоналъ и его безпрерывно будилъ.
времѣнно такъ и должно ему показаться: промежутки сна,
за часа каждый, онъ проспалъ и не помнитъ, а запомнилъ
минуты своего пробужденія, вотъ ему и кажется, что его
ли всю ночь. Но почему, почему, восклицаетъ обвиненіе.

ить. Въ самомъ дѣлѣ, послѣднія слова свои онъ произнесъ всю искренне прозвучавшею нотой, что всѣ почувствовали, можетъ быть, дѣйствительно ему есть что сказать и что то, нѣтъ скажетъ сейчасъ, есть и самое важное. Но председа-
заслышавъ аплодисментъ, громко пригрозилъ «очистить» суда, если еще разъ повторится «подобный случай». Все по, а Ѳетюковичъ началъ какимъ-то новымъ, проникновен-
голосомъ, совсѣмъ не тѣмъ, которымъ говорилъ до сихъ

XIII.

Прелюбодѣй мысли.

Не совокупность только фактовъ губить моего кліента, да присяжные засѣдатели, возгласилъ онъ, — нѣтъ, моего да губить, по настоящему, одинъ лишь фактъ: это — трупъ отца! Будь простое убійство, и вы при ничтожности, при иззательности, при фантастичности фактовъ, если разсмат-
тъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности, а не въ совокупно-
— отвергли-бы обвиненіе, по крайней мѣрѣ, усумнились-бы въ судьбу человѣка по одному лишь предубѣжденію противъ , которое, увы, онъ такъ заслужилъ! Но тутъ не простое тво, а отцеубійство! Это импонируетъ, и до такой степени, даже самая ничтожность и бездоказательность обвиняющихъ въ становится уже не столь ничтожною и не столь без-
ятельною, и это въ самомъ предубѣжденномъ даже умѣ. какъ оправдать такого подсудимаго? А ну, какъ онъ убилъ сть ненаказаннымъ, — вотъ что чувствуетъ каждый въ сердцѣ въ почти невольно, инстинктивно. Да, страшная вещь про-
кровь отца, — кровь родившаго, кровь любившаго, кровь в своей для меня не жалѣвшаго, съ дѣтскихъ лѣтъ моими нями болѣвшаго, всю жизнь за мое счастье страдавшаго, и моими радостями, моими успѣхами жившаго! О, убить та-
отца — да это невозможно и помыслить! Господа присяж-
что такое отецъ, настоящій отецъ, что это за слово такое ое, какая страшно великая идея въ наименованіи этомъ? Мы съ только указали отчасти что такое и чѣмъ долженъ быть ный отецъ. Въ настоящемъ-же дѣлѣ, которымъ мы такъ еперь заняты, которымъ болятъ наши души, — въ настоя-
дѣлѣ отецъ, покойный Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ, ни

сколько ни подходилъ подъ то понятіе объ отцѣ, котораго часть сказалаось нашему сердцу. Это бѣда. Да, дѣйствительно отецъ похожъ на бѣду. Разсмотримъ-же эту бѣду поближе и ничего не надо бояться, господа присяжные, въ особенности предстоящаго рѣшенія. Мы даже особенно не боимся теперь и, такъ сказать, отмахиваться отъ него какъ дѣти или пугливья женщины, но счастливому и высокоталантиватаго обвинителя. Но въ своей горячей и жаемый мой противникъ (и противникъ еще прежде чѣмъ весь мое первое слово), мой противникъ нѣсколько разъ кликнулъ: «Нѣтъ, я никому не дамъ защищать подсудимаго, не уступлю его защиту защитнику, пріѣхавшему изъ бургъ, — я обвинитель, я и защитникъ!» Вотъ что сколько разъ воскликнулъ и, однако-же, забылъ упомянуть если страшный подсудимый цѣлые двадцать три года и подаренъ былъ всего только за одинъ фунтъ орѣховъ, выхъ отъ единственнаго человѣка, приласкавшаго его комъ въ родительскомъ домѣ, то, обратно, не могъ-же и человѣкъ и не помнить, всѣ эти двадцать три года, какъ бѣгалъ босой у отца «на заднемъ дворѣ, безъ сапоговъ панталончикахъ на одной пуговкѣ», по выраженію любимаго доктора Герценштубе. О, господа присяжные намъ разсматривать ближе эту «бѣду», повторять то, уже знаютъ! Что встрѣтилъ мой клиентъ, пріѣхавъ сюда и зачѣмъ, зачѣмъ изображать моего клиента безчувственнымъ, чудовищемъ? Онъ безудерженъ, онъ дикъ, вотъ мы теперь его судимъ за это, а кто виноватъ в него, кто виноватъ, что при хорошахъ наклонностяхъ, и дарномъ чувствительномъ сердцѣ, онъ получилъ такое воспитаніе? Училъ-ли его кто-нибудь уму-разуму, про ли онъ въ наукахъ, любилъ-ли кто его хоть сколько въ его дѣтствѣ? Мой клиентъ росъ покровительствомъ то есть какъ дикій звѣрь. Онъ, можетъ быть, жаждалъ дѣтъ отца послѣ долготѣней разлуки, онъ, можетъ быть, сичу разъ передъ тѣмъ, вспоминая какъ сквозь сонъ ство, отгонялъ отвратительные призраки, приснившіеся его дѣтствѣ и всею душой жаждалъ оправдать и обид своего! И что-жь? Его встрѣчаютъ однимъ циническимъ камн, подозрительностью и крючкотворствомъ изъ-за денегъ; онъ слышитъ лишь разговоры и житейскія притчи, которыхъ воротить сердце, ежедневно «за коньячкомъ»

Жъ, зрѣть отца, отбивающаго у него, у сына. на его-же
внѣя деньги, любовницу.—о, господа присяжные, это отвра-
сѣно и жестоко! И этотъ-же старикъ всѣмъ жалуется на
жестокость и жестокость сына. мараютъ его въ обществѣ.
Идутъ ему, клеветаютъ на него. скупаютъ его долговья рос-
сѣ, чтобы посадить его въ тюрьму! Господа присяжные, эти
люди, эти на видъ жестокосердые, буйные и безудержные люди,
мой клиентъ, бываютъ, и это чаще всего, чрезвычайно
чужды сердцемъ, только этого не выказываютъ. Не смѣйтесь,
не смѣйтесь надъ моею идеею! Талантливый обвинитель смѣялся
надъ моимъ клиентомъ безжалостно, выставляя, что онъ
былъ Шидлера, любить «прекрасное и высокое». Я-бы не
хотѣлъ надъ этимъ смѣяться на его мѣстѣ, на мѣстѣ обвинителя!
Эти сердца.—о, дайте мнѣ защитить эти сердца. столь рѣдко
иногда несправедливо понимаемыя, — эти сердца весьма часто
жаждутъ нѣжнаго, прекраснаго и справедливаго. и именно, какъ-
бы въ контрастъ себѣ, своему буйству, своей жестокости, —
жадутъ безсознательно, и именно жаждутъ. Страстные и же-
стокие снаружи. они до мученія способны полюбить, напримѣръ,
женщину, и непременно духовною и вышею любовью. Опять-
таки не смѣйтесь надо мной: это именно такъ всего чаще бы-
ваетъ въ этихъ натурахъ. Онѣ только не могутъ скрыть свою
жестокость, подчасъ очень грубую. — вотъ это и поражаетъ,
и это я замѣчаютъ, а внутри человекъ не видятъ. Напро-
тивъ, всѣ ихъ страсти утоляются быстро, но около благород-
наго, прекраснаго существа, этотъ, повидимому, грубый и жесто-
кый человекъ ищетъ обновленія, ищетъ возможности исправиться.
Онъ въ лучшемъ, сдѣлаться высокимъ и честнымъ.—«высокимъ
и прекраснымъ». какъ ни осмѣяно это слово! Давеча я ска-
залъ, что не позволю себѣ дотронуться до романа моего клиента
—жею Верховцевой! Но, однако, подслухомъ можно сказать:
слышали, давеча, не побазаніе, а лишь крикъ изступленной
ищущей женщины, и не ей, о, не ей, укорять-бы въ измѣнѣ,
а му что она сама измѣнила. Если-бы имѣла хоть сколько-
нибудь времени, чтобъ одуматься, не дала-бы она такого сви-
дѣтельства! О, не вѣрьте ей, нѣтъ, не «извергъ» клиентъ мой.
она его называла! Распятый Человѣколюбецъ, собираясь
идти въ крестъ свой, говорилъ: «Азъ есмь пастырь добрый, пастырь
добрый полагаетъ душу свою за овцы, да ни одна не погибъ-
етъ». Не погубимъ и мы души человѣческой! Я спрашивалъ
всѣхъ, что такое отецъ, и воскликнулъ, что это возлюбое слово,

драгоценное наименованіе. Но со словомъ, господа, надо обращаться честно, и я позволю назвать собственнымъ его словомъ, собственнымъ наименованіемъ отецъ, какъ убитый старикъ Кармазовъ, не можетъ стоить называться отцомъ. Любовь къ отцу, не отцомъ, есть нежность, есть невозможность. Нельзя создать изъ ничего, изъ ничего только Богъ творитъ. «Отцы, вы дѣтей своихъ», вышетъ изъ пламеньющаго любовью сера апостола. Не ради моего клиента привожу теперь эти слова для всѣхъ отцовъ вспоминаю ихъ. Кто мнѣ дасть чтобъ учить отцовъ? Никто. Но какъ человѣкъ и гражданинъ—vivos voco! Мы на землѣ не долго, мы дѣлаемъ и дурныхъ и говоримъ много словъ дурныхъ. А потому будемъ ловить удобную минуту совмѣстнаго общенія нашего, чти другъ другу и хорошее слово. Такъ и я: пока я на этомъ пользуюсь моею минутой. Не даромъ эта трибуна дарована вышею волей—съ нея слышитъ насъ вся Россія. Но нехъ только отцовъ говорю, а ко всѣмъ отцамъ восклицаю не огорчайте дѣтей своихъ!» Да, исполнимъ прежде сего Христовъ и тогда только разрешимъ себѣ спрашивать о нашихъ! Иначе мы не отцы, а враги дѣтямъ нашимъ, дѣти наши, а враги намъ и мы сами себѣ сдѣлали ихъ «Въ ню-же мѣру мѣрите возмѣрите и вамъ»—это не вѣрую, это Евангеліе предписываетъ: мѣрите въ ту мѣру и вамъ мѣряютъ. Какъ-же винить дѣтей, если они мѣряютъ въ нашу мѣру? Недавно въ Финляндіи одна дѣжанва, была заподозрѣна, что она тайно родила ребенка слѣдить за нею и на чердакѣ дома, въ углу за кипячаею сундукъ, про который никто не зналъ, его отперли изъ него трупикъ новорожденнаго и убитаго ею младенца—томъ-же сундукѣ нашли два свелета уже рожденных и младенцевъ и ею-же убитыхъ въ минуту рожденія. И она повинилась. Господа присяжные, это-ли мать дѣтей если она ихъ родила, но мать-ли она ихъ? Осмѣлится-ли кто произнести надъ ней священное имя матери? Буде господа присяжные, будемъ дерзки даже, мы даже обитакowymi въ настоящую минуту и не боимся иныхъ идей, подобно московскимъ вунчиамъ, боящимся «и жупела». Нѣтъ, докажемъ, напротивъ, что прогрессъ и дѣтъ коснулся и нашего развитія и скажемъ прямо: родившій еще отецъ, а отецъ есть—родившій и заслужившій. (

другое значеніе, другое толкованіе слова отецъ, требующее, отецъ мой, хотя-бы и извергъ, хотя-бы и злодѣй своимъ, оставался-бы, всетаки, моимъ отцомъ, потому только, что дилъ меня. Но это значеніе уже, такъ сказать, мистическое, я не понимаю умомъ, а могу принять лишь вѣрой, или, сказать, *на вѣру*, подобно многому другому, чего не по-но чему религія повелѣваетъ мнѣ, однако-же, вѣрить. Но омъ случаѣ это пусть и останется внѣ области дѣйствитель-зни. Въ области-же дѣйствительной жизни, которая имѣетъ ко свои права, но и сама налагаетъ великія обязанности,— области мы, если хотимъ быть гуманными, христіанами, цъ, мы должны и обязаны проводить убѣжденія лишь оправ-разсудкомъ и опытомъ, проведенныя чрезъ горнило ана-ловомъ, дѣйствовать разумно, а не безумно, какъ во снѣ и ду, чтобы не нанести вреда человѣку, чтобы не измучить и убить человѣка. Вотъ, вотъ тогда это и будетъ настоящимъ инскимъ дѣломъ, не мистическимъ только, а разумнымъ и стинно человѣколюбивымъ дѣломъ»...

этомъ мѣстѣ сорвались было сильныя рукоплесканія изъ ть концовъ залы, но Фетюковичъ даже замахалъ руками, ы умоляя не прерывать и чтобы дали ему договорить. Все зъ затихло. Ораторъ продолжалъ:

умаете-ли вы, господа присяжные, что такіе вопросы мо-иновать дѣтей нашихъ, положимъ, уже юношей, положимъ, чинающихъ разсуждать? Нѣтъ, не могутъ, и не будемъ вать отъ нихъ невозможнаго воздержанія! Видъ отца не-аго, особенно сравнительно съ отцами другими, достой-у другихъ дѣтей, его сверстниковъ, невольно подсказываетъ вопросы мучительные. Ему по казенному отвѣчаютъ на росы: «Онъ родилъ тебя и ты кровь его, а потому ты и ѣ любить его». Юноша невольно задумывается: «Да развѣ обилъ меня, когда рождалъ, спрашиваетъ онъ, удивляясь иѣе и болѣе, развѣ для меня онъ родилъ меня: онъ не зналъ я, ни даже пола моего въ ту минуту, въ минуту страсти, , быть, разгоряченной виномъ, и только развѣ передалъ мнѣ ость къ пьянству,—вотъ всѣ его благодѣянія... Зачѣмъ-же енъ любить его, за то только, что онъ родилъ меня, а по-сю жизнь не любилъ меня». О, вамъ, можетъ быть, пред-ются эти вопросы грубыми, жестокими, но не требуйте-же аго ума воздержанія невозможнаго: «Гони природу въ она *влетитъ въ окно*»,—а главное, главное не будемъ бс

ятыся «металла» и «жуцала» и рѣшить вопросъ такъ, какъ пишется разумъ и человеколюбіе, а не такъ, какъ и ваютъ мистическія понятія. Какъ-же рѣшить его? А вотъ Пусть сынъ станетъ предъ отцомъ своимъ и осмысливаетъ его самого: «Отецъ, скажи мнѣ: для чего я долженъ любить Отецъ, докажи мнѣ, что я долженъ любить тебя?»—и онъ отецъ въ силахъ и въ состояніи будетъ отвѣтить и доказать то вотъ и настоящая нормальная семья, но на предразсудкѣ мистическомъ утверждающаяся, а на основаніяхъ разумныхъ отчетныхъ и строго гуманныхъ. Въ противномъ случаѣ, докажетъ отецъ—конецъ тотчасъ-же этой семьѣ: онъ и ему, а сынъ получаетъ свободу и право впредь считать его за чужаго себѣ и даже врагомъ своимъ. Наша трибуна, присяжные, должна быть школой истины и здравыхъ понятий.

Здѣсь ораторъ былъ прерванъ рукоплесканіями неумеренными, почти изступленными. Конечно, аплодировала не только половина-то залы все-таки аплодировала. Аплодировали и матери. Сверху, гдѣ сидѣли дамы, слышались визги и Махали платками. Предсѣдатель изо всей силы началъ въ колокольчикъ. Онъ былъ видимо раздраженъ поведеніемъ, но «очистить» залу, какъ угрожалъ недавно, рѣшительно смѣлъ: аплодировали и махали платками оратору даже сидѣвшія на особыхъ стульяхъ сановныя лица, старички сидѣли на фракахъ, такъ что, когда угомонился шумъ, предсѣдатель удовольствовался лишь прежнимъ строжайшимъ обещаніемъ «очистить» залу, а торжествующій и взволнованный отецъ сталъ опять продолжать свою рѣчь.

«Господа присяжные засѣдатели, вы помните ту страшную ночь, о которой такъ много еще сегодня говорили, когда черезъ заборъ, проникъ въ домъ отца и сталъ, наконецъ, къ лицу съ своимъ, родившимъ его, врагомъ и обидчикомъ всѣхъ силъ настаиваю—не за деньгами онъ прибѣжалъ минуту: обвиненіе въ грабежѣ есть нечестность, какъ я уже говорилъ прежде. И не убить, о нѣтъ, вломился онъ къ нему: если бы онъ преднамѣренно этотъ умыселъ, то озаботился-бы, и не мѣръ, заранѣе хотъ оружіемъ, а мѣдный пестъ онъ съ инстинктивно, самъ не зная зачѣмъ. Пусть онъ обманулъ знаками, пусть онъ проникъ къ нему,—я сказалъ уже, что одну минуту не вѣрю этой легендѣ, но пусть, такъ и бытъ положимъ ее на одну минуту! Господа присяжные, клянусь всѣмъ, что есть свято, будь это не отецъ ему, а постороннѣ

родное сердце, господа присяжные. Оно преклонится шимъ подвигомъ, оно жаждетъ великаго акта любви, и рится и воскреснетъ на вѣки. Есть души, которыя чечности своей обвиняютъ весь свѣтъ. Но подайте милосердіемъ, окажите ей любовь, и она проклянетъ се, ибо въ ней столько добрыхъ зачатковъ. Душа раскаянн узреть, какъ Богъ милосердъ и какъ люди прекрасны и ведливы. Его ужаснетъ, его подавить раскаяніе и безцн долгъ, предстоящій ему отселъ. И не скажетъ онъ ни свитался», а скажетъ: «Я виноватъ предъ всѣми и всѣхъ людей недостойнѣ». Въ слезахъ раскаянія и страдальческаго умиленія онъ воскликнетъ: «Люди лучше я, ибо захотѣли не погубить, а спасти меня!» О, какъ легко это сдѣлать, этотъ актъ милосердія, ибо при онъ всякихъ чуть-чуть похожихъ на правду улыкъ вамъ съ тяжело будетъ произнести: «Да, виновенъ». Лучше онъ десять виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго—слыш слышите-ли вы этотъ величавый голосъ изъ прошлаго с нашей славной исторіи? Мнѣ-ли, ничтожному, напоминаетъ что русскій судъ есть не кара только, но и спасеніе и погнбшаго! Пусть у другихъ народовъ буква и кара, у духъ и смыслъ, спасеніе и возрожденіе погибшихъ. И есл если дѣйствительно такова Россія и судъ ея, то—впередъ сія, и не пугайте, о не пугайте насъ вашими бѣшенми вами, отъ которыхъ омерзительно сторонятся всѣ наре бѣшенная тройка, а величавая русская колесница торже и сповойно прибудетъ въ цѣли. Въ вашихъ рукахъ судьб кліента, въ вашихъ рукахъ и судьба нашей правды! Вы спасете ее, вы отстоите ее, вы докажете, что есть соблюсти, что она въ хорошихъ рукахъ!»

ХІУ.

Мунични за себя постояли.

Такъ кончилъ Фетюковичъ, и разразившійся на этотъ восторгъ слушателей былъ неудержимъ, какъ буря. Было немисливо сдержать его: женщины плакали, плакали и изъ мужчинъ, даже два сановника пролили слезы. Престъ поворился и даже помеднать звонить въ колокольчикъ:

какой энтузіазмъ значило-бы посягать на святыню», чали потомъ у насъ дамы. Самъ ораторъ былъ искренно гъ. И вотъ въ такую-то минуту и поднялся еще разъ съ возраженіями нашъ Ипполитъ Кирилловичъ. Его съ ненавистью: «Какъ? Что это? Это онъ-то смѣетъ ажать?» залепетали дамы. Но если-бы даже залепетали гаго міра, и въ ихъ главѣ сама прокурорша, супруга Кирилловича, то и тогда-бы его нельзя было удержать гновеніе. Онъ былъ блѣденъ, онъ сотрясаясь отъ волрвыя слова, первыя фразы, выговоренныя имъ, были непонятны; онъ задыхался, плохо выговаривалъ, сбипрочемъ, скоро поправился. Но изъ этой второй рѣчи иведу лишь нѣсколько фразъ.

истъ упрекають, что мы насоздавали романовъ. А что-же иика какъ не романъ на романъ? Не доставало только Ѳедоръ Павловичъ, въ ожиданіи любовницы, разрываетъ и бросаетъ его на полъ. Приводится даже, что онъ при этомъ удивительномъ случаѣ. Да развѣ это не гдѣ доказательство, что онъ вынулъ деньги, кто слы- онъ говорилъ? Слабоумный идиотъ Смердяковъ, пре-ый въ какого-то байроновскаго героя, мстящаго обще-свою незаконнорожденность, — развѣ это не поэма въ скомъ вкусѣ? А сынъ, вломившійся въ отцу, убившій гъ тоже время и не убившій, это ужъ даже и не ро- поэма, это сфинксъ, задающій загадки, которыя и самъ эчно, не разрѣшить. Коль убилъ, такъ убилъ, а какъ-же убилъ, такъ не убилъ—кто пойметъ это? Затѣмъ воз- намъ, что наша трибуна есть трибуна истины и здра- нятій, и вотъ съ этой трибуны «здравыхъ понятій» съ клятвою аксіома, что называть убійство отца отце- гъ есть только одинъ предразсудокъ! Но если отцеубій- предразсудокъ и если каждый ребенокъ будетъ допра- воего отца: «Отецъ, зачѣмъ я долженъ любить тебя»?— ганется съ нами, что станется съ основами общества, ется семья? Отцеубійство, это, видите-ли только «жу- сковской купчихи. Самые драгоценныя, самые священ- ты въ назначеніи и въ будущности русскаго суда пред- ся извращенно и легкомысленно, чтобы только добиться итяться оправданія того, что нельзя оправдать. О, пода- милосердіемъ, восклицаетъ защитникъ,—а преступникъ го и надо, и завтра-же увидятъ, какъ онъ будетъ по-

давленъ! Да и не слишкомъ-ли скромнень защитникъ, у котораго оправданія подсудимаго? Отчего-бы не потребовать у него стипендіи имени отцеубійцы, для увѣковѣченія его имени въ потомствѣ и въ молодомъ поколѣніи? Исправляются Евангеліи: это, дескать, все мистика, а вотъ у насъ живое христіанство, уже проверенное анализомъ разсудительныхъ понятій. И вотъ воздвигаютъ предъ нами жезлоподобнаго эта! *Изъ мѣры мѣры возмѣрится и валя,* всенародно защитникъ и въ тотъ-же мигъ выводитъ, что Христосъ довалъ мѣрять въ ту мѣру, въ которую и вамъ отмѣрять и это съ трибуны истины и здравыхъ понятій! Мы беремъ въ Евангеліе лишь наканунѣ рѣчей нашихъ, чтобы блеснуть знакомствомъ всетаки съ довольно страннымъ сочиненіемъ, которое можетъ пригодиться и для некотораго эффекта, по мѣрѣ надобности, все по надобности! А Христосъ именно велитъ не такъ дѣлать, а такъ дѣлать, потому что злобный міръ такъ дѣлаетъ, должны прощать и ланиту свою подставлять, а не въ ту отмѣривать, въ которую мѣрятъ намъ наши обидчики. Во училъ насъ Богъ нашъ, а не тому что запрещать дѣлать отцовъ есть предразсудокъ. И не станемъ мы посягать на кафедру истины и здравыхъ понятій Евангеліе Бога котораго защитникъ удостоиваетъ назвать лишь «романомъ-человѣколюбцемъ», въ противоположность всей правде Россіи, взывающей къ Нему: «Ты бо еси Богъ нашъ!».

Тутъ предсѣдатель вступился и осадилъ увлекшагося сивъ его не преувеличивать, оставаться въ должныхъ цѣхахъ, и пр., и пр., какъ обыкновенно говорятъ въ такихъ случаяхъ предсѣдатели. Да и зала была неспокойна. Публика возмущалась, даже восклицала въ негодованіи. Фетюковичъ не возражалъ, онъ взмогъ только, чтобы, приложивъ къ сердцу, обиженнымъ голосомъ проговорить нѣсколько словъ о достоинствахъ. Онъ слегка только и насмѣшливо ошаривъ нудся «романомъ» и «психологія» и къ слову ввернулъ въ мѣстѣ: «Юпитеръ, ты сердисься, стадо быть, ты не прѣтѣмъ вызвалъ одобрительный и многочисленный смѣхъ публики ибо Ипполитъ Кирилловичъ уже совѣтъ былъ хоужъ на Юпитера. Затѣмъ на обвиненіе, что будто онъ шагаетъ молодому поколѣнію убивать отцовъ, Фетюковичъ божиимъ достоинствомъ замѣтилъ, что и возражать не счелъ. На счетъ-же «Христова жезлоподобія» и того, что онъ...

вать Христа Богомъ, а назвалъ лишь «распятымъ цемъ», что «противно-де православію и не могло бытьъ трибуны истины и здравыхъ понятій» — Фетюковъ на «инсинуацію» и на то, что, собираясь сюда, Фетюковъ разсчитывалъ, что здѣшняя трибуна обезобвиненій, «опасныхъ для моей личности, какъ гражданноподданнаго»... Но при этихъ словахъ председатель и его, и Фетюковичъ, повдоясь, закончили свой оляжаемый всеобщимъ одобрительнымъ говоромъ залы. Кирилловичъ, по мѣтнію нашихъ дамъ, былъ «развѣки».

предоставлено было слово самому подсудимому. Митя сказалъ немного. Онъ былъ страшно утомленъ и тѣлово. Видъ независимости и силы, съ которымъ онъ рожь въ залу, почти исчезъ. Онъ какъ будто что-то въ этотъ день на всю жизнь, научившее и вразумившее-то очень важному, чего онъ прежде не понималъ. ослабѣлъ, онъ уже не кричалъ какъ давеча. Въ послышалось что-то новое, смирившееся, побужденнѣе.

И сказать господа присяжные! Судъ мой прішелъ, пишу Божию на себѣ. Конецъ безпутному человѣку! ому исповѣдуюсь, и вамъ говорю «Въ крови отца я не виновенъ!» Въ послѣдніе разѣ повторяю «Не испуганъ, былъ, но добро любилъ. Каждый мигъ старавиться, а жить дикому звѣрю подобенъ. Спасибо многое мнѣ обо мнѣ, сказалъ, чего и не зналъ я, но не убилъ отца, ошибся прокуроръ. Спасибо и защитѣ его слушалъ, но не правда, что я убилъ отца и не надо было! А докторамъ не вѣрьте, я въ пол-олько души моея тяжело. Болѣ пощадите, болѣ отмолюсь за васъ. Лучшимъ стану, дамъ слово, передаю а коли обудите — самъ сломанъ надъ головой, а сломанъ поцѣлуръ обломки! Не пощадите, не дѣло моего, знаю себѣ возропшу! Тяжело души моея, щадите..»

И ушелъ на свое мѣсто, голосъ его пресѣкъся. Показъ онъ едва выговорилъ. Затѣмъ судъ приступилъ къ вопросамъ и началъ спрашивать: стороны законно описываютъ подробности. Наконецъ-то присяжные удалились для совѣщанія. Председатель былъ очень

уночи, по чини не казывается. Все бы
защитили, но надо же и боя. Все же
они не боятся, а только иногда едят
и прощаются. (Смеется). Но если
управление не изменится, все же это
будет одна и та же история. (Вздыхает).
Мы же необычайно много переживаем
испытаний. Мы же живем. Другое же
простое решение. Но не надо ли
сказать нам свою историю в семье,
динамике управления. Конец нам же
— это, может быть в одной группе
работы, — это же единственные. Без
решениями. Не являются и другие
жизни. А думать же. Не существуют.
Кто-то.

- А вот что-то из них мужички теперь
еще захватывают, только и надо то
команды, только же одна группа разговора
- А ведь не они мужички. Там же
- А. Вот, конечно, это говорить.
Эта работа.
- А это Чарльз-то Полковник Лиз

пусть онъ убилъ, но вѣдь отецъ и отецъ! И, нако-
быль въ такомъ изступленіи... Онъ дѣйствительно
махнуть пестомъ и тотъ повалился. Плохо только,
утъ притянули. Это просто смѣшной эпизодъ. Я-бы
ащитника такъ прямо и сказалъ: убилъ, но не ви-
тъ и чортъ съ вами!

онъ такъ и сдѣлалъ, только чортъ съ вами не сказалъ.
ь, Михайлъ Семенычъ, почти что сказалъ,—подхва-
голосокъ.

слушайте, господа, вѣдь оправдали-же у насъ великимъ
стрису, которая законной женѣ своего любовника
ѣзала.

вѣдь не дорѣзала.

равно, все равно, начала рѣзать!
ро дѣтей-то какъ онъ? Великолѣпно!
иколѣпно.

а про мистику-то, про мистику-то, а?
юлноте вы о мистикѣ,—вскричалъ еще кто-то,—вы
ь Ипполита-то, въ судьбу-то его отселева дня! Вѣдь ему
день его прокурорша за Митеньку глаза выцарапаетъ.
на здѣсь?

здѣсь? Была-бы здѣсь, здѣсь-бы и выцарапала. До-
зубы болятъ. Хе-хе-хе!
е-хе!

ьей группѣ.

вѣдь Митеньку-то, пожалуй, и оправдаютъ.

добраго, завтра весь «Столичный городъ» разне-
ь дней пьянствовать будетъ.
, вѣдь чортъ!

чортъ-то чортъ, безъ чорта не обошлось, гдѣ-жь ему
ь не тутъ.

юда, положимъ, краснорѣчіе. Но вѣдь нельзя-же и
ать головы безмѣнами. Иначе до чего-же дойдемъ?
есница-то, колесница-то, помните?

изъ телѣги колесницу сдѣлалъ.

автра изъ колесницы телѣгу, «по мѣрѣ надобности,
ѣ надобности».

кій народъ пошелъ. Правда-то есть у насъ на Руси,
и нѣтъ ея вовсе?

зонилъ колокольчикъ. Присяжные совѣщались ровно
ольше, ни меньше. Глубокое молчаніе воцарилось.

только что услась снова публика. Помню, какъ въступили въ залу. Наконецъ-то! Не привожу вопрѣ пунктамъ, да я ихъ и забылъ. Я помню лишь отвѣтъ на главный вопросъ председателя, то есть «убилъ-ли съ грабежа преднамѣренно?» (текста не помню). Все замерло. Изъ присяжныхъ, именно тотъ чиновникъ, который былъ все же, громко и ясно, при мертвенной тишинѣ залы, провозгласилъ:

— Да, виновенъ!

И потомъ по всѣмъ пунктамъ пошло все тоже: виновенъ, и это безъ малѣйшаго снисхожденія! Этого ужъ не ожидалъ, въ снисхожденіи-то, по крайней мѣрѣ, не были увѣрены. Мертвая тишина залы не прерывалась, бы какъ-бы все окаменѣло — и жаждавшіе осужденія, и жаждавшіе оправданія. Но это только въ первыя минуты. Затѣмъ — страшный хаосъ. Изъ мужской публики много оказалось довольныхъ. Иные такъ даже потирали руки, но скрытой радости. Недовольные были какъ-бы подавлены, пожимъ чами, шептались, но какъ будто все еще не сообразивши Боже мой, что случилось съ нашими дамами. Я думалъ, сдѣлаютъ бунтъ. Сначала онѣ какъ-бы не вѣрили ушамъ. И вдругъ, на всю залу, послышались восклицанія: «Да что это еще что такое?» Онѣ повскакали съ мѣсть своихъ. Имъ казалось, что все это сейчасъ-же можно опять переиграть передѣлать. Въ это мгновеніе вдругъ поднялся Митя и въ раздирающимъ воплемъ прокричалъ, простирая предъ собою:

— Клянусь Богомъ и страшнымъ судомъ Его, въ крови онъ не виновенъ! Катя, прощаю тебѣ! Братья, други, пощадите!

Онъ не договорилъ и зарыдалъ на всю залу, въ страшно, какимъ-то не своимъ, а новымъ, неожиданнымъ то голосомъ, который Богъ знаетъ откуда вдругъ у него. На хорахъ, на верху, въ самомъ заднемъ углу раздались зительный женскій вопль: это была Грушенька. Она узнала то еще давеча и ее вновь пропустили въ залу еще при началѣ судебныхъ преній. Митю увели. Произнесеніе было отложено до завтра. Вся зала поднялась въ сумятицу, я уже не ждалъ и не слушалъ. Запомнилъ лишь нѣсколько восклицаній, уже на крыльцѣ, при выходѣ.

- Двадцать лѣтъ рудничковъ понюхаетъ.
- Не меньше.
- Да-съ, мужички наши за себя постояли.
- И покончили нашего Митеньку!

Эпилогъ.

I.

Прознты сласти Митю.

Пятый день послѣ суда надъ Митей, очень рано утромъ, девятомъ часу, пришелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ Алеша говорить окончательно о нѣкоторомъ важномъ для нея дѣлѣ и имѣя, сверхъ того, къ ней порученіе. Она сидѣла съ нимъ въ той самой комнатѣ, въ которой приняла-то Грушеньку; рядомъ-же, въ другой комнатѣ, лежалъ онъ въ безпамятствѣ Иванъ Федоровичъ. Катерина въ сейчасъ-же послѣ тогдашней сцены въ судѣ велѣла и больнаго и потерявшаго сознание Ивана Федоровича въ домъ, пренебрегая всякимъ будущимъ и неизбѣжнымъ обществомъ и его осужденіемъ. Одна изъ двухъ дочерей, которыя съ ней проживали, уѣхала тотчасъ-же послѣ суда въ Москву, другая осталась. Но если-бы и Катерина Ивановна не измѣнила-бы своего рѣшенія, то бы ухаживать за больнымъ и сидѣть надъ нимъ не могли Варвинскій и Герценштубе; послѣдній уѣхалъ обратно въ Москву, отказавшись продумать что-либо въ счетъ возможнаго исхода болѣзни. Оставшіеся шестеро ободряли Катерина Ивановну и Алешу, но фактъ этотъ не могли еще подать твердой надежды. Алеша читала своему брату по два раза въ день. Но это было не что-либо особенное, прехлопотливое дѣло и для прехлопотливости одно ему будетъ заговорить о немъ и читать вслухъ или пропущенъ: было у него еще другое занятіе, которое онъ и делалъ, въ другомъ мѣстѣ, и это было занятіе, которое онъ и делалъ

съ четверть часа какъ разговаривали. Катерина Ивановна была, сильно утомлена и въ тоже время въ чрезвычайномъ возбужденіи она предчувствовала зачѣмъ пріятель пришелъ къ ней теперь Алеша.

— О его рѣшеніи не безпокойтесь, проговорила она дою настойчивостью Алешѣ. Такъ или этакъ, а онъ придетъ къ этому выводу онъ долженъ бѣжать! Этого стнѣя, этотъ герой чести и совѣсти,—не тотъ, не Дмитрій Ивановичъ, а тотъ что за этой дверью лежитъ и что брата пожертвовалъ (съ сверкающими глазами прибавилъ) онъ давно уже мнѣ сообщилъ весь этотъ планъ побѣга, онъ уже входилъ въ сношенія... Я вамъ уже кой-что сообщила. Видите, это произойдетъ по всей вѣроятности на третьемъ этапѣ, когда партію ссыльныхъ поведутъ въ Сибирь. Это еще далеко. Иванъ Федоровичъ уже ѣздилъ къ начальнику этого этапа. Вотъ только неизвѣстно кто будетъ паріи начальникомъ, да и нельзя это такъ заранѣе узнать. Завѣтъ быть, я вамъ покажу весь планъ въ подробности, мнѣ оставилъ Иванъ Федоровичъ наканунѣ суда, на случай нибудь... Это было въ тотъ самый разъ когда, помните, и вечеромъ застали насъ въ ссорѣ: онъ еще сходилъ съ тѣ а я, увидя васъ, заставила его воротиться — помните? Вы изъ-за чего мы тогда поссорились?

— Нѣтъ, не знаю, сказалъ Алеша.

— Конечно, онъ тогда отъ васъ скрылъ: вотъ именно этого плана о побѣгѣ. Онъ мнѣ еще за три дня передъ открылъ все главное—вотъ тогда-то мы и начали ссорить тѣхъ поръ все три дня ссорились. Потому поссорились, что онъ объявилъ мнѣ, что въ случаѣ осужденія, Дмитрій Федоровичъ убѣжитъ за границу вмѣстѣ съ той тварью, то я вступилась,—не скажу вамъ изъ-за чего; сама не знаю изъ-за чего конечно, я за тварь, за эту тварь тогда озлилась, и вникла что и она тоже, вмѣстѣ съ Дмитріемъ, бѣжитъ за границу! И куда вдругъ Катерина Ивановна съ задрожавшими от губами. Иванъ Федоровичъ какъ только увидѣлъ тогда такъ озлилась за эту тварь, то мигомъ и подумалъ къ ней ревную Дмитрія и что, стало быть, все еще жаю любить Дмитрія. Вотъ и вышла тогда первая объясненій дать не захотѣла, просить прощенія не могла: мнѣ было, что такой человекъ могъ заподозрить меня въ любви къ этому... И это тогда, когда я сама, уже хане

сказала ему, что не люблю Дмитрія, а люблю только Я отъ злости только на эту тварь на него озлилась! дня, вотъ въ тотъ вечеръ, когда вы вошли, онъ припечатанный конвертъ, чтобъ я распечатала тотчасъ, что случится. О, онъ предвидѣлъ свою болѣзнь! Онъ въ, что въ конвертѣ подробности о побѣгѣ, и что въ а онъ умретъ или опасно заболѣетъ, то чтобъ я одна ю. Тутъ-же оставилъ у меня деньги, почти десять тытъ самыя, про которыя прокуроръ, узнавъ отъ кого-посылалъ ихъ мѣнять, упомянулъ въ своей рѣчи. Меня ругъ поразило, что Иванъ Федоровичъ, все еще ревнуя еще убѣжденный, что я люблю Митю, не покинулъ, ли спасти брата и мнѣ-же, мнѣ самой довѣряетъ это ія! О, это была жертва! Нѣтъ, вы такого самопожертпоймете во всей полнотѣ, Алексѣй Федоровичъ! Я хоунасть къ ногамъ его въ благоговѣніи, но какъ подуъ, что онъ сочтетъ это только лишь за радость мою, съ Митю (а онъ-бы непременно это подумалъ!) то до раздражена лишь одною только возможностью такой двой мысли съ его стороны, что опять раздражилась и, чтобъ цѣловать его ноги, сдѣлала опять ему сцену! О, а! Таковъ мой характеръ—ужасный, несчастный ха-вы еще увидите: я сдѣлаю, я доведу таки до того, что ть меня для другой, съ которой легче живется, какъ тогда... нѣтъ, тогда уже я не перенесу, я убью себя! вошли тогда, и когда я васъ вликнула, а ему велѣла то, какъ вошелъ онъ съ вами, меня до того захватилъ ненавистный, презрительный взглядъ, которымъ онъ лядѣлъ на меня, что—помните—я вдругъ закричала то онъ, онъ одинъ увѣрилъ меня, что братъ его Дмитрій нарочно наклеветала, чтобъ еще разъ уязвить его, онъ, никогда не увѣрялъ меня, что братъ—убійца, напро-томъ я, я сама увѣряла его! О, всему, всему причиною тво! Это я, я и приготовила эту проклятую сцену въ захотѣлъ доказать мнѣ, что онъ благороденъ и что люблю его брата, но онъ все-таки не погубить его изъ вности. Вотъ онъ и вышелъ въ судъ... Я всему причи-га виновата!

когда не дѣлала Катя такихъ признаній Алешѣ, и онъ алъ, что она теперь именно въ той степени невыносимія, когда самое гордое сердце съ болью крушить свои

нельзя предъ нимъ, передъ Алексеемъ, въ случаѣ истерикой, съ битьемъ объ полъ. Но онъ боялся желать пощадить страдающую. Тѣмъ труднѣе ченіе, съ которымъ онъ пришелъ. Онъ опять

— Ничего, ничего, за него не бойтесь! у чала опять Бата.—все это у него на минуту, комъ знаю это сердце. Будьте увѣрены, что жать. Ц, главное, это не сейчасъ; будетъ шиться. Иванъ Федоровичъ къ тому време самъ все поведетъ, такъ что мнѣ ничего не безпокойтесь, согласится бѣжать. Да онъ ужъ въ можетъ онъ свою тварь оставить? А въ стять, такъ какже ему не бѣжать? Онъ, гл боятся, что вы не одобрите побѣга съ нравс вы должны ему это великодушно *позволити* необходима тутъ ваша санкція,—съ ядомъ и помолчала и усмѣхнулась:

— Онъ тамъ толкуетъ, принялась она о гимны, про крестъ, который онъ долженъ какой-то, я помню, мнѣ много объ этомъ тогда передавалъ, и если-бъ вы знали, какъ вдругъ съ неудержимымъ чувствомъ воскликн вы знали, какъ онъ любилъ этого несчастнаго мнѣ передавалъ это дело и какъ покаралъ

съ словаль Кати онъ слышалъ вызовъ, но не под-
го.

Я для того васъ и призвала сегодня, чтобъ вы обща-
нѣ сами его уговорить. Или, по вашему тоже, бѣжать
нечестно, не доблестно, или какъ тамъ... не по христіан-
о-ли? еще съ пущимъ вызовомъ прибавила Катя.

Нѣтъ, ничего. Я ему скажу все... пробормоталъ Алеша.—
съ зоветь сегодня къ себѣ, вдругъ брякнулъ онъ, твердо
ей въ глаза. Она вся вздрогнула и чуть-чуть отшатну-
тъ него на диванѣ.

Меня... развѣ это возможно? пролепетала она, поблѣднѣвъ.
Это возможно и должно! настойчиво и весь оживившись
Алеша. — Ему вы очень нужны, именно теперь. Я не
ы начинать объ этомъ и васъ преждевременно мучить,
ь не необходимость. Онъ боленъ, онъ какъ помѣшанный,
в просить васъ. Онъ не мирится васъ къ себѣ просить,
тъ вы только придете и покажетесь на порогъ. Съ нимъ
совершилось съ того дня. Онъ понимаетъ, какъ неис-
о передъ вами виновенъ. Не прощенія вашего хочетъ:
нельзя простить»—онъ самъ говоритъ, а только, чтобъ
порогъ показались...

Вы меня вдругъ... пролепетала Катя,—я всѣ дни предчув-
ла, что вы съ этимъ придете... Я такъ и знала, что онъ
юзоветь!.. Это невозможно!

Пусть невозможно, но сдѣлайте. Вспомните, онъ въ пер-
зъ пораженъ тѣмъ какъ васъ оскорбилъ, въ первый разъ въ
никогда прежде не постигалъ этого въ такой полнотѣ!
говорить: если она откажетъ придти, то я «во всю жизнь
буду несчастливъ». Слышите: каторжный на двадцать лѣтъ
ется еще быть счастливымъ—развѣ это не жалко? Поду-
вы безвинно погибшаго посѣтите, съ вызовомъ вырвалось
ш,—его руки чисты, на нихъ крови нѣтъ! Ради безчислен-
го страданія будущаго посѣтите его теперь! Придите, про-
во тьму... станьте на порогъ и только... Вѣдь вы должны,
е это сдѣлать! заключилъ Алеша, съ неимовѣрною силой
кнувъ слово «должны».

Должна.. но.. не могу.. какъ-бы простонала Катя,—онъ на
будеть глядѣть... я не могу.

Ваши глаза должны встрѣтиться. Какъ вы будете жить
жизнь, если теперь не рѣшитесь?

Лучше страдать во всю жизнь.

— Вы должны придти, вы должны придти, опять вы подчеркните Алеша.

— Но почему сегодня, почему сейчас... Я не могу больного...

— На минуту можете, это ведь минута. Если вы не оне въ ночи заболѣетъ горячкой. Не стану я говорить не скальтесь!

— Надо мнѣ-то скальтесь, горько упрекнула Катя плакала.

— Стало быть, придете! твердо проговорилъ Алеша, у нея слезы.—Я войду скажу ему, что вы сейчасъ придете.

— Нѣтъ, ни за что не говорите! испуганно вскрикнула Катя. Я приду, но вы ему впередъ не говорите, потому что я не могу быть, не войду... Я еще не знаю...

Голосъ ея пресѣкъся. Она дышала трудно. Алеша всталъ у

— А если я съ кѣмъ-нибудь встрѣчусь? вдругъ тихо спросила она, вся опять поблѣднѣвъ,

— Для того и нужно сейчасъ, чтобы вы тамъ ни съ кѣмъ не встрѣтились. Никто не будетъ, вѣрно говорю. Имъ не ждать,—настойчиво заключилъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

II.

На минуту ложь стала правдой.

Онъ успѣшилъ въ больницу, гдѣ теперь лежалъ Митя. На рои день послѣ рѣшенія суда онъ заболѣлъ нервной лихорадкѣ былъ отправленъ въ городскую нашу больницу, въ арестантскіе дѣленіе. Но врачъ Варвинскій, по просьбѣ Алеша и многихъ друзей (Хохлаковой, Лизы и проч.), помѣстилъ Митю не съ арестантами а отдѣльно, въ той самой комнатѣ, въ которой прежде лежалъ Яковъ. Правда, въ концѣ корридора стоялъ часовой, а окнѣ рѣшетчатое и Варвинскій могъ быть сложенъ за свою поблѣдность не совсѣмъ законную, но это былъ добрый и сострадательный лодой человекъ. Онъ понималъ, какъ тяжело такому, какъ прямо вдругъ перешагнуть въ сообщество убійцъ и мошенниковъ и что къ этому надо сперва привыкнуть. Посѣщеніе-же родныхъ и знакомыхъ были разрѣшены и докторомъ, и смотрителемъ даже и исправникомъ, все подъ рукою. Но въ эти дни въ Митю все только Алеша да Грушенька. Порывался уже двѣ

я съ нимъ Ракитинъ; но Митя настойчиво просилъ Варю не впускать того.

Варя застала его сидящимъ на койкѣ, въ больничномъ ханжана въ жару, съ головою, обернутой полотенцемъ, смоченною водою съ уксусомъ. Онъ неопредѣленнымъ взглядомъ поглядывалъ на вошедшаго Алешу, но во взглядѣ все-таки промелькнула бы какой-то испугъ.

Съ самаго суда, онъ сталъ страшно задумчивъ. Иногда часу молчалъ, казалось что-то туго и мучительно обдумывая присутствующаго. Если-же выходилъ изъ задумки и начиналъ говорить, то заговаривалъ всегда какъ-то внешне-непримѣнно не о томъ, что дѣйствительно ему надо было сказать. Иногда со страданіемъ смотрѣлъ на брата. Съ Грушенькой говорилъ какъ будто легче, чѣмъ съ Алешей. Правда, онъ съ нею почти не говорилъ; но чуть только она входила, все лицо его озарялось радостью. Алеша сѣлъ молча подлѣ него на койкѣ. Въ ту минуту онъ тревожно ждалъ Алешу но не посмѣлъ ничего сказать. Онъ считалъ согласіе Кати придти невыносимымъ, и въ эту минуту чувствовалъ, что если она не придетъ, то будетъ что-то невозможное. Алеша понималъ его чувства.

Грифонъ-то, заговорилъ суетливо Митя, — Борисычъ-то, который весь свой постоянный дворъ разорилъ: половицы подымаются, оски отдираетъ, всю «гаддарею», говорятъ, въ щепки разсеяла, влада ищетъ, вотъ тѣхъ самыхъ денегъ, полторы тысячи которыхъ прокуроръ сказалъ, что я ихъ тамъ спряталъ. Онъ уѣхалъ, такъ, говорятъ, тотчасъ и пошелъ куралесить. По мошеннику! Сторожъ мнѣ здѣшній вчера рассказалъ; онъ

Слушай, проговорилъ Алеша;—она придетъ, но не знаю когда, можетъ, сегодня, можетъ, на дняхъ, этого не знаю, но придетъ, это навѣрно. Митя вздрогнулъ, хотѣлъ было что-то сказать, но промолчалъ. Извѣстіе страшно на него подѣйствовало, видно было, что ему мучительно хотѣлось-бы узнать подробности разговора, но что онъ опять боится сейчасъ спросить: что жестокое и презрительное отъ Кати было-бы ему какъ ударомъ въ эту минуту.

Вотъ что она между прочимъ сказала: чтобъ я непримѣнно оставилъ твою совѣсть на счетъ побѣга. Если и не выздоровѣетъ въ это время Иванъ, то она сама возьмется за это.

Митя ужъ объ этомъ мнѣ говорилъ, раздумчиво замѣтилъ

— А ты уже Грушу пересказалъ, замѣтилъ Алеша.

— Да, сознался Митя.— Она сегодня утромъ не робко посмотрѣлъ онъ на брата.— Она придетъ только завтра. Какъ только я ей вчера сказала, что Катя орудуешь, слезы губы скривились. Прошептала только «пусть ее!» Показалось важное. Я не посмѣлъ читать дальше. Понимаетъ здѣсь ужасъ, теперь что та любить не меня, а Ивана?

— Такъ-ли? вырвалось у Алеша.

— Пожалуй, и не такъ. Только она утромъ теперь еще не успѣвши еще разъ обозначить Митя, а ей одно порученіе. Слушай, братъ Иванъ всѣхъ превзойдетъ. Ему жить, а Катю выздоровѣть.

— Представь себѣ, Катя хоть и трепещетъ за него, но не сомнѣвается, что онъ выздоровѣть, сказалъ Алеша.

— Значитъ, убѣждена, что онъ умретъ. Это она очень увѣрена, что выздоровѣть.

— Братъ сложенія сильнаго. И я тоже очень надеюсь, что онъ выздоровѣть, тревожно замѣтилъ Алеша.

— Да, онъ выздоровѣть. Но та увѣрена, что онъ умретъ. Много у ней горя... Наступило молчаніе. Митю мучило очень важное.

— Алеша, я Грушу люблю ужасно, дрожащимъ, слезъ голосомъ вдругъ проговорилъ онъ.

— Ее въ тебѣ куда не пустять, тотчасъ подхватилъ Алеша.

— И вотъ что еще хотѣлъ тебѣ сказать, продохнулъ и кинуть-то зазвенѣвшимъ вдругъ голосомъ Митя,—если бы я нуть дорогой, а въ мамѣ, то я не дамъ, я убью и меня раздѣлятъ. И это двадцать вѣдъ лѣтъ! Здѣсь ужъ ты не можешь говорить. Сторожа мнѣ такъ говорятъ. Я лежалъ и сегодня ночью судалъ себя: не готовъ! Не въ силахъ принять! Имъ «гимнъ» запѣть, а сторожовскаго тыканья не могу осмыслить Грушу-бы все перенесъ, все... кромѣ, впрочемъ, побой... И куда не пустять.

Алеша тихо улыбнулся.

— Слушай, братъ, разъ навсегда, сказалъ онъ,—это моя мысль на этотъ счетъ. И вѣдь ты знаешь, что я не люблю тебѣ. Слушай-же: ты не готовъ и не для тебя такой крестъ. Мало того: и не нуженъ тебѣ не готовому, такой величественный крестъ. Если-бы ты убилъ отца, я-бы сожалею, ты отвергашь свой крестъ. Но ты невиненъ и такого сличивомъ для тебя много. Ты хотѣлъ мукой возродить и

человѣка; по моему, помни только всегда, во всю жизнь ты ни убѣжалъ, объ этомъ другомъ человѣкѣ — и тебя и довольно. То, что ты не принялъ большой мучи, послужитъ только къ тому, что ты ощутишь въ бо́льшій долгъ и этимъ непрерывнымъ ощущеніемъ во всю жизнь, поможешь своему возрожденію, можетъ быть чѣмъ если-бъ пошелъ туда. Потому что тамъ ты всешь и возропщешь и, можетъ быть, впрямь, наконецъ, «Я сквитался». Адвокатъ въ этомъ случаѣ правду скажетъ всѣмъ бремена тяжкія, для иныхъ они невозможны... и мысли если онѣ такъ тебѣ нужны. Если-бы за побѣгъ дали въ отвѣтъ другіе: офицеры, солдаты, то я-бы тебѣ позволилъ бѣжать, — улыбнулся Алеша.— Но говорятъ и (самъ этотъ этапный Ивану говорилъ), что большаго при умѣніи, можетъ и не быть и что отдѣлаться можно и. Конечно, подкупать нечестно даже и въ этомъ слугутъ уже я судить ни за что не возьмусь, потому соб- что если-бы мнѣ, на примѣръ, Иванъ и Катя поручили дѣлѣ для тебя орудовать, то я, знаю это, пошелъ-бы и; это я долженъ тебѣ всю правду сказать. А потому же судья въ томъ, какъ ты самъ поступишь. Но знай, тебя не осужу никогда. Да и странно, какъ-бы могъ въ этомъ дѣлѣ твоимъ судьей? Ну, теперь я, кажется, пошлѣ.

Но зато я себя осужу! воскликнулъ Митя. — Я убѣгу, съ тебя рѣшено было: Митька Карамазовъ развѣ можетъ убѣжать? Но зато себя осужу и тамъ буду замаливать во вѣки! Вѣдь этакъ іезуиты говорятъ, этакъ? Вотъ теперь съ тобой, а?

Алеша такъ, тихо улыбнулся.

Я люблю я тебя за то, что ты всегда всю цѣльную правду говоришь, и ничего не утаишь! радостно смѣясь воскликнулъ Митя. Вначитъ, я Алешку моего іезуитомъ поймалъ! Расцѣло- вать всего надо за это, вотъ что! Ну, слушай-же теперь и ты, разверну тебѣ и остальную половину души моей. Вотъ думалъ и рѣшилъ: Если я и убѣгу, даже съ деньгами въ томъ, и даже въ Америку, то меня еще ободряетъ та мысль, что не на радость убѣгу, не на счастье, а во истинную ваторгу не хуже, можетъ быть, этой! Не хуже, Алексан- дристу говорю, что не хуже! Я эту Америку, чортъ ее знаетъ, теперь ненавижу. Пусть Груша будетъ со мной, но

— Сказала, что придетъ, но не знаю сегодня-ли. Трудно вѣдъю, любко посмотрѣлъ на брата Алеша.

— Ну, еще-бы-же нѣтъ, еще-бы не трудно! Алеша, я нѣтъ съ ума сойду. Груша на меня все смотритъ. Понимаетъ, Господи, смири меня: чего требую? Катю требую! Смыслу чего требую? Безудержъ Карамазовскій, нечестивый! Нѣтъ гражданію я не способенъ! Подлецъ и все сказано!

— Вотъ она! воскликнулъ Алеша.

Въ этотъ мигъ на порогѣ вдругъ появилась Катя. На мгновенье она пріостановилась, какимъ-то потеряннымъ взглядомъ глядя на Митю. Тотъ стремительно вскочилъ на ноги, лицо его было испугъ, онъ поблѣднѣлъ, но тотчасъ-же робкая, протиснувшись улыбка замелькала на его губахъ и онъ вдругъ, неудержимо, протянулъ къ Катѣ обѣ руки. Завидѣвъ это, та стремительно къ нему бросилась. Она схватила его за руки и почти силой усадила на постель, сама сѣла подлѣ, и, все не выпуская его, крѣпко, судорожно сжимала ихъ. Нѣсколько разъ оба пытались что-то сказать, но останавливались и опять молчали гально, какъ-бы приволакиваясь, съ странною улыбкой смотря другъ на друга; такъ прошло минуты двѣ.

— Простила или нѣтъ? пролепеталъ, наконецъ, Митя, и въ тотъ же мигъ, повернувшись къ Алешѣ, съ искаженнымъ отъ боли и стыда лицомъ, прокричалъ ему:

— Слышишь, что спрашиваю, слышишь!

— За то и любила тебя, что ты сердцемъ великодушенъ! вырвалось вдругъ у Кати.— Да и не надо тебѣ мое прощеніе, а мнѣ все равно, простишь или нѣтъ—на всю жизнь въ моей душѣ ты останешься, а я въ твоей—такъ и надо... она остановилась, закрывъ глаза.

— Я для чего пришла? изступленно и торопливо начала она говорить.—ноги твои обнять, руки сжать, вотъ такъ, до боли, поцеловать, какъ въ Москвѣ тебѣ сжимала,—опять сказать тебѣ, что ты мой, радость моя, сказать тебѣ, что безумно люблю тебя,—и она бы простонала она въ мукѣ и вдругъ жадно приникла устами къ его губамъ. Слезы хлынули изъ ея глазъ. Алеша стоялъ безмолвно и смущенный; онъ никакъ не ожидалъ того что увидѣлъ.

— Любовь прошла, Митя! начала опять Катя,—но дорого дало мнѣ то что прошло. Это узнай на вѣкъ. Но теперь, на одну минуту, пусть будетъ то, что могло-бы быть,—съ искривленною губой пролепетала она, опять радостно смотря ему въ глаза.—теперь любишь другую, и я другаго люблю, а все-таки те

я, не смѣй ее упрекать, права не имѣешь! горько за брата Алеша.

а ея говорили гордыя, а не сердце, съ какимъ-то омерзѣніемъ произнесла Грушенька. Избавить тебя—все прощу... молкла, какъ-бы что задавивъ въ душѣ. Она еще не вѣдала. Вошла она, какъ оказалось потомъ, совсѣмъ въовсе ничего не подозрѣвая и не ожидая встрѣтить плача.

Алеша, бѣги за ней! стремительно обратился къ брату Алеша и пошелъ за ней... не знаю что... не дай ей такъ уйти! Алеша пошелъ къ тебѣ передъ вечеромъ! крикнулъ Алеша и пошелъ къ Катей. Онъ нагналъ ее уже внѣ больничной ограды. Катя скоро спѣшила, но какъ только нагналъ ее Алеша, она сказала ему:

Алеша, передъ этой не могу казнить себя! Я сказала ей: не казни себя потому, что хотѣла казнить себя до конца. Она сказала... Люблю ее за это!—искаженнымъ голосомъ прикрикнула и глаза ее сверкнули дикою злобой.

Алеша совсѣмъ не ожидалъ, пробормоталъ было Алеша,—увѣренъ, что она не придетъ...

Алеша въ сомнѣнія. Оставимъ это, отрѣзала она.—Слушайте: не идите туда на похороны идти теперь не могу. Я послала брата цвѣтокъ. Деньги еще есть у нихъ, кажется. Если вы скажете, что въ будущемъ я никогда ихъ не оставлю—теперь оставьте меня, оставьте, пожалуйста. Вы ужь знаете, къ поздней обѣднѣ звонятъ... Оставьте меня, по-

III.

Похороны Илюшечки. Рѣчь у камня.

Алеша опоздалъ. Его ждали и даже ужь рѣши-его нести хорошенькій, разубранный цвѣтами, гробикъ. Это былъ гробъ Илюшечки, бѣднаго мальчика. Онъ два дня спустя послѣ приговора Мити. Алеша еще у гроба былъ встрѣченъ криками мальчиковъ, товарищей. Они всѣ съ нетерпѣніемъ ждали его и обрадовались, наконецъ, пришелъ. Всѣхъ ихъ собралось человекъ двѣдцать, всѣ пришли со своими ранчиками и сумочками черезъ

нечто. «Папа плакать будетъ, будешь съ женой», — закричалъ Илюша, умирая, и мальчики это запомнили. Во главѣ ихъ Коля Красоткинъ.

— Какъ я радъ, что вы пришли, Кармазовы! воскликнулъ онъ, протягивая Алешѣ руку. — Здѣсь ужасно. Право, такъ смотрѣть. Свѣгиревъ не пьянъ, мы знаемъ наверно, что онъ чего сегодня не пилъ, а какъ будто пьянъ... Я твердъ все же не это ужасно. Кармазовъ, если не задержу васъ, — единственное еще вопросъ, прежде чѣмъ вы войдете?

— Что такое, Коля? приостановился Алеша.

— Невиненъ вашъ братъ или виновенъ? Онъ еще убитъ или забей? Какъ скажете такъ и будетъ. Я теперь не спалъ отъ этой идеи.

— Убитъ забей, а братъ невиненъ, отвѣтилъ Алеша.

— И я тоже говорю! прокричалъ вдругъ мальчикъ Скуринъ.

— Итакъ онъ погибнетъ невинною жертвою за правду? воскликнулъ Коля. — Хотъ онъ и погибъ, но онъ счастливъ! Я не могу ему завидовать!

— Что вы это, какъ это можно, и зачѣмъ? воскликнулъ удивленный Алеша.

— О, если-бъ и я могъ хоть когда-нибудь принести себя въ жертву за правду, съ энтузіазмомъ проговорилъ Коля.

— Но не въ такомъ-же дѣлѣ, не съ такимъ-же позоромъ не съ такимъ-же ужасомъ! сказалъ Алеша.

— Конечно... я желалъ-бы умереть за все человечество, — что до позора, то все равно: да погибнуть наша имена. Вашъ брата я уважаю!

— И я тоже! вдругъ и уже совсѣмъ неожиданно вынулъ изъ толпы тотъ самый мальчикъ, который когда-то объявилъ, что знаетъ кто основалъ Трою, и, крикнувъ, точно такъ какъ и тогда, весь покраснѣлъ до ушей, какъ пѣтухъ.

Алеша вошелъ въ комнату. Въ голубомъ, убранномъ бѣлымъ рюшемъ гробѣ лежалъ, сложивъ ручки и закрывъ глазки, Илюша. Черты исхудалаго лица его совсѣмъ почти не измѣнились. Странно, отъ трупа почти не было запаха. Выраженіе лица было серьезное и какъ бы задумчивое. Особенно хороши были руки сложенные на-крестъ, точно вырѣзанныя изъ мрамора. Въ гробу ему вложили цвѣтовъ, да и весь гробъ былъ уже убранъ цвѣтами и внутри цвѣтами, присланными чѣмъ свѣтъ отъ Лизы Хохлаковой. Но прибыли и еще цвѣты отъ Катерины Ивановны и когда Алеша отворилъ дверь, штабсъ-капитанъ, съ пуши-

цвѣтовъ въ дрожащихъ рукахъ своихъ, обсыпалъ ими все лицо своего дорогаго мальчика. Онъ едва взглянулъ на вошедшую Алешу, да и ни на кого не хотѣлъ глядѣть, даже на плачущую помѣшанную жену свою, свою «мамочку», которая все старалась приподняться на свои больныя ноги и заглянуть поближе къ своему мертваго мальчика. Ниночку-же дѣти приподняли съ «гробомъ» и придвинули вплотъ къ гробу. Она сидѣла прижавшись къ нему своею головою и тоже, должно быть, тихо плакала. Лицо Снѣгирева имѣло видъ оживленный, но какъ-бы растерянный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ожесточенный. Въ жестахъ его, въ вырвавшихся словахъ его было что-то полоумное. «Батюшка, милый батюшка!» восклицалъ онъ поминутно, смотря на Илюшу. У него была привычка, еще когда Илюша былъ въ живыхъ, говорить ему ласкаючи: «батюшка, милый батюшка!»

— Папочка, дай и мнѣ цвѣточковъ, возьми изъ его ручки этотъ бѣленькій, и дай! всхлипывая попросила помѣшанная мамочка». Или ужъ ей такъ понравилась маленькая бѣленькая роза, бывшая въ рукахъ Илюши, или то, что она изъ его рукъ хотѣла взять цвѣтокъ на память, но она вся такъ и замета-лась, протягивая за цвѣткомъ руки.

— Никому не дамъ, ничего не дамъ! жестокосердно восклицалъ Снѣгиревъ.—Его цвѣточки, а не твои. Все его, ничего моего!

— Папа, дайте мамѣ цвѣтокъ! подняла вдругъ свое смоченное платкомъ лицо Ниночка.

— Ничего не дамъ, а ей пуще не дамъ! Она его не любила, она у него тогда пушечку отняла, а онъ ей подарилъ, вдругъ слышавъ голосъ прорыдалъ штабсъ-капитанъ при воспоминаніи о томъ какъ Илюша уступилъ тогда свою пушечку мамѣ. Бѣдная помѣшанная такъ и залилась вся тихимъ плачемъ, закрывъ лицо руками. Мальчики, видя, наконецъ, что отецъ не выпускаетъ гробъ отъ себя, а между тѣмъ пора нести, вдругъ обступили гробъ тѣсною кучкой и стали его подымать.

— Не хочу въ оградѣ хоронить! возопилъ вдругъ Снѣгиревъ. Камня похороню, у нашего камушка! Такъ Илюша велѣлъ не дамъ нести!

Онъ и прежде, всѣ три дня говорилъ, что похоронить у камня; но вступились Алеша, Красоткинъ, квартирная хозяйка и вѣтра ея, всѣ мальчики.

— Вишь что выдумалъ, у камня погананаго хоронить, точно-бы давленника, строго проговорила старуха-хозяйка. — Тамъ у

оградѣ земля со вѣстомъ. Тамъ по ней молиться буди церкви пѣніе слышно, а дьяконъ такъ чисторѣчиво и читаетъ, что все до него каждый разъ долетитъ, точно могилкой его читали.

Штабсъ-капитанъ замахалъ, наконецъ, руками: «Несите свать, куда хотите!» Дѣти подняли гробъ, но, пронося и теряя, останавливались предъ ней на минутку и опустили его, она могла съ Плюшей проститься. Но, увидавъ вдругъ и рогое личико вблизи, на которое всѣ три дня смотрѣла въ некоторомъ разстояніи, она вдругъ вся затряслась и начала рически дергать надъ гробомъ своею сѣдою головой и впередъ.

— Мама, окрестя его, благослови его, поцѣлуй его, начала ей Нюночка. Но та, какъ автоматъ, все дергалась головой и безмолвно, съ искривленнымъ отъ жгучаго гомомъ, вдругъ стала бить себя кудакомъ въ грудь. Гробъ вдалеке. Нюночка въ послѣдній разъ прильнула губами къ покойнаго брата, когда проносили мимо нея. Алеша, выходя дому, обратился было къ квартирной хозяйкѣ съ просьбою смотрѣть за оставшимися, но та и договорить не дала.

— Знамо дѣло, при нихъ буду, христіане и мы тоже рука, говоря это, плакала. Нести до церкви было не далее говъ триста, не болѣе. День сталъ ясный, тихій, морозы немного. Благовѣстный звонъ еще раздавался. Снѣгиревъ лаво и растерянно бѣжалъ за гробомъ въ своемъ старомъ коротенькомъ, почти лѣтнемъ пальтишкѣ, съ непокрытой вой и со старою, широкополою, мягкой шляпой въ рукахъ былъ въ какой-то неразрѣшимой заботѣ, то вдругъ протянулъ руку, чтобъ поддержать изголовье гроба и только мѣшалъ сущимъ, то забѣгалъ сбоку и искалъ гдѣ-бы хоть тутъ строятся. Упалъ одинъ цвѣтокъ на снѣгъ и онъ такъ и сился подымать его, какъ будто отъ потери этого цвѣтка знаетъ что зависѣло.

— А корочку-то, корочку-то забыли, вдругъ воскликнулъ онъ въ страшномъ испугѣ. Но мальчикитотчасъ напомнилъ что корочку хлѣбца онъ уже захватилъ еще давеча и что у него въ карманѣ. Онъ мигомъ выдернулъ ее изъ карма удостовѣрившись, успокоился.

— Плюшечка велѣлъ, Плюшечка, — пояснилъ онъ то Алешѣ; — лежалъ онъ ночью, а я подлѣ сидѣлъ, и вдругъ казатъ: «Папочка, когда засыпаютъ мою могилку, покрой

лей коротку хлѣбца, чтобъ воробушки прилетали, я услышавъ имъ прилетѣли и мнѣ весело будетъ, что я не одинъ лежу.

— Это очень хорошо, сказалъ Алеша, — надо чаще и чаще.

— Каждый день, каждый день! зашепталъ штабсъ-капитанъ, какъ-бы весь оживившись.

Прибыли, наконецъ, въ церковь и поставили посрединѣ гробъ. Всѣ мальчуганы обступили его кругомъ и чинно просидѣли такъ всю службу. Церковь была древняя и довольно блѣдная, много вконѣ стояло совсѣмъ безъ окладовъ, но въ такихъ церквяхъ какъ-то лучше молишься. За обѣдней Снѣгиревъ какъ-то нѣсколько поприхихъ, хотя временами все-таки прорывался, но въ немъ та-же бессознательная и какъ-бы сбитая съ толку сознательность: то онъ подходилъ къ гробу оправлять покровъ, то какъ-то шепталъ; то когда упала одна свѣчка изъ подсвѣчника, вдругъ вскакивалъ вставлять ее и ужасно долго съ ней провозился. Уже успокоился и сталъ смирно у изголовья съ тупо-озабоченнымъ и какъ-бы недоумѣвающимъ лицомъ. Послѣ апостола вдругъ шепнулъ стоявшему подлѣ него Алешѣ, что апостола такъ читали, но мысли своей, однако, не разъяснилъ. Херувимской принялся было подпѣвать, но не добончилъ и стившись на колѣна, прильнулъ лбомъ къ каменному церковному полу и пролежалъ такъ довольно долго. Наконецъ, приступилъ къ отпѣванію, роздали свѣчи. Обезумѣвшій отецъ засуетился было опять, но умиленное, потрясающее надгробное пробудило и сотрясло его душу. Онъ какъ-то вдругъ весь ожилъ и началъ часто, укороченно рыдать, сначала тая горло, а подъ конецъ громко всхлипывая. Когда-же стали прощаться и накрывать гробъ, онъ обхватилъ его руками, какъ-бы не давая накрыть Илюшечку, и началъ часто, жадно, не отрываясь, шептать въ уста своего мертвого мальчика. Его, наконецъ, вывели и уже свели было со ступеньки, но онъ вдругъ сильно протянулъ руку и захватилъ изъ гробика нѣсколько свѣчъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ и какъ-бы новая какая идея пришла ему, такъ что о главномъ онъ словно забылъ на минуту. Мало по малу онъ какъ-бы впалъ въ задумчивость и уже сопротивлялся, когда подняли и понесли гробъ къ могилкѣ. Могилка была недалеко, въ оградѣ, у самой церкви, дорогая; заплатье за нее Катерина Ивановна. Послѣ обычнаго обряда могилы закрыли гробъ опустили. Снѣгиревъ до того нагнулся, съ своими пальцами въ рукахъ, надъ открытою могилкой, что мальчуганы испугавшись, уцѣпились за его пальто и стали тянуть его назадъ.

онъ какъ-бы уже не понималъ хорошо, что совершается. Когда стали засыпать могилу, онъ вдругъ озабоченно сталъ указывать на валившуюся землю и начиналъ даже что-то говорить, но разобрать никто ничего не могъ, да и онъ самъ вдругъ утихъ. Тутъ напомнили ему, что надо покрошить корочку и онъ ужасно заволновался, выхватилъ корку и началъ щипать ее, разбрасывая по могилкѣ кусочки: «Вотъ и прилетайте, птички, вотъ и прилетайте, воробушки!» — бормоталъ онъ озабоченно. Кто-то изъ мальчиковъ замѣтилъ было ему, что съ цвѣтами въ рукахъ ему неловко щипать и чтобъ онъ на время далъ ихъ кому подержать. Но онъ не далъ, даже вдругъ испугался за свои цвѣты, боясь ихъ хотѣли у него совсѣмъ отнять, и, поглядѣвъ на могилку какъ-бы удостовѣрившись, что все уже сдѣлано, кусочки покрошены, вдругъ, неожиданно и совсѣмъ даже спокойно повернулся и побрелъ домой. Шагъ его, однако, становился все чаще и ускореннѣе, онъ спѣшилъ, чуть не бѣжалъ. Мальчики и Алеся отъ него не отставали.

— Мамочкѣ цвѣточковъ, мамочкѣ цвѣточковъ! Обидѣли мамочку, началъ онъ вдругъ восклицать. Кто-то крикнулъ ему, чтобъ онъ надѣлъ шляпу, а то теперь холодно, но, услышавъ онъ какъ-бы въ злобѣ, шваркнулъ шляпу на снѣгъ и сталъ приговаривать: «не хочу шляпу, не хочу шляпу!» Мальчикъ Смуровъ поднялъ ее и понесъ за нимъ. Всѣ мальчики до сего наго плакали, а пуще всѣхъ Коля и мальчикъ, открывшій Гриву и хотъ Смуровъ, съ капитанскою шляпой въ рукахъ тоже ужасно какъ плакалъ, но успѣлъ таки, чуть не на бѣгу, захватить обломокъ кирпичика, краснѣвшій на снѣгу дорожки, чтобъ метнуть имъ въ быстро пролетѣвшую стаю воробушковъ... Конечно, онъ попалъ и продолжалъ бѣжать, плача. На половинѣ дороги Снѣгиревъ внезапно остановился, постоялъ съ полминуты какъ-бы чѣмъ-то пораженный и вдругъ, поверотивъ назадъ къ дереву, пустился бѣгомъ къ оставленной могилкѣ. Но мальчики много догнали его и уцѣпились за него со всѣхъ сторонъ. Тутъ онъ, блѣдный въ безсиліи, какъ сраженный палецъ на снѣгъ и біясь, вопія и рыдая началъ выкрикивать: «Батюшка, Плюшечка, милый батюшка!» Алеся и Коля стали поднимать его, упрашивать и уговаривать.

— Капитанъ, полноте, мужественный человекъ обязанъ переносить, — бормоталъ Коля.

— Цвѣты-то вы испортите, проговорилъ и Алеся, а «мамочка» ждетъ ихъ, она сидитъ — плачетъ, что вы давеча ей не дали цвѣтовъ отъ Плюшечки. Тамъ постелька Плюшина еще лежитъ...

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

— Да, да, къ мамочкѣ, вспомнилъ вдругъ опять Снѣгирю остельку уберутъ, уберутъ! прибавилъ онъ какъ-бы въ испугу и въ самомъ дѣлѣ уберутъ, вскочилъ и опять побѣжалъ. Но было уже не далеко и всѣ прибѣжали вмѣстѣ. Спервъ стремительно отворилъ дверь и завопилъ женѣ, съ дрю давича такъ жестокосердно поссорился.

— Мамочка, дорогая, Илюшечка цвѣточковъ тебѣ прислажки твои больныя! прокричалъ онъ, протягивая ей пучокъ вѣтвочекъ, померзшихъ и поломанныхъ, когда онъ бился сейчасъ въ снѣгъ. Но въ это самое мгновеніе увидѣлъ онъ передъ собой галькой Илюши, въ уголку, Илюшины сапожки, стоявшіе на дышкѣ, только что прибранные хозяйкой квартиры, — сивыя, порыжѣвшіе, закорузные сапожки, съ заплатками. Увидѣвъ ихъ, онъ поднялъ руки и такъ и бросился къ нимъ, падаючи на колѣни, схватилъ одинъ сапожокъ и, прильнувъ къ нему, началъ жадно цѣловать его, выкрикивая: «Батюшка, Илюшечка, милый батюшка, ножки-то твои гдѣ?»

— Куда ты его унесъ? Куда ты его унесъ? раздирающею ослосомъ завопила помѣшанная. Тутъ ужъ зарыдала и Ниночка. Коля выбѣжалъ изъ комнаты, за нимъ стали выходить и матери. Вышелъ, наконецъ, за ними и Алеша: «Пусть переплачу, — сказалъ онъ Колѣ, тутъ ужъ, конечно, нельзя утѣшать. Пойдемъ минутку и воротимся».

— Да, нельзя, это ужасно, подтвердилъ Коля. Знаете, Карамазовъ, понизилъ онъ вдругъ голосъ, чтобъ никто не услышалъ, — и вѣтъ очень грустно и если-бъ только можно было его воскресить, — о я-бы отдалъ все на свѣтъ!

— Ахъ, и я тоже, сказалъ Алеша.

— Какъ вы думаете, Карамазовъ, приходитъ намъ сюда одна вечеромъ? Вѣдь онъ напьется.

— Можетъ быть, и напьется. Придемъ мы съ вами тогда вдвоемъ, вотъ и довольно, чтобъ посидѣть съ ними часокъ, матерью и съ Ниночкой, а если всѣ придемъ разомъ, то и пять все напомнимъ, посоветовалъ Алеша.

— Тамъ у нихъ теперь хозяйка столъ накрываетъ, — напоминки что-ли будутъ, попь придетъ; возвращаться намъ съ часъ туда, Карамазовъ, иль нѣтъ?

— Непремѣнно, сказалъ Алеша.

— Странно все это, Карамазовъ, такое горе и вдругъ какъ блины, какъ это все неестественно по нашей религіи.

— У нихъ такъ и сента будетъ, громко закричалъ мальчикъ, открывшій Трою.

— Я васъ серьезно прошу, Карташовъ, не выкидывайтесь съ вашими глупостями, особенно когда съ вами не хотятъ даже знать, есть-ли вы на свѣтѣ, раздраженный рѣзалъ въ его сторону Коля. Мальчикъ такъ и вскинулся отвѣтить ничего не осмысливъ. Между тѣмъ всѣ тѣлоушники по трюмкѣ и вдругъ Смуровъ воскликнулъ:

— Вотъ Илюшинъ камень, подъ которымъ его хотятъ ронять!

Всѣ молча остановились у большаго камня. Алеша и цѣлая картина того, что Сизъгиревъ рассказывалъ когда Илюшечкѣ, какъ тотъ, плача и обвиняя отца, воскликнулъ: «Почва, палочка, какъ онъ унижалъ тебя!» — разомъ встала въ его воспоминанію. Что-то какъ-бы сотряслось въ немъ. Онъ съ серьезнымъ и важнымъ видомъ обвелъ глазами малахля, свѣтлыя лица шевальеровъ, Илюшинныхъ товарищей и вдругъ сказалъ имъ:

— Господа, мнѣ хотѣлось-бы вамъ сказать здѣсь, въ самомъ мѣстѣ, одно слово.

Мальчики обступили его и тотчасъ устремили на него стальные, ожидающіе взгляды.

— Господа, мы скоро разстанемся. Я теперь пока нѣтъ времени съ двумя братьями, изъ которыхъ одинъ поѣдетъ в ссылку, а другой лежитъ при смерти. Но скоро я здѣсь родъ покину, можетъ быть, очень надолго. Вотъ мы и немся, господа. Согласимся-же здѣсь, у Илюшина камня, не будемъ никогда забывать—во первыхъ, Илюшечку вторыхъ, другъ о другѣ. И что-бы тамъ ни случилось потомъ въ жизни, хотя-бы мы и двадцать лѣтъ потомъ и чагались, — все-таки будемъ помнить о томъ, какъ мы и бѣднаго мальчика, въ котораго прежде бросали камни, и тамъ, у мостика-то?—а потомъ такъ всѣ его полюбили. Онъ славный мальчикъ, добрый и храбрый мальчикъ, чувствовалъ и горькую обиду отцовскую, за которую и возсталъ. И первыхъ, будемъ помнить его, господа, во всю нашу жизнь, хотя-бы мы были заняты самыми важными дѣлами, и почестей или впали-бы въ какое великое несчастье,—мы не забывайте никогда, какъ намъ было разъ здѣсь хорошо сообща, соединеннымъ такимъ хорошимъ и добрымъ чужакомъ, которое и насъ сдѣлало на это время любимицей нашей къ

— И женеи ижеи востануи мальчику! съ чистотыи цр-
нии оица Алеша.

— Воняи ижеи! ижеи оица мальчику.

— Карманови! ижеи Боля — востануи и востануи ре-
чи ижеи, что не все востануи все востануи и востануи
уничи оица дуга дуга и востануи и востануи?

— Востануи востануи, востануи востануи и востануи,
востануи востануи дуга дуга все, что была востануи
и востануи оица Алеша.

— Ах, какъ это бунтъ карман! востануи у Боля.

— Ну, а теперь востануи речи и востануи за его востануи.
и востануи, что бунтъ востануи все. Это востануи старшине,
востануи и тутъ есть востануи, востануи Алеша. Ну, востануи-
и! Вотъ ны теперь и востануи рука въ руку.

— И востануи такъ, всю жизнь рука въ руку! Ура Карманову!
и разъ востануи прокричалъ Боля и еще разъ все маль-
ики востануи его востануи.

КОНЕЦЪ ДВНАДЦАТАГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА.

Small, illegible text or markings at the bottom of the page.

Оглавление.

	СТР.
Автора	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	
Глава первая. Исторія одной семейки.	
Глава I. Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ	11
— II. Перваго сына спровадилъ	14
— III. Второй бракъ и вторыя дѣти	18
— IV. Третій сынъ Алеша	24
— V. Старцы	32
Глава вторая. Неумѣстное собраніе.	
Глава I. Приѣхали въ монастырь	43
— II. Старый шутъ	48
— III. Вѣрующія бабы	57
— IV. Маловѣрная дама	65
— V. Буди, буди!	72
— VI. Зачѣмъ живетъ такой человѣкъ!	82
— VII. Семинаристъ-карьеристъ	92
— VIII. Скандалъ	101
Глава третья. Сладострастники.	
Глава I. Въ лакейской	110
— II. Лизавета Смердящая	116
— III. Исповѣдь горячаго сердца. Въ стихахъ	120
— IV. Исповѣдь горячаго сердца. Въ анекдотахъ	129
— V. Исповѣдь горячаго сердца. „Вверхъ пятами“	136
— VI. Смердяковъ	145
— VII. Контроверза	150
— VIII. За коньячкомъ	156
— IX. Сладострастники	163
— X. Обѣ вмѣстѣ	169
— XI. Еще одна погибшая репутація	180

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Книга четвертая. Надрывы.

Глава	I.	Отец Оеравонтъ
—	II.	У отца
—	III.	Связался со школьниками
—	IV.	У Хохлаковыхъ
—	V.	Надрывъ въ гостинной
—	VI.	Надрывъ въ избѣ
—	VII.	И на чистомъ воздухѣ

Книга пятая. Рго и сонга.

Глава	I.	Сговоръ
—	II.	Смердяковъ съ гитарой
—	III.	Братья знакомятся
—	IV.	Бунтъ
—	V.	Великій инквизиторъ
—	VI.	Пока еще очень неясная
—	VII.	«Съ умнымъ человѣкомъ и поговорить любопытно»

Книга шестая. Русскій внокъ.

Глава	I.	Старецъ Зосима и гости его
—	II.	Изъ житія въ Бозѣ преставившагося іероскв-монаха старца Зосимы, составлено съ собственнхъ словъ его Алексѣемъ Федоровичемъ Кармазовымъ. Свѣдѣнія біографическія. а) О юности братъ старца Зосимы б) О священномъ Писаніи въ жизни отца Зосимы в) Воспоминаніе о юности и молодости старца Зосимы еще въ міру. Поединокъ г) Таинственный посѣтитель
—	III.	Изъ бесѣдъ и поученій старца Зосимы. д) Нѣчто объ внокѣ русскомъ и о возможномъ значеніи его е) Нѣчто о господахъ и слугахъ и о томъ, возможно-ли господамъ и слугамъ стать взаимно по духу братьями ж) О молитвѣ, о любви и о сопрیکосновеніи мірамъ инымъ з) Можно-ли быть судіею себѣ подобнымъ? О вѣрѣ до конца в) О адѣ и адскомъ огнѣ, разсужденіе мистическое

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Книга седьмая. Алеша.

Глава	I.	Тлетворный духъ
—	II.	Такая минута

ОГЛАВЛЕНІЕ.

III

	СТР.
— III. Луковка	394
— IV. Кана Галилейская	412

Гла восьмая. Митя.

Глава I. Кузьма Самсоновъ	417
— II. Дягавый	428
— III. Золотые прински	435
— IV. Въ темнотѣ	447
— V. Внезапное рѣшеніе	452
— VI. Самъ вду!	468
— VII. Прежній и безспорный	476
— VIII. Бредъ	493

Гла девятая. Предварительное слѣдствіе.

Глава I. Начало карьеры чиновника Перхотина	506
— II. Тревога	514
— III. Хожденіе души по мытарствамъ. Мытарство первое	520
— IV. Мытарство второе	529
— V. Третье мытарство	537
— VI. Провуроръ поймалъ Митю	548
— VII. Великая тайна Мити. Освистали	556
— VIII. Показаніе свидѣтелей. Дитѣ	567
— IX. Увезли Митю	577

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Гла десятая. Мальчики.

Глава I. Коля Красотвинъ	581
— II. Дѣтворъ	586
— III. Школьникъ	592
— IV. Жучка	600
— V. У Илюшиной постели	608
— VI. Раннее развитіе	625
— VII. Илюша	631

Гла одиннадцатая. Братъ Иванъ Федоровичъ.

Глава I. У Грушеньки	636
— II. Большая ножка	645
— III. Бѣсенокъ	655
— IV. Гимнъ и секретъ	662
— V. Не ты, не ты!	675
— VI. Первое свиданіе со Смердяковымъ	681
— VII. Второй визитъ къ Смердякову	691
— VIII. Третье и послѣднее свиданіе со Смердяковымъ	701
— IX. Чортъ. Кошмаръ Ивана Федоровича	717
— X. «Это онъ говоритъ!»	735

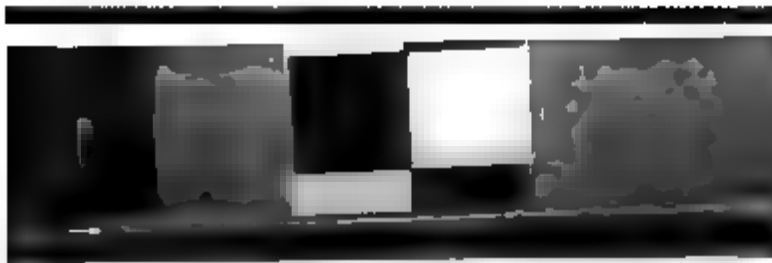
ОГЛАВЛЕНИЕ.

170.29
нига двѣнадцатя. Судебная ошибка.

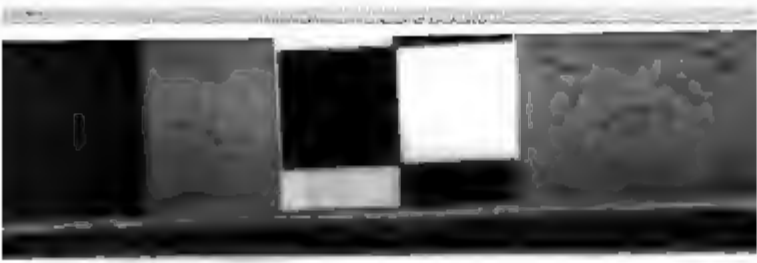
Глава	I.	Роковой день
—	II.	Опасные свидѣтели
—	III.	Медицинская экспертиза и одинъ фунтъ орѣха
—	IV.	Счастье улыбается Митѣ
—	V.	Внезапная катастрофа
—	VI.	Рѣчь прокурора. Характеристика
—	VII.	Обзоръ историческій
—	VIII.	Трактатъ о Смердяковѣ
—	IX.	Психологія на всѣхъ парахъ. Скачущая тройка Финаль рѣчи прокурора
—	X.	Рѣчь защитника. Палеа о двухъ концахъ
—	XI.	Денегъ не было. Грабежа не было
—	XII.	Да и убійства не было
—	XIII.	Прелюбодѣй мысли
—	XIV.	Мужички за себя востояли

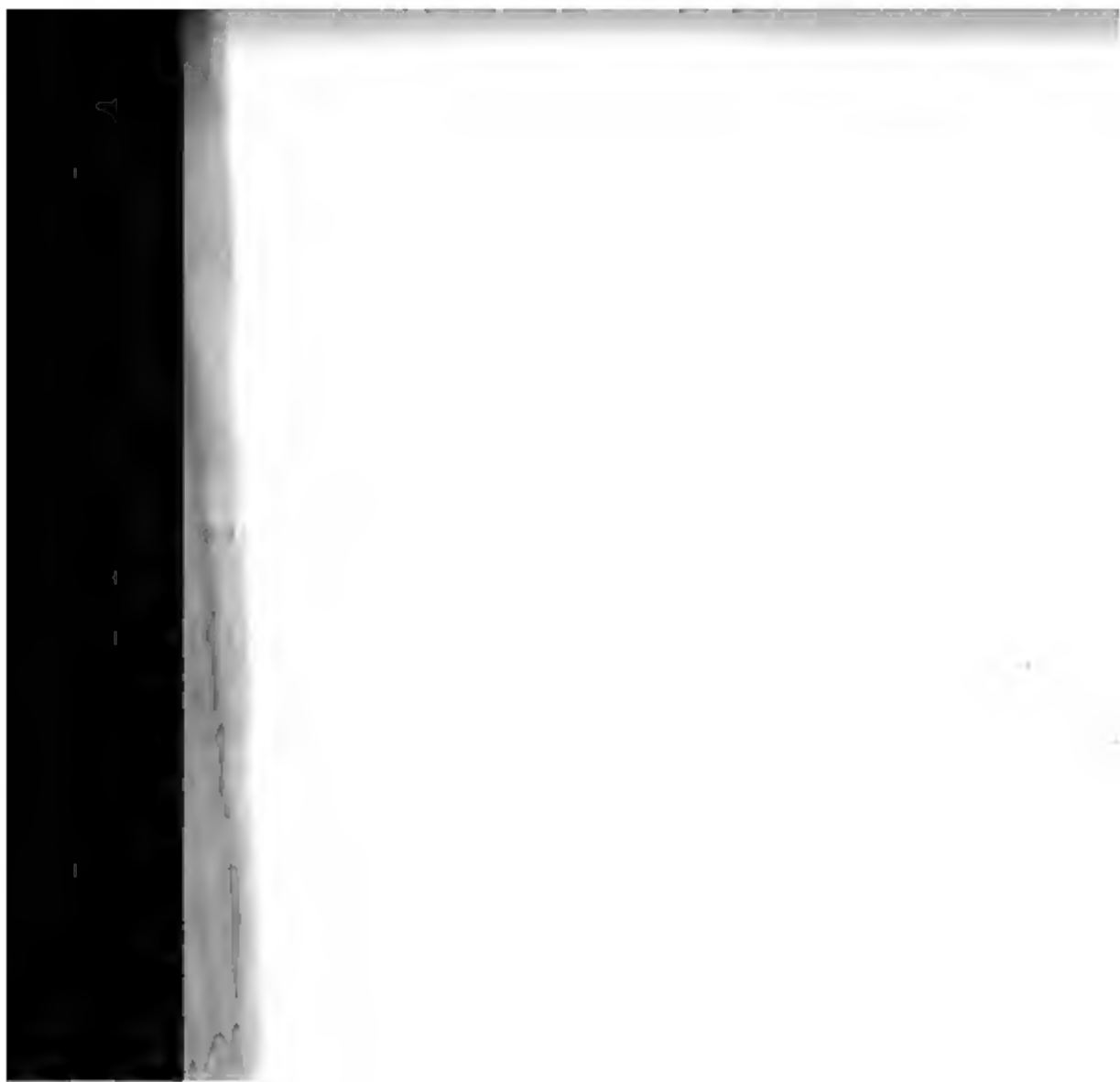
ЭПИЛОГЪ.

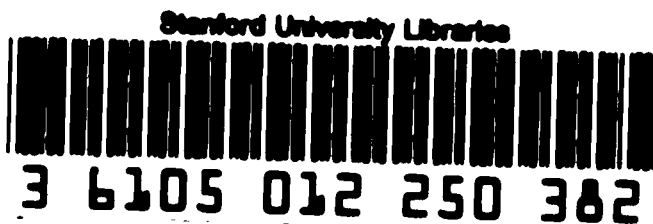
Глава	I.	Проекты счастья Митю
—	II.	На минутку ложь стала правдой
—	III.	Похороны Илюшечки. Рѣчь у камня

AG
330
A1
1871
V. 11-

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D

APR 18 1998

JAN 5 2005
JAN 5 2004

MAR 5 2005
DEC 1 2004

ies

1

